This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 467.50

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
RUSSIAN COLLECTION OF 1922

Цѣна два рубля.

Slav 25.40

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1888 годъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ

СТО СОРОКЪ ШЕСТАЯ.

ИЗДАНА

подъ завѣдываніемъ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

1889.

Цѣна два рубля.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815 — 1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ, пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Книга записная имяннымъ письмамъ и указамъ императрицъ Анны Іоановны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732—1742 г. Съ предисловіемъ А. Кудрявцева. 1878 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р. перес. за 3 ф.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., цѣна 2 р., перес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или **Галицкой Руси** до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1888 годъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ

СТО СОРОКЪ ШЕСТАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1889.

P Slav 467.50

~~Slav 25.40~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
Cl. F
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1, 1922

2294
4

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ ЧТЕНІЙ 1888 ГОДА.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

	Стран.
1. Матеріалы къ исторіи военнаго искуства въ Россіи. Сообщилъ Дѣйств. Чл. Д. Ѳ. Масловскій.....	1 — 24
2. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.—Матеріалы, извлеченные изъ Москов. Гл. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Сергѣемъ А. Бѣлокуровымъ, вып. I-й (1578—1613 гг.)..... I—CXXIX	1 —584

II. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

3. Сношенія Россіи съ Средней Азіей и Индіей. Дѣйст. Чл. В. А. Уланицкаго.....	1 — 56

I.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

МАТЕРІАЛЫ

КЪ

ИСТОРІИ ВОЕННАГО ИСКУССТВА ВЪ РОССІИ.

Проектъ плана кампаніи 1708 года Крюиса. Оригиналъ ордера де-баталіи подъ Лѣсной съ собственноручною резолюціею Петра Великаго. Къ исторіи флота временъ Петра I. Организація и дѣйствіе въ бою артиллеріи временъ Елизаветы. Предисловіе.

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ПОЛКОВНИКА

Д. Ѳ. Масловскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Начальникъ Московскаго отдѣленія Архива Главнаго Штаба, Аѳанасій Михайловичъ Араповъ, постоянно оказывая свое просвѣщенное содѣйствіе нашимъ военно-историческимъ изслѣдованіямъ, предоставилъ случай ознакомиться съ запискою подъ заглавіемъ: „Изображеніе о состояніи нынѣшней войны противъ шведа къ предбудущему 1708 году, дабы изъ сего вящшее и лучшее вынять, а непріятелю со всѣхъ сторонъ тревогу чинить и съ Божьею помощью къ благому миру склонить“ (Докум. № I). Въ концѣ этой рукописи есть чертежъ боевого порядка временъ Петра I, на полѣ котораго собственноручно положена императоромъ слѣдующая резолюція: „на чертежѣ сію фигуру сдѣлать гораздо меньше, такъ, какъ означено точками при семъ знакѣ.“ (Докум. № VI). Особый знакъ на чертежѣ дѣйствительно есть, но точекъ нѣтъ.

Въ документѣ № I (безъ подписи) обсуждаются: 1) проектъ плана кампаніи 1708 и 2) нѣкоторые вопросы по устройству нашего флота.

Вторая половина этой записки имѣетъ свой спеціальный интересъ для исторіи флота; но и для насъ она чрезвычайно важна, такъ какъ даетъ основаніе заключить о томъ, кто былъ авторомъ проекта плана кампаніи 1708 г. Изъ общаго смысла и нѣсколькихъ точныхъ указаній текста второй половины записки (§§ 4, 15 и др.) видно, что она была составлена опытнымъ моряком-иностранцемъ, бывшимъ въ русской службѣ.—Въ 1689 г. авторъ командовалъ судномъ, взялъ призъ и „за добычу раздуванилъ“ [1], хорошо

[1] Раздѣлить добычу.

зналъ обычаи морской службы иностранныхъ державъ, но къ 1707 году уже успѣлъ вполнѣ ознакомиться съ русскими порядками и въ частности съ успѣхомъ постройки русскаго флота.

Просматривая „Жизнеописаніе первыхъ русскихъ адмираловъ [2]...“, приходится остановиться на вицъ-адмиралѣ Корнеліи Крюисѣ, какъ на единственномъ, служба котораго отвѣчаетъ намѣченнымъ выше условіямъ.

Крюисъ родился въ 1657 году. До поступленія въ русскую службу онъ „начальствовалъ (въ Голландіи) много лѣтъ разными кораблями“, въ 1698 г. [3] поступилъ въ русскую службу и началъ свою дѣятельность, руководя постройкою флота въ Воронежѣ. Въ 1703 г. Крюисъ составилъ уже описаніе р. Дона [4], и видимо хорошо былъ знакомъ съ тѣмъ краемъ, что противодываетъ и въ напечатанномъ нами документъ № 1.

Есть еще другое указаніе на то, что составлялъ эту записку Крюисъ. Въ концѣ документа № I, между прочимъ, объясняется необходимость установить извѣстный порядокъ „въ поздравленіяхъ съ кораблей и съ галлеръ“, при чемъ указаны правила и обычаи, издавна принятыя во флотѣ первоклассныхъ морскихъ державъ. Мы имѣемъ вполнѣ опредѣленное указаніе на то, что эти правила (для салютаціи) окончательно установились въ 1712 г., по проекту именно Корнелія Крюиса, автора очень многихъ инструкцій и положеній, принятыхъ въ русскомъ флотѣ [5].

---

[2] „Жизнеописанія первыхъ русскихъ адмираловъ или Опытъ исторіи россійскаго флота“ С.-Петербургъ 1831 г. Факты совершенно сходны съ указаниями Бантышъ-Каменскимъ: „Словарь достопамятныхъ людей“; ч. III.

[3] Тамъ, на стр. 150, сказано, что Крюисъ поступилъ въ 1697 г., но это не подтверждается отвѣтными письмами Петру I, помѣщенными въ №№ 224, 229, 230 и къ № 257, „Писемъ и бумагъ Петра Великаго“ т. I.

[4] „Жизнеописанія“... стр. 150—151.

[5] Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 61, стр. 222 и „Исторія русскаго флота“ Елагина.

Такъ или иначе, но для насъ самое важное то, что разсматриваемый нами проектъ плана кампаніи 1708 г. былъ составленъ моряком и однимъ изъ сподвижниковъ Петра I.

Основная идея проектированнаго въ запискѣ плана кампаніи 1708 г. заключается въ томъ, чтобы сообразнымъ развитіемъ военныхъ операцій не допустить Карла XII до заключенія союзовъ съ западно-европейскими державами. Для этого авторъ записки совѣтуетъ: „ублажать“ Англію и Голландію, жить въ мирѣ съ Даніею, завязать болѣе прочныя торговыя сношенія съ Турціею и Персіею, поддерживать существовавшую слабость Польши и дѣйствовать въ случаѣ необходимости самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ Пруссіи и Данцига.

Главная дѣйствующая армія, по предположенію моряка—стратега, занимая Гродно или Вильно, другая-же прикрывала Петербургъ. При этихъ условіяхъ проектировался зимній набѣгъ 4000 драгунъ, „мимо Выборга“, прямо на Гельсингфорсъ и Або, чрезъ что русскіе захватывали обширный театръ военныхъ дѣйствій, чрезвычайно важный какъ смежный съ Швеціею. Пѣхотѣ, назначенной по обыкновенію Петра I въ подкрѣпленіе къ этому набѣгу, въ составѣ до 8000 чел., ставилось цѣлью „осилить“ Выборгъ, а флоту: блокировать эту крѣпость, бомбардировать Кекскольмъ, (куда предлагалось послать и небольшой десантъ), развѣдывать о непріятелѣ, (на случай, если имъ будетъ послано подкрѣпленіе на Финляндскій берегъ), и наконецъ, всегда половиною флота крейсировать около Кронштота, „дабы непріятелю всюду дѣло было“. Кромѣ того, главная армія, бывшая у Гродно, должна была выдѣлить отъ себя сильный отрядъ противъ Левенгаупта, бомбардировать Ригу, а отрядами казаковъ и калмыковъ произвести набѣги въ двухъ направленіяхъ: на Балтійское побережье—отъ Риги до Ревеля, а буде окажется нужнымъ (по политическимъ причинамъ), то—въ Померанію и Пруссію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ предполагалось Кенигсбергъ „свободно учинить для Англіи и Голландіи“.—Остальная

часть главной арміи въ проектѣ плана не получала назначенія, т. е. надо думать, что она была оставлена какъ стратегическій резервъ, всегда готовый дѣйствовать, отъ Гродно или отъ Вильно, въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Проектируя такое широкое развитіе наступательныхъ операцій отдѣльными отрядами, а главное набѣгами конныхъ партій, авторъ предусматриваетъ самый опасный случай перехода непріятеля въ наступленіе изъ Риги (послѣ усиленія Левенгаупта) или изъ Копорья—прямо къ Новгороду. Сообразно этому въ проектѣ предлагаются оборонительныя мѣры [6].

Предложенный Крюисомъ планъ дѣйствій чрезвычайно интересенъ во многихъ отношеніяхъ. Изъ тогданней дислокаціи арміи видно [7], что назначеніе 8000 челов. пѣхоты для

---

[6] Намекъ на тоже есть въ письмѣ Петра I къ Апраксину. Ирил. II, къ исторіи флота Елагина, томъ II, № 162.

[7] См. распредѣленіе и составъ русскихъ и шведскихъ силъ по позднѣйшимъ изслѣдованіямъ кампаніи 1708 г. Гудима-Левковича (Очеркъ историческаго развитія вооруженныхъ силъ Россіи до 1708 г., стр. 20). Въ началѣ 1709 года составъ войскъ былъ слѣдующій.

1) Главная армія, подъ личнымъ начальствомъ Карла XII, въ составѣ—13 полковъ пѣхоты, 8 полковъ драгунъ и 8 полковъ кавалеріи, нѣсколькихъ сотенъ Гіярппег и нѣсколькихъ ротъ валаховъ, всего 35000 челов. Армія эта была расположена между Долгиновымъ, Радожковичами и Борисовымъ.

2) Корпусъ генерала Левенгаупта—въ Ригѣ (3 кавалерійскихъ полка, 4-ре драгунскихъ, 3 пѣх. полка и 5-ть баталіоновъ); всего около 14000 чел.

3) Корпусъ генерала Либекера, въ Финляндіи (4-ре кавалер., 1 драгунскій и 5½ пѣхот. полковъ); всего до 12000 ч.

1) *Главная* армія, подъ общимъ начальствомъ Шереметева, за неимѣніемъ свѣдѣній, опредѣлена примѣрно въ 60,000—70,000 челов.

Главныя силы были расположены, въ началѣ іюня 1708 г., за р. Улою: Аллартъ—у м. Улы; Шереметевъ—у Бѣшенковичей; князь Репнинъ—у Лукомля; большая часть кавалеріи князя Меншикова—у Чашникъ, и отрядъ Гольца—у Борисова.

2) Для прикрытія Ингерманландіи, со стороны Риги, и для наблюденія за Левенгауптомъ, занимавшимъ этотъ пунктъ,—5000 кон. отрядъ Баура.

3) Около Петербурга—Апраксинъ съ 22,000 чел. противъ генерала Либекера.

дѣйствія подъ Выборгомъ, а частью и въ Кексгольмъ,— нисколько не ослабляло обороны на сѣверѣ. Выдѣленіе войскъ отъ главныхъ силъ для дѣйствія противъ Риги было вполнѣ возможно. Если бы Карлъ XII бросился впередъ на главныя силы русскихъ, бывшія въ Литвѣ, (какъ онъ и сдѣлалъ), то этимъ, во 1) достигалась одна изъ цѣлей, т. е. отвлеченіе Карла XII изъ З. Европы, а слѣдовательно уменьшалась та вѣроятность, что шведскій король заключитъ союзы съ Австріею или Пруссіею; во 2) отъ этого нисколько не видоизмѣнялся планъ обороны государства, намѣченный еще въ 1705 г. и заключавшійся въ отступленіи внутрь Россіи, что было признано и другими современниками правильнымъ образомъ дѣйствія [8].

II. По донесенію Витворта статсъ-секретарю Бойлю отъ 17/28 сентября 1708 г.

1) *Главная шведская армія*, подъ личнымъ начальствомъ Карла XII, въ составѣ 34 старыхъ шведскихъ полковъ, которые считали въ своихъ рядахъ до 24,000 (сборникъ Русскаго Историческаго Общества т. 50, стр. 208); и по подобному же донесенію таже армія ко дню Полтавы (очевидно съ остатками Левенгаупта и казаками Мазепы)—30,000 (тоже, стр. 196).

2) Армія Левенгаупта по слухамъ до 8000 (тамъ же, стр. 96).

3) Корпусъ Либекера въ Выборгѣ (5 полк. кавал., 13 полк. пѣхоты и 2 полка драгунъ) всего до 12,000 (тоже, стр. 79).

По донесенію же Витворта.

Русская армія.

1) Въ Литвѣ—пѣхоты: 26 полковъ (59 баталіоновъ), а съ гренадерскими ротами всего 37,950 ч.; 30 полковъ драгунъ, всего съ гренадерами до 33,000. Итого 70,950, но по *штатному составу*. Силы, конечно, преувеличены, а потому нельзя не дать вѣры наименьшей цифрѣ, показанной у г. Гудима-Левковича—60,000.

2) Генерала Бауера 8,900 чел. тоже штатнаго состава.

3) Въ Ингріи и Псковѣ (очевидно съ гарнизонами) пѣхоты 23,650, драгунъ 3,300; гарнизонъ въ Псковѣ 3,900; всего 30,850. Но это *по штатному составу*; въ дѣйствительности же, какъ доноситъ и Витвортъ, войска были въ половинномъ составѣ и состояли изъ новобранцевъ (Сб. Русск. Историч. Общ. т. 50, стр. 66 и 70—81); т. е. 15—16,000.

Но при всемъ томъ выдѣленіе 8,000 на Выборгъ и для демонстрирующаго отряда на Кексгольмъ—было возможно.

[8] Сб. Русск. Историч. Общ., т. 50, № 26, стр. 59—69.

Но главное дѣло не въ этомъ. Отличительная особенность проекта плана кампаніи 1708 г. заключается въ томъ, что морякъ въ такой широкой степени проектируетъ развитіе набѣговъ конныхъ партій, комбинируя эти послѣдніе съ дѣйствіями флота. Сколько разъ въ военной литературѣ обсуждался планъ операцій 1708, придумывали различныя комбинаціи, но самая возможность дать подобное назначеніе русской конницѣ никому не приходила въ голову. Мало того, и въ послѣдующихъ войнахъ до начала XIX стол., мы не встрѣчаемъ такой серьезной постановки задачи для конныхъ отрядовъ. Напротивъ, типичная дѣятельность русской конницы временъ Петра I и Елизаветы въ началѣ настоящаго столѣтія была настолько забыта, что, напримѣръ, дѣйствія нашихъ партизановъ въ 1812 г. являются какъ будто чѣмъ то новымъ въ исторіи военнаго искусства въ Россіи. Очевидно, что если Крюйсъ (или хотя-бы кто нибудь другой изъ моряковъ) проектировалъ набѣги конницы, въ особенности въ такой широкой степени въ 1707, то онъ предлагалъ хорошо всѣмъ извѣстный способъ дѣйствія, а также хорошо всѣмъ извѣстную способность нашей конницы того времени разрѣшить подобныя задачи.

. . . . . .

И дѣйствительно, при желаніи внимательно прослѣдить факты и вникнуть въ смыслъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ первыхъ распоряженій Петра Великаго надо будетъ признать, что набѣги какъ своеобразное назначеніе конницы драгунскаго типа (какова теперь вся наша кавалерія) вполнѣ соотвѣтствовали и коневымъ средствамъ Россіи, и преданіямъ старины до-Петровскаго времени; а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ оригинальный, чисто русскій способъ дѣйствія конными набѣгами съ перваго же раза обратилъ на себя вниманіе Петра I.

Напримѣръ, мы имѣемъ вполнѣ опредѣленное указаніе на то, что въ 1701 или 1702 году Петръ I считалъ уже необходимымъ имѣть запасъ лошадей для перевозки 10 или 8 полковъ пѣхоты верхомъ для подкрѣпленія дра-

гунъ во время ихъ *зимняго набѣга*[9]; т.-е. совершенно подобное тому, что предложено въ запискѣ (№ 1). Тогда же малороссійскій гетманъ со всѣмъ войскомъ и частью татаръ былъ направленъ въ Лифляндію и *Финляндію* (въ 1701 году)[10]. Дѣйствія Шереметева въ Лифляндіи,[11] Меншикова въ Польшѣ, и, наконецъ, набѣгъ самого Петра I на Левенгаупта подъ Лѣсной, фактически доказываютъ, что операціи драгунъ и нерегулярной конницы, подкрѣпленныхъ пѣхотою, посаженною на коней, есть образъ дѣйствія, рѣзко выдѣленный Петромъ I съ первыхъ лѣтъ Сѣверной войны. Тогда же даны царемъ-полководцемъ нѣкоторыя начальныя основанія для дѣйствій при набѣгахъ, которыя нельзя оставить безъ вниманія. Такъ, Петръ I уже въ 1701, указываетъ Шереметеву итти съ конною ратью, подкрѣпляемою пѣхотою туда, *„куда воинской случай позоветъ“*[12]. Только при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ набѣга съ другими арміями онъ находитъ нужнымъ согласовать эти операціи между собою, какъ то видно изъ его указанія Репнину[13].

При этихъ условіяхъ вполнѣ естественно: 1), что Крюисъ, проектируя набѣги на громадномъ пространствѣ Балтійскаго побережья, не придумываетъ ничего новаго, кромѣ того весьма важнаго содѣйствія, которое можетъ оказать конницѣ, въ подобномъ случаѣ,—флотъ; 2) мы обязаны заключить, что въ 6 главу Устава Воинскаго (1716 г.) вошли правила для набѣговъ конницы не переводныя, а дѣйствительно бывшія прежде въ русской арміи, но сведенныя къ 1716 г.[14] въ одно цѣлое, какъ основныя указанія для руководства при исполненіи подобныхъ отдѣльныхъ операцій „легкаго корпуса“,—„корволанта“.

---

[9] Письма и бумаги Петра Великаго; т. I, стр. 423.

[10] Тамъ-же; стр. 459 и 878.

[11] Тоже.

[12] Тамъ-же, стр. 878.

[13] Тамъ-же, стр. 458.

[14] Нашъ трудъ: Строевая и полевая служба русскихъ войскъ; стр. 18—19.

Походы Ласси и Миниха [15], дѣйствія Румянцева въ Семилѣтнюю войну, набѣги Чернышева и Тотлебена въ концѣ этой войны [16], да, наконецъ, и дѣйствія Суворова, (получившаго свое первое боевое воспитаніе, участвуя въ подобныхъ набѣгахъ съ казаками Туровѣрова и Краснощекова)*,—доказываютъ, что эти своеобразныя дѣйствія русской конницы начала XVIII стол. разрослись послѣ Петра I, несмотря на иноземное вліяніе, бывшее при Императрицѣ Аннѣ.

Въ началѣ XIX столѣтія о подобномъ спеціальномъ назначеніи русской конницы забыли до того, что къ 1812 году, какъ уже сказано, мы совсѣмъ не руководствовались Петровскими, Чернышевскими, Румянцевскими и Суворовскими набѣгами: эти послѣдніе не оставили по себѣ историческихъ воспоминаній, и этотъ же типъ дѣйствій возродился по другимъ причинамъ.

Тоже самое случилось и послѣ Отечественной войны. Несмотря на высокопоучительный образецъ партизанской войны 1812 и 1813 годовъ, дѣйствія русской конницы по Петровскому образцу опять совершенно забываются: въ 1830 годахъ мы не были подготовлены къ подобнаго рода операціямъ. Но и явное указаніе на этотъ пробѣлъ въ упомянутую Польскую войну прошелъ безслѣдно: о прежнихъ набѣгахъ русской конницы вспоминаютъ только въ самое послѣднее время,—послѣ появленія въ свѣтъ капитальнаго труда генерала Сухотина о рейдахъ американской конницы въ 1861—1865 гг. [17].

Интересно знать—какое развитіе имѣли бы теперь набѣги конницы, разъ если не случилось бы подобнаго невни-

---

[15] Русская армія въ Семилѣтнюю войну, выпускъ I-й, примѣчаніе 126 къ главѣ I.

[16] Московскія вѣдомости № 297, 1887 г.

* Мнѣніе о томъ, что будто бы Суворовъ участвовалъ въ Цорндорфскомъ сраженіи не имѣетъ рѣшительно никакого основанія. См. нашъ трудъ: „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“, т. II; стр. 151.

[17] Рейды, набѣги, наѣзды, поиски Американской конницы. 2 изд. 1887 г.

маній къ исторіи русской арміи? Не менѣе важно выяснить причину, по которой произошло подобное нерасположеніе къ изученію прежнихъ, даже Петровскихъ войнъ. Недостатокъ источниковъ едва ли можетъ служить оправданіемъ къ забвенію войнъ Петра Великаго, Миниха, Румянцева, а отчасти и Суворова; при необходимости, при спросѣ на этотъ предметъ, источники были бы открыты. Намъ кажется, что главнѣйшая причина кроется въ томъ умышленномъ и неумышленномъ предубѣжденіи противъ всего того, что было создано русскими полководцами и слѣпая вѣра въ то, что только западно-европейскіе образцы могли и могутъ быть пригодны для русскаго военнаго дѣла [18]. Мы думаемъ напротивъ,—никакое дѣло, не имѣя подъ собою своей исторической почвы прочно привиться не можетъ.

Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, полагали, что если Петръ I назвалъ въ Уставѣ Воинскомъ подобный отрядъ драгунскаго типа, назначенный для дѣйствія внѣ поля сра-

[18] Неблагопріятные отзывы въ общеисторическихъ трудахъ о дѣятельности русскихъ генераловъ несомнѣнно вліяютъ на общее предубѣжденіе въ ихъ способностяхъ оставить послѣ себя образцы, заслуживающіе изученія, а потому и дальнѣйшаго развитія. Историческая критика, произнося свой приговоръ, безспорно не можетъ останавливаться передъ подобными соображеніями. Но, съ другой стороны, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что для безпристрастнаго заключенія о дѣйствіяхъ главнокомандующихъ если не нужно изученія военнаго дѣла, то по меньшей мѣрѣ необходимо изученіе актовъ и документовъ, безъ чего очень рискованно дѣлать выводы. Въ дѣйствительности встрѣчаемъ обратное. Мы не рѣдко и въ серьезныхъ трудахъ находимъ не только неполнота военно-историческаго акта, но иногда нѣтъ простого вниманія къ собственнымъ же словамъ, высказаннымъ по вопросамъ военнаго дѣла, какъ-то, напримѣръ, есть въ „Исторіи Петра Великаго“ г. Брикнера. Въ этомъ послѣднемъ трудѣ профессора Брикнера есть опредѣленное заключеніе о способностяхъ Петра I какъ полководца, сравнительно съ Карломъ XII: „Превосходя царя (Петра I) въ качествѣ военачальника, говоритъ г. Брикнеръ, Карлъ уступалъ ему политическими способностями“ [19]; но подробной оцѣнки дѣйствій обоихъ полководцевъ нѣтъ.

[19] Исторія Петра Великаго; стр. 457.

женія, „корволантомъ“, то, очевидно, что и образцы для дѣйствія имъ были взяты оттуда же, откуда заимствовано названіе. Но вѣдь и свою столицу, имъ же, Петромъ I, устроенную, великій преобразователь Россіи назвалъ не русскимъ именемъ. Слишкомъ ясно, что сущность дѣла не въ названіи, а въ тѣхъ образцахъ, которые указаны Петромъ I „корволанту“, а эти образцы оставались совершен-

---

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что подобное общее заключеніе охотно будетъ принято на вѣру. Но многіе ли замѣтятъ, что строгій судья Петра I какъ полководца, касаясь одного изъ высшаго проявленія его геніальнаго творчества (подготовки Полтавскаго поля сраженія въ инженерномъ отношеніи), на той же страницѣ допустилъ не только крупное искаженіе факта, но и непослѣдовательность въ своемъ заключеніи, которая не могла имѣть мѣста, разъ если бы авторъ обратилъ большее вниманіе на этотъ спеціальный вопросъ.

Г. Брикнеръ говоритъ, что на военномъ совѣтѣ передъ Полтавскимъ боемъ рѣшили, „что другого способа къ выручкѣ города (Полтавы) нѣтъ, какъ *дать главную баталію*. Русская армія тронулась и остановилась въ такомъ мѣстѣ, *гдѣ шведы не могли принудить ее къ главной баталіи до окончанія возводимыхъ по указанію царя ретраншементовъ*“. [20]. Спрашивается: 1) зачѣмъ Петръ, сознавая, что не Карлу XII, а ему, Петру I, нужно дать баталію, выбираетъ такое мѣсто, что изъ него, даже безъ усиленія мѣстности окопами, нельзя выбраться; ибо, очевидно, если въ извѣстную трущобу нельзя забраться, то изъ нея нельзя и выбраться? 2) Зачѣмъ же было возводить эти ретраншементы, если и безъ нихъ мѣсто, выбранное для боя, было такъ крѣпко, что „шведы не могли принудить ее (армію) къ главной баталіи“? Нельзя сомнѣваться въ томъ, что если авторъ обратилъ бы болѣе серьезное вниманіе на имъ же сказанное о дѣйствіи русской арміи подъ Полтавою, то подобныхъ недоразумѣній въ объемистой „Исторіи Петра Великаго“ не было бы. Кромѣ того, въ каждомъ трудѣ по русской военной исторіи авторъ нашелъ бы разъясненіе очевиднаго противорѣчія въ его заключеніи о Полтавской позиціи. Всѣмъ, немного знакомымъ съ ходомъ Полтавской операціи, хорошо извѣстно, что доступы къ Полтавской позиціи Петра I были, да иначе и быть не могло, ибо императоръ дѣйствительно хотѣлъ самъ атаковать шведовъ. Все дѣло заключается въ томъ, что Петръ I отложилъ атаку до окончанія сосредоточенія своихъ силъ, т. е. до прибытія Скоропадскаго, что ожидалось 29 іюня. Но такъ какъ Карлъ XII

---

[20] Тамъ-же. Курсивъ нашъ.

но забытыми, пока не напомнила объ нихъ американская война самаго новѣйшаго времени.

Чертежъ (докум. № VI) найденъ нами приколотымъ къ записнѣ Крюиса. Сначала было естественнымъ искать связи между проектомъ плана кампаніи 1708 г. и этимъ чертежомъ. Однако, скоро мы должны были убѣдиться въ томъ, что между документами №№ I и VI нѣтъ никакого соотношенія.

Чертежъ № VI несомнѣнно есть изображеніе первоначальнаго ордера-де-баталіи войскъ, бывшихъ подъ личнымъ начальствомъ царя Петра I въ сраженіи подъ Лѣсной, до прибытія Баура. Это доказывается совершеннымъ сходствомъ напечатаннаго нами чертежа боевого порядка съ планомъ ордера-де-баталіи (№ 7), приложеннымъ къ „Книгѣ Марсовой“. Начальствующія лица, число отдѣльныхъ частей и названіе полковъ (означенныхъ въ подлинникѣ лишь сокращенно) въ этихъ двухъ чертежахъ буквально одни и тѣ же. Разница заключается въ слѣдующемъ: 1) На планѣ № 7 войска изображены болѣе чѣмъ въ два раза меньшемъ масштабѣ; 2) въ подлинникѣ (№ VI) точно не упомянуто о генералѣ Брюсѣ, какъ начальникѣ лѣ-

---

могъ самъ атаковать русскихъ раньше, (что и случилось 27 числа), то чтобы на этотъ случай разстроить планъ атаки Карла XII, заставить его атаковать себя не такъ, какъ онъ (Карлъ XII) хочетъ, а такъ, какъ было удобнѣе Петру, царь-полководецъ приказалъ построить укрѣпленія. Проявленіе геніальнаго творчества Петра I слишкомъ хорошо извѣстно, и никѣмъ неоспаривается: именно здѣсь въ 1 разъ примѣнены отдѣльныя укрѣпленія, которыхъ въ западной Европѣ до тѣхъ поръ не было. Повторяемъ, если мы встрѣчаемъ помянутое крупное недоразумѣніе, то смѣемъ думать, что оно произошло главнымъ образомъ потому, что авторъ разомъ почему-то нашелъ возможнымъ поставить Петра I, какъ полководца, ниже Карла XII; а если г. Брикнеръ почти не касается дѣятельности послѣдняго, какъ полководца, то тѣмъ болѣе не стоило искать выдающихся особенностей распоряженій Петра I.

ваго крыла [21]; 3) по плану № 7 правымъ крыломъ 2 линіи командуетъ генералъ Бемъ, а лѣвымъ—Шомбургъ; на планѣ же № 7—обратно; 4) въ напечатанномъ теперь чертежѣ № VI не указано отъ какихъ частей были поддержки 1-й линіи; на планѣ же „Книги Марсовой" подписано, что это были гренадеры: а) за правымъ флангомъ—двѣ части: одна—гренадеры Преображенскаго полка, а другая—Ингерманландскаго; б) за лѣвымъ флангомъ: одна отъ Ростовскаго, другая—лейбъ-Регимента и третья,—на самомъ лѣвомъ флангѣ, гренадеры Семеновскаго полка.

Обращаясь къ оцѣнкѣ значенія этого чертежа № VI, мы позволяемъ себѣ высказать слѣдующія соображенія.

1) Прежде всего рѣзко бросается въ глаза тотъ фактъ, что за 1-й линіею и на ея флангахъ стоятъ гренадеры, какъ частный резервъ 2-й линіи.

При первомъ нашемъ изслѣдованіи, когда нами былъ отысканъ чертежъ ордера-де-баталіи подъ Фридрихштатомъ (1713 г.), мы уже выяснили особо важное значеніе этого факта [22]. Теперь найденный чертежъ документально свидѣтельствуетъ, что поддержки 1-й линіи въ боевомъ порядкѣ русскихъ войскъ были еще въ 1708 г. Такимъ образомъ, оба случая доказываютъ, что Петромъ Великимъ съ первыхъ лѣтъ его командованія войсками въ бою ясно выражается полное и отчетливое пониманіе значенія частныхъ резервовъ, какъ одного изъ могущественныхъ средствъ уменьшить существенные недостатки современнаго ему линейнаго порядка, т.-е. удобство для атакующаго прорывать тонкую линію и сбить слабые ихъ фланги.

Такимъ образомъ, настоящій чертежъ еще разъ убѣждаетъ насъ въ правильности сдѣланныхъ нами заключеній, что не Фридрихъ Великій (какъ говоритъ Рюстовъ), а Петръ I ввелъ правило ставить позади и на флангахъ 1-й

---

[21] Изъ начальныхъ словъ написанныхъ на планѣ можно догадаться, что составившій чертежъ упоминаетъ о генералѣ отъ артиллеріи; но эти слова замаркированы, что вами и замѣчено на чертежѣ.

[22] Строевая и полевая служба русскихъ войскъ, стр. 43.

линіи гренадеръ. Намъ приходится лишь нѣсколько видоизмѣнить нашъ выводъ, сдѣланный прежде: а именно, что *случайно* было сдѣлано Фридрихомъ Великимъ въ сраженіи подъ Мольвицемъ (1741 г.), то-есть постановки за флангами тонкихъ линій отборныхъ войскъ, то съ геніальною предусмотрительностію было указано Петромъ Великимъ....[23], но не подъ Фридрихштатомъ, а еще раньше—подъ Лѣсной[24]. Постановка резервовъ на чертежѣ свидѣтельствуетъ, что императоръ намѣтилъ этимъ резервамъ ихъ боевую задачу, которая такъ прекрасно разрѣшается русскими частными резервами въ бою подъ Пальцигомъ въ 1759 году. Если до этого послѣдняго боя нѣтъ опредѣленнаго указанія источниковъ на ту существенную поло-

---

[23] Тамъ-же.

[24] Генералъ Пузыревскій въ своей статьѣ „Начало постоянныхъ регулярныхъ армій..... („Воен. Сборникъ" 1889 г., № 2, стр. 260) даетъ указаніе на то, что собственно идея постановки поддержекъ за 1-ю линію принадлежитъ не Петру I, а Монтекукули. Мы не оспариваемъ, что у Монтекукули проглядываетъ такая идея, такъ какъ на это же есть указаніе и у Рюстова („Исторія пѣхоты", переводъ Пузыревскаго, томъ II, стр. 211), на котораго дѣлали ссылку и въ первомъ нашемъ трудѣ. Но воспользовался ли этою идеею Петръ I—это вопросъ. Тотъ же Рюстовъ опредѣленно свидѣтельствуетъ, что порядки Монтекукули не имѣли рѣшительно никакого вліянія на распоряженія Фридриха II подъ Мольвицемъ въ 1741 г. Точно такъ и мы не имѣемъ никакого основанія заключить, что на соотвѣтственныя мѣры Петра I подъ Лѣсной вліяли идеи Монтекукули. Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, мы должны заключить, что собственно въ русскомъ военномъ искусствѣ въ половинѣ XVIII стол. весьма важная идея постановки поддержекъ за 1-ою тонкою линіею, идея частныхъ резервовъ, прочно устанавливается Петромъ I съ 1708 года и не зависитъ отъ порядковъ Фридриха Великаго. Это чрезвычайно важно и подтверждаетъ то наше заключеніе, что эпоха императрицы Елизаветы есть непосредственное продолженіе и развитіе началъ, данныхъ Петромъ I, что составляетъ рѣзкое отличіе времени Елизаветы отъ предшествовавшаго царствованія Императрицы Анны. При Елизаветѣ мы встрѣчаемъ при этихъ частныхъ поддержкахъ резервную артиллерію (№ III)—это уже очевидное и значительное развитіе воззрѣній Петра I.

[25] Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ томъ II.

зу, которую оказали эти поддержки 1-й линіи, то это еще не значитъ, что дѣятельность и значеніе ихъ не преувеличены.

2) Является вопросъ, воспособляетъ ли настоящій чертежъ первоначальнаго боевого размѣщенія войскъ при Лѣсной выясненію хода самаго боя?

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ первомъ періодѣ этого сраженія, т. е. во время бон за передовую позицію,—за перелѣсокъ, занятый шведами впереди ихъ главной позиціи,—русскія войска были размѣщены иначе, чѣмъ показано на чертежѣ ордера-де-баталіи. Такъ, напримѣръ, Невскій драгунскій, (бывшій на правомъ флангѣ), ведетъ бой вмѣстѣ съ Ингерманландскимъ пѣхотнымъ полкомъ, показаннымъ ближе къ лѣвому флангу, а Преображенскій и Семеновскій полки, разобщенные между собою по ордеру-де-баталіи Ингерманландскимъ, выручаютъ послѣдній. За то въ концѣ боя, веденнаго только войсками Петра I, до прибытія Баура, боевое размѣщеніе совершенно соотвѣтствуетъ первоначальному, указанному на планѣ № VI.

Мы, вообще, считаемъ чертежи даже первоначальнаго боевого порядка и тѣмъ болѣе хода боя, подобно напетанному въ „Книгѣ Марсовой", въ высшей степени важными пособіями, иногда незамѣнимыми для описанія боя. Конечно, какъ каждый изъ источниковъ, чертежи и планы всегда требуютъ критическаго къ нимъ отношенія; но во всякомъ случаѣ—рукопись (текстъ) и чертежи (планы), какъ первые военно-историческіе источники, должны совмѣстно служить для одной и той же цѣли; а именно, воспособить выясненію хода боя или ходу разсматриваемой операціи. Именно по отношенію къ описанію боя при д. Лѣсной и, вообще, Сѣверной войны, это положеніе почему-то не было вполнѣ примѣнено, несмотря на то, что послѣ изслѣдованій г. Пекарскаго [15] планамъ и чертежамъ „Книги Марсовой" надо было дать особое значеніе: планы, приложенные къ этой книги были разсмотрѣны Петромъ I, а нѣкоторыя реляціи (и именно подъ Лѣсной) исправлены императоромъ уже послѣ ихъ напечатанія [16].

---

[15] Тамъ-же; стр. 303 и 176.

Въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ г. Гудима-Левковича [27], гдѣ критически разсматривается бой подъ Лѣсной, нѣсколько видоизмѣняется описаніе хода того же боя г. Карцевымъ [28]. Вся сущность разницы выводовъ этихъ двухъ историковъ заключается въ слѣдующемъ. Г. Карцевъ, излагая ходъ боя за передовою позиціею говоритъ, что „войска наши шли (къ деревнѣ Лѣсной) въ *двухъ* колоннахъ, по узкимъ дорогамъ, во многихъ мѣстахъ перерѣзаннымъ болотистыми ручьями; вся пѣхота и большая часть драгунскихъ полковъ были спѣшены“..... Затѣмъ изъ его „Обзора Сѣверной войны“ слѣдуетъ, что бой начался въ лѣвой колоннѣ, и Государь, для подкрѣпленія атакованныхъ, самъ привелъ правую колонну, въ головѣ которой шли оба гвардейскіе полка.

Г. Гудимъ-Левковичъ отмѣтилъ, что заключенія г. Карцева о движеніи войскъ двумя колоннами въ спѣшенномъ строю неизвѣстно на чемъ основаны; а потому, „строго“ придерживаясь „Журнала Петра Великаго“, авторъ полагаетъ, что войска шли одною колонною, спѣшились уже передъ самымъ непріятелемъ, и „*едва боевой порядокъ былъ построенъ*, какъ шведская пѣхота вышла изъ лѣса и атаковала наше лѣвое крыло....“

Г. Карцевъ опредѣленно не указываетъ, когда именно войска спѣшились: онъ только говоритъ, что „вся пѣхота и большая часть драгунскихъ полковъ были спѣшены“, и эта фраза доказываетъ лишь совершенно понятную его осторожность. Что же касается до другаго вопроса, до слѣдованія войскъ двумя, а не одною колонною, то, какъ увидимъ, правильность заключенія г. Карцева едва ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію.

Вся причина недоразумѣнія, намъ кажется, происходитъ отъ того, что г. Карцевъ, предназначая свой трудъ для учебника, не дѣлалъ ссылокъ; но и безъ этого, если

---

[27] „Очеркъ историческаго развитія вооруженныхъ силъ Россіи до 1708 г.“

[28] Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны.

признать необходимость пользоваться какъ пособіемъ не только печатными и рукописными памятниками, но и современными чертежами (планами), то едва ли можно упрекнуть г. Карцева въ бездоказательности его заключеній. Мы ни на минуту не сомнѣваемся въ томъ, что г. Карцевъ пользовался планомъ № 7 „Книги Марсовой", но пользовался имъ очень осторожно, не имѣя болѣе убѣдительныхъ доказательствъ тому, что планъ № 7 составленъ осмотрительно.

Собственноручная резолюція Петра I на планѣ № VI убѣждаетъ насъ, что первоначальное размѣщеніе войскъ въ бою 28 сентября 1708 года показано на планѣ № 7 „Книги Марсовой" совершенно вѣрно. Мало того, судя по буквальному смыслу резолюціи Императора на помянутомъ планѣ, составитель чертежа для „Книги Марсовой" долженъ былъ руководствоваться именно чертежемъ № VI. Изслѣдованія г. Пекарскаго доказываютъ, что чертежи къ „Книги Марсовой" просматривались лично Петромъ I, и на оригиналахъ, (которые надо искать въ Эрмитажѣ) [29], подобныхъ поправокъ Петра I много *.

Наше убѣжденіе, что г. Карцевъ пользовался планами „Книги Марсовой" основывается на томъ, что если признать эти планы и описаніе къ нимъ за пособія, то нельзя иначе и заключить, что къ передовой позиціи у д. Лѣсной войска подошли уже въ спѣшенномъ строю и въ двухъ колоннахъ.

Ордеръ-де-баталіи есть не болѣе какъ схематическое изображеніе первоначальнаго размѣщенія войскъ, которое видоизмѣняется подъ вліяніемъ обстоятельствъ, бывшихъ при завязкѣ и во время самаго боя. Дѣло историка отыскать (при пособіи источниковъ, а также и современнаго плана) послѣдовавшія видоизмѣненія въ начальномъ размѣщеніи частей, вызванныя ходомъ боя.

---

[29] Пекарскій, II; 303.

* Планъ № VI, очевидно, принадлежитъ къ этимъ оригиналамъ, (которые сохранились въ Эрмитажѣ), но случайно остался въ дѣлахъ Военной Коллегіи. Д. М.

Исходя изъ этого основного положенія и давая полную вѣру плану боя подъ Лѣсной № 7 „Книги Марсовой“[30], (гдѣ показано дальнѣйшее развитіе боя до конца), мы не можемъ не обратить вниманія на то, что на этомъ планѣ отъ первоначальнаго боевого размѣщенія войскъ къ сторонѣ деревни Лѣсной показаны *двѣ дороги*. Около лѣвой дороги поставлена буква А, и въ объясненіи къ плану сказано: „дорога, которою наше войско пришло“. Но это совсѣмъ не значитъ, что по правой дорогѣ, которая пролегала близко къ лѣвой и отходила отъ центра боевого порядка, никто не шелъ. Напротивъ, это опредѣленно доказывается дальнѣйшимъ, точнымъ указаніемъ объясненія къ тому же плану, а самое главное—сущностью дѣла, возможностью хода боя, ибо новѣйшее описаніе боя подъ Лѣсной (за перелѣсокъ) допускаетъ маневры войскъ, по нашему мнѣнію,—невозможные въ дѣйствительности.

На высотѣ того мѣста, гдѣ разыгрался передовой бой 28 сентября 1708 г. отъ правой дороги къ лѣвой (къ мѣсту, гдѣ было нечаянное столкновеніе лѣвой колонны со шведами) проведено пунктиромъ двѣ дороги. У начала ихъ поставлена буква F, а у концовъ буквы Н. І. Въ поясненіе къ этому плану сказано: „F“—*дорога*, точками назначенная, откуда *поворотились* Преображенскій и Семеновскій полки. Н. Семеновскій, І.—Преображенскій“. Откуда же они поворотились? Отвѣтъ прямой—съ той дороги, которая показана на планѣ, и по которой шелъ весь правый флангъ, т. е. и конница праваго фланга (принца Дармштадтскаго), о которой никто не вспоминаетъ, хотя на это есть указанія въ журналѣ Петра Великаго, изд. Щербатовымъ[31]. Это послѣднее заключеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ естественности хода боя.

Что надо предположить, если принять за вѣрное описаніе начала боя г. Гудимомъ-Левковичемъ? По словамъ

---

[30] Изъ изслѣдованія Пекарскаго видно, что въ разныхъ изданіяхъ книги „Марсовой“ есть разница. Мы пользовались лично намъ принадлежащимъ экземпляромъ съ перваго Санктъ-петербурскаго 1713 года изданія „вторымъ тисненіемъ напечатаннаго“ 1766 года.

[31] „Журналъ или Поденная записка“... Петра Велпкаго. 1770.

автора въ головѣ колонны шли Невскій и Ингерманландскій полки, что безспорно вѣрно. Значитъ—Преображенскій и Семеновскій шли позади ихъ? Но дѣло въ томъ, что по заключенію того же автора, „едва (значитъ тотчасъ послѣ спѣшиванія первыхъ двухъ полковъ) боевой порядокъ былъ построенъ", какъ русскіе были атакованы шведами. Что же въ это время должны были сдѣлать Преображенцы и Семеновцы? Они должны были удалиться *на довольно значительное разстояніе* къ сторонѣ правой дороги и снова прибыть въ подкрѣпленія на лѣвый флангъ. Слишкомъ очевидно, что еслибы это было такъ, то послѣдніе два полка никогда бы не успѣли удалиться, ибо подвергались удару во флангъ; да и зачѣмъ было Преображенцамъ и Семеновцамъ уходить тогда, когда головные полки *едва* построились, какъ были атакованы? Кромѣ того, не ожидали же шведы, когда окончатъ Ингерманландцы и Невцы спѣшиваніе: они несомнѣнно атаковали бы ихъ во время слѣзанія съ коней, что уже указываетъ на то, что полки подошли спѣшенными.

Совершенно къ такому безусловно невозможному предположенію мы должны прійти, если *строго*, буквально, придержимся описанія боя подъ Лѣсной только по тексту „Книги Марсовой", безъ помощи плана. А именно, здѣсь сказано: войска „по утру, перебрався, пошли за непріятелемъ, и о полудни онаго дошли у деревни Лѣсной въ *шрадѣ* * стоящаго, и начали *пѣхоту* спѣшивать... и строиться къ баталіи, дабы непріятеля атаковать. *И только три полка пѣхотные стѣшились* и одинъ драгунскій, тогда нечаемо непріятель изъ лѣсу со всею пѣхотою на два наши полка, Ингерманландскій и Невскій, всѣмъ фронтомъ напалъ, которые отъ такого сильнаго нападенія, хотя съ утратою, однакожъ непріятелю мѣста не уступили, но множественно бились. Потомъ Преображенскій и Семеновскій полки, да баталіонъ Астраханскій, которые уже гораздо въ право было отошли (для атаки на лѣвое непріятельское крыло),

* Курсивы наши. Д. М.

тотчасъ поворотились и прежде Семеновскій во фрунтъ, а Преображенскій со фланга нападенія учинили....“ [31]

Достовѣрно, что подъ Лѣсной у насъ было всего только три пѣхотныхъ полка—Преображенскій, Семеновскій и Ингерманландскій. Такимъ образомъ, по точному описанію текста „Книги Марсовой“ слѣдуетъ, что всѣ три пѣхотные полка вмѣстѣ съ Невскимъ драгунскимъ спѣшились одновременно, но непріятель почему-то атакуетъ только два полка—Ингерманландскій и Невскій драгунскій, а Преображенскій и Семеновскій будто бы могли спокойно смотрѣть на эту атаку и также спокойно отойти *„горяздо“* вправо, для того, чтобы искать лѣвое непріятельское крыло, а затѣмъ успѣли возвратиться назадъ.

Слишкомъ ясно, что обѣ колонны спѣшивались примѣрно въ одно время, но на разныхъ дорогахъ и въ то время, когда Преображенцы и Семеновцы искали уже непріятельскаго лѣваго фланга, то только тогда они были потребованы на выручку своихъ въ лѣвую сторону. Это слѣдуетъ и по чертежу № 7, гдѣ нѣтъ никакихъ передвиженій слѣва на право, а поддержки идутъ обратно—справа на лѣво. Что же касается до измѣненій въ окончательномъ боевомъ порядкѣ, сравнительно съ первоначальнымъ, то это только касается Невскаго и Ингерманландскаго полковъ. Вполнѣ понятно, если Царь взялъ съ собою въ правую колонну Семеновскій, чтобы не отдѣлять его отъ Преображенцевъ, то Невскій и придалъ къ Ингерманландскому.

Близкое сходство текста „Книги Марсовой“ съ Журналомъ Петра I вполнѣ объяснется г. Пекарскимъ [32]; но изъ изслѣдованій этого же ученаго надо прійти къ заключенію, что *строго*, буквально, нельзя придерживаться этихъ источниковъ, а слѣдуетъ отнестись къ нимъ критически, и это въ особенности надо соблюсти въ отношеніи реляціи боя подъ Лѣсной [33].

Считая существенно важнымъ пользоваться не только реляціями и т. п., но и планами бывшихъ сраженій, (въ особенности приложенными къ столь важному источнику

---

[31] „Книга Марсова“; стр. 62.

[32] Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. II, № 233.

[33] Тамъ же, стр. 176.

какъ „Книга Марсова", который какъ оказывается, составленъ строго-осмотрительно),—мы считаемъ правильнымъ существующее описаніе начала боя подъ Лѣсной дополнить слѣдующимъ болѣе подробнымъ и точнымъ фактическимъ указаніемъ. Показавъ первоначальное положеніе войскъ утромъ 28 сентября, согласно документу № VI, (тожъ Книги Марсовой) необходимо возстановить прежнее описаніе г. Карцевымъ движенія и боя за перелѣсокъ, выдѣливъ подробностью, что атака Преображенцевъ во флангъ непріятелю вліяла на исходъ боя за этимъ передовымъ пунктомъ въ пользу русскихъ. Къ концу боя за передовую позицію, веденнаго съ начала только тремя пѣхотными полками и Невскимъ драгунскимъ (подъ личнымъ начальствомъ Петра I), прибыли остальные драгунскіе полки, которые приняли участіе въ боѣ за перелѣсокъ, развернувшись по ордеру-де-баталіи: на правомъ флангѣ—Троицкій, Владимірскій, Нижегородскій драгунскій полки подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Дармштадтскаго, а на лѣвомъ флангѣ—Сибирскій, Тверской, Вятскій, Смоленскій, Ростовскій, лейбъ-Региментъ (нынѣ С.-Петербургскій драгунскій полкъ) подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Флюга. Въ этомъ боевомъ порядкѣ полки праваго фланга русскихъ вели упорный 3-хъ часовой бой, главная цѣль котораго была захватить дорогу въ Пропойскъ.

Въ заключеніе нельзя будетъ не упомянуть о смертельно раненномъ въ бою подъ Лѣсной князѣ Дармштадтскомъ, память о которомъ до сихъ поръ оставалась забытою. Большая половина драгунскихъ полковъ, участвовавшая въ боѣ 28 сентября 1708 г., теперь еще жива и ведетъ свою исторію; а потому оставлять безъ всякаго воспоминанія участіе ихъ въ битвѣ подъ Лѣсной,—въ столь славномъ бою подъ личнымъ предводительствомъ Петра I,—безусловно невозможно. Тѣмъ болѣе нельзя забывать героевъ, предводительствующихъ русскими войсками и нещадившихъ своей жизни: принцъ Дармштадтскій былъ смертельно раненъ пулею навылетъ въ этомъ бою [35].

[35] Сб. Рус. Истор. Общества. 50; 99.

Семилѣтняя война безспорно имѣла сильное вліяніе на развитіе военнаго искусства въ Россіи. До этой войны порядки Фридриха Великаго не были извѣстны въ русской арміи [36]: дипломатическія сношенія между Россіею и Пруссіею были прерваны за долго до войны, да и кромѣ того Императрица Елизавета въ первое же время своего царствованія не допускала нововведеній по вопросамъ военнаго дѣла, принявъ въ этомъ случаѣ правиломъ—возстановить въ арміи порядки, бывшіе въ царствованіе Петра I [37]. Только около 1750 г. при Военной коллегіи была образована коммиссія для обсужденія важныхъ реформъ по военному вѣдомству, въ составъ которой вошли выдающіеся строевые начальники преимущественно старыхъ русскихъ фамилій [38]; но она не успѣла закончить всѣхъ своихъ работъ къ 1756 г. При всемъ томъ, почувствовавъ нѣкоторую свободу отъ иноземнаго вліянія, русскіе генералы,—отвыкнувшіе отъ иниціативы дѣйствія за время Миниха,—еще до начала войны выработали заново строевыя положенія, которыя не могли прочно привиться къ войскамъ дѣйствующей арміи, потребованнымъ въ бой [39].

Во время войны русскіе главнокомандующіе и начальники крупныхъ отдѣльныхъ частей, (во главѣ которыхъ становятся Салтыковъ, Ферморъ, Бутурлинъ Румянцевъ, Чернышевъ), испытавъ особенности Фридриховскаго образа дѣйствій, приспособляются, такъ сказать, къ обстоятель-

---

[36] Приложеніе ко II тому „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“ стр. 82.

[37] „Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ Петра I и Елизаветы“, нашъ трудъ, глава VI и VIII; стр. 68.

[38] Дѣла этой „Воинской коммиссіи“ сохранились въ Москов. Отд. Архива Главнаго Штаба и имѣютъ важный военно-историческій интересъ.

[39] Тамъ-же. Примѣчаніе 104 къ 1 тому и приложеніе CV ко II тому—„Русская армія въ Семилѣтнюю войну“.

ствамъ, принимаютъ противъ этихъ особенностей прусской стратегіи и тактики извѣстныя мѣры, что въ общемъ и вліяетъ на развитіе русскаго военнаго дѣла.

Эти послѣднія мѣры безусловно замѣтны во всѣхъ отдѣлахъ военнаго искусства.

Мы не считаемъ удобнымъ теперь же останавливаться на выясненіи этой ступени въ развитіи русскаго военнаго искусства, но должны замѣтить, что заимствованія отъ кого либо въ этомъ случаѣ быть не могло. Пруссакамъ открывать тайны своихъ побѣдъ—не приходилось; напротивъ, ихъ прямой расчетъ былъ скрыть свои порядки, что и было достигнуто [40]. Дѣйствія австрійцевъ, не могли конечно служить образцомъ для подражанія русской арміи. Несостоятельность порядковъ у нашихъ главныхъ союзниковъ рельефно выразилась въ ихъ пораженіяхъ и на поляхъ сраженій, и на театрѣ военныхъ дѣйствій—слабѣйшимъ противникомъ. Кромѣ того съ перваго же года войны отношенія русскихъ главнокомандующихъ къ австрійцамъ были въ высшей степени недружелюбны, и не безъ основанія [41]. Наконецъ, русской и австрійской арміи приходилось дѣйствовать при разныхъ условіяхъ организаціи ихъ войскъ и неодинаковыхъ свойствахъ театровъ военныхъ дѣйствій.

Не касаясь подробностей разницы русскаго и австрійскаго способовъ дѣйствія противъ пруссаковъ, мы должны отмѣтить ихъ настолько, насколько нужно для поясненія научнаго значенія документовъ №№ III, IV и V.

Главная отличительная черта стратегическихъ операцій Фридриха II заключалась въ развитіи имъ самаго рѣшительнаго наступленія противъ союзниковъ, которые, на-

---

[40] Тамъ-же. Пр. II, т. стр. 82. Есть прямыя указанія на то, что въ русской арміи были рады прусскимъ офицерамъ (напр. Карлу Гаудрингу), отъ которыхъ можно бы узнать подробности прусскихъ военныхъ порядковъ, но подобные офицеры были чрезвычайно рѣдки. Всѣ свѣдѣнія, нужныя передъ войною, даже по развѣдкамъ исполнены русскими офицерами (см. пр. къ I т. „Русская армія“... стр. 73—76).

[41] См. Приложеніе 24 къ главѣ IV; т. I „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“ и предисловіе къ „Русско-австрійскому союзу“, нашъ трудъ.

противъ того, дѣйствуютъ крайне вяло, нерѣшительно. Однако австрійцы и русскіе прибѣгаютъ къ этому способу дѣйствія по совершенно различнымъ причинамъ. Первые придерживались чисто пассивнаго образа дѣйствія во 1-хъ потому, что смертельно боялись за свои сообщенія; во 2)—разсчитывая на крѣпкія позиціи, въ соотвѣтственномъ выборѣ которыхъ достигли совершенства; въ 3-хъ выжидая, что политика ихъ знаменитаго Кауница поставитъ въ передовую австрійскую линію русскую армію, которая (хотя бы путемъ самоуничтоженія) предоставила бы возможность нетронутымъ австрійскимъ резервамъ предписать Фридриху Великому условія мира, благоугодныя Кауницу.

Русскіе, несмотря на то, что были отдалены на тысячу верстъ отъ своихъ границъ,—чрезвычайно смѣло оперировали относительно своихъ сообщеній: ежегодно ихъ коммуникаціонные пути (съ временною базою на Н. Вислѣ) находились въ крайне невыгодномъ положеніи. Медленность наступленія русскихъ обусловливается: 1) полнымъ подчиненіемъ главнокомандующаго конференціи; во 2) неправильнымъ устройствомъ подвоза запасовъ, почему были громадные обозы, 3) огромнымъ числомъ артиллеріи, бывшей при арміи и 4) наконецъ, во время замѣченнымъ намѣреніемъ австрійцевъ пожинать себѣ лавры побѣдъ, добытые русскою кровью.

Русская армія на поляхъ сраженія, подобно австрійской, предпочитала принять бой на заранѣе выбранной позиціи, предоставивъ иниціативу дѣйствій прусской арміи; но тактика русскихъ и въ этомъ случаѣ рѣзко отличается отъ австрійской. Русская армія (даже при Ферморѣ) принимаетъ не пассивный (австрійскій), а активно-оборонительный способъ дѣйствій, то-есть русскіе встрѣчаютъ врага, переходя въ наступленіе при первой возможности, что и входитъ въ боевыя инструкціи, данныя ей главнокомандующими [42]. Этотъ способъ встрѣчи непріятеля (активно-оборонительный) предпочитается у насъ наступательному бою потому, что со-

[42] Прилож. XI и XII ко II тому „Русская армія въ Семилѣтнюю войну".

знавали преимущество непріятеля въ обученіи войскъ маневрированію, видѣли превосходство его конницы, но знали и меньшую дѣйствительность огня прусской артиллеріи [43]. Въ виду послѣдняго обстоятельства разсчитывали съ выгодою воспользоваться огнемъ своей усовершенствованной артиллеріи для подготовки контръ-атаки, которая такъ опредѣленно рекомендовалась и инструкціями, и дѣйствительно подтверждается: Цорндорфомъ и Пальцигомъ, гдѣ пруссаки были атакованы русскими.

Къ таковымъ общимъ выводамъ мы пришли, основываясь на фактахъ, уже изложенныхъ нами въ I и II томахъ нашего труда, гдѣ подробно изслѣдованы особенности устройства каждаго изъ родовъ оружія русской арміи, кромѣ однако артиллеріи. Документы №№ III, IV и V, въ связи съ прежде выясненными нѣкоторыми данными, даютъ право окончательно составить себѣ довольно полное представленіе, какъ относительно реорганизаціи русской артиллеріи во время войны, такъ и боевого ея назначенія, послѣдовавшихъ подъ вліяніемъ замѣченныхъ недостатковъ въ кампанію 1758 г. Этимъ и обусловливается научное значеніе напечатанныхъ теперь нами послѣднихъ изъ документовъ.

Несообразно значительное число орудій (въ особенности при Шуваловскомъ корпусѣ) въ 1758 г. вредно отразилось на подвижности арміи, на ея маршахъ-маневрахъ и на маневрированіи на полѣ сраженія. Кромѣ того, несмотря на эти неудобства, новая, технически болѣе совершенная артиллерія, въ минуту надобности, въ бою подъ Цорндорфомъ, оказалась не тамъ, гдѣ въ ней была настоятельная необходимость; она не была способна быстро перемѣнить позицію сообразно обстоятельствамъ боя, оказалась совершенно безъ всякихъ средствъ для поддержанія огня при отъѣздахъ и при уклоненіи отъ боя послѣ того, какъ значительная часть прислуги выбыла изъ строя.

Къ чести графа Шувалова, или лицъ кому онъ довѣрялъ, мы должны замѣтить, что онъ тогда же замѣтилъ

---

[43] Тоже, II томъ стр. 237.

указанные выше недостатки, для устраненія которыхъ были приняты настойчивыя и разумныя мѣры.

1) Число прислуги при артиллерійскихъ орудіяхъ было увеличено уже въ 1759 г.

2) Рѣшено сформировать особые артиллерійскіе полки, которые служили бы резервомъ для пополненія убыли орудійной прислуги, помогали бы послѣдней при различнаго рода вспомогательныхъ дѣйствіяхъ и служили бы, какъ спеціальное прикрытіе батарей, расположенныхъ на позиціи и при передвиженіяхъ. Для сего послѣдняго артиллерійскіе фузелеры имѣли ружья, которыя, во время дѣйствій при орудіяхъ, надѣвались на ремняхъ черезъ плечо [44].

3) Въ виду неодолимыхъ препятствій для новыхъ формированій во время войны Шуваловъ обратилъ свой совершенно расшатанный Обсерваціонный корпусъ въ артиллерійскіе полки, и все время настойчиво заботился объ ихъ правильномъ укомплектованіи, обученіи и т. п.

4) Замѣтивъ невозможность подготовить такъ скоро офицеровъ, спеціально знающихъ артиллерійское дѣло, графъ Шуваловъ выхлопоталъ Высочайшее разрѣшеніе, коимъ обязывались инженерные офицеры, неимѣвшіе тогда въ бою прямыхъ обязанностей,—въ продолженіи зимы практиковаться въ артиллерійской службѣ, и въ случаѣ надобности въ бою замѣщать мѣста убывшихъ [45].

Безспорно, что новая организація оставляла желать еще очень многаго; но очень важно уже одно то обстоятельство, что артиллерія изъ артиллерійскаго транспорта, (изъ прежняго своего устройства, близко подходящаго къ цеховому) съ 1759 г. значительно приблизилась къ правильно организованной войсковой части.

5) Документы №№ III, IV и V доказываютъ, что графъ Шуваловъ, непосредственно направлявшій службу артиллеріи, пошелъ дальше. Не оставляя разработывать стрѣльбу

---

[44] Тамъ-же.

[45] Фактическія данныя будутъ нами подробно указаны въ III томѣ „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“.

изъ новыхъ орудій, онъ поставилъ себѣ цѣлью ознакомить всѣхъ начальниковъ другихъ родовъ войскъ со свойствами новой артиллеріи и съ выгодами огня ея сравнительно съ прежнею [46]. Генералъ фельдцейхмейстеръ тогда же обратилъ серьезное вниманіе на условія дѣйствія въ бою полевой артиллеріи, на опредѣленіе взаимныхъ служебныхъ отношеній начальниковъ артиллерійскихъ частей и строевыхъ начальниковъ прочихъ родовъ войскъ (№ V) и, наконецъ, самое важное,—на опредѣленіе способа дѣйствія въ бою артиллеріи совмѣстно съ другими родами войскъ (№ III).

Изъ документовъ №№ IV и V слѣдуетъ, что въ 1759 г. начальникъ артиллеріи арміи (генералъ Бороздинъ) распредѣляетъ всю артиллерію, по прежнему, на бригады, т.-е. на тѣ отдѣльныя части, которыя придавались крупнымъ тактическимъ единицамъ арміи (дивизіямъ, отдѣльнымъ бригадамъ и т. п.). Эти бригады, имѣя въ 1759 г. всего 91 орудіе, на время боя распредѣляются на шесть батарей, составленныхъ изъ разныхъ калибровъ; при чемъ три сводныя батареи 1-й линіи опредѣляются каждая силою въ 22—24 орудія, разныхъ калибровъ. Во 2-й линіи всего двѣ батареи, изъ 9 орудій каждая, и, наконецъ, батарея задней линіи [47], въ 5 орудій, назначается какъ резервная батарея, которая въ 1760 г. занимаетъ мѣсто *между 1-й и 2-й линіями* (пун. 9, докум. № III).

6) Новая артиллерія, сосредоточенная при Гроссъ-Эгерсдорфѣ и при Цорндорфѣ случайно на одномъ пунктѣ, раз-

---

[46] Съ этою цѣлью зимою 1759—1760 гг. въ присутствіи массы представителей всѣхъ трехъ родовъ оружія въ Маріенвердерѣ была произведена состязательная стрѣльба артиллеріи новыхъ и прежнихъ калибровъ. Намъ удалось найти самый подробный отчетъ о порядкѣ производства этихъ опытовъ и результаты стрѣльбы, что будетъ напечатано при первомъ удобномъ случаѣ. Профессоръ С. М. Соловьевъ (Исторія Россіи, т. 24, изд. 2-е, 295) говоритъ нѣсколько словъ объ этой сравнительной состязательной стрѣльбѣ, называя оную свидѣтельствомъ артиллеріи.

[47] Въ 1760 г. есть прямое указаніе на то, что у насъ войска для боя строились не въ двѣ линіи (какъ было всюдѣ принято), *а въ три* (Пр. II т. Рус. ар. въ Сем. в., стр. 194).

бросывается теперь по всему фронту арміи равномѣрно. Для сего 46 Шуваловскихъ орудій съ 1759 г. образуютъ отдѣльный бомбардирскій корпусъ и раздѣляются на 16 отдѣльныхъ „партій“ (по 2—3 орудія), которыя придаются къ полкамъ въ дополненіе къ орудіямъ полковой артиллеріи.

Это распредѣленіе артиллеріи для боя было нормальное, которое могло быть измѣняемо въ зависимости отъ обстоятельствъ: какъ авангардными начальникомъ (Мордвиновымъ) по отношенію къ орудіямъ, выдѣленнымъ имъ въ передовой конный отрядъ (Тотлебена), такъ и начальниками дивизій между собою (№ IV).

7) Одинъ изъ самыхъ важныхъ организаціонныхъ недостатковъ артиллеріи того времени, вредно отзывавшійся на маневрированіи въ бою полевой артиллеріи, заключался въ отдѣленіи управленія конскимъ составомъ батарей („Фурштатская часть“) отъ личнаго. Этотъ вопросъ хотя и не разрѣшенъ удовлетворительно, но выдѣленъ, и для устраненія бывшихъ отъ этого неудобствъ даны соотвѣтственныя указанія (пун. 12. № III).

8) Взаимное отношеніе строеваго и спеціально артиллерійскаго начальства установлено Шуваловымъ настолько же кратко, насколько и полно (№ V). Основанія, данныя для руководства въ этомъ случаѣ, мало оставляютъ желать лучшаго: въ принципѣ эти правила существуютъ безъ всякихъ измѣненій и въ настоящее время.

9) „Наставленіе... „генерала Глѣбова (и, конечно, Шувалова) для дѣйствія въ бою полевой артиллеріи чрезвычайно важно какъ отдѣльно взятое, такъ и въ связи съ „генеральными инструкціями для боя“ Фермора и Бутурлина [48]). Эти три документа вмѣстѣ ясно выражаютъ взглядъ лицъ начальствующихъ русскою арміею на способъ веденія современнаго тому русскаго боя; они выясняютъ типичныя особенности этого боя, которыя, (зная эти инструкціи), го-

[48] Документы XI и XII, прил. ко II тому Русская армія въ Семилѣтнюю войну.

раздо легче могутъ быть замѣчены и при разборѣ сраженій, данныхъ русскою арміею въ Семилѣтнюю войну. Тоже наставленіе разсматриваемое отдѣльно, доказываетъ не только самое серьезное отношеніе нашихъ артиллеристовъ къ своему дѣлу, основательное ихъ знаніе послѣдняго, но и совершенно правильное пониманіе задачъ боевой стрѣльбы артиллеріи, при дѣйствіи ея въ связи съ другими родами войскъ.

Останавливаясь на главныхъ особенностяхъ этого Наставленія, мы можемъ вывести слѣдующія главнѣйшія особенности дѣйствія въ бою русской артиллеріи.

10) Изъ всего состава артиллеріи арміи ¾ сильной (дальнобойной) артиллеріи назначается въ 1-ю линію, имѣя непосредственно за 1-ю линіею резервную артиллерію, готовую немедленно усилить батареи 1-й линіи.

Иначе, съ 1760 г. въ боевомъ порядкѣ русской арміи въ частномъ резервѣ тонкой 1-й линіи находится не только отборная пѣхота, обязанная пополнять прорывы въ этой линіи, но и артиллерія. Фактъ этотъ, на нашъ взглядъ, имѣетъ особо важное значеніе, въ связи съ прямымъ указаніемъ на то, что боевой порядокъ въ русской арміи въ концѣ Семилѣтней войны, *былъ не въ двѣ, а въ три линіи.* [49])

11) Батареи по ордеру-де-баталіи располагаются симметрично (въ центрѣ и на обоихъ флангахъ), но это не стѣсняетъ начальство въ соотвѣтственныхъ перемѣщеніяхъ. По основному положенію (1759 г.) выборъ позиціи,—„полезныхъ мѣстъ подъ артиллерію“ зависѣлъ отъ артиллеристовъ (ниже стр. 23), которые обязывались по Наставленію „изъ другихъ мѣстъ... по крайней возможности помогать...“ общему дѣлу, что уже одно обязывало дѣлать перемѣщеніе батареи 1 линіи и выѣздъ впередъ батареи 2-й линіи, если батареямъ этой послѣдней нельзя было „помогать“ иначе передовой линіи пѣхоты.

3) Меньше чѣмъ ¼ орудій при нормальныхъ условіяхъ назначалась во 2-ю линію. Для дѣйствія этой артиллеріи

---

[49]) См. докум. LI, Рус. армія въ Семилѣтнюю войну т. II.

„Наставленіе“... даетъ образцовое указаніе какъ относительно ихъ содѣйствія 1-й линіи (пун. 7 и 8),—такъ и для обезпеченія фланговъ, предоставляя въ обоихъ случаяхъ, широкую и разумную свободу дѣйствія въ зависимости отъ мѣстности и обстоятельствъ боя. Опредѣленное указаніе на дѣйствіе черезъ головы 1-й линіи разрывными снарядами по непріятельскимъ резервамъ есть та смѣлая постановка задачъ боевой стрѣльбы артиллеріи, которая, какъ извѣстно, крайне и крайне осторожно предлагается и въ настоящее время [50].

12) Выборъ цѣли для батарей 1-й линіи (въ началѣ боя—непріятельская артиллерія и ящики, а затѣмъ войска), указаніе предѣльной дальности для стрѣльбы изъ разныхъ калибровъ орудій, указаніе на назначеніе снарядовъ, порядокъ питанія зарядами и снарядами, характеръ дѣйствія 1-й линіи при отступленіи, общее заключеніе, гдѣ такъ опредѣленно выражено значеніе поддержки въ бою артиллерійскимъ огнемъ другихъ родовъ войскъ *при построеніи въ линейномъ порядкѣ*,—все это доказываетъ какъ цѣло, опредѣленно и вѣрно выяснялось тогда боевое назначеніе артиллеріи.

Напечатанные нами документы, въ связи съ другими данными, еще разъ свидѣтельствуютъ, что русское военное искусство не есть сплошное заимствованіе съ запада. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ нашей военной исторіи есть періоды, гдѣ представители русской арміи, по тѣмъ или по другимъ причинамъ, не вѣрили въ способности русскихъ людей развить основы военнаго дѣла, указанныя своими полководцами, не призывали ихъ къ усовершенствованію началъ, данныхъ великими полководцами и талантливыми

---

[50] „Инструкція для дѣйствія въ бою артиллеріи въ связи съ другими родами войскъ“, изд. 1885 г. стр. 35. Нельзя не замѣтить, что теперешнія трубки гранатъ дозволяютъ вести огонь черезъ головы съ меньшимъ рискомъ несчастнаго случая отъ пораженія своимъ собственнымъ выстрѣломъ, чѣмъ прежнія трубки при бомбахъ. Шуваловская артиллерія имѣла ядра безопасныя при стрѣльбѣ черезъ головы, но для обстрѣливанія непріятельскихъ резервовъ все-таки рекомендуется разрывной, а не сплошной снарядъ.

генералами Россіи, предпочитали слѣпо пользоваться послѣднимъ словомъ западно-европейской науки, поручая все важное лицамъ съ иностранными фамиліями. Но несомнѣнно также и то, что бывало и обратное явленіе. Задачи военно-историческихъ изслѣдованій и заключаются, между прочимъ, въ томъ, чтобы безпристрастно выдѣлить эти періоды, а не руководствоваться заранѣе составленнымъ предубѣжденіемъ и на слово вѣрить, что будто бы въ исторіи русскаго военнаго искусства не было никогда ничего своего собственнаго. Только тогда, когда ради этой предвзятой идеи не будутъ умышленно и неумышленно игнорировать документальныя архивныя данныя и боевые факты, исторія военнаго искусства въ Россіи можетъ дать выводы, имѣющіе важное научное и практическое значеніе.

Д. Масловскій.

№ I.

Изображение о состояніи нынѣшней войны противъ шведа кпредбудущему ҂аѱи (1708) году, дабы изсего вящшее илучтшее вынять, а непріятелю совсѣхъ сторонъ тревогу чннить избожиею помощию неприятеля ко благому миру склонить. *)

а҃ (1) статья.

Ежелиб времянно вѳевралѣ мѣсяце счетырмя тысячи лошадей, такожъ и добрыхъ салдатъ какое вчинаніе учинить над Элзингъ Ѳорсомъ, такожъ и над абовымъ, прошедъ выборхъ мимо.

Оное можетъ прилутчемъ исправлениі изготовлено быть.

Драгунъ заранье иколико возможно близко поквартерамъ розвесть и вовсю зиму ненадобныхъ походовъ нечинить, такожъ вовремя неудобныхъ лошадей перемѣнить и протчую драгунскую збрую исправить.

Ксему походу нелзя меньше 30, или 25 дней лошедямъ и людямъ правианту запасти, понеже внеприятельскихъ мѣстехъ на 10, или на 12 дней можно правианту сыскать.

Сѣно возможно вкипы свить и по частямъ розвѣсить, росположа по санямъ такою тягою, чтоб лошедямъ удобно было вести, да на каждые сани салдата сооружіемъ вмѣсто проводника.

Егда изближнихъ мѣстъ поход начат и дошед у гелсингъ Ѳорса обострожились, оныхъ людей розобравъ три тысячи которые большую трудность приняли оставить воопасение втѣхъ мѣстехъ, дабы отъ выборха какова наступления учинить немогли ибылиб мы оттого свободны.

По изображенію карты открасной Горки до Элзингъ Ѳорса 40 миль или 200 верстъ.

Въ ҂аѱд (1704) году был въ Элсингъ Ѳорском гварнизоне х҃ (600) человѣкъ.

Отъ выборха до Элсингъ Ѳорса кн҃ (28) миль или рк (120) верстъ.

Во время похода кабову мочно всѣ шляхи отъ гелсингъ Ѳорса брустъ верами снежными, такожъ и палисадами внизъ и обливая во-

*) Московское отдѣленіе Архива Главнаго Штаба. Опись 119, связка 1-я.

дою заморозить, онымъ можетъ зимнимъ времянемъ довольно неприятеля одержать, апотомъ партиями изэлсингъ Ѳорса вокругъ обретающияся мызы и деревни обобрать и все кпоходу Абовскому изготовить.

Отъ Элсингъ Ѳорса до Абова кє (25) миль, или ркє (125) верстъ.

Въ ҂ажд (1704) году было вабовскихъ гварнизоне ҂а (1.000) человѣкъ. Крѣпость валъ земляной простой обнесенъ поувѣдомлениемъ писателю сего.

Ежели бы пѣхота вдобромъ состояниі еще обрящелась, немочноль бы крепь учинить на острову противъ выборха, а въ то время помянутые тропы лекхою артилереию и ізобильнымъ правіантомъ удоволить изсанктъ-питербурха.

Напримѣръ выложено конскаго корму и хлѣба.

҂д (4.000) лошадей л҃ (30) ѳунтовъ сѣна на сутки, а на двадцать напять суток иметца ҂о҂є (75.000) пудъ.

Егда кв (22) пуда и ї (10) ѳунтовъ накаждые сани положить надобно четыре тысячи саней.

Ежелиб подводы добрые, мочноб на тѣжъ сани подва пуда сухарей положить, потому что возвсякие сутки сѣно тратитца, а сверхъ того мочно ҂дф (4.500) подводы исправитца.

Егда оному походу от непостоянной зимы или от иной помхи какаяб остановка учинилась.

(sic) Не мочноль марта впослѣднихъ числѣхъ сосмью тысячи человѣкъ пѣхоты, да при нихъ пушки лехкие своинскимъ снарядомъ издовольнымъ правиантомъ, чтоб на худой конецъ до половинъ марта.

На ѳорпостахъ завыборгскою рѣкою отводные караулы поставить, чтобъ чрезъ оное квыборху всѣ шляхи заставить, какъ насухомъ пути, такъ и наводѣ покаместъ вода вскроется.

Ежели бы вѣтры впред такъ служили, какъ впрошедшихъ лѣтехъ, мочноб неприятеля упредитъ и вышеписанные тропы наши болшими люми спомочь тридцатью старыми брегантеры є (5) или г (6) изновыхъ шнавъ, вкоторые мочно довольное число пушекъ иснаряду воинскаго положитъ, дабы времянно стержень проходъ судамъ ихъ укрѣпить, чтоб водою книмъ секурса не пропустить.

Не худо бы четыре или болше лутчихъ напарусахъ входу шнавъ досамаго хогланту или дале отправить, чтоб неприятеля высматривать, также всегдаб брегантеры укрывали, и вѣдомость имъ давали для обережи.

Сие вышеписанное вчинание надлежитъ водою времянно исправить, а егдаб оное все исправно учинилось на выборхъ, тобы мочно збожиею помощию надѣется что игород бы здался.

Ежелиб выборхъ осилить, то бы конечно непріятель намѣреніе переиночилъ, для того чтобъ къ его рзиденціи стокхолму приближились, а при договорѣ замиреніи, мочноб противъ иного мѣста размѣнить.

Ежелиб Царское Величество выборгской крѣпости умастерился то вся остъ Финляндия и вестъ Нордія поддержаву Его приклонятца.

А во время отправленія квыборху надлежалоб собоими бонбардерными карабли двѣ большие и двѣ малые шнавы отправить в ладожское озеро для бомбардерованія кекскольмской крѣпости, а меж тѣмъ всегда прикроншлоте половиною олота крейсовать, дабы непріятелю всюду дѣло было.

Також надлежитъ бомбардерные карабли времянно исправить свинцовою плитою, начемъ мартиру кружитца, такъ же и добраго шведцкаго желѣза набоуты иоковъ, понеже доселнее желѣзо, которого было дѣлано непотребно ктому было, івпервомъ выстрѣлу изломалось, оное при вчинаніі можетъ немалую помху учинить, токмо оное времянно небольшимъ коштомъ исправить мочно.

Ежели намѣреніе будетъ кегсхольмъ или выборгъ осадить нехудоб опасеніе чтоб издѣшнее урочище не пороже покинуть.

Такъ же надлежитъ обѣ крѣпости встревожить одно для сполоху, а другую существенною осадою учинить, ежели впроѣзде хкегсгольму всею воды три оута глубины, тобы по разсужденію писца сего мочноб вымыслить, чтоб машинами Кегсхольмскую стѣну взорвать, такожъ и батареи ихъ. Токмо ктому дѣлу надлежитъ доброй инженеръ и два искусные морскіе служители вперед для осмотру состоянія земли и разстоянія, такожъ и глубины существенно вымереть.

Се есть главнѣйшее, дабы оные материалы ктому пристоиные небезплодно уготовить ипору неутерять, зане отъ плохова промыслу раждается у непріятеля бодрость, токмо отъ доброго исполненія обуяетъ непріятеля страхъ.

Кпоходамъ подвыборгъ икегсхолмъ, что больше малыхъ судовъ, то луче, что площе днемъ, то потребнее, того ради чтобъ неглубоко шли, морскаго искусства люди ктому дѣлу зѣло потребны, чтоб вѣдали вѣтры и погоды усматривать, какъ вприступахъ, такъ и вотхожденіі.

Явно мочно видить, что. намѣреніе шведское вящьше онъ смотритъ дабы ему лукавствомъ, или насилно соединенныхъ цезаря, или агличен или галанцовъ ксебѣ привлещи внамѣрение его противъ царскаго величества, дабы ему отнятое у него возвратить, а окромѣ того способа ему собою оное учинить невозможно противъ государя нашего.

Несумнѣваюсь ежелиб шведа крѣпко принять совсѣхъ сторонъ, то друзья его, которыхъ онъ еще себѣ имѣетъ подлинно ево покинутъ.

А онъ принужденъ будетъ сцарскимъ величествомъ пристойно мир чинить.

Ибо збожиею помощию главная армія царскаго Величества обрѣтается пригодни, или привильни, оттуда послать довольный деташементъ для наступленія на левенгаупта, ежели онъ станетъ стоять, то онъ отступитъ подъ город ригу, или и всамой городъ. А кбомбардерованію надлежащіе материали готовыб были, то мочно город вкороткое число раззорить, понеже зѣло улицы тѣсные, а дворы построены дерево пополамъ скамнемъ.

Втакомъ случае можетъ большая побѣда тропамъ левенгоуптовымъ учинитца какъ всовершенной баталіи межъ временемъ исполнения сего вчинанія послать криге казаковъ и калмыкъ довольное число, а хотяб и нѣкоторыми эшквадры драгунъ, дабы паче могли роспленить до сего мѣста и до ревеля, а плѣнныхъ додерпта, или до нарвы куды ближе здовольными провожатыми паки квойску подригу.

Аще швед вшлезіи или вбеміи зимние квартеры возметъ, то мочно казакомъ и калмыкомъ вшведской поморе великую шкоду учинить непріятелю кпорушению.

Ащелиб король прусскіі нѣкоторые тропы Стенславу или шведу отдалъ покакому трактату или для чего ниесть, то мочно по всѣмъ правиламъ земли его Помернъ ипрусь жесточайше под власть приклонить по то врема какъ оные тропы назадъ возвратитъ.

Кенигсъ берхъ одинъ мочно свободно учинить для англіи и галандіи, токмо подкрѣпкимъ обѣщаниемъ о вѣрной кореспонденціи московской почты и протчей привозъ кроссійскому войску.

Ежели бы при такомъ случае нѣкоторые прусскіе трупы оное хотѣли одержать на тѣхъ жестоко наступить, чтоб немногихъ отпустить; мочно всегда отговоръ сыскать и имя тому дать что незапно учинилось; воистину прусъ впредъ будетъ больше решпекту являть царскому Величеству івпред такой кореспонденціі воинскимъ его, шведу, или протчимъ непріятелямъ царскаго Величества чинить не станетъ.

Кесарь Карлъ того звания пятый говаривалъ, аще кто несомною тотъ противъ меня.

Франция, Денмаркъ древни курфирстъ брандебурскіі, англія никогда того неупущали управленье чинить, какъ водою такъ исухимъ путемъ, когда кому обида отсосѣда учинилась, оного довольно можно прінкать ежели вопросъ будетъ.

Большая трудность царскому величеству есть великая Польша, безсильно учинить ивовсякое неустройство привести.

Такимъ образомъ какъ шведъ при торуне саксонцами чинилъ, такъ же и неупокойныхъ поляковъ смирить прималоимущихъ сосѣдахъ жить зѣло упокойно івсегда оные требующе отчего мочно всегда корысть получить.

Данцигу надлежитъ добромъ или лихомъ црскому величеству толикое число платить, какъ оный Августусу королю шведскому також королю ѳранцузскому чинилъ влѣтѣ ҂аѱ (1700) году мѣсяца генваря оные от Данцига посланные прежде получения ауденци мусили дать вказну королевскую ҂у гульденовъ кромѣ всякихъ подарков ѳранцузскимъ министрамъ занепослушаніе господъ огданцовъ репрезали водою и сухимъ путемъ давать.

Такимъ образомъ припомощи божией несумнѣнно даутамитца шведъ. Токмо втомъ случае можетъ учинить тронспортомъ Левенгоупту помощъ дать, или выступить на берехъ прикопории, дабы прямымъ путемъ на нов городъ, или на ладогу итить, наипаче дабы ему порубежные мѣста и пути заставить, чтоб привозу правианту ивѣдомости небыло, токмо мочно оное все упредить.

а (1).

Всѣмъ мужикомъ отвзморья до новагорода и до ладоги указомъ повелѣть, дабы каждый мужескаго полу добрые два топора при себѣ имѣлъ, чтоб какъ первое повелѣние книмъ придетъ всѣ дороги и стѣшки завалить, чтоб неупотребны были, такъ же и мосты всѣ сломать.

в (2).

Рекруты которые во весь год збираютца вдругъ въ Нов городъ привесть.

Треть того числа людей учить повсядни, двѣ трети на работу для утвержения попортившейся ѳортиѳикациі такъ же сей зимы хорошее число полисадовъ привесть повелѣть, дабы не было втомъ нужды не едино вновъ городъ, владоге, но по всѣмъ порубежнымъ городамъ ипроѣздамъ також напасти, а когда учинитца миръ оные годятца на дрова.

Таже можетъ ладога всегда изгварнизуна Шлюсенбургского оборонъ себѣ имѣть.

Ксимъ дѣламъ имѣемъ время довольное добрыхъ камисаров и аѳицеровъ купно иартилерію иснарядъ воинской и протчие надобя

уготовить, понеже разсудя сие дѣло зѣло потребно, егда неприятеля утакого мѣста можно двѣ недѣли одержать, втакое время много можетъ переиначитца всегда вготовности доброй быть, хотя оное и неупотребляемо будетъ, токмо лутче вготовности.
Воинское состояние толико значит.

Надлежитъ незабвенно оставить торги приазовѣ итаганрогу стурками чинить такожъ исперсидами.

Хамовное дѣло паруснаго полотна и протчие карабельные полотна и устроивать сколко возможно, дабы здѣ лутче могли дѣлать, какъ индѣ чтоб вкредитъ войтит.

Також незабвенноеб было исуконное дѣло устроивание всякой шерсти.

Табашные сады устроивать по дону и поволги, чтоб современемъ запрещения учинить иізыныхъ государствъ табакъ возить.

Англію и Галандию надлежитъ ублажать, чтоб взамиренное время здѣ сними торги чинить.

Здатченями зѣло надобно вприятствѣ быть для того, что меж шведом и королемъ датскимъ древняя недружба оная и впредь пребудетъ.

Пруссъ всегда станетъ держатца ксильнѣйшему иподтакимъ намѣрениемъ свой интерестъ станетъ искать, токмо его власство впартикулярную войну невдастся.

Се все описателя сего яко гистория напредание Его царскаго величества таинственнымъ совѣтомъ.

Надлежащее исправление о воинскихъ состоянияхъ кпредбудущему ҂ажи҃ (1708) году.

а҃ (1).

Зѣло надобно чтоб адмиралтейские припасы, также и приказъ эквипажы мейстри, мастеры всякаго дѣла, такъ же и работные люди существенно учреждены были. Нехудоб чтоб каждой имѣлъ себѣ инструкціи, какъ ему себя содержать, чтоб всякаго непорядка упредить.

в (2).

Чтоб магазейна оное есть главнѣйшее добрыми надсмотрщиками удоволить, таже заранье, что надлежитъ вмагазейну дополнить уверфей мосты здѣлать, гдѣ карабельные припасы нагружать таже и удобныя телѣги чтоб всякое къ своему мѣсту отвозить.

г҃ (3).

Что гавонь нынѣшней зимы отсору скараблей, також изгорода ѳортресу пескомъ незасорить. Для того надлежитъ двумъ искус-

снымъ капитанамъ утого для надсмотру быть и протчее что надлежитъ управлять ввывожденіі и ввожденіі караблей надкараулами такъже и воорубливаніі лду. Токмо тѣмъ капитаномъ надлежитъ быть безперемѣнно.

Или мочно оное дѣло положить на эквипажмейстеровъ сьихъ подданными, для того, что поизвычаю оное имъ надлежитъ. Такожъ и бесперемѣнно утого дѣла пребываютъ.

Егда каждый надъ гаванемъ будетъ мастеръ, то конечно худо будетъ, токмо втѣ поры будетъ позно. Сверхъ того карабли и прот чие малые суды приплаживаются, амѣсто становитца отчасу теснѣе, того ради оное надобно упредить и доброе надзирание учредить.

д (4).

Первеннѣйше надлежитъ доброго комендера учредить надартилеріею, чтоб над всѣмъ ктому принадлежащие дѣла под насмотрѣниемъ ево имѣлъ, тоже бы о всемъ записку держалъ какъ о пушечномъ пороху, такъ и о ручномъ и протчемъ воинскомъ снаряде, что у которого карабля галеры адмиралтейства.

Також надлежитъ пороховой казнѣ, которая надобна ко флоту быть у него комендера на рукахъ, для того, что нынѣ тому третей годъ порохъ всегда примали изгорода такой плохой, что вмѣсто трехъ фунтовъ взарядъ пять фунтовъ клали. Точию прямого выстрѣла нечинило. Сего ради явственно егда вовремя баталіі, или осады, или вынои какомъ случае непріятель своимъ оружіемъ можетъ дале достать, то намъ шкода.

Дасверхъ тогож уронъ великой егда затридцать фунтовъ пятдесятъ тратитъ. По вычету сего царскому величеству на одномъ пороху вмѣсто штидесятъ, сто рублевъ становитца, а во множестве государю многій ненадобный убытокъ становитца на всякъ годъ, оной убытокъ можетъ малымъ упереженъ быть, какъ я и преж сего о томъ писалъ и словесно доносилъ. Токмо понынѣ переиначинія неявляется.

є (5).

Чтоб русскимъ плотничным мастерам у большихъ и у малыхъ дѣлъ повелѣть, чтоб немецкимъ мастеромъ вработе ихъ помхи не чинили, влѣсныхъ, жилѣзныхъ припасехъ и работныхъ людей от дѣла ихъ небрали, какъ преж сего чинено отчего худые дѣла явлены.

Чтоб вышеписанные парусные шлюпочные и блокового дѣла мастера у дѣлъ своихъ были тщательны, також имѣлиб вѣжство противъ начальниковъ инежелиб такого отнихъ отчету о росколотомъ блоке, который изберезового, или иного лѣсу здѣланъ, мочно знать, что начальникъ блока несожжот и не продастъ, онъже адмиралтеръ недолжен и мастерамъ отчету давать кромѣ вышнимъ ѳлагомъ.

ѕ (6).

Зѣло потребно нѣсколько добрыхъ куперов снастми ихъ желѣзные обручи и дубоваго лѣсу кводянымъ бочкамъ величиною впятнадцать и втридцать ведръ, для того что тридцать верстъ отъ котлина острова вода солона. А егда лучитца отправленіе чинить и тамо нѣсколько промѣдлить, могутъ люди карабельные перемытитца.

ꙁ (7).

Дощатаго свинцу, малыхъ гвоздей розныхъ рукъ точеные втулки у ѳлота небывали, оное зѣло надобно, такъ что за такими мѣлочми вовремя баталіи многие карабли пропадаютъ для того, что которое ядро вкарабль ниже воды простритъ починить нѣчемъ.

Доски, воротовые палки, рычеги, крюки набаничные, палки, весла, всякихъ рукъ, водоливки, мочно нынѣ все уготовить.

Шлюпки, боты, також и нѣсколько добрыхъ лотокъ кмалымъ судамъ которые поправиантъ ѣздять.

ѝ (8).

Ежелиб на новый карабль на палубу шведскихъ осмнатцати ѳунтовые, а на корму и на бакъ двенадцати ѳунтовые, а ежели шведскіе двадцати четырехъ ѳунтовые, то мочно на него половину поставить, оное все времянно изготовить.

Впредбудущее ребрутование не худоб первую роту опредѣлить въ ро (170) человѣкъ, а вторую во рн (150) человѣкъ, для того чтоб два большие карабля всегда людей однихъ имѣли которые всякъ на своемъ карабле можетъ учение принять. А другие роты всѣ по рке (125) человѣкъ, то можетъ ѳрегатъ ишнава людми довольна быть, какъ присемъ вподаном табеле назначено.

Суда которые правиантъ возятъ такъже и воинской снарядъ воѳлотъ и владогу ѣздятъ, надлежитъ нанихъ быть матрозомъ, для того, которые на малыхъ судахъ ѣздятъ бываютъ лутчие люди, кромѣ каманды.

ѳ (9).

Воелотъ надобнож еще доброго ручного ружья, топоры, полукопья, багинеты, или добрые штыки, доброй ружейной мастеръ и подмастерья, чтоб все карабельное ружье починивать могъ.

і (10).

Кпредбудущей компаніи доброго провіантъ мейстера, списари его, даунегож бы были суды свои илюди, таже большие и малые вѣсы имѣры присебѣ имѣлъ бы, чтоб никому никакого задѣлу неучинить.

аі (11).

Аоицеръ вмѣсто под эквипажи мейстера сприпаснымъ карабленъ, вкоторомъ бы были всякие карабельные надобіі зѣло надобно у олота быть и, гораздо менше издержено будетъ, анынѣ однимъ достается много, другому мало. Оной же аоицеръ можетъ у себя имѣть лѣсные припасы якорные конаты, старые и новые повсемъ можетъ записку держать, и можетъ надзирать, чтоб было истрачено небескорыстно.

Преж сего прошение было, чтоб матрозов и салдатъ каетанами и рубашками снабдить.

Каторжныхъ невольниковъ, также взимѣ платъемъ снабдитьже.

аі (12).

Зѣло годно два саси и два малые брандеры переменить, для того что они ктому неудобны, авихъ мѣсто взять четыре малые шнавы которые дѣлалъ ульянъ синявинъ, токмо ежели оные ввоинское время неупотребляемы будутъ, а вовремя мировое, они туж суды попрежнему, иубытку больше нѣтъ, кромѣ того что зажигательные вещи перегрузить. Паки вовсѣхъ случаяхъ мочно на нихъ надѣятся. Сію статью надлежитъ существенно разсудить, понеже великая прибыль, егда вбоевомъ времени брандеръ хороше напарусахъ бѣжитъ.

гі (13).

Чтоб аоицеромъ посостояніі чиновъ ихъ дать камиси, или наказы, а когда вотсылку, или накараулъ посылать такъже писменные указы инструкціі давать, какъ имъ себя вовсѣхъ порядкахъ управлять, а воокончаніі тѣхъ наказовъ писать, какъ доброму и искусному морского и салдатцкаго дѣла аоицеру.

Таже исие зѣло надлежитъ, також и вовсей Европиі обыкновенно какова ниского чина ниесть аѳицеръ вовсякихъ командахъ писменного указу инструкциі просит, а будетъ ему запрещено, то мочно ему службу свою здать.

Доброй указъ и інструкция даетъ аѳицеру мужество и упокойность въ ево вчинаніяхъ. Но паче егда оной наказъ написанъ существенно, чтоб могли оные аѳицеры разумѣя по тому управлятца, а егда кто такой аѳицеръ учинитъ тому вупоръ, мочно его привлещи квоинскому суду, онойже бы а аѳицеръ могъ себя тѣмъ наказомъ уличить, для чего такое чинилъ.

Прямословные наказы чинятъ краткое размышление иникакой вражды, токмо все чинить посостоянію дѣлъ и случаевъ.

дї (14).

Посе число при ѳлотѣ его царского величества прямого порядку въ поздравленияхъ скараблей згалеръ и смелкихъ судовъ збатарей и скрѣпостей неучинено, токмо ежели бы учреждено было, зѣлоб было порядочнѣе и прибыльнѣе пороху.

Ванглиі при королѣ кареле, сего званія второй, також и при якобусе, того имени вторый, отнюдь ѳлагманы никакихъ костеловъ не поздравляли, токмо при вилиме того имяни третей, дѣялось, что вицеадмиралъ аглинской откостеловъ поздравленъ былъ, токмо не поучрежденію и не завсегда.

Прибольшихъ ималыхъ ѳлотахъ вышней ѳлагъ сприѣзду компаниі поздравленъ бываетъ, когда воѳлотъ придетъ отфлагмановъ починамъ ихъ. Токмо несовсѣхъ партикулярныхъ караблей.

Такъже оное чинятъ когда ѳлагманы по окончаніи компаніи исѳлота пойдут оттого кто старшиі и команду имѣющій при ѳлотѣ.

Всѣ карабли, которые изѳлота отсылаются накараулы, или на крейсования, для килевания, или выные какия отсылки отнюдь не стрѣляютъ ни ѳлага нероспущаютъ, развѣ когда начальнѣйшій ѳлагманъ и весь ѳлотъ ѳлаги роспуститъ, втакое время когда изѳлота пойдутъ, или придутъ, то имъ чинить также какъ вболшемъ ѳлот.

Сей маниръ у ѳранцуженъ, датченъ, галанцовъ, також чинимой.

Португизы, ишпанцы, порядку впоздравленияхъ недержатъ, также и шведы сколько писателю сего извѣстно. Кромѣ того всегда четкою стреляютъ по четыре выстрела для шаутбейнахта восемь, для генералъ маеора по шестнатцати, а для полного генерала по лв(32) выстрѣла, то ихъ вышшее поздравление, токмо по четыре выстрѣла вдругъ.

А потомъ королевское ихъ поздравленіе два поима кругъ всей крѣпости исовсего ѳлота.

Вовседневной записке внынѣшнихъ трехъ прошедшихъ компаніяхъ являетъ, когда поздравленіі какие чинены, зѣло непорядочно, но паче у галеръ, такъ что при сей послѣдней компаніи шаутбейнахтъ боцисъ, кромѣ залѳъ при нарвѣ, шлюсенбурха и кромѣ пріѣзду ѳлота галеры и брегантины присанктъ питербурхе четырнадцать поймовъ палили, оноеб могли четырьмя поймы исполнить.

Егда власть имѣющие отѳлота или эшквадръ непорядочно без учреждения обходитца, то инижние ихъ послѣдуютъ, такожъ зѣло не требно такие убытки чинить, поднесь ѳлагманъ особый карабль провиантъ шипъ, вподравленіяхъ скрѣпостей равными выстрѣлы отвѣтствуютъ, потомъ знатно, что меж ѳлагманомъ и капитаномъ порутчикомъ боцманомъ, или матрозамъ, который ботъ владѣетъ и басомъ или ѳалканеты безразности поздравляютъ.

Впротчихъ государствахъ ѳлагманы всегда воотвѣтство поздравляемы равными выстрѣлы.

Капитану поздравление два выстрела, поручику или комендѐру на брандере поздравление четыре выстрѣла, или меньше: се есть обыкновение прикастелехъ вморѣ.

ѥї (15).

Вовсѣхъ государствахъ обыкновенно, егда карабль съ караблемъ вморе встретятся, а наказу или камисиі своего обявить неможетъ, такого комендера безъ всякаго прекословія беруть и приводятъ изадобычу употребляютъ, развѣ оные квоинскому случаю, или для капера опредѣлены быть, токмо такихъ обрасцовъ много, паче того въ прошломъ ѧхпѳ (1689) году самъ судно взялъ и за добычу раздуванилъ.

Сего ради надлежитъ всѣмъ ѳицеромъ дать потенты впротчихъ государствахъ оные потенты рукою того державца, а во ѳлотѣ егда наумершаго мѣсто случится подписываетъ кто главнѣйшую команду имѣетъ.

Сверхъ того зѣло надобно чтобъ большие и малые указы и инструкціі всегда отглавнѣйшаго ѳлага или президента адмиралтейского былъ подписанъ. Понеже ѳицеръ неповиненъ дьячьяго, или подьяческаго указу слушать, развѣ оное такимъ опредѣлениемъ учреждено будетъ.

ѕї (16).

Что доведетца экипажи подновить при ввоженіи ѳлота предбудущаго октября мѣсяца, ссылаюсь на поданные мемориалы августа кї

(12) и сентября и (8) ҂аѯз (1707), вкоторыхъ многия статьи отомъ значатъ, которые надлежитъ первѣннѣйше всовершение привесть.

ѯї (17).

Такъ же надлежитъ молодыхъ рускихъ штюрманов, констапелей, квартермистровъ, матрозовъ и салдатъ морского служения всегда всносной работе держать каждого вьего науке чрезъ оное тѣ люди будутъ бодры и веселы и ковсякому дѣлу угодны також и отвсякаго зла откражи отдержаны, которое молодые люди могут скоро учинить.

Такожъ надлежитъ имъ слушать аѳицеровъ своихъ, чтоб помѣре ихъ работали таже и упокой себѣ брали когда надлежитъ понеже имъ здоровѣя будетъ.

Присемъ поданую воинскую табель зѣло надобно кпредбудущему году, понеже повсѣмъ признакамъ значитъ, что король шведской дѣла воинские морские инакъ переиначетъ и подлинную резолюцию или намѣрение учинитъ, чтоб мочью на морскую силу царскаго Величества наступить, кооному надлежалоб изазова исворонежа сюда иноземцевъ взять, дабы поданной табели дополнить.

Отнюд немочно больше мѣры опасения имѣть, какъ мы чаемъ, токмо егда влутчемъ надѣяниі, тогда бываетъ больший страхъ.

Всегда вобостроживаниі быть зѣло добро.

Прежде сего подавано чтоб больницу у адмиралтейства иуѳлота зѣло надобно, при которыхъ аптекарь и лѣкарь могутъ быть опекунами, такъ же притомъ и протчіе надобные надсмотрщики кбольнымъ и раненым.

ѳї (19) (sic).

Токмо при учреждениихъ мочноб капитана луку Демьянова или иного кого удобно въ эквипажи мейстры надъ галеры и брегантины учредить, оной бы могъ, также и капитанскую службу свою исправлять, да емужъ бы дать искусного порутчика ему вспоможение, а над артилерию поручика Георги здвумя добрыми настапели.

Сему зѣло надобно быть понеже галеръ и брегантеръ купно число ихъ немалое, и лутче когда одни аѳицеры ктому определены и надъ тѣмъ бы призрѣние имѣли, а когда что надобно, или что учинитъ, то мочно натомъ спросить оной мыситъ втомъ отвечать.

Къ экипажи и артилериі, також и ѳортификациі надлежатъ добрые надзорщики бестого многая казна пойдетъ вотще.

Такожъ ненадлежитъ каменданту быть вкрѣпости, развѣ искусной салдатъ и добрый инженѣръ притомъ же.

Такъ какъ школа штюрманская изволеніемъ царскаго величества учреждена втойже бы школѣ мочно нѣкоторыхъ молодцовъ инжинѣрскому искуству понаучить, или навигацію и фортификацію, также и артилерію купно учить, потому что морскому служителю оное зѣло пристойно. Наипаче вздѣшнем государстве токмо когда оное дѣло всовершение приведено будетъ, потомъ и остаточное будетъ послѣдовать, понеже отхудожества и отнауки раждается у юности трезвость и мужество, такъ же могутъ вовсѣхъ вопросехъ отвѣтствие чинить.

к (20).

Посе число еще все чинено, что олаги зимою попраздникам и воскреснымъ днямъ всегда распущались, токмо нынѣ извѣстно, что суды приплаживаются, а гавань становитца тѣсней, такъ что суды зѣло тѣсно стоятъ, оные олаги отмалаго вѣтру дерутца, мочнобы оное успорить, когда развѣ царскаго величества бытность, а бестого нероспущать.

При окончаніи сего, желаетъ писатель сего устроеніе экипажи, но на новый карабль артилерию, також и о чемъ преж сего писма подавалъ, которое надлежитъ чинить, чтоб оное заранье исполнить, для того здѣланое всегда упокоиство даетъ.

Ежели его Царское величество изволитъ впредбудущей компаніі какие экипажи вздѣшнему морю, то хочетъ написатель сего тѣмъ материалиямъ написать инструкціі.

№ II.

Важнымъ декументамъ для очерка дѣйствія въ бою артиллеріи служитъ нижеслѣдующее „Наставленіе....“ препровожденное графу Тотлебену при ордерѣ графа П. С. Салтыкова, отъ 31 іюля 1760 года изъ д. Купценъ-дорфъ. Ордеръ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ.*)

Ордеръ г-пу генералъ-маіору и кавалеру графу Тотлебену.

Съ представленнаго ко мнѣ при рапортѣ артиллерій отъ ..... Глѣбова, даннаго имъ, всходствіе нынѣшняго плана ордера де-баталіи, полевой артиллеріи и фузелерныхъ полковъ штабъ-оберъ-офицерамъ и прочимъ чинамъ наставленія, какимъ образомъ во время сраженія съ непріятелемъ каждому исполнять свою должность, при семъ вашешему сіятельству для вѣдома пріобщаю копію. Г. Петръ Салтыковъ.

*) М. О. Ар. Г. Ш, Опись 201. Св. 9. Дѣла графа Тотлебена.

Наставленіе.

Данное полевой артиллеріи и фузелерныхъ полковъ штабъ и оберъ-офицерамъ и прочимъ чинамъ, командующимъ бригадами, въ полкахъ опредѣленными артиллерійскими орудіями, что до кого принадлежитъ.

1. По нынѣшнему плану ордеръ-де-баталіи назначено въ передней линіи быть тремъ большимъ батареямъ, состоящимъ изъ 1, 2 и 4, во второй двумъ—изъ третей, при корволанѣ—двумъ изъ пятой бригадъ, въ резервѣ—одной изъ орудій, собранныхъ изъ помянутыхъ бригадъ. И потому всѣмъ вышеуказаннымъ чинамъ рекомендуются во время сраженія съ непріятелемъ исполнять нижеслѣдующее.

2. Въ передней линіи стоящимъ батареямъ, по приближеніи непріятеля на 750 саженъ, зачинать стрѣлять изъ большихъ орудій и съ двукартуальныхъ, картуальныхъ и съ полукартуальныхъ единороговъ и шуваловскихъ новаго рода гаубицъ—бомбами; изъ двѣнадцати фунтовыхъ пушекъ—ядрамъ, элевируя орудія до десяти градусовъ, прицѣливаясь акуратно, а паче стараться производить пальбу на непріятельскую артиллерію, а по ящикамъ непріятельскимъ стрѣлять бранкуглями, дабы ихъ зажечь возможно было. Изъ четверть же картуальныхъ, а въ полкахъ изъ осьми фунтовыхъ единороговъ, изъ трехъ фунтовыхъ пушекъ—начинать производить пальбу, по приближеніи непріятеля 400 саженяхъ, гранатами и ядрами, элевируя потому жъ до 10 градусовъ. При томъ же напоминается, чтобъ винты у орудій всегда были смазаны, чтобъ при подниманіи и опусканіи помѣшательства не сдѣлалось.

3. Сколь ближе будетъ непріятель къ нашимъ батареямъ, столь держать орудія ближе къ горизонту, а паче, какъ выше значитъ, на ихъ артиллерію, дабы оную приводить въ безсилье и ломать ея лафеты.

4. По приближеніи непріятеля въ дистанцію 250 саженъ начинать стрѣлять изъ двукартуальныхъ и картуальныхъ единороговъ и шуваловскихъ гаубицъ ядерными картечами и дѣйствовать оными до 150 саженъ; а со ста пятидесяти саженъ начинать изъ вышеозначенныхъ единороговъ, также шуваловскихъ гаубицъ, великопульными свинцовыми картечами до приближенія непріятеля до 100 саженъ; а изъ прочихъ орудій вышеозначенныхъ дистанцій стрѣлять: бомбами, ядрами и гранатами, а по приближеніи во ста саженъ начинать дѣйствовать изъ шуваловскихъ гаубицъ четырехъ лотовыми картечами и съ двукартуальныхъ, картуальныхъ, полу и четверть картуальныхъ единороговъ

и съ двѣнадцати фунтовыхъ пушекъ—изо всѣхъ дѣйствовать картечами, а изъ осьми фунтовыхъ единороговъ изъ трехъ фунтовыхъ пушекъ начинать картечами стрѣлять въ 70 саженъ.

5. При каждомъ орудіи, какъ артиллерійскихъ служителей для дѣйствія, такъ и фузелерныхъ полковъ для надвиганія, обращенія и отвозу,—имѣть столько сколько необходимо потребно, а прочихъ поставить сколько можно въ закрытіи, въ резервѣ, для наполненія упалыхъ мѣстъ съ потребнымъ числомъ офицеровъ, токмо безъ всякого излишества, и онымъ тотчасъ какъ потребуется упалыя мѣста заступать.

6. Хотя бъ нужда или необходимый резонъ былъ отступить, то ретировалися съ произвожденіемъ, какъ изъ артиллерій, такъ и фузелерныхъ командъ излишнимъ отъ орудій и со оружейною пальбою отступно ко второй линіи, наблюдая чтобъ второй линіи батареямъ не сдѣлать въ ихъ произвожденіи стрѣльбы помѣшательства и незаслонить ихъ.

7. Когда же пѣхота и конница наша учинитъ нападеніе на непріятеля и съ нимъ смѣшается, то артиллерія отъ картечной стрѣльбы должна удержаться, дабы не повредить своимъ; *а вмѣсто того дѣйствовать бомбами черезъ нихъ дабы вредить непріятельскій секурсъ**) и тѣмъ страхомъ ихъ до соединенія недопущать, а паче съ батарей кои вкось могутъ дѣйствовать, охраняя своихъ.

8. Второй линіи двумъ батареямъ должно, если положеніе мѣста допуститъ, сколько можно, избирать хотя малыя вышины, дабы можно чрезъ свой передній фронтъ дѣйствовать рикошетными выстрѣлами, и тѣмъ какъ артиллерію непріятельскую разорять, такъ и войска ихъ вредить, крайне при томъ остерегаться, и имѣя орудія на такую элеваціо, чтобъ своей первой линіи не нанесть вреда; а при томъ примѣчать и ихъ кавалерію и всячески стараться не допущать впадать въ наши линіи; а картечами той второй линіи батареямъ отнюдь не стрѣлять есть ли видятъ предъ собою своихъ людей, но и всячески стараться ядерными и бомбовыми зарядами своихъ оборонять, а непріятеля истреблять. Напротиву жъ того, не предусмотря въ выстрѣлѣ пользы, напусто не стрѣлять, а наводить на тѣ мѣста гдѣ надежно вредъ сдѣлать можно. При томъ же взирать каждому на свой флангъ дабы между линіей непріятельская кавалерія или пѣхота съ боковъ войти не могла, въ которомъ случаѣ встрѣчать ихъ такими зарядами, коибъ имъ были во вредъ, а своимъ безвредны и оборонительны.

---

*) Курсивъ нашъ.

9. Резервная батарея должна сколько можно стать посрединѣ арміи, межъ первой и второй линіи, на высотѣ, если оная случится, и быть въ готовности по первому повелѣнію слѣдовать со всякимъ поспѣшеніемъ къ тому мѣсту, гдѣ нужда подкрѣпленія требовать будетъ. А между тѣмъ также производить пальбу по непріятелю чрезъ свой фронтъ рикошетными выстрѣлами, какъ описана о батареяхъ второй линіи.

10. Стоящимъ во второй линіи батареямъ, партіямъ и полковой артиллеріи сверхъ того, что предписано дѣйствовать рикошетно и черезъ первую линію, остерегаться непріятельскаго нападенія между линіями и во фланги, и быть готовыми въ помощь первой линіи, когда того нужда востребуетъ.

11. Ящиковъ картузныхъ съ заряды при каждомъ орудіи имѣть по одному въ разстояніи отъ орудія 30 шаговъ, а прочіе ящики отъ передней держаться въ 50 шагахъ. Для вынимания жъ зарядовъ къ тѣмъ переднимъ ящикамъ опредѣлить къ каждому изъ бомбардировъ и канонировъ довольно знающихъ тѣ заряды, дабы они по приказамъ и требованіямъ безъ помѣшательства оные вынимались и сверхъ того одного или двухъ унтеръ-офицеровъ.

12. Какъ шталмейстеру, такъ и прочимъ фурштатскимъ начальникамъ, кои тамъ поставлены будутъ, артиллерійскія бригады въ ордеръ де-баталій по мѣстамъ, то того жъ часа при тѣхъ орудіяхъ остаться тамъ, только лошадямъ и служителямъ при офицерахъ, кои къ подвозамъ слѣдуетъ, а прочихъ соблюдать, въ такихъ мѣстахъ коихъ отъ бомбъ, ядеръ и пуль непріятельскихъ были свободны. Когда жъ близъ батарей такихъ удобныхъ мѣстъ не будетъ, то съ передками ихъ отводить далѣе ко второй линіи и тамо, или гдѣ найдутся долины и закрытіе, быть тамъ къ востребованію во всякой готовности, съ такимъ распорядкомъ, когда востребуется, чтобъ каждая команда къ своимъ орудіямъ слѣдовала—съ поспѣшеніемъ безъ всякой ошибки и конфузіи.

13. О паркѣ артиллерійскомъ если оной во время баталіи съ непріятелемъ будетъ при арміи, какъ то на планѣ ордера де-баталіи показано, за третьею линіею, будущему при немъ артиллерійскому штабъ-офицеру или капитану, кто главнымъ будетъ, подтверждается—оной ставить порядочно, укрѣпляя вагенбургомъ изъ понтонныхъ и мелочныхъ повозокъ. А посреди линій или по угламъ, какъ того тогдашнее положеніе потребуетъ, поставить находящіеся тамъ четыре единорога. При томъ наблюдать, чтобъ порохъ разставленъ былъ порознь въ безопасныя мѣста, дабы отъ оного внутри парка своимъ ущерба послѣдовать не могло. Будущимъ же въ томъ паркѣ

не только артиллерійскихъ фузелерныхъ и фурштатскихъ служителей, но ниже офицерамъ артиллерійскаго вѣдомства, деньщикамъ и всякаго званія людей, во время баталіи и по окончаніи оной, отнюдь никого не выпускать, а разставить ихъ за первыми повозками: регулярныхъ съ ихъ ружьями, а нестроевыхъ и неслужащихъ вооружа— косами, топорами и прочимъ холоднымъ оружіемъ, и опредѣлить къ нимъ, будущихъ тогда въ командѣ своей, офицеровъ по диспозиціямъ. При ономъ же, сколько время допуститъ, стараться въ нужныхъ мѣстахъ и рвы около парка подѣлать, и во всѣхъ вышеизображенныхъ способахъ заблаговременно учинить распорядокъ и показать всякой повозки и людямъ мѣста. Когда же требованы будутъ отъ бригадъ какихъ калибровъ съ зарядами ящики, то накрѣпко того наблюдать, чтобъ самыхъ тѣхъ бригадъ и тѣхъ калибровъ, какихъ будутъ требованы, ящики съ зарядами отпускаемы были и безъ всякаго замѣшательства.

14. Всѣмъ артиллерійскимъ и фузелернымъ штабъ- и оберъ-офицерамъ, какъ бригадами, такъ и въ дивизіяхъ командующимъ, рекомендуется дабы всякій дѣло свое на предписанномъ основаніи исполнялъ съ наиприлежнымъ попеченіемъ, такъ какъ всякаго долгъ и къ службѣ Ея Императорскаго Величества присяга обязываетъ, *и единодушно стараться есть ли гдѣ какое мѣсто ослабѣетъ и требовать будетъ на упалыя мѣста людей или чего иного для помощи изъ другихъ мѣстъ, то онымъ по крайней возможности помогать того жъ часа безъ всякаго медленія* *), подъ опасеніемъ за всякое преступленіе должнаго истязанія, за добрые жъ и храбрые поступки и рачительное исполненіе своей должности надѣется Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости.

У подлиннаго подписалъ такъ: артиллеріи генералъ-поручикъ Иванъ Глѣбовъ.

Свидѣтельствовалъ съ подлиннымъ.....Моисей (?).

№ III. **)

Высокородный и превосходительный господинъ генералъ-маіоръ

Государь мой.

Его Высокографское сіятельство господинъ генералъ аншефъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Вилимъ Вилимовичъ Ферморъ ордеромъ ко мнѣ предложить изволилъ: какова де подана къ его высокографско-

*) Курсивъ нашъ

**) М. От. Архива Главнаго Штаба опись 201, св. 13.

му сіятельству артиллеріи отъ господина генералъ-лейтенанта Бороздина вѣдомость, коя высокографскимъ сіятельствомъ и апробована, сколько полевой артиллеріи во время сраженія, по плану ордеръ-де-баталіи, при которой линіи всего на шести батареяхъ быть положено, какихъ орудій. Со оной вѣдомости токовая жь точная копія ко мнѣ прислана, дабы, вѣдая напередъ о семъ, учиненномъ распредѣленіи, могъ я, когда будетъ требоваться, какія орудія вѣдомства моего изъ авангарднаго корпуса къ постановленію на батареи безпрепятственно отдавать или имъ кого изъ другой дивизіи, изъ авангарда, изъ Формированнаго корпуса на батареи вѣдомства моего къ корпусу отдадутся—оныя принимать, и въ семъ чинимомъ распоряженіи никакого помѣшательства и перемѣны не учинить; ибо изъ тѣхъ-же, назначенныхъ по вѣдомости орудіевъ же, нѣкоторыя опредѣлены отъ его высокографскаго сіятельства оставить при Познани для прикрытія магазиновъ, и слѣдовательно потому, противъ нынѣшняго состоянія, изъ одного въ другое мѣсто, прибавки и убавки быть надобно. Того ради ваше превосходительство благоволите объ ономъ быть извѣстны. А съ показанной вѣдомости копія при семъ прилагается.

Вашего превосходительства, государя моего, покорный слуга Яковъ Мордвиновъ.

16 іюня, 1759 года; лагерь при Познани. Его прев. Тотлебену.

№ IV.

На 6 батарей, въ тоъ числѣ на передъ три; а именно.	На 1-ю, то-есть праваго фланга.	На 2-ю, то-есть лѣваго фланга.	На 3-ю, то-есть на среднюю.	2 линіи на первую.	2 линіи на вторую.	На заднюю.
Мортиры	—	—	1	1	1	—
Гаубицъ Шуваловскихъ	3	3	3	2	2	1
Дву-картуальный единорогъ.	1	1	—	—	—	—
Картуальныхъ.....	2	2	3	1	1	1
Полукартуальныхъ. ...	2	2	2	2	2	2
8-ми фунтовыхъ.....	3	3	1	—	—	—
Гаубицъ одного пуда..	1	1	—	1	1	—
Двупудовыя гаубицы...	—	—	—	2	2	1
Пушекъ.						
12 фунтовыхъ....	6	6	8	—	—	—
8 фунтовыхъ....	2	2	2	—	—	—
6 фунтовыхъ....	2	2	4	—	—	—
Итого.....	22	22	24	9	9	5

Всего всѣхъ орудіевъ 91.

На подлинной подписано тако: графъ Ферморъ, капитанъ Никифоръ Шишкинъ. Съ подлинной читалъ военной походной канцеляріи писарь Матвѣй Шепелевъ.

1759 года, іюня 15 дня вѣдомость на лицо состоящимъ орудіямъ.	БОМБАРДИРСКАГО КОРПУСА.		ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРІИ.					ПУДЪ.	ГАУБИЦЪ.		ПУШЕКЪ.				
	Шуваловскихъ гаубицъ.	Полукартульныхъ единороговъ.	Двукартульныхъ единороговъ.	Картульныхъ.	Полукартульныхъ.	Четвертькартульныхъ, т.-е. 12 фунт.	8-ми фунтовыхъ.	Мортиръ двупудъ.	Одного пуда.	½ пуда.	12-ти фунт.	8-ми фунт.	6-ти фунт.	3-хъ фунт.	ВСЕГО.
При главной арміи.....	36	9		6	2	3	4	3	4	5	20	6	8	14	120
При Обсерваціонномъ корпусѣ.....	10	5	2	4	10	—	3	—	—	—	—	—	—	—	34
Итого....															154
Изъ того отдѣленныхъ по полкамъ Бомбардирскаго корпуса, кои до батарей не принадлежатъ, при главной арміи	22	9													
Обсерваціоннаго корпуса...	10	5													
Итого....	32	14													
Партій будетъ 16.															
При паркѣ.....	—					3								14	
Да для батарей.....	14	—	2	10	12	—	7	3	4	5	20	6	8	—	91

На подлинной подписано тако: графъ Ферморъ, капитанъ Никифоръ Шишкинъ. Съ подлинной читалъ военной походной канцеляріи писарь Матвѣй Шепелевъ.

№ V.

6 августа 1760 г. при особомъ ордерѣ графа П. С. Салтыкова былъ препровожденъ графу Тотлебену чрезвычайно интересный документъ, гдѣ выясняются обязанности начальниковъ артиллерійскихъ частей, входящихъ въ составъ арміи, дивизій и полковъ.

Армейская команда надъ артиллеріею.

1.

Главная персона армейская повелѣваетъ артиллерійскому генералу все, что до количества артиллеріи и ея снарядовъ принадлежитъ; чего ради и станъ его при гауптъ-квартирѣ назначивается.

2.

Раздѣленіе артиллеріи по дивизіямъ хотя и состоитъ въ волѣ командующаго арміею шефа, однако, которое орудіе къ чѣму и въ какомъ случаѣ потребно, о томъ въ диспозиціи артиллерійскій генералъ участіе имѣетъ, и для того ко всякимъ артиллерійскимъ нарядамъ онъ призывается.

3.

Дивизіонный армейскій генералъ имѣетъ каждый въ своей командѣ опредѣленнаго при полевой артиллеріи начальника съ такимъ предѣломъ, что оной, съ находящеюся при немъ артиллеріею, ни подъ какимъ инымъ повелѣніемъ не состоитъ, какъ подъ

Артиллерійская должность къ послушанію армейскимъ командирамъ.

1.

Артиллерійскій генералъ, имѣя всѣ бригады артиллерійскія въ своемъ вѣдомствѣ, обо всемъ долженъ рапортовать командующей персонѣ арміею, во всемъ ему отвѣтъ давать и всякое повелѣніе его исправить повиненъ.

2.

Онъ, совершенно узнавъ надобность предпріятію, главной персоны долженъ изъяснить: орудія, которыя къ чѣму подлежатъ съ числомъ снарядовъ, людей и лошадей, къ нимъ сходственнымъ командировъ назначиваетъ и командующему арміею доноситъ и всячески по повелѣнію его исполняетъ.

3.

Тотъ артиллерійскій начальникъ рапортуетъ дивизіоннаго командира: о числѣ артиллеріи, ея снарядахъ, людей, лошадяхъ и о принадлежащихъ къ нимъ повозкахъ; о прочихъ же недостаткахъ и важныхъ приключеніяхъ долженъ онъ представлять и о всемъ же рапор-

главною персоною той дивизіи; въ распорядкахъ же, яко то, въ произвожденіи чиновъ, въ важныя наказанія артиллеристовъ, безъ сношенія съ главнымъ артиллерійскимъ генераломъ единственно мѣшаться не долженъ, но содержать такъ, какъ на время подручную команду.

товать своему артиллерійскому командиру, который, усмотря надобности, безъ замедленія удовольствіе долженъ дѣлать, а безъ крайней необходимой нужды дивизіонныхъ командировъ не утруждать. Станъ же свой имѣть при означенной дивизіонной персонѣ, такъ какъ артиллерійскій генералъ при главнокомандующемъ арміею.

4.

Если дивизіонный командиръ имѣть будетъ надобность находящуюся при немъ артиллерію раздѣлить на сколько либо частей, то не уповательно, чтобъ было учинено то безъ воли главнокомандующаго арміею; въ которомъ случаѣ, тотъ же часъ, должно знать и командующему всей артиллеріей. Сіе разумѣется когда вмѣстѣ вся армія находится, а въ отсутствіе диспозиція генерала дивизіоннаго такъ сильна, какъ о главнокомандующимъ арміею и артиллеріею показано.

4.

Объ ономъ предпріятіи долженъ знать главный артиллерійскій дивизіонный начальникъ, почему онъ приказъ того генерала исполнять долженъ, а тотчасъ рапортовать къ своему артиллерійскому генералу.

Хотя жъ и въ отсутствіи будучи какое-либо особое распоряженіе учинится, то исполняя тотчасъ оное повелѣніе съ дозволенія командующаго дивизіею съ удобною оказіею къ артиллерійскому генералу рапортовать тотъ артиллерійскій командиръ долженъ.

5.

Во отдаленіи отъ главной артиллерійской команды въ недостаткѣ иногда лошадей, мастеровыхъ матеріаловъ и денегъ помогали артиллеріи дивизіонные командиры на счетъ артиллерійской, а мастеровыхъ и съ полковъ за заплату работныхъ денегъ. А покупка лошадей иногда и безъ отписки къ главному артиллерій-

5.

Всякой артиллеріи дивизіонный начальникъ отъ главной артиллеріи долженъ удовольствованъ быть особыми деньгами, матеріалами и лошадьми въ запасъ, а въ недостаткѣ иногда онымъ, будучи въ отдаленіи, требуютъ помощи отъ своего дивизіоннаго командира; сколько же чего заимно получено будетъ отъ главной своей команды, при оказіи, немед-

ленскому генералитету чинится можетъ; токмо когда армія вся вмѣстѣ стоитъ, тогда на упалыя мѣста лошади натурою получаются изъ артиллерійскаго парка.

но требовать, откуда всячески старается артиллерійскій командиръ въ ту дивизію доставить.

6.

Фуражированіе, провіантъ, контрибуціонныя и всякія награжденія долженъ артиллерійскій не особо, но съ прочими генерально и тѣхъ дивизій армейскими служителями довольствованъ быть.

Ежели раздѣлена дивизіонная полевая артиллерія па бригады той дивизіи будетъ, то имѣетъ всякій бригадъ командиръ обходится такъ, какъ о дивизіонномъ порядкѣ предписано.

6.

Артиллеріи дивизіонный начальникъ всего того долженъ наблюдать и о томъ стараться у дивизіоннаго генерала, чтобъ артиллерійскіе служители и лошади равное довольствіе имѣли, такъ какъ армейскіе; а что когда получено будетъ—къ главной своей командѣ рапортовать.

Тожъ артиллерійскіе бригадные командиры чинятъ, какъ показано о дивизіонныхъ артиллерійскихъ начальникахъ, и такимъ образомъ обязанъ къ своему бригадному и той дивизіи артиллерійскому начальнику, какъ имъ дивизіонные,—главному артиллерійскому генералу.

7.

Бомбардирскій корпусъ раздѣленъ по всѣмъ армейскимъ полкамъ, то есть въ каждомъ по одной партіи. Оный состоять долженъ въ командѣ той одной персонѣ, которая командуетъ полкомъ, коему тако жъ способъ чинить, какъ отъ полевой артиллеріи дивизіоннымъ и бригаднымъ командирамъ предписано; а при томъ за наилучшее порядокъ признавается — тому жъ бомбардирскому офицеру

7.

Бомбардирскому офицеру о состояніи его партіи людей, лошадей и о числѣ снарядовъ (не объявляя тѣхъ снарядовъ на лицо) рапортовать командующему полкомъ, и ни въ чьемъ повелѣніи кромѣ онаго не находиться. О содержаніи людей провіантомъ и прочихъ лошадей фуражемъ—требовать равнаго содержанія съ полковыми служителями и лошадьми.

Ему наблюдать и надъ полко-

препоручена была и полковая артиллерія.

вою артиллеріею и буде что усмотритъ недовольное о томъ полковой командиръ и къ главной артиллерійской командѣ рапортовать безъ упущенія.

Во учрежденіи ордеръ-де-баталіи и при постановленіи въ лагерь арміи каждый артиллеристъ при своемъ корпусѣ или полку стараться долженъ о избраніи полезныхъ мѣстъ подъ артиллерію, дабы оная всячески могла дефендировать свой корпусъ, при которомъ она опредѣлена, въ чемъ зависитъ достовѣрнѣйшій способъ въ артиллеристѣ; чего ради и представленіевъ ихъ временнымъ начальникамъ о мѣстахъ, безъ довольнаго разсужденія, не слѣдуетъ. А понеже армейскій артиллеріи генералъ всегда тѣ разстановленія осматриваетъ, такъ и всякой дивизіи артиллерійскіе начальники сами при тѣхъ разстановленіяхъ бываютъ, то подчиненные артиллеристы своимъ начальникамъ о вышепомянутыхъ къ командирамъ ихъ представленіяхъ могутъ доносить, которые, усмотря простойкость, постановлять имѣютъ артиллерію по своему лучшему изобрѣтенію.

Въ заключеніе.

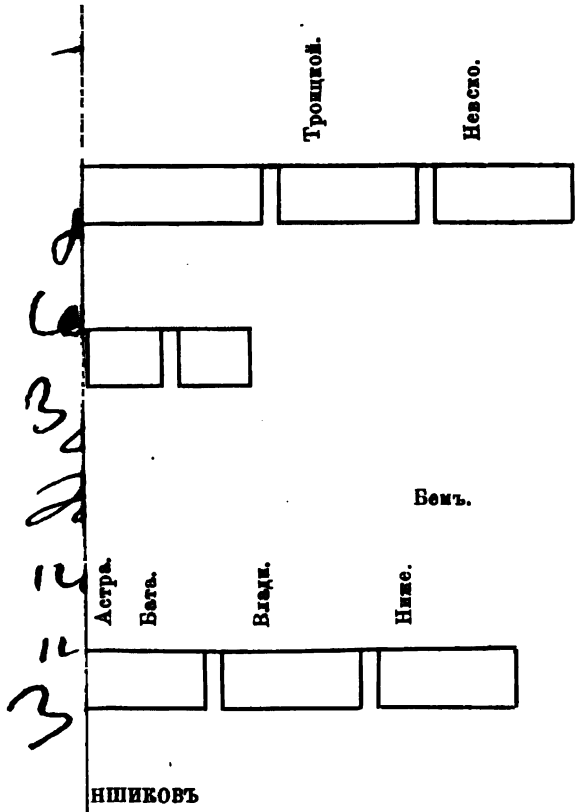
Когда главный командиръ надъ армейскою артиллеріею разсудитъ всякаго чина изъ-подъ командныхъ своихъ отъ дивизіи въ дивизію какихъ-либо ради надобностей перевесть и перемѣнить, то остается на его разсмотрѣніе, въ чемъ дивизіонные и бригадные командиры прекословить не должны, а по исполненіи, для одного только вѣдома, артиллерійскій генералъ къ главнокомандующему арміею имѣетъ рапортовать.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
3	20 снизу	всею	всего
4	1 „	прінкать	прінскать
8	3 сверху	инежелибъ	инежелалиб
—	5 „	несозжет	несозжет
—	9 сниву	рн(150)	рн(150)
11	12 „	и за добычу	и за добычу
13	— „	Важнымъ декументомъ	Важнымъ документомъ
—	11 „	„Наставленіе.....	„Наставленіе“....,
14	2 „	игъ	изъ

Примѣчаніе. На страницахъ 15, 24, 26, 27, 28, 29 (ошибочно означенной XXI) предисловія во всѣхъ случаяхъ ссылку на документъ № III слѣдуетъ замѣнить —№ II.

Кн. Даромштадъ



НШИКОВЪ

СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ КАВКАЗОМЪ.

Матеріалы, извлеченные изъ

МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ

Серіѣемъ Ал. Бѣлокуровымъ.

ВЫПУСКЪ 1-Й

1578—1613 гг.

Кавказъ издавна знакомъ былъ русскимъ. Какъ извѣстно древніе русскіе люди вели обширную торговлю съ азіатскими народами. Въ столицѣ Хозарскаго царства (V—IX вв.), которое простиралось до Кавказскаго хребта и въ которомъ славяне составляли весьма значительную часть населенія, находились, по словамъ Ибнъ-Фадлана, цѣлыя слободы русскихъ купцевъ. Русскіе плавали и по самому Каспійскому морю и не только съ торговыми цѣлями, но и для грабежа. Арабскіе писатели сообщаютъ намъ свѣдѣнія о нѣсколькихъ такихъ грабительскихъ походахъ русскихъ какъ на южные и юговосточные берега Каспійскаго моря, такъ и на западные. При своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ азіатскими народами и во время походовъ на берега Каспійскаго моря русскіе несомнѣнно должны были познакомиться и съ народами, населявшими Кавказъ [1]).—Но болѣе тѣсныя сношенія съ ними русскіе завязываютъ со времени основанія Тмутараканскаго княжества. Войны Олега и особенно Святослава съ Хозарами и походы русскихъ дружинъ, разрушивъ Хозарское царство, раздвинули пре-

---

[1]) Дорнъ Б. Каспій. О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ. Спб. 1875 г.—Срезневскій И. Слѣды давняго знакомства русскихъ съ южною Азіей. IX-й вѣкъ—въ „Вѣстникѣ Императ. Русскаго Географич. Общества ч. X, стр. 49—68.—Карамзинъ Н. Исторія Россійскаго Государства. Изд. Эйнерлинга. Спб. 1842 г. т. I, с. 96. Соловьевъ С. М. Исторія Россіи. М. 1851 г. т. I, стр. 118—119.—Русскимъ отдаленнаго сѣвера—новгородцамъ (въ XII в.) было также извѣстно Каспійское море. Въ былинѣ о Василіи Буслаевичѣ новоторжанинъ Костя хвалится, что къ нему идутъ 3 корабля съ самоцвѣтными каменьями съ Хвалынскаго моря, подъ какимъ именемъ извѣстно было нѣкогда Каспійское море. Бѣляевъ И. Д. О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи—въ VI томѣ „Записокъ Импер. Русск. Географ. общества“—с. 39—40.

дѣлы русскаго государства до Кавказскихъ горъ, у подошвы которыхъ съ X вѣка образовалось русское владѣніе — Тмутаракань въ сосѣдствѣ съ Ясами-(Осетинами), Касогами-(Черкесами) и Обезами-(Абхазцами и др.), которыхъ русскіе побѣждаютъ и заставляютъ платить дань. Такъ еще про вел. князя Святослава лѣтопись говоритъ, что онъ, въ 965 г. побѣдивъ Хозаръ и взявъ городъ ихъ Бѣлу-Вежю, вмѣстѣ съ тѣмъ „и Ясы побѣди и Касогы, и приведе Кыеву“ [2]). Подъ 1022 годомъ читаемъ въ лѣтописи о походѣ Мстислава князя Тмутараканскаго противъ Касоговъ и о побѣдѣ его надъ ними, рѣшенной единоборствомъ князей Мстислава и Редеди; „и шедъ въ землю его, Мстиславъ, прибавляетъ лѣтопись, взятъ имѣніе его и жену и дѣти (и) дань възложи на Касаги“ [3]). О платежѣ Касогами дани князю Тмутараканскому (Ростиславу) лѣтопись говоритъ и подъ 1066 г. [4]) На эти же данническія отношенія указываетъ, кажется, и участіе Касоговъ вмѣстѣ съ Хозарами въ походѣ Мстислава на вел. князя Ярослава въ 1023 г. [5]). Въ 1029 г. великій князь Ярославъ „ходи на Ясы, и взятъ ихъ“ [6]). Впрочемъ съ народами Кавказа русскихъ связывали не одни бранные подвиги, но и бранные союзы русскихъ князей, такъ какъ родиной женъ нѣкото-

[2]) Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Археограф. Коммиссіи. Спб. 1888 г. стр. 17—18.—Полное собраніе русскихъ лѣтописей т. IX (Никоновская лѣтопись), с. 31.—Поповъ А. Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи. М. 1869 г. с. 6.—Соловьевъ т. I, с. 130. Объ этомъ единоборствѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе у Черкесовъ. См. о семъ, равно какъ и другія преданія Черкесовъ о войнахъ съ русскими въ „Исторіи Адыхейскаго народа, состав. по преданіямъ кабардинцевъ Шора Бекмурзинъ Ногмовымъ“ — Кавказскій календарь на 1862 годъ.—Въ своихъ преданіяхъ Черкесы приписываютъ себѣ разрушеніе Тмутаракани въ отмщеніе за смерть Редеди (витязя, по ихъ преданіямъ, а не князя, какъ говорятъ наши лѣтописи). См. также Кавказъ 1849 г. № 45 и Москвитянинъ 1850 г. т. II.

[3]) П. С. Р. Л. т. IX, с. 78.—Карамзинъ т. II, с. 11. Соловьевъ т. I, с. 198—199.

[4]) П. С. Р. Л. т. IX, с. 93.—Новгородская лѣтопись по Синод. списку с. 96. Карамзинъ т. II, с. 42.

рыхъ изъ нихъ былъ Кавказъ. Такъ сынъ Владимира Мономаха Ярополкъ, посланный въ 1116 году отцемъ на Половецкую землю, привелъ съ собою „Ясы и жену изяли себѣ Ясыню“ Елену, говоритъ Бутковъ, дѣвицу чрезвычайной красоты, дочь Ясскаго или Стемскаго князя Сварна [7]). Всеволодъ Георгіевичъ братъ Боголюбскаго имѣлъ жену Ясыню Марію, сестра которой была съ 1182 г. за Мстиславомъ, сыномъ Святослава вел. кн. Кіевскаго [8]). Лѣтопись говоритъ также, что Изяславъ Мстиславичъ въ 1154 году женился на царской дочери „изъ Обезъ“, подъ какимъ именемъ разумѣется дочь Грузинскаго царя Димитрія, царствовавшаго между 1125 и 1154 годами [9]). Извѣстно также, что сынъ Андрея Боголюбскаго Юрій (Алексѣй), принужденный удалиться къ половцамъ, былъ мужемъ (1187—1192) Грузинской царицы Тамары (1184—1212); ему было дано предпочтеніе предъ всѣми искателями ея руки потому, какъ замѣчаетъ грузинская лѣтопись, что „онъ принадлежалъ народу, исповѣдывавшему православную вѣру“ [10]). Такимъ

---

[5]) П. С. Р. Л. т. IX, с. 78.

[6]) П. С. Р. Л. т. IX, с. 79.

[7]) П. С. Р. Л. т. IX, с. 150.—Бѣляевъ о географич. свѣдѣніяхъ въ древней Руси—с 77.—Бутковъ II. О бракахъ князей русскихъ съ грузинками и ясынями въ XII вѣкѣ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ 1825 г. т. XIII, кн. 4, стр. 328.

[8]) Бутковъ ibidem с. 328. Онъ же говоритъ, что у Андрея Боголюбскаго по смерти Кучковой была жена ясыня, которая вмѣстѣ съ любимцемъ князя ключникомъ его ясыномъ же Анбаломъ участвовала въ убіеніи своего супруга—ibidem с. 326—327.

[9]) П. С. Р. Л. т. I, с. 146; т. II, с. 73, 74, 302; т. VII, с. 60; т. IX, с. 198.—Бутковъ ibidem с. 317—323.—Бакрадзе Д. З. Рѣчь при открытіи церковнаго древлехранилища въ Тифлисѣ при Сіонскомъ соборѣ 15 іюля 1868 г.—въ журналѣ „Пастырь“ 1868 г. №№ 14—15, с. 8—10.

[10]) Карамзинъ т. III, с. 83—84.—Бакрадзе Д. З. ibidem.—Brosset M. Notice sur le mari russe de Thamar reine de Géorgie—Bull. hist.-phil. t. I, (1844), col. 209—229, № 14—15, émis le 12 septembre 1843.—Его же „свѣдѣніе о грузин. царицѣ Тамарѣ въ древней русской литературѣ“—въ „Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по 1 и 3 отдѣленіямъ“ т. I, в. 4. Спб. 1853 г. стр. 478—490.—Бутковъ ibidem стр. 323—327.—Ерицовъ—въ „Живописной Россіи“ под. ред. П. И. Семенова, т. IX. Кавказъ. Спб.

образомъ за время существованія Тмутараканскаго княжества, точнѣе говоря за X—XII вв., мы имѣемъ цѣлый рядъ несомнѣнныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о тѣсной связи русскихъ съ народами Кавказа.—Но русское Тмутараканское княжество не долго просуществовало. Отдаленность его отъ главной массы славянскаго племени и усиленный наплывъ азіатскихъ кочевниковъ половцевъ были причиной паденія русской власти въ Тмутаракани. Лѣтопись въ послѣдній разъ упоминаетъ о Тмутаракани подъ 1094 годомъ [11]), а изъ XII вѣка дошло до насъ только имя въ поэтическихъ сказаніяхъ „Слова о полку Игоревѣ". Съ паденіемъ власти русскихъ князей въ Тмутаракани исчезаетъ и славянское населеніе на юговосточной окраинѣ. Крайніе слѣды его съ начала XII в. замѣчаются только на Донѣ (Сѣверномъ Донцѣ) и среди господствующаго и преобладающаго инородческаго населенія [12]). А съ исчезновеніемъ славян. населенія начинаютъ мало по малу сокращаться и съ теченіемъ времени почти совсѣмъ прекращаются тѣ тѣсныя сношенія Руси съ Кавказомъ, которыя мы замѣчаемъ ранѣе.

Завоеваніе Руси Монголами, какъ извѣстно, способствовало пріобрѣтенію русскими свѣдѣній объ окрестныхъ народахъ, населявшихъ юго-восточ. страны, въ томъ числѣ и о народахъ Кавказа. Русскіе князья, митрополиты и архіереи во время своихъ обязательныхъ поѣздокъ въ

1883 г. с. 133. Бракъ не долго продолжался. Георгій въ 1192 г. былъ отправленъ въ Константинополь, а въ 1196 году долженъ былъ удалиться совсѣмъ съ Кавказа; Тамара вышла замужъ еще въ 1193 г. за другаго. Въ 1174 г. Юрій былъ на Руси. П. С. Р. Л. т. IX, с. 248.—На сношенія кавказскихъ народовъ съ Русью въ X в. указывается въ статьѣ Х. Френа „Письмена древнихъ руссовъ"—въ Библіотекѣ для чтенія 1836 г., т. XV, отд. 3-е, с. 49—59.

[11]) П. С. Р. Л. т. IX, с. 123.

[12]) Барсовъ Н. П. Очерки русской исторіи. географіи 2-е изд. Варшава 1885 г. с. 12, 16, 28, 77—78, 149—152, 158—159, 167.—Бѣляевъ И. Д. О географич. свѣдѣніяхъ въ древней Россіи въ VI т. „Записокъ Импер. Русск. Географич. Общества" с. 4, 8.

Орду и русскіе, бывавшіе въ ней постоянно по торговлѣ и по другимъ своимъ дѣламъ, по неволѣ должны были знакомиться съ самыми отдаленными странами обширной Монгольской имперіи, въ которыхъ находилась въ данное время Золотая Орда. Въ лѣтнее время Орда, какъ извѣстно, постоянно перекочевывала съ мѣста на мѣсто, странствовала то около Каспійскаго моря, то у Азовскаго, то у Чернаго или въ Закавказьѣ и даже въ Персіи, какъ видно изъ ханскихъ ярлыковъ и друг. памятниковъ [12]). „Размѣнивались путешественниками съ западомъ Европы, съ Цареградомъ, Аѳономъ, Палестиной, съ ханами ордъ Татарскихъ, наши предки, говоритъ И. И. Срезневскій, провожали и встрѣчали странниковъ, ходившихъ и въ земли болѣе отдаленныя... Пути туда послѣ татарскаго погрома открывались для предковъ нашихъ помощію тѣхъ же Татаръ; вольнымъ торговцамъ могли разсказывать о нихъ и плѣнники, которымъ судьба помогала воротиться на родину, и тѣ русскіе, которые ходили въ орды для умилостивленія хановъ. Въ тѣ орды не по одному праву добычи, но и рѣшимостью промышленниковъ свозились сокровища Персіи, Индіи, Китая, и сами ханы издавна прокладывали дороги къ нимъ между прочимъ для торговцевъ и товаровъ. Что и у русскихъ была рѣшимость пользоваться этими дорогами, на это есть свидѣтельства современниковъ. Такъ въ самомъ началѣ XV вѣка (въ 1404 г.) русскихъ, если не пословъ, то хоть торговцевъ, вмѣстѣ съ татарскими, съ ихъ кожами, мѣхами и льняными тканями, видѣли въ Самаркандѣ; а изъ того, что ихъ замѣчали на одно съ торговцами изъ Китая и Индіи, можно догадываться, что ихъ торговля была значительна. Заходя очень далеко на юговостокъ въ (Калькутту, Дели) русскіе товары и торговцы гораздо легче могли заходить въ Шамаху, Тавризъ, Султанію, Тонатъ, Багдадъ... Очень естественно, прибавляетъ

---

[12]) Въ 1319 г. орда стояла „за Терекомъ подъ великими горами подъ Яскими и Черкаскими у града Титякова на р. Сивинцѣ близъ вратъ желѣзныхъ, у болвана мѣднаго, у златыя главы у Темиревы, у богатыревы могилы". П. С. Р. Л. т. X, с. 184.

далѣе И. И. Срезневскій, искать и въ памятникахъ нашей письменности XV вѣка слѣдовъ народнаго знанія странъ и городовъ за-Кавказскаго востока, такихъ названій этихъ странъ и городовъ, которыя перешли въ наши книги не изъ греческихъ книгъ, а отъ народа, каковые слѣды мы находимъ не въ маловажномъ числѣ даже и теперь, когда еще наша старинная литература такъ мало раскрыта" [14]).—Въ Ордѣ и благодаря ей русскіе встрѣчались и съ народами Кавказа. Такъ Плано Карпини, перечисляя племена, покоренныя Монголами, отдѣльныхъ лицъ изъ которыхъ племенъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ онъ видѣлъ въ бытность свою въ 1246 г. при дворѣ Мангу-хана онъ (Карпини) называетъ въ числѣ ихъ и русскихъ и обитателей Кавказа. Лѣтопись сохранила извѣстіе, что русскіе въ походѣ на Ясовъ хана Менгу-Темиръ въ 1278 г. отличились взятіемъ Ясскаго города Дедякова въ нынѣшнемъ Дагестанѣ, благодаря чему были отпущены ханомъ на Русь съ честью и дарами. Въ свою очередь и Кавказскіе народы, которые тоже покорены были Монголами, участвовали въ походахъ Татаръ, въ томъ числѣ и на Русь. „Въ лѣто 6888 Мамай пойде на Русскую землю со всѣми князи и наятъ къ симъ Бесермены и Армены, Орягы и Черкасы, Ясы и Бурдасы"..... [15]).

Но былъ и еще путь, благодаря которому Русскіе могли имѣть свѣдѣнія о Кавказскихъ народахъ и имѣть съ ними сношенія, путь окольный—чрезъ св. Аѳонскую гору. На ней были, какъ извѣстно, монастыри и Русскій и Грузинскій (Иверскій) съ иноками сихъ странъ; съ Аѳонской горой и Русь и Кавказъ (особенно Грузія) имѣли постоянныя сношенія. Русскіе и Кавказцы, путешествовавшіе на Аѳонъ, конечно, здѣсь могли встрѣчаться, знакомиться и такимъ образомъ пріобрѣтать свѣдѣнія другъ о

---

[14]) Срезневскій И. И. Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина въ 1466—1472 гг. Спб. 1857 г.—Никитинъ былъ въ Дербентѣ, Баку, Шемахѣ и Закавказьѣ и въ его хожденіи встрѣчаемъ свѣдѣнія о Кавказѣ.—Бѣляевъ о географич. свѣд. въ древней Руси стр. 213—222.

[15]) П. С. Р. Л. т. X, с. 155.—Карамзинъ т. IV, с. 79—80.—Поповъ А. Изборникъ с. 58, 149.—Бѣляевъ И.—о географ. свѣдѣніяхъ въ древней Руси стр. 55—59.

другѣ. Кромѣ того и сами иноки Русскіе и Грузинцы, живя въ одномъ и томъ же мѣстѣ, знакомились и завязывали сношенія другъ съ другомъ, что подтверждаютъ и документы. „Самое раннее указаніе связи Грузинъ съ Русскими мы, говоритъ Д. З. Бакрадзе, находимъ пока въ грузинскомъ манускриптѣ X и XI в., принадлежащемъ Иверскому монастырю на Аѳонѣ, по каѳоликону въ Иверскомъ монастырѣ Русскіе иноки встрѣчались среди Грузинскихъ иноковъ. Мы видимъ также дружное общеніе между отшельниками Ивера и Русика или Пантелеймонова монастыря; по крайней мѣрѣ по даннымъ русскаго источника при передачѣ въ 1463 г. Русику небольшаго монастыря Кацари, бывшаго въ спорѣ между Греками и Русскими въ качествѣ свидѣтеля является Грузинскій игуменъ Димитрій“. — Изслѣдователь церковныхъ памятниковъ Кавказа прибавляетъ далѣе, что „въ тѣ времена русскіе появлялись конечно въ самой Грузіи, ибо при осмотрѣ мною древнихъ храмовъ ея, я находилъ на стѣнахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ надписи, вырѣзанныя славянскимъ алфавитомъ и имѣю основаніе полагать, что мы найдемъ въ нихъ и относящіеся къ той же эпохѣ фрески работы русскихъ художниковъ“ [16]).

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ русскіе въ XVI ст. имѣли удовлетворительныя географическія свѣдѣнія относительно Кавказа. По совершенно справедливому замѣчанію Е. Е. Замысловскаго должно поставить особой заслугой русскихъ людей то, что „не имѣя никакого научнаго образованія, которое такъ быстро распространилось въ Западной Европѣ въ XVI ст., русскіе грамотные люди этого вѣка обладали довольно обширными географическими знаніями“, которыми они даже въ нѣкоторыхъ частяхъ содѣйствовали улучшенію географическихъ познаній въ За-

[16]) Акты Русскаго на св. Аѳонѣ монастыря. Кіевъ 1873 г.—стр. 98—111.—Горскій А. В. О сношеніяхъ русской церкви съ святогорскими обителями до XVIII стол.—въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ“ 1848 г. т. VI. Рѣчь Д. З. Бакрадзе при открытіи церковнаго древлехранилища въ Тифлисѣ при Сіонскомъ соборѣ 15 іюля 1888 г. „Пастырь“ 1888 г. №№ 14—15. с. 8—10.

падной Европѣ. Разсматривая извѣстія о Кавказѣ въ „запискахъ о Московіи“ Герберштейна, представляющихъ „наиболѣе полный современный первой половинѣ XVI в. сводъ русскихъ географическихъ свѣдѣній, которыя вращались въ средѣ русскихъ людей и могли быть собраны въ Москвѣ въ первой половинѣ XVI в.,“ Е. Е. Замысловскій находитъ, что хотя эти извѣстія и не имѣютъ общаго непосредственнаго значенія въ исторіи землевѣдѣнія, полнотою и обстоятельностью уступая извѣстіямъ Барбаро и Контарини, однако являются цѣнными для опредѣленія той географич. области, которая была извѣстна русскимъ людямъ XVI в. по свѣдѣніямъ, добытымъ или ими самими, или черезъ посредство ихъ ближайшихъ сосѣдей“ [1]).

Въ русской литературѣ съ теченіемъ времени (въ XVI—XVII вв.) появляются сказанія, содержаніемъ которыхъ служитъ Грузія и событія изъ ея исторіи. Таково „слово и дивна повѣсть о дѣвицѣ Иверскаго царя дщери Динары царицы“ — о войнѣ царицы Грузинской Тамары съ Персами. Авторъ „исторіи о Казанскомъ царствѣ“ вкладываетъ въ уста царя Ивана IV рѣчь, которую царь говоритъ съ цѣлью поднять упавшій духъ своихъ воиновъ и въ которой онъ касается того же событія, побѣды царицы Тамары. „Слышасте, говорилъ онъ, иногда Божію бывшую великую милость и пречистые Богородицы помощь, яко премудрая и мужественная царица Иверская сотвори и колику побѣду показа на безбожныхъ Персѣхъ“ (etc)... (въ рѣчи сокращенно изложено содержаніе вышеупомянутой повѣсти). Въ космографіяхъ, находящихся въ хронографахъ, встрѣчаемъ русскую статью „о царствѣ Иверскомъ и Грузинскомъ“ слѣдующаго содержанія: „Земля Иверская, Грузинская тоже, лежитъ въ части Азіи подлѣ Хвалимскаго моря и въ горахъ великихъ Черкаскихъ, имутъ свои цари, но зело не сильни и не богати; вѣра въ нихъ издавна была благочестивая отъ царя Константина, нынѣ же насѣяни различныхъ вѣръ еретиче-

[1]) Замысловскій Е. Герберштейнъ и его историко-географич. извѣстія о Россіи. Спб. 1884 г. стр. 87, 204, 513—514.

скихъ, Арменскія и поганскіе Татарские. И царя особного, кто бы ихъ оборонилъ, не имутъ, потому что около ихъ государства великіе, Турское и Перское, и насилства имѣютъ отъ нихъ великое; покаряютъ же ся великому царю Російскому вѣры ради христіанскія, ему же и дани даютъ коньми Турскими и шелкомъ, но не всегда. Земля овощемъ и хлѣбомъ и скотомъ и виноградомъ изобилна, шелку же и бумаги хлопчатой много, злата же и сребра не имать. А стоятъ отъ Російскаго царства далече, сего ради и обидими отъ поганыхъ, яко не всегда помощи имъ возможно; вѣру же христіанскую мнози отъ нихъ, елико мошно, соблюдаютъ и до нынѣ“ [18]).—Но эти литературныя произведенія обязаны своимъ появленіемъ уже сношеніямъ Московскаго государства съ народами Кавказа.

Мы не можемъ точно, опредѣленно сказать, когда начались сношенія Московскаго государства съ Кавказскими владѣтелями. Но вѣроятно начало этихъ сношеній должно относить къ тому же времени, къ которому относятъ начало сношеній Московскаго государства съ Нагайской ордой, кочевавшей по Волгѣ, и съ Астраханскими царями, т.-е. ко второй половинѣ XV вѣка [19]), когда Московское государство достигло уже значительной крѣпости и почти освободилось отъ Монгольскаго ига. О первыхъ сношеніяхъ Московскаго государства съ народами Кавказа, мы теперь ничего

---

[18]) Поповъ. Изборникъ с. 529. Эта статья встрѣчается еще въ слѣдующей болѣе краткой редакціи: „земля грузинская изначала нарицашеся царство Иверское, стоитъ же подлѣ Хвалимскаго моря, вѣра въ нихъ издавна была благочестивая и были крещены отъ царя Константина, а нынѣ же царя у себя не имѣютъ и вѣры въ нихъ разныя смѣшалися, потому что ихъ осиловалъ Шахъ Кизылбашской и разорилъ и данью тяжкими покорилъ, изобилно же овощемъ, хлѣбомъ и скотомъ и виномъ“. Ibidem—с. 466—467.—Броссе М. Свѣдѣнія о грузинской царицѣ Тамарѣ въ древней русской литературѣ—въ „Ученыхъ запискахъ Академіи Наукъ“ по 1 и 3 отд. т. I, в. 4. Спб. 1853 г. стр. 478—490.

[19]) Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI вв. М. 1877 г. стр. 178—183, 217—221. Контарини с. 91.

опредѣленнаго сказать не можемъ потому, что памятники дипломатическихъ сношеній древней Руси съ Кавказскими владѣтелями за древнѣйшее время (съ начала сношеній)— до нашего времени не сохранились. Отдѣльно записанныхъ дипломатическихъ сношеній великихъ князей Московскихъ съ какимъ бы то ни было иностраннымъ государствомъ ранѣе второй половины XV вѣка, какъ извѣстно, мы не имѣемъ, хотя о существованіи самыхъ сношеній не можетъ быть сомнѣнія [20]); но памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Кавказскими владѣтелями, сохранившіеся до нашего времени, начинаются гораздо позднѣе только съ 1587 года, хотя точно также несомнѣнно, что сношенія существовали и ранѣе. Всѣ наши свѣдѣнія о первыхъ сношеніяхъ ограничиваются тѣми извѣстіями, которыя мы находимъ въ нашихъ лѣтописяхъ и вскользь, мимоходомъ брошенныхъ замѣткахъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи или встрѣтившихся съ русскими послами при иноземномъ дворѣ. Такъ изъ лѣтописи мы узнаемъ, что въ 1466 г. былъ въ Москвѣ у великаго князя Іоанна Васильевича посолъ изъ Закавказья отъ владѣтеля Шамахи Ширванъ-шаха Ферухъ-Есара, именемъ Асанъ-Бегъ, который вызвалъ въ Шамаху наше посольство Василія Папина съ товарищами. Мы знаемъ объ этихъ посольствахъ только то, что государь Московскій и Ширванъ-шахъ Шамахинскій обмѣнялись подарками; но о чемъ шла рѣчь съ послами, равно какъ былъ ли это первый обмѣнъ пословъ и подарковъ мы не знаемъ [21]). Въ 1475 году мы находимъ „посла великаго князя Московскаго, государя Бѣлой Россіи“ при дворѣ Персидскаго хана Усунъ-Асана. Если Московское государство въ это время уже завело сношенія съ Персіей, то можно думать, что они уже существовали съ народами Кавказа, чрезъ который Маркъ ѣхалъ. Это предположеніе усиливается еще тѣмъ, что Марку, — человѣку видному,

---

[20]) Карповъ Г. Ѳ. Памятники дипломат. сношеній древней Россіи съ Польшей съ 1487 г. Сборн. Русскаго Историч. общества т. XXXV стр. 1.

[21]) Срезневскій И. И. Хожденіе Аѳан. Никитина—стр. 3.

боярину [22], хорошо знакомы дороги чрезъ Кавказъ, языкъ жителей Дербента, въ Астрахани у него нѣсколько пріятелей. Все это вмѣстѣ взятое даетъ нѣкоторое основаніе полагать, что сношенія Московскаго государства съ народами Кавказа могли существовать уже и въ то время во второй половинѣ XV столѣтія [23]).

О сношеніяхъ Московскаго государства въ концѣ этого столѣтія съ однимъ изъ народовъ, населяющихъ Кавказъ, именно съ Грузинами, мы имѣемъ прямыя, документальныя данныя. Подъ 1492-мъ годомъ въ нашихъ лѣтописяхъ мы читаемъ весьма краткое, лаконическое извѣстіе: „тоежъ зимы (7000) прійде посолъ къ великому князю изъ Иверскія земли отъ князя Александра, именемъ Муратъ“ [24]). Лѣтопись не говоритъ намъ ни зачѣмъ онъ приходилъ, ни каковъ былъ результатъ его посольства, ни о томъ было ли отправлено отвѣтное посольство къ Грузинскому царю, она ограничивается въ извѣстіи о посольствѣ только этими 2 строчками. Для того, чтобы хотя нѣсколько уяснить начало сношеній Московскаго государства съ Грузинскими царями, необходимо познакомиться съ исторіей и состояніемъ Грузіи въ данное время.

Грузія начинаетъ усиливаться въ исходѣ X столѣтія и вслѣдствіе этого власть арабовъ, подъ которую она подпала въ VII—VIII вв., слабѣетъ. Этому усиленію Грузіи особенно много содѣйствовали верхне-Карта-

---

[22]) Который считается у нихъ весьма важнымъ человѣкомъ, говоритъ Контарини с. 96.—Въ другомъ мѣстѣ: „я былъ введенъ въ особенную комнату, гдѣ находился государь съ Маркомъ и *другимъ* своимъ секретаремъ“ 114—115. Слѣдов. Маркъ,—по мнѣнію Контарини, секретарь?

[23]) Библіотека иностран. писателей о Россіи. т. I. Спб. 1836 г. Контарини.—стр. 63, 66, 72, 78—79, 81, 88, 89, 103. На сношенія армянъ съ русскими указывается въ „Историческомъ очеркѣ политическихъ сношеній Россіи съ Закавказскими провинціями вообще, а съ Грузіей въ особенности“, помѣщенномъ въ газетѣ Кавказъ за 1875 г. №№ 88, 90, 97 и др.

[24]) П. С. Р. Л. т. IV, с. 160.—Русская лѣтопись по Никонову списку. Спб. 1790 г. ч. VI, с. 131.—Софійскій временникъ М. 1821 г. ч. I, с. 240.—Карамзинъ т. VI, прим. 370.—Соловьевъ т. V, с. 118.

линскій или Месхійскій багратидъ Давидъ Куропалатъ и его преемникъ Багратъ, котораго Давидъ, не имѣя наслѣдниковъ, усыновилъ. Въ 985 году Багратъ къ Карталинскому царству, на престолъ котораго онъ взошелъ съ помощью Давида и при содѣйствіи Карталинскаго эристава, присоединилъ еще Абхазское царство и Кахетію; и такимъ образомъ основалъ новое царство извѣстное подъ именемъ Абхазо-Карталинскаго. Царство это преимущественно процвѣтало при преемникахъ Баграта III въ теченіе XI и XII вв., изъ числа которыхъ для упроченія царства много сдѣлали Багратъ IV (1027—1072), Давидъ III, (1089 — 1130 гг., присоединившій окончательно въ 1103 году Кахетію къ Грузинской коронѣ), Георгій III и Тамара [25]). Послѣ смерти царицы Тамары, послѣдовавшей въ 1212 году, Грузія начинаетъ слабѣть и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе падаетъ. — Въ XIII столѣтіи Грузія была завоевана Монголами, подъ верховною властью которыхъ она находилась до первой половины XIV столѣтія. Ханъ Бачу въ видахъ умиротворенія Грузіи, требующей себѣ царя, дѣлаетъ царемъ сначала Давида Сослана, сына Георгія-Лоши, а затѣмъ Давида Нарина, сына Русудани. Первый получаетъ Восточную Грузію т.-е. Карталинію, Кахетію, Самцхе и часть Ширвана; второй Западную Грузію, т.-е. Имеретію, Мингрелію, Сванетію, Абхазію и Джигетъ. Послѣ смерти Давида Сослана, послѣдовавшей въ 1269 году, до Георгія VI Блистательнаго (1318—1346), при которомъ Монголы исчезли изъ Грузіи, Восточную Грузію занимали 5 царей: Дмитрій II Тавдадебули (жертвователь 1272—1289 г.), извѣстный мученическою смертью за вѣру, Вахтангъ II (1282—1294 гг.), Да-

---

[25]) Въ составъ этого царства Абхазо-Карталинскихъ багратидовъ входили слѣдующія области: Абхазія, подъ которою разумѣлись нынѣшняя Имеретія, Мингрелія, Гурія, Абхазія, Сванетія и часть Месхіи, верхняя Карталинія или Месхія, нынѣшній Ахалцигскій уѣздъ, до Чернаго моря и до границъ Трапизонта, Кахетія и Геретъ, послѣдній лежалъ между Курою и Алазанью.

видъ VI, Вахтангъ III и Георгій V; Западную же Грузію въ теченіе того же времени послѣ смерти Давида Нарина, умершаго въ 1259 г., занимали сыновья его Константинъ и Микель и затѣмъ внукъ его Багратъ. Въ этотъ періодъ царская власть все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, а власть и вліяніе мтаваровъ наоборотъ все болѣе и болѣе усиливается. Георгій VI, пользуясь ослабленіемъ Монгольскаго владычества, освобождаетъ Грузію изъ-подъ ихъ ига, обуздываетъ и уничтожаетъ непослушныхъ эриставовъ и мѣста ихъ раздаетъ людямъ ему преданнымъ. Къ несчастію страны наслѣдники его оказались слабыми и къ довершенію зла, при правнукѣ его Багратѣ (1360—1395 г.) и при сынѣ Баграта Георгіѣ VII (1395 1407) Грузія испытываетъ страшное потрясеніе, оставившее надолго свой слѣдъ: Тимуръ 6 разъ проникаетъ въ Грузію, разрушаетъ Тифлисъ и Кутаисъ, Мцхетскій храмъ и другія древнія церкви, срываетъ до основанія многіе укрѣпленные замки, а Баграта V съ женою беретъ въ плѣнъ. Георгій VII падаетъ въ борьбѣ съ Тимуромъ, который христіанское населеніе предаетъ огню и мечу, а значительную часть его увлекаетъ съ собою.—Сынъ Георгія VII Александръ I, царствовавшій между 1413 и 1442 годами, воспользовавшись замѣшательствами мусульманскихъ правителей, счастливо ведетъ борьбу съ врагами Грузіи, собираетъ уцѣлѣвшее въ горахъ населеніе ея, возобновляетъ города и крѣпости, снова строитъ храмы Мцхета и Руиси, подчиняетъ своей власти Сановъ, Обхазовъ, Черкесовъ и Джигетовъ;—но подъ конецъ своей жизни дѣлитъ царство между тремя своими сыновьями: старшій Вахтангъ получаетъ Имеретію, Сванетію, Одишъ (Мингрелію), Гурію, Абхазію, Джигетъ и Аланети; второй Димитрій—Карталинію, Черкезію и Саатабего; третій Георгій (Давидъ)—Кахетію и Ширванъ до Дербента. Раздѣленіе Грузіи на три отдѣльныя царства и образованіе въ Имеретинскомъ царствѣ 4-хъ независимыхъ владѣній—Мингреліи, Гуріи, Абхазіи и Сванетіи, а въ Карталиніи одного—Саатабего, наноситъ смертельный ударъ политическому существованію Грузинской націи. Съ того

времени Грузія утрачиваетъ внутреннюю связь между своими частями. Она, по замѣчанію Дюбуа-де-Монпере, представляетъ совершенный образецъ полной анархіи и постепенно возрастающаго разложенія. Цари ведутъ безпрестанныя войны противъ царей и владѣтелей, владѣтели противъ владѣтелей и царей. Они измѣнническы убиваютъ другъ друга, другъ друга захватываютъ въ плѣнъ, употребляя при этомъ всевозможныя истязанія: выналываніе глазъ, отсѣченіе рукъ и ногъ. Они грабятъ церкви и монастыри, предавая огню и мечу враждебную часть населенія. Въ теченіе 368 лѣтъ со времени образованія отдѣльнаго Имеретинскаго царства, въ Имеретіи мы видимъ 30 царей, отнимающихъ тронъ другъ у друга.

Въ такомъ положеніи Грузія дѣлается добычею народовъ: турокъ и персовъ, которые соперничаютъ между собою за Грузію, попеременно то одни, то другіе пользуясь успѣхомъ, причемъ турки дѣйствуютъ главнымъ образомъ на Западную Грузію, а персы на восточную (Карталинію и Кахетію). Судьба Грузіи сдѣлалась особенно бѣдственною послѣ взятія турками Трапезонта (въ 1462 г.); они направляютъ свои усилія противъ лучшей и воинственной части Грузинскаго населенія—Саатабего, ведутъ съ его атабегами ожесточенную борьбу, отрываютъ отъ него разныя провинціи[16]).

Вліяніе Персіи на Кахетію было слабѣе, чѣмъ на Карталинію, почти постоянную данницу Персіи. Кахетія была бы еще въ лучшемъ положеніи, еслибы цари Карталинскіе и Кахетинскіе находились въ миру между собою. Но этого не было... Карталинскіе цари и по раздробленіи царства на нѣсколько царствъ и княжествъ, титуловавшіеся царями царей, обезсилили себя размноженіемъ князей,

---

[16]) Около 1464 года какъ Арменію, такъ и Грузію покорилъ одинъ изъ потомковъ Тимуръ-ленга Джаханъ-шахъ. Впрочемъ преемники послѣдняго вновь начали междоусобія и ареной ихъ кровопролитныхъ войнъ служила южная Арменія, хотя отъ нашествія одного изъ тирановъ Узунъ Хуссейнъ шаха досталось и Грузіи.

очень часто не признававшихъ надъ собою власти своихъ царей. Вслѣдствіе этого Карталинскіе цари, лишенные помощи отъ своихъ отдѣлившихся единоплеменныхъ царствъ и княжествъ, волею или неволею старались держаться политики персидской, принимали обычаи персидскіе и вводили гражданственность Персіи. Слабость царя Карталинскаго и желаніе царей Кахетинскихъ быть независимыми отъ „царя царей"—царя Карталинскаго возбудили между обѣими царствами враждебныя отношенія, повлекшія за собой вскорѣ междуусобную войну, обезсиливавшую оба царства внутри и дававшую Персіи благопріятный случай, пользуясь смутами, усилить собственную власть надъ ними. Первыя смуты, начавшіяся междуусобною войною Кахетинскаго владѣтеля Георгія (онъ же и Леонъ I) съ царемъ Карталинскимъ Константиномъ III (1475), желавшимъ подчинить себѣ Кахетію [27]), кончились тѣмъ, что Кахетинскій царь принужденъ былъ для укрѣпленія себя на престолѣ вступить въ ближайшую связь съ Персіею и въ знакъ личнаго уваженія и покорности къ шаху Усунъ-Асану, отправить къ нему дары и для блеска его двора невольниковъ и невольницъ изъ своего царства. Чрезъ нѣсколько лѣтъ именно въ 1481 году въ Карталинію вторгается Якубъ-шахъ. Царь Карталинскій Константинъ, выступившій противъ Персовъ и получившій отъ Георгія отказъ на просьбу о помощи, былъ разбитъ и Карталинія должна была

[27]) Первымъ царемъ, отдѣлившейся отъ вліянія царей Карталинскихъ, Кахетіи является по Вахушту Давидъ (1469 г.) эриставъ Кахетинскій, внукъ царя Карталинскаго Александра I. Онъ провозгласилъ себя царемъ при помощи Дидойцевъ и приверженныхъ къ нему кахетинцевъ. Кахетія граничила къ сѣверу цѣпью горъ, дающихъ начало рр. Алазани и Іорѣ и отдѣляющихъ ее отъ кистинскаго племени, а также частію Дагестана; на востокъ отъ нея лежалъ хребетъ, за которымъ жило лезгинское населеніе; къ югу находилось владѣніе Елисени; къ западу протекала р. Кура, служившая вмѣстѣ границею Карталиніи. Въ составъ Кахетіи входили, между прочимъ, гористая область Кизикія или древняя Камбизена и Гагма-Мхари, лежавшія по ту сторону р. Алазани; часть Гагма-Мхари составлялъ Елисени, впослѣдствіи Джало-Бѣлоканскій округъ. (Бакрадзе).

испытать всѣ ужасы непріятельскаго нашествія. — Такой же политики въ отношеніи къ Персамъ долженъ былъ слѣдовать и преемникъ Георгія царь Кахетинскій Александръ I (1492—1511), отъ имени котораго прибыло посольство въ Московское государство въ 1492 году. Таково было положеніе Грузіи около того времени, къ которому относится извѣстіе о первомъ дипломатическомъ сношеніи между Москвой и однимъ изъ Грузинскихъ царствъ,—именно Кахетинскимъ [28]).

Выше я привелъ то извѣстіе, которое мы встрѣчаемъ въ нашихъ лѣтописяхъ объ этомъ посольствѣ. Но кромѣ этого извѣстія въ одномъ рукописномъ сборникѣ (XVI вѣка) Московской Патріаршей, нынѣ Синодальной, Библіотеки, содержащемъ главнымъ образомъ граматы и посланія всероссійскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ (№ 562; прежній № 164), изъ которыхъ бо́льшая часть уже напечатана по этой именно рукописи въ изданіяхъ Археографической Комиссіи,—въ сборникѣ этомъ сохранился до нашего времени (подъ № 70—лл. 170 об.—171; по прежней пагинаціи 179 об.—180) одинъ документъ, относящійся къ первому посольству изъ Грузіи въ Москву, именно русскій переводъ граматы, присланной царемъ Алекса́ндромъ съ его послами. Самому тексту граматы предшествуютъ слова:

---

[28]) Капитальнымъ трудомъ по исторіи Грузіи служитъ Броссе Histoire de la Géorgie, depuis l'antiquité jusq'au XIX-e Siècle. S.-Pétersbourg 1849—1858. 7 volumes in 4°. Изъ существующихъ на русскомъ языкѣ обзоровъ исторіи Грузіи—болѣе подробный кн. С. Баратова—„Исторія Грузіи“ Спб. 1865 и 1871 гг. тетради 1—5 въ 3-хъ книгахъ къ сожалѣнію не полный, событія доведены только до половины XIII столѣтія; хорошъ, но кратокъ, обзоръ исторіи Грузіи Д. З. Бакрадзе въ кн. „Тифлисъ въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ“ Спб. 1870 г. изд. Беренштама.—Въ „Живописной Россіи“ изд. подъ ред. П. П. Семенова т. IX, встрѣчаемъ обзоръ Ерицова. Іосселіани принадлежатъ: 1) историч. взглядъ на состояніе древней Грузіи 1843 г. 2) Историч. взглядъ на состояніе Грузіи подъ властью мусульманъ XIV—XVI вв. 1849 г.—въ Закавказ. Вѣстникѣ 1848 г. №№ 1, 3, 5, 7. 3) Краткая исторія грузин. церкви. Спб. 1843 г.

„ся грамота пришла из Гурзиньскые земли от Іверъскаго царя Александра".

Въ самой грамотѣ мы не встрѣчаемъ имени того „великаго князя", къ которому она была писана; но взамѣнъ этого встрѣчаемъ драгоцѣнную для насъ въ данномъ случаѣ дату: „91-го генваря", которая ясно показываетъ, къ какому времени грамота относится. Возможенъ, конечно, вопросъ: какъ понимать эту дату—считать ли 91-й годъ по лѣтосчисленію отъ сотворенія міра или отъ Рождества Христова? Другими словами—дата граматы означаетъ ли 7091-й годъ отъ сотворенія міра или 1491 отъ Рождества Христова [29])? Несправедливо предполагать, что русскіе толмачи или переводчики при переводѣ граматы дату грузинскую [30]) замѣнили русской, переложили годъ отъ Р. Х. на годъ отъ С. М., каковое лѣтосчисленіе тогда было на Руси, потому что такъ никогда не было поступаемо при переводѣ офиціальныхъ документовъ; наоборотъ на ихъ русскихъ переводахъ всегда удерживалась та дата, которая обозначена въ подлинникѣ. Сколько ни извѣстно въ настоящее время такихъ переводовъ XV—XVII вв.—вездѣ мы находимъ сохраненнымъ это ус-

[29]) На граматахъ Грузинскихъ царей къ Русскимъ царямъ въ концѣ XVII вѣка мы встрѣчаемъ даты по лѣтосчисленію и отъ Р. Х. (См. „переписку Грузин. царей съ Россійскими государями отъ 1639 г. по 1770 г.". Спб. 1861 г. стр. 104—грамата на греч. языкѣ 1680 года), отъ Р. Х. и отъ С. М. вмѣстѣ (—Ibidem с. 34—грамата на греч. языкѣ 1639—7147 года) и отъ С. М. только (Ibidem стр. 115, 117, 119—грамата на грузинск. языкѣ 7191 года, с. 132—такая же 7198 г., стр. 137—такая же 7204 года). Но эти послѣднія даты находятся, кажется, въ сильной зависимости отъ сношеній Грузіи и Россіи, значительно усилившихся въ XVII стол. Этими же сношеніями объясняются даты отъ С. М. на граматѣ Карталинскаго царя Юрья (см. ниже стр. 469, 473, 515) и Грузинскаго царя Александра (Ibidem стр. 265). Я весьма склоненъ думать, что настоящая грамата писана какимъ-либо грекомъ, жившимъ въ Грузіи.

[30]) О хронологіи грузинской см. De la chronologie technique géorgienne, ecclesiastique et civile par M. Brosset—Bull. de l' Acad. t. XXII· № 3, (1877), col. 455—488. Mélanges asiatiques. t. VIII, livr. 1—2. (1877) p. 41—87. Лалошъ М. Сравнительный календарь христіан. народовъ съ изложеніемъ календарей Юліанскаго, Григоріанскаго, Армянскаго и Грузинскаго. Спб. 1868 г.

ловіе [31]). Дата подлинника удерживается и въ томъ случаѣ, если бы даже она находилась въ непримиримомъ противорѣчіи и вообще съ лѣтосчисленіемъ. Такъ на русскомъ переводѣ граматы Дидіанскаго (Мингрельскаго) царя Леонтья присланной съ русскимъ къ нему посломъ дьякомъ Елчинымъ, мы встрѣчаемъ дату „лѣта отъ Р. Х. 1629-го мѣсяца маія въ 15 де", хотя эта грамата писана въ 7148 (1640) году [32]).—Въ доказательство того, что 91-й годъ граматы есть 1491-й годъ отъ Р. Х., можно привести и еще основанія, устраняющія всякое сомнѣніе въ этомъ отношеніи. Если 91-й годъ—7091 г. отъ С. М., значитъ грамата писана въ 1583 году отъ Р. Х. Но 1) самая рукопись писана ранѣе конца XVI столѣтія; документы ее составляющіе относятся главнымъ образомъ къ XV столѣтію и самымъ первымъ годамъ XVI столѣтія. Какимъ же образомъ въ рукопись средины XVI стол. могъ попасть документъ, относящійся къ концу этого столѣтія? 2) О посольствѣ Грузинскомъ (Кахетинскомъ) 1583-го года нигдѣ не говорится; объ немъ молчатъ даже и памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Грузіей (Кахетіей), съ 1587 года изображающіе намъ очень подробно весь ходъ сношеній. Если бы всего на всего только за 3—4 года существовали дипломат. сношенія между Москвой и Кахетіей, то мы непремѣнно встрѣтили бы гдѣ нибудь въ памятникахъ указаніе на нихъ. Но этого нѣтъ... 3) О томъ, что мы имѣемъ документъ не 7091 года, а 1491 года—можетъ въ извѣстной степени

---

[31]) См. „Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ ч. V, грам. №№ 6, 9, 14, 20, 21, 27, 38, 56, 61, 74, 77, 81, 83, 84, 92, 108, 113—118, 120—126, 127, 129, 130, 133, 134, 136, 138.—Карповъ Г. Ѳ. Памятники дипломатич. сношеній Московск. государства съ Нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи 1516—1520 г." —Сборникъ Русскаго Историч. Общества т. 53 й. Спб. 1887 г. стр. 8, 35, 37 (граматы 1517 г.); 43, 48, 78, 80 (гр.—1518); 84, 134, 139, 149, 150, 159, 169, 181, 184, 189 (гр. 1519 г.); 194, 206, 226, 232, 249, 250 (гр. 1520 г.).—См. также ниже въ настоящихъ матеріалахъ стр. 233.

[32]) См. изданные мной „Матеріалы для Русской Исторіи". М. 1888 г. стр. 301.

свидѣтельствовать и самое сосѣдство, въ которомъ мы находимъ его.—Нашъ документъ грамата Грузин. царя помѣщена въ сборникѣ подъ № 70; за нѣсколько нумеровъ предъ нимъ мы встрѣчаемъ документъ 1450 г., слѣдующій за нашимъ документъ подъ № 71 относится къ 6997 г. (1489 г.) и содержитъ грамату къ королю Максимиліану, чрезъ нѣсколько листовъ актъ подъ № 79 относится къ 7005 г. (1496 г.—запись объ избраніи митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ Евѳиміи—17 декабря).—Приведенныхъ основаній, кажется, достаточно для того, чтобы не сомнѣваться, что предъ нами находится документъ, относящійся къ 1491 году отъ Р. Х.

Далѣе документъ этотъ подлинный въ томъ смыслѣ, что представляетъ переводъ съ подлинной граматы Грузин. царя, а не составляетъ „плодъ досужей фантазіи“ какого-либо автора. За это ручается и его такъ сказать внѣшняя сторона—составъ сборника изъ почти однихъ только оффиціальныхъ актовъ, въ которомъ мы не встрѣчаемъ другихъ какихъ-либо произведеній письменности—исторій, повѣстей, и его внутренняя сторона—содержаніе: въ немъ совершенно отсутствуютъ какія-либо основанія, которыя бы были побудительной причиной для автора сочинять его.

Такимъ образомъ въ сборникѣ Московской Патріаршей Библіотеки до насъ дошелъ самый древній документъ, который мы только имѣемъ по дипломатическимъ сношеніямъ Московскаго государства съ народами Кавказа, именно съ частью Грузіи, Кахетіей.

Послѣ того заглавія, которое мы уже привели выше, грамата такъ читается:

„Великому царю и господарю, великому князю, ниское челобитіе. Вѣдомо бы было, что изъ дальные земли ближнею мыслью меншій холопъ твой Александръ челомъ бью. Темнымъ еси свѣтъ, зеленого неба звѣзда еси, христьянская еси надежа, вѣры нашіе крѣпости, всесвѣтьлый государь, всѣмъ еси государемъ прибѣжище, всѣмъ еси государемъ законъ, бѣднымъ еси подпора и бесерменомъ еси надѣя, законной земли грозній государь, всѣмъ еси ина-

земъ справедливая управа, всѣмъ княземъ вышній князь, земли еси тишина, обѣтникъ еси Николинъ. Добрыхъ государей молитвою и счастіемъ мы еще здѣсе в Ыверьской землѣ въ здравіи живемъ. Аще бы про ваше здравие слышели быхомъ, слава Богу. И еще свѣдомо буди, много государю челомъ бьючи, Наримана, Дамияна къ твоему порогу послали есмя; Хоземарума шекенца въ товарищех съ ними же послали есмя вашего здравіа отвѣдати. Посылка наша дай Богъ въ доброй часъ. Счистокъ дай Богъ всегды былъ. И холопству твоему недостойный Александръ. А писана лѣта девятдесят перваго генваря".

Грамата и наши лѣтописи расходятся въ извѣстіяхъ о послахъ, отправленныхъ Кахетинскимъ царемъ Александромъ къ великому князю Московскому Ивану III. Въ лѣтописи, какъ мы видѣли, говорится, что въ 1492 г. приходилъ посолъ „Муратъ", а въ граматѣ царь пишетъ, что онъ посылаетъ пословъ Наримана, Даміана и Хоземарума шекенца (чеченца) [33]). Въ настоящее время мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы положительно утверждать, отъ чего произошло это разногласіе, и потому за отсутствіемъ ихъ остается предположить, что первоначально назначенные послы Нариманъ, Даміанъ и Хоземарумъ шекенецъ почему либо не были отправлены и были замѣнены посломъ нашихъ лѣтописей Муратомъ, если только въ этомъ испорченномъ русскомъ имени посла не скрывается какое-либо

[33]) Броссе въ Correspondance en grec des rois georgiens du Cakheth avec la Russie pendant le XVII siècle — говоритъ, что Нариманъ и Даміанъ имена грузинскія, третье же имя Хоземарумъ едва ли кто имѣлъ въ Грузіи; по прилагательному шекенецъ-чеченецъ онъ думаетъ, что Хоземарумъ долженъ быть депутатъ горскаго племени, пришедшій съ послами Александра, присоединившійся на дорогѣ къ нимъ въ той странѣ, чрезъ которую послы шли. Это послѣднее, что Хоземарумъ посолъ горцевъ—несправедливо, потому что въ такомъ случаѣ о немъ царь Александръ не могъ писать въ своей граматѣ.—Переводъ статьи Броссе см. въ книгѣ М. Селезнева „руководство къ познанію Кавказа" кн. I. Спб. 1847 г. отд. 2-ое, которая вся состоитъ изъ перевода статей Броссе, о чемъ авторъ, вѣроятно, по своей скромности умолчалъ.

грузинское, если только оно не есть русская передѣлка одного изъ именъ пословъ, упоминаемыхъ въ граматѣ. Настоящій случай разнорѣчія граматы съ дѣйствительностью въ показаніи отправленныхъ пословъ—не единственный. Подобный аналогичный примѣръ былъ при нашихъ сношеніяхъ съ Кахетіей и въ 1594 г. Въ граматѣ отъ 15 іюня этого года Кахетинскій царь Александръ писалъ, что онъ посылаетъ къ царю Ѳедору пословъ „Антонія архіепископа Черемелскаго и всеа Черкаскіе земли“ и съ нимъ въ товарищахъ Хуршита, а на самомъ дѣлѣ въ Москву послами пріѣхали Хуршитъ и Арамъ (см. ниже стр. 262—265). Итакъ относительно личности Кахетинскихъ пословъ 1492 г. нужно думать, или что посломъ приходилъ какой-то Муратъ, не упомянутый въ граматѣ, или что подъ этимъ именемъ скрывается какой-либо изъ пословъ, о которыхъ говорится въ царской граматѣ, и что остальныя два лица о которыхъ говорится въ граматѣ, въ русскихъ лѣтописяхъ не упомянуты или потому, что ихъ считали второстепенными членами посольства или вѣроятнѣе потому, что они не пришли въ Москву, остались почему-либо гдѣ-либо. Бо́льшаго вѣроятія, намъ кажется, заслуживаетъ первое предположеніе, что приходившій посолъ, котораго звали Муратомъ, новое лицо, не упомянутое въ граматѣ. Это потому, что всѣ наши русскія лѣтописи *единогласно* его такъ называютъ, не имѣютъ въ этомъ отношеніи никакихъ разнорѣчій между собою и совсѣмъ не знаютъ тѣхъ лицъ, о которыхъ говоритъ грамата.

Что касается цѣли посольства, то объ этомъ наши лѣтописи ничего не говорятъ; въ граматѣ же царь Александръ пишетъ, что онъ „много государю челомъ бьючи“, послалъ Наримана и Даміяна „къ порогу великаго князя“, и съ ними въ товарищахъ Хоземарума шекенца „вашего (великаго князя) здравіа отвѣдати“. Понятное дѣло посолъ или послы не за этимъ послѣднимъ дѣломъ пріѣзжали такъ далеко. На подобное заключеніе даютъ намекъ и дальнѣйшія слова: посылка наша дай Богъ въ доброй часъ. Если бы царь присылалъ справиться только о здоровьѣ ве-

ликаго князя, то ему не къ чему было писать этихъ дальнѣйшихъ словъ, такъ какъ когда бы посольство не пришло въ добрый или недобрый часъ, для цѣли посольства это было все равно и оно не могло оказать никакого вліянія на результаты посольства. Была слѣдовательно какая-то другая причина посольства, которая заставляла желать, чтобы посольство было „въ доброй часъ"... Этой причиной не было желаніе Кахетинскаго царя „поздравить великаго князя Ивана III со взятіемъ Казани", какъ говоритъ М. Броссе и за нимъ Бакрадзе [34]). Это потому, 1) что разстояніе между Кахетіей и Московскимъ государствомъ не настолько близко, чтобы нарочно для поздравленія съ побѣдой, одержанной надъ Казанскимъ царемъ, и притомъ побѣдой не слишкомъ высокаго качества посылать пословъ; 2) что поздравленіе это слишкомъ уже запоздалое. Поздравлять великаго князя съ тѣмъ, что случилось почти 5 лѣтъ тому назадъ—несовсѣмъ вѣжливо и удобно. (Ссылаться на дальность разстоянія и на позднее де полученіе извѣстія о побѣдѣ нельзя, потому что дальность разстоянія между Москвой и Кахетіей—относительная, и извѣстія могли доходить въ должное время. Русскій посолъ Маркъ, бывшій у Усунъ Асана, несмотря на всѣ бывшія съ нимъ приключенія, ѣхалъ отъ шаха до Москвы всего только 5 мѣсяцевъ, а Московскіе и Кахетинскіе послы въ XVI—XVII вв. совершали свой путь въ одинъ конецъ въ продолженіе 3—4 мѣсяцевъ); 3) для отправленія посольства въ отдаленное тогда Московское государство съ единственною цѣлью принести поздравленіе съ негромкой побѣдой нельзя подыскать никакого raison d'être и 4) нигдѣ

---

[34]) Броссе въ „Свѣдѣніи о царицѣ Тамарѣ" etc.—цитованное сочиненіе—стр. 479. Бакрадзе въ „Рѣчи" при открытіи церковн. древлехранилища въ Тифлисѣ.—Броссе говоритъ, что по взятіи Казани Иваномъ III, царя Александръ „тотчасъ прислалъ пословъ съ поздравленіемъ". Бакрадзе—„покореніе Казани въ 1487 г. Иваномъ Великимъ было привѣтствуемо особымъ посольствомъ" (въ „Рѣчи" 1888 г.; ранѣе въ 1870 г. онъ писалъ, что „Александръ просилъ помощи и покровительства противъ враговъ"—„Тифлисъ" etc...)

ни въ русскихъ, ни въ грузинскихъ источникахъ мы не встрѣчаемъ не только извѣстій объ этомъ, но и какихъ-либо указаній, намековъ. Оно очевидно есть искусственное, придуманное лицами, желавшими во чтобы то ни стало найти причину посольства. И такъ какъ посольство 1491—92 гг. случилось вскорѣ послѣ Казанскихъ событій 1487 года, то и появилось подобное мнѣніе, что посольство было отправлено для принесенія поздравленій съ одержанной побѣдой.—Итакъ, повторяю, можно думать не для этого пріѣзжали посолъ или послы Кахетинскаго царя Александра къ великому князю Московскому Ивану III. И во всякомъ случаѣ если бы даже поздравленіе съ одержанной побѣдой и имѣлось въ виду при посольствѣ въ Московское государство, то это поздравленіе могло служить только поводомъ къ посольству, а не причиной его, причиной его тѣмъ, изъ-за чего оно было отправлено, что именно хотѣли достичь чрезъ него,—должно быть что-либо другое.— Я уже отмѣтилъ выше, что по смыслу граматы послы Наримань и Даміянъ были отправлены съ какимъ-то „многимъ“ челобитьемъ, т.-е. Александръ много, усердно просилъ объ исполненіи того дѣла, для котораго они были посланы. Это—что Александръ сильно желалъ успѣха посольства, видно и изъ тона грамоты. Царь Александръ сильно унижаетъ себя предъ великимъ княземъ Иваномъ III, называетъ себя „меньшимъ холопомъ“ князя Ивана, посылаетъ ему „ниское челобитье“, и наоборотъ всячески старается возвеличить Ивана III, прилагаетъ къ нему самые лестные эпитеты—„зеленого неба звѣзда еси, христьянская еси надежа, вѣры нашей крѣпость, всѣмъ государемъ прибѣжище, всѣмъ княземъ вышній князь...“ Итакъ о чемъ бы такъ усиленно домогался царь Александръ, что онъ такъ сильно желалъ?

Утверждать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, что Александръ обращался съ просьбой о подданствѣ, мнѣ кажется, несправедливо. Въ то время Московское государство не настолько было сильно и не настолько было близко къ Кавказу, чтобы у кого либо изъ его народовъ могла явиться

подобная мысль обратиться съ просьбою о подданствѣ къ государству, которое само только что освободилось отъ татарскаго ига, подъ которымъ оно пробыло долгое время.— Что не о подданствѣ шла рѣчь это видно и изъ того, что русскіе документы и оффиц. акты ничего не знаютъ объ этомъ. Когда въ XVI ст. велись переговоры о подданствѣ тѣхъ же Кахетинскихъ царей, то ни одна сторона не заикнулась о посольствѣ 1491—1492 гг.—И мы имѣемъ косвенныя свидѣтельства, что Кахетія (Грузія) въ подданство въ это время и не была принята. Въ Московскомъ Глав. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ между прочимъ сохранились рукописи т. назыв. „Титулярники", которыя сообщаютъ какъ писались въ разное время въ разныя государства титулы, т. е. начала и концы граматъ; рукописи важныя для нашего времени собственно не потому, что содержатъ образцы титуловъ, а по упоминовенію самыхъ сношеній [35]). Изъ числа этихъ титулярниковъ весьма большое значеніе имѣетъ одна, хранящаяся въ Архивѣ подъ № 1 (прежній № 3), сохранившая много извѣстій о такихъ дипломатич. сношеній Московс. государства съ различными народами, о которыхъ мы только изъ нея и узнаемъ. Она озаглавливается: „Начало какъ пишетца къ великимъ государемъ къ вел. гос-рю Ивану Васильевичю всеа Русіи и къ вел. гос-рю Василью Ивановичю в. Р. и къ вел. гос-рю царю и вел. князю Ивану Васильевичю в. Р. писаны грамоты отъ Римскихъ цесарей и какъ начала писаны отъ вел. государей отъ Рускихъ къ Римскимъ цесаремъ и въ иные розные государства и изъ государствъ". (Начинается сношеніями съ цесаремъ). Можно думать, что въ ней находятся свѣдѣнія о всѣхъ древнѣйшихъ посольствахъ Московскаго государства въ иныя государства, равно какъ и о посольствахъ изъ нихъ въ Московское государство, такъ какъ она, кажется, имѣетъ цѣлью представить какъ писались титулы на граматахъ въ то или другое государство съ самыхъ древ-

[35]) О характерѣ и содержаніи „титулярниковъ" можно составить понятіе по напечатанному въ „Древ. Россійс. Вивліоѳ." (изд. 2-ое) т. XVI.

нихъ временъ. Какъ эта рукопись титулярника, такъ и всѣ другія ничего не говорятъ о посольствѣ 1491—2 гг., и сношенія съ Иверскимъ государствомъ начинаютъ словами о подданствѣ „Иверскихъ царей“ съ 95 года (7095—1587).— Если бы Иверскіе цари были приняты въ подданство еще въ 1491—92 гг., то мы не встрѣтили бы подобныхъ отмѣтокъ.

Я думаю, что въ 1491 г. Кахетинскимъ царемъ Александромъ послы были отправлены просто для того, чтобы завязать сношенія съ Московскимъ государствомъ или вновь, если ихъ ранѣе не было, или возобновить прежнія, если они существовали и что поводомъ къ посольству могло быть намѣреніе Александра „свое государство обѣстити“, увѣдомить о своемъ возшествіи на престолъ. Мысль объ этихъ сношеніяхъ царю Александру могли внушить тѣ греки, которые по взятіи Константинополя разсѣялись по различнымъ странамъ и въ 70—80 годахъ XV ст. прибыли въ значительномъ количествѣ въ Кахетію и которымъ конечно было извѣстно и Московское государство и то, что великій князь Иванъ III женатъ на племянницѣ ихъ послѣдняго императора.—Что желали достигнуть Кахетинскіе цари чрезъ сношенія съ Московскимъ государствомъ, это отчасти намъ можетъ объяснить то состояніе Кахетіи, въ которомъ находилась она предъ отправленіемъ Кахетин. царемъ посольства въ Москву. Вредныя послѣдствія раздѣленія Грузіи на нѣсколько отдѣльныхъ царствъ теперь вполнѣ сказались. Грузія, обезсиленная и безъ того вслѣдствіе этого раздѣленія, еще болѣе ослабѣвала благодаря несогласію владѣтелей Грузинскихъ царствъ и княжествъ между собою. И не только несогласія, но даже больше цѣлыя междуусобныя войны, мы видимъ, совершаются между двумя Грузин. царствами—Карталинскимъ и Кахетинскимъ изъ-за преобладанія.— Кахетинскій царь отдѣляется, отходитъ изъ подъ вліянія Карталинскаго „царя царей“, считавшагося старшимъ между всѣми Грузин. владѣтелями, онъ желаетъ быть вполнѣ самостоятельнымъ и не признаетъ никакой власти надъ собой со стороны Карталинскаго царя. Начавшіяся

междуусобныя войны между этими царствами, такъ какъ Карталинскіе цари въ свою очередь не желали разстаться съ своею властью, заставили, какъ мы видѣли, Кахетинскаго царя Георгія, а за нимъ и Александра, заискивать у своихъ могущественныхъ сосѣдей Персовъ, посылать шаху позорныя подарки, дань. Кромѣ того грузины подвергаются нападеніямъ какъ со стороны Турокъ, такъ и Персовъ. Московское государство, какъ я говорилъ, не могло оказать фактической помощи, и съ этой просьбой къ нему не могли обращаться. Слѣдовательно и Кахетинскіе цари завязываютъ эти сношенія не съ цѣлью получить помощь. Не имѣя возможности оказать фактическую помощь Кахетіи противъ Турокъ и Персовъ, Московское государство въ тоже время не могло и дипломатическимъ образомъ воздѣйствовать на Турцію, потому что въ то время сношеній съ ней еще не было. Поэтому можно думать „Турецкій вопросъ“ при сношеніяхъ не имѣлъ значенія. Что же касается Персіи, то весьма возможно, что завязывая сношенія съ Московскимъ государствомъ, Кахетин. цари, принимали въ разсчетъ и дружественныя сношенія Московскихъ великихъ князей съ Персидскими шахами, (у одного изъ которыхъ мы встрѣчаемъ около того времени русскаго посла), надѣясь въ будущемъ на заступничество Московскаго государства предъ шахомъ за единовѣрную христіанскую страну. Мнѣ кажется, что желаніе Кахетинскихъ царей пріобрѣсти заступничество Москов. государства предъ шахами было цѣлью сношеній и Кахетіи съ Москвой.

Когда посолъ Кахетинскаго царя выѣхалъ обратно въ Кахетію, равно какъ и какой результатъ имѣло его посольство—мы не знаемъ. Пріѣхалъ посолъ, по свидѣтельству лѣтописи, зимой 7000 г. (1491 — 1492 гг.). Такъ какъ посолъ можно думать свой путь совершалъ водой по Волгѣ и Каспійскому морю, то вѣроятно онъ выѣхалъ изъ Москвы весной или лѣтомъ 1493 г., когда сдѣлался возможнымъ этотъ путь. Извѣстія о сношеніяхъ Москов. государства съ Грузіей послѣ этого посольства прерываются болѣе чѣмъ на полустолѣтіе, быть можетъ потому, что вре-

менно прекращаются и самыя сношенія, которыя возобновляются только при внукѣ великаго князя Ивана III—царѣ Иванѣ IV. Но Московское государство и въ это время все-таки слѣдило за судьбой Грузин. царствъ и соболѣзновало, какъ увидимъ, о печальной судьбѣ ихъ. Отчасти о Грузіи теперь стали напоминать и послы изъ иноземныхъ государствъ, пріѣзжавшіе въ Москов. государство для переговоровъ и для заключенія союза о непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ общаго всѣмъ христіанамъ врага Турецкаго султана. Такъ цесарскій посолъ Франчюшко (Франциск де Кола), бывшій въ Москвѣ въ 1518 году, въ рѣчи своей „на посольствѣ", убѣждая царя прекратить войну съ Польскимъ королемъ и направить оружіе противъ Турокъ, перечислялъ тѣ земли, которыя они захватили, и между прочимъ говорилъ: „а на морѣ Куксенскомъ Колкосъ, Иберію, Албанію, Албу, Арменью болшую, Скиѳы, а нынче зовется Тартарія" [36]). Благодаря быть можетъ и этимъ напоминаніямъ, а главное конечно другимъ причинамъ, Московское правительство обращало свои мысли на Грузію и до второй половины XVI столѣтія, когда возобновляются прекратившіяся дипломатическія сношенія между Московскимъ государствомъ и Грузіей—Кахетинскимъ царствомъ.

Около того же времени средины XVI стол. Московское государство завязываетъ дипломатическія сношенія и съ другими народами, населяющими Кавказъ, и прежде всего съ нѣкоторыми изъ Черкесскихъ племенъ, живущихъ ближе всѣхъ Кавказскихъ народовъ къ границамъ Москов. государства, за ея степной окраиной. На развитіе сношеній Московскаго государства съ народами Кавказа въ XVI вѣкѣ имѣли громадное значеніе завоеваніе русскими въ 1552 г. Казани и покореніе Астрахани въ 1556 году, такъ какъ пали тѣ два оплота, которые служили опорой для мусульманскихъ народовъ [37]). „Утвержденіе въ устьяхъ

[36]) Бludовъ гр. Памятники дипломатич. сношеній древней Россіи съ Римскою Имперіею т. I, стр. 367.

[37]) См. Соловьева Исторія Россіи т. VI, с. 115—117.

Волги, говоритъ С. М. Соловьевъ, открыло Московскому государству цѣлый міръ мелкихъ владѣній въ Прикавказьѣ; князья ихъ ссорились другъ съ другомъ, терпѣли отъ Крымцевъ [38]) и потому какъ скоро увидали у себя въ сосѣдствѣ могущественное государство, бросились къ нему съ просьбами о союзѣ, свободной торговлѣ въ Астрахани, нѣкоторые съ предложеніемъ подданства, и такимъ образомъ незамѣтно волею-неволею затягивали Московское государство все далѣе и далѣе на востокъ, къ Кавказу и за него" [39]).

Границы Московскаго государства на югѣ медленно раздвигались, не смотря на то, что здѣсь не нужно было дѣлать никакихъ завоеваній. Происходило это отъ того, что сосѣдями здѣсь были кочевые татары, которые постоянно тревожили Русь, а сами были неуловимы въ своихъ безконечныхъ степяхъ.

Въ XIV и XV вв. степь начиналась за Быстрой Сосной, т. е. въ сѣверной части нынѣшней Воронежской губерніи, на границѣ ея съ Орловской и около древней Рязани т. е. въ области р. Оки. Но первыя татарскія кочевья мы находимъ только за р. Медвѣдицей т. е. въ нынѣшней землѣ Войска Донскаго. Пространство же р. Дона отъ Быстрой Сосны до Медвѣдицы представляло пустыню, составлявшую нейтральную полосу, по которой бродили и татары и русскіе люди. Въ XVI вѣкѣ украину Московскаго государства составляли нынѣшнія центральныя великороссійскія губерніи. Граница государства, начинаясь отъ р. Суры, шла немного южнѣе р. Оки, пересѣкала верховья Дона, подходила опять къ верховьямъ р. Оки и оканчивалась въ верховьяхъ Десны и Сейма. Самою южною оконечностью государства были нынѣшнія Курская и Черниговская губ., такъ наз. Сѣверская украина.—Но русскіе передовые посты заходили и

---

[38]) См. Карпова Г. Ѳ. Памятники дипломатич. сношеній Моск. гос—ва съ Крымской и Нагайской ордами и съ Турціей т. I. 1474—1505 гг. Сборникъ Русск. Историч. общества т. XLI, с. 279, 263. См. также с. 167, 358.

[39]) Соловьевъ т. VI, с. 135.

далѣе. По Дону и Хопру во второй половинѣ XIV ст. уже уже ходили русскіе сторожа для наблюденія за татарами; въ XV стол. русская сторожа была на Дону, Быстрой и Тихой Соснѣ; въ 1-й пол. XVI стол. мы ее находимъ на пространствѣ отъ Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля т. е. отъ бассейна Волги до бассейна Днѣпра. Въ царствованіе Ивана IV на Дону и Сѣверскомъ Донцѣ было уже довольно много казаковъ, которые оказывали серьезную пользу московскимъ посламъ, шедшимъ къ Азову. Но вмѣстѣ съ вѣрными казаками теперь возлѣ Дона бродило много и воровскихъ, которые разбивали суда, грабили проѣзжающихъ. Не мало ихъ скиталось также между Дономъ и Днѣпромъ. Они бродили по Донскимъ степямъ шайками въ 3, 6, 10, 20 и 60 человѣкъ; собравшись же въ болѣе значительномъ количествѣ, они грабили и пограничныя русскія деревни. Они грабятъ, не обращая вниманіе на то, въ какихъ отношеніяхъ то или другое лице находится къ Московскому государству. Такъ горячій приверженецъ русскихъ Ногайскій мирза Измаилъ не разъ жалуется на разбои его людей Донскими казаками, которые въ 1559 году захватили даже въ плѣнъ его сына, а въ слѣдующемъ 1560 году цѣлую партію ногайцевъ около 60 человѣкъ [40]). Въ наказѣ посламъ „въ Ногаи“ появляется особая статья: — если Измаилъ князь или иные мирзы учнутъ говорити, чтобъ царь и великій князь казакомъ красти у нихъ и грабити ихъ не велѣлъ, то тому или другому послу велѣно было говорить: государь нашъ нынѣ заповѣдь великую казакомъ учинилъ, чтобъ улусомъ вашимъ лиха никакъ не дѣлали; а которые казаки воровали пословъ и гостей грабили и лошади у васъ въ улусѣхъ крали и людей били, и государь нашъ тѣхъ казаковъ многихъ казнилъ, а иные отъ государя нашего опалы сбѣ-

---

[40]) Продолженіе древней Россійской Вивліоѳики т. X, с. 93 и др. Въ отвѣтъ на жалобу Измаила царь Иванъ IV въ іюнѣ 1560 г. пишетъ: о томъ, что бутто на Дону наши казаки взяли, и намъ про нихъ слухъ никаковъ не бывалъ; и мы тебя для послали ихъ сыскивати. И какъ ихъ сыщемъ, и мы ихъ къ тебѣ отпустимъ. Другой Нагайскій мирза Урусъ

жали въ Азовъ и въ Крымъ [41]). Образованіе Донскаго казачества въ низовьяхъ Дона имѣло очень важное вліяніе на дальнѣйшую колонизацію средняго Подонья. Вмѣстѣ съ сторожами и станицами оно было русскимъ аванпостомъ, все далѣе и далѣе расширявшимъ границы Московскаго государства, все болѣе и болѣе углублявшимся въ степь, которую онъ завоевывалъ у татаръ, такъ что въ рукахъ татаръ въ XVI ст. оставался одинъ только г. Азовъ [42]). Въ 50-хъ годахъ XVI-го стол. Московское правительство уже ищетъ мѣсто для новаго города на р. Дону, можно думать, для защиты русскихъ людей, поселившихся тамъ. Мальцеву, посланному въ 1559 году въ Ногаи къ мирзѣ Измаилу между прочимъ велѣно было „и мѣстъ смотрити на Дону, гдѣ пригоже городъ поставити". На вопросъ: для чего царь хочетъ городъ поставить?—Онъ долженъ былъ отвѣчать: городъ гнесь хочетъ государь поставити на Дону того для, чтобъ изъ того города блиско ходить къ Крыму воевати и твоимъ бы улусомъ бережье было [43]). Казаки

въ граматѣ, полученной въ ноябрѣ 1560 г., жалуется, что въ то время, когда Тууминъ сынъ Чюванъ шелъ изъ Крыма и которые Русь стояли на Дону, и тѣ русаки у него взяли 8 душъ полону. А казаки—стояли усть Салы рѣки, атаманы ихъ Бурукъ и Клименъ.

[41]) Статья эта встрѣчается въ наказѣ Елиз. Мальцеву въ мартѣ 1558 г. и послѣдующимъ посламъ Совину, Сем. Мальцову, Вышеславцову и др. Послѣднимъ извѣстіемъ, находящимся въ ней, о побѣгѣ казаковъ въ Азовъ объясняется появленіе атаманомъ у Азовскихъ казаковъ русскаго Семена Ложкина.

[42]) Багалѣй Д. И. Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства—Чтенія въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1886 г. кн. 2 ая стр. 36, 37, 66, 68, 69, 72—75, 91.—Замысловскій Е. Герберштейнъ etc... с. 351—353, 512—514. Иловайскій Д. И. Сочиненія т. I. с. 93—96.

[43]) Продол. древ. Росс. Вивліоѳики т. X.—Въ сентябрѣ 1558 г. Измаилъ писалъ въ граматѣ... „А что намъ городъ ставити и Елизаръ то видѣвъ поѣхалъ. Городскимъ людемъ денегъ надобѣ много, и ты бъ денегъ много прислалъ (хлѣбъ). А которой городъ мы поставимъ, то твой же городъ". Въ отвѣтной царской граматѣ отъ октября 1558 г. читаемъ между прочимъ: А будетъ еси городъ поставилъ, и мы тебѣ велимъ давати въ твой городъ стрѣльцовъ на береженье на всякой мѣсяцъ по 50 человѣкъ на своемъ корму...

были не только русскими колонизаторами, но вѣроятно они же содѣйствовали возникновенію сношеній Москов. государства съ народами, населявшими сѣверный Кавказъ, и обращенію ихъ съ просьбою о покровительствѣ къ Московскому государству.

О тѣхъ народахъ, которые обитали въ концѣ XV и началѣ XVI в. далѣе на югъ за Дономъ находимъ свѣдѣнія у иностранныхъ писателей, извѣстія которыхъ объ этихъ народахъ составляютъ наиболѣе значительную и цѣнную часть въ ихъ сочиненіяхъ о Россіи. Такъ въ сочиненіи Барбаро данныя относительно Кавказа, собранныя имъ во время путешествія изъ Таны въ Персію, занимаютъ послѣ извѣстій о Татарахъ наиболѣе видное мѣсто. Отправившись изъ Таны по берегу Забакскаго моря, сообщаетъ онъ, прибылъ я послѣ трехдневнаго пути въ страну, называемую Кремухъ, лежавшую внутри земель, извѣстныхъ подъ именемъ Сихіи или Черкессіи, каковымъ именемъ онъ называлъ тѣ земли, которыя были населены Черкесами или Зихами, обитавшими на сѣверномъ скатѣ Кавказскаго хребта и на равнинахъ Кубанскихъ, начиная отъ Кубани до крѣпости Анапы и отсюда по южному скату хребта, вдоль восточнаго берега до земли Убыховъ. По указанію Барбаро, границы области Circassia, населенной Черкесами, которые исповѣдывали греческую вѣру, соприкасались съ Тюменскими равнинами, находившимися къ западу отъ Астрахани на пути къ Танаису (нынѣшняя Калмыцкая степь на юго-западѣ Астраханской губерніи и въ губерніи Ставропольской) и извѣстными и русскимъ въ первой половинѣ XVI столѣтія, о которыхъ находимъ данныя и въ книгѣ Большаго Чертежа. За Кремухомъ, пишетъ Барбаро, обитаютъ разные народы, въ недальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго—какъ-то Киппики (Chippiche); 2) Татакозцы (Tatacosia); 3) Собайцы (Sobai); 4) Кевертейцы (Cheverthei), и 5) Асъ или Аланы, земли коихъ простираются на 12 дней пути вплоть до самой Мингреліи. Подъ именемъ Кипиковъ, ближайшими къ Черному морю, съ котораго Барбаро начинаетъ свое описаніе, должно

вѣроятно разумѣть нынѣшнихъ Шапсуговъ, обитающихъ къ югу отъ Екатеринодара, вѣтвь Черкесскаго племени; подъ Кевертеями можетъ быть Кабарда, одно изъ значительнѣйшихъ племенъ Черкесской вѣтви, обитающее въ области р. Терека, а подъ Аланами нынѣшніе Осетины.— Мингрелія (Mingrelia), пишетъ далѣе Барбаро, граничитъ съ Кайтаками (Caitackhi), народомъ обитающимъ близъ хребта Каспійскаго, частію близъ Грузіи (Zozzania), Чернаго моря и тѣхъ горъ, которыя проходятъ черезъ Черкессію. — (Въ запискахъ другаго иностранца Контарини, близкихъ по времени къ извѣстіямъ Барбаро и довольно однородныхъ по своему содержанію, мы весьма мало находимъ свѣдѣній о сѣверномъ Кавказѣ, которыя касаются главнымъ образомъ народовъ, населяющихъ Закавказье). — Польскій лѣтописатель Матвѣй Мѣховскій всѣ племена Татарскія, обитавшія на югѣ Московскаго государства, дѣлитъ на 5 племенъ или ордъ: татаръ Заволжскихъ, Перекопскихъ или Улановъ, Казанскихъ или Ногайскихъ и Казацкихъ. О племенахъ Кавказа Мѣховскій имѣлъ смутное понятіе и изъ сообщенныхъ имъ свѣдѣній любопытны тѣ, которыя относятся къ Пятигорскимъ Черкесамъ. На югѣ, пишетъ онъ, близъ Каспійскаго моря находятся горы Иберіи и Албаніи, называемыя рутенами Пятигорскими, по имени (обитающаго въ этихъ горахъ) народа Пятигорскихъ Черкесъ. Между этими горами обитаютъ также племена Хозарскія, обращенныя Кирилломъ и Меѳодіемъ въ христіанскую вѣру, до настоящаго времени сохраняющія вѣру и обряды греческіе. Въ настоящее время греки называютъ эти племена абхазцами; сосѣди ихъ— Черкесы и Мингрельцы, всѣ обращенные въ христіанскую вѣру блаж. Кирилломъ.—Русскіе, показанія которыхъ служили главнымъ источникомъ извѣстій, находящихся въ Запискахъ о Московіи Герберштейна, сообщили автору и нѣкоторыя свѣдѣнія о народахъ Кавказа. „Къ юго-востоку около Меотійскихъ болотъ и Понта, по рѣкѣ Кубани, впадающей въ болота, живетъ народъ Афгазы (Aphgasi). Съ этого мѣста до самой рѣки Мерулы, (впадающей въ Черное

море), тянутся горы, въ которыхъ живутъ Черкесы или Цики (Circassi seu Ciki). Въ надеждѣ на неприступность (своихъ) горъ они не признаютъ власти ни Турокъ, ни Татаръ. По свидѣтельству Русскихъ (Черкесы) христіане, управляются своими законами, въ исповѣданіи и обрядахъ сходствуютъ съ Греками, богослуженіе отправляютъ на языкѣ славянскомъ, на немъ же и говорятъ. Они самые смѣлые пираты, на судахъ спускаются въ море, по теченію рѣкъ, берущихъ начало съ горъ, и грабятъ, кого только могутъ, преимущественно же тѣхъ, которые ѣздятъ изъ Кафы въ Константинополь.—За р. Кубанью находится Мингрелія, за ней лежитъ Котатида, которую нѣкоторые считали Колхидой, а у Каспійскаго моря живутъ Шемахинцы, отъ которыхъ прозвалась и вся страна.

Съ однимъ изъ этихъ племенъ, обитавшихъ на Сѣверномъ Кавказѣ, племенемъ Черкесъ „Пятигорскихъ“, а потомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ и „Кабардинскихъ“, Московское государство въ половинѣ XVI столѣтія вступило въ весьма близкія отношенія: они вслѣдствіе своего челобитья были приняты царемъ Иваномъ IV „въ холопи“ Московскому государству,—Пятигорскіе Черкесы въ 1552 году, Кабардинскіе въ 1557 г.

По преданіямъ Черкесъ, не имѣющихъ письменъ, но сохранившихъ не мало изустныхъ преданій—сказаній старцевъ и старинныхъ пѣсенъ, одно изъ его племенъ по имени Кабарда оставило (въ VI вѣкѣ гиджры) прежнее мѣсто жительства на р. Кубани и потянулось на сѣверъ къ р. Дону, откуда оно однако вскорѣ перешло въ Крымъ. Въ VII столѣтіи Кабардинцы покинули Крымъ и заняли островъ, образуемый обоими рукавами Кубани, при самомъ ея устьѣ, и нынѣ еще называемый татарами Кизылъ-ташъ т. е. красный камень. Но и здѣсь пребываніе ихъ продолжалось недолго и они вскорѣ передвинулись подъ начальствомъ Инала, родоначальника всѣхъ Кабардинскихъ князей [44]), далѣе на востокъ и разсѣлились вдоль по Кубани

[44]) Генеалогическія свѣдѣнія о кн. Черкасскихъ, находящіяся въ нашихъ родословныхъ рукописяхъ см. ниже въ матеріалахъ стр. 1—8.

въ нынѣшней Кабардѣ, гдѣ подчинили себѣ Черкесскія племена, до ихъ прихода называвшіяся Казахами. Твердое и благоразумное правленіе Инала имѣло весьма благотворное вліяніе на усиленіе могущества Кабардинцевъ: смуты и безпорядки, которые были у нихъ ранѣе, прекратились. Но со смертью Инала опять начинаются несогласія и раздоры между Кабардинскими князьями, что конечно ослабляло Кабарду. Въ то же время она должна была переносить нападенія своихъ сильныхъ сосѣдей, частыя набѣги на Кабарду кочевыхъ Калмыковъ и Татаръ и вторженія одного изъ главныхъ враговъ ея—Дагестанцевъ. Съ половины XV-го вѣка, со времени основанія Крымскаго ханства къ врагамъ Кабарды присоединился еще новый. Крымскіе ханы съ самыхъ первыхъ временъ стараются привлечь въ свое подданство и распоряженіе въ числѣ другихъ народовъ и воинственныхъ Черкесъ, предпринимаютъ походы противъ нихъ и отчасти достигаютъ своей цѣли. Они заставили нѣкоторые изъ Черкесскихъ племенъ признать свою верховную власть и даже вступили съ нѣкоторыми изъ нихъ въ родственныя отношенія. „Донъ Ги-

---

Въ дѣлахъ Архива находится слѣдующая „выписка о Кабардинцахъ". Въ Ногайской книгѣ съ лѣта 7070 года по 73 годъ да въ Крымской книгѣ съ лѣта 7078 года по лѣто 7086 годъ написано: были въ Кабардѣ великихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ подданные.

Князь Темрюкъ Айдаровичъ. Дочь его княжна Марья Темрюковна была за государемъ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Руссіи; а князь Темрюковъ сынъ князь Михайло Темрюковичъ былъ у государя ближній человѣкъ и умеръ на Москвѣ въ 79 году; княжъ Темрюковы жъ дѣти: Мамстрюкъ мурза, Беберюкъ мурза, Доманукъ мурза—жили въ Кабардѣ, и Мамстрюкъ мурза пріѣзжалъ изъ Кабарды къ государю къ Москвѣ въ 73 году.—Да въ Переписной книгѣ 135 года написанъ столпникъ ветхъ и роспался и поплылъ, а въ немъ пріѣздъ къ Москвѣ князя Канбулата Черкасскаго 86года.—А по роспросу и по сказкѣ Терскихъ жильцевъ, князь Темрюкъ и князь Булатъ да Янглычъ мурза да Ельбузлукъ мурза были родные братья.

Князь Канбулатовы дѣти Черкасскаго: князь Борисъ Канбулатовичъ Черкасской – былъ у государя бояринъ; а у боярина у князя Бориса Канбулатовича сынъ бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Черкасской.—

реевъ, говоритъ В. Смирновъ, имѣлъ особыя связи аталычества, побратимства съ нѣкоторыми изъ Черкесскихъ племенъ, которыя искони причислялись къ подданнымъ Крымскихъ хановъ, хотя эта зависимость никогда не выражалась въ опредѣленныхъ и правильно организованныхъ формахъ практич. осуществленія ханской власти надъ землями, лежащими внѣ предѣловъ Крымскаго полуострова. Вотъ что объ этомъ говорится у Гезаръ-Фенна. „Крайній предѣлъ Черкесъ, обитающихъ въ Таман. округѣ, куда назначаются отъ Высокой Державы судьи, составляютъ Черкесы Жанэ: у нихъ еще дѣйствуютъ вообще постановленія шаріъата. Брать изъ нихъ невольниковъ не позволительно. А отъ Жанэ вплоть до Черкесъ Кабарды это мѣста войны; брать у нихъ полоняниковъ позволительно". Они даютъ дань—невольниковъ, доставляютъ по требованію войско, берутъ дѣтей ханскихъ къ себѣ на воспитаніе для аталычества. По причинѣ такого породимства особымъ расположеніемъ Крымскихъ хановъ пользовалось Черкесское племя Бесленей, самое имя котораго объясняютъ тѣмъ, что это племя спеціально занималось воспитаніемъ дѣтей Гирейскаго рода.

Князь Куденетъ да князь Пшимахъ Канбулатовичи Черкасскіе жили въ Кабардѣ, а княжъ Куденетовъ сынъ князь Яковъ Куденетовичъ Черкасской нынѣ у государя въ стольникѣхъ. Княжъ Куденетовы жъ дѣти Канбулатовича: Келмаметъ да Идаръ мурзы Куденековичи живутъ нынѣ на Теркѣ.

Мамстрюкъ мурза Темрюковичъ жилъ въ Кабардѣ, а сынъ его князь Дмитрій Мамстрюковичъ нынѣ у государя бояринъ.

Елбузлукъ мурзины дѣти: Нарчовъ князь да братъ его Идаръ мурза—живутъ нынѣ въ Кабардѣ.

Янглычь мурзинъ сынъ Сунчалѣй мурза; а у Сунчалѣй мурзы дѣти: князь Шолохъ, да Будачей, да Мудалъ, да Алегукъ да Сунчалѣй мурзы.

Домашукъ мурзинъ сынъ Темрюкова Шепчюкъ мурза; а у Шепчюкъ мурзы дѣти: Шечанукъ мурза да Казый мурза. Шечанукъ мурзинъ сынъ Алегукъ, Казый мурзинъ сынъ Хотожукъ—живутъ нынѣ въ Кабардѣ.

Такову выписку сирѣчь секретарь Семенъ Смирновъ, справилъ канцеляристъ Иванъ Небогатовъ и послана въ С.-Петербургъ къ Оберъ-секретарю Ивану Юрьеву при письмѣ помянутаго секретаря февраля 28-го 173? года". (Кабардинскія дѣла 1559—1748 гг. д. № 1).

У Крымскихъ хановъ даже бывали изъ этого племени жены, игравшія большую роль въ политическ. дѣлахъ ханства. Такова была мать Джаны-бекъ Гирея. Но одновременно съ такими родственно-дружелюбными отношеніями Крымскихъ хановъ къ однимъ Черкесскимъ племенамъ у нихъ вѣчно продолжались нелады съ другими. Не довольствуясь данью, которую платили Кабардинцы невольниками каждому новому хану подъ именемъ „подарка", „приходнаго", или въ разное время подъ именемъ „погрѣшнаго", ханы, увлекаемые жаждой еще бо́льшей поживы, дѣлали безпрестанные набѣги на бѣдныхъ Черкесъ, придираясь ко всякому случаю и не взирая на явную покорность ихъ. Впрочемъ иногда эти набѣги не дешево обходились Гиреямъ, и нѣкоторымъ они стоили даже жизни. Къ такимъ рискованнымъ набѣгамъ, кромѣ личной корысти, побуждала хановъ еще необходимость задаривать дорогими Черкесскими невольниками и невольницами вельможъ Отоманской порты, чтобы съ ихъ поддержкою прочнѣе сидѣть на ханскомъ тронѣ. Случалось и такъ, что въ критическіе моменты члены Гирейской фамиліи, даже сами ханы искали убѣжища у тѣхъ самыхъ Черкесъ, на которыхъ они въ другое время нападали по самымъ ничтожнымъ поводамъ" [45]).

---

[45]) См. Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ т. IX. Тифлисъ 1876 г.; ст. Н. Ф. Грабовскаго „присоединеніе къ Россіи Кабарды и борьба ея за независимость".—Исторія Адыгейскаго народа, составл. по преданіямъ Кабардинцевъ Шора-Бекмурзинъ Ногмовымъ — Кавказскій календарь на 1862-й годъ.—Смирновъ В. Д. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской порты до начала XVIII в. Спб. 1887 г. стр. 247, 337, 347—350, 367, 402, 415, 421 и др.—Весьма любопытныя свѣдѣнія сообщилъ о своемъ народѣ въ 1732 году Русскому правительству „присланной нынѣ сюда отъ Кабардинскихъ владѣльцовъ Махометъ-бекъ Атажуковъ". Онъ и по вопросу объявилъ словесно: что ихъ предки родились въ Малой Россіи и перешли оттуда на житье къ Терку и назывались Черкасы или Черкесы; и, отъ Терку отошедъ дня съ два ѣзды, поселились по Кумѣ рѣкѣ въ урочищѣ Пятигорскомъ, гдѣ 5 горъ великихъ; и та земля была тогда россійская, и были они всѣ христіанскаго греческаго закону. И при державѣ царя Ивана Васильевича пришли они въ вѣчное подданство Россіи; и нѣсколько лѣтъ у оныхъ

Вскорѣ послѣ взятія Казани, въ ноябрѣ 1552 г., пріѣхали въ Москву къ царю Ивану IV „Черкасскіе государи князи"—князь Маашукъ (Бугашикъ), князь Иванъ (Алклычъ) Езбузлуковъ и Танашукъ съ челобитьемъ о томъ, чтобы царь „вступился за нихъ, а ихъ съ землями взялъ

Пяти горъ жили и потому назывались Пятигорскіе Черкесы. А потомъ при державѣ же царя Ивана Васильевича учинилъ на нихъ Черкесъ сильное нападеніе Крымской ханъ шахъ Баз-Гирѣй со многимъ крымскимъ и кубанскимъ войскомъ и всѣхъ ихъ Черкесъ тогда побрали и перевезли на Кубань и тамо обратили ихъ насилно въ махометанской законъ; и жили они Черкесы съ такого принужденнаго случая на Кубани нѣсколько лѣтъ. А послѣ того какъ началась у Россіи война съ Турками, такожъ съ Крымомъ и съ Кубанцы, то они Черкесы при вспоможеніи подданныхъ россійскихъ Калмыкъ съ Кубани всѣ ушли въ Россійскую сторону въ прежнее свое жилище къ Пяти горамъ. Но по прошествіи малыхъ лѣтъ Кубанцы паки чинили на нихъ Черкесъ жестокія нападенія и непрестано обезпокоивали, хотя ихъ по прежнему къ себѣ на Кубань перевесть; и они Черкесы отъ такого неспокойства перешли отъ Пяти горъ для житья ближе къ Терку на землю россійскую къ рѣкѣ Баксану. И въ то время были между ими Черкесы знатныя и первыя нынѣшнія два брата зовомыя Кабарты-бѣки, у которыхъ въ самой тотъ ихъ переходъ учинилась межъ ими ссора; и для того оные, роздѣля народъ Черкесской, поселились порозь—большей братъ Кабарты-бѣкъ при рѣкѣ Баксанѣ, а меньшей братъ его Кабарты-бѣкъ близь Терка рѣки. И потомъ съ того времяни назвались оныя мѣста, гдѣ большой братъ поселился,—Большая Кабарта, а гдѣ меньшей, то Меншая Кабарта. И нынѣ въ тѣхъ обоихъ Кабартахъ князья и уздени и другіе военныя люди обрѣтаются въ махометанскомъ законѣ; а подданные ихъ земледѣльцы или крестьяне, которые живутъ въ деревняхъ, содержатъ всѣ издавна вѣру и законъ греческаго исповѣданія, и въ тѣхъ ихъ деревняхъ есть благочестивыя церкви и священники" (Кабардин. дѣла д. № 1. 1559—1748 гг.). Въ „исторіи Адыгейскаго народа" Шора Ногмова (стр. 93) о раздѣленіи Кабарды на Большую и Малую разсказывается слѣдующее: одинъ изъ князей Шолохъ Таусалтановъ пожелалъ раздѣлиться съ своими двоюр. братьями, но условія его не были ими приняты. Послѣ этого онъ нѣсколько лѣтъ скитался у разныхъ народовъ; наконецъ въ досадѣ за неисполненіе своего намѣренія началъ дѣлать набѣги на сосѣднія племена. Нѣсколько старшинъ Кабардинскихъ, подговоренные приверженными Шолоху уорками, безъ согласія владѣльцевъ съ своими аулами внезапно отдѣлились въ пользу Таусултанова поколѣнія и князь Шолохъ увелъ ихъ за р. Терекъ и поселилъ на правомъ ея берегу. Обстоятель-

нъ себѣ въ холопи и освободилъ отъ Крымскаго" хана [46]). О сношеніяхъ Черкесскихъ князей ранѣе этого времени съ Московскимъ государствомъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій, равно какъ до сего времени они ничѣмъ не заявляли своего расположенія или нерасположенія къ Московскому государству. Извѣстно только, что незадолго предъ этимъ въ 1550 году послѣ взятія казаками Астрахани царь Астраханскій Ямгурчей ушелъ въ родственныя ему „Черкасы", гдѣ онъ имѣлъ „прибѣжище"; „и они (Черкесы), пишетъ царю Ивану въ 1551 году Измаилъ мирза Ногайскій, его деля посрамились да Асторохань взявъ и дали ему [47]). Среди народовъ Черкесскаго племени, получившихъ „наименованія по мѣсту жительства или по имени князя, въ

ство это совершилось безъ всякаго сопротивленія со стороны прочихъ князей. Земля этихъ переселенцевъ и донынѣ носитъ названіе Малой Кабарды. Онъ началъ властвовать въ Малой Кабардѣ, а потомки князя Кайтуки Жанхотова и кн. Тохтамыша и сыновья князя Идара остались въ Большой Кабардѣ.

[46]) Лѣтопись по Никонову списку. т. VII, Спб. 1791 г. стр. 197. Карамзинъ т. VIII примѣч. 416. Карповъ Г. Ѳ. Памятники дипломат. сношеній Москов. госуд-ва съ Польско-Литовскимъ т. II. 1533—1560 гг. Сборникъ Русс. Историч. Общества т. LIX, с. 449.—Въ другомъ мѣстѣ въ этихъ же памятникахъ читаемъ: „пріѣзжали... Алкычъ князь... и иные князи ото всѣхъ бити челомъ, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, взялъ въ свое имя". Ibidem с. 480. Документы не всюдѣ одинаково называютъ пріѣзжавшихъ князей; въ скобахъ поставлены и другія встрѣчающіяся ихъ имена.

[47]) Проколи. древней Росс. Вивліоѳики т. VIII, Спб. 1793 г. с. 229; см. также с. 127, 240.—Черкесы еще ранѣе однажды въ 1532 году завладѣли Астраханью и возвели на престолъ своего претендента. Перетятковичъ. Повольжье въ XV и XVI вв. с. 217.—Послу въ Польшу наказано было говорить, если его спросятъ, что Ямгурчей, уйдя въ Черкасы, „присылалъ оттуда государю нашему бити челомъ, чтобъ ево государь пожаловалъ, посадилъ опять на Астрахани"—Карповъ Г. Ѳ. Ibidem с. 376. Белекъ Булатъ мирза Ногайскій въ граматѣ царю въ концѣ 1551 г. (Ногайс. стат. спис. № 4, л. 91) писалъ:.... Бѣлово князя Черкасы бѣглые холопи были..., а Кобекъ царю съ Черкасы по женитвѣ въ свойствѣ учинился и они ему юртъ ево взявъ дали. И Ямгурчей царевичъ въ свойствѣ учинился и ему братство учинили, юртъ его взявъ, дали жъ...

началѣ властвовавшаго надъ ними", мы у историка „Адыгейскаго народа" не встрѣчаемъ народа съ именемъ „Пятигорскихъ Черкесъ" [48]), подъ какимъ названіемъ они были извѣстны русскимъ. „Книга Большаго чертежа" Пятигорскихъ Черкесъ различаетъ отъ „Кабардинцевъ", говоря, что „по Терку и по рѣкамъ по инымъ (обитаютъ)—Пятигорскіе Черкасы, и Кабарда, и Окохи, и Осоки (Соки), и Кугени, и Мичкизы" [49]). Самое названіе этихъ Черкесъ Пятигорскими показываетъ мѣсто ихъ жительства около Пяти Горъ—г. Бештау. Эти свѣдѣнія еще дополняетъ также „книга Большаго Чертежа", говоря, что по р. Бѣлой и впадающимъ въ нее рѣкамъ Черемъ, Баксанъ меньшой и середней, и Палкъ „земля Пятигорскихъ Черкасъ" [50]). Такимъ образомъ подъ Пятигорскими Черкесами древніе русскіе разумѣли тѣхъ Черкесовъ, которые населяли Большую Кабарду: отъ нихъ то и прибыло посольство въ Москву въ 1552 г. Изъ сохранившихся до нашего времени извѣстій объ этомъ пріѣздѣ Черкесскихъ Пятигорскихъ князей можно догадываться, что побудительной причиной ихъ пріѣзда въ Москву было желаніе получить защиту и помощь царя Ивана IV противъ Крымскихъ хановъ, которые, какъ уже выше говорено, считали своимъ долгомъ производить нападенія на извѣстныя племена Черкесъ. Московское государство въ то время было достаточно сильно: незадолго до посольства (2 октября) была взята Казань и такимъ образомъ завоевано татарское царство. И потому Черкесскимъ князьямъ естественно было обратиться за помощью въ Москву, тѣмъ болѣе, что и Московское государство находилось не въ особенно дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Крыму, которыя могли еще уменьшиться вслѣдствіе завоеванія Москвой Казанскаго царства, въ судьбѣ котораго ханы принимали столь горячее участіе. На это рѣшеніе могли также вліять и „Гребенскіе казаки", если только справедливо существующее мнѣніе объ ихъ поселеніи на сѣвер-

---

[48]) Шора Ногмовъ с. 93.

[49]) стр. 56 (по 2 изд. Спб. 1838 г.).

[50]) с. 61—62.

номъ Кавказѣ въ первой половинѣ XVI вѣка [51]). Князья Пятигорскихъ Черкесъ были отпущены изъ Московскаго государ-

---

[51]) См. прекрасное изслѣдованіе Ив. Попко — „Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ“ в. 1-й Гребенское войско. Спб. 1880. Замѣчанія на это сочиненіе, во многомъ несправедливыя, Бентковскаго въ ст. „Гребенцы“ въ Чтеніяхъ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1887 г. кн. III.—Ср. Соловьева т. IV, с. 420—423.—О русской колонизаціи Кавказа и ея характерѣ такъ говорятъ изслѣдователи: „Русскіе заняли и въ Чечню, вытѣснили изъ нея ослабѣвшихъ татаръ и поселились въ ней *житьемъ*. И теперь еще совершенно свѣжи Чеченскія преданія, въ которыхъ говорится, что въ то время *русскій сдѣлался отцемъ страны* и что *телѣга русскихъ взошла на горы*. Изъ этого видно, что русскіе были тогда не временными посѣтителями Чечни, готовыми оставить ее, при первомъ случившемся неудобствѣ, но жили осѣдло, ибо телѣга въ горахъ есть принадлежность осѣдлой жизни. Въ Большой и Малой Чечнѣ, при выходѣ рѣкъ и рѣчекъ изъ ущелій Черныхъ горъ на плоскость, на самыхъ горахъ и другихъ мѣстахъ видны и теперь окопы нѣкогда бывшихъ укрѣпленій, несомнѣнно русскихъ. Названія рѣки и аула Урусъ-Мартана (т. е. россіянинъ Мартынъ) и др. подтверждаютъ этотъ фактъ“. (Сборникъ свѣдѣній о Кавказ. горцахъ т. IX). Въ другомъ мѣстѣ: „Русскіе уходятъ изъ Чечни на Терекъ, не оставляя однако своего притязанія на покинутую землю. Считая ее своею собственностію, они позволяли Чеченцамъ занимать плоскость на условіяхъ, тщательно слѣдя изъ-за Терека за ихъ выполненіемъ. Условія эти заключались въ томъ, чтобы ими можно было оградить хищническія нападенія Чеченцевъ за Терекъ. Главныя условія были: 1) покорность русскому царю; 2) въ случаѣ плѣненія русскаго или учиненнаго воровства должны были возвратить плѣннаго или украденное; 3) обязаны были выставлять людей для походовъ съ русскими и для постовъ; 4) отвѣтственность за хищничество падала на тѣ аулы, чрезъ которые шли слѣды и т. д. Для точнаго исполненія условій по причинѣ частыхъ вѣроломныхъ случаевъ вліятельныхъ людей брали заложниковъ (аманатовъ). Русскіе оставили Чечню разновременно; сперва ушли они изъ Малой Чечни, а потомъ уже стали по частямъ уходить и изъ Большой. Племена Малой Чечни слишкомъ тревожили русскихъ, тогда какъ Ичкеринцы были менѣе опасны русскимъ въ Большой Чечнѣ. Постепенно удаляясь отъ Черныхъ горъ, русскіе селились въ сердцѣ плоскости; такимъ образомъ они нѣсколько времени жили въ Качкалыкѣ и Надсунженскомъ хребтѣ (гребень, отсюда Гребенскіе казаки), гдѣ еще долго оставались послѣ ухода своихъ собратій“ (Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ т. VI, с. 7).

ства только въ августѣ 1553 года и до своего отъѣзда отсюда должны были принять участіе въ несостоявшемся походѣ Москов. войска противъ Крымцевъ, о набѣгѣ которыхъ на Московскую украину царь Иванъ IV получилъ было вѣсть. Никоновская лѣтопись говоритъ, что вмѣстѣ съ царемъ, отправившимся съ войскомъ къ Коломнѣ, въ числѣ царей и царевичей были и „Черкаскіе князи Магаушько съ братьею и съ людьми". Но тревога оказалась напрасною: чрезъ мѣсяцъ послѣ первой вѣсти въ августѣ мѣсяцѣ была получена въ Москвѣ другая вѣсть, что Крымскій ханъ на Московскую украину не пошелъ, а „ходилъ на Черкасы". Это послѣднее обстоятельство, вѣроятно, и ускорило отъѣздъ изъ Москвы Черкесскихъ князей, которые „по ихъ челобитью" были отпущены въ половинѣ того же мѣсяца въ Черкасы, поцѣловавъ предъ отъѣздомъ крестъ царю на томъ, что имъ со всею землею Черкескою служить государю до своего живота, куды ихъ государь пошлетъ на службу, туды имъ ходити; вмѣстѣ съ ними отправился въ Черкасы „правда ихъ видѣти" особый Московскій посолъ Андрей Щепотевъ [52]).

Въ августѣ 1554 г. Щепотевъ возвратился, въ Москву съ извѣстіемъ объ исполненіи даннаго ему порученія, что Черкесы „дали правду всею землею быти имъ неотступнымъ отъ царя и в. к. и служити имъ во вѣки, какъ имъ государь повелитъ" [53]).—Вмѣстѣ съ нимъ тѣже Черкесскіе Пятигорскіе князья прислали, „всѣ съгласясь", Сибока князя, Ацимгука князя и иныхъ князей [54]). Сибокъ князь съ братьею и

---

[52]) Никонов. лѣтопись т. VII, с. 206—207.

[53]) Никонов. лѣтопись т. VII, с. 246. Карповъ Г. Ѳ. ibidem с. 480. Щепотевъ „всю землю къ правдѣ привелъ".

[54]) Карповъ Г. Ѳ. Ibidem т. LIX, с. 480.—„Сибокъ князь да братъ его Ацымгукъ князь Жаженскіе Черкасскіе государи да Тутарыкъ князь Езбулуевъ, да съ Сибокомъ княземъ пріѣхалъ сынъ его Кудадикъ, а людей съ ними ихъ 150 человѣкъ".—Никонов. лѣтопись т. VII, с. 246. Карамзинъ т. VIII, примѣч. 416. Наши историки этихъ „Жаженскихъ" Черкесскихъ князей не считали Пятигорскими Черкесс. князьями, а принимали ихъ за особое племя изъ среди черкесъ. Арцыбашевъ спраши-

съ своими лучшими людьми, „человѣкъ ихъ со сто“, „отъ всей земли Черкаской“ билъ челомъ о царской помощи „на Турского городы, на Азовъ и на Крымского“, а они холопи царскіе съ женами и дѣтьми во вѣки, чтобы царь, говоритъ другой источникъ, взялъ ихъ со всею землею за себя, положилъ на нихъ дань—доставлять ежегодно по 1,000 аргамаковъ и ходить Черкесскимъ князьямъ на всякія государевы службы и на войну вмѣстѣ съ своими людьми. въ количествѣ 20,000 [55]). Но хотя это посольство принято было благосклонно, царь пожаловалъ ихъ великимъ своимъ жалованьемъ, „удоволилъ“ ихъ кормами и казеннымъ жалованьемъ, дозволилъ имъ свободный добровольный отъѣздъ и пріѣздъ во своей землѣ, однако желанія Черкесскихъ князей не всѣ были исполнены. Такъ относительно дачи помощи противъ Турокъ имъ было отказано, такъ какъ султанъ въ миру съ царемъ, а относительно защиты ихъ отъ Крымскаго было отвѣчено, что царь „хощетъ ихъ беречь, какъ возможно“ [56]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая еще тѣснѣе сблизиться съ Москвою, Черкесскіе Пятигорскіе князья, слѣдуя примѣру другихъ царей и царевичей, жившихъ въ Московскомъ государствѣ, обращаются съ просьбою о крещеніи въ православную христіанскую вѣру. Князь Сибокъ бьетъ челомъ царю о крещеніи сына своего Кудадека, князь Тутарыкъ Езбузлуевъ о своемъ собственномъ крещеніи. Сынъ князя Сибока Кудадекъ—Александръ не только былъ крещенъ, но ему даже велѣно было жить у царя на дворѣ и учиться граматѣ вмѣстѣ съ Александромъ царемъ Казан-

---

ваетъ, а С. М. Соловьевъ повторяетъ тотъ же вопросъ: не Чеченскіе ли? Свѣдѣнія о сношеніяхъ Московскаго государства съ Черкесскими князьями, находящіяся въ изданныхъ Г. Ѳ. Карповымъ „памятникахъ дипломатич. сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ“ т. II—положительно свидѣтельствуютъ о томъ, что Жаженскіе князья тѣже Пятигорскіе. Жаженскіе, Жжамскіе, вѣроятно, испорченное—Занскіе, управлявшіе Заномъ.

[55]) Карповъ Г. Ѳ. Ibidem т. LIX с. 480.—Никонов. лѣтопись т. VII, с. 246.

[56]) Карамзинъ т VIII, с. 139—140; примѣч. 416. Ник. лѣт. ibidem.

скимъ [57]). Историкъ „Гребенскаго войска“ говоритъ, что вмѣстѣ съ этимъ посольствомъ въ Москву приходила „станица и отъ Гребенскихъ казаковъ“ бить челомъ царю Ивану IV о своей покорности и о царской милости къ далекому Гребенскому войску. Она милостиво была принята царемъ и казаки были пожалованы вольною рѣкою Терекомъ: царь велѣлъ имъ здѣсь служить свою службу государскую и беречь новую свою Кабардинскую вотчину. Гребенцы и доселѣ въ прадѣдовской пѣснѣ поютъ:

„Не бѣлые то гуси въ полѣ хлопочутъ,
Не сѣрые орлы въ подоблачьи клекочутъ,
То гребенскіе казаки передъ царемъ гуторятъ,
Передъ грознымъ царемъ Иваномъ да Васильевичемъ,
Они самому-то царю—надежѣ говорютъ:
Ой ты, батюшка, нашъ православный царь,
Чѣмъ ты насъ подаришь, чѣмъ пожалуешь?
Подарю я васъ, казаченьки, да пожалую
Рѣкой вольною Терекомъ Горынычемъ
Отъ самаго гребня до синя моря,
До синя моря и до Каспицкаго“ [58]).

Московское государство такимъ образомъ пріобрѣло себѣ новыхъ подданныхъ, союзниковъ, отъ которыхъ въ нужное время оно могло получить и помощь особенно противъ Крыма. Вокшерину, посланному къ Польскому королю Сигизмунду Августу въ концѣ 1554 года, если его спросятъ объ отношеніяхъ Москвы къ Крыму, велѣно было сказать о приходѣ Крымскаго хана къ Тулѣ и объ его побѣгѣ изъ предѣловъ Московскаго государства, и „послѣ того какъ велѣлъ ево государь воевати своимъ холопомъ Черкасомъ Пятигорскимъ, то вамъ, чаю, вѣдомо“. На дальнѣйшій вопросъ: Черкесы почему государя вашего холопы? Вокшеринъ долженъ былъ отвѣчать: „Черкасы государей нашихъ

---

[57]) Карамзинъ Ibidem с. 139—140; примѣч. 416. Тутаринъ въ крещеніи кн. Иванъ; Кудадекъ—Александръ. Никонов. лѣтопись т. VIII, с. 246—247.

[58]) Попко Ив. Терскіе казаки с. 25—26.

старинные холопы, а бѣжали съ Рязани; а тому два года, какъ сочасилися, пріѣзжали бити челомъ государю князи Черкасскіе сами Бугацикъ да Танашукъ да князь Иванъ; и государь нашъ ихъ пожаловалъ. И они нынѣ всѣ служатъ государю нашему. И какъ имъ государь велитъ, и они такъ и дѣлаютъ" [59]). И Пятигорскіе Черкесы дѣйствительно служили Московскому царю. Въ октябрѣ 1556 г. въ то время какъ Вишневецкій дѣйствовалъ противъ г. Ислам-Кирмена [60]), Пятигорскіе Черкесскіе князья Таздруй и Сибокъ съ братьею, „которые были у царя на Москвѣ", напали на Крымъ съ другой стороны и взяли два Азовскихъ городка Темрюкъ и Тамань [61]); въ 1558 г. „Черкасы Пятигорскіе многіе" пошли войною вмѣстѣ съ русскими войсками въ Ливонскую землю, а кн. Черкесскимъ Пятигорскимъ Ташбузруку съ братьею и со всѣми Черкесы вмѣстѣ съ Ногаями и русскимъ войскомъ царь ведѣлъ „надъ Крымскимъ

---

[59]) Карповъ Г.Ѳ. Ibidem т. LIX с. 449. Карамзинъ т. VIII, примѣч. 251. Въ наказѣ Никитѣ Сущеву, посланному въ началѣ 1553 года отъ Московскихъ бояръ къ панамъ радамъ Литовскимъ, мы еще не встрѣчаемъ никакихъ наставленій о томъ, что говорить ему, если его спросятъ о Черкасахъ. (Карповъ Г. Ѳ. Ibidem с. 376) Извѣстіе о происхожденіи Пятигорскихъ Черкесъ въ наказѣ Вокшерину, встрѣчающееся также и въ другихъ документахъ, заслуживаетъ наше вниманіе. — Герберштейнъ говоритъ, что Черкесы, по свидѣтельству русскихъ, отправляютъ богослуженіе на языкѣ славянскомъ, на немъ же и говорятъ. Весьма возможно, что среди Пятигорскихъ Черкесъ очень много было русскихъ, выселившихся изъ Рязани. И доселѣ среди племенъ Черкесскихъ есть племена не туземнаго такъ сказать происхожденія, не Черкесы, а только очеркесившіеся, принявшіе ихъ языкъ, обычаи. Такъ относительно общества Шибарлой есть повѣрья у нихъ, что они происхожденія русскаго (Сборн. свѣд. о кавказ. горцахъ т. I). О Джераховцахъ извѣстно, что они болѣе другихъ горцевъ были приверженцы русскому правительству (Ibidem т. VIII, с. 4).

[60]) Объ этомъ см. Никонов. лѣтопись т. VII, с. 273, 274, 276, 284. Багалѣй. Очерки колонизаціи степной окраины Москов. государства стр. 146—149.

[61]) Никонов. лѣтопись т. VII, с. 276.—Карамзинъ т. VIII, с. 155. Соловьевъ т. VI, с. 141.

промышляти" [62]). Пивову, посланному въ срединѣ 1559 г. къ Польскому королю Сигизмунду Августу на вопросъ сколько Черкесъ Пятигорскихъ у царя и великаго князя,—велѣно было говорить: „у государя нашего на Москвѣ живутъ Абеслинскіе князи Амашикъ съ братьею да Джанскіе князи Сибокъ съ братьею, а съ ними людей ихъ тысячъ съ 5; а Кабартинскіе князи живутъ на своихъ улусахъ, а большого князя Темрюковъ сынъ Булгайрукъ живетъ у государя нашего" [63]).

Въ свою очередь подданство Черкесъ Московскому государству приносило имъ несомнѣнную пользу въ борьбѣ ихъ съ крымцами. Такъ въ іюнѣ 1555 года ханъ Девлетъ Гирей отправился было „на Черкасы", но узнавъ, что царь послалъ свою рать на Крымъ, возвратился, долженъ былъ сражаться съ Московскою ратью [64]) и оставить походъ противъ Черкесъ.—Подобный же случай былъ съ ханомъ и въ слѣдующемъ году, когда онъ тоже долженъ былъ воротиться изъ похода на нихъ же, услыхавъ, что видѣли многихъ русскихъ людей на Днѣпрѣ около Ислам-Кирмена [65]). Въ Москвѣ съ Черкесскими Пятигорс. князьями вѣроятно обходились весьма милостиво, судя потому, что князья покидаютъ свои земли и выѣзжаютъ въ Москов. государство на житье подобно царямъ и царевичамъ изъ другихъ странъ, бывшимъ въ то время въ немаломъ количествѣ на Руси. Въ іюнѣ 1557 года пріѣхали въ Москву, говоритъ лѣтопись, „служити государю и о устроѣ бити челомъ впроки себѣ" князь Маашукъ Кануковъ, князь Сибокъ Кансауковъ, Чю-

---

[62]) Карповъ Г. Ѳ. Ibidem т. LIX, с. 542—543. Карамзинъ т. VIII, с. 156, 163, прим. 502.—Соловьевъ т. VI, с. 142.—П. С. Р. Л. т. IV, с. 309, 311. Лѣтописи Никонов. т. VII, с. 297. Продолж. древн. Росс. Библіоѳики. Спб. 1795 г. т. X (стат. спис. № 5, лл. 56, 58—69).

[63]) Карповъ Г. Ѳ. Ibidem с. 584. Дѣти Темрюковы Булгерукъ и Салтанукъ мурза пріѣхали въ октябрѣ 1558 г. Карамзинъ т. VIII, примѣч. 416.

[64]) Никонов. лѣтопись т. VII, с. 241—244, 249. Карамзинъ т. VIII, с. 147—148,

гукъ мурза, Тохта мурза—шуринъ Крымскаго хана съ людьми своими. Царь пожаловалъ и устроилъ ихъ [66]).

Но кромѣ матеріальной помощи, защиты отъ враговъ Московское государство оказывало Пятигорскимъ Черкесамъ и нравственную помощь чрезъ насажденіе среди нихъ христіанской вѣры. Въ сентябрѣ 1559 года вмѣстѣ съ Вишневецкимъ, бывшимъ въ походѣ противъ Крыма, прибылъ въ Москву Чюракъ мурза Черкеской. Онъ „отъ всѣхъ Черкасъ“ билъ челомъ царю, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, далъ бы имъ своего воеводу въ Черкасы и велѣлъ бы ихъ всѣхъ крестить въ православную христіанскую вѣру. Это ихъ требованіе о крещеніи въ христіанскую вѣру не должно поражать насъ. Черкесы издавна съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства были христіане. Въ горахъ ихъ доселѣ сохранилось много остатковъ церквей греческаго происхожденія, въ землѣ при рытьѣ рвовъ для сооруженія крѣпостей находили мѣдныя распятія; по свидѣтельству Шора Ногмова, слѣды христіанства и доселѣ еще очень свѣжи въ памяти народной. Христіанская вѣра стала у нихъ ослабѣвать только послѣ паденія греческой имперіи; а Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей огнемъ и мечемъ старался распространить вмѣсто нея магометанство. О томъ, что Черкесы и въ XVI вѣкѣ были христіане—видно изъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ писателей XVI вѣка Барбаро и Контарини [67]). Зная хорошо, или наслышавшись о ревности русскихъ къ православію Черкесы и обратились между прочимъ съ упомянутою просьбою о

---

[65]) Никонов. лѣтопись т. VII, с. 266.

[66]) Никонов. лѣтопись т. VII, с. 288.

[67]) Шора Ногмовъ. Исторія Адыгейскаго народа с. 24, 45, 46.—Замысловскій Е. Герберштейнъ с. 352.—Посолъ Кабардинцевъ въ 1732 году говорилъ, что князи, уздени и военные люди—магометанскаго закона, а „подданные ихъ, которые живутъ въ деревняхъ, содержатъ всѣ издавна вѣру и законъ греческаго исповѣданія, въ тѣхъ ихъ деревняхъ есть благочестивыя церкви и священники“. См. выше примѣч. 45-е. Сборникъ свѣдѣній о Кавказск. горцахъ т. II. Ст. П. У.—„начало христіанства въ Закавказьѣ и на Кавказѣ“ стр. 1—24.

крещеніи ихъ, точнѣе возстановленіи упавшаго у нихъ христіанства.—Согласно челобитья ихъ (Черкесъ) царь въ февралѣ 1560 г. отпустилъ въ Черкасы своего воеводу кн. Вишневецкаго и „многихъ людей“ вмѣстѣ съ Черкесскими князьями, жившими въ Москвѣ, Иваномъ Баашикомъ и Василіемъ Сибокомъ съ братьею, пославъ съ ними и „поповъ хрестьянскихъ“, которымъ было велѣно крестить Черкесъ по ихъ обѣщанью и челобитью [68]).

Изъ довольно многочисленнаго Черкесскаго племени не одни только „Черкесы Пятигорскіе“ обратились за покровительствомъ къ Московскому государству, ихъ примѣру въ 1557 г. послѣдовали и „Черкесы Кабардинскіе“, подъ которыми разумѣлись Черкесы, жившіе „на низъ по Терку“ съ лѣвой стороны Терека по рѣкамъ, впадающимъ въ него, Арданъ, Агеръ, Юрюхъ и Кизилъ на протяженіи 60 верстъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года пріѣхалъ въ Москву изъ Астрахани вмѣстѣ съ посланцемъ Астраханскихъ воеводъ Черемисинова и Колупаева Черкесскій мурза Канклычь, (Калычь, Ковлычь) Кануковъ. Онъ билъ царю челомъ отъ имени „Кабардинскихъ князей Темрюка и Тазрюта“, чтобы царь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ служить, „учинилъ ихъ въ холопствѣ“ и приказалъ Астраханскимъ воеводамъ подать имъ помощь противъ ихъ недруга Шевкала, такъ же бы ихъ пожаловалъ, какъ онъ пожаловалъ ихъ братью Черкесскихъ же Жанскихъ князей Машука и Сибока. Лѣтопись не говоритъ намъ прямо о результатѣ посольства, но изъ нея видно, что Кабардинскіе князья во всякомъ случаѣ въ это же время были приняты „въ холопство“

[68]) Карамзинъ т. VIII, примѣч. 566. Продолж. древней Россійс. Вибліоѳики т. X, с. 103. Грамата Измаилу отъ іюня 1560 г. Черкесамъ велѣно было также съ Черкесской стороны Крымскому недружбу дѣлати и надъ Крымомъ промышлять сколько мочно, въ то время какъ со стороны Днѣпра будетъ дѣйствовать Ржевскій, а со стороны Дона Истома Изволъскій и др.—Сущеву, посланному въ апрѣлѣ 1560 г. въ Польшу, если спросятъ: гдѣ Вишневецкій,—велѣно было отвѣчать: послалъ его государь на свое дѣло со многими людьми съ русскими и съ Черкасскими, а того не вѣдаю куда, язъ человѣкъ не ближней, мнѣ того вѣдати нелзѣ.—Карповъ Г. Ѳ. ibidem т. LIX, с. 613.

Московскому государству, такъ какъ чрезъ мурзу Канклыча Канукова, отпущеннаго изъ Москвы въ генварѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1558 года, Кабардинскимъ Черкесамъ велѣно было, собрався итти всѣмъ на помощь князю Дм. Ив. Вишневецкому, посланному на Крымскіе улусы. Защитить Кабардинскихъ Черкесъ отъ ихъ недруга Шевкала Московское государство могло и потому, что Шевкалъ еще въ 1555 году обращался къ Московскому царю съ просьбою о принятіи его въ холопи, и эту просьбу возобновилъ въ томъ же 1557 году, въ которомъ обратились и Кабардинскіе Черкесы [69]). Кабардинцы были вѣрными холопами Московскаго государства, принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Крыма русскихъ войскъ подъ начальствомъ князя Дм. Вишневецкаго; а въ 1560 году вмѣстѣ съ русскими войсками, посланными по челобитью Кабардинскихъ князей и по неправдамъ Шевкаловымъ, ходили воевать своего недруга Шевкала [70]). Вмѣстѣ съ войскомъ,

---

[69]) Никонов. лѣтопись т. VII, с. 289, 295.—Соловьевъ т. VI, с. 136, 142—143. Карамзинъ Н. М. т. VIII, прим. 477.—Ногайскій стат. списокъ № 5.—Продолженіе древней Россійс. Вивліоѳики Спб. 1795 г. т. X (стат. сп. № 5 лл. 56—74). Обратиться за покровительствомъ къ Московскому царю Шавкала могъ убѣдить Ногайскій мурза Измаилъ, сторонникъ Россіи, про котораго пріѣхавшій въ апрѣлѣ 1552 года служилый татаринъ Белекъ говорилъ: Измаилъ ѣздилъ въ Шевкал. землю и женился тамо 5-ою женою. (Ногайс. стат. спис. № 4, л. 98).

[70]) Подъ именемъ „Шевкала“ русскіе разумѣли Шамхала Тарковскаго, владѣтеля одной изъ Дагестан. провинцій. Въ VIII ст. арабы подъ предводительствомъ Абу-Муселима покорили весь Дагестанъ и посадили глав. правителемъ его Шахбала. Онъ и преемники его имѣли первоначал. резиденцію свою въ горахъ въ мѣстечкѣ Кумухѣ, до конца XVI вѣка; около этого времени Шамхалы начали жить зимою въ Буйнакѣ и въ Таркахъ, гдѣ застаетъ ихъ водвореніе русс. владычества въ Дагестанѣ и только на лѣто пріѣзжали въ Кумухъ. Нѣсколько вѣковъ Шахбалы имѣли въ полновластной зависимости своей бо́льшую часть Дагестана, а остальное населеніе его, равно какъ и многія сопредѣльныя племена признавали главенство ихъ; но по мѣрѣ того, какъ Шамхалы удаляли свою резиденцію изъ горъ къ прибрежью моря, власть ихъ на средній Дагестанъ слабѣла и наконецъ совершенно утратилась. Въ XV и XVI вв. Шамхалы были еще весьма могущественны. (Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ т. I, ст. „Шамхалы Тарковскіе“).—Подвластный Шам-

воеводой котораго былъ Ив. Черемисиновъ, царемъ изъ Москвы въ Кабарду были посланы (въ 1560 г.) также и „попы хрестьянскіе крестити Кабардинскихъ Черкасъ“ [71]), которые, какъ мы видѣли, въ тоже самое время были посланы и въ „Черкасы Пятигорскіе“.

Кромѣ Пятигорскихъ и Кабардинскихъ Черкесъ за покровительствомъ къ Московскому царю обращались, и защиты его искали и другіе сосѣдніе народы подъ вліяніемъ Казанскихъ и главнымъ образомъ Астраханскихъ событій.—Въ 1555 году прислали къ царю Ивану IV своихъ пословъ Шевкальскій царь и Тюменскій князь, „дань же на себя кладутъ и на службы на государевы ходити хотятъ съ государевыми воеводы вмѣстѣ“ [72]). Сношенія съ этими странами продолжались и послѣ. Въ декабрѣ 1556 года Черемисиновъ и Колупаевъ доносили царю изъ Астрахани, что къ нимъ была присылка о мирѣ и о торговлѣ отъ владѣтелей изъ Шамахи, Шевкалъ и Тюмени и они по государеву наказу послали къ нимъ служилыхъ Татаръ [73]).

халамъ народъ называется или Шевкалами или Кумыками по имени ихъ главнаго селенія Гумухъ, Кумухъ, или Кази-Кумыками. Это послѣднее названіе образовалось такимъ образомъ: жители главнаго селенія Гумуха первые обратившіеся въ магометанство добровольно и сильно гордившіеся этимъ, присоединили къ названію своего селенія почетный арабскій титулъ гази или кази; затѣмъ Гази-Кумукъ или Кази-Кумухъ обратилось въ названіе всей страны и народа. (А. П. Берже. Этнографическое обозрѣніе Кавказа Спб. 1879 г.).

[71]) Карамзинъ т. VIII, прим. 566. Продолженіе древней Россійской Вивліоѳики т. X. Грамата Измаилу отъ іюня 1560 г.

[72]) Карповъ Ibidem т. LIX, с. 480. Изъ наказа послу Турпѣеву въ Литву въ концѣ 1555 года. Послѣ этихъ словъ велѣно говорить: и язъ поѣхалъ, а государь ещо имъ своего жалованья не сказалъ, по колку съ нихъ дани имати и колкимъ ихъ людемъ на службу ходити съ государевыми людми вмѣстѣ.—А вспросятъ Савлука: сколь далече тѣ земли отъ государя вашего украины? И Савлуку сказати: отъ Рязани до Черкасъ 15 денъ ходу, а Шавкалская земля и Тюменская земля поряду съ Черкаскою землею и съ Астороханскою; а Астороханъ вамъ вѣдомо, что государя изъ нашего. А Черкаси сошлися съ Крымскими улусы. А отъ Крыма подлѣ море съ Астороханью и Шевкалы и съ Тюменью съ одново.

[73]) Никонов. лѣтопись т. VII, с. 277.

Объ этомъ же они доносили царю и въ слѣдующемъ году (въ маѣ), что изъ многихъ земель съ ними ссылались, изъ Шевкалъ, Шемахи, Дербени и Иргача „о братствѣ и о любви“, и что на весне хотятъ со многими торги быть въ Астрахани; а чрезъ 2 мѣсяца они доносили уже о приходѣ многихъ гостей изъ Шамахи, Дербени, Шевкалъ, Тюмени, Юргенча, Саранчака со всякими товары [74]). Въ іюлѣ 1557 года прибыли въ Москву послы „отъ Крымъ Шевкала [75]) и отъ всей земли Шевкалской и отъ Тюменскаго князя“ съ поминками бить челомъ государю, чтобы царь „велѣлъ имъ быти въ своемъ имени и холопствѣ“ у себя учинилъ и приказалъ бы Астраханскимъ воеводамъ беречь ихъ со всѣхъ сторонъ, а торговымъ людямъ далъ бы дорогу чистую; „и что ся государю у нихъ полюбитъ, ино то все присылать станутъ ежегодъ“ [76]).—Въ слѣдующемъ году (1558) пришли послы а) отъ Тюменскаго князя съ челобитьемъ, чтобы государь держалъ ихъ въ своемъ имени, и б) отъ Шевкала, чтобы царь защитилъ ихъ отъ Черкесскихъ князей; и Шевкалу и Тюменскому князю Токлую отвѣтныя граматы были посланы въ апрѣлѣ 1559 г. [77]).

---

[74]) Ibidem стр. 284, 289.

[75]) Крымъ-Шамхалами (Крымъ Шевкалами) назывались правители дер. Буйнакъ. Титулъ этотъ, какъ говоритъ преданіе, образовался послѣ того, какъ Шамхалы окончательно основали свою постоянную резиденцію въ Таркахъ. Званіе правителя Буйнакъ предоставлялось обыкновенно старшему въ родѣ послѣ Шамхала, и онъ предназначался наслѣдникомъ титула и власти его; поэтому онъ какъ бы считался въ половину Шамхаломъ, что на мѣстномъ Кумыкскомъ языкѣ выражается такъ: Ярымъ-Шамхалъ, и многіе думаютъ, что званіе Крымъ-Шамхала происходитъ отъ этихъ словъ. Крымъ Шамхалы часто интриговали противъ настоящихъ Шамхаловъ и иногда успѣвали отнимать отъ старшихъ братьевъ владѣнье. (Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ т. I, статья „Шамхалы Тарковскіе“).

[76]) Никонов. лѣтопись т. VII, с. 289. Соловьевъ т. VI, с. 136.

[77]) Карамзинъ т. IX, примѣч. 258.—О сношеніяхъ съ Шевкаломъ въ архивскомъ титулярникѣ № 1 читаемъ: Начало посолства съ Шевкалскимъ. А се писано начало в грамоте Шевкалского ко царю и великому князю: Богомъ богатый! Величайшего и высочайшаго государя не-

Въ декабрѣ 1559 года Иванъ Выродковъ писалъ изъ Астрахани, что Тюменской мурза Мамай, Агишевъ сынъ, пріѣхалъ бить челомъ, чтобъ государь далъ ему рать на дядю его Тюменскаго князя и учинилъ бы его на Тюмени; а онъ холопъ государевъ.... Да изъ Шавкалъ къ государю приказываютъ, чтобы прислалъ рать на Крымъ-Шевкала, а имъ далъ иного, а они всею землею холопи государевы" [78]). Въ 1559 же году былъ отправленъ царемъ Иваномъ IV служилый татаринъ Исенъ къ Крымъ Шевкалу, который въ концѣ этого года возвратился съ посломъ Крымъ-Шевкала къ царю Бекбулатомъ [79]).

подвижнаго ц. и в. к. величеству много много поклонение и слово посланое то. А на свершенье лѣта в грамоте не писаны.—А се начало въ грамоте писано отъ царя и великого князя к Шевкалскому: Божіею милостию отъ царя и в. к. Ивана Васильевича... *и пр*..... и иныхъ и всея Сибирскіе земли и сѣверные страны повелителя и облаадателя нѣмецъ Ливонские земли города Юрьева и иныхъ Шевкалу князю слово то. А в свершение в грамоте: писано въ государьства нашего дворѣ града Москвы лѣта 7067-го апрѣля мѣсяца (Титулярникъ Архив. № 1, лл. 88 об.—89 об.).—О сношеніяхъ съ Тюменскимъ тамъ же читаемъ: А се начало от государя въ грамоте писано к Тюменскому Токлую князю: Божіею милостию отъ ц..... *и пр*... и иных Туклую князю Тюменскому жалованья нашего слово то. А свершенье въ грамоте писано: въ государьства нашего дворѣ града Москвы лѣта 7067-го. А се начало писано в пріѣзжих грамотахъ: Божиимъ велѣниемъ в. г. ц. .... и иныхъ и Сибирские земли и Сѣверные страны повелителя и государя земли Виолянские и иныхъ полуденныхъ странъ здержателемъ и восточных странъ обладателемъ, царемъ и королемъ и царевичемъ и королевичемъ и всѣхъ государствъ государемъ и градодержцемъ своихъ степеней наслѣдствователем и приятелемъ ближнимъ и далним сусѣдомъ любовного приятелства слово вѣдомо б было. Послал есми до ваших земел... А свершенье в грамоте писано: как бы нашего повелѣния слово всѣмъ вѣдомо было, молвя съ любовью се ярлык послали есмя. Писан въ государства нашего дворѣ града Москвы лѣта от созданию миру 7075-го маия мѣсяца, индикта 3, государствия нашего 3, а царствъ нашихъ Росийского, Казанского, Астараханского.—Рускимъ, татарскимъ, неметцким писмомъ, вмѣсте сшив подъ болшою печатью. (Титулярникъ Архив. № 1, лл. 93 об.—95 об.).—Карамзинъ т. IX, прим. 258.

[78]) Карамзинъ т. VIII, примѣч. 415.

[79]) Ногайс. стат. списокъ № 5, л. 86 об.

Къ этому же времени, именно къ 1557 году относится извѣстіе о желаніи Иверскаго князя отдаться подъ покровительство Московскаго царя. Пріѣхавшій тогда впервые посолъ Кабардинскихъ Черкесъ Канклычъ говорилъ, что вмѣстѣ съ Кабардинскими Черкесами „въ одной правдѣ и заговорѣ“ Иверскій князь и вся земля Иверская и только царь учинитъ Кабардинцевъ „въ холопствѣ“ и помощь окажетъ противъ ихъ недруговъ, то вмѣстѣ съ ними Кабардинцами бьютъ челомъ и Грузинцы, чтобы царь ихъ тоже пожаловалъ, взялъ въ холопи и учинилъ помощь противъ ихъ врага [80]). Это намѣреніе Иверской земли обратиться за покровительствомъ къ Московскому царю должно было быть царю Ивану IV особенно желательнымъ. Въ наказѣ Олферьеву, посланному въ началѣ 1558 года къ Польскому королю Сигизмунду Августу между прочимъ читаемъ въ числѣ тѣхъ рѣчей, которыя Олферьевъ долженъ быть говорить:... „то слыхаемъ государьское слово почасту и ото всѣхъ ближнихъ людей, а и сами въ государьскомъ дворѣ проживаемъ, иногда лучаетца и сами отъ государьскихъ устъ слыхаемъ, отколѣ придутъ вѣсти, что христьяномъ гдѣ учинитца нужа, и государь о томъ велми скорбитъ, какъ и о своихъ же. Два года тому учинилась вѣсть государю нашему, что Иверскую землю Кизылбашъ воевалъ; и государь нашъ вельми о томъ скорбѣлъ и до слезъ, да и о всякой незгодѣ крестьянской государь нашъ скорбитъ; а толко бъ гдѣ возможно государю нашему христьянству помочи, и государь бы нашъ за нихъ и душу свою положилъ“ [81]). Кабардинскіе Черкесы были приняты въ то время въ холопи, поэтому можно думать, что и сношенія Московскаго государства съ Грузіей возобновились съ этого именно времени.

Въ 1561 году совершилось событіе, которое еще болѣе связало Московское государство съ Кавказомъ и глав-

---

[80]) Карамзинъ т. VIII, примѣч. 416. Никонов. лѣтопись т. VII, с. 289. Соловьевъ т. VI, с. 136.

[81]) Карповъ Г. Ѳ. ibidem т. LIX, с. 541.

нымъ образомъ съ Кабардинскими Черкесами: въ этомъ году царь Иванъ IV вступилъ во второй бракъ съ дочерью Кабардинскаго князя Темгрюка Маріанъ-Маріею. Документовъ, касающихся этого царскаго браносочетанія, сохранилось такъ мало, что мы не имѣемъ даже чина этой свадьбы и издатель „древней Россійской Вивліоѳики“, помѣстивъ въ XIII томѣ (2 изд.) чины свадебъ великихъ князей и царей, послѣ чина свадьбы царя Ивана IV на Анастасіи Романовой принужденъ былъ заявить: „здѣсь по порядку слѣдовало быть второй свадьбѣ царя и великаго князя Ивана Васильевича, но описанія этой свадьбы не отыскано“ [81]). Мы даже не знаемъ точно, когда будущая царица пріѣхала въ Москву. О пріѣздѣ братьевъ ея въ лѣтописи мы встрѣчаемъ замѣтку, что въ октябрѣ 1558 года пріѣхали изъ Кабарды „большаго князя дѣти Темрюковы Булгерукъ да Салтанукъ мурза“ (въ крещеніи Михаилъ), но изъ этой замѣтки не видно, чтобы вмѣстѣ съ братьями пріѣхала въ Москву и Маріанъ Темрюковна, которая всего вѣроятнѣе пріѣхала послѣ нихъ [82]). Есть извѣстіе, что въ то время „какъ царь и в. к. Иванъ Васильевичъ в. Р. сватался за себя въ Черкасехъ царицу Марью Черкаскую, въ ту пору Василій Ивановъ Меншой Коробьинъ былъ въ Черкасехъ отъ царя Ивана“ и съ извѣстіемъ о ходѣ дѣлъ присылалъ къ царю Никиту Григ. Рѣвскаго, Петра и Василья Биркиныхъ. Но къ сожалѣнію настоящее извѣстіе этимъ и ограничивается [83]). Въ наказахъ русскимъ посламъ, отправ-

---

[81]) Д. Р. В. т. XIII, с. 85. Къ этому заявленію можно прибавить, что настоящій чинъ и доселѣ неизвѣстенъ. Объ этой свадьбѣ ничего нѣтъ и въ „Описаніи 13 старинныхъ свадебъ великихъ Россійскихъ князей и государей“ М. 1785.

[82]) Карамзинъ т. VIII, прим. 416.

[83]) Приказныя дѣла М. Г. А. М. И. Д. 1625 г. д. № 17. Въ Посольскомъ приказѣ велѣно было выписать объ этомъ и о томъ, въ которомъ году Коробьинъ присылалъ гонцовъ и съ какимъ дѣломъ; отвѣчено, что ничего не сыскано и въ переписной книгѣ 126 г. документовъ Посольскаго приказа, оставшихся послѣ Москов. разоренья, ничего не написано.

лявшимся послѣ свадьбы, мы встрѣчаемъ статью — что должно отвѣчать „нѣчто вспросятъ о государьской радости". Посолъ такъ долженъ былъ говорить: „Божья воля сталася: у государя нашего царицы и великой княгини Настасіи въ животѣ не стало. И государь нашъ по многимъ землямъ посылалъ и сказали ему у болшого князя Черкаского у Темгрюка дочерь, что ему государьскому обычаю пригожа; и царь и великій князь посылалъ по неѣ и смотрилъ еѣ. И она ему государьскому обычаю пригодилась, и государь и взялъ еѣ за себя; а Темгрюка князя и землю Черкаскую пожаловалъ, велѣлъ ему себѣ служити" [85]). Насколько оба эти извѣстія вѣрны, мы въ настоящее время за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ ничего не можемъ сказать. Въ Москвѣ Маріанъ Темрюковна была крещена въ православную христіанскую вѣру и получила имя Маріи. Самое бракосочетаніе было совершено вскорѣ послѣ 20 августа 1561 года, о чемъ мы узнаемъ изъ записокъ Англійскаго посла къ царю Ивану IV Дженкинсона. Онъ, пріѣхавъ 20 августа въ Москву, просилъ дьяка доложить царю объ его прибытіи. „Но его высочество, пишетъ Дженкинсонъ, былъ занятъ великими дѣлами: онъ готовился вступить въ бракъ съ княжною Черкеской Магометова закона и потому приказалъ, чтобы ни одинъ иностранецъ будь то посолъ или кто-либо другой, не былъ допускаемъ". Дженкинсонъ сообщаетъ далѣе нѣсколько странное извѣстіе, что царь „кромѣ того повелѣлъ, чтобы въ продолженіи трехъ дней, пока будетъ праздноваться это торжество, городскія ворота оставались запертыми, и чтобы никто ни иноземецъ, ни русскій (кромѣ нѣкоторыхъ лицъ изъ его двора)

---

[85]) Въ наказѣ Елиз. Ржевскому, посланному въ Крымъ въ сентябрѣ 1563 года. Крымскій стат. списокъ № 10, лл. 280 об.—281. Шора Ногмовъ говоритъ, что Темгрюкъ отправилъ своихъ дѣтей сына и дочь „на воспитаніе" и что Маріанъ плѣнила царя своей красотой; и что посланный съ ними кабардинецъ Иванъ, возвратившись на родину, разсказывалъ много столь неслыханнаго и чудеснаго, что его стали почитать за колдуна, и память о немъ сохранилась де до сихъ поръ между кабардинцами.— „Исторія Адыгейс. народа", с. 108—109, 111.

не выходилъ во время сего торжества изъ своего дома; причина таковаго повелѣнія неизвѣстна и по сей день“ [86]). Этимъ ограничиваются всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ относительно брака царя Ивана IV на княжнѣ Черкеской Маріи Темгрюковнѣ.

Значеніе этого брака для сношеній Москвы съ князьями Кабардинскими понятно: онъ еще болѣе долженъ былъ сблизить ихъ. Московское правительство принимаетъ горячее участіе въ судьбѣ Темгрюка, когда противъ него возстали нѣкоторые Черкесскіе князья; а Темгрюкъ въ свою очередь дружится и оказываетъ помощь приверженцу Московскаго государства—Измаилу мирзѣ Ногайскому, когда къ нему обратилось Московское правительство съ приказаніемъ „промышлять“ надъ врагомъ Измаила Казыемъ мирзою. „А что еси писалъ ко мнѣ, пишетъ Измаилу царь Иванъ IV въ апрѣлѣ 1562 года, о Казы мирзѣ, и язъ послалъ въ Черкасы своего посла Ивана Ѳедцова съ товарыщи и велѣлъ есми ему Черкасомъ говорити, чтобъ надъ Казы мирзою промыслили. И какъ будетъ у насъ нашъ посолъ Иванъ, и мы тогды тебѣ о Казы мирзѣ вѣдомо учинимъ“ [87]). Въ томъ же 1562 году Темгрюкъ заключаетъ договоръ съ Измаиломъ о томъ, чтобы имъ „обѣма заодинъ быти на недруговъ и съ други дружитися за одинъ же“, на заклю-

---

[86]) Соловьевъ Исторія Россіи т. VI, с. 432. Карамзинъ т. IX, с. 20 Толстой Юрій. Первыя 40 лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею 1553—1593 гг. Спб. 1875 г. с. 14. Середонинъ С. Извѣстія англичанъ о Россіи XVI в. въ Чтеніяхъ Импер. Общ. Ист. и Др. Рос. за 1884 г., кн. 4, с. 57. Впослѣдствіи ей пишетъ граматы жена Тинахмата мирзы Ногайскаго Малхурубъ княгиня Черкасская, называя ее „гошевной“, а царя зятемъ. Прод. Росс. Вивліоѳ. т. XI, с. 52—57.—Она пишетъ въ Крымъ большей царицѣ Аймѣ-салтанѣ и Ханъ-Сюеръ—въ августѣ 1564 г. Крымс. стат. списокъ № XI, с. 111—112. Дженкинсонъ говоритъ, что его сперва не хотѣли изъ Москвы отпустить въ Персію, куда онъ думалъ ѣхать, потому что „его высочество намѣревается послать армію въ Черкесскую землю“. Если это вѣрно, то вѣроятно для защиты своего тестя отъ его враговъ.

[87]) Продолж. древ. Росс. Вивліоѳики т. X, с. 193—194. Объ этомъ писалъ царь еще ранѣе въ августѣ 1561 года.—Ibidem, с. 165.

ченіе котораго договора, вѣроятно, имѣли большое вліяніе и непріязненныя дѣйствія противъ Темгрюка нѣкоторыхъ Черкесскихъ князей. Выше мы видѣли, что царь по челобитью Пятигорскихъ Черкесъ послалъ къ нимъ „воеводу“ кн. Дм. Вишневецкаго. Назначеніе это было неудачное, такъ какъ Вишневецкаго Московское правительство вскорѣ же должно было отозвать обратно, неизвѣстно по какой причинѣ. Русскій посолъ въ Крымъ (въ апрѣлѣ 1563 года) Аѳанасій Нагой на вопросъ: для чего царь вывелъ Вишневецкаго изъ Черкасъ—долженъ былъ отвѣчать: того для, что онъ учалъ жити въ Черкасехъ не по государеву наказу. Но что именно Вишневецкій дѣлалъ „не по государеву наказу“ — неизвѣстно; равно какъ въ настоящее время у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній относительно того, въ какомъ отношеніи находится это къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ Темгрюка Черкескихъ „Пятигорскихъ“ князей Сибока и Канука. Когда эти дѣйствія начались и что было ихъ причиной мы не знаемъ; но въ 1562 году они уже имѣли мѣсто. Пріѣхавшій въ Крымъ изъ Черкасъ въ іюлѣ 1563 года Кулчюкъ мурза говорилъ хану Девлетъ Гирею, что царь Иванъ IV весной этого (1563) года „прислалъ въ Черкасы къ Темрюку князю воеводъ своихъ, а имянъ де имъ не помнитъ. а съ ними де прислалъ многихъ Московскихъ людей да стрѣльцовъ 1,000 человѣкъ. И воеводы де пришедъ Темрюку князю городъ поставили; и Темрюкъ де въ городѣ сѣлъ. а хочетъ де съ Московскими людьми итти на Сибока да на Канука князя“ [88]). Если Темгрюкъ весной 1563 года хочетъ уже итти противъ князей, если къ нему уже было прислано Московское войско, то самая причина похода существовала ранѣе. Аѳанасій Нагой, если бы его спросили въ Крыму: какъ служатъ нынѣ царю князь Сибокъ и князь Канукъ, долженъ былъ отвѣчать что „они и нынѣ служатъ государю“, если онъ узнаетъ, что они на Темгрюка князя войною не пошли и Олешка будетъ

[88]) Крымскій стат. списокъ № 10, с. 52—53, 60, 100, 167, 168.

Черкаской въ Крымъ не пришелъ; въ противномъ же случаѣ, если Аѳанасій про Сибока и про Канука провѣдаетъ, что они на Темгрюка князя пошли войною или хотя и не пошли, а сбираются на него, онъ долженъ былъ говорить: язъ пошелъ отъ своего государя, а тѣ князи Черкаскіе служили государю моему; а того язъ нынѣ не вѣдаю—которымъ обычаемъ нынѣ у нихъ война будетъ въсчалася. Въ Крыму Нагой долженъ былъ разузнавать („пытати“) о сыновьяхъ князя Сибока Алексѣѣ и Гаврилѣ, ушедшихъ въ Литву. Если они пріѣхали изъ Литвы—разспросить ихъ, почему они уѣхали отъ царя, звать ихъ къ царю, сказавъ, что онъ покроетъ имъ вину своимъ милосердіемъ и пожалуетъ великимъ жалованіемъ, особенно „накрѣпко“ звать кн. Александра (Алексѣя), о которомъ Аѳанасію „одноконечно“ вмѣнялось промыслити, чтобъ его перезвать къ царю [89]). Аѳанасій также долженъ былъ провѣдывать: нѣтъ ли какова подыму отъ Олешки и отъ отца его Сибока Крымского царя на Темгрюка князя? Или будетъ Олешка проѣхалъ въ Черкасы Черкасъ подымати на Темгрюка князя, и что Олешкино царю и вел. князю и по всей руской землѣ измѣна? О томъ ему о всемъ провѣдати про Олешку и про князя Гаврила Черкаского подлинно“. Судя по этимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, можно думать, что на удаленіе изъ „Пятигорскихъ“ Черкасъ Вишневецкаго имѣли большое

---

[89]) Аѳанасій долженъ былъ также „отвѣдывати про Черкаскихъ князей: которые Черкаскіе князи въ Крыму, хто именемъ и сколь давно и сколько съ ними людей и въ какомъ жалованье у царя“ (Крым. стат. спис. № 10, л. 61).—Впослѣдствіи изъ Москвы посылаютъ въ Крымъ въ числѣ другихъ граматъ и къ „Черкасскимъ князьямъ“, которые радѣли въ Крыму объ интересахъ Москвы,—въ августѣ 1564 г. „Ахмету кн. Черкасскому“, въ октябрѣ того же года кромѣ него еще и „Мустофѣ князю Черкасскому“. (Крымскій стат. списокъ № 11). Въ сентябрѣ 1563 г. пріѣхалъ Рязановъ съ отпиской и стат. спискомъ Аѳанасія. Въ послѣднемъ Нагой (л. 167) пишетъ: а про Олешку про Черкаского и про князя Гаврила сказали, что они въ Литвѣ, а въ Крымъ не бывали. А Олешка де живетъ въ Литвѣ у Сибокова брата, а князь Гаврило де живетъ съ нимъ же; а того не вѣдаютъ, про что де отъ государя отъѣхали. Просился въ Крымъ, но король не отпустилъ.

вліяніе (чтобы не сказать болѣе) князья Пятигорскіе, что они въ это время отложились отъ Московскаго государства, такъ какъ воюютъ противъ Московскаго войска и другихъ Черкескихъ князей („Кабардинскихъ"), подданныхъ Московскаго государства, и наоборотъ дружатся и стоятъ вмѣстѣ заодно съ непріязненнымъ Московскому государству Ногайскимъ мурзою Казыемъ. — Московское правительство не довольствовалось только развѣдываніемъ въ Крыму о дѣлахъ Черкесскихъ князей. 30 іюля 1563 года царь послалъ изъ Слободы въ Черкасы Пятигорскіе ко Темгрюку Аидаровичю Семена Ярцова „о всѣхъ нашихъ дѣлехъ поговорити", въ томъ числѣ и для того, чтобы „которые ему (Темгрюку) будутъ тѣсноты отъ недруговъ, и онъ бы о томъ приказалъ къ царю". Тогда же вмѣстѣ съ Ярцевымъ по челобитью Темгрюка были отпущены къ нему Черкесскіе князья Кечмезюнъ и Тюмка, „которые служили государю на Москвѣ" [90]). Отправивъ Ярцева въ Черкасы, царь Иванъ въ тоже время увѣдомилъ объ этомъ и Измаила мирзу Ногайскаго и писалъ ему, чтобы онъ (Измаилъ) „съ тестемъ моимъ съ Тюмгрюкомъ княземъ о своихъ дѣлехъ обослался, какъ намъ противъ своихъ недруговъ стояти; да что уложите, и ты бъ тогды ко мнѣ о своихъ дѣлехъ приказалъ" [91]).

Несогласія Черкескихъ князей продолжались и послѣ этого посольства даже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ съ одной стороны мы имѣемъ извѣстіе, что осенью 1563 года Сибокъ и Канукъ князи присылали въ Крымъ къ хану брата Сибокова Чюбука просить царевича „на Черкаское государство" и что Девлетъ Гирей отпустилъ къ нимъ своего внука, калгина сына, царевича Сламъ Гирѣя; съ другой стороны къ царю Ивану IV въ первыхъ числахъ (3) октября мѣсяца того же года пріѣхалъ изъ Черкасъ Гр. Плещѣевъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной Темгрюкомъ надъ его врагами, что онъ (Темгрюкъ),

---

[90]) Карамзинъ т. IX, примѣч. 95.

[91]) Прод. древ. Росс. Виніоѳ. т. X, с. 260.

взявъ въ Астрахани 500 стрѣльцовъ и 500 казаковъ, „воевалъ Шепшуковы улусы да Татцкіе земли“, взялъ 3 княжихъ Шепшуковыхъ города Мохань, Енгирь и Каванъ, завоевалъ 161 кабакъ Мшанскихъ и Сонскихъ, захватилъ въ плѣнъ 4-хъ мурзъ Бурнаша, Ездноура, Бурнака, Дудыля, а мурзу Темишку убилъ,—и ушелъ изъ земли, положивъ на нихъ дань [92]). Въ этихъ войнахъ Черкесскихъ князей принимали участіе и Ногайцы. Прибывшіе отъ послѣднихъ въ генварѣ 1564 года въ Москву послы, привезли отъ Ногайскихъ мирзъ граматы царю Ивану IV, въ которыхъ мирзы Казы, Яишсатъ и Исламъ между прочимъ писали: „а какъ промежь Черкасовъ война ся стала, и мы тѣхъ велѣли воевать; и нынѣ чтобы государя нашего люди въ упокоѣ были, помирилися есмя“. Сынъ умершаго Измаила мирза Тинахматъ довольно рѣзко оттѣняетъ участіе въ этой войнѣ и свое и мирзы Казыя, врага своего. „Черкасскому князю Шигапсуку, пишетъ онъ, пособляетъ, а Темгрюка князя обидитъ Казый же. А отецъ мой князь съ Темгрюкомъ княземъ сговорилися были, на веснѣ хотѣли оттолѣ Темгрюкъ князь, а отселя отецъ мой князь хотѣли Казыя воевати. И мы дастъ Богъ на веснѣ какъ отъ тебя къ намъ вѣсть будетъ съ Темгрюкомъ княземъ соединачимся. А отъ тебя рать будетъ, и мы Казыя учнемъ воевати“ [93]).—О военныхъ дѣйствіяхъ Черкесскихъ князей въ 1564 году мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; быть можетъ онѣ на время прекратились, чтобы, какъ писали Ногайскіе мирзы, „люди въ упокоѣ были“, они „помирилися“. Неизвѣстно съ какимъ порученіемъ царь Иванъ IV отправилъ въ этомъ году „въ Черкасы къ Казы мирзѣ“ татарина съ граматою, и „въ Черкасы Кабардинскіе“ къ кн. Темгрюку Ив. Новосильцова съ жалованьемъ (21 іюня).—О

---

[92]) Крымск. стат. спис. № 10. Карамзинъ т. IX, прим. 95.

[93]) Продолж. Росс. Вивліоѳ. т. XI, с. 40, 47. Аппъ мирза въ сентябрѣ 1564 г. писалъ: недругъ твой Крымскій и недругъ твой Казый и Тюмень и Шавкалы—ibidem с. 76. Къ мирзамъ никто не былъ посланъ, потому что они писали невѣжливо и приходили къ Астрахани, что подтвердили и присланные Мамструкомъ Темгрюковымъ изъ Астрахани люди. Ногайс. ст. сп. № 7, л. 70 об.

Новосильцевѣ извѣстно, что онъ возвратился въ Москву 11 іюня слѣдующаго года (1565), а чрезъ нѣсколько дней послѣ него (17 іюня) пріѣхалъ сюда Мамстрюкъ князь Темгрюковичъ. Мамстрюкъ билъ челомъ царю въ Александровской слободѣ, и извѣщая, что отцу его кн. Темгрюку „пришли тѣсноты отъ Черкасъ и ему непослушны“, просилъ у царя войско противъ нихъ. Челобитье тестя царемъ было удовлетворено и съ Мамстрюкомъ, отпущеннымъ 10 сентября того же года, было послано войско на Черкесскихъ Кабардин. князей, которые имъ непослушны, на Шапшука, Тазрита и Майта. Рать, отправленная полемъ съ воеводою кн. Ив. Дм. Дашковымъ, дѣтьми боярскими Муромцами и Мещерянами, Ив. Фестовымъ съ казаками изъ гг. Михаилова, Ряжскаго, Шацкаго и со всѣми казаками Рязанской украины и князь Мамстрюкъ, поѣхавшій вмѣстѣ съ Черкасскими казанами и стрѣльцами и посломъ къ кн. Темгрюку дьякомъ Мат. Ржевскимъ „въ судѣхъ“, не доѣхали въ этомъ году до Черкасъ, такъ какъ Волга стала и они должны были остановиться перезимовать тамъ, гдѣ ихъ застали морозы—Мамстрюкъ подъ Дѣвичьими горами на усть Кульи, а Дашковъ въ Астрахани. Весной слѣдующаго года отправившись въ дальнѣйшій путь, они въ 1566 году успѣшно окончили данное имъ порученіе, такъ что въ концѣ октября 1566 г. Дашковъ и дьякъ Ржевскій уже прибыли въ Москву съ донесеніемъ, что они „Черкасскіе мѣста Шапшуковы кабаки съ братьею воевали и полонъ и животовъ имали много и Черкасскихъ князей побили“. Поѣздки въ Москву съ просьбою о помощи имѣли свою неудобную сторону для Темгрюка, такъ какъ они требовали значительнаго времени, въ которое могли случиться событія для него вовсе не желательныя. Поэтому въ концѣ того же 1566 года (22 декабря) прибылъ въ Москву шуринъ царя князь Матловъ бить челомъ, чтобы государь пожаловалъ „для береженья отъ недруговъ велѣлъ городъ поставить на р. Теркѣ усть Сюунчи рѣки“, въ которомъ бы находилось постоянное русское войско, могшее оказать ему по-

мощь и защиту въ нужное время"). Эта просьба была удовлетворена царемъ: 2 февраля 1567 г. онъ отпустилъ Матлова въ Черкасы и послалъ вмѣстѣ съ нимъ для городового дѣла кн. Андрея Сем. Бабичева и Петра Протасьева „со многими людьми, да и пушки и пищали" [95]), которые и дѣйствительно поставили городъ. Но о существованіи новаго города вскорѣ же узнали Крымскій ханъ и Турецкій султанъ, которые къ своимъ требованіямъ о возвращеніи имъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ, присоединили новое объ уничтоженіи только что выстроеннаго русскими города Терка [96]).

О возвращеніи завоеванныхъ русскими мусульманскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго Крымскому хану, который считалъ себя покровителемъ бывшихъ царей, или Турецкому султану, подъ верховенствомъ котораго находился Крымскій ханъ, мы въ первое время по ихъ завоеваніи не встрѣчаемъ никакихъ требованій ни со стороны хана, ни со стороны султана. О послѣднемъ извѣстно даже, что стольника Адашева, посланнаго съ извѣстіемъ о взятіи Казани

---

[94]) Карамзинъ т. IX, прим. 268. [95]) Ibidem — прим. 255. „29 іюля царь отпустилъ Доманукова человѣка Темгрюковича Тотуя, а съ нимъ станицу служилыхъ татаръ съ грамотами" (Карамзинъ), но о чемъ — неизвѣстно.

[96]) Въ Архивскомъ титулярникѣ № 1 находится свѣдѣніе, что къ кн. Темгрюку была отправлена грамата въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1567 года, но о чемъ и съ кѣмъ неизвѣстно. Можетъ быть подобная грамата 1578 года, данной царемъ же Иваномъ IV и при подобныхъ же обстоятельствахъ. См. ниже матеріалы с. 8—9. Въ Архив. титулярникѣ № 1 (лл. 92 об.—93 об.) о сношеніяхъ съ Черкесскими князьями такъ записано: къ Темгрюку князю отъ государя грамоты въ началѣ писаны: Божиею милостию отъ ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р. Темгрюку князю Андоровичю слово любовно то. Писанъ въ государьства нашего дворѣ града Москвы лѣта 7075-го апрѣля мѣсяца.—А се начало к Тюмгрюковымъ дѣтемъ: отъ ц. и в. к. Ив. Вас. в. Р. Домануку князю да Мамструку мурзѣ Темгрюковичемъ: присылали есте къ памъ. А свершенье въ грамоте: писанъ на Москвѣ. Да и ко всѣмъ Черкаскимъ княземъ и къ мурзамъ Пятигорьскихъ черкасъ грамоты отъ государя писаны потому же безъ государьскихъ тителъ. А въ рѣчехъ всѣмъ велѣно отъ государя поклонъ правити и о здоровьѣ вспросити и рѣчь говорити по наказу.

онъ принялъ особенно почетно и дружелюбно [97]). Но съ 1563 года измѣняется положеніе дѣла. Крымскій ханъ начинаетъ съ этого года заявлять свои права на Казань и Астрахань и требуетъ отъ Москов. царя возвращенія ихъ себѣ. Султанъ Селимъ II, еще въ сентябрѣ 1563 года прислалъ хану приказаніе готовиться къ походу весной слѣдующаго года на Астрахань. Причиной этого похода по свѣдѣніямъ, собраннымъ Московскими послами въ Крыму, было челобитье объ этомъ султану Черкесъ, Астраханцевъ, Казанцевъ и Ногайцевъ. „А большая де, государь, писалъ царю Ивану IV изъ Крыма Аѳанасій Нагой, Турскому досада на тебя то: которые бусурманы изъ Тюрменъ и изъ Крымъ-Шевкаловъ и изъ иныхъ государствъ пойдутъ на Асторохань къ Бахметеву гробу, и твои де государевы воеводы въ Асторохани ихъ не пропущаютъ. То де Турскому на тебя, государя, и болшая досада". Султанъ обѣщался прислать весной къ хану своихъ царевичей и янычаръ, вмѣстѣ съ которыми ханъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Астрахани. Но Девлетъ-Гирей, болѣе всего боясь увеличенія турецкаго могущества на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, на Дону и Волгѣ, всѣми силами старался отклонить султана отъ его намѣренія. „Царь на Астрахань итти не хочетъ, говорилъ Московскимъ посламъ въ Крыму посолъ султана къ хану („ага янычанской", котораго наши послы подпоили для разузнанія вѣстей), и Турскому отговариваетъ" [98]). И бла-

---

[97]) Неклюдовъ А. В. Начало сношеній Россіи съ Турціей. Сборникъ Моск. Гл. Архива Мин—ва Иностр. Дѣлъ в. 3-й, стр. 2.

[98]) Крымскій стат. списокъ № 10, лл. 321—323. Ага говорилъ, что „у Турского нарядъ и для поткоповъ буравы и заступы и топоры и лопаты и корыта къ веснѣ все готово" (л. 323). Въ апрѣлѣ 1564 г. посланъ былъ въ Крымъ Писемскій; ему велѣно было въ шертной записи между прочимъ написать, чтобы крымцы на Казанскіе и Астраханскіе улусы войной не ходили и людей своихъ не посылали (л. 460). Въ наказѣ ему между прочимъ читаемъ: да сказывали царю и великому князю, что Турской салтанъ прислалъ прибылныхъ людей и съ нарядомъ въ Каву, а иныхъ прислалъ въ Азовъ, и про то провѣдати: куды тѣмъ людемъ походу не будетъ ли? И нѣчто будетъ тѣмъ людемъ куды итти, и того провѣдати: куды имъ итти и многіе ли люди и о кою имъ пору

годаря стараніямъ хана походъ на Астрахань султаномъ былъ отмѣненъ, султанъ хану „къ Асторохани ходити не велѣлъ“. Объ этомъ якобы своемъ доброхотствѣ Московскому государству Девлетъ Гирей въ слѣдующемъ 1564 г. увѣдомилъ царя Ивана чрезъ своихъ къ немуословъ князя Караша съ товарищами. Карашъ, разсказывая въ Москвѣ про несостоявшійся походъ на Астрахань, между прочимъ говорилъ, что султанъ велѣлъ Крымскому хану итти къ Астрахани полемъ, а нарядъ проводить изъ Азова Дономъ до Переволоки; „а на Переволокѣ салтанъ велѣлъ городъ поставити, а другой городъ велѣлъ поставити противу Переволоки на Волгѣ. И межъ тутъ дву городовъ велѣлъ Переволоку прокопати и воду пропустити, чтобъ канъ мочно тѣмъ мѣстомъ нарядъ вести. А пришедъ къ Асторохани и тамъ бы третей городъ поставити и Асторохань въ салтановѣ волѣ учинити“ [99]). Но оттоворивъ султана отъ похода на Астрахань, ханъ чрезъ Нагого требовалъ ея и Казани у царя Ивана IV. Въ это время онъ при своихъ сношеніяхъ съ Москвой еще не возбуждаетъ вопроса о новомъ городѣ, построенномъ русскими въ Кабардѣ на р. Терекѣ; наоборотъ когда къ нему Черкесы прислали съ извѣстіемъ объ этомъ, что царь Иванъ ставитъ на Терекѣ городъ, и что если онъ городъ поставитъ, то „не только имъ пропасть, но и Тюмень и Шевкалъ будутъ за Москвою“, ханъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ силы помѣшать царю ставить городъ [100]). Но вскорѣ отношеніе хана къ этому новому на р. Терекѣ городу измѣнилось: къ требованію объ отдачѣ ему Казани и Астрахани Девлетъ-Гирей присоединяетъ и новое требованіе объ уничтоженіи города на р. Терекѣ.

Въ ноябрѣ 1567 года Московскіе послы, бывшіе въ Крыму, увѣдомляли царя, что 4 августа ханъ ихъ толмачамъ го-

---

куды итти и хто у нихъ въ головахъ? О всемъ о томъ провѣдывати и себѣ то записывати; и, Богъ дастъ, пріѣхавъ, сказати государю (л. 473).

[99]) Крым. стат. спис. № 11, л. 13 и слѣд.

[100]) Соловьевъ т. VI, с. 286—287.

ворилъ: „говорилъ мнѣ сынъ мой Магметъ Киреѣй царевичь ото всеѣ земли:... царь нынѣ на Теркѣ городъ ставитъ и посылаетъ воевати Турского Черкасъ и твоихъ Бересланових дѣтей да Зашузруковыхъ дѣтей. А въ Черкасехъ деи Турского сапчаки, и Черкасы де наши холопи старинные и жалованье наше емлютъ. Да и въ Шевкалы деи посылаетъ воевати; а Шевкалы деи наша вѣра и намъ служатъ и намъ деи за нихъ не стояти грѣшно“... Ханъ присоединилъ также пожеланіе, чтобы послы отписали къ царю, чтобы онъ „Турского Черкасовъ и моихъ воевать не велѣлъ, то деи къ доброму дѣлу не пригодитца; а своихъ де Черкасовъ беречи въ томъ онъ воленъ“ [101]). Объ этомъ же ханъ говорилъ и самимъ посламъ, когда они были у него (4 октября). „Ко мнѣ пришла вѣсть, говорилъ онъ имъ, что царь хочетъ ставить городъ на Теркѣ... И будетъ государь хочетъ со мною быть въ дружбѣ и въ братствѣ, и онъ бы города на Теркѣ не ставилъ и далъ мнѣ поминки Магметъ-Киреевскіе и я де съ нимъ помирюся. А будетъ ему на Теркѣ городъ ставить, и онъ мнѣ давай гору золоту и мнѣ съ нимъ не мириватца, потому что поималъ онъ юрты бусурманскіе Казань да Астороханъ, а нынѣ на Теркѣ городъ ставитъ и несетца къ намъ въ сусѣди.“ Къ такому заявленію хана послы совсѣмъ не были подготовлены и потому могли въ отвѣтъ сказать только, что они ничего про городъ не знаютъ, „въ томъ вѣдаетъ Богъ да государь нашъ“. Объ этомъ новомъ городѣ увѣдомлялъ хана еще въ августѣ мѣсяцѣ (1567 г.) Казый мирза, что Ногайскіе люди видѣли на Волгѣ многихъ русскихъ людей, про которыхъ пойманые ими языки сказали, что тѣ люди шли въ Черкасы на Терку города ставить. Построеніе новаго города на Теркѣ, возбудившее въ Крыму сильную тревогу, было причиной того, что Крымскіе царевичи, какъ писалъ царю одинъ изъ нихъ калга Магметъ Гирей съ посломъ Али, ходили того мѣста смотрити, гдѣ на Теркѣ городъ поставили („ажно правда, что ты городъ поставилъ“), воевали Кабардинскихъ Черкесъ, взя-

[101]) Крымск. стат. спис. № 13, л. 47 и слѣд.

ли у нихъ въ плѣнъ больше 20,000 и забрали всю животину, которая у нихъ была [102]).

Ханъ не удовольствовался переговорами о новомъ городѣ съ русскими послами въ Крыму, но послалъ въ Москву нарочнаго гонца Али чеуша съ граматой, въ которой требовалъ вмѣстѣ съ Казанью и Астраханью и уничтоженія новаго города. На это требованіе могло оказать свое дѣйстіе и посольство изъ Тюмени, прибывшее къ Девлетъ Гирею въ ноябрѣ (21) 1567 года. Сынъ Тюменскаго князя Токлуя Маметъ мурза и сынъ Тюменскаго мурзы Атяка Тюгей мурза отъ имени своихъ родителей били челомъ хану, что Московскій государь въ Черкасехъ на Терекѣ городъ поставилъ, и имъ де отъ него пробыти не мочно; что Шевкалъ къ Московскому государю послалъ служить внука своего съ великими поминками, а самъ бьетъ ему челомъ, хочетъ быти въ его волѣ. „А мы деи бьемъ челомъ тебѣ, чтобъ за насъ ты вступился“ [103]). О требованіяхъ Девлетъ Гирея Московское правительство узнало изъ отписокъ своихъ пословъ еще ранѣе, чѣмъ пріѣхалъ Крымскій гонецъ, котораго ожидалъ не совсѣмъ ласковый пріемъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву, возникъ даже вопросъ давать ли ему обычное для всѣхъ пословъ и гонцовъ государево жалованье; царь „приказалъ бояромъ поговорити—дати ли ему государево жалованье на пріѣздѣ или не давати“. „И бояринъ князь Ив. Дм. Бѣльской и всѣ бояре приговорили: крымскимъ гонцомъ на пріѣздѣ государево жалованье шубы дати у стола—не для царевы ссылки съ государемъ дати“, а потому, что ханъ давалъ подарки на пріѣздѣ и отпускѣ русскимъ посламъ и гонцамъ, бывшимъ въ Крыму. – Согласно этому „боярскому приговору царь велѣлъ дать посламъ шубы на пріѣздѣ у стола“.

Въ граматѣ, которую Девлетъ Гирей прислалъ съ Али чаушемъ, онъ между прочимъ писалъ: „послышали

---

[102]) Ibidem лл. 62—77. – Нагой пишетъ: „и Черкасовъ царевичи не изоевали и въ загонехъ деи у нихъ многихъ людей побивали (подъ 5 октября).

[103]) Крым. стат. спис. № 13, л. 161 об.

есмя, что на Шамхалской и на Черкасской сторонѣ городъ ставишъ. И тебѣ бы туто города не ставити; и предки твои чево не дѣлывали, и тебѣ бы того не дѣлати. И хотѣли есмя на томъ роту и шерть учинить, чтобы быть въ союзѣ; но съ Лукьяномъ прислалъ грамату и въ ней не извѣстилъ, что тебѣ Астрахани и Казани поступитись и самому бы въ упокоѣ быти и на Шавкалской и на Черкасской бъ сторонѣ города не ставити и прислать такіе же поминки, какія посланы были Магметъ Гирею съ Аппакъазѣмъ и мусулманской бы землѣ убытковъ не дѣлати. Вмѣстѣ съ Семеномъ хотѣли послать своихъ гонцовъ. И мы слышали, что еси прислалъ людей тысячи 2—3 да на Терки городъ поставилъ, того для промыслилъ еси, чтобъ Шавкалскую землю и Черкаскую изневолить. А Шавкалцы мусулманы, а при отцѣхъ и при дѣдехъ и при дядяхъ нашихъ отъ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣста межъ насъ съ ними ссылка живетъ и люди къ намъ ходятъ, а наши люди къ нимъ ходятъ, въ дружбѣ и въ любви ведемся. А Черкасы Хандыкереву величеству и намъ подручны. И тѣмъ городомъ хочешь ты отлучити Черкасъ отъ Хандыкерева величества и отъ насъ ты похотѣлъ Черкасъ отлучить. И милосердаго Бога милостію на ихъ землю рать послалъ еси; и, отъ тебя Черкасъ отлучая, всю землю Черкаскую воевали и жгли и жены и дѣти имали и животину и овцы пригнали. И что Черкасомъ учинилося, то ты и самъ отолѣ увѣдаешь. А въ той грамотѣ, которую съ Лукьяномъ прислалъ еси, не писано, что тебѣ въ той странѣ городъ ставити. А слышели есмя про тотъ городъ, какъ гонецъ твой Семенъ пріѣхалъ. И про то намъ на тебя досадно учинилося; за то есмя къ тебѣ посла не отпустили и гонцовъ не послали... И похошь дружбы и миру, и ты тотъ городъ вели снесть, и пришли великіе поминки. А не похошь такъ, и ты бы нашихъ пословъ отпустилъ и мы твоихъ отпустимъ. Такъ бы еси вѣдалъ, межъ насъ болѣ того ссылки не будетъ. Кому что ни дастъ Богъ милосердый— дастъ; и мы за свой соромъ учнемъ стоять“ [104]).

[104]) Князь Сулешъ въ своей граматѣ писалъ: напередъ сего съ Чер-

Царь Иванъ IV, слушавъ граматы хана Девлетъ Гирея и граматъ Крымскихъ царевичей, которые писали о томъ же, „велѣлъ ихъ прочести бояромъ". Они по прочтеніи сказали, что въ царевыхъ граматахъ „къ доброй сдѣлкѣ дѣла нѣтъ. Да и самъ царь и калга писали въ своихъ грамотахъ: только царь и великій князь съ Терки рѣки города снести не велитъ, и Магметъ Гирѣевскихъ поминковъ не пришлетъ, каковы поминки посыланы съ Аппакъ-азѣемъ, и дѣлу доброму не сстатися и ссылкамъ межъ ихъ не быти. Поэтому „царь съ бояры приговорилъ"— отписать хану о Казани и о Астрахани, что тѣ юрты изначала отъ дѣдъ и отъ прадѣдъ русскихъ государей и на тѣ юрты царей сажали русскіе государи; а о городѣ на Теркѣ отписати, что государь Темгрюка князя пожаловалъ, взялъ у него дочь его за себя и многіе Черкасы недруги его досады ему дѣлаютъ; и царь для недруговъ его и городъ велѣлъ поставити [105]). Съ такимъ отвѣтомъ отпущенъ былъ въ генварѣ 1568 года къ хану его гонецъ Али.

касы недружба сталась и для того калга Магметъ-Гирѣй царевичъ въ головахъ да Адыл Гирѣй царевичъ да Алпъ Кирѣй царевичъ и уланы и князи со многою всею ратью ходили на Черкасъ и воевали и пришли. А хан досадуетъ на тебя въ томъ, что ты на Теркѣ городъ поставилъ. И будетъ то неправда, что сказываютъ на Терки городъ поставилъ еси, и ты бъ о томъ государю нашему царю вѣдомо учинилъ съ его гонцомъ съ Али чаушемъ. Тогды и язъ царю скажю и вѣдомо учиню, что про тотъ городъ солгали. Если хочешь миру, и ты бъ не волилъ того, что зима, съ поминки кречаты прислалъ бы еси". Крым. стат. спис. № 18, лл. 68—87.

[105]) Крым. стат. спис. № 18, лл. 82—85. „20 декабря бояре князь Ив. Дм. Бѣльской да кн. Ив. Ѳед. Мстиславской и всѣ бояре о Крымской посылкѣ говорили: посылать ли съ гонцомъ въ Крымъ ко царю поминки или не посылать... И бояре поговорили, что поминковъ ко царю съ гонцомъ не посылати, каковы посланы съ прежними гонцы съ Лукою Новосильцовымъ и съ Семеномъ Алябьевымъ, потому что самъ царь то Сеонское изъявилъ, что съ царемъ безъ Магметъ Кирѣевскихъ поминковъ и для города Терки миритись не хочетъ, да и того для бъ поминковъ не послати, что царь прислалъ гонцовъ своихъ Апѣя съ товарыщи, а за ними прислалъ воинскихъ людей на Сѣверскіе мѣста; да то положили на государскую волю. А поговорили, чтобъ послати поминковъ ко царю противъ его поминка,

Вмѣстѣ съ ханскимъ гонцемъ съ отвѣтной царской граматой посланъ былъ въ Крымъ Осорьинъ, которому кромѣ передачи граматы „не было наказано никакихъ рѣчей“. Осорьинъ, возвратившись въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1568 года, донесъ, что ханъ не оставилъ своихъ требованій о Казани и Астрахани и Магметъ-Гиреевскихъ помниковъ, а „о Теркѣ городѣ отъ царя и Сулеша и отъ царевыхъ ближнихъ людей намъ слово не бывало“ [105]). Онъ

что прислалъ къ царю аргумакъ. Ханъ просилъ прислать 2 кречатовъ,— и бояре поговорили кречатъ послати, а о другомъ, какъ государь произволитъ. А отъ царевича Ивана ко царю о поминкѣ положили на государеву волю. Царь боярского приговору слушалъ и приказалъ послати въ Крымъ съ гонцемъ на 300 р. царю и калгѣ и царевичемъ большимъ и царицамъ и княземъ немногимъ, которымъ пригоже именнымъ, чтобъ съ царемъ дѣла не порвати. А въ запросъ отъ государя послати ко царю кречатъ, а отъ царевича ко царю въ запросъ послати чеглягъ“ (л. 85). Грамата была написана согласно боярскому приговору. О Теркѣ въ ней такъ было писано: „А городъ есмя на Теркѣ рѣкѣ поставити велѣли по Темгрюкову княжому челобитью, что есмя его пожаловали, взяли дочь его за себя и которые Черкасы были ему послушны, и тѣ Черкасы многіе ему досады и убытки юрту его подѣлали. И мы для своего имени его пожаловали, городъ для его береженья поставити есмя велѣли на на его землѣ и отъ недруговъ его велѣли есмя беречи; и будетъ впередъ тѣ Черкасы съ Темгрюковымъ княземъ Андаровичемъ помиратца по его хотѣнію, и отъ того города тѣмъ Черкасомъ убытка ни которого не будетъ“.—Крым. стат. сп. № 13, лл. 91—97.—Въ Ногайс. стат. спискѣ № 7 л. 70 об. читаемъ слѣдующій перечень „бояръ бывшихъ у государя на приговорѣ“ въ маѣ 1565 года: „князь Ив. Дм. Бѣльской, кн. Ив. Ѳед. Мстиславской, кн. Ив. Иван. Пронской, Ив. Вас. Шереметевъ Большой, Ив. Петр. Ѳедорова, Никита Романовичъ Юрьевъ, а Вас. Мих. Юрьевъ въ то время былъ боленъ; казначѣй Микита Фуниковъ, печатникъ Иванъ Михайловъ“.

[105]) Крым. стат. спис. № 13, л. 159.—Отъ Осорьина съ Богдановымъ была получена 8 декабря 1568 г. отписка въ то время, когда „государь былъ въ Александровской слободѣ для того, что на Москвѣ было тогды Божье посѣщеніе лихое повѣтрее“ (л 140).—Списокъ граматы и рѣчи Богданова, что онъ на Москвѣ сказывалъ боярину кн. Ив. Дм. Бѣльскому и всѣмъ бояромъ были посланы къ царю, который 14 декабря писалъ къ Бѣльскому и ко всѣмъ бояромъ, чтобы Осорьина послали прямо въ Александровскую слободу, наказавъ ему, чтобы онъ ѣхалъ здоровыми, а не повѣтренными мѣстами. 15-го Осорьинъ пріѣхалъ въ Москву. Бояре, не имавъ грамотъ, отпустили его къ царю.

подтвердилъ также полученныя ранѣе Московскимъ правительствомъ извѣстія о предстоящемъ походѣ турецкаго войска и крымцевъ Дономъ до Переволоки для исполненія желанія султана Селима II соединить Волгу съ Дономъ каналомъ, чтобы открыть водный путь къ Персіи и съ бо́льшимъ удобствомъ дѣйствовать противъ нея, и о намѣреніи султана взять Астрахань, о чемъ ему били челомъ „изъ Юргенчь послы и изъ Бухаръ, которые шли къ Мекѣ на Астрахань", такъ какъ де царь Московскій разорилъ бусурманство и воюетъ ихъ и другіе бусурманскіе юрты [107]). Объ этомъ походѣ султанъ писалъ хану еще въ мартѣ 1568 г. съ своимъ посломъ къ нему, чеушемъ. Но Девлетъ-Гирей, боясь „оманки отъ Турского, что его выславъ къ Астрахани, на его мѣсто пришлетъ на Крымъ, Крымъ-Гирея царевича, о чемъ де бьетъ ему Крымъ Гирей", старался отговорить султана отъ этого похода. Послѣ бывшей у него „думы" ханъ увѣдомилъ султана, что лѣтомъ того года (1568) „итти не мочно, что безводныхъ мѣстъ много", итти зимой также нельзя, потому что Турскіе люди „стужи не подымутъ" и что такимъ образомъ походъ возможенъ только съ весны будущаго 1569 года. Но султанъ не обратилъ вниманія на эти отговорки хана и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прислалъ къ нему другого чеуша Ремода съ тѣмъ же приказаніемъ итти къ Астрахани; ханъ отвѣтилъ опять тоже, что и ранѣе. Несмотря на нежеланіе хана итти къ Астрахани, походъ этотъ все таки не былъ оставленъ. Въ концѣ мая (28) къ хану прибылъ новый чеушъ Сеферъ съ приказаніемъ „къ Астрахани суды, заступы и копылы дѣлати", для чего были присланы и „судовые мастера"; а въ

---

[107]) Князь Сулешъ, увѣдомляя его о предстоящемъ походѣ къ Астрахани, говорилъ: „а Турского де подыли и розъерили Югренчьского царя послы да изъ Бухаръ шихи; а взымался ден Турскому взять Астрахань Касымъ князь". Объ этомъ двойномъ намѣреніи носились въ Крыму и слухи. Одни говорятъ, пишетъ въ своемъ статейномъ спискѣ Нагой, что цѣль похода—взять Астрахань или поставить городъ на старомъ городищѣ, другіе же—копать Переволоку и „воду пропущать къ Волгѣ". Крымс. стат. спис. № 13, л. 164 и слѣд.

концѣ іюля (20) прибылъ въ Кафу новый генералъ-губернаторъ Касимъ-бей („Касымъ князь“) съ 3 кораблями, 50 пушками, 20 четвертями зелья, судовыми мастерами и людьми, „которымъ подъ городъ подкапыватца“. 1 августа „Касимъ говорилъ съ царемъ объ Астрахани“ и вѣроятно тогда же было принято рѣшеніе итти къ ней весной будущаго года [108]).

Вмѣстѣ съ явившимся въ началѣ 1569 года въ Кафу турецкимъ войскомъ, и войскомъ крымскимъ, Касимъ-бей и Девлетъ Гирей отправились въ походъ. Но, какъ извѣстно, и попытка прорыть каналъ между Волгой и Дономъ и попытка взять Астрахань—обѣ окончились неудачно. Вскорѣ же послѣ начала работъ (къ Переволокѣ прибыли въ половинѣ августа 1569 года) Касимъ и ханъ убѣдились въ невозможности исполнить задуманное предпріятіе; и потому, оставивъ его, отправились брать Астрахань. Прибывъ къ ней въ половинѣ сентября, Касимъ построилъ крѣпость на старомъ городищѣ и рѣшился было зимовать здѣсь, отпустивъ хана назадъ въ Крымъ. Но возмущеніе, вспыхнувшее въ войскѣ, узнавшемъ объ этомъ намѣреніи Касима, и извѣстія о приходѣ русскихъ войскъ подъ начальствомъ кн. Петра Серебрянаго и Замятни Сабурова къ Астрахани заставили Касима вмѣстѣ съ ханомъ удалиться отъ нея. Ханъ намѣренно велъ турецкое войско безводными мѣстами, гдѣ они претерпѣвали голодъ и должны были защищаться отъ нападавшихъ на нихъ Черкесовъ, мимо которыхъ они шли. Такъ неудачно окончилась эта кампанія, однимъ изъ послѣдствій которой было отправленіе царемъ Иваномъ IV посла къ султану для переговоровъ по пово-

---

[108]) Крымскій стат. спис. № 13.—9 декабря 1568 г. пріѣхали къ Москвѣ крымскіе гонцы Девлетъ Кильдѣй съ товарищами (л. 170); лл. 172—173 боярскій приговоръ о сыскѣ казанцевъ, бившихъ челомъ хану о взятіи Казани. 25 декабря царь писалъ боярину кн. Ив. Дм. Бѣлскому и ко всѣмъ боярамъ—гонцамъ быть на казенномъ дворѣ у казначея Никиты Очникова и печатника Ивана Михайлова и дьяка Андрѣя Васильева.—Соловьевъ т. VI, с. 290—291.—Смирновъ В. Д. Крымское ханство etc... с. 432.

ду этого похода, во время которыхъ былъ поднятъ вопросъ и о существованіи построеннаго русскими города на Терекѣ. Крымскій ханъ, такъ рѣшительно сперва (въ 1567 году) требовавшій уничтоженія этого города, съ 1568 года совсѣмъ даже не заводитъ и рѣчи о немъ. Онъ ничего не говоритъ о немъ съ русскими гонцами въ Крымъ—въ 1568 году Осорьинымъ, 1569 г. Ив. Ратаевымъ Чабуковымъ, 1571 г. Богд. Шапкинымъ и съ русскимъ посломъ, жившимъ въ Крыму, Аѳан. Нагимъ, равно какъ ничего не пишетъ о городѣ въ своихъ грамотахъ къ царю и не наказываетъ своимъ посламъ говорить что-либо о немъ въ Москвѣ. Понятное дѣло этого вопроса не возбуждаетъ и Московское правительство.—Но, вмѣсто Крымскаго хана, какъ я сказалъ, уничтоженія города на р. Терекѣ сталъ требовать теперь Турецкій султанъ, къ которому въ концѣ 1569 года былъ отправленъ посломъ Ив. Новосильцевъ для переговоровъ по поводу похода турецкихъ войскъ къ Астрахани.

Новосильцеву, если бы его спросили: для чего царь на рѣкѣ Терекѣ велѣлъ городъ поставить,—велѣно было говорить тоже что, и ранѣе (и потомъ) русскимъ посламъ въ Крымъ, именно что, царь взялъ за себя дочь кн. Темгрюка Айдаровича Черкесскаго и что Темгрюкъ князь присылалъ бить челомъ о томъ, что Черкесы, которые ему были послушны, учали ему дѣлать многіе убытки и государь бы пожаловалъ на его землѣ велѣлъ для его недруговъ городъ поставить для его Темгрюкова челобитья, чтобъ ему отъ своихъ недруговъ жить безстрашно, и что вслѣдствіе этого Темгрюкова челобитья царь и велѣлъ поставить городъ.—При переговорахъ въ Константинополѣ дѣйствительно зашла рѣчь и о городѣ на рѣкѣ Терекѣ. На вопросъ паши о причинѣ построенія этого города Новосильцевъ отвѣтилъ, что ему было наказано, что Черкесы учали Темгрюку многіе убытки дѣлать, а Крымъ-Шевкальцы и Кумуки „учали его обидѣти“ и что поэтому и поставленъ городъ. Новосильцевъ прибавилъ также, что „та земля извстари была отъ Кабарды отъ Темгрюкова юрта по Теркѣ по рѣкѣ и до моря его Темгрюкова и звѣрь былъ и рыбу ловилъ“. Паша

на это послѣднее замѣчаніе возразилъ ему, что та вся земля Черкесы и Кумуки и Крымъ-Шевкалы государя нашего и вѣра наша жъ; а государь де нашъ потому и посылалъ лѣтось людей своихъ и того мѣста досматривать, гдѣ сталъ городъ на Теркѣ. Новосильцевъ пояснилъ, что отъ Кабарды до Бесленѣй верстъ съ 500 и та земля далеко отошла отъ тѣхъ Черкесъ, которые султану приклонились и ему служатъ, и что той землей, гдѣ городъ Терка сталъ, не владѣлъ никто опричь Темгрюка. Новосильцевъ сказалъ также, что по челобитью Темгрюка царь посылалъ къ нему войско на Крымъ - Шевкальцевъ, съ которымъ (войскомъ) Темгрюкъ ходилъ на нихъ и ихъ „воевалъ“. Этимъ кончились переговоры Новосильцева въ Константинополѣ о Кабардѣ и г. Теркѣ, по крайней мѣрѣ онъ болѣе ничего не упоминаетъ о нихъ въ своемъ статейномъ спискѣ.

Въ отвѣтной на посольство Новосильцева грамотѣ султанъ писалъ между прочимъ царю: „князья Кабардинской земли искони вѣчные были наши холопы; а нынѣ въ Кабардинской землѣ городъ поставленъ. И которые изъ Астороханскіе земли, Кипчажскіе и иные земли мусульмане къ намъ пріѣзжали въ наши страны, а нынѣ на той дорогѣ стоятъ твоего величества люди, и потому къ нашему величеству, къ странамъ нашимъ не ѣздятъ, что тамъ поставленъ городъ. И для того отъ нашего в-ва Крымскій царь Девлетъ-Гирей и иные многіе князи, холопи наши, не со многою ратью ходили. А что у тебя посолъ его 4 годы и 5 лѣтъ у себя въ рукахъ держишь, а не отпустишь, и онъ безъ нашего отпуску приходилъ къ вашей сторонѣ ратью, а у насъ было приготовлено на 2 года запасу, и пришелъ къ вашей сторонѣ ратью, ничего вашимъ царствамъ не учинилъ деи. И нынѣ къ твоему в-ву человѣка твоего и посланника почтивъ къ твоему в-ву опять назадъ послали. И какъ пріѣдетъ къ твоему в-ву, честную нашу грамоту тебѣ дастъ, и ты бы нашу честную грамоту вычелъ и отъ своего в-ва велѣлъ Астороханскую дорогу отперети. А что въ нашей Кабардинской землѣ городъ по-

ставленъ, и тотъ бы еси городъ велѣлъ отставити, отеповдова людей проѣзжихъ велѣлъ пропускати и дорогу бы еси велѣлъ отперети, ѣздили бы къ нашей сторонѣ безъ боязни. А что есмя молвили о царевыхъ послѣхъ, что у тебя, и ты бъ тѣхъ пословъ отъ своего в-ва къ его сторонѣ отпустилъ" [109].

Въ мартѣ 1571 года царь Иванъ отправилъ въ Константинополь посла своего Андрея Кузьминскаго съ отвѣтной грамотой, въ которой, увѣдомляя султана о полученіи его грамоты, писалъ: „что писалъ еси въ своей грамотѣ о городѣ о Терки,—и городъ въ Кабардинской землѣ поставили есмя на Терки рѣкѣ тѣмъ обычаемъ: Божіимъ изволеніемъ излюбивъ, взяли есмя у Кабардинскаго князя у Темгрюка Айдаровича дочерь его за себя, и Кабардинскіе князи намъ служити учали. И по челобитью князя Темгрюка и всѣхъ Кабардинскихъ князей въ ихъ вотчинѣ поставили городъ на Терки на рѣкѣ по нашему приказу и Астороханскіе воеводы изъ нашей отчины изъ Астрохани людей нашихъ посылали въ тотъ городъ, чтобъ Темгрюку князю отъ его недруzей быти сбереженье. А того у насъ и до твоей, брата нашего, грамоты слуху не было, что Черкасы Пятигорскіе твоему царству приладны были; и только бы намъ о томъ вѣдомо было, и намъ было про что на томъ мѣстѣ городъ ставити, а съ тобою, братомъ нашимъ, недружбу вести? А которые твои, брата нашего, городы, Темрюкъ и иные городы стоятъ у моря на берегу въ Черкасѣхъ и коли вѣдомо, что тѣ городы твои брата нашего, ино и тебѣ брату нашему о томъ вѣдомо же, что подъ тѣми городы наша рать николи не бывала..... А съ тобою хотя впередъ съ братомъ своимъ быти въ братствѣ и въ любви, показали есмя братскіе любви знамя: городъ съ Терки рѣки изъ Кабардинскіе земли снести велѣли и людей своихъ вывести въ Астрохань приказали есмя. А что писалъ еси къ намъ братъ нашъ о дорогѣ,— и то было заперто для того, что многіе люди ходили воров-

---

[109]) Турецкій стат. спис. № 2 лл. 25—26, 56—59, 117—119. Ногмовъ с. 117—119.

скимъ обычаемъ и измѣны многія и убытки нашему городу Астрахани дѣлали. И нынѣ для тебя брата нашего дорогу отперети велѣли всякимъ проѣзжимъ людемъ и всякихъ людей изо всѣхъ земель въ твои брата нашего земли пропущати велѣли и въ Астороханъ къ воеводамъ своимъ крѣпко о томъ наказали, чтобъ всякихъ людей изо всѣхъ земель въ твои брата нашего земли пропущали безъ задержанья“ [110])..... Если бы въ Константинополѣ „паши или салтановы ближніе люди“ спросили Кузьминскаго:—дѣйствительно ли царь велѣлъ „отставити“ городъ Терки,—Кузьминскому наказано было, сказавъ сперва прежнее о причинѣ построенія города, далѣе говорить: „нынѣ про Терку городъ слышали есми отъ государевыхъ приказныхъ людей: писалъ государь вашъ ко государю нашему, чтобъ государь нашъ для братственные любви тотъ городъ Терку отставити велѣлъ,—и государь нашъ послалъ, а велѣлъ тотъ городъ отставити; и „нѣчто будетъ тотъ городъ нынѣ съ того мѣста не снесенъ для того, что за далекимъ государево слово о томъ не дошло“ [111]).

Султанъ отвѣчалъ: „прислалъ еси посла своего, Андреемъ зовутъ, съ любовною своею грамотою, что прежъ сего Кабардинской князъ да и его подручными людьми совершенного о городѣхъ отъ своего в—ва писали есмя къ тебѣ и которые въ Астараханской городъ Самарханскихъ сторонъ, да и Бухарскихъ люди пріѣзжали и похотятъ они на сю сторону и ты ихъ пропускать не велѣлъ; и мы о томъ гораздо и пристайно отъ своего в—ва къ тебѣ приказывали. И ты нашего приказу послушалъ и на дружбѣ съ нами быти вѣдомо еси намъ учинилъ“..... Въ тоже время, желая воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ, въ которомъ находился въ то время царь Иванъ IV, султанъ требовалъ отъ него уступки себѣ Астрахани, а хану Крымскому Казани [112])..... Но царь ни слова не отвѣтилъ султану.

---

[110]) Грамата отъ 14 марта 7079 г.

[111]) Турец. стат. списокъ № 2, лл. 145—151, 175—176.

[112]) Ibidem лл. 224 об.—227. Переводъ граматы не совсѣмъ ясенъ.

„Въ то время какъ происходили эти переговары между Москвой и Константинополемъ, Крымскій ханъ, оставшій свои требованія объ уничтоженіи новаго города на р. Терекѣ, не прекращалъ своихъ нападеній на Черкесъ. Въ 1570 г. извѣщали царя Ивана IV, что тесть его князь Темгрюкъ ходилъ помогать „Вязытцкимъ Черкасомъ“. „И былъ Темгрюку съ царевичемъ (Крымскимъ) бой, и Темгрюкъ отъ бою съѣхалъ раненъ; а двухъ сыновъ Темгрюковыхъ Мамструка да Беберюка царевичъ Анди-Гирей на бою взялъ и привелъ съ собою въ Крымъ“[113]). Царь, узнавши объ этомъ, гонцу Богдану Шапкину, отправлявшемуся въ январѣ 1571 г. въ Крымъ, наказалъ повидаться съ Темгрюковыми дѣтьми, правитъ имъ поклонъ отъ царя, спросить ихъ о здоровьѣ, передать царскія граматы и посланныя имъ царемъ платье и руклядь. Но царь Иванъ въ своей заботѣ о судьбѣ родственныхъ ему князей не ограничился только этимъ, онъ въ то же время писалъ о нихъ и въ своей граматѣ къ хану. „Слухъ дошелъ, что слуги нашего Кабардынскаго князя Темгрюка сыны Мамструкъ и Беберюкъ впали сыну твоему Адыл-Гирею царевичу въ руки, и ты бъ отпустилъ ихъ къ намъ въ Москву; не постоялъ бы еси за нихъ, для любви отпустилъ бы еси къ намъ. А у насъ чего попросишь, и мы тебѣ противъ не постоимъ, занеже они слуги нашего Темгрюковы дѣти княжіе“. Въ то же время Нагому наказано было всячески хлопотать, чтобы ихъ выкупить изъ плѣна. Ему велѣно было давать по 500, 600, 1.000 и въ крайнемъ случаѣ по 1.500 рублей за человѣка. И другому гонцу, посланному въ томъ же 1571 году (въ іюнѣ) въ Крымъ, также между прочимъ было наказано „допытатись про братью княжъ Михайлоцыхъ Черкасскаго Мамстрюка и Беберука, гдѣ они нынѣ и дастъ ли ихъ царь на окупъ и что за нихъ окупу дати“. Но оказалось, что Крымцы цѣнили ихъ дороже, чѣмъ царь Иванъ IV. Нагой пишетъ, что за каждаго изъ нихъ они просили по 6.000 золотыхъ..... Въ тоже время и третьяго сына Тем-

[113]) Карамзинъ т. IX, прим. 350. Шора Нагимовъ с. 109—111.

грехова—князя Михаила, жившаго въ Москвѣ, постигла печальная участь. Объ обхожденіи съ нимъ царя Гвельфи пишетъ, что царь иногда приказывалъ привязывать свирѣпаго медвѣдя къ его воротамъ, иногда отнималъ у него имѣніе, иногда возвращалъ ему все съ лихвою, но часто не безъ побоевъ [114]). А когда умерла третья жена Ивана IV Марѳа Собакина, (царица Марья Темгрюковна умерла 1 сентября 1569 года), на Михаила Темгрюковича въ числѣ другихъ пало подозрѣніе въ отравѣ ея,—и онъ былъ посаженъ на колъ (въ 1571 г.). Царь Иванъ IV, вносящій имя своего шурина въ синодикъ убіенныхъ имъ, „ихъ же имена ты самъ, Господи, вѣси“ [115]), въ тоже время этотъ случай старался скрывать отъ Крымцевъ. Гонецъ въ Крымъ Клешнинъ, если бы его спросили: гдѣ князь Михаилъ Черкесской,—долженъ былъ отвѣчать: князь Михаилъ Черкесской былъ въ полку съ воеводами царскими и въ царевъ приходъ ѣхалъ изъ полку въ полкъ и изгибъ безвѣстно; и имъ вѣдома про него нѣтъ, гдѣ изгибъ. А кто молвитъ, что его царь велѣлъ убити, отвѣчать: то говоритъ ложно, не вѣдая; а государь его убити не велиналъ. За что государю его убити? Государь и братью его не хотя въ плѣну и въ нужѣ, велѣлъ за ихъ онулъ великой послу своему дати и не желая Темгрюка князя и дѣтей его за что было государю опущать?

Изъ отношеній Кабардинскихъ Черкесъ къ Московскому государству за послѣдующее время (до конца царствованія Ивана IV) извѣстно немного. Историкъ „Адыгейскаго народа“ говоритъ, что и послѣ смерти Темгрюка отношенія Черкесскихъ князей къ Московскому государству оставались все тѣже. Шора Ногмовъ сообщаетъ также, что Крымскій ханъ Девлетъ Гирей въ отмщеніе за тѣ нападенія, которыя Черкесы производили, когда онъ съ Турецкимъ войскомъ шелъ

---

[114]) Карамзинъ т. IX, с. 26 и прим. 365. Кабардинцы прозвали Михаила „Уруськанъ“ т. е. воспитанникъ Русскаго. (Шора Ногмовъ). Перстень царицы Маріи хранится въ Государств. Древлехранилищѣ. Снимокъ его см. въ „Снимкахъ печатей“ изд. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

[115]) Устряловъ. Н. Сказанія кн. Курбскаго. изд. 3. Спб. 1868 г. с. 389.

отъ Астрахани, около 1572 года напалъ на Кабарду и послѣ жестокаго сраженія удалился изъ нея, пленивъ двухъ князей Ших-мурзу и Камбота изъ поколѣнія Идарова. Отразилось ли это какимъ либо образомъ на отношеніяхъ Черкесскихъ князей къ Крыму не извѣстно; но и въ то время были среди нихъ князья, которые „служили и примали Крымскому". Къ нимъ, кажется, должно причислить и тѣхъ Черкесскихъ князей, которые, отложившись, какъ можно думать, въ 1562 году отъ Москвы перешли на сторону Крымскихъ хановъ и пребывали въ зависимости отъ Крыма, не имѣя сношеній съ Москвой; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о противномъ. Объ отношеніяхъ „Пятигорскихъ" князей къ Крыму за это время мы встрѣчаемъ любопытную замѣтку въ статейномъ спискѣ Аѳанасія Нагого. Онъ подъ 28 апрѣля 1574 года записалъ въ немъ, что ханъ посылалъ „въ Черкасы Пятигорскіе, которые ему служатъ, есаповъ брать"; но они ему отказали, сказавъ: намъ ясаковъ отдавать нечего, потому что насъ воевалъ Казы мурза и побилъ многихъ людей и въ полонъ поималъ"[116]). О Кабардин. Черкесахъ извѣстно также, что въ 1578 году пріѣзжалъ въ Москву изъ Пятигорскихъ Черкесъ князь Камбулатъ бить челомъ царю Ивану IV о принятіи его въ службу со всею Кабардинскою землею. Царь принялъ его „въ службу", а пріѣхавшихъ съ нимъ сына и племянника оставилъ у себя, „по ихъ челобитью и прошенью" велѣлъ крестить „по хрестьянскому закону" (Борисъ и Василій) и „учинилъ у своего царского приближенья по ихъ достоинству"; и въ тоже время грамотой, посланной съ Камбулатомъ Мамстрюку мурзѣ, требовалъ присылки ратныхъ людей (300—200 челов.), какъ можно скорѣе[117]).

Не велики также и тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о

---

[116]) См. ниже въ матеріалахъ грамату царя Ивана IV отъ 1578 г. стр. 8—9. Въ ноябрѣ 1576 г. въ Ругодивѣ воеводы кн. Семенъ Черкасской и дьякъ Иванъ Андреевъ. Памятники дипломат. сношеній гр. Д. Блудова т. I, с. 649.

[117]) Крымскій стат. списокъ № 13, л. 258.

сношеніяхъ Московскаго государства съ другими народами, населяющими Кавказъ, за вторую половину царствованія Ивана IV (съ 1562 года). Изъ числа этихъ народовъ, присоединившихъ по взятіи Астрахани съ предложеніемъ братства и любви, въ нашихъ документахъ мы находимъ только упоминанія о сношеніяхъ съ Шевкаломъ, Крымъ-Шевкаломъ и съ Шемахой. Выше мы видѣли, что въ 1560 г. Москов. войско вмѣстѣ съ Кабардинцами ходило воевать Шевкала. Но Шевкалъ покорился не надолго, такъ какъ ок. 1567 г. пришлось итти опять его „воевать“ и, кажется, удачно. „Шевкалъ, доносилъ хану въ 1567 г. Тюменскій князь, послалъ внука своего съ великими поминками въ Москву служить государю, а самъ бьетъ ему челомъ, хочетъ быть въ его волѣ“. А другое извѣстіе говоритъ намъ, что въ этомъ году приходилъ отъ Шевкала посолъ „Секитъ-Имихденъ“ со слономъ и арапами. Чрезъ два года послѣ этого въ маѣ 1569 г. Шевкалъ увѣдомлялъ хана чрезъ посла своего, бывшаго въ Москвѣ гонцемъ, Бекбулата, о, присылкѣ къ нему царемъ Иваномъ IV посла съ требованіемъ „рѣки Овечьихъ водъ, а хочетъ городъ поставить. И язъ, писалъ Шевкалъ, ему Овечьи воды далъ; а не дати деи было ему не мочно, противъ деи его не устояти. А какъ походъ будетъ на Астрахань, и я посла своего къ тебѣ встрѣчю пришлю“ [118]).—Для защиты кн. Темгрюкацары Иванъ IV ведетъ войны и съ Крымъ - Шевкалами. Въ 1570 г. Новосильцевъ говорилъ въ Константинополѣ, что Темгрюкъ присылалъ къ царю бить челомъ сына своего Байгаруна князя, чтобъ государь его Темгрюка князя держалъ въ своемъ имени и „войну ему свою далъ на Крымъ-Шевкальцевъ“; и царь Темгрюка князя пожаловалъ, „войну къ нему свою посылалъ“, и на Крымъ-Шевкалы Темгрюкъ кн. съ воинскими людьми ходилъ и Крымъ - Шевкалы воевалъ [119]).—Изъ сношеній съ

---

[118]) Крымс. стат списокъ № 13, л. 249. По книгѣ Большаго Чертежа рѣка съ этимъ именемъ впадаетъ въ р. Самаръ, притокъ Днѣпра; но здѣсь разумѣется другая рѣка.

[119]) Турецкій стат. списокъ № 2, лл. 117—119. У Шора Ногмова о войнахъ Кабардинцевъ съ Дагестанцами см. стр. 112, 120 и др.

Шамахой извѣстно только, что 1 ноября 1563 г. прибылъ въ Москву посолъ изъ Шамахи отъ Абдулы царя Арюсланъ ага, съ которымъ Абдула „писалъ къ государю, чѣмъ ему велитъ себѣ служити, да о торговыхъ людехъ“, и что въ слѣдующемъ году въ маѣ мѣсяцѣ была послана къ нему царемъ грамата [120]).

Мы имѣемъ также извѣстія, что кромѣ этихъ народовъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Московскому государству находились еще „мурзы Окуцкіе Ушаръ и Шихъ“, „холопи государскіе старинные“. Въ граматахъ, присланныхъ въ Москву въ 1588 г., Шихъ писалъ, что „прежъ сего которые ваши государевы на Теркѣ городы были, и въ тѣ поры я съ отцемъ своимъ съ Ушарымъ мурзою вѣрою и правдою служили; и послѣ того, какъ велѣлъ тѣ городы разорить, и мы тогды съ твоими государевыми Терскими атаманы и казаки тебѣ служили; и твое государево имя выславляли и къ Турскому и къ Крымскому не приставалъ и тѣхъ, которые имъ прямили, воевалъ вмѣстѣ съ казаками....., въ Желѣзныхъ Воротѣхъ (Дербентъ) много нужи терпѣлъ и саблею за тебя доводилъ, вмѣстѣ съ 500 каза-

---

[120]) Карамзинъ т. IX, прим. 258.—Въ архивскомъ Титулярникѣ № 1 о сношеніяхъ съ Шемахой читаемъ (л. 84 об.): „Начало Шамахѣйского ко государю и отъ государя къ Шамахѣйскому. А се начало в срамоте писано отъ Шамахѣйского Абдулы царя ко ц. и в. к. 72-м году съ купцомъ его Арослан-агою: государю великому и превеличайшему, въ государехъ великихъ честнѣйшихъ превосходай честью, царю и великому, надъ цари превеличайшему повелителю, великому многово войска счасливому великому инаю царю дай Боже тебѣ въ счастье своемъ в государстве и величестве безъ оскуденія быти. А въ свершенье у грамоты лѣта не написано.—А се начало в грамоте писано отъ государя къ Шамахѣйскому Абдулѣ царю въ томъ же 72-м году: Бога всѣми владѣющаго *и пр.* и иныхъ многихъ земель государя нашего царьского величества Шемахѣйскому Абдулѣ царю честная заповедь и слово наше жаловалное то. А въ свершенье грамоты: въ государьства нашего дворѣ града Москвы лѣта маия мѣсяца“. Дженкинсонъ въ одномъ мѣстѣ вскользь говоритъ, что когда онъ ѣхалъ къ шаху „Ширванскій король Обдулъ ханъ послалъ съ нимъ проводить до шаха посланника своего, пріѣхавшаго изъ Россіи“. Середонинъ с. 60—62.

ковъ взялъ г. Индили и еще другихъ 7 городовъ". Отецъ мой приказывалъ слово твое на головѣ держати и тебѣ служить, сколько твоей службы не будетъ и намъ служба твоя на головѣ держать; а коли отецъ мой живъ былъ, и отецъ мой вамъ служилъ, а нынѣ и мы станемъ тебѣ служить". Московское правительство отвѣтило ему, что его „прямая служба намъ вѣдома"; но къ сожалѣнію объ этихъ любопытныхъ событіяхъ никакихъ документовъ до нашего времени не сохранилось [121]).

За это время мы также имѣемъ извѣстія о сношеніяхъ Московскаго государства и съ Грузіей. Положеніе Грузіи въ XVI в. нисколько не улучшилось, наоборотъ можно сказать ухудшилось сравнительно съ ея положеніемп въ XV вѣкѣ, такъ какъ борьба между Персіей и Турціей изъ-за обладанія Закавказьемъ въ XVI в. въ высшей степени разростается и жители Кавказа подвергаются различнымъ бѣдствіямъ то со стороны одного побѣдителя, то со стороны другаго. На Кахетію кромѣ того стали дѣлать нападенія и довольно частыя Лезгины, которые, пользуясь своимъ мѣстоположеніемъ, оставались большею частью ненаказанными [122]). Мы уже видѣли, что Иверскій князь еще въ 1557 г. чрезъ посла Кабардинск. князя Темгрюка обращался за помощью къ Москвѣ [123]); но мы имѣемъ извѣстіе о сношеніяхъ Иверскаго-Кахетинскаго царя Леона съ царемъ Иваномъ IV и около 1563 г.

Дженкинсонъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что на возвратномъ пути его изъ Персіи во время пребыванія въ Шемахѣ (куда онъ прибылъ 20 апрѣля 1563 г.) къ нему явился армянинъ, посланный Грузин. царемъ. Посланецъ

---

[121]) Матеріалы с. 59, 63, 64, 102—103, 130.

[122]) По исторіи Грузіи кромѣ указанныхъ выше см. также „Грузинскій лѣтописецъ" въ Русскомъ Вѣстникѣ 1841 г. т. III, с. 241—340; т. IV (№№ 11 и 12), с. 19—101.

[123]) Броссе невѣрно говоритъ, что въ 1558 г. приходило особое посольство изъ Грузіи въ Москву; никакого посольства не было, а только посолъ Кабардин. Черкесъ заявлялъ о намѣреніи Иверскаго князя отдаться подъ покровительство Москов. царя.

объяснилъ Дженкинсону плачевное положеніе царя, находящагося между двумя тиранами, жестокими и могуществ. государями, между великимъ Туркомъ и Софи, что онъ (Груз. царь) постоянно воюетъ съ ними. „Армянинъ просилъ меня, говорилъ Дженкинсонъ, ради любви къ Христу, такъ какъ я христіанинъ, прислать ему что нибудь въ помощь и дать совѣтъ, какъ бы Грузин. царю отправить своего посланника къ русс. императору; и какъ я думаю, поможетъ ли ему тотъ, а также обстоятельно разъяснить царю по моемъ возвращеніи его стѣсненное положеніе. Армянинъ прибавилъ, что его царь написалъ бы мнѣ свои желанія, но онъ не увѣренъ въ пропускѣ своего гонца. На это я отвѣчалъ тоже словесно, убѣждалъ его отправить своего посла въ Россію, не сомнѣваясь, что онъ обращается къ славнѣйшему государю, и что онъ склонитъ его оказать помощь и указалъ дорогу, которой Грузин. царь можетъ отправить своего посла,— чрезъ землю Черкесовъ, благодаря благорасположенію Тенерюка, царя этой страны, на дочери котораго не давно женился царь“. Дженкинсонъ прибавляетъ, что онъ такъ поступилъ,— ограничился совѣтомъ обратиться съ этой просьбою къ царю чрезъ посредство его тестя Черкескаго князя Темгрюка потому, что опасался лазутчиковъ, которые могли бы разсорить его съ Абдуломъ ханомъ Ширванскимъ. Поэтому, отпустивъ армянина, онъ послалъ своего слугу (клерка) къ Грузинскому царю, поручивъ ему пройти въ Грузію, подать царю „вспомоществованіе“ — подарки, испросить у него свободную торговлю въ его землѣ для англійскихъ купцевъ и вообще переговорить о дѣлахъ. Клеркъ, прибывъ въ г. Арраги, возбудилъ противъ себя чѣмъ то подозрѣніе въ туземцахъ, которые обратились къ нему съ допросомъ о цѣли его путешествія. Онъ скрылъ причину своего путешествія, сказавъ, что пріѣхалъ въ этотъ городъ нарочно для закупки товаровъ; и поэтому, купивъ ихъ, счелъ невозможнымъ отправляться далѣе и возвратился къ Дженкинсону. Такимъ образомъ попытка Дженкинсона быть посредникомъ при сношеніяхъ Грузинскаго царя съ Московскимъ окончилась не удачно; въ своихъ запис-

кахъ Дженкинсонъ и не упоминаетъ о томъ, чтобы по своемъ возвращеніи въ Москву онъ ходатайствовалъ или говорилъ что либо о Грузинскомъ царѣ [124]).

Но сношенія Грузинскаго царя съ Московскимъ завязались и помимо него, быть можетъ, чрезъ то посредство, на которое указывалъ и Дженкинсонъ, чрезъ Кабардинскаго князя Темгрюка. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1564 года царь Иванъ IV отпустилъ изъ Москвы вмѣстѣ съ Кизитскимъ митрополитомъ Іоасафомъ и „Грузинского князя Леона посла“, о времени пріѣзда коего, равно какъ и о переговорахъ имъ веденныхъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній [125]). Въ жалованной граматѣ царя Михаила 1641 г., данной Кахетинскому царю Теймуразу мы между прочимъ читаемъ: „Грузинскіе земли цари и князи въ послушаніи были за много лѣтъ у прародителей нашихъ у великихъ государей царей и великихъ князей Російскихъ, а принялъ дѣдъ нашъ блаженные памяти вел. г. царь и в. к. Иванъ Васильевичъ в. Р. с. подъ свою царскую высокую руку Грузинского Леонтья царя, царева Александрова отца во оборону для православные христіянскіе вѣры“ [126]). О сношеніяхъ Кахетин. Леонтія—Леона съ царемъ Иваномъ IV мы болѣе не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; поэтому весьма вѣроятно, что событіе, о которомъ говоритъ грамата 1641 года, совершилось именно ок. 1564 г. т.-е. около этого времени Кахетинскій царь Леонъ былъ принятъ Иваномъ IV „подъ царскую руку“.

Выше мы уже видѣли, что основаніе перваго русскаго города въ Кабардѣ относится къ 1563 году, когда царемъ Иваномъ IV были присланы къ Темгрюку для защиты его отъ враговъ воинскіе люди, поставившіе ему городъ, въ которомъ онъ и сѣлъ. Но кромѣ этого извѣстія объ этомъ первомъ русскомъ городѣ мы не имѣемъ бо-

---

[124]) Толстой с. 14—16. Сереконинъ с. 69—70.

[125]) Іоасафъ поѣхалъ въ Константинополь чрезъ Астрахань, Черкасы, Грузинскую и Трапезонскую земли. Карамзинъ т. IX, примѣч. 268.

[126]) Грузинскія дѣла 1641 г. д. № 1.

лѣе никакихъ другихъ свѣдѣній. Мы не знаемъ ни его мѣстоположенія, ни его судьбы.—Немного болѣе извѣстно и о второмъ русскомъ городѣ въ Кабардѣ, основанномъ въ 1567 году. Мы знаемъ, что онъ былъ основанъ „на рѣкѣ Теркѣ усть Сюунчи рѣки“, или Сунши, какъ ее называетъ книга Большаго Чертежа. По этой послѣдней острогъ находился „противъ устья р. Сунши на другой сторонѣ Терна“ [127]), т. е. вблизи рубежа, отдѣлявшаго Кабардинскую землю отъ Кумыцкой [128]); вѣроятно на этомъ мѣстѣ и былъ поставленъ въ 1567 г. городъ. Но объ его существованіи мы немного болѣе имѣемъ свѣдѣній, чѣмъ о городѣ, основанномъ въ 1563 году.—О томъ, насколько заявленіе царя Ивана IV султану, что г. Терку онъ велѣлъ отставити и вывелъ оттуда своихъ людей, соотвѣтствовало дѣйствительности, мы можемъ заключать только по послѣдующимъ фактамъ. Въ наказахъ русскимъ гонцамъ въ Крымъ Ив. Ратаеву Чабукову (въ февралѣ 1569 года), Богд. Шапкину (въ генварѣ 1571 года) мы встрѣчаемъ обычную статью о томъ, что тотъ или другой долженъ былъ говорить, если его спросятъ о Теркѣ, т.-е. что онъ построенъ по челобитью Темгрюка для защиты отъ враговъ; но въ наказахъ русскимъ гонцамъ и посламъ послѣ отправленія граматы къ султану съ Андр. Кузьминскимъ — въ наказѣ Севрюку Клавшову въ іюнѣ 1571 года, послу Мясному въ слѣдующемъ 1572 году мы не встрѣчаемъ уже этой статьи, равно какъ и связанныхъ съ нею статей о Казани и Астрахани, а въ наказѣ Мя-

---

[127]) стр. 62 (по 2 изд.).

[128]) Судя по этому примѣру, можно думать, что первый русскій городъ, основанный въ 1563 году, былъ поставленъ на рубежѣ, отдѣлявшемъ Темгрюка отъ возставшихъ противъ него князей. Наши документы ничего не говорятъ о томъ, чтобы первый русскій воевода, посланный къ Черкесамъ, Вишневецкій (въ 1560 г.), поставилъ городъ; но это могло быть. И потому этотъ городъ, если онъ былъ поставленъ, должно бы считать первымъ; но такъ какъ, повторяю, мы объ этомъ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, то первымъ русскимъ городомъ остается считать поставленный въ 1563 г.

соѣдову въ іюнѣ 1574 года хотя находимъ послѣднія статьи, но первой все-таки нѣтъ. Отсутствуютъ эти статьи, вѣроятно, потому, что въ то время и самаго города уже не было. Изъ исторіи сношеній Московскаго государства съ Кавказскими народами послѣ 1571 г. мы также видимъ, что городъ на р. Теркѣ дѣйствительно въ то время былъ оставленъ русскими.—Почему онъ оставленъ—въ угоду ли султану или по какимъ-либо другимъ причинамъ—это иной вопросъ. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что онъ оставленъ не въ угоду султану. Если царь Иванъ IV не обращаетъ никакого вниманія на энергичное, рѣшительное требованіе своего ближайшаго врага Крымскаго хана, требованіе, сопровождающееся угрозой предстоящей въ случаѣ неисполненія его войны, то какая причина могла заставить царя съ такою предупредительностью отнестись къ требованію во всякомъ случаѣ менѣе опаснаго и болѣе отдаленнаго врага, Турецкаго султана и притомъ требованію, заявленному въ весьма скромной формѣ? Ни откуда не видно, чтобы царь Иванъ IV почему либо особенно боялся или опасался султана. Наоборотъ его обращеніе съ нимъ (султаномъ) показываетъ противное. Когда Турецкія войска пошли къ Переволокѣ и Астрахани, царь послалъ противъ нихъ свои войска, которыхъ испугались противники; на грамату султана съ Кузьминскимъ царь даже ничего не отвѣтилъ, не счелъ нужнымъ даже послать гонца, чтобы не прервать сношеній, тогда какъ царь въ то время (послѣ похода Крымцевъ на Москву въ 1571 г.) находился въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ во время отправленія граматы къ султану съ извѣщеніемъ объ оставленіи русскими города на Теркѣ. Итакъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы царь сдѣлалъ это въ угоду султану. Вѣроятно были какія либо другія причины, побудившія оставить городъ; и этимъ обстоятельствомъ царь желалъ только воспользоваться при своихъ сношеніяхъ съ султаномъ, выставивъ ему въ своей граматѣ причиной оставленія города—желаніе сдѣлать ему удобное, „показать, какъ онъ выражался, братской любви знамя“.

Но вмѣсто разрушеннаго города на р. Терекѣ вскорѣ былъ поставленъ новый. Приходившій въ Москву въ 1578 году „изъ Пятигорскихъ Черкасъ со всею Кабардинскою землею“ Канбулатъ князь Черкесской, бившій челомъ царю Ивану IV „о принятіи ихъ къ себѣ въ службу“, вмѣстѣ съ тѣмъ отъ имени Мамстрюка и всей Черкесской земли билъ челомъ царю о томъ, чтобы онъ велѣлъ поставить городъ „въ Пятигорскихъ Черкасѣхъ на р. Терекѣ на устьѣ Сунчи (Сюенча) рѣки и плотниковъ бы пожаловалъ, далъ кому городъ дѣлати и воеводу бы своего пожаловалъ, послалъ съ вогненнымъ боемъ, который бы ихъ оборонялъ отъ Крымского царя и отъ иныхъ недруговъ ихъ“ [120]). Вслѣдствіе этого челобитья Черкесъ въ 1578 г. на р. Терекѣ снова появился „Терской городъ“. Царь послалъ „въ Черкасы“ воеводу Лукьяна Новосильцева „со многими людьми и съ вогненымъ боемъ“ и „для городоваго дѣла“ плотниковъ. „И изъ, говорилъ впослѣдствіи Новосильцевъ цесарю Рудольфу, къ которому онъ былъ посланъ въ 1585 году, пришедъ въ Черкасы въ Пятигорскіе и на рѣкѣ на Терекѣ на устьѣ Сунчи рѣки городъ поставилъ“. — Но и этотъ городъ не долго просуществовалъ: въ 1588 г. посламъ Черкесскихъ князей и Кахетинскаго царя, обратившихся за покровительствомъ къ Московскому царю, было объявлено, что царь Ѳедоръ для защиты ихъ велѣлъ поставить городъ на р. Терекѣ, котораго слѣд. тамъ въ то время не было.

Русскій человѣкъ, жившій на р. Терекѣ и до построенія городовъ воеводами, присылаемыми царемъ Иваномъ IV изъ Москвы, не покидалъ рѣки вольной, Терека Горынина и по уходѣ Московскихъ воеводъ изъ основанныхъ ими городовъ. Я разумѣю — Терскихъ казаковъ. Они жили здѣсь въ немаломъ количествѣ, вступали въ союзы съ сосѣдними Черкесскими князьями и вмѣстѣ съ ними производили постоянныя нападенія на своихъ враговъ, главнымъ образомъ на Шевкала, „Турскихъ людей“ и Крымцевъ. Эти нападенія казаковъ на Турскихъ чеушей и однажды на

[120]) Памятники диплом. сношеній гр. Д. Блудова т. I, с. 941. Попко Ив. Терскіе казаки с. 31—32.

Турскаго пашу Асмана, шедшаго въ Дербень изъ Константинополя, были даже предметомъ переговоровъ между посломъ Московскаго царя, Крымскимъ ханомъ и Турецкими „салтановыми ближними людьми“, благодаря чему дошли до насъ нѣкоторыя любопытныя извѣстія о пребываніи казаковъ на р. Теркѣ.

Въ 1584 году въ Константинополь съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ царя Ѳедора, по обычаю „коли которой учинитца государь на своихъ государьствахъ, и онъ о томъ обсылаетца въ иные государства ео государи послы своими и посланники, съ которыми государи о дружбѣ и о любви ссылки бывали, свое государство изъявляетъ“, посланъ былъ Борисъ Благово. Если бы паши или салтановы ближніе люди стали говорить ему, что чеушей, которыхъ посылаютъ изъ Царяграда въ Дербень къ Асманъ пашѣ съ граматами, на Теркѣ Волжскіе казаки громятъ и ихъ не пропускаютъ; и что этой осенью (1583 г.), какъ шолъ изъ Царягорода въ Дербенъ Асманъ паша, на него приходили на Теркѣ казаки и многихъ людей побили, и будутъ спрашивать: почему государь велитъ такъ поступать,— Благово велѣно было говорить: государя нашего отецъ царь Иванъ взялъ былъ у Темгрюка князя Кабардинскаго за себя дочку его и Кабардинскую землю взялъ въ свое имя и для его челобитья поставилъ былъ городъ на Теркѣ; и государя вашего отецъ Селимъ-салтанъ о томъ городѣ писалъ къ царю Ивану IV, чтобъ онъ велѣлъ тотъ городъ отставить. И царь для брата своего Селимъ-салтанова любви тотъ городъ велѣлъ отставить и воеводу и людей своихъ оттуда велѣлъ отвести; а нынѣ людей государевыхъ на Теркѣ нѣтъ, а живутъ на Теркѣ воры бѣглые казаки безъ государева вѣдома. И сей весной (1584 г.) царь написалъ въ Астрахань къ воеводамъ, чтобъ сыскали накрѣпко тѣхъ всѣхъ казаковъ, которые Волгою приходятъ въ Терку, и чтобы они заказъ крѣпкой учинили во всѣхъ протокахъ Волжскихъ, чтобъ казаки въ Терку не проходили; а нынѣ то язъ донесу до государя своего и государь нашъ еще бо́льшій заказъ велитъ учинить, чтобъ на Теркѣ казаки не жили, а которые будетъ взяты у нихъ Тур-

ского салтана люди, и тѣхъ государь нашъ, сыскавъ, отошлетъ къ Мурат-салтану.

Но еще до султана и султановыхъ ближнихъ людей о Терскихъ казакахъ Борису пришлось вести рѣчь съ Крымскимъ ханомъ, у котораго Благово также былъ. Ханъ говорилъ между прочимъ послу, чтобы царь велѣлъ свести съ Терки своихъ людей и чтобы Терскіе казаки людемъ Турскаго салтана на Терцѣ „шкоты никоторые не чинили и на нихъ не приходили". Борисъ отвѣтилъ, что которые люди раньше на Теркѣ жили и тѣхъ людей государь нашъ велѣлъ давно съ Терки свесть; а теперь „нѣчто живутъ на Теркѣ воры бѣглые казаки, разбойники, и тѣхъ воровъ кому мочно уняти"? Ханъ призналъ вѣрность этого отвѣта, сказавъ: то я и самъ вѣдаю, что на Теркѣ и на Волгѣ и на Дону живутъ воры безгосударные люди и унять ихъ некому; и у насъ въ нашихъ государствахъ такихъ воровъ много жъ.

Изъ Кафы, гдѣ Благово зимовалъ, онъ 2 марта 1585 г. былъ отпущенъ „въ Костомонъ къ Асманъ пашѣ", къ тому самому пашѣ, котораго громили Терскіе казаки и съ которымъ Благово болѣе, чѣмъ съ ханомъ и султаномъ, пришлось вести рѣчь о Терскихъ казакахъ. (Благово прибылъ къ Асману пашѣ 5 марта). Переговоры по этому вопросу началъ Асманъ. Онъ, сказавъ Благово, что во время его похода на Кизылбашскаго шаха, предпринятаго имъ по приказанію султана Мурата, когда онъ шолъ „изъ Темиркопы", „собрався на Терцѣ государя вашего казаки" человѣкъ съ 1,000 напали было на него, но онъ побилъ ихъ всѣхъ, только утекло ихъ человѣкъ съ 200,—спрашивалъ Благово: съ государева ли вѣдома они то учинили, или безъ государева вѣдома? Борисъ отвѣтилъ, что ему было наказано: что еще царь Иванъ по „Селимъ салтанову прошенью городъ на Теркѣ велѣлъ разметати и воеводъ и людей своихъ съ Терки всѣхъ свести велѣлъ" и что на Теркѣ живутъ воры бѣглые казаки. Паша сказалъ на это тоже, что и ханъ: то мы и сами вѣдаемъ, что на Теркѣ живутъ воры бѣглые казаки, и они потому и поворовали безъ государя вашего вѣдома. Асманъ прибавилъ далѣе, что онъ хо-

тѣлъ было вслѣдствіе этого нападенія пойти въ судѣхъ къ Астрахани, и „только бы я къ Астарахани пошолъ, и я бы Астрахань тотчасъ взялъ“; но я не хотѣлъ межъ такихъ великихъ государей ссору учинить, потому къ Астрахани и не пошелъ. Къ вопросу о Терскихъ казакахъ, которые де „государя нашего людемъ, которые ходятъ изъ Царя-города въ Темиркопу и изъ Темиркопы въ Царь-городъ отъ нихъ проходу нѣтъ и на тѣхъ людей за все приходятъ и ихъ громятъ, а иныхъ въ полонъ емлютъ“,—Асманъ паша присоединилъ еще другой вопросъ о Донскихъ казакахъ („атаманъ у нихъ Кишкинъ съ товарыщи“), которые „городу Азову, приходи, тѣсноту чинятъ великую и на морѣ людей торговыхъ громятъ многихъ; да и самихъ ихъ на морѣ подъ Азовомъ побили, и живыхъ поимали многихъ. Паша требовалъ, чтобы царь, только похочетъ съ султаномъ крѣпкой дружбы и братства и любви, съ Терки и съ Дону отъ Азова казаковъ велѣлъ свести, чтобъ ни одинъ казакъ на Теркѣ и на Дону у Азова не былъ, чтобъ отъ Терскихъ казаковъ Турскимъ людемъ проходъ былъ въ Кизылбаши безстрашенъ, а отъ Донскихъ бы казаковъ потому къ Азову и на морѣ торговымъ людемъ шкоты и тѣсноты никоторые не было. Борисъ отвѣтилъ на это прежнее, что на Теркѣ и на Дону живутъ воры, бѣглые люди не по государеву велѣнью и пр. и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на Азовскихъ людей, Казыевъ улусъ и Бѣлогородскихъ людей, которые де приходятъ на Московскіе украины съ войною и чинятъ шкоту; „тѣмъ бы государь вашъ съ государемъ нашимъ межъ себя ссоры чинити не велѣлъ; а государь нашъ съ государемъ вашимъ съ Муратъ салтаномъ будучи въ братствѣ и въ любви, тѣхъ воровъ на Теркѣ и на Дону велитъ, сыскивая, уймати и впередъ на Теркѣ и на Дону ворамъ жить не велитъ“. Асманъ паша сказалъ, что если царь учинитъ такъ, что казаковъ съ Терки и отъ Азова велитъ свести всѣхъ и впередъ на Теркѣ и у Азова на Дону казаки жить не будутъ, то и Муратъ султанъ однолично Крымскаго царя и Ногай всѣхъ и своихъ Азовскихъ людей и Казыевъ

улусъ и Бѣлогородцевъ унять велитъ и на государя вашего землю не учнетъ ходить никаковъ человѣкъ.— Про Терку что много и говорить, отвѣчалъ Благово. Царь для Муратъ-салтановой любви можетъ послать изъ Астрахани на Терку многихъ людей и велитъ съ Текри тѣхъ воровъ сбить; а что со мною Муратъ салтанъ о Теркѣ къ государю нашему прикажетъ, и я тѣ рѣчи царю донесу. Асманъ паша угрожалъ въ случаѣ неисполненія этихъ требованій, что султанъ пошлетъ воевать русскую землю и пошлетъ не только Крымскихъ и Ногайскихъ людей, но и Турскихъ, и притомъкъ Астрахани; „а мы вѣдаемъ, какъ къ Астарахани прійти и мочаки Волжскіе всѣ знаемъ“. На эти угрозы Благово отвѣчалъ: тѣмъ чѣмъ похвалятца? То дѣло въ рукѣ Божьей, кому что Богъ дастъ; а похваляться тѣмъ не чѣмъ.

26 марта Благово изъ Костомона отъ Асмана паши отправился въ Константинополь, куда прибылъ 8 апрѣля. Еще до пріема Благово султаномъ къ нему приходилъ „царевъ большой капычей, которому приказаны всѣ капычеи“. Онъ говорилъ Борису, чтобы царь Ѳедоръ велѣлъ отдать султану капычея его, который былъ посланъ съ грамотами въ Темиръкопу къ Асманъ пашѣ и котораго взяли на Теркѣ Терскіе казаки подъ предводительствомъ атамана Петруши и отвели въ Астарахань, а изъ Астарахани въ Москву, „и Турскому велѣлъ оборонь учинити и напередъ бы на Теркѣ казакамъ жити не велѣлъ“. Борисъ на послѣднее отвѣтилъ то, что ему наказано было говорить о Терскихъ казакахъ, а о захватѣ капычея сказалъ, что онъ того дѣла не слыхалъ; и что если султанъ напишетъ объ этомъ царю, то царь велитъ сыскать и, если найдутъ, пришлетъ.— Немного спустя послѣ этого разговора и султанъ заявлялъ Борису свое желаніе, чтобы царь свелъ всѣхъ своихъ казаковъ съ Терки и съ Дону отъ Азова, обѣщаясь за то „унять Крымского царя и Казыевъ улусъ и Азовскихъ и Бѣлогородскихъ людей всѣхъ, чтобы не ходили на государевы украины войною ни одинъ человѣкъ“ [130]). Но это желаніе султана царемъ не было исполнено.

[130]) На обратномъ пути Благово прибылъ въ Кафу 21 Іюня 1585 г.

О дѣятельности Терскихъ казаковъ по оставленіи городовъ на Теркѣ Московскими воеводами, извѣстно еще, что они (въ количествѣ 500 чел.) подъ начальствомъ Шиха князя Окуцкаго воевали противъ тѣхъ народовъ, которые „прямили“ Турскому и Крымскому, завоевали даже нѣсколько (8) городовъ, въ томъ числѣ и Индили (о чемъ уже было говорено выше). Пріѣхавшимъ въ новый Терской-Тюменской (на устьѣ Терскомъ) городъ воеводамъ кн. Хворостинину съ товарищами—Бурцевъ и Протасьевъ, „ставившіе города на Теркѣ“, подали роспись „что погромили Терскіе волные атаманы и казаки на р. Бринцѣ“ вещей Калкскаго узденя. Съ жалобой на нихъ же въ ноябрѣ 1588 года присылаетъ къ воеводамъ Тюменской князь, что они де „поймали его людей на звѣриной ловлѣ“. Въ дар-

---

На завтра, изутра рано пришли къ нему на дворъ Черкасскіе князи со многими Черкасы съ великимъ шумомъ. А говорили, что Донскіе казаки поймали межъ Турского городовъ межъ Керчи и Баллы-Сарая на морѣ Черкасъ многихъ рыбныхъ ловцовъ, а иныхъ побили до смерти, а тѣ де казаки тебѣ, государю, служатъ; и мы де либо сами помремъ, или тебя со всѣми людьми побьемъ. Благово сказалъ, что переговоритъ объ этомъ съ пашею. Паша, говорилъ ему: посылаетъ Турской на службу въ Кизылбаши Черкасскихъ князей съ Черкасы, а нынѣ тѣ Черкасскіе князи приходятъ ко мнѣ съ великимъ шумомъ, что имъ не мочно итти на службу для того, что твои государевы Донскіе казаки, пришедъ близко Керчи, поймали на морѣ Черкасъ многихъ, а иныхъ до смерти; а тѣмъ Черкасскимъ княземъ въ полону у казаковъ братья и племянники. И то добро ли такъ Донскіе казаки дѣлаютъ, чего прежъ сего николи не бывало, что столь далеко отъ Дону приходя къ Турского городомъ, да такъ воровать, людей въ полонъ имати и до смерти побивати? И Черкасы нынѣ говорятъ, чтобъ мнѣ тебя здѣсь позадержать, а о томъ послать къ Турскому въ Царь-городъ грамоту. И я тебя здѣсь задержать не смѣю, а оставлю въ закладѣ въ тѣхъ Черкасахъ подьячего и толмача. Благово отвѣтилъ, что на Дону живутъ воры бѣглые люди безъ государева велѣнья и не слушаютъ никого и мнѣ до казаковъ какое дѣло? Азъ былъ во Царѣ-городѣ у Турского, и мнѣ то почему вѣдать, что казаки воруютъ? И то подлинно невѣдомо Донскіе казаки своровали или Литовскіе казаки; и онъ бы самъ про то велѣлъ сыскати подлинно. А мнѣ не токмо что твоего государева подъячего да толмача оставити ни одного своего человѣка не оставлю“.—Турецкій стат. списокъ № 2.

ствованіе преемника царя Ивана IV царя Ѳедора они постоянно провожаютъ Московскихъ пословъ въ Грузію и обратно. Въ 1587 г. когда въ Кахетію были посланы Биркинъ и Пивовъ, Астраханскимъ воеводамъ предписывалось между прочимъ изъ Москвы—отписать и „къ казакамъ на Терку“, чтобы они провожали посланниковъ въ Грузію до коихъ мѣстъ пригоже; а на обратномъ ихъ пути дожидались бы ихъ на Теркѣ и проводили ихъ въ Астрахань. Въ 1589 г. когда туда же былъ посланъ кн. С. Г. Звенигородскій и дьякъ Антоновъ, „конные Терскіе волные казаки“ Терскими воеводами отправлены были съ послами въ числѣ провожатыхъ, такъ какъ „на Теркѣ и въ Астрахани въ конные стрѣльцы не прибрался ни одинъ человѣкъ“: они же были поставлены „по перевозомъ“ занять ихъ и укрѣпить, чтобы за послами, пока они не достигнутъ Кахетіи, никого не пропустить.—Но казаковъ мы встрѣчаемъ на Кавказѣ еще далѣе, южнѣе въ Карталиніи. Терскіе вольные казаки пришли было къ царю „Семену“ „не на велико время“; но онъ ихъ продержалъ „сильно“ 3½ года. Когда же Кахетинскій царь Александръ былъ принятъ царемъ Ѳедоромъ въ подданство Московскому государству, они, услыхавъ про это и про предстоящій приходъ русскихъ пословъ, убѣжали въ Кахетію „напередъ насъ, холопей твоихъ, писали Звенигородскій и Антоновъ, а иные и при насъ; и стояли у Александра царя лѣтомъ (1589 г.) по щелемъ въ горахъ отъ Шевкала на сторожахъ“. Когда же пришла зима, имъ перестали давать кормъ, такъ какъ они „зимою на сторожѣ не стоятъ“, и они пришли къ русскимъ посламъ, бывшимъ у царя Александра, Звенигородскому съ товарищами. Часть ихъ 25 человѣкъ вслѣдствіе челобитья Александра царя Кахетинскаго была оставлена въ Кахетіи, „толко бы слава была, что по заставамъ стоятъ русскіе люди“.—Хотя эти факты говорятъ о дѣятельности Терскихъ казаковъ въ первые годы царствованія Ѳедора, но по аналогіи можно судить объ ихъ пребываніи и дѣятельности здѣсь и при царѣ Иванѣ IV [131]).

[131]) См. матеріалы стр. 3, 30, 63, 64, 73, 74, 111, 119, 125, 126,

При преемникахъ царя Ивана IV—царяхъ Ѳедорѣ и Борисѣ сношенія Московскаго государства съ народами Кавказа еще болѣе развились, особенно съ Грузіей и Кабардой. Наши свѣдѣнія объ этихъ сношеніяхъ при царѣ Ѳедорѣ начинаются съ 1586 г., вѣроятно, потому, что ранѣе ихъ не было.

Въ концѣ 1586 года была получена въ Москвѣ отписка Астраханскихъ воеводъ о пріѣздѣ къ нимъ пословъ отъ Кахетинскаго „князя“ Александра вмѣстѣ съ толмачемъ Даниловымъ, посыланнымъ въ Грузи—„провѣдывать дороги“ въ нее и „земли Грузинскіе какова земля“. Даниловъ былъ посланъ потому, какъ писали въ томъ же году Астраханскіе воеводы, что царь велѣлъ имъ „писати отъ себя въ Шевкалы и въ Грузи и въ Кизылбаши, чтобъ торговые люди съ товары ѣздили въ Астрахань, пріѣздъ и отъѣздъ и торгъ въ Астрахани поволенъ“ [132]). Это посольство Данилова въ Грузію съ цѣлью завязать торго-

---

132, 144, 147, 208—210, 221, 236.—Казаки на требованіе Терск. воеводы возвратить громленое у узденя,—людей отдали, а „лошадей и рухляди не отдали“; точно также они поступили и въ другомъ случаѣ, отдавъ людей, рухлядь не отдали и къ воеводамъ Терскимъ не поѣхали.—При переговорахъ съ Звенигородскимъ о стрѣльцахъ русскихъ, которыхъ должно прислать въ Кахетію, Грузины говорили: преже сего здѣсь государ. казаковъ было 500 человѣкъ...; русскіе послы отвѣтили: то казакъ волной, живетъ на волѣ, а государево жалованье имъ идетъ временемъ.... (и пр. опредѣляютъ разницу между казаками и стрѣльцами). Но ничего болѣе объ этомъ неизвѣстно, стр. 210.—Названіе „Гребенскихъ“ казаки получили отъ того, что селились по гребнямъ горъ. Ниже въ матеріалахъ упоминаются „Метцкіе гребени“ и „Батцкіе гребени“ (с. 128).—Въ 1586 г. прибылъ въ Астрахань съ повинной Черкаской атаманъ Счасной Матусовъ (Грандинъ) съ 82 конными Черкасами, стояли на Балыклейскихъ горахъ 5½ недѣль, погромили Волсково атамана Ѳедку Резанцова да рыбныхъ ловцовъ „съ голоду“. „А товарыщи ихъ 108 человѣкъ поѣхали съ Волги въ Черкасы.—Съ Муратъ Гирѣемъ и воеводами въ числѣ провожатыхъ былъ посланъ „атаманъ Терской Борисъ Татариновъ, а съ нимъ 10 человѣкъ казаковъ“. (Ногайск. дѣла 1586 г. № 13).

[132]) Ногайскія дѣла 1586 г. д. № 2. См. здѣсь о торговлѣ съ сими странами.

выя сношенія съ Астраханью, повело къ возобновленію дипломатическихъ сношеній съ Грузіей-Кахетіей, окончившихся подданствомъ Кахетіи Московскому государству. Въ граматѣ, которую пріѣхавшіе съ Даниловымъ послы Кахетин. князя Александра свящ. Іоакимъ, ст. Кириллъ и Хуршитъ привезли въ Москву (23 сентября 1586 г.), кн. Александръ билъ челомъ „самъ своею головою и со всею своею землею подъ кровъ царствія и подъ вашу царскую руку радъ поддаетца, понеже государь нашъ и земля наша хрестьянская, а отъ невѣрныхъ турокъ въ велицей бѣдѣ и въ утѣсненьѣ“.—Въ апрѣлѣ 1587 г. послы Кахетинскаго князя, получивъ отвѣтъ, что царь Ѳедоръ Александра князя „подъ свою царскую руку и въ оборонь хочетъ взять“ и городъ на Теркѣ хочетъ поставить, отправились въ обратный путь вмѣстѣ съ русскими послами къ князю Александру Биркинымъ, Пивовымъ и Полухановымъ, которые были посланы „царя къ вѣрѣ привести“ [133]).—Послѣдніе, вернувшись въ Москву въ октябрѣ 1588 г., донесли царю, что согласно наказу они князя Александра, дѣтей его и чиновныхъ людей привели къ крестному цѣлованью за всю Иверскую землю на томъ, что имъ быть подъ царскою рукою неотступнымъ отъ царя и присылать ежегодно поминки противъ 50 камокъ Кизылбашскихъ и 10 ковровъ тѣми узорочьи, которые въ землѣ есть, и вмѣстѣ съ тѣмъ подали списокъ той записи, по которой они привели къ цѣлованью князя Александра, дѣтей и чиновныхъ людей [134]).

---

[133]) См. ниже матеріалы с. 10—13. „Государ. людей въ Терскомъ городѣ 2,000 съ огненнымъ боемъ, да пушкарей къ наряду, затинщиковъ къ затиннымъ пищалемъ и всякихъ до 2,500, кромѣ прибылыхъ людей, которымъ быть въ томъ городѣ изъ Астрахани по вѣстямъ“.

[134]) Ibidem. с. 13—45. Любопытно, что во всѣхъ намъ извѣстныхъ титулярникахъ Грузинскій царь называется Давыдомъ. Въ нихъ о сношеніяхъ съ Иверской землей читаемъ слѣдующую запись: „Иверская земля, а Грузинская тожъ, православные христіянскіе вѣры греческаго закону, владѣетъ въ ней царь“. „Съ 95-го году Иверскіе царя со всею своею ордою учинились въ подданствѣ у вел. г. царей и в. к. Россійскихъ по присылкѣ и по прошенью Иверскаго Давыда царя“. Пословъ присы-

Вслѣдъ за Кахетинскимъ княземъ съ челобитьемъ о покровительствѣ къ царю Ѳедору обращаются и Черкесы. Въ генварѣ мѣсяцѣ 1588 года прибыли въ Москву Мамструкъ князь и Куденекъ мирза, которые отъ имени князя Канбулата и всѣхъ Кабардинскихъ Черкесъ били челомъ царю, чтобы царь Ѳедоръ „взялъ ихъ подъ свою царскую руку“ и держалъ въ оборонѣ отъ ихъ недруговъ, потому же, „какъ ихъ держалъ отецъ его“ царь Иванъ, и велѣлъ бы на Теркѣ городъ поставить, а они „учнутъ служить всякіе государевы службы, гдѣ государь велитъ, а къ Крымскому, Турскому и къ Шевкалскому не пристанутъ.— Царь Ѳедоръ кн. Мамструка, Куденека, Канбулата и „всѣхъ Черкаскихъ князей и всю Черкаскую Кабардинскую землю пожаловалъ, во оборону взялъ“. Послы Кабардинскихъ Черкесъ въ вѣрности ихъ службы были приведены въ Москвѣ къ шертной записи; а съ ними была послана особая царская жалованная „всей Кабардинской земли княземъ и мурзамъ“ грамата.

Городъ на Теркѣ Московское правительство рѣшило поставить теперь на новомъ мѣстѣ „на устьѣ Терскомъ“. О немъ Биркину и Пивову наказано было говорить, что всякіе люди, ратные и которымъ городъ ставить придутъ подъ осень 1587 г. къ Астрахани, а самый городъ царь велитъ поставить на весну слѣдующаго 1588 года. Ставить его были посланы Мих. Ив. Бурцевъ и Келарь Протасьевъ, которые дѣйствительно въ 1588 году и поставили городъ. Шихъ кн. Окуцкій въ граматѣ съ посломъ своимъ, прибывшимъ въ Москву въ октябрѣ 1588 г., писалъ, что онъ, узнавъ о приходѣ воеводъ для постройки города, тотчасъ пріѣхалъ „въ тотъ новой городъ и передъ ними

лали къ царямъ Ѳедору, Борису, Михаилу и Алексѣю (Титулярникъ Архивскій № 2, лл. 282—290, (по прежней пагинаціи лл. 303—311; тоже и въ титулярникѣ Арх. № 3). „Въ лѣто 7095-мъ году Грузинской царь Давыдъ со всею своею землею у вел. г. царей и в. к. Російскихъ учинился въ подданствѣ“. (Титулярникъ 1672 г.). Въ Титулярникѣ № 1 совсѣмъ отсутствуетъ эта запись.

правду далъ". Отъ 5 августа этого года мы имѣемъ грамату царскую къ Терскимъ воеводамъ князю Андрею Иван. Хворостинину съ товарищами. Этотъ новый городъ на р. Терекѣ въ первое время назывался и „Теркою", и „Терскимъ городомъ", и „Тюменскимъ новымъ городомъ", и „Тюменскимъ острогомъ на Теркѣ" (въ послѣднихъ двухъ случаяхъ по протокѣ Терека Тюменкѣ, близъ которой стоялъ городъ); а старый городъ на Теркѣ теперь сталъ извѣстенъ подъ именемъ „Сунши", „Суншина городища", „Сунши городища, гдѣ былъ сталъ городъ на Теркѣ".— Кромѣ защиты Черкесъ и Кахетинцевъ на построеніе новаго города на Теркѣ кажется имѣло еще вліяніе и желаніе Московскаго правительства закрѣпить свое положеніе на Терекѣ, о чемъ оно заботилось, и которое могло измѣниться вслѣдствіе замысловъ Турскихъ людей. Ав. Вантѣевъ, посланный (въ 1586 г.) Астрахан. воеводами въ Шевкалы къ царю Саадетъ Гирею между прочимъ доносилъ, что въ то время когда Степ. Кузминъ былъ въ Шевкалехъ у царя, „въ тѣ поры проѣхало Терекъ человѣкъ съ 300, а того невѣдомо кто и откуды ѣхали и куды поѣхали и по ся мѣста о нихъ вѣсти нѣтъ", что Турского ратъ 40.000 идетъ чрезъ Черкасы въ Дербень, и что сей осенью Турского людемъ городъ ставить на Теркѣ" [135]). Лобановъ изъ Астрахани писалъ царю въ концѣ 1586 года: царевичъ Муратъ Гирей Турскихъ людей на Кизылбаши походу не чаетъ, а чаетъ по прежнему ихъ умышленью, что имъ ставить городъ на Теркѣ для своего походу къ Желѣзнымъ Воротамъ; и нынеча бы на Терку прибавити казаковъ, чтобъ Турскіе люди напередъ не заняли. А у Турскихъ де людей та мысль давно была, какъ де мы въ Крымѣ были, что Турскимъ людемъ на Теркѣ городъ было ставити и приготовлено де у нихъ было на 1.000 телѣгахъ желѣза для городоваго дѣла". Поэтому, прибавляли воеводы, „на Терекъ къ атаманьѣ и къ казакомъ послали, чтобъ они до твоего государева указа и до

[135]) Ногайскія дѣла 1586 г. д. № 1.

царевичева пріѣзда съ Терки не ѣздили. А на Донъ для вѣстей послали сотника казачья Посника Созонова“ [136]).

Постройкой этого города на Теркѣ Московское правительство кромѣ того помогало въ борьбѣ съ Турціей Персіи, съ которой оно находилось въ то время въ дружественныхъ отношеніяхъ. Шахъ, постоянно воевавшій съ Турками, побуждавшій Московскаго царя къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ Турокъ, обѣщался даже уступить ему свои, завоеванные Турками, города Дербень и Баку. Посолъ къ шаху Григ. Васильчиковъ (въ 1588—1589 гг.) причиной построенія города на Теркѣ и посылки туда войска выставлялъ именно желаніе „не перепустить“ Турскую рать на Кизылбашскую землю; если Крымскіе и Турскіе люди пойдутъ чрезъ Терекъ (къ Дербени), Московскимъ войскамъ велѣно на нихъ „приходити“ [137]). 14 мая шахъ говорилъ Васильчикову: нынѣ вѣсть учинилась, что ратные русскіе многіе люди пришли подъ Дербень тысячь съ 60 и поставили близко Дербени городъ на Бутакѣ. Васильчиковъ отвѣтилъ, что это или рать, присланная на Терекъ, чтобы не пропускать Турскихъ людей чрезъ Терекъ или „нѣчто будетъ Турскіе люди на Теркѣ задрали Терскихъ казаковъ и казаки не утерпѣли и съ Турскими людьми завоевались“. Построеніе на Теркѣ города несомнѣнно должно было имѣть значеніе въ борьбѣ Турокъ съ Персами. Если казаки доставляли множество неудобствъ для Турокъ своими нападеніями на нихъ, то тѣмъ болѣе долженъ былъ доставить ихъ новый городъ. Крымцы принуждены были теперь„ присылать“ прошати дороги у Терскихъ воеводъ и велѣть унять Терскихъ казаковъ, чтобъ имъ Сунчу рѣку, перелѣзти здорово.— Посолъ къ императору Рудольфу Новосильцевъ, бывшій ранѣе воеводой на Теркѣ, говорилъ, что онъ, когда Крымскій

---

[136]) Ibidem д. № 13. [137]) Персид. стат. спис. № 1. См. также въ Сборн. Русс. Истор. Общества т. XXXVIII, с. 292 347.—По дорогѣ въ Персію „Гилянскій царь“ говорилъ Васильчикову: ваши вѣры люди въ нашей землѣ не бывали и вѣра ваша не вѣдома и вы намъ скажите: которая ваша вѣра именуетца и Грузинской царь Александра с вами одна ли вѣ-

царевичъ Алды-Гирей, разбитый Персами, „перелѣзалъ“ Сунчу рѣку, узнавъ объ этомъ, „дошедъ тѣхъ людей, побилъ на голову и лошади ихъ отогналъ“ [138]). Что новый городъ доставлялъ Туркамъ неудобства, объ этомъ свидѣтельствуютъ и присылки Крымскаго хана и Турецкаго султана съ требованіями—снести городъ и свести казаковъ съ Терка [139]). Въ граматѣ съ чеушемъ Резваномъ, пріѣхавшимъ въ Москву въ октябрѣ 1593 г., султанъ, жалуясь на разбои Терскихъ и Донскихъ казаковъ, писалъ между прочимъ: а подъ нашими государствы подъ Азовомъ, которые въ покоѣ бывали, подъ тѣми мѣсты по Дону и на устьѣ Дону подъ посадомъ, Бегде словетъ, да въ Черкасѣхъ на Мезбуръ рѣкѣ Черкасской князь живетъ, да на Макачѣ, да подъ посадомъ Бузукомъ, да на Теркѣ, да на Суншѣ остроги подѣлали, да на морѣ близко Дербени на Кузлумскомъ морѣ [140]) городы поставляли, да усть рѣки Сунши, гдѣ впала Сунша въ Терку, тутъ остроги подѣлали и подъ нашимъ въ счастьѣ пребывающимъ государствомъ, подъ Дербенью нѣсколько времени стоятъ и въ Дербень и въ иные мѣста которые ходятъ туда и сюда и тѣмъ людямъ шкоту чинятъ и побиваютъ,—то намъ подлинно вѣдомо“. Султанъ угрожалъ войною, въ случаѣ если „казаковъ не умалите и изъ

ра?—Васильчиковъ отвѣтилъ: вѣра наша истинная православная хрестьянская вѣра. А Грузинскій Александръ царь вѣры хрестьянские же, только до нашие правые хрестьянские вѣры не дошла во многих мѣстех поискала. 15 генваря 102 г. шахъ русскому послу Звенигородскому „казалъ 2 образа преч. Богородицы со младенцемъ—одинъ фряское письмо, а сказалъ, что привезли ему изъ Гурмуса, а другой образъ, сказалъ шахъ, писали съ того фрянского письма его писцы“. Апрѣля 4 шахъ будучи у посла..... „смотрилъ въ хоромехъ образовъ образа преч. Богородицы со младенцемъ да образа Николы чюдотворца“. Апрѣля 6 пожаловалъ шахъ послу—„образъ преч. Богородицы на золотѣ; а сказалъ шахъ, что тотъ образъ писали его писцы со фрянсково образа“. Персид. стат. спис. № 3, лл. 119, 140 и слѣд.

[138]) Памятники диплом. сношеній гр. Д. Блудова т. I, с. 943.

[139]) Соловьевъ т. VII, с. 353—354, 365—367.

[140]) Въ отвѣтной граматѣ: на Хвалынскомъ.

тѣхъ городовъ и остроговъ дороги не отворите нашимъ людямъ ходити“ [141]).—Царь Ѳедоръ отвѣчалъ султану въ іюлѣ 1594 года: на Дону близко Азова нашихъ городовъ нѣтъ, а живутъ тамъ воры бѣглые люди казаки и Литовскіе Черкасы. А на Теркѣ, на Суншѣ, въ Кабардинской землѣ и въ Шевкальской городы наши велѣли есмя поставить для того, что горскіе Кабардинскіе Черкасы служатъ нашему царскому величеству и подъ нашею царскою рукою живутъ и по нашей царской волѣ изъ нашихъ царскихъ рукъ на княженье ихъ сажати велимъ; и преже сего и нынѣ на Кабардѣ начальные князи нашего царского величества посаженики, и по ихъ челобитью велѣли мы въ Кабардинской землѣ и въ Шевкальской на Теркѣ и на Суншѣ городы поставить и людей своихъ въ тѣхъ городѣхъ устроили для береженья. А вашего государства городамъ Дербени и Шемакѣ и Бакѣ и инымъ городамъ, которые ты, братъ нашъ, поималъ у Кизылбашского шаха, и людямъ вашимъ тѣсноты и убытка и задоровъ чинить не велимъ: о томъ крѣпкой нашъ царской указъ въ тѣ городы и воеводамъ нашимъ и къ Черкасскимъ княземъ и мирзамъ посланъ. А велѣно съ твоими брата нашего людьми, которые живутъ въ Дербени и въ иныхъ городахъ, жити въ любви и въ мирѣ и въ покоѣ и которые люди ваши учнутъ ѣздити черезъ тѣ наши городы и черезъ Кабардинскую землю въ Дербень и въ Шемаху и въ Баку и въ иные городы, и мы тѣхъ вашихъ людей велѣли пропущати безо всякаго задержанья и зацѣпки и дорогу твоимъ ратнымъ и торговымъ людемъ черезъ Кабардинскую землю отворити велѣли. И ты бъ, братъ нашъ, вел. государь Муратъ салтанъ потому жъ своимъ людемъ, которые живутъ въ Дербени и въ Шемахѣ и въ Бакѣ и въ иныхъ городѣхъ въ Кизылбашской

---

[141]) Тоже писалъ въ граматѣ и Синакъ паша. Въ другой граматѣ султанъ писалъ еще: прежъ сего взяты въ полонъ въ вашу страну Магметъ чеушовъ сынъ Билля, да Черкаскихъ князей Ѳергатъ съ сыномъ, да Кабановъ сынъ, да Симаукомъ зовутъ и вамъ бы всѣхъ тѣхъ сыскавъ здорово прислати.

землѣ, заказъ крѣпкой учинити велѣлъ, а велѣлъ имъ жить съ нашими людьми, которые живутъ въ Кабардинской и въ Шевкальской землѣ, въ любви и въ миру и въ покоѣ и задоровъ нашимъ людемъ чинити не велѣлъ и дорогу нашимъ торговымъ людемъ въ свои государства отворити велѣлъ.

Вскорѣ послѣ Биркина и Пивова пріѣхали въ Москву послы Кахетинскаго царя—кн. Каплань, ст. Кириллъ и Куршитъ, Шиха князя Окуцкаго—Бойтавъ, князя Алкаса—Асламбекъ. Шихъ и Алкасъ били царю о томъ же, о чемъ не задолго и Черкескіе Кабардинскіе князьи, чтобы царь держалъ ихъ подъ своею царскою рукою, а они готовы служить, гдѣ царь велитъ, и отъ него будутъ неотступны до вѣка. Грузинскіе послы, впервые привезшіе „поминки“ согласно крестоцѣловальной записи царя Александра, возобновили опять просьбу о помощи противъ невѣрныхъ и главнымъ образомъ противъ постояннаго врага Кахетіи—Шевкала, чтобы царь Ѳедоръ очистилъ дорогу, чрезъ его землю въ Кахетію; они также били челомъ, чтобы царь „исправилъ вѣру крестьянскую и очистилъ царство Иверское отъ невѣрныхъ“. 25 февраля 1589 г. казначей и дьяки объявили имъ „по приговору“, что царь Ѳедоръ царя Александра подъ свою царскую руку принялъ и посылаетъ вмѣстѣ съ ними пословъ своихъ и учительныхъ людей. 22 марта послы были отпущены царемъ причемъ имъ было объявлено, что царь велѣлъ послать рать на Шевкала и очистить дорогу чрезъ его землю.—Вмѣстѣ съ ними въ Кахетію были посланы кн. Сем. Звенигородскій и дьякъ Торхъ Антоновъ „въ послѣхъ“ и „посланьемъ отъ патріарха Іова“ „для исправленья вѣры крестьянской учительные люди, могущіе исторгнути корень нечестія и возрастити плодъ благовѣрія къ истинному извѣщенію правые вѣры“—Троицы-Сергіева монастыря соборный старецъ бывшій казначей Закхей и черный священникъ Іосафъ, Чудова монастыря дьяконъ Ѳеодосій, священники Пречистенскаго собора Богданъ и Архангельскаго Дмитрій, дьяконъ Ѳедоръ и 3 иконниковъ Посникъ Дерминъ съ товарищами; по

челобитью царя Александра къ нему также были посланы кречетъ и пансырь, а о посылкѣ пушечнаго мастера было сказано, что онъ будетъ посланъ „впредь“. Съ Сем. Звенигородскимъ была послана „жалованная“ грамата царю Александру, а съ ст. Закхѣемъ отъ патріарха Іова граматы къ Александру царю и „учительная“ Иверскому митрополиту [142]) и благословенье царю, царицѣ и царевичамъ—образа Богоявленія Господня, Василія уродиваго, пр. Богородицы Одигитріи и митрополитовъ Петра, Алексія и Іоны.—Въ то же время были отпущены съ ними и послы Черкескихъ князей и мурзъ, приходившіе бить челомъ царю, Солоховъ посолъ Биканъ, Алкасовъ—Асламбекъ и Ших-мурзинъ—Батай-Бойтавъ.

6 августа 1589 года наши послы кн. Звенигородскій и Антоновъ прибыли въ Терской городъ, а 8 сентября на Суншу. Здѣсь они привели къ шерти Черкесскихъ князей, желавшихъ быть подъ царскою рукою, а) Чапалова Аслан-бѣкова, Куденека Канбулатова, Бузурука мурзу, Азлова и Шумунука—за себя и за Янсоха, за братью свою и за Янсоховыхъ дѣтей, за племянниковъ и за весь свой родъ и за всю свою землю; и б) Черного князя сына Гелѣя за

---

[142]) Съ послами отправлены были также „сосуды церковные, книги, ризы, всякое украшеніе церковное, краски, государева казна“ и пр. Въ наказѣ Звенигородскому читаемъ, что съ Закхѣемъ посланы отъ патріарха Іова и „всего освященнаго собора великого Россійс. царствія къ митрополиту Миколаю и ко всему собору рѣчи и грамота о духовномъ дѣлѣ“. Иконописцы Посникъ Дерминъ съ товарищами остались въ Кахетіи и послѣ отъѣзда пословъ Звенигородскаго изъ нея. 28 октября 1589 г. послы по требованію царя Александра послали ихъ въ село Тонъ писать въ церквѣ стѣнное письмо.—Съ послами Плещѣевымъ и Кудринымъ въ 1591 г. были посланы иконописцы Максимъ Базаровъ, Юрій Мининъ, Шигалѣй Васильевъ на смѣну прежнимъ. Въ 1596 году были въ Кахетіи иконописцы Ив. Тарасьевъ и Шигалѣйко; въ 1601 г. они все еще въ Кахетіи. Въ 1601 г. посланы новые 2 иконописца на смѣну имъ.—Письмо ихъ съ славян. приписками доселѣ цѣло.—См. трудъ Д. З. Бакрадзе „Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства“—въ „Запискахъ Общества Любителей Кавказской Археологіи“, кн. 1. Тифлисъ 1875 г. с. 98 и друг.

своего отца и за брата Канбулука Нацалова и за весь свой родъ и за Оварскую и за Черную земли. Послѣ нѣкотораго колебанія примѣру этихъ князей послѣдовали и Алкасъ и Солохъ князья Кабардинскіе. Они поддались подъ царскую руку на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ и другіе князья, что „по Теркѣ и по Суншѣ и по инымъ рѣкамъ въ рыбныхъ и въ звѣриныхъ ловляхъ и во всякихъ угодьяхъ имъ вольно и по перевозамъ ихъ по рѣкамъ ихъ и ихъ людей государевы стрѣльцы и вольные казаки перевозятъ; а на котораго недруга надобетъ итти, и государевы воеводы имъ людей даютъ". Такимъ образомъ въ короткое пребываніе пословъ на Суншѣ „вся Кабарда и Оварская и Черная земля подъ государеву руку приклонилась". На это обращеніе Кабардин. князей къ Москов. царю имѣлъ вліяніе вѣроятно „Хотовъ, именитый человѣкъ въ Кабардѣ, котораго всѣ Кабардинскіе князи и мурзы и уздени слушаютъ во всемъ". „Онъ, писалъ Терскій воевода Хворостининъ въ іюнѣ 1589 г., договоръ положилъ, что ему Осланбѣка князя съ братьею и съ племянники и Солоха князя съ сыномъ и всѣхъ Черкасъ привести подъ твою государеву руку". Не безъ значенія также для этого была и посылка войска изъ Астрахани вмѣстѣ съ послами и намѣреніе Московскаго правительства прислать еще бо́льшую рать на Шевкала. Звенигородскій закрѣпилъ только то, что было уже рѣшено: „вся Кабарда совѣтъ учинили, что служить государю".

14 сентября 1589 г. послы пошли съ Сунши въ Кахетію. 10 октября они пришли къ Алавердинскому Егорьевскому монастырю, который на другой день осма́тривали и свои замѣчанія о немъ и отправленіи богослуженія въ немъ занесли въ свой стат. списокъ, а духовныя лица посольства были и у жившаго въ монастырѣ архіепископа (с.156—159). 16 октября послы были приняты царемъ. Во время своего довольно продолжительнаго пребыванія въ Кахетіи послы вели переговоры съ Александромъ царемъ, вращавшіеся главнымъ образомъ около вопроса о помощи ему противъ Шевкала; „учительные люди" частью осматривали мо-

мастыри и церкви, служили заутрени и вечерни, отказавшись служить литургію, подали грамату учительную патр. Іова за отсутствіемъ митроп. Николая архіеп. Алавердинскому Гавріилу, а по возвращеніи перваго вели съ нимъ рѣчи о духовныхъ дѣлахъ, были „на соборѣ“ у митроп. Николая „объ исправленіи вѣры крестьянскіе“ и др... (с. 163—165, 171—173, 176, 178—180, 185, 186, 188—192, 195—199, 205, 207, 208, 212). Отпуская пословъ, царь Александръ опять билъ челомъ о присылкѣ ему помощи противъ Шевкала[143]).

Вмѣстѣ съ ними Александръ послалъ къ царю Ѳедору своихъ пословъ кн. Сулеймана и Хуршита, наказавъ имъ тоже свое челобитье объ оборонѣ его отъ Шевкала[144]). Просьба царя Александра была исполнена: противъ Шевкала рѣшено было послать рать подъ начальствомъ кн. Григ. Осип. Засѣкина. Съ увѣдомленіемъ объ этомъ къ царю отправленъ былъ Вас. Плещѣевъ и подъячій Кудринъ (въ 1591 г.), съ которыми были посланы также по челобитью Александра иконописцы (прежнихъ велѣно было прислать въ Москву) и грамата отъ патріарха Іова къ царю Александру.—Еще ранѣе въ 1589—90 гг. Терскіе воеводы „тѣснили“ Шевкала и отняли у него р. Койсу, теперь же Москов. войска снова „Шевкала воевали“, взяли у него г. Ондрѣевской, и сожгли его, самого Шевкала ранили и многихъ людей побили, а иныхъ живыхъ поймали. Но этими результатами Александръ не былъ доволенъ. Въ граматѣ, присланной въ 1592 году съ послами кн. Арамомъ и архим. Кирилломъ,

---

[143]) Царь Александръ сперва хотѣлъ отпустить пословъ на Святой и потому они писали Терск. воеводамъ, чтобы прислали охрану имъ къ Ларсову кабаку 2 недѣли спустя послѣ Радуницы. Царь желалъ также съ послами послать армянина, присланнаго къ нему папой, и отправить грамату чрезъ Москву; но послы отказались отъ того и другаго с. 205, 207, 208, 212. О сношеніяхъ Грузіи съ папами см. ст. Георгія Казбека „Итальянцы о Кавказѣ“ въ „Кавказѣ“ за 1867 г. №№ 4, 6, 35, 36, 40—42 и 45; также Д. И. Кипіани „о матеріалахъ для исторіи Грузіи“ ibidem за 1854 г. №№ 30—33, 35, 37 и 39.

[144]) Они привезли также граматы къ патріарху Іову отъ царя и митрополита.

съ которыми возвратились Плещѣевъ и Кудринъ, онъ писалъ: толко бы государева рать не воротилась и пошли бъ на Тарки, и они бъ и Тарки взяли и укрѣпили и государевыхъ бы людей въ немъ посадили и оттолѣ Кумыцкую землю воевали". Поэтому онъ снова билъ челомъ о присылкѣ на Шевкала большой рати, такъ какъ ранѣе „рать была не великая", чтобы она пошла къ Таркамъ, и, взявъ ихъ, сидѣли бы въ нихъ государевы люди и оттуда воевали Кумыцкую землю, привели Шевкала подъ царскую руку и очистили дорогу въ Кахетію чрезъ Кумыцкую землю. Грузинскіе послы Арамъ и Кириллъ въ іюнѣ 1593 г. были отпущены съ извѣстіемъ, что царь посылаетъ на Шевкала большую рать съ кн. Андр. Хворостининымъ—оборонить Александра отъ Шевкала и Кумыковъ и засѣсть Тарки, посадивъ въ нихъ Крымъ-Шевкала свата царя Александра. Увѣдомить объ этомъ царя Александра поручено было также и послу къ нему Ив. Всеволодскому.

Дѣйствительно войско въ томъ же году было послано. Князю Андрею Иван. Хворостинину „со многою ратью" велѣно было итти въ Шевкалскую землю и поставить въ ней два города на Койсѣ и въ Таркахъ. Первый городъ былъ поставленъ и въ немъ сѣлъ съ ратными людьми воевода кн. Влад. Тим. Долгорукой. „Въ Таркахъ же, передаетъ Новый Лѣтописецъ, града поставити не дали. Пришедъ многіе люди Шевкалскіе, Кумыцкіе и Черкесы, и учиниша бой, и на томъ бою государевыхъ людей побили; тогда убили Ив. Вас. Измайлова, Ив. Петр. Ѳедорова и иныхъ многихъ дворянъ и головъ стрѣлецкихъ, ратныхъ же людей на томъ бою пало яко 3,000. Сами же воеводы съ оставшими людьми утекоше" [165]). Русскіе немалую долю неуспѣха этой компаніи приписывали Грузин. царю Александру, такъ какъ онъ де не соблюлъ предложенныхъ ему

---

[165]) Новый лѣтописецъ изд. Оболенскимъ с. 40.—Никонов. лѣтопись т. VIII, с. 27. Карамзинъ т. X, примѣч. 330. „Воеводы жъ утекли не со многими людьми". Подробности похода см. въ соч. Ив. Попко Терскіе казаки с. 35—37.

условій, не послалъ сына своего царевича Юрья на помощь и не прислалъ свата своего Крымъ-Шевкала. Съ тѣми рѣчами были посланы къ царю Александру въ 1596 г. Совинъ и Полухановъ [146]).

Объ отношеніяхъ князей Кабардинскихъ и другихъ народовъ Кавказа къ Московскому государству за время царствованія Ѳедора немного можно прибавить къ сказанному уже. Нѣкоторые князья продолжали жить въ Москвѣ. Такъ мы имѣемъ извѣстіе, что въ 1589 году „служатъ у государя на Москвѣ“ дѣти князей Кабардинскихъ Борисъ Канбулатовъ и Василій Карданукovъ, а также братья Тюменскихъ князей, князья Романъ и Василій. [147]). О Мамстрюкѣ Темгрюковичѣ извѣстно, что его захватилъ было въ плѣнъ Шевкалъ и старался „отвести“ отъ царскаго жалованья; но онъ „всякую нужу терпѣлъ, а отъ царскаго жалованья не отсталъ“. Другіе Кабардинскіе князья, еще ранѣе поддавшіеся Московскому государству, продолжали свою службу ему, провожали его пословъ въ Грузію и

---

[146]) Изъ сношеній съ Кахетіей за время царя Ѳедора извѣстно еще, что въ 101 году получена была въ Москвѣ грамата царицы Тинатиды къ царицѣ Иринѣ, а въ декабрѣ того же года получена въ Москвѣ отписка Астрахан. воеводъ о пріѣздѣ въ Астрахань гилянца тезика Неамета съ граматами Грузин. царя Александра и Гилянскаго царя Ахмета; но какъ содержаніе граматъ неизвѣстно, такъ и то — грамата царицы Тинатиды Неаметомъ ли (какъ можно думать) привезена или нѣтъ. Въ 103 г. получены въ Москвѣ „съ орянченинонъ“ двѣ граматы царя Александра къ царю Ѳедору тоже неизвѣстнаго содержанія. Неизвѣстно также—кто разумѣется подъ словомъ „орянченинъ“; вѣроятнѣе всего какой-либо англичанинъ, такъ какъ они въ то время усиленно хлопотали о новыхъ рынкахъ для своихъ товаровъ и съ этою цѣлью разъѣзжали по странамъ ок. Каспійскаго моря (Юрій Толстой). Отмѣчаемъ, поэтому, что въ 106 г. пріѣзжалъ въ Москву англичанинъ Орянчикъ Ивановъ Черей; а въ 108 г. отъ шаха прибылъ англичанинъ донъ-Онтонъ „о великихъ добрыхъ дѣлехъ“ вмѣстѣ съ персид. посланникомъ. Изъ Архангельска отпущены 9 іюля 1600 г. Подобныя имъ лица или и они сами могли приходить и ранѣе. Сборн. Русс. Истор. Общества т. XXXVIII, с. 293. См. ниже матеріалы с. 378. Персид. стат. спис. № 3, лл. 13.

[147]) Памятники дипломат. сношеній гр. Д. Блудова т. I с. 1121.

дѣйствовали заодно съ Терскими воеводами, за исключеніемъ Солоха и нѣкоторыхъ еще иныхъ Кабардинскихъ князей, которые не всегда „прямили“ Московскому царю.—Съ Шевкаломъ Терскіе воеводы сперва сносились; слѣдуя данному имъ наказу, въ которомъ имъ между прочимъ велѣно было „обослатися“ со всѣми сосѣдними народами, они „многижда“ посылали къ нему съ требованіемъ, чтобы онъ государю служилъ и былъ подъ его царскою рукою. Шевкалъ присылалъ и пословъ и торговыхъ людей, но, какъ выражались воеводы, „маненьемъ“; „а большой торгъ, что орѣхи да яблока“. Отъ него никотораго добра, писали въ 1589 г. воеводы, нѣчего ждать, присылаетъ все съ бездѣльемъ высматривать городъ и провѣдывать людей, а заклада ни сына, ни узденей лутчихъ не присылаетъ. Вслѣдствіе челобитья Кахетин. царя о помощи ему противъ Шевкала къ Терскимъ воеводамъ послана была грамата къ Шевкалу съ тѣмъ, чтобы онъ исправился и присылалъ пословъ бить челомъ о принятіи его подъ царскую руку. Въ случаѣ если онъ не исправится, воеводамъ велѣно было „позадирати“ его, для чего къ нимъ посланы были стрѣльцы и казаки. Шевкалъ не думалъ исправляться и мы видѣли, что противъ него было посылаемо нѣсколько разъ войско.—Точно также воеводы жаловались и на Тюменскаго князя, что онъ ни самъ не пріѣзжалъ къ нимъ въ городъ, ни присылалъ пословъ съ закладами.—Изъ владѣтельныхъ князей другихъ народовъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Москов. государству находились Окоцкій и Аварскій князь; первый писалъ о себѣ, что онъ имѣлъ вліяніе на Аварскаго князя и что благодаря ему „Каракишъ городокъ государю же бьютъ челомъ“.—Со времени построенія Терскаго города князья—подручники Москов. государства отдаютъ въ Терской городъ заклады, „знатные аманаты“—дѣтей и лучшихъ людей въ вѣрности своей службы.—Не лишне отмѣтить также, что въ титулѣ царя Ѳедора встрѣчаемъ новыя слова государя „Иверской земли Грузинскихъ царей и Кабардинской земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей“ [148]).

[148]) Въ титулѣ эти новыя слова, кажется, съ 1593 г. См. Памят-

Со вступленіемъ на Московскій престолъ царя Бориса отношенія Московскаго государства къ народамъ Кавказа не измѣнились. Москва все также благоволила Кахетинскому царю Александру и старалась тѣснить Шевкала. Когда къ царю Борису прибыли послы Кахетинскаго царя князь Сулейманъ и дьякъ Леванъ съ челобитьемъ держать его подъ царскою рукою въ обереганьѣ и защищеньѣ ото всѣхъ недруговъ также, какъ держалъ царь Ѳедоръ, и чтобы царь велѣлъ дорогу очистить чрезъ Шевкалову землю. царь Борисъ отправилъ въ Кахетію (въ 1601 г.) своихъословъ Нащокина и Левонтьева съ отвѣтомъ, что онъ хочетъ держать царя Александра и Иверскую землю отъ всѣхъ недруговъ въ обереганьѣ и защищеньѣ и дорогу велѣлъ очистить чрезъ Шевкалскую землю и рать велѣлъ послать на Шевкала и Кумыцкихъ князей. Послы также должны были привести царя Александра, его дѣтей и ближнихъ людей къ крестоцѣловальной записи на томъ, что имъ быть неотступнымъ отъ царя Бориса и стоять заодно противъ государ. непослушниковъ [149]). Послы не застали на престолѣ царя Александра: онъ постригся и на престолъ взошелъ его сынъ Давыдъ, котораго они вмѣстѣ съ царемъ Александромъ и др. и привели къ крестоцѣловальной записи [150]). Прибывшіе вмѣстѣ съ ними въ Москву послы

ники дипломат. сношеній гр. Д. Блудова т. I, с. 1359.—Въ титулѣ Бориса 1601 г.—см. Сбор. Русс. Истор. Общества т. XXXVIII, с. 398, 402.—Объ отношеніяхъ Крыма къ Черкесамъ за это время см. у Смирнова въ соч. „Крымское ханство“ etc... с. 443—444, 460—462.

[149]) Послы Кахет. царя били челомъ, чтобъ царь поставилъ 4 города въ Черкасской землѣ; Нащокинъ и Левонтьевъ должны были на это сказать, что какъ воевода Ромодановской Шевкала повоюетъ и мѣстъ разсмотритъ, гдѣ городамъ быть, и послѣ того велѣно будетъ ставить ихъ.—Съ послами были отправлены 4 плотника „для церковнаго дѣла“ изъ Казани. Въ Казани же Сулейманъ билъ челомъ объ отпускѣ вмѣсто плотниковъ кузнецовъ и каменщиковъ.

[150]) Послы въ отпискѣ писали царю Борису, что Кахетин. царь говорилъ непригожіе слова и обращался съ ними плохо; поэтому пріѣхавшій съ ними посолъ ст. Кириллъ былъ допрашиваемъ о подроб-

Кахетинскаго царя старецъ Кириллъ и подъячій Савва въ 1603 г. снова били челомъ о посылкѣ рати на Шевкала и на всю Кумыцкую землю, чтобы очистить чрезъ нее дорогу въ Грузію, и о томъ, чтобы поставить города въ Таркахъ, на Соли и въ Бойначехъ, о каковыхъ мѣстностяхъ ст. Кириллъ далъ подробныя показанія. 21 апрѣля 1604 года послы были отпущены царемъ. На отпускѣ имъ было сказано, что царь Борисъ посылаетъ на Шевкала своего воеводу Ив. Мих. Бутурлина, которому велѣно Шевкалову землю воевать и города ставить. Съ тѣмъ же извѣстіемъ къ царю Александру были посланы и русскіе послы—думный дворянинъ Мих. Игн. Татищевъ и дьякъ Ивановъ. Татищеву кромѣ того было поручено еще „тайное“ дѣло—сосватать среди Грузинскихъ царевичей и царевенъ—дочери царя Бориса жениха, а сыну его—невѣсту [151]). Старанія Татищева въ этомъ послѣднемъ отношеніи увѣнчались было успѣхомъ: Карталинскій царь Юрій послѣ долгихъ переговоровъ согласился отпустить въ Москву своего племянника, сына брата, Хоздроя Вахтановича, а относительно своей дочери далъ крестоцѣловальную запись, что ее пошлетъ, когда она подростетъ (во время сватовства ей было 9 лѣтъ [152]).

Рать на Шевкала, отъ сыновей котораго Андія, Суркая и Салтанъ-Магмута приходили послы въ 1602—3 гг. съ челобитьемъ о принятіи ихъ подъ царскую руку и изъ

востяхъ посольства по содержанію отписки и стат. списка Нащокина и Левонтьева, которые, оказалось, сами вели себя неприлично.

[151]) Любопытна царская грамата воеводѣ, когда тотъ вздумалъ распечатать одну изъ отписокъ Татищева о „тайныхъ дѣлахъ“ с. 451.

[152]) Въ тоже самое время царь Борисъ отыскивалъ жениха Ксеніи и среди Западныхъ государей. См. ст. Д. В. Цвѣтаева „изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ Москов. періода“ въ Русс. Вѣстникѣ за 1884 г. іюль и августъ. Борисъ еще въ сентябрѣ 1593 г. разспрашивалъ персид. гонцаАзи Хосрова о грузин. царевичѣ, жившемъ у шаха. А посолъ Звенигородскій въ 1594 г. просилъ шаха отпустить его въ Москву; шахъ согласился отпустить, но царевичъ не поѣхалъ. Персид. стат. спис. № 3, лл. 21 и др.

числа которыхъ къ двумъ послѣднимъ въ томъ же 1603 году былъ посланъ Ив. Кошкаровъ привести ихъ къ шерти, рать, обѣщанная царемъ Борисомъ дѣйствительно была послана въ томъ же 1604 году подъ предводительствомъ Ив. Мих. Бутурлина и Ос. Тим. Плещѣева. Въ составъ ея вошли стрѣльцы изъ Москвы, Чебоксаръ, Свіяги, Казани и Астрахани, Ногайскіе князи и мурзы, Терскіе ратные люди и др. Осенью они отправились въ походъ и вскорѣ завоевали Ондрѣеву деревню, Кумыцкіе кабаки и г. Тарки, въ которомъ Бутурлинъ съ товарищами и остался, отпустивъ Терскихъ людей на Терекъ, а Татаръ и Ногайцевъ въ Астрахань. Но имъ пришлось недолго здѣсь прожить. Весной слѣдующаго года, соединившись вмѣстѣ, „Шевкалъ, Крым-Шевкалъ, Кумыцкіе мурзы, а съ ними Турскаго салтана паша изъ Шамахи и съ ними Турскіе люди и еныченя", осадили Койсу, гдѣ сидѣлъ воевода кн. Вл. Тим. Долгорукой. Онъ, „видя, что ему не отсидѣться", покинулъ Койсу и моремъ „отшелъ на Терекъ". Тогда осаждавшіе, оставивъ Койсу, перешли къ Таркамъ. Бутурлинъ долго сопротивлялся и наконецъ „съ Турскимъ пашею учинилъ миръ, чтобъ его выпустить на Терекъ здорово, не побити и не пограбити". Но слово не было сдержано. Выпустя ратныхъ людей изъ Тарковъ, „Кумыцкіе люди государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей учали побивать и въ полонъ имать". „Бывшу бою велику, яко имаясь за руки сѣчахуся. Ратные люди на томъ сташа, что ни единому человѣку живу въ руки не датися и біяхуся съ ними, якоже всѣмъ поганымъ дивитися ихъ мужеству и храбрости". „Вси побіени быша отъ поганыхъ, малыхъ же взяша въ плѣнъ, которые отъ ранъ изнемогоша... Яко быти всѣмъ побіеннымъ числомъ болѣ 7.000 кромѣ людей боярскихъ". Бутурлинъ съ сыномъ и другіе воеводы были убиты, только нѣкоторые изъ нихъ были взяты въ плѣнъ [151]).

---

[151]) Поповъ А. Изборникъ изъ хронографовъ с. 321 — 323. — Новый лѣтописецъ изд. кн. Оболенскимъ с. 56—57. Никонов. лѣт. т. VIII, с. 51—53. — Попко Терскіе казаки с. 38 44.

Это пораженіе, понесенное русскими отъ Шевкала, должно было оказать вліяніе на сношенія Московскаго государства съ народами Кавказа. Терскіе воеводы еще въ 1601 г. писали, что „Солохъ князь Кабардинскій и всѣ Кабардинскіе Черкесы тебѣ, государю, не служатъ и не прямятъ, что Казый мурза Шепшуковъ, убивъ Мастрюка и Доманука и поймавъ ихъ кабаки, за свою вину тебѣ, государю, не бьютъ челомъ и не служатъ, и что они Солохъ и Казый съ Кумыцкими людьми „въ миру и въ одиначествѣ". Айтекъ не хотѣлъ даже пропускать чрезъ свой кабакъ Татищева съ товарищами, когда они возвращались изъ Кахетіи, умысля ихъ отдать Турскимъ людямъ. Теперь уже Терскіе воеводы начинаютъ бояться прихода Кабардинскихъ и Кумыцкихъ людей подъ Терской городъ. Послѣ взятія Койсинскаго острога, они, опасаясь за цѣлость Терскаго города, сожгли на Сунжѣ острогъ [154]), а людей оттуда свели; а послѣ Тарковъ. пораженія „Терскіе люди стали въ ужасѣ, чаяли приходу къ Терскому городу". При своихъ сношеніяхъ съ горскими народами воеводы заботятся только объ одномъ, какъ бы „князей розвести и межъ ими учинити розь и отъ ихъ бы приходу тѣмъ оберечи твой государевъ Терской городъ". Въ этомъ дѣлѣ Терскимъ воеводамъ сталъ помогать Кабардин. Черкескій мурза Сунчалѣй Янглычевъ, въ 1603 году пріѣзжавшій въ Москву бить челомъ—о дозволеніи ему жить въ Терскомъ городѣ, получившій это дозволеніе и „населившій слободы на другой сторонѣ р. Терека" [155]).—Терскіе воеводы сами не могли предпринимать теперь что либо серьезное, „ихъ Терскіе люди не слушаютъ"; а на требованіе ими изъ Астрахани помощи они получили отвѣтъ, что „у нихъ въ Астороха-

---

[154]) Съ 110 по 113 г. въ Сунжинскомъ острогѣ голова Мирославъ Зюзинъ. Поповъ А. Изборникъ хронографовъ с. 322.

[155]) Новый лѣтописецъ изд. кн. Оболенскимъ с. 41. См. ниже матеріалы с. 365 и др.– Въ граматѣ царской Сунчалею читаемъ: Темрюкъ—дѣдъ твой, Мамстрюкъ—дядя, Кангылчь—отецъ.—(Кабардин. дѣла 1614 г. д. № 3).

ни отъ воровъ отъ казаковъ стала смута великая и для того имъ людей послать не мочно, повамѣста устроятца съ казаки".

Въ Московскомъ государствѣ началась въ то время смута, въ которой приняли участіе и Терскіе казаки, выставивъ даже новаго самозванца царевича Петра, сына Ѳедора, при рожденіи де подмѣненнаго Годуновымъ на дѣвочку. И „Терскій городъ былъ въ тѣ поры въ воровствѣ же, что и Астраханцы, крестъ цѣловали вору же Ростригѣ". Изъ Терка пріѣзжали даже мурзы Сунчалѣй и Ботай поздравляти Лже-Димитрія „на государствахъ". На пріемѣ „государь *цесарь* и великій князь Дмитрій Ивановичъ" велѣлъ дьяку Грамотину говорить рѣчь, въ которой похвалялъ ихъ за прежнюю ихъ службу, когда Борисъ посылалъ ихъ на Шевкала, такъ какъ хотя они ходили „и по Борисову велѣнью, толко нашимъ же государствамъ прибавленья и розширенья искали", обѣщалъ ихъ держать „въ нашемъ цесарскомъ жалованьѣ свыше прежняго", толко бы они „впередъ нашему цесарскому величеству служили и примили".—Иная судьба постигла Грузинскаго царевича Панкрата, посланнаго „митрополитомъ и всѣмъ соборомъ" съ челобитьемъ на Кахетинскаго царя Константина, вступившаго на престолъ послѣ убіенія имъ отца и брата, царей Александра и Давыда, свидѣтелями чего были наши послы Татищевъ и Ивановъ. Царевичъ посланъ былъ бить челомъ, чтобы Московскій царь „имъ пособилъ, не далъ разорить хрестьянскія вѣры", о чемъ старался новый царь Константинъ, воспитанникъ Персидскаго шаха, мусульманинъ. Въ Астрахань (въ 1605 г.) царевичъ пришелъ уже въ то время, когда тамъ „смутились на Ростригино имя". Въ Москвѣ ему шелъ сперва кормъ изъ Казанскаго Дворца; но „при Ростригѣ же" онъ былъ сосланъ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь „не вѣдомо за что" и находился въ заключеніи до 1607 года, когда онъ вслѣдствіе своей челобитной царемъ Васильемъ былъ освобожденъ.—Также неудачно было посольство Кардана отъ Кабардинскаго князя Солоха въ 1609 году. На дорогѣ къ царю Василью

подъ Тулою его захватили казаки и отвели къ Тушинскому вору. Онъ былъ съ воромъ и въ Тушинѣ и потомъ въ Калугѣ, а послѣ убіенія его Карданъ пришелъ къ Ляпунову, который его сослалъ въ Казань, гдѣ онъ и пробылъ до 1614 года, когда, отправивъ посольство у царя Михаила, онъ отправился въ обратный путь.

Сколь долго пробылъ г. Терекъ „въ воровствѣ“ и каково его было отношеніе къ Московскому государству и его положенію—неизвѣстно. Если мы что-либо и знаемъ о состояніи „Терскаго города“ за это время до избранія царя Михаила, то знаемъ главнымъ образомъ изъ тѣхъ отписокъ, которыя прислалъ воевода Головинъ новому царю и въ которыхъ говорилъ о своихъ сношеніяхъ съ горскими народами за смутное время. Изъ нихъ видно, что въ то время дѣла рѣшались не однимъ только воеводой, но и „всѣмъ миромъ Терскаго города“; воевода предпринимаетъ то или другое дѣйствіе, „поговоря съ Сунчалѣемъ мурзою Янглычевымъ и съ головою стрѣлетцкимъ и съ дѣтьми боярскими и съ сотники и съ пятидесятники и со всѣмъ миромъ Терсково города“. Сунчалѣй писалъ впослѣдствіи, что въ то время, когда Астрахань отложилась отъ царя Василья „въ воровство“, онъ въ то время на Теркѣ „Терскихъ людей отъ такова воровства удержалъ и ихъ вору, которово онѣ называли царскимъ именемъ, креста цѣловать не велѣлъ“. Но въ Москвѣ говорили, что, когда въ Астрахани былъ воръ Заруцкой съ ворухою Маринкою, „Терка была прислушна къ Астрахани“. Достовѣрно извѣстно только, что Терскіе воеводы для освобожденія Астрахани отъ Заруцкаго послали ратныхъ людей съ головой Вас. Хохловымъ, которые Астрахань „очистили, воровъ многихъ побили и живыхъ поимали“ [156]).

---

[156]) См. Новый лѣтописецъ кн. Оболенскаго с. 78, 83–87. Никонов. лѣт. т. VIII, с. 79—80, 85—93. Поповъ. Изборникъ хронографовъ с. 330–338.—Попко Ив. Терскіе казаки с. 47 и слѣд. Соловьевъ т. VII, с. 144—145. Казаки Терскіе убили посла въ Персію Ромодановскаго. Новый лѣтописецъ над. М. А. Оболенскимъ с. 78. Нѣкоторые акты о гор. Теркѣ за это время см. въ Акт. Истор. и Допол. къ нимъ.

О сношеніяхъ за это время Терскаго города съ сосѣдними народами извѣстно немного. О князьяхъ Черкесскихъ мы имѣемъ извѣстіе, что Крымскій ханъ Казы-Гирей зимовалъ въ концѣ 1607 и началѣ 1608 гг. въ городѣ своемъ въ Кубанѣ, „что поставилъ на р. Кубѣ блиско Черкесъ и приводилъ къ шерти Шевкала и Кумытцкихъ людей и Черкесъ на Турского имя“ [157]). Быть можетъ посольство Кардана, о которомъ мы сейчасъ упоминали, имѣло какое либо отношеніе къ этому; но во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ объ отношеніяхъ князей Кабардинскихъ къ Терку за это время. Судя же потому, что Кабардинскіе князья и мурзы Солохъ, Казый Шепшуковъ, Айтекъ, Алкасовы дѣти Мундаръ съ братьею, Нарчовъ Ебузлуковъ съ братьею и Куденекъ Канбулатовъ, къ которымъ былъ посланъ Терскимъ воеводою Головинымъ боярскій сынъ Смагинъ съ извѣстіемъ о воцареніи Михаила, немедленно „за себя и за братью свою и за дѣтей своихъ и за всѣхъ своихъ узденей“ дали у себя въ Кабардѣ „шерть и роту учинили по своей по мусульман. вѣрѣ по шертовальной записи на куранѣ“ въ томъ, что быть имъ въ прямомъ холопствѣ подъ царскою рукою неотступнымъ на вѣки и обѣщались немедленно послать въ Москву своихъ пословъ [158]),—судя по этому, можно думать, что они и ранѣе находились въ дружественныхъ отношеніяхъ.—О сношеніяхъ съ Кахетіей мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній потому, вѣроятно, что самыхъ сношеній не было, такъ какъ Кахетіею завладѣлъ въ то время Персидскій шахъ и ею управляли посаженные имъ „воеводы“ [159]).—Отношенія

---

[157]) Ногайскія дѣла 1608 г. д. № 1.

[158]) Кабардин. дѣла 1614 г. д. № 1.

[159]) О положеніи Грузіи въ это время Головинъ въ своей отпискѣ (въ серединѣ 1615 г.) пишетъ слѣдующее. „А Грузинская де земля нынѣ за шах Басомъ, а не за Грузинским царем Теймуразом.—Были де в Грузинской землѣ посажены от шах Баса два воеводы один Грузинского царя Теймураза брат, бусурманское имя ему Алла-Салтан, Давыдовъ сынъ, а другой Бекташ-Салтан. А слухом де то носится, что Грузинской царь Теймураз хочет итти на Грузинскую землю с Турскою ратью

Кумыкскихъ князей къ Московскому государству съ 1610 г. значительно измѣнились благодаря стараніямъ мурзы Хорошая сына Кабардинскаго князя Солоха. Терскіе воеводы, заботясь о безопасности города, который въ это время представлялъ уже не достаточно крѣпкую опору („и городъ и острогъ добрѣ худъ; съ иныхъ башенъ и нарядъ сняли, что стрѣлять съ нихъ нельзя, розвалялись"), говорили ему, чтобы онъ Кумыцкаго мурзу Гирея привелъ подъ царскую руку. Старанія Хорошая въ этомъ случаѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Шертовалъ не только мурза Гирей, но и

войною; а прямые де вѣсти про то нѣт. И Грузинской де царевичъ шах-Басов посаженикъ, а Теймураза царя Грузинского брат, Алла-Салтан, услыша то, что Грузинской царь Теймураз хочет итти с Турскою ратью на Грузинскую землю войною и убоявся де от брата своего убивства из Грузинскіе земли бежал к шах Басу, а в Грузинской де землѣ остался хан Бекташ салтан с невеликою ратью, всего де с нимъ ратныхъ людей тысячи с 4" (Кабард. дѣла 1615 г. д. № 1).—Въ 1614 г. посланъ былъ къ шаху гонецъ Бреховъ. Въ стат. спискѣ онъ пишетъ: в Грузинской де землѣ нынѣ шаховы люди; а хто большой, того не упомнят. А с церквей де кресты позбилъ. А Грузинскіе люди, которые остались, вѣруют свою вѣру, того у нихъ не отнял; и в церквах не во многих пѣнье есть. А Грузинскому де царевичю, которой у него, Ловарсану манит, будто хочет его пустити на Грузинскую землю, а быт де ему при немъ, в Грузинскую землю его ему не отпускивать. У шаха ж де ныне служат Крымской Шаин-Гирей царевичь, пріѣхалъ де до них до Ивана да до Степана, а с ним де пріѣхали человѣкъ съ 20 татар. Шах де его жалует, садитца блиско шаха с лѣвые стороны против Грузинского царевича. А собою де Крымской царевичь дороденъ и знатно, что разумен и быстръ, Грузинского царевича во всемъ дороднее. А просит де у шаха людей воевати Турского, и шах ему манит; а людей дати не смѣет для того, что ему ныне стала быть теснота от Индѣйского. Индѣйской царь с шахом в недружбѣ и торговые люди ни с какими товары из Индеи в Кизылбашскую землю не ѣздят и из Кизылбашь в Индію ѣздить не смѣют; потому де ныне в Кизылбашех всякие товары дороги. Да к шаху ж де пріѣзжалъ Черкаской горской князекъ молод, имени ему не упомнят; а бил челом шаху, что ему теснота великая от Кабардинских князя и мурзъ, и шах бы его пожаловал, дал ему людей на помочь, чтоб ему от Кабардинского князя и отъ мурзъ оборонитца. И шах де и тому поманил, что за него стоять учнет, а людей не дал, блюдяс Индѣйского; отъ Индѣйского де шах в великомъ страхованьѣ. (Персид. дѣла 1614 г. д. № 1).

Казы-Кумыцкой князь Али-бекъ, Уварской князь Махтей, Карабудатской князь Суркай и другіе на томъ, что имъ всѣмъ Кумыцкимъ князьямъ кромѣ Андіи и Салтанъ-Магмута быть всѣмъ въ одиначествѣ, подъ царскою рукою въ холопствѣ неотступнымъ на вѣки. — По челобитью Гирея Терскіе воеводы въ 1610 г. посылали мурзу Сунчалея на Салтанъ-Магмута на его „Окоцкіе кабаки", такъ какъ изъ Ондрѣевской деревни они его ранѣе выгнали. Походъ былъ удаченъ. Окоцкіе кабаки ратные люди повоевали и пожгли и Салтанъ-Магмутъ долженъ былъ бить челомъ о принятіи его „въ холопство" [160]).—Такимъ благопріятнымъ отношеніямъ не мало содѣйствовалъ мурза Сунчалей Янглычевъ, которому царь Михаилъ, вслѣдствіе его челобитной, въ которой онъ выставлялъ свои дѣйствія, что онъ „поималъ въ закладъ въ Терекъ аманаты у Кумыцкихъ и Черкасскихъ князей, которые при прежнихъ государяхъ въ оманатѣхъ не бывали",—царь велѣлъ „быти за его службу надъ Окоцкими княземъ".

О сношеніяхъ съ Кавказс. народами за смутное время Московскіе послы, отправленные въ 1613 г. въ Англію съ извѣстіемъ о воцареніи Михаила, Зюзинъ и Витовтовъ, если ихъ станутъ спрашивать: какъ нынѣ съ государемъ и съ Московскими государствы новоприбылые государства [161]), которые приложились къ Россійскому государству, „Ивер-

---

[160]) Гирей при шерти просилъ пожаловать его перевозомъ на Сунжѣ, чтобы городовые и волные казаки не громили его людей, когда станутъ ѣздить въ Кабарду и изъ нея. Воевода Головинъ велѣлъ сдѣлать „перстень серебрянъ, а на немъ вырѣзанъ на печати левъ" и отослалъ Гирею для проѣзда его людемъ на пропускехъ.

[161]) Новоприбылые государства такъ перечислялись въ 1587—1589 гг.: Юргенчской царь и Хивинской царевичъ, Шевкалской князь, Иверская земля, Тюменское государство, Окотцкая земля, Горскіе князи, Черкасская земля, Кабардинскіе, Абазинскіе, Ногайскіе орды за Волгою и межъ Волги великіе и Дону.— Памят. дипломат. сношеній гр. Бludова т. I, с. 991, 1000, 1120.—Въ 1600 г. такъ: Черкасская Кабардинская земля, Шевкальское царство, Кумыки, Окуки, Барагуни, Абаза, Эрпили, Мичкизы, Тюмени и Черного князя земля, Аварская.—Сбор. Русс. Историч. общества т. XXXVIII, с. 298, 333.

ская земля съ Грузинскими царями, Казатцкіе и Колматцкіе орды царь, Кабардинская земля, Черкасы горскіе, Шевкалова земля и иные тоѣ страны земли, — должны были отвѣчать: Иверская земля Грузинские цари Костянтинъ и Симонъ и Казатцкая орда и Колмаки и Черкаская Кабардинская земля и Шевкалова земля и Кумыки и иные тамошніе землицы, которые при ц. и в. к. Ѳед. Ив. в. Р. и при царѣ Борисѣ приложились подъ ихъ государьскую руку къ Московскому государству, отъ Російского государства отступны не бывали. А не на многое время, какъ была въ Російскомъ государствѣ рознь, назывались воры государскими дѣтьми, и въ тѣ поры тѣ землицы были въ сумнѣнье, пословъ и гонцовъ не посылали за воровскими помѣшками. А какъ послѣ Полского королевича обиранья великого государя нашего Російскихъ государствъ бояре и всякихъ чиновъ люди учинили совѣтъ и стали противъ Полскихъ и Литовскихъ людей, и изъ тѣхъ изо всѣхъ новоприбылыхъ земель послы и гонцы были съ бояры и воеводы и со всѣмъ Російскимъ государствомъ о совѣтѣ вмѣстѣ. И нынѣ тѣ всѣ земли царьскому величеству, что Богъ далъ его государя отъ племяни прежнихъ великихъ государей нашихъ царей Російскихъ, радуютца и его царьскому величеству служити хотятъ съ радостію по прежнему [162]).

Такимъ образомъ изъ всѣхъ народовъ, населявшихъ Кавказъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Московскимъ государствомъ находились главнымъ образомъ—Грузины—Кахетинцы и Кабардинцы съ своими сосѣдями Окочанами и частью Аварами и др. Подданство Кахетіи Москов. государству, вызванное желаніемъ ея получить защиту отъ своихъ враговъ, было чисто номинальное. Еще сперва она присылала дань, поминки, единственно чѣмъ это подданство выражалось; но вскорѣ же она прекратила доставленіе ея, хотя Московское государство все время оказывало ей помощь противъ Шевкала и посылало на него войско. Отно-

[162]) Англійс. стат. спис. № 3, лл. 131.

шенія Кабардинцевъ къ Московск. государству были болѣе существеннаго качества, быть можетъ, и потому, что Кабардинцы имѣли болѣе возможности оказывать ихъ. Они были союзниками Москов. государства и врагами его враговъ, на которыхъ они ходили вмѣстѣ съ Московск. войсками, защищали Терской городъ отъ нападеній враждебныхъ ему народовъ, а въ нужное время подавали помощь своими ратными силами и самому Московск. государству, что дѣлать они обѣщались при принятіи ихъ въ подданство [163]). Холопами Московс. государства признавали также себя все время Окуцкіе мирзы, а по временамъ и другіе сосѣдніе народы Аварскій князь, Черный и др.

Переходимъ къ замѣчаніямъ о самыхъ документахъ, напечатанныхъ въ этомъ сборникѣ.

То весьма важное значеніе, которое имѣютъ настоящіе документы для исторіи сношеній Москов. государства и для исторіи той страны, которая теперь составляетъ одну изъ ея областей, несомнѣнно. По исторіи сношеній Москвы съ народами Кавказа мы доселѣ почти ничего не имѣемъ, если не считать тѣхъ краткихъ извѣстій, которыя разсѣяны по различнымъ мѣстамъ въ исторіи С. М. Соловьева и у Н. М. Карамзина въ примѣчаніяхъ къ его исторіи. Изъ всего числа народовъ, населяющихъ и населявшихъ Кавказъ, только съ Грузіей сношенія Московскаго государства намъ болѣе извѣстны, благодаря обзорамъ ихъ, сдѣланнымъ одинъ М. Броссе, а другой Францискомъ Плоеномъ [164]), не считая осталь-

---

[163]) См. записи ихъ и Кахетин. царей ниже въ матеріалахъ с. 28—29, 47—48 и др... Общій взглядъ на отношенія Крыма къ Черкесамъ см. у Смирнова въ соч. „Крымское ханство“ etc. с. 717—718.

[164]) Броссе въ ст. Examen critique des annales géorgiennes въ Bullet. hist. phil. t. II (1845 г.), с. 209—240, 241—278, 289—336. Русскій переводъ части ея Тяжелова см. въ Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія за 1846 г. іюль и августъ. См. также Correspondance en grec des rois géorgiens du Cakheth avec la Russie pendant le XVII siècle par M. Brosset. Переводъ см. въ „Руководствѣ къ познанію Кавказа“ М. Селезнева.

ныхъ встрѣчающихся краткихъ обзоровъ, основанныхъ на переработкѣ свѣдѣній, заключающихся въ этихъ двухъ. Но оба эти обзора неудовлетворительнаго качества, благодаря плохимъ познаніямъ въ русскомъ языкѣ и исторіи того и другаго автора. Объ обзорѣ г. Ф. Плоена можно составить понятіе по слѣдующимъ напр. взятымъ изъ него фактамъ: „учительные люди", посланные въ Кахетію въ 1589 году „для исправленія правосл. христіан. вѣры", по его словамъ, посланы „для преподаванія наукъ" (с. III); о царевичѣ Панкратѣ, получавшемъ по своемъ пріѣздѣ въ Москву кормъ изъ приказа Казанскаго Дворца, г. Плоенъ говоритъ, что „онъ жилъ въ т. н. Казанскомъ Дворцѣ, гдѣ получалъ дневное свое содержаніе" (с. XXII). И подобныя мѣста, показывающія полнѣйшее невѣжество г. Ф. Плоена, встрѣчаются почти на каждой страницѣ его очерка.—Выше обзора г. Плоена стоятъ тѣ свѣдѣнія о сношеніяхъ Москов. государства съ Грузіей, которыя мы находимъ въ статьѣ М. Броссе подъ заглавіемъ „Examen critique des annales géorgiennes pour les temps modernes au moyen des documents russes". Представляя гораздо менѣе грубыхъ ошибокъ подобныхъ ошибкамъ г. Плоена, эта статья г. Броссе все-таки не чужда ихъ; частью они зависѣли отъ плохаго знанія русской исторіи, частью отъ неумѣнья читать старинное письмо. Въ одномъ мѣстѣ (Bull. с. 245) М. Броссе самъ сознается, что не могъ прочесть слово мѣтва—молитва; въ другомъ мѣстѣ вмѣсто „кіевецъ Θилипко" онъ читаетъ „евецъ Θилипко", не объясняя, что такое значитъ это непонятное слово „евецъ".—Но если бы даже мы имѣли и хорошіе очерки исторіи сношеній, все-таки документы отъ того не теряютъ свою цѣнность и

Очеркъ г. Плоена въ книгѣ, изданной М. Броссе „Переписка Россійскихъ государей съ Грузинскими царями" изд. Акад. Наукъ. Спб. 1861 г. Мы думали найти очеркъ сношеній съ народами Кавказа въ изслѣдованіи Дубровина „Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ", но надежда оказалась напрасною. Въ 1 и 2 частяхъ I тома помѣщены этнографическія свѣдѣнія о народахъ Кавказа, въ 3-й части того же тома библіографич. указатель къ первымъ 2-мъ частямъ, а со

важность. Всегда возможно сомнѣніе, которое могутъ рѣшить только документы,—насколько то или другое передано вѣрно авторомъ, не упущено ли имъ что-либо, что онъ считалъ мелочнымъ, не стоющимъ вниманія, тогда какъ это при другомъ взглядѣ оказывается имѣющимъ значеніе и т. д. Документы и послѣ хорошихъ очерковъ нужны для ихъ провѣрки и дополненій.

Но кромѣ историко-политическаго или историко-дипломатическаго значенія настоящіе документы весьма важны и въ историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ для той области, съ которой вело свои сношенія Московское государство, съ Кавказомъ и отчасти для самаго Московскаго государства. Въ нихъ такъ много разсѣяно замѣтокъ по исторіи и археологіи Кавказа, что они представляютъ ничѣмъ не замѣнимый источникъ въ данномъ отношеніи, которымъ доселѣ еще никто не воспользовался. При предполагаемомъ даже существованіи хорошаго очерка сношеній матеріалы все-таки будутъ имѣть въ этомъ случаѣ первостепенное значеніе, такъ какъ историческія и археологическія свѣдѣнія, находящіяся въ нихъ, или попадутъ въ него въ весьма ничтожномъ количествѣ, или совсѣмъ не попадутъ. Съ какой подробностью отмѣчаютъ всѣ событія, случившіяся въ той или другой мѣстности, наши послы, гонцы, воеводы—извѣстно всѣмъ. Свѣдѣнія, находящіяся въ ихъ донесеніяхъ, напр. въ стат. спискѣ Татищева о вос-

---

втораго по послѣдній 8-й—исторія войнъ русскихъ на Кавказѣ начиная съ XVIII столѣтія; XVI и XVII вѣкамъ удѣлено только 3—4 странички въ предисловіи ко II тому, передающія свѣдѣнія, находящіяся въ исторіи Соловьева". Обзоръ трудовъ по этнографіи Кавказа съ оцѣнкою ихъ значенія въ настоящее время см. у А. П. Берже въ Этнографич. обозрѣніи Кавказа". Спб. 1879 г., а вообще трудовъ по изученію Кавказа въ его же статьѣ „Кавказъ въ археологическомъ отношеніи", помѣщенной въ 1-й книгѣ „Записокъ общества любителей Кавказской археологіи". Тифлисъ 1875 г. Библіографич. указатели статей о Кавказѣ—Міансарова и указанный уже Дубровина (3-я часть I тома). Обзоръ трудовъ М. Броссе см. въ Bibliographie analytique des ouvrages de m-eur Marie—Félicité Brosset. 1824—1879. SPb. 1887. p. I—LXII+1—703.

шествіи на Кахетію. престолъ Константина, служатъ первоисточникомъ весьма важнымъ при описаніи самыхъ событій.—Громадное значеніе имѣютъ настоящіе матеріалы для Кавказа и въ чисто археологич. значеніи своими богатыми свѣдѣніями въ этомъ случаѣ. Особенно драгоцѣнными должны быть признаны тѣ описанія городовъ, монастырей, церквей Кавказа, которыя мы находимъ въ статейныхъ спискахъ нашихъ пословъ. Ихъ наблюдательность, простиравшаяся до мелочей, точность, аккуратность—хорошо извѣстны, и на сдѣланныя ими описанія можно вполнѣ положиться. Благодаря счастливой случайности мы имѣемъ описаніе бо́льшей части Грузіи, сдѣланное нашими послами въ разное время, Кахетіи—послами кн. Звенигородскимъ въ 1589 г. и гораздо подробнѣе кн. Волконскимъ въ 1639 г., кн. Мышецкимъ въ 1640—43 гг. и др.: Мингреліи—дьякомъ Елчинымъ въ 1639 году; Имеретіи и Кахетіи—Толочановымъ и Іевлевымъ въ 1650 г., Жидовиновымъ и Порошинымъ въ 1655 году и др. Насколько цѣнны находящіяся въ этихъ описаніяхъ свѣдѣнія и насколько желательно видѣть ихъ появленіе на свѣтъ—всякій можетъ судить по описанію Мингреліи, находящемуся въ стат. спискахъ Елчина и священника Захарьева, изданныхъ мной въ числѣ другихъ документовъ, относящихся къ этому посольству [165]). Археологичес. свѣдѣнія о Кахетіи и Карталиніи, находящіяся въ настоящихъ матеріалахъ должны быть поставлены ниже сравнительно съ тѣми свѣдѣніями касательно Мингреліи, которыя находятся въ документахъ о посольствѣ Елчина (хотя, конечно, и они имѣютъ большое значеніе), такъ какъ мы не находимъ такого подробнаго описанія Кахетіи и Карталиніи въ нихъ, какое описаніе Мингреліи находимъ въ стат. спискахъ Елчина и священника Захарьева. Это кажется зависѣло не отъ пословъ, а отъ насъ самихъ:

---

[165]) Матеріалы для Русской исторіи. М. 1888 г. стр. 257—376. „Посольство дьяка Ѳедота Елчина и священника Павла Захарьева въ Дадіанскую землю (1639—1640 гг.).

такое описаніе, судя по одному сохранившемуся отрывку, было, но мы только не умѣли сохранить его...

Въ одномъ дѣлѣ, хранящемся въ Москов. Глав. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ на оборотѣ одного столбца находится слѣдующая запись, относящаяся, какъ мы думаемъ, къ посольству въ Кахетію кн. Звенигородскаго въ 1589 г. и представляющая собою ничтожную часть, вѣроятно, стат. списка старца Закхея, который, судя по другимъ аналогичнымъ примѣрамъ, долженъ бы быть, но который до нашего времени не сохранился. Отрывокъ этотъ такъ читается: „съ каменіемъ съ дорогимъ, передъ ними свѣчи невеликіе поставные; надъ царскими дверьми дѣисусъ писанъ на стѣнѣ, а не на цкахъ, да амбону нѣтъ. А архіепископъ въ немъ служитъ Захарія и свещенницы и дьяконы и весь чинъ церковный. Да тутъ же въ Кизикѣ храмы мирскіе камены многіе, а числомъ не упомнитъ сколко.—Архіепископія Мартукопская за горами. Церковь Преображеніе Христово, камена въ верхъ. А въ ней образъ нерукотворенной Господа нашего Исъ Христа, обложенъ золотомъ, вѣнецъ съ дорогимъ каменьемъ, передъ нимъ свѣча поставная; да образъ пречистые Богородицы, обложенъ серебромъ, позолоченъ, и иные образы многіе обложены серебромъ, позолочены. А въ немъ служитъ архіепископъ именемъ Николае; а въ церквѣ лежитъ преподобный Антоней пустынникъ.—Епископія Некреселская. Храмъ Успеніе Богородицы, подписанъ весь золотомъ съ красками. Образъ мѣсный пречистые Богородицы обложенъ золотомъ съ каменіемъ съ дорогимъ, да образъ Спасовъ мѣсной же обложенъ серебромъ, позолоченъ, да образъ другой Успеніе пречистые Богородицы обложенъ серебромъ да позолоченъ, съ каменіемъ, и иные образы многіе, а числомъ не упомнитъ колко. А епископъ въ немъ служитъ именемъ Іосиѳъ.—Владыка Кацарелскій. Храмъ святые живоначалные Троицы, каменъ, здѣланъ о камени синего тесана, изъ нутри подписано золотомъ. Образъ въ немъ мѣсной живоначалные Троицы, обложенъ золотомъ съ каменіемъ съ дорогимъ и иные образы многіе обложены серебромъ позолочены. А епископъ служитъ

именемъ Игнатіе.—Епископъ Г(с)аревжелскій. Храмъ каменъ преподобныя Ноны съ верхомъ. Въ немъ образъ преподобныя Ноны обложенъ золотомъ съ каме"... .[166])

Настоящіе матеріалы точно также своими богатыми истории. и археологич. свѣдѣніями оказываютъ услугу и для воспроизведенія нашей собственно жизни, Московскаго государства въ тѣсномъ смыслѣ. Въ нихъ мы не мало находимъ свѣдѣній и въ этомъ отношеніи, особенно когда послы и воеводы, описывая что-либо, дѣлаютъ сравненія, аналогіи и по отношенію къ намъ, говоря, что то или другое встрѣчается и у насъ, представляетъ сходство и различіе съ нашими. Это особенно приложимо къ археологическимъ свѣдѣніямъ, находящимся въ нихъ. Послы то и дѣло проводятъ аналогіи между тѣмъ, что видѣли на Кавказѣ и аналогичными русскими предметами: о какихъ-либо дѣйствіяхъ они дѣлаютъ замѣчанія, что то или другое совершается также или не такъ на Руси; предметы, зданія, видѣнныя ими, они сравниваютъ съ аналогичными имъ въ Москов. государствѣ.

Документы, заключающіеся въ настоящемъ сборникѣ, не мало дѣлаютъ поправокъ къ тѣмъ историчес. свѣдѣніямъ, которыя мы уже имѣемъ. Такъ намъ доселѣ были извѣстны только 2 посланія патріарха Іова одно къ Грузинс. царю Александру, другое „учительное" къ Грузинскому митрополиту, оба отправленныя въ 1589 г. съ „учительными людьми";—а изъ настоящихъ документовъ открывается,

---

[166]) Кабардинскія дѣла 1588 г. д. № 2 на оборотѣ столбцевъ. Въ другомъ дѣлѣ (Ногайскія дѣла 1586 г. № 10.) на оборотѣ одного столбца находится слѣд. любопытный отрывокъ: а въ монастырь итти не похочетъ, а учнетъ говорить, что хотятъ ее постричь и проситца учнетъ къ Москвѣ, и имъ о томъ накрѣпко говорить: постричи ее никако не велятъ, а жити ей въ монастырѣ 6 недѣль, чтобъ ей познати крестьянская вѣра; а была она въ безвѣрьѣ и крестьянскіе вѣры отбыла и затѣмъ ей нынеча и къ Москвѣ ѣхати нелзѣ. А какъ она въ монастырѣ 6 недѣль побудетъ и крестьянскую вѣру познаетъ, и тогды объ ней государевъ указъ будетъ. А нынѣ бы она одиначно 6 недѣль была въ монастырѣ и старицы бы у ней и боярыни были...

что посланій патріарха Іова въ Грузію отправлено было 4—5, что они кромѣ упомянутаго посольства посланы еще были съ послами Плещѣевымъ и Кудринымъ въ 1591 г. (къ царю), съ Савинымъ и Полухановымъ въ 1596 г. (къ царю же) и вѣроятно со Всеволодскимъ въ 1592 г.—Оказывается также, что тѣ посланія въ Грузію, которыя приписаны патріарху Іову и изданы въ „Актахъ Историческихъ“ (т. I № 227) къ царю и въ „Христіанскомъ Чтеніи“ къ митрополиту, вовсе никогда и не были посланы, каковой выводъ по отношенію къ „посланію Іова митрополиту Грузинскому“ имѣетъ немаловажное значеніе еще и по свидѣтельству о двуперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія, находящемуся въ изданномъ въ „Христ. Чтеніи“ „посланіи“ [167]). Изъ разсмотрѣнія посланій патр. Іова, изданныхъ въ настоящемъ сборникѣ и сравненія ихъ съ посланіями Москов. царей оказывается, что онѣ, какъ и царскія, писаны дьяками и что смотрѣть на нихъ, какъ на литературныя произведенія патріарха Іова—никоимъ образомъ нельзя.—Въ числѣ настоящихъ документовъ мы встрѣчаемъ граматы Грузин. царя и митрополита къ патріарху Іову доселѣ неизвѣстныя; находимъ описанія бытности у патріарха и сношеній съ нимъ Грузин. пословъ, описанія, имѣющія цѣну по находящимся въ нихъ любопытнымъ и важнымъ замѣткамъ.

---

[167]) Замѣчанія объ этомъ свидѣтельствѣ см. въ статьяхъ архіеп. Никанора о крестномъ знаменіи въ Правосл. Собесѣд. за 1870 г. ч. II и III; у Н. Каптерева въ книгѣ „Патріархъ Никонъ etc. и въ „Оправданіи на несправедл. обвиненія (Прав. Обозрѣніе 1888 г. сентябрь с. 89—92), у П. И. Субботина въ Братскомъ Словѣ за 1888 г., № 5, с. 338—345; у митр. Макарія въ „Исторіи Русской церкви“ т. X, с. 66—72. Преосвящ. Никаноръ еще въ 1870 г. отрицалъ подлинность посланія п. Іова, напечатаннаго П. И. Барсовымъ въ Христ. Чтеніи; въ статьяхъ своихъ о перстосложеніи для крест. знаменія, помѣщенныхъ въ 1888—1889 годахъ въ „Странникѣ“, онъ не касается еще этого свидѣтельства. Преосв. Иннокентій Херсонскій „много лѣтъ“, но тщетно, искалъ это посланіе для того, чтобы помѣстить его въ составленный имъ „Памятникъ вѣры“. Церков. Вѣстникъ 1888 г. № 49, с. 919. (Замѣтка Н. И. Барсова).

Несмотря на самые тщательные поиски, документовъ, относящихся къ сношеніямъ Московскаго государства съ Кавказскими народами за время царствованія Ивана IV, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ не найдено, за исключеніемъ граматы царя Ивана IV мурзѣ Мамстрюку 1578 года, сохранившейся въ копіи конца XVIII столѣтія (1798 года) потому, что подлинникъ ея былъ представленъ кн. Черкасскими при прошеніи о выдачѣ имъ свидѣтельства какъ о подданствѣ предковъ ихъ Московскому государству, такъ и о выѣздахъ ихъ въ него и ихъ службахъ здѣсь [168]). Судя по тому, что копіи другихъ граматъ, сдѣланныя тогда же, вѣрны современнымъ ихъ спискамъ, хранящимся въ дѣлахъ Архива, можно думать, что и настоящая копія вѣрна. Такимъ образомъ это единственный извѣстный документъ по сношеніямъ Московскаго государства съ народами Кавказа за время царя Ивана IV. — Изъ числа документовъ этого времени (царя Ивана IV), судя по переписной книгѣ документовъ Посольскаго приказа, составленной въ 1614 году, бо́льшая часть погибла до этого года; при переписи этого года документовъ царствованія Ивана IV оказалось очень немного. Именно тогда были на лицо слѣдующіе документы, которыхъ нынѣ мы не имѣемъ: а) по сношеніямъ съ Кабардинскими Черкесами грамата (шертная запись) Канбулата князя Черкескаго и столпъ объ его пріѣздѣ въ Москву въ 1578 г., который еще въ 1626 г. былъ „ветхъ и роспался“; б) по сношеніямъ съ Шевкаломъ: грамата Шевкала съ посломъ Бекбулатомъ 1558 г. и столпъ „ветхъ“ 1567 г. о пріѣздѣ посла его Секита съ арапами и слономъ и в) по сношеніямъ съ Шемахѣйскимъ царемъ 4 граматы его „въ розныхъ годѣхъ, ветхи добрѣ“. Неудивительно, что эти документы болѣе 270 лѣтъ тому назадъ

---

[168] Копію этого свидѣтельства, равно какъ и другіе документы, касающіеся родословій князей Черкаскихъ см. въ „входящихъ и исходящихъ дѣлахъ“ Архива за 1787 г., с. 110, 229, 230, 267—270; за 1795 г. с. 288—289; за 1796 г. с. 13—14; за 1798 г. с. 88, 185—202.

бывшіе „ветхи“ и „ветхи добрѣ“ не сохранились до нашего времени.

Изъ документовъ времени царей Ѳедора и Бориса, переименованныхъ въ переписной книгѣ 1614 г., до нашего времени прежде всего не сохранился ни одинъ изъ упомянутыхъ въ ней подлинныхъ документовъ—граматы Кахет. царя Александра и царицы Тинатиды, Суркая кн. Кумыцкаго, и слѣдующіе документы: книга 103 г., содержавшая ссылки Бориса Годунова, „какъ онъ былъ въ правительствѣ“, 2 столпа 101 г. о пріѣздѣ и отпускѣ грузин. пословъ кн. Іорама и др., стат. списокъ Всеволоцкаго, столпъ 110 г. о пріѣздѣ кн. Янсоха, столпы Черкеской 97 и 98 гг., и 102—122 гг., столпы 104—110 гг. о пріѣздѣ Шевкалскаго посла, Кабардинскихъ мурзъ и др., столпъ—отпускъ воеводы И. М. Бутурлина, столпъ 1603 г. о пріѣздѣ посла Атая отъ Шевкалова сына Андія.—Но и по отношенію къ сохранившимся до нашего времени документамъ вполнѣ умѣстенъ и справедливъ вопросъ—насколько въ цѣломъ и полномъ составѣ они дошли до насъ?

Желая придать настоящему сборнику возможную полноту, мы пересмотрѣли всѣ дѣла Архива, гдѣ можно было только ожидать найти что-либо соотвѣтствующее цѣли. Иногда приходилось отыскивать документы или въ дѣлахъ позднѣйшихъ годовъ (напр. о событіи 1603 г. въ дѣлахъ 1615 г.) или въ дѣлахъ совсѣмъ другаго разряда; нерѣдко приходилось также прочитывать понапрасну сотни листовъ, такъ какъ надежда найти что-либо оказывалась тщетною. Послѣ всѣхъ этихъ поисковъ остаемся при убѣжденіи, что всѣ документы, касающіеся сношеній Московскаго государства съ народами Кавказа за время по 1613 годъ, хранящіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, настоящимъ сборникомъ исчерпаны [169]).

---

[169] Документы по сношеніямъ Московскаго государства съ Армянами не вошли въ настоящій сборникъ потому, что они въ непродолжит. времени будутъ изданы.

Но документы приходилось не только разыскивать, но и приводить ихъ въ порядокъ, такъ какъ нѣкоторыя дѣла находились въ видѣ весьма нежелательномъ. Приходилось тратить по нѣсколько дней только на то, чтобы столбцы привести въ тотъ порядокъ, въ которомъ они должны бы были находиться. Нерѣдко оказывалось совершенно справедливымъ замѣчаніе, сдѣланное М. Броссе на одномъ дѣлѣ: „всѣ столбцы перепутаны, требуютъ новаго разбора"...

И за время обнимаемое настоящимъ сборникомъ и за время послѣдующее до 1639 г. мы не имѣемъ совсѣмъ подлинныхъ документовъ, писанныхъ на грузинскомъ или греческомъ языкѣ: за время до 1639 г. до насъ сохранился одинъ только подлинный документъ и то писанный на плохомъ славянскомъ языкѣ (грамата царя Александра къ Борису Годунову 1594 г.). Подлинные документы на иностр. языкахъ позднѣйшаго времени съ 1639 г. за все XVII столѣтіе и за первую половину XVIII ст. изданы въ книгѣ „Переписка Грузинскихъ царей съ Россійскими государями съ 1639 г. по 1770 г." Неизданныхъ документовъ на иностранныхъ языкахъ по сношеніямъ Московскаго государства съ Грузіей за XVII столѣтіе мы не имѣемъ; и только съ XVIII в. и главнымъ образомъ съ средины его начинаютъ попадаться неизданные документы на грузинс. и греч. языкахъ. Такимъ образомъ для изданія документовъ по сношеніямъ Россіи съ Грузіей вплоть до XVIII стол. не встрѣчается нужды въ знаніи языка подлинныхъ документовъ, писанныхъ не на русскомъ языкѣ: наоборотъ нужно знаніе русской исторіи, языка и умѣніе читать старинное письмо...

Документамъ мы предпослали свѣдѣнія, находящіяся въ нашихъ Родословныхъ рукописяхъ, о кн. Черкаскихъ, долженствующія служить такъ сказать путеводителемъ при дальнѣйшемъ чтеніи документовъ о нихъ, изъ каковыхъ свѣдѣній особенно любопытны находящіяся въ Лобановской родословной по ея различнымъ замѣчаніямъ напр. о томъ, что Мамстрюка Темгрюковича царь пожаловалъ „княженствомъ Кабардинскимъ, а въ Кабардѣ княженства ему не дано было" и т. п.

При изданіи настоящихъ документовъ мы позволили себѣ выкидывать документы хозяйствен. свойства, относящіеся къ снаряженію посольства, о деньгахъ посламъ, кормѣ, подводахъ, провожатыхъ и т. п. и въ видахъ экономіи сокращать попадающіеся весьма часто царскіе титулы, помѣщая ихъ въ первый разъ полностью, а далѣе довольствуясь начальными буквами; въ граматахъ кромѣ титула мы дозволяли себѣ выкидывать и т. н. Богословіе. Остальные документы напечатаны всѣ; если что либо совершенно излишнее и опущено изъ нихъ, то эти мѣста вездѣ обозначены точками или содержаніе опущеннаго напечатано курсивомъ. Иногда въ стат. спискахъ, наказахъ или граматахъ слѣдовало дословно то, что уже было напечатано ранѣе напр. въ стат. спискѣ слѣдовала буквально отписка, напечатанная выше или статья изъ наказа буквально безъ какихъ либо перемѣнъ; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы помѣщали только начальныя и конечныя слова повторяющагося документа, отмѣчая страницу, на которой напечатано остальное.—если же при повтореніи документа встрѣчались какія либо разночтенія, то они всѣ помѣщались въ примѣчаніяхъ.

Обзоръ сношеній Московскаго государства съ народами Кавказа мы старались дать возможно болѣе подробный за время предшествующее тому, которое обнимаютъ настоящіе матеріалы, и возможно болѣе краткій за время послѣдующее, за которое мы имѣли въ виду сообщить глав. образомъ свѣдѣнія, не находящіяся въ напечатанныхъ ниже матеріалахъ [170]). При всемъ нашемъ желаніи, чтобы настоящій очеркъ сношеній былъ возможно лучшаго качества, представлялъ возможно менѣе неясныхъ сторонъ, онъ все таки не вполнѣ удовлетворяетъ нашему желанію. Причиной этого была чрезмѣрная скудость матеріаловъ для него

---

[170]) За время 1584—1613 гг. обзоръ сдѣланъ краткій потому, что о сношеніяхъ за это время прекрасно говорятъ самые документы, къ которымъ мы и отсылаемъ желающихъ имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Москов. государства съ народами Кавказа за это время.

и въ тоже время почти полное отсутствіе удовлетворительныхъ трудовъ по исторіи и особенно историчес. географіи Кавказа и народовъ его населяющихъ, съ которыми вступало въ сношенія Московское государство. Думаю, что только съ теченіемъ времени, когда, можно предполагать, откроются новые, теперь неизвѣстные, документы, касающіеся настоящихъ сношеній, когда исторія и историч. географія Кавказа будутъ болѣе разработаны, только тогда, думаю, можно ждать появленія болѣе удовлетворительнаго очерка сношеній Московскаго государства съ народами Кавказа... Теперь же мнѣ остается сказать: feci. quod potui, faciant meliora potentes...

Сергѣй Бѣлокуровъ.

1888 г. іюль.
1889 г. мартъ.

СЛѢДУЕТЪ ИСПРАВИТЬ.

Стр.	*Строка.*	*Вмѣсто.*	*Читай.*
XXVIII	12 сн.	предъ шахами было цѣлью сношеній и Кахетіи	предъ шахами и было цѣлью сношеній Кахетіи
XXXVIII	7 „	Онъ и по вопросу	Онъ „по вопросу
XLIV	5 „	Жжамскіе	Жжанскіе
LXVII	7—8 св.	дѣйстіе	дѣйствіе
LXXXVI	2 сн.	удобное	угодное
XCI	5 св.	Текри	Терки
9	10 „	Усть Сюенча	усть Сюенча
41	27 „	95	96
45	21 „	Юкан Булата	отъ Канбулата
155	8 „	говорили? (sic)	говорили. (sic).
97	21 „	творить	говорить
364	14 „	старцѣ	старцу
530	10 сн.	1) Дѣла: Кабардинскія	(Дѣла: 1) Кабардинскія
546	17 св.	чоразди	горазди.

1. О князьяхъ, и мурзахъ Черкасскихъ и Кабардинскихъ, Казыевыхъ и Шолоховыхъ (изъ Родословныхъ книгъ).

Родъ Черкаскихъ князей и мурзъ.

(*По списку библіотеки М. Г. А. М. И. Д. ркп. № 176—282 лл. 321—329. Рукопись—копія рукописи Ал. Мих. Пушкина, списанная въ 1768 году по приказанію Г. Ф. Миллера*).

Иналъ мурза; а у Иналъ мурзы сынъ Тобулду мурза. А у Тобулды мурзы дѣти: Инармасъ, да Янхонтъ, да Минбулатъ. А у Инармаса мурзы дѣти: Идаръ мурза да Убитъ. А у Идаръ мурзы дѣти: Комургунъ, да Желѣготъ, да Канбулатъ, да Елбузду. А у Биту мурзы дѣти: Елбутлуко да Конуко—бездѣтенъ. А у Кермуръгука мурзы дѣти: Мамстрюкъ, да Домонуко, да Салтманъ, во крещеніи князь Михайло. А у Желѣгота мурзы дѣти: Ардошовъ—бездѣтенъ, да Иландъ—бездѣтенъ, да Каннлычь. А (у) Канбулата дѣти: Куденесъ, да Хокяго—бездѣтенъ, да Хорошай, во крещеніи князь Борисъ, да Пшимахо, да Ечеканъ—непрямые жены. А у Елбулзды мурзы дѣти: Битемрюко, да Ослямбѣкъ—бездѣтенъ, да Озмекъ—бездѣтенъ. А у Елбузлука дѣти: Нарчовъ, да Коншока—бездѣтенъ, да Ковжакъ—бездѣтенъ, да Тагята—бездѣтенъ, да Шагонуко, да Идаръ, да Кита—всѣ бездѣтны. А у Мамстрюкъ мурзы дѣти: Актулумъ, да Шаратъ, да Ковшовъ, во крещеніи князь Дмитрей, да Гужъ, да Аликай, да Туко—всѣ бездѣтны. А у Думунука мурзы дѣти: Аламбекъ—бездѣтенъ, да Асламъ—бездѣтенъ, да Тозрытъ—бездѣтенъ. А у Канклыча мурзы дѣти: Анзоруко—бездѣтенъ, да Сунчелей. А у Куденетъ-мурзы дѣти: Кельмаметъ—бездѣтенъ, да Урусланъ, во крещеніи князь Яковъ, да Илдаръ. А у князь Бориса сынъ князь Иванъ, бездѣтенъ, былъ въ боярехъ. А у Пшимахъ мурзы сынъ Канбулатъ. А у Ечекана мурзы дѣти,

что непрямой жены: Салтанъ да Охловъ. А у Битемрюки мурзы сынъ Кашовъ. А у Нарчова мурзы дѣти: Минбулатъ, да Талаусталъ, да Темиръ-Аксакъ, да Косай. А у Салтанъ мурзы дѣти: Инармасъ да Клыкъ. У Сунчелѣя дѣти: князь Шолохъ, да Будачей, да Мицалъ, да Желеготъ, во крещеніи князь Ѳедоръ, бездѣтенъ, да Олегуко, да Сунчелѣй, во крещеніи князь Григорей. А у Тошовъ мурзы сынъ Бисламъ. А у Будачей мурзы дѣти: Мамстрюко да Холжюко. А у Муцалъ мурзы дѣти: Каспуласъ да Кантемиръ, непрямой жены.

А у другова Тобулдова сына у Янхота мурзы дѣти: Талаусталъ да Бѣслѣ. А у Толаустала дѣти: Таторуко, да Кардалъ, да Созоруко—бездѣтенъ. А у Беслала сынъ Котуко. А у Таторуко дѣти: Шолохъ да Пишта. А у Кордала сынъ Ибакъ. А у Котука дѣти: Шапшука, да Ослambекъ, да Вшинуко, да Кануко, да Янсохъ. А у Шолоха дѣти: Хорошай, да Джанъ-Темрюко, да Онфока, да Талаусталь. А у Пишты дѣти: Бѣкъ, да Согуръ-бѣкъ, да Лаварсакъ. А у Ибака дѣти: Ильдшаръ, да Суркой, да Кельметъ—бездѣтенъ. А у Шапшука, Кутюкова сына, дѣти: Шагунуко, да Козыко, да Темрюко—бездѣтенъ. А у Сломбека дѣти: Левай, да Дударуко, да Яхонть, да Соторхань, да Инарлсасъ. А у Топшинука сынъ Ильжаруко. А у Канука дѣти: Додорукокулей, да Яимъ—бездѣтенъ, да Куденетъ—бездѣтенъ. А у Янсоха дѣти: Клычъ, да Ильмурза, да Урускань, да Тюхсока, да Кочкасъ, да Сортманъ. А у Хорошая сынъ Минбулатъ. А у Сурбѣка дѣти: Шибанъ да Олфока. А у Илдара сынъ . . . . . А у Суркая сынъ . . . . . А у Шегонука дѣти: Олегоку, да Черегуко, да Янфоко, да Хапыхъ, да Сосмюпи. А у Козыя дѣти: Антокжюко, да Шолохъ, да Янбулатъ, да Мысость, да Исламъ. А у Дадорукакула сынъ Салтманъ. А у Клыча сынъ Тлосталбѣкъ. А у Иль-мурзы дѣти . . . . .

А у третьева Тобулдова сына у Минбулата мурзы дѣти: Клехстань. А у Клехстана дѣти: Джамурза, да Варсань мурза—бездѣтенъ, да Кошовъ, да Тагята. А у Джамурзы сынъ Алеканъ. А у Кошова дѣти: Сопоруко да Отекъ. А у Тегята сынъ Бозоруко. А у Олкаса дѣти: Мундаръ, да Суркай—бездѣтенъ, да Араскамъ—бездѣтенъ, да Пишка—бездѣтенъ, да Маметъ—бездѣтенъ. А у Супоруки дѣти: Мурзабѣкъ, да Дзахмишъ, да Илехъстань,—всѣ три бездѣтны. А у Айдека дѣти: Маматъ—бездѣтенъ да Охловъ. А у Оборуки—Асламъ. А у Мундарака дѣти: Казы . . . . . А Охоловъ сынъ Шолохъ. А Ослаковы дѣти: Баруско, да Карданъ, да Тотарханъ, да Желеготъ, во крещеніи князь Иванъ, а былъ женатъ у князь Алексѣя у Чертенка Долгорукова на дочерѣ, да Танжохань, да Суркай—бездѣтенъ.

Родъ Кабардиньских и Черкаскихъ мурзъ и князей.

(*По ркп. библіотеки М. Г. А. М. И. Д. № 137—278, лл. 172—179. По первымъ листамъ рукописи:* сия премудрая и прекърасная книга родословие великих князей и иныхъ родовъ многихъ князя Александра Ивановича Лобанова-Ростовского, а потписалъ я князь Александръ своею рукою лѣта 7173-го году сенътября въ 1 день. *Помѣщенное въ началѣ рукописи* сказание родословию великихъ князей рускихъ, а сѣ об нихъ писание положимъ *оканчивается смертью царя Ѳедора I въ 7106 году*).

Акабгу. Акабъгины дѣти Табулы да Беслень. И Табула остался в Кабордѣ; а от нево пошли всѣ Кабардинские и Черкаские. А Беслень от нево ис Каборды откочевал прочь в Беслене; тамъ ево и род пошол в Бесленях.

А у Табулы мурзы 4 сына. Первой сынъ Инармасъ, другой сынъ Янхотъ, третей сынъ Минъбулат, четвертой сынъ Киркыш. И от тех четырех братов пошли Адарѣевы да Казыевы да Шолоховы да Мударовы да Охлововы да Расара-мурзины.

А у перваго у Табулына сына у Инармаса мурзы один сынъ Идар князь Кабардинской. А у Идара князя 5 сыновъ. 1-й сынъ Темрюкъ княз Кабардиньской. А у Темрюка князя 3 сына, 1-й сынъ Доманука, 2-й сынъ Мастрюкъ князь, княженством Кабардиньским пожаловал ево государь, а в Кабордѣ княженства ему не дано было, 3-й сынъ Салтанъкул, а во крещение было ему имя княз Михаило Темрюковичь, и князь Михаило на Москвѣ умер бездѣтен, да дочь Темрюка князя княгиня Марья Темрюковна была за царемъ Иваном Васильевичемъ.—А у Дамануки мурзы 4 сына, 1-й сынъ Асланбѣкъ—бездѣтенъ, убили ево козаки Гребенские на перевозе на Сунше не ввѣды, 2-й сынъ Сауслан, 3-й сынъ Тазрытъ—бездѣтенъ, убили ево Мудар да Охловъ, какъ оне приходили на Мудара да на Охлова для животины, 4-й сынъ Кунмурза—бездѣтен, умеръ своею смертью. А у Мастрюка князя 3 сына, 1-й сынъ Каншовъ мурза, а во крещение князь Дмитрей Мастрюковичь,[1]) 2-й сынъ Алѣй мурза—бездѣтен, убили ево под Шолоховыми кобаками, какъ государевы люди ходили при

[1]) *На чертежѣ въ кружкѣ прибавлено*: князь Якова Куденетовича 2 месты болше, а князь Ивана Борисовича 5 месты болше, а князь Григорья Сунчелеевича 13 месты болше.

Миките Вельяминове, 3-й сынъ Каитука мурза—бездѣтен, утонул на Кубане рѣке, какъ в добычю ѣздилъ под Обазинцовъ. А у Сланбѣка мурзы 2 сына, 1-й сынъ Инармасъ мурза—бездѣтен, убили ево Мудар да Охлов, какъ оне приходили на них, 2-й сынъ Клычь мурза—бездѣтен, убили ево во 144-м году Саталтанмагнутовы дѣти Адемир да Казаналпъ.—А кабаки за ними были дѣдовъ ево Домануки да Мамстрюки князя, а нынѣ тѣ всѣ кабаки Клычовы за Будачеем; всѣх кабаков 11, а людей в них 250 человѣкъ слишком опричь черных людей, а люди добры.—А Домануку да Мастрюку убили Казы мурза з братьею, зазьвав к себѣ меду пить и державъ их у себя два дни скованых и на третей день убили. А самъ Казы с кобаками своими и сь их откочевал въ Беслене и жилъ тамъ 3 годы. А Сунчелей да Куденетъ з братьею прибѣжали на Терек; и с тех мѣстъ Сунчелѣй на Терке и остался. А Мамстрюкъ добръ был собою гораздо и дороден и боялись ево многие въ Кабордѣ, въ зависти ево и убили.

Другой сынъ Идара ж князя Кабардиньскаго Биту князь Кабардинской. А у Биту князя одинъ сынъ Ельбузлука мурза. А у Ельбузлуки мурзы 6 сыновъ, 1-й сынъ Загоштока мурза—бездѣтенъ, убили ево Беслеицы, 2-й сынъ Тагета мурза—бездѣтен, умер собою, 3-й сынъ Наршовъ мурза, государь пожаловал ево княженством, а в Кабардѣ княженства ему не дано, 4-й сынъ Канышока мурза—бездѣтенъ, убили ево городцкие Откоченя в погоне за Ногайскими татары не ввѣды, 5-й сынъ Шеганука—бездѣтен, убили ево Мудар да Охловъ с Тазрытом вмѣсте, 6-й сынъ Идар, не женат, собою худ и в умѣ обычной. А у князя Нарсова 4 сына—всѣ молоды, 1-й Минбулатъ мурза лѣт въ 13. А у князя Нарчова з братом и з детми 7 кабаков, а в них 70 человѣк узденей.

Третей сынъ Идара ж князя Кабардиньскаго—Желѣгот мурза. А у Желѣгота мурзы один сынъ Канклычь мурза. А у Канклыча мурзы 2 сына, 1-й сынъ Анзорука мурза, дородной и славен был, добръ гораздо, бездѣтен, умер своею смертью, 2-й сынъ Сунчелѣй князь, Терской жилецъ. А у князя Сунчелѣя 7 сынов, 1-й князь Шолох—бездѣтенъ, с лошади убился и умер, 2-й сынъ Будачей мурза, 3-й сынъ Алкасъ—бездѣтен, умер своею смертью, 4-й сынъ Муцал мурза, 5-й Желѣготъ мурза, во крещенье князь Ѳедор, умеръ молод, 6-й Алѣгука, живет в Кобордѣ, 7-й сынъ Сунчелѣй, во крещение имя ему князь Григорей;[2]) да две дочери, первая дочь Хан за Ильдаром

[2]) *Тамъ же прибавлено*: князь Петра Ельмурзича 4 мѣсты болше. *Прибавлен также новый кружокъ* (*сынъ*): князь Данила.

Ибаковымъ сыномъ Шолоховым, другая дочь Увжугта выдана за шаха на Терке.—За ними в слободѣ с 400 человѣкъ да татаръ в Отарех с 600 человѣкъ.

Четвертай сынъ Идара ж князя Кабардиньскаго Канбулат князь Кабардиньской. А у Канбулата князя 4 сына, 1-й сынъ Куденет князь, отъ государя пожалован княженством Кабардиньским и в Кабардѣ ему княженство дано было, 2-й сын Хакего—бездѣтенъ, убили ево в Шолоховых кобаках Козлары, Хатовых кобаков уздени, ѣздилъ красть ночью, 3-й сынъ Хорошай мурза, во крещение имя князь Борис Канбулатовичь, 4-й сынъ Пшимаха князь, от государя пожалован, а Кабардиньскаго княженства ему не было. А у князя Куденета 3 сына, 1-й сынъ Келмамет мурза, 2-й сынъ Урасханъ мурза, а во крещение князь Яковъ Куденетовичь,[3]) 3-й сынъ Ильдар мурза. А у князь Бориса Канбулатовича сынъ князь Иван Борисович. А у князя Пшимаха одинъ сын Канбулат. А княиня Бабатухъ Алькасовна после Куденета князя была за князь Пшимахою. А Бабатух Мудару князю родная сестра. А Бабатухина родная сестра Аидемира Ондрѣевьскаго мать.—А кабаковъ ихъ 4 кабака не болшие, узденей в них с 30 с 5 человѣкъ.

Пятой сынъ Идара ж князя Кабардинскаго Кадышука мурза—бездетенъ, умеръ собою.

Родъ Казыевых и Шолоховых мурзъ и князей.

От другова от Табулына сына от Яньхота пошли Казыевы да Шолоховы; от Бесленя пошли Казыевы, а от Тасолтана пошли Шолоховы.

У другова Табулына сына у Янхота мурзы первой сынъ Беслень. А у Бесленя сынъ Каитука мурза. А у Каитуки мурзы 5 сынов, 1-й сынъ Пшаопшока мурза, 2-й сынъ Осланъбѣкъ мурза, 3-й сынъ Тапшинука мурза, 4-й сынъ Каитука князь Кабардинской, 5-й сынъ Янсохъ князь, княженство дано ему на Москвѣ при царе Федоре Ивановиче всеа Русіі, как был на Москвѣ, а в Кабордѣ княженства ему не давывали. А у Пшаопшоки 3 сына, 1-й сынъ Шеганука мурза, умер своею смертью, 2-й сынъ Козый мурза, дородной, славной, убили ево тотарова болшаго Нагаю, как на их кабаки приходили весь болшой Нагай, а поднимал их Хорошай Шолохов сынъ, 3-й сынъ Тем-

[3]) *Тамъ же прибавлено*: князь Ивана Борисовича 3 месты болше, а князь Григорья Сунчелѣевича 11 месты болше, а племянника своего князь Петра Ельмурзича 15 мѣсты болши. *Новый кружокъ* (*сына*): князь Михаила.

рюкъ мурза—бездѣтен, убили ево Кумыченя. А у Сланбѣка мурзы 5 сынов, 1-й сынъ Ливанъ мурза, умер своею смертью, бездѣтенъ, 2-й сынъ Янхотъ мурза, 3-й сынъ Дударыка мурза—бездѣтенъ, убили ево братья Янсоховы да Канукины дѣти, 4-й сынъ Татарханъ мурза—бездѣтен, убили ево Бесленцы, 5-й сынъ Инармасъ мурза—бездѣтенъ, убили ево с Козыем вмѣсте тотаровя болшаго Нагаю. А за Ирмасом была князь Дмитреева родная сестра Мастрюкова Капшовха, а нынѣ она в Черкасех в Кеморхахъ. А у Тапшануки мурзы одинъ сынъ Елжерука мурза—бездѣтен, умер своею смертью. А у Кануки князя 6 сынов, 1-сынъ Дудорыка мурза умер своею смертью, а жил в Ондрѣеве деревне, дворишкав за нимъ всего с 5 было, 2-й сынъ Кул мурза—бездѣтен, умер своею смертью, 3-й сынъ Хатыку мурза—бездетен, умер своею смертью, 4-й сынъ Акьсыка мурза—бездѣтен, убили ево с Казыемъ вмѣсте татаровя болшаго Нагаю, 5-й сынъ Куденет мурза—бездѣтен, убили ево съ Козыемъ вмѣсте тотаровя болшаго Нагаю, 6-й сынъ Яныр мурза—бездѣтен, умер своею смертью, на Терке был в омонатех. А у Янсохи князя 7 сынов, 1-й сынъ Сортиан—бездѣтен, убили ево Бесленцы, 2-й сынъ Докчюка—бездѣтенъ, убили ево Нагаицы болшаго Нагаю, 3-й сынъ Кочканъ мурза—бездѣтен, убил брат ево двоюродной Татарханъ, 4-й сынъ Клыч, убили ево подъ Шолоховыми кобаками, 5-й сынъ Ель мурза живет в бѣгахъ от Алегуки в Ондрѣеве деревне, а Олегука у нево убил дву сынов, а он поднимал на Олегуку болшова Нагаю мурзъ и тотар, 6-й сынъ Ураскан мурза нынѣ живет съ Ель мурзою в Ондрѣеве деревне, а за нимъ родная сестра Килмаметева Куденетова сына Шунхан, 7-й сынъ Чюжей мурза—бездѣтен, убил ево Хотокжука мурза Казыев сынъ, а сиживал Чюжей в омонатех на Терке. А у Янхота мурзы Осланбѣкова сына один сынъ Безрука, убили ево свои ж Алегукины Кобарды. А у Дадаруки мурзы Канукина сына один сын Сортманъ мурза—бездѣтен, утонул въ Сунше. А у Клыча мурзы Енъсохова один сынъ Салтанбѣкъ мурза в Ондрѣеве деревне нынѣ съ Ель мурзою. А у Ель мурзы Енсохова 2 сына въ Кабардѣ маленки, а третей сынъ [1]) середней на Терке в оманатех, что к Москвѣ ево привезли. А у Суркая мурзы Еньсохова сына одинъ сынъ маленек. А у Безруки мурзы Енхотова один сынъ маленекъ, кормятъ ево в Олегукинѣ Кабардѣ. А у Салътанбѣка мурзы один сынъ маленек в Кабордѣ ж. А у Шегануки мурзы у Шаопшокина сына 6 сынов, 1-й сынъ Алегука мурза, славной и дородной, нынѣ он живъ, 2-й сынъ

[1]) *Въ кружкѣ*: Батырби мурза, во крещение князь Петръ.

Черегука мурза—бездѣтен, умер своею смертью, 3-й сынъ Анѳока мурза—бездѣтен, убили ево с Казыем вмѣсте тотарове болшаго Нагаю, 4-й сынъ Хапых мурза, нынѣ жив, а за ним сестра родная Келмамета Куленетова сына, 5-й сынъ Салтанбий мурза, не женат и нынѣ живъ, сестра родная их Пархонь Шолохова и Муцалова, одново брюха двоими Салтанъбий и Пархань, 6-й сынъ Пшимаха мурза—бездѣтен, убил ево Олегукин уздень и збежал в Ондрѣеву деревню. А у Казыя мурзы 5 сыновъ, 1-й сынъ Ходожжука мурза добръ и дороден своею головою, нынѣ жив, владѣютъ два их Олегука да он всѣми кобаками, 2-й сынъ Шолох мурза—бездѣтен, умер своею смертью, 3-й сынъ Енбулат мурза, нынѣ жив, женился на князь на Чорве дочери, 4-й Мысокъ мурза, нынѣ жив, не женатъ, 5-й сынъ Ислам мурза, не женат. А у Олегуки мурзы 3 сына—всѣ маленки, болшому лѣт в 10, один середней сидѣл на Терке в оманатех. А у Хапыхи мурзы один сынъ маленек. А у Хотожжуки мурзы один сынъ был на Терке в омонатех. А у Олегуки да у Хотожжуки з братьею кабаков с 50, а людей в них узденей добрых с 1000 слишком конных да черныхъ людей с 2000 слишком. А што Ковлары нынѣ за Шолоховыми Хатовы дѣти Еналука з братьею, тѣ их жа Олегукины да Хотожжукины бывали.

У другова у Янхотова сына у Тасалтана 2 сына, 1-й Карданъ мурза, умер своею смертью, 2-й сынъ Тапсарука мурза, умер своею смертью. А у Кардана мурзы одинъ сынъ Салтанъбѣкъ мурза, убили ево Кумыченя. А у Тапсаруки мурзы 3 сына, 1-й Шолох князь Кабардинской, а государева жалованья княженства не дано было ему умер своею смертью, 2-й сынъ Пшита мурза, убил ево племянникъ родной Хорешай мурза Шолоховъ сынъ, 3-й сынъ Лорсанъ мурза—бездѣтен, умер своею смертью. А у Сланбѣка мурзы один сынъ Ибакъ мурза, убили ево Крымские люди, какъ царь крымской на них приходилъ, а поднимал царя Олегука. А у Шолоха князя 5 сынов, 1-й сынъ Хорошай мурза, славной и дородной и силен был добрѣ, а не отросток был, липе плоскъ и плечистъ, убили ево Мудар да Охловъ у себя в кобаках, после приходу Крымскова бежал он самъ третей з братьею, и по заводу и по прашению Пыштовых дѣтей Бека да Саурбѣка за отомщение крови отца убили ихъ, 2-й сынъ Алкаше—бездѣтен, убили ево Мудар да Охловъ с Хорошаем вмѣсте, 3-й сынъ Тасалтанъ—бездѣтен, сиживал на Терке в омонатех многие лѣта, убили ево Мудар да Охловъ с Хорошаем вмѣсте, 4-й сынъ Шантемерука мурза — бездѣтен, убили в горах, 5-й сынъ Анѳока—бездѣтен, умер своею смертью. А у Пышты мурзы 3 сына, 1-й

сынъ Бекъ мурза—бездѣтен, умер своею смертью, 2-й сынъ Шарбѣкъ мурза, убил ево горской мужикъ Хорошаев дятка за Хорошаеву кровь, 3-й сынъ Лорсанъ мурза—бездѣтенъ, убили ево в Козларскомъ кабакѣ въ Хатовых ночью на краже не за вѣды. А у Ибака мурзы 3 сына, 1-й сынъ Ильдар, Сунчелѣевых зять, 2-й сынъ Суркай, что сидѣл в омонатех многие лѣта вор и збежал из оманат, 3-й сынъ Кельмамет. А у Хорошая мурзы один сынъ Енъбулат, лѣт в 15, живет в Ондрѣеве деревне в бѣгах. А у Саурбека мурзы Пыштова сына 2 сына, 1-й сынъ Шебакъ, молод лѣт въ 12, был на Терке в омонатех, 2-й сынъ молод; мать у них одна с Ылдаром Ибаковым, сестра была за Ибаком, а после за Саурбеком. А у Илдара Ибакова сына один сынъ маленек дву готковъ.—А у Ильдара з братьею кабоков и с Козларскими 40, а людей в них узденей конных с 700 да черныхъ людей с 1000 и болши. А Козлары за ними Хотовы да Канъ мурза з братьею и с племянники да Пшимах Ельканов сынъ з братьею и с племянники.

А у третьева Тобулдова сына у Минбулата мурзы дѣти Клехстан. А у Клехстана дѣти: Джан мурза, да Лаварсанъ—бездетен, да Кошов, да Тягята. А у Джа мурзы сынъ Олкас. А у Кошова дѣти Сопоруко да Аитекъ. А у Тегята сынъ Боборуко. А у Алкаса дѣти: Мундар, да Суркай—бездѣтен, да Араскам—бездетен, да Пышта—бездетен, да Мамет—бездѣтенъ. А у Сопоруки дѣти: Мурза-бѣкъ, да Драхмышъ, да Клехстан, все три бездетны. А у Аитека дѣти: Мамет—бездѣтен да Охлов. А у Баборуки сынъ Ослан. А у Мундара дѣти Козый [5])... А Охловов сынъ Шолох. А Ослановы дѣти: Барука, да Курдан, да Тотарханъ, да Желѣгот, во крещеніи князь Іван, а был женат у князь Олексѣя у Чертенка Долгоруково на дочери, да Танжохан, да Суркай—бездѣтен.

2. 1578. Грамата царя Ивана IV Мамстрюку мурзѣ Аидаровичу о дачѣ дядѣ его кн. Канбулату жалованной граматы за золотою печатью.

Божіею милостію отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руссіи, Владимерского, Московского, Ноугородского, царя Казанскаго, царя Астараханского, государя Псковскаго, и великого князя Смоленского, Тверскаго, Югорскаго, Пермского, Вятского, Болгарского и иныхъ, государя и великаго князя Новагорода Низов-

[5]) На чертежѣ прибавлено еще два кружка безъ именъ.

скіе земли, Черниговского, Резанского, Полоцкого, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского и государя отчинаго и облаадателя, земли Лифлянскіе Нѣмецкого чину, Удорскаго, Обдорского, Кондинскаго и всея Сибирскіе земли и Сѣверныя страны повелителя и иныхъ Мамструкy мурзѣ Айдаровичу Черкаскому. Приходили къ намъ отъ васъ и ото всее Черкаскіе земли бити челомъ дядя твой Канбулатъ князь Черкаской съ своими дѣтьми и съ племянники, чтобъ намъ васъ пожаловати взяти подъ свою царскую руку и жаловати бы васъ и оберегать ото всѣхъ вашихъ недруговъ и городъ бы вамъ намъ пожаловати на Теркѣ рекѣ Усть Сюенча поставить и воеводу своего и людей съ огненымъ боемъ къ вамъ послали, какъ вамъ въ томъ городѣ отъ вашихъ недрузей мочно быти безстрашнымъ, и жалованную свою большую грамоту съ своею золотою печатью о всемъ по вашему челобитью князю Канбулату Кабардынскому дали есмя, какъ вамъ въ нашемъ жалованьѣ всей Черкаской землѣ быти. А противень есмя съ тое грамоты дали воеводѣ своему, котораго послали есмя къ вамъ въ Терской городъ. И вы бъ, вычетчи нашу жаловальную грамоту, у воеводы нашего были въ нашемъ жалованье и прямили есте намъ и служили о всемъ потому, какъ въ нашей жаловальной большой грамотѣ за золотою печатью писано. И ты бъ Мамструкъ мирза съ Казы мирзою съ Шиханшиковымъ шли на нашу службу, а взяли бы есте съ собою черкасъ до трехъ сотъ человѣкъ, и были бъ есте въ Астрохань къ Семеню дни. А изъ Асторахани бы вамъ пойти съ Семеня дни, чтобъ вамъ на нашу украйну прити къ Темникову до заморозовъ. А кормъ вамъ и на лошади готовъ на украйнѣ. А будетъ вамъ съ триста человѣкъ вскоре собрати невмѣстно и съ вами бъ было, хотя до дву сотъ человѣкъ, только бъ вамъ поспѣти до заморозовъ на нашу украйну въ Темниковъ. Писана въ государствія нашего дворѣ града Москвы лѣта 7086 апрѣля мѣсяца.

У той грамоты привѣшена на шелковомъ снуру изъ краснаго воску печать, которая вся искрошилась.

(Выписана изъ книги „входящихъ и исходящихъ дѣлъ“ Архив. за 1798 годъ лист. 197 и слѣд., гдѣ находится точная копія сей граматы, предъявленной кн. Черкасскими въ числѣ другихъ 6 жалован. граматъ при прошеніи о выдачѣ имъ свидѣтельства—какъ о подданствѣ предковъ ихъ Россіи, такъ и о выѣздахъ ихъ въ Россію и ихъ службахъ здѣсь.—Подлинныя граматы были возвращены просителямъ обратно).

3. 1586—1587 гг. Посольство въ Москву свящ. Іоакима, старца Кирилла и Хуршита.

(*Грузин. стат. списокъ № 1 лл. 1—8*).

Лѣта 7095-го сентября въ 23 день писали ко государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русіі из Астарахани воеводы князь Ѳедор Михаилович Лобанов Ростовской с товарыщи да діакъ Исакъ Чюрин, что пріѣхал в Асторохан из Грузинские земли от Александра князя государевъ толмачъ Русин Данилов; а посылан был из Астарахани провѣдывать дороги в Грузинскую землю и земли Грузинские—какова земля. А с Русиномъ вмѣстѣ прислал ко государю Александръ князь послов своих свещенника Иакима да старца Кирила да черкашенина Хуршита; а с ними людей ихъ 5 человѣкъ. И они Грузинских послов отпустили ко государю к Москве с Семейкою Слузовымъ да с Русином же Даниловымъ.—И того дни Грузинские посли к Москве пріѣхали и поставлены на Олексѣеве дворѣ Хозникова; а в приставех у нихъ велено быті Ѳедору Баламутову да астараханскимъ приставомъ Семейке Слузову да Русину Данилову.

И октября въ 9 день государь царь и великій князь Ѳедор Ивановичь всеа Русіі Грузинского Александра князя посломъ Иакиму с товарыщи велѣл быти у себя у государя на дворѣ.

И того дни Грузинские послы у государя были; а посылал по них пристав Ѳедор Баламутов. А, пріѣхав на двор, дожидалися государева выходу в Посолской полате. А как государь вышел в полату и велѣл посломъ итти к себѣ ко государю,—и шли послы ко государю середнею лѣсницею. А государь царь и великій князь Ѳедор Ивановичь всеа Русіі сидѣл в тѣ поры в золотой в подписной полате на царьскомъ мѣсте в царском платье. А при государе в полате сидѣли бояря и дворяня в золотномъ платье, а в сѣнехъ сидѣли дворяня и приказные люді в золотном же платье; а по крылцу стояли дѣти боярские и подьячие в чистомъ платье. А стрелцы стояли по середней лѣснице и от лѣсницы до Фроловскихъ ворот и до торгу с рушницами по обе стороны для Турсково посланника, что был у государя наперед ихъ Турской посланникъ.

А как вошли послы в полату,—и явил их государю челомъ ударити діакъ Ондрѣй Щелкалов.

И Грузинские послы Иакимъ с товарыщи государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русіі от Александра князя правили челобитье толмачомъ; а молыли: Божиею милостию, великий

государь царь и великій князь Ѳедор Ивановичь всеа Русиі, Владимерскій, Московскій, Ноугородцкій, царь Казанскій и Астороханскій и иных многихъ земель государь и облаадатель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ странъ! Иверские земли Александръ царь тебѣ, великому государю, велѣлъ челомъ ударити.

И царь и великій князь Ѳедор Ивановичь всеа Русиі спросил про Александра князя здоровье, сидя; а молыл: Александръ князь здорово л?

И послы сказали: как мы поѣхалі от своего государя, а он в добромъ здоровье.—Да подали государю от Александра князя грамоту и рѣчи писменые; и государь велѣл у нихъ грамоту приняті діаку Ондрѣю Щелкалову.

А послов звал государь к руце. И послы, быв у государя у руки, являли от Александра князя поминки; и являл поминки діакъ Ондрѣй же Щелкалов. А что поминковъ, — тому писмо на казенномъ дворѣ у казначѣев.—И какъ поминки явил,—и царь и великій князь Ѳедор Ивановичь всеа Русиі велѣл Иверскимъ послом сказать в стола мѣсто кормъ діаку Ондрѣю Щелкалову; а что послано в стола мѣсто корму, тому писмо на дворцѣ.—І велѣл государь с послы итти на подворье.

А се список з грамоты ко государю царю і великому князю Ѳедору Івановичю всеа Русиі грузинского Александра царя. (*Грузин. стат. списокъ № 1. л. 4 — 6*). Иже от Христа Бога избранному, всей вселенней державному, Богомъ поставленному и Богом почтенному и богослужебному и боголюбивому силнымъ и несилнымъ Богом венчанному и богоблаженному скифетродержателю, царствиемъ пребогатому и во всѣхъ царствиях посреди светилнику именитому и во всей вселенней преславнейшему.... а силнейшему и во всѣхъ царѣхъ превысокому, великого пророка Давыда от корени прозябленого, в немже крѣпкиі и благообразниі и всѣмъ врагомъ его победитель, премудростию же уподобляющему премудрому и пророку Соломану, иже люби Иерусалимъ и святую гору Синайскую, наипачеже святую гору Аѳоню и всю греческую землю, и обителей хрестьянскихъ, от малыхъ даже и до великих, кормилец ктиторъ, многими мѣсты и селы дароносецъ и безчисленно образомъ златомъ и многоцѣнимъ камениемъ и бесеромъ украсител, по подобию же и по силе уподобляющему великому храбраго Александра царя Макидонского всей вселенней державного, Аврамово же боголюбие и Яковле благословение, нищимъ защитителю, напастем многимъ разрушителю, православней вѣре совершителю, якоже и древниі великиі царь Ѳео-

досиі православію совершитель былъ, от Христа Бога от вышние премудрости помазанному всѣмъ царствіемъ, мысльне очи свѣтлымъ сіяніемъ подателю, светителем же и архіерѣмъ великие чести подателю, туждимже благимъ словомъ подемителю, царю царствующимъ, превеликому и пресвѣтлому и еже на престоле царские степени поставленному, великому и храброму царю Ѳеодору Івановичю и самодержцу всеа Росиі челомъ бью до лица земли многие вашие нарочитыя главою, прошение благим, повелѣние радостию, близ царствия вашего служебник, великимъ благодателю. Посемъ благословен Вседержитель и Творец Богъ, иже необоримий престолъ и степень царствия тебѣ даровал. Посемъ прислалъ еси к намъ человѣка своего русина Игнатья Даниловича, а с нимъ прислал еси свою царскую грамоту и вѣсти;— мы о томъ велми благодаримъ Бога и великимъ радованіемъ возрадовалися есмя, понеже в настоящемъ семъ времени хрестьянство в великомъ разрушенье і великою скорбью обдержими есми от невѣрныхъ и богомерзскихъ поганыхъ язык, о семже есть пишет в книге святых и преподобных отецъ, иже Духомъ святымъ провиделі. Принел и о томъ до земли челомъ бьет и самъ своею головою и со всею своею землею под кров царствия ти и под вашу царскую руку рад поддаетца, понеже государь нашъ и земля наша хрестьянская, а от невѣрных турок в велицей бедѣ и в утесненье; і в томъ твоя царская воля, как государя нашего и его землю пожалуеш, от такихъ и невѣрных богомерскихъ агарян обороніш.

А поденного корму давано священику Іакиму да старцу Кирилу по гривне человѣку на день; а черкашенину Хуршіту по полутретья алтына на день, людем их трем человѣком по 6 денег, а двем человѣком по 4 денгі. Питья послом по 3 чарки вина человѣку, по крушке меду обарново, полведра паточново, ведро княжого; людем 5 человѣком по 2 чарки вина человѣку, ведро меду, всѣм по ведру пива; в ызбы и в поварни по возу дров на день.

И апрѣля въ 3 день государь царь и великіі князь Ѳедор Ивановичь всеа Русиі приговорил з бояры Грузинскихъ посланников отпустить; а с ними вмѣсте послати к Олександру князю посланника своего, царя к вѣре привести. А на отпуске велѣл государь быти Грузинскимъ посланником в Посолской полате у діака у Ондрѣя Щелкалова и сказати имъ, что государь Александра царя пожаловал, под свою царьскую руку и в оборон хочет взять и посланников своих с ними посылает.

И апрѣля ж в 4 день по государеву цареву и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русиі указу Грузинского Александра царя

посланники въ Посолской полате у діака у Ондрѣя Щелкалова были.

А какъ вошли в полату и діакъ Ондрѣй Щелкалов велѣл имъ сѣсти; а посидѣв немного говорил: Иваним! Пришли есте к великому государю нашему царю і великому князю Ѳедору Івановичю всеа Русіі самодержцу къ его царскому величеству от государя своего от Александра князя бити челомъ, чтоб великій государь нашъ царь і великій князь Ѳедор Івановичь всеа Русіі государя вашего Александра князя и всю Иверскую землю держал в своемъ царьскомъ жалованье и во оборони. І великій государь нашъ царь і великіі князь Ѳедор Івановичь всеа Русіі самодержецъ для крестьянские вѣры государя вашего Александра князя и всю Иверскую землю в своемъ царьскомъ жалованье и во оборони держати хочетъ и вас велѣл отпустити ко государю вашему, а с вами вмѣсте посылает посланников своихъ и о всемъ подлинно с ними наказав, как государю вашему Олександру князю быти въ его царьскомъ жалованье ото всѣх его недругов.—И отпустил ихъ на подворье.

А с Москвы Грузинские послы пошли апрѣля въ 11 день; а в провожанье с ними посланы Астараханские сотники Матвѣй Ногиренин да Русин Даниловъ, а велено имъ государевых посланниковъ дожидатись в Нижнем.—А к Олександру князю по государеву цареву и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіі указу посланы в посланникехъ Родивон Биркинъ да Петръ Пивов да подъячей Степан Полуханов.

4. 1587—1588. Посольство въ Грузію Родіона Биркина, Петра Пивова и подьячаго Степана Полуханова.

(*Грузин. стат. списокъ № 1. л. 8—75*).

А се отпускъ в Грузинскую землю к Олександру князю государевых посланников Родивона Биркина да Петра Пивова.

Говорити от государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русіі грузинскому Александру князю посланникомъ Родивону Петровичю Биркину да Петру Пивову: Бога в Троице славимаго милостию великий государь... (*полный титулъ*).... и иныхъ многихъ государствъ государь велѣл тебѣ, Александру князю, поклонитися.—Великий государь царь и великий князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіі

велѣл тебѣ свое здоровье сказаті, а о твоем здоровье спросить.—Да подати от государя Александру князю грамота; а после грамоты явити Александру князю поминки.

А после того говорити Родивону рѣчь: Божиею милостию великий государь царь і великий князь Ѳедор Ивановичь всеа Русіі велѣл тебѣ говорити: присылал еси до нашего царьского величества степени своихъ людей свещенника Иакима да старца Кирила да Хуршита з грамотою; а в грамоте своей к нашему царскому величеству писал еси и рѣчью с ними к нашему царскому величеству бити челомъ приказывал еси, чтоб намъ тебя и твою землю под своею царскою рукою держати в своемъ царскомъ имяни і обороняти б намъ тебя и твою землю ото всяких твоих недругов,—а ты, Александръ князь, со всею своею Иверскою землею хочешь быти под нашею царскою рукою, понеже вся земля Иверская нашими землями вѣра едина есть крестьянская.—Петру говорити: Божиею м. в. г. ц.... говорити: И мы грамоту твою приняті велѣли есмя и еѣ выслушали милостивно и тебя, Александра князя, и твою землю Иверскую по твоему челобитью под свою царскую руку приняли есмя и держати тебя и твою землю в своемъ царскомъ жалованье подъ своею царскою рукою хотимъ и оберегаті тебя и твою землю ото всякихъ твоихъ недругов своимъ велимъ воеводам и город на Терке вперед поставити велимъ. А о всемъ есмя к тебѣ наказали о тѣхъ дѣлех говорити посланникомъ своимъ Родивону и Петру и в грамоте своей к тебѣ писали есмя, как тебѣ и твоей землѣ быти под нашею царскою рукою в нашемъ царском имени и какъ намъ тебя оберегати ото всякихъ от твоихъ недруговъ и как намъ город на Терке поставить и людей своих в томъ городе держать. И ты б, Александръ князь, с посланники нашими о всемъ договоряс, к намъ нашихъ посланников отпустил вскоре и с ними вмѣсте к намъ прислал своихъ людей добрых и с ними о всемъ к намъ приказал, какъ тебѣ быти в нашем царскомъ жалованье под нашею царскою рукою вперед неподвижно; и перед нашими бы еси посланники по договору намъ правду учинил, что тебѣ быти под нашею царскою рукою со всею своею землею и от нашего царского величества державные власти не отстати, а нашему царскому величеству тебя и твоей земли Иверские никому не поступитис.

А се вѣрющая грамота:

(*Посль Богословія и полнаго титула*).... и иныхъ многихъ государствъ государь Грузинские земли началнику Александру князю Иверскому милостивное наше царское слово с великим жалованьемъ з доброю мыслью, великое наше крѣпкое защищенье Богопособные

нашие власти царские, твоему улусу и всей твоей землѣ безстрашное пребыванье в нашемъ царскомъ в милостивномъ защищенье ото всѣхъ вашихъ недруговъ. О которых дѣлех присылалъ еси к нашему царскому величеству людей своихъ свещенника Иакима да старца Кирила да Курпута с своею грамотою,—и мы грамоту твою милостивно выслушали и людей твоихъ, пожаловавъ, к тебѣ отпустили; и с своимъ царскимъ жаловалнымъ словомъ послали есмя к тебѣ и ко всей твоей землѣ посланников своихъ Родивона Биркина да Петра Пивова, наказав с ними о всемъ, как тебѣ в нашемъ царскомъ жалованье и во оборони ото всѣхъ своихъ недругов быти. И что они учнут тебѣ словомъ говорити, ты б имъ вѣрил; и, переговоря с ними, нашихъ посланников отпустил бы еси к нашему царскому величеству и с ними вмѣсте послал к намъ своих послов добрых людей. И мы, выслушав от твоихъ послов твое челобитье, пожалуемъ послов твоих, к тебѣ отпустимъ и свою царскую грамоту жаловалную з золотою печатью к тебѣ, Александру князю, пришлемъ, как тебѣ в нашемъ жалованье и во оборони быті ото всѣхъ своих недругов вперед на веки неподвижно.

А се грамота от государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русі к Грузинскому Александру князю с посланники с Родивономъ Биркинымъ да с Петромъ с Пивовым.... (*недостаетъ листа и начала грамоты*)
и всей твоей землѣ безстрашное пребыванье в нашемъ царскомъ милостивном защищенье будучи и вперед ото всѣхъ вашихъ недругов. Слово наше то. Присылал еси до нашего царского величества степени своихъ людей свещенника Иакима да старца Кирила да человѣка своего Хуршита з грамотою. А в грамоте своей к нашему царскому величеству писал еси и с ними к нашему величеству бити челомъ приказывал еси словом, чтоб нашему царскому величеству тебя пожаловати и твою землю под своею царскою рукою держати в своем царскомъ имени и оборонять бы намъ тебя и твою землю ото всякихъ твоих недругов; а ты со всею Иверскою землею хочеш быти под нашею царскою рукою, понеж вся земля Иверская с нашими землями вѣра едина есть христьянская, а тебѣ и твоей землѣ от агаряк Турские земли, которые ходят на Кизылбаши, великое утесненье. И для бы того нашему царскому величеству к тебѣ, началному князю Иверской земли, и ко всей землѣ Иверской свое милосердие показати и дорога бы намъ от бесермен на твою землю переняти и укрепити, чтобы на рекѣ на Терке город намъ поставити и людей своихъ многих в том городе держати.—И мы людей твоихъ свещенника Иакима

и старца Кирила и человѣка твоего Куршита с великимъ своимъ царскимъ милосердіемъ и жалованьемъ приняли и очи свои царскіе видети имъ дали и грамоту твою приняти есмя у нихъ велѣли и еѣ выслушали милостивно, и тебя и твою землю под свою царскую руку приняли есмя и держати хотимъ и оберегати тебя и твою землю Иверскую ото всякихъ твоихъ недруговъ своимъ воеводамъ велимъ испомогати и город на Терке вперед поставити велимъ. А для того своего дѣла с твоими людми вмѣсте послали есмя к тебѣ посланниковъ своихъ Родивона Биркина да Петра Пивова дорогу провѣдати подлинно, и о всемъ с ними наказали есмя к тебѣ подлинно, какъ тебѣ быти под нашею царьскою рукою и какъ нашему царскому величеству тебя держати подъ своею царскою рукою во обороне ото всякихъ твоихъ недруговъ и какъ вперед тот намъ свой город на Терке укрепити вамъ в защищенье и во обереганье ото всякихъ вашихъ недруговъ и какъ нашему царскому величеству держать в томъ городе своих людей. И ты б, выслушав нашихъ посланниковъ, вскоре к намъ отпустил ихъ и своих послов добрых людей с ними вмѣсте к намъ прислалъ, о всемъ ихъ наказав, как тебѣ под нашею царскою рукою впередъ быти и как нашему царскому величеству тебя и твою землю Иверскую в своемъ жалованье милостивно держать вперед и оберегати от твоихъ недруговъ и как тебѣ быті в нашемъ царскомъ жалованье под нашею царскою рукою и вперед во всякомъ укрепленье неподвижно. А ныне бы еси, почеши собою в головакъ, и твои люди чиновные и вся земля Иверская намъ перед нашими посланники правду учинили по записи, какову запись послали есмя с своими посланники, что тебѣ от нашие царские самодержавные власти не отстат ни х которому государю и быть от нашего царского величества вперед неотступну и с нашими людми против всѣхъ нашихъ недруговъ и своихъ стоят заодин.

А се такова грамота от государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русиі к Окутцкому Шиху князю о пропуске государевыхъ посланниковъ.

(*Посл Богословія и полнаго титула*).... и иныхъ многихъ государствъ государь Окутцкому Шиху князю милостивное наше царское слово с великимъ жалованьемъ з доброю мыслью, великое наше крѣпкое защищенье Богопособные нашие власти царские твоему улусу, безстрашное пребыванье в нашем царском в милостивномъ защищенье ото всѣхъ вашихъ недруговъ. Слово наше то. Присылал к нашему царскому величеству бити челомъ Грузинские земли Алек-

сандръ князь послов своихъ Іакима съ товарыщи, чтоб нашему царскому величеству его и его Иверскую землю пожаловати, держати б намъ под своею царскою рукою в своемъ царскомъ имяни и обороняти б намъ его и его землю велѣти своимъ восводамъ ото всякихъ его недругов. И мы Александра князя и его землю пожаловали, под свою царскую руку приняли есмя и держати и оберегати его и его землю ото всякихъ его недругов своимъ воеводамъ велѣли; и послалі есмя ныне к Олександру князю сь его послы вмѣсте посланниковъ своихъ Родивона Биркина да Петра Пивова. И какъ наши посланники Родивон и Петръ з грузинскими послы будутъ у тебя в твоемъ улусе, и ты б нашего царского величества нашихъ посланников Родивона Биркина да Петра Пивова сь ихъ людми и грузинскихъ пословъ Іакима с товарыщи тотчасъ через свой улус пустити велѣлъ и выпроводити ихъ ис своего улуса велѣл до Алкаса князя Черкасково и до Грузинские земли поздорову.

А Кабардинскому Алкасу князю послана грамота такова ж.

А наказ Родивону и Петру, какъ имъ государево дѣло дѣлат, дан таков.

Память Родивону Петровичю Биркину да Петру Пивову. Царь и великій князь Ѳедор Ивановичь всеа Русіі велѣл имъ итти въ Грузинскую землю к Олександру князю, а с ними вмѣсте отпустил государь царь і великій князь Ѳедор Ивановичь всеа Русіі Грузинского Александра князя послов свещенника Іакима с товарыщи трехъ человѣкъ; а итти имъ на Казань да на Астарахапь. И Родивону и Петру ѣхати з грузинскимі послы в Нижней Новгород, а из Нижнего итти з грузинскими послы воденымъ путем в Казан, как Волга прочиститца. А с ними 2 сотника Матвѣй Ногирин да Русин Данилов да стрелцов и казаков Астараханских 16 человѣкъ; а в Нижней об ихъ отпуске от государя к воеводе ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому да к діаку Василью Щелепину писано, а в Казань об их отпуске к боярину и воеводѣ к Федору Васильевичю Шереметеву с товарыщи да к діаку к Михаилу Битяговскому от государя писано ж. А ис Казани велено с ними отпустить 50 человѣкъ стрелцовъ до Астарахани проводить, и тѣхъ стрелцов Родивону и Петру с собою взять. Да как ихъ ис Казани отпустятъ и им ѣхати в Астарахань; а приѣхавъ в Астарахань отдати государева грамота воеводамъ князю Федору Михайловичю Лобанову Ростовскому с товарыщи. А какъ их воеводы из Астарахани отпустят, и Родивону и Петру ѣхати в Грузинскую землю на Терекъ до Сунши городища, гдѣ был стал город на Терке, вмѣсте з грузинскими послы; а лошаді имъ отпустити из Астарахани на Терекъ к Сочшину городищу полемъ с людми сво-

ими и с провожатыми. О томъ с воеводамі приговорить, какъ бы безстрашнее—самим ли с послы ѣхати в судне к Терке и Теркою вверхъ, а лошади полемъ,—или самимъ конми полемъ, а людей своих з запасомъ с провожатыми послать въ судѣхъ?—А велено лошади дати в Астарахани под Родиона 15 лошадей, под Петра 10 лошадей, под Толмача да под подьячево по трое лошадей, а под послы под 3 человѣки да под ихъ 4-хъ человѣкъ 14 лошадей; а стрелцов велено послать провожать и с ними быть в Грузинской землѣ с сотникомъ 50 человѣкъ, а под них лошади по указу.—А писано о томъ о всемъ от государя ко князю Федору Михайловичю Ростовскому.—А от Соншина городища итти имъ через Черкаскую землю, которыми мѣсты пригоже, смотря по вестемъ и роспроса тамошнихъ людей и вожей, через Черкасы ли или на Шевкалы итті? Куды лутче, туды имъ и итти.—А к Черкасскимъ княземъ к Шиху князю и к Алкасу князю об ихъ пропуске посланы с ними государевы грамоты; да к Шевкалскому князю с ними послана государева ж грамота для запасу и государева жалованья. И как Родион и Петръ приѣдут в Черкасы,—и имъ быти у Черкаскихъ князей у Шиха князя и у Алкаса князя, обослався с ними, как имъ велят у себя быті. И, пришед к нимъ, от государя царя и великого князя поклонъ правити и грамоты подати по государеву наказу; а говорить имъ, что послал их государь царь и великій князь к Грузинскому Александру князю в посланникех для своего государева великого дѣла и для ихъ вопчего дѣла,—и Алкас бы князь и Шихъ князь тѣмъ государю службу свою показали, через свою землю ихъ пропустили и проводити их велѣли до Грузинские земли и назад из Грузинские земли, чтоб имъ проѣхать здорово. А государево жалованье к ним вперед будетъ; а ныне к ним послано государево жалованье по шубе. А имъ то дѣло и самимъ надобно будет, что велѣл государь на Терке город поставить имъ всѣм Черкасом и тамошнимъ людемъ на оберегапье и на утверженье, чтоб всѣмъ Черкасомъ мимо всѣх смотрити на государя и быти от государя неотступнымъ.

А будет ныне Шевкалской князь укрепился в государеве воле, дочь свою дал будетъ за Мурат-Кирѣя царевича и закладъ в Астарахань прислал сына своего, и дорогою будет мочно ѣхати на Шевкалы и самимъ бережнѣе и безстрашнее,—и Родивону и Петру ѣхати на Шевкалы. То имъ учинити, смотря по тамошнему дѣлу; куды прямѣе и безстрашнее ѣхать, туды имъ и итти в Грузинскую землю. А к Шевкалу князю об ихъ пропуске от государя грамота с ними послана в запас; а в Астарахань к воеводамъ о томъ от государя о всемъ писано ж. И какъ будут в Шевкалех,—и Родивону и Петру, пришед

к Шевкалу князю, от государя царя и великого князя Шевкалу князю поклон правити и грамота податі по государеву наказу и государево жалованье шуба дать, и говорить ему потому ж, чтоб он по государеве грамоте ихъ через свою землю проводіті велѣл до Грузинские земли или до коихъ мѣстъ пригоже.—А будетъ через Черкасы поидутъ, и имъ, пришед к Черкаскимъ княземъ, потому ж грамоты дать и рѣчь говориті по наказу.

Да как, аже дастъ Богъ, будутъ в Грузинской землѣ и велит имъ Александръ князь быті у себя, и Родивону и Петру приказати к Олександру князю, чтоб у него в то время иных государей пословъ и посланников не было никого, что с ними от государя приказъ о великихъ дѣлехъ, и имъ бы посланникомъ быти у него однимъ; да и его бы люді вѣрные, кому онъ вѣрит во всякихъ в болшихъ дѣлехъ, тутo при немъ были, а рядовые бы люді при немъ не были при ихъ посольстве, чтоб ихъ посольство в ыныхъ государствахъ ни в которых не объявилось до времяни, покамѣста то дѣло утвердитца.—А нѣчто при нихъ в то время будутъ у Александра князя Турсково салтана или Кизылбашского послы или посланники или гонцы,—и Родивону и Петру тогды к Олександру князю с ними вмѣсте не ходить; а хоти и придутъ, а увѣдаютъ, что иныхъ земель у Александра князя послы или посланники,—и имъ, пришедъ к Олександру князю, посолства не правити, итти вон ис полаты. А говорити имъ приставомъ, чтоб имъ Олександръ князь велѣл быти у себя однимъ, а иныхъ бы государей посломъ и посланникомъ и гонцомъ быті с ними вмѣсте не велѣл; а имъ никакъ с ыными посланники у него не бывать.

А не будет у Александра князя ыныхъ земель послов и посланников,—и Родивону и Петру, пришед ко князю Александру, от государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи поклон правити и рѣчь говорити и грамота подати по записи по царя и великого князя наказу и поминки государево жалованье явити по казенному списку. И будетъ Александръ князь учнет ихъ тутo на посолстве спрашивать, что с ними государевъ приказъ, как государь царь и великій князь хочет ево, Александра князя, жаловати и как ево оберегать от ево недругов? И Родивону и Петру говорить Александру князю: государь нашь великій государь царь і великій князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіі по твоему челобитью тебя, Александра князя, пожаловал, под свою царьскую руку тебя и всю твою землю Грузинскую принел и во оборони держати хочет ото всѣхъ твоих недруговъ; а подлинно тебѣ наединѣ временемъ то объявимъ.

Да как быть велит у себя наединѣ или вышлет к ним с отвѣтомъ своихъ болшихъ людей,—и Родивону и Петру то объявить; а молыть: государь нашь великій государь царь і великій князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русиі по твоему челобитью и прошенью тебя, Александра князя, и всю землю Грузинскую в свое царское имя под свою царскую руку взял и хочет тебя и твою землю от твоихъ ото всякихъ недругов оберегаті и город на Терке для тебя и твоей землѣ обереганья поставить государь велѣл,—толко ныне вскоре тому сстатися не мочно; а для того послал государь пашь царь і великій князь к тебѣ нас, посланников своихъ, о всемъ с тобою договоритися, как тебѣ в государя нашего царьского величества жалованье и под его царскою рукою во обороне быті и какъ вперед на Терке государевымъ людемъ быти и тебя и твою землю оберегати ото всякихъ недруговъ и как тебѣ и твоей землѣ людей государя пашего, которые почнут жить на Терке в томъ в новомъ городе, запасомъ спомогати. А люди в томъ городе на Терке будут многие и имъ без тутошнихъ запасов пробыть невозможно, а для далние дороги и для Терки реки вверхъ Теркою судов болшихъ з запасомъ государю нашему взвозить невозможно; и тутo, гдѣ лучитца государя царя і великого князя воинскимъ людемъ поити в Грузинскую землю для вас от недругов вашихъ оберегати, и тѣмъ без лошадей и без запасу невозможно ходить. И тебѣ, князю Александру Грузинскому, какъ возможно—на колко людей давать запас и хлѣб на Терской город возможно? И как привозить—зимним ли путемъ или лѣтом? И колкимъ ратнымъ людемъ на обереганье к тебѣ в твою землю ходить и какъ их кормить и как под нихъ лошадей давать с сѣдлы? А в томъ в государскомъ городе на Терке государевымъ людемъ конным быть невозможно, а будут люди всѣ пѣшие стрелцы и казаки с вогненымъ боемъ. И ты, князь Александръ, о томъ обо всемъ с нами сам ли переговори или своим ближнимъ людемъ приговорити с нами вели. А договорясь бы о всемъ, ты, Александръ князь, нас отпустил ко государю пашему къ его царскому величеству и своихъ послов добрыхъ лутчих людей с нами вмѣсте ко государю нашему послал, о всемъ их наказав, как тебѣ быти под государя нашего царского величества рукою и во обороне вперед во всякомъ укрепленье неподвижно и какъ нашему государю тебя жаловать и от которыхъ от твоих недругов тебя государю нашему оберегати и какъ и коимъ обычаемъ и колкими людми тебя оберегати,—то все подлинно намъ объяви и с нами переговорить вели, чтоб о всемъ о томъ государю пашему было в вѣдоме. А ныне бы еси государю нашему его царскому величеству правду учи-

нил, почен собою в головах, и дѣті твои и твои люди чиновные за всю за твою землю Иверскую на целовалной записи крестъ целовали, что тебѣ и твоей землѣ быти под государя нашего царского величества рукою и от государя нашего неотступну и з государевыми людми против всѣхъ недруговъ стояти заодин. Да показати имъ Александру князю список з записи целовалные, на чемъ Александру князю и его чиновнымъ людемъ государю правда дать; и толмачомъ ему прочести и списокъ з записи ему дати.

И будетъ Александръ князь учнетъ говориті, что, не договоряся и не укрепяс и не увидев к себѣ государева жалованья и города на Терке покамѣста не поставятъ, и ему правды нельзя учинити,—и Родивону и Петру говорить: государь нашь великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Івановичь всеа Русіі коли такимъ своимъ милосердием призрил тебя, Александра князя, и твою землю пожаловал, под свою царскую руку во оборону взял по твоей присылке ко государю нашему и то уж будетъ крѣпко и неподвижно; которые государства под государя нашего царскою рукою ни есть не токмо крестьянские земли, но и бусурманские орды, которые в государя нашего царского величества имени и подданы учинятца, и тѣ всѣ государи и государства ихъ живут под государя нашего царьского величества рукою и в его государскомъ имяни в безстрашномъ пребыванье и инако государя нашего слово не живет. А та вѣра ваша, на чем правду свою дадите, вам же во укрепленье и к прибытку, что уж вамъ от государя нашего не отступить; а государю уж нашему какъ город на Терке ставить, так тебя и твою землю оберегати отъ всѣх недрузей. А ты, Александръ князь, вѣры крестьянские и земля твоя крестьянская с нами одноѣ вѣры, и государь нашь царское величество и наипаче иных государей тебя, Александра князя, хочет жаловать и во обороне под свою царскую руку тебя и твою землю держать хочет и может тебя и твою землю ото всѣхъ твоихъ недруговъ уберечи; а инако то слово не будет. И ты б ныне безо всякого сумнѣнья на государя нашего жалованье был надежен и государю нашему правду дал и от нево, государя, былъ неотступен и ко государю нашему к великому государю царю и великому князю с нами вмѣсте слал бы еси послов своихъ добрыхъ людей, о всем с ними наказавъ, как тебѣ под государя нашего царского величества рукою и вь его царском имени вперед во всякомъ укрепленье неподвижно противъ нашихъ слов, как мы тебѣ обьявляемъ. И государь нашь царское величество, увидевъ твою правду и выслушав твое челобитье отъ послов твоих, которыхъ с нами отпустиш, во всемъ тебя пожалуетъ по твоей воле

и оберегати тебя отъ твоих недругов своимъ Астораханскимъ воеводамъ и Терскимъ велитъ. А на Терке государь нашь городъ поставитi велит, оже дастъ Богъ, на весну и люди всякие, ратные и которым городъ дѣлатi, сего лѣта подъ осень придут к Астарахани; и намъ бы о томъ о новомъ городе, что на Терке поставить, ныне договор учинит, какъ в томъ новомъ городе государевымъ воеводамъ и людемъ быти без нужи, чтоб в томъ городе тебѣ, Александру князю, запасомъ всякимъ вспомогати, договоряс с Черкасы о всемъ заодинъ. А гдѣ ему коли надобно государевы люди стрелцы и казаки на которого недруга, и ему подъ тѣ государевы люди лошади свои присылати и запас в походъ и в своей землѣ государевыхъ людей кормити, а хитрости надъ ними ни которые не учинити. А нѣшто придутъ которого государева недруга люди ко государеву городу, которой поставятъ на Терке,—и ему, Александру князю, и со всѣми своими людми и с Черкасы против государевыхъ недругов и своихъ з государевыми воеводами и людми стояти заодин и государевыхъ людей не выдать. А на томъ на всемъ Александра князя и его чиновныхъ людей к целованью привести намъ велено; и ему как мочно такое великое дѣло не укрепить и вѣры не учинит? А государю нашему на Терку, не увидя правды князя Александра, как многихъ людей послат и городъ дѣлати и такiе великiе убытки чинит себѣ без укрепленья? И ему, Александру князю, как ныне вѣры в томъ не учинит? Тому сстатися невозможно. Да говорити о томъ накрепко, чтоб Александръ князь и его чиновные люди ныне государю правду дали, что ему и всей Иверской землѣ быти подъ его царскою рукою неотступнымъ. И будетъ Александръ князь похочет быти в государеве жалованье и правду учнет давати,—и Родивону и Петру говорити Александру князю, чтобы он с того списка целовалного велѣл написати грамоту и к той бы грамоте печат свою приложил да и крестъ на той грамоте целовал Александръ князь и его чиновные люди, что ему и его землѣ быти в государеве жалованье от государя неотступну. И, приведчи к целованью, запис целовалная за его печатью Родивону и Петру взяти к себѣ и привести ко государю царю и великому князю.

А будетъ Александръ князь правды дати не похочетъ и учнет за то крѣпко стояти, а уговорити его будет отнюд невозможно,—и Родивону и Петру то дати на его воле, толко то ему и выговаривать накрепко, что государь царь и великiй князь его, Александра князя, и его землю пожаловал, взял в свое государево имя под свою царскую руку во оборону, и он бы, Александръ князь, такое государьское призрѣнье и жалованье не забывал и был в государеве жалованье от го-

сударя неотступен; а ныне бы он, Александръ князь, послал с ними ко государю царю и великому князю своихъ пословъ лутчихъ людей, о всемъ с ними наказав накрепко против ихъ словъ розговорныхъ.

А будет Александръ князь учнетъ говорити, чтоб они государевы посланники наперед перед нимъ за государя правду далі, крестъ целовали на томъ, что государю царю и великому князю его, Александра князя, и всю землю Иверскую жаловати подъ своею царскою рукою во обороне держати, а опосле он правду дастъ, что ему быти в государеве жалованье отъ государя неотступну. И Родивону и Петру говорити: с нами о томъ государева наказу нѣт, что нам правда учинити; а велено намъ тебя, Александра князя, привести к вѣре. И коли ты ныне государю нашему правды не учинишь, и ты о томъ посылай ко государю нашему къ его царскому величеству послов своих лутчих людей, наказав с ними о всемъ подлинно; а как будутъ послы твои у государя нашего, и государь нашь великій государь царь и великій князь велитъ бояромъ своимъ, с твоими послы договоряся, к вѣре ихъ привести и свою царьскую жаловалную грамоту з золотою печатью пожалует государь с послы твоими пришлет и своих послов к тебѣ, к Олександру князю, и ко всей твоей землѣ пришлетъ и указ свой подлинной о всякомъ береженье в свою государеву отчину в Астарахан к воеводамъ пошлет и велит тебя и твою землю ото всѣхъ недругов оберегати и людей в помоч давати. А без договору такое дѣло сстатися не может. А будет Александръ князь или его ближніе люди учнут говорити о людехъ, чтоб государь царь и великій князь пожаловал, далъ ему людей с вогненымъ боем на которых недругов человѣкъ до пятисот или до штисотъ,—и Родивону и Петру за то иматися и говорити: как, аже дастъ Богъ, мы до государя своего дойдемъ и твои послы у государя нашего будутъ, и государь нашъ царь и великій князь, поставя городъ на Терке, велит людей своих давати до пятисотъ и до тысячи человѣк, сколко коли тебѣ, князю Александру, надобно; толко под тѣ люди присылат тебѣ, князю Александру, лошеди свои, и запасы в походе и в своей землѣ государевымъ людемъ давати, чтоб тѣмъ государевымъ людем быти въ его землѣ без нужи.

И будет учнут говорити Родивону и Петру князь Олександръ или его чиновные люди: колкимъ людемъ государевымъ быти в государеве городе на Терке и сколко имъ надобно запасу на год? И Родивону и Петру говорити: в такомъ мѣсте городу с малыми людми нелзя быти; то меншое, что в том городе будет государевых людей две тысячи человѣкъ с вогненым боем да пушкарей к наряду да затинщиков к за-

тиннымъ пищалем и всякихъ до полутретьи тысячи, оприч прибылыхъ людей, которым в том городе быти из Астарахани по вестем. А запасу имъ надобно на год на всякого человѣка по шти четьи пшеницы или половина ячмени или полбы, а другая половина пшеницы. А гдѣ будет надобет на которого недруга ис того города государевы люди, и под тѣ люди ему, Александру князю, лошади свои присылати, сколко коли людей надобно, и в своей землѣ их кормити и хитрости над ними ни которые не чинити.

А будет учнет говорити Александръ князь или его ближніе люди, что имъ в тот город на Терку запасу отнюдь посылати невозможно, мѣсто далнее да и запасу столко имъ собрать не мочно, а про Черкас будет почнут говорить, что они с ними и вперед не будут крѣпки,—Родивону и Петру говорити: государь нашъ великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Иванович всеа Русіи тебя, Александра князя, и всю твою землю пожаловал, взял в свое царское имя и город на Терке по твоему челобитью поставити велит и людей своих в немъ устроит. Ино и то государю нашему учинити мочно ж, что на тѣ люди в тот новой городъ на Терек и запас посылати велит из своей государевы отчины из Астарахани, и тебѣ, Александру князю, за то государю нашему казною своею спомогати; и что тебѣ мочно дават за то всякими узорочьями, что в твоей землѣ которые узорочья ведутца, и ты то намъ объяви или с своими послы о томъ накажи.

И будетъ учнут говорити: что поминков ко государю присылати? И Родивону и Петру говорити: за такое государево жалованье присылати б Александру князю ко государю поминковъ по десяти аргумаков добрыхъ, по 10 коневъ добрыхъ, которые бы государю пригодилис, по пяти иноходцовъ, по пятидесят камок золотных кизылбашских з золотом и с серебромъ лутчихъ, по десяти ковров з золотомъ и с серебромъ и с шелки; а государь царь и великій князь на Терке город велит поставить и людей своихъ в нем велит устроит и своимъ государевымъ запасом и своим жалованьемъ устроит и почнет давати Александру князю своих людей с вогненымъ боемъ по договору, сколко коли надобно, а лошеди под нихъ князю Александру дават и кормит ихъ в своей землѣ. И будетъ учнет Александръ князь говорит или его ближніе люди, что такъ урокомъ столко поминков посылат ему не мочно, а посылат бы что ся лучит,—и Родивону и Петру говорити: мы государя своего волю объявляемъ, какъ тебѣ, Александру князю, и со всею Иверскою землею быти в государя нашего царского величества жалованье и во оборонѣ. А что о томъ твоя мысль, и ты о всемъ посылай ко государю нашему послов своих, а с ними о всемъ накажи; а намъ ныне свою мысль объяви ж по колку тебѣ

мочно давать за то, что государю своих людей и всѣхъ ратныхъ на Терке запасомъ промышляти и жалованьемъ? А государь во всемъ челобитья княж Александрова и всей грузинской земли пожалует не оставит; толко нас не мешкая отпущал бы ко государю нашему, а своихъ послов лутчихъ людей с нами вмѣсте отпустил ко государю нашему, о всемъ с ними наказав.

Да как ихъ отпустит Александръ княз, и имъ ѣхати ко государю тою ж дорогою на Черкасы и на Терекъ или которыми мѣсты пригож сь ихъ послы.

А будет грузинского Александра князя зят или братъ, которые в той же грузинской землѣ с Олександромъ, похотят быти в государеве жалованье и пришлют о томъ к Родивону и к Петру, чтоб им с ними видетися, а с Олександромъ будет князем ныне они мирны,—и Родивону и Петру с Александровымъ зятемъ или з братомъ видетися на Олександрове дворѣ или у нихъ быти, как пригож; а, пришед к нимъ, говорити: присылали естя к намъ, чтоб нам с вами видетися и у вас которое дѣло и вы намъ объявите. И будет они почнут говорит, что они хотят быт с Олександромъ вмѣсте в государеве воле под государевою рукою,—и Родивону и Петру говорити: великій государь царь и великій княз Ѳедоръ Иванович всеа Русні его царское величество прислал нас посланников своих к Олександру князю по его присылке и челобитью, а отъ вас ко государю нашему послов, ни гонцов не было и потому к вам от государя нашего приказу никоторого нѣт; и будет похотите к себѣ государя нашего царского величества жалованья, и вы б о томъ ныне послали ко государю нашему послов своих добрых людей, а государь нашь великій государь царь и великій княз Ѳедор Иванович всеа Русні вас пожалует, под свою царскую руку в оборону примет потому ж, какъ и Александра князя принял под свою царскую руку.

И будет похотят послати ко государю с ними вмѣсте Александра князя зять или брат или племянники Александровы послов своихъ или гонцов о которых своих дѣлехъ, и имъ тѣмъ посломъ велѣть ѣхати ко государю вмѣсте с собою.

А будетъ ныне Александръ княз з зятем своим или з братомъ с своимъ воюетца и учнет будет Александръ княз имъ говорити о стрелцѣхъ и о казакѣхъ, чтобъ государь пожаловал, дал ему на его недруговъ стрелцов и казаковъ с вогненымъ боемъ,—и Родивону и Петру говорити: как город на Терке на веснѣ поставит государева рат, а мы нынес твоими послы будем у государя своего,—и государевъ указ

тотчасъ будет на Терскомъ городе у воевод, чтоб людей тебѣ, Александру князю, давали сколко надобно.

Да память Родивону и Петру. Нѣчто ихъ спросят про Литовского: какъ ныне царь и великій княз с Литовскимъ королем? И Родивону и Петру говорити: Литовское государство, коруна Полская и великое княжество Литовское, ныне безгосударны. Был у нихъ на государстве Степан корол и его не стало; и паны рада ото всей земли Полскіе и Литовскіе присылали ко государю нашему посланников своих о том, чтоб государь нашь царь и великій княз ихъ пожаловал, взял под свою царскую руку и соединачити бъ тѣ всѣ государства, коруну Полскую и великое княжесто Литовское, со государством московским под одново государя нашего царскую руку и стояти на невѣрных бусурман заодин. И государь нашь великій государь царь и великій княз Полскую и Литовскую землю подъ свою царскую руку взяти хочет, и послал государь нашь в Литву к паном радам посланников своих дворянина своего Елизарья Левонтьевича Ржевского да дьяка Захарья Свиязева; а на лѣто посылаетъ своихъ великихъ пословъ для того дѣла.

А будет спросят про цесаря Римского: какъ ныне государь царь и великій княз с цесарем Римским? И Родивону и Петру говорити: цесар Римскій присылал ко государю нашему посланников своихъ о том, чтоб государь нашь царь и великій княз был с ним в докончанье и в соединенье и стоял бы с ним на Турского и на всѣх бесермен заодин; да и всѣ государи хрестьянскіе, папа Римской и корол Ишпанскій и Ѳранцовской корол и Аглинская королева и Веницѣйской княз, присылали ко государю нашему посланников своих, а просят того, чтоб государь нашь царь и великій княз был с ними в соединенье на Турского, которой на хрестьянских государствахъ сидитъ и соединачився б всѣмъ хрестьянским государем на тѣхъ безвѣрных агарян стат и с хрестьянских государствъ согнат. И государъ нашь великій государь царь и великій княз к тѣм ко всѣмъ государемъ христьянскимъ послал своих посланников и с ними заодин на Турского и на всѣх бусурман стояти хочет.

А нѣчто спросятъ о Турскомъ салтапе: как ныне государь с Турскимъ? И Родивону и Петру говорити: Турской салтан со государемъ в ссылке. Присылал ко государю нашему посланника своего Ибрагимъ чеуша, а просит у государя нашего того, чтоб государь нашь был с нимъ в миру и в ссылке. И государь нашь посланника его к нему отпустил, а своего с нимъ человѣка никакова не послал; а ждет государь нашь присылки от папы и отъ цесаря и от Ишпанского и ото всѣхъ государей христьянскихъ о соединенье про-

тив Турского, потому государь нашь и своего гонца к Турскому не отпустил съ его гонцомъ.

А нѣчто спросят Родивона и Петра о Бухарскомъ и о Юргенскомъ,— и Родивону и Петру говорити: Бухарской и Юргенской и Изюрской и Хивинской и Казатцкая орда и Колмацкая присылают ко государю нашему послов своих, а бьют челом государю о томъ, чтоб ихъ государь пожаловал, держал под своею царскою рукою и ихъ бы оберегати велѣл от их недруговъ; а они государю хотят служити и детей своихъ и братью на государеву службу хотят посылат со многими людми, куды государь велит. И государь их потому и жалует.

А нѣчто спросят про Сибир, и имъ говорити: Сибирское царство искони вѣчная вотчина государей нашихъ; а взял Сибир великій государь царь и великій князь Иван Васильевич всеа Русіі, нынешнего государя нашего прадедъ, тому ныне блиско ста лѣтъ и дань на нихъ положил соболми и лисицами черными. И не в давныхъ лѣтех поотступили были, дани не почали давать;—и государя нашего отецъ блаженные памяти великій государь царь и великій князь Иван Васильвич всеа Русіи послылал на Сибир воеводъ своих и волжскихъ казаков. И воеводы и казаки пришед Сибирского Кучюма царя побили, из Сибири согнали, а Сибир взяли. А брата Кучюмова царева Магмет кула царевича взяли жива и привели ко государю; и ныне у государя нашего служит. А въ Сибири ныне живут государевы воеводы и люди многіе и городы в Сибири поставили на Турѣ рѣкѣ и по Оби по великой рѣкѣ и церкви поставили и дан с Сибирьскіе земли государю нашему идет многая, соболи и лисицы чорные и иной звѣр всякой.

Да памят Родивону и Петру. Будучи им в грузинской землѣ, провѣдывати имъ себѣ тайно: как ныне Грузинской Александръ князь с Турскимъ и с Кизылбашским? И посланники или гонцы от Турского или от Кизылбашского шаха у грузинского Александра князя бывали ли? И будет были и о какомъ дѣле приходили? И грузинской Александръ князь к Турскому и х Кизылбашскому послов своихъ о каковѣ дѣле посылывал ли? И будет посылал и о чемъ меж ими ссылки?

Да и того ими будучи провѣдывати: как ныне Турской салтан с Кизылбашскимъ? И послы или посланники от Турского салтана у Кизылбашского или от Кизылбашского у Турского бывали ли? И будет бывали и о чем меж ихъ ссылки? И война меж Турского салтана и Кизылбашского на семъ лѣте бывала ли? И вперед меж ими войны чаят ли? Да что провѣдают и то имъ себѣ записати на список; да пріѣхав сказати государю царю и великому князю.

И о всемъ имъ, будучи в грузинской землѣ, государевымъ дѣломъ промышляти по сему государеву наказу и какъ ихъ Богъ вразумит.

А се запис целовалная, на чомъ привести Александра князя грузинского.

Целую крестъ великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіі на томъ, что присылал ссми к великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіі бити челом людей своих свещенника Иакима с товарыщи, чтоб великій государь царь и великій князь Ѳедор Иванович всеа Русіі меня пожаловал и мою всю Иверскую землю, держал под своею царскою рукою в своемъ царскомъ имяни и обороняти б меня и мою землю ото всякихъ моих недругов велѣл. И великій государь царь и великій княз Ѳедор Иванович всеа Русіі своимъ великимъ жалованьем пожаловал, меня и мою землю Иверскую под свою царскую руку взял и быти велѣл и своимъ воеводамъ от нашихъ недругов оберегати меня и мою землю велѣл. И мнѣ, Олександру князю, и всей моей Иверской землѣ быти подъ государя великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русіі под его царскою рукою быти и от великого государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіі и от его детей, которых ему государю вперед Богъ дастъ, неотступну быти и лиха мнѣ и всей землѣ Иверской великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіі и его дѣтемъ, которых ему государю впѣред Богъ дастъ, никоторого не хотѣти, ни мыслити и от великого государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіі к инымъ ни х которым государевымъ недругомъ не приставати и людей своихъ к нимъ на помоч на великого государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи земли ни на которые мѣста не посылати и государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіі другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти. А хто будет государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіі другъ, тот и мнѣ, Александру князю, другъ; а хто государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю недругъ, тот и мнѣ не другъ. А которые мои люди Иверскіе земли учнутъ государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи и государевымъ людемъ, которые будутъ въ государевѣ городе на Терке и в Астарахани, лихо мыслити,—и мнѣ тѣхъ своих людей Иверскіе земли, сыскивая про ихъ вины, которые учнут преезжая в государевъ город на Терку воровать и какую измѣну дѣлат, велѣти мнѣ казнити и отсылати в государевъ город на Терку и в Астарахан ко государским воеводамъ. И служити мнѣ и моим людем всею

Иверскою землею великому государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русиі и от него не отставати никоторыми обычеи, ни которою хитростью и быти неотступну со всею своею Иверскою землею и во всем мнѣ государю прямити по сей записи и до своего живота, как в сей записи писано.

А се рѣч в запас толко пойдут на Шевкала князя:

Говорити от государя царя и великого князя Шевкалскому князю: Божіею милостію великій государь царь и великій князь Ѳедор Иванович всеа Русиі и иных многихъ земель государь велѣл тебѣ, Шевкалу князю, поклонится.—Великій государь царь и великій князь Ѳедор Иванович всеа Русиі велѣл тебѣ свое здоровье сказати, а о твоемъ здоровье спросити.

Да подати от государя Шевкалу князю грамоту.

А после грамоты явити Шевкалу князю отъ государя поминки по росписи.

А после того говорити Шевкалу князю:

Великій государь царь и великій княз Федор Ивановичь всеа Русиі велѣл тебѣ говорити: посылали есмя въ Грузинскую землю к Олександу князю посланников своих Родивона Петровича Биркина да Петра Пивова для своего великого дѣла, а итти имъ через твою землю; и ты б, Шевкал княз, тѣмъ нам дружбу свою показал, посланников нашихъ через свою землю пропустил и проводити ихъ велѣл до Грузинскіе земли или до коих мѣстъ пригож, чтоб имъ проѣхат здорово.

А будет пóидут на Черкасы, и Родивону и Петру Черкаским князем Алкасу князю и Шиху князю от государя поклон правити и грамоты подати и рѣч говорити потому ж, как и Шевкалу князю, и шубы подат.

А грамота к Шевкалу князю в запас послана такова ж, что и к Окутцкому Ших-мурзѣ.

А государева жалованья в Иверскую землю к грузинскому Александру князю послано:

Сорок соболей по сто рублев.

Двѣ лисицы черны в тритцат рублев.

Тысеча горностаев в сорок рублев.

Десят зубов рыбьихъ в дватцат рублев.

Колчюга добрая в тритцат рублев.

Панцыр дватцат рублев.

Шеломъ в тритцат рублев.

И всего ему послано государева жалованья на двѣсте на семдесят рублев.

А к Черкаскимъ к Шиху князю да к Алкасу князю послано по шубе по бархатной на горнастаехъ, а к Шевкалу князю послана в запас шуба такова ж.

А в Астарахан об отпуске государевыхъ посланников и грузинскихъ послов послана от государя грамота такова:

От царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи в нашу отчину в Астарахан воеводе нашему князю Ѳедору Михайловичю Лобанову Ростовскому да діаку нашему Исаку Чюрину. Послали есмя в Грузинскую землю к Олександру князю в посланникехъ Родивона Биркина да Петра Пивова, а с ними подъячего Степана Полуханова да толмача Ивана Колударова; да с ними ж вмѣсте отпустили есмя грузинских пословъ свещенника Иакима с товарыщи и с людми семь человѣкъ. А проводити послали есмя их до Асторохани астараханских сотников стрелетцких Русина Данилова да Матвѣя Ногирина, а с ними астараханских стрелцов и казаков шеснатцат человѣкъ; да ис Казани велѣли есмя послати с ними в провожанье пятдесят человѣкъ стрелцов. И как к вамъ ся наша грамота придет и Родивон и Петръ з грузинскими послы в Астарахан пріѣдут, и вы б дали купив Родивону Биркину пятнатцат лошадей, Петру Пивову десят лошадей и подъячему Степану да толмачю Ивану по трое лошадей, грузинскимъ посломъ четырнатцат лошадей; а за тѣ б естя лошади денги заплатили из нашіе казны из Астороханскихъ доходов. И отпустили б естя Родивона и Петра и грузинских пословъ из Асторохани в грузинскую землю в судѣх на Терку до Сунши и до Городища, гдѣ былъ город стал, на Черкаскою землю; а лошади б свои они отпустили из Асторохани к Суншину городищу полемъ с людми своими и с провожатыми. А проводити б есте их послали в судѣхъ на Терку и с ними в Грузин с сотником пятдесят человѣкъ стрелцов, которые бывали в Черкасехъ и в Грузинской землѣ; и тѣм бы есте стрелцомъ, которых с ними пошлете в Грузин, дали наше жалованье сполна да сверхъ жалованья дали имъ на лошади по два рубли человѣку, чтоб у нихъ были свои лошади. А до Терки б есте послали сверхъ тѣхъ стрелцов проводити до полутораста человѣкъ стрелцов и казаков, чтоб имъ до Терки и до Черкас проѣхат было безстрашно. И велѣли тѣмъ стрелцомъ и казакомъ дожидатися из Грузин нашихъ посланников Родивона да Петра на Терке назад; да и х казакомъ бы есте на Терку отписали, чтоб казаки нашихъ посланников Родивона и Петра и грузинскихъ послов провожали, до коихъ мѣстъ пригоже, и назад, как они пойдут из Грузин. И они б ихъ дожидалися на Терке и ихъ с Терки провожали до Астарахани. А люди б и ихъ лошади про-

водити послали полем к Терке; а будет лутче и безстрашнее,—и самим посланникомъ ѣхати полемъ конми, а людей своихъ з запасомъ и с провожатыми послати в судѣхъ. И вы б потому их и отпустили, смотря по тамошнему дѣлу, как будет пригоже и как бы имъ проѣхати безстрашно. А к Черкаскимъ княземъ к Шиху князю и к Алкасу князю грамоты с ними о пропуске от нас посланы и жалованье не от велика от нас к ним послано. А будет ныне Шевкалской князь укрепился, доч свою дал будет за Мурат-Кирѣя царевича и заклад в Астарахан прислал сына своего и дорогою будет мочно ѣхати на Шевкала и бережнѣе и стрелцы будет для береженья в Грузин с ними не надобны,—и вы б Родивона и Петра и грузинскихъ послов отпустили на Шевкалы и проводити ихъ послали до Терки или до коихъ мѣстъ пригоже стрелцов и казаковъ до полутораста человѣкъ; и тѣмъ стрелцом и казакомъ велѣли посланникомъ их дожидатися на Терке. А отпустили б естя посланников и провожати ихъ послали, о всемъ смотря по тамошнему дѣлу, как бы имъ до Грузинъ пройти поздорову и назад пріѣхати; а в которой ден ихъ отпустите из Астарахани и как с ними провожатыхъ отпустите,—и вы б о томъ к намъ отписали. Писан на Москвѣ лѣта 7095-го апрѣля въ 12 ден.

И 96-го генваря въ 7 ден писали ко государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи из Астарахани воевода князь Ѳедоръ Лобанов да діакъ Исак Чюрин, что они Родивона Биркина и Петра Пивова и грузинскихъ посланников из Астарахани отпустили въ 95-м году іюля въ 3 ден, а проводити ихъ послали голов стрелетцкихъ Ивана Чеадаева да Ивана Колемина; и Родивон де Биркин с товарыщи с Сунши пошли па Алкасовъ кабакъ и Алкас де князь ихъ через свои кабаки пропустил и проводити их послал до Грузинскіе земли сына своего.

97-го сентября въ 25 ден писали ко государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи из Астарахани боярин и воевода князь Ѳедор Михайлович Троекуров да діакъ Меншик Дюрбенев: июля в 9 ден пріѣхали в Астарахан из Грузеи государевы посланники Родивон Биркин да Петръ Пивов, а с ними пріѣхали отъ грузинского Александра князя послы Каплан князь да чернецъ Кирило да черкашенин Хуршит, да с ними ж пріѣхали Алкаса князя Кабардинского посол Асланбек да Шихъ мурзы Окутцкого Ботѣй; и они ихъ отпустили ко государю.

И октября въ 13 ден государевы посланники Родивон Биркин да Петръ Пивовъ из грузинскіе земли к Москве пріѣхали; а сказали, что по государеву наказу грузинсково Александра князя и его детей

и чиновных людей х крестному целованью привели за всю Иверскую землю на томъ, что ему и его дѣтемъ со всею Иверскою землею быти в государеве жалованье подъ его царскою рукою и от него государя и от его государевых детей быти неотступнымъ и поминки ко государю посылати по вся годы против пятидесят камокъ Кизылбашскихъ золотных да против десяти ковров з золотомъ и с серебромъ тѣмъ которые узорочья вь его землѣ есть. И привезли ко государю на Олександра князя запис, на чомъ его привели к целованью; а как ся у нихъ государево дѣло дѣлалос,—и они тому подали государю список. Да Родивон же и Петръ сказали, что послал с ними ко государю Александръ князь послов своихъ ближнего своего человѣка Каплана князя да Куршита и старца Кирила, которые были у государя преж сего, а людей с ними шеснатцат человѣкъ; да от черкас Кабардинскихъ идут ко государю послы от Алкаса князя посол Асламбекъ да отъ Шихъ мурзы Окутцкого брат его Ботуй, а с ними черкас пят человѣкъ,—и они их оставили в Нижнемъ. А с ними посланы из Астрахани Елизарей Жедринской да Ѳедоръ Дьяков.

А се такову запис целовалную привезли ко государю Родивон Биркинъ да Петръ Пивов на грузинсково Александра князя.

Целую крестъ великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русиі я, Александръ началникъ княз Иверскіе земли, и з дѣтми своими Ираклиемъ и Давитомъ и Георгиемъ и с своими сановными людми Иясономъ и Горжасномъ и Пермазаномъ и Заломъ и Давитомъ и Андерманомъ и за всю Иверскую землю на томъ, что посылал есми к великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіі бити челомъ людей своихъ свещенника Иакима и Кирила старца и Хуршита, чтобы великій государь царь и великій княз Ѳедор Иванович всеа Русіи меня пожаловал и мою всю Иверскую землю, держал под своею царскою рукою въ своемъ царскомъ имяни и оборонят бы меня и мою землю ото всяких моихъ недругов велѣл. И великій государь царь и великій княз Ѳедор Ивановичъ всеа Русіи своимъ великимъ жалованьемъ пожаловал меня и мою Иверскую землю, под свою царскую руку взял и быти велѣл своимъ воеводамъ от нашихъ недругов оберегати меня и мою землю велѣл. И мнѣ, Александру князю, и моимъ дѣтемъ и всей моей Иверской землѣ быти под государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи под его царскою рукою быти от великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи и от его детей, которых ему государю вперед Богъ дастъ, неотступну быти и лиха мнѣ и моимъ дѣтем и всей землѣ Иверской великому государю царю и вели-

кому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи и его дѣтемъ, которых ему государю вперед Богъ дастъ, ни которого не хотѣти, ни мыслити и от великого государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи к иным ни к которымъ государевымъ недругом не приставати, людей своихъ к ним на помоч на великого государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи земли и ни на которые мѣста не посылати и государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти. А хто будет государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи друг, тот и мнѣ, Александру князю, друг; а хто государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи недруг, тот и мнѣ недруг. А которые мои люди Иверскіе земли учнут государю царю и великому князю и государевымъ людемъ, которые будут в государеве городе на Терке и в Астрахани, лихо мыслити,—и мнѣ тѣхъ своихъ своихъ людей Иверскіе земли, сыскивая про ихъ вины, которые учнутъ приежжая в государевъ город на Терку вороват и какую измѣну дѣлати, велѣти мнѣ казнити и отсылати на Терку и в Астарахан ко государскимъ воеводамъ. И служити мнѣ и моим дѣтемъ и людемъ всею Иверскою землею великому государю царю и великому князю Ѳедору, Ивановичю всеа Русіи и от него не отставати ни которыми обычеи ни которою хитростью и быти неотступну со всею Иверскою землею и во всемъ государю мнѣ прямити по сей записи и до своего живота, как в сей записи писано. И поминки мнѣ к великому г. ц. и в. князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи посылати по всѣ лѣта противъ пятидесят камок кизылбашскихъ золотных да десяти з золотомъ и с серебромъ ковров тѣмъ которые узорочья в моей землѣ есть.

А се таков списокъ подали посланники Родивон Биркин да Петръ Пивов, как у них государево дѣло дѣлалос въ Грузинской землѣ:

Лѣта 7095-го июля въ 20 ден по государеву цареву и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи наказу Родивон Биркин да Петръ Пивов пошли с Суншина городища в Грузинскую землю на Черкасы на Алкаса князя мимо Горскіе землицы—Ококи, Кумуки, Минкизы, Индили, Шибуты; а пришли подъ Алкасов кабак июля въ 27 ден. И не доходя до Алкасова кабака за пят верстъ, Родивон да Петръ стали, да послали от себя к Алкасу князю толмача да черкашенина грузинсково Хуршита; а велѣли про себя сказат, что идут от государя в Грузинскую землю к Олександру князю и к нему от государя грамота с ними есть. И Алкас князь выслал Родивона да Петра встречат узденя своего Лва, а с нимъ черкас человѣкъ з двад-

цат; и велѣл Родивону и Петру ѣхати к себѣ в кабак. И Родивон и Петръ, пріѣхав под Алкасов кабак, стали в шатрѣх; да послали к Алкасу князю толмача, чтобы он с ними видѣлся, а от государя к нему с ними грамота есть и государево жалованье. И Алкас княз прислал к Родивону да к Петру тогож узденя своего Лва; и Лев Родивону да Петру говорилъ, чтоб ѣхали со государевою грамотою и з жалованьемъ к Алкасу князю на двор. И Родивон и Петръ к Алкасу князю не поѣхали; а приказали, чтоб Алкас к нимъ пріѣхал самъ, а от государя к нему с нами грамота и жалованье есть. И Алкас пріѣхал к Родивону да к Петру самъ, а с нимъ пріѣхало людей его человѣкъ со сто. И, не доежжая шатра, сшол с аргамака; и Родивон да Петръ Алкаса князя велѣли встрѣтит сотнику да толмачю. И как пришел к шатру,—и Родивон да Петръ Алкаса князя встрѣтили в дверях у шатра. И, вшод в шатер, Родивон да Петръ от государя Алкасу князю поклон правили и здоровье ему сказали и грамоту государеву подали и шубу, государево жалованье, дали. И Алкас княз государеву грамоту, приняв, в печат поцеловал и на государеве жалованье на шубе бил челомъ.

Да говорили Родивон да Петръ Алкасу князю: государь нашь великій государь царь и великій княз Ѳедор Иванович всеа Русіи послал нас посланников своихъ въ Грузинскую землю к Олександру князю грузинскому для своего государева великого дѣла, а и вамъ то вперед будет надобно ж; и ты б, Алкас княз, государю нашему службу свою показал, проводити нас до Грузинскіе земли послал.

И Алкас княз Родивону да Петру говорил: ныне де и у меня с Кабардинскими князми война. А проводити вас до Грузинскіе земли послати нелзя, пошлю деи вас проводити до Сонскіе земли; а дале Сонскіе земли мнѣ вас проводити нелзя, потому что ныне Иристов княз Сонской со мною не въ миру.—Да прислал кормъ и держал у себя пять ден. Да послал провожати одново человѣка узденя своего Лва.

И пошли от Александра (sic) князя августа въ 1 ден.-И шли до Сонскіе земли горами пят ден; и пришли в Сонскую землю къ Еристову князю августа въ 6 ден. И послали Родивон да Петръ къ Еристову князю толмача да черкашенина грузинсково Хуршита, велѣли Иристову князю про себя сказати, что идут в Грузинскую землю для государева дѣла. И Еристов княз к Родивону да к Петру пріѣхал самъ, а с нимъ людей его человѣкъ с пятдесят.

И говорил Иристов княз Родивону да Петру: идете вы от государя своего к Олександру князю Грузинскому через мою землю. Грамота с вами от государя ко мнѣ и жалованье есть ли?

И Родивон да Петръ Иристову князю говорили: послал государь нашь великій государь царь и великій князь Ѳедор Иванович всеа Русіи насъ, посланниковъ своихъ, в Грузинскую землю к Олександру князю грузинскому, а велѣл намъ государь нашь итти на Алкаса князя; а про тебя и про твою землю государю было невѣдомо, потому к тебѣ от государя грамоты и жалованья с нами нѣт. И ты б ныне, Иристов князь, государю нашему службу свою показал, велѣл намъ дорогу дати через свою землю до Грузинскіе земли. А как, аж дастъ Богъ, у государя своего будемъ,—и мы про твою службу государю своему скажем; и государь нашь тебя Иристова князя пожалует, свое жалованье пришлетъ.—И в Сонской землѣ стояли недѣлю, покупали лошади, ѣхати было нѣ на чемъ. И ис Сонскіе земли пошли отъ Еристова князя августа в 13 ден; и Иристов князь Родивона да Петра до Грузинсково рубежа ѣздил провожати самъ. И шли его землею четыре дни.

И августа въ 16 ден пришли Родивонъ да Петръ на рубеж на Грузинской. И того ж дни встрѣтил на Грузинском рубежѣ Родивона да Петра Александра князя грузинсково околничей его Уман, а с ними с пятдесят человѣкъ азнауров да сто человѣкъ янычан; а от Олександра князя Родивону да Петру иноходцы привели и кормъ по станомъ от рубежа Родивону да Петру, дорогою ѣдучи, давал доволен. А от Сонского рубежа Грузинскою землею до тѣхъ мѣстъ, гдѣ стоял Александръ князь, ѣхали семъ ден; а Олександръ князь стоял в то время на горахъ облавничал.

И пришли к Олександру князю августа въ 24 ден. И того дни Александръ князь прислалъ к Родивону да к Петру азнаура своего Юрема. И Юрем, пришед к Родивону да к Петру, говорил: государь мой, Александръ князь, велѣл мнѣ у вас государевых посланников быти в приставехъ и кормъ вам велѣл дават доволен и велѣл вас поставити на своемъ дворѣ.

И августа въ 26 ден велѣлъ Александръ князь Родивону да Петру быти у себя. И как Родивонъ да Петръ к Олександру князю пріѣхали, а Олександръ князь стоит в шатрѣхъ,—и пошли къ Олександрову шатру; и встрѣтил Александров болшой воевода Есонъ да человѣкъ з дватцат азнауровъ. И как Родивон да Петръ пришли к Олександру князю в шатер,—и Олександръ князь противъ Родивона да Петра встал, не дожидаясь государева слова. И Родивон да Петръ по государеву наказу от государя Олександру князю поклон правили и государево здоровье ему сказали и про его здоровье от государя спрашивали и грамоту государеву подали и рѣч по наказу говорили и поминки, государево жалованье, по росписи Олександру князю объявили. И Олек-

сандръ князь, грамоту государеву приняв, про государево здоровье спрашивал и на государеве жалованье на поминкахъ бил челомъ; да после того Родивона да Петра спрашивал о здоровье. Да туто ж на посольстве ихъ звалъ хлѣба ѣсть.

Августа въ 29 ден велѣл Александръ князь Родивону да Петру быти у себя и велѣл честь государевы грамоты. И, вычетчи государевы грамоты, спрашивал Родивона да Петра: что деи с вами государевъ приказ во мнѣ? И какъ государь царь и великій князь меня хочет жаловать и всю мою землю Грузинскую оберегать от моихъ недругов?

И Родивон да Петръ Олександру князю объявили: государь нашь великій государь царь и великій князь Ѳедор Иванович всеа Русіи по твоему челобитью тебя, Олександра князя, пожаловал, под свою царскую руку тебя и всю твою землю Грузинскую принял и оберегат тебя и твою землю хочет ото всѣхъ твоихъ недругов и город на Терке для тебя и твоей землѣ на обереганье поставити государь велит; толко ныне тому вскоре сстатис не мочно. А для того прислал государь нашь царь и великій князь Ѳедор Иванович всеа Русіи к тебѣ нас посланников своих и о всемъ съ тобою договоритися, как тебѣ в государя нашего царского величества жалованье и под его царскою рукою во обороне быти и как вперед на Терке государевымъ людемъ быт, тебя и твою землю оберегать ото всякихъ недругов и какъ тебѣ людей государя нашего, которые почнут жити на Терке в томъ в новомъ городе запасомъ вспомогат. А люди в томъ новомъ городе на Терке будут многіе и имъ без туточныхъ запасов пробыти невозможно, а для далние дороги и для Терки рѣки вверхъ Теркою судов большихъ з запасомъ государю нашему взвозити невозможно. А гдѣ будет тебѣ, Александру князю, надобеть на которого недруга ис того города государевы люди,—и под тѣ бы люди тебѣ, Олександру князю, лошади свои присылати и с сѣдлы, сколко коли надобно, и в своей землѣ ихъ кормити и хитрости над ними никоторые не учинити; а без лошадей имъ и без запасу к тебѣ в твою землю невозможно ходити. И тебѣ, Олександру князю грузинскому, как возможно на колко людей дават запас и хлѣб на Терской город возможно? И какъ ихъ привозит зимнимъ ли путемъ или лѣтомъ? И колкимъ ратнымъ людемъ на обереганье к тебѣ в твою землю ходити и как ихъ кормит и как тебѣ под нихъ лошади давати с сѣдлы? А в томъ государеве городе на Терке государевым людемъ конным быти невозможно, а будут люди всѣ пѣшіе стрелцы и казаки с вогненымъ боемъ. И ты б, Олександръ князь, с нами о всемъ о томъ переговорил или своимъ ближнимъ людемъ приговорити велѣл. А ныне бы еси государю нашему его царскому величе-

ству правду дал, почеи собою в головах, и дѣти твои и чиновные люди за всю свою Иверскую землю на целовалной записи крестъ целовали, что тебѣ и твоей землѣ быти под государя нашего царского величества рукою и от государя нашего быт неотступну и с государевыми людми против всѣхъ недруговъ стояти заодин. И список с целовалной записи Олександру князю Родивон да Петръ дали, на чемъ ему, Олександру князю, и его дѣтемъ и его чиновнымъ людемъ государю правда дат. И Олександръ князь списокъ с целовалной записи взял, а не отказал ничего; а Родивону да Петру велѣл ѣхати к себѣ на подворье.

И сентября в 3 деи велѣлъ Александръ князь Родивону да Петру быти у себя на съѣзде. И говорил Родивону да Петру: прислал государь царь и великій князь Ѳедор Иваиовичъ всеа Русіи с вами ко мнѣ запис целовалную, а велѣл вам государь меня и детей моихъ и моихъ чиновныхъ людей привести к целованью за всю Иверскую землю на томъ, что мнѣ государю служити и от нево государя быти неотступну. И мнѣ, не договоряс и не укрепяс и не увидев к себѣ государева жалованья и покамѣста города на Терке не поставят, правды дати нелзѣ. И стоял за то много.

И Родивон да Петръ Александру князю говорили: государь нашь великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Иванович всеа Русіи коли такимъ своимъ великимъ милосердиемъ призрѣл тебя, Олександра князя, и твою землю, пожаловал, под свою царскую руку во оборону взял по твоему челобитью ко государю нашему,—то уже будет крѣпко и неподвижно. Которые государства под государя нашего царского величества рукою его есть не токмо крестьянскіе земли, но и бусурманскіе орды, которые в государя нашего царского величества имени подданы учинятца,—и тѣ всѣ государи и государства ихъ живут под государя нашего царского величества рукою въ его государьскомъ имяни в бестрашномъ пребыванье. А ты, Олександръ князь, вѣры хрестьянскіе и земля твоя хрестьянская и государь нашь его царское величество ноипаче иныхъ государей тебя, Александра князя, хочет жаловат и во обороне под своею царскою рукою тебя и твою землю держати хочет; а иноко слово государя нашего не живет. И ты б ныне, Александръ князь, безо всякого усумнѣнья на государя нашего жалованье был надежен и государю нашему правду дал и з детми своими и с чиновными людми за всю Иверскую землю и от него государя был неотступен. А на чемъ государю правду свою дадите, и то вам же во укрепленье и к прибытку. И тебѣ ныне, Александру князю, какъ мочно такое великое дѣло не укрепити, и вѣры не учинит? А государю нашему, не увидя твоей правды, какъ многихъ людей

послати на Терку и город дѣлати и такіе великіе убытки себѣ починить безъ укрепленья? И тебѣ, Олександру князю, какъ ныне вѣры в том не учинит? Тому сстатис невозможно.—Да поѣхали к себѣ на подворье.

И сентября въ 10 ден велѣл Александръ князь Родивону да Петру быти у себя. И спрашивалъ Родивона да Петра: сколко в томъ новомъ городе государевыхъ людей будетъ и что на нихъ на год запасу надобет? И Родивон и Петръ Олександру князю объявили: в такомъ новомъ мѣсте городу с малыми людми нельзя быт. То и меншое, что в томъ городе будет государевых людей две тысячи человѣкъ с вогненым боемъ да пушнари к наряду да затинщиков к затиннымъ пищалемъ и всякихъ людей будетъ до полутретьи тысячи опричь прибылныхъ людей, которымъ в томъ городе быти изъ Астарахани прибылнымъ людемъ по вестямъ; и запасу имъ надобет на год на всякого человѣка по шти четьи пшеницы или половина ячменю, а другая половина пшеницы. И Олександръ князь того дни Родивону да Петру велѣл ѣхати к тебѣ на подворье, а не отказал ничего.

И сентября въ 11 ден велѣл Олександръ князь Родивону да Петру быти у себя. И говорил Родивону и Петру, что ему в тот в новой город на Терку запасу посылати отнюд невозможно для далние дороги и для великихъ гор; да и запасу ему собрати столко не мочно. И будет с вами какой иной приказ государевъ про запас есть,—и вы мнѣ объявите. А лошадей де мнѣ под люди посылати невозможно—дорога непроходная и горы великіе; а черкасы со мною нынече не в миру. А будет государь велитъ дорогу очистит на Шевкала,—и я под люди лошади с сѣдлы стану посылати и людей государевых в своей землѣ кормит, которымъ государевымъ людемъ въ мою землю на обереганье ко мнѣ ходит и хитрости над тѣми государевыми людми не будет никоторые.

И Родивон да Петръ Олександру князю говорили: коли тебѣ, Олександру князю, в тот новой город запасу посылати невозможно, государь нашь великій государь царь и великій князь Ѳедор Иванович всеа Русіи тебя, Александра князя, и всю твою землю Иверскую пожаловал, взял в свое царское имя и город на Терке по твоему челобитью поставити велит и людей своихъ в немъ устроити велит; ино и то государю нашему учинити мочно ж, что на тѣ люди в тот новой город на Терек посылати запас велитъ ис своей государевы отчины из Астарахани, а тебѣ бы, Олександру князю, за то государю нашему казною своею вспомогати.—И Олександръ князь того дни Родивону да Петру не отказалъ ничево и велѣл ѣхати на подворье.

И сентября въ 13 ден велѣл Олександръ Родивону да Петру быти у себя на съѣзде. И говорил Родивону да Петру: говорили вы мнѣ, чтоб мнѣ государю казною своею вспомогат, посылат государю поминки за то, что государь меня пожалует, велит на Терке город поставити и людей в немъ устроит своимъ жалованьемъ и запасомъ. И вы мнѣ скожите, что мнѣ посылати ко государю поминков и какие поминки?

И Родивон и Петръ Олександру князю про поминки объявили. А говорили: за такое великое государево жалованье присылати бы тебѣ, Олександру князю, ко государю поминков по пятидесят камок Кизылбашских з золотомъ и с серебромъ лутчихъ да по десяти ковров з золотом и с серебром и с шелки; а государь царь и великій князь на Терке город велит поставит и людей своих в немъ устроити велит и своимъ государевымъ запасомъ и своим жалованьемъ устроит и почнет давати тебѣ, Олександру князю, своих людей с вогненымъ боемъ, по договору, сколко коли надобно; а лошади бы под нихъ тебѣ, Олександру князю, давать и кормит ихъ в своей землѣ.—Да на том розъѣхалися.

И сентября въ 16 ден присылал Олександръ князь к Родивону да к Петру в стан воеводу своего Есона да архимарита Филипа да околничего своего Умана. И говорили Родивону да Петру: велѣл де вамъ Олександръ князь сказать: говорили вы мнѣ, чтоб мнѣ посылат ко государю поминковъ по пятидесят камок Кизылбашских з золотом да с серебромъ лутчихъ да по десяти ковров з золотом да с серебром и с шелки; и, Олександру князю, столко урокомъ ко государю поминков посылати невозможно. В нашей землѣ такіе узорочья не ведутца, приходят ис Кизылбашъ; и нынече Кизылбашской с Турскимъ завоевался, дороги затворилися, проходу ни отвуды нѣтъ. А будет вперед дороги отворятца,—и Олександръ князь станетъ ко государю такие поминки посылат. А столко уроком таково узорочья собрати невозможно. А ныне бы посылати Олександру князю ко государю поминков, что въ его землѣ ведетца.

И Родивон да Петръ Олександровым ближнимъ людемъ Есону с товарыщи говорили: коли столко Олександру князю ко государю поминков такихъ посылати невозможно и собрати не мочно,—и Олександръ бы князь велѣл намъ объявит, что ему мочно давати за то всякимъ узорочьемъ, что въ его землѣ какіе узорочья ведутца.

И сентября въ 18 ден присылал Олександръ князь к Родивону да к Петру воеводу своего Есона да архимандрита Филипа да околничего своего Умана. И говорили Родивону да Петру: приказывали вы с нами к Олександру князю, чтоб вамъ про поминки велѣлъ объ-

явит, что ему ко государю посылат какіе узорочьи въ его землѣ ведутца. И Олександръ князь велѣл вамъ сказат: камок Кизылбашскихъ з золотомъ да с серебромъ и ковров золотных в моей землѣ не дѣлают, а ведутца в моей землѣ аргумаки да шолкъ; а вперед камокъ кизылбашскихъ золотныхъ и ковровъ з золотомъ пошлет добыват и сколко коли добудут, и я ко государю стану посылать.

И Родивон да Петръ Есону с товарыщи отказали: мы то слышимъ; а как, ож дастъ Богъ, у государя своего будем, и мы про то государю своему скажемъ. А Олександръ бы князь о томъ послом своимъ приказал же.

И сентября въ 20 ден велѣл Александръ князь Родивону да Петру быти у себя. И говорил Александръ князь Родивону да Петру: дали вы мнѣ список з записи с целовалной и словомъ мнѣ от государя говорили, чтоб я государю правду дал, на той записи крестъ целовал з детми-своими и с чиновными людми на томъ, что мнѣ государю служит со всею моею Иверскою землею и от нево государя не отступит ни х которому государю. И я государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіі служити рад и правду государю по той записи дам. А государь бы меня пожаловал, запис мнѣ такову ж дал, что ему государю от всѣх моих недрузей меня оберегат и моей земли Иверской не поступитца никому; а ныне бы вы за государя правду дали, на записи крестъ целовали.

И Родивон и Петръ Олександру князю отказали: с нами о томъ государева приказу нѣт, что намъ за государя правда дать; велено намъ тебя, Олександра князя, к целованью привести и твоих детей и твоих чиновных людей за всю Иверскую землю. А писал государь царь и великій князь Ѳедор Иванович всеа Русіі к тебѣ, Олександру князю, в своей государеве грамоте и с нами к тебѣ словомъ приказывал: как, ож даст Богъ, мы будемъ у государя своего и твои послы, и государь нашь его царское величество, увидя твою правду, тебя, Олександра князя, пожалуетъ, пришлет к тебѣ свою государеву царскую жаловалную грамоту з золотою печатью и своих послов к тебѣ, Олександру князю, и ко всей твоей землѣ пришлет и указ свой подлинной о всякомъ береженье въ свою государеву отчину в Астарахан к воеводамъ пришлет и велитъ тебя и твою землю ото всѣхъ твоихъ недругов оберегати и людей тебѣ давать; а лошади б под тѣ государевы люди присылат тебѣ, Олександру князю.—Да велѣл Родивону да Петру ѣхати к себѣ на подворье.

И сентября въ 22 ден велѣл Олександръ князь Родивону да Петру быти у себя; да велѣл писати запис целовалную, на чем ему

государю правду дат. И как написали запис,—и Родивон да Петръ Александру князю говорили: правду государю хочеш дат, на записи крестъ целоват, и поминки, что тебѣ ко государю нашему къ его царскому величеству по вся лѣт посылат, вели въ запис написат. И Александръ князь поминков в запис написати не хотѣл и стоял за то много.

И Родивон да Петръ Александру князю говорили: нелзѣ тому статис, что тебѣ государевых поминков в запис не писат: многие государства под государя нашего царского величества рукою подданны учинилис, правду давали и поминки в записи пишут. И ты б, Александръ князь, безо всякого усуминѣнья государю правду дал и поминки в запис написати велѣл. И Олександръ князь того дни не отказал ничего; а велѣлъ ѣхати Родивону да Петру к себѣ на подворье.

И сентября въ 28 ден велѣл Олександръ князь Родивону да Петру быти у себя. Да велѣл запис целовалную совершить и поминки, что ему ко государю ежелѣтъ посылат от 96-го году против пяти десят камок Кизылбашскихъ з золотомъ да с серебромъ да против десяти ковров з золотомъ и с шелки, в запис целовалную велѣл написати; да на той записи Олександръ князь и с своими детми и с чиновными людми за всю свою Иверскую землю перед Родивономъ да перед Петромъ государю правду дал, на записи крестъ целовал и запис целовалную за своею рукою и за печатью Родивону да Петру дал. И, отдав запис, говорилъ Родивону да Петру Олександръ князь, чтоб государь меня пожаловал, велѣлъ от Шевкала оборонит; а я холоп его государев и з детми своими и со всею моею Иверскою землею.

95-го октября въ 15 ден приходил в Грузинской землѣ в Загеме к Родивону да к Петру тезикъ кизылбашенин ходжа, Маамутомъ зовут, а приводил аргамак продават. И Родивон да Петръ его роспрашивали: как ныне Кизылбашской съ Турским? И ссылка промеж ими есть ли? И войны меж ими нѣт ли? И тезикъ ходжа Амут сказывал, что в Кизылбашех сѣл новой, старово шаха Худобендѣя сынъ, Абас шахъ; а отца своего, старово шаха Худобендѣя, посадил в Харасани. И он деи о томъ думает: миритца ли ему съ Турскимъ или не миритца? А отецъ деі был ево, старой шахъ Худобендѣй, с Турскимъ помирился вековымъ миромъ на томъ: которые городы у нево Турской поимал и шах ему тѣхъ городовъ поступился и сына своего Абаса, что ныне шахъ, послати к нему хотѣл; а Турскому было ево вперед не воевать. И Родивон и Петръ тезику ходжа Маамуту говорили: напрасно Абасу шаху съ Турскимъ миритца. Турской был помирился с старымъ ша-

хомъ с отцомъ его оманкою; а ко государю нашему присылал посланника своего Абреимъ чеуша о томъ просит у государя нашего тово, чтоб государь нашь с нимъ был в миру и в ссылке и стоял бы с нимъ на Кизылбашсково заодинъ. А которые городы Турской у Кизылбашсково поимал, а подошли ко государя нашего отчине к Астрахани,—и он тѣхъ городов хотѣл государю нашему поступитца за то, чтоб государь нашь стоял с нимъ на Кизылбашского заодинъ. И государь нашь посланнику его Абреимъ чеушу велѣл отказат: на шаха де с нимъ стоять не хочю, потому что шаховы неправды перед нами не бывало ни которые; а будет вперед которые неправды шаховы перед нами будут,—и мнѣ и без Турского на шаха стояти мочно. А будет шахъ учнет мнѣ бити челомъ, просити у нас помочи,—и яз ему и помогати велю. И отказав государь нашь Турсково посланнику, велѣл ево отпустить. А своего посланника государь нашь к Турскому не послал, потому что государи хрестьянскіе всѣ со государемъ нашимъ в ссылке. Цесарь христьянскій и папа Римской, корол Ишпанской, корол Ѳранцовской, княз Венецѣйской, королева Аглинская присылали послов своихъ ко государю нашему, чтоб государ нашь был с ними в соединенье и стоял бы с ними на Турского заодин. И государь нашь послов их отпустил и своих послов к нимъ послал и стояти с ними на Турсково заодин хочет. И сказав Родивон да Петръ кизылбашенину ходжа Маамуту Турского присылку ко государю и государево отказное слово Турского посланнику, да говорили ему, чтоб он послал в Кизылбаши к Абасу шаху с тѣмъ словомъ и велѣл бы шаху сказат, чтоб он с Турскимъ не мирился: и с отцом сь его Турской помирился был оманкою, а его хочет также испрооманыват. И шах бы Абас одноконечно был надежен на государя нашего во всемъ и о чем станет государю нашему бити челом и государь его пожалует, челобитья его не оставит. И ходжа Маамут с тѣмъ словом в Кизылбаши к Абасу шаху ѣздил, шаху то сказывал, что ему Родивон да Петръ сказывали; и шахъ новой Аббас, слыша то, с Турскимъ миритися не похотѣл.

96-го декабря въ 20 ден вышел ис Кизылбашь выходецъ к Родивону да к Петру в Грузинскую землю литвин киевец Ѳилипко Оидрѣев. И в роспросе Ѳилипко сказал: был он в полону в Турской землѣ. И какъ деи ходили Турскіе люди въ 95-мъ году в Симонову землю воевати, а он былъ с ними, и от Турскихъ людей побежал в Кизылбаши, был в Казбине. И при немъ деі приходили в Кизылбаши Турской посол Магмет паша, а с нимъ шесть тысяч людей к старому шаху Худобендѣю по сына его по Абаса; а того не вѣдал, что старой шахъ

государство оставилъ, а сынъ его Абасъ сѣлъ на его мѣсто на государстве. И Абас деі шахъ новой тому Турского послу Магмет пашѣ велѣлъ быти у себя. И Турского посол Магмет паша ему на посолстве Абасу шаху говорил: отецъ де твой Худобенди шах з государемъ нашимъ с Турскимъ Мурат салтаномъ помирился вековымъ миромъ, а в закладе хотѣлъ послати сына своего тебя Абаса; и государь нашъ к отцу твоему нас послал для тово дѣла. И шах деи Абас Турского послу Магмет пашѣ говорил: отецъ деі мой помирился с Турскимъ вековым миромъ и меня хотѣлъ послати к Турскому, а ныне отецъ мой государство оставил, а сѣлъ на государстве отца своего я, и миру отца своего порушит не хочю; а в свое мѣсто ко государю вашему брата своего меншово отпущу. Толко ныне мнѣ ево с тобою отпустити нелзя, потому что с тобою люди немногие, а с малыми людми итти брату моему бесчесно. И Турского деи посол Магмет паша послал в Ызрюмъ к Фергат пашѣ по люди. И в кою пору Турского посол Магмет паша посылал в Ызрюмъ по люди, и въ то деи время пришли к шаху к Абасу от Ишпанского короля послы Өилип Дреие с товарыщи, а с нимъ четыреста человѣкъ, о миру и о ссылке и стояти бы имъ на Турского заодин. И шах деи Абас велѣлъ имъ Турского и Ишпанского короля посломъ быти у себя вмѣсте. И как деи съѣхалис у шаха вмѣсте, и тутъ деі была у них бран великая и битца хотѣли; а задор деи был Ишпанского короля послов. И Өергат деі паша прислал в Кизылбаши воеводу Ромодан пашина сына Магметя| князя, а с нимъ шесть жо тысячъ людей. И Абас шахъ того посла Магмет пашу и воеводу Ромодан пашина сына Магметя князя велѣлъ засадит в Хоросани; а которые люди двенатцат тысяч с ними пришли и тѣхъ всѣх велѣл побить. А к Турскому послал гонца своего с тѣмъ: отецъ деі мой шахъ Худобенди был с тобою в миру и меня к тебѣ послати хотѣл, и ты б меня ждал ко Царюгороду, а я к тебѣ и самъ буду; а не поставя государства своего на мѣре, как было изначала государства Перскихъ царей, и миритца с тобою не хочю.

А с Ишпанского короля послы договоряся и укрепился на томъ, что имъ стояти на Турского заодин; и отпустил ихъ с великою честью и своих послов с ними к Ишпанскому королю послалъ. А самъ шахъ Абас почелъ збиратца; а хочет деи итти под тѣ городы, которые Турской поимал у отца его.

Да тот же выходец Өилипко сказывал: как деі он был у Турок в полону, и был де в тѣ поры в Бурсе; и видел в Бурсе на базаре—турчанин смотрил в книгу и учал плакати,—да стал сказыват турчаном, что государству Турскому Царюгороду послѣдние лѣта доходят, стояти

ему з два года да быти взяту от русских людей. И того деі турчанина за то велѣли казнити. Да тот же выходец Ѳилипко сказывал: взяли деі въ 95-мъ году Ѳранцовскіе люди у Турского город на Бѣлом море Кирпиз. Да Ѳилипко ж сказывал: взяли деи 96-го году Кизылбаши у Турокъ три городы: город Арнуваръ, да город Нахчюван, да город Аланчи да мѣсто базарное Макаусъ.

Ѳевраля въ 25 ден присылал шахъ Абас к Олександру князю к грузинскому посла своего Ачимшита. И приѣхав Кизылбашского посол в Грузинскую землю, присылал к Родивону да к Петру, чтоб ему с ними видетис, а от шаха к ним приказ с нимъ есть. И Родивон да Петръ х Кизылбашского послу приказали: будет ему до нас дѣло есть,—и он бы к нам приѣхал. И Кизылбашского посол Чимшитъ приѣхал къ Родивону да к Петру в стан. И говорил Родивону да Петру: прислал деи меня шах Абас к Олександру князю грузинскому и с вами видетца и спросити вас велѣл: сказывал деи государю нашему человѣкъ его ходжа Маамут, а слышел у вас: присылал деі Турской ко государю вашему посланника своего о миру и о ссылке и о томъ, чтоб государь ваш стоял с Турскимъ на государя нашего заодин; и государь деи ваш Турскому отказал, что на государя нашего стояти с нимъ заодин не хочетъ. И государь нашь шахъ Абас меня к Олександру князю прислал и с вами видетца и от вас подлинно слышет. И Родивон да Петръ Кизылбашского послу сказывали тож, что сказывали кизылбашенину ходжа Маамуту. И Кизылбашского посол Чимшит Родивону да Петру говорил: государь деи наш, слыша государя вашего слово, что Турскому отказал, добрѣ рад, миритца съ Турскимъ не хочет и послов своихъ государь нашь хотѣлъ ко государю вашему послати с вами вмѣсте. Да ныне за тѣмъ не послал, что отецъ его шахъ Худобенди послал ко государю вашему посланника,—и он по ся мѣста ещо не бывал; и какъ тот посланникъ отъ государя вашего придет,—и государь нашь пошлет ко государю вашему великих своихъ послов.

И апрѣля въ 25 ден приежжали из Зрюма от Ѳергат паши к Олександру князю Турского чеушъ Кустрев просити у Олександра князя, чтоб дал дорогу через свою землю в Дербен да в Баку запас провесть; да у нево запасу просил. И Олександръ княз Турского чеушу отказал: з запасомъ в Дербен и в Баку через свою землю не пущу и своихъ запасов не дамъ; холоп есми царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русиі государя Московского, а Турского не блюдус. И чеушь Кустев учал ему говорити з грозами: з запасомъ ты через свою землю не пустишь, а земля твоя у государя нашего блиско, а

Московской тебѣ не пособит. И Олександръ князь Турского чеуша за то хотѣл безчестит; а говорил ему: Астарахан де и Терекъ отселя не далече, а людей в нихъ много, а государь крестьянской не поступитца меня никому.

И апрѣля въ 30 ден сказывал Родивону да Петру кизылбашенин тезик Хозя Али, что Кизылбашской новой шахъ Абас пошол был под Тевриз, ажно в тѣ поры послал Бухарской Абдула царь сына своего под Кизылбашского отчину под Харасан. И шах Абас, слыша то, что Бухарского царевичь идетъ под Харасан, и он поворотяс со всѣми своими людми да Бухарского царевича побил и самого его жива взял да и опят его отпустил к Бухарскому; да и послов своих к Бухарскому послал и с ними приказал: преж деи сего отцы наши не воевалис, а ты со мною про что ся воюешь в то время, как я пошол на Турского? И ты б со мною впередъ не воевался и стоял со мною заодинъ на Турского.

5. 1588 г. Посольство въ Москву Черкасскихъ князей Мамстрюка и Куденека мурзы „отъ всей Кабардинской черкаской земли".

(*Кабардинскія дѣла 1588 г. д. № 1*).

Лѣта 7096-го генваря в 4 день пріѣхалі к государю царю и великому князю к Москве (вмѣсте с Кизылбашским гонцом Темрюков Канбулатов княжей сынъ Юван Булата князя Черкаского и всей Черкасской Кабардинской земли государю) черкасы Мамструкъ князь да Куденек мирза биті челом, чтоб ихъ государь пожаловал, взял под свою царскую руку и держал их под своею царскою рукою в своем государеве жалованье во обороне от их недругов потому ж, как ихъ жаловал, держал под своею царскою рукою отецъ его государев блаженные памяті великий государь царь и великій князь Иван Васильевіч всеа Русиі; а они государю учнут служіт всякие государевы службы, гдѣ государь велит, а к иному государю х Крымскому и к Турскому и к Шевкалскому не пристанут.

И генваря в 20 день были у государя в Подписной в Золотой Полате черкасы Мамструк князь Темрюков да Куденек мірза княж Канбулатов сынъ; а государь в тѣ поры сидѣл в царском платье, а бояре в золотном платье. А явил ихъ государю челом ударіть казначѣй Деменша Ивановіч Черемісиновъ. И Мамструк княз да Куденек мірза государю били челом, чтоб ихъ пожаловал, взял под свою царскую руку и держал ихъ подъ своею царскою рукою в своем госу-

дареве жалованье в обороне от их недругов потому ж, какъ их жаловал, держал под своею царскою рукою отецъ его государев блаженные памяті великій государь царь и великій князь Иван Васильевич всеа Русіи, и велѣл бы государь для их обороны от Турсково и от Крымсково на Терке город поставіть; а они государю учнут служіть всякие его государевы службы, гдѣ коли государь велит, а к иному государю х Крымскому и к Турскому и к Шевкалскому и к иным ни х которым государем не пристанут, а учнут жить в государеве в Терскомъ городе переменяясь.

И государь царь и великій князь Мамстрюка князя да Куденек мурзу пожаловал, Канбулата князя и всѣх Черкаскихъ князей и всю Черкаскую Кабардінскую землю пожаловал, под свою царскую руку их во оборону взял и держаті ихъ хочет под своею царскою рукою во обороне потому ж, какъ ихъ жаловал, держал в своем государеве жалованье отецъ его государев блаженные памяті великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русіі, і грамоту им свою государеву з золотою печатью даті велѣл. И своим государевым жалованьем Мамструка князя и Куденек мірзу и черкас, которые с нимі пріѣхалі, на пріѣзде пожаловал и велѣл имъ даті в стола мѣсто кормъ; давал имъ государево жалованье шубы казначей Деменша Ивановіч Черемисинов, а что кому дано государева жалованья шуба и денег,— и тому роспись.

Мамструку князю 50 рублев денегъ да шуба соболья; Куденек мирзѣ 30 рублев денег да шуба; людем ихъ лутчім Элбуздуку с товарыщи 12-ти человѣком дано по 4 рублі человѣку да по сукну по доброму.—И Элбудук государю білъ челом, чтоб его государь пожаловал, велѣл его от тѣх товарыщей отвестіі, что он у ніх человѣкъ лутчей, а брат его князь Иван Кабунук государю служіл и за государя умер;—и государь бы его пожаловал, для брата его княж Ивановы службы, велѣл от тѣх его товарыщей отверстаті своим государевым жалованьемъ.—А досталным 22-м человѣком дано государева жалованья по 3 рубля человѣку да по сукну по середнему.—И Мамстрюк князь да Куденек мирза о тѣх о всѣх своих людех бьют челом государю, что тѣ люди пріѣхали с ними ис кабаков лутчіе, и государь бы их пожаловал, велѣл имъ своего государева жалованья прібавіті.

И по государеву указу бояре пріговорілі: на отпуске даті Мамструку князю 30 рублев; Куденек мирзѣ 20 рублев; Элбуздуку их 6 рублев да сукно доброе лундыш; а 11 человѣком по 3 рублі человѣку да по сукну по доброму, досталным 22-м человѣком по рублю с полтиною человѣку да по сукну по доброму. И всего потому дано 130 рублев да сукон

добрых 32 сукна. И всего дати ныне 132 рубли да сукно лундышу портіще да 31 сукно настраеілю.

И государева им жаловалная грамота з золотою печатью, как имъ в государеве жалованье быті под его царскою рукою, дана и к шерті Мамструк князь и Куденек мирза и черкасы, которые с ними пріѣхалі, приведены, что им быті в государеве жалованье и от государя неотступным и государю, гдѣ колі государь веліт, служіті и к иному государю ни х которому—х Крымскому и к Турскому и к Шевкалскому и к иному ни х которому государю не отстаті.—И в государеве жаловалной грамоте и в записи в шертной пишет:

Запис шертная как приведены черкасы Мамстрюкъ киязь да Худенекъ мурза Канбулатов сын Черкаской и черкасы Елбуздук с товарыщи.

Даю шерть по своей вѣре, по мусулманскому закону, г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. и его дѣтем, которых ему Бог дасть вперед, на том, что приезжалі есмя биті челом г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. ото князя Канбулата князя и ото всѣх Кабардинскихъ черкас, чтоб государь нас пожаловал, взял под свою царскою руку потому ж, какъ ихъ держал в своем жалованье отецъ государя нашего ц. и в. к. Ив. Вас. в. Р. И нас Канбулата князя и меня Мамстрюка князя и Куденека мурзу и всѣхъ братью нашу и племянников ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. пожаловал, взял нас под свою царскую руку и во оборону ото всяких нашихъ недругов; и нам Канбулату князю и братье нашей Думануку князю и всей братье нашей и дѣтем нашим и племянником и всѣм нашим лутчим людем со всею Кабардою Черкасскою г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. служіті и от г. ц. и в. к. быті нам всѣм неотступным и до своего живота и х Турскому и х Крымскому и к Шевкалскому и к иным государевым недругом ни х кому не приставаті. А хто будет г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. друг, тот и нам будет другъ; а хто будет г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. недруг, тот и нам будет недруг и на того нам со государевымі воеводамі с Астараханскимі и с Терскимі воеводамі с ратнымі людмі ходіті и приводіті во государеву волю. И житі Канбулату князю и мнѣ Мамстрюку князю и Очикану князю и Куденеку мурзѣ и братье моей Дамануку да Избулдуку князю да Анзаруку да Сингалѣю князю Канглычевым да князю Бітемрюку и всей братье нашей племянником и дѣтем и лутчим нашим людем, переменяясь, житі в государеве в Терском городе со государевымі воеводамі и государю служити и стояті нам всею землею Черкаскою с Терскимі воеводамі на государева недруга на всякого заодин. А хто будет г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. его государским воеводам Астараханским и

Терским воеводам непослушен будет и к Терскому городу не пристанет и в государеве жалованье с нами быти не похочет, Шевкалской князь или Тюменской князь или горские князи или Кумыки или Иверские князи или из нашего роду которой Черкаской князь от государева жалованья отстаті похочет, также которые Черкаские князи с своими улусы Тоилостанов род Шолох князь Ташбзаруковъ з братьею и с племянникі и з детмі да Каитуков род Папшнук княз да Ослонбек да Жансох служат Крымскому и Шевкалскому,—и нам с Канбулатом князем и з братьею своею и со всею Черкаскою землею на тѣх на всѣх на государевых непослушников вмѣсте з государевыми воеводами ходіті ратью и ко государеву волю их ко государеве вотчине к Асторахани и к Терскому городу в государеву волю их приводіті и заклады у них поиматі и стояті нам всѣм Черкаским князем и мурзам з государевымі воеводы заодин на всякого недруга и на них ходіти ратью и государю пряміті о всем потому, как в сей шертной записі напісано. Также которые недругі Терского рат и Крымской или иные которые недругі поидут ко государеве вотчіне к Астарахани или к Терскому городу,—и нам, будучі в Терском городе, со государевымі воеводамі за город стояті и битись с німі до смерти и государевых воевод не выдаті и хитрості и оману над государевымі воеводамі и над ратнымі людмі и над городом хитрості никоторые не учініті. Также коли г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. велит нам итті на которого своего недруга на Литовского или в Нѣмцы,—и нам и нашім братьям и дѣтем итті на государеву службу, колким колі государь велит итті на свою государеву службу. И о всем нам со всею Черкаскою землею государю служіті и пряміті и к недругом государевым ни х кому не пріставаті,—о всем потому, как в сей шертной запісі писано.

Июля въ 25 день по сей записи пріведены шерті Мастрюк княз да Куденек мурза да черкасы лутчіе іх люді Илбуздукъ с товарыщі.

Всемогущего безначалного Бога неизреченнымъ милосердіемъ хрестьянского закона единъ правый—мы великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Руссіи, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Иверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Лифляндскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскія земли и Сѣверныя страны государь и иныхъ многихъ земель государь и облаадатель — Черкескія земли начальнику Кабардинскому князю Канбулату Аидаровичю да князю Домануку Темрюковичю да князю Очикану Канбулатовичу, Ильбуздуку

Битуевичю да князю Онзаруку да Сіюнчелѣю князю Канклычевымъ да князю Битемрюку и всеѣ Кабардинские земли княземъ и мурзамъ. Присылали естя к нашему царскому величеству ото всеѣ земли Черкаскіе Кабардинскіе князя Мамстрюка да князя Кудепека бить челомъ, чтобъ намъ всѣхъ васъ пожаловати, всю землю Черкаскую Кабардинскую держати въ своемъ царскомъ жалованье подъ своею царскою рукою и во обороне ото всякихъ вашихъ недруговъ и за васъ бы велѣти стояти нашимъ воеводамъ Астороханскимъ потому, какъ отецъ нашъ блаженные памяти великій государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи васъ держалъ въ своемъ царскомъ жалованье подъ своею царскою рукою, и грамота бы намъ своя царская жаловалная з золотою печатью дать вамъ, какъ вамъ въ нашемъ царскомъ жалованье и вперед быти; а для оберганія вашей земли отъ вашихъ недруговъ велѣти бы намъ на Терке городъ поставити и людей своихъ въ томъ городе держати съ вогненнымъ боемъ, и васъ всѣхъ князей Кабардинскихъ всеѣ земли Кабардинские ото всякихъ вашихъ недруговъ изъ нашие отчины, из Астороханп и из Терского города, воеводамъ нашимъ оберегати велѣти, чтобъ вамъ, будучи въ нашемъ царскомъ жалованье, подъ нашею царскою крѣпкою рукою, быть безстрашно отъ вашихъ недруговъ. А вы Канбулатъ князь и князь Домапукъ и князь Мамъструкъ Темрюковы и дѣти твои Канбулатовы князь Очиканъ и князь Кудепекъ и князь Синчалей и князь Бетемрюкъ и всѣ князи Черкаскіе и братья вапи и дѣти и племянники и уздени ваши и всякіе люди всей земли Черкаские въ нашемъ жалованье хотите быти и отъ нашего царского жалованья неотступны. И мы великій государь, царь и великій князь Оедоръ Ивановичъ всея Руссіи, выслушавъ вашего челобитья, Канбулата князя да Доманука князя и Мамстрюка князя Темрюковыхъ и твоихъ Канбулатовыхъ детей князя Очикана и князя Кудепека и князя Албуздука и князя Онзарука и князя Синчалѣя и князя Битемрюка и вашихъ детей и братью и племянниковъ и всѣхъ князей и мурзъ и всеѣ вашю Черкаскую землю Кабардинскую, по вашему челобитью, пожаловали есмя, взяли въ свое царское жалованье подъ свою царскую руку и хотимъ васъ держати всеѣ Черкаскую землю подъ своею царскою крѣпкою рукою въ службе и во обороне, и защищати васъ хотимъ ото всякихъ вашихъ недруговъ, и на Терке реке на устье Терскомъ велѣли есмя городъ поставити своимъ воеводамъ. А вамъ Канбулату князю Кабардинскому, или иной которой по тебѣ князь будетъ на Кабарде, изъ нашіе царскіе руки дѣтемъ твоимъ Очикану князю да Кудепеку князю и братье тво-

ей и Домануку князю да Мамстрюку князю да Ильбуздуку князю да князю Онзаруку да Синчалѣю князю Канклычевымъ да князю Битемрюку и всей братье вашей и племянникомъ и дѣтемъ и лутчимъ вашимъ людемъ, переменяясь, въ томъ нашемъ городе съ нашими воеводами жити и намъ служити и опричь насъ к иному ни к которому государю не приставати. А хто намъ будетъ недругъ, тотъ бы и вамъ былъ недругъ. И стояти вамъ всею землею Черкаскою Кабардинскою на нашего недруга съ нашими воеводами съ Астороханскими и съ Терскими заодинъ. А кто будетъ нашимъ воеводамъ Астораханскимъ и Терскимъ непослушенъ и по нашему царскому жалованью къ нашему Терскому городу не пристанетъ и въ нашемъ жалованіе быти у насъ не похочетъ — Шевкальской князь, или Тюменской князь, или Горскіе князи, или Кумыки, или Иверскіе князи, или изъ васъ которой Черкаской князь отъ нашего жалованія отстанетъ кто,—и тебѣ Канбулату князю и дѣтемъ твоимъ и племянникомъ и всей Черкаской землѣ на тѣхъ на всѣхъ на нашихъ непослушниковъ съ нашими воеводами на нихъ ходити и въ нашу волю къ нашей вотчине къ Астрахани и къ Терскому городу подъ нашу царскую руку приводити, чтобъ они были неотступны отъ нашего жалованья и къ инымъ ни к которымъ государемъ къ нашимъ недруземъ имъ не приставати и быть въ нашемъ жалованье съ нашими съ Астороханскими и съ Терскими воеводами и съ вами вмѣсте и стояти съ нашими воеводами заодинъ на всякого нашего недруга и города нашего Терского ото всякихъ нашихъ недруговъ оберегати съ нашими воеводами вмѣсте. А которые Черкаскіе князи съ своими улусы Тойлостановъ родъ Шолохъ князь Ташбзаруковъ з братьею и съ племянники и з детьми да Кайтуковъ родъ Таппіукъ князь да Ослонбекъ да Жансохъ Осланбековы служатъ Крымскому и Шевкальскому,— и тебѣ Канбулату князю и дѣтемъ твоимъ князю Очикану и Куденеку князю и Думунуку князю и Мамстрюку князю и всѣмъ братье твоей и племянникомъ со всею своею Кабардинскою землею тѣхъ черкасъ со всѣми ихъ улусы привести к Терскому городу подъ нашу царскую руку и въ наше жалованье и заклады у нихъ въ Терской городъ для укрепленья взяти, чтобъ они отъ Крымского и отъ Шевкальского отстали, а были въ нашемъ царскомъ жалованье. А которые будутъ непослушны и съ вами къ нашему царскому жалованью к Терскому городу не пристанутъ, — и тебѣ князю Канбулату з братьею и з детьми и съ племянники тѣхъ черкасъ приводити подъ нашу царскую руку и заклады у нихъ для укрепленія поимати, чтобъ они были съ вами въ нашемъ царскомъ жало-

ванье и въ службе. А будетъ нойдетъ который нашъ недругъ к Терскому городу, и тебѣ Канбулату князю и дѣтемъ твоимъ Очикану князю да Куденеку князю и Темрюковымъ дѣтемъ Домануку да Мамстрюку князю з братьею и всей Черкаской землѣ и тѣмъ черкасомъ, которых онѣ ныне съ собою приведутъ подъ наше царское жалованье, за городъ за Терской съ нашими воеводами съ Астараханскими и съ Терскими и со всѣми нашими ратными людьми стояти сообща заодинъ и надъ нашимъ городомъ надъ Терскимъ хитрости и ману не учинити и съ нашими недруги, ни съ кѣмъ сложась, ману никоторымъ обычаемъ, никоторою хитростію не учинити и съ нашими недруги со всѣми, хто къ тому нашему городу къ Терскому придетъ, битись до смерти. А будетъ которой нашъ недругъ пойдетъ къ нашей отчине къ Асторохани, и тебѣ Канбулату князю и дѣтемъ твоимъ и Домануку князю и Мамстрюку князю и братье ихъ и племянникомъ и дѣтемъ и всей Черкаской землѣ, сослався съ Терскими воеводами, итти къ Асторохани конною ратью съ нашими воеводами и Асторохани помогати, обсылаяся съ Астороханскими воеводами. А коли мы велимъ итти на службу Черкаскимъ княземъ на которого своего недруга, и тебѣ Канбулату князю и дѣтемъ твоимъ и Домануку князю и Мамстрюку князю и братье ихъ и племянникомъ и всѣмъ княземъ Черкаскимъ посылати к намъ на нашу службу на нашихъ недруговъ братью свою к детей и племянниковъ съ ратными людьми, сколькимъ коли велимъ итти ратнымъ людямъ, столькимъ и итти; а тѣмъ вашимъ дѣтемъ и племянникомъ и ихъ людемъ наше жалованье будетъ безъ оскудѣнія. И тебѣ Канбулату князю и дѣтемъ твоимъ Очикану князю и Куденеку князю и Темрюковымъ дѣтемъ Домануку князю и Мамстрюку князю и всей братье вашей и дѣтемъ и племянникомъ и всѣмъ лутчимъ людемъ и всей Черкаской земли быть въ нашемъ жалованье подъ нашею царскою рукою неотступнымъ отъ нашего жалованья, и намъ служить въ Терскомъ городе съ нашими воеводами и стояти на всякого нашего недруга заодинъ съ воеводами нашими и гдѣ вамъ велимъ идти на свою царскую службу на которого своего недруга, и вамъ детей своихъ и племянниковъ съ ратными людьми посылать, сколько съ ними коли ратнымъ людемъ итти велимъ; и прямити нашему царскому величеству и служити съ нашими воеводами и стояти на всякого нашего недруга о всемъ потому, какъ въ сей нашей царской жаловалной грамоте писано. Дана сія наша царская жаловалная грамота и золотую свою печать велѣли къ сей грамоте привѣсити въ государствія нашего дворѣ града Москвы, лѣта отъ созданія міру 7096-го июля мѣсяца.

Провожать пословъ до Казани посланъ Семенъ Бѣшенцовъ. Ему между прочимъ было наказано, чтобы послы и ихъ люди крестьян не білі и не грабілі и кормов своих даромъ ни у кого ничего не ималі, а кормъ бы оні себѣ покупали; а на кормъ им денег дано до Казані. И оні б себѣ кормъ покупалі, ѣдучи, а даром нигдѣ ничего не ималі. И того беречі, чтоб по городом черкасы заповѣдного товару, доспѣхов и шеломов и пансырей и сабел и копей не покупалі, и болши того покупаті не велѣті, что с нимі пошло с Москвы; того однолично береч накрепко и покупать не давать. . . .

7096 г. августа 2 д. Память дьякамъ Дружинѣ Петелину и Захарью Свѣнзеву объ отпускѣ пословъ и дачѣ жалованной грамоты съ золотою печатью.

Грамата въ Астрахань воеводамъ отъ 5 августа 7096-го. . . Пріезжалі к намъ. . . И мы черкас пожаловалі, взялі их под свою царскую руку і жаловалную им грамоту з золотою печатью далі. И как Мамстрюк князь и Худенек мурза с людми своими въ Асторохань пріѣдут, и вы б их из Асторохані отпустілі на Терку в судѣх *и пр.* А какова имъ наша жаловалная грамата дана и таков к вамъ список з грамоты послан. И вы б по той нашей жаловалной грамоте къ Черкаским князем и береженье к нім держалі. А будет вперед пріедут въ Асторохань Черкаские князі, а с нимі пріѣдут многие люди, а похотят ѣхать к нам к Москве биті челом о чем,—и вы б их велѣлі к нам отпустіті с немногимі людмі, не потому как ныне з двема Черкаскімі пріезжало 34 человѣкі. И вы б и с лутчім князем отпустить велѣлі человѣкъ до 10 илі до 15, а з другімъ человѣкъ 5—6, а досталных их людей назад отпущалі; и кормъ бы.... тем Черкаским князем или мурзам и их людем велѣли давать смотря на ніх—не самой болшей кормъ, велѣлі бы есте им давать—как им мочно сытым быть. И об них отписывалі к нам к Москве в Посолской Приказ.

Грамата на Терекъ воеводамъ отъ 5 августа подобнаго же содержанія. . . . А как іх почнете отпущаті к себѣ, и вы б им говорілі накрепко, чтобы оні по нашей жаловалной грамоте у вас в городе оні самі и дѣті их и братья их и племяннікі их жілі с вамі в городе по перемѣнам и нам с вамі служили и к нашім недругом ні х кому не пріставалі и на всякого недруга нашего с вамі стоялі и недругов своих, которые им недруги, воевали и приводили их к нашему жалованью и заклады у них поймали и в Терской город к вам приводилі, чтобы они были с ними в нашем жалованье и стоялі с ними на всякого нашего недруга с вами с нашими воеводами заодин. А вы б с ними которые имъ недруги будут и в нашем жалованье под

нашею царскою рукою быті с нимі не похотят, и вы б с ним посылали стрелцов и казаков воиною и их пріводилі к нашему к Терскому городу и заклады для правды у ніх поимали. А черкас ..... служат Крымскому и с Шевкальским сложася живут, Топластанов род Шолох князь Ташбзаруков з братьею и с племянникі и з детмі да Каитуков род Тапшнук князь да Ослапбекъ да Жонсохъ Ослапбековъ, а с Канбулатом князем и з Доманоком и с Мамстрюком князем с Темрюковыми и с Канбулатовыми детми с Очикапом князем и з Худенеком князем и со всею братьею их с нимі вмѣсте в нашем жалованье быти вперед не похотят и от Крымского не отстанут и к вам в Терской город с нимі не учнут приходить и нам служить, а Канбулат князь и Доманук и Мамстрюк князь Темрюковы и Канбулатовы дѣти, Очикап князь и Худенек князь и всѣ черкасы Кабардинские учнут у вас на них раті проситі их воевать и приводити к Терскому городу,—и вы б на них с тѣми Черкаскими князи стрелцов и казаков посылали воевать и их приводілі в наше жалованье и заклады у них поиматі велѣли для укрепленья; и их бы привести вам Шолоха князя и Тапшіука князя з братьями и с племянники к шерти на том, что им, будучи в нашем жалованье вмѣсте с Канбулатомъ князем и з Доманукомъ князем и с Мамстрюком князем и со всѣми черкасы Кабардинскими, нам служити и на нашего недруга с вами стояті, а х Крымскому не приставать, и которые наши недруги поидут к Терскому городу,—и они б нам служили и с вами на тѣх наших недругов стояли и с нимі за нашь город Терской с вами билися. А укрепя тѣх черкас с Канбулатом князем и з Доманукомъ князем и с Мамстрюком князем и с Канбулатовыми дѣтми, и заклады у ніх в том поималі; и Канбулатовы бы дѣті и Доманук князь и Мамстрюк князь з братьею и с людмі своими жили у вас в городе по перемѣнамъ по нашему наказу. То их и правда болшая будет перед нами и наше жалованье к ним будет. А какова дана наша жаловалная грамота *и пр.... что и въ предыдущей граматъ.*

6. 1588—1589 гг. Посольство изъ Грузіи князя Каплана, старца Кирилла и Куршита.

(*Грузин. стат. списокъ № 1, л. 75—103*)

(7097 г.) Октября въ 16 ден писали ко государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русні грузинскихъ послов приставы Елизарей Жедринской да Федоръ Дьяковъ, что они з грузинскими послы

и с черкасы пришли в Троетцкое село в Ростокино. И по государеву цареву и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіі указу посланъ к грузинскимъ посломъ переводчикъ татарской Вельямин Степанов и писано к приставомъ, чтоб они были к Москве октября (*написано*—генваря) въ 17 день; а встрѣчи к ним велено дожидатись в Красномъ селѣ. А по государеву указу велено грузинскихъ послов встрѣтити за Новымъ Каменымъ городомъ в Пушкарской слободѣ Темирю Засѣтцкому и в приставех велено быть ему ж. А черкаских послов велено встрѣтить Ивану Жемчюжникову; а пріѣздъ Черкаскихъ послов писан особно в книгахъ . . . . .

Засѣтцкому велѣно, встрѣтивъ пословъ, изговорить имъ привѣтствіе отъ Бориса Годунова, подвести отъ него лошади и затѣмъ ѣхать с нимі в город в Устрѣтинские ворота да Устрѣтинскою улицею, а с Устрѣтинские улицы полымъ мѣстомъ в Ыльинские ворота да на дворъ архіепископа Ноугородцкого; а черкас, которые пришли з грузинскими послы тутo ж поставить на дворѣ, а пристав у нихъ Иван Жемчюжников. А самому Темирю, пріѣхав на архіепископль двор з грузинскими послы, и быти у грузинскихъ послов в приставех; и береженье к нимъ держати великое, над кормовщики смотриті, чтоб кормъ давали сполна по росписи и нужи б им в кормѣхъ ни в чемъ не было. Да и того ему беречи, чтоб к нимъ на двор иноземцы гречене и турчане и арменья и иные никоторые иноземцы не приходили и ни о чемъ с ними и съ их люді не розговаривали, да и людей ихъ без имянного приказу з двора спускаті не велѣти; а о чемъ с нимъ грузинские послы поговорятъ и Темирю о томъ сказываті діаку Ондрѣю Щелкалову.

И октября въ 31 день в четвергъ царь и великій князь Оедоръ Иванович всеа Русіі велѣл грузинскимъ посломъ князю Каплану с товарыщи быти на дворѣ у себя государя. И того дни грузинские послы у государя были (*слѣдуетъ обычное описаніе пріема*)...

. . . Быв у руки, ... говорил князь Каплан: великий государь самодержецъ царь и великий князь Оедоръ Ивановичъ всеа Русіі и многимъ землямъ государь! Царь Александръ Иверскіе земли тебѣ, государю, велѣл челомъ ударить и твое государево царево здоровье видети; и бьет челомъ тебѣ, государю великому, чтобы ты, государь, пожаловал, велѣл ему быті со всѣмъ его государствомъ под своею царскою десницею и исправил бы вѣру крестьянскую и очистил бы царство Иверское от невѣрных и велѣл бы оборонити от недругов и дорогу б на Шевкалского очистилъ. А во всем ты, великій государь благочестивый, волен во мнѣ и в моихъ дѣтехъ и в моемъ царстве во всей

Иверской землѣ, как годно вашему царскому величеству.—Да подали послы государю от Олександра царя грамоту. И по государеву приказу принел грамоту діакъ Ондрѣй Щелкалов. А после того являл государю поминки казначѣй *Ив. Вас. Траханіотовъ отъ царя иословъ*..... И посидѣв немного велѣл государь послом встати; и звал государь послов ѣсти.... А подача посломъ от государя была после бо́лшихъ дворян.... А после стола жаловал государь послов платьемъ, шубами и кубками.... А на подворье посылан от государя с меды послов подчивать Ондрѣй Клобуков.

А се список з грамоты ко государю царю и великому князю грузинского царя Олександра с послы его с Капланомъ с товарыщи.

Бога единаго и страшнаго, великаго, безначалнаго, превыше небесъ пребывающаго и единымъ словомъ безсмертнымъ премудрості своей видимая и невидимая вся сотворшаго и самодержавнымъ божественымъ Духомъ вся оживляющаго и трисиятелного божества недреманнымъ окомъ на землю призирающаго и вся на пей устроившаго и утешенія благая всѣмъ человѣкомъ подающаго, того единаго Бога в Троице чтем и поклоняемся и трисиятелного его всемогущаго божества неизреченнаго милосердия славим,—единому правому великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русін Владимерскому и Московскому и всей сѣверные страны повелителю восточных и западныхъ странъ и иных многихъ государствъ самодержецъ, мы началный царь и великиі княз Александръ Леонтіевич всея Иверские земли от нас челобитье и поклон. Прислал еси до нашей малой власти государства нашего послов своих Родивона Биркина да Петра Пивова и мы велми обрадовалися. Дай, Господи, ты, государь, многолѣтен был. А твоих послов сию зиму держали для того, наши и невѣрные бусурманские дѣла и метеж чтобы они сами видели; иноже доселе бы их не держали. И ждем от тебя великого жалованья и милости и повелѣнья царского присылки, чтоб от недругов и в невѣрные руки не отданы былі, коли велѣл нам под своимъ царскимъ защищеньемъ быти. И ныне у нас опричен государства нашего иную Иверскую землю Турские люді поимали и городы у них поставили; а в нашу землю да и в государство наше помощью Божьею да и твоимъ государевым счастьем ни ноги своей не переставили, ни города поставилі. Помощию Божиею да и твоимъ государским счастьемъ меж ихъ столко не блюдемся, точию их бранити се в задних; невѣрные собаки горские люді Шамкалски тадбою крестьян ночью пленит и ясыри в полон ведут да от хрестьянские вѣры в бусурман-

скую вѣру нудят хрестьян. Нынеча ж исперва Бога да и пречистые да и чеснаго и животворящего креста любви для намъ хрестьяномъ пособляй; да и от их рукъ хрестьянской род избави государьскимъ милосердиемъ и его жалованьемъ. Тысяча лѣт есть, что мы православные хрестьяне есми да сею землею владѣем и царствуем, а в которых всегда тѣ невѣрные собаки Шевкалские покорени под нашею рукою. И вѣдомо ж тебѣ будет, что невѣрные люди всегда крестьяномъ недруги и измѣнники. Да в коемъ времени Турскиі царь хрестьянскую землю стал громити, а они в тѣ поры Шевкалские отступили и хрестьянскиі род в пленение и в невѣрствие ведут. И еще молим се православный царь, что хрестьянская земля опришен тебя, государя, помошника не имѣемъ иного; да и от сѣх собаков избави нас. И еще молим се, чтобы ваше жалованье и милость была как вашему царскому величеству подобно, также и соверши намъ. А что намъ мочно было тепере малые наши поминки тебѣ, великому государю, напомянуемся. И что великиі государь свое жалованье явил, то и соверши намъ, чтоб еси государь свою милость показал на нас; аще совершит и мы также совершимъ. А иные вѣсти наши тайные приказали вашимъ посломъ Родивону Петровичю Биркину да Петру Дѣевичю Пивову; да послали есмя пословъ своих людей вѣрныхъ боярина Каплана Вачназина да старца Кирила да Хуршита вмѣсте,—и они всѣ вмѣсте скажут тебѣ.

А поминков ко государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русиі от грузинского от Александра царя: ковер золотной; покровецъ золотной; 2 камки кизылбашскихъ разные шолки з золотомъ; 15 камок кизылбашскихъ без золота; 3 бархаты гладких; 3 отласы гладких; десетеры дороги; аргумак рыж; попонка бархат червчат гладкой; повяска отлас золотной; оброт золотная; повяска камка золотная; узда зуопая.

Каплан князь государю челомъ ударил: 3 камки кизылбашские без золота.

Старец Кирило: камка кизылбашская без золота; дороги.

Куршит: отласъ; ковер кизылбашской.

Ѳевраля въ 25 день государь царь і великиі князь Ѳедоръ Івановичь всеа Русиі велѣл Иверскимъ посломъ Каплану с товарыщи быти на казенномъ дворѣ у казначѣя у Ивана Васильевича Траханиотова да у дьяков у Ондрѣя у Шелкалова да у Посника Дмитреева сказати имъ по приговору, что государь царь и великиі князь Ѳедоръ Иванович всеа Русиі Олександра царя под свою царьскую руку принял и посылает к Олександру царю с ними вмѣсте послов своихъ и

учителныхъ людей и кречеты и пансыр, посылает и их отпускает вскоре, а мастера пушечного вперед пришлет, как дорогу очистят; да и про дорогу велѣл ихъ роспросити, которым мѣстомъ посломъ ити.

И того дни Иверские послы на казенном дворѣ у казначѣя у Ивана Васильевича и у дьяков были; а посыланъ по них пристав ихъ. А как вошли в полату,—и казначѣй Иванъ Васильевичь и дьяки Иверским посломъ говорили: Божиею милостью великиі государь царь и великиі князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русиі и многих земель государь и самодержецъ велѣлъ вамъ сказати: приходили есте ко государя нашего царскому величеству от Олександра царя Иверского посольствомъ и били челомъ есте государю царю и великому князю от своего государя от Олександра царя, чтоб великиі государь царь и великиі княз велѣл послати учителных людей старцов и попов и мастеровъ всякихъ,—и пожаловал бы государь, послал к Олександру князю кречетовъ и пансырь доброй.—И великиі государь царь и великиі княз Ѳедоръ Ивановичь всеа Русиі самодержец, жалуючи царя Александра, принял вас с великимъ своим жалованьемъ и, посолства от васъ и грамоту Александра царя приняв, милостивно выслушал; и посылаетъ государь нашь великиі государь к Олександру царю посла своего князя Семена Григорьевича Звенигородцкого да дьяка Торха Онтонова и васъ Олександровыхъ пословъ отпускаетъ к Олександру царю вмѣсте с своими послы; и отпускъ вамъ будет часа того в Нижней до воды, а из Нижнего водою до Астарахани и до Терки.—Да с послы ж своими посылаетъ государь царь и великиі князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русиі самодержецъ дву старцов да дву свещенников да дьякона да иконописцов трехъ человѣкъ; а о мастерѣхъ вперед государь указ свой учинит, очистя дорогу. А с кречеты кречетника и пансырь к Олександу царю посылает государь нашь великиі государь царь и великиі княз Ѳедоръ Ивановичь всеа Русиі самодержец съ посломъ своимъ со княземъ Семеномъ Григорьевичемъ.—Да государь же нашь великиі государь царь и великиі князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русиі самодержецъ велѣл вас роспросити про дорогу: на которое мѣсто государевымъ посломъ и вамъ итти прямѣе с Терки в Иверскую землю на Шевкалского? И вы то розскажите. А государь нашь великиі государь царь и великиі княз Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русиі велѣл с вами отпустить рать свою из Астарахани и с Терки на Шевкалского и дорогу на Шевкалского велѣл очистить, чтобы вперед ко государю нашему к великому государю въ его государства вамъ дорога была чиста. И вы о томъ розскажите;—и мы

то ваше челобитье донесемъ до царского величества. И государь царь и великіі князь вас совсѣм, пожаловав, отпустит.

И Грузинские послы Каплан с товарыщи, выслушав рѣчи, говорили: государь нашь Александръ царь христьянской государь и многижды к нему присылали Кизылбашской и Турской, чтоб онъ с ними был в соединенье; и он для того к бесерменским государем ни х Кизылбашскому, ни к Турскому не пристал, а бил челом великому государю царю и великому князю и крестъ целовал, что ему быті под его царскою рукою. И на той своей правде государь нашь Александръ царь и стоит; а посямѣста государь нашь своей землі берег от Кизылбашского и от Турского. И ныне надежен во всем на великого государя царя и великого князя, чтоб государь его не выдал, велѣл бы его оберегаті отъ его недругов.

И казначѣй Иван Васильевич и діяки Ондрѣй и Постникъ говорили: государь нашъ великіі государь ц. и. в. к. Ѳ. И. всеа Русі пожаловал, Александра царя и его землю взял под свою царскую руку и от его недруговъ оберегати ево велитъ Терскимъ воеводамъ,— для того ихъ государь про дорогу и роспроситі велѣлъ которою дорогою итти имъ мочно; и толко итти на Шевкала, и сколко с ними надобе рати государевы ихъ проводіті и Шевкала повоевать?

И послы сказали: на Черкасы итти прежнею дорогою—ино далеко и горы великие и страхъ тово, что испоздаетца; а толко государева рать будетъ болшая,—ино мочно будетъ итти прямою дорогою на Шевкала.—Да послы ж говорили: какие государевы люди поидут—воинские ли или для городовъ? И, взяв городы, быт ли в них государевымъ людемъ или повоевав да назад итти?

И казначѣй Иванъ Васильевичь и діаки Ондрѣй и Посникъ молыли, что государева рать ныне будетъ воинская—провожать вас и Шевкала потеснить; а толко Шевкал, услышев государеву прибылную рать в Терскомъ городе, да государю добьетъ челом и дастъ в заклад сына своего или брата своего,—ино тогды и рать будет ненадобет и без рати будет итти бестрашно.

И послы говорили, что Шевкалу вѣрить не мочно; хотя он и сына дастъ в заклад или брата своего,—и то ни во что: сыновъ у него много, что собак. А без болшие рати его под государеву руку никакъ не подвесть. А взят бы государьской рати город Шевкалской начална Тарки; и толко взят тот город да в немъ посадить государевыхъ людей,—и Шевкалу житья не будет с час. А Шевкалу в городе своемъ не спживать: послышев рат государеву,—и он побежит на горы; а горами в Шевкалской землѣ место полистое и живущее

и всѣмъ изобилно и лошадми и животиною. А Шевкала они и сами не любятъ, что имъ отъ него обида. А государь бы ихъ ратнымъ своимъ не велѣлъ воевать, а они станут на Шевкала з государевыми людми заодно; а послат бы государю раті болши,—ино недругу будет страшнѣе. А Шевкалскихъ людей зберетца до 12,000; а государевы бы рати послат до 20,000, толко Шевкала согнать захотѣть и привести подъ свою руку царскую всѣ тамошние мѣста.—А про дорогу на Шевкала послы сказали: итти съ Терки до Тюмени—конному з днище, а пѣшему 2 дни; а от Тюменского до Шевкала до города Тарки 2 ж дни; а отъ Тарков до Каѳиркумыка—конному день, а пѣшему 2 дни; а от Каѳирькумыка до Козаныча пѣшему итті днище; а от Козаныча до Казыкумука до Саѳурского с 4 днища,—а Саѳурской подданой Александра царя; а от Саѳурского до Иверские земли ходу з 2 дни.—И всего до Грузеи отъ Терки на Шевкала ходу 15 денъ.

И казначѣй Иван Васильевич и дьяки Ондрѣй и Посникъ говорили послом, чтоб царю Александру послать рать своя встрѣчю ко государеве рати, которая пойдет провожать, в которых мѣстех мочно имъ встрѣтит.

И послы сказали, что государя ихъ Александра царя рати встрѣтити ихъ мочно в Саѳурской землѣ или дале.

А про другую дорогу, что на Шиха князя Окутцкого да на Аварского князя да на Черного князя спрашивали послов,—и они сказали: тою дорогою не хаживали и не знаютъ еѣ, а вѣдаютъ деі то черкасы, которые пришли с ними от Шиха мурзы и отъ Алкаса князя; и вы сами розпросите ихъ, поставя с нами перед собою.

И казначѣй Иван Васильевичь и дьяки Ондрѣй Щелкаловъ да Посникъ Дмитреевъ велѣли пустить к себѣ Черкаскихъ послов от Шиха и от Алкаса. И роспрашивалі Черкаских послов Шихова племянника Батая да Алкасова посла Асламбека: пришли есте ко государю нашему къ его царскому величеству от Шиха мурзы и от Алкаса князя бити челом, чтоб государь нашь Алкаса и Шиха держал под своею царскою рукою и от недруговъ ихъ велѣл обороняті, а они государю нашему хотят служить своими головами против всякихъ государевых недрузей; и вы про то скажите: какимъ обычаем Алкасу и Шиху быти под государевою рукою и хто имъ недруги?

И черкасы Шихов племянникъ и Алкасов посол говорили, что они холопи государские старинные и ныне государю служат,—и прислалі ихъ ко государю Алкас князь и Шихъ мурза бити челом, чтоб государь пожаловалъ, велѣл ихъ от недруговъ беречи Терском восводамъ; а недруг им Асламбек князь Кабардинской. А они хотят быть

в городе в Терскомъ, со государевыми воеводами хотят служить государю вмѣсте.

И казначѣй Иван Васильевичь и дьяки Ондрѣй и Посникъ говорили черкасомъ: государь нашь великіі государь ц. и в. к. посылает ныне в Грузинскую землю посла своего и Грузинских послов отпущаетъ, а с ними посылаетъ государь на непослушника своего на Шевкала рать свою с вогненымъ боемъ. И сколко Алкас княз и Ших мурза пошлют з государевыми людми своей рати послов проводити и Шевкала повоевать? И которые иные Черкаские князи и мурзы с ними в соединенье? И сколко которой пошлет з государевыми людми рати на Шевкала?

И Алкасов посол сказал, что Алкас князь з государевыми воеводами самъ пойдетъ; а с нимъ будет его рати до тысечи человѣкъ.—А Шихов племянникъ сказал, что Шихъ мурза пошлет своих людей до ста человѣкъ конных да до ста человѣкъ пѣшихъ.

И казначѣй Иван Васильевич и діаки Ондрѣй да Посникъ спрашивали черкас: сколко рати зберетца съ Шевкаломъ и сколко на него падобет государевы рати?

И послы Черкаские сказали, что блиско Шевкала есть землица, словет Караушь. И толко тот князь станет с Шевкалом заодин,—ино Шевкала и с тѣмъ зберетца тысеч з 12; а государевы бы рати на него послать до 20,000.—Да черкасы ж говорили: не укрепя в Шевкалской землѣ в городкѣхъ государевых людей, итти на Шевкала ныне послом не мочно. Коли у государя город будет Шевкалской Тарки,—ино Шевкалскому не пробыті ни часу; а в городе Шевкалской не сядет ни часу, покинет его.

И казначѣй Иван Васильевич и дьяки Ондрѣй да Посникъ спрашивали черкас: есть ли которая иная дорога, чтоб послом итти не на Шевкала, а прежние б дороги прямѣе?

И черкасы сказали, что итти посломъ лутче на Аварского князя и провожатых надобно немного; а наперед бы послать к Аварскому ис Терского города со государскою грамотою, чтоб он прислал заклад. И толко дастъ Аварской закладъ,—ино туды дорога добрѣ добра: горъ мало и воды не велики и государевым ратнымъ людемъ, которые будут в провожанье, прокормитца будет мочно.—А они того чаютъ, что Аварской заклад дастъ; а толко закладу не дастъ,—ино мочно проводить и без закладу 1000 человѣкомъ с вогненым боем; а Алкас пойдет самъ проводить.—А ходу отъ Терки от Суншина городища до Шиха пѣшему 2 дни, а конному день. А Шевкал будет влѣве отъ Шиха з 2 дни; а сынъ Шевкалов Алкас мурза от Шиха не

далеко, толко онъ Шиху другъ и государю служитъ. А до Аварского от Шиха 3 ж дни; а от Аварского до Чорного князя з днище; а от Чорного князя до Иверские земли днищь з 10. И всего по той дороге ходу с 15 днищь.

И послы Грузинские говорили о Шевкалской посылке: то дѣло великое, надобет о томъ помыслить гораздо и послать бы на Шевкала болшая рать и мѣсто его занять и в городѣхъ его государевымъ людемъ сѣсти. А ныне бы нас государь отпустил на Аварского, чтоб намъ проити без крови; а рать бы государева и после их походу шли ис Терского города на Шевкала, чтоб государьскою милостью Шевкала государь угрозил, а дорога отворити и укрепити, чтоб вперед из Грузинские земли ко государю на Шевкала ходити.

И казначѣй и діаки говорили о посылке, чтоб ныне к Шевкалу послать грамота, чтоб он исправился; а не исправитца,—ино б на него тогды рать послать, а имъ бы итти на Аварского.

И послы говорили, что государь их Александръ царь для того государю бил челом в подданные, чтоб государь оборонил его от недруга его от Шевкальского; а толко ныне государевы рати на Шевкала не будет,—ино и вперед от Шевкала Грузинской землѣ не будет без войны. А Грузинская земля потому государю и била челомъ, в подданстве учинилася; а ни х Турскому, ни х Кизылбашскому не пристали за то, что б имъ быти отъ своихъ недруговъ оборонену государевою милостью.

И казначѣй и діаки говорили посломъ: сколко надобно рати на Шевкала,—и государева рать на Терке готова будет и на Шевкала.

И послы говорили, чтоб государь пожаловал, имъ велѣл итти на Аварского и проводити ихъ велѣл послати съ вогненнымъ боемъ до 1000 человѣкъ; а на Шевкала бы государь рать свою болшую ныне же послалъ и после ихъ, чтоб ему Александрову недружбу и кров крестьянскую отомстить и под свою царскую руку привести.

И казначѣй Иван Васильевич и діаки Ондрѣй да Посникъ сказывалі рѣчи их бояромъ, а з бояры вмѣсте допосили до государя.

И марта въ 22 день в недѣлю.... Иверские послы Каплан князь с товарыщи у государя были на отпуске..... А как вошли Иверские послы ко государю в полату,—и явил ихъ государю челом ударить казначѣй Иван Васильевич Траханиотовъ. И государь царь и великиі князь велѣл Иверским посломъ Каплану князю с товарыщи сѣсти; а, посидѣв мало, велѣл имъ государь діаку Ондрѣю Щелкалову говориті рѣчь. И по государеву приказу Ондрѣй говорил: в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. всеа Русиі сам-цъ и мн-хъ земель государь велѣл вамъ гово-

рити: присылалъ вас к нашему царскому величеству государь вашь Александръ царь з грамотою вмѣсте с нашими детми боярскими с Родивономъ Биркиным да с Петромъ с Пивовымъ, что Александръ царь з детми своими и со всею Иверскою землею перед нашими посланники передъ Родивономъ Биркинымъ да перед Петромъ Пивовымъ намъ правду учинил, на записи намъ крестъ целовал, что ему з детми своими и со всею Иверскою землею быти в нашемъ жалованье под нашею царскою рукою неотступну и нам служити и присылати к нам ежегод с своей земли Иверской по 50 камок золотныхъ да по 10 ковров золотныхъ;—а нам бы его держати под своею царскою рукою и во обороне ото всяких его недруговъ и дорога бы нам очистить и на Шевкала рать своя послать. И мы, Олександра царя жалуючи, грамоту его милостивно выслушали и его пожаловали, под свою руку взяли и оборонати его ото всяких его недругов воеводам своимъ Астараханскимъ и Терскимъ велѣли и рать свою на Шевкала послать ис Терского города велѣли и вперед дорогу очистить велѣли и жаловалную свою царскую грамоту з золотою печатью к Олександру царю, какъ ему быти в нашемъ жалованье подъ нашею царскою рукою, посылаем с своими послы з дворяниномъ нашимъ со княземъ Семеномъ Григорьевичемъ Звенигородцкимъ да з діакомъ с Торхомъ с Онтоновым. А что естя нашему царскому величеству от Олександра царя били челом, чтобы намъ послати учителных своихъ людей и иконописцов,—и мы к Олександру царю с послы своими учителных людей старцов и свещенников и иконописцов посылаемъ, и вас отпущаем с своими послы вмѣсте.—Да велѣл государь явити послов князя Семена и Торха. А после того звал государь Иверскихъ послов к руце. И подавал имъ государь в ковшѣхъ в золотых вина красные и меды. А ѣсти ихъ государь не звал; велѣлъ имъ сказати діаку Ондрѣю Щелкалову в стола мѣсто кормъ и отпустил ихъ на подворье. А с кормомъ посланы з дворца ключники и подключники.

А с Москвы пошли Грузинскіе послы апрѣля въ 18 день; а проводити ихъ послан до Коломны Темиръ Засѣцкой, (*гдѣ они должны были встрѣтиться съ русскими въ Грузію послами*).

7. 1588—1589 гг. Посольство отъ Шиха кн. Окуцкаго—Бойтава и отъ князя Алкаса—Асламбека съ товарищами.

(*Кабардинскія дѣла 1588 г. д. № 2*).

И лѣта 7097-го октября въ 20 день пріѣхали ко государю ц. и в. к. к Москве з грузинскими послами вмѣсте черкасы изъ Черкас

от Шиха князя Окуцкого племянникъ его Баитав да от Алкаса князя посол Асламбекъ с товарыщи,—всего их 7 человѣкъ.

И ноября въ 16 день ц. и в. к. велѣл тѣм черкасомъ быті в Посолской Полате у дьяка Ондрѣя Щелкалова и грамоты у них велѣл поиматі и их роспроситі: с чѣм оні ко государю ц. и в. к. пріішлі и что с нимі от их государей челобитье?—И того дни в Посолской Полате у дьяка у Ондрѣя Щелкалова Шиха князя Окуцкого племянникъ Боитав и Алкаса князя посол Асламбек с товарыщі были.

И отъ Шиха князя племянникъ его Байтав подал ко государю грамоту да из Астарохани от царевича Мурат Кирѣя подал ко государю грамоту. Да от царевича ж от Мурат Кирѣя подал грамоту к боярину и конюшему к Борису Ѳедоровичю Годунову.—А после грамот Шихов племянник Бойтав біл челомъ г. ц. и в. к., чтоб государь дядю его Шиха князя и весь его кабакъ пожаловал и держал под своею царскою рукою; а он государю рад служіт и со государевымі воеводамі с Терскимі на всякого государева недруга стоять хочет и гдѣ государь веліт ему итті на свою государеву службу и он готов на государеву службу, да и сына своего хочет ко государю послаті. А которые государевы посланникі ходилі в Иверскую землю Родіон Биркин и Петръ Пивов, и он государю служил же и посланниковъ государевыхъ Родівона и Петра в Иверскую землю и как назад шлі из Иверскіе землі,—и он их провожал. А государь бы его пожаловал, держал под своею царскою рукою и его обороняті велѣл от его недруговъ.—А отъ Олкаса князя посол его Асламбекъ біл челом государю, что государь его Асламбекъ царю и великому князю служіл и посланников государевыхъ Родівона Биркіна и Петра Півова провожал и впередъ государю хочет служіть. И государь бы его держал под своею царскою рукою и во обороне от его недругов, а он от государя отступен не будет до века.—А грамоты от Олкаса князя ко государю не было, а подал грамоту из Асторохани ко государю Мурат Кірѣя царевича.

Перевод с Ших мирзины грамоты.

Великому князю Ших мирза челомъ бьет. Холоп есмі твой; для тебя яз в Желѣзных Воротех много нужі терпѣлъ есми и саблю есми за тебя доводилъ. Толі наша вина: 500 человѣкъ было казаков и яз Ших мирза в головах, тобѣ служачі, Индили словет город и с тѣмъ 7 городов взяли есмя. А посылал есми к тебѣ племянника своего Ботая, а слуг с нимъ Керменемъ зовут да Ураком зовут да Алѣемъ зовут да Микинем зовут. Да есть городок, а от нас до него с полдница, и к нам онѣ не приложатца. И ты б с посломъ моим вмѣсте прислал

рать свою. Да есть здѣсь Аварской князь и он тобѣ служил же; да есть здѣсь Каракиш словет городок, а сами онѣ мусулманы, и тѣ тебѣ бьют же челомъ; да Алхасом зовут, Шавкалов сынъ, и тот тобѣ служіт. Да послал есми слугу своего в Грузи с вѣстью о послѣх твоіх, а самъ есми выѣхал встречать и взял есмі их к себѣ. И службы моей к тебѣ много, чтоб тебѣ служба моя вѣдома была, послал есмі к тебѣ племянника своего. А отец мой мнѣ приказывал: слово твое на головѣ держаті и тебѣ служіт, сколко твоей службы не будет, и нам служба твоя на головѣ держат; а колі отец мой жив был, и отец мой вам служил; а ныне и мы станем тебѣ служіт. А ныне у меня слуг моих 500 человѣк. А веліш гдѣ итти на свою службу,—и яз с тѣмі своимі слугамі готов. А и запас будет на Терку город понадобитца,—и яз стану и запас вазить. А которые на Терку воеводы,—и яз тѣм воеводам мед и вино, 10 овец и куры и ячмяню возил. А черкасы и Арысланбек со мною в недружбе; а для того онѣ со мною в недружбе, что яз тебѣ великому князю бѣлому царю служу.

Божіею милостію великому государю ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. и иных многіх крестьянскіх и мусюлманскіхъ земел государю прежней твой холоп Шихъ мурза Охухкой тебѣ, великому государю, до твоих государевыхъ ног много много челом бьет. Преж сего которые ваші государевы на Терке городы былі,—и в тѣ поры я с отцомъ своимъ с Ушарымъ мурзою тебѣ, государю, вѣрою и правдою служілі; и после того какъ вслѣл еси, государь, тѣ городы разориті,—и мы тогды с твоимі государевымі с Терскимі атаманы и казакі тебѣ, государю, служілі и твое государево имя выславляли и х Турскому и х Крымскому не приставал и имъ которые прямілі и тѣх с твоимі государевы казакі воевал. И какъ нынече прислал есі, государь, воеводу своего Михаила Ивановіча Бурцова с товарыщи на Терек города ставіт, прислал и я, свѣдав то, что твои государевы воеводы на Терекъ города ставіть пришлі; и я, тот часъ в тот новой город к твоим государевым воеводамъ пріѣхав, перед нимі тебѣ, государю, правду дал. И после того твои государевы воеводы посылали меня с твоим государевымъ дворянином с Павлом Ширяносовым твоих государевых послов Родівона и Петра з грузинскіми послы встречать за 10 днищ от нового города в Алкасов кабакъ. Да яж Шевкалова сына Алкаса и с людмі его к шерті прівел на том, что ему тебѣ, государю, служить и твоим государевым именем слыд и к Турскому и х Крымскому не приставать. Да и его с собою и с людми его твоих государевых послов Родивона и Петра встречать имал и их до Тюменского до нового

города проводили здорово. А к тебѣ, государю, с сею грамотою послал есмі племянника своего Батава саму-пятого.

Перевод с Мурат Кирѣевы царевичевы грамоты ко государю.

Многих земел и всего крестьянства великому г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. множество много челом бью, чтоб еси приятно учинил. Которых еси, государь, послал послов своих в Иверскую землю,—и тѣ, государь, послы твои ходили на Алкаса на Кабардынского; и Алхас, государь, их в Иверскую землю провожал. А какъ они назад шлі, и Альхас деи послалъ людей своих тѣх послов провожати, и тебѣ, государю, служил. И с тѣми с твоими послы послалъ к тебѣ ко государю своего человѣка Арсланбека; и вперед тебѣ, государю, хочет служить и сына своего хочет сюды въ Асторохань прислать. Государь, еси, чтоб его пожаловал и человѣка бы его, пожаловав, велѣл в Асторохань отпустіть. А Алхас тебѣ, государю, челом бьет, прислал кон. А печалованье мое то, чтобъ еси, государь, Алхаса пожаловал.

Перевод с Мурат Кирѣевы царевичевы грамоты къ боярину и х конюшему к Борису Ѳедоровічю.

Многих земель и всего хрестьянства великого г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. боярину и конюшему отцу моему Борису Федоровичю много много челомъ бью. И после челобитья—которыхъ послов.... (*одинакового содержанія съ грамотой къ царю*)... А ты б, отецъ мой Борис Ѳедорович, для меня государеву величеству об немъ печаловался.

И ноября въ дс ц. и в. к., выслушав переводов Черкаскіх, велѣл черкасом Шихову племяннику Байтаву и Алкасову послу Асламбеку с товарыщи быті у себя у государя на дворѣ. И того дні *) у г. ц. и в. к. черкасы Шихов племяннік Баитав и Алкасов посол Асламбек с товарыщі былі. А того дні былі у государя Сибирские землі Сеитяк князь да царевіч Уразмагмет Казацкие орды А государь сидѣл в Золотой в Подписной Полате в царском платье; а бояре в золотном платье, а в сѣнех дворяне и приказные люди были въ золотном же платье.—А явил их государю челом удариті казначѣй Иван Васильевіч Траханиотов.—И черкасы Шихов племянник Баитав и Алкасов посол Асламбек с товарыщи билі челом государю от Шиха и от Алкаса, чтоб государь их пожаловал, взял под свою царскую руку и во оборону от их недругов; а они государю учнут служить и по смерть свою со государевыми воеводами.—И ц. и в. к.

*) *Зачеркнуто*: ноября въ 21 день в четвергъ былі...

Шихова племянника и Алкасова посла звал х корошеванью. А после того жаловал государь Шіхова племянника и Алкасова посла шубами; да велѣл государь діяку Ондрѣю Щелкалову сказаті черкасом в стола мѣсто кормъ з дворца.

Черкасом дано государева жалованья:

Шиха князя племяннику Батую шубу бархат... лор на туревех...

Шиховым людем 3 человѣком указна (?) по сукну по доброму по 3 рублі ден.

Алкаса князя послу Асламбеку шубка адамашки камки.

2-м его товарыщем по сукну по доброму да по 2 рублі денег человѣку.

8. 1589 г. О пріѣздѣ отъ кн. Солоха и Савпука посланцовъ Букана и Лана.

(*Кабардинскія дѣла 1589 г. д. № 1.*)

Ѳевраля въ 22 день пріѣхали ко государю с царевичем с Мурат Кирѣем от Шолоха князя да от Савпука черкасы Букан да Лан. И Ѳевраля въ 23 день были у г. ц. и в. к. вмѣсте с царевичем с Мурат Кирѣем черкасы Букан да Лан и білі челом г. ц. и в. к. от Шолоха князя да от Савпука, чтоб государь их пожаловал, взял под свою царскую руку и во оборону от их недругов, а они государю учнут служиті и по смерть свою со государевыми воеводами.—И ц. и в. к. черкас Бикана да Лана звал х корошеванью. А после того жаловал государь Бикана шубою, а товарыщу его Лану велѣл государь дати свое государево жалованье указн....

9. 1589—1590 гг. О присылкѣ кн. Солохомъ, Канбулатомъ и Мамстрюкомъ ратныхъ людей на государеву службу въ „неметцкой походъ на Свейского короля“.

(*Кабардинскія дѣла 1589 г. д. № 1 и 2 и 1590 г.*)

От ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. в нашу отчину в Астарохань боярину нашему и воеводам князю Ѳедору Михаиловичю Троекурову с товарыщи да дьяку нашему Меншому Дюрбеневу. Помыслили есмя послать рать свою в неметцкой поход на Свѣйского короля; а у Кабардинских черкас взят бы нам у Шолоха князя брата или племянника, а

с ним бы ратных людей Шелох князь послал на конех и в пансырех и со всяким служебным нарядом с копьи о дву кон до 150 человѣкъ; да Канбалат бы и Мамстрюк князь Темрюковы послали з братом своимъ или с племянником с которым с мурзою с одним ратныхъ людей до 50 человѣкъ и грамоты к нім о ратных людех от нас послали есмя, чтоб они черкас прислали з двема мурзами до 200 человѣкъ черкас со всяким служебным нарядом на нашу службу. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчасъ тѣ грамоты послали на Терку к воеводам ко князю Ондрѣю Хворостинину с товарыщи дву сынов боярских, выбрав из жілцов из Астороханских, да с ними человѣка по 2 с сыном боярским из юртовских татар, чтоб им пріѣхать немешкая на Терку, и, розвѣдав на Терке про Канбулата князя Кабардинского и про Шелоха князя, гдѣ они будут, и вожей взяв с Терки, ѣхать им к ним хто которому князю послан будетъ с нашими грамотами... на Терку... отписали.... князю Ондрѣю с товарыщи против сее грамоты. И накажите тѣх детей боярских,..... пошлете, сами словом подлинно, чтоб они умѣли им словом выговорить Канбулату и Шолоху, хто х кому послан будет, чтоб Шолох прислал к нам на службу сына или брата или племянника, а с ним до 150 человѣкъ о дву кон лутчіх молодцов в доспѣхех со всяким служебным нарядом и с копьи,—а Канбулат бы и Мамстрюк прислал съ племянником с которым от обѣіх до 50 человѣкъ лутчіх молодцов в пансырех и со всѣм служебным нарядом о дву кон с копьи; тѣм бы нам службу свою и правду показали, людей своих прислали. Любо грамот нашіх не умѣют прочесті, которые от нас к ним посланы, и тѣ б дѣти боярские умѣли и словом выговорить. А з грамот с тѣх, каковы посланы Канбулату и к Мамстрюку и каковы к Шелоху, списки посланы к вамъ, чтобъ вамъ было в вѣдоме. А тѣ бы дѣти боярскіе им говорили, чтоб с ними вмѣсте и отпустили своих людей для нашие службы в Астарахань; а из Астарахани их отпустят полем к нашей украине и проводити ихъ пошлютъ, а иных черкас товарыщев их пошлют Волгою в судне сь іх рухлядью и з доспѣхі. А послал бы Канбулат и Шелох и Мамстрюк людей своихъ с племянникі своимі илі з братьею не мешкая, чтоб к осени поспѣть им до нашіе украины к Шатцкому, а на украине на нашей вы опочинув и выкормя лошади свои и поидут на Нѣмцы с нашими ратмі; а мы их пожалуем великім своимъ жалованьемъ. И тѣх бы ратных своіх людей Шелох князь и Канбулат князь и Мамстрюк князь братью свою и племянников и с нимі ратных людей прислали к вам в Астарахань однолично ранее, чтоб им

изъ Астарахани притті на нашу украину до заморозов к Шатцкому городу однолічно к Покрову. И как Канбулат князь и Шелох князь и Мамстрюк племянников своих или братью свою с ратными людми до 200 человѣкъ ратныхъ людей к вамъ в Астарахань пришлют,—и вы б тѣхъ мурзъ с ратными людьми к нам к Москве отпустили их полемъ конми к нашей украине к Шатцкому и на кормъ тѣмъ мурзамъ и ратным людем, кормъ им счетчі, велѣлі даті до украины и послалі их проводіті полемъ до Москвы сотника, а с нимъ казаков конных до 20 человѣкъ с пищалми, чтоб имъ от воров от казаков проѣхаті здорово до нашіе украины. А будет похотят из ніх которые черкасы ѣхать с рухлядью въ судне,—и вы б ихъ отпустили с рухлядью человѣкъ до 20 с пансырми и с служебною рухлядью в судне и гребцов имъ дал, чтоб имъ до заморозов поспешить до Нижнего. А промыслил бы есте нашим дѣлом на спѣх, чтоб однолично у нас на нынешнюю зиму черкасы на нашу службу были. А хто имянем мурзъ и что с ними людей пойдет, и вы б о томъ к намъ наперед отписали, чтоб намъ было в вѣдоме. Писан на Москвѣ лѣта 7097-го июл в 6 де.

Посланы в Казань з Григорьем с Микулинымъ.

Божиею милостию от в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца Шолоху князю Кабардинскому. Помыслили есмя послати сеѣ зимы на своего непослушника на Свѣйского короля рать свою, и ты б, Шолох князь, нашему царскому величеству правду и службу свою показал и на нашего непослушника на Свѣйского короля к нашему цар. вел. прислал брата своего или племянника, а с ним бы еси прислал к нам ратных своих людей лутчих о дву кон в пансырех до 150 человѣкъ. А были бы ранее в Асторохань, и из Асторохани ихъ отпустят полем к нашей украине к Шатцкому и проводить их пошлют наших людей казаков с пищалми; а иных людей их с рухлядью с служебною отпустят наши воеводы из Асторохани в судне. И кормъ твоимъ людем давать почнут из Асторохані. А отпустіл бы еси ихъ к нам ранее и намъ тѣмъ службу свою и правду показал, чтоб имъ доити до нашие украины до Шатцкого в осень о Покровѣ. И как к намъ твой брат или племянникъ с твоими ратными людми пріѣдет и наши царъские очи увидит и наше жалованье и на нашей службе в Неметцком походе будут и нам послужат и нашего непослушника Свѣйского короля извоюют,—и мы их, пожаловав своимъ великим жалованьем, к тебѣ отпустити велимъ рано на веснѣ и с полоном с немстцкимъ в судѣхъ и к тебѣ свое жалованье вперед учнем держаті без оскудѣнья. Писан на Москвѣ лѣта 7097-го июля мѣсяца.

Такая же грамата послана Канбулату князю да Мамстрюку князю Темрюкову. *Людей прислать до 50 человѣкъ. Дата таже. (Кабардин. дѣла 1589 г. № 2).*

Государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русіі холопи твои Ѳедорецъ Троекуров с товарыщы да Меншичекъ Дербенев челомъ бьютъ. Писал ты, государь, к намъ, холопем своим, с сотником с Салтаном Шестаковым сентября въ 8 де; да с нимъ же прислал ты, государь, к намъ двѣ грамоты одну к Солоху князю Кабардинскому, а другую х Канбулату князю да к Мамстрюку князю. А велѣл ты, государь, намъ, выбравъ из Астороханских жилцов дву сынов боярских да с ними человѣка по два юртовскихъ татар, послати на Терку, а с Терки б ѣхати им в Черкасы с твоими государевыми грамотами; и говорит бы им велѣти Черкаским князем, чтоб Солох князь прислал к тебѣ къ государю сына или брата или племянника, а с нимъ черкас до полутораста человѣкъ о дву кон лутчих молотцов, а Канъ-бы-булатъ и Мамстрюкъ прислали черкасъ с которымъ своим племянником от обѣих до пятидесят человѣкъ лутчих же молотцовъ в панцырех и со всѣмъ служебным нарядом о дву ж кон с копьи. Тѣмъ бы тебѣ, государю, службу свою и правду показали, людей своих прислали. А как к намъ в Астороханпришлют, і нам бы их отпустит к тебѣ къ государю.—І мы, холопи твои, по твоей государеве грамоте, выбрав из Астороханских жилцовъ двух сынов боярских, послали к Солоху Михаила Тарбѣева, а х Канбулату да к Мамстрюку Луку Уварова; и о всемъ имъ к Солоху и х Канбулату и к Мамстрюку приказывали против твоей государевы грамоты.—І после того писал ты, государь, к намъ, холопем своимъ, какъ Черкаские князи Солох и Канбулат и Мамстрюк к нам в Асторохан ратных людей пришлют,—и нам бы, холопемъ твоимъ, дати имъ твое государево жалованье—лутчимъ мурзамъ по шубе да по десяти рублев денег, а рядовым дати всѣмъ по дву рубля, и отпустити их из Асторохани назад к себѣ в Черкасы; а говорити черкасом, что ты, государь, к нимъ писал, чтоб они шли к тебѣ к государю для службы на Свѣйского короля, и ныне к нам от тебя, государя, указ пришел, что Свѣйской корол тебѣ, государю, добил челом і во всем перед тобою, государемъ, исправился и рат твоя государева на Свѣйского короля не будет, потому ты, государь, их пожаловал своим жалованьемъ и велѣл отпустити із Асторохани к себѣ назад в Черкасы.—И ноября, государь, въ 19 де приѣхал в Асторохан к нам, холопем твоимъ, ис Черкасъ Лука Уваровъ; а с нимъ ириѣхали Канбулатовъ сынъ, а Худенеков брат меншой, Акякъ да

двуродной брат его Ясень, Илванов сынъ, да уздени Шеманукъ, Худенеков сынъ, а Хотовов брат, да Таустан, Яньбелеков сынъ; а с ними приѣхало черкас 31 человѣкъ. А сказал намъ, холопем твоимъ, Лука: как де он приѣхал на Суншу, а на Сунше у Горячево Колодезя стоит Мамстрюк княз да Худенек мурза Канбулатов сынъ, а приѣхали де они на Суншу, проводив в горы твоих государевых послов князя Семена Звенигородцково да діяка Торха Онтонова; и он де им тут подал твою государеву грамоту и по наказу им о людех изговорил. И Мамстрюкъ деи и Худенек говорили: мы де государю служити и прямити во всем ради и ко государю братью свою с ратными людми пошлем; а про Канбулата сказали, что его не стало на зимѣ въ 97-м году. И, поговоря деи они меж себя, послали людей своих в Кабарду, чтоб горские князи с ратными людми приѣхали к ним на Суншу для твоего государева дѣла. И ждали деи они на Сунше горскихъ князей днеи з десят; и приѣхали де к нимъ на Суншу Янсохъ княз да Хотов да Казый Шепшюков да Ябузлукъ, Аидаров сынъ, да Исланбековы дѣти Чаполов да Янхотъ да Лванъ, а людей де с ними 500 человѣкъ. И имъ де учали говорить и твою государеву грамоту казат Мамстрюк князь да Худенек мурза: прислан де к нам государевъ посланник з государевою грамотою, а велѣл государь у нас просит братьи и племянников с ратными людми в Неметской походъ;—и мы де, Мамстрюк да Худенек, государю служити ради и братью свою с ратными людми ко государю отпустит хотимъ. Да в тѣ поры Худенек и послал в твой государевъ Тюменской город по брата своего по родново по Акяка; а жил де он в Тюменскомъ городе лѣто все. И сказал ему Лукѣ Худенек: как де брат мой приѣдет из Тюменского,—и яз де его с ратными людми тотчасъ ко государю отпущю. А Янсок де им сказал: яз де ѣду в Тюменской город для того, что де моя служба ко государю еще не бывала и яз де хочю государю правду и шерть дать в Тюменске государевым воеводам и сына своего в заклад дамъ; а къ государю де ѣхати ныне не испѣт, зима блиско. А се де к нам государевых грамот нѣтъ; и мы де послужим государю ныне здѣс, пойдемъ на Солоха князя. А будет де велитъ государь быти намъ к себѣ на весну,—и мы де на веснѣ пойдем рано со всѣми ратными людми. Да при нем де Лукѣ Янъсокъ в Тюменской город и поѣхал; а с нимъ де поѣхали в Тюменской Хатов княз да Казый княз да Мамстрюк, а хотят де у воевод просити твоих государевых людей и хотят итти на Солоха князя войною, для того что он твое государево жалованье взял, а послов твоихъ государевых князя Семена Звенигородцкого да дьяка Торха Онто-

нова в Грузи не провожал. А какъ, государь, Канбулатов сынъ Акяк да Ясенъ Илванов и уздени и черкасы в Асторохан с Лукою к намъ, холопем твоим, приѣхали, и мы, холопи твои, Канбулатову сыну Акяку да Илванову сыну Ясеню дали твоего государева жалованья по шубе по бѣлье да по хрептовой, да по шти рублев денег, да против четырех рублев человѣку по однорятке по червчатой с плетенки и з завясками да по шапке бурой; а узденем Шемануку да Таустану дали по два рубля денег, да по сукну да по шапке ханененой; а десяти человѣком черкасом по суконцу да по полутора рубля денег, а дватцати одному человѣку черкасом же дали по две зендени да по рублю денег человѣку. А дали, государь, имъ однорятки, шапки и сукна для того, что по здѣшному дѣлу то твое государево жалованье имъ честнѣе; а се приѣхали они немногими людми, и им бы, государь, вперед было для твоей государевы службы повадно ѣздити. Да на кормъ вышло денег и с тѣмъ, что им дано за лошади, кои у них пропали в дороге, и что дано имъ в дорогу—27 рублевъ с полтиною. И всего черкасом вышло денегъ и за однорятки и за зендени заплачено денгами ж и на кормъ и за лошади 113 рублевъ с полтиною.—А говорили мы, холопи твои, черкасом, что писал ты, государь, к намъ, холопем своим, чтоб они шли к тебѣ к государю для службы на Свѣйского короля;—и ныне к нам от тебя, государя, указ пришол, что Свѣйской корол тебѣ, государю, добил челом и во всѣмъ перед тобою, государемъ, исправился и рат твоя государева на Свѣйского короля не будетъ,—потому ты, государь, их пожаловал і велѣл ихъ отпустити из Асторохани в Черкасы. И мурзы, государь, черкаские Акяк да Ясен и уздени и черкасы на твоем государеве жалованье били челом; а говорили: государевы деи милости и жалованья к нам много, а мы де холопи всѣгды его государевы, гдѣ нам государь для своей службы на своих недругов быт коли ни велит, и мы де готовы. И отпустили, государь, мы их из Астороханѝ ноября въ 29 де.—Да Лука ж, государь, Уваров привез к нам ерлыкъ; а сказал: дал ему тот ерлык в Черкасех тезик Мамет Абыз бухарец, а шол де он от Мекн; і велѣл ему тот ерлыкъ отдати в Асторохани нам, холопем твоим. И мы, холопи твои, того ярлыка с переводу противен послали к тебѣ къ государю под сею грамотою.—А Михаило, государь, Тарбѣев от Солоха князя в Асторохан приѣхал же; а сказал, что Солоху твою государеву грамоту отдал и по наказу ему о сыне и о брате и о племяннике и о ратныхъ людех говорил. И Солох деі ему сказал: я бы де къ государю ратных людей послал да боюс от войны сам от своих недругов—от Янсоха з братьею. И ратных, государь, людей

Солох с Михайломъ в Асторохан не прислал. А каковы, государь, грамоты от Черкаских князей привез Лука ко мнѣ, Ѳедорцу,—и я тѣх грамот с переводов противни послал к тебѣ ж к государю.

На оборотѣ: Государю ц. и в. к. Ф. И. в. Русіі.—98-го генваря въ 17 день с Ильею в Жегулиным.

Государю нашему великому князю бѣлому царю всеа Русіи Канбулатовъ княжой сынъ Ачеканъ мурза челом бьетъ да Худаидов мурза челом бьетъ. Послали есмя Хакоку мурзу племянника своего к тебѣ на твою службу. Да Мамьсрукъ князь тебѣ, государю, челом бьет. Да Хакок же мурза в Тюменскомъ городе на твоей государеве службе год жил; а нынеча по твоей государеве грамоте с людми поѣхал к тебѣ ж на твою службу. А грузинских есми послов проводили. І ты б, государь, пожаловал Худаидова брата Хакоку мурзу к нам, не задержав, пожаловал отпустилъ. А моя голова передъ тобою. А здѣс тебѣ ж, государю, служим. А Хакоку мурзу в Тюменской город Урус Фермон паша не пропустил вборзе.

Боярину воеводе князю Федору от Янсока князя да от Казыя князя і от всѣхъ болших и менших от Черкаских князей с молітвою поклон; а после поклона слово то есть. Зима у нас была въ нашихъ мѣстехъ студено і аргумаки и кони либевы, и яз меншово брата хотѣлъ послати,—да не послал есми затѣмъ; а послали есмя Канбулатова сына княжово с людми. А один мой сын живет на службе у Терского воеводы и тобѣ б то вѣдомо было. Да яз же хочю послати на весну къ бѣлому князю для службы сына своего да племянника. Да брату нашему князю Борису с молитвою поклон приказав пошли. Там бы брат мой здоров был, а яз бы здѣсь здоровъ был. Хто тебѣ недругъ, тот и нам; а хто тебѣ другъ, тотъ і намъ другъ. А Мурат Кирѣеву царевичеву бы еси слову не вѣрил; а Мурат Кирѣй царевич нам недруг. А душа наша і живот у нас боярин, і чего у нас не похочет и мы не бороним; да его же есми вестовщик—что ни послышем, то прикажем.

Алпъ Кирѣя царя государьской сынъ Хондікяров с осмьюдесять тысячьми рати на старое Городище посылает. А Шакая царевича із Бестенея Казыева улуса люді в Ногаи с собою взяли. І Богъ дастъ із двух одново—любо Казы Гирѣя царя іли Алпъ Кирѣя царя. Хондікяръ с сыномъ с Шагзадою і з осмьюдесятъ тысячью ратью къ старому Городіщу ношлет; а Казы Гирѣй царь Литву ізвоевал, пришел. Так бы есте вѣдали. (*Кабардинскія дѣла 1590 г.*).

10. 1589 г. Отписки изъ Терека воеводы князя Андрея Хворостинина.

(*Кабардинскія дѣла 1589 г. д. № 3 и 5 и 1590 г.*).

98-го сентября въ 7 день такову грамоту привез князь Яков Шехонской:

Государю ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. холопи твои Ондрѣецъ Хворостининъ с товарыщи челом бьют. Здѣсе, государь, какъ пріѣхали мы, холопи твои, на Терек въ твой государев Тюменской острогъ,—і Михаило Бурцовъ да Келарь Протасьевъ дали нам роспись, что погромили Терскіе атаманы и казаки на рекѣ на Бряпце вещев Калского узденя Аплана Боранского; а на погроме взяли у них трех человѣкъ Келнагу да Казыбека да Албулата да с ними 45 лошадей да 3 седла да 3 саадака да саблю да шапку желѣзную да 9 лисицъ. И Шевкалской к намъ, холопем твоимъ, присылал узденя своего Якова Мышъяка бить челом тебѣ, государю, октября въ 30 де, чтоб его людей у казаков сыскатї і лошади ихъ и рухледь. І мы, холопи твои, по твоему государеву наказу, что ты велѣл съ Шевкалскимъ ссылатись, чтобы они были с нами в дружбе і тебѣ, государю, были подручны,—людей его у Терских атамановъ дву человѣкъ сыскали Келагу да Казыбека, а про третьево сказали казаки, что у них утек; а лошадей, государь, и рухледі казаки не отдалі. І тѣх, государь, Шевкалского людей мы, отпустили к нему.—І ноября, государь, въ 6 де присылал к нам холопем твоимъ, Тюменской князь Салтанѣй узденя своего Арая бити челомъ тебѣ, государю, что поималі его людей на звериной ловле Терскіе волные казаки трех человѣкъ, а иные утекли на погроме; а рухледи дсі, государь, у них взяли 4 пищали да сорок лисицъ да котлы і платье.—І мы, холопи твоі, потомуже у казаков Тюменского дву человѣкъ сыскали і отпустили к нему, а третей у них утекъ, а рухледи, государь, ручницъ и лисицъ і иной всякой рухледи казаки не отдали и к нам не поѣхали.

98-го сентября въ 7 день такову грамоту привез князь Яков Шехонской:

Государю ц. и в. к. Ф. И. в. Р. холопи твои Ондрѣецъ Хворостининъ с товарыщи челом бьют. В нынешнем, государь, въ 97-мъ году генваря въ 25 день посылали мы, холопи твои, для твоего государева дѣла в Тюмень к Салтанею князю твоих государевых людей жилецких казаков Одинца Кобякова да Якова Поротикова с товарыщи, да с ними Астараханского толмача Юшка Ѳедорова. И февраля, го-

сударь, въ 10 де тѣ казаки из Тюмени пришли; а сказали, пришед, что толмач Юшко Ѳедоров ис Тюмени побежал в горские Черкасы въ Ерпели. И Салтаней с ними писал к нам, холопемъ твоим, что у того толмача въ Ерпелех жена и дѣти, и нам бы к нему прислати твоихъ государевыхъ людей, а ему было того толмача с твоими государевыми людми добыти; и сам Салтаней к нам с ним хотѣл быти. И мы, холопи твои, к Салтанею для толмача твоих государевых людей посылали Астараханского казачья сотника Матвѣя Нагирина да Казанского стрелетцкого сотника Данила Староселского да сына боярского Василья Созонова для закладу, любо Салтаней без закладу не поѣдет; а с ними стрелцовъ и казаков. И как, государь, сотникъ Матвѣй Нагиринъ к Салтанею пришол, и Салтаней для толмача въ Ерпели не поѣхал; а отписал к нам, что поити ему въ Ерпели и ему государевых людей не прокормити; и сам к нам Салтаней не поѣхал.— А вестей, государь, сказал Салтаней Матвѣю Нагирину, что прислал к нему Крымской царь гонца; а писал к ним ко всѣм в горы: про што от него отложилися, а хотят служить государю Московскому? Да к нему де к Салтанею Крымской царь писал: будет ты хочеш служити государю Московскому,—и ты служи; а мнѣ государь Московской не недругъ.—А как де, государь, был Крымской гонецъ у них, и в тѣ поры де у Салтанея съѣздъ был с Шевкаломъ и со всѣми черкасы. И приезжал к намъ, холопемъ твоим, Ших мурза; а сказывал, что для того у Тюменского съѣздъ былъ: как были твои государевы люди у него въ Тюмени,—и они хотѣли их побить; и отговорил де, государь, им то Мамстрюков человѣкъ Отлан, что не пригодитца государевых людей побить. Побивати вам государевых людей, самим вам как прожить от государевыхъ людей? В Тюменском государеве городе многие государевы люди.....

98-го сентября в 7 день такову грамоту с Терки привез князь Яков Шехонской:

Государю ц. и в. к. Ф. И. в. Р. холопи твои Ондрѣецъ Хворостинин с товарыщи челом бьют. Писал еси, государь, к нам, холопем своим, в своей государеве грамоте и в наказе о черкасех, чтоб имъ быти под твоею царьскою рукою и тебѣ, государю, служити. И как, государь, Мамстрюк князь и Куденек мурза ехали от тебя, государя, и мы, холопи твои, говорили им по твоей государеве грамоте и по наказу, чтоб были от твоего государева жалованья неотступны и тебѣ, государю, служили. И они нам, холопем твоим, сказали, что они тебѣ, государю, служити хотят; а как де будем у себя в Кабардѣ,— и мы де со всѣми Кабардинскими черкасы, которые похотят госу-

дарю слу́жит, переговорим—как нам быти под государевою рукою и государю служити; а переговоря тотчас будем въ государевъ в новой Терской город к вам и договоримся с вами о всем. И мы, холопи твои, положа с ними на том слове, отпустили; и они к нам, холопем твоим, не бывали февраля по 20 день и людей своих не присылывали, зачѣм не ѣдут. И мы, холопи твои, посылали к ним сотника стрелетцкого Микиту Зиновьева и писали к ним в Кабарду к Мамстрюку князю и к Очекану и х Куденеку: зачем к нам не ѣдут? И маия, государь, въ 31 де приѣхали к нам, холопем твоим, Мамстрюк князь да Хотов да Очекан князь да Куденек мирза Канбулатовы дѣти. А сказали, приѣхав, нам, холопем твоим, что они не ѣхали затѣм, что у них Канбулата князя не стало и у них де, государь, промеж ими смута была великая врос княжья. А на княженье деи, государь, ещо не посадили никово; а сказывают, что нынешней год владѣти у них Канбулатовым дѣтем. А как год минет Канбулату, ино де, государь, быти у них на княженье Осланбеку князю; а ведетца де, государь, у них так, что на княженье сажают рядом, а ныне де ряд Осланбеков пришол.—А вестей, государь, сказали, что Турской царь Крымского царя велѣл убити, а на Крыму иново посадити; а того имянно не вѣдают, кого посадить. Да был де, государь, в Кабарде Крымской царевич Ишкай, а жил у Сланбека; а как де, государь, заслышалъ, что царя на Крыму нѣтъ,—и он де поѣхал в Крым. А от Турского, государь, тихо июня по 1 день; а воюютца, сказывают, ныне Турской с Кизылбашским. Да здѣсь, государь, Мамстрюк князь и Хотов да Очекан и Куденек з братьею Канбулатовы дѣти с нами, холопи твоими, договорилися, что им тебѣ, государю, служити, к нам в Терской город для твоих государевых дѣл приезжати и с вестьми присылати и иных черкас под твою государеву руку приводити, а х Турскому и х Крымскому и к Шевкалскому не приставати, а о всемъ быти по твоему государеву наказу, и заклады им, государь, в Терском городе держати по перемѣнам братью и племянников. А тот, государь, Хотов в Кабардѣ именитой человѣкъ, все Кабардинские князи и мурзы и узденi слушают ево во всем и на княженье на болшое у них без нево посадить никово нельзя; и Мамстрюк, государь, и Очеканъ и Куденек добре ево чтят перед собою. И он с нами, холопи твоими, о всем договорился потому ж, что ему тебѣ, государю, служити и сына в заклад прислать; а договор таков положил, что ему Осланбека князя з братьею и з племянники и Шолоха князя с сыномъ и всѣх черкас привести под твою государеву руку. А как де, государь, ѣхал он к нам, холопем твоим,—и ему говорили Осланбек и Шолох и иные черка-

сы, чтоб им быти под твоею государевою рукою; а какъ де вы приѣдете из Терского города от воевод и договор свой нам скажете, какъ договорилися, — и мы деи тотчас поѣдем к воеводам и потому ж договоримся и заклады дадим дѣтей своих. И мы, холопи твои, и о томъ говорили..... буде не похочет быти Ослан-бек князь подъ твоею государевою рукою, ино б ево и на княженье не сажати до твоего государева указу. И он нам, холопем твоим, сказал, что однолично ихъ приведет под твою государеву руку.—Да били челом тебѣ, государю, Мамстрюк князь да Хотов да Канбулатовы дѣти Очекан и Куденек з братьею, чтоб отпустити их людей к тебѣ ко государю. И мы, холопи твои, отпустили к тебѣ, к государю, Мамстрюкова человѣка Тоиполова да Хотова человѣка Нагокчема да Очеканова да Куденикова человѣка Таимолука.—А Шевкалской, государь, и Тюменской князь и Кумыцкой и ни которые горские черкасы к нам, холопем твоим, в Терской город июня по 3 день не бывали; и торговые люди ни по которых мѣстъ с торгом не бывали ж.

Такова грамота прислана со княземъ Яковом Шехонским 98-го сентября въ 7 день.

Государю ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. холопи твои Ондрѣевецъ Хворостинин с товарыщи челомъ бьют. Писали мы, холопи твои, к тебѣ ко государю о Кабардинских черкасех, что приезжали к нам, холопемъ твоимъ, Мамъстрюкъ да Хотов да Канбулатовы дѣти Очеканъ да Кудинек да Аикяга и их узденi лутчие для твоего государева дѣла о договоре, как им быти под твоею государевою рукою і тебѣ, государю, служити. И мы, холопи твоі, по твоему государеву наказу с ними о томъ договорилися и к шерти привели Очекана да Куденека да Аикягу Канбулатовых детей да Хотово да узденей іх 46 человѣк іюня въ 2 день, что имъ тебѣ, государю, служити и Кабардинских черкас привести под твою государеву руку Ослапбека князя і Шолоха з детми і з братьею и с племянники и всѣх черкас, а к Турскому им и х Крымскому и к Шевкалскому не приставати, і о всяких о твоих государевыхъ дѣлех к намъ, холопемъ твоим, в Терской город приезжати і с вѣстмі людей своих присылати и на недруга на твоего государева па всякого с нами стояти заодин. А приведчи их, государь, к шерти, заклад взяли Канбулатова сына Аисягу; а быти ему у нас до осени, а осеневать и зимовати в Терскомъ городе Мамъстрюку. А Мамстрюк оставил узденя своего лутчего Аталыка Елтюку. А Хотовъ пришлет сына своего Адарука. І мы, холопи твои, жалованье имъ твое государево далі и ихъ узденем, а пожаловав отпустили их к себѣ; а что дано твоего государева жалованья сукон и денег, — и мы,

холопи твои, тому роспись послалі к тебѣ ко государю. А для того, государь, давали имъ твое государево жалованье, чтоб иные земли, на то смотря, приложилися к твоему к государеву к Терскому городу.—Да іюня, государь, въ 9 де приезжал к намъ, холопемъ твоимъ, ис Кумыкъ Доманук Темрюков сын от Шевкала князя; а говорил намъ, холопем твоимъ: присылал деи к Шевкалу із Дербени Турской паша чоуша того провѣдаті: Турскому ли Шевкалъ хочет служити илі Московскому? И Шевкалъ деі отказал, что не хочет служити ни Турскому, ни Московскому, а хочет жити о себѣ; а к вам де приказал Шевкал, что хочетъ онъ быти под государевою рукою.—Да Доманук же намъ, холопем твоимъ, сказывал, что приказывал с нимъ Шевкалъ, а велѣл провѣдати: быти ли государеву городу вперед на Терке? Не будет ли ему поокидки? І мы, холопи твои, ему сказали, что государь в которых землях городы ни ставит, тутъ не мечет.—А к Шевкалу мы, холопи твоі, писали і словомъ з Доманукомъ приказывали, чтоб прислалъ сына своего или узденя своего лутчего, с кѣмъ договоритца, какъ ему быти под твоею государевою царьскою рукою. А какъ, государь, Шевкал пришлет сына своего или узденя лутчего и договор учинит и вѣру дастъ,—и мы, холопи твои, о том тебѣ, государю, вѣдомо учиним.—А Доманука, государь, привели ж к шерти, что ему тебѣ, государю, служити, а к Турскому и х Крымскому не приставати і детей своих в Кабарду послати в свой кабак; а самъ хочет жо ѣхати к себѣ в Кабарду, устроясь, что со всѣм житьем живет в Кумыках. А приведчи его к вѣре і жалованье твое государево ему дали.—Да здѣсе, государь, ставитца поруха великая твоему государеву дѣлу в толмачѣх, что послати в Шевкалы и в Грузи и в Тюмень и в Черкасы и в иные земли нѣково, толмачей нѣтъ. А прислали к нам изъ Астарахани толмачей полонениковъ, которому год минул, какъ вышелъ ис полону, а иному и нѣт году. І мы, холопи твои, тѣх толмачей посылати не смѣем. Преж того прислали к намъ із Астарахани такова ж толмача Юшка Ѳедорова полоненика же; і мы посылали его для твоего государева дѣла в Тюмень к Салтанѣю князю. И тот толмач ис Тюмени побежал въ Ерпели; и мы о томъ к тебѣ ко государю писали.—Да здѣсе, государь, Мамстрюк да Хотовъ да Канбулатовы дѣти Ачекапъ да Куденекъ говорили нам, что имъ к намъ черкас неименитых приводити к шерті далече; і намъ бы послатї на Суншу на старое Городище твоего государева дворенина, кому их к шерти приводитї. І мы, холопи твоі, послали Олексѣя, Тимоѳѣева сына, Петрова да с нимъ сотника стрелецкого с стрелцы і с казаки.—Да Мамстрюк же, государь, да Хотов да Канбулатовы дѣти

Очеканъ да Куденекъ привозили к намъ, холопемъ твоим, тамгу с Кумыцкихъ людей и с Нагайских; а имали, сказывают, на Сунше на перевозе. А тамги, государь, два коня да кобыла да обрѣски таѳты и зендени. І мы, холопи твоі, не взяли.—А преж тово прислалъ Мамстрюкъ жо да Канбулатовы дѣти Очеканъ да Куденекъ с Канбулатовым же сыном с Аикягою тамгу с Кумыцких жо людей,—і мы, холопи твои, о томъ писали к тебѣ ко государю и роспись послали, что тамги привез.—А у нас, холопей твоих, о томъ в твоем государеве наказе не указано; а написано, что не велено имать пошлинъ с торговых людей, которые учнут приезжати в твой государевъ Терской город. И к намъ, государь, в Терской город Нагайские і Кумыцкие люди не приезжают; а ѣздятъ, государь, Нагаи в Кумыки торговати, а Кумыки в Нагаи. И тѣх, государь, Нагаевъ Казыева улусу, которые с Кумыки торгуют, Терские казаки, которые остались на Терке, громят; а мы, холопи твои, о томъ Терскимъ казакомъ заказали накрепко, чтоб по перевозом никаких людей не громили. І ты намъ, холопемъ своимъ, о томъ свой государевъ указ учини.—Да здѣсе, государь, написано у насъ у холопей твоих в твоемъ государеве наказе, что велено нам грамоты которые к тебѣ ко государю о Терских дѣлех, посылати в Астарахань; и в Астарахани, государь, твоимъ государевымъ грамотам мотчанье великое: коли будут из Астарахани к тебѣ ко государю какие дѣла, тож и наши грамоты пошлютъ к тебѣ ко государю. И намъ бы, холопемъ твоим, в том от тебя, государя, в опале не быти, что отъ нас вскоре к тебѣ ко государю ни о которых твоих государевых Терских дѣлехъ вѣдома не будет.—А с сѣми грамотами послали к тебѣ ко государю пятидесятника казачья Ульяна Уракова июня в де. А преж тово послали к тебѣ ко государю грамоты о всяких о твоихъ государевых Терских дѣлех с Астараханскою конною станицею съ казаком з Богдашкомъ Сергѣевымъ ѳвраля въ 24 де. Да послали мы, холопи твои, с конною ж станицою сь юртовскими татары с Курмышем да сь Елтуганомъ грамоты ж марта въ 27 де. И тѣ, государь, грамоты из Астарахани твой государев боярин и воевода князь Ѳедоръ Михаилович Троекуровъ с товарыщи послали к тебѣ ко государю с конною станицею с Степаном с Шестаковым; и тоѣ, государь, станицу Нагайские люди погромили и побили. И мы, холопи твои, послалі к тебѣ ко государю со всякими твоими государевыми Терскими дѣлы, что было напередъ ссво послано, і з городовымъ дѣломъ и со всякими иными здѣшними дѣлы князя Якова Шехонсково маия въ 7 де.

Государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Руси холопи твои Ондрѣец Хворостинин с товарищы челом бьет. Велѣл еси, государь, нам, холопем своим, быти на Тер..; по своему государеву наказу, поставя город, велѣл нам обослатися с Щевкалским и с Тюменскимъ со всѣми горскими черкасы и с Нагаи. И мы, холопи твои, по твоему государеву наказу с приѣзду и поставя город к Щевкалскому и к Тюменскому и к горским черкасом и к Нагаем писали (по) твоему государеву наказу и твоих государевых людей посылали мъногижда, чтоб тебѣ, государю, служили и были под твоею государевою рукою. И Щевкалской к нам, холопем твоим, послов своих и торговых людей присылает маненьемъ; и болшой торгъ что орѣхи да яблока. А пишот, государь, к нам, что тебѣ, государю, хочет служити, а все манит вперед; от него ни которого добра нѣчего ждать. А мы, холопи твои, дѣлаем по твоему государеву наказу. Как мы пришли на Терку,—и в тѣ поры погромили волные казаки Щевкаловых людей; и Щевкал присылал бити челом о сыску. И мы, холопи твои, ево людей у казаков сыскали и к нему отослали и вперед ево людей волным казаком громити не велѣли; а чаючи от него исправленья к тебѣ ко государю. И Щевкал, государь, к нам, холопем твоим, по нынешней 98-й год сентября по 25 ден сына к нам, ни уздеией лутчих не присылывал; а присылает, государь, все з бездѣлием высматривати города да провѣдывати людей. А Тюменской, государь, ѳевраля от двадцатого числа въ Терской город не присылывал и ни о чем не писывал. А Нагаи не бывали же.—Да сего лѣта, государь, погромили волные казаки на Терке Кумыцких людей; а на том погроме взяли нагаетина Казыева улусу Натаром зовут Сигилдѣев. И мы, холопи твои, того нагаетина у казаков взяли; а, взяв ево, писали въ Нагаи въ Казыев улус ко всѣм мурзам по твоему государеву наказу и с тою грамотою отпустили того нагайского мужика для того, чтоб им вѣсно было про твой государев Терской город, чтоб приежжали кочеват на Терку безстрашно. Да в твоемъ ж государеве наказе у нас написано: будет Щевкал и Тюменской не станут в Терской город приежжати,—и нам их не задирати ничѣм. И мы, холопи твои, по твоему государеву наказу с Щевкалским и с Тюменскимъ и з горскими черкасы посямѣста не задиралися.—А ныне писал еси, государь, к нам, холопем своим, со князем Семеном Звенигородцким да з дияком с Торхом с Онтоновым; а велѣл к нему послати грамоту с тоѣ грамоты, которую ты, государь, прислал на перевод. И мы, холопи твои, отпустя твоих государевых послов, и с тоѣ грамоты велѣли перевесть переводчику Семену и, нарядя станицу из жи-

лецкихъ казаковъ, послали с тою грамотою к Щевкалу сентября въ 20 день.—Да в твоей ж государеве грамоте написано, что велѣно Щевкала позадирати, будет тоѣ грамоты не послушаетъ. А велѣл еси, государь, быти на Терке из Астороxани двема головам Воину Оничкову да Василью Онучину, а с ними стрелцов и казаков 800 человѣкъ; и твой государев боярин князь Ѳедор Троекуров прислал не сполна—з двема головами на Терку 600 человѣкъ, а дву сот человѣкъ не дослал. А которые, государь, люди на Терке твои государевы,—и тѣ, государь, многие люди для твоих государевых послов в росходе. А се писал к нам с Суншы Солох и Алкас и князь Семен к нам приказывал, а били челом тебѣ, государю, чтоб на Щевкала рати не ускорити послати, а Щевкал де на сей осени пошлет к тебѣ ко государю бити челом посла своего. И мы, холопи твои, того от Щевкала поджидаем, что от него будет отвѣстье против твоеѣ государевы грамоты; а твои государевы люди в тѣ поры послов проводят и з перевозов зберутца. А будет, государь, Щевкал не учнет бити челом тебѣ, государю, сына к нам или узденей лутчих не пришлетъ,—и мы, холопи твои, станем над ним промышлят по твоему государеву наказу.

На оборотѣ: Государю ц. и в. к. Ѳ. И. в. Русиі.—98-го ноября въ 22 день с Иваном с Петровым. (*Кабард. дѣла 1589 г. д. № 5*).

Государю ц. в. к. Ѳ. И. в. Р. холопи твои Ондрѣецъ Хворостининъ съ товарищы челом бьет. В прошлом, государь, 97-мъ году писали мы, холопи твои, къ тебѣ ко государю про Кабардинскихъ черкасъ, которые приложилися подъ твою государеву царскую руку и шерть дали, Хотов Авзаруков да Канбулатовы дѣти Отчекан да Куденекъ да Икяга да Мамстрюк да Доманук Темрюковы дѣти да Ших мурза Окоцкой, а с ними многие уздени; а, приветчи к шерти, их твоим государевымъ жалованьем пожаловали, а пожаловав заклад у у них взяли Канбулатова сына Аикягу, а с нимъ узденей ево 8 человѣкъ. И о том укрепили Хотова с товарищы, что ему вся Кабарда привести под твою государеву руку Асланбеков род вес и иных черкас и на княженье на болшое без твоего государева указу никого не посадит; а преж того к тебѣ, государю, о том писано. А с Шихом укрепилися потому ж, что ему Уварского князя и брата ево Черного князя привести под твою государеву руку; а упросили сроку до осени, покамѣстъ хлѣб с пол попрячут, а попрятав хлѣб, тотчасъ в Терской город будут. И как, государь, тот срок пришол, что им быти въ Терской город,—и мы, холопи твои, послали твоего государева

толмача Ивана Тварогова да с ним дьячка в Кабарду к Хотову с товарищы, чтоб с тѣми черкасы ѣхали к нам, холопем твоим, укреплятися и заклады б дали, о которых договор с нами учинили и правду дали. К Уварскому князю и к Черному писали же с Шихом мурзою, чтоб ѣхали укреплятися и заклады привели. И те, государь, Кабардинские черкасы по нашей грамотѣ поѣхали были к нам в Терской город, а Черного, государь, князя сын поѣхал Келея да Уварского князя уздени лутчие о договоре. А стали на Сунше у головы у Василья у Онучина; а велѣли собя Василью обослати в Терской город. И в тѣ поры, государь, пришли в Терской город твои государевы Грузинские послы князь Семен Звенигородцкой да діякъ Торх Антонов; а с ними написано к нам, холопем твоим, въ твоей государевѣ грамотѣ, а велено нам отписати к черкасом,—чтоб твоих государевых послов проводили до Грузинские земли. И мы, холопи твои, по твоей государеве грамоте писали на Суншу к казачье головѣ к Василью к Онучину, чтоб черкасы, проводя послов, к нам ѣхали въ Терской город. И тѣ, государь, Кабардинские черкасы Хотов с товарищы и Черного князя сын и Уварского князя уздени и Шихъ мурза твоих государевых послов проводили; а проводя приѣхали на Суншу. И октября, государь, въ 14 день приѣхали к нам с Сунши с казацкою головою с Васильем с Онучиным Кабардинские черкасы Осланбеков брат Янсох князь, да Хотов, да Асланбеков же сынъ Янхот мурза, да Мамстрюк, да брат ево Бетемрюк, да Елбузлук мурза; а с ними уз . . . . азали приѣхав Хотов, что приѣхали онѣ укреплятися по прежнему договору и о том бити челом тебѣ, государю, что онѣ изобрали на болшое княженье Осланбекова брата Янсоха. И государь де нас как пожалует? А которые иные князи и мурзы Черкаские,— и тѣ де ныне збираютца на Суншѣ с воинскими людми на твоих государевых непослушников, которые тебѣ, государю, не хотят служити; и вы б де государевых людей дали на помоч. И мы, холопи твои, по их челобитью велѣли быти на княженье Осланбекову брату Янсоху и къ шерти привели и брата ево Янхота мурзу и Бетемрюка и их узденей; а Янсох князь шерть дал за всю свою Кабарду. А приветчи, государь, къ шерти, поговорили о твоем государеве жалованье, что болшому князю Янсоху дати нѣчево, сукон твоих государевых в казнѣ нѣт.—А ныне ево вся Кабарда слушает; а служити тебѣ, государю, хочет правдою. А Хотов у них имянитой человѣкъ, без ево вѣдома никому ничево не здѣлати и служба его к тебѣ ко государю великая. И на твоих государевых непослушников хотят сами ходити и братью и детей на них посылати и под твою государеву руку приводити. А

поговоря, государь, о том, приговорили, Янсоху князю дали твое государево жалованье шубу бархат бурской на куницах, что прислано от тебя, государя, Шолохову сыну ....хашу мурзѣ; а Хотову шубу ж Вабакову, для того что Солох твое государево жалованье взял на Сунше у князя Семена Звенигородцкого, а твоих государевых послов проводит не пошол. А заклад дал оманом узденя своего Бикана, которой был от него у тебя, государя, в челобитчиках; а дав приказал ему з дороги побѣжати. И о том преже сего к тебе ко государю писано. А сын ево Алкас и племянник Бак к нам в Терской город укреплятися не ѣдут и твоих государевых послов провожат не пошли. Да того жь, государь, числа приѣхали к нам с Сунши Ших мурза, а с ними приѣхал Черного князя сын Келея да Уварского князя два узденя, которые ходили провожат твоих государевых послов. И мы, холопи твои, Черного князя сына к шерти привели на том, что отцу ево и ему въ Терском городе быти и заклад дати и жалованье твое государево взяти, что прислано от тебя, государя, и тебѣ, государю, служити и заклад дати. А приветчи ево к шерти, жалованье твое государево дали Келее. А что, государь, мурзам и узденем твоего государева жалованья дано сукон и денегъ и зенденей и м..... тому роспис посл..... говорятца как им быти под твоею государевою рукою. А Алкас, государь, Щевкалов сын, которой жил с Шихом, не бывал; а живет в Щевкалех у брата. А как, государь, которые князи и мурзы или которые черкасы будут в Терской город и с нами договорятца..... государь изв.....ти и жалованье твое государево да..... Янсоху князю прислати сына своего в заклад со Ма.... мурзу; а доколе пришлет сына въ заклад и до тех мѣстъ быти в закладе Мамстрюку. И мы, холопи твои, Янсоха князя с товарищы отпустили, а в закладе оставили Мамстрюка. А Канбулатова, государь, сына Аикягу отпустили, что лѣтовал в закладе, и жалованье твое государево ему дали.—А по Черного, государ, князя сыновей, по Уварского узденех ручался Ших мурза, что Уварскому князю и Черному в Терской город.....

На оборотѣ: Государю ц. в. к. Ѳ. И. в. Русіі.

98 го марта въ 22 день с вожом с Митею с Симовским.

(*Кабардинскія дѣла 1590 г.*).

11. 1589 г. Посольство въ Москву отъ Черкасскихъ князей Худенека мурзы, кн. Мамстрюка и Куту мурзы.

(*Кабардинскія дѣла 1589 г. д. № 4.*)

Государю ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. холопи твои Ѳедорецъ Троекуровъ с товарыщы да Меншичекъ Дюрбеневъ челом бьют. Писали, государь, к нам, холопемъ твоимъ, с Терка твои государевы воеводы князей Ондрѣй Хворостинин с товарыщы, что послали к тебѣ къ государю Худенек мурза да Мамъстрюк князь да Куту мурза пословъ своих,—Худенек мурзинъ посол Таиса, Мамъстрюков посол казначѣй Мустаѳа, Куту мурзинъ посол Нотукъ нагай; и прислалі их воеводы с Терка к нам, холопемъ твоимъ, в Асторохань, а намъ бы их отпустіті в Казань, а ис Казани к тебѣ, к государю. И мы, холопи твои, тѣхъ черкас послалі в Казань к твоему государеву боярину и воеводамъ ко князю Ѳедору Дмитреевичю Шестунову да к воеводе и думному дворенину к Игнатью Петровичю Татищеву и к дьяком з головою стрелецкою з Григорьемъ Елагинымъ,—и об нихъ писали, чтоб они тѣхъ черкаскихъ пословъ отпустили к тебѣ къ государю, с кѣмъ будет пригоже.

На оборотѣ: Государю ц. и в. к. Ѳ. И. в. Русіи.

98-го октября въ 20 де с Ондрѣем с Слузовым.

Государю ц. и в. к. Ф. И. в. Р. колопи твои государевы, горские Черкаские князи Ачекан князь да Куденет мурза да Хака мурза, княж Булатовы дѣті, да Мастрюк князь Темрюков да наш почтеной человѣкъ Хотов Анзовуров челом бьют. Да(й Го)споди, ты, государь царь, здоров был на многие лѣта! А отца нашего Канбулата князя в наших Кабардах в нынѣшнем 97-м году в животѣ не стало. А нынѣ мы, холопи твои государевы, остались после отца своего Канбулата князя и от тобя, государя царя, мы, холопи твои, безотступны до своей смерти, и хотим тобѣ же, царю государю, служитi, как отецъ наш тобѣ, царю государю, при своем животѣ прямил и служил; а я, Мамстрюк князь, и Хотов Анзовуров также хотим тобѣ, царю государю, прямить и служить до своей же смерти заодин с ними же вмѣсте. И нынѣ твой государевъ воевода князь Ондрѣй Иванович Хворостинин с товарищы по твоему государеву наказу на Тюмени город поставили крѣпко и хорош. И как государь зима пристанет,—и ты б, государь царь, дал нам своих государевых воинских людей стрелцов и казаков; а воевати твоих государевых непослушников

черкас, которые тобѣ, государю, не прямят и не служат, и кумычан, которые тобѣ, государю, не прямят же. И мы, холопи твои государевы, послали от себя къ тобѣ ко государю к Москве о своих нужах бити челом своих лутчих узденей трех человѣкъ—Ачеканов уздень Аисов, а Мастрюков уздень Мустопар, а Хотов уздень Ногокъ.

На оборотѣ: Государю ц. и в. к. Ф. И. в. Русіи.

12. 1589—1590 гг. Посольство въ Грузію кн. Семена Звенигородскаго, діака Торха Антонова, Троицы Сергіева монастыря соборнаго старца Заххѣя и другихъ.

(Грузин. стат. списокъ № 1 лл. 103—383. Грузинскія дѣла: а) 1589 г. апрѣля 23—1591 г.—стат. списокъ кн. Сем. Звенигородскаго; б) д. 1590 г. сентября 21—мая 1591 г.).

(7097 г.) апрѣля въ 23 день государь царь и великиі князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русиі отпустил в Грузинскую землю к Иверскому Олександру царю в послѣхъ князя Семена Звенигородцкого да діака Торха Онтонова, а с ними учителныхъ людей Троицы Сергиева монастыря соборного старца бывшего казначѣя Заххѣю да свещенника чорново Иосаѳа да Чюдова монастыря діякона Ѳеодосья да соборных свещенников Пречистенского свещенника Богдана да Арханилского свещенника Дмитреа да дьякона Ѳедора, иконников.

А се отпускъ в Грузинскую землю князя Семена Звенигородцкого да дьяка Торха Онтонова.

На пріемь посль поклона отъ царя велѣно подати от государя Олександру царю грамота вѣрющая. А после грамоты явити Олександру царю государево жалованье поминки. А после того говорити рѣчь князю Семену: Б. м. в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. и м. г. г. самодержецъ велѣл тебѣ говорити: преж сего присылал сси к нашему царскому величеству своих людей свещенника Накима да старца Кирила да Хуршита с своею грамотою; а в грамоте своей к нашему царьскому величеству писал сси и рѣчью с людмі своими нашему царскому величеству бити челом приказывал еси, чтоб намъ тебя и твою землю пожаловати приняті под свою царскую руку и держаті в своемъ царскомъ имени и во оборони ото всяких твоих недругов для хрестьянские вѣры и на Терке б велѣти намъ городы поставить и людей своихъ в тѣхъ городѣхъ держати. И мы, грамоту твою и рѣчь выслушав милостивно, твое челобитье приятно учинилі и тебя и всю твою землю Иверскую пожаловали, под свою царскую руку приняли

и городъ на Терке для тебя поставити есмя велѣли и людей своих в немъ учинили и тебя, Александра царя, и твою землю Иверскую ото всѣхъ твоихъ недруговъ своимъ Астараханскимъ и Терскимъ воеводам обороняти велѣли есмя; а для укрепленья, как тебѣ и твоей землѣ в нашемъ царскомъ жалованье быти под нашею царскою рукою, посылалі есмя к тебѣ, к Олександру царю, посланников своих Родивона Биркина да Петра Пивова.—Діаку Торху Онтонову: Б. м. в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. и м. г. г. и с. велѣл тебѣ, Александру царю, говорити: и ты, Александръ царь, с своими дѣтмі и твои чиновные люди за всю Иверскую землю перед нашими посланники намъ по записи крестъ целовал, что тебѣ и твоим дѣтемъ и всей твоей Иверской землѣ быти под нашею царьскою рукою и от нас и от наших детей, которых намъ вперед Богъ дастъ, не отстаті и ни к которым нашимъ недругом не приставати и во всемъ тебѣ намъ правити по записи, как о том именно в записи написано. И запись целовалную ты, Александръ, за своею рукою и за печатью к нашему царьскому величеству с нашими посланники прислал; а с ними вмѣсте к нашему царьскому величеству прислал еси послов своих князя Каплана да старца Кирила да Куршита с своею грамотою и с речми. А в грамоте в своей к нашему царскому величеству писал еси и рѣчью бити челом приказывал, чтоб намъ тобя и твою землю Иверскую пожаловаті, под своею царьскою рукою держаті і от твоих недругов обороняті и невѣрнымъ не податі; а болшая обида тебѣ и твоей землѣ от горских людей от Шевкала князя,—и намъ бы тебя пожаловаті от Шевкала оборонити и дорогу бы нам с Терки к твоему государству Иверскому на Шевкала велѣті очистіті. Да послы ж твои нашему царьскому величеству от тебя били челом, чтоб нам пожаловаті, послаті к тебѣ послов своих, а с ними для исправленья вѣры крестьянские учителных людей иноков и свещенников да иконописцов послать.—Князю Семену говориті: Б. м. в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. и м. г. г. и с. велѣлъ тебѣ, Александру царю, говорити: и мы пословъ твоихъ Каплана с товарыщи приняли с великимъ жалованьемъ и грамоту твою и рѣчи от послов твоих милостивно выслушали и тебя, Александра царя, и твою землю пожаловали есмя, под своею царскою рукою держати хотимъ и ото всѣхъ твоихъ недруговъ обороняті своимъ Астараханскимъ и Терскимъ воеводамъ велѣли есмя; а на Шевкала князя велимъ послаті с Терки рать свою с вогненымъ боемъ, чтоб Шевкала под свою царскую руку привести и къ твоей Иверской землѣ дорога очистить и с тобою смирити. И пословъ твоих пожаловав к тебѣ отпустилі, а с ними вмѣсте послалі есмя к тебѣ, Алек-

сандру царю, с нашим жалованьемъ послов своих дворанина и намѣстника Брянского князя Семена Григорьевича Звенигородцкого да дьяка Торха Онтонова; и нашу царскую жаловалную грамоту з золотою печатью к тебѣ с нашими послы послали есмя, какъ тебѣ и твоей землѣ быті в нашемъ царьском жалованье под нашею царьскою рукою и от нашего царьского величества самодержавные властї не отстатї. А наше царьское величество тебя и твою землю Иверскую никому не поступимся и за тобя и за твою землю стоять и оборонять велѣли есмя нашім воеводам Терскім. И ты б нашіх послов к нам не издержав отпустіл и был бы еси в нашемъ царьском жалованье под нашею царьскою рукою и прямил намъ о всемъ потому, на чемъ еси намъ правду дал перед нашими гонцы крестъ целовал и по сей нашей жаловалной грамоте, какъ есмя писали к тебѣ в нашей царьской жаловалной грамоте, потому б еси и правил намъ о всемъ, будучи под нашею царьскою рукою.—Да подати Александру царю государеву жаловалную грамоту з золотою печатью.

А после того говорити дїаку Торху: Б. м. в. г. ц. и в. к. Ѳедоръ Ивановичь всеа Русиі и многихъ земель государь и самодержецъ велѣлъ тебѣ говорити: а что били челомъ нашему царьскому величеству от тебя послы твои князь Каплан с товарыщи, чтоб намъ пожаловати послати к тебѣ для исправленья вѣры хрестьянские учителных людей иноков и свещенников да иконописцовъ,—и мы по твоему челобитью пожаловали есмя, послалі к тебѣ для исправленья вѣры хрестьянские учителных людей великия лавры Живоначалные Троицы и чюдотворца Сергея старца соборного Закхѣю да свещенника чорного да дьякона черново да мирскихъ дву свещенников от соборные и апосталские церкви Пречистые Богородицы да дьякона да иконописцов; и ты б их к намъ отпустил вмѣсте с нашими послы.—А после того велѣл говорити рѣчь старцу Закхѣе по наказу, каков наказ ему дан.

А какъ князь Семен и дьякъ Торхъ, идучи в Грузинскую землю, придут в Нацаловы кабаки,—и имъ от государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русиі Нацалу князю Аварскому говорить рѣчь... (*Велѣно* поклонитися,... подати грамоту,... явити ему государево жалованье,... и говорити *о пропускѣ чрезъ его землю*).—А Чорному князю и Солоху и Алкасу князю Кабардинскому и Шихъ мурзѣ Окуцкому от государя поклон правити и грамоты подати и рѣчь говорити по государеву наказу, как в наказе писано.

А се вѣрющая грамота от государя к Олександру царю на посолство ихъ.

(*Послѣ Богословія и полнаго титула*)... и иных многихъ госу-

дарствъ государь Иверские земли началнику Александру царю милостивное наше царское слово с великим жалованьемъ и крѣпкое защищенье богопособные нашие царские власті тобѣ, Александру царю, и всей твоей Иверской землѣ, безстрашное пребыванье в нашемъ царском защищенье ото всѣх твоих недругов. О которых дѣлехъ присылал еси к нашему царскому величеству послов своих князя Каплана да старца Кирила да Хуршита,—и мы челобитье твое выслушав приятно учинилі и послов твоих пожаловав к тебѣ отпустилі; и с своим царьским жалованьемъ послали есмя к тебѣ и ко всей твоей землѣ послов своихъ дворенина и намѣсника Брянского князя Семена Григорьевича Звенигородцкого да діака Торха Онтонова. И что они учнут тебѣ от нас говориті,—и ты б им вѣрилъ. Писана в государьствия нашего дворѣ царствующаго града Москвы лѣта от создания миру 7097-го апрѣля мѣсяца.

А се такова жаловалная грамота з золотою печатью послана от государя к Иверскому Александру царю с послы со княземъ Семеном Звенигородцким да з діяком с Торхом с Онтоновым.

(*После Богословія и помаго титула*)..... и иных многихъ государствъ государь Иверские земли началнику Александру царю милостивное наше царское слово с великимъ жалованьемъ и крѣпкое защищенье богопособные нашие царские власти тебѣ, Александру царю, и всей твоей Иверской землѣ, безстрашное пребывание в нашем царьском защищеніи ото всѣх твоих недруговъ. Прежь сего присылал еси к нашему царьскому величеству людей своих священника Иакима да старца Кирила да Хуршита с своею грамотою; а в грамоте своей к нашему царьскому величеству писал еси и рѣчью с людми своими нашему царьскому величеству бити челом приказывал еси, чтобы нам тебя, Александра царя, и всю твою Иверскую землю пожаловати, приняти под свою царскую руку и держати в своемъ царскомъ имени и во обороне ото всяких твоихъ недругов для христьянские вѣры и на Терке б намъ велѣти городы поставит и людей своихъ в тѣх городѣх держати. И мы, грамоту твою и рѣчи выслушав милостивно, твое челобитье приятно учинили и тебя, Александра царя, и детей твоих и всю землю Иверскую пожаловали есмя, под свою царскую руку приняли и город на Терке для тебя поставити есмя велѣли и людей своих в немъ учинили и тебя, Александра царя, и твою землю ото всѣхъ твоих недруговъ своимъ Астараханскимъ и Терским воеводам обороняти велѣли есмя; а для укрепленья, как тебѣ и твоей землѣ в нашемъ царскомъ жалованье быти, посылали есмя

к тебѣ гонцов своих Родивона Биркина да Петра Пивова. И ты, Александръ царь, и дѣти твои царевичи Ираклій и Давыд и Юрьи и твои чиновные люди за всю Иверскую землю нашему царскому величеству перед нашими гонцы перед Родивоном Биркинымъ да перед Петромъ Пивовым правду учинили, на записи крестъ целовали и запис целовалную ты, Александръ царь, за своею рукою и за печатью к нашему царскому величеству с нашими гонцы прислал; а с ними вмѣсте прислал еси к нашему царскому величеству послов своих князя Каплана да старца Кирила да Хуршита с своею грамотою и с речми.— А в грамоте своей к нашему царскому величеству писал еси и рѣчью бити челом приказывал, чтоб намъ тебя и твою землю пожаловати, под своею царскою рукою держати и от твоих недругов обороняти и невѣрнымъ не подат и на Шевкала рать своя послати и дорога в наши государства ис твоей земли очистити. И мы великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи тебя, Александра царя, и твоих детей и всю твою Иверскую землю пожаловали, под свою царскую руку приняли и обороняти тебя и твою землю ото всѣх твоих недругов нашим Астараханскимъ и Терскимъ воеводамъ велѣли есмя и на нашего непослушника, а на твоего недруга, на Шевкала рат свою послать и дорогу в наше государство ис твоей Иверской земли очистить велимъ. И послов твоих, пожаловав своимъ жалованьемъ, к тебѣ отпустили вмѣсте с своими послы со княземъ Семеномъ Григорьевичемъ Звенигородцкимъ да з дякомъ с Торхомъ с Онтоновым; и сее свою жаловалную царскую грамоту з золотою печатью послали есмя к тебѣ с послы с нашими. И тебѣ, Александру царю, и твоимъ дѣтем со всею твоею Иверскою землею быти в нашемъ царскомъ жалованье под нашею царскою рукою и от нас и от наших детей, которых нам вперед Богъ дастъ, и от наших государствъ не отстати и нашимъ недругом ни х которымъ не приставати и детей своих в помоч нашимъ недругомъ против нашихъ людей не давати; а стояти тебѣ, Александру царю, и твоим дѣтемъ со всею своею Иверскою землею с нашими с Астараханскими и с Терскими воеводами на всѣхъ нашихъ недругов заодинъ. Да и дан тебѣ, Иверскому Александру царю, к нашему царскому величеству присылати ежегод, что ся у тебя лучит в твоей землѣ которое узорочье. А которые будет князи и мурзы нашему царскому величеству непослушны будутъ и к нашей отчине к Астарахани и к Терскому городу не пристанут и в нашемъ жалованье быти не хотят—Шевкал и Черкаские и горские князи хто из нихъ,—и тебѣ, Александру царю, и твоимъ дѣтемъ и всей твоей Иверской землѣ на тѣхъ на всѣхъ нашихъ

непослушниковъ с нашими с Астараханскими и с Терскими воеводами самому на них ходити и рат своя посылати и в нашу волю ихъ к нашей отчине к Астарахани и к Терскому городу под нашу царскую руку приводити с нашими людми вмѣсте и заклады у них имати для укрепленья, что имъ с нашими воеводами и с тобою вмѣсте стояти заодин на всѣхъ наших недругов. А которой будет нашь недруг пойдетъ к нашей отчине к Астарахани или к Терскому городу или людей своих пошлет,—и тебѣ, Александру царю, и дѣтемъ твоимъ со всею своею землею Иверскою нашей отчине Астарахани и Терскому городу помогати и против наших недругов стояти с нашими воеводами и с ратными людми заодин. Также которой будет твой недруг пойдет на тебя, Александра царя, и на твою землю Иверскую или людей пошлет,—и нашим воеводамъ Астараханскимъ и Терским тебѣ, Александру царю, спомогати и за тебя и за твою землю Иверскую противъ всѣх твоих недругов стояти с тобою заодин. А тебѣ, Александру царю, и твоим дѣтемъ и всѣмъ твоимъ людемъ над нашими людми никоторые хитрости не чинити. А которые будет твои люди Иверские земли нашего царского величества над воеводами и над ратными людми, которые в нашей отчинѣ в Астарахани и в Терскомъ городе или гдѣ в походе будут, учнут какую измѣну или хитрость или какое лихо мыслити хто ис твоихъ людей, а ты то свѣдаешь,—и тебѣ, Александру царю, и дѣтемъ твоимъ про тѣхъ лихих людей сыскивая, велѣти их казнити и к нашимъ воеводамъ к Астараханскимъ и Терскимъ о том отписати. И быти тебѣ, Александру царю, и твоимъ дѣтем и всей твоей Иверской землѣ в нашемъ жалованье под нашею царскою рукою и намъ служити и прямити о всемъ потому, как еси намъ з детми своими и с лутчими людми за всю Иверскую землю перед нашими гонцы перед Родивономъ Биркинымъ и перед Петромъ Пивовым правду дал и на записи крестъ целовал и как в сей нашей царской жаловалной грамоте писано. К сей нашей царской жаловалной грамотѣ на болшое утвержденье печать нашу золотую велѣли есмя привѣсити. Писана в государствия нашего царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта от создания миру 7097 апрѣля мѣсяца, индикта втораго, государствия нашего 6-го, а царствъ нашихъ Російского 43-го, Казанского 37-го, Астараханского 35-го.

А се такова грамота послана к Олександру царю от светѣйшего патриарха Иева с старцомъ Захѣею [1]).

Бога всемогущаго и во всѣхъ всяческая дѣйствующаго, иже прежде вѣкъ сый бѣ присно и есть и будетъ, ниже начинаема, ниже преста-

[1]) См. I томъ „Актовъ Историческихъ“ (Спб. 1841 г.) № 227, с. 429—433.

ема, Отца и Сына и Святого Духа в трехъ лицех славимаго и поклоняемаго, сего Бога нашего властию и хотѣниемъ и благоволением, скиѳетродержателя великого Росиіского царствия, благовѣрного и христолюбиваго и Богомъ венчанного и Богомъ почтенного і Богомъ украшенного и Богом превознесенного и благочестиемъ всея вселенныя в концѣхъ просиявшаго, наипачеже во царѣхъ пресветлѣйшаго и преславного, великого государя царя і великого князя Ѳедора Ивановича всея великия Росиі самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя первопрестольникъ святые соборные и апостальские церкви пресвятые Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія Иев, Божиею милостию, святѣйшиі патриархъ царствующаго града Москвы и всея Росиі,—о святемъ Дусе возлюбленному сыну, Александру царю Иверскому нашего смирения благословение. Присылал еси к великому государю царю и великому князю Федору Иаповичю всеа великия Росиі самодержцу и многихъ государствъ ко государю и облаадателю пословъ своих князя Каплана да старца Кирила да Хуршита бити челомъ, чтоб великій государь царь и великиі княз Ѳедор Ивановичь всеа великия Росиі самодержецъ и многихъ государствъ государь и облаадатель пожаловал, взял тебя под свою царскую руку во обереганье ото всяких твоих недрузей и прислал в твое государство для исправленья православные хрестьянские вѣры учителных людей. И благовѣрный и христолюбивый и Богомъ почтенный и Богомъ украшенный и Богомъ превознесенный и благочестиемъ всеа вселенныя в концѣхъ просиявый, наипаче же во царѣхъ пресветлѣишій и преславный, великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичь всеа великия Росиі самодержецъ и многих государствъ государь и облаадатель, истинный рачитель благочестию и богошественный святого пути богоуставного закона и премудрый исходатай и благоразумный поспѣшникъ, истинне изыскатель, отческому преданию благоразумне цветуще совершеннымъ благочестиемъ, слышав таковая Вседержителя и человѣколюбиваго Бога и пречистой Его Матери неизреченную Его милость, юже творит на православныхъ хрестьянех, яко не остави тебе о истеннемъ и правомъ пути недоумѣнием одержиму быті и желающе обратитіся ко свѣту богоразумия и взыскати совершенного благочестия, аще и гонимъ и утесняемъ и насилуемъ, яко агнецъ пребывая посреді волков отъ иновѣрных окрестъ тебе пребывающим, ты же яко крѣпкій адамантъ душею мужественъне терпиши,—и помысля о прошенні твоем, милосердуя, мысль свою царскую намъ всему освященному собору объявил, по прошенью твоему, и тебя и твою землю под свою царьскую руку взял и послал к тебѣ с своимі послы учи-

телныхъ людей старцовъ и священниковъ, могущихъ исторгнути корень нечестія и возрастіти плод благовѣрія ко истинному извещенію правые вѣры. Ты же, возлюбленне сыну нашего смирения, подшися в заповедех узаконеных нам от Господа нашего Иса Христа и о святых апостолъ и преподобных и богоносных отецъ наших преданныя святѣй соборнеі и апостолстеі церкви спасения ради нашего со всяцемъ усердием сохранити нескверно і непорочно и хранитись от враз, врающих тебе і отводящих от истіннаго путі, крѣпце и мужственне душею во святой и непорочной нашей хрестьянскоі вѣре назидай себе і царьство свое без порока во благочестиі опасно храні, понеже приял есі от Бога царство, і почті Бога, почетшаго тебѣ высотою царствия, и сохрани е, якоже сокровище некрадомое, и подастъ тебѣ Богъ побѣды и одолѣние на вся враги твоя, востающая на тя. Слыши самого Господа, пророкомъ глаголюща: *тако глаголет Господь: аз воздвигох тя царя и призвах тя правдою и укрепих тя, еже обладати людми моими; и аще ходиши по заповедемъ моимъ и твориши волю мою во вся дни живота своего, дам ти серце смыслено и разумъ и одолѣние на враги.* И о сих сердечнымъ желаниемъ и с великою вѣрою призовемъ имя его святое и помолимся тепле могущему нас сохранити без греха и без скверны и поставити пред славою своею непорочных в радости. Благодать и мир и милость от Вседержителя Бога и нашего смирения благословение да будет на тебѣ и на всемъ твоем царстве ныне и во вся вѣки. Аминь.—Писан в царствующемъ граде Москвѣ лѣта 7097-го апрѣля мѣсяца.

А се такова учителная грамота от святѣйшего патреарха Иева к Иверскому митрополиту с старцомъ Захѣем.

Благословен Богъ и Отецъ Господа нашего Иса Христа, Отецъ щедротам и Богъ всякия утѣхі, утешая нас всегда о всякой вещі, яко возмощі і нам утѣшитіі сущая в недоумѣніі утешеніемъ, им же утешаемся сами от Бога, благовѣрнаго и христолюбиваго и Богомъ венчанного и Богомъ почтеннаго и Богомъ украшеннаго и Богомъ превознесенаго и благочестием всея вселенныя в концѣхъ восиявшаго, наипаче же во царѣхъ пресвѣтлѣйшаго и преславного великого государя царя і велікого князя Федора Ивановича всеа великие Росіі самодержца и многихъ государствъ государя і облаадателя—первопрестолникъ святыя соборные апостолские церкві пресвятыя Богородицы чеснаго и славнаго ея Успенія Иевъ, Божиею милостію, святѣйшіі патреархъ царьствующаго града Москвы і всея Русіі—части и жребия пресвятыя и пренепорочныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марія Іверские землі, о святемъ Дусе сыну и сослужебніку

нашего смиренія, пресвященному Миколаю мітрополиту города Цхета и архіепископъ и епіскупом і всему освященному собору благодать и мир и милость отъ Бога Отца Вседержителя і нашего смиренія благословение. Присылал біті челом к великому государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа великия Росіі к самодержцу и многихъ государствъ ко государю и облаадателю Александръ царь Іверскіі послов своих князя Каплана с товарыщи, чтоб великіі государь царь и великіі князь Ѳедоръ Ивановичь всеа великия Росіі и многих государствъ государь и облаадатель пожаловал, взял его под свою царскую руку оберегать ото всяких его недругов и послал бы вь его государство учителных людей, могущихъ исторгнути корень нечестия и возрастити плод благовѣрия и просветити свѣтом богоразумия, и единовѣрным быти вам с нами во благочестивой и непорочной нашей хрестьянской вѣре во всяком исправленіі по благовѣстию Христову и по апостолскому учению и по святых отецъ преданию. И благовѣрный и христолюбивый и Богомъ почтенный и Богомъ украшенный и Богомъ превознесенный и благочестіемъ всея вселенныя в концѣхъ просиявый, наипаче же во царѣхъ пресветлѣйшій и преславный, великіі государь царь и великіі князь всеа великия Росіі самодержец и многих государствъ государь и облаадатель, истинный рачитель благочестию и богошественный святого путі богоуставного закона и премудрый исходатаі и благоразумный поспѣшникъ, истинне изыскатель, отческому преданию благоразумне цветуще совершенным благочестием, слышав таковая Вседержителя и человѣколюбиваго Бога и пречистые Его Матере неизреченную милость, юже творит на православных хрестьянех, яко не остави вас заблудіті от истеннаго праваго путі недоумѣніем одержимым и яко агнецем посреди волков пребывающім гонимым и утесняемым и насилуемым от иновѣрныхъ окрестъ вас пребывающимъ, помысля о прошеніи Александра царя, милосердуя о прошение его, мысль свою царскую нам и всему освещенному собору объявил, по прошенью Александра царя, землю его Иверскую под свою царскую руку взял во обереганье ото всяких его недрузей, а для спасения ради вашего, чтоб вы сынове Божьи совершены были в вѣре, послали с своими послы учителных людей старцов и свещенников, добре видящихъ божественное писание книжнаго учения ко истинному извещенію правые вѣры истинных церковных преданій. Ты же священноначалниче Божия града Цхета, блюді себѣ опасно и всего стада, в нем же тебе постави Духъ святый стража и пастыря блюсти церкви Господа нашего Иса Христа от волков, губящих ю, и спасти стадо его словесных овецъ, их же

искупи своею честною кровію от работы дьяволя, и вся церковная предания узаконеная намъ от Бога и от святых апостал преданная святей соборней и апосталстей церкви и по апосталех святиі и богоносниі отцы наши приимъницы престоломъ апосталскимъ от святого Духа, в пихъ дѣйствуема многа и различна правила, чины ж и уставы святей Божей церкви навершиша и узаконоположиша и предаша вес устав хрестьянского закона твердо и непоколебимо и непревратно и непреложно,—соблюдатi вся убо заповеді, узаконенная намъ от Господа нашего Иса Христа и от святых апосталъ и преподобных и богоносных отецъ наших преданыя святей церкви спасенія ради нашего. Аще бо удаляемся отъ заповедей его, но онъ яко чадолюбивый отецъ терпит злобы наша, ими же огорчеваемъ человѣколюбную его утробу, и не хощет погубити, но ожидает всѣхъ нас на покояние, еже обратитися намъ и живым быти и в разум истинный приiти. Проклят бо, рече, всякъ, еже не пребудет в сохранениі преданного закона православныя нашею святыя и непорочныя хрестьянския вѣры, иже прият святая соборная апосталская церкви. Вы же возлюбленніи крѣпце и мужественне всячески о спасении своемъ надежи не отпадайте, еже скорби вашей на радость преложитися и от насилья безбожных свобоженомъ быти; но точию подщитеся нескверни и непорочни обрестися в мире по данней намъ благодати от Бога и хранитися от развращающихъ вас и отводящих от правого пути к своей имъ погибели и крѣпце и мужественне, яко доблие адаманті, святою вашею вѣрою назидайте себе и оттрясайте мрачный облак невидѣнія от душъ вашихъ, купноже и сердецъ, бдяще и молящеся со всяцемъ усердиемъ,—и милосердый Богъ призрит от высоты славы и от святого жилища своего и послет на вас свою богатую милость и осенит ниву сердец ваших Духомъ своимъ святым. Идѣже преже умножился грѣхъ, ныне же преизобилуетъ благодать. Аще быша и грѣшни преже от неведѣнія, ныне же праведни будете, осеняеми свѣтомъ богоразумия, да познаемъ истиннаго Бога Отца и Сына и Святаго Духа, в Троице славимаго. Сей и есть истинный Богъ и живот вѣчный и любовь его в нас пребудет, ожидающе милости Господа нашего Иса Христа въ жизнь вѣчную. Овѣх убо милуйте разсужающе, овѣх же страхом спасайте и молитеся тепле о душа могущему вас сохранiті без греха и без скверны и поставiті пред славою своею непорочных в радостi, зане возрадуемся вкупе духовне і возслей благодарение сице: слава і величие і держава и область єдіному премудрому Богу и Спасу нашему Ису Христу Господу нашему преже всего вѣка и ныне во вся вѣки. Аминь. Писан в царствующем граде Москвѣ лѣта 7097-го апрѣля мѣсяца.

А наказ князю Семену и діаку Торху, как им государево дѣло дѣлать, данъ таков.

Царь велѣл имъ итти для своего дѣла и земского в послѣх в Грузинскую землю, а с ними вмѣсте отпустил грузинского Александра царя послов князя Каплана с товарыщи 3-х человѣкъ да Ших мурзы Окутцкого племянника Ботая да Солоха князя да Алкаса князя Кабардинских послов Бикана да Ансланбе с товарыщи всѣхъ ихъ 9 человѣкъ. Да с ними же посланы в Грузинскую землю по челобитью грузинскихъ послов для исправленья вѣры хрестьянские Живоначальные Троицы Сергеева монастыря соборной старец Закхѣя да черной свещенникъ Иоасаф да черной дьякон Ѳеодосей да Успенья пречистые Богородицы из собору два свещенника Богдан да Дмитрей да дьякон Ѳедор да три человѣки иконописцов да с кречеты от государя послан с ними кречетник Иван Сычов.... (*далѣе идет рѣчь о дорогѣ и провожатыхъ*)..... Велено дати в Астарахани государевых лошедей..... (да) под сосуды церковные и под книги и под ризы и подо всякое украшенье церковное и под краски и под государеву казну подо всякую и под кречете и кормъ под пять юков десять лошадей.—.... Ис Терского города итти до Сунжина городища, гдѣ стоят ис Терсково города головы в остроге..... А как приѣдет князь Семен с товарыщи на Терек в новой город и князю Семену и дьяку Торху Онтонову говорить воеводамъ князю Ондрѣю Ивановичю Хворостинину съ товарыщи, чтоб они *черкаскихъ послов отпустили наперед ихъ государевых послов и приказали съ ними, чтобы Солохъ и Алкасъ и Шихъ и Аварской князь проводили послов до Грузіи и прислали бы въ Терской городъ въ закладъ свою братью или дѣтей и племянниковъ.—Къ Аварскому князю вельно послать сотника съ 5—6 казаками* добрых и промышленых, которые бывали у них, *съ подобным же порученіемъ.—Провожатыхъ 300 конныхъ стрѣльцовъ; въ случаѣ плохихъ вѣстей вельно взять еще 150 пѣшихъ и 50 конныхъ*..... Итти имъ в Грузинскую землю не мѣшкая через Черкаскую землю на Шиха мурзу Окутцкого да на Аварского князя да на Чорново князя или на Алкаса князя Кабардинского, которыми мѣсты и на которую дорогу пригоже, смотря по вестем и роспроса тамошних людей и вожей; куды лутче и прямѣе и бесстрашнее, туды и итти..... А как князь Семен с товарыщи приѣдут в Черкасы в Ших мурзин кабак, и князю Семену и дьяку Торху обослатися с Ших мурзою, чтоб Ших мурза приѣхал к ним в стан: есть к нему государево жалованье грамота.—Да как Ших приѣдет к нимъ, и посламъ

правити от царя... поклонъ, *подать грамоту и государево жалованье и говорить о провожаньѣ. Если* Алкас мурза Шевкалов сынъ нынѣ живет вмѣсте с Ших мурзою и государю служит,—*вельно учинить тоже и съ нимъ. Тоже и съ Солохомъ и Алкасомъ князьями Кабардинскими. Если послѣдніе не согласятся пріѣхать къ посламъ* и уговорить будет их нелзя,—и князю Семену и дьяку Торху к Солоху князю и к Алкасу приказаті, чтоб с ними съѣхались на конех на дороге, примолыв мѣсто.—*Править поклонъ, подать грамоту и государево жалованье и говорить о провожаньѣ. Тоже и объ Аварскомъ князѣ. Если сотникъ съ закладомъ встрѣтится на дорогѣ, то закладъ вельно отослать въ г. Терской; если заклада не дастъ,* но в государеве жалованье быти похочет, *послам итти чрезъ его землю.....* И о томъ накрепко говорить, чтоб Аварской князь проводить послал его князя Семена с товарыщи до Грузинскіе земли; а провожатых (*стрѣльцовъ*) бы от Аварского воротить.—*Говорить также и о присылкѣ заклада въ Терской городъ.—Пріѣхавъ къ Черному князю, править поклонъ, подать грамоту и государево жалованье и говорить о пропускѣ и провожаньѣ...*—А будет на Терке им вѣсті будут про Аварского князя, что на него итті будет пристрашно, а Аварской князь закладу не пришлет в Терской город сына или племянника,—и князю Семену по неволе итти на Алкаса прежнею дорогою, а Алкасу и Шолоху говорить, чтоб их проводил до Грузинскіе земли; а провожатых от гор, от коих мѣсть пригоже, воротить, чтоб их однолично на горы не заволочі, толко взят однихъ тѣх 50 человѣкъ конных с сотником, которым быть с ними в Грузинской землѣ.—

Да как, оже дастъ Богъ, придут в Грузинскую землю и велит им Александръ царь быті у себя,—*и послам говорить, чтобы въ это время другихъ пословъ никого не было и пр.....* А не будет у Александра царя иных земел послов и посланников и князю Семену и дьяку Торху, пришед к Олександру царю, от государя царя і великого князя Федора Іваповича всеа Русні поклон правиті и рѣчь говоріті и грамота податі по записі по государя царя і великого князя наказу и помінки государево жалованье явиті по казеиному списку.—Да говоріти им Александру царю на посолстве, что государь царь і великиі князь Федор Івановичь всеа Русні по челобитью его Александровыхъ послов прислал с ними с послы своими для исправленья вѣры хрестьянские учителныхъ людеі великие лавры Живоначалные Троицы і великого чюдотворца Сергея соборного старца Закхѣю да чорного свещенника да дьякона да дву свещенников мирскихъ от соборные

и апостолские церкві Пречистые Богородицы Богдана да Дмитрея да дьякона да иконописцов и есть с німі от святѣйшего великого патреарха Иева царствующаго града Москвы і всея Русіи и всего освященнаго собора великого Росіиского царствія к митрополиту Миколаю и ко всему собору рѣчи и грамота о духовном дѣле; и митрополит бы Миколай со всѣм собором велѣл имъ быти у себя.—Да как имъ велит митрополит быті у себя, и старцу Закхѣе з братьею и священником і дьякону, пришед к митрополиту, от патреарха Іева поклон и благословенье правиті и рѣчь говориті и грамота податі по наказу, каков имъ дан; а князю Семену и дьяку Торху к митрополиту с нимі не ходіті.

Да как после посолства велит Александръ царь князю Семену и діаку Торху быти у себя и учнет будетъ имъ говорити самъ или кого к нимъ вышлетъ с отвѣтомъ своих болших людей, а учнут их спрашивати: что с ними государев приказ, какъ государь царь и великій княз хочет ево, Александра царя, жаловат и как ево оберегати от ево недруговъ? И князю Семену Григорьевичю и діаку Торху Оптонову говорити Александру царю или его ближнимъ людем: государь нашъ великій государь царь и великій князь Ѳедор Ивановичь всеа Русіи по твоему челобитью тебя, Александра царя, и всю твою землю Иверскую пожаловал, под свою царскую руку принел и во обороне держати хочет ото всѣх твоих недругов и город на Терке для тебя и твоей землѣ для обереганья поставити государь велѣлъ и на недруга твоего, а на своего непослушника, на Шеѳкала князя государь нашъ по твоему челобитью рат свою хочет послати, чтоб вперед тебѣ, Александру царю, и твоей землѣ от Шевкала теспоты и убытков не было и дорога б от твоей земли ко государя нашего отчине к Терскому городу очистити. А ты б, Александръ царь, на чом еси государю нашему правду дал, на записи крестъ целовал, потому б еси государю нашему и правил вперед и от государева жалованья был не отступен со всею своею Иверскою землею. А как, ожс дастъ Богъ, государя нашего люди приведут в государя нашего волю Шевкала и дорогу очистят, а с тобою бы ему быти в миру крѣпко под государевою рукою. А которые будет горские князи и иные государю нашему непослушны будут и с тобою почнут не в миру быт,—и ты б на тѣх сам ходил и людей своих посылал и их под государя нашего руку подводил; а государя нашего воеводы Терскіе тебѣ почнут давати людей с вогненым боем. И на всѣх государя нашего непослушников з государя нашего воеводами с Терскими тебѣ и твоей землѣ стоят заодинъ.—А князю Семену с товарыщи провѣдывати в

Грузинской землѣ всякихъ вестей про Кизылбашского и про Иверского и про Турского и про Шевкалского—в каковѣ мѣре хто? И их царь Александръ почнет ли держат в зиму? И будет князю Семену зимовати,—и князю Семену с товарыщи послат стрелцов 3—4 копных да человѣкъ 5—6 грузинских, о том о всем подлинно отписать к государю и приказат на Терку к воеводам ко князю Ондрѣю с товарыщи; а с Терки бы из них человѣк дву стрелцов отпустил к Москвѣ к государю з грамотою.

Да памят князю Семену Григорьевичю и дьяку Торху. Нѣчто учнет их спрашивати Александръ царь или его ближние люди: с чѣм государь послал х Кизылбашскому шаху посланников своих? И князю Семену и дьяку Торху говорити: Кизылбашской шах присылал ко государю нашему посланника своего о том, что б государь нашъ принял его к себѣ в братство и в дружбу, а он хочет з государем нашим на Турково стоят заодин. И государь нашъ по его прошенью его к себѣ в братство и в дружбу принел и стояти с ним на Турково заодин хочет, а для укрепленья послал к нему государь нашъ посланника своего Григорья Василчикова. Да говорити о том, провѣдав про Григорья: какъ его Кизылбашской шах принял и хочет ли быть з государем в дружбе и в братстве и послов своих к государю шлет ли? Потому, по вестем смотря, и творит.

А нѣчто спросят про Литовского: какъ ныне государь царь и великій княз с Литовским королем? И князю Семену Григорьевичю и и дьяку Торху Онтонову говорити: Литовское государство, коруна Полская и великое княжество Литовское, ныне безгосударны, а вперед хотят бит челом государю нашему, чтоб государь нашъ взял их под свою царскую руку и стояти б им обѣма государствы з государя нашего государствомъ на невѣрных бусурман заодин.

А будет спросят про цесаря Римского: как ныне государь царь и великій княз с цесарем Римским? И князю Семену и дьяку Торху говорити: цесар Римской прислал ко государю нашему послов своих великих людей о том, чтоб государь нашъ царь и великій княз был с ним в докончанье и в соединенье и стоял бы с ним на всѣх своих и на его недругов заодин. Да и всѣ государи хрестьянские, папа Римской и корол Ишпанской и вся Италѣя и Венецейской княз, присылали ко государю нашему посланников своих; а просят того, чтоб государь нашъ царь и великій княз был с ними в соединенье на Турского, которой на крестьянских государствах сидит, и, соединачив ся б всѣм хрестьянским государем, на тѣх безвѣрных агарян стат сопча заодин. И государь нашъ великій государь царь и великій

князь к тѣмъ ко всѣм государем хрестьянским послал своих посланников и с ними заодин на Турского и на всѣх бусурман, стояти заодин хочет.

А нѣчто спросят о Бухарском и о Юргенчьском,—и князю Семену Григорьевичю да дьяку Торху говорити: Бухарской и Юргенчьской и Изюрской и Хивинской присылают к государю нашему послов своих; да и ныне Бухарской и Изюрской присылал к государю нашему послов своих о том, чтоб их государь пожаловал, держал под своею царскою рукою.

А нѣчто спросят про Сибир,—и им говорити: Сибирское царство искони вѣчная вотчина государей наших, а взял Сибир великій государь царь и великій князь Иван Васильевич всеа Русіи, нынешнего государя нашего прадед, тому ныне блиско ста лѣт и дан на них положил соболми и лисицами черными. И не в давных лѣтех поотступили были, дани не почели дават; и государя нашего отец блаженные памяти великій государь царь и великій князь Иван Васильевич всеа Русіи посылал на Сибир воевод своих и волжских казаков. И воеводы и казаки пришед Сибирского Кучюма царя побили и с Сибири согнали, а Сибир взяли; а брата Кучюмова царя Магметкула царевича взяли жива и привели ко государю, и ныне у государя нашего служит. А в Сибири ныне при государе нашем великом государе царе и великом князе Ѳедоре Ивановиче всеа Русіи живут государевы воеводы и люди многие и городы в Сибири поставили многие по Турѣ рѣки и по Оби по великой рекѣ и по Иртишу и церкви поставили и дан с Сибирские земли государю нашему идет многая соболи и лисицы черные и иной звѣр всякой.

Да памят князю Семену Григорьевичю да дьяку Торху Онтонову. Будутчи им в Грузинской землѣ, провѣдывати имъ себѣ тайно: какъ ныне грузинской Олександръ царь с Турским и с Кизылбаским шахом? И послы и посланники или гонцы от Турского и от Кизылбашского шаха до них бывали ль внове? И будет были и с чѣм приходили и о каковѣ дѣле приходили? И грузинской Олександръ царь к Турскому и к Кизылбашскому шаху послов своих о каковѣ дѣле посылывал лы? И будет послал и кого имянем и о чом послал? Того имъ, провѣдав тайно, себѣ записати.—Да и того имъ, будучи провѣдывати: как ныне Турской Салтан с Кизылбаским шахом? И послы и посланники от Турского у Кизылбашского бывали л и с чѣм бывали? И Кизылбашской шах к Турскому послов и посланников посылывал лы и о чом посылал? И воина ныне у Турского с новым с Кизылбаским шахом бывала л на сем лѣте? И которые пацци приходили и

сколко с ними людей Турских было и что Кизылбаской землѣ учинили? И городы которые поимал Турской у Кизылбаского Дербен и Баку и иные городы—всѣ ли ныне за Турскимъ? И в тѣх городѣх многие л Турские люди сидят? И Кизылбаской шах нынешней к Турского городом рат свою посыловал лы? И которые городы ныне назад Кизылбашской шах у Турских людей поимал ли? И нынешнего Кизылбашского шаха земля его любит ли, Кизылбашские люди? И рати ныне при нем в Кизылбашех прибыло ли? И вперед чего чаят Кизылбашскому шаху съ Турским: войну л с ним хочет держат или в миру хотят быт? И на чем хотят в миру? И оприч Турского Кизылбашскому шаху война с кѣм естли и с кѣм воина? И с кѣм шахъ в миру с которыми государи? Да и того провѣдывати: Кизылбашскому шаху от цесаря и от Ишпанского и ото Өранцовского присылка бывала л и о чем присылали? Того всего провѣдав тайно, записати себѣ на список.

И о всем, будутчи в Грузинской землѣ, государевым дѣлом промышляти и вестей всяких провѣдывати по сему государеву наказу и как ихъ Богъ вразумит.

Да память послом князю Семену Грігорьевичю с товарыщі. Какъ, оже дастъ Богъ, придут к Олександру царю на посолство и позовет будет их Александръ царь к руце,—и итти сперва к руце князю Семену, а после его старцу Закхѣе, а после старца Закхѣя діаку Торху Онтонову, а после Торха священником наперед чорному да двем попом мирским да дьякону чорному да дьякону мирскому да сотнику Астороханскому да кречетнику да толмачом.—А будет Александръ царь позовет их к себѣ ѣсті,—и за столом сѣсті в болшом мѣсте князю Семену, а под нимъ старцу Закхѣе, а против старца Закхѣи сѣсти дьяку Торху Онтонову,—тѣмъ трем быть въ одномъ блюде; а у старца Закхѣи сѣсти свещеннику чорному да дьякону чорному да кречетнику Ивану Сычову; а у Торха сѣсті свещенникомъ Богдану да Дмитрею да дьякону Федору да сотнику стрелетцкому, а у них сидѣти толмачомъ, а против ихъ иконописцомъ.—

Да память посломъ князю Семену да дьяку Торху. Как они поѣдут из Нижнего х Казани и учнут к нимъ вмѣсте з грузинскими послы гонцы встречатися ис Казані и из Астарахани,—и князю Семену и дьяку Торху говориті и вмещаті грузинским послом в розговоре, что ѣдут гонцы ко государю из Астарахани, а писали с ними ко государю воеводы, что Шевкалской князь присылаетъ на Терку ко государевым воеводам с тѣмъ, чтоб государь его, Шевкала князя, пожаловал, взял его под свою царскую руку, а он перед государемъ

во всемъ исправитца и учнет государю служити и будет под его царскою рукою.—И будет Иверские послы учнут говоріті, что Шевкальской князь то все присылает к государю гонцов своих для того, чтобы государь на него раті не посылал, а съ государемъ ихъ с Иверскии с Александром царем в соединенье и в миру не будет и дорогі через свою землю не дастъ, а то он все присылает к государю оманкою и государь бы Шевкалу князю в том не вѣрил, а государя их Александра царя обороніті велѣл и рать свою с нимі на Шевкала князя послал,—и князю Семену и Торху говоріті послом: мы то сказываем, что мы вѣсті слышели про Шевкала, а рать на Терку идет и тогды у Шевкала болши того прибудет челобитья, как рать услышит; а на Терке без раті и вперед без прибылные без болшие не будет, и Шевкалу как без государского жалованья часъ быть? А у государевых воевод то и первое дѣло будет, чтоб государю Шевкал добил челом и со царем Александром помирился крѣпко и дорогу отворіл и заклад ко государю нашему прислал. А что вестей вперед поновитца с Терки и что от государя по тѣм вѣстем указ за нами будет,—и мы вам то все розкажем; а рать сами видите, что на Терку идет.—А которые останутца провожатые на Волге на переволоке и на увѣке,—и князю Семену и дьяку Торху сказать, что они остались прибирать Волских и Донских казаков.

А се такова грамота от г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. к Солоху князю Кабардинскому о провожанье:

(*По титулѣ*).... и иных многих государствъ государя и самодержца Солоху князю Кабардинскому. Присылал еси к нашему царскому величеству бити челом человѣка своего Бикана, а сын твой Алкаш мурза прислал к намъ биті челом человѣка своего Лева, чтоб намъ вас пожаловаті, взяті под свою царьскую руку и держаті в своем царьском жалованье і в обороне ото всѣх ваших недруговъ; а ты, Солох, и сынъ твой Алкаш нашему царьскому величеству служіті и в нашем царьском жалованье быті хотіте и сына своего хочеш к намъ прислаті. И мы ваше челобитье выслушавъ приятно учинилі и тебя, Солоха князя, и сына твоего, Алкаш мурзу, и племянника твоего Ибака пожаловали есмя, под свою царьскую руку принялі і оборонять вас от ваших недругов нашимъ Астороханским и Терским воеводам велѣли есмя и людей ваших пожаловав к вам отпустілі; и наше жалованье к тебѣ и к сыну твоему, Алкашу мурзѣ, и к племяннику твоему Ибаку послалі есмя с послы своимі со княземъ Семеном Григорьевичем Звенигородцким с товарыщі, которых послалі есмя к Олександру царю Иверскому. І ты б, Солох князь, з братьею

своею и з детмі и с племянники и со всѣми своими людми были в нашем царьском жалованье под нашею царьскою рукою от нас неотступны и к Турскому и х Крымскому и к иным нашим ни х которым недругом не приставали, а стояли б есте с нашими с Астороханскими и с Терскими воеводами на всѣх наших недруговъ заодин; а для укрепленья прислал бы еси в заклад в нашъ в Терской город к нашимъ воеводам племянника своего Ибака, а к нашему царьскому величеству в службу прислал сына своего Алкаша, чтоб тебѣ з братьею своею и з детмі и с племянникі в нашемъ жалованье надежным быті. А нам бы к тебѣ и к братье твоей і к дѣтем свое жалованье надежно держаті; и самъ бы еси з братьею своею и з детмі в нашъ в Терской город к нашимъ воеводам пріѣзжалі и жили в нашем в Терском городе перемепяяся. А мы Астороханским и Терским воеводам указ свой послалі, велѣлі есмя вас ото всѣх ваших недругов оберегаті и за вас стояті. А которые будет нашимъ воеводам Астороханским и Терским не послушны будут—Шевкалской князь или горские князи или которые Черкаские князи к нашему к Терскому городу не пристанут,—и ты б, Солох князь, з братьею своею и з детмі и с племянники и с ынымі с Черкаскими князи, которые нам служат, на наших непослушников с нашимі с Терскими воеводамі стоялі заодинъ и с нашими людми сами на них ходілі и людей своих посылалі и под нашу царьскую руку их приводілі, чтоб они былі в нашемъ царьском жалованье под нашею царьскою рукою с вамі вмѣсте і на наших бы недругов стоялі с нашимі с Терскімі воеводамі и с вами заодинъ. А которых послов своих ныне послалі есмя в Ыверскую землю к Олександру царю князя Семена Григорьсвича Звенигородцкого с товарыщі и гдѣ будет имъ лучитца через ваши землі итті,—і вы б наших послов провожалі, до коих мѣстъ пригоже, чтоб имъ до Иверскіе землі и назад до Терского города проити здорово. А наше к вам жалованье і вперед нсоскудно.

А се такова грамота послана от государя к Алкасу князю Кабардинскому:

(*По титулѣ*).... и иных многих государствъ государя и самодержца Кабардинскому Алкасу князю. Слово наше царьское то. Преж сего посылалі есмя для нашего дѣла в Ыверскую землю к Олександру царю посланников своихъ Родівона Биркина да Петра Півова, а велѣлі имъ итти на твой кабак; и к тебѣ есмя с посланники своими наше жалованье и грамоту послали о провожанье. И наши посланники, пріѣхав к нам, сказывали, что ты, Алкас князь, ихъ наших посланников в Ыверскую землю, (и) какъ они шли назад из Ывер-

ские земли—людей своих провожати посылал; и с ними вмѣсте присылал еси к нашему царскому величеству людей своих Арсланбека с товарыщи бити челом, чтоб нам тебя пожаловати, держати в нашемъ жалованье под своею царскою рукою и от твоих недругов от Асланбека князя и от иных недругов велѣти б нам тебя нашимъ Астараханскии и Терским воеводам обороняті,—а ты нам служиш и вперед служити хочеш. И мы, людем твоим наши царские очи дав видети и пожаловав их, к тебѣ отпустили есмя и жалованное свое с послы своими со княземъ Семеномъ Григорьевичемъ Звенигородцким с товарыщи, которыхъ послали есмя ныне к Олександру царю Иверскому, к тебѣ послалі.—И ты б, Алкас князь, был в нашемъ жалованье под нашею царскою рукою и во обороне ото всяких недругов и от нашего жалованья был неотступен и по свою смерть и х Турскому и х Крымскому и к инымъ нашим недругомъ ни х кому не приставал; и самъ и братью свою и детей своих и племянников в Терской город к нашимъ воеводамъ присылал, и жил бы ты, Алкас, и братья твои и дѣти твои, переменяясь, в Терскомъ городе с нашими воеводами.—А которые будет нашимъ воеводамъ Астараханскимъ (..... *тоже, что въ предыдущей граматѣ*)..... заодинъ и х Турскому и х Крымскому и к иным нашимъ недругом не приставали. А будет которые недруги Турского рать и Крымской или иной которой недруг пойдет к нашей отчине к Астарахани или к Терскому городу,—и ты б, Алкас князь, самъ з братьею своею и з детми и с племянники всѣ против нашихъ недругов стояли с нашимі воеводами вмѣсте заодин и билис с нашими недруги безо всякие хитрости. А мы к тебѣ и к братье твоей вперед учнем свое жалованье держати неоскудно.

А се такова грамота послана к Окутцкому Ших мурзѣ:

(*по титулѣ*)... и иных многихъ государствъ государя Ших мурзѣ Окутцкому. Присылал еси к нашему царскому величеству з грамотою племянника своего Ботал вмѣсте з грузинскими послы. А в грамоте своей к нашему царскому величеству пісал еси, извещаючі нам свою службу, какъ ты отцу нашему блаженные памяті великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русиі і намъ прежсего служил і въ Желѣзных Воротех много нуж терпѣл еси, и которые наші городы были на Терке,—и ты тогды с отцомъ своимъ с Ушары мирзою, нам служа, х Турскому и х Крымскому не пристали,—а которые Турскому и Крымскому прямилі,—і вы тѣх с нашими казаки воевали. А ныне какъ наші воеводы с нашимі людми на Терекъ пришли города ставить,—и ты, свѣдавъ, тотчасъ в новой в Терской город к нашимъ воеводам приѣхавъ, намъ правду дал, что тебѣ быті

в нашем жалованье и намъ служити и на нашего недруга с своею ратью готов еси; и Алкаса Шевкалова сына с людми его к шерті привел есі, что ему нам служіті, х Турскому и х Крымскому не приставать. А которые наші посланники были в Іверской землѣ у Александра царя,—и ты их встрѣтіл в Аркасове кабакѣ и с Алкасом Шевкаловым сыном наших посланніковъ и Иверских пословъ до Тюменского города проводіл здорово. А посланникі наші Родивон и Петръ, пріѣхавъ к нам, про твою службу именно нам росказывалі, что ты нам служіл безхитросно; і нам твоя прямая служба вѣдома. И мы за твою службу тобя жаловаті хотим своим великим жалованьемъ и держаті тобя и твой юрть хотим под своею царскою рукою і в обороне тебя держаті хотим ото всяких твоих недруговъ і воеводам нашім Астороханским и Терским о том приказ нашъ царской крѣпкой. И племянника твоего Батая, пожаловав, к тебѣ отпустілі есмя с своим послом со княземъ Семеном Звенигородцким вмѣсте, которой послан в Грузинскую землю; и к тебѣ свое жалованье с послом своимъ со княземъ Семеном послалі. И ты б, Ших мурза, з братьею с своею и с племянники и з детмі и со всѣми своими людмі нам служіл и был под нашею царскою рукою и от нашего жалованья был не отступен.... (*далѣе тоже, что въ предыдущей грамотѣ*)... и ты б, Ших мурза, сам з братьею своею и с Алкасом княземъ всѣ за город за Терской стоялі с нашими воеводамі вмѣсте заодін. А мы к тебѣ вперед учнем свое царское жалованье держаті великое.

А се такова грамота послана от государя царя и великого князя к Алкасу мурзѣ Шевкалову:

(*по титулѣ*)... и иных многихъ государствъ государя и самодержца Алкасу мирзѣ Шевкалову. Присылал к нашему царскому величеству Ших мирза Окутцкой вмѣсте с нашими посланники с Родивоном Биркиным да с Петром Пивовым, которыхъ посылали есмя к Олександру царю в Грузинскую землю, племянника своего Ботая з грамотою. А в грамоте своей к нашему царскому величеству писал, извещаючи нам свою службу, что он пріѣхалъ к воеводам нашимъ на Терку, нам правду учинил; а ты с нимъ же вмѣсте намъ правду учинил, что тебѣ нам служіті и к нашимъ недругомъ х Турскому и х Крымскому не приставать. А какъ наші посланникі Родивон и Петръ были в Іверской землѣ у Александра царя, и ты их встрѣтил в своем кабакѣ и с Ших мурзою наших посланников и Иверских послов до Тюменского города проводилі здорово. А посланникі наши Родивон и Петръ, пріѣхав к нам, про твою службу сказывалі, что ты нам служил; и нам твоя прямая служба вѣдома. И мы за твою службу.....

(*см. въ предыдущей граматѣ*)... приказ нашъ царьской и крѣпкой. И к тебѣ ныне свое жалованье с послом своим со княземъ Семеномъ Звенигородцким послалі. І ты б, Алкасъ мурза, з братьею своею... (*далѣе тоже, что и въ граматахъ къ Шихъ мурзѣ Окутцкому и Алкасу князю Кабардинскому*).... А мы к тебѣ вперед учнем свое царское жалованье держаті великое.

А се такова грамота послана от государя к Нацалу князю Аварскому:

(*по титулѣ*)..... и иных многих государствъ государя и самодержца Нацалу князю Аварскому. Преж сего посылалі есмя к Олександру царю Иверскому для нашего дѣла посланников своих Родивона Биркина да Петра Пивова. И тѣ наши посланники приѣхав нам сказывали, что ты, Аварской князь, хочеш нашему царскому величеству служіті і в нашем жалованье быті под нашею царьскою рукою; и нашим посланнікомъ дорогу итті через свою землю давал еси и провожати их хотѣл. И оні на твою землю не пошли, а шли по нашему указу на Алкаса князя Кабардінского. И мы ныне послалі в Ыверскую землю к Олександру ж царю послов своих князя Семена Григорьевича Звенигородцкого да діака Торха Онтонова, а велѣли есмя имъ итти с Теркі на Ших мурзы Окуцкого да на твою землю да на Черного князя землю; и наше жалованье к тебѣ с своими послы послалі есмя. И ты б, Аварской князь, похотя к себѣ нашего жалованья, тѣм намъ первую свою службу показал, сына своего или племянника на Терку к нашім воеводам прислал и наших послов через свою землю пропустил и проводит их послал людей своих до Грузинскіе земли. А какъ наши послы из Ыверские земли назад к намъ пойдут, и ты б их потому ж проводити послал до Ших мурзы Окутцкого и до Терки. И былъ бы еси въ нашемъ жалованье под нашею царьскою рукою и с нашими Астараханскими и с Терскими воеводами и с Александромъ царем Иверскимъ и с Черкаскими князи и мурзы, которые нам служат, на всѣхъ нашихъ недругов стояли с ними заодин; а к нашему царскому величеству слал бы еси послов своих добрыхъ людей, о всемъ с ними наказав, какъ тебѣ быти в нашемъ царскомъ жалованье и во оборонѣ вперед от твоих недруговъ. И мы, выслушав твоего челобитья, пожалуемъ, велимъ дати тебѣ свою царскую жаловалную грамоту з золотою печатью и своимъ Астараханским и Терскимъ воеводамъ тебя и твою землю ото всѣхъ твоихъ недругов обороняти велимъ.—А на которыхъ будетъ нашихъ непослушниковъ пойдутъ наши воеводы с ратными нашими людми,—и ты б на тѣх нашихъ непослушников с нашими воеводами сам ходил

и людей своих посылал и намъ служил и нашихъ непослушников в нашю волю приводил. А на болшое утверженье прислал бы еси в нашь Терской город к нашим воеводамъ в заклад сына своего или племянника, чтоб нам надежно тебя в своем жалованье держать, а тебѣ надежну быти на наше жалованье.

А се такова грамота послана от государя к Чорному Каракишу князю:

(*по титулѣ*)... и иных многих государствъ государя и самодержца Каракишу князю Чорному. Преж сего посылали есмя..... сказывали, что ты, Каргашь князь, и брат твой Ценал князь хотите... проводити до Иверские земли и до коих мѣстъ пригоже..... проводити до коихъ мѣстъ пригоже..... (*остальное буквально сходно съ грамотой къ кн. Аварскому*).

А старцу Закхѣе Суровцову наказ дан таков:

Памят живоначалные Троицы Сергѣева монастыря соборному старцу Закхѣе. Царь і великиі князь Федор Иванович всеа Русиі велѣл ему итті в Грузинскую землю вмѣсте с послы со князем Семеном Григорьевичем Звенигородцким да з діяком с Торхом Онтоповым— посланьемъ от святѣйшего патреарха Іева Московского і всеа Русиі; а с ним вмѣсте посланы в Грузинскую земл ючерной священник Иосаф да дьяконъ Ѳеодосей да из собору от пречистыя Богородицы и от архаггила Михаила два священника Богдан да Дмитрей да дьякон Ѳедор. І какъ, ож дастъ Богъ, будутъ в Грузинской землѣ і велит Александръ царь быті у себя на посолстве государевым послом, и старцу Закхѣе з братьею и с товарыщі итти к Олександру царю вмѣсте з государевыми послы со княземъ Семеномъ и з діяком Торхом. Да какъ князь Семен и дьякъ Торхъ по государеву наказу Александру царю поклон исправят и рѣч изговорят и государеву жалованную грамоту подадут и ихъ діякъ Торхъ Александру царю объявит, и после того старцу Закхѣе говорити рѣч Александру царю от святѣйшего патреарха Иева всеа Русиі.

Первое благословенье правит: святѣйшиі Иев, Божьею милостью, патреархъ царствующаго града Москвы і всего великого царства Росиiского тебя, Иверские земли начальника, Александра царя благословляет і велѣл тебѣ поклонитися.

Святѣйшиі Иев, Божьею милостию, патреархъ всея великие Росиі велѣл тебѣ, Александру царю, говориті: присылал еси к великому государю к благочестивому царю і великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русиі самодержцу послов своих князя Каплана да старца Кирила да Хурпита бити челом, чтоб государ благочестивый царь і великиі

князь Ѳедор Иванович всеа Русиі пожаловал тобя, Александра царя, и всю твою землю Іверскую, принял под свою царскую руку і во оборону ото всѣх твоих недругов; да послы ж били челом, чтоб государь пожаловалъ, прислал к тебѣ учителных людей для исправленья вѣры христьянские. И благочестивый великиі государь царь и великій князь Федор Иванович всеа Русиі самодержец, совѣтовав о том со мною смиренным Иевом патреархом всеа Русиі и с митрополіты и архиепископы и съ епископы и со всѣм освященным собором всего Росийского царствия, тебя, Александра царя, к всю твою землю Иверскую пожаловал, под свою царскую руку принелъ, и обороняті тебя и твою землю ото всѣх твоих недругов своим Астороханским и Терскимъ воеводамъ велѣл и послал к тебѣ благочестивыі царь послов своих великих князя Семена Григорьевича Звенигородцкого да дьяка Торха Онтонова; а нам, своим богомолцом, поволил благочестівый царь государь послаті к тебѣ с своимі послы учителных людей для утверженья вѣры христьянские. И послали есмя к тебѣ к Олександру царю и к преосвещенному Миколаю митрополиту и ко всему собору учителных людей из великие лавры живоначалные Троицы и преподобного чюдотворца Сергея соборново старца Закхѣю да свещенноинока Иасафа да дьякона черного Феодосья да из собору от Успенья пречистые Богородицы святые великие апостальские церкви и великих чюдотворцов Петра и Олексѣя и Ионы свещенников Богдана да Дмитрея да дьякона Федора.

Да подати Александру царю от святѣйшего патриарха Иева благословленье образ Богоявленье, обложен златомъ и сребромъ, да образ новоявленного великого чюдотворца Василья, Христа ради уродивого; а молыті: святѣйшіи Иев, Божиею милостию, патриархъ царствующаго града Москвы и всего великого Росийского царствия прислал к тебѣ, Александру царю, свое благословенье—образ Богоявленье, греческое письмо, в киоте, обложен златомъ и сребромъ, да образ новоявленного великого нового чюдотворца Василья Христа ради уродивого, обложен сребромъ; да царице твоей образ Одегитрее, обложен сребромъ и золотом съ яхонты и з жемчюги в киоте да образ новоявленного великого чюдотворца Василья Христа ради уродиваго; да дѣтемъ твоим Ираклѣю—образ Петра чюдотворца, обложенъ сребромъ сканью, Давыду—образ Олексѣя чюдотворца, обложен сребромъ сканью, Георгею — образ Ионы чюдотворца — обложен сребромъ сканью.

А после того говориті Александру царю: святѣйшіі Иев, Божиею милостию, патриархъ всеа великия Росиі приказал со мною благо-

словленіе к преосвященному митрополиту Миколаю и нѣкоторые рѣчи о духовных дѣлех со мною,—и ты бъ, Александръ царь, поволил нам быти у преосвященного митрополита Миколая. Да как велит имъ митрополит Миколай быті у себя,—и старцу Закхѣе и попом и дьяконом, пришед к митрополиту, говорити от святѣйшего Иева патриарха всеа Русіі благословленье; а молыті: Пресветѣйшіі Иев, Божиею милостию, патреархъ царствующаго града Москвы, благочестием цветущаго, всея великия Росіі—о Святемъ Дусѣ возлюбленному сыну и сослужебнику, пресвещенному Миколаю митрополиту святыя соборныя апостальскіе церкви всемирного Воздвиженья честнаго и животворящего Креста Господня, священноначалнику Божия града Цхета Иверскіе земли Грузинского царствия и всему освещенному собору благодат и миръ и милость от Бога Отца Вседержителя да будет на всемъ твоемъ свещенномъ началіі. Да податі Миколаю митрополиту от патриарха благословение—образ Спасов, обложен серебромъ; а молыти: святѣйшіі Иев, Божиею милостию, патриархъ царствующаго града Москвы и всея великия Росіі прислал к тебѣ свое благословенье—образ Спасов, обложен серебромъ.

А после того подати Миколаю митрополиту грамота учителная.

Такова шертная запис послана в запас, на чомъ приводити к шерти Кабардинских Черкаских князей и их уздени, которые похотят быт под государевою рукою.

Даю шерть по своей вѣре, по мусулманскому закону, великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіі яз, , и с своими детми и с своими чиновными людми за всю свою землю на томъ, что пожаловал великій государь царь и великій князь Ѳедор Иванович всеа Русіи Александра царя Иверского и всю землю Иверскую, принел под свою царскую руку и во оборону ото всѣх его недругов; и яз ныне съ Олександромъ царемъ учинился в соединенье под государьскою царскою рукою, и стояти нам всѣмъ на государьских недругов заодин и моимъ дѣтем и чиновнымъ людем и всей моей землѣ. И вперед быт мнѣ под великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи под его царскою рукою вмѣсте с Олександромъ царемъ Иверскимъ и от великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи и от его дѣтей, которых ему, государю, вперед Богъ дастъ, не отстати и до своей смерти и ко государевым недругомъ к Турскому салтану и к Крымскому царю и к иным государевым ни к которым недругомъ не приставати и людей своих в помоч государевым недругом против государевых людей не давати и самому

на государеву отчину ни на которые мѣста не ходити и людей своих не посылати и стояти мнѣ против всѣх государевых недруговъ з государскими воеводами с Астороханскими и с Терскими и с Олександром царем Иверским сопча заодин. А хто будет великому государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русіи непослушен и к Терскому городу не пристанет и в государеве жалованье с нами быти не похочет—Шевкалской княз и иные которые горскіе князи или Черкаскіе князи,—и мнѣ з братьею своею и с племянники и з детми и со всею своею землею на тѣх на всѣх на государевых непослушников вмѣсте с Олександром царемъ Иверским и з государевыми воеводами ратью на них самому ходит и людей своих посылат и в государеву волю их к государеве отчине к Асторохани и к Терскому городу приводити и заклады у нихъ поимати и стояти нам всѣм з государевыми воеводами заодин на всякого недруга и государю прямити во всем, какъ в сей шертной записи написано.

А государева жалованья к Олександру царю Иверскому и к Черкаским князем и мурзамъ послано:

Александру царю:

Сорокъ соболей сто рублев.

Тысеча горнасталей тритцат рублев.

Пятнатцат зубов рыбьих в пят пуд семдесят рублев.

Пансыр дватцат рублев.

Шеломъ дватцат рублев.

Да три кречаты. И всего на 200 на 40 рублев оприч кречатов.

Шиху князю:

Шуба бархат з золотом на соболѣх в пятдесят рублев.

Каѳтан камчат з золотом в пятнатцат рублев.

Шапка черна семь рублев.

Пансыр пять рублев.

А к Алкасу князю:

Шуба на куницах бархат з золотом в тритцат рублев.

Алгасу мирзѣ Шевкалову сыну, которой живет з Шихом вмѣсте:

Шуба бархат з золотом на куницах въ тритцат рублев.

Аварскому князю:

Шуба бархат з золотом на соболѣх в шездесят рублев.

Шапка лисья черна в десят рублев.

Пансыр въ десят рублевъ.

Брату его Чорному князю:

Шуба бархат з золотом на соболѣх в сорок рублев.

Шапка лисья черна в семь рублев.

Солоху князю Кабардинскому:

Шуба бархат з золотом на соболѣх в пятдесят рублев; кафтанъ камчат з золотом пятнатцать рублевъ; шапка лисья черна въ семь рублев; панcыр в десят рублев.

Сыну его Алкашу мурзѣ да племяннику его Ибаку по шубѣ по бархатной на куницах по дватцати по пяти рублев.

А об отпуске государева посла и иверских послов и о провожанье ихъ на Терку к воеводам грамота от государя послана такова:

От царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи в новой городъ на Терку воеводам нашимъ князю Ондрѣю Ивановичю Хворостинину с товарыщи. Послали есмя в Грузинскую землю к Олександру царю послов своих князя Семена Григорьевича Звенигородцкого да дьяка Торха Онтонова, а с ними вмѣсте послали есмя в Грузинскую землю для исправленья вѣры старца Закхѣю да священника чорного да дву священников мирских да дву діяконов да трех человѣкъ иконописцов да с кречаты кречатника; да с послы ж вмѣсте отпустили есмя грузинского Александра царя послов князя Каплана с товарыщи и с людми всего их дватцат человѣк, да Черкаских князей и мурзъ послов Солохова посла Бикана, Алкасова посла Асланбека, Шихмурзина посла Батая с товарыщи и с людми всего их двенатцат человѣкъ. А итти князю Семену с товарыщи и грузинскимъ послом велѣли есмя с Терки на Шиха мурзу Окуцкого да на Аварского князя да на Черного князя или на которые мѣста пригож. А лошади грузинским послом и черкасом велѣли есмя дати в Астороxани — грузинским послом и под их рухляд дватцат три лошади, а черкасом тринатцат лошадей; а послом нашим князю Семену с товарыщи и под старцы и под священники и под толмачи и под кречетники и под иконописцы велено в Астороxани и у вас на Терке купит самим лошади по прямой ценѣ, как меж собою купят лошади в Астороxани и у вас. И какъ к вам ся наша грамота придет и князь Семен с товарыщи и грузинские и черкаские послы к вам на Терек приѣдут,—и вы б, говоря со князем Семеном, тотчасъ черкаских послов Шихова племянника Ботая да Соловых послов Бикана и Асланбека с товарыщи отпустили к Шиху и к Солоху и к Алкасу наперед послов князя Семена с товарыщи и грузинских послов на тѣх лошадях, которые им дадут в Астороxани. А приказали б есте с ними к Шиху и к Солоху и к Алкасу, что послали мы к Олександру царю Иверскому послов своих князя Семена Григорьевича Звенигородцкого с товарыщи, а итти им на Шиха да на Аварского

князя. А будет на Аварского итти немочно, и вы б приказали, что им идти на Алкаса князя. То б есте учинили, смотря по тамошнему дѣлу и по вестем смотря. И наше жалованье к ним с послы нашими прислано. И Солохъ и Алкас и Ших тѣм нам службу свою показали, послов наших провожали, да коих мѣстъ пригож, вмѣсте с нашими людми, которые будут в провожанье; а отпустили б они нашихъ людей провожатых послов наших провожали и до Грузинские земли, а провожатых бы отпустили назад. А толко будет у вас в Терском городе Солоховых и Алкасовых и Шиховых братьи и детей и племянников в закладе нѣт, и вы бы о закладе к нимъ приказали, чтоб Солох князь и Алкас и Ших мурза прислали к вам в заклад в Терской город братью свою и племянников и детей в заклад и по наше жалованье, кому б мочно вѣрит, чтоб нам надежно их в своем жалованье держат и от недругов их оберегат; а наше жалованье имъ дадите вы в Терском городе. Да однолично б вам заклады у них взяти для нашего дѣла и для провожанья наших грузинскихъ послов. А к Аварскому к Нацалу князю послали б естя, говоря со княземъ Семеном, також наперед сотника какова, а с нимъ казаков человѣк пяти ити добрых и промышленых, которые бы в тѣх мѣстех прежъ того бывали; а Ших бы мурза послал с ними племянника своего. А приказали б естя к Аварскому князю, что извещали нашему царскому величеству посланники, которые были в Грузинской землѣ, Родивон Бирки́н да Петръ Пивов, что он, Нацал князь Аварской, хочет намъ служит. И ныне мы послали к Олександру царю Иверскому послов своих князя Семена Григорьевича Звенигородцкого с товарыщи с Олександровыми послы вмѣсте, а итти им велѣли есмя в Грузинскую землю на его на Аварского князя землю; а к нему, к Нацалу князю, с послы нашими прислано наше жалованье. И он бы, Нацал князь, похотя к себѣ нашего жалованья, прислал в заклад в Терской город и по наше жалованье сына своего или племянника, кому мочно вѣрит, чтоб нам надежно его в своем жалованье и вперед держати, а ему было надежно было в нашем жалованье быти. Да будет Аварской дастъ заклад сына или племянника, и с тѣм бы закладом тот сотник ѣхал к вам на Терку встрѣчю послов; а наперед бы себя о нем прислал к вам с вѣстию. А вы б послов князя Семена с товарыщи и грузинских послов отпустили на Аварского князя которыми мѣсты пригоже и бестрашние от Шевкала и от иных горских людей, которые нам непослушны, и провожатых с ними послали до Шиха мурзы Окуцкого или до Алкаса князя, до коих мѣстъ пригож, посмотря по тамошнему дѣлу, чтоб послом до Грузинскіе земли пройти здорово.

А о провожатых писано к вам из Казанского Дворца; а велено вам послат конных с сотником до пятидесят человѣкъ Терских казаков да из тѣхъ из дву голов из Астороханскихъ, которые придут к вам из Астрохани с послы восемь сотъ человѣкъ, и тѣхъ людей з головою до трех сотъ человѣкъ пѣших; а по вестем смотря, каковы вѣсти будут, и болши, чтоб послом нашим и иверским пройти здорово от Шевкалского. А кого в заклад пришлют Аварской князь и Солох и Алкас князь Кабардинские и Ших мурза Окуцкой, и вы б тот заклад держали у себя в Терском городе бережно и кормъ им давали, какъ бы им быти без нужи в то время, как послы наши сходят из Иверские земли или какъ придут в Иверскую землю. А почнут будет в Иверской землѣ наши послы зимовать,—и вы б тѣх закладных мурзъ отпустили, а зимою их не задержали у себя. Да какъ почаете наших послов из Иверские земли,—и вы б тогды опят заклады у них взяли, чтоб как имъ пройти бесстрашно. А наше жалованье, что с послы нашими к Черкаским княземъ послано, будет приѣдут к вам, и вы б, говоря со княземъ Семеномъ, то наше жалованье князь Семенъ перед вами им роздал. А на которого князя на Аварского и на Чернаго или на Алласа пойдет князь Семен, и князю Семену велено тѣм наше жалованье на дороге роздать самому;—а на которого князю Семену не итти, и князю Семену то наше жалованье велено у вас оставит, а вы бъ к ним отослали или сами роздали, толко приѣдут к вам в город. То положили есмя на вас и на князе Семене, какъ пригож и нашему дѣлу прибыльѣе; потому бы есте нашим дѣломъ, со княземъ Семеном с товарыщи говоря, и промышляли. Да о томъ бы есте к нам о всем подлинно отписали: ково в заклад Черкаские князи пришлют, и какъ послов наших и грузинских послов отпустите, и на которые мѣста пойдут, чтоб нам про то было нѣдомо. А будет Аварской Нацал князь закладу не дастъ, а без закладу на него послом итти будет пристрашно,—и посломъ бы нашимъ князю Семену с товарыщи итти на Алкаса, на которое мѣсто пригож. То б есте учинили, говоря со княземъ Семеном, смотря по тамошнему дѣлу. А отпустя послов наших в Грузинскую землю, тотчасъ послали бы есте нарядя станицу к Шевкалу князю из казаков или из стрелцов, выбрав просужих дву трех, которые в Шевкалех бывали в дорогу знали и по-татарски б умѣли, или из Терских кого черкас от Шиха послать пригож; а с ними послал бы ты, князь Ондрѣй, от себя к Шевкалу князю грамоту. А какова тебѣ Шевкалу от себя грамота послат, и таков список на образецъ к вам послан. И вы б того списка велѣли переводчику Семену написати татарским писмомъ и запечатав

ты, князь Ондрѣй, своею печатью послали к Шевкалу князю на которые мѣста ближе. Да и словом бы есте от собя к Шевкалу приказали, что мы ныне хотѣли на него рат свою болшую послат для того, что он нашего жалованья себѣ не поискал, а что преж сего хотѣл сам к намъ послов своих прислать бити челомъ, как ему быти в нашемъ жалованье, и он посямѣсто к намъ не присылывал; да мы ныне для царевичева Мурат Кирѣева печалованья еще на него рати своей не послали, ожидаючи от него к себѣ исправленья, что нам царевич бил челом, чтоб намъ на Шевкала рати своей в Терской город ныне не посылат. А Шевкалской князь вперед исправитца,— и онъ бы однолично прислал к вам в заклад сына своего или племянника и своих людей и был бы Шевкалской и дѣти его в нашемъ жалованье неотступны. А мы вам приказали жити с Шевкалом смирно и войны всчинат не велѣли и стояти за него против его недрузей вамъ велѣли есмя, увидя его к нам челобитье и исправленье, и людей наших с вогненымъ боем давати ему велѣли есмя вам, поимав у него заклад. А какъ пришлет Шевкал заклад сына своего или племянника или людей своих добрых, и вы бъ ихъ выпрося к Шевкалу приказали, чтоб Шевкалской был под нашею царскою рукою крѣпко неподвижно; а мы его хотим у себя держат в своем жалованье под своею царскою рукою и от недруго его хотимъ оберегат и людей с вогненым боем на его недругов велим ему вам дават. А Шевкалской бы с вами потому ж на нашихъ непослушников и на своих недрузей на Асламбека с товарыщи самъ ходил, а мы на него вам велим рат свою с вогненым боем посылат, чтоб его извоеват и привести под нашу царскую руку, чтоб Асламбека отвести от Турского и от Крымского. А наперед бы всего Шевкал показал службу свою и правду перед нами, чтоб Иверских людей ни чѣмъ не крятал и войною их не воевал и нашихъ послов, которые пошли в Иверскую землю и назад поидут ис Иверские земли и которые послы из Иверские земли вперед пойдут в наше государство или торговые люди какие пойдут к вам на Терку из Иверские земли, и Шевкалской бы князь Иверских людей никого ни чѣмъ не крянул и дорогу на свою землю от Терского нашего города в Иверскую землю и из Иверские земли в наше государство отворил и поволно ходит велѣл для того, что Иверской князь со всею Иверскою землею намъ добили челом и учинился под нашею царскою рукою. А от царевича от Мурат Кирѣя будет к нему к Шевкалу часа того его человѣкъ со всѣм нашим полным жалованьем; и указ нашъ подлинной к вам будет о всем о Шевкале. А вы б ныне учинили Шевкала велѣли своею посылкою,

посмотря по тамошнему дѣлу, как будетпригож, чтоб какъ прибыльнѣе нашимъ послом пройти от него. А будет в то время посылати к Шевкалу не пригодитца, покамѣста вы послов нашихъ и иверских послов с Терки отпустите и покамѣсто пройдут послы в Иверскую землю,— и вы б послали после послов нашихъ к Шевкалу князю, какъ послов наших отпустите к Олександру царю. Потому б есте промышляли, какъ будет пригоже, посмотря по тамошнему дѣлу. А которой списокъ послан к вам на образецъ какова грамота вам послати к Шевкалу князю,—и вы бъ тот список вычли; и что будет в той грамоте писано не против тамошнего дѣла,— и вы б то переправили, а написали б есте в грамоту, посмотря по тамошнему дѣлу, как бы нашему дѣлу прибыльнѣе. А как ныне посямѣста Шевкал живет с вами и к вам о чемъ присылывал ли и чего чает от него вперед, и как отпустите послов иверских с нашими послы и которою дорогою и к Шевкалу при них пошлете л или после их отпуску пошлете,— о томъ бы есте о всемъ к намъ отписали в Посолской приказ. А что и вперед от Шевкалского и Черкаских князей и ото всяких иноземцов будет к вамъ присылка о посолских дѣлехъ,—и вы б отписывали к намъ в Посолской приказ, чтоб намъ было вѣдоме. И о всемъ бы есте нашимъ дѣломъ промышляли с тамошними с околними з горскими с Черкаскими князми, смотря по тамошнему дѣлу. И как учнут намъ прямит, такъ бы есте и промышляли. А будет Шевкал князь учнет намъ прямити и заклад к вамъ пришлет, а от вас на своих на которых недругов учнет ратных людей просит на Асламбека и на иныхъ, которые намъ непослушны,—и вы б ему на его недругов, укрепя его, ратных людей с вогненымъ боем казаков и стрелцов давали; а у него в тѣхъ нашихъ людех заклад имали детей его и племянников и лутчих его людей, кому вѣрить мочно, какъ ему крѣпку быт под нашею царскою рукою и укрѣпит бы его бестрашно. Писан на Москвѣ лѣта 7097 маия въ 14 ден.

А се таков списокъ послан на образец, какова грамота с Терки воеводе князю Ондрѣю Хворостиннину послати к Шевкалу:

Божиею милостию великого государя царя.... (*и пр. полный титулъ*).... государя и самодержца его царского величества от воеводы Терсково города от князя Ондрѣя Ивановича Хворостинина Шевкалу князю. Слово наше то. Преже сего присылал еси ко государю нашему къ его царскому величеству посла своего Ханбулата бити челомъ о томъ, чтоб государь нашь великій государь царь и великій князь пожаловал тебя, принял под свою царскую руку и во

оборону ото всяких твоих недругов, а на Терке б государю нашему велѣли людей своих держати для Турских людей приходу, чтоб Турские люди, пришед, на Терке города не поставили. А в то время пріѣхал ко государю нашему къ его царскому величеству Крымской Мурат Кирѣй царевичь бити челом о вспоможенье, как бы им достати отца своего юртъ; да и то государю нашему Мурат Кирѣй царевичь извѣстил, что он у тебя зговорил женитися за дочер твою и бил челом государю нашему за тебя, чтоб государь нашь великій государь царь и великій княз его царское величество принял тебя под свою царскую руку во оборону ото всѣх твоих недругов. И государь нашь великій государь царь и великій княз Ѳедор Иванович всеа Русіи для Мурата Кирѣя царевича тебя пожаловал, под свою царскую руку во оборону принял и посла твоего, пожаловав своимъ жалованьемъ, к тебѣ отпустил; а с нимъ к тебѣ государь нашь в грамоте своей милостивно писал и словомъ приказывал, чтоб ты, похотя к себѣ государя нашего жалованья, слал ко государю нашему къ его царскому величеству послов своих и был под его государя нашего царскою рукою неотступен. А после того государь нашь великій государь царь и великій княз Федоръ Иванович всеа Русіи отпустил в свою государеву отчину в Астарахан Мурат Кирѣя царевича для своего и их дѣла; и по вашему закону Мурат Кирѣю царевичю у тебя женитися государь нашь поволилъ для того, чтоб тебѣ быти в государя нашего его царского величества жалованье неподвижно, а прислати было тебѣ ко государю нашему къ его царскому величеству для всякого укрепленья в заклад сына своего. И по государя нашего его царского величества велѣнью Мурат Кирѣй царевичь, у тебя быв, женился и опят ко государю нашему пріѣхал; а ты своей дочери, а Мурат Кирѣевы царевичевы царицы с царевичем не отпустил, и опосле царевича в Астарахан не прислал, да и сына своего в заклад для укрепленья ко государю нашему не прислал и послов своих ко государю нашему не прислал и посямѣста. А после того присылали ко государю нашему к великому государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русіи грузинской Александръ княз и Черкаские князи, Кабардинские и горскіе князи, послов своих, чтоб государь нашь их пожаловал, взял их под свою царскую руку и во оборону ото всяких недругов, а для б их велѣл государь нашь на Терке город поставити и людей своихъ в немъ устроити. И государь нашь его царское величество прислал сюды на Терку нас своих воевод и город велѣл поставити. И как мы по государя нашего его царского величества указу на Теркѣ город поставили,—и к намъ изо всѣхъ из

ближних и из далних мѣстъ всѣ Кабардинские и горские князи присылали послов своих; и многие учинилис под государя нашего его царского величества рукою, которые ко государю нашему и послов своих не присылали. А ты, Шевкал княз, живеш от государя нашего его царского величества державы от Терсково города ближе иных, а посямѣста ни о чемъ еси ко государю нашему къ его царскому величеству не присылывал к намъ в город и прежнюю свою присылку забыл, о чом еси присылал ко государю нашему, что было тебѣ быти въ его царского величества воле. И государь нашъ великій государь царь и великій княз Ѳедор Иванович всеа Русіи за твое неисправленье послал был на тебя рать свою многую для того, что ты перед государемъ нашимъ не исправился. И государю нашему его царскому величеству бил челом о тебѣ Мурат Кирѣй царевичь, чтоб государь нашъ на тебя рати своей ныне ещо не посылалъ, а ты перед государемъ нашимъ исправишся. И государь нашъ его царское величество для челобитья Мурат Кирѣя царевича рати свои на тебя ныне не послал, а ожидает к себѣ твоего исправленья вперед, чтоб ты перед его царскимъ величеством исправился без кровопролитья. И ты б, Шевкал княз, похотѣл к себѣ государя нашего его царского величества жалованья и слал ко государю нашему послов своих добрых людей и был под государя нашего его царского величества рукою з грузинскимъ Александром княземъ и с Солохомъ и с Алкасомъ княземъ Кабардинскими и с Ших мурзою Окутцким и со всѣми горскими князи на всѣх государя нашего недругов заодин; а которые будет Черкаские князи непослушны государю нашему Асламбек княз, а тебѣ недрузи, а служат Турскому салтану и Крымскому,—и ты б на тѣх на всѣхъ стоял и свои недружбы им мстил и под государя нашего его царского величества руку их приводил. А надобно будет тебѣ на помоч на которого государя нашего непослушника, а на твоего недруга, на Асламбека государя нашего люди с вогненымъ боемъ,—и мы по государя нашего его царского величества указу тебѣ на твоих недругов и ратных людей давати учнем; а ты б прислал в государя нашего город в Терской заклад братью свою или детей или племянников, кому б мочно вѣрити. А которых послов своих ко государю нашему пошлешь,—и мы их тотчасъ ко государю нашему къ его царскому величеству отпустим. А государь нашъ его царское величество, выслушав от послов твоих твоего челобитья, пожалует тебя во всемъ своимъ царскимъ жалованьемъ и под свою царскую руку примет и оборонити тебя ото всѣхъ твоих недругов велит и твоих послов пожаловав к тебѣ отпустит. А которые князи Черкаские и горские учинились

под государя нашего царскую руку Иверской Александр княз и черкаскіе князи Кабардинские Солох и Алкас и иные горские князи, и ты б с тѣми со всѣми был в миру и на тѣх, которые государю нашему непослушны, с ними стоял заодин, а их ничѣмъ не крянулъ и дорогу из Иверские земли в Терской город через свою землю отворил и пропущал безо всякого задержанья и без обиды. А государь нашь его царское величество, увидев к себѣ твою правду и прямую службу, пожалует тебя великим своимъ жалованьем и почнет держати тебя крѣпко в своем жалованье. Писана в государствия нашего отчине в городе в Терском лѣта 7097.

А будет что пригож в тоѣ грамоту прибавит или что убавит, посмотря по тамошнему дѣлу, и потому б княз Ондрѣй написал в грамоту, как будет, что пригож и государеву дѣлу прибылнѣе.

И лѣта 7098-го сентября в 7 ден писали ко г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. послы княз Семен Звенигородцкой да діак Торхъ Онтонов, что они на Терек пришли в новой город в 97-мъ году августа въ 6 ден; и при них де приѣхал в Терской город сотник Микита Зиновьев, а посылан был к Шиху мурзѣ, чтоб он был в Терской город з закладомъ. И при нем де при Миките приѣхали к Шиху мирзѣ от Олександра царя Иверского два человѣка провѣдывати про государевых и про его послов и дали де ему от Олександра царя двѣ грамоты—одна Терскому воеводе, а другая к послом; и они с тѣхъ грамот списки прислали ко государю. А сами с Терсково города пошли августа в 23 ден Суншею в судѣхъ тою ж дорогою, которою шел Родивон Биркинъ с товарыщи; а с Сунши пошли в Грузинскую землю сентября въ 13 ден. А провожати их пошли до Грузинские земли Черкаские князи Чеполог Асланбеков сынъ да Мамстрюк Темрюков да Куденек Конбулатов да Солох княз да Алкас княз да Чорного князя сынъ да Ших мирза Окутцкой.

А се списокъ з грамоты, что прислал царь Александръ Иверской к Терским воеводамъ:

Счастье твое возвышало и княженье бы твое и любов свыше стала.—Здѣсь к нам вѣсти дошли от великого князя воеводы княз Михайло с товарыщи с великою ратью идут. Чтоб о том вѣдомо учинил: на которую землю пойдут? Однолично вѣдомо учинил, а со мною б в любви был.

А се списокъ з грамоты, что прислал царь Александръ к послом своим.

От царя государя Александра Иверские земли посломъ моимъ Каплану, Кирилу, Хуршиту. Вѣдаю яз самъ, что такова государя царя

и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи нигдѣ нѣт. Царь на небесех, а он, государь, на земли. А опричен его такова великого государя царя руские хрестьянские вѣры на сем свѣте нигдѣ нѣт. И слышел яз ево государево великое жалованье, что он государь царь и великій князь Ѳедоръ Иванович всеа Русіи меня, о чом яз бил челомъ, пожаловал, под свою царскую руку взял и оборонит меня ото всяких моих недругов и от Шевкалского князя; и нынече я слышел, што он, государь, меня пожаловал, силу на Шевкалского князя воевать его дал. И яз, Александръ царь, бью челом государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи, штоб он, государь, пожаловал, отписал ко мнѣ—сколко силы на Шевкалского князя пожаловалъ. Да бил бы челом Каплан тѣм воеводамъ, которые идут с силою на Шевкалского князя, штоб они шли ранѣе да воевали Шевкалского князя. А Каплан бы ко мнѣ о том отписал; а как отпишет,—и я учну промышлят, как у меня государевым послом быти. Да против государевых послов на встрѣчю вышлю своих людей.

Государю царю великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіі холопи твои Ондрѣец Хворостинин с товарищы челом бьет. В прошлом, государь, 97-м году іюня въ 24 ден писал к нам, холопем твоим, из Астороханы твой государевъ посол князь Семен Звенигородцкой да діяк Торхъ Онтонов, чтоб нам послати наперед ево к Уварскому князю и к Черному князю и х Кабардинским черкасом для твоего государева посолского дѣла. И мы, холопи твои, того ж числа послали сотника стрелецкого Микиту Зиновьева да с ним трех человѣк стрелцов Бориска Ѳедорова с товарищы, а писали с ним к Уварскому князю и к Черному по твоему государеву наказу; да и к Шиху мурзѣ с ним же писали потому ж, чтоб к нам ѣхал в Терской город для твоего государева дѣла. И іюля, государь, въ 24 день писал к нам из Окох сотник стрелецкой Микита Зиновьев, что приежжали к Шиху мурзѣ грузинского князя Олександровы люди Байгам Казанов да Келяй Мохолѣев провѣдыват про твоих государевых послов и про своих про грузинских. А сказали, приѣхав, что Уварского князя Нацана не стало, а на княженье де, государь, ещо в Уварех не сѣл нихто; и Ших мурза сотнику стрелецкому Миките Зиновьеву к Уварскому не велѣл ѣхати. И мы, холопи твои, писали к Шиху мурзѣ, чтоб послал племянника своего или узденей лутчих тово провѣдати—хто сядет в Уварех на княженье и к Черному князю наши грамоты отвести, которые посланы с сотником для твоего государева дѣла. И Ших мурза и сотник стрелецкой писал к нам, холопем твоим, что он в Уварь и к Черному князю с уздени своими послал. И как, го-

сударь, пришла к нему вѣсть,—и Ших мурза приѣхал к нам, холопем твоим, в Терской город; а сказал, приѣхав, что наши грамоты в Уварѣ и к Черному князю отослал и тово провѣдал кому на княженье в Уварех быти. А сказал, государь, что быти на княженье Уварсково сыну Канбулуку. И приказал де ко мнѣ тот Уварской сынъ, что ещо не укрепился, потому в Терской город вьскоре не поѣхал; а будет часа того с Черного князя сыномъ вмѣсте и укрепим де ся зъ государьскими воеводами, как быти под государевою рукою. А к Алкасу, государь, и к Солоху и к Асланбѣковым дѣтем и к братьем и к племянником с тѣм же сотником стрелецкимъ с Микитою Зиновьевым грамоты по твоему государеву наказу послали. И июля, государь, въ 30 день писал к нам ис Кабарды Мамстрюк с товарищы, что он с нашими грамотами к Солоху и к Алкасу ѣздил и грамоты им вычитал; и онѣ де, государь, ему против грамот ничево не отказали. А Осланбековы, государь, братья Янсох з братьею и Аслонбѣков сынъ Чайполов и племянники и весь род Асланбеков хотят тебѣ, государю, служити и твоих государевых послов провожати и к нам в Терской город быти и заклад дати и договоритца, как им быти под твоею государевою рукою. И августа, государь, въ 6 день твой государевъ посол князь Семен Звенигородцкой да дьякъ Торхъ Онтонов и старец Захѣя Троецкой в Терской город пришли и учали с нами говорити, чтоб отпустити наперед их ходу Алкасовых и Солоховых послов, которые были у тебя, государя. И мы, холопи твои, тех послов не велѣли наперед отпущати, для того что мы к Солоху и к Алкасу наперед того писали многижда, чтоб к нам ѣхали,—и онѣ к нам в Терской город не ѣдут и людей своих не присылают; а велѣли, государь, мы, холопи твои, отпустит к Солоху и к Алкасу от тѣх их послов по человѣку, чтоб им было вѣдомо, что твое государево жалованье к ним в Терской город прислано и послы их в Терском же городе. И мы, холопи твои, отпустили от их послов дву человѣк, а с ними послали твоего государева толмача Ивана Тварогова; и писали к ним потому ж по твоему государеву наказу, чтоб ѣхали к нам в Терской город по твое государево жалованье и твоих государевых послов проводили. И к Мамстрюку и к Канбулатовым дѣтем и к Хотову потому ж писали, чтобы твоих государевых послов проводили до Грузинские земли. И августа, государь, во 8 день приказали к нам, холопем твоим, Солох и Алкас, что онѣ служити тебѣ, государю, хотят и к нам в Терской город будут часа того и заклад приведут; а Мамстрюк, государь, и Канбулатовы дѣти и Хотов приказали, что онѣ готовы провожати твоих государевых послов со всѣми своими

уздени до Грузинские земли. И августа, государь, по 27 день в Терской город Уварской князь и Черной и Асланбековы братья и дѣти и Солох и Алкас не бывали. А Шиху твое государево жалованье дали и заклад у него взяли племянника его Батая, который был у тебя, государя. И мы, холопи твои, поговоря со князем Семеном да з дьяком с Торхом, чтоб им итти на Суншу с Шихом, а те горские князи и Кабардинские ево всѣ въстрѣтят на Сунше; а чтоб ему за тѣм не замешкати.—И, поговоря, князя Семена отпустили августа въ 23 день, а приговорили, государь, итти на Алкаса;—и грузинские послы сказали таже, что лутче тоѣ дороги нѣт в Грузи. А послали, государь, провожати с твоими государевыми послы твоих государевых людей 50 человѣк конных Терских волных казаков; а для того, государь, волных казаков послали, что на Терке в конные стрелцы не прибрался ни один человѣк. А в Асторохан мы, холопи твои, посылали сотника казачья Ивана Петрова прибирати конных стрелцов; и в Астороханы, государь, не прибралися ж конные стрелцы.—Да 50 человѣк Астороханских конных стрелцов, 200 человѣк пѣших Астороханских стрелцов и казаков да 50 человѣк пѣших Терских жилецких казаков Григорьева приказу Полтева. Да наперед, государь, твоих государевых послов послали на Суншу голову казачья Василья Онучина, а с ним 200 человѣк стрелцов и казаков; а велѣли всѣ перевозы занят и укрепити, чтоб за твоими государевыми послы никаких людей не пропустити, докамѣстъ пройдут в Грузинскую землю. Да по перевозом же, государь, послали Терских волных же казаков сто человѣк. А как, государь, пошол князь Семен да діякъ Торхъ из Терского города,—и оставили у нас, холопей твоих, Уварскому князю твое государево жалованье—шуба бархат золотной на соболех, на ней 7 пугвиц серебряных, шапка лисья горлатная черна да пансыр,—да Чорному князю—шуба бархат бурской з золотом на соболях, на ней 7 пугвиц серебряных, да шапка лисья горлатная черная,—для того что им итти на Алкаса. И сентября, государь, во 8 день писал к нам, холопем твоим, с Сунши казачья голова Василей Онучин, что писали мы ж, холопи твои, к Мамстрюку и х Канбулатовым дѣтем и к Хотову, чтоб приводили Кабардинских черкас под твою государеву руку; и поѣхали были в Терской город Куденек мурза Канбулатов сынъ, а с ним поѣхали были Асланбеков сынъ Чаполов мурза да Хатуевых два племянника Хазлов да Швомунук, а с ними родовых черкас—человѣк с 60,—а поѣхали были укреплятися, как им быти под твоею государевою рукою. А про Мамстрюка сказали: Мамстрюк де будет часа ж того; а с Мамстрюком де будут Аслан-

беков брат Енсох да Хатуй да Асланбеков же сынъ Чайполова брат болшой и племянники Асланбековы всѣ. И то де нам, государевым воеводам, известит, что быти было у нас в Кабардѣ на княженье Асланбеку,—и Асланбека не стало; и ныне де мы изобрали на княженье Янсоха Асланбекова брата. И в тѣ поры на Суншу пришли твои государевы послы, а тѣх черкас заѣхали; и почали де, государь, княз Семен да дьякъ Торхъ тѣм черкасом говорити по твоему государеву наказу, чтоб их проводили до Грузинские земли, а, проводя бы их, ѣхали в Терской город. И онѣ де, государь, князя Семена хотят проводит. А как де, государь, княз Семен на Сунше стал,—и на Суншу де приѣхали Мамстрюк да Бузурук мурза Канбулатов племянник да и Солох и Алкас да Чорного князя сынъ Гелѣя да Уварского князя Канбулака два узденя; а поѣхали де были, государь, в Терской город по нашему писму. И княз Семен де им тож говорил, чтоб наперед ево проводили, а проводя ѣхали в Терской город. И тѣ де, государь, князи и мурзы, которые приѣхали на Суншу, князя Семена хотят провожати и шертвовали ему на том, что им проводити твоих государевых послов до Грузинские земли; и закладъ де, государь, Алкас дал четырех узденей, потому что с ним сына, ни племянника на Сунше не было. И тот де, государь, заклад князь Семен оставил на Сунше у Василья Онучина до тѣх мѣстъ, доколи возмет у него заклад сына или племянника да пришлет к нему на Суншу. А Солох де, государь, заклад князю Семену дал узденя своего Бикана, которой был у тебя, государя; и княз Семен ево отдал казачье головѣ Василью Онучину, а Василей тот заклад послал к нам, холопем твоим, в Терской город з жилецкимъ казаком с толмачом с Иваном с Твароговым да с Астороханским стрелцомъ с Микиеорком Ивановым Иванова приказу Чачадаева. И тѣ, государь, толмач и стрелец, приѣхав, сказали, что тот у них закладной уздень на Терке з дороги с Вышестокова побежал. А которые, государь, князи и мурзы пошли провожати твоих государевых послов, а к нам, холопем твоим, приказали, что, проводя твоих государевых послов, к нам в Терской город будут и до...., как имъ быти под твоею государевою рукою,—и мы, холопи твои, тотчасъ отпишем къ тебѣ ко государю. А твои государевы послы пошли с Сунши сентября въ 13 ден. Да здѣсе, государь, были присланы сукна иноземцом на роздачю, которые похотят тебѣ, государю, служит,—и тѣ, государь, сукна всѣ в роздаче Кабардинским князем и мурзам и узденем и которые шерть дали, а ныне тебѣ, государю, служат; а преж того к тебѣ ко государю мы, холопи твои, о том писали.—А перед, государь, князи и мурзы и уздени или

которые черкасы учнут приезжати в Терской город, а похотят тебѣ, государю, служити,—и им твоего государева жалованья дати нѣчего. А то, государь, им и лутчее, чтоб хоти не повелику дати сперва твоего государева жалованья. А всѣх, государь, болѣ надобно твое государево жалованье Хотову, потому что ево служба великая к тебѣ ко государю; и ты, государь, нам, холопем своимъ, о том свой государевъ указ учини. А с сѣми грамотами мы, холопи твои, послали к тебѣ, государю, жилецкого сотника казачья Івана Петрова да Микиту Зиновьева; а Микиту, государь, Зиновьева для того послали, что он во всю зиму и в весну жил в Кабардѣ для твоего государева дѣла и для вестей тебѣ, государю, служил и у Шиха в Окохах і во всѣ Черкасы был посылан,—и он тебѣ, государю, все розскажет—которые черкасы тебѣ, государю, служат и обычеи их все вѣдает. Да с ними ж, государь, отпустили к тебѣ, государю, челобитчика жилецких казаков казака Василья Терентьева о их нужах.

На оборотѣ: Государю ц. в. к. Ѳ. И. в. Русиі.

98-го ноября въ 22 де с Іваном с Петровым.

(*Кабардинскія дѣла 1589 г. д. № 5*).

Господину князю Семену Григорьевичю да діяку Торху Онтонову Ондрей Хворостинин с товарищи челом бьет. Прислали есте к нам стрелцов Ивашка Белово да Якуша Сосновского; а с ним прислали ко государю грамоту и роспись посолства своего. И мы их отпустили и грамоты и роспись ко государю послали. А тово еси ты, господине, к нам не отписал:—зачем вам зимовати? А Шевкалской государю добива(етъ) челомъ, послов своих присылает часто и сам к нам хочет быти. А как у нас будет, — и у нас с ним болшой договор будет, чтоб государевым людем от нас ездити въ Грузи, а грузинским к нам через ево Шевкалову землю. И каковы у вас вести будут про Шевкалского,—и вы б нас без вести не держяли. Да однолишно б есте говорилі Олександру, чтоб Олкаса, не укрепя, не отпускал для... бя; а и отпустит,—и он бы у него взял заклад сына или племянника, а мы здес возмем заклад сына или племянника.

На оборотѣ: господину князю Семену Григорьевичю да діяку Торху Онтонову.

Господину князю Семену Григорьевичю работникъ твоего жалованья Грише Полтев челом бью. Буді, государь, Богом хр.... со всѣми обдержимыми тобою. А про меня пожалуеш вспросиш,—и я в Кобардѣ декабря по 2-е число ещо жив; а прислан есми в Кобарду для государевых ослушников. А со мною вогненово бою 750 человѣкъ и со мною ж ходит Кобардинской Янсох князь и ево племянники Ка-

зый-мурза з братьею и Осланбѣковы и Булатовы дѣти и многие мурзы. И Божьею милостью, а государя нашего православнаго царя счастьемъ, Кабардинскую землю всее под государеву руку привели и... кобаки пожгли и животы их розорили. А т.... Олександра царя черкашенин Янкшь, которой ездил з грамотами в Тюменской город, и ты бы про наше дѣло и про службу сказал Олександру царю, что... рукою вся Кабарда стала в одинастве.....; и к Олександру царю писал про то дѣло я тоже..... бы про то дѣло было вѣдомо. И Торху бы еси Онтоновичю дал тое грамоту прочести. Тебе, государю, челом бью да Торху Онтонов... великое челобитье; да пожаловатi ему про..... камочкою хорошою на каѳтан.

На оборотѣ: господину князю Семену Григорьевичю.

99-го сентября въ 5 день такову отписку к государю прислали с Сунши послы князь Семен Звенигородцкой да дьякъ Торхъ Онтоновъ:

Государю царю і великому князю Федору Ивановичю всеа Русiи холопи твои Семенец Звенигородцкой да Торшокъ Онтоновъ челом бьют. Отпустил, государь, нас холопей твоих к тебѣ ко государю Олександро царь от себя ис Кры(му) маия въ 11 день. А с нами вмѣсте отпустил к тебѣ ко государю Олександро царь на твоем государеве жалованье и на грамоте жаловалной бити челом и з данью послов своих Сулимана да Хуршита; а дани с тѣмi своими послы послал к тебѣ ко государю зерцало да двои наручи булатны, в них врѣзывано золото сь яхонты с червчаты и с лалы и з бирюзами и с ыным с розным каменьемъ да 9 камок золотных да аргумак темносѣръ с попонкою и с повяскою золотною. Да отцу и богомолцу твоему государеву свѣтѣйшему патриарху Иеву всеа Русiи послалъ с ними от себя и от царицы даров по камкѣ по золотной да по шти камок без золота розныmi цвѣты да по двои дороги. Да митрополит, государь, Миколай послал к патриарху Иеву аргумак гнѣдъ. А про того, государь, посла своего Сулимана Олександро царь к нам, холопем твоимъ, з дiакомъ своим с Терсомъ приказывал, что тот Сулиман у него человѣкъ великой. Да и самъ, государь, Александро царь на отпуске намъ, холопем твоимъ, говорил, что того посла Сулиманов отец у отца его у Левонтья царя был дворетцкой и жаловал его, любил, что душу свою; а он, Александро царь, ныне жалует его, любит Сулимана, что душу ж свою, и посылает к тебѣ ко государю, что сына своего.—И мы, государь, пошли из Крыму от Олександра царя того ж числа. А послы, государь, его Сулиман и Куршит сѣхали нас под Аристовымъ кабаком; а людей, государь, у них, которым быти с ними, у Сулимана 6 человѣкъ, а у Куршита 4 человѣки. И пришли есмя, государь, на

Сунщу к твоему государеву остогу маия в 31 день; а шли есмя, государь, тою дорогою, которою шли в Грузи, на горах снѣги протаптывая и на рекѣ на Терке мостя мосты, наймуя к твоим государевымъ стрелцомъ и к своим людишкамъ человѣкъ по 100, что на горах снѣги не сошли, а в рекѣ в Терке полая вода. А в Тюменской город к твоимъ государевымъ воеводамъ ко князю Ондрѣю Ивановичю Хворостинину с товарыщи писали есмя марта въ 11 день, чтоб провожатых прислал к намъ, холопем твоим, встрѣчю в горы под Ларсов кабак двѣ недѣли спустя после Радуницы, что по вестем приходитi было на нас, холопей твоих, как мы шли к Олександру царю, в горах горнымъ людем. И воеводы твои государевы князь Ондрѣй Хворостинин с товарыщи писалі к нам под Аристов кабак с Олександровымъ черкашенином з Баиграмом маия въ 16 день, как мы шли к тебѣ ко государю; а велѣли нам прислати к себѣ с вѣстью в тот день, как нас Олександро царь от себя отпустит, и они к намъ провожатых пришлют. И мы, государь, к ним з дороги послали были дву человѣкъ стрелцов Гришю Попа да Васку Горячку; и тѣ, государь, стрелцы в горахъ не проѣхали, воротились к нам назад, что з гор лошеді под ними побились. А тот, государь, черкашенин Баиграм от твоихъ государевыхъ воевод пришел рекою Теркою до полые воды по кладем пѣш; а твоим государевымъ стрелцомъ проити было и пѣшимъ не мочно, что в Терке от прибылые воды клади понесло. И мы, государь, в горах шли, не дожидаясь провожатыхъ; а стояти, государь, в горах и ждати провожатых от горныхъ людей не смѣли, чтоб твоему государеву дѣлу порухи не было. А как, государь, из гор вышли верхъ Сунши на Терке,—и на поле встрѣтил нас Олкас князь с уздени своими и нас, холопей твоих, провожал Алкас князь; а какъ воротился,—и он послал провожаті узденей своих до твоего государева острогу до Сунши.—А о исправленье, государь, вѣры крестьянские после того собору, как был на соборе у митрополита Миколая старец Захѣя з братьею, и к тебѣ ко государю мы, холопи твои, стрелцомъ с Мурзою о том писали [8]), другой собор не бывал. А присылал, государь, Олександро царь до старца Захѣю з братьею в село в Шилду, велѣл имъ въ Лазареву суботу быти у себя в Крыму; и старец, государь, Захѣя з братьею в Крыму был. И приѣхал ис Крыму в Шилду в вербное воскресенье,—намъ, холопем твоимъ, сказывал: приказал имъ Олександро царь с приставом с Ываномъ, чтоб

[8]) Отписка не сохранилась.

ѣхали в Арханилской монастырь. И они де, государь, в Арханилской монастырь пріѣхали; и стрѣтил их в воротех архимарит Ѳеонасей из грек Иверского монастыря, которой был преж сего на соборе. И пришел с ними в церковь в Арханил; и в церкве деи, государь, украшенье церковное по чину. И архимарит деи, государь, Офонасей имъ говорил: которые были недостатки в церковномъ чину, и то все исполнено, чтоб твои государевы свещенники и дьяконы завтра в вербное воскресенье обѣдню служили. И он де, государь, Захѣя з братьею ему говорили: церковное украшенье видимъ по чину; покажите намъ престолное украшенье. И престолного деи, государь, украшенья он Захѣя з братьею смотрил: и на престоле сорочка положена покрово.. не по чину и препоясание не по чину же и индитьи нѣт; а антимис вшит в плат по чину, а на немъ написано: „во имя Господа нашего Иса Христа кир Никодим митрополит при благовѣрномъ царѣ деспо Георгие в лѣто 6949“. А на еваниле выпечатан на кожс одол крест, и на сосудех церковных святости не написано. А храму, сказал Ѳеонасей архимарит, как поставлен дватцат пять лѣт. И оп деи, государь, Захѣя з братьею говорили, что онтимису по подписи сто пятдесят лѣт, а храм поставлен дватцать пят лѣт, и тот антимис взят из ыного храму и украшенье престолное и сосуды церковные не по чину и индитьи на престоле нѣт и имъ свещенником и дьякономъ служити обѣдни невозможно. А будет велит Олександро царь тѣ недостатки исполнити по чину и церков свещаті, и они исполня и храмъ освещают и обѣдню служат в великой четвергъ; а будет имъ не велит храму свещаті, а у него будетъ у архимарита Офонасья уставу о церковномъ чину нѣт, и он бы архимарит Офонасей в томъ не посрамился, взял у них писмо с уставу о церковномъ свещенье вкрадце, да потому учинилъ. И архимарит деи, государь, Офонасей имъ говорил: у пас во святых горах болши того церковное украшенье не бывает да и не умѣю деі болши того; а обѣдню хотите служите, хотите не служите, а свещати вамъ храму Олександро царь не дастъ. И он деі, государь, Захѣя з братьею въ Лазареву суботу в Арханилскомъ монастырѣ вечерни и в вербное воскресенье завтрени и обѣдни слушали, а пѣли вечерню и завтреню и обѣдню служили он архимарит Ѳеонасей да с нимъ греченя попы и дьяконы; а Олександро де, государь, царь слушал пѣнья у церкви у себя.—А иконников, государь, Посника Дермина с товарыщи Олександръ царь с нами не отпустил; а пишут, государь, в селѣ в Тогу в церкви и в Егорьевском монастырѣ Алаверды стѣнное писмо и мѣсные образы дѣисус и празники. І мы, государь, об них Олексан-

дру царю говорилі, чтоб их отпустил к тебѣ, государю; и уговорити, государь, было его не мочно и слушати про них наших рѣчей не учал. А говорил, государь, намъ: буде вамъ не надобет голова моя, и вы о иконникех говорите. Государству моему, какъ учинилос во крестьянской вѣре, тысеча двѣсте шездесят лѣт; и в тѣ времена от разоренья иновѣрных многие монастыри и храмы порушились, а ныне я то все хочю воздвигнути, их устроити при своемъ животѣ, как было преж сего. И о томъ великому государю приказывал есми с послы своими бити челом, чтоб ко мнѣ прислал иконников; и государь меня пожаловал, прислал иконников. А я ныне приказываю вамъ і посломъ своимъ великому государю бити челом, чтоб государь меня пожаловал, прислал ко мнѣ к тѣм иконником иных иконников в прибавку; а вы хотите у меня отняти и тѣхъ иконников.—Да Олександро ж, государь, царь присылал к намъ, холопем твоим, перед отпускомъ посла своего Сулимана, которой идет к тебѣ ко государю с нами, холопи твоими да дьяка Терса. А велѣл намъ говорити: написано в твоей государеве жаловалной грамоте: надобет Олександру царю твои государевы люди,—и указ твой государевъ в Тюменском городе у воевод есть, что Олександру царю велено людей давати, сколко надобет. И как будем мы, холопи твои, в Тюменском городе,—и нам бы взяти у твоих государевых воевод 100 человѣкъ стрелцов. А хочет тѣх стрелцов Олександро царь поставити от Шевкалского на сторожах в горах по щелем; а толкими деи людми государю их, Олександру царю, не оборонитись, толко б была слава, что государевы руские люди у государя их, Олександра царя. И мы, государь, говорили, что твой государев указ в Тюменскомъ городе у воевод есть: будет государю их, Олександру царю, люди надобет,—и имъ людей даваті велено. И государь бы их Олександро царь под тѣ люди послал лошадей, на чомъ им поднятись, и кормити их велѣл и хитрости б никоторые над твоими государевыми людми не учинил. А твоимъ государевымъ воеводамъ за что за то стояти? Людей к нему пришлют, сколко ему надобет. А по вестем, государь, мы, холопи твои, свѣдали: прислал к нам тѣхъ твоих государевых стрелцов просити для того, чтоб мы у него оставили казаков, которые волные казаки, сшед с Терки реки, жили у зятя его у Семена, а Семен их держал у себя полчетверта года по неволе, а назад не отпустил. И они, послыша то, что ты, государь, Олександра царя пожаловал, принял под свою царскую руку и послы твои государевы к Олександру царю будут, прибежали к Олександру царю наперед нас, холопей твоих, а иные и при насъ; и стояли у Александра царя лѣтомъ по щелемъ в горах от Шевкала на сторо-

жах. А как пришла зима,—и Олександро царь не почал имъ корму даваті, для того что зимою на стороже не стоят, и велѣл был ихъ по азнауромъ роздати, чтоб их прокормили до лѣта; и тѣ, государь, казаки к азнауром не пошли, а пришли к намъ, холопем твоимъ. И мы, государь, их кормили и держали у себя всю зиму и до отпуску, и ис тѣхъ есма казаков оставили у Олександра царя до твоего государева указу 25 человѣкъ для того, чтоб ему ис Тюменсково города стрѣлцовъ без твоего государева указу не дати; да и вперед, государь, ему тебѣ, государю, о людех бити челом, чтоб твои государевы люди у него вь его государстве были. А которые, государь, Астараханские конные стрелцы были с нами в Грузехъ,—и мы, государь, тѣхъ стрелцов отпустили в Астарахань. А сю отписку и аргумаки, что послал к тебѣ ко государю Олександро царь и к свѣтѣйшему патриарху Иеву послал митрополит Миколай, отпустили к тебѣ ко государю с сотникомъ стрелетцкимъ з Григорьемъ Кумтариновымъ; и к твоему государеву боярину и к воеводамъ ко князю Ѳедору Михаиловичю Троекурову с товарыщи да к діаку к Меншому Дюрбеневу в Астарахань писали, чтоб того сотника с сею отпискою и с аргумаки отпустилі к тебѣ ко государю не издержав. А сами, государь, мы, холопи твои, з грузинскими послы пойдем с Сунши в судѣхъ в Тюменской город июня въ 1 день.

И государь царь и великиі князь Федоръ Ивановичь всеа Русиі, слушав отписки посолской, велѣл отписати в Казань к воеводе к Дмитрею Вельяминову с товарыщи; а велѣлъ князя Семена и дьяка Торха ис Казани отпустить к Москве наперед грузинских послов.— *Грамата о семъ въ Казань отъ 20 сентября 7099 г.—Отписка о пріѣздѣ пословъ въ Казань отъ 20 октября получена въ Москвѣ 9 ноября.*

Государю ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. холопи твои Ондрѣй Хворостинин съ товарищы челом бьет. Июня, государь, въ день твои государевы послы князь Семен Звенигородцкій с товарищы из Грузеи в Терской город пришли, дал Богъ, здорово; а с ними пришли грузинского царя Олександра послы Сулеман да Куршит, а идут к тебе ко государю. И мы им твой государевъ кормъ давалі и от собя к ним кормъ посылали. А приказывал к нам царь Олександръ с своими послы, чтобы нам дати твоих государевыхъ людей на ево недрузей; а нам, холопем твоим, о том твоего государева указу нѣт. И мы, холопи твои, о том ко царю Олександру писали: как ему надобны будут твои государевы люди, и он бы к нам ..вѣсно учинил: на ково нам на ево недрузей государевых людей дати? И мы твоих госу-

даревых людей пошлем на ево недрузей. А писали к нему для твоей государевы славы. И ты нам, холопем своим, о том свой государевъ указ учини. А про тово мы, холопи твои, приказывали к Алкасу князю с человѣком съ ево со Львом, чтоб Алкас к тебѣ ко государю службу свою и правду показал, твоих государевых послов князя Семена с товарищы въстрѣтил и проводил до Сунши. И Алкас к тебѣ ко государю службу свою показал, твоих государевых пословъ въстрѣтил в Сонской земли и проводил. А приказывал к нам, холопем твоим, Олександръ царь с послы своими, чтоб нам Алкасовых людей отпустити к Олкасу, которые были в закладе в Терском городе для посолского провожания, Апшовъ да Сланук да Асланбек. И мы, холопи твои, Алкасовых дву человѣк Апшова да Сланука к Алкасу отпустили по Олександрову писму и для того, что Алкас твоих государевых послов въстрѣтил и службу свою к тебѣ ко государю показал; а Асланбека оставили в Терском городе, которой был у тебя, государя, преж сего, от Алкаса в челобитчикех для того, чтоб Алкас к нам в Терской город ѣхал и укрепился, как ему вперед быти под твоею государевою рукою. А твоих государевых послов князя Семена Звенигородцкого с товарищы и грузинских послов отпустили в Асторохань въ стругех июня въ 11 день; а послали проводити до Асторохани твоих государевых послов и грузинских голова казачия Воина Оничкова от воровских казаков, а с ним послали Астороханских стрелцов и казаков.—Да мнѣ, холопу твоему, прислал с своими послы с Сулеманомъ да с Куршитом жеребя гнѣдо аргамачі; да преж того, государь, прислал но мнѣ с посланником своим в Баиграмом саблю.—А послали к тебѣ ко государю с сѣми грамотами жилецкого казака Григорьева приказу Полтева Бову Гаврилова.

На оборотѣ: Государю ц. и в. к. Ѳ. И. в. Русіі.—99-го сентября въ 21 де привез пятидесятник Бова Гавриловъ.

(*Грузинскія дѣла 1590 г.*).

И ноября въ 15 день государевы послы князь Семен Звенигородцкой да дьяк Торхъ Онтоновъ к Москве пріѣхали. А как ся у них государево дѣло в Имерской землѣ дѣлалос, і они подалі государю список.

А се спісок как ся у них государево дѣло дѣлалось. (*Подлинный въ грузинскихъ дѣлахъ к. I/a д. № 2. 1589 апр. 23—1591; копія въ грузинскомъ статейномъ спискѣ № 1 на лл. 201 об—383*).

7097 г. апрѣля 23 д. царскій указъ о посылкѣ ихъ въ Грузію.—Въ Терской городъ пришли августа 6 д.

И воевода князь Ондрѣй съ товарыщи послом князю Семену да дьяку Торху говорили, что у нихъ въ Терскомъ городе тѣх Черкасских князей Солохова и Алкасова закладу, братьи и детей и племянников нѣтъ; и сами тѣ Черкаские князи в новой Терской город не приѣзживали и никого не присылывали. А вѣсти у них тѣ есть, что Солохъ и Алкасъ князь в соединенье в дружбе с Шевкалским князем и шертовалі Турскому и Крымскому. А Ших мурза в Терской город приезжает и государю служит.—А к Оварскому да к Чорному князю послали де они воеводы о закладе сотника стрелетцкого Микиту Зиновьева, да с нимъ казаков трех человѣкъ, и велѣли ему ѣхати на Шиховъ кабакъ. И к Шиху с тѣм сотником приказалі, чтоб Ших с ним сотником послал к Оварскому да к Чорному князю для государева дѣла племянника своего; а самому Шиху и с Алгаш мурзою с Шевкаловым сыном велѣли быти у себя и заклад с собою вмѣсте привести. А в Кабарду к Черкаским князем к Солоху и к Алкасу послали де они стрелца Гришку Иванова да казаков Демку Иванова да Микифорка Семенова; а наказали с ними, чтоб Солох и Алкас был к нимъ к воеводам в Терской город по государево жалованье и заклад с собою привели, кому мочно вѣрити. И тот деи сотникъ Микита Зиновьевъ писал к нимъ к воеводам ко князю Ондрѣю съ товарыщи: как он приѣ(хал) к Шиху, и въ ту ж пору приѣхали къ Шиху от Олександра царя дв(а) человѣка—Баиграм Казанов да Келяима Халѣев. А говорили ем(у), что царь Александро прислал ихъ къ Шиху мурзѣ про государевых и про своих послов провѣдати:—скол борзо будут в Терской город? И дороги провѣдати: куда лутчи итти? И они де дорогу провѣдали: итти послом безстрашно на Метцкие гребени, на Шихово племя, на Бурнашову да на Амалѣеву землю, да на Батцкие гребени; а владѣет тою Батцкою землею государь их Александръ. А, провѣдавъ, вел(ѣлъ) им Олександръ царь к себѣ ѣхати. Да и поѣхали деи тѣ люди к Олександру царю. А ему деи сотнику от Олександра царя дали двѣ грамоты, а велѣли одну грамоту отдат Терскому воеводе, а другую отдати царя Александровым послом князю Каплану с товарыщи, какъ они придут в Терской город; и тѣ деи об(ѣ) грамоты тот сотникъ Микита прислалъ к ним ко князю Ондрѣю (съ то)варыщи.

И послы князь Семен и дiакъ Торхъ тѣ грамоты у воевод взяли (и ве)лѣли перевести и списати двои списки; да одни списки послали ко государю, а другие оставили у себя. А прямые грамоты, которая писана к воеводе, отдали князю Ондрѣю с товарыщи, а которая писана к грузинским послом, отдали князю Каплану с товарыщи.

Да воеводы ж князь Ондрѣй с товарыщи сказали про Оварсвого князя: писалъ к ним тот же сотник Микита Зиновьевъ: сказывал деи ему Шихъ мурза, что Оварского не стало тому недѣль с восмь, а на его мѣсто на княженье не укрепился нихто; а хто на Оварском княженье укрепитца,—и онъ деи Шихъ к Оварскому и к Чорному князю пошлетъ своего жъ племянника. А тѣ деи казаки и стрелцы, которые посланы к Солоху и к Алкасу князем, сами в Терской город не бывали и к ним к воеводам ничево не писывали.

И послы князь Семенъ и діакъ Торхъ велѣли послати к Солоху и к Алкасу и к Шиху послом их людей своих от себя по одному человѣку; да с ними отпустили казаковъ—дву человѣкъ. А наказали послов их людем и казаком, чтобъ Солохъ и Алкасъ князь и Шихъ мурза по государево жалованье в Терской город были и заклады с собою привели. Да Шихъ же бы мурза послал от себя к Оварскому князю: хто ныне на Оварском княженье укрепился? Да к Чорному князю племянника своего, чтобъ Оварской и Чорной князь по государево жалованье въ Терской город были и заклады с собою привели.—А самих Солохова и Алкасова послов Бикана да Асланъбѣка къ их князем не отпустили, что Солохъ и Алкасъ князи государю не прямятъ и закладов не присылывали и сами в Терской город не приѣзживали. А грузинскимъ послом говорили, чтобъ они послали к Олександру царю для людей и лошадей людей своихъ, чтобъ ѣхати на свѣжихъ лошадях. И грузинские послы к Олександру царю для людей и лошадей людей своих дву человѣкъ отпустили.—А что писалъ царь Александръ в своей грамоте к послом своим о государеве раті,—и грузинскіе послы послом князю Семену и дьяку Торху говорили, что государь по челобитью государя их Александра царя пожаловалъ, велѣлъ дать рать на Шевкала многую; а ныне они видят,—рать с ними пришла в Терской город не велика, а государь их Олександро царь о рати к ним пишет.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: рати государевы пришло с нами из Астарахани в Терской город вогненово бою 1200 человѣкъ в прибавку к готовой к Терской рати, а иная многая рать конная и судовая будетъ на Шевкала после нас; а нам государь велѣл итти для далные дороги наспех. А Шевкалъ будет приведен под государеву руку и недруг государю их Олександру царю не будет. Да и сам ты, князь Каплан, с товарыщи говорил, чтобъ государеве рате итти иною дорогою, а не вмѣсте с нами. А се нынѣ за Шевкалского билъ челом государю зять его Мурат Кирѣй царевичъ, чтоб государь пощадил, на Шевкала вскоре рати своей не

ускорил послати; а он Шевкалъ будет под государевою рукою и дорогу в Иверскую землю и из Иверскіе земли чисту учинит. Да и послал царевичъ Мурат Кирѣй к Шевкалскому своего человѣка, чтоб Шевкалской перед государем исправился и сына своего ко государю прислал и дорогу через свою землю утвердил; а войны и кровопролитья от государя на себя не навел.

И грузинские послы говорили, что Шевкалу вѣрити не мочно: толко не велитъ государь ево воевати, и ему з государем их Александром царем мирну не бываті.

И послы князь Семенъ и діак Торхъ говорили: толко Шевкалской перед государем не исправитца и со государем их с Олександром царем в миру не будет,—и Шевкалу от государя гдѣ ся дѣт?

И августа в 21 день пріѣхал в Терской город Шихъ мурза.

И послы князь Семен и діак Торхъ, говоря с Терскими воеводами со князем Ондрѣем с товарыщи, велѣли его поставити на дворѣ.

И того ж дни послы князь Семен и діакъ Торхъ по Шиха послали сотника стрелецкого Григорья Кутаринова да толмача Ивариса Драгичева; а велѣли им Шиху говорити, чтоб он пріѣхал к ним в стан: есть к нему государево жалованье, грамота.

И Ших мурза к стану пріѣхал. И послы князь Семен и діакъ Торхъ велѣли ему быти у себя в шатрѣ;—и Шихъ в шатер пришол.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ от государя Шиху мурзѣ поклон правили и грамоту подали и рѣчь говорили по государеву наказу; и государево жалованье ему дали по росписи.

И Шихъ мурза на государеве жалованье бил челом. А говорил, что он государю служити хочет по свою смерть также, как отцу его г. ц. и в. к. Ивану Васильевичю в. Р. и ему государю служил прежсего отецъ его Шиховъ и он Ших; и провожати государевых послов через Черкаскую землю, до коих мѣстъ пригоже, хочет. А в заклад привел племянника своего Батая, которой был у государя от него Шиха в послѣх.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ племянника его Батая отослали к воеводам ко князю Ондрѣю с товарыщи.

А про Черкаских князей про Солоха и про Олкаса и про Шевкалова сына и про Олкаша и про Оварского и про Чорново князя и про Шевкалские и про Кумыцкие и про Грузинские вѣсти и про дорогу, куды лутчи итти, послом Шихъ мурза по вспросу сказал:—Солох и Алкас князь ныне в соединенье с Шевкалом князем и прямят заодно Турскому и Крымскому. А сеѣ весны был у Асланбѣка князя Крымского царевич, а пріѣзжалъ от Турского з жалованьем,

чтоб служили Турскому и Крымскому с Шевкалом вмѣсте; а тѣ князи Солох и Алкас у царевича были и жалованье взяли.—А живет ден нынѣ Алкас князь от прежнего своего кабака, на которой кабакъ шол Родивон Биркин да Петръ Пивов в Кабарду, два дни ѣзду; а нынѣ то мѣсто, что стоялъ Алкасов кабакъ,—пусто. А согнали Алкаса войной Асланбѣковы дѣти—Янсох з братьею да человѣкъ Асланбѣковъ Янсохчисы для того, что убил брата своего Калабатыевых детей Катмаса да Карбека; а им 'Калабатыевы дѣти племя. А самого Асланбѣка Кабардинского болшого князя не стало тому недѣль с шесть; а княженье де его хотят дати всею Кабардинскою землею брату его Янсоху. А к Оварскому и к Чорному к(нязю) послалъ де он Ших племянника своего. А того ему еще не вѣдомо,—кто на Оварском княженье укрепился. А Шовкалов сынъ Алкашъ мурза жил близко его Шихова кабака, а ныне живет в Шевкалех в кабакѣ у брата своего у Сарха; а согнали его с своего кабака Кумытцкие князи Колпров да Будачѣй, Смаилевы дѣти. И ныне живет в неволе. А он Ших послал к нему человѣка своего,—и человѣкъ его к нему не бывал. И того он не вѣдает: будет ли Алкаш мурза Шевкалов сынъ или не будетъ?—А про дорогу сказал, что он тѣ всѣ дороги знает; а итти сказал Ших тѣх обѣих дорогъ, что провѣдали царевы Олександровы люди, и на Оварского и на Черного князя лутчи старою дорогою, которою шол Родивон Биркин; а тѣми дорогами конным людем со вьюки проход по горам нужен и далекъ.—Да и грузинские послы князь Каплань с товарыщи говорили, что итти тою ж дорогою лутчи, что шол Родивон Биркин.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ воеводам князю Ондрѣю с товарыщи про дорогу сказывали, что итти тою жъ дорогою, что Родивонъ шол, через Алкасову да Солохову землю; а тѣ князи государю не прямят. И они б воеводы послали к тѣм князем, которые государю прямят и в Терской город к ним к воеводам приезжают, к Очекану да Куденеку Канбулатовым да Мастрюку Темрюкову да к Хотову Азарокову казаков человѣкъ дву или трех. А с ними приказали, чтоб тѣ князи государю службу свою показали, пріѣхали на Суншу, гдѣ стоят государевы головы в остроге, и их послов с Суншн через Черкаскую землю, до коих мѣстъ пригоже, проводили;—чтоб в том государеву дѣлу порухи не было.

И воеводы князь Ондрѣй с товарыщи к тѣм князем и к Хотову послали о провожанье казаков дву человѣкъ да Гяти князя Канбулатова, а Очеканова да Куденекова брата, которой сидит в Терском городе в закладе человѣка.

А послы князь Семен и діакъ Торхъ пошли ис Терского города на Сунжу августа въ 23 день в судѣх; а Ших мурза поѣхал с ними. А провожатых им дали воеводы князь Ондрѣй с товарыщи 250 человѣкъ казаков Астараханских и Терских—пѣших съ тремя человѣки сотники, да волных конных Терских казаков съ тремя человѣки атаманы—43 человѣки—къ прежним провожатым 50 человѣком стрелцом конным, которые им даны в Астарахани в Терских в конных стрелцов мѣсто, что на Терке конные стрелцы прибрались, да к сотнику да к тѣм к 40 человѣком Астараханским стрелцом, которым с ними быти в Грузинской землѣ.

И послы князь Семен и діякъ Торхъ сотника с стрелцы конными и атамана с волными казаки с конными ж да с юртовскими татары, которым татаром государевых послов по государеву наказу 20 человѣком велѣно провожати до Сунши,—отпустили ис Терского города с лошадми своими к Сунше полем; а пѣшие стрелцы и казаки пошли с послы в судѣх.—А Черкаских князей—Солохова и Алкасова послов — Бикана да Асланбѣка и государевы грамоты и жалованье, что х князем их с послы послано, и государево ж жалованье к Алкасу мурзѣ Шевкалову сыну взяли до Сунши с собою для того: будет тѣ князи похотят государю служити и к ним к послом приѣдут з заклады, — и они им государево жалованье, укрепя, дадут. А что государева жалованья и грамоты послано к Оварскому да к Чорному князю,— и послы князь Семен и діякъ Торхъ тѣ грамоты и жалованье и з записи шертовой противен, по чему тѣм князем государю правду дати, шертовати,—оставили у воевод у князя Ондрѣя с товарыщи, для того что им итти не на их землю. А говорили послы князь Семен и диакъ Торхъ с воеводами: будет тѣ князи сами в Терской город будут или кого пришлют з закладомъ, а закладу будет мочно вѣрити, и дадут государю правду, шертуют по записи,—и им то государево жалованье дать.

И сентября в 4 день на рекѣ на Терке приходил к послом ко князю Семену и к діаку Торху Ших мурза. А сказал: посылал он к Оварскому да к Чорному князю племянника своего. И Оварского Нацала князя сынъ—Канбулукъ, которому всею Оварскою землею хотят дати княженье, прислал к нему к Шиху дву человѣкъ узденей своих Бахмет Умарома да Мусасу Алгатова; а Черной князь прислал сына своего Гелѣя. И ныне тѣ Оварского уздени съѣхали его Шиха с племянником его здѣся на рекѣ на Терке; а про Чорного князя сына сказалі ему, что остался у него у Шиха в кабакѣ.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ Оварского князя узденем велѣл быти у себя в шатрѣ.

И Оварского князя уздени по вспросу сказали, что Оварского Нацала князя не стало недѣль с сем; а Оварское княженье всею землею дают ныне сыну его Канбулуку. И какъ пріѣхал х Канбулуку князю да к Черному князю Шихов племянникъ,—и их деи Канбулукъ князь поѣхал был в Терской город сам, а Чорной князь послал сына своего Гелѣя; а поѣхали были на Шихов кабакъ, а ѣхати было им в Терской город вмѣсте с Шихом. И на полудороге пришла вѣсть, что Ших в Терской город уѣхал; и Оварской деі князь воротился, без Шиха не поѣхал, а послал в Терской город Черного князя с сыном их четырех человѣкъ узденей. А наказал деи с ними к Терским воеводам, что он государю з братьею своею и с племянники и со всѣм своим родом и со всею своею землею служити хочет; гдѣ велит государь итти на своего недруга,— и он з братьею и с племянники и со всѣм своим родом и со всею землею идет. А ныне гдѣ велят ему государевы послы быти у себя или Терские воеводы в Терском городе,— и он будет. И на дороге деи пришли на них лихие люди розбоем и дву из них узденей ранили, и они тѣх узденей воротили назад; а сами с Чорного князя сыном пришли в Шихов кабакъ,— и нынѣ Чорного князя сынъ у Шиха в кабакѣ.— И послы князь Семен и діакъ Торхъ тѣх узденей послали с Шиховым племянником в Шихов кабакъ; а наказали им, чтоб они и с Чорного князя сыномъ были к ним послом на Суншу.

А сами послы князь Семен и діакъ Торхъ пришли на Суншу сентября в 8 день. И голова казачья Василей Онучин, пришед къ послом ко князю Семену да к діаку Торху, сказал, что сентября въ 4 день пріѣхали на Суншу Черкаские князи Кабардинских черкас болшого князя Кабардинского Асланбѣков сынъ Чапалов да Куденекъ, Канбулатов сынъ, да Бузурукъ мурза, Куденеков двоюродной брат, да Хотовых два племянника—Азлов да Шумунукъ, а тот Шумунукъ Шевкалскому шурин; а с ними узденей их и рядовых черкас человѣкъ с 60. И стали от острогу версты з двѣ. И он де их спрашивал: что их пріѣздъ? И тѣ князи сказали, что они ждут государевых послов, которые идут в Грузинскую землю; а прислали их Кабардинские князи Янсох Асланбеков брат, а его Чапалов дядя, да его Чаполововы братья родные Асланбековы ж дѣти да Мастрюкъ да Хотов с тѣм, что они, совѣтовав со всею Кабардинскою землею, хотят государю служити.—А Солох и Алкас на Суншу с ними не пріѣхали.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ послали по Солоха и по Олкаса конного стрелца—толмача Якушка того ж дни; а по тѣх Черкаских князей и по Бузурука и по Хотовых племянников, которые приѣхали на Суншу, послали сотника стрелецкого Василья Гнедищева да толмача Иваниса Драичева сентября въ 9 день. И Чаполов князь Асланбеков сынъ да Куденекъ да Бузурукъ да Хотовы два племянника да с ними узденей их и черкас человѣкъ с 40 приѣхали к послом ко князю Семену да ко діаку Торху к стану того же дни.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ велѣли им быти у себя в шатрѣ. И какъ они в шатеръ пришли,—и послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: слышали есмя, что вас прислали на Суншу Кабардинские князи—Янсох, Асланбѣка князя брат, а твой Чаполов дядя, да твои Чаполовы родные братья и Кабардинские князи Мамстрюкъ Темрюков и Хотов мурза, совѣтовав со всею Кабардинскою землею, послыша нас государевых послов. И вы нам скажите: с чѣм вас Кабардинские князи прислали? И ты, Чаполов, и братья твои Асланбѣковы дѣти и дядя твой Янсох з братьею ж и дѣтми и с племянники и со всѣм своим родом и со всею своею землею и Бузурукъ и Хотовы племянники Азлов и Шумунук—под государевою рукою быти и служити государю хотите ль? И скол давно отца твоего—Асланбѣка князя не стало? И кого на отца твоего княженье всею Кабардою обирают? И будет ты, Чаполов, з братьею своею и з дядею своим с Янсохом и детми его и с племянники и со всѣм своим родом и со всею землею под государевою рукою быти и служити государю хотите и тебя, Чаполова, с тѣм дядя твой Янсох и братья и племянники и весь твой род и вся земля, что была за отцомъ твоим за Асланбѣком князем, государю бити челом прислали,—и ты, Чаполов, и с лутчими твоими уздени за себя и за братью и за дядю своего за Янсоха князя и за его дѣти и за племянники и за весь свой род и за всю землю и ты, Бузурукъ, и Хотовы племянники перед нами государевыми послы государю правду дайте, по своему масулманскому закону шертуйте, и заклады братью свою и дѣтей и племянников, кому мочно вѣрити, дайте, чтоб государю надежно вас в своем государеве жалованье под своею царьскою рукою держати, а вам бы надежным быти въ его государеве жалованье.— А ныне б есте первую свою службу ко государю показали, нас государевыхословъ до Грузинские земли и назадъ из Грузинские земли до Терского города проводили; а, проводя нас до Грузинские земли, были в Терском городе у воевод. А какъ, оже дастъ Богъ, пойдем из Грузинские земли,—и ты б, Чаполов, совѣтовав з дядею своим и з братьею, ѣхал сам с

нами или брата или племянника своего или людей своих добрых отпустил государю бити челом. И государь, послов ваших челобитья выслушав, пожалует под свою царьскую руку и в оборону от ваших недругов примет потому ж, какъ и иных Черкаских князей; и грамоты жаловалные, какъ вам быти въ его государеве жалованье, з золотыми печатми к вам пришлет.

И Чаполов князь и Бузурукъ и Хотовы племянники на государеве жалованье били челом. А говорил Чаполов князь, что отца его Асланбѣка князя не стало тому недѣль с восмь; а обираютъ ныне на отца его мѣсто въ Кабарду на болшое княженье дядю его родного, отца его Асланбѣкова брата, Янсоха. И Янсох дядя его, похотя государю служити и под государевою рукою быти, с ними с Асланбековыми детми и с своими детьми и с племянники и со всѣм своим родом и со всею землею совѣт учинил в Кабардѣ, съѣхався с Кабардинскими князи с Мастрюком и с Очеканом и с Куденеком и с Хотовым и со всѣми мурзами и уздени и со всею землею, что нам всѣм в государеве жалованье под государевою рукою быти и служити государю и на государевых недругов и на непослушников, на кого велит государь, с своими с людми ходити. А нынѣ, послыша вас государевых послов, послали нас со всего совѣту вас государевых послов проводити. А какъ вас послов проводим,—и дяде моему Янсоху з детми и с племянники и с лутчими уздени и ему Чаполову з братьею своею приговорили с Мастрюком и с Очеканом и с Куденеком и с Хотовым быти в Терском городе у государевых воевод и заклады с собою приведем; а нынѣ мнѣ перед вами шерти без дяди своего и без братьи совѣту дати немочно.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ Чаполову говорили: толко у вас у всѣх тот совѣт, что государю служити хотите, и на том тебя, Чаполова князя, прислали,—и тебѣ за что за то стояти? Нынѣ ты ко государю свою первую правду покажи, шертуй с своими лутчими уздени.

И Чаполов князь государю правду дал, шертовал, и за дядю своего за Янсоха и за братью свою и за Янсоховых детей и за племянников и за весь свой род и за всю свою землю—и с своими с лутчими уздени с Шершюком Кобяковым да з Буруком Темирчаковым да съ Езбундуком Имнуковым да с Чююбуком Абелкадыевым да с Еузяком Зароховым да с Таетуком Сиуновым; и Бузурук мурза, Куденеков двоюродной брат, и Хотовы племянники шертовали ж по той записи, которая к ним послом ко князю Семену да к діаку Торху прислана с Москвы з Бусурманом з Бѣлым. А приписали в запись,

что им послов князя Семена и діака Торха до Грузинские земли и назад из Грузинские земли до Терского города проводити, с вѣстьми с Турскими и с Крымскими и иных государевых недругов и непослушников в государевы городы в Астарахань и в Терской город к государевым воеводам самим ѣздити и с людми своими присылати. А в закладе, что ему Чапалову с своею братьею и з дядею с Янсохом князем и с его детми и с племянники быти в Терском городе у воевод, имался порукою Куденек Канбулатов; а говорил, что в том перед государем голова его Куденекова и брата его родного Гяги,—которой брат его в закладе в Терском городе у воевод,—толко, проводя послов, он Куденекъ и брат его Очекан и Мастрюк и Хотов сами в Терском городе у воевод не будут и Янсоха князя з детми и с племянники и Чаполова з братьею с собою не приведут.

А, шертовав, Чаполов князь говорил: какъ, оже дастъ Богъ, вы послы князь Семен и діакъ Торхъ изъ Грузеи пойдете,—и он, совѣтовав з дядею своим с Янсохом и з братьею, поѣдет ко государю сам или брата своего пошлет бити челом, какъ им вперед в государеве жалованье под государевою рукою быти.—А Бузурукъ, Куденековъ брат, шертовав же, говорил, что он пошлет ко государю к Москве с ними с послы в службу брата своего родного Земигрѣка.—А про Солоха и Алкаса князя послом князю Семену и діаку Торху Чапалов и Куденек по вспросу сказали, что они всѣ Кабардинские князи и мурзы по Солоха и Алкаса посылали людей своих, чтоб к ним в кабак на совѣт были; и Солох и Алкас к ним в кабак не приѣхали.—А ныне в соединенье Солох и Алкас с Шевкалом князем и заклады меж собя укрепилис детми своими; а ныне живет у Солоха в закладе Шевкалского сынъ—Андея. Да про Солоха ж сказали, что у Солоха зимовал царевич, Крымского царя брат, Аузачек салтан, а сватал у него за Крымского царя дочерью; и сеѣ весны тот царевич взял у него доч и поѣхал к Крымскому царю. И царь Крымской тоѣ Солохову дочь и понял.—Да и казаки Гриша Иванов да Микифорко Иванов, которых воеводы Терские князь Ондрѣй с товарыщи посылали по Солоха и по Алкаса, к послом ко князю Семену и діаку Торху на Сунжу пришли. А сказали, что к Солоху приводит(ь) под государеву руку ѣздил, взяв их с собою, Мастрюкъ; и Солох, грамоту воеводцкую выслушав,—им ничево не отказал. А в ту пору видяли у него Шевкалского сына Андея; а приѣхал к нему в заклад, чтоб был с Шевкалскими и Кумыцкими князи в соединенье на государевых людей. И их казаков Солох князь велѣл окрасти лошеди и сѣдла и узды; и под них добыл лошади Мастрюкъ у знакомыхъ узде-

ней. А как к Солоху пришла другая грамота о провожанье,—и тоѣ грамоту они ж казаки к Солоху возили.—А Мастрюкъ и Куденекъ и Хотов стояли под его кабаком верстъ за пять, а к нему не поѣхали, блюдясь его, что он человѣкъ в Кабардѣ силной; а их за то не любит, что де они государевых людей на Терку привели и город на Терке велѣл государь поставити для их.—И, грамоту выслушав, говорил: провожати государевых послов ѣдет до тѣх мѣст, покамѣстъ велѣл ему государевых послов проводити царевичъ Мурат-Кирѣй; а хожу де яз по Мурат Кирѣеве царевича грамоте,—а в Терской город к воеводам не ѣду.—А то они слышали въ его кабакѣ, что уздени его всѣ хотят государю служити и его на то приводят. А говорят ему: вся де нынѣ Кабарда совѣт учинили, что служити государю; а ты деи против государя такова великого и против всея Кабарды хочеш стояти. Да ему ж деи Солоху бил челом Биканов брат, что посылал Солох ко государю в послѣх. А говорил ему: как де тебѣ государю не служити и брата моего выдати? И яз де от тебя отъѣду к иному князю. И Солох де всѣм им отказал. А говорил: какъ де мнѣ от Крымского и Шевкалского и Кумыков отстати? А в Крыму деи у меня двѣ дочери и многой мой род и племя; а в Шевкалѣх и Кумыках таково ж.—Да тѣ ж казаки да Терской атаман Шолох послом князю Семену и діяку Торху про Мастрюка сказали, что Турского ѣхал чеуш в Турского город в Дербен; а с ним было человѣкъ с 90. И тот чеуш у Мастрюка в кабакѣ был; а вели его Асланбековы да Солоховы люди и перевезли Терку в Солохове кабакѣ, а вели его на Мичкизы по загорам.—А вѣсти деи Мастрюкъ в острог ко государевым головам не послал и их с вѣстью не отпустил; а они казаки в острог с вѣстью у него просилис и грамоту были написали, хотѣли послати в острогъ с Окотцкими черкасы,—и он, Мастрюкъ, грамоту, у них отняв, изодрал и того черкашенина бил. А сказал имъ, что в Черкасех того не ведетца, что им над гостем лихо в кабакѣ здѣлати; а тот деи чеуш приѣхал ко мнѣ гостити. А выпустя того чеуша, послал за ним людей своих красти; и у того чеуша украли люди его 10 лошадей и привели к нему, а чеушовы люди убили у него узденя до смерти.

А Чорного князя сынъ Гелѣя и с Оварского князя уздени, которые были у послов у князя Семена и дьяка Торха на дороге, приѣхал на Суншу сентября в 8 день.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ послали по него толмача Ивана Миколаева сентября в 9 ден; а велѣли ему быти у себя в стану: есть к нему государево слово.

И Черного князя сынъ Гелѣя и с уздени к послом к стану пріѣхал; и в шатер пришол.—И послы княз Семен и диякъ Торхъ говорили по государеву наказу, что велѣно говорити отцу его и дяде его: извещали великому государю посланники государевы Родивон Биркин да Петръ Пивов, которые ходили в Грузи к Олександру царю, что дядя его Оварской княз Нацал и отец его Черной княз Каракуша государю служити хотят и государевым посланником через свою землю дорогу давали. И государь за то, что они государю служити хотят, прислал к ним с нами, послы своими, свое государево жалованье. И мы к отцу твоему приказали, чтоб в Терской город по государево жалованье был; и отецъ твой нас, государевых послов, в Терском городе не заѣхал. И мы государево жалованье, что к нему и к Оварскому князю послано, оставили в Терском городе у воевод. И будет нынѣ отецъ его Черной княз с тѣм его Гелѣя прислал, а Оварской княз прислал узденей своих, что они въ государеве жалованье под государевою рукою быти и служити государю хотят,—и он бы Гелѣя за отца своего и за брата своего, которому быти на Оварском княженье и за вес свой род и за всю землю по своему мусулманскому закону и с Оварского уздени государю правду дал, шертовал. А нынѣ бы первую свою службу показал, нас послов и с Оварского уздени до Грузинские земли и назад из Грузинские земли до Терского города проводил. А какъ проводит до Грузинские земли, и он бы ѣхал в Терской город по государево жалованье, что к отцу его государь прислал; а мы ко государевым воеводам от себя отпишем, чтоб тебѣ то государево жалованье дали. А к отцу б к своему к Чорному князю и к Оварскому, кому быти на Оварском княженье, послал узденей, чтоб отецъ твой и Оварской княз были у воевод в Терском городе сами, и государево жалованье Оварской княз у воевод взял и заклады с собою привел, кому мочно вѣрити, детей или братью или племянников, чтоб государю надежно их в своем государеве жалованье под своею царскою рукою держати, а им падежным быти в государеве жалованье.—А какъ, оже дастъ Бог, мы пойдем из Грузинские земли,—и Оварской бы княз и отец твой Чорной княз с нами послали от себя ко государю бити челом братью или детей или племянников или людей своих лутчих.—И государь, послов их челобитья выслушав, пожалует, под свою царскую руку и в оборону примет и грамоты жаловалные, какъ вам быти в государеве жалованье, з золотыми печатми пришлет.

И Черного князя сын Гелѣя и Оварского уздени на государево жалованье били челом.—А говорил Черного князя сын Гелѣя: отецъ

мой Каракуша и дядя мой Оварской княз Нацал давно въ его государеве жалованье под его царскою рукою и в обороне от недругов быти хотят; да по ся мѣста случей не взял государю бити челом. А нынѣ отецъ мой Черной княз и брат мой Оварского князя сынъ Нацалов Канбулукъ, которого на Оварское княженье обирают, послали в Терской город к государевым воеводам меня; а велѣли мнѣ бити челом государю, чтоб государ отца моего и брата моего, которого на Оварское княженье обирают, со всѣм родом и с обѣма их землями пожаловал, под свою царскую руку и в оборону принял, как и Олександра царя грузинского. А они государю служити хотят и на государевых недругов и на непослушников, на кого государь велит, со всѣми своими людми готовы и вас государевых послов до Грузинские земли яз и с Оварского уздени провожаю; а, проводя вас, у воевод в Терском городе буду и к отцу своему и к брату своему с уздени своими прикажу, чтоб они у государевых воевод в Терском городе сами были и заклады с собою привели.—А о шертованье мнѣ отецъ мой и брат не приказали. И мнѣ без их вѣдома как шертовати?

И послы княз Семен и диякъ Торхъ говорили: отецъ твой и брат прислали тебя ко государю бити челом, чтоб их государь со всѣм родом и с обѣма землями пожаловал, держал под своею царскою рукою,—и тебѣ государю какъ правды не дати?

И Чорного князя сын Гелѣя за своего отца и за брата за Нацалова сына Канбулука и за вес свой род и за Оварскую и за Черную землю государю правду дал, шертовал с Оварского князя уздени, которых с ним Оварской прислал. А шертовав Чорного князя сынъ Гелѣя говорил: какъ, оже дастъ Богъ, вы государевы послы из Грузеи пойдете ко государю,—и отец мой и Оварской князь пошлют ко государю бити челом братью свою или меня Гелѣя. А в закладе в том, что мнѣ, проводя государевых послов, быти на Терке у воевод, даю по себѣ порукою Шиха мурзу Окутцкого. И Ших по нем, туто ж стоя, ручался и племянника своего Батая, которой был в закладе, давал.

И сентября въ 11 день пріѣхал на Сунжу Мастрюкъ княз. И послы княз Семенъ и діакъ Торхъ послали сотника казатцкого Микиту Карачюрина да толмача Иваниса Драичева; а велѣли ему говорити, чтоб он ѣхал к ним в стан. И Мастрюк к нимъ к стану пріѣхал и в шатер пришол.

И послы княз Семен и діакъ Торхъ говорили: послал государь нас в послѣх к Олександру царю Иверскому для своего государева великого дѣла, и ты б, Мастрюкъ, государю службу свою показал, нас

послов до Грузинские земли и назад из Грузинские земли до Терского города проводил. А что ты государю служишь, горских князей под государеву руку приводиш,—и ты то дѣлаеш гораздо, помня к себѣ государево жалованье. И вперед бы ты государю служил также и горских князей под государеву руку приводил и с ними в Терской город к воеводам ѣздил и на государевых недругов и непослушников с государевыми воеводы с Терскими и с Олександром царем Иверским и з горскими князми ходил и от государева жалованья был неотступен; а государево жалованье тебѣ и вперед будет. А что в кабакѣ у тебя был чеуш Турского салтана, а ты его пропустил в Дербен, а над ним сам не промыслил и вѣсти ко государевым головам на Суншу не подал, а в ту пору у тебя были государевы казаки и в острог просилис, и ты их с вѣстью не отпустил, и они казаки написали были грамоту и хотѣли послати в острог с Окотцким черкашенином, и ты грамоту, у них отняв, изодрал и черкашенина бил,—и то твоя, Мастрюкъ, перед государем какая правда?

И Мастрюкъ говорил: как есми служил великого государя отцу ц. и в. к. Ивану Васильевичю в. Р. и ему государю преж сего, а ныне ему государю служю и болши того: не ѣм и не пью, а все промышляю государевым дѣлом и ден и ноч, чтоб всѣх горских князей привести под его царскую руку.—А в Кабардинских князех один государю не прямит — Солох княз; а тѣ всѣ Кабардинские князи приведены под государеву руку.—А к Олкасу яз ѣздил,—и Олкас государю служити хочет и к вам государевымъ послом встрѣчу хотѣл быти.—А которые князи Шевкалской и Кумыки и Солох княз и иные горские князи под его царскою рукою быти не похотят,—и на тѣх бы князей государь велѣл послати воевод своих ратью; а мы—Кабардинские князи, которые под его царскою рукою, съ государевыми воеводы всѣ готовы со всѣми своими людми. А послати б на них воина вскоре сеѣ зимы; а толко сеѣ зимы рать на них государева не будет,—а лѣтом их не извоевати: бѣгают в горы.—А вскоре б на них послати воина для того, доколе ещо тѣ князи не всѣ в соединенье; а как в соединенье будут, и тогды на них надобет рать великая, а невеликою ратью не извоевати.—А ныне они послышали, что Осланбѣков кабакъ со всѣми князми учинился под государевою рукою, что у вас шертовал Асланбѣков сынъ Чаполов и за дядю своего за Янсоха и за вес свой род,—и они учнут быти в соединенье вскоре.—А про чеуша Турского сказал, что в моем кабакѣ был гостем; а у нас в черкасском обычее ведетца: какъ будет гость в кабакѣ,—и над ним никакого зла не учинит. И яз над ним не промыш-

лял по своему черкасскому обычею. А какъ он поѣхал из кабака,— и яз за ним послал людей своих красти; и люди мои украли десетеро лошедей и привели ко мнѣ, а у меня убили чеушовы люди узденя до смерти. А того яз чеуша не проваживал; а провожали его Солоховы люди. А с вѣстью в острог яз посылал волного казака Терского Шолоха; и Шолох не пошол, а сказал, что ему пѣшому не поспѣти.

И послы княз Семен и діакъ Торхъ говорили: на Терке къ государевым воеводам с нами из Астарахани рат пришла с вогненым боем многая, а иная рат после нас в Терской город будет; и воеводам государевым Терским государевъ указ есть, что им на тѣх непослушников, которые под государя нашего царьскою рукою быти не похотят, велено ходит войною с вами с князми вмѣсте. И вы б всѣ князи, проводя нас, были в Терской город у воевод и с воеводами о том договорилис, как тѣх непослушников извоеват и под государеву руку привести; а в ту бы пору ваша рат была готова. Да не токмо на своих государевых непослушников велѣл государь рат посылати,— которые будут и вам князем недруги, и на тѣх ваших недругов велѣл государь своим государевым воеводам, у вас заклады поимав, людей своих с вогненным боем давати.

И Мастрюкъ говорил: проводя вас послов, у Терских воевод будем и с ними о том договоримся—какъ войнѣ на государевых непослушников быти; и рат наша в ту пору будет готова. А что государь пожаловал, велѣл нам на недругов своим государевым воеводам людей давати,—и мы на том государю бьемъ челом, что нам всѣм горским князем, которые под его царскою рукою, всего надобнее, что от недругов оборонитис.

И сентября въ 12 ден приѣхал к послом ко князю Семену да к діаку Торху на Суншу Олкас княз, а с ним узденей его человѣкъ с 30.

И послы княз Семен и діак Торхъ послали к Олкасу сотника стрелецкого Григорья Кутаринова да толмача Иваниса Драичева; а велѣли Алкасу князю говорити, чтоб он ѣхал к ним в стан: есть к нему государево слово. И Алкас княз к ним в стан приѣхал и в шатер пришел.

И послы княз Семен и діакъ Торхъ Олкасу князю от государя рѣч говорили и поклон правили и грамоту государеву подали по государеву наказу.—Да послы ж князь Семен и діак Торхъ говорили: присылал ты, Алкас княз, к великому государю съ его государевыми посланники с Родивоном з Биркиным да с Петром с Пивовым людей своих Асланбека с товарыщи государю бити челом, чтоб тебя государь

пожаловал, держал в своем государеве жалованье под своею царскою рукою и от недругов от Асланбѣка князя и от иных недругов велѣл тебя своим государевым воеводам Астараханским и Терским оборонять; а ты государю служити хотѣл. И государь, людем твоим свои царские очи дав видет и пожаловав их, к тебѣ отпустил и свое государево жалованье с нами послы к тебѣ послал. И нынѣ люди твои на Суншу с нами пришли здорово. А воеводы государевы Терские княз Ондрей Хворостинин с товарыщи нам сказывали, что к тебѣ к Олкасу посылали они государевых людей от себя з грамотами и неодинова, чтоб ты ѣхал к ним в Терской город для государева дѣла,— и ты Алкас к государевым воеводамъ в Терской город не приѣзживал ни одинова и никого не присылывал. И то твоя к государю какая служба и правда? И будет, нынѣ ты, Алкас, въ государеве жалованье под его царскою рукою и в обороне быти и служити государю хочеш,— и ты, Алкас, перед государем исправся, на том государю правду дай, шертуй за свою братью и за дети и за племянники и за вес свой род и за всю свою землю и заклад дай брата своего или сына или племянника, кому мочно вѣрити, чтоб вперед государю надежно тебя в своем государеве жалованье под своею царскою рукою и в обороне от недругов держати; а тебѣ б надежну быти в государеве жалованье. А мы тебѣ государево жалованье дадим и посла твоего Асланбѣка к тебѣ отпустим. А что нынѣ государь послал нас послов своих к Олександру царю Иверскому для своего государева великого дѣла, а итти нам через Черкаскую землю,—и ты государю службу свою покажи и нас до Грузинские земли и назад из Грузинские земли до Терского города з государевыми людми проводи. А государево жалованье тебѣ и вперед будетъ неоскудно.—А проводя нас до Грузинские земли, буд в Терском городе у воевод.

И Алкас княз на государеве жалованье на грамоте государю бил челом. А говорил: у воевод есми не бывал, блюдяс ѣхат своих недругов Кабардинских князей; а вперед и з братьею и з детми и с племянники и со всѣм своим родом и со всею землею въ государеве жалованье под его царскою рукою быти и служити хочу до своей смерти и вас послов провожати ѣду сам в Грузи до Олександра царя. А как вы послы из Грузеи ко государю пойдете,—и яз отпущу ко государю бити челом о своих дѣлех сына своего. А то вам не заклад ли и не шертованье ли, что ѣду сам с вами в Грузы?

И послы княз Семен и діакъ Торхъ говорили: толко тебѣ государю служити правдою,—и ты шертуй и заклад дай, какъ и иные Черкаские князи Асланбѣковъ сынъ Чаполов княз и Мамстрюкъ и

Куденекъ князь и всѣ Кабардинские горские князи и мурзы и Черного князя сынъ за отца своего и за дядю и за братью и за племянники и за вес свой родъ и за племя и за всю свою землю государю правду дали, шертовали и заклады подавали. А тебѣ, Алкасу, без того быти нелзя ж.

И Алкас князь говорил: будет мнѣ без шертованья и без заклада не вѣрите,—и вы меня поведите с собою хоти связана, от себя не отпуская; да и сам я от вас не поѣду. А шертоват мнѣ и закладу дати не мочно.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: для чего тебѣ шертовати (и) закладу дати не мочно?

И Олкас князь говорил: дожил есми до старости и прежсего вѣривали во всяком дѣле моему слову, а закладу есми и шертованья никому не давывал.

И послы князь Семен и діак Торх говорили: мы то вѣдаем у вас князей в Черкаском обычее ведетца: во всяком дѣле крепитес шертью да заклады меж собя; а без того у вас в вашем обычее не живет. А великому государю как тебѣ не шертовати и закладу не дати?

И Алкас князь говорил: яз шертую; а провожат вас пошлю узденей своих, а сам не ѣду и сына ко государю не пошлю и заклад не дам.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: сам ты, Алкас, хочеш ѣдеш, хочеш не ѣдеш провожати. Видиш сам, что государевых людей с нами много; да нас же провожают всѣ Кабардинские князи. А ты государю шертуй и заклад дай; а без закладу статис тому государеву дѣлу не мочно.

И Алкас князь говорил: будет вас хотят провожати Кабардинские князи и они вас провожайте; а яз ѣду к себѣ, а закладу вам не дам, а итти вам через мою землю.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: толко ты, Алкас князь, перед великим государем не исправисся,—и тебѣ прожити будет на своем кабакѣ не мочно и от Кабардинских князей, которые под великого государя рукою, не токмо государевы Терские воеводы на тебя рать государеву пошлют.

И Олкас князь говорил: дайте мнѣ срока поговорити с уздени своими. Да, из шатра вышод, говорил с уздени своими. И, вшод в шатер, говорил: учините меня в государеве жалованье честна, как и иных Кабардинских князей, которые под государевою рукою и по рекѣ по Терке и по Сунше и по иным рекам в рыбных и в звериных

ловлях и во всяких угодьях им волно и по перевозам ихъ по рекѣ по Терке и по Сунше и по иным рекам самих и их людей государевы стрелцы и волные казаки перевозят; а на которого недруга надобет итти,—и государевы воеводы им людей дают. А мнѣ б есте учинили также, какъ и тѣм князем; а яз государю шертую и заклад дам и провожати вас послов хочю и сына своего ко государю с вами пошлю.

И послы княз Семен и діак Торхъ говорили: какъ ты перед государем исправишся и вперед государю учнеш служити правдою,—и государевъ указ у Терских воевод есть; а мы ко государевым воеводам о том отпишем же.

И Алкас государю правду дал, шертовал и за свои дѣти и за племянники и за вес свой род и за племя и за всю свою землю с своими лутчими уздени сь Енуком Тазюковым да со Друганом Атачиковым да с Левом Атагуковым да с Шимаем Секаевым да с Алпшою Кузяковым да з Джютом Очоровым да с Сланбѣком Ардашаевым да Иваном Куденетовым; а в заклад отказал узденя своего Асланбѣка, которой был у государя в послѣх.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ Алкасу князю государево жалованье дали по росписи.

И Алкас княз на государеве жалованье государю бил челом.

А про Солоха послы княз Семен и диякъ Торхъ Алкаса спрашивали: гдѣ Солох княз и для чего к нам не ѣдет? А то есмя слышали, что тебѣ, Алкасу князю, Солох княз друг.

И Алкас княз говорил: Солох мнѣ друг и в мысли со мною один человѣкъ; и будет к вамъ Солох нынѣ.

И того ж дни приѣхал на Суншу Солох княз; а с ним узденей его человѣк с 30 и болши.

И послы княз Семен и діакъ Торхъ послали к Солоху сотника стрелецкого Григорья Кутаринова да толмача Иваниса Драичева; и велѣли им говорити, чтоб Солох князь ѣхал к ним в стан: есть к нему государево слово.

И того ж часу Солох князь к послом к стану приѣхал и в шатер пришол.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ от государя Солоху князю рѣч говорили и поклон правили и грамоту подали по государеву наказу. А после того говорили ему—как он к государю присылал бити челом под его царьскую руку и что его перед государем неисправленье и какъ ему перед государем исправитца, шертоват и заклад

дат и их послов проводити и сына ему своего ко государю послати,— тѣ ж рѣчи, что они говорили Олкасу князю.

И Солох князь на государеве жалованье государю бил челом.— А говорил: у государевых воевод есми не бывал за немочью. А теперво у васъ въ съѣзде Кабардинские князи, а мнѣ недруги; и будет что станут вам государевым послом сказывати на меня ложное слово по недружбе,—и вы б тѣм князем не повѣрили. А в государеве жалованье под государевою рукою быти и служити государю з братьею своею и з дѣтми своими и с племянники и со всѣм своим родом и со всею землею хочю и до своей смерти, и вас до Грузинские земли и назад до Терского города провожу и государю шертую; а то и заклад, какъ пойду провожати.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ говорили: толко тебѣ государю служити правдою,—и ты в заклад дай сына или брата или племянника, кому мочно вѣрити, чтоб государю надежно тебя в своем государеве жалованье под своею царьскою рукою держати; а тебѣ б надежну быти в государеве жалованье.

И Солох князь говорил: Алкас княз государю дал в заклад уздея своего Асланбѣка, а мнѣ Алкас княз друг великой; и вы б повѣрили тому ж закладу и быти б мнѣ под его царьскою рукою за тѣм же Алкасовым закладом за одним.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ говорили: дѣло не статочное, что быти двем им князем за одным закладом.

И Солох князь говорил: дайте мнѣ с уздени своими поговорити. Да, вышед из шатра, с уздени говорил. И, пришед в шатер, говорил: за заклад мнѣ стояти нѣчего, толко бы было ко мнѣ государево жалованье: на которого недруга надобет мнѣ люди,—и государь бы меня пожаловал, велѣл Терским воеводам людей давати и в рекѣ в Терке и по иным рекам в рыбных и в звериных ловляхъ и во всяком угодье мнѣ поволил, в которых мѣстех мои угодья бывали преж сего, и на перевозях и по рекам на всяких угодьях своим государевым людем меня и моих людей громити не велѣл.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ говорили: какъ ты Солох перед государем исправишся, шертуеш и заклад даш и учнеш государю служити правдою,—и у государевых воевод государевъ указ есть об вас князѣх; и мы к государевым воеводам о тебѣ отпишем.

И Солох княз и за братью свою и за дети и за племянники и за вес свой род и за всю свою землю государю правду дал, шертовал и с лутчими своими уздени с Менкшом Ентимировым, с Татаром с Чемегуковым, с Чан мурзою Анкирѣевым, с Отохаем Кобано-

вым, съ Могозом Шихмурзиным сыномъ; а в заклад отказал уздея своего Бикана, которой был в послѣх у государя.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ Солоху князю государево жалованье дали по росписи.

И Солох княз на государеве жалованье государю бил челом. А говорил: имал есми жалованье у Турского салтана и у Крымского царя много лѣт; а с сѣх мѣстъ, прозабыв то все их жалованье, приклонился под государеву руку, хочю ему государю одному служити и з детми своими и со всѣм своим родом и со всею землею и по свою смерть, и сына своего ко государю с вами с послы, какъ пойдете из Грузеи, пошлю.

А после того послы князь Семен и диякъ Торхъ с Солохом и с Олкасом князем говорили, что вся Кабарда и Оварская и Черная земля под государеву руку приклонилас, а царь Олександро Иверской государю ж служит, и Кизылбашской шах к государю ж послал своих послов бити челом. А Шевкалской княз по ся мѣста государю не бьет челом, и рат на него из Астарахани в Терской город пришла многая с вогненым боем; и указ государевъ у Терских воевод есть, что на него государеву рат со всею Кабардою и с Черною и с Оварскою землею послати, и грузинскому Александру царю с своею со всею землею велѣл государь на Шевкала итти. И Шевкалу от великого государя гдѣ ся дѣт?

И назавтрее того пришѣхали к стану к послом ко князю Семену да к діаку Торху Солох и Алкас князь; а велѣли сказатис, чтоб имъ велѣли быти у себя для государева дѣла.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ велѣли им быти к себѣ в шатер.

И Солох и Алкас, пришед в шатер, говорили: слышали есми у вас, что государь прислал на Шевкала в Терской город рат многую и велѣл его Терским воеводам воевати; и мы государю за Шевкала бьем челом, чтоб государь на Шевкала рати своей посылат не велѣл, а Шевкал пошлет государю бити челом послов своих.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ говорили: великій государь нашь царь и великій княз кровопролитья не похочет, толко б Шевкалской вскоре послал к государю послов своих бити челом. И толко Шевкалской похочет государю послати бити челомъ послов своих,— и он бы послал сеѣ осени; а вы Солох и Алкас в том нам иметес. И мы к государевым воеводам на Терку отпишем, воевати его до государева указу не велим.

И Солох и Алкас князь говорили: мы о том к Шевкалскому пошлем или сами ѣдем о том договоритись, чтоб он послал ко государю бити челом послов своихъ на сей осени вскоре.

И послы князь Семен и діак Торхъ грузинским послом про то.. сказывали, что за Шевкала Солох и Алкас государю бьют челом.

И пошли послы князь Семен да диякъ Торхъ с Сунши в Грузинскую землю сентября въ 14 ден; а провожати их з государевыми людми поѣхали Черкаские князи Чаполов Асланбѣков сынъ, да Мастрюкъ Темрюков, да Куденекъ Канбулатов, да Чорново князя сынъ, да Ших мурза Окутцкой. — А Солох и Алкас князь сказали послом князю Семену и дьяку Торху, что они ѣдут наперед и дождутца их у Горячего Колодезя на Османовском шляху. А Шевкалов сын Алгас мурза к ним послом на Суншу не бывал. И послы князь Семен и диякъ Торхъ государево жалованье и грамоту, каковая к нему послана, и заклады Солоха и Алкасова Бикана да Асланбѣка отдали на Сунше казатцкой головѣ Василью Онучину; а велѣли отослати в Терской город к государевым воеводам ко князю Ондрѣю с товарыщи. А которым государево жалованье не прислано, — и послы князь Семен и диякъ Торхъ князем и мурзам и узденем давали шюбы бѣльи и сукна и шапки и зендени от себя. А которое государево жалованье послано было Солохову сыну Алкаш мурзѣ и племяннику его Баку, а они к послом не приѣхали, а сказал Солох, что они в отъѣзде, — и послы князь Семен и диякъ Торхъ шубы взяли с собою, будет они их на дороге съѣдут. А в Терской город к государевым воеводам которые князи и мурзы к ним к послом приѣхали и государю правду за себя и за отца и за дядьи и за братью и за вес свой род и за свои земли шерть дали и которые хотѣли быти к ним в Терской город з заклады и хто в том по них порука, что им в Терском городе быти, — послы князь Семен и диак Торхъ писали подлинно и противен з записи, по которой государю шертовали, к воеводам послали, чтоб им то все было вѣдомо для государева дѣла.

И в том числѣ стояли послы князь Семен и диак Торхъ у Горячего Колодезя. И в ночи к послом князю Семену да діаку Торху пришел с вѣстью Терской казак Ивашко Гилянецъ; а сказал, что на Османовском перевозѣ на рекѣ на Сунше стояло их казаков с пятидесятником с Маслом 20 человѣкъ; и говерво ввечеру за час до вечера пришли к перевозу черкасы незнакомые человѣкъ с 15. И они тѣх черкас погромили; а взяли живых 4-х человѣкъ, а иные ушли за реку в Кумыки.

И послы княз Семен и діакъ Торхъ послали голову казачью Василья Онучина, а Василей был у них с людми для провожанья. А велѣли про то сыскати и роспросити: каких людей громили и колко жива взяли?

И Василей Онучин прислал к послом ко князю Семену да діаку Торху сотника казатцкого Ѳедора Володимерова, что громили на Суншинском перевозе черкас, которые возилис Суншу реку, и на том погроме взяли живых Алкаса князя, да его узденя Смаиля, да дву человѣкъ узденей Солоха князя.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ велѣли Василью Онучину Алкаса князя привести к себѣ в стан. И Алкасу говорили: дал ты великому государю правду и заклад, что тебѣ государю служити и нас послов проводити до Александра царя в Грузинскую землю; а нынѣ ты Алкас куды был поѣхал, а туды дорога к Шевкалскому.

И Алкас князь сказал: говорил мнѣ Солох княз, чтоб яз проводил гостей его, которые были у Солоха ис Кумыкъ; и вам про тѣх своих гостей Солох княз сказывал.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ говорили: сказывал нам про своих гостей Солох княз, чтоб мы гостей его приказали проводити через тот перевоз, на котором тебя взяли; и мы на тот перевоз гостей своих отпускати ему не велѣли, а приказали Василью Онучину гостей его проводити под острогом.

И Алкас княз говорил: грѣх мой пришол. Виноват перед Богом да перед государем, что на тот перевоз Солоховых гостей провожал; а провожал есми до реки и, проводя до реки, поѣхал был вас послов съѣзжати. И пришли на меня государевы люди и меня взяли да дву человѣкъ узденей Солоховых.—Да и казаки послом князю Семену и дьяку Торху сказывали, что его взяли по сю сторону реки и от их посолского стану на Османовском перевозу.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ Алкасу князю говорили: в том закладе ныне мы тобѣ не вѣрим, дай заклад сына своего.

И Алкас княз говорил: сына со мною топерво нѣт; будет вам сынъ мой надобет,—и яз по сына своего пошлю.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ взяли у него к старому закладу трех человѣкъ узденей его лутчих Янука Зенекова да Лва Атагукова да Алпшю Козякова и отослали их к Василью Онучину в острогъ с сотником стрелецким з Григорьем с Кутариновым, доколе он пришлет сына своего; а в сыне ему дали срока на пят ден, что прислати ему сына своего в острог Асанбѣка. А того узденя, которого взяли с Олкасом, велѣли Василью Онучину отдати ему Алкасу.

А к Солоху послы князь Семен и дияк Торхъ посылали, чтоб он к ним ѣхал. И Солох к ним приказал, что он будет на другой стан; а людей де есми своих посылал провожат гостей. И будет вы тому закладу не вѣрите,—и он к старому закладу прибавит и сам Солох их послов провожати ѣдет.

И послы князь Семен и дякъ Торхъ пошли от Горячего Колодезя сентября в 17 ден; и в том числѣ стояли на рекѣ на Сунше в нижней лукѣ. А в 18-м числѣ стояли на Холопенском городище, что был город Темирехсака. А в 19 м числѣ стояли на рекѣ на Сунше в ровной лукѣ. А в 20 м числѣ стояли на рѣчке Быстрой. А в 21-м числѣ стояли на рекѣ на Терке по лѣвой сторонѣ старого Олкасова кабака. А в 22-м числѣ стояли, перешод двожды Терку реку, в Чорных горах.

И въ 23-м числѣ к послом ко князю Семену и к діаку Торху прислал Алкас князь узденей своих дву человѣк; а сам послов не дожѣхал, стоял верст за 10. А говорили уздени его, что Алкас сына своего в заклад привел.

И послы князь Семен и дякъ Торхъ посылали по Алкаса князя стрелца Орженика,—и сына бы Алкас с собою привел.

И Алкас князь приказал с Орженикомъ и с своими уздени, чтоб послы князь Семен и дияк Торхъ прислали к нему грамоту, чтоб узденей его на Сунше отпустили; а он сына своего пошлет к Олександру царю с Олександровыми послы.

И послы князь Семен и дякъ Торхъ к Олкасу приказали, чтоб он сына своего отослал на Суншу к Василью Онучину; и Василей сына его возмет, а узденей к нему отпустит.—

И тогож дни послы князь Семен и дякъ Торхъ отпустили провожатых сотниковъ стрелетцких Василья Гнедищева с товарыщи и с стрелцы и с казаки и государево жалованье шюбы, что было послано к Солохову сыну да к племяннику, послали с ними вмѣсте; и велѣли их отдати в Тюменском городе воеводам князю Ондрѣю с товарыщи, что Солохов сынъ и племянникъ по то государево жалованье к нам на дороге не бывали. А сами послы князь Семен и дякъ Торхъ пошли с того мѣста сентября в 24 ден. И в том числѣ и в 25-м числѣ стояли под Шатом горою, проѣхав Ларсов кабак Салтан мурзы с версту на рекѣ на Терке.

И Салтан мурза вышел к послом ко князю Семену да к діаку Торху пѣшъ, а с ним людей его человѣкъ з 10. А говорил: прежсего государевы посланники Родивон Биркин да Петр Пивов шли в Грузинскую землю к Олександру царю через мою землю на тот же

мой кабакъ и назад из Грузинские земли шли на мой же кабакъ,—и яз государю служил, посланников его Родивона да Петра через свою землю провожал и дорогу им куда лутчи итти указывал и людей своих до Грузинские земли провожати их посылал; а которые были у государевых посланников люди и лошеди болны,—и тѣх людей и лошадей Родивон да Петръ оставливали, в Грузи идучи, у меня, и яз тѣх людей и лошеди у себя кормил и лѣчил и за Родивоном и за Петром ихъ отпустил здоровых. И Родивон и Петръ, назад идучи из Грузеи, рклис службу мою государю известити.

И послы князь Семен и дияк Торхъ говорили: какъ в. г. ц. и в. к. посланники Родивон и Петр шли в Грузинскую землю, а ты их через свою землю провожал и дорогу им куда лутчи итти указывал и людей своих провожати их до Грузинские земли посылал и которых болных людей и лошадей Родивон и Петръ у тебя оставливали, а ты их кормил и лѣчил и за ними, их леча, отпустил,—и ты то учинил горазло, перед великим государем нашим твоя служба тогды была. А нынѣ толко похочеш в. г. н. ц. и в. к. служити и въ его царском жалованье под его царскою рукою быти, как и горские князи и мурзы болшой Кабардинской князь Янсох Асланбѣков брат и с Осланбѣковыми детми и со всѣм своим родом и Солох и Алкас князь и всѣ князи и мурзы учинилис под государя нашего царьского величества рукою въ его царьском жалованье и правду дали, по своей вѣре шертовали, и заклад детей и братью свою и племянников дали,—и ты, Салтан мурза, государю нашему правду дай, по своей вѣре шертуй, и заклад брата своего или племянника ко государевым к Терским воеводам пошли, кому мочно вѣрити, чтоб государю надежно тебя в своем государеве жалованье вперед держати; а тебѣ б надежну быти в государеве жалованье. А ныне ко государю службу свою покажи, дорогу, куда лутчи итти в Грузинскую землю, нам укажи и сам нас до Грузинские земли проводи. А какъ, оже даст Богъ, из Грузинские земли ко государю своему придем,—и мы твою службу государю своему известим. И государь тебя пожалует, под свою царьскую руку и в оборону ото всѣх твоих недругов примет и грамоту свою жаловалную с своею печатью, как тебѣ под его царьскою рукою вперед быти, и свое государево жалованье к тебѣ пришлет.

И Салтан мурза говорил: то есми слышал от узденей и брата своего Ших мурзы Окутцкого, что Кабардинские всѣ князи били челом в службу государю вашему, а яз нынѣ хочю государю ж служити по свою смерть, какъ государю вашему служил брат мой Ших мурза Окутцкой, и на непослушников государевых со государевыми

воеводами и с Кабардинскими князи ходити готов и на том государю правду даю, шертую, и вас провожю до Грузинские земли и заклад брата своего или сына пошлю в Терской город с вами вмѣсте, какъ пойдете из Грузинские земли. А какъ будете у государя своего,—и вы мою службу государю своему извѣстите, чтоб государь пожаловал, велѣл мнѣ дати свою государеву жаловалную грамоту по чему мнѣ быти въ его государеве жалованье, какову грамоту прислал государь к брату моему к Ших мурзѣ Окутцкому. А до тѣх мѣстъ, какъ меня государь пожалует, свою государеву грамоту ко мнѣ пришлет, дайте мнѣ от себя грамоту, чтоб мнѣ было в государеве жалованье надежну быти и иных бы кабаков князи меня не обидили.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ Салтан мурзу к шерти привели по той записи, по которой приводили Кабардинских князей и мурзъ; а приписали в запис, какъ от государя пойдут в Грузинскую землю и из Грузинские земли послы и посланники и гонцы и всякие государевы люди или грузинские послы и посланники и гонцы и всякіе люди,—и ему, Салтану мурзѣ, тѣх государевых и грузинских послов и посланников и гонцов и всяких людей через свою землю провожати и хитрости над государевыми и над грузинскими людми не учинити никоторые. И грамоту ему дали такову:

Божиею милостию в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. (*полный титулъ*).... ....и иных многих государствъ государя и самодержца его царьского величества от великих послов от дворенина и намѣсника Брянского от князя Семена Григорьевича Звенигороцкого да от диака Торха Онтопова Ларского кобака Салтан мурзѣ.—Бил еси челом в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р., чтоб тебя и твою братью детей и племянников и вес твой род и свою землю государь пожаловал, держал в своем царьском жалованье под своею царьскою рукою и в обороне от твоих недругов; а ты, Салтан мурза, с своею братьею и з детми и с племянники и со всѣмъ своимъ родом хочеш его царьскому величеству служити. И ты б, Салтан мурза, с своею братьею и с племянники и со всѣм своим родом и со всею своею землею был под государя нашего царьского величества рукою въ его царьском жалованье и его царьскому величеству служил и государя нашего с Терскими воеводами и с Олександром царем Иверским и с Черкаскими князи и мурзи которые государю служат, и на всѣх государевых недругов и на непослушников стоял заодин, на них сам ходил и людей своих посылал, и государевых послов и посланников и гонцов и всяких государевых людей через свою землю ко государеву Терскому городу и из Терского города до Грузинские земли провожал и хитрости никоторые над

государевыми людми не учинил. А на которого недруга будет тебѣ надобет государевы люди,—и ты б приезжал в государев в Терской город ко государевым воеводам; и государевы воеводы по государеву указу учнут тебѣ на твоих недругов рат давати с вогненым боем. И во всем бы еси его царьскому величеству прямил, на чом еси ему государю правду дал, шертовал. А сю тебѣ грамоту дали его царьского величества послы до тѣх мѣстъ, какъ его царьскому величеству послы князь Семен Григорьевич Звенигороцкой да дьякъ Торхъ Онтонов твое челобитье объявят и какъ его царьское величество пришлет к тебѣ свою царьскую жаловалную грамоту с красною печатью и свое государево жалованье в Терской город к воеводам. К сей грамоте государев посолъ дворенин и намѣстникъ Брянской князь Семенъ Григорьевич Звенигороцкой печат свою приложил. Лѣта 7098 сентября въ 26 де.

Да послы ж князь Семен и диакъ Торхъ Салтан мурзу про дороги спрашивали: которою дорогою шли от его кабака государевы посланники и Грузинские земли преж сего? И нынѣ тою ж ли дорогою итти или иными мѣсты лутчи? И в колко ден мочно дойти до Грузинские земли?

И Салтан мурза говорил: преж сего шли государевы посланники от его кабака на Шат гору для того, что им лучилос итти лѣтом и снегов на горах тогды не было. А ходу их было тою дорогою до Сонскіе земли, что за Аристовым князем, полчетверта дни; а тот Аристов и с своею землею служит Олександру царю. А ныне тою горою вам не пройти, что в осен на тѣх горах снѣги великие живут; а ити вам нынѣ промеж гор щѣлью, рекою Теркою вверхъ, потому что нынѣ в осен в рекѣ Теркѣ живет вода не велика, мостит еѣ мочно. А мостов надобет на ней три моста, а четвертому мосту быти блиско Черебашова кабака. А тот Черебашов кабак Аристова князя Сонские земли; а доѣхати до того кабака днем мочно.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ тѣ мосты мостили. А что мостъ под Черебашовым кабаком надобет,—и про тот мостъ говорили грузинским послом, чтоб к Черебашу от себя послали; а велѣли ему мостъ мостити для того, что тот кабак Сонские земли, а та Сонская земля за Олександром царем.—А сами послы князь Семен и діакъ Торхъ пошли с тѣх мѣстъ сентября в 26 де. И в том числѣ и въ 27 числѣ стояли под Черебашовым кабаком; а провожал их до Черебашова кабака Салтан мурза. А пристав от Олександра царя с кормом и с подводами к ним послом не приѣхал пот тот кабакъ нихто.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили грузинским послом князю Каплану с товарыщи: в обычее ведетца: в. г. н. ц. и в. к. посылает в иные государства послов своих,—и тѣх государя нашего послов во всѣх государствах для государева великого имени чтят, на встрѣчю им на рубеж присылают приставов добрых из великих людей, кормы им и подводы готовят на рубежѣ; да не токмо послов,—и посланников государевых принимают с великою честью. А мы вам говорили и неодинова, чтоб вы ко государю своему к Олександру царю о том писали, чтоб людей и лошадей прислал, чтоб нам на свѣжих лошадях ѣхат; а видите и сами, что у нас многие лошеди з гор побилис, а иные попадали.

И грузинские послы говорили: как есте нам говорили въ Терском городе,—и мы ис Терского города ко государю своему к Олександру царю послали с вѣстью своих людей. И нынѣ мы того не вѣдаем: для чего по ся мѣста от государя нашего от Олександра царя встрѣчю не бывала?

И послы князь Семен и диакъ Торхъ под Черебашовым кабаком дневали ден для мосту. А сентября въ 28 де стояли в Сонской землѣ, проѣхав болшой Сонской кабакъ и монастырь Пречистые Богородицы версты с три. И, не доѣзжая того стану версты за две, приѣхали встрѣчю два азнаура Сонского Аристова князя и, сшод с лошеди и соимя шапки, говорили: прислал нас Аристов княз, а велѣл государевым послом готовити кормъ всякой ваш и лютцкой и конской; а сам Аристов будет к вам завтра, а ныне он в отъѣзде в далныхъ своих кабакѣх.

И назавтрее того сентября въ 29 де за час до вечера приѣхал к послом к стану Аристов княз, а с ним азнауров его человѣкъ с 15.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ велѣли ему быти у себя в шатрѣ; а встрѣтити его велѣли в стану толмачом Ивану Миколасву да Иванису Драичеву, а перед шатром велѣли его встрѣтити сотнику Григорью Кутаринову да кречетнику Ивану Сычову.

И, пришед в шатер к послом, Аристов княз говорил: грузинской царь Александръ прислал ко мнѣ, удѣлному своему князю, грамоту, велѣл мнѣ вас государевых послов в своей землѣ встрѣтити и ѣхати с вами до своей Грузинские земли и кормъ вам велѣл давати доволенъ. И яз, послышас про вас, послал к вам азнауров своих, а ныне и сам к вам приѣхал; и вы поѣтте к Олександру царю.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ Аристову князю говорили: сказывал ты нам, что тебѣ Олександро царь велѣл нас встрѣтити,

какъ приѣдем в твою землю,—и тебѣ было пригоже нас встрѣтити, какъ мы пришли в твою землю на рубеж в Черебашов кабакъ.

И Аристов княз говорил: в том на меня кручины не подержите, что вас в Черебашове кабакѣ встрѣтити не успѣл, был есми в дальних своих кабакѣх.

И сентября въ 30 де стояли послы, переѣхав реку Терку, в верховье меж Терского верховья и Арагуя реки; а Аристов княз ѣхал с послы вмѣсте. Октября въ 1 де и въ 2 де и въ 3 де и въ 4 де стояли на рекѣ на Арагуе под Аристовым кабаком для того, что от дожжов река Арагуй была велика, проѣхати было не мочно. Октября въ 5 де стояли на той же рекѣ на Арагуе, переѣхав мелницу и рубеж Аристовы земли, на Олѣксандрове землѣ.

И октября въ 7 де пришол к послом в стан грузинской старецъ Кирило; а говорил: государь нашъ Александро царь прислал встрѣчю к вам околничего своего Умана; и Уман прислал меня к вам себя сказати.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ велѣли Уману быти у себя в стану.

И Уман пришел в стан пѣш, а с ним Аристов княз да грузинские послы княз Каплан да Хуршит да дворян и азнауров Олександра царя человѣкъ со 100 и болши.

И послы князь Семен и диак Торхъ велѣли Умана встрѣтити в стану толмачом Ивану Миколаеву да Иваницу Драичеву, а перед шатром велѣли встрѣтити сотнику стрелецкому Григорью Кутуршову да кречетнику Ивану Сычову.

И Уман, пришед в шатер, говорил: государь мой Олександро царь прислал к вам великого государя послом ко князю Семену да к диаку Торху околничего своего меня Умана и дворян своих, а велѣл вас послов встрѣтити и ѣхати с вами вмѣсте до себя и кормъ и подводы вам велѣл давати доволен. А что вас великого государя послов прислал встрѣтити поздо,—и государь мой Олександро царь велѣл вам говорити: то здѣлалос от послов его от князя Каплана с товарыщи, что писал к нему про вас, какъ вы пришли в Аристовову землю, изпоздав, тому дни с четыре; и вы б в том кручины не держали.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ говорили: пригоже было государю вашему Александру царю прислати к нам встрѣчю ранѣ того. Да нѣчто будет изпоздали к нему писати про нас послы его княз Каплан с товарыщи; а мы послом о том говорили неодинова, не дошед Аристововы земли, чтоб про нас ко государю своему Олександру царю писали.

И того дни стояли послы на той же рекѣ на Арагуе подъ городищем царевича Юрья Александрова сына; а Уман поѣхал с послы вмѣсте, а Аристов воротился. Октября въ 7 де стояли послы в царевых Александровых деревнях в лугу на ручью. Октября въ 8 де стояли послы на рекѣ на Лозани. Октября въ 9 де стояли подъ Умановым селом.

И ѣдучи послы князь Семен и дияк Торхъ в розговоре с Уманом говорили? (sic).

И Уман сказал: в дружбе государь нашь царь Александръ с Кизылбашским шахом; и нынѣ послы от шаха у государя моего Александра царя. Толко яз их не вѣдаю, застану л; чаю государь мой Александро царь их до нас отпустит. А приходил ко государю нашему от шаха Кизылбашского посол с тѣм, чтоб государь нашь царь Александро стоял с ним на Турского заодин; а он шах хочет государю нашему поступитца земли, в которых мѣстех государь нашь полюбит, к своей землѣ. И того не вѣдаю, на которой мѣре у Кизылбашского с Олександром царем стало.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ Уману говорили: скол давно от шаха Кизылбашского посол ко государю вашему пришел и на которое мѣсто шол? И для чего государя вашего посол, которой был у шаха, от Турских людей не прошел? А провел его с собою из Кизылбаш государя нашего посланникъ Григорей Василчиков во государя нашего отчину в Астарахань; а из Асторахани государя нашего бояре и воеводы о том к нам писали, что государя вашего посла отпустят из Астарахани и проводити его велят.

И Уман говорил: от шаха Кизылбашского пришли послы ко государю нашему царю Александру опосле государя вашего посланника.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ, приѣхав в Крым, про то провѣдывали; и Уман то лгал, а послы от Кизылбашского к Александру царю не бывали.

Да Оман же по вспросу сказывал: приходили на государя моего украину Кумыцкие князи сего году. И государь мой царь Александръ против их посылал воевод своих ратью; и государя нашего воеводы Кумыцких людей побили на голову, убили у них болши 400 человѣкъ. А в недружбе государю нашему болши всѣх недругов Шевкал князь; приходя в ден и ночью украдом з гор, чинит государя нашего Олександрове украине обиду великую.

Да Оман же про Араклина Олександрова сына по вспросу сказал, что Олександров сынъ Араклин побежал к Турскому, ума отступил,

что ѣл аеьян; а побѣжал с однимъ человѣком. И после того тот человѣкъ его вышелъ ко государю нашему Александру царю и про него сказывал, что у Турского царя Араклин волочитца, а ничѣм не пожалован.

И назавтрее того октебря въ 10 де на тот же стан приходили к послом ко князю Семену да к дияку Торху князь Каплан да Хуршит. А говорили: прислал государь нашь Олександро царь чашника своего Дмитрея да стряпчего винного его Хуршитова сына Шевердяя с своим жалованьем с аргамаки, на чом вам ѣхати к Олександру царю, да с овощи; и послы б князь Семен и дякъ Торхъ велѣли быти у себя.

И послы князь Семен и дякъ Торхъ велѣли им быти у себя в стану; а встрѣтити их велѣли в стану Ивану Миколаеву, а перед шатром сотнику стрелетцкому Григорью Кутаринову.

И Дмитрей и Шевердяй, пришед в шатер, говорили: ко государю нашему Александру царю пришла вѣсть от околничево его от Умана: великого государя царя вы послы до сѣх мѣстъ дошли здоровы; и государь нашь тому добрѣ радостен и прислал к вам четыре аргамаки да кон, на чом вам ко государю нашему ѣхати, да овощей полвьюка дыней да арбузов, да полвьюка груш, да три вьюка яблокъ.

И послы князь Семен и дякъ Торхъ говорили: великого государя своего ц. и в. к. Ѳ. II. в. Р. жалованьем до сѣх мѣстъ дошли здорово; а на государя вашего Олександра царя жалованье челом бьем.

И того ж числа в пятницу стояли послы князь Семен и дякъ Торхъ под монастырем, а пришли пот тот монастырь в час ночи; а говорил Уман, что тот монастырь Егорьевской Алаверды, мѣсто болшое, живет в нем архиепископ Гаврил и попы и дьяконы черные и бѣлые.

И назавтрее октября въ 11 де послы князь Семен и дякъ Торхъ спросилц Умана: обѣдня у архиепископа нынѣ в монастырѣ будет лі, чтоб нам в монастырѣ помолитіс?

И Уман сказал: обѣдни ныне не будет; а будет похотите быті в монастырѣ, і вы поѣдте в монастырь.

И послы князь Семен и дякъ Торх пришли на монастырь и от церкви, ис паперти вышед, середя монастыря встрѣтили с Уманом дворян царя Александровых и азнауров и дворецкой владычен со владычними людмі человѣк с 30 и болши; а в паперти, из церкви вышед, встрѣтил старец в чорных ризах по греческому обычею, а за ним человѣкъ с 30 и болши в розном платье во всяком, не отведно

от мірского от грузинского платья ничѣм, в шапках, а иные в колпаках, а иные и в коетанех.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ спросили Умана: архиепископ в церкве есть ли і в каком чину тот старец и люді, которые, вышед из церкви, нас встрѣтилі?

И Уман сказал: архиепископа в церкве нѣт, лежит болен, что стар добрѣ; а тот старец архимаріт, а за ним встрѣтили вас попы и дьяконы того же монастыря.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ вошли въ церковь.—А церковь мѣрою велика мало не с Арханил, что на Москвѣ на площеді, о четырех же столпѣх, об одном верху, созиданье старое и подписана была вся; да в иных мѣстех подпис знать, а в ином мѣсте не знать.—Двери царьские, на дву цках Благовѣщение пречистые Богородицы, отворены, а сѣни над царьскими дверми нѣт; и ходят в царьские двери к престолу Божью и меж царьских дверей к престолу просто попы и дьяконы не во свещенных ризах и скуфей на них нѣт. И свещенники Богдан з братьсю в олтарь в сѣверные двері ходіли и сказалі, что престолъ Божей кругол, а на нем сорочка, а препоясания и индітіи и антимиса и креста нѣт; а одно лежіт на престоле, сказалі, евангилье не велико без евангилистов. А на жертвенике сосуды церковные потыр серебрен золочен да три блютца и копейцо, святости на них не написано; а площаницы и пелены по чину. А на поповских різах оплечья и крестов нѣт. А в церкве над царьскими дверми дѣисус ветох добрѣ. А гдѣ ставятца мѣстные образы, и на тѣх мѣстех на цках на болших пядницах стоят образы праздники ветхи ж; а на правой сторонѣ от тѣх образов дѣисус греческое писмо мѣлкое, с праздники и с пророкі, згибной на мѣлких цках; а перед тѣмъ дѣисусом в шандане свеча. А на лѣвой сторонѣ посторонь празников к сѣверным дверем образовъ с пять и с шесть пятницы; иконники сказалі писмо корсунское. Да в церкве ж на лѣвой сторонѣ в киоте в каменом образ мѣстной болшой Спасов, обложен золотом и серебромъ. Да подлѣ того образа на цкѣ на такой же образ Г'еоргея мученика Христова, обложен и украшен каменьем и жемчюгом и цатамі; а у него приклонена сабля, ножны окованы золотом и серебром с каменьем и з жемчюгом. Да подле того образа на цкѣ на такой же выбіт на серебрѣ с позолотою образ *о тебѣ радуетца*; а около того образа на той же цкѣ выбиваны на серебрѣ ж с позолотою Г'осподни празники. А перед тѣми трема образы шандан великой желѣзной, а в нем свечі вожжены.

И послы князь Семен и дияк Торхъ говорилі архимаріту, чтоб за великого государя нашего царя і великого князя Ѳедора Івановича всеа Русиі и за его царицу і великую княгиню Ирину здравье пѣл молебен да часы.

И архимаріт велѣл говорити часы, а про молебен сказал, что у них того не ведетца.

И послы князь Семен и дияк Торхъ, отслушав часов, поѣхалі к себѣ в стан; а провожал их Уман с тѣми же со всѣми людми до тѣх же мѣстъ, гдѣ встрѣтил. А говорил послом Уман: писал ко мнѣ царь Александро, а велѣл вам стояті здѣсе на стану до своего указу.

И октября въ 12 де пришел на стан Уман, а говорил послом князю Семену да дьяку Торху: велѣл мнѣ архиепископъ вам великого государя послом и старцу Захѣе з братьею и свещенником биті челом, чтоб вы нынѣ в монастырѣ обѣдни слушалі, а его архиепископа попавестилі и хлѣба ѣли; а служити обѣдню велите государевым ли свещенником или монастырским, то велѣл положіті архиепископ на вашей воле.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили, что великого государя нашего свещенником и дияконом служити, за государя нашего царя і великого князя Федора Івановича всеа Русиі и за его царицу і великую княгиню Ирину здравье молебен да часы пѣти, а обѣдню служити архиепископлим свещенником; а ѣсти нам хлѣб у архиепископа, не быв у государя вашего Олександра царя, не пригоже.

Да Оман же послом князю Семену да дьяку Торху говорил: писал ко мнѣ государь мой Александро царь, что он посылал биті челом великому государю вашему послов своих Каплана с товарыща о пушечных литцѣх. И государь нашь князя Каплана спрашивал: великому государю он о пушечных литцѣх бі лі челом? И государь пожаловал лі, пушечных литцов велѣл лі даті? И ныне пушечные литцы с вамі послы есть ли?—И Каплан сказал, что он о пушечных литцѣх великому государю бі челом, а того не вѣдает—с вами послы пушечные литцы есть лі или нѣт. І государь нашь Александро царь велѣл вас спросити: пушечные литцы с вами ест лі?

И послы князь Семен и діак Торхъ говорилі: толко б князь Каплан великому государю царю и великому князю от государя вашего Александра царя о пушечных литцѣх бі челом,—и государю б за что за то стояті? Великиі государь государю вашему Александру царю не постоял и не за пушечные литцы: принял его под свою царскую руку и город для его на Теркѣ велѣл поставіті и людей и наряд в нем учинілі; а то дѣло обычное.

І в тот ден послы князь Семен и диякъ Торхъ в монастырѣ молебна и часов и обѣдни слушалі; а пѣли молебен и часы собором государевы свещенники и дьяконы, а обѣдню служил архимарит да три попы да два диякона того монастыря по своему обычею. А в службе их смотрили свещенники и дьяконы государевы. И служба ден их греческого обычая, какъ служат у патриарха Цареградского; а тѣм не сойдетца, что в царьские двери ходят без освещеных ризъ просто без пристрастия.

И после обѣдни говорил Уман от архиепископа старцу Захѣю и свещенником и дияконом, чтоб у него были и его навестилі.

И старец Захѣя і свещенники и дьяконы у архиепископа былі. И, пришед, старец Захѣя послом князю Семену и дьяку Торху сказывал: вошли они в кѣлью к архиепископу и архиепископ лежіт; а образов, сказал, на стенѣ нѣт, а держат образ Спасов в киоте на руках. И.. архиепископ встав благословил погречески и говорил им: дожіл де есми до великие старості, а топерво Бог велѣл видеті истинные православные вѣры крестьянские великого государя царя і великого князя Ѳедора Івановича всеа Руси богомолцов вас иноческого и свещенного чину, в том меня не подивите, что вас не встречал и чести вам не учинил за старостью і за немочью. Да звал их хлѣба ѣсть и он Захѣя отпросился, а свещенники и дьяконы остались ѣсти у архиепископа.—И, пришед, свещенники и дьяконы послом князю Семену и дьяку Торху сказывалі, что их велѣл архиепископъ кормити в полате дворецкому своему честно; и дворецкой их кормил честно. И Уман ѣл въ той же полате.....

Октября въ 13 день послы с того стану пошли к Крыму... и сталі от Крыму за две версты за час до вечера.... Октября въ 14 день *послы*... пріѣхалі в Крым. И того ж часу пришли к послом Уман да старец Кирило. *(Говорили о кормѣ и приставах)*.... Да Оман же говорил послом: хочет царь Александро посмотріті кречата, что государь пожаловал его Александра царя,— и вы б кречата с кречетником послалі к Олександру царю; а государь их Александръ, посмотря того кречата, пришлет к вам назад в тот часъ. И послы князь Семен и діакъ Торхъ к Олександру царю за Уманом кречета с кречетником с Иваном с Сычовым да с толмачом послалі. И того ж часу кречетник Иван Сычов к послом кречата назад принес; а сказал, что Александро царь кречата смотрил и на руку к себѣ имал и клобучок снимал и государеву жалованью добрѣ рад. А спрашивал де его, что кречат ловит? И он де сказал, что ловит лебеди. И смотря кречата, велѣл ему итті с кречатом к вам послом.

Октября 15 приходилъ къ послам Уманг и ст. Кириллъ съ извѣстіемъ, что царь Александръ велѣл вам быті завтра у себя на посолстве... и *дары, посланныя его дѣтямъ*, на посолстве царь Александръ являті не велѣл, а велѣл то государево жалованье к себѣ принесті.—И послы.. князь Семен и діак Торхъ Уману да старцу Кирилу говорили: есть к царевым Александровымъ дѣтем от святейшего патріарха Иева царствующаго града Москвы і всего Росийского царствія Божіе милосердіе, благословенье, образы с старцом Закхѣею,—и ныне о тѣх образѣх как царь Александро произволит?—(*образы, посланныя дѣтямъ, не вельно было также являть на посолствѣ*).....И послы князь Семен и діак Торхъ, вшод в полату, от г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. Александру царю поклон правили и рѣчь говорилі и грамоты государевы вѣрущую и жаловалную отдали и учителных людей и иконописцов объявили по государеву наказу и поминки государево жалованье явили по казенному списку. А про кречета говорілі, что великій г. нашь ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р., жалуючи тебя, Александра царя, послал к тебѣ своей царские потѣхи кречет красной да кречет подкрасной да кречет кропленой,—и два кречета подкрасной и кропленой в горах померли; и он бы, Александръ царь, велѣл тѣх кречатов и наряд осмотріті.—А после послов от святейшего патріарха Иева поклон правилі и рѣчь говорили и грамоту подал и благословенье поднес образы по наказу старецъ Закхѣя. Да старец же Закхѣя з братьею и священники у Олександра царя просился к митрополиту Миколаю.

И как послы князь Семен и діак Торхъ учалі государево титло говорити,—и царь Александръ, с мѣста встав, выступил и, слыша про государево жалованье, поклонился в царской своей шапке до земли; а грамоты государевы, взяв, принес к лицу и, поцеловав, положил тѣ государевы грамоты подлѣ своего мѣста. И образом, помолясь, прикладывал и велѣл образы, что к нему присланы и которые были присланы к дѣтем его, и государево жалованье поминки приимати перед собою; и тѣх кречатов, которые померлі, в клобучках и во всем наряде велѣл принести к себѣ и их смотрил и велѣл их и в наряде взяті перед собою.—А после посолства говорил царь Александръ: все Божье да великого государя моего ц. и в. к. Ѳ. И. в. Русні. Яз холоп и жена моя и дѣти мои и все государство мое перед Богом да перед ним государем. А про митрополита Миколая говорил, что его здѣсе в Крыму нѣт и по него пошлет, веліт ему быті к себѣ. А изговоря Александро царь сѣл да послов звал к руке; а после руки велѣл послом сѣсти от себя по правую сторону. И послы..., посл-

дѣв немного, поѣхали к себѣ в стан... А, проводя послов, князь Каплан и Хуршит говорилі: ѣсти вам всѣмъ ныне у царя Александра и присылка по вас от Олександра царя будет.

И после того послы.... *по присылкѣ*... к царю поѣхали.... (*Во время стола*) Александро царь говорилъ: вел г. нашь ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р.— которого корени царского? И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: великого государя нашего корень царской ведетца от Августа кесаря Римского, облагодающего всею вселенною.—И Олександро царь говорил: у нас писмо обдержитъ также, что государя нашего ц. и в. к. корень ведетца отъ Августа кесаря Римского.... А пити к Олександру царю в чарке принесут,—и Олександро царь, взгленя на князя Семена и на Торха, велит толмачю говориті, что он тоѣ чашу до них пьет; да тоѣ чашу выпив, а ко князю Семену да к діаку Торху велит принестї такую ж чарку.—А говорил: великого государя моего жалованьем подворье мое со всѣ .. перед вами государевыми послы. Да сыну своему царевичю Юрью и воеводе своему Едишѣю, из-за стола выходя, велѣл здороватї князю Семену, а дьяку Торху велѣл здороватї тому ж Едишѣю да воеводам Жечиналѣю да Ослану, трожды и четыржда. А после стола велѣл Александро царь государевым свещенником за государево здравье над чашею пѣть. И свещенники и дьяконы за государево и за его царицу і великую княгиню Ирину пѣли здравье многолѣтье. И Александро царь первую чашу самъ выпил, да подал по чаше послом, а после чаши Александръ царь их отпустил.

И октебря въ 16 де приѣхали к послом ко князю Семену да к діаку Торху князь Каплан да Хуршит; а говорили: велѣл вам Олександро царь быти у себя на дворѣ.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ к Олександру царю поѣхалі; а встрѣтил их середи двора Уман и шол с нимі до полаты. И после того немного спустя пришлі в полату Александров царев духовникъ архимарит Ѳилипъ да Уман да старец Кирило. А говорили: государь нашь Олександро царь великого государя ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. жаловалную грамоту велѣлъ перевести, еѣ вычел и на его великом государеве жалованье на крѣпком защищение богопособные его царские властї челом бьет. Да поклониліс перед послы перед князем Семеном да перед дияком Торхом духовникъ Александров царев архимаріт Филипъ с товарыщі в землю.—Да они ж говорилі от Олександра царя: по ся мѣста был есмі во тмѣ, а ныне есми великого государя жалованьем стал на свете. Да в государеве ж грамоте написано: что вы государевы послы князь Семен и діакъ Торхъ учнете говориті,—и мнѣ вашим рѣчем велѣл государь вѣриті; и вы

говорите, что с вамі государев приказ и какъ государь хочет меня жаловать и оберегати от недругов.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ говорили: государь нашь великій государь ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. по государя вашего Олександрову челобитью его Олександра царя и всю его Иверскую землю пожаловал, под его царскую руку принял и в обороне держати хочет ото всѣх его недругов и город на Терке для его и его земли для обереганья поставитї государь велѣл и на недруга его, а на своего непослушника, на Шевкала князя государь нашь по его челобитью рать свою хочет послати, чтоб вперед Олександру царю и его землѣ от Шевкала тесноты и убытков не было и дорога б от его земли ко государя нашего отчине к Терскому городу очистити. А государь бы ваш Александръ царь, на том государю нашему правду дал, на записи крестъ целовал, потому государю нашему прямил и от государева жалованья был неотступен со всею своею Иверскою землею. А о Шевкале что много и говоритц: Шевкал будет приведен под великого государя нашего руку. Ты, Кирило, ѣхал с нами и ты видял, какъ государю нашему Кабардинские князі Янсох со всѣм Асланбѣковым кабаком и Солох и Алкас князи и мурзы и всѣ Кабардинские князі и мурзы и Оварской и Черной князь били челом, чтоб их государь принел в службу под свою царьскую руку и правду государю далі, по своей вѣре шертовалі и заклады ко государевым воеводам в Терской город отослали,—а нынѣ тѣ всѣ князи и мурзы по нашему договору въ государеве в Терском городе у воевод,—и стояти им на государевых непослушников, а на государя вашего Олександра царя и на своіх недругов, з государевыми с Астороханскими и Терскімі воеводамі и со государем вашим с Олександром царем вмѣсте заодін. И Шевкалу ото государя нашего царского величества руки гдѣ дѣтися? А которые будут горские князи і иные государю нашему непослушны будут и со государем вашим с Олександром царем почнут быти не в миру,—и государь бы ваш на тѣх сам ходил и людей своіх посылал и их под государя нашего руку приводіл; а государя нашего воеводы Терские государю вашему учнут людей даваті с вогненым боем. И на всѣх государя нашего непослушников з государя нашего воеводами Терскими и с Кабардинскими князі и мурзами и с Оварским и с Чорным князем государю вашему Олександру царю и его землѣ стояті заодін.

И старец Кирило говорил: я то все видел, какъ всею Кабардинскою землею князи и мурзы и Оварской и Чорной княз государю в службу под его царскую руку били челом и по своей вѣре шертовалі

и заклады подавалі; и, пріѣхав, государю своему Олександру царю про то сказывали есми. И государь мой царь Александръ, слыша про то, возрадовался и за государя вашего великого здравье молил Бога, чтоб ему государю Богъ дал здравье и покорил бы ему государю всѣ враги его.

И архимаріт Ѳилипъ и Уман и Кирило ходили к Олександру царю. И, пришед от Олександра царя, говорили: государь нашь Олександро царь речей ваших, что есте с нами наказалі, выслушал і велѣл вам говорити: преж сего в сѣх странах во многіх государьствах была крестьянская вѣра, а нынѣ за грѣх за нашь Турской царь многие государьства крестьянские поимал и тѣ государьства сталі от теснот в бусурманской вѣре, а одно мое государствишко осталось и ещо стоіт по сл мѣста в крестьянской вѣре; и яз, слыша про великого государя ц. и в. кн. Ѳ. И. в. Р., православной и крестьянской вѣре свершителя, посылал бити челом людей своіх, чтоб меня пожаловал, принял под свою царскую руку, а невѣрным в буеурманскую вѣру не подал, чтоб в моем государствишке крестьянская вѣра не порушилась. И вел. гос. ц. и в. к. меня, холопа своего, пожаловал, под свою царскую руку и в оборону принял; а на чом есми великому государю своему правду дал, крестъ целовал, потому государю своему хочю и прямітi и с своими детми и со всею своею землею и до своей смертi. Да хоти великій государь меня от своего государева жалованья и откинет,—и мнѣ ото государя своего не отступити, хоти случитца за то и смерть принятi. А меня бы государь и мою землю пожаловал, велѣл оборонити от Шевкала князя: болшой мнѣ недруг Шевкал: гдѣ мнѣ случитца итти на Турского украину или на которые на иные земли войною,—а Шовкал в ту пору приходит на мою украину войною, а иное ночью татбою, люди побивает и к себѣ в бусурманскую вѣру сводит, ставитца мнѣ пущи Турского. А Турской царь меня повоюет, и яз против его повоюю; в здѣшних странах Турской мнѣ не силен. И дорогу б государь с Терского города к моей Иверской землѣ на Шевкала велѣл очистити.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: государь нашь царь и великій князь Ѳ. И. в. Р. хочет за государя вашего Олександра царя и за его землю стояті также, какъ стоіт за свою государеву отчину—за Астарахань и за Терской город и за иные свои государевы городы. И толко Шевкал со государем вашим в миру не будет,—и Шевкалу от государя нашего гдѣ ся дѣти? И дорога будет на Шевкала ко государя вашего Иверскому государьству очищена.

И архимарит Ѳилипъ и Уман и старец Кирило ходили к Олександру царю. И, пришед от Олександра царя, говорили: государь нашь царь Александръ велѣл вас великого государя послов спроситi:

патріархъ Иев всеа Русиі прислал ко мнѣ старца Захѣю з братьею и свещенников—что за ними приказ?

И послы князь Семен и діякъ Торхъ говорили: государь нашь его царское величество государя вашего Олександра царя и его землю принял под свою царьскую руку для крестьянские вѣры; и послы государя вашего князь Каплан да ты, Кирило, да Хуршит били челом от государя своего от Олександра царя великому государю нашему, чтоб государь нашъ пожаловал, прислал к нему вмѣсте с послы своими для исправленья вѣры крестьянские учителных людей и иконописцов. І великиі государь нашъ Олександра царя пожаловал, прислал к нему для исправленья вѣры крестьянские тѣх учителных людей, а с ними с учителными людмі святѣйшей патріархъ Иев царьствующаго града Москвы і всего Росѣйского царствія повелѣньем великого государя нашего прислал ко государю вашему к Олександру царю и къ его царице и к митрополиту Миколаю Іверские землі Божье Милосердье благословенье образы; да ко государю же вашему к Олександру царю и к митрополиту Миколаю прислал с ними учителную грамоту. И мы на посолстве государю вашему Олександру царю тѣх учителных людей и иконописцов обьявили. И старец Захѣя от святѣйшего патріарха Иева государю вашему Олександру царю учителную грамоту подал и рѣчь говорил и поклон правил и Божье Милосердье образы поднес; да туто же старец Захѣя з братьею і свещенники просился у государя вашего у Олександра царя от святѣйшего патріарха Иева к митрополиту Миколаю з благословеньем с образы и с учителною грамотою. І вы что нас про то и спрашиваете? А государю вашему вчерась на посолстве про тѣх учителных людей объявлено. И нынѣ бы государь вашъ Александръ царь тѣм учителным людем старцу Захѣе з братьею и свещенником велѣл быті у митрополита Миколая.

И архимаріт Θилипъ и Уман и старец Кирило ходили к Олександру царю. И, пришед от Олександра царя, говорили: государь нашь Александръ царь великого государя жалованью, что к нему прислал учителных людей для исправленья вѣры крестьянские, радостен добрѣ; а митрополит Миколай нынѣ у государя нашего в гневу, быти им у митрополита нелзя.

И послы князь Семен и діякъ Торхъ говорили: которой будет гнѣв у государя вашего на митрополита, в том волен государь ваш Александръ царь; а то дѣло к царскому гнѣву не применітца, то дѣло духовное. Для чего и у митрополита не быті?

И архимаріт Онлипъ и Уман и старец Кирило говорили: того ещо невѣдомо: государь нашъ вперед в митрополитех велит ли ему быті или отставіт? И им для того у митрополита быти нелзя.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: прислал святейшой патриархъ Иев царьствующаго града Москвы і всего Росѣйского царьствия тѣх учителных людей с своею учителною грамотою к митрополиту к Миколаю и к архиепискупом и епискупом и ко всему освещенному собору, а не к одному к митрополиту к Миколаю; и государь бы ваш Олександръ царь велѣл им быти у архиепискупов и у епискупов и у всего свещенного собору.

И архимарит Өилипъ и Уман и старец Кирило ходили к Олександру царю. И, пришед от Олександра царя, говорилі: государь нашь Александръ царь по архиепискупов и по епискупов и по вес свещенной собор велѣл розослаті; и какъ съѣдутца, и тогды старцу Захѣе з братьею и свещенником у них быті веліт.—

И послы князь Семен и дияк Торхъ говорили: известите государю своему Олександру царю, чтоб велѣл архиепискупом и епискупом і всему освещенному собору съѣхатись вборзе, чтоб за тѣм нам у Олександра царя не зазимоваті, чтоб ко государю нашему нас Олександръ царь отпустил ранеѣ.

И архимаріт Өилипъ и Уман и старец Кирило ходили к Олександру царю. И, пришед от Олександра царя, говорили: ныне вам ко государю не проиті, снѣги на горах пали великие, зимовати вам у государя нашего у Олександра царя.

И послы княз Семен и діакъ Торхъ говорили, чтоб Олександро царь поволил нам отпустити ко государю з грамотами людей своих человѣк дву или трех и лошеди им свѣжие, на чом ѣхати, велѣл дати и проводити их своим людем, до коих мѣстъ пригож, велѣл.

И архимарит Өилипъ и Уман и старец Кирило ходили к Олександру царю. И, пришед от Олександра царя, говорили: ко государю людей своих отпустити вам Олександро царь велѣл и лошеди свои под них приказал дати и проводити их, до коих мѣстъ пригож, велѣл. Да Олександро ж царь велѣл вам говорити, чтоб вы писали ко государю своему, чтоб государя нашего Олександра царя от Шевкала велѣл своим государевым воеводам оборонити, воевати его велѣл; а государь нашь Олександръ царь ко государю вашему с людми вашими грамоту послати о том хочет же.—Да Олександро ж царь велѣл вам говорити: слышал есми, что государь положил опалу свою великую на посланников своих, которые были у меня, на Родивона Биркина да на Петра Пивова; а у меня в обычее то ведетца: которой человѣкъ будет у меня посланьем,—и тот бы был безкручинен. А тѣ государевы посланники Родивон и Петръ были у меня и ходили о всем по государеву наказу, а дурна и непослушанья никоторого не учинили; и

государь бы их для моего челобитья пожаловал, опалу свою сложил. А и про своих есми послов слышел, что дѣлали и дурнѣе того; да государь жаловал их для меня, вину их покрывал.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ говорили: что нам ко государю своему о Шевкале и писати? Государев указ у государевых бояр и у воевод в Астарахани и на Терке о Шевкале есть, велено им Шевкала приводити под государеву руку. А о посланникех о Родивонѣ да о Петрѣ государя вашего Олександра царя челобитье к великому государю учнем писати.

И архимарит Ѳилипъ и Уман и старец Кирило ходили к Олександру царю. И, пришед от Олександра царя, говорили: велѣл вам государь нашь царь Александръ ѣхати к себѣ в стан.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ к себѣ в стан поѣхали. А провожал их Уман до тѣх мѣстъ, гдѣ встрѣтил; а княз Каплан и Хуршит до стану.

И октября в 19 де приѣхал к Олександру царю в Крым Алкас княз; и тогож дни к послом ко князю Семену да к диаку Торху присылал узденя своего Лепсуха о здоровье спросити.

И послы княз Семен и діакъ Торхъ его спрашивали: что ко царю Александру Алкасов приѣздъ?

И уздень его сказал, что Алкас княз Олександру царю по родству дядя, и он приѣхал к Олександру царю челом ударит и привел к нему в дарѣх полоняники да привез рыбу.

И октября в 20 де у Олександра царя Алкас княз был.

И Олександро царь прислал к послом ко князю Семену да к диаку Торху Умана да старца Кирила. А говорили: бьет челом государю нашему Олександру царю Алкас княз, чтоб Олександръ царь взял у него к себѣ в заклад сына своего, а тѣх бы его узденей Янука с товарыщи четырех человѣкъ, которые сидят в сыне его на Терке в закладе, вы, послы княз Семен и диякъ Торхъ, велѣли отпустити.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ говорили: Алкас княз бил челом великому государю в службу, чтоб государь держал его под своею царьскою рукою; и государь его Алкаса пожаловал, под свою царьскую руку принял. И Алкас княз государю нашему правду дал, по своей вѣре шертовал, и заклад дал; да после того изменил, провожал Кумытцких людей, а тѣ Кумыцкие люди государю непослушники. И государевы люди тѣх Кумытцких людей на рекѣ на Сунше на перевозѣ побили и его Алкаса на том побое взяли жива. И мы, Алкасу не повѣря, к старому его закладу велѣли ему прибавити сына своего;

и он Алкас в сыне своем дал нам тѣх узденей своих Янука с товарыщи. И мы о том к великому государю писали; в том волен Бог да государь, какъ о том свой царьской указ учинит. Да и государю вашему Олександру царю пригож Алкаса князя великому государю крепити, что Алкас княз в правде не крепокъ.

И Уман и Кирило говорили: и государь нашь Олександро царь Алкасу не вѣрит, без закладу его не хочет отпустит, хочет у него взяти сына его; а вы б к Терским воеводам от себя отписали, чтоб тѣх узденей его, доколе сына своего к ним приведет, не отпускали.

И послы княз Семен и диякъ Торх говорили: в Терской город к воеводам есмя о том писали преж сего.—Да послы ж княз Семен и дьякъ Торх говорили: преж сего Алкас княз со государя вашего Олександра царя имал дан; а нынѣ по великого государя нашего жалованью, какъ государь нашь Олександра царя пожаловал, принял под свою царьскую руку, и Олкас княз к Олександру царю и сам приѣхал з дары. А государь нашь царьское величество Олександра царя пожаловал не для дани, что государю вашему давати по 50 камокъ золотных кизылбашских да по 10 ковров золотных же. Государю нашему то ничто не нужно. Нѣт того, чего у государя нашего в государстве нѣт. Пожаловал великій государь нашь Олександра царя принял под свою царьскую руку—для крестьянские вѣры и для своего царственного обычея.

И Уман да Кирило говорили: давати было великому государю тоѣ дан камки и ковры государю нашему Олександру царю и в тѣх землях, гдѣ ся то ведет, стали войны и во государя нашего Олександрове государстве таких узорочей столко здобыти не мочно. И государь нашь царь Олександро о том с послы своими с Капланом да со мною с Кирилом да с Хуршитом к великому государю вашему бити челомъ приказывал, чтоб государь за тое дан, чего в его Олександрове государьстве не добудут, у Олександра царя велѣл имати иными узорочьи, что ся в государстве лучит. И послы княз Каплан и яз, Кирило, и Хуршит великого государя вашего приказным людем извещалі. А нынѣ великій государь и в своей царьской жаловалной грамоте написал, что присылати Олександру царю к великому государю что ся лучит; а что дани присылать и по колку на год и какими узорочьи, того во государевѣ грамоте не написано.

И послы княз Семен и діакъ Торхъ говорили: государь нашь в своей жаловалной грамоте имянно дан не написал, жалуючи Олександра царя, что тѣх Олександровых послов рѣчи приказные люди государя нашего донесли до государя нашего; и государь в своей жа-

ловалной грамоте потому написал посылат ежегод дан к великому государю, что ся лучит у государя вашего Олександра царя какое узорочье въ его землѣ, аргамаки ли или кони добрые или иное что лучитца, то бы Александръ царь посылал. А по великого государя нашего жалованью государи вашего Олександра царя учнут чтит и всѣ горские князи и не один Олкас.

И Уман и Кирило говорили: надѣемся на великого государя жалованье, что по его милости будет государь нашь Олександръ царь честен; а дан великому государю вашему государь нашь Олександръ царь дастъ, что в Олександрове государстве есть.

Да того ж дни пришел к послом ко князю Семену да к діаку Торху черкашенин, двуродной Хотова брат, Абжюк-Корак, а Шовкалов шюрин; и в роспросе сказал, что приѣхал к Олександру царю от Хотова в послѣх просити у Олександра царя Хотововы дочери, что была за сыном его Араклином, которой побежал к Турскому. А ѣхал, сказал, с Олкасом вмѣсте. И про царевича Крымского спросил послов князя Семена и дьяка Торха: царевич Крымской, Шевкалов зят, нынѣ на Москвѣ ли?

И послы княз Семен и діакъ Торхъ сказали, что на Москвѣ.

И Обжюкъ-Корак говорил: слышал есми у Шевкала, что государь зятя его царевича Крымского жалует добрѣ: чево у государя попросит, то ему дастъ. И Шевкал совѣтует с Олкасом да Солохом, хотят послати Крымскому царевичю, чтоб просил у государя вашего людей нас, черкас, которые под государя нашего рукою, воеват.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ говорили: государь нашь царевичова челобитья не послушает, людей своих на вас не дастъ; вы и такъ под государя нашего царьского величества рукою. А дает государь людей своих на непослушников, которые под государя нашего царьскою рукою быти не похотят.

И Обжюкъ-Корак говорил, чтоб государь ваш царевичю Крымскому не вѣрил, в Астарахан его не присылал: совѣт у них бусурманской вмѣсте с Шевкалом да с Солохом да с Олкасом князем. И как царевич в Астарахани будет,—и они, сослався меж собя, приведут под Астарахан турских людей; а царевич государю измѣнит и город здастъ.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ говорили: преж сего Турского люди под Астараханью были,—и отошли Турские паши не со многими людми; а тѣх всѣх людей, вышед из Астарахани, побили. А нынѣ в Астарахани государевы рати болши старого и город поставлен камен; не токмо Турского люди Астарахани что здѣлают, хоти и сам

Турской и со всѣми бусурманскими землями зберетца и приведет к Астарахани,—и он Астарахани ничего не здѣлает.

Октября в 22 де присылал Олександръ царь к послом ко князю Семену да к діаку Торху Умана, а велѣл им быти у себя.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ ко двору Олександра царя приѣхали. И у ворот встрѣтил старец Кирило; а вшед на двор, встрѣтил околничей Юрьи, а перед полатою встрѣтил Уман. А в полате Олександро царь велѣл им сѣсти от себя с правую сторону. А говорил Олександро царь: в Ыверском государстве царствовали есмя самодержаньем с сѣх мѣстъ, как наш царьской корен ведетца, болши тысечи лѣт. А ныне Бог тому произволил быти, что в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. принял меня под свою царьскую десницу для крестьянские вѣры и возвысил меня милостью своею, как мнѣ в своей царьской жаловалной грамоте писал, от земли до небесн. Дай, (Го)споди, великій государь мой ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. здрав был на многие лѣта! Надѣюс на его жалованье, что меня невѣрным не подастъ. А толко и осталос в крестьянской вѣре моя земля; а около меня все земли бусурманские. И ныне Турской царь гнѣваетца на меня, что яз бил челом великому государю; а пишет ко мнѣ, что хочет на меня прислати на лѣто рат свою.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ говорили: великій государь нашь ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. тебя, Олександра царя, пожаловал, взял тебя под свою царьскую руку и оборонят тебя ото всѣх твоих недругов хочет; а ты б, Олександро царь, на чом великому государю нашему правду дал, на записи крестъ целовал, потому государю нашему и прямил и вперед от государева жалованья был неотступен.

И Олександро царь говорил: великій государь ко мнѣ то писал и в своей царьской жаловалной грамоте, чтоб яз от его жалованья был неотступен и над людми его государевыми, которых мнѣ людей учнут по государеву указу Терские воеводы давати для обороны, хитрости б никоторые яз не учинил. И яз хочу ему великому государю правду держати, на чом есми ему государю правду дал, на записи крестъ целовал и з детми своими и со всею своею Иверскою землею и по свою смерть; толко бы государь свое жаловалное слово свершил, какъ мнѣ писал в своей государеве жаловалной грамоте з золотою печатью. А отступлю яз от него великого государя или над людми его какую хитрость учиню и во всем ему государю не учню прямити, на чом есми ему государю правду дал, на записи крестъ целовал,—и яз буду тогды и не крестьянин. Да Олександро ж царь говорил: истари Иверское государство было под одним царем; и прадед нашь то царьство

Иверское розделил на три части. И в нынешних временах трет была Иверского царьства за зятем моим за Семеном. И зят мой Семен мало не все свое царьство потерял, что ѣстъ аѳьян, да всегды у него драка с Турскими людми; и Турского люди на его землѣ городы поставили и мало не всю его землю засѣли,—и вперед невѣдомо чему быти.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ говорили: зят твой Семен потерял свою землю от себя, что он великому государю не бил челом; а толко великому государю учнет бити челом, и великій государь зятя твоего Семена пожалует для тебя, Олександра царя, под свою царьскую руку и в оборону примет.

И Олександръ царь говорил, чтоб послы княз Семен и диякъ Торхъ отписали ко государевым Терским воеводам, чтоб Шевкала воевал сеѣ зимы.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ говорили: в Терском городе у воевод указ государев есть, велено им Шевкала воевати, толко перед государем не исправитца.

И Олександро царь говорил: слышал есми, что хотите отпустити ко государю людей своих з грамотами, а яз ко государю грамоту посылаю ж и лошеди есми свѣжие и провожатых вашим людем дати велѣл; и вы нынѣ поѣдте к себѣ на стан и ко государю отпускайте.

И послы княз Семен и диякъ Торхъ поѣхали к себѣ на став: а встрѣчники провожали тѣ ж до тѣх же мѣстъ, гдѣ встрѣтили.

И октября в 24 де к послом ко князю Семену да к діаку Торху принес от Олександра царя старец Кирило две грамоты—одна ко государю, а другую на Терку к воеводам.

И того ж дни послы княз Семен и діакъ Торхъ посолства своего роспис и тѣ две грамоты, что прислал Олександро царь, отпустили ко государю с стрелцы с Ивашком з Бѣлым да с Якушом Ясновским.

Того же дни приходіл к послом ко князю Семену да к діаку Торху пристав Лом. А говорил от Олександра царя, чтоб ѣхали Егорьевского монастыря Алаверды в вотчину в село в Чорноур, а побыти вам в том селѣ немного; а пришлет по вас Олександръ царь і велит к себѣ быть в то мѣсто, гдѣ зимовать, часа того, и собор у него о крестьянской вѣре будет в том мѣсте.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ пошли ис Крыму тогоже дни.—И октября въ 28 де послом князю Семену да дьяку Торху говорил от Олександра царя пристав Лом, чтоб государевых иконников Посника Дермина с товарыщі прислали к нему к Олександру царю

в село в Тон, а писати им в церкве стѣнное писмо.—И послы князь Семен и діякъ Торхъ послали иконников того же числа.

И ноября въ 14 де прислал Олександро царь по послов по князя Семена да по дьяка Торха пристава Івана, а велѣл им ѣхати к себѣ в село в Тон. И послы князь Семен и діакъ Торхъ пришли в село в Тон того же дни. А около того села версты на две и болши на всѣ стороны стояли ратные люди в шатрѣх; а шатров по смѣте с четыреста и болши. И того же часу к послом ко князю Семену да к діаку Торху приезжал околничей Уман; а говорил: Олександро царь вскоре по вас не послал, дѣла его зашли свои.—И послы князь Семен и діякъ Торхъ говорили, чтоб Уман Олександра царя доложіл: какъ велит быти у митрополита старцу Захѣе и свещенником и діаконом? И Уман говоріл: архиепископ і епископы у Олександра царя, а по митрополита по Миколая Олександро царь послал, велѣл ему быти у себя.

И ноебря въ 15 де около того села Тогу шатры поснималі и на тѣх мѣстех стали ратные люді на 5 полков конные и пѣшіе под знамены, а на знаменах на деревцах кресты; а по смѣте в тѣх полкѣх конных тысечь з 10 и болши, в саадацех и в саблях, с шиты и с копьи. Да янычар конных с ручницами человѣкъ с 500; да пѣшіх людей перед полки в саблях, с луки и с шиты человѣкъ тысечи с 3. И пошла та рать к Олександрову цареву двору. И Олександро царь выехал ис своего двора и учал ѣздити по полком. А к послом ко князю Семену да к діаку Торху прислал Хуршита; а велѣл им и старцу Захѣе и свещенником и діяконом і всѣм государевым людем ѣхать к себѣ в полки.—И послы князь Семен и діякъ Торхъ говорили: Олександро царь хочет нам рать свою казаті и нам рать в обычей и его рать видим и по его землѣ рати у него полно; и нынѣ у государя вашего Олександра царя свое дѣло, а нам тут быти непригоже. А старец Захѣя и священники и дьяконы великого государя нашего богомолцы, а не ратные люді, и тѣм для ж чего ѣхати?—И Хуршит ѣздил к Олександру царю. И от Олександра Хуршит приѣхал к посломъ ко князю Семену да к діаку Торху в тот же час в другой ряд; а говорил от Олександра царя, чтоб послы князь Семен и діакъ Торхъ и старец Захѣя з братьею і всѣ государевы люді к Олександру царю ѣхали, а Олександро царь их ждет; а не поѣдете, и Олександро царь сам к вам поѣдет.—И толко Хуршит послом изговорил, ажс Олександръ царь ѣдет ис полков и поворотил к посольному шатру. И послы князь Семен и діакъ Торхъ встрѣчю к Олександру царю поѣхали, – а старец Захѣя з братьею поѣхали с

послы со княземъ Семеномъ да з дякомъ с Торхомъ вмѣсте; и съѣхався Олександру царю челомъ ударили на лошадех. И поѣхали послы князь Семен и дякъ Торхъ от Олександра царя по правую сторону, а съ лѣвую сторону ѣхал Алкас князь. А перед Олександромъ царем возит скипетръ попъ его Яким, которой был у государя на Москвѣ; а назаді за Олександром царем возят знамя. А с Олександром царем зять его Байграм да боярин его Ясон, да чашник его Коржа и столники и иные бліжние люди всего человѣкъ со сто съ его чины, с оружьем, с шиты и з зерцалы и з булавою и с шестопером; а за ним ѣздилі трубники и накрачѣи. И поѣхал назад к полком. К первому полку приѣхал под знамя, і в том полку сынъ его царевіч Юрьі; сказал Олександро, что то его Александровъ полкъ. А к другому полку приѣхал, і в том полку воевода Едиша да старец Кирило; а сказал Олександро царь, что то правая рука. К третьему полку приѣхал, и под знаменем сынъ его царевіч Давыд да епископ Захарей Киситцкой; а сказал, что тот болшой полкъ. А на два полка указал, что то полки ж; а того не сказал—хто воевод именем и которые полки. И отѣхав от полков немного, послов князя Семена и дьяка Торха и Алкаса князя с своимі людми поставил; а сам Олександръ царь одін ѣзділ к царице своей да к дочерем к шатру. И царица его и дочері встрѣтилі, ис шатра вышед за верві, ему поклоніліс. И постояв с нимі, не сшод с коня, Олександръ царь пріѣхал назад. А тѣм пяти полком всѣм велѣл перейті за реку в селѣ в Тогу, а сам поѣхал вниз по рекѣ от села от Тогу; и, переѣхав реку, ѣзділ по полю, доколе всѣ полкі за рекою сталі, и учал ѣздити по полком.—И послы князь Семен и діакъ Торхъ Александру царю говорили: раті у тебя по твоей землѣ полно, а к той раті пожалует тебя великиі г. ц. и в. к. раті с вогненным боем,—и тебѣ на государевых непослушников и против своих недругов стояти мочно.—И Александро царь говорил: дай Господи, государь был здоров на многие лѣта! А то люди не мои, то все люді Божьи да государевы.—И поѣхал к себѣ к двору; а послом князю Семену и діаку велѣл ѣхаті к себѣ на стан.—А на отпуске послом князю Семену да діаку Торху говорил: собор о крестьянской вѣре будет у меня часа того. И после того Олександро царь рать свою, державъ три дні, роспустил. А то де у него ведетца, что он рать свою в осенную пору в то село в Тон збирает по вся годы и, пересмотря и переписав, роспускает по домом и приказывает им быти по вестем готовым.

И ноября въ 20 де приходил къ послом ко князю Семену да к діаку Торху пристав Лом. А говорил от Олександра царя, чтоб ста-

рец Захѣя з братьею шли к церкве к вечерне, а пѣти им вечерню; а Олександро царь у вечерни будет накануне Веденьева дни.—И свещенники и дьяконы, взяв с собою церковное строенье, к церкве ходили; а старец Захѣя к церкве не поѣхал, сказал: недомогает. И, пришед от вечерни, свещенники и дьяконы сказалі: Олександро де царь велѣл имъ пѣти вечерню; и они де вечерню пѣли. И Олександро царь велѣл имъ быті к завтрене и к обѣдне, чтоб имъ завтреня пѣти и обѣдня служити. И они де свещенники и дьяконы говорили, что к завтрене и к обѣдне будут и завтреню учнут пѣти, а обѣдни де им, не быв у митрополита Миколая и у всего свещенного собору, без их благословенья служити невозможно; а отказали де им для того, что престольного украшенья нѣт и церковь невѣдомо свещена, невѣдомо не свещена. І назавтрее завтреню пѣли государевы свещенники и дьяконы, а обѣдню служил святогорец Іверского монастыря игумен Ѳеонасей; а вечерню воскресную пѣли оні же государевы свещенники и дьяконы. И у вечерни с царем и царица была.

И ноебря въ 20 день к послом ко князю Семену да к діаку Торху приѣхал околничей Уман. А говорілі от Олександра царя, чтоб золоту и краскам, что пожаловал государь Александра царя, прісланні к нему к Олександру царю, чтоб Олександру царю было вѣдомо про государево жалованье, на чом ему, государю, биті челом. И послы князь Семен и діакъ Торхъ золото и краски и роспись отослалі к Олександру царю того ж числа.

Да ноября ж въ 24 день приѣхали к послом ко князю Семену да к діаку Торху околничей Уман да Александров царев духовникъ архимарит Ѳилипъ да Иверского монастыря игумен Ѳеонасей. А говорилі от Олександра царя: преж сего Иверское государство с Кизылбашскимъ государством было в соединенье и стоялі от Турского царя и от иных государствъ заодін; а ныне за грѣх за нашъ Турской в сѣх странах сілен, у Кизылбашского шаха и у зятя моего у Семена городы многие поимал и на мое государство дань положіл. И ныне ко мнѣ прісылает шах Кизылбашской без престанно послов своих, чтоб стоял с нимъ на Турского заодин; а Турской присылает ко мнѣ чеушей с великими угрозами, рать свою хочет на сем лѣте на меня прісланні и городы на моей землѣ хочет ставіті для того, что яз от него отстал, а біл челом великому государю под его царскую руку. Да и ныне чеуші Турского живут у меня; а просят дани на нынешней год. И я переманиваю со дни на день, что от великого государя воевод объявитца рать государева на Шевкала. На сей зимѣ будет лі? А послал есми для вестей ко государевым воеводам в Терской город

человѣка своего черкашенина, Яншою зовут, с стрелцы вмѣсте, которых есть отпустилі ко государю з грамотамі. И яз ныне того своего человѣка жду с часу на час. А Шевкалской ныне мнѣ ж грозит, хочет воевать мою землю на семъ лѣте с своей стороны. И мнѣ ныне невѣдомо, какъ быті. А тому, как меня великий государь пожаловал, принял под свою руку, 4-ой год; а рать его государева в оборону мнѣ не бывала. А ныне меня великіі государь своимъ великим жалованьем пожаловал прислал ко мнѣ вас послов своіх с своею государевою жалованною грамотою; и как мнѣ в тоі своей государеве грамоте писал, и меня вывел изо тмы на свет: та мнѣ грамота с неба упала и учителные люді старцы и свещенники приѣхали в мою землю, что ангѣли.—И яз великого государя жалованью рад, толко б он, государь, крестьянской вѣре столпъ і совершитель, слово свое совершил, какъ в своей грамоте писал, оборонил от бусурман Турского и от Шевкала, не подал досталного моего крестьянского государьствишка бусурманом в расхищенье; а видите и сами, что толко в сѣх странах в крестьянской вѣре одно мое крестьянское государьствишко, а то все бусурманы облагодали.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ говорили: г. н. в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р., по государя вашего челобитью, государя вашего и всю его Иверскую землю пріянл под свою царскую руку и в оборону ото всѣх его недругов и городы на Терке для его обереганья поставиті велѣл и воевод и людей своих и наряд в нем учинилі и горских всѣх кнезей Кабардинских пожаловал для его ж Александра царя, чтоб стоялі с нимъ вмѣсте заодин и на своего непослушника, а на его недруга, на Шевкала князя рать свою послал великую; и та многая рать пришла в Терские городы, а досталная конная и судовая будет из Астарахани. И воеводам своим Астараханским и Терским ратью на Шевкала велѣл итти и дорогу велѣл от государя вашего Иверские земли к своим государствам к Терскимъ городом очиститі; и та государева рать на Шевкала часа будет. А не поступитца великии государь нашъ государя вашего Александра царя никому. А будет государю вашему на которого своего недруга надобет государева рать с вогненым боем,—і государя нашего указ у воевод в Терскомъ городе есть, велено им Александру царю государева рать даваті, сколко ему надобет; і государь бы ваш ссылался с воеводамі государя нашего. А по ся мѣста великого государя нашего рать на Шевкала не была потому, что за него бил челом великому государю нашему зять его царевичь Крымской Мурат Кирѣй. А грамоту свою государеву жалованную великии государь нашъ прислал с нами с послы своими ко государю вашему,

жалуючи его на болшое утверженье, какъ ему впередъ быти во государя нашего жалованье подъ его царьскою рукою; а учителныхъ людей старцов и священниковъ государь нашъ прислалъ по его челобитью, жалуючи его и Олександра царя, чтоб вѣра крестьянская со государя нашего Росѣйским царством была едина.—И государю вашему Олександру царю какъ великого государя нашего жалованью не раду быти? А Кизылбашской шах присылалъ к великому государю нашему посланника своего бити челом, чтоб великіі государь нашъ его пожаловал, принял его подъ свою царьскую руку, а от Турского салтана его оборонил. І великій государь нашъ Кизылбашского шаха пожаловал, подъ свою царьскую руку пріняти и от Турского оборонити хочет, а для укрепленья послал к нему посланника своего Григорья Василчикова; и нынѣ і вам то вѣдомо, что Кизылбашской шах государя нашего посланника Григорья Василчикова принял с великою с честью и отпустил его опять ко государю нашему, а с ним отпустил к великому государю нашему бити челом послов своіх великих людей.—Да и не один Кизылбашской шах и крестьянские всѣ государі, цысер крестьянской и папа Римскоі и корол Шпанскоі и вся Итолѣя и Виницѣйской князь, присылали ко государю нашему послов и посланников своих; а просят того, чтоб государь нашъ царь і великіі князь был с ними в соединенье на Турского, которой на крестьянских государствах сидіт, и, соединачився б, всѣм крестьянским государем на тѣх безвѣрных агарян стояти сопча заодін. И государь нашъ царь і великіі князь к тѣм ко всѣм государем крестьянским послал своих посланников и с ними на Турского и на всѣх бусурман стояті заодін хочет. Да и послы государя вашего князь Каплан с товарыщи, как былі у великого государя нашего на Москвѣ, цесыря крестьянского послов віделі; нѣчто будет государю вашему Александру царю не сказывалі. И государю вашему Александру царю, будучи великого государя нашего в жалованье подъ его царскою рукою, боятіс ему будет нѣкого.

И Уман с товарыщі говорилі: того государь нашъ Александро царь и мы всею землею у Бога просимъ, чтоб Богъ возвысил великого государя руку над бусурманы. А люді великого государя сюды государю нашему не надобет. Милость бы великіі государь государю нашему показал, велѣл воеваті Шевкала от Терскіх городов; а с Турским государь нашь Александръ царь учнет и сам стояті. А прежсего как былі на Москвѣ у великого государя люді государя нашего священик Яким с товарыщи,—и великого государя вашего приказные люді священнику Якиму говорілі, что великіі государь государя на-

шего от Шевкала и ото всѣх его недругов обороніті хочет, а с Турским бы государь нашъ жіл, переманивая, доколе с Турскимъ великій государь нашъ сошлетца или которой иной промыслъ над Турским учинитца.

И послы князь Семенъ и діак Торхъ говорілі: государя нашего царское величество государя вашего Александра царя не поступитца никому; и Шевкал будет под великого государя нашего рукою приведен.

Да послы ж князь Семен и диякъ Торхъ говорилі: какъ государь ваш Олександро царь смотрил раті своей, и нам говорія, что собор у него о исправленье вѣры крестьянской будет часа того. І вы доложите государя своего: какъ велит быти старцу Захѣе з братьею і свещенником у митрополита и у свещенного собору?

И архимаріт Θилипъ с товарыщі говорили: государь нашъ по митрополита и по весь освещенной собор послал, и иные съѣхались, а иные не съѣхались; и какъ съѣдутца, і вам государь нашъ велит учиніті извѣстно.

И ноября въ 25 день приѣхал к послом ко князю Семену да к діаку Торху Алкас князь. А говорил: пріезжал есми к Олександру царю по свойству гостіті,—и ныне меня Александро царь, выдаря всѣм, отпустіл к себѣ; и яз, не явяс великого государя ц. и в. к. Θ. И. в. Р. вам послом, к себѣ ѣхаті не смѣл, пріѣхал есми к вам челом удариті.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорілі: дал ты великому государю нашему правду, по своей вѣре шертовал на Сунше, что тебѣ великому государю нашему служіті и на его государевых непослушников з государевымі людмі стояти заодін;—и после того на третей день государю измениіл, провожал Кумытцких людей, а Кумытцкие люді государю непослушны. И государевы люді Кумытцких людей побілі, а тебя на том дѣле жива взялі; и мы тебя у государевых людей взялі и тебя отпустилі на том, что было тебѣ прислаті в Терской город ко государевым воеводам сына своего, а в сыне своем дал в закладе 3-х человѣк узденей своих. И ты сына своего ко государевым воеводам и по ся мѣста не присылывал. И то твоя перед великимъ государем нашім которая правда?

И Алкас князь говорил: то здѣлалось грехом моим да вашею неправдою. Как мы с Солохом князем великому государю шертовалі, и тогды о том с вамі говорилі, чтоб намъ проводіті гостей своих, и вы надо мною здѣлалі подвох, меня велѣлі безчестіті. А которого

мнѣ было сына своего пріслати ко государевым воеводам в Терской город,—и яз того своего сына не застал, не стало его до меня. А ныне у меня остался один сынъ и того у меня хочет взяті Александръ царь к себѣ, а без того меня и отпуститі не хотѣл; и яз ему на том правду дал, что пріслаті сына своего, а ему уздеией моих ис Терского города у вас выпроситі.

И послы князь Семен и діак Торхъ говорилі: здѣлалось над тобою от себя, что поѣхал провожаті гостей не на указной перевоз. А ныне на чом ты государю правду дал, по своей вѣре шертовал, того и держися; и сына своего пришли въ Терской город ко государевым воеводам. И ныне тѣм ты великому государю службу свою покажі: как мы пойдем из Грузинские земли,—и ты нас встрѣті и до Терского города проводи; и вперед государю служи и от государева жалованья будь неотступен, а государево жалованье к тебѣ будет и вперед.

И Алкас князь говоріл: ухватілся есми за полу у великого государя своего крѣпко, хочю ему государю служити и до своей смерті; и вас провожаті готов. А в сыне своем не вѣдаю, как быті.—И поѣхал Алкас князь от Олександра царя того ж дни.

И ноября в 26 день приходил к послом ко князю Семену да к діаку Торху пристав Лом. А говорил: велѣл вам Олександро царь ныне ѣсти у себя, і вы поѣте. И послы князь Семен и дияк Торхъ к Олександру царю поѣхали и сказали им, что Олександру царю ѣсть перед своимъ дворомъ в столовой избѣ. И встрѣтили послов князя Семена да дьяка Торха от тоѣ избы сажен за десет старец Кирило да Хуршит; и послы с лошедей ссѣли, а в дверех встрѣтил ихъ околничей Юрьи. А в избѣ Олександро царь велѣл имъ сѣсти от себя по правую сторону. И говорил Олександро царь: сколко тому лѣтъ, какъ крестьянская вѣра зачалась и при котором царѣ? И послы князь Семен и дияк Торхъ говорилі: вѣра крестьянская зачалась при великом царѣ Костентине тому 1300 лѣт; а в Росѣискомъ царьстве при благовѣрном великом князе Владимере тому лѣт съ 500.—Да Олександро ж царь говорил: приезжал ко мнѣ Алкас князь, и яз его пожаловал, отпустіл; есть его ко мнѣ прежняя и грубость, да для своей ства того есми ему не порніл, что ко мнѣ пріѣхал по своей воле. Да мнѣ ж душу дал на том, что ему по великого государя жалованью быті со мною в соединенье и стояті на государевых непослушников, а на моіх недругов, на Шевкала князя и на иных заодін, а в том заклад пріслаті ему ко мнѣ сына своего; и азнаура есми с ним по сына его послал.

И послы князь Семенъ и діакъ Торхъ говорилі: Алкас князь тебѣ и свой, толко тебѣ былъ недруг, с Сонские твоей земли с Аристова князя дан имал, и преж сего к тебѣ пріѣзжъ не бывал; а ныне по великого государя жалованью Алкас князь к тебѣ и сам пріѣхал, и за сына тебѣ не постоит для ж великого государя нашего. Да и не Алкас князь и Янсох князь, которого великіі государь нашъ пожаловал, учиніл во всей Кабардѣ болшим княземъ на брата его на Асланбѣково мѣсто, со всѣмъ своимъ родом и всѣ Кабардинские князи и мурзы и Оварской и Черной князь по великого государя жалованью тебѣ в дружбе будут и стояті с тобою учнут на государевых непослушниковъ, а на твоих недругов, заодин. А Алкас князь в Кабардѣ середней.

И Александро царь говорил: толко бы великий государь оборонил меня от Шевкала, услышал бы государь, что я учну дѣлаті и как ему государю учну служиті.—Да Александро ж царь говорил, чтоб государевы свещенники пѣли стихі или он заставіт своих попов.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: великого государя нашего в чину поют стихі пѣвчие діаки, а свещенники государевы богомолцы церковного чину перед столом говорят у великого государя нашего *отче нашъ*, а после стола *достойно*, да за государево и за государыню царицу и великую княгіню поютъ над здравною чашею многолѣтье.

И Олександро царь говорил: у меня то пѣвчие же діакі.—І велѣлъ пѣти своим діаком, а говорил, что поют канун пречистые Богородицы; і велѣл себѣ принести чашу питья полну и держал тоѣ чашю, стоя в руках. А в ту пору государевым свещенником велѣл пѣти; и свещенники пѣли *радуйся царице*. И Олександро царь говорі: сю чашю пью про великого государя царя і великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіі здравье. А выпив тое чашю, подал послом князю Семену да дьяку Торху по такой же чаше.—А после стола *достойно* по Олександрову цареву приказу говорилі государевы свещенники; а после грузинские попы. И после *достойна* послов князя Семена и дьяка Торха отпустил; а провожали их встрѣчники тѣже до тѣх мѣстъ, гдѣ встрѣтили.

И ноября въ 30 де приходил к послом ко князю Семену да к діаку Торху пристав Лом. А говорил: велѣл вам Олександро царь и старцу Захѣе з братьею быти у себя; а топерво у Олександра царя архіепископ Гаврило Егорьевского монастыря Алаверды и архимариты и игумены, а мітрополита Миколая нѣт.—И послы князь Семен и діакъ Торхъ послали к Олександровым царевым приказным людем толмача Ивана Миколаева, чтоб Олександра

царя доложити: кому в митрополичье в Миколаево мѣсто от патриарха Иева царьствующаго града Москвы і всего Росѣиского царствия старцу Захѣе благословенье и поклон правити и Божье милосердие образ поднесті и грамоту, податі? И при себѣ ли Олександро царь веліт благословенье и поклон правиті? И будет Олександро царь велит благословенье и поклон правиті при себѣ, и Олександръ бы царь в ту пору против патриархова имені встал.—И толмач Иван, пришед к послом ко князю Семену да к діаку Торху, сказал, что он о том говорил игумену Ѳеонасью да старцу Кирилу, и они о том докладывали Олександра царя. И Олександро царь велѣл старцу Захѣе в митрополичье в Миколаево мѣсто от патриарха Иева благословенье и поклон правиті и образ поднести и учителную грамоту отдати Егорьевского монастыря архиепископу Гаврилу; и какъ старец Захѣя учнет от патриарха Иева благословенье и поклон правиті, и Олександро царь в ту пору встанет.—И послы князь Семен и диякъ Торхъ и старец Захѣя з братьею к Олександру царю поѣхалі; и, не доѣзжая до столовой избы, встрѣтили их сажен за десет Хуршит да старец Кирило, а перед столовою избою встрѣтил их діакъ Олександра царя Жюрат да игумен Ѳеонасей. І, вшод в ызбу, старец Захѣя от святейшего патриарха Иева в митрополичье в Миколаево мѣсто рѣч говорил и благословенье и поклон правил и образ поднес и грамоту подал архиепископу Гаврилу; а Олександро царь в ту пору стоял. А говорил Олександро царь: великиі государь царь і великиі князь Ѳедор Іванович всеа Русиі пожаловал меня холопа своего, прислал ко мнѣ послов своихъ, а отецъ его и богомолец святейшей патриархъ Иев посетил моих богомолцов, прислал учителных людей великого старца и свещенников,—и яз тому рад, чтоб православная крестьянская вѣра восияла. А архиепископ Гаврило, принев образ и грамоту учителную, поклонился до землі, а, к образу приложас, поднес к Олександру царю; а Олександро царь, приложас, отдал епископу Захарью Киситцкого монастыря. А на соборе было с ними архимаритов и игуменов человѣкъ з десет. А изговоря Олександро царь сѣл и послом князю Семену и дьяку Торху и старцу Захѣе з братьею велѣл сѣсти. И послы князь Семен и диякъ Торхъ, посидѣв немного, пошлі; а провожали их тѣже встрѣчники до тѣх мѣстъ, гдѣ встрѣтилі.—А Захѣя старец з братьею остался; и Олександра царя докладывал: какъ велит ему быти у архиепископа Гаврила и у всего свещенного собору вдуховне совѣтоваті? И Олександро царь говорил: нынѣ есми ещо с митрополитом не помирился; и какъ с митрополитом помирюсь, и яз тобѣ тогды велю быти у митрополита. А болшой у меня собор будет

на великъ день; отсрочил есми то дѣло до велика дни. А ныне церковь вам велю дати, и ты вели служити свещенником. — И старец Захѣя Олександру царю говорил, чтоб Олександръ царь велѣл вдуховне о церковной службе совѣтоваті, доколе с митрополитом помиритца, архиепископу Гаврилу или иному кому прикажет, что им государевым богомолцом без церкві и свещенником без обѣденные службы быти нелзя; а, не совѣтовав сь его богомолцы, государевы свещенники без их благословенья обѣдни служити не смѣют. И Олександро царь говорил, что он о том совѣтоваті прикажет, как помиритца с митрополитом.—А по вестемъ у Олександра царя с митрополитом брань за то: въ 97-м году приезжал въ Грузы к Олександру царю из Царяграда патриархъ Θеолиптъ для милостины, а привез с собою сакъ святителской; и Олександръ царь велѣл тот сак даті и благословити в нем служити архиепископу Гаврилу Егорьевского монастыря Алаверды. И митрополит Миколай стал за то, что изначала во всей Иверской землѣ святителской сак на одном митрополите, а другово саку ни на ком не бывало оприч митрополита.

И декабря въ 16 де приходил к послом ко князю Семену да к діаку Торху пристав Лом. А говорил: ѣхати нынѣ Олександру царю тѣшитись со птицами мимо ваш шатер, и вы будте в шатрѣ.

И того ж часу выехал из своего двора Олександро царь и поворотіл к посолному шатру; а за ним ознауров его на конѣх и пѣших в нарядном платье человѣкъ со сто. И какъ приѣхал к шатру блиско вервей,—и послы князь Семен и диякъ Торхъ, из шатра вышед к вервям, Олександру царю челом ударили; да ему ж били челом на его жалованье, что пожаловал, прислал по аргамаку.

И Олександро царь их о здоровье спросил. А говорил: какъ мнѣ вас не жаловати? Все Божье да великого государя ц. и в. к. Θ. И. в. Р. А нынѣ отпускаю вас в Заем, и вы поѣдте да там поживите; а к празднику к Рожеству Христову будетте ко мнѣ, чтоб нам вмѣсте розговѣтись.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ говорили: гдѣ нам велиш быти, в том ты волен.

И поѣхал Олександро царь к своему двору; а птиц с нимъ и потѣхи никакие не было.

А послы князь Семен и диякъ Торхъ поѣхалі в Заем того ж дни, а с нимі ѣхали приставы Иван да Лом.

И декабря въ 27 де приѣхал к послом ко князю Семену да к діаку Торху старец Кирило, а привез с собою 4 грамоты—две грамоты к Олександру царю, одна от воеводы ото князя Ондрѣя Хворо-

стинина, а другая от головы от казатцкого от Григорья от Полтева, да к послом ко князю Семену да к діаку Торху двѣ грамоты—одна от князя Ондрѣя, а другая от Григорья же Полтева,—всѣ розпечатаны.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ велѣли с тѣх грамот, что присланы к Олександру царю, списаті противні; а прямые грамоты отдали старцу Кирилу. І в тѣх списках и в грамотех, что присланы к послом ко князю Семену да к діаку Торху пишет:

Список з грамоты. Божиею милостию великого государя ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. (*полный титулъ*) и иных многих государствъ государя самодержца его царского величества от Терского воеводы ото князя Ондрѣя Ивановича Хворостинина Грузинские земли началнику Олександру царю Иверскому. Прислал еси к нам человѣка своего Яншю съ государскою грамотою, і мы твою грамоту ко государю тотчасъ отпустилі; и к нам еси грамоту прислал, и мы еѣ приятно принялі и разумѣли еѣ и твоего посланника почтя отпустили к тебѣ с Казыем да с Мастрюком и проводити его до твоей земли черкасом велѣлі. А писал еси к нам о Шевкалском, и мы Шевкала тесним по государеву указу и на Койсе город поставити хотим. Да из Астарахани приѣхали к нам твой посол Усеинбекъ да торговой человѣкъ Тоулла, а был от тебя посолством в Кизылбашех,—и мы его, почтив, к тебѣ отпустили. А вперед бы еси с нами ссылался о всяких дѣлех. Да приказывал еси к нам с человѣком своим о раті, и мы ныне рать государевых людей послали на государевых непослушников, а большей раті ждем из Астарахани судовой и конной часа того; и какъ к нам рать будет,—и мы тобѣ тотчасъ извѣсно учиним и государеву рать изготовим. А Алкаса бы еси однолично не отпускал, держал у себя или зоклад крѣпкой взял—сына или племянника; а без закладу б еси Алкаса не отпускал. Да что еси прислал ко мнѣ поминки, и мы любезно принелі.—А подпись на грамоте: Божиею милостию великого государя ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. его царского величества от Терского воеводы от князя Ондрѣя Ивановича Хворостинина Грузинские земли началнику Олександру царю Иверскому.

Списокъ з грамоты. Божиею милостию Олександру царю христьянскому, Грузинские земли государю, православного царя и в. к. Ѳ. И. в. Р. холоп Григорей Полтев челом бью. По государеву наказу пришол есми в Кабарду ноября въ 21 день на государевых непослушников, которые под государевою рукою быти не хотѣли, а дружбу держали с Турскими людмі и с Крымским царем 'и с Шевкалом и с Кумыцкими людми. И я, пришод з государевыми людми с вогненым боем, а со мною Черкаская рать, повоевал и пожог и всее Кабардинскую землю под государеву руку привел и до-

рогу х тебѣ очистил и твоих послов ис Кабарды х тебѣ отпустил; а тое войну видял твой посланникъ Яница, былъ со мною ж в походе, тот тебѣ скажет все подлинно, да и посол твой Усеин, которой ходіл в Кизылбаши. И в той есми войне обмер лошедми, и тебѣ бы государю пожаловаті меня, прислаті, на чом бы было против ваших недругов сидѣти; да пожаловати бы тебѣ меня саблею. А то дѣло, а моя служба, вопчее ваше. А ныне смышляем итті на Кумыки. А подпись на грамоте: Божиею милостию Олександру царю христьянскому, Грузинские землі государю.

А такова грамота от Терских воевод к послом...(см. выше с. 121).

Да туточе старец Кирило говорил: посылал государь нашь провожаті стрелцов, которых отпустил ко государю, до Терского города черкашенина Яншю;—и он тѣх стрелцов проводіл и у воеводы у князя Ондрѣя был. И князь Ондрѣй его отпустил назад и тѣ грамоты с ним послал ко государю нашему и к вам; а, ѣдучи от Терского города, был в Кабардинских черкасех во государеве раті у Григорья у Полтева. И Григорей его отпустил и тѣ грамоты к Олександру царю и к вам с ним послал. И тот черкашенин тѣ всѣ грамоты привез к Олександру царю; и Олександро царь тѣ всѣ грамоты послал к вам со мною и того черкашенина прислал к вам же для роспросу.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ про розпечатанье грамоты старцу Кирилу говорили: того нигдѣ не ведетца, что грамоты чюжие розпечатываті; а нам то стало безчестно, чтоб Олександръ царь велѣл того сыскаті, кто тѣ грамоты розпечатал. А будет Олександро царь тѣ наши грамоты и сам розпечатал, і в том он волен; а и тому было быти не пригоже.

И старец Кирило говорил: тѣ грамоты розпечатал сам Олександро царь; и, выслушав тѣх грамот, послал к вам и со мною приказал, что их розпечатал он сам.

А черкашенин Янша по вспросу сказал: посылал меня Олександро царь провожати государевых стрелцов до Тюменского города; и воевода князь Ондрей Хворостинин меня в Терскомъ городе держал два дні и отпустіл меня к Олександру царю и тѣ грамоты мнѣ дал и проводити меня до Кабардинских черкас до государевы рати, гдѣ стоит Григорей Полтев, велѣл. А Григорью Полтеву и Кабардинским многім князем и мурзам в ту пору лучилось воевати Кабардинского князя Шолоховы кабаки; и выжгли и вывоевалі у него кабаков при нем с 30 и болши. И какъ государева рать подошла блиско самого Шолохова кабака,—и Шолох і с своими детми и с уздени вышел к Григорью Полтеву пѣш, а с собою вывел Ондѣева сына, а Шевка-

лова внука, а был у него от Шевкалского в закладе, и бил челом, чтоб его не воевал, а он государю хочет служити и заклад бы у него взял, кого хотят. И Григорей Полтев взял у него сына его да Шевкалова внука, Ондѣева сына, да 20 человѣкъ узденей его лутчих. И отпустил его Григорей с тѣми грамотами и проводити его велѣл черкасом.

Да послом же князю Семену да дьяку Торху говорил от Олександра царя старец Кирило: сказывал государю нашему вѣсти тот же черкашенин Янша,—и вы б его про тѣ вѣсти роспросили себѣ втай.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ того черкашенина Яншю роспрашивали.—И черкашенин Янша сказал: слышел есми у Олександрова царева посла у Сеинбѣка, которой был в Кизылбашех у шаха, а вывез его в Астарахань Григорей Василчиковъ, а из Астарахани государевы воеводы отослали его в Терской город, а Терские воеводы отпустили его к Олександру царю с ним с черкашенином вмѣсте,—что царевич Крымской государю бьет челом, чтоб его государь отпустил в Астарахань и дал ему рать свою и велѣл с нимъ ити болшим и меншим нагаем и черкасом, а он учнет Шевкала и Турского городы воеваті и тѣ городы Дербень и Ширвань и Шамаху и всѣ городы, которые Турской поимал у Кизылбашского шаха, очистіт и Шевкала под государеву руку приведет и жену свою у Шевкала возмет. И то такъ не будет, то государю царевич Мурат Кирѣй хочет измѣнить. Какъ его государь отпустит в Астарахань и рать свою ему дастъ,—и он с нагайскими мурзами и с Шевкалом и с Черкаскими князми, которые не под государевою рукою, совѣт учинят с Турским и учнут промышляті над Астараханью и над Терским городом и над Олександровым государством, потому что вѣра их бусурманская одна. И государь царевича в Астарахань отпустил и ждут его в Астарахань с часу на час. А сказывал де тѣ вѣсти Усеинбѣку в Астарахани татарин юртовской, а имени ему не сказал, какъ его зовут.

Да туто ж говорил от Олександра царя старец Кирило, чтоб про тѣ вѣсти послы князь Семен и діакъ Торхъ отписали в Терской город и въ Астарахань, чтоб государь царевичю Мурат Кирѣю не вѣрил, в Астарахани ему быті не велѣл; а толко и будет в Астарахани, и государь бы нагайским людем многим к нему приезжаті не велѣл, чтоб лиха над Астараханью не учинил. А что учинитца над Астараханью, и яз свое государьствишко покину, побежю, куда очи несут.—Да государю ж нашему Олександру царю сказывал тот же

черкашенин Янша: говорил де ему Шевкалов внукъ, а Ондѣевъ сынъ, которой был у Солоха князя в закладе, а ныне взял его Григорей Полтевъ: государь де вашъ Олександро царь был вмѣсте с Шевкалом и с Солохом и с Алкасом под Турского царя рукою, а нынѣ бил челом Московскому государю, чтоб государь Московской нас воевал и привел в крестьянскую вѣру; и доколе его государь Московской оборонит, а в ту пору Шевкал с Солохом и с Алкасом и с Турского людми, пришед в Олександрову землю, на сей веснѣ в Заеме город поставят.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: нѣчто будет великому государю нашему царевич Мурат Кирѣй бил челом, чтоб его государь нашь отпустил Шевкала воевати, что к нему жены его не послал, а своей дочери; да хоти государь нашъ с своею ратью царевича Мурат Кирѣя на Шовкала воеваті и отпустит,—и в той рати будет не один царевич. У великого государя нашего много царей и царевичей, приѣхав с своих государствъ, а иные и с своими государьствы служат; да государь же нашь посылает великих своих бояр и воевод,—и то будет положено не на одном царевиче на Мурат Кирѣе. А к Астарахани и преж сего Турской рать свою, содиначився со всѣми бусурманскими землями и с Крымским царем, присылал; да что Астарахани учинил? Государевы люди, вышед из Астарахани, их побилі на голову. А нынѣ в Астарахани государевы рати болши старого и город велѣл государь поставити крѣпкой и каменой и наряд учинил великой. Кому на Астарахань зрѣти, не токмо что над Астараханью лихо учиниті. Того б себѣ государь ваш Олександро царь и в мысли не держал и тому статіс нелзя ж, что нагаем от великого государя нашего отступиті и быти в соединенье с Турским и Шевкалом и с Черкаскими князми. Нагайские болшие князи и мурзы всѣ обѣих Нагай искони вѣчные холопи государя нашего; а нынѣ и крѣпче старого учиннились под государя нашего царьскою рукою Урус и Урмамет князи. И как мурза и всѣ болшіе князі и мурзы подавали государю нашему заклады братью и дѣти и племянниковъ и внучат,—и нынѣ тѣ ихъ заклады в Астарахани у государева боярина и у воевод; и сами ко государеву боярину и воеводам в Астарахань всѣ болшие князі и мурзы часто приезжают. И, гдѣ им по государеву указу велит государевъ боярин и воеводы на государеве службе быти и со всѣми нагайскими людми, и они на государеве службе будут.—Да что с тобою, Кирило, много про Астарахань и про Нагаи и про Шевкала и говорити. Был ты сам в Астарахани, и ты государеву рать и город и наряд видял, а про Нагаи ты слышал же, что государю служат и

в Астарахань приезжают; и заклад их братью и дѣти и племянники и внучата в Астарахани и сам ты их видал. Да хоти б и закладов ихъ не было,—и нагаем от государевых людей гдѣ ся дѣті? А с Шовкала и Кабардінских и иных горских князей Оварского и Черного князя, которые под государя нашего царьскою рукою, толко поволит имъ государь воевати, станет, не токмо государя нашего рать Астараханская и Терская на него пойдет. Да и ныне писалі к нам ис Терского города воеводы в той грамоте, что ты к нам привез, что Шевкалу и такъ утесненье великое учинено и реку Койсу государевы люді у него отнялі и город на Койсе рекѣ хотят ставити; и Шевкал государю бьет челом и сам в Терской город ко государевымъ воеводам быти хочет. А не исправитца Шевкал перед государем нашимъ и со государем вашимъ с Олександром царем не смиритца,—и Шевкалу ото государя нашего гдѣ ся дѣти?

И старец Кирило говорил: все возможно великому государю здѣлати; а Шевкалу вѣрити нѣчего, хоти он великому государю и бьет челом,—а болшая у него правда к Турскому. Государь нашь Олександро царь о том великому государю бьет челом, чтоб его от Шевкала оборонил, велѣл его воевати вборзе, доколе что над государя нашего землею, свестяс с Турским, не здѣлает. И вам велѣл Олександро царь говорити, чтоб вы приготовили послаті в Астарахань и в Терской город с тѣми вестьми дву человѣкъ и о том к воеводам отписали, чтоб Шевкала на сей зимѣ воевали. А в Кабарду к Черкаским князем государь нашь Олександро царь хочет от себя писати и жалованье имъ послаті, чтоб шлі на Шовкала со государевыми воеводами.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ говорили: тѣ вѣсти не статочные, посылати с тѣм в Астарахань и в Терской город нѣ с чем; а на Шевкала у государевых у Астараханских и у Терских воевод государев указ есть, теснити его и под государеву руку приводити велено. А будет Олександро царь велит нам послати, и мы за то не стоим, толко б людем нынѣ лзя от снегов пройти.

И старец Кирило говорил: яз то все извещю государю своему Олександру царю; а вы в ту пору людей приготовте, кого послати.—

И послы князь Семен и диякъ Торхъ старца Кирила спрашивали: Олександро царь с митрополитом ныне в миру ли и гдѣ нынѣ митрополит и какъ велит быти у него старцу Захѣе з братьею? И старец Кирило сказал: Олександро царь с митрополитом помирился, а нынѣ митрополит у Олександра царя в селѣ в Тогу і в Заеме с ним будет часа того; тогды Олександро царь велит старцу Захѣе з братьею у

митрополита быти. И поѣхал старец Кирило к Олександру царю из Заему того же дни.

Да генваря в 3 де приходили к послом ко князю Семену да к діаку Торху Заемской державец Укрон да приставы Иван да Лом. А говорили: писал к нам Олександро царь, что он будет из села из Тогу в Заем ко Крещенью Христову; а по вас приказал прислати лошади накануне Крещенья Христова. А велѣл вам ѣхати в село в Тог,— и вы ѣхати готовтесь.

И посды князь Семен и диякъ Торхъ говорили: для чего Олександро царь нас при себѣ не держит? А нам дѣло есть с ним государево. Да и безчестно то нам, великого государя послом, что сам ѣдет Олександро царь в Заем, а нас посылает от себя прочь. И вы о том отпишите ко государю своему.

И Укрон с товарыщи говорили: велит вам Олександро царь ѣхати в село в Тог для того, что в Заеме корму вам здобыті при Александре царѣ не мочно; а писаті о том ко государю своему не смѣемъ.—Да тутo же Укрон говорил: я ѣзду ко государю своему; а будет вам надобет быти при государе нашем,—и вы о том пошлите со мною к Олександру царю от себя.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ послали к Олександру царю толмача Ивана Миколаева того ж дни; а велѣли ему Олександровым царевым приказным людем про то говорити, чтоб известили государю своему.

И назавтрее толмач Иван приѣхав, сказал, что он, приѣхав в село в Тог, сказался игумену Ѳеонасью; и игумен Ѳеонасей про него сказал Олександру царю. И Олександро царь велѣл ему быти у себя; и говорил ему: что ко мнѣ великого государя послы с тобою приказалі,—и ты то скажі игумену Ѳеонасью. И он деи про то говорил игумену Ѳеонасью. И игумен деі Ѳеонасей ходил к Олександру царю; и, вышед от Олександра царя, ему говорил: велѣл Олександро царь великого государя послом быти в Заеме. А сам Олександро царь будет в Заем после Крещенья Христова и хочет великого государя послов держати в Заеме при себѣ; а отпускает топерво с тѣм к послом державца своего Заемского Укрона.—Да игумен же деи Ѳеонасей ему сказывал: кручиноват деи Олександро царь и царица: вѣсть к ним пришла, что не стало в Турках сына его Араклина царевіча, и платье де его к Олександру царю привезли; а которые азнауры с ним в Турки побежали,—и тѣ к Олександру царю прислали бити челом, хотят к нему ѣхаті, а просят опасные грамоты, чтоб их не казнилъ.

И назавтрее к послом ко князю Семену да к діаку Торху Укрон, пришод, говорил: Олександро царь велѣл вам быти в Заеме и о корму над приставы приказал мнѣ.

И генваря в 26 де Олександро царь в Заем приѣхал и митрополит Миколай с ним.

И генваря в 28 де к послом ко князю Семену да к діаку Торху от Олександра царя приѣхал діак его Терсъ. А говорил: велѣл вас Олександро царь спросити: нѣт ли вам какие тесноты и в корму недостатка? А велит вам быти у собя завтра и государево всякое дѣло хочет с вами дѣлати и отпустити вас хочет ко государю вскорс.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ говорили: теспоты нам никоторые и недостатка в корму нѣт; а о том и сами есмя Олександру царю говорили преж сего, чтоб великого государя нашего дѣло дѣлалось и нас ко государю отпустил до тѣх мѣстъ, какъ мочно реками пройти до болшие воды.

И назавтрее Олександро царь никого не присылывал. А поимал де Олександро царь в тот день, зазвав к себѣ ѣсть, Кизылбашского воеводу Амамута з женою и з детми и сослал в заточенье; которой стоял под Генжою,—и Турские люди его розгромили, а пришед з досталными людми к Олександру царю и бил челом, чтоб ему дал мѣсто жити въ своей землѣ.

И генваря в 30 де к послом ко князю Семену да к діаку Торху приѣхал диякъ Терсъ. А говорил: быти было вам у Олександра царя вчера,—и Олександра царя занело дѣло свое. Били челом Олександру царю Кизылбашские громленые люди, которых розгромили Турские люди под Генжою, на болшого воеводу на Амамута, что тот розгром над ними сстался от Амамута, что стоял не бережно и их морил, запасов им не давал, а запасы с ним шаховы были многие; и они отсзжая добывалис запасы. А, в ту пору пришед, Турские люди их розгромили и жены их и дѣти поималі; а он Амамут в тот розгром побежал наперед всѣх людей,—и им тот воевода не люб. Чтоб пожаловал Олександро царь, велѣл им выбрати из Кизылбаш же иного воеводу.—И Олександро царь того воеводу Амамута поимал и з женою и з детми послал его в заточенье; а Кизылбашских людей пожаловал, велѣл имъ жити в своей землѣ и воеводу им велѣл выбраті ис Кизылбашских же воевод, которые были с Амамутом. И они выбрали воеводу Алебожа; и ныне тот воевода и с кизылбашены у Олександра царя по своей вѣре правду дают, что им Олександру царю служити.—И вам нынѣ быти у Олександра царя невмѣстно же; а приказал к вам со мною Олександро царь, что вам быти у него завтра.

И назавтрее к послом ко князю Семену да к діаку Торху пріѣхал Хуршит. А говорил: велѣл Олександро царь вам и старцу Захѣе з братьею нынѣ быти у себя и ѣсти вам ныне у него.—И послы князь Семен и діякъ Торхъ к Олександру царю пріѣхалі; и перед полатою встрѣтили их воевода Едишѣй да околничие Оман да Абел. А в полате Олександро царь им говоріл: подите благословитеся у митрополита Миколая. А митрополит Миколай сидѣл у Олександра царя по правую сторону. И митрополит встав благословіл. И тутo же старец Захѣя говорил митрополиту Миколаю: святѣйшей Иев, Божьею милостью, патріархъ царьствующаго града Москвы і всея великия Росѣі прислал к тебѣ свое благословенье образ Спасов, обложен серебром, да грамоту учителную; и, по Олександрову цареву велѣнью, тот образ и грамоту учителную отдал есми архиепископу Гаврилу Егорьевского монастыря. И тебя, митрополита Миколая, тот образ и грамота дошлали? И митрополит Миколай говорил, что тот образ и грамота его дошла, на том он великом благословенье челом бьет; да поклонился ниско.—

И после того Олександро царь велѣл послом князю Семену да дьяку Торху сѣсти. А говорил: о чем великого государя богомолец святейшей патріархъ Иев прислал к митрополиту Миколаю старца Захѣю з братьею, и они б митрополиту Миколаю говорили, что с ними наказано.

И послы князь Семен и діякъ Торхъ говорили: какъ ты, Олександръ царь, и митрополит Миколай произволите; а пригоже быти у митрополита Миколая и у всего свещенного собору старцу Захѣе з братьею наодинѣ, что их дѣло духовное.

И Олександро царь говорил: мнѣ ся видит, что пригоже им быти у митрополита Миколая наодинѣ, и яз им велю быті у митрополита Миколая иным временем.—И отпустил послов князя Семена и дьяка Торха ис полаты в шатер; а с ними послал игумена Ооонасья да Хуршита.

И послы князь Семен и діякъ Торхъ в шатрѣ были до тѣх мѣст, какъ в столовую полату Олександро царь пришол, и за столом сѣл, и по них прислал, велѣл ити к себѣ.—И за столом Олександро царь говорил старцу Захѣе: люди есте честные великие учителные и богомолцы государевы, а живете ныне без церкви, и яз то и сам вижю, что вам быти без церкві непригоже, что люди вы церковные. А преже сего хотѣл есми вас отпустити в свой в болшой монастырь в лобное мѣсто хорошое, такова монастыря у меня другово и нѣт, чтоб вам в монастырѣ быти у церкві;—и вы в тот монастырь не поѣхалі, а похотѣлі быти с послы со князем Семеном да з дияком Торхом вмѣсте. И яз положил на вашей воле.

И старец Захѣя говоріл: яз великого государя богомолецъ старец простой и мнѣ было быти без церкві непригоже, а братье моей и

свещенникомъ и дияконом и болши того без церкві быти непригоже, что тѣ люди церковные, всегды приносят Богу дары, обѣдню служат; а в твое государство как и пріѣхалі, даров к Богу ниодинова не приналшивалі, обѣдни не служивали, для того что, не быв у митрополита Миколая і вдуховне не совѣтовав, без благословенья свещенники и дьяконы служити обѣдни не смѣютъ. И мы в том и сами сѣтуем, что пребываем без церкви; а в монастырь есмя не поѣхали для того: велѣл ты послом князю Семену и дьяку Торху быти при себѣ, а мы хотѣли быті с ними вмѣсте при тебѣ же, чтоб святѣйшего патриарха Иева дѣло, о чем мы пріcланы, дѣлалось споръе. И ты то дѣло отсрочіл до тѣх мѣстъ, какъ у тебя будет митрополит Миколай. И ныне митрополит Миколай у тебя: какъ нам велишъ у него быти?—Да и послы князь Семен и діакъ Торхъ Олександру царю говорилі, чтоб имъ велѣл быти у митрополита Миколая вборзе, чтоб затѣм имъ посломъ у него у Олександра царя не замешкаті.

И Олександро царь говорил: завтра воскресенье, а в понедѣльникъ празникъ великой Встрѣтенье Господа нашего Исуса Христа; и яз старцу Захѣе з братьею и свещенником велю быті у митрополита Миколая завтра, а в празникъ бы государевы свещенники и дьяконы служили обѣдню. А отпуском вашим и яз добрѣ радѣю, чтоб мнѣ вас отпустіті к великому государю вборзе; толко бы лзя пройти, и яз бы сейчас вас отпустил для себя, чтоб мое дѣло дѣлалось, велѣл меня обороніті от Шевкала.

И послы князь Семен и дияк Торхъ говорили: по великого государя жалованью твое дѣло всчалось: утесненье от государевых людей Шевкалу есть, реку Койсу у него отнялі и город на Койсе хотят ставити. И Шевкал присылает государю бити челом и самъ хочет быти ко государевым воеводам. А которые горские князі были с ними в дружбе Солох и Алкас,—и тѣ ныне приведены под государеву руку и заклады у них крѣпкие поиманы и Шевкалова внука, а Ондѣева сына взяли; и нынѣ тѣ заклады и Шевкалов внук в Терском городе у воевод. То тебѣ и самому извѣстно: сказывали тебѣ твои люді, которые тут были. Да и совершитца твое дѣло, Шевкал будет под государеву руку приведен и с тобою будет в миру вборзе.

И Олександро царь говорил: ѣжте да пейте, бутте сыти и веселы. Все—государя великого. Толко б языку вашему умѣл, и яз бы вѣдал, как вас великого государя послов чтіті.

И послы князь Семен и дякъ Торхъ говорили: по великого государя своего жалованью у тебя нам всегды пить и ѣсть много. Да

не токмо к нам твоего жалованья всегды много, по твоему жалованью и азнауры твои нас чтят и с кормы к нам присылают.

И Олександро царь говорил: азнауры мои великому государю крестъ целовали ж, что служити и во всем добра хотѣті великому государю. И кому толко не такову быти,—и тот будет и не мой; а хто меня любит, и тот и вас любит. Того прошю у Бога и у великого государя, нѣчто б государевы люди подвинулись поближе к моей землѣ и жили б смешався с моими людми; тогды б про меня великиі государь мой услышал, что яз учну дѣлати и какъ учну служити.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: великиі государь нашь царь и великиі князь Ѳедор Ивановіч всеа Русиі, жалуючи тебя Александра царя и детей твоих и всех твоих чиновных людей и всю твою землю, послал нас послов своих, а с нами прислал свою государеву жаловалную грамоту з золотою печатью на болшое утвержденье,—и ты вѣдаеш сам, что в грамоте написано; и ты не мні себѣ того и в мысли не держи, что великому государю тебя кому поступитися. А толко великому государю нашему возможно здѣлати, что государя нашего людем с твоим людми жити смешався.

И Олександро царь говорил: надѣюсь на Божью милость и на его великого государя жаловалное слово, что ко мнѣ в грамоте своей писал и с вами приказывал и ему то все возможно здѣлати.

И после стола Олександро царь послов князя Семена и дьяка Торха отпустил к себѣ в стан. А провожал ихъ до полудвора околничей Абел, а Хуршит до ворот; а до стану с ними ѣхали приставы Иван да Лом.

И назавтрее февраля въ 2 де приѣхали приставы Іван да Лом; а говорили от Олександра царя старцу Захѣе з братьею, чтоб ѣхали к митрополиту к Миколаю. И старец Захѣя з братьею к митрополиту Миколаю ѣздил. И, приѣхав, сказал: были де они у митрополита на цареве дворѣ, и перед полатою де их встрѣтил свещенникъ Яким да игумен; и какъ вошли в полату и митрополит встал и ихъ благословил и велѣл имъ сѣсти. А с митрополитом в полате епископ Захарей Киситцкого монастыря да архимаритов и игуменов человѣкъ з десет да Олександра царя боярин Ясон да иных азпауров человѣкъ з дватцат. І встав де старец Захѣя з братьею митрополиту Миколаю говорили: Олександро царь великого государя свещенником в Крыму і в селѣ в Тогу и здѣ в Засме в церквах веліт обѣдню служити, и свещенники, не быв у тебя у митрополита у Миколая, и без твоего совѣту и без благословенья служиті не смѣли.--И митрополит де Миколаи говорил: на том вамъ челом бью, что есте надо мною честь

держалі, без моего благословенья и без совѣту не служили; а ныне вас благословляю, челом бью, служите.—И старецъ Захѣя з братьею говорили: видим в Олександрове цареве государьстве і в твоей Миколаеве паства вѣра крестьянская и служба церковная з греческого чину; о том вас похволяем. Да об одном молим вашю святыню,—не прогнѣвайтес на нас, о чом вас воспросим: церкви у вас свѣщены ли и по которому уставу?—И митрополит Миколай со всѣм собором говорили: церкви у нас свещены.—И старец Захѣя з братьею говорили: для же чего у вас в церквах видим не по преданию святых апостол и святых отецъ правилом: престол не украшен, сорочки и препоясания и антимиса и индитьі и креста и евангилья на престоле нѣт, а толко оболочен престол покровом просто? И на жертвенике на святых сосудех, в которых совершаетца таина Христова, дѣисуса и крестов нѣт? А без тоѣ ни без единые святые вещи церковь не освещаетца и служба, приношение къ Богу даров, отнюд не совершаетца. И свещенником и дияконом не в освещенном храме служитї невозможно; а будет велите храм свещатї и исполнитї всѣми святыми вещми, без которых по преданию святых апостолъ и по правилом святых отецъ церковь не освещаетца и служба не совершаетца, и мы для любви Христовы храм освещаем и тѣми всѣми вещьми исполним и обѣдню служім.—И митрополитъ дея Миколай со всѣм собором говорил: храмы у нас свещены по уставу греческому святые горы, а антимис есть, в престоле вклеен и евангилье и крестъ в церквї есть; а будет что не исполнено, і вы исполняйте да над престолом молитву говорити і воду святите, и, кропя водою, обѣдню служите. А храму вам свещати в другоряд не довседетца.—И старец з братьею говорили: бываст молитва храму і, воду святя, храм кропят, которым небреженьемъ в храм невѣрной войдет или пес вскочит или после пленения иновѣрных; а без тѣх святых вещей ни без единые, не украсив тѣми всѣми святыми вещьми вмѣсте, храм не освещаетца А у вас тѣх святых вещей на престоле нѣт. И храму бытї как совершену священу и нам служити? А евангилье и крестъ и мы видим у вас в церквах есть, толко лежат по палом и по лавкам просто, а не на престоле; а подобает евангилью и кресту бытї на престоле. А устав у себя сказываете греческой святые горы, и у нас устав святые горы есть ж. И мы справим устав с уставом, какъ в них в освещение храму написано?—И митрополит Миколай со всѣм собором говорил: будет похотите церковь свещатї, и у Олександра царя церковь здѣлана новокаменная в селѣ в Тогу,—і вы тот храм свещайте по своему обычею; а здѣ в Заеме храму вам свещати в другоряд не

доведетца. А тот храм у нас стоит свещен пятдесят лѣт, а вы хотите изнова пересвящивати.—И старец Захѣя з братьею говорил: у великого государя нашего царя і великого князя Ѳедора Івановича всеа Русиі в Росѣйском царьстве церковное освещение велико, а бывает на освещение храму великій государь нашъ сам и его отецъ и богомолецъ святѣйшей Иев патриархъ царьствующаго града Москвы и всеа Росѣі; а здѣся пригоже быти на освещение храму самому Олександру царю и тебѣ митрополиту Миколаю со всѣмъ собором для того, чтоб благочестие вѣры крестьянские, какъ ведетца у великого государя нашего в Росѣйском царьстве, вы виделі і в вас полнилос. А вы нас посылаете, веліте храм свещати на пусте мѣсте от села от Тогу версты з двѣ, и нам храму тамъ свещати невозможно.—И митрополит Миколай со всѣм собором говорил: Олександро царь поѣхал ныне тѣшитис, а будет в середу, и мы тогды Олександра царя доложим и вам про то извѣстно учиним.

И ѳевраля въ 4 де Олександро царь в Заем приѣхал. А присылал к послом ко князю Семену да к діаку Торху игумена Ѳеонасья; а говорил послом игумен Ѳеонассй, что им побыти в Заеме до масленово заговеина. И старец Захѣя игумена Ѳеонасья спрашивал: о нашемъ дѣле Олександра царя есте докладывали ль? И игумен Ѳеонасей сказал: о том они дѣле Олександра царя докладывали; и Олександро царь то дѣло отложіл, какъ он будет в Крыму.—И поѣхал Олександро царь из Заему в село в Тон ѳевраля въ 5 день; а по послов по князя Семена да по дьяка Торха прислал пристава Ивана февраля въ 24 де, а велѣл имъ ѣхати в село в Чорноур, гдѣ преж сего стояли.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ пошли из Загему в то село того же числа.

И ѳевраля въ 27 де приѣхали в то село к послом ко князю Семену да к діаку Торху Олександров царев казначѣй Гаруза да старец Кирило. А говорили: велѣл вам Олександро царь говориті: надежю есми держал на великого государя ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р., какъ мнѣ в своей государеве грамоте в жаловалной писал, что на Шевкала князя рать свою пошлет и оборонити меня хочет. И ныне надежи нѣт, на Шевкала рать государева и по ся мѣста не бывала. Да толко яз хочю правды своей держатис, на чом есми ему государю правду дал, на записи крестъ целовал, потому ему государю хочю и прямити; и вас, пожаловав, хочю отпустити ко государю часа того с радостью.—Да Олександро ж царь велѣл вам говорити: был у меня Олкас княз и хотѣл ко мнѣ прислатї сына своего; и Алкас князь

передо мною исправился, сына своего ко мнѣ прислал. И вы б ко государевым к Терскимъ воеводам послали человѣка, а к ним отписалі, чтоб узденей Олкасовых Олкасу отдали; а яз с вашим человѣком пошлю своего человѣка и грамоту ко государевым воеводам от себя о том пошлю ж. А пришліте ко мнѣ того своего человѣка з грамотою вскоре,—и яз его, пожаловав и лошеди под нево дав, к воеводам отпущу от себя.—А мнѣ, Гарузе, Олександро царь, изговоря вам тѣ рѣчи, велѣл ѣхаті в Заем готовити даров, что ко государю отпуститі и чѣм вас жаловаті; и изготовя велѣл быти к себѣ в Крым вскоре для того, чтоб вас отпуститі ко государю не издержав.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ говорили: великому государю нашему государь ваш Олександро царь бил челом, чтоб его великій государь нашь держал под своею царьскою рукою и от недругов, от Шевкала князя и от иных, оборонил и дорогу б от Терского города къ его Олександрове землѣ велѣл государь очиститі. И великіі государь нашь государя вашего Олександра царя пожаловал, под свою царьскую руку и в оборону принял для крестьянские вѣры и для своего царьственого обычея и городы на Терке велѣл государь для Олександра царя поставити и воевод своих и людей и наряд в них учинил; и горских Кабардинских князей и мурзъ и Оварского и Черного князя пожаловал своим великим жалованьем, жалуючи государя вашего Олександра царя, чтоб со государем вашим с Олександром царем были в соединенье и стояли на государевых неслушников и на своих недругов заодин. И то великому государю нашему стало нѣ в колко. А ныне великіі государь нашь, жалуючи государя вашего Олександра царя, прислал к нему с нами с послы своими на болшое утвержденье свою царьскую жаловалную грамоту з золотою печатью; и с нами с послы своими к нему приказал, что великій государь нашь его от Шевкала князя и от иных его недругов оборонит и дорогу велит очиститі. А после того и воеводы великого государя нашего ис Терского города к Олександру царю и к нам писали, что по государеву наказу Шевкалу учинили утесненье великое и реку у него Койсу с рыбными ловлями и со всякими угодьи отняли и город на ней хотят поставити; и Шевкал присылает ко государю бити челом, чтоб его воеваті не велѣл, и в Терской город ко государевым воеводам сам хочет быти.—Да тебѣ, Кирило, что и сказываті: ты тѣ грамоты сам к нам в Заем привез.—Да и после того в Заеме вѣсти обновились, что Шевкалу от государевых людей прожити немочно и Шевкал бьет челом государю, чтоб его государь воеваті не велѣл. И государь ваш Олександро царь что сумняетца? Того б себѣ и в мыслі

не держал, не поступитца великіі государь нашь государя вашего Олександра царя и не Шевкалу. А про Шовкала что много и говорити? Шевкал государю бьет челом и с Олександром царем смиритца и по неволе.—А про Олкаса князя и про его уздени мы со государем вашим с Олександром царем сами говорили, что Олкас великому государю нашему, дав правду, по своей вѣре шертовав, изменил, провожал Кумыцких людей,—и мы в том у него взялі тѣх узденей, что было ему прислаті в Терской город сына своего; и он сына своего не прислал. И мы о том писалі к великому государю, и о том как великіі государь указ свой царьской учинит; а нам о том писаті не доведетца.

И казначѣй Гаруза и старец Кирило говорили: государь нашь Олександро царь хочет великого государя вашего жалованья, чтоб великіі государь ваш Шевкала велѣл восваті вскоре сеѣ весны.—И поѣхали Гаруза и старец Кирило того ж дни; а говорили, что они тѣ рѣчи к Олександру царю отпишют. А сам Гаруза сказался, поѣхал в Заем; а Кирило сказался, поѣхал в свой монастырь. А человѣка, которой отпуститі в Терской город, послалі б послы князь Семен и діякъ Торхъ к Олександру царю с приставом с Ываном.

И марта въ 1 де послы князь Семен и діякъ Торхъ послалі к Олександру царю толмача Ивана Миколаева, а с ним приказали к Олександра царя приказным людем; чтоб Олександра царя доложили: в которой день Олександро царь их отпустит к великому государю, чтоб имъ было вѣдомо, какъ на Терку ко государевым воеводам отписаті о людѣх и о лошадѣх и о запасех, чтоб прислалі навстрѣчю в Сонскую землю.

И марта въ 3 де толмач Иван приѣхав сказал: говорил он о том околничему Уману; и Уман докладывал Олександра царя. И Олександро царь приказал к послом князю Семену да к діаку Торху, чтоб отписалі в Терской город ко государевым воеводам о Алкасовых узденѣх. А дни ему того, какъ их отпустити, сказаті нелзя, что готовит ко государю дары; а иных ждет по Кизылбашей, послал для того в Кизылбаши нароком.

И марта въ 5 де послы князь Семен и діякъ Торхъ послали к Олександру царю толмача Иваниса Драичева; а с ним наказалі приказным людем говориті, чтоб Олександро царь им великого государя послом князю Семену и дьяку Торху велѣл быти к себѣ и, государево дѣло додѣлав, ихъ отпустил вскоре, чтоб имъ пройти рекою Теркою до болшие воды.

И марта въ 7 де толмач Иванис, приѣхав, сказал, что он о том говорил околничему Умапу; и Уман докладывал Олександра царя. И Олександро царь велѣл ему быти у себя. И приказал с нимъ к послом ко князю Семену да к діаку Торху, что по них пришлет, велит имъ быти у себя часа того; а отпустити их хочет в третей день на Святой недѣле.—Да толмач же Иванис сказал: слышал он у тутошних людей, что Олександро царь послов князя Семена да дьяка Торха не отпускает для того, изжидает государевы рати на Шевкала. А вмѣсте с послы со князем Семеном да з діаком Торхом Олександро царь хочет ко государю отпустити своих послов околничего Умана да архимарита Θилипа на государеве жалованье бити челом.

И послы князь Семен и диякъ Торхъ отпустили ко государю з грамотою и на Терку к воеводам конного стрелца Мурзу Иванова; а писали к воеводам, что хочет их отпустити ко государю Олександро царь на Святой недѣле в третей день, и они б прислалі провожатых под Ларсов кабакъ две недели спустя послѣ Радуницы.

А Олександро царь по пословъ по князя Семена да по дьяка Торха не присылывал марта по 26 число; и послы князь Семен и діакъ Торхъ послалі к Олександру царю толмача Ивана Миколаева, чтоб велѣл имъ быти у себя и ко государю их отпустил до болшие воды.

И марта въ 24 де толмач Иван, приѣхав къ послом князю Семену да дьяку Торху, говорил: сказал деи про него Олександру царю околничей Уман. И Олександро царь велѣл ему быти у себя; а приказал к послом князю Семену да дьяку Торху: велит им быти у себя часа того.

И апрѣля въ 4 де, пришед к послом князю Семену да к діяку Торху, приставы Иван да Лом говорили: велѣл вам Олександро царь ѣхати в село в Шилду и стояті до велика дні,—а то село от Крыму три версты; а на великъ день велит вам быти к себѣ в Крым.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ пошли из села из Чорноура того же дни. И стоялі в том числѣ в Федоровском монастырѣ, в котором монастырѣ живет Кирило старец; и в церкве были. А церковь велика каменая, зданье старое, а образов против правово крыласа два образа Христова мученика Федора Тирона да тутo же образ Христова мученика Θедора Стратилата всѣ три на великих тцках, обложены серебром; а к ним приложены два креста, обложены серебром. А против лѣвово крыласа образ пречистые Богородицы на золоте, руское писмо. А царьских мѣсто дверей запона. А в олтарѣ престол оболочен покровом, а украшенья престолу иного никаково

нѣт и сосуды церковные без подписи по тому же обычею, какъ у них в ыных церквах.

И старец Захѣя з братьею старцу Кирилу говорили: для чего у гнего в церкве не устроено по чину, как ведетца по преданию святых апостолъ и святых отецъ правилом? А ему, Кирилу, самому в обычей, какъ ведетца во государя нашего в Росѣйском царстве и во святых орах церковной чин.—И Кирило старец сказал, что он в том монастырѣ недавно, устроити было нѣколи. А попа сказал Кирило у тоѣ церкви бѣлово одново, и тот нынѣ болен; и вечерню и завтреню и часы Кирило старецъ в патрахѣли дѣйствовал сам, а государевы свещенники и діаконы на крылосех стоялі. А обѣдни у него в тот воскресной день не было. А на монастырѣ оприч его кѣльи Кириловы кѣлей с пять и шесть, а живут в них черницы і вдовы.

И приѣхалі послы княз Семен и діакъ Торхъ в село в Шилду апрѣля въ 5 де.—И апрѣля въ 11 де в Лазореву суботу приѣхал пристав Іван; а говорил старцу Захѣе з братьею: велѣл им Олександро царь быти у себя въ Крыму.

И старец Захѣя з братьею в Крым ѣзділ. И, приѣхав в село в Шилду назавтрее, послом князю Семену да дьяку Торху сказывалі приказал им Олександро царь с приставом с Ываном, чтоб ѣхалі в Арханилской монастырь.—И они в Арханилской монастырь приѣхалі. І встрѣтил их в воротех архимаріт Ѳеонасей; а пришел с нимі в церковь в Арханил, и в церкві украшенье церковное по чину.... Архимарит деи Ѳеонасей старцу Захѣе з братьею говорил: которые были недостатки в церковном чину, и то все исполнено; чтоб государевы свещенники и дьяконы завтра въ вербное воскресенье обѣдню служили. И он деи старецъ Захѣя з братьею архимариту Ѳеонасью говорил: церковное украшенье видим по чину. Покажите намъ престолного украшенья.—И престолного украшенья он, Захѣя, з братьею смотрил. И на престоле сорочка положена покровомъ не по чину и препоясание не по чину же и индітьи нѣт; а антимис вшит в плат по чину, а на нем написано: „во имя Господа нашего Исуса Христа кир Никодим митрополит при благовѣрном царѣ десподе Гсоргие в лѣто 6949“. А на евангилье выпечатан один крестъ и на сосудех церковных святости не написано. А храму, сказал Ѳеонасей архимаріт, какъ поставлен дватцат пять лѣт.—И он деи Захѣя з братьею говорили, что онтимису по подписи 150 лѣт, а храм поставлен 25 лѣт,—и тот онтимис взят из ыного храму; и украшенье престолное и сосуды церковные не по чину и индитьи на престоле нѣт. И им свещеником и діаконом служити обѣдни не возможно. А будет Олександро царь велит тѣ недостатки исполниті

по чину и церковь свещаті, и они исполнят и храм освещают и обѣдню служат в Великой Четвергъ. А будет государевым священником Олександро царь не велит храму свещати, а у него будет архимарита Ѳеонасья уставу о церковном чину нѣт, и он бы архимарит Ѳеонасей в томъ не посрамился, взял у них писмо с уставу о церковном свещенье вкратце, да потому учинил.—И архимарит де Ѳеонасей говорил: у нас во святых горах болши того церковное украшенье не бывает, да и не умѣю болши того; а обѣдню хотите служите, хотите не служите. А свещати вамъ храму Олександро царь не дастъ, что де храм свещан.

И Захѣя де з братьею в Лазореву суботу в Арханилском монастырѣ вечерни и в вербное воскресенье завтрени и обѣдни слушал; а пѣли вечерню и завтреню и обѣдню служили он архимаріт Ѳеонасей да с ним гречане попы и дьяконы. А Олександро царь слушал пѣнья у церкви у себя на дворѣ, а в том монастырѣ не был.

И апрѣля въ 18 де в Великую Суботу послом князю Семену да дьяку Торху приставы Іван да Лом говорили: велѣл вам Олександро царь ѣхати к себѣ в Крым. И послы князь Семен и діакъ Торхъ в Крым приѣхалі того же числа; и поставили их приставы в том же мѣсте, гдѣ преже того стоялі.—И на великъ ден послы князь Семен и діакъ Торхъ у завтрени и обѣдни были в Арханилском монастырѣ. И какъ послы князь Семен и діакъ Торхъ вошли в церковь, и архимарит Ѳеонасей послом говорил, чтоб завтреню пѣлі государевы свещенники и дьяконы, а он архимарит Ѳеонасей учнет с своим собором обѣдню служити. И государевы свещенники и дьяконы завтреню пѣли; а архимарит Ѳеонасей, да с ним другой архимаріт да игумен Кирило, что был у государя, да два попа да пять діаконов обѣдню служили по греческому чину. А правой крылос пѣли по гречески греческие старцы, попы и дьяконы, а лѣвой крылас пѣли грузинские попы и дьяконы; на крылосе человѣкъ по пяти и по шти. И государевы свещенники, престолного украшенья смотрив, послом князю Семену да дьяку Торху сказалі, что перед прежнимъ на престоле прибавки одно препоясание, и то не по чину ж.—И послы князь Семен и діакъ Торхъ в завтреню архимариту Ѳеонасью говорили: видим в сей церкве церковное украшенье по чину и пѣнье з государевыми свещенники соединяетца, и мы тому раді и вас похваляем, что в Олександрове государьстве вѣра крестьянская; чтоб ещо велѣл намъ Богъ видеті, чтоб недостаточное в церковномъ чину исправилось и государевы свещенники и дьяконы обѣдню служилі с вами вмѣстѣ. А зачѣмъ государевы свещенники и дьяконы здѣся в церквах обѣдни не служат, и про то они нам сказывали, что по преданию

святых апостол и святых отецъ правиломъ престолное украшенье в здѣшних церквах не сполна. И на соборе митрополиту Миколаю і вам архимаритом и игуменом старец Захѣя и свещенники и дьяконы говорили, что имъ затѣмъ служити не возможно, і уставу о церковномъ свещение справити с своим уставом у вас просили; и вы у себя церковного чину устав сказали и рекли о томъ Олександра царя доложити, да и по ся мѣста в том ничего не учинили. А то дѣло ваше духовное о том вамъ пригоже радѣти и изыскивати истинные вѣры крестьянские: вы именуетесь словесным овцам пастыри и учители. К великому государю нашему слышанье, великого государя истинные православные вѣры изыскателя, приезжают патриархи и митрополиты и архиепископы и епископы и архимариты и игумены из Ерусалима и из Царягорода и из Антиохѣі и из Святых Гор и из ных изо многіх стран; да и нынѣ у великого государя нашего Цареградцкой патриархъ Еремей и митрополиты и владыки и архимариты и игумены. И они во государя нашего Росѣйском царьстве вѣру крестьянскую видят и похваляют, что ни в которых странах так вѣра крестьянская не утвердилась и стоит непоколебимо; и сами они церковной чин кажютъ, вечерню и завтреню поют и обѣдню служат, и их церковной чин соединяетца, какъ ведетца во государя нашего в Росѣйском царьстве. А ты, архимарит Ѳеонасей, ис тѣх стран святые горы пастыр Цареградцкого патриарха Еремѣя, и ты вѣдаешъ, как ведетца церковной чин во Царѣгороде і во Святых Горах при патриархе Еремѣе и при митрополитех и при архиепископех и при епископех и при архимаритех и при игуменех,—а того в Олександрове государьстве не исправляеш и на то Олександра царя и митрополита Миколая и его собор не наводиш. А мы то слышалі, что вас Олександро царь у себя держитъ и милостину вам дает доволную для того, чтоб у него *) крестьянская вѣра была как у вас ведетца.—И архимарит Ѳеонасей говорил: сам есмі у великого государя вашего не бывал; а которые из наших стран бывали, и у тѣх есми слышел, что такова великого государя крестьянского и какова въ его государстве вѣра крестьянская утвердилась нѣт ни во всей подсолнычной, всѣмъ крестьянским государем он, государь, столпъ и надежа. А здѣся Олександро царь крестьянской же, живет все Богу, всю свою казну тощит в Божество, в церкви и в образы а исправленье вѣры крестьянские кладет на нас, і вѣра здѣсь крестьянская изстари, толко одін чін истеряли; а мы им говорим, и они нас не слушают. А в семъ храму престол украшен и антимис есть,

*) Такъ въ подлинникѣ читается; въ спискѣ *XVII в.* (л. 339): у вас....

престоле вклеен, в кирпичье замазан известью, тогды как престол дѣлан, и храм свещен с антимисом; в том бы государевы свещенники вѣрили моей душѣ, яз тот грѣх на себя сойму. И по их есми приказу престол украсил, и оні б пожаловали, обѣдню служили. А про устав о церковном чину не сказал ничево. — И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: сказываеш, что Олександро царь то дѣло кладет на вас, і в том Олександро царь чистъ; того взыщет Богъ на вас, что вѣдая да не творите. А что ты сказываеш в ѣздѣшнем государстве люді чинъ истерли, а вы поучаете і вас не слушают,—и тебѣ было пригоже в своем монастырѣ первое исправити и им показати и помалу и их на то приводіті.—И архимарит Ѳеонасей говорил: в своем монастырѣ учну исправливати, а здѣшних людей приводіті, чтоб чин познали.—И послы князь Семен и діакъ Торхъ о том в совѣт говорили с старцом з Захѣею з братьею и з свещенники и з діяконы; и свещенники и дьяконы отказалі что имъ, не свещав храму самим или при себѣ не видя, служити невозможно и вѣрити архимариту Ѳеонасью не мочно.

И тогоже дни на великъ день к послом ко князю Семену да к діаку Торху приходил пристав Лом. А говорил: нынѣ вам ѣсти у Олександра царя на площеді в шатрѣх; а топерво Олександро царь ѣздит по площади и вам велѣл ѣхати к себѣ. И послы князь Семен и діакъ Торхъ к Олександру царю поѣхали. И Олександро царь, увидяв их, поворотил к ним; а с ним дѣти его царевичи Давыд да Юрьй да азнауров его человѣкъ с 150 и болши. И послы князь Семен и діакъ Торхъ челом ему ударилі на лошадѣх; и Олександро царь велѣл имъ ѣхатіс собою. И послы князь Семен и діакъ Торхъ поѣхалі у Олександра царя с правые стороны. И ѣдучи Олександро царь говорил: завтрешнего дни учну сидѣті, какъ мнѣ вас отпустити к великому государю. И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили о отпуске своем, чтоб их отпустил вскоре, что им пройти до болшие воды.—И Олександро царь, ѣздя по площеді, поѣхал на свой двор, а послом князю Семену да діяку Торху велѣл ѣхаті к себѣ в стан, а к столу велѣл ждати от себя присилкі.

И того ж часу по послов по князя Семена да по дьяка Торха пришол пристав Лом. А говорил, чтоб ѣхали к столу;—и старцу Захѣе з братьею велѣл ѣхати с собою.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ приѣхали к шатром, в которых быти Олександру царю. І встрѣтили их околничіе Абел да Уман да Чиналѣй; и говорили им, чтоб шли в шатер, а Олександро царь будет в шатер увско.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ, вшед в шатер, сѣлі; а Олександро царь въѣхал в шатер и сѣл на своем мѣсте после того. И в полстола велѣл перед собою пѣти своим попом и дьяком; а говорил, что поют канун Воскресенью Христову. А после того Олександро царь велѣл пѣти государевым свещенником; и свещенники пѣли Пасху.—Да в стол же царевіч Юрьй и с азнауры, выходя из-за стола, учал здоровати отцу своему Олександру царю; а Олександро царь, выходя из-за стола, сам с азнауры здоровал послом князю Семену да дьяку Торху пятья и шестья. А говорил: видите сами, какъ яз и с своими азнауры для великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русні вас его послов чту; сам, выходя из-за стола, і с азнауры своими бью челом. Весь мой дом Божей да ваш.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: чтиш для великого государя, на твоей чти челом бьем.—И после стола послов князя Семена и дьяка Торха отпустил; а провожали их встрѣчники тѣ ж до тѣх мѣстъ, гдѣ их встрѣтилі.

И апрѣля въ 21 день к послом ко князю Семену да к діаку Торху приходили околничей Уман да старец Кирило. А говорили: велѣл вам Олександро царь говорити: какъ люблю Бога, такъ и великого государя ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. всею душею своею, и хочю ему государю своему правду держати, на чом есми ему и з детми своими и с азнауры крестъ целовал. А то видите и сами, что мое государьство, хоти и невелико, толко не скудно же, азнауров и всяких ратных людей у меня много и конны и доспѣшны и всѣм оружны, не блюдусь ни Турского, ни Кизылбашского, да и никого. А преж сего приходили на мою украйну искрадом войною Шевкалские люди, и яз с ними жил иное дружбою, а иным давал жалованье, а от иных боронился саблею. И, какъ есми изыскав, бил челом великому государю под его царьскую руку, для того что мое государьство крестьянское же, і великий бы государь для крестьянские вѣры бусурманом меня и моего государьства не подал, от Шевкала велѣл оборонити. И великий государь меня и мое государьство пожаловал, под свою царьскую руку принял и грамоту свою царьскую жаловалную прислал и оборонити меня от Шевкала хотѣл. И яз, надѣсь на великого государя жалованье, от Шевкала не берегся; и в Шовкалех то свѣдали и малые робята, что уж тому пятой год, какъ государю бил челом, а государева рать на него не бывала. И он учал мою землю воеваті и людей в полон иматі болши старого; и яз стал безнадежен.—А что на меня государь дани своей положил,—и мнѣ послати тоѣ дань ко государю с Куршитом или с ным с таким же обычным человѣком, чтоб в том

толко послать великого человѣка убытка лишнего не было.—О том яз вас спрашиваю: лзя ли с таким послати?

И послы князь Семен и діякъ Торхъ говорили: государю вашему Олександру царю какъ великого государя нашего не любити? Великий государь нашь его Олександра царя пожаловал, принял под свою царьскую руку. А что вы про государя своего Олександра царя государство и про его рать нам и сказываете? В каковѣ мѣре Олександро царь на своем государьстве и какова его рать,—мы то и сами знаем. А то государь вашъ Олександро царь сумняетца, надежю на великого государя откладывает; того б себѣ и в мысли не держал, что великому государю его от Шевкала не оборонити, вѣрил бы его царьской жаловалной грамотѣ и слову, что с нами приказывал. Толко Шевкал государю не добьет челом и с ним с Олександром царем не смиритца,—и Шевкалу от великого государя гдѣ ся дѣти? Мало на Шевкала государевы рати 20,000,—и великий государь велит на него послати 50,000; а мало 50,000,—и 100,000. И государю вашему Олександру царю не пригоже сумнятись и на великого государя нашего надежю откладывати.—А з данью к великому государю государь ваш Олександро царь кого хочет, того пошлет.—А о нашем отпуске преж сего приказал нам Олександро царь, что нас отпустит к великому государю на третей день после велика дні, и мы велѣлі быти к себѣ людем с лошедми и з запасом встрѣчю на Радуницу;—и Олександро б царь нас у себя не задержал.

И апрѣля въ 22 де Александро царь поѣхал к празднику въ Егорьевской монастырь Алаверды; а приѣхал в Крым апрѣля въ 27 де.

А в 28-м числѣ ѣзділ Олександро царь перед своим двором по площеді с азнауры своими. А к послом ко князю Семену да к діаку Торху прислал діака своего Терса. А велѣл имъ говорити: ѣзділ есми в село свое въ Елон тѣшитись и хотѣл пожити в селѣ въ Елони болши того; да серцо мое не утерпѣло, что не видя вас великого государя послов при себѣ. А топерво яз хоти ѣзжю на конѣ, а то дѣло и дѣлаю, как мнѣ вас отпустити к великому государю.

И послы князь Семен и діякъ Торхъ говорили: Олександра царя к себѣ жалованье слышим, на его жалованье челом бьем. А о отпуске преж сего приказал нам, что нас отпуститъ на третей день после велика дні, и мы после того живем другую недѣлю; а их царское слово ложно не бывает. И нынѣ бы Олександро царь к нам приказал свое прямое слово: какъ нас отпустить хочет? И мы б отпустили встрѣчю к людем своим человѣка своего, потому себя велѣли

и встрѣтити. А будет нас хочет держати у себя,—и он бы к нам приказал: для чего нас хочет держати?

И дьякъ Терсъ говорил: у нас именуетца во всем свѣте под солнцом великих четыре цари: первой—великиі государь крестьянской бѣлой царь і великиі князь Ѳедор Іванович всеа Русиі, другой—Турской царь, третей—Шпанской король, четвертой—Индѣйской царь; а болши тѣх царей иные цари не именуютца. И государю нашему Олександру царю к такому великому государю вашему какъ мочно отпустити вас его государевых послов и своіх послов вскоре, не исправя всего? Над тѣм государь нашъ и сидит, то и дѣлает: какъ вас отпустити?

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: во всѣх царѣх такова великого царя, каков государь нашь, нѣт. Да толко было к великому государю нашему государю вашему Олександру царю в такое время, как нас учал у себя держаті, мочно отпускъ здѣлати.

И того ж часу приходил к послом ко князю Семену да к діаку Торху тот же діак Терсъ. А говорил от Олександра царя: прислал ко мнѣ ныне Шевкал посла своего с тѣм: преж сего есмя с тобою с Олександром царем были в дружбе и в соединенье под Турского царя рукою и стояли на всѣх недругов заодін. А ныне ты бил челом великому государю Московскому под его руку; и государь тебя пожаловал, под свою руку принял. А ко мнѣ ты приказывал, что ты государю бил челом для того, чтоб тебѣ подняти его государева рать на Турского город Дербен; а ныне яз то услышал, что ты государеву рать подымаеш не на Дербен, на меня. И государевы люді ис Тюменского города мнѣ чинят тесноту великую и Койсу реку у меня отнимают и город хотят поставити. И ты нынѣ будь со мною в дружбе и в соединенье по прежнему. Слышал есми, что сватался ты за сына своего за царевіча Юрья у моего брата у Крым Шевкалского князя дочерью. И яз к тебѣ пришлю свою дочь и Крым Шовкалову дочь и ты из обѣих выбрав, хочеш мою дочь, хочеш Крым Шевкалского дочь, да и за сына своего за царевича Юрья, а другую дочь пошли ты от себя в Кизылбаши за другово своего сына; и будем с тобою одно наше серце и стояті учнем на своих недругов вмѣсте заодін. А к Москве и в Астарахань и в Тюменской городъ къ его государевым воеводам от себя послов послал же есми.—И с тѣм Шевкал прислал ко мнѣ послов своіх, меня оманывает. А прямые вѣсти у меня, что Шевкал к великому государю и в Астарахань и в Тюменской город послов послал же, толко не с прямою своею правдою; а с прямою своею правдою послал от себя посла к Турскому. А к нему в гра-

моте своей писал, что Олександро царь был под его Турского царя рукою; а нынѣ билъ челом государю Московскому под его государеву руку для того, чтоб его Шевкала съ юрта согнати или превратити в крестьянскую вѣру. И нынѣ мнѣ ис Терского города от государевых людей теснота великая и на землѣ на моей город поставили и реку Койсу у меня отняли и вперед на семъ лѣте жду на себя государевы болшие рати из Астарахани и ис Тюменского города; а Олександро царь хочет меня ж воеваті с своей стороны. И ты б мнѣ милость показал, за меня вступился для бусурманские вѣры,—а бусурманским всѣм землям от крестьян ты надежа,—прислал бы еси свою болшую рать на Олександра царя на сем лѣте, чтоб его наперед извоеваті и государьство его розорити или превратиті в бусурманскую вѣру, до коихъ мѣстъ не пришла государева рать на меня. А не вступишся за меня на сем лѣте, рати своей не пришлеш, а придет на меня государева рать, а Олександро царь учнет меня воеваті с своей стороны,—и меня поймаютъ, а дѣтис мнѣ нѣгде.—И что ся надо мною и над моею землею учинит лихо, кровь прольетца, или иное поруганье учинят, приводити учнут во свою крестьянскую вѣру,—и за наши души Богу кому отвѣт даті кромѣ тебя? А толко моею землею завладѣют, а Дербени твоей и Шамахѣ и Ширвани и Гонжѣ и всѣм городом, что ты поимал у Кизылбашского и у Семена Олександрова зятя,—какъ устояті? Всѣ тѣ городы будут за царем за Московским; а бусурман в тѣх городѣх высекут,—и за тѣ души Богу тебѣ ж отвѣт дати. А какъ тѣ городы поемлет, а государева рать будет в соединенье с Кизылбашским шахом и с Олександром царем и с Семеном Олександровым зятем,—и ты не удержиш тоѣ раті и до Царя-города. И толко та рать придет на Царьгород с сеѣ стороны, а ѳрянки и Шпанской король придут з другие стороны,—и тебѣ как усидѣти и самому во Царѣгородѣ? Поймают тебя, а бусурман всѣх выжкут, а иных в свою вѣру крестьянскую приведут,—и паша бусурманская вѣра вся розоритца от тебя, толко не вступишся за нас, и за всѣ тѣ души ответъ взыщет Богъ на тебѣ.

Да Терсъ же говорил: да и то государь нашъ Олександро царь ѣдает на которое мѣсто того своего посла Шевкал послал с тою грамотою; и государь нашъ Олександро царь послал людей своих, велѣл его дожидатис и, его поймав, з грамотою к себѣ привести. А турского царя государь нашъ Олександро царь не блюдетца; а нынѣ турскому до себя пришло ото ѳрянокъ и от Шпанского короля.

И послы князь Семенъ и диякъ Торхъ говорили: государь вашъ Олександро царь был в сумнѣнье и на великого годасуря нашего

надежю складывалъ. И ныне не на государеве лі слове здѣлалось? Учнет Шевкал ко государю вашему к Олександру царю по государя нашего жалованью не токмо детей своіх присылаті, и сам учнет приезжати. А про Турского и преже сего есмя с околничим Уманом да з духовником с архимариты с Θилипом да с Οѳонасьем говорили. Нѣчто будет Уман с товарыщі государю вашему Олександру царю не сказывалъ, что крестьянские всѣ государи присылали к великому государю нашему послов и посланников своихъ; а просят того, чтоб государь нашь был с нимі в соединенье на Турского, которой на крестьянских государьствах сидит, и, соединачівся б, всѣм крестьянским государем на тѣх безвѣрныхъ агарян стояти сопча заодін? И государь нашь к тѣм ко всѣм государем крестьянским послал своих посланников и с ними на Турского и на всѣх бусурман стояті заодин хочет. И государю вашему Олександру царю, будучи под государя нашего царьскою рукою, кого боятись?

И дьякъ Терсъ говорил: государь нашь Олександро царь того у Бога просит, чтоб возвысил над бусурманы крестьянскую руку. А о отпуске вашем к вам со мною Олександро царь приказал, хочет вас отпустити после Радуницы в другое воскресенье. А посла к великому государю Александро царь посылает из своих из ближних людей велика роду, зовут его Сулиманом; и велѣл его Олександро царь вам сказаті.

И назавтрее того апрѣля въ 29 де к послом ко князю Семену да к діаку Торху пришел азнаур Сулиман, которого хочет Олександро царь отпустити ко государю в послѣх, да дьякъ Терсъ.

И говорил от Олександра царя діакъ Терсъ: великіі государь присылал ко мнѣ посланников своих Родивона Биркина да Петра Пивова, и яз к великому государю посылал людей от такие ж версты—Каплана с товарыщи. А нынѣ великий государь меия пожаловал, прислал вас великих послов—тебя, князя Семена, болшого пашю от велика роду; а яз нынѣ посылаю к великому государю против т ого своего ближного человѣка от велика ж роду Сулимана князя. Отецъ мой Левонтей жаловал его отца, любил какъ свою душю; а яз его жалую, люблю таково ж, какъ любіл отецъ мой отца его, держю его у серца своего и что мнѣ сынъ мой. И вы б великому государю известилі, что яз такова вѣрна и от великаго родства отпускаю к нему государю, и что он великому государю учнет говориті,—и то мое слово и государь бы его рѣчем вѣрил.

И послы князь Семен и діак Торхъ говорили: как будем у в. г., и мы то известим.

И Сулиман да дьякъ Терсъ говорили: государь нашь Олександро царь велѣл вам говорити: в какой мѣре мое государьство и как стоит с ными государствы, і вам то вѣдомо; а что у меня на серце или что вестей про иные государьства, и яз вам сказываю же для того: будет которое дѣло вам ещо не вѣдомо, і вам то было вѣдомо же. Из Царягорода и изо Өрянокъ торговые люді ко мнѣ ѣздят, а мои люді торговые во Царьгород і во Өрянки ѣздят; а иное и яз посылаю для вестей будто с торгом на Гиляне да на Казбін и во Царьгород і во Өрянки. И ныне пріѣхал ко мнѣ мой арменин торговой человѣк. А сказал, что был в Риму у папы, и папа его велѣл поиматі и привести к себѣ и его роспрашивал—ис которыхъ он стран и какой человѣкъ; и он сказался моего государьства. И папа де ему говорил, что Олександро царь крестьянской, а послов к нему к папе и грамоты отъ себя не присылывал; и ты поді к Олександру царю своему, от меня слово мое говори, чтоб ко мнѣ прислал посла илі з грамотою тебя назад. И животы деи у того арменина папа велѣл взяті, и запечатал своею печатью. А какъ де придеш и грамоту привезеш, и язъ тебѣ жівоты твои отдам. А приказываю тебѣ словом, а грамоты мнѣ к Олександру царю послати нелзя для проходу от турских людей; а назад велѣл ему к себѣ итти на Московского государя землю, что ныне Олександро царь бил челом Московскому государю. А вестей за собою сказывает, что Шпанской король воевал Аглинскую землю да Печенскую, и тѣ обе земли привел к своему государьству; и с тѣми и с ными землямі и со өрянки посылал на Турского царя морем.—А посол мой, которой был у Турского во Царѣгороде, а пришол ко мнѣ сего великого говѣина, и мнѣ сказывал, что сего лѣта приходила на Турского Шпанского короля и Өрянская рать; і взяли и побили турских с пят тысеч каторог.—И ныне яз хочю послатї к папе Римскому и х королю Ишпанскому и к цысеру крестьянскому от себя з грамотами того же арменина, хочю себя обьявити, что яз под великого государя рукою; а отпущю его с послом своим. І вы б государю известили, чтоб государь того арменина через свое государьство к папе Римскому проводити велѣл.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: тѣх вѣстей нѣчего нам до государя своего и доносити, тѣм вѣстем по ся мѣста как у великого государя нашего быти невѣдомым. А тѣ всѣ государі крестьянские стали на Турского по упрошенью государя нашего; да и сам государь нашь на Турского стояти с ними заодін хочет, что сидит на крестьянских государьствах.—А к папе к Римскому и х королю ко Шпанскому и к цысеру крестьянскому государю вашему Олександру царю что грамоты о том

и послаті и обьявляти себя? А великіі государь Олександра царя в тѣх во всѣх государьствах велѣл обьявити, что его пожаловал, принял под свою царьскую руку. И государю вашему Олександру царю болши того чего хотѣти? Нѣчто будет у Олександра царя тот арменин проситца в Рим к папе по свои животы,—и нам великому государю о мужічьих животѣх говориті непригоже, того нам на себя взяти нелзя.

И посол Сулиман и диякъ Терсъ говорили: того государь нашь Олександро царь у Бога просит, чтоб великий государь царь і великіі князь и всѣ государи крестьянские стали на Турского и на всѣх бусурман заодін, чтоб была над ними крестьянская рука высока. Да к погибели бусурманом идет, недолго им над крестьянскимъ родом поругатись: у нас то написано в книгах, что на них будет погибель вборзе. Да и сами турки того на себя ждут с часу на час і в книгах своих начитают. А возвыситца на них крестьянская рука первое з Дербени: будет в Дербени людей столко, протопчют ногами в воротех что нарядом волочи, и учнут ногами ходити и по тѣм желѣзным воротам, что ныне попичены в землѣ. А тѣм государем крестьянским королю Шпанскому и цысеру крестьянскому и папе Римскому и орянком мочно ли на Дербеп прииті и сколь далеки их государьства от Дербени?

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: что Бог возхощет, то и сотворіт; дѣлаетца то Богом, а не человѣчьимъ разумом. А, прося у Бога милости, великіі государь нашь на Турского стояті хочет. А к Дербени оприч государя нашего вотчины иных никоторых государей земли не пришлі. А тѣ земли, про которых нас спрашиваете, далеки; и слух имъ про Дербен не лежіт, не токмо что прити. А из государя нашего отчины из Астарахани рекою Волгою да морем судовою ратью и з болшим нарядом под Дербень под стену мочно поспѣти в третью недѣлю, а толко даст Богъ ход морем сстроен, і в другую недѣлю придет; а конною ратью также мочно поспѣти. А ис Тюменского города моремъ и сухимъ путем в пятой или в шестой день.

И посол Сулиман и діакъ Терсъ говорили: вѣдает государь нашь Олександро царь и сам, что великого государя вотчина к Дербени блиска і воденым и сухим путем ратью и с нарядом прити к Дербени мочно; а толко великіі государь станет на Дербень, а государь нашь Олександро б царь, сшотчис на рекѣ на Лозани, с Кизылбатским шахом пришли з другие стороны,—и очистили б тѣ всѣ городы, что за Турскимъ. в тотчасъ, пе постоял бы нихто. А мы то вѣдаем, в Турского во всѣх городѣх сидят от государевых людей с великим

страхом; а то у них в мысли: появятца государевы люді хоти немногие, и имъ, городы пометав, бежати вон из городов. А которые люди в тѣх городѣх крестьяне и арменья, тѣ всѣ Бога молят, чтоб великіі государь от невѣрных избавіл. А нам бы Олександровым азнауром хоти до тово дожити, чтоб видети государевых и государя нашего Олександровых людей в Тарках, да после того хоти и померет; а чтоб Олександрову старость видети честну великим государем, что государь нашь Олександро царь стар и хочетца ему государево жалованье видеті при своем животѣ и о томъ добрѣ сѣтует, а мы, на него смотря, сѣтуем кабы государевы милости и не видаті.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: про то вы нам что и говорите? То мы сами вѣдаем, что здѣся во всѣх городѣх сидят до тѣх мѣстъ, доколе государева рать не пріпла. Великіі государь нашь царь і великіі князь не токмо в сѣх странах грозен, и на всѣ страны около своего государьства, Божьею милостью и своею храбростью, многие государства угрозил и привел под свою царьскую руку. А Таркам против великого государя рати какъ устояті? О том вам надежи откладывати и сумнятись и сѣтовати непрігоже.

И посол Сулиман и діакъ Терсъ говорили: опріч Бога да великого государя государь нашь надежи не держіт ни на ково.

И маия в 1 де к послом ко князю Семену да к діаку Торху приходил посол Сулиман да дьякъ Терсъ. А говорилі: государю есмя своему Олександру царю про арменина сказывалі, что вамъ того дѣла на себя взяти нелзя; и государь нашь того арменина хочет послати от себя тѣми мѣсты, которыми он сюды пришел. А вы в том сумнѣнья себѣ не держите, что государь нашь хочет послати к тѣм государем крестьянским свои грамоты. Государю нашему то за честь, что они государи крестьянские, соединачився, стоят на бусурманскую вѣру; а государь нашь крестьянин же, о том к ним и хочет писаті, чтоб они стояли крѣпко на бусурман. А опрочѣ государь нашь великого государя ни на кого не хочет надежи держати; а надежен на великого государя головою и очима і всѣм серцом своим, потому что тот крестьянской государь великой, вѣра его крестьянская во всѣх крестьянских государствах, что столпъ до небеси. А тѣ словут государи крестьянские; толко государь нашь слышал, что их вѣра поколебилас, не такова, какъ во государеве царьстве вѣра утвержена. И нынѣ о том скорбіт, что Ерусалимом, а в нем Святая Святых и Господень гроб, а во Царѣгороде Софѣя Премудрость Божия и монастырі и церкви в попранье і в поруганье грѣх ради наших от безвѣрныхъ бусурман; — и того молит у Бога, чтоб возвысил над бусурманы крестьянскую

руку, чтоб тѣх крестьянских государствъ доступити государем крестьянским и Ерусалим бы и Святая Святых і во Царѣгороде Софѣя Премудрость Божья была великого государя.

И послы князь Семен и діак Торхъ говорили: великиі государь нашь царь і великиі князь, проса у Бога милости, на безвѣрных агарян со всѣми государи крестьянскими стояті хочет. И толко Бог милость свою над великим государем нашим учнет держаті, возвысит его государеву руку над бусурманы, и кромѣ великого государя нашего за кѣм Ерусалиму и Царюгороду быти? Во всѣх крестьянских государех он государь великъ, болши его нѣт. А вѣра крестьянская въ его государеве Росѣйском царьстве просияла такова, какова была вѣра крестьянская в древних лѣтех при благовѣрном царѣ Костентине и при его государя нашего прадеде при благовѣрном великом князе Владимере. И, слыша его великого государя вѣре крестьянской изыскателя и милостива, приезжают к нему вь его государьства из тѣх стран патриархи и митрополиты и архиепископы и епископы и архимариты и игумены и многой ерѣйской и старческой чін; и, видя его государя великого, дивятца его государеву крестьянской вѣре подражателству. Да и нынѣ какъ великиі государь нашь отпустил нас ко государю вашему к Олександру царю у государя нашего на Москвѣ Цареградцкой патриархъ Еремѣй, а с нимъ митрополиты и архиепископы и епископы и архимариты и игумены и ерѣйской и старческой чін. И послы государя вашего Каплан с товарыщі их видялі, что нам про то государю вашему Олександру царю и сказыватї? А приѣхал Цареградцкой патриархъ Еремѣй со всѣм освещенным собором к великому государю нашему для того, что они всѣ четыре патриархи Александрѣйской и Ерусалимской и Антиохѣйской и он Цареградцкой соборовали, чтоб великиі государь у себя в Росѣйском царьстве произволил учинити папу в Римского папы мѣсто. И о том всѣ патриархи и митрополиты і весь святителской и ерѣйской чін и крестьяне всѣ в тѣх странах Бога молят и просят, чтоб покорил Богъ вѣру бусурманскую под его великого государя нашего руку.—А в тѣх крестьянских государствах, про которые нам говорили есте, была вѣра крестьянская да поколебилась въ ересть і в латыню.—А в том арменине, что к нам государь вашъ Олександро царь приказывает, что отпускает тѣми мѣсты, куды он шол,—в том он волен, хочет тѣми мѣсты пошлет, хочет пошлет к великому государю нашему с послом своим. А нам за то за что стояті? И в сумнѣнье нам того держаті нѣчего.

И посол Сулиман да діакъ Терсъ говорили от Олександра царя: стояли у меня от Шевкалского и от Дидов по щелем в заставе рус-

кие люді, которые ко мнѣ пришли отъ зятя моего от Семена, а к Семену пришли с Терки своею охотою; а иные полоняники руские ж пришли ко мнѣ ис турских городов и ис Черкас и от Семена от зятя. И тѣх есте людей з застав свели, и нынѣ живут у вас; и вы б тѣх руских людей оставилі у меня до тѣхъ мѣстъ, какъ у меня государевы люди будутъ. А мнѣ ими не оборонитца ж, всего их человѣк з 20; толко бы слава была, что в моей землѣ по заставам стоят руские люді.—Да вы ж бы оставилі у меня для кречата кречетникова сына да с ним Ивашка человѣка его.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: таковы люди полоняники и казаки у нас есть, а пришли в Филипово говѣйно. А сказались нам, что они были у государя вашего на заставе; и какъ пришла зима, и им не почалі корму даваті. И они де государю вашему о корму били челом; и государь вашь им корму давати не велѣл, а велѣл их роздати по азнауромъ. И они, не похотя жити у азнауров, пришли к нам; и мы ко государю вашему посылалі с ними толмача Ивана Микольева: дѣло государю вашему до тѣх полоняников есть ли? И толмач Иван, пришед, нам сказал, что он ставіл их перед околничим Уманом, и Уман докладывал государя вашего; и государь вашь им отказал, что до них ему дѣла нѣт, куды хотят. И мы их взяли к себѣ и кормили и одевалі по ся мѣста своимъ.—Да то что и говориті: полоняника нигдѣ не держат ни в которых государьствах; а казаки Терские такие ж полоняники. Пришлі к Семену своею волею не на велико время, и Семен их держал полчетверта года силно; и они то послыша, что государь ваш под государя нашего царьскою рукою, да они ж послышалі приходу ко государю вашему великого государя послов,—и они для того ко государю вашему и пришли.—А которые были полоняники во государя нашего землѣ государя вашего,—и государь наш велѣл сыскать всѣх и, их пожаловав и кормъ и лошаді имъ подававъ, отпуститі ко государю вашему с послы его со князем Капланом с товарыщи.—А кречетник Иван Сычов сына своего и людей с собою взял для себя, и нам у него сына и человѣка какъ взяти и оставиті у государя вашего? Да и для того оставити его нелзя, что он у великого государя нашего в службе не бывал и у птиц ему ещо не в обычей, такова дѣла положити нѣ на ково.

И мая въ 2 де к послом ко князю Семену да к діаку Торху пришли посол Сулиман да дьякъ Терсъ. А говорилі от Олександра царя: того есте на себя не взялі, чтоб великиі государь того моего арменина велѣл проводіті в Рим к папе с моими грамотамі через свою землю, и яз того своего арменина з грамоты пошлю к великому го-

сударю с своим послом. Будет государь меня пожалует, веліт того моего арменина послати самого з грамотами; а не пожалует, его самого не пошлет, и он бы его ко мнѣ отпустил, а грамоты мои отослал к папе в Рим с своим полоняником. А полоняников и казаков всѣх возмите с собою, а мнѣ они не надобет. Хоти б полоняников яз сам окупил золотом и стали бы мнѣ нѣ в колко,—и яз бы их отпустил, что то полоняники, держати их силно не пригоже и грѣх.—А как вы будете в Тюменском городе, и вы ко мнѣ пришлите 100 человѣк стрелцов; а в государеве грамоте у меня написано: указ государевъ на Терке у воевод—сколко надобет людей,—и имъ велено мнѣ людей давати.—А кречетникова сына и с человѣком бы есте оставили.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: о арменине есмя говорили с вами, хочет пошлет ко государю нашему, хочет не пошлет,—тоѣ воли с него не снимаем. А что нам приказывал о стрелцѣх,—и мы какъ будем в Тюменском городе, съ государевыми воеводами поговоря, 100 человѣкъ стрелцов ему пришлем; толко бы государь вашъ Олександро царь прислал под них лошеді, на чом имъ поднятис, и их здѣсе велѣл кормити. А кречетникова сына оставити нам не пригоже, положитї такова дѣла не на кого.

И посол Сулиман и диякъ Терсъ ходили к Олександру царю.—И того ж часу пришед от Олександра царя, послом князю Семену да дьяку Торху говорили: преже сего здѣся государевых казаков было пят сот человѣкъ, а лошедей уних не было и тѣ люди пѣши шли же.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: то казак волной, живет на поле, а государево жалованье имъ идет временем, какъ их ко государю служба будет, а не по вся годы; а государевы стрелцы х казаком не применятца, люді государя нашего пожалованые, а гдѣ им велит государь быти на год, и под них и под их рухлядь велит государь давати лошеді с санми и с телѣгами. А ко государю вашему государевы воеводы тѣх государевых стрелцов пошлют, и им какъ без лошедей быті, на чом имъ самим ѣхати и рухледь свою вести?

И посол Сулиман и діакъ Терсъ говорили: тѣ бы государевы стрелцы пришли до государя нашего земли до Соней; а в Сонех имъ государя нашего лошади и кормъ будет готов.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: надобет под них лошади, на чом имъ ис Тюменского города подпятіся; а сколко под них надобет лошадей государю вашему прислати,—и мы да и ты, Сулиман, как будем в Тюменском городе, з государевыми воеводами договорясь, ко государю вашему к Олександру царю приважемъ с тѣми людми, которых тебя пошлет Александро царь провожати.

И посол Сулиман и діакъ Терсъ говорили: государь нашь велѣл вам говорити: люблю вас, что свою душу; а ты мнѣ, князь Семен, что брат. Да толко будет словом меня тѣшите, а дѣло будет станет не на том, что мнѣ говорите,—ино и государеву слову вѣрити нѣчего. Да и кречат мнѣ не надобет, и кречет повезите с собою; да и ничто мнѣ не надобет. И послов своих с вами не посылаю.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: мы говорим слово великого государя своего, а государя нашего слово николи ложно не бывает и не в таковѣ дѣле; того не пригоже государю вашему Александру царю и говориті. А кречатом великий государь пашь государя вашего Александра царя пожаловал своей царские потѣхи,—и Олександро б царь им тѣшился. А в томъ на нас что кручину держит? Велитъ намъ дѣлати, что ко государеву дѣлу не пристоит. Великий государь ему и за самого кречетника не постоит, будет у себя похочет оставитї; да о том бы к великому государю нашему с послом своим с тобою приказал.—А говорили послы князь Семен и дьяк Торхъ про самого кречетника для того: слышали, что самово ево оставитї у себя не хочет.

И маия в 3 день к послом ко князю Семену да к діаку Торху пришел пристав Иван; а говорил от Олександра царя о полоняникех и о казакех и о кречетникове сыне да о его человѣке, чтоб ихъ у Олександра царя оставили.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ приказали с приставом с Иваном к Олександру царю, чтоб прислал к ним о том говориті посла своего Сулимана да дьяка Терса.

И того ж дни к послом ко князю Семену да к діаку Торху Олександро царь Сулимана да дьяка Терса прислал.

И послы князь Семен и діак Торхъ говорили: присылал к нам государь вашь Александро царь пристава Ивана о полоняникѣх и о казакѣх да о кречетникове сыне да о человѣке, чтоб нам их оставити у государя вашего Александра царя. И мы пыне то емлем на себя, полоняников и казаков у государя вашего у Олександра царя оставливаем до тѣх мѣстъ, как имъ государевы воеводы на перемѣну иных людей пришлют. А государь бы вашь Александро царь тѣх полоняников и казаков жаловал, велѣл их кормити, а з голоду их не поморил. А кречетникова сына нам оставитї не мочно; а будет кречату нелзя без государева кречетника быти,—и он бы оставил кречетника самого Ивана Сычова; да о том приказал к великому государю с тобою послом своим Сулиманомъ.

И посол Сулиман да дьякъ Терсъ говорили: Александро цлрь хотѣл кречетникова сына у себя держаті,—и вы его у государя нашего не оставите; и вы б оставили человѣка кречетникова Ивашка.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: к тому великому дѣлу не пригодился и сынъ кречетниковъ; а человѣкъ кречетниковъ страдникъ к такой царской птице и болши не пригодитца. Как намъ, пріѣхав, сказати про такова страдника великому государю своему? А утаити нам про то, а государь свѣдает, то ж нам будет от великого государя опала. Мы говорим вам и не одинова: будет кречату без кречетника быти нелзя,—и Олександро б царь оставил самого кречетника да государю об нем приказал. Великий государь нашь, жалуючи Александра царя, и не за то ему не стоит.

И посол Сулиман да дьякъ Терсъ ходили к Олександру царю. И, пришед от Олександра царя к послом ко князю Семену да к діаку Торху того ж часу, говорили: государю есмя своему Олександру царю ваши рѣчи про полоняников и про казаки и про кречетникова человѣка сказывали. И государь нашь Олександро царь велѣл вам говорити: полоняников и казаков у вас не возму до вашего поѣзду. А до тѣх мѣстъ себѣ помышлю: будет они мнѣ надобет, и яз их у себя оставлю и их пожалую и кормити их велю; а будет не надобет, и яз ихъ с вами отпущю. А кречетников мнѣ человѣкъ не надобет, топерво кречат посажен; а столко у меня знают, какъ его кормити. А се чаю себѣ кречатов и с кречетником от государя вборзе. Писал есми к государю в своей грамоте, чтоб меня пожаловал, прислал кречатов. А что есми к вам преже сего приказывал о арменине своем, и яз его нынѣ ко государю и с ним грамот не посылаю, а прикажю о том бити челом государю послу своему: будет государь велит послати грамоты, и яз пошлю; а будет не велит, и яз не пошлю.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: по государя вашего Олександра царя приказу и мы к великому государю писалі о кречатѣх, и чаем от великого государя ко государю вашему кречатов вборзе; а пожалует государь, пришлет кречатов, и с кречаты и кречетникъ будет. А о арменине своем государь ваш какъ произволит.

Да посол же Сулиман да дьякъ Терсъ говорили: велѣл вам государь нашь Олександро царь говорити тайные свои рѣчи: посылаю к великому государю посла своего Сулимана, что в моем сердце мысли, о чем ему, великому государю, бити челом,—и яз то все кладу в посла своего; и что учнет говорити посол мой,—и то говорит мое серцо, и о чем государю учнет бити челом,—и о том сам яз бью челом. Да и вы б послы, князь Семен и діакъ Торхъ, тоѣ мою мысль и че-

любитье вѣдали ж. А какъ, оже дастъ Богъ, вы и посол мой у государя будет,—и вы б про то государю известили ж. Преж сего отецъ мой Левонтей жил с Шевкаловым отцом в дружбе и в соединенье, не только б меж собя им воеватис, и на недругов стояли вмѣсте; а мнѣ с Шевкалом учинилас недружба потому: сватался за меня Шевкал сестрою своею, и яз у него не женился, а женился есми у брата его двоюродного у Крым-Шевкалского Елим Салтана. И с тѣх мѣстъ учал Шевкал на мою украйну приходити изкрадом и села и деревни жог и людей сѣкъ и в полон имал и в бусурманскую свою вѣру силно приводил. Да того велос много лѣт; а яз то все писал себѣ в книгу, что у меня пожог сел и деревень и сколко людей побил и ранил и в полон поимал. Да чтобы стоял против меня,—и он против меня не стоит; а приходит татбою ночью.—А отца моего Левонтья не стало и после отца своего на государьстве сижю—тому 16 лѣт. И засѣл был мое государьство после отца моего племянникъ мой родной болшого брата моего сынъ Хостров, и азнауры многие были приложили к нему; а яз с ним о государьстве бился. И Богъ мнѣ пособил его побити и самого его на том дѣле и азнауров многих побил и государьством своим учал владѣти. И после того братья мои родные Елмурза да Исай побежали от меня в Кизылбаши и, собрався со многою Кизылбашскою силою, пришли на меня; и яз с ними бился. И Богъ мнѣ ж пособил, кизылбашских многих людей побил; а тѣ братья мои Исай да Елмурза да и третей мой брат, что нынѣ в митрополитех, побѣжали с того бою к зятю моему к Семену. И тѣ мои братья да зят мой Семен с ними и з своими азнауры, собрав на меня Турскую и Кизылбашскую силу болши 60,000, пришли на меня вдругород и хотѣли меня зъ государьства согнати; а со мною было толко с 300 человѣкъ азнауров. И Божьимъ милосердием мнѣ ж над ними верхъ учинился, я ж ихъ побил и братью свою Елмурзу и что ныне митрополит поймал; а поймав Елмурзу посадил в заточенье, а другово, что нынѣ в митрополитех, постриг; а Исай пойман же был, и его не стало в монастырѣ. А силу их побил мало не всю; а у меня на том дѣле убили азнауров трех человѣкъ да 48 человѣкъ живых в полон взяли. А после того и тѣ от Семена от зятя вышли ко мнѣ. И тому дѣлу, что яз вам сказываю, кабы вѣры няти нелзя; и то сдѣлалос не мною, Божьим милосердием. А сказываю вам какъ дѣялос правду по крестьному целованью по своей душѣ; а вед Богу волно в человѣка душу положити и взяти из него. И с тѣх есми мѣстъ укрепился на своем государьстве. А Шевкал таки безпрестани на мою украйну посылает изкрадом ночью. И яз к Шевкалу

посылал посла своего с тѣм: преж сего отецъ мой с отцом твоим жили в дружбе, а ты нынѣ для чего над моим государьством такъ дѣлаеш, татбою приходиш? Будет тебѣ со мною воеватца,—и ты стан со мною на прямое дѣло. А будет похочеш жити в миру, и мы учнем жити меж собя в дружбе, какъ жили отцы наши. И Шевкал ко мнѣ прислал сына своего с послом с моим; а с ними ко мнѣ приказал, что вперед никоторыми дѣлы воевати тебя не хочю, въ том тебѣ заклад сынъ мой, держи его у себя; да и доч свою, а его сестру, к тебѣ пришлю,—и ты у себя ж держи. И Шевкалов сынъ у меня учал жити. А в то пору Шевкал учал на мою украйну приходити татбою пущи старого; а въ сыне мнѣ в его никакие помочи нѣт. И яз себѣ помысля, что мнѣ в сыне его нѣт ничего, и того сына его пожаловал, отпустил к отцу его; а наказал ему: и сестра мнѣ твоя не надобет, живите с отцом своим, помочи мнѣ в вас никакие нѣт. А себѣ есми учал мыслити, что в сѣх странах около моего государьства многие государьства были крестьянские и жили с моим отцом и со мною в соединенье; а Кизылбашской шах хоти и бусурманскіе вѣры, только меж собя жили в дружбе правдою. А нынѣ за грѣх за нашь около моего государьства многие государьства крестьянские Турской царь засѣл; а которые были государьства бусурманские Шевкал и иные,—и тѣ учали голдовати Турскому ж, что вѣра их одна бусурманская. А только одно мое государьство крестьянское осталос, и то хотят бусурманы поглотити. Да что они у меня сел и деревень повоюют, пожгут или людей побьют или поранят,—и то не стол мнѣ досадят, тѣм побитым Бог судил; а то всего пущи, что возмут крестьянина жива и поругаютца крестьянской вѣре, многими муками бусурманят в свою вѣру. И Богъ умилосердился надо мною, видя меня от бусурман в таких напастех, положил въяво в мое сердце: есть де царь крестьянской велик, болши его нѣт, взыщи его, бей ему челом под его руку, тот за тебя может стати от бусурман. И яз по Божью велѣнью взыскал в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р., что такова другово царя крестьянского нѣт ни во всей подсолнычной,—послал есми к нему, государю, людей своих бити челом, чтоб меня пожаловал, принял под свою царьскую руку. И великій государь меня пожаловал, под свою царьскую руку и в оборону от моих недругов принял и грамоту свою жаловалную ко мнѣ с вами с послы своими прислал; та мнѣ грамота с неба упала и держю еѣ у серца своего. О том веселюс, что великій государь в той грамоте ко мнѣ писал. И какъ Шевкалов сынъ к отцу своему прiѣхал и мой приказ ему сказал,—и Шевкал на меня учал силу збирати. И, собрав своих людей и Кумык и всяких

людей 6,000, и в 90 въ 6 году лѣтом пришел Шевкал на мою украйну на горы; и сам стал на горах с 3,000, а 3,000 отпустил з гор в мою землю. И яз послал против его азнауров своих толко с 300 человѣкъ да с ними было всего по одному человѣку; и всего моих людей было с 600 человѣкъ. И Божьею милостью и великого государя счастьем люди мои Шевкалских людей, которые пришли в мою землю, побили всѣх на голову, а сам Шевкал с досталными людми побежал; и головы тѣх побитых людей ко мнѣ привезли. И такъ Божьимъ милосердием и великого государя счастьем учинилос во многие лѣта, меня Шевкал воевал и людей побивал и крал и в полон имал; а толко у меня людей не побил и не поймал, сколко мои люди на том дѣле у него людей побили,—яз то велѣл смѣтити по книгам. А моих азнауров на том дѣле убили толко трех человѣкъ да семи человѣкъ ранили.—И ныне приказал есми с вами государевыми послы говорити о дву дѣлех. Первое дѣло: Шевкалской учнет приходити на мою украйну искрадом войною, села и деревни пожжет и людей побьет и поранит и в полон поемлет, а иногды подастъ Бог помоч мнѣ над Шевкалом; то у нас было и преж сего, мертвым Бог судил. А то мнѣ всего пущи, что возмут крестьянина жива и поругаютца ему, приводят в свою бусурманскую вѣру.—А другое дѣло: писал Шевкалской к Турскому царю, чтоб для бусурманские вѣры за него вступился, прислал свою болшую рать на меня вскоре на сем лѣте наперед государевы рати, чтоб мое государство разорити или в бусурманскую вѣру привести; а не пришлет Турской своей рати сего лѣта, а государева рат придет на него Шевкала наперед Турского рати,—и его землю розорят или в крестьянскую вѣру приведут и за него Шевкала и за его землю за всѣ тѣ души Богу отвѣт дати ему Турскому царю. И вам про то, что и сказывати? Шевкал—бусурман, бусурманского царя и взыскал; а яз по своей крестьянской вѣре крестьянского царя великого государя взыскал. И с вами и с послом своим к нему, государю, приказываю: не пожалует меня великій государь, не пришлет своей рати на Шевкала сего лѣта, а наперед придет на мое государьство рат Турского,—и что учинитца надо мною и над моим государьством какое от бусурман поруганье, кров прольетца и за души Богу кому отвѣт дати? Да избави того Бог, чтоб тому не быти, чтоб обѣма нам перед Богом в своей правде стати чистым. А вперед бы и дѣтем нашим и внучатом и правнучатом и во веки в той же правде стояти. Та государева жаловалная грамота, что ко мнѣ с вами прислал, и запис, на которой яз государю крестъ целовал, меж нами свидѣтел.

И послы князь Семен и діякъ Торхъ говорили: сказывали есте нам, какъ Божьим милосердием государь ваш Олександръ царь после отца своего на государьстве укрепился и какъ Божьим же милосердием и великого государя нашего счастьем Шевкала побил. И царьская власть даетца от Бога. Да государя ж вашего Олександра царя Бог милуючи, вложил в мысль взыскати великого государя нашего и бити челом под его царьскую руку. И государь вашь Олександро царь взыскал великого государя нашего. И государю вашему, Александру царю, над Шевкалом государя нашего счастьем Богъ какову дал помоч, что истари у вас того не бывало. А что к великому государю нашему государь ваш Олександро царь с нами и с послом своим Сулиманом на Шевкала о рати приказывает,—и государя нашего рат на Шевкала будет однолично вскоре. А нас бы отпустил ко государю вборзе; и мы б великому государю о том о всем известили и его бы дѣло дѣлалось.

И мая в 4 де Олександро царь прислал к послом ко князю Семену да к діаку Торху пристава Лома; а велѣл им говорити, чтоб они завтра ѣли у него, а стол у него будет в селѣ в Шилдѣ.

Маия въ 5 де пришел к послом ко князю Семену да к діаку Торху пристав Лом. А говорил: Олександро царь из двора выехал, і вы поѣдте к Олександру царю.—И послы князь Семен и діякъ Торхъ к Олександру царю приѣхалі. И Олександро царь велѣл имъ ѣхати с собою; и ѣдучи им говорил: отпущю вас вскоре.

И послы князь Семен и діякъ Торхъ говорили: нашей докуки тебѣ о отпуске много, а нынѣ тебѣ о том не смѣем и докучати.—Преж сего ты к нам приказал, хотѣл отпустити на третей день на святой недѣле, и мы к тому дни велѣлі быти к себѣ встрѣчю людем своим с лошедми и з запасы в Сонскую землю; и ныне наши люді нас ждут в Сонской землѣ с великою нужею, что им в Сонской землѣ прокормитись не мочно.

И Олександро царь говорил: вы у меня проситесь, а мнѣ надобет к великому государю отпустити вас путем добрым; а до недѣлі всего 4 дни, а в недѣлю вас отпущю. А нынѣ поѣдте со мною да тѣштесь птицами и собаками. То у вас на Москвѣ послов моих запирают на дворѣ, а яз вам даю волю гулять, какъ хотите.

И послы князь Семен и діякъ Торхъ говорили: у великого государя нашего послы твои в запоре не бывалі, волно им было ѣздити, куда хотѣли, толко с приставы для береженья; а без пристава быти было твоим послом нелзя для того, что государя нашего царьство

великое и людей в нем всяких и иных многіх земель много, чтоб ни от кого послом твоим безчесно не учинилось, а государевым бы приказным людем в том ото государя опалы не было. А то тебѣ сказал нѣхто не гораздо, того во государя нашего государьсте не ведетца, что послом и посланником и гонцом в запоре быти.

А в селѣ в Шилдѣ Александро царь у часов послом князю Семену да дьяку Торху говорил: присежают ко мнѣ греки и у меня выманивают жалованье, а здѣшних попов не учат; а здѣшние попы мужики, не знают ничего, да откупаютца посулы и они их не учат.— И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: пригоже такова великого дѣла над попы смотрити митрополиту и архіепископом и епископом и игуменом, как ведетца в государя нашего Росейском царстве.

И после часов Олександро царь говорил: вы меня ни чѣм не потѣшили. Ваша потѣха изпоздала. На Шовкала государь хотѣл дати рат да не дал; и яз нынѣ хочю рать замышляти и доспѣх на себя положити. А для недруга, чтоб недруг мой не смеялся, хочю тѣшитис робячьею игрою, играти мечом.

И послы князь Семен и діакъ Торхъ говорили: государя нашего рат на недруга твоего на Шевкала будет; надежи с великого государя нашего не складывай, оборонит тебя и не от Шевкала. А про Шевкала что много и говорити? А в потѣхе своей ты волен.

И учал Олександро царь да с ним сынъ его царевич Юрьи да зят его Байграм и племянники его и азнауры его лутчие человѣкъ з 20 играти мечом, скачючи на аргамацех; а тѣшился, аргамаки переменяя, часы с три.—И после того прислал к послом ко князю Семену да к діаку Торху, велѣл итти к себѣ в шатер. И за столом говорил: не малое робя яз; и то знаю, что вам видитца играю робячьею игрою. Ждал есми от великого государя надежи,—и надежа изпоздала; и яз сам хочю ратью своею замышляти и против недруга стояти. И в кручине не хочю быти: тѣшюс, приставаю к ратному обычею. А недруг бы мой в кручине меня не видял и мнѣ не посмеялся.

И послы князь Семен и діак Торхъ говорили: великій государь тебя пожалует, рат на Шевкала даст; да и самому тебѣ ратью промышляти надобет, государьство без рати не стоит. А чѣм ты сам тѣшишся; и в своей потѣхе ты волен.

И после стола Олександро царь их отпустил в Крым; а с ними ѣхал пристав Иван.

И мая в 8 день к послом ко князю Семену да к діаку Торху принесли околничей Уман да архимарит Ѳилип двоих наруч по од-

ной наруче, да зерцало булатны, а в них врѣзывано золото с каменьем съ яхонты и с лалы и з жемчюги и з бирюзы.—А говорили от Олександра царя: посылати было мнѣ к великому государю по 50 камок золотных Кизылбашских да по 10 ковров з золотом и с серебром; и государь ко мнѣ в грамоте своей писал: какое узорочье в моем государьстве будет, тѣм ко государю и посылати. И яз бы камок и ковров у себя столко и собрал, и мнѣ показалос послати ко государю то узорочье, что у меня лучилос, камок и ковром лутчи. Вѣдаю сам: чего у него великого государя в его казнѣ нѣт? Толко бы и мое въ его государеве казнѣ именовалося ж.—Да вам же Олександро царь велѣл говорити: у вас обычеи свои, а у меня свои; яз то все вам перекажю, что мнѣ к великому государю послати. Да не токмо то, не скрываю от вас ни жены и дѣтей своих и всего своего дому и всей своей мысли. А вы посла моего держите на Москвѣ, на дворѣ заперши; и вперед бы посол мой в запоре не был.

И послы княз Семен и діак Торхъ говорили: великій государь нашь писал ко государю вашему в своей государеве грамоте, жалуючи государя вашего: будет в его государьстве столко камок и ковров не здобыти,—и государь бы ваш присылал ко государю нашему против того иными узорочьи и аргамаки и кони добрые, что ся въ его государстве лучит; а то узорочье видим къ его государеве казнѣ пригодитца. А про послов его государю вашему нѣхто сказал бездѣльникъ: в государя нашего государьстве того не ведетца, что послов, заперши, держати.

И маия въ 10 день присылалъ Олександро царь по послов по князя Семена да по дьяка Торха да по старца Закхѣю пристава Ивана; а велѣл им быти у себя на дворѣ.

И послы княз Семен и діакъ Торхъ и старец Захѣя к Олександру царю приѣхали; и в полудворѣ встрѣтил их околничей Уман. И какъ послы княз Семен и діакъ Торхъ и старец Захѣя в шатер вошли,—и Олександро царь велѣл имъ сѣсти. И им говорил: нынѣ та пора пришла, что мнѣ вас отпустити к великому государю; и вы поѣдте завтра, Бог вам в пут. А ныне о вечерне пришлю к вам свое жалованье. А с чѣм есми к вам приказных своих людей присылал, а велѣл вам говорити слово свое,—и ныне яз с вами и послы своими то ж к великому государю приказываю и в грамоте своей пишю; и послов своих даю вам в руки, чтоб вам здорово великого государя очи видяти и моих послов перед ним государем поставити. А то вы сами знасте: которой толко государь сам силен и людей у него много и конны и оружны и казны у него много,—и тому хто велит из

своей воли в холопстве быти? Гдѣ то слыхано? А у меня то все есть—и люди и казна, хоти мое государство не велико, а не скудно ничѣм; и в сѣх странах не блюдус никого. Да по своей воле учинился есми под великого государя царьскою рукою и грамоту к нему государю пишю и посылаю с послы своими, какъ есть холоп пишет ко государю своему, что он великіі государь крестьянскої и какъ ко мнѣ писал в своей царьской жаловалной грамоте, так бы и вершил. А чѣм меня пожаловал, прислал ко мнѣ с вами послы своими, и что к нему, государю, посылаю дани,—и то напишю в тоѣ ж свою грамоту. А что преж сего посылал есми ко государю Каплана с товарыщи,—и тѣх столко не стало, какъ им государю о моемъ дѣле бити челом. А государевых посланников Родивона Биркина да Петра Пивова, слышел есми, заняло свое дѣло и они моего челобитья государю не извѣстили ж; потому мое дѣло не здѣлалос. Да в грамоте ж есми в своей писал, чтоб государь меня пожаловал, прислал ко мнѣ к тѣмъ иконником в прибавку два человѣка иконников гораздых же, да кречатов, сколко пожалует, самых лутчих, которыми кречаты государь сам тѣшитца, да и кречатника, которой бы знал, да пушкаря, которой бы стрелят был гораздъ, да пушечного литца гораздово ж. Тѣми мнѣ людми не оборонитца, и у меня литцы и пушкари есть; да для того, чтоб в здѣшних странах была слава, что у меня государевы люди наряд льют и пушкари государевы.

И послы княз Семен и діакъ Торхъ говорили: г. п. ц. и в. к. его царьское величество взял тебя под свою царьскую руку для вѣры крестьянские,—и тебѣ, Олександру царю, такъ и пригоже писат к великому государю в своей грамоте; а о чем ты с нами приказываеш, и мы то великому государю все известим. — А иконников Посника Дермина с товарыщі великіі государь нашь к тебѣ с нами отпустил, а приказ государев нам есть, чтоб ты тѣх иконников отпустил с нами вмѣсте. А будет тебѣ иконники надобет, и ты о иконникех с нами ко государю прикажі бити челом.

И Олександро царь говорил: толко вам не надобеть моя голова и вы о иконникех говорите. Государству моему, какъ вѣра крестьянская учинілась, 1260 лѣт и в тѣ лѣта от пленения иновѣрных многие монастыри и церкві порушились, а яз то ныне хочю все устроити при своем животѣ, какъ было преж сего; и для того яз о иконникех государю посылал бити челом, а государь меня пожаловал, иконников ко мнѣ прислал, и тѣх иконников мнѣ мало. Приказываю вам и послом своим о иконникех в прибавку бити челом, а вы у меня государево жалованье и тѣх иконников отнимаете. І вы не говорите мнѣ

о иконникех, тѣм меня не кручинте.—Да Олександро же царь говорил: а тебѣ великому старцу Захѣе толко Бог велит видят очи святѣйшего патриарха [10]) Иева всеа Русиі, и ты ему от меня бей челом, чтоб меня во святых своіх молитвах воспомінал и за меня великому государю пособствовал, бил челом.

И старец Закхѣя говоріл: оже даст Бог, велит Богъ видеті очи государя нашего царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русиі и отца его и богомолца святейшаго патриарха Иева царьствующаго града Москвы і всея великия Росия, и яз то светейшему патриарху Иеву извещу.... великого государя нашего отца и богомолца святейшаго патріарха Иева с митрополиты и са архиепископы и сь епископы и со всѣмъ освещенным собором должная, что молитї Бога за великого государя нашего царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русиі и за его царицу і великую княгиню Ирину і за все его Росѣйское царство, а за тебя, Александра царя, і за твою царицу і за твоі дѣті і за твое государство во святых своіх молитвах ко Господу подвигъ твоі учиніт же і великому государю за тебя бити челом учнет, что ты царь крестьянской; а они крестьянской вѣре изыскателі и их то дѣло—великого государя за вас крестьянских царей молити.

И Александро царь выслал ис полаты думных всѣх своих людей опрочѣ посла Сулеймана да околничего Умана. А говорил: в сѣх странах около моего государства земли были крестьянскіе—Мигрели и Татьяны; а ныне грѣх ради наших покоріл их по себя Турской царь не на великих временах, и в тѣх землях многіе люді по неволям сталі в бусурманской вѣре. И толко великиі государь вступитца за меня и, послыша тѣ землі государево жалованье, взыщут его ж великого государя и обратятца в крестьянскую вѣру, и ему великому государю от Бога будет мзда велікая; и вам бы то великому государю все известити.

И послы князь Семен и дьяк Торхъ говорілі: мы то все великому государю известим.

И Александро царь отпустил послов князя Семена і діака Торха и старца Закхѣю к себѣ на стан; и того дни Александро царь к послом никого не присылывал.

И назавтрее того прислал Александро царь околничего Умана да діяков Ивана-бека да Терса с своим жалованьем. Да они ж говорили от Олександра царя: велѣл Александро царь ѣхати вам завтра, а послы его Сулиман да Хуршитъ на дороге вас сьѣдут часа того.

---

[10]) Здѣсь обрывается *подлинный* стат. списокъ.

И маия въ 11 день пришли к послом князю Семену да к діяку Торху приставы Иван да Лом. А говорили: Александро царь ныне ѣдет в село въ Елон тѣшитися, а вам велѣл ѣхаті ис Крыму сего ж дни после себя.

И того ж часу к посолскому шатру приѣхал Александро царь с сыномъ своим с царевичем Юрьем и з своими з ближнимі с немногімн людмі; а полкъ свой поставіл, недоѣхав шатра.

И послы князь Семен и діякъ Торхъ, вышед из шатра к вервем, Александру царю били челом на его жалованье, что им прислал с околнічим Уманом с товарыщі.

И Александро царь говоріл: Богъ вам в пут. Поѣдте к великому государю. А послы мои васъ сьѣдут.—И поѣхал от шатра. А полоненикъ и казаковъ и их имян роспись велѣл взяти околничему Уману.

И послы князь Семен и діяк Торхъ тѣх полоненіков и казаков всего 25 человѣкъ пересмотря по списку і список их имян дали Уману; и пятідесятника учинилі у них Еѳрѣмка, был Терской казак.— И пошли послы князь Семен і дьякъ Торхъ ис Крыму тово ж дни; а с ними поѣхалі приставы Иван да Лом.

И маия въ 12 день послом князю Семену да дьяку Торху лучилось ѣхати блиско села Елони, гдѣ Александро царь; и посылалі к Олександру царю толмача Иваниса, чтоб велѣл отпустити послов своих, за тѣм бы имъ не измешкати, да прислал бы роспись, что ко государю посылает дани.

И толмач Иванис, пріѣхав от Олександра царя, сказал, что он послов своих отпустил; а дани ко государю послал с ними двои наручи, да зерцало, что присылал смотрити к ним к посломъ с околничим своим с Уманом, да 9 камок золотных, да аргамак сѣр;—и в грамоте своей написал то имянно.

И ѣхали приставы с послы со князем Семеном да з діаком Торхомъ маия по 14 число; а с 14 числа маия ѣхал с послы Александров царев воевода Михаило Гугоно, а с ним азнауров и всяких служилых людей человѣкъ с четыреста і болши, да Аристовы земли маия по 16 число. А по вестем послал Александро царь того своего воеводу Михаила пословъ князя Семена да діака Торха провожаті для того, что им итті через зятя его Семенову землю; а Семен с Олександром царем в сылке, а ещо промеж имі болшая недружба, и миръ не учинился.

Да в том же числѣ приѣхал к послом ко князю Семену да к діяку Торху Александра царя черкашенин Байграм; а сказался, что был на Терке у государевых воевод, а посылал его провожати Александро царь государева стрелца Мурзу, которого послы князь Семен і

діакъ Торхъ отпустили ко государю з грамотою. И воеводы его держали в Тюменскомъ городе два дни и отпустилі его к Олександру царю да к ним к послом ко князю Семену да к діаку Торху з грамотамі.—И послы князь Семен і діакъ Торхъ тоѣ грамоту, что к ним прислана, взялі.

А маия съ 17-го числа ѣхал с послы Аристов князь; а Александровы послы Сулейман да Хуршит сьѣхали послов маия въ 18 день.

И маия въ 20 день с утра приходіл к послом ко князю Семену да к діаку Торху Аристов князь. А говорил: теперво к нему вѣсть пришла, идет за вамі Семен Александров зять со многими людми от вас не вдалеке, и яз ѣду своей земли оберегаті.—І поѣхал Аристов того ж часу; а послы князь Семен и дьяк Торхъ пошли в горы без спровожатых.

А в горах маия въ 27 день приходіли на послов на князя Семена да на дьяка на Торха напослѣдние люді горніе люді Колканцы і стрелца былі Найденка взяли и лошед под ним убили; и послы князь Семен і діяк Торхъ, поворотясь, тѣх Калканцов побилі и стрелца у них отняли.

А маия в 28 день, как послы из гор вышли, пріѣзжал к ним Алкас князь; а говоріл, что онъ пріѣхал их встрѣтіті, и они б государю службу его ізвестили. Да он же говорил о своих узденех, чтоб узденей его ис Тюменского города Янука с товарыщі трех человѣкъ отпустилі.—І поѣхал Алкас князь от послов того ж дни.

А послы князь Семен і діяк Торх пришли на Суншу ко государеву острогу маия в 31 день. А в Тюменской город пришли июня въ 4 день. И воеводы князь Ондрѣй Хворостинін с товарыщі отпустілі Алкасовых узденей Янука да Алпшу; а третьево узденя Асланбѣка не отпустілі для того, что Алкас князь для государева дѣла в Тюменской город к ним не бывал. И приказалі к Олкасу, чтоб Алкас князь самъ в Тюменской город для государева дѣла пріѣзжал, как иные горские князі, и оні узденя его ему отдадут.

И г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р., слушав посолского списка, приговоріл: послаті встрѣчю грузинских послов и велѣти б имъ ѣхаті спѣшно, чтоб грузинскимъ послом быти у него, государя, при литовских послѣх.

И по государеву указу послан встрѣчю грузинских послов Верига Давыдовъ.

(*Русскіе послы изъ Казани были отпущены въ Москву „напередъ“*).

13. 1590—1591 гг. Посольство изъ Грузіи кн. Сулеймана и Хуршита.

(Грузинскія: а) стат. спис. № I. лл. 383 об.—427; № 2 лл. 1—12 об., и б) дѣла д. 1590 г. сент. 21—мая 1591 г.).

(Лѣта 7099-го) ноября въ 30 день иверские послы Сулемень да Хуршетъ к Москве пріѣхалі, а поставлены на Ильинскомъ хресцѣ на дворѣ Наугородцкого митрополита. А встречали их по г. ц. и в. к. указу за новымъ царевым каменымъ городомъ Семен Романов сынъ Олѳерьев, а с нимъ дворян из городовъ і детей боярскихъ 100 человѣкъ; а сапникъ с саними посылан з государевы конюшни от конюшего и боярина от Бориса Ѳедоровича Годунова.... *Встрѣтить велѣно было* за городомъ за Яускимъ мостомъ.... и молыть рѣчь.... А изговоря рѣчь, ѣхати с ними в город в царевъ на коневую площадку да в Ильинские ворота да на дворъ митрополита Наугородцкого...

И декабря въ 13 день г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. велѣл иверскимъ посломъ Сулемену да Хуршиту быті у себя государя на дворѣ; а в то время былі у государя на дворѣ литовские послы Станиславъ Радиминской с товарыщи.

И того дни грузинские послы у государя были, а посылан по них пристав Семен Романов сынъ Олѳерьев.—А, пріѣхав, послы вышли из саней у Посолские Полаты и были в Посолской Полате, покамѣста были у государя литовские послы. А как литовские послы пошли от государя в Отвѣтную Полату,—и г. ц. и в. к. велѣл грузинским послом итті к себѣ ко государю. А сидѣл г. ц. и в. к. в середней в Подписной в Золотой Полате; а при государе были бояре и дворяне и в сѣнех проходные Полаты и по крылцу дворяне и дѣті боярские и приказные люди в золотном платье.—И шли послы ко государю ис Посолские Полаты мимо Архангил папертью да вверхъ середнею лѣсницею; а передъ ними несли ко государю от Олександра царя поминки.... Явил пословъ государю челом удариті казначѣй Деменша Ивановичь Черемисинов.... Послы, быв у руки, правили государю от Олександра царя челобитье толмачем; а толмачилъ Кучюк Бакшѣй Устокасымов. *Посль вопроса и отвѣта о здоровьѣ царя Александра* Сулемен подал Олександра царя грамоту. И по государеву приказу грамоту принял посолской діак Ондрѣй Щелкалов.—А после того говорили государю от Олександра царя послы рѣчь. А молыл Сулемень: в г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и м. г. г. и облададатель! Государь нашъ Александро царь тебѣ, великому государю, ве-

лѣл говориті: прісылал еси, государь, ко мнѣ к подданому своему послов своих князя Семена Звенигородцкого да дьяка Торха Онтонова с своею милостивною грамотою; а яз вашу милостивную грамоту принялъ радостно и на вашем великого государя жалованье много челом бью и хочю быти под твоею царьскою рукою со всѣми братьями и з детми и с племянники и со всею Иверскою землею грузинского царства и дань к тебѣ ко государю учну присылаті, как ты, государь, повелишь. Да бью челом тебѣ, государю, со всею своею землею, чтоб ты, государь, нас пожаловал, от недругов наших от Шевкалского князя обороніті велѣл; а мы со всею землею и по свою смерть от тебя, государя, отстаті не хотим —И как послы изговорили рѣчь,— и казначѣй Деменша Ивановичь Черемисинов являл государю от Олександра царя поминки по розписи.... И г. ц. и в. к. велѣл діаку Ондрѣю Щелкалову сказати посломъ в стола мѣсто кормъ.... И велѣл государь приставу с послы ѣхаті на подворье. А с столом к послом послан переводчикъ Степан Степанов.

А се таковy грамоту прислал ко государю грузинской Александръ царь:

Перевод з грамоты Александра царя Иверского ко г. ц. и в. к Ѳ. И. в. Р. с послы его с Сулейманом князем да с Хуршитомъ 99-го году декабря въ 13 день.

Высочайшему величеству і великостолнейшему превысочайших стран великих государей государствъ облаадателю, благородному и справедливому вселенскому содержателю, над государи превысочайшему, великому и счастливому государю, справедливостию светящюся, сущему государю соборне ото всѣх нареченному, началнику знаменитому, многообразными данми по многу изобилуя, звездочисленно войско имѣя, всего свѣта потпора, всѣм государем сладость влагая, крестьянскую вѣру прославляющему і всѣмъ крестьяном надеже и заступнику и по таким твоим дѣломъ надѣемся Богу стражю тебѣ быти, да и паки направит Богъ обычаи твои,—и так молитвуем и молим, дабы Богъ приклонил свое милосердіе к нашим молбам, чтобы ваше величество и счастье Богъ просветил, аки солнечный лучь, и всѣ бы враги ваши покорил под ноги ваши,—вашему царскому величеству, в. г. ц. Ѳ. И. в. Р. с. недостойно и с покорением и со унпчижением Александръ челом бьет. Пожаловалі есте вы, великій государь, наши недостатки, прислалі есте к нам своего царского величества милосердую грамоту; и с тою вашего царского величества милостивною грамотою за вашею царскою золотою печатью ваш чеснѣйший посол князь Семен да діякъ Торхъ с своими товарыщи и с учителными люд-

ми до нас здорово дошли. И мы, видя такую вашю милостивую грамоту и ваше великое жалованье к себѣ, добрѣ возрадовалися; и вперед у милосердого Бога чаемое наше то, что вы, великій государь, наших недостатков своим милосердием не оскудіте. І ныне к вашему царскому величеству послали есмя с челобитною своего великого и ближнего человѣка Сулеймана князя, а он у нас человѣкъ честной и ближней; а с нимъ Хуршитъ-агу. Да с ними ж вашего царского величества честнѣйших ваших ног праху от своих недостатков послали есмя поминки; и нѣчто Богъ донесет до ваших пресветлѣйших царских очей, и вам бы по своему милосердому обычаю на наші недостатки не помолвити. І от своей милости похотите про наше недостоинство провѣдати,—и нам чинитца теснота от горских людей: приходят они в нашу землю украдом инолды в день, инолды ночью, и наших людей побивают і в полон емлют; и доколе до нас вѣсть дойдет, а они украдом вскоре повоевав бѣгают. А мы за ними в погоню посылаем людей рѣзвых удалых молотцов копейщиков и из луков стрелцов; и они бѣгают в горы, а горы высокие не пременитые и жілища у них искони под тѣми горами в щелях. И ныне нашъ недостаток, приподая к вашим чеснѣйшим ногам, молим и просим, чтоб вам нашу отпадшую голову от перси возняти и крестьянству милость показати и от тѣх велѣти нас обороніті. А от Терского города дорога на них гладка и травна і водена і войску на них тою дорогою ходіти прохладно и всякой поиск над ними мочно учиніті. А с лѣтошними послы ждалі есмя и ждедалі указу, и от вашего царского величества указ не пришол; и вам бы для сотворшего Бога пожаловать с нынешми нашего недостатку послы подлинной свой указ учинити и рат своя на них послати и нам пособствовати и от тѣх злодѣев нас велѣті обороніті. Государь еси великій, милостивыі! Толко так велите учиніті, і вам будет великая прибыль; а нашего недостатку покамѣста будет душа в тѣле, и мы за вас будем Бога молиті и вам служити. І вашему величеству свыше того дерзко учинити не смѣли. И как будут послы наши у ваших честных ног праху, и о всѣх наших дѣлех вашему величеству от нас они будут биті челом. Да и послов бы наших пожаловаті вам, велѣти, не издержав, вскоре к нам отпустити. А что есте пожаловали, послали ко мнѣ кречаты,—и ис тѣх кречетов один кречат до нашего недостатку дошел, а то всѣ померли; и вам бы пожаловаті ныне прислати к нам кречатов ловлю і диких. Да здѣсь от тысечи лѣт которые храмы запустѣлі и подпис в ніх попортилась; а которых есте иконников прислалі, и они сказывают, что их столко не будет, что им то починити. И вам бы пожа-

ловати, прислаті трех иконников гораздых; да пушечново мастера литца, чтоб пушку умѣл слить и стреляті. Учинив милостивно, тѣм бы есте пожаловали.

Грузинскіе послы поднесли „поминкі“ *царю, патріарху, Годунову и дьяку Щелкалову.*

Поминки ко г. ц. и в. к. Ѳ. И. от грузинского Александра царя: наручи булатные, навожены золотом, сь яхонты и з' бирюзою; пуп щитовой, навоженъ золотом, сь яхонты ж и з бирюзами; камка кизылбашская с круги на золоте и на серебрѣ и с розными шолки, на ней люди на конех; камка кизылбашская на черной землѣ, на ней люди; камка золотная с травками с мѣлкими; обьяри зелены з золотом, полосаты, полосы надошваны зеленым шолком; обьяри червчаты з золотом на одно лицо; камка кизылбашская на лазоревой землѣ, на оба лица, на ней павы, шолкъ сколтъ; камка кизылбашская на вишневой землѣ, на ней люди; камка кизылбашская полосата, по полосам сло... арабские; обьяри бѣлы.—Да послы грузинские от себя государю челом ударил — болшой посол Сулеймен: обьяри червчаты, дороги червчаты; другой посол Куршитъ: камка двоелична клѣтчата, дороги желты.

Патріярху Иеву от Александра царя поминки: бархатъ золотной, на таусинноі землѣ кругі болшіе; бархатъ червчатъ гладкой; камка на червчатой землѣ, на ней травки с лазоревым шолком да люді на оба лица; камка кизылбашская полосата с рознымі шолкі, на ней слова арапские; обьяри лазоревы; отлас гладкой лазорев; 3 дороги есские червчаты, черны зелены.

Патриярху же от царицы Александра царя поминки: бархатъ на червчатой землѣ з золотом да с серебром; камка кизылбашская на лазоревой землѣ жол...; обьяри дымчаты; отлас желтъ гладкой; отлас зеленъ гладкой; дороги алы; двои дороги полосатые; кушак полосатой шолкъ.

Марта ж въ 7 день г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. велѣл иверским послом быти в Посолской полате у діяков у Ондрѣя Щелкалова да у Посника Дмитреева и сказати имъ государево жалованье ко государю их, Александру царю, что, по прошенью Александра царя, государь пожаловал, на Шевкала князя рать свою посылает; да и про то их роспросити: сколко Александровы рати будет на Шевкала?

И того дни в Посолской Полате у дьяковъ иверские послы Сулемен да Куршит были; а посылан по нихъ пристав их Семен Олѳерьевъ. А приѣхав послы на площад, высели послы из саней у Посолские Полаты; а в то время пе́ред Посолскою Полатою были стрел-

цы в чистом платье, а в сѣнех и в полате были дѣти боярские и приказные люди подьячие в чистомъ платье. А как послы вошли в Полату,—и діаки против их встали и спрашивали их о здоровье и велѣли им сѣсти.—А посидѣв немного, говорили: Сулеман и Хуршит! Пришли есте к. в. г. нашему ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу къ его царскому величеству от государя своего от Александра царя бити челом, чтоб великіі государь нашь его царское величество Александра царя принял во оборон под свою царскую руку и на Шевкала князя велѣл послати рать свою и иконописцы и пушечные литцы и кречеты велѣлъ послати. И шурин его царского величества боярин и намѣстникъ Казанской і Астараханской Борис Федорович о тѣхъ о всѣх дѣлех Олександрово царево челобитье доносіл і бил челом.—И в. г. нашъ ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ за печалованьемъ и челобитьем шурина своего конюшего боярина и намѣсника Казанского и Астараханского Бориса Ѳедоровича государя их Александра царя пожаловал, рать свою с ними на Шевкала князя посылает и по его челобитью кречеты с ними и иконописцов послати велѣл; а пушечные литцы топере в далнем мѣсте во Пскове и вскоре им сюды поспѣти не мочно. А как, оже дастъ Богъ, вперед в Іверскую землю дорога очиститца на Шевкала,—і царьское величество Александру царю велит дати наряду и готового из Астарахани.

И иверские послы на государеве жалованье и на печалованье конюшего и боярина Бориса Ѳедоровича біл челом.

И діаки Ондрѣй и Посник иверских послов спрашивалі: как с ними государева рать будет на Терку и на Шевкала пойдет,—и от государевы рати вѣсть к Александру царю с Теркі как поспѣть мочно в колко ден? И от Александра царя как рати его мочно на Шевкала поспѣть в то время ко государеве рати?—И послы говорили, что с Терки вѣсть к Александру царю будет въ 15 ден, а отъ Александра царя мочно рати поспѣти на Шевкала в мѣсяцъ; а рати у Александра царя зберетца до 40,000.—И діаки спрашивали: сколко Александръ царь рати своей пошлет на Шевкала со государевою ратью? И послы говорили: вѣдает Богъ да государь. Государь б их пожаловал Александра царя, послал рать на Шевкала; а того с нами Александръ царь не наказал: сколко рати пошлет на Шевкала.—И діаки Ондрѣй и Посник сказали, что рѣчи их донесутъ царского величества шурина до Бориса Федоровича. И, розпрося, отпустили ихъ на подворье.

Апрѣль въ 12 день иверские послы приказывали с приставом с Матѳѣем с Проестевым, чтоб святѣйшей Иев патріархъ всеа великіе Росіи, царского величества шурін и кон. бояр. и воев. двор. и нам.

Каз. и Аст. Б. Ѳ. Годунов велѣл быть им у себя; а с ними к святейшему патріарху Иеву и х конюшему бояріну к Борису Ѳедоровичю от Олександра грамоты и рѣчью о великих дѣлех приказ.—И конюшей боярін Борис Ѳедоровіч Годунов докладывал о том государя. И г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. иверским посломъ у святейшего Иева патріарха и у конюшего бояріна у Боріса Ѳедоровича Годунова на дворѣ быти велѣл и их выслушаті, что с німі от Олександра царя приказ.

И апрѣля въ 19 день в понедѣльникъ по г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. указу иверские послы Сюлейман да Хуршит у патриярха Иева были; а посылан по них пристав ихъ Семен Олѳерьев да переводчикъ Степан Степанов. А как пріѣхали послы в город, и ссѣли с лошадей у Посолской Полаты и шли от Посолские Полаты в соборную церков пречистые Богородицы пѣши; а, пришед въ церковь, прикладывались у образов и к чюдотворцомъ к Петру и к Ионѣ, а протопопъ Пречистенской и свещенники в то время пѣли молебен в саженых різах. А от пречистые Богородицы шли послы на патріаршъ двор. А патриархъ в то время сидѣл в Столовой в болшой полате на своемъ мѣстѣ. А при нем сидѣли по обе стороны в лавках митрополит Ростовской Варлам, да Крутіцкой митрополит Галасѣя, да архіепископы и епископы и архимариты и игумены и соборные старцы, которые в то время были на Москвѣ для собору. А патріаршъ боярінъ и дворецкой и дьяки и дѣти боярские сверсные были в полате при патріархе і в сѣнехъ и по крылцу; патріарші дети боярские былі в чистом платье. И как послы взошли на лѣсницу, и ис сѣней столовыхъ на рундукѣ встрѣчалі послов патриярши дѣті боярские; а другая встрѣча была посломъ в столовыхъ сѣнехъ и ис Столовые полаты на рундукѣ, а встрѣчалі послов патріярши діяки.

А какъ вошли в полату к патриярху, и явіл іх челом ударити патріяршъ дворецкой Савіл Плещѣевъ; а молыл: великіі господинъ светейшіі патріархъ Иевъ Московскіі и всея великия Росия! Іверские землі грузинского Александра царя послы Сюлемен да Хуршіт тебѣ челомъ ударилі. И патріархъ послов звал к благословлению. И послы Сюлейман да Хуршитъ, быв у благословления, правили патріярху от царя Александра поклон, а от царицы и от митрополита челобитье; а молылі: тебѣ святейшему патриярху Иеву Московскому і всея Русиі іверской царь Александръ велѣл поклонітіс.—И патріярхъ послов спросил о цареве здоровье встав; а молыл: Александра царя как Богъ милует? И послы сказали: как мы поѣхали от государя своего Александра царя, і государь нашъ, дал Богъ, в добром

здоровье.—Да подали патріарху грамоту. И грамоту принел патріаршъ діякъ Іван Шеборшин.—А после того правилі послы от Александровы царицы патріарху челобитье; а молылі: тебѣ святѣйшему патріарху Иеву Московскому і всея Русиі иверсково Александра царя царица велѣла челом ударит. И патриярхъ спросил о царицыне здоровье.—И после того правилі патриярху от Иверсково митрополіта челобитье; а молылі: тебѣ святѣйшему патриярху Иеву государя нашего царя Александра брат Иверской митрополит Миколос Бога молит и челом бьет. И патриярхъ спросил о митрополите: как его Богъ милует і во спасенье ль пребывает? И послы сказали: как онѣ поѣхали, а он здорово. Да подали патріарху от митрополита грамоту.

А как послы справили патриярху от царя поклон, а от царицы и от митрополита челобітье, а патриярхъ в тѣ поры стоял. И после того говорилі патриярху послы рѣч: слух дошел государя нашего царя Александра, что у в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. въ его государстве на Москвѣ учинился патриярхъ. И государь нашъ царь Александръ тому добрѣ возрадовался и послал нас своих послов к великому государю бити челом, припатчи къ его царьскимъ ногамъ и принявся за его царьские полы. Также государь нашъ, требуючи от тебя благословенья, наказалъ нам очи твои видети и про твое здравие провѣдати; а велѣл тебѣ бити челом, чтоб ты, святѣйшиі патриярхъ, великому государю об нем печаловался, чтоб великиі государь, благочестивый царь, государя нашего Александра царя пожаловал, держал под своею царьскою рукою и от недругов его велѣл обороняти.—И патриярхъ Иев говорил: вѣдомо мнѣ от в. г. н. благочестиваго ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. от шюрина от к. б. и н. К. и А. от Б. Ѳ. Годунова, что государь вашъ царь Александръ бил челом в. г. н. благочестивому царю и учинілся под ево царьскою рукою; а в. г. н. благ. ц. и в. к. государя вашего Александра царя челобитье принял и хочет его держатї пот своею царьскою рукою.—А впередъ, *оже* дастъ Богъ, посовѣтовав с в. г. н. с шюрином с к. б. и с н. К. и А. з Б. Ѳ. и со всѣмъ вселенскимъ собором, в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. раді моліт и просіт у государя, чтоб великиі государь государя вашего челобитья не презрѣл и для нашего моления и челобитья государя вашего Александра царя жаловал, держал пот своею царьскою рукою и от недругов его оборонити велѣлъ.

И послы на том патріярху билі челом.

И патриярхъ велѣл послом сѣсти на скамьѣ протів себя; а скамья была у столпа полатного. И, посидѣв мало, благословлял патриярхъ послов образы да жаловал послов соболми; а являл патріаршъ діякъ

казенной Юрій Мухін. А после того патріархъ, встав, приказал ко царю Александру и царице и мітрополіту Миколосу благословенье; а молыл: Сулейман, Хуршит! Какъ будете у государя своего у царя Александра, і вы от меня царю Александру и его царице скажите благословление; и митрополиту Миколосу от меня молитва и благословенье, чтоб нас в молитвах своих не забывал. И, благословя, послов отпустіл; а провожалі послов тѣ же, которые встрічалі.

И того же дни иверские послы, быв у патріарха Иева, былі у в. б. и н. К. и А. у Б. Ѳ. Годунова; а шли от патріарха к Борисову двору Ѳедоровича позади церкві пречистые Богородицы.

....*Послы, придя къ Годунову, ударили ему челомъ.* И конюшей боярин Борис Ѳедорович звал пословъ корошеватца. А после того иверские послы правилі Борису Федоровичю от Александра царя челобитье.... Да говорил болшой посол Сулейман Борису Федоровичю рѣчь. А молыл: в. г. ц. и в. к. Ф. И. в. Р. самодержца его царского величества шурину тебѣ, к. б. и н. К. и А. Б. Ѳ., государь нашь Александръ царь велѣл говорити: наперед сего посылали есмя к в. г. ц. и в. к. Ф. И. в. Р. самодержцу послов своих князя Каплана да Хуршита біті челомъ о своих дѣлех, что мы учинилися под его царскою рукою и приклонилися есмя къ его царского величества ногам, чтоб великиі г. ц. и в. к. Ф. И. в. Р. меня и мою землю держал в своем жалованье под своею царскою рукою и от недругов наших нас велѣл обороніть; а к твоему величеству о том с тѣми своими послы писали есмя и словом біті челом приказывали, чтоб ты наше челобитье до царского величества донес. И послы наши, пріѣхав к намъ, сказывали про твою к нам великую любовь добродѣйство. И ныне наказалі есмя послом своимъ припасті к твоим чесным ногам и, принявся за полу, біті челом, чтоб ты до великого государя его царского величества наше челобитье донес и об нас білъ челом и молил и просил, чтоб великий государь пожаловал, велѣл нас обороніті от нашего недруга, обороніті от Шевкала.

Да подали послы от Александра царя грамоту. И Борис Федорович, грамоту приняв, велѣл послом сѣсти в болшой лавке меж вокон; и подавал послом вина и меды красные в кубках. Да велѣл имъ явити свое жалованье поминки....

А после того конюшей боярин Борис Федорович велѣл из комнаты приставу и своим и посолским людем выти в переднюю избу; а велѣл остатіся с послы одному переводчику Кучюку-Бакшею Устакасымову. И спрашивал послов: ест-ли с нимі от Олександра царя которой иной приказ?

И послы говорили: государь нашъ Александръ царь во всемъ надежу держитъ на тебя о своих дѣлех и держит тебя себѣ ближнимъ пріятелем и братом; а велѣл намъ тебѣ бити челом, чтоб ты за него великому государю бил челом и умолил государя, чтоб государь милость показал, не для его челобитья—для христьянства, за них вступился и его недругом иновѣрцом не подал.

И конюшей боярин Борис Федорович послом говорил: рѣчи есми ваши всѣ выслушал; и великому государю нашему его царскому величеству яз о том однолично буду бити челом и, припадчи къ его царским ногам, учну молити. А государь нашъ в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с., милостивыі і крестьянскиі государь, государя вашего, Александра царя, хочет держаті в своем царском жалованье не токмо подданным, кабы своимъ прироженным, и за него стояті. И ныне государь нашъ по прошенью и по челобитью Александра царя на его недруга на Шевкала посылает рат свою; а велѣл государь нашъ Шевкала воеват любо его розориті или под свою царскую руку привесть. А то вам яз ныне сказываю рѣчью; а, оже дастъ Богъ, сами увидите, как то будет дѣлом. А и наперед сего государь нашъ в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. по прошенью и по челобитью Александра царя на Шевкала послал был рат свою многую, да то не сталос для того: у великого государя нашего служит Крымского царя сынъ Мурат-Кирѣй царевичь; а у Шевкала он женился, понел дочь его. И тот Мурат-Кирѣй царевичь тогды бил челом великому государю нашему, чтоб государь нашъ на Шевкала рати своей посылати не велѣл; а тот миньян Шевкалов царевичь взял на себя, что его привестї под государя нашего царскую руку во всю государьскую волю. И потому тогды государь нашъ на Шевкала рати своей и не послал, чая от него исправленья без кровопролитья. А ныне государь нашъ его царское величество на Шевкала однолично рат свою посылает. Инако государя нашего царское слово не живет.

И посол Хуршитъ говорил: Мурат-Кирѣй царевичь то, умысля, государю бил челом для того, чтоб в то время турские люди засѣли дорогу Терскую и Шевкалу бы утвердитца.

И конюшей боярин Борис Федорович говорил: государю нашему Турской не страшенъ. И сами вѣдаете—каков великий счасливый государь нашъ, Божиею милостию, великиі счасливый государь. И всѣ великие государи крестьянские, цесар Римской и корол Ишпанской и корол Ѳранцовской и Литовской король и иные великие государи всѣ учинилися в государя нашего воле и в соединенье; а иные государи учинилися под государя нашего царскою рукою. И Турскому одному что учинить?

И послы говорили: а государь нашъ Александръ царь и мы всѣ о том Бога молим, чтоб Господь Богъ государево счастье возвысил и всѣ враги его покорены были под ноги его.—Да послы ж говорили: слух государя нашего дошел, что Өранцовской корол учинился с великим государем его царским величеством в дружбе и в его царской воле. И государь нашъ со всею землею о томъ возрадовался і велѣл тебѣ, царского величества шурину и ближнему боярину, бити челом, чтоб великий государь приказал ко Өранцовскому королю, чтоб он с своей стороны Турскую землю воевал. И толко Өранцовской Турского землю учнет воевати,—и у Турского поход на нашу сторону порушитца и людей посылати не учнетъ.

И конюшей боярин Борис Өедорович послом говорил: то вы говорите правду. Өранцовской корол и иные всѣ крестьянские государи учинилися в государя нашего воле; и что государь нашъ ни прикажет,—и они такъ и учинят. И о том, аж дастъ Богъ, государю нашему его царскому величеству ваше челобитье извещу; а государь милостив, Александрова царева прошенья не оставит.

И послы били челом об отпуске, чтоб государь пожаловал, велѣл ихъ отпустити вскоре: дорога далная, чтоб имъ не исподзати.

И конюшей боярин Борис Өедорович посломъ сказал, что им от государя отпускъ будет часа того; и на отпуске государские очи і жалованье к себѣ увидят, какъ их государь отпустить с милостью.

Вставъ Борис Федорович приказал с послы к Олександру царю челобитье; а молыл: какъ будете у своего государя у Александра царя, и вы ему от меня исправте челобитье.—И отпустил их на подворье. А ѣсти послов Борис Өедорович не звал; а посылал к ним с полным столом съ ѣствою и с питьемъ.

А се перевод з грамоты Иверского Александра царя к святѣйшему патриярху Иеву Московскому и всеа Русиі.

Пресвятѣйшему патриярху великия Росиі нашему государю и владыке святому и Богом дарованному і всѣм превозвышенному дѣйствомъ и именованіем. Молим Бога да здравствует святителство твое на многие лѣта во укреплениі і в достояниі церковномъ Господа нашего Иса Христа по подобию миру христьянскому и нам на веселие и на радость душевную. А мы твоими святыми молитвамі живы по сѣ часы. І вѣдай, святительство твое, что которые еси образы к нам прислал съ послы с царскими со князем Семеном да з дяком с Торхом, и мы их приняли, аки Моисѣй принял богописанный закон; и на том много благодарю святительству твоему. Посемъ, святый владыко, извѣщаем вам сею грамотою, что здѣс блиско имѣем земли

своей недругов невѣрных и приходят татем да нас воюют и пленят мѣста наші православных хрестьян и творят многие слезы и кручины намъ; а мы с нимі не можем битісь, что они живут в крѣпких мѣстех въ горах и наши лошади не могут ходить по их мѣстом. А которые живут по полем Кизылбаши и Турчане, и мы помощію Божію и твоими святыми молитвами побиваем их. И о сем молим святителству твоему, да упросишь у многолѣтного царя, дабы послал к нам помощь и освободил крестьян от плененія, яко древле царь Костянтинъ освободил род крестьянскиі от прелщенія идолского, брат брату помогал и рука рукѣ способствовала, потом и в дѣло происходило. И о сем молим святей твоей душѣ, да сотворит намъ милость пред царем и пошлет нам помощь от руки своея для православных хрестьян. А иное слышели и видели сами царские послы князь Семен и дьякъ Торхъ, и будут извещаті святітелству твоему.—А которых священников и старцов присылали есте к нам, и мы их приняли аки ангилов Божиих и почтили их по своей силе и звали их пѣти литоргѣи; и онѣ не похотѣли не вѣдомо для чего. А мы надѣемся на Христа, что есмя хрестьяне крещеные, якоже прияхом вѣру и хрещеніе от грек в лѣте 1262-м году. А здѣс были патриярхи и митрополиты Святогорцы и Синайцы и Ерусалимцы, и тѣ у нас литоргѣю служили, какъ есть одновѣрцы с нами; а ваши священники и старцы не похотѣли певѣдомо за что.—Посем буди твоя святая молитва на нас. И послахом к тебѣ для певеликие паметі два бархата золотные, да бархатъ червчатой, да отлас, да камку, да дорогі, да отлас голуб, да двои дороги полосатые; да послала царица к святителству твоему бархат, да камку, да 2 отласа, да обьяри, да четверы дороги,—всего осмпадцат.

Перевод з грамоты Иверского архиепископа Николая.

Николай, милостию Божию, архиепискуп и патриярхъ всея Іверия пресвятѣйшему патріярху великия Росиі, брату и сослужебнику нашего смирения, святѣйшему Богом дарованному и Богом избранному і всем превозвышенному дѣйством и именованьемъ. Здравствуі, святителство твое, в долготу дней над стадом своим в веселиі и в любви духовнеі. И яз здравствую твоими святымі молитвами. И прияхом, святый владыко, образ, что еси ко мнѣ прислал, и благодарю святителству твоему; да заплатіт Богъ спасенія любви твоей, а мы смирением своимъ недостойни отслужить святителству твоему. И посылаю тебѣ лошад добрую; и ты прими за невелико и помолис за нас и за нашего брата и за все хрестьянство Божие. А которые священницы пришли к нам, и не похотѣли с нами служиті литоргѣи Божии не

вѣдамо за что; а мы хрестьяне изначаля и с нами служат всѣ гречане патриярши и митрополы Святогорцы и Синайцы и Ерусалимцы, всѣ служебники и одновѣрцы наши. И для того пишу святителству твоему, да будет ти извѣсно дѣло се. Посем буди твоя святая молитва на нас.

А се перевод з грамоты Александра царя Иверского х конюшему боярину к Борису Ѳедоровичю Годунову с послы ево с Сюлеймановъ да с Хуршитом.

Великостолнейшего превысочайшихъ стран великих государей государству облададателя благородного и справедливаго великого государя самодержца его царского величества шурину конюшему боярину Борису Ѳедоровичю с любовью поклон. И толко, ваше величество про нас спросите, и мы в великих кручинахъ и скорбях пребываемъ; и какова наша скорбь развѣе Бога нихто не вѣдает, и надежу держимъ и утешаемся упованиемъ на всемогущаго Бога. Богъ что восхощетъ, то и сотворит. Хто может судбы Божия иноко учиниті? А въ скорбяхъ терпѣнье—спасенѣе. А ныне есмя послали бити челом с своею челобитною и просити милості у великого государя вернеишего своего великого и ближнего человѣка Сюлеймана князя да с нимъ Хуршит-агу; а с ними вмѣсте отпустилі государева величества посла князя Семена с товарыщи. Да и к вашему величеству послалі есмя с послы своимі грамоту и велѣли вашему величеству бити челомъ и про свою скорбь известити, что намъ чинитца теснота от горских людей. ...(*дальше тоже, что въ граматѣ къ царю*)....—велѣлъ нас оборонити, чтоб однолично государю ныне нас пожаловати, рат свою на недруга нашего ныпе послати; и послов бы наших, не задержав, к нам отпустил. А мы уповаемъ и надежу держимъ на всемогущего Бога да на его великого государя милость. И толко государь пожалует и похочет послати на недруга нашего па Шевкала рать свою,— и от Терского города дорога на нихъ гладка и травпа и водена и войску на нихъ тою дорогою ходить прохладно и всякой поискъ над нимі учиниті мочно. А толко и ныне государь на недруга нашего рати своей не пошлетъ и нас от него не оборонит, и нам вперед государеву величеству о том бить челом и докучать не смѣть. Да нашъ недостадок государеву величеству челом бьем и просимъ, чтоб государево величество прислал к нам пушечново литца, чтоб умѣлъ пушку слит і стрелят; да трех иконописцов гораздыхъ. А о которых об ыных дѣлехъ велѣли есмя посломъ своим вашему величеству бити челом рѣчью,—и вы б пожаловали, рѣчи их выслушалі и их вскоре назад к нам отпустили. Чтоб вашему величеству счастьем многолѣтствовати.

Апрѣля въ 18 день г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. приговорил з бояры: иверскихъ послов Сулеймана да Хуршита отпустити, а с нимъ вмѣсте к Олександру царю послати Василья Плещѣева да подъячего Тимофѣя Кудрина. И отписати к Олександру царю, что Александра царя и всю Иверскую землю от горскихъ людей и от Шевкалского князя оборон учинити велѣл и рат свою на него вмѣсте с послы его послал і дорогу на Шевкала в Иверскую землю очистити велѣл; а на Терку на Шевкала приговорил ныне послати воевод князя Григорья Засѣкина да князя Петра Шеховского, а итти имъ вмѣсте с иверскими послы и з государевыми послы.

Апрѣля въ 21 день в среду г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. велѣл иверским посломъ Сулейману да Хуршиту быти у себя государя на отпуске. И того дни иверские послы у государя были; а посланъ по них пристав Семен Олоерьев.... *Посль челобитья царю иверскихъ послов, подачи имъ „медов красныхъ“ и явки имъ государеви жалованья* велѣлъ государь діаку Ондрѣю Щелкалову молыті послом рѣчь.— И по государеву приказу Ондрѣй говорил: Божиею милостию, в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и м. г. г. и о. велѣл вамъ говорити: приходили естя к нашему царскому величеству от Александра царя в посолстве з грамотою и с поминки. А в грамоте к нашему царскому величеству Александръ царь писал и рѣчью вы намъ от Александра царя били челом, чтоб нам Александра царя пожаловати, держати под своею царскою рукою и от его недруга от Шевкала велѣти обороніті и дорогу на Шевкала велѣти очистити. І мы в. г. ц. і в. к. Ѳ. И. в. Р. с. Александра царя пожаловали, в своем жалованье держати хотим и на его недруга на Шевкала ныне рат свою послати велѣли есмя. А вас ныне отпускаем ко государю вашему к Олександру царю і своих послов к Олександру царю посылаем. А подлинно о всемъ прикажем к Олександру царю с послы своими.—И послы на государеве жалованье челом били...

Великому г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. бьют челом холопи твои государевы, Иверские земли царя Александровы послы, Салеман да Хуршит. Какъ мы, холопи твои государевы, пошли к тебѣ, к великому государю, ис своей из Иверской земли от своего царя Александра, как мы пришли в твою государеву вотчину в Асторохань,—и в Асторохани, государь, живут арменья торговые гости Кизылбашские земли Григорей да Семен да Микита да Гезал да Иванис да Яковъ; да ѣхъ же, государь, земли Кизылбашскне баба арменька Аная. И хотѣли, государь, они ѣхати с кизылбашьским послом были готовы; и услышили, государь, они, что тѣ посады Турской царь завладѣл, а ѣхь род и племя розбежались к царю Александру от тур-

ских людей. И тѣ, государь, арменья торговые гости били челом намъ, чтоб ты, государь, милосердый царь, пожаловал, какъ ты показал милость царю нашему Александру, и тѣхъ б людей пожаловал, велѣл дати свою царьскую грамоту в Асторохань к своимъ государевымъ воеводам,—чтоб ты, государь, пожаловал ихъ, велѣл отпустити из Астороханн с нами въмѣсте к царю к нашему к Александру в Ыверскую землю для их роду и племяни, что их род и племя у Александра царя. Милосердый царь государь, смилуйся, пожалуй!

Доложити г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Русиі:

Как поѣхали послы из Грузинские земли князь Семен Звенигородцкой да діакъ Торхъ Онтонов, и говорил им иверской Олександръ царь, чтоб они оставили у него государевых стрелцов с пищалми для его недругов, чтоб недругом его въ его землѣ государевы люди были знатны. И князь Семен Звенигородцкой и діакъ Торхъ Онтонов по цареву Олександрову прошенью оставили у него государевых охочих казаков, которые с ними пришли, 15 человѣкъ да турских полоняников иных, которые пришли ко князю Семену и к Торху на государево имя в Грузинскую землю, 10 человѣкъ. И обоего оставлено у Олександра царя охочих казаков и полоняников—25 человѣкъ; а государева им жалованья не дано и выходного полоняником, которые вышли на государево имя, не дано ж. И о том как г. ц. и в. к. указ свой учинит, что им жалованья и выходного дати?

Да бьет челом г. ц. и в. к. грузинские Олександра царя посол Хуршит: сватался человѣкъ его Иваниско в Казани у арменинова у Муратова брата у Воасапаза дочерь; а тот дей арменин—гость приезжей, а не Казанской жилецъ. И государь бы его пожаловал, велѣл человѣку его того армянина женитись и велѣл бы дать в Казань к воеводам грамоту, чтоб ему женитись было поволно.

Помѣта: дать. Послать государево жалованье с послом на 25 человѣкъ, которые остались, по сукну по доброму да по 2 рубли денег; а в наказе написать: толко они дождутца и похотятъ с послом ѣхать на государево имя или тут остатца похотят,—и послу государево жалованье дать.

Лѣта 7099-го апрѣля в 23 день. Память діякомъ Дружине Нетелину да Смирному Васильеву.—Били челом г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. Иверского Александра царя послы Сюлейман да Хуршит: живут де в Астарахани торговые люди греченин Христофор Михаилов з женою да арменья Григорей да Семен.... *(и пр. что и выше)*..... И по государеву указу бояре приговорили: тѣхъ торговыхъ людей кизылбашенъ и греченина Христоора з женою и с товарыщи отпустити

в Иверскую землю с послы и Хуршитову человѣку в Казани женитися у арменина поволить. И дьякомъ Дружине и Смирному послать государева грамота в Астарахань... *объ отпускѣ ихъ и въ Казань о дозволеніи жениться.*

А с Москвы іверские послы поѣхали в судѣх Москвою рекою апрѣля в 25 день. А для всякого береженья с иверскими послы посланы с Москвы приставы Дмитрей Ростопчин да Ѳедор Уской; а до Коломны посылан провожат иверскихъ послов сотникъ Василей Малой да с ним 50 человѣкъ стрѣлцов с пищалми..... *Наказъ о провожанью отъ 24 апрѣля. Провожатымъ предписывалось:* пріѣхав в Нижней, побыти им с послы в Нижнем и дождатися государевых воевод, которые посланы на Терку, и послов государевых, которые посланы в Грузинскую землю..... Какъ воеводы и послы в Нижней пріѣдут,—и Дмитрею грузинских послов и черкас отказати Терским воеводам князю Григорью Осиповичю Засѣкину да князю Петру Михайловичю Шеховскому с товарыщи..... Да памят Дмитрею Ростопчину да сотнику Федору Ускому. Какъ они с иверскими послы пріѣдут в Касымов городок,—и имъ в Касимове или в Муроме освободит купит иверским послом Сулеменю неметцкого полону полонянку да полоняника да Куршиту полонянку да полоняника; толко б тот полон неметцкой, а не русаки и не крещены.

Вмѣстѣ съ грузинскими послами Сулейманомъ и Хуршитомъ отпущены въ Астрахань Кабардинские черкасы Солохов сынъ Алкаш мурза да с ним узденей его 7 человѣкъ, да Янсоха князя черкасы Шевкал с товарыщи—4 человѣки, да Мамстрюковых черкас 2 человѣка. А у черкас с ними в судѣх, что им дано государева жалованья и что покупали на Москвѣ и что им давали князь Борис и князь Василей Черкаские: 36 панцырей. Да с Москвы ж отпущены на государеву службу на Терку Литвы и Нѣмец и Черкас ротмистръ Захарья Процоветцкой с товарыщи и съ их людми 100 человѣкъ....

Грамотой изъ Москвы въ Астрахань отъ 25 апрѣля 7099 г. армянъ велѣно отпустить съ грузинскими послами, а гречанина Христофора Михайлова з женою з грузинскими послы (*воеводы*) не отпущали; а велѣли ему быти в Асторохани до нашего указу.

Государю ц. в. к. Ѳ. И. в. Р. холопи твои Митка Разтапчинъ да Ѳедко Узкай челомъ бьютъ. Вѣлѣна, государь, нам, холопем твоим, ехат з грузинскими послы и с Алкашем мурзою с черкаскимъ; и мы, холопи твои, с послы пришли в Касимов маия въ 3 день и стояли в Касимове 2 дни по твоему государеву указу для полону нѣмецкаго. Да съ послы ж велѣна ехать для берженья Пятому Забелину, а с нимъ посланы Литва и Нѣмцы. И Литва и Немцы в Касимове по-

заворовались, четырех человекъ рускихъ Касимовских ранили, саблями секъли; и по кабакомъ силно воровали. А нам, холопем твоим, онѣ не приказаны; и нам бы, холопем твоим, от тобя, государя, въ их воровстве нѣ быти в опале.

На оборотѣ: Г. ц. и в. к. О. И. в. Р.—99го мая во 2 де с Меншимъ с Чемесовымъ.

Г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. холоп твой государевъ Петунка Забѣлин челом бьет. Велѣл ты, государь, мнѣ, холопу своему, на своей государеве службе на Терке быть; а велел, государь, со мною быти Лѣтвѣ и Нѣмцем и Черкасом, а велѣл ты, государь, мнѣ итти с послы иверскими вмѣсте. И я, холоп твой государевъ, пришел в городок в Касимов; и Литва, государь, и Нѣмцы почели в городкѣ в Косимове на кобоках пити и промеж собя саблеми сѣчися и четырех человѣк кобацких ерыжныхъ саблеми посѣкли. И я, государь, кабоки велѣл позомыкати целовалником и позопечатол. И Литва, государь, и Нѣмцы на кобокѣх зомки позбили и печати пообрѣзоли. И я, холоп твой государевъ, почел ихъ от воровства унимати; и Литва, государь, и Нѣмцы меня, холопа твоево, не слушаютъ и меня, холопа твоево, лаютъ.—И мнѣ бы, государь, холопу твоему, в ихъ воровствѣ от тобя, государя, в опале не быти.

На оборотѣ: г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р.—99го маия въ 9 де с Меншиком с Чемесовым.

В Касимове, государь, грузинския послы купили по твоему государеву указу полонянку девку да полоненика маленького —*изъ отписки Ростопчина изъ Мурома.*

14. 1591—1592 гг. Посольство въ Грузію Вас. Плещѣева и подъячаго Тим. Кудрина.

(*Грузинскія: а) стат. спис. № 1, лл. 427—450; № 2, лл. 12 об.—16 и б) дѣла: 1590 г. сент.—май 1591 г. и 1591 г. мая 29 дня.—Кабардинскія граматы 1591 г. № 3.*)

Лѣта 7099 апрѣля въ 18 день. Память дьяку Миките Румянову. По г. ц. и в. к. указу бояре приговорили: послати в Иверскую землю со княземъ Петром з Борятинским иконописцов Максима Терентьева, Юрья Минина, Шигалѣй Васильева; а государева жалованья на подмогу бояре приговорили имъ дати Максиму 30 руб. *и проч.* .. *Въ памяти отъ 26-го апрѣля вмѣсто зачеркнутыхъ словъ* князя Петра Борятинского *написано* Василья Плещѣева.

Роспись что послати в Иверскую землю с иконописцы с Максимом з Базаровым с товарыщи сусалново золота и всякихъ красокъ *см. въ „Грузинскихъ дѣлахъ“ 1590 г.*

А се отпускъ послов в Иверскую землю Василья Плещѣева да подъячего Тімоѳѣя Кудрина.—А писан Василей дворянином и намѣстником Козелским, а Тимоѳѣй писан діаком.

Говориті от в. г. ц. і в. к. Ѳ. И. в. Р. Олександру царю Иверскому послом Василью Тимоѳѣевичю Плещѣеву да дьяку Тимоѳѣю Кудрину:

Первое поклон правиті Василью: Бога в Троицы славимаго милостию, в. г. ц. (*и пр.... полный титулъ*) и иных многих государств государь и обладатель велѣл тебѣ, Александру царю, поклонитися.—В. г. ц. і в. к. Ф. И. в. Р. с. велѣл тебѣ свое здоровье сказаті, а про твое здоровье спросити. Да подати от государя Александру царю грамота.—А после грамоты явити Александру царю государево жалованье поминки по розписи.—

А после того говорити рѣчь Василью: Божиею милостию в. г. ц. і в. к. Ф. И. в. Р. с. и многих государствъ государь и обладатель велѣл тебѣ говорити: присылалъ еси к нашему царскому величеству вмѣсте с нашими послы з дворянином и намѣстником Брянским со князем Семеном Григорьевичем Звенигородцкимъ да з діаком Торхом Онтоновым послов своих Сулеймана князя да Куршита с своею грамотою и рѣчью нашему царскому величеству приказывал, чтоб намъ тебя пожаловати и крестьянству твоей державы Иверские земли милость показати, от горских людей от Шевкалского князя оборон учиниті и рат своя на них послати.—Тимоѳѣю: Божиею милостию, в. г. ц. і в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и м. г. г. и о. велѣл тебѣ, Александру царю, говорити: и мы, выслушав милостивно твое челобитье, приятно учинили, тебя и всю твою Иверскую землю пожаловалі, от горских людей от Шевкалского князя оборон учинити велѣлі и рат свою на него с воеводою своим со князем Григорьемъ Осиповичемъ Засѣкиным с товарыщи вмѣсте с твоими послы послалі и дорогу с Терки к твоему государьству Иверскому на Шевкала велѣли очистити. И послов твоих, пожаловав, к тебѣ отпустили; а с ними вмѣсте послали есмя к тебѣ, к Олександру царю, с своим жалованьемъ послов своих дворянина и намѣстника Козелского Василья Тимоѳѣевича Плещѣева да дьяка Тимоѳѣя Кудрина. И тебѣ б, Александру царю, и твоим дѣтем со всею своею Иверскою землею быти в нашемъ царском жалованье под нашею царскою рукою на веки и от нас и от наших детей, которых нам вперед Богъ дастъ, и от наших государствъ не отстават; и о всем бы ты, Александръ царь, и дѣти твои правили потому, на

чем еси нам правду дал и по нашей царской жаловалной грамоте о всемъ, будучи под нашею царскою рукою, правил нам и от нашего царского величества отступен не был. И послов бы еси наших к нашему царскому величеству отпустил без задержанья.—Василью: Божиею милостию, в. г. ц. і в. к. Ф. И. в. Р. с. и м. г. г. и о. велѣл тебѣ говорити: а что пйсал еси к нашему царскому величеству, чтоб намъ тебя пожаловати, прислати для стѣнного писма иконников добрых да пушечного литца и которой бы умѣл изъ пищали стреляти и кречатов,—и мы (по) твоему прошенью тебя, Александра царя, пожаловали, для стѣнного писма трех человѣкъ иконников Максима Базарова с товарыщи и свои кречаты к тебѣ послали с своими кречатники. И ты б наших кречетников и иконописцов прежніх Посника Дермина с товарыщи отпустил к нам вмѣсте с нашими послы; а которых иконописцов ныпе послали есмя к тебѣ,—и ты б тѣх оставил у себя. А будет тѣх нынешних иконописцов мало,—и ты б к тому оставил у себя ис прежних молодых одного или дву; а Посника Дермина к нам отпустил. А пушечного литца ныне не послали есмя для того, что пушечные литцы на нашем дѣле в далных городѣх во Пскове и в ных городѣх; а как пушечные литцы от нашего дѣла отдѣлаютца,—и мы к тебѣ тогды и пушечного литца пришлем.

А се грамота от г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. к Иверскому Александру царю с Васильемъ да с Тимоѳѣем.

Бога единаго, безначалного и безконечного и невидимаго, страшного и непреступного, превыше небес пребывающаго, владущаго силами небеснымі, и единым безсмертным словом Премудрости своея видимая и невидимая вся сотворшаго и самодержавным божественным Духом вся оживляющаго и недреманнымо ком на землю призирающаго и всяческая на ней устрояющаго и утѣшения благая всѣм человѣком подающаго, Его же в трех имянех трепещут и боятца небесная и земная и преисподнея, Того єдінаго Бога в Троицы чтем и поклаяемся и трісиателного его всемогущаго божества непзреченным милосердіем стоим и движимся и пребываем и величеству его славу воссылаем,—мы в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с... *(полный титул)*.... и иных многих государствъ государь—Иверские земли началнику Александру царю милостивное наше царьское слово с великим жалованьем и крѣпкое защищенье богопособные нашіе царские власти, тебѣ, Александру царю, и всей твоей Иверской землѣ безстрашное пребыванье в нашем царском защіщенье ото всѣх твоих недругов. Присылал еси к нашему царскому величеству..... *(буквально слово въ слово тоже самое, что выше наказано говорить послам*

на посольствѣ). . . . пушечные литцы на нашем дѣле в далніх городѣх во Пскове и в иных городѣхъ льют пушки и піщалі для нашего походу на неметцки земли; а какъ пушечные литцы от нашего дѣла отдѣлаютца, и мы к тобѣ тогды впереди пушечного литца пришлем.— Писан в государьствия нашего дворѣ въ царствующем граде Москве лѣто 7099-го маия мѣсяца.

А се таков наказ дан Василью Плещѣеву да Тімофѣю Кудрину.

Лѣта 7099-го маия въ 29 день г. ц. і в. к. Ф. И. в. Р. велѣл Василью Тімофѣевичю Плещѣеву да дьяку Тимофѣю Кудрину итті для своего государева дѣла и земского в Грузинскую землю к Олександру царю; а с ними отпустил г. ц. і в. к. грузинского Александра царя послов Сулеймана да Хуршита, а дождатися Василья велено грузинским посломъ в Нижнемъ Новѣгороде. Да с Васильем же послано в Грузинскую землю по челобитью Александра царя три человѣки иконников да с кречаты от государя посланы с нимъ два кречатника, а кречатов четыре. А итті имъ водяным путем на Нижней Новгород, да на Казан, да Астарахан; а из Астарахани итти грузинским послом и Василью с товарыщи полемъ. А провожати грузинских послов велено послати из Астарахани с сотником з добрым 50 человѣкъ стрелцов, тѣмъ съ Васильемъ быти в Грузинской землѣ; а об их отпуске к воеводам и к діаком въ Астарахан писано. А кормъ иверским послом дан с Москвы до Нижнего; а из Нижнего им велено дат кормъ до Казани и до Астарахани и до Терки по грамотам, каковы посланы ис Казанского Дворца. И Василью Тимофѣевичю и діаку Тимофѣю, приѣхав в Астарахан, отдати государеву грамоту боярину и воеводе князю Федору Михайловичю Троекурову с товарыщи; а, отдав грамота, говорити им, чтоб они по государеве грамоте дав послом иверским лошади под всѣх, а им государевым посломъ Василью с товарыщи лошади поимав у тамошних людей по прямой ценѣ по тамошней, как в Астарахани лошади меж себя купят. А сотником и стрелцом конным итти с Васильемъ вмѣсте из Астарахани; а Терским Івану Губину з детми боярскими и с стрелцы и с казаки с конными и с татары с Астараханскими с конными, а татар сто человѣкъ конных, итти полем с Васильемъ Плещѣевым вмѣсте из Астарахани. А лошади имъ себѣ Василью Плещѣеву и Тимофѣю и кречетником и иконописцомъ купити в Астарахани; а оценили б прямою ценою, как в Астарахани купят меж себя всякие люди. А писано о том в Асторахан к боярину і воеводам. А грузинским посломъ двемъ человѣком да людем ихъ десяти человѣкомъ велено дати в Астара-

хани государевых 12 лошадей да подъ ихъ рухляд двое лошадей; а иное себѣ послы сами купят лошади. Да под краски и под государеву казну подо всякую двое лошадей с телѣгою. А, собрався совсѣмъ, итти не мешкая Василью конмі полем на Терку из Астарахани.

А как приѣдут на Терекъ в новой город,—и Василью Тимофѣевичю и Тимофѣю говорити воеводам князю Григорью с товарыщи, чтоб они послали к Черкасским князем к Шиху и к Солоху и к Олкасу и к Оварскому Нацалу князю тотъчасъ напередъ ихъ государевых послов на государевых лошадѣх, которые имъ даны в Асторахани. А приказати к ним, что в. г. ц. и в. к. Ф. И. в. Р. послал к Олександру царю Иверскому послов своих Василья Тимофѣевича Плещѣева да дьяка Тимофѣя Кудрина, а итти им на Шиха да на Оварского князя или на Алгаза, то учинити, по вестям смотря, которым мѣстом и которою дорогою итти им пригоже,—и Солох бы и Алкас и Ших и Оварской князь тѣмъ государю службу свою показалі, их государевых послов послали проводити до Грузинские земли или до коих мѣстъ пригож. А с Терки велено послати Василья проводити, до коих мѣстъ пригож, с сотником стрелцов и казаков конных 50 да пѣших 50 же человѣкъ или всѣх конных 100 человѣкъ; то смотря по Шевкалским вестем, велено князю Григорью провожатых послати проводити с Терки.—А переговоря Василью со князем Григорьемъ с товарыщи, итти с Терки на Суншу тотчасъ не мешкая, чтобъ князь Григорьевъ поход на Шевкала посломъ иверскимъ не видети; и людей бы всѣх прибылных, которые из Астарахани придут на Терку, не явно бы были иверским посломъ, ни в Астарахани, ни в Терке было не явно и не в вѣдоме,—того Василью беречи накрепко. А спросят послы Василья: сколко людей пойдет на Шевкала? И Василью говорити чаят, пойдет государевых людей с пищалми до 5,000, а черкас до 10,000.—А быт Василью на Сунше, туто собрався с черкасы, и с провожатыми ити в Ыверскую землю. А черкасом велено збиратца на Сунше; то бы видели послы иверские, как черкасы збиратца почнут на Шевкала. А черкасъ в провожатых Василью не отомнога взяти, чтоб от Шевкалова походу людей не убавливать много. А провожатых с Терки взяти на Суншу Астараханских сотника с 50 человѣки взят с собою Василью и в Грузинскую землю; тѣмъ съ ним и назад притти и из Ыверские земли. Да с Терки ити провожатым сотнику; а с ним сто человѣкъ стрелцов, до коих мѣстъ пригоже. А с черкасскими провожатыми собратца на Сунше и ити с Сунши в Ыверскую землю в то ж время, как княз Григорей пойдет на Шевкала или ко князю Григорью пришлет Шевкал сына и добьет челом

государю. А проводит стрелцом Терскимъ и мурзам Черкаскимъ, которой мурза пойдет провожаті грузинских послов, до коих мѣстъ пригож; а сотника і стрелцов Астараханских взяв с собою и в Грузинскую землю.—А как с Сунши пойдут, —и послом Василью с товарыщи ити в Грузинскую землю не мешкая через Черкаскую землю на Шиха мурзу Окутцкого, да на Аварского князя да на Чорного князя или на Алкаса князя Кабардинского, которыми мѣсты и на которую дорогу пригоже и смотря по тамошнимъ вѣстем и роспрося тамошних людей и вожей; куды лутче и прямѣе і безстрашнее, туды и ити. А вожей велено с ними послат из Астараханских стрелцов и казаков 50 человѣкъ, которым с ними итти в Иверскую землю, которые в Грузинской землѣ бывали и по турски б и по иверски умѣли. А к Черкаским князем к Шиху мурзѣ Окутцкому и к Солоху князю и к Алкасу князю Кабардинскому об их провожанье от государя писано; и гдѣ на которые кабаки придут,—и Василью .тѣм говорити, чтоб их і иверских послов провожати посылали, как бы им пройти безстрашно до Иверские земли. А гдѣ будет им лучитца итти на которые иные кабаки Черкаских князей и мурзъ, и грамота за красною печатью с Васильмъ послана;—и Василью и Тимофѣю тое государеву грамоту им прочитати, чтоб их пропущали и провожат посылали до рубежа до Грузинского.

А будет Алкас мурза Шевкаловъ сынъ ныне живет вмѣсте с Ших мурзою, а в поход на Шевкала не пойдет,—и послом Василью и Тимофѣю говорити Алкасу, чтоб Алкас с Ших мурзою их государевых послов послал проводіти ково пригоже; а сами бы шли на Шевкала. А толко Шевкал добьет челом государю и поход княж Григорьев не будет на Шевкала,—и Василью и Тимофѣю черкас взят с собою болши черкаских людей в провожанье, чтоб пройти безстрашнее. А гдѣ будет им лучитца итти на Солохов кабакъ,—и Василью і Тимофѣю приказати к Солоху потому ж, что г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. послал в Грузинскую землю их послов своихъ для своево государева дѣла и Солох бы князь послал сына своево и своих узденей добрых проводіті их послов до Оварского князя или до коих мѣстъ пригоже вмѣсте з государевыми людми, чтоб проѣхати здорово; а государево жалованье будет к ним не оскудно.

Да итти Василью с товарыщи в Грузинскую землю на Аварского князя или на Алкаса, на которого чаят лутчи і безстрашнее итти. Да, пришед к Аварскому князю, потому ж говорити, чтоб он послал их государевых послов проводити сына своего или племянника с людми своими до Грузинские земли до Александра царя.—А Чор-

ному князю говорити, чтоб онъ по государеве грамоте их через свою землю пропустил и проводити их послал до Грузинские земли.

А о том Василью с товарыщи говорити з грузинскими послы, чтоб они з дороги, от коих мѣстъ пригоже, послали в Иверскую землю, и с ними послат кого изъ своих стрелцов дву-трех и черкас до 10 человѣкъ, чтоб к нимъ встрѣчю людей и лошадей прислали не измешкавъ, чтоб имъ на свѣжих лошадях ѣхати ко царю Александру не измешкавъ. А будет на Терке вѣсть имъ будет, что на Аварскаго князя итти прістрашно,—и Василью по неволе итти прежнею дорогою; а Алкасу и Солоху говорит, чтоб их проводит послат до Грузинские земли.

Да как, оже дастъ Богъ, придут в Грузинскую землю и велитъ имъ Александръ царь быти у себя,—и Василью Тимофѣевичю и Тимофѣю приказати к Олександру царю, чтоб у него в то время иных государей послов и посланников не было никого и имъ бы государевымъ посломъ быті у него однимъ.—А нѣчто при них в то время будут у Олександра царя Турского салтана или Кизылбашскаго шаха послы или посланники или гонцы,—и Василью Тимоѳѣевичю и Тимоѳѣю с ними вмѣсте к Олександру царю однолично не ходит. А хоти и придут на двор, а свѣдают, что у Олександра царя иных земел послы или посланники,—и имъ посольства не правити, а итти к себѣ на подворье; а говорити приставом, чтоб Александръ царь велѣл имъ у себя быти на посольстве одним оприч иных послов и посланников и гонцов.

А не будет у Александра царя иных земел пословъ и посланниковъ,—и Василью і Тимоѳѣю, пришед к Олександру царю, от г. ц. и в. к. Ф. И. в. Р. поклон правити и рѣчь говорити и грамота подати по записи по г. ц. и в. к. наказу и поминки, государево жалованье, явити по казенному списку.—Да говорити имъ Александру царю на посолстве, что г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. по челобитью Александра царя на его недруга на Шевкалского князя рат свою с вогненым боемъ с воеводою своимъ со князем Григорьем Засѣкинымъ с товарыщи послал и дорогу къ его Иверской землѣ от Терки велѣл очистити и под свою царскую руку велѣл привести. И Александро бы царь рат свою на Шевкала потому ж послал и Шевкала б велѣл воевать з государевыми воеводами, какъ пришлют к нему Терские воеводы. Будетъ Шевкал ночнетъ бѣгати в горы, а против воевод не станет, а закладу детей своих и узденей не пришлет к воеводамъ, — и царю Александру, по присылке воевод с Терки, рат свою на Шевкала послати; а без присылки воевод Терских князя Григорья Засѣкина

с товарыщи Александру царю рати своей не посылывати. Да к Александру ж царю по его челобитью посланы для стѣнного писма три человѣки иконниковъ да с кречаты два человѣка кречетниковъ,—і Александръ бы царь тѣх кречетниковъ и иконописцовъ прежних Посника Дермина с товарыщи отпустил вмѣсте с ними и с послы; а которые иконописцы ныне посланы к нему,—и Александръ бы царь тѣхъ оставил у себя. А понадобитца будет Александру царю къ нынешним въ прибавку,—и Александръ бы царь оставилъ у себя из старых кого одного из меньших товарыщей из Посниковых; а Посника б Дермина хоти одного однолично отпустил с ними с послы. А про пушечного литца говорити имъ, что пушечного литца не послал государь для того, что пушечные литцы ныне на государеве дѣле в государевых в далних городѣх во Пскове и в ыных городѣх; а как от государева дѣла отдѣлаютца,—и государь вперед и пушечного литца пришлет.

Да как после посолства Александръ царь велитъ Василью и Тимофѣю быти у себя и учнет будет им говорити сам или кого к ним вышлет с отвѣтом своих болших людей; а учнут их спрашивать: что с ними государевъ приказъ, как г. ц. и в. к. хочет ево, Александра царя, жаловати и как его въперед хочет оберегати от его недругов? И Василью и Тимофѣю говорити Александру царю или его ближним людем: г. ц. и в. к. О. И. в. Р. по твоему челобитью тебя, Александра царя, и всю твою Иверскую землю пожаловал, под свою царскую руку принял и во обороне держит ото всѣх твоих недругов и на недруга твоего, а на своего непослушника, на Шевкала князя, по твоему челобитью, рат свою с воеводою своим со княземъ Григорьемъ Осиповичемъ Засѣкиным послал, чтоб тебѣ вперед Александру царю и твоей землѣ отъ Шевкала тесноты и убытков не было и дорога б от твоей земли и ко государю нашего отчине к Терскому городу очистити; и вперед тебя, Александра царя, и всю твою Иверскую землю хочет жаловат и оберегат потому ж, как ныне жалуетъ и оберегает,—да и свыше того. И тебѣ б.... (*буквально тоже, что въ „отпускѣ“ с. 239—240*) ... отступен не был. А как, оже дастъ Богъ, государя нашего люди Шевкала въ государя нашего волю приведут и дорогу очистят,—и Шевкалу б быт с тобою в миру крѣпко под государскою рукою; на том Шевкала и к шерти привести велено. И к тебѣ о том велѣно Терским воеводам отписывати, что почнетъ дѣлатися у них с Шевкалом. А которые будут люди государю нашему непослушны и с тобою почнут не в миру быти,—и ты б на тѣх сам ходил и людей своих посылал и их под государя нашего руку приводил, чтоб они с тобою были вмѣсте. А будет что твои слова

будут ко государю, что твое хотѣнье,—и мы тѣ твои слова донесем до государя; и государь нашъ в. г. ц. и в. к., выслушав твое челобитье и твой приказ, о всем учинит по твоему челобитью и прошенью. А будетъ тебѣ люди надобны с вогненым боем, и воеводы Терские, приведчи Шевкала под государскую руку, учнутъ людей с вогненным боем дават тебѣ; а ты б, Александръ царь, свои лошади под них посылал. А тебѣ, Александру царю, на всѣх государя нашего непослушниковъ з государя нашего воеводы с Терскими с своею землею стояті заодин.

А самим Василью и Тимофѣю, будучи в Грузинской землѣ, провѣдывати всяких вестей про Кизылбашского и про Иверского и про Турского и про Шевкалского—в каковѣ мѣре хто и их послов царь Александръ почнет ли держати в зиму? А болшое промышляти, чтоб Василью с товарыщи не зазимоват, а притти бы к зимѣ на Терку или в Астарахан. А будет пошлет царь Александръ своего посла с ним с Васильем вмѣсте,—и Василью и Тимофѣю говорити в Астарахани или на Терке, чтоб в зиму послом иверским кормъ давали, примѣрася к прежнему, и каков будет с Васильем посол,—потому б и давали.

А будет Александръ царь или его ближние люди учнут говорити, что хотѣлъ государь взят Тарки у Шевкала и сѣсти в нем государским людем, а они о том били челом государю именно от своего государя, чтоб угрозил Шевкала и Тарки б у него взял и засѣсти велѣл, а ныне ты, Василей, говориш, что воеват велѣл и привести под свою руку Шевкала,—и Василью говорит, что государь рат свою послал на Шевкала, а Шевкал хочет бит челом государю и без войны; а как он государю добьет челом,—и государь его челобитье примет.....(*пропускъ въ подлинникѣ*).....

... хат им прямо к Москвѣ в Посолской приказ.

А нѣчто Александръ царь или его ближние люди учнут говорити о томъ, что государево жалованье к Олександру царю прислано не по прежнему, мало,—и Василью и діаку Тимофѣю говорити: государево жалованье к Олександру царю болшое то, что его принял под свою царскую руку и оборонят его ото всѣх его недругов своим Астараханскимъ и Терскимъ воеводамъ велѣл и на искони вѣчного его недруга на Шевкала князя рат свою послал; и Александру царю, видя к себѣ такое государево жалованье, говорит таких слов не пригоже. А поминков государь ни к которым государем к великим не посылает.

А будет Александръ царь или его ближние люди учнутъ говорити о дани, что в государеве жалованной грамоте написано присылати Александру царю к в. г. ц. и в. к. дан ежегод, что случит,— и что дани присылать по колку на год и какими узорочьи? И Василью и Тимофѣю говорити: государь нашъ его царское величество пожаловал Александра царя, под свою царскую руку взял не для дани, ни для чего, для своего царственного обычея; а у государя нашего в казнѣ чего нѣт? Для того государь нашъ в своей жаловалной грамоте имянно дан и не написал, что ежегод посылат уроком, жалуючи Александра царя, что послы Александра царя говорили приказным людем, что в прежнем наказе написано было, что въ его Александрове цареве грамоте написано посылати было ко государю нашему к великому государю по 50 камок золотных кизылбашских да по 10 ковров золотных, — и ныне деі в тамошних странах стали войны, узорочья такова мало въ их землѣ, — а есть у государя вашего аргамаки добрые и кони добрые; - и государь бы нашъ великиі государь велѣл присылати, что ся у государя вашего лучит какие узорочья въ его землѣ. И тѣ слова до государя приказные люди донесли. И государь нашъ в. г. ц. и в. к. потому и в своей жаловалной грамоте написал посылат ежегод дан ко государю, что случитъ у государя вашего у Александра царя какое узорочье въ его землѣ— аргамаки или иное что лучитца, то бы Александръ царь и присылалъ. А государю нашему то ничего не нужно: нѣт того, чего в государя нашего государстве нѣтъ. Надобно государю вашему Александру царю перед государемъ нашимъ правда держати. А государь нашъ в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. государя вашего почнет держати в своем великом жалованье и оборонят велит от его недругов своим воеводам Терским. А ныне б Александръ царь ко государю нашему дан послал, что ся у него лучилось каково узорочье.—

А будет грузинского Александра царя зят Семен княз или иные которые князи, которые живут блиско Грузинские земли, похотят быти въ государеве жалованье под его царскою рукою и пришлют о том к Василью и к Тимофѣю: что с ними от государя приказ к ним ест ли? И Василью и Тимофѣю приказати к ним, что в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. прислал их послов своих к Олександру царю Иверскому по его челобитью, что он присылал ко государю нашему своихъ послов и учинился под государя нашего царскою рукою; а о том им государев приказ: которые князи из здѣшних земель похотят к себѣ государева жалованья и быт под его царскою рукою—и тѣмъ государево жалованное слово велено им послом сказат, что г. ц. и в. к.

их в своем жалованье под своею царскою рукою держати хочет. И толко они похотят государева жалованья,—и опи б ныне, пріѣхав к Олександру царю, перед ними государевыми послы правду учинили, что им быт в государеве жалованье под его царскою рукою с Олександромъ царем вмѣсте и на всѣх недругов стояти заодин; и послали б с ними ко государю посла своего доброго человѣка и с ним б о всем приказали, что их челобитье ко государю. И в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р., выслушав челобитья послов их, пожалует, под свою царскую руку и в оборону ото всяких недругов приметъ потому ж, как Александра царя пожаловал, принял под свою царскую руку, и грамоты к ним жаловалные, как имъ быті в государеве жалованье, з золотыми печатми пришлет. А они б ныне были с Олександром царем вмѣсте и, утвердяс, против всяких своих недругов стояли заодин.—Да и царю Александру и его ближним людем говорит потому ж, чтоб они были с ним с Олександром царем вмѣсте крѣпки; а государево к ним жалованье будет. А государю нашему то всего любѣе, что Олександровы царевы братья и зятья и племянники всѣ вмѣсте с Олександромъ царемъ были в любви под царскою рукою и стояли всѣ вмѣсте против всяких государских и своих недругов заодин.—А будет похотят послати к государю с ними вмѣсте послов своих,—и Василью и Тимофѣю тѣм послом велѣти ѣхати с собою вмѣсте.

А будет ныне Александръ царь з зятем своимъ с Симаномъ воюетца и учнет будет им Александръ царь говорит о стрелцѣх и о казакѣх, чтоб государь пожаловал, дал ему на его недругов стре(льцов с вогненым) боем,—и Василью и Тимофѣю говор(ит: государя) нашего указ на Терке в новом Терском (городѣ) у воевод есть: какъ Шевкала извоюют, будет ему, Александру царю, на котораго недруга надобет люди стрелцы и казаки с вогненым боемъ,—и имъ велено люди Александру царю дават. Толко о томъ послы Александра царя много государевым приказным людемъ не говорили и про то государю нашему вѣдома не было. А ныне государева рат пошла на Шевкала по челобитью Александра царя. А послы царевы Александровы болшее о томъ били челомъ государю и царьского величества к. и б. и н. К. и А. Б. Ѳ. (Год)унову, чтоб государь велѣл послати по Борисо(ву) Ѳедоровича челобитью и печаловапью (рат) на Шевкала; и потому рат на Шевкала и послана. А того от послов и слова не бывало. А как извоюют Шевкала и под государя нашего царьскую руку приведут,—и тогды на иных Александровых недругов государева рат в Терской город будет; а Александру царю под тѣ люди присылат свои лошади, на чомъ имъ ѣхати, и в своей землѣ их кормити и хитрости над ними никоторые не учинити.

Да памят Василью Тимоѳѣевичю и дьяку Тимоѳѣю. Нѣчто учнет ихъ спрашиват Александръ царь (про Литовск)ого: какъ ныне г. ц. (и в. к. съ Литов)скимъ королем? И Василь(ю . . .) говорити: присылал ко государю нашему (царско)му величеству Литовской Жигимонтъ корол сеѣ зимы пословъ своих великих Станислава Радиминсково с товарыщи о том, чтоб государь нашъ его царское величество з Жигимонтом королем был в докончанье и в соединенье на бесермян. И государь нашъ в. г. ц. и в. к., по своему милосердому обычаю и жалѣя о хрестьянстве, с Литовским королемъ в докончанье и в соединенье на бесермян учинился и на всѣх бесермян стоити хочет заодин; и послов его, пожаловавъ ..... посл.....

Буде спросят про цесаря Римсково: какъ ныне г. ц. и в. к. с цесарем Римскимъ? И Василью и Тимоѳѣю говорити: цесар Римской присылал ко государю нашему.... своих великих людей о томъ, чтоб г. ц. и в. к. был с ним в докончанье и в соединенье и стоял бы с нимъ на всѣхъ своих недругов заодин. Да всѣ государи христьянские, папа Римской и король Ишпанской и вся Италия и Веницейской князь, присылалі ко государю нашему посланников своих; а просят того, чтоб государь нашъ ц. и в. к. былъ с нимі.....

А се такова грамота от патріарха Иева к Олександру царю Иверскому.

Бога всемогущего і во всѣх всяческая дѣйствущего, иже прежде вѣкъ сый бѣ присно и есть и будет, ниже начинаема, ниже престаема, Отца и Сына и Святого Духа в трех лицех славимаго и поклоняемаго, сего (убо Бога) нашего властию, и хотѣнием и благоволением скифетродержателя великаго Росийскаго царствія, (благовѣр)ного и христолюбиваго и Богом венчанного и Богомъ почтеннаго и Богом украшенного и Богомъ превознесенного и благочестием всея вселенныя в концѣх просиявшего, наипаче же во царѣх пресветлѣйшего и преславного, в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и м. г. г. и о. первопрестолник святые соборные и апостолские церкви пречистые Богородицы честнаго и славного ея Успенія Иев, Божиею милостию, святѣйшій патреархъ царствующаго града Москвы і всея Росіи,—о святем Дусе возлюбленному сыну, Александру царю Іверскому, нашего смирения благословенье. Присылал еси к в.г. ц. и в. к. Ѳ. И. вс. вел. Р. с. и м. г. ко г. и о. послов своих князя Селеменя да Хуршита биті челом, чтоб в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. милость тебѣ и всей твоей Іверской землѣ показал і велѣлъ от твоих недругов обороніті и рать бы свою велѣл на твои недругі послати. А к нашему смирению в грамоте своей писал еси о том же дѣле, что недругов у тебя много и приходя

твою землю безвѣсно воюют;—и нашему б смиренію у благовѣрного і христолюбиваго у в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. молить и просить того, чтоб в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и м. г. г. и о. пожаловал, послал на недругов..... рать свою. И мы о том по твоему прошенью велікому государю благочестівому царю с моленьемъ білі челом и просилі. И благовѣрный и христолюбивый и Богомъ почтенный и Богомъ украшенный и Богомъ превознесенный и благочестием всея вселенныя в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и м. г. г. и о, по своему царьственому милосердому обычаю і по нашему челобитью и моленью, тебя в своем царскомъ милосердіі в жалованье и во обороне и в защищенье ото всяких твоих недругов держаті и оберегаті хочет и послов своих к тебѣ послал и твоих послов, пожаловав, к тебѣ с нимі вмѣсте отпустил и рать свою на недруга твоего на Шевкала с воеводамі своимі со княземъ Григорьемъ Засѣкиным с товарыщі на Терку послал.—А от нашего смиренья благословенье послалі есмя тебѣ, Александру царю, крестъ золот с каменьемъ з жемчюгі да сорок соболей; а царице твоей крестъ золот же с каменьемъ и з жемчюгі да сорок соболей. Посем благодать и мир и милость от Вседержителя Бога и нашего смиренья благословенье да будет на тебѣ и на всем твоем царстве ныне и во вся вѣки. Аминь. Писан в царствующем граде Москвѣ лѣта 7099-го маия мѣсяца.

А с послаки по государеву указу конюшей боярин Борис Федорович Годунов послал к Олександру царю грамоту да поминки и приказалъ к Олександру царю поклон; а правитъ велено поклон от Бориса Федоровича Александру царю и грамоты и поминки подати Тимоѳѣю Кудрину, исправя поклон и грамоты и поминки подав от патриарха. А молыть велено: Божиею милостию в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р, и м. г. г. и облаадателя его царьского величества Ближние Думы конюшей и боярин и намѣсникъ Казанской и Астороханской Борис Ѳедорович Годуновъ тебѣ, Александру царю Иверскому, велѣлъ поклонитися и велѣл тебя о здоровье спросить: какъ тобя Богъ милует? Да подати грамота; а после грамоты подати поминки: сорокъ соболей, цки лисьи хонены, три зуба рыбьи.

А се грамота от конюшего боярина от Бориса Ѳедоровіча Годунова к (Иверскому Олександру царю.

Бога в Троице славимаго милостию, в. г. ц.... (*полный титулъ*)..... и иных многих государствъ государя—его царского величества от конюшего и боярина и намѣсника Казанского и Астараханского от Бориса Ѳедоровіча Годунова Іверские землі Александру царю с любовью поклон. Присылал есі к в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и м. г. г. и о..... (*тоже, что и въ граматѣ п. Іова*).... послатi велѣл. А

ко мнѣ в своей грамоте писал есі, что ты от своих недругов в скорбѣх пребываеш, а недругі тобѣ горские люді, пришед украдом, и землю твою воюют и твоих людей побівают і в полон емлют,—и мнѣ бы благочестивому в. г. н. ц. и в. к. О. И. в. Р. с. биті челом, чтоб благочестівый в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с., по своему царскому милосердому обычаю, тебя, Александра царя, і всю твою Іверскую землю от твоих недругов оборонити велѣл. И яз по твоему челобитью и прошенью благочестівому в. г. ц. и в. к. О. И. в. Р. с. моліл и бил челом. И государь нашь в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с., по своему царскому милосердому обычаю, для крестьянства по нашему челобитью и прошенью тебя, Александра царя, и землю твою в своем царском милосердие.... (*тоже, что и въ грамать патріарха*)... на Терку послал; і вперед мнѣ о тобѣ и о твоей землѣ всякимі дѣлы твоимі радѣті приказал. Пісан в великого государя нашего государстве в царствующем граде Москвѣ лѣта 7099-го мая мѣсяца.

Грамата Черкаскимъ княземъ и мурзамъ и узденским старостам и узденемъ ихъ *о провожанью пословъ отъ мая 7099 г.*

Съ послами Плещьевымъ и Кудринымъ никто изъ духовныхъ лицъ не былъ посланъ.

15. 1591 г. Грамата царя Ѳедора I Мамстрюку князю Черкаскому.

(*Кабардинскія граматы — 1591 года гр. № 3. Выписана, какъ и помѣщенная выше подъ № 2, стр. 8—9, изъ книги „входящихъ и исходящихъ дѣлъ“ Архива за 1798 г. л. 197 и слѣд.*).

Бога всѣми владѣющаго милостію, отъ в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р....(*и пр. полный титулъ*).... государя и облаадателя Мамстрюку, княж Темрюкову сыну, Кабардинскому. Писали къ намъ изъ нашіе отчины изъ Терского города воеводы, что нашъ непослушникъ Шевкалъ князь тебя, поймавъ, держалъ у себя въ полону и тебя от нашего жалованія отводитъ; и ты, будучи у него в полону, всякую нужу терпѣлъ, а отъ нашего жалованья не отсталъ, и нынѣ еси по прежнему въ нашемъ жалованье живешъ и намъ служишъ.—И ты то дѣлаешь гораздо, что намъ служишъ правдою, помня отца своего Темрюка князя правду и службу къ отцу нашему блаженные памяти къ в. г. ц. и в. к. Ив. Вас. в. Р.; и впередъ бы еси нам служить (лъ?) правдою, а мы тебя за твою службу жаловать хотимъ свыше прежнего. И нынѣ к тебѣ наше жалованье съ воеводами нашими со княземъ Григорьемъ Засѣкинымъ съ товарищи послали жъ есмя. А воеводамъ князю Григорью съ товарищи съ нашими людьми и Черкаскимъ кня-

земъ и мурзамъ всѣмъ велѣли есмя ити на нашего непослушника, на Шевкала князя, войною. —И ты бы, Мамстрюкъ князь, нынѣ намъ совершенную службу показалъ, съ братьями своими и съ племянниши шли на Шевкальского съ нашими съ Терскими воеводами со княземъ Григорьемъ Засѣкинымъ съ товарищи и ему свою недружбу мстили и Шевкала князя подъ нашу царскую руку привели, чтобъ онъ былъ впередъ подъ нашею царскою рукою съ вами съ Черкаскими князи вмѣсте. Писана въ государствія нашего дворѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ 7099 мая.

(У сей грамоты привѣшена на шелковомъ снуру изъ краснаго воску большая печать).

16. 1592—1593 гг. Посольство изъ Грузіи кн. Арама и архим. Кирилла.

(*Грузин. стат. спис. № 2. лл. 16—36.—Весь этотъ списокъ содержитъ описанія бытности грузинскихъ пословъ за 1591—1595 гг. у одного Бориса Годунова. О сношеніяхъ съ Грузіей за 1592—1595 гг. сохранились свѣдѣнія только въ этомъ спискѣ*).

Лѣта 7101-го декабря мѣсяца государевы послы Василей Тимоѳѣевич Плещѣев да подьячей Тимофѣй Кудрин из Иверские земли приѣхали; а с ними вмѣсте приѣхали от Олександра царя послы Ирам князь да архимарит Кирил бити челом государю, чтоб государь Олександра царя пожаловал, от недругов его от Шевкала князя и от горских людей оборонити велѣл и послал бы на Шевкала болшую рать свою.—И, быв послы у государя на приѣзде, приказывали с приставомъ с Матѳѣемъ с Проестевымъ, чтоб царского величества слуга и конюшей и бояринъ и воевода дворовой и намѣсникъ Казанской и Астараханской Борис Ѳедоровичь Годунов велѣл имъ быти у себя; а с ними к Борису Ѳедоровичю от Олександра царя грамота и рѣчью приказ о великихъ дѣлехъ. И с. п к. б. Б. Ѳ. докладывал о том государя. И г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодръжецъ иверскимъ посломъ велѣлъ быть у с. и к. б. Б. Ѳ. на дворѣ.

И генваря въ 3 де по г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. указу иверские послы Арамъ князь да архимарит Кирилъ у с. и к. б. у Бориса Ѳедоровича Годунова были; а посылан по них пристав их Матѳѣй Проестев да греческой переводчикъ Своитинъ Каменев. . . . . *Послѣ челобитья пословъ Годунову*, онъ звал послов корошеватца; а, корошевався, послы отшед, Арам князь правил Борису Ѳедоровичю от

Олександра царя челобитье.... *Послѣ спроса Борисомъ о здоровьѣ царя Александра и отвѣта словъ*—говорил болшой посол Арам князь рѣч толмачом, а толмачил греческой переводчикъ Свонтинъ Каменев: в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и м. г. г. и о. его царского величества тебѣ, шурину, с. и к. б. и в. д. и п. К. и А. Б. Ѳ. государь нашь Олександръ царь велѣл говорити: присылал в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. ко мнѣ, Олександру царю, послов своих Василья Тимофѣевича Плещѣева да дьяка своего Тимоѳѣя Кудрина с своим жаловалным словом; и по твоему печалованью посылал воеводу своего князя Григорья Осиповича Засѣкина с своею ратью на непослушника своего Шевкала князя, а на нашего недруга. И по в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. жалованью, а по твоему печалованью, Шевкала князя воевали и город у Шевкала взяли Ондрѣевской и сожгли. И яз, Олександръ царь, со всею своею Иверскою землею на его государеве жалованье и па оборони челом бьемъ. И послали есмя холопей своих Ирама князя и архимарита Кирила к в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с, бити челом и к тебѣ, шурину его, к Борису Ѳедоровичю паказал с ними бити челом и велѣл припасти к твоимъ ногам, чтоб ты его царскому величеству наше челобитье доносил и об нас бил челом и молил и просил, чтоб великий государь пожаловал меня, Олександра царя, держал во оборонѣ и в защищенье и послал бы на Шевкалского болшую рать свою с вогненым боем, чтоб государева рать к зиме на Шевкалского пошла к Таркам и Тарки, взяв, укрепили и сидѣли б в Тарках государевы люди и оттоле Кумытцкую землю воевали и Шевкалского б под царскую руку привели и через Кумытцкую землю дорогу очистили, чтоб крестьяном от бусурман пленение престало. А Крым-Шевкал живет с нами в дружбе и в любви, и Кумытцкая земля половина с ним стоит; и меж собою бранятца. И тебѣ, Борису Ѳедоровичю, о том царскому величеству печаловатися и бити челом, чтоб в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. велѣл меня, Олександра царя, и всеѣ Иверскую землю от Шевкала и от горских людей оборонить; а пыне тому время.

А изговоря рѣчь, подал грамоту и являл Борису Ѳедоровичю от Олександра царя поминки; а что поминков, и то писано ниже сего под переводом. И как поминки явили, и с. и к. б. Б. Ѳ. велѣл послом сѣсть от себя в другой лавке по правую сторону.—И спрашивал Борис Ѳедорович послов: есть ли с ними от Олександра царя которой иной приказ?

И послы говорили: приказ за нами от Олександра царя то, что мы тебѣ, царского величества шурину Борису Ѳедоровичю, в речи

говорили: велѣл тебѣ Олександръ царь бити челом, чтоб ты за него в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и великой государыне благочестивой царице и великой княгине Ирине бил челом и молил, чтоб государь милость показал, от Шевкала и от горских от Кумытцких людей велѣл оборонити и послал свою болшую рать с вогненым боемъ и Тарки велѣл засѣсти и недругом его не подал.—Да государя ж нашего Олександра царя прошенье у тебя, Бориса Ѳедоровича, чтоб ты государю печаловался, чтоб государь милость показал, послал к Олександру царю пушечного литца, которой бы умѣл пушки лить и стрелять из них. А государя нашего Олександра царя вся надежа на тебя. И тебѣ б, Борису Ѳедоровичю, царево Олександрово челобитье приятно учинить.

И с. и к. б. Борис Федорович иверскимъ послом говорил: рѣчи есмя ваши всѣ выслушал. И какъ есми преж сего о Олександровых царевых дѣлех радѣл и промышлял и до в. г. н. ц. и в. к. О. И. в. Р. самодержца и до великие государыни нашей благочестивые царицы и великие княгини Ирины доносил, а нынѣ и свыше того радѣю и промышляю и ваши рѣчи и Олександрово царево челобитье до царского величества и до благочестивые царицы донесу и молити его царское величество буду, чтоб великий государь нашь Олександра царя держалъ во обороне под своею царскою рукою по прежнему и рать бы свою болшую с вогненым боем послал и от Шевкала оборонити велѣл. Да государь нашь в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ, милостивый крестьянскиі государь, по своему царскому милосердому обычею и для крестьянские истинные вѣры, Олександрова царева челобитья и прошенья не оставит, рать свою болшую с вогненым боемъ пошлет и вас отпустить велит вскоре; а раті у государя с вогненым боемъ неисчетно.—А изговоря Борис Федорович, встав, приказал с послы к Олександру царю челобитье; а молыл: Ирам князь, Кирило! Как будете у государя своего у Олександра царя, и вы от меня исправте челобитье.—Да велѣл имъ Борис Ѳедорович явить свое жалованье, поминки и отпустил их на подворье; а ѣсти их не звал, а посылал к ним с полным столомъ сь сствою и с питьем.

А се грамота к слугѣ и конюшему боярину к Борису Ѳедоровичю от Иверского Олександра царя с послы его с Ирамом княземъ да с архимаритом Кирилом.

Бога в Троицы славимаго милостию Божиею, государь царь Олександръ Левонтьевичъ всея Иверские земли г. ц. и в. к. О. И. в. Р. самодержца его царского величества конюшему боярину и намѣснику Казанскому и Астараханскому Борису Федоровичю Годунову от нас

с любовию поклон. Присылал к нам г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. послов своих Василья Тимоѳѣевича Плещѣева, дворянина и намѣсника Козелского, да діака Тимоѳѣя Васильевича Кудрина с царским жалованьем; и мы их приняли с радостию. И ныне есмя, государь Борис Ѳедорович, видели твое милостивное жалованье, что нас любиш и радѣешь о нашем дѣле и г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу за меня и за мою землю бил челомъ и поминки еси ко мнѣ прислал; и мы с радостию приняли. Дай, Господи, тебѣ многолѣтну быть, что ты моему дѣлу правитель и пособникъ! Преж есмя сего Богу да государю бил челом да и тебѣ; а нынече такъже Богу да и тебѣ челом бью, что еси великому государю бил челомъ о моей пуже, ино надобе челобитье мое свершити. Дай г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. наше дѣла всѣ в твои руки предал; ино тебѣ надобно стоять и радѣти о нашемъ дѣле. Вѣдомо тебѣ, государь Борис Федорович, что опричь великого государя Московского хрестьянскому роду помощника нѣт. Дай г. ц. и в. к. свое царское слово к нам отписал, что ему меня обороняти от всякихъ моихъ недруговъ и под его бы царьскою рукою в защищенье былъ. А ныне по всѣмъ землям слава пошла, други и недруги всѣ знают наше дѣла, что в. г. ц. и в. к. царя Александра взял под свою царьскую руку; и ныне молюсь тебѣ, чтобы твое имя ласковое по всей вселенной славилось, а нас бы есте недругомъ нашимъ не подали. А в сю зиму г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. свою царьскую рать посылал на Шевкалского, а рать была невеликая; и с Шевкаломъ билися да и самого Шевкала ранили и многих людей побили, а иных живых поймали. И толко б государева рать не воротилась и пошли б на Тарки, и они б и Тарки взяли и укрепили и государевых бы людей в немъ посадили и оттоле Кумыцкую землю воевали. А отселе далнея дорога, всегда писати не мочно ко государю. Толко Богу да государю челом бью, чтобы свою царьскую болшую рать на Шевкалского послалъ и в Таркахъ бы город поставил и Шевкалского под свою царьскую руку покорил и через Кумышскую землю дорогу учинил; и в тѣ поры станет грозно, и после того мочно и казаком его воевати. А г. ц. и в. к. велѣлъ мнѣ свое царьское слово сказати, что меня в обѣихъ своихъ рукахъ держит; и слово бы царьское совершилось, чтобы на Шевкалского поранее рать свою царьскую послалъ и его под свою царьскую ногу попрал, чтобы нашимъ крестьяномъ отрад был и промежю нами пленение и кровопролитье престало.—А Крым-Шевкал с нами в любви и в дружбе; и Кумытцкая земля половина с нимъ стоитъ, а мы их под государеву руку принели. И Божьею милостью

Шевкалское дѣло плохо стало для того, что они промеж собою бранятца; да у них же межюусобъная рать. Писана въ государстве нашего, дворѣ в Крыме лѣта от созданію миру 7100-го мѣсяца маия.

А поминков к слугѣ и х конюшему боярину к Борису Федоровичю Годунову от Олександра царя: сщит везен шолком, пыж булатеи, врѣзываво золото сь яхонты и з бирюзы; платно кизылбашское з золотом и с серебром, по нем люди; камка кизылбашская, по ней слова арабские с розными шелки; обьерь зелена з золотомъ; аргамак рыжы.

И того же лѣта 7101-го июня мѣсяца г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодръжецъ иверскихъ послов отпустил; а с ними приговорил послати к Олександру царю посланника своего с тѣмъ, что по Олександрову цареву челобитью на Шевкала князя посылает рать свою болшую. А приговорил государь для Шевкалского послати на Терку околничего и воеводу князя Ондрѣя Ивановича Хворостинина с товарыщи со многою с прибылою ратью. И велѣл государь о том отписать к Иверскимъ посломъ от с. и к. б. и в. д. и н. К. и А. от Б. Ѳ. Годунова грамоту, обьявить имъ, что по Олександрову цареву челобитью за его печалованьем на Шевкала князя многую рать свою с околничим и воеводою со князем Ондрѣемъ Ивановичемъ Хворостининымъ с товарыщи посылает и Олександра царя от Шевкалского и от Кумытцких людей оборонить велѣл и за Божьею помощью Тарки засѣсти велѣл; и вперед Олександра царя во обороне и в защищенье держати хочет.

И по г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. указу к Иверскимъ посломъ от с. и к. б. от Бориса Федоровича Годунова грамота послана такова с толмачемъ с Ваномъ с Миколаевымъ.

Божиею милостию великого г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодръжца, Владимерского.... (*и пр. полный титулъ*)..... и обладателя его царского величества от с. и к. б. и в. д. и н. К. и А. от Б. Ѳ. Годунова Олександра царя Иверского посломъ Араму князю да архимариту Кирилу. Присылалъ к в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу государь вашъ Олександръ царь вас, послов своих, бити челомъ, чтоб в. г. н. его царьское величество государю вашему Олександру царю и всей Иверской землѣ милость показал, велѣл от недругов его оборонить и рать бы свою на Шевкала послати велѣл; а ко мнѣ в своей грамоте писал и рѣчью вы от государя своего от Олександра царя мнѣ говорили и били челом, чтоб мнѣ в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу бити челомъ, чтоб в. г. н. его царьское величество государя вашего Олександра царя и всее Иверскую землю пожаловал, от недругов оборонити велѣл и рать свою болшую на Шевкала к Таркамъ послал и под свою царьскую руку его привел и Тарки б велѣл взяти

и людей своих посадить; да и Кумыцкую землю велѣл повоевать и через Кумыцкую землю дорогу велѣл очистіт, чтоб крестьяномъ от бусурманского находу утесненья никоторого не было. И яз, выслушав грамоту и челобитье Олександра царя от вас послов, до в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца с радѣниемъ доносил и его царьскому величеству бил челом и молилъ, чтоб в. г. н. его царьское величество государя вашего Олександра царя пожаловал, послал на Шевкала рать свою и велѣл Иверскую землю оборонить, чтоб его царьскимъ заступлениемъ крестьянский род от томителства иноплеменных избавлен был.—И в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ, по своему царьскому милосердому обычаю и за челобитьемъ нашимъ, государя вашего Олександра царя и детей его и всю Иверскую землю в своемъ жалованье и во обороне и в защищенье ото всѣх его недругов держати хочет свыше прежнего и на своих непослушников, а на государя вашего недругов, на Шевкала князя и на Кумытцких людей посылает с своею болшею ратью околничего и воеводу князя Ондрѣя Ивановича Хворостинина и многих воевод; а с ними посылает многую рать свою с вогненымъ боем до 15,000. И з Божиею помощию велѣл на Шевкала итї и Шевкала згонить и Тарки засѣсть и посадитї велѣл своих людей и свата Олександрова царева Крым-Шевкала в Тарках с своими людми вмѣсте посадити велѣл и дорогу из Иверской земли в свои государства на Терку и в Асторохань и во всѣ свои государства отворити и укрепити велѣл. А воеводы от царьского величества отпущены; а сойдут вас передовые люди в Казани, а послѣдние люди сойдут в Астороханн и на Терке.—И как к вам Иван Всеволоцкой придет в Казань, и вы б шли в Асторохань не мешкая. А какъ будете у государя своего у Олександра царя, и вы б Олександру царю говорили, чтоб Александръ царь к Таркам послал от себя рать свою с сыномъ своимъ с царевичем Юрьем и с тестем его Крым-Шевкалом, сослався царьского величества с околничим и воеводою со князем Ондрѣемъ Ивановичем Хворостининым с товарыщи, чтоб имъ прити на Шевкала царьского величества с воеводами вмѣсте, и великого государя нашего его царьского величества и своим дѣломъ велѣл бы им промышляти с воеводами вмѣсте, чтоб Шевкала извоевать и разорить. А к в. бы г. н. его царьскому величеству Александръ царь прислал на поклон царевича Юрья или внука своего царевича Костянтина,—и онъ царьского величества очи увидит и великого государя нашего его царьского величества милосердие к Олександру царю и к себѣ увидит и съ его царьским жалованьемъ к Олександру царю отпущен будет вскоре; чтоб в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. само-

держца к Олександру царю жалованье и его богопособные самодержавные царьские власти защищенье всѣмъ околним государемъ, которые живутъ около Иверские земли, было явно, а государю б вашему Александру царю было надежно на государя нашего великого государя его царьского величества милосердіе. А какъ в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ вамъ Александра царя послом велѣл отпускъ сказати и к государю вашему вас отпустил, и у меня на отпуске быти вам не лучилося для моей немочи, что в то время по грехомъ понемог есми. И яз вамъ ныне в. г. н ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. намодержца ко государю вашему к Олександру царю за моим печалованьем жалованье и милосердие объявляю своею грамотою. И вы б себѣ сумнѣнья ни в чем не держали и к государю своему к Олександру царю ѣхали совсѣмъ радостны; а царь бы Александръ во всем на в. г. н. его царьского величества милость был надежен. А вперед мое радѣние и любовь к Олександру царю о всяких дѣлех будет и свыше прежнего. Писанъ в великого государя нашего государстве в царьствующемъ граде Москвѣ лѣта 7101-го июля мѣсяца.

И 101-го ж июля въ 25 день иверские послы Іарамъ князь да архимарит Кирил к с. и х к. б. к Б. Ѳ. Годунову с толмачом с Ываном с Миколаевым прислали против Борисовы Федоровича грамоты свою грамоту.

А се грамота иверскихъ послов к с. и к. б. к Борису Федоровичю:

Божиею милостию великого г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца, Владимерского ....(*и пр... полный титулъ*).... и облаадателя его царьского величества с. и к. б. и в. д. и н. К. и А. Б. Ѳ. Годунову царя Александра Иверского послы Иорам князь да архимарит Кирило челом бьют до лица земли. Прислал еси к нам твою милостивную и жаловалную грамоту с твоимъ милостивым словом, что в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ твоим печалованьемъ и заступлением пожаловалъ государя нашего, велѣл обороняти от его недруга от Шевкала и свою царьскую великую рат посылает. И мы твою милостивную грамоту прочли и что в ней было писано, то есми выслушали; и о том тебѣ, государю, велми челом бьем до лица земли о твоем великом заступленье и печалованье. А государь нашь царь Олександръ всю надежу и уповань на тебя положил, чтобы вѣра крестьянская избавилась твоим заступленьем от пленения и от томителства иноплеменных. Чтоб была тебѣ вечная слава по всей вселенней, а на втором и на страшнемъ и нелицемѣрном судище Христовем будет ти уготованье; и твой талантъ со вторицею от мздовоздателя Бога, иже

ти есть уготованно от Бога по труду твоему, что еси заступил для крестьянские вѣры. А родителем твоимъ будет вечной поминокъ.—А мы твоим жалованьемъ радостны безо всякого сумнѣнья, толко дожидаемся государевы милости; а мы твое желание великое и милость государю своему царю Александру извѣстно учинимъ. А что писал еси, государь, в грамоте, чтоб мы государю своему царю Александру говорили про царевича Юрья или про внука Костянтина, чтобы к в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу прислал на поклоненье сына своего царевича Юрья,—и мы то государю своему станем говорити по твоему наказу и промышляти станем, чтобы Богъ дал такъ быти, от нас толко промыслъ будет. А силою от нас не будет для того, что есмя холопи вопчие Божии да государевы: какъ есмя холопи государю своему царю Александру, также есмя холопи и в. г. ц и в. к. Ѳ. И. в. Р.; а начаемся на Божию милость, чтобы такъ было. А государь нашь царь Александръ с царицею и с царевичи своими и з бояры своими и со всею своею землею под г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. под его царьскою рукою от него, государя, неотступны. Толко о том Богу, да государю, да тебѣ челом бьем: о коем дѣле есми государю били челомъ, и то бы дѣло помощию Божиею совершилось. А мы и день и ночь дожидаемся государевы рати. А о всем о том дѣле вѣдает Богъ да ты, государь Борис Ѳедоровичь, как станеш государя нашего дѣломъ промышляти. Писан лѣта 7101-го мѣсяца июля въ 20 день.

17. 1593—1594 гг. Посольство въ Грузію Ивана Всеволодскаго.

(*Грузин. стат. спис. № 2, лл. 36—43 об.*).

Лѣта 7101-го июля мѣсяца г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ отпустил к Иверскому к Олександру царю посла своего Ивана Всеволодцкого; а с ним по государеву указу слуга и конюшей боярин Борис Федорович Годунов приказал к Олександру царю поклон и послалъ к Олександру царю грамоту да поминки. А правити велено поклон от Бориса Федоровича Олександру царю и грамоты и поминки подать, какъ исправят поклон и грамоту и поминки подадут от патриарха.....

Поминки: сорокъ соболей; кубокъ серебрян золочен двойчат; лошка серебрена; часы серебрены; пара самопалов коротких, порошница серебрена.

А се грамота от слуги и конюшего боярина Бориса Федоровича Годунова к Иверскому Олександру царю с Иваном со Всеволотцким:

Бога в Троицы славимаго милостію великого г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца, Владимерского.... (*и пр... полный титулъ*).... и облаадателя его царьского величества с. и к. б. и в. д. и н. К. и А. Б. Ѳ. Годунов Иверские земли Олександру царю с любовью челом бьет.—Присылал еси к в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу къ его царьскому величеству пословъ своихъ Ирама князя да старца Кирила бити челом, чтоб в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ тебѣ, Олександру царю, и всей твоей Иверской землѣ милость показал, велѣлъ от твоих недруговъ оборонить и рать бы свою на Шевкала послаті велѣл; а ко мнѣ в своей грамоте писал еси, что ты от недругов своих в скорбѣх пребываешь: горские люди, пришед украдом землю твою воюют и людей твоих побиваютъ и в полон емлют. И, мнѣ б в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу бити челом, чтоб великий государь нашь его царьское величество тебя, Олександра князя, и всю твою Иверскую землю от твоих недруговъ оборонити велѣл и рать свою..... (*тоже, что въ грамать Бориса къ посламъ кн. Араму и архим. Кириллу с. 256—257.*)... утесненья никоторого не было и кроворозлитие б меж вас и пленение престало. И яз, грамоту твою выслушав, зелне оскорбѣхся, слыша от нечестивых иноплеменникъ твоей Иверской землѣ насилие и разорение. А о томъ благодарю всещедраго и всесилнаго и человѣколюбивого Бога и пречистую его Матерь и тебя, Олександра царя, о том похваляю, что ты находящих на тебя от нечестивых насилие и скорби крѣпце и мужствене терпиши и во крестьянской вѣре непоколебимъ стоиш; аще гонимъ и насилуемъ и утесняем, но надежи мужественне не отпадаеш. И к в. г. н. благочестивому в. г. его царьскому величеству прибѣг еси и крѣпку надежю имѣешъ и помощи себѣ и всей Иверской землѣ от в. г. п. ожидаешъ и вперед надежю держишъ.—И яз челобитье твое и прошенье до царьскаго величества с радѣньемъ доносил и его царьскому величеству бил челом и молил государя, чтоб в. г. н. его царьское величество для крестьянские вѣры тобя, Олександра царя, пожаловал... (*тоже с. 257*).... иноплеменных агарян избавлен был, возвысился бы повсюду рог православных и на первобытное пространство и тишину обратился. И в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ, истинный рачитель благочестию и споспѣшникъ истинне, по своему царскому милосердому обычаю... (*тоже*)... и свою рать болшую на своих непослушниковъ, а на твоих недруговъ, на Шевкала князя и на Ку-

мыцкихъ людей с околничим и воеводою со княземъ Ондрѣемъ Ивановичемъ Хворостининымъ с товарыщи послал. И з Божиею..... (*...тоже*).... и укрепити велѣл. А ты б, Александръ царь, к Тарком с своею ратью послалъ сына своего..... (*тоже*)... промышляти имъ с воеводами вмѣсте. А какъ з Божиею помочью Тарки, взяв, укрепят і дорогу из твоей земли царьскаго величества воеводы утвердят, и тебѣ б, Александру царю, прося у Бога милости, в. г. н. его царьского величества богопособною самодержавною его властию утвердит и очистить землю Иверскую по старинѣ, какъ было изстари Иверская земля, чтоб в. г. н. его царьскаго величества осмотреньем і защищеньемъ его богопособные самодержавные царьские власти его государевы непослушники, а ваши недруги, всѣ были разорены, а тебѣ б, Александру царю, и дѣтем твоим, будучи под в. г. н. его царскаго величества самодержавною крѣпкою рукою от своих недругов жити на Иверской землѣ безстрашно.—А ко г. б н. к в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу къ его царьскому величеству прислал бы еси сына своего царевича Юрья или внука своего царевича Костянтина его царьские очи і жалованье на себѣ видеть и его царьскаго величества з жалованьемъ вскоре ѣхати к тебѣ, Александру царю, чтоб увѣдали то все околние государи, которые около Иверской земли, что к тебѣ государя нашего в. г. его царьскаго величества свершенное жалованье, а твоя бы перед государем нашим в. г. его царскаго величества служба и правда во всемъ была.—Да вѣдамо в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу учинилось, что у тобя, у Олександра царя, сидит в пойманье брат твой болшой по своей вине, что подискивал под тобою, Александромъ царемъ, государства твоего; и то бывает во многих государствах, что за такие вины братью свою в пойманье держатъ. И тебѣ б, Александру царю, прислати к в. г. н. его царьскому величеству детей его обѣих царевичей или одного из нихъ с сыномъ своимъ с царевичемъ Юрьемъ или со внукомъ своимъ Костянтиномъ для того: какъ в. г. н. отпустил сына твоего или внука, и тѣ твои племянники в тѣ поры побудутъ при г. н. его царьскомъ величестве, и всѣм околнимъ государем то будет пристрашно. А. г. н. мимо твою волю от себя не отпустит; какъ с своимъ послом к нему к в. г. прикажешъ, потому и учинити велит.—Да в. жь г. н. вѣдамо учинилося, что у Турского салтана был сынъ твой Иракли и, будучи у салтана, обусурманился; и Божьимъ судом тамъ его и не стало. А у Кизылбашского шаха в закладе сынъ твой Костянтинъ да сестра. И в. г. н. о томъ поскорбѣл, слыша то, что крестьянские государи у бусурманских государей в неволе и в поруганье бываютъ. И ты б, Але-

ксандръ царь, вперед бусурманским государем никоторым братьи своей и сестръ и детей и племянников никому без в. г. н. его царьскаго величества совѣту и повелѣнья не давал и самъ ни х кому не приставал мимо царьскаго величества. В. г. н. тебя, Александра царя, и детей твоих и всю твою Иверскую землю от всѣх околних государей и ото всѣх твоихъ недрузей оберегати и защищати будет свыше прежнего и никоторым твоимъ недругом тебя, Олександра царя, не подастъ. И ты б сына своего вперед у Кизылбашского шаха не держал, взяв его к себѣ, к в. г. н. прислал; а г. н. с послы с кизылбашскими, которые ныне у г. н., к шаху прикажет, чтоб он сына твоего к в. г. н. или к тебѣ, Олександру царю, отпустил, а ты сына своего ко г. н. отпустиш. А шах Кизылбашской к тебѣ по г. н. царьскаго величества приказу и без закладу будет крѣпокъ и прям; о томъ имянно к шаху х Кизылбашскому прикажем. А вперед царьское величество мнѣ о тебѣ и о твоей Иверской землѣ приказал имянно о всяких о твоихъ дѣлех и беречи тобя и твою Иверскую землю велѣл ото всѣх твоих недругов и помочь тебѣ, царю Александру, давать велѣл из своих государствъ из Астороханского государства и с Терки на всѣхъ твоих недрузей и указ свой царьской к своим воеводам подлинно о всемъ указал. И яз по царьскаго величества приказу потому и учну твоими дѣлы промышляти. Писан в в. г. н. государстве царьствующем граде Москвѣ лѣта 7101-го июля мѣсяца.

18. 1594—1595 гг. Посольство изъ Грузіи Хуршита и Арама.

(Грузинскія: а) стат. спис. № 2, лл. 44—48; б) граматы 1594 г. № 1 и в) дѣла 1596 г. іюня 5—декабрь).

Лѣта 7103-го в декабрѣ мѣсяце г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. посол Иван Всеволоцкой из Иверские земли пріѣхал; а с нимъ вмѣсте прислал ко г. ц. и в. к. Иверской Александръ царь послов своих Хуршита и Арама. А с послы своими Александръ царь прислал царского величества к шурину с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. к Б. Ѳ. Годунову грамоту; и та грамота у них взята вмѣсте з государевою грамотою, как были послы в Посолской Полате у дьяка Василья Щелкалова.

А се такову грамоту прислал..... к Борису Ѳедоровичю Годунову Иверской Александръ царь с послы своими с Хуршитом да с Арамом.

Бога в Троице славимаго милостию в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца его царского величества шурину, с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунову мы, началникъ г. ц. Александръ Леонтьевич всеа Иверские земли, от нас с великою любовью поклон. И в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ прислал к нам посла своего Ивана Никитича Всеволотцкого; а с нимъ к нам грамоту писал и дары прислал. И мы твою грамоту и дары любезно приняли и грамоту твою вычли и что было в ней писано, и мы то выслухали; и государев же посолъ нам твои рѣчи изустъ говорил. И мы о том велми ради, что ты государю печалникъ и заступник нашему дѣлу. И преж, государь, сего еси прислал к нам дворянина своего и намѣсника Брянского князя Семена Григорьевича Звенигородцкого; а с ними, государь, прислал к нам свою царскую жаловалную грамоту з золотою печатью и велѣл обороняти меня и всю Иверскую землю ото всѣх моих недругов. И в. г. возвысил нас от земнаго сокровища и небесные высоты его всѣм царским жалованьемъ. И ты, государь Борис Ѳедорович, печалуешся и радѣеш о хрестьянской вѣре, и Богъ тебѣ воздастъ твою достойную мзду и от своего нетлѣннаго сокровища подарует ти Христос венецъ нетлѣнный, якоже око не виде и ухо не слыша и на серце человѣку не взыде, якоже уготова Богъ любящим его. И в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. твоим радѣньемъ и заступленьем прислал своего царского околничего и воеводу князя Ондрѣя Ивановича Хворостинина с великою ратью на государева измѣнника и непослушника, а на моего недруга, на Шевкала князя и на всю горскую землю. А государь писал: Божьимъ произволеньемъ в которые поры Шевкалского повоюют и через Кумыцкую землю дорогу очистят и всю Кумыцкую землю под его царскую руку покорим, и мнѣ б в тѣ поры прислати к воеводамъ сына своего царевича Юрья с своею ратью на помочь. И мы царскому повелѣнью послушники есмя. А сколко здѣсе времени пожил государев околничей и воевода з государевою ратью, и он государеву службу гораздо послужил, многие мѣста поморские повоевал и пожег; ино еще далеко стоит з государевою ратью, для того что дорога не очищаетца. Божьею милостию и государевым счастьем коли, Богъ дастъ, черезъ Кумытцкую землю дорога очиститца, и мы в тѣ поры пришлем к государевым воеводам сына своего царевича Юрья с нашею ратью. И то вѣдомо тебѣ: близ нашие земли в горах есть землица невеликая, Тебелская земля словет; ино мошно будет, и яз пойду сам с своею ратью воевати их.—И в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. писал ко мнѣ, чтобы мнѣ отпустити племянников своих, которые сидят в пойманье для своей вины, чтоб ихъ к государю прислать. И мы то выслушали и о

том велми подивилися; аще бы и в царской грамоте не написано было, а государев бы посол изустъ говорил, и мы б его слову не вѣрили для того, воистинну дивное дѣло есть: от такова великого государя для такова дѣла печалнику стати. Два племянника мои измѣну учинили да в Кизылбашскую землю пошли и тамо в Кизылбашской землѣ поругались, а от крестьянские вѣры отрекшисе да отставши, оттоле с Кизылбашскою великою ратью пришодчи воевати Иверскую землю и хотѣли разорити наши монастыри и хрестьянскіе церкви и наши городы и торги и весь хрестьянский род хотѣли в полон вести и всю Иверскую землю в бусурманскую вѣру привести и запустѣти. И Божьею помощию с нами билися, і мы их на голову побили. И оба племянника мои на бою живых поймали; одного в заточенье в монастырь посадили, по крестьянской вѣре немного время пожил, умер,—а другому очи выжег тотчас для того, что Турской царь стал их просити. А толко б ихъ не поймали и тово б толко над ними не здѣлали, и нынече б Иверская земля вся в невѣрство впала. Толко б того не получили, чтоб один племянник мой не умер, а другому б глаз не выжег, и так государю не били челом, чтоб наши измѣнники и недруги к себѣ их просили; и для их и ныне измѣнники мои и недруги обрадовались на меня хитрости чинити. А о том де не кручинся для одной рѣчи: Божиею милостью от Бога нам ничево неоскудно. Один де государь еси, якоже и аз и иные государи; ино для того тружаюсь для нашие сладкие вѣры хрестьянские. И то тебѣ, Борис Ѳедорович, молимся, чтоб ты печалник был у государя и радѣл бы о моем дѣле. Коли бы дорога была отселе, любо б проходъ был, и мы б по ся мѣсто Кумытцкую землю так не покинули; любо б свою голову тут положил, любо б их голову взяли и для хрестьянские вѣры пострадали. А мы от в. г. упованье имѣли, чтоб по ся мѣсто наше и Шевкалское дѣло свершилось. Еще молимся твоему величеству, государь Борис Ѳедорович, чтоб ты пожаловал, печалникъ был о всяком моемъ дѣле, как еси радѣл по сѣхъ мѣстъ, также и вперед упование мое и надежа на Бога и на тебя; и велѣл бы воевати Шевкалского и в Казы-Кумыкех город поставити и дорогу через Кумытцкую землю очистити, и тогды моя рать сойдетца з государевою ратью вмѣсте. Поистинне глаголю: доколе государевы воеводы и государева рать в Казы-Кумык не будет и города не поставят, дотоле к государевым воеводам и к войнѣ ни послу нашему лзѣ ходить, ни торговым людем лзѣ ходить, ни государева повелѣнья мочно свершити. Послали есмя ко государю послов своих Антонья прѣного архиепископа Черемелского и всеа Черкаские земли; а с ними есмя

послали в товарыщах дворянина нашего и вѣрного слугу Хуршита. А послов бы моих, не издержав, ранее бы их отпустили. Писан в государя нашего дворѣ в Крыме от создания миру лѣта 7102-го мѣсяца іюня в 15 день.

(*Подлинная грамата (на русскомъ языкѣ) хранится въ числѣ „грузинскихъ грамотъ“ 1594 года подъ № 1-мъ*).

104-го октября в 8 де к великому господину Иеву патриарху Московскому і всеа Русиі приходили Иверского царя Олександра послы Хуршитъ да Арам благословитися и челом ударити. И великиі господинъ Иев патриархъ послал к царю Олександру благословение—образ Спасов, обложен серебром, венецъ сканной золочен с финивты, осмилистовой; даровъ: сорокъ соболей, цена 30 рублев, сорокъ соболей, цена 20 рублев. Да Олександрове царице: образ пречистые Богородицы, обложен серебром золочен, венецъ сканью, с финивты, осмилистовой; сорокъ соболей, цена 20 рублев.—Да послов—Хуршита благословил: образ пресвятые Богородицы, обложен серебром, да сорок соболей, цена 12 рублев; да Арама—образ пресвятые Богородицы, обложен серебром, да сорокъ соболей, цѣна 10 рублев.

19. 1596—1599 гг. Посольство въ Грузію Куз. Петр. Совина и подьячаго Андрея Полуханова.

(*Грузинскія дѣла: а) 1596 г. іюня 5—декабрь; б) 1597 г. августъ—1598 г. и в) 1599 г. іюня 8 д.*).

(Грамата царя Ѳедора Грузинскому царю Александру):

(*После Богословія и полнаго титула*)... государь и облаадатель Іверские землі началнику Олександру царю милостивное наше царьское повелѣніе с великим жалованьемъ и крѣпкое защищенье богопособные нашие царьские властi самодержавные, тебѣ, Олександру царю, і въсей твоей Иверской землѣ безстрашное пребываніе в нашем царьскомъ защищенье ото всѣх твоих недругов. Прежсево присылал еси к нашему царскому величеству послов своіх и не одиножды, бьючи челом о томъ, чтоб тебѣ быті в нашемъ царском жалованье под нашею царскою высокою рукою і велѣті б тебя обороніті от твоего недруга от Шевкала князя і дорогу б к твоеі землѣ очистить; а ты, Олександръ царь, со всею Иверскою землею, будучі под нашего царского величества рукою, с нашимі Терскимі воеводамі на нашіх непослушников, а на своіх недругов, учнеш стояті заодін. И мы в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с., истинный крестьянскиі государь, по своему

царскому милосердому обычаю, жалѣя о крестьянстве, а за челобитьем і за печалованьемъ нашего царского величества шурина с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунова, твоего челобитья не презрѣлі, для крестьянства тобя, Олексанdра царя, и твоих детей і всю твою Іверскую землю пожаловалі, взяв под нашу царскую высокую руку, от твоего недруга от Шевкала князя велѣли есмя тобя обороніті. А посылалі есмя на Шевкала с своею ратью воевод своіх князя Грігорья Осиповіча Засѣкина с товарищі; и они Шевкалову землю многіе мѣста воевалі и Шевкаловых людей многіх побілі, а иных в полон поималі и самого Шевкала ранилі.—А после того присылал еси к нашему величеству послов своіх Іарама князя да старца Кирила біті челомъ о томъ, чтоб нам на Шевкала князя послаті болшую свою рать и, город Таркі взяв, посадіти в немъ из своіх рукъ твоего свата Крымъ-Шевкала. И мы в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. по твоему челобитью і за челобітьем і за прошеньемъ нашего царского величества шурина, с. и к. б. и д. в. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунова, посылалі есмя на нашего непослушника, а на твоего недруга, на Шевкала князя воевод своихъ со многою ратью околнічего и воеводу князя Ондрѣя Ивановича Хворостинина с товарищи.—А к тебѣ к Олександру царю с тѣм нашимъ царским жалованьемъ посылалі есмя посла своего Ивана Всеволодцкого, и с ним к тебѣ в нашей царской грамоте писалі есмя и словом приказывалі, чтоб ты с своей стороны в тоже время послал на Шевкала с своею ратью сына своего царевича Юрья и свата своего Крым-Шевкала; а велѣл им, сшедчися с нашими воеводами, над Шевкалом заодно промышляті, чтоб его згонить и, город Тарки взяв, посадіті в нем нашихъ людей и свата твоего Крым-Шевкала в Тарках с нашими людми посадіті и дорога к твоей землѣ очистіті. И к нашему царскому величеству писали с Терки околничей и воеводы наши князь Ондрѣй Иванович Хворостінін с товарищи, что по нашего царского величества повелѣнью ходилі они на Шевкала князя с нашею ратью и Шевкалову землю воевалі и город Таркі взялі; а ты по нашего царского величества повелѣнью сына своего царевича Юрья с своею ратью в то время на Шевкала не прислалъ и его не воевал и сват твой Крым-Шевкал на Шевкала не ходил же. И наши воеводы, Шевкалову землю воевав и стояв в Тарках долгое время, да Тарки разорилі, а сами на Терку воротилися. И мы тому подивилися: для чего так учинилося, что ты к нашему царскому величеству присылал послов своих с слезным прошеньем, жалуючис на Шевкала, чтоб нам в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. на него послаті рать свою и его велѣлі воеваті, а

как мы на него рать свою послалі, и ты с нашими воеводами на него не сталъ и сына своего и свата к нашим воеводам с ратью не прислал? И за тѣм болшое дѣло не совершилося, а нашему царскому величеству в той рати в подьеме великие убытки починилися.— И ныне к нашему царскому величеству прислал еси вмѣсте с нашим послом с Иваном со Всеволодцким своих послов Хуршита да Арама з грамотою, а в грамоте своей к нашему царскому величеству писал еси и рѣчью с послы своими бити челом приказывал, чтоб мы в. г. ц. и в. к. О. И. в. Р. с. велѣл повелѣнье свое совершити, Шевкальского велѣлі воевать и дорога через Кумытцкую землю очистити и в Казы-Кумыкѣхъ город велѣлі поставіті; а как по нашего царского величества повелѣнью дорога через Кумытцкую землю будет, и тогды твоя рат сойдетца с нашею ратью. И мы в. г. ц. и в. к. О. И в. Р. с. грамоту твою милостивно выслушалі. И как есмя прежсего тебя, Александра царя, и всю твою Иверскую землю пожаловали, взяли под свою царскую высокую руку и от твоихъ недругов обороняті велѣлі, так и ныне своего царского милосердья к тебѣ не оставіли есмя, на нашего непослушника, а на твоего недруга, на Шевкала князя Терскимъ воеводам рат свою безпрестані посылалі и землю его воевати велѣлі есмя. И по нашего царского величества указу Терские воеводы со многою нашею ратью в Шевкалове землѣ на рекѣ на Койсе город поставіли и над Шевкалом промышляют.—А все то учинили есмя по своему царскому милосердію для твоего челобітья; і вперед тебя своим царским жалованьемъ и защищеньемъ оставіти не хотим, ото всѣх твоих недругов воеводам своимъ обороняті велім. И тебѣ бы, Александру царю, и твоим дѣтем со всею Іверскою землею, видя к себѣ наше царское жалованье и оборону и защищенье ото всѣх от ваших недругов, быти в нашемъ царском жалованье и под нашею царского величества высокою рукою крѣпку и неподвижну безо всякого сумнѣнья и на нашіх непослушниковъ, а на своих недругов, на Шевкала и на іных, с нашимі с Терскимі воеводамі стояті заодін.—А что к нашему царьскому величеству пісал есі в грамоте, что по нашего царьского величества повелѣнью з зятем своим с Симоном помирілся есі вековым миром и начаешся Божьей милості, которые землі от вас отсталі Мигрелская и Гурнелская и Мамучарская, чтоб вам их к себѣ проворотіт и под нашу царьскую руку их прівести,—и ты, Александръ царь, то учиніл гораздо, что нашего царьского повелѣнья не ослушался, з зятем своим с Семеном помирілся і вперед бы есі жилъ с ним в миру і в любві и протів нашіх и своих недругов стоялі с ним заодін. А которые землі от вас былі

отсталі, тѣх бы естя доступалі заодін и под нашу царьскую руку их пріводилі. А Симону то наше царьское жалованье пригоже помніт и быти под нашею царьскою высокою рукою вмѣсте с тобою. А какъ, аже дастъ Богъ, вперед ты, Александръ, пошлеш к нам послов своих, и зять бы твой Семен к нашему царьскому величеству вмѣсте с твоимі послы прислал своих послов и с нимі пріказал, как ему вперед быті в нашем царьском жалованье под нашею царьскою высокою рукою і во обороне от ваших недруговъ. А какъ послы его у нас будут, и мы с нимі велім бояром своим о всем договор учініті и пожаловав их отпустим и своего посла к нему пошлемъ.—А которыхъ послов своих прісылал еси к нашему царскому величеству вмѣсте с нашимъ посломъ с Иваном Всеволодцким, и мы, тѣм твоим послом наши царские очи давъ видеті и пожаловав их своим царским жалованьем по прежнему обычею, к тебѣ отпустилі есмя; а с ними вмѣсте послалі есмя к тебѣ, Олександру царю, с сею нашею царскою грамотою посланника нашего Кузму Совина;—и ты б его отпустил к нам не издержав. Писана в государьствія нашего дворѣ в царствующем граде Москвѣ лѣта 7104-го іюня мѣсяца.

(Грамата патріарха Іова Грузинскому царю Александру):

„Богословіе“ тоже, что въ предшествующей его грамать отъ мая 7099 г.....возлюбленному сыну царю Олександру Леонтьевичю всеа Иверские землі начальнику благословенье нашего смиренія. Присылал еси к в. г. благочестивому ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и м. г. ко г. и о. послов своих Хуршита да Арама з грамотою; да с нимі же прислал еси ко мнѣ свою грамоту. А в грамоте в своей писал еси, что в. г. н. благочес. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. присылал к тебѣ посла своего Івана Никитича Всеволоцкого, а мы с нимъ писалі к тебѣ грамоту; и ты нашу грамоту принялъ, любезно вычел и о том еси порадовался, что мы великому и благочестивому г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. о твоем дѣле били челом. А в. г. н. благочестивый ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. по твоему челобитью посылал на своего непослушника, а на твоего недруга, на Шевкала князя околничего своего і воеводу князя Ондрѣя Івановіча Хворостинина с великою ратью. И Божьею милостью, а великого государя благочестиваго царя повелѣньемъ, околничей і воевода князь Ондрѣй Івановіч Хворостинин з государевою ратью в Шевкалове землѣ был и службу служил, гораздо многие поморские мѣста повоевал и пожогъ, толко еще к Иверской землѣ дорога не очищена. И намъ бы о томъ бити челом в. г. благочестивому ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и радѣния бы о твоемъ дѣле намъ имѣті, какъ мы родѣлі

по ся мѣста, чтоб государь благочестивый ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. і вперед тебя своимъ жалованьемъ не оставіл, велѣлъ воеваті Шевкалского и в Казы-Кумыкехъ велѣлъ городъ поставіті и дорогу через Кумытцкую землю очистіті.—И мы о том по твоему прошенью в. г. благочестівому ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. білі челом. И благовѣрный и христолюбивый в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и м. г. г. и о., по своему царьскому милосердому обычею, как преж сего тебя, Александра царя, и твоих детей і всю Іверскую землю пожаловал, взял под свою царскую руку в защищенье ото всѣхъ твоих недругов и от Шевкала обороняті велѣлъ, рать свою на него посылал,—так и ныне ...(*тоже, что въ грамать царя Ѳедора с. 267*).... воеваті велѣл. И Божьею милостью, в. г. н. благочестіваго ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. Терские воеводы....(*тоже*).... промышляют. И тебѣ бы, Александру царю,.... (*тоже*)..... крѣпку и неподвижну по своему обещанью, на чом еси правду дал.—А что прислал еси к нам с послы своими поминки,—и мы то от вас з благодареньемъ принели. А от нашего смиренья благословенье послалі есмя к тебѣ, Александру царю, с послы твоими с Хуршитом и с Арамом образ Спасов да два сорока соболей; да царице твоей образ пречистые Богородицы да сорок соболей.—Посем благодать и мир и милость от Вседержителя Бога и нашего смиренья благословенье да будет на тебѣ и на всем твоем царстве ныне и во вся вѣки.—Аминь.—Писана в царьствующем граде Москвѣ лѣта 7104-го июня мѣсяца.

Лѣта 7104-го июня [1]) въ день г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. велѣл Кузмѣ Петровичю Совину ити в послѣхъ да подьячему Ондрѣю Полуханову для своего государева дѣла в Грузинскую землю к Александру царю; а с ними отпустил г. ц. и в. к. грузинского Александра царя послов Хуршита да Арама, а дожидаютца их в Казани. А об отпуске их писано от г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. в Казан и в Астороханъ и на Терку к воеводам.—А велено с ними послат в провожанье ис Казани до Самары стрелцов с сотником 50 человѣкъ; а с Сомары и из Соратова и с Царицына велено их провожати посылат от города до города казаков или стрелцов по 50 человѣкъ. А в Астороханы велено дат иверъскимъ послом из государевых 10 лошадей и проводити их до Терки послати велено и кормъ послом в дорогу велено дат от Казани до Астороханы, а от Астороханы до Терки.—И Кузмѣ Петровичю Совину и подьячему Ондрѣю Полуханову ѣхати въ Казань, не мешкая. А, пріѣхав в Казань, говорити от г. ц. и в. к.

[1]) Сперва было написано: апрѣля.

Ѳ. И. в. Р. воеводе князю Ивану Михайловичю Воротынскому с товарыщи, чтоб ихъ и грузинскихъ пословъ отпустили в Астрахан тотчасъ и проводити их послали по государеву указу. Да как их из Казани отпустят, и Кузмѣ Петровичю Совину и подьячему Ондрѣю итти ис Казани в Астрохань, не мешкая, с великимъ береженьемъ и на станѣхъ ставитися устрожливо, чтоб на нихъ воры черкасы и нагайские тотарове не пришли и дурна какова не учинили. А, пріѣхав в Астрохан, отдати г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. грамоту околничему и воеводам Ивану Михайловичю Бутурлину да Деменшѣ Ивановичю Черемисинову с товарыщи. А, отдав грамоту, говорити, чтоб они, по государеве грамоте иверскимъ послом дав лошади и кормъ в дорогу, отпустили их на Терку вскоре в судѣх, а лошади б ихъ отпустили на Терек полемъ, и проводити послали по государеву указу.

А как Кузма и подьячей Ондрѣй придут в Терской город, и Кузмѣ говорити воеводе князю Василью Дмитреевичю Хилкову да околничему и воеводе князю Ондрѣю Ивановичю Хворостинину да воеводе Володимеру Васильевичю Головину, чтоб об них послали тотчас посылку на государевых лошедѣх к Черкаским князям к Солоху и к Олкасу князю и к иным мурзам Черкаским, которые государю служат, на которые имъ кабаки итти в Грузинскую землю. А приказали б к нимъ, что в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ послал к Олександру царю Иверскому посла своего его Козму Петровича Совина да подьячего Ондрѣя Полуханова, а итти им на их кабаки,—и Солох бы князь и Алкас тѣм г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. службу свою показали, государева посланника послали проводит своих людей до Грузинские земли или до коих мѣстъ пригоже. А с Терки с ними велено послати проводити до Шолоховых и до Олкасовых кабаков, до коих мѣстъ пригоже, с сотником стрелцов конных до 100 человѣкъ да пѣших до 100 ж человѣкъ; да с ними ж велено послати с Терки 30 человѣкъ стрелцов конных, которым с ними итти в Грузинскую землю. А к Шолоху князю и к Олкасу посланы с ними о провожанье г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. грамоты.

И как их с Терки воеводы отпустят, и Кузмѣ Петровичю Совину да подъячему Ондрѣю с иверскими послы итти с Терки на Сунжу да на Солоховы и на Алкасовы кабаки, выпрося вожей, на которые мѣста прямѣе и лутче. А какъ придут в Шолоховы кабаки, и Кузмѣ Петровичю и подъячему Ондрѣю приказати к Солоху, чтоб пріѣхал к ним в стан для г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. дѣла. И поѣдет будет и ним Солох, и Кузмѣ Петровичю отдати Солоху г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. грамоту. А, отдав грамоту, говорити, что в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в.

Р. самодержецъ послал в Иверскую землю к Олександру царю его посла своего Кузму Петровича Совина да подячего Ондрѣя Полуханова, и Солох бы князь тѣм государю службу свою показал, послал их проводити людей своих до Алкасовых кабаков или до коих мѣстъ пригоже. А будет Солох сам к ним в стан не поѣдет, и Кузмѣ Петровичю и подъячему Ондрѣю г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. грамоту к Солоху князю послати с толмачомъ и приказати Солоху говорити, чтоб их по государеве грамоте послал проводити людей своих, до которых мѣстъ пригоже.—Да итти им в Иверскую землю, выпрося вожей, на которые мѣста лутчи и безстрашиѣе. А провожатых Терских взяти с собою, до коих мѣстъ пригоже, смотря по вестям, чтоб их далеко не заволочит. А гдѣ будет имъ лучитца итти на которые иные кабаки Черкаских князей и мурзъ, и к тѣм князем и мурзам, которые на дороге будут, послана с ними государева грамота отворчетая за красною печатью. И Кузмѣ Петровичю и подьячему Ондрѣю тое государеву грамоту имъ прочитат и о том говорити, чтоб их в Грузинскую землю пропущали и провожати посылали; а г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. жалованье будет к ним вперед.—А о том Кузмѣ и подьячему Ондрѣю говорити з грузинскими послы, чтоб они з дороги, от коих мѣстъ пригоже, послали в Иверскую землю людей своих человѣкъ дву или трех; а Кузмѣ с ними вмѣсте послати стрелцов дву человѣкъ, которые с ними посланы будут, да черкас человѣкъ 10, выпрося у которого Черкаского князя. А приказати к Олександру царю, чтоб к ним встрѣчю прислал людей и лошадей, чтоб им до Грузинские земли пройти здорово.

Да какъ, оже дастъ Богъ, придутъ в Грузинскую землю і велит ім Александръ царь быти у себя, и Кузмѣ и подьячему Ондрѣю приказати к Олександру царю, чтоб у него в то время иных государей послов и посланников не было никого; а быт бы им у него однѣм.—А будут в то время у Александра царя Турского салтана или Кизылбашсково шаха послы или посланники или гонцы, и Кузмѣ и подьячему с ними вмѣсте ко царю Александру однолично не ходит. А хоти и придут на двор, а свѣдаютъ, что у Александра царя иных земел послы или посланники, и имъ посолста не правити, а итти к себѣ на подворье; и говорити приставомъ, что то Александръ царь дѣлает не по пригожу и не по прежнему обычею, что велит им быт у себя с иными послы, и он бы такое непригожее дѣло оставил, а велѣл имъ у себя быти на посолстве однимъ опричь иных послов и посланников і гонцов.

А не будет у Александра царя иных земел послов и посланников, и Кузмѣ и подьячему Ондрѣю, пришед к Олександру царю, от г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. правити поклон. А молыти Кузмѣ: Бога в Троицы славимаго милостию, в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. (.....*и пр. полный титул*)..... и облаадател тебѣ, Александру царю, велѣлъ поклонитис.—В. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ велѣл тебѣ свое здоровье сказать, а про твое здоровье спросить.—Да подати от г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. грамота. А после грамоты явити Александру царю г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. жалованье, поминки по росписи.

А после того говорити рѣч Кузмѣ. А молыти: Божиею милостию в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и м. г. г. и о. велѣл тебѣ, Александру царю, говорити: присылал еси к нашему царскому величеству послов своихъ Куршита да Арама с своею грамотою. А в грамоте своей писал еси і рѣчью нашему царьскому величеству бити челом приказывал, что по твоему прошенью и по челобитью посылали есмя на нашего непослушника, а на твоего недруга, на Шеокала князя воевод своих со многою ратью околничего и воеводу князя Ондрѣя Ивановича Хворостинина с товарыщи. И по нашего царьского величества повелѣнью воеводы наши Шеокалову землю многие поморские мѣста воевали и пожгли; толко ещо дорога к Иверской землѣ не очистилас. И нам бы в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу повелѣнье свое царьское совершити, Шевкалского велѣти воеват и дорогу через Кумытцкую землю очистити и в Казы-Кумыкех город велѣти поставити. А какъ по царского величества повелѣнью дорога через Кумытцкую землю будет, и тогды твоя рат сойдетца с нашею ратью.—Подьячему Ондрѣю: Б. м. в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и м. г. г. и о. велѣлъ тебѣ, Александру царю, говориті: и мы, в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержец грамоту твою милостивно выслушали. И как есмя преж сего..... (*буквально тоже самое, что и въ грамать царя Ѳедора с. 267*)..... с Терскими воеводами стояти заодин крѣпко и неотступно.

И будет Александръ царь позовет их к себѣ ѣсти, і Кузмѣ и подьячему Ондрѣю говориті приставу, чтоб в то время у царя иных государей послов и посланников не было; а будет у Олександра царя Турского или Кизылбашского и иных государей послы, и им у Олександра царя не ѣсті.

Да какъ после посолства велит будет Кузмѣ и подьячему Ондрѣю Александръ царь быти у себя и учнет им говорит сам или кого к нимъ пришлет своих болших людей и учнут их спрашиват: что с ними г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. наказ о каких дѣлех к Олександру ца-

рю? И Кузмѣ Петровичю Совину и подьячему Ондрѣю говорити Александровым ближним людем: прежь сего присылал к в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу Олександръ царь пословъ своих Иарама князя да старца Кирила бити челом, чтоб в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. Александра царя и всю его Иверскую землю пожаловал, от его недруга от Шевкала князя оборонити велѣл и рат свою на Шевкальсково к Таркам послаті велѣлъ б и, Тарки взяв, велѣлъ в нем посадити Александрова царева свата Крым-Шевкала; да и к шурину царского величества с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. к Б. Ѳ. Годунову Олександръ царь с послы своими бити челом приказывал, чтоб в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу его царского величеству шюринъ Борис Федорович Годунов бил челом и на то наводил, чтоб великиі государь нашъ его царское величество Александра царя от Шевкала велѣлъ оборонити.—И в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ, по своему царскому милосердому обычею и за челобитьем шурина своего с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунова Александра царя пожаловал, челобитья его не презрѣл, и посылал на своего государева непослушника, а на его недруга, на Шевкала князя воевод своих со многою ратью—околничего и воеводу князя Ондрѣя Ивановича Хворостинина с товарыщи. А к Олександру царю великий государь нашъ царское величество с посломъ своим с Ывашом Всеволодцким в своей царской грамоте .....(*тоже, что въ грамотѣ царя Ѳедора*)..... дорога к Иверской землѣ очистити. И в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца его царского величества воеводы князь Ондрѣй Иванович Хворостинин с товарыщи, по царского величества повелѣнью, на Шевкала ....(*тоже*)... не ходил же. И в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца воеводы видя то, что Александров царевъ сынъ с ратью и Крым-Шевкал к нимъ не пришли и, стояв долгое время в Шевкалове землѣ, город Тарки разорили, для того что тот город Тарки стоитъ не угодья и сидѣти было в немъ государевым людем не прибылно, а поставили город в иномъ мѣсте. И какъ то в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. вѣдомо учинилос, и государь нашъ царское величество тому подивился, для чего такъ учинилос: в кою пору его царского величества воеводы со многою ратью пришли на Шевкала и землю его воевали, а Олександръ царь в то время на него своей рати не послал, и сват его Крым-Шевкалъ ко государевым воеводам не пришел? А в. г. н. в той рати многие убытки починилис. А ныне писал к в. г. н. Александръ царь, чтоб в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ повелѣнье свое велѣлъ совершить, Шевкала велѣлъ воеват и дорогу к Иверской землѣ через Ку-

мыцкую землю очистит. И в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с., истинный хрестьянский государь, по своему царскому милосердому обычею и на то не смотря, что преж сего Александръ царь учинил не по пригожу, своего царского милосердия к Олександру царю и ко всей Иверской землѣ не оставил, на Шевкала князя рать свою войною Терским воеводам безпрестани посылати велѣлъ. И по царского вечества повелѣнью государевы воеводы в Шевкалове землѣ на рекѣ на Койсе город поставили и над Шевкалом промышляют. И то есмя в дороге слышели, что Шевкал ныне г. н. добил челом в правду дал, что ему быти под в. г. н. царскою рукою; а для болшого укрепленья хочет к государю нашему послати в заклад сына своего. И коли он, Шевкал, г. н. добил челом, и Александрове цареве землѣ от него никоторого убытка не будет и дорога к Иверской землѣ через Кумыцкую землю очищена будетъ. И вперед в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ Александра царя своим царским жалованьемъ не оставит, от его недругов воеводам своим обороняти велитъ; а Александръ б царь и его дѣти, видя к себѣ и ко всей Иверской землѣ такое царское жалованье и оборону, были в царскомъ жалованье под его царского величества высокою рукою крѣпки и неподвижны безо всякого сумнѣнья и на государевых непослушников, а на своих недругов, с Терскими воеводами стояли заодин.

И будетъ царевы болшие люди учнут говорит, что Александръ царь государева повелѣнья не ослушаетца, и сына своего с ратью ко государевым воеводамъ на сход хотѣл послати, да пройти было ему в горах не мочно, потому что дорога через Кумытцкую землю была не очищена; государевы воеводы на Кумытцкую землю не ходили и не воевали; а Шевкал, сложас с Кумыки, против ихъ стали и имъ болшие недруги учинилися; а которой город поставили государевы воеводы в Шевкалской землѣ, и от того имъ никоторые тесноты нѣтъ,— и Кузмѣ Петровичю и подьячему Ондрѣю говорити: какъ вы того и говорит не стыдитес, что Александръ царь с своим сыном рати на Шевкала не послал за дорогою? Коли такая государева милость была к Олександру царю, что многая государева рат, пришед, Шевкалову землю воевали, а Шевкал против государевых воеводъ не стал, побежал,—і в то было время Александру царю над Шевкаломъ и промышлять и рат своя к государевым воеводам послат; а дорогу было имъ найти мочно, куды пройти к государевым воеводам. И, сшедчис было з государевою ратью, дорога очищат через Кумытцкую землю и Шевкала и Кумыцкую землю подъ государеву руку привести. А сам о том Александръ царь с послы свои писалъ, чтоб в. г. н. на

Шеѳкала болшую рат свою послал и, городъ Тарки взяв, велѣл в нем посадити свата его Крым-Шевкала. И государь нашъ царское величество потому воеводам своим и указ свої царской учинил, чтоб Шеѳкала извоевать і, город Тарки взяв, посадитї в немъ Крым-Шеѳкала. И в. г. н. воеводы, по царского величества повелѣнью, пришед в Шевкалову землю, воевали и город Тарки взяли. А Александрова царева сына с его ратью и Крым-Шеѳкала ждали долгое время, что было, посадя въ Тарках з государевымі людми Крым-Шевкала, итти войною на Кумытцкую землю и к Иверской землѣ дорога очистит через Кумыцкую землю; и Александрова царева рат и Крым-Шеѳкал к государевым воеводам не пришли. А государевым воеводам о том наказу не было, что итти одним на Кумыцкую землю и дорогу очищат къ Иверской землѣ; потому государевы воеводы, стояв в Торках долгое время, город разорилі и воротились на Терку. А колі б государевы воеводы пошли на Кумыцкую землю и к Иверской землѣ дорогу очистили одни без Александровы царевы рати, и тогды было ужь Александрове цареве рати с в. г. н. ратью что и сходитца и на кого итти? И вамъ тѣмъ оттовариватися нѣчего: то дѣло не совершилос з государя вашего сторону. Толко в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ как преж сего пожаловал Александра царя, взяв его под свою царскую руку, от его недругов обороняти велѣл,—такъ и ныне своего царского милосердия не оставил, воеводам своим Терскимъ надъ Шеѳкалом промышляти велѣл. И по царьского величества повелѣнью Терские воеводы в Шеѳкалове землѣ на рекѣ на Койсе на устье у моря, гдѣ были у Шеѳкала лутчие угодья пашни и сенокосы и рыбные ловли, поставили город. И Шеѳкал, узнав то, что ему вперед от государевой рати не прожит, ныне государю нашему добил челом и во всей государеве воле учинился; а с ним, с Олександром царем, велит государь ему быти в дружбе.—Да писал к в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу Олександръ царь, что он по царского величества повелѣнью з зятем своим с Симоном помирился вековым миром; и которые земли от них отстали—Миглерская и Гурпелская и Мамурчанская, и тѣхъ хотят доступат и под государеву руку их привести. И Олександръ царь учинил гараздо, что з зятемъ своимъ с Семеном (sic) помирился; і вперед бы с ним жил в миру и в любви и против государевых и своих недруговъ стояли заодин. А Симонъ бы с Олександромъ царем был вмѣсте под царского величества рукою. И которые земли бывали изстари Грузинские земли, тѣх бы доступали заодин и под государеву руку ихъ приводили. Да послал бы Симон к царскому величеству

пословъ своих вмѣсте с Олександровыми царевыми послы і с ними приказал, как ему вперед быти в в. г. н. жалованье под его царского величества рукою и в обороне от их недруговъ; и царское величество, выслушав его челобитье, пожалует под свою царскую руку примет и своихъ пословъ к нему пошлетъ.—Да проситися Кузмѣ і подъячему Ондрѣю ко г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. и о том говорити, чтоб Олександръ царь и зять его Симон послали ко г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с ними вмѣсте послов своих.

А будет Грузинского Александра царя зять Симон или иные которые князи, которые живутъ блиско Грузинские земли, похотят быти в государеве жалованье под его царскою рукою и пришлют о том к нимъ: что с ними отъ государя приказ къ нимъ ест ли? И Кузмѣ Петровичю и подьячему Ондрѣю Полуханову приказати к ним, что в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ прислал их к Олександру царю Иверскому, чт он учинился под государя нашего царьскою высокою рукою. А о том имъ государевъ приказ есть: которые князи изъ здѣшних земел похотят к себѣ государева жалованья и быт под его царского величества высокою рукою,—и тѣмъ государево жалованное слово велѣно сказати, что в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержец их в своемъ жалованье под своею царскою рукою держат хочет. И они б нынѣ, пріѣхав к Олександру царю, перед нимъ, Кузмою, государевымъ послом правду учинили, что им быт въ государеве жалованье под его царьскою рукою с Олександромъ царем вмѣсте и на всѣх недругов стояти заодинъ; и послали б с ними ко г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу пословъ своих и с ними о всемъ приказали, что их челобитье къ его царскому величеству. И г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ, выслушав челобитья, пожалуетъ их, под свою царскую высокую руку і во оборону ото всяких недругов приимет потому ж, какъ Александра царя принял под свою царскую руку, и грамоты к ним жаловалные, какъ имъ быт в его царского величества жалованье, з золотыми печатми пришлет. А они б ныне были с Олександром царем вмѣсте и, укрѣпяся, против всяких своих недругов стояли заодин вмѣсте с Терскими воеводами.—И пошлют будет ко государю с ними вмѣсте послов своих, и Кузмѣ и подьячему Ондрѣю тѣм послом велѣти ѣхати с собою вмѣсте.

А будетъ Олександро царь учнет Кузму и подьячего Ондрѣя отпускати к государю одних, а своих послов к государю послат не похочет,—и Кузмѣ Петровичю и подъячему Ондрѣю говорити Олександру царю и его ближнимъ людем и о том накрѣпко разсужати, что г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ Олександру царю такое мило-

сердие показал, под свою царьскую руку и во оборону взял и по Александрову челобитью рат свою на Шевкала посылал и в той рати для Александра царя такие убытки великие в ратных людех учинилис; а толко не для Олександра царя, и государь бы рати своей на Шевкала посылат не велѣл, и так бы Шевкал государю добил челомъ. И Александру царю и всей Иверской землѣ пригоже знат такое в. г. н. его царского величества милосердие и жалованье и вперед от государя не отстават и послов своих к государю послать.— Да говорит им о томъ накрепко, чтоб однолично Олександръ царь к государю пословъ своих послал; а не пошлет к государю Олександръ цар послов своих,—и государево жалованье к нему, Олександру царю, вперед не будет.

А будет ныне Александръ царь воюетца с которыми своими пограничными сусѣди и учнет им Александръ царь или его ближние люди говорит о стрелцѣх и о казакѣх, чтоб государь пожаловал, дал ему на его недругов стрелцов и казаков с вогненым боем,—и Кузмѣ и подъячему говорит: в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. указ на Терке у воевод есть: велено Александра царя от его недруга от Шеокала и ото всѣхъ недруговъ оборонятн; и гдѣ будет ему, Александру царю, на которого недруга надобет люди стрелцы и казаки с вогненым боем вперед, и им велѣно людей давати. А с ними о том государева указу нѣт, потому что Александръ царь с послы своими о том государю бити челом не приказывал; толко били челом государю и царского величества шурину и с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунову о том, чтоб государь велѣл послати рат на Шеокала. А как извоюют Шевкала и под государя нашего царьскую руку его привѣдут, и тогды и на иных Александровых недругов государь ратных людей дати велит. А Александру царю под тѣ люди прислат свои лошади, на чом им ѣхати, и в своей землѣ их кормит и хитрости над ними никоторые не учинит.

А нѣчто Александръ царь или его ближние люди учнут говорити о том, что государево жалованье к Олександру царю прислано мало,—и Кузмѣ и подъячему Ондрѣю говорити: государево жалованье к Олександру царю болшое то, что его принял под свою царьскую руку и оборонят его ото всѣх его недругов Терскимъ воеводамъ велѣл и на искони вѣчново его недруга, Шевкала князя, рат свою болшою посылал. И Александру царю, видя к себѣ такое государево

жалованье, говорити таких слов не пригоже. Государь нашъ не противъ поминковъ Олександровых посылает свое жалованье [12]).

А будет Александръ царь или его ближние люди учнут говорити, что в государеве жаловалной грамоте написано: присылати Олександру царю к в. г. ц. и в. к. дан ежегод, что ся лучит. И что дани присылат, по колку на год и какими узорочьи? И Кузмѣ и подъячему говорит: государь нашъ его царское величество пожаловал Александра царя, под свою царскую руку взял не для дани, ни для чего, для своего царственного обычея и для хрестьянства. А у государя нашего в казнѣ чего нѣт? Для того и г. н. в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержец в своей в жаловалной грамоте написати велѣл, что не имянно посылат ежегод дан что ко государю, что ся лучит у государя вашего у Олександра царя какое узорочье въ его землѣ—аргамаки ли или иное что лучитца, то бы Александръ царь и присылал. А государю нашему то ничто не нужно: нѣт того, чего в государя нашего государстве нѣт. Одно надобно государю вашему Олександру царю перед государемъ нашимъ правда чинить. А что у него лучитца узорочья, и ему то государю нашему посылати пригоже. И ныне б Александръ царь к государю нашему дан послал потому ж, что у него лучилос какое узорочье. А говорити о том в разговоре къ их словам, либо они учнут говорити о том; а не задерут сами и не учнут говорити, и Кузмѣ и подьячему Ондрѣю самим не задират и не говорити о том.

Да памят Кузмѣ Петровичю и подъячему Ондрѣю. Нѣчто учнет их спрашиват Александръ царь или его ближние люди про цысаря Римского и про короля про Литовского: как ныне г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с цесарем Римским и с Литовским королемъ? И Кузмѣ и подьячему Ондрѣю говорити: в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ, по присылке цесаря Римского Руделоа и Литовского Жигимонта короля, с ними в докончанье и в соединенье учинился па всѣх своих недругов на бесермен стояти заодин. И послы и посланники промеж ими государи ходят. Да и всѣ государи хрестьянские....*(тоже, что и въ наказъ Звенигородскому с. 97—98)*....стояти заодин хочет. А част сего лѣта и послы великие от папы и от цесаря и от Ишпанского короля къ государю нашему будут.

---

[12]) Зачеркнуто: А толко г. н. такие слова свѣдает, и покинет Олександра царя; и без государева жалованья Олександру царю ни часу быть нѣлзя.—А толко Александръ царь не почнетъ о том говорити, и о томъ ничево не говорити самому.

А нѣчто будет спросят про Свѣйского: какъ ныне з государем Свѣйской? И Кузмѣ и подьячему Ондрѣю говорити: Свѣйской корол великому государю нашему добил челом и учинился во всей государя нашего воле.

А нѣчто спросит их Александръ царь или его ближние люди про Турского салтана: какъ ныне г. ц. и в. к. с Турскимъ салтаномъ? И Кузмѣ и подьячему Ондрѣю говорити: прежней Турской Мурат салтан был с в. г. н. в сылке; а присылал чеушей своих о том, чтоб в. г. н. с Крымскимъ царемъ был в миру, и Донские бы казаки его Азовских людей не воевали, а жили в миру. А ныне во Царѣгороде учинился новой царь Магмет салтан, Муратов сынъ, и с в. г. н. ему никакова ссылка не бывала.

А нѣчто спросят про Бухарсково,—и Кузмѣ и подьячему Ондрѣю говорити: прежъ сего Бухарской Абдула царь присылал к в. г. н. послов своих, чтоб в. г. н. принелъ его под свою царьскую руку. А после того Бухарской учалъ мыслит не свойскую: хотѣлъ отвести от государя нашего заволжских Нагай. Сперва всчал войну съ Юргеньчским царемъ и царьство Юргеньчское взял и царя согнал; да хотѣл город поставити на Яике блиско Асторохани, чтоб тѣмъ отвести Нагаи заволжских. И в. г. н. для того послал на Яикъ воевод своих со многою ратью, а велѣлъ поставити на Яике город; а х Кизылбашскому шаху государь нашъ приказал, а велѣл на Бухарского послат рат. И по царского величества повелѣнью государевы воеводы на Яике город поставили; и ныне в нем государевы многие люди живут. А Кизылбашской посылал на Бухарсково съ Юргеньчским Азымом царемъ рат свою; и, Юргенчьское царство взяв, посадил в нем из своих рукъ прежнего Юргеньчьского Азима царя. Да и иные городы у Бухарского Кизылбашской поималъ.

А нѣчто спросят про Сибир,—и им говорити: Сибирское государство.... (*тоже, что въ наказъ Звенигородскому стр. 98*)... Махметкула царевича взяли жива. А после того и сына Кучюмова царева государевы люди взяли и привели ко государю. И ныне в Сибири живут государевы воеводы и люди многие у государя устроены и городы в Сибири многие и церкви поставлены и села и деревни устроены и пашни многие пашут государевы люди и дан с Сибирские земли государю нашему идет многая, соболми и лисицы черные, и звѣрь всякой многой идетъ.

А, будучи в Иверской землѣ, Кузмѣ и подьячему Ондрѣю провѣдывать себѣ тайно... (*тоже, что въ наказъ Звенигородскому с. 98*)... И кизылбашской шах к Турскому послов и посланников посылы-

вал ли и о чем посылал? И какъ ныне Кизылбашской з Бухарскимъ царемъ: война меж ими есть ли? И которой людми силнее? И сколко Кизылбашской у Бухарского городов взял? А которые городы поимал Турской у Кизылбашсково—Дербен и Баку и иные городы, и тѣ всѣ л ныне за Турским? И в тѣхъ городех многие л Турские люди сидят? И что вперед Кизылбашского шаха умышленье с Турскимъ и з Бухарскимъ: воеватца л или миритца? И на чем быт в миру?

И о всемъ Кузмѣ и подьячему Ондрѣю, будучи в Грузинской землѣ, государевымъ дѣлом промышляти по сему государеву наказу.

Да памят Кузмѣ и подъячему Ондрѣю. Послано к Олександру царю наперед сего два человѣка иконников Иванко Тарасьевъ да Шигалѣй. И какъ Кузмѣ Александръ царь велит быть у себя на отпуске, и Кузмѣ говорит Олександру царю или его ближним людем, чтобъ Александръ царь тѣх иконниковъ отпустил к государю с нимъ вмѣсте; а будет царю надобе иконники, и государь иконниковъ вперед пришлет иных, а тѣх бы ныне всѣх Олександръ царь отпустилъ с нимъ.

Розпись, что послано от г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. к Иверскому Олександру царю с Кузмою Савиным да с подьячимъ с Ондрѣем с Полухановым: 2 сорока соболей: сорокъ 60 рублев, а послан за 80 руб., сорокъ 40 рублев, а послан за 55 рублев; шуба горла лисья, наголная, 18 рублев; 10 зубов рыбьихъ, 15 рублев. Всего на 168 рублев.

Да памят Кузмѣ Петровичю Савину да подьячему Ондрѣю Полуханову. Послано с ними к Олександру царю Иверскому от патриарха Иева Московского и всеа Русиі грамота; а благословенья от патриарха послано к Олександру царю с послы—образ Спасовъ, оклад серебрянъ золочен, венецъ сканной, с финиеты, да два сорока соболей. Да Александрове царице послано с послы ж их от патриарха образ пречистые Богородицы, обложенъ серебромъ, венец сканной, с финиеты да сорок соболей. Да от с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. от Бориса Ѳедоровича Годунова послано с ними грамота к Олександру царю да поминков—сорокъ соболей да кубок серебренъ золочен.—И какъ, оже дастъ Богъ, будут в Грузинской землѣ у Олександра царя и по государеву наказу от г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. царю Александру поклон Кузма исправит и рѣчь изговорит,—и после того Кузмѣ правити благословенье и поклон Александру царю от патриарха Иева. А молыти: свѣтѣйшиі Иев, Божиею милостию, патриархъ царьствующаго града Москвы и всего великого Росиіского царьствия тебя, Александра царя, благословляет и велѣл поклонитися. Да

подати от патрпарха Александру царю грамоту. А после грамоты сказати от патриарха Александру царю благословенне, что послано с послы его, образ Спасовъ да два сорока соболей; да царице его образ пречистые Богородицы да сорок соболей.—А после того правитi Кузмѣ поклон царю Александру от с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. от Бориса Оедоровича Годунова. А молыти: Божьею милостию, в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца и м. г. г. и о. его царьского величества шурин и с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунов тебѣ, Александру царю Иверскому, велѣл поклонитися и велѣл тебя о здоровье спросит: какъ тебя Богъ милует? Да подат Олександру царю от Бориса Ѳедоровича грамота. А после тово подати Александру царю поминки по росписи.

А такова грамота к Олександру царю послана царского величества от шурина слуги и конюшего боярина от Бориса Ѳедоровича Годунова:

Бога в Троице славимаго милостию, в. г. ц. и в. к. О. И. в. Р. самодержца,.... (*и пр. полный титулъ*)... и иных многих государствъ государя и облаадателя его царского величества шурин с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунов Иверские земли Александру царю с любовью челом бьет. Прож сего присылал еси к в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу къ его царскому величеству послов своих и не одиножды, чтоб в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. тебя, Александра царя, и всю твою Иверскую землю пожаловал, взял... (*тоже, что и въ царской граматѣ с. 265*).... учнет стояти с Терскими воеводами заодин. Да и ко мнѣ еси писалъ и с послы своими приказывал, чтоб мнѣ о том в. г. н. ц. и в. к. О. И. в. Р. самодержцу его царьскому величеству бити челомъ и печаловатис. И в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с., истинный хрестьянскiі государь, по своему царскому милосердому обычаю, а за моим челобитьемъ и печалованьемъ, твоего челобитья..... (*тоже, что и въ царской граматѣ с. 266*)... Шевкала ранили. А после того, по твоей же Александра царя присылке и по челобитью, в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ, а за моим прошеньемъ і за челобитьемъ, посылал на Шевкала воевод своих со многою ратью околничего и воеводу князя Ондрѣя Ивановича Хворостинина с товарыщи. А к тебѣ ....(*тоже*).... город Тарки разорив, воротилис на Терку; и за тѣм болшое дѣло не совершилос. А в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу в той рати в подъеме великие убытки починилис. И нынe присылал еси к в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу къ его царскому величеству послов своих Хурпита да Арама з грамотою, да с ними ж присылал еси ко мнѣ свою грамоту. А в гра-

моте своей ко мнѣ писал еси, чтоб о твоемъ дѣле радѣть и промышлять, как есмя почал, такъ и совершити, в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу о тебѣ печаловатца, чтоб в. г. п. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ его царское величество Шевкала велѣл воевати і в Казы-Кумыкех велѣл город поставити и дорогу через Кумыцкую землю очистит; а какъ по царского величества повелѣнью через Кумыцкую землю дорога очищена будет, и тогды с великого государя нашего ратью ваша рать сойдетца. И яз грамоту вашу выслушал. И как есми преж сего о твоих дѣлех радѣлъ и промышлял и в. г. н. его царскому величеству бил челом, так и ныне с радѣньемъ в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу челобитье твое доносил и бил челом и молил, чтоб в. г. н. его царское величество тебя, Олександра царя, не оставил, под своею царьскою рукою і в защищенье ото всѣх твоихъ педругов держалъ и от Шевкала обороняти велѣлъ. И в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержец, истинный крестьянскиі государь, по своему царскому милосердому обычею, жалѣя о крестьянстве, а за челобитьем и за печалованьем нашим, твоего челобитья не презрѣлъ: какъ преж сего тебя, Олександра царя, и твоих детей и всю Иверскую землю пожаловал, взял под свою царскую руку в защищенье ото всѣх твоих недругов и от Шевкала обороняти велѣлъ и рат свою на него посылал, такъ и ныне свого царского милосердия к тебѣ не оставил, на своего непослушника..... (*тоже с. 267*).... с Терскими воеводами стояти заодин. Писана великого государя нашего государстве в царствующем граде Москвѣ лѣта 7104-го июня мѣсяца.

Граматы о провожанъѣ посланы 1) Солоху князю Кабардинскому; 2) Алкасу князю; и 3) Черкаским князем и мурзам и узденским старостам и уздепем их.

„На Коломну пришли іюля въ 3 де....; а измешкало, государь, судно от Москвы до Коломны, что были на Москвѣ рекѣ мѣли великие".

От царя і великого князя Федора Івановіча всеа Русіи в нашу отчину в Казань богомолцу нашему митрополиту Ермогену Казанскому и Свияжскому. По нашему указу посланы в Ыверскую землю Кузма Совин да подьячей Ондрѣй Полуханов. И как к тебѣ ся наша грамота придет, и ты б с Кузмою и с подьячим с Ондрѣем ис Казані велѣл послати безмѣсново священника черново илі попа вдового; а на проѣздъ денег и лошад, на чем ему с Терки ѣхать, дадут тому священнику Кузма с товарыщі. Писан на Москвѣ лѣта 7104-го июня въ 30 день. (*Изъ дѣла не видно, чтобы какой либо священникъ ѣздилъ въ Грузію съ послами*).

Государю ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. холопи твои Куземка Совин да Ондрюшка Полуханов челом бьютъ. Велѣл ты, государь, мнѣ, Куземке итти в послѣх для своего государева дѣла в Грузинскую землю к Александру царю; а того, государь, в твоемъ государеве наказе у нас, у холопей твоих, не написано: будетъ Александра царя не станет, а учинитца на его мѣсто сынъ его или иной хто в Грузинской землѣ царемъ,—і намъ от тебя, государя, тому новому царю грамота и твое государево жалованье поминки, что послано с нами к Александру царю, і от святѣйшего патриарха Иева и от твоего государева шурина с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. от Бориса Федоровича Годунова грамоты и поминки, что послано к Александру царю, отдават ли или не отдават? И о том, государь, нам, холопемъ своим, какъ укажеш? А мы, холопи твои, пришли в Муром июля въ 17 де; а из Мурома пошли того ж дни.

От царя и в. к. Ѳ. И. в. Р. Козмѣ Петровичю Совину да подъячему Ондрѣю Полуханову. Послали есма вас в Иверскую землю к Александру царю. И как придете в Иверскую землю, а Александра буде царя не стало, а учинился на его мѣсте на Иверской землѣ сынъ его и велит вам итти к себѣ и нашу грамоту и наше жалованье велит к себѣ нести,—и вы б сыну его нашу грамоту и жалованье, что послано было к отцу его к Александру царю, отдали ему и от богомолца нашего от святѣйшего Иева патреарха грамоту и благословенье и от шурина нашего слуги и конюшего боярина от Бориса Ѳедоровича грамоту и поминки отдали ж сыну его. А, отдав грамоты і жалованье, говорили б есте Александрову сыну, которой будет ныне на его мѣсто на Иверской землѣ, чтоб он был потому ж под нашею царскою высокою рукою в нашемъ царском жалованье, как отецъ его, Александръ царь, был; и вас бы к нам отпустил, не издержав, и с вами вмѣсте послал бы к нам бити челом послов своих лутчих людей. Да как послы его у нас будут, и мы, у послов его выслушав его челобитья, потому ж учнем его держати под своею царскою высокою рукою в своем царском жалованье и от его недругов оберегати и защищати велим.—А будет Александра царя не стало, а на его будет мѣсте сѣл иной которой князь, а не Александровъ сынъ сѣл, а велит вам итти к себѣ на посолство з грамотами и з жалованьем,—и вы б к нему приказали, что вы присланы были з грамотами и з жалованьем к Александру царю; да коли Александра царя не стало, і вам к нему как итти? Да и приказывати к нему, чтоб их отпустил ко г. ц. и в. к. назад; а с вами вмѣсте послал к нашему царскому величеству послов своих бити челом и был бы он

под нашего царского величества высокою рукою і в жалованье потому, как Олександръ царь. Да как послы его у нашего царского величества будут, и мы, выслушав его челобитья у послов его и дав им свои царские очи видети, пожаловав ихъ своим царскимъ жалованьем, к нему отпустити велим и его в своем царском жалованье учнем держати потому, как к Олександру царю держали, и от недругов его оберегаті и защищати велим и своих послов с своим жалованьем к нему тогды пошлем.

Государю ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. холопи твои Іванец Воротынской с товарыщи челом бьют. В нынешнем, государь, въ 104-м году июля въ 28 день писано к намъ, холопем твоим, в твоей государеве грамоте; а велено грузинских послов ис Казани отпустити в Асторохань с Кузмою с Совиным да с подъячимъ с Ондрѣемъ с Полухановым. И пришел к нам, холопем твоим, сынъ боярской муромец Дубровин, которой былъ в приставех у грузинских послов для отпуску, и сказал намъ, холопем твоим, что хочет посол Куршит вести с собою в Грузи выходца нагайского, Лукоянком зовут. И мы, холопи твои, послали по того выходца; а велѣли его, взяв у посла, привести к себѣ. И в роспросе, государь, нам тот выходец Лукоянко сказал, что он родом Грузинские земли, а полонили его крымские люди; а у крымских дей, государь, людей взяли его в полон Донские казаки Иван Кишкин с товарыщи и продалі его в Азов. И он дей, государь, из Азова вышел в Царицын город при воеводе при Фомѣ Бутурлинѣ; а ис Царицына де в Казан его привез Иван Губин. И он, государь, Лукоянко хотѣлъ ѣхати с послом в Грузи потому, что он Грузинские земли. И подал намъ, холопем твоим, челобитную; и мы, государь, ту челобитную, подклея под сею отпискою, послали к тебѣ ко государю. А выходца Лукоянка отдали держаті сыну боярскому Дрвне Кайсарову до твоего государева указу.

Царю г. в. к. Ѳ. И. в. Р. бьет челомъ холоп твой государевъ выходец Грузинские земли Лукоянко Григорьев. Отецъ, государь, мой в Грузинской землѣ голова стрелецкая. И в Грузинской землѣ взяли меня в полон крымские люди; и я, холоп твой, был в Крыме в полону 7 лѣт в улусе у Сулеш мурзы у крымсково тотарина у Доуда. И в Крыме взяли меня в полон твои государевы Донские казаки отоман Иван Кишкин; и тот Иван Кишкин с товарыщи продали меня в Азов. И в Азове я жил 12 лѣт у Азовсково тотарина у Мемъши. И из Азова побежал есми на твое царьское имя на Русь; и прибежал на Дон к казаком. И з Дону вышол в твою государеву отчину в Царицын город при твоем государеве воеводе при Фомѣ Ооонась-

евиче Бутурлинѣ. И Фома Бутурлин на Царицыне взял у меня 30 золотых да зенден зелену да сафъян червчат да арахчин шит золотом. И в прошлом 100 в 3-мъ году пришѣхал есми в твою государеву отчину в Казан с Иваном з Губиным, как он ѣхал ис Терсково города к Москве; и от тѣх мѣстъ и по ся мѣста живу в Казани. А твоего государева указу мнѣ нѣт. Милостивыи царь, государь! Покажи милость, вели мнѣ свой царьской указ учинит. Государь, царь, смилуйся!

Изъ Царицына въ Астрахань провожать пословъ было послано 100 человѣкъ стрѣльцовъ, потому что на Волге меж Царицына и Астрахани стоят на Волге многие казаки тысечи с полторы и болѣ..... (*изъ Саратова и Самары съ послами послано также по 50 человѣкъ стрѣльцовъ*).

Такову грамоту прислал ко г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с Терки воевода князь Василей Хилков 105-го августа въ 4 де с арземасцом съ Елизарьем Чичѣринымъ:

Государю ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. холоп твой Васка Хилков челомъ бьетъ. Писал, государь, ко мнѣ, холопу твоему, из Грузеи Александръ царь Иверской с своим гонцомъ съ Юрьемъ Арзековымъ маия въ 15 де, что он твоих государевых послов Кузму Совина да подьячево Ондрѣя Полуханова да и своихъ послов отпускает к тебѣ ко государю с ними же тотчасъ; и мнѣ, холопу твоему, по твоему государеву указу послати к ним на встрѣчю твоих государевых ратных людей к щелем. Да и твои государевы послы Кузма Совин да Ондрѣй Полуханов писали ко мнѣ, холопу твоему, тоже, что их Олександръ царь отпускает от себя изъ Грузеи в мае мѣсяце. Да Александръ ж царь писалъ ко мнѣ, холопу твоему, что закоснѣниемъ ото многих лѣт отступили были от него его землицы; а ныне де он их подвел под свою руку. И провѣдав де про то горские Черкасы и собрався с Кумыцкими людми, приходили де на тѣ его землицы войною и многих де людей его побили; да і вперед хотятъ Черкасы на тѣ его землицы приходити войною ж с твоими государевыми с Терскими людми. И мнѣ б, холопу твоему, без твоего государева указу на тѣ его землицы Черкасом твоих государевых ратных людей с Терки не дати.—И яз, холоп твой, про то писал от себя к Олександру царю, что без твоего государева указу Черкаским князем на его землицы ратных людей ни кому не дам. А о послѣх, государь, к нему писал: какъ он ихъ от собя отпустит в Сонскую землю, и он бы имъ из Соней о

том велѣл ко мнѣ писати. Да и к твоим государевым посломъ к Кузмѣ Совину да к подъячему к Ондрѣю Полуханову писал есми то ж. А какъ, государь, послы из Сонские земли вѣсть ко мнѣ приншлют, и яз, холоп твой, по твоему государеву указу на встрѣчю ратных людей к ним отпущу тотчасъ.—Да Александръ ж царь писал ко мнѣ, холопу твоему, что присылал деи к нему ис Кабарды Алкасъ княз бити челом, чтоб онъ, Александръ царь, за него за Алкаса бил челом тебѣ, государю, чтоб ему Алкасу вперед быти под твоею государевою царскою высокою рукою; а он деи, Александръ царь, за него за Алкаса тебѣ, государю, в том имаетца, что Алкас учнет служити тебѣ, государю, правдою и впередъ от тебя, государя, он будет не отступен. Да Алкас княз присылал ко мнѣ, холопу твоему, с Олександровым же царевым гонцом сына своего Араксана с уздени о том бити челом тебѣ, государю, чтоб ты, государь, его Алкаса пожаловал, велѣл ему быті подъ своею государевою рукою по прежнему; а он холоп твой государевъ. А послы твои государевы Кузма Совин да подьячей Ондрѣй Полуханов писали ко мнѣ, холопу твоему: говорили де имъ Александръ царь Иверской и велѣл им ко мнѣ отписати, что приходили деи, государь, на его Сонскую землю Кабардинской Солох князь да Айтекъ мурза войною и многих деи людей его побили и в полон поимали; а Алкас деи князь Кабардинский его Александровым людемъ про Солохов приход вѣсть учинилъ и многих людей его от полону избавил. И за то деи Солох князь хочет с твоими государевы с Терскими людми Алкаса воевати. А в чем деи Алкас перед тобою, государем, не исправился,—и он деи, Александръ царь, за Алкаса в том тебѣ, государю, имаетца, что Алкас перед тобою, государем, исправитца и учинитца в прямом холопстве и вперед будет от твоего государева жалованья неотступен.—И яз, холоп твой, против того к Александру царю писал, что ты, государь, для его, Александра царя, его, Алкаса князя, пожалуеш, велиш ему быти под своею государевою царскою высокою рукою; а он бы, Алкас, служил тебѣ, государю, правдою, твоих государевых послов и его Александровых послов встречал и провожал. А которой его сынъ в закладе у тебя, государя, в твоем государеве в Терском городе живет,—и он бы, Алкас, прислал в того мѣсто в твой государев город в заклад сына своего другово на перемѣну и велѣл бы вперед жити закладом своим в твоем государеве в Терском городе переменяяс и сам бы Алкас служил тебѣ, государю, правдою и вперед бы от твоего государева жалованья был неотступен; а ты, государь, за то его, Алкаса, пожалуеш, от недругов его оборонити велиш. Да и к Алкасу есми с сыном его приказал тоже, чтоб

он был пот твоею государевою рукою и служил тебѣ, государю, правдою и заклады в Терской город прислал; и ныне бы твоих государевых послов и грузинских встрѣтилъ и проводил с твоими государевыми людьми вмѣсте.—А отпустя, государь, Александрова гонца да с ним станицу к твоим государевым послом в Грузи, послал есми в Кобарду к Солоху князю подьячего да толмача. А писал, государь, к нему к Солоху о посолской встрѣче, чтоб онъ, Солохъ, твоихъ государевых людей и грузинских царей с своими черкасы встрѣтил у Сонских щелей; а встрѣтивъ, проводил ихъ с твоими государевыми людми до Сунши.—А которую грамоту ко мнѣ, холопу твоему, прислали твои государевы послы изъ Грузеи Кузма Совин да подьячей Ондрѣй Полуханов, и яз ту грамоту послал к тебѣ, государю, с сею же грамотою вмѣсте маия в 31-м числѣ с арземасцом сь Елизарком Чичириным.

На оборотѣ отмѣтка: подлинная в Казанском Дворцѣ.

Государю ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. холопи твои Куземка Совин да Ондрюшка Полуханов челом бьют. Пришли, государь, мы, холопи твои, і с нами иверские послы в Олександрову цареву землю ноября въ 26 де, дал Богъ, здорово; і встрѣтилъ пас от Александра царя пристав в прежнем мѣсте, гдѣ прежнимъ твоим государевым послом встрѣча была. И декабря въ 14 де были мы, холопи твои, у Александра царя на посолстве. И по твоему государеву цареву и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца наказу я, холопъ твой, Куземка от тебя, государя, Александру царю поклон правил і про твое государево здоровье Александру царю сказывал і от тебя, государя, Александра царя о здоровье спрашивал і грамоту подал и твое государево жалованье, поминки по росписи явил и рѣч твою государеву говорили. А после, государь, рѣчи я ж Куземка правил благословенье и поклон Александру царю от святѣйшего патрсарха Іева и грамоту подал и поминки явил, и твоего царского величества шурина с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунова Александру царю правил челобитье и грамоту подал и поминки явил. А Олександръ царь в то время стоял, снявъ шапку; и, приняв твое государево жалованье грамоту и поминки, говорил Александръ царь: ухватился де я у в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца за его царскую полу і по свою смерть от его царского величества отступенъ не буду.—И после, государь посолства были мы у Олександра царя двожды. І по твоему государеву наказу царевым ближнимъ людем, которых присылал Александръ царь к намъ в отвѣтъ, говорили, что ты в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ над Александром царем і надо всею Иверскою землею великое свое царское милосердие учинил, взял его под свою

царскую высокую крѣпкую руку и по челобитью Александра царя, а за печалованьемъ своего царского величества шурина с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунова, на Олександрова царева недруга на Шевкала князя воевод своих со многою ратью и неодинова посылал; і землю Шевкалову твои государевы люди многие мѣста воевали. А какъ ходилъ на Шевкала твой государевъ околничей и и воевода князь Ондрѣй Иванович Хворостинин с товарыщи, и ты, в. г., с послом своим с Іваном Всеволоцким к Олександру царю в своей царской грамоте писал, чтоб Алекс. царь въ тоже время съ своей стороны..... (*тоже, что въ граматѣ ц. Ѳедора* с. 266).... і дорога к Иверской землѣ через Кумыцкую землю очистит. І твои государевы воеводы князь Ондрѣй Иванович Хворостининъ с товарыщи Шевкалову землю многие поморские мѣста воевали і город Тарки взяли; а Олександръ царь сына своего царевича Юрья и свата своего Крым—Шевкала в то время с своею ратью на Шевкала не послал и его не воевал. І ты, в. г., по своему царскому милосердому обычею и на то не смотря, ...(*далѣе тоже, что и въ наказѣ* с. 274.).. И коли Шевкал тебѣ, государю, добил челом, і ты, государь, велиш Шевкалу жити с Олександромъ царемъ в миру.—І Александровы царевы ближние люди намъ говорили: Александръ де царь сына своего царевича Юрья с своею ратью на сход ко государевым воеводам хотѣл послати, да пройти было в горах немочно, дороги через горы болшие конные на Кумыцкую землю нѣтъ. А государевы де воеводы ходили и воевали Шевкаловы мѣста, которые у моря блиско; а в Казы-Кумыкех Шевкаловы земли не воевали. І ныне де Шевкал болши прежнего цареву Александрову землю воюет. А что де вы сказываете, что Шевкалъ великому государю вашему добил челом,—і мы то вѣдаемъ, что Шевкал неправдою государю вашему добил челом: Шевкалу де вѣрити никакъ нѣлзѣ. — І мы, государь, Александровым царевым ближним людем говорили: Шевкал князь против великого государя нашего воевод не стал, побежал,—и в то было время Александру царю над Шевкалом и промышлят и рат своя ко государевым воеводам на сход послат тою дорогою, которою Шевкаловы люди на Грузинскую землю ходят; и вамъ тѣм отговариватис нѣчего: мочно было вам дорога найти, куды на Шевкала итти и его воевати. И то дѣло не совершилось з государя вашего сторону.—Да толко великиі государь нашъ какъ преж сего пожаловал Александра царя, взял под свою царскую высокую крѣпкую руку и от его недруговъ обороняти велѣл, такъ і ныне своего царского милосердия не оставил, воеводам своим Терскимъ над Шевкалом промышлят и землю его воевать велѣлъ. І

Шевкал, узнав то, что ему вперед от великого государя нашего рати не прожит, ныне государю нашему добил челом; а с Олександром царемъ велит ему великий государь нашъ быти в миру. И Александро б царь и его дѣти, видя к себѣ и ко всей Иверской землѣ такое царское великое жалованье і оборону, были под великого государя нашего царскою высокою крѣпкою рукою неподвижны безо всякого сумнѣнья и на государевых непослушников, а на своих недругов, с Терскими воеводами стояли заодин; а к великому бы государю нашему за его царское великое милосердие і оборону и защищенье Александръ царь с нами вмѣстѣ послал послов своих бити челом і о всемъ с ними о своихъ дѣлех наказал.—І апрѣля, государь, въ 23 де объявил нам Олександръ царь, что он хочет нас к тебѣ ко государю отпустит і своих послов князя Давида с товарыщи с нами вмѣсте к тебѣ ко государю послати в мае мѣсяце.—Да говорил, государь, нам Александръ царь: приходили де на мое государство на Сонскую землю Кабардинской Солох князь да Айтекъ мурза войною і многих людей моих Кабардинские черкасы побили и в полонъ поимали; а Алкас де князь Кабардинской же моим людем про Солохов приход вѣсть учинил і многих людей моих Алкас от полону избавил. І за то де Солох князь з государевыми Терскими людми хочет Алкаса князя воевать. І я де о том посылаю на Терку ко государевым воеводам человѣка своего з грамотою, чтоб они Алкаса князя воевать не велѣли; а в чем де Алкас перед великим государемъ вашим не ісправился, и я ныне за Алкаса князя в томъ имаюсь, что онъ перед великим государемъ вашим ісправитца і учинитца в прямом холопстве и вперед будет от государева жалованья Алкас неотступен. А вы б де о том ко государевым воеводам отписали же. І послал Александръ царь на Терку к твоим государевым воеводам з грамотою человѣка своего Юшку; а мы, холопи твои, на Терку к твоим государевым воеводам писали, что нам Александръ царь про Кабардинских князей говорил и какъ Александръ царь нас и своих послов к тебѣ ко государю хочет отпустит, чтоб имъ было вѣдомо о кое время к нам встрѣчю твоих государевых людей прислат. С сею грамотою к тебѣ ко государю отпустили мы, холопи твои, із Грузеи Терских стрелцов Якуша Власьева да Степанка Болдыря апрѣля въ 24 де.

На оборотѣ: Государю ц. и в. к. Ѳ. И. в. Русиі.

105-го августа въ 4 де с арземасцомъ с Велизарьемъ с Чичериным.

В Посолской приказ.

Государю ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. холопи твои Ѳетка Лобанов-Ростовской, Васка Щетинин челом бьют. Писали холопи твои к тебѣ ко

государю с Терскимъ вожем с Ондрюшею с Сумниковым: генваря въ 5-м числѣ в станице полем послали холопи твои к Сонским щелямъ в Березуев кабак к твоим государевым послом х Кузмѣ к Савину, к подъячему к Ондрѣю Полуханову Терского толмача Иванка Галахтинова в подьячих, конного стрелца Петрушку Муратова. А с ними писали в Кабарду к Солоху князю, говоря с сыном его с Хорошаем з закладным, чтоб Солох, собрався с Черкасы, твоих государевыхъ послов и иверских встрѣтил и проводил до Суншинского острогу; да и к Алкасу х Кабардинскому о посолской встрѣче писали же. — А будет Солох и Кабардинские черкасы на сей зимѣ твоих государевых послов и иверских не встрѣтят, — и мы, холопи твои, писали с тѣм же толмачом да с подьячим к Кузмѣ к Савину и к подьячему к Ондрѣю к Полуханову, чтоб онѣ от себя отписали в Грузи к Олександру царю, велѣл бы им до весны быт в Иверской землѣ; а на веснѣ к ним пришлем твоих государевых ратных людей и для встрѣчи. И к Олександру царю мы, холопи твои, о том писали же, чтоб твоим государевым посломъ велѣл до весны в Иверской землѣ быт. — И генваря въ 13-м числѣ писали ис Суншинского острогу дети боярские Иван Нелепелицын, Иван Шилников и прислали Терских конных стрелцов Микифорка Степанова с товарыщем дву человѣк, которые пришли из Грузси от послов; да с ними же три человѣки выходцов Петров человѣк Псѣлова Ермачко да Васка Коширенин, Климко Литвин, а вышли выходцы в Грузи ис Кумык. А грамот стрелцы от послов не привезли; а сказали, что Кузма Савин да подьячей Ондрѣй Полуханов отпустили их ис Соней из Березуева кабака с толмачом с Терскимъ с Иванкомъ Галахтионовым да с подьячим. А грамоты Кузма послал с толмачом да с подьячими; и толмача и подьячего оставил в Кабардѣ Солох у себя, а хотѣл их Солох ис Кабарды отпустит на Терек после их тотчас. А отпустя Кузма Савин да подьячей Ондрѣй Полуханов толмача з грамотами на Терек, поворотили из Березуева кабака назад в Грузи, для того что в Березуеве кабакѣ зимою им не прокормитца. А про подъячего про Ондрѣя Полуханова сказали, что болен; а толмач, которой с Кузмою послан, умер. — И после, государь, того генваря въ 17-м числѣ прислали из Суншинского же острогу дети боярские черкашенина Кабардинского Мамстрюковского Темрюкова Блишуку. И черкашенин Блишука сказал, что он ѣхал ис Кабарды с Солоховым сыномъ с Анфокою да с Елбердюкиным сыном съ Елканом да с Хотова сыном с Хазлевым; да с Анфокою ж Солох отпустил ис Кабарды Терского толмача Иванка Галахтионова да подьячево Петрушку да конного стрелца Уланка

кузнеца. И, не доежжая де Суншинского острогу за днищо, пришли на них Кумыцкие люди и толмача Иванка и стрелцов Петрушку и Уланка убили и грамоты у них поимали; да с ними же убили Мамстрюкского узденя Мартына, а Солохова сына Анфоку и с Козлары и узденей Солоховых Кумыцкие люди отпустили в Кабарду.—И мы, холопи твои, послали в Кабарду февраля въ 13-м числѣ Терского сотника Иванка Кореженина да толмача Богданка Корноуха к Солоху князю; а писали к нему, говоря с сыном его Хорошаем с мурзою закладным, чтоб Солох пріѣхал на Терек и с Козлары и з Дужнюки, которые тебѣ, государю, служат, чтоб нам, холопем твоим, с ними переговорит о твоих государевых кабардинских дѣлех и о посолской встрѣче. А к Казларомъ к Таимасу г Барагунскому и к Алкасу князю и к Айтеку и к Ожуке с сотником съ Иванком с Кореженином писали ж, чтоб с Солохом князем ѣхали в Терской город для твоего государева дѣла.—И сотник Иван Кореженин и толмач Богданко апрѣля по 12 число в Терской город ис Кобарды не бывали. — А в Астарахан мы, холопи твои, писали к воеводам к Петру Шереметеву, к Ивану к Нащекину и діяку к Богдану Иванову про Койсинские вѣсти: приежжал к Койсинскому острогу марта въ 8-м числѣ Шевкалов сынъ Суркай Шевкал. А сказывал им, чтоб с Терки для посолские встрѣчи малых ратных людей не посылали, потому что Кумыцкие люди в собранье; и онѣ б по твоей государеве росписи, какова нам, холопем твоим, дана роспис за приписью діяка Офонасья Власьева, прислали из Астарахани на Терек ратных людей и голову конных стрелцов и сотников, а с ними 500 человѣкъ стрелцов конных и юртовских татар прислали.— А что на сей зимѣ прислали из Астарахани с табунною головою съ Ярлыгашем 100 человѣкъ татар,—и в тѣх людях наймитов 22 человѣка, молоды робята. И табунная голова Ярлагашь с товарыщи бьет челом тебѣ, государю, что онѣ посланы из Астарахани на Терек на твою государеву службу, а твоего государева жалованья дано татаром в Астарахани по два рубля человѣку, а запасов им для службы не дано, а на Терек ѣхали зимой верхи. И мы, холопи твои, для их нужи ис твоей государевы казны даемъ на мѣсяцъ на 10 человѣкъ по осмине круп. И ис тѣх юртовских татар изо ста человѣкъ апрѣля въ 2-м числѣ бежало с Терки 22 человѣка.—И мы, холопи твои, тѣмъ бѣглым татаром имена послали в Астарахан к Петру Шереметеву, к Ивану к Нащекину, к діяку Богдану к Иванову; а писали, чтоб татар на твою государеву службу на Терек дослали по твоей государеве росписи.—Да на сей же зимѣ прислано из Асторахани на Терек для обозу 30 телѣг с хомуты и з дугами, и тѣх телѣг в

обоз мало, а лошадей на Терке твоих государевых нѣт; и мы, холопи твои, о лошадех и о телѣгах писали ж, чтоб прислали с конным головою и с сотники и стрелцы к прежней к присылке для обозу 70 телѣг с хомуты и с дугами да 100 лошадей в обоз.—Да и о запасех государь, о хлѣбных и о судѣх и о судовых о всяких запасех писали ж, чтоб хлѣбных запасов прислали по твоему государеву указу в Терской город і в Койсинской острог на сей веснѣ с первою посылкою; а в Терскомъ городе хлѣбных запасов у Терских оброчников после Сергеевского сроку в остатке в житницах не осталося, а в Койсинском остроге у ратных людей у стрелцов и у казаков осенним морским погодьем запасы их потопило.—А судов, государь, на Терке твоих государевых, которых подѣлати, 10 стругов на бусное дѣло, 4 струги гребных; а запасов судовых 8 парусов ветчаных холщевых, 23 якори и у тѣх рога обламаны, 8 оттужин ветчаных. А отпуски, государь, с Терки морем в Астрахан по запасы на Койсу з запасы и под ратными людми и Терком в Суншинской острог под ратными ж людми и на заставы по рекам и морем от Кумыцких и от Азовских людей приходов. А у кого, государь, у ратных и у жилецких у Терских людей и у приѣжжих у Астараханских людей для посылокъ смлют суды и судовые всякие запасы, и в посылках суды погодьемъ портит; а подѣлыват их на Терке нѣчим, скоб и конопати и смолы на Теркѣ нѣт, купити не добыт, а из Астарахани для судовые подѣлки запасов никаких не присылают.—А толко ратных людей по твоей государеве росписи из Астарахани на Терек не пришлютъ, а Кабардинские черкасы Солох князь на Терек не приѣдут и с твоими государевыми людми для посолские встрѣчи к щелем не пойдут, и тѣми ратными людми, которые на Терке, твоих государевых и иверских послов не щелей не вывести и на Кумыцких людей с тѣми людми ходити нѣ с ким.—А сколко в Терскомъ городе и в Койсинскомъ остроге и в Суншинском остроге твоих государевых ратных людей, и мы, холопи твои, роспис послали к тебѣ ко государю генваря въ 5-м числѣ с Терским вожем с Ондрюшею с Сумниковым полемъ в станице.—А про Кумыцких людей мы, холопи твои, роспрашивали Аллаги, которой был в вожѣх со княземъ Ондрѣемъ Хворостинным: сколко гдѣ и в которых мѣстех Кумыцких конных людей збираетца? И Аллага сказал: в Ондрѣеве деревне Шевкаловы дѣти Салтан Магмут з братьею, а у них конных 200 человѣкъ; у Куенского князя 70 человѣкъ конныхъ; у Шевкалова ж сына у Нуцала, в деревне в Карагаче 200 человѣкъ конных; у Салтанѣя у Тюмецского конных 100 человѣкъ; в Таркалѣх у Шевкалова сына

у Суркая у меншого 50 человѣкъ конных; у Шевкалова ж сына у Алкаса в Капчагѣ 30 человѣкъ конных; в Кафыр-Кумыках у Шевкалова сына у Андеи 150 человѣкъ конных; у Шевкалова узденя у Темирхана в Шурани 10 человѣкъ конных; в Тарках у Саркай Шевкала 50 человѣкъ конных; в Казанычах у Шевкала 200 человѣкъ конных; за Тарками у Горячево Колодезя у Шевкалова сына у Ахматкана 30 человѣкъ конных; у Карабутацкого князя 100 человѣкъ конных; в Когдени Шевкалов племянник, у него 200 человѣкъ конных; кабак Бойнак, Шевкалов племянник, у него 20 человѣкъ конных; кабак Ухли, а в нем Шевкалов зят, у него 50 человѣк конных; кабак Аркуша, а в немъ Шевкалов уздень Буруичи, у него 30 человѣкъ конных; кабак Аншима, а в нем Шевкалов узден Казый, у него 20 человѣкъ конных; кабак Дергели, а в немъ Крым-Шевкалов сынъ Мехдѣй, у него 100 человѣкъ конных; кабак Юнгутѣй, а в немъ Крым-Шевкалов племянник Сурхай, у него 100 человѣкъ конных; кабак Улушура, а в немъ Шевкалов племянник Салтан, у него 30 человѣкъ конных; кабак Хили, а в нем узден Алебек, у него 50 человѣкъ конныхъ; кабак Калдар, а в нем Мирза, у него 50 человѣкъ конных; кабак Ерпели Будачѣя Ерпелского з братьею, а у них с 400 человѣкъ конных; в Казыр-Кумыках у Алебека князя з братьею с 500 человѣк конных; кабак Харакула, а в немъ Салтан Магмет, у них 50 человѣкъ конных; кабак Бортю, а в нем Каитмаз, у него 30 человѣкъ конных; промеж Кумык и Грузинские земли город Цакур, а в нем Адикорклю князь, у него 200 человѣкъ конных; кабак Калакура, а в нем Усмый князь, у него с 500 человѣкъ конных, с 700 человѣкъ пѣших; кабак Утемишев, а в нем Халебек князь, у него с 300 человѣкъ конных; промеж Кумык и Дербени Табасаранской князь Кадит Зихраров сынъ, у него 500 человѣкъ конных. И всего по Аллагине сказке Кумыцких и горских людей разных землиц с Шевкалом и съ его детми в одиначестве с 5,000 человѣкъ конных; а толко зберутца Кумыцкие и горские люди и черкасы, и всего их будет с 15,000 конных оприч пѣших людей. И тебѣ бы, государю, о ратных людех и о походех о Кумыцких и о хлѣбных запасех и о судѣх и о судовых запасех велѣти указ свой учинити.

На оборотѣ: 106-го июля въ 6 де со княземъ Васильемъ Морткинымъ.

И 107-го июня в 8 день Кузма Совин из Грузинские земли пріѣхал; а какъ у нею государево дѣло дѣлалось, и он тому подал г. ц. и в. к. В. О. в. Р. список.

А се списокъ:

Лѣта 7104-го іюня в 1 ден г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ послал Кузму Петровича Совина в послѣх да подъячево Ондрѣя Полуханова для своего государева дѣла в Грузинскую землю к Олександру царю; а с ними вмѣсте велѣл г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. ис Казани отпустити грузинских послов Хуршита да Иарама. И Кузма да подъячей Ондрѣй пришли в Казан іюля въ 27 де. І воевода князь Иван Михаилович Воротынской с товарыщи по г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. указу отпустили Кузму да Ондрѣя да с ними грузинских послов іс Казани в Асторохан августа въ 5 де.—А в Асторохан Кузма да подъячей Ондрѣй и грузинские послы пришли августа въ 29 де. И околничей и воевода Иван Михайлович Бутурлин да Деменша Иванович Черемисинов с товарыщи по г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. указу отпустили Кузму да Ондрѣя и грузинских послов из Асторохани к Терке в судѣх во 105-м году сентября въ 20 де; а лошади послали проводит полем до Терки сотников Белянку Колчюгина с товарыщи, а с ними Астороханских конных стрелцовъ 300 человѣкъ да юртовских тотар 30 человѣкъ.—И Кузма да подъячей Ондрѣй и грузинские послы пришли в Терской город октября въ 11 де. І воевода князь Василей Дмитреевич Хилков да околничей воевода князь Ондрѣй Иванович Хворостинин с товарыщи отпустили Кузму да подъячево Ондрѣя и грузинских послов ис Терского города ноября въ 1 де; а в провожанье послали голову Ивана Петрова сына Федорова, а с ним конных и пѣших Московских і Астороханских і Терских стрелцов и казаков 540 человѣкъ.—Ноября въ 7 де пришли Кузма да подъячей Ондрѣй в Суншинской острог; і сождався с пѣшими людми, которые с Терки шли в судѣх, пошли іс Сун(шин)ского острогу ноября въ 12 де прежнею посолскою дорогою, куды шол князь Семен Звенигородцкой.

Ноября въ 21 де пришли Кузма да подъячей Ондрѣй за днище от щелей против Кабардинских князей кабаков; и стояли у реки у Терки на берегу. И приезжали х Кузмѣ в стан Кабардинские князи Солох князь да Алкас князь з детми. И Кузма и подъячей Ондрѣй, отдав им г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. грамоты, говорили им о провожанье по г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. наказу. И Солох князь проводил самъ послов до щелей. А до Ларсова кабака провожали Солохов сын Алкаш да Алкасов сынъ Арасканъ, а с ними узденей их три человѣки; да з головою с Иваном с Петровым провожало конных стрелцов 150 человѣкъ. І пошли Кузма да подъячей Ондрѣй и грузинские послы от Ларсова кабака к Сонем ноября въ 24 де; а Солохов и Алкасов сынъ с уздени поѣхали от Кузмы от Ларсова кабака с прово-

жатыми вмѣсте.—Ноября въ 26 де пришли Кузма да подъячей Ондрѣй в первые в Сонские кабаки. Ноября въ 28 де пришли Кузма да подъячей Ондрѣй и грузинские послы к снежным горамъ; и шли через снѣжные горы ден да ноч пѣши и одва с великою нужею через снѣжные горы перешли.—Декабря въ 2 де встрѣтил Кузму Аристов князь Сонской і спрашивал Кузму и Ондрѣя о здоровье і прислал с почесным кормом; и проводилъ Аристов Кузму отъ того мѣста, гдѣ встрѣтил, с версту.

Декабря въ 6 день встрѣтил Кузму отъ царя Александра дворянин Парсадам в прежнемъ мѣсте, гдѣ к Ивану Всеволодцкому от царя встрѣчю пристав приѣхал. И говорилъ Парсадам Кузмѣ: государь нашъ Александръ царь, свѣдав про тебя великого государя посла, прислал меня к вамъ встрѣчю и велѣлъ васъ спроситі о здоровье: здорово ли есте дорогою ѣхали?

И Кузма и подъячей Ондрѣй говорили: Божиею милостию, а в. г. п. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца его царским жалованьем і счастьемъ, до сѣхъ мѣстъ доѣхали есмя здорово. А на том челом бьем, что царь велѣл нас о здоровье спросит. А то дѣлаетца не по прежнему обычею: преж сего ко государевым послом и послѣднее к Ивану Всеволоцкому царь прислал з дворяны своими встрѣчю аргумакъ, на чем к нему к Олександру царю ѣхати, и лошади подо вьюки; а ныне с тобою лошадей не присланно. А мы ѣхали с великою нужею, одва через снежные горы перешли и лошади у насъ поустали.

И Парсадам говорил: тепере со мною лошади не присланы потому, что царю вѣсть про вас учинилас невдавне, і царь меня послал к вам встрѣчю вскоре і велѣл с вами ѣхати к себѣ в Буятан; а часа под вас аргумаки встрѣчю приведут.—И Кузма да Ондрѣй ѣхали с Парсадамом до Буятана, гдѣ царь, 7 ден, а кормъ давали.

И декабря въ 12 де от Буятана, гдѣ царь, верстъ за 5 встрѣтил Кузму от царя ближней царевъ дворянинъ князь Иарам, которой был преж сего на Москвѣ в послѣх. І говорил князь Иарам: государь нашъ Александръ царь велѣлъ вас спросити о здоровье: здорово ли есте дорогою ѣхали? И прислал под вас царь аргумаки, велѣл вамъ ѣхати к себѣ.

И Кузма да подъячей Ондрѣй говорили: Божиею милостию, а в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца его царским жалованьемъ и счастьемъ, до сѣх мѣстъ доѣхали есмя здорово. А на том челом бьем, что царь велѣл нас спросити о здоровье и прислал под нас аргумаки.—И приѣхали Кузма да подъячей Ондрѣй в Буятан того ж дни, а князь Иарам до Буятана ѣхал с ними вмѣсте; і поставили Кузму да Ондрѣя от царева двора с полверсты в избахъ.

Декабря въ 14 де были Кузма да подъячей Ондрѣй у Александра царя на посолстве; а приезжал Кузму звати к царю на двор ближней царевъ дворянин князь Іарам да Хуршит, которой был на Москвѣ в послѣх, и привели под Кузму и подъячего Ондрѣя аргумаки царевы.—И Кузма да подъячей Ондрѣй ѣхали к царю на двор вмѣсте со княземъ Іарамом да с Хуршитом; а наперед шли государевы стрелцы с пищалми, а за стрелцы перед Кузмою несли г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. жалованье к Олександру царю поминки да государева шурина с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунова к царю к Олександру несли поминки. И какъ Кузма сшел с лошади, и встрѣтил Кузму царевъ боярин князь Мика, а с ним дворянъ человѣкъ с 5. А какъ Кузма да подъячей Ондрѣй вошли к царю в избу, и царь встал и шапку снял.—И Кузма от г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца царю Александру поклон правил і о здоровье спрашивал и грамоту подал и государево жалованье поминки по росписи явил и рѣчь Кузма да подъячей Ондрѣй царю говорили по г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. наказу; а царь в тѣ поры стоял, сняв шапку. И после рѣчи спрашивал царь про г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца здоровье. А говорил: великого де государя ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца какъ Богъ милует? А я, теперь слышев его великого государя к себѣ жалованье, рад есми и на его царском жалованье челом бью.

И Кузма говорил: какъ мы поѣхали от великого государя, а в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ на своих превеликих государствахъ, дал Богъ, в добром здоровье.

И после того по наказной памяти правил Кузма Александру царю благословенье и поклон от святѣйшего патреарха Иева и грамоту подал и поминки явил; да от государева шурина с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунова царю Александру правил челобитье и грамоту подал и поминки явил; а царь в то время стоял.—И спрашивал царь про Бориса Федоровича здоровье. А говорил: царского величества шурина Бориса Федоровича какъ Бог милует?

И Кузма да подъячей Ондрѣй говорили: какъ мы поѣхали от в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца, а великого государя нашего его царского величества шурин с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунов при царских пресвѣтлыхъ очех, дал Богъ, здорово.

И после того Кузма да подъячей Ондрѣй являли царю свои поминки.—И царь велѣлъ Кузмѣ и подъячему Ондрѣю сѣсти близко себя с правой руки. А говорил царь: ныне у меня запросто ѣжте; в моей землѣ рыба не многая бывает, да что у меня лучилос, тѣм стану вас подчивать. А в тѣ поры у царя были и сидѣли с лѣвую

руку Алавердинской владыко Филипъ да сынъ царевъ Давидъ царевич и бояре и дворяне многие.—А за столомъ сидя царь говорил: ухватился де я у в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца за его царскую полу и от его царской полы не оторвус и от его государева жалованья не отстану и по свою смерть.

И Кузма да подъячей Ондрѣй царю говорили: в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ великое свое царское милосердие надъ тобою учинилъ, взял тебя подъ свою царскую высокую крѣпкую руку и за печалованьем своего царского величества шурина с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунова отъ твоего недруга от Шевкала князя великий государь нашъ воеводамъ своимъ обороняти тебя велѣл. І по великого государя нашего его царского величества указу преж сего государевы воеводы і не одинова на недруга твоего на Шевкала князя ходили и землю его воевали; то тебѣ самому подлинно вѣдомо. Да и ныне в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ своего царского величества Терским воеводам от твоих недругов обороняти тебя велѣл. И тебѣ, царю Александру, и твоим дѣтем и всей твоей Иверской землѣ пригоже памѣтовати великого государя нашего его царское великое милосердие и оборону и защищенье от твоих недругов і быти под в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца его царскою высокою крѣпкою рукою в вѣкъ неотступну і на государя нашего непослушников, а на своих недругов, з государя нашего с Терскими воеводами пригоже тебѣ стояти заодинъ.

И царь говорил: я о том благодарю Бога. Слышел есми, что ныне великому государю ни с которыми государствы войны нѣтъ.

И Кузма и подъячей Ондрѣй царю говорили: дай Господи, в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ здравъ был и царствовал на неисчетные лѣта! А Божием милосердием и великого государя нашего его царским счастьем і мужеством и храбством и царского величества шурина с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунова крѣпкимъ его противъ государя нашего недруговъ стояньемъ и о государеве рати радѣньемъ и строеньемъ его к рати—нынe великий государь нашъ всѣм недругом своим страшен, всѣ государевы недруги великому государю нашему добили челом і во всей государеве воле учинилис.—А какъ после стола пошол Кузма от царя, и провожали его до лошади дворяне князь Нарам с товарыщи.

И тогож дни приѣхали х Кузмѣ да к подъячему Ондрѣю в стан от царя Хуршит да дьякъ Іарам, которые были на Москвѣ в послѣх. І говорили Кузмѣ да Ондрѣю: царь вам велѣл говорити: привезли есте к нему от великого государя грамоту да от патреарха Иева да

от государева шурина от Бориса Федоровича грамоты ж, писаны рускимъ писмом. И тѣхъ грамотъ у царя перевести нѣкому: которой преж сего человѣкъ у царя переводил руские грамоты, и тотъ человѣкъ умер. А царь хочет из грамотъ дѣло вскоре выслушати. И тебѣ бы Ондрѣю с толмачи ѣхати на царев двор ужже, а владыко и царевы бояре вас ждутъ; и тѣ б грамоты, что вы привезли, ты Ондрѣй прочел, а толмачи б по турски то дѣло, что в грамотах написано, протолмачили, а царевы діаки напишут по иверски.

И Кузма да подъячей Ондрѣй говорили: преж сего от великого государя нашего грамоты к Олександру царю з государевыми послы присылываны, а писаны были руским писмом,—и тѣ грамоты у царя переводил греченин старецъ Кирило, а государевы люди нихто грамотъ у царя не переваживал. А с нами ныпе грамоты отъ великого государя нашего и святѣйшего Иева патреарха и от государева шурина Бориса Федоровича грамоты присланы к Олександру царю по прежнему писаны рускимъ писмом; и намъ грамот переводит нельзя: которые с нами толмачи, и они умѣютъ языку по турски; а грамоте по руски и по турски не умѣютъ, и имъ грамот перевести не умѣт.

И Хуршитъ съ товарыщи говорили: царь вам о томъ велѣлъ говорит, чтоб однолично ты Ондрѣй с толмачи ѣхали к царю на двор и грамоты перевели.

И Кузма и Ондрѣй говорили: которого дѣла преж сего не бывало, и намъ того дѣлат нелзя ж. Сами себѣ разсудіте: остаточное л то дѣло, что через три языки грамоты перевести бы прямо? То не дѣло, лише смута.—И Хуршитъ с товарыщи поѣхалъ к царю.

И назавтреѣ декабря в 15 де в середу приѣхали х Кузмѣ от царя Алавердинской владыко Филипъ да царевы бояре княз Канчиня, да княз Уман, да с ними ближней царевъ боярин Іарамъ княз, да Хуршитъ, которые были на Москвѣ в послѣх. И говорили Кузмѣ да Ондрѣю: царь вамъ велѣлъ говорити: присылалъ онъ к вам вчерас Хуршита, да дьяков своих Нарама да , чтоб ты, Ондрѣй, да толмачи приѣхали к нам на царевъ дворъ и тѣ грамоты, что вы привезли отъ великого государя и от патреарха и от государева шурина Бориса Федоровича, перевели; и вы отказали, что вам грамотъ не переваживати. И государь нашъ Александръ царь прислал ныне нас к вам и грамоты, что вы привезли, государеву и патреархову и государева шурина Бориса Федоровича грамоту царь с нами к вам прислал: и вы б их перевели.

И Кузма да подъячей Ондрѣй владыке и царевым бояром говорили: в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ, жалуя Александра

царя для хрестьянства, велитъ к нему грамоты писати руским писмом. И преж сего от великого государя нашего с послы к Олександру царю грамоты присылывапы, писаны руским писмом; и тѣ грамоты у Александра царя переводил греченин старецъ Кирило, а государевы люди нихто грамот у царя не переваживал. И которого дѣла преж сего не дѣлывалось, и нам ныне того дѣлать нелзя ж. Да и не умѣт намъ грамот перевесть: толмачи с нами умѣютъ языку по турски, а грамоте по руски и по турски не умѣютъ; а въ грамотах писаны многие мудрые слова от божественного писания и толмачом тѣх слов молвити по турски не умѣт, что въ турской рѣчи тѣх слов не говорят. Ино добро б перевод то, чтоб переведено прямо. І вы сами себѣ разсудите: сстаточное л то дѣло, чтоб через три языки толмачи перевести бы грамоты прямо? А толко не прямо хоти одно слово в переводе написати, і в томъ дѣле будет смута і все дѣло за однимъ словом будетъ не знатно.

И владыко Филипъ и царевы бояре говорили: вѣдаемъ и сами, что великий государь вашъ, жалуя Александра царя, велитъ к нему грамоты писати руским писмом. И коли у царя переводчики тѣм грамотам были, и царь о переводе тѣх грамот прежнимъ государевым посломъ и не говаривал; а ныне коли переводчика нѣт, и царь велѣл намъ вамъ говорит, чтоб вы однолично грамоты перевели. А не вычетчи царю грамотъ, какъ дѣло вѣдат? А толко вы грамот не переведете, и царь уж по неволе хочет мимо своей земли в ыном государстве добыть такова человѣка, которой по руски грамоте умѣетъ; и дѣла всѣ, что государь жалуя пишетъ к Олександру царю, объявятца от вас, а не от государя нашего Александра царя. А государь нашъ Александръ царь великого государя вашего милосердие и оборону во всѣ государства выславляет, а дѣла писменые таит. И коли уже вы грамотъ перевести не хотите, что в грамотах, сказываете, писаны слова мудрые от божественнаго писания, ино через три языки розтолковати и написати прямо не умѣт, и вы ис тѣх грамот дѣло нам прочтите, а толмач бы протолмачил по турски; а мы по турски всѣ умѣем. И, что слышав у вас из грамот дѣло, то государю своему Александру царю известим.

И Кузма и подъячей Ондрѣй грамоты прочли и владыке Филипу и царевым бояром князю Канчине да князю Уману с товарыщи из грамот дѣла, что в государеве грамоте и в патреархове и в Бориса Федоровича грамотах написано, сказали государевыми толмачи по турски.

И владыко Филипъ и царевы бояре, выслушав из грамот дѣла, говорили: в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца милосердие к Олександру царю и святѣйшего патреарха Иева моленье у государя и государева шурина Бориса Федоровича великому государю за Олександра царя печалованье и челобитье и все дѣло, что в грамотах писано, слышели есмя и государю своему Александру царю то подлинно скажем. А с вами Александръ царь в государских дѣлех переговорит иным времянем: а тепере нас к вамъ прислал царь для того, чтоб вы грамоты перевели, а не о дѣлех говорити.—И поѣхали владыко и царевы бояре к царю.

И назавтрее декабря въ 16 де в четвергъ велѣл царь Кузмѣ и Ондрѣю из Буятана переѣхат стоят в Тог. И Кузма и Ондрѣй того дни из Буятана в Тог с приставом и переѣхали; и стояли Кузма да подъячей Ондрѣй в Тогу генваря по 31-е число. А царь х Кузмѣ дворян присылал и с приставом приказывал, что ему о государевых дѣлех с Кузмою говорити ныне не время; а какъ будет время, и царь о всѣх государевых дѣлех с ними переговорит.—Декабря (Генваря?) въ 31 де велѣл царь Кузмѣ да подъячему Ондрѣю из Буятана (Тогу?) переѣхат стоять в Загем. И Кузма и подъячей Ондрѣй того дни ис Тогу в Загем с приставом и поѣхали; и приѣхали в Загемъ февраля во 2 де, и поставил пристав Кузму и Ондрѣя блиско царева двора в ызбах, гдѣ прежние государевы послы стаивали.

Февраля въ 22 де по цареве посылке ѣздили Кузма да подъячей Ондрѣй из Загему к царю в Тонас. И какъ приѣхали к цареву двору, и ссѣли с лошадей; и встрѣтили Кузму ближней царевъ дворянин княз Нарам, а с ним дворян человѣкъ з 10, а перед избою, гдѣ царь, встрѣтил Кузму околничей Абел князь. А какъ Кузма и Ондрѣй вошли к царю в ызбу, и царь спрашивал Кузму и Ондрѣя о здоровье; и велѣл сѣсти блиско себя.—А в тѣ поры у царя были дѣти его царевич Давидъ да царевич Юрьи и бояре и дворяне многие.

И, погодя немного, говорил царь: приѣхали есте ко мнѣ от великого государя, и вы у меня были на посолстве одиножды, а после того вамъ у меня быти не лучилос; і о дѣлех о государевых я с вами сам не говаривалъ и ближнихъ людей к вам о дѣлех говорити не присылывал. И вы на меня в том не подосадуйте.—И, встав, царь пошол из избы вон. А Кузмѣ и Ондрѣю говорил царь: вы побудте здѣс, а я хочю с своими ближними людми о дѣле поговорити.—И после того прислал царь х Кузмѣ ближних своих дворян Сорозона да Нарама князя, которой был на Москве в послѣх.

И Сорозан и Арам князь Кузмѣ и Ондрѣю говорили: царь пошол к обѣдне, а прислал к вам о государевых дѣлех с вами говорити нас своих ближнихъ людей. И велѣлъ вамъ царь говорити: которую грамоту привезли есте к нему отъ великого государя и что вы на посолстве говорили про великого государя к Олександру царю жалованье, оборону и защищенье,—и государь нашъ, Александръ царь, великому государю вашему на его царском премногом жалованье челом бьет. А опричь того, что в государеве грамоте написано и что вы на посолстве говорили, что с вами государевъ наказ о каких дѣлех ко государю нашему Александру царю,—и вы нам объявите.

И Кузма и подъячей Ондрѣй царевым ближнимъ людем Сорозону да Ираму князю говорили: преж сего присылал к в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу Александръ царь послов своих тебя, Ирама князя да старца Кирила, чтоб в. г. н.... (*далѣе слѣдуетъ буквально тоже самое, что послам наказано было говорить въ подобномъ случаѣ стр. 273—274*).... с Терскими воеводами стояли заодинъ.

И Сорозанъ и Арам князь говорили: мы ваши рѣчи, что вы нам говорили, известим царю.

И пошли Сорозан и Арам князь к царю. И, погодя немного, пришли от царя Сорозан же да Ирам князь и говорили: мы ваши рѣчи, что вы нам объявили, сказывали государю своему Александру царю. И царь вам велѣл говорити: какъ де в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ пожаловал, взял его, Александра царя, под свою царскую высокую крѣпкую руку, и Александръ царь по ся мѣста ни в чемъ великого государя вашего не ослушался. А сына своего царевича Юрья с ратью Александръ царь ко государя вашего воеводам на сход хотѣлъ послати, да пройти было в горах не мочно, дороги через горы болшие конные на Кумыцкую землю нѣтъ. А государевы воеводы ходили и воевали Шевкаловы мѣста, которые у моря блиско, а в Казы-Кумыкех государевы воеводы не были и Шевкаловых лутчих мѣстъ не воевали; а которой город поставили государевы воеводы в Шевкалове землѣ,—и от того города Шевкалу никоторые тесноты нѣтъ. И ныне Шевкал, сложас со многими з горскими князми, болши прежнего государя нашего цареву Александрову землю воюет и церкви Божьи разоряютъ. А земля Иверская искони хрестьянская вѣра. И не в давных лѣтех за грѣх нашъ бусурманские государи шах Персицкой и салтан Турской хотѣли было Иверскую землю для вѣры хрестьянские разорити и войною на Иверскую землю кизылбашские и турские люди многижда прихаживали,—і Александръ царь с своею

ратью с турскими и с кизылбашскими людми многижда бивался и церквей Божьих разорити не дал; и та де война от бусурманъ на Иверскую землю по многие лѣта была. И государь нашъ Александръ царь в одно время против дву бусурманских силных государей стояти не мог і здѣлал по неволе, чтоб вѣры хрестьянские не разорити, Турскому дан почал давати, да и ныне дает; а Кизылбашскому Худобендѣю шаху дал в заклад доч свою да сына. А оприч тѣхъ дву бусурманских силных государей нихто на Иверскую землю войною не прихаживал.—А Шевкал преж сего послушен был государю нашему Александру царю. І какъ турские люди у Кизылбашского блиско Иверские земли городы поимали,—и Шевкал княз стал с турскими воеводами ссылатис и им поминки посылаті, а на государя нашего цареву Александрову землю Шевкал почал своих людей пѣших войною посылати. А государю нашему Александру царю самому ходит, ни людей своих посылат на Шевкала нелзя, что Шевкал живет за горами, дорога к нему тесна и нужна; а коли мочно было государя нашего людем на Шевкала ходити, и государь бы нашъ Александръ царь великому государю вашему о рати на Шевкала не бил челом, и сам бы с ним управился: у государя нашего Александра царя рати с пятеро Шевкалова есть. Да коли б не по неволе, хто б такъ велѣлъ учинити? Александръ царь ныне к Шевкалу платье посылает для того, чтоб Шевкал людем своим на Иверскую землю ходити войною не велѣлъ. А что де вы сказываете, что Шевкалъ великому государю вашему добил челом, и мы то вѣдаем, что Шевкал не правдою государю вашему добил челомъ, переманивает з году на год, будто добивает челомъ. И Шевкалу де вѣрити никак нелзѣ.

И Кузма да подъячей Ондрѣй Сорозану да Ираму князю говорили: то сказываете добро, что Александръ царь против дву бусурманскихъ государей Персицкого шаха и Турского салтана ратей стоял и с ними бился, а церквей Божьихъ разорит не дал. А что говорите про Шевкала, что Александръ царь на Шевкала сына своего с ратью не послал за дорогою, что будто пройти не мочно, а ныне Александръ царь к Шевкалу посылает платье, чтоб его земли Шевкал не воевал,—и вы какъ того и говорити не стыдитес? Коли такая великого государя нашего милость.... (*тоже, что въ наказъ см. стр. 274*) ..... тою дорогою, которою Шевкаловы люди на Грузинскую землю ходят. И сшедчис было.... (*см. наказъ стр. 274—275*).... то дѣло не совершилос з государя вашего сторону. А то государю вашему Александру царю, будучи хрестьянским государем, годилося ли было дѣлати, что послав к в. г. н. бити челом, чтоб в. г. н. для

хрестьянства от бусурман оборонити велѣл и рат свою на них послалъ, и в кое время великого государя нашего рат на Шевкала пришла, а Александръ царь на Шевкала рати своей не послал? А ныне к нему платье посылает; и тѣм обычеемъ кабы Александръ царь с Шевкалом дружитца. И тут как доброму дѣлу быт? И какъ Александру царю свою землю от бусурман оборонити, коли з бусурманы дружитца и поминки с ними ссылатца? Да толко в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ какъ преж сего пожаловал Александра царя, взяв.... (*см. наказъ стр. 275—276*).... и своих послов к нему пришлет.

И Сорозанъ и Арам княз говорили: государь нашъ Александръ царь с Шевкалом не дружитца; а поминки посылает по неволе, что с ним управитца не мочно. Да какъ которые дѣла дѣлалис, и государь нашъ Александръ царь про то вам прямо и подлинно велѣлъ объявит. А что вы нам тепере говорили, и мы то известим государю своему, Александру царю.—И пошли Сорозан и Арам княз вдругоряд к царю.

И, пришед от царя, говорили: в. де г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца милосердие к Олександру царю и къ его дѣтем и ко всей Иверской землѣ и дѣло все, с чѣмъ вас великий государь к Олександру царю прислал, тепере подлинно извѣстно стало. И государь нашъ Александръ царь велѣлъ вам говорити, что к великому государю вашему пошлет он с вами вмѣсте послов своих добрых людей з данью, а к святѣйшему патреарху Иеву и к царского величества к шурину к Борису Федоровичю поминки с ними пошлет. А к Симону царю Александръ царь отпишетъ и посла своего пошлетъ и на то его уговаривати велит, чтоб он был под великого государя вашего его царскою рукою вмѣсте с Олександром царемъ и послов бы своих вмѣсте с вами і с Олександровыми царевыми послы к великому государю послал. А за то Александръ царь не имаетца, что Симона привесть по(д) государеву руку: Симон своей земли государь, какъ хочет, такъ дѣлает.

И Кузма и Ондрѣй говорили: в. г. ц. и в. к. О. П. в. Р. самодержецъ, истинный хрестьянский милостивый государь, жалѣя о хрестьянстве, хочет то видети, чтоб в здѣшних мѣстех всѣ хрестьянские государи с Олександром царемъ были в миру и поискали б себѣ и своим землям лутчего, укрепилися б под великого государя нашего его царскою высокою крѣпкою рукою и на своих бы недруговъ, а на его б государевых непослушников, Александръ царь (с) здѣшними хрестьянскими государи и великого государя нашего его царского величества с Терскими воеводами стоял заодинъ; а бусурманским бы

государемъ было пристрашно, видя великого государя нашего к Олександру царю и ко всѣмъ здѣшним хрестьянским государямъ великое милосердие и оборону і защищенье і Александрово царево соединенье з здѣшними с хрестьянскими государи, и нихто б силно бусурманъ на здѣшние хрестьянские земли не наступил і не воевал.

И Сорозан и Арам княз говорили: то добро, что великий государь вашъ хочетъ хрестьянъ от бусурманъ оборонити и своего царского величества Терским воеводам со государемъ нашимъ с Олександром царемъ на Александровых царевых недругов велѣлъ стояти заодин.

И Кузма и подъячей Ондрѣй поѣхали к себѣ в станъ; а провожали их встрѣчники Иарам княз с товарыщи до тѣх же мѣстъ, гдѣ встречали. Да тотчасъ Кузма да Ондрѣй поѣхали в Загем с приставом с Парсадамом.

Апрѣля въ 14 де Кузма да Ондрѣй по цареве присылке поѣхали из Загему в Крым; и приѣхали в Крым апрѣля в 19 де. И велѣл царь Кузму да Ондрѣя поставити от Крыму версты с три в селѣ в Шулдѣ, гдѣ прежние государевы послы стаивали.—И апрѣля въ 21 де были Кузма да подъячей Ондрѣй у Олександра царя в Крыму. А какъ приѣхали к цареву двору, и ссѣли с лошадей; и середи двора встрѣтили Кузму от царя архимарит Кирило, которой преж сего был на Москвѣ, да дворян Юрьи с товарыщи человѣкъ з 10. И какъ пришел Кузма в палату к царю, и царь встал и спрашивал Кузму да подъячего Ондрѣя здоровье; и велѣлъ имъ сѣсти блиско себя с правую руку. А в тѣ поры у царя были и сидѣли с лѣвую руку сын царев царевич Юрьи, да его ближние люди, да княз Мека, да княз Канчина, да.... *(пропускъ въ подлинникѣ)*....

И говорил царь Кузмѣ да подъячему Ондрѣю: в. де г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ, милостивый хрестьянский государь, жалуя меня, пишет ко мнѣ в своей царской грамоте, которую вы привезли, что Терским воеводамъ велѣлъ меня от моих недругов оберегати; а мнѣ с Терскими воеводами на своих царских непослушников. а на моих недруговъ, велѣлъ стояти заодин. И ныне приходил на мое государство на Сонскую землю Кабардинской Солох княз да Айтекъ мурза, Алкасов брат, со многими людми; и в Сонской землѣ многих людей побили и в полон поимали. И какъ они поворотилис назад, и мои люди за ними ходили; і Божиим милосердием мои люди, сшедчи Солоха, многих людей у Солоха побили и полон иной отполонили. А Кабардинской ж Алкас княз и ево люди с Солохом князем на мою всмлю не приходили. Какъ Солох пошол из своих каба-

ков на мою землю, и Алкас княз моим людем вѣсть учинил, что Солох на мою землю идет; и в томъ Алкас правду мнѣ великую показал, людей моих многих от полону избавил. И ныне ко мнѣ прислал Алкас, что Солох послал на Терекъ ко государевым воеводам людей своих просити стрелцов і хочет де Солох з государевыми людми воевати Алкасовы княжие кабаки за то, что Алкас мнѣ подоброхотал, моим людем про Солоховъ поход вѣсть учинил. И то добро ль: хто мою землю воюет, тому людей давати; а хто мнѣ доброхотает і с моими людми живет в миру, того воевати?

И Кузма да подъячей Ондрѣй царю говорили: мы живем в твоей землѣ, а того не вѣдаемъ, что в Кабардѣ дѣлаетца. А какъ мы шли от в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца и были на Терке, и мы то от воевод слышели, что Алкас княз в государеве жалованье не укрепился, на чем правду дал и шерть учинил, что было ему великому государю нашему служити и в заклад своих детей в государевъ в Терской город давати, то все порушил, давъ сына своего в Терской город в заклад, да ево отступился; а иного сына Алкас в Терской город в заклад не присылывал и ни в чем перед великим государемъ нашимъ Алкас княз не ісправился, правды не показал и службы не объявил. А Солох княз по великого государя нашего жалованью в Кабардѣ болшой княз и в заклад сына своего Солох княз в Терской город дал. А которые Черкаские князи и мурзы в государеве жалованье не укрепилис, і Солох княз з государевыми людми на них ходит, кабаки их воюет и под великого государя нашего царскую высокую крѣпкую руку их приводит і заклады, у них емлючи, в Терской город отсылает. И нѣчто будетъ Солох княз за то Алкаса князя хочет з государевыми людми воевати, что он по ся мѣста перед великим государемъ нашим не исправился, новых закладов в Терской город не присылывал. А на твою цареву Александрову землю Солоху князю ходит войною не пригодитца, вѣдает он какое царское великое милосердие к тебѣ; и нас государевых послов и твоих пословъ Солох княз и ныне провожал. Да того не вѣдаем, что ныне меж Кабарды и твоей Сонской земли учинилос. А Солох и Алкас княз бусурманы, в правде не крѣпки, обѣма им вѣрити нелзя; и тебѣ, царю Александру, надобно с расмотреньем дѣлати, а бусурманских людей смуте не вѣрити. А толко будет Солох княз на твою землю войною приходил, и онъ, чаю, над собою то ж увидит, что над твоею землею учинил.

И царь говорил: то не ложное дѣло. Солох княз на мою землю войною приходил, а Алкас княз в том мнѣ подоброхотал, моимъ людем про Солоховъ поход вѣсть учинил; и за то Солох хочет Алкаса з

государевыми людми воевat. А то я вѣдаю, что Алкас князь по ся мѣста перед великимъ государемъ вашимъ не исправился. Да ныне Алкас прямо перед великим государемъ вашимъ ісправитца и учинитца в прямом холопстве и по свою смерть от государева жалованья Алкас отступен не будетъ. Вѣр же в том моему слову. Вет я государю крест целовал, что мнѣ ни в каких государевых дѣлех хитрости не чинити. И я за Алкаса имаюсь: толко онъ перед великим государем не исправитца, и моя голова за его вину.—И ныне я посылаю на Терку людей своих ко государевым воеводам з грамотою; а в грамоте пишу, чтоб Терские воеводы Солоху князю не вѣрили, на Алкаса людей не давали и воевати его не велѣли. А вы от себя к воеводам грамоту пошлите, да тоже напишите, чтоб воеводы Солоху князю на Алкаса людей не давали и воевати Алкаса не велѣли.

И Кузма и подъячей Ондрѣй царю говорили: пригоже ныне послати на Терку к государевым воеводам по прежнему обычею для ратных людей, которым нас и твоих Александровых царевых послов встрѣтити у щелей и проводити до Терки, а ныне для Алкасова дѣла. И ты б нам ныне объявил: о кою пору нас отпустиш и с нами кого именем к великому государю нашему послов своих пошлеш? И зят твой Симонъ царь за великого государя нашего жалованье, что ты, Александръ царь, по государя нашего его царского величества повелѣнью с ним помирился, к великому государю нашему послов своих бити челом с нами и с твоими послы вмѣсте ныне посылает ли? Чтоб намъ про тѣ дѣла вѣдомо было; и мы б именно отписали на Терку ко государевым воеводам к которому сроку им прислати встрѣчю государевых ратных людей.

И царь говорил: вам ещо ѣхати ныне рано, на горах снѣги великие и вам конным приити не мочно, лише ходят пѣшие люди. Я уж то время знаю, какъ мнѣ вас и своих пословъ к великому государю отпустити. А к зятю своему Симону царю послал я посла своего и уговаривати его на то велѣлъ, чтоб онъ со мною вмѣсте был под великого государя вашего царскою рукою и послов бы своих ко государю вашему ныне с вами и моими послы вмѣсте послал; и от Симона царя посол мой ещо не бывал и мнѣ про то дѣло с вами говорити нѣчего. А какъ от Симона царя мой посол придет, і я вамъ про то дѣло тогды и объявлю. А ныне б послати вам на Терку для Алкаса князя, чтоб его воеводы воевать не велѣли.

И Кузма и подъячей Ондрѣй царю говорили: в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. великое свое... *тоже самое, что послы говорили царю за обѣдомъ послѣ отправленія ими посольства см. стр. 297*)..... рукою

в вѣкъ неотступну и зятя своего Симона царя и иных здѣшних хрестьянских государей, что были преж сего Грузинские земли, Мегрелсково и Гурнелского и Мамучансково и зятя ж своего Дадьянсково князя приводити под в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца под его царскую высокую крѣпкую руку; и слали б они к великому государю нашему къ его царскому величеству послов своих и с ними приказали, какъ им быти в великого государя нашего жалованье под его царского величества высокою крѣпкою рукою и во обороне от их недругов. И великий государь нашъ, выслушав их челобитья, пожалует, под свою царскую высокую крѣпкую руку возмет и послов своих с ним пришлет. А в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р..... (*тоже, что они раньше говорили Сорозану и Араму см. стр. 303—304*).... не наступил и не воевал. То дѣло ныне пригоже тебѣ, царю Александру Левонтьевичю, дѣлати; а Алкасово дѣло малое. Не было б Алкасовы вины и измѣны перед великим государемъ нашимъ,—и государевы б люди его не воевали; а коли Алкас перед великимъ государемъ нашим не исправитца и своей прежней вины и измѣны службою не покроет, і Алкас сам па себя разоренье наводит.

И царь говорил: на чем де я в. г. ц. и в. к. О. И. в. Р. самодержцу правду дал, крестъ целовал, что мнѣ быти под его царскою высокою крѣпкою рукою,—на том и ныне стою и в вѣкъ от его царского жалованья отступен не буду; и Симона царя и иных здѣшних государей под государя вашего его царскую руку приводити стану, и послов своих добрых людей к великому государю за его царское великое милосердие бити челом с вами вмѣсте пошлю. Да коли вам то надобно, чтоб вамъ объявлено было: кого я в послѣхъ с вами к великому государю вашему пошлю и как вас отпущу? И я о том поговорю с своими детми и з ближними людми, да вам о том вѣдомо учиню, да отпустимъ па Терку людей с прямою вѣстью. А ко государевым воеводам я от себя отпишу. Да и вы отпишите ж, чтоб Алкаса князя воевать не велѣли; а Солоху б не вѣрили и государевых людей ему не давали.

И Кузма и подъячей Ондрѣй царю говорили: мы ко государевым воеводам то в своей грамоте напишем, что ты нам за Алкаса говорил и сказывал Алкасову к себѣ правду. А Кабардинские всякие дѣла по великого государя нашего его царского величества указу вѣдают Терские воеводы: которые князи и мурзы Кабардинские и всякие горские люди в в. г. н. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца жалованье под его царскою высокою рукою укрепилис и великому государю нашему служат, и государевы Терские воеводы тѣх государ-

ревым жалованьемъ жалуют и от недругов их оберегаютъ; а которые по ся мѣста Кабардинские и горские люди немногие в великого государя нашего жалованье под его царскою высокою крѣпкою рукою не укрепилис,—и государевы воеводы за их измѣны Кабардинским князем и мурзам, которые государю служат, з государевыми людми велят ихъ воевать. И нам виноватого от вины какъ отняти? Хоти мы ко государевым воеводам о Алкасе князе и отпишем, а Алкас княз толко перед великим государем нашимъ не исправитца,—и онъ нашимъ писмом своей вины не избудетъ: воеводы над ним учинят по государеву указу и смотря по его правде. А толко перед великим государемъ нашим Алкас княз исправитца, заклады новые в Терской город подает и вперед будет от великого государя нашего неотступенъ, и государя нашего воеводы, видя к тебѣ к Олександру царю великое государя нашего милосердие, для твоего слова в прежних винах Алкаса князя, чаю, пощадятъ, воевать его не велят.

И царь говорил: я то подлинно вѣдаю, что Алкас княз с прямою правдою хочет великому государю вашему добит челом и учинитца государ... в прямом холопстве; а коли б того не вѣдал, и яз бы за Алкаса столко с вами и не говорил.—И отпустил царь Кузму да Ондрѣя к себѣ в стан. И проводил архимарит Кирило и дворяне до тѣх же мѣстъ, гдѣ встречали.

Апрѣля въ 23 де приезжал х Кузмѣ да к Ондрѣю от царя архимарит Кирило. И говорил: царь де вам велѣл сказати, что хочет онъ васъ отпустити и своихъ послов к великому государю с вами вмѣсте послати своего доброго человѣка князя Давида Кузмина с товарыщи в ыходе мая мѣсяца. Да ко государевым воеводам Александръ царь на Терек писал, что вас и своих послов отпущает в ысходе в мае мѣсяце.—Да и з государевым толмачом с Михаилом с Кашинцовым царь х Кузмѣ да к Ондрѣю приказывал про отпускъ и про посла тоже, что и с Кирилом приказывал. И Кузма и Ондрѣй о том писали ко г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с Терским стрелцом с Якушом Власьевым апрѣля въ 24 де [13]).

А после того в мае мѣсяце Александръ. царь Кузму не отпустил и своих послов не послал; а сказал, что ему ныне к государю послов своих послати нѣ с чим.

Здѣсь прерывается стат. списокъ Совина и Полуханова. Слѣдующее далѣе окончаніе списка отличается отъ начала и по слогу и

---

[13]) См. отписку эту выше на стр. 287—289.

по почерку. Такимъ образомъ въ спискѣ оказывается пропускъ за время съ мая 105 г. по октябрь 106 г. (май—октябрь 1597 г.).—Для восполненія этого пробѣла мы помѣщаемъ здѣсь слѣдующую отписку пословъ, которая сообщаетъ свѣдѣнія о переговорахъ пословъ за время съ 24 апрѣля по 30 августа.

[Государю ц. и в. к. О. И. в. Р. холопи твои Куземка Совинъ да Ондрюшка Полуханов челом бьют. Писали к тебѣ ко государю мы, холопи твои, наперед сего апрѣля в 24 де с Терским стрелцом съ Якушом Власьевым, что мы в Олександрову цареву землю пришли, дал Богъ, здорово и на посолстве у Олександра царя были и после посолства были у царя двожды и царю и царевым ближним людемъ, которых присылал царь к нам в отвѣтъ, о твоих государевых о всѣхъ дѣлех говорили. И Александръ царь объявил намъ, что он хочет к тебѣ ко государю нас отпустити и своих послов князя Давида с товарыщи с нами вмѣсте к тебѣ ко государю послати в мае мѣсяце; да и в Терской город к твоим государевым восводам царь писал в своей грамоте тоже, что и нам про отпускъ объявил. И после, государь, того, какъ к тебѣ ко государю писали мы, холопи твои, съ Якушом Власьевым, посылали мы к Олександру царю об отпуске говорити твоих государевых толмачей безпрестани. И царь приказывал к намъ с толмачи і учинил срок, какъ нас и своих послов к тебѣ ко государю отпустит; да какъ тот срок придет, и царь иной срокъ учинит, и многижды сроков переводил. И по цареве присылке и мы, холопи твои, у Александра царя были двожды.—И царю и его дѣтем говорили накрепко, чтоб они паметовали свое хрестное целованье, на чем они тебѣ, государю, крестъ целовали, были б под твоею царскою высокою крѣпкою рукою в вѣкъ неотступны безо всякого сумнѣнья; и про твое государево великое милосердие, оборону и защищенье говорили накрепко и розсужали на всякие мѣры, уговариваючи на то, чтоб царь нас отпустил и своих послов послал не мотчая і о всѣх бы своих дѣлех с послы своими тебѣ, государю, бити челом наказалъ. А ты, государь, для своего царского милосердаго обычея, какъ прежъ сего за печалованьемъ своего царского величества шурина, с. и к. б. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунова, взяв его, Александра царя, і детей под свою царскую высокую крѣпкую руку, от недруга его от Шевкала князя оборонял, такъ и ныне своего царского милосердия от него не оставиш, пожалуеш, челобитья его не презришъ.—И Александръ царь говорил: пришла де на меня и на мое государство скудость великая, многую свою казну розослал в дан бусурманским государемъ, от которых моей землѣ теснота бывает; да выдал де доч

свою замуж за Дадьянсково князя и многую свою казну в приданое дал. И мнѣ де к великому государю дани послати нѣчево; і я де послал в турские и в кизылбашские городы купити всяких узорочей, что к великому государю дани послати. Затѣмъ вас и своих послов по ся мѣста и не отпущал; а как дан изготовлю, и яз вас и своих послов тотчас ко государю отпущу.—И мы, холопи твои, царю говорили, что ты, государь, его, Александра царя, пожаловал, взял под свою царскую высокую крѣпкую руку не для дани, для своего царского милосердого обычея; а того ни в которых государствах нѣтъ, что у тебя государя и в твоих государствах всяких узорочей много. А что у него, Александра царя, какие узорочья лучилис, то б к тебѣ ко государю дани послал.—И царь говорил и клялся детми и всякою клятвою, что онъ нас отпустит и своих послов к тебѣ ко государю з данью князя Сулеймана да Хуршита пошлет сентября въ 14 де; а дале де того дни у себя вас и своих послов никако не задержу. А каковы, государь, здѣс слухи есть, какъ которые дѣла дѣлаютца меж Кизылбашского и Бухарского и Турского,—и мы то, написав, послали к тебѣ ко государю. А как царь нас и своихъ послов к тебѣ ко государю отпустит, и мы о том к тебѣ ко государю отпишем. С сею грамотою к тебѣ ко государю отпустили мы, холопи твои, из Грузеи стрелцов Михалка Исакова да Ивашка Федорова августа въ 30 де.

Помѣта: 106-го декабря въ 24 де с Терским жилцом с Ываном.

Въ [14]) 105 году присылал Турской к Олександру царю Куршеуха, чтоб Александръ царь дан к нему прислал попреж. И царь дани к Турскому не послал, сказываютъ, за скудостью; а послал царь к Турсково к Магмет салтанове матери в поминкех 5 сороков соболей да 10 зубов рыбьих, чтоб об нем сыну своему печаловалас, дал бы ему в дани сроку. Да и безпрестани Турские чеуши в Грузи о дани приезжают и грозят войною [15]).

Въ 104-м году присылал к Олександру царю Аббас шах посла своего Бирибѣя, чтоб царь дал доч свою за шаха; и многую казну с послом шах к Олександрове дочери прислал. И царь дочери своей за шаха не дал, а дал еѣ за Дадьянсково князя, и тоѣ казну, что шах прислал, всеѣ за дочерью дал Дадьянскому; а к шаху посла его

---

[14]) Списокъ этихъ же записей присоединенъ еще къ статейному списку Совина и Полуханова. Отмѣчаемъ въ примѣчаніяхъ разночтенія этого втораго списка.

[15]) Въ этомъ второмъ спискѣ: и царь Олександръ к Турскому послал на 2 годы дани 60 юков шолку, на год по 30 юков.

царь отпустил и писал царь к шаху, что та доч зговорена преж его присылки за Дадьянсково князя и шах бы на него за то не прогнѣвался. И послал царь к шаху в поминкех аргумаки добрые и шолкъ сырой и иные поминки вьюков до 20.

И въ 105-м году шах прислал к Олександру царю другово посла Велихана. А писал шах къ царю с великою грозою, чтоб онъ выбрал из своего роду дѣвку лутчюю и прислал к нему, а он на ней женитца; а толко не пришлет, и шах велит его землю воевать. И прислал шах в свои городы, которые к Грузинской землѣ блиско, ближнего своего человѣка Фергат-хана со многою ратью: будет пришлетъ царь дѣвку, и шах велѣл, взяв дѣвку, вести к себѣ; а не пришлет, и шах велѣл Фергат-хану Александрову цареву землю воевать. І Александръ царь посылает к шаху дѣвку племянницу жены своей родную, і посла своего царь посылает Есона князя [16]).

Во 105-м году посылал де Аббас шах к Турскому салтану посла своего Зилфанъ-хана, чтоб Турской дал за него сестру свою и городы Шемаху и Дербен и иные, которые городы Турской поимал, отдал шаху всѣ за сестрою в приданые. А толко не отдастъ Турской шаху городов, и шах к Турскому приказал: толко де мнѣ с тобою и миру; а вперед перевѣдаемся [17]). И Турской де кизылбашских послов отпустил съ великою честью; а приказал х Кизылбашскому, что свою сестру за него дастъ и о городѣх договор с ним учинит тогды, какъ Можарсково извоюст. И Турские паши живут ныне в городѣх с великим береженьем, чают Кизылбашских людей приходу под городы; а людей в Турских городѣх сказывают не многихъ [18]).

---

[16]) *Ibidem добавлено*: в Кизылбаши к Абас шаху. И самъ царь Олександръ правожал верстъ съ 20 земли своей, а дѣти ево царевичь Давыд да царевичь Юрья и з женами своими правожали да рубежа; и отпустили ее к Абас-шаху з ближними Абас-шаховым человѣком с Вергат ханомъ. И как привезли ее к Абас шаху, и Абас шах ее понел; а к царю Олександру прислал против того з дары с великими. Да того же году приѣзжал старец Кирило, сказывал намъ: послал деі Абас шах к Турскому к Магмет салтану...

[17]) *Ibidem*: воеватца.

[18]) *Ibidem добавлено*: А взял де Турской изо всякого города яничен 2 доли да со всякого двора, в которомъ 3 живут, имал по 2 человѣка, а во дворѣ оставливал по одному. И в болшом в Турском городе в Царѣгородѣ, сказывают, толко по 2,000 человѣк живет, а в ыных и меньши. И в посадских людехъ и в селех и в деревнях в Турского городѣх многия люди желают кизылбашских людей приходу к городом; а хотят кизылбашским людемъ здаватца.

А з Бухарским Кизылбашской послы меж себя ссылаютца часто Кизылбашской де у Бухарсково просит городов, которые у него поимал, а Бухарской отказывает. Какъ де тѣ городы я у тебя поимал, так и ты у меня емли; а даром тебѣ их не отдават. И Кизылбашской на Бухарского под городы ещо не посылывал, а пасет вогненой наряд, хочет под Турские и под Бухарские городы сам итти [19]). *Далѣе въ дѣлѣ слѣдуетъ небольшой столбецъ съ слѣдующими словами:*

Опаздьражьнюачетъвацѣрашоттсиотьлокешъвакълогоспадюродьбьетечолъ мійъзъ гурейзаечъ тосполъвенопъюлътомговяръташотьлокедъгуризъноскиезьмѣліечолногоьятокогоспадюръшотъбешъвакалоевавълаокилешвакалоевавътеснатунътіонойпсолъвѣнечогопысалът].

Послѣ этой отписки помѣщаемъ далѣе окончаніе стат. списка:

... А с нами отпустил своего посла Сулюмана князя да дьяка Левона. І мы ему учели говорит: царь, государь! Сказал ты нам преже сево, что отпущаеш к государю посла своего княз Давыда Кузмина; а нынеча ты отпущаеш к государю в послѣх князя Сулюмана.—І царь нам отказал: на княз Давыда де у меня опала; а ныне деи посылаю своего посла князя Сюлюмана и о всяких дѣлах прикозал бити челом государю с Сюлюманом же.

І в том же мѣсяце октября въ 3 день пошли от царя ис Крыму и до Соней шли 3 недѣли. І, пришед в Сони, послали провѣдыват к Ларсову кабаку про рать. И рат, не дождався нас, отошла проч. И мы жили в Сонех полтретья мѣсяца, ждали рати; и к воеводам на Терку для рати мы писали и не поодинова, и рати к нам не прислали. А писали воеводы к царю Олександру и к нам, чтоб нам зимоват в Грузех у царя; и царь по нас прислал в Сони.—І мы пришли к царю за недѣлю да Рожества Христова въ его село в Тог.

А на Рожество Христово велѣл нам царь быт у сабя ѣсть. А говорил нам: яз де вас задержал у собя потому, что было мнѣ отпустит к г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу нѣ с чим.—І назавтрея Рожества Христова велѣл поставит в Крыме в своем селѣ у Воскресенья Христова и кормъ нам велѣл давать. А корму нам давали всѣм

[19]) *Ibidem добавлено:* 106-го году пріѣхал Аристов князь в Сони в Беразуев кобак ис своих кабаков ко мнѣ, Кузмѣ, и у меня ѣл. И, за столом сидечи, сказывол: прислал деи ко мнѣ царь Симон граноту, а велѣл мнѣ к сабѣ быти со всею службою; а идет Симон царь под городы свои, которые поимал у него царь Турской в прежних лѣтех. И Кузма спросил ево, Аристова князя, про Турскова царя: которая ево безвременья Турскова достигла? И он сказал: бой де был у Турскова с Цысерским, и Цысерской Турскова побилъ.

с тѣх мѣстъ, как мы пришли сперва в Грузинскую землю и да тѣх мѣсть, как нас отпустил царь из Грузинские земли к государю, на ден по полу яловицы, да по 50 лепешек, да по вьюку шерапу; а коли не дадутъ яловицы, и онѣ дают корму по 2 туши свиных или бараньих, да по курети на день.

Того же году на велик день велѣл нам царь быти у себя в селѣ во Олони у стала. И скозал за столом намъ: яз деи вас отпущу к государю, приѣхав в Крым ис села своего ис Щулды [20]).

И после Свѣтлого Воскресенья на четвертай недѣли царь приѣхол в Крым в свое село в Шулду; і велѣл нам быті у стала. А после стола учел за г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца здаровья чаши водит и с царевичи и за государева шурина с. и к. и б. и д. в. и в. г. с. ц. К. и А. Б. Ѳ. Годунова чаши же водит про его здаровья.— И на пиру после чаш говорил царь Олександръ Кузмѣ: изымался деі яз у г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца за полу и с своими детми и со всею своею землею, что мнѣ быти под его царскою высокою крѣпкою рукою во веки неподвижно.—Да тут же на пиру скозал: как будеш у меня на отпуске, и яз прикажу к государю с тобою слово. А своему послу прикажу бити челом г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу и государеву шурину с. и к. и б. и д. в. и в. г. с. ц. К. и А. государю своему, Борису Ѳедоровичю Годунову велю же бити челом.

І учел меня царь Олександръ от собя ис Крыма отпущати к государю и своего посла Сюлюмана князя с товарыщи со мною ж.— И как яз пришол к царю Олександру в полату,—и царь Олександръ выслал ис полаты царевичев, владык и ближнихъ своих людей, а оставил у сабя в полате меня, Кузму, да своего посла Сюлюмана князя, да старца Кирила, да толмача государева Михаила Капинцова.—И учел говорить царь Олександръ: г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ меня, холопа своего, пожаловал, челобитья моего не презрил, от Шевкала меня оборапил. И яз прикозал послу своему ещо государю бити челом, чтоб государь меня пожаловал, ещо б велѣл от Шевкала оборапит. Да и ты, Кузма, государю извести, чтоб государь меня пожаловал, велѣл оборапити от Шевкала.—Да царь же

---

[20]) *Дальс зачеркнуто:* про государя своего ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержца учну чаши водить про его государя своего здаровья яз и с царевичи учну пить и вам подават; і про г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. шюрина и с. и к. и б. и д. в. и в. г. с. ц. К. и А. государя своего Бориса Ѳедоровича Годунова про его здоровья чашу учну же питі. А вас отпущу.

говорил: прикозал деи яз послом своимъ г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу бити челом о том и шурину его царского величества с. и к. и б. и д. в. и в. г. с. ц. К. и А., государю своему, Борису Ѳедоровичю Годунову бити челом, чтоб пожаловал, велѣл меня от Турского оборонит; а что с меня Турскоі дани емлет, и государь бы тое дан велѣл имати на собя, государя. А толко б государь велѣл обораниті от бусурмана; а яз хочю служити государю хрестиянскому ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р.

И пошли от царя Олександра ис Крыму на пятой недѣли в понедѣльникъ после Свѣтлого Воскресенья. И шли до Соней 3 недѣли. А в Сонех стояли 3 мѣсяцы, ждали рати государевы с Терского города; и пришла государева рат к щелем за 2 дни да Семеня дни лѣтапроводца, а с ними головы Петръ Новосилцов с товарыщи. И грамоту к нам Петръ Навосилцов от Терских воевод от князя Ѳедора Лабанова-Ростовского да от князя Василья Щетинина привез. А в грамоте написано имя г. ц. и. в. к. Бориса Ѳедоровича в. Р. самодержца, и то нам первая вѣсть учинилася про г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. самодержца. И яз послу сказал государева имя Сюлюману.

А из Березусва кабака пошли в 107-м году на Семен день лѣтапроводца. І пришли в Терской город сентября в 8 день. И пошли с Терского города сентября в 21 день. А в Астаракан пришли октября в 18 день. И грузинскоі посол мнѣ говорил многожды, чтоб зимовал в Астаракани; и мы зимовали в Астаракани, потому что пришли замаразы великия.

20. 1598—1599 гг. Посольство изъ Грузіи кн. Сулеймана и дьяка Левана.

(Грузинскія дѣла: а) 1599 г. марта 26—8 сентября, д. № 1; и б) 1603 г. октябрь—1604 г. д. № 1).

Государю ц. и в. к. Борису Федоровичю в. Р. холопи твои Осипко Плещѣевъ, да Меншичко Иванов, да Путилко Григорьевъ челом бьют. В нынешнемъ, государь, въ 107-м году октября въ 10 день писали с Терки твои государевы воеводы князь Ѳедор Лобанов да князь Василей Щетининъ к Петру Шереметеву, да к Ивану Нащокину, да к діяку Богдану Иванову, что отпустили опи с Терки в Асторохань Кузму Совина, а с ним дву толмачей, да Иверсково Александрова царева посла Сюлемана князя, да діяка Левана Янкова, да старца Андреяна, а с нимъ царевых Олександровых и их людей 18 человѣкъ. И Кузма Совин, а с ним два толмача, и Иверсково Александров

посол Сулеман князь да діякъ Леван да старецъ Андреян, а с ними царя Александра и посолскихъ людей 18 человѣкъ, пришли с Терки в Асторохань октября въ 25 день. А к тебѣ ко г. ц. и в. к. Б. Ф. в. Р. от Иверсково Александра царя посол его Сулеман князь ведет в дарѣх два жеребца аргамачьи—жеребец сѣр 6 лѣт, а другой ворон 8 лѣт; да к святѣйшему Иову патриарху катырь. Да и иные дѣі многие дары к тебѣ ко г. ц. и в. к. Б. Ф. в. Р. от Иверсково царя Александра есть; а какие дары к тебѣ ко государю от Иверского царя Александра посол ево Сулеман князь везет, и он нам, холопем твоим, про то не сказал. И до нашего, государь, холопей твоих приѣзду Иван Нащокин да Иван Кошкаров велѣли грузинскимъ послом Сюлеману князю и діяку Левану и старцу Ондреяну и людем ихъ кормъ давати, примѣрясь к прежнему, какъ даван кормъ прежнимъ грузинскимъ послом. А дают..... *(слѣдуетъ перечень дачи)*..... А на веснѣ, государь, аже дастъ Бог, Кузму Совина и грузинских послов к тебѣ ко г. ц. и в. к. Б. Ф. в. Р. отпустимъ в первой посылке.

Помѣта: вклеить в столпъ в Иверской.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холоп твой Куземка Совин челом бьет. Отпустил, государь, царь Олександръ меня, холопа твоего, и своих послов Селимана князя, да дьека Леона, да с ним жя, государь, Ерусалимской свещенникъ чернай Ондрѣян, 106-го году маия во 8 день к тобе г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. поминки, а лошедей тебе, государю, жеребец оргомачей сер да к сыну твоему государю нашему царевичю Оедору Борисовичю поминки да жеребец оргомачей и воран. И мы, государь, холопи твои, государевы пришли в Сонския кобоки июня в 6 день; и стояли в Сонях 3 месецы, а ждали рати. А какъ, государь, пришла рать с Терскова города от воеводъ, и мы, холопи твои, пошли ис Сонеи сентября въ 1 день; и пришли в Терской город сентября въ 8 день. И пошли, государь, с Терскова города сентября в 21-й день; а в Асторохань, государь, пришли октября въ 18 день. А из Асторохани, государь, не пошли по конешнай неволе, что стали заморозы великия; а посол, государь, воеводам о том посылал и мне говорил безъпрестанно, чтобъ мнѣ воеводам о том говорить, чтоб ему зимовать в Асторохани, а не замерзнуть на дороге. А что, государь, з грузинским послом людей и з дьяком и с чернымъ попом с Ерусолимским, и яз, холоп твой, роспись, поткля пот сю грамоту, послал к тобе, государю.

На оборотѣ: 107-го марта въ 26 день з Григорьем Федарчюковым·

Роспись послу грузинскому:

Посол Селиман князь, да с нимъ дякъ Леонъ, да с ним жя поп чернай Ерусолимской Ондрсян; да с Селиманом жя князям царевых 6 человѣкъ, да Селимановых людей 5 человѣкъ, да дьяковых людей 2 человѣка, да паповых людей Ерусалимского 5 человѣкъ. И всех их 21 человѣкъ.

Государю ц. и в. к. Б. Ф. в. Р. холопи твои Осипко Плещѣевъ, да Меншичко Иванов, да Путилко Григорьевъ челом бьют. Билъ челом тебѣ, г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р., Иверсково Александра царя посолъ Сулеман князь и прислал к намъ, холопемъ твоим, челобитную. И мы, холопи твои, Иверсково Александрова царева посла Сулемана князя челобитную, подклея под сю отписку, послали к тебѣ ко г. ц. и в. к. Б. Ф. в. Р. с Астороханскимъ жилцомъ с Офонасьемъ Онучинымъ.

Царю г. и в. к. Б. Ф. в. Р. бьет челом холоп твой государевъ Грузинсково царя Александра Левонтиевича посол Сулеман. Послан есми, государь, от царя Александра Левонтиевича к тебѣ, г. ц. и в. к. Б. Ф. в. Р. И я, холоп твой, приехал в твою государеву отчину в Асторохань в осень октября в 18 день, и мѣня, холопа твоего, твои государевы воеводы Иван Нащокин да Иван Кошкаров из Астороханн к тебе, государю, не отпустили, потому что стало поздо; а зимою меня не отпустили, потому что со мною твоя государева казна великая. Да послали, государь, со мною с Терка твои государевы воеводы к тебе, государю, Ших мурзы Окоцково дву человѣкъ черкас; а из Астороханн, государь, твои государевы воеводы их отпустили в станице к Москве к тебе г. ц. и в. к. Б. Ф. в. Р. бить челом для их нуж. И о тех, государь, людех у меня есть твое государево дѣло, чтоб те люди до мѣня с Москвы не сьехали. Милостивый ц. г. и в. к. Б. О. в. Р! Покажи милость, не вели меня, холопа своего, в Астороханн задержать и вели, государь, меня, холопа своего, взяти к себе, государю, вскоре. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

Государю ц. и в. к. Б. О. в. Р. холопъ твой Васка Щелкалов челом бьет. Июля, государь, въ 5 день сказывал мнѣ, холопу твоему, толмач, которой пріѣхал з дороги от грузинских послов, Михаило Кашинцов, что грузинские послы пошли из Володимера июля в 3 день во вторникъ, а на ям на Рогожу, чаят, будут в пятницу июля въ 6 день. И яз потому тебѣ, государю, и известил, что они будут в пятницу на Рогожу. И ныне, государь, пріѣхалъ от грузинских послов сынъ боярской Терской Оедор Быков и сказывал мнѣ, холопу твоему, что грузинские послы пришли на Киржацкой ям от Москвы за 70 верстъ в четвергъ июля въ 5 день; а ныне дей в пятницу на

Киржаче им и дневать, потому что у них поминочные лошеди поистомились, И яз, холопъ твой, того сына боярсково Федора послал встрѣчю опять к послом; а велѣлъ им с послы ѣхати по их воле, чтоб им завтра в суботу июля в 7 день перейти на Рогожу от Москвы за 40 верстъ, а в недѣлю б притти на послѣдней стан от Москвы верстъ за 7, а в понедѣльник к Москве притти бы часу в пятом. А Дмитрея, государь, Пушечникова встрѣчю грузинских послов яз, холоп твой, отпустил в пятницу июля въ 6 день и приказал ему потому ж, встрѣтя послов, ѣхати с ними по их воле. А будет, государь, грузинские послы вспросят про тебя, государя, и я, холопъ твой, велѣлъ им Дмитрею сказати, что вы, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. самодержецъ, и сынъ твой государь нашь царевич О. Б. в. Р. пошли к Николе чюдотворцу молиться в город в Можаескъ да к Паонотію чюдотворцу в город в Боровескъ. А будет, государь, грузинские послы про тебя, государя, и не спросят, и я, холопъ твой, про твой царской поход велѣл Дмитрею грузинскимъ посломъ в розговорех обьявити. А что, государь, давано корму преж сего грузинскимъ послом, как был в послѣх тот же Сулейман да Хуршит на пріѣзде и поденного и какову роспись кормовую по твоему государеву указу написал я, холопъ твой, примѣряся к прежней росписи, и тѣ обе росписи, послал к тебѣ ж, к государю О том какъ, государь, укажешъ?

Государю царю і великому князю Борису Оедоровичю всеа Русиі холопи твои Ѳетка Трубецкой да Иванко Годунов с товарыщи, да Васка Щелкалов челом бьют. Пріѣхал, государь, к Москве июля въ 9 день в понедѣлникъ в шестомъ часу дни иверские послы Сулейман да Исван.—И по твоему государеву указу посылалі мы, холопи твои, встрѣчю иверскихъ послов Василья Кузмина, а с нимъ дворян и детей боярскихъ; а в тѣ поры, государь, на встрѣче і в городе в деревном і в каменом, куды послы ѣхали, по твоему государеву указу, было людно и устройно по прежнему обычею. А лошаді под послов посланы с твоеѣ государевы конюшни с конюхом с Щихманом с Косаткиным; и поставлены, государь, послы на Посолском Дворѣ в Китае городе, и кормъ им на пріѣзде дали по твоему государеву указу, примѣряся к прежнему.—А Василей Кузмин и Дмитрей Пушечниковъ намъ, холопем твоім, сказывали, что говорілсему в розговоре Александра царя посол Сулейман, что послал ихъ к тебѣ к в. г. ц. и в. к. Б. О. в. Р. с. Александро царь бити челом о своих нужах, надѣяся на твою царскую милость, потому что и преже сего блаженные памяті при в. г. ц. и в. к. О. И. в. Р. твоя государева милость

была к нему великая [21]). И как про тобя, государя, Александру царю вѣсть учинилась, что ты, государь, учинился на Московскомъ государстве царем, и царь Александръ о том добрѣ обрадовался и надежу имѣет во всем на твою царскую милость, что ты, государь, по прежнему своему жалованью его милосердием своимъ не оставиш. А теснота деі, государь, ему от Шевкала, что дорогі не дастъ ни твоим государевым людем ходіти в Грузинскую землю, ни его людем проходу нѣтъ в твое великого государя государство. Да царь же деи приказывал тобѣ, государю, біти челом, чтоб ты, государь, пожаловал, на него на Олександра царя гнѣву не положіл в том, что у него твой государев посол Кузма Совін позамешкал; а то сталось для того, что Александръ царь был в кручине, да и дорогі, государь, Шевкалъ не дал. И отпущалі деі твоего государева посла Кузму Совіна двожды и назад ворочался, что ему встрѣчных людей не было; а без встрѣчных людей от Шевкала пройті было ему немочно. И теснота деі, государь, Александру царю от Шевкала великая.—А от Турского, государь, твоім царским жалованьем ныне теспоты ему нѣт, что деі твоім государевым вспоможеньем Римскоі кесар на него стоіт и людей побивает и ему ныне стало до себя. А Кизылбашскоі деі, государь, шах с Олександром царем в міру.—Да пріѣхал, государь, с послы из Ерусаліма старец Андреян племянник архіепископа Епіѳанья, что пріезжал из Ерусалима з Голгоѳы, не стало его в Казани, какъ отпущен был с Москвы на Грузинскую землю; а сказываетъ старецъ, пріѣхал біти челом тобѣ, государю, об рухляді, которая осталася после архіепископа. А из Асторохані, государь, и из Казани воеводы і діаки того про него не пісалі, что он ѣдет для рухляді; а писали его с послы вмѣсте от Олександра царя. И тот, государь, старец был челомъ, чтоб его поставилі опричь тѣх послов; и мы, холопі твои; того старца от послов велѣлі отвести на иной двор и кормъ, государь, поденной посломъ и старцу велѣлі даваті по твоему государеву указу, примѣрясь к прежнему и к дорожному корму с прибавкою.

На оборотѣ: июл в 11 де послана с верентиномъ с Федором с Козинскимъ.

Августа 23 послы грузинскіе были „у государя на дворѣ“..... Послы, быв у г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и у г. царевича к. О. Б. в. Р., правілі Сулейман князь г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. от Александра царя челобитье толмачем, а толмачіл переводчікъ Вельямин Степа-

---

[21]) Зачеркнуто: неизреченная.

нов. А молылъ: Божиею милостию в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. Владімерскій, Московскій, Новгородцкій, царь Казанскій и Астараханскій и иных многіх земель государь и облаадатель восточных и западных и сѣверныхъ стран! Іверские землі Александръ царь тебѣ, великому государю, велѣлъ челом удариті. И г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. вспросил про Олександра царя здоровье сидя; а молыл: Александръ царь по здорову лі? И послы сказали: какъ мы поѣхали от государя своего, а он Божьею милостию и твоим государевымъ жалованьем здоров.—А после того правилъ челобитье г. царевичю к. Ѳ. Б. в. Р. от Олександра царя Сулейман же княз. А молыл: в. г. царевич к. Ѳ. Б. Ѳ. в. Р.! Александръ царь Иверской тебѣ, великому государю, велѣл челомъ ударить. И г. царевич к. Ѳ. Б. в. Р. вспросил про Олександрово царево здоровье сидя; а молыл: Олександръ царь по здорову ль? И послы сказали: как они поѣхали от государя своего, а он в добромъ здоровье.

И поздравляли г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и г. царевича к. Ѳ. Б. в. Р. иверские послы на государстве. А говорил Сулейман князь: в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о.! Александро царь тебѣ, великому государю, велѣл говориті: вѣдомо учинилось, что Божьим судом в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. не стало; и государь нашъ Александръ о том зелно скорбит. А как вѣдомо учинилось, что на государстве Московском и па многих государствах учинился государемъ вы, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с.,—и государь нашь Александръ царь о том добрѣ обрадовался і велѣл тебѣ, государю, здороваті на государстве. Дай, Господи, вы, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., и сынъ твой г. царевич к. Ѳ. Б. в. Р. здравы были па многие лѣта на своих великіх и преславных государствах.

Да тебѣ же великому государю велѣл биті челом Александръ царь, чтоб вы, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., держалъ под своею царьскою высокою рукою і во оберганье и в защищенье ото всѣх недругов потому же, как блаженные памяті в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. держал его и всю Іверскую землю в своемъ царьском жалованье и никоторым его недругомъ для хрестьянства не подал. Да чтоб вы, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., велѣл через Шевкалову землю к своему государству дорогу очиститі, чтоб ему при своемъ животѣ видѣті своих детей со всею Іверскою землею под вашею царскою рукою; и что вашего царского величества повелѣнье будет о какой службе, и Олександръ царь не того не выступит.— Да поднес Сулейман ко г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. Александра царя грамоту. И г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. велѣл грамоту принять печатнику и посолскому діаку Василью

Яковлічю Щелкалову.—А после того являл г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. от Олександра царя поминкі казначей Игнатей Петровичь Татищевъ по росписи. А как поминки явилі по росписи всѣ, и г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. велѣл послом сѣсті на скамейке; а скамейка была потому же, какъ и литовским посломъ. А, посидѣв мало, послы всталі. И явил имъ государево жалованье от государева стола ѣству и питье печатникъ и посолской діакъ Василей Яковлич Щелкалов. А молыл: Сулейман да Леван! В. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. жалуетъ вас своимъ царским жалованьемъ от своего царского стола ѣству и питье.—И отпущены послы на подворье.

Список з грамоты, что писал ко г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. Іверской Александръ царь с послы своими с Сулейманом да з діяком с Леваном 107-го августа въ 23 день.

Бога единаго, безпачалнаго и безконечнаго и невидимаго, страшнаго и неприступнаго *(тоже богословіе, что въ граматѣ царя Ѳедора отъ іюня 7104 года)*. . . . славу возсылаем тебѣ, в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с., Владимерскому. . . . *(полный титулъ)*. . . . многих государствъ государю я государь царь Александръ Левонтьевіч, всея Іверскія землі началнік, тебѣ, великому государю, челом бью до лица земли.—Прислал еси к нам своих царскихъ послов Кузму Петровича да подьячего Ондрѣя с твоим царским жалованьемъ и з грамотамі. И мы твоих царских послов с любовью принелі; и они твос царское слово говорилі мнѣ. И мы твое царское слово выслушалі. Ино тепере есть 12 год, как есмі твоему царскому величеству челом билі и под твою царскую руку пришли; и мы великому государю для того докучалі для хрестьянские вѣры, а толко бы не для крестьянские вѣры, ино бы столко государю не докучали, ни оскорбляли бы его. Нам надежа была на великого государя; а государева рать нам ничего не пособила, ни которую корысть нам не учинилі, ни нам, ни землѣ нашей, ни ясыров нашихъ, ни монастыремъ, ни церквам, ни всему роду крестьянскому. Ты еси государь великой, а нам не пригодитца всегда тебѣ, государю, докучаті. А прєж сево твое царское жалованье и слово было такъ, что я Александра царя і всю землю взял под свою царскую руку и под своим защищеньем, да никоторому человѣку не дам тобя на запустѣнье. И мы тому слову государеву вѣрили, а надежа нам была на тебя; ино после того землю нашу совсѣм тадбою извоевалі і запустошилі, а крестьян наших в полон повезлі, а наші монастыри и церкви от недругов запустѣлі. Тепере оприч сего говорити нѣчего: вѣдаст Богъ да государь да твое царское имя. Оприч сего государю не станем докучаті, ни оскорбляті. Вѣдает Богъ, что

есми государю в записи велѣл даваті, и мы то станем государю ежегод даваті и ко государю посылаті.—Да прислали есмя к твоему царскому величеству послов своих князя Сулеймана Баиндурiна сына Булалина да дьяка Реваза Мугалбегова сына, и оні здешніе вѣсті тебѣ, великому государю, извѣстно учинят.—Писана в государстве нашего дворе в Крыме лѣта от созданья міра 7106-го сентября в 22 день.

Да послы же прiслалі 2 грамоты, что пiсаны к государю, как был в правителстве.

Список с Александровы царевы грамоты.

Бога всѣми владующаго милостию, от царя Александра Левонтьевича всеа Иверские земли началникъ в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и м. г. г. и о. его царского величества шурину с. и б. к. и в. д. и н. К. и А. Б. Ѳ. Годунову от нас с великою любовию челобитье и поклон. Присылал к нам в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. послов своих Кузму Петровича да діака Ондрѣя Ивановича з государевою грамотою и жалованьемъ.—И мы государево жалованье и грамоты и твои царские послы с любовью принелі и государевы рѣчи выслушали; а что в грамоте писано было, и мы то все разумѣли. Ино наше челобитье прежнее и нашие земли дѣло все в руках твоихъ положили, надежа и упование наше на тебя положили, государь Борисъ Ѳедорович. Преж сего было слово твое к намъ, и мы твоему слову вѣрили; а слово твое и указ твой до конца не свершилосе. А нынеча упование мое на Бога да на тебя Борис Ѳедорович, чтоб об моем дѣле печалнику быти, чтоб государево повелѣнье свершилосе. А челобитье мое все из начала до конца про Шевкалскос, чтоб рат свою прислал великую на моего недруга, а на государева измѣнника и непослушника, на Шевкалского и на всю Кумыцкую землю; мы оприч сего не станемъ государю докучати.—Преж сего слух был по всѣхъ царствах, что Александръ царь Іверски с великимъ государем Московскимъ в любви живет, а великіі государь Московский ему посылаетъ кречеты и дары многие; а ныне сего лѣта ни кречеты не прислалі намъ, ни дары, чтоб человѣку угодно было. А дары государевы такие былі, что ни худому человѣку пригоже было.—И о том государю челом бью, чтоб государь пожаловал, прислал иконописцов и краски розные; а которые здѣсе иконописцы живут, и тѣх бы переменилі: здѣсе много время пожилі.—Еще государю челом бью, чтоб государь пожаловал, прислал мнѣ мастера пушечного, которой умѣет пушки литі.—Послали есмя к царскому величеству послов своих князя Сулеймана Байдурина сына Булалина да діака Левана Мугалбегова сына, и они здѣшние вѣсти подлинно известят.—Писана в государство

нашего дворѣ в Крыме от создания мира лѣта 7106 сентября въ 23 день.

Список з грамоты Иверского Александра царя к с. и б. к. и в. д. и с. в. г. ц. К. и А. к Б. Ѳ. Годунову.

Бога всѣми владующаго милостию, в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и м. г. г. и о. его царского величества шурину с. и б. и в. д. и н. К. и А. Б. Ѳ. Годунову Іверские земли началник Александра царь Левонтьевич с великою любовью поклон. Присылал к намъ в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. послов своих Кузму Ивановича Совина с товарыщи, а с ними еси к намъ свою милостивую грамоту прислал. И мы твою грамоту любезно принелі; а что было в грамоте писано, и мы то выслушалі. А в государеве грамоте было писано такъ, что бы мнѣ прислати сына своего царевича Юрья с ратью. А откуды мнѣ прислать сына своего с ратью или косю дорогою ему притти на государеву службу,—дорогу чисту учините и в тѣ поры будет и сынъ мой и яз с своею ратью. А мое челобитье то есть, чтобы государево повелѣнье совершилося, чтобы промеж нами и вами недруги не были никоторые; а дорога бы ся очистіла, чтобы без боязни государевы послы и мои ходили. А стали бы государевы воеводы по государеву указу воеваті, ино бы тотчасъ Крым-Шевкал пришел ко государевым воеводам с Кумыцкими князи; ино воеводы по указу по государеву не чинили. А нынече есть мнѣ безчестье и поруганье великое отъ невѣрных бусурманов, а наругают мнѣ ся так: вашь государь крестьянскіі именитый Московскій что тебѣ пособил или которую помоч видел еси от него? И тепере много говорити нелзѣ. Будет же которое государево жалованье и помочь время есть тепере, и мы с Сулейманом приказалі, как дѣло то устроіті; а не будет государево жалованье, и то намъ извѣсно учини. А наше дѣло все в руках твоих есть, любо ты произволиш, а дѣло то здѣлаетца; упованіе наше и надежа вся на тебя возлагаем. А не будет, и дорогу станем добываті и мы от государевы службы не отстанем прочь; а дороги не добудем—ничево пособіті. Оприч сего болши не станем докучати. А преж сего великого государя ходило к намъ жалованье кречеты и соболи подводные и иное тамошнее узорочье, но тепере и того государь не жалует, дан не прислал. А будет же государево жалованье по прежнему прислати иконописцов с красками, мастеров пушечных, кречеты, соболей поводных, черные лисицы, рыбьих зубов поводныхъ.—Писана в государстве нашего дворѣ лѣта 7106-го мѣсяца маия въ 20 день.

И 108-го сентября в 8 день к печатніку и посолскому дяку к

Василью Яковлічю Щелкалову приказывалі иверские послы, что есть с нимі от Александра царя грамота и помінкі и приказ рѣчью к свѣтѣйшему патріарху Иеву Московскому і всеа Русіи,—і Василей бы о том доложіл государя, какъ о том г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. укажет?—И печатник и посолской діакъ Василей Яковлич Щелкалов докладывалъ о том государя. И г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. велѣл иверским послом быті у патріарха Иева.

И сентября в 12 день в четвергъ по г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу были у патріарха Иева Московского і всеа Русіи Иверского Александра царя послы Сулейман князь да діякъ Леван.—А посыланы по них на подворье пристав Дмитрей Пушечников да татарской переводчікъ Степан Полуханов; а лошеді под послов посыланы нарядные з государевы конюшні. И какъ послы ѣхали в город, и перед ними ѣхалі сотники стрелецкіе 20 человѣкъ; а стрелцы стоялі на площеді и па патріярше дворѣ в чістом платье без ручніц. И, пріѣхав послы в город, ссѣлі с лошедей на мостку па площеді, не доѣхав Пречістые сажен з десят. И, сшед с лошедей, шел одін посол Сулейман князь к пречистой Богородице, и в то время в церкве протопопъ и свещенники былі в саженых ризахъ пѣли молебны; а діакъ Леван шол мимо Пречистой к патріяршу двору, для тово что он арменскіе вѣры [22]), и дожидался Сулеймана князя у патріярша двора. А как послы пришли на патріаршъ дворъ і взошлі на верхнее крыльцо, и тут их встрѣтилі на крыльцѣ патріарши діаки казенной Іван Григоров да дворцовой Овдоким Никитин. А другая встрѣча была, вшед в сѣни; а встречали судные діаки Неудача Хавралев да Онрсъ Лазорев. И шли встрѣчники к патріярху в полату перед послы. А патріархъ в то время сидѣл в болшой полате в столовой. А при патріярѣе сидѣли власті с правую сторону от патріарха в другой лавке Галасѣя митрополит Сарскіі и Подонски, да Смоленской архіепископъ Ѳеодосей, да Еласонской архіепископъ Арсеній и архімариты и игумены; а по лѣвую сторону от патріарха сідѣли Вологоцкой архіепископъ Іона, да Рязанской архіепископ Варлам и архимаріты и игумены и старцы соборные. А на околничем мѣсте сидѣли дворяне сверсные и приказные люди и дьяки .....в чистом платье.—А как послы вошли в полату, и явил ихъ патріарху челом ударит патріяршъ дворетцкой Савин Плещѣев. А молыл: великіі господинъ свѣтѣйшіі Ноев патріархъ Московскіі і всеа Русіі! Иверского Александра царя послы Сулеман князь да дьякъ Леван тебѣ, великому

[22]) Сперва было написано: что не крещен.

того мужика Первушку роспросили накрепко: для чево он к иверскому послу к Сулейману на подворье вселды приезжал и о чем его Сулейман роспрашивалъ и что он ему росказывал про какие дѣла и почему ему с ним знать учинилась? Да и жену его потому ж роспросили с ним порознь: какая им знать с Сулейманом и для чего к нему приходила и о чом у них розговоры были? Да что скажут, и вы б о том к нам отписали. А Первушку велѣли дать на крепкую поруку, что ему не збежать; и животы велѣли запечатати и приказали беречь до нашего указу. Да о том о всем к нам отписали подлинно; а отписку велѣли отдати на Москвѣ в Посолском приказе дяку нашему Ѳѳопасью Власьеву. И мы потому тому мужику велим и указ свой учинити. Писан на Москвѣ лѣта 7111-го генваря въ день.

Отписка воеводъ о розыскѣ этого дѣла и объ отсылкѣ роспросныхъ рѣчей въ Москву—получена „112-го октября въ 25 де". Астараханские посадцкие люди *подтвердили почти все, о чемъ было писано Нащокинымъ въ отпискѣ.. Между прочимъ одинъ изъ нихъ Ширяй Ѳедоровъ показалъ, что* жена *(Первушина)* у посла Сулемана шапку взяла за то, что у него была на постеле.—Первуша Изборов в роспросе сказал: какъ де иверской посолъ Сулеман ѣхал к Москве, и у него на дворѣ был поставлен; а посуда де всякая его Первушина была на том его дворѣ, и он на тотъ свой двор ходилъ. Да и к Сулеману де онъ двожды и трожды хаживал один без жены, а жена де его у Сулемана не бывала. А говаривал де ему Сулеман, чтоб ему промыслил стог сѣна; і он де ему сказал, что ему тѣм нѣлзе промыслить. А болши де того ни о чем съ ним Сулеман ни говаривалъ и ни о чом его не роспрашивал. А было де на дворѣ у Сулемана по 10 человѣкъ караулщиков. А шапки де и сапогов Сулеман с Москвы женѣ его не приваживал. А купил де онъ женѣ своей шапку отлас золотной у посолсково у Сулеманова человѣка у Ивана у грузинца, а дал 2 рубля и 10 алтын; а та де шапка и ныне у него. А копем де соловым, а другим мухортым он Сулемана не даривал, мухортого де у него и коня не бывало. А был де у него иноходец солов, и тот де иноходец и по ся мѣстъ был у него; и вь юртовских де атарех Ромазанова табуна тот иноходец палъ тому ден з 10, и савер де ныне у него того иноходца есть. А женѣ де его Сулеман камки і диякъ Ортемей двоих дорогов не давывали и овощей к нимъ не посылывали.—А Первушина жена Изборова Ненилка Михаилова сказала: спознался де муж ее с Сулеманом в тѣ поры, как у них во дворѣ Сулеман стоял; и муж де

ее к Сулеману ходил один, а она де у Сулемана не бывала. А о чом муж ее с Сулеманом говорил ли, и того она не вѣдает. А как де приѣхав с Москвы Сулеман, и он ей шапки и сапогов не приваживал; и муж ее Первуша Сулемана лошадми никакими не даривал. А какъ де наперед сего Сулеман і дияк Ортемей ѣхали к Москве, и они де ей ничего не давывали и овощей никаких не посылывали.

Отославъ роспросныя рѣчи въ Москву, воеводы Первушку Изборенина велѣли дати на крепкую поруку, что ему из Астарахани не збежать; а животы его велѣли переписать и запечатать Астараханскому жилцу Тимоѳѣю Грешимостову, да подьячему Маркелу Амиреву, да целовалником Обросиму Микитину, да Олеше Ульянову, да Гаврилку Калачнику, потому что Первуша сам в роспросе сказал, что он ходил к послу к Сулеману и по скаске посадцких людей. И ту, государь, роспись Первушиным животом за их руками мы, холопи твои, отпустили с сею грамотою.

Лѣта 7111-го маия въ 12 день по г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу воеводы Михаило Богданович Сабуров да княз Василей Михалович Лобанов велѣли сыну боярскому Тимоѳѣю Грешімостову да подьячему Маркѣлу Амиреву, взяв с собою посадцких людей трех человѣкъ, і переписаті во дворѣ у Астороханскова посадцкова человѣка у Первуши Изборова животы его платье і всякую рухляд и суды всякие і запасы і в лавках и на берегу в онбарех всякие товары, а переписав запечататі.

И сын боярской Тимоѳѣй Грешимостов да подьячей Маркѣл Амирев взяли с собою Астороханских посадцких людей Гаврила Онтипина Калачника, до Обросима Микитіна, да Олешу Ульянова,— і во дворѣ у Первуши Изборова і в лавке і в онбаре переписывали животы его, а переписав запечатали; а сколко кокова живота и товару у Первуші во дворѣ і в лавке і в онбаре запечатано и что на дворе его хором і лѣсу и кож і савров, і тому роспись:

Во храму у Николы у чюдотворца образов окладныхъ, а обложены серебромъ: образ Спасов; образ пречистые Богородицы, а у него рясы жемчюжные да три золотых, венец серебрян золочен с каменьемъ и з жемчюгом низан; образ Благовѣщенье, да Воскресение Христово, да Троица, да тут же напісано 8 святых; образ Василья блаженного да Василья уродіваго; образ Николы чюдотворца; образ *о Тебѣ радуетца*; образ Покров святей Богородицы; образ пречистые Богородицы новоявленные, а у него 9 золотых да 10 поугородок золоченыхъ, венец и цата сканная с каменьем и земчюгом, венец низан,

рясы жемчюжные.—А перед образы 4 шанданы мѣдяных. И тѣ образы во храму, а приказаны беречи Никольскому попу Степану.

Да во дворѣ у Первуши: образ *Единородный Сын, Слово Божие* на краске; образ пречистые Богородицы новоявленные на краске же; 2 образы складні на краске же; образ Олексѣя митрополіта, обложен серебром; образ на золоте, написаны 4 святых; ладану с ѳунтъ.—Да перед образы шандан мѣдян.

Да рухляді в коробье Ноугородцкой: шапка женская, отлас золотной на лазоревой зѣмлѣ, круживо и перехрестк жемчюжные с каменьем с червцы и з бирюзами, а на верху у ней два плаща порожних без каменья на болване; каѳтан камчат двоеличен, шолкъ зелен да таусинен, ношен; кляпыщи серебряные, литые, тощи; однорядка лундыш сизов, поясок шелкъ зелен з золотом, пугвицы королковые, нашивка дорогилная, таусинна; сараѳан, дороги червчаты, пугвицы серебряны, нашивка шелкъ зелен; каѳтанец камчат, черлен, невелик, пугвицы хрусталные; однорядка невелика, вишнева, лундыш с королки; однорядка женская, сукно вишнево, лундыш с плетенком з золотным, а у ней десять пугвіц серебряных; шапка бархат чорнъ, окол лисей чорнъ, нашивка серебреная; шапка же невелика, бархат чорнъ, испод соболей, нашівка, петли—золото с серебромъ; іспод соболей, пупчатой, женской; ожерелье жемчюжно, невелико, с пугвіцами; 8 лоскутов сукон всяких рознымі цвѣты; остаток зенденишка чорного; пояс шолкъ Тезитцкой розные шолки; ичетыги саѳьянные желты без голенищ; каѳтанишко зенденинное ценинно, а у него 5 кляпышков серебряных тощих; 2 блюдца оловяных новых да третье ветчано; каѳтан куней, ветчан под вишневым сукном лундышом; лоскутьишко сукна сизового лундышю; полсаѳьяна жолта; колпачишко ношен, подложен камкою; сапоги женские саѳьянны жолты; рубаха шита шолком.

Въ сундуке: каѳтан камчат, малинов цвѣт, испод черева корсачь, пугвицы хрусталные; ормюкъ полотенцо тонкое, нашивка ормячная же; однорядка настраѳилна, синя, завяски шолкъ лазорев, лопатки з золотомъ; лисичішко; зипунъ бурнатен, нашивка шолкъ лазорев; саѳьянъ лазоревъ; саѳьянъ черленъ; остаток киндяка; судки столовые оловяные; 28 ковшов питьихъ деревяных; 2 братины с покрышкамі пісаных; ѳонарь слудяной; ножи в хозу с костьми; остатокъ полотенца ормячново в лоскутьяхъ; однорядченко стан брѣдна худа; ѳата да кушачишко бумажное; сапоги саѳьянны черлены Азовские, ношены; уздишко ременное; калпакъ нашивка нитяная; зеркалишко

мѣдяное без стекла; лоскутье сшеваны дорогилные и отласные; кувшинец скляничной виницѣйской; рог да везня.

Мешок кожаной а в нем зѣлья съ 10 гривенок. Да в холщовом мешечке зелье же с свинцом гривенок съ 10.—Сапоги телятинные Азовские.—Да погребец, а в нем скляніца. Коробья Новгородцкая порожня окована. Самопал. 4ры крюки луженые избные. Въ 2 узлѣх гвоздей луженых болших лавочных съ 70. Перина иршаная. Зголовье да подушка. Ковришко, а на перине кожа ветчана.—Горшокъ желѣзной да ведро, а в них желѣзо горѣлое. Рукомойникъ мѣдян немецкое дѣло. Оловеникъ в полведра. Котлишко чюдинное. Да горшокъ мѣдянъ.

В лубяной коробье: 9 братин и яндовъ деревяных; 7 братин болших и малых с венцы; 13 блюд деревяных; 27 ложек корѣлчатых; 2 солоніцы оловяных да стопочка оловяная же.

В мѣху в рогозинном мѣди съ 30 грівенок кумганные.—Да на дворѣ покрыто 1000 савров, 300 кож корові да 30 опойковъ. Котѣл желѣзной горѣлой. Сани да телѣга. Да 5 четі муки ржаные. Да 14 кадей липовых. Да 7 бочек дубовых. Да стол дубовой съ ящикомъ. Да на дворѣ же хором 2 избы бревенные да 3-я изба лежит розобрана бревенная же. Да чердакъ. Да наледница бревенная же. Да 100 тесниц. Кирпичю жжоново съ 600. 50 досокъ коротких. 500 драниц. 50 лубов.

Въ рыбном ряду лавка да онбаръ, а в лавке рыба. А сказывалі конные стрелцы Бориско Карпов да Сідорко Міхаілов, что та рыба іх; а ту лавку взялі у Первуші в наем.—А рыбы в ней: 36 теш белужьихъ и осетрьих; 20 прутовъ спинных; да 20 прутов сторонних. Перед лавкою солі 75 пуд. Бочка да бредень; а конные стрелцы Бориско да Сідорко сказалі, что тот бредень ихъ. А в онбаре 2 бочки стоетни да корытишко.

І тѣ Первушины животы Изборова приказаны беречи во дворѣ у Первуши Астараханским посадцким людем, которые живут блиско Первушіна двора, Бажепку Петрову Рыбнику, да зятьям его Богдашке, да Смирке Ѳедорову, да Васке Смольяніну, да Безсонку Ѳедорову прозвище Созыке, да Оролку Іевлеву, да Саве Онисімову, да Русину Васильеву, да Івапу Басѣ, да дѣловому казаку Степапку Караулову.

Да в стаде 2 коровы; да во дворѣ корова бела, і та корова отдана на дѣловой двор сыпу боярскому Івану Кавардинскому.

А въ рыбном ряду лавка да анбар приказал беречи рыбником гулящему казаку Терсху да стрелцу Якушку Рыбнику.

А на берегу у Первуші онбаров нѣт.

Іюля въ 20 день 2 коровы яловые Первушины из стада взяты и отданы на Дѣловой двор сыну боярскому Івану Кавардіцкому, да целовалніком Иванку Казанцу с товарыщи.

21. 1601—1603 гг. Посольство въ Грузію Ив. Аѳ. Нащокина и Ив. Леонтьева.

(Грузинскія дѣла 1601 г. іюля 5).

Лѣта 7109-го августа въ 25 день г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. велѣл Ивану Ѳѳонасьевичю Нащокину да Ивану Левонтьеву для своего государева дѣла итти в Грузинскую землю к Олександру царю; а с ними отпустил г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. Грузинского Александра царя послов Сулемана князя да (дьяка) Ортемья, а с ними царевых людей 7 человѣкъ..... солских людей и с полоненики 10 человѣкъ опричь тѣх, которых им полоненников и торговых людей велено отдати в Казани и в Астарахани и на Терке. А дожидаютца их грузинские послы в Казани..... Ис Казани итти в Астарахань не мешкая с великим береженьемъ, чтоб над нчми на Волге казаки воры и запорожские черкасы и татарове какова дурна не учинили [23])..... А как придут в Терской город, и Ивану Ѳѳонасьевичю и Ивану Левонтьеву говорити о том с воеводами и з грузинскими послы—куды им лутче итти и безстрашнее: старою ли дорогою, которою преж того хаживали или новою, которую дорогу нынс провѣдали. А провожатых с ними велено послать с Терки воеводам, смотря по тамошнему дѣлу, чтоб им от Кумытцких людей пройті безстрашно. Да которою дорогою приговорят как прибылнѣе, тою дорогою и итти, смотря по тамошнему дѣлу, чтоб им пройти здорово і безстрашно. А к Черкаским князем к Солоху князю да к Алкасу князю и мурзам, которые будут на дороге, посланы с ними государевы грамоты; да с ними же послана государ-

---

[23]) *Зачеркнуто:* А будет грузинские послы в Казани илі в ыном в котором городе или в дороге учнут говорити про государеву рать, что г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. государя их Александра царя пожаловал, велѣл на Шевкала послать рать, а ныне государева рать с ними не идет,—и (Ивану Ѳѳонасьевичю) и (Ивану Левонтьеву) говорити: мы поѣхали от царского величества с Москвы, а царского величества воевода князь Иван Петровичъ Ромодановской с Москвы з государевою ратью отпущен, и в понизовные во всѣ городы царской указ послан; а велено ратным людем изо всѣх понизовных городов быть готовым и итти вмѣсте с воеводою со князем Иваном Ромодановским.

рева грамота отворчатая за красною печатью ко всѣм Кабардинским княземъ и мурзам об их отпуске и о провожанье. И Ивану Ѳѳонасьевичю и Ивану Левонтьеву тѣм князем и мурзам грамоты государевы отдаваті и им говориті, чтоб они их провожалі и провожать посылали; а к которым грамот нѣтъ, и тѣм государева грамота отворчетая прочитаті и говорити потому ж о провожанье. А про г. ц. и в. к. Б. О. в. Р. жалованье имъ сказывати, что к нимъ государево жалованье будет вперед. А говориті Черкаским княземъ и мурзамъ и грамоты давать о провожанье, говоря с Терскими воеводами, которым Черкаским князем и мурзам мочно вѣрити, чтоб над ними черкасы оманом которого дурна не учинили..... *На посольстѣ у царя Александра будучи, послѣ поклона и поднесенія подарковъ отъ царя Бориса и царевича Ѳедора* говорити рѣч Івану Ѳѳонасьевичю: Божиею милостию в. г. ц. и в. к. Б. О. в. Р. с. и м. г. г. и о. тебѣ, Александру царю, велѣл говорити: присылал еси к нашему царскому величеству послов своих Сулеймана князя да дьяка Лев(ана) з грамотою и с речми, поздравляючи нашего в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и сына нашего в. г. царевіча к. О. Б. в. Р. на наш(их великих) и преславных государствах на Вл(адимерском) и Московском и Новгородцком и на царствахъ Казанском и Астарахаиском и на Сибирском и на всѣх государствахъ Росиіского царствія, и иных дѣл [24]). И послы твои, будучи на посолстве, нашему царскому величеству говорилі: как тебѣ Александру царю вѣдомо учинилося, что Божьимъ праведным судом..... славнаго г. ц. и в. к. О. И. в. Р. с. в животѣ не стало, праведная его и безпорочная душа к Богу отошла, и ты о том зелно поскорбѣл. И наше царское величество в том тебя, Александра царя, похваляем: такъ годітца всѣм хрестьянским государем о таком великом и преславном государе скорбѣті и сѣтовати [25]).

---

[24]) *Далѣе сперва было написано:* и мы в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и нашего царского величества сынъ в. г. царевичь к. Ѳ. Б. в. Р. послом твоим наши царские пресвѣтлые очи велѣли видеть и грамоту твою, приняв, милостивно выслушалі. И что к нашему царскому величеству писал еси в своей грамоте и о которых дѣлех приказывал с послы своими рѣчью, и тѣ всѣ дѣла нашему царскому величеству вѣдомы. И что послы твои, будучи.....

[25]) *Далѣе зачеркнуто:* А мы в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и по се время всегда болѣзнуем душею и серцем и в сѣтованье пребываем, чт..... жение грехов всего хрест..... такова великого государя праведнаго и храбраго славнаго и милостивого, над велики государи высочайшего, высокостолнейшего и государствам многим заступника и посо..... подателя и неисчетные хвалы

А что к нашему царскому величеству с послы своими приказывал еси: как вѣдомо тебѣ учинилось, что наше царское величество на Московском государстве и на всѣх великих государствах Росиіского царствия учинились есмя великим государем царем і великим князем всеа Русиі самодержцем,—и ты о том [26]) порадовался и к нашему царскому величеству посылал послов своих биті челом, чтоб нам в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. тебя, Александра царя, и всю твою Иверскую землю пожаловаті, держаті под своею царскою высокою рукою во обереганье и в защищенье ото всѣх твоих недругов и ни которым недругом твоим не податі (и дорогу б къ) царской вотчине к Астарахан(и и к Терскому) городу из Иверские земли велѣть очистит и послать на Шевкала болшую рать свою,—а ты Александръ царь пошлеш свою рать. И, сшедчися б им вмѣсте с нашею ратью, над Шевкалом промышлят заодин.

Івану Левонтьеву: Божиею милостию, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. тебѣ, Александру царю велѣл говориті: и мы в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и нашего царского величества сынъ в. г. царевіч к. Ѳ. Б. в. Р. милостивно выслушали, тебя, Александра царя, похваляем и пріімаем от тебя то в любовь, что ты к нашему царскому величеству с поздравленьем прислал послов своих и желаеш к себѣ нашего царского жалованья. А челобитье твое Александра царя милостивно выслушалі есмя и тебя, Александра царя, и всю твою Иверскую землю пожаловалі, хотім держати в нашем царском жалованье под нашею царскою высокою рукою ото всѣх твоих недругов во оберегапье и в защищенье и дорогу к нашему государству через Шевкалскую землю велѣлі очистит и повелѣнье свое царское к Астараханским и к Терским воеводам велѣлі послать и рать свою болшую на вашихъ недругов на Шевкала и на Кумытцкихъ людей велѣлі послать. И как нашего царского величества воеводы с нашею..... будут на Терке и на Койсе и..... и с тобою Александром царем о..... и к которому сроку твоим людем, смотря по тамошнему дѣлу, велят быть,—и ты б, Александръ царь, послал на Шевкала сына своего со многою ратью, чтоб нашего царского величества во-

---

достойного государя, моего пресвѣтлого царя праведная и безпорочная преблагая душа от сего свѣта к Богу отошла, оставль земное царство, отонде в вѣчное блаженство небесного царствия. А тебѣ, Александру царю, потому же, помня к себѣ его царское жалованье, свыше иныхъ государей годитца сѣтовать.—А что к нашему царскому величеству с послы своими.....

[26]) *Зачеркнуто*: добрѣ.

еводам, приговоря срок, с твоими людми сшедчися над Шевкалом промышляті вмѣсте, чтоб над ним поискъ учинить и дорогу очистить, куды нашего царского величества послом и посланником к тебѣ, Александру царю, ходиті.

Івану Ооопасьевичю: Божиею милостию, в. г. ц. и в. к. Б. О. в. Р. с. и м. г. г. и о. тебѣ, Олександру царю велѣл говорит: а что писал еси к нам к в. г. ц. и в. к. Б. О. в. Р. с., что учнешь к нашему царскому величеству поминки присылаті по прежнему, а о помочи на своихъ недругов болши того докучать не смѣешъ,—и наше царское величество хотим тебя, Александра царя, и всю твою Иверскую землю под нашею царскою высокою рукою держаті и оборонятi для своего царского милосердого обычея, указуючи к тебѣ свою царскую любовь и ко всей твоей Иверской землѣ свое царское жалованье для истинные православные вѣры, а не для поминков, чтоб тебѣ и всей Иверской землѣ нашею царскою милостью и оберегапьемъ и защищеньем быти ото всѣх твоихъ недругов вперед безстрашным и чтоб тебѣ, Олександру царю, і всей твоей Іверской землѣ в поминках скудості не было, и хотім тебя, Олександра царя, во всем нашем цареком жалованье держаті. И ты б на наше царское величество во всем был надежен.

Да как после посолства велит Александръ царь Івану Ооопасьевичю и Івану Левонтьеву быти у себя на дворѣ и учнет им говорити сам или кого к ним пришлет ближних людей и учнут их спрашивати, что с ними г. ц. и в. к. Б. О. в. Р. к Олександру царю приказ? И Івану Ооопасьевичю и Івану Левонтьеву Александру царю или его ближним людем говорити: присылал к в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сыну к в. г. царевичю к. О. Б. в. Р. Александръ царь послов своих Сулеймана князя да дьяка Левана бити челомъ, чтоб в. г. п. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. государя вашего, Александра царя, и всю его Иверскую землю пожаловали, держали под своею царскою высокою рукою во обереганье и в защищенье ото всѣх его недругов потому же, как блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с., и никоторым бы недругом его не подати и дорогу к в. г. п. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., вотчине к Астарахани и к Терскому городу из Иверские земли велѣти очистить и послати бы на Шевкала болшую рать свою и, сшедчися б вмѣсте с в. г. н. ратью, надъ Шевкалом промышляти заодин. И в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сын в. г. н. царевичь к. Ѳ. Б. в. Р. челобитье и прошенье государя вашего милостивно выслушали и хотят государя вашего Александра царя и всюИвер-

скую землю держати в своем царском жалованье под своею царскою высокою рукою и ото всѣх недругов во обереганье и в защищенье и дорогу ко государя нашего государству через Шевкалскую землю велѣли очистити и повелѣнье свое царское к Астараханским и к Терским воеводам послати велѣли и рать свою болшую на государя вашего недругов на Шевкала и па Кумытцких людей велѣли послати. И ныне царского величества воеводы князь Иван Петровичъ Ромодановской с товарыщи..... и государя нашего рат в дороге и на Терку будет вскоре. И как в. г. п. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. его царского величества воеводы князь Иванъ Петровичъ Ромодановской с товарыщи з государя нашего ратью будут на Терке и на Койсе и на Сунше и з государем вашим Александромъ царем обошлютца и х которому сроку государя вашего людем, смотря по тамошнему дѣлу велят быти, и государь бы ваш Александръ царь послал на Шевкала сына своего со многою ратью, чтоб в. г. п. ц. и в. к. Б. О. в. Р. с. его царского величества воеводам приговоря срок, з государя вашего люди сшедчися, над Шевкалом промышляти вмѣсте вовремя, чтоб над ним поискъ учинить и дорога очистить, куды в. г. п. ц. и в. к. Б. О. в. Р. с. его царского величества послом и посланникомъ ко государю вашему к Олексапдру царю ходити не по прежпему как преж сего блаженные памяти при в. г. ц. и в. к. О. И. в. Р. с. околничей и воеводы князь Ондрѣй Ивановичь Хворостинин с товарыщи учинили, ходили на Шевкала не во время и не сождався с людми,—а государя вашего Олександра царя люди с сыном его с царевичем со княземъ Юрьем на сход не бывали.—И Александръ бы царь и его дѣти, видя к себѣ и ко всей Иверской землѣ такое царское великое жалованье и оборону, в. г. п. ц. и в. к. Б. О. в. Р. с. и его царского величества сыну в. г. царевичю кн. Ѳ. Б. в. Р. государь вашь Александръ царь и его дѣти и всѣ ближніе люди правду учинили, за всю Иверскую землю на записи крестъ целовали, что государю вашему Александру царю и его дѣтем и всей Иверской землѣ быть в царском жалованье под его царскою высокою рукою неотступным и на государя нашего непослушников, а на своих недругов, с Терскими воеводами стояти заодин.

И будет царевы ближние люди учнут говорити, что государь их Александръ царь ко государю с послы своими бити челом приказывал, чтоб государь пожаловал, велѣл на Шевкала послати рать свою и дорогу к своим государствам через Шевкалову землю велѣл очистити, чтоб то Александру царю видети при своем животѣ; а не видев государевы рати и того как Шевкала извоюют и приведут под госу-

дареву руку, Александру царю как государю правда дать? И Ивану Ѳѳонасьевичю и Ивану Левонтьеву говорити:..... вам о том имянно говорить, что Шевкал под государеву руку по ся мѣста не приведен, и то сталось от Александра ж царя. Как посылал государь нашь царское величество на Шевкала околничего и воевод князя Ондрѣя Ивановича Хворостинина с товарыщи с своею царскою ратью, а к Олександру царю от государя писано, чтоб Александръ царь с своей стороны послал сына своего царевича Юрья с своею ратью и сойтис было им обѣим ратем вмѣсте и Шевкала восвать. И князь Ондрѣй Хворостинин с товарыщи царского величества Кумыцкую землю воевали и ждали многое время Олександровых царевых воинских людей; и Александръ царь рати своей не послалъ, а была одна государева рать, да и то ходили не во время, и потому тогды и не совершилось. И то Александру царю стало от себя. А толко б была рать Александрова царева и пошли б на Шевкала во время, ино б тогды Олександрово царево дѣло, Шевкалского поход совершился. А нынѣ в. г. п. ц. и в. к. Б. О. в. Р. с. и его царского величества сын в. г. царевичь к. Ѳ. Б. в. Р. государя вашего Александра царя и его детей и всю Иверскую землю пожаловалі, взяли под свою царскую высокую руку. И то уже будет крѣпко и неподвижно: которые государства под государя нашего царского величества высокою рукою ни есть не токмо крестьянские, й бусурманские орды,—и тѣ всѣ живут по государя нашего царского величества высокою рукою в безстрашном пребыванье. А государь ваш Александръ царь и земля его хрестьянские. И государь нашь в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. поипаче иных государей государя вашего Александра царя хочет жаловать и во обороне под своею царскою высокою рукою держати хочет свыше прежнего. И рать государева готова и воеводы отпущены от царского величества при нас, и ныне они в дороге.—И государь бы ваш Александръ царь без всякого сумнѣнья на государя нашего жалованье был во всем надеженъ и государю нашему правду дал и з детми своими и со всѣми ближними людми за всю Иверскую землю и от него государя был неотступен. А без правды государю нашему как за государя вашего и за его детей и за всю Иверскую землю стояти и от недругов оберегати и дорогу к своим государствам очистити без укрепленья? Тому сстатись не пригоже.—Да говорити о том накрепко, чтоб Александръ царь и его дѣти и ближние люди за всю Иверскую землю правду дали.

Да как Александръ учнет правду давати, и (Ивану Ѳѳонасьевичю) и (Ивану Левонтьеву) говорити Александру царю, чтобы он с того

царю Иверскому.... (*буквально тоже, что и въ наказѣ Совину стр. 276*)... сказати, что в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сынъ в. г. царевичь к. Ѳ. Б. в. Р. в своем жалованье под своею царскою высокою рукою во обороне держати хотятъ от всѣх их недругов и царское жалованье к ним будетъ, во всемъ смотря по их правде. И они б ныне.... (*тоже*)... печатми пришлет и свое царское жалованье учнет к нимъ держать, смотря по их правде. А ныне б они были..... (*тоже*)... ѣхати с собою вмѣсте.

А будет ныне Александръ царь воюетца с которыми пограничными сусѣди и учнет им Александръ царь или его ближние люди говорити о стрелцѣх и о казакѣх, чтоб государь пожаловал, дал ему на его недруговъ стрелцовъ и казаковъ с вогненым боемъ, и (Ивану Ѳеонасьевичю) и (Ивану Левонтьеву) говорити: в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. его царского величества указ на Терке у воевод есть: велено Александра царя от его недруга, от Шевкала, и ото всѣх недругов оберегати. А о стрелцѣх и о казакѣх с ними государева наказу нѣт, потому что Александръ царь с послы своими о том государю бить челомъ не приказывал; а бил челом о болшой рати на Шевкала и на Кумытцких людей. И царское величество Олександра царя тѣмъ и пожаловал, рать свою послал; и воеводы царского величества князь Иван Петрович Ромодановской с товарыщи на Терку будут вскоре.

А нѣчто Александръ царь или его ближние люди учнут спрашивати: какъ г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. учинился на государьстве, коимъ обычаем? И имъ говорити: вѣдомо вам самим, как при в. г. блаженные памяті при ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. шурин его царской, в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., будучи во властодержавном правительствѣ, в каковѣ мѣре і в каковѣ чести был и своим премудрым разумом и храбростомъ в. г. блаженные памяті ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. со всѣмі великимі государи ввел в дружбу и в любовь и его царскому величеству честь и повышенье учинил; и с ним с в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. ещо при в. г. блаженные памяті при ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. всѣ великие государи ссылались о всяких о добрых дѣлех. Также с повелѣнья в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. он, в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., государьство Московское и всѣ государьства Росиіского царьствия строилъ и новоприбылые государьства под государеву царскую высокую руку привелъ и укрепил і во всемъ государьстве Росиіском царстве прибавленье и разширенье учинил великое і всяким служілым людем милосердье свое показал и многое воинство устроил, черным людем тишину, а бѣднымъ і винным пощаженье, всей Росиіской землѣ облегченье и радость і веселье показал и премудрымъ своим разумомъ и храбростью

всю Рускую землю в покое і *в* тишінѣ і во благоденственном житіі устроил. И как Божьим судом в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. отходил с сего свѣта, и приказал и благословил государынѣ ц. и в. к. Ирине Ѳедоровне в. Р. и своему царскому шурину г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. быти на государьстве Московскомъ и на всѣх государьствах Росиіского царствия. І благовѣрная и благочестивая в. г. ц. и в. к. И. Ѳ. в. Р. на Московскомъ государьстве и на всѣх государьствах Росиіского царствия не изволила быті и, по своему обещанью, оставль славу и честь і высоту Російского царствия, отшед в монастыр во обитель пречистые Богородицы Одегитрея, восприяла ангилскій образ; а г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. потому ж не изволилъ быти на Московском государстве и на всѣхъ государствах Росиіского царствия [27]). І святѣйшиі Иев патриархъ Московскій і всеа Русиі со всѣм освященным собором совѣтовал с цари и с царевичи и з государьскимі детмі, которые ныне царскому величеству служат, и з бояры и со всѣмі думнымі людмі молилі и просилі государыню благовѣрную ц. и в. к. иноку Александру Ѳедоровну в. Р.,—а бояре и князі і воеводы и дворяня и приказные люді и всякие служілые люді всѣх городов Московского государьства і всенародное множество людей с великим плачем билі челом,—чтоб государыня благовѣрная ц. и в. к. инока Александра Ѳедоровна в. Р. увещала и благословіла на царство своего брата г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. по приказу і по благословенью в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и по его государеву достоинству; а в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. потому ж билі челом, чтоб он, государь, умилосердился, на Московском государстве і на всѣх государьствахъ Росиіского царствия был государемъ царем і великим князем всеа Русиі самодержцем. И великая государыня благовѣрная и благочестивая ц. и в. к. инока Александра Ѳедоровна в. Р., по многому прошенью и челобитью всѣх людей, на тѣ православные государства Російского царствія благословила брата своего г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. И з Божьею помочью і по приказу в. г. блаженные памяті ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с., а по благословенью в. г. н. благовѣрные ц. и в. к. иноки Александры Ѳедоровны в. Р. [28]), и моленьемъ святѣйшего Иева патриарха Московского и всеа Русіи і всего освященного вселенского.....собора и за многим челобитьемъ [29]) царей і

---

[27]) *Зачеркнуто*: а государство такое великое стало безгосударно.

[28]) — и за просбою.

[29]) — и прошеньем.

царевичей и государских детей розных государствъ, которые под царскою высокою рукою ему, государю, служат, также бояр и околничіх и князей и воевод и дворян и всяких служілых людей и множества народа людей Росиіского царствия,—в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., Богом возлюбленный и превознесенный и Богом избранный, учинился на великих государьствахъ, на Владімерском и Московскомъ и на Новгородцкомъ и на царствах Казанском и Астороханском і на Сибирскомъ и на всѣх государствах Росиіского царствия царем и великим княземъ всеа Русиі самодержцем. И ныне всѣ цари и царевичі и государьские дѣті розныхъ государствъ, которые в. г. н. служат, и всѣ бояре и князи і воеводы и дворяне и всякие служілые люді и все воинство Росиіского царствия і вес народ хрестьянскій в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., милостивому и храброму и счасливому, и сыну его г. н., пресвѣтлому и благовѣрному царевичю, к. Ѳ. Б. в. Р. с радостию служат, и царским милосердьем всѣ в тишинѣ і в покое пребываютъ; і в. г. н. царю и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и царьству Московскому и всѣмь государствамъ Росиіского царствия ныне никакова недруга нѣт.

Да память (Ивану Ѳѳонасьевичю) и (Ивану Леонтьеву): нѣчто учнет их спрашиваті Александръ царь или его ближние люді про цесаря Римского и про Литовского короля: как ныне з государем? И (Ивану Ѳѳонасьевичю) и (Ивану Леонтьеву) говориті: в. г. н. ц..... (*тоже самое, что и Совину с. 278*)..... заодин. І в. г. н. царское величество с тѣми со всѣми хрестьянскими государи на Турского и на всѣх бесермен стояті заодин хочет.

А нѣчто спросят про Свѣйского: чаи ныне з государемъ? И (Ивану Ѳѳонасьевичю) и (Ивану Левонтьеву) говорити: Свѣйской король в. г. н. добил челом и учинился во всей воле государя нашего. А ныне Свѣйского Ирика короля сынъ Густав королевич, Литовскому Жигимонту королю брат, у в. г. н. служитъ на Москвѣ.

А нѣчто спросят про Турского салтана: как ныне з государемъ? И (Ивану Ѳѳонасьевичю) и (Ивану Левонтьеву) говорити: прежним салтаном с великими г. н. ссылки бывали; а в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. с нынешним салтаном ссылка никакова не бывала.

А нѣчто спросят про Бухарского: как ныне з государемъ? И (Ивану Ѳѳонасьевичю) и (Ивану Левонтьеву) говорити: присылал к в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. Бухарской Баkы царевичь посла своего Однана бити челомъ, чтоб в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. держал его в своем царском жалованьѳ и никоторым его недругом не подал. И

какъ мы от царского величества отпущены, и Бухарского посол еще на Москвѣ; а того не вѣдомо, как царское величество его пожалует.

А нѣчто спросят про Сибір: каким обычаем Сибірское царство взялі государевы люді и как ныне Сібір устроена? И (Ивану Офонасьевичю) и (Ивану Леонтьеву) говориті: Сибирское царство искони вѣчная вотчина государей нашіх, царей Російскіх; и прежніе царі, которые былі на Сібірском царстве, государемъ нашім былі послушны и дань давалі. А как учинілся на Сібірском царстве Кучюм царь, и он был не почал царскому величеству дані даваті и учал быть непослушан. И царское величество ис Пермі послалъ в Сібір казаков волжских. И казаки шед Сібірское царство взялі и людей многих побілі. А царь Кучюм убежал на поле и козаковал на поле; а племянника Кучюмова царева Магметкула царевича взялі казаки жіва. А после того государя нашего воеводы и сына Кучюмова царева Абдюлхаіра царевича взялі. А ныне в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. воеводы из Сібірі посылалі голов за Кучюмом царем, и головы сошлі Кучюма царя на Обі рекѣ; а шлі до него 20 ден рѣзвым ходом. И Божьею милостію, а в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и сына его в. г. н. царевича к. Ѳ. Б. в. Р. счастьем, в. г. н. люді, дошед Кучюма царя на поле побілі на голову, самого Кучюма царя да брата его Ілітеня царевича и детей его и племянников и с німі 3-х царевичей и многіх князей и мурзъ и всяких людей побілі болші 6,000 человѣкъ; а 5 царевічей Кучюмовых царевых детей Асманака царевича з братьею да 10 царицъ Кучюмовых и детей его жон да 8 царевых Кучюмовых дочереі и лутчіх мурзъ болші 300 человѣкъ жівых взялі и к в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. прівелі, и улусы Кучюмовы розорілі. И ныне Кучюмовы царевы дѣті царевічі и племянники всѣ у в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. у его царского величества на Москвѣ царевічі царскому величеству служат, а матері их и сестры и жены жівут в царском жалованье въ их помѣстьях. А в Сібірі ныне жівут в. г. н. его царского величества воеводы многіе. И городы поставілі многіе по Турѣ рекѣ и по Иртішу и по Оби по великой рекѣ, и в тѣх городѣхъ люді многіе устроены; а поставили в Сібірской землѣ болші 20 городов, а старых городов во всеі Сібірской землѣ до 30 [10]) городов; и дан с Сибирские землі в. г. н. (идет многая), соболі и лисицы чорные и иной всякой звѣр.

А нѣчто Ивану и учнут давать корму мало, и им о том говорить, чтоб имъ кормъ давали по прежнему, как бы мочно сытим

[10]) Сперва было написано: до ста.

быти. И будетъ имъ учнут говорить, что на Москвѣ Александра царя посломъ Сулейману князю да діяку Ортемію корму давали мало, давали имъ денгами, и того имъ корму не ставилось и онѣ покупали кормъ собою,—и (Ивану Ѳѳонасьевичю) и (Ивану Левонтьеву) говорити: на Москвѣ по царского величества повелѣнію государя вашего Александра царя посломъ Сулейману да дьяку Ортемію кормъ столовой даванъ доволно. И государя вашего послы Сулейман князь да дьякъ Ортемей били челомъ царского величества печатнику и посолскому діаку Василью Щелкалову, чтоб имъ за кормъ велѣл давать денгами: и по их челобитью Василей велѣл имъ за кормъ денгами давать без царского величества повелѣнья. И какъ про то вѣдомо учинилось от государя вашего послов царьского величества приказным людем, и они про то царьскому величеству донесли, что государя вашего посломъ за столовой кормъ Василей Щелкаловъ велѣл давати денгами без царского повелѣнья по их челобитью. И в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. велѣлъ про то бояромъ своимъ сыскати. И царского величества бояре про то сыскали, что по царского величества указу корму государя вашего Александра царя посломъ давано доволно, и Василей Щелкалов имъ велѣлъ за кормъ давать денги по их челобитью; только то Василей здѣлал без царского повелѣнья. И в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., жалуя государя вашего Александра царя за то на Василья на Щелкалова опалу свою положил и от Приказу его велѣлъ отставить; а посломъ государя вашего, на Василье взяв, велѣлъ за то дати 300 рублев. И ныне Василей Щелкалов за то не у Приказу.

И будучи въ Иверской землѣ (Ивану Ѳѳонасьевичю) и (Ивану Левонтьеву) провѣдывать себѣ тайно:..... (*буквально тоже, что и Совину с. 279—280*)..... *Добавлено только слѣдующее*: и дань Турскому даетъ ли или не даетъ *(Грузинскій царь)?* И будет дает, и им того провѣдать: чѣм дань дает и поколку чего посылаетъ?..... *Послѣднія слова*: воюетца или миритца? И на чем быт въ миру?

Да память (Ивану Ѳѳонасьевичю) и (Ивану Левонтьеву). Посланы к Олександру царю напередъ сево 2 человѣки иконников Иванко Тарасьевъ да Шигалѣйко. И как имъ царь Александръ велитъ у себя быти на отпусве, и Ивану Нащокину и говориті Александру царю илі его ближнимъ людем, чтоб Александръ царь тѣх иконников отпустил ко государю с нимі вмѣсте. А ныне с нимі государь к нему к Олександру царю прислал іных иконников дву ж человѣкъ, и он бы тѣм велѣл въ іх мѣсто быті у себя и велѣл бы их беречі, чтоб (ни у)кого нужи не было.—Да по челобитью Александра царя послов Сулеймана да дьяка Ортемья послано с нимі 4 человѣки плотников для церков-

ного дѣла; и до коих мѣстъ Іван Нащокин и Іван Левонтьев в Ыверской землѣ побудут, а тѣ будет плотникі от церковного дѣла отдѣлаютца,—и им тѣмъ плотником велѣті ѣхаті с собою ж вмѣсте. А будет не отдѣлаетца и учнут о том говоріт, чтоб им ещо побыті в Ыверской землѣ,—Івану Офонасьевичю оставить их после себя в Ыверской землѣ. А о том царевым приказным людем молыть: как отдѣлаютца иконнікі и плотнікі, и царь бы велѣл их отпустіт на Терку и проводіт их велѣл, чтоб имъ проіті безстрашно.

Да память Ивану Офонасьевичю Нащокину да Ивану Леонтьеву. Какъ они придут в Грузинскую землю, а Александра будет царя в животѣ не стало, а на его мѣсто будет учинился на Иверской землѣ новой царь сынъ его которой царевичи Давыд или Юрьй,—и Ивану Офонасьевичю и Ивану Левонтьеву к новому царю ити и от г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и от г. царевича к. Ѳ. Б. в. Р. новому царю поклонъ править и поминки подать и говорить новому царю: присылал к в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. отецъ вашъ Олександръ царь послов своих Сулеймана князя да дьяка Левана..... (*тоже, что и Александру царю с. 331*)...., Росийского царствия и бити челом царскому величеству, чтоб в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. его, Олександра царя, и всю Иверскую землю пожаловати..... (*тоже с. 332*)..... промышляти заодинъ.—И в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сынъ в. г. н. царевич к. Ѳ. Б. в. Р. Олександра царя челобитье милостивно выслушали, Олександра царя и всю Иверскую землю пожаловали, хочет..... (*тоже*)..... и к Терским воеводам велѣли послати. И ныне судомъ Божіимъ Олександра царя не стало, а на Иверской землѣ учинился царем ты (имрек),—и ты б, похотя к собѣ царского величества жалованья, со всею Иверскою землею был в царском жалованье под их царскою высокою рукою потому, как был в их царском жалованье Олександръ царь, и царскому б величеству перед нами ты,

царь, и всѣ твои ближніе люди правду учинили, за всю Иверскую землю на записи крестъ целовали, что тебѣ, царю, и твоим дѣтем и всей твоей Иверской землѣ быти в царском жалованье под царского величества высокою рукою неотступным и на государя нашего непослушниковъ, а на государя наших недругов с Терскими воеводами стояти заодин. А царское величество тебя, царя, и всю твою Иверскую землю учнут держати в своем царском жалованье под своею царскою высокою рукою и ото всѣх твоих недругов во обереганье и в защищенье.—А ныне б ты, царь, перед нами правду дав, на записи крестъ целовав, отпустил к царскому величеству не задержав и с нами вмѣсте послал послов своих ближних людей

о всем с ними наказав, как тебѣ, царю, и всей твоей Иверской землѣ вперед быти в царском жалованье и во обороне под их царскою высокою рукою.—Да говорит царю о том и его ближним людем накрѣпко, чтоб царь и его ближние люди правду дали, на записи перед ними крестъ целовали и отпустил их к царскому величеству не задержав и своих послов с ними прислал.

Да как новой царь г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сыну в. г. царевичю к. Ѳ. Б. в. Р. правду дастъ, крестъ целует сам и его ближние люди и послов своих ко государю пошлет,— и Ивану Ѳѳонасьевичю и Ивану Левонтьеву ѣхати ко г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. к Москве и грузинским послом велѣти ѣхать с собою.

И о всем Ивану Ѳѳонасьевичю и Ивану Леонтьеву делать по сему государеву наказу и как их Богъ вразузит и смотря пот амошнему дѣлу, как государеву дѣлу прибылнеѣ.

Запись целовалная, на чомъ привести Александра царя Иверсково.

Целую крестъ в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сыну в. г. царевичю к. Ѳ. Б. в. Р. я, Александръ царь, начальникъ Иверские земли и з детми своими Ираклием и Давитом и Георгиемъ и с своими ближними людми
и за всю Иверскую землю на томъ, что посылал есми к в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сыну к в. г. царевичю к. Ѳ. Б. в. Р. бити челом послов своих Сулеймана князя да діака Ортемья, чтоб в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сынъ в. г. царевичъ к. Ѳ. Б. в. Р. меня и моих детей и всю Иверскую землю пожаловалъ, держал под своею царскою высокою рукою в своем царском имяни и оборонять бы меня и мою землю ото всяких моих недругов велѣлъ. И в. г. ц.и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сынъ в. г. царевичъ к. Ѳ. Б. в. Р. своим великим жалованьем пожаловали, меня и моих детей и всю мою Иверскую землю под свою царскую высокую руку взяли и своим воеводам от наших недругов оберегати меня и мою землю велѣли. И мнѣ, Александру царю, и моимъ дѣтем и всей моей Иверской землѣ быти под в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сына в. г. ц. к. Ѳ. Б. в. Р. под их царскою высокою рукою от в г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сына от в. г. ц. к. Ѳ. Б. в. Р. и от тѣх дѣтей, которых имъ государемъ вперед Богъ дастъ, неотступну быти..... (*и пр. тоже, что и въ предыдущей „целовалной записи“ съ замѣной имени царя Ѳедора именами царя Бориса и его сына царевича Ѳедора см. стр. 32—33*).....

А которые мои люди Иверские земли учнут государевым людем, которые будут в государевых городѣх на Терке и в Асторохани и в иныхъ городѣх, какое лихо мыслити и, приѣзжая в тѣ городы, учнут воровати какую измѣну дѣлати,—и мнѣ тѣхъ своих людей Иверские земли, сыскивая про их вины, казнити и отсылати ко государевым воеводам на Терку и в Асторохань. И служити мнѣ и моимъ дѣтем со всею Иверскою землею..... *(см. стр. 33)*.... и до своего живота, какъ в сей записи написано.

А будет которые дѣти у Александра царя прибыли или убыли, тѣх и написати.—А ближнихъ людей потому ж написати, которые ныне при нем. А въ прежней записи написаны были ближние люди: Ясон, Горжаснъ, Шермазан, Зало, Давит, Андерман.

(На оборотѣ послѣдняго столбца внизу помѣтка: 110-го сентября въ 10 день такова запись послана к Ивану Нащокину да к Ивану Левонтьеву с Астарахапским жилцом с Ываном Шемявиным сыном Аристова.

От ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. на Терекъ (воеводамъ) нашимъ князю Ондрѣю Дмитреевичю (Хилкову) да князю Василью Григорьевичю Ще(тинину). Послали есмя в Грузи к Олександру царю Ивана Нащокина да Ивана Левонтьева, а с ними отпущены Грузинского Александра царя посол княз Сулейман да царевы и их посолские люди. И какъ к вамъ ся наша грамота придет и Иван Нащокин да Иван Левонтьев з грузинскимъ посломъ Сулеймапомъ на Терекъ приѣдутъ и до коих мѣстъ онѣ на Терке побудутъ, и вы б имъ велѣли дать дворы добрые, какъ им мочно изместится; и, говоря съ Ываномъ Нащокиным да с Ываномъ Левонтьевымъ колким с ними быть провожатым, и отпустили б есте их с Терки в Грузинскую землю тою дорогою, которою будет имъ итти лутче и безстрашнее. Да послали б есте с ними в Грузи 30 человѣкъ стрелцов конных, которые (преж того) въ Грузинской землѣ бывали и на(ше жалованье) тѣмъ стрелцомъ далі по прежнем(у), какъ преж того стрелцомъ наше жал(ованье) давано, которые посланы въ Грузи, и проводить их послали до коих мѣстъ преж того детей боярских и новокрещенов и стрелцов и казаков человѣкъ 100 или 200 или сколко будетъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, чтоб имъ пройти здорово и безстрашно. И к Черкаскимъ князем и к мурзамъ, которые намъ служат, приказали, чтоб онѣ тѣмъ намъ послужили, Ивана Нащокина да Ивана Левонтьева и грузинского посла проводили сами и людей с ними для провожанья посылали; да к Черкаским же князем и мурзамъ о провожанье посланы наши грамоты с Ываном Нащокиным да с Ываном Левонтье-

вымъ. И вы б о томъ Ивану Нащокину и Ивану Левонтьеву розсказали подлинно, которые кн(язи и мурзы) нам служат и прямят, тѣ(м бы есте) тѣ наши грамоты и давали и (о провожань)е имъ говорили; а которые нам не служат и непрямят, от тѣх бы онѣ оберегались, чтоб над ними Черкасы или Кумытцкие люди оманомъ дурна которово не учинили. А будет вамъ для которых тамошних мѣръ Ивана Нащокина да Ивана Левонтьева и грузинского посла без обозу отпустить не мочно, и вы б с ними для обозу послали телѣгъ, сколько будет пригоже; а роздали тѣ телѣги на тѣхъ же провожатых, а телѣгъ велено къ вамъ прислати из Асторохани. Да и Терскимъ бы есте казакомъ Ивана Нащокина да Ивана Левонтьева велѣли проводить, чтоб онѣ тѣмъ намъ послужили. А будет учнут говорить о зелье и о свинцѣ и о запасе, и вы имъ для провожанья зелья и свинцу и запасу дали не от велика, смот(ря по тамош)нему дѣлу. А до коих мѣстъ Иванъ Нащокинъ да Иванъ Левонтьевъ (и Грузинского) Александра царя посол Сулейманъ (на Терке по)будут, и вы б Грузинского Александра царя послу и царевым и посолским людемъ кормъ велѣли давать по нашему указу потому ж, почему им дадут от Асторохани до Терки да кречетником бы есте давали на наши на 5 кречетов по куряти на кречета на день, и в дорогу с ними куров кречатом на кормъ отпустили, смотря по тамошнему дѣлу, а за тѣ куры давали б денги из нашие казны ис Терских доходов. А ково пошлете голов и сотников и детей боярских и стрелцов и новокрещенов Ивана Нащокина да Ивана Левонтьева и грузинского посла провожати, и вы б имъ приказали накрепко, чтоб онѣ Ивана Нащокина да Ивана Левонтьева во всем слушали и грузинскому б послу Сулейману и царевымъ и посолскимъ людемъ (о и безче)стья ни которого не чинили. (А кого) пошлете с ними в Грузи, тѣм бы ес(те на)казали во всемъ слушати Ивана Нащокина и Ивана Левонтьева и въ Грузинской бы землѣ (будучи) грузинским людемъ никоторого безчестья не чинили. (А в котором) числѣ Иван Нащокин и Иван Ле(вонтьевъ) поѣдут и кого в провожанье сколко съ (ними отпустите) и до коих мѣстъ их проводят, о том бы естя о всемъ подлинно к нам к Москве отписали в Посолской приказ. Писан на Москвѣ лѣта 7109-го августа въ 24 день.

Грузинской посолъ кн. Сулейманъ пріѣхалъ въ Казань 1 августа 1601 г., а дьяка Ортемья на дороге не стало. *Въ царской грамать отъ 30 августа воеводамъ Казанскимъ между прочимъ писано:* и то естя учинили негораздо, простотою, что вы грузинскому послу за кормъ денгами даете и что на мертвого кормъ даете ж: в нашей грамоте и в розписи написано,

велено вам грузинскимъ послом даваті кормъ, а не денгами.—*Въ Астарахани Сулейману велѣно было отдать* Грузинскіе земли полоняниковъ жонку Анку да сына еѣ Гаврилка да полоняника же Сурхана, (*если они Грузинской, а не Турецкой земли*); *а въ Казани* Мамука. *Въ дорогъ дозволено купить* неметцкого полону 5 человѣкъ. *Въ Грузію посланы 2 иконописца Первуша Барышниковъ да Трофимко Ларіоновъ.—Съ Левонтьевымъ была послана царская грамата, которую воеводъ Юр. Як. Стромилову велѣно было* отдати папинымъ посланником бискупу Францышку Сукосту да дыдакусу Риманду и говорити им, что та грамота послана отъ в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. к Персидцкому шаху Аббасъ-шаху об их отпуске; и как они будут у Аббас-шаха, и они тоѣ нашу царскую грамоту отдали б Аббас-шаху.

(*Изъ отписки Казанскихъ воеводъ, полученной въ Москвѣ 18 Октября*).—*Нащокинъ въ Казань пріѣхалъ 13 сентября, Левонтьевъ 24 сентября.—Выѣхалиѣсь 27 сентября. Проводить послано* 30 стрелцов в лехких стругѣх, да с твоимъ государевымъ с Астороханскимъ лѣсомъ на судѣх с ними же в короване 70 человѣкъ стрелцовъ, да с послами же отпущенъ в Асторохань сынъ боярской для береженья, да с ними же в кораване торговых людей и съ ярыжными отпущено 141 человѣкъ, да подъ пословъ..... отпущено ис Казани до Сомары в гребле кормщиков и гребцовъ..... 116 человѣкъ.....—*Воеводы изъ Казани отпустили также* четырех человѣкъ плотниковъ со всею плотнишною снастью (*въ Грузію для „церковного дѣла“ по челобитью Сулеймана.* А Грузинские, государь, земли полоненика Мамука, которого по твоему государеву указу сыскали в Казани, грузинскому послу отдати бес твоего государева указу не смѣли, что он живеть в Казани в посацких людех и женился в Казани на руске.—Да на тово же, государь, Мамука грузинца сказывал нам, холопемъ твоим, пристав сынъ боярской, которой был приставленъ у корму, что приходятъ к тому Мамуку на подворье посолские люди для блядни к вор(ов)ским жонкам, а стрелцовъ деи, государь, которые с ними ходятъ для береженья в приставстве за покупками, бьют и их не слушают. И мы, холопи твои, сыскав, за то полоненика Мамука грузинца за воровство сажали в тюрму. И Иван, государь, Нащокинъ сказывал нам, холопемъ твоим: присылал деи к нему грузинской посол толмача, а велѣл ему говорити нам, чтоб мы, холопи твои, тово полоненика Мамука ис тюрмы выпустили; а люди деі его ходили к тому Мамуку для познати, что он людем его племя.—Да грузинской же де посолъ велѣлъ у нас просити в плотников мѣсто кузнеца да каменщиковъ; а плотники деі ему не надобны. И мы, холопи твои, бес твоего государева указу дати не смѣли,

что, государь, о (том) твоего государева указу нѣтъ. И про то деи, государь, грузинской посол на нас, холопей твоих, хочетъ к тебѣ, ко государю, писати; а говорил деі, что ты, государь, его всѣмъ тѣмъ пожаловал, да будто мы, холопи твои, не дадим. А мы, холопи твои, бес твоего государева указу ему того дати не смѣли.—*(Леонтьевъ привезъ съ собою наказъ, граматы о провожаньѣ воеводамъ и* з граматы Черкасским князем, а граматы (к) Грузинскому царю к Олександру не привезъ; а сказывают, что ему не дана).

(*Изъ отписки Казанскихъ воеводъ, полученной въ Москвѣ 30 Октября*)..... *Нащокинъ и Левонтьевъ* купили бусу болшую и поклалились в бусу оба их со всею рухлядью и пошли по Тетюшъ октября въ 5 де. И та деі у них буса не грузна и носит еѣ на водѣ погодьемъ и кормою и носом и стороною вниз; и за тою деі бусою идет грузинской посол Сулейман князь и сотник с Казанскими стрелцы..... А сказывают деі тутошние Тетюшские жилцы, которым судовой ход за обычай: Ивану Нащокину да Ивану Левонтьеву говорили до тѣх мѣстъ, как у них судов не розбило, что они стали под Тетюшами в судѣх на стану на мели на камени. И какъ деи погодье стало, и якори деи на камени на мели судов их не удержали, поволокло деи суды их погодьемъ по каменью; и суды деи их от того и розбило. А грузинсково деи посла Сулеймана князя и с твоим государевым лѣсом и стрелецкие суды, которые посланы в Асторохань, дал Богъ, здорово, не розбило, потому что стояли не под дворы, ниже того мѣста, на глуби, гдѣ ь погодье судом мочно стоять.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Ондрюшка Хилков, Васка Сщетининъ челом бьют. В нынешнем, государь, въ 109-м году октября въ 20-м числѣ посылали мы, холопи твои, с Терки к Иверскому к Олександру царю в Грузи Терских жилецких черкас Окоцких выходцов Яная, Ахина, Дидѣя, Мостопарова через горские кабаки через Мичкисскую землю; а писал яз, холоп твой, Ондрюшка от себя к Иверскому к Олександру царю, чтоб он, Александръ, к нам, холопем твоим, на Терек велѣл отписати про турские и про кизылбашские и про горские про всякие вѣсти, а прислал бы, государь, Олександръ к нам, холопем твоим, своего гонца с Терскими з жилецкими черкасы вмѣсте.—И после, государь, того декабря въ 18 числѣ присылал к нам, холопем твоим, из Грузеи Олександръ царь с Терскими черкасы гонца своего Бердека Нунгина с товарищи 4-хъ человѣкъ з грамотою. А писал к нам, холопем твоим, Иверской Олександръ царь про Кизылбашского шах Баса, что шах Бас зимуетъ в Казмине городе, а на весну деи шах Басу быти с своею ратью под

Турского городы, под Тевриз, под Шамаху, под Дербен, под Баку; а он де Олександръ царь с Турским царемъ мирен. А гонецъ ево Александров намъ, холопемъ твоим, сказывал в розпросе, что из Шамахи Турского царя паша ходил в Грузи войною; и Грузинской де Олександръ царь, послыша, дал Шамахѣйскому пашѣ ясак, а взяв де Турской паша ясак у Олександра царя, з дороги воротился.—Да и торговые, государь, люди тезики Кизылбашские земли, которые на сей зимѣ в Терской город с товары приезжали, в роспросех нам, холопем твоим, сказывали про Кизылбашского шаха Баса тоже, что он, шах Бас, в Казмине зимует и велѣл клич кликати по всѣм городом своим, чтоб служивые люди готовы были к весне и с нарядом под турские городы, под Тевриз, под Шамаху. А хочет де Кизылбашской шах Бас на Кур рекѣ мостъ мостить. А ратных де людей кизылбашских в Казмине збираетца с 50,000.—Да Олександръ же царь писал к нам, холопем твоимъ, про кумыцкие вѣсти, что у него Кумыцкие люди землю его извоевали и хрестьян его в полон поимали; а от твоих де ему государевых людей помочи и пособи нѣт. А которого де посла он, Александръ, послал к тебѣ ко государю к Москве, и тѣ де его послы 4-ой год к нему не бывали; а как де ему, Олександру, про послов его будет вѣдомо, как им от тебя от государя отпускъ будет,—и он де, Александръ, про дорогу на Терек отпишет, которою дорогою послом с Терки въ Грузи итти.—А Терские, государь, жилецкие черкасы, которые от нас, от холопей твоихъ, въ Грузи к Олександру царю ходили з грамотами, и онѣ нам, холопем твоим, сказывали про дорогу, что твоим государевым послом и грузинским в Грузи с Терки итти ближе от Суншинского острогу на Мичкисские кабаки, на Кудашев кабак, а от Мичкисского от Кудашева кабака на Пешинской кабак, а от Пешинского кабака на Тарлав на Бердеков кабакъ, а ход со вьюками; а ход от Суншинского острогу до Иверские земли 10 дн.—И мы, холопи твои, Грузинского Александрова царева гонца Бердека Нунгина с товарищи, дав имъ твоего государева жалования по суконцу, с Терки отпустили. А писали мы, холопи твои, к Олександру царю съ его гонцы: как от тебя, государя, послы его на Терек придут, и мы к нему, к Олександру царю, о том отпишем. А про дорогу б, про которую нам, холопем твоим, в розпросе сказывали Терские черкасы, которые к нему в Грузи ходили,—и он бы, Олександръ царь, роспросив подлинно, велѣл к нам, холопем твоим, вскоре отписати: мочно ли тою дорогою твоим государевым и его Александровым царевым послом до Грузеи пройти безстрашно? А в прежних, государь, годѣх твои государевы

послы и грузинские ходили в Грузи и из Грузеи с Терки на Кабарду; а провожатые с послы и навстрѣчю ходили твои государевы люди с Терки до Кабарды и до Сонских сщелей, да и Кабардинские черкасы служили тебѣ, государю, послов встречали и провожали с твоими же государевыми людми вмѣсте. А в прошломъ, государь, въ 106-м году как твои государевы послы Кузма Совин и грузинские шли из Грузеи на Кабарду, и навстрѣчю к ним с Терки посыланы головы и дѣти боярские ратные и жилецкие Терские стрелцы и казаки и Терские атаманы и казаки и Астороханские конные стрелцы и юртовские тотаровя 1,300 человѣкъ. А посыланы с обозом с телѣгами, для того что Кабардинской Солох князь и всѣ Кабардинские черкасы тебѣ, государю, не служат и не прямят и в Терской город Кабардинской Солох и мурзы сами не приезжают и братьи и детей своих и узденей не присылают и закладу своего Кабардинской Солох сына своего Хорашая, которой в Терском городе, отступился; а Казый мурза Шепшюков з братьею, убив Мастрюка и Доманука и кабаки их поимав, тебѣ, государю, за свою вину не бьют челом и тебѣ, государю, не служат. А ныне меж собя Кабардинской Солох с Казыемъ с Шепшюковым и со всѣми Кабардинскими черкасы помирясь и заклады укрепилис; да и с Кумыцкими людми Кабардинские черкасы Солох князь и Казый Шепшюков в миру же и в одиначестве: Шевкаловых детей Суркая Шевкала сынъ в закладе у Кабардинского у Солоха князя, а другово Шевкалова сына Андеин сынъ в закладе у Казыя мурзы Шепшюкова.—Да нам же, холопем твоимъ, сказывали Кизылбашские земли тезик Мугиб Усеинов, которой приѣзжал на Терек с торгомъ, про Кабардинского про Солоха князя, что на сем лѣте посылал Солох узденя своего к шах Басу х Кизылбашскому бити челом, чтоб Кизылбашской шах Бас за него за Солоха вступился и сына бы его Хорошая мурзу, которой в закладе в Терском городе, у тебя, государя, упросил без перемѣны. И по его де Солохову челобитью шах Бас Кизылбашской посылает к тебѣ, ко государю, посла своего, чтоб ты, государь, пожаловал, велѣл отдати Солохова сына Хорошая без закладу Солоху.—И тебѣ б, государю, о грузинских послѣх, как имъ от тебя, государя, отпускъ в Грузи будет, о проводѣх и о дороге, которою дорогою их с Терки в Грузи отпустити, на Кабарду ли или тою дорогою, про которую Иверской Олександръ царь отпишет, да и о провожатых—сколко с послы твоих государевых людей в провожатых послати с Терки.—А ныне, государь, на твоей государеве службе на Терке верховских и понизовных городов дѣтей боярских, у которых лошади, 80 человѣкъ да Терских жилецких де-

тей боярских и новокрещенов и черкас 40 человѣкъ, да конных стрелцов 400 человѣкъ; всего конныхъ 520 человѣкъ опричь пѣших ратных и жилецких людей. А Терские, государь, атаманы и казаки волные в провожатыхъ с послы до щелей, не взяв твоего государева жалованья денежного и хлѣбного и зелья и свинцу, в поход не ходят; да и лошедей твоих государевых и телѣг и хомутов и дуг для обозные посылки на Терке нѣт. А из Асторохани, государь, на Терек прибавочных людей для посолского провожанья и лошедей и телѣг и хомутов и дуг без твоего г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу не присылают. И тебѣ б, государю, о посолском провожание велѣти свой государевъ указ учинити.

На оборотѣ: 109-го июня въ 5 де подал Терской вожъ Ондрѣй Сумниковъ.

Граматой въ Астарахань отъ 24 августа велѣно послать до Терку стрелцов и казаков и юртовских татар, по вестем смотря, сколко человѣкъ пригоже.

Граматой отъ 3 сентября 7110 г. Терским воеводамъ велѣно было отпустить съ грузинскими послами, по ихъ словъ челобитью, Татуса да Хирамса, будет они торговые люди Александра царя, а не полоняники и похотят будет з грузинским послом ѣхать.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Ондрюшка Хилхов, Микиѳорко Трохониотов челом бьют. Писали мы, холопи твои, на сей осѣни сентября въ 16-м числѣ в Грузи к Олександру царю Иверскому от себя, чтоб Иверской Александръ царь велѣл к нам, холопем твоим, отписать про дорогу, которою дорогою твоим государевым послом и ево Александровым с Терки к нему в Грузи мочно пройти, чтоб твоимъ государевым послом и грузинским на Терке мешканья не было, да и про турские и про кизылбашские бы вѣсти велѣл к нам, холопем твоим, на Терек отписати; а грамоту мы, холопи твои, посылали в Грузи с Очекановым узденем Канбулатова.—И на сей же, государь, осѣни ноября въ 20-м числѣ писал к нам, холопем твоим, с тѣм же с Ачекановым узденем Канбулатова Александръ царь Иверской: как твои государевы и его Александровы послы в Терской город от тебя, государя, придут, и их бы отпустити с Терки в Грузи прежнею дорогою на черкасы на Кабарду, а ис Кабарды б итти послом к Сонским щелям.—Да Александръ же царь писал к нам, холопем твоим, что сын его царевич Костянтин пришел к нему в Грузи ис Кизылбаш от шах-Баса с великими с шах-Басовыми дары. А про Турского Александръ же царь писал, что он с ним в миру. Да и про свое здоровье и про детей своих к нам, холопем твоим, Оле-

ксандръ царь писал, что он и з детми своими октября по 19 число здорово. А у грамоты, государь, которую нам, холопем твоим, Александръ царь прислал с Очекановым узденем, печать не ѣго Александрова.—А в роспросе нам, холопем твоим, Ачеканов уздень сказал, что Александръ царь Иверской постригся, а въ его мѣсто в Грузях на царство сѣл сын ево царевич Давыд; и грамоту с Очекановым узденем к нам, холопем твоим, послал сам Александръ да сынъ ево Давыд царь Иверской. Да тот же Ачеканов уздень сказывал нам, холопем твоим, что Александров царевъ сынъ царевич Юрье побѣжал был из Грузеи х Кизылбашскому к шах-Басу, и брад де его Давыд, изымав, ево привел в Иверскую землю.—Да нам же, холопем твоим, сказывал Казы мурза Шепшуковъ про турские вѣсти, что Турской царь пожаловал ближнего своего человѣка Кару городом, а имя городу Богдат в Арапех; а после того тѣм же городом пожаловал был пашу. И как паша на Карино мѣсто приехал, и Кара того пашу убил; а убив пашу, Кара взяв с собою из города воинских людей и пошел качевьемъ и турские городы многие поимал. И Турской де царь посылал воинских людей за ним двожды; и он де Кара Турского людей побил многих. А которого де человѣка присылал Кара к Турского царя матере з грамотою; и того де человѣка Турской царь казнилъ; да и матерь свою Турской царь за тое ж ссылку хотел убить. А как де Кара от Турского царя отложился и турскими украйными городы владѣетъ,—тому третей год. А воинских людей у того Кары со 100,000 и иные де многие люди к нему прибираютца.—Да Казы же мурза Шепшуков сказывал нам, холопем твоим, про Крымского царя, что Крымской царь Казы-Гирѣй убил брата своего Девлет-Кирѣя царевича да Ширинского князя Кутлу-Гирѣя Газѣева. И после де того два царевича Девлет-Кирѣевы братья до Ширинского князя Кутлу-Гирѣя три сына бѣжали к Турскому царю; и Турской де царь тех Крымских царевичов отпустил одново в Крым. И как де тот царевичъ в Крым приѣхал, и Крымской де царь того царевича в Крым не пустил; и царевич де поѣхал в Кафу, а писал про то к Турскому царю. И Турской де царь хочетъ прислать на Крымского царя рать свою. И Крымской де царь писал в Казыев улус к мурзам, чтоб Казыева улусу мурзы к нему приехали и стоять бы ему с ними против турских людей заодин. И Казыева де улусу мурзы х Крымскому царю не поѣхали. А сказывал де ему Казыю про те вѣсти Есинѣев сынъ Батыршаг; а приезжал к нему ис Крыму на сей осѣни лечитца, а ранен был по ноге в Можарех. Да тот же Есинѣев сынъ Батыршаг говорил ему Казыю от царя от Крымского втай: как бу-

дет Крымскому царю от Турского царя теснота, и ему б царю ис Крыму бежать к нему х Казыю, а от нево б от Казыя в Кизылбаши или в твою государеву вотчину на Терек или в Астарахань; а приказать бы ему Казыю о том в Крым к царю с правдою, чтоб ему, царю, с ним с Казыем укрепитца, прислать бы царю наперед собя к нему х Казыю царевича.—И мы, холопи твои, Казыю мурзѣ о том говорили, чтоб он, Казы, тѣм тебѣ, государю, послужіл; а приѣхав к себѣ к Пятъ-Горам, обослався с Крымским царем, как ему будет от Турского царя теснота, и он бы царь ѣхал к нему х Казыю, а ему б, Казыю, царя на то привести, чтоб он ѣхал в твою государеву вотчину на Терек или в Астарахань. А как он, Казы, с царем с Крымским обошлетца и на чом с ним договор учинит, и он бы Казы к нам, холопем твоим, на Терек про то приказал на сей же зимѣ.—Да на сей же, государь, осѣни приѣхали на Терек тезики торговые люди Кизылбашские земли гилянец Мирвилей с товарыщи. А сказывал нам, холопем твоим, тезик в роспросе, что шах-Бас был в Аспагане. А твои государевы послы князь Александръ Засѣкин с товарыщи к шах-Басу дошли здорово; и были у шах-Баса твои государевы послы трижды. А после, государь, того на сей же осѣни шах-Бас поѣхал в город в Хазлев сына своего женить; а твоих государевых послов оставил в Аспагане городе.—А что, государь, вперед у нас, у холопей твоих, вѣстей будет, и мы, холопи твои, к тебѣ, ко государю, отпишем.

На оборотѣ: 110-го марта въ 30 день Терской вожъ Ондрюша Сумниковъ.

Вслѣдствіе этой отписки царской граматой отъ 22 апрѣля 7110 г. Терскимъ воеводамъ велѣно было послать Нащокину и Леонтьеву слѣдующую грамату: Господамъ Ивану Офонасьевичю да Ивану Левонтьевичю князь Ондрѣй Хилков да Микифор Траханіотов челом бьют. В. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. по челобитью Иверского Александра царя послал воевод своих князя Ивана Петровича Ромодановскаго-Ряполовского с товарыщи со многою своею ратью на Шевкала князя и на Кумытцких людей, чтоб Олександру царю, сослався з государя нашего воеводы, от Иверские земли к Терке дорога очистити и тесноты б никакие Иверской землѣ не чинили, быти б под царскою высокою рукою во обороне и в покое и в тишинѣ. И царского величества рать готова была в Нижнем и в Казани и в Астарахани и в ных понизовных городѣх. И вѣдомо нам учинилося, что судом Божьим Иверского Александра царя не стало, а хто на его мѣсто на Иверской землѣ учинился царемъ—

сынъ ли его которой или иной хто, того невѣдомо; и мы о том писали в Астарахань к воеводамъ, а к ратным воеводам ко князю Ивану Ромодановскому с товарыщи писали, чтоб они до тѣх мѣстъ, покамѣста про Олександра царя прямая вѣсть будет, на Терку не ходили.— И как, дастъ Бог, будете в Грузех у царя на посолстве, и вам бы, господине, говорити Грузинскому царю против сеѣ нашіе грамоты, чтоб он вѣдомо про Олександра царя учинил: так ли подлинно Олександра царя не стало и хто на его мѣсто учинился на Иверской землѣ царем, сынъ ли его которой или иной хто? И вас бы отпустил к в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. вскоре, чтоб про то царскому величеству извѣстно было и за тѣм бы государевым воеводам и ратным людем долгово стоянья и убытков не было.

Послана с Терским вожем..... с Сумниковым.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Ивашко Нащокинъ да Ивашко Левонтьевъ челом бьемъ. По твоему г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу велено нам, холопем твоим, итти к Иверскому царю Олександру для твоево г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. дѣла, а Олександровы царевы послы дожидались нас, холопей твоих, в Казани. И как мы, холопи твои, пріѣхали в Казань, и учали, государь, в Казани твоему государеву боярину и воеводам князю Ивану Голицыну да Василью Кузмину да дьяку Олексѣю Шапилову говорити, чтоб они нас и иверсково посла ис Казани отпустили в Астрахань и Иверскому послу дали кормъ и провожатых до Астарахани по твоему г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу. И князь Иван Голицын да Василей Кузмин и дьякъ Олексѣй Шапиловъ отпустили нас, холопей твоих, и иверсково посла ис Казани сентября въ 27 де, а иверскому послу дали до Астарахани за кормъ деньгами на 4 недѣли; а сына боярсково, кому у него ѣхати на судне в приставех и для всяково береженья, не дали. И мы, холопи твои, воеводам говорили, чтоб они пристава иверскому послу дали и роспись кормовую, по чему ему указано давати корму, к намъ, холопем твоим, прислали. И воеводы нам, холопем твоим, отказали, что они, поговоря меж себя, сына боярсково, кому у иверсково посла для береженья быти, и кормовую роспись к нам, холопем твоим, пришлют на Казанское устье. И мы, холопи твои, ис Казани пошли тот же часъ и стали на Казанском устье; а дожидались сына боярсково с кормовою росписью и провожатых стрелцов, которым провожати нас, холопей твоих, и иверских послов до Астарахани. И стояли мы, холопи твои, на Казанском устье два дни; а провожатые и сынъ боярской с кормовою росписью к нам, холопем твоим, не бывали. И мы, холопи твои, в Казань к воеводам посылали толмача

Ивана Есипова, чтоб они сына боярсково с кормовою росписью и провожатых прислали, чтоб нам за тѣмъ не стояти. И воеводы, государь, прислали к нам, холопем твоим, сына боярсково Осипа Колонтаева, которому ѣхати у иверсково посла на кормовом судне для всяково береженья, да провожатых 30 человѣкъ стрелцов; а кормовые росписи не прислали.—И мы, холопи твои, с Казансково устья пошли на Самару сентября в 29 день; и пришли в Тетюши сентября в 30 де ввечеру. И встало, государь, в ночи погодье великое и полоса; и суды, государь, у нас, холопей твоих, и у кречатников и у толмачей розбило и запасишко, государь, наш и рухледишко и у кречатников и у толмачей потопило и коробку, государь, с твоимъ государевымъ наказом и з грамотами выняли из воды, и твой государев наказ и грамоты омочило и отворчатая грамота к Черкаским княземъ у печати подралася. А твои государевы 4 кречаты, дал Богъ, здорово; и грузинской посол совсѣм здорово же. А 5-ой, государь, кречат умер в Муроме; и о том кречате к тебѣ, государю, мы, холопи твои, писали наперед сево. И о судѣх, государь, на чом намъ, холопем твоим итти в Асторахань писали в Казань к воеводам, чтоб они к нам, холопемъ твоимъ, из Казани суды и к иверскому послу о корму, почему ему кормъ давать указную роспись прислали для того: либо гдѣ замерзнетца, и нам, холопем твоим, то вѣдомо было, почему ему кормъ поденно давати.—И октября во 2 де прислал, государь, к нам, холопем твоимъ, иверской посол Сулейман, что он идет на Сомару, а нас, холопей твоих, ждать не хочетъ; и почал о том говорити многижды. И мы, холопи твои, не дожидаяся Казанских судовъ, в Тетюшах купили суднишко собою вопчѣ и з досталным рухледишком поклались. И октября въ 5 де приѣхал из Казани от воевод к нам, холопем твоим, сотник стрелецкой Кондратей Щепинъ; и говорил нам от воевод словом, а писма никакова, ни кормовые росписи против нашего писма к нам не привез. А сказал, что из Казани воеводы послали 3 струги, толко худы добрѣ, и тѣ де суды ещо гонят, а ждат де их долго, погодье великое встрѣчное. И мы, холопи твои, не дождався Казанских судов, пошли на Сомару из Тетюш октября в 7 день. И пришли, государь, на Сомару октября въ 10 день; а с Сомары, государь, пошли октября въ 14 день.—И за Сомарою государь, 40 верстъ под Васильчиковым островом встало погодье великое и пришол мороз и снѣг выпал в оборникъ и затоны всѣ стали; и стояли, государь, мы и грузинской посол на Васильчикове острову 10 ден. И мы, холопи твои, з грузинским послом с Сулейманом в розговорех говорили и толмачемъ мимо себя велѣли с нимъ гово-

рити в розговорех же, что твои г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. воеводы и рать, которую ты, государь, пожаловал Олександру царю на Шевкала, на Волге ѣдучи, въ судѣх позамерзла и в Асторохань имъ зимою пройти немочно. И грузинской, государь, посол Сулейман говорил: вижу то и самъ, что не токмо раті ныне прити в Асторохань, и намъ самим ныне в Асторахани не бывать, зимовать нам на дороге.—И как, государь, дал Бог, оттеплей и погоды по нас, и мы, холопи твои, пошли на Саратовъ; и пришли, государь, на Саратов октября въ 22 де. И на Саратове, государь, прислал к нам, холопем твоим, посол Сулейман царева Александрова человѣка Дмитрея, что дано де было ему в Казане за кормъ денгами на 4 недѣли, и тот де кормъ у него изшел, а толко де на дороге меж городовъ займет погодье, и ему де будет ѣсти пѣчево; и нам бы, холопем твоимъ, велѣти ему кормъ дати на Саратове до Царицына. И мы, холопи твои, на Саратове Григорью Елизарову говорили и память ему от себя дали, чтоб он послу Сулейману кормъ дал до Царицына на 10 ден. И Григорей Елизаров кормъ ему, Сулейману, и царевым Александровым людемъ колачи и хлѣбы и мясо и мед и вино давал; и посол Сулейман корму не взял. А присылал к нам, холопем твоим, чтоб ему велѣли мы дати за кормъ денгами по Казанской росписи; а нам, холопем твоим, Казанские воеводы кормовой росписи не дали и на Казанское устье с сыном боярским с Осипом с Колонтаевым и в Тетюши по тому писму, как мы, холопи твои, к нимъ в Казань о судѣх и о росписи ис Тетюш писали, не прислали же.—И мы, холопи твои, с Саратова пошли на Царицын октября въ 23 де; и пришли на Царицын октября въ 28 де. И посол Сулеманъ прислал к нам, холопем твоим, опять о корму; а сказывает, что у нево корму нѣт. И мы, холопи твои, на Царицыне воеводе Василью Овцыну и Ондрѣю Шереѳединову о корму говорили и память имъ от себя дали, чтоб онѣ послу Сулейману да царевым Александровым людем 7 человѣком да ево людемъ и полоняником 10 человѣком кормъ до Астарахани дали. И Василей Овцын и Ондрѣй Шереѳединовъ послу Сулейману кормъ всякой и мед и вино давали; и посол Сулейман корму не взял же, а просил за кормъ денгами по Казанской даче.—И мы, холопи твои, с Царицына пошли в Асторохань октября въ 28 де; и пришли мы, холопи твои, в Асторохань ноября въ 7 де. И как мы, холопи твои, в Асторохань пришли, а Волга тотчасъ стала и морской, государь, ход миновался же. И мы, холопи твои, начали лошеди покупати, чтоб нам ити до Терка стенью. И грузинской посол учал говорити: что вы лошеди покупаете? Зимою в Грузи ити нелзя, на горах снѣги великие, пройти не мочно. И в тѣ поры, государь,

воевода Осип Плещѣевъ да дьякъ Иванъ Нефѣлов посылали на Терек станицу юртовских тотар, и мы, холопи твои, с тѣми же татары от себя к Терскимъ воеводамъ ко князю Ондрѣю Хилкову да к Микиѳору Траханиотову о том писали, что по твоему г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. наказу велено нам, холопемъ твоимъ, с ними с Терскими воеводами о дороге и о ходу и о провожанье говорити, как бы пройти с Терки зимою мочно и безстрашно. И Терские, государь, воеводы князь Ондрѣй Хилков и Микиѳоръ Траханіотовъ в Асторохань к воеводе к Осипу Плещѣеву да к дьяку к Ивану Нефѣлову и к нам, холопем твоимъ, писали декабря въ день, что онѣ посылали в Иверскую землю к Олександру царю Ачеканова узденя Кенбулатова з грамотою на сей осени; а писали к Олександру царю, чтоб о том Олександро царь отписал: которою дорогою нам, холопемъ твоим, и ево царевым Александровым посломъ ити с Терка—старою ль дорогою или новою? И на сей же де, государь, зимѣ Ачеканов уздень привез к ним, к Терскимъ воеводам, от Олександра царя Иверского грамоту. А писал к нимъ Иверской царь Александръ, что он октября по 19 число и з детми своими здорово; а про дорогу писал Олександръ царь, что нам, холопем твоим, и ево послом ити прежнею дорогою на Кабардинские черкасы да на Аристовъ кабакъ к Сонским щелям.— Да тот же де Ачеканов уздень имъ, Терскимъ воеводамъ, сказывалъ въ роспросе, что Александръ царь постригся, а в свое мѣсто на Иверское царство посадил сына своего царевича Давыда. А про дорогу к нам, холопем твоимъ, твои государевы Терские воеводы писали, что нам, холопем твоим, зимою в Грузи до весны пройти не мочно: на горах лежат снѣги великие. І мы, холопи твои, в Асторохане воеводе Осипу Плещѣеву да дьяку Ивану Нефѣлову говорили по твоему государеву наказу, чтоб они на Терек послали к воеводам станицу для тово, чтоб Терские воеводы велѣли про Олександра царя подлинно провѣдати, чтоб нам, холопем твоим, было вѣдомо—постригся ли Олександро царь или нѣт? И воевода Осипъ Плещѣевъ да дьякъ Иван Нефѣловъ станицы на Терек не послали. А грузинской государевъ посол Сулейман провѣдал, что к нам, холопем твоим, с Терки воеводы про дорогу писали, что итти зимою не мошно; и он учал к нам, холопем твоим, присылат и сам нам говорити, чтоб мы с ним пошли из Астарахани степью на Терек, а пришед де на Терекъ, станем про дорогу провѣдыват. И мы, холопи твои, говорили, что ты наперед сево говорил самъ Сулейман, что зимою через горы пройти нелзя, на гѳрахъ лежатъ снѣги до весны; и мы о томъ писали к воеводамъ на Терекъ, чтоб нам о том вѣдомо учинили—кото-

рою дорогою ити в Грузи и зимою пройти мочно л или не мочно? И ныне к нам Терские воеводы писали, что они к Олександру царю посылали Ачеканова узденя з грамотою, чтоб Олександръ царь к ним к Терскимъ воеводам отписал—которою дорогою с Терки нас отпустит прежнею л дорогою или новою? И Олександръ царь писал, что ити нам прежнею дорогою через Кабарду да на Аристов кабак к Сонскимъ щелемъ. Да и то к нам Терские воеводы писали же, что зимою через горы ити не мошно: снѣги на горах великие. А ныне к нам присылает и сам намъ о том говорит, чтоб нам пойти зимою ко Олександру царю. И ты намъ скажи, будет пройти зимою в Грузи мочно, и мы с тобою ити готовы; толко б нам, пришед под горы, не стоят и твоимъ бы г. ц. и в. к. Б. О. в. Р. ратным людем, которые пойдут нас, холопей твоих, провожати, под горами стоянья и нужи великой не было ж.—И грузинской посолъ Сулейманъ говорил нам, холопемъ твоим: что де вы сказываете про то, что Терские воеводы посылали к Олександру царю и что писано от Олександра царя про дорогу, тому де я вам ничему не вѣрю. Проводите де меня до Терки; а с Терки де толко дадут воеводы провожатых 2,000 человѣкъ да 300 телѣгъ, и мы де до горъ пройдем и зимою. А под горы де пришед, дороги розвѣдаем. А без 2,000 людей да без 300 телѣг пройти не мочно. І мы, холопи твои, послу Сулейману говорили: то ты, Сулейман, говориш не гораздо, что нам, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. холопем, не вѣриш; а мы в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. его царского величества холопи отпущены по его царского величества указу и от его царского пресвѣтлого лица к Олександру царю с великим государевым его царского величества жалованьемъ,—и тебѣ так не годитца говорити. А мы с тобою говорим про дорогу, как бы нам пройти лутче, а не о том, что ты говориш непригожие слова. И посол Сулейман говорил нам, холопем твоимъ: а как деи вам и вѣрити? Был де я у в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. на отпуске, и в тѣ деі поры ставили иново посла, а ты деи, Иван, в тѣ поры был в отсылке, а посылали деи по тебя после; да я же де бил челомъ г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., чтоб государь велѣл меня отпустить полем со всѣм, да чтоб де велѣл мнѣ... купити в Асторохане полону 5 человѣкъ. И г. деі ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. меня тѣм всѣм пожаловал. И ныне де мнѣ в Асторохане кормъ дают меншi Казанскова; а полону мнѣ купит в Асторохане воевода не велит, а лошадей мнѣ государева жалованья дают толко 14 лошадей и то де без телѣгъ. И тѣмъ де меня всѣмъ на Москвѣ оманули. А говорил, государь, сердитуя.—И мы, холопи твои, говорили ему: мы с тобою хотѣли говорити о дороге,

как бы нам ити в Иверскую землю к Олександру царю, не мешкая; а ты говориш многие ненадобные рѣчи, которые к тому дѣлу не пристоят. И мы с тобою болши того говорити не хотим. А каво г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. в посолство пошлет, и в том ево в. г. н. его царского величества воля; а тебѣ про то и говорити не пригож. В. г. п. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. тебя, Сулеймана, пожаловал, велѣл тебѣ быти при своих царских пресвѣтлых очах на отпуске, и в тѣ поры я Иван был при царских же свѣтлых очах; а в отсылке нигдѣ не бывал. А то тебѣ хто сказывал, что я был в отсылке и по меня посылали, и ты нам то скажи. А о чемъ ты, Сулейман, в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. ни бил челом, и в. г. п. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. тебя, Сулеймана, пожаловал и свыше твоего челобитья; и указ в Астрахан к воеводам прислан. А ныне мы поѣ(дем) на Терку не мешкая.—И грузинской, государь, посол Сулейман нам, холопем твоим, говорил: под горами де вам стояпья не будет. А слышел де яз, что Астраханской воевода и дьякъ посылают провожатых с нами 200 человѣкъ стрелцов; а слух де меня дошол, что весть пала в Озов и в Казыев улус, что идут послы великие и козна великая, да и сами де вѣдаете то, что Казыев улус качюет блиско. И они де ныне нас стерегут, и без болших де людей пройти не мочно. Чтоб де из Астрохани до Терки послать проводити нас людей многих с телѣгами. Да мнѣ б де и царевым Александровымъ людем на подъемъ дали 40 подвод с телѣгами. И яз де ити с вами готов; а без болших де людей мнѣ не хаживат, головы де своей потерят за посмѣ. . . не хочю.—И мы, холопи твои, говорили: то ты, Сулейман, все говориш, затеваючи. Наперед сего ты говорил, что при в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. при его государевых царских свѣтлыхъ очах, как в. г. н. царское величество тебя пожаловал, отпустил, меня, Ивана, не было, а был в отсылке; а топерво говориш про Азовцов и про Казыев улус. И тѣ вѣсти хто тебѣ сказывал, и ты нам тѣх людей скажи. А то дѣло не статочпое. Мы про Азовских людей пе слыхали.—А Нагаи всѣ и Казыев улус живут под г. п. царсково величества высокою рукою в холопстве. А Азовцы сами от г. н. людей дрожат и в Азове, пе токмо што на степи. Тово ты пе б. . .д, а у бездѣлников вестей не слушай. Пойдем мы ныне па Терку, не мешкая. А государя нашего царского величества люди, с кѣмъ намъ до Терка ити, готовы; пройдем безстрашпо.—И грузинской, государь, посол нам, холопемъ твоимъ, говорил: от ково де я те вѣсти слышел, тово я вам не скажю; а толко дси мнѣ сказат, и их де велят перевѣшат. А мнѣ де без болших людей не хаживат, головы де своей и живота потеряти не

хочю.—И мы, холопи твои, в Асторахани твоему государеву воеводе Осипу Плещѣеву и дьяку Ивану Неѣлову говорили, чтоб нам, холопем твоим, к иверскому послу провожатых дали, как бы намъ, холопемъ твоимъ, пройти было безстрашно. И воевода Осипъ Плещѣев да дьякъ Иван Неѣловъ нам, холопем твоим, сказали, что они посылают нас провожат 200 человѣкъ стрелцов конных, да 100 человѣкъ пѣших, да 100 человѣкъ тотар юртовских до Терка; а с Терки тѣм провожатым велѣли воротитца.

На оборотѣ: 110-го маия въ с Астараханскимъ подьячим с Иваном с Михайловымъ.

Спісок з грамоты слово в слово:

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Микиѳорко Траханиотов, Володка Колцов-Масалской челом бьют. Писали мы, холопи твои, к тебѣ ко г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. в нынешнем въ 111-м году октября въ 1-м числѣ с Терскимъ жилцомъ с Левою Лихаревымъ по отписке из Грузеи твоих государевых пословъ Івана Нащокина, Івана Левонтьева, что онѣ по твоему государеву наказу въ Грузех на посолстве у Давыда царя и у отца его Александра царя были; опосле посолства Давыдъ царь и Олександръ хотѣли их отпустити из Грузеи к тебѣ, ко государю, на Семен ден лѣтапровотца 111-го году, да и своих послов Давыд цар и Олександръ хотѣли отпустити к тебѣ, ко государю, с ними ж. И мы, холопи твои, по их посолской отписке посылали с Терки для встрѣчи к Сонским щелем ратных людей голову конного Павла Широносова, а с ними его Павлова приказу сотников и конных стрелцовъ и детей боярских годовалщиков да Терского жилца Ботая мурзу с Терскими новокрещены и с черкасы, и всего с Павлом и с Ботаем ратных людей в посылке было 250 человѣкъ. Да и Кабардинским князем и мурзам о посолской встрѣче з головою с Павлом же писали, чтоб онѣ по твоему государеву указу с твоими государевыми людми твоих государевых послов, встрѣтив, проводили до Суншинсково острогу и до Терского города. И после, государь, того октября въ 11 числѣ писали к нам, холопем твоим, ис Кабарды голова Павел Широносов да Батый мурза Ших-мурзин, что опъ, пришод к Сонским щелям, посылали от себя в Иверскую землю в Сони про твоих государевых пословъ отпускъ провѣдывати конных стрелцов, а с ними Кабардинских Алкасовых узденей. И конные стрелцы и Олкасовы уздени, пришед к ним, сказали, что твоим государевым послом на сей осени отпускъ из Грузеи не будет, потому что у Иверсково у Давыда царя з братом сь его съ Юрьемъ царевичемъ розпь; а твои государевы послы стоят в Иверской землѣ в Загемс. Да и Кабар-

динские князи и мурзы Солохов брат Ибак мурза и Хорошай мурза и Айтек мурза и Куденек мурза приказывали к нам, холопем твоим, тоже, что твоимъ государевым послом из Грузеи на сей осени отпуску не будет. И по тем вестемъ мы, холопи твои, головѣ Павлу Широносову и Ботай мурзѣ Ших-мурзину со всѣми ратными людми велели ити на Терек; а к Кабардинским князем и мурзам писали, чтоб твоих государевых встрѣчных людей проводили до Терки. И октября въ 26-м числѣ голова Павел Широносов да Батый мурза Ших-мурзин с твоими государевыми людми на Терек пришли здорова; а провожали их ис Кабарды до Терки Кабардинские черкасы Ибак мурза Солохов брат, да Куденек мурза Канбулатов, да Савуслан мурза Домануков, да Битемрюк мурза Илбурдин.—А после, государь, того ноября въ 30-м числѣ пришли на Терек изъ Грузинские земли Терские конные стрелцы Неустройко Толмач да Іванко Медвѣдчиков; а посылал их от Сонских щелей голова Павел Широносов да Ботай мурза Шихмурзин з грамотою к твоим государевым послом к Ивану Нащокину, к Ивану Левонтьеву с вѣстью о своем приходе к Сонским щелем для их посолской встрѣчи.—И твои государевы послы Іван Нащокин да Иван Левонтьев писали с тѣми ж стрелцы отписку къ тебѣ ко г. ц. в. к. Б. Ѳ. в. Р. А в отписке их написано, что онѣ по твоему г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. наказу Иверского Давыда царя и отца его Александра, царева Давыдова сына Теймурата и со всѣми их ближними людми привели к кресному целованью за всю Иверскую землю .....*(и пр. передаютъ своими словами содержаніе отписки пословъ, которую см. ниже с. 362—363)*..... а их де твоих государевых послов у собя засадили. А в твоей г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. грамоте, какова в прошломъ въ 110-м году маия въ 27 ден прислана на Терек ко князю Ондрѣю Хилкову да ко мнѣ, холопу твоему, к Микифорку, и список на образец, а велено нам, холопем твоим, по твоему государеву указу, с того списка списав, послати от себя к твоим к государевым послом к Ивану Нащокину, к Ивану к Левонтьеву грамота. А в списке писано, что ты в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. по челобитью Иверскова Александра царя, послал воевод своих..... (*приводится почти буквально грамота, напечатанная выше с. 353—354*)..... долгово стоянья и убытка не было.—А с Терки та твоя государева грамота велено послати за твоими государевыми послы вскоре на две дороги, чтоб одноличшо та грамота до твоихъ государевых послов дошла. И мы, холопи твои, твою государеву грамоту, какова к твоим государевым послом прислана и, з списка списав по твоему государеву указу про-

тивен, с Терки въ 110-м же году маия въ 27-м числѣ к твоим к государевым посломъ послали с Терскимъ сотником с конным с Михаилом Семовским. И сотникъ конной Михаило Семовской твоих государевых послов Івана Нащекина, Івана Левонтьева с твоею государевою грамотою сьехал в Суншинском остроге маия в 29 день; и на Терек сотник Михаило Семовской ис Суншинского острогу от твоих государевых послов, отдав имъ твои государевы грамоты, приехал июня въ 2-м числѣ. А твои государевы послы Іван Нащекин, Іван Левонтьев с сотником ни о чем на Терек не отписали. Да ныне твои государевы послы из Грузеи Іван Нащокин да Іван Левонтьев к нам, холопем твоим, на Терек ни о каких грузинских, ни о турских вѣстех не отписывали же.—Александръ царь писал с тѣми ж стрелцы с Неустройком с толмачом да с Ыванком с Мѣдвѣдьчиком к головѣ к Павлу Широносову про сына своего про Давыда царя, что его не стало и он де Александръ сам сѣлъ на своем государстве; а твоих государевых послов Ивана Нащокина, Івана Левонтьева на сей осени не отпустили для того, что сына его Давыда царя не стало. И твоим государевым послом у него зимовать; а весною, как лед пройдет, и он де Олександръ твоих государевых послов да с ними своих послов вмѣсте отпустит к тебѣ, государю. И он де встрѣчных людей для посолские встрѣчи на Терек с вѣстью он же, Олександръ, пришлет. И мы, холопи твои, тѣ обѣ отписки, которые от твоих государевых послов от Івана Нащокина и от Івана Левонтьева, и Олександрову цареву, какову он писал к головѣ Павлу Широносову послали к тебѣ ко г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. под сею ж грамотою.

Список з грамоты слово в слово, что писали ко г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. послы Іван Нащокин да Іван Левонтьев:

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. холопи твои Івашко Нащокин да Івашко Левонтьев челом бьют. Пришли мы, холопи твои, в Грузи к Олександру царю и к Давыду царю июля въ 1 день. И на посолстве мы у них были; а сидѣли, государь, они оба вмѣсте. И в розговорех, государь, говорили многие розговорные рѣчи против твоего государева наказу. І царь Олександръ и царь Давыдъ і царя Давыда сынъ Теймурат и со всѣми своими ближними і за всю Иверскую землю кресть целовали на той записи, какова дана нам, холопем твоим, с Москвы. І хотѣл нас отпустити царь Давыдъ на Семен ден. А сам пошол в войну в Сони Аристова; а нас, холопей твоих, отослал на пустое мѣсто в лѣс. И тут нам было бещестье и голод великой. И мы посылали толмача Дмитрея да подъячево Тимоху к царю Давыду бити челом, что з голоду помираем; и он осер-

дяся да нас, холопей твоих, отослал в Заемъ въ августе мѣсяцѣ от себя далеко. І в Заеме, государь, и тово пуще нам голод и бещестье было великое, и в то время от жару и тутошние люди из Заеми бѣгали въ горы; и твои государевы кречетники и подъячей и стрелцы и людишка наша померли многие, а мы, холопи твои, болны ж. И как, государь, из войны царь Давыдъ пришел в Крым в октябрѣ мѣсяцѣ и по нас, холопей твоих, в Заем послал; а велѣл к себѣ быти в Крым ко отпуску [31]). А царь Давыдъ того же числа рознемогся да в пятой день ево не стало; а учинился, государь, на Иверской землѣ опять Александръ царь. И хотѣл нас, холопей твоих, отпустити тот же час.—И посылали они ещо оба царя Александръ и Давыдъ мужика грузинца на Терек; и тот мужик [32]) с Терки пришол и сказал Александру царю, что про твою государеву рат и слуху нѣт. И Олександръ царь намъ, холопем твоим, говорил: яз де ухватился за полу у государя Московсково 16 лѣтъ, а помочи де к себѣ никоторые не видал; а вы де меня послы, приѣхав, оманули. И мы, холопи твои, говорили многие розговорные рѣчи противъ твоего государева наказу. И царь Александръ говорил непригожие слова, а нас, холопей твоих, засадил.

Список з грамоты слово в слово, что писал Александръ царь Иверской к стрелецкой головѣ к Павлу Широносову.

Бога всями владующами милостию от государя царя Александра Левонтиевича всеа Иверские земли началникъ в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. его царского величества голове стрелецкому Павлу Матвѣевичю Широносову от нас с великою любовию поклон. Прислали есте к сыну моему к Давиду царю дву стрѣлцов с черкасомъ вмести с вестми, що государева рать стоит у щалях, послов дожидают. И техъ государевих стрелцовъ и черкасовъ сынъ мой Давидъ царь временем не отпустил, и они по сих мѣстъ здеся осталне були. А нынече судом Божием сына моего Давида царя не стало, от здешних ко вечним обителем преставилсе; а мнѣ тепере скорбь великая стала. А государевих послов Івана Ѳеонасьевича Нащокина да Івана Левонтьева зимова им здеся издержалъ дяле того, що мнѣ тепере кручина великая стала; а готов не булъ, що би их и ныне отпустити во есени, для того де их издержал здеся зимовати. А весною кали, Богъ дастъ, леодъ пройдет, тотчас отпустим с моими послы вмѣсте; и ми

---

[31]) Въ отпискѣ воеводской сказано, что „они пришли къ царю октября 16, а царь“....

[32]) Здѣсь же: Камуель царевъ гонецъ.

да опишем в которние поры придут государеви люди всрѣчю. А яз тепере, Божиею милостию, государевою счостию опетю при старости на моем царском престоле сел; а царство свое своих руках в зелни справляю скиптра земли Иверские. А государеви посли Іван Ѳеонасьевъ да Іван Левонтьев нам изусть говорили так, що государева рат великая идет на Шевкала и на всю Кумицкую землю; и мы по сих месте про рат ничево не слихали. Болше государеви посли нас виманили, пора би була тепере воевать в Кумицкую землю. А государевих стрелцов и черкасовъ пожаловавъ отпустили их к тебѣ. Писана в государстве нашего в дворе в Криму мѣсяца онтоибрия 27 день в ортник.

13 сентября 1602 г. Нащокинъ и Левонтьевъ были отпущены изъ Астрахани въ Москву.—Нащокинъ померъ въ Казани. 30 ноября Леонтьевъ и грузин. послы были отпущены изъ Казани. Старцъ Кирилу въ дорогу велѣно было дать ему с людми кормецъ лехкой, какъ мочно сыту быти по нуже. *7 декабря послы были въ Нижнемъ.*

112-го сентября въ 1 день. Сказывал Терской жилец сынъ боярской Иван Морышкин, которой посылан был с Терки от воевод в Грузинскую землю к Олександру царю з грамотами и был з государевыми послы с Иваном с Нащокиным да с Иваном Левонтьевым у царя Александра в Иверской землѣ 25 недѣль и при нем дев при Иване вышли ис Турскіе земли прошлово... 2 полоненика один руской человѣкъ Ивашком зовут, бывал казак, а другой волошанин. .... А тѣ полоняники русакъ Ивашко и волошанин остались в Иверской землѣ у Александра царя на цареве имени служити.

22. 1602 г. Посольство Атая отъ Шевкалова сына Андія.

(Кабардинскія дѣла 1602 г.)

.....у дьяка у Ивана Грамотина..... в приставех сотник стрелецкой Степан Забѣлин. И как пріѣхалъ въ город, и сшел с лошади, не доезжая Посолские Полаты. И как вшел в Полату, и діякъ Иван Грамотин с послом корошевался, клал на него руку. Да говорил Иван послу Атаю: писали к в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. къ его царскому величеству из Асторохани воеводы, что ты пріѣхал с Терки и ѣдеш к в. г. н. его царскому величеству от Андия князя з грамотою.— И ты мнѣ обьяви: что с тобою от Шевкалова сына Андия князя приказъ?—И ты мнѣ обьяви: что твой к царьскому величеству пріѣздъ? И рѣчью приказ какой ест ли? То мнѣ обьяви подлинно.

И Шевкалова сына Андія князя посол Атай діяку Ивану Грамотину говорил: послал его к в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. з грамотою; а рѣчью Андія князь в. г. его царскому величеству бити челом приказывал, что он Андія учинился под его в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. высокою рукою и хочет в. г. его царскому величеству и сыну его царского величества в. г. царевичю к. Ѳ. Б. в. Р. служити и прямити во всем по своей вѣре, отставъ от всѣх государевых недругов. Да на том он, Андія, в Терском городе перед в. г. его царского величества воеводами правду (дал), шерть учинилъ, что будет от его царского величества неотступен и по свою смерть и ни х которым государевым недругом приставати не учнет. А в. б г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сынъ в. г. царевич к. Ѳ. Б. в. Р. по своему царскому жалованью держали его в своем царском защищенье и во обороне ото всѣх его недругов.—Да подал посол Атай діяку Ивану Грамотину Шевкалова сына Андія грамоту.

И діякъ Иван Грамотин, приняв грамоту, говорил, что, переведчи, грамоту и рѣчи твои, что мнѣ говорил, донесу до царского величества и что на то царского величества будет воля, и о том по царского величества указ тебѣ будет вперед иным временем.

Да явил царево жалованье в стола мѣсто кормъ, а (питья) ему дано з Дворца врушка вина.

Со яму 3 колачи против прежних денежных, куря, пол туши бораньи, пол 2 ведра меду кнж.....

23.—1603 г. Пріѣздъ въ Москву Кабардин. черкас. мурзы Сюнчалѣя Янглычева, узденей кн. Солоха и Казыя Шепшукова и отъ Шевкаловыхъ дѣтей Суркай-Шевкалова и Салтанъ-Магмутова пословъ Ибреима и Дербыша.

(Кабардинскія дѣла: 1603 г. д. № 1 и 2; 1615 г. д. № 2).

В прошлом во 111-м году приезжалъ к царю Борису Кабардинской Черкаской Сюнчалѣй мурза Янглычевъ, а с нимъ его и Солоха князя и Казыя Шебшукова узденей 9 человѣкъ, бити челомъ о своих нужахъ, чтоб его царь Борисъ пожаловал, велѣлъ ему жити в Терскомъ городе; а братья его и племянники живут своими кабаками в Кабардѣ и с узденми своими.—Да с Сюнчалѣй мурзою вмѣсте пріѣзжалі к царю Борису Шевкаловыхъ детей Суркай—Шевкалов да Салтан—Магмутовъ послы Ибреимъ да Дербыш, а с ними узденей 2 человѣка, бити челом, что он Суркай—Шевкалъ перед Терскими вое-

воды правду далъ и шерть учинил и сына своего Ахлова в закладъ в Терской город пришлетъ и хочет быти под государевою рукою во всемъ послушен; а по ся мѣсто служилъ он Турскому, и, от Турского ныне отставъ, хочет государю служити и прямити и до своего живота.

А на Москвѣ Кабардинской Сунчалѣй мурза Янглычев наперед был в Посолской Полате у думново дьяка Ѳеонасья Власьева. А как Сунчалѣй вшел в Полату, и діякъ Ѳеонасей Власьевъ встав с Сунчалѣем мурзою корошевался и велѣл ему сѣсти. А, посидѣв немного, спрашивал про ево приѣздъ: что ево к государю приѣздъ? А Сунчалѣй в то время стоял. И объявлял ему свой приѣздъ, о чем онъ к государю приѣхал, стоя, и челобитную подал. А после розговоров и приняв у него челобитную, думной діякъ Ѳеонасей Власьевъ отпустил Сунчалѣя к себѣ на подворье; а у государя Сунчалѣй в тот день не был. А корму в стола мѣсто к нему послано и с уздени его съ 9-ю человѣки.—А после того царь Борис велѣл быти у себя у государя на дворѣ Черкаскому Сунчалѣй мурзѣ Янглычеву и Кабардинского Солоха князя и Казыя Шепшукова узденем. И того же дни Кабардинской Сунчалѣй мурза Янглычев и уздени у государя были; а посыланы по них на подворье дети боярские и толмачи, которые у них приставлены. А какъ приѣхали в город, и дожидались от государя присылки Сунчалѣй мурза и уздени на Казенномъ Дворѣ в Полате. А государь в то время был в середней в Золотой в Подписной Полате в царском в болшом платье. А при государе были в Полате бояре и дворяне болшие и в сѣнех в проходных дворяне и приказные люди и діяки сидѣли в золотномъ платье; а по крыльцу были дворяне и дѣти боярские и подьячие в чистом платье. А какъ царь Борисъ велѣл Сунчалѣю мирзѣ и узденем итти к себѣ, государю, и шли сперва к государю Сунчалѣй мурза и Солоховы и Казыя Шепшукова уздени с Казенново Двора; а с Сунчалѣй мурзою шел в приставех Розгилдѣй Лотченинов, а с Солоховыми да с Казыевыми уздени шел сотникъ стрелетцкой Ѳедоръ Хрипунов. А какъ вошли к государю в Полату, и являл их царю Борису и царевичю челом ударить посолской діякъ Ѳеонасей Власьев. А молылъ: в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о.! Кабардинской Сунчалѣй мурза Янглычев тебѣ, в. г., челом ударил. И царь Борисъ жаловал Сунчалѣя мурзу и Солоховых и Казыевых узденей, звал к руке. И Кабардинской Сунчалѣй мурза, быв у руки, говорил рѣчь и бил челом о государеве жалованье, да подал челобитную. И царь Борис у Сунчалѣя мурзы велѣл приняти челобитную посолскому діяку Ѳеонасью Власьеву. И діякъ Ѳеонасей Вла-

сьевъ, принявъ челобитную, являл государю от Сунчалѣя мурзы Янглычева поминки. А молыл: в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о.! Кабардинской Сунчалѣй мурза вам, в. г., челом бьет.—А после того говорили рѣчь государю Солоха князя да Казыя Шепшукова узденн. Да какъ Солоха князя и Казыевы уздени рѣчь изговорили, и государь велѣл діяку Ѳеонасью Власьеву Сунчалѣю мурзѣ и Солоха князя и Казыевымъ узденем молыти рѣчь. И по государеву указу діякъ Ѳеонасей Сунчалѣю мурзѣ рѣчь говорил; а узденемъ говорил рѣчь особную после Сунчалѣя. А какъ діякъ Ѳеонасей Власьевъ рѣчь изговорил, и государь велѣл діяку Ѳеонасью Власьеву Сунчалѣй мурзѣ и Солоха князя и Казыя мурзы узденем сказать свое государево жалованье по росписи и на них положить, да подавал имъ государь меды красные и бѣлые в серебряных ковшѣхъ и велѣл имъ сказать свое государево жалованье в стола мѣсто кормъ. И по государеву указу діякъ Ѳеонасей Власьевъ Сунчалѣю мурзѣ и узденем сказал государево жалованье в стола мѣсто кормъ. А молыл: в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. жалует вас своим царским жалованьем в стола мѣсто кормъ ѣству и питье. И велѣл имъ итти на подворье.

А что дано при царѣ Борисе Кабардинскому Сунчалѣю мурзѣ Янглычеву и Солоха и Казыя Шепшукова узденем государева жалованья, платья и денег и в стола мѣсто корму ѣствы и питья з Дворца и сь яму,—и тому роспись:

Сунчалѣю мурзѣ Янглычеву: кубокъ двойчат серебрянъ золочен, 3 гривенки, 20 золотник; шуба бархат золотной, на соболѣхъ, въ 37 рублевъ; каѳтан камчать жолтъ, в 5 рублевъ; однорятка лундыш червчата, с круживомъ золотнымъ, пугвицы серебряны, въ 5 рублевъ; шапка лисья черна, въ 5 рублевъ; 50 рублевъ денег.

Узденемъ ево 9-ти человѣком: по шубе по суконной, на бѣлках, по 5 рублевъ шуба; по шапке хонененой, да по 3 рубли денегъ человѣку.....

Суркай—Шевкалова сына послу Ибреиму: ковшъ серебрен в пол 2 гривенки; шуба бархат, на куницах, въ 17 рублевъ; шапка лисья, въ 3 рубли; 10 рублевъ денег.

Суркаеву узденю: шуба суконная, на бѣлках; шапка лисья; 3 рубли денег.

Послову Ибраимову человѣку: сукно доброе; 2 рубли денегъ.

Шевкалова ж сына Салтан-Магмутову послу Дербышу Буртаеву: шуба на хребтѣх на бѣлых, под сукномъ, въ 5 рублевъ; шапка лисья хоненая; 10 рублевъ денегъ.

Товарыщемъ его 2 человѣком узденем по шубе пот сукны, на хрептѣх на бѣлых, по 5 рублевъ шуба; да по шапке ханеной; да по 3 рубли денегъ.

Солохову да Казыеву 2-м человѣкомъ лутчимъ по шубе по суконной, по 5 рублевъ шуба; да по шапке ханеной; да по 5 рублевъ денег человѣку.

Солоховым 3 человѣком да Казыевым 3-м же человѣком по шубе по суконной, по 5 рублевъ шуба; по шапке хоненоі; по 3 рубли денег.

А ѳевраля въ 24 де царь Борис велѣл быти в Посолской Полате у діяка у Ѳеонасья Власьева Черкаскому Сунчалѣю князю Янглычеву да Шевкаловых детей Суркой-Шевкала, да Салтан-Магмутовым послом, да Солоха князя и Казыя мурзы узденемъ и сказать имъ свое государево жалованье, о чем они били челом, и отпускъ им сказать.—И того же дни Сунчалѣй мурза и Шевкаловых детей и Солоха князя и Казыя мурзы уздени в Посолской Полате у діяка у Ѳеонасья Власьева были; а в то время были на площеди стрелцы бес пищалей. А сперва был Сунчалѣй; а посланъ по него сотникъ стрелетцкой Степан Забѣлин да толмач, и ѣхали с ним в город. А, пріѣхав в город, Сунчалѣй мурза сшел с лошеди у Посолские Полаты. А какъ вшел в Полату, и діякъ Ѳеонасей Власьевъ с Сунчалѣй мурзою, приподывся, корошевался; и велѣл ему сѣсти. А после того говорил ему діякъ Ѳеонасей рѣчь и сказывал ему государево жаловалное слово и отпускъ; и отпустил ево на подворье и явил государево жалованье в стола мѣсто кормъ. А на отпуске дано Сунчалѣю государева жалованья в Посолском приказе: цки собольи, 20 рублев; цки лисьи ханены, въ 10 рублев.—От царевича от Ѳедора Сунчалѣю же: цки куньи, шапку черну, въ 5 рублевъ.

Узденем ево 9 человѣком по сукну по доброму да по шапке по лисье, по 20 алтын шапка. Да ему же в Казани или в Астороханн сказано государева жалованья 10 вѣдръ вина, 20 пуд меду.....

Да к Шевкаловым дѣтемъ к Суркай-Шевкалу послано от царя Бориса жалованья: однорятка шарлатна с круживомъ и с пугвицы серебреными въ 17 рублевъ или въ 18 рублевъ; цки собольи въ 30 рублевъ; шапку лисью черну въ 10 рублевъ.

Салтан-Магмуту: однорятка шарлатна с круживом и с пугвицы серебреными въ 15 рублевъ; цки собольи въ 18 рублевъ; шапка лисья черна въ 7-м рублевъ.

Кабардинскимъ Солоху князю да Казыю мурзѣ: по однорятке, по 18 рублев однорятка; да по цкамъ собольимъ, по 15 рублевъ цки; да по шапке по черной, по 5 рублевъ шапка.

А велено з государевыми грамотами и з жалованьемъ послати к Суркай-Шевкалу да к Салтан-Магмуту из Астарахани на Терку и на Койсу Івана Кошкарова; и на то их приводит, чтоб были в государеве жалованье и шерть учинили. Да для запасу велено Івану взяти у Терских воевод, что дати государева жалованья Салтанѣю князю Тюменского и Суркай-Шевкаловымъ братьямъ, толко похотятъ быть в государеве жалованье и шерть дадутъ: 2 цки собольи; 4 сукна добрых лундышных; 4 шапки лисьих бурых.—Да ис Казаньского Дворца велено послати на Терку для роздачи государева жалованья иноземцом: 4 поставa сукна настраѳилю; 40 половинок инбарских; 10 портищъ сукна багрецу и лундышу; 100 зенденеі; 200 аршин сукон сермяжных; 50 холстов. Да с Казенного Двора: 2 цки собольи по 20 рублев; 3 цки по 17 рублев; 2 цки по 15 рублев; 3 цки по 12 рублев; 3 цки по 10 рублев; 10 шуб собольих пупчатых; 10 шуб куньих; 40 шуб бѣльих хрептовых и черевлих; 5 шапок чорных по 4 рубли; 5 шапок по три рубли; 5 шапок по 2 рубли; 100 шапок красных хопенепых.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Васка Голицын, да Васка Кузмин, да Петрушка Пивов, да Петрушка Микулин челом бьют. В прошлом, государь, во 111-м году августа въ 7 день писано в твоей государеве грамоте к намъ, холопемъ твоим: по твоему государеву указу отпущены с Москвы Черкаской Сюнчалѣй мурза, а с ним узденей его 9 человѣкъ; а что с нимъ заповедные рухляди, и тому, государь, к намъ, холопемъ твоимъ, послана роспись за приписью твоего государева дьяка Офонасья Власьева. А для, государь, провожанья посланъ с нимъ до Казани Яковъ Соловцовъ. А напередъ тово отпущены в Казань Суркай-Шевкалов посол Ибреимъ, да Салтанъ-Магмут мирзинъ посолъ Дербышъ, да Кабардинских Солоха князя уздень Нутохакапъ да Казыя мурзы Скиндер с товарыщи, всего их 12 человѣкъ. И как Сюнчалѣй мурза въ Казань приѣдет, и намъ бы, холопем твоим, заповедные рухляди велѣти у них осмотрѣти, чтоб у нево сверхъ росписи. . . . .

На оборотѣ: 112-го сентября въ 18 де с Казанским жилцом с (На)заром Желтыревым.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Васка Голицынъ, да Васка Кузмин, да Петрушка Пивов, да Петрушка Микулин челом бьют. В прошлом, государь, въ 111-мъ году августа въ 7 день писано въ твоей государеве грамоте нам, холопем твоим: по твоему государеву указу отпущено от тебя, государя, с Москвы съ Яковом Соловцовым вмѣсте с Сюнчалѣй мурзою Янглычевым твое государево

жалованье к Шевкаловым дѣтемъ к Суркай-Шевкалу да к Салтан-Магмуту да х Кабардинским к Солоху князю да х Казы.... мурзѣ по однорятке, да по цкам по собольим, да по шапке по черной. И как Сюнчалѣй мурза Янглычев в Казань приѣдет, и нам бы, государь, то твое государево жалованье отпустить ис Казани в Астарахань вмѣсте с тою посылкою, которая къ намъ послана ис Казанского Дворца.—И мы, холопи твои, твое государево жалованье Шевкаловым дѣтем и Кабардинским Солоху князю и Казы мурзѣ однорятки и цки собольи и шапки отпустили ис Казани в Астарахань съ сыном боярским с Казанским жилцом с Кармачем с Неволским, которой послан для береженья и в провожатых с Сюнчалѣй мурзою до Астарахани, августа въ 30 де.

На оборотѣ: 112-го сентября въ 18 де с Казанским жилцом (с Назаром Желтыревымъ).

..... Петрушка Пивовъ да (Петрушка Микулинъ челом бьютъ). В прошлом, государь, въ 111-м году (писано) в твоей государеве грамоте к нам, холопем твоим, с Микифором Степановым: послано к нам с ним в Казан с Микифором твои государевы грамоты, каковы грамоты послати из Асторохани с Иваном с Кашкаровым, грамота к Шевкаловым княжим детем Суркай-Шевкалу з братьею, да грамота к Салтан-Магмуту, да грамота к Солоху князю, да грамота х Казыю мурзе, да 3 грамоты в Асторохань, да на Терку, да на Койсу к твоим государевым воеводам, да наказ к Ивану Кошкарову. И как к нам в Казань Микифоръ Степановъ с тѣми твоими государевыми грамотами и с наказом приѣдет, а Черкаской будет Сюпчалѣй мурза с уздени, да Суркай-Шевкаловъ, да Султан-Магмутовъ послы Ибреим да Дербышъ с товарыщи да Кабардинских Солоха князя да Казыя мурзы уздени и Нагайсковo Магмут мурзы человѣкъ ис Казани до твоей государевы грамоты еще не отпущены,—и нам, государь, тѣ твои государевы грамоты и наказ велено послати в Асторохань с тѣмъ же сыном боярским, ково пошлем в приставех ис Казани до Асторохани с Сюнчалѣем мурзою..... лѣя мурзы..... и Шевкаловых и Кабардинских... уздени и Ногайсково Магмут-мурзы человѣка ис Казани по твоей государеве по прежней и по сей грамоте тотчас и денег имъ на кормъ велѣно дати до Асторохани по прежней твоей государеве грамоте.—И Микифор Степанов Сунчалѣя мурзу с уздени да Суркай-Шевкаловых и Кабардинских послов в Казани с твоими государевыми грамотами и с наказом заѣхал. И мы, холопи твои, у Микифора Степанова твои государевы грамоты и наказ взяли и отпустили в Асторохань с сыном боярским с Кармачем с Невелским, которой отпущен в провожатых с Сунчалѣем мурзою и с послы, тово ж дни, которого дни

Микифор Степанов к нам в Казань приѣхал. А велѣли, государь, Кармачю твою государеву астороханскую грамоту отдати в Астрахани твоим государевым воеводам Михаилу Богдановичю Сабурову с товарыщи; а досталные, государь, всѣ твои государевы грамоты, что писаны Суркай-Шевкалу и к Салтан-Магмуту и к Солоху князю и х Казы мурзѣ и что писаны на Терку и на Койсу к твоим государевымъ воеводам и наказ велѣли отдати Ивану Кошкарову.

На оборотѣ: 112-го сентября въ 18 де с Казанским жилцом с Назаром Желтыревым.

Царю г. в. к. Б. Ѳ. в. Р. бьет челом холоп твой государев новокрещен Бориско, а по черкасски Темърюнко, Зерехохов сынъ. Выѣхал я, холоп твой, с Терки с Сунгалѣю мурзою на твое царское имя к Москвѣ. И Сунаглѣя, государь, ты мурзу пожаловал, отпустил с Москвы на Терки: а я, холоп твой, видя твое царьское милосердие к нашѣй братье к иноземцом, остался здес на Москвѣ, на Москвѣ тебѣ, г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р., служити хочю, и хочю, государь, быти во крещенской верѣ. А на Терке, государь, у меня, холопа твоего, матушка моя да четырѣ браты; имена, государь, моей братье в Болшом Приходе в книгах написаны. И матюшка, государь, моя и братья такоже жедают твоей царьской милости и крестьянския вѣры крѣщенья. Милостивый ц. г. и в. к. Б. Ѳ. в. Р.! Покажи милость, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мнѣ, холопу своему, служити свою царьскую службу на Терке. А как я, холоп твой, остался на Москвѣ, захотѣл в твоей царьской службе быти и во крестьянской вѣре,—и Сунгалѣй мурза за то у меня, холопа твоего, и жалованье годовое 12 рублев отнял; говорил: то де ты крестисся во крестьянскую вѣру, и, на тѣбя де смотря, иные захотят креститися, и у меня де на Терке и служити некому. И на меня в том кручину великую положил; а я, холоп твой, хочю голову свою положит за тебя, государя. Да и братья.....тья моя, государь, ещо меня дород... Да яж, холоп твой,.... Сингалѣю мурзе то.... креститися в крестьянскую вѣру..... я за то б.... пожалован; и он, государь, креститися..... их и я за то.....а я, холоп твой, за то с ним ѣхать не сметь либо..... в. к. Б. Ѳ..... пожалуй.

Лѣта 7112-го октября въ день. По г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу памят діяку Филипу Голянищеву. Бил челом г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. черкашенин новокрещен Бориско Зарахохов: пожаловалъ его государь своим государевымъ жалованьем, для крещенья и на платье велѣл дат 5 рублев денег,—и ему деи тово государева жалованья на одежу мало; і государь бы его пожаловал, велѣл своего госуда-

рева жалованья прибавит, как государя Бог известит. II г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. новокрещена Бориска пожаловал, велѣл ему своего государева жалованья приб(авить) два рубля. (И по сему г. ц. и) в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу діяку Филипу Голянищеву черкашенину Бориску Зарахохову государева жалованья к прежнему два рубля денег велѣти дати.

24. 1603—1604 гг. Посольство изъ Грузіи старца Кирилла и подьячаго Саввы.

(Грузинскія дѣла 1603 г. декабря 3—мая 1604 г.).

Въ Казани у людей грузинскаго посла пропало в платке каменье лал да два яхонта и иное мѣлкое каменье. *Въ челобитной Кириллъ писалъ, что украли* 3 камени—камен лал, цена 15 рублев, да два яхонта, цена 16 рублевъ, да 180 каменья ценинного да вишневого, цена 8 рублевъ, *и еще* с тѣм каменьем змеины головки.

Лѣта 7112-го декабря в 9 день. По г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу память Івану Зубатово. Как к тебѣ ся память придет, а ты будет грузинского посла старца Киріла встрѣтіл в Казані, и ты б его отказал казанскому пріставу, которому велят быть боярін і воеводы, а сам бы есі ѣхал к себѣ в помѣсье; а будет ты грузинского посла встрѣтіл в Нижнем, и ты б потому же отказал посла нижегородцкому пріставу. А в Казань к бояріну і воеводам і в Нижней Новгород к губным старостам от г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. о том пісано.

Г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холоп твоі Івашко Зубатого челом бист. В нынѣшнем, государь, 112-м году ноября в 17 день послан я, холоп твой, от тебя, государя, стану из села Воздвіженского по наказу за припісью твого государева дьяка Івана Грамотина. А велено, государь, мнѣ, холопу твоему, встрѣтить грузинского посла старца Кирила в Володимѣре или в Муромѣ или в Нижнем, а встрѣтя старца Кирила говорить ему, что твоего государева царского величества бояре велелі ему постоять в дороге до твоего государева указу; а Івану Нащокину да Ивану Левонтьеву велеть схать к тебѣ, государю, к Москвѣ. И я, холоп твой, грузинского посла старца Кирила встрѣтил в Нижнемъ и говорил ему по твоему государеву наказу: твоего государева царского величества боярѣ велели ему постоять в дороге. И старецъ Кирило мнѣ, холопу твоему, говорил: волен де Богъ да государь, ево царская воля.—А приставъ, государь, у нево сынъ боярской Тимоѳей Кудрявцовъ, идет с нимъ с Терки и ис Ка-

зани, и кормъ ему ис Казани дан по росписи; и я, холоп твой, Тимоѳею Кудрявцову с послом старцомъ Кирилом велел стоять в Нижнемъ до твоего государева указу. А я, холоп твой государевъ, из Нижнѣво без твоего государева указу ехать к тебѣ, государю, к Москвѣ не смѣю. И о том, государь, мнѣ, холопу своему, какъ укажеш?

Помѣта: преж сего пісано к нему, а велено ѣхать к себѣ в деревню; и толко не поѣхал, и он бы ѣхал.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холоп твой Тимоха Кудрявцов челом бьет. Отпущен, государь, я, холоп твой, с Терки к Москве бити челом тебѣ, г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р., о наших нужах ото всѣх городов. І в Астарахані, государь, твой государевъ боярин Михайло Богданович Сабуров да твой государевъ воевода князь Василей Михаилович Ростовской-Лобанов велѣли, государь, мнѣ, холопу твоему, быти у грузинсково посла у старца у Кирила в приставех; а ис Казани, государь, отпущен с нимъ я же, холоп твой. И дано, государь ему твоего государева жалованья поденново корму от Казани до Москвы на 3 недѣли—ему, старцу Кирилу, на ден по 5 денегъ, а подьячему на ден по 3 денги, а царевым трем конюхом на ден человѣку по 2 денги, а его людем и подьячем людом десетьма человѣком на день человѣку по денге; да овса, государь, дано от Казани до Москвы твоим государевым 3 аргамаком 7 четвертей да на сено, государь, дано 21 алтын. И до Нижнево, государь, стправлено овса 3 четверти с осминою; а денегъ, государь, стравлено 14 алтын. І в Нижнемъ, государь, встрѣтил посла твой государевъ дворянин Іван Зубатой; и по твоему государеву указу грузинсково посла в Нижнемъ поставил, а велѣлъ ему быти в Нижнемъ до твоего государева указу. Да со мною ж, государь, с холопом твоим, посланы к тебѣ, г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р., Терские отписки. І вперед, государь, мнѣ, холопу своему, о после и о Терских отписках—какъ свой царьской указ учиниш?

На оборотѣ: Г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Русіи. В Посольской пріказ.—112-го декабря в 23 день з Богданом з Гриньковым.

Помѣта: приставіт к старцу из нижегородцов, а Кудрявцова грамотамі отпустіт к Москве.

Граматой царя отъ 31 декабря въ Нижній писано, чтобы к грузинскому послу *приставили* сына боярсково из нижегородцов и велѣлі к грузинскому послу береженье держаті, чтоб к нему иноземцов и русских людей не приходил нихто и не розговаривал бы с нимі нихто ні о чем и люді его по базару и по улицам без дѣла не броділіі; а доведетца до чего выйти в торгъ, и с ними б ходил для бережены

сынъ боярской, которой у ніх пріставленъ, а без пристав нікоторыми обычаі з двора нікуды не ходілі. А прежніх бы естя приставов, которые с ним ѣхалі ис Казані, отпустілі к Москве.

От ц. и в. к. Б. О. в. Р. в Нижней Новгород Юрью Івановічю Нелединскому да дьяку нашему Олексѣю Карпову. Какъ к вам ся наша грамота прідет, и вы б тотчасъ грузинского Александра царя старца Кирілa и подьячего Саву и царевых и их людей и с поміночнымі лошадмі отпустілі к Москве, дав под них подводы, какъ им мочно поднятца; а пристава с нимі послалі бы естя сына боярскова добра, выбрав из ніжегородцовъ лутчево, да другово сына боярскова для корму, а тот бы сынъ боярской, которой с сею нашею грамотою послан, ѣхал с нимі же. И приказали б есте тѣмъ детем боярскимъ, ѣдучі дорогою и по станом, к старцу Кирілу и к подьячему и к царевым людем береженье держаті великое, чтоб от руских людей ни от кого обіды и безчестья и в корму нужи не было; а от ніх бы руским людем потому же обіды не было и с рускімі б людмі тайно не розговарівалі ни о чем. А ставіліся б с нимі по станом в жилых мѣстех и на станы б тот пристав наперед себя посылал, а велѣл дворы и кормы готовіті и людей бы тутошніх в тѣх дворех, гдѣ імъ стоять, не было. А кормъ бы есте старцу Кирилу и подьячему в дороге велѣлі даваті с прібавкою, а прибавілі б есте Кирілу по 2 денгі на день, а подьячему по денге; а мед и людцкой и конской кормъ по прежнему нашему указу. И в дорогу на кормъ денег на людцкой и на конской и меду отпустілі б естя, смѣтів до Москвы в колко ден мочно имъ поспѣті. Да тому же приставу пріказалі б есте: какъ он пріѣдетъ с старцомъ с Кирилом в Володімер, и он бы наперед себя отписал к нам: в которой день почаетъ быти от Москвы на послѣднем стану. А как пріѣдут близко Москвы на послѣдней стан, и он бы с того стану прислал с вѣстью, а велѣл сказаті в Посолскомъ пріказе; а сам бы с старцомъ и с царевыми и с ых людмі без указу к Москве с послѣднего стану не ходіл. Пісан на Москвѣ лѣта 7112-го генваря въ 30 день.

Послана с Пінаем с Філіповым.

От ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. в Нижней Новгородъ Юрью Івановичю Нелединскому. Какъ к тебѣ ся наша грамота придет, а грузинского будет Александра царя старецъ Кирилъ из Нижнего не отпущен, и ты б тотчасъ приказал приставу, которого к нему по нашей грамоте выберешь лутчево сына боярского из нижегородцов, а велѣл старцу Кирилу молвиті: по отпискам наших послов Ивана Нащокина да Івана Левонтьева велено было ему быті в Нижнемъ, а из

Нижнево было ему ѣхать назад, потому что писали к нашему царьскому величеству послы наші Иван Нащокин да Іван Левонтьев про многие Александра царя непригожие слова.—И бил челом нам, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р., нашего царьского величества сынъ в. г. ц-чь к. Ѳ. Б. в. Р., чтоб нашему царьскому величеству его, старца Кирила, пожаловаті, велѣті его взяті к Москве и наші царьские пресвѣтлые очи видети. И наше царьское величество для печалованья нашего царьского величества сына в. г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. по нашему царскому милосердому обычею его, старца Кирила, пожаловалі, велѣли ему ѣхать к Москве и наши царские пресвѣтлые очі велим ему видеть; а в дороге велѣли ему, старцу Кирилу, и подьячему и царевым и их людем кормъ давать с прибавкою.—А, изговоря, велѣл бы еси тому приставу ѣхать с нимъ к Москве с великимъ береженьем по прежней нашей грамоте. А что будет против того Александра царя старец Кирил поговорит і в которой день ево из Нижнева отпустиш, и ты б о том тотчас к намъ отписал с Лукопером Озеровым; а отписку велѣл отдать в Ноугородцком Розряде діяку нашему Григорью Клобукову. А корму б еси поденново в дороге велѣл давать старцу Кирилу по 10 денегъ, а подьячему по 7 денегъ, а царевым Олександровым конюхом велѣл бы еси давать на день по 6 денег человѣку, а людемъ Кириловымъ и подьячего всѣмъ по 5 денегъ человѣку; да старцу же Кирилу и подьячему и на царевы и на их люді велѣл бы еси даваті всѣмъ по 3 ведра меду на день. А приставу б еси, которово с старцом с Кирилом пошлешь, приказал накрепко, чтоб онъ, приѣхав в Володимер, к намъ про свой приѣздъ отписал; и, на послѣдней стан приѣхав, прислал с вѣстью, а велѣл сказать в Посолскомъ приказе, а самъ бы с старцомъ и с царевымі людми без нашего указу к Москве с послѣднево стану не ходил. А будет Александра царя старец Кирил до сеѣ нашие грамоты из Нижнево отпущен, и ты б за ним не посылал, да о томъ к нам отписал, а отписку велѣл отдат в Ноугородцком Розряде діяку нашему Григорью Клобукову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7112-го ѳеврала въ 1 де.

Послана з зубчанином с Лукопером Озеровым.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Юшко Нелединской да Олешка Карпов челом бьют. В нынешнем, государь, во 112-м году февраля въ 6 день писано от тебя, г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р., въ твоей государеве грамоте за приписью твоего государева діяка Григорья Клобукова: какъ твоя г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. грамота к нам, холопем твоим, придет..... (*слѣдуетъ почти буквальная пере-*

писка предыдущей граматы).....—И февраля, государь, въ 6 де мы, холопи твои, посылали нижегородца сына боярсково Мисюря Соловцова, которому, государь, у старца Кирила въ приставех быти; а велѣли, государь, мы, холопи твои, твоего царьского величества твое в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и твоего, государь, царского величества сына, в. г, ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р., великое милосердое жалованное слово сказати. И сынъ боярской Мисюр Соловцов, пришед Александра царя къ старцу Кирилу да к подьячему Саве, почел им сказывать. И Олександра царя старецъ Кирило и подьячей, пав о землю, трижды молвили: дай, Господи, в. г. ц-чь к. Ѳ. Б. в. Р. и его царьского величества сынъ в. г. ц-чь к. Б. Ѳ. в. Р. здравы были на многие лѣта! Жадны их великой царьской милости и их государей царские пресвѣтлые очи видети.?—И мы, государь, холопи твои, Александра царя старца Кирила и подьячего Саву и царевых людей и поминочные лошади из Нижнего отпустили с приставом с нижегородцом с Мисюрем Соловцовым, да с Пинаем Ѳилиповым, да для, государь, корму послалі сына боярсково Івана Нагаева февраля в 6 де. А приставу, государь, Мисюрю приказали накрѣпко, чтоб он, приѣхав в Володимер, про свой приѣздъ к тебѣ, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р., отписал и с послѣднево стану, подъѣхав к Москве, прислал с вѣстью и приѣхав велѣли сказати въ Посолскомъ приказе; а сам бы с старцом и царевыми людми без твоего государева указу к Москве с послѣднево стану не ходил. А что, государь, дано по твоему государеву указу корму Александра царя старцу Кирилу да подьячему Саве и царевым людем от Нижнего до Москвы, и тому, государь, дана роспис приставу Мисюрю Соловцову за моею холопа твоего Олешкиною рукою.

Въ Владимиръ посолъ пріѣхалъ 11 февраля. Выѣхалъ 12-го и на Рогожскій ямъ (въ 40 верстахъ отъ Москвы) предполагали прибыть 15 февраля 1604 года.

Были тѣ дворяне в Посолской Полате, как иверской посол старец Кирило был у Михаила да у Григорья.

Дворяня:

Федор, Іванов сынъ, Кузмін.

Из городов выбор:

Володимер: Ѳедоръ, Петровъ сынъ, Чюдинов-Окіпѳов; Петръ, Іванов сынъ, Всеволотцской; княз Іван, княж Петров сынъ, Пожарской; Ѳѳонасей, Васильевъ сынъ, Владыкинъ.

Суздал: князь Іван, княж Михайлов сынъ, Борятинской; Ѳѳонасей, Матвѣевъ сынъ, Молвянинов.

Резан: Іван да Григорей, Микитіны дѣти, Ржевского.

Кошира: Юрьи Тутолмин.

Козелескъ: Михайло Ждановъ.

Мещоскъ: Ѳедоръ Еропкін.

Юрьев: князь Дмитрей Мезетцской; Юрьи Стромилов; Іван, Іванов сынъ Тимофѣева, Внуков.

Мещера: Данило, Келарев сынъ, Протасьевъ.

Олексін: Петръ Дашков.

Нижней: Ѳедоръ, Михайлов сынъ, Болтін.

Боровескъ: Павлин, Юрьев сынъ, Кобяков.

Ярославецъ: Володимер, Костентінов сынъ, Поливановъ.

Медын: Ѳедоръ Васильевъ Пушкин; Василей Челищев; Микита, Елизарьевъ сынъ, Новосилцов.

Руза: Іван, Микифоров сынъ, Дьяков.

Можаескъ: Іван да Семен да Наум, Васильевы дѣти, Усова.

Тула: Борис да Петръ да Іван Хрущовы; Володимер Игнатьевъ.

Лѣта 7112-го февраля въ 17 день. Г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., слушав отписки Ивана Нащокина да Ивана Левонтьева, что они писали с Терки, какъ ся у них дѣлалос г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. дѣло в Ыверской землѣ, велѣл ис тоѣ отписки [33]) выписати тѣ статьи, которые в отписке написаны, что говорили Александръ царь и дѣти его непригожие рѣчи и какое безчестье и тесноту дѣлали Ивану Нащокину да Ивану Левонтьеву;—и о том Александрову цареву старцу Кирилу выговорити и его роспросити: какимъ обычаемъ такъ дѣлал Олександръ царь? А велѣл государь черицу Кирилу быти в Посолской Полате у думного дворянина и яселничего у Михаила Игнатьевича Татищева да у дьяка у Григорья Клобукова.

И февраля въ 18 день по г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. приказу был в Посолскомъ приказе у думного дворянина и яселничего у Михаила Игнатьевича Татищева да у дьяка у Григорья Клобукова грузинского Александра царя старец Кирило да подьячей Сава; а посыланы по них приставы Григорей Елизаров да Мисюрь Соловцов. А лошади посыланы под архимарита з государевы конюшни, а сани ис Чюдова монастыря; а под подьячего сани и санникъ з государевы конюшни. А в Полате в Посолской в передней было дворян из городов в смирном в чистом платье 40 человѣк; а на площади и перед Посолскою

[33]) Къ сожалѣнію эта отписка пословъ, равно какъ и весь ихъ статейный списокъ, до нашего времени не сохранились.

Полатою былі стрелцы в обычном платье.—И какъ Олександра царя старецъ Кирило и подьячей Сава пріѣхали в город, и вышли ис саней перед Посолскою Полатою, проѣхав Розрядные сѣни. И какъ вошли в Полату, и думной дворянин и яселничей Михайло Игнатьевич и дьякъ Григорей Клобуков встали и спросили старца: священствует ли? И онъ сказал, что он архимарит. И они благословилис и сѣли по мѣстомъ; а архимариту и подьячему Саве велѣли сѣсти ж.

И, посидѣв немного, говорил думной дворянин и яселничей Михайло Игнатьевич Татищев старцу Кирилу: Кирило! Скажи нам: какимъ обычаемъ царь Олександръ говорил про в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. многие непригожие такие рѣчи, чего и в разум вмѣстит нелзя? Хотя б царь Александръ такие непригожие рѣчи говорил и про боярина царского величества, и царское б величество и за то стал.—Да царь же Олександръ говорилъ, что он к царскому величеству всѣ животы свои выслал, а царское величество к нему ничего не пришлет. И то он говорил пригожее ль дѣло? А которые послы приходили к царскому величеству от царя Александра и с ними Александръ присылал к цар скому величеству поминки и царское величество, жалуючи царя Александра и не хотя ево оскорбити и от своєѣ царские милости отженути, велѣл принимати не от-велика, а досталное все велѣл послом его отдавати.—А к в. г. п. къ его царскому величеству присылаютъ великие государи братья его, цѣсар крестьянской, шах Кизылбажской и иные великие государи, послов своих и с ними присылаютъ для братцкие любви многие несчетные поминки; да и ныне шах Кизылбашской прислал к царскому величеству посла своего Лачин-бека, а с ним прислал к царскому величеству многие поминки. А царское величество для братцкие любви к нимъ посылает от своеѣ царские казны поминки. То меж их великих государей для любви, а не для корысти. А царевы Александровы поминки в. г. п. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. не пужны: у в. г. п. у его царского величества, Божьею милостию, столко ево царские казны, что Иверскую землю велит серебромъ насыпат, а золотом покрыт,—да и то не дорого.—А которые посланы были от царского величества к царю Александру Іван Нащокин да Иван Левонтьев, и царь Александръ многое безчестье и тесноту имъ чинил и ставити их велѣл по лесомъ и на пустых мѣстех и голодомъ многих людей поморил; а Турского чеушу многую честь воздавал и ставил его подлѣ своего двора. А сынъ царя Олександра царевич Юрьи ссватался у Турского паши у Кенжинского женитца на дочери; и стоял паша на цареве на переднемъ дворѣ и ѣл у царя по вся дни, а царевич Юрьи садился за столомъ ниже

ево. И по тому по всему царь Александръ кабы преступникъ крестному целованью,—на чемъ онъ царскому величеству і за всю Иверскую землю крестъ целовал, и от царские милости отставает, а приставает к Турскому.—Да царь же Олександръ говорил, что царское величество рати своей на Шевкала не прислал. И царского величества рати было на Шевкала быти, да затѣм не была, что царь Олександръ Івана Нащокина да Івана Левонтьева к царскому величеству не отпустил долгое время; а про царя Александра вѣсть была, что его не стало. И тому было какъ статис, коли у вас в тѣ поры государству перемененье было? А какъ к в. г. блаженные памяти к ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. приходил от Александра царя в послѣх княз Ерам бити челом царскому величеству, чтоб царское величество пожаловал, послал рат свою на Шевкала, и в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. об Александре царѣ в. г. блаж. пам. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. печаловался. И для в. г. царя и в. к. Б. Ѳ. в. Р. вел. г. блаж. пам. царь и в. к. Ѳ. И. в. Р. рат свою послал на Шевкала многую; а Александръ царь і в тѣ поры рати своей на сход не прислал. А ныне Александръ царь Івану Нащокину да Ивану Левонтьеву говорил, что тогды рати своей на сход за тѣм не послал, что Шевкал ему в тѣ поры былъ свой: дочь Шевкалова была за сыном его за царевичем Юрьем. А ты, Кирило, то слово от Александра царя и говорил. И такъ Александръ царь какъ дѣлаетъ: бив челомъ в. г. о рати на Шевкала и рат подняв, а своей рати не послал, а сказал себѣ другом в тѣ поры? И то царя Александра правда ли? А Давидъ царь, какъ он учинился на Иверском государстве, к в. г. к царскому величеству бити челом о том не присылывал. А на Шевкала рати недолго збирати. А дѣлает то все царь Александръ неправдою, всегда с Турскимъ ссылаетца и сына своего у Турского паши женити хочет. И какъ на посолстве у царя Александра Иван Нащокин да Іван Левонтьевъ были, и царь Александръ Турского чеушу тутo же велѣл быти, утаяс; а к Ивану Нащокину да к Ивану Левонтьеву приказал, что в ту пору иных государей послов и посланников никого не будет.—И за такие непригожие рѣчи и за многие грубости Александра царя велено было тебѣ быти в Нижнемъ, а из Нижнево ѣхати было тебѣ назадъ, і вперед царское величество к Олександру царю послов своих посылати и челобитья его приимати не хотѣл. И бил челомъ в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. его царского величества сынъ в. г. ц-чъ к. Ѳ. Б. в. Р., чтоб царское величество на милость положил, велѣл про то сыскати и пожаловал бы, не велѣл от своеѣ царские милости Олександра царя отженути и тебя б, старца Кирила, пожаловал, велѣл

тебя взяти к Москве свои царские пресвѣтлые очи видет. И царское величество для печалованья сына своего в. г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. по своему царскому милосердому обычаю, тебя, старца Кирила, пожаловали, велѣли ѣхати к Москве.—И ты, Кирило, видя к себѣ такую царскую милость, скажи нам вправду: Александръ царь такие непригожие невместимые слова про царское величество говорил ли? И для какова дѣла Турского чеуш был у царя Александра? И в Загемъ с царем Александром Турского Кенжинской паша Кайхосръ приѣзжал лі и ѣл у царя по вся дни, а сына своего царевича Юрья сажал царь Александръ у себя за столомъ ниже паши? И царевич Юрьи у него на дочери женитца ссватался ли? И какими обычаи царевич Юрьи крестьянин, а женитца у бусурмана? И для чего царь Александръ Івана Нащокина да Ивана Левонтьева не отпустил к царскому величеству долгое время? И будет такъ Александръ царь дѣлает, и то добро ли?

И старецъ Кирило говорил: не толко что такъ дѣлать или говорит, и, у вас слыша такие непригожие дѣла, страх обдержит. Яз де родом гречанин крестьянские вѣры; а ныне всѣм православным крестьяном постъ душеспасителный наста. И яз кленус по крестьянской вѣре і по иноческому обещанию и по священству, что никаких речей непригожіх про в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. у государя своего у царя Александра не слыхал; да и в разум то не вместитца. А всегда царь Александръ с своими детми и со внучаты і з ближнимі своими і со всѣми людми Иверсково царства за православного в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ в. Р. с. і за его царицу і за их царьские дѣті о их царьском многолѣтномъ здоровье молитву к Богу приносят і надежу всю и помощь і заступление ото всѣх недругов царь Александръ держит на Бога да на в. г. на его царьское величество. А про то царю Александру і всей Иверскоі землі подлинно вѣдомо, что Божьею милостью у в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. безчисленная казна. А которые поминки присылал царь Александръ к царьскому величеству с послы своимі, а я старец с ними же был и не одинова, і царьское величество, жалуючи царя Александра по его прошенью, велѣл принимати у нас в свою царьскую казну малые поминки, а досталные всѣ поминки отвозилі мы ко государю своему к царю Александру назад; а царьское величество со всѣми своимі послы к царю Александру присылал свое царьское несчетное жалованье. И государю нашему царю Александру про такова великого и милостиваго государя какъ такие непригожие слова говорити, видя к себѣ такую его царьскую милость? А послом царьского величества

Івану Нащокину да Івану Левонтьеву от царя Александра никоторого безчестья и тесноты не бывало, а во всем им была поволность, и чтіл их царь Александръ и кормъ им давали доволен и ставиліс они в жилых мѣстех. А которое будет безчестье было им от Давида царя, и в. бы г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царьского величества сынъ в. г. ц-чъ к. Ѳ. Б. в. Р. Александра царя пожаловали, за царевы за Давидовы вины на царя Александра гнѣву своего не положилі, потому царь Давидъ отца своего царя Александра ни в чем не слушал и благословеніе его к себѣ презрѣл и государство Иверское взял под отцом своим насилством;—да за то он от Бога и месть принял: скончал живот свой лютою нужною смертью. Избави, Господи, от тово всяково крестьянина.—А царь Александръ канъ почал служити и прямити в. г. блаж. пам. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с., такъ же и ныне служіт в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царьского величества сыну в. г. ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р.; и дѣтемъ своим і внучетом всегда приказывает с великим запрещением, чтоб они от царьские милости были неотступны в род и род на веки.—Да бил челом старец Кирило, чтоб ему объявитї подлинно: какие непригожие слова говоріл царь Александръ про царьское величество и от кого про то вѣдомо учинилося?

И думной дворянин и яселничей Михайло Игнатьевич Татищев да діяк Григорей Клобуков говорилі старцу Кирилу, что они ему то все обьявят, а он бы про то про все сказал вправду.

И роспрашивали Михайло Игнатьевич и дьякъ Григорей старца Кирила протів всѣх статей по списку порознь.—А говорили: писали к в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. Іван Нащокин да Іван Леонтьев, которые посыланы от царьского величества к Олександру царю: какъ они были на посолстве у царя Александра да у сына его у царя Давида июля въ 6 день, а приезжали от царей звати их на посолство околничей Юрьи да ты, старецъ Кирило,—и Іван Нащокинъ да Іван Левонтьев говорили вам, чтоб у царей в то время иных государей послов и посланников не было. И околничей Юрьі и ты, старецъ Кирілo, им говорілі, что иных государей послов и посланников не будетъ. А какъ они у царей были, и в тѣ поры, как учали рѣч говорити, сидѣл в шатрѣ протів царей Турского чеуш; а от них ево утаилі.

И старец Кирило сказал: какъ послал царь Александръ околничево Юрья да ево, старца Кирила, звати на посолство Івана Нащокина да Івана Левонтьева, и Турково чеуша въ ту пору у царя Александра не было; а пришол был чеуш к царю после их. И какъ

пришли к царю Александру на посолство царьского величества послы Іван Нащокин да Іван Левонтьевъ, и Турсково чеуша в ту пору царь Александръ велѣл выслати. А пріѣзжает Турсково чеуш в Ыверскую землю к царю Александру по вся годы для дани; а дани даетъ царь Александръ Турскому со всее Иверские земли на год по 30 юковъ шолку.

Да как пошел царь Давид из Шемты ратью на своего на удѣлново на Аристова князя, и Ивана Нащокина и Івана Леонтьева послал в пустое мѣсто в лѣс в Морканчи; и тут имъ стоянье было нужное, подѣланы им были плетеницы нароком, и кормъ им давали скуден и то через ден, а иногды і через два, а купити было нѣгдѣ. И их люди, ходя по лесу, кормилися яблоками; и приставѣ в лѣс пускаті не велѣл, а велѣл людей их биті и вязаті. А лошади ихъ ходили на пустоши, и караулщики мужики грузинцы у лошадей хвосты обрѣзали и, наругаючис имъ, лошади каменьемъ забили; и оттого многие лошади померли. И они посылали о том к Олександру царю в Олавердинской монастырь кречетника Ѳеонасья да толмача Дмитрея, і Олександръ царь отказал, что он царьство отдал сыну своему Давиду, до това ему дѣла нѣт. А что ся над послы дѣлает, и то, он сказал, вѣдает все; а при нем де такова безчестья и позору государевым людем не бывало.

И старец Кирило сказал: в Марканчи царьского величества послы стояли во дворех; а Морканчь мѣсто великое, в прежних лѣтех Александра царя отецъ Леонтей царь пріѣзжал тутo по вся годы и жил всегда в лѣтнюю пору для своего прохладу. А то в Ыверской землѣ издавна в обычае ведетца, что дѣлают избы плетеные; и гдѣ каковы хоромы лучились, в такихъ послов і ставили. А безчестья никоторово царского величества послом не бывало и кормъ давали доволен. А что будет приставы воровали, и он того никак не вѣдает.

Да Іванъ же Нащокин да Іван Левонтьев писали к Давиду царю, что им в стоянье і в корму і от приставов нужа великая, и Давидъ царь велѣл их от себя далече отвести в Заемъ; і в Заеми их пристав поставил позади царева двора в конюшнях, гдѣ царевы ишюки стоялі, полны навозу, и кормъ давали скуден через день и через два. И они тут платье свое и рухлядь продавали, а кормъ покупали. И тут кречетники и подьячей и стрелцы и их люди померли многие

И старец Кирило сказал: присылали к царю Давиду царского величества послы Иван Нащокин да Іван Левонтьев подьячего Тимоѳѣя да толмача Дмитрея говорити, чтоб им царь поволил итти в Загемъ поторговати; и царь Давидъ к нимъ посылал многижды и самъ им говорил, что

в Загеме жары великие и людем бываетъ от жару добрѣ тяжело. И они говорили: мы деи жару не боимся. И царь дал им на волю. И поѣхали они сами. А стояли послы въ Загеме во дворех 'блиско царева двора, а дворы обышние, всего один двор царевъ в Загеме, ·гдѣ он живет, кабы тѣхъ полутче,—а не в конюшних. И кормъ им давалі доволен. А безчестья им никоторого не бывало.

Да какъ царь Давыдъ пришол в мѣсто Крым,—и Ивану Нащокину да Ивану Левонтьеву велѣл итти к себѣ в Крымъ; и они пришли октября въ 16 день. И поставил их пристав на пустом на дохтурове огороде в лесу и шатры пристав велѣлъ поставити. И пріѣхали к нимъ от царя Давыда тот же часъ князь Ерамъ да посолъ Сулейманъ да тот же пристав Петръ да ты, старецъ Кирило; и говорил от Давыда царя сердитуя: почему они на дохтурове огороде и блиско Крыму стали? А самъ же ихъ пристав на томъ мѣсте поставил. И пристав шатерниковъ бил і велѣл шатеро пустити на Ивана Нащокина да на Ивана Левонтьева, и их мало шатромъ не передавили; и збили их с того мѣста часы в 4 ночи, и отвели их назад верстъ с 5 в лѣс на пустое мѣсто и покинули их тут одних. И тут они стояли долгое время.

И старецъ Кирило сказал: присылал Давидъ царь по послов, а велѣлъ им итти к себѣ в Крым. И какъ они пришли в Крым, и стали блиско царева двора в саду и шатры поставили царевы; а стали туто они без царева вѣдома. И царь Давидъ за то на них осердился и велѣл их перевести на иное мѣсто. І в том волен Богъ да государь царское величество, то дѣлалъ Давидъ царь, а не Александръ царь; а Давидъ царь отца своего ни в чом не слушал. И царское б величество Александра царя пожаловал, за царевы за Давидовы вины гнѣву на него не положіл. А что будет которое безчестье дѣлал пристав над послы, и про то он не вѣдает и не слыхал.

Да какъ царя Давыда не стало, и приезжал от Олександра царя к Ивану Нащокину да к Ивану Левонтьеву околничей Просодан да околничей Лон да Сулейман да ты, старецъ Кирило. И говорили про в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. непригожие слова: по ся де мѣста рат на Терекъ не бывала, а пора де уже было воевать Кумыки; да болшое де и вперед не будет. А вы де нас пріѣхали оманывать.—А ты, старецъ Кирило, говорил, что Олександръ царь отпустит их не хочет и невмѣстимое непригожее слово про в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. про его царское величество говорил.

И старецъ Кирило сказал: после де царевы Давидовы смерти в ноябрѣ мѣсяце билі челом царю Александру Іван Нащокин да Іван Левонтьевъ об отпуске. И царь Александръ говоріл им, что пали снѣ-

ги великие, итти ныне нелзя, а отпустіт их па веснѣ. А се ныне ему кручина: сына его Давида царя не стало;—и отпустит их ныне не вмѣсно. А про Шевкала царь Александръ послом говоріл же и с околничими и с Сулейманом и с ним с Кирилом к ним приказывалъ, что рат государева на Шевкала не бывала, и царское б величество велѣл его, царя Олександра, от Шевкала оборонит. И послы говорили: какъ их царь Александръ отпустит, и царского величества воеводы князь Іван Петрович Ромодановской с товарыщи тотчасъ пойдут ис Терсково города на Шевкала со многою ратью. А про царское величество царь Александръ никаких непригожих слов не говаривал и имъ говорит не приказывал и не говаривалі.

И Михайло Игнатьевич і діакъ Григорей говорили старцу Кирилу: царского величества рат на Шевкала была готова; толко то собѣ розсуди: какъ было царского величества раті итти на Шевкала? Иверское государство переменилося: царь Давыд взял государьство под отцом неправдою и отца своего обесчестил, а к царскому величеству челобитья его ни о чом не бывало, и послом царского величества многое безчестье дѣлал.

И старецъ Кирило говорил, что царского величества раті в ту пору идти было на Шевкала не к дѣлу; чтоб царское величество вперед царя Александра пожаловал, велѣл от Шевкала оборонити.

Да какъ поѣхал Олександръ царь ис Крыму в Загем, и присылал по Ивана Нащокина да по Ивана Левонтьева. И, ухватя себя за полу, говорил имъ: так де я ухватился у государя вашего за полу 16 лѣтъ, а помочи себѣ от нево не видал ни с син волос; лише де меня тѣшит словом, а не правдою. А такое де ему Богъ подаровал царство великое, моих з 10 есть; а у меня де царство не великос, видите вы и сами. И я де неправды не молу. И они против его непригожих рѣчей учали говорит; и он, махнув плетью, поѣхалъ. А молыл: нѣчево де у вас слушат.

И старецъ Кирило сказал: поѣдучи ис Крыму, царь Александръ говорил царьского величества посломъ, ухватя себя за полу: так де я ухватілся за полу и душу свою дал в. г. блаж. пам. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с., а царское величество его пожаловал, взял его во оборону под свою царскую высокую руку; а печаловался в ту пору об немъ в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. И ныне надежу, имѣет на него ж на в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. А царство ему Богъ далъ великое. И царское б величество велѣл его от Шевкала оборонит; а ему от Шевкала утѣсненье великое. А гдѣ ему велит царское величество быт па своей царской службе, — и он

готов з детми своими и со внучаты и со всею Иверскою землею. А не пожалует, не очистит дороги, и ему какъ итти? Недруг пришед поемлет жены и дѣти. А непригожіх никаких слов про царское величество царь Александръ не говаривал.

Да прислал царь к Ивану Нащокину и к Ивану Леонтьеву человѣкъ з 20; а сказали, приѣхав, Івану Нащокину да Івану Левонтьеву, что им ѣхат за царем. И отвели их с того мѣста назад верстъ с 50 в лѣс в Алавердинскую луку и поставили их на пустом мѣсте в лѣсе и кормъ давали скуденъ.

И старецъ Кирило сказал, что он такова мѣста не знает и про то не слыхал. А из Заема послы шли по станом, а были с ними приставы; а ставилис по станом, гдѣ какъ прилучитца, і вѣдают про то приставы, а он про то не вѣдает.

Да какъ прислал Олександръ царь к Ивану Нащокину да к Ивану Леонтьеву пристава Хорсована, а велѣл имъ ѣхат в Заем, и какъ они в Заем пришли,—и царь Александръ велѣл их поставит от Заемы версты з двѣ на пустом мѣсте и шатров им дат не велѣлъ, а велѣл такъ покинут. А морозы были великие, мало с стужи не померли. А Турской чеуш с царемъ с Олександром стоял в Заеме блиско царева двора во дворех.

И старецъ Кирило сказал, что стояли послы в Заеме въ жилом мѣсте на дворех, а на пустых мѣстех не ставливали. А Турского чеуш стоял в ных дворех. А безчестья никоторого царского величества послом не бывало.

Да какъ были Иван Нащокин да Іван Леонтьев у Олександра царя у стола в Заеми, а после стола послы били челом царю, что их велѣл поставит на пустоши, а морозы сталі великие и з стужи помирают,—и Александръ царь от них отворотился и рукою закрылся, а велѣл их от собя отослати; да молвил про царское величество непригожее слово: ваши де я плетни (sic) знаю, не впервые де ко мнѣ послы с тѣмъ бездѣльемъ приходят.

И старец Кирило сказал, что он в ту пору у царя не был и того не вѣдает.

Да приезжал с Терки царского величества от воевод к Ивану Нащокину да к Ивану Леонтьеву сынъ боярской Іван Морышкін,—и Александръ царь его не отпустилъ к Ивану Нащокину да к Ивану Левонтьеву 4 дни и грамоты, которые с ним были посланы от воевод к Ивану Нащокину да к Ивану Левонтьеву, смотрил и отдал имъ роспечатаны. А какъ они того сына боярсково отпустили на

Терку, и царь Александръ держал ево у собя 5 недѣль; а на Терку не отпустил и к Ивану Нащокину да к Ивану Левонтьеву не пускал.

И старецъ Кирило сказал: сынъ боярской Іван Морышкин был в Заеме у царя Александра дні с 4 и грамоты, взяв у нево, царь Александръ роспечатывал и смотрил; и, смотрив грамот, отпустил ево с тѣми грамотами к послом. І в том волен Богъ да государь. А назад едучи, сына боярсково нешто будет подержалъ для зимы, лготячи ему, а не дурна для.

Да какъ Александръ царь велѣл Ивану Нащокину да Івану Левонтьсву быти к себѣ в Крым, и какъ они в Крым пришли, и царь их велѣл поставит от Крыму за три версты; а велѣл имъ подѣлати плетеницы, а в прежних дворѣх в ызбах, гдѣ стаивали царского величества прежние послы, царь их поставіті не велѣл.

И старецъ Кирило сказалъ, что послов ставили в ызбах, а не в плетеницах; а в Ыверской землѣ многие избы плетеные. И прежних царского величества послов ставилі в ызбах, каковы гдѣ лучатца.

Да какъ Александръ царь пришол в Крымъ по́сле велика дни, а кизылбашской посол с ним же, и Иван Нащокин да Іван Левонтьев посылали к царю Александру бити челом об отпуске многіжды.—И царь Александръ говорил, что он посылает к государю бит челом послов многих, и от государя де к нему послы все приходят не з дѣлом; а он де к государю всѣ животы свои выслал, а государь к нему ничего не пришлет. А ныне де ещо посылаю им досталные свои животы исценя и приказываю с послы своими, чтоб его государь от недругов оборонил; а не оборонит государь, и записи всѣ, собрав, передерет и ссылки его вперед не будет.

И старецъ Кирило говорил: слыша деі есми такие непригожие невместимые рѣчи стал без ума. И бил челом, чтоб ещо та статья ему прочесть. И та статья вдругоряд чтена. И выслушав старецъ Кирило говорил, что он того у царя Александра никакъ не слыхал; а толко будет царь Александръ такъ говорил, и ему уже у царского величества нелзѣ вперед и милости просит. Толко сказываю вам вправду, что таких непригожей речей никакъ не бывало.

Да как к Ивану Нащокину да к Ивану Левонтьеву присылал Александръ царь и велѣл имъ быт у собя у стола, да и отпускъ деи им будет тутo ж; и они пришли к царю на двор. И Терся да князь Ерам да Сулеманъ да ты, старецъ Кирило, говорили Івану Нащокину да Івану Левонтьеву, что царевичю Юрью за столомъ не сидѣти, потому что принимал зелье; и царевич деи крестъ целовати завтра хочет. А ты, Кирило, почал смеятца: царевич де Юрьи пил ноч всю,

и он деі лежит с похмелья, да и топерво деи уже пьян. И креста царьскому величеству царевич Юрьи по записи отца своего не целовалъ.

И старец Кирило сказал: душа деі того подымет, хто такъ писал. А царь Александръ царьского величества послов ьо всемъ чтил, а за столом у себя сажал их подлѣ себя блиско с лѣвую сторону. А околничие і приставы и он Кирило к послом приходили по часту, а никоторого дурна не говаривали. Да взглянул Кирило на образ пречистые Богородицы, і говорил с великою клятвою: что он вѣдал,—и он про то про все сказал вправду, не утаил и не затѣялъ ничево.

Да генваря въ 12 де приѣхал в Загемъ с Олександром царемъ Турского Кенжинской паша Каихосръ, а ссватался у него царевич Юрьи женитца на дочери. И стоял паша на цареве на переднемъ дворѣ и ѣл у царя по вся дни, а царевич Юрьи садился за столомъ ниже ево. А после того дни с три спустя приѣхал Турского чеушъ Илли-ага, а поставил его блиско своего двора на арменских дворѣх; а царьского величества людей поставил от собя далеко.

И старецъ Кирило сказалъ, что Кенжинской паша родомъ грузинецъ. А приезжал в Загем с царем Александром мирйти царевых детей царя Давида с царевичемъ Юрьемъ; а жена и дочери у того паши крестьянские вѣры, а сам он бусурман. И царевич Юрьи сватался у него за дочерь, потому что она крестьянка и доч великаго человѣка; да чаю сего лѣта царевич Юрьи і женился. А царьского величества послов ставіли не блиско Турсково чеуша нароком.

Да в списке Івана Нащокина да Івана Левонтьева написано: царь же Александръ говорил Івану Нащокину да Ивану Левонтьеву: хотѣл де меня государь оборонит, да не оборонитъ; да нѣчево де и оборони просити,—столко его не будет.

И старец Кирила сказалъ, что он таких непригожих речей про царьское величество у царя Александра никакъ не слыхал; а слышат они всегда у царя Александра, что он царьскою милостью і заступленьемъ всегда хвалитца.

В списке ж написано: какъ они пошли из Заеми і, ѣдучи к Крыму, часы в 4 ночи привел пристав на однодворку; і стал пристав в ызбах, а их поставил у избы под застрехою. И от тѣх мѣстъ до Крыму шли они без пристава, а пристав их покинул. А которые люди от тесноты в Крыме померли, и царь их у церкви хоронити не велѣлъ, и их похоронили на пустоши.

И старец Кирило сказал: нѣчто будет так дѣлалі приставы воровством без царева вѣдома, а царь Александръ такъ имъ дѣлати не приказывалъ; и он Кирило про то не слыхалъ.

Да в списке же написано: ходили на торгъ в селѣ Волони стрелцы. И турские люди и грузинцы их били, а трех человѣк покололи. И Іванъ Нащокин да Іван Левонтьев посылали о том к Олександру царю. И Александръ царь толмачем говорилъ: к чему деи вы с турскими людми бранитес? Пришли они ко мнѣ з дѣлом и мнѣ они други. Худы де они, что вас не побили до смерти.

И старец Кирило сказалъ, что он про то не вѣдаетъ и не слыхалъ.

Да думной же дворянинъ и яселничей Михайло Игнатьевич Татищев да діякъ Григорей Клобуков спрашивали старца Кирила: написано в писмѣ Івана Нащокина да Ивана Левонтьева, что Давидъ царь ходилъ на своего на удѣлново на Аристова князя; и Аристов князь ныне с Олександром царемъ в каковѣ мѣре и для чево на него Давыд царь ходил?

И старецъ Кирило сказалъ: какъ учинился на Иверскомъ царстве Александра царя сынъ Давидъ царь, і Аристов князь от него был отложился: как шел от в. г. вашего ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. государя нашего посол Сулейман княз вмѣсте з государя вашего послы,— и Аристов князь не хотѣл им дороги дат. И Сулейман, приѣхав, на него сказал Александру и Давиду царю, что Аристов от них отставает; и для того Давидъ царь на него ратью ходил, а хотѣл ево воеват. И тот Аристов з Давидом царем ссылался и с ним помирился; а учинился подъ властью Иверскихъ царей по прежнему,

И думной дворянин и яселничей Михайло Игнатьевич Татищев и діякъ Григорей Клобуковъ роспрашивали старца: для чего царь Александръ поступился был царства сыну своему царевичю Давиду и сколко был на государьствѣ Давидъ царь и каким обычаемъ его не стало?

И старец Кирило сказал: по грехом царь Александръ был боленъ огневою долгое время и в той немочи лежал за-мертва три дни, толко мало было дыханье. І в то время, его живота не начаяся, дѣти его царевич Давид и царевич Юрьи о государьстве меж себя учали говорити: кому быти на государьстве?—Да и брань меж ихъ всчелася. А меж ихъ смуту дѣлали изменники: сказали Давиду царевичю, что брат его Юрьи царевичь умышляет на него убивством; а Юрью царевичю сказали, что Давид царевичь хочет его убит. И для того царевич Юрьи побежалъ. И сказали Давиду царевичю тѣ ж измѣнники, которые меж ихъ смуту дѣлали, что брат его Юрьи побежал к Турскому. И он за нимъ гонял с своими ближними совѣтники; и, сугнав его, стали меж себя обреку и о миру ссылалис. И тут помирилися, и крестным цѣлованьемъ и записми меж себя укрепилися. И дал Да-

видъ царевич брату своему Юрью удѣл, а сам сѣл на царстве. И ближние люди, зговоряс меж себя, умышляли Давида царя убит. И приходили к Юрью царевичю, чтоб он был на государстве, а они Давида царя убьют; а не похочет онъ на государстве быт, и онѣ и его убьют. И царевич Юрьи имъ отказал, что он крестного целованья преступити не хочет. А царь Давидъ, пришед к отцу своему к Олександу царю и ухвотяс за ногу, говорил, что он перед нимъ виноват, при немъ сѣлъ на государстве его. И учали ему говорити тѣ ж измѣнники, которые меж ими с отцом и з братом ссору чинили: птица де летает по воздуху. И коли еѣ поймаеш, и она в руках; а какъ из рукъ выпустиш, и тогды еѣ не увидиш. А то деі царьство тебѣ Богъ далъ в руки, а ты его держаті не умѣешъ. И царь Давидъ послал к отцу своему к Олександру, чтоб ему прислал знамя царьское и шапку и саблю с поясом; то у них в обычае ведетца вмѣсто царьского венчанья. А мыслил то: толко к нему отецъ его тоѣ чести не пришлет и государства не поступитца, и он хотѣлъ отца удавит. І вѣдомо про то учинилос Александру царю, что на него сынъ его умышляет убивством,—и онъ ему поступился государства; а положил упование на Бога. А молылъ: будет деи буду живъ, и Богъ мнѣ опять дастъ мое государство. А царевич Юрьи в то время побежал к Иверскому митрополиту; а свѣдалъ про него Симоновъ сынъ Юрьи, что он у митрополита и писал о томъ к Давиду царю. И царь Давидъ писалъ къ Юрью к Симонову сыну, чтоб его берегъ и ис тово мѣста не выпустил. И Юрьи Симонов сынъ велѣлъ его оступити людем своим и беречі; а царь Давид, пришед, его поймалъ и, сковав, послал его в заточенье. И былъ на государстве Давидъ царь з год; и учалъ дѣлати не по крестьянски и отца своего не чтил и многие ему тесноты чинил гладом и наготою и жаждою и многих ближних людей побил, а иных хотѣлъ побивать. А убил Давидъ царь ближнихъ людей 17 человѣкъ;—иным головы сѣкъ, а иных велѣлъ метаті с высоких стѣнъ. А после того умыслил убит нѣкоторого ближнево человѣка именемъ Сторозана. И тот Сторозан, свѣдав про то, прибежал в церковь пречистые Богородицы и сталъ в дверех церковных, чтоб его не убилъ. И царь Давидъ послал людей своих, а велѣл ему туто голову отсѣч, и церков окрововил. И, свѣдав про то, царь Александръ в великой кручине учинился и, прибежавъ к церкве пречистые Богородицы в бошманках, шапку на землю покиня, сына своего Давида царя проклял. И с того времяни царь Давидъ учал быти болен: сперва зубною болѣзнью, а потом пришла на него опухль, і в семой день разсѣлася утроба его і нутреняя выволилась и умре; и смрад золъ от

него был, что невозможно человѣку блиско стояти. И какъ Давыда царя не стало, и Александръ царь послал по сына своего по Юрья царевича, велѣл его взяти из заточенья и благословил его на царство; а сам владѣет же.

Да спрашивалі старца Кирила про Симона князя, и про иных удѣлных Иверские землі и про Давыдовых царевых детей; а писмо тому особно.

И отпустилі старца Кирила на подворье.

И марта въ 4 ден в недѣлю г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. велѣл Иверского Александра царя послу старцу Кирилу да подъячему Саве быти на дворѣ у себя у государя. И того дни Иверского Александра царя посол старец Кирил да подьячей Сава на дворѣ у государя былі; а посыланы по ніх приставы их Григорей Елизáров да Мисюрь Соловцов. А сани под старца посыланы изъ Чюдова монастыря з государевым санником; а под подьячего сани з государевы же конюшні.— А как старец Кирил и подьячей Сава приѣхалі в город,—і вышли из саней у Посолские Полаты; и дожидаліс г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. выходу с приставы в Посолской Полате. А как г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. велѣл иверским послом итти к себѣ ко государю,—и шли послы ко государю из Посолские Полаты площедью да Благовѣщенскою папертью.

А г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. в тѣ поры сидѣл в середней в Золотной в Подписной Полате на своем царском мѣсте в шубе вишневой в бархатной і в чорной шапке; а подлѣ государева мѣста с лѣвую сторону от государя сидѣл на своемъ мѣсте г. ц-чь к. Ѳ. Б. в. Р. в шубе в камчатой да в черной шапке.—А при государе сидѣли бояре и околничіе и дворяне болшие в смирномъ платье в шубах в камчатых, в вишневых и в гвоздичных да в шапках в чорных. А в проходной Полате сидѣли дворяне и приказные люди, а по крылцу стояли дворяне и дѣти боярские и подъячие в чистом в смирном платье; а стрелцы у Благовѣщенья и по площади были в чистомъ платье без ружья.

А как иверские послы вошли ко государю в Полату, и явилъ послов государю и царевичю челом ударити околничей Михайло Михайлович Салтыков. А молыл: в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о.! В. г. ц-чь к. Ѳ. Б. в. Р.! Іверского Александра царя посол старецъ Кирилъ да подьячей Сава вамъ, великим государем, челом ударили. И посол старецъ Кирилъ правил государю от Александра царя челобитье. А молылъ: в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и иныхъ м. г. г. и о.! Иверские земли началникъ царь Александръ Леонтьевич тебѣ, великому государю, велѣл челом ударити і спросити о твоем царскомъ

здоровье. І г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. спрашивал про царево здоровье сидя. А молыл: Александръ царь по здорову ль?

И старец Кирил говорил: как есмя поѣхалі от государя своего ото Александра царя, і Александръ царь, Божіею милостію і вашим царским жалованьемъ, дал Богъ, здоров.—А после того старец Кирил правил от царя государю царевичю челобитье. А молыл: в. г. ц-чь к. Ѳ. Б. в. Р! Иверской Александръ царь тебѣ, великому государю, велѣл челом удариті и спросити о твоем государьском здоровье. И г. ц-чь к. Ѳ. Б. в. Р. спросил про царево Александрово здоровье, сидя ж. А молыл: Александръ царь по здорову ль? И старецъ Кирило сказал: какъ он поѣхал от Александра царя, а он был здоров.

Да говорил г. царю и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и г. ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. старецъ Кирило от Александра царя рѣч: в. г. царю и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и твоего царского величества сыну ц. и в. к. Ѳ. Б. в. Р. Иверские земли началник царь Александръ Левонтьевич вам, великим государем, велѣл говорити: чтоб ты, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., и твой царской сынъ ц-чь и в. к. Ѳ. Б. в. Р. велѣли,—пожаловали меня и моих детеі і внучат и всю мою Іверскую землю, держали под своею царскою высокою рукою и обороняти меня и моих детей от всяких моих недругов велѣл, и тебѣ, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. крестъ целовал з детми своими и со внучаты і со всею Иверскою землею, и свою б царскую рат велѣл прислат на твоего государева непослушника и измѣнника, а на моего на великого недруга, на Шевкалского, и на всю Кумыцкую землю, по твоему по прежнему царскому указу і жалованью, как еси писал в своей царской грамоте, и із устъ был еси приказал с твоим царским словомъ, что оприч сего о рати не докучай мнѣ. И твои царскіе послы говорили на посолстве перед царем Александром, что в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. рат свою послал на Шевкала и на всю Кумыцкую землю; оприч сего государю не докучай. И дорогу б велѣл очистити через Кумытцкие земли, чтобы ся рат моя сходилас с твоею царскою ратью вмѣсте на твоі царскіе службы, гдѣ ты, православный царь, велиш служити на всякой службе; и городы б велѣл поставити в Тарках, на Соли і в Бойначех.

А изговоря рѣчь, старец Кирило поднес государю от Александра царя грамоту. И г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. велѣл у него грамоту принят діяку Григорью Клобукову.—Да пожаловал г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и г. ц-чь к. Ѳ. Б. в. Р. старца Кирила звали к руке и спрашивалі его о здоровье. І старец Кирило на государевѣ и на государеве царевичеве жалованье челом бил.—А после того велѣл государь старцу Кирилу сѣсти на скамейке; а подъячей стоял. Да поси-

дѣв мало, являл околничей Михайло Михайлович государю і государю царевичю от царя поминки. А молыл: в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о.! Іверской Александръ царь тебѣ, в. г., челом бьет: жеребец аргамачей сѣръ да жеребецъ аргамачей бур.—В. г. ц-чь к. Ѳ. Б. в. Р.! Іверской Александръ царь тебѣ, в. г., челом бьет: жеребец аргамачей рыж.

А после того являл государю і государю царевичю околничей Михайло ж Салтыков посолские поминки. А молыл: в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о.! Іверского Александра царя посол старец Кирил тебѣ, в. г., челом бьет: жеребец ворон. В. г. ц-чь к. Ѳ. Б. в. Р.! Іверского Александра царя посол старецъ Кирил тебѣ, в. г., челом бьет: жеребец темно-сѣръ.—И как околничей Михайло поминки явил,—і г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. велѣл діяку Григорью Клобукову старцу Кирилу сказати свое царское жалованье от своего царского стола ѣству и питье. І по г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу діяк Григорей Клобуков старцу Кирилу молыл: Кирил! Сава! В. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. и его царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. жалуют вас своим царским жалованьемъ от своего царского стола ѣству и питье.—І велѣл послом итти к себѣ на подворье.

Перевод ко г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. з грузинского Александра царевы грамоты с послом его с архимандритом Кирилом 112-го.

В части і в величестве яко небесная вся округлость твердо стоит, такой ты, великиі государь, высочайшиі престолъ государства своего крѣпко держиши. Такъ яко ж не мочно есть намъ, престаревшимъся рабом вашим, достойно хвалы вам воздати, и о вашей милости сердечно благодаря, слово начнемъ то. Ото многих лѣт почен от вѣры и о всяких дѣлехъ намъ, холопемъ своимъ, повелѣти есте правду учинити; и мы чистосердечною мыслью і всѣмъ сердцемъ прикоснулися к вашимъ сшастливымъ поламъ, да потомъ и до кончины вѣка не будемъ отторгнутися. И какъ есть рукописаниемъ повинуетца трепетно раб пред господиномъ, тако и мы, со страхомъ и велми ужасяся, от вашего величества пречестныя и счастливыя главы того просимъ, что намъ в семъ вѣце от вас вмѣсто милостины благодатная ваша помощь такъ видети, чтобы, вашим защищением безмятежное и прохладное житие наше видѣв, вѣры нашея супостаты от страха сокрушилися; а мы, в сѣм вѣце межи своих недругов живучи, вашим защищением дни свои свободно препровожая, всегда молим, чтоб ваше государство і величество и сщастье ото дни до дни прибывало. А от

многих лѣт како имѣемъ прибываніе на своемъ мѣсте,—и от супостат своих преобидѣния и утеснения житія своего вашимъ вспоможением избавитися падѣялися есмя. И от вашего величества многие послы, с вашимъ милостивым словом к намъ приходя, нѣсколко ваше жаловалное слово намъ сказывали; и от тѣх ни одново в совершенстве не видим. А наше было надѣяние на вас то, чтобы в здешней странѣ крестьянского народа всякие убогие и безпомошные люди от вѣры нашие недругов вашимъ милосердиемъ высвобожены были; о томъ всѣ наши люди молят. А против тѣх предиреченных недругов своих рати уготовая і ходя на них, многи намъ убытки починилис; а недруги наши, безвѣсно приходя, землю нашу пленят и человѣкъ по 300 и по 400 в полон емлют. И толко вашего вспоможенья и намъ не будет, ино всѣ крестьянские люди и жены их и дѣти в расхищенье будут і вѣре крестьянской поруха. А мы надѣялис на то, что наши люди грузинские будут в тишинѣ і в покое вашего царского величества людей заступленьемъ. І ваши царского величества люди о том не радѣют, чтоб добро учинити, и крестьянству теснота и плач от пих учинился: какъ они пришли от вашие царские державы в послѣх, и они дѣлали не посолским обычаем и о вашего величества государстве и о добрѣ прибавление не радѣли. А вѣдаемъ то, что вашего сщастливого величества к нам поискъ к добру есть, толко по ся мѣстъ кромѣ того нѣт ничево, что перед недруги своими в покоренье пребываемъ.—А от тѣх мѣстъ, какъ мы вамъ холопи учинилис і в вашем жалованье почали быті,—і ваше к нам жалованье во всю вселенную прославилося было и от всѣх сторон вашимъ защищением покой обрѣл был есми; и хотѣл был того, чтоб за ваше здоровье Бога моля, о мирском ни о чем попечения не имѣв, нѣкий уголок обрѣв вашим здоровьемъ, вѣкъ свой хотѣл докончати. А о вашем великого и милостивого государя царского величества здоровье Бога моля и себѣ покой приобрѣвъ, всего своего государства обдержания бремя положил был есми на сыне своемъ. И, Божиею волею, сынъ мой Давидъ царь от сего свѣта преставился.—Дай, Господи, вы, в. г., здоровъ былъ на многие лѣта!—А отшедъ от сего свѣта, сынъ мой земли нашей тяготу на меня вскинулъ. И мы, холопи ваши, в то вникнувъ, государства своего строити подвигнулися і всякое дѣло по достоинству и что чему годно вершити по Божіей заповеди, какъ нам Богъ благоволил; и то учинилося Божиею волею, что сего государства люди в нашей рукѣ.—А что есми повыше сего написали о послѣх ваших, которые от вашего щасливово порогу к нам приѣхали, и что они здѣся меж себя враждовав и какую они нам досаду учинили, что и языком немочи того изговорити, и до тово дошло, что не

изнела моч, чтоб ихъ глупости не объявити.—И ныне с вашими послы вмѣсте мы раб ваш послали к вашему царскому величеству людей своих в ыюне мѣсяце и, смѣя и не смѣя, вашему царьскому величеству бьем челом и начаемся тово, в чем будет и недостаток нашего разума,—і вы, в. г., нас в том пощадите; а людей бы наших пожаловал, не издержав, к намъ велѣлъ отпустит. А, вашего в. г. милосердье слыша, здѣшние грузинские всякие нищие и убогие люди зрят и ожидаютъ неоскудной твоей милости. И мы ожидаем того, чтоб хоти мало нѣкако твоей милости по нашему холопа вашего челобитью увидети. И велѣл бы есі, государь, своим приказным людем челобитье наше выслушати, чтоб мы, вашим в. г. защищением от недругов своихъ, которые нам силны, во обороне быв и от ихъ насилия свободяся, безстрашно в покое пожили, а за вас в. г. здоровье в вѣкъ Бога молили; и тѣм бы ваше в. г. имя от востока и до запада і во всю вселенную прославилося, что безпомошныхъ от бѣд избавляеш. А наперед сего блаженные памяти при прежнем в. г. ты ж, в. г., к нам неизреченное свое милосердие пространял и, к нам свои милостивые грамоты присылая, всякое наше дѣло вершилося от твоих царьских рукъ і всякое наше жаланье от тебя, государя, нам даровалося; а ныне, Божиею милостию, начаемся тово, что и свыше прежнево ваша неизреченная милость к нам будет такова, что ни х кому от Адамовых детей такова не бывала. И пожаловал бы еси, государь, на нас, холопей своих, не пожалѣлъ призрѣти своим милостивым окомъ, чтобы мы с вашим милосердьем от насилующих нам вѣры нашей недругов и от всѣх людей поотверсталися і, в твоем бы в. г. в заступленье і во оборони будучи, за вас в. г. Бога моля, безметежно жили. Потом буди ваше царьское повеленье во веки.

У тое же грамоты на поле написано: Да слухъ насъ дошелъ, что вы, в. г., посылаете рат свою на горьских людей,—и та ваша рат сказали вскоре будет; и мы, слыша о таком вашем царьскомъ милостивом приказе, обрадовалися і всякую были кручину свою забыли. А ждали ту вашу рат в ыюне мѣсеце, и по ся мѣста та ваша рат не бывала; и мы не можем вѣдат: зачѣм та ваша царьская рат не бывала? І вам бы, в. г., к своей царьской ко пресвѣтлой мысли того не приводити: любо почаеш от нас которой хитрости и неправды, и для того будетъ рать ваша царьская не бывала.—И покамѣстъ тѣ горы стоят от нас вашим в. г. ратем никоторые помѣшки не будет. А горские люди таковы: толко вашей царьской рати на них не будет,—и нам нелзя от них быт безстрашным и людей своих в безмятежье здержати будет нелзя. И будет вашего к намъ прямово ми-

лостиваго слова не будет,—и нам и нашим людем всѣмъ не будет мѣста, гдѣ голова приклонит, и ни на одинъ часъ без кручины нам не бывat. А в Лезгинской землѣ есть три мѣста, гдѣ мочно городомъ быт,—одно мѣсто Сарху, другое Тарлукъ, третье Бойнах; и толко тѣ мѣста тебѣ, государю, покорятца,—ино и Кумыки и Койтаки і всѣ горские люди будут в ваших царьских руках.

А сее челобитную старецъ Кирило прислал к думному дворенину и яселничему к Михайлу Игнатьевичю Татищеву да к діяку Григорью Клобукову с приставы:

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. бьетъ челом вашъ царской вопчей холопъ и богомолецъ Грузинские земли царя Александра Левонтьевича посол свещенноинок Кирило Ксанѳопул. Послал, государь, меня холопа к вашему царскому величеству государь мой царь Александръ Левонтьевич Іверскиі, а велѣл, государь, мнѣ, холопу вашему, бити челом и жаловатца тебѣ, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. всего Россійского царствия, на твоих царских послов на Івана Ѳѳонасьевича Нащокина да на Ивана Левонтьева: посылал, государь, ты, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р., къ государю нашему к Александру царю Іверскому, чтоб ему и его дѣтемъ і внучатом і всей Иверские земли людем быти вашего царского величества под высокою рукою неотступным до их живота. И государь нашь царь Александръ Іверской по твоему царскому счастью і величеству з детми со внучаты своими и со всѣми людми Іверские земли учинился быти под вашею царскою высокою рукою, і тебѣ, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. і вашимъ царскимъ благороднымъ дѣтемъ животворящей крест целовал невозвратно и непоколебимо с радостью и с подвигомъ і до своего живота.—А послы, государь, твоего царьского величества Іванъ Ѳѳонасьевич Нащокин да Іван Левонтьев дѣлали мимо твоего царского указу—неподобно и не благочинно. Присылал, государь, государь нашъ царь Александръ и сынъ его царевич Давыд к твоим царскимъ послом дворян своихъ многожды, чтоб они ѣхали к нему пословат і о твоем царскомъ повелѣнье договор чинить; і твоі царские послы не послушали, для твоего царского дѣла пословать не поѣхали ни по одной присылке. А после, государь, того присылал к ним государь нашъ царь Александръ околничего своего и боярина Юрья Темиркуртунова да с ним меня, холопа вашего; і мы, государь, холопи ваши учали твоимъ царскимъ посломъ Ивану Нащокину да Івану Левонтьеву говорити, чтоб они по твоему царскому повелѣнью государю нашему царю Александру и сыну его паревичю Давыду пословали, не медлили.—Да велѣлъ, государь, имъ государь нашъ царь Александръ говорити: пришел де я Александръ

царь и сынъ мой і внучата со всѣми людми Иверские земли к тебѣ, к в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. і к твоимъ царскимъ благороднымъ дѣтемъ под твою царскую высокую руку по твоему царскому счастью і величеству своею волею. не под мечем. І твои государевы послы одва поѣхали къ государю нашему к Александру царю пословат. І пріѣхавъ, государь, пословали і твое царьское великое жалованье дары къ государю нашему к Александру царю принесли. А кречеты, государь, твое царское жалованье принесли мертвы к государю нашему к царю Александру; и о том, государь, государь нашъ царь Александръ добрѣ поскорбілъ, что ему твои царские кречеты всево дороже, хотя б одного жива принесли. І пословав, государь, велѣл государь нашъ царь Александръ твоих царских послов проводит на стан, гдѣ они стояли. И почали, государь, твои царские послы с Турскимъ посломъ с чаушем торговати соболи и куницы, меняли на бархаты и на камки золотные; а о твоем, государь, царском дѣле не радѣли. А корму, государь, твоимъ царскимъ посломъ от государя нашего шло на день по яловице да по. 4 бараны да по 5 куров, по 200 хлѣбовъ людцких, да по 8 хлѣбов бѣлых да вина виноградного 10 вѣдръ і всяково мѣлково розходу давали по ихъ воле; да посломъ же, государь, на ихъ розходы давали по 200 еѳимокъ. А стан, государь, посломъ устроенъ былъ в холоду в Моркане блиско царского двора; и церков, государь, поставили, чтоб имъ никоторые нужи не было.—І люди, государь, Ивана Левонтьева почали вороват: убили, государь, до смерти дву жонъ да мужика; а видели, государь, то убойство твои государевы толмачи Дмитрей Иванов да Іван Сергѣевъ. Да тут же, государь, в Моркане Івановы ж люди Левоптьева ночью вломилися в ызбу к мужичку да взяли насилствомъ котел ѣстовной, а мужичка, государь, з женою убили до полусмерти; а вѣдомо, государь, про то тѣм же толмачом. І тот котел продат велѣл Иван Левонтьевъ людемъ своим в Кабардѣ. Да тѣ ж Івановы люди Левонтьева приходили насилствомъ в село Сатилани да хотѣли жонку вороват насилствомъ, и она взвопила; и тѣ люди ухватили из ызбы батман шелку да портки дорогилные, а сами ушли в лѣс. И царю, государь, Александру были на них в насилствах многие жалобщикі со слезами. И, государь, государь нашъ посылал к твоим государевым посломъ дворянина своего, а велѣлъ имъ говорити, чтоб они твое государево царское величество чтили і боялися, а людем своимъ вороват грабить и насилства чинит и до смерти побивать людей вперед не велѣли и на кабак пит не пускали і дали б на них оборон. І твои государевы послы на тѣх людей своих оборони не учинили; і памъ,

государь, холопем вашимъ, лаялі,—и государю нашему царю Александру про то соромота и кручина великая.—Да тѣ ж, государь, Ивановы люди, с Терскими казаки зговорясь, 9 человѣкъ в Щуамтеве поимали у мужа жену и сволокли в лѣсъ і еѣ насилствовали блудомъ; і та жонка от ихъ насилства в лесу умерла. І, пришед, муж еѣ да свекор тоѣ мертвую из лесу вынесли; і били челомъ государю нашему царю Александру. И государь нашъ для твоего царского величества твоимъ государевымъ послом про то не учинил безчестья никоторого, а самъ про то кручинился и сѣтовал.—Да твои же государевы послы отпросилися у государя нашего ѣхат торговать в Загемъ от города 4 днища; и, государь, государь нашъ для твоего царского величества, не хотя ихъ розгневит, отпустил торговать в Загем после Оспожина дни.—И там, государь, в Загеме многих земел торговых людей грабили, чалмы и шапки и сермяги и денги силно имали и жонъ безчествовали, шапки з головъ хватали и на кабакѣ пропивали. И про то, государь, государь нашъ услышев про их насилство от жидов и от армен и от бусурманов и от крестьян ото всяких людей, послал к твоимъ царскимъ посломъ меня, холопа вашего; а велѣл, государь, имъ говорити, что они чинят дурно, во многие земли пустили недобрую славу и соромоту, многих людей грабят, жон соромотятъ и до смерти побивают. І я, холоп вашъ царской, пришед к тѣмъ их людемь, а они пьют на кабакѣ, и почал говорити не в брань, что они твоего государева царского величества не страшатся, воруют, бьют и грабят и пропивают на кобакѣ; і тѣ, государь, пословы люди с тѣми же с воры с Терскими казаки меня, холопа вашего, хотѣли убит ослопы і лаяли матерны государю нашему царю Александру. І я, холоп вашъ, на лошади от них уѣхал; і призвал толмачей Дмитрея Іванова да Івана Сергѣева, чтоб они посломъ про то людей их воровство говорили, чтоб они их от воровства уймали. И толмачи, государь, с отвѣтомъ от пословъ не бывали. І в том, государь, государю нашему от сторонних людей соромата великая и кручина. И говорил, государь, государь наш царь Александръ: на том де я тебѣ, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. і твоимъ царскимъ благородным дѣтемъ животворящей крестъ целовал с своими детми и со внучаты і со всѣми людми Иверские земли, чтоб тебѣ, государю милостивому царю, велѣт его от сторон от всѣх недруговъ нахоженья береч и пособствоват; а мнѣ б Александру царю з детми и со внучаты і со всѣми людми Иверские земли потому ж стоят и быт готову на ваших царских недруговъ і быт неотступну под твоею царскою высокою рукою. А то де послы твоего царского величества у меня людей грабят и побп-

ваютъ до смерти, да і в иные государьства не добрую славу пустили. Лутчи б де, государь, меня недруги мои Кумыченя іли иные земли обидели, грабили іли воевали, а не послы великого государя здѣсе такъ чинили, меня безчестили. Чтоб де ты, г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р., умилосердился, велѣлъ, сыскав, мнѣ оборонь учинити.

И марта въ 9 день г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. велѣл быті у своихъ государевых бояр на Казенном Дворѣ Грузинского Александра царя старцу Кирилу да подьячему Саве; и обьявити им про то: как писали из Астарахані посланники Іван Нащокин да Иван Леонтьев про Александровы царевы непригожие рѣчи и про его неправду, и для того он был задержан в Нижнем и воротить был его государь велѣл; да за челобитьем сына своего в. г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. пожаловал его государь, велѣл взяти к Москве и свои царскіе очи дал ему видет. И что писал царь в своей грамоте, и государь милостивно выслушал и хочет его держати под своею царскою высокою рукою и от недругов его оборонят и городы ставити; а посылает ныне рат свою на Шевкала. Да роспросит его подлинно: в которых мѣстех городы ставить? А что посланникі, будучи въ Грузинской землѣ, дѣлали непригожие дѣла, и про то ему сказать, что за то діака Ивана Левонтьева велитъ государь казнить.

И того дни Грузинского Александра царя посол старецъ Кирило да подьячей Сава были у государевых бояр у Благовѣщенья в паперти, что от Казенного Двора; а бояре и околничіе и думной дворянинъ и діаки думные были тут всѣ. А по старца и по подьячего посыланы приставы Григорей Елизаров да Мисюр Соловцов. А лошади под них посыланы под старца Кирила санник с санми ис Чюдова монастыря, а под подьячего под Саву санник с санми з государевы конюшни. А приѣхав в город, были наперед в Посолской Полате, покамѣста бояре пришли от государя на Казенной Двор. А стрелцы в тѣ поры были на площаді и у Посолские Полаты в чистом платье.

И как бояре и околничіе і думной дворянин и діаки думные пришли к Благовѣщенью в паперть, и велѣли старцу Кирилу и подьячему Саве итти к себѣ. И шли ис Посолские Полаты Арханьильскою папертью на Казенной Двор да к Благовѣщенью в паперть; а с ними шли приставы их Григорей и Мисюрь.

А как пришли к бояром, и бояре болшие спросили их о здоровье; да велѣли имъ сѣсти на скамейке против себя. А, посидѣв мало, говорил рѣч діакъ Григорей Клобуков по писму: в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сыпъ в. г. ц-ч к. Ѳ.

Б. в. Р. велѣли вам говорити: посыланы от нас посланники к царю Олександру Іван Нащокин да Иван Леонтьев; и они к нам писали из Астарахани и, пріѣхав, Иван Леонтьев сказывал про Олександра царя, что царь Олександръ непригожие слова говорил и их безчестил и теснота им была великая и держали их в великой неволе и в нуже. И в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. по ихъ отписке положил был гнѣв свой на Александра царя, а на тебя опалу, и велѣл был тебя из Нижнево воротити назад к Олександру царю. И в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. бил челом отцу своему, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р., чтоб отецъ ево, в. г. н., пожаловал: будет в чом Олександра царя было неісправленье, и его б государь пожаловал, его неисправленье покрыл; а тебя, старца Кирила, пожаловал, велѣл быти к Москве, и пожаловал велѣти про то сыскат. И тебя роспрашивали приказные люди яселничей и думной дворянин Михайло Игнатьевич Татищев да думной дьякъ Григорей Клобуков: которым обычаем Олександръ царь такъ учинил и посланников в. г. н. безчестил и держал в нуже? И ты, Кирило, говорил, что государя вашего Олександра царя перед в. г. н. никоторого неисправленья не бывало и посланником в. г. н. безчестья и нужи не было, и челобитную еси дал на посланников государя нашего. И в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. челобитную твою выслушали; і в челобитной твоей написано на государя нашего посланников, что они Олександра царя безчестили и многие дѣла дѣлали не по государеву наказу. І в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царьского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. пожаловали тебя, велѣли видети свои царьские пресвѣтлые очи.—И ты в. г. н. от Олександра царя поднес грамоту. И царьское величество и его царьского величества сынъ Олександра царя грамоту милостивно выслушали. И Олександръ царь в. г. н. бьет челом, чтоб в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ в. Р. с. за него, Олександра царя, и за всю Іверскую землю вступился, велѣлъ его оборонити от его недругов; а он, Олександро царь, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царьского величества сыну в. г. ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. крест целовал и з детми и со внучеты и со всею Іверскою землею, что им быти от их царского величества во веки неотступным. И в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. для хрестьянские вѣры Олександра царя пожаловали, хотят держати под своею царскою высокою рукою и ото всѣх недругов в обороне, чтоб православная хрестьянская вѣра от невѣрных во изгнанье не была, а Олександро б царь . . . . . были в тишинѣ і в покое; а государь наш его царское ве-

личество свою царскую рат посылает.—А что Олександръ царь писал в своей грамоте о городѣх, чтоб в. г. н. для хрестьянские вѣры и для Александра царя и всеѣ Иверские земли велѣл поставити городы,—и в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. пожаловалі Олександра царя, велят городы поставит; а намъ бояромъ тебя, Кирила, велѣли розпросити:—на которых мѣстех тѣ городы ставит и сколко от которово до которого мѣста верстъ, гдѣ тѣ городы поставитї, и какие в тѣхъ мѣстехъ угодья?—А что писал Александръ царь на государя нашего посланников, что они дѣлали не по государеву наказу и Александра царя безчестили,—і в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. діака Івана Левонтьева за то велѣл казнити; а которое они насилство [34]) учинили в вашей землѣ, и тѣмъ людем велѣл государь взяти безчестье.

И старецъ Кирило, выслушав рѣчи, на г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. жалованье бил челом. А говорил: Александръ де царь всегда Бога молит за г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и за его царского величества сына в. г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. здоровье, как есть прямой холоп; да и крестъ де целовали Александръ царь з детми своими и со внучаты и со всею Іверскою землею на том, что імъ быти под в. г. его царского величества высокою рукою на веки неотступну. А что будто Александръ царь говорил про в. г. непригожие слова, и того никак не бывало; в том он старец кленетца Богом по своей чернеческой ризе. А что обьявили ему про казнь, что г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. діака Івана Леонтьева за его непригожие дѣла и для Александра царя велѣл его казнит,—і в том их с Александром царем Бог судит на втором пришествіи, что они неподлѣно государю сказали и въ их винѣ государь волен.—А мы бьем челом, чтоб государь милость показал, казнити его не велѣл, что государь наш Александръ царь вѣры хрестьянские ж и крови хрестьянские не желает,—а се ныне дни постные,—и государь бы его пожаловал, казнити не велѣл; а яз де такое государево великое жалованье, дастъ Бог, приѣхав, извещу государю своему Александру царю.—А что написано в речи и рѣчью бояре говорили о городѣх—в которых мѣстех их ставити,—и толко велит государь пожаловат поставит городы і первой бы город поставит в Кумытцкой землѣ в Тарках, а Тарки от государева от Койсинского острогу верстъ с 15, а от Терского города днищ с 6; а мѣсто

---

[34]) Сперва было написано: безчестье.

угожее, стена самородная камена и двор тут Шевкалов и лѣсу и пашни у того города добрѣ много и к городовому дѣлу камени и извести туто много і воды ключевые в томъ городе есть многие родники, а на истокех стоит мелница.—А в другом бы мѣсте государь пожаловал, велѣл поставити город на Тузлуке у Соли, а мѣсто погожее, озеро соленое великое, что и у Астарахани, от Тарков верстъ с 5; и сѣра и селитра тут родитца. А в третьем мѣсте толко, государь, пожалуетъ велит поставити городъ на рекѣ на Бойнаке; а бывал в томъ мѣсте город Александра царя и башни на том городище на избах есть. А жилцы тутъ многие и около того городища села и деревни многие и винограду и пашни и лѣсу много; а река тут великая болши Терка и мочно тою рекою с моря и судомъ ходит. А от моря до того городища верстъ съ 15, а от Тарков днище. А на то мѣсто двѣ дороги одна к Дербени, а до Дербени от того городища з днище;—а другая дорога в Ыверскую землю на Казы-Кумыки, а до Казы-Кумыков два дни.

И бояре спрашивали старца Кирила: какъ г. ц. и в. к. Б. О. в. Р. с. пошлет рат свою в Кумыки на Шеѳкала князя, і в которое время государеве рати итти будет на тѣ мѣста лутчи? И царя Александрова рат в то время на Шеѳкала будет ли? И сколко у Шеѳкала рати збираетца всее? И сколко у Александра царя рати? И каким обычаем Шеѳкал Александру царю тесноту чинит?

И старецъ Кирило сказал, чтоб государеве рати притти в Кумыки в ыюне и в ыюле мѣсяце і в тѣ поры хлѣб поспѣет и овощи всякие и сена. А Шеѳкал против государевы рати не постоит, любо побежит или добьет челом и будет в государеве воле, потому что он ныне ослѣпъ, а дѣти его всѣ в розни и всякой живет себѣ. А которые невеликие землицы стояли с Шеѳкалом, и тѣ ныне за него не станут; да и с Кумычены у Шеѳкала рознь и брань великая. И против государевы рати Шеѳкалу стоят нѣ с ким; да и боитца Шеѳкалъ государевы рати и городки, которые были в щелях, розломал, блюдяс государевых людей. А у Алекандра царя рати съ 30,000 и мочно ему добрѣ с Шеѳкалом управітца. Да коли пошлет на него рат, и он бѣгает в щѣли; а какъ исплошят, и Кумыки на деревни войною приходят. А какъ государевы люди поставят городы в тѣх мѣстех, что онъ сказывал, и тогды Александрова царева рат будет к тѣмъ городом и Шеѳкалу мочно всякая теснота чинит.

И бояре, выслушав у старца Кирила речей, велѣли Кирилу и подъячему сѣсти на скамейке против собя. А, посидя немного, говорили: которые рѣчи они от него слышели, и они про то известят

в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сыну в г ц-чю Ѳ. Б. в. Р.—И отпустилі старца Кирила на подворье с приставы.

И 112-го марта въ 12 де по г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу думной дворянин и яселничей Михайло Ігнатьевич Татищев да думной діакъ Григорей Клобуков ѣздили Грузинского Александра царя к послу к старцу Кирилу на подворье. А какъ приѣхали на двор,— и вышли из саней у лѣсницы; а встречали их подъячей Сава і царевы и посолские люди блиско лѣсницы, а старец Кирило встрѣтил на нижнемъ крылцѣ. И шли в хоромы наперед Михайло да Григорей да за ними старецъ Кирило.

И какъ вошли в горницу, і, посидѣв мало, по г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. приказу, говорил рѣчь думной дворянин і яселничей Михайло Ігнатьевич Татищев: в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. и его царьского величества сынъ в. г. ц-ч и в. к. Ѳ. Б. в. Р. велѣли тебѣ говорити: писал к в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. и его царьского величества сыну к в. г. н. ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. Александръ царь в своей грамоте на Ивана Нащокина да на Ивана Левонтьева, что онѣ, будучи в Грузинской землѣ, дѣлали не по государеву наказу и царя Александра бесчестили; а ты, старецъ Кирилъ, прислал челобитную. А к в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. ко г. и о. его царьского вличества сыну к в. г. н. ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. Иван Нащокин да Іванъ Левонтьевъ писали, что Александръ царь говорил многие непригожие слова и имъ утесненье чинил.—И в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. и его царьсково величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р., по своему царьскому милосердому обычаю, Александра царя пожаловали, грамоте и по челобитной, что ты прислал, во всемъ повѣрили, а Ивана Нащокина і Ивана Левонтьева писму не повѣрили; и за то діяка Ивана Левонтьева велѣли казнити смертью. А ныне велѣли ево казнит торговою казнью, і то ты ужжо и сам увидиш; а Іванъ Нащокин умер, і то тебѣ и самому вѣдомо.—А что Александръ царь к царьскому величеству писал, чтоб царьское величество велѣл в Кумытцкой землѣ городы поставит і от Шевкала велѣл его оборонит,—и в. г. н. царьское величество на Шевкала посылает свою царьскую многую рат и городы для челобитья Александра царя поставити велит и хочет царьское величество Александра царя жаловат и любит свыше прежняго. И как ты, старец Кирило, будеш у государя своего Александра царя,—и ты такое царьское жалованье и милость Александру царю роскажи; а Александръ бы царь, слыша такую царьскую милость, был

с своими дѣтми і со внучаты и со всею Иверскою землею в царьском жалованье под его царьскою высокою рукою на веки неотступны.

И старец Кирило, выслушав рѣчи, говорил: дай, Господи, в. г, ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царсково величества сынъ в. г. ц-чь к. Ѳ. Б. в. Р. здравы были на многие лѣта! А их царьсково величества жалованье к Олександру царю неизреченное. І как, аж дастъ Бог, буду у Александра царя, и яз то все Александру царю і его дѣтемъ и внучатомъ роскажю подлинно.—Да бил челом старец Кирило о землю со слезами, чтоб царьское величество на милость положил, діяка своего Ивана Левонтьева для Александра царя казнити не велѣл; а царьского величества жалованье оборон к царю Александру дошла.

И Михайло и Григорей, посидѣв мало, вышли на крылцо; а старецъ Кирило и подъячей Сава и царевы Александровы люди вышли с ними жь. І велѣли Михайло да Григорей вести Ивана Левонтьева с Николсково кресца мимо двор иверсково посла старца Кирила, чтоб то старец Кирил видел; а какъ Івана Леонтьева вели мимо Посолской Двор, и били кнутом.

И старецъ Кирило, увидѣв то, пал на землю и бил челом со слезами, чтоб царьское величество Александра царя пожаловал, казнити Івана Левонтьева не велѣл; а царская милость і оборон к Олександру царю дошла. А которые неправды Іван Нащокин да Іван Левонтьевъ дѣлалі, і в том ихъ с Олександромъ царем Бог судит на втором пришествии; а ныне б царьское величество для крестьянские вѣры Александра царя пожаловал, Івана Левонтьева казнити не велѣл і в смерти мѣсто дал ему живот.—Да старецъ ж Кирило бил челом: которых послов присылал к царьскому величеству Александръ царь Сулеймана с товарыщи, а жили на Москвѣ долгое время, и любо что также дурно дѣлали не по цареву Александрову приказу,—і вам бы царьсково величества ближнимъ людем про то объявит подлинно, и яз то извещу царю Александру; и Александръ царь за их измѣну велит их казнити смертью, чтоб вперед неповадно было иным такъ дѣлат.

И Михайло и Григорей говорили старцу Кирилу, что Александра царя послов дурна никоторого не бывало.—Да Михайло ж и Григорей говорили старцу Кирилу: писал к в. г. н. къ его царскому величеству Александръ царь, чтоб царьское величество велѣл поставити городы в Кумытцкой землѣ три городы—в Тарках, да на Тузлуке да на Бойнаке. А какъ царское величество по цареву Александрову челобитью посылал на Шевкала воевод своих княз Ондрѣя Хворостинина с товарыщи со многою ратью, и они розсказывали про тѣ мѣста,

что тѣ мѣста к городовому ставленью не пригожи и безводны и лѣс далеко и горы над тѣми мѣсты великие и з гор Кумыцкие люди учнут в городе людемъ дѣлати тесноту и побивати станут. И он бы про тѣ мѣста росказал подлинно вправду.

И старецъ Кирило говорил, что он про тѣ городища наперед сего сказывал царского величества бояром про все правду и ныне сказывает то ж,—что тѣ мѣста к городовому ставлепью добрѣ угодны и Шевкалу і всей Кумытцкой землѣ утесненье будет великое.—Городищо Тарки в Кумытцкой землѣ от морсково берегу версты з двѣ, изстари город бывал каменной, стоит на горѣ; а та гора поотошла от болших гор к морю гребенемъ, и по ней лѣс болшой, а вверхъ еѣ сажен с 30, и ныне на той горѣ на само верху стоит башня каменная и с тоѣ башни мочно очищат из наряду до моря и на всѣ стороны. А с одну сторону у той горы от моря заломъ каменой, самородной; а под заломом внизу от верху сажен з 20 и болши стоит на той же горѣ двор Шевкалов, полаты камепые и избы. Да туто ж с одново края позади Шевкалова двора башня другая каменая да городище старое. З дву сторон горы стена была каменая. И для крѣпости к тѣмъ к старым башням по старому городищу и вново з дву сторонъ дѣлати стена каменая или деревеная. А к городовому дѣлу камени туто добрѣ много и извесной камен есть же; а лѣе болшой—дуб і всякой погожей лѣс, от Тарков с версту и менши. А ниже Шевкалова двора на самомъ низу мечет каменая. Да туто ж было в ту пору, какъ он Кирило был, дворов чорных с 300 и живут пашенные люди, а ныне деи туто дворов з 20 или с 30 и чаят и болши, а живут не съезжая; и без людей в Тарках не бывает. А воинские люди приезжаютъ туто от Шевкала временем, какъ хлѣб поспѣет, и они тутъ хлѣб хоронятъ по ямомъ и по горамъ, блюдуца приходу государевых людей с Койсы; а устроя хлѣб, съезжают опят к Шевкалу в горы. А реки туто нѣт, а ключевые родники на горѣ и под заломом приходили многие; и людем и скоту то мѣсто і воды добрѣ здоровы. А на истокех ключевых ставят мелницы. А от Койсинского острогу до Тарков 15 верстъ, а от Койсы до Терки 3 днища. А от Тарков дорога въ Грузинскую землю в Загем прямо через горы, а ходят на лошадѣх со вьюки; — а телѣгами итти нѣлзя, потому что горы и щѣли великие. А тою дорогою отъ Тарков до Таркалов полднища; а от Таркалов до Каѳыр-Кумыков полднища; а от Каѳыр-Кумыковъ до Казы-Кумыков днище; а от Казы-Кумыков до Грузинские земли и до Загема 2 днища. А Шевкал и дѣти его живут болши в Казы-Кумыкех в горахъ, потому что то мѣсто от руских городов по-

дале и мѣста крепкие; а городов нѣт, толко приходили горы и щѣли великие. А толко государевы люди в тѣхъ мѣстех ево найдут,—и ему толко бежат в Турского городы в Шамаху или в Баку; а в Дербень не пойдет, потому что тот городъ не крепокъ и безлюден. А Турского городы Дербень от Тарков днища; и город Дербен ис Тарков из верхние башни видет. А от Дербени до Бака 3 днища, а от Баки до Шамахи 3 днища; а прямо от Тарков до Шамахи, не займуя Баки, 5 днищ. А пособи ис тѣхъ городов Шевкалу не чаюти, потому что и сами приходу государевых людей боятца.

А другой город ставити у озера у соленово, зовут Бузлыкъ, около тово озера верстъ з 20; а от Тарковъ то озера верстъ с 5. А соли в том озере добрѣ много. И лѣсу и пашни и травы у того мѣста много же и воды ключевые многие; и людем и животине то мѣсто здорово. А около тово озера пришли мѣста ровные. И опрочь того мѣста во всѣх горах соли нѣт. И толко тут город будет, и Шевкалу будет утесненье великое и нужа; а горскимъ людем всѣмъ соли имати нѣгдѣ.

А третье мѣсто городище старое, стоитъ на горѣ над рекою над Буйнаком, от Тарков днище. А река Буйнак вышла из горъ и течет в море. А на том городище стѣны и башни и ныне есть, толко поосыпалис; а мѣрою то городище в длину и поперег сажен по 300. А бывал тот город ставленья Олександра царя Макидонского. И около того городища села и деревни многие і винограду и пашни и лѣсу много и людем и скоту добрѣ здорово; а та рѣка Буйнакъ с реку с Койсу. А от моря тою рекою до городища верстъ с 15 и судом рекою с моря ходити мочно. А на то городище прилегло две дороги—одна дорога к Дербени, а другая в Шамаху і в Баку; а в Дербень от Буйнака зъ днища, а Шамаха 4 днища, а от Шамаха до Баки 2 днища. И какъ на том мѣсте город будет,—и тѣ дороги всѣ отоймутца

Да старецъ же Кирило говорил: будет г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. пошлет рат свою на Шевкала, и раті б итти ранее, покамѣста хлѣб не поспѣетъ, и притти б безвѣсно, чтоб сѣн не пожгли и хлѣба не порозхоронили, чтоб в том государевым ратным людем нужи не было.— Да з государевою ж ратью Кабардинские черкасы всѣ пойдутъ на Шевкала, и они в горах всѣ мѣста знают, в которых мѣстех и какими обычаі Шевкала доходити и какъ рати ходити без нужи.

А изговоря рѣчь по государеву приказу і выслушав слов старца Кирила, думной дворенин и яселничей Михайло Игнатьевич Татищев

да думной дьякъ Григорей Клобуков поѣхали з двора; а старецъ Кирил провожал их до саней.

Государь ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и его царьского величества сынъ г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. пожаловали Грузинского Александра царя старца Кирила, по его челобитной, велѣли ему дат Івана Нащокина да Івана Левонтьева из животов 500 рублев денег за то, что онѣ, будучи в Грузинской землѣ, воровали, многихъ людей безчестили и грабили и до смерти побивали. А что ихъ вороство, и то старца Кирила ис челобитной выписано на перечен.

В челобитной Грузинского Александра царя старца Кирила написано: убили Ивановы люди Левонтьева до смерти дву жонокъ да мужика,—и за то 300 рублев.

В челобитной же старца Кирила написано, что Ивановы ж люди Левонтьева с Терскими казаки заблудили жонку до смерти,—и за то 100 рублевъ.

В челобитной же старца Кирила написано, что в Загеме многих земел торговых людей грабили, чалмы и шапки и сермяги и денги имали силно и жон безчестили, шапки з голов хвотали и на кабакѣ пропивали,—и за то 100 рублев. И всего 500 рублев.

Лѣта 7112-го марта в 17 ден. По г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу к великому господину святѣйшему Иеву патриарху Московскому и всеа Руси приходил дьякъ Григорей Клобуков. А говорил, что ко г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. пришел от Александра царя Иверского посол архимарит Кирилъ да подьячей Сава; и г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. велѣл имъ быти у соборные церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія в недѣлю марта въ 18 де, а ис церкві велѣл имъ быть у тобя, Иева патриарха, благословитися и челом ударити. А какъ они придут в церков пречистые Богородицы,—и в тѣ поры б в церкви были изо всѣх соборов протопопы и попы и дьяконы в низаных ризах и в стихарѣх, а иные в камчатыхъ в лутчих ризах; а у тебя б, Иева патриарха, в тѣ поры в болшой полате были митрополиты и архиепископы и епископъ и архимариты и игумены и соборные старцы и рядовые старцы из манастырей многие.—И Иевъ патриархъ Московский и всеа Русиі приказал дьякомъ своим Неудаче Ховралеву да Ѳирсу Лазореву, а велѣлъ послати по митрополитов и по архиепископовъ и епископовъ и по архимаритовъ и по игумепов и по строителей и по соборных старцовъ; да с ними ж велѣлъ быти в прибавку из монастырей многимъ рядовымъ старцомъ.

И марта въ 18 де повелѣніемъ г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. от Александра царя Иверского архимарит Кирил да подячей Сава были в соборной церкви пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія; а шел в сторонние двери с площади. А пристав у них был Григорей Елизаров. А в тѣ поры в пречистой Богородице изо всѣх соборов и с посаду ото всѣх церквей были попы и дьяконы с чудотворными образы в лутчих в праздничных ризах, а протопопы и соборные попы и дьяконы и протодьякон в то время пѣли молебен; а на всѣх ризы саженые, а на иных лутчие камчатые. И прикладывался архимарит Кирил у пречистые Богородицы Владимерские и у иных честныхъ икон и у чудотворцов у Петра и у Ионы; а приложас они у образов и у чудотворныхъ ракъ, пошелъ на патриарховъ дворъ. А Иевъ патриархъ Московский і всеа Руси в тѣ поры сидѣлъ в Столовой в болшой полате. А у него сидѣли на правой сторонѣ Иона митрополитъ Ростовской и Ярославской, Галахтіонъ архиепископ Суждалский и Торуский, Иосиевъ епископъ Коломенский и Коширский, Спаса-Нового архимаритъ Сергей, Андроникиковской архимаритъ Васьянъ, архидьяконъ Алимпей, да Кириловской строител Иосиевъ да розныхъ монастырей старцы; а по другую сторону Иева патриарха сидѣл Паѳнотей митрополит Сарскій и Подонскій, Еласонскій архиепископъ Арсеней, Троецкой архимарит Кирилъ, Симановской архимарит Иона, из-за торгу Богоявленской игумен Иевъ; да соборные старцы Гурей Ступишін, да старецъ Мисаило, да Чудовской келарь Еѳрѣмъ Нащокин, да старецъ Иосиѳ Траханиотов и розных монастырей многие старцы.—А на задней лавке сидѣли розных же монастырей старцы. А перед Иевом патриархомъ стояли патриарховъ казначѣй старецъ Арсеней, да крайчей князь Ѳедор Сугорской, да дьяки Неудача Ховралев да Ѳирсъ Лазарев, да казенные и дворцовые дьяки. А на околничемъ мѣсте стояли государевы дворяне и сотники стрелецкие. А в сѣнех и по крыльцу стояли дети боярские и розных приказов подьячие.

И как посол архимарит Кирил да подъячей Сава вошли к патриарху в полату,—и Иев патриархъ, встав, соборне говорилъ *достойно*. А, проговоря *достойно*, патриархъ Иев сѣлъ; і в тѣ поры обьявил пословъ Иеву патриарху кравчей патриархов князь Ѳедоръ Семенович Сугорской. И какъ патриарху князь Ѳедор послов обьявил,—и посолъ архимарит Кирил правил патриарху от царя Александра челобитье. И патриархъ, вставъ, архимарита Кирила спрашивал про царево Александрово здоровье. Да вспросил патриархъ архимарита Кирила: грамота с ним от царя Александра к нему Иеву патриарху

есть ли? И архимаритъ Кирилъ сказал, что с нимъ грамоты к нему патриарху от царя Александра нѣту. А говорил рѣч: велѣл деи государь ихъ царь Александръ тебѣ, великому господину святѣйшему Иеву патриарху Московскому і всеа Русии, бити челомъ, чтобы ты, святѣйшкий Иевъ патриархъ, был ходатай и печалник в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царскому сыну ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р., чтоб г. ц. и в. к. В. Ѳ. в. Р. и его царской сынъ ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. государя ихъ царя Александра пожаловал, велѣлъ их оборонити от ихъ недругов, а от его царских измѣнников, от Шелкавскихъ (sic) людей и от Кумычан, и послалъ бы г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. въ его царево Александрово Іверское государьство против безбожныхъ Шелкавцов и Кумычан на помощь свою государеву рат, чтоб от поганых православному христіянству гонения и кровопролитія не было.

И Иев патриархъ говорил архимариту Кирилу: какъ, ож дасть Богъ, ему Иеву патриарху видети очи благороднаго и благовѣрнаго, благочестиваго и христолюбиваго в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и сына его г. н. благовѣрного и благородного и христолюбиваго ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р.,—и он о том в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и сыну его, а н. г., ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. рад бити челом, елика сила может; а ему государю и благородному сыну его, а нашему государю царевичю, какъ о том милосердый Богъ известит.

А изговоря то слово, Иев патриархъ сѣл на своем мѣсте да позвал послов к благословению. А после благословения патриархов кравчей княз Ѳедоръ Сугорской являл патриарху от Александра царя дары: камка золотная на тмо-синей землѣ, камка кизылбашская серебрена, по ней карабли и люди; камка кизылбашская золотная по червчетой землѣ; 2 отласы желты; отлас рудожолтъ; кутня ценинная; портище скорлату червчатого.—Да от посла от архимарита Кирила являл патриарху княз Ѳедор же Сугорской дары: камка кизылбашская золотная, по желтой землѣ; блюдо ценинное.

И патриархъ Иевъ велѣл дары приняти; а принев дары, велѣлъ патриархъ послом сѣсти против себя на скамьѣ посторон столпа полатного.—И какъ они сѣли, Иев патриархъ архимарита Кирила да подьячего Саву спрашивал о здоровье и про их путное шествие. И архимаритъ Кирилъ сказал: г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. милостию и жалованьем и твоим патриаршеским благословением до государева царства дошли они, дал Богъ, здорово; и здѣс деи они государевою милостью и его царскимъ жалованьем, дал Богъ, здорово ж і всѣм изобилны и покойны. И патриархъ говорил архимариту Кирилу и подьячему Саве, что им у него Иева патриарха у стола быти не вмѣстно, потому что ныне дни постные, и он съ ѣствою и с питьемъ

пришлет к ним на подворье. И послы на патриархове жалованьи били челомъ.

И Иев патріархъ архимарита Кирила благословил—образ пречистые Богородицы с превѣчным Младенцемъ, обложен серебром, венецъ сканной с финифты, штилистовой; а подьячего Саву благословил образ пречистые Богородицы, обложен серебромъ, венецъ басмян, штилистовой. А благословя образами и проговорив *достойно* и благословив ихъ, отпустил к себѣ на подворье. — А в стола мѣсто съ ѣствою и с питьем послан к послом патриархов сынъ боярской Давидъ Михайловъ сынъ Ѳоминъ. А ѣствы и питія с нимъ отпущено: хлѣбецъ крупичатой, колач крупичатой, кубокъ романѣи, кубокъ мушкатѣли, кубокъ ренского, крушка меду вишневаго, крушка малинового, крушка меду обарного, крушка меду черемхового. Ѣ с т в ы, икра паюсная черная, икра осеннея черная, икра сиговая красная, пастила малиновая, пастила черемховая, пастила земленичная, пастила брусничная, лососина сухая, тѣло белужье, спина сухая белужья, черево белужье, прут осетрины сухой, пласти лещевые, пласти карасовые, башка белужья сухая, кбаникъ, пироги кислые, середка пирога с вязигою, пироги пряженые з горохом, пироги пряженые с вязигою, левашники, карасцы с везигою, оладьи с сахаромъ, пупки осетрьи, осетрина Шехонская. (П и т ь я): в дву олевеникѣх меду крѣпкова паточного, оловеникъ лехкого паточного, оловеникъ мишуремного, оловеникъ цыженого, оловеникъ столового, оловеник пива привариваного, оловеникъ пива мартовского.—Да подьячему Саве: три колачи смѣсных, звено осетрины на Троецкое дѣло бочечное, три сиги, три лодоги, двѣ семги мокрых, икры осенние 4 гривенки, икра сиговая красная, 4 щуки живопросолных, звено теши белужьи. П и т ь я: оловеник меду паточного, оловеникъ мушеремного, оловеникъ цеженого, оловеникъ столового, два оловеника пива мартовского, оловеникъ пива поддѣлного.

112-го году марта въ 25 день г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. жаловалъ грузинского посла старца Кирила для празника Благовѣщения пресвятые Богородицы, велѣлъ к нему послати от своего царского стола ѣству и питье. А послано к нему ѣствы всякие на 33 блюдех и в сковородках серебряных; да питья: крушка серебряна вина двойного въ 5 крушках серебряных вин красных розных заморских, въ 5 оловяникѣх третных медов красных, въ 4 оловяникѣх ведерных медов бѣлых розных, оловяникъ ведерной пива поддѣлного.—А посылан съ ѣствою столник Юрьй Игнатьев сынъ Татищев.

112-го апрѣля въ 8 день на Свѣтлое Христово Воскресенье на

велик ден г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. жаловалъ Іверского Александра царя старца Кирила, велѣлъ к нему послати от своего царского стола съ ѣствою и с питьем. — А послано: крушка вина двоеного, въ 3-х крушках винъ красных романѣи, бастру, ренского в серебряных крушках, въ 2-х оловяникѣх третных медов вишневого да обарного, въ 3-х оловяникѣх третных медов бѣлых паточного, цежоного з гводцы, въ 4-х оловяникѣх ведерных медов бѣлых розных. Да ѣствы послано: перепеча да колач крупичаты, коровай битой, четверть коровая с сыром, четверть коровая телного, котлома, грудоноши с сыром, пироги долгие с сыром, да рыбные ѣствы розные,—всего на 22 блюдех.—А посылан съ ѣствою столникъ княз Іван Хованской.

В 101-м году дано государева жалованья старцу Кирилу: бархат венедицкой, глаткой, вишнев 12 аршин; камка кармазин, багрова, 12 аршин; кубок серебрян золочен, 4 гривенки; чарка серебряная, гривенка; сорок соболей в 25 рублев; 30 рублев денег.

Конюхом царевым по однорятке черленой въ 4 рубли, по каѳтану камчатому в 5 рублев, по сороку куницъ, по 5 рублев денег.

Подьячему цареву однорятка 3 рубли, каѳтанъ дорогиненъ въ 3 рубли, цки хрептовые добрые, 4 рубли денег.

Посолским людем болшой статьѣ лутчимъ по сукну по доброму дано, по 2 рубли денег, да по цкам черевим; досталнымъ по сукну по доброму, да по полу 2 рубли денег человѣку.

112 году марта въ 3 де дано ис Посолского приказу Грузинского Олександра царя старцу Кирилу да подьячему Саве 2 рублі на мелкой росход. Роспис что денег въ росходе:

Полторы гривенки масла деревяного—дано 5 алтынъ.

Мѣсяца того же в 5 де на мыло дано 4 де; да подьячему Саве 2 де на мыло же. Да того ж дни на ягоды на клюкву дано 4 де; да на мурамленой горъшечекъ дано 2 де.

Мѣсяца того ж вь 7 де ѳунтъ ягод винных дано 2 гроша; да на вѣник дана денга.

Мѣсяца то(го) ж въ 11 де на мыло дано грош; да подьячему Саве дано на мыло 2 де. Да на кувшин подьячему Саве денга; да кр҃ть на бумаге дан денга. Да на серу и на спицы и на труд дано 2 де.—Да того ж дни Михаила Татищев приѣзжал послу и на вощаные свечи дано алтынъ.

Мѣсяца того ж въ 18 де масла деревяного гривенка дана грівна. Ягод винных фунтъ дано 2 гроша. Да на мыло дано грош; да подьячему Саве на мыло 2 де.

Мѣсяца того ж въ 23 де на мыло дано грош да подьячему Саве на мыло 2 де.

Мѣсяца того ж въ 25 де по приказу дьяка Григорья Клабукова дано подьячему Потрѣкею за деревяные суды 15 алтынъ, 4 де.

Мѣсяца того ж въ 27 де по приказу подьячего Ондрѣя Іванова дано оконничинику в конничной ряд гривна за оконницы. Да того ж дни на мыло грош да подьячему Саве 2 де.

Мѣсяца того ж въ 30 де гривенка ягод винных дано два гроша. Да на веники 2 де.

Мѣсяца апрѣля въ 1 де ягод клюквы куплено на 2 де. Да на велиг дѣн куплено 35 яиц красных дано 4 алтына, 2 де; 10 яиц белых дано 5 де; сыр—дан 2 алтына; кулича—алтынъ; сметаны на 5 де; масла коровья гривенка—дано 5 де; молока на 2 де; рыбы живые на грош.

Да назавтрѣе велика дни куплено живые рыбы на грош.

Да во вторник после велика дні живые рыбы на грош.

Да в середу живые рыбы на грош.

Да в четвергъ живые рыбы на грош.

Да в пятницу живые рыбы на грош.

Да в суботу живые рыбы на грош. Да того ж дни на молоко да на сметану дано алтын. Да на мыло дано гр.....; да подьячему Саве 2 де на мыло.

Да в недѣлю дано на свѣжюю на живую рыбу грош.

Да после Радуницы в понедѣлник дано на свѣжюю рыбу на живую грош.

Да во вторник дано на живую рыбу грош.

Да в середу дано на живую рыбу грошъ. Да того ж дни дана гривенка масла деревяного гривна. Да от колоколов извощику дана денга.

Да в четвергъ на рыбу на живую дано грош.

Да подьячему от писма дано 2 де.

Мѣсяца того ж въ 20 де дано на молоко и на сметану алтын.

Мѣсяца того ж въ 21 де дано на мыло грош да подьячему Саве 2 де.

112 г. апрѣля въ 21 д. подал Мисюр.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Михалко Сабуровъ да Васка Лобанов челом бьют. Нынешнего, государь, 112-го году сентября въ 15 день писали к нам, холопем твоимъ, с Терки воеводы Микиѳор Траханиотов да князь Володимеръ Мосалской: нынешнего де, государь, 112-го году сентября въ 5 день из Грузеи Александръ царь Иверской прислал к ним грамоту за своею печатью, а грамота де, государь, писана арапским писмом; и у них де тое гра-

моты перевести нѣкому, а Терской де переводчикъ перевести ее не умѣли. И онѣ де, государь, тое грамоту для переводу послали в Астарахань к нам, холопем твоимъ; и нам бы, холопем твоим, та грамота велѣти перевести и, переведчи, к ним прислать.—И мы, холопи твои, тое грамоту велѣли перевесть и с тое, государь, грамоты перевод к тебѣ ко г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. мы, холопи твои, отпустили с сею грамотою вмѣсте; а Иверсково Александрову цареву грамоту и перевод с нее мы, холопи твои, послали на Терку к Микиѳору Траханиотову да князю Володимеру Мосалскому.

Перевод з грамоты, какову грамоту из Грузеи Иверской царь Александръ прислал на Терекъ к воеводам к Микиѳору Траханиотову да ко князю Володимеру Мосалскому: Московсково ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. Тюменскому князю и воеводе Микиѳору ото много много поклон; а после поклона слово то есть. Вѣдомо б вам было Терским воеводам, что приезжал к нам от Турсково салтана паша его и по книгам поимал на нас, да и поѣхал к Турскому салтану. Да с нами же нынеча Лезгинские и Шевкалские люди всѣ, что с нами быти имъ в миру, а на лихово стоять заодин с нами; на томъ договор у насъ. А государю Московскому всѣ Лязгинцы и Шевкалцы добили челом и хотятъ быти в вековых холопех под его царскою рукою; а мы то здѣсь слышев от них и с тѣми речми к вам, воеводам государевым, послали, а вам бы то воеводам вѣдомо было. А какъ к вам ся наша грамота дойдет, и вы б от себя грамоту к нам прислали, не задержав, чѣм ся онѣ с вами здѣлают, какъ у васъ будут; а с нами онѣ в миру. С тѣм грамота написана.—А у грамоты наза(ди... А)лександрово имя.

На оборотѣ: 112-го марта въ 26 день с сотником стрелетцким с Ыгнатьем Кандоуровым.

И апрѣл(я) в 21 день в недѣлю г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. велѣл Іверского Александра царя послу старцу Кирилу да подъячему Саве быти на дворѣ у себя у государя на отпуске. И того ж дни Іверского Александра царя посол старец Кирил да подьячей Сава на дворѣ у государя были. А послан по них пристав ихъ Мисюрь Соловцовъ. А лошади под старца і под подьячего посыланы з государевы конюшни. А как старец Кирил и подъячей Сава приѣхали в город,—и ссѣли с лошадей у Посолские Полаты. И дожідалися старец Кирил і подъячей Сава г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. по себя присылкі с приставы в Посолской Полате. А того дни в то время были у государя на отпуске ж кизылбашские послы Лачинбек с товарыщи. А как государь кизылбашских пословъ отпустил и как послы сошли

сверху,—и велѣл государь иверскому послу старцу Кирилу и подъячему Саве итти к себѣ ко государю. И шли старец Кирил і подъячей Сава вверхъ ко государю ис Посолские Полаты Архангелскою да Благовѣщенскими папертьми; а в приставех с ними шли Нелюб Огарев да Мисюрь Соловцов. А г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. в тѣ поры сидѣлъ в середней в Золотной в Подписной Полате на своем царском мѣсте; а на государе было платно опашен бархот вишнев, з звѣсками золотными, с круживом саженым, да в шапке в чорной. А подлѣ государева мѣста с лѣвую сторону от государя сидѣл на своем мѣсте г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р.; а на государе на царевиче было платно опашен бархот рыт шолкъ з золотом, да в шапке в чорной. А при государе по обе стороны государева мѣста стояли рынды—с правую сторопу от государева мѣста княз Іван Катырев да Замятня Сабуров, а по лѣвую сторону стоял княз Юрьи княж Никитин сынъ Трубецкой да княз Роман Троекуров. А при государе сидѣли бояре и околничие и дворяне болшие в смирном платье в опашнях і в однорятках в вишневых і в гвоздичных да в чорных шапках. А в проходной Полате сидѣли дворяне и приказные люди; а по крылцу стояли дворяне і дѣти боярские і подъячие в чистом в смирном платье. А стрелцы у Благовѣщенья и от крылца площадью до Ѳроловских ворот и по Николскому крестцу и до Посолского двора кизылбашких послов по обе стороны стояли с пищалми в чистом платье.

А как иверские послы вошли ко государю в Полату, и явил их государю і г. ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. челом ударити околничей Петръ Никитич Шереметев. А молыл: в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о! В. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р.! Іверского Александра царя старец Кирил да подъячей Сава вам, великим государем, челом ударили и на вашемъ царском жалованье челом бьют. И г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. жаловал старца Кирила и подьячего Саву, спрашивал о здоровье.—А после спрашивал о здоровье старца Кирила и подъячего Саву г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р.—И старец Кирил і подьячей Сава государю і государю царевичю на их государеве жалованье челом били. И г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. жаловал старца Кирила, велѣл сѣсти; і сидѣл старец Кирил на скамейке, а подъячей стоял. А после того являл діакъ Ѳеонасей Власьевъ старцу Кирилу і подьячему Саве государево жалованье порознь. А молыл: Кирил! Сава! В. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. жалует вас своим царским жалованьемъ. И являл государево жалованье по росписи:

Старцу Кирилу: кубок серебрян золочен, 3 сорока соболей, 3 цки хрепты бѣльи, 5 зубов рыбьихъ, 30 рублев денег. Да подъ-

ячему Саве: сорок соболей, сукно багрец, 2 цки, 10 рублев денег. А царевым людемъ и старцовым и подьячего людем послано государево жалованье от казны: царевым людем 6-ти человѣком по 40 куніц да по 5 рублев денег человѣку; старцовым і подьячего людем 7-мі человѣком по сукну по доброму, да по цкам бѣльим хрептовым, да по 2 рубли денег человѣку.

А какъ государево жалованье діакъ Офонасей старцу Кирилу и подьячему Саве явил, и г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. велѣл старцу Кирилу говорити рѣч.

И по государеву указу діакъ Оѳонасей Власьевъ говорил старцу Кирилу от государя рѣч. А молыл: старецъ Кирило! В. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. велѣл тебѣ говорити: приходил еси к нашему царскому величеству от государя своего от Александра царя Иверского з грамотою; а в грамоте своей Александръ царь писал і рѣчью нашему царскому величеству ты, Кирило, от Александра царя бил челом, чтоб.... пожаловати б его Александра, велѣти от недругов его от Шевкала оборонити и послати на него рат свою и городы в Кумыцкой землѣ велит поставитѣ. И мы в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и нашего царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р., по своему царскому милосердому обычаю, и для істинные хрестьянские вѣры, какъ есмя преж сего Александра царя жаловали и любили, а ныне и свыше того (пожаловали), хотим его держати под нашею царскою высокою рукою во обороне ото всѣх его недругов;— и по его челобитью на недруга его на Шевкала князя посылаем рат свою околничего и воевод наших Ивана Михайловича Бутурлина с товарыщи і велѣли Шевкалову землю воевати и городы ставити. А с нашим царским жалованьем к Олександру царю посылаем послов своих Ближние нашие Думы дворянина и намѣстника Можайского Михаила Игнатьевича Татищева да дьяка своего Ондрѣя Иванова, наказав им о всѣх дѣлех, какъ Олександру царю быти в нашем царском жалованье под нашею царскою рукою, и тебя отпускаем к Олександру царю с ними вмѣсте.

А как діакъ Оѳонасей от государя старцу Кирилу рѣч зговорил, і г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. старца Кирила и подъячего Саву жаловал, звал к руце. А после того старца Кирила и подьячего Саву жаловал, звал к руце г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. И старецъ Кирил и подъячей Сава, быв у государя и у государя у царевича у руки, на их государеве жалованье челом били. И государь жаловал старца Кирила, велѣл ему сѣсти в другоряд; и сидѣл старец Кирил на скамьѣ по прежнему, а подьячей стоял. И посидѣв мало, велѣл государь старца

Кирила призвати; и приказывал государь с старцомъ с Кирилом к царю Александру и к сыну его к царевичю Юрью по поклону сидя. А молыл: Кирил! Как будеш у государя своего у Александра царя, и ты от нас Александру царю и сыну его царевичю Юрью поклонися. А после того приказывал г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. к Олександру царю и к царевичю Юрью с старцом Кирилом поклон сидя ж.—И по государеву указу діакъ Офонасей Власьевъ сказал старцу Кирилу и подьячему Саве государево жалованье в стола мѣсто. А молыл: Кирил! Сава! В. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. жалует вас своим царским жалованьемъ от своего царского стола ѣству и питье.— И, сказав государево жалованье, велѣл приставом с старцом итти ис Полаты на подворье.

Лѣта 7112-го апрѣля въ 25 де по г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу к великому господину святѣйшему Иеву патриарху Московскому і всеа Русии приходил діякъ Оѳонасей Власьевъ. А говорил, что г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. Александра царя Іверского посла архимарита Кирила да подьячего Саву отпустил к царю Александру; и бил челом архимарит Кирил в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р., чтоб г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. его архимарита Кирила пожаловал, велѣл ему быти у тебя, Иева патриарха, благословитис в путное шествие. И г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. положил то на твоей патриархове воле, какъ ты ему, архимариту Кирилу, повелишь у себя быти благословитися и к царю Александру свое благословение послати. И по г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу Иев патриархъ приговорил у собя быти Иверского царя Александра послом архимариту Кирилу апрѣля въ 26 ден; а у соборные церкви у пречистые Богородицы чеснаго и славного ея Успения того дни Иев патриархъ велѣл быти протопопом и соборным священником и дьяконом.

И апрѣля въ 26 день в четвергъ на третьей недѣле по Пасце в соборной церкви пречистые Богородицы в то время, как был архимарит Кирил да подъячей Сава, пѣли молебны Пречистенской протопоп Григорей з братьею и изо всѣх соборов протопопы и попы в низаных ризах и дьяконы в стихорѣх; а иные попы и дьяконы в комчатых в лутчих ризахъ. А Иев патриархъ в тѣ поры былъ в болшой своей Столовой Полате; а у него были митрополиты и архиепископы и епископы и архимариты и игумены и соборные старцы и рядовые старцы из монастырей и государевы дворяне по прежнему. А у Иева патриарха на правой сторонѣ сидѣли Паѳнотей митрополит Сарский и Подонский, Арсеней архиепископъ Архангильскій, Спаса-Нового монастыря архимарит Сергей, Андрониковского монасты-

ря архимарит Васьянъ, Богоявленского монастыря из-за торгу игумен Иевъ, архидіяконъ Алимпей, Новинского монастыря игуменъ Гурей, Николы Старого игуменъ Ѳерапонтъ, Златоуского монастыря игуменъ Мокарей да патріарховы и розных монастырей старцы; а по лѣвую сторону у Иева патріарха были Галактіон архіепископъ Суздалскій и Торуский, Іосиѳъ епископъ Коломенскій и Кошірскій, Троецкой Сергіева монастыря архимарит Кирил, Симоновской архимарит Іона, старецъ Гурей Ступишін, да потреарховъ казначѣй старецъ Арсеній, Кирилова монастыря строитель старецъ Іосиѳ Монастыревъ да розных монастырей старцы. А на околничем мѣсте и по третьей лавке сидѣли государевы дворяня; а иные государевы дворяня и потріарховы приказные люди и дѣти боярские стояли в полате. А в сѣнех і в других сѣнех и по крылцу и по лѣснице стояли государевы ж дворяне и дѣти боярские и потреарховы дѣти боярские и розных приказов подьячие.

И, быв в соборной церкве пречистые Богородицы чеснаго и славного ея Успенія, посол архимарит Кирил да подьячей Сава пришли к Ыеву патріарху в Полату. И Иев патріархъ, встав, соборне за *достойно есть* говорил *святис, святис новый Иерусалим*; и, совершив молитву, патріархъ Иев сѣлъ на своем мѣсте по прежнему. И обьявил послов Иеву патріарху кравчей князь Ѳедоръ Семенович Сугорьской: Иверьскаго Александра царя посол архимарит Кирил челом ударил; подьячей Сава челом ударил. И Иев патріархъ Московский і всеа Русіи, сидя на своемъ мѣсте, Александра царя Иверского посла архимарита Кирила да подьячего Саву благословил; и, отшод, они поклонения потріарху сотворили и стали на своем мѣсте. И потреархъ Иев спрошал их о здоровье: какъ их Богъ милует в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. державе? И архимарит Кирил Иеву патріарху говорил, что благочестивого г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и сына его благородного ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. милостию и жалованием он архимарит Кирил да подъячей Сава, дал Богъ, здорова; и их царьскою милостію были всѣм покойны изообилно. І велѣл потреархъ Иевъ архимариту Кирилу ити к митрополиту и архіепископом и епископом о Христе целование совершити; и после целования Иев патріархъ велѣл имъ сѣсти против собя среди полаты на скомье, а митрополиту и архіепископом и епископом и архимаритомъ и игуменомъ сѣсти велѣл же.

И великий господинъ Иев патріархъ Московский і всеа Русіи, архимарита Кирила да подъячего Саву призвав к себѣ і встав, говорил имъ рѣчь: архимаритъ Кирил! Приходил еси к в. г. н. Богом венчанному благочестивому и благородному и христолюбивому ц. и

в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. и къ его царского величества и благородному сыну к в. г. н. благовѣрному и христолюбивому ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. отъ государя своего Александра царя бити челом, чтоб царское его величество Александра царя и детей его і всю Іверскую землю пожаловали, от недруга его от Шевкала велѣл оборонити и послалъ бы на него рат свою и городы б в Кумыцкой землѣ велѣти поставити; а мнѣ богомолцу государеву от Александра царя ты, Кирил архимарит, говорил о том же, что мнѣ молити в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества благороднаго сына в. г. н. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р., чтоб царское величество вашего государя Александра царя и детей его і всю Іверскую землю пожаловали для християнские вѣры, от его недруга от Шевкала князя велѣли оборонити. І в. г. Богом венчанный и благочестивый и благородный и христолюбивый ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. и его царского величества благородный сынъ в. г. н. благовѣрный и христолюбивый ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. вашего государя царя Александра и детей его і всю Іверскую землю пожаловали, от недругов его от Шевкала князя и от Кумытцких людей, прося у Бога милости, хочет оборонити; и Александръ бы царь на великую государя нашего царскую милость был надежен.—И архимарит Кирил выслушав патриархову рѣч говорил: Божиею милостию и пречистые Богородицы і великих чюдотворцов дай, Господи, здрав и многолѣтен был в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его благовѣрная царица і великая княгиня Марья государыня наша і их царские дѣти благородный ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. и благовѣрная царевна і великая княжна Ксения! А царь их Александръ и его дѣтина г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и благороднаго сына его ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. на их царской милости и на жаловании много челом бьют, что г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и благородный ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. царя их Александра Іверского и его детей і всю Іверскую землю пожаловали, от их недругов от Шевкала князя и от Кумытцких людей велѣли оборонити. И царь Александръ на г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и сына его благородного ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. на их царскую милость надежен. Да и на твоей святителской милости и жалованьи, что ты, великий господин святѣйший Иев патриархъ Московский і всеа Русии, г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и благородному сыну его в. г. н. ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. о государе их царѣ Александре и его дѣтех і о всей Іверской землѣ был печалникъ,—государь их царь Александръ Іверской и его дѣти будут бити челом.

И Иев патриархъ велѣл посломъ архимариту Кирилу да подьячему Саве сѣсти на своем мѣсте. И какъ они сѣли, и Иев патри-

архъ архимариту Кирилу да подьячему Саве говорил: ныне в. г. н. благочестивый ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и сынъ его благовѣрный ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. тебя, архимарита Кирила, да подьячего Саву отпущает к царю вашему Александру Іверскому; і вам бы Божиею милостию и пречистые Богородицы і великих чюдотворцов молитвами до государя вашего до царя Александра Іверского итти здорова и его Александра царя Іверского очи вам в радость видети. А от меня царю Александру Іверскому и его дѣтем благословение; да і всей Іверской землѣ православным христіяном тако ж благословение. И архимарит Кирил Иеву патриарху Московскому і всеа Русии говорил: какъ они, оже дасть Богъ, к царю своему Александру Іверскому дойдут,—и они царю своему Александру и его дѣтемъ і всей Иверской землѣ его святительское благословение и жалованье скажут.

И повелѣнием Иева патриарха кравчей его князь Ѳедор Семенович Сугорской архимариту Кирилу да подьячему Саве говорил, что им у Иева патриарха у стола ныне быти не имѣстно, потому что Іеву патриарху быти у обѣдни у Вознесения Господня в монастырѣ; и Иев патриархъ их пожалует, в стола мѣсто велит послати съ ѣствою и с питьем. И послы на патриархове жалованье били челом. И Иев патриархъ архимарита Кирила благословил—образ пречистые Богородицы с превѣчным Младенцем, обложен серебромъ, венецъ сканной; да даров архимариту Кирилу пожаловалъ—сорокъ соболей.—А подьячему Саве—образ пречистые Богородицы, обложен серебромъ, венецъ сканной; да ширинка нанизена золотом да серебром с шолки.—Да 6 человѣком дворяном царя Александра по образу по окладному пречистые Богородицы; а семи человѣкомъ посолским людемъ по образу по гладкому штилистовые.—А благословив их отпустил в Чюдов монастырь.

И того ж дни к послом в стола мѣсто съ ѣствою и с питьемъ посланъ патриархов кравчей Игумен Леонтьевич Бѣлого. А ѣствы и питья с нимъ отпущено: хлѣбецъ да колач крупичатые, въ 3-х кушках красных винъ, в 4-х крушках розных медовъ, ѣствы на 34-х блюдех, во 8 оловяникѣх медов розных да пив; а записка тому в Дворцѣ.

Въ поданных челобитных ст. Кирило писалъ, 1) что въ 109 году мѣсяца декабрия в 21 день ездил, государь, крестьянинъ мой Хармузко Абдалин синъ деревни Тоги торговати товаром мехкимъ сахтияни и кинджки в твою г. ц. и в. к. Н. Ѳ. в. Р. очину на Терку, *продалъ товары въ долгъ, но денегъ до сихъ поръ ему не уплатили за них и просит взыскать их съ указанных имъ лицъ.*—2) Въ 107 году пріехалъ торговати изъ Иверские земли из Загеми арьменинъ

Миракъ Скендеров сынъ в твою государеву вотчину на Терки. И тот, государь, Миракъ Скендеров сынъ приехав на Суньчи, и его, государь, поимали казаки волние и животи у его взяли и пограбили, а его связана привели на Терки к воеводам; и твои государеви воеводи Терские того Александра царя человека торговово арменина в свою землю Иверьскую в Загемъ не отпустят неведомо почему, держат насильством. *Просить отпустить его въ Загемъ.* 3) В прошлом годовъ и в прежних и в нинешнемъ 110-м и до 111-го году воевали, государь, Кумицкие люди нашю Иверскую землю и полонъ многие имали, и тутъ, государь, полонили торговскова человека арьменина из Криму Мамуку Гулгина сына; и того, государь, с полоном повели вместе в Кумиках. И тотъ, государь, иверской полонъ от них утекали и приходили в твою государеву вочину в Астрахань и на Терекъ и на Койсу, потому что в твою государеву вочину бежати ближе своей Иверские земли. А у многих, государь, у наших у иверских полонеников осталисе жени и дети, отци и матери и роди племе.—*Просить полоняниковъ отпустить въ Грузію.*

Грамотой отъ 24 апрѣля всѣ желанія ст. Кирилла были удовлетворены.

Память приставамъ Г. Ѳ. Елизарову и М. Соловцеву о провожаніи пословъ отъ 21 апрѣля 112 года.—Между прочимъ въ ней наказано Григорью ж да Мисирю беречи того накрепко, чтоб к цверскому послу и их подьячему и к царевым и къ их людем птицъ ловчих кречатов и соколов не принес и не продавал нихто. А будет грузинской посол учнет говорити, чтоб ему кречатов и соколов купити на царя Александра, и говорити: кречатов и соколов здѣ не продают, а держат такие птицы толко для царские потѣхи; а купить их здѣся не добыти. Да и того им беречи накрепко, чтоб к ним заповедных товаров, пансырей и саадаков и сабел, нихто на продажу не приносил. А наперед себя посылати по городом и для станов сына боярского, чтоб дворы были изготовлены и кормъ до их пріѣзду, и на тѣх бы дворех, гдѣ послу и подьячему и царевым и их людем стояти, болных и нищих не было и к стану б нищие не приходили. А будет посол старец Кирило на котором городе похочет гдѣ передневатн, и ему то дати на волю.

25.—1604—1605 гг. Посольство въ Грузію Мих. Иги. Татищева и дьяка Андрея Иванова.

(Грузинскія: 1) дѣла—а) 1604 г. мая 2—декабрь; б) 1604 г. мая 6—12 ноября 1605 г. и 2) граматы—1605 г. № 3.—Кабардинскія дѣла 1605 г. д. № 2)

Татищевъ на Коломну пришелъ 5-го мая, а грузинскій посолъ старецъ Кириллъ мая 3-го; изъ Коломны поѣхали 5-го мая. Въ Нижній пріѣхали 16 мая, а выѣхали изъ него 19-го мая.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопъ твой Ондрюшка Иванов челом бьет. Велѣл ты, государь, мнѣ, холопу своему, итти в Грузинскую землю з думным дворенином и яселничим с Михаилом Игнатьевичем Татищевым; а отпущен яз, холоп твой, с Москвы после Михаила на третей день. И пріѣхал есми, государь, на Коломну маия в 9 день; а Михаила и с ним грузинской посол пошли с Коломны в судѣх до меня за 3 дни. И яз, холопъ твой, пошол с Коломны в судне маия в 9 день и ѣхал не мешкая нигдѣ днем и ночью; и кизылбашского посла объѣхал в Касымове. А в Нижней, государь, пришел яз маия в 19 день; а твой государевъ думной дворенин и яселничей Михаило Игнатьевич Татищев пошел из Нижнего к Казани того дни маия в 19 день с утра. И яз, холопъ твой, из Нижнего пошол за Михаилом того же дни, не мешкая ни часу.

112-го маия въ 29 день с Казанским жилцом с Микиѳором Воронцовым.

От ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. послом нашим Ближние нашие Думы дворянину и намѣстнику Можайскому Михаилу Игнатьевичю Татищеву да дьяку нашему Ондрѣю Иванову. Послали есмя к вам наши наказы и грамоты и всякие дѣла, что вамъ по нашему указу надобно, что иверского посолского дѣла да посылку, что от нас нашего жалованья Иверскому Александру царю и сыну его царевичю Юрью и Давыдове цареве царице и к иным царевичем и князем и на запас, с Ѳедором Сулешевым. А что к вамъ послано наших наказов и грамот и всяких дѣл и что послано нашего жалованья Александру царю и царевичю Юрью и Давидове царице и иным царевичем и княземъ и что послано рухляди в запас и что от нашего богомолца от патриарха Иева к царю Александру послано поминков,—и тому послана к вамъ с Ѳедоромъ роспись за приписью діяка нашего Ѳѳонасья Власьева. А у дѣл у ящика печать Ѳѳонасьева ж, а у посылки печатi у коробье казенных дьяков.....

Изъ памяти, данной Сулешеву, ущьлълъ только слѣдующій отрывокъ..... посолских дѣлъ и посылки не подмочити. А через бол-

шие грязи и через недомостки коробьи велѣти провожати и переносити на себѣ, чтоб однолично в тѣх коробьях ничего не подмочити, и по станомъ ставитись в жилых мѣстех. А для береженья тое посылки имати ему в городѣх у приказных людей и по селамъ и по деревнямъ и по ямомъ, гдѣ ему лучитца стояти, сторожей человѣкъ по 10 и во всемъ в дороге и по станом береженье держати. А гдѣ почает..... мѣстъ, и ему имати по городом провожатых, чтоб ему та посылка довести здорово. А ѣхати за послы за Михаиломъ Игнатьевичем и за Ондрѣемъ на спех, не мешкая нигдѣ.... днем и ночью. А приѣхав к послом к Михаилу Игнатьевичю и к Ондрѣю Иванову, отдати имъ г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. грамота и роспись переписную всяким дѣлом и посылку. Да, взяв у них ко г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. отписи, уѣхать к Москве; а, приѣхав к Москве, явитися и отписку отдати в Посолском приказе діяку Ѳеонасью Власьеву.

Роспис, что послано к послом Ближние Думы к дворянину и намѣстнику Можайскому к Михаилу Игнатьевичю Татищеву да к діяку к Ондрѣю Иванову каких дѣл ис Посолского приказу.

Наказ,—как имъ г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. дѣло, в Грузинской землѣ у Александра царя будучи, дѣлати.

Другоі наказ тайной [35])—быті ему у Михаила Игнатьевича; да грамота [36]) образцовая на столпцѣх к Олександру царю о тайном дѣле,—быти вмѣсте с наказом.

Грамота обрасцовая ж на столпцѣх к Симонову к цареву сыну к Юрью царевичю.—А к Симоновым братьямъ и к Ростону царю Костянтиновичю и к брату его к царевичю Юрью и к иным царем и княземъ, которые похотят быти в государеве жалованье, писати грамоты по тому ж образцу, смотря по тамошнему дѣлу.

2 грамоты от государя к Олександру царю да к сыну его к царевичю Юрью вѣрющие.

Грамота к Аристову князю Сонскому и с тоѣ грамоты списокъ.

3 грамоты о провожанье к Солоху князю, да х Казыю мурзѣ Шепшукову, да к Айтек мурзѣ да к Араксан да к Мундар мурзам.

Список з грамоты Ивана Нащокина да с челобитные Сулеймановы, что взяты из Розряду за печатью діака Григорья Клобукова.

Список з записи целовалные, на чем приведены Александръ царь и сынъ его Давыд.

---

[35]) Сбоку отмѣтка: чорной у Ѳеонасья.

[36]) Надъ строкой: чорная у Ѳеонасья.—И наказъ и грамата не сохранились.

Список з грамоты Александра царя, какову прислал ко государю с послом своим с старцомъ Кирилом.

Списокъ з записки, какъ старецъ Кирило был в Посолской Полате, и какъ былъ у бояр, да какъ былі у старца Михаило да Григорей, розпрашивали про мѣсто, гдѣ быти городом.

Росписи, что давано корму грузинскимъ прежнимъ послом и ныне старцу Кирилу.

Роспис, что послано государева жалованья к царю Александру и к царевичю Юрью и к царевой Давыдове царице и к иным царевичем и ко князем; и по росписи посылка вся в особных коробьях, а коробьі за печатью казенных діяков.

5 листов олександрѣйские бумаги, а на них писаны каймы и началное слово золотом.

Да от патриарха к царю Александру образ пречистые Богородицы с предвѣчным младенцем, обложен серебром; 2 сорока соболей— устроено в особную коробью, короб за печатью казенных діяков. А рѫч от патриарха под болшим наказом.

Да на запас послано: полдести бумаги болшие александрѣйские; десть бумаги середние александрѣйские; стопа бумаги писчие; воскъ красной.

Такова роспис к Михаилу и к Ондрѣю послана, зашів в бумаге, за Ѳѳонасьевою печатью.

А се таков наказ послан за послы в дорогу:

Лѣта 7112-го маія въ 2 де г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. велѣлъ Ближные Думы дворенину и намѣстнику Можайскому Михаилу Игнатьевичю Татищеву да діаку Ондрѣю Іванову итти для своего государева дѣла и земского в послѣх к Грузинскому Александру царю; а с ними вмѣсте отпустил г. ц. и в. к. Б.....

І в Казан і в Астарахан и на ..... г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. к боярину і воеводамъ і к дьяком писано, велено их послат проводит ис Казани до Астарахани з двема головами Казанских и Свіяжских и иных понизовных городов стрелцов, которымъ быти на Терке, 850 человѣкъ. А из Астарахани ихъ государевыхъ послов и иверского старца Кирила с товарыщемъ и с людми, дав ему лошади, какъ мочно поднятца, велено отпустити на Терку конми, а запасы их в судѣх; и проводити их из Астарахани до Терки велено послат з головою 500 человѣкъ стрелцов конных, которым быт в походе, а з запасы их послат велено моремъ провожатых, сколко человѣк пригоже, смотря по тамошнему дѣлу. А с Терки велено послат проводит до болших горъ, до коих мѣстъ пригоже, на которые мѣста пойдут, детей боярских и Терских жилетцких черкас и стрелцов конных до 600 человѣкъ и болши да Кабардинских черкас, сколко их будет, смотря

по вестемъ, чтоб пройти было безстрашно. Да взяти им с собою для береженья Терских стрелцов, выбрав лутчих, 50 человѣкъ, которымъ быт в Грузинской землѣ, да сотника, выбрав добра. А к воеводамъ на Терку о том писано. Да с ними ж посланы г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. грамоты к Черкаским княземъ и к Сонскому князю Аристову о провожанье.

И Ближние Думы дворянину Михаилу Игнатьевичю Татищеву да Ондрѣю Іванову, пришедъ в Казан и взяв у боярина и у воевод провожатых, которых с ними велено послат, итти ис Казани в Астарахан, не мешкая. И, идучи Волгою, береженье держати и ставитися устрожливо в крѣпких мѣстех, чтоб на них воры казаки и Азовские люди и наган Казыева улуса безвѣстно не пришли и лиха какова не учинили. А приѣхав в Астарахан, говорити воеводе Михаилу Сабурову да діяку Офонасью Карпову, чтоб они по г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу дали Грузинского Александра царя старцу Кирилу и подъячему и царевымъ и их людем лошади, какъ имъ мочно поднятца, и под государеву посылку и под запас кречатей дали б лошади по государеве грамоте. А старцу Кирилу уговорити, чтоб он из Астарахани послал к Олександру царю с вѣстью которово своего вѣрново человѣка и велѣл сказати про них государевых послов; а тому человѣку своему накрепко заказал, чтоб он про государеву рат на Терке и, дорогою ѣдучи, черкасом и Кумытцким людем не обьявлял, чтоб им про государеву рат вѣдома не учинит до тѣх мѣстъ, какъ придетъ. Да как в Астарахани зберутца совсѣмъ,—и Михаилу Игнатьевичю и Ондрѣю итти из Астарахани на Терку полем конми, а запасы свои отпустит имъ в судѣх моремъ с провожатыми, которых пошлют из Астарахани воеводы. И какъ придут на Терек,—и Михаилу Игнатьевичю и Ондрѣю говорит воеводам Степану Кузмину да князю Володимеру Мосалскому, чтоб они послали по государеву указу о провожанье к Черкаским княземъ к Солоху князю да к Олкасу и к иным мурзамъ, на которые им мѣста итти в Грузинскую землю; а приказали б к ним, что в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. послалъ к Олександру царю Иверскому их послов своих Ближние Думы дворянина и намѣстника Можайского Михаила Игнатьевича Татищева да діака Ондрѣя Іванова, и Солох бы князь и Алкас царскому величеству тѣм службу свою показали, и их государевых послов проводити послали братью свою или детей до Грузинские или до Сонские земли, до коих мѣстъ пригож, чтоб имъ от Кумытцких людей пройти было безстрашно. Да взяти им на Терке у воевод 50 человѣкъ Терских конных стрелцов лутчих, которымъ с ними быти в Иверской землѣ; и о провожатых говорити, чтоб с ними послали провожатых по государеву указу тотчас не

мешкая. И, взяв на Терке провожатых, итти им в Иверскую землю на Суншу; а с Сунши, собрався с черкаскими людми, итти в Иверскую землю на которое мѣсто лутче, роспрося тутошних людей и смотря по вестемъ. А вожей имъ взяти ис Терскихъ жилетцких стрелцов и казаков ис тѣх, которых с ними пошлет 50 человѣкъ, которым быти с ним в Иверской землѣ, которые преж сего бывали в Грузинской землѣ, и по турскиі бы и по иверскиі б хто б из них умѣл.—А как придут в Кабарду которых Черкаских князей и мурзъ в кабаки, и Михаилу Игнатьевичю и Ондрѣю тѣм княземъ и мурзамъ государевы грамоты послати с дьяком или с толмачи и велѣти говорити им, чтоб они царскому величеству послужили и государевых послов и грузинского старца Кирила с товарыщем и с людми до Грузинские или до Сонские земли провожали, чтоб было пройти безстрашно до Иверские земли; а государево жалованье будет им вперед, смотря по их службе. А будет Черкаские князи пріѣдут к ним, и им государевы грамоты подати самим и говорити, чтоб они до Грузинские или до Сонские земли проводили.—А Терских провожатых взяти им до коих мѣстъ пригож, смотря по вестем, самим бы пройти здорова, а государевых людей далеко не завести. Да говорити им старцу Кирилу, чтоб он з дороги, от коих мѣстъ пригож, послал от себя в Иверскую землю людей своих; а с ними послати кого ис стрелцов 2 человѣкъ да черкас человѣк 3 с вѣстью, чтоб к ним Александръ царь прислал встрѣчю людей и лошадей, чтоб им за встрѣчею не измешкат.

А какъ придут в Сонскую землю, и им приказати к Ористову князю Сонскому, что есть к нему от г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. грамота и государево жалованье, и он бы к ним к государевым послом пріѣхал. И будет Аристов князь пріѣдет, и Михаилу Игнатьевичю и Ондрѣю говорити Аристову князю, что в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. послал к Иверскому Александру царю их послов своих, а к нему Аристову князю послал свою царскую грамоту и свое государево жалованье; да подати ему государеву грамоту и жалованье. А отдав говорити, чтоб он, відя к себѣ царского величества жалованье, их государевых послов своею землею провожал, чтоб им пройти здорово.—А о том им провѣдати наперед, пришед в Сонскую землю: Аристов князь от Александра царя не отложился ли? И по прежнему ль под его рукою в послушанье живет?—Да будет Сонской Аристов князь по прежнему Александру царю послушен и от него не отложился, і Ближние Думы дворянину Михаилу Игнатьевичю говорити Аристову князю: вѣдомо учинилос царскому величеству, что из давных лѣт

Сонская земля подо властью Іверских царей одна земля и люди были одноѣ вѣры христьянские; а не в давном времени ты, Аристов княз, от Александра царя хотѣлъ отстат, и за то меж вас недружба і война всчалас была. И ныне царского величества к тебѣ приказ, чтоб ты, Аристов княз, с Олександром царем был в дружбе і в любви по прежнему и от него не отставал и ни х которым его недругом не приставал; а был с Олександром царем и сь его детми вмѣсте под в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. под его царского величества рукою и ему государю служил и на государевых непослушников, а на Александровых царевых недругов, стоял с Олександром царем и з государевыми Терскими воеводами заодин. А каково к себѣ царского величества жалованья похочеш,—и ты б о том слал к царскому величеству послов своих, о всем с ними наказав. І в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., челобитья твоего от послов выслушев, пожалует тебя своим царским жалованьем во всем, смотря по твоей службе. А будет Аристов княз ныне с Александром царем не в миру, і Ближние Думы дворянину Михаилу Игнатьевичю и Ондрѣю говорити потому ж, чтоб Аристов княз похотѣл к себѣ царского жалованья і с Александром царемъ однолично помирился и был с ним в дружбе і в любви і в соединенье по прежнему і на его недругов стоял с ним заодин.—И будет Сонской Аристов княз похочет быти в государеве жалованье,—и Ближние Думы дворянину Михаилу Игнатьевичю Аристова князя привести к вѣре, что ему вперед быти в государеве жалованье под его царьскою рукою вмѣсте с Олександром царемъ Іверским и съ ёго детми и на государевых непослушников, а на Александровых царевых недругов, на Шеѳкала з детми и на иных горских князей стояти заодин.—А будет Аристов княз сам к ним не поѣдет, а прикажет, чтоб к нему государево жалованье и грамоту с кѣм прислати, а провожаті ихъ людей своих посылати учнет,—и Ближние Думы дворенину Михаилу Игнатьевичю государево жалованье и грамоту к Аристову князю послати с толмачом и приказати к нему, чтоб он их государевых послов послал провожат людей своих, чтоб им до Иверской земли проѣхат безстрашно.—Да итти им к Иверской землѣ с великим береженьемъ; а толко будет мочно, ино б для вѣры у Аристова князя взяти заклад, чтоб над ними в тѣсных мѣстех с Кумыцкими людми какова лиха (дурна) не учинили.

Да как, ож дастъ Богъ, придут в Грузинскую землю і велит им Александръ царь быти у себя на посолстве,—и Ближніе Думы дворенину Михаилу Игнатьевичю да діаку Ондрѣю приказать к Олександру царю, чтоб у него в то время иных государей пословъ і по-

сланниковъ не было никого и им бы государевым послом быти у него одним; да и о том приказати, чтоб Александров царев сынъ Юрьи был с отцомъ вмѣсте, как имъ быти на посолстве. А нѣчто при них.....*(и пр. обычное наставленіе см. стр. 244)*... и гонцовъ.

А не будет у Александра царя иных земел послов и посланников,—и Михаилу Игнатьевичю, пришед к Олександру царю, от г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. поклон правити: Бога в Троице славимаго милостію, в г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. (*и пр. полный титулъ*)... и облаадатель тебѣ, Александру царю, велѣл поклонитися. А после того правит поклон царевичю Юрью: Божіею милостию, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. тебѣ, Юрью царевичю, велѣл поклонитися.—А после того правити поклон от г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. царю Александру и сыну его царевичю Юрью: Божіею милостию, в. г. царя и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. его царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. тебѣ, Александру царю, велѣл поклонитися. Божиею милостью. ...*(тоже самое)*..... тебѣ, Александрову цареву сыну царевичю Юрью, велѣл поклонитися.—И будет Александръ царь и царевичь Юрьи спросят про г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. і про г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. здоровье,—і Михаилу Игнатьевичю молыт: как есмя поѣхали от царского величества, і, Божіею милостію, в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. і его царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. на своіх великих преславных государствах в добром здоровье.—Да подати Александру царю и царевичю Юрью государевы грамоты. А после того явити Александру царю і царевичю Юрью г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. жалованье поминки по росписи.

А обьявя поминки, говорити рѣч Ближние Думы дворянину Михаилу Игнатьевичю: Божиею милостию, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. тебѣ, Александру царю, велѣлъ говорити: присылал еси к нашему царскому величеству бити челом о своих дѣлех старца Кирила з грамотою. А в грамоте своей к нашему царскому величеству писал еси и рѣчью старецъ Кирило от тебя нам, великому государю, бил челом, что тебѣ и твоей землѣ Іверской от ваших недруговъ от Шевкала князя и от его детей великое утесненье: безвѣстно на вашу землю приходят и землю вашу воюют и людей в полонъ емлют;—и толко нашего царьского вспоможенья к вам не будет, ино всѣ хрестьянские дѣти и жены их и дѣти в росхищенье будут, а вѣре хрестьянской поруха. І вы и ваши люди ожидаете нашей царьской милости, бьеш челом, чтоб наше царьское величество на вас призрѣли нашим царьским милостивымъ призрѣньем и от недругов ваших от Шевкала велѣти оборонити, а послат бы на него болшую

нашу рат и его воеват и городы б въ его землѣ велѣти поставіт, чтоб вам нашим царьским защищеньем от недругов своих и от их насилства свободитися и безстрашнымъ в покое жити и за наше царское здоровье Бога молити; а толко нашей рати на горских людей не будет,— і вам і вашимъ людемъ не будет мѣста головы приклонити. И мы в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с.... (*тоже самое, что говорено ст. Кириллу дьякомъ Ав. Власьевымъ на отпускѣ см. стр. 414*).... городы ставит.—Ондрѣю: Б. м., в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. тебѣ, Александру царю, велѣлъ говорити: и ты б, Александръ царь, видя к себѣ такое наше царское жалованье, был в нашем царском жалованье под нашею царскою высокою рукою непоколебим и на своей правде стоял крѣпко потому, как еси нам по записи правду дал и кресным целованьем утвердил; да и сыну б еси своему царевичю Юрью и бояром своим ближним ныне перед нашими послы перед Ближние Думы дворяниномъ нашимъ и намѣстником Можайскимъ перед Михаилом Игнатьевичемъ Татищевымъ да перед дьякомъ Ондрѣемъ Ивановым велѣлъ по записи крестъ целовать, что тебѣ и сыну твоему царевичю Юрью со всею Іверскою землею быти в нашемъ царском жалованье под нашею царскою высокою рукою неотступным і во всемъ нам прямити и служити і на наших непослушников, а на своих недругов, стояти с нашими с Терскими воеводами заодинъ. А как нашего царского величества воеводы с нашею ратью будут на Терье и на Койсе и на Сунше и с тобою Олександром царемъ обошлютца,— и ты б Олександръ царь послал на Шевкала сына своего царевича Юрья или бояр своих ближних с своею ратью, чтоб нашего царского величества воеводам, приговоря срокъ, с твоими людми сшедчися, над Шевкалом промышляти вмѣсте, чтоб его повоевать и городы поимат и под нашу царскую руку привести і дорогу в Іверскую землю очистити, чтоб тебѣ и всей вашей Іверской землѣ вперед утесненья не было.

А какъ посолство исправят і велит имъ Олександръ царь быти у себя иным временем,—и Ближние Думы дворянину Михаилу Игнатьевичю и дьяку Ондрѣю говорити Олександру царю и царевым ближнимъ людем: преж сего присылал в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. посланниковъ своих к Олександру царю Івана Нащокина да Івана Леонтьева. И тѣ царского величества посланники к в. г. н. писали и словом, пріѣхав, Іван Леонтьев царского величества приказнымъ людем сказывал, что Олександръ царь говорил имъ многие непригожие рѣчи, вычитая про свои поминки, которые преж сего присылал к царскому величеству, а от царского величества к нему к Олександру

царю ничего нѣт, и рат на Шевкала по ся мѣста не бывала; и тѣм государевым посланником многое безчестье и тесноту чинил и ставит их велѣл по лесом и по пустым мѣстом и корму не давали и от того у них многие люди померли,—а Турского чеуша Олександръ царь у себя чтилъ свыше мѣры и ставил его подлѣ себя. И за такие было непригожие дѣла Олександръ царь царского величества гнѣв на себя воздвиг, и для того послу его старцу Кирилу велено было побыти в Нижнемъ, а из Нижнего ѣхати было ему назад в Ыверскую землю, и послов своих царское величество к Олександру царю и челобитья его вперед принимати не хотѣл. И бил челом в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. его царского величества сынъ в. г. н. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р., чтоб царское величество по своему царскому милосердому обычаю милости своей от Олександра царя не оставил і велѣл старца Кирила взяти к Москве и про то про все велѣлъ его роспросити и сыскати. І в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. за прошеньем сына своего в. г. н. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. старцу Кирилу велѣл быти к Москве и свои царские пресвѣтлые очи видети. И старецъ Кирйло от Александра царя подал грамоту. А в грамоте своей Олександръ царь к царскому величеству писал и рѣчью старецъ Кирило и писмом своим известилъ, что посланники в. г. н. Іван Нащокин и Иван Леонтьевъ, будучи в Грузинской землѣ у Александра царя, сами дѣлали многие непригожие дѣла не по царского величества наказу и людем Александра царя насилство и обиды чинили. І в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. и его царского величества сынъ в. г. н. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р., по своему царскому милосердому обычею и жалуючи Александра царя, тѣх своих посланников писму и рѣчем ни в чом не повѣрили, а повѣрили Александрову цареву писму, что Александръ царь к его царскому величеству писал в своей грамоте и что посол его старецъ Кирило рѣчью сказывал и писмом известил; и за то Івана Левонтиева велѣли казнити смертью. И посол Александра царя старецъ Кирил царскому величеству бил челом, чтоб в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. милость над ним для Олександра царя показал, смертною казнью казнити его не велѣл. И царское величество по челобитью старца Кирила для Олександра царя смертною казнью казнити не велѣлъ, а велѣл его казнити торговою казнью і вкинут на смерть в тюрму; то старецъ Кирил і самъ видел. А Іван Нащокин, идучи от Олександра царя, в дороге умер; а толко б жив был,—и ему б то ж было. А которым Олександровым царевым людем Іван Нащокин и Іван Левонтьев насилство чинилі, и тѣм людем за безчестье, а которые будет от их

людей побиты, и тѣх людей родству и племяни царское величество прислал с нами послы своими 500 рублев денег. А преж сего какъ былъ у царского величества Александра царя посол Сулейман князь да дьякъ Левон и по царского величества указу велено им давати кормы доволные и питье,—и мимо царского указу печатникъ и посолской дьяк Василей Щелкалов по их же челобитью велѣлъ был имъ давати за корм денгами; и царское величество, увѣдав про то, за то на Василье Щелкалове велѣл, взяв 300 рублев, отдати Сулейману да дьяку Левону; и отдано Сулейману двѣсти рублев, а дьяку Левону сто рублев.—А изговоря рѣч, молыть им царевым ближнимъ людем, чтоб им тѣх людей, которым обида учинилась, прислалі; а они им дадут государево жалованья имъ. Да как к ним тѣх людей илі родство их прішлют,—и Михаилу Игнатьевичю и Ондрѣю тѣмъ людем роздати государево жалованье за всякое дѣло порознь по 100 рублевъ, что написано в старцове Кирілове челобитной,—что в Моркаче Ивана Левонтиева люди убілі до смерти дву жонок да мужіка,—и за то дати триста рублев, за человѣка по сту рублев; да Ивановы ж люди с Терскими казаки в Шувайтезе поймали у мужика жену и свели в лѣс да ее насилничели и та жонка от их насилства умерла,—и за то дати сто рублев же; а что в Загеме розных земел торговых людей грабили платье и денги имали силно и жон і тутошних людей бесчестили, шапки з голов срывали и на кабакѣх пропивали,—и за то дати сто рублев же.

Да после того какъ велит имъ Александръ царь быти у себя и учнет им говорити сам или сыну своему царевичю Юрью велит с ними говорити или ково к ним вышлет с отвѣтомъ своих думных людей, а учнут их спрашивати: какъ г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. хочет Александра царя держат в своем царьском жалованье под своею царьскою рукою і во обороне? И гдѣ ныне царьского величества рат? И в которое время будут войною на Шеокалову землю? И в которых мѣстех велѣлъ государь в Шеокалове землѣ городы занят и новые ставит?—И Ближние Думы дворянину Михаилу Игнатьевичю да и дьяку Ондрѣю говорити Александру царю или его ближнымъ людемъ: преже сего присылал Александръ царь к царьскому величеству послов своих Сулеймана князя да дьяка Левона, поздравляючи в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царьского величества сына в. г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. на их великих и преславных государствахъ Росискаго царьствия; да царьскому же величеству с тѣми послы своими приказывал биті челом, чтоб *(тоже самое, что выше въ наказѣ Нащокину с. 332)*.... послали былі рат свою на Шеокала князя и на Кумытцких людей с воеводами со

княземъ Іваномъ Петровичемъ Ромодановскимъ с товарыщи,—и послом Александра царя то обьявити велѣли. И, пожаловав их своим царьскимъ жалованьемъ, к Олександру царю отпустили; а с ними вмѣсте послали к Олександру царю посланников своих Івана Нащокина да Івана Левонтьева свое царьское жалованье и про рать обьявити. И после отпуску посланников Ивана Нащокина да Ивана Левонтиева вѣдомо учинилос царскому величеству, что судом Божьимъ Александра царя не стало, а хто на его мѣсто на Иверской землѣ учинился царем, того было невѣдомо;—и для того царского величества рат тогды на Шевкала не пошла. А ныне в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. и его царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. пожаловали тебя, Александра царя, для христьянские вѣры, по его челобитью, на его недруга, а на своего непослушника, на Шевкала князя послал многую свою рат з боярином і воеводами с Іваном Михайловичем Бутурлиным с товарыщи; а будут они к Тарком и пойдут на Шеѳкалову землю в августе мѣсяце. А указ им о том царьского величества: какъ придут на Терку, и им велено к Олександру царю и к ним царьского величества послом отписати: как им итти с Терки и х которому времени почают быти в Шеѳкалове землѣ. И Александръ бы царь на того своего недруга, а на государеве непослушника, на Шеѳкала также изготовил рат свою с сыном своим с царевичем Юрьем или с своими бояры, и в то ж бы время, какъ царского величества рат пойдет на Шевкалову землю, велѣлъ своим ратным людем итти и сходитися з государевою ратью и Шевкалову землю воеват. А вперед в. г н. его царское величество Александра царя і всю Иверскую землю в своемъ жалованье держати и оберегати хочет и свыше прежнего.—Да говорити им о том накрепко, чтоб одноличпо Александръ царь послал на Шеѳкала рат свою. А з государевыми воеводами з боярином і воеводою с Іваном Михаиловичем Бутурлиным с товарыщи им обсылатися на Терку, как они пойдут с Терки на Шеѳкал и х которому сроку почают быти в Тарках, чтоб им про то вѣдат.

А будет Александръ царь или его ближние люди учнут говорити, что преж сего Шеѳкал был ему недруг и землю его воевал и многую тесноту ему чинил, а ныне Шеѳкал с ним мирен и земли его убыт. а никоторого не чинит, и преж сего о том он на Терку к государевым воеводам писал, что с ним Шеѳкал помирился, и ныне б они государевы послы к боярину и воеводам к Ивану Михайловичю Бутурлину с товарыщи послалі, чтоб они с царского величества ратью на Шеѳкалову землю войною не ходили, а до него то государево жалованье дошло,—и Ближние Думы дворянину Михаилу Игнатьеви-

чю и Ондрѣю говорити Александру царю или его ближним людем: присылал к в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. Александръ царь в послѣхъ старца Кирила з грамотою. А в грамоте в своей писал и рѣчью старецъ Кирил царскому величеству бил челом, что тебѣ, Александру царю, и твоей землѣ Іверской от твоихъ недругов от Шеѳкала князя и от его людей великое утесненье, землю твою воюютъ и людей в полон емлют. И в. бы г. н. его царское величество пожаловал, за него вступился и от недруга его от Шеѳкала оборонил, послал бы на него рат свою и велѣл землю его воевать и городы въ его землѣ ставит. І в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. по своему царьскому милосердому обычею, жалуючи Александра царя, по его челобитью, послали на Шеѳкала рат свою; и такой великой подъемъ и убытки починил для его Александра царя.—А про то в. г. и. вѣдома не было, что Шеѳкал с Александром царем помирился; а толко б про то царьскому величеству вѣдомо было, и государь бы нашъ царьское величество на Шевкала рати своей и не послал и такого великого подьему не чинил. И ныне б царь Александръ на том своем слове стоял, какъ с послом своим с старцом Кирилом в грамоте писал и рѣчью приказывал, и на Шевкала рат свою послал.

Да о том имъ провѣдывати посылат по часту на Терку и у тутошних людей розвѣдыват: ужли государевы воеводы в Шевкалову землю пришли і война от государевых людей в Шевкалове землѣ была ли и городы Тарки и Таркалы засѣли л? А околничему і воеводам Івану Михайловичю Бутурлину с товарыщи о том велено с нимі по часту ссылатіс, как у ніх государево дѣло учнет дѣлатіс. Да будет им вѣсть от воевод про то подлинная будет, что, дал Богъ, у государевых воевод по государеву наказу все здѣлалос, Шевкала повоевали и городы въ его землѣ засѣли, а царь Александръ о том учнет накрепко говорит, чтоб они послали к государевым воеводам, что Шевкал с ним мирен і они б его земли не воевали,—и Ближние Думы дворянину Михайлу Игнатьевичю и Ондрѣю сказати, говорит Олександру царю и сыну его царевичю Юрью или его ближним людем, кого к ним о том учнет присылат, что они по Александрову цареву челобитью царского величества к боярину і воеводам к Ивану Михайловичю с товарыщи о том отпишут, чтоб они Шевкала князя и Кумытцких людей болши того не воевали. А он бы, Александръ царь, Шевкала и детей его на то привел, чтоб они царскому величеству за свои вины добили челом і в заклад детей своих болших далі, кому мочно вѣрит, і вперед были под царскою высокою рукою с нім с Олександ-

ромъ царемъ вмѣстѣ и послал бит челом к царскому величеству послов своих лутчих людей о его государеве жалованье; а Александръ бы царь об них потому ж царскому величеству отписал і бити челом послал. І царское величество по его Александрову цареву челобитью Шевкала и детей его пожалует учнет держаті в своем царском жалованье і во оборонѣ.—Да будет Александръ царь в том и яззаетца и учнет о томъ им говорити,—і Ближние Думы дворянину Михайлу Игнатьевичю и Ондрѣю послати от себя кречетника или толмача или кого из стрелцов к государевым воеводам з грамотою; а отписати к ним, что Александръ царь на государеве жалованье і на его царской оборонѣ челом бьет, а нѣне с ним Шевкалъ помирился и земли его вперед от Шевкаловы земли никоторого убытка не чаютъ и в заклад детей своих дает илі дастъ и о том бьет челом, чтоб онѣ Шевкала не воевали. Да и самим им о том к государю отписат подлинно: что будет Александрово царево челобитье и на каковѣ мере у них здѣлаетца.—А покамѣста подлинные им вѣсти не будет про то, что государевы люди в Шевкалове землѣ войною были и городы засѣлі,—и до тѣхъ мѣстъ имъ к государевымъ воеводамъ о том не писаті и не приказываті.—А промышляті имъ і розговариваті царю и его ближним людем, что и преж сего Шевкал с нимъ миривался, да на своей правде не устаивал; и нѣне он Шевкала укрепил гораздо вѣрою и заклады. — Да чтоб им однолично тѣмъ поизволочит как мочно, смотря по тамошнему дѣлу, чтоб вскоре к государевым воеводам о Шевкале не посылат, что іво не воеват, покамѣста, аже дастъ Богъ, землю его повоюют и городы засядут.

Да говорити имъ Александру царю или его ближнимъ людемъ, что в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. пожаловал Александра царя, взял под свою царскую руку и во оборону и нѣне такое свое царское жалованье показал, рат свою на Шевкала послал,—и он бы Александръ царь и сынъ его царевичь Юрья и их ближние люди в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского (величества) сыну в. г. ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. на записи крестъ целовали, что имъ в государеве жалованье под их царского величества рукою быть в вѣкъ неотступнымъ и ни х которым недругомъ не пристават и запис бы целовалную новою велѣли написат и, к той записи царь Александръ и сынъ его царевичь Юрья руки свои и печати приложа, имъ дали.—И будет Александръ царь учнет говорити, что он преж сего государю перед посланники перед Іваном Нащокиным да перед Іваном Левонтьевым с сыном своим Давыдом крестъ целовал и нѣне ему в другие крестъ целоват не для

чего,—и Ближние Думы дворянину Михаилу Игнатьевичю и Ондрѣю говорити, что преж сего целовал он крестъ вмѣсте с сыном своим з Давыдом царем, а Давыд царь тогды учинился был на Иверской землѣ царемъ на его Александрово мѣсто; и Божьим судом Давыда царя не стало, а на Иверской землѣ опят учинился государем онъ Александръ царь. И ему б ныне изнова крестъ целовать и с ним бы сынъ ево царевич Юрьи и іх ближние люди на записи крестъ целовали и тое запис, укрѣпив своими руками и печатми, имъ дали.—А с прежней записи, на которой царь Александръ и царь Давыд крестъ целовали, послана с ними з государевы послы список.—И как царь Александръ и сынъ его царевич Юрьи новую запис велят написат и, крестъ на ней целовав, имъ дадут и учнут о прежней записи говорит накрепко, чтоб еѣ отдали назад,—и Михаилу Игнатьевичю и Ондрѣю говорит, что с ними записи не прислано, а дѣла в ней уж никоторого нѣт; какъ, дастъ Богъ, послы ихъ будут у царского величества,—и тогда прежнею запис имъ отдадут.—А будетъ царь Александръ упрямитца, а не похочет в другое креста целовать и уговорит будет его отнюд не мочно,—и Ближние Думы дворянину Михаилу Игнатьевичю и Ондрѣю говорити царю Александру: хоти он государю крестъ целовал, да сынъ его царевичь Юрьи креста не целовал,—и он бы велѣл новую запис написати и на той записи сыну своему царевичю Юрью и ближнимъ своим людемъ за всю Іверскую землю велѣл крестъ целовать; да он к той бы новой записи он Олександръ для сына своего царевича Юрья руку свою приписал, что о всем прямити по той записи и, укрепя тоѣ новую запис, имъ далъ.

Да посланы с ними г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. грамоты к удельным Иверские земли к Симонову цареву сыну к Юрью царевичю, да к Симоновымъ братьямъ к Вахтану, да к Олександру царевичю, да к Ростону царю Костянтиновичю и къ брату его къ Юрью царевичю. И будет Симонов царев сынъ царевич Юрьи и иные цари и князи, которые живут блиско Грузинские земли, похотят быт в государеве жалованье под его царскою рукою и пришлют к нимъ о томъ: есть ли к нимъ от царского величества какой приказ? Или хотя и не пришлют, а мочно им с ними сослатись, идучи в Грузинскую землю к Олександру царю, по тайному наказу,—и Ближние Думы дворянину Михаилу Ігнатьевичю и дьяку Ондрѣю приказат к ним с толмачи, что в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. прислал их послов своих к Олександру царю Іверскому по его челобитью. А к нимъ к царю и к царевичю от царского величества грамоты и приказ есть же: которые цари и царевичи Грузинские земли похотят к себѣ государева

жалованья,—и к нимъ присланы государевы грамоты и рѣчью к нимъ приказ есть же; и они б с ними царского величества послы гдѣ сьѣхалис, и они им царского величества жалованье и приказ объявят. Да промышлят имъ всякими обычаи, смотря по тамошнему дѣлу, чтоб с ними со всеми видетца самим; а с кѣмъ не мочно видетися, и с тѣми б обослатися и говорити им, что великій государь царь, что имъ быть (sic) в государеве жалованье под его царскою рукою с Олександромъ царемъ вмѣсте и на всѣх недругов стояті заодинъ и послали б с ними вмѣсте ко государю послов своих добрых людей и с ними о всемъ приказали, что их челобитье ко государю. І в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. выслушав челобитья и пожаловав своим царскимъ жалованьемъ, отпустит к нимъ со всем подлиннымъ указомъ, как имъ быт под его царскою высокою рукою і во оборони ото всѣх недруговъ, потому ж как Александра царя пожаловал, принял под свою царскую руку и грамоты имъ жалованные з золотыми печатми пришлет. Да и царю Александру и его ближним людем говорит потому ж, чтоб они были с ним вмѣсте; а царскому величеству всего любее, чтоб Александровы царевы братья и зятья и племянники были все вмѣсте с Александром царем в дружбе и в любви под его царскою высокою рукою и стояли вмѣсте против своих недругов и царского величества непослушников заодинъ, чтоб имъ от бусурманских государей розореным не быт.

А будет Симоновъ царевъ сынъ царевичь Юрьи и Ростон царь сами к нимъ не поѣдут, а велят имъ с собою, гдѣ будет пригоже, в которомъ мѣсте блиско рубежа или будет мочно к ним, толко не почает от них какого оману и хитрости,—и Михаилу Ігнатьевичю и Ондрѣю съѣхатис правити имъ от г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. поклон и грамоты подати по государеву наказу.—А отдав грамоты говорити имъ: вѣдомо учинилос в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. от Іверского Олександра царя посол, что вы по родству Александру царю в свойстве и земля ваша с Іверскою землѣю одна была, толко промеж вас рознь и недружба бывает; а в той вашей розни бусурманские государи многими землями у вас завладѣли і вам многое насилство чинят и дан на вас емлют. И в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р., милостивые християнские государи, по своему царскому милосердому обычею, о том желеют, по грехом всего християнства Іверская земля пребывает во изгнанье і в утесненье от бусурман,—и хотят вперед того, чтоб их царским осмотреньемъ православная християнская вѣра от невѣрных во изгнанье не была, Александру б царю і вам всѣм быт в тишинѣ і в покое. И ныне в. г. п. ц. и в. к.

Б. Ѳ. в. Р. с. по Александрову цареву челобитью послал на его недруга на Шевкала многую свою рат з боярином і воеводамі с Іваном Михайловичем Бутурлиным с товарищи; а к вам царское величество приказал, чтоб с Олександром царем были в дружбе и в любви и с нимъ вмѣсте были под царского величества рукою и на его государевых непослушников, а на своих недругов стоя(ли) с Олександром царемъ и з государевыми воеводами заодинъ; а к Олександру царю о томъ царьского величества приказ есть же, чтоб с ними быт в дружбе и в любви. И имъ говорит про греческое государство: вѣдомо вамъ самимъ—каково было греческое царство. Коли были християнские государи меж себя в любви и в соединенье и стояли заодно—Греки, Болгары, Сербы, Болны, Хорваты, Мутьяны, Волохи, Угры,—и тогды греческое государство стояло ни от кого не обидимо и христьяне жили в покое; а как по грехом всего христьянства почела быт меж христьянскими государи рознь и несоединенье,—и теми всеми мѣсты обладали бусурманы. І в каком утеснѣнье і во изгнанье ныне крестьяне в тѣх странах пребывают,—то вамъ самимъ вѣдомо. А Іверская земля также вѣры християнские греческого закона; а вы із давных лѣт с Іверскими цари одного роду и одное вѣры и земли ваши были одное Іверской земли и под одного государя властью были. А как та Иверская земля роздѣлена,—и часть тоѣ земли за Олександром царем, а другая часть за Симоном, а третьея за Ростономъ. И меж вас была рознь и многие недружбы і войны; а Турской в тѣ поры многие мѣста у вас поимал и дан положил, а невдавне и самого Симона в полон взяли. А Олександру царю также теснота—с одну сторону от Турских людей, а с другую сторону от Шевкала и от Кумыцких людей, войною на его землю приходят и людей в полон емлют и животы грабят. І в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р., слышев о том, поскорбѣли, что по грехом в здешних странах христьяне от бусурман во изгнанье і во утесненье пребывают и для того к вам о том свое царское повелѣнье приказали, чтоб вы с Александром царем были в дружбе і в любви і с нимъ вмѣсте были под великого государя нашего его царского величества рукою и стояли на всѣх своих недругов заодин. А какова к себѣ царского величества жалованья похотите,— і вы б о том слали к в. г. н. послов своих лутчих людей, о всемъ с ними наказав, как вамъ вперед быт в царском жаловань і в береженье; и царское величество, выслушав вашего челобитья, во всем вас пожалует.—Да будет похотят быти в государеве жалованье,—ино их к вѣре привесть по записи.—А Оле-

ксандру царю говорити потому ж, чтоб он с Симоном царем и сыном его с царевичем Юрьемъ и со Ростоном царемъ и съ его братом и с Аристовом княземъ Сонским был в миру и в дружбе; хотя будет за што меж их была и рознь,—и они б, то все отставя, ныне меж себя помирилис и были б в государеве жалованье под его царскою рукою все вмѣсте и на недругов своих на Шевкала и на иных стояли заодинъ.— А будет Симон царь и сынъ его царевичь Юрьи и Растон царь сами на съѣздъ не поѣдут, а пришлют братью свою или ближных людей,—и имъ говорит потому ж, чтоб Симон царь и сынъ его царевичъ Юрьи и Ростон царь з братьею и Аристов Сонской были в царскомъ жалованье и с Олександром царем в дружбе і в любви; да и к вѣре их привести на том, что Симону царю и сыну его царевичю Юрью и Ростону царю з братом быти в государеве жалованье под его царскою высокою рукою вмѣсте с Александром царем и правду дат перед теми людми, кого Александръ царь к ним пришлет. Да говорити Александру царю, чтоб к ним послал из своих бояр и ближних людей, а велѣл ихъ к вѣре привесть по записи, и их бы держал с собою в дружбе і в любви, а розни б меж собою не чинили.— А об ных делѣх говорит, смотря по них, по тайному государеву наказу.

Да памят Ближние Думы дворянину Михаилу Игнатьевичю Татищеву да дьяку Ондрѣю Іванову.—Как они придут в Иверскую землю, а царя будет Александра царя не стало или постригся, а на его мѣсто учинился на Иверской землѣ царем сынъ его царевичъ Юрьи і велит имъ новой царь Юрьи быти у себя на посолстве,—и Михаилу Ігнатьевичю и Ондрѣю Іванову к новому царю Юрью итти. А, пришед к нему, говорити: в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. и его царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. послали нас посолством к отцу твоему к Олександру царю; а о том нам царского величества приказ: будет судом Божьим Александра царя не станет, а на его мѣсто учинишся на государстве ты, сынъ его царевичь Юрьи,—и нам велено у тебя быти и посолство тебѣ правит.—Да править имъ от г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и от г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. новому царю Юрью поклон и грамоты подати и поминки явити по государеву наказу. А явити поминки тѣ, что посланы были к Александру царю; а что посланы были к нему царевичю Юрью,—и тѣх не подават, а держат их у себя на иные розходы, оприч кречатов, а кречаты ему отдат всѣ.—А после того говорит рѣч: Божиею милостию, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. тебѣ, Юрью царю, велѣл говорити: присылал.... *(буквально тоже самое, что велено было го-*

ворить и Александру см. стр. 426—427)... а ныне и свыше того его хотѣли держати ..... городы ставит. И ныне отца твоего Александра царя судомъ Божьим не стало, а на его мѣсто учинился на Иверской землѣ царем ты, сынъ его царевич Юрьи.—И ты б, видя такое к отцу твоему к Олександру царю і к себѣ наше царское жалованье, был под нашею царскою высокою рукою непоколебим потому ж, какъ отецъ твой Александръ царь был в нашем жалованье і нам в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. к. Р. с. и нашего царского величества сыну в. г. ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. служил и перед нашим послом перед Ближние наше Думы дворянином и намѣстникомъ Можайским перед Михаилом Игнатьевичем Татищевым и перед діяком Ондрѣем Ивановым с своими бояры и з ближними людми по записи крестъ целовал, что тебѣ со всею Іверскою землею быти в нашем царском жалованье под нашею царскою высокою рукою неотступным и во всем нам прямил і на наших непослушников, а на своих недругов, стоял с нашими с Терскими воеводами заодин. А мы в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и нашего царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. тебя, Юрья царя, под нашею царскою высокою рукою в нашем царском жалованье от твоіх недруговъ в обиреганье і в защищенье держати хотим потому ж, как и отца твоего Олександра царя. И как нашего царского величества боярин і воеводы с нашею ратью ..... (*тоже самое, что и выше стр. 427*) ..... утесненья не было.

Да говорити им и дѣлати г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. дѣла по государеву наказу.

..... послов отпустіл, а дѣла с німі никакого не учініл.

А нѣчто спросят: какъ ныне государь с Руделѳом цесаремъ и с папою Римскимъ и с Литовским королем? И Михаилу Игнатьевичю и Ондрѣю говорити: Руделѳъ цесар Римской с в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. в дружбе і в любви; и ссылки меж их государей частые [37]).— А с Литовскимъ Жигимонтом королем царское величество в перемирье. А присылал к в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. Литовской Жигимонтъ король послов своих великих Лва Сопѣгу канцлѣра великого княжества Литовского с товарыщи, просячи того, чтоб в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. з Жигимонтом королемъ был в миру і в дружбе і в любви. І в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., по своему царскому милосердому

---

[37]) Далѣе зачеркнуто: и против Турского салтана государь нашъ Руделфу цесарю Римскому своею царскою казною вспоможенье учинил.

обычаю, жалѣя о розлитье крови крестьянские, и за челобитьемъ и за печалованьем сына своего в. г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. и для покою крестьянского с Литовским Жигимонтом королемъ велѣл перемирье учинит.

А нѣчто спросят про Свѣйскую землю: как ныне з государствомъ Московским Свѣйская земля? И Ближние Думы дворянину Михаилу Игнатьевичю да діаку Ондрѣю говорити: Свѣйская земля при в. г. блаж. пам. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и по се время была в миру.— А ныне Свѣйскою землею владѣет Арци-Карло Свѣйского королевства владѣтелной і вотчинной князь; і присылал к в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. послов своих Юрья Клаусова с товарыщи о том, чтоб в. г. н. его царское величество его Арцы-Карла и Свѣйскую землю пожаловал, велѣл мирное постановенье закрепит. И тѣ его послы отпущены, а мирное постановенье по прежнему договору; а совершенье тому дѣлу и договор не утвержен.

А нѣчто учнет Александръ царь или его приказные люди спрашиват: как ныне г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с Турским салтаном? И Ближние Думы дворянину Михаилу Игнатьевичю и діаку Ондрѣю говорити: преж сего к в. г. блаж. пам. к ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. Турской Мурат салтан присылал посланников своих, чтоб в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. похотѣл с ним быти в дружбе і в любви. І в. г. его царское величество для брата своего Аббас-шахова величества и Руделфа цесаря и для Олександра царя с Турскимъ Муратъ салтаном в дружбе і в любви быти не похотѣл і посланников его без дѣла отпустил; толко с нимі посылал гонца своего для торгового дѣла. А ныне вновс в. г. н. царю и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. с Турскимъ с Магмед салтаном ссылка никакова не бывала [38]).

А нѣчто спросят про Крымского: как ныне государь с Крымскимъ Казы-Гирѣемъ царем? И Ближние Думы дворянину и намѣснику Можайскому Михаилу Игнатьевичю да діаку Ондрѣю говорити: Крымской Казы-Гирѣй царь присылал к в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. послов своих, просячі того, чтоб царское величество принял его к себѣ в дружбу и в любов; да и для того, что по царского величества указу поставлены на Коле блиско Крыму по Донцу і по Оско-

[38]) Далѣе зачеркнуто: а хочет в. г. н. его царское величество быти в дружбе і в любви і в соединенье з братом своим с Аббас-шаховым величеством и с Руделфом цесарем Римским и с ынымі хрестьянскимі государі.

лу многие городы—царевъ Борисов город, Бѣлъ-город, Осколской город, Волуйской город и иные многие городы блиско Крыму,—и из тѣх из новых городов Крымским людем и Азову тесноту чинят. І в. бы г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. городов блиско Крыму ставити не велѣл, чтоб Крымским людем из тѣх городов тесноты и убытков не было. І царское величество Крымского Казы-Гирея царя.....

А нѣчто спросят про Сибирь,—и Михаилу Игнатьевичю и Ондрѣю говорити: Сибирское царство искони вѣчная вотчина государей наших и дан с Сибирские земли шла из давных лѣтъ соболи и лисицы черные. А не в давных лѣтех поотступили были, дані не почели давать,—и царское величество на Сибир посылал рать свою и Сибирь взяли, а Сибирского Кучюма царя ис Сибири согнали, а брата Кучюмова царева Магметкула царевича, иных царевичей детей его и царицъ іх поймалі. И ныне Сибирскіе царевичи живут при дворѣ царского величества, в. г. н. служат. И живут ныне в Сибири государевы воеводы и люди многие устроены и городы в Сибири многие поставлены по Турѣ рѣкѣ и по Иртишу и по Оби по великой рѣке и церкви поставили и села и деревни устроили и живут в Сибирской землѣ многіе рускіе люди государевы воеводы и ратные и служивые люди и жилетцкіе и торговые и пашенные люди и пашни многие пашут; и дан с Сибирские земли многая идет, соболи и лисицы чорные и звѣр всякой идет. А достолные Кучюмовы царевы дѣти Алѣй царевич з братьею со всѣми людми в царьскомъ повслѣнье и пожалованы государевымъ жалованьемъ волостмі и ясакі.

Да памят Ближные Думы дворянину и намѣснику Можайскому Михаилу Игнатьевичю Татищеву да діаку Ондрѣю Іванову.—Будучи в Грузинской землѣ провѣдывать себѣ тайно: как ныне... (*тоже, что выше стр. 98*)... лѣте. И будет (*война между Турскимъ и Кизылбашскимъ*) была, і в которых мѣстех и с которые стороны война всчалас? И что Кизылбашской у Турсково город... своих назад имывал ли? І вперед меж ихъ чево чают—миру л или войны? И опричь Турсково Кизылбашскому шаху с кѣм война ест ли? И какъ ныне с Шевкаломъ и с Кумытцкими людми Олександръ царь в міру илі в перемірье и чего чаят?

И о всемъ, будучи в Грузинской землѣ, г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. дѣломъ промышлять і вестей всяких провѣдыват по сему государеву наказу.

Да памят думному дворянину і намѣснику Можайскому Михаилу Игнатьевичю Татищеву да дьяку Ондрѣю Іванову. — Послано с ним от Иева патриарха Московского и всеа Русні Александру царю бла-

гословение образ да два сорока соболей. И как, ож дастъ Богъ, придутъ в Иверскую землю к Олександру царю и от г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. царю Александру поклон исправят и рѣч изговорят,—и после того дияку Ондрѣю Іванову Александру царю правити благословение и поклон от святѣйшего патриарха Иева. А молыти: святѣйшиі Иев, Божіею милостию, патриархъ царствующаго града Москвы и всего великого Росийского царствия тебя, Александра царя, благословляет і велѣл тебѣ поклонитися.—А после того говорити Александру царю от патриарха Иева рѣч: Божиею милостию, в. г. царю и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. и его царского величества сына в. г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. их царского величества богомолецъ святейший Иев патриархъ царствующаго града Москвы і всего великого Росиіского царьствия тебѣ, Александру царю, велѣл говорити: присылал еси к в. г.... велѣл оборонити и послал бы на него рат свою и городы в Кумытцкой землѣ велѣти поставити; а мнѣ, богомолцу государеву.... *(тоже, что было говорено Кириллу патріархомъ на отпускъ* см. стр. 417*)*..... от Шевкала князя и от Кумытцких людей велѣл обороняти.—Да подати Ондрѣю от патриарха Александру царю благословение—образ пречистые Богородицы с превѣчным Младенцем да два сорока соболей.

И маія въ 2 день г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. отпустил к Іверскому Александру царю послов своих думного дворянина и намѣсника Можайского Михаила Игнатьевича Татищева да дьяка Ондрѣя Іванова.

А грамота от г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. вѣрющая к Александру царю послана такова. Божье имя и государево писано золотом по Владимерского, печат болшая отворчатая с кустодьею. Писаны грамоты к царю Александру и к царевичю Юрью на середней александрѣйской бумаге.—*(Послъ большаго Богословія и полнаго титула)*..... (от) государя и облаадателя Іверские земли началнику Александру царю милостивное наше царское слово с великим жалованьем и крѣпкое защищенье нашие царские власти тебѣ, Александру царю, і всей твоей Іверской землѣ ото всѣх твоих недругов. Присылал к нам к в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и нашего царского величества сыну к в. г. ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. ты, Александръ царь, посла своего старца Кирила да подьячего Саву з грамотою; и о которых дѣлех к нашему царскому величеству писал еси и что от тебя посол твой рѣчью говорил, и нашему царскому величеству тѣ дѣла известны. И мы в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и нашего царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. тебя, Александра царя, и сына твоего царевича Юрья і всю твою Іверскую землю жалуя, послали к тебѣ по-

слов наших Ближние Думы дворянина і намѣстника Можайского Михаила Игнатьевича Татищева да діака Ондрѣя Іванова, о всем с ними наказав, как тебѣ и сыну твоему царевичю Юрью і всей твоей Іверской землѣ быти вперед в нашем царском жалованье под нашею царскою высокою рукою во обереганье і в защищенье ото всѣх ваших недругов. И как послы наши у тебя, Александра царя, на посолстве будутъ и о которых нашего царского величества дѣлех учнут тебѣ говорити,—и ты б имъ во всем вѣрил: то есть наши рѣчи. Писана в государствія нашего дворѣ царствующаго града Москвы лѣта от создания миру 7112-го мѣсяца маія въ день.

Такова вѣрющая грамота послана к Александрову цареву сыну к Юрью царевичю. Божье имя и государево писано золотом по Владимерского, также, как и к царю.—*(Посл такого же большаго Богословія и также полнаго титула)*....—государя і облаадателя Иверские земли Александрову цареву сыну царевичю Юрью милостивное наше царское и любовное слово с великим жалованьемъ.—Присылал к нам к в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и нашего царского величества сыну к в. г. ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. отецъ твой Олександръ царь посла своего старца Кирила да подьячего Саву з грамотою. А в грамоте.... (*дальше тоже, что велѣно говорить ему на посольстве с. 426*)..... от Шевкала велѣти оборонити. И мы в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с..... (*и пр. тоже с. 427*)..... вѣры, хотим вас держати в нашемъ царском жалованье..... городы ставит. И, любячи отца твоего Александра царя и тебя, царевича Юрья, и всю вашу Іверскую землю жалуя, послали есмя к вам послов своих Ближние нашие Думы дворянина и намѣсника Можайского Михаила Ігнатьсвича Татищева да дьяка своего Ондрѣя Іванова, о всемъ с ними наказав, как отцу твоему, царю Александру, и тебѣ, царевичю Юрью, і всей вашей Іверской землѣ быти вперед в нашем царском жалованье под нашею царскою высокою рукою во обереганье і в защищенье от ваших недругов. И отецъ бы твой Александръ царь и ты, Юрьи царевич, видя к себѣ такое наше царское жалованье, были в нашем царском жалованье под нашею царскою высокою рукою непоколебимы і во всем намъ прямили [39]).—А об иных великих дѣлех

[39]) Зачеркнуто: и служіли и на наших непослушников, а на своих недругов, стояли с нашими с Терскими воеводами заодин. А как нашего царского величества воеводы с нашею ратью будут на Терке и на Койсе и с отцом твоим Александром царемъ и с вами обоюлютца,—и ты б, царевич Юрьи, на ведруга

приказали есмя к вам рѣчью с послом нашим Ближние нашие Думы дворянином и намѣстником Можайским с Михаилом Игнатьевичем Татищевым. І о которых нашего царского величества дѣлехъ учнет вам посол наш говориті,—и ты б в том ему вѣрилъ: то есть наши рѣчи. Писана государствия нашего дворѣ царствующаго града Москвы лѣта от создания миру 7112-го мѣсяца.

Таков список послан на образец, а велено писати грамоты к Симонову сыну царевичю Юрью и к Симоновым братьям к Ростону царю и к брату его к царевичю Юрью и к иным царем и князем, которые похотят быти в государеве жалованье, смотря по тамошнему (дѣлу).—*(Послѣ полнаго титула)*.... государя и облаадателя царевичю Юрью Симоновичю Иверские земли наше царское милостивное слово с великим жалованьем и крѣпкое наше защищенье от вашихъ недругов. Вѣдомо нам учинилося, что отецъ твой Симон царь и ты, Юрьи царевич, с Ыверскимъ Олександромъ царем одного родства и одноѣ нашие вѣры хрестьянские греческого закона, и земля ваша из давных лѣт была одного государства Иверского; а как почали быт прежние Иверские цари меж собою в розделенье, и меж вас с Ыверскими цари до Олександра царя и при Олександре царѣ была рознь и недружба многая и кровопролитье. И для того вам і вашим землям от бусурман насилство и теснота многая преж сего была и ныне чинитца. А то вам и самим вѣдомо какие были великие государства христьянские: Греческое, Серпское, Волосское, Угорское и иные многие государства за христьянскими государи; да их рознью и несогласьем ныне тѣ всѣ государства хрестьянские за бусурманскими государи. И мы в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., по своему царскому милосердому обычею, желѣя о христьянстве и любячи вас всѣх крестьянских государей, о том скорбимъ и желѣемъ, что вы одново царского корени крестьянских государей и одноѣ вѣры крестьянские и земли ваши одново Іверского государства,—а меж собою живете в розні і в нелюбье. І вамъ бы Юрью царевичю ныне, прося у Бога милости и паметуя свое сродство и крестьянскую истинную вѣру и похотя к себѣ нашего царского жалованья и любви, по нашему царскому повелѣнью, быти с Олександ-

---

своего на Шевкала князя шел сам или бояр своих ближних с своею ратью послал, чтоб нашего царского величества воеводамъ, с вашими людми сшедшися, над Шевкалом промышляті вмѣсте, чтоб его повоевать и городы поімат и под нашу царскую руку привести і дорогу в Ыверскую землю очістіті.

ром царем и съ его детми в дружбе і в любви и на недругов своих стояті заодин; а в нашем царском жалованье быти под нашею царскою высокою рукою вмѣсте с Олександром царем и з сыномъ его с царевичем Юрьемъ. А наше царское величество учнем к тебѣ держат свое царское жалованье и любов потому ж, как и к Олександру царю; и ото всѣх ваших недругов учнем вас оберегат и оборонят. А ныне мы, в. г., послали к Олександру царю послов своих Ближние нашіе Думы дворянина и намѣстника Можайсково Михаила Игнатьевича Татищева да діака Ондрѣя Іванова; і у вас имъ велѣли есмя быти и с ними к вам рѣчью приказывали о наших о великих дѣлех, как вам і вашим землям нашим царским осмотреньем и обереганьем і защищеньем быти от своих недругов в покое і в тишинѣ і в истинной христьянской вѣре крѣпко и неподвижно. И как послы наши у вас будут и что вам рѣчью учнут говорити,—і вы б имъ во всемъ вѣрили: то есть наши рѣчи. А гдѣ будет имъ лучитца ѣхати вашею землею,—і вы б ихъ пропускалі и провожати их посылали до коих мѣстъ пригож. Писана в государствія нашего дворѣ царствующаго града Москвы лѣта 7112-го маия мѣсяца.

(По полномъ титулѣ)..... государя і облаадателя Аристову князю Сонскому наше царское жалованное слово.—Вѣдомо нам, в. г., что изстари Сонская земля подо властью Иверских царей к Грузинской землѣ; а невдавне ты, Аристов князь, от Александра царя отложился был, и за то меж вас с Олександром царем недружба учинилас и война меж вас была. И мы в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., слыша о том, поскорбѣли, что изначала Сонская земля з Грузинскою землею і вѣра одна крестьянская. И ныне наше царское величество хотим того, чтоб вы, Аристов князь, с Олександром царемъ были в миру і в дружбе по прежнему и на всѣхъ своих недругов стояли заодин и Сонская б земля вмѣсте с Иверскою землею была под нашею царскою высокою рукою потому ж, как Александръ царь і вся Іверская земля, и нашему царскому величеству служили и прямили во всем. А ныне наше царское величество для наших царских дѣлъ хотім тебя, Аристова князя, держаті в своем царском жалованье і в защищенье под нашею царскою высокою рукою во оборонѣ от ваших недругов потому ж, как Олександра царя.—К Олександру царю послали есмя послов наших Ближние нашие Думы дворянина и намѣстника Можайского Михаила Игнатьевича Татищева да дьяка Ондрѣя Іванова; а к тебѣ, Аристову князю, наказали есмя о наших царских дѣлех и наше царское жалованье к тебѣ послали есмя. И гдѣ будет имъ

лучитца итти твоею землею Сонскою,—и ты б, Аристов княз, послов наших по своей землѣ до Иверской земли и назад велѣл провожати, чтоб имъ до Иверские земли и назад к нашему государьству пройти здорово. А с Олександром бы еси царем был в миру и в дружбе. А наше царское жалованье вперед к тебѣ будет, смотря по твоей службе. Какъ тебѣ быть в нашем царском жалованье. . . .,—и ты б о всѣх о тѣх дѣлехъ к нашему царскому величеству прислал послов своихъ. И наше царьское величество, выслушев твоего челобитья, послов твоіх отпустим к тебѣ тотчасъ, не задержав, со всѣм подлинным дѣлом, как тебѣ вперед быт в нашем царском жалованье под нашею царскою высокою рукою. Писан в государствія нашего дворѣ в царствующем граде Москвѣ лѣта 7112-го маія мѣсяца.

Такова грамота послана к Аристову князю Сонскому, за глухою печатью с кустодѣею, печат болшая; а в грамоте началное слово приписано киноварем.

(*По полномъ титулѣ*)..... государя и облаадателя Черкаскому Солоху князю и мурзамъ и узденским головам. Послали есмя к Иверскому Александру царю послов наших Ближние нашие Думы дворянина и намѣсника Можайского Михаила Игнатьевича Татищева да діяка нашего Ондрѣя Іванова; а с ними вмѣсте отпустили есмя Іверского Александра царя посла архимарита Кирила. И гдѣ послом нашим лучитца ѣхат мимо твои Солоховы кабаки,—и вы б послов наших с нашими людми и Іверского посла Кирила провожали ихъ до своих мѣстъ пригож, чтоб послом нашимъ и иверским послом до Александра царя пройти здорово. А какъ послы наши Ближние Думы дворянин и намѣсник Можайской Михаило Игнатьевичь Татищев да дьякъ Ондрѣй Іванов, быв у Александра царя, к нам назад пойдут і с ними Александръ царь к нам пошлет своіх послов,—і вы б наших послов и иверских послов, которые с ними к намъ пойдут, потому ж провожали с своих кабаков до нашего Терсково города. Писан государствия нашего дворѣ царствующаго града Москвы лѣта 7112-го маія мѣсяца.

Дословно сходна съ этой граматой и слѣдующая далѣе, писанная къ „Черкаским Айтек-мурзѣ и Алкасовым княжим дѣтемъ Араксану да Мундар мурзам и иным мурзам и узденским головам“. *Дата таже.*

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Михалко Татищевъ да Ондрюшка Іванов челом бьют. Июня, государь, въ 23 день писали с Терки воеводы твои государевы Никифор Траханиотов да

князь Володимер Мосалской в Асторохань к твоему государеву воеводе к Михаилу Сабурову да к діяку к Офонасью Карпову, что мая въ 29 день приѣзжали, государь, на Терку Кабардинские черкасы Асламбеков уздень Доманукова Булат Темирев с товарыщи. А сказали: слышали они в Кумыках от Кумытцких людей, что Аббас шах Александра царя убил за то, что к нему на срокъ из Грузеи не поспѣлъ и людей с нимі пришло мало; а сына царева Александрова царевича Юрья велѣл в Грузях посадит в тюрму.—Да июня ж, государь, в 3 день приходили на Терку Менкизенянья мурза Сакуликовъ. А сказали: посылал шах в Грузи Александрова царева сына Костентина, которой у него живет, а велѣл ему Александра царя убит и сѣсти на государстве. И Костентин деи отца своего убил, а с нимъ грузинских лутчих людей сь 700 человѣкъ, и на государстве в Грузинской земле сѣлъ.—И они деі, государь, Терские воеводы послали в Увары и к Чорному князю черкасъ подлинных вестей провѣдыват про Александра царя и про Аббас шаха; а которого деи, государь, сотника стрелетцково послали они в Грузи наперед того для вестей, и тот июня по 8-е число на Терекъ не бывал.—И мы, холопи твои, писали о том на Терку наперед себя к воеводам к Микиеору Трохониотову да ко князю Володимеру Мосалскому, чтоб они тотчас послали про то провѣдат подлинно в Сонскую землю к Ористову князю: хто ныне на Грузинской землѣ царь? И будет Александръ царь убит, и каким обычаемъ то сталось и о кою пору? И сынъ Александра царя царевич Юрьи и царевы Давыдовы дѣти живы л? И будет живы, и гдѣ они и в какове мѣре?—Да и на Койсу, государь, к воеводе ко князю Володимеру Долгоруково о том мы, холопи твои, писали ж, чтоб он про то, провѣдав подлинно, отписал к намъ на Терку.—А мы, холопи твои, пошли из Асторохани на Терку июня въ 26 день. И, пришед на Терку, пошлем, государь, тотчас в Сонскую землю старцовых Кириловых людей, а с ними черкасъ, взяв у Сунчалѣя мурзы добрых, о том провѣдывати подлинно; и что, государь, каких вестей обьявятца про Грузинского Александра царя, и мы, холопи твои, к тебѣ, государю, учнем писати почасту.....

На оборотѣ: Государю царю і великому князю Борису Федоровичю всеа Русиі.

(*Отрывокъ отписки Татищева изъ Астрахани*):..... тайно рѣчью сказать про то царю. А здесь, государь, в Асторахани, которые люди с Терки приѣзжают, и нам, холопем твоимъ, сказывали, что на Терке про твою государеву рать давно вѣдомо и черкасом, что идет твоя государева рать на Шеокала. А Астороханской, государь, вое-

вода и дьякъ намъ, холопемъ твоимъ, сказывали, что і в Асторохани опричь ихъ про твою государеву рать вѣдомо ѣсть ж, что идет на Шеѳкала. А учинилас деи, государь, та вѣсть от челобитчиков, которые были на Москвѣ из здѣшнихъ городовъ. А которых, государь, людей послал к Олександру царю старецъ Кирило,—и мы, холопи твоі, тѣмъ людем приказали: какъ они будут в Сонской землѣ,—и они б провѣдали подлинно всяких вестей про Олександра царя и про сына его царевича Юрья и про Симанова царева сына Юрья царя и какъ ныне Александро царь и сынъ его царевич Юрьи с Симоновым царевым сыном съ Юрьемъ царем и с Ростоном царем. Да что провѣдают, и о том бы к нам приказали на Терку с провожатыми, которые ихъ посланы провожат. Да по твоему г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. наказу велено намъ, холопем твоимъ, итти из Асторохани на Терку полем, а запас свои отпустити морем в судѣхъ; а проводити, государь, насъ велѣно послати до Терки полемъ из Асторохани конных стрелцов 500 человѣкъ. И старецъ, государь, Кирило на Терку полемъ ѣхати не похотѣлъ; а сказалъ, что у него очи и ноги болны и ѣхати ему полемъ до Терки на лошади не мочно для немочи. И мы, холопи твои, о том старцу Кирилу говорили много, чтоб он с нами ѣхалъ на Терку полемъ, а хотѣли ему здѣлат телѣгу, как ему мочно ѣхать без нужи; и уговорити, государь, его на то не могли. А воевода твой государевъ Михаило Сабуровъ да дьякъ Офонасей Карпов о провожатых нам, холопем твоим, сказали: что у них было в Асторохани конныхъ стрелцов, и тѣ всѣ розосланы для твоих государевых дѣлъ на Яик и к Солямъ и по иным мѣстамъ и по Волге вверхъ для воров казаков, которые громили суды торговых людей, і встрѣчю кизылбашского посла от воров для береженья, и послати им с нами полемъ стрелцов конных нѣково. И мы, холопи твоі, врозь с старцомъ Кириломъ ѣхати не посмѣли; а пошли из Асторохани в Терке в судѣх моремъ июня въ 26 день. А людишекъ наших с нами, холопи твоими, из Асторахани пошло со мною Михалкомъ 35 человѣкъ; а со мною с Ондрюшкою 7 человѣкъ; а кречетники и толмачи 6 человѣкъ. А проводити, государь, нас послали из Асторохани Казанских и Свіяжскихъ стрелцов, которые пришли с нами, 550 человѣкъ. А лошадишка, государь, наши послали воевода и дьякъ проводити до Терки Астороханских конных стрелцов 100 человѣкъ да юртовскихъ татаръ 100 жъ человѣкъ.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Михаило Сабуров да Ѳѳонка Карпов челом бьют. В нынешнем, государь, въ 112-м году июля въ 1 день в твоих г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. грамотах пи-

сано к нам, холопем твоим, с сыномъ боярским с Казанским жилцом с Иваном Пелепелицыным, что послан твой г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. наказ да грамота да посылка к твоим государевым послом к думному дворянину и ясилничему к Михаилу Игнатьевичю Татищеву да к діаку Ондрѣю Иванову; а будет он твоих государевых послов Михаила и діака Ондрѣя до Асторохани и в Асторохани с твоим г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. наказом и з грамотою и с посылкою не съѣдет,—и нам бы, холопем твоим, твой г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. наказ и грамоту і посылку, у Івана взяв, послати за ними на Терку, с кѣм пригоже, потому ж наскоро. А будет тот гонецъ на Терке их не застанет,—и нам бы, холопем твоимъ, отписати на Терек к воеводам к Микиѳору Траханиотову да ко князю Володимеру Мосалскому, чтоб они тотчасъ с твоимъ г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. наказом и з грамотою и с посылкою за Михаилом Татищевым и за Ондрѣемъ Івановым послали гонца наскоро, чтоб однолично их съѣхати и твой государев наказ и грамоту и посылку отдати. И мы, холопи твои, твой г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. наказ і грамоту и посылку, у Івана Пелепелицына взяв, тотчасъ послали на Терек с пятидесятником стрелецким с Иванкомъ Епанчиным. А велѣли ему с твоим государевым наказомъ и з грамотою и с посылкою ѣхати наспехъ днемъ и ночью, чтоб ему на Терке заѣхати твоихъ государевыхъ послов Михаила Татищева да Ондрѣя Іванова. А будет онъ на Терке твоихъ государевых послов Михаила и Ондрѣя не заѣдетъ,—и мы, холопи твои, на Терек к воеводам писали, чтоб онѣ, у Иванка твой государевъ наказ и грамоту и посылку взяв, послали за Михаилом и за Ондрѣем с кѣм пригоже тотчасъ; а Іванку Епанчину велѣли побыти на Терке, покамѣста тот сынъ боярской от Михаила да от Ондрѣя на Терек приѣдет. А которого числа Іванко Епанчин на Терек приѣдет и как его с Терки отпустят,—и онѣ б о том к нам, холопем твоим, отписали.—И нынешнего, государь, 112-го году июля въ 16 день писали к намъ, холопем твоим, с Терки твои государевы послы Михаило Татищев да дьяк Ондрѣй Іванов, что онѣ твой г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. наказ и грамоту и посылку у Іванка взяли июля въ 9 день и отпустили его в Асторохан; а с ним к тебѣ к г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. послали грамоту да две грамоты за печатью в бумаге. И мы, холопи твои, тѣ грамоты у Іванка взяв и запечатав твоею г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. печатью царства Астороханского в мешкѣ с сею грамотою вмѣсте, к тебѣ к г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. послали с Федосѣем Теплицким июля въ 16 день.

На оборотѣ: 113-го сентября въ 8 де с Володимерским целоваником з Гордѣйком Ортемьевымъ.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Михалко Татищев да Ондрюшка Іванов челом бьют. Пришли мы, холопи твои, на Терку июля въ 1 де. И сказывалі, государь, нам воеводы Микиѳор Траханиотов да князь Володимер Мосалской, что посылали онѣ с Терки для вестей к Уварскому и к Чорному князю Терских жилцов черкас дву человѣк; и тѣ деи черкасы приехали к ним июля въ 1 де. А в розпросе сказывали: слышали деи онѣ у Чорного князя сына, что Олександро царь Грузинской пошел х Кизылбаскому Аббас шаху тому мѣсецы с 4; а сколко с ними рати пошло и гдѣ нынѣ Аббас шах, того не вѣдают. А в Грузинской деи, государь, землѣ нынѣ Александров царев сынъ царевичь Юрьи.—Да тѣ ж деи, государь, черкасы привезли к ним к воеводам от Аварского князя грамоту и с тоѣ грамоты перевод к нам прислали; и в той, государь, грамоте писал к Терским воеводам Нуцал князь У(вар)ского про Грузинского Александра царя, что поехал из Грузеи х Кизылбашскому Аббас шаху, да и не бывать ему. И мы, холопи твои, спрашивали воевод Микиѳора Траханиотова да князя Володимера Мосалского: есть ли у них на Терке которые торговые люди Грузинские земли? И воеводы, государь, нам сказали, что июня в 21 де приехал (в Тер)ской город с Койсы с товаром грузин(ецъ) Алей Магметев и привез к ним от Грузинского Александра царя грамоту ѳарсовскимъ писмомъ; и тоѣ деи, государь, грамоты перевесть нѣкому. А в розпросе деи, государь, тот грузинец сказывал: как деи он поехал из Грузинские земли,— тому шестая недѣля; и при нем деи Александро царь до его поезду за мѣсецъ поехал к Кизылбашскому Аббас шаху к городу Иреваку (sic), а с царем деи, государь, пошло 1,000 человѣкъ азнауров да ратных людей 5,000 человѣкъ. И тѣх деи, государь, ратных людей шах з дороги велѣл воротитi в Грузи оприч азнауров; а царевичю деи Юрью Александрову цареву сыну велѣл шах ждат вѣсти, как (рать) его пойдет под Шемаху,—и ему бы тогды с ратными людми итти к Шемахе.—А другой деи, государь, сынъ Александров царевъ Костянтин с Кизылбашским шахомъ под Иреваном городом.—И мы, холопи твои, тому грузинцу велѣли быт у себя и его розпрашивали про Александра царя и про его сына про Юрья царевича: гдѣ он нынѣ? Да и про Сонского Аристова князя его спрашивали: Аристов князь от Александра царя не отложился ли и по прежнему ли под его рукою в послушанье? И тот, государь, грузинецъ нам, холопем твоимъ, в розпросе сказывал, что Александро царь пошел к шаху после велика

дни мѣсецъ спустя, а с нимъ 400 человѣкъ азнауров да 5,000 ратных людей; и шах деи ратных людей велѣл воротит. А Александров царевъ сынъ Юрьи царевичь в Грузях. А Сонской деи, государь, князь Александру царю послушан и под его рукою по прежнему.— А которую, государь, грамоту привез на Терку тот грузинец, а писана ѳарсовским писмом, и мы, холопи твои, того грузинца розпра-

.....на

Суншу и в Кабарду июля в 15 де. А измешкали, государь, на Терке за лошадишками своими: пригнали, государь, лошадишка наши из Асторохани на Терку июля в 8 де; и многие, государь, от жаров заболѣли, а иные попадали.—И мы, государь, холопи твои, купили лошадишек на Терке. А по твоему г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу для провожанья с Терки пойдут с нами, холопи твоими, детей боярских 38 человѣкъ, да стрелцов конных Терских з головою с Павломъ с Широносовым 320 человѣкъ, да которым с нами быті в Грузинской землѣ с сотником с Михаилом Семышкиным 50 человѣк стрелцов, да новокрещеновъ и Охотцких людей и Черкас 73 человѣка,—і всѣх, государь, с нами с Терки конных 481 человѣкъ; а болши того на Терке конных людей воеводы намъ, холопем твоим, не сказали. А по твоему государеву наказу велено проводити нас 600 человѣком и болши, смотря по вестямъ; и вѣсти, государь, здѣс многие про Кумыцких людей, что хотят воровать, к твоим государевым городомъ приходити. Июля, государь, въ 6 де писали с Сунши Никонор Шлюгин да Мосѣй Комынин на Терку к воеводам к Микиѳору Траханиотову да ко князю Володимеру Мосалскому, что приезжал к ним на Суншу из Кумык Кабардинской Ачекан мурза. А в розпросе деи, государь, им сказывал: которые деи Кумыцкие люди ходили под Шемаху, и тѣ деи, государь, Кумыцкие люди ис под Шемахи пришли. И слышел деи он от Кумыцких людей, что Шевкал з детми тебѣ, г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р., добиваті челом не хотят; а ждут деи, государь, Турских людей. А Салтан Магмут деи для тово в Шемахе и остался: как деи придут Турские люди и ему деи с прямыми вестми быт в Кумыки; и собрався деи, государь, ему с Кумыцкими людми да и с Турскими, итти под твои государевы городы. А у Кабардинских деи, государь, князей у Казыя у Шепчюкова у Шелоха умышленье с Кумыцкими людми содново: как деи придут Турские люди, и им деи Казы.... и Шелоху приходити под твои государевы городы с ними ж вмѣсте. А про рат деи твою государеву в Кумыках слух есть. И будет деи поспешит твоя государева рат наперед Турских людей,— и им деи против твоей государевы рати не стоят, бежат в горы.—

Да іюля ж, государь, в 8 де писали с Сунши Никонор Шлюгин да Мосѣй Комынин на Терку к воеводам к Микиѳору Траханиотову да ко князю Володимеру Мосалскому: ехал деи, государь, ис Кумык Шолохова кабака уздень Кушакан. А в роспросе деи, государь, имъ сказывал: пошли деи ис Кумык Кумыцкие князи іюля в 3 де Шевкалов сынъ Алкас, да Суркай Шевкалов сынъ Алидар, да Андеин сынъ Али-Салтан, да См..гилев сынъ Будачѣй, а с ними деи, государь, с 500 человѣкъ и болши; а пошли деи, государь, тѣ Кумыцкие люди верхнею дорогою на Суншики. А нам, холопем твоимъ, итти на тѣ мѣста на Суншу и от Сунши в Кабарду; и мы, холопи твои, пойдемъ с великимъ береженьемъ по твоему государеву наказу.

На оборотѣ: государю царю і великому князю Борису Ѳедоровичю всеа Руси.

Списокъ перевод с Олександр....., а грамота царева Олек..... в Володимере.

Великого г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. украинным воеводамъ Александръ царь Грузинской, что он за г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. Бога молит во дни и в нощи. И послал к нимъ к воеводам такова человѣка Хозю Алѣя холопа своего с товаромъ, а тот товар у него его Александра царя; и гдѣ х которому городу он ни приедет, а что он станетъ в тѣх городѣх покупати,—и его бы пожаловати побереч, что он ни купит. А тот человѣкъ его Александров. А он за г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. Бога молит во дни и в нощи.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Ондрюшка Вельяминов да Якушко Молвяниновъ челомъ бьютъ. Приганяютъ, государь, въ Володимер из Астарахани и с Терки гонцы с твоими г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с тайными дѣлы; и мы, государь, не переписав на новую бумагу, посылати их к тебѣ, ко г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р., не смѣемъ. І нынешнево, государь, въ 113-м году сентября пригнал, государь, из Астарахани суздалец сын боярской Федосей Тепритцкой. А привез, государь, к нам, холопем твоим, с Терки от Михайла Татищова отписки; а на подписи, государь, написано, что твои государевы тайные дѣла. И мы, холопи твои, вѣлѣли тѣ отписки переписат при себе да, переписав тѣ отписки и запечатав в листъ, послали к тебѣ, ко г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. Да из ыных, государь, понизовских городов и с Сибири отписки послали к тебѣ, ко г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. А Федосѣю, государь, Тепритцкому велѣли мы, холопи твои, жит до твоего г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу в Володимере.—И о том, государь, вели нам, холопемъ своимъ, свой царьской указ учинит: переписыват ли нам, холопем твоим, с твоими государевы с тайными дѣлы отписки или не

переписыват? А которые, государь, приганяют гонцы в Володимер из Астарахани и с Терки и іс Казани и из Нижнево,—и мы, государь, их роспрашивали про конской падеж и про лютцкое повѣтреѣ. И гонцы, государь, нам, холопем твоимъ, сказывают: в Астарахани и на Терке и в Казани и в Нижнем, дал Богъ, здорово, консково повѣтрея и лютцково повѣтрея и лютцкого пострелом нѣт; а было, государь, в Нижнемъ конское повѣтреѣ до Ильина дни, а с Ильіна дни, государь, минулос, ныне, дал Богъ, здорово.

На оборотѣ: 113-го сентября въ 8 де с Володимерским целоваником з Гордѣйком Ортемьевым.

От ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. Ондрѣю Игнатьевичю Вельяминову да Якову Молвянінову. Писалі есте к нам, что прігоняют ... *(и пр. тоже, что въ отпискѣ)*..... и запечатав в листъ, послалі к нам; і вперед бы нам о том указ свой учиніті: перепісыват лі вам тѣ наші таіные дѣла или нѣть?—І вы, блядины дѣті [40]), страднікі и глубцы, дѣлаете не гораздо. Как вы, деревенскіе мужікі, смѣете без нашего указу такіе наші таіные великіе дела розпечатываті и переписываті? [41]). А на тѣх дѣлех Міхаило подписывал имянно, что тѣхъ наших таіныхъ дѣлъ без нашего указу не честь; а вы чтете и переписывает нѣвесть хто [42]). І как к вам ся наша грамота прідетъ, а которые будет вперед из Асторохані илі с Теркі илі откоде нібуді от дворяніна нашего и яселнічего от Михаила Игнатьевіча Татіщева или от иных от которых наших воевод учнут с нашімі дѣлы с отпіскамі к вам в Володімеръ прігоняті, а на подпісі будет подпісано, что пісано о таіных дѣлех,—і вы б тѣх наших таіных дѣл не роспечатывалі і не члі. А откоде и от кого именемъ тѣ наші таіные дела учнут приходіті, і вы б о том отпісывалі к нам к Москве имянно наскоро; а тѣ таіные дела держалі у себя тайно, не роспечатывая, покамѣста указ будет. А тоѣ н(ыне)шніе отпискі Міхайловы, которую есте перепісывалі, чорную велѣлі перед собою зжечь, чтоб чорные у вас не было; да и тому б есте діячку, которой у вас то наше таіное дѣло перепісывал, [43]) сказалі: толко то наше дѣло от вас илі от него

[40]) Сперва было написано: воры.

[41]) Далѣе зачеркнуто: велѣлі есте тѣ наші таіные дела нѣвесть кому мужіку, страдніку, земскому діячку. А вам глубцом и самим такіх наших таіных великіх дѣл вѣдать не годітца.

[42]) Зачеркнуто: і вы за то по своей страднічье вінѣ довелись былі смертные казні.

[43]) Сперва было написано далѣе: заказали накрепко, чтоб онъ отнюд нікому про то дѣло не сказывал и ни с кѣм не розговаривал; а толко про то наше дѣло пронесетца, і вам за то быті от нас казненым.

пронесетца, і вам за то быть кожненым смертью. А хто имянем у вас діачок пісал и каким обычаемъ и для чего вы переписывалі, і вы б о том к нам отпісалі, а отписку велѣли отдать в Посолском приказе діаку нашему Офонасью Власьеву. Пісанъ на Москвѣ лѣта 7113-го сентября въ 9 день.

С целовалніком з Гордѣйком Ортемьевым.

Терскіе воеводы Микиѳорко Траханиотовъ и Волотка Колцовъ-Мосалской *въ отпискѣ, полученной въ Москвѣ* 18 сентября 113 года с Ѳедоромъ с Тырковым, *пишутъ, что послы* Михаило Игнатьевич Татищевъ и діякъ Ондрѣй Ивановъ, а с ними иверские послы на Терек пришли из Астарахани морем в судех июля въ 2-м числѣ.... А кой час твои государєвы послы на Терек пришли, и мы, холопи твои, под твою государеву казну, которая с твоими государевыми послы, и под ихъ посолскую рухледь дав суды же струги лехкие, отпустили с Терки Терком рекою на Суншу. А в провожатых, государь, послали на судех голову казачья Ивана Хомякова да 200 человѣкъ стрелцов и казаковъ. А твои государевы послы Михаило Татищев, діякъ Ондрѣй Иванов, дождався людей своих и лошадей, из Астарахани с Терки пошли полем на Суншу июля въ 15-м числѣ. А провожатых, государь, с твоими государевыми послы и с иверскими с Терки послали Сунчалѣя мурзу Янглычева да брата его Алея мурзу Мамстрюкова, а с ними узденей их 15 человѣкъ, с Терскимъ головою с конным с Павлом Широносовым 2 человѣки сотников, 300 человѣкъ конных стрелцов, да Терских годовалщиков верховьских и понизовных городов Арзамасцовъ, Нижегоротцов, Лухович, Чебоксарцовъ, Курмышен детей боярских 43 человѣки, Терских новокрещенов 16 человѣкъ, Терских же жилетцких Окоцких черкас 58 человѣкъ. И всего в про.....
.....перед твоих государевых послов с Терки отпуску. А писали мы, холопи твои, к Черкаскимъ князем от себя, чтоб Солох князь з братиею и з детми и Казый мурза з братиею и Айтек мурза и Алкасовы дети и Куденет мурза Канбулатов з братиею тебѣ, государю, службу свою показали, твоих государевых послов, встретив ихъ, проводили до Со(ней). Да твоим государевым послом Михаилу Т(атище)ву, дьяку Ондрѣю Иванову про Каб(ардинскихъ) черкаских князей и мурзъ сказывали: которые Кабардинские черкасы (в. г. ц.) и в. к. Б. Ѳ. в. Р. служат и прямят и х..... и Кабардинских черкас в Терс.....дов. Да и кормъ, государь, иверскимъ (посломъ) и их людем в дорогу до Соней и пр(овожатыхъ по тво) ему государеву указу

дали.....солском отпуске послали..... государю ию. я въ 17.....

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Михалко Татищевъ да Ондрюшка Іванов челом бьют. Пришли мы, холопи твои, и с нами Іверского Александра царя посол старец Кирило к горам к Айтек-мурзиным и Алкасовых детей кабакомъ и к щелямъ июля въ 26 де; и были у нас, у холопей твоих, Айтекъ мурза да Алкасовы дѣти Араксанъ мурза да Мундар мурза. И по твоему г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. наказу твою государеву грамоту, что послана с нами, холопи твоими, о провожанье им отдали и о том имъ от тебя, государя, говорили, чтоб они тѣмъ тебѣ, в. г., службу свою показали, нас, холопей твоих, послали проводит до Сонской земли братью свою и детей своихъ с узденми. И Айтекъ мурза и Алкасовы дѣти намъ, холопемъ твоим, сказали, что они холопи твои государевы и нас провожать готовы. Да Алкасовы ж, государь, дѣти говорили, что тою дорогою в горах к Сонской землѣ кабаки Айтекъ-мурзины и промыслъ вес будетъ в дороге і в мостех Айтекъ-мурзин; а они в то не вступаютца и с него того не сьимают. А Айтек, государь, мурза намъ, холопем твоим, говорил, что он по твоей государеве грамоте, тѣмъ учнет промышлять, проводити нас пошлетъ брата своего Мурзабека да сына своего Магметя. —А что посланы с нами твои государевы грамоты о провожанье к Черкасскимъ к Солоху князю и к Казыю мурзѣ Шепшукову,—и по твоему г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. указу писали к нимъ с Терки воеводы Микиѳор Траханиотов да князь Володимер Мосалской да и мы, холопи твои, от себя к ним о провожатых приказывали ж; і в дороге, государь, до Айтековых кабаков Солох князь и Казы мурза к намъ, холопем твоим, никово не присылывали. А как мы, холопи твои, пришли к Айтек-мурзинымъ кабаком,—и были у нас, у холопей твоих, Солохов братъ Івакъ мурза, да Солоховъ сынъ Хорошай мурза, да Казыя мурзы Шепшукова брат Янсоховъ княжой сынъ Топчюкъ мурза. И по твоему г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. наказу твои государевы грамоты к Солоху князю и х Казыю мурзѣ с ними послали. А о том, государь, намъ, холопемъ твоим, Солохов брат и сынъ и Кази-мурзин брат говорили, что Солох князь и Казы мурза в том перед тобою, государемъ, виновати, что нас, холопей твоих, братьи своей и детей проводити с Суншы и в дороге не послал, для того что Солох князь обсылался с Казы мурзою, а Казы мурза был в отъѣзде; і в том у них стало мешканье и провожатых к нам послати не успѣли. А в твоих г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. грамотахъ писано к Солоху князю и хъ Казыю мурзѣ. чтоб

они нас, холопей твоих, провожат послали до Грузинские или до Сонские земли;—и о том нам, холопем твоим, Солоховъ брат Івакъ мурза и Казы мурзин брат Топчюк говорили: которые люди живут в горахъ, и тѣ имъ непослушны, а владѣет ими Айтек мурза; и они, государь, не токмо нас провожат,—и сами в горы в щѣли ѣздит не смѣютъ.—Да сказывали, государь, намъ в роспросе Айтек мурза и Алкасовы дѣти и Солохов брат и сынъ про Александра царя Іверского и про Сонсково Аристова князя, что они в походе с Кизылбашским шахом под Турского городы; а шах деи, государь, у Турского взял 20 городов. И чают деи Александра царя въ Грузинскую землю вскоре; а сынъ деі, государь, Александра царя царевичь Юрьи ныне в Грузинской землѣ. И царю деи, государь, Александру дал шах многую казну.—Да июля, государь, въ 30 день пріѣхалъ къ намъ встрѣчю из Сонские земли Терской стрелец Івашко Нагаевъ, которово послали мы, холопи твои, с Терки для вестей; а привез, государь, с собою от Аристововой матери грамотъку, писана ее рукою к старцу Кирилу грузинским писмом. И мы, государь, тое грамоту велѣли перевести и перевод с тое грамоты послали к тебѣ, к государю, подклея под сю грамоту. А в роспросе, государь, намъ, холопем твоим, стрелецъ Івашко Нагаевъ сказывал: Александра царь у шаха Аббаса и Юрьи Симонов сынъ и Аристов князь Сонской; а царевичь Юрьи Александров сынъ в Грузинской землѣ. И которых деи государь, людей послалъ в Грузинскую землю старецъ Кирило из Астороханы, и тѣх деи людей царевичь Юрьи послалъ к отцу своему к Олександру царю тотчасъ. А Аристова деи, государь, мат к Аристову князю Сонскому послала тот же часъ с вѣстью сказати, что ты, в. г., послал нас, холопей своихъ, к Олександру царю. Да сказывал деи, государь, имъ Аристова князя приказщикъ Березовъ, что приходили Кумыцкие люди с Турскими людми в Грузинскую землю і воевали мѣсто Загѣм по умышленью Александрова царева сына Юрья царевича, потому что любитъ Александро царь сына своего царевича Костентина, которой у Аббас шаха бусурман. Да сего деі, государь, лѣта приходили в Сонскую землю войною Солохов брат Івакъ мурза с черкасы и повоевали село в украинномъ мѣсте і в полон людей чорныхъ поимали; и для деи, государь, того встрѣчю к нам для мостов Сонские люди вскоре не идутъ: боятца войны от черкас.—Да и старецъ, государь, Кирило намъ, холопемъ твоим, сказывал, провѣдав от черкас: сего деи, государь, лѣта приходил войною в Сонскую землю Солоховъ братъ Івакъ мурза с черкасы і воевали Александрово царево село Кадо, а взяли в полон жонок и робят 40 человѣкъ.

И мы, холопи твои, писали о томъ на Терку к воеводам, чтоб они послали к Солоху князю и о том к нему приказали, что Александро царь и Сонской Аристов князь в твоем государеве жалованье под твоею царьскою высокою рукою,—а они землю ихъ воюютъ; и то они дѣлают не гораздо. И чтоб Солох, полон вес сыскав, что взял в Сонской землѣ Ибакъ мурза, отдал назад или прислал на Терку; і вперед бы такъ не дѣлали, в Сонскую землю и на иных, которые служат тебѣ, в. г., войною не ходили. А сказывал, государь, намъ про то старецъ Кирило после того, какъ у нас, холопей твоих, был Ибакъ мурза и Солохов сынъ Хорошай мурза, потому, государь, мы им о том сами не говорили.—А пошли, государь, мы, холопи твои, от Ларсова кабака в щѣли августа въ 1 день; а с нами, холопи твоими, послал Айтекъ мурза проводити до Сонские земли брата своего Мурзабека да сына своего Магмѣтя. А которые, государь, дети боярские и черкасы и стрелцы были с нами, холопи твоими, с Терки,—и тѣх, государь, людей воротили мы, холопи твои, от щелей от (Лар)совых кабаков, от которыхъ мѣстъ преж сего твои государевы послы провожатых сворачивали, и приказали, государь, детемъ боярскимъ и головамъ стрелецкимъ итти на Терку, не мешкая, с великим береженьем, чтоб на них Кумыцкие люди безвѣстно не пришли и дурна какова не учинили; а пѣшихъ, государь, стрелцовъ мы, холопи твои, оставили в Айтековых кабакех з головою с Иваном Хомяковым, опсекші городокъ, і велѣли имъ дожидатца детей боярских и конных стрелцовъ, которые пошли нас провожат до Ларсовых кабаковъ, (і) велѣли имъ итті, сождався всѣмъ вмѣстѣ, на Терку с великимъ береженьемъ.

На оборотѣ: 113-го декабря въ 5 де с Астороханцом сыном боярскимъ с Ѳѳонасьемъ Рагозиным.

Въ началѣ: списан. Прав.

Перевод з грамоты, что прислана из Сонской земли к старцу Кирилу с стрелцом с Ывашкомъ Нагаевым; а писала мат Аристова сама своею рукою старица Анна.

Брату нашему Кирилу. Благодаримъ Бога, что Божьею милостью и царьским жалованьемъ дошел еси до сех мѣстъ и с такимъ с великим посломъ;—и мы о томъ благодарим Бога и веселимся. А о томъ вѣдомо буди, что шах прислал по царя Александра и по царя Юрья Симонова сына, и сынъ мой Аристоп с ними ж: пошли вмѣсте в поход х Кизылбашскому шаху на помощь. А шахова рат воюет Самскую землю, а преж сево та земля была Грузинских царей. А наперед того шах поимал у Турского царя многие городы по сю

сторону великие Арменьи Самцыхе, а в греческомъ языке имянуетца Триполья; и ныне шахова болшая рат стоит пот Трипольею. А самъ шах стоит в Риванской странѣ с Олександром царем вмѣсте. И шах и царь Александръ дожидаютца вѣсти ис полковъ, что ихъ рат здѣлала, стоя под Турского городы. А мы слухомъ слышели, что Турские люди идут войною против шаховой силы и царя Олександра. А то вѣдомо вамъ буди, что Турской царь салтан умер однолично; да такъ бы де і всемъ ненавистникомъ пропасть, которые ненавидять православныхъ царей, і всей крестьянской вѣры поругателем изгинуть, как ныне Турской царь изгибъ. Да нешто бы Богъ далъ в. г. царю и в. к. Б. Ѳ. в. Р. благодат. А шах царя Александра и царя Юрья Семионова сына и сына моево Аристопа и всю рат царя Александрову не обычно много пожаловал золотом и серебром и портищи и конми і верблюды со всѣми его полчаны от мала и до велика. А о том вамъ пожаловати не покручинітца, что к вамъ вскоре вѣсти от царя Александра не бывало, потому что царь Александръ и сынъ мой Аристопъ и все воинские люди от мала и до велика всѣ с царем в походе. А мы милостью Божьею все есми холопи г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и земля наша все ево государева; и Михаило б Игнатьевич пошел в нашу землю. А к тебѣ вѣсть вскоре от царевича Юрья встрѣчю будет.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Михалко Татищев да Ондрюшка Іванов челом бьют. Пошли мы, холопи твоі, к Сонской землѣ от Ларсова кабака августа въ 3 ден. И приходили, государь, на нас на первомъ стану в ночи горские люди с вогненым боемъ; а у нас, государь, для береженья была заставка і сторожа крепкая. И на стороже, государь, их подстерегли і с ними бились, іс пищалей стреляли і от станов наших отбили і многих у них переранили. А Сонские, государь, люди, которые к нам встрѣчю приѣхали для мостов, сказывали, что тѣ люди приходили із горъ Калканцы; прежсево они были послушны Алкас-мурзѣ, а ныне они послушьны Айтекъ-мурзѣ.—И отѣхавъ, государь, от Ларсова кабака днище, встрѣтил нас, холопей твоих, от Аристова князя азнаур его Элидли; а сказал, что ему велено быти у нас в приставех и с нами ѣхат. А про Аристова, государь, сказал, что он был в рати у шаха, а ныне де от шаха отпущен вмѣсте с Симоновым сыномъ съ Юрьемъ; и он заѣхал къ Юрью Симонову сыну. А про Александра, государь, царя сказал, что он от Аббас шаха пришол в свою землю. І мы, холопи твои, ему говорили, что есть с нами от вас в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. к Аристову князю грамота і ваше государево жалованье и приказ

словом, и он бы к Аристову князю приказал, чтоб с нами однолично виделся. И он, государь, намъ сказал, что он о том к Аристову князю прикажетъ и Аристов деи князь у вас, государевыхъ послов, будет.—И назаутрее, государь, того в Березове кабаке встрѣтили нас, холопей твоих, ото Аристововой матери дворецкой Аристовов(ъ) Шангъ да с ним, 2 азнаура; и вам, холопем твоим, говорили, что прислала ихъ к нам, холопем твоим, Аристова князя мат, а велѣла встрѣтит. А Аристов князь к себѣ ещо не бывал, а будетъ часа; и кой часъ к себѣ будет, и он у вас, государевых пословъ, тотчасъ будет. А будет самъ не поспѣетъ, ино сынъ Аристов будет у вас и проводитъ вас своею землѣю [44]); и кормы вамъ вперед будут. А ныне собрат не можемъ; и сами видите, что люди бѣдны. А отрадные люди все с Аристовом у Аббас шаха.—А про то мы, холопи твои, ѣдучи в дороге, по твоему государеву наказу провѣдывали: как ныне Аристов княз с Олександром царем Іверским—в миру ли и под его ль властью живет или не в послушанье? И сказывал, государь, намъ пристав и іные люди, что Аристов князь ныне подо властью Юрья Симонова сына; и сынъ Аристовов меншой живетъ в закладе у Юрья Симонова сына, а за другово деи, государь, сына Аристововo болшово зговорил Симоновъ сынъ Юрьи царь дочерью своею. А с Олександром, государь, царемъ Аристов князь в миру ж и сынъ Аристовов тово для вѣры у Александра царя есть же [45]). — И августа, государь, въ 10 день был у нас, у холопей твоих, на стану в Аристововe кабаке сынъ Аристовов [46]). Бавенда, а с нимъ Аристовов дворецкой Шанг..... і иные приказные люди. И говорил намъ, холопем твоим, что отца ево, Аристова князя, ныне дома нѣтъ; а писал к нему к сыну своему и велѣл нас, холопей твоих, встрѣтить. И они нас, холопей твоих, встрѣтить даля тово не успѣли, в том ихъ вина. А про Аристова, государь, сказали, что он был у Кизылбашсково шаха в полкѣх и ныне деи он отпущен съ Юрьемъ с царем Симановым сыномъ вмѣсте, и заѣхалъ къ Юрью Симанову сыну, и к себѣ деі он вскоре будет, і приѣхавъ деи Аристов князь с нами, холопи твоими, тотчасъ увидитца; а ныне деи приѣхать к намъ, холопемъ твоим, не успѣлъ и нас велѣлъ встрѣтит сыну своему и своею землѣю до границы Грузинские земли проводити.—И мы, холопи твои, говорили сыну его,

---

[44]) Въ стат. спискѣ Татищева: А о томъ послы провѣдывали, ѣдучи в дороге, и приставов роспрашивали:. ...

[45])—:живетъ....

[46])—:болшой сынъ Бавенда. Иговорил.....

что от вас в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. есть к Аристову [47]).....
..... в. г. ради болши Черкасскихъ князей во вѣки не отступно. И какъ будетъ Аристов князь, и онъ тебѣ, в. г., крестъ целуетъ со всѣю Сонскою землѣю; и что твое царьское повеленье, такъ все и учинитца. А с Олександром деи, государь, с царем Аристов княз в дружбе и в любви по твоему царского величества приказу рат быт. А Симоновъ деи, государь, сынъ Юрьи тот ныне Аристову князю друг и свой, зговорил ныне отецъ мой Аристов съ Юрьемъ, что мнѣ у Юрья Симонова сына женитися, поняти доч ево.—И Аристовов, государь, сынъ нас, холопей твоих, проводилъ от себя версты с 3; а дворецкой, государь, ихъ и азнауры нас, холопей твоихъ, проводили до Грузинского рубежа верстъ с 5,—а пристав Аристовов ѣхал с нами, холопи твоими, за рубеж до стану. А от Олександра царя и от сына его царевича Юрья встрѣчю

---

[47]) Недостаетъ одного или двухъ столбцовъ. Въ стат. спискѣ это мѣсто такъ читается въ связи съ предыдущими и послѣдующими словами, нѣсколько разнящимися: и к себѣ будетъ вскоре и съ вами увидитца; а ныне въстрѣчю васъ приѣхать не успелъ. И послы Михайло Игнатьевичъ и Ондрѣй говорили, что есть съ ними отъ г. ц. и в. к Б. Ѳ. в. Р. к Аристову князю грамота и жалованье и приказъ словомъ; и Аристовъ бы князь съ ними одиолично виделся. И Аристововъ сынъ говорилъ, что отецъ его Аристовъ для того его и прислалъ, чтобъ ему отдали государеву грамоту и жалованье; а кой деи часъ отецъ мой къ себѣ приѣдетъ,—и онъ тотъ часъ у насъ пословъ въ дороге будетъ до Грузинского рубежа. И послы Михайло Игнатьевичъ и Ондрѣй Аристовову сыну Баванде государеву грамоту и жалованье сорокъ соболей отдали и по наказу ему говорили, чтобъ Аристовъ князь былъ подъ государевою рукою вмѣсте съ Олександромъ царемъ Грузинскимъ и с нимъ бы былъ въ любви и въ дружбе и противъ недруговъ стояли заодинъ. И Аристововъ сынъ послом говорилъ, что отецъ его Аристовъ князь и онъ со всею Сонскою землѣю холопи государевы и служить ради болши Черкасскихъ князей, и что государево повелѣнье, и он не того слова не выступитъ, а с Олександромъ царемъ Грузинскимъ по государеву приказу въ дружбе и в любви ради быть. А Карталинской Юрьи царь Симоновъ сынъ ныне ни другъ же и зговорилъ за него за Бавенду дочерью своею. И провожал послов Аристов сынъ своею землѣю версты съ 3; а азнауры ихъ лутчіе проводили пословъ до Грузинского рубежа верстъ съ 5.

А отъ Грузинского Александра царя встрѣчю къ посломъ на рубежъ приставъ не пріѣхалъ. И послы о томъ говорили старцу Кирилу: писалъ ты к Олександру царю и про насъ про пословъ вѣдомо учинилъ, и ныне от Александра царя къ намъ встрѣчю на рубежъ приставъ не бывалъ и корму намъ и подводъ не даютъ не по прежнему обычею; а у насъ свои запасы изошли *и пр.*

на рубеж пристав к намъ, холопемъ твоим, не бывалъ и корму не давали. И мы, холопи твои, говорили старцу Кирилу, что от царя Александра к нам встрѣчю на рубежъ пристав не бывал и корму намъ и подвод не даютъ; а у нас, государь, свои запасы поизошли, а иные потанули и з горъ посволялис, а купит не добудемъ и лошади переустали. И старецъ, государь, Кирило сказал намъ, холопемъ твоимъ: того деи а и самъ не узнаю, какимъ де то обычаемъ дѣлаетца, что по ся мѣста встрѣчю от царя Александра никого нѣтъ? Болшое [48]) деі царь Александръ ещо ис походу к себѣ не бывал, а царевич де Юрьи дожидаетца вѣсти от отца своего. И шли мы, холопи твои, от Сонского рубежа Грузинскою землѣю с старцомъ Кириломъ бес пристава три дни [49]). —И августа, государь, въ 12 день на третьемъ стану от рубежа в Умановых селѣхъ приѣхалъ к намъ, холопем твоимъ, от Александрова царева сына от Юрья царевича околничей Просданъ да азнауръ Иванъ. И пришед, государь, к нам, холопем твоимъ, Просдан спрашивал нас, холопей твоихъ, от царевича о здоровье. И говорил, государь, намъ, холопемъ твоимъ, Просданъ от царевича Юрья: вѣдомо деи учинилос царевичю Юрью про вас, в. г. послов, что идете от царского величества к отцу его к Олександру царю; и ныне деи отца его царя Александра у себя в Грузинской землѣ нѣтъ, в рати у шаха. А царевичь Юрьи ныне в своем государстве в отца своего мѣста, и прислалъ деи он к вамъ встрѣчю в приставы меня околничево Просдана да [50]) Ивана и кормъ вамъ велѣлъ давати, сколко можемъ собрати. И мы, государь, холопи твои, им говорили, что к нам встрѣчю на рубежь пристав не присланъ и до сѣхъ мѣстъ ѣхали бес пристава и корму намъ и подвод не довали,—и то дѣлаетца не по прежнему обычаю; а ваше [51]) государево царское великое милосердье живет посломъ Александровымъ. И Просданъ, государь, говорилъ: кой де часъ свѣдавъ царевич Юрьи про вас в. г. царского величества послов, и послал встрѣчю дворенина своего Кейстрова, а велѣлъ ему ѣхати с вами и кормъ давати; и он деи с вами по грехом [52]) розѣхался иною дорогою. И чтоб вам в том на царевича не подасадыват; а кормъ деи будет доволенъ. И почали, госу-

---

[48]) Въ стат. спискѣ: по знакомъ деи....

[49])—: а кормъ покупали....

[50])—: да азнаура своего добраго Ивана....

[51])—: в. г. н. жалованье к Олександровым царевым послом живетъ великое....

[52])—:ночью....

дарь, намъ, холопемъ твоимъ, кормишко дават худо и то не всегды; а говорил нам Просодан, что земля ныне безгосударная, нихто не слушает, сколко деи зберутъ, то и дадутъ.—И ѣхали, государь, мы до мѣста Шунты, гдѣ стоялъ царевичь Юрьи три дни; а не доѣзжая стану версты за три, приѣхал к намъ, холопем твоимъ, от Юрья царевича конюшей его Зурапъ, а привел трое лошадеі с сѣдлы—двѣ лошеди под нас, холопей твоихъ, а третью лошад под переводчика. И пришед к намъ, холопемъ твоимъ, конюшей говорилъ, что царевичъ деі Юрьи прислал к вамъ, царского величества послом, лошади, на чом вамъ к стану ѣхать.—И поставилъ, государь, нас от царевичева стану за версту.—И августа, государь, въ 18 день приѣзжалъ к нам, холопем твоимъ, на стан Сулейман князь, которой былъ на Москвѣ у тебя, у государя, в послехъ. И говорилъ от царевича, что отецъ ево Александро царь ныне у шаха; а на отца своего мѣста в государстве ныне он царевичъ Юрьи и всякие дѣла он испровляет, а об ныхъ о болшихъ дѣлех к отцу своему пишетъ. И вам бы деі, в. г. посломъ, быть у царевича и царского величества приказ ему обьявити. И онъ, выслушев [53]) царского величества приказ, что ему мочно здѣлать, и то здѣлает; а чего не вместима [54]), и о том отпишет к отцу своему Александру царю. И мы, холопи твои, Сулейману говорили, что вы, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и вашего царского величества сынъ в. г. ц-ч к. Ѳ. Б. в. Р. прислали нас, холопей своих, в посолстве к отцу его к Олександру царю, а і к нему от вас, великих государей, грамота и ваше государево великое жалованье есть же, толко велено обьявить вмѣсте с Олександром царем; и ныне Александра царя здѣ въ его государстве нѣтъ, и нам ныне без Александра царя к нему к Юрью царевичю какъ итти? И Сулейман, государь, намъ, холопемъ твоимъ, говорил от царевича: толко мы у него не будемъ и твоихъ государевыхъ дѣлъ ему не обьявимъ,—и ему к отцу своему отписат нечего и твое государево дѣло станет; а толко, государь, мы, холопи твои, у него будем и о которыхъ дѣлехъ с нами, холопи твоими, твой государев приказ,—и тѣ деи твои государевы дѣла всѣ здѣлаютца. И мы, холопи твои, видя то, что Александро царь у шаха і невѣдомо к себѣ в государство будет, невѣдомо не будетъ, а сынъ его царевич Юрьи ныне на государстве въ его мѣсто [55]), и толко у него не быт, і твое государево

---

[53]) Въ стат. спискѣ: ваши рѣчи....

[54])—:не мочно здѣлать....

[55])—:мѣсто,—говорили Сулейману, что у Юрья царевича будутъ; толко бъ въ то время у царевича, какъ имъ быти на....

дѣло имъ будетъ не вѣдомо,—говорили Сулейману, что мы у Юрья царевича будемъ; толко скажи от нас царевичю Юрью: какъ намъ у него быт на посолстве, і в то время у него Кизылбашского и Турсково і иных никоторых государей послы и посланники не были. Не так бы учинили, какъ преж сего были у них вашего царского величества посланники Іван Нащокин да Иван Левонтьевъ; и какъ были на посолстве, і в тѣ поры былъ в шатрѣ Турсково чеуш. И Сулейман, государь, намъ говорилъ, что он про то царевичю скажет; а какъ деи вы прикажете, и потому царевич и учинитъ.—И августа, государь, въ 19 день пріѣзжали к нам, холопем твоимъ, на стан от Юрья царевича их думные люди казначѣй Сурканъ да Уманов сынъ Хосров да Сулейман князь. И говорили, государь, нам от царевича, чтоб намъ к нему ѣхать [56]) и посолство исправит; а царевич под вас лошеді прислал с своим конюшим.—А прислал, государь, под насъ, холопей твоих, по лошеді с сѣдлы да под перевотчика лошед. И мы, холопи твои, имъ говорили, что мы к царевичю ѣхать готовы; а о том мы преж сего к царевичю приказывали, чтоб в то время, какъ намъ у него быть на посолстве, іных государей послов и посланников и гонцовъ не было. І тѣ, государь, царевы думные люди намъ, холопем твоимъ, говорили: в. г. царю и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. Кизылбашской Аббас шах друг и братъ, а здѣсь ныне Кизылбашского шаха посол;—и ему б в то время быти у Юрья царевича, как вы, царского величества послы, у него будете. И мы, холопи твои, імъ говорили: Аббас шах тебѣ, в. г., царскому величеству другъ і братъ; толко того в обычае не ведетца, что при в. г. н. царского величества послехъ иныхъ государей послом быти на посолстве. И коли у Юрья царевича будетъ ныне Кизылбашской посол, и намъ к нему не ѣзживат; а хотя и приедемъ, а онъ будетъ у царевича, и нам из шетра итти вонъ, не правя посолства. И казначѣй, государь, Сурканъ с товарыщи говорили, что царевичь Юрьи о томъ с вами велѣлъ поговорит: мочно л вамъ то учинить? А коли то не надобно, и Кизылбашского шаха посла в то время не будетъ. Да послали, государь, тотчасъ къ Юрью царевичю, чтоб Кизылбашскому послу у себя быт не велѣл.—И того, государь, дни [57]) были мы, холопи твоі, у Олексан-

---

[56]) Въ стат. спискѣ: на посолство; да прислалъ подъословъ по лошеди въ сѣдлехъ съ конюшимъ с своимъ. И Михаило...

[57])—:послы у Юрья царевича были. А ѣхали передъ послы казначѣй Суркай, да Умановъ сынъ Хосровъ, да Сулеймановъ князь да конюшей; а съ послы ѣхалъ приставъ околничей Просоданъ. И пріѣхавъ на станъ, сѣли послы съ

дрова царева сына у Юрья царевича в шатрѣ. А при немъ в тѣ поры были Кизицкой архиепископъ Василей, да архимаритов и ігуменов 3 человѣка, да царевы Александровы думные люди и азнауров человѣкъ с 50; а сидѣли от него по правоі сторонѣ. А подле, государь, царевича с правою сторону от него сидѣлъ сынъ его царевич Есѣй. И какъ мы, холопи твои, пришли в шатер,—и царевичь, государь, Юрьи и с сыном своимъ встал и от своего мѣста отшол против нас до полушетра. И по твоему г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. наказу от вас, в. г., и вашего царьского величества сына от в. г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. яз, холопъ твоі Михалко, правилъ царевичю поклон. И царевич, государь, спрашивал про ваше государьское здоровье. А молыл: смѣя деі и не смѣя, спрашиваю о в. г. царе и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и о его царского величества сыне о в. г. ц-че к. Ѳ. Б. в. Р. о ихъ государьскомъ здоровье, какъ их, в. г., Богъ милуетъ? И яз, холопъ твой Михалко, сказал: какъ есми поѣхали от вашего царского величества і вы великій [58])..... Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сыну в. г. ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. на их, в. г., жалованье много челомъ бью, что таким своим царским жалованьем меня поискали. Да пошел, государь, к намъ, нас к себѣ приімал; а в руку свою нам целовати не дал.—И после, государь, того говорили мы, холопи твои, ему рѣчь по твоему государеву наказу против тово, что было говорити Александру царю; а царевичь, государь, в те поры стоял. И царевич, государь, выслушев рѣч, говорил, что есть им многие кручины и тесноты да о том, дасть Богъ, вперед обьявит іным времянем; и звалъ, государь, нас, холопей твоих, ѣсть. А самъ сѣлъ и намъ, холопем твоим, велѣлъ сѣсти блиско себя [59]);

лошадей отъ царевичева шетра неподолеку; и шли передъ послы въ шатѣръ тѣ жъ, которые передъ послы ѣхали. А царевич в тѣ поры сидѣлъ въ шатрѣ на зголовьѣце, подъ нимъ коверъ золотной. А подлѣ царевичева с нравую сторону сидѣл сынъ его царевичъ Есѣй; а от царевичева сына сидѣли Кизицкой архиепископъ Василей, да архимаритовъ и игуменовъ 3 человѣки, а от нихъ царевы Александровы думные люди и азнауровъ человѣкъ съ 50.—И какъ послы вошли.....

[58]) Пропускъ. Въ статейномъ спискѣ это мѣсто такъ читается: И Михайло Игнатьевичъ сказалъ про государево и царевичево здоровье по наказу жъ. Да подалъ грамоту и явилъ государево жалованье поминки по росписи. И царевичъ Юрьи на государеве жалованье на поминкахъ билъ челомъ. А говорилъ: в. деі г. царю и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царскому сыну ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. на ихъ жалованье много челомъ бью, *и пр.*..

[59]) Въ спискѣ: съ лѣвую сторону, а от нихъ сели бояры и азнауры; и велѣлъ.....

і велѣлъ скатерти наслат и ѣсть нести. И мы, холопи твоі, говорили царевичевым бояром, что мы того не вѣдали і царевичева приказу о том не слыхали, что нам ныне у царевича ѣсть; і хотѣли мы, холопи твои, встат. И царевичь, государь, Юрьи, услыша от бояр своих, нам, холопем твоим, говорил, что у них такъ ведетца в обычье [60]); а яз де тепере обрадовався в. г. царского величества милосердью. А вам де меня тѣмъ оскорбити, тако вам у меня не ѣсть; а яз деи холоп государевъ самъ вас зову, а послат вас зват ѣсть не смел, что вы послы великого государя. І мы, холопи твоі, у царевича Юрья ѣли. І в столѣ, государь, сидечи, царевич Юрьи розказывал про брата своего про Давидову цареву неправду к отцу своему к Олександру царю и к себѣ [61]). А в полстола, государь, вставъ із мѣста царевич Юрьи и отшед к шатѣрной сохѣ, пил чашу про ваше в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и вашего царского величества сына про в. г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. здоровье. А после, государь, стола провожал нас царевич самъ и з своими бояры из шатра [62]).—И августа, государь, въ 23 день присылал к нам, холопем твоимъ, на стан царевич Юрьи [63]) бояръ своих Уманова сына Хосрова, да Сулеймана князя, да думново своево Чезжана [64]), да дьяка Арекеля. А говорили намъ, холопемъ твоимъ: которые де рѣчи от в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. говорили есте царевичю Юрью, і на тѣ рѣчи царевичь Юрьи велѣлъ вамъ отвѣтъ учинит намъ, своим думным людемъ. Что де вы сказывали мнѣ от в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. его царское милосердье и жалованье к отцу моему к Олександру царю і ко мнѣ и ко всѣй Іверской землѣ оборонъ от Кумыцких людей, что послал на нихъ царское величество рать свою,—и мы на том в. г. его царскому величеству бьемъ челом [65]) и за его царское здоровье

---

[60]) Въ стат. спискѣ: что я, холопъ государевъ, самъ васъ ѣсть звалъ; а послать..... государя. А язъ топере обрадовался в. г. жалованью и вамъ бы меня тѣмъ не оскорбить, что у меня не ѣсть. И послы у царевича ѣли.....

[61])—:к себѣ, что онъ на отца своего посягнулъ и государство у него отнел былъ, а его Юрья царевича хотѣлъ ослепить и з городовые стены скинуть и въ тюрму его сожалъ.—И по его Давидове неправде ему Богъ отомстилъ: вскоре злою смертью скончался; а государство Богъ далъ отцу его Александру царю и ему Юрью царевичю. А въ полстола.....

[62]) —:А до стану ѣхалъ съ послы Сулейманъ князь; да и въ приставехъ ему царевичъ велѣлъ у пословъ быти.

[63]) —:думныхъ своихъ людей....

[64]) —:Джездамъ-бека....

[65]) —:И какъ отецъ....

Бога молим со всѣю землѣю. И какъ отецъ мой со всѣю Иверскою землѣю учинилися под его царского величества рукою, потому и ныне во всемъ послушны і в холопстве хотим быт во веки неотступны и надежу имѣемъ во всемъ на Бога да на него в. г. А что деи вы мнѣ говорили о рати: какъ царского величества рат придет в Кумыцкую землю, а мнѣ б Юрью в то ж время с своею ратью итти с своеі стороны на Кумыцкихъ людей,—и яз деи с своею ратью готов; и как будет вѣсть от в. г. царского величества воевод,—и яз тот часъ пойду самъ с своею ратью на Кумыцких людей. А что деі вы мнѣ говорили, чтоб мнѣ царскому величеству по записи кресть целовать,—і преж деі сего креста яз не целовал за братом своимъ Давидом царем, что у нас с нимъ была розньі; а ныне какъ, дастъ Богъ, отецъ моі будет здѣсь в своем государстве, и яз то все совершу по царского величества приказу [66]), запись написав, и крестным целованьем утвержу и руку свою и печат приложа, вам царского величества послом дам. А будетъ отец моі вскоре от шаха не будет, а вам в. г. послом шах велит к себѣ итти,—и яз деи тогды также запис написав и крестъ на ней целовав перед вами, і тое запис пошлю к отцу своему, и отец мой ее вам отдастъ. И как ево царьское повеленья, и то все здѣлаем: холопи ево государевы. А ныне де посылаю с тѣм со всем дѣлом к отцу своему архиепископа Кизицкого Василья и о всем с ним подлинно к отцу своему пишу; а начаюся де вскоре отца своего [67]).—И поставилъ, государь, нас, холопей твоихъ, от Шемты версты з две в Оловердинского митрополита дворѣ и кормъ, государь, нам, холопем твоим, дают.—А отпустили, государь, мы к тебѣ, к государю, Терского сотника Миню Сонина августа въ 28 день, которой был присланъ до нас, холопей твоих, с Терки; а велѣли ему ѣхать, не мешкавъ нигде. И к воеводамъ, государь, на Терку и в Асторохан мы, холопи твои, писали, чтоб ево не держали нигде, отпустили к тебѣ, к государю; да и к Аристову, государь, князю Сонскому и к Айтек мурзѣ Черкасскому и к Пауцкому князю мы, холопи твои, от себя писали, что ево послали проводити своими землями, не іздержавъ.—А отъ Івана, государь, Бутурлина с товарыщи к намъ, холопем твоим, августа по 27 день вѣсть не бывала. И мы, государь, холопи твоі, Ивану Бутурлину с товарыщи писали, чтоб к намъ отписал по твоему государеву царскому наказу, какъ пойдетъ с Терки и которому сроку почают быти к Таркам, чтоб намъ,

---

[66]) Въ стат. спискѣ: А будетъ....

[67]) —:сюды. И сентября въ 16 день....

холопем твоим, о томъ было вѣдат.—А какъ, государь, намъ, холопем твоим, царевичь Юрьи з бояры своими приказал, что ему без отца своего твоіх государевых дѣл дѣлати не возможно,—и мы, холопи твои, царевичю Юрью и бояром его не сказывали, что твое государево жалованье присланы деньги 500 рублевъ, тѣмъ велѣно роздати, которые от Івана Нащокина и от Івана Левонтьева изобижены; а и роздать, государь, без Олександра царя—потерятъ.

На оборотѣ: 113-го декабря въ 5 де с асторохапцомъ сыномъ боярскимъ с Ѳѳонасьемъ Рагозиным.

Въ началѣ: спісан. Прав.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твоі Михалко Татищев да Ондрюшка Іванов челом бьют. По твоему г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. наказу мы, холопи твоі, будучи въ Грузинскоі землѣ, провѣдывали себѣ тайно всяких вѣстей. И сказывали, государь, нам Грузинские люди и полоненики, что Кизылбашской Аббас шах Турского городы емлетъ и землю его воюетъ. А взял деи, государь, Турского города Тевриз, город Реван, город Никчиван і иных невеликих мѣстъ с 5—6; а про которые, государь, городы писал к тебѣ, к государю, с посланнікомъ своим, что их поимал, Шемаху и іные, и тѣ деі, государь, городы ещо за Турским. А ныне, государ, стоит Аббас шах в Зенгиче, от Грузинские земли в пяти дняхъ; а с ним, государь, сказывают, рати ево тысечъ с 30. А з болшими людми послал к Турсково городомъ в великую Арменью воеводу своего Ловерди хана. И приходили деі, государь, Турсково люди на Кизылбашскихъ людей на Оловерди хана въ ыюле мѣсяце и бой был великоі в Арменской земле и шаховы, государь, люди побили Турских многих людей. А к Шемахе и к Дербени и к Баке чают шахово приходу на осень поздо. А которые, государь, земли невеликие здешние Іверская и Дадьянская і іные,—і тѣ всѣ сами государи и лутчие люди ходят с шахомъ и задались все за шаха. А Кумыцкие, государь, люди сево лѣта приходили воевать многижда Грузинские земли; и в ыюне мѣсяце вместе с Турскими людми, из Шемахи пришод, взяли у Грузинскова лутчее мѣсто Загемъ і людеі многих побили, а иныхъ поимали, и товары многие поимали и царевъ двор розорили и нарядъ, которой был в Загеме, поимали вес. И ныне, государь, приходят безпрестани Кумыцкие люди на Грузинскую землю войною. А стат нѣкому, что ни было воинских людей, тѣ всѣ у шаха с царем Александром. А царя, государь, Александра и Оловердинскаго митрополита и иных лутчих грузинских людей шах не отпустит, держит ихъ у себя неволею. А съ Юрьемъ, государь, с Симоновымъ сыном Александръ

царь в миру; и отпускал шахъ Юрья Симонова сына к себѣ для нѣмочи, а ныне деи опять с шахомъ. А Аристовъ, государь, князь со обѣими с ними с Олександром царем и с Симоновым сыномъ съ Юрьемъ ныне в миру, а от шаха отпущен, живет ныне у себя; а велѣл, государь, ему Аббас шах собрат рат, итти под Турского городъ под Тиѳлисъ съ Юрьемъ царем Симоновым сыном вмѣсте. А Турского, государь, город Тиѳлисъ блиско Сонские земли, а от нашие дороги кое мѣсто шли мы, холопи твои, верстах в 5 или во 6; а преж, государь, сего тотъ городъ бывал Грузинской же Симона царя.....

На оборотѣ: 113-го декабря въ 5 де с асторохапцом сыномъ боярскимъ с Ѳѳонасьемъ Рагозинымъ.

Въ началѣ: списан. Прав.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Михалко Татищев да Ондрюшка Иванов челом бьютъ. Сентября, государь, въ 16 де писали к тебѣ, к государю, мы, холопи твои, о твоих государевых дѣлех и про Турские и Кизылбашские вѣсти, что мы, холопи твои, слышели в Грузинской землѣ. А послали тѣ грамоты к твоим государевым воеводамъ к околничему к Ивану Михаиловичю Бутурлину с товарыщи с Терскимъ стрелцом с Михалком с Ысаковым; а отпустили, государь, мы того стрелца с Крым-Шеѳкаловым племянником Салтановым сыномъ с Суркаемъ. И того, государь, дни царевичь Юрьи Суркая не отпустил; а отпустил, государь, ихъ царевичь Юрьи от себя сентября въ 17 день.—И того ж, государь, дни сказывал намъ приставъ Сулейманъ, приѣхавъ от царевича, что пришла вѣсть из Симоновы земли, что идет в Шемаху многоя Турская рат и хотят деи, государь, воевать Грузинскую землю Александрову и Симонову; а чают ихъ приходу на Грузинскую землю сес осени.—Да сентября деи, государь, въ 17 день приѣхалъ в Грузинскую землю къ Юрью царевичю крымской татарин, а ѣдетъ от Крымского царя з грамотами.....

На оборотѣ: 113-го июня въ 19 де с Терским сотником стрелетцким с Иваном Волковымъ.

Государю ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. холопи твои Михалко Татищевъ да Ондрюшка Иванов челомъ бьют. В прошломъ, государь, въ 112-м году августа въ 28 день писали к тебѣ, к государю, мы, холопи твои, из Грузинские земли с сотником стрелецкимъ с Минею Сониным о твоих государевых дѣлехъ, а послали его на Сонскую землю тою ж дорогою, которою шли мы, холопи твои; и про то, государь, намъ октября по 29 число вѣдома нѣтъ—проѣхал ли тот сотникъ стрелецкой з грамотами до Терсково города или не проѣхал, потому что, государь, к намъ из Терсково города от твоих государевых воевод, которые пос-

ланы, на Шеѳкалову землю, октября по 29 день никакова вѣсть не бывала.—Да сентября, государь, въ 17 день писали к тебѣ, к государю, мы, холопи твои, с стрелцом Михалком Исаковымъ, а послали его к твоим государевым воеводамъ с Крым-Шеѳкаловым племянником с Суркаем. А Суркай, государь, у нас былъ, и о томъ намъ говорил, что он з братьею с своею и з детми и с племянники хотят тебѣ, государю, служить и на Шеѳкаловых детеi стояти с твоими государевыми людми заодин и к твоим государевым воеводамъ хочет ѣхать и шерть дасть и к тебѣ, к государю, сына своего пошлетъ. Да и царевич, государь, Юрьи к нам об немъ приказывал, что он имъ свой, а тебѣ, государю, хочетъ служит и к твоимъ государевым воеводам ѣхать; и нам бы ему вѣрить. Потому, государь, мы с ним стрелца и послали з грамотами.—А после, государь, того октября въ 2 день писали к тебѣ, к государю, мы, холопи твои, упрося у Юрья царевича, с царевым Александровым человѣком с Ильею Окученином; а хотел, государь, его царевич отпустит прямо через горы на Кумыцкую землю, куды мочно пройти. I вѣдомо, государь, намъ учинилос, что Суркай Крымъ-Шеѳкалов племянникъ замешкалъ в Олександрове цареве землѣ в Загѣме, октября по 15 число к твоимъ государевым воеводамъ не поѣхалъ и стрелца, которого мы с нимъ послали з грамотами, с собою задержал, к твоим государевым воеводам не отпустил; а Илью Окученина царевич Юрьи по то число не отпустил же. И мы, холопи твои, приказывали к царевичю, чтоб намъ послати к тебѣ, к государю, з грамотами через Сонскую землю твоих государевых людей, а он бы далъ провожатых; и царевичь, государь, намъ в том воли не дал. И мы, государь, холопи твои, послали к тебѣ, к государю, з грамотами тайно двух стрелцов Степанка Зиновьева да Левку Шемуку; а с ними вмѣстѣ отпустили дву человѣкъ полоняников, которые вышли ис Турских городовъ, Савостку Микитина да Ѳедку Борисова, а бывали они Терские стрелцы. И октября, государь, въ 16 день пришли к намъ тое станицы три человѣки стрелец Левка да полоненики Ѳедка да Совостка ранены; а сказали, что пришли на них в дороге в Грузинской землѣ многие люди горские и их розграмили и твоего государева стрелца Степанка Зиновьева убили до смерти, а ихъ переранили, и ограбя покинули. А про грамоты, государь, сказали: как на нихъ пришли горские люди,—и они деи, государь, в те поры твои государевы грамоты вкинули в воду. И посылали мы, холопи твои, къ Юрью царевичю толмача Своетина и с приставом с Сулейманом приказывали о томъ: послали мы, холопи (твои к те)бѣ, к государю, з грамота(ми сотника) Миню Сонина и.....мо проѣхал или н...

.....мотами ж стрелецско... .. ..нником с Суркаемъ.....! ... воеводамъ не побл..... стрелца з грамотами вѣрящ..... об немъ приказывал. А которые грамоты послали мы, холопи твои, с Ильею с Окученином, и царевич его не отпустил же. И мы ныне хотим послат к тебѣ, государю, станицу; и царевич бы тѣмъ люд(ем), которых посылаемъ к тебѣ, к государю, велѣлъ дат провожатыхъ до Сонского Аристова князя. А говорили, государь, мы, холопи твои, о томъ приставу жостоко, что присланы мы, холопи твои, от вашего царского величества к Олександру царю с вашим царским великим жалованьемъ и с милостивымъ словомъ; а мы ныне живемъ што в неволе. И о которых дѣлех хотим послат з грамотами к тебѣ, к государю, и царевич намъ провожатых не дает, а бес провожатых посылати не велит; и про рат вашу государеву намъ не вѣдомо—гдѣ ныне. И то Юрьи царевич дѣлаетъ, кабы нехотя быти в вашем царскомъ жалованье. А то ведетца во всѣхъ великихъ государствах не токмо в такой землѣ здѣшней, которая под вашею царскою высокою рукою, посломъ вездѣ поволность бывает к государем писати о всякихъ ихъ государевых дѣлех. А Олександро царь и сынъ его Юрьи царевич под вашею царскою высокою рукою. И толи ихъ к вашему царскому величеству правда, что намъ ныне к вамъ к в. г. послати поволности нѣтъ?—И царевич, государь, Юрьи к намъ, холопем твоим, приказал, что земля ихъ Грузинская вся твоя, государева, а отец ево царь Александръ да и он, царевич Юрьи, холопи твои государевы; а что провожатыхъ преж сего не присылали, і в томъ он виноват без хитрости, понадѣелся на Суркая и на Илью, которые посланы. И Суркай воровством зажился в Загеме; а дожидался, сказывают, царского величества воевод, какъ придутъ на Кумыцкую землю. А не услыша про воевод, на Терку ѣхат не хочетъ. А свѣдал де есми про него недавно, что он своровалъ; и яз по стрелца послалъ, а велѣлъ ево у нево взяти и к вамъ привести. А Окученин заболел... надо мною де сам..... (*недостаетъ, вѣроятно, нѣсколькихъ столбцевъ. Изъ конца этой отписки сохранился только слѣдующій столбецъ:*) какие беды за грѣх за мои со всехъ сторон недруги Турки и Кумыки стали. И яз де беспрестану волочюся і в своихъ бедах и в кручинах доволъ..... не возметъ ково и послати: лутчие люди с отцом моим у шаха, а иные стоят от Турсков..... украины, а иные от Кумыцкие. А нынѣ б така в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. его царского величества стрелцов со мною не было, которых вы ко мнѣ прислали, и нашу бы де землю Турские и Кумыцкие люди до конца розорили. А ево де в. г. немногие люди, а нашей болшей ра-

ти грознѣе. Да и наши де люди съ ево государевыми людми осмелилис на недругов своих; а без ево деі бы царьского величества людей на недругов своихъ, и гледет не смѣли: такой пришол на них на бедныхъ страх, потому что со всех сторон недруги. А бес провожатыхъ деи вамъ посылати потому не велю, что по дорогам воруют горские люди и что станетца над государевыми царскими людми. И мы де холо.....

На оборотѣ: 113-го февраля въ 28 день с кречетникомъ с Ѳедором Тоболинымъ.

Помѣщаемъ вслѣдъ за симъ грамматy Карталинскаго царя Юрья къ Татищеву, такъ какъ она, кажется, въ Москву была доставлена вмѣстѣ съ этой отпиской, судя по замѣчанію Татищева въ его второмъ стат. спискѣ.

Перевод з грамоты Карталинского Юрья царя, что прислал к послом с толмачом с Микитою Тютчевым.

Милостию Божьею от начала царьского родства яз Юрьи царь Симонов сынъ пишу к вам, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и сына его в. г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. і всея сѣверные страны государей послом, господину Михаилу и Ондрѣю радоватися о Господе.—Прислали естя ко мнѣ с толмачом с Микитою грамоту, и мы грамоту вашу принели; и что в ней писано, то выразумѣли подлинно. И такому дѣлу недостойны были есмя и не можем отвѣту дат. А коли у вас было такое великое и пречюдное дѣло,—и преж сего гдѣ естя были или после? А ныне вѣдомо вам буди, что есть у нас войны и замешанья многое и нужи; и мы пошли к Самце воеват агарян. И нам ныне недовол, что вам притти сюда до лѣта. А аже дасть Богъ и счастьем великого царя пришед оттуда, пришлем человѣка и вас призовем; и что нам известит Богъ,—тогда посмотрим лутчее. А без нашего человѣка вам не ѣздит. Писана лѣта 7113 мѣсяца ноября.

Цар Юрьи Карталинской і всея Іверіи.

8 генваря 1605 г. къ посламъ Татищеву и Иванову въ Грузію присылали воеводы Бутурлинъ и дьякъ Мих. Широносовъ сотника стрѣлецкаго Ивана Волкова съ извѣстіемъ объ ихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Кумыкской землѣ.—Отправляя его обратно, Татищевъ послалъ съ нимъ отписку, въ которой, судя по его замѣчаніямъ въ 1-мъ и 2-мъ стат. спискахъ, писалъ: 1) о своихъ переговорахъ съ грузин. царевичемъ Юрьемъ и его боярами за послѣдніе (ноябрь—декабрь) мѣсяцы 1604 г. и первые (январь—февраль) 1605 года и 2) о своихъ сношеніяхъ съ Юрьемъ царемъ Карталинскимъ и о своихъ разысканіяхъ относительно царевичей въ Карталинской и Мингрельской земляхъ.—Изъ этой отписки сохранились только слѣдующіе отрывки:

...х крестному целованью любо, что прикажет ему Юрьи царевич в твоем государеве дѣле испортитъ, видя то, что Юрьи царевич того не хочет накрепко, а посылает за неволю, блюдяс от тебя государя. И послали, государь, мы с Сулейманом толмача Своитина Каменева да подъячего Дружину Степанова, приведчи х крестному целованью, а с ними 4-хъ человѣкъ стрелцов. И писали мы, холопи твои, къ Юрью царю Симонову сыну, чтоб намъ велѣл у себя быти вскоре; с нами, холопи твоими, от вас, в. г., к нему, Юрью царю, приказ о многих великих дѣлех и что вы, в. г., его, Юрья царя, хотите пожаловать, к себѣ, в. г., в присвоенье учинит. А преж сего, к нему приѣхав в Сонскую землю, приказывали с Аристовыми людми, что с нами от вас, в. г., къ нему, къ Юрью царю, ваша государева царская грамота и приказ о многих дѣлех і ваше государево жалованье поминки;—и от него к нам никакова вѣсть не бывала в Сонской землѣ. А приѣхав в Грузинскую землю, царевичю Юрью многожды о том говорили; и царевич Юрьи нас не отпустил и послати к нему не дал. А Своитину, государь, мы, холопи твои, приказали роспросит Ѳеодосья архиепископа Голгоѳского, что бывал на Москвѣ, а Своитину, государь, он знат:—что Юрьева царева мысль: хочетъ ли он быт в вашем царском жалованье? И доч свою царевну болшую хочет ли отпустит к вашему царьскому величеству? И какова царевна лицом і возрастом і разумом и колких лѣт? И иные царевны или царевичи их царьского родства въ его государстве есть ли? И будет есть, и чьи дѣти и каковы лицом і возрастомъ і в каковыя лѣта? И для чего царь Юрьи нам к себѣ ѣздить не велѣл до присылки, а отсрочил далеко до весны? Да и то, государь, мы, холопи твои, Ѳеодосью архиепископу велѣли сказат тайно, что нас Юрьи царевич к царю Юрью не отпустил и послати не дал з зависти, не хотя того, чтоб такое великое Божье дѣло у Юрья царя здѣлалос; а сам царевич о том скорбит, что у него того нѣт, а сынъ мал. И мы посылали тайно Кесарѣйского митрополита Германа и с ним къ Юрью царю приказывали о твоих государевых дѣлех. Да Своитину ж, государь, мы, холопи твои, приказали росказат в розговорех Юрью царю Карталинскому твою государеву царьскую милость к Олександру царю и ко всей Грузинской землѣ, что ваши государевы воеводы по вашему царьскому приказу Кумыцкую землю повоевали и розорили и многих людей побили, а полону безчисленно поимали, и городы в Кумыцкой землѣ поставили; и ныне ваша государева царьская рат многая в Кумыцкой землѣ. А Нагаи многие былі в войнѣ в Кумыцкой землѣ с твоими государевыми воеводами,—и ныне кочюют блиско Терсково города по Кизлару;

и гдѣ им вы, в. г., велите итти на свою государеву службу,—и они готовы сколко тысеч надобно. Да что, государь, Своитин в Карталинской землѣ провѣдает, и мы ему с тѣм велѣли ѣхат назад. А подьячему Дружине велѣли ѣхат в Мерелскую и в Дадьянскую землю с Сулейманом.—И февраля, государь, въ 9 день пріѣхали из Симоновы Карталинской земли толмач Своитин да подъячей Дружина; а сказали, что Юрьи царь Симоновъ сынъ Сулеймана в Мерелскую и в Дадьянскую землю не пропустил и воротил его назадъ. Да привезли к нам, холопем твоим, Своитин и Дружина от Юрья царя Симонова сына грамоту греческим писмом. И мы, холопи твои, тое грамоту велѣли Своитину перевесть и перевод с тое грамоты послали к тебѣ к государю. А в роспросе, государь, намъ, холопем твоим, толмач Своитин и подьячей Дружина сказывали: были они у Карталинского Юрья царя в городе его в Горе; и от нас, холопей твоих, челобитье исправя, грамоту ему подали. И царь деі, государь, грамоту, принев, велѣл перевесть Ѳеодосью архиепископу; да спросил про нас, холопей твоих, о здоровье. И как де, государь, нашу грамоту архиепископъ Феодосей перевел,—и перевод к царю отнес; и после деі, государь, сказывал им архиепископъ Феодосей, что деи царского величества послы в грамоте своей писали, и то деі царьского величества хотѣнье будет все здѣлано. А Юрьи деи царь, слыша к себѣ царьскую милость, обрадовался и таков весел не бывал, как ныне; и их деи, государь, Юрьи царь жаловал, чтил добрѣ и ѣли у него четырже. И за столом деи, государь, Своитин толмач ваше государево царьское жалованье к Олександру царю и к сыну его къ Юрью царевичю и ко всей Грузинской землѣ про вашу государеву царьскую рат на Кумытцких людей и про городы росказывал, какъ мы ему, холопи твои, приказывали. И Юрьи деи, государь, царь говорил: слышел деи есми, что в. г. счастьем царьство его на всѣ стороны ширитца.—А на царевича деи, государь, Юрья Александрова царева сына царь Юрьи досадовал. А говорил им: прислал деи ко мнѣ царевич Юрьи от себя грамоту с ознауром своим с Сулейманом, и мною кабы нарежает, велит мнѣ царьскому величеству добыват, что ему государю годно, и велит пропустит к Дадьянскому. И яз деи на царевича Юрья не холоп. Царь Александръ—государь в своей землѣ, а яз владѣю своею землею. А в Ыверской землѣ началной царь яз, а не Александро. А царьского величества послы ныне у них; а какъ, отдѣлався, будут у меня и увижу царьского величества грамоту об его государеве дѣле,—и у меня будет все готово тот.....всеа

Русиі; а нам бы к нему быти сее весны после велика дни, какъ нас отпустит от себя Александръ царь и сынъ его Юрьи царевич.— И мы, холопи твои, отдѣлався в здѣшней Грузинской земли пойдем къ Юрью царю Карталинскому и станем ему говорити, какъ ему быти в вашем царском жалованье и чтоб его укрепити по вашему государеву царскому наказу.—Да говорил, государь, намъ, холопем твоим, Юрьи царевич, чтоб намъ отписати к тебѣ к государю, чтоб вы, в. г., отца ево, царя Александра, и его Юрья царевича и всю Грузинскую землю пожаловали, велѣли поставит городъ или два въ ихъ землѣ Грузинскай, изобрав.... (*тоже, что въ стат. спискѣ см. стр. 482. Разница обозначена тамъ*)..... мѣсты. А така де ныне Юрьи царь Карта.....(*на этомъ обрывается столбецъ. На дальнѣйшемъ написано слѣдующее:*) ..... говорили, что слышимъ мы, холопи твои. И, аж дастъ Богъ, ваши государевы царские пресветлые очи увидимъ, и мы то их челобитья вамъ, в. г., царскому величеству известимъ и в том ваша государева царская воля, какъ вамъ, в. г., Богъ известит. А они бы о томъ посылали к вамъ, в. г., бити челомъ пословъ своих. А от Александра .....(*буквально тоже самое, что и ниже въ стат. спискѣ см. стр. 482—483 об.*).....под Кенжу; а Костенти.....

Перевод з грамоты Карталинского Юрья царя, что прислал к послом с толмачом с Своитином Каменевым да с подьячим з Дружиною Степановым.

Яз государь царь Юрьи Карталинскій і всея Іверские земли царя Семионов сынъ вам в. г. ц. и самодержца в. Р. Б. Ѳ. и его возлюбленнаго сына ц-ча Ѳ. Б. в. Р. послом Михаилу Игнатьевичю да Ондрѣю Іванову пишу вам радоватися. Посем прияхом честную вашу грамоту и, еже в ней писано, то велми выразумѣли. И как преж сего вам писалъ, и ныне вам пишу: о сем вѣдаете, то есть великое дѣло. Говорите, что есть повелѣнье царьское, да будем в присвоенье; а на нас кабы досадуете, хотите учинит кабы спѣшно, и говорите, чтоб быти в присвоенье. А хотите спѣшно учинит, и то дѣло великое царьское присвоенье и о том, говорю вам, подождите до великие Пасхи до Свѣтлого Воскресенья Христова до весны, да будет и Александръ царь. И тогды, Божьею волею, по вас пришлю, і вы у меня будете. И как увидимся и царьскую грамоту увидим і вычтем ее,—да будет тогда Божья воля и царьское хотѣнье. А что послали естя сѣх людей Своитина с товарыщем к Дадьянскому, и мнѣ то кажетца не добро, что тѣм людем ѣхат туды, потому что вам надобно, и того у нево нѣт. А Дадьянской под Турского рукою; а крестьяном всѣм по-

добает быти Турскому недругом и не любити ихъ. И чтоб Дадьянской, поймав людей ваших, не отослал к Турскому также, какъ он здѣлал над шаховыми людми. И для того яз их не пропустил, чтоб их не потерят. А временем Додьянской в рукахъ наших будет; а лутчее будет здѣлано.—Писана лѣта 7113-го февраля в 1 день.

114 г. ноября въ 12 день пріѣхали к Москве из Грузеи послы Михайло Татищевъ да дьякъ Ондрѣй Ивановъ; и у г. ц. и в. к. Дмитрея Івановича в. Р. былі того же дни и подали государю списокъ, какъ у нихъ что дѣлалося в Грузехъ. А въ спискѣ писано:

Лѣта 7112 г. маия въ 6 день г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. велѣлъ ѣхати в Грузинскую землю к Олександру царю в послѣхъ Ближние Думы дворенину и намѣстнику Можайскому Михаилу Игнатьевичю Татищеву да діяку Ондрѣю Иванову; а съ ними вмѣсте отпущенъ Грузинского Александра царя посолъ старецъ Кирило. А велѣно имъ итти на Асторохань да на Терку, а съ Терки Черкаскою Кабардинскою землею на Айтекъ-мурзинъ кабакъ да на Сонскую землю. А к Черкаскимъ Солоху князю и къ Айтекъ-мурзѣ и к Олкасовымъ дѣтемъ к Мундаръ-мурзѣ да къ Араксану о пропуске и о провожанье посланы государевы грамоты; да к Сонскому Аристову князю послана грамота ж да государева жалованья сорокъ соболей. И какъ Михайло Игнатьевичъ и дьякъ Ондрѣй пришли въ Асторохань и в Терской городъ и что про Александра царя вестей объявилось,—и о томъ из Асторохани и с Терки писали к государю. А в Грузинскую землю послалъ напередъ из Асторохани старецъ Кирило к Олександру царю с вѣстью царевых дву человѣкъ объявити ему про пословъ и чтоб прислал встрѣчю в Сонскую землю пристава и подводы. А Михайло Игнатьевичъ и Ондрѣй по наказу писали на Терку к воеводомъ, чтоб послали съ ними дву человѣкъ стрельцовъ Терскихъ, которые бъ преж сего бывали в Грузинской землѣ; а велѣли имъ ѣхати до Сонские земли. И к Ористову князю Сонскому с ними писали и приказывали, чтоб прислалъ встрѣчю для провожанья и для мостов людей в щѣли к Ларсову кабаку. А с Терки Михайло и Ондрѣй писали от себя къ Черкасскому к Солоху князю, чтоб прислал провожатыхъ къ Терскому городу или к Суншинскому острогу, а велѣлъ бы ихъ пословъ проводити до горъ до Айтекова кабака; и про государеву грамоту ему объявляли, что есть к нему государева грамота и жаловалное слово и онъ бы к посломъ пріѣхалъ.

И пошли Михайло Игнатьевичь и Ондрѣй с Терки іюля въ 15

день; а въ Черкасы к горам к Айтекъ-мурзину кабаку пришли іюля въ 27 день. И были у Михайла Черкаской Айтекъ мурза з братом своимъ съ Мурза-сѣкомъ. И по государеву наказу Михайло Игнатьевичъ Айтеку о пропуске и о провожанье говорил и грамоту ему отдалъ; и Айтекъ сказалъ, что онъ холопъ государевъ и провожать пошлетъ в щѣли сына своего с узденми, покамѣста его кабаки. А Солохъ князь на Терку и на Суншу и въ дороге до Айтекова кабака провожатыхъ не прислалъ; а присылалъ к Михаилу к Айтекову кабаку брата своего Ибакъ мурзу да сына своего Хорошая мурзу. А Алкасовы дѣти были у Михайла у Айтекова ж кабака; и Михайла Игнатьевичъ государевы грамоты имъ отдалъ и о провожанье говорил по наказу. И Ибакъ мурза и Хорошай сказали, что Солохъ князь в дорогу провожатыхъ послати не успелъ, и въ томъ бы на него не подосадывали; а въ горы дорога не ихъ, промышляетъ тѣмъ Айтекъ мурза. А Алкасовы дѣти сказали, что прежъ сего какъ жилъ на той дороге у щелей отецъ ихъ, и онъ государевыхъ пословъ в горы провожалъ и мостами промышлялъ; а ныне в томъ мѣсте живет дядя ихъ Айтекъ мурза, и он тѣмъ и промышляетъ.

И пошли Михайло Игнатьевичъ и Ондрѣй от Айтекова кабака въ горы къ щелямъ августа въ 1 день; а провожал до Ларсова кабака Айтековъ сынъ Магметъ.—А в Ларсове кабакѣ приѣхалъ къ посломъ встрѣчю Сонского Аристова князя изъ украйныхъ кабаковъ приказщикъ Березовъ. А сказалъ, что приказъ ему отъ Аристова князя государевыхъ пословъ и посланниковъ въ Грузинскую землю провожать; и он, свѣдавъ про пословъ, приѣхалъ встрѣчю для береженья и для (мост)ов. А про Аристова сказалъ, что онъ былъ съ шахомъ въ походе пот Турского городы; а ныне дей онъ отъ шаха отпущен и будетъ къ себѣ вскоре. И как Михайло и Ондрѣй пошли отъ Ларсова кабака къ Сонской землѣ, и на первомъ стану в ночи приходили на них горские люди Колканцы с пищалми; и стрелцы, которые были на стороже и на заставке, с ними бились и от становъ посольскихъ ихъ отбили и многихъ у нихъ переранили.

Августа въ 4 день на первом же стану от Ларсова кабака приѣхалъ къ посломъ встрѣчю Аристова князя азнауръ Чидилило; а сказалъ, что ему велѣно ..... (*буквально тоже, что въ отпискѣ Татищева, посланной 28 августа 1604 г. съ Миней Сонинымъ см. выше стр. 456—464. Нѣкоторыя измѣненія, находящіяся въ стат. спискѣ, отмѣчены въ примѣчаніяхъ къ отпискѣ.*)

И сентября въ 16 день послы Михайло Игнатьевичъ и Ондрѣй спрашивали пристава Сулеймана про Александра царя: бывала-ль отъ него вѣсть? Какъ его чаятъ въ свою землю: вскоре-ль или не вскоре?

И будетъ Александръ царь у шаха замешкаетъ, и царевичъ бы Юрьи государевымъ дѣломъ промышлялъ и по записи бъ крестъ целовалъ; а каковѣ записи быть, и у насъ велѣлъ взяти списокъ. И Сулейманъ сказалъ, что они Александра царя ждутъ вскоре; а про запись и о крестномъ целованье скажет царевичю.

И сентября въ 18 день были послы у Юрья царевича въ Оловердинскомъ монастырѣ и говорили ему, чтобъ онъ г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. крестъ целовалъ по записи, что быти отцу его, Александру царю, и ему, Юрью царевичю, со всею Иверскою землею подъ государевою рукою; а каковѣ записи быть, и послы дали ему списокъ. И царевичь, взяв запись, говорилъ, что тотъ списокъ велитъ перевести на Грузинской языкъ; а какъ запись переведутъ,—и онъ впередь отвѣтъ учинитъ.—И после того царевичъ Юрьи присылалъ къ посломъ воеводу Загемсково Елизбара Ондронникова да пристава Сулеймана. И говорили отъ царевича, что онъ Юрьи царевичъ холопъ государевъ и какову запись послы написали, и ему та запись люба; и какъ деи годно царскому величеству, потому и учинитъ. А отца деи его, Александра царя, шахъ отпустилъ и будетъ въ Грузинскую землю вскоре; а кой часъ отецъ его приѣдетъ,—и онъ тотъ часъ, запись написавъ, крестъ на ней поцелуетъ и все учинитъ, какъ годно государю.

Сентября въ 28 день были у пословъ царевичевы думные люди Джездамъ бекъ да Сулейманъ князь. И спрашивали о здоровье; а после того говорили: писалъ деи Александръ царь къ сыну своему къ царевичю Юрью, чтобъ жили здѣсь съ великимъ береженьемъ отъ Турскихъ людей и животину бъ держали въ крепостяхъ, чтобъ какого дурна, пришедъ, Турские люди не учинили. А что деи вы сказали государеву рать на Кумыцкихъ людей,—и по ся мѣста не бывала и слуху про нее нѣтъ; и царевичъ деи приказывалъ, чтобъ вамъ отписать къ воеводамъ, которые посланы на Шевкала, чтобъ они пошли къ Дербени и тотъ городъ засѣли. А Дербень ныне пустъ: Турские люди из него выбегли; а какъ государевы люди въ томъ городе будутъ, и тогды государевымъ людемъ ихъ Грузинскую землю мочно беречи от Турскихъ людей. А то государева рать далеко; хотя ныне Шевкала и повоюютъ и городы тамъ поставятъ, а въ приходъ Турскихъ людей пособить имъ не мочно, что далеко.

И Михайло Игнатьевичъ говорилъ: только бъ государь нашъ захотѣлъ, и онъ бы Дербень давно взялъ да и Шемаху и Баку; да для того не емлетъ, что они Кизылбашского шаха. И ныне то царевичъ приказывалъ по отцову ль приказу? И будетъ къ нему отецъ приказывалъ, и съ шахова л вѣдома то велѣлъ говорить? Шахъ Дербени го-

сударю поступитца-ль? И Сулейманъ сказалъ, что то царевичъ приказывалъ безъ шахова вѣдома отъ себя. Да говорилъ: коли Дербени нельзя взять,—и вамъ бы деи ныне къ воеводамъ отписати, чтобъ въ то время, какъ почаемъ приходу Турскихъ людей, прислали государевыхъ людей съ огненнымъ боемъ сюды въ Грузинскую землю.

И Михайло Игнатьевичъ говорилъ: прежь сего царева Александрова челобитья о томъ къ государю не бывало, и съ нами о томъ государева указу нѣтъ.—А Турские городы отъ сее земли блиско въ днище и въ дву; и только ис тѣхъ городовъ пойдутъ войною на Грузинскую землю,—и въ то время государеве рати какъ поспѣть? Черезъ горы перейти нельзя, а щѣльми итти не блиско. То сами себѣ розсудите.

И октября въ 1 день говорил послом отъ Юрья царевича приставъ Сулейманъ князь: сказывали деи вы царьское жалованье къ отцу моему к Олександру царю и ко мнѣ и ко всей Иверской землѣ отъ недруговъ нашихъ отъ Кумыцкихъ людей оборон и его государеву рать на ихъ землю, и по ся деи мѣста великаго государя рать на Кумыцкую землю не бывала. А на насъ ныне идутъ ис Кенжи и ис Шемахи Турские люди, а поднелъ ихъ на насъ Шеѳкаловъ сынъ Салтан-Магмут; а з другой стороны из горъ идутъ Кумыцкие люди, а хотят у нас наше лутчее мѣсто Загѣмъ взять, чѣмъ мы живемъ, и въ томъ мѣсте хотятъ городъ поставить. И вамъ бы де ныне по государеву жалованью къ отцу моему и ко всей Иверской землѣ дать мнѣ государевыхъ стрельцовъ, хоти не сомного для того: какъ услышатъ Турские и Кумыцкие люди, что государевы люди со мною есть, и они никакъ не пойдутъ; а только деи со мною государевыхъ людей не будетъ, и намъ всѣмъ от недруговъ своихъ конечно разоритца. Отецъ деи мой Александръ царь ныне у шаха и лутчие люди всѣ съ нимъ. А только ныне Турские люди возмутъ Загемъ,—и Грузинская земля вся будетъ Турсково, а у государя отойдетъ, отъ васъ, только не дадите намъ государевыхъ людей. Да и вамъ изъ Грузинской земли отъ Турскихъ людей не бывать. А со мною деи зберетца Грузинскихъ людей тысечъ съ 5 и болши; и самъ яз хочю быть первой мертвецъ за государя и за хрестьянскую вѣру.

И послы Михайло Игнатьевичъ и дьякъ Ондрѣй помыслили: только не дать ныне Юрью царевичю стрелцов противъ Турскихъ людей,—и они будутъ не надежны на государево жалованье; и посылали къ царевичю Юрью сотника стрелетцкого Михаила Семовского, а съ нимъ 40 человѣкъ стрелцовъ, и велѣли имъ быть съ царевичемъ.

И октября въ 7 день царевичъ Юрьи сшолся съ Турскими людь-

ми отъ Загѣми въ днище; и бой у нихъ былъ. А напередъ деи почали стрелять ис пищалей государевы стрельцы; и Турскіе деі люди, узнавъ Русскихъ людей, побежали. А царевичъ Юрьи с стрелцы и Грузинскіе люди на нихъ ударились, и многихъ Турскихъ людей побили и языки поймали да взяли 4 знамена и, что были Турскіе люди взяли полону въ Грузинской землѣ, тотъ весь отполонили. А государевы стрельцы всѣ здоровы. А после деи того на другой день вѣсть царевичю учинилась, что Кумыцкіе люди з другой стороны идутъ на Грузинскую землю; и царевичъ Юрьи ходилъ на Кумыцкихъ людей и стрелцовъ ималъ съ собою. И Кумыцкіе деи люди, услышевъ про царевича, побежали въ горы. И то стало въ Грузинской землѣ въ великую славу и государеву имени к чести.

А после того послы Михайло Игнатьевичъ и Ондрѣй говорили Юрью царевичю, многожды къ нему пріѣзжая, и самъ царевичъ къ Михаилу многожды пріѣзживалъ, чтобъ онъ государю по записи крестъ целовалъ также, какъ и отецъ его, Александръ царь, и братъ его Давидъ царь; и царевичъ словомъ говорилъ всегды, что онъ холопъ государевъ и по записи крестъ целовать готовъ, а дѣломъ не дѣлалъ.

И послы Михайло Игнатьевичъ и Ондрѣй говорили царевичю и ихъ думнымъ людемъ накрепко по государеву наказу не въ одно время и государево жалованье къ Олександру царю и къ Юрью царевичю и ко всѣй Иверской землѣ прежнее и нынешнее вычитали, какъ прежь сего блаж. пам. в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. для ихъ посылалъ на Шеѳкала рати свои и городы велѣл поставить на Терке и на Койсе и на Сунше и люди въ нихъ ратные многие устроены и какіе убытки въ томъ государеве казнѣ и ратнымъ людемъ великіе нужи и многіе убытки починились и сколько людей на дѣлехъ побито;—а ныне г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. по Олександрову цареву челобитью послалъ на Шеѳкала многую свою рать и городы въ его землѣ велѣлъ поставить въ Таркахъ и въ Таркалахъ и у Соли у Тузлука и въ томъ государеве казнѣ также многіе убытки починилисі, а сталъ нынешней подъемъ опричь ратныхъ людей болши 300,000 рублевъ. А Юрьи царевичъ государю креста не целуетъ; и онъ надъ собою всякое лихо самъ дѣлаетъ, что отецъ его у великого государя умалилъ и упросилъ, а онъ то испортит. И говорили съ пригрозою: только царевичъ ныне не исправитца, креста не поцелуетъ, и то онъ сталъ великому государю нашему измѣнникъ. И государь нашъ царское величество за свое бесчестье и за убытки станетъ и з Божьею помощью Юрью царевичю отомститъ; и государя нашего люди въ Грузинскую

землю дорогу знаютъ и поставятъ городы въ Крыме и въ Загѣме и в ныхъ мѣстех. И ему отъ государевы руки—гдѣ избыть?

И декабря въ 27 день присылалъ къ посломъ Юрьи царевичъ думныхъ своихъ людей Іарама князя, да Джезданъ бека, да Сулеймана князя, да старца Кирила. А говорили: что деи вы царевичю говорили и с нами думными людми приказывали о крестномъ целованье, чтобъ царевичъ государю вашему по записи крестъ целовалъ,—и царевичъ вамъ велѣлъ сказать, что онъ такову запись, каковъ списокъ вы ему дали, напишетъ и крестъ на той записи поцелуетъ. А вы бъ ему написали государеву жаловальную грамоту, что государю Юрья царевича и всю Иверскую землю оберегати ото всѣхъ недруговъ и никоторымъ ихъ недругомъ не подати и на той бы вамъ грамоте ему крестъ целовати; а какъ будут послы ихъ у государя, и къ той бы грамоте государь велѣлъ печать свою приложить.

И послы Михайло Игнатьевичъ и дьякъ говорили: то царевичъ говоритъ непригожие слова, кабы не вѣря великому государю нашему и его государеву милостивому слову. А только такіе слова донѣсти до великого государя, и то будет ему и всей Грузинской землѣ къ разорѣнью. В. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. пожаловалъ, по ихъ челобитью, взялъ ихъ подъ свою руку, не видя ихъ къ себѣ никакие службы, и многую свою милость показалъ, рати многие на недруга ихъ на Шеѳкала посылалъ и городы въ Черкаской и въ Кумыцкой землѣ, для ихъ челобитья, поставити велѣлъ и въ них живутъ многие государевы люди; а на Грузинскую землю не положилъ никакие дани и рати ихъ ни одного человѣка нигдѣ не бывало з государевыми людми.

И после того царевичъ Юрьи приѣзжалъ къ Михаилу Игнатьевичю. И говорилъ, что онъ во всей государеве воле и кромѣ Бога да его великого государя надежи ни на кого не имѣет. А родъ деи нашъ въ холопстве ни у кого не бывалъ и не служивал никому. А язъ деи ныне с своими ближними людми за всю Иверскую землю, запись написавъ, крестъ целую.

И декабря въ 30 день присылалъ къ посломъ Юрьи царевичъ старца Кирила; а велѣлъ запись написать съ списка, каковъ послы написали.

А генваря въ 1 день велѣлъ царевичъ посломъ быть у себя на стану въ Боатани; а присылалъ по пословъ Іарама князя да Сулеймана.—А сказали, что царевичъ на записи хочетъ крестъ целовать; да и ѣсть посломъ у царевича. И того дни послы у царевича были.

А, не доѣзжая царевичева стану за полверсты, встречали пословъ отъ царевича думной и ближней его дворенинъ Умановъ сынъ Кей

Хосровъ, да дворяне жъ Симонъ Давидовъ сынъ да Козманъ Давыдовъ. А какъ пріѣхали въ станъ,—и встрѣтили пословъ отъ царевичевыхъ шатровъ царевичевы ближние люди Ессѣй Адамовъ, царевичю свой по матери, да Курманъ Давидовъ сынъ, да Абуласкаръ и иные азнауры добрые человѣкъ съ 30 на конехъ. А говорилъ Ессѣй: царевичъ Юрьи хотѣлъ вас государевыхъ пословъ самъ встрѣтитъ, да не успѣлъ; и онъ прислал насъ дворянъ своихъ, а велѣлъ васъ встрѣтить. И, поѣхавъ немного посторонь пословъ, отъѣхали. А послы, пріѣхавъ въ станъ, ссѣли съ лошедей у пріѣзжего шатра; а шатеръ былъ поставленъ отъ царевичевыхъ шатровъ съ полперестрѣла. И въ томъ шатрѣ послы дожидались царевича, а съ ними приставъ Сулейманъ князь. И, помѣшковъ немного, пришолъ к посломъ в шатеръ Юрьи царевичъ; а съ нимъ Маркопской архіепископъ Руствел, да Пречистенской архимаритъ ис Крыму Іона, да думные царевичевы ближние люди Иарамъ князь да Ессѣй Адамовъ да Джездамъ бекъ да Абулоскаръ. А крестъ былъ у пословъ изготовленъ.—И говорилъ царевичъ посломъ: хочю деи язъ топере в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. по записи крестъ целовать. А отецъ мой ныне у Кизылбашского шаха,—и вамъ бы того Кизылбашскимъ людемъ не объявлять, что язъ государю крестъ целовалъ; а яз для того взялъ с собою немногихъ своихъ думныхъ людей, кому язъ вѣрю, чтоб про то шаху вѣдомо не учинилось. А только шахъ свѣдаетъ, что язъ государю крестъ целовалъ,—и отцу моему и всѣмъ людемъ, которые съ нимъ у шаха, живымъ не быть. Да къ записи царевичъ печать свою и руку приложилъ и крестъ на записи целовалъ и за сына своего за Ессѣя царевича. А у крестного целованья говорилъ царевичь: целую крестъ в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. на всемъ на томъ, какъ въ сей записи писано; а г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. отца моего, Александра царя, и меня со всѣю Иверскою землею держати в своемъ жалованье и отъ нашихъ недруговъ обороняти, а никоторымъ недругомъ нашимъ не подати.—И, целовавъ крестъ, звалъ пословъ ѣсти. А про сына своего про Ессѣя царевича сказалъ, что онъ малъ и того онъ не знаетъ, на чомъ ему крестъ целовать, и онъ за сына своего крестъ целуетъ; а которые думные люди писаны въ записи, и тѣмъ онъ пришлет крестъ целовать на подворье.—Да пошолъ царевичъ за столъ въ холодникъ, а посломъ велѣлъ итти съ собою; и у царевича послы ѣли. И въ столѣ царевичъ пилъ чашу за государево здоровье. А после стола провожали пословъ до лошадей царевичевъ ближней дворенинъ Ессѣй Адамовъ, да окольничей Кей Хосровъ, да дворяне лутчие Зуграв Апросѣевъ, да Рустам Адамовъ, да Рустамъ Мискунъ.

А что послано съ послы къ Олександру царю государева жалованья 500 рублевъ денегъ за то, что деи дѣлали въ Грузинской землѣ не гораздо посланники Иванъ Нащокинъ да Иванъ Левонтьевъ,— и про тѣ деньги послы до крестново целованья царевичевымъ думнымъ людемъ объявляли. А какъ царевичъ правду далъ, по записи крестъ целовалъ,—и послы царевичю говорили, чтобъ онъ тѣхъ людей своихъ, которымъ обида учинилась отъ посланниковъ, и которые будетъ побиты, тѣхъ родство велѣлъ, сыскавъ, передъ собою поставить, чтобъ имъ государево жалованье роздать. И царевичъ Юрьи говорилъ, что тѣхъ людей ныне блиско нѣтъ.—А государь де прислалъ то свое жалованье, жалуючи отца моего, Александра царя, и вамъ бы тѣ деньги дати мнѣ, а язъ ихъ до отца своего держу; а какъ будетъ отецъ мой, и онъ тѣмъ людемъ своимъ обиднымъ тѣ денги самъ роздастъ. А ныне де у меня съѣздъ нашимъ многимъ людемъ,—и они то государево жалованье къ намъ и ко всѣй Иверской землѣ увидятъ.—И послы тѣ денги 500 рублевъ Юрью царевичю отдали при многихъ людехъ и государево жалованье оборонь выговорили по наказу; и царевичъ на государеве жалованье билъ челомъ о землю.

Генваря въ 3 день присылалъ царевичъ къ посломъ на станъ ближнихъ своихъ людей, которые въ записи писаны, Баджана съ товарыщи; и послы Михайло Игнатьевичъ и Ондрѣй по записи ихъ къ крестному целованью привели.

Генваря въ 8 день прислали къ послом къ Михаилу Игнатьевичю да къ діяку къ Ондрѣю ис Кумыцкие земли изъ нового города ис Тарковъ околничей и воевода Иванъ Михайловичъ Бутурлинъ съ товарыщи да діякъ Михайло Широносовъ въ станице сотника стрелетцково Ивана Волкова да дву человѣкъ стрельцовъ. А с ними писали, что, Божьею милостию, пришедъ они въ Кумыцкую землю, въ Таркахъ городъ каменной поставили и Ондрѣеву деревню и Арпели и Коробутацкие кабаки и на Теплыхъ Водахъ многіе кабаки государевы люди воевали и многихъ людей побивали, а иныхъ въ полонъ имали, и многой хлѣбъ и лошеди и животину поимали. Да прислали отъ себя грамоту къ Олександру царю; а въ той грамоте писали коротко, что по государеву повелѣнью, пришедъ они въ Кумыцкую землю, городъ въ Таркахъ поставили каменой и Ондрѣеву деревню и иные мѣста воевали. И послы тое грамоту государевыхъ воеводъ велѣли отдати Юрью царевичю; а выписавъ изъ воеводцкие грамоты, что писали къ посломъ и к тому прибавя, что имъ въ роспросе сказалъ сотникъ стрелецкой Иванъ Волковъ, сколько кабаковъ въ Кумыцкой землѣ вывоевали и сколько полону и лошедей взяли въ Он-

дрѣеве деревне и в иныхъ мѣстехъ и какъ приходили Шеокаловы дѣти, собрався со всѣми Кумыцкими и горскими людьми всѣхъ земель, на государевыхъ людей, которые шли назадъ на Терку ис Тарковъ, и бой былъ во весь день и побили тутъ государезы люди Кумыцкихъ и горскихъ людей болши 3,000 человѣкъ, а иныхъ многихъ ранили, а сами государевы люди отошли, далъ Богъ, здорово,—и о томъ послы царевичю Юрью объявили и письмо ему дали. И говорили ему, чтобъ они, такое государево жалованье къ себѣ видя, памятовали и къ отцу своему къ Олександру царю про то царевичъ отписалъ.—И царевичъ Юрьи на государеве жалованье билъ челомъ. А говорилъ, что государева милость къ отцу его къ Олександру царю и къ нему и ко всей Иверской землѣ неизреченная. А вѣдомо деи мнѣ есть и до того отъ горскихъ людей, что государева рать многоя въ Кумыцкую землю пришла и городы ставятъ и землю воюютъ и разоряютъ и людей побиваютъ и топере деи государевымъ милосердьемъ и жалованьемъ земля наша хоти мала въ покое побудетъ; а только бъ деи не было государева къ намъ жалованья на Кумыцкую землю рати, а къ такому къ нашему нынешнему росстрою,—ино бы деи нашей землѣ отъ Кумыкъ конечное разоренье.—И, съ того письма царевичъ написавъ по иверски, при себѣ роздалъ и розослалъ каталику Дементью, а въ Грузинской землѣ его именуютъ патриархомъ всея Иверские земли, а живетъ онъ въ Симонове въ Карталинской землѣ, а к нимъ приѣзжаетъ времянемъ,—и въ Оловердинскую митрополию и архиепископомъ и епископомъ и по монастыремъ архимаритом и игуменомъ и по соборным церквамъ; а велѣлъ за государево здоровье Бога молить.

Да говорили послы царевичю Юрью, чтобъ онъ, собрався съ своими людьми, шолъ на Кумыцкихъ людей въ то жъ время. А имъ есть вѣдомо, что Кумыцкие люди, отъ государевы рати збежавъ, живутъ блиско ихъ земли у Загѣми; а иные пришли въ Загѣмъ з женами и з детми,—и тѣхъ бы велѣлъ побивать.

И царевичъ говорилъ: видите деи сами, каково ныне надъ нами по грехомъ по нашимъ учинилось: лутчие наши люди всѣ с отцомъ моимъ у шаха; а которые люди и здѣсь есть со мною, и язъ съ тѣми стою отъ Турскихъ городов, что Турские люди безпрестани на нашу землю приходятъ и воюютъ украдомъ. И ныне деи мнѣ на Кумыки итти не возможно и нѣ съ кемъ. А какъ деи отецъ мой будетъ отъ шаха, и мы тотъ часъ пойдемъ на Кумыцкихъ людей собравъ всю свою грузинскую рать и горскихъ людей, которые намъ послушны, и промышляти надъ ними станемъ, сколько Богъ помочи подастъ.—Да говорилъ посломъ Юрьи царевичъ и съ своими думными людьми при-

казывалъ, чтобъ отписалъ къ государю, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ поставити въ ихъ Грузинской землѣ городъ или два, изобравъ мѣста для болшого укрепленья, и людей русскихъ въ нихъ посадити, чтобъ [68]) недруги ихъ Турской и Кизылбашской имъ не грозили. А впередъ что государь изволитъ положить [69]) на Грузинскую землю,—и они учнутъ давать сколько могутъ и противъ всѣхъ государевыхъ недруговъ учнутъ стоять. А толко деи будутъ здѣсь въ Грузинской земли городы и люди хоти немногие, а нашихъ людей зберетца тысечь з 20 въ доспѣсехъ и на аргамацехъ,—и на насъ Турской и Кизылбашской взозрить не посмѣютъ. И сами видите каково государство наше: въ крепости межъ горъ и лѣсно, проходы не многими мѣсты. А толко к тому Карталинской Юрьи царь Симоновъ сынъ учинитца подъ государевою рукою и съ нами помиритца, и у него столько жъ ратныхъ людей и намъ никоторой недругъ ничего не учинитъ. А угодья въ нашей землѣ сами видите, что всѣмъ изобилно: шолкъ идетъ во многие государства, а хлѣбъ добрѣ родитца и винограду много и лошедей такихъ нигдѣ нѣт и животины бесчисленно. И такихъ государствъ великими ратми доступаютъ, а государю Богъ даетъ даромъ. А Турской и Кизылбашской многие лѣта съ нами воюютца, а хотятъ того, чтобы поставить городы въ нашей землѣ и людей своихъ посадить,—и мы за то з Божьею помочью стояли; а в ыные годы хоти и дані и детей своихъ давали, а тово имъ учинить не дали. И ныне бъ насъ государь пожаловалъ, бусурманскимъ государемъ не выдалъ и вѣры христьянские порушить и святыхъ церквей разорить не далъ. А Божьею милостью и молитвами пречистые Богородицы жребей ея Иверская земля отъ благочестиваго царя Костентина и до сѣхъ мѣстъ хранима бес порока в ыстинной христьянской вѣре.

И послы царевичю и его думнымъ людемъ говорили, что тѣ ихъ рѣчи, аже дастъ Богъ, государю известятъ; а Олександръ бы царь и Юрьи царевичъ послали о томъ къ государю бити челомъ пословъ своихъ. И о томъ о всемъ послы къ государю писали съ сотникомъ съ стрелетцкимъ съ Иваномъ Волковымъ.

А отъ Александра царя въ Грузинскую землю никакова вѣсть не бывала октября съ 17-го числа генваря по 27 число. А генваря въ

---

[68]) Въ отпискѣ (см. стр. 472): Грузинская земля была под вашею царскою рукою на вѣки неотступно и недруги б...

[69])—: въ томъ ево государская воля: все государства Грузинская Божья да его; а мы всѣ холопи ево государевы готовы стоять против всех ихъ государевых недругов и голов своих не щедити.....

27 день сказывалъ посломъ Юрьи царевичъ, что пришла къ нему вѣсть отъ отца его, Александра царя, ис Кизылбашского города Ардевиля, что деи шахъ съ Турскимъ зердаремъ розшолся: Турские люди пошли къ Вавилону, а шахъ пошолъ въ свою землю; а бою деи межъ ихъ сслонного не было, что Турские люди шаху были сильны. И пришедъ деи шахъ въ свою землю, отца его, Александра царя, отпустилъ; а съ нимъ послалъ 5 хановъ и воеводъ съ ратными людьми да брата его Костентина царевича, которой живетъ у шаха. И тѣмъ деи ханомъ, проводя отца его, Александра царя, до его земли, итти пот Турского городъ подъ Кенжу; а Костентину, бывъ съ отцомъ своимъ въ Грузинской землѣ и взявъ ратныхъ людей Грузинскихъ, итти подъ Шемаху; а Шемаху деи отдалъ шахъ Костентину царевичю.

И февраля въ 22 день присылалъ къ посломъ царевичъ Юрьи околничего своего Просодана; а приѣхалъ онъ отъ Александра царя и привезъ къ посломъ Просаданъ отъ Александра царя грамоту. А въ грамотѣ в своей царь къ посломъ писалъ, что онъ будетъ въ свою землю вскоре, денъ въ 5 или въ 6.

А после того марта въ 8 день царь Александръ въ свою землю приѣхалъ въ Загѣмъ, а съ нимъ сынъ его царевичъ Костентинъ, которой живетъ у шаха; да съ царемъ же пришли Кизылбашского шаха 4 ханы да 6 султановъ, а с ними ратныхъ людей и янычян тысечи съ 2. И тѣ Кизылбашские люди сперва стали на рубежѣ у Капры реки; а Костентинъ царевичъ приѣхалъ съ отцомъ своимъ въ Загѣмъ съ немногими людьми. А сказывали посломъ приставы, что Костентинъ царевичъ приѣхалъ для Грузинские рати, которымъ съ нимъ итти подъ Шемаху; а хотѣлъ деи Александръ царь дати шаху многихъ ратныхъ людей. А царевичъ Юрьи встрѣчалъ отца своего на рубежѣ, а съ нимъ Грузинскихъ ратныхъ людей тысечи с 3; и, встрѣтя отца своего, воротился въ село въ Тог, гдѣ стояли послы. И говорилъ посломъ царевичъ Юрьи отъ отца своего Александра царя, чтобъ имъ къ отцу его ѣхати въ Загѣмъ и отъ государя посольство тамъ правити, для того что ему изъ Загеми вскоре ѣхать не мочно, покамѣста зберетъ рать и отпуститъ царевича Костентина; а васъ деи государевыхъ пословъ отецъ мой Александро царь хочетъ видети вскоре. И что съ вами царского величества приказъ,—и то б ему вѣдать и государевымъ дѣломъ промышлять.—А о томъ посломъ слухъ былъ отъ Кизылбашскихъ и отъ Грузинскихъ людей, что шахъ послалъ Костентина царевича, умысля; а велѣлъ Юрья царевича обманомъ поймать и къ себѣ привесть или бы его убить. И послы про то умышленье Юрью царевичю сказывали и многожды ему говорили,

чтобъ онъ отъ Кизылбашскихъ людей берегся и къ нимъ не ѣздилъ; и онъ не послушалъ и отказалъ, что онъ Кизылбашскихъ людей знаетъ и ихъ не боится.—И поѣхалъ къ отцу своему въ Загѣмъ; а ратныхъ людей, которые съ нимъ были в зборе, роспустилъ по домомъ.

И какъ послы поѣхали въ Загѣмъ,—и встрѣтился съ ними Кизылбашского шаха Алехамъ султанъ, а съ нимъ ратныхъ людей его улуса человѣкъ съ 500; и послы спрашивали приставовъ: для чего онъ тутъ въ Грузинскую землю ѣдетъ? И приставы сказали, что тотъ царевичъ кочевной, былъ подъ Турского рукою да, отъ Турского отставъ, приложился к Кизылбашскому шаху; а Олександро деи царь по шахову велѣнью далъ ему въ своей землѣ мѣсто, гдѣ ему жить и съ людьми, и онъ ѣдетъ къ себѣ. И какъ послы приѣхали къ Загѣми,—и за посадомъ встрѣтили ихъ отъ Александра царя Нескресельской архиепископъ Захарей да бояринъ царевъ Абель бекъ и спрашивали отъ Александра царя о здоровье. И, приѣхавъ въ Загемъ, поставили пословъ на посадцкихъ дворехъ блиско царева двора; а Кизылбашскіе ханы и султаны со многими людми приѣхали въ Заяемъ да посолского приѣзду, а иные стали блиско посаду.

И марта въ 12 день велѣлъ посломъ Александро царь быть у себя; а приѣзжалъ къ нимъ бояринъ его Шолвей-бекъ. И послы по государеву наказу къ Олександру царю приказывали, чтобъ у него ъ то время, какъ быть на посольстве, иныхъ государей послы и посланники не были; и Шолвей-бекъ съ тѣмъ поѣхалъ къ царю.—И того жъ часу приѣзжалъ къ посломъ тотъ же бояринъ Шолвей да приставъ Сулейманъ. И говорили отъ Александра царя, что у него иныхъ государей пословъ и посланниковъ не будетъ; а после деи посольства за столомъ мочно ль быть сыну его Костентину? И послы им говорили: въ томъ какъ царь произволитъ; только бъ въ то время не былъ, какъ мы будемъ на посолстве, и послов бы и посланниковъ никоторыхъ государей не было. И они съ тѣмъ поѣхали къ царю—И после того, мешкавъ часы съ 3, приѣхали къ посломъ отъ царя Некресельской архиепископъ Захарей да бояринъ Абел бекъ. А говорили: по грехомъ деи приѣхалъ на дворъ к Олександру царю ещо съ утра рано сынъ его Костентинъ царевичъ, а съ нимъ Кизылбашскіе ханы и султаны не званы и Кизылбашские многие люди, не вѣдаемъ для какого умышленья, и заняли шатръ, гдѣ было вамъ быть на посолстве; а выслать ихъ не умѣть и не смѣть. И будетъ деи вамъ мочно, приѣхавъ къ царю, при нихъ немногие рѣчи говорить да у царя ѣсть, а иные бъ рѣчи говорить в ыной день,—и вы поѣдте къ царю; а будетъ не мочно,—и вамъ бы деі заотрея згодить.—И того жъ часу почелъ на

цареве дворѣ шумъ быть и стрелба ис пищалей и въ посаде по улицамъ и по дворомъ почели Кизылбашские люди грузинцовъ сѣчь и грабить;—и, бегучи Грузинские люди съ царева двора, почали говорить, что Костентинъ царевичъ и Кизылбашские люди бьютца съ Олександромъ царемъ и съ сыномъ его съ Юрьемъ царевичемъ. И послы тотъчасъ послали на царевъ дворъ переводчика Своетина Каменева; а велѣли говорить Костентину царевичю, чтобъ они межъ себя кровопролитья не чинили. И, приѣхавъ къ посломъ, Своетинъ сказалъ, что онъ Костентину царевичю по приказу говорилъ, чтобъ кровопролитья не чинилъ. И онъ деи ему сказалъ: по грехомъ деи уж такъ учинилось: отецъ мой Александръ царь и братъ мой побиты; и тому ужъ не пособить. А голову деи Александрову цареву держать передъ Костентиномъ. А убитъ деи съ Олександромъ царемъ Маркопской владыка Рудствелъ да братъ его, что былъ у Олександра царя бояринъ, Абель да иныхъ бояръ и азнауровъ лутчихъ 5 человѣкъ; а Оловердинского митрополита ранили. А Юрьевъ деи царевичевъ сынъ Иесѣй, прибежавъ х Костентину, палъ въ ноги и почелъ плакать; и онъ его убить не велѣлъ. И именовали Костентина царевича царемъ Грузинскимъ.—А къ посломъ того жъ часу Костентинъ царь присылалъ околничего своего Айдаръ бека и съ нимъ приказывалъ, что братъ его Юрьи мурза великому государю и шаху былъ измѣнникъ, женился у Турского паши и ссылался съ Турскимъ сердаремъ, а хотѣлъ Грузинскую землю отдать Турскому,—и за то надъ нимъ такъ и сталось; а Олександро деи царь сталъ былъ за Юрья мурзу,—и его убили жъ. А шахъ деи съ в. г. в. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. въ братстве и въ любви; и что съ вами государя вашего приказъ, и, по шахову деи повелѣнью, то все здѣлаетъ онъ, Костентинъ царь.—Да прислалъ къ посломъ Костентинъ царь въ приставы кизылбашенина Магметъ-бека и велѣлъ кормъ давати.

И после того на четвертой день Костентинъ царь приѣхалъ на отца своего дворъ и сталъ въ шатрѣхъ; а тѣло отца своего, Александра царя, и брата своего Юрья царевича велѣлъ вести въ Оловердинской монастырь, а головы ихъ послалъ къ шаху. И приказывалъ къ посломъ Костентинъ царь, чтобъ имъ съ нимъ видетца.—Да и о томъ къ посломъ засылалъ околничего своего Просодана. А говорилъ Просоданъ отъ себя, что деи прислана съ вами отъ в. г. жалованье—поминки къ Олександру царю,—и вамъ бы деи тѣ поминки нести х Костентину царю, потому что ныне на Грузинскомъ государстве учинился Костентинъ царь. И послы отказали, что Александро царь былъ въ царскомъ жалованье и подъ его царьскою рукою много

лѣтъ и государево жалованье къ нему прислано по его службе, а ныне Костентинъ царь на Грузинскомъ государстве учинился внове; и будетъ онъ похочетъ быть въ великого государя нашего жалованье такъ же, какъ и отецъ его и братья, и пошлетъ къ государю бити челомъ пословъ своихъ,—и царское величество его пожалуетъ, смотря по его челобитью. А ныне намъ ему тѣхъ поминковъ, что прислано къ отцу его, давати непригоже.

И были послы у Костентина царя на отца его дворѣ; а встречали пословъ за шатромъ Кизылбашского шаха ханы и султаны. А Костентинъ царь встретилъ пословъ середи шатра; и посодилъ у себя съ правые руки, а хановъ и султановъ съ лѣвые руки. И говорили послы Костентину царю розговоромъ, а не отъ государя, что в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. послалъ ихъ пословъ своихъ къ отцу его, къ Олександру царю, объявити свое государево царское жалованье, что присылалъ Александръ царь къ в. г. бити челомъ, что ему и его Грузинской землѣ отъ Шеѳкала и отъ Кумыцкихъ людей великое утеспенье, войною въ его землю приходятъ и людей побиваютъ и въ полонъ емлютъ; и царское бъ величество велѣлъ его отъ Шеѳкала и отъ Кумыцкихъ людей оборонить, а послалъ бы на него рать свою и городы въ его землѣ велѣлъ поставить. И в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., жалуючи Александра царя и для истинные христьянские вѣры, послалъ на Шеѳкала и на его землю многую свою рать з бояриномъ и воеводами съ Ивапомъ Михайловичемъ Бутурлинымъ съ товарыщи, а велѣлъ его воевать и городы въ Кумыцкой землѣ поставить. И писали къ намъ царского величества бояринъ и воеводы Иванъ Михайловичъ Бутурлинъ съ товарыщи изъ Кумыцкой земли изъ нового города ис Тарковъ, что они по царского величества указу Кумыцкую землю воевали и розорили, многихъ людей побили, а иныхъ въ полонъ поимали и городы въ Кумыцкой землѣ поставили въ Таркахъ, в Таркалах да у Соли у Тузлука. И ждали есмя Александра царя въ его землѣ больши полугода, а ныне приѣхавъ, съ нами не видался жъ; такъ Божьимъ судомъ сталось, что его и сына его Юрья царевича убили.— А про то тебѣ, Костентину царю, самому вѣдомо, что отецъ твой Александръ царь и дѣти его Давидъ царь и Юрьи царевичъ были въ царскомъ жалованье подъ его государевою царскою высокою рукою; а царское величество ихъ жаловалъ и отъ недруговъ ихъ оберегалі, по ихъ челобитью, рати многіе на Кумыцкую землю посылалъ и городы многие для ихъ поставити велѣли на Терке и на Койсе и на Сунше и въ Кумыцкой землѣ,—и ныне многие рати въ тѣхъ городѣхъ. А къ шаху царское величество про Александра царя многожды писывалъ и

съ послы своими приказывалъ, что онъ и дѣти его со всею Грузинскою землею подъ его царскою высокою рукою и ему государю служатъ; про то шаху подлинно есть вѣдомо и въ томъ передъ государемъ шахова неправда. Хоти бъ Александра царя и сына его Юрья царевича передъ шахомъ какая и вина была,—и шаху было о томъ обослатись съ в. г. н., а такъ не дѣлать.

И Костентинъ царь посломъ говорилъ: по грехомъ деи такъ сталось, что отца моего убили на драке. А братъ мой Юрьи мурза убитъ подѣлно, что онъ государю вашему и шаху былъ измѣнникъ: женился у Турского паши и ссылался съ Турского сердаремъ, а хотѣлъ со всею Грузинскою землею поддатца подъ Турского руку; про то шаху подлинно вѣдомо. А и отца моего передъ шахомъ прежние неправды были многие. А ныне хотѣлъ шаху дать рати Грузинские 60,000, и для того меня шахъ послалъ; а велѣлъ итти съ тою ратью въ Ширванскую землю подъ Шемаху. И какъ мы сюда пріѣхали, и они ратью почели манить; а просилъ яз у нихъ рати всего 6,000, и они и того дать не хотѣли. А меня умышляли убить или зельемъ окормить; и за то надъ ними такъ и сталось. А шахъ съ в. г. в. да и со всѣми крестьянскими государи въ дружбе и въ любви. И за то, чаятъ, меж ихъ государей недружба не будетъ, что Александро царь и сынъ его Юрьи убиты по ихъ неправде. А васъ деи отпущу къ великому государю чесно, какъ въ здѣшней землѣ поустроюсь.—Да велѣлъ царь посломъ ѣхати изъ Загеми въ село въ Тог, гдѣ стояли напередъ того. И кормъ посломъ давали, какъ мочно сытымъ быть.

А о томъ послы провѣдывали у Грузинскихъ и Кизылбашскихъ людей: по шахову ль приказу Александръ царь съ сыномъ убитъ? И сказывали посломъ Грузинские люди, которые были у шаха съ Олександром царемъ, и Кизылбашские люди, что Александра царя и сына его Юрья царевича велѣлъ убить шахъ за то, что деи они ссылались съ Турскими людми; и грамоты деи ихъ ссыльные у шаха обьявились. А иные деи за то, что онъ, отъ шаха отставъ, почелъ быть въ государеве жалованье подъ его рукою; а изстари Грузинские государи бывали подъ шаховою рукою.—Да послы ж роспрашивали, подпоивъ пристава Магметъ-бека: съ шахова ль вѣдома убилъ Костентинъ отца своего и брата? И сказывалъ Магметъ: какъ деи такое дѣло учинить безъ шахова вѣдома, что сыну отца убить и государство засѣсть, гдѣ то слыхано? А тое деи ночи передъ убивствомъ Александра царя Костентинъ царевичъ плакалъ во всю ночь. А говорилъ съ нимъ съ Магметемъ тайно: не вѣдаю деи какъ быть? Убить отца своего—ино отъ Бога погинуть; а не убить—ино самому отъ шаха

убиту быть. И убиты деи Александро царь съ сыномъ по шахову велѣнью.

Марта въ 21 день царь Костентинъ былъ у Михаила Игнатьевича на стану въ селѣ въ Тогу; а съ нимъ Кизылбашского шаха ханы и султаны и Грузинские азнауры лутчие.—И послы Михаило Игнатьевичъ и Ондрѣй говорили Костентину царю: в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р., жалуючи Александра царя, по его челобитью, послалъ многую рать на Кумыцкихъ людей и ихъ воевали и розорили и городы въ Кумыцкой землѣ поставили. И ныне судомъ Божьимъ Александро царь и сынъ его Юрьи царевичъ убиты,—не вѣдаемъ по шахову приказу или не по шахову; а учинился на государстве ты, Костентинъ царь. А в. г. н. рать въ Кумыцкой землѣ ныне многая. И тѣ городы и государя нашего рать впередъ тебѣ, Костентину царю, надобна ль? И будетъ надобна,—и ты какъ хочешь быть въ в. г. н. жалованье? А мочно тебѣ вѣдать самому—какие великие убытки въ такихъ ратехъ царскому величеству учинились; а учинилъ то в. г. н. для христьянские вѣры и жалуючи Александра царя.

И Костентинъ царь посломъ говорилъ: Аббасъ деи шахъ съ великимъ государемъ вашимъ въ дружбе и въ любви и въ соединенье; а меня пожаловалъ Ширванскою землѣю, а здѣсь въ Грузинской землѣ велѣлъ мнѣ, взявъ рать, итти подъ Шемаху. И такое дѣло сталось, что отецъ мой и братъ убиты—не по шахову приказу, нашею межъ себя рознью з братомъ моимъ съ Юрьемъ. А то въ нашемъ роду—не ново, издавна ведетца: отецъ мой извелъ отца своего, а моего дѣда, а брата своего убилъ. А язъ ныне такъ учинилъ; и самъ не вѣдаю—добро ль то будетъ, худо ль. А какъ отецъ мой в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. служилъ, а язъ и лутчи того хочю ему государю служить. Хоти язъ въ бусурманской вѣре, а бусурманенъ яз не своею волею: отдал меня отецъ мой. Только язъ въ в. г. в. жалованье хочю быть со всею Иверскою землею болши прежнего; и государево жалованье—рать и городы, которые поставлены въ Кумыцкой землѣ,—мнѣ надобны. А пошлю о томъ бить челомъ къ великому государю пословъ своихъ впередъ; и поминки къ нему къ великому государю учну посылать не такие, какъ отецъ мой. Они царскому величеству не умѣли служить, а язъ ихъ лутчи государю учну служить.

Да говорили посломъ Грузинские азнауры лутчие и архимариты, что отъ бусурманъ имъ христьяномъ теснота великая и церкви затворены, пѣнья нигдѣ нѣтъ, что не смѣютъ отъ бусурманъ.

И послы о томъ говорили Костентину царю: вѣдомо ему самому, что здѣсь въ Грузинской землѣ вѣра христьянская греческого

закону изъ давныхъ лѣтъ и устроены церкви и монастыри и по монастыремъ митрополиты и архіепископы и епископы и архимариты и игумены и по всѣмъ церквамъ попы и дьяконы по чину, какъ въ крестьянскихъ государствахъ ведетца; а онъ ныне въ Грузинской землѣ государемъ учинился, а вѣры бусурманские. И онъ бы въ вѣре людемъ христьянского закона никоторые нужи и тесноты не чинилъ и всякимъ ратнымъ людемъ, которые ныне съ нимъ, бусурманские вѣры заказалъ, чтобъ церквамъ Божьимъ и вѣре крестьянской не поругались и крестьяномъ насилства не чинили, чтобъ про то отъ великого государя ему на себя гнѣва не навести и съ шахомъ бы за то у государя недружба не всчалась.

И Костентинъ царь говорилъ: отецъ деи мой и дѣдъ и прадедъ были хрестьянские государи изъ давныхъ лѣтъ; а язъ былъ хрестьянинъ же, и ныне хрестьянскую вѣру помню. А отдалъ меня отецъ мой въ бусурманскую вѣру семи лѣтъ; и то учинилось не по моей воле, что язъ бусурманенъ: въ томъ Богъ судитъ отцу моему. И ныне отъ меня хрестьянские вѣры людемъ въ вѣре однолично никоторые тесноты не будетъ и заказъ о томъ крепкой учиню, чтобъ крестьянской вѣре не поругались и крестьяномъ насилства не чинили; а хто черезъ мой заказъ что учинитъ, того велю казнить смертью.—Да и велѣлъ о томъ биричю кликать своимъ ратнымъ людемъ въ Загеме и въ иныхъ мѣстехъ. А посломъ велѣлъ царь ѣхать въ Крымъ; а сказалъ, что ис Крыму их отпуститъ вскоре. А самъ царь со всѣми ратными людьми ходилъ на Кизицкыхъ людей; а Кизицкие люди тое ж Грузинские земли, только ратью збираютца особно. И здатца царю не хотѣли, а приказывали къ нему, чтобъ онъ принелъ христьянскую вѣру; и, собрався, хотѣли за то стоять. И которые у нихъ лутчие люди и воеводы,—и царь ихъ, перезвавъ къ себѣ, дарилъ великими дары; и они Кизицкихъ людей на то привели, что царю здались и дань ему съ себя дали и ратныхъ людей подъ Шемаху посулили. И Костентинъ царь, измирився съ Кизицкыми людьми, пришолъ въ Крымъ.

А въ Крыме марта въ 31 день присылалъ къ посломъ Костентинъ царь окольничего своего Просодана да пристава Магметъ-бека; и съ ними приказывалъ, чтобъ посломъ съ нимъ съѣхатца и о дѣлехъ поговорить. И послы Михайло Игнатьевичъ и дякъ Ондрѣй и съ Костентиномъ царемъ съѣзжались. И встречалъ пословъ Костентинъ царь на лошеди отъ своего стану стрѣльбища з два; а съ нимъ Кизылбашские ханы и султаны и Грузинские бояре и азнауры лутчие, а иные многіе люди стояли по обе стороны на конехъ и пѣши. И го-

ворилъ посломъ царь Костентинъ: язъ деи для васъ выѣхалъ встрѣчю; и хочю съ ознауры стрелять, а вамъ бы деи того посмотрить. И послы ему молыли, что они стрелбу знаютъ; а въ томъ на его воле, какъ захочетъ. И Костентинъ царь съ азнауры, скачючи на конехъ, стреляли вверхъ по тыкве. И, пострелявъ немного, говорилъ посломъ царь, чтобъ деи вамъ заѣхать ко мнѣ въ станъ; и которые будетъ рѣчи,— и мы съ вами поговоримъ. И послы съ нимъ въ шатрѣ были, а встрѣчи у шатра были по прежнему. И самъ встречалъ середи шетра да велѣлъ посломъ сѣсти подлѣ себя съ лѣвую руку; а отъ нихъ Грузинскимъ бояромъ и азнауромъ лутчимъ, а з другую сторону сидѣлъ у него Юрьевъ царевичевъ сынъ Есѣй, а отъ него ханы и султаны. И говорили послы Костентину царю, что отецъ его и братья великому государю служили и правду давали, что быти подъ его царскою высокою рукою во вѣки неотступнымъ со всѣю Иверскою землею,—а онъ ныне хочетъ ли быть въ государеве жалованье также, какъ отецъ его и братья? И Костентинъ царь посломъ говорилъ: отецъ деи мой и братья в. г-рю в. лгали, будто ему государю служили; а они все Турскому доброхотали. А язъ деи холопъ шаховъ, а пишетъ ко мнѣ шахъ въ грамотахъ своихъ сыномъ. И будетъ в. г-рь в. учнетъ меня жаловать также, какъ и шахъ, и язъ въ его государеве жалованье рат быть и учну ему, государю, служить лутчи отца своего и братьи и поминки посылать аргамаки и всякие узорочья.—И послы Михайло Игнатьевичь и Ондрѣй ему говорили, что государево жалованье къ нему впередъ будетъ; а ныне государева рать въ Кумыцкой землѣ для обороны Грузинской земли, и онъ бы ныне царскому величеству правду далъ по своей вѣре шерть учинилъ, что быти въ царскомъ жалованье со всѣю Иверскою землею.—И Костентинъ царь отказалъ: ныне деи мнѣ великому государю правды дать не мочно; а слово деи мое ложно не будетъ.—Да послы жъ говорили Костентину царю, что Иверская земля изъ давныхъ лѣтъ вѣры хрестьянские и по ся мѣста были на ней государи христьянские, а онъ бусурманенъ по неволе; и онъ бы ныне принялъ христьянскую жъ вѣру. И Костентинъ царь отказалъ, что ныне ему того учинить не мочно для шаха; а впередъ посмотритъ лутчего. А надобно деи то, чтобъ былъ хребетъ крѣпокъ отъ государя, на штобъ было оперетца и надежа держать; а ныне деи здѣ въ вѣре христьянской никакъ ни въ чомъ порухи не будетъ.—И передъ пословъ ставилъ овощи, а после того назвался есть къ Михаилу Игнатьевичю и у него ѣлъ.—Да пословъ отпустилъ, а провожалъ самъ до Алони, отъ Крыма верстъ з 20; да прислалъ к посломъ отъ себя дары лошеди и платье противъ ихъ даровъ, что ему послали

отъ себя. А толмачемъ и сотнику стрелецкому и подъячему Костентинъ царь платья и лошедей прислалъ же; а стрелцомъ далъ по два ансыря шолку.

*Отъ записи, на которой цѣловалъ крестъ Юрій царевичъ, сохранилась только вторая половина, которая дословно сходна съ предыдущей записью царей Александра и Давида, привезенной Леонтьевымъ въ 1603 году. Поэтому можно думать, что и первая половина ея также, которая и въ предыдущей записи.— Сохранившійся отрывокъ записи Юрья царевича заключаетъ слѣдующія слова:.....*рису Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сыну в. г. царевичю к. Ѳ. Б. в. Р. недруг, тотъ и намъ—отцу моему Александру царю и мнѣ Юрью царевичю недруг. А будетъ которые наши люди Иверские земли учнутъ измѣняти в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и его царского величества сына в. г. царевича к. Ѳ. Б. в. Р. людем, которые будут въ их государевых городѣхъ в Асторохани и на Терке и в Тарках и на Тузлуке и на Койсе и на Сунше и в иных городѣхъ, какое лихо мыслити или дѣлати, и нам тѣх людей своих Иверские земли, сыскивая про их вину, отсылати к царского величества воеводамъ в городы в Асторохань и на Терку и в новые городы, а иных казнити. И служити намъ и нашим дѣтемъ со всею Иверскою землѣю в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. и его царского величества сыну в. г. царевичю к. Ѳ. Б. в. Р. и их дѣтем, которых намъ, государем, вперед Богъ дастъ, и от них государей не отставати никоторыми обычаи и никоторою хитростью по сему крестному цѣлованью и быти неотступным со всѣю Иверскою землею и во всемъ им, государем, отцу моему Александру царю и мнѣ Юрью царевичю и моим дѣтемъ и всѣмъ нашимъ ближнимъ людем и всей Иверской землѣ прямити по сей записи и до своего живота, какъ в сей записи писано. Писано государствия нашего дворе Боетане от саздания миру лѣта 7113-го генваря въ 1 день. К сей записи яз, Юрьи царевичь, руку и печать свою приложил.

Кромѣ помѣщеннаго выше стат. списка Татищева сохранился еще другой его стат. списокъ, содержащій извѣстія о сношеніяхъ Татищева съ Карталинскимъ царемъ относительно сватовства его дочери царевны Елены за царевича Ѳедора. Этотъ второй стат. списокъ служитъ, кажется, отчетомъ по тому „тайному дѣлу“, по которому черновые наказъ и грамата, не сохранившіеся до нашего времени, остались у дьяка Аѳанасья Власьева. Вотъ онъ:

Лѣта 7112-го маия въ 6 день г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. велѣлъ Ближние Думы дворенину Михаилу Игнатьевичю Татищеву да діяку Ондрѣю Іванову промышляти в Грузинской и в Карталинской землѣ, чтоб изобрат царевича да царевну Грузинских царей роду, которые б были годны по приказу для сына его и дочери. А старец Кирило, которой был от Грузинского Александра царя в посолстве, сказывал государю, что есть у Олександра царя внучета, царевы Давидовы дѣти, царевич Теймурас лѣтъ в 17 да царевна Елена лѣт в 12,—да у Картолінского у Юрья царя Симонова сына доч лѣтъ в 12, рожаем добры; и чаят к такому дѣлу пригодятца. І иные царевичи и царевны в Грузинской и в Карталинской землѣ і в Мерелской есть,—и из них мочно изобрат, которые будет государю годны к такому дѣлу; а промыслит тѣм царь Александръ.

И какъ Михайло Игнатьевич и дьяк Ондрѣй пріѣхали в Грузинскую землю, а до них за два мѣсяца пришол в Грузинскую землю от Кизылбашского Аббас шаха посол Магмет-бек для царевых Давидовых детей цервича и царевны. А писал Александръ царь к сыну своему к царевичю Юрью, чтоб царевых Давидовых детей царевича Теймураса и царевну Елену и с матерью их отпустил к шаху; а толко ихъ не отпустит,—и ему от шаха в Грузинскую землю не быват. И какъ послы Михайло Игнатьевич и Ондрѣй были у Олександрова царева сына у Юрья царевича, и говорили о царевых Давидовых дѣтех, чтоб их к шаху не отпускал, а отпустил бы с ними к государю, и что против их речей говорил царевич Юрьи, для чего он царевых Давидовых детей к шаху отпускает,—и о том о всем подлинно Михайло и Ондрѣй писали к государю из Грузинские земли с Терским сотником стрелецким с Минею Сониным. А царевых Давидовых детей и с матерью царевич Юрьи, по отца своего приказу, отпустил к шаху; і взял шах цареву Давидову доч за себя. А иных царевичей и царевен в Грузинской землѣ не было.—И послы Михайло Игнатьевич и Ондрѣй просилис у Юрья царевича к Карталинскому Юрью царю Симонову сыну для дочери его царевны Елены; и царевич ихъ послов без отца своего не отпустил. И Михайло Игнатьевич и Ондрѣй с Карталинским Юрьем царем обсылалис тайно и толмачи и о том ему объявляли, что Александров царев сынъ Юрьи царевич к нему их послов не отпустит з зависти, не хотя его видет в государеве жалованье. И Карталинской Юрьи царь писал к послом и приказывал, чтоб к нему пріѣхали, отдѣлався у Олександра царя, после празника Свѣтлого Воскресенья; а что государю годно, и у него то готово. И какъ Михайло и Ондрѣй с Юрьем царемъ обсы-

лалис и про которых царевичей в Карталинской и в Мерелской землѣ провѣдали, и о том подлинно писали к государю в дву станицах с кречетником с Ѳедором с Тоболиным да с Терским сотником стрелецким с Иваном Волковым.

А после того какъ пріѣхалъ от шаха в Грузинскую землю Александръ царь, а с нимъ сынъ его Костентинъ царевич, которой живет у шаха, и отца своего Костентин царевич убил, и приказывал к посломъ, что с ними государевъ приказъ к отцу его к Олександру царю, и, по шахову приказу, то все государево дѣло он здѣлает.—И какъ послы Михайло Игнатьевич и діякъ Ондрѣй были у Костентина царя, и говорилъ ему Михайла втайне о цареве Давидове сыне о Теймурасе: в. г. н. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. приказывал с нами к отцу твоему к Олександру царю, чтоб отпустил к нему к государю внука своего царева Давидова сына Теймураса; а государь нашъ хочет за него дат доч свою.—И того царева Давидова сына Теймураса дядя его Юрьи царевичь по недружбе к государю не отпустилъ, а отослал его к шаху. А с нами есть об немъ к шаху от в. г. н. грамота и приказ рѣчью, чтоб шахъ Александру царю того Давидова сына велѣлъ отпустит; і о том мы к шахову величеству посылали толмача, чтоб нам велѣл у себя быт. И Аббас-шахово величество писал к нам в своей грамоте, что он отшол от Грузинские земли далеко для приходу Турских людей, и нам послом к нему ѣхат туды не мочно; а как будет блиско Грузинской земли под город под Кенжу, и он по нас тотчасъ пришлет. И по ся мѣста от шаха к нам присылка не бывала. И ныне б ты, Костентин царь, похотя к себѣ царьского жалованья, тѣм великому государю службу свою показал, к шаху о том отписал, чтоб шах того царева Давидова сына прислал и с нами с послы велѣл его отпустит к государю; а будет шах намъ к себѣ велит ѣхат,—і мы к шаху ѣхат готовы: от государя с нами к шаху грамота и приказ рѣчью о том Давидове сыне Теймурасе.—И Костентин царь послом говорил, что царевъ Давидовъ сынъ Теймурас въ его руках; а дастъ про него отвѣтъ иным временем. А Олександро деи царь и Юрьи мурза великому государю манили и его государева дѣла дѣлат не умѣли, царева Давидова сына Теймураса отдал шаху напрасно да и бусурманит велѣли.

А после того Костентин царь был у Михайла Игнатьевича в селѣ в Тогу двожды. И говорил ему Михайла про царева Давидова сына Теймураса, что его промыслъ будет? И Костентин царь говорил прежние ж рѣчи, что то учинили ко государю неправдою отецъ его Александръ царь и брат его Юрьи царевич, что его к государю не от-

пустили, боясь того, что он будет у государя почтен великой человѣк и им станет мстит недружбу; для того послали его к шаху и бусурманит велѣли, толко ещо не бусурманен. Да и в том дѣі помѣшку они же дѣлали, что шах не прислал по них государевых послов. А подлинного отвѣту про того царевича Костентин царь не дал; а отказал, что дастъ об нем отвѣт иным временем.—И какъ Михайло Игнатьевич и Ондрѣй были у Костентина царя на отпуске в Крыме,—и говорил ему о цареве о Давидове сыне о Теймурасе, что про него отвѣту не далъ. И Костентин царь послом говорил: яз дѣі в. г. в. хочю служит лутчи отца своего и брата. И коли ему государю годен племянник мой царевъ Давидовъ сынъ Теймурас, и яз для его к шаху пошлю, чтоб его ко мнѣ отпустіл; да как ко мнѣ пришлет, и яз его пошлю к в. г. в. после вас с своими послы. А вас ныне по шахову приказу отпускаю. А будет шах того Давидова сына ко мнѣ не отпустит,—и яз к шаху пошлю лутчего азнаура и о том прикажу, что великиі государь присылал вас, послов своих, для царева Давидова сына, и он бы его послал к государю вашему с своими послы; и начаюс, что шах для государя вашего любви за него не постоит.

И как Костентин царь послов отпустил,—и поѣхали из Грузинские земли в Карталинскую землю къ Юрью царю Симонову сыну для дочери его царевны Елены. А в то время приезжал к Костентину царю от Юрья царя Симонова сына з грамотою капычѣй его Бодрадин; и у послов был. И послы с ним к Юрью царю писали, что писал он, Юрьи царь, к ним послом с толмачи и словом приказывал, чтоб им, царьского величества посломъ, отдѣлався у Олександра царя, приѣхат к нему после празника Свѣтлого Воскресенья [70]) въ его землю в Сонскую; а тут им будет встрѣча. И Божьимъ судомъ Александра царя и сына его Юрья царевича не стало, а учинился на государстве Александровъ царевъ сынъ Костентин царевич; и их в. г. послов, почтив, отпустилъ. И будут в Сонскую землю вскоре; да и день написали, как им быт в Сонскую землю. И Юрьи бы царь прислал к ним встрѣчю пристава, кому с ними до него ѣхат.—Да роспрашивали послы Юрьева царева капычѣя всякими мѣрами про царевну Елену, цареву Юрьеву доч: видал ли он ее? Какова лицом і возрастом? И хочет ли ее Юрьи царь отпустит с ними с послы? И капычѣй Бодрадин сказал, что он царевиу за-частые видает, как она с матерью ходит к церкве. И царевна де Елена отлична красна і возрастом не мала.

---

[70]) Въ 1605 году было 31 марта.

А слышел де он у Юрья царя, что ему доч своя им государевым послом показат и приговорит вперед отпустит; а ныне ее не отпустит, для того что он ныне стал в пристрастье от шаха, что шахъ велѣлъ убит Александра царя с сыном.—А и опричь того капычѣя в Аристовове землѣ про то послом сказывали азнауры, которые приѣхали из Симоновы земли, что Юрьи царь дочери своей с послы отпустит не хочет. И послы Михайло Игнатьевич и Ондрѣй по тѣмъ рѣчам послали на Терку станицу из Аристововы земли. А писали а Терку к воеводам, что напередъ того писали к ним о денгах и о рухледи и о запасех, чтоб прислали к Айтекову кабаку,—и они б всего того не посылали; а будет что надобно вперед,—и послы к ним отпишут в другой станице. А людей бы встрѣчю для провожанья прислали к Вознесеньеву дню меньши того, как к ним писали с сотником стрелецким с Иваном Волковым.

Апрѣля въ 15 день в Аристовове землѣ блиско рубежа Грузинского встрѣтил послов Аристов князь Сонской; а говорил, что Юрьи царь Карталинской і всея Иверские земли началник велѣл ему их государевых послов встрѣтит и кормъ дават. И, перешед от рубежа верстъ с 15 поставил послов Аристов у своих деревень; и кормъ почел дават доволен.

Апрѣля в 16 день приезжал к послом от Юрья царя Карталинского архиепископ Феодосей; и спрашивал от Юрья царя о здоровье. Да говорил посломъ, чтоб деи вам в том на Юрья царя не подсадоват, что вскоре вам к себѣ ѣхат не велѣлъ. Вы послы от великого государя пришли к нему впервые,—и ему б пособратца и изготовитца; и побыт бы вам немного здѣс в Аристовове землѣ. А пришлет по вас царь вскоре.—И послы Михайло Игнатьевич и Ондрѣй роспрошивалі архиепископа Ѳеодосья в розговоре: какова у Юрья царя доч царевна Елена лицом і возрастом и сколких лѣт? И хочет ли ее Юрьи царь ныне отпустит к государю? И хто есть в Карталинской землѣ царевичей Юрьева царева родства? И каков которой лицом і возрастом и разумом и в каковы лѣта?—И архиепископъ Феодосей сказал, что у Юрья царя доч царевна Елена—отлично красна и разумна добрѣ; а лѣт ей 10, толко растуннва. А отпустит ли ее царь ныне,—того он подлинно не вѣдает, что царь о том думы своей никому не скажет. А царевич деі есть, Александром зовут, Мерелские земли, лицом добръ і возрастом не малъ; і вы его сами увидите. И иные царевичи у Юрья царя его родства есть; а именно послом не сказал, хто имяны царевичи и чьи дѣти. Толко

де им Юрьи царь не довѣривает, потому любо учнут под ним государства подискиват. И поѣхал Ѳеодосей къ Юрью царю.

Апрѣля в 25 ден прислал к послом Юрьи царь в Аристовову землю архиепископа ж Ѳеодосья да ближнего своего человѣка Асламаз-бека, а велѣлъ послом к себѣ ѣхат; и ѣхали с послы архиепископъ Феодосей да Асламаз.

Апрѣля въ 27 ден, не доезжая царева Юрьева стану версты за 3, встрѣтили послов от Юрья царя Карталинские земли два архиепископа, да два епископа, да греческой Кесарѣйской митрополит Герман, а перед ними несли крестъ воздвизалной, обложен серебром; да с ними ж приѣхали к послом встрѣчю Юрья царя бояре и азнауры лутчие человѣкъ со 100. И спрашивалі послов архиепископы от Юрья царя о здоровье; и ѣхали с послы до стану. А царь Юрьи стоял в селѣ своем в Межжескове; и поставили послов в том селѣ блиско царева стану, и кормъ почели дават доволен.

Апрѣля въ 28 ден царь Юрьи велѣл послом быти у себя на посолстве. И Михайло Игнатьевич Татищев и діякъ Ондрѣй приказывали къ Юрью царю с приставы по наказу, чтоб в то время, как им быт на посолстве у Юрья царя, Турского и Кизылбашского и иных государей послов и посланников никово не было. Да и о том послы къ Юрью царю приказывали, что с ними есть к нему от г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. приказ тайной о великих дѣлех,—і в то б время, как ему говорити тайной приказ, были при нем его ближние люди, кому он вѣрит. И Юрьи царь к послом приказывал, что в то время, как они послы у него будут на посолстве, иных государей послов и посланников не будет; а исправили б ему сперва рядовое посолство, да у него ѣли,—а на другой ден велит им послом у себя быт и тайные рѣчи выслушает.—И того дни послы у Юрья царя на посолстве были; а присылал по них царь на дворзват архиепископа Ѳеодосья, да Аристова князя Сонского, да ближнего своего человѣка Асламаз-бека, да боярина Авала, да околничего Вардана, да дворецкого царицына Агатана. И какъ послы приѣхали к царю в стан,—и с лошедей сошли. І встрѣтил их от шатров царевых сажен з 10 царевъ Юрьевъ дядя Вахтан царевич, а с ним сынъ его Потата царевич; а у шатров встрѣтил послов царевъ Юрьевъ сынъ Лев Варсапъ царевич. И шли перед послы.—А какъ пришли в шатры,—і встрѣтил послов Юрьи царь от своего мѣста под третьим шатром. И, поотшод назад под другой шатер, велѣлъ послом посолство правит; а сам царь стоял.

И Михайло Игнатьевич правил ему от г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и от сына его царевича Федора поклон по наказу; да подал грамоту.

И Юрьи царь, приняв государеву грамоту, в печат поцеловал; да спрашивал про государево здоровье. А молыл: смѣя и не смѣя, спрашиваю про в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и сына его ц ча к. Ѳ. Б. в. Р. о здоровье, как их государей Богъ милует? И Михайло Игнатьевич про́ государево здоровье сказал по наказу. Да явил ему государево жалованье поминки. И царь Юрьи на государеве жалованье бил челом.—А после того Михайло Игнатьевич и дiякъ Ондрѣй говорили Юрью царю рѣч против государева наказу о рядовом дѣле, чтоб Юрьи царь со всею своею Карталинскою землею был под государевою рукою. А грамоту къ Юрью царю написали послы о дочери его царевне Елене и о царевиче, которой будет въ его землѣ есть; примѣряся к образцовой грамоте, каков список на образец прислан к послом о царевых Давидовых дѣтех, и ко государеву тайному наказу. А поминки от г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и от ц-ча к. Ѳ. несли послы для государева дѣла тѣ, что послано было к Олександру царю, потому что в Ыверской во всей землѣ началной в царѣх Карталинской Юрьи царь, а от государей Московских послы к нему впервые, а се для великого дѣла; а которые архиепископы и азнауры прибежали къ Юрью царю из Грузинской земли,—и ему росказали каково государево жалованье присылывано к Олександру царю.—И какъ послы Юрью царевичю рѣчь изговорили,—и царь говорил: рѣчи есми от великого государя выслушал радостно, и хочю быт в его государеве жалованье: голова моя и дѣти мои і все мое государство Божье да его государево; а в том моя вина перед государем, что по ся мѣста яз такому великому государю бит челом не посылывалъ. А царьское величество меня пожаловал, своею милостью взыскал, вас послов своих ко мнѣ прислал,—и яз о том благодарю Бога. А которые у вас рѣчи есть тайные,—и яз их выслушаю иным временем; а ныне б вам у меня ѣсть.—Да сам царь сѣл и послом велѣл сѣсти—Михайлу подлѣ себя с лѣвую руку, а у него посадил дядю своего Вахтана царевича; и Михайло выше Вахтана царевича сѣсти не хотѣл,—и царь ему велѣлъ сѣсти неволею. А у Вахтана царевича велѣл царь сѣсти дiяку Ондрѣю, а от него сидѣли в другом ряду удѣлной Ираклѣй царевич, да Усеин княз, да Аристов княз Сонской и иные бояре и азнауры; а по другую сторону от царя с правые руки сѣдѣл сын его царевич Лев Варсапъ да каталек Дементей, а они его именуют патрiархом, а от него архиепископы и епископы, да Мерелские земли царевич Александръ, а от него азнауры. И у царя послы ѣли.

А после того на другой день велѣл царь послом быти у себя для государева тайного дѣла, а присылал по них тѣх же людей, ко-

торых присылал в первой день; и пріѣздъ послов к царю на двор і встрѣчи были по прежнему. А царь встрѣтил послов под другим шатром; и людей своих от себя отослал, а осталис с царем дядя его Вахтан царевич, да Ираклѣй царевич, да Аристов княз и ближние его люди Усеин-бек, да Асламаз, да архиепископъ Ѳеодосей. И Михайла Игнатьевич говорил Юрью царю рѣч по наказу. И, выслушав рѣч, царь Юрьи говорил, чтоб деи царьского величества грамота прочесть и толмачом мнѣ протолковат. И государеву грамоту прочел Ондрѣй; а толмачил царю по картолински архиепископ Феодосей, а ему толмачил по гречески переводчик Своитин Каменев. І, выслушав грамоту, царь Юрьи говорил, что де в грамоте писано, а рѣчью от великого государя ты, посол Михайло Игнатьевич, говорил то ж дѣло; и, такое великое и преславное дѣло слышев, подобает нам радостным быть. И, аже дастъ Богъ, завтра, собрав всѣх духовного чину католика и архиепископов и епископов и бояр наших и ближних людей, о том дѣле подумаем и отвѣт вам учиню иным временем. А ныне б вам у меня ѣсть; да сам царь сѣл и послом велѣлъ сѣсти по прежнему. И у царя послы ѣли. Да назвался царь ѣсть к Михайлу Игнатьевичю; и на другой день у Михайла ѣлъ.—А о том послы, пріѣхав в Карталинскую землю, провѣдывали у многих царевых чиновных и у дворовых людей: какова царевна Елена ликом і возрастом и разумом и сколких лѣт? И царевну хвалили, что она отлична красна і возрастом не мала; а лѣт 10.

И маія въ 2 день присылал к послом Юрьи царь в стан архиепископа Ѳеодосья, да Аристова князя Сонского, да ближнего своего человѣка Асламаза. И говорили от царя: в. деі г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. имя славно во всѣх государьствахъ, что он на таких великих государьствахъ учинился государемъ; а по ся мѣста от него и от прежних государей руских ни к прадеду моему, ни к дѣду, ни к отцу присылке не бывала,—и от нас послы в той странѣ у государей также не бывали. А ныне великіі государь пожаловал меня, взыскал, вас послов своих прислал, хотячи меня себѣ государю в присвоенье учинити и от недругов моих меня і всю мою землю оборонит, а просит у меня дочери моей за сына своего царевича князя Ѳедора; и яз в том положился на Бога да на государеву волю: голова моя и дом мой и дѣти і все мое государьство перед Богом да перед ним государем. А то чаю великому государю извѣстно, какъ по ся мѣста за здѣшнею землю и за вѣру христьянскую дѣд мой и отецъ стояли против Турских и Кизылбашских людей и голову свою отецъ мой за то дал,—и ныне в полону у Турского и с ним дѣти мои; а яз ныне

для христьянские ж вѣры у гробов прародителей своихъ пребываю и против бесермен стою, сколко моей мочи. А государьству нашему смежны силные недруги Турской и Кизылбашской; и мы по ся мѣста в ыное время против их стояли, а иногды били челом и поминки посылали. А ныне, как я царьского величества повелѣнье учиню, буду въ его царьском жалованье,—и мнѣ уж от тѣх отстат и с ними в недружбе быт; а тѣ недруги, свѣдав про то, тотчасъ на меня и на мою землю станут. И вам бы в том мысль свою дат, какъ тому быт?

И послы Михайло Игнатьевич и діякъ Ондрѣй говорили имъ, что Юрьи царь в пристрастье от Турского и от Кизылбашского,—и он бы себѣ того в мысли не держал. Толко такое великое дѣло сстанетца, как он намъ доч свою царевну Елену покажет и годна царьскому величеству и с нами ее отпустит и благоволит Богъ быти ей за великого государя нашего сыном,—и государь нашъ царьское величество тогды за него за Юрья царя станет своими ратми и никоторым его недругом не подастъ. А Кизылбашской шах в. г. н. друг и брат; и о чом государь нашъ к нему прикажет, и он ис того слова не выступит. И царь бы себѣ в том сумнѣнья не держал.

И архиепископъ и Аристов Исламаз ходили к царю. Да того ж часу, пришед к послом, говорили: которые мы рѣчи от вас слышели, и царю то известили, и царь тому радостен. А велѣл вам говорити: что сказываете царьского величества милосердье и вспоможенье от бесермен,—и то к нам его государева милость великая; толко государьство наше от великого государя вашего поудалело и помоч его государева далека. А услышат ныне недруги, что аз Юрьи царь учинился под в. г. в. рукою и его государеву волю учинил,—и они на меня встанут. А бусурманские государи хотя кому сказываютца и други, а вѣрит им нѣчему; самим вам извѣстно, что учинилос над Александром царем и над сыном его Юрьем царевичем. І вам бы ныне оставит у меня в государьстве стрелцов с пищалми человѣкъ с 500, чтоб мнѣ от недругов своих быти безстрашну; а не оставите стрелцов для береженья,—и мнѣ государева дѣла дѣлат нелзя.

И послы Михайло Игнатьевич и Ондрѣй говорили о том много всякими мѣрами, чтоб о людех послал цар бит челом к государю; а ныне им того учинит никак не возможно.

И архиепископъ с товарыщи ходили к царю. А, пришед к послом, говорили: толко деі не оставите ныне государевых людей для береженья,—и Юрьи царь никоторых государевых дѣлъ дѣлати не хочет, что блюдстца недругов; недруги блиско, а государева помоч далека.

И послы меж себя помыслили:—не оставит государевых людей у Юрья царя, и государеву дѣлу никоторому не здѣлатис. И примѣрилис к тѣм мѣрамъ, что государевы воеводы с Терки дают в Кабарду Черкаскимъ княземъ и мурзамъ, которые служат государю, для береженья от ихъ недруговъ на зиму стрелцов по 500 и по 600, а из Асторохани Нагаемъ заволжскимъ стрелцов для береженья дают же; а Юрьи царь со всею Карталинскою и Сонскою землею хочет быт под государевою рукою.—И говорили архиепископу и царевым ближнимъ людем: будет Юрьи царь в. г. н. царя и в. к. Б. Ѳ. в. Р. волю учинит, доч свою царевну Елену намъ покажет и годна будет по государеву приказу и с нами ее отпустит и царевича изобравъ, которой бы был годен, к великому государю нашему отпустит же и самъ на том крестъ поцелует, что ему, Юрью царю, со всею Карталинскою землѣю быт под государя нашего его царского величества рукою неотступно,—и мы ныне отпишемъ к царского величества воеводамъ на Терку, чтоб прислали стрелцов з 200 и оставим ихъ у Юрья царя для береженья.—И архиепископъ с товарыщи ходили к царю.

И того ж часу, пришед от царя, говорили посломъ: царь деи на том измыслилъ и приговорил, что доч своя царевна Елена дати в. г. в. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. и дал уж, коли слово свое молыл; толко ныне с вами отпуститъ ее не возможно. Сами вѣдаете по правилом святых отецъ в колко лѣтъ велено дѣвица замуж выдать; и она еще тѣх лѣтъ не дошла. А ее надобно с чѣмъ отпустит, чтоб не за сором государская дочь, а отпустит к великому государю ино б было чесно и от сторонних государей не сором.

И послы имъ говорили, что царевна в лѣтех не дошла, ино еще не сесь час радости быт; до великого государя нашего ѣхать будетъ с полгода, а в царьскомъ дворѣ при великой государыне царице и великой княгине Марье Григорьевне всеа Русиі побудет с полгода ж, понавыкнет государским чином и языку русскому,—и тогды будет толко впору. И царь бы за тѣмъ не розмышлял. А что будет надобно для скорого подъему, и мы дадимъ тюменей 200 и болши. А тюмен у них идет по 6 рублевъ. А наряды ей присланы будут всякие встрѣчю от государя.—И говорили им по государеву наказу: то ли добро, что здѣшние государи дают детей своих бусурманскимъ государем и душею и тѣлом ихъ губят? А бусурманские государи емлют ихъ ни за што; и ныне Кизылбашской шах взялъ у Александра царя внуку цареву Давидову доч да у Гурелского доч; и, опозоривъ, отослал от себя. А государь нашъ царьское величество хочет его Юрья царя пожаловат, доч его взять за сына своего за в. г. ц-ча к.

Ѳ. Б. в. Р. для избавленья его государьства от бесермен и для утвержденья истинные христьянские вѣры въ их в Ыверской землѣ.

И архиепископъ и царевы ближние люди посломъ говорили: государи деи наши дают детей своих бусурманом за неволю для государствъ своих; а толко б не для неволи,—и они б такъ не дѣлали.

И послы имъ говорили: Александро царь дал шаху сына своего Костентина,—и что над нимъ здѣлалось? Тот сынъ его, пріѣхав, отсѣкъ ему голову. И намъ ся то видит, что то Богъ дал знамя крестьяномъ, чтоб крестьянские государи здѣшние искали и помочи просили у великих государей хрестьянских, а не у бусурманских.—И архиепископъ Ѳеодосей и Аристов князь Исламаз ходили к царю.

А, пришед, посломъ говорили: царь деі вамъ велѣлъ отказат. Какъ тому сстатися, что ныне ему с вами доч своя отпустит, не вѣдая дороги и в. г. в. государьства, что никаков человѣкъ здѣшние земли у в. г. в. не бывал опричь архиепископа Феодосья? А приговорил царь на том, что доч свою царевну Елену вам покажет; и вы, посмотря, государю своему скажете. А царь с вами пошлет к великому государю вашему послов своих; и они его, великого государя, увидят и милостивное слово изо устъ его государевых услышат. Да какъ государь вперед к царю для дочери его пришлет,—и царь тогды доч свою царевну Елену отпустит чесно, какъ достоит государьскимъ дѣтемъ. А ныне тому никак сстатися не возможно и в обычае того в здѣшних государствах не ведетца; хотя царю и скорбь и гнѣвъ от великого государя на себя привесть, а здѣшнего обычая царь не переставіт, что доч свою не с честью отпустит с первыми послы, кабы полонянку.

И послы имъ говорили: писалъ к намъ Юрьи царь в Грузинскую землю и словомъ с толмачи приказывал, чтоб мы, отдѣлився у Олександра царя, к нему пріѣхали; а что г. н. его царского величества хотѣнье,—и то у него готово и его государеву волю учинит. И мы по цареву писму и по приказу, надѣяся на то, к великому государю своему писали и многихъ ратных людей встрѣчю прислати велѣли к щелям; и чаем от великого государя встрѣчю для царевны будут на Терку и в Асторохань съ его царьскимъ жалованьем и многие рати встрѣчю будут;—и в томъ государю многие убытки учинятца. А царь на своем слове, какъ к намъ писал, не устоял, ныне дочери своей с нами не отпускает, и вперед вѣрит не вѣдаем чему.

И архиепископъ с товарыщи говорили, что деи царь писал к вам в своей грамоте, и на томъ слове он стоит, в. г. в. повелѣнья не ослушался и волю его царскую учинит, доч свою ныне вамъ по-

похочет к себѣ царского жалованья и любви,—и он по государеве грамоте и по приказу тѣмъ промыслит. А будет Юрьи царь царской воли не учинит, царевича с нами не отпустит, которой бы был годенъ к такому великому дѣлу, а царскому величеству вѣдомо будет, что у него царевичи есть да не отпустил, и Юрьева царева неправда и нелюбов в. г-рю п. обьявитца, и вперед к нему государевы милости не будет. Мы чаяли, что Юрьи царь і вся Карталинская земля тому обрадуютца, что на них Богъ призрилъ, такой великой государь своим царским милосердьемъ взыскалъ, что хочет Юрья царя учинит в присвоенье; а вы о томъ кабы отговариваете.

И архиепископъ с товарыщи говорили: царь себѣ мыслит, что есть у него царевичи его родства Вахтановы царевичевы дѣти—болшой брат обычной, а меншой брат Хоздрой добрѣ добръ и разумен; да царь от него блюдетца: какъ будет у великого государя в милости,—и он любо поищет под нимъ государства.

И послы имъ то отговаривали всякими мѣрами по государеву наказу, чтоб царь себѣ того в мысли не держал. Толко будет тот царевич добръ и годен к такому великому дѣлу, а отпустит его с нами,—и он царскому величеству такую любов учинит, что кабы сына своего к великому государю отпустил. А толко благоволит Богъ быти за нимъ царского величества дочери,—і в. г. н. не отпустит его от себя никуды и устроит его в своем государстве по государскому чину; а к Юрью царю великіі государь нашъ учнет держати свое царское жалованье и любов, какъ есть к своимъ кровнымъ.—И многие рѣчи о томъ говорили по наказу.

И архиепископъ Ѳеодосей и царевы ближние люди говорили: какъ деі про то свѣдают недруги, что царь Юрьи учинился в государя вашего жалованье и доч свою хочет дат за великого государя вашего сына, а царевича своего родства к великому государю вашему послалъ,—и тѣ недруги за то вскоре на него станут; а государя вашего вспоможенье вскоре не будет,—и царю деи тогды от недругов своих какъ быт?—Да говорили посломъ о стрелцѣх, чтоб ныне у царя оставить стрелцовъ для береженья от его недруговъ, не выходя из Сонской земли.

И послы Михайло Игнатьевич и діякъ Ондрѣй имъ говорили: коли ныне царь того не учинилъ, дочери своей к великому государю нашему ныне с нами не отпускает,—и он бы ее нам показал.—И царевичеі, которые у него есть родства его, нам показал же; и которой будет годен по великого государя нашего приказу, — того с нами отпустил. И мы, посмотря, тогды станем о том и говорит; а то

многие рѣчи, приходя к нам, говорите, а царевны мы и не видали,— и то все порожние рѣчи.

И архіепископъ Феодосей с товарыщи говорили, что тѣ рѣчи скажут царю.

И маия въ 5 ден были у послов архіепископъ Феодосей и царевы ближние люди Усеин-бекъ да Асламаз. А говорили: царь деі вам велѣлъ говорит: в. г. в. царь и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с., преславной государь во всей вселенной, пожаловалъ меня, прислал васъ, пословъ своих; а с вами в грамоте в своей царской писал и рѣчью приказывал о дочери моей царевне Елене да о царевиче, чтоб мнѣ в своем государстве выбрат царевича своего родства, которой бы был годен его царскому величеству для дочери его государевы. И коли великіі государь такое свое великое дѣло положилъ на мнѣ,—и яз его царское повелѣнье держу на головѣ своей; доч моя перед Богомъ да перед нимъ государем будет година,—и впередъ, аже дастъ Богъ, отпущу ее к великому государю. А о царевиче есми думал,—и у меня сынъ мой мал да и не сойдетца такъ, коли дочери моей быт за царского величества сыном; а племянникъ у меня родной Вахтанов дядин сынъ,—и тот и моего сына менши, да и не сойдетца ж. А есть у меня царевич иноземец Мерелские земли, Александром зовут, и яз самъ знаю, что к такому к великому дѣлу не пригодитца. А оприч тѣхъ есть у меня царевичи—два брата Теймурас да Хоздрой Вахтановы дѣти, в родствѣ мнѣ от дѣда моего; и меншоі царевич Хоздрой, чаю, к такому дѣлу пригодитца, а у меня он в рати моя правая рука,—и ныне стоіт с войском против недругов в мое мѣсто. И яз по них пошлю и вам покажу; и будет которой из нихъ пригодитца, и яз для царского величества любви к нему к государю его отпущу. Одно то, чтоб не за соромъ к такому к великому государю послат,— и его надобно нарядит и всем сподобит.

И послы Михайло Игнатьевич и Ондрѣй говорили: то царь к великому государю нашему службу свою и любов обьявляет, что его царьским дѣлом промышляетъ, царевичей, которые у него есть его родства, хочет намъ показат и, которой будетъ годенъ великому государю нашему,—того с нами хочет отпустит. И царское величество за то к нему свое царское жалованье и любов учнетъ держат; а какъ тот царевич будет у великого государя нашего,—и Юрью царю то будет к чести и к повышенью и недругом его страшно. А что говорите о подьеме, чѣмъ бы царевича нарядит,—и царь бы его отпустил чесно і всѣм его сподобилъ; а у насъ что ся лучилос, и мы ему от себя на подьемъ дадимъ же, что пригож, смотря по нем. Какъ, дастъ Богъ, увидимъ,—тогды станем и говорити.

И маия въ 6 день были у послов архіепископъ Ѳеодосей да царевы ближние люди Усеин-бекъ да (А)сламаз. А говорили посломъ: что деи с вами царского величества приказ къ Юрью царю,—и он по великого государя повеленью доч свою вам покажет; и будет годна,—и он вперед к великому государю отпустит. А царевича, про которого мы вамъ сказывали, вамъ покажетъ же и вас отпустит; а с вами вмѣсте своихъ послов пошлет. И вы царскому величеству про царевну и про царевича скажете. И будет ему государю годно,—и пришлет о том к царю вперед; и царь тогды доч свою царевну Елену и царевича Хоздроя отпустит.

И послы имъ говорили: великіі государь нашъ Юрья царя взыскалъ великимъ своим государевым жалованьем, чего у него и в мысле не было; а хочет его пожаловати учинит себѣ государю в присвоенье. А к великому государю нашему многие великие государи—цесар и брат его Максимилиян и корол Ѳранцовской и Дацкой и корол Полской присылают о томъ с великим прошеньемъ, чтоб имъ быть с ним с великим государем в присвоенье; и государь нашъ царское величество дли истинные крестьянские вѣры мимо всѣхъ тѣхъ великих государей похотѣлъ быт с нимъ в присвоенье. А вы нынѣ говорите тѣмъ дѣлом в одклад вперед,—и то дѣло не статочное. У великого государя нашего есть многие царевичи и королевичи;—и сего лѣта царское величество никак не пропустит, что дочери своей не выдат. И будет Юрьи царь похочет к себѣ царского жалованья и любви,—и он бы царевича намъ показалъ; да будет он годен, и его б отпустил с нами вмѣсте. А не отпустит нынѣ с нами вмѣсте,—и царскому величеству вперед он будет не надобен, да и ништо уж будет не годно. А то Юрьи царь дѣлает неправду. Прежсего какъ мы были в Грузинской землѣ, и, договоряс с Олександровым царевым сыном с Юрьемъ царевичемъ, послали были в Мерѣлскую и в Дадьянскую землю Сулеймана князя и с ним царского величества людеі для того дѣла о царевиче и о царевне,—и Юрьи царь ихъ через свою землю не пропустил; а сказал, что он царскому величеству тѣмъ хочет послужит и по обѣимъ мѣрамъ у себя промыслит, и готово у него, какъ мы к нему приѣдемъ. Да и сами вы намъ говорили, что царь Юрьи царевича Кейхосрова хочет отпустит с нами вмѣсте; а нынѣ вы от царя говорите иные рѣчи, чего и слушат не пригоже.

И архіепископъ с товарыщи послом говорили, что тот царевич у царя правоя рука и стоит против недругов в царево мѣсто; и только его нынѣ отпустит, а великого деі государя помочи нынѣ намъ

вскоре не будетъ,—и, свѣдав про то, недруги наши на нас встанут и землю нашу запустошат и жены наши и дѣти в полон поемлют. Сами вы видели, что ныне здѣлалос над Александром царемъ.

И послы имъ говорили: какъ царевича посмотримъ и годен будет царскому величеству,—и мы толды станемъ говорити о томъ, какъ пригоже.

И того ж дни маия въ 6 день велѣлъ Юрьи царь послом быти у себя; а встрѣтил пословъ царь на своемъ дворѣ перед шатром. А с нимъ дядя его Вахтан царевич да Хоздрой царевичь, про которого к послом приказывали. А, встрѣтя пословъ, царь говорил: вото деі царевичь Хоздрой, про которого яз к вам приказывал; а мнѣ он сродыч не в далѣке, а вскормила его мат моя, и мы с нимъ росли вмѣсте и мнѣ он что родной брат.

И послы царевича росматривали. И царевич ростом не мал, в стану прям, рожаемъ пригож, лицомъ присмуглъ, а лицо гладко, очи кари не малы, нос маленко покляп и вотон, волосом темнорус, ус не великъ, бородка высела и он ее бреет; и в розговорех просуж и разуменъ, рѣчь чиста, по турски гораздъ, а вѣры крестьянские греческого закону и грамоте по грузински гораздъ, а лѣтъ ему 23 годы. И того дни послы у царя ѣли; а сидѣл у него царевичь Хоздрой с правую сторону подлѣ сына царева царевича Левъ-Варсапа.

И после того на другой день присылал к послом царь архиепископа ж Ѳеодосья да ближнихъ своихъ людей Усеина князя да Аслямаза. А говорили они от царя: видели деі вы царевича,—и вамъ какъ показался: годен ли он царскому величеству или не годен?

И послы Михаило Игнатьевич и Ондрѣй имъ говорили: похулит намъ царевича не умѣт, добръ, а не отличен,—и того мы молыт не смѣемъ, что он годен к такому великому дѣлу; а царь бы отпустил к великому государю нашему. І в том волен Богъ да государь. А от Юрья царя то будет царскому величеству в любов. И будет он годен великому государю нашему,—и за то къ Юрью царю царское жалованье и любов будет великоя; а будет он царскому величеству будет не по мысли, а надобно будет царю, чтоб онъ сюды к нему опят был,—і великиі государь нашъ, пожаловав его своимъ царским жалованьемъ, отпустит.

И архиепископъ и царевы ближние люди послом говорили: царь деи за него не стоит, к великому государю его отпустит. А надобно деи царю ныне вскоре царского величества рати от недруговъ да и на подьемъ царевичю, чѣмъ его отпустит;—и вам бы деи стрелцов

оставит здѣс у царя по меншой мѣре 300 человѣкъ и на подъемъ царевичю дат, что пригож.

И послы Михайло Игнатьевич и дьякъ Ондрѣй имъ говорили: преж сего говорили мы о стрѣлцех, а хотѣли у царевича оставит для того, толко б с нами царь дочь свою отпустил. И царь дочері своей ныне с нами не отпускает,—и царь бы о людех послал бити челом к великому государю нашему послов своих. И отговаривалі о людехъ много всякими мѣрами, чтоб не дат; и отговорит не могли никоими мѣрами, что без людей царь царевича отпустит не хотѣл.—И говорили послы архиепископу и царевым ближнимъ людем: мы тое емлем на свои головы мимо государев указ, что ныне у Юрья царя оставимъ для береженья 150 человѣкъ стрелцов; а царь бы ихъ велѣл кормить и беречи их и держалъ ихъ при себѣ, а к турским городомъ ихъ не посылат; да и не всчинал бы войны с Турским до государева указу. А для подьему царевичева дадим мы царю от себя соболей на 50 тюменей.

И архиепископъ и царевы ближние люди говорили о томъ много, что людей мало; а оставит бы людей болши того. Да они ж послом говорили, что меж Черкасские и Юрьевы царевы земли есть горскіе люди, словут Осинцы, всего их человѣкъ з 200; и тѣ люди Карталинскимъ людем чинят тесноту, тайно приходя, побивают и грабят,—и на тѣх бы людей с Терки государевы воеводы рат послали и Черкасом на нихъ итти велѣли. И толко то мѣсто очиститца,—и дорога будет из ихъ Карталинской земли к государеве отчине к Кабардинской землѣ прямая и просторноя.

И послы Михайло Игнатьевич и Ондрѣй архиепископу и царевым ближнимъ людем о томъ говорили, что, аже дастъ Богъ, пріѣхавъ на Терку, государевым воеводам поговорят, чтоб на Осинцов послали государеву рат и Черкаскому Айтек-мурзѣ съ его людми итти на них, велят; а о стрелцѣх отказали, что болши того у царя оставит не возможно.—А тѣ Осинцы бывали за Айтек-мурзою Черкасскимъ, да от него отложилис; и какъ шли послы в Грузинскую землю, и Айтек-мурза о том говорилъ, чтоб ему дали людей на тѣхъ, которые от него отложились, что деи от них государевым людем, которые ходят в станицах в Грузинскую землю через Шат гору, чинятца убивства. А мочно деи их извоевать с Черкасы не многими людми.—И договорилис послы со архиепископомъ и с царевыми ближними людми, что оставит у Юрья царя 150 человѣкъ стрелцов пѣших, а дат ихъ в Сонской землѣ, а царю ихъ кормит своим запасом;

а для царевичева подьему дати соболми 50 тюменей, а тюмен у них по 6 рублевъ.

И маия въ 8 день велѣл Юрьи царь быті послом у себя; а сказали его ближние люди, что им послом быти у царицъ—у царевы матери и у жены его и видеть цареву доч царевну Елену. Да говорили посломъ царевы ближние люди: в здѣшних деі государствах в обычае ведетца: которые государи сватаютца у которого государя за дочер,—и присылают смотрить своих ближнихъ людей и с тѣми присылаютъ дары к царю и к царице и к царевне; и с вами деі от царского величества к царевой матери и к цареве парице и къ царевне Елене поминки ест ли? А будет хоти и не прислано,—и вамъ бы деи царицъ и царевны тѣм не избезсчестит; а в наших деі обычаех тово не ведетца, что государская доч смотріт да от государя жалованья к матери и к ней не принести.

И послы имъ сказали, что от государя к цареве матери и къ цареве царице и к царевне поминки есть по государскому чину соболи.—И несли послы к ним по сороку соболей—цареве матері сорокъ соболей, что был послан от государя к Вахтану царевичю; а цареве царице сорок соролеі в 40 рубълевъ из запасных, что посланы с послы; а царевне сорокъ соболей, что был послан к Давыдове цареве царице; а Давыдове царице дан сорокъ из запасныхъ.

И были послы у царя Юрья в царицыных шатрѣхъ; и царевну Елену послом царь показал. А сидѣла царевна на зголовье, а зголовье низано жемчюгомъ, и ковры посланы золотые; а на царевне было вернее платно бархат золотной, кружево саженое, а под тѣм платно обьяр золотная, кабы юрестцы подпоясоны,—а на головѣ у нее был шлык бархат гладкой, червчат, кабы на уруз, сажен жемчюгомъ с каменьемъ. А подлѣ царевны сидѣли с правую руку бабка ее царева Юрьева мат Томар царица, а с лѣвую руку мат ее царева Юрьева царица; а на них было верхнее платье бархот чернъ гладкой. А сказалі послом царевы ближние люди, что царева мат ныне в кручине по Симонѣ царѣ, что он в полону, а се для брата своего смерти Александра царя; а Юрьева деи царева царица в чорном для того ж. И сказал имъ Михайло Игнатьевич государево жалованье по сороку соболей;—и они на государеве жалованье били челомъ. И царевне царь велѣл встат и шлыкъ с нее и верхнее платно снял, да деревцомъ царевну смѣрил и тое мѣрку посломъ далъ. И та мѣрка тое мѣрки, что прислана от государя, маленко поменши с полвершка и менши. А царевна рожаемъ добра, а не отлична красна; лицомъ бела, толко бѣлятца, не самое знатно; а очи черны; нос не велик;

по лицу волосы крашены на красно, а сказывают, что у нее волосы черны; а в стану царевна пряма, толко тоненка, что молода; сказал Юрьи царь, что она ныне 9 лѣт. А брат ее Юрьевъ царевъ сынъ Лев-Варсапъ царевич—добрѣ хорош, отлично красен; а царевна его похуже и в лицѣ не полна. И какъ послы царевну видели,—и царь Юрьи, отшед в другой шатеръ, спрашивал пословъ: какова дѣі доч моя вам показалас? Пригодитца л в. г. в. сыну ц-чю к. Ѳ. Б.?

И послы ему сказали, что доч его царевна Елена, дал Богъ, добра и чаямъ Божьей милости, что царского величества сыну в невѣсты пригóдитца; и он бы ее отпустил к царскому величеству ныне с ними.

И Юрьи царь говорил: сами дѣі вы видели—какова ещо молода; и до тѣх лѣтъ, какъ ее выдать замуж, по правиломъ святых отецъ ещо 3 годы.—И царское б величество меня пожаловалъ, вскоре у меня дочери моей имат не велѣлъ, что у меня одинъ сынъ—око мое да та доч—сердце мое,—и яз ими и веселюс. А у нас дѣі в здѣшнихъ государьствах ведетца: хто у кого сватаетца за дочерь, ино послы бывают двои и трои; а вы отъ царского величества послы ещо первые, и с вами мнѣ доч своя какъ отпустит?

А что напередъ того сказывалъ послом, приѣхавъ ис Карталинской земли в Грузинскую землю, толмач Своетинъ Каменевъ, а ему дѣи сказывал архиепископъ Ѳеодосей, что у Юрья царя есть иные царевны Вахтанова доч да Кочѣева доч, рожаемъ добры и возрастом не малы, и послы про нихъ провѣдывали да и сами ихъ видели,—и они рожаемъ обычные; а хотя б ис тѣхъ, которая и отлично была,—и царь бы мимо своей дочери никакъ того не похочет и по другой бы мѣре государева дѣла дѣлат не стал, для того что царь похотѣлъ дат доч свою за царевича князя Ѳедора.

Да говорили послы царю Юрью, чтоб он г. царю и в. к. Б. Ѳ. в. Р. правду дал и по записи крестъ целовал, что быти ему в государеве жалованье под его царскою рукою неотступну со всею Карталинскою землею, и дочь свою царевну Елену отпустит вперед к государю, как великіі государь по нее пришлет, а царевича Хоздроя отпустит ныне с ними с послы; и список, каковѣ записи быть, написав, царю дали.

И Юрьи царь посломъ говорил, что он такову запис напишет, что быти в государеве царском жалованье со всею своею землею неотступну и доч свою к великому государю отпустит вперед, а ныне царевича отпустит и крестъ на томъ поцелует; а вам бы дѣи дат мнѣ на себя запис в томъ, что оставитѣ вамъ ныне, не выходя из Сонской

земли, государевы рати по договору стрелцов 150 человѣкъ да на Осинцов велѣти рат послати,—и крестъ на том целовать.

И послы ему говорили, что такову запис напишут и крестъ на ней целуют. А для того говорили царю о царевне и в запис бы он написал, чтоб его тѣмъ укрепити в государеве жалованье и царевича б отпустил; а толко б не для царевны, и он бы царевича не отпустил и записи б на себя не дал и креста не целовал.

Маия въ 9 день по тому договору послали послы станицу дву человѣкъ стрелцов к головамъ, которые посланы встрѣчю ихъ к щелям к Айтекову кабаку; а будет государева рат встрѣчю к Айтекову кабаку не пришла,—и послы велѣли имъ ѣхать до Сунши и до Терки. А писали к головам, что договорилис они послы съ Юрьем царем Карталинским оставити у него для государева дѣла на время до государева указу 150 человѣкъ стрелцов пѣших с пищалми,—и они б выбрали з добрымъ сотником стрелцов 150 человѣкъ добрыхъ, которые б стрелят горазди и не упойчивы и платье б на них было не худо, и прислали б к нимъ в Соньскую землю в первую середу по Вознесеньеве дни однолично безо всякого переводу; да к ним же бы к послом прислали в Сони для береженья 300 человѣкъ стрелцов пѣших, что с ними послал к государю Юрьи царь дядю своего царевича Хоздроя и пословъ своихъ,—и их бы до Айтекова кабака проводіть бережно. А на Терку к воеводамъ писали с тѣми ж стрелцы, чтоб для царевича и для послов прислали встрѣчю запасовъ вина и меду и сухарей бѣлых и рженых и круп и уксусу и рыбы вялой и икры; а писали к ним имянно сколько чего прислат, смѣтя по людем, на 50 человѣкъ.

Маия въ 10 день присылал к посломъ Юрьи царь архиепископа Феодосья да дьяка своего Суркая. И чли посломъ запис греческим языком и писмом, каковѣ быт Юрьеву цареву слову; а толмачил и смотрил записи переводчикъ Своетин Камснев. І в записи писано в государеве имяни и в титле дѣло все такъ, какъ в списке написано; толко писали с своего обросца. А послы прочли им свою запис, на чом имъ крестъ целоват. А написали в своей записі, что договорилис съ Юрьем царем Карталинским оставити у него до государева царского указу стрелцов 150 человѣкъ с пищалми, и тѣхъ имъ стрелцов дати, не выходя из его Сонской земли. Да послати им на Осинцов государеву рат, чтоб ихъ повоеват и дорога премая к Карталинской землѣ отыскат;—а коли послат государева рат на Осинцов, того в записи не написали.

И того дни Юрьи цар велѣл посломъ у себя быт; а сказали его ближние люди, которые по послов приходили, что царь хочет государю по записи крестъ целоват. И на цареве дворѣ встрѣчи посломъ были по прежнему; а царь встрѣтил послов под другимъ шатром. И, сѣдчи, царь велѣл посломъ сѣсти по прежнему. Да говорил, что он г. царю и в. к. Б. Ѳ. в. Р. по записи хочет правду дать; да запис перед послы велѣлъ честь, а толмачил Своетін и смотрил записи Своетін. А после того велѣлъ царь посломъ свою запис перед собою прочесть; и чол запис Ондрѣі, а толмачил Своетін же. И какъ записи прочли, и царь к своей записи руку и печат приложилъ; а послы к своеі записи руки и печати приложили. И принесли крестъ воздвизалной, обложен серебромъ. И царь, вставъ, говорил: присылал ко мнѣ в. г. царь и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. вас, послов своихъ, для дочери моеі царевны Елены, чтоб мнѣ дати за его царского величества сына за ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. да о царевиче для дочери своей государевы. И яз дочь свою великому государю даю. Волен Богъ да государь во мнѣ и в моих дѣтех и во всемъ моемъ дому. Толко ныне мнѣ дочери своей с вами отпустит нелзя, что ещо тѣхъ лѣт не доросла; а, аже дастъ Богъ, вперед какъ царское величество произволит,—и яз дочь свою отпущу. А что о царевиче,—и толко б у меня сынъ мой был не мал и мочно бы было толко б дочери моей не быт за государя вашего сыном,—и яз бы за сына своего не постоял; и ныне отпускаю с вами к царскому величеству, такъ же что сына своего, брата моего Хоздроя Вахтановича. А по родству мнѣ он имаетца дядя, а вскормила его мат моя и росли мы с нимъ вмѣсте и он мнѣ что брат. И хочю быт под великого государя его царского величества рукою со всею моею Карталинскою землею во веки неотступен;—и надѣюся на царского величества милость, что меня своим государевым жалованьем не оставіт и недругом моим меня не подастъ. И на всемъ на томъ, какъ в сей записи писано, целую крестъ.—И на записи царь крестъ целовал, а послы на своей записи крестъ целовали; и записми розменилис. Да велѣл послом царь у себя есть.

И того дни пословъ царь отпустил. А на отпуске сказалъ, что посылает к государю с ними с послы вмѣсте послов своих архиепископа Ѳеодосья да доброго своего ознаура Едишера; а пришлет ихъ за ними в дорогу вскоре вмѣсте с царевичем.—Да того ж дни присылал к посломъ царь архиепископа Феодосья для соболей, что ему рекли дат царевичю на подъемъ. И послали к нему государевых соболеі из запасных 4 сороки, цена имъ Московскоя 110 рублев, да два сорока патриарши, что посланы были к Олександру царю, по 20

рублевъ сорокъ,—всего 6 сороковъ, цена имъ 150 рублевъ; а положили им цену вдвое и дали за 300 рублевъ.—Да прислал к посломъ Юрьи царь дары против их даров, что к нему несли от себя.

И поѣхали послы от царя ис Карталинской земли маия въ 11 день. А в Сонскую землю к Березову кабаку пришли маия въ 18 день. А провожал послов до Сонские земли до Березова кабака Аристов князь Сонской; и кормы давал, сколко коли зберет. А царевич Хоздроі и послы Юрья царя приѣхали к послом в Сонскую землю маия въ 29 день; а с царевичем деі поѣхало было людей его 20 человѣкъ,—и 10 человѣкъ з дороги побежали, а осталос с нимъ 10 человѣкъ. Да с послы Юрья царя с архиепископом и с Едішером старцов и людей 15 человѣкъ. И какъ послы поѣхали ис Карталинской земли и, ѣдучи з дороги и пришедъ в Сонскую землю, посылали в Тарки и на Терку к воеводам 5 станиц, чтоб для провожанья прислали к Айтекову кабаку государевых людей не мешкая; и про то к ним писали, что с ними с послы послал Юрьи царь Карталинской дядю своего царевича Хоздроя и послов своих, и они стоят в Сонской землѣ многое время для встрѣчи ратных людей. И Теръские воеводы встрѣчю для провожанья ратных людей к Айтекову кабаку не прислали июня по 4 число. А писали к послом, что они по Турскимъ вѣстем послали людеі в прибавку в Койсинской острогъ. А Турские и Кумыцкие люди пришли с нарядом под Койсинской острог и по острогу из наряду бьют; а толко деі по грехом возмутъ Койсинской острог,—и их чают приходу к Терскому городу. А у них на Терке людей мало, и встрѣчю к ним для провожанья послати людей вскоре не мочно и нѣ ково. А в вѣстех деі им сказывали черкасы и стрелцы, которых они посылали для вестей в Кабарду и в Мичкизы, что с Турскими людми Кумыки в собранье многие люди и по той деи дороге, которою итти послом, поставлены сторожи крепкие, а хотят приходит на пословъ и на провожатых;—и им немногих людей встрѣчю их послат не мочно. А в Асторохан деи они к воеводе и к діяку о людех писали, чтоб прислали кого послат встрѣчю послов для провожанья,—и из Асторохани деи воевода и дьякъ людей к нимъ не прислали; а писали к ним, что у них в Асторохани от воров от казаков стала смута великая и для того им людей послат не мочно, покамѣста устроютца с казаки.—И послы видя то, что Терские воеводы встрѣчю людей не посылают,—а царевич и послы Юрья царя стоят в Сонской землѣ не малое время и о том говорят з досадою, что государевы рати встрѣчю нѣт,—а Аристов князь говорил, что послы стоят въ его землѣ многое время, промыслу никоторого нѣт, по до-

говору в Терки людей не пришлют і вперед не чают,—и говорили послы царевичю Хоздрою и Юрья царя послом: вѣдомо нам учинилос, что Крымской царь со многими людми идет в Кизылбашскую землю на помоч Турским людем; а Кумыцкие люди, собрався с Турскими людми, хотят приходит к государю нашего городом, которые поставлены в Кумыцкой землѣ. И государева рат с Терки послана встрѣчю Крымских людей, чтоб их не пропустит; а иные посланы на Турских и на Кумыцких людей. И писали к нам и приказывали воеводы накрепко, чтоб нам приѣхати к ним на Терку вскоре для государевых дѣлов.—И мы ныне для поспешенья сами ѣдемъ на Терху; и кой часъ на Терку приѣдем, тот часъ по договору стрелцов 150 человѣкъ, которым быт у Юрья царя, пришлем к вам в Сонскую землю и для провожанья людей к Айтекову кабаку. А вы б из Сонские земли назад однолично не ходили, покамѣста от нас к вам вѣсть будет; и приговорили послы с ними, что им ждат тут от них вѣсті двѣ недѣли.

И пошли послы из Сонской земли на Терку июн въ 4 де безъ провожатых; а шли на Шат гору с великою нужею и многие лошеди со вьюки в горы побились и рухлед роспропала. А какъ послы пришли в Айтеков кабакъ,—и сказывали им Айтек, что Турские и Кумыцкие люди Койсинской острог взяли, а прашли под Тарки и по городу из наряду бьют; а на Сунше острог государевы Терские воеводы сожгли и людей свели. І вам деи на Терку пройти никак не мочно, что по дороге ждут вас Кумыцкие люди. И пропустит послов Айтек мурза не хотѣлъ, умысля их отдат Турским людем; и к Кумыцким людем і в Кобарду к Черкасом про послов вѣсть послал. И послы промышляли всякими мѣрами, Айтеку говорили о пропуске и многие поминки ему давали и брату его и сыну и одва послов отпустил.—И шли к Терке наспех днем и ночью; а пришли на Терку июня въ 10 день. И пришед на Терку, послали в Сонскую землю дву человѣкъ стрелцовъ; а писали к царевичю и к послом, что они государевы послы пришли в Терской город, дал Богъ, здорово,—і встрѣчю к ним для провожанья государевы люди и тѣ люди, которым быт у Юрья царя по договору, будут вскоре. И говорили Терским воеводам, чтоб для царевича Карталинского и послов Юрья царя послали людей на встрѣчю, кому их проводит от Айтекова кабака, и тѣх бы людей, которым быт в Картолинской землѣ 150 человѣкъ, выбрав, послали. И Терские воеводы по царевича и по послов Юрья царя не послали; а отказали, что их Терские люди не слушают. А в то время по грехом Турские и Кумыцкие люди взяли городъ Тарки,—и люди ста-

ли в ужасе, чаяли приходу къ Терскому городу. И пославъ с Терки отпустили воеводы в Асторохан морем. А лошеди посолские отпустили к Асторохани степью без провожатых; и тѣ лошеди всѣ на полѣ пой-мали Нагайские люди Ян-Арасланова и Канай-мурзина улуса. И людей посолских, которые были с лошедми, побили; а иных в полон поимали.

Запись, которую далъ царь Юрій, такъ читается: Божиею милостию в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с.....(*и кр. полный титулъ*)..... государю и облаадателю и твоего царского величества сыну в. г. ц-чю к. Ѳ. Б. в. Р. язъ, Богомъ венчанный, царь от корене Иесея и Давида и Соломона царей и корене вседержителей и облаадатель писмяныхъ мѣстъ, Аравиский, Кахетиский, Зехиский, Ахпасиский и Сомехитиский и всеа Иверия содержатель, и Картлиский царь Юрьи даю извещаніе се и целую крестъ предъ твоими в. г. ц. Б. Ѳ. в. Р. с. послы перед ближним думным дворянином и намѣстником Можайским перед Михайлом Ігнатьевичем да перед діаком перед Ондрѣем, что прислал ко мне ты, в. г. ц. и в. к. Б. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о., послов своих Михайла Ігнатьевича да дьяка Ондрѣя. И они мнѣ твое царское повелѣніе говорили и грамоту мнѣ (при)везли; и что писалъ ко мнѣ твое царское величество, и язъ все выразумел. А твое царское повеленіе было то: пр(осилъ) ты у меня дочери моей за возлюбленнаго своего сына за в. г. ц-ча к. Ѳ. Б. в. Р. да царевича за возлюбленную свою дщерь за царевну великую государыню и великую княжну Ксенью Борисовну в. Р.—И язъ, Юрьи царь, твое в. г. повелѣніе воспріях на главу свою и хощу и люблю и тако имѣю въ сердцы своем, чтоб от тебя, государя, приходить послом и стоят за меня, и язъ после того дщерь мою Елену дам; и аще будет Богъ главу мою избавитъ, и язъ племянника своего Хостра с вами вмѣсте къ царю пошлю, и за иного дочери своей не выдам. А что вы мнѣ нялись ты, Михайло и Ондрѣй, аще совершите то, и что имѣю къ царю моленіс и хотѣние и прошение, и нас бы тем царь пожаловал. А мы о чем говорили и что на чем здѣлались, и мы то воистинно здѣлаем и не солжемъ и инако язъ того дѣла не передѣлаю. И буду язъ, царь Юрьи, со всею землею Кортлинскою под его царьскою высокою рукою неотступен. И что пишет в сей грамоте язъ, Юрьи царь, Кортлинскій целую крестъ перед царским величеством; и подписал своею рукою и печать свою приложилъ. Лѣта 7113-го маія въ 10 день. *Въ началѣ списка:* перевод с греческие грамоты ....*и пр*..... что привезли ..... ноября въ 12 де.

Вмѣстѣ съ Татищевымъ (*Кабард. дѣла 1605 г. д. № 2*) *въ Москву пріѣхалъ* цесаревы области немчина Степанов человѣкъ Кокоса лит-

винъ Ромашка. (*Съ послами также въ Москву поѣхали кн. Влад. Масальскій и Наумъ Плещѣевъ*). *Кокосъ померъ* в Гиляни в городе в Лагажане, от моря верстъ зъ 20 *и Ромашка съ товарами возвращался домой. Въ Астарахани, куда онъ* пришол во 112 году, воеводы Михайло Сабуров с товарыщи велѣли его посадити в тюрму, а называли его лазунником; и животы деи Степановы и его рухледишка все взяли у него Михайло ж Сабуров с товарыщи. А всего деи Степанова живота взяли у него в Астарахани: 20 золотниковъ жемчюгу, да 30 камышков яхонтов, 150 золотых, 30 еѳимков, 50 дарагов, 6 таетъ, 80 киндяков, 20 поясков шолковых Гилянских, ухват туретцкой, золото скано с шолкомъ; да платья Степанова: дылѣя скорлатъ червчат, подложена бархатомъ рытым, кушакъ шолковой. Да ево Ромашкова платья: дылѣя, да каетан, да штаны—сукно вишнево, да 3 шапки собольи под сукны, 3 сапоги саѳьянны, 15 кушаков бумажных. Да 24 пуды пшена. *Отписка воеводъ объ его отпускѣ въ Москву писана на имя* г. ц. и в. к. Дмитреи Ивановича в. Р.

4 декабря 114 года Ромашка былъ на допросѣ въ Посолскомъ приказѣ у дьяка Ив. Грамотина.—Граматой от ц. и в. к. Дм. Ив. в. Р. въ Смоленескъ бояpину и воеводам князю Ивану Семеновичю Куракину да князю Ивану Петровичю Рамодановскому да дьяком Ивану Бупакову да Ѳѳонасью Плохово (*отъ 14 генваря 114 г.*) *велѣно Ромашку отпустить въ Литву; съ нимъ для провожанья былъ посланъ Ѳедоръ Мещериновъ. Граматой отъ 20 генваря* въ Астарахань околничему и воеводе князю Ивану Дмитреевичю Хворостинину да дьяку Ѳѳонасью Карпову *велѣно сыскать животы Ромашкины и прислать имъ роспись.*

Въ томъ же дѣлѣ, въ которомъ находится бо́льшая часть документовъ касательно посольства Татищева (за исключеніемъ его стат. списковъ—Грузин. дѣло 1604 г.), помѣщенъ и слѣдующій любопытный столбецъ, представляющій отрывокъ отписки пословъ царю безъ начала и конца. Я помѣщаю его здѣсь въ концѣ документовъ о посольствѣ Татищева потому, что въ немъ нѣтъ никакихъ данныхъ отнести его къ какому либо опредѣленному времени.

..... руские люди от нас в страхе бывали. А ныне деи сами видим Божей на себя гневъ, а в. г. русково розширение царству. А и в книгах бусурманских то писано, что от русково царя разорятца бусурманские царства. А архимарит, государь, хочет самъ ѣхати к тебѣ, к государю, и подлинное писмо древних святых отец хочет

вѣсти к тебѣ, к государю. А тово деи надѣюся, что старость моя тово дождетца въ ево государстве; того дле де къ ево царскому величеству иду. А архимарит, государь, Лукьян, человѣкъ ученой и грамотик великай.....

26.—1605—1606 гг. Пріѣздъ въ Москву Кабардин. черкас. мурзы Сунчалѣя Янглычева и Окоцкаго мурзы Батая Ших-мурзина.

(Кабардинскія дѣла 1605 г. д. № 1).

(Государю ц. и в. к. Дмитре)ю Ивановичю (в. Р. холопъ) твой Петрушка Головин (челомъ бьетъ. Бил)и челом тебѣ, г. ц. и в. к. Дмитрею Ивановичю в. Р. Терской жилецкой Кобардинской Сунчалѣй мурза Янглычев, да Окоцкой Батай мурза Ших-мурзин, да Терской же черкашенин Тахшука Паштуков, да Терские новокрещены Максимъ Дементьевъ да Демид Микитин, чтоб по их челобитью к тебѣ, к в. г. ц. и в. к. Д. И. в. Р., с Терки их отпустить к Москве о их службах бити челом к тебѣ, ко государю. И я, холоп твой, Сунчалѣя мурзу Янглычева, а с ним узденей его 9 человѣкъ, да Окоцково Батая мурзу Ших-мурзина с товарыщи 6 человѣкъ, с черкашенином с Такшокою 1 человѣкъ да новокрещенов дву человѣкъ отпустил с Терки к тебѣ, ко государю, до Асторохани на запасном стругу; а для, государь, их проезду и для корму послал с ними сына боярского Матѳея Шулгина да в толмачехъ конного стрелца Гурку Васильева. И в Асторохані я, холопъ твой, твоим государевым воеводам о ихъ отпуске писал же, чтоб онѣ Сунчалѣя и Батая и Такшауку и новокрещеновъ и сына боярского и толмача, дав им судно и гребцов и провожатых и кормы им в дорогу, отпустити их к тебѣ, к в. г. ц. и в. к. Д. И. в. Р. к Москве.

На оборотѣ: 114-го ноября въ 12 де Терской годавалщик Матвѣй Шюлгинъ.

Государю ц. и в. к. Д. И. в. Р. холопи твои Васка Лобанов да Ѳѳонка Карпов челом бьют. Нынешнего, государь, 113-го году августа въ 17 день писал к нам, холопем твоим, с Терки Петръ Головинъ, что тебѣ, г. ц. и в. к. Д. И. в. Р., били челом Терской жилецкой Кабардинской..... (*тоже самое, что въ предыдущей отпискѣ*)..... И нам бы, холопем твоим, Сунчалѣй мурзе и узденем его и Батай мурзе Окоцкому с товарыщи..... и новокрещеномъ дав твое царское жалованье годовое на 114-й год по их окладом, из

Астарахани отпустити их к тебѣ, ко г. ц. и в. к. Д. И. в. Р., к Москве, и кормъ им в дорогу дать.—И мы, холопи твои, по Терской отписке твое царское годовое жалованье на 114-й год по их окладом Сунчалей мурзе 40 рублев, узденем его 9 человѣком по 5 рублев человѣку, Батай мурзе 15 рублев, товарыщем его Окоцким людем Тавбурлу Темиргозину 6 рублев, Аарсану, да Ботырю, да Уракчѣ да Салтан-беку по 5 рублев человѣку, черкашенину Такшуку 6 рублев, новокрещеном Максимку 6 рублев, Демидку 5 рублев с полтиною дали.—Да бил челом тебѣ, г. ц. и в. к. Д. И. в. Р., Сунчалей мурза, что твоего царского жалованья по окладу брату его Алѣй мурзе Мамстрюкову 16 рублев, да узденем ево, которые остались на Терке, 6 человѣком по 5 рублев человѣку,—и тебѣ б, г. ц. и в. к. Д. И. в. Р., пожаловати, велѣти твое царское жалованье брата его и уздеией его дати ему; а им де, на тѣ денги купив им одежу, послать к ним на Терек.—И мы, холопи твои, Сунчалей мурзе брата его и узденей его, которые остались на Терке, твое царское годовое жалованье на 114-й год.....

На оборотѣ: 114-го ноября въ 12 де Терской годовалщикъ Матвѣй Шюлгинъ.

И декабря въ 15 день в недѣлю государь цесарь и в. к. Д. И в. Р. с. велѣлъ быти у себя, государя, на дворѣ Черкаскимъ Сююнчалѣю мурзѣ Янглычеву да Батаю мурзѣ Окотцкому. И того дни Сююнчалѣй мурза и Батай мурза у государя были; а посыланы по них на подворье приставъ их сынъ боярской да толмач. А пріѣхав мурзы в город, дожидались от государя присылки в Посолской полате. А г. цесарь и в. к. Д. И. в. Р. в то время был в середней в Золотой в Подписной полате в бархатной шубе да в чорной шапке. А при государе были в полате бояре и дворяне болшие и в сѣнех в проходных дворяне и приказные люди и дьяки сидѣли в чистом платье и в черных шапках; а по крылцу были дворяне и дѣти боярские и подячие в чистом же платье. А какъ государь велѣлъ Сунчалѣю и Батаю мурзамъ итти к себѣ, государю,—и шли к государю Сююнчалѣй и Батай мурзы середнею лѣсницою.

А как вошли мурзы к государю в полату, и явил их государю челом ударити думной посолской діакъ Иван Грамотин. А молыл: в. г. цесарь и в. к. Д. И. в. Р. с. и м. г. г. и о.! Терские Сююнчалѣй мурза Янглычев да Ботай мурза Окоцкой и их уздени и черкасы и новокрещены вашему цесарскому величеству челом ударили. И г. цесарь и в. к. Д. И. в. Р. с. жаловал Сунчалѣй мурзу и Ботая мурзу, звалъ к рукѣ.—И, быв мурзы у руки, поздравляли государя на государст-

вах. А говорили: дай, Господи, в. г. цесарь и в. к. Д. И. в. Р. с. и м. г. г. и о. здоров был на многие лѣта на отца своего в. г. царя и в. к. Ив. Вас. в. Р. с. и брата своего в. г. царя и в. к. Ѳед. Ив. в. Р. с. престоле, на великих государствахъ, и подаровал бы Господь Богъ вам, в. г., иные многие государства и рука б ваша царская высилась надо всѣми вашими недруги!—А после того по г. цесаря и в. к. Д. И. в. Р. указу говорил рѣчь от государя Сюнчалѣю да Батаю мурзамъ думной посолской діакъ Иван Грамотин: Сюнчалѣй, Батай! В. г. цесарь и в. к. Д. И. в. Р. с. и м. г. г. и о. велѣл вамъ говорити: вѣдомо учинилося нашему цесарскому величеству, что вы брату нашему, в. г. цесарю (sic) и в. к. Ѳ. И. в. Р. с., служили и во всем прямили; а какъ Борис Годунов посылал на Шевкала и на его детей на Кумытцкую землю воевод,—и ваши уздени в томъ походе служили и с Кумытцкими людми на многих дѣлех билися явственно, не щадя голов своих и нашимъ дѣломъ над нашими непослушники промышляли с радѣньем. И наше цесарское величество в том вас похваляем; хотя есте ходили и по Борисову велѣнью, толко нашим же государствамъ прибавленья и розширенья искали. И вы б, Сунчалѣй мурза и Батай мурза, и вперед нашему цесарскому величеству служили и прямили. А мы, в. г., хотим вас держати в нашем цесарскомъ жалованье свыше прежнего; а ныне жалуем нашим цесарскимъ жалованьемъ.

Да велѣлъ государь Сунчалѣю и Ботаю мурзам сказати свое государево жалованье, ковши и шубы, думному діаку Ивану Граматину И по г. цесаря и в. к. Д. И. в. Р. указу діакъ Иван Грамотин Сунчалѣю и Ботаю государево жалованье далъ, и шубы и шапки на нихъ положилъ. И Сунчалѣй мурза и Ботай мурза били челом на его государеве жалованье.—А после того Сюнчалѣй мурза и Батай мурза били челом государю и подали челобитные. И г. цесарь и в. к. Д. И. в. Р. с. велѣлъ у нихъ челобитные приняти думному діаку Ивану Грамотину.—Да велѣл им государь сказати Ивану ж свое государево жалованье в стола мѣсто кормъ. И по г. цесареву и в. к. Д. И. в. Р. указу думной діакъ Иван Грамотин сказалъ мурзамъ въ стола мѣсто кормъ. А молыл: Сюнчалѣй, Батай! В. г. цесарь и в. к. Д. И. в. Р. с. и м. г. г. и о. жалует вас своимъ царскимъ жалованьемъ в стола мѣсто кормъ, ѣству и питье. И велѣлъ им итти на подворье.—А что дано г. цесарева и в. к. Д. И. в. Р. жалованья при государе мурзамъ и узденем ихъ и черкасомъ новокрещеном ковшов и платья и денег и в стола мѣсто корму,—и тому роспись.

Роспись, что дано г. цесарева и в. к. Д. И. в. Р. жалованья Черкасскимъ мурзамъ и узденем их и черкасом и новокрещеномъ, какъ они были у государя:

Сюнчалѣй мурзѣ Янглычеву: ковшъ серебрян въ 4 гривенки; шуба, отлас золотной, на соболѣх, въ 40 рублев; каѳтан камчат в 8 рублев; однорядка багрецова въ 10 рублев; шапка лисья въ 10 рублев; 30 рублев денег.

Узденем его 9 человѣком по шубе по суконной на бѣлках; да им же по шапке 3-м человѣком по шапке, по рублю шапка, а 6-и человѣком по шапке, по 25 алтынъ шапка; по 8 рублев шуба да по 7 рублев денег.

Батаю мурзѣ Окотцкому: ковшъ серебрян въ пол 3 гривенки; шуба, отлас золотной, на куницах въ 20 рублев; каѳтан комчат въ 7 рублев; однарядка багрецова въ 5 рублев; шапка лисья въ 5 рублев 15 рублев денег.

Узденем его 5-м человѣком по шубе—одному лутчему шуба въ 8 рублев, что было по помѣте дати черкашенину Такшукову брату, а 4-м человѣком по шубе, по 5 рублев шуба; по шапке, по 25 алтынъ шапка; по 7 рублев денег.

Черкасомъ Такшуку: шуба въ 8 рублевъ; шапка въ рубль; да 7 рублев денег.

Брату его: шуба въ 5 рублев, что было дати по помѣте Батаеву узденю; шапка въ 25 алтынъ; да 3 рубли денегъ.

Новокрещеном черкасским Максиму да Деме по шубе бѣльи под субны, по 8 рублев шуба; да по шапке—Максиму в рубль, а Деме въ 25 алтынъ; да по 7 рублев денег.

Въ челобитныхъ, поданныхъ г. ц. и в. к. Д. И. в. Р., просятъ: 1) Синчалѣй мурза Янглышов... *о дозволеніи ему* купити про свой обиход пансырей и шеломов и шапок желѣзных и наручей на собя и свои люди на 20 человѣкъ, чтобы мнѣ, холопу твоему, было в чем выѣхати противу твоего государева недруга... 2) Ботай мурза Шихмурзин сынъ *о томъ же на себя и на 15 человѣкъ*. 3) жилцы Терского города новокрещеныя Максимко да Демка з братиею—*о томъ же* Максимку на 3 брата, а Демке на 4 брата. 4) Токшюкъ Бошгуковъ—*о томъ же на 3 человѣка*. (*Всѣ челобитныя почти дословно сходны*). *На докладѣ помѣта*: 114-го ѳев. 25 д. указал государь, поволилъ купити. *Въ докладѣ изложено содержаніе этихъ челобитныхъ, а въ концѣ замѣчено*: а в прошлом во 111-м году, какъ был на Москвѣ Черкаской Сунчалѣй мурза при Борисе, и повез он с собою

заповедные рухляди 20 пансырей, опрочѣ подарочных, 6 шапокъ желѣзных, наручи.

Отпускъ Сунчалѣю и Батаю и узденем всѣм и новокрещеномъ ис Казанского Дворца; и на отпуске объявляли их государю ис Казанского Дворца. А отпущены во 114-м году в марте в числѣ с Савином Онучиным.

27. 1605—1607 гг. О пріѣздѣ въ Москов. государство грузинскаго царевича Панкрата.

(Грузин. дѣла 1607 г. генв. 7).

Царю г. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. бьет челом холопъ твой государевъ Грузинские земли Александра царя родново брата сынъ Пахкратъ Иосѣев. Пришол, государь, яз к Москве не для своего дѣла; того для, что наш царь одинъ был невѣренъ, отца своего родново царя Олексанdра и брата родного убил и хотѣл хрестьянские церкви и вѣру разорити.—И митрополит, государь, і весь нашъ собор послали меня силно, для тово что, государь, прежние Московские цари блаж. пам. г. ц. и в. к. Ив. Вас. в. Р. и блаж. пам. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. обороняли нас от изменья и жаловали своим царьским жалованьем; и нынеча Московской государь ц. и в. к. Вас. Иван. в. Р. пособит нам и не дастъ хрестиянские вѣры разорити и нашу Грузинскую землю себѣ может взяти, а иному невѣрному не подастъ нас. И какъ, государь, яз к Москве шол,—и меня на дороге грабили тезики и людей моих у меня поимали. И какъ яз въ Астороханъ пришол,—и меня хотѣл кизылбашской посол убити. И как, государь, яз пришол к Москве,—и мнѣ твое государево жалованье было кормъ и питье; и корму, государь, и питья мнѣ давати перестали з год невѣдомо для чего. И я, холоп твой, что было платьишка и рухлядишка,—то все испроѣлъ; платъишка и рубашки не осталос, что носил. И нынеча, государь, в нашей земли, Божиею милостию, стал християнские вѣры царь, холоп твой, а мой племянник; и что бусурманов было, и тех всех побили. И у тебя, государя, силы яз, холоп твой, не прошу.—И коли ещо ты, государь, меня не отпустишь до своего царского указу,—и мнѣ, государь, не дай напрасную смертию умерет з голоду; а нынеча, государь, помираю голодною смертию без твоего царьского жалованья без корму. И что, государь, нашие земли люди ходят в твое Московское государство,—и тѣ все от тебя, государя-пожалованы живутъ; и какъ, государь, грузинские люди християн,

скую вѣру вѣруют, а я, холопъ твой, також христіянин нарицаюс православный. Государь ц. и в. к. Вас. Ив. в. Р.! Пожалуй меня, холопа своего, для Московскихъ чюдотворцов, учини мне свой государевъ царской указъ. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

Помѣта: 115-го генваря въ 6 де у празника на Троетцкомъ подворье на обѣдне государь царевича пожаловал, велѣл его перевестi на особной двор и даватi ему кормъ и платье ему датi и пристава к нему пріставiти ис переводчиков.

Лѣта 7115-го генваря въ 7 де. По г. ц. и в. к. Вас. Ив. в. Р. указу боярину князю Дмитрею Ивановичю Шуйскому.—Велѣти выписати: в котором году прислан к Москве Иверского Иосѣя царя сынъ Панкратей? И какими обычеi приѣхал он в Асторахан и для чего? И что ему корму давано в дороге и на Москвѣ? И что ему дано ль жалованья? И для чего корму ему давати не велено? И за что сослан в Троетцкой монастырь?—Да та выпис велѣти прислати в Посолской приказ к дiаку к Василью Телепневу.

Того ж дни послана памят на Новой Земской Двор, а велено ему дати дворец, постояти до государского указу; да ему ж на тот двор велено дати сторожа, которой б был не вор.

Обе посланы з греческим с Тарасом.

Лѣта 7115-го генваря в 8 де. По г. ц. и в. к. Вас. Ив. в. Р. указу памят околничему и казначѣю Василью Петровичю Головину да дiаком Меншому Булдакову да Матвѣю Коробейникову. Велѣти им, здѣлав, прислати в Посолской приказ к дiаку к Василью Телепневу однорядку вишневу в 3 рубли [71]), шапку ж суконную с пухом в 20 в 5 алтынъ или и болши. А дати то государева жалованья Грузинскому царевичю Панкратью Иосѣеву. А ..ное платье, что дати тому ж царевичю, велено им дѣлатi по государеву имянному приказу,—и то платье, здѣлав, прислатi в Посолский ж приказ.

Лѣта 7115-го генваря в 12 де. По г. ц. и в. к. Вас. Ив. в. Р. указу памят дьяку Василью Телепневу. По памяти за твоею приписью велено выписат в Казанском Дворцѣ: в котором году прислан к Москве Иверского Иосѣя царя сын Панкратей? И какими обычаи он приѣхал в Астарахан? И для чево и что ему корму давано в дороге и на Москвѣ? И что ему дано л жалованья? И для чево ему корму давати не велѣли? И за что он слан в Троетцкой монастырь? Да та выпис прислати в Посолской приказ.—И в прошлом во 114-м году

---

[71]) „Шапку бархатну с околом лисьим в два рубля“ —*зачеркнуто.*

ноября въ 25 де писали ис Казани боярин і воевода Степан Олександровичъ Волоской да князь Михайло Туренинъ да дьякъ Иван Зубов, что октября въ 31 де пріѣхал из Асторахани Грузинской царевич Панкратей, а с ним человѣкъ ево; а в приставех с ними Казанской сотникъ стрелетцкой Долмат Володимеров да московской толмач Микита Тютчевъ, которой былъ в Грузехъ с послы с Михайлом Татищевым да з дьякомъ с Ондрѣемъ Ивановым. А про Астараханские отписки сказал толмачь Микита Тютчевъ, что царевич Панкратей, не доежая Казани, на последнемъ стану зжег без них, какъ они ходили для подвод. И они царевича Панкратья отпустили къ Москве, а корму ..... (*далѣе нѣтъ*)...

Сказал переводчик Своитин Каменев про Грузинского Панкратья царевича, что ныне на Москвѣ: какъ де были в Грузинской землѣ послы яселничей Михайло Игнатьевич Татищев да діакъ Ондрѣй Ивановъ,—и царя де Олександра в Грузех не застали, пошол на помоч х Кизылбашскому Абас шаху на Турского.—И Михайло де и Ондрѣй посылали в Кизылбаши к Обас шаху и к Олександру царю для государевых дѣл ево Своитина. И он Своитин, будучи у шаха, видел того Панкратья при Олександре царе и при шахе с Олександромъ царем; а чтил его Олександръ царь, как есть царевича сродника своего, садился выше его боляр, блиско его.—А про родство его Своитин сказал: отецъ де его Панкратьевъ Есей царевич Олександру царю болшой брат родной,—царевы Леоновы дѣти. И при царѣ де Леоне Турскому Селим салтану была война с Кизылбашским с шах Томазом; и шах де Томаз присылал к дѣду его Панкратьеву к Леону царю послов, чтоб он цар Леон шол к нему на помоч на Турсково или б людей воинских прислал с сыном своим. И дѣд де его Панкратьев Леон царь послал х Кизылбашскому к шах Томасу на помоч против Турсково с воинскими людми в свое мѣсто сына своего его Панкратьева отца Есея царевича; а он де Панкратей был ещо в тѣ поры мал. И Кизылбашской де шах Томас Турских людей побил; а отца его Есея царевича в Грузи не отпустил, задержалъ у себя и посадил в темницу. И сидѣл де он у шах Томаса в темнице долгое время и до тѣх мѣстъ, покамѣста шах Томас извелся; а в тѣ де поры в Грузех царя Леона не стало и на Грузинской землѣ учинился царем царев Леонов сынъ, а Есеев меншей брат, Олександръ царевич. А какъ де Кизылбашского шаха Томаза не стало, а на его мѣсто учинился Худобендей шах,—и Худобендей де шах отца его Есѣя царевича ис темницы выпустил и отпустил в Ыверскую землю. И какъ де отец его Есей царевич в Ыверскую землю пришол, и отца де его брат Олександръ царь отца его Есѣя

царевича и его Понкратья, поймав, посадилъ въ темницу; и, держав де отца его в темнице, велѣл убит. А онъ Панкратей сидѣл в темнице лѣт з 20; а выпустил его Олександръ ис темницы недавно—лѣт тому с 8, и жил при Олександре царѣ близко, имѣл ево за царевича и дал ему имѣнеіцо. А какъ пошол царь Олександръ против Турскова перед Михайловымъ приходом Татищева,—и его де Панкратья взял с собою; и у шаха он был с Олександром царем вмѣсте. А какъ де Кизылбашской Абас шах Грузинского Олександра царя отпустил в Грузи,—и он де Панкратей у Олександра царя отпросился в Кизылбашех побыти у сестры; сестра де его родная живет в Кизылбашех, взата в полон, а ныне живет о себѣ. И побыв у сестры, поѣхал был в Грузинскую землю. И какъ приѣхал Грузинские земли в мѣсто в Загем, и услышал, что царев Олександров сынъ Костянтинъ царевич, что был у шаха, отца своего Олександра царя и братью побил. И он Панкратей побежал в Гілян, а из Гіляни приѣхал в Астарахань с кизылбашским гонцом да с папиным посланником; а сказывался тезиком. А как де кизылбашской гонецъ про него свѣдал, что он царевич,—и он его хотѣл убит. И его де не дал убит папин посланникъ для христьянские вѣры. А какъ они пришли в Астарахан,—і в Астарахани де уж смутилис на Ростригино имя; и ево де Панкратья отпустили из Астарахани воеводы к Москве наперед кизылбашского гонца с сотником. И на Москвѣ был он в приказе в Казанском Дворцѣ и поденной ему кормъ в Казанском Дворцѣ давали; а ис Казанского Дворца сослали его при Ростриге к Троице в Сергиев монастырь не вѣдомо за что. И ныне он живет на Троецком подворье.

28.—1609 г. О побѣгѣ Окоцкаго мурзы Батая изъ Терскаго города.

(*Кабардинскія дѣла 1614 г. д. № 1*).

Государю ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. холопъ твой Петрушка Головин челом бьет. В прошлом, государь, въ 118-м году ноября въ 8 день бежал ис Терсково города Терской жилец Окоцкой Батай мурза Ших-мурзинъ з женою и з детми да шурин ево Тогзыт конною конми; а с ними бежали вместе тое же ночи Терской жилец окоченинъ Саламко Илбуздуков з женою ж и з детми, да окоченин Индричейко, да Черново Уварсково князя абыз Магаметко, которой, приѣхав из Астарахани на Терек Черново князя сына от Казыя мурзы, жил в Окоцкой слободе у Батая мурзы, да Кизылбашского Абас-шаховы области ардевилецъ тезик Ших Шихюнусов, да с ними же, государь, бежали от

окоченина от Урака старово 3 холопа да дѣвка, да от Сунчалѣева узденя от Такшоки бежал купленой его холоп горской мужик родом кичкизенин. И я, холоп твой, и весь миръ Терсково города за тѣм за беглым за Батаем мурзою с товарыщи, которые бежали ис Терсково города, посылали в погоню на все дороги Терских служивых людей сотников стрелецких и стрелцов и казаков многих людей, да Сунчалѣевых узденей Балыхчѣя да Токшоку с товарищи, да и Окоцких людей Смаиля Итина со всѣми Окоцкими людми. И ноября, государь, въ 10 день твои государевы Терские служивые люди сотник Лука Вышеславцов и Сунчалѣевы уздени и Окоцкие люди ис погони на Терек приехали; а привезли с собою, отгромя у беглых у Батая мурзы да у Саламка, жены их и дѣти и рухлядь, да 7 жонок служащих, да 2 мужика—1 холоп окоченина Урака старово, а другой холоп черкашенина Токшоки. А в розпросе мнѣ, холопу твоему, и всему миру Терского города сказали: отгромили де они у того беглово у Батай мурзы да у Саламка жены их и служащих жонок и 2 мужиков и рухлядь на дороге в 2 мѣстях на Заплавном острову да за Кизларомъ в Талах; а сам де он Батай мурза с товарищи своими ушол у них толко з двема своими сыны да з двема дочерми первые его жены душею да тѣломъ вверхъ по Терку рѣке. И они де, государь, гнались за ними вверхъ по Терку рекѣ до Терновово острова; а болши де, государь, того гнатись было имъ за ними не на чом, потому что переустали де под ними лошади. А от Терновово де тѣ беглые люди побѣжали от них вверхъ по Терку рѣке к Сунше; а того де имъ невѣдомо, куды они побежали.—И я, холоп твой, тѣх беглых Батаеву да Саламову жену и Уракова холопа и Токшокина про побег роспрашивал. И Батаева жена Алтын в розпросе мнѣ, холопу твоему, сказала: про побег деи она у мужа своего у Батая думы и умышленья никакова не вѣдала; и, живучи де на Терке, про побег муж еѣ Ботай ничего ей не говаривал. А бежал де он Батай с Сабану; а еѣ де, из Окоцкие слободы ночью переведчи за реку, отвел з Ботаевыми дочерми к Батаю мурзѣ на Зеленую реку Черново князя абыз Магаметко оманом. А покинул де еѣ Батай на Заплавномъ острову у камышей, увидя за собою Терских погонных ратных людей.—Саламкова жена Кутум в розпросе мнѣ, холопу твоему, сказала: мужа деи она своего у Салама про побег с Терки думы и умышленя никоторого не вѣдала ж; и сам де он ей про побѣг ничего не говаривал. А пришед де Саламко ночью в кибитку из Окоцкие слободы, переведчи за реку, отвел и з дочерью на Зеленую к Батаю ж мурзѣ.—И после, государь, розпросу велѣл я, холоп твой, и весь мир Терсково города

того ж часу тѣх беглых жонок Батаеву и Саламову жену и Уракова холопа и Токшокина про побѣг с Терки пытати. И Саламова жена Кутум с пытки в розпросе мнѣ, холопу твоему, сказала тоже, что умышленья она про побег у мужа своего ничего не вѣдает и в думѣ нихто с ним не был. Ураков холоп Ташинко с пытки в розпросе мнѣ, холопу твоему, сказал: подговорил де его ис Терсково города бежати с собою Кизылбашского Абас-шаховы области тезик Ших Шихюнуков; и он де Ташинко ис Терсково города бежал з Ботаем по его по Шихову подговору. А про иных людей про побѣг з Батаем ни на кого не сказал; и в думе с нимъ иных людей никого не вѣдает. Токшокин холоп Казбетко с пытки в розпросе ж сказал: подговориль де ево ис Терсково города бежати с собою тезик же Ших; и он де с ним бежал по Шихову ж подговору. А про иных людей про побег ни на кого не сказал и не вѣдает никого. А пытаны накрѣпко и огнемъ жены Батаева жена Алтын у пытки в роспросе мнѣ, холопу твоему, сказала не пытана тоже, что и в роспросе: у мужа деи она у своего про побег и хто с ним в думѣ был и мысль их кто вѣдал ли, про то ничего не сказала и не вѣдает иных людей оприч их никого не знает. И я, холоп твой, и весь мир Терсково города беглых Батаеву жену з двема дочерми и Уракова холопа и Токшокина велѣл посадити их в тюрму. И из тюрмы, государь, Ботаевская жена Алтын по челобитью к тебѣ, к г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., отдана за порукою Терскому жильцу окоченину Черебашу Алибекову; и он на ней женился. А Саламову жену за побег велѣл я, холоп твой, и весь мир Терсково города повѣсити. А дочь Саламову по челобитью къ тебѣ, к государю, отдал я, холоп твой, и весь мир Терсково города окоченину Алибеку старому, потому что сватана де она была за сына его. А служащие, государь, Батаевы жонки по челобитью к тебѣ ж, к государю, отданы погонщиком Окоцким людем Сманию Итину с товарыщи за то, что у них Батай мурза, да Саламко, да тезик Ших, побежав с Терки, отогнали у них 22 лошеди. А что, государь, после беглых Ботая мурзы и Саламка осталась на Терке проса и животины, быков и коров и овец и рухляди и что привезли на Терек твои государевы служивые люди погонщики, отгромя у них на дороге всякие рухляди,—и я, холопъ твой, то их просо и быки и коровы и овцы и всякую их рухляд велѣл роздати на Терке твоим государевым Терским ратным людем для их нуж в твое государево жалованье. А беглых, государь, Уракова холопа и Токшокина, по челобитью к тебѣ, к государю, Урака старово и Токшоки, тѣ их холопи из тюрмы от-

даны Ураку да Токшове для их нужи и одиначества, взяв по них крѣпкие поруки за записми, до твоего государева указу.

Помѣта: чтена.

29. 1609—1614 гг. Посольство въ Москву Кардана отъ Черкасскаго князя Солоха.

(Кабардинскія дѣла 1614 г. д. № 4).

Государю ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. холопи твои Ивашко Воротынской, Юшко Ушатой, Ѳедка Лихачев, Степанко Дичков челом бьют. В нынешнемъ, государь, во 122-м году іюля въ 8 де бил челом тебѣ, государю ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., Шолоха князя посол черкашенин Кардан и подал нам, холопем твоимъ, челобитную; и мы, холопи твои, тоѣ челобитную послали к тебѣ, ко государю, к Москве, подклея под сею отпискою.

Царю г. и в. к. М. Ѳ. в. Р. бьет челом Шелоха князя посол черкашенин Карданъ. Послан, государь, я от Шелоха князя к тебѣ, государю, к Москве в посолстве и для того, что он, Шелох княз, хочет тебѣ, государю, служить; а в аманатех на Терек дал он тебѣ, государю, пяти мурзъ своего сына и иных князей дѣтей пяти человѣкъ. И я, государь, нынѣ по твоему государеву указу живу в Казани. Милосердый ц. г. и в. к. М. Ѳ. в. Р.! Смилуйся, пожалуй меня, вели, государь, меня ис Казани к тебѣ, ко государю, к Москве отпустить, чтоб мнѣ твои царьские очи видет и посолство справить. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На отпискѣ, полученной въ Москвѣ 20 іюля, помѣта: отписать, велѣть отпустить к Москве.—*Грамата о семъ въ Казань боярину и воеводамъ послана 23 іюля 7122 года. (Дичковъ въ ней названъ Ушаковымъ).*

Государю ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. холопи твои Ивашко Воротынской, Юшко Ушатой, Ѳедка Лихачевъ, Степанко Дичков челом бьют. Бил челом тебѣ, г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., Черкасково князя Шолоха посол Кардан Яндаруков и прислал к нам, холопем твоимъ, челобитную; и мы тоѣ его челобитную, подклея под сю отписку, послали к тебѣ, к государю.

На оборотѣ: 122-го августа въ 20 де с Ѳедором с Кутуковым.

Царю г. и в. к. М. Ѳ. в. Р. бьет челом холоп твой государев Черкаскова князя Шолоха послишко Корданко Яндаруков. Дѣялося,

государь, тому 7-ой год, как я послан к Москве послишком. А как поехал на Рус, и взяли в оманатах Шолохова сына Татолстана, да Казыева сына Яныма на Терек, да Итекова сына Лоорса, да Янсока да Идарова сына Айтека; и те люди и по ся места в оманатех на Терке, а я здѣся живот свой мучю. Милостивый г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р.! Покажи милость, пожалуй, вели, государь, меня отпустити домой въ свою землю. Царь, государь, смилуйся.

И 123 г. сентября въ де писали к г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. ис Казани боярин и воевода князь Иван Михайлович Воротынской с товарыщи и прислали к Москве с приставом с Васильемъ Аминевым Солоха князя посланника Кардана.—И сентября ж в 9 день Черкаского Солоха князя посланникъ Кардан был в Посолскомъ приказе у дiаковъ у думново дьяка у Петра Третьякова да у Саввы Романчюкова. А в роспросе сказал: пришол он от Солоха князя во 117-м году к царю Василью с кизылбашскими послы с Муштыкулыбекомъ вмѣсте; а в тѣ поры в Московском государстве была смута, стоял под Московским государством вор Тушинской. И какъ он шел к Москве, и под Тулою ево переняли казаки и ограбили и грамоты, которые с ним были от Солоха князя, отняли и превели ево къ вору в Тушино; и он был у вора в Тушине. А как вор от Москвы побежал в Колугу, и он с вором же был в Колуге. А как в Колуге вора убили, и он ис Колуги прибежал к Прокоѳью Ляпунову; и Прокоѳей сослал ево в Казань, и был он по ся мѣста въ Казани. А какъ на Московскомъ государстве учинился великiй г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., и про то ему подлинно вѣдомо, что Солох князь и всѣ Кабардинские князи и Черкасы государскому имяни обрадовалися и всѣ на государево имя шертовали и хотятъ государю служити потому же, какъ и прежнимъ Росийскимъ государем служили. А он ныне приѣхал бити челомъ государю о своих нужах; и чтоб ево государь пожаловал, велѣл ему видети свои царские очи и велѣл ево отпустити к Солоху князю. И толко государь ево пожалует, велит ево к Солоху князю отпустит и с нимъ свое царское повелѣние о новых закладех отпишет,—и Солох князь и всѣ Черкаские мурзы пришлют новые заклады, а старые заклады возмут; да и сверхъ закладов толко государь поволит къ себѣ быти лутчим Черкаским князем и мурзам, и они к государю будут тотчасъ и всѣ будут служить государю головами своими.—Да подал посланникъ Кардан челобитную. А в челобитной пишет: царю г. и в. к. М. Ѳ. в. Р. бьет челом холоп твой государев черкасской посол Гордан Индороков горных черкасов князя Шелоха. Деялося, государь, тому 7-ой год, прислан я из гор от князя Шело-

ха. И как я из гор в твою царскую отчину пришел на Терек, и на Терке оставил 5 человѣкъ мурзъ аманат горных черкас Люварсан Шелохов сынъ, да Яным Казыев сынъ, да Мудар Алкасов сынъ, да Дударук Янмурзин сынъ [72]) да Алсабел Юдаров сынъ. И те 5 человѣкъ мурзъ живут въ аманатех на Терке и служат твои всякие царские службы. И я, холоп твой, был под Москвою 4 года, а ис под Москвы жил и до сех местъ въ твоей царской отчине въ Казани; а ис Казани прислан к тебе, государю царю, к Москве я, холоп твой. А ныне князь Шелох и все Кумыки и Черкасы все князи и мурзы и уздени все горы добили челом тобе, г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., и вины они свои тобе, г. ц., принесли и хотят все князи и мурзы и уздени горные служити всякие твои государевы царские службы и прямити во всем, как и прежним государем, и по своей вере шертовали. Милосердый ц. г. и в. к. М. Ѳ. в. Р.! Покажи милость, пожалуй меня, холопа своего, вели отпустить в свою Черкаскую землю и пожалуй мнѣ свою царскую грамоту. Государь, смилуйся, пожалуй.

И сентября ж въ 18 де какъ были у г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. в Золотой полате крымские послы и какъ крымскіе послы от государя пошли, и г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. велѣлъ к себѣ итти Кабардинского Солоха князя послу Кардану. А дожидался Солохов посол присылки в Посолской полате; а ис Посолские полаты посол Кардан шел площедью на середнюю лѣсницу. А какъ посол вшел к государю в полату, и явил ево государю челом ударити посолской дiякъ Петръ Третьяков. А молыл: в. г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. с и м. г. г. и о.! Солоха князя Кабардинского посол Кардан вам, в. г., челом ударил. И государь пожаловал посла к руке, и клал на него свою царскую руку. И посол, быв у государя у руки, поздравлял государя на государстве. И государь пожаловал, спросил о Шолохове здоровье. А молыл: Солох князь здорово-ль? И какъ посол про Солохово здоровье сказал, и по государеву приказу думной посолской дiякъ Петръ Третьяковъ послу говорил рѣчь. А молыл: Карданъ! В. г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. велѣл тебѣ говорити: извещали нашему царскому величеству бояре наши, что писали к нам ис Казани боярин нашъ и воевода князь Иван Михайлович Воротынской с товарыщи и прислали твою челобитную, чтоб нам, в. г., пожаловати тебя, велѣти тебѣ видети наши царские очи и велѣти б тебя отпу-

---

[72]) „Дударукъ Янмурзинъ сынъ“—зачеркнуто и другой рукой надъ строкой написано: Айтек.

стить к Солоху князю. И мы, в. г., вѣдая дѣда нашего в. г. ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р. с. и сына его дяди нашего блаж. высокославные памяти в. г. ц. и в. к. Θед. Иван. в. Р. с. жалованье к прежнимъ Кабардинским княземъ и к Солоху князю, и хотя ныне мы, в. г., потому ж Солоха князя держать в нашем царскомъ жалованье под нашею царскою высокою рукою во обороне ото всѣх его недруговъ,—велѣли тебѣ быти к нам, в. г., видети наши царскіе очи; и, пожаловавъ тебя нашимъ царскимъ жалованьемъ, отпускаем к Солоху князю. И Солох бы князь и всѣ Кабардинскіе князи были под нашею царскою высокою рукою навеки неотступны и намъ, в. г., правду дали, на куране шерть учинили, что имъ Солоху князю з братьею и з детми намъ, в. г., служили потому ж, какъ служили прежнимъ великим государем ц. и в. к. Росийским предком нашим. А мы, в. г., Солоха князя и всѣхъ Кабардинскихъ князей и мурзъ учнемъ жаловать в нашемъ царскомъ милостивом жалованье и в призрѣнье, смотря по их службе, и ото всѣхъ их недруговъ во обороне и в зачищенье (sic) свыше прежнего.

И после того по государеву указу думной діякъ Третьяков Солохову послу явил государева жалованье; а казенной діякъ Ждан Шипов положил на Солохова посла государева жалованья шубу камку адамашку, шелкъ лазоревъ да червчат кругчатой на хрептѣхъ на бѣлыихъ да шапку лисью. А государь пожаловал его къ руке и подал ему ковшъ меду; и велѣл посолскому діяку Петру Третьякову сказать в стола мѣсто кормъ. И посол Солохов отпущен к себѣ на подворье. А государева жалованья дано послу саму-другу с человѣком.

30 —1610—1614 гг. О сношеніяхъ Терскаго воеводы Петра Головина съ Гирѣемъ, Салтанъ-Магмутомъ и др. Кумыцкими князьями.

1) Дѣла: Кабардинскія 1614 г. д. № 1; 2) Кумыкскія 1614 г. д. № и 2).

Государю ц. и в. к. М. Θ. в. Р. холоп твой Петрушка Головин челом бьет. В прошлом, государь, въ 118-м году августа въ 2 день приезжал на Терек ис Кабарды от Шолоха князя сынъ его Хорошай мурза переменяти с Терки сына же его, а своего брата, Талтаслана мурзу, которой был на Терке в аманатех. И я, холоп твой, поговоря с Сунчалѣемъ мурзою Янглычевым и з головою стрелетцким и з детми боярскими и с сотники и с пятидесятники и з десятники и со всѣми твоими государевыми Терскими ратными людми, говорил Шолохову сыну Хорошаю мурзѣ, чтоб онъ Хорошай тебѣ, государю, по-

служил и службу свою по началу совершилъ, ис Терсково города ѣхал в Кумыки к Суркай-Шевкалову сыну к Гирѣю мурзѣ; и, приѣхав в Кумыки, Кумытцкого Суркай-Шевкалова сына Гирѣя мурзу з братьею привел под твою царскую высокую руку, чтоб Кумытцких князей тѣмъ розвести и меж ими учинити рознь и от их бы приходу тѣм оберечи твой государевъ Терской город. И Шолохов сынъ Хорошай мурза сказал мнѣ, холопу твоему, что он в Кумыки ѣхати рад; а с ним бы мнѣ, холопу твоему, для твоего государева дѣла отпустити толмача да подьячего. И я, холопъ твой, с Шолоховым сыном с Хорошаемъ мурзою послал стрелца Сололовского приказу Протасьева в толмачах Ермошу Григорьева да окочян Терских жилцов Смаиля Итина с товарыщи 5 человѣкъ. И августа, государь, въ 31 день из Гребеней з Бѣлые реки толмач Ермоша Григорьевъ да окочянинъ Дербыш от Хорошая мурзы на Терекъ приѣхали; а привезли грамоту, писана по татарски. А в розпросе мнѣ, холопу твоему, сказали: посылал де Хорошай мурза с Сунши в Кумыки к Гирѣю мурзѣ узденей своих Мурзабѣка с товарыщи 4-х человѣкъ; и, приѣхав де в Кумыки, велѣл имъ Гирѣю мурзѣ говорити, чтоб ему, Гирѣю мурзѣ для тоего государева дѣла приѣхати к нему к Хорошаю мурзѣ, на Суншу. И Гирѣй де мурза на Суншу не бывал; а приѣхал от него ис Кумык к Хорошаю мурзѣ уздень его с тою грамотою, которую ко мнѣ, холопу твоему, от Хорошая мурзы привезли на Терекъ. А в розпросе де тот Гирѣевъ уздень Хорошаю мурзѣ перед ними словом сказывал: услыша де Гирѣй мурза про твое государево жалованье, обрадовался великою радостію. А сказал, что он под твоею царского величества высокою рукою рад быти и вперед хочет служити тебѣ, государю; и, приѣхав де на Суншу, хочет тебѣ, государю, дати шерть по своей по бусорманской вѣре при Хорошае мурзѣ. И мнѣ бы, холопу твоему, к Хорошаю мурзѣ для Гирѣева приѣзду прислати к нему с Терки на Суншу сына боярсково да подьячево да толмача, чтоб ему Гирѣю мурзѣ, приѣхав на Суншу, дати шерть при сыне боярском и при подьячем и при толмачѣ. И я, холоп твой, поговоря с Сунчалѣемъ мурзою Янглычевым и з головою стрелетцким и з детми боярскими и с сотники и с пятидесятники и со всѣм миром Терсково города, для твоего государева дѣла и для Гирѣя мурзы приѣзду послал на Суншу к Шолохову сыну к Хорошаю мурзѣ Терсково жилца сына боярсково Василья Смагина с шертовалною записью, а с ним пятисотного подьячево Ивановского приказу Хомякова Пятуню Иванова, да пятидесятника Сололовского приказу Протасьева Иванка Ермолина, да толмача конных стрелцов Гурку Васильева, да стрелцов и козаков 50 человѣкъ.

А пріѣхав на Суншу к Хорошаю мурзѣ, какъ пріѣдет ис Кумык Гирѣй мурза, велѣл ево привести к шерти по их по бусорманской вѣре по шертовалной записи, какова с ним с Васильем послана.—И в прошлом же, государь, во 119-м году сентября въ 22 день сынъ боярской Василей Смагинъ с Сунши в Терской город пріѣхал со всѣми людми; а с ним пріѣхал в послѣх от Гирѣя мурза уздень его Томолдука з грамотою ж, писана по татарски. А в розпросе мнѣ, холопу твоему, тот ево Гирѣевъ посол Томолдука сказал: присылал де в Кумыки к Гирѣю мурзѣ Хорошай мурза узденей своих, а велѣл де ему пріѣхати к собѣ на Суншу. И Гирѣя де на Суншу не пропустил брат ево Ондрѣевы деревни Салтан-Магмут з братьею для того, чтоб ему, Гирѣю мурзѣ, тебѣ государю не бити челом и не служити и под твоею царского величества высокою рукою в холопстве не быти, а быти бы им Кумытцким князем и мурзам меж собя всѣм в миру и в одиначестве. И Гирѣй де мурза хочет быти под Терской город на морской илмень; и, пріѣхав де, за свою вину тебѣ, государю, хочет добить челом и вину свою принести и дати шерть по своей по бусорманской вѣре на том, что ему, Гирѣю мурзѣ, служити и прямити тебѣ государю и быти под твоею царскою высокою рукою неотступну на веки. И договоряс бы мнѣ, холопу твоему, о твоемъ государеве дѣле, того Гирѣева посла Томолдуку, на Терке не задержав, велѣти отпустити в Кумыки тотчасъ; а с ним бы послати к Гирѣю мурзѣ подьячево да толмача. И которое де у Гирѣя мурзы есть твое государево дѣло, и Гирѣй де мурза, отпустя их от собя, на Терекъ ко мнѣ, холопу твоему, о том о всем отпишет подлинно с толмачом да с подьячим и срок учинит, как ему для твоего государева дѣла и для шерти к Терскому городу быти и к которому дни. И я, холоп твой, поговоря с Сунчалѣмъ мурзою Янглычевым и з головою стрелетцким и з детми боярскими и с сотники и с пятидесятники и со всѣм миром Терсково города, Гирѣева посла Томолдуку, твоим государевым жалованьемъ обнадежа и дав ему твоего государева жалованья однорятку зелену, сукно настраоил, с Терки отпустил в Кумыки; а с ним для твоего государева дѣла з грамотою послал конных стрелцов подьячего Посничка Селиверстова да съѣзжие избы толмача Ермошу Григорьева. А в грамоте я, холоп твой, к Гирѣю мурзѣ писал, что присылал онъ на Терек в послѣх узденя своего Томолдуку бити челом тебѣ, государю, чтоб его Гирѣя мурзу, ты, государь, пожаловал, велѣл ему быти под своею царскою высокою рукою; и он бы, Гирѣй мурза, помня свое слово, пріѣхав к Терскому городу, за свои вины тебѣ, государю, добил челом и вину свою принес и дал шерть по своей

по бусорманской вѣре на том, что ему, Гирѣю мурзѣ, служити и прямити тебѣ, государю, и быти под твоею царскою высокою рукою неотступну навеки. А как он, Гирѣй мурза, тебѣ, государю, за свои вины добьетъ челом и дастъ шерть и будет под твоею царскою высокою рукою в твоей царской воле,—и ты, государь, ево, Гирѣя мурзу, пожалуешь своим царским жалованьемъ —И октября, государь, въ 18 день подьячей Посничко Селиверстовъ да толмач Ермошка Григорьевъ ис Кумыкъ на Терек пріѣхали; а с ними приѣхал от Гирѣя мурзы уздень его Томолдука. А в розпросе мнѣ, холопу твоему, Посничко и Ермошка сказали: какъ де онѣ пріѣхали в Кумыки к Гирѣю мурзѣ, и Гирѣй де мурза обрадовался великою радостію. А сказал, что он, Гирѣй мурза, з братом своим с Ылдаром и с Кумытцкими князи, которые с ним в одиначестве, опричь брата его Андеи и Салтан-Магмута з братьею, холопи твои государевы и служити тебѣ, государю, ради. И сослався де онъ Гирѣй мурза с Кумытцкими князи и договорясь с ними накрепко, тебѣ, государю, добили челом и дали шерть и роту учинили по своей по бусорманской вѣре на куране у себя в Кумыках при Шолохове сыне при Хорошае мурзѣ, да при них при подьячем при Посничке да при толмачѣ при Ермоше. А с ним де з Гирѣемъ Кумытцких князей шертовало: Казы-Кумытцкой Алибѣкъ князь з детми, Уварской Махтѣй князь, Суркай княз Карабудатцкой з детми ж, Казаналпъ княз, Шевкалов сынъ Албирюй з детми ж, Аметханъ з братьею, Ерпелской княз, Будачѣевъ брат, Магамет мурза. А у шерти, государь, говорили, что им Кумытцким князем и мурзам, оприч Андеи и Салтан-Магмута з братьею, меж себя быти всѣм в одиначестве и служити и прямити тебѣ, государю, и добра во всем хотѣти и вперед быти под твоею царского величества высокою рукою в холопстве неотступным на веки и под Терской город войною не ходити и людей своих не посылати и с Салтан-Магмутом з братьею не одиначитися; а будет де Салтан-Магмут з братьею и Андея, собрався своими кабаками, пойдут под Терской город,—и ему де, Гирѣю мурзѣ, и всѣм Кумытцким князем о их ис Кумык походе с вѣстью присылати в Терской город узденей своих и самому Гирѣю мурзѣ, собрався с людми своими, войною на них приходить и кабаки их воевати. И, дав де тебѣ, государю, Кумытцкие князи шерть и утверженіе у собя в Кумыкахъ перед ними, от Гирѣя мурзы розѣхались по кабаком. А его де Посничка и толмача Ермошу, после их отпустя от собя ис Тарковъ, проводил их до Оская реки, а с Оская пріѣхалъ с ними на Быструю реку к караулу; а с ним приѣхали Казы-Кумытцкого Алибѣков сынъ Чючолов мурза да Шевкала старого АлиБи-

рюев сынъ Алибекъ мурза, а с ними узденей их 8 человѣкъ. И мнѣ б прислати к нему, Гирѣю мурзѣ, на Быструю реку для твоего государева дѣла Сунчалѣя мурзу Янглычева да голову стрелетцкого Василья Хохлова, а с ними стрелцов и казаков. И я, холоп твой, поговоря со всѣм миром Терсково города послал на Быструю к Гирѣю мурзѣ тогоже дни Терсково жилца Сунчалѣя мурзу Янглычева да голову стрелетцкого Василья Хохлова, да с твоею государевою с платеною казною и с кормом, что дати у шерти твоего государева жалованья Гирѣю мурзѣ, сына боярсково Василья Смагина, да сотников стрелетцких Михаила Семовского, Ивана Волкова, Степана Савина, Матвѣя Кудашева; а с ними с приказов пятидесятников и десятников и стрелцов и казаков, да с шертовалною записью и с кураном, по чему Гирѣя мурзу приводити к шерти, сѣзжие избы подьячего Назарка Дмитреева, да сѣзжие ж избы толмача Иванка Ѳедорова, да Сунчалѣевых узденей и новокрещенов и Окотцких людей конных и пѣших. — И ноября, государь, въ 18 день Сунчалѣй мурза Янглычов и голова Василей Хохлов пріѣхав з Быстрые реки, сказали мнѣ, холопу твоему: как де онѣ сѣхались з Гирѣем мурзою, и Гирѣй де мурза сказал, что он з братом своим с Ылдаром холопи твои государевы. И за свои вины, за собя и за брата своего за Илдара и за Алебѣкова сына Казы-Кумытцкого за Чючолова и за Албирюева сына за Алибѣка и за тѣх князей, которые с ним з Гирѣем мурзою в одиначестве, тебѣ, государю, добилъ челом и дал шерть на Быстрой рекѣ и роту учинил по своей по бусорманской вѣре при Сунчалѣе мурзѣ Янглычеве и при головѣ при Василье Хохлове и при Терских ратных людех на том, что ему, Гирѣю мурзѣ, з братом своим с Ылдаром и с Кумытцкими князи, опричь Андеи и Салтанъ-Магмута з братьею, служити и прямити тебѣ, государю, и быти под твоею царского величества высокою рукою в холопстве неотступным на веки и с Андеею и с Салтан-Магмутом з братьею в одиначестве не быти и под твой государевъ Терской город войною с ними не приходити и людей своих не посылати; а слыша что у Андеи и у Салтан-Магмута з братьею про приходъ под твой государев Терской город какое дурное умышленіе, и ему, Гирѣю мурзѣ, присылати о том в Терской город ко мнѣ, холопу твоему, с вѣстью узденей своих. И послов твоих государевых, которые учнут от тебя, государя, ходити через Кумытцкую землю к шах-Басу или от шах-Баса к тебѣ къ государю, и ему, Гирѣю мурзѣ, встречати их и провожати с твоими государевыми людми вмѣсте и дурна никоторого над ними не дѣлати и задоров с твоими государевыми людми не чинити и войною на них не приходити. И с весть-

ми со всякими на Терек ему, Гирѣю мурзѣ, самому пріезжати и брата своего Илдара и узде ..... (*недостаетъ нѣсколькихъ столбцевъ*)..... бѣкову сыну Чючолову мурзѣ дано твоего государева жалованья охабенен, отлас золотной, с пугвицы серебряными, да ему ж на шлычку дано сукна багрецу 7 вершков; Альбирюеву сыну Алибеку мурзѣ дано твоего государева жалованья чюга кизылбашская, камочка золотная, да ему ж на шлычку дано сукна багрецу 7 вершков; а узденем их Гирѣеву узденю Томолдуке дано твоего государева жалованья на однорятку сукно настраѳиль, мясной цвѣт, а 7 человѣком узденем дано твоего государева жалованья по киндяку. Да у шерти ж, государь, Гирѣй мурза бил челом тебѣ, государю, чтоб тебѣ, государю, ево, Гирѣя мурзу, пожаловати перевозом на Сунше пониже Асмановщины, для того что которые де ево Гирѣевы уздени и черные люди на тот перевоз станут ѣздити ис Кумык в Кабарду или ис Кабарды в Кумыки с печатью,—и твоим бы государевым ратным людем городовым и волным казаком тѣх людей его не громити и не побивати; а которые де Кумытцкие люди на тот перевоз станут ѣздити ис Кумык в Кабарду и называтися станут его Гирѣевыми людми, а печати у них не будет,—и твоим бы государевым людем городовым и волным казаком тѣх Кумытцких людей громити. И я, холоп твой, поговоря с Сунчалѣем мурзою Янглычевым и з головою стрелетцким и з детми боярскими и с сотники и с пятидесятники и з десятники и со всѣми твоими государевыми ратными людми, велѣл здѣлати перстен серебрянъ, а на нем вырезанъ на печати лев, и отослал к Гирѣю мурзѣ в Кумыки для проѣзду людем его на пропускех ис Кумыкъ в Кабарду и ис Кабарды в Кумыки, хотячи ево, Гирѣя мурзу, утвердити и привести под твою царскую высокую руку.—Да Гирѣй же де мурза у шерти бил челом тебѣ, государю, чтоб тебѣ, государю, ево, Гирѣя мурзу, пожаловати, от своих государевых непослушников, а от его Гирѣевых недругов, от Салтан-Магмута з братьею велѣти оберегати и велѣти бы давати на них своих государевых ратных людей войною; а он де, Гирѣй мурза, в том тебѣ, государю, дастъ оманаты, кого ты, государь, велишь у него взяти. И нынѣ, государь, в Терском городе Суркай-Шевкаловых детей Гирѣева брата Илдара мурзы сынъ Амерханъ мурза с уздени сидят в оманатех.

Помѣта: чтена.

Государю ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. холопъ твой Петрушка Головин челом бьет. В прошлых, государь, годѣх посылал я, холопъ твой, с Терки в Кумыки на твоего государева непослушника на Салтан-Магмута мурзу з братьею с Терским жилцом с Синчалѣемъ мурзою

Янглычевым твоих государевых Терских ратных людей и Терских вольных атаманов и казаков и неодинова, чтоб над нимъ учинити поискъ и тѣм привести бы его под твою царскую высокую руку, чтоб Кумыцких князей и мурзъ тѣм розвести и меж ими учинити рознь и от их бы приходу оберечи твой государевъ Терской город. И Божиею, государь, милостию и твоим государевым счастьем твои государевы Терские ратные люди и атаманы и казаки поискъ над ним учинили, отогнали у него с поду животину и Ондрѣеву деревню у него разорили, и тѣм ему учинили великую тесноту и из Ондрѣевы деревни его изогнали. И тот Салтан-Магмут мурза з братьею своею и с твоим государевым измѣнникомъ з Ботаемъ мурзою, которой бежал с Терки в прошломъ во 118-м году, с того разорения стал был жити в горах в Окоцких кабаках. И по челобитью к тебѣ, к в. г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., Кумыцкого Гирѣя князя на того ж Салтан-Магмута мурзу з братьею посылал я, холопъ твой, с Терки в прошлом въ 120-м году на Окоцкие ево кабаки Сунчалѣя же мурзу Янглычова да з головою стрелецким с Васильем с Хохловым твоих государевых Терских ратных людей и атаманов и казаков. И Божиею, государь, милостию и твоим государевымъ счастьемъ твои государевы Терские ратные люди и атаманы и казаки у Салтан-Магмута мурзы Окоцкие его кабаки повоевали и пожгли всѣ; и тебѣ, государю, твои государевы Терские ратные люди и атаманы и казаки служили, с Салтан-Магмутом и с уздени его и с Окоцкими людми бились и ис кабаков его изогнали ж. И Салтан-Магмут мурза з братьею, узнав перед тобою, в. г., вину свою и от твоих государевых от Терских ратных людей разорение и великую собѣ тесноту, присылал на Терек бити челом тебѣ,в. г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., узденя своего черкаса, чтоб ты, в. г., его Салтан-Магмута мурзу з братьею пожаловал, велѣл ему быти под своею царскою высокою рукою в холопстве. А как ты, в. г., его Салтан-Магмута мурзу пожалуеш, велиш ему быти под своею царскою высокою рукою в холопстве, и он де, Салтан-Магмут мурза, тебѣ, в. г., хочет дати шерть по своей по бусурманской вѣре на куране на том, что ему Салтан-Магмуту мурзѣ з братьею своею и с уздени служити и прямити тебѣ, в. г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., и быти под твоею царскою высокою рукою в холопстве неотступным на веки; а в оманаты тебѣ, в. г., Салтан-Магмут мурза в Терской город хочет дати сына своего, которого сына ты, в. г., велиш у него и взяти в оманаты.—И, в нынешнемъ, государь, въ 122-м году, приехав ис Кабарды, Сунчалѣй мурза Янглычов сказывал мнѣ, холопу твоему: приезжал де при нем в Кабарду Салтан-Магмутов братъ Нуцал мур-

за. А сказывал де ему, что Салтан-Магмут де мурза велѣл бити челом тебѣ, г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., чтоб ты, в. г., пожаловал, велѣл его принять под свою царскую высокую руку и оманаты велѣл у него взяти; а он де Салтан-Магмут мурза прямой холоп твой г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., безотступен на веки до смерти своей.—И в нынешнем же, государь, въ 122-м году маия въ 8 де, приехав из Мичкиз на Терек, Терские жилцы Окоцкие люди Дербыш Боженков да Петрай Илтаров сказывали мнѣ, холопу твоему, в розпросе: приезжали де при них в Мичкизы от Салтан-Магмута брат его Нуцал мурза, да Албирюй да измѣнник Ботай мурза. И, приехав де в Мичкизы, тебѣ, государю, шертовали при них по своей по бусурманской вѣре на куранѣ за собя и за Салтан-Магмута мурзу на том, что им служити и прямити тебѣ, в. г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., и быти под твоею царскою высокою рукою в холопстве неотступным на веки; а в оманаты де тебѣ, в. г., Салтан-Магмут хочет дати прямых своих детей, которого сына ты, в. г., велиш у него взяти. А как де ты, в. г., Салтан-Магмута мурзу з братьею пожалуеш, велиш ему быть под своею царскою высокою рукою и оманаты велиш у него взяти, и мнѣ б, холопу твоему, прислати к нему к Салтан-Магмуту о том с вѣстью в Мичкизы. И Салтан-Магмут де для твоего государева дѣла на договор и для шерти, как ему быти в твоем государеве жалованье под твоею царскою высокою рукою, хочет быти под Терской город на Быструю реку самъ и с оманаты.—А у прежние, государь, и у нынешние шерти Гирѣй князь Кумыцкой бил челом тебѣ, г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., пожаловати бы тебѣ, государю, его Гирѣя князя, у брата его у Салтан-Магмута мурзы з братьею оманатов в Терской город имати у него не велѣти и его Салтан-Магмута з братьею под свою царскую высокую руку.

Гирѣй въ своей граматѣ между прочимъ пишетъ: в том твоем государеве дѣле я тут же 10-й год, как я служу вам, государемъ.

Ноября въ 15 ден бояре с Терки отписку Петра Головина и грамату Гирѣя князя слушали и приговорили: Салтан-Магмута подъ государеву руку принять, привести его къ шерти и взять у него аманаты. А къ Гирѣю отписать, что Салтан-Магмута приняли для того, чтоб онъ былъ крѣпокъ царю и Гирѣю и убытковъ ему и тесноты никакой не чинилъ; если же обьявятца какія либо неправды, и его мочно смирить, а смуты его никакой царь слушати не учнет, хоти и не на него на Гирѣя князя. А его, Гирѣя князя, к царскому величеству правда и служба вѣдома.—И по тому боярскому приговору граматы не были посланы декабря по 29 число, потому что Кумыцкого Гирѣя князя послы

вот свой и отцовской поминал с собою? И тот де Костров сказал ему: пронеслось де в Кумыках, что будто ево, Гирѣя, хотят убити; и Гирѣй де, свѣдав про то, поѣхал к шах Басу просити людей. И будет де шах Бас его Гирѣя пожалуетъ, людей ему дати велит, и Гирѣй де в Кумыки будет; а будет шах Бас людей ему не дастъ, и Гирѣй де без шах Басовых людей в Кумыки на удачю и будет ли. А поѣдучи де Гирѣй говорил: гдѣ де голова ево умрет, тут де и живот его с нимъ будь.—А Муртазин человѣк тезик Касимъ въ роспросе мнѣ, холопу твоему, сказал: в нынешнем же, государь, въ 122-м году послал де его Касима из Асторохани купчина Мамадѣлей после побегу из Асторохани вора Ивашка Заруцкого и с литовкою с Маринкою к купчине к Муртазѣ з грамотою о твоемъ царскомъ величестве, *что на Москвѣ—царь Михаилъ, а Заруцкій съ Маринкою изъ Астрахани убѣжалъ. А в Астрахань пришли воеводы кн. Ив. Ник. Одоевской, окольничей и воевода Семенъ Вас. Головинъ, дьякъ Вас. Юдинъ со многими ратными людми. Онъ Касим Муртазы в Шамахѣ не заѣхалъ.*—А про шаха Баса сказал, что *онъ* из Грузеи из Дидьянские земли вышол, а стоит ныне у Чорного моря. А к Турскому де царю послал посла своего о томъ, чтоб Турской царь велѣл ему отдати холопей его Грузинских царей царя Теймураза и Симонова сына Юрья царевича. А будет де Турской царь отдати их ему не велит, и он де шах Бас и там их доступит, хоти они будут и во Царѣгороде. И Турской де царь послу его отказал, за холопми де такъ не гоняют и сами цари не ходят. А ты де, шах Бас, в мою землю для чево самъ пришол? Такъ де цари не дѣлают, что за холопми самимъ ходити. И ныне де шах Бас от Чорново моря хочет итти на Черкаскую землю войною; а из Черкас итти де ему подом мимо Кумыцкую землю. А хочет де на Койсе и в Тарках ставити городы; а поставя де городы с воеводами хочет посадити людей своих. И про Койсу де и про Тарки шах Бас спрашивал Васильева брата Ивана Хохлова: чьи де городы преже того в том мѣсте ставивали? И Иван де Хохлов сказал, что городы де на Койсе и в Тарках преже тово ставивали твои г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р.—И шах Бас де сказал: хоти де я на Койсе и в Тарках и городы велю поставити, и тѣ де городы будут твои г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р.; а землею де он твоею государевою завладѣти не хочет.—А послы де Иван Хохлов, которой пріѣхал из Асторохани от литовки от Маринки ныне у шах Баса; а Якова де Глядкова из Дербѣни велел взяти къ собѣ же; *а 3-хъ стрѣлцовъ, бывшихъ съ Яковомъ, изъ Дербени велѣлъ отпустить въ Асторохань.* А послов де Ивана Хохлова и Якова Глядкова шах Бас хочет отпустити *в Москву* с

послами своими на весну.—А про Кумыцкого про Гирѣя князя сказал: писал де [Гирѣй князь к шах Басу на Салтан-Магмута, что Салтан-Магмут мурза з братьею хотят ево убити. И ныне де Гирѣй поѣхал к шах Басу и на дороге де встретил его шах Басов гонец. А говорил де ему шах Басовымъ словом: будет де тобѣ надобет на Кумыцких людей ратные люди, и шах Бас..... *велѣл тебѣ дати ратных людей.*—И Гирѣй де з дороги не поворотился, поѣхал к шах Басу.

Получена 123-го ноября въ 3 де съ Терскимъ стрелцомъ с Михалкомъ Ивановымъ.

Помѣта: Бояре приговорили писать о том от государя.

Изъ отписки Головина, полученной 123 г. ноября 3 съ Мих. Ивановым: 122 авг. 17 д. пріѣхал на Терек из Гребенѣй с Теплые рѣки атаман казачѣй Яков Иванов Гусевской. А в роспросе... сказал: вышли де к ним к атаманом и х казакои ис Кабарды из Айтековых кабаков руские люди выходцы 3 человѣки... А сказывали они: слух де начал быти в Кабардѣ у всех Кабардинских князей и у мурзъ, что из Грузинские де земли Кизылбашской Абаз шах идет войною на них на Кабардинских черкас великою ратью прямою дорогою через Калкалские кабаки; а с ним де с шах Басом идет наряд болшой, пушки шурупные и мастеры пушешные, гдѣ де придет под город, тутъ и пушки дѣлают. И *122 г. авг. 10 д.* Кабардинской Айтек мурза посылал де под шах Басовых под ратных людей в поездъ уздѣней своих. *Они, пріѣхавъ, сказали, что шах из Грузіи* на их Черкаскую землю войною идет великою ратью. И подезщики де его Айтековы с шах Басовыми с ратными людми видѣлись. И Кабардинские де Айтек мурза и Шолох князь, услыша шах Басовых ратныхъ людей приход, покинія кабаки свои, побежали х Казыю князю в Крепи. А Мундар де мурза Алкасов з братьею с кабаки своими от них от Кабардинских князей и мурзъ отложились к шах Басу. А онѣ де выходцы в тѣ поры от них бежали з дороги и остались тѣ выходцы в казачье городке у атамана Овдокима у Мещеряка. А в Терской городъ с нимъ съ Яковом не поѣхали. А ис Кабарды де шах Басу итти войною на Кумыцкую землю, а Терсково города минути ему не умѣти и далною дорогою через Суншу пойдет на Османовщину от Терсково города за полтора днища.—А на Терке, государь, город и острог худ, огнил вес и розвалился; а дѣлати ево нѣ кѣмъ и нѣчемъ. И о том городовом и острожном дѣле я преж сего писал к тебѣ ко государю. А на Терке твоих государ. ратных людей мало, и тѣ всѣ бѣдны, наги и боси и голодны, в твоей госуд. казне на Терѣ денежной казны и хлебных запасов нѣту и пороху мало, а свинцу и нѣту, потому что на Терекъ

денежной казны и хлебных запасов и пороху и свинцу в присылке не бывало 10-й год. А что твоего госуд. жалованья на Терских ратных людей для их нужи из Асторохани от воевод прислано 500 рублевъ денегъ и 300 чети запасу, и твоим государевымъ Терским ратным людем твоего госуд. жалованья запасу и по четверику не досталося, а денег не по велику. А Терскому жилетцкому Сунчалѣю мурзѣ Янглычову и ево Черкасом и Окоцким людем и новокрещеном и Кумыцкимъ и Кабардин. закладным мурзам денег и хлебных запасов не дано ничего. И я, холопъ твой, о твоих государевых ратных людех въ Терской город на прибавку и о хлебных запасех и о пороху и о свинцу писал в Асторохань къ твоимъ госуд. воеводамъ к боярину кн. Ив. Никит. Одоевскому, околничему Сем. Вас. Головину, къ дияку Вас. Юдину, чтоб имъ против прежних твоих государевых указов на Терек з головами твоих госуд. ратных людей и меншое прислати два приказа стрелцов и хлебных запасов и пороху и свинцу, чем оберечи от шах Басовых от загонных людей и от шах Басова приходу, любо приход его под Терской город будет, чтоб от шах Басова приходу и от голоду и от его ратных людей твоему госуд. Терскому городу которое дурно не учинилося.

Помѣта: Бояре приговорили писать государю к шаху.

Изъ его же отписки царю, полученной 123 г. декабря 30: въ августѣ 1614 г. присланы съ Износковымъ на Терекъ 9 грамотъ Кумыцкимъ и Кабардинскимъ княземъ: грамота Кумыцкимъ Суркай-Шевкалу, грамота Гирѣю князю з братьею, грамота Алибеку князю Казы-Кумыцкому, грамота Маметхану мурзе Тарковскому з братьею, грамата Кабардинским Солоху князю, грамота Казыю мурзѣ Шепшукову, грамота Айтеку мурзе, грамота Мурдару мурзе Алкасову. А к Кумыцкому, государь, к Суркаю князю Карабутацкому твоего государева жалованья грамоты к нему нет; а он в Кумыках князь старой удѣлной, служит и прямит тебѣ, государю..... *Граматы отослалъ*, а к Суркай-Шевкалу грамоты я, холопъ твой, не послал, потому что ево в Кумыках давно на стало, умер. А в его мѣсто дѣти ево Гирѣй князь з братьею тебѣ, государю, служат и шерть тебѣ, в. г., дали. А на шевкалстве, государь, ныне сидит Шевкала старого сынъ Андея; а не владеет опричь своего Шевкалского кабака, в которомъ он сидит, ни с кѣмъ. А служит и прямит тебѣ, г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. Гирѣй князь з братьею и владѣет Кумыцкими князи опричь ево Андеи и Салтан Магмута мурзы з братьею. А Салтан-Магмут мурза з братьею безюртные люди, кабаков у них нету.....

Въ другой отпискѣ, полученной тогда же, Головинъ между прочимъ писалъ:... да в прошлых годех Салтан-Магмутово блаж. пам. в. г. ц. Өед. Ив. челобитье было и шерть давал и не одинова; и он де толко льгал: опричь де ссоры в Салтан-Магмуте ничево нѣтъ.

13 ноября 123 г. пріѣхалъ въ Москву Кумыцкого Гирѣя князя посол Томолдукъ. *17-го ноября былъ* в Посолской полате у діаков у думного діака у Петра Третьякова да у Савы Романчюкова. *Здѣсь* Гирѣя князя посол..... говорил, что Гирѣй князь хочет служить в. г. ц. и в. к. Мих. Өед. в. Р. до исхода души своей и ни к которому государю ни к Турскому, ни к Кизылбашскому опричь ево, в. г., служить не будет; с тѣмъ его къ государю и прислал.

И думной діакъ Петръ Третьяковъ спрашивал: гдѣ ныне Гирѣй князь?

И посол сказал, что Гирѣй князь поѣхал к шаху; и ныне у шаха.

И думной діакъ Петръ спрашивал: для чего Гирѣй князь к шаху поѣхал?

И посол Томулдукъ сказал, что Гирѣй кназ поѣхал к шах-Аббасу для племяни. А в племянстве Гирѣй кназ шаху потому, что ево Гирѣева сестра за шахом; и он де с шахом для племянства поѣхал повидатца. А братья деи его и племя и дѣти в томъ на Гирѣя князя досадывали, что он к шаху поѣхал.

И думной діакъ Петръ Третьяков говорилъ: вѣдомо имъ самимъ, что Персицкие шахи изстари с прежними великими государи с предками нынешнего в. г-ря н. были в дружбе и в любви; и нынешней шах Аббас с в. г. н. царемъ и в. к. Мих. Өед. в. Р. с. потому же в дружбе и в любви на веки, и шахов гонецъ з грамотою идет к царскому величеству. И которое будет шахово и было умышленье над Кумыки или над Кабардою, и то шах дѣлал, доброхотаючи царскому ж величеству и его великому Московскому государству, для того что в Астарахани был вор Ивашко Заруцкой с ворухою с Маринкою, а Терка была прислушна к Астарахани же, и чтоб вора Ивашка поймати, а Астарахань и Терка к государю же по прежнему привести. А как шах услышал, что на Московском государстве учинился в. г. н. царь и в. к. Мих. Өед. в. Р. с., и он тому порадовался и из Грузинские земли пошел в свою землю, а к в. г. н. къ его цар-му вел-ву шлетъ о любви и о дружбе гонца своего. И Гирѣю было князю чѣмъ к шаху ѣхати, и ему б было прибѣгнути к в. г-рю н. къ его ц-му вел-ву. И царское б вел-во никому его подати не велѣлъ и шах бы над ним ничего не умѣл здѣлать. И вперед бы Ги-

рѣй князь з братьею и з детми и со всею Кумыцкою землею по своему слову, как к ц-му вел-ву писал с тобою и приказывал, служил и прямил в. г-рю н. и мимо в. г-ря н. ни х которым государемъ не приставал, был в. г-ря н. подъ его царскою высокою рукою на веки неотступен.

И посол говорил, что поѣхал Гирѣй князь по шахове присылке: писал к нему шах Аббас, чтоб он у него побывал, а к государю б послал бить челом посла своего, и был бы под его царскою высокою рукою; а он шах з государем в братстве и в любви. И Гирѣй князь послал его Томулдука. А как его государь к Гирѣю князю отпустит, и Гирѣй князь ко государю самъ будет вскоре или брата своего ему, в. г-рю, служити пришлетъ; с тѣмъ его и Гирѣй князь к вел. г-рю и послал. А мимо цар-го вел-ва Гирѣй князь нивого себѣ государя не ищет, будет под царскою высокою рукою в прямом холопстве на веки неотступен.

И думной дьякъ Петръ Третьяковъ посла спрашивал: гдѣ ныне шах Аббас?

И посол сказал, что шах Аббас был в Грузинской земли; а из Грузинской де земли пошол на Симонову землю. А Симонова деи земля подалась Турсково царя к городомъ.

И думной діакъ Петръ спрашивал: не пойдет ли шах через Кабарду и через Кумыки в свою землю?

И посол говорил: нѣчто де будет пойдет шах на Кабарду около на Шамаху, да на Дербень; а на Кумыки деи итти ему нелзя, потому что пришли горы.

И думной діакъ Петръ Третьяковъ послу говорил, что он его рѣчи донесетъ до в. г. царя и в. к. Мих. Ѳед. в. Р. и вперед чаяти, что его Томулдука государь пожалует, велит ему свои царские очи видеть; а ныне его государь пожаловал, велѣлъ ему дати в стола мѣсто кормъ. И отпустил его на подворье.—(*Изъ Москвы отпущенъ въ мартѣ 7123 года вмѣстѣ съ посломъ Солоха князя Карданомъ, узденями Сунчалѣя князя Сунчелѣемъ и Тайшаю и Окочанами Ахметомъ и Ачелѣемъ*).

31.—1613—1614 гг. О дѣйствіяхъ Терскаго войска противъ Зарутцкаго.

(*Кабардин. дѣла 1614 г. д. № 1 и 2*).

Показаніе стрѣлец. головы Василія Хохлова: (начала нѣтъ) ..... А с Турскимъ шах в миру, другой год меж ихъ войны нѣт, и ссылка и поминки меж ихъ были; а на чом помирились и на колко лѣт, того он не вѣдаетъ. А городы свои шах, которые были за Турскимъ, Дербень, Шамаху, Ардевил, Кенжан и иные поимал у Турсково всѣ, тому годы с 4; а после того учинились мирны. А хто из нихъ наперед миру похотѣл, того не вѣдает.—А с чѣмъ Ивашко Зарутцкой к шаху брата ево Ивана Хохлова и Якова Глядкова послалъ, того он не вѣдает же; а к ним Ивашко на Терку о томъ ничего не писывал. А писалі на Терку к воеводе к Петру Головину брат ево Иван Хохлов да Яков Глядков из шаховыи земли, проѣхав Шамаху, а не доезжая Кенжина за 5 ден, и прислали грамоты к вору к Ивашку Зарутцкому,—и Петру б тѣ грамоты послати в Астарахань к вору к Ивашку Зарутцкому. И Петръ тѣ грамоты послал к Ивашку в Ѳилипов постъ с пятидесятником стрелецким з Борисом с Арачихиным; а что в них писано, того не вѣдает, потому что ихъ на Терке не розпечатывали.—А к нему Василью брат ево Иван писалъ в тѣ же поры, что они пришли блиско шахова города Кенжи, а шах деи идет воевать Грузинские земли и чают того, что они увидят шаховы очи в Кенжѣ; а болши того к нему ничего не писалъ. А привез тѣ грамоты Кумытцкой Гирѣй князь, которой шаху шурин, а был он у шаха; а ис Кумык тѣ грамоты прислал в Терской город с узденем своим.

Да в нынешнемъ же во 122-м году в великой мясоѣд перед масленицею пріезжал на Быструю, от Терки верстъ з 20, Салтанѣев сынъ Тюменского Салтангу мурза; а был он наперед того на Терке в аманатех. И отецъ ево шертъ измениl, а от нево отступился; и он с Терка сослан был при царѣ Борисѣ в Астарахань, а в Астарахани сидѣл ь тюрмѣ лѣт з 10. И какъ Ивашко и Маринка отпустили к шаху Ивана Хохлова да Якова, и он бил челом шаховым купчинам Муртозѣ да Теке-Сеиту, чтоб ево у Маринки выпросили и отвезли к шаху. И купчины ево у Маринки выпросили и взяли с собою к

шаху; и он у шаха был. И шах ево отпустилъ опять из Грузей в Тюмен. А говорил ему Василью тот мурза в розговорехъ: какъ он был у шаха, и шах ево роспрашивал: давно ль он в Астарахани и коими обычаи? И он шаху сказывал, чтоб ыл на Терке в аманатехъ и отецъ ево отступился и он сидѣлъ в Астарахани в тюрмѣ.—А шаховы де ближніе люди ево роспрашивали: каков город Астарахан? И скол крѣпок? И в каковѣ мѣсте стоитъ? И сколко в немъ людей? И какова Маринка: скол молода и сколь хороша? И сынъ еѣ велик ли? И каков боярин Иван Заруцкой. И почитают ли ево Астараханские люди? И каковы русские люди дратца на войнѣ, на поле илі в лесу? А про Терской город ево спрашивали также, что и про Астарахань про все, про город и про крѣпости и про люди. — И он де Салтангу шаховымъ ближнимъ людем сказывалъ, что город Терекъ стоит у моря промеж вод, около ево реки зашли и камыши и озера, и приход к нему воинским людем добрѣ тяжел. А про Астарахань деи сказал, что он стоит на острову, а город каменной; а людей в нем тысяч з 10. А к драке люди руские бойцы и на поле дратца чоразди. А бой у них вогняной. А толко руских людей у лесу будет 100 человѣкъ, и против ихъ иноземцов надобет 500 человѣкъ.—А на Терке деи в городе людей много ж, толко он смѣты не знает. А по Терке рекѣ и по иным рѣчкам живут волные многіе казаки. А Маринка деи в Астарахани молода, а сынъ еѣ не великъ. А боярина де Ивана Зарутцково Астараханские люди почитают.—И они де ево допрашивали: мочно-ль деі, тѣми людми, которые въ Астарахани да на Терке, Москву взять? И он де имъ сказал: будет шахъ пошлет к нимъ на помочь людей своих, а будут силны, и они Москву возмут ли или нѣтъ, того он не вѣдает. А толко на помочь шахъ людей не пошлет, и тѣми людми, что в Астарахани да на Терке, Москвы не взять.

Да он же деи сказывал: говорили деи ему посланные Иван Хохлов да Яков, которые посланы из Астарахани, что им шахъ говорил: хочетъ послать в Гилянь и собрать велит 12,000 тюменей и хочет имъ дати на помочь Маринке. А от шаховых деи он от служилых людей слышал, говорили меж себя, что шаховы ближніе люди говорили шаху: для чево вору в Астарахань казну давать? Коли будет Московское государство устроитца и будет на Московском государстве государь, толды будет у тебя с Московским государем дружба и братство и любов и казною вспоможенье; а ныне де к вором казны посылать нѣ чего для.

А какъ имъ на Терке про государя вѣсть учинилась в великой постъ, и они, поцеловав крестъ, пошли под Астарахань на вербной

недѣле во вторникъ с Терки, а под Астарахань пришли на страстной недѣле в середу и под Астараханью стояли недѣли с 3 и тесноту всякую Астарахани чинили. А после велика дни на третье недѣле с четверга на пятницу в ночи Ивашко Зарутцкой из Астарахани побежалъ, а для береженья Ивашко поставил острог от города да от ворот и до реки Волги с обе стороны; а, выбежав из Астарахани, стоял на Болдѣ выше Астарахани версты с 3 день да ночь. А он Василей с ратными людми вшел в город и всяких людей привел к крестному целованью и поставил караулы, чтоб они ночью Астарахани протокою на низ не прошли. И на утреной зорѣ Ивашко со всѣми людми, которые с ним вышли, пошел мимо Астарахан в судѣх, а людей с нимъ всякихъ было 1,050 человѣкъ; и они с ним учинили бой. И милостію Божіею и пречистые Богородицы и государевымъ счастьемъ Ивашка и воров побили и многих живых поймали, а иных в водѣ потопили; и ганяли за ними от Астарахани и на море. А какъ стала ночь, и они с моря воротились назад. А было с Ывашком всѣхъ 93 струги, а после побою осталось ихъ толко 33 струги; а то всѣ струги выбили и потопили и живыхъ поймали.—А какъ он Василей поѣхал из Астарахани к Москве и будет повыше Саратова на Иргисе, и тут ему сказали про воровскихъ казаков; и он послал сына боярсково Архипа Яншина, а с нимъ казаков 20 человѣкъ, и они изымали воровскихъ казаков шти человѣкъ и привели к нему. А в роспросе ему тѣ казаки сказали, что пошли были они з Зарутцкимъ; и после бою тое же ночи от Зарутцково воротились с моря. А вестей ему сказали, что казаки Ивашка Зарутцкого и Маринку и сына еѣ и Ян-Араслана и закладныхъ мурзъ, которые были в Астарахани, а Ивашко их взял с собою, розняли по себѣ по рознымъ стругомъ. А приговорили атаманы и казаки, что итти на Яикъ; а на Яике добывся запасом рыбою, итти на Волгу. А что их умыслъ вперед, того не вѣдают. А Ивашка Зарутцкого казаки не слушают.

Да Василей же сказал: какъ побили вора Ивашка Заруцкого, и на том бою взяли панью Казановскую, да пана Попрутцкого, да убили римского черница, что был на Соловкахъ, Миколая Ѳрендекулеса да литовсково попа Онтона.—А взял с собою Ивашко Ян-Араслана с сыном, да Урак мурзу, которой был прислан от Иштерека с нагайскими людьми Ивашку на помочь, да закладных мурзъ Иштерекова сына Амет мурзу да Каракел Маметева сына; а двум мурзам имян и которого они родства, того не упомнит. А менят было де тѣх мурзъ всѣхъ казаком Иштереку на зипуны и на иное, стоя на басаргѣ, на учюгѣ, от Астарахани 60 верстъ; а на мену было им их на Ивашк-

кова сына Зарутцково не давать. И то имъ помешали тѣмъ, что государевы люди побили ихъ подъ Астараханью. А отъ боярина и воеводы отъ князя Ивана Никитича Одоевского с товарыщи головы с ратными людми пришли в Астарахань после побою 2 недѣли спустя на 5-ой недѣле после велика дни. А князь Иван пришел в Астарахань на 6-ой недѣле в середу; а людей с нимъ 5 приказов стрелцов, да 6-ой иноземцов, да дворян и детей боярскихъ казанцов да вятчяня; а сколко их всѣхъ числомъ, того он не вѣдает. А за Ивашком воеводы послали голов Гордѣя Палчикова да Савастьяна Опучина с приказы да в прибавку с ними Астараханскихъ 500 человѣкъ стрелцов в судѣх Болдаю рекою да на море, а с моря въ Яикъ; а велѣли имъ над Ивашкомъ промышлять. А что их над Ивашком будет промыслъ, того он не вѣдает; а чает того: толко с ними сойдутца, и чает того, что государевы люди над ними промыслъ учинят вскоре.

И Василей допрашиван: толко Ивашко побежит к шаху, и мочно ль ему пройти? И на которое мѣсто пойти мочно? И примет ли ихъ шахъ?—И Василей сказал, что ему отнюд к шаху пройти не мочно, потому Терки ни коими дѣлы до Кумык пройти нелзѣ, а хоти Терку и пройдут, и ево возмут Кумыки и побьют всѣхъ. А уйти от Кумыкъ не мочно, потому что оттуды не на бусахъ итти в стругах ни коими обычаи не мочно, зашли кряжи камен великой. А примет ли ихъ шах или нѣт, того он не вѣдает. А Уросова родства под Астараханью государю служат Канай мурза да Рахмангул мурза Тинбаевы, Курман мурза Канмурзин, Алѣй да князь Ондрѣй Сатыевы, князь Петръ Канмурзин, да Ян-Арасланов дѣти Янсох мурза, да Тоук мурза, да Борис мурза, а четвертому имяни не помнит, да юртовскіе тотаровя табунная голова Ромозан Хозя Утелишев, а трем табуннымъ головамъ имянъ не упомнит. А в собранье ихъ всѣхъ мурзъ и юртовскихъ тотар будет тысячи з 2 и болши; а служили государю под Астараханью, не щадя голов своихъ, билися с воры на смерть.—А кизылбашскихъ купчин в Астарахани один человѣкъ; а какъ ево зовут, того не упомнит. А пріѣхал в Астарахань давно; а в котором году, того не вѣдает.—А бухарские тезики в Астарахани есть же; а хто имянем и сколь давно пріѣхали, того не вѣдает.—А присылка в Астарахань от шаха при Маринке ни о чем не бывала кромѣ тѣхъ купчин, про которых сказывалъ Салтанѣевъ сынъ Салтангул мурза.

А про Терку Василей сказалъ, что на Терке служилых людей стрелцов и с казанскими годовалщиками человѣкъ съ 500, да пушкарей и воротников и сторожи человѣкъ съ 15, да посадцкихъ людей человѣкъ зъ 10. А наряду по городу и по острогу пищалей мѣдяныхъ

поменши полуторныхъ и волконѣи всѣхъ съ 20, да зелья в казнѣ пудов съ 30, а свинцу нѣт ничего. А запасов никакихъ нѣт же. И город и острог добрѣ худ; с ных башен и наряд сняли, что стрелять с нихъ нелзя, розвалялись.

А Иштерек князь кочевал меж Терха и Астарахани; да пришел под Астарахань на помочь Ивашку Зарутцкому, и вестись было ему через Волгу на государевых людей и на мурзъ и на юртовских тотар. И какъ у них был бой з Заруцкимъ и Зарутцкого побили, и он тотчасъ и поворотил и побежал вверхъ по Волге по Сарпѣ к Дону; а к нему Василью писал з дороги, чтоб к нему прислали добра человѣка о добром дѣле, а он государю правду дастъ и шерть учинит. И он не посылал для тѣх мурзъ, которые государю служат. А гдѣ он ныне кочюет и гдѣ Казыев улус, того не вѣдает.

А колмыки гдѣ кочюют, того он не вѣдает же.

А на Яике, сказал, живет казаков человѣкъ з 20, и тѣ живут против Самары; а к Ивашку де, чаю, никакъ не пристанут, воровства про них не слыхать.

А на Волге казаков пониже Царицына в Роговых слышали они ружье; а стреляли, чает, по звереmъ. А сказывали имъ, что казаков тут человѣкъ з 20, которые отстали з Болды до бою, и пришли в то мѣсто. А инде нигдѣ на Волге про казаков не слыхали.

Да Василей же сказывал: толко государь поволит Иштерека воевать и пошлет свое государево повелѣнье на Дон к казаком и велит отписать к горским Черкасом и к Кумыком, и они Иштерека тотчасъ повоюют и совсѣм розорят. А ныне Иштерекъ в великом страхованье и теснота им от Черкас живет по часту; а толко де к Иштереку посылать государево жалованье, и тѣм ево никак не удобрит.

Да Василей же спрашиван: в колко ден мочно поспѣть з Болды морем на Яикъ и мочно ль съ Яика прійти в Сибирскіе городы или в Бухары или в Юргенчи или в Кизылбаши?—И Василей сказал, что Ивашко с моря пошел на Яикъ; а на Яикъ поспѣти мочно будет, толко погодье будет, дни в 4. А съ Яика в Сибирские городы водянымъ путем проходу нѣт. А стоят деи Ивашку Зарутцкому блиско устья Яитцкого на Каменомъ. А с того Каменново мосту в стругѣхъ в Кизылбаши пройти отнюд не мочно, развие гдѣ промыслит бусами; и бусами пройтти мочно. А толко проходить ему в Кизылбаши, и ему итти в стругѣхъ морем до Койсы реки; а от Койсы до кизылбашских городов ходу днища 2 или 3. А на Койсе живут Кумыки, и его де де Кумыки, служа государю, никакъ не пропустят.—А в Бухары и въ Юргенчи с

Каменово водою пройти мочно, толко, чает, в стругѣхъ пройти никакъ не мочно же.

А Гордѣю Палчикову, чает, Ивашка сойти вскоре, потому что ему укрытись не мочно.

Помѣта: отписать на Терку тотчасъ: хто заклады и от кого и х кому государю грамоты писать. Да и в Астарахань отписать хто иноземцов и торговых люди иных государствъ.

И (7122 г.) июля въ 21 де г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. указал и бояря приговорили: послати государева жалованья под Астарахань х Канай мурзѣ Тонбаеву з братьею и з детми и с племянники, да на Терку х Кумыцкимъ и х Кабардинским черкасом и ко князем и к мурзам против Нагайские посылки Иштерека князя и Шайтерека мурзы з братьею и з детми и с племянники. А з жалованьем указал государь послати Дмитрея Погожева.

Государю ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. холоп твой Петрушка Головин челом бьет. В нынешнемъ, государь, въ 122-м году августа въ 18 день в твоей г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. грамоте писано ко мне, холопу твоему, на Терек, что по твоему государеву указу посланы от тебя, государя, с Москвы под Асторохань и на Терек ко мне, холопу твоему, и к Терскимъ жилецкимъ людям с твоими государевыми грамотами Астороханской жилец Богдан Износков да Терскіе станишники Яков Карачюрин, волной атаман казачей Олеша Ивановъ да Терской конной стрелецъ Молчанко Иевлевъ. И какъ твоя государева грамота придет, а Богданъ Износков и станишники Яков Карачюрин с товарыщи ко мне, холопу твоему, на Терекъ приѣдут,—и мне б у них тѣ твои государевы грамоты взяти и велѣти вычесть в соборной церкви всѣмъ людемъ в слух и отпустити ево Богдана назад под Асторохань к Плавнымъ к боярину и воеводам ко князю Ивану Никитичю Одоевскому с товарыщи, не задержав вскоре, и к тебѣ ко государю про все, что у меня, у холопа твоего, на Терке дѣлаетца, отписати и книги окладные всяким людемъ к твоему государеву жалованью прислати подлинные оприч воровских придач; а Якову де Карачюрину и стрелцу Молчанку твое государево жалованье денежное и хлебное дано в Казани по их окладомъ сполна.—И Астороханской жилец Богдан Износков с твоими государевыми грамоты на Терек приѣхал; а привез ко мнѣ, холопу твоему, отъ тебя, государя, гра-

моту за приписью твоего государева діяка Олексѣя Шапилова, а другую грамату привез на Терек к дворяномъ и к головам и к детем боярскимъ и к стрельцомъ и х казакомъ и ко всему миру Терсково города, а третьяя, государь, грамота писана под Асторохань к голове к Василью Хохлову и к атаманомъ и х казакомъ и ко всѣмъ ратнымъ людем. И я, холопъ твой, тѣ твои государевы грамоты взял у Богдана Износково, велѣл вычести у соборного храму у Троицы у живоначалные всѣмъ людемъ в слух во весь мир Терсково города. А в твоей государеве грамоте писано ко мне, холопу твоему, на Терек: какъ де мнѣ, холопу твоему, о твоем государстве вѣдомо учинились, и я де, холоп твой, помня Бога и душу свою и прежних великих государей царей Росийских предков твоих государевых к себѣ жалованье и свою к ним службу и правду, обрадовался и тебѣ, великому государю, я, холоп твой, крестъ целовал с великою радостію и Кабардинских черкасъ на то привел, что им тебѣ, государю, служити и под твою государеву отчину под Асторохань на изменника твоего государева и на разорителя истинные православные хрестиянские вѣры государства Московского на Ивашка на Заруцкого послал я, холоп твой, с Терки с Терскими с ратными людми и с волными атаманы и казаки голову стрелецкого Василья Хохлова, а велѣл имъ над Астороханскими воры над Ивашком Заруцким промышляти. И ты де, в. г., слыша мою холопа твоего к собѣ к государю и ко всему Московскому государству прямую службу за то меня, холопа своего, похваляешь; и мнѣ б, холопу твоему, какъ службу свою зачал, такъ бы и совершити и с твоим государевымъ бояриномъ и с воеводы со князем Иваном Никитичем Одуевским с товарыщи о твоих государевых о всяких дѣлех ссылатись и над воромъ над Ивашком над Заруцким с товарыщи промышляти. А ты де, в. г., меня, холопа своего, и всех Терских людей пожалуеш своимъ царским великимъ жалованьем; и посылаешь де ты, государь, ко мнѣ, холопу своему, и ко всѣмъ Терскимъ людемъ с своимъ царским з жаловалнымъ с милостивым словом дворенина своего государева. И мнѣ б, холопу твоему, однолично службу свою к тебѣ, к великому государю, совершити, над вором над Ивашком Заруцким промышляти, сколко милосердый Богъ помочи подастъ, чтоб тому вору вперед в государстве твоемъ государевы смуты не чинити и крови христіянские не розливати. А какъ де, оже дастъ Богъ, отчина твоя государева Астороханское царство от воров очиститца, и ты де, в. г., мне, холопу своему, велиш быти к собѣ къ государю к Москве и за мою де холопа твоего службу пожалуеш ты, государь, своим царским великим жалованьемъ и учиниш де ты, государь, ту

мою службу памятну во вѣки.—А в другой в твоей государеве грамоте к головам и к дворяномъ и к дѣтем боярским и к сотником и к пятидесятником и десятником и ко всему миру Терсково города твое царское милостивое жаловалное слово писано тоже, что и ко мне, холопу твоему.—И я, холоп твой, и весь мир Терсково города, услыша про твое г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. многолѣтное здоровье и твое царское милостивое жаловалное к собѣ слово и на враги и на разорители вѣры хрестиянские на полские и литовские люди побѣду и одоление, обрадовались великою сердешною радостию и воздали всещедрому и всямогущему в Троице славимому Богу хвалу и пречистой Его Богоматере и великимъ Московским чюдотворцом и всѣм святым и о твоемъ г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. многолѣтном здоровье в соборной церкви у Троицы живоначальные Бога молили всѣмъ миром Терсково города и всѣмъ освященным соборомъ молебны пѣли з звономъ. И вперед я, холопъ твой, и весь мир Терского города надежны на милость Божию и на твое царское жалованье и служити тебѣ, государю, я, холоп твой, и весь мир Терсково города во всѣмъ ради до кончины живота своего и на твои государевы службы на воров и на разорителей вѣры христианские ходити готовы.—И Божиею, государь, милостию и твоим государевым счастьемъ царство Астороханское Терские ратные люди и атаманы и казаки, которых я, холоп твой, с Терки посылал з головою с Васильемъ с Хохловым, от воров от литовки от Маринки и от Ивашка от Заруцкого очистили за 10 ден до твоих государевых боярина и воевод князя Ивана Никитича Одоевского с товарыщи в Астороханъ приходу и Астороханских служивых и всяких людей привели ко кресту за тобя, г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р.—А какъ вор Ивашко Заруцкой и с Маринкою из Астороханы бежал, и твои государевы Терские ратные люди и атаманы и казаки воров Ивашка Заруцкого и Маринкиных на побѣге на Волгѣ побили многих людей и многих живых поймали; а взяли, государь, Ивашка Заруцкого и Маринкиных воров Волскихъ атаманов и казаковъ и тѣх, которые пріѣхали с Маринкою, и Маринкиных дворовых людей на дракѣ въ языцех литовку Варварку Козоновскую, Ивашка Попруцкого, Волских атаманов Ивашка Ѳеонасьева с товарыщи 160 человѣкъ. А он де вор Ивашко Заруцкой и с Маринкою ушол на море не со многими ворами. И твои государевы Терские ратные люди и атаманы и казаки гоняли за ними и на море. И голова Василей Хохлов про Астороханское дѣло и про побѣгъ вора Ивашка Заруцкаго и с Маринкою из Астороханы писал к тебѣ, ко государю; а з грамотами послал был в станице Терского конного сотника Василья

Смагина. И твои государевы боярин и воеводы князь Иван Никитич Одоевской с товарыщи, какъ шли Волгою к Асторохани, того сотника Василья Смагина з дороги воротили с собою в Асторохан, от Астороханы за 100 за 20 верстъ с Катеринкина, и грамоты, у станишниковъ у Василья Смагина взявъ, переписали; а переписав, с тѣми грамотами послали к тебѣ къ государю того же Терского сотника Василья Смагина от собя да и голову Василья Хохлова отпустили из Асторохани к тебѣ же къ государю. А Терских ратных людей и атаманов и казаков, которые посыланы с Терки для вора Ивашка Заруцкого, пожаловав твоимъ государевым жалованьем, из Асторохани отпустили всех на Терек; а за воромъ за Ивашкомъ за Заруцким и за Маринкою с сыномъ с верховскими и с астороханскими людми в посылку их с ними не послали.—И в нынешнѣм, государь, во 122-м году июля въ 16 день писали ко мне, холопу твоему, на Терек из Асторохани боярин и воеводы князь Иван Никитич Одоевской с товарыщи: посылали де они на Яикъ за Маринкою с сыномъ и за Ивашкомъ за Заруцким и за казаки, которые с ними, голову стрелецкого Гордѣя Палчикова с приказы да голову Савастьяна Онучина, а с нимъ литву и немец. И милостию де Божиею и пречистые Богородицы чюдотворного образа Казанские и всѣх святых молитвами и твоим г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. счастьем Маринку и с сыном и Ивашка Заруцкого и чернца Микулая на Яикѣ на Медвѣжье острову поймали и привели де их к нимъ в Асторохань июля въ 6 день.—И по твоей государеве грамоте я, холоп твой, астороханского жилца Богдана Износкова с Терки отпустил в Асторохань к твоему государеву боярину и к воеводам ко князю Ивану Никитичю Одоевскому с товарыщи; а с ним к тебѣ, къ государю, послал я, холоп твой, 3 грамоты—грамота о твоих государевых грамотах, что писано ко мнѣ, холопу твоему, и ко всему миру Терского города,—грамота о твоих же государевых грамотах, что прислано х Кумыцким и х Кабардинским князем и к мурзамъ,—грамота о Кабардинских князех и мурзах о шерти.

Помѣта: чтена. Вклеить в столпъ.

32. „Окоцкіе люди“ въ Терскомъ городѣ.

(*Кабардинскія дѣла*: *а*) *1614 г. д. № 6. б*) *д. 1616—1617 гг.*).

122-го августа въ 31 день пріѣхали к г. ц. и в. к. Мих. Ѳед. в. Р. с Терки отъ Сунчалѣя мурзы люди ево Сунчалѣй да Тайша да от Акочанъ два ж человѣки Ахмат да Ачелѣй..... А Окочане Ахмат

да Ачелѣй в роспросе сказали: пріѣхали онѣ к г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. ото всѣхъ Акочанъ поздровляти государя на государстве; и грамота с ними к государю от Акочанъ есть. А о чемъ Акочане о своихъ службахъ и о нуже государю бьютъ челомъ,—и то писано в грамоте; а грамоту де они и челобитную дали в Казанскомъ Дворцѣ. А они Акочане всѣ государскому имени обрадовалис и хотят служити государю потому ж, какъ и прежним государемъ служили.

И 123-го сентября въ 6 де ис Казанского Дворца діяки Петръ Микулин да Ѳѳонасей Овдокимов прислали с Терки от воеводы от Петра Головина отписку о Окочанех да под отпискою от Окочан челобитную такову (*Челобитная подана Головину* 122 г. іюня в 26 день):

Царю и в. к. М. Ѳ. в. Р. бьютъ челом холопи твои государевы Терскаго города Окоцкие люди Урак Итиновъ, Табурка Ураковъ, Адыга Бибердин, Урак молодой, Келя Илзияров, Дидей Мустапаровъ, Юзашар Янбѣков, Батыр Акин, Охматъ Иналов, Одя Ятековъ, Кентя Кербѣков, Чюрюбаш Алѣбѣков, Табура Ураков, Урак Янмеков, Тербулат Бибердин, АрахчаМачюкин, Смаилко Ичин, Псенчей Чоробашов с товарищи 160 человѣкъ. Вышли, государь, мы, холопи твои государевы, из Акоз и из Мичкиз в твою государеву отчину въ Терской город на твое г. ц. и в. к. Мих. Ѳед. в. Р. имя на житье и з жанами и з детми и з братьями своими при прежних твоих государевых воеводех и при нынешнемъ твоем государеве воеводе при Петре Петровиче Головине; и нам, холопям твоим, твои государевы воеводы инымъ давали твоего государева жалованья выходнаго и на дворы по полтине, а иным намъ, холопямъ твоим, выходу и на дворы не давано ничево. А служили мы, холопи твои, блаж. пам. в. г. ц. и в. к. Ѳед. Иван. в. Р. и тобѣ, в. г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. А твоемъ государевым жалованьемъ денежным и хлѣбным не пожалованы; а иные наша братья и дети твоем государевым жалованьем денежным и хлѣбным поверстаны, а иные многие наша братья и дети твоим государевым жалованьем денежным и хлѣбным не пожалованы. А которые мы, холопи твои, твоим государевым жалованьем денежным и хлѣбным поверстаны,—и нам, холопям твоим, твоего государева жалованья денежнаго и хлѣбнаго не давывано от 113 году да по нынешней по 122 год. А служим мы, холопи твои, тебѣ, г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., всякие твои государевы службы, окола о себя острог ставим и ров капаем всеми головами своими; и посылаютъ нас, холопей твоих, твои государевы Терскаго города воеводы на твои государевы службы в Грузинскую землю твоех государевых послов и грузинских послов встречат и про-

вожати и в Кабарду и в Мирези и в Шибуты и в Окохи для твоих государевых подлинных вестей проведыват и в шихотниках и для твоего государева медвянаго ясаку. Да нас же, холопей твоих, посылают твои государевы воеводы в Кумыки и в Дербѣн и твоех государевых Кумыцких князей, которые тебѣ, государю, добили челом и ныне под твоею царскою высокою рукою, Суркай Шевкалова сына и брата его Илдара мурзу и шах-Басовых послов встречаем и проважаем; и в тех, государь, посылках нас, холопей твоих, твои государевы непослушники Салтан-Мамутъ з братьею и с уздени и твой государевъ изменник Батай мурза побивают. Да твои ж государевы воеводы посылают нас, холопей твоих, в шихотниках для языков; и мы, холопи твои, не щадя голов своих, в шихотники ходимъ и многих языков имывали. И служили мы, холопи твои государевы, всякие твои государевы службы и бѣдность и нужу всякую терпели с твоими государевыми городовыми людми вместе. А толко бы, государь, мы, холопи твои, по се врѣмя сами собою пашнишкомъ не были сыти и не похали, и мы бы, холопи твои, по се врѣмя голодною смертью померли; и в той своей пашнишке стали наги и боси и голодни и обнищали до конца и задолжали великими долги. Да у нас же, холопей твоихъ, имали в станицах к Москве лошади; и нам, холопям твоим, за те лошади ис твоей государевы казны твой государевъ воевода денегъ не давывал.— Милостивый ц. г. и в. к. М. Ѳ. в. Р.! Пожалуй нас, холопей своих, своим царьским денежным и хлебным жалованьем, которые мы, холопи твои, верстаны, и вели нас, холопей твоих, и дасталныхъ детей наших и братью поверстати, кому они в версту; и вели нас, холопей твоих, пожаловати своим государевым жалованьем, дати за выход, которая наша братья выходили на твое г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. имя в твою государеву отчину в Терской город на житье, и пожалуй нас, холопей своих, за нашу службу и за кров свои(м) царьским жалованьем, чем тобѣ, государю, Бог известит, чтоб мы, холопи твои государевы, иноземцы и вперед з женами и з детми голодною смертью не померли и твоей царьской службы вперед не отстати. Царь, государь, смилуйся!—(*Челобитная писана тою же рукою, которою и отписка Терскаго воеводы*).

И г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., выслушав отписки воеводы Петра Головина и челобитные Терского города Окотцкихъ людей, пожаловал, велѣлъ имъ видети свои царскіе очи, какъ будетъ время.

При пріемѣ Окочанъ царемъ Окочаномъ думной діякъ Петръ Третьяков говорил рѣч. А молыл: Окочане Ахмат да Ачелѣй! В. г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. с. и м. г. г. и о. велѣл вамъ говорити: прислали

васъ къ нашему царскому величеству всѣ Окочане поздравляти нас великого государя на нашихъ великих и преславных государствах и бити челом о своих службахъ. А воеводы наши Терскіе о их службахъ к нашему царскому величеству писали и службы ваши нашему царскому величеству вѣдомы; и мы Окочан всѣхъ за ихъ службы хотимъ жаловать. И вас ныне, пожаловав нашимъ царскимъ жалованьем, отпускаемъ в нашу отчину на Терек. И вы б Окочане всѣ нашему царскому величеству служили и прямили; а мы, в. г., учнем вас всѣхъ жаловат, смотря по вашей службе. А ныне нашъ указ о нашемъ жалованье вамъ Окочаном к воеводам нашимъ на Терекъ велѣли есмя послат с вами вмѣсте.—И Окочане, слыша государево милостивое слово, царскому величеству били челомъ и говорили, что они Окочане всѣ государю служить готовы и свыше прежнего, какъ они прежним государем царемъ Російским служили, и на его царскую милость надежны.....

Царю г. и в. к. М. Ѳ. в. Р. бьетъ челом холоп твой Сунчелей мурза Канклычев. Из давных лѣт дет и отецъ мой и вес род нашъ служили деду твоему государю нашему ц. и в. к. Ив. Вас. в. Р. и дяде твоему г. н. ц. и в. к. Ѳед. Ив. в. Р. и всем Московскимъ государем. И какъ по грѣхом была в Російском государстве многая смута и межуусобная бран и вотчина твоя государева город Астороxан царю Василью измѣнила, от нѣво отложилася в воровство,—а я, холоп твой, в то время был в твоей государеве вотчинѣ на Теркѣ и Терских людей от такова воровства удержал и ихъ вору, которово онѣ называли царским именем, креста целоват не велѣл и в Астороxан о том писал и приказывал многижда, чтоб онѣ от своево воровства перестали и от Московского государства не отставали. И во всемъ прямил и радѣлъ я, холоп твой, Московскому государьству. А как по милости Божіи Московское государство от полскихъ и литовских людей и от ложныхъ царей очистилос и изобрали всею землею на Московское государство государемъ ц. и в. к. в. Р. тебя г. царя и в. к. Мих. Ѳед. в. Р.,—и мы, холопи твои, тому обрадовалис, что тебя, государя, выбрали на Московское государьство государемъ ц. и в. к. в. Р. и хотимъ тебе служити и прямити свыше прежних великих государей. Да какъ вор Ивашко Заруцкой, хотя ещо многую смуту учинити и кров лити, вземъ с собою Маринку с робенкомъ и прибѣжал в Астороxан и многую кров пролил и вотчину твою государеву Астороxан во многую смуту и воровство привел,—и мы, холопи твои, помня шертъ и жалованье деда твоего в. г. ц. и в. к. Ив. Вас. в. Р. и дяди твоего в. г. ц. и в. к. Ѳед. Йв. в. Р. и служа тебѣ, в. г. ц.

и в. к. Мих. Ѳед. в. Р., поговоря с твоимъ государевым воеводою с Петром Петровичемъ Головиным, послали под Асторохан голов Василья Хохлова с товарыщи и с ними ратных людей. И милостью Божьею, а твоим г. царя и в. к. М. Ѳ. в. Р. счастьемъ, а нашим холопей твоихъ к тебѣ, государю, службою и радѣньемъ, город Асторохан тебѣ очистили и воров многих побили и живых поймали. И про то про все мою работу и радѣнье извѣстно тебѣ, в. г. Да я же, холоп твой, служил тебе, г. ц. и в. к. Мих. Ѳед. в. Р., поймал в заклад на Терек аманаты у Кумыцких и у Черкаских князей, которые при прежних государей в оманатѣхъ не бывали, Кумыцкого князя Гирѣева сына Амир-хана, Черкаских княжих детей—Казыева князя родново племянника Женыма, да Шелохова князя сына Сурхая, да Айтекова князя сына Айдямиря, да Алхасова князя сына Казыя; и к шерти их всех привел, что им всем служити и прямити всемъ тебѣ, в-му г-рю. Милостивый г. ц. и в. к. Мих. Ѳед. в. Р.! Пожалуй меня, холопа своего, за мою службу и раденье, вели мнѣ быти над Окоцкими черкасы князем, какъ бывали преже сево пожалованы в Кабарде от вас государей родители наши, чтоб мнѣ, холопу твоему, перед своею братьею бесчесну не быть, а от тебя государя милость видет, чтоб все наша братья, видя твою государеву милость ко мнѣ, холопу твоему, также тебѣ государю, служили и прямили и на твою государеву милость надежны были. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ помѣта: государь пожаловалъ, велѣл ему быти за его службу над Окоцкими княземъ.

Царю г. и в. к. М. Ѳ. в. Р. бьютъ челом холопи твои государевы Терскіе жилцы Ахоцкіе земли Ахметко Аналѣевъ сынъ да Качайлайка Халѣев сынъ. Живем мы, холопи твои, на Терке 160 человѣкъ. И меня, холопа твоего, Ахметка выбрали мои, товарыщи провѣдат про твое царьское величество и про многолѣтное здравие; а меня, холопа твоего, Кочайлайку посылаютъ на всякіе твои государевы службы далние. А идет твоего царского денежного жалованья годовова мнѣ, Ахметку, 5 рублев, а мнѣ, Кочайлайку, твоего государева жалованья годовова 4 рубли. Милосердый г. ц. и в. к. Мих. Ѳед. в. Р. Пожалуй нас, холопей своих, за наши службишко, вели, государь, намъ своего царского денежного жалованья прибавит, какъ тобѣ, благочестивому царю, Бог известит, чтоб мы, холопи твои, впред твоей царской службы не отстали. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ помѣта: государь пожаловалъ, велѣл Ахмету прибавить своего государева жалованья Ахмету 3 рубли, а Ачалѣю 2 рубли и жалованье на нынѣшній год дати ис Казанского Дворца.

И г. ц. и в. к. Мих. Ѳед. в. Р., выслушав Сунчалѣя мурзы узденей и Окочанъ челобитныхъ, Сунчалѣя мурзу пожаловал за его службы княжим имянем, велѣлъ ему быти надъ Окочаны надо всѣми и над Черкасы, которые государю на Терке служат, княземъ, судити и в ратномъ строенье и во всякихъ дѣлехъ вѣдат указал государь Сунчалѣю князю и на свою государеву службу с ними самому князю Сунчалѣю ходит и в поход ихъ з государевыми людми, поговоря с Терскими воеводы, посылать и свою государеву жаловалную грамоту Сунчалѣя князя узденемъ велѣлъ государь дать.—А Окочан г. ц. и в. к. Мих. Ѳед. в. Р. пожаловал: которые вышли на Терекъ на житье, а государева жалованья выходново им и на дворы не дано, тѣмъ свое государево выходное жалованье и на дворы велѣлъ дать потому ж, почему и товарыщем ихъ выходново государева жалованья и на дворы давано; а которые денежнымъ и хлѣбным жалованьем не верстаны, и тѣхъ государь пожаловал, велѣл денежным и хлѣбным жалованьем поверстат, примѣряся къ ихъ братье, хто кому в версту. И на нынешней и на 123 год велѣл им свое государево денежное и хлѣбное жалованье дат, какъ будет на Терке в привозе; и за лошеди, у которых иманы для государевыхъ дѣлъ лошеди в станицы, велѣлъ имъ государь дать на Терке изъ своей государевы казны.

Лѣта 7123-го марта въ 29 де. По г. ц. и в. к. Мих. Ѳед. в. Р. указу памят Замятне Сваткову. Ѣхати ему въ Нижней Новгородъ и въ Казан и в Астороxан для того: отпущены отъ государя съ Москвы Черкасы Кумытцкого Гирѣя князя посолъ Тумулдукъ, Солоха князя посолъ Кардан, да Сунчалѣя князя уздень Тайшъ, да Окочанъ 2 человѣка *и пр..... обычныя наставленія.*

Терскій воевода Приклонской при своей отпискѣ прислалъ слѣдующую челобитную: Царю г. и в. к. М. Ѳ. в. Р. бьют челом холопи твои государевы Терского города служивые жилецкие Окочаня Ахматко Иналиков, Келя Илзеяровъ, Уракъ Агуловъ, Черебашь Алибѣковъ, Одя Отековъ, Уракъ Чамачюкин, Балык Тавказаков и всѣ Окоцкие жилецкие люди. Преж, государь, сего мы, холопи твои государевы, жили в своей в Окоцкой землице; и в той, государь, в Окоцкой землице болшой был над всѣми Окоцкими людми Ших мурза Ишеримов. И того, государь, Ших мурзу Ишеримова убил Кумыцкой князь Ахматкан з братьею за то, что он, Ших мурза, прямил и служил блаженные памети прежнимъ Московскимъ государемъ; да и мы, холопи твои, с Окоцкимъ с Ших мурзою служили г. ц. и в. к. Ивану Васильевичю в. Р. и сыну его г. ц. и в. к. Ѳед. Ив. в. Р. и г. ц. и в. к. Бор. Ѳед. в. Р.—И как, государь, Ахматкан князь убил Ших

мурзу и нас почал к себѣ в холопи звати, а землицею хотѣл Окоцкою владѣти; да и иные, государь, многие горские князи и мурзы нас призывали к себѣ. И мы, холопи твои, не хотя имъ горьским князем и мурзам служити и под ними в вѣкъ быти, покиня свои домы и живот весь пометав, з женами своими з детми из Окоцкие землицы утекли душею да тѣлом и прибѣгли в твою царскую отчину в Терской город под твою царскую высокую руку на житье на век; и живем, государь, в Терскомъ городе. Да и служили блаженные памети бывшим государемъ и тебѣ в. г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р. 20 лѣт всякие твои государевы службы. И в тѣ, государь, годы мы, холопи твои, живучи в Терском городе взростили детей и внучат своих. И ныне, государь, наши дѣти и внучата с нами же служат тебѣ, в. г., всякие службы. Да нас же, государь, холопей твоих, твои государевы воеводы и дьяки посылают з детми боярскими и с толмачами для твоих государевых дѣл во всѣ горские землицы в Кумыки и в Черкасы и в Мерези и в Шибуты и в Мичкизы и в Грузинскую землю и в Нагаи для вѣстей Турских и Крымских и Нагайских и в шихотниках для языков. И мы, холопи твои, з детми боярскими и с толмачами во всѣ тѣ посылки ѣздили и вестей провѣдывали и языки имывали и приводили к твоим государевым воеводам в Терской город. И в тѣх, государь, службах и в посылках многие наши товарыщы Окоцкие люди и братья наши племянники головы свои поклали, побиты на смерть, а иные запроданы в далние земли въ ясырство. Да мы же, государь, холопи твои, приежджючи в горские землицы с твоим государевым дѣлом и ко плени с отпросом ѣздя, многим горьским князем и мурзам и чорным людем блаж. пам. бывших государей жалованье росказываемъ и тобою, в. г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., и твоим царскимъ величеством и милостью и жалованьемъ перед ними хвалимся и твое, государь, царское прехвалное и превысочайшее имя и самодержьство твоея царские высокие руки Росийскаго государства Московского царства пространство и величество и милость твою царскую славимъ; и сказываемъ, что ты, в. г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р., благовѣрен и милостив, а нас иноземьцов жалуеш паче иныхъ своих государевых людей и обиды намъ, живучи под твоею царьскою высокою рукою, и изгони никакие ни от кого не бывает. И многие, государь, горские всякие люди, слыша от нас про твою царскую милость и жалованье и про твое государево величество и пространство Московского государства, приходили из гор на житье в Терской город з женами и з детми; а в горах пометали домы свои и живот весь, надѣючись на твою царскую милость и жалованье. А вѣдали над нами и судили нас, холо-

пей твоих, иноземцов и управы меж нами чинили в Терскомъ городе твои государевы воеводы и дьяки; а в походы и во всякие твои государевы службы преж сего мы ходили с твоими государевыми воеводами и з головами стрелецкими и с волными атаманы казачьи. А опричь, государь, твоих государевых воевод и дьяков нихто нас не судил и управу меж нами не чинил и на твои государевы службы и в походы опричь твоих государевых восвод и голов стрелецких и волных атаманов казачьих ни с кѣмъ не хаживали. И в нынешнем, государь, во 124-м году приѣхал от тебя, государя, с Москвы в Терской город Черкаской Сунчалѣй князь Янглычов, привез твою государеву грамоту. И по той, государь, по твоей государеве грамоте велено нас Окоцких людех ему, Сунчалѣю князю, вѣдати и судити и управу меж нас чинити и в походы нас ему имати и всякіе твои государевы службы велено с нимъ служити и издѣлья на него дѣлати. А потому, государь, он Сунчалѣй князь бил челом тебѣ, в. г., чтоб ему над нами во всемъ вѣдать и судити нас и в походы с собою имати, рняс на нас по прежнему своему гнѣву, чтоб ему нас похолопить и розно розогнати, что в прошлом во 121-м году приходили под Терской город Нагайские люди. И Терские, государь, всякие люди с Нагайскими людми дралися. И на том бою у того Сунчалѣя князя Нагайские люди убили брата Какшоку Ебузлукова сына. И в том, государь, братне убивстве Сунчалѣй князь сердцо и невѣрку держит на нас Окоцких людей, бутто мы убили брата его Каншоку. Да он же, государь, Сунчалѣй князь продал напрасно товарыщев наших Окочан 4-х человѣкъ, искал 100 рублев за аргамачья жеребца, что бутто тѣ люди жеребца ево по сердцу убили; а тот, государь, жеребец немочон был и волочился по степи не за пастухомъ, сѣден от звѣрей. И за того, государь, жеребца взял на 3-х человѣках 50 животин рогатых, коров и быков; а у четвертого человѣка у товарыща нашего за ево най взял в холопи жену и сослал еѣ в кабаки свои в Кабарду. И ныне, государь, тѣ наши товарыщы волочатца меж двор наги и боси, совсѣмъ разорены и от твоеѣ царские службы отбыли, служить нѣчем и пашни пахать нѣ на чомъ, в конец погибли. Да у нас же, государь, у 8 человѣкъ у Уракчѣя с товарыщы тот Сунчалѣй князь, выбрав у нас насилством ис табуна 8 конев добрых, и сослал в Кабарду в кабаки свои с человѣкомъ своимъ з Блюшукою. И приходя он Сунчалѣй князь в город сьѣзжую избу к твоему государеву воеводе к Петру Ѳедоровичю Приклонскому и велит нас в тюрму сажати и кнутьемъ бити без твоего государева вѣдома и без вины и великую намъ тесноту и изгоню чинит, хотя нас к себѣ в холопи

взять и от твоеѣ царьские милости отлучить. Да он же, государь, Сунчалѣй князь бил челом на нас тебѣ, государю, ложно и подал в Терскомъ городе въ съѣзжой избѣ твоему государеву воеводе Петру Ѳедоровичю Приклонскому челобитную, что бутто мы, Окоцкие люди, твою государеву грамоту рудимъ, ту твою государеву грамоту, по которой насъ грамоте велено ему вѣдати, изгоняючи нас и хотя от тебя, в. г., нас холопей в пене и в опале видети и розогнати розно. А мы, холопи твои, твоеѣ государевы грамоты не рудимъ; а под его Сунчалѣевым судом быти намъ невозможно, в конец от него погинути. А толко, государь, велиш ему, Сунчалѣю, над нами во всемъ вѣдати и нас судити и в походы нас ему с собою имати и издѣлья на него всякие дѣлати, пашни пахати и сена косити,—и намъ, государь, холопем твоим, от великие нужи за неволю отбыти твоеѣ царские милости и жалованья, покиня свои домы и жен и детей и вес живот свой, брести розно. И какъ, государь, послышат многие горские люди, что мимо твоих государевых воевод вѣдает над нами и судит нас во всемъ Сунчалѣй князь и что намъ от него великая изгоня и обида,—и горьских, государь, всяких людей къ твоему царскому величеству и милости в Терской город на житье не будет отнюд ни один человѣкъ; и намъ, государь, от него Сунчалѣя всѣмъ розогнаным быти. Милосердый г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р.! Пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нас, холопей твоих, к твоему царскому величеству взяти к Москве. И буде мы, холопи твои, пред тобою, государемъ, будем в чем виновати, и ты, в. г., вели нам за неню свою царскую и за нашу вину перед тобою, государемъ, свой царской указ учинити. А не вели, государь, Сунчалѣю князю, нас вѣдати и судити и на векъ нас похолопить не вели; вели, государь, нас вѣдати и судити твоимъ государевымъ воеводам и дьяком по прежнему твоему государеву указу, чтоб нам, холопем твоимъ, в конец не погинуть и от твоего царсвого жалованья и милости не отстати. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

Помѣта на отпискѣ: отписать, чтоб им сказати: велено их Сююнчалѣю вѣдати службою; а будет Сююнчалѣй станет им какую тесноту чинить, и они б на него били челом государю.

На оборотѣ отписки: 125-го октября въ 6 де с Терским жилцом с Сергѣем Сипягинымъ.

33. 1588—1614 гг.—Вопросъ о Грузіи, Кумыкахъ и Кабардѣ въ сношеніяхъ Россіи съ Персіей.

(Грузинскія дѣла д. 1587 года).

В лѣто 7095-го писали к г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. изъ Астарахани воеводы князь Федор Михайлович Лобанов-Ростовской с товарыщи, что пріѣхал в Астарохан из Грузинские земли от Олександра князя государевъ толмач Русин Даниловъ; а посылан был провѣдывати из Астарахани въ Грузинскую землю и земли Грузинские—какова земля. А с Русином вмѣсте прислал ко государю Александръ князь послов своих священника Иакима да старца Кирила да черкашенина Хуршита. А писал с нимі ко г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. в своей грамоте Александръ князь и послы его били челом, что пожаловал его государь, поискал своим жалованьемъ, хочет приняти под свою царскую руку во оборону от невѣрных; и он то с радостию принял и о том до земли челом бьет и сам своею головою и со всею своею землею под кров царствия и под царскую руку с радостию поддаетца, понеже он и земля его от невѣрных турокъ в велицей бѣдѣ и в утесненье. І в том царская воля, какъ его пожалуетъ, от таких богомерских и невѣрных огарян оборонит.—И г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. иверских послов отпустил; а с ними вмѣсте послал к Олександру князю к вѣре его привести, что ему быти под государевою рукою на веки неотступну в посланникех Родиона Биркина да Петра Пивова да подъячево Степьна Полуханова.

И 97-го году октября въ 13 де государевы посланники Родивон Биркин да Петръ Пивов из Грузинские земли в Москве пріѣхали. И сказали, что по государеву наказу грузинского Александра князя и его детей и чиновныхъ людей к крестному целованью привели за всю Иверскую землю на том, что ему и его дѣтем со всею Иверскою землею быти въ государеве жалованье под его царскою рукою и от него, государя, и от его государевых детей быти неотступным и поминки к государю посылати по вся годы против 50 камокъ кизылбашских золотных да против 10 ковров з золотом и с серебром тѣм, которые узорочья въ его землѣ есть; и запис целовалную, на чом Александра князя к крестному целованью привели, с собою ко государю привезли.

И с тѣх мѣсть Александръ князь учинился под великих государей царей і великих князей Росийских рукою и ссылки с ним учали быти частые и по Ростригин приход.

А се выписано ис кизылбашских книгъ и ис столпов, какъ велено говорити шаху о Иверской землѣ и о Кумыках и о Кабардинских черкасех, и что шах о Иверской землѣ и о Кумыкех и о Кобардинской землѣ говаривал.

Въ 96-м году приходил ко г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. от Кизылбашского шаха Худобендѣя, от нынешнего шах Абасова отца, гонец Андибекъ; а в грамоте своей шах ко государю писал, чтоб государь был с ним в дружбе и в любви и в сылке, как были отцы их и дѣды и прадеды. А гонец в речи говорил: по несчастью шахову недруг его Турской салтан городы Дербен, Шамаху, Баку и иные городы поимал. И государь бы похотѣл с ним быти в дружбе і в любви и в докончанье и в соединенье и стоял противъ всѣхъ недрузей заодин и на вопчего б недруга на Турсково салтана дал в помоч своих ратных людей с вогненым боем, а ему б царского величества споможеньем тѣ городы назад достат; а, достав, городы Дербень да Баку государю поступится.—А в ответе гонецъ былъ у боярина у Івана Васильевича Годунова с товарыщи. А говорили ему в ответе о Иверской землѣ, что присылал ко государю из Грузинские земли Александръ царь Иверской послов своих, чтоб его государь пожаловал, взял под свою царскую руку и от Турского б его землю оберегати велѣл. И государь Грузинского Александра царя и всю его землю пожаловал, во оборону под свою царскую руку взял и послов его к нему отпустилъ и своих послапников с ним вмѣсте послалъ. И ныне ко государю писали из Иверские земли посланники, что Шевкал княз писал к Турскому салтану, чтоб Турской прислал свою рат, а велѣлъ бы город поставити на Терке его Шевкальской землѣ на оборону; а толко де государь Московской на Терке город поставит, и им быті и в неволю в холопстве у государя. А Черкаского Алкаса мурзу поимал за то, что он государевых посланников в Грузинскую землю через свою землю пропустил и до Грузинские земли проводил. И то Шевкалова правда ли, что ко государю нашему присылал бити челом и хочет быті под государя нашего рукою, а с Турским ссылаетца на всякое лихо? И он бы про то розказалъ подлинно: в каковѣ мѣре у Кизылбашского шаха Шевкал княз і в какомъ укрепленье?—И гонецъ кизылбашской говорилъ: Иверской царь прям: которое он слово молыт, на том и стоит, и вѣрити ему мочно во всяких дѣлех; а Шевкалской княз ман на всѣ стороны: шаху манит, чтоб за него стоял, а с Турскимъ ссылаетца ж, а государю также манит; а вѣрит ему ни в чом не мочно. Сына своего Шевкалской послал к Турскому. Да коли, даст Богъ, такие двѣ горы случатца,

государи будут меж себя въ любви і в соединенье, и такого мочно смирити и в холопство привести.—А про Дюрбень и про Баку говорил: хоти шах и без государевы рати тѣ городы у Турского возмет, и он ихъ государю поступитца.

І в том же въ 96-м году г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. посылал впервые к шах Томазу з гонцом его с Андибеком вмѣсте посланника Григорья Василчикова. И Григорью написано в наказе, велено говорит шаху, чтоб шах Шевкалского князя утвердилъ себѣ крѣпко, чтоб Шевкалской князь и дѣти его и Тюменской не оманывал, какъ прежнего Кизылбашского шаха, стоялъ бы на Турского рат з государевою ратью правдою, крѣпко, без оманки; не такъ бы дѣлали, какъ прежсего Шевкалской князь дѣлал: Кизылбашскому язаетца служит и прямит, а пашѣ Турскому все приказывает, над Кизылбашским промышлят велит. Да и к Иверскому б царю Александру шах приказалъ, чтоб с нимъ с шахом и з государевою ратью стояли всѣ они заодно на Турскую рать и на Крымскую. А государевы воеводы к Иверскому и к Шевкалскому и к Тюменскому и к горскимъ князем ко всѣмъ и к черкасом ко всѣм о всем подлинно прикажют, пришед на Терек.—И Григорей Худобендея шаха не застал, учинился на его мѣсто сынъ его нынешней шах Абаз; а грамоту государеву переписали на Аббас шахово имя въ Астарахани.—И Григорей по наказу говорил о том с шаховым ближним человѣком с Вергат-ханом. И Вергат-хан говорил, что шах к ним о том пошлет, чтоб стояли вмѣсте з государевою ратью и с шаховою на турскихъ людей.—А болши того о Грузинском и о Кумыцком и о Кабардѣ никаких розговоров не было.—А про Дербень и про Баку Григорей шаху говорил, что приказывал ко государю отецъ его Худобендей шах: хоти он тѣх городов у недруга доступит и без государевы рати, и он тѣх городов хотѣл царскому величеству поступитися. И он тѣх городов царскому величеству поступитца ль, толко возмет без государевы рати? И шах ему самъ молыл, что онъ царскому величеству для братцкие любви не постоит. И государь бы под тѣ городы послалъ ратных своих людей і велѣл над тѣми городы промышляти с своей стороны; а толко он тѣ городы возмет, хоти и без государевы рати,—и он тѣх городов государю поступитца.—А в вестовомъ списке Григорья Василчикова написано: Грузинской Александръ царь изначала с Кизылбашским былъ в ссылке и дан давал. И в прежних лѣтех дал шах Томасу для вѣры, что ему быть под шаховою рукою, а шаху его держат во оборони от Турского сына своего Костянтина мурзу. И после

того Грузинская земля от шаха отошла, стала за хрептом у турскихъ городов; и ссылки Александру царю с шахом поминовалис.

А з Григорьемъ с Василчиковымъ вмѣсте прислал ко г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. шах Аббас послов своих Бутанбека да Андибека ж, которой был в гонцѣх. А в грамоте шах с послы своими писалъ, что писал к нему государь в своей грамоте, чтоб он государю поступился городов Баку да Дербени; и он тѣх городов царскому величеству поступаетца. А государю б счастьем своим тѣх городов доступат. Да не токмо за тѣ городы стоят хочет, і вперед хочет быти в дружбе і в любви без урыву.—А рѣчи перед государем не говорили; а молыли: великий государь еси. Есть с ними приказ от шахова величества, и о том какъ государь велит: себѣ л государю или кому велит выслушат ближнему человѣку? И были послы на дворѣ у Бориса Федоровича.—А о городѣх говорили: писал государь к шаху в грамоте о дву городѣх о Дербене да о Бакѣ, чтоб шах поступился государю; и шах тѣх городов государю поступаетца. А тѣ городы ныне за Турским; и государь бы к тѣм городом с своей стороны послал рат свою, а государь их пойдет на Ширванскую землю. И толко государевы люди возмут Дербен да Баку и учнут тѣми городы государевы люди владѣти, а шаховы люди, взяв Ширван, учнут в Ширванской землѣ жити,—и они будут меж себя в соединенье.—А в отвѣте с шаховыми (послы) былі бояре Іван Васильевич Годунов с товарыщи. И говорили бояре в отвѣте шаховымъ посломъ, что государь к шаху з Григорьемъ Василчиковым о городѣх о Баке да о Дербени не писывал. А преж сего писал ко государю шахов отецъ Худобендей шах в своей грамоте с ними Андибеком о братцкой любви и о соединенье. І в отвѣте он говорил от шаха, чтоб государь был с шахом в братстве і в любви і в докончанье и стоял на его недругов заодин и ратных бы людей на Турского в помоч дати велѣл с вогненым боем. А шах хочет доступати у Турского городов Дербени, Баки, Шемахи, Ширвани; а, доступив тѣх городов, шах государю поступитца города Дербени да города Баки, а иные городы шах себѣ возмет. А хоти и без государевых людей шах своими людми тѣ городы достанет, и он государю город Дербень да Баку поступитца. И государь потому и посланника своего посылал к шаху Григорья Василчикова. Да того ж лѣт государь рат свою с вогненым боем послали на Терку і велѣл городы поставит и беречи велѣл воеводам Терскимъ с ратными людми, чтоб турская рат не пропустит. А царевичю Мурат Кирѣю из Астарахани со многими людми и Нагаем заволжским Урусу князю со всѣми мурзами и другимъ Нагаем Казыева улуса, которые имали Алабру у

Турского, а, отстав от Турского и от Крымского, учинилис под государевою рукою,—всѣм велѣл государь быти на Терке, по вестям смотря, царевичю Мурат Кирѣю и воеводам Астараханским и Терским и обоимъ Нагаемъ заволжским и Казыева улуса велѣл государь беречи того, чтоб турские и крымские люди на шахову землю тою дорогою не ходили; то государь учинил для брата своего шахова величества любви по его присылке. И рат свою на Терку велѣл послати воевод князя Ондрѣя Ивановича Хворостинина с товарыщи со многими людми с вогненым боем и на Терке два города велѣли поставит; и беречи того велѣли накрепко, чтоб турской и крымской рати не пропустити через Терку на Кызылбашскую землю. А после того государю подлинные вѣсти учинилися, что Турской хотѣл пашу своего Беглер-бека, а с ним крымскихъ царевичей с турскою и крымскою ратью послати на шахову землю войною; и учинилас Турскому салтану вѣсть из Дербени и от Шевкала князя, что по государеву повелѣнью городы на Терке поставлены, а в нем государевы воеводы со многими с воинскими людми с вогненым боем. А про Нагаи про Казыев улус про Якписата князя про голдовников его вѣсть к салтану Турскому учинилас, что они всѣ от него отложилис под государеву руку и пришли к Астарахани к царевичю Мурат Кирѣю на Терекъ, а от Азова отошли. И Турской салтан для того и рати своей турской и крымских царевичевъ с крымскою ратью через Терку реку на Кизылбашскую землю не послал, и впередим ходити нелзя.—И посол Бутак-бек говорил, что государь его о городѣх не приказывалъ; да и приказыват было нѣколи: государь их ещо тогды был в Харасани и на государстве не был.—И бояре говорили, что приказывал о том отецъ его Худобенди шах; а государь по той присылке многую добродѣтел учинил.—И Бутак-бекъ говорил: о томъ споровать ца не о чемъ. Государя их отецъ задрал государя о братцкой любви и о соединенье; а нынешней государь их, то исполняючи, послал ко государю к брату своему о братцкой любви і о соединенье их послов своих, чтоб стояти от всѣх недругов заодин. А о городѣх государь их для братцкие любви государю не постоит не токмо за тѣ два города, і всѣх городов, которые за Турским, государю вашему поступитца; чѣмъ им быти за недругом, ино б лутчи были за другом, за государем вашим. А промышляти б над ними государем нашим сопча, укрепясмеж себя в соедененье.—А какъ государь кизылбашских послов Бутак-бека да Андибека к шаху отпустил, і государь к шаху в грамоте писал о Дербени и о Баке, что государь к нему с посланником своим з Григорьемъ Василчиковым в своей грамоте о тѣх городѣх не писывал, а прика-

зывал ко государю о том отецъ его с Андибеком.—А о Грузинскомъ и о Кумытцкомъ и о Кабардинских черкасех розговоров никаких с шаховыми послы з Бутак-бекомъ да с Анди-бекомъ не было, и от государя к шаху с ними о том не писано.

И после тѣх кизылбашских пословъ в 100-м году приходил к государю гонец от шаха Кая з грамотою. А шол на Шевкалову землю; и Шевкалъ его поймал и ограбил и держал не малое время. А на Москвѣ того гонца велѣл государь розпросить в Посолском приказе діаком. И гонецъ Кая говорил, что он присланъ з грамотою и рѣчью с ним ко государю приказ есть. Государ его шах приказал с ним: Дербен да Шемаха мѣста великие, а ныне стоят доровые, потому что людей в них мало; а от Терке всего днищъ с пят. И ныне тѣ городы плохо взят; и государь бы под них послал людей своих, а шах тѣх городов государю поступитца.—А в грамоте к государю шах о городѣх з гонцом ничего не писал. А писал, чтоб государь был с ним в дружбе і в любви і в соединенье и на Турсково б стоял заодин и ссылка б была без урыву; а то государь к нему учинил нелюбительно, что с послы его з Бутак-беком да с Анди-беком своих послов никого не послал.—І в отвѣте гонцу говорили в Посолскомъ приказе діаки, что государь потому к шаху послов не послал, что вѣдомо государю учинилос, что шах с Турскимъ помирился безъ обсылки з государемъ; и потому государь и рати на Терекъ и к шаху в помоч не послал. А какъ шах Абас ко государю пришлет о том прямо послов своих, чтоб с ним на Турсково стояти заодин,—и государь с тѣми шаховыми послы велит о том договор учинити, какъ стояти на Турского заодин; и тогды шаху велит в помоч людей дат на Турского. А о городѣх о Дербени и о Баке ничего с ним не приказано і в грамоте не писано.—А что его Шевкал ограбил, и ему о том говорено, что Борис Ѳедорович о том скорбит, что над ним Шевкал такъ учинил. А самим то им вѣдомо, што Шевкал был шаху свой и служил ему, да будто шаху добра хотѣл, а он все на него лихо умышлял и ссылался с Турскимъ и с Крымским Девлет Киреемъ царем на всякое шахово лихо. А ныне был Шевкал учинился у государя в холопстве, да от государя отступил и учал ссылатца с Турскимъ. Толко ему от государевы руки гдѣ уйти?—И гонецъ про Шевкала молыл: Шевкал человѣк худой, что птица в клѣтке; толко лукав человѣкъ. Да от государевы ему руки гдѣ избыт, толко государь на него пошлет рат?—А о Грузинском и о Кабардѣ розговоров не было, і в грамоте ко государю от шаха и от государя к шаху ничего не написано.

А после того гонца в 101-м году приходили ко г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. от шаха посол Ази-Хосров. А в речи государю говорил и в грамоте ко государю писал, чтоб государь был с шахом в дружбе і в любви и послы б ходили без урыву; а тому удивляется, что от государя к нему послы позамешкали. А о Иверскомъ государѣ и о Шевкале и о Кабардинских черкасех рѣчью ничего не говорил и в грамоте шах ничего не писал.—А какъ был посол Ази-Хосров у Бориса Ѳедоровича на дворѣ,—и Борис ему говорил, что Иверской Олександръ царь присылал ко государю послов своих бити челом, чтоб великіі государь велѣл его от Шевкала князя от горского оборонит; и государь по челобитью Александра царя послал ныне на Терекъ на Шевкала болшую свою рат с околничим и воеводою со князем Дмитреем Ивановичем Хворостининымъ и Олександра царя и всю Иверскую землю оборонити велѣл.—И посол говорил: то и государю его годно, толко государевы люди Шевкала извоюют.—А болши того о Иверском и о Шевкале и о Кабардинских черкасех розговоров никаких не было.—И отпущены кизылбашские послы Ази-Хосров в 102-м году.

А с ними вмѣсте послал государь шаху говорити о дружбе и о любви посла князя Ондрѣя, княж Дмитреева сына, Звенигородцкого.—А о Иверской и о Шевкале и о Кабардинских черкасех у него в наказе написано, велено говорити, толко о них вспросят: Иверской Олександръ царь вѣры хрестьянские греческого закону одноѣ вѣры с нами; а присылал бити челом ко государю послов своих, что ему от Турского и от Шевкала и от горскихъ людей тесноты чинятца великие, и великіі бы государь нашъ его царское величество для хрестьянскіе вѣры взял его во оборон под свою царскую руку, а он по смерть свою от государя будет неотступен со всею своею Иверскою землею и дан государю нашему учнет давать. И государь для хрестьянские вѣры Олександра царя и всю Иверскую землю пожаловал, во оборон под свою царскую руку взял и свою царскую грамоту з золотою печатью ему дал, какъ ему и дѣтемъ его и всей Иверской землѣ быть въ его государеве жалованье под его царскою рукою и ото всѣх его недруговъ воеводам своим Терскимъ оберегати велѣл. И послы Олександра царя Иверского живут по вся годы у государя, а государевы послы живут у Олександра.—А про Шевкала и самимъ имъ вѣдомо, какъ он от шаха отступил и ссылался на всякое лихо шахово с Турским и Крымским. А ныне потому ж от государя учал отступать и учал быт государю непослушен и гонца шахова Каю в поиманье держал и ограбил и учал ссылатца с Турским и с Крым-

ским; а хотѣл тѣм государя и Аббас шаха любовнымъ ссылкам помѣшку учинит. И государь послал на него рат свою с околничим и воеводою со князем Ондрѣемъ Ивановичем Хворостининым. И государевы воеводы землю Шевкалскую разорили и городы государевы воеводы и остроги в Шевкалове землѣ на Койсе поставили повые и люди многие в тѣх городѣх в Шевкалской земнѣ ныне устроены; и вперед Шевкалу оприч государя нашего быт нѣгде.—А Кабардинские черкасы издавно холопи государевы Резанских предѣлов; и, отступя от государей, бежали с Резани и вселилис в горы. А как поручилъ Богъ отцу государеву ц. и в. к. Ив. Вас. в. Р. царство Казанское и Астараханское, и черкасы горские со всею Кабардинскою землею, узнав своих прироженных государей, бил челом царю Івану в службу и во всей воле его учинилися. А ныне и свыше прежнего государю служат и детей своих и братью ко государю в службу присылают и на княженье из государевых рукъ садятца; и преж сего и ныне на Кабардѣ началные князи Темрюк и Канбулатъ и Янсох князи из царских рукъ посаженики. И ныне з государевыми воеводами Черкаские князи и мурзы Янсох князь, Шолох князь, Мамстрюк князь з братьею своею и з детми и с племянники на государеве службе в Шевкалской землѣ были.—Князю Ондрѣю ж в наказе написано, велено просити у шаха Грузинского Александра царя сына Костянтина царевича; и толко учнут об нем говорити, что он в закладе, отпустити его нѣлзе,—и князю Ондрѣю велено молыти, что он Грузинской царь шаху и без закладу будет крѣпокъ.—А в посолственном во княж Ондрѣеве списке написано: спросил его шах сам: государевы послы в Грузинскую землю к Олександру князю ходят ли? И княз Ондрѣй говорил по наказу, какъ у него о Иверскомъ в наказе написано. И шах молыл: яз потому спросил, что издавна грузинские князи бывали наши подданые. Да шах же вспросил князя Ондрѣя: слышел он, что был бой Шевкалу з государевыми с Терскими людми. И князь Ондрѣй говорил: то дѣло не статочное, что Шевкалу против государевых Терских людей стоят: на Терке государева рат многая. Нѣшто будет ему был бой с Терскими камышники. И шах молыл, чтоб государь для его Шевкала воеват не велѣл, а он его во всю государеву волю приведет, какъ государю любо, или самого его ко государю пошлет; а Шевкалские князи бывали его холопи, а ныне Шевкал по неволе от него отстал, что промеж их в Ширванской землѣ которые его городы были кизылбашские, а нынеча сидят в тѣх городѣх турские люди,—потому Шевкал от него поотшол. И княз Ондрѣй шаху говорил про

Шевкала про всѣ его вины и что на него государь послал рат свою и его государевы люди говорили по наказу. И шах молыл: толко будет такъ Шевкал дѣлал, надобет его разорит.—Да говорил князь Ондрѣй по наказу шаху о грузинскомъ царевиче, что Олександръ царь вѣры хрестьянские, и шахъ бы ко государю начало любви показал, отпустил Грузинского царя сына Костянтина царевича ко государю. И шах говорил, что Грузинского царя сынъ у него обосурманен; толко дастъ ему на волю: будет похочет, и он его отпустит. А в неволю какъ послат? А грузинской царевич отказал, что он обусурманен и быти ему в холопстве у шаха. А шахов ближней человѣкъ Өергатхан говорил: у Грузинского царя два сына оприч того; и коли он учинился под государевою рукою, и он государю ис тѣх за одного не постоит. А какъ Грузинской царь ко государю вашему ис тѣх которого пошлет, и шах того Олександрова сына тогды ко государю отпустит з женою и со всѣми животы. Толко Олександръ царь Грузинской человѣкъ неправедной: одного сына дал шаху, а другово сына своего дал Турскому. И ныне перед шахом многие его грубости и неправды показал. Тому будет два года, как государь их посылал к Грузинскому посланника своего Бек-мирзу, а с ним послано было на птицы до 100 тюменей; и Олександръ того шахова посланника велѣл убити, а с ним что не было послано, то все велѣл пограбити. И шах послал к нему с ызвѣтомъ и с розмирьемъ доброво своево человѣка Шандерд-бека; и он и того шахова посла засадил. И Олександру вѣрит нѣчему: ко государю де вашему пишет и бьет челом, называетпа хрестьянином, а ко государю их пишет, называетца их вѣры; а к Турскому ежегод посылает по 30 въюков шолку.—А болши того ничего розговоров не были.

А при царѣ Борисѣ въ 109 м году посланы к шаху послы о дружбе и о любви и о соединенье дѣлати и закрепити, толко шах похочет, князь Олександръ Засѣкинъ, да Темир Засѣцкой, да діакъ Івашка Шарапов.—И о Грузинской землѣ и о Шевкале и о Кабардинских черкасех велено им говорити, толко их вспросят: Иверской Олександръ царь.... *(тоже самое, что велѣно было говорить и кн. Андр. Дм. Звенигородскому см. с. 568)* ..... воеводам своимъ Терскимъ обороняти велѣл.—А про Шевкала вам и самим вѣдомо, какъ он от шаха отступил и ссылался на всякое лихо шахово с Турскимъ и с Крымскимъ царем. А после того присылал ко г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу бити челом, чтоб великиі государь его царское величество взял его под свою царскую высокую руку. И он потому ж от госуд(аря отсту)пил и учал быти царскому вел(ичеству) непослушан. И государь посылал на ..... и

не одиножды; и государевы воеводы землю Шевкалскую воевали и город Тарки и Таркалы и Ондрѣеву деревню и Салтанѣево мѣсто Тюменскоко разорили и город государевы воеводы в Шевкалове землѣ на Койсе поставили и люди многие в нем устроены. А не в давних лѣтех к в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу приказывал шах с посланником своим с Андибеком, чтоб государь пожаловал, Шевкала вину ему отдал і воеватї его не велѣл. И послал к нему сына боярского к шерти привести; і Шевкал того сына боярскаго обезчестил и держал у себя долгое время и отпу..... (*пропускъ*)..... привели, что ему со всею Иверскою землею быти под государевою рукою на веки неотступно.

А после того посылан думной дворянин и яселничей Михайло Игнатьевич Татищев да діакъ Ондрѣй Іванов. И Михайло и Іван пришли в Грузи без царя: Олександръ царь был у шаха; а ходили вмѣсте с шахом воевати Бухарского. И Михайло и Ондрѣй посылали о том к шаху переводчика Своитина Каменева, что Олександръ царь вѣры хрестьянские, а учинился под государевою рукою, а они присланы к нему о государских дѣлех; и шах бы его отпустил въ его землю для государских дѣл. И шах его отпустил, а с ним вмѣсте прислал сына его Костянтина, которой был у шаха в закладе, с кизылбаши. И Олександра царя и сына Юрья царя же убили кизылбаши перед Костянтином, перед государевыми послы; и головы их послали к шаху.

А какъ посланы были при царѣ Васильѣ х Кизылбашскому шаху в послѣх княз Іван Ромодановской с товарыщи,—и велено говорит о Иверской землѣ: вѣдомо шаху и его ближним людем, что Иверская земля Грузинские цари изначала православные хрестьянские вѣры греческаго закона, а от Турского салтана то государство было в великом утесненье. И в прежних лѣтех к в. г. блаженные памяти к ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержцу Иверские земли Грузинской царь Олександръ з детми своими присылал послов своих бити челом, чтобы в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. самодержецъ его, Александра царя, и ево детей и всю Иверскую землю пожаловал, принял во оборону под свою царскую руку и Турскому б и его голдовником для хрестьянские вѣры выдати их не велѣл и городы бы по Терку и у гор велѣл царьское величество поставити и ратных людей с вогненым боем в них устроитї; а он Александръ царь со всѣми своими детми и со всею Иверскою землею будет под его царьскою рукою въ прямом холопстве на веки не отступен во всей его государеве воле и дачь ево царьскому величеству со всеѣ Иверские земли учнет давати потому, какъ ево царьское величество пожалует. И в. г. ц. и в. к. Ѳ.

И. в. Р. с., вѣдая то, что Иверская земля изначала православные хрестьянские вѣры греческого закона, а от Турского во многом утесненье, а помощи ни откуды не имѣют,—и о том царское величество зелно поскорбѣл и для хрестьянские вѣры челобитье их и слезы милостивно выслушал и послал к ним послов своих обнадежити их своим царским милосердьем и свое государьское вспоможенье и защищенье ото всѣх недругов их велѣл им сказати, и велѣл Олександра царя и детей и всю Иверскую землю привести к вѣре, что им быти под его царского величества рукою на веки неотступным. И какъ царского величества послы пришли в Иверскую землю и царю Александру и его дѣтем и всей Иверской землѣ царьского величества жалованье объявили и ихъ обнадежили,—и царь Александръ з детми своими и со всею землею тому обрадовалися, и, совѣтовав со всею Иверскою землею, написали утверженье записи с великою клятвою и крестъ на записях целовали, что ему Александру и ево дѣтем и всей Иверской землѣ быти под царьского величества рукою на веки неотступным и дан давати по вся годы. А в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. для их велѣл на Терке и на Койсе и на Сунше городы поставити и в них устроити многих ратных людей с вогненым боем и остерегати их велѣл от Турского и от Кумытцких людей; и многие крови пролилис за нихъ на боѣх, от Турских и от Кумытцких людей остерегаючи их, чтоб их в разоренье от Турского не видети, и многие великие убытки царьской казнѣ учинилис. А какъ судом Божиимъ в. г. ц. и в. к. Ѳ. М. в. Р. с. не стало, а после его учинился на Московском государстве царь Борис, и царь Олександръ со всѣми своими детми и со всею Иверскою землею и при царѣ Борисѣ также крестъ целовали, что им быт под Московским государством на веки неотступным; и грамоты утвержденные с великим укрепленьемъ за руками и за печатми царя Александра и его детей о том и ныне у государя. Да и шахову величеству о том подлинно вѣдомо, что Иверская земля послушна великим государем Росийским. И преж сего о том царского величества Аббас шахову величеству послы говаривали, что Иверская земля под государя царьского величества рукою. А ныне вѣдомо учинилос в. г. н. ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. с., что шах Аббас прислал в Иверскую землю царева Александрова сына Костентина, а с ним Шемир-хан, Шемша-хана, Ал-хана и іных ханов и султанов со многими людми. И Костянтин по шахову велѣнью отца своего царя Александра и брата своего царевича Юрья побил, и посѣкли их кизылбашские люди перед нимъ; и Костянтинъ и головы их послал к шаху; да и многих лутчих людей побил и

кров многую пролил, чего николи в Иверской землѣ не бывало. А послы, которые посланы были от царя Бориса к Александру царю Ближние Думы дворянин и намѣсникъ Можайской Михайло Игнатьевич Татищев с товарыщи то все сами видели. И то шахово величество великому государю и всему Московскому государству учинил нелюбов свою и недружбу многую. И в. г. ц. и в. к. Вас. И. в. Р. с., слышав такое кроворозлитье, жалостно о том скорбѣл и на шаха в том подивил. Вѣдомо ему самому подлинно и в грамотах своих блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. писывал и с послы своими приказывал, что царь Александръ и дѣти его со всею Грузинскою землею под его царьскою рукою и ему государю служать; да и после того царь Борис о том к нему писывал многижда; и шах, вѣдая то, Иверскую землю от царского величества отводит и кроворозлитье такое велѣл учинити, чего нигдѣ в государствах, которые меж собою имѣют ссылку и дружбу и любов, не бывает и дѣлати не годитца. А великиі государь его царское величество таких мѣр от шаха не опасался, вѣдая шахову братцкую любов и крѣпкую дружбу любителную и ссылки с в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. мимо всѣх великих государей; а надѣялся от шахова величества, что для великого государя любви его царьского величества прямова холопа Александра царя и детей его и Грузинскую землю ото всѣх его недругов оберегати велит, а не токмо что самому которую обиду учинити велит. А ныне в. г. н. ц. и в. к. Вас. И. в. Р. с. велѣл о том шаху напомянут, чтоб Аббас шахово величество в Иверскую землю не вступался и теснити еѣ ни чѣм не велѣл и от крестьянские вѣры отводити не велѣлъ, потому что Иверская земля под царьского величества рукою; а от древних лѣт то государство хрестьяньские вѣры греческаго закона, а не мусулманского закону. И о том бы шах Аббас царскому величеству вѣдомо учинил вскоре, чтоб за то меж ими великими государи нелюбье не всчалося и недруги б их вопчие тому не порадовалися.—И будет шаховы ближние люди учнут говорити, что Иверская земля из давных лѣт была под Перситцкими шахи, а поотложилась в ту пору по неволе, какъ над отцом его над шахом Худобендиемъ была незгода, а он был в малом возрасте, и Турской завладѣл у него в ту пору многими государствы да и то государство учал теснити, а ныне он у Турсково государства свои отыскал и с прибылью и Иверское государство Богъ ему ж дал, а царьскому величеству вступатис в тоѣ землю в чюжое,—и послом велено говорити: про то шаху самому вѣдомо, что Иверская земля цари и князи изначала православные хрестьянские вѣры греческаго закону; а были на Иверской землѣ цари самовластны и ни кѣм не обладаемы после

того, какъ извелис в Царегороде крестьянские государи. И какъ учела быти в Иверской землѣ меж цари и князи рознь и несогласье, а Турской учал им многую тесноту дѣлати,—и они учали себѣ помочи искати от пограничных государей, кому гдѣ мочно. И нѣчто будет такими мѣрами поискали себѣ у прежних шахов вспоможенья на время; и того вспоможенья они не получили ж, потому что Перситцкимъ государемъ было до себя: Турской царь многими и прямыми его государствы завладѣл. А Иверской царь Александръ, видя себя безпомошна и не хотя быти от Турского в разоренье, бил челом в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. со всею Иверскою землею, и учиненъ под его царскою рукою; и тѣмъ себѣ великое милосердье и вспоможенье и ото всѣх недругов от Турсково и от горских людей свободу получили и никоторые их недруги не умѣли их никоторые тесноты учинити и по се время. Самим имъ шахова величества ближнимъ людем вѣдомо, что в. г. и. блаженные памяти ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. на Терке и на Койсе городы велѣл поставити и людей розных в них устроити для Иверские земли, чтоб Иверские земли турским и кумытцким людем теснити не дати и против недругов их помогати; да и для того, что турские люди по многие годы ходили на государя вашего Аббас шахова величества землю войною, а проходили на Койсу да на Терку да на Суншу,—і великій государь нашъ на тѣх реках велѣл устроити городы и казаком велѣл жити безотступно и на турских людей приходити. И с повелѣнья великого государя нашего Терские и Волские и Яитцкие казаки на турских людей приходили и на Сунше турских людей побили многих; и вперед тѣми мѣсты турские люди на шахову землю ходити не учали, и шаху тѣмъ многая помочь учинилася. И по ся мѣста всегды безпрестан во все лѣто стоят царского величества рати многие для Крымского приходу, чтоб на шахову землю Крымской не прошел. И то пригожее ль дѣло шах Аббасово величество велѣл учинити: сынъ отца убил, чего въ прежних лѣтех николи не бывало?— А то вам самим вѣдомо какие дружелюбные сходства в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. к шаху показал. Писал шах к в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. и с послы своими приказывал, что он Аббас шах ведет войну с Турским салтаном; а про то ему шаху вѣдомо, что цесар и и папа и іные великие хрестьянские государи сь его царьским величествомъ в братцкой дружбе і в любви. И царьское б величества для Аббас шахова прошенья отписал от себя к Руделѳу цесарю и к папе и к иным великим государем, чтоб они на Турсково стояли с своеѣ стороны, чтоб ево со всѣх сторон поистеснити. И царьское величество для шахова прошенья посылал для того к Руделѳу цесарю и к

иным великим государем послов своих; а с ними писал и приказывал, чтоб они на Турсково салтана стояли неослабно и, прося у Бога милости, над ним промышляли. Да царьское ж величество, оказуюши к шаху братцкую крѣпкую любов свою, послал с послы своими к Руделѳу цесарю на вспоможенье на Турсково своеѣ царские казны безчислено; а приводячи на то, что они на Турсково стояли крѣпко и надежно. И ко многим крестьянским государем царьское величество писал, чтоб с цесарем крестьянскимъ стояли вмѣсте на Турского. И Руделѳъ цесар для царьского величества братцкие любви и вспоможенья с тѣх мѣстъ и по ся мѣста с Турским ведет войну и многое утесненье Турскому учинил. Да царское ж величество многижда посылал рат свою конную полем и судовую с вогненым боем на Крымского царя для того, что Крымской Турского голдовникъ и по Турсково велѣнью приходит войною на цесареву землю и многую шкоту цесарю дѣлает, а Турскому вспоможенье. И царьского величества люди многижда крымские улусы воевали и Крымского походом тѣмъ помѣшку чинил. А все то в. г. блаженные памяти ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. его царское величество дѣлал для шаха Аббасова прошенья, чтоб тѣм шаху дружбу, а Турскому разоренье довести. Сами то вѣдаете: толко б не для братцкие любви Аббас шахова величества за что было государю Турскому недружба чинити и цесарю вспомогати? Великого государя государства с Турскою и с Цесаревою землею не сошлися нигдѣ и недружбы было всчинати нѣ за что, толко б не для шаха. Прежние великие государи цари Росийские с прежними с Турскими салтаны были в ссылке, послы и посланники меж ими на обе стороны ходили,—и чеуши от Турсково к Москве часто прихаживали и дорога торговым людем на обе стороны была отворена: руские госми ходили в Царьгород, а турские чилибѣи и купчины со многими товары к Москве и по инымъ городом прихаживали часто. А какъ шах Аббас прислал к в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. пословъ своих просити того, чтоб царьскому величеству на Турсково стояти заодин и Римского цесаря и иных хрестьянских государей на то б привести, чтоб они с своей стороны также на Турского стояли,— и в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. для Аббас шаха с Турским салтаном ссылатис не учал ни о чемъ и торговым людем Турсково салтана в свои государства с товары приѣзжати не велѣл; и с тѣх мѣстъ послы и посланники к Турскому салтану не бывали и торговым людем с тѣх мѣстъ на обе стороны дорога затворилася: руские торговые люди не ходят в Царьгород, а турские челибѣи в великого государя нашего государства. Да и то чаю вам вѣдомо: какъ был Александра царь у

шаха в рати, а поволил на то царь Борис, хотечи быти с Аббас шаховымъ величеством в любви і в братстве на веки неподвижно,—и кумыцкие люди по приказу Турсково салтана в ту пору Грузинскую землю воевали и Загем всю разорили и многих хрестьянских людей в плен поимали. И царьского величества воеводы из украйных городов за тѣ неправды и измѣну на кумыцких людей ходили на Кумытцкую землю и многие городки и мѣста поимали и разорили и в Тарках и в Таркалах городы поставили и многих Кумыцкихъ и всяких людей побили. Да и то было государю Аббас шахову величеству надобе памятовати: которых он послов своих и посланников присылал блаженные памяти к в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р., а с ними писал и рѣчью приказывал о многих своих дѣлехъ,—и царьское величество тѣ всѣ дѣла велѣл учинити по шахову прошенью, какъ шаху годно; и хотѣл царьское величество с шаховым величеством быти в братцкой дружбе и в любви на веки неподвижно мимо всѣх великих государей. А какъ судом Божиимъ в. г. ц. и в. к. Ѳ. И. в. Р. с. не стало, а на Росийском государстве учинился государем царь Борис,—и шахову величеству и при царѣ Борисе от Московского государства многие вспоможенья и прибытки учинилися; то им и самим вѣдомо. А ныне Аббас шах, забыв то все, такое нелюбье свое показал, чево и недруг над недругом не дѣлает: у великого государя Иверскую землю отводит и такое кроворозлитье по его велѣнью в Иверской землѣ учинилося, чего николи не бывало. Да и всѣм великим государемъ такое непригожее дѣло будет в подивленье: Турской ему издавна недруг и владѣет у него и ныне Ширванскою землею и иными землями, и он, отставя с недругом войну, да над другомъ подъискиваст и в дружбы мѣсто неприятелством оказался.—И княз Иван Ромодановской с товарыщи до шаха не дошли, побили их воры на Саратове въ 115-м году.

И с тѣх мѣстъ Московскому государству ссылки с шахом не бывало до тѣхъ мѣстъ, какъ по воле и милости Божьи учинился на великих и преславных государствах Росийского царствія в. г. ц. и в. к. Михайло Федорович в. Р. с.

А как государ на государствах учинился,—и в 122-м году послал г. ц. и в. к. М. Ф. в. Р. х Кизылбашскому Аббас шаху вмѣсте с кизылбашским послом с Амир Али-беком с Самары степью на Юргенскую землю посланника своего Михайла Тиханова да подъячего Олексѣя Бухарова государство свое шаху обестити и о дружбе и о любви напомянути и обьявити крестопреступленье и многие неправды к Московскому государству Полского Жигимонта короля и обьявити

воровство и измѣну Івашка Зарутцкого и Маринки с сыном и оттоваривати всякими мѣрами об Астарахани, толко шах по присылке Зарутцкого и Маринки не учнет за них стоят и говорит і в них вступатца или по их присылке учнет вступатца в Астарахан. А о Иверской землѣ с ними против того, какъ было при царѣ Василье велено говорити князю Івану Ромодановскому с товарыщи, не наказано, потому что не токмо Иверская земля, и Астарахан в тѣ поры была от Московского государства отложилас, а по Зарутцкого воровству и измѣне была в ссылке с шахом; и тот слух был, что шах Астараханских людей ссужал запасы и кормил, и чѣм бы шаха не раздражити, чтоб он не вступался накрепко в Астарахан.—А будет шах и шаховы ближние люди учнут спрашивати: какъ ныне з г. ц. и в. к. М. Ф. в. Р. Иверская земля? И Михаилу Тиханову и подьячему Олексѣю велено говорити: вѣдомо имъ самимъ, что Иверская земля Грузинские цари изначала православные хрестьянские вѣры греческаго закона ..... (*буквально тоже самое, что и въ наказѣ Ромодановскому см. стр. 574*)..... И преж сево о том царского величества Аббас шахову величеству послы говаривали, что Иверская земля под государя нашего царского величества рукою. А какъ в Росийском государстве..... (*конца нѣтъ*).

34. Извѣстія XVII вѣка о документахъ по сношеніямъ Россіи съ Кавказомъ по 1613 г.

(*Изъ „переписныхъ книгъ“ дѣлъ Посольскаго приказа* *).

А) Переписная книга 1614 г. (№ 1).

л. 145 об.—146. Запись, на чомъ шертовал Кабардинской Янсохъ князь за братью свою и за дети и за плямянниковъ и за узденей за всю Кабардинскую землю царю и в. к. Θед. Ив. в. Р., что быти имъ въ ево государской воле; а у записи печат Янсохова, а лѣт не написано.

*) Свѣдѣнія объ означенныхъ документахъ извлечены только за то время, которое обнимаетъ настоящій сборникъ т. е. до возшествія на Московскій престолъ дома Романовыхъ.

л. 146 об. Грамота Черкаского Канбулата князя к ц. и в. к. Ив Вас. в. Р.; году не написано.

л. 148 об.—149. В свяске грамоты Иверскоко Олександра царя к ц. и в. к. Θед. Ив. в. Р. с послы с Куршутом да с Орамомъ во 103-м году.

л. 175 об. 2 грамоты к ц. и в. к. Θ. Ив. в. Р. от Грузинскоко Олександра царя; присланы во 103-м году с ерянчениномъ, а имяни не написано.

л. 176—176 об. Грамота от Шевкалова сына Салтан-Магмута к царю Борису с посломъ ево з Дервишемъ во 111-м году.

Грамота к царице и великой княгине Ирине Θедоровне Иверского Олександра царя от царицы Тинатиды во 101-м году.

Грамота от Суркова князя Кумытцкого к ц. и в. к. Θед. Ив. в. Р.

л. 188. 4 грамоты к ц. и в. к. Ив. Вас. в. Р. от Шамохѣйского от Буллы царя в розных годѣх, ветхи добре, положены в тот же ящикъ.

л. 189. Столпикъ 75-го году, ветхъ, приѣздъ к ц. и в. к. Ив. Вас. в. Р. от Шевкала князя Тарковского посла Секит-Имилдеша, какъ привели ко государю слона; а положен тот столпик в том же ящике.

л. 228 об.—229. В свяске тетрати Шемахѣйские и Сибирские и Казацкие орды старые розных годов; а положены с Нагайскими да с Казанскими да с Астараханскими книгами вмѣсте.

л. 250—251. Книги Иверские лѣта 7095-го по 105-й год приѣздъ к Москве и отпускъ с Москвы иверских послов священника Акима да старца Кирила да черкашенина Хуршута; да отпускъ в Иверскую землю Родивона Беркина да Петра Пивова. Да приѣздъ иверских послов Каплана князя с товарыщи; да с ним же вмѣсте пріѣхал Аслама князя посол Аслам-бек да Ших мурзы Окотцкого посол Ботѣй. И отпускъ иверскихъ послов в том же году; да отпускъ в Иверскую землю государевых послов князя Семена Звенигородцкого да дьяка Торха Онтонова. Да приѣздъ иверских послов Сулѣймана да Хуршита и отпускъ их. И отпускъ государевых послов Василья Плещѣева да дьяка Тимофѣя Кудрина; и приѣздъ их к Москве. Да приѣздъ же с ними грузинских послов Иарама князя с товарыщи; и отпускъ ихъ. Да отпускъ же в Грузинскую землю Ивана Всеволотцкого да подьячего Захарья Языкова; и приѣздъ их. Да приѣздъ иверскихъ пословъ Хурщита да Арама князя; и отпускъ их с Москвы.

л. 264. Книги 97-го году. А в них писаны ссылки Бориса Ѳедоровича с цесаремъ и с Кизылбашским шахом и с Крымскимъ и с Иверскимъ цари и с Турскими паши, какъ он был в правителстве; а положена с Цесаревыми книгами.

Книги 7103-го. А в них писаны ссылки Бориса Ѳедоровича с цесаремъ и с Кизылбашским шахом и с Крымскимъ и с Иверским цари и с Турскими паши, какъ он был в правителстве; а положена книга с Цесаревыми книгами.

л. 334—335. Столпы Грузинские: 2 столпа 101-го году—приѣздъ к Москве и отпускъ с Москвы послов Иарама князя с товарыщи.

Столпъ 109-го году—приѣздъ к Москве грузинских послов Сулеймана да Хурщита и отпускъ ихъ съ Москвы; да отпускъ с Москвы государевых послов Василья Плещѣева да дьяка Тимоѳѣя Кудрина.

Того ж году столпъ—приѣздъ из Грузинские земли государева посла князя Ондрѣя Звенигородцкого.

Столпъ 110-го году—отпускъ пословъ Ивана Нащокина да дьяка Ивана Левонтьева; да списокъ посолства ихъ.

Столпъ 114-го году о царевиче о Понкратье. А положены вмѣсте с Шевкалскими да с Сибирскими.

Въ 2 свяскахъ рознь грузинская розных годов.

Столпы Черкаские:

Столпъ 86-го году ветхъ—приѣздъ к Москве Канбулата князя.

Столпикъ 110-го году—приѣздъ к Москве Янсоха князя.

Столпъ Кабардинской и Черкаской со 102 го году по 122-й год; а положен в одной коробьѣ з Грузинскими и с Шевкалскими.

Столпы Шевкалские:

Столпъ со 104-го году по 110-й год—приѣздъ к Москве Шевкалского посла Атлыя и мурзъ Кабардинских Куденека с товарыщи и отпускъ ихъ; да отпускъ в Шевкалу Петра Неѣлова и приѣздъ его; и отпускъ Табасаранского Максута князя посла.

2 свяски рознь Шевкалская о отпуске околничего и воевод Ивана Михаиловича Бутурлина с товарыщи; а положены вмѣсте з Грузинскими и з Черкаскими.

на лл. 338—340. „Роспись чертежем розных государствъ". — *Чертежей касающихся Кавказа нѣтъ.*

Б) Переписная книга 1626 года (№ 2).

л. 80.— Грамоты Грузинские:

В листу связаны 6 грамотъ от Грузинсково царя Олександра—одна к ц. и в. к. Ѳед. Иван. в. Р., другая к патриарху Иеву, да 3

грамоты к Борису Годунову, да грамота к Ондрѣю Щелкалову; писаны всѣ во 102-м году. (*Далѣе идетъ опись позднѣйшихъ граматъ*).

лл. 90—91. Грамоты Черкаскіе:

Грамота старинная Тюркустанская на бумаге на листу, а в ней писано великому царю со многими хвалными титлы; а при которомъ государе прислано и того имянно не написано, и о каком дѣле и то с ысподи отклеилося и пропало.

Грамота от Шевкала Кумыцкого к царю и великому князю, а х которому имянем того не написано; а в ней пишет, что государевы послы и грамоты до него дошли. Писана на листу, на бумаге, по татарскиі; а на ней написано вверху по руски: лѣта 7067-го октября въ 23 де с Шевкальскимъ посломъ з Бекбулатом.

Грамота Черкаская шертная Ханбулата князя з братьею и з детми и с племянники, что служити имъ г. ц. и в. к. Ив. Вас. в. Р. и ево царевичю князю Ивану Ивановичю, на веки быти неотступным. Печать у грамоты ростопилась; году не написано.

Запись шертная, по которой шерть учинил царю и в. к. Өед. Иван. в. Р. Янсох князь Черкаской с уздени своими и с лутчими людми за всю землю Черкаскую и Кабардинскую на том, что быти ему во всей ево царьской воле под ево царьскою рукою в холопьстве неотступным ему Янсоху князю и братье ево и дѣтем и племянником и узденем и всѣм людем Черкаские и Кабардинские земли. Писана по руски, на листу, на бумаге; печать у ней на бѣлом воску, а рукъ ни чьих нѣтъ. А в котором году писана, того не написано; в пожар грамота поплѣла.

лл. 349 об—351. Книги Иверские с лѣта 7095-го по 105-й год..... (*повторяется опись ихъ таже, что и въ 1-ой переписной книгѣ лл. 250—251*).

лл. 455 об.—456.— Столпы Грузинскіе:

Столпъ Грузинской 109-го году—отпускъ в Грузи при ц. и в. к. Өед. Ив. в. Р. к Олександру царю посланниковъ Василья Плещѣева да подьячего Тимоѳѣя Кудрина; попортился и исподу нѣт.

Столпъ Иверской 110-го году—какъ посыланы в Ыверскую землю к царю Александру Иван Нащокинъ да подьячей Иванъ Левонтьевъ; поплѣл, исподу нѣт.

Столпъ Грузинской 115-го году и выписки о Иверскомъ Иосия царя сыне о Панкратье.

лл. 489 об.—493. Столпы Бухарскіе, Юргенческіе и Черкаскіе:

Столпъ 76-го году приходъ к Москве ко г. ц. и в. к. Ив. Вас. в. Р. от Крым-Шевкала посла Секита и арапов с слономъ.

Столникъ ветхъ и роспался и поплѣл; а в немъ пріѣздъ к Москве Канбулата князя Черкаского 86-го году.

Столпъ Черкаской 97-го и 98-го году, ветхъ и роспался, исподу нѣтъ.

Столпъ 112-го году с сентября—пріѣздъ къ Москве с Терки Шевкалова сына Андеянова посла Атая, верху нѣт.

лл. 574 об.– 575. Списочек, а в немъ писана посылка думново дворенина и яселничего Михаила Татищева да думново діяка Григорья Клобукова Грузинсково царя Олександра к послу к старцу Кирилу на подворье во 112-м году при царѣ Борисе. А велено имъ сказати старцу Кирилу от царя Бориса и от сына ево от царевича Ѳедора про посланниковъ про Ивана Нащокина да про дьяка про Ивана Левонтьева, что они, будучи в Грузинской землѣ, дѣлали не по государеву наказу, царя Александра бесчестили,—і царь Борис і сынъ его царевичь Ѳедор велѣли дьяка Ивана Левонтьева казнити; а на Шевкала государь посылает рать свою. Да тут же допрос новымъ городовым 3-м мѣстам в Шевкалской землѣ по скаске грузинсково старца Кирила, что бьет челомъ Грузинской царь Александръ, чтоб на тѣх мѣстех поставити городы.

лл. 602—604. Рознь Черкаская—*документы съ 1617 г.*

лл. 741 об.—749. Чертежи старые и новые—*нѣтъ о Кавказѣ.*

В) Переписная книга 1632 г. (№ 3).

л. 4. В Посолском приказе .... против прежнихъ переписных книгъ... 135 г. всяких дѣл не сыскано:

л. 13. Грамоты Шевкала Кумыцкого к царю и великому князю, а к которому имянем того не написано *и пр. см. выше. Повторяется таже самая опись безъ новыхъ какихъ либо добавленій.—Подьячіе сказали, что* чают, что тѣ дѣла в тѣх же переписных делах смешались; а иные дѣла после прежние переписки вклеены по столпам, которое дѣло под которой столпъ довелось подклеить.....

л. 36. Да сверхъ прежних переписных книгъ (135 г.) сыскано в Посолском приказе розных государствъ грамот и книг и столпов до 135-го году: *по сношеніямъ Россіи съ Кавказомъ никакихъ новыхъ документовъ не обозначено.*

л. 106. Въ Посолском же приказе переписано всяких дѣлъ со 135-го году по нынешней по 141-й год октября по 6 число—*документы съ 1627 г.*

16. 1592—1593 гг. Посольство изъ Грузіи (Кахетіи) кн. Арама и архим. Кирилла..... 252
17. 1593—1594 гг. Посольство въ Грузію (Кахетію) Ивана Всеволодскаго..... 259
18. 1594—1595 гг. Посольство изъ Грузіи (Кахетіи) Хуршита и Арама..... 262
19. 1596—1599 гг. Посольство въ Грузію (Кахетію) Куз. Петр. Совина и подьячаго Андрея Полуханова..... 265
20. 1598—1599 гг. Посольство изъ Грузіи (Кахетіи) кн. Сулеймана и дьяка Левана..... 314
21. 1601—1603 гг. Посольство въ Грузію (Кахетію) Ив. Аѳ. Нащокина и Ив. Леонтьева..... 330
22. 1602 г. Посольство Атая отъ Шевкалова сына Андія.. 364
23.—1603 г. Пріѣздъ въ Москву Кабардин. черкас. мурзы Сюнчалѣя Янглычева, узденей кн. Солоха и Казыя Шепшукова и отъ Шевкаловыхъ дѣтей Суркай-Шевкалова и Салтанъ-Магмутова пословъ Ибреима и Дербыша..... 365
24. 1603—1604 гг. Посольство изъ Грузіи (Катехіи) старца Кирилла и подьячаго Саввы..... 372
25.—1604—1605 гг. Посольство въ Грузію (Кахетію и Карталинію) Мих. Игн. Татищева и дьяка Андрея Иванова..... 420
26.—1605—1606 гг. Пріѣздъ въ Москву Кабардин. черкас. мурзы Сунчалѣя Янглычева и Окоцкаго мурзы Батая Ших-мурзина..... 517
27. 1605—1607 гг. О пріѣздѣ въ Москов. государство Грузинскаго царевича Панкрата..... 521
28.—1609 г. О побѣгѣ Окоцкаго мурзы Батая изъ Терскаго города..... 524
29. 1609—1614 гг. Посольство въ Москву Кардана отъ Черкасскаго князя Солоха..... 527
30.— 1610—1614 гг. О сношеніяхъ Терскаго воеводы Петра Головина съ Гирѣемъ, Салтанъ-Магмутомъ и др. Кумыцкими князьями..... 530
31.—1613—1614 гг. О дѣйствіяхъ Терскаго войска противъ Заруцкаго..... 545
32. „Окоцкіе люди“ въ Терскомъ городѣ..... 553
33. 1588—1614 гг.—Вопросъ о Грузіи, Кумыкахъ и Кабардѣ въ сношеніяхъ Россіи съ Персіей..... 562
34. Извѣстія XVII вѣка о документахъ по сношеніямъ Россіи съ Кавказомъ по 1613 годъ..... 577

II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

В. А. Уляницкій.

СНОШЕНІЯ РОССІИ

СЪ

СРЕДНЕЮ АЗІЕЮ И ИНДІЕЮ

ВЪ XVI—XVII ВВ.

По документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

I.

Первымъ извѣстнымъ по лѣтописямъ русскимъ путешественникомъ въ Индію былъ тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ, отправившійся съ дозволенія великаго князя тверскаго Михаила Борисовича въ концѣ XV вѣка изъ Твери при посольствѣ В. Папина, Волгою до Астрахани, затѣмъ черезъ Дербентъ и персидскія владѣнія до Ормуза, гдѣ пламенное солнце жжетъ человѣка, далѣе чрезъ море Индійское, Маскатъ и Гузуратъ до Чувиля. „И тутъ есть Индійская страна". Далѣе черезъ городъ Чюнерей, стоящій на острову на каменномъ „а не обдѣланъ ничѣмъ, Богомъ сотворенъ, а ходятъ на гору день по одному человѣку, дорога тѣсна—двумъ пройти нельзя", Аѳанасій прошелъ къ Бедерю, „большему ихъ городу" и далѣе. Особенное вниманіе его обратила на себя многочисленность городовъ въ Индіи—на всякій день по три города, а иной по четыре города. Бедеръ же столица Гундустана бесерменскаго, городъ большой и людей въ немъ очень много. Понятно, что А. Никитинъ, подобно всякому иному путешественнику, побывавшему въ невѣдомыхъ ранѣе странахъ, обращаетъ въ описаніи своего путешествія главное вниманіе на тѣ особенности внѣшняго быта этихъ странъ, которыя представляютъ наиболѣе разительное отличіе отъ быта родной его страны. Такъ, его поражаетъ, что въ Индѣйской странѣ „люди ходятъ всѣ наги, а голова не покрыта а груди голы, а власы въ одну косу заплетены, а дѣтей родятъ на всякій годъ и дѣтей у нихъ много, а мужики и женки всѣ наги и всѣ черны,—я куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому человѣку. Князь носитъ фату на головѣ, а другую, на гузнѣ; бояре и княгини носятъ фату на плечахъ и на гузнѣ; а слуги княжіе и боярскіе только на гузнѣ, вооружены различно, но не огненнымъ боемъ; всѣ наги да босы и волосъ не брѣютъ; а женки ходятъ голова не покрыта, и груди голы; а парубки и дѣвочки ходятъ совершенно нагія до 7 лѣтъ. Зима продолжается тамъ 4 мѣсяца—вездѣ дождь и грязь, и въ это время тамъ пашутъ и сѣютъ пшеницу и все съѣстное. Индѣяне не ѣдятъ ни мяса, ни рыбы, и вина не пьютъ, и ѣства у нихъ плоха, и ножа не держатъ, и ложекъ не употребляютъ, а са-

дясь за ѣду омываютъ руки и ноги, и ротъ пополаскиваютъ. Женщины у нихъ сорома не знаютъ, ведутъ себя вольно съ гостями и любятъ гостей людей бѣлыхъ, „потому что ихъ люди черны вельми".

Затѣмъ мы находимъ у А. Никитина описаніе видѣнныхъ имъ на пути городовъ и странъ, обычаевъ и нравовъ населенія, мѣстныхъ достопримѣчательностей, особенностей климата, животнаго и растительнаго царства.

Понятно, что въ этихъ описаніяхъ попадаются свѣдѣнія и сказочнаго характера. Такъ, изъ индѣйской фауны Аѳанасій отмѣчаетъ птицу гукукъ, „летаетъ ночи, и кличетъ кукъ-кукъ, а на которой хороминѣ сидитъ, то тутъ человѣкъ умираетъ, а если кто захочетъ ее убить, то у нея изъ клюва огонь выйдетъ." Въ свитѣ султана въ числѣ гусельниковъ, плясцовъ, варганниковъ, свирѣльниковъ, Аѳанасій упоминаетъ объ обезьянахъ. „А обезьяны, говоритъ онъ, живутъ по лѣсу, а есть у нихъ князь обезьянскій, и ходитъ ратью своею, а кто ихъ обидитъ, и онѣ жалуются князю своему и придя на городъ дворы разваляютъ и людей побьютъ; а рати ихъ, сказываютъ, очень много, а языкъ есть у нихъ свой, и дѣтей родятъ много, а который родится ни въ отца, ни въ матерь, и они тѣхъ мечутъ по дорогамъ, а гундустанцы тѣхъ ловятъ и учатъ ихъ всякому рукодѣлью".

Но хотя Аѳанасія Никитина естественно интересовали различныя сказочныя диковинки сказочной страны, однако цѣль его путешествія была не простое любопытство или любознательность. У него были очевидно цѣли практическія, коммерческія. Мы находимъ у него подробное описаніе всѣхъ важнѣйшихъ портовъ и торговыхъ городовъ Индіи. Такъ, онъ былъ въ Гурмызѣ, великомъ пристанищѣ, гдѣ всего свѣта люди бываютъ и гдѣ можно найти всякій товаръ, что во всемъ свѣтѣ родится; въ Камбаятѣ, пристанищѣ на Индѣйскомъ морѣ, гдѣ дѣлаются всякіе товары—алачи, пестряди, киндяки, краски; въ Дабылѣ, тоже гавани, средоточіи конскаго торга; въ Келекотѣ (Калькутта, на Малабарскомъ берегу) гдѣ родится много пряностей и гдѣ все дешево; въ Силянѣ, (Цейлонѣ) гдѣ родятся драгоцѣнные камни и слоны; въ Шабатѣ, гдѣ родится шелкъ, сахаръ, сандалъ, жемчугъ, и все дешево, только ночью дороги около него опасны—ходятъ мамоны и обезьяны и людей дерутъ; въ Бедерѣ, гдѣ торгъ на коней, на товаръ, на камки, на шелкъ, „но покупаютъ тотъ товаръ люди черные, и иной купли въ немъ нѣтъ, товаръ все гундустанскій, да съѣстной все овощъ, а на Русскую землю товара нѣтъ".

Эта фраза, что „на Русскую землю товара нѣтъ" весьма характерна,—она вполнѣ разъясняетъ цѣль путешествія Никитина въ Ин-

дію. И въ этомъ отношеніи, съ его точки зрѣнія это трудное, далекое путешествіе оказалось совершенно безплоднымъ; несмотря на видѣнные имъ дорогіе товары, онъ говоритъ: „мене залгали псы Бесермены, а сказывали много всего нашего товару, ано нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлый, на Бесерменскую землю, перецъ да краска, то и дешево; ино возятъ аче и моремъ, и они пошлины не даютъ, а пошлинъ много, а на морѣ разбойниковъ много". При описаніи Гурмыза онъ также жалуется, что „тамга тамъ велика,—десятое со всего емлютъ". Аѳанасій кромѣ того жалуется и на дороговизну жизни въ Индіи.

Обратно Никитинъ ѣхалъ чрезъ Дабиль, городъ очень большой, куда съѣзжается вся поморія Индійская и Ефіопская, затѣмъ моремъ чрезъ Ефіопію, Мошкатъ, Гурмызъ, Ширязъ, Тебризъ, Трапезундъ и Кафу [1].

Таковы впечатлѣнія и свѣдѣнія, вынесенныя первымъ, быть можетъ, нашимъ путешественникомъ изъ посѣщенія имъ Индіи. Очевидно главное побужденіе для русскихъ купцовъ къ подражанію попыткѣ, сдѣланной Никитинымъ,—надежда на торговыя выгоды,—отпадало. Не могло поощрить ихъ къ этому и замѣчаніе Никитина, что кто хочетъ пойти въ Индѣйскую землю, тотъ долженъ оставить вѣру свою на Руси и воскликнуть Махмета. Наконецъ, притѣсненія и грабежи, которымъ онъ подвергался на пути.

Не было, съ другой стороны, и политическаго мотива къ сношеніямъ съ отдаленною Индіею; когда, въ 1533 году, въ Москву пріѣхалъ индѣецъ „гость" Таусеинъ-Ходя съ товарами и грамотою отъ индѣйскаго владѣтеля Бабуръ-падши, которою послѣдній предлагалъ великому князю Василію Іоанновичу быть съ нимъ въ дружбѣ и братствѣ, то по распродажѣ Таусеиномъ Ходею всѣхъ своихъ товаровъ, онъ былъ отпущенъ съ отвѣтною отъ великаго князя къ Бабуръ-падшѣ грамотою, въ которой писано было „чтобъ люди промежъ ихъ ѣздили; а о братствѣ къ нему великій князь не приказалъ, потому что не вѣдаетъ его государства, невѣдомо—онъ государь или государству этому урядникъ".

Въ виду всего этого нѣтъ основаній предполагать, чтобы вопросъ о сношеніяхъ съ Индіею самъ по себѣ интересовалъ московское правительство и русскихъ купцовъ до XVII в. Хотя безыменный авторъ „Relazio-

---

[1] *Софійскій Временникъ*, изд. Строева, ч. II. 145—164. Ср. также комментарій къ Хожденію въ изслѣдованіи объ немъ Срезневскаго (Учен. Зап. II отд. Имп. Академіи Наукъ, кн. II, вып. 2, стр. 265 сл.)

ne dell' Imperie di Moskovia" 1553 года и говоритъ, что мысль объ отысканіи пути въ Индію сильно занимала Іоанна Грознаго [2], но извѣстно, что Іоаннъ поддерживалъ дѣятельныя сношенія съ англичанами, а также извѣстно, что главною первоначальною цѣлью образовавшагося въ половинѣ XVI в. въ Англіи общества „Mistery" было отысканіе пути въ Индію и Китай чрезъ сѣверныя страны [3]. Вмѣсто Индіи первая снаряженная компаніею экспедиція попала въ Бѣлое море. Результатомъ этого и ласковаго пріема, оказаннаго Іоанномъ IV Ченслеру было преобразованіе „Мистеріи" въ „Русскую компанію" и заведеніе торговыхъ сношеній между Англіею и Россіею [4]. Однако несмотря на всю прибыльность торговли съ Россіею, мысль о пути на Востокъ не оставляла англичанъ [5],—проложеніе новаго пути (чрезъ Россію) въ Персію и Индію, о которомъ тогда мечтали всѣ западные народы, могло послужить для англичанъ къ пріобрѣтенію того преобладающаго въ торговлѣ положенія, какимъ пользовались тогда Португалія и Испанія; поэтому неудивительно, если они надѣялись проложить этотъ путь чрезъ Россію и Бѣлое море. Дѣйствительно, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Іоанна IV англичанинъ Дженкинсонъ представилъ царю сначала проектъ открытія торговаго пути въ Китай чрезъ Бухарію, а когда экспедиція эта, несмотря на оказанную ей царемъ поддержку, не удалась, то онъ предложилъ новый проектъ торговли съ Персіею. Надо замѣтить, что Персія въ это время была въ войнѣ съ Турціею, чрезъ которую главнымъ образомъ шла ея торговля, и что этимъ обстоятельствомъ думали воспользоваться для направленія ея

---

[2] Il Imperatore, per facilitar un tal viaggio, ha proposto premii grandissimi, sperando a prendoli la via, di far un corsivo viaggio, mediante il quale cresceria grandamente il datio e le gabelle, oltre che per il picciolo pretio i suoi Moscoviti s'accomodarano di speciarie che gran quantita ne consumano. У Карамзина, IX, прим. 260, мы находимъ извѣстіе что Іоаннъ отправлялъ купцовъ въ Гурмызъ, упоминаемый Никитинымъ въ числѣ индійскихъ портовъ.

[3] Ранѣе этого, именно въ 1520 г., пріѣзжалъ въ Москву для отысканія сухопутнаго пути въ Индію генуэзецъ Павелъ Центуріонъ, а въ 1537 г. венеціанецъ Марко Фоскарини.

[4] См подробности: Гамель, Англичане въ Россіи, и Костомаровъ, Очерки торговли Московскаго государства.

[5] Доказательство, что „Мистерія" была сначала переименована въ „Компанію для торговли съ Россіею, Персіею и сѣверными странами", а потомъ уже въ „Русскую компанію".

чрезъ Россію. Этотъ проектъ также не удался [6]. Тѣмъ не менѣе англичанамъ удалось получить отъ царя исключительное предъ всѣми другими иностранцами право торговли съ Бухаріею, Персіею, Индіею и Китаемъ [7], съ однимъ только ограниченіемъ, что привозимые ими оттуда товары прежде отправки ихъ за границу должны были быть представляемы государю, который могъ оставить изъ нихъ „годныя для своей казны", съ уплатою впрочемъ стоимости ихъ. Впослѣдствіи Іоаннъ ограничилъ отчасти это право англичанъ, обусловивъ его особымъ на каждый разъ разрѣшеніемъ и уплатою половинной пошлины, но при Ѳедорѣ Іоанновичѣ по просьбѣ Елизаветы англичанамъ снова разрѣшено было ѣздить безпошлинно въ Персію и Бухарію, хотя и отказано въ другой просьбѣ—способствовать имъ въ отысканіи пути въ Китай [8]. Наконецъ при Борисѣ Годуновѣ Іаковъ I просилъ разрѣшить англичанамъ свободный пропускъ чрезъ Россію въ Персію, Индію, восточныя страны и Китай для отысканія ближайшаго и вѣрнѣйшаго пути нежели моремъ, мимо мыса Доброй Надежды, къ обоюдной пользѣ Англіи и Россіи. При этомъ англійскій посолъ объяснилъ, что драгоцѣнности, перевозимыя купцами изъ страны въ страну, оставляютъ на пути золотые слѣды [9]. Но Борисъ, несмотря на свое расположеніе къ англичанамъ, быть можетъ вслѣдствіе частыхъ жалобъ на нихъ русскихъ купцовъ, уклонялся отъ этого, ссылаясь на то, что де въ Персіи господствуютъ безпорядки, что поэтому путешествіе туда сопряжено съ опасностями, и онъ, заботясь объ англійскихъ гостяхъ, не можетъ дозволить имъ отваживаться на явную опасность.

Такимъ образомъ, Персія, Индія, Бухара были почти постояннымъ предметомъ переговоровъ Англіи съ Московскимъ государствомъ. Поддерживать и развивать торговыя сношенія съ среднеазіятскими государствами для московскаго правительства явился прямой разсчетъ, такъ какъ установленіе англоазіятскаго транзита черезъ Россію должно было по необходимости служить на пользу русской казны и русской торговли.

Но помимо этого, оживленію торговыхъ сношеній Москвы съ Среднею Азіею способствовало и покореніе Казани, а въ особенности Астрахани, гдѣ издавна сосредоточивалась среднеазіятская торговля [10].

---

[6] Карамзинъ VIII, гл. 4; IX, гл. 2; Гакель; Костомаровъ.

[7] Костомаровъ; Карамзинъ IX, гл. 2.

[8] Карамзинъ, X, гл. 3.

[9] Карамзинъ, XI, гл. 1; Англійск. дѣла 1604.

[10] Въ Астрахань до XVI в. пріѣзжали и венеціанскіе купцы изъ Таны

Уже въ 1557—58 годахъ владѣтели Хивы, Бухаріи и Самарканда прислали къ царю Ивану Васильевичу пословъ съ любовнымъ челобитіемъ: просить дозволенія своимъ купцамъ пріѣзжать для торга въ Астрахань, что̀ и было имъ разрѣшено. Вслѣдъ за тѣмъ Шемахинцамъ, Бухарцамъ, Хивинцамъ и другимъ азіятамъ разрѣшена была торговля и въ другихъ русскихъ городахъ, вслѣдствіе отправленныхъ отъ царя Іоанна „грамоть о купечествѣ" къ ихъ владѣтелямъ, въ томъ числѣ и къ „ближнему сусѣду, ташкентскихъ странъ здержателю [1]".

Этимъ ограничиваются документальныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Московскаго государства съ среднеазіятскими странами до смутнаго времени. Сношенія эти имѣли чисто торговый характеръ и активная роль въ нихъ принадлежала повидимому азіятамъ. По крайней мѣрѣ мы не находимъ за это время слѣдовъ поѣздокъ русскихъ купцовъ въ среднюю Азію, что объясняется отчасти конечно опасностью такихъ поѣздокъ. Точно такъ-же и иниціатива правительственныхъ сношеній принадлежала всегда азіятскимъ владѣльцамъ, причемъ однако единственнымъ предметомъ этихъ сношеній являлись торговля и просьбы о какихъ либо рѣдкостныхъ предметахъ для ханскаго двора. Московское правительство, сознавая выгоду торговыхъ сношеній съ среднею Азію рѣдко и отказывало въ этихъ просьбахъ, но при этомъ московскіе государи съ полнымъ сознаніемъ собственно достоинства относились къ среднеазіятскимъ владѣльцамъ. Мы уже отмѣтили фактъ отказа въ „братствѣ" индѣйскому владѣльцу. Другой, еще болѣе характерный эпизодъ этого рода мы встрѣчаемъ въ отношеніяхъ къ Бухарскому эмиру. Именно, въ 1585 году приходилъ съ разрѣшенія государя въ Москву съ юргенскимъ посломъ Хозь-Магметомъ степью чрезъ Казань бухарскій посолъ Магметъ-Алей. Оба посла были приняты государемъ и вслѣдствіе жалобы Магметъ-Алея съ товарищи о взятой съ нихъ лишней пошлинѣ царь Ѳедоръ Іоанновичъ издалъ указъ къ воеводамъ казанскимъ и другихъ городовъ о невзысканіи съ бухарскихъ посланниковъ пошлинъ и о данномъ имъ дозволеніи купить воску, меду, вина, юфти и другихъ товаровъ и пять душъ полону нѣмецкаго (sic) [2].

Однако эта попытка бухарскаго царя къ открытію сношеній съ Москвою оказалась не въ вполнѣ удачной, вслѣдствіе нарушенія

(Азова). Хивинскіе и бухарскіе купцы пріѣзжали впрочемъ и внутрь Россіи; по показанію лѣтописцевъ, въ Нижній Новгородъ они ѣздили уже въ XIV вѣкѣ (1364 г.).

[1] Карамзинъ VIII, прим. 415; IX, прим. 258.

[2] Бухарск. дѣла 1585—1589 г. св. I.

въ грамотѣ, присланной отъ него съ Магметомъ-Али одного изъ самыхъ щекотливыхъ для московскаго двора пунктовъ,—царь не соблюлъ надлежащаго этикета въ ней. По крайней мѣрѣ съ Магметомъ-Али былъ отправленъ въ Бухару гонцемъ къ царю и мусюльманскаго закона правителю, государю бухарскіе земли Абдулъ-Багатырю, служилый татаринъ Байбиря Тайшевъ съ грамотою отъ его царскаго величества ближніе думы боярина Бориса Годунова (іюля 7097—1589), въ которой послѣдній выговариваетъ царю за то, что онъ въ грамотѣ своей къ Ѳедору Іоанновичу имя его государево написалъ безъ царскаго именованія и многія слова въ ней написалъ не по пригожу; другіе де государи братья его государевы, цесарь римскій и салтанъ турскій и король ишпанскій и иные великіе государи въ своихъ грамотахъ имя царское пишутъ сполна по его царскому достоинству съ царскимъ именованіемъ и о дѣлахъ пишутъ съ великимъ прошеніемъ и съ великою любовью, „а ты къ такому великому государю пишешь въ грамотахъ безъ царскаго именованія; а ты вѣдай и про меня государскаго холопа, съ какою ласкою и любовью пишутъ ко мнѣ великіе государи“. Далѣе Годуновъ увѣдомляетъ хана, что государь велѣлъ было и ссылку съ нимъ ханомъ урвать и на человѣка его опалу наложить и лишь по ходатайству его, Годунова, и другихъ бояръ, государь, несмотря на ханово письмо, пожаловалъ его человѣка, освободивъ его отъ платежа обыкновенныхъ пошлинъ и выдавъ требованныхъ 25 кречетовъ, отпустилъ его въ Бухару со своимъ гонцомъ; въ заключеніе Годуновъ совѣтуетъ царю загладить предъ государемъ это оскорбленіе, обѣщаясь со своей стороны предстательствовать, чтобы взаимная ссылка не прерывалась [1].

Послѣ того мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о характерѣ сношеній Москвы съ Бухарою до 1619 года.

Смутное время, отразившееся, конечно, неблагопріятно и вообще на иностранной торговлѣ Россіи, ознаменовалось для нашей азіятской торговли разграбленіемъ главнаго ея пункта—Астрахани—Заруцкимъ.

II.

Съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича и возстановленіемъ спокойствія въ Московскомъ государствѣ снова поднимается астраханская торговля. Въ 1616 году пріѣхалъ въ Москву юргенскій (хивинскій) посолъ ходжа Юсуфъ съ грамотою къ царю отъ юргенскаго царя

[1] Бухарск. грам. № 1.

Арапъ-хана, въ которой послѣдній благодарилъ государя за присланныя съ прежними гонцами грамоты, извѣщалъ что ему будетъ пріятно, если государь *по примѣру своихъ предковъ* будетъ съ нимъ въ дружбѣ и если между обоюдными подданными будетъ производиться торговля. Въ отвѣтъ Михаилъ Ѳеодоровичъ писалъ, что онъ согласенъ на то чтобы хивинскіе купцы пріѣзжали по прежнему на Кабалы-Клейскую пристань, куда будутъ посланы бусы для перевозки ихъ съ товарами въ Астрахань, а оттуда по Волгѣ и въ другіе русскіе города [4].

Вслѣдъ за хивинскимъ посольствомъ, въ 1619 году явился въ Москву бухарскій посолъ Эдемъ отъ царя Имамъ-Кулы. Въ отвѣтъ на посольство Эдема [5], отправленъ былъ къ Имамъ-Кулѣ посланникъ Иванъ Хохловъ съ грамотой [6] отъ Михаила Ѳеодоровича въ которой государь благодарилъ и похвалялъ царя за присылку посла и за изъявленіе дружества его и желаніе быть во взаимномъ согласіи и любви, выражалъ согласіе на дружбу и ссылку по примѣру прежнихъ великихъ государей и царей россійскихъ и бухарскихъ, увѣдомлялъ его, что въ знакъ пріязни своей посылаетъ къ нему четырехъ добрыхъ кречетовъ со всѣмъ ихъ нарядомъ и рукавицею и что по просьбѣ его дано знать указами казанскимъ, астраханскимъ и другихъ городовъ воеводамъ о позволеніи подданнымъ его бухарцамъ торговать всякими товарами повольно и о защищеніи ихъ ото всякихъ обидъ и наконецъ требовалъ, чтобы на такомъ же правѣ и русскіе подданные могли пріѣзжать въ Бухарскую землю съ товарами, просилъ объ отпускѣ имѣющихся во владѣніяхъ его русскихъ плѣнныхъ и о незадержаніи посланника Хохлова.

Въ наказѣ или инструкціи, данной Хохлову, ему было предписано по прибытіи въ Бухарію объявить хану, что присланъ онъ отъ государя *по его ханову прошенію* о добрыхъ дѣлахъ. Затѣмъ главное вниманіе въ наказѣ обращено церемоніальные вопросы. Напримѣръ приказано въ случаѣ, если ханъ при упоминаніи царскаго имени не встанетъ и про государево здоровье спроситъ сидя, то объявить ему, что другіе государи такъ не поступаютъ и ему, хану, при-

---

[4] Хивинскія дѣла, 1616—1617 г., связ. 1 а.

[5] Вмѣстѣ съ нимъ былъ въ Москвѣ ургенскій посланникъ Регимъ-Кула (1619 г.).

[6] Отправленіе Хохлова и отпускъ бухарскаго и ургенскаго пословъ см. въ Бухарск. дѣлахъ связ. 1, 1620, № 1; Статейный списокъ Хохлова тамъ же 1622; грамота 26 мая 7128—1620 г. въ бухарскихъ грамотахъ, № 3.

гоже царскаго величества честь остерегать и имя его почитать подобно другимъ государямъ. Съ Хохловымъ отправлены были „поминки“ хану и государевы товары, причемъ ему строго наказано при покупкѣ въ Бухаріи и Хивѣ товаровъ про царскій обиходъ, отнюдь никакихъ пошлинъ не платить.

Хохловъ отправился вмѣстѣ съ возвращавшимся изъ Москвы юргенскимъ и бухарскимъ посломъ отъ Астрахани моремъ; тутъ бурею бусу его отнесло къ кочевымъ туркменцамъ и башкирцамъ, „которые никоторому государству не послушны, только дань платятъ юргенскому царю“, и бусу разбило. Однако Хохловъ съ людьми и товарами успѣлъ спастись. Но тутъ на него напали кочевники. Хохловъ укрѣпился городкомъ, оклался каменьемъ и бой учинилъ: приказалъ стрѣлять по нихъ изъ пищалей. Увидя пищальную стрѣльбу, туркменцы на приступъ не пошли и начали переговоры, обѣщаясь за откупъ проводить Хохлова до Юргенскаго царства. Такъ какъ посредничество юргенскаго посла не помогло и такъ какъ, хотя послѣ двухдневныхъ переговоровъ туркменцы „видя что имъ ничего взять не удается“, стали приводить лошадей и верблюдовъ на продажу, но между тѣмъ замышляли новое нападеніе, то Хохловъ послалъ случайно попавшагося тутъ одного знакомаго юргенскому послу туркменскаго „мужика“ въ Юргенчъ къ хану съ просьбой выручить его. Отвѣта никакого получено не было, и самъ посланный не вернулся; послѣ трехнедѣльной осады, чтобы не погибнуть съ голоду, Хохлову пришлось сдаться и уплатить значительный откупъ. Послѣ оказалось, что туркменцы подѣлились награбленнымъ съ присланною отъ хана стражей и юргенскимъ ханомъ. Но этимъ дѣло еще не окончилось. Попался на пути юргенскій царевичъ и неволею и угрозами заставилъ Хохлова дать ему подарки, впрочемъ угостилъ лепешкой и жареной рыбой сазаномъ, послѣ чего отпустилъ его далѣе къ отцу. Однако юргенскіе царевичевы есаулы объявили Хохлову, что хотя царевичъ и отпустилъ его, но они его не отпустятъ пока онъ не дастъ имъ подарковъ. Пришлось откупиться—дать два ефимка да фляжку вина. Наконецъ, пріѣхавъ въ Хиву, побывъ у юргенскаго царя на обѣдѣ, причемъ „въ столѣ было есть предъ царемъ мясная ѣства въ одномъ блюдѣ, да молока ставецъ, да каши блюдо, а больше не было ничего, а Хохлову дали лепешку да полдыни, а иной никакой ѣствы не было, потому что былъ филиповъ постъ и рыбы у нихъ никакой нѣтъ, а питья поднесли того же вина, что Хохловъ принесъ, чарку да ведро браги, а больше того ничего не было“, вручивъ хану царскіе подарки и получивъ отъ него халатъ бархатный червчатый и ячменя, наконецъ выдавъ царевичамъ по ихъ требованію по-

дарки [1], Хохловъ отправился наконецъ въ Бухарію. Откупившись на рѣкѣ Даріи (несмотря на предъявленіе ханскаго ярлыка) отъ уплаты пошлинъ, Хохловъ пріѣхалъ степью въ Бухарію на своихъ лошадяхъ, такъ какъ въ подводахъ ему было отказано. Хана въ Бухарахъ не было (онъ ходилъ въ это время въ Шамархантъ на ташкентскаго султана). Пришлось ѣхать къ нему, такъ какъ согласно данному ему наказу, Хохловъ не согласился передать кречетовъ и грамоту никому, кромѣ самого хана. Въ Шамархантѣ ханъ принялъ посланника съ честью. Хотя при передачѣ хану государева поклона и противъ царева имени ханъ не всталъ, но когда Хохловъ объяснилъ ему, что по обычаю всѣ великіе государи христіанскіе и мусульманскіе имя государево почитаютъ и противъ государева имени встаютъ, и братство и дружбу его принимаютъ любительно и о здоровьи государевѣ спрашиваютъ, то ханъ извинился, объяснивъ, что долгое время пословъ изъ Москвы не было, а онъ посольству Хохлова обрадовался и слушалъ государевъ поклонъ и слова пріятно, а не всталъ онъ противъ его государева имени и поклона не для нелюбья, а потому что замыслился на его рѣчахъ. Въ заключеніе ханъ обѣщалъ исполнить желанія государя и отпустилъ съ Хохловымъ 29 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, а двоихъ еще выкупилъ самъ Хохловъ.

Изъ Бухаръ Хохловъ думалъ ѣхать обратно чрезъ Персію, но юргенскіе царевичи [2] прислали просить его ѣхать чрезъ Хиву, такъ какъ де этотъ путь ближе, причемъ обѣщали оказать послу должную защиту, и на этомъ „душу давали“. Хохловъ согласился. Однако несмотря на обѣщанія, переводчикъ его былъ ограбленъ, изъ числа выданныхъ бухарскимъ ханомъ русскихъ плѣнныхъ 23 человѣка уведены и, въ довершеніе всего, противъ посольскаго обычая, его „опозорили, таможники ему насилство учинили, пошлины и кормъ на немъ взяли, чего нигдѣ, ни въ какихъ государствахъ не ведется“.

Послѣ многихъ другихъ еще непріятностей и задержекъ Хохловъ былъ наконецъ отпущенъ и въ 1622 году вернулся въ Астрахань съ младшимъ Авганомъ царевичемъ юргенскимъ, котораго Хохловъ убѣдилъ вступить на службу къ царю, съ посланникомъ юргенскимъ и съ нѣсколькими русскими плѣнниками, съ ихъ женками и ребятами.

---

[1] Они грозили въ противномъ случаѣ убить посла какъ убили Левонтія Юдина, ѣздившаго въ Бухарію и въ Индію для торговли, и бывшаго тамъ 9 лѣтъ.

[2] Ослѣпившіе между тѣмъ отца и захватившіе власть въ свои руки.

Въ Москвѣ Хохловъ сообщилъ собранныя имъ въ посольствѣ свѣдѣнія: что Бухарская земля раздѣлилась на двое, подѣлена двумя братьями,—одному досталась Бухара, а другому Балхъ; Балхъ граничитъ съ Персіею и Индіею; балхинскій царь Надиръ хотя любимъ народомъ, но во враждѣ съ Персіею и Индіею, вслѣдствіе чего индѣйскій шахъ у балхинскаго Надиръ-царя промыслъ отнялъ, торговыхъ своихъ людей къ нему и въ Бухары не пускаетъ и бухарскимъ торговымъ людямъ своихъ товаровъ въ Бухары вывозить не даетъ. И нынѣ у нихъ о томъ ссылка и чаютъ мира. У бухарскаго царя бой съ ташкентскимъ, а кизилбашскій шахъ Аббасъ бьется съ индійскимъ шахъ-Селимомъ и взялъ у него городъ Кандагеръ. Городовъ въ бухарской землѣ сказываютъ съ 30, а въ юргенской четыре населенныхъ. Постройки въ нихъ глиняныя, изъ необожженаго кирпича,—постройки изъ него тамъ возможны потому что дожди тамъ рѣдки,—а наряду де въ городахъ пушекъ и пищалей нѣтъ;—въ Бухаріи онъ видѣлъ только одну желѣзную пищаль; а людей воинскихъ конныхъ въ обѣихъ Бухарахъ собирается по разсказамъ со 100.000, причемъ на долю Юргенча приходится 12.000, пѣшихъ же вовсе нѣтъ.

Понятно, что пріемъ, оказанный нашему посланнику въ Хивѣ и Бухаріи, не могъ особенно расположить московское правительство къ новымъ попыткамъ въ этомъ родѣ. И дѣйствительно, вскорѣ по возвращеніи Хохлова пріѣхалъ чрезъ Тюмень въ Тобольскъ бухарскій посолъ Чобанъ отъ хана Имамъ-Кулы [1]. Онъ предъявилъ тобольскому воеводѣ и боярамъ грамоту къ государю отъ хана, билъ царю челомъ бархатомъ червчатымъ и камочкою цвѣтною „плохими“, спрашивалъ о здоровьи государевомъ, и просилъ отъ имени хана о дачѣ трехъ кречетовъ для ханской потѣхи „а опричъ того отъ хана де ему ничего не наказано“. Воевода, не рѣшившись безъ царскаго указа дать ему кречетовъ и отпустить его, просилъ указа изъ Москвы, и въ отвѣтъ на это донесеніе приказано было, вызвавъ посла въ съѣзжую избу, возвратить ему тѣ дары, которыми онъ билъ челомъ, и отпустить его обратно, но кречетовъ не давать, потому что они потѣха царскаго величества, и посылаетъ государь кречетовъ отъ своей царской потѣхи къ братьямъ своимъ великимъ государямъ христіанскимъ и мусульманскимъ, которые съ нимъ въ братствѣ и въ дружбѣ и любви и ссылкѣ безъ урыву, а въ прошломъ году къ хану *по его присылкѣ* посланъ былъ посланникъ Хохловъ, и съ нимъ изъ царской потѣхи

[1] О пріѣздѣ его см. Бухарскія дѣла 1633, приложенія.

кречеты для любви были посланы, а ханъ посланника держалъ у себя много времени и отпустилъ его ни съ чѣмъ, и посла своего къ намъ не прислалъ, да нашему посланнику въ Бухаріи приказные люди чинили многія насилства и убытки; „а нынѣ мимо нашего царскаго величества для кречетовъ присылаетъ ханъ посла въ Сибирь.“ Не довольствуясь отказомъ въ казенныхъ кречетахъ, царь приказалъ кромѣ того не допускать, чтобы посолъ купилъ кречетовъ у татаръ.

Послѣ этой неудачи бухарскаго посольства сношенія московскаго правительства съ хивинскимъ и бухарскимъ ханомъ пріостановились. Въ 1633 году пріѣхалъ въ Москву хивинскій посолъ Хозя-Магометъ отъ хана Исфендіара съ ханскою грамотою и съ письмами отъ бухарскаго и балхинскаго хановъ. Ханъ Исфендіаръ просилъ о возобновленіи взаимной пересылки и торговли, извѣщалъ о томъ, что путь между обоими государствами пресѣкся по причинѣ разбоевъ кочевыхъ калмыковъ, просилъ государя послать противъ нихъ подвластныхъ ему нагайцевъ, обѣщаясь съ другой стороны самъ напасть на нихъ чтобы, разогнавъ ихъ, сдѣлать дорогу безопасною, и наконецъ, просилъ о присылкѣ ему добраго панцыря и о возвращеніи захваченныхъ у бывшаго въ Москвѣ (въ 1623 году) юргенскаго посла пожитковъ [1]. Но это посольство оставлено было, повидимому, безъ отвѣта.

Въ какой мѣрѣ происходили частныя торговыя сношенія съ Среднею Азіею, опредѣлить трудно. Во всякомъ случаѣ судя по разсказу хотя бы Хохлова о томъ, какимъ прижимкамъ и злоупотребленіемъ подвергались даже царскіе посланники и ходившіе подъ ихъ охраною купцы, трудно предположить, чтобы русскіе купцы рисковали пускаться въ столь опасныя торговыя путешествія. Въ этомъ впрочемъ не было и особенной надобности, такъ какъ торговыя выгоды побуждали самихъ азіятовъ пріѣзжать въ Московское государство съ товарами. Такъ, въ Астрахани, судя по всѣмъ даннымъ, происходилъ обширный торгъ азіятскими товарами. Любопытны и торговыя сношенія, установившіяся между Бухарою и Сибирью,—гдѣ средоточіемъ этой сибирско-бухарской торговли былъ Тобольскъ. Бухарцы даже въ Москву отправлялись главнымъ образомъ черезъ Тобольскъ и Самару. Насколько эта торговля съ бухарцами была важна и выгодна для

[1] Хивин. дѣла 1633—1634 г. Исфендіаръ присылалъ еще посольство въ 1639 году съ извѣщеніемъ о своемъ рѣшеніи женить сына и съ просьбою о присылкѣ для свадьбы серебряныхъ денегъ; посланникъ привезъ также царевичу Алексѣю Михайловичу грамоту отъ Исфендіарова сына, въ которой послѣдній просилъ царевича о присылкѣ ему соболей, лисицъ черныхъ и дѣвки черкасской доброй. (Хивин. дѣла, 1639—42, № 2).

Сибири, можно судить по челобитной сибиряковъ 1597 г., въ которой они просили у царя какъ милости, чтобы къ нимъ приходили изъ Бухары торговые люди съ товарами [1]. Эти бухарцы составляли между собою нѣчто въ родѣ торговаго товарищества и официально обозначались названіемъ „тобольскихъ бухарцевъ". Царь Михаилъ Ѳедоровичъ далъ имъ въ 1645 году льготу ѣздить для торговаго промысла въ Казань, Астрахань, въ Архангельскъ и въ Поморскіе города. Имъ были при этомъ дарованы и нѣкоторыя весьма существенныя привиллегіи, напр. не быть задержанными судомъ, исключая по долговымъ обязательствамъ и уголовнымъ дѣламъ, нанимать подводы, покупать суда; обѣщана также безопасность отъ притѣсненій воеводъ [2].

Вообще, судя по сохранившимся отъ того времени документамъ московское правительство покровительствовало торговымъ сношеніямъ съ Среднею Азіею; но при этомъ мы видимъ любопытное различіе въ правахъ предоставленныхъ азіятскимъ купцамъ смотря по качеству привозимыхъ ими товаровъ. Такъ, мы имѣемъ указъ 1623 г., [3] которымъ предписано было казанскимъ воеводамъ оказывать иноземнымъ купцамъ береженіе отъ всякаго насильства и обидъ, но не пропускать безпошлинно въ Москву бухарскихъ и персидскихъ торговыхъ людей, причемъ по качеству изъ товаровъ сдѣлано различіе между ними относительно тѣхъ городовъ, гдѣ они могутъ торговать. Именно, ѣдущихъ съ большими и узорочными товарами разрѣшается по уплатѣ ими пошлинъ пропускать къ Москвѣ, но безъ дачи имъ подводъ, иноземцевъ же ѣдущихъ съ малыми товарами и безъ проѣзжихъ грамотъ (слѣдовательно не казенными) пускать въ Москву не велѣно.

Если частные купцы пользовались лишь общею защитою правительства, то особымъ покровительствомъ пользовались купцы, пріѣзжавшіе съ проѣзжими грамотами отъ азіятскихъ владѣльцевъ и съ ихъ товарами. Такимъ купцамъ предоставлялась не только свобода отъ пошлинъ, но даже казенныя перевозочныя средства. Такъ въ 1633 году бухарскій ханъ Имамъ-Кула прислалъ въ Астрахань купца со своими товарами и проѣзжею грамотой, въ которой писалъ, что въ прежнія времена, при дѣдѣ и отцѣ его, хана, купчины бухарскіе хаживали, а потомъ пріѣзда и отъѣзда такого не бывало; что теперь дорога очистилась и потому онъ отправилъ купчину Хозя-

---

[1] См. Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ II, 129 № 65:

[2] Эта грамота подтверждена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1686 г. См. Полн. Собр. Зак. II, 816 № 1209.

[3] Бухарскія дѣла. св. 1, 1623: Отписка воеводъ.

Такулыя съ Караганскаго пристанища въ Астрахань, Казань и Москву купить про его хановъ обиходъ разныхъ товаровъ; въ заключеніе ханъ просилъ дать его купцу провожатыхъ и не взимать пошлинъ съ его купли и продажи.[1] По прибытіи купчины въ Астрахань, тамошніе бояре навели справку объ указахъ, касающихся пріѣздовъ бухарцевъ въ Россію, при чемъ оказалось, что *отъ бухарскихъ хановъ* купцы никогда не пріѣзжали съ *ханскими* товарами въ Астрахань, а ѣзжали обыкновенно чрезъ Самару въ Казань, Нижній, Ярославль, причемъ съ ханскихъ товаровъ пошлины не бралось. Поэтому, и въ силу указа, что если какіе азіятскіе купцы не захотятъ торговать въ Астрахани, то пропускать ихъ въ верховые города, Хозѣ-Такулыю была дана проѣзжая грамота изъ Астрахани въ Казань, Нижній и Ярославль, но предварительно товары его, состоящіе изъ шелка, бязей, нестрядей, кушаковъ, кафтаноръ, венденей, выбоекъ и киндяковъ, были описаны и оцѣнены въ 4892 р., и съ него взята поручная запись, что въ случаѣ указа онъ обязуется въ послѣдствіи уплатить слѣдуемые за нихъ 171 р. 6 алтынъ съ деньгою пошлины. Однако государь указалъ не взыскивать пошлины, на томъ основаніи, что о томъ купчинѣ и товарахъ своихъ писалъ къ нему бухарскій царь[2] и что персидскіе шаховы купцы пользуются безпошлинностью. Хозя-Такулый доѣхалъ впрочемъ лишь до Ярославля, откуда въ качествѣ ханскаго купца получилъ казенный стругъ (судно) и проѣзжую грамоту на обратный путь до Астрахани.

Но рядомъ съ такимъ покровительствомъ азіятскимъ правительственнымъ купцамъ, мы видимъ и нѣкоторыя любопытныя ограниченія ихъ торговли. Такъ, въ 1640 году въ Тобольскъ пришелъ бухарскій посолъ съ подарками государю и просилъ отпустить ему кречетовъ и мѣховъ. По государеву указу ему было объявлено, что если ханъ хочетъ милости и любви царской, то посылалъ бы пословъ и купчинъ на Астрахань, а изъ Сибири де къ Москвѣ дорога дальняя и послы не ходятъ, и хотя послу и дано было государево жалованіе сукномъ англійскимъ и подарки его приняты, но кречетовъ и мѣховъ давать ему не велѣно.[3]

Насколько были дѣйствительны и насколько соблюдались указы государя о непричиненіи обидъ и притѣсненій иноземнымъ купцамъ,

---

[1] Проѣзжая грамота Имамъ Кулы въ Бухарскихъ дѣлахъ, 1633.

[2] Чрезъ хивинскаго посланника.

[3] Костомаровъ указываетъ на запрещеніе въ половинѣ XVII в. торговли мѣхами тобольскимъ бухарцамъ.

мы можемъ заключить изъ массы сохранившихся челобитныхъ разныхъ иноземныхъ купцовъ на воеводъ и бояръ Астрахани, Саратова, пограничныхъ мѣстъ, такъ что царямъ нерѣдко приходилось прибѣгать къ „пристрастью“. Такъ въ дѣлѣ 1620 года объ отправленіи въ Бухару посланника Хохлова имѣется челобитная царю Михаилу Ѳедоровичу бухарскаго купца, пріѣхавшаго съ Хохловымъ изъ Бухаріи, о томъ, что съ его и государя его товаровъ въ Астрахани взята вся пошлина, слѣдуемая съ него, и онъ отпущенъ вверхъ, но тѣмъ не менѣе Саратовскій воевода взялъ съ него новыя посулы деньгами и товарами, и наконецъ, въ Москвѣ опять взята пошлина. Царю пришлось прибѣгнуть къ пристрастью, и онъ послалъ указъ саратовскому воеводѣ возвратить неправильно взятое у бухарца, причемъ ему объяснено, что посулу онъ взялъ воровствомъ и измѣною, а не по государеву указу, и тѣмъ его государеву имени отъ иноземцевъ нечестье приносится; поэтому указано ему впредь у иноземцевъ посулъ и поминокъ не брать ничего, и государеву имени нечестья не чинить, а „буде впередъ кто иноземецъ на тебя въ посулахъ и въ поминкахъ побьетъ челомъ и тебѣ отъ насъ быти казнену смертью“.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о сношеніяхъ съ Персіею.

Средоточіемъ персидской торговли для Россіи была Астрахань, которая вела эту торговлю чрезъ Дербентъ (Дорбанское пристанище). Въ Астрахани персидскіе купцы имѣли особый дворъ—Гилянскій и они пріѣзжали на государевыхъ бусахъ. Купцы, пріѣзжавшіе со своими товарами, платили довольно высокую пошлину (за исключеніемъ, конечно, пользовавшихся личною привилегіею на безпошлинность) [1], купцы же присылаемые отъ шаха съ его товарами, были не только освобождены отъ платежа пошлинъ, но пріѣзжали въ

[1] Въ бухарскихъ дѣлахъ 1633 г. мы находимъ выписку царскаго указа, что если въ Астрахань пріѣдутъ изъ шаховой (персидской) земли торговые люди, то спросивши у нихъ товарныя росписи, переписать шаховы и ихъ товары, оцѣнить ихъ и брать пошлины большія; также пускать ихъ далѣе въ Казань и другіе города по уплатѣ проѣзжихъ пошлинъ, а шаховы товары пропускать безпошлинно. Съ персіянина, везшаго изъ Казани въ Москву товаровъ на 43070 р. слѣдовало проѣзжихъ пошлинъ 430 р. 23 алтына 2 деньги (по 2 деньги съ рубля); въ Казани онъ оставилъ мягкихъ товаровъ на 2900 руб., да вѣсчихъ на 2740 руб., съ которыхъ съ продажи слѣдовало взыскать 435 руб. 3 алт. 2 деньги; такъ какъ онъ ѣхалъ къ государю, то онъ былъ освобожденъ отъ проѣзжихъ и торговыхъ пошлинъ астраханскихъ и казанскихъ.

Москву на казенныхъ подводахъ и судахъ и въ дорогѣ пользовались казеннымъ содержаніемъ. Впрочемъ не всѣ товары, присылаемые съ шаховыми купцами, освобождались отъ пошлинъ, а только именно шаховы, и уже въ 1621 г. указано [1] было требовать у нихъ представленія росписей шаховымъ товарамъ; случалось, что царь жаловался шаху на его купцовъ, что они выдаютъ свои частные товары за его, шаховы, и такимъ образомъ уклоняются отъ платежа пошлинъ [2]. Вѣроятно злоупотребленія были велики, потому что въ 1638 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ писалъ шаху, чтобъ онъ или посылалъ росписи своимъ товарамъ, или же чтобы была установлена пошлина со всѣхъ товаровъ на обѣ стороны [3]. Далѣе, ограничена была торговля мѣхами съ Персіею [4]. Главнымъ предметомъ вывоза изъ Персіи былъ шелкъ сырецъ, и на ряду съ политическими интересами, съ переговорами, касающимися взаимной поддержки въ борьбѣ противъ Турціи, [5] вопросъ о вывозѣ въ Россію шелка былъ главнымъ объектомъ сношеній между московскимъ и персидскимъ дворомъ.

Подобно, какъ и прежде, мы встрѣчаемъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ опять-таки конкурренцію иностранцевъ въ торговлѣ Россіи съ Персіею. Не говоря уже о томъ, что еще въ 1614 году, слѣдовательно при самомъ началѣ сношеній Россіи съ Голландіею, шталгалтеръ Нидерландъ Маврикій Оранскій и Нассаускій въ грамотѣ къ царю просилъ о пропускѣ амстердамскихъ купцовъ Витсена съ товарищи чрезъ Россію въ Арменію и Персію для торговли; въ 1615 году въ Москву пріѣхалъ голландскій посланникъ Исаакъ Маасъ, предлагавшій желаніе Статовъ содѣйствовать примиренію Россіи съ Швеціей, и какъ бы въ вознагражденіе за это, онъ просилъ дозволить голландцамъ свободную торговлю въ Россіи, а голландской компаніи—ѣздить съ товарами чрезъ Россію въ Арменію, Персію и Бухару. Впрочемъ царь отвѣчалъ на эту просьбу встрѣчною просьбою помочь ему деньгами и пушечнымъ запасомъ противъ Польши и Швеціи, относитель-

---

[1] Персидскія дѣла 1621, № 2.

[2] См. напр. персидскія дѣла 1631, № 2. Ср. также грамоту 1641 г., № 32 съ жалобою на ложное именованіе товаровъ шаховыми.

[3] Персидскія дѣла 1638, № 1.

[4] Въ 1621 году запрещено было въ Астрахани продавать персидскимъ купцамъ хорошихъ птицъ,—ястребовъ, соколовъ и лучшихъ соболей, лисицъ, горностаевъ и бѣлокъ, „дабы не одешевить чрезъ то посылаемые отъ государя шаху подарки“. См. персидскія дѣла 1621, № 1 и 3, связ. 3 а.

[5] См. Карамзина, IX прим. 249 и 256; X гл. 1 и 3.

не ихъ торговли съ Персіею обѣщалъ „впредь учинить разсмотрѣніе". Этимъ дѣло пока и ограничилось [1].

Не болѣе успѣха имѣли и англичане, не отказавшіеся еще отъ мысли завести торговлю съ Персіею, Индіею и Китаемъ чрезъ Россію. Въ концѣ 1614 года въ Москву пріѣхалъ англійскій посолъ князь Иванъ Ульяновъ Мерикъ съ поздравленіемъ Михаила Ѳеодоровича со вступленіемъ на престолъ, съ предложеніемъ посредничества въ примиреніи Россіи со Швеціею и съ просьбою о дозволеніи англійскимъ купцамъ ѣздить Волгою съ товарами въ Персію и о незапрещеніи англичанамъ искать пути въ восточную Индію рѣками Обью и Леною. Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ посредничество; въ 1617 году миръ былъ заключенъ, и вслѣдъ за тѣмъ Мерикъ подалъ царю проектъ для заключенія вѣчнаго договора о мирѣ, дружбѣ и союзѣ. Договоръ былъ дѣйствительно заключенъ въ 1623 году, но торговля съ Персіею чрезъ Россію не была разрѣшена англичанамъ. Повидимому и просьба посланника Ричарда Свифта въ 1627 г. о дозволеніи англичанамъ торговли въ Россіи персидскимъ шелкомъ сырцомъ также осталась безъ послѣдствій [2].

Удачнѣе повела въ этомъ отношеніи дѣло Голштинія. Въ 1634 году прибывшіе въ Москву отъ голштинскаго герцога Фридриха посланники Филиппъ Крузіусъ и Отто Брюгеманъ предложили русскому правительству проектъ въ 7 статьяхъ о учрежденіи чрезъ Россію съ Персіею голштинской торговли. Царь согласился; разрѣшено было голштинской торговой компаніи на 10 лѣтъ торговать чрезъ Россію съ Персіею, съ условіемъ ежегодной уплаты въ казну по 600.000 ефимковъ, или по 300.000 руб., и съ обязательствомъ не вывозить изъ Россіи такихъ товаровъ, которыми торговали русскіе,—именно издѣліями шелковыми, бумажными и металлическими [3]. Въ 1636 году съ голштинскими послами отправленъ былъ въ Персію въ посланникахъ Ал. Романчуковъ, а въ 1638 году шахъ отправилъ посольство въ Голштинію [4]. Хотя въ 1635, а затѣмъ и въ 1639 году герцогъ прислалъ ратификацію на заключенную его послами съ боярами въ по-

[1] См. Голландскія дѣла указанныхъ годовъ.

[2] См. Англійск. грамоты 1626 г. № 37. Не слѣдуетъ однако думать, чтобъ Англія не была въ это время ни въ какихъ сношеніяхъ съ Персіею,—она имѣла тамъ купеческую контору и посылала къ шаху посольства. Эти посольства иногда ходили черезъ Россію. См. Англійск. грам. 1629 г. № 42, 1630 г. № 46 и 47.

[3] Голштинскія грамоты и трактаты 1634—1635.

[4] Персидскія дѣла, связ. 5 a, 1636, № 1 и 5 b, 1638, № 2.

сольскомъ приказѣ запись, хотя она была подтверждена въ 1639 г. и царемъ, но повидимому [1] условія договора найдены были на практикѣ невыгодными; по крайней мѣрѣ въ 1640 году герцогъ прислалъ Михаилу Ѳеодоровичу грамоту, въ которой просилъ уничтожить заключенный въ 1634 г. договоръ, ссылаясь на то, что будто посолъ Брюгеманъ заключилъ его не по даннымъ ему наказамъ, а воровскимъ образомъ, единственно въ свою пользу, причемъ извѣщалъ, что за это онъ былъ подвергнутъ суду и получилъ смертную казнь. Между тѣмъ въ другой грамотѣ къ царю, 1643 года, онъ уже ссылается на то, что голштинская торговля съ Персіею прекращена потому, что на нее не было получено дозволенія отъ шаха [2].

III.

Особенное вниманіе на азіятскую торговлю обращено было московскимъ правительствомъ въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Именно, въ первый же годъ по вступленіи его на престолъ, лѣтомъ 1646 года, изъ Москвы отправлено было одновременно три посольства: одно въ Персію—посолъ кн. Козловскій, другое къ бухарохивинскому хану—торговый человѣкъ Анисимъ Грибовъ, и третье—къ индійскому шаху—гонцы купецъ Никита Сыроѣжинъ и Василій Тушкановъ. Всѣ три посольства имѣли одинъ общій предлогъ—извѣстить азіятскихъ государей и владѣльцевъ о вступленіи Алексѣя Михайловича на престолъ и заявить имъ о его готовности поддерживать съ ними дружественныя и торговыя сношенія; но наиболѣе серіозное, государственное значеніе имѣли посольства въ Персію и въ Индію, и лишь второстепенное—въ Бухару, Хиву и Балхъ.

За послѣднее десятилѣтіе царствованія Михаила Ѳедоровича мы имѣемъ нѣсколько грамотъ къ царю отъ бухарскаго, хивинскаго и балхинскаго хановъ и нѣсколько отвѣтныхъ грамотъ царя. Первыя имѣютъ главнымъ предметомъ выхлопотать возможно большія льготы для своихъ купцовъ и выпрашиваніе поминковъ, въ родѣ кречетовъ и соболей [3]); вторыя—освобожденіе русскихъ невольниковъ. Сношенія

---

[1] За недостаточностію документовъ трудно сказать тутъ что-нибудь опредѣленное.

[2] См. голштинскія грамоты 1640, 1641 и 1643 гг.

[3] Напр. грамота балхинскаго хана Надыръ-Магмета 1640 года (№ 1) присланная съ посломъ Ходже-Ибраимомъ (въ 1643 г.).

съ этими странами затруднялись разбоями калмыковъ [1]). Тѣмъ не менѣе однако, въ 1642 году царь Михаилъ Ѳедоровичъ отправилъ въ Юргенчъ къ царю Сеиту и въ Бухару къ царю Надырь Магомету посланника Савина Горохова и при немъ торговаго человѣка Анисима Грибова съ грамотою, въ которой предлагалъ заведеніе правильныхъ съ обѣихъ сторонъ торговыхъ сношеній и просилъ объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ. Такъ какъ Гороховъ на пути [2] умеръ, то посольство справилъ Грибовъ [3], вернувшійся въ концѣ 1643 года. Вслѣдъ за нимъ въ 1644 г. прибыли въ Москву бухарскій посолъ Кузей (Казекъ-бей) Нагай и гонецъ Шихъ-Баба привезшіе отъ хана Надырь-Магомета грамоты (марта 7151—1643 г.) къ Михаилу Ѳедоровичу, въ которыхъ ханъ увѣдомлялъ о завоеваніи имъ балхинскаго и юргенскаго (хивинскаго) царства и многихъ земель и городовъ [4] и о содержаніи въ своемъ покровительствѣ дѣтей царя Исфендіара, извѣщалъ о доставленіи ему грамоты Грибовымъ, при чемъ изъявлялъ желаніе сохранить существовавшую при ихъ прародителяхъ дружбу, и чтобъ съ обѣихъ сторонъ по прежнему торговые люди ходили „съ торгомъ безъ урыву, здорово и безстрашно, лучше прежняго“, но просилъ, чтобъ возвращены были пошлинныя деньги 240 рублей взятыя въ Астрахани съ юргенскаго купчины Шихъ Бабы. Относительно-же требованія Государя объ освобожденіи русскихъ плѣнниковъ обѣщалъ исполнить его, но подъ условіемъ если Государь освободитъ находящихся въ Россіи нагайцевъ и другихъ людей магометанскаго закона [5].

Михаилъ Ѳедоровичъ отвѣчалъ грамотою отъ 14 мая 7153—1645 г., отправленною съ бухаро-хивинскими послами. Въ ней онъ изъявилъ согласіе на взаимную пересылку и повольную торговлю обоюдныхъ подданныхъ купцовъ, выговаривалъ Надыръ-Магомету, что возражая противъ отпуска содержащихся во владѣніяхъ его русскихъ плѣнныхъ и предъявляя непристойное требованіе объ отпускѣ изъ Россіи нагайцевъ и другихъ магометанъ, онъ поступилъ не пригоже

---

[1] См. ту же грамоту и отвѣтъ царя 25 мая 1643 (7151 г.) и дѣло о пріѣздѣ балхинскаго посла Ходжи-Ибраима въ Балханск. дѣлахъ 1643—1644 г. № 1 и 2. Также бухарск. дѣла 1639 г. № 1.

[2] На Кабалыклейскомъ пристанищѣ.

[3] Статейн. списокъ его въ Хивинскихъ (Юргенскихъ) дѣлахъ 1642—1643 гг.

[4] Между прочимъ упомянуты Бадакшанская земля, Башанъ, Ташкентская, Тюркистанская и Туранская земли, Самарханъ, Майменю, Кундузъ, и др.

[5] Бухарск. грамоты № 5 и 6.

и нелюбительно, такъ какъ нагайскіе мурзы съ улусными своими людьми искони вѣчные предковъ его, царей Россійскихъ холопи, а у Бухарскихъ они въ послушаніи николи не бывали. Поэтому Михаилъ Ѳедоровичъ убѣждаетъ царя, чтобъ онъ, отложивъ такія не дѣльныя условія для дружбы его Государевой, непремѣнно отпустилъ тѣхъ плѣнниковъ, и даетъ знать, что изъ уваженія къ просьбѣ его возвращены взятыя въ Астрахани пошлины не только съ купчины Шихъ-Бабы, но и съ прежняго юргенскаго гонца Низеріалика и посла Эминь-Багатыря и что въ угодность ему посылаются четыре кречета и два пуда кости рыбья зуба [1] [2].

Такимъ образомъ купчина Анисимъ Грибовъ былъ уже знакомъ съ среднею Азіею. Поэтому Алексѣй Михайловичъ, отправляя лѣтомъ 1646 года посольство въ Персію, отправилъ вмѣстѣ съ нимъ Грибова и подъячаго Львова съ товарищи, съ поминками и грамотою къ Бухарскіе [3] и Балхинскіе и Юргенскіе земли Начальнику, Надыръ-Магомету. Въ грамотѣ этой Алексѣй Михайловичъ писалъ, что какъ между предками ихъ, государей, была всегдашняя дружба, любовь и ссылка, а между подданными обѣихъ сторонъ производилась торговля, то и нынѣ, желая подобно Надырь-Магомету, продолженія такихъ-же дружественныхъ сношеній свыше прежняго, отправляетъ онъ къ нему съ извѣстительною грамотою о кончинѣ отца своего, царя Михаила Ѳедоровича и о вступленіи своемъ на престолъ, и съ товарами Анисима Грибова. Извѣщая о томъ, что взятыя было съ ханскаго купчины Шихъ Бабы въ Астрахани пошлины 240 р. были ему возвращены, царь просилъ освободить и Грибова отъ уплаты пошлинъ и чтобъ впредь между обоими государствами происходила взаимная ссылка послами и купцами безъ урыву. Наконецъ царь просилъ хана объ оказаніи ему первой дружбы и любви отпускомъ русскихъ плѣнныхъ [4]. Въ поминкахъ отправлено были 3 кречета, 17 сороковъ со-

---

[1] Бухар. гр. № 7; ср. также въ Бухарск. дѣлахъ св. 2, 1644—1645 Пріѣздъ и отпускъ Бухарскаго посольства Казей бекъ Нагая и Шихъ-Бабы.

[2] По свидѣтельству Флетчера рыбьи зубы или клыки моржевые или особенно въ Азію, Персію, Бухарію. Изъ нихъ дѣлали лекарственный порошокъ, будто бы уничтожающій дѣйствіе яда. Также или на рукоятки и пр. Карамзинъ, XI, гл. 4.

[3] Юргенчъ, Бухара и Балхъ составляли въ это время одно ханство; см. выше.

[4] Бухарск. грам. 7154—1646 г. іюня 14, № 8. Бухар. дѣла, 1646: отправленіе Грибова.

болей добрыхъ, 12 лисицъ и пудъ кости рыбья зуба; государева купецкая казна, цѣною на 1000 рублей, состояла изъ мѣховъ и рыбья зуба.

Такимъ образомъ эта вторичная отправка Грибова имѣла главною цѣлью довершеніе начатаго при Михаилѣ Ѳедоровичѣ дѣла — выкупа и освобожденія русскихъ невольниковъ,—объ этомъ онъ долженъ былъ промышлять неоплошно, съ великимъ радѣніемъ накрѣпко. О торговлѣ въ грамотѣ Алексѣя Михайловича говорится только, что желательно было бы ея развитіе, и—понятно—въ виду такого же заявленія бухарскаго хана, требуется взаимность, т. е. безопасность и льготы русскимъ купцамъ въ Бухарѣ одинаковыя съ тѣми, какими пользовались бухарскіе купцы въ Московскомъ государствѣ. Но, повторяемъ, это былъ отвѣтъ русскаго правительства: просьба о свободѣ торговли все-таки исходила отъ азіятовъ, ибо они находили главную выгоду и интересъ въ ней. Для русскихъ же купцовъ и русскаго правительства бухарскіе товары не представляли такой приманки, ради которой стоило бы пускаться въ опасныя активныя торговыя сношенія съ этими разбойничьими странами. Думаемъ, что помимо главной цѣли—освобожденія невольниковъ,—правительство Алексѣя Михайловича при отправленіи Грибова въ среднеазіятскія ханства, если и интересовалось сношеніями съ ними, то вовсе не ради ихъ самихъ и даже не ради торговыхъ сношеній съ ними, въ продолженіи коихъ оно могло быть увѣрено, а въ виду другихъ, болѣе существенныхъ и солидныхъ, такъ сказать, разсчетовъ.—Основаніемъ и оправданіемъ такого предположенія служитъ для насъ наказъ, данный Грибову.

Въ наказѣ Грибову предписано было ѣхать изъ Астрахани моремъ въ Персію и чрезъ Фарабатъ, Старабатъ, Мешетъ и Мервъ до Бухаріи кратчайшею и безопаснѣйшею дорогою и поспѣшно отнюдь нигдѣ не платить. Кромѣ главнаго дѣла — выкупа и освобожденія невольниковъ, въ наказѣ отведено видное мѣсто лишь развѣданіямъ объ Индіи. Грибовъ долженъ былъ развѣдать объ отношеніяхъ среднеазіатскихъ владѣльцевъ къ Турціи, Персіи и Индіи, и объ ихъ политическомъ положеніи, и разузнать: въ индѣйское государство отъ государевой отчины отъ Астрахани куда ходить пошатнѣе,—на Юргенчъ или на Бухары или на Кизилбашскіе (персидскіе) города, а изъ Бухаръ и изъ Юргенча на которыя мѣста и сухимъ ли путемъ или водянымъ или горами въ Индію путь, и на которой украйный городъ индѣйскаго царя пріѣзжаютъ, и сколько отъ котораго города и мѣста до котораго города и мѣста дорогою считаютъ верстъ или милей или днищъ и на одно ли мѣсто и городъ изъ Юргенчъ и изъ Бухаръ въ Индію дорога лежитъ или разныя дороги, и какіе люди отъ тѣхъ до-

родовъ по дорогѣ до индѣйскаго государства живутъ, и они послушны ли бухарскому или юртенскому государству, или-же которые князья особные живутъ, и будетъ особные, то нѣтъ ли отъ нихъ проѣзжимъ служилымъ и торговымъ людямъ шкоды. Обо всемъ этомъ приказано Грибову узнать накрѣпко всякими мѣрами и многими вѣдущими людьми.

Сопоставляя эти вопросы съ отправкою Тушканова и Сыроѣжина къ Индійскому царю, мы получаемъ полную возможность высказать предположеніе, что оба эти посольства направлены были къ одной общей цѣли, заключавшейся въ открытіи сношеній съ Индіею.

Съ развитіемъ нашей торговли съ среднею Азіею и Персіею, московское правительство и купечество должны были постепенно ознакомиться и съ Индіею. Бухарцы и персидскіе армяне привозили въ Россію индійскіе товары. Правда, эти товары не могли разсчитывать на обширный сбытъ въ бѣдномъ московскомъ государствѣ, но мы видѣли, какъ сильно добивались у московскаго правительства разрѣшенія искать пути въ Индію, англичане и голландцы,—московское правительство могло разсчитывать извлечь изъ заведенія торговыхъ сношеній съ Индіею для казны значительную выгоду; къ тому же въ началѣ XVII в. индійское государство было уже повидимому настолько „вѣдомо", что московскій дворъ нашелъ возможнымъ вступить въ дружественныя сношенія съ владѣтелемъ Индіи. Поэтому въ 1646 году, при отправленіи въ Персію посла кн. Козловскаго, царь Алексѣй Михайловичъ назначилъ и отправилъ съ нимъ къ индійскому шаху Джагану Саадагѣ въ гонцахъ казанскаго купца Никиту Сыроѣжина и астраханскаго жителя Василія Тушканова. Имъ дана была „любительная грамота", въ которой царь, именуя себя полнымъ царскимъ титуломъ, сообщалъ „брату нашему искреннему государю, высокопрестольному Шахъ Джаганову величеству Индійскому и всея восточныя страны повелителю" знаменитость „изъ древнихъ отъ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ на великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго Царствія" правящаго поколѣнія прародителей своихъ „отъ рода Августа кесаря, обладающаго всею вселенною, отъ средечи его отъ великаго князя Рюрика" и до Михаила Ѳеодоровича приемъ перечислены знаменитѣйшіе князья и цари русскіе, имена которыхъ „во всѣхъ великихъ государствахъ славились"; упомянувъ затѣмъ, что „великія ихъ государства Россійскія распространились, и многіе окрестные великіе государи христіанскіе и мусульманскіе съ ними, великими государи, сыскались, а иные у нихъ великихъ государей помощи искали; а они, великіе государи Россійскіе, многимъ великимъ государямъ споспѣшествовали и помощь подавали, царь объясняетъ

почему у нихъ съ Индійскими государями не было ссылки: а отъ предки вашими съ Индійскими великими государи цари и съ вами, великимъ государемъ за дальнимъ разстояніемъ пути у нихъ, великихъ государей, предковъ нашихъ и у отца нашего, великаго государя, ссылки и любви не бывало, и послы и посланники не посылываны. А нынѣ мы, великій государь, наше царское величество, слыша то, что братъ нашъ, великій государь, высокостольнѣйшаго мѣста и превысочайшія и прехвальныя степени великосдержатель, Персидскія и Ширванскія земли начальникъ, Абасъ-Шахово величество съ вами, великимъ государемъ, съ Шахъ-Джагановымъ величествомъ въ пріятной дружбѣ и въ любви и ссылкѣ, по премногу радуемся, что межь вами, великими государи, таковая великая и пріятная дружба и любовь, и ссылка, и желаемъ вамъ обоимъ многолѣтняго добраго здравія и всякаго добра, и на государствахъ вашихъ счастливаго пребыванія и надъ недруги вашими побѣды и одолѣнія, и хотимъ мы, великій государь, наше царское величество, съ вами, великимъ государемъ, отъ нынѣшняго времени впредь быти въ братской пріятной, въ крѣпкой дружбѣ, и въ любви и въ ссылкѣ также, какъ мы великій государь въ крѣпкой братской дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ съ высокостольными великими государи съ Турскими салтаны и съ Персидскими шахи и съ иными окрестными великими государи братьями нашими. И нынѣ послали мы... съ сею нашею любительною грамотою нашихъ дѣтинихъ, кончиковъ... а велѣли имъ ее вамъ, брату нашему, великому государю, подать и про наше великаго государя здоровье сказать, а ваше, брата нашего, великаго государя здоровье видѣть и о дружбѣ и о любви напомянуть: и вамъ бы, брату нашему, великому Шахъ-Джаганову, величеству отъ нынѣшняго времени съ нами, великимъ государемъ, быти въ крѣпкой братской дружбѣ и любви такъ же, какъ съ нами окрестные великіе государи въ дружбѣ и любви и въ ссылкѣ безъ урыву. А что у насъ великаго государя въ нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія вамъ, брату нашему, будетъ годно, и вамъ бы брату нашему, съ нами о томъ обосдаться послы или посланники и о всемъ съ ними отписати и мы, великій государь, вамъ брату нашему великому государю за то не постоимъ." Наконецъ царь проситъ не подивить на него, если въ грамотѣ именованіе и титла его Индійскаго величества писаны коротко, потому что ему самому про то вѣдомо подлинно, что между предками ихъ, великими государями Россійскими и Индѣйскими, николи ссылокъ не бывало, и потому какъ онъ въ своихъ грамотахъ въ имянованьѣ и въ титлѣ своей описуется, невѣдомо. Однако царь надѣется, что въ своей отвѣтной грамотѣ

шахъ Индѣйскій опишетъ ихъ, и тогда впредь онъ, царь, въ грамотахъ своихъ къ нему будетъ писать полное его именованіе и титло во всемъ по его великаго государя достоинству, какъ онъ самъ себя въ своихъ грамотахъ и титлахъ описуетъ [1].

Такъ какъ гонцы въ Индію отправлены были при посольствѣ князя Козловскаго, ѣхавшемъ въ Персію, то государь въ грамотѣ къ Шахъ-Аббасу II просилъ его оказать имъ свое покровительство и дать имъ конвой до индійской границы.

Надо еще замѣтить, что „вмѣсто подмоги" Сыроѣжину и Тушканову разрѣшено торговать своими товарами безпошлинно на 2.500 р. и что велѣно было гостю купчинѣ Даніилѣ Панкратьеву съ товарищи отпустить съ ними въ Индію царскихъ товаровъ, которые на индійскую руку пригодятся, на три или на четыре тысячи рублей.

Для уясненія цѣлей, которыми задавалось русское правительство въ XVII вѣкѣ, вступая въ сношенія съ Индіей, чрезвычайно важенъ и много любопытнаго представляетъ данный Сыроѣжину и Тушканову наказъ или инструкція о томъ, на что имъ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе въ Индіи, како вести себя и что говорить. Въ этомъ порядкѣ мы и разсмотримъ наказъ. Прежде всего мы укажемъ на вопросы касающіеся индійской культуры и политическіе, за тѣмъ на вопросы собственно экономическіе и, наконецъ перейдемъ къ предписанному въ наказѣ церемоніалу и къ инструкціи касательно отвѣтовъ которые слѣдовало давать на могущіе быть предложенными вопросы.

Начинается наказъ подробными вопросами касательно индійской вѣры и богослуженія, количества городовъ въ Индіи и построекъ—деревянныя онѣ или каменныя, каковъ дворецъ шаха и каково устройство домовъ. Затѣмъ идутъ вопросы касающіеся политическаго и экономическаго положенія Индіи и политическихъ и экономическихъ отношеній ея къ другимъ государствамъ.

Такъ напримѣръ гонцамъ предписано разузнать достаточно, какіе узорочные товары и какое каменье бываетъ въ Индіи и тутъ ли тѣ товары дѣлаютъ, а каменье добываютъ, или откуда привозятъ; бархаты и атласы золотные и гладкіе, камки и тафты дѣлаютъ ли или привозятъ, а если привозятъ, то въ которые города и изъ какихъ государствъ, какимъ путемъ,—сухимъ или морскимъ,—близко ли или далеко тѣ государства. Обо всемъ этомъ имъ, посланникамъ, провѣ-

[1] Напечатана въ статьѣ Малиновскаго о сношеніяхъ съ Индіею въ Трудахъ Общ. Ист. и Др. Росс. 1837, ч. VII; копія въ индійскихъ дѣлахъ 1646 іюня 21-го: Отправленіе въ Индію росс. гонцевъ Н. Сыроѣжина и В. Тушканова.

дать отлично въ стольномъ городѣ Лагурѣ и по инымъ городамъ, чрезъ которые они будутъ проѣзжать, а если имъ про то тайно провѣдать не можно будетъ, то сказать приставу который будетъ къ нимъ прикомандированъ, чтобы позволилъ имъ идти погулять въ рядахъ посмотрѣть всякихъ товаровъ которые въ Индѣйскомъ царствѣ ведутся, и при этомъ про то довѣдаться подлинно, также и про цѣны прямыя, по которымъ индѣйцы сами покупаютъ тѣ товары и въ какую цѣну продаютъ, причемъ для подлиннаго вѣдома купить всякихъ товаровъ по невелику. Наконецъ узнать и о томъ, что стоитъ провозъ отъ котораго города и до котораго съ пуда или съ вьюка. А буде которые товары къ нимъ приходятъ изъ нѣмецкихъ и изъ иныхъ государствъ, а такіе же товары бываютъ и въ Московскомъ государствѣ или прямые Московскаго государства городовъ товары, то всякими мѣрами довѣдаться прямыя цѣны такихъ товаровъ, почемъ какіе привозные товары въ Индіи покупаются и продаются, и сколько такимъ привознымъ товарамъ въ Индіи расхода, и которые нѣмецкіе и русскіе привозные товары лучше въ Индіи любятъ, сколько съ нихъ пошлинъ берется и чѣмъ—товарами или ефимками. Узнать, какіе товары прибыльнѣе у нихъ покупать, и какіе—къ нимъ посылать въ Индійское царство и на сколько цѣною какихъ товаровъ доведется къ нимъ послать и торгъ впредь будетъ проченъ ли и ожидаютъ ли въ торгу большой прибыли. Родится ли въ Индіи хлѣбъ, какой и много ли? какія пряныя зелья и овощи въ Индійской землѣ и въ которыхъ городахъ какія родятся, какова ихъ цѣна или на какіе товары ихъ обмѣниваютъ? А Нѣмцы моремъ многими ли кораблями, съ какими товарами и великимъ ли торговымъ промысломъ приходятъ въ Индію и въ которые индѣйскіе города приходятъ, въ подданствѣ ли тѣ города у шахъ-Джагана.

Изъ всѣхъ этихъ разспросовъ, изъ той тщательности и подробности, съ которою гонцамъ предписано разузнавать о торговлѣ иностранцевъ въ Индіи едва ли будетъ ошибочно сдѣлать предположеніе, что московское правительство имѣло уже нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой торговлѣ, и что оно имѣло въ виду между прочимъ конкурировать въ индійской торговлѣ съ иностранцами, даже (принимая во вниманіе попытки его проложить великій, транзитный путь изъ Персіи въ Европу чрезъ Россію) быть можетъ проложить великій торговый путь въ Европу изъ Индіи чрезъ Россію. Понятно, что при первой попыткѣ на этомъ пути Московское правительство интересовалъ вопросъ о томъ, какъ отнесутся въ Индіи къ торговлѣ съ Россіей; поэтому гонцамъ предписывается провѣдать всякими мѣрами крѣп-

ко тайнымъ дѣломъ чрезъ русскихъ полоняниковъ, въ комъ чаютъ правду, или смотря по тамошнему дѣлу „приворня и подаря чѣмъ пригоже“ приставовъ, которые при нихъ будутъ, или чрезъ иныхъ достовѣрныхъ людей о томъ, какъ шахъ индѣйскій къ великому государю любителенъ ли и дѣйствительно ли онъ радъ присылкѣ Микиты съ товарищи отъ государя и впредь съ великимъ государемъ въ братствѣ и въ дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ быть хочетъ ли и пословъ своихъ и посланниковъ къ государю вскорѣ послѣ ихъ (Никиты съ товарищи) или вмѣстѣ съ ними пошлетъ ли и съ какими товарами, а впредь купчинъ своихъ съ товарами своими присылать и торговымъ своимъ людямъ въ Московскомъ государствѣ торговать изволитъ ли. Да и въ торговыхъ и во всякихъ чиновъ людяхъ въ Индѣянахъ про то провѣдать и разговаривать—рады ли они государевой присылкѣ къ государю своему и торговать торговые люди ѣхать въ Московское государство хотятъ ли; и тѣмъ индѣянамъ всякихъ чиновъ и торговымъ людямъ великого государя нашего ко всѣмъ пріѣзжимъ иноземцамъ милость и жалованіе хвалить и выславлять, какъ они при его царской милости живутъ и торгуютъ всякими товарами повольною торговлею, и про русскіе товары индѣянамъ торговымъ сказывать и по тому же хвалить и выславлять.

Далѣе, о политическихъ отношеніяхъ индѣйскаго шаха къ другимъ государямъ, предписывается послу развѣдать: какъ нынѣ и въ какой мѣрѣ онъ съ турскимъ Ибрегимъ салтаномъ и съ персидскимъ Аббасъ-шахомъ, съ бухарскимъ, балханскимъ и юргенскимъ и съ грузинскимъ царями и съ иными великими государями съ кѣмъ въ дружбѣ и любительной послами ссылкѣ и съ кѣмъ въ недружбѣ, и сколь сильна Индѣянская земля ратными людьми и казною, и какимъ строемъ тѣ ратные люди, сколько конныхъ и сколько пѣшихъ, каковы они въ бою, какъ вооружены—огненнымъ ли боемъ—съ кѣмъ у нихъ война, и за какія причины, и кто кому силенъ, а будетъ у нихъ съ кѣмъ война, то какъ давно, и впередъ между ними чего чаять — мира ли или войны. И вообще, съ которыми государствами у шаха бываетъ война, и сухимъ ли путемъ или бываетъ съ кѣмъ война у него и моремъ. Съ какими государствами Индія граничится, защищена ли индѣйская граница крѣпостями, есть ли у индѣйскаго шаха флотъ, и великъ ли онъ. Есть ли подвластные шахъ-Джагану цари, одной ли съ нимъ вѣры, какую дань они ему платятъ и имѣютъ ли свои особыя войска; западная Индія подъ шаховымъ ли владѣніемъ состоитъ или она составляетъ особое государство, и онъ самъ не въ подданствѣ ли того государства западной Индіи.

Гонцамъ предписывается также разузнать, какъ изъ Россіи въ Индію проѣхать удобнѣе и безопаснѣе,—изъ Астрахани чрезъ Персію, или же чрезъ Юргенчъ или Бухарію или инымъ путемъ и при томъ, какими именно городами; сколько по ближайшей и безопаснѣйшей дорогѣ числится верстъ, миль или дней до стольнаго города Лагура и отъ одного города до другаго водянымъ или сухимъ путемъ, на лошадяхъ или на верблюдахъ, и по скольку платятъ за провозъ съ каждаго вьюка. Обо всемъ этомъ гонцамъ приказано собрать точныя и вѣрныя свѣдѣнія всякими мѣрами и многими вѣдущими людьми, при чемъ смотрѣть, чтобы кто чего ложно на смуту не сказалъ, послѣ чего обо всемъ вывѣданномъ написать въ статейномъ спискѣ (посольскомъ журналѣ) подлинно и подробно.

Любопытны наконецъ инструкціи, касающіяся церемоніальныхъ вопросовъ. По прибытіи въ первый индійскій городъ послы должны были объявить владѣтелю его, что посланы они отъ великаго государя къ шахъ-Джаганову величеству въ гонцахъ о ихъ государскихъ дѣлахъ и онъ бы объ ихъ пріѣздѣ къ государю своему отписалъ и ихъ къ нему отпустилъ, далъ имъ кормъ и подводы по посольскому обычаю; а если въ какомъ городѣ учнутъ имъ говорить того города начальники или приказные люди, чтобъ они шли къ нимъ на дворъ и царевы грамоты имъ отдали, и Микитѣ къ шахъ-Джагановымъ приказнымъ людямъ не ходить и царскихъ грамотъ не отдавать и рѣчей съ ними большихъ не плодить, а говорить: „прислалъ насъ великій государь нашъ къ брату своему, къ великому государю къ шахъ-Джаганову величеству со своею любительною грамотою о ихъ государскихъ и великихъ добрыхъ дѣлахъ, которыя годны имъ, великимъ государямъ, и они бы велѣли проводить къ великому государю ихъ, къ шахъДжаганову величеству, а къ нимъ имъ идти и государскихъ грамотъ отдать непригоже, да и ни въ которыхъ государствахъ ни у которыхъ великихъ государей того не бываетъ, что не бывъ у государя, да къ думнымъ или къ приказнымъ людямъ ходить и имъ государскія грамоты отдать.“ По прибытіи же въ городъ Лагуръ, гдѣ шахъ-Джаганъ живетъ и когда послѣдній пришлетъ къ нимъ своихъ ближнихъ людей и учнутъ они у Микиты спрашивать отъ кого они и для какихъ дѣлъ присланы, и кто на Московскомъ государствѣ государь и грамоты съ ними или словесный приказъ отъ великаго государя есть ли? и Микитѣ съ товарищи говорить, описавъ знатность россійскаго царствующаго дома отъ рода Августа кесаря обладающаго всею вселенною, объявить что нынѣ „великій государь нашъ царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси самодержецъ на отца своего пре-

столъ и царскимъ вѣнцомъ и діадемою вѣнчался и скипетръ правленія въ руку свою восприялъ, и онъ великій государь по древнему царскому россійскихъ великихъ государей чину послалъ во всѣ окрестныя великія государства къ великимъ государямъ монархамъ государство свое обвѣстить своихъ пословъ и посланниковъ, а нынѣ похотя съ братомъ своимъ съ великимъ государемъ вашимъ потому же быть въ братской крѣпкой дружбѣ и въ пріятной любви и ссылкѣ, послалъ насъ къ государю вашему государство свое обвѣстить и про свое государево здоровье сказать, а его шахъ-Джаганова величества здоровье видѣть и о иныхъ, о великихъ о добрыхъ дѣлахъ, которые годны имъ обоимъ великимъ государямъ и ихъ великимъ государствамъ къ покою и къ тишинѣ и ко всякому добру.

На аудіенціи у шахъ-Джагана говорить рѣчь къ нему самому и ему же и грамоты и любительные поминки царскіе отдать * учтиво и остерегательно, а если шахъ-Джагана на аудіенціи не будетъ, то ѣхать имъ къ себѣ на подворье, а до свиданія съ шахомъ къ ханамъ и салтанамъ шаховымъ посольства не править и грамотъ имъ не давать и рѣчи не говорить. А если индѣйскій шахъ у себя на пріѣздѣ имъ быть и очей своихъ видѣть и посольства предъ собою править не велитъ, а прикажетъ, чтобъ они государеву грамоту и любительные поминки отдали и посольство правили предъ его ближними людьми, то заявить послѣднимъ, что государь отправилъ ихъ къ шаху съ грамотою для ихъ обоихъ государей нужныхъ и надобныхъ дѣлъ, которыя имъ обоимъ государямъ и государствамъ ихъ къ всякому добру и къ пожиткамъ, а наказано имъ грамоту передать и рѣчь говорить самому шахову величеству, а не имъ, шаховымъ ближнимъ людямъ. При этомъ указать на то, что отказъ шаха принять посольство лично, означалъ бы нелюбье его къ государю, и что государь всегда принимаетъ и отпускаетъ иноземныхъ пословъ лично, и лично же приметъ и отпуститъ и индѣйское посольство, если шахъ пришлетъ таковое къ нему.

Если во время шествія къ шаху на посольство приставы или встрѣчники станутъ говорить, чтобъ они, гонцы, пришедъ на шаховъ дворъ, поклонились палатѣ подъ предлогомъ, что въ этой палатѣ шахъ

---

[1] Также и грамоты отъ него къ государю не принимать иначе, какъ въ его присутствіи,—отъ него лично, или отъ его ближняго человѣка, ссылаясь на то, что въ посольскихъ обычаяхъ русскихъ государей иначе не бываетъ, что государь всегда пословъ допускаетъ предъ свои ясныя очи и отъ нихъ принимаетъ и имъ же передаетъ грамоты. Впрочемъ о церемоніалѣ, обычномъ въ Индіи при пріемахъ посланниковъ, предписано развѣдать.

сидитъ, то сказать на это, что имъ „то въ подивленіе, что не видѣвъ государскихъ очей велите намъ кланяться палатѣ, и то не статочное дѣло что камню кланяться, а когда увидимъ шахъ-Джаганова величества очи, то и будемъ кланяться по его государскому достоинству, и сами мы знаемъ, какъ великимъ государямъ честь воздавать." Также не слѣдуетъ соглашаться, какъ на дѣло непристойное, если захотятъ, чтобы посланники поклонились въ порогъ, или чтобъ они шахъ-Джагана цѣловали въ ногу, какъ у нихъ въ обычаѣ водится, заявивъ что посланы они къ шахъ-Джаганову величеству, а порогу де намъ кланяться не для чего, то дѣло непристойное и что посланники русскихъ государей, предковъ великаго государя, на посольствахъ у турскаго салтана и у другихъ окрестныхъ христіанскихъ и мусульманскихъ государей цѣловали у нихъ руку и точно такъ же иноземные посланники къ русскимъ государямъ, между прочимъ и шахъ-Аббасовы посланники, пожалованы бывали при пріѣздѣ и при отпускѣ государемъ въ своей царской рукѣ и клалъ онъ на нихъ свои царскія руки, а потому бы его шахово величество новаго дѣла не вчиналъ и тѣмъ великому государю нелюбья не объявлялъ, а учинилъ бы по тому, какъ и во всѣхъ государствахъ и у его царскаго величества ведется. Если жеословъ шахъ призоветъ къ рукѣ, и имъ къ шаху къ рукѣ идти и шаху бить челомъ вѣжливо и стройно. Когда же шахъ-Джаганъ позоветъ ихъ на отпускную аудіенцію, то идти къ нему урядясь по посольскому обычаю, стройно. И если шахъ велитъ принять и отпустить ихъ во всемъ честно, то, будучи на отпускѣ у него, бить ему челомъ на его государскомъ жалованіи.

Далѣе въ наказѣ слѣдуетъ подробное наставленіе гонцамъ относительно того, какіе они должны давать отвѣты на могущіе быть предложенными имъ вопросы. Изъ числа этихъ наставленій я упомяну нѣсколько болѣе любопытныхъ. Такъ, на возможный вопросъ Шахъ-Джагана о возрастѣ царя, приказано отвѣчать, что ему „восемнадцать лѣтъ, только Богъ его, великаго государя нашего, его царское величество одаровалъ и украсилъ образомъ и дородствомъ и храбростію, и разумомъ, и счастіемъ, и ко всѣмъ людямъ милостію и благонравіемъ и всѣми благими дѣлы паче всѣхъ людей." А если спросятъ посла объ отношеніяхъ Россіи къ пограничнымъ государямъ, то отвѣчать, что турскій Ибрагимъ салтанъ и датскій, и французскій, и англійскій короли, и голландскіе статы были въ дружбѣ и любви съ отцомъ государевымъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и царь Алексѣй Михайловичъ съ ними въ пріятной дружбѣ же; также и съ шахъ-Аббасомъ и его предками была постоянная дружба у русскихъ государей, а съ

Владиславомъ королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ учинено вѣчное докончанье, и нынѣ оба государя состоятъ въ крѣпкой дружбѣ и въ любви и въ сердечномъ пріятствѣ и въ вѣчномъ докончаніи. Съ крымскимъ ханомъ Исламъ Гиреемъ у русскихъ государей также была дружба, но ханъ свою клятву нарушивъ, сдѣлалъ набѣгъ на русскіе украинные города, однако татары были украинными царскими людьми разбиты и многіе живые мурзы и татары при этомъ пойманы, послѣ чего татары, видя великаго государя ратныхъ людей промыслъ и войскъ его крѣпкое стоятельство, изъ Московскаго государства выбѣжали назадъ въ Крымъ. Сказать тоже, что большіе Нагаи и Казыева улуса мурзы [1] искони вѣчные холопи московскихъ великихъ государей, и нынѣ они въ царскаго величества волѣ и въ послушаніи по прежнему, какъ и у отца его государева блаж. памяти царя Михаила Ѳедоровича были; что въ Сибири устроены города многіе и всякіе служилые и жилецкіе люди пожалованы государевымъ денежнымъ жалованіемъ и пашни устроены великія, и живутъ служилые и жилецкіе люди въ тишинѣ и покоѣ, и государю царю Алексѣю Михайловичу служатъ и дань съ себя даютъ также, какъ и отцу его государеву служили и дань давали, а дань съ сибирскихъ людей идетъ многая: соболи и куницы, и лисицы, и бѣлки, и иная мелкая рухлядь.

На случай, еслибы предложены были такіе вопросы, о которыхъ въ наказѣ не писано, то смотря по дѣлу, отвѣтъ на нихъ давать остерегательно, чтобы государеву имени было къ чести и къ повышенію, а московскому государству ко всякому добру; а если чего не вѣдаютъ, а хотя и вѣдаютъ, но вопросъ будетъ касаться до „великихъ дѣлъ“, то отговариваться, что имъ про тѣ дѣла слышать не случилось,—люди они государевыхъ понизовыхъ городовъ, а не Московскіе. Вообще всегда и во всемъ государево имя и честь остерегать и выславлять и искать имъ повышенія и въ такомъ смыслѣ и говорить, а словъ простыхъ, которыя государскому имени не къ чести, не говорить, и остерегать, чтобы въ чемъ государеву имени не къ чести и всякому дѣлу помѣшки не было. Самимъ же посланникамъ жить дружно и чтобы розни между ними никакой, никакого одноличнаго дѣла и пьянства не было. [2]

Въ заключеніе приказано держать государевъ наказъ и статейный списокъ у себя тайно, чтобы про нихъ кромѣ ихъ самихъ никто

---

[1] Кочующіе по р. Тереку.

[2] Индійскія дѣла 1646: дѣло объ отправленіи въ Индію гонцовъ Сыроѣжина и Тушканова, и 1651 объ отправленіи Никитиныхъ (см. ниже).

не вѣдалъ, и подтверждается приказаніе провѣдывать и записывать про всякую статью, что въ наказѣ написано, чтобы ни одно слово написанное въ наказѣ непровѣданнымъ не осталось.

Таковы были цѣли и стремленія московскаго правительства при отправленіи Н. Сыроѣжина въ Индію и А. Грибова въ Бухару. Но ни тотъ, ни другой не дошли до мѣста своего назначенія.

Грибовъ не дошелъ до Бухаріи вслѣдствіе междоусобій между свергнутымъ съ правленія Надиръ-Магометомъ и сыномъ его Абдулъ Азисомъ, въ коихъ приняли участіе и подчененные Надиромъ Юргенскій и Балхинскій ханы. Хотя персидскій шахъ и предлагалъ Анисиму пропустить его въ Балхъ, съ которымъ онъ былъ въ союзѣ, но Грибовъ предпочелъ остаться въ Персіи, гдѣ шахъ разрѣшилъ ему безпошлинную торговлю по всѣмъ городамъ и снабдилъ его подводами [1]. По сообщеніи объ этомъ Грибовымъ въ Москву, ему указано было купить въ Персіи селитры и шелку, а мелкихъ товаровъ не покупать.

Сыроѣжинъ и Тушкановъ также не доѣхали до Индіи, вслѣдствіе возникшаго въ это время новаго несогласія между шахами Индѣйскимъ и Персидскимъ за Хоросанскую область [2]. Хотя кн. Козловскій былъ принятъ Аббасомъ очень дружелюбно, и шахъ оказалъ ему даже предпочтеніе передъ индійскимъ посломъ Джанъ Исарханомъ, посадивши его возлѣ себя съ правой стороны вмѣстѣ съ приближенными вельможами, а индійскаго посла поодаль съ лѣвой стороны, но несмотря на настояніе кн. Козловскаго объ отправленіи въ Индію русскихъ гонцовъ, рѣшительно отказалъ въ своемъ содѣйствіи къ препровожденію ихъ къ Джагану. Въ письменномъ отзывѣ представленномъ по этому вопросу послу отъ Персидскаго министерства, отказъ мотивированъ учинившимися межъ Индійскими и Туркестанскими государи дракою и ссорою въ Индійскихъ украйныхъ мѣстахъ, при чемъ Адганскіе люди торговымъ людямъ учинили шкоды и иныхъ людей побиваютъ. Въ виду этого Шахъ-Аббасово величество провожатыхъ людей дать русскимъ гонцамъ не поволилъ, опасаясь, чтобъ надъ ними, гонцами какая незгода не учинилась. Впрочемъ онъ полагаетъ отправку гон ца

---

[1] См. Персидск. грамоты 1647 январь № 37 отъ шаха объяснительная о Грибовѣ, и 1650 янв. 19 № 38 отъ царя о высылкѣ селитры изъ Персіи.

[2] Джаганъ присвоивалъ ее себѣ, называя ее присудомъ города Балха, который завоеванъ имъ у Бухарскаго царя, а шахъ Аббасъ II отказалъ ему въ этомъ требованіи. По этой же причинѣ, какъ мы видѣли, не дошелъ въ Бухарію Грибовъ.

посольскую волю,—если гонецъ своею волею похочетъ ѣхать, то его не унимаетъ, провожатыхъ людей и корму не укажетъ, „и что надъ ними какая незгода будетъ, и для того съ Шаховымъ Величествомъ Великому Государю вашему нелюбья бы не была". Князь Козловскій долженъ былъ признать справедливость доводовъ шахова правительства; гонцы не были отправлены и возвратились изъ Персіи вмѣстѣ съ нимъ.

Несмотря однако на неудачу, постигшую эту первую попытку заведенія прямыхъ сношеній съ Индійскимъ шахомъ, царь Алексѣй Михайловичъ не упускалъ изъ вида индійской торговли. Въ Индійскихъ дѣлахъ Главнаго Архива имѣется между прочимъ сказка 1647 г. индѣйскаго купца Сутура, данная въ посольскомъ приказѣ думнымъ дьякамъ о индѣйской торговлѣ въ Астрахани, въ которой Сутуръ показалъ, что въ 1645 году пріѣзжалъ изъ Индіи въ Астрахань, а оттуда въ Казань и къ Москвѣ, индіецъ торговый человѣкъ, при чемъ ему обидъ никакихъ не было и торговать ему дали повольною торговлею съ уплатою лишь прямой пошлины, „и тотъ де индѣецъ государскому жалованію тому гораздо подивился, что ему нигдѣ обиды никто ничего не учинилъ, и пошлины съ него имали прямыя и пропущали вездѣ безъ задержанія, а не какъ въ Кизиль-баше; и какъ онъ исторговався поѣхалъ назадъ въ Индію чрезъ Кизыль-башскую землю, и которые индѣйцы торговые люди въ тѣ поры излучились въ Кизыльбашскихъ городахъ, и онъ тѣмъ индѣйцамъ и торговымъ людямъ всѣмъ государскую милость и воеводское береженіе разсказалъ, да и въ Индію де пріѣхавъ, индѣйцамъ торговымъ людямъ про то разсказывалъ-же, что имъ на Руси въ Московскомъ государствѣ всѣмъ иноземцамъ, которые изъ иныхъ государствъ пріѣзжаютъ, бываетъ честь и береженье, пошлину государеву емлютъ на нихъ прямую, а обидъ и насильства имъ ни отъ кого не бываетъ. Индѣйцы торговые люди, слышавъ отъ него такія рѣчи, что къ нимъ, торговымъ людямъ государская милость и береженіе, обрадовалися и по тѣмъ де его рѣчамъ нынѣшняго году пріѣхали въ Астрахань индѣйцы торговые люди съ товары 25 человѣкъ, а товары съ ними неболшіе, тысячи по три и по четыре, потому что еще пріѣхали они въ первые провѣдать, какова на Руси въ государевыхъ городахъ къ нимъ, иноземцамъ, государская милость и береженіе, да хотя бы съ ними и немного было товаровъ, а пошлинъ де взяли съ нихъ индѣйцевъ въ государеву казну въ Астрахани больше 4000 рублей, и въ Астрахани де имъ отъ боярина и воеводъ и отъ служилыхъ людей обидъ никакихъ не было, и пошлины съ нихъ берутъ прямыя, только де имъ большая обида и налога отъ астрахан-

скихъ толмачей". Особенно жалуются на обиды и грабежи нѣкоего юргенчанина Девлетъ-Абыза, котораго они боятся болѣе, чѣмъ бояръ Астраханскихъ и воеводъ, и если онъ тамъ въ переводчикахъ оставленъ будетъ, то индѣйскіе торговые люди перестанутъ ѣздить въ Астрахань. Но если государь укажетъ послать въ Астрахань свою государеву грамоту къ боярину и воеводамъ и велитъ имъ сдѣлать индѣйцамъ въ Астрахани дворъ особной индѣйскій, и нынѣшнимъ индѣйцамъ торговымъ людямъ велитъ государь воеводамъ и всякимъ людямъ дать ласку и береженіе, а обидѣть ихъ никому не дадутъ, и пошлины таможенныя возмутъ съ нихъ только прямыя, и толмачамъ велитъ государь учинить заказъ крѣпкій съ пристрастьемъ, а Девлетъ-Абыза только велитъ государь изъ Астрахани вывесть вонъ, и индѣйцевъ въ Астрахань столько будетъ съ торгомъ, что де имъ въ Астрахани и ставиться будетъ съ товарами негдѣ, а многіе де изъ нихъ и въ верхніе государевы города съ торгомъ поѣдутъ, и отъ того де государевой казнѣ въ пошлинахъ будетъ многая прибыль, лишь бы де было имъ съ кѣмъ торговать, хотя бы на 100.000 рублей; а товаръ де они покупаютъ на свою индѣйскую руку: соболи не самые дорогіе, шубы бѣльи, которыя дѣланы на ихъ индѣйскую руку, а умѣютъ де тѣ шубы дѣлать въ Казани, мѣдь и иные товары; а лучше бы всего государь изволилъ послать въ Астрахань своихъ купчинъ со многими товарами, и государю была бы прибыль не малая, и пошлины бы были большія, да только бы изволилъ государь и золотыхъ съ ними купчинами своими послать сколько изволитъ, индѣйцы бъ и на деньги купили по рублю съ гривною золотомъ, а на товаръ бы на мѣну и дороже взяли. А индѣяне привозятъ свои товары: шелкъ, дороги, киндяки и миткали и бязи и иные товары и каменье дорогое". Много индѣйскихъ купцовъ и въ Персіи (въ Кизильбашѣ) во всѣхъ городахъ, но тамъ имъ нѣтъ береженія, и пошлины съ нихъ берутъ лишнія, и шаховы люди ихъ обижаютъ и грабятъ и товары сильно отнимаютъ, а ханы и всякіе приказные люди ихъ зовутъ къ себѣ обѣдать, иногда каждый день для подарковъ, чтобъ къ нимъ подарки носили большіе и отъ того чинятся имъ убытки большіе. И несмотря на это однако многіе индѣйцы, до 10.000 въ шаховыхъ городахъ живутъ безвыѣздно.

Выраженныя Сутуромъ отъ имени индійскихъ купцовъ въ Астрахани желанія были вполнѣ исполнены.

Потерпѣвши неудачу въ своей попыткѣ къ развитію торговли съ Индіею путемъ непосредственнаго взаимнаго уговора съ Индійскимъ владѣтелемъ, царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился по крайней мѣрѣ способствовать ей оказывая покровительство индѣйскимъ куп-

цамъ въ Россіи. Указомъ отъ 20 мая 1647 года Астраханскимъ воеводамъ дано строгое предписаніе ограждать пріѣзжавшихъ въ Астрахань для торговли и поселившихся тамъ индійцевъ отъ всякихъ притѣсненій, доставлять имъ возможныя выгоды, ласку и береженіе предпочтительно передъ другими иноземцами, съ цѣлью приласкать ихъ[1], и наконецъ, призвавъ ихъ, сколько есть, въ съѣзжую избу, объявить имъ это особенное благоволеніе царское и покровительство[2].

Благодаря такому покровительству царя, индійскіе купцы не ограничивались уже торговлею въ Астрахани, а стали пріѣзжать и въ Москву и другіе города. Такъ въ январѣ 1650 года пять индѣйскихъ купцевъ пріѣхали изъ Астрахани въ Ярославль съ товарами. Изъ перечня привезенныхъ ими сюда товаровъ[3],—всего 23 названія съ подраздѣленіями,—мы видимъ, что главными предметами сбыта были: киндяки (2800), кушаки (140), кумачи (435), выбойки гилянскія и индѣйскія (178), фаты бумажныя (137), шелкъ (231 ансырь=231 фунтъ) рясной, завѣсы арабскія и гилянскія (110), юфти сафьяновъ (4291½), платки шелковые (272 дести) и др.[4]

Оживленіе торговли со стороны Индіи вызвало и въ русскихъ купцахъ стремленіе къ болѣе дѣятельному участію въ ней. Въ маѣ 1651 г. Московскіе гости и торговые люди подали Государю челобитную, чтобъ онъ ихъ пожаловалъ, позволилъ имъ для торговаго про-

---

[1] „Къ нашей государской милости пріучить ихъ, а не отогнать", какъ сказано въ указѣ.

[2] Инд. Грам. № 2; Инд. Дѣла 1647 г. мая 20. Девлетъ-Алей-Абызъ высланъ по указу въ Казань съ женою и дѣтьми, а кто станетъ притѣснять индѣйцевъ и другихъ иноземцевъ и отъ царской милости отгонять, тѣмъ будетъ великая опала и жестокая казнь.

[3] Инд. Дѣла № 5; Малиновскій, 141.

[4] Въ донесеніи государю объ этомъ пріѣздѣ, ярославскіе воеводы пишутъ, что они велѣли поставить тѣхъ индѣйцевъ до полученія государева указа на порожнемъ аглинскомъ дворѣ и заповѣднаго товара табаку у нихъ досмотрѣть, но таможенный голова поставилъ ихъ на гостинномъ дворѣ; далѣе, что тѣ индѣйцы были вызваны въ съѣзжую избу и на разспросѣ показали, что они ѣхали изъ Астрахани на Саратовъ и Арзамасъ и далѣе на судахъ до Ярославля, что въ Москву они не поѣхали потому, что передъ ними поѣхалъ къ Москвѣ кизильбашскій купчина со многими товарами. Изъ приложенной копіи съ выписи товаровъ ихъ, сдѣланной въ Саратовѣ казанскимъ таможеннымъ ларешнымъ цѣловальникомъ видно, что въ этомъ городѣ они уплатили въ таможнѣ проѣзжую Казанскую пошлину по деньгѣ съ рубля, а остальную пошлину должны были уплатить въ Москвѣ.

мысла ѣздить въ Индію съ товарами, и чтобъ послать къ персидскому шаху грамоты о пропускѣ ихъ чрезъ его владѣнія. Государь согласился на это, и такъ какъ въ приказѣ Большія Казны гость Василій Шориннъ заявилъ объ отправленіи имъ торговыхъ людей Родіона Микитина и казанца Ивана Никитина въ Индію для отвѣдыванья торговаго промысла, а ѣхать имъ чрезъ персидскую землю, то царь приказалъ написать ихъ гонцами и дать имъ грамоты къ шахъ Аббасу II и къ шахъ Джагану „противъ прежняго", подобныя тѣмъ, которыя давались торговымъ людямъ, а въ грамотахъ написать ихъ легкими гонцами.

Дѣйствительно, грамоты и наказъ данные имъ вполнѣ сходны съ грамотами и наказомъ, данными Тушканову и Сыроежину [1] Имъ приказано ѣхать чрезъ Казань и Астрахань въ Персію, гдѣ просить, чтобъ Шахъ-Аббасъ велѣлъ имъ видѣть свои государскія очи и на аудіенціи вручить ему грамоту, въ которой Государь проситъ пропустить гонцовъ въ Индію подъ прикрытіемъ. При этомъ дозволено имъ идти къ шаху къ рукѣ и къ столу, но за столомъ сидѣть учтиво и вѣжливо и не упиваться. Строго запрещено отдавать Государевы грамоты помимо шаха его ближнимъ людямъ, такъ какъ этого прежде никогда не бывало и означало бы нелюбье шаха къ Государю. Если онъ въ походѣ, то въ чужую землю не ѣздить, а ожидать, когда онъ вернется, если-же въ своей землѣ гдѣ-нибудь, хотя и далеко, то ѣхать къ нему для аудіенціи и отдачи грамоты. Тоже самое предписано гонцамъ и относительно шахъ-Джагана. Если ближніе шахъ-Джагановы люди будутъ спрашивать ихъ, какъ Государь желаетъ быть въ дружбѣ и ссылкѣ съ шахомъ,—на какой мѣрѣ?—то объявить имъ, что царь Алексѣй Михайловичъ вступивъ на престолъ и узнавъ, что Шахъ-Джаганъ въ дружбѣ съ Аббасомъ, пожелалъ и самъ быть съ шахомъ въ братской дружбѣ и пріятной любви и ссылкѣ отъ настоящаго времени „на вѣки". Съ этою де цѣлью онъ прислалъ съ ними, гонцами, свою грамоту къ Джагану. А Джаганъ-шахъ пусть прикажетъ отпустить ихъ обратно въ Россію безъ задержанія, и пусть отправитъ къ Государю отъ себя грамоту и пословъ „о добрыхъ дѣлахъ, о братственной любви и о дружбѣ, наказавъ съ ними о всемъ подлинно, какъ имъ великимъ государямъ между себя въ братственной крѣпкой дружбѣ и любви и въ ссылкѣ впередъ быть". И когда послы его прибудутъ въ Астрахань, то до Москвы имъ будутъ даны суда и кормщики и гребцы для водянаго пути, подводы сколько надобно для сухаго пу-

[1] Индѣйск. дѣла, 1651 г.

ти сколько надобно, также даны будутъ пристава, кормъ и питье; а если съ послами отправлены будутъ Шахъ-Джагановы купецкіе люди съ товарами, то и ихъ также Государь велитъ въ Астрахани принять потомужъ, и пристава, и кормъ, и суда, и кормщиковъ и гребцовъ, а сухимъ путемъ подводы велитъ имъ дать сколько нужно будетъ, и съ товаровъ ихъ ради Шахъ-Джагановой братской дружбы и любви своихъ пошлинъ брать не велитъ. А какъ они пріѣдутъ въ Москву, то великій Государь велитъ ихъ принять честно-жъ и велитъ имъ, послам и купчинамъ, видѣть свои государевы очи вскорѣ, и посольства ихъ будетъ слушать и грамоту приметъ и выслушаетъ любительно, и пожалуетъ пословъ его и купчинъ своимъ государскимъ жалованьемъ, и купчинамъ его велитъ въ Московскомъ государствѣ торговать повольною торговлею, а своихъ государевыхъ пошлинъ съ нихъ и съ товаровъ ихъ во всемъ своемъ Московскомъ государствѣ взимать не велитъ. И велитъ великій Государь нашъ, его царское величество, тѣмъ великаго государя вашего Шахъ-Джаганова величества посламъ быть въ отвѣтѣ (т. е. для переговоровъ) у своихъ царскаго величества ближнихъ бояръ и у думныхъ людей, и велитъ съ ними говорить, какъ имъ обоимъ великимъ государямъ межъ себя впередъ быть въ крѣпкой, братской дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ, и чтобъ на обѣ стороны ихъ великихъ государей государствъ торговые люди ходили и торговали въ нашемъ и въ вашемъ государствахъ, и прибыли себѣ и пожитковъ искали, а имъ бы, великимъ государямъ нашимъ, отъ того царской чести и повышенія и великимъ ихъ государствамъ прибавленія и разширенія прибывало.

Съ Никитиными, подобно какъ и съ Сыроѣжинымъ, отправлены были царская казна и царскіе товары, („царская купецкая казна"), которые годны на индѣйскую руку, съ приказаніемъ купить про его царевъ обиходъ товаровъ, которые годны въ его царскаго величества казнѣ.

Мы упомянули выше о грамотахъ, данныхъ Никитинымъ къ Шахъ-Аббасу II и къ начальникамъ персидскихъ городовъ. Грамота къ шаху содержитъ въ себѣ просьбу царя, во имя взаимной ихъ дружбы оберегать отправляемыхъ въ Индію съ купецкою казною Царя торговыхъ людей, пропустить ихъ безопасно, безъ задержанія и зацѣпки чрезъ свои владѣнія, дать имъ провожатыхъ, кормъ, подводы, суда и кормщиковъ. Эта-же просьба повторена и въ грамотѣ Государя къ персидскимъ городскимъ и другимъ начальникамъ и приказнымъ людямъ, при чемъ Государь ссылается на то, что и относительно персидскихъ торговыхъ людей онъ указалъ своимъ воеводамъ и боярамъ

по тому-же всякое береженіе и ласку держать, и суда, и приставовъ и подводы и провожатыхъ имъ давать и не дѣлать притѣсненія. Любопытна еще просьба царя, чтобъ въ случаѣ, если судно, на которомъ поѣдутъ Никитины, на морѣ разобьетъ и вынесетъ какіе товары волною на берегъ, то тѣ товары сыскивая отдавать Никитинымъ и убытковъ имъ никакихъ не чинить.

Но и это второе посольство въ Индію постигла такая-же неудача, какъ и первое, частью вслѣдствіе случившейся въ это время смерти великаго могола Джагана и возникшихъ между его сыновьями междуусобій, частью вслѣдствіе возникшаго въ это время между Россіею и Персіею несогласія благодаря шемахинскому хану Хосреву,[1] и безчинствамъ Стеньки Разина.[2]

IV.

Прошло 20 лѣтъ со времени посольства Никитиныхъ, и за это время мы не находимъ никакихъ слѣдовъ прямыхъ сношеній между Москвою и Среднею Азіею. Они возобновляются лишь съ 1669 года, почти одновременно съ обѣихъ сторонъ,—со стороны Московскаго правительства и со стороны Бухарскаго хана. Изъ Москвы лѣтомъ 1669 г. отправляется въ Бухару, Балхъ и Хиву посольство Бориса Андреевича и Семена Ивановича Пазухиныхъ, а въ 1671 г., еще до возвращенія ихъ, въ Москву пріѣзжаетъ посолъ бухарскаго хана Муллофоръ (Мулла-фаррухъ). Собственно въ смыслѣ характера отношеній между Московскимъ государствомъ и средне-азіятскими ханствами эти посольства не представляютъ ничего новаго. Въ грамотахъ Абдулъ-Азисъ-хана бухарскаго къ царю Алексѣю Михайловичу присланныхъ съ Муллофоромъ и съ Пазухиными (въ отвѣтъ на грамоту царя), мы находимъ тѣ-же знакомые сюжеты, какъ и въ предъидущихъ грамотахъ азіятскихъ владѣльцевъ,—выраженіе желанія обоюдной дружбы и ссылки, просьбы о безпрепятственной взаимной торговлѣ и о разрѣшеніи посланникамъ, присылаемымъ отъ хана купить нужные и годные для него товары[3]. Точно такъ же и въ грамотахъ царя къ Бухарскому хану (отвѣтной и отправленной съ Пазухиными) къ Хивин-

---

[1] Дерашуръ-султанъ, Сума, Уранзей и Муратъ-бахши.

[2] Всѣ персидскіе купцы въ Астрахани были тогда задержаны въ ожиданіи удовлетворенія отъ Персіи за убытки русской торговлѣ.

[3] См. Бухарск. грам. № 11; тоже въ дѣлѣ о пріѣздѣ Муллофора и объ отпускѣ его въ Бухарск. дѣлахъ 1671—1672 гг.

скому и Балхинскому ханамъ (отправленныхъ съ Пазухинымъ)[1] выражалось желаніе быть съ ними въ дружбѣ и любви (съ Бухарскимъ ханомъ—„по примѣру предковъ"), согласіе на то, чтобы бухарцы, хивинцы и балхинцы торговали въ Московскомъ государствѣ и просьба, чтобы ханы, въ знакъ дружества своего къ царю, освободили несправедливо задерживаемыхъ въ ихъ владѣніяхъ русскихъ плѣнниковъ и препроводили бы ихъ во всякомъ довольствѣ до русскихъ границъ съ Пазухиными[2]. Такимъ образомъ, и съ той, и съ другой стороны интересы, поддерживавшіе взаимное желаніе сношеній, оставались тѣ же, какіе мы видѣли и раньше. Между прочимъ бухарскій ханъ всякій разъ въ отвѣтъ на просьбы царя объ отпускѣ русскихъ плѣнныхъ отвѣчалъ, что какъ только царь пришлетъ своего посла, онъ тотчасъ же распорядится отпустить плѣнныхъ, и каждый разъ, когда посолъ дѣйствительно пріѣзжалъ, оказывались какія-либо обстоятельства, препятствовавшія будто бы этому отпуску. Очевидно, что, видя какъ московскій царь интересуется вопросомъ о русскихъ плѣнникахъ, ханы держали этотъ предметъ про запасъ, для того чтобы выторговывать себѣ подарки и свободу покупокъ въ Московскомъ государствѣ[3].

---

[1] Бухар. грам. № 10 іюня 1669 (7177 г.) и № 12 февр. 1671 (7179) г.; Балхинск. грам. № 3 іюня 1669 г.; тоже въ Бухарск. дѣлахъ 1669 іюня 22—1672 октяб. отправленіе и обратный пріѣздъ Пазухиныхъ, тамъ-же кн. 2 и 3, стат. списокъ Пазухиныхъ.

[2] Въ наказѣ Пазухинымъ предписано, въ случаѣ, если въ числѣ плѣнныхъ будутъ дворяне и дѣти боярскіе, то называть ихъ обыкновенными людьми, чтобъ ихъ не вздорожить; если данныхъ имъ на окупъ денегъ не хватитъ, то тотъ окупъ „занимовать" и договориться, чѣмъ имъ платить—товарами или деньгами въ Астрахани, и въ томъ давать письма за своими руками, а въ Астрахани по тѣмъ письмамъ будетъ сдѣлано удовлетвореніе; окупъ давать по разсмотрѣнію и по людямъ, какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе.

[3] Впрочемъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, и именно, послѣ изданія новоуказныхъ торговыхъ статей, права азіятовъ относительно торговли въ Московскомъ государствѣ были сокращены. Именно, въ наказѣ данномъ Б. Пазухину мы находимъ слѣдующую любопытную статью: Въ 175 (1667 г.),—говорится тамъ, въ Астрахань посланы были новыя указныя статьи о торговомъ дѣлѣ, по которымъ какіе иноземцы, кизилбаши, индѣйцы, бухаряне, армяне, кумыки, черкасы, пріѣхавъ изъ-за моря станутъ торговать въ Астрахани, и съ никъ пошлинъ имать по 10 денегъ съ рубля, а шаховы де области и съ купчинъ, которые пріѣдутъ и съ шаховыми товарами, пошлины по наказу имать велѣно-жъ противъ прежнихъ же указныхъ статей; а бухарскаго и юргенскаго и балхинскаго хановъ про купчинъ и про ихъ хановъ товары въ наказѣ и въ статьяхъ о торго-

Точно такъ-же и Пазухину ханъ объяснилъ сначала, что русскіе плѣнные приняли магометанство и потому не могутъ быть выданы въ Россію (на это Пазухинъ возражалъ, что то ихъ бусурманство невольное), а потомъ выдалъ Пазухину девятерыхъ полоняниковъ „желая видѣть въ себѣ великаго государя совѣтъ и дружбу", и обѣщалъ, что „есть-ли впредь отъ великаго государя къ нему, Абдя-Азизу царю послы будутъ, и онъ, царь, велитъ русскихъ полоняниковъ отпустить многихъ и на окупъ отдать полоняниковъ уважетъ; а нынѣ де Абдя-Азизъ царь больши того полоненниковъ не указалъ посылать, пока-

---

вомъ дѣлѣ о пошлинахъ, какъ имать, не написано. Поэтому, когда въ 177 году пріѣхалъ въ Астрахань юргенскаго хана купчина съ ханскими товарами и съ проѣзжею грамотою отъ хана и съ росписью ханскимъ товарамъ, то просьба его о безпошлинномъ пропускѣ „по прежнему", уважена не была и съ него потребовали пошлины, ссылаясь на новый указъ и на то, что и съ шаховыхъ купцовъ тоже взимается пошлина. Однако купчина и ѣхавшій съ нимъ юргенскій посолъ настаивали на освобожденіи отъ пошлины, причемъ послѣдній ссылался на то, что прежде съ хановыхъ товаровъ пошлинъ не брали и нынѣ на Москвѣ въ посольскомъ приказѣ боярин А. Л. Ордынъ-Нащокинъ ему, послу объявлялъ, что государя въ городахъ съ юргенскихъ купчинъ, которые будутъ съ ханскими товарами, а въ хановыхъ листахъ тѣ товары будутъ написаны, пошлинъ имать не будутъ. Такъ какъ въ указѣ въ Астрахань о ханскихъ товарахъ упомянуто не было, то съ купчины взята была порука и онъ пропущенъ безпошлинно, а вмѣстѣ съ тѣмъ отправленъ запросъ по этому дѣлу въ Москву. Въ отвѣтъ на него полученъ указъ, чтобы тѣхъ купчинъ, которые раньше пользовались свободою отъ платежа пошлинъ, пропустить по прежнему, потому что имъ новый уставъ былъ невѣдомъ, а впредь пошлины взимать по новоустановленнымъ статьямъ и съ шаховыхъ, и съ ханскихъ товаровъ. Бор. Пазухину приказано было поэтому сообщить хану, чтобы онъ указалъ своимъ купчинамъ платить пошлины въ Астрахани для того, что послы и купчины привозятъ свои многіе товары и называютъ тѣ свои товары шаховыми и хановыми товарами для своей корысти и прекраще пошлинъ. Не лишенъ интереса такой и другой фактъ. Именно, во всѣхъ грамотахъ царей къ средне-азіятскимъ ханамъ (въ томъ числѣ и въ грамотахъ 1669 г., отправленныхъ съ Пазухинымъ) азіятамъ, согласно просьбамъ ихъ хановъ, постоянно разрѣшалась свобода торговли въ Московскомъ государствѣ вообще. Между тѣмъ въ грамотѣ къ Бухарскому хану отъ 1671 года (№ 12) это разрѣшеніе формулировано такъ: „И торговымъ вашимъ людемъ въ наше царскаго вел-ва Россійское царствіе съ товары пріѣзжать и торговать какъ на деньги, такъ и на русскіе товары мѣнять *по градскимъ торговымъ уставомъ въ порубежныхъ городѣхъ* повелили"; впрочемъ прибавлено—„какъ бывало при предкахъ нашихъ, великихъ государехъ царѣхъ и вел. князѣхъ Россійскихъ".

мѣсть впредь отъ великаго государя послы будутъ". Что это была одна только отговорка, это видно какъ изъ заявленія, сдѣланнаго Пазухину по вопросу о плѣнныхъ хивинскимъ ханомъ, такъ и изъ свѣдѣній, собранныхъ самимъ Пазухинымъ.

Именно, хивинскій (юргенскій) ханъ сказалъ Пазухину, что у него русскихъ невольниковъ нѣтъ, а которые русскіе полонянники и есть въ Хивѣ и въ Юргенчахъ и въ иныхъ городахъ, то тѣ куплены его людьми хивинцами въ калмыкахъ и у башкирцевъ дорогою цѣною себѣ въ работу; если царь пришлетъ за нихъ окунъ, то выкупить ихъ можно будетъ, но согласиться на предложеніе Пазухина—отправить ихъ въ Астрахань и что тамъ за нихъ будетъ уплачено,—онъ, ханъ, не можетъ, такъ какъ дорогою они могутъ разбѣжаться, да и невозможно ему взять ихъ у людей своихъ, такъ какъ они сами покупали ихъ дорогою цѣною себѣ въ работу и безъ нихъ работа станетъ. А по свѣдѣніямъ, собраннымъ Пазухинымъ, „на окунъ отдаютъ невольниковъ не всякіе бусурманы, а неволи имъ отъ бусурманскаго царя и болховскаго и юргенскаго хана въ томъ не бываетъ, чтобъ на окунъ люди ихъ давали по ихъ царскому и ханову приказу по неволѣ, да и впредь того не чаютъ, потому что цари бухарской и болховской и ханъ хивинской въ томъ надъ людьми своими не владѣтельны и положена у нихъ въ томъ изстари вольность—кто хочетъ, тотъ и продаетъ полонъ". Впрочемъ изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Пазухинымъ о Бухарѣ и Хивѣ мы можемъ заключить, что тамъ въ невольникахъ ощущалась крайняя надобность ради обработки земли. Прежде всего нужно замѣтить, что больше всего русскихъ невольниковъ было въ Хивѣ, и „всѣ полоняники говорили Борису съ товарищи, что ихъ брали по городамъ и по селамъ (русскимъ) башкирцы и калмыки, а покупаютъ у нихъ и торгуютъ ими хивинскіе люди; пріѣзжаютъ изъ Хивы нарочно съ товары и наговариваютъ, чтобы они, башкирцы и калмыки промышляли русскимъ полономъ, а которые хивинцы изъ Астрахани ѣздятъ съ русскими товары, и они по калмыцкимъ и башкирскимъ улусомъ ѣздятъ и живутъ многое время нарочно ожидаютъ и накупятъ русскаго полону, отгоняютъ къ себѣ и продаютъ въ Индѣю и въ иные дальніе города и въ Кизилбаши и въ Бухару" рублей по 40 за человѣка и дороже. Бухара и Хива „деньгами и хлѣбомъ зѣло убоги. А хлѣба въ Бухарехъ и въ Балху и въ Хивѣ сѣютъ небольшое и за годомъ у нихъ хлѣба остается мало въ коихъ домахъ, и пашенныя земли поливаютъ напускною водою и отъ того земная работа бываетъ плѣннымъ людемъ, а коли будетъ ратнымъ людемъ, и у нихъ безъ воды хлѣба не будетъ, погибнутъ всѣ голо-

домъ". Очевидно такимъ образомъ, что обѣщанія хановъ о томъ, что они отпустятъ русскихъ невольниковъ, служили для нихъ лишь средствомъ поддерживать доброе къ себѣ расположеніе русскихъ царей и возможность посылать своихъ посланцевъ въ Москву за нужными для хановъ кречетами и русскими и иноземными товарами. Эта цѣль ихъ вполнѣ и достигалась, какъ это видно изъ содержанія всѣхъ русскихъ посольствъ того времени въ Среднюю Азію, ибо, какъ мы уже замѣтили выше, для удовлетворенія торговыхъ собственно интересовъ Московскаго правительства никакихъ посольствъ не требовалось,— азіяты и безъ того пріѣзжали въ Московское государство. Правда, правительство Алексѣя Михайловича обратило особенное вниманіе на два предмета азіятской торговли, — на селитру и шелкъ, и особенно послѣдній[1]). Но и въ отношеніи этихъ двухъ предметовъ, торговля съ Персіею представляла болѣе выгоды и удобствъ, чѣмъ торговля со среднеазіятскими ханствами. Такъ, хотя относительно селитры бухарскій посолъ Муллофарукъ объявилъ въ Москвѣ, что ея въ Бухарѣ много и лучше персидской, да и шелку сырцу много и продается онъ „въ дешевую пору" по 2 рубля пудъ, но эти показанія далеко не сошлись со свѣдѣніями, собранными Пазухинымъ на мѣстѣ. Надо замѣтить, что передъ своею отправкою въ Бухару, Пазухинъ представилъ въ Москвѣ въ приказъ Казанскаго дворца роспись, въ которой писалъ, что „въ Бухарской землѣ и въ иныхъ городахъ родится шелкъ сырецъ и идетъ тотъ шелкъ чрезъ Кизильбашскую (Персидскую) и Турскую земли въ Нѣмцы, а на Астрахань къ Москвѣ не идетъ, потому что о томъ шелкѣ великаго государя указа не бывало, а какъ де изъ тѣхъ земель тотъ шелкъ чрезъ Астрахань пойдетъ къ Москвѣ, и отъ того шелку великаго государя казнѣ будетъ прибыль". Поэтому по указу государя Борису Пазухину съ товарищи приказано „будучи въ Бухарахъ и въ иныхъ городахъ жителей шелковыхъ промышленниковъ наговаривать съ великимъ радѣніемъ, смотря по тамошнему дѣлу и приводить ихъ, чтобъ съ тѣмъ шелкомъ изъ Бухаръ и изъ иныхъ земель торговые люди ходили къ Москвѣ и въ Астрахань, и чтобъ

[1]) О разрѣшеніи вывозить изъ Московскаго государства селитру и шелкъ сырецъ весьма домогались англичане и особенно голландцы, (въ 1631 г. они предлагали за право транзита въ Персію на 30 лѣтъ платить ежегодно въ казну царскую вмѣсто пошлинъ по 15 т. руб.) и шелкъ, бывшій въ числѣ заповѣдныхъ товаровъ, представлялъ собою цѣнную статью торговли. Продажу селитры иноземцамъ московское правительство никогда не разрѣшало; также торговля шелкомъ лучшаго качества съ иноземцами была монополіею царской казны.

однолично въ томъ шелковомъ дѣлѣ учинить прибыль и радѣть и промышлять имъ, Борису съ товарищи, о томъ всякими мѣрами съ великимъ радѣніемъ, а почему цѣна шелку доброму и среднему и плохому, и о томъ развѣдать подлинно, и для образца привезти того шелку къ Москвѣ сколько доведется".

Однако по развѣдкамъ Пазухина на мѣстѣ отъ промышленниковъ и торговыхъ людей оказалось, что въ Бухарѣ шелку на отвозъ не дѣлаютъ, потому что много у нихъ расхода въ Бухарахъ; а въ Хивѣ родится шелка пудовъ по 1000 и болѣе, а продается шелкъ на мѣстѣ по 34 руб. за пудъ, а бываетъ малымъ чѣмъ дороже и дешевле, каковъ годъ родится; но сами хивинскіе промышленники въ Астрахань и Москву везти его не соглашаются, потому „что родится въ Хивѣ у нихъ тотъ шолкъ сырецъ у многихъ разныхъ всякихъ чиновъ людей, и имъ скупать нечѣмъ и ходить за тѣмъ неколи; пріѣзжаютъ де къ нимъ въ Хиву изъ Бухаръ и иныхъ городовъ и шолкъ покупаютъ на отвозъ." А ближніе люди хивинскаго хана говорили Пазухину, что который шелкъ сбирается съ шелковыхъ промышленниковъ въ пошлину пудовъ по 300 и болѣе самаго добраго шелку, и тотъ шелкъ, если государь укажетъ купить, и они, ближніе люди, никуда мимо людей великаго государя не продадутъ, а какъ цѣна подымется, а они лишняго не возьмутъ. Между тѣмъ изъ договора заключеннаго съ персидскими армянами о торговлѣ шелкомъ сырцомъ видно, что персидскій шелкъ продавался въ Москвѣ по цѣнѣ значительно болѣе дешевой, именно по 20—35 рублей. [1])

Но хотя торговые интересы играли по всей вѣроятности второстепенный интересъ въ сношеніяхъ Московскаго государства съ среднеазіятскими ханствами, однако сношенія съ ними, а въ частности съ Бухарою, продолжали имѣть для Московскаго правительства интересъ (и этотъ интересъ постепенно усиливался) въ виду не ослабѣвавшаго въ немъ стремленія завести непосредственныя сношенія съ Индіею. Такъ, въ бытность въ Москвѣ бухарскаго посла Муллофора въ 1671 году, его подробно разспрашивали въ посольскомъ приказѣ не только о товарахъ и естественныхъ продуктахъ бухар-

[1]) Персидскія и Армянскія дѣла 1667—1674 г. и Голландскія кн. № 9: Договоры о продажѣ шелка армянами Ромодановскимъ и Лусиковымъ съ товарищи 1667, 1673 и 1676 годовъ. Соб. Гос. Гр. и Дог. IV №№ 56, 81, 83, 105. (Ср. Соловьева XII, 267—276). Небывало дешевая, по показаніямъ московскихъ купцовъ, цѣна на шелкъ была въ Москвѣ въ 1676 году,—червчатаго цвѣта ансырь (фунтъ) по 26 алт. 4 деньги, а иныхъ цвѣтовъ не 20 алтынъ и меньше.

скихъ, но и объ Индіи. Въ своихъ отвѣтахъ Муллофоръ показалъ, что въ Бухарѣ выдѣлываютъ киндяки, зендени, китайки, а камокъ и атласовъ мало и тѣ обыкновенныя, что селитры много и она лучше персидской, есть и шелкъ и каменья лалы и руда серебряная; каменье добываютъ промышленники—копаютъ въ горахъ и разбиваютъ то каменье булатными снастьми и въ срединѣ находятъ лалы и иное каменье; руды серебряной много, но промышленниковъ мало, и для добычи серебра варятъ руду въ котлахъ; а иные товары привозятъ изъ Индіи, куда торговые люди постоянно ходятъ и оттуда пріѣзжаютъ и привозятъ каменье, жемчугъ и узорочные товары; до Индіи до порубежныхъ городовъ изъ Бухары близко—17 дней ходу, а до стольнаго города индѣйскаго, гдѣ живетъ индѣйскій шахъ, будетъ ходу мѣсяца съ четыре, и въ Индіи всякихъ узорочныхъ товаровъ и всякаго каменья много. Точно такъ же изъ наказа, даннаго Пазухинымъ, мы видимъ, что на ряду съ предметомъ оффиціальной его миссіи въ Бухару,—выкупомъ плѣнныхъ,—ему дано не менѣе важное въ глазахъ Московскаго правительства порученіе,—разузнать о наиболѣе удобныхъ путяхъ въ Индію.

Двукратная неудача посольствъ въ Индію не остановила царя Алексѣя Михайловича въ его рѣшеніи завести сношенія съ этою страною. Происки армянскихъ купцовъ для присвоенія себѣ индѣйской торговли лишь усилили въ немъ желаніе отправить русскій караванъ прямо въ Индію. Но прежде, чѣмъ рѣшиться на это, нужно было узнать удобнѣйшій путь туда. Два раза уже попытки къ заведенію прямыхъ сношеній съ Индіею потерпѣвали неудачу вслѣдствіе замѣшательствъ въ отношеніяхъ то Индіи, то Россіи къ Персіи, да къ тому-же индѣйскіе купцы жаловались на притѣсненія, чинимыя имъ въ Персіи. Нужно было отыскать путь болѣе удобный. И вотъ, при отправленіи въ 1669 г. въ Бухарію, Хиву (Юргенчъ) и Балхъ посланниковъ Бориса и Семена Пазухиныхъ имъ дано предписаніе развѣдать тамъ отъ знающихъ людей: „на которые города отъ Астрахани прямѣе и податнѣе дорога до Индіи, и какіе люди по дорогѣ живутъ; не бываетъ ли проѣзжимъ какой мѣшкоты и грабительства, и сколько отъ котораго города до котораго ходу“.

По возвращеніи въ Москву Пазухинъ подалъ подробную записку о пути отъ Астрахани до Индѣйской столицы Джанабата, въ которомъ живетъ царь Уранзепъ [1] Индѣйской. По развѣдкамъ Пазухина податнѣе и прямѣе всего дорога туда сначала моремъ на Караганское пристани-

[1] Сынъ Джагана.

ще, а потомъ Хивою на Балхъ (6 недѣль отъ Карагана) и балхинскою землею до Индѣйскихъ горъ, до послѣдняго Балхинскаго города Хелжона (1 недѣля), а отъ него до перваго Индѣйскаго города Парвана (1—4 недѣли), и затѣмъ Индѣйскою землею чрезъ города Чарыкаръ, Кавалъ, большой Чарыкаръ, Пешауръ, городъ и рѣку Атакъ, городъ Ратасу, рѣки Джилиму и Чинову, и города малый Гужратъ, Лагоръ и Салтанпуръ. Всего отъ Астрахани до Индѣйскаго города Джанабата симъ путемъ безъ простою 4 мѣсяца и 2 недѣли верблюжьимъ ходомъ. Царь Уранзепъ правнукъ царя Темиръ Аксака роду Чагатаева, вѣру держитъ прежнюю свою бусурманскую, а не индѣйскую, а подъ областью его всякихъ чиновъ люди вѣру держатъ Индѣйскую, торговые и черные люди. А есть путь изъ Астрахани и чрезъ Персидскую шахову землю въ Индію, только будетъ путь того далѣе и тяжелѣе и убыточнѣе [1].

Для провѣрки мнѣнія Пазухина по приказанію Государя вызваны были въ посольскій приказъ находившіеся въ то время въ Москвѣ индѣйцы Ченай Макарандавъ и Багарей Лелеевъ. Имъ было прочтено донесеніе Пазухина, и предложенъ вопросъ: удобна ли дѣйствительно эта дорога къ отправленію въ Индію каравана? Они отвѣчали что „та де дорога, что написана въ спискѣ Бориса Пазухина отъ Астрахани до Индѣйской земли далека, да и ѣхать ею страшно, потому что степиста и разбойниковъ бываетъ на ней много; а ѣхать де лучше и податнѣе въ Индію чрезъ Бухарскую землю". Ѣхать слѣдуетъ изъ Астрахани на Караганское пристанище (ок. 3 недѣль), а оттуда, не ѣздя на Хиву, ѣхать вправо степью въ Юргеничи, а потомъ въ Бухары въ тотъ городъ, гдѣ ханъ Бухарскій (еще 6 недѣль), оттуда въ Балхъ (2 недѣли) и до порубежнаго Индѣйскаго города Кабылъ, и Индіею до Джанабата (7 недѣль). А иной дороги кромѣ той они не знаютъ. Преимущество же этой дороги состояло вѣроятно по ихъ мнѣнію и въ томъ, что „въ Юргеничахъ и въ Балху ханы братья родные, и послушны оба Бухарскому хану" [2].

Вслѣдствіе собранныхъ такимъ образомъ свѣдѣній и сообщенія Пазухина, что съ Индіею и Персіею у бухарскаго и балховскаго хановъ дружба и совѣтъ, что и хивинскій ханъ тоже въ дружбѣ съ

---

[1] См. подробнѣе у Малиновскаго, и Инд. Дѣла 1671 г. Допросъ посланному въ Бухарію Б. Пазухину и Индѣйцамъ Макарандаву и Лелѣеву: какой ближайшій путь въ Индію и какъ зовутъ Индѣйскаго Шаха?

[2] Тамъ-же и Бухарск. кн. № 4.

Индѣйскимъ царемъ, и только съ Персіею по часту бываетъ война, рѣшено было отправить третье посольство въ Индію, но на этотъ разъ черезъ Бухару [1].

V.

На обратномъ пути въ Бухару, Муллофоръ въ Тобольскѣ умеръ [2], и въ 1675 г. въ Москву пріѣхалъ новый посланникъ отъ Бухарскаго хана—Аджифарикъ съ подарками и грамотою къ царю, въ которой ханъ просилъ, какъ и въ прежнихъ, о дружбѣ и разрѣшеніи свободной обоюдной торговли, о выдачѣ имущества умершаго посла и о желаніи имѣть нѣсколькихъ кречетовъ и другія вещи, какія для его ханской казны годны [3].

Государь рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ для отправки задуманнаго имъ посольства въ Индію по плану Пазухина чрезъ Бу-

---

[1] Впрочемъ самъ Пазухинъ въ Балхѣ не былъ вслѣдствіе войны между балхинскимъ и бухарскимъ ханами, а посылалъ туда гонца (толмача Никиту Медвѣдева) который вернулся съ письмомъ къ Ворису Назухину отъ ближнихъ людей Балхинскаго царя Супхань-Кули хана, въ которой они благодарили за присылку человѣка его Никиты и извѣщали о желаніи царя ихъ быть въ дружбѣ съ Россіею и способствовать взаимной торговлѣ. (Балхинск. грам. № 4). Самъ же царь балховскій сказалъ Никитѣ, что если государь укажетъ прислать въ Балхъ и въ Индію и въ иныя государства людей своихъ иословъ, то онъ велитъ ихъ пропустить и своею землею оберегать. А индѣйская дорога изъ Балха жилыми мѣстами и никакого дурна и грабительства и налога на ней не бываетъ. Пазухинъ послалъ сверхъ того изъ Бухары въ индѣйскіе города толмача Семена Измайла и велѣлъ ему ѣхать до индѣйскихъ городовъ до Кавылу и до Лагура и до самаго царственнаго города Джанабата и провѣдать въ Индѣехъ о всѣмъ обычаѣ ихъ и Асафа царевича гдѣ мощи его лежатъ и о всякихъ товарахъ и о проѣздѣ русскихъ людей и о всякихъ надобныхъ статьяхъ: какіе въ Индѣе узорочные товары и диковины на русскую руку и что на индѣйскую руку надобно русскихъ товаровъ, и о всемъ провѣдавъ въ индѣйскихъ городѣхъ, велѣлъ быть толмачу Измаилу къ вел. государю къ Москвѣ и явиться со всякою вѣдомостію въ приказѣ Казанскаго дворца.

[2] Дѣло о пріѣздѣ его и отпускѣ въ Бухар. дѣлахъ, св. 2, 1671 янв.—1672 іюнь; и Тамъ-же книга № 1.

[3] Онъ просилъ прислать часы боевые и часоваго мастера, и арганы и арганиста. Дѣло о пріѣздѣ и отпускѣ Аджифарика съ русскими посланниками въ Бухарскихъ дѣлахъ св. 3, № 1, 1675, и тамъ-же, кн. № 1; грамота отъ Бухарскаго хана Абдулъ-Азизъ-Богадыря къ царю отъ (7183) 1675 г. марта 1, въ Бухар. Грам. № 15.

хару [1]). Посолъ былъ милостиво принятъ, ему отпущено содержаніе большее противъ прежнихъ, а въ цвѣточную недѣлю (28 марта) „во время дѣйства Государь указалъ ему смотрѣть дѣйства, и стоять подлѣ большихъ пушекъ"; кромѣ дорогихъ подарковъ [1], по просьбѣ посланника о покупкѣ ему турскаго золотнаго кафтана пріискано въ ветошномъ ряду кафтанъ турской отласъ золото съ серебромъ по зеленой землѣ, подбитъ бырью красною серебряною купить, за что 45 рублевъ заплачено". Наконецъ, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Москвѣ, посланникъ былъ отпущенъ съ подарками и отвѣтною грамотою отъ царя къ Бухарскому хану [2], и въ сопровожденіи двухъ русскихъ посланниковъ—Василія Александровича Даудова и Маметъ Іесупъ Касимова, причемъ Даудовъ былъ спеціально назначенъ въ Бухару и Хиву (Балхъ), а Касимовъ въ Индію [3]. Съ Даудовымъ отправлена

---

[1] Роспись, на которыя мѣста изъ Астрахани ѣздятъ въ Бухары, неданная В. Пазухинымъ съ товарищи: Изъ Астрахани, буде на морѣ воровскихъ людей нѣтъ, ѣхать моремъ на Карагинскую пристань, и отсюда послать въ Трухмень къ владѣльцамъ за подводами. Изъ Трухмени чрезъ Хивинскую землю въ Бухары. На пути надобны подарки владѣльцамъ. Въ пути приходится быть 4 недѣли. Другая дорога сухимъ путемъ на Яикъ чрезъ рѣки Яикъ и Енбу, чрезъ Хиву; пути 9 недѣль. Въ обоихъ случаяхъ безъ провожатыхъ калмыцкихъ быть нельзя. Третья дорога на Терекъ, на Дербентъ, Баку, Кесхеръ, Ряшъ, Омалъ, Балфружъ, Сару Ашрафъ, Астрабадъ, Мешеть; всего до Мешети отъ Астрахани 10 недѣль, и провожатыхъ кромѣ государевыхъ людей не нужно, а отъ Мешети до Бухаръ 4 недѣли.

[1] Изъ Казанскаго приказа (вѣдавшаго сношенія съ Бухарой) велѣно сдѣлать платно золотное посланнику въ 30 рублевъ, да хановымъ дворянамъ четыремъ человѣкамъ по портищу сукна аглинскаго; да изъ Новгородскаго приказа велѣно дать ему-жъ посланнику 10 ар. атласу червчатаго добраго; да за дары его, что онъ великому Государю поднесъ (9 чашекъ цѣнинныхъ: 5 по 20 коп., а 4 чашки по меньшей мѣрѣ по 10 коп.) камку красную кармазинную въ 5 рублевъ, въ 3 алтына, въ 2 деньги.

[2] Между прочимъ отправлены и арганы и для игры на тѣхъ арганахъ посланъ человѣкъ, а также 2 кречета и на 500 руб. соболей. Бухар. гран. (7183) 1675 г. Апрѣля 20, № 16.

[3] Іесупъ Касимовъ значится въ дѣлѣ объ отправленіи его Астраханцемъ. Въ Бухарскихъ грамотахъ № 9, (7175) 1667 г. Іюня 13 имѣется жалованная грамота Алексѣя Михайловича астраханскаго бухарскаго двора жителямъ Маметъ Іесупу Касимову съ братомъ его за оказанное ими вспоможеніе и услугу проѣзжавшимъ чрезъ Персію вселенскимъ патріархамъ Паисію и Макарію, по которой Касимовымъ дозволено въ награду за это въ теченіи десяти лѣтъ въ Астрахани въ

была грамота отъ Алексѣя Михайловича къ Бухарскому хану Абдулъ-Азизъ-Богадырю [1], въ которой царь, упомянувъ о бывшихъ между ними пересылкахъ объявляетъ, что Муллофоръ былъ принятъ милостиво, на пріѣздѣ и на отпускѣ видѣлъ его Государевы очи, и отпущенъ былъ съ грамотою и поминками, но пріѣхавъ въ Тобольскъ въ цѣлости, умеръ, сынъ же его съ поминками и грамотою отпущенъ изъ Тобольска безъ задержанья; затѣмъ, напомнивъ и о данномъ ханомъ чрезъ В. Пазухина обѣщаніи отпустить изъ Бухары русскихъ плѣнниковъ съ первыми будущими изъ Россіи посланниками, проситъ, чтобъ онъ исполнилъ свое обѣщаніе, а также чтобъ пропустилъ и приказалъ безопасно препроводить чрезъ свои владѣнія въ Индію посланника Касимова.

Кромѣ того имъ дана была проѣзжая грамота къ калмыцкимъ владѣльцамъ и о посольствѣ дано было знать хивинскому хану.

Съ Касимовымъ отправлена была грамота отъ царя Алексѣя Михайловича къ Индѣйскому шаху Эвреинзебу [2]. Эта грамота и наказъ данный Касимову были одинаковаго содержанія съ прежними [3].

Въ частности касательно Бухары Даудову и Касимову даны были порученія вполнѣ сходныя съ данными прежнимъ посланникамъ въ Бухару и Индію. Имъ поручено было напомнить бухарскому хану о данныхъ имъ обѣщаніяхъ касательно отпуска русскихъ невольниковъ и стараться о выкупѣ ихъ; далѣе довѣдаться—сколько въ Бухарѣ родится шолку „и что какому шолку цѣна; а на Москвѣ цѣна бѣлому шолку по 40 руб., желтому—по 20 руб. пудъ, и если буде московской цѣны гораздо дешевле, и потомъ примѣняяся, поскольку мочно на товары вывозить, о томъ бы съ торговыми людьми договоръ учинить[а]; узнать и о другихъ товарахъ, годныхъ на московскую руку; также стараться, чтобы ханъ присылалъ своихъ пословъ и купцовъ въ Москву; наконецъ, развѣдывать накрѣпко и старательно о удобнѣйшемъ пути въ Индію, есть ли на этомъ пути какіе-либо князьки не-

---

Москвѣ и въ другихъ россійскихъ городахъ продавать гуртомъ товаровъ на 500 рублей въ годъ безпошлинно. Ср. также Бухар. дѣла, связ. 2, 1667.

[1] Бухар. Грам. (7183) 1675 г. февраль, № 14.

[2] Имя его узнали чрезъ живщихъ въ Москвѣ индѣйцевъ. Они написали имя его варсовскимъ письмомъ по индѣйски: Эвреникъ Зебъ шахъ Алейгирѣевичъ. Грамота февраля 1675 г. подъ № 3 въ Индѣйск. грам.

[3] Инд. дѣла, 1675—1678, № 1; Бухарск. дѣла (7179) 1671—(7184) 1676 книга № 4 и (7185) 1677—(7187) 1678 книга № 6, связ. 3 № 2, отъ 1675—1695.

зависимые или кому-либо подвластные, безопасенъ ли путь для торговыхъ людей, какіе товары изъ Индѣйскаго государства или изъ иныхъ государствъ въ бухарскую землю привозятъ и въ какову цѣну въ куплѣ и въ продажѣ бываютъ и россійскаго государства торговымъ людямъ отъ тѣхъ товаровъ чаять ли прибыли большія и пожитковъ. Да имъ же будучи въ Бухарехъ провѣдать о индѣйскомъ восточномъ шахѣ,—какъ ему имя и титла и какъ къ нему мусульманскіе государи пишутъ и съ которыми государствы государство его смѣжно. Имъ же провѣдать о р. Дарьѣ, „откуда та рѣка Дарья вышла и въ которыхъ предѣлахъ путь свой имѣетъ, и какіе по той рѣкѣ поселенія и народы и какіе промыслы и которыхъ государствъ люди по той рѣкѣ имѣютъ“. Изъ мелкихъ порученій упомянемъ о приказаніи купить 100 кожъ хартейныхъ цвѣтныхъ тонкихъ, нѣсколько стопъ бумаги цвѣтной съ крапинами, двухъ верблюдовъ въ парядахъ, какъ ихъ тамъ наряжаютъ. Совершенно необычнымъ является точное наставленіе посланникамъ о томъ, чтобы просить у хана поминковъ и подарковъ для царя и точное указаніе,—въ чемъ именно они должны состоять. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что хотя подарки присланные съ Аджифарукомъ были не важные: тулумбасъ булатный, наведенный чернью, да 9 луковъ бухарскихъ, да 9 бобровъ, за то на обѣщанія посланецъ не скупился. На разговорѣ съ бояриномъ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ онъ объявилъ, что государь его Абдулъ-Азисъ ханъ, желая быть съ великимъ государемъ, съ его царск. вел-вомъ въ крѣпкой дружбѣ и любви, назначилъ послать къ его цар. вел-ву посла своего съ поминки, а поминковъ съ тѣмъ посломъ слать хочетъ звѣрей живыхъ: слона, двухъ барсовъ, двухъ капланов, 2 рыси, 18 лошадей иноходцевъ, двухъ кутасовъ бѣлыхъ, двухъ тюнфаровъ рѣзвыхъ, двѣ майны говорливыя, двухъ мальчиковъ араповъ волошенныхъ и иные многіе поминки. По обыкновенію, находимъ и обѣщаніе отпуска плѣнныхъ: если государь изволитъ послать къ нему своихъ царскаго вел-ва посланниковъ, и ханъ де его съ тѣми посланники полоняниковъ всѣхъ русскаго народа, какъ обѣщалъ при отпускѣ Б. Пазухина, велитъ съ ними отпустить и того назначеннаго посла съ поминки пошлетъ; да съ тѣмъ же посломъ пришлетъ къ царск. величеству золота, которое родится въ бухарской землѣ, да и впредь къ вел. государю для дружбы и любви золота и узорочныхъ товаровъ присылать съ послы учнетъ. Повидимому всѣ эти обѣщанія приняты были въ Москвѣ за чистую монету. По крайней мѣрѣ посланнымъ съ Аджифарукомъ въ Бухару посланникамъ Даудову и Касимову приказано было хану и ближнимъ его

людямъ говорить и того домогаться, чтобы ханъ всѣхъ плѣнныхъ русскаго народа людей по обѣщанію своему велѣлъ отпустить и посла своего съ ними послалъ и съ нимъ послалъ „золота пудъ 10 или 15 или 20, да и впредь бы къ нему, вел. государю, посылалъ съ послы своими въ поминкахъ золото и зарбафы и камки и отласы золотные и иные узорочные самые добрые товары, а не такіе, какъ прежъ сего присылали". Также стараться всякими мѣрами, чтобы ханъ прислалъ въ поминкахъ селитры немалое число, буде она лучше персидской, а также серебра и каменья и камокъ и иныхъ товаровъ другихъ и прилыхъ зелей въ подаркахъ.

Что касается наказа Касимову, то въ немъ вполнѣ обнаруживается сильное желаніе московскаго правительства завязать дружественныя сношенія съ индѣйскимъ „шахомъ". Въ грамотѣ царь именуетъ Эвренизепа своимъ любительнымъ братомъ и величествомъ; подать ее Касимову приказано „честно", кланяться шаху „рядовымъ поклономъ", поминки царскіе подать „учтиво и остерегательно", въ рѣчи титуловать шаха такъ, какъ онъ самъ себя именуетъ и для этого узнать предварительно его титулъ. Сдѣлани также нужныя распоряженія въ предвидѣніи будущихъ взаимныхъ сношеній. Такъ, предписано договориться Касимову съ ближними шаховыми людьми о томъ, какимъ письмомъ впредь писать Государю къ его Шахову величеству [1], а Шахъ бы присылалъ впередъ свои грамоты къ Государю на латинскомъ или на турскомъ языкѣ, чтобъ обѣимъ сторонамъ вразумительно было. Относительно посылки государевой грамоты на русскомъ языкѣ съ латинскимъ и татарскимъ переводомъ объяснить, что всѣ великіе государи къ сосѣдямъ своимъ ссылки имѣютъ и грамоты пишутъ своего государства настоящимъ языкомъ, а потомъ для подлиннаго выразумѣнія инымъ языкомъ,—тѣмъ, который могли бы въ томъ государствѣ, куда онѣ посланы будутъ, познать. Также уговориться относительно того, какъ Государю и шаху впредь въ грамотахъ титуловать другъ друга, и съ этою цѣлью дать ближнимъ людямъ на письмѣ полный царскій титулъ, и взять у нихъ полный титулъ шаха, но при этомъ стеречь накрѣпко, чтобъ онъ, шахъ, въ титулѣ своемъ и въ именованіи не именовался иныхъ окрестныхъ великихъ государей владѣніемъ и государствованіемъ, чтобъ впредь тою его титлою на царское величество отъ посторонніхъ государей нелюбья не на-

[1] Грамота, посланная съ Касимовымъ, была въ трехъ экземплярахъ: русскомъ, татарскомъ и латинскомъ.

весть. Также не принимать и такого титула, гдѣ бы шахъ называлъ себя владѣтелямъ всего свѣта. Что же касается Государева титула, то слѣдуетъ настоять на томъ, чтобъ въ шаховой грамотѣ онъ былъ написанъ во всемъ противъ того, какъ царь въ своихъ грамотахъ самъ себя описуетъ, тѣмъ болѣе, что всѣ окрестные христіанскіе и мусульманскіе великіе государи пишутъ противъ того съ прибавкою [1].

Впрочемъ Касимову приказано провѣдывать всякими мѣрами накрѣпко тайнымъ дѣломъ, припоя и прикормя къ себѣ пристава или иныхъ тамошнихъ людей, чтобъ имъ гораздо былъ кто вѣренъ и въ комъ почать правды и подаря чѣмъ пригоже,—каковъ къ великому государю Эвренъ Зепъ шахъ, любителенъ ли и радъ ли присылкѣ посольства и самъ отправитъ ли отвѣтное посольство и вообще и впредь желаетъ ли дружбы и ссылки съ царемъ.

Также предписано Касимову домогаться всякими мѣрами накрѣпко, чтобъ государь индѣйскій указалъ послать съ нимъ къ его Царскому величеству съ объявленіемъ дружбы своей и любви и съ любительными поминками своего посла, а съ тѣмъ посломъ отправилъ въ поминкахъ Государю каменья, серебро, бархатовъ, камокъ и пряныхъ тамошнихъ зелій, и обѣщать, что тотъ его посолъ въ Астрахани будетъ принятъ и до царствующаго города Москвы будетъ провоженъ съ кормами и съ подводами и со всякимъ удовольствованіемъ. Также договориться съ ближними шаховыми людьми всякими мѣрами накрѣпко о серебрѣ, довѣдався въ Индіи отъ всякихъ чиновъ людей самыя прямыя цѣны, чтобъ государь ихъ приказалъ серебра пудъ по 1000 и по 2000 и по 3000 и больше высылать съ своими послами или купчинами въ Москву, а наипаче каменья самаго дорогаго, а на Москвѣ за то серебро царскаго величества изъ казны по счету давано

---

[1] При дѣлѣ объ отравленіи Касимова имѣется данный ему „списокъ какъ пишутъ къ великому Государю, къ его царскому величеству окрестные великіе Государи въ грамотахъ своихъ его царскаго величества именованья и титлы“: Цесарь римскій, короли французскій, аглинскій, датскій, свѣйскій, курфистры брандебурскій и саксонскій, венецейскіе князи и галанскіе статы. Прибавка состояла въ словахъ: Всесвѣтлѣйшему, велеможнѣйшему, превысочайшему, превосходнѣйшему, державнѣйшему пріятелю, другу и брату любительнѣйшему (и сосѣду, а особно другу и пріятелю,—какъ въ датской формулѣ) (нашему особно возлюбленному государю и пріятелю—какъ въ саксонской формулѣ) здравія и пріятства нашего со всякимъ благоприращеніемъ. Касимову даны были даже подлинныя граматы отъ турецкаго султана и персидскаго шаха для свидѣтельства о титулатурѣ.

будетъ товарами, какіе на ихъ руку будутъ годны, и конечно о томъ договорясь подлинно уставя серебру таможнюю цѣну поставить и взять у нихъ на письмѣ, какими товарами имъ за то царскаго величества изъ казны получить; и буде напишутъ, чтобъ имъ взамѣнъ того серебра давать сукнами, соболями, горностаями и иною мягкою рухлядью, лосинами или иными товарами, которыхъ въ Россійскомъ государствѣ множество, и имъ съ ближними шаховыми людьми о томъ договорясь, покрѣпиться письмами, чтобъ имъ того серебра указное число пудовъ и каменья вывозить по вся годы безъ всякой перемѣны безъ урыву, а царскаго величества товарамъ, которыхъ они на обмѣнъ того серебра будутъ просить, цѣна установлена будетъ на Москвѣ въ то время, какъ шаховы послы будутъ у царскаго величества на Москвѣ, а самимъ имъ на товары цѣны не установить. Также провѣдать подлинно въ Индѣйскомъ государствѣ, шелкъ бѣлый и желтый родится ли и много ли его и довѣдавшись прямой цѣны договориться, чтобъ того шелку индѣйцы въ Россію въ обмѣнъ на русскіе товары, которые имъ будутъ годны, на всякій годъ немалымъ числомъ привозили, и уставить тому шелку цѣну, а на Москвѣ ему настоящая цѣна бѣлаго по 40 рублей, а желтаго по 20 рублей пудъ.

Если отыщутся лѣкарства и коренья, которыхъ въ Московскомъ государствѣ нѣтъ, а они отъ всѣхъ болѣзней, то купить на опытъ сколько можно тѣхъ лѣкарствъ и корени. А если отыщутся въ Индію самые художные мастеры каменныхъ мостовъ и иныхъ дѣлъ, то тѣхъ мастеровъ приговаривать въ службу великаго Государя на время, и если объ нихъ шахъ позволитъ, то вывезти ихъ съ собою въ Москву. Если есть въ Индіи сѣмена огородныя или звѣри небольшіе и птицы, отъ которыхъ въ Московскомъ государствѣ можно ожидать плоду, то и ихъ купить и вывезти сколько можно.

Любопытно приказаніе Касимову, чтобъ въ случаѣ, если онъ чего купитъ и съ него будутъ требовать уплаты пошлинъ за ту куплю, то ему пошлину заплатить, развѣдавъ только, чтобъ не было взыскано лишняго. Мотивировано это распоряженіе тѣмъ, чтобъ этимъ впредь Индѣйцевъ, которые будутъ въ Россійское государство ѣздить, къ пошлинѣ принудить было случно. Впрочемъ, хотя Касимову предписано уговаривать ближнихъ шаховыхъ людей, чтобъ ихъ государь послалъ въ Россію своихъ подданныхъ индѣйцевъ для торговаго промысла, но при этомъ онъ долженъ былъ обѣщать лишь, что ихъ примутъ съ удовольствіемъ и пустятъ изъ Астрахани въ Москву безъ задержанія, о кормѣ же и подводахъ ничего не говорить. Также не упомянуто о безпошлинномъ торгѣ, а говорится, что когда шаховы подданные въ

Россію станутъ ходить безъ урыву, и въ то время Царь, обославшись съ шахомъ, велитъ на своихъ и на его подданныхъ наложить пошлину пристойную, какъ въ Россійскомъ государствѣ всѣхъ государствъ пріѣзжіе иноземцы платятъ. Впрочемъ, какъ и при прежнихъ посольствахъ, приказано склонять индѣйскихъ торговыхъ людей къ пріѣздамъ въ Россію, выхвалять имъ царскую милость къ иноземнымъ купцамъ и русскіе товары, разсказывать, что у Государя въ государствѣ всякихъ дорогихъ товаровъ, которыхъ въ окрестныхъ государствахъ нѣтъ, добрѣ много, и въ Московское государство купецкіе люди пріѣзжаютъ изъ Китая, изъ Персіи и изъ иныхъ дальнихъ и окрестныхъ великихъ государствъ.

Какъ и въ прежнихъ наказахъ прежнимъ посланникамъ, Касимову приказано на вопросъ объ отношеніяхъ Россіи къ другимъ государствамъ отвѣчать, что съ великими государями, съ наияснѣйшимъ великимъ государемъ съ Яномъ III Божіею милостью королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, да съ велеможнѣйшимъ государемъ съ Карлусомъ королемъ Свейскимъ съ его королевскимъ величествомъ, и со всѣми прочими великими государями христіанскими и съ шахомъ Персидскимъ у Государя Царя дружба и любовь и непрестанная ссылка. И нынѣ Турскій Магметъ-салтанъ и Крымскій ханъ оставя, съ великимъ Государемъ давнюю братскую любовь и дружбу, возсталъ войною на брата его Царскаго величества, на польскаго Яна короля, и великій Государь, его царское величество, по древней дружбѣ и любви, сослався со всѣми великими государями христіанскими, также и съ шахомъ Персидскимъ, отпоръ тѣмъ обоимъ непріятелямъ чинитъ.

Наконецъ, предписано всякими мѣрами провѣдывать, чтобъ изыскать изъ Индѣйскаго государства водяной путь въ городамъ царскаго величества, чтобъ къ Россійскому государству тотъ водяной путь былъ податенъ и безопасенъ рѣками Обью, Яны-Шерью и Селенгою или Иртышемъ [1].

При отправленіи Касимова возникъ вопросъ о томъ, какіе подарки изъ русскихъ произведеній приличнѣе поднести шаху. По этому вопросу отобрано было свѣдѣніе отъ находившихся въ Москвѣ индѣйскихъ купцовъ, которые донесли: „Въ государствѣ Индѣйскомъ изъ русскихъ товаровъ потребнѣе соболи цѣны высокой, по 10—30 р. пара, да сукна красныя и зеленыя добрыя, юфти красныя, кость рыбья

[1] Бухарск. д. кн. 4, отправленіе Даудова и Касимова.

добрая, зеркала большой, средней и малой руки, да корольки большіе и малые красные добрые, да бархаты золотые и серебряные турецкіе, и если посылать шаху поминки, то изъ этихъ товаровъ, а иныхъ русскихъ товаровъ въ Индіи употребляютъ мало. Но всего лучше и пріятнѣе будетъ Индѣйскому государю, если изволитъ Царь всея Россіи послать кречетовъ и соколовъ добрыхъ. Да Индѣйскій же государь любитъ тѣшиться собаками борзыми и меделянскими, и дворныхъ собакъ злобныхъ и сильныхъ при себѣ держитъ и любитъ; а покупаютъ для него собакъ за великую диковину въ Персіи, куда привозятъ дорогою цѣною изъ Московскаго государства. И если послать такихъ добрыхъ собакъ, то Эвреинзепу будетъ за великое пріятство; а травятъ меделянскими собаками львовъ“ [1].

За дальностью вѣроятно пути, ни кречетовъ, ни собакъ съ Касимовымъ не отправлено, а посланы соболи разныхъ цѣнъ на 500 рублей, 6 юфтей красныхъ большихъ лучшихъ по 2 р., 30 зеркалъ полъ слюдою пятой руки по 90 коп., 47 четвертой руки по 71 коп. и 36 большихъ съ затворами по 90 коп. за каждое, 20 нитей корольковъ красныхъ, вѣсомъ 5 ф. 17 зол. цѣною 86 р. 20 коп., а всего на 800 р.

Балхинскій и Бухарскій ханы, снабдивъ Касимова проѣзжими и рекомендательными къ Кабульскому хану грамотами, препроводили его безопасно чрезъ свои владѣнія до индѣйской границы [2], и въ 1676 г. Касимовъ пріѣхалъ въ индѣйскій городъ Кабулъ. Тамошній градодержецъ Мекремет-ханъ отписалъ въ Янабатъ къ воеводѣ Ацемъ-хану о прибытіи посланника изъ Россіи. Въ отвѣтъ на это Индѣйскій шахъ прислалъ Кабульскому хану грамоту слѣдующаго содержанія: „Писалъ ты Кобильской ханъ ко мнѣ, великому государю Индѣйскому, что пріѣхалъ къ вамъ изъ Россійскаго государства посолъ; а ѣдетъ онъ ко мнѣ, и о томъ—его мнѣ въ свое Индѣйское государство велѣть ли отпустить. И то мнѣ про то вѣдомость учинилася, и отъ меня тебѣ указъ Кобильскому хану: то искони вѣкъ отъ Россійскаго государства послы къ намъ въ Индѣйское государство не прихаживали, и нынѣ бы потому жъ того посла отъ себя назадъ поворотить и съ Государевою грамотою и съ подарки, и чтобъ они отъ васъ пошли назадъ до Россійскаго государства въ цѣлости, и никакія бы налъ нимъ посломъ поруха не было, и велѣть бы ему послу изъ казны

[1] Инд. дѣла, 1675—1678 № 1.

[2] Бытность Даудова въ Хивѣ и грамоты Хивинскаго хана къ Государю о препровожденіи его въ Бухару см. въ Хивинск. дѣлахъ, св. 3.

жалованье денегъ 2000 рупіевъ выдать, и выдавъ велѣть его отпустить". Вмѣсто подписи напечатано чернилами: Азырханъ, рабъ Аврина шахово величество [1].

Вслѣдствіе такого приказа Мекреметъ ханъ объявилъ Касимову, что „у государя его, Индѣйскаго шаха, издавна до прародителя его до Темиръ-Аксака и до нынѣшняго времени отъ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ Россійскаго государства пословъ и посланниковъ въ Индію не бывало, потому что Россійское государство съ Индѣйскимъ въ дальнемъ разстояніи, и ссоръ никакихъ прежде не было и нынѣ нѣтъ: а знатно де Россійскій царь къ Индѣйскому шаху присылаетъ посланниковъ для богатства, а не для какихъ дѣлъ иныхъ; да и вѣра де Русская иная, и имъ де басурманомъ съ христіанами въ дружбѣ быть неприлично".

Любопытно, что Мекреметъ-ханъ въ разговорахъ между прочимъ сказалъ Касимову, что въ 1658 году приходилъ въ Индію Русскій посланникъ Семенъ, который по его ханской просьбѣ принятъ былъ шахомъ въ службу, получилъ начальствованіе отрядомъ въ 500 воиновъ и большое жалованіе. Разсказавъ объ этомъ, ханъ предложилъ и Касимову вступить въ Индѣйскую службу, а за привезенные подарки получить по оцѣнкѣ отъ Шаха деньги. Казимовъ отвергъ это прдложеніе и объяснилъ хану, что тотъ Сенька былъ жидовинъ, купленный холопъ торговаго шемахинца Садыка; назвался онъ посланникомъ самовольно, забывъ страхъ Божій и государеву милость, измѣнилъ великому Государю, пріѣзжалъ онъ изъ Астрахани для торговаго дѣла съ торговыми людьми въ Бухары, а изъ Бухаръ въ Индію, а назвался посланникомъ воровски; можетъ быть шахъ и его Исупа считаетъ обманьщикомъ, а онъ де подлинно присланъ отъ Великаго Государя, а не облыжно. Такая твердость навлекла на Касимова притѣсненіе: Кабульскій градодержецъ заказалъ, чтобъ никто у него ничего не покупалъ; отобравъ Государевы подарки и собственные его товары, запечаталъ и долго держалъ ихъ въ каменныхъ палатахъ, гдѣ отъ сырости мѣха попортились. Когда же ихъ распечатали, то таможенный голова, оцѣнивъ все весьма дешево, взялъ товаръ къ себѣ, и по той цѣнѣ прислалъ деньги съ вычетомъ пошлины. При этомъ онъ бранилъ Касимова, выговоривая: „привезъ де ты къ Шаху подарковъ немного и то самое обычное; у насъ де и холопи такихъ худыхъ соболей не

[1] Инд. грам. № 4; вполнѣ у Малиновскаго. Тогдашній Великій Моголъ былъ занятъ войною съ авганцами и ему очевидно было не до сношеній съ иностранцами.

носятъ, потому что во вся годы торговые люди привозятъ къ намъ соболи и юфти добрые, также и сукна и зеркала Нѣмецкія привозятъ къ намъ изъ Нѣмеціи добрыя жъ и покупаютъ дешевою цѣною. Да и пріѣхалъ де ты изъ такого далекаго государства малолюдствомъ".

Въ январѣ 1678 года Касимовъ возвратился въ Москву и привезъ съ собою сорокъ человѣкъ русскихъ плѣнниковъ, выкупленныхъ имъ въ Индіи изъ неволи [1].

Одновременно съ нимъ вернулся въ Москву и Даудовъ изъ Бухаріи и Балха. Привезенная имъ грамота отъ Бухарскаго хана была самая коротенькая; въ ней ханъ благодарилъ Царя за присылку посольства и обѣщалъ въ скоромъ времени прислать своего посла для подробнѣйшаго объясненія о всѣхъ дѣлахъ [2]. Съ Даудовымъ пріѣхалъ также посолъ (Алей Муратъ Чагарасы) отъ Балхинскаго хана Симанъ-Куль-Багадыря къ царю, съ грамотою, въ которой онъ благодарилъ царя за присланную къ нему грамоту, увѣдомлялъ объ оказанномъ уваженіи и благопріятствѣ къ привезшимъ ее, изъявлялъ желаніе къ соблюденію дружества и взаимныхъ пересылокъ, и въ заключеніе просилъ о доставленіи ему кречетовъ изъ государевой потѣхи [3].

Даудовъ и Касимовъ не застали царя Алексѣя Михайловича въ живыхъ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ отправилъ съ Алей Муратомъ къ Балхинскому хану отвѣтную грамоту [4], въ которой благодарилъ его за оказанное благопріятство и вспоможеніе Касимову при проѣздѣ его въ Индію, объявлялъ ему о кончинѣ отца своего царя Алексѣя Михайловича и о вступленіи своемъ на Всероссійскій престолъ, изъявлялъ желаніе сохранить взаимную дружбу и оставаться въ перепискѣ, сообщалъ о посылкѣ къ нему двухъ кречетовъ, и о изслѣдованіи грабежа, якобы учиненнаго на Яикѣ послу Чагарасу, по которому оказалось, что воровскіе люди у посла никакихъ животовъ не грабили, а ограбили нѣкоторыхъ купцовъ, и въ заключеніе просилъ ради дружбы же освободить задержанныхъ въ Балхинской землѣ русскихъ плѣнныхъ, зашедшихъ туда спасаясь изъ Турецкой неволи и изъ другихъ мѣстъ.

Такъ кончилось это посольство въ Индію, на которое царь Алексѣй Михайловичъ возлагалъ столько надеждъ. Правда, индѣйцы не

---

[1] Инд. Дѣла, 1676—1678, № 1, дѣло объ отправленіи Даудова и Касимова.

[2] Бухар. грам., (7185) 1677 г. № 17.

[3] Балхинск. грам. (7186) 1678 г. Января 16, № 5; дѣло о пріѣздѣ Алей Мурата въ Балх. дѣлахъ 1677 сент.—1678 май и въ Бухарскихъ (7185) 1677—(1687) 1678 кн. № 6.

[4] Балх. грам. (7186) 1678 апр. № 6; ср. также Балх. дѣла 1678 апрѣль.

переставали пріѣзжать въ Астрахань и въ Москву съ товарами, но со смертію Алексѣя Михайловича они утратили своего покровителя. Начались притѣсненія имъ [1], и наконецъ въ 1688 г. Московскіе гости и гостинной сотни торговые люди подали государямъ Іоанну и Петру жалобу на Индѣйскихъ въ Москвѣ купцовъ, по которой они были всѣ высланы изъ столицы, и имъ позволено торговать только въ Астрахани [2].

Послѣ посольства Даудова сношенія съ Бухарою прервались и возобновились лишь въ 1705 году. Новое отправленіе въ Индію,—купчинъ гостинной сотни Сем. Маленькаго, Сер. Аникѣева и астраханскаго посадскаго человѣка Ив. Сѣврина,—состоялось лишь въ 1695 году черезъ Персію и Балхъ. Отправка эта была болѣе удачна, чѣмъ предыдущія. Маленькій былъ въ Индіи, продалъ тамъ часть отправленной съ нимъ государевой казны и купилъ въ замѣнъ этого мѣстныхъ товаровъ, но на обратномъ пути на морѣ въ Персидскомъ заливѣ его пограбили мешетскіе арапы-корсары, а затѣмъ въ Шемахѣ Маленькій и Аникѣевъ умерли и въ Москву доставлена была лишь отвѣтная грамота намѣстника индѣйскаго шаха, „многихъ рѣчей которой перевести въ Посольскомъ приказѣ не сумѣли“.

Все вышеизложенное даетъ намъ возможность сдѣлать слѣдующіе общіе выводы:

1) Московскіе государи дѣлали строгое различіе между азіятскими владѣльцами. Русскіе цари признавали равенство съ собою лишь за персидскимъ шахомъ и великимъ моголомъ. Ихъ однихъ они титуловали въ своихъ грамотахъ *братомъ*, *величествомъ*, *великимъ государемъ*, *всея восточныя страны повелителемъ*. Среднеазіятскіе ханы признавались просто *владѣтелями*, *царями*, *здержателями*.

2) Сношенія съ среднеазіятскими ханствами имѣли исключительно торговый характеръ. При этомъ активная торговля велась главнымъ образомъ азіятами, пріѣзжавшими въ Московское государство. Эта торговля поощрялась Московскимъ правительствомъ въ видахъ какъ казеннаго, такъ и частнаго интереса. Ради этихъ интересовъ замѣ-

---

[1] Инд. дѣла 1684 г. Въ этомъ году индѣецъ Луда Тарѣевъ подалъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ въ Москвѣ челобитную на Астраханскихъ воеводъ въ наносимыхъ одноземцамъ его обидахъ. Просьба была отослана для разсмотрѣнія и удовлетворенія въ Сибирскій приказъ.

[2] Инд. Дѣла, 1685 отправленіе Маленькаго.

чается (при царѣ Иванѣ Васильевичѣ) желаніе проложить великій торговый путь изъ Средней Азіи въ Европу черезъ Московское государство,—желаніе, вызванное домогательствами иностранцевъ о свободномъ транзитѣ. Вслѣдствіе жалобъ московскаго купечества на иноземныхъ купцовъ. Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ не соглашались уже на разрѣшеніе транзита англичанамъ, голландцамъ и французамъ; если онъ дозволенъ былъ голштинской компаніи, то вѣроятно лишь вслѣдствіе обязательства ея не наносить ущерба русскимъ купцамъ, а напротивъ помогать имъ „христіанскимъ обычаемъ", а также потому, что отъ Голштиніи, какъ страны менѣе торговой, не ожидали вреда русскимъ купцамъ. Что-же касается разрѣшенія транзита, даннаго армянской компаніи, то это разрѣшеніе объясняется выгодами, ожидавшимися отъ принятаго компаніею обязательства вывозить весь персидскій шелкъ исключительно чрезъ Московское государство.

Взгляды азіятовъ на торговыя сношенія съ Московскимъ государствомъ (и со всякимъ другимъ) вполнѣ выясняются изъ поведенія бухарскихъ хановъ, которые постоянными обѣщаніями отпуска русскихъ невольниковъ старались лишь поддержать расположеніе къ себѣ русскихъ государей и выпрашивать лично себѣ и своимъ купцамъ различные подарки и льготы, и изъ отвѣта даннаго Исупу Касимову намѣстникомъ великаго Могола, что знатно московское государство ищетъ сношеній съ Индіею лишь для богатства. Такое отношеніе азіятовъ къ торговому интересу, трудность и опасность пути и, наконецъ, злоупотребленія властей въ азіятскихъ ханствахъ даже относительно купцовъ, сопровождавшихъ посольства и стоявшихъ такимъ образомъ подъ особымъ покровительствомъ московскаго правительства,—все это достаточно объясняетъ причины, затруднявшія правильность сношеній съ Среднею Азіею. При такихъ взглядахъ и порядкахъ, конечно, представленія русскихъ царей о *взаимной* свободѣ торговли и вообще о взаимности не могли имѣть серіознаго практическаго значенія. И московское правительство очевидно сознавало недостатокъ пониманія азіятскими владѣтелями значенія торговли, иначе оно не поручало бы своимъ посламъ допытываться у индѣйцевъ, довольны ли они прибытію царскаго посольства и царскихъ купцовъ и даже домогаться письменнаго выраженія удовольствія. Но съ другой стороны нельзя не признать и того, что московское правительство черезчуръ многаго ожидало отъ торговли съ Среднею Азіею и недостаточно ясно представляло себѣ значеніе торговли съ Индіею. Изъ Бухары, напр., ожидали огромныхъ присылокъ золота и шелку, а въ Индію отправили плохія мѣха и слюдяныя зеркала въ то время, когда

тамъ уже получались европейскіе товары черезъ англичанъ, голландцевъ, португальцевъ и чрезъ персидскихъ армянъ. Съ европейскими мануфактурными и фабричными издѣліями на Востокѣ Московская Россія конкурировать, конечно, не могла, а на отпускъ мѣховъ высокой доброты, которыя высоко цѣнились тамъ, московское правительство скупилось, чтобы ихъ не одешевить.

Московское правительство не было въ состояніи дипломатическимъ путемъ добиться уничтоженія рабства, или по крайней мѣрѣ русскаго невольничества въ среднеазіятскихъ ханствахъ; но въ этихъ стараніяхъ его объ отмѣнѣ невольничества, хотя и вызванныхъ національными соображеніями, мы можемъ видѣть зародышъ будущаго цивилизаторскаго воздѣйствія на эти ханства. Свою цивилизаторскую миссію относительно Бухары Россія начала въ XVII в. ходатайствами объ отпускѣ русскихъ плѣнныхъ и невольниковъ и завершаетъ ее въ XIX в. добившись полной отмѣны невольничества.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Извлеченіе изъ переписной книги 1614 года (№ 1) о грамотахъ Бухарскихъ.

Листъ 173 и 174.

Грамота блаженные памяти къ Царю и великому Князю Ѳеодору Ивановичу всеа Русіи отъ Бухарского Абдулы Царя съ Бухарцомъ съ Магметъ Алѣемъ, во 97 (1589) году.

Грамота Бухарского Абдулы Царя къ Царю и Великому Князю Ѳеодору Ивановичу всеа Русіи съ посломъ съ Кадышемъ, во 97 году.

Грамота къ Царю и Великому Князю Ѳеодору Ивановичу всея Русіи отъ Бухарского Абдулы Царя съ человѣкомъ его съ Салтанъ Назаромъ, во 105 году.

Грамота къ Царю Борису отъ Бухарского Баки Царевича съ посломъ его Адпашемъ, во 109 году.

Грамота Бухарская Абдулы царя, а писано въ ней Московскому Бѣлому Царю, а имени Государю и году не написано.

Грамота къ Царю и великому Князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи отъ Бухарского Абдулы Царя съ посломъ его съ Кутлукъ Адамомъ.

3 грамоты отъ Бухарского Абдулы Царя къ Сибирскому Кучуму Царю да къ Нагайскимъ къ Нуръ Магметю Князю да къ Янъ Исланъ Мурзѣ.

Листъ 186 и 187. 3-й ящикъ, а въ немъ дѣлъ:

2 грамоты къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи отъ Бухарского Абдулы *) Царя, ветхи; одна прислана въ 7099 году, а въ другой грамотѣ году и съ кѣмъ прислана, того не писано—ветхи добре.

Да столникъ, пріѣздъ къ Москвѣ къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи Бухарского посла Хозя Кулѣя.

---

*) *Въ подл.* отъ Дулы.

Переводъ съ грамоты отъ Бухарского Абдуллы *) Царя къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи съ посломъ его съ Хозя Кулы Боготыремъ о торговыхъ людяхъ, чтобъ поволно было ѣздить въ Московское Государство и назадъ изъ Московского Государства; да подъ переводомъ грамота Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи къ Бухарскому Абдуллѣ **) Царю, съ тѣмъ же посломъ его, о пріѣздѣ къ Москвѣ и назадъ съ Москвы Бухарцовъ торговыхъ людей; а положено Бухарское дѣло въ томъ же ящикѣ.

Листъ 333. Столпы Бухарскіе:

Списокъ, посольство Юрья Матюнина, какъ онъ былъ въ Бухарехъ въ 86 (1578) году.

Столпъ 95 (1587) году, отпускъ съ Москвы Бухарского посла Магметъ-Алѣя.

Столпъ 97 году, отпускъ съ Москвы и пріѣздъ къ Москвѣ Государева служилого Татарина Байбиря Таишева, а положенъ въ одной коробьѣ съ Нагайскими съ старыми столпы.

Столпъ 108 и 109 году, отпускъ съ Москвы Бухарского посла Кутлукъ-Адама; а положенъ съ Нагайскими старыми въ коробьѣ.

Изъ Титулярника № 1, 6997 (1488) окт.—7085 (1577) г.

Извѣстіе о посольствѣ Хозе-Хурта отъ самарханьскаго царя Сеита. Хозе-Хуртъ привезъ грамоту слѣдующаго содержанія:

(Въ началѣ золотомъ): Богъ святъ.

Въ великихъ превеличайшему и превысочайшему Властелю многимъ землямъ. Преждеи бывшіе великіе государи Дарей и Соломанъ и Оридунъ и Хосревъ были въ государехъ честны и исправедливы, а ты ихъ превыше доброй обычаемъ. Богъ устроилъ тебя добронравна и справедлива, нынѣшнего времяни государи передъ тобою уничижаютца, воздаютъ тебѣ хвалу и славу добрую, что ты достоенъ великаго государства власть держати; какъ солнце осіяетъ свѣтомъ вселенную, такъ же и ты по странамъ славишся добронравымъ и справедливствомъ, аки мѣсецъ во звездахъ именуетца въ государехъ и землями обладатель еси благотворныхъ въ часливыхъ государехъ надъ величайшими превознесенъ еси какъ звезда на небе и желаніе свое отъ Бога получаешь, а приходящихъ иноземныхъ иновѣрцовъ не оскорбляешь, всякому по своей

*) *Въ подл.* отъ Дуллы.

**) *Въ подл.* Абуллѣ.

воле на свои промыслы ходить, приходъ и отходъ у тебя доброволенъ. Твоимъ исправедливствомъ твоихъ государствъ люди и иныхъ земель люди подобны есть свечѣ: какъ свеча зажжетца—тму освѣтитъ, такъ и они хотѣние свое исполняютъ отъ твоего исправедливства; твоего государскаго величества благотвореніе подобно древу плодовитому: какъ древо плодъ даетъ людемъ на прохлаженье, такоже добронравіемъ твоимъ богатеютъ люди, отъ Бога дано тебѣ въ людехъ, аки мѣсяцъ во звездахъ имянуетца въ государехъ, высочайшества твоего счастье предъ иными что небо отъ земли, и подобенъ еси Гамаюну, толкуетца царь царемъ еси. Дай Боже веселитись, безпечалну быти государьствомъ. Подобенъ еси Олександру, куда учнешь путьшествовати, и то мѣсто исполнитца светлѣйшаго счастья, взоромъ своимъ землямъ обладатель еси и многіе грады и мѣста въ добрѣ пребываютъ на семъ свѣтѣ отъ твоего благодаренья. А сабля твоя уподобися ключу: ключомъ замки отмыкаютца, также которыхъ земель дороги затворятца, и ты своею саблею дороги отворяешь. Въ государехъ святейшій еси: въ которые земли ты пойдешь, и тѣхъ земель государи учнутъ тебя просити миру и покоя землямъ своимъ. Божіемъ велѣньемъ въ кою страну поидешь, и отъ твоего стремяни свѣтлость учнетъ быти во вселенную; для Бога нещадно творишь милостину; всякому Христову вѣру держащимъ началникъ еси, а въ государехъ какъ солнце свѣтелъ еси, какъ Божья сѣнь; отъ отца и матерь зачатъ еси въ частье и великому государьству государь еси во всѣхъ государехъ добромъ славенъ и вѣдомъ еси ведетеся щедры. (На ставѣ нишанъ, а въ немъ писано золотомъ: Салтанъ Саидъ царь, Абу-Саидъ царевъ сынъ)... (Пропускаемъ дальнѣйшія восхваленія)... Чеснѣйшему государю много войска строителя счастливому великому царю Божіею милостію укрѣпи тебѣ Богъ государство твое и помилуй отъ зла земель твоихъ и не оскуди величества и счастья твоего и пошли милость свѣтлую свою на тебя и на твое царство какъ дожжемъ молитву твою. Боже дай тебѣ и землямъ твоимъ приправленье своимъ чистосерднымъ желаніемъ, чтобъ межъ насъ съ тобою дружба и любовь сталася. (Лѣта въ грамотѣ не написано).

Царь Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ въ мартѣ 1567 года грамотою, отправленною съ Хозе-Хуртомъ: „Любви нашей присвоителю и сусѣду ближнему Самарханскихъ странъ содержителю Сеиту царю Абу-Саидъ цареву сыну. Прислалъ еси къ намъ своего вернѣйшего Хозе-Хурта съ грамотою своею и съ поминки, а въ грамотѣ своей къ намъ писалъ еси нашего царскаго имени похваленье“.....

Было посольство отъ юргенчскаго царя въ 1561 году, и ему отправлена грамота съ титуломъ: „Любви нашей присвоителю и сусѣду пограничному, юргенчскихъ странъ здержателю Азимъ Азѣю царю.“

Также посольство юргенское въ 1567 году.

Въ 1561 году было ташкентское посольство и отправлена грамота отъ царя: „Любви нашей присвоителю и сусѣду ближнѣйшему Ташкентьскихъ странъ здержателю Маамет-Дербышю царю.“

По свидѣтельству лѣтописца бухарскій, юргенскій и самаркандскій послы пришли въ 1566 году одновременно 27 декабря, и царь отпустилъ ихъ съ грамотами о купечествѣ. (См. Карамз. прим. къ IX т. № 258).

Книга Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михайла Ѳеодоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г. ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г., томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я, или часть 4-я М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна ексарха Болгарскаго. М. 1878 г. ц. 3 р.

Шестодневъ составленный Іоанномъ ексархомъ Болгарскимъ М. 1879. ц. 3 р.

Посланіе многословное, сочин. инока Зиновія, по рукописи XVI в. Трудъ Андрея Попова. М. 1880. ц. 2. р.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Годъ 2, 3 и 4 (1846—1849) по 2 руб. каждая книга. **Годы** 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 рублей. Отдѣльно книги этихъ годовъ не продаются. За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію.

Съ 1887 г. каждая книга «Чтеній» продается отдѣльно по слѣд. цѣнѣ: за 1887 г. кн. 1, 2, 3 и 4 по 3 рубля за книгу. Остальныя книги по 2 рубля за книгу.

ВРЕМЕННИКЪ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ,

25 книгъ, каждая по два рубля, а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 к., съ пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги «Временника» за 4 фунта.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

при Московскомъ Университетѣ,

выходятъ въ неопредѣленные сроки, не менѣе *четырехъ* книгъ въ годъ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ. Книги продаются безъ подписки, каждая отдѣльно, по назначенной цѣнѣ.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩІЙ

Георгій Дмитріевичъ **Филимоновъ**,

въ Кремлѣ, у Спасскихъ воротъ, въ дворцовомъ домѣ.

СЕКРЕТАРЬ

Елпидифоръ Васильевичъ **Барсовъ**,

Малая Бронная, д. Ермолаева, кв. № 4.

БИБЛІОТЕКАРЬ

Георгій Дмитріевичъ **Филимоновъ**,

въ Кремлѣ, у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ

Геннадій Ѳедоровичъ **Карповъ**,

на Большой Ордынкѣ, въ собственномъ домѣ.

АРХИВАРІУСЪ

Александръ Николаевичъ **Зерцаловъ**,

на Поварской, въ Борисо-Глѣбскомъ пер., въ д. Зиновьевой.

КОМИССІОНЕРЪ ОБЩЕСТВА

Николай Ивановичъ **Мамонтовъ**.

Книжный магазинъ: *въ Москвѣ*, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1888 ГОДЪ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

СТО СОРОКЪ СЕДЬМАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

Цѣна два рубля.

МОСКВА.

1889.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815 — 1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе Корчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ, пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Книга записная именнымъ письмамъ и указамъ императрицъ Анны Іоановны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732—1742 г. Съ предисловіемъ А. Кудрявцева. 1878 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р. перес. за 3 ф.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., цѣна 2 р., перес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или **Галицкой Руси** до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1888 годъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

СТО СОРОКЪ СЕДЬМАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1889.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ ЧТЕНІЙ 1888 ГОДА.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Стран.

1. Историч. матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. Вохонская десятина (Московскаго уѣзда). Сообщены В. и Г. Холмогоровыми..... 1 —169

II. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

2. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши. т. II. Пл. А. Кулиша. 1 —396
3. Объясненіе къ соч. П. А. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“.—Дѣйств. Члена Г. Ѳ. Карпова. I—IV

I.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

О

ЦЕРКВАХЪ И СЕЛАХЪ

XVI—XVIII ст.

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ.

ВОХОНСКАЯ ДЕСЯТИНА

(МОСКОВСКАГО УѢЗДА.)

В. и Г. Холмогоровыхъ.

Вохонская десятина.

Предлагаемые историческіе матеріалы относятся къ сельско-приходскимъ церквамъ, находившимся въ XVI—XVIII ст. Московскаго уѣзда въ вѣдѣніи Патріаршаго Казеннаго Приказа. Они дѣлились, какъ извѣстно, на „десятины“, въ числѣ которыхъ по Московскому уѣзду значится *Вохонская десятина*. Изъ приходныхъ книгъ Патріаршаго Казеннаго Приказа, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, видно, что за 1628 годъ въ Вохонской десятинѣ находилось „жилыхъ данныхъ“ 25 деревянныхъ церквей; съ нихъ сбиралось въ патріаршую казну „дани и десятильничихъ въ годъ 10 руб. 25 алт. 4 деньги“, по числу приходскихъ дворовъ и количеству церковной земли при каждой церкви. За послѣдующіе годы число церквей увеличивалось. Такъ, во второй половинѣ XVII ст. въ этой десятинѣ находилось 56 церквей (въ числѣ ихъ было 3 каменныхъ), въ первой половинѣ XVIII ст.— 77 церквей (изъ нихъ было 17 каменныхъ), кромѣ того, одна церковь каменная въ Богословской пустыни, которая не была обложена данью, какъ безъ приходная. и въ окладныхъ книгахъ Казеннаго Приказа не писалась.

Кромѣ „жилыхъ данныхъ церквей“ въ тѣхъ же приходныхъ окладныхъ книгахъ Патріаршаго Казеннаго Приказа значатся въ Вохонской десятинѣ „церковныя пустовыя земли“, на которыхъ нѣкогда существовали церкви. Эти пустовыя земли отдавались Патріаршимъ Каз. Приказомъ въ оброкъ

разнымъ лицамъ впредь до построенія на „старомъ церковномъ мѣстѣ“ новой церкви.

Вохонская десятина занимала часть Московскаго уѣзда. Къ ней были причислены села, расположенныя отъ Рогожской заставы города Москвы, по обѣ стороны Владимірской дороги, нынѣ находящіяся въ уѣздахъ Московскомъ, Богородскомъ и Бронницкомъ.

1. Церковь Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Копотнѣ *).

Село Копотня, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ, Московскаго уѣзда, Копотенскаго стана, „вотчина Николы Угрѣшскаго монастыря, въ селѣ церковь Рождества Пречистыя Богородицы, а въ церкви Божіе милосердіе образы, и книги, и ризы и колокола все церковное строеніе мірское — приходныхъ людей; у церкви во дворѣ попъ Марка Ивановъ, во дв. церковной дьячекъ Данилка Семеновъ, во дв. проскурница Θекла, да въ селѣ крестьянъ (22 двора); пашни паханыя церковныя земли худые четверикъ, да перелогу 2 чети безъ четверика, да лѣсомъ поросло 8 чети“ (Писцов. кн. 261, л. 19 об.).

По окладнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) г. съ церкви сбиралось дани 10 алтынъ 1 деньга, десятильничихъ гривна (кн. 2, л. 186).

По писцовымъ книгамъ 7141 (1633) г. „у той церкви написаны дворы: поповъ, дьячковъ, просвирницынъ; пашни церковной 3 четверти въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 15 копенъ; въ приходѣ 29 дворовъ“. Церковной дани платилось въ 1635 — 1711 г.г. рубль 7 алт. съ деньгою, заѣзда гривна (Патр. Прик. связка 70, № дѣла 2698 и кн. 196).

Подъ 7154 (1646) г. значится: „церковь Рождества Богородицы деревянная“ (Переписн. кн. 9809, л. 140).

Въ дозорныхъ книгахъ 7188 (1680) г. написано: „церковь въ селѣ Копотнѣ деревянная построена изстари; пашня и сѣнные покосы у той церкви есть и владѣетъ попъ съ причетники, а что де пашни церковныя и то писано въ писцовыхъ книгахъ 131 и 132 (1623—1624) гг., а сѣнныхъ де покосовъ владѣетъ попъ съ причетники на 10 десятинъ и на ту церковную землю изъ Патр. Приказа попу выдана выпись съ писцовыхъ книгъ“ (Патр. Прик. кн. 141, л. 221 и 280).

---

*) Нынѣ село Копотня Московскаго уѣзда.

Въ 1703 г. въ приходѣ Рождественской церкви находилось 71 дворъ.

„Августа въ 31 день, 1705 года, выданъ антиминсъ, по благословенной грамотѣ, Московскаго уѣзда въ вотчину Николая чудотворца Угрѣшскаго монастыря, въ село Копотня, въ церковь Рождества Богородицы“ (Патр. Прик. кн. 138, л. 269).

Въ селѣ Копотнѣ, за 1646 г. числилось крестьянскихъ и бобыльскихъ 36 дворовъ; за 1678 г.—31 дв. и за 1704 г.—41 дворъ (Переписн. кн. 9809, л. 140; кн. 9812, л. 250; кн. 9817, л. 91).

При церкви Рождества Богородицы были священники: Иванъ 1643—1646 г., Петръ Митрофановъ 1678—1680 г., Ѳедотъ Петровъ 1703—1723 г., на его мѣсто опредѣленъ Александръ Ивановъ 1723 г., Иванъ Ѳедотовъ 1735 г.; дьячки: Степанъ Ивановъ 1646 г., Емельянъ Ивановъ 1678—1680 г., Матвѣй Петровъ 1703—1722 г.

2. Ц Троицы Живоначальныя въ селѣ Троицкомъ, на рѣчкѣ Пехоркѣ *).

Церковь св. Троицы въ селѣ Троицкомъ въ 1623 г. была „деревянная клѣтцки, съ придѣломъ св. Николая чудотворца, а въ церкви образы, и книги, и ризы, и колокола и все церковное строенье вотчинниково; у церкви во дворѣ попъ Кондратій Моисеевъ, во дворѣ пономарь Девятко Быковъ“ (Писцов. кн. 261, л. 213).

По приходнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) г.: „церковь Живоначальныя Троицы въ вотчинѣ Ивана Сукина, въ селѣ Троицкомъ, на рѣчкѣ Пехоркѣ, дани 2 алт., кормовая гривна“. Въ 1635—1711 гг. платилось церковной дани рубль 8 алт. съ деньгою, заѣзда гривна (Патр. Прик. кн. 2, л. 187; кн. 196, л. 82).

Въ дозорныхъ книгахъ Каз. Приказа 7188 (1680) говорится: „церковь Живоначальныя Троицы построена изстари, а церковныя земли пашни и сѣнныхъ покосовъ къ той церкви нѣтъ, а пашетъ той церкви попъ Андрей по 2 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, а сѣно коситъ онъ съ причетники по 30 копенъ волоковыхъ и та де земля вотчиникова и въ писцовыхъ книгахъ къ той церкви земли не написано“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 239 и 307).

Подъ 1674 г. при Троицкой церкви, кромѣ придѣла Николая чудотворца, упоминается другой придѣлъ во имя Іоанна Предтечи (Патр. Прик. кн. 149).

---

*) Нынѣ Троицкое-Кайнарджи, село Московскаго уѣзда.

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Каз. Приказа за 1714 г. значится: „мая въ 13 день, запечатанъ указъ, по челобитью князя Сергѣя Алексѣевича Голицына о освященіи церкви въ подмосковной ево вотчинѣ, въ селѣ Троицкомъ, во имя Св. Троицы, велѣно освятить Большаго Успенскаго собору протопопу Ѳеодору съ братіею на старомъ антиминсѣ" (Патр. Прик. кн. 438, л. 47).

При Троицкой церкви были священники: Ѳеодоръ 1646 г., Андрей Михайловъ 1678—1686 г., Григорій Васильевъ 1704—1726 г., діаконы: Григорій Гавриловъ 1678 г., Семенъ Григорьевъ 1704 г., Алексѣй Афанасьевъ 1715—1726 г. дьячки: Кириллъ Ивановъ 1704 г. и Семенъ Спиридоновъ 1726 г.

Село Троицкое, на рѣчкѣ Пехоркѣ, въ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. Московскаго уѣзда, Почернева стана, „за Иваномъ Васильевымъ сыномъ Сукина старая отца его вотчина, по приправочнымъ книгамъ Андрея Сабурова съ товарищи 79 (1571) года, а въ селѣ дворовъ вотчинниковъ, дворовъ прикащиковъ, 2 двора дѣловыхъ людей дворъ крестьянской и дворъ бобыльской". Въ 1646 г. этимъ селомъ владѣлъ Осипъ Ивановъ Сукинъ, въ селѣ числилось 6 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ *) и дворъ нищаго „кормится Христовымъ именемъ". Къ селу Троицкому принадлежали деревни Кожухова и Рудное—обѣ на рѣчкѣ Рудницѣ (Писцов. кн. 261, л. 213—215 и переписи. кн. 9809, л. 415—416). Въ 1669—1681 г.г. Троицкое съ деревнями находилось во владѣніи у Ивана Осипова Сукина роднаго внука Ивана Вас. Сукина. Въ 1678 г. въ селѣ состояло 12 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ съ 38 челов. и дворъ вотчинниковъ, въ которомъ жилъ прикащикъ; въ деревнѣ Рудной 6 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ съ 21 челов. и въ дер. Кожуховой 13 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 83 челов. По смерти Ивана Осипова Сукина жена его вдова Прасковья отдала имѣніе дочери своей дѣвицѣ Аннѣ въ приданое, при выходѣ ея замужъ за князя Алексѣя Борисовича Голицына (Вотч. Колл., по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 63, № дѣла 1; переписн. кн. 9813, л. 515 и отказн. кн. 18, л. 55—56). Въ 1704 г. въ селѣ Троицкомъ находились: дворъ вотчинниковъ, дв. прикащика, дворы: скотный, конюшенныхъ, охотничій, 10 дв. псарскихъ, 3 дв. дѣловыхъ людей, 2 дв. столярскихъ, 3 дв. рыболовыхъ и дворъ садовника; къ тому же селу деревня, что была пустошь, Фенина, а въ ней 12 дв. крестьянскихъ, переведенныхъ изъ села Троиц-

*) Нѣкоторые изъ крестьянъ имѣли прозвища: Пичугинъ, Кончинъ, Желтовскій и Быковъ.

каго; деревня Руднева (sic), а въ ней 10 дв. крестьянъ и дер. Кожухова съ 25 дв. крестьянъ, всего 47 дворовъ крестьянскихъ, въ нихъ 172 челов. (Переписн. кн. 9817, л. 780). Послѣ князя Алекс. Борис. Голицына владѣлъ имѣніемъ его сынъ князь Яковъ, умерш. 1 мая 1749 г., женатый на Еленѣ Петровнѣ, умерш. 1736 г., а отъ него перешло къ князю Петру Яковлевичу Голицыну. Въ 1775 г. село Троицкое, пожалованное графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому, именовалось „Кайнарджи“ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 63, № дѣла 1 и кн. 81, № дѣла 11).

3. Ц. Всемилостиваго Спаса въ селѣ Окатьевѣ *).

Въ селѣ Окатьевѣ въ первой половинѣ XVII ст. была построена церковь во имя Цареградскія иконы Пресв. Богородицы. Первое свѣдѣніе о ней встрѣчается въ приходной книгѣ Патр. Каз. Приказа за 7137 (1629) годъ: „новоприбылая церковь Цареградскія Пресв. Богородицы въ вотчинѣ Никиты Ласкирева въ селѣ Окатьевѣ, у рѣчки Пехорки, дани впервые 8 денегъ, по наказу гривна“. Подъ 7181 (1673) г. значится: „въ вотчинѣ княгини вдовы Ѳетиньи Ивановны Лобанова-Ростовскаго“ (Патр. Прик. к. 4, л. 381 и кн. 196, л. 82).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. написано: „у церкви Пресв. Богородицы Цареградскія попъ Иванъ Семеновъ съ причетники; пашни и сѣнныхъ покосовъ къ той церкви нѣтъ и въ писцовыхъ книгахъ та церковь не написана“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 242).

7201 (1693) г. августа 8, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ Андрея Денисовича Владыкина, прибавлено на сю церковь (Пресв. Богородицы Цареградскія) дани съ церковной земли, по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Алексѣя Волкова, съ пашни съ 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, по 3 деньги съ чети, и съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по 2 ден. съ копны, итого 8 алт. 2 ден. И тѣ прибавочныя данныя деньги велѣно имать съ 202 году. И августа въ 11 день тѣ деньги по старому окладу платилъ староста поповскій попъ Марко“ (Патр. Прик. кн. 149, л. 389).

Въ 1704 г. въ селѣ Окатьевѣ находилась церковь деревянная во имя Всемилостиваго Спаса, когда была построена — не извѣстно.

*) Нынѣ Акатьево, сельцо Московскаго уѣзда.

При церкви были священники: Иванъ Ѳедоровъ и Иванъ Прохоровъ 1704 г., Иванъ Ивановъ и Ѳедоръ Варфоломѣевъ 1709—1726 г. (перец. кн. 9817, л. 775 и 1 ревизіи 1726 г., л. 181).

Окатьево, въ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. „сельцо, что была деревня, на рѣчкѣ Пехоркѣ", Московскаго уѣзда Почернева стана,— „вотчина за Микитою Ивановымъ сыномъ Ласкиревымъ, по книгѣ Ивана Коробова съ товарищи 82 (1574) года, что было за дядею ево за Ѳедоромъ Ласкиревымъ; а въ сельцѣ дворъ вотчинниковъ, да подъ тѣмъ сельцомъ на рѣчкѣ Пехоркѣ мельница съ дворомъ мельничнымъ" (Писцов. кн. 261, л. 218). При Никитѣ Ив. Ласкиревѣ въ 1633—1635 г.г. была построена въ этомъ сельцѣ церковь во имя Пресв. Богородицы Цареградскія, отъ чего Окатьево и стало селомъ, которымъ владѣлъ въ 1651 г. Иванъ Траханіотовъ; потомъ оно было продано князю Ивану Ивановичу Лобанову-Ростовскому, а отъ него перешло къ его женѣ вдовѣ княгинѣ Ѳетиньѣ Ивановнѣ и сыну его князю Якову Ивановичу, у нихъ же находилась во владѣніи деревня, что была пустошь, погостъ Никольскій Мытищи, на рѣчкѣ Пехоркѣ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, стар. л. кн. 12, № дѣла 3). Въ селѣ Окатьевѣ состояло: въ 1678 г. 5 дворовъ бобыльскихъ, въ нихъ 22 челов., дворъ вотчинниковъ и 4 семьи дворовыхъ людей съ 9 челов.; въ 1704 г.—дворъ вотчинниковъ, дв. скотный, въ нихъ 7 челов. (Переписн. кн. 9813, л. 519—520 и кн. 9817, л. 775). По смерти кн. Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго его дочь кн. Ѳетинья, бывшая замужемъ за графомъ Сергѣемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, продала село Окатьево съ дер. Никольскою, въ 1738 г. кн. Петру Ивановичу Репнину, а въ 1782 г. оно принадлежало двоюродному его брату кн. Николаю Васильевичу Репнину (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 53, № дѣла 13).

4. Ц. Богоявленія Господня въ селѣ Бисеровѣ *).

Село Бисерово, на Бисеревѣ озерѣ, въ 7131 и 7132 (1623—1624) г. Московскаго уѣзда, Почернева стана „вотчина Спаса Андроньева монастыря, по приправочной книгѣ Андрея Сабурова съ товарищи 79 (1571) года; въ селѣ церковь Богоявленье, а въ церкви образы, книги, и ризы и все церковное строенье монастырское, у церкви во дворѣ попъ Онофрій Афанасьевъ, во дв. церковной дьячекъ

*) Нынѣ село Бисерово Богородскаго уѣзда.

Ивашко Ильинъ, во дв. пономарь Демка Алексѣевъ, во дв. просвирница Парасковьица; да въ селѣ дворъ монастырской, да крестьянъ 9 дв." (Писцов. кн. 261, л. 229).

По приходнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) г. „церковь Богоявленье Христово въ Бисеровѣ, въ вотчинѣ Андроньева монастыря, дани 5 алт., 2 ден., кормовая гривна; а въ 1635—1711 г., платилось „дани рубль 8 алт. 2 ден., заѣзда гривна" (Патр. Прик. кн. 2, л. 187; кн. 196, л. 82.

Въ 7154 (1646) г. въ селѣ Бисеровѣ числилось 18 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ и 2 двора пустыхъ; въ 7186 (1678) г.—11 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 34 челов. (Переписн. кн. 9809, л. 148; кн. 9813, л. 279).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. говорится: „церковь Богоявленія Господня построена изстари, церковной пашни и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, а владѣетъ той церкви попъ Авраамъ Устиновъ пашни по 2 десятины, сѣнныхъ покосовъ на 10 копенъ волоковыхъ, и та земля дана изъ монастырскихъ земель" (Патр. Прик. кн. дозорн. 141, л. 236—237 и 308).

Въ 1704 г. церковь Богоявленія Господня деревянная; въ селѣ числилось 18 дв. крестьянскихъ (Переписн. кн. 9817, л. 795).

При церкви были священники: Сидоръ 1646 г., Аврамъ Устиновъ 1677—1680 г. „отъ попа Аврамія взято вѣнечныхъ пошлинъ на 185 (1677) годъ съ 5 отроковъ 20 алтынъ" (Патр. Прик. кн. 88); Агафонъ Ѳедоровъ 1704 г. бывшій при оной же церкви въ 1678 г. дьячкомъ, Павелъ Агафонниковъ 1705—1726 г.; дьячки: Сидоръ Перфильевъ 1646 г., Савелій Абрамовъ 1704—1726 г. и пономари: Ѳеоктистъ Устиновъ 1678 г. и Иванъ Павловъ 1726 г.

5. Ц. Никиты Христова мученика на погостѣ Никитскомъ въ Лужкахъ *).

Церковь св. Христова мученика Никиты, въ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. находилась Московскаго уѣзда, Каменскаго стана, „на погостѣ Лужокъ, въ вотчинѣ Покровскаго дѣвичьяго монастыря, что въ Суздалѣ, деревянная клѣтцки, строеніе мірское—приходныхъ людей" и стояла „безъ нѣнія". Къ тому погосту принадлежали деревни: Стро-

*) Нынѣ погостъ Никитскій (Лужки) Бронницкаго уѣзда.

кина съ 3 двор. крестьянъ и Перина съ однимъ дворомъ крестьянскимъ (Писцов. кн. 261, л. 128).

Въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа за 7138 (1630) г. говорится: „новоприбылая во 138 году, по книгамъ старосты поповскаго Никитскаго попа Зиновья, церковь св. мученика Никиты что на въ Ложкахъ, дани 10 алт., кормовая гривна"; за 7143 (1635) годъ—„дани 31 алт. 4 ден., десятильничьихъ и заѣзда гривна" (Патр. Прик. кн. 5, л. 367 и кн. 196, л. 82).

Въ 1664 г. церковь св. Никиты стояла „безъ пѣнія" и священника при церкви не было. Церковная земля принадлежавшая сей церкви отдавалась въ оброкъ. 7172 г. записано въ оброчной книгѣ: „по выпискѣ за помѣтою дьяка Парфенія Иванова сей церкви св. мученика Никиты церковная земля отдана на оброкъ стряпчему Ѳедору Алексѣеву Полтеву, а оброку платить 5 алтынъ"; въ 7175 году „по смерти Полтева, отдана церковная земля на оброкъ подьячему Василью Дементьеву, а оброкъ велѣно платить данью 31 алт. 4 ден. заѣзда гривна"; въ 7182 году—„отдана изъ Нижняго домоваго Благовѣщенскаго монастыря архимандриту Пафнутію для московскаго пріѣзду". (Патр. Прик. кн. 58, л. 227; кн. 65, л. 64; кн. 66, л. 282 и кн. 79, л. 294).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года написано: „въ Каменскомъ стану, въ вотчинѣ Покровскаго дѣвичья монастыря, что въ Суздалѣ, погостъ Лужокъ, а въ немъ церковь св. мученика Никиты древяная, у церкви во дворѣ попъ Иванъ Ивановъ да дьячекъ Петрушка Ивановъ и попъ Иванъ (при досмотрѣ церкви и церковной земли) сказали: построена де та церковь изстари, церковная де пашня и сѣнные покосы есть и тою церковною землею и сѣнными покосами владѣютъ той же вотчины деревни Строкина крестьяне, а по скольку четвертей и что сѣнныхъ покосовъ и то де написано въ писцовыхъ книгахъ, а выписи де съ книгъ и иныхъ крѣпостей у него, попа, нѣтъ; а пашни де владѣетъ онъ, попъ, съ причетники только по чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна коситъ по 100 копенъ волоковыхъ; а въ писцовыхъ книгахъ Семена Колтовскаго, да подьячаго Онисима Ильина 131 и 132 (1623—1624) гг. написано: въ тому погосту деревня Строкина, пашни паханыя середней земли четверикъ, да лѣсомъ поросло 32 чети съ полуосминою и съ четверикомъ, а церковная ли пашня и сѣнной покосъ—того именно не означено. А по осмотру та церковь построена на погостѣ отъ деревни Строкина и отъ попова двора съ четверть версты, за рѣчкою Вьюнгою, и крестьяне деревни Строкина сказали: съ одну де сторону

погоста подлѣ кладбища косятъ луга они крестьяне на монастырь издавна, а съ трехъ де сторонъ погоста и кладбища пашню пашеть и сѣно коситъ тоѣ церкви попъ съ причетники (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 217—218 и 296).

Въ 1726 г. при церкви были: священникъ Иванъ Ивановъ съ 1710 года, дьячекъ Логинъ Леонтьевъ и пономарь Василій Ивановъ.

6. Ц. Успенія Пресвятыя Богороодицы на погостѣ Аристовѣ *).

По писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. Московскаго уѣзда, въ Кошелевѣ стану: „погостъ Аристовъ, на рѣчкѣ Вздериногѣ, а въ немъ церковь Успенія Пречистые Богородицы древяна шатромъ въ верхъ, да два предѣла: Живоначальныя Троицы, да Николы чюдотворца, да другая церковь во имя Воскресенія Христова древяна клѣцки, стоитъ пустъ безъ пѣнія, а въ церквахъ образы и свѣчи и книги и на колокольнѣ колокола и все церковное строенье тутошнихъ прихожанъ; на церковной землѣ во дворѣ вдовой попъ Петръ, да въ томъ же дворѣ попъ Алексѣй, во дв. дьячекъ Ивашко Дмитріевъ, во дв. просвирница Оксиньица, да двѣ кельи, а въ нихъ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіи; пашни церковной земли середней 10 чети., перелогомъ 2 чети да лѣсомъ поросло 5 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна на отхожемъ лугу, по рѣкѣ по Клязьмѣ, 20 копенъ, лѣсу пашеннаго 2 десятины“ (Писцов. кн. 9806, л. 968).

По приходнымъ окладнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) г.: „церковь Успеніе Пречистыя Богородицы въ Аристовѣ дани 11 алт. съ деньгою, кормовая гривна“; за 7143 (1635) г. при церкви на погостѣ Аристовѣ значатся два придѣла: Живоначальныя Троицы, да Николая чудотворца „дани рубль 18 алт. 2 ден., десятильничихъ и заѣзда гривна и марта во 2 день тѣ деньги платилъ Давыдовы пустыни, игуменъ Онтоній“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 187; кн. 196, л. 82).

Въ 7154 (1646) г. при церкви находились: во дворѣ попъ Никифоръ, во дв. дьячекъ Гаврилко Мовда, во дв. просвирница Анисьица, да на церковной землѣ 3 двора бобыльскихъ, въ нихъ 5 челов., да дворъ вдовы нищей, „кормится въ мірѣ Христовымъ именемъ“ (Переписн. кн. 9809, л. 127.

*) Нынѣ погостъ Аристовъ Богородскаго уѣзда.

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г.: „церковь Успенія Пресв. Б—цы на погостѣ Аристовѣ деревянная, у церкви во дворѣ попъ Михаилъ Ивановъ, во дв. дьячекъ Ѳедка Афанасьевъ, во дв. просвирница Аграфеница Васильева и попъ Михаилъ (при досмотрѣ церкви и церковной земли Иваномъ Соболевымъ по указу патріарха) сказалъ: построена де та церковь изстари; пашни де пашетъ онъ попъ съ причетники къ той церкви по 20 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна на пустоши Денисовкѣ коситъ онъ попъ съ причетники по 30 копенъ“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 223—224 и 571).

1710 г. октября въ 21 день, по благословенной грамотѣ, отпущенъ антиминсъ ко освященію церкви во имя Успенія Пресв. Богородицы въ Московской уѣздъ, въ погостъ въ Аристово, подъ росписку попа Аники (Патр. Прик. кн. 138, л. 341).

Въ 1726 г. при церкви были: священникъ Аникій Анисимовъ „служитъ съ 1707 г.“, у него сынъ пономарь Петръ, дьячекъ Прокофій Алексѣевъ.

7. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Воскресенскомъ, на рѣчкѣ Жмункѣ *).

Въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣзда, ловчаго пути, въ дворцовой Черноголовской волости, въ селѣ Воскресенскомъ находились двѣ церкви Воскресенія Христова и Покрова Пресвятыя Богородицы. Въ писцовыхъ книгахъ 139—141 (1631—33) гг. говорится: „церковь Покрова Пресвятыя Богородицы обвалилась; къ тому селу церковная деревня Кононова на рѣчкѣ на Жмункѣ, а въ ней пашни церковные паханые шесть чети, да перелогу 2 чети, лѣсомъ поросло 22 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 20 копенъ“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 376).

По окладнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа показано: за 7136 (1628) г. „церковь Воскресенія Христова въ Черноголовьѣ, дани 7 алт. намѣстничихъ 3 алт., заѣзда алтынъ“, за 7143 (1635) г.:—„да въ предѣлѣ Покрова Богородицы въ Черноголовьѣ, на погостѣ, дани 2 руб. 25 алт. съ деньгою, заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 187; кн. 196, л. 83).

Подъ 7154 (1746) г. записано: „Ловчего пути, волость Черноголовье, а въ ней село Воскресенское, а въ немъ церковь Воскресе-

*) Нынѣ село Воскресенское, Богородскаго уѣзда.

нія Христова, да Покровъ Пресв. Богородицы древяны, у тѣхъ церквей въ отхожей деревнѣ Кононовѣ во дворѣ попъ Павелъ, да съ нимъ дьяконъ Ѳеодосій, во дв. пономарь Назарко Перфильевъ; въ той же деревнѣ на церковной землѣ 2 двора бобыльскихъ; да въ селѣ Воскресенскомъ на церковной же землѣ дворъ просвирницы, дв. бобыльской и двѣ кельи нищихъ; да въ селѣ жъ на тяглой землѣ дворъ церковнаго дьячка да крестьянъ и бобылей 9 дворовъ" (Переписн. кн. 9809, л. 88).

Въ книгѣ за 7190 г. Патр. Каз. Приказа отмѣчено: „писать церковь Покрова Пресв. Богородицы въ селѣ Воскресенскомъ" (кн. 103, л. 505).

1702 г. сентября въ 25 день выданъ антиминсъ, по благословенной грамотѣ, въ новопостроенную церковь Покрова Пресв. Богородицы, въ Московской уѣздъ, въ село Вескресенское, тоя жъ церкви попу Лукѣ Автамонову" (Патр. Прик. кн. 138, л. 224).

1706 г. ноября въ 22 день записано: выданъ антиминсъ, по благословенной грамотѣ, въ село Воскресенское, въ новопостроенную церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы, тоя жъ церкви попу Лукѣ" (Тамъ же, кн. 138, л. 287).

При Покровской церкви находились: священникъ Петръ Филиппов 1717—1733 г., дьячекъ Иванъ Григорьевъ 1717 г., просвирни: жена попа Филиппа Иванова вдова Прасковья и жена попа Луки вдова Марья 1717 г. (Переписн. кн. 1717 года, л. 317; Патр. Прик. кн. 358, л. 28).

8. Ц. Рождества Христова въ селѣ Ямкинѣ *).

7136 (1628) г., „церковь Рождества Христова, что на Ямкинѣ озерѣ, по окладу дани 7 алт., кормовая гривна", за 7143 г.—государевы дворцовые Черноголовскія волости въ селѣ Ямкинѣ, у озера Ямкина, по окладу дани рубль 8 алт., десятильничихъ и заѣзда гривна" (Патр. Прик. кн. 2, л. 187; кн. 196, л. 82).

По писцовымъ книгамъ Приказа Большаго Дворца 7139—7141 (1631—1633) гг.: „у церкви дворъ поповъ и просвирнинъ, 5 дв. церковныхъ бобылей, въ приходѣ 55 дворовъ; пашни паханыя церковныя земли 8 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна церковнаго 15 копенъ, да церковнаго жъ сѣна въ Утичьѣ болотѣ 15 копенъ, а пашню дали села Ямкина крестьяне изъ пустыхъ жеребьевъ". Въ 7188

*) Нынѣ Ямкино, село Богородскаго уѣзда.

(1680) г. при церкви былъ священникъ Никифоръ Анцифоровъ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 377; вязка 474, № дѣла 3098).

Въ 1703 г. въ приходѣ церкви Рождества Христова 60 дворовъ и дворъ попа Тихона, церковной земли 4 десятины, сѣна 30 копенъ (Патр. Прик. вязк 474, № дѣла 3098).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ 1720 г. значится: мая въ 7 день запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью Московскаго уѣзда Вохонской десятины села Ямкина рождественскаго попа Никифора Никифорова, велѣно ему въ томъ селѣ, вмѣсто сгорѣлой церкви, на прежнемъ церковномъ мѣстѣ, построить вновь церковь во имя Рождества Христова; пошлинъ гривна взято" (Патр. Прик. кн. 246, л. 81).

Въ 1717 г. при церкви были: попъ Тихонъ Никифоровъ, дьяконъ Никифоръ Никифоровъ, дьячекъ Алексѣй Никифоровъ; въ 1735 г. священникъ Никифоръ Никифоровъ.

9. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Рогожи, на рѣкѣ Клязьмѣ *).

Въ началѣ XVII ст., въ Московскомъ уѣздѣ находился Старый Рогожской ямъ, на рѣкѣ Клязьмѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы, причисленый по указу царя и великаго князя Ивана Васильевича къ Московской Рогожской слободѣ. Въ писцовыхъ книгахъ 7136 (1628) г. говорится: „въ Старомъ Рогожскомъ оставленномъ яму храмъ во имя Николая чюдотворца древянъ, клѣтцки, а въ храмѣ образы, и книги, и ризы, и на колокольницѣ колокола и всякое церковное строеніе мірское; у церкви на церковной землѣ во дворѣ попъ Миронъ Ларіоновъ, во дв. церковной дьячекъ Пронка Ѳедоровъ, въ кельѣ просвирница, въ кельѣ пономарь Богдашко Кирилловъ, да бобылей 6 дв.; церковной земли, по жалованной грамотѣ великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи лѣта 7014 (1506), да на той же грамотѣ подпись в. к. Ивана Васильевича всеа Русіи лѣта 7048 (1540), пустошь, что была деревня, Мишинская Черная, за рѣкою Клязьмою, пашни поповы паханыя, перелогомъ и лѣсомъ поросло 20 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, земля середняя, сѣна 15 копенъ. Да въ селѣ Рогожѣ 38 дворовъ охотниковъ Московской ямской слободы, а въ нихъ старыхъ отставленныхъ ямщиковъ съ ихъ дѣтьми 92 челов., а ямскую гонбу гоняютъ на Москвѣ жъ съ рогожскими ямщики вмѣстѣ" (Писцов. кн. 265, л. 34—37).

*) Нынѣ городъ Богородскъ Московской губерніи.

По окладнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа писано: за 7136 (1628) г. „церковь Николы чюдотворца на Рогожѣ, дани 6 алт. 4 ден., кормовая гривна"; за 7143 (1635) г.— „на Старомъ Рогожскомъ яму, въ Рогожской слободѣ, у рѣки Клязмы, дани рубль 12 алт. 2 ден. заѣзда и десятильнича доходу гривна" (Патр. Прик. кн. 2, л. 187, кн. 196, л. 83 об.).

Въ 7154 (1646) г. въ селѣ Рогожѣ у церкви Николая чудотворца во дворѣ попъ Герасимъ, во дв. дьячекъ Ивашко Андреевъ, во дв. пономарь Алферко Кирилловъ, дв. просвирницы, да за попомъ Герасимомъ на церковной землѣ 6 дворовъ бобыльскихъ, да въ селѣ жъ ямщиковъ 44 двора" (Переписн. кн. 9809, л. 430).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года написано: „церковь Николая чудотворца древяная на Старомъ Рогожскомъ яму, въ Рогожской слободѣ, на берегу рѣки Клязьмы, на володимірской большой дорогѣ, у церкви служитъ попъ Евдокимъ, по новоявленной памяти изъ Тіунской избы, изъ полу-церковнаго доходу съ дьячкомъ Васкою Фроловымъ, и прихожане тоя церкви ямщики сказали: приходской де ихъ церкви мѣстной попъ Андрей умре, тому нынѣ другой годъ, и церковная де земля пашня и сѣнные покосы у той церкви есть, а что въ дачахъ четвертныя пашни и то написано въ писцовыхъ книгахъ, да къ той же церкви дана пустошь Мишинская и клали выпись на тое пустошь письма и мѣры Семена Колтовскаго, да подьячаго Анисима Ильина 131 (1623) года, а въ выписи написано: пустошь, что была деревня Мишинская черная, за рѣкою Клязьмою, а въ ней пашни пахатныя наѣздомъ середніе земли четверть, да лѣсомъ поросло 19 четвертей и всего пашни пахатныя и лѣсомъ поросло 20 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 15 копенъ и съ той выписи взятъ списокъ, а подлинная отдана обратно ямщикамъ" (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 173—174).

При церкви Николая Чудотворца въ селѣ Рогожи были священники: Алексѣй Наумовъ 1697 г., Иванъ Алексѣевъ 1711—1726 г., дьяконъ Василій Фроловъ 1682 г., дьячки: Исай Прокофьевъ 1682 г., Яковъ Ивановъ 1715 г., Василій Ивановъ 1726 г., пономарь Антонъ Яковлевъ 1726 г. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 81, № дѣла 2; Переписн. кн. 1 ревизіи 1726 г., л. 231).

1781 года октября 5 дня именнымъ указомъ, даннымъ Сенату, повелѣно: „главнокомандующему въ Москвѣ князю Долгорукову-Крымскому, въ концѣ будущаго 1782 года открыть Богородскій уѣздъ, вслѣдствіе того переименовать городомъ ямское село Рогожу". (Полн. Собр. Законовъ, т. XXI, стр. 277, № 15245). Въ 1788 г., въ городѣ

Богородскѣ находились: церковь во имя Богоявленія Господня съ придѣломъ Николая Чудотворца, присутственныя мѣста, городская школа винный и соляной анбары—всѣ деревянныя; домовъ: дворянскихъ 2, священно и церковно-служительскихъ 5, разночинскихъ 5, купеческихъ 28, мѣщанскихъ 9, ямскихъ 7, пивоварня 1 и кузница 1; жителей: мужска пола 306, женска 255 человѣкъ. Ярморки въ городѣ бываютъ двѣ—мая 9, да декабря 6, на которыя крестьяне привозятъ разные съѣстные припасы, а купцы въ городѣ торгуютъ мелочнымъ товаромъ. (Географ. словарь т. IV ст. 100. Москва 1788 г.).

10. Ц. Николая чудотворца на погостѣ, что на Мху *).

Въ книгахъ Патр. Каз. Приказа писано: за 7136 (1628) г. „церковь Николы чюдотворца въ Куньевской волости, дани 10 алт. 3 ден., намѣстничихъ 8 денегъ, заѣзда 5 денегъ, кормовая гривна»; за 7143 (1635) г.:—«въ Куньевской волости на погостѣ Никольскомъ, у пруда, дани 14 алт. 4 ден., десятильничихъ и заѣзду гривна; платилъ деньги Давыдовы пустыни игуменъ Онтоній» (Кн. 2, л. 188; кн. 196, л. 84).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1635) г.: Московскаго уѣзда, въ Куньевской волости на погостѣ церковь Николая чудотворца деревянная, пашни паханыя церковныя земли 7 чети, да лѣсомъ поросло 7 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 20 копекъ, лѣсу пашеннаго десятина, да непашеннаго 5 десятинъ. Въ 7154 (1646) году при церкви были: «во дворѣ попъ Афанасій, во дв. просвирница Анница». Въ 7188 (1680) г. «во дворѣ попъ Иванъ Фадѣевъ, во дв. дьячекъ Васка Фадѣевъ, во дв. пономарь Сенка Симоновъ, во дв. просвирница Анница Никифорова. И попъ Иванъ (при досмотрѣ церквей и церковныхъ земель, по указу патріарха) сказалъ: церковною де землею, что написано въ писцовыхъ книгахъ, владѣетъ онъ попъ съ причетниками, да къ той же церкви въ писцовыхъ книгахъ написано: пустошь Борискова, Семенова тожъ, пашни паханыя 2 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 40 копенъ, лѣсу пашеннаго 3 десятины, непашеннаго 12 десятинъ, и тою де пустошью онъ, попъ Иванъ, не владѣетъ, а владѣютъ тою пустошью великого государя дворцовой Куньевской волости крестьяня, а гдѣ та пустощь и въ какихъ урочищахъ—того онъ, попъ, не вѣдаетъ и никакихъ крѣпостей на тое пустошь у него нѣтъ; а другая пустошь объѣзжая Костина,

*) Нынѣ погостъ Николаевскій, что въ Куньѣ, на Мху.

Костенева тожъ, а въ ней пашни паханой въ разныхъ мѣстахъ 4 чети съ третникомъ, да лѣсомъ поросло 11 чети безъ третника въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 15 копенъ, сѣнокосныя поросли полдесятины, лѣсу пашеннаго 4 десятины, непашеннаго лѣсу 5 десятинъ, и тою пустошью владѣетъ онъ попъ съ причетниками и клалъ онъ попъ выпись письма князь Михаила Мезецкаго, да подъячаго Ушака Никитина 93 (1585) года и та церковная пустошная земля съ писцовыми книгами 139—141 годовъ сходна» (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, лл. 177 и 369).

Въ 1717 году при церкви Николая чудотворца «на погостѣ, что на Мху» были: священникъ Иванъ Семеновъ, дьяконъ Игнатій Ѳеоктистовъ, дьячекъ Иванъ Ивановъ. (Переписн. кн. 1717 г. л. 381 об.)

11. Ц. Иліи пророка, на погостѣ Ильинскомъ, въ Муравьищахъ, у рѣчки Шарны *).

Въ началѣ XVII ст., Московскаго уѣзда въ дворцовой Куньевской волости, на погостѣ Муравьищѣ, у рѣчки Шарны, находилась изстари построенная церковь св. пророка Иліи, дани по окладу 7136 (1628) г. 3 алт. 3 ден. намѣстничихъ 4 алт., кормовая гривна. За послѣдующіе 1635—1712 гг. платилось «дани рубль 13 алт. 5 денегъ, заѣзда гривна» (Патр. Прик. кн. 2, л. 188 и кн. 196, л. 83).

Подъ 7154 (1646) г. упоминается: «церковь Иліи пророка на погостѣ Ильинскомъ, на рѣчкѣ Шарнѣ, деревянная, у церкви во дворѣ попъ Лука, во дв. пономарь Илюшка, во дв. просвирница Марфица» (Переписн. кн. 9809, л. 82).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года написано: «въ Куньевской волости на погостѣ Муравьищѣ, на берегу рѣки Шарны, церковь св. пророка Иліи деревянная, у церкви во дв. попъ Матвѣй Ивановъ, во дв. дьячекъ Якушко Лукьяновъ, во дв. пономарь Селуянко Афанасьевъ, во дв. просвирница; церковь построена изстари; церковной земли въ Патріаршѣ Казенномъ Приказѣ, въ переписныхъ книгахъ Ивана Нелединскаго, да подьячаго Володимира Толстаго 141 (1633) года написано: «пашни паханыя 5 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна противъ погоста за рѣкою Шарною на лугу 70 копенъ и тою пашнею и сѣнными покосами владѣетъ попъ съ

*) Нынѣ погостъ Ильинскій, въ Муравлищахъ (Муравьищи), Богородскаго уѣзда.

причетниками, а въ писцовыхъ книгахъ той церкви и земли къ церкви не написано» (Патр. Прик. дозор. кн. 151, л. 182—183).

7203 (1695) года іюля въ 13 день, по благословенной грамотѣ данъ антиминсъ ко освященію церкви св. пророка Иліи на погостѣ Муравьищѣ, тоя жъ церкви попу Семену (Патр. Прик. кн. 138, л. 93).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа, за 1734 г, значится: «іюля 3 числа запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью дворцовой Куньевской волости Ильинскаго попа Афанасья Ефремова съ приходскими людьми, велѣно, противъ ихъ челобитья во оной Куньевской волости, на старомъ церковномъ мѣстѣ, вмѣсто сгорѣлой Ильинской церкви, построить вновь церковь во имя тотъ же престолъ деревянную; пошлинъ 20 коп., нужнѣйшихъ четверть съ осьмою взято» (Патр. Прик. кн. 372, л. 35).

Въ 1715—1726 гг. при Ильинской церкви были: священникъ Ефремъ Григорьевъ, дьяконъ Афанасій Ефремовъ, дьячекъ Ѳедоръ Матвѣевъ, пономарь Иванъ Селуяновъ, просвирня Маремьяна Петрова, у нея живетъ бывшаго попа Семена Матвѣева вдова Улита, и дворъ бывшаго попа Ивана Григорьева.

12. Ц. Рождества Христова и св. Тихона чудотворца на погостѣ Данилищевѣ, у озера *).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ, Московскаго уѣзда, въ Куньевской волости, находился «погостъ, а на погостѣ церковь Рождества Христова: пашни паханыя церковныя земли 4 чети, да перелогомъ четь въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 10 копенъ, лѣсу пашеннаго 3 десятины, а непашеннаго 2 десятины; подъ погостомъ озерко Рожественное въ длину полверсты, а поперегъ 120 сажень, а рыба въ немъ караси и лини» (Патр. Прик. доз. кн. 141, л. 366).

По окладнымъ книгамъ Казеннаго Приказа за 7136 (1627—1628) г. «церковь Рождества Христова на погостѣ Данилищевѣ, у озера, дани 8 алт., намѣстничихъ 8 денегъ, заѣзда алтынъ, кормовая гривна»; за 7143 (1635) г. «дани рубль 26 алт. 3 деньги, заѣзда гривна» (Кн. 2, л. 188; кн. 196, л. 84).

Въ 7154 г. «на погостѣ, на озерѣ Данилищевѣ, церковь Рождества Христова деревянная, у церкви во дворѣ попъ Гри-

*) Нынѣ погостъ Христорождественскій (Данилищево), Богородскаго уѣзда.

горій, во дв. дьячекъ Василій Аникѣевъ, просвирница Настасьица»; а по дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года: «у церкви попъ Иванъ Семеновъ, дьячекъ Герасимъ Андреевъ, пономарь Григорій Афанасьевъ и просвирница; церковь построена изстари; къ церкви Рождества Христова (кромѣ церковной земли, показанной въ писцовыхъ книгахъ) двѣ пустоши: пустошь Софроново, Мишоково тожъ, отъ полевой земли верстахъ въ двухъ, близъ деревень Рѣткина, да Понкратова, а въ ней пашни паханой худой земли 2 чети безъ третника, да лѣсомъ поросло 33 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 100 копенъ, сѣнокосной поросли 3 десятины съ третью, лѣсу пашеннаго 8 десятинъ, непашеннаго 12 десятинъ, впустѣ 2 выти съ третью, а въ другой пустоши Ульяновой пашни паханой третникъ, да перелогомъ четь безъ третника, да лѣсомъ поросло 6 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнокосныя поросли 5 десятинъ безъ трети, лѣсу чернаго въ длину на полверсты, поперегъ четверть версты» (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 174—176).

Въ 1717 г., на погостѣ Данилищевѣ двѣ церкви деревянныя Рождества Христова и св. Тихона чудотворца, при нихъ были: священникъ Гавріилъ Дмитріевъ, дьяконъ Кузма Герасимовъ, дьячекъ Иванъ Герасимовъ и пономарь Григорій Агаповъ (Переписн. кн. 1717 года, л. 339).

13. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы на погостѣ Лычевѣ, на рѣчкѣ Выркѣ *).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ, Московскаго уѣзда, въ дворцовой Куньевской волости: „погостъ, на рѣчкѣ Выркѣ, а на погостѣ перковь Рождества Богородицы; пашни паханой церковной земли 3 чети безъ третника, да лѣсомъ поросло 4 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ, лѣсу пашеннаго и непашеннаго 6 десятинъ“ (Патр. Прик. кн. дозор. 141, л. 370). По окладу 7136 (1628) года „дани 7 алт. 3 ден., намѣстничихъ 2 алт., кормовая гривна, заѣзда алтынъ“. Подъ 1635—1739 годами пишется: „въ Куньевской волости, на погостѣ Голвачевѣ (въ другомъ мѣстѣ Лычевѣ), у рѣчки Вырки, дани рубль 7 алт. 5 ден., заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 188; кн. 196, л. 84; кн. 149).

*) Нынѣ погостъ Выркинскій (Вырки) Богородскаго уѣзда.

По дозорнымъ книгамъ 7188 (1680) года: „на погостѣ Лычевѣ, на рѣчкѣ Выркѣ, церковь Рождества Богородицы деревянная, у церкви во дворѣ попъ Михаилъ Ивановъ; церковная земля по писцовымъ книгамъ сходна и вдадѣетъ землею попъ съ причетниками“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 180).

1702 года, марта въ 19 день, по благословенной грамотѣ, выданъ антиминсъ въ Московскій уѣздъ, въ Куньевскую волость, въ новопостроенную церковь Рождества Пресв. Богородицы, тояжъ церкви попу Василію Иванову (Патр. Прик. кн. 138, л. 216).

При церкви Рождества Богор. въ 1717 г. были: священникъ Василій Ивановъ, у него сынъ священникъ Владиміръ, дьячекъ Ѳедотъ Андреевъ и пономарь Семенъ Андреевъ.

14. Ц. Михаила Архангела на погостѣ Чернѣевѣ, на рѣчкѣ Раменкѣ, при селѣ Иванисовѣ *).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ, Московскаго уѣзда, въ дворцовой Куньевской волости, находился „погостъ, на рѣчкѣ Раменкѣ, а на погостѣ церковь Архангела Михаила; пашни паханой церковной земли 4 чети, да перелогомъ четверть въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣчкѣ Раменкѣ 30 копенъ, лѣсу пашеннаго 4 десятины, а непашеннаго 2 десятины“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 368).

По окладнымъ книгамъ Казеннаго Приказа за 7136 (1627—1628) г. „церковь Архангела Михаила въ Куньевской волости, на погостѣ Чернѣевѣ, дани 11 алт., намѣстничихъ 8 денегъ, заѣзда 4 деньги, кормовая гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 188; кн. 196, л. 84).

По дозорнымъ книгамъ 7188 (1680) г.: „великаго государя въ дворцовой Куньевской волости, въ Доблинскомъ стану, погостъ на рѣчкѣ Раменкѣ, у церкви Архангела Михаила во дворѣ попъ Романъ Ѳедотовъ, да дьячекъ Ѳедотка Романовъ, во дв. просвирница; церковь построена изстари; церковною землею и сѣнными покосами владѣетъ попъ съ причетниками, по писцовымъ книгамъ 139—141 гг.“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 206—207).

Въ 1704 г. церковь Архистратига Михаила деревянная; при ней были священники: Прокопій Романовъ 1704 г. и Иванъ Ѳедо-

*) Нынѣ Иванисово, село Богородскаго уѣзда.

ровъ 1717 г.; дьячки: Иванъ Ѳедоровъ 1704 г. и Пименъ Прокофьевъ 1717 г. (Переписн. кн. 9817, л. 302; и кн. 1717 года, л. 340).

Въ XVII ст. при погостѣ Михаила Архангела находилась деревня Иванисова (въ 1623 г.) вотчина боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, по припрaвочнымъ книгамъ 1585 г., что было за отцомъ его въ помѣстьи; въ деревнѣ былъ дворъ вотчинниковъ, дворъ дѣловаго человѣка и 3 дв. крестьянскихъ (Писцов. кн. 9805, л. 91 об.). Потомъ этою деревнею владѣлъ князь Василій Ѳедоровичъ Одоевскій, а отъ него перешло къ князьямъ Алексѣю, Михаилу и Василію Юрьевичамъ Одоевскимъ, при которыхъ Иванисово въ 1704 г. было сельцомъ съ 11 дворами крестьянъ; въ 1736 г. оно принадлежало Ивану Петровичу Толстому, доставшееся ему по закладной отъ кн. Михаила Юрьевича Одоевскаго (Вот. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 80, № дѣла 19; отказн. кн. 16, л. 1061—1063; переписн. кн. 9817, л. 205).

15. Ц. Троицы Живоначальныя, на погостѣ Троицкомъ, у рѣки Дрозны.

Церковь Св. Троицы деревянная, построенная изстари, на погостѣ у рѣки Дрозны, въ началѣ XVII ст. находилась Московскаго уѣзда, въ дворцовой Загарской волости; по окладу 7136 (1628) г. дани 10 алт. 5 ден., заѣзда 3 алт., кормовая гривна; за 7143 (1635) г. „дани 26 алт. съ деньгою заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 185; кн. 196, л. 4).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ: къ церкви Живоначальныя Троицы „пашни паханыя церковной земли 2 чети да перелогомъ четь, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 2 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 70 копенъ, лѣсу поверстнаго елнику болотнаго по Микишинъ лугъ; да къ церкви жъ дано селище Темниково, да селище Петряково и тѣ селища лѣсомъ большимъ поросли, а по мѣрѣ въ селищѣ Петряковѣ лѣсу пашеннаго полдесятины, сѣна по оселку 10 копенъ, въ селищѣ Темниковѣ по мѣрѣ пашеннаго лѣсу четь десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ“ (Патр. Прик. кн. дозорн. 141, л. 360—361). Въ 1646 г. при Троицкой церкви: „во дворѣ попъ Семенъ“ (Переписн. кн. 9809, л. 74).

Въ 1710 г. погостъ Троицкій, бывшій селомъ, пожалованъ изъ дворцоваго вѣдомства Алексѣю Александровичу Курбатову; въ 1726 г. погостъ по прежнему причисленъ къ дворцовымъ волостямъ и въ 1727 г.

пожалованъ Петру Васильевичу Чичерину (Вотч. Колл., по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 84, № дѣла 2).

При Троицкой церкви были священники: Антипъ Никитинъ 1680 г. Лукьянъ Агаповъ 1726—1754 г.; дьяконъ Павелъ Лукьяновъ 1752 г., дьячки: Ѳедоръ Евдокимовъ 1680 г., Потапъ Агаповъ 1726—1754 г. и Петръ Агаповъ 1754 г. (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 204—205 и кн. 1 ревизіи 1726 г. л. 213).

16. Ц. Успенія Пресвятыя Богородицы на погостѣ въ Загарской волости (Загарье) *).

Въ началѣ XVII ст. „на погостѣ у рѣчки Осиновки", Московскаго уѣзда, въ дворцовой Загарской волости была деревянная церковь во имя Николая чудотворца, построенная изстари; по окладу 7136 (1628) г. дани 9 алт., заѣзда 2 алт., кормовая гривна; за 7143 (1635) г. писалось: „Загарской волости, на погостѣ Никольскомъ, у рѣчки Осиновки, дани рубль 5 алт. 2 деньги, заѣзда гривна" (Патр. Прик. кн. 2, л. 185; кн. 196, л. 84).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ: „пашни паханой церковной земли 6 чети, да лѣсомъ поросло 4 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 50 копенъ, лѣсу полторы десятины" (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 361—362).

Въ 7154 (1646) г. при Николаевьской церкви „во дворѣ попъ Василій, дьячекъ Микифорко Васильевъ, во дв. пономарь Лучка Клементьевъ", а по дозорнымъ книгамъ Патр. Приказа 7188 (1680) года: „у церкви во дворѣ дьячекъ Моисейко Степановъ, во дв. пономарь Якушко Ѳедоровъ, во дв. просвирница; дьячекъ сказкою показалъ: попъ Андрей Ивановъ умеръ въ 1680 г., а въ его домѣ живетъ братъ его родной Петрушка Ивановъ; церковь Николая чудотворца построена изстари; церковная земля и сѣнные покосы есть, по писцовымъ книгомъ 139—141 годовъ" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 183—185 и перепис. кн. 9809, л. 74).

Въ 1710 г. на погостѣ Никольскомъ въ Загарской волости были двѣ церкви: Николая чудотворца и Великомученицы Параскевеи, нарицаемыя Пятницы (Перепис. ландрат. кн. 1710 г., л. 146).

Въ 1710 г., по именному указу великаго государя, Загарская волость пожалована Алексѣю Александровичу Курбатову, при кото-

*) Нынѣ Загарье-Никольское, седо Богородскаго уѣзда.

ромъ и была построена на погостѣ Никольскомъ новая церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы, вмѣсто церкви Великомуч. Параскевеи. Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа за 1715 годъ, значится: „сентября въ 23 день, запечатана грамота о священіи церкви преосвященному Варлааму, архіепископу Тверскому и Кашинскому, по челобитью Алексѣя Александровича Курбатова, велѣно: въ Московскомъ уѣздѣ, въ Загарской волости, въ вотчинѣ ево, въ селѣ Никольскомъ, новопостроеную церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы освятить ему, преосвященному Варлааму, на старомъ антиминсѣ“ (Патр. Прик. кн. 438, л. 71).

Въ 1726 г. Загарская волость по прежнему причислена къ дворцовому вѣдомству, а въ 1727 г. пожалована Петру Васильевичу Чичерину, умерш. 11 мая 1748 г. Послѣ его жена вдова Александра Васильевна, урожд. Мосальская, съ дѣтьми: Васильемъ, Алексѣемъ и Сергѣемъ Петровыми продала Загарскую волость, въ 1753 г., Николаю Михайловичу Леонтьеву.

На погостѣ Никольскомъ, названномъ селомъ, въ 1753 г. были церкви: Успенія Пресв. Богородицы каменная*) и Николая чудотворца деревянная съ придѣлами (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, стар. л. кн. 84, № дѣла 2). При церквахъ находились священники: Иванъ Петровъ 1710—1711 г., Илья Аникитинъ 1712—1720 г., Андрей Андреевъ 1726 г., Семенъ Ѳедоровъ 1753 г.; діаконъ Иванъ Семеновъ 1753 г.; дьячки: Евсевій Петровъ 1710 г., Григорій Андреевъ 1715—1726 г., и Михаилъ Григорьевъ и пономарь Дмитрій Карповъ 1753 г.

17. Ц. Параскевеи мученицы наричаемыя Пятницы на погостѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ **).

Церковь Парасковеи Пятницы деревянная, построенная изстари, находилась въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣзда, въ дворцовой Куньевской волости, „на погостѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ“; по окладу 7136 (1628) г. дани 7 алт. 5 ден., заѣзду гривна, кормовая гривна; за 7143 (1635) г. писалось: „на погостѣ Пятницкомъ, у рѣчки Березовки, дани 32 алт. 5 ден., заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 185; кн. 196, л. 85).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) гг. „пашни па-

*) Каменная церковь Успенія Богор., полагаемъ, была построена въ 1715 г.

**) Нынѣ село Десятая Пятница Богород. у.

ханой церковной земли въ церковной пустоши Филинской 2 чети, да лѣсомъ поросло 11 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ, лѣсу пашеннаго 2 десятины, а непашеннаго 3 десятины. (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 371).

Подъ 7154 (1646) г.: „погостъ Пятницкой, у Березовки, а на погостѣ церковь деревянная, у церкви во дворѣ попъ Андрей"; по дозорнымъ книгамъ 7188 (1680) года: „у церкви во дворѣ попъ Мина Михайловъ, во дв. дьячекъ Гараска Яковлевъ, да просвирница; церковь построена изстари, церковная земля въ пустоши Филинской, а владѣютъ пустошью государевой Куньевской волости деревни Микулина крестьяня".

Въ 1717 г. погостъ церкви, нарицаемыя Пятницы, что на Березовкѣ, у церкви: попъ Григорій Трофимовъ, дьячекъ, Герасимъ Яковлевъ и пономарь Герасимъ Герасимовъ. (Переписн. кн. 9809, л. 82, и кн. 1717 года, л. 360; Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 181—182).

18. Ц. Воздвиженія честнаго Креста Господня и Св. мученика Никиты на погостѣ Воздвиженскомъ, на рѣчкѣ Сушицѣ *).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ, Московскаго уѣзда, въ волости Сельнѣ, находился „погостъ, на рѣчкѣ Сушицѣ, а на погостѣ церковь Воздвиженія честнаго Креста Господня, да церковь мученика Никиты; пашни церковныя паханыя 4 чети, да лѣсомъ поросло 6 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 20 копенъ, лѣсу пашеннаго 3 десятины, а непашеннаго 2 десятины". По окладу 139 (1631) г. „дани 9 алт. съ деньгою, заѣзда гривна" (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 358 и приходн. кн. 196, л. 85).

Въ 1710 г. на погостѣ Воздвиженскомъ, въ Селинской волости, двѣ церкви деревянныя Воздвиженія Господня и Св. мученика Никиты. При церквахъ были священники: Іяковъ Григорьевъ 1680 г., Иванъ Яковлевъ 1710 г., дьячки: Артемій Григорьевъ 1680 г., Василій Артемьевъ 1710 г. и пономари: Дементій Григорьевъ 1680 г. и Ѳедоръ Родіоновъ 1710 г.

19. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Карповѣ, Большовское тожъ **).

Покровская церковь, построенная изстари въ селѣ Карповскомъ, Большовское тожъ, находилась въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣз-

*) Нынѣ погостъ Воздвиженскій, что въ Сельнѣ, Богород. у.

**) Нынѣ Карпово, село Богородскаго уѣзда.

да, въ дворцовой Селинской волости. Въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) г. писалось: „Церковь Покровъ Святѣй Богородицы въ Сельнѣ, дани 10 алт. 2 ден., заѣзда 3 алт. 2 ден., кормовая гривна"; за 7143 (1635) годъ „дани рубль 5 алт. 3 ден., десятильничихъ гривна. (Патр. Прик. кн. 2, л. 185; кн. 196, л. 85).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) гг. къ Покровской церкви „пашни церковной въ церковной деревнѣ Савкиной, Субочево тожъ, паханыя 3 чети, да перелогомъ 2 чети, да лѣсомъ поросло 20 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 10 копенъ, лѣсу пашеннаго 6 десятинъ, а непашеннаго 12 десятинъ" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 359).

7154 (1646) года „волость дворцовая Сельня, сего Карповское, Большовское тожъ, а въ селѣ церковь Покрова Пресв. Богородицы древяная; у церкви во дворѣ попъ Василей", да въ селѣ 8 дворовъ крестьянскихъ... (Переписн. кн. 9809, л. 72). Въ 1680 г. у той же церкви были „во дворѣ попъ Иродіонъ Васильевъ, во дв. дьячекъ Алешка Максимовъ, во дв. пономарь Харитонко Елисѣевъ и во дворѣ просвирница"; въ 1710—1722 гг. попы: Романъ и Фаддей Родіоновы, дьяконъ Тимофей Родіоновъ и дьячекъ Демидъ Максимовъ.

20. Ц. Иліи пророка и Николая Чудотворца на погостѣ въ Гуслицахъ *).

Въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣзда, въ дворцовой Гуслицкой волости, „на погостѣ Ильинскомъ, на рѣчкѣ Гуслицѣ" (въ другомъ мѣстѣ на рѣчкѣ Околицѣ), находилась деревянная церковь, построенная изстари, во имя св. пророка Иліи съ придѣломъ св. Николая Чудотворца; по окладу 7136 (1628) г. дани 13 алт. 2 деньги, намѣстничихъ 8 алт., десятильничихъ гривна", за 7143 (1635) г. „дани рубль 26 алт. 2 ден., заѣзда гривна" (Патр. Прик. кн. 2, л. 186, кн. 196, л. 85).

Въ писцовыхъ книгахъ Приказа Большаго Дворца писца Афанасья Отяева, да подьячаго Василья Арбенева 139—141 (1631—1633) гг. церковь Иліи пророка описана въ слѣдующемъ порядкѣ: „Гуслицкой волости погостъ, на рѣчкѣ на Околицѣ, а на погостѣ церковь Иліи пророка древяна клѣтцки, а въ церкви образовъ: образъ Воскресенія Христова писанъ на золотѣ, икона двулистовая; образъ

*) Нынѣ Гуслицы, село Богородскаго уѣзда.

Пресв. Богородицы Одигитрія писанъ на золотѣ, икона двулистовая, въ кіотѣ древяной; образъ пророка Иліи писанъ на прозелени, вѣнецъ и гривна серебреные басемные, позолочены, да двѣ гривны битыя серебряныя жъ позолочены, икона четырехъ листовая, въ кіотѣ древяной; двери царскія съ евангелисты и съ сѣнью, сѣни и столбцы писаны на прозелени, деисусъ въ тяблѣ—семь образовъ, иконы трехъ листовыя; въ олтарѣ на престолѣ образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія писанъ на золотѣ, вѣнцы и гривны серебряные, басемные, позолочены, на престолѣ евангеліе тетръ, печать московская, крестъ воздвизальной древяной, сосуды церковные—потиръ, дискосъ и лжица и блюдца оловянные, покровцы тафтяные. Книги: апостолъ тетръ, минея общая печатныя, московской печати, тріодь цвѣтная, шестодневецъ въ полдесть писменная, потребникъ и служебникъ печать московская, псалтирь и часословъ печатные. Да въ предѣлѣ Николай Чюдотворецъ, а въ немъ образовъ: образъ Николая Чюдотворца, писанъ на прозелени, трехъ листовой, вѣнцы и гривны у Спасова и Богородицына и у Николина образа басменные, позолочены, третья гривна сканная, серебрены позолочены; двери царскія съ евангелисты на бѣли, въ тяблѣ по обѣ стороны деисуса четыре образа; обрзъ Вседержителя Спаса писанъ на бѣли, образъ Пресв. Богородицы Одititрія писанъ на краскахъ, образъ Николы Чюдотворца писанъ на прозелени, образъ Страстотерпца Христова Георгія на бѣли, четырехъ листовые; свѣчь поставныхъ съ красками и съ насвѣшники въ настоящей и въ предѣлѣ семь; поникадило невелико мѣдное; два кадило мѣдныхъ; ризы и стихари ветхи, полотняныя; у церкви паперть вырубная, а на паперти два колокола, вѣсомъ пудъ въ 12, да клѣпало желѣзное. А церковь и въ церкви образы, и книги, и ризы, и колокола и всякое церковное строеніе мірское. Да на погостѣ во дворѣ попъ Романъ Ѳоминъ, во дв. попъ Володиміръ Ѳоминъ, во дв. попъ Матвѣй Ѳоминъ, во дв. вдовой попъ, пономарь Баженъ Ѳоминъ, во дв. земской дьячекъ Богдашко Степановъ, во дв. просвирница Аниица; пашни паханой церковной земли 3 четверти съ осминою да лѣсомъ поросло 12 четвертей съ осминою въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ, лѣсу десятина“ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 56, № дѣла 8).

Въ 1646 г. при церкви Иліи пророка были: „во дворѣ попъ Матвѣй, во дворѣ попъ Григорій, во дворѣ пономарь Евтихій Игнатьевъ“ (Переписи кн. 9809, л. 76 об.).

На томъ же Ильинскомъ погостѣ, въ Гуслицахъ, въ 1676 году построена другая церковь во имя Казанскія Пресв. Богородицы, ко-

торая въ писцовыхъ книгахд 185 и 186 (1677—1678) гг. описана такъ: „въ Гуслицкой волости, на погостѣ церковь во имя Казанскія Пресвятыя Богородицы, около церкви съ трехъ сторонъ паперти, на паперти всходная лѣстница; церковь и паперть крыты тесомъ, а въ церкви: царскія двери, сѣнь и столбцы, да мѣстныхъ образовъ: образъ Всемилостиваго Спаса, образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія, вѣнцы и цаты серебряные, золочены съ каменіемъ, въ кіотахъ, образъ Іоанна Предтечи, образъ преподобнаго Сергія, у Богородицына образа подпись и ожерельицо жемчужные съ каменіемъ, на престолѣ евангеліе печатное, оболочено бархателью, распятіе и евангелисты мѣдные; за престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія, окладъ чеканный, пелена бархательная, на сѣверныхъ дверяхъ образъ Архидіакона Стефана, на южной двери образъ Архангела Михаила. Передъ мѣстными образы двѣ лампады бѣлаго желѣза. Хоругвь. Строена та церковь во 184 (1676) году, строили того жъ погосту попы Григорія да Иванъ".

„На томъ же погостѣ другая церковь св. пророка Иліи, да къ ней придѣлъ св. Николая Чюдотворца, около церкви съ трехъ сторонъ паперти, на паперть всходная лѣстница; церковь и паперти крыты тесомъ; въ церкви: царскія двери, сѣнь и столбцы, по правую сторону царскихъ дверей образъ Распятія Господня, образъ св. пророка Иліи, въ кіотѣ, окладъ чеканной, вѣнецъ и цата бѣлые рѣзные съ каменіемъ, образъ Чюдотворца Николая, по лѣвую сторону царскихъ дверей Пресв. Богородицы Одигистрія, вѣнцы у Спаса и Богородицы бѣлые, рѣзные. На престолѣ: евангеліе печатное, оболочено бархатомъ цвѣтнымъ, евангелисты и застежки серебреные, крестъ благословящей обложенъ серебромъ, за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Одигистрія, на той же цкѣ назади образъ св. пророка Иліи. вѣнцы и цата бѣлые рѣзные. На жертвенникѣ сосуды оловянные. Деисусовъ 12 иконъ, Спасовъ образъ обложенъ серебромъ чеканнымъ, вѣнецъ рѣзной съ каменьемъ; два поникадила не велики, мѣдныя, передъ мѣстными образы семь свѣчь поставныхъ, восковыхъ, да двѣ деревянныя, писаны красками. Два кадило, укропникъ, чаша водосвятная мѣдныя. Колокольница деревянная о семи углахъ, на ней 5 колоколъ. Да въ придѣлѣ: образъ Чюдотворца Николая, обложенъ серебромъ чеканнымъ, вѣнцы и цаты бѣлые, рѣзные, съ каменіемъ, образъ преподобныхъ отецъ Зосима и Савватія Соловецкихъ чюдотворцевъ, въ кіотѣ; образъ Великомученика Георгія; царскія двери, сѣнь и столбцы; на престолѣ евангеліе печатное, оболочено бархателью, евангелисты мѣдные, крестъ благословящей обложенъ мѣдью,

за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Одигитрія, вѣнецъ и цата рѣзные; нл жертвенникѣ сосуды оловянные, потиръ булатной. Книгъ: служебникъ, шестодневъ, апостолъ, псалтирь со вослѣдованіемъ, евангеліе толковое, воскресное, прологи во весь годъ, два октоя, минея мѣсяцъ іюль, двѣ треоди—постная да цвѣтная". На погостѣ при церквахъ на церковной землѣ были „во дворѣ попъ Григорій Романовъ, у него сынъ попъ Афанасій, во дворѣ попъ Иванъ Григорьевъ, во дворѣ дьячекъ Сергушка Григорьевъ, во дворѣ дьячекъ Дѣйка Григорьевъ, пономарь Ивашко Ивановъ, во дворѣ просвирница Марвица Андреева и дворъ бобыля; подъ дворами и огороды усадебной земли 2¹/₂ десятины; а въ 7188 (1680) году во дворѣ попъ Афанасій Григорьевъ и во дворѣ попъ Михаилъ Ассоновъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 58, № дѣла 11, лл. 104—106; Патр. Прик. довор. кн. 141, л. 190—191).

1710 г. февраля въ 17 день „великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ пожаловалъ князя Александра Даниловича Меншикова указалъ ему дать въ зачетъ, взятыхъ у него въ Ингріи волостей, изъ своихъ государевыхъ волостей дворцовую Гуслицкую волость со крестьяны и бобыли"; вслѣдствіе сего указа того же года апрѣля 7 числа за нимъ, княземъ Меншикомъ, Гуслицкая волость утверждена отказною книгою, въ которой находится описаніе церквей въ слѣдующемъ порядкѣ: „волость Гуслицкая, а въ ней погостъ, на рѣчкѣ Поповкѣ, а на погостѣ церковь во имя св. пророка Иліи деревянная о пяти главахъ, кресты деревянные опаяны жестью бѣлою, а въ церкви: царскія двери, сѣнь и столбцы рѣзныя, золоченые; по правую сторону царскихъ дверей мѣстныхъ иконъ: образъ Всемилостиваго Спаса, вѣнецъ и гривенка гладкіе съ репьями, серебреные, золоченые; образъ св. пророка Иліи съ житіемъ окладъ чеканной, вѣнецъ и рива чеканные, серебрены, золочены, на Господѣ Совоофѣ вѣнецъ и гривенка съ короною чеканные; на житіи семь вѣнцовъ съ гривенками, да пять вѣнчиковъ малыхъ, серебреные, рѣзные, вызолоченые; образъ Воскресенія Христова писанъ на золотѣ, на немъ два вѣнца съ коронами и гривенки серебреные, золочены; образъ Живоначальныя Троицы, на немъ три вѣнца серебреныхъ съ коронами и съ гривенки, золочены; образъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, образъ Архангела Михаила, образъ преподобнаго отца Сергія, образъ Печерскія Богородицы писаны на краскахъ; по другую сторону царскихъ дверей: образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія, вѣнецъ и гривенка серебреные, рѣзные, золоченые; образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія Смоленскія, вѣнецъ съ короною рѣзной, образъ

Московскихъ Чудотворцевъ Петра и Алексія и Іоны и Филиппа; образъ Бориса и Глѣба, образъ св. мученикъ Флора и Лавра и Космы и Даміана, образъ св. великомученика Георгія, образъ Изосима и Савватія Соловецкихъ чудотворцовъ писаны на краскахъ; на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ образы архидіакона Стефана и архидіакона Авива. Иконостасъ, взымцы и тумбы столярные флемованные, золоченые; передъ мѣстными иконы 13 лампадъ мѣдныхъ; въ деисусѣ Спасителевъ образъ съ апостолы и пророки и двунадесятныхъ праздниковъ три яруса, передъ Спасителевымъ образомъ поникадило мѣдное о дву ярусахъ; двѣ хоругви: на одной образъ Богоявленіе Господне, а на другой—св. пророка Иліи писаны на краскахъ, у нихъ двѣ пелены камчатныя съ кистями. Въ трапезѣ: образъ Дѣянія Страшнаго Суда писанъ на краскахъ. Въ олтарѣ на престолѣ: евангеліе печатное, на александрійской бумагѣ, оболочено бархатомъ червчетымъ, распятіе и евангелисты чеканные, застежки серебреные, на другой сторонѣ средина и наугольники серебреные бѣлые; другое евангеліе въ десть оболочено бархатомъ краснымъ, распятіе и евангелисты серебреные рѣзные, застежки и съ исподи средина и наугольники серебреные бѣлые, два креста благословенныхъ, на нихъ распятіе чеканное, обложено серебромъ; ковчегъ оловянной, за престоломъ крестъ большой, на немъ написано Распятіе Господне, по правую сторону креста образъ Знаменія Богородицы, окладъ гладкой, вѣнецъ съ короною и гривенка рѣзные золоченые, въ привѣсѣ денегъ 20 алтынъ, на другой сторонѣ на оборотѣ образъ Николая чудотворца писанъ на краскахъ, по другую сторону Распятія образъ же запрестольный Богородицы Одигистрія Смоленской, окладъ чеканной, вѣнецъ съ короною рѣзной, въ привѣсѣ два креста, да денегъ 8 алт., на другой сторонѣ образъ пророка Иліи, вѣнецъ гладкой серебреной; за престоломъ же крестъ выносной большой, образъ Спасителевъ мѣстной въ кіотѣ, на жертвенникѣ сосуды и лжица серебреные".

«Да на томъ же погостѣ другая церковь во имя чудотворца Николая деревянная, объ одной главѣ, а въ ней царскія двери, сѣнь и столбцы рѣзные, золочены, по правую сторону царскихъ дверей мѣстныхъ иконъ: образъ Всемилостиваго Спаса писанъ на золотѣ, образъ Николая чудотворца, на немъ вѣнецъ и гривенка серебреные, рѣзные, золоченые, на Спасителевомъ и Богородицыномъ образѣ вѣнчики серебреные, по другую сторону царскихъ дверей: образъ Пресвятыя Богородицы Боголюбской вѣнецъ съ сіяніемъ гладкой съ репьями, убрусъ и ожерельицо писаные, на Спасителевѣ образѣ вѣнчикъ серебреной, образъ Всемилостиваго Спаса писанъ на краскахъ, пе-

редъ мѣстными образы 4 лампады мѣдныхъ; въ деисусѣ образъ Всемилостиваго Спаса, передъ нимъ паникадило мѣдное о дву ярусахъ; да Апостоловъ 12 иконъ; въ олтарѣ на престолѣ евангеліе въ десть, оболочено бархатомъ краснымъ, распятіе и евангелисты серебряные рѣзные бѣлые, крестъ благословенной распятіе и окладъ литые, за престоломъ крестъ выносной большой, образъ Всемилостиваго Спаса, въ кіотѣ, писанъ на краскахъ; на жертвенникѣ сосуды оловянные. У тѣхъ церквей колокольня рубленая осмигранная, верхъ шатровой, на ней 5 колоколовъ».

У князя Меншикова имѣнія были отписаны и причислены по прежнему къ дворцовому вѣдомству, а въ 1728 г. Гуслицкая волость пожалована Степану Васильевичу Лопухину (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 53, № дѣла 11).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа, за 1730 г., значится: «октября 28 числа, запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью дѣйствительнаго камеръ-гера Степана Васильевича Лопухина, велѣно ему въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ его, въ селѣ Ильинскомъ, вмѣсто ветхой Николаевской церкви, на томъ же церковномъ мѣстѣ, построить вновь церковь во имя тотъ же престолъ; пошлинъ 3 алтына, 2 деньги, нужнѣйшихъ одна четь взято» (Патр. Прик. кн. 337, л. 46).

Въ 1742 г. на погостѣ Ильинскомъ въ вотчинѣ Степана Вас Лопухина находились двѣ деревянныя церкви Иліи пророка и Николая чудотворца, при которыхъ были священники: Алексѣй Дѣевъ 1701—1710 г., Иванъ Петровъ 1701—1726 г., Афанасій Пименовъ 1701—1742 г., Егоръ Семеновъ 1726—1742 г.; дьяконы: Ефремъ Борисовъ 1710—1726 г., Василій Афанасьевъ 1742 г., дьячки: Иванъ Егоровъ 1701—1710 г., Яковъ Алексѣевъ 1701—1715 г., Алексѣй Васильевъ и Дмитрій Ивановъ 1742 г. (Переписн. кн. 1710 года, л. 616; 1 ревизіи кн. 1726 г. л. 77. Отказная кн. 33, № 10, по Москвѣ).

21. Ц. Георгія Великомученика на погостѣ, при деревнѣ Игнатовской, на рѣчкѣ Доркѣ.

Церковь Страстотерпца Христова Георгія деревянная, построенная изстари „на погостѣ у рѣчки Дорки“, находилась въ 1587 г., Московскаго уѣзда, въ дворцовой Гжельской волости; по окладу 7136 (1628) г, церковной дани 5 алт. 5 ден., заѣзда гривна, кормовая гривна“ за послѣдующіе 1635—1739 годы пишется:—„въ приселѣ

Георгіевскомъ, у рѣчки Доркн, Гжельской волости, дани рубль 27 алт., заѣзда гривна" (Патр. Прик. кн. 2, л. 185; кн. 196, л. 85).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) гг. значится: „въ Гжельской волости, на рѣчкѣ на Доркѣ, погостъ, а въ немъ церковь Страстотерпца Георгія, да въ деревнѣ Игнатовской, на рѣчкѣ на Доркѣ, во дв. попъ Ѳедоръ Григорьевъ; пашни паханыя поповы 4 чети, да лѣсомъ поросло 12 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 100 копенъ, лѣсу пашеннаго десятина, да непашеннаго двѣ десятины; да въ приправочныхъ книгахъ Елизарья Сабурова 97 (1589) г. написано: пустошь Исакова и тою пустошью владѣетъ съ Воронцова Ильинской попъ Василій въ лугъ мѣсто, что у него взять на Воронцовѣ полѣ государевымъ легковымъ лошадямъ въ пастьбище" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 352—353).

По переписнымъ книгамъ Московскаго уѣзда 154 (1646) года: „Раменской волости погостъ, на рѣчкѣ Доркѣ, у церкви во дворѣ попъ Степанъ, во дв. дьячекъ Якушко Семеновъ, во дв. просвирница Анница"; въ деревнѣ Игнатовой 3 дв. крестьянскихъ (Переписн. кн. 9809, л. 65—66).

„7160 (1652) года, генваря въ 15 день, запечатана благословенная грамота, по челобитью Московскаго уѣзда, Гжельской волости, церкви святаго мученика Георгія попа Стефана съ прихожаны, на три престола; пошлинъ 10 алтынъ" (Патр. Прик. кн. 31, л. 36).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. „въ деревнѣ Игнатовской, что на рѣчкѣ Доркѣ, погостъ, на немъ церковь Великомученика Георгія, у церкви во дворѣ попъ Алексѣй Алексѣевъ, во дв. дьячекъ Марко Максимовъ, во дв. дьячекъ Ѳедка Ивановъ, во дв. просвирница Натальица Ефремова; церковь построена изстари; пашнею церковною и сѣнными покосами, по писцовымъ книгамъ, владѣетъ попъ съ причетниками" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 201—202).

Въ 1717 г., „село Игнатьево въ дворцовой Гжельской волости, а въ селѣ церковь деревянная Великомученика Георгія, при церкви попъ Ѳедоръ Ивановъ, попъ Андрей Марковъ, дьячки: Прокофій Максимовъ и Гавріилъ Абрамовъ" (Переписн. кн. 1717 года, л. 442 об.).

22. Ц. Успенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Гжели *).

Въ селѣ Гжели, находившемся Московскаго уѣзда, въ дворцовой Гжельской волости, въ началѣ XVII ст. были двѣ церкви деревянныя, построенныя изстари, во имя Успенія Пресв. Богородицы и Димитрія

*) Нынѣ есть Гжель Богородскаго уѣзда.

Селунскаго; послѣдняя стояла „пуста и обвалилась". О церкви Успенія Пресв. Богородицы извѣстно по книгамъ Патр. Каз. Приказа съ 7136 (1628) г., въ которыхъ писалось такъ: „церковь Успенія Пресв. Богородицы въ селѣ Гжели, дани 26 алт., кормовая гривна"; за 7143 (1635) годъ—„дани рубль 31 алт. 2 ден., заѣзда гривна" (Патр. Прик. кн. 2, л. 185, кн. 196, л. 86).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) гг. къ Успенской церкви значится „пустошь, что была деревня, Клементьева, а въ ней пашни церковной паханой 2 чети съ третникомъ, да лѣсомъ поросло 12 чети безъ третника, сѣна 10 копенъ, сѣнокосныя поросли десятина; а владѣетъ нынѣ тою всею пустошью Успенской попъ Василій" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 351).

Въ 1646 г. при Успенской церкви были: „во дворѣ попъ Василій, во дв. дьячекъ Ермолко Ефремовъ, во дв. пономарь Ивашко Ефремовъ, во дв. просвирница; въ селѣ Гжели числилось 40 дв. крестьянскихъ, да на церковной землѣ 2 дв. бобыльскихъ (Переписн. кн. 9809, л. 65).

По дозорнымъ книгамъ Казен. Приказа 7188 (1680) г. „въ селѣ Гжели, на рѣчкѣ Гжелкѣ, церковь Успенія Пресв. Богородицы деревянная, у церкви во дв. попъ Фаддей Прокофьевъ, во дв. дьячекъ Петрушка Ивановъ и попы Кириллъ и Фаддей сказали: построена де та церковь изстари, и данью обложена и церковная де пашня и сѣнные покосы есть, а насколько де чети пашни и сѣнныхъ покосовъ и то писано въ писцовыхъ книгахъ 139—141 (1631—1633) годовъ" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 201).

1701 года, сентября 11 выданъ антиминсъ, по благословенной грамотѣ, въ Московской уѣздъ, въ село Гжель въ новопостроенную церковь придѣлъ Николая чудотворца, той же церкви попу Карпу Кириллову (Патр. Прик. кн. 138, л. 206).

Подъ 1710—1717 гг. въ селѣ Гжели церковь каменная во имя Успенія Пресв. Богородицы, построенная, нужно полагать, въ 1701 г (Переписн. кн. 1710 г., л. 403).

Въ Синод. Казенномъ Приказѣ производилось тѣло объ исправленіи въ селѣ Гжели каменной церкви во имя Успенія Пр. Богородицы. Дѣло началось по прошенію священника оной церкви Михаила Ѳедотова да церковнаго старосты Гаврила Тимоѳеева съ приходскими людьми. Въ своемъ прошеніи, поданномъ въ Казенный Приказъ 1736 г. декабря 1 дня, они писали: „въ нынѣшнемъ 736 году іюня во 2 день въ Московскомъ уѣздѣ въ дворцовой вашего императорскаго величества во Гжатской волости въ селѣ Гжели Божіимъ изволеніемъ ноч-

ною порою церковь Божія погорѣла во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и въ предѣлѣ Николая чудотворца и изъ церкви святыя иконы и всякую утварь убирали, въ тѣхъ же церквахъ престолы и жертвенники сломали и отъ того божественная служба имѣется въ остановки и чтобъ указомъ повелѣно было оные престолы собрать и поновя освятить имѣющимися антиминсами".

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синод. Казенномъ Приказѣ на справку выписано: „по окладнымъ книгамъ жилыхъ данныхъ церквей сего 1736 года въ Вохонской десятинѣ написано: съ церкви Успенія Пресвятыя Бигородицы въ дворцовомъ селѣ Гжели, у пруда, данныхъ и пошлинъ 2 рубля 51 копейка по сей 1736 годъ плачены.

А въ писцовыхъ книгахъ московскаго уѣзда 141 году у оной церкви показаны дворы: поповъ, три причетниковыхъ, 98 дворовъ приходскихъ, церковной земли 10 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 50 копенъ; да въ переписной 1703 года книгѣ у той же церкви показано 2 попа, дьяконъ, дьячекъ, пономарь, церковной земли 14 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ сѣна 10 копенъ, да поросли сѣнокоснаго десятина; приходскихъ 143 двора.

По этому дѣлу послѣдовала резолюція преосвященнаго Веніамина епископа Коломенскаго и Каширскаго: „дать о посвященіи указъ 1736 года декабря 3 дня. 1737 г. января 25 числа изъ Синод. Каз. Прик. выдалъ указъ Успенскому попу Михаилу Ѳедотову велѣно „въ показанной успенской церкви и въ придѣлахъ престолы построить въ вышину 1 ар. 4 вершк. въ длину 1 арш. 8 вершковъ, въ ширину 1 арш. 4 вер. и, построя, тѣ престолы освятить ему, попу Михаилу на имѣющихся антиминсахъ, буде не ветхи и новопечатные" (Патр. Прик. связ. 473 № дѣла 3000; кн. 401, л. 3).

При церкви Успенія Богородицы были священники: Петръ Карповъ и Михаилъ Ѳедотовъ 1717—1737 г., дьяконъ Степанъ Кириловъ 1717—1722 г.; дьячки Варлаамъ Ѳедотовъ 1717 г. и Ѳедотъ Петровъ 1722 г. (Переп. книга 1717 г. л. 403; Патр. Прик. кн. 377 л. 296 и 327).

23. Ц. Рождества Іоанна Предтечи съ предѣломъ Николая чудотворца въ селѣ Новомъ-Рожествѣ *).

По писцовымъ книгамъ Приказа Большаго Дворца 7139—141 (1631—1633) гг. Московскаго уѣзда, въ Раменской волости „государево царево и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всеа русіи село

*) Нынѣ село Новое Рожествено Бронницкаго уѣзда.

Рожественое, на рѣкѣ Москвѣ, а въ селѣ Новомъ Рожественомъ, за озеромъ за Здегошемъ, на монастырской землѣ, что былъ монастырь Іоанна Предтечи, храмъ Великомученицы Парасковеи, нарицаемыя Пятницы, да въ предѣлѣ Николая чюдотворца, а тотъ монастырь отъ разоренья запустѣлъ; пашни монастырской 3 десятины, сѣна монастырскаго по Москвѣ рѣкѣ, да Монашкинъ лугъ, Славково тожъ, по озеро Перемыть, по крестьянскіе покосы, 3 десятины, въ томъ числѣ сѣнокосныя поросли полдесятины; да подлѣ Воронья плеса, вверхъ по Москвѣ рѣкѣ, по озерко Глушицу у Гладкаго лугу 3 десятины, да островъ Гуушица треть десятины, того жъ луга отмыло водою за рѣку Москву 2 десятины, а десятина съ третью въ проливѣ Москвы рѣки; къ монастырю пустошей: Объѣзжая, Смолинская Заводь, что была вотчина Алексѣя Басманова, на Гремечемъ истокѣ, и тою заводью владѣютъ села Синкова крестьяне, а сѣна на ней четверть десятины, лѣсной поросли десятина; пустошь пожня Козлиха, Ледениха тожъ, пол-десятины; а монастырская земля вся—пашня, луга и пустоши отписаны на патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи и нынѣ та монастырская земля на оброкѣ за Иваномъ Носовымъ, а оброкъ платитъ на государевѣ патріаршѣ дворѣ; да на монастырской землѣ во дворѣ попъ Яковъ; пустошь Гора, по обѣ стороны Борисоглѣбскаго озера, а къ ней припущены починки: Зазерскій и Филатовъ, что было за Трофимомъ Окороковымъ, пашни паханой, худой земли, 3 чети безъ третника, подлѣ церкви пашни паханой 3 чети съ третникомъ, перелогомъ 12 чети съ третникомъ, да лѣсомъ большимъ поросло 97 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнокосной поросли 7 десятинъ безъ трети, лѣсу пашеннаго 10 десятинъ, а не пашеннаго 15 десятинъ, въ пустѣ 7 вытей полчети и полполчети выти“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 344—345).

7135 г. „апр. 14, по указу св. патр. Филарета Никитича, посланъ государевъ патріарховъ сынъ боярскій Осипъ Галасѣинъ въ москов. уѣздъ въ дворцовое село въ Новое Рожественное для рыбные ловли, дано на подводу прогону 11 денегъ вести неводъ“ (Патр. Прик. кн. 1, л. 299).

По книгамъ Патр. Каз. Приказа значится: 136 (1628) г. „церковь Іоанна Предтечи, дани 10 алт. 3 ден., заѣзда 8 денегъ, кормовая гривна“; за 7143 (1735) и послѣдующіе годы—„церковь Рождества Іоанна Предтечи, да предѣлъ Нилы чудотворца государева дворцоваго села Новаго Рождественнаго дани 15 алт. съ деньгою, десятильничныхъ и заѣзда гривна, тѣ деньги платилъ Давыдовы пустыни игуменъ Онтоній“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 186, кн. 196, л. 86).

Церковныя земли, принадлежавшія церкви Іоанна Предтечи съ 4 отхожими пустошами, бывшія на оброкѣ у Ивана Носова, да у крестьянъ деревень Клешевѣ и Бояршей, вслѣдствіе челобитья дворцоваго села Новаго Рождественнаго старосты Ариска Григорьева въ 7143 (1635) году, и по выпискѣ за помѣтою дьяка Максима Богданова, отданы церкви Іоанна Предтечи, что въ томъ селѣ Новомъ, попу на прокормленіе и на церковное строенье, потому что та земля извстари тоя церкви Іоанна Предтечи, и оброкъ на нынѣшній 143 годъ имать не велѣно, а впредь съ Семенова дня 144 года оброкъ платить тояжъ церкви попу потомужъ, по 2 р. 31 алт. 4 деньги на годъ" (Патр. Прик. кн. 55, л. 1121).

Подъ 7154 (1646) г. записано: въ селѣ Новомъ Рождественномъ церковь деревянная; у церкви во дворѣ попъ Никита, во дв. дьячекъ Ивашко Васильевъ и дьячекъ Никифоръ Семеновъ, во дв. пономарь Ивашко Пахомовъ; на церковной землѣ дворъ бобыльскій; да въ селѣ крестьянъ 44 двора (Переписн. кн. 9809, л. 61—63).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. у церкви во дворѣ попъ Артемій Самойловъ, во дв. дьячекъ Сергушка Аверкіевъ, во дв. пономарь Еуфимка Самойловъ, во дв. просвирница Меланьица Григорьева, церковной земли, сверхъ писцовыхъ книгъ, по грамотѣ 147 (1639) года мая 16 дня, за приписью дьяка Григорья Нечаева, пустошь Конищева Антошева тожъ, а къ ней пустошь Ерище, пашни паханой худой земли четь безъ третника, да лѣсомъ поросло 18 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, поросли десятина съ третью, лѣсу пашеннаго 3 десятины, не пашеннаго 8 десятинъ, въ пустѣ выть и полчеть и полполчети выти, а та церковная земля двѣ пустоши Конищевская и Ерище написано въ той грамотѣ въ прибавку" (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 211—213).

Въ 1710 г. село Ново-Рождественское по именному указу изъ Приказа Большаго Дворца отдано на оброкъ Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, а въ 1722 г. оно пожаловано ему въ вѣчное владѣніе (Вотч. Колл. по гор. Москвы ст. л. кн. 38, № дѣла 20).

Въ записной книгѣ Синод. Казеннаго Приказа исходящихъ бумагъ за 1728 г. значится: „мая 20 числа, запечатанъ указъ о строеніи церкви тайному дѣйствительному совѣтнику графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину велѣно, по его обѣщанію, въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ его, въ селѣ Новорождественскомъ, вмѣсто деревянной церкви, построить вновь каменную церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи, да предѣлъ Николая чудотворца; пошлинъ 6 алтынъ 4 деньги и нужнѣйшихъ одна четь взято" (Патр. Прик. кн. 315, л. 27).

При церкви Іоанна Предтечи въ 1710 г. были: священникъ Михаилъ Сергѣевъ, дьячекъ Евфимій Сергѣевъ и пономарь Алексѣй Евфимовъ.

Послѣ графа Ивана Алекс. Мусина-Пушкина селомъ владѣлъ въ 1730 г. его сынъ Платонъ, а въ 1783 г. князь Михаилъ Никитичъ Волынскій (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 67, № дѣла 4 и мол л. кн. 60, № дѣла 25).

24, Ц. Рождества Христова въ селѣ Быковѣ, у озера *).

Христорождественская церковь въ селѣ Быковѣ, построенная изстари, находилась въ началѣ XVII ст. въ Московскомъ уѣздѣ. По окладнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа извѣстно за 7136 (1628) г. „церковь Рождества Христова великаго государя въ дворцовомъ селѣ Быковѣ, у озера, дани 8 алт. 3 ден., заѣзда 9 денегъ, кормовая гривна"; за 7143 (1635) г. „дани 2 руб. 12 алт. 2 ден., заѣзда гривна". (Патр. Прик. кн. 2, л. 186, кн. 196, л. 86 об).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1633) гг. „пашни паханыя церковныя худыя земли 6 чети безъ полутретника, да перелогомъ 3 чети безъ третника, да лѣсомъ поросло четь безъ третника въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна подъ селомъ Быковымъ, за озеромъ подлѣ лужи Петрищъ 4 десятины, да за деревнею Коломцомъ, промежъ государевыхъ луговъ, 6 десятинъ" (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 344). Въ 7141 (1633) г. въ приходѣ церкви Рождества Христова находилось 55 дворовъ. Въ 7154 г., въ семъ Быковѣ: „у церкви во дворѣ попъ Иванъ, во дв. земской и церковной дьячекъ Андрюшка Никитинъ, во дв. пономарь Андрюшка Яковлевъ, на церковной землѣ 2 дв. бобыльскихъ; да кошельничихъ рыбныхъ ловцовъ 21 дворъ; къ томуже селу деревни: Верея, Коломецъ и Власова" (Патр. Прик. вязка 460, № дѣла 1646 и по Москов. уѣзду переписн. кн. 9809, л. 50).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Приказа 7188 (1680) г. „у церкви Рождества Христова попъ Лазарь Терентьевъ, дьячекъ Ѳедка Ѳедоровъ, пономарь Васка Елизарьевъ и просвирница; церковною землею владѣетъ попъ съ причетниками по писцовымъ книгамъ 139—141 годовъ" (Патр. Прик. кн. дозор. 141, л. 215—216).

По переписнымъ книгамъ 1703 г., въ приходѣ Христорождественской церкви состояло 49 дворовъ, пашни церковной худой земли 10

*) Нынѣ село Быково, Бронницкаго уѣзда.

четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна подъ селомъ Быковымъ за озеромъ подлѣ лужи Петрищъ 4 десятины, да за деревнею Коломцомъ, противъ государевыхъ луговъ, 5 десятинъ (Патр. Прик. вязка 460 № дѣла 1646).

1704 г. генваря въ 19 день, по благословенной грамотѣ, данъ антиминсъ въ новопостроенную церковь во имя Рождества Христова, въ село Быково, тояжъ церкви попу Леонтію Терентьеву (Патр. Прик. кн. 138, л. 245).

Подъ 1710 г. въ селѣ Быковѣ церковь Рождества Христова каменная *) (Переп. кн. 1710 г. № 8, л. 603). При церкви были священники: Леонтій Терентьевъ 1703—1717 г. Иванъ Леонтьевъ 1717—1737 г., бывшій при оной же церкви дьякономъ въ 1703—1710 г.; дьяконъ Кондратій Леонтьевъ 1717—1722 г., дьячки: Викулъ Ѳедоровъ 1703—1717 г., Егоръ Викуловъ 1722 г., пономарь Ѳедоръ Петровъ 1722 г. и просвирница.

25. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Никольскомъ.

По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ Московскаго уѣзда, въ Почерневѣ стану, находилась „вотчина Колоцкаго монастыря, что въ Можайскѣ, по приправочной книгѣ Ондрея Сабурова 79 (1571) года, деревня, что было село Никольское, а дано на строеніе Василію Стрешневу; а въ деревнѣ дворъ его Васильевъ да пустошь, что была деревня Климова, пустошь, что была деревня, Горбунова и пустошь, что была дер. Радюкина“ (Писцов. кн. 261, л. 237).

Между 1633—1635 гг. въ деревнѣ Никольской построена новая церковь во имя Николая чудотворца, отъ чего Никольское и стало по прежнему селомъ. Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. Приказа за 7143 (1635 г.) написано: „церковь Николы чудотворца въ вотчинѣ стольника Василія Ивановича Стрешнева, въ селѣ Никольскомъ, дани 12 алт. 4 деньги, десятильничихъ и заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 196, л. 86 об).

Въ 7154 (1646) г. селомъ Никольскимъ владѣлъ бояринъ Василій Ивановичъ Стрешневъ; при церкви былъ черный попъ Ефремъ съ братіею (Переписн. кн. 9809, л. 418 об). Въ 7176 (1668) г. игуменъ Колоцкаго монастыря Іона съ братіею село Никольское съ пу-

*) Полагаемъ, что ц. Рождества Христова каменная построена въ 1704 году.

стопами промѣнилъ князю Юрію Алексѣевичу Долгорукову на Клинскую его вотчину и за нимъ княземъ Долгоруковымъ, того же года, утверждено отказною книгою, въ которой между прочимъ говорится: „въ селѣ церковь деревянная во имя Николая чудотворца“ (отказн. кн. 9, № 118).

Въ книгѣ Каз. Прик. подъ 7176 (1678) годомъ отмѣчено: „съ Николаевской церкви данныхъ денегъ по прежнему окладу имать не велѣно, а обложена вновь; а по перепискѣ старосты поповскаго попа Іеремія на сю церковь положено дани съ попова, съ дьячкова, да съ 7 дворовъ крестьянскихъ скудныхъ, по указной статьѣ, 3 алтына съ деньгою, заѣзда гривна, а пашни и сѣнныхъ покосовъ къ той церкви нѣтъ“. Въ 1670 г. при Николаевской церкви были: попъ Дмитрій Назарьевъ, дьячекъ Ивашко Терентьевъ (Патр. Прик. дозорн. кн 141, л. 240).

По смерти князя Юрія Алексѣевича Долгорукова село Никольское принадлежало его сыну князю Михаилу, а отъ него перешло въ 1682 г. къ его сыну князю Петру Михайловичу Долгорукову (Вотч. Колл. ст. л. кн. 52, № дѣла 39).

Въ 1698 г., по распоряженію Казеннаго Приказа „на церковь Николая чудотворца вновь положено дани съ пашни съ 10 чети, съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 8 алтынъ 2 деньги, всего старой и новой дани 11 алт. 3 деньги, заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 167, л. 648).

Въ 1704 г. въ селѣ Никольскомъ находились „дворъ вотчинниковъ, 9 дв. конюховъ и 14 дв. крестьянскихъ“ (Переп. кн. 9817, л. 785 об).

Послѣ князя Петра Мих. Долгорукова селомъ владѣли: его сынъ кн. Сергѣй (1720—1734 г.) и кн. Владимиръ Петровичъ Долгоруковъ (1734—1754 г.), у послѣдняго кромѣ сего находилось во владѣніи село Архангельское Московскаго уѣзда (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 85, № дѣла 16).

При Николаевской церкви были священники: Иванъ Герасимовъ 1704—1716 г., Андрей Григорьевъ 1717—1726 г., дьячки: Данилъ Назаровъ 1704 г. и Егоръ Спиридоновъ 1726 г.

26. Ц. Происхожденія честнаго Креста Господня въ селѣ Кусковѣ *).

Село Кусково въ 1577 г., находившееся Московскаго уѣзда, въ Васильцовѣ стану, принадлежало боярину Ивану Васильевичу Шере-

*) Нынѣ село Кусково, Московскаго уѣзда.

метеву. По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) гг. значится: „старинная вотчина боярина Ѳедора Ивановича Шереметева; въ селѣ церковь во имя Происхожденія честнаго Креста Господня, да предѣлъ Николы чудотворца, да Фрола и Лавра древяна клѣтцки, а въ церкви образы, и книги и ризы и на колокольнѣ колоколы строенья боярина Ѳедора Ивановича Шереметева; въ селѣ дворъ боярина, да дворъ животинный, живутъ дѣловые люди; у церкви во дворѣ попъ Иванъ Ѳедоровъ, во дворѣ дьячекъ Савка Игнатьевъ, во дворѣ пономарь Ивашко Ѳедоровъ, во дворѣ просвирница Марьица, да въ селѣ прудъ, да другой прудъ на полѣ“ (Писцов. кн. 9806, л. 1051. и кн. 255, № 8).

По окладнымъ книгамъ Патр. Казеннаго Приказа: церковной дани съ сей церкви платилось въ патріаршую казну за 1635—1711 гг. 9 алт. съ деньгою, заѣзда гривна, а съ 1712—1739 г. „дани и заѣзда 22 алт. 3 деньги (Патр. Прик. кн. 196, л. 86, и кн. 397).

Бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ отказалъ свою вотчину по духовному завѣщанію 1649 г., племяннику своему боярину Василію Петровичу Шереметеву, а отъ него перешло въ 1661 г. къ его сыну Петру (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 41, № дѣла 8).

Въ 1688 г. при церкви были „попъ Аввакумъ Ларіоновъ и дьяконъ Семенъ Андреевъ, а служатъ у той церкви изъ руги“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 275).

7190 г. генваря въ 17 день, по указу в. г. царя и в. к. Ѳеодора Алексѣевича (т.), изъ Помѣстнаго Приказу боярину Петру большому Васильевичу Шереметеву на погребеніе сына ево стольника Ивана (выдано) триста руб., а въ доимку тѣхъ денегъ не писать. Великаго государя указъ сказалъ окольничей князь Иванъ Михайловичъ Коркодиновъ; а о томъ великого государя указъ за помѣтою дьяка Григорья Близнакова въ расходномъ столпу. Тѣ деньги триста руб. боринъ Петръ Васильевичъ большой Шеремотевъ взялъ, а росписался человѣкъ его Левка Суринъ (Помѣст. Прик. расх. кн. № 4284).

По смерти боярина Петра Вас. Шереметева село Кусково досталось въ 1691 г. его сыну Владиміру, а отъ него оно продано въ 1715 г. родному брату Борису Петровичу Шереметеву. Онъ при жизни написалъ духовное завѣщаніе, по которому все недвижимое имѣніе отказалъ сыну своему Петру *) (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л., кн. 41, № дѣла 8, отказн. кн. 20, № 17).

Въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ производилось дѣло о построеніи въ селѣ Кусковѣ каменной церкви. Дѣло началось по про-

*) Содержаніе духовнаго завѣщанія приводимъ дословно. См. приложеніе.

шенію капитанъ поручика графа Петра Борисовича Шереметева. Въ прошеніи, поданномъ въ Каз. Приказъ, 1737 года, мая 25 числа, онъ, гр. Шереметевъ, писалъ: „въ вотчинѣ моей, въ московскомъ уѣздѣ въ Вохонской десятинѣ, въ селѣ Кусковѣ, имѣется церковь деревянная во имя Происхожденія честнаго Креста Господня, которая нынѣ весьма обветшала и за ветхостію въ оной церкви служить невозможно, а нынѣ я желаю, вмѣсто оной ветхой церкви, въ томъ же селѣ построить вновь церковь каменную во имя того же храма и чтобъ указомъ повелѣно было о строеніи оной каменной церкви дать указъ".

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синодальномъ Каз. Приказѣ на справку выписано: „въ окладной книгѣ жилыхъ данныхъ церквей сего 1737 года, въ Вохонской десятинѣ написано: съ церкви Происхожденія честнаго Креста Господня съ предѣломъ въ вотчинѣ боярина Петра Васильевича Шереметева, въ селѣ Кусковѣ, у пруда, дани и пошлинъ 84½ коп., по сей 737 годъ плачены, а въ писцовыхъ книгахъ 141 (1633) года у оной церкви показано: дворъ поповъ, въ приходѣ 20 дворовъ, а въ 1703 г.—15 дворовъ." Резолюція: „дать храмозданную грамоту, 1737 году іюнія 2 дня".

Того же года іюня 6 числа выданъ указъ изъ Синод. Каз. Приказа графу Шереметеву „о построеніи въ селѣ Кусковѣ, на старомъ церковномъ мѣстѣ, вновь каменной церкви; пошлинъ 10 коп. одна восьмая взято" (Патр. Прик. вязка 475, № дѣла 3188; кн. 401, л. 24 и кн. 410, л. 2).

При церкви были священники: Семекъ 1691 г., Иванъ Аввакумовъ 1704—1726 г., дьяконъ Матвѣй Семеновъ 1726 г.; дьячки: Аѳанасій Степановъ 1691 г., Григорій Петровъ 1704 г. и Василій Ивановъ 1726 г.

27. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы на погостѣ, у рѣчки Рудни, въ Раменцѣ *).

Церковь Рождества Богородицы „на погостѣ въ Раменцѣ, у рѣчки Рудни", построенная изстари, находилась въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣзда, въ дворцовой Гуслицкой волости; по окладу 7136 (1628) г. „дани 9 алт. намѣстничихъ 5 алт., заѣзда алтынъ, десятильничихъ, гривна"; за 1635—1711 гг. „дани рубль 9 алт., заѣзда гривна" (Патр. Прик. кн. 2, л. 186 и кн. 196, л.

*) Нынѣ погостъ Рудня (Рудневскій) Богородскаго уѣзда.

По писцовымъ книгамъ 141 (1633) года: церковь Рождества Богородицы деревянная, у церкви дворы: поповъ, дьячковъ, просвирнинъ, въ приходѣ 41 дворъ; пашни церковной земли 3 четверти въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 50 копенъ"; въ 1646 г.—„у церкви во дворѣ попъ Митрофанъ, во дв. дьячекъ Епифанко Родіоновъ" (Патр. Прик. вязка 467, № дѣла 2415 и перепис. моск. уѣзда кн. 9809, л. 76 об).

По дозорнымъ книгамъ 7188 (1680) года: „въ Гуслицкой волости, у рѣчки Рудни, на погостѣ Раменцѣ церковь Рождества Богородицы древяная, у церкви во дворѣ попъ Козма Флоровъ, да дьячекъ Провка Флоровъ; церковь построена изстари, а пашни владѣетъ попъ къ той церкви на 20 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна на 50 копенъ, лѣсу пашеннаго и непашеннаго въ длину на версту, а поперегъ тожъ" (Патр. Прик. кн. дозор. 141, л. 192).

7199 (1691) г. августа 8, по благословенной грамотѣ данъ антиминсъ ко освященію церкви Рождества Пресв. Богородицы великихъ государей въ дворцовую Гуслицкую волость, въ Московскій уѣздъ, тояжъ церкви попу Прокопію (Патр. Прик. кн. 138, л. 17).

Въ 1710 г. „на погостѣ, на рѣчкѣ Руднѣ церковь Рождества Богор. деревянная, рублена клѣтцки, объ одной главѣ, а на главѣ крестъ желѣзной позолоченъ сусальнымъ золотомъ, а въ церкви царскія двери, сѣнь и столбцы столярные, золоченые, по правую сторону царскихъ дверей мѣстныхъ иконъ: образъ Всемилостиваго Спаса, вѣнецъ съ сіяніемъ и гривенка серебреные, чеканные, золочены, образъ Рождества Пресв. Богородицы, вѣнецъ съ короною гладкіе и съ перьями, въ привѣсѣ крестъ серебреной, другой вѣнецъ съ короною и съ гривенкою, золоченые, на томъ же образѣ пять вѣнцовъ басемныхъ образъ Николая чудотворца въ житіи, на немъ вѣнецъ и гривенка серебреные, рѣзные, образъ св. великомуч. Парасковеи нарицаемыя Пятницы, на немъ вѣнецъ и гривенка серебреные, рѣзные, образъ св. пророка Иліи писанъ на краскахъ; по другую сторону царскихъ дверей: образъ Рождества Пресв. Богор. окладъ серебреной, риза литая чеканная, вѣнецъ серебреной, убрусъ у ризы низаной жемчугомъ, въ привѣсѣ шесть крестовъ, перстень серебреные, да денегъ рубль, образъ Богородицы Казанскія, образъ св. мученикъ Фрола и Лавра, писаны на краскахъ; надъ южными дверьми образъ Воскресенія Христова, въ кіотѣ, окладъ серебреной, да 8 вѣнцовъ малыхъ серебреныхъ, на южныхъ дверяхъ образъ Архидіакона Стефана, а тѣ образы поставлены въ кіотѣ столярномъ, золоченомъ, передъ мѣстными образы шесть лампадъ мѣдныхъ, въ деисусѣ: апостоловъ и праздни-

ковъ одинъ ярусъ, передъ спасительнымъ образомъ поликадило мѣдное, двѣ хоругви, на дихъ образы Богоявленія Господне, да Благовѣщеніе Пресв. Богородицы; въ алтарѣ на престолѣ два евангелія—одно въ десть обложено бархатомъ краснымъ, распятіе и евангелисты серебреные, другое евангеліе въ десть обложено бархатомъ, распятіе и евангелисты серебреные рѣзные, крестъ благословенной, распятіе чеканное, обложенъ серебромъ басемнымъ, ковчегъ оловянный, за престоломъ два креста выносныхъ большихъ писаны на краскахъ, запрестольный образъ Богородицы Владимірскія, на другой сторонѣ, на оборотѣ образъ Николоя чудотворца въ окладѣ, вѣнцы серебреные, рѣзные, другой образъ запрестольный же Богородицы Одигитрія Смоленской, на оборотѣ образъ чудотворца Николая, оклады басемные, вѣнцы и гривенки рѣзные, за престоломъ же образъ Всемилостиваго Спаса, на немъ вѣнецъ и гривенки басемные, образъ Рождества Богородицы, образъ Архидіакона Лаврентія писаны на краскахъ; на жертвенникѣ сосуды серебреные, рѣзные. Завѣсъ крашенинной, чаша водосвятная, укропникъ и два кадила мѣдныхъ. Книгъ: апостолъ, октой на 8 гласовъ, двѣ псалтири со вослѣдованіемъ, минея общая съ празники, двѣ тріоды—цвѣтная и постная, требникъ большой, служебникъ евангеліе воскресное, житіе чудотворца Николая. Въ трапезѣ образъ Богородицы всѣмъ скорбящимъ. Колокольня рубленная восьми гранная, на ней три колокола“ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 53, № дѣла 11, л. 61).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа за 1713 годъ, значитя: „августа въ день, запечатанъ указъ о освященіи церкви, по челобитью Московскаго уѣзда, Гуслицкой волости, Рожественскаго попа Прокопія Фролова, велѣно въ Московскомъ уѣздѣ, въ той же волости, церковь Рождества Богородицы освятить Большаго Успенскаго собора протопупу съ братіею и антиминсъ въ тое церковь выдать; за полотно деньги взяты“ (Патр. Прик. кн. 438, л. 33).

Въ 1742 г. на погостѣ на рѣчкѣ Рудни находились двѣ церкви деревянныя во имя Рождества Пресв. Богородицы и св. Николая Чудотворца. При нихъ были священники Прокопій Фроловъ 1703—1715 г. Петръ Прокопіевъ 1726 г. и Василій Петровъ 1742 г.; дьяконъ Семенъ Григорьевъ 1726—1742 г., дьячки: Ермилъ Якимовъ 1703 г., Степанъ Прокопьевъ 1710—1742 г.; пономари: Василій Никифоровъ 1726 г., и Иванъ Степановъ 1742 г. (Отказн. кн. 33, № 10, л. 52, по гор. Москвѣ, переписн. кн. 1715 г., л. 618).

28. Ц. Михаила Архангела на погостѣ Архангельскомъ, на рѣчкѣ Доркѣ *).

Московскаго уѣзда въ дворцовой Раменской волости, въ XVI ст. находился погостъ, на которомъ издревле существовала церковь Михаила Архангела, разоренная въ началѣ XVII ст. Въ писцовыхъ книгахъ Приказа Большаго дворца 7139—141 (1631—1633) годовъ, говорится: „а что въ волости Раменницѣ былъ погостъ, а на погостѣ церковь Михаила Архангела, и той церкви на томъ мѣстѣ нѣтъ", пашни къ той церкви пустошь, что была деревня Григорьевская, а въ ней пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло 15 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, да сѣна по рѣкѣ по Доркѣ 50 копенъ, лѣсу пашеннаго 5 десятинъ, а непашеннаго 8 десятинъ и та земля отписана на великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Росіи" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 349).

Церковная земля отдавалась въ оброкъ и въ оброчныхъ книгахъ Каз. Приказа за 7146 (1638) писалось такъ: „съ церковной земли Архангела Михаила, что въ Раменницѣ, на рѣкѣ Доркѣ, князь Дмитрія Петровича Пожарскаго на крестьянинѣ села Софонова на Антошкѣ Кузнецовѣ, оброку рубль 6 алт. 4 ден" (Дворц. Прик. кн. 6, л. 102 об).

На старомъ церковномъ мѣстѣ погоста Архангельскаго въ 1641—1642 годахъ построена новая деревянная церковь во имя Михаила Архангела, которая стояла въ 1646 г. „безъ пѣнія", при церкви въ то время попа не было, а находился одинъ дьячекъ Гришка Кузминъ. Церковной дани положено 5 алт. 2 деньги, заѣзда гривна а тѣ данныя деньги съ 1642 по 1651 годъ въ патріаршую домовую казну плачены сполна и церковную землю въ оброкъ отдавать не велѣно" (Патр. Прик. кн. 25, л. 775 и 873 об. Переписн. кн. 9809, л. 63).

7169 (1661) г. марта 29 дня, по распоряженію Казеннаго Приказа, церковная земля церкви Архангела Михаила, впредь до опредѣленія къ оной церкви попа, отдана по прежнему въ оброкъ тоя жъ церкви бывшаго попа дѣтямъ Мишкѣ да Максимкѣ, а велѣно имъ платить за оброкъ данью рубль 6 алт. 4 деньги въ годъ". Въ 1771 (1663) г. владѣли землею прихожане той же церкви изъ того же оброка (Патр. Прик. кн. 50, л. 227, кн. 53, л. 228 об.).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года:

---

*) Нынѣ погостъ Архангельскій въ Доркахъ (Дорки), Бронницкаго уѣзда.

„при церкви были попъ Семенъ Андреевъ, дьячекъ Родка Андреевъ, у которыхъ находилась во владѣніи церковная земля по писцовымъ книгамъ 139—141 годовъ“ (Патр. Прик. дворн. кн. 141, л. 199—200).

Въ 1717 г. церковь Архангела Михаила деревянная. При церкви были священники: Семенъ Андреевъ 1704 г., Никита Родіоновъ 1710—1717 г.; дьячки: Лука Семеновъ 1710—1717 г., пономарь Борисъ Андреевъ 1710—1717 г. (Переписн. кн. 9817, л. 144 об. и кн. 1717 года, л. 644).

29. Ц. Троицы Живоначальныя въ селѣ Демидовѣ—Купавна тожъ *).

По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ, Московскаго уѣзда, въ Доблинскомъ стану, находилась вотчина „за бояриномъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, по жалованной грамотѣ 128 (1620) года, что ему дано за Московское осадное сидѣнье въ королевичевъ приходъ, что было въ помѣстьи за Игнатьемъ Юматова, а послѣ было за Иваномъ Леонтьева, деревня Демидова, а Хупавна тожъ, на рѣчкѣ Хупавнѣ, а въ ней дворъ вотчинниковъ, дворъ прикащика и 11 дворовъ крестьянскихъ“ (Писцов. кн. 9805, л. 89—90).

Въ этой деревнѣ была построена между 1642—1646 годами деревянная церковь во имя Живоначальныя Троицы съ придѣломъ Похвалы Прес. Богородицы, отъ чего деревня и стала селомъ, которымъ владѣли послѣ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго его дѣти стольники князья Петръ и Иванъ. При Троицкой церкви въ 1646 г. были: „во дворѣ попъ Иванъ, во дв. дьячекъ Левка Обросимовъ, во дв. пономарь Сидорко Обросимовъ, во дв. просвирница Степанидка; да въ селѣ числилось крестьянскихъ и бобыльскихъ 34 двора, въ нихъ 65 челов. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 15, № дѣла 21; переписн. кн. 9809, л. 410—411).

Въ приходныхъ книгахъ Патр. Приказа написано: „по книгамъ Вохонской десятины сбору десятильника Еремѣя Наговицына, да старосты поповскаго Рожественскаго попа Ивана, прибыла вновь, въ нынѣшнемъ во 155 (1647) году, церковь Живоначальныя Троицы, да въ предѣлѣ церковь Похвалы Пресв. Богородицы въ вотчинѣ стольника князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго, въ селѣ Хупавнѣ, дани 7 алт., десятильничихъ и заѣзда гривна, и мая въ 6 день тѣ деньги платилъ староста попъ Иванъ“ (Патр. Прик. кн. 21, л. 226).

*) Нынѣ село Купавно (Демидово), Богородскаго уѣзда.

Послѣ кн. Ив. Пожарскаго село Купавно въ 1668 г. отказано женѣ его вдовѣ княгинѣ Прасковьѣ Михаиловнѣ *) съ сыномъ княземъ Юріемъ Ивановичемъ и дочерьми кн. Аграфеною и Анною. Въ 1678 г. при Троицкой церкви упоминается другой придѣлъ во имя Преподобнаго отца Георгія, иже въ Малѣхъ; „у церкви во дворѣ попъ Ѳедоръ Родіоновъ съ дѣтьми: Васильемъ, Аѳанасьемъ и Алексѣемъ; во дворѣ просвирница Аѳимья; да въ селѣ дворъ вотчинниковъ, 23 двора крестьянскихъ и 12 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 105 челов. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ отказн. кн. 9, № 150; перепис. кн. 9813, л. 488—489).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года: „въ вотчинѣ князя Юрья княжъ Иванова сына Пожарскаго въ селѣ Хупавнѣ церковь св. Троицы, да въ предѣлѣ Похвалы Богородицы, у церкви попъ Ѳедоръ Родіоновъ; пашни пашетъ онъ, попъ, по десятинѣ въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна коситъ по 15 копенъ, а та земля вотчиникова, а не церковная“ (Патр. Прик. кн. дозор. 141, л. 236).

Послѣ князя Юрія Ив. Пожарскаго вотчина отдана въ 1682 г. женѣ ево вдовѣ княгинѣ Настасьѣ въ пожизненное владѣніе, а по смерти ея причислена къ дворцовому вѣдомству. Въ 1687 г. по указу великихъ государей изъ Приказа Большаго Дворца подьячимъ Лукою Баженовымъ отказано боярину князю Ивану Борисовичу Репнину „село Демидово, а Купавна тожъ, на рѣчкѣ Купавнѣ, а въ немъ церковь во имя Пресвятыя Троицы, а въ церкви Божія милосердія образовъ: образъ Пресв. Троицы въ кіотѣ, окладъ серебреной басемной золоченъ, вѣнцы и цаты серебреные съ камушки, на кіотѣ на поляхъ и на коронѣ травы оловянныя литыя, на слюдѣ, передъ образомъ свѣча поставная восковая расписана красками, образъ Покрова Пресв. Богор. писанъ на краскахъ, вѣнецъ серебреной, басемной, кіотъ деревянной, травы оловянныя литыя, на слюдѣ, передъ образомъ подсвѣшникъ деревянной посеребренъ, образъ Пресв. Богородицы въ моленіи Святые писанъ на краскахъ, образъ Предтечи Іоанна, да чудотворца Николая, да св. Флора и Лавра писанъ на краскахъ, у сѣверныхъ дверей образъ Похвалы Пресвятыя Богор., кіотъ деревянной, травы оловянныя. литыя, на слюдѣ, передъ образомъ свѣча поставная восковая, писана красками, на сѣверныхъ дверяхъ образъ Благоразумнаго разбойника. возлѣ сѣверныхъ дверей образъ Петра Александрійскаго, писанъ на

*) Въ другомъ мѣстѣ подъ 1668 г. значится: у окольничаго князя Ивана Дмитріевича жена Аксинья Ивановна (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 15. № дѣла 21.

краскахъ, кіотъ деревянной; на налоѣ: образъ Пресв. Троицы писанъ на краскахъ, окладъ басемной золоченъ, вѣнцы и цаты гладкіе, другой образъ Похвалы Богородицы окладъ и вѣнцы гладкіе, образъ Воскресенія Христова, окладъ басемной; да въ деисусѣ 13 иконъ надъ ними двенадесятые праздники писаны на однихъ цкахъ, на краскахъ; двери царскія и столбцы писаны на краскахъ, передъ деисусомъ паникадило мѣдное не большое о 12 подсвѣшникахъ, кисть шелковая; хоругвь, на ней образъ Пресв. Богор., а на другой сторонѣ образъ Архистратига Михаила писанъ на краскахъ, да въ церкви 20 иконъ пятницъ, не окладныхъ; въ олтарѣ за престоломъ образъ Пресв. Богородицы, окладъ серебреной басемной, вѣнецъ и цата серебреные, рѣзные, золочены, на другой сторонѣ образъ св. Николая чудотворца, вѣнецъ басемной, на престолѣ евангеліе печатное въ десть, евангелисты серебреные басемные, золочены, оболочено бархатомъ зеленымъ застежки мѣдныя, крестъ благословящій обложенъ серебромъ басемнымъ, другой крестъ писанъ на краскахъ, на жертвенникѣ сосуды оловянные, въ олтарѣ жъ двери и столбцы, да къ сѣвернымъ дверямъ образъ пророка Даніила писанъ на краскахъ. Чаша водосвятная, два кадила, укропникъ мѣдные. Ризы тафтяные, осиновые, оплечье отласъ золотной, ризы камчатные, цвѣтные, лазоревые. Книгъ печатныхъ: псалтирь со вослѣдованіемъ, двѣ тріоди—постная, да цвѣтная, шестодневъ, минея общая, апостолъ, прологъ, требникъ, да житіе Николая чудотворца, служебникъ и часословъ. Да въ трапезѣ: образъ Пресв. Троицы писанъ на краскахъ, другой образъ Николая чудотворца окладъ басемной, мѣдной, вѣнцы сребреные басемные, золочены. На кокольницѣ 4 колокола не большіе. У той же церкви два придѣла не освящены. Да въ селѣ у церкви во дворѣ попъ Ѳедоръ Родіоновъ у него дѣти: дьячекъ Афанасій и понамарь Алексѣй; да крестьянъ 36 дворовъ" (Отказн. кн. 21, л: 10—22, по гор. Москвѣ).

По смерти князя Ивана Борисовича Репнина село Купавно принадлежало въ 1688 г. его сыну князю Андрею; въ селѣ числилось въ 1704 г. 41 дворъ крестьянъ, въ нихъ 175 челов.; въ 1705—1710 г.—женѣ князя Андрея Ив. Репнина вдовѣ Татьянѣ Алексѣевнѣ; въ 1726 г.—князю Аникитѣ Ивановичу Репнину, въ 1743 г.—его сыну князю Василію, послѣднимъ село Купавно продано въ 1744 году первой гильдіи купцу, содержателю шелковой фабрики, Даніилу Яковлевичу Земскому (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 15, № дѣла 27 и перепись. кн. 9817, л. 285).

Въ 1726 г. церковь св. Троицы въ селѣ Купавнѣ деревянная; при ней были священники: Афанасій Ѳедоровъ 1701—1720 г. и Ро-

манъ Афанасьевъ 1726 г., бывшій при оной же церкви во дьячкахъ въ 1710—1720 гг., дьячекъ Василій Афанасьевъ 1726 г.

30. Ц. Владимірскія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Богородскомъ, Красковѣ *).

По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ Московскаго уѣзда „въ Обарничѣ стану находилась вотчина „за вдовою Матреною Ѳедоровскою женою Краснова, по купчей, что купилъ мужъ еѣ Ѳедоръ у Савы Тараканова во 123 (1615) году, что было прежъ того въ помѣстьи за княземъ Михаиломъ Ростовскимъ, да за Яковомъ Стромиловымъ, да за Андреемъ Гороховымъ, деревня Малышева, на рѣчкѣ Пехоркѣ, а въ ней дворъ вотчиниковъ и 4 двора бобыльскихъ, пустошь, что была деревня Черленикова, а Краскова тожъ, пустоши: Малахова и Опарина“ (Писцов. кн. 261, л. 194—195). Въ 1632 г., вдова Матрена Краснова продала свою вотчину Якову Михайловичу Милославскому, а въ 1636 г. куплено княземъ Андреемъ Андреевичемъ Голицынымъ, отъ него перешло къ его сыну князю Василію. При этомъ владѣльцѣ около 1649 года на землѣ пустоши Черленикова, а Краскова тожъ, поселены были крестьяне и пустошь названа деревнею, подлѣ которой построена потомъ церковь во имя Владимірскія Пресв. Богородицы, отъ чего по церкви и была селомъ Богородскимъ.

Въ приходной книгѣ Патр. Каз. Приказа за 7157 (1649) г. написано: „по книгамъ Вохонской десятины сбору десятильника, да старосты поповскаго Селинской волости Покровскаго попа Василія прибыла вновь церковь Владимірскія Пресвятыя Богородицы въ Обарничѣ стану, на рѣчкѣ Пехоркѣ, въ вотчинѣ стольника князя Василья Андреевича Голицына, дани 3 алт. 5 ден., заѣзда гривна, и марта въ 8 день тѣ деньги платилъ староста поповскій попъ Василій“ (Патр. Прик. кн. 26, л. 243).

Въ 1657 г. жена князя Василія Андреевича Голицына вдова княгиня Татьяна отдала село Богородское съ деревнею Красковою въ приданое дочери своей княжнѣ Иринѣ Васильевнѣ, при выходѣ замужъ за князя Юрія Петровича Трубецкаго и за нимъ утверждено отказною книгою 1672 года, въ которой между прочимъ говорится: „въ селѣ Богородскомъ церковь деревянная шатровая во имя Срѣтенія Пресв. Богор. Владимірскія, а въ церкви образы, и книги, и на

*) Нынѣ село Богородское-Красково Московскаго уѣзда.

колокольнѣ колокола и всякое церковное строеніе вотчинниково, у церкви попъ Михей" (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 5, № дѣла 10; отказн. кн. 7, № 121). Въ 1678 г., въ селѣ Богородскомъ находились: дворъ боярскій кн. Юрія Трубецкаго съ 10 челов. кабальныхъ людей и дворъ скотный; а въ деревнѣ Красковѣ 9 дв. крестьянскихъ съ 27 челов. При церкви были въ 1678—1680 г. священникъ Михаилъ Фалелѣевъ и дьячекъ Маркъ Сидоровъ; „церковной земли нѣтъ, а служитъ попъ изъ руги" (Переписн. кн. 9813, л. 504—505 и Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 219).

По смерти боярина князя Юрія Петр. Трубецкаго имѣніе досталось въ 1681 г. его дѣтямъ князьямъ Ивану и Юрію; они между собою имѣніе раздѣлили въ 1697 г. и послѣднему досталось село Богородское съ дер. Красковою. Въ 1704 г. въ селѣ находились: „дворъ вотчинниковъ кн. Юрія Юрьевича, дворы прикащичій, скотный и конюшенный, въ нихъ 30 челов., и 10 дворовъ крестьянскихъ съ 32 челов., переведенными изъ деревни Красковой. (Переписн. кн. 9817, л. 241—242). Послѣ кн. Юрія Юр. Трубецкаго селомъ Богородскимъ, Красково тожъ владѣли въ 1755 г. его сынъ князь Никита Юрьевичь и въ 1781 г.—родной внукъ князь Василій Никитичъ Трубецкіе (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 5, № дѣла 10, кн. 50, № дѣла 6).

При церкви Владимірскія Пресв. Богор. были священники: Ѳедоръ Агафонниковъ 1691 г., Никифоръ Агафонниковъ 1704—1715 г., Артемій Аввакумовъ 1716—1726 г., бывшій дьякономъ при оной церкви въ 1704—1715 гг., дьяконъ Иванъ Никифоровъ 1716—1726 г., дьячки: Аникъ Семеновъ 1704 г., Михей Акимовъ 1720—1726 г.

31. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Улуповѣ, Зюзино тожъ *).

Въ 7131 и 7132 (1623—1624) г. Московскаго уѣзда, въ Каменскомъ стану находился „погостъ Рождественской въ Улуповѣ, на рѣчкѣ на Вьюновкѣ, а на погостѣ церковь Рождества Христова древяна клѣтцки, стоитъ безъ пѣнія и образовъ въ ней нѣтъ; пашни церковныя паханыя, наѣздомъ середніе земли осмина, да лѣсомъ поросло 19 чети съ осминою, всего пашни паханыя и лѣсомъ поросло 20 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ; а паш-

*) Нынѣ село Зюзино, Богородскаго уѣзда.

ию пашутъ на томъ погостѣ князь Ѳедоровы крестьяне Козловскаго, да Ивановы крестьяне Унковскаго деревни Зюзина Омелька Клементьевъ съ товарищи изъ оброка, а оброкъ платятъ сказали на патріаршѣ дворѣ". Близъ Рождественскаго погоста находилась за княземъ Ѳедоромъ за князь Андреевымъ сыномъ Козловскимъ, да за Иваномъ Савинымъ сыномъ Унковскимъ тестя ихъ Онфиногена Голенищева купленная вотчина, что купилъ онъ у Якова Зюзина, да у Богдана Куницына во 108 и во 112 (1600 и 1604) годахъ, деревня Выголова, да къ ней припущено въ пашню пустошь Улупова, а въ деревнѣ дворъ вотчинниковъ, да крестьянъ 4 двора" (Писцов. кн. 9805, л. 64 и 75).

На погостѣ Рождественскомъ была построена новая деревянная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, но когда—неизвѣстно. О ней встрѣчается первое свѣдѣніе въ книгѣ Каз. Приказа подъ Пехрянскою десятиною за 7178 (1670) г.: „церковь Рождества Пресв. Богородицы, въ Каменскомъ стану, на рѣчкѣ Вьюлкѣ (sic), дани 8 алт. полпяты деньги, заѣзда гривна", а съ 1673—1739 гг. сія церковь писалась подъ Вохонскою десятиною „въ селѣ Улуповѣ, Зюзино тожъ, на рѣчкѣ Вьюлкѣ" (Патр. Прик. кн. 68, л. 58, кн. 77, л. 72).

Деревня же Выголова въ 7154 (1646) году называлась селомъ Выголовымъ, а Зюзино тожъ, которымъ владѣли: Иванъ Саввинъ сынъ Унковскій, Михаилъ Ивановъ Кутузовъ, Григорій Дмитріевъ Порошинъ и Василій Борисовъ Кокоревъ; въ селѣ числилось 8 дворовъ крестьянскихъ въ нихъ 18 челов. (Переписн. кн. 9809, л. 407). Подъ 1678 г. значится: „село Улупово, Зюзино тожъ, вотчина Тимоѳея и Ильи Михайловыхъ Кутузовыхъ, Ѳедора и Василія Ивановыхъ Унковскихъ, въ селѣ 3 двора вотчинниковыхъ и 8 дворовъ крестьянскихъ съ 35 челов." (Перепи. кн. 9813, л. 466—467).

Въ дозорныхъ книгахъ Каз. Приказа 7188 (1680) г., говорится: „погостъ Рожественной, въ Улуповѣ, на немъ церковь во имя Пресв. Богородицы древянная, у церкви во дворѣ попъ Михаилъ Карповъ, да дьячекъ Ивашко Михайловъ; церковь построена изстари; церковною землею и сѣнными покосами владѣетъ онъ попъ съ причетники, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 годовъ" (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 208 и 299).

Въ 1698 г. половина села Улупова, Зюзина тожъ принадлежала преосвященному Авраамію митрополиту Рязанскому и Муромскому, по промѣнной записи отъ Василія Стахѣева, а другая половина—Тимоѳею Никитину Усову и Аврааму Иванову Леонтьеву. Въ 1704 г.

владѣли селомъ преосвященный Стефанъ, митрополитъ Рязанскій и Муромскій и Авраамъ Ив. Леонтьевъ, въ селѣ было 15 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 48 челов., при этомъ селѣ упоминается погостъ на церковной землѣ, а на погостѣ церковь Рождества Богородицы; при ней были священники: Михаилъ Карповъ 1704 г., Тимоѳей Яковлевъ 1705—1726 г., дьячекъ Ѳедоръ Яковлевъ 1704—1726 г. и пономарь Петръ Тимоѳеевъ 1722—1726 г. (Переписн. кн. 9817, л. 268, 254 и 272. Вотч. колл. по гор. Москвѣ, молл., кн. 20, № дѣла 19 и кн. 80, № дѣла 13).

32. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы на погостѣ Уполозы, на рѣкѣ Клязьмѣ *).

Церковь Рождества Богородицы на погостѣ Уполозы, на рѣкѣ Клязьмѣ, деревянная клѣтцки, построенная изстари, въ 7085 (1577) году, находилась Московскаго уѣзда въ Вохонской волости, въ вотчинѣ Троицы-Сергіева монастыря, „а въ церкви образы, и свѣчи, и книги и колокола все строенье мірское“; по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ: „у церкви на церковной землѣ во дворѣ попъ Андрей, да съ нимъ живетъ дьячекъ Ѳедька Ивановъ, во дв. пономарь Куземка Ефремовъ, во дв. просвирница; да на церковной же землѣ 4 кельи, а въ нихъ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіи; пашни церковныя земли средніе 14 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣкѣ Клязьмѣ 30 копенъ, лѣсу по конецъ поль полторы десятины“ (Писцов. кн. 255, л. 459, и кн. 685, л. 323).

По окладнымъ книгамъ Патр. Приказа съ церкви Рождества Богородицы за 7136 (1628) годъ „дани 11 алтынъ 4 деньги, намѣстничьихъ 2 алт., заѣзда гривна, по наказу гривна“, за 7143 (1635) годъ: „дани рубль 28 алт., намѣстничьихъ 2 алт., заѣзда алтынъ, по наказу гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 217, кн. 196, л. 674 об.).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Прик. 7188 (1680) года: церковной земли къ церкви Рождества Богородицы, „пашни по 8 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ у озера и по рѣкѣ Клявьмѣ на 80 копенъ“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 231).

Церковь Рождества Богородицы, въ 1704 г., значится въ приселкѣ Уполозы, деревянная; при церкви были священники: Иванъ 1646 г., Трофимъ Ивановъ 1675—1680 г., Григорій 1704 г., Илья

*) Нынѣ погостъ Богородицы Рождественскій (Уполозы), Богородскаго уѣзда.

Григорьевъ 1711—1722 г., дьячки: Иванъ Парѳеньевъ 1646 г., Ѳедоръ Парфеньевъ 1680 г., Василій Трофимовъ 1704 г., Василій Васильевъ 1720 г., пономари: Михаилъ Григорьевъ 1646 г., Никита Михайловъ 1680 г. и Иванъ Григорьевъ 1720—1722 г.

33. Ц. Никиты Великомученика на погостѣ Никитскомъ, на рѣчкѣ Дрозницѣ *).

Церковь Великомученика Никиты на погостѣ Никитскомъ, на рѣчкѣ Дрознѣ, въ 7085 (1577) году, деревянная клѣтцки, находилась Московскаго уѣзда, въ Вохонской волости, въ вотчинѣ Троицы-Сергіева монастыря, „а въ церкви образы, и книги, и ризы, и колокола все строенье мірское"; по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ: „у церкви на церковной землѣ во дворѣ попъ Игнатій, во дв. церковный дьячекъ Парфенка Васильевъ, во дв. просвирница Марьица; пашни середніе земли 4 четверти, лѣсомъ поросло 12 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣчкѣ Дрознѣ и на Бывальнѣ 30 копенъ" (Писцов. кн. 155, л. 644 и кн. 685, л. 331 об.).

По окладнымъ книгамъ Патр. Приказа за 7136 (1628) годъ, съ церкви Никиты мученика, на погостѣ Дрознѣ, дани одинъ алтынъ 4 деньги, намѣстничьихъ алтынъ, по наказу гривна"; за 7143 (1635) годъ, „дани рубль 2 алт., намѣстничьихъ алтынъ, по наказу гривна" (Патр. Прик. кн. 2, л. 218, кн. 196, л. 675).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года, „церковной земли пашни по 4 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ по 200 копенъ волоковыхъ" (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 232).

Въ 1704 г. церковь Великомученика Никиты деревянная; при ней находились священники: Илья 1646 г., Андрей Романовъ 1680 г., Ѳедоръ Ѳедоровъ 1704 г., Иванъ Герасимовъ 1722 г., дьячки: Дмитрій Игнатьевъ 1646 г., Андрей Евфимовъ 1680 г., Иванъ Ѳедоровъ 1704 г., и Семенъ Ивановъ 1722 г., пономари: Василій Павловъ 1680 г., и Ѳедоръ Васильевъ 1722 г. (Переписн. кн. 9809, л. 208 об.; кн. 9807, л. 187 об. Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 232).

*) Нынѣ погостъ Никитскій (Дрозна), Богородскаго уѣзда.

34. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Запонорьѣ, Власьевское тожъ *).

Село Запонорье, Власьевское тожъ, въ 1587 г. Московскаго уѣзда Селинской волости, вотчина Чудова монастыря, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ: „въ селѣ церковь Покрова Пресв. Богородицы древяна клѣтцки, а въ церкви образы, и книги, и ризы, и колокола и все церковное строеніе мірское—приходныхъ людей; у церкви во дворѣ попъ Игнатій Ивановъ, во дв. церковный дьячекъ Васка Ѳедоровъ, во дв. пономарь Илейко Григорьевъ, дв. просвирницы, дворъ монастырской и дв. монастырскаго служки, да крестьянъ и бобылей 7 дворовъ“ (Писцов. кн. 261 л.

Подъ 7154 (1646) г. говорится: „въ селѣ Запонорьѣ, Власьевское тожъ, на рѣчкѣ на Понурѣ, церковь Алексѣя Митрополита древянная, у церкви во дв. попъ Игнатій, во дв. дьячекъ Васка Ѳедоровъ, во дв. просвирница, да крестьянъ 7 дворовъ“ (Переп. кн. 9809, л. 150).

Въ книгѣ Патр. Приказа подъ 7163 (1655) г. записано: „по книгамъ Вохонской десятины старосты поповскаго пятницкаго попа Ивана, въ нынѣшнемъ во 163 году, прибыла вновь церковь Покрова Пресв. Богородицы, да въ предѣлѣ Алексія чудотворца, въ вотчинѣ Чудова монастыря въ селѣ Запонорьѣ, положено дани рубль 6 денегъ, десятильничихъ и заѣзда гривна. И августа въ 31 день тѣ деньги взято, платилъ староста попъ Иванъ“ (Патр. Прик. кн. 37, л. 186 об.).

Въ 1678 г. въ селѣ числилось 10 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 36 челов. (Переп. кн. 9812, л. 287).

По дозорнымъ книгамъ 188 (1680) года: „церковь деревянная, у церкви во дв. попъ Петръ Ивановъ (1676—1680 г.), во дв. дьячекъ Иванъ Ивановъ, во дв. просвирница; церковной пашни и сѣнныхъ покосовъ у той церкви нѣтъ, а владѣетъ попъ съ причетниками по 3 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, и та земля монастырская вотчинная“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 185—186 и 314). Въ 7189 (1681) году къ церкви вымѣрено изъ монастырской земли пашни 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 80, № дѣла 10).

Въ 1703 г. въ приходѣ церкви Покрова Богор. находилось 110 дворовъ, пашни церковной 5 четвертей, сѣна 60 копенъ. Въ 1704 г.

*) Нынѣ село Запонорье, Богородскаго уѣзда.

въ селѣ числилось 16 дворовъ крестьянскихъ (Переписн. кн. 9817, л. 203; Патр. Прик. вязка 472, № дѣла 2946).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа, за 1730 г. значится: „мая 12 числа, запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью вотчины Чудова монастыря села Запонорья церкви Покрова Богородицы попа Василья Михѣева съ прихожанами, велѣно въ то село Запонорье, вмѣсто сгорѣлой Покровской церкви, перевести изъ Московскаго жъ уѣзда, изъ вотчины Троицы-Сергіева монастыря, изъ села Никитскаго, старую церковь во имя Великомученика Никиты и построить на томъ же церковномъ погорѣломъ мѣстѣ вновь церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы; пошлинъ 3 алт. 2 ден., нужнѣйшихъ одна четь взято“ (Патр. Прик. кн. 337, л. 19).

При Покровской церкви были священники: Иванъ Ивановъ 1704—1711 г., Михей Ивановъ 1712—1726 г., дьяконъ Иванъ Петровъ 1704—1726 г., дьячки: Евстратъ Калининъ и Климъ Ивановъ 1704—1726 г.

35. Ц. Воскресенія Христова въ селѣ Павловѣ, на рѣчкѣ Вохнѣ *).

По писцовымъ книгамъ Московскаго уѣзда, въ Вохонской волости, въ 7085 и 7086 (1577—1578) годахъ, находилась вотчина Троицы-Сергіева монастыря „погостъ Дмитріевскій на рѣчкѣ Вохнѣ, а на погостѣ церковь Дмитрія Селунскаго, да теплая церковь св. Георгія мученика Христова“. Подъ 7131 и 132 (1623—1624) гг. описано такъ: „церковь Дмитрія Селунскаго древяна клѣтцки, да теплая церковь, а въ ней два престола: Страстотерпецъ Христовъ Георгій и Чудотворца Сергія, а въ нихъ образы и книги, и свѣчи и колокола тояжъ Вохонскія волости все мірское строеніе; да на церковной землѣ во дворѣ попъ Иванъ, во дворѣ попъ Антонъ, во дв. церковной дьячекъ Ѳедька Карповъ, во дв. пономарь Герасимко Ерофѣевъ, во дв. просвирница Ирина, да на церковной землѣ 5 келій, а въ нихъ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіи; пашни церковныя земли 13 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣчкѣ Вохонкѣ 10 копенъ, лѣсу дровянаго 6 десятинъ съ полудесятиною; да при томъ погостѣ сельцо Павлово, на рѣчкѣ Вохонкѣ; а въ немъ крестьянъ и бобылей 26 дворовъ; да въ сельцѣ торжокъ, торгуютъ по воскресеньямъ, а на томъ же торжку 30 лавокъ рубленныхъ, да

*) Нынѣ село Павлово (Павловскій посадъ) Богородскаго уѣзда.

20 скамей, а въ тѣхъ лавкахъ торгуютъ тояжъ Вохонскія волости крестьяне, а оброкъ съ тѣхъ лавокъ платятъ въ монастырскую казну на годъ по два рубли по пяти алтынъ съ деньгою, и изъ монастыря жъ тѣ лавочныя и съ того торжку томоженныя деньги съ нынѣшняго 131 году платятъ на Москвѣ въ государеву казну въ Большомъ Приходѣ на годъ по 30 рублевъ" (Писцов. кн. 255, л. 453, кн. 685, л. 305).

По окладнымъ книгамъ Патр. Приказа съ церкви Димитрія Селунскаго за 7136 (1628) годъ „дани 31 алтынъ, заѣзда 7 алтынъ, намѣстничьихъ 2 алт., по наказу гривна"; за 7143 г., „дани 3 рубли 15 алт., намѣстничьихъ 2 алт., по наказу гривна" (Патр. Прик. кн. 2, л. 218; кн. 196, л. 675).

Въ 7154 (1646) году въ селѣ Павловѣ церковь Великомученика Димитрія, да Великомуч. Георгія, да Парасковеи, нарицаемыя Пятницы, у церквей во дворѣ попъ Иванъ, во дв. другой попъ Иванъ же, во дв. дьячекъ Ѳедка Остафьевъ, во дв. пономарь Данилка Тихановъ, во дв. просвирница Ирина; на церковной землѣ 3 дв. бобыльскихъ, да крестьянскихъ и бобылей 44 двора", въ 7186 (1678) году въ селѣ числилось 63 дв. крестьянскихъ и 6 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 196 челов. (Переписн. кн. 9809 и кн. 9812, л. 482 и 527).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Приказа 7188 (1680) г., въ селѣ Павловѣ, что на рѣчкѣ Вохонкѣ, на погостѣ церковь Св. Димитрія Селунскаго деревянная, у церкви во дворѣ попъ Патрикей Шитовъ, во дв. попъ Яковъ Ивановъ, во дв. дьячекъ Алешка Ильинъ, во дв. пономарь Илюшка Ивановъ, во дв. просвирница; церковной пашни по 8 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна въ поляхъ, да на пустоши Зимницѣ и въ отхожихъ лугахъ на 100 копенъ, да на лужкѣ Барановскомъ по рѣкѣ Клязьмѣ, пашни паханыя 2 чети" (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 229—230).

Въ книгѣ подъ 1686 г. отмѣчено: „въ селѣ Павловѣ церковь Воскресенія, да въ предѣлѣ Св. Димитрія Селунскаго, дани 3 р. 24 алт., 2 деньги, заѣзда гривна" (Патр. Прик. кн. 116, л. 672).

1703 г., іюня въ 12 день, выданъ антиминсъ, по благословенной грамотѣ, въ новопостроенную церковь во имя Воскресенія Христова съ предѣлы въ село Павлово, тояжъ церкви попу Игнатію Патрикѣеву (Тамъ же кн. 138, л. 234).

Въ 1704 г. въ селѣ Павловѣ церковь Воскресенія Христова каменная (Переписн. кн. 9817, л. 150).

„1710 года, августа въ 9 день, по благословенной грамотѣ, отпущенъ антиминсъ для освѣщенія церкви во имя Воскресенія Христова

въ Московскій уѣздъ, въ село Павлово, подъ росписку попа той же церкви Игнатія (Патр. Прик. кн. 138, л. 338).

При церкви Воскресенія Христова были священники: Игнатій Патрикѣевъ 1704—1710 г., Семенъ Игнатьевъ 1704—1722 г., Алексѣй 1704 г., Петръ Яковлевъ 1700—1715 г.; дьяконъ Григорій Игнатьевъ 1704—1722 г.; дьячки: Степанъ Ильинъ 1704—1709 г., Иванъ Степановъ 1715 — 1722 г., пономарь Нестеръ Андреевъ 1715—1722 г.

36. Ц. Преображенія Господня въ селѣ Савинѣ *).

Церковь Преображенія Господня деревянная клѣтци, построенная изстари, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ, находилась Московскаго уѣзда, въ Почерневѣ стану, „на погостѣ, на рѣчкѣ Черной, ветхая", стояла „безъ пѣнія" и образовъ въ церкви не было; „пашни церковной земли середней 20 чети въ томъ а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ, а пашутъ пашню на томъ погостѣ крестьяне деревни Савиной изъ оброка, а оброкъ платятъ на патріаршѣ дворѣ" (Писцов. кн. 261, л. 238 об.).

7147 (1637) г. сентября 11, по распоряженію Патр. Каз. Приказа, Спаская церковная земля на погостѣ, на рѣчкѣ Черной, отдана на оброкъ Василію Пустынникову, а оброку велѣно ему платить 8 алт. 2 ден. на годъ" (Дворц. Прик. кн. 6, л. 102).

Вышепоказанная деревня Савина, расположенная близъ Спаскаго погоста, въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ значится: „въ вотчинѣ за князь Иваномъ Кашина, что было прежъ сего въ помѣстьи за Алексѣемъ Угримова, да за вдовою Анною за Ивановскою женою Семенчина съ дѣтьми, а въ деревнѣ дворъ вотчинниковъ, дв. людцкой, да крестьянъ 2 двора". Потомъ этою деревнею владѣлъ Василій Ивановичъ Нагово, а послѣ его смерти жена его вдова Прасковья; она согласно духовнаго завѣщанія своего мужа продала деревню Савину въ 1641 г. Ѳедору Степановичу Стрешневу; въ деревнѣ числилось, въ 1647 г., 7 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ (Писцов. кн. 261, л. 224; Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 93, № дѣла 2; перен. кн. 9809, л. 420 об.). Послѣ Ѳедора Степановича Стрешнева вотчинами владѣлъ его сынъ Иванъ Ѳедоровичъ, у котораго находилась на оброкѣ и церковная Спаская земля на погостѣ, на рѣчкѣ Черной (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 94, № дѣла 7).

*) Нынѣ село Савино Богородскаго уѣзда.

Въ 7173 (1664—1665) г. въ деревнѣ Савиной построена новая церковь во имя Преображенія Господня съ придѣломъ Знаменія Пресв. Богородицы. Въ книгѣ Патр. Каз. Приказа записано: „въ 180 (1672) году іюля въ 20 день, по челобитью окольничаго Ивана большаго Ѳедоровича Стрешнева, прибыла вновь церковь Преображенія Спасова, да въ предѣлѣ Знаменія Пресвятыя Богородицы, что построена въ вотчинѣ его въ деревнѣ Савинѣ, дани положено съ попова двора, вотчинникова, съ церковныхъ причетниковъ и съ приходскихъ дворовъ 6 алт. 4 ден., заѣзда гривна, а пашни и сѣнныхъ покосовъ къ той церкви не было, и по челобитной окольничаго Ивана Ѳед. Стрешнева велѣно къ той новопостроенной церкви приписать пустовую оброчную церковную землю Всемилостиваго Спаса, что на рѣчкѣ Черной, которою владѣлъ изъ оброка онъ же, челобитчикъ Иванъ Ѳедоровичъ, а оброку платилъ по 10 алтынъ на годъ; по писцовымъ же книгамъ той земли пашни паханой 20 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ; и съ той пустовой земли положено дани по указной статьѣ 13 алт. 2 ден. и всего на тое новопостроенную церковь дани положено 20 алт., заѣзда гривна, да съ той же новопостроенной церкви на прошлые годы, съ котораго почелась божественная служба быть, съ 7173 по 7180 (1665—1672) годъ, всего на семь лѣтъ 2 руб. 3 алт. 2 ден., а съ церковной земли брать не велѣно, потому что оброкъ былъ плаченъ по вся годы сполна и впредь сей земли въ оброчныхъ книгахъ не писать и изъ оброка выложить“ (Патр. Прик. кн. 74, л. 262 об. и кн. 63, л. 1293).

Въ 1678 г. показано: въ селѣ Савинѣ церковь Преображенія Господня, у церкви дворъ попа пустъ, во дв. дьячекъ Мишка Сергѣевъ, дв. вотчинниковъ съ 7 челов. кабальныхъ людей, дворъ скотный съ 2 челов. дѣловыхъ людей и 8 дв. крестьянскихъ съ 56 челов. (Переписн. кн. 9813, л. 512 об.).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. у церкви находились: „во дворѣ попъ Ѳедоръ Исаевъ, во дв. дьячекъ Дмитрій Сергѣевъ; церковною землею владѣютъ вотчины Ивана Ѳедоровича Стрешнева села Савина крестьяне“ (Патр. Прик. кн. 141, л. 237—238). По мѣрнымъ и межевымъ книгамъ 7190 (1682) г. церковная Спаская земля на погостѣ, на рѣчкѣ Черной, находилась въ межахъ: съ селомъ Савинымъ—вотчиною боярина князя Василія Васильевича Голицына, пустошью Сущевскою—вотчиною князя Алексѣя Коркодинова, деревнею Дятловою—вотчиною Спаса Новаго монастыря, пустошью Петровскою—вотчиною князя Алексѣя Коркодинова, сельцомъ Соболевымъ—вотчиною вдовы княгини Анны Несвицкой

съ дѣтьми и сельцомъ Пурышовымъ—вотчиною князя Алексѣя Коркодинова (Патр. Прик. дозор. кн. 110, л. 1—10).

7190 (1681) года, ноября въ 20 день, по указу патріарха и по переписнымъ книгамъ Образца Боровитинова, да подьячаго Протопова, на церковь Преображенія Господня, которая нынѣ въ вотчинѣ боярина князя Василія Васильевича Голицына, въ селѣ Савинѣ, что было то село прежъ сего въ вотчинѣ боярина Ивана Ѳедоровича Стрешнева, дани положено къ прежнему окладу, въ прибавку, съ приходскихъ—съ 2 дворовъ вотчинниковыхъ, съ 30 дв. крестьянскихъ, 6 алт. 2 ден. и съ прежнимъ окладомъ имѣтся дани 26 алт. 2 ден., заѣзда гривна" (Патр. Прик. кн. 103, л. 511 и 515).

Въ 1722 г., въ селѣ Спаскомъ, Савино тожъ, церковь Преображенія Господня деревянная; при ней были священники: Ѳедоръ Ивановъ 1686—1690 г., Григорій Ѳедоровъ 1704 г., Ѳедоръ Ѳедоровъ 1709—1715 г., Яковъ Григорьевъ 1716—1722 г., дьячки: Семенъ Ѳедоровъ 1686 г., Ѳедоръ Ѳедоровъ 1704 г., Яковъ Григорьевъ 1715 г. и Михаилъ Терентьевъ 1722 г., пономари: Антипъ Григорьевъ 1715—1720 г. и Степанъ Григорьевъ 1722 г.

Боярынъ Иванъ Ѳедоровичъ Стрешневъ въ 1681 г. отдалъ село Савино въ приданое за своею дочерью Авдотьею зятю князю Василію Васильевичу Голицыну, у котораго оно было отписано на великаго государя и въ 1690 г., по именному указу, отдано въ пожизненное владѣніе женѣ Ивана Ѳедоровича Стрешнева боярынѣ вдовѣ Настасьѣ Ивановнѣ; послѣ ея смерти селомъ владѣли: Иванъ Родіоновичъ Стрешневъ (1704—1715 г.), князь Алексѣй Васильевичъ Голицынъ (1722—1730 г.), Михаилъ Васильевичъ Голицынъ (1732—1734 г.) и Андрей Андреевичъ Голицынъ (1810 г.). Въ 1704 г. въ селѣ Савинѣ находились дворы: вотчинниковъ, прикащичій, скотный и 11 дворовъ крестьянскихъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 71, № дѣла 1; кн. 93, № дѣла 2; мол. л. кн. 49, № 10; отказн. кн. 15, л. 858, кн. 17, № 121, Переписн. кн. 9817 л. 769).

37. Ц. Успенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Жилинѣ *).

„Церковь Успенія Пресв. Богородицы съ придѣломъ Николая чудотворца деревянная клѣтцки", по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) г. находилась „въ селѣ Жилкинѣ", Московскаго уѣзда,

*) Нынѣ село Жилино Бронницкаго уѣзда.

Островецкаго стана, „вотчинѣ Чудова монастыря, а въ церкви: образы и книги и ризы и колокола и все церковное строеніе монастырское, у церкви во дворѣ попъ Стефанъ Кузьминъ, во дв. церковный дьячекъ Андрюшко Понкратьевъ, да крестьянъ 3 двора и бобылей 18 дворовъ“ (Писцов. кн. 261, л. 59).

Подъ 7154 (1646) г., при Успенской церкви, кромѣ придѣла Николая Чуд., значится другой придѣлъ во имя Алексѣя Митрополита; у церкви во дворѣ попъ Мелентій, во дв. дьячекъ Ивашко Кириловъ, да въ селѣ 32 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ (Перепис. кн. 9809, л. 143).

Въ книгѣ Патр. Приказа записано: „въ нынѣшнемъ во 167 (1658—1659) году, прибыла вновь церковь Успенія Пресв. Богородицы въ вотчинѣ Чудова монастыря, въ селѣ Жилинѣ, дани 10 алт. 2 ден., заѣзда гривна. И іюня въ 4 день тѣ деньги, на прошлые на 162—166 и на нынѣшній на 167 годы, платилъ тоямъ церкви попъ Иванъ“ (Патр. Прик. кн. 46, л. 211 об.).

Въ 1678—1680 гг. при Успенской церкви были: во дворѣ попъ Иванъ Павловъ, да дьячекъ Сенка Матвѣевъ, „пашни у нихъ во владѣніи по три чети въ полѣ, а въ ցву потомужъ, сѣна по 65 копенъ и та пашня и сѣнные покосы монастырская вотчинная земля“. Въ селѣ числилось 33 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 115 челов. (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 119—120; Переписн. кн. 9812, л. 261).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Казеннаго Приказа за 1728 г., значится: „іюля 4 числа запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью Московскаго уѣзда, Вохонской десятины, вотчины Чудова монастыря, села Жилина Успенскаго попа Семена Назарьева съ прихожаны, велѣно имъ въ томъ селѣ, вмѣсто ветхой деревянной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, построить вновь церковь во имя тотъ же престолъ; пошлинъ 3 алт. 2 ден., нужнѣйшихъ одна четь взято“ (Патр. Прик. кн. 315, л. 34).

При Успенской церкви были священники: Ѳедоръ Ивановъ 1704—1715 г. и Семенъ Назаровъ 1720—1728 г., дьячки: Иванъ Ивановъ 1704—1726 г. и Иванъ Назаровъ 1726 г.

38. Ц. Воскресенія Христова въ селѣ Вешнякове *).

Въ 7085 (1577) году, Московскаго уѣзда въ Васильцовѣ стану находилась деревня Найденова-Чурилова, а Вешнякова тожъ, „пуста“,

*) Нынѣ село Вешняково (Вишняково) Московскаго уѣзда.

принадлежавшая боярину Ивану Васильевичу Шереметеву; а подъ 7131 и 7132 (1623—1624) г. говорится: „старинная вотчина боярина Ѳедора Ивановича Шереметева пустошь, что была деревня Найденова-Чурилова, а Вешняково тожъ, на суходолѣ" (Писцов. кн. 255, № 8, кн. 9806, л. 1051—1052).

Бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ около 1644 г. поселилъ на пустоши Найденовой, а Вешняково тожъ, „задворныхъ людей" и построилъ здѣсь, по выданной ему отъ патріарха въ 7152 (1644) г. благословенной грамотѣ, каменную церковь во имя Воскресенія Христова, отъ чего пустошь и стала называться селомъ Вешняковымъ. Въ Переписныхъ книгахъ 7154 (1646) г. Московскаго уѣзда, въ Васильцовѣ стану записано: „за бояриномъ Ѳедоромъ Ив. Шереметевымъ село Вешняково, а въ селѣ церковь каменная Воскресенія Христова, у церкви во дворѣ попъ Никифоръ, да въ селѣ 12 дворовъ задворныхъ людей" (Переписн. кн. 9809, л. 388 об.—390).

Въ 1648—1680 гг. это село находилось во владѣніи у князя Якова Никитича Одоевскаго, отданное ему дѣдомъ его бояриномъ Ѳедоромъ Ив. Шереметевымъ. Въ 1678 г. въ селѣ находились: дворъ вотчинниковъ и дв. скотный съ 5 челов., да въ слободкѣ того же села 3 дв. задворныхъ и 18 дв. кабальныхъ людей, въ нихъ 39 человѣкъ (Помѣстн. Прик. по гор. Москвѣ ст. 96, № дѣла 10; переписн. кн. 9813, л. 439—447).

Въ книгѣ Патр. Каз. Приказа записано: „во 181 (1673) году прибыла вновь церковь Воскресенія Христова въ вотчинѣ боярина князя Якова Никитича Одоевскаго, въ селѣ Вешняковѣ; дани положено съ попова, съ прикащикова, да съ приходскихъ дворовъ 21 алт. 3 ден., заѣзда гривна; платилъ тѣ деньги человѣкъ князя Одоевскаго Ивашко Жихаревъ" Патр. Прик. кн. 77, л. 73 об.).

Въ 7183 (1675) г. „ у попа Евлампія Воскресенской церкви взято вѣнечныхъ пошлинъ, по новому уставу, съ одного отрока, да съ одного двоеженца 10 ал." (Тамъ же кн. 82).

Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій отдалъ село Вешняково въ приданое дочери своей княжнѣ Марфѣ, при выходѣ ея замужъ за князя Михаила Яковлевича Черкаскаго, а владѣла селомъ въ 1704 г., по условію, жена князя Одоевскаго вдова княгиня Анна Михаиловна; въ селѣ находились: дворъ вотчинниковъ, 3 дв. дворовыхъ людей и дворъ скотный, въ нихъ 14 челов. Послѣ князя Михаила Черкасскаго селомъ владѣлъ въ 1713—1733 гг. его сынъ князь Алексѣй (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 34, № дѣла 5; переписн. кн. 9817, л. 37).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа, за

1732 годъ, значится: „іюня 7 числа запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго, служителя его Якова Дѣдешина, велѣно противъ его челобитья въ подмосковной его вотчинѣ, въ селѣ Вешняковѣ разобрать и построить для пространства вновь каменную церковь тотъ же престолъ во имя Воскресенія Христова, пошлинъ 3 алт. 2 ден., нужнѣйшихъ одна четь взято“ (Патр. Прик. кн. 347, л. 21).

При Воскресенской церкви были священники: Евлампій Ивановъ 1673—1680 г., Никита Ивановъ 1680 г., бывшій при оной же церкви дьякономъ въ 1678 г., Иванъ Кузминъ 1704—1710 г., Василій Герасимовъ 1704—1710 г., Петръ Герасимовъ и Алексѣй Евлампіевъ 1715—1726 г.; дьяконы: Алексѣй Евлампіевъ 1710 г., Климъ Васильевъ 1715—1726 г.; дьячки: Артемій Гавриловъ 1678 г., Андрей Ивановъ 1704 г., Петръ Васильевъ 1704—1710 г., Иванъ Ивановъ 1726 г.; пономари: Василій Александровъ 1680 г. и Гавріилъ Васильевъ 1715—1726 г. Въ 1680 г. попы съ причетниками получали отъ вотчинника ругу (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 244).

39. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Косинѣ *).

Въ 131 и 132 (1623—1624) гг. Московскаго уѣзда, въ Васильцовѣ стану находилось въ помѣстьи: „за Юрьемъ, да за Степаномъ да за Даниломъ Васильевыми дѣтьми Телепнева, по государевѣ грамотѣ, за приписью дьяка Ѳедора Шушерина 125 (1617) году, село Косино, на озерѣ на большомъ, а въ селѣ былъ храмъ во имя чюдотворца Николая, пашни паханой церковной земли 6 чети съ осминою, да лѣсомъ поросло 5 чети съ осминою, лѣсу непашеннаго 2 десятины, да въ томъ же селѣ дворъ помѣщиковъ, живутъ дѣловые люди, да крестьянскихъ и бобыльскихъ 5 дворовъ, людей въ нихъ тожъ“ (Писцов. кн. 9806, л. 1031—1032).

Подъ 1646 г. находимъ „въ селѣ Косинѣ церковь Николая чудотворца деревянная, у церкви во дворѣ попъ Тимоѳей; да въ селѣ дворъ вотчинниковъ и 3 дв. крестьянскихъ съ 11 челов.“ (Перепис. кн. 9809, л. 391).

Въ книгѣ Патр. Приказа, за 7183 (1675) годъ, записано: „прибыла вновь церковь во имя Николая чудотворца, въ Васильцовѣ стану, въ помѣстьи Василія Данилова сына, да Ивана Степанова сына,

*) Нынѣ село Косино Московскаго уѣзда.

да Григорья и Михаила Юрьевыхъ дѣтей Телепневыхъ, въ селѣ Косинѣ, положено дани съ попова, да съ приходскихъ дворовъ, да съ четвертной пашни, всего 11 алт. съ деньгою, заѣзда гривна" (Патр. Прик. кн. 82, л. 125 об.).

При церкви Николая чудотворца были священники: Прокопій Афанасьевъ 1670—1687 г., „а служитъ онъ, попъ, у той церкви изъ руги"; Яковъ Михайловъ 1704 г., Антипъ Матвѣевъ 1709—1726 г.; дьячки: Максимъ Михайловъ 1704—1710 г. и Афанасій Антиповъ 1726 г. (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 243, отказн. кн. 16, № 25, по гор. Москвѣ и 1 ревизіи кн. 1726 г. л. 306—307).

Въ селѣ Косинѣ, находившемся во владѣніи до 1755 г. въ родѣ Телепневыхъ, числилось крестьянскихъ бобыльскихъ дворовъ въ 1678 г. 6 дв. съ 17 челов. и въ 1704 г.—5 дв. съ 26 челов. (Переписн. кн. 9813, л. 457—458; кн. 9817, л. 48 и Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 89, № дѣла 3).

40. Ц. Николая чудотворца на погостѣ, на Брошевкѣ *).

Церковь Николая чудотворца въ 139—141 (1631—1633) гг. „на погостѣ, на Брошевкѣ" дворцовой Гвоздинской волости, находилась въ Коломенской епархіи; „церковной пашни паханой имѣлось шесть чети въ полѣ, а въ дву потомужъ" (Патр. Прик. кн. 141, л. 354.

Въ книгѣ Патр. Приказа подъ 7184 (1676) г. написано: „по указу патріарха Іоакима, и по соборному дѣянію, и по памяти и по росписки изъ Патріарша Разряду, за приписью дьяка Льва Ермолаева, какову роспись прислалъ въ Патріаршъ Разрядъ преосвященный Іосифъ архіепископъ коломенскій и каширскій, прибыла вновь въ Московскій уѣздъ, въ Вохонскую десятину, церковь Николая чудотворца на Брошевѣ, которая прежъ сего была въ Коломенской епархіи, дани положено рубль 6 денегъ. Да тояжъ церкви у попа Гавріила взято вѣнечныхъ пошлинъ, что у него было въ приходѣ съ 10 генваря по 30 число генваря 184 (1676) года съ 7 отроковъ 28 алт." (Патр. Прик. кн. 87, л. 346).

По дозорнымъ книгамъ 7188 (1680) года: „въ Гвоздинской волости, на Брошевкѣ, у Москвы рѣки, погостъ, на немъ церковь во имя Николая чудотворца древяная, у церкви во дворѣ попъ Гавріилъ Сергѣевъ, да дьячекъ Петрушка Гавриловъ, пономарь Васка Ивановъ;

*) Нынѣ погостъ Николо-Боршевка (Романь) Бронницкаго уѣзда.

церковь построена изстари; пашни церковной земли 6 чети въ полѣ а въ дву потомужъ" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 198—199).

Въ 1706 г. въ приходѣ Николаевской церкви показано 41 дворъ, пашни церковной земли по три десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 3 копны; при церкви были въ 1703 г. попъ Ѳедоръ Кирилловъ, дьячекъ Прокопій Петровъ, другой дьячекъ Иванъ Никитинъ, пономарь Григорій Ильинъ, да отставленный попъ Никита Гавриловъ; въ 1710—1726 гг. попъ Михаилъ Андріановъ, дьяконъ Иванъ Никитинъ и дьячекъ Прокопій Петровъ (Патр. Прик. вязка 470, № дѣла 262 и 1 ревизія, кн. 1726 г., л. 119).

Въ 1710—1715 гг. Николаевскій погостъ, на Брошевѣ, находился во владѣніи у князя Александра Даниловича Меншикова, а въ 1735 г.—въ вѣдѣніи Конюшеннаго Приказа.

41. Ц. Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Хотѣвичахъ *).

Въ началѣ XVII ст. „въ селѣ Хотѣевичахъ на рѣчкѣ Мерзкѣ" Московскаго уѣзда, Гуслицкой волости была деревянная церковь во имя св. великомученика Никиты, находившаяся въ Коломенской епархіи; по писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ, пашни паханой церковной земли 6 чети, да лѣсомъ поросло 4 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнокосныя поросли въ пустошахъ: Новинкахъ и Васковѣ три десятины, да за рѣчкою Мерзкою на Черномъ ручьѣ попова лугу 5 копенъ волоковыхъ" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 368 об.).

Подъ 7154 (1646) годомъ упоминается: въ „селѣ Хотѣевичахъ церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы древяная, у церкви во дворѣ попъ Василій, да крестьянскихъ и бобыльскихъ 25 дворовъ, въ нихъ 27 человѣкъ" (Переписн. кн. 9809, л. 76).

Въ книгѣ Патр. Приказа за 7184 (1676) годъ написано: „по указу патріарха Іоакима, и по соборному дѣянію, и по памяти изъ Патріарша Разряду, за приписью дьяка Льва Ермолаева, какову роспись прислалъ въ Патріаршъ Разрядъ преосвященный Іосифъ архіепископъ коломенскій и каширскій прибыла вновь церковь въ Московской уѣздъ, въ Вохонскую десятину, которая была прежъ сего та церковь въ Коломенской епархіи, церковь Благовѣщенія Пресвятыя

*) Нынѣ село Хотѣичи Богородскаго уѣзда.

Богородицы въ Ѳатѣевичахъ, дани рубль 7 алт., заѣзда гривна" (Патр. Прик. кн. 87, л. 346).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Приказа 7188 (1680) г. „въ Гуслицкой волости въ селѣ Хотѣевичахъ, на рѣчкѣ Мерякѣ, находимъ церковь Христова мученика Никиты, у церкви во дворѣ попъ Тимофей Васильевъ, во дворѣ дьячекъ Гришка Козминъ, и попъ Тимофей сказалъ: церковь де Никиты Христова мученика построена изстари и данью обложена и церковная де пашня и сѣнные покосы къ той церкви есть" (Патр. Прик. кн. дозор. 141, л. 193). Къ селу Хотѣевичамъ была приписана, по указу патріарха Іоакима 7188 (1680) года, церковная земля въ пустоши Воскресенской, находившейся въ смежности съ деревнями Анцыфоровою и Соболевою (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 80, № дѣла 10).

1703 года сентября въ 13 день, по благословенной грамотѣ, выданъ антиминсъ въ Московскій уѣздъ, въ село Хотѣевичъ, въ новопостроенную церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы (Патр. Прик. кн. 138, л. 238).

Въ 1709 г. церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы деревянная, при ней были священники: Захарій Прокофьевъ 1704—1709 г., Логинъ Родіоновъ 1726—1736 г.; дьячки Петръ Селивестровъ 1704—1709 г., Семенъ Родіоновъ 1726—1736 г. (Переписн. кн. 9817, л. 219, кн. 9821, л. 105).

Село Хотѣевичи въ 1677 г. находилось въ дворцовомъ вѣдомствѣ, въ 1678 г. въ селѣ было 27 дворовъ крестьянскихъ. Въ 1693 г. это село пожаловано Автомону Михайловичу Головину, а послѣ его смерти владѣлъ его сынъ Сергѣй; въ 1736 г. оно продано Александру Ивановичу Головину и за нимъ утверждено того же года отказною книгою, въ которой упоминается: „въ селѣ Хотѣевичахъ церковь деревянная во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы"; въ 1810 г. селомъ владѣла графиня Ирина Ивановна Воронцова (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 54, № дѣла 7, мол. л. кн. 49, № дѣла 19 и кн. 11, № дѣла 3).

42. Ц. Космы и Даміана на погостѣ, въ Гвоздинѣ *).

Космодаміанская церковь, построенная изстари на погостѣ въ Гвоздинской дворцовой волости, Московскаго уѣзда, 139—141 (1631—1633) гг., стояла „пуста безъ пѣнія" и попа при ней не было; „па-

*) Нынѣ Космодемьянскій погостъ при озерѣ безъименномъ Бронницкаго уѣзда.

пни паханой церковной земли около церкви подъ дворищемъ четь въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ, пашутъ прихожане Гвоздинцы, а оброкъ платятъ на Коломнѣ епископу; да у церкви Козмы и Дамьяна озеро Гвоздинское въ длину на версту, а поперегъ 30 саженъ, а сказали старожильцы: изстари то озеро дано къ церкви Козмы и Дамьяна, а съ московскаго разоренія завладѣли Брошевскіе кошельники деревни Капустиной» (Патр. Каз. Прик. кн. 141, л. 355—356).

Въ 1646 г. церковь Космы и Даміана стояла по прежнему „безъ пѣнія, у церкви дворъ попа Захарья пустъ" (Переписн. кн. 9809, л. 69 об.).

Въ книгѣ Патр. Приказа подъ 7184 (1676) годомъ написано: „по указу патріарха Іоакима и по соборному дѣянію и по памяти и по росписки изъ Патріарша Разряду, за приписью дьяка Льва Ермолаева, какову роспись прислалъ въ Патріаршъ Разрядъ преосвященный Іосифъ, архіепископъ коломенскій и каширской, прибыла вновь въ Московской уѣздъ, въ Вохонскую десятину, церковь Козмы и Даміана на погостѣ, въ Гвоздинѣ, которая была прежъ сего въ Коломенской епархіи, дани положено рубль 3 алт., 2 ден. заѣзда гривна" (Патр. Прик. кн. 87, л. 346).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года: „церковь Козмы и Даміана на погостѣ Гвоздинѣ деревянная, у церкви во дворѣ попъ Иванъ Афанасьевъ, во дв. дьячекъ Гришка Андреевъ, во дв. пономарь Сергушка Филипповъ; церковная земля и сѣнные покосы есть; а что въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ написано въ церкви Кузмы и Даміана озеро Гвоздинское и тѣмъ озеромъ владѣютъ издавна Брошевскіе кошельники" (Патр. Прик. кн. 141, л. 196—197).

При Космодемьянской церкви были священники: Василій Ивановъ 1715 г. и Петръ Васильевъ 1726—1735 г., дьячки: Алексѣй Ивановъ 1715 г. и Семенъ Алексѣевъ 1726 г.

43. Ц. Михаила Архангела въ селѣ Архангельскомъ *).

131 и 132 (1623—1624) гг. Московскаго уѣзда въ Почерневѣ стану находилась вотчина „за подьячимъ Дорофеемъ Пустынниковымъ, по купчей 131 (1623) году, что онъ купилъ у князя Ивана Туренина, а по приправочнымъ книгамъ Андрея Сабурова 79 (1571) году написана та вотчина за ево князь Ивановымъ дѣдомъ за князь Ва-

*) Нынѣ Архангельское-Никольское, село Московскаго уѣзда.

сильемъ Туренинымъ, деревня, что было сельцо Ступишино, а Зворыкино тожъ, а въ ней дворъ вотчинниковъ" (Писцов. кн. 261, л. 221). Въ 7149 (1641) г. Дорофей Пустынниковъ продалъ свою вотчину боярину Василію Ивановичу Стрешневу, при которомъ въ деревнѣ Зворыкинѣ построена бѣла церковь. Въ переписныхъ книгахъ 154 (1646) г. записано: „за бояриномъ Васильемъ Ивановичемъ Стрешневымъ въ вотчинѣ село Зворыкино, въ селѣ церковь Архангела Михаила, дворъ боярскій и 5 дв. крестьянскихъ". Въ 1651 году Зворыкино куплено у боярина Стрешнева княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ при этомъ владѣльцѣ оно называлось по церкви селомъ Архангельскимъ (Помѣстн. Прик., по гор. Москвѣ, столб. 230, № дѣла 11; переписн. кн. 9809, л. 418—419).

Подъ 7185 (1676—1677) г. написано: „по выпискѣ за помѣтою, дьяка Перфилія Семенникова, прибыла вновь церковь Архангела Михаила въ вотчинѣ боярина князя Юрья Алексѣевича Долгорукова, въ селѣ Архангельскомъ и по указу патріарха положено дани съ попова и съ церковныхъ причетниковъ и съ боярскаго и съ приходскихъ дворовъ 6 алт. заѣзда гривна. И генваря въ 23 день тѣ деньги платилъ тоя церкви попъ Андрей. Да съ него же, попа Андрея, взято вѣнечныхъ пошлинъ со 167 по 185 (1659—1677) годъ съ 5 отровъ по 4 алтына да съ двухъ полудвоеженцовъ, женился на дѣвкахъ, по 6 алт., всего 32 алтына" (Патр. Прик. кн. 88, л. 285).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. „въ селѣ Архангельскомъ церковь Архангела Михаила деревянная, а построена та церковь изстари, пашни и сѣнныхъ покосовъ къ той церкви нѣтъ, у церкви во дворѣ попъ Андрей Андреевъ съ причетники и ему, попу, съ причетники выдается руга" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 240 об.).

Послѣ боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукова имѣніе досталось его сыну князю Михаилу, а въ 1683 г.—роднымъ внукамъ князьямъ Ивану, Петру, Владиміру и Василію Михайловичамъ Долгоруковымъ и за послѣдними оно утверждено того же года отказною книгою, въ которой между прочимъ говорится: „отказано князьямъ Долгоруково сельцо Ступишино, а Зворыкино тожъ, что нынѣ село Архангельское, на прудѣ, а въ селѣ церковь Архангела Михаила съ придѣломъ пророка Сафонія деревянная" (Отк. кн. 14, № 55, по гор. Москвѣ).

Въ 1704 г. въ селѣ Архангельскомъ, принадлежавшемъ князю Владиміру Михайл. Долгорукову, находились: дворъ вотчинниковъ, дворъ скотный и 6 дворовъ конюховъ съ 17 челов. и дворъ конюха

въ сельцѣ Верховицевѣ; по смерти кн. Владиміра Мих. владѣлъ селомъ его сынъ князь Сергѣй, а отъ него перешло въ 1735 г. къ его женѣ вдовѣ княгинѣ Александрѣ Яковлевнѣ, урожд. Лобаново-Ростовской, потомъ оно было продано роднымъ ея племянникомъ Иваномъ Ивановымъ Лобаново-Ростовскимъ (въ 1757 г.) князю Александру Владиміровичу Долгорукову, умерш. 1-го ноября 1759 г., а послѣ перешло къ его двоюродному брату князю Владиміру Петровичу Долгорукову. Въ 1769 г. село Архангельское съ селомъ Никольскимъ находилось во владѣніи у князей Юрія и Василія Владиміровичей Долгоруковыхъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. кн. 72, № дѣла 11 и вязка 4, № дѣла 7).

При церкви Архангела Михаила были священники: Михаилъ Семеновъ (1704—1709 г.) и Алексѣй Семеновъ (1716—1726 г.).

44. Ц. Преображенія Господня на погостѣ Мошевѣ, на рѣчкѣ Мерскѣ *).

Церковь Преображенія Господня, находившаяся изстари „на погостѣ, что на Мошевѣ", въ Гуслицкой волости, была уничтожена, но когда и по какому случаю—не извѣстно. Объ этомъ въ писцовыхъ книгахъ Приказа Большаго Дворца 7139—7141 (1631—1633) г. говорится такъ: „въ Гуслицкой волости погостъ, что на Мошевѣ, а въ немъ мѣсто церковное, что былъ храмъ Преображенія Спасово, да пустошь Осташово, Савостьяново тожъ, пашни перелогомъ худой земли 3 чети, да лѣсомъ поросло 22 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 30 копенъ, лѣсу пашеннаго 7 десятинъ, а непашеннаго поверстнаго лѣсу вдоль на версту, а поперегъ на полверсты, — владѣютъ тою пустошью Ильинскіе попы; всего пашни церковной и съ тѣмъ, что въ Осташевѣ 45 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 60 копенъ, лѣсу пашеннаго 8 десятинъ, а непашеннаго въ длину на версту, а поперегъ на полверсты" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 365—366).

Церковная земля, принадлежавшая Спасской церкви, отдавалась въ оброкъ и въ книгахъ Патр. Приказа за 7146 (1638) писалась такъ: „съ церковныя земли Всемилостиваго Спаса, что на Мошевѣ, села Запонорья на Покровскомъ попѣ Игнатьѣ, оброку 5 алт."

*) Нынѣ Спасъ на Мошевѣ (Гуслицкій монастырь) Богородскаго уѣзда.

Въ 1653 г. „отдана церковная земля изъ наддачи дворцовой Гуслицкой волости Ильинскимъ попамъ Григорію и Логину на оброкъ, новой наддачи гривна, и впредь велѣно имъ попамъ съ той церковной земли платить за оброкъ данью“ (Патр. Прик. кн. 32, л. 107; Дворц. Прик. кн. 6, л. 104). На этой землѣ попомъ Григоріемъ съ прихожанами была построена новая церковь во имя Преображенія Господня; а между тѣмъ церковная Спасская земля отдана была на оброкъ въ 1668 г. новому обротчику воздвиженскому попу Іакову, вслѣдствіе его челобитья. Во 1669 г. февраля въ 1 день, состоялось въ Патріаршемъ Приказѣ новое распоряженіе, по которому велѣно: церковную землю Всемилостиваго Спаса отдать, по прежнему, обротчику попу Григорію, на нынѣшній 177 (1669) годъ, а новому обротчику здвиженскому попу Іакову отказать для того, что въ обыску Московскаго уѣзда государевой Гуслицкой волости спасскіе прихожане 36 человѣкъ крестьянъ сказали, по святой евангельской заповѣди, что церковь Всемилостиваго Спаса, книги и всякая церковная утварь—строенье ево прежняго обротчика попа Григорья съ прихожанами вмѣстѣ, а билъ челомъ онъ попъ Іаковъ, да крестьянинъ Трофимъ Антроповъ, назвався выборнымъ старостою Гуслицкой волости, о той церковной землѣ ложно, чтобъ отдать ту церковную землю имъ на оброкъ, и попу Іакову у той церкви служить, и они де спасскіе прихожане ево, попа Іакова, къ той церкви Всемилостиваго Спаса не призывали, а крестьянинъ Трофимъ въ старостахъ не бывалъ и прихожанинъ онъ здвиженскій, а не спасской, и къ челобитной ихъ съ попомъ Іаковомъ о церковной Спасской землѣ руки не прикладывалъ и оброчныя деньги ему попу Іакову, за ложное ево челобитье, назадъ не отданы и впредь тою церковною землею владѣть ему не велѣно. И февраля въ 12 день оброчныя деньги 30 алт. 2 деньги платилъ старый обротчикъ попъ Григорій“ (Патр. Прик. кн. 63, л. 560 об.).

Подъ 7185 (1677) г. записано: „по книгамъ Вохонской десятины старосты поповскаго покровскаго попа Іеремѣя и по выпискѣ за помѣтою дьяка Перфилія Сѣменщикова, прибыла вновь церковь Всемилостиваго Спаса, что на Мошевѣ, великаго государя дворцовой Гуслицкой волости, построена на старомъ церковномъ мѣстѣ; дани положено рубль, заѣзда гривна. И генваря въ 24 день, тѣ деньги платилъ староста поповскій попъ Іеремій“ (Патр. Прик. кн. 88, л. 285 об.)

Въ писцовыхъ книгахъ Приказа Большаго Дворца 7185 и 7186 (1677—1678) г. церковь описана такъ: „въ Гуслицкой волости погостъ, а на погостѣ церковь Преображенія Господня деревянная клѣтцки, на паперть всходная лѣстница, въ церкви мѣстныхъ образовъ:

по правую сторону царскихъ дверей образъ Преображенія Спасово, въ кіотѣ, обложенъ серебромъ; по лѣвую сторону царскихъ дверей— образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія въ кіотѣ, образъ Всемилостиваго Спаса въ кіотѣ, образъ Фрола и Лавра, образъ св. Троицы. На престолѣ индитія полотняная, евангеліе письменное, оболочено бархатомъ, распятіе и евангелисты серебреные, крестъ благословенной; за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Одигитріи; на жертвенникѣ сосуды оловянные. Книгъ: служебникъ, минея общая, минея съ праздники, псалтирь со возслѣдованіемъ. На паперти 2 колокола. На церковной землѣ во дворѣ попъ Савва Ѳедоровъ, во дв. дьячекъ Ларка Ѳедоровъ и дворъ бобыльской. Подъ дворами и огороды усадебной земли десятина (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 53, № дѣла 11).

Въ 1742 г., на погостѣ Мошевѣ, на рѣчкѣ Мерзкѣ, церковь Преображенія Спасова деревянная. При ней были: священникъ Елисей Ларіоновъ 1715—1742 г., дьячки: Тимофей Автамоновъ 1715—1726 г., Василій Тимофеевъ 1742 г., пономари: Трофимъ Ивановъ 1715 г. и Герасимъ Семеновъ 1726—1742 г.

Погостъ на Мошевѣ находился во владѣніи въ 1742 г. у Степана Васильевича Лопухина (Отказн. кн. 33, № 10, л. 66, по гор. Москвѣ).

45. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Никольскомъ *).

Церковь Николая чудотворца построена вновь деревянная въ селѣ Никольскомъ около 1660 года. Первое свѣдѣніе о существованіи сей церкви находимъ въ книгѣ Патр. Приказа за 7185 (1677) г.: „прибыла вновь церковь Николая чудотворца, по челобитью думнаго дворянина Ѳедора Алексѣевича Полтева, въ подмосковной его вотчинѣ, въ селѣ Никольскомъ, а по сказкѣ человѣка его Фильки Минина, положено дани съ попова, съ дьячкова, съ вотчинникова съ 8 крестьянскихъ и 10 дворовъ бобыльскихъ, по указной статьѣ, 7 алт. 2 ден., заѣзда гривна. И марта въ 26 день тѣ деньги, на нынѣшній 185, да на прошлый 184 годъ, всего за оба года дани и заѣзда 21 алт. 2 ден. взято“ (Патр. Прик. кн 88, л. 285).

Въ дозорныхъ книгахъ Казеннаго Приказа 7188 (1680) г. говорится: „въ Каменскомъ стану (Московскаго уѣзда), въ вотчинѣ стольника Василія Ѳедорова сына Полтева, въ селѣ Никольскомъ церковь

*) Нынѣ село Никольское (Полшево) Богородскаго уѣзда.

во имя Николая чудотворца деревянная, у церкви во дворѣ попъ Аверкій Ѳедотовъ, да дьячекъ Евсютка Аверкіевъ и попъ Аверкій сказалъ: построена де та церковь тому нынѣ лѣтъ съ 20, а земли де церковныя пашни и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ" (Патр. Прик. кн. 141, л. 208).

„Въ 7193 (1685) г., апрѣля въ 8 день, по указу патріарха, по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Ивана Векентьева, въ которой написано: по указу великихъ государей, а по челобитью стольниковъ Василья да Якова Ѳедоровыхъ Полтевыхъ въ вотчинѣ ихъ въ деревнѣ Агафоновѣ, къ новопостроенной церкви Николая чудотворца, изъ вотчинной земли, изъ ихъ дачъ, отведено пашни 10 чети, да сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ и та земля къ той церкви справлена,—въ Казенномъ Приказѣ велѣно: на церковь Николая чудотворца съ пашни и сѣнныхъ покосовъ дани прибавить къ прежнему окладу 8 алт. 2 ден. и тѣ деньги велѣно имать со 194 года" (Патр. Прик. кн. 141, л. 539 об.).

Въ 1704 г. въ селѣ Никольскомъ находилась одна деревянная церковь, а въ 1709 г.—двѣ церкви: деревянная и каменная во имя Николая чудотворца. При нихъ были священники: Перфилій Даниловъ 1704—1710 г. и Максимъ Максимовъ 1715—1729 г., дьячки: Василій Яковлевъ 1704—1736 г. и Иванъ Перфильевъ 1704—1729 г.

Село Никольское до построенія въ немъ церкви было деревнею подъ названіемъ „Сущево, Агафоново тожъ, на рѣчкѣ Татаркѣ", находившеюся въ 1623 г. Московскаго уѣзда, въ Каменскомъ стану, „въ помѣстьи за княземъ Дмитріемъ Петровичемъ Пожарскимъ, по государевѣ грамотѣ 126 (1618) году, что прежъ село было за Суботою Рогатина, въ деревнѣ дворъ помѣщиковъ, дворъ прикащиковъ, да крестьянъ 4 двора". Послѣ князя Пожарскаго эта деревня досталась его племяннику князю Семену Пожарскому, въ 1644 г. она продана Ларіону Антонову Слотину; въ деревнѣ числилось въ 1646 г. 4 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 8 челов. По смерти Ларіона Слотина имѣніе ему принадлежавшее, согласно его завѣщанія, продано изъ Патріаршаго Разряда, въ 1659 г., думному дворянину Ѳедору Алексѣевичу Полтеву. При этомъ владѣльцѣ въ деревнѣ Агафоновой построена вновь церковь Николая чудотворца, отъ чего деревня и названа по церкви селомъ Никольскимъ, а въ послѣдствіи оно въ отличіе отъ другихъ селъ Никольскихъ стало называться по фамиліи владѣльца „Полтевымъ". Въ 1678 г., въ селѣ Никольскомъ находились: дворъ вотчинниковъ съ 6 семьями дѣловыхъ людей, въ нихъ 13 челов., 5 дв. крестьянскихъ и 6 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 37 человѣкъ. Въ 1679 г. селомъ владѣла жена Ѳедора Алексѣевича Пол-

тева вдова Ѳекла Понкратьевна, въ 1681 г.—ихъ дѣти стольники Василій и Яковъ Ѳедор. Полтевы. Послѣдній заложилъ село Никольское въ 1703 г. Ѳедору Матвѣевичу Апраксину, умерш. въ 1728 г., который духовнымъ завѣщаніемъ просилъ своихъ душепракащиковъ „имѣніе село Никольское и деревню Харитову послѣ его смерти продать и деньги, вырученныя за оное имѣніе, употребить на раздачу милостынь и на искупленіе плѣнныхъ". Въ 1729 г. это имѣніе продано барону Андрею Ивановичу Остерману и за нимъ утверждено того же года отказною книгою, въ которой между прочимъ говорится: „въ селѣ церковь каменная во имя Николая чудотворца, а на ней кровля сгнила и отъ течи стѣны повредились, да въ селѣ дворъ вотчинниковъ съ дворовыми людьми; въ деревнѣ Харитоновѣ было 13 дв. крестьянскихъ. Въ 1741 г. у Остермана имѣнія были взяты въ казну, а въ 1742 г. село Никольское пожаловано его дѣтямъ гр. Ѳедору и Ивану Андр. Остерманъ (Писцов. кн. 261, л. 108—109; Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 5, № дѣла 7, вязка 4, № дѣла 5; переписн. кн. 9809, л. 406—407, кн. 9813, л. 468; кн. 9817, л. 265; отказн. кн. 24, л. 215, кн. 31 № 20).

46. Ц. Троицы Живоначальныя въ селѣ Троицкомъ *).

Троицкая церковь построена вновь деревянная въ 1677 году. Во книгамъ Патр. Каз. Приказа за 7185 (1677) г. записано: „прибыла вновь церковь Живоначальныя Троицы, въ Доблинскомъ стану, въ вотчинѣ князя Ѳедора Семеновича Борятинскаго, въ селѣ Троицкомъ, а по сказкѣ тоя церкви попа Александра, положено дани съ попова, съ дьячкова, съ пономарева, съ вотчинникова, да съ 5 дворовъ дѣловыхъ людий, по указной статьѣ, 2 алт. 5 ден., заѣзда гривна; апрѣля въ 10 день, тѣ деньги на нынѣшній 185 г. платилъ князя Борятинскаго человѣкъ Мишка Михайловъ" (Патр. Прик. кн. 81, л. 285).

Въ 7188 (1680) году: „церковь св. Троицы деревянная, у церкви во дворѣ попъ Александръ Сисоевъ, во дв. дьяконъ Иванъ Лаврентьевъ, во дв. пономарь Алешка Ивановъ; во дв. просвирница, къ той церкви пашни и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, а учинена ему попу съ причетники руга" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 235).

Въ селѣ Троицкомъ, вотчинѣ дьяка Андрея Ратманова, вмѣсто ветхой церкви построена была новая деревянная церковь во имя Св.

*) Нынѣ село Троицкое (Ратманово) Богородскаго уѣзда.

Троицы и ко дню ея освященія, по благословенной грамотѣ, 1707 года ноября въ 1 день выданъ антиминсъ Покровскаго собора церкви Св. Троицы попу Ѳеодору (Патр. Прик. кн. 138, л. 301).

Въ 1709—1724 гг. церковь деревянная Живоначальныя Троицы, при ней были священники: Григорій Алексѣевъ 1704—1710 г., Семенъ Яковлевъ 1715 г., Алексѣй Даниловъ 1726—1731 г.; дьячки: Иванъ Александровъ 1704 г. Никифоръ Аврамовъ 1715—1726 г.

Село Троицкое до построенія въ немъ церкви—деревня Ѳедотова, находившаяся, въ 1623 году, Московскаго уѣзда, Доблинскаго стана, въ вотчинѣ „за князь Григорьемъ за княжъ Петровымъ сыномъ Борятинскимъ, по государевѣ грамотѣ 126 (1618) года и по полюбовному раздѣлу съ княземъ Никитою Борятинскимъ, что было въ помѣстьи за Андреемъ Клешнина и за Борисомъ Хохловымъ", въ деревнѣ былъ одинъ дворъ вотчинниковъ, а въ 1646 г.—дворъ крестьянской и 2 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 4 челов. (Писцов. кн. 261, л. 149—150). Послѣ князя Григорья Борятинскаго деревня Ѳедотова досталась въ 1652 г. его родному племяннику князю Ѳедору Семеновичу Борятинскому, при которомъ была построена въ этой деревнѣ церковь Св. Троицы, отъ чего деревня и стала называться селомъ по церкви Троицкимъ; въ селѣ были въ 1678 г. дворы: вотчинниковъ, прикащиковъ и скотный; въ нихъ жили задворные люди 39 челов. и 3 двора бобыльскихъ съ 13 челов. Князь Ѳедоръ Сем. Борятинскій отдалъ свое имѣніе, въ 1694 г., дѣтямъ князьямъ Михаилу, Ѳедору, и Семену. Послѣдній продалъ село Троицкое въ 1705 г. дьяку Андрею Григорьевичу Ратманову, по фамиліи котораго это село въ отличіе отъ другихъ селъ Троицкихъ носитъ и до нынѣ названіе „Ратманово" (Вотч. Кол. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 31, № дѣла 20 и Перец. кн. 9813, л. 486 об. и кн. 9817, л. 289).

Въ 1723 г. у Ратманова имѣнія были отписаны на великаго государя и въ 1724 г. село Троицкое пожаловано Егору Лукичу Милюкову, а въ 1743 г. отъ него оно продано Алексѣю Родіонову Ѳедорову и въ 1750 г. куплено московскимъ купцомъ Г'авріиломъ Потаповымъ Клюевымъ „къ паровому его заводу" (Вотч. Кол. по гор. Москвѣ стар. л. кн. 73, № дѣла 5, отказн. кн. 29, л. 67).

47. Ц. Николая чудотворца на погостѣ, на рѣчкѣ Мерзкѣ*).

Николаевская церковь деревянная, построенная изстари на погостѣ, на рѣчкѣ Мерзкѣ, находилась Коломенскаго уѣзда, Брошевскаго

*) Нынѣ погостъ Никола-Перскій (Николаевскій у рѣки Нерской) Бронницкаго уѣзда.

стана, дворцовой Гвоздинской волости, въ Коломенской епархіи; въ 1646 г. при церкви былъ во дворѣ попъ Никита". Въ 7185 (1677) году „по переписнымъ книгамъ Чудова монастыря уставщика Моисея прибыла вновь (въ нѣдѣніе Патріаршаго Приказа) церковь Николая чудотворца, что на погостѣ, на рѣчкѣ Мерзкѣ, изъ Коломенской епархіи; дани положено 2 руб. одинъ алт., заѣзда гривна. И августа въ 30 день на 184 и на 185 годъ дани и заѣзда 4 рубли 8 алт. 4 ден. платилъ староста поповскій Георгіевскій попъ Максимъ" (Патр. Прик. кн. 88, л. 286 и перепис. кн. 9809, л. 69).

По дозорнымъ книгамъ 7188 (1680) года: „въ Брошевскомъ стану, на рѣчкѣ Мерзкѣ погостъ, на немъ церковь Николая чудотворца древяная, у церкви во дворѣ попъ Іаковъ Васильевъ, дьячекъ Мишка Тихоновъ, да просвирница; церковь построена изстари, пашни пахаяной церковной земли 15 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 50 копенъ, лѣсу непашеннаго вдоль на полверсты, а поперекъ четверть версты; а въ спискахъ съ писцовыхъ книгъ той церкви и церковной земли не написано, а по переписнымъ книгамъ 1703 г. въ приходѣ оной Николаевской церкви 49 дворовъ, пашни 13 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ, поверстнаго лѣсу на полверсты, поперекъ четверть версты" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 195—196 и вязка 469, № дѣла 2570).

1707 г., октября въ 4 день, выданъ антиминсъ, по благословенной грамотѣ, въ Московской уѣздъ, въ Гвоздинскую волость, что на рѣчкѣ Мерзкой, въ новопостроенную церковь, въ придѣлъ Флора и Лавра (Патр. Прик. кн. 138, л. 300).

При церкви были священники: Василій Яковлевъ 1710 г., Иванъ Григорьевъ 1720—1722 г., Степанъ Михайловъ 1722—1726 г. и Яковъ Васильевъ 1735 г., дьяконъ Иванъ Михайловъ 1726 г.

48. Ц. Преображеніе Спасово въ селѣ Либерицахъ *).

Церковь Преображенія Господня деревянная построена около 1632 года въ деревнѣ Либерицы, Назарово тожъ, которая и стала потомъ селомъ. По книгамъ Патр. Приказа за 7140 (1631—1632) г. извѣстно: „новоприбылая церковь въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ дьяка Ивана Грязева, во имя Преображенія Господня да въ предѣлѣ Іоанна Предтечи, дани положено 5 алт. 2 ден. и нынѣшняго 140

*) Нынѣ село Либерицы (Люберцы) Московскаго уѣзда.

(1632) года, февраля въ 24 день, по челобитью дьяка Ивана Грязева, дана ему государева Патріархова несудимая грамота, а велѣно ему съ тоя церкви дань платить на Москвѣ вдвое. И февраля въ 28 день тѣ деньги на нынѣшній 140 годъ платилъ Иванъ Грязевъ".

Деревня Либерицы, Назарово тожъ, на рѣчкѣ Либерицѣ, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) гг. находилась Московскаго уѣзду, въ Островецкомъ стану, въ вотчинѣ, одна половина— „за дьякомъ Иваномъ Кирилловымъ Грязевымъ, по закладной Семена Давыдова 129 (1621) года, приданая его Семенова жены Прасковьи Купріяновой дочери Горсткина вотчина, что было прежъ того въ помѣстьи за Михайломъ Стараго, да за Богданомъ Озарнова, а другая половина—за подъячимъ Федоромъ Дементьевымъ сыномъ Порошина, по закладной вдовы Татьяны Кирилловскія жены Горсткина да сына ея Василья 129 (1621) года; въ деревнѣ дворъ вотчинниковъ и 9 дворовъ крестьянскихъ" (Писцов. кн. 261 л. 51—53).

Подъ 1646 г. значится: половина села во владѣніи Мины Грязева, что было за его роднымъ братомъ Иваномъ Грязевымъ, и другая половина—вдовы Прасковьи Яковлевской жены Михайлова сына Милославскаго съ дѣтьми съ Федоромъ и Григорьемъ; въ селѣ числилось 18 дворовъ крестьянскихъ съ 45 челов. (Переписн. кн. 9809, л. 401). Потомъ это село было отписано на великаго государя и въ 1676 г. пожаловано боярину Ивану Михайловичу Милославскому, въ селѣ находились: кромѣ церкви Преображенія Господня деревянной, другая церковь Пресвятыя Богородицы Казанскія деревянная жъ, строеніе вотчинниково, дворъ боярской и 10 дв. крестьянскихъ съ 31 челов. При церкви были въ 1676—1680 гг. священникъ Григорій Дмитріевъ (у котораго принято въ 1677 г. „въ Патр. Приказъ съ дву вдовцовъ, оба вторымъ бракомъ, вѣнечныхъ пошлинъ по 8 алт. по 2 деньги), во дворѣ дьячекъ Ивашко Семеновъ да просвирница". Церковной земли при той церкви не было, а выдавалось ему попу съ причетники руга" (Отказ. кн. 10 № 77 по гор. Москвѣ, Переписн. кн. 9813 л. 451—452, Патр. Прик. дозорн. кн. 141 л. 220—221).

Послѣ Ивана Михайловича Милославскаго село Либерицы (оно же Новопреображенское) принадлежало въ 1704 г. князю Алексѣю Петровичу Прозоровскому, „въ селѣ находилась церковь каменная во имя Преображенія Господня, дворъ вотчинниковъ, дворъ прикащиковъ 2 дв. конюховъ и 27 дв. крестьянскихъ". Князь Прозоровскій отказалъ по духовному завѣщанію село Либерицы Александру Даниловичу Меншикову и за нимъ оно утверждено въ 1705 г. отказною книгою (Отказ. кн. 29 л. 36—37; Переписн. кн. 9817 л. 112).

При церкви были священники: Алексѣй Андреевъ 1704 г. Петръ Владиміровъ 1713—1731 г., дьяконъ Иванъ Савельевъ 1715 г., дьячки Иванъ Семеновъ 1680—1726 г., Трофимъ Ивановъ 1726 г.

49. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Кудиновѣ *).

Церковь Покрова Пресв. Богородицы съ придѣломъ Николая чудотворца деревянная клѣтцки, построенная думнымъ дьякомъ Ѳедоромъ Лихачевымъ, находилась по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ „на погостѣ Покровскомъ, на рѣчкѣ Шероходкѣ", Московскаго уѣзда, въ Каменскомъ стану, „у церкви были: во дв. попъ Родіонъ Семеновъ, во дв. пономарь Давыдка Андреевъ, во дв. просвирница Оринка, мѣсто церковнаго дьячка Ивашки Семенова, пашни паханыя церковныя земли и лѣсомъ поросло 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ" (Писцов. кн. 261, л. 129 об.).

Въ окладной книгѣ Патр. Каз. Приказа за 7138 (1629—1630) г. записано: „новоприбылая во 138 году, по книгамъ старосты поповскаго никитскаго попа Зиновія; церковь Покрова Пресвятыя Богородицы въ вотчинѣ думнаго дьяка Ѳедора Лихачева, дани по новому окладу 6 денегъ, кормовая гривна". „Въ 139 (1631) г. генваря въ 15 день, тоя церкви попу Родивону дана государева патріарша жалованная грамота, велѣно ему дань платить на Москвѣ вдвое" (Патр. Прик. кн. 5, л. 367, кн. 6, л. 479). Въ доимкахъ писано: съ церкви Покрова Богородицы „дани вдвое на 7146—7151 (1638—1643) гг. по 28 алт. по 3 ден., десятильничихъ и заѣзда по двѣ гривны 7152 (1644) г. іюля въ 28 день, по указу патріарха на прошлые годы половина 3 руб. 5 алт. 3 ден. взято; платилъ печатника Ѳедора Ѳедоровича Лихачева человѣкъ, а другія половины, по челобитью тоя церкви попа Родіона, для ево скудости, имать съ него попа не велѣно" (Тамъ же кн. 17, л. 182).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. церковь Покрова Пресв. Богородицы, да въ предѣлѣ Николая чудотворца деревянная; у церкви во дворѣ попъ Іеремія Аѳанасьевъ со причетники; церковною землею владѣетъ онъ, попъ, съ причетниками по писцовымъ книгамъ" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 246 и 297—298).

Рядомъ съ погостомъ Покровскимъ въ 1623 г. находилась вотчина думнаго дьяка Ѳедора Лихачева, да брата его Богдана Терен-

*) Нынѣ село Кудиново (Покровское) Богородскаго уѣзда.

тьева сына Лихачева, по государевой грамотѣ 124 (1616) года и по приправочной книгѣ Ивана Филатьева 95 (1597) года, по продажному списку старыхъ вотчинъ,—деревня Новая, Анкудинова тожъ, а въ ней дворъ вотчинниковъ и 3 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ (Писцов. кн. 261, л. 110). Въ 1646 г. эта вотчина принадлежала печатнику Ѳедору Ѳедоровичу Лихачеву; въ деревнѣ числилось 10 дв. крестьянскихъ (Перепис. кн. 9809, л. 405 об.). По смерти Ѳедора Ѳед. Лихачева его вотчина досталась, по духовной 7165 (1657) г., его зятю князю Ивану Семеновичу Прозоровскому, умерш. 7178 г., который былъ женатъ на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Лихачевой, а въ 1678 г. — владѣлъ ихъ сынъ князь Петръ Ив. Прозоровскій. При этомъ владѣльцѣ деревня Новая, Анкудинова тожъ, называлась селомъ Кудиновымъ, въ которомъ находились: дворъ вотчинниковъ, дв. прикащичій съ 6 челов. дворовыхъ людей и 11 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ съ 34 челов. Въ переписной книги 1704 г. значится: погостъ Покрова Богородицы въ селѣ Кудиновѣ, что словетъ Кудиновскій, деревянная церковь Покрова Пресв. Богородицы. При ней были священники: Никита Еремѣевъ 1704—1726 г. и Иванъ Никитинъ 1726—1735 г. и дьяконъ Матвѣй Сергѣевъ 1712—1726 г.

Послѣ князя Петра Ивановича Прозоровскаго село Кудиново досталось въ 1724 г. его дочери княгинѣ Настасьѣ Петровнѣ, бывшей замужемъ за княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, и за нею утверждено отказною книгою того же года, въ которой говорится: въ селѣ Кудиновѣ, на погостѣ церковь Покрова Богородицы съ двумя придѣлами св. пророка Иліи и св. Николая чудотворца (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 42, № дѣла 23; кн. 51, № дѣла 8; перепис. кн. 9813, л. 339 и кн. 9817, л. 257 и 272 об.).

За 1734 и 1735 годы: „съ церкви Покрова Пресв. Богородицы, да въ придѣлѣ Николая чудотворца на погостѣ Покровскомъ, у рѣчки Шарны (sic), дани и заѣзда и десятельнича доходу рубль 35½ коп., казенныхъ пошлинъ 17 коп., нужнѣйшихъ 2¼ коп., и на подмогу полковымъ попамъ 10 коп.; платилъ тояжъ церкви попъ Иванъ Никитинъ“ (Патр. Прик. кн. 377, л. 256, кн. 379, л. 26).

50. Ц. Троицы Живоначальныя на погостѣ, въ Раменцѣ у Борисоглѣбскаго озера *).

Въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣзда въ дворцовой волости Раменицѣ, на погостѣ, у Борисоглѣбскаго озера существовала деревянная церковь во имя Бориса и Глѣба, построенная изстари, по ок-

*) Нынѣ село Троицкое Раменье Московскаго уѣзда.

ладу 7136 (1628) г. церковной дани 10 алт., заѣзда 9 денегъ, кормовая гривна" (Патр. прик. кн. 2, л. 186).

По писцовымъ книгамъ Приказа Большаго дворца 139—141 (1631—1633) годовъ: „къ той Борисоглѣбской церкви пустошь, что была деревня Руново, пашни паханыя 3 чети безъ третника, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 17 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 80 копенъ, лѣсу пашеннаго 2 десятины, лѣсу непашеннаго 3 десятины; да къ церкви жъ Бориса и Глѣба дано озерко Борисоглѣбское, да пустошь церковная Гребнево, пашни лѣсомъ поросло 30 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, а дали тое пустошь къ церкви Бориса и Глѣба писцы Сергѣй Ступишинъ, да подьячій Василій Ратаевъ" [Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 348—349).

Въ 7143 (1634—1635) году, по челобитью тоя церкви попа Карпа, дана патріарша жалованная грамота, а велѣно ему церковная дань платить на Москвѣ вдвое, дани рубль 3 алт., десятильничихъ и заѣзда двѣ гривны. Въ 7151 (1643) году вѣнечныя пошлины 26 алт. 3 ден. августа въ 30 день платилъ попъ Карпъ" (Патр. Прик. кн. 11, л. 182 и кн. 196).

Въ 7188 (1680) г. показано: при церкви Бориса и Глѣба во дворѣ вдовый попъ Леонтій Григорьевъ, дьячекъ Ивашко Никитинъ, во дв. попомарь Силуянко Григорьевъ, церковь построена изстари, пашни церковной земли, по писцовымъ книгамъ 185—187 (1677—1679) гг. 2 четверти, въ пустоши Руново, на вершинѣ Степановскаго болота, пашни церковныя четверть, да лѣсомъ поросло 29 четвертей, въ пустоши Гребневой, отъ рубежа деревни Хрипановой и отъ рубежа Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря пустоши Панковой, пашни четверть, да лѣсомъ поросло 30 четвертей" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 210—211; Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 75, № дѣла 48).

На ногостѣ, у Борисоглѣбскаго озера, построена новая деревянная церковь во имя Живоначальныя Троицы съ придѣломъ св. Бориса и Глѣба и ко дню освященія оной церкви, по благословенной грамотѣ, 1706 года октября въ 14 день, выданъ антиминсъ, подъ росписку тояжъ церкви попа Ивана (Патр. Прик. кн. 138, л. 285 и перепис. кн. 1710 г., л. 181 об.).

1710 г., августа въ 30 день, по указу великаго государя и по приговору боярина Тихона Никитича Стрешнева, отдана изъ Приказа Большаго дворца на оброкъ тайному дѣйствительному совѣтнику графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину въ Московскомъ уѣздѣ Раменская волость съ селами и деревнями и со всѣми угодьями и пла-

тить ему въ Приказъ Большаго дворца денежныя и всякія доходы сполна". Погостъ Бориса и Глѣба назывался селомъ по церкви Троицкимъ и Новотроицкимъ. Въ 1722 г. Раменская волость пожалова ему же графу Мусину-Пушкину къ вѣчное владѣніе (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 67, № дѣла 4).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа за 1725 г. значится: „сентября въ 21 день, запечатанъ указъ о строеніи церкви тайному дѣйствительному совѣтнику и сенатору графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, велѣно въ Московскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ ево, въ селѣ Новотроицкомъ, вмѣсто ветхой деревянной Троицкой церкви, построить въ томъ же селѣ вновь церковь во имя Живоначальныя Троицы каменную; пошлинъ 3 алт. 2 ден. нужнѣйшихъ одна четь взято; припись на указѣ казначея іеромонаха Филагрія, да секретаря Ивана Орлова" (Патр. Прик. кн. 289, л. 96).

Послѣ графа Ив. Алекс. Мусина-Пушкина, умерш. 21 іюля 1730 г., имѣніе досталось его сыну графу Платону, у котораго оно потомъ отписано по именному царскому укмзу и причислено по прежнему къ дворцовому вѣдомству. Въ 1749 г. оно пожаловано графу Алексѣю Бестужеву-Рюмину. Въ 1768 г. селомъ Троицкимъ, что у Борисоглѣбскаго озера, въ Раменцѣ, владѣлъ князь Михаилъ Никитичъ Волконскій – племянникъ графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 21, № дѣла 22, кн. 75, № дѣла 28).

При Троицкой церкви были: священникъ Иванъ Леонтьевъ 1706—1726 г. дьяконъ Матвѣй Ивановъ 1710—1726 г., дьячекъ Алексѣй Потаповъ 1726 г. и пономари: Андрей Селуяновъ 1710 г. и Михаилъ Андреевъ 1726 г.

51. Ц. Николая чудотворца въ сеяѣ Бесѣдахъ *).

7131 и 7132 (1623—1624) гг. Московскаго уѣзда въ Шеренскомъ и Отъѣзжемъ стану находилось „за княземъ Алексѣемъ Никитинымъ сыномъ Трубецкимъ въ помѣстьи, по государевѣ грамотѣ 131 (1623) году, что было прежъ сего вотчина Андрея Быкасова, пол-села Бесѣды, на рѣчкѣ Дубенкѣ; одна четверть того села въ помѣстьи за Степаномъ Юрьевымъ и другая четверть въ порожихъ земляхъ, что было помѣстье боярина князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго; въ селѣ церковь Николы чудотворца древяна клѣтцки стоитъ пустъ, безъ пѣ-

*) Нынѣ Бесѣды, сельцо, Богородскаго уѣзда.

нія; да въ селѣ на половинѣ князя Алексѣя Трубецкаго дворъ помѣщиковъ съ дѣловыми людьми, дв. крестьянской и 4 дв. бобыльскихъ, людей въ нихъ тожъ". За ними же было во владѣніи пустошь, что было село Воскресенское, съ церковнымъ мѣстомъ Воскресенія Христова (Писцов. кн. 9807, лл. 983, 985 и 1019).

Въ 1646 г. село Бесѣды принадлежало князю Алексѣю Никитичу Трубецкому; „въ селѣ церковь Николая чудотворца древяная, у церкви во дв. попъ Клементій Наумовъ, да въ селѣ 8 дворовъ крестьянскихъ съ 22 челов." Послѣ князя Алексѣя Трубецкаго село Бесѣды съ пустошью Воскресенскою, по духовному его завѣщанію 1664 г., досталось внуку его князю Юрію Петровичу Трубецкому, а отъ него было продано въ 1676 г. стольнику Ѳедору Саввичу Нарбекову (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 81, № дѣла 2).

Церковь Николая чудотворца въ 1678 году обложена данью, которая собиралась въ Патріаршую казну. Въ книгѣ Казеннаго Приказа написано: „во 186 году, по книгамъ Вохонскія десятины поповскаго старосты покровскаго попа Еремѣя, прибыла вновь церковь въ вотчинѣ стольника Ѳедора Нарбекова Николая чудотворца, дани на тоя церковь положено 7 алт. 2 ден., заѣзда гривна и тѣ деньги платилъ староста поповскій попъ Еремѣй" (Патр. Прик. кн. 91, л. 253 об.).

Въ 1678 г., въ селѣ Бесѣдахъ находились: дворъ вотчинниковъ въ которомъ жили прикащикъ и 3 семьи дѣловыхъ людей съ 7 челов. и 4 дв. крестьянскихъ съ 41 челов. (Переписн. кн. 9813, л. 419—421).

Церковь Николая чудотворца въ селѣ Бесѣдахъ была построена новая и ко дню освященія ея, по благословенной грамотѣ, данъ антиминсъ 1691 года, октября въ 19 день (Патр. Прик. кн. 138, л. 21).

Въ 1700 г. Ѳедоръ Саввичъ Нарбековъ отдалъ это село съ пустошью Воскресенскою въ приданое дочери своей дѣвицѣ Ѳеклѣ, при выходѣ ея замужъ за князя Григорья Алексѣевича Урусова, за которымъ оно и было утверждено того же года отказною книгою, гдѣ говорится, что въ селѣ Бесѣдахъ, кромѣ церкви Николая чудотворца, была другая церковь Воскресенія Христова съ трапезою, да въ предѣлахъ: Похвалы Пресв. Богородицы и Всѣхъ Святыхъ, не освящена; колокольня шатровая, все строеніе вочинниково деревянное (Отказн. кн. 21, л. 1248, по гор. Москвѣ). Въ 1704 г. въ селѣ были дворы: вотчинниковъ, прикащичій и скотный, въ нихъ 12 челов. и 25 дворовъ крестьянскихъ съ 80 челов. (Переписн. кн. 9817 л. 393). Князь Григорій Урусовъ, по смерти своей жены, имѣніе отдалъ въ приданое дочери своей княжнѣ Софьѣ, при выходѣ ея замужъ за князя Алексѣя Ивановича Щербатова, въ 1734 г. село Бесѣды куплено

у кн. Щербатовой Иваномъ Васильевичемъ Левашовымъ, въ 1744 г. продано женѣ Петра Артемьевича Локостова Прасковьѣ Ивановнѣ и въ 1755 г. оно находилось во владѣніи у ихъ дочери Маріи Локостовой (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 79, № дѣла 9; кн. 20 № дѣла 8).

При церквахъ Николая чудотворца и Воскресенія Христова были священники: Косма Григорьевъ 1700—1710 г., Маркелъ Кузьминъ 1715—1717 г., бывшій дьякономъ при оныхъ же церквахъ 1704 г., Василій Варфоломѣевъ 1718—1731 г. и Иванъ Ивановъ 1735 г.

52. Ц. Казанскія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Марковѣ *).

Въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣзда, въ стану Замосковномъ Раменцѣ „въ порожихъ земляхъ“ находилось „Образцовское помѣстье Ондреева пустошь Марковская“, проданная изъ помѣстнаго Приказа въ 1629 г. Борису Дворянинову въ его вотчину (Помѣстн. Прик. столб. 84, № 6).—Борисъ Дворяниновъ поставилъ на пустоши Марковской для себя дворъ, поселилъ крестьянъ и здѣсь же построилъ новую деревянную церковь во имя Казанскія Пресвятыя Богородицы съ придѣлами. Въ 1642 г. Марково—село поступило во владѣніе боярина Ѳедори Ивановича Шереметева, и за нимъ утверждено того же года отказною книгою, въ которой между прочимъ говорится: „въ селѣ церковь Пречистыя Богородицы Казанскія древяна вверхъ, да въ предѣлехъ Иванна Предтечи, предѣлъ Бориса и Глѣба, предѣлъ Николы чудотворца, придѣлъ Макарія Унженскаго чудотворца, а церковь и въ церкви образы и книги и ризы и сосуды церковные и на колокольницѣ колокола и всякое церковное строеніе вотчинниково Бориса Дворянинова, да въ селѣ дворъ поповъ, дв. дьячковъ, дв. вотчинниковъ Борисовъ, да 8 дв. людскихъ крестьянскихъ пустыхъ; а попа и дьячка и людей своихъ и крестьянъ Борисъ Дворяниновъ вывезъ съ собою“ (Отказн. кн. 13, л. 1124, по гор. Москвѣ). Въ 1646 г. въ селѣ Марковѣ находились: „у церкви во дв. попъ Семенъ, дв. боярскій Ѳедора Ивановича Шереметева (Переписн. кн. 9809, л. 422 об.).

Въ 1672 г. селомъ Марковымъ владѣлъ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій.

Въ 1678 г. при церкви были священники: Артемонъ Михаиловъ и Алексѣй Васильевъ, дьяконъ Андрей Васильевъ; „да въ селѣ дв.

*) Нынѣ село Марково Бронницкаго уѣзда.

вотчинниковъ, дв. прикащика, 2 дв. бобыльскихъ и 4 дв. конюховъ, въ нихъ 14 челов." (Переписн. кн. 9813 л. 523).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Приказа 7188 (1680) г. написано: іюля въ 28 день, по досмотру князя Ивана Андреевича Шелешпальскаго да подьячаго Михаила Арцыбушева, въ вотчинѣ бояринд князя Якова Никитича Одоевскаго, въ селѣ Марковѣ церковь каменная во имя Пресвятыя Богородицы Казанскія; а по сказкѣ тоя церкви попа Алексѣя Васильева, та де церковь Вохонской десятины, Лужецкаго стана, строеніе боярское; живутъ у той церкви два попа, да дьяконъ съ причетники, а руги имъ съ причетники: денегъ 17 руб. 23 алт. 2 ден., хлѣба—ржи 40 чети, овса тожъ, да имъ же на прокормленіе на соборъ дано изъ боярскаго жалованья, изъ его боярской земли 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 20 копенъ" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 746 об.).

Въ 1704 г. село Марково принадлежало князю Михаилу Яковлевичу Черкаскому, а владѣла селомъ по договору его теща жена князя Якова Никитича Одоевскаго, вдова боярыня Анна Михайловна, въ селѣ дворъ боярскій пустъ, дв. прикащиковъ, 4 дв. дворовыхъ кабальныхъ людей; да въ деревнѣ Слободкѣ 19 дворовъ крестьянскихъ (Переписн. кн. 9817, л. 130 об.) Послѣ князя Михаила Яковл. Чаркаскаго владѣлъ селомъ въ 1715—1726 гг. его сынъ князь Алексѣй (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 12, № дѣла 5).

При церкви Ксанскія Богородицы были священники: Петръ Алексѣевъ 1704—1726 г., Алексѣй Ивановъ 1715 г., дьяконы Андрей Васильевъ 1678—1710 г., Максимъ Михайловъ 1715 г., Маркъ Венедиктовъ 1726 г.; дьячки: Михаилъ Алексѣевъ 1704—1715 г. и Афонасій Адріановъ 1726 г.

53. Ц. Знаменія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Карачаровѣ *).

Московскаго уѣзда, въ Почерневѣ стану, по приправочнымъ книгамъ 79 (1571) года, находилась вотчина Спаса Андроньева монастыря село Карачарово, которое въ началѣ XVII ст. значится „пустошью", отданною „на строеніе Василію Стрешневу (Писцов. кн. 261, л. 232). Василій Стрешневъ на пустоши Карачаровой поставилъ для себя дворъ, а около оной пустоши поселилъ крестьянъ и построилъ

*) Нынѣ село Карачарово Московскаго уѣзда.

двѣ церкви. Въ переписныхъ книгахъ 7154 (1646) г. написано: „за бояриномъ Васильемъ Ивановичемъ Стрешневымъ въ вотчинѣ, что было за Ондроньевымъ монастыремъ, село, что была пустошь Карачарово, а въ селѣ церковь Трехъ Святителей Вселенскихъ, да дворъ боярской, въ немъ живутъ боярскіе дворовые люди, 4 дв. задворныхъ людей съ 7 челов. Новая слобода Карачаровская, а въ ней церковь Знаменія Пресвятыя Богтродицы у церкви во дв. попъ Мартинъ, во дв. дьячекъ Мишка Дементьевъ, да крестьянъ 42 дв. въ нихъ 111 челов.“ (Переписн. кн. 9809, л. 395 об.).

Въ 1661 г. село Карачарово со всѣми принадлежащими къ нему угодьями отдано было по прежнему въ вотчину въ домъ Спаса Андроньева монастыря. Въ отказныхъ книгахъ Помѣстнаго Приказа 7169 г., іюня въ 4 день, по которымъ утверждено за монастыремъ это село, между прочимъ говорится: „по челобитью Спаса Андроньева монастыря архимандрита Діонисія съ братьею отказано въ домъ Спаса Андроньева монастыря въ вотчину, что была та вотчина за бояриномъ за Васильемъ Ивановичемъ Стрешневымъ, село Карачарово, а въ немъ церковь Трехъ Святителей Василія Великаго Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, да въ предѣлѣ Евдокеи мученицы, да въ селѣ жъ дворъ монастырской, что былъ боярской, дв. приказниковъ, дв. скотный, въ селѣ жъ два пруда. Да на карачаровской землѣ построена слобода, а въ ней церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы, да въ предѣлѣ Михаила Клопскаго, обѣ церкви деревянныя верхи шатровые, а въ церквахъ образы, и книги, и ризы и колокола строеніе боярина Василія Ивановича Стрешнева; у церкви Знаменія Пресв. Богородицы во дв. попъ Варфоломей Гавриловъ, служитъ у обоихъ церквей, переходя, во дв. дьячекъ Ивашка Алексѣевъ, да въ слободѣ крестьянъ и бобылей 17 дв.“ (Отказная кн. 6, № 176 и 200 по гор. Москвѣ).

Въ книгѣ Патр. Прик. подъ 7185 (1676—1677) г. записано: „по переписнымъ книгамъ Чудова монастыря уставщика Моисея, прибыла вновь церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы въ вотчинѣ Спаса Андроньева монастыря, въ селѣ Карачаровѣ, данн 10 алт. 4 ден. заѣзда гривна. И августа въ 30 день тѣ деньги платилъ подьячій Григорій Рукинъ. Да съ той же церкви на прошлый на 184 годъ дани и заѣзда 14 алт. взято; да съ попа Кирилла той же церкви взято вѣнечныя пошлины, что онъ вѣнчалъ въ своемъ приходѣ, въ прошломъ во 184 году, съ одного брака 8 алтынъ 2 деньги, съ одного брака 6 алт., съ одного жъ браку 4 алт. всего 18 алт. 2 ден.“ (Патр, Прик. кн. 88, л. 286).

Въ 1678 г., въ селѣ Карачаровѣ числилось 22 двора крестьянскихъ въ нихъ 64 челов. и 3 челов. въ монастырскомъ дворѣ (Перепис. кн. 9812, л. 276—279).

Въ 1680 г. при церкви Знаменія Пресв. Богородицы были „во дв. попъ Павелъ Карповъ, во дв. дьячекъ Ивашка Алексѣевъ; церковь построена извстари, а земли къ той церкви и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, а служитъ онъ, попъ, у той церкви изъ руги, а въ писцовыхъ книгахъ той церкви и къ ней земли не написано“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 245 об.).

Въ 1704 г. церковь Знаменія Пресв. Богородицы деревянная, въ селѣ дворъ монастырской и 28 дв. крестьянскихъ. При церкви были священникъ Спиридонъ Петровъ 1697—1726 г., дьяконъ Елистратъ Петровъ 1704—1715 г., дьячки: Афанасій Ивановъ 1704 г., и Степанъ Афанасьевъ 1715—1726 г. (Переписн. кн. 9817, л. 793 и 1 ревизіи кн. 1720 г., л. 23 и кн. 1726 г. л. 161).

54. Ц. Казанскія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Котельникахъ *).

Церковь Казанская Пресв. Богородицы въ селѣ Котельникахъ въ 7188 (1680) г. была каменная, построенная вновь, нужно полагать, бояриномъ Морозовымъ, но когда—неизвѣстно. При церкви находились: „во дворѣ попъ Матвѣй Ѳедоровъ, которому выдана ставленная грамота къ оной церкви во 183 (1674—1675) году, во дв. дьячекъ Афонка Захарьевъ. И попъ Матвѣй (при досмотрѣ церквей по указу патріарха) сказалъ: та церковь Пресвятыя Богородицы Одигитрія данью не обложена, а приходскихъ де дворовъ у той церкви—деревни Быковой 20 дв. крестьянскихъ, да деревни Чагиной 15 дв. крестьянскихъ же, а церковной земли пашни и сѣнныхъ покосовъ къ той церкви не дано, а учинена де ему, попу, изъ Приказа Большаго Дворца руга“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 264; Дворц. Прик. кн. 27, л. 14 об.).

По писцовымъ книгамъ Приказа Большаго Дворца 188 и 189 (1680—1681) гг. „въ дворцовомъ селѣ Котельникахъ церковной земли около кладбища и околицы 2 десятины, на церковной землѣ подъ дворами и огородами попова, дьячкова и просвирницына усадебной земли десятина безъ четверти“ (Правительств. Сената кн. 8, л. 500).

Въ 7192 (1683) г. ноября въ 26 день, по указу патріарха, обложена вновь данью церковь Пресвятыя Богородицы Казанскія въ

*) Нынѣ село Котельники Московскаго уѣзда.

Вохонской десятинѣ, въ государевѣ дворцовомъ селѣ Котельникахъ, а дани на тоя церковь положено, по дозорнымъ книгамъ Ивана Соболева 188 (1680) года, съ дворовъ: попова, дьячкова, съ приходскихъ дворовъ въ деревнѣ Быковѣ съ 20 дв., въ деревнѣ Чагинѣ съ 15 дв., а всего съ 37 дворовъ, по указной статьѣ, 12 алт. 3 ден., заѣзда гривна. И тѣ данныя деньги велѣно взять на прошлой 191 и на нынѣшній 192 годъ и впредь имать, а пашни и сѣнныхъ покосовъ въ той церкви ничего нѣтъ, смлятъ тоя церкви попъ ругу изъ Приказа Большаго Дворца. И іюля въ 29 день, тѣ данныя деньги на 191 и на 192 годъ платилъ тоя церкви попъ Володимиръ съ причетники" (Патр. Прик. кн. 110, *л.* 508 об.).

По ружной книгѣ Приказа Большаго Дворца 1699 года выдавалось руги церкви Пресв. Богородицы Казанскія, въ селѣ Котельникахъ: попу 8 руб., ржи 7 четьи и полдва четверика, овса тожъ, дьячку 6 руб. ржи и овса по 6 чети, просвирнѣ и пономарю по рублю, имъ же празничныхъ за два празднества по 3 руб. въ годъ", *отмѣчено*: „давать сполна ругу, буде земли и приходскихъ дворовъ нѣтъ, а праздничныя отставить" (Дворц. Прик. кн. 96, л. 187).

А по сказкѣ попа съ причетниками и по справкѣ съ Приказомъ Большаго Дворца дано имъ на выпускъ животины земли 4 десятины, въ томъ селѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ 69 дворовъ.

1700 г. іюля 11, великій государь, слушавъ сей выписки, указалъ: того села Котельникова попу съ причетники денежную и хлѣбную ругу не давать и изъ окладу выложить, а удовольствоваться имъ подаяніемъ приходскихъ людей и выпускною землею владѣть имъ попрежнему.

При церкви Казанскія Богородицы были священники: Владиміръ Тимофеевъ 1683—1710 г., Ѳеодоръ Владиміровъ 1717 г., Иванъ Ѳедоровъ 1753 г., дьячки: Ѳедоръ Владиміровъ 1710 г. и Григорій Ѳедоровъ 1717 г. (Переписн. кн. 1710 г., л. 41; Дворц. Прик. кн. 402, л. 27 об.).

Село Котелники въ 1623 г.—деревня Котельниково Московскаго уѣзда, Копотенскаго стана „помѣстье за Ефимомъ Григорьевымъ сыномъ Телепнева, по государевѣ грамотѣ 131 (1623) году, что было въ помѣстьи за Тихономъ Жемчужникова, а послѣ было за Евдокимомъ, да за Иваномъ Витофтовыми, въ деревнѣ дворъ помѣщиковъ, да крестьянъ 3 двора". Послѣ деревнею Котельниковою владѣли: боринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ (1651 г.), его жена вдова боярыня Анна Ильична (1665 г.) и Иванъ Глѣбовичъ Морозовъ (1668 г.). Въ 1676 г. Котельниково значится селомъ на прудахъ и колодцахъ, ко-

торое находилось въ дворцовомъ вѣдомствѣ, „а въ селѣ государевъ дворъ, что прежъ бывалъ вотчинниковъ, дворъ гдѣ живетъ прикащикъ, да въ селѣ два сада—верхній и нижній, въ верхнемъ саду прудъ, а въ тѣхъ садахъ вишни, яблони, смородина и малина; въ садахъ 3 двора садовниковыхъ". Въ 1763 г. село Котельники съ деревнею Чагиною именнымъ указомъ пожаловано Ѳедору Ивановичу Вадковскому, послѣ котораго оно находилось во владѣніи въ 1779—1790 гг. у его сына Ильи (Писцов. кн. 9805, л. 10, Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, стар. л. кн. 1, № дѣла 12; мол. л. кн. 35, № дѣла 30, кн. 60, № дѣла 20).

55. Ц. Парасковеи Пятницы на погостѣ Захаровскомъ *).

Московскаго уѣзда, Замыцкаго стана, въ дворцовой волости Гвоздневѣ на погостѣ, что было сельцо Захаровское, въ началѣ XVII ст. стояли двѣ деревянныя церкви, построенныя изстари Рождества Пресвятыя Богородицы и св. мученицы Пятницы. Церковь Рождества Богородицы, говорится въ писцовой книгѣ 7131 (1623) г., „обалилась, а церковь св. Пятницы стоитъ безъ пѣнія, попа нѣтъ, пашни церковной паханой около церквей осмина въ полѣ, а въ дву потомужъ, да сѣна 100 копенъ, а пашетъ и коситъ Гжельской волости Георгіевской попъ Ѳедоръ", которому отдана была на оброкъ изъ Патріаршаго Казеннаго Приказа. (Патр. Прик. кн. 116, л. 676; дворц. Прик. кн. 6, л. 104).

Въ книгѣ Патр. Каз. Приказа за 1686 годъ написано: „іюля въ 31 день, по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфилія Сѣменникова, церковной Рождественской земли на оброкѣ впредь не писать для того, на томъ погостѣ построена Пятницкая церковь, которая обложена данью и писана въ приходной книгѣ жилыхъ церквей подъ Вохонскою десятиною. Къ той церкви, по указу патріарха 194 (1685) г. ноября въ 6 день, благословенъ въ попы ставленникъ Петръ Давыдовъ, а по сказкѣ ево, попа, у той церкви въ приходѣ будетъ дворъ его попа, дв. дьячка, дв. просвирницынъ, да въ приходѣ деревня Дворникова, а въ ней 8 дворовъ крестьянскихъ; и іюля въ 31 день 194(1686) года велѣно: на тое церковь дани положить съ дворовъ, да съ пашни и сѣнныхъ покосовъ, по указной статьѣ, рубль 4 алт., заѣзда гривна. И августа въ 12 день съ вышеписанной церкви данныя деньги на

*) Нынѣ погостъ Захаровка Бронницкаго уѣзда.

194 годъ платилъ тоя жъ церкви попъ Петръ Давыдовъ, принялъ Ивашко Вешняковъ" (Патр. Прик. кн. 116, л. 676 кн. 117, л. 270 об. и кн. 121, л. 595).

Въ 1710—1726 гг. церковь св. мученицы Параскевеи Пятницы деревянная; при ней были священники: Григорій Петровъ 1710—1726 г., дьячки: Андрей Петровъ 1710 г. Леонтій Савельевъ 1710—1726 г.

Погостъ Захаровскій, на рѣчкѣ Захаровскѣ, въ 1710—1715 гг. принадлежалъ князю Александру Даниловичу Меншикову (Переписн. кн. 1710 г. л. 286 и кн. 1715 л. 661).

56. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Борисковѣ, Осѣчкино тожъ *).

Церковь Покрова Богородицы деревянная построена въ 1687 г. княземъ Тимофеемъ Афанасьевичемъ Козловскимъ въ сельцѣ Борисковѣ Лопухово и Осѣчкино тожъ. Подъ 7195 г. написано: „въ прошломъ во 193 (1685) году, мая въ 18 день, билъ челомъ святѣйшему патріарху стольникъ князь Тимофей Афанасьевъ сынъ Козловскій, чтобъ патріархъ пожаловалъ его благословилъ, велѣлъ въ Московскомъ уѣздѣ въ Каменскомъ и въ Оборничѣ станахъ, въ помѣстьи въ сельцѣ Борисковѣ построить церковь вновь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. И въ памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Ивана Векентьева 193 года, апрѣля въ 10 день, написано: по указу великихъ государей, и по помѣтѣ и по заручной челобитной стольника князя Тимофея Козловскаго изъ подмосковнаго его помѣстья въ сельцѣ, что была пустошь Борискова, а Лопухова тожъ, да въ пустоши, что была деревня, Осѣчкина пашни 10 четвертей, да сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ велѣно справить къ церкви Покрова Пресв. Богородицы. Да стольника жъ князя Тимофея Козловскаго человѣкъ его Ивашко Лукинъ подалъ въ Казенный Приказъ къ выпискѣ къ той церкви о приходскихъ дворахъ сказку, а въ сказкѣ написано: въ селѣ Борисковѣ въ приходѣ будетъ дворъ помѣщиковъ, 2 дв. задворныхъ людей, 8 дв. крестьянскихъ. И мая въ 16 день, по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфилія Сѣменникова, стольнику князю Тимофею Козловскому о строеніи Покровской церкви благословенная грамота дана, а дани на тое церковь положить по памяти, съ пашни и съ сѣнныхъ покосовъ и съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, пономарева, просвир-

*) Нынѣ село Покровское Осѣчкино Борисовка Бронницкаго уѣзда.

ницына и съ вотчинниковa, по указной статьѣ, съ 8 крестьянскихъ дворовъ, по 3 деньги съ двора, съ 2 дворовъ задворныхъ людей, по 2 деньги съ двора, всего 15 алтынъ съ деньгою, заѣзда гривна. И тѣ деньги велѣно имать съ нынѣшняго 195 (1686) года и внесть въ приходную книгу; и декабря въ 8 день тѣ деньги на нынѣшній на 195 г. платилъ князя Козловскаго человѣкъ Иванъ Лукинъ" (Патр. Прик. кн. 121, л. 596; кн. 124, л. 529 об.).

Въ 1704—1726 гг. въ селѣ Покровскомъ, Борисково тожъ, церковь Покрова Пресв. Богородицы деревянная; при ней были священники: Кириллъ Ивановъ 1704 г. и Афанасій Арефьевъ 1706—1726 г.; дьячки: Афонасій Арефьевъ 1704 г., Степанъ Кирилловъ 1706—1715 г.; пономарь Василій Афанасьевъ 1715—1726 г. (Переписн. кн. 9817, л. 252 и 1 ревизіи кн. 1726 г. л. 145).

Въ 1623 г. Московскаго уѣзда въ Каменскомъ стану находилась во владѣніи за князьями Васильемъ и Ѳедоромъ Андреевыми Козловскими, по жалованной грамотѣ 1622 г. помѣстье-деревня Осѣчкина и пустошь Борисовская Лопухово тожъ, въ деревнѣ стоялъ одинъ дворъ помѣщичій съ дѣловыми людьми. Въ 1644 г. это помѣстье принадлежало сыну князя Василья Андр. Козловскаго—Афонасью, при которомъ деревня Осѣчкина значится „пустошь". Послѣ князя Афанасья Васильева Козловскаго его сынъ князь Тимофей на пустошахъ Борисовкѣ, Лопухово тожъ и Осечкиной поселилъ крестьянъ. Въ переписныхъ книгахъ 1678 г. записано: „сельцо Борисково Лопухово и Осѣчкино тожъ, а въ немъ дворъ помѣщиковъ съ 6 челов. дворовыхъ людей 2 дв. задворныхъ людей съ 2 челов. и 8 дв. крестьянскихъ съ 22 челов., а построено то сельцо послѣ переписныхъ книгъ 154 (1646) года". Въ 1687 г. въ этомъ сельцѣ построена церковь Покрова Богородицы, отъ чего оно и стало называться по церкви селомъ Покровскимъ, Борисково, Лопухово и Осѣчкино тожъ. По смерти князя Тимофея Афан. Козловскаго владѣли селомъ въ 1691 г. его сынъ князь Петръ, въ 1704 г.—родная внука княжна Ирина Петровна, которая потомъ вышла замужъ за Степана Васильевича Лопухина; въ селѣ Покровскомъ числилось въ 1704 г. 10 дв. крестьянскихъ съ 31 челов. и дворъ помѣщичій съ 10 челов. дворовыхъ людей. Въ 1709 г. село продано женѣ князя Василія Ивановича Мещерскаго княгинѣ Дарьѣ Андреевнѣ, а послѣ ея оно находилось во владѣніи въ 1755 г. у ея мужа съ ихъ сыномъ княземъ Алексѣемъ Васильевичемъ Мещерскимъ (Писцов. кн. 9805 л. 60—61, Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 6. № дѣла 8, переписн. кн. 9813, л. 257—258; кн. 9917, л. 252).

57. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Тимонинѣ *).

Николаевская церковь деревянная построена въ селѣ Тимонинѣ въ 1689 г. княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Волконскимъ.

7196 (1698) года марта въ 5 день билъ челомъ святѣйшему патріарху стольникъ князь Михаилъ Андреевъ сынъ Волконскій, чтобъ св. патріархъ пожаловалъ его благословилъ, велѣлъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ Вохонской десятинѣ, въ Кошелевѣ стану, въ вотчинѣ ево въ сельцѣ Тимонинѣ построить церковь во имя Николая чудотворца И противъ того челобитья о справкѣ къ той церкви земли попу съ причетники на прокормленіе вынесъ въ Казенный Приказъ память, а въ памяти изъ Помѣстнаго Приказу, за приписью дьяка Семена Васильева, нынѣшняго 196 года, марта въ 31 день, написано: по указу великихъ государей и по поступкѣ и по заручной челобитной стольника князь Михаила Волконскаго изъ подмосковнаго его помѣстья въ сельцѣ Тимонинѣ пашни 10 четвертей, сѣна 10 копенъ велѣно справить къ церкви Николая чудотворца; да стольника жъ князя Михаила Волконскаго человѣкъ ево Зиновій Голубокъ сказалъ: въ сельцѣ Тимонинѣ въ приходѣ будетъ дворъ поповъ, дворъ дьячковъ, дворъ вотчинниковъ, да къ томужъ сельцу деревня Новинки, а въ ней 7 дворовъ крестьянскихъ. И апрѣля въ 10 день, по помѣтѣ на выпискѣ казначея старца Паисія Сійскаго, а по челобитью стольника князя Михаила Волконскаго, о строеніи церкви Николая чудотворца благословенная грамота дана, а дани на тое церковь положено по указнымъ статьямъ 13 алт. 4 ден., заѣзда гривна, и велѣно тѣ данныя деньги имать со 197 (1689) года“ (Патр. Прик. кн. 124, л. 531).

Въ 1722 г. въ селѣ Тимонинѣ церковь Николая чудотворца деревянная; при ней были священники: Аѳанасій Никифоровъ 1704 г. и Петръ Аѳанасьевъ 1709—1722 г.; дьячки: Іовъ Аѳанасьевъ 1704—1709 г. и Иванъ Даниловъ 1722 г.

Село Тимонино въ 1623 г.—деревня Тимонина, Савостьянова и Колова тожъ, на рѣкѣ Клязьмѣ, Московскаго уѣзда, Кошелева стана, жалованное помѣстье князей Ивана и Михаила Ѳедоровыхъ дѣтей Волконскихъ; въ деревнѣ былъ одинъ дворъ помѣщичій съ дѣловыми людьми; въ 1629—1671 гг. владѣлъ деревнею князь Андрей—сынъ кн. Михаила Ѳед. Волконскаго. Въ 1646 г. въ деревнѣ Тимониной находились дворъ помѣщиковъ и 2 дв. крестьянскихъ. Послѣ князя

*) Нынѣ Тимонино (Никольское), село Богородскаго уѣзда

Андрея Мих. Волконстаго вотчина его сельцо Тимонино съ деревнею Новинки, Новая тожъ, досталась его сыну стольнику кн. Михаилу Андр.; въ 1678 г. въ сельцѣ значится: дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми и 3 дв. крестьянскихъ съ 6 челов., а въ деревнѣ—4 дв. крестьянскихъ съ 18 челов. Въ 1704 г. Тимонино, названное по церкви селомъ Никольскимъ, съ однимъ дворомъ вотчинниковымъ и деревня Новинки съ 8 дв. крестьянъ, въ нихъ 48 челов., принадлежали князю Андрею и Михаилу Михаиловичамъ Волконскимъ, а въ 1761 г.—ихъ дѣтямъ князьямъ Николаю Аедреевичу и Петру Михайловичу (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 53, № дѣла 17; кн. 80, № дѣла 29; переписн. кн. 9809, л. 373, кн. 9813, л 402—403; кн. 9817, л. 329).

58. Ц. Иліи пророка въ селѣ Ильинскомъ.

Ильинская церковь построена въ 1689 г. Въ книгѣ Патр. Каз. Приказа написано: „7197 году, апрѣля въ 22 день, по выпискѣ за помѣтою казначея Андрея Денисовича Владыкина, велѣно: новопостроенныя церкви Иліи пророка, которую построилъ Симонова монастыря архимандритъ Гавріилъ съ братіею въ Московскомъ уѣздѣ, Васильцова стана, въ монастырской ихъ вотчинѣ, въ новопоселенномъ сельцѣ Ильинскомъ, на попа съ причетники положить дани съ дворовъ, по сказкѣ Симонова монастыря стрянчаго Герасима Кулаковскаго, съ попова, съ дьячкова, съ пономарева, просвирницына, съ приходскихъ съ 20 дворовъ крестьянскихъ среднихъ, да съ церковныя земли, которую къ той церкви дали Симонова монастыря архимандритъ Гавріилъ съ братіею изъ монастырской своей вотчинной земли деревни Граворнокъ, по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Дмитрія Ѳедорова, нынѣшняго 197 года, апрѣля 20 дня, съ пашни съ 10 четвертей, съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 19 алт. 3 ден., заѣзда гривна и по тому окладу данныя деньги велѣно имать со 198 года“ (Патр. Прик. кн. 131, л. 600).

Съ 1700 по 1708 г. годъ церковная дань не была уплачена и на Ильинской церкви по книгамъ Казеннаго Приказа числилась „доимка“ по 19 алт. по 3 ден. на годъ. 1708 года, марта въ 30 день, по указу великаго государя и по приказу боярина Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, велѣно: съ сей церкви Иліи пророка доимку очистить и впредь не писать для того, что той церкви и приходскихъ дворовъ, по сказкѣ того монастыря ссрянчаго Степана Головачева съ

208 (1700) года нѣтъ и церковною землею за тѣмъ, что песчаное, никто не владѣетъ, лежитъ пуста". Подъ 1701 годомъ отмѣчено: „церковь свезена" (Патр. Прик. кн. 177, л. 728 и кн. 204, л. 15).

59. Ц. Димитрія Селунскаго въ селѣ Малаховѣ *).

Село Малахово, на рѣчкѣ Гжелкѣ, въ 7141 (1623) году, находилось Московскаго уѣзда, въ стану Замосковномъ Раменцѣ „въ помѣстьи за дьякомъ за Тихономъ Бормосовымъ, по государевѣ грамотѣ 130 (1622) года, что было въ вотчинѣ за Григорьемъ Измайловымъ; въ селѣ была церковь Страстотерпца Христова Дмитрія Селунскаго, въ разоренье сгорѣла; да въ селѣжъ дворъ помѣщиковъ и 3 двора крестьянскихъ, пашни церковныя лѣсомъ поросло середней земли 10 чети" (Писцов. кн. 9805, л. 148—149). Въ 7144—7150 (1636—1642) гг. сельцомъ Малаховымъ владѣлъ Григорій Васильевъ Измайловъ, а въ 7154 (1646) году—его жена вдова Настасья Ивановна; въ сельцѣ числилось 4 двора крестьянскихъ съ 12 челов. Настасья Ив. Измайлова продала это сельцо князю Якову Никитичу Одоевскому, при которомъ въ Малаховѣ находилось въ 1678 г. 12 дв. крестьянскихъ съ 46 человѣками и 2 дв. бобыльскихъ съ 2 челов. (Переписн. кн. 9809, л. 425—426; кн. 9813, л. 523—529; Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 87, № дѣла 1; отказн. кн. 13, л. 1138).

Князю Одоевскому разрѣшено было построить въ сельцѣ Малаховѣ новую церковь во имя св. Димитрія Селунскаго. Объ этомъ имѣется запись, въ которой говорится: „7199 (1691) году марта мѣсяца, дана благословенная грамота, по челобитью боярина князя Якова Никитича Одоевскаго, велѣно ему въ Московскомъ уѣздѣ, въ Замосковномъ Раменцѣ, на рѣчки Гжели, въ вотчинѣ ево, въ сельцѣ Малаховѣ, на прежнемъ церковномъ кладбищѣ, построить церковь св. великомученика Димитрія Селунскаго и тоя церкви на попа съ причетники дани положить съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, пономарева, просвирницына, по указной статьѣ, да съ 15 дворовъ крестьянскихъ, живущихъ въ сельцѣ Малаховѣ, по 3 деньги съ двора, да съ церковной земли, по писцовымъ книгамъ, съ пашни съ 10 чети, по 3 деньги съ чети, всего дани положено 13 алт. 4 ден., заѣзда гривна да казенныя пошлины и десятильничій доходъ по указу. И тѣ деньги 7201 (1692) года, октября въ 21 день, по помѣтѣ на выпискѣ Ан-

*) Нынѣ Малахово, село Бронницкаго уѣзда.

дрея Денисовича Владыкина велѣно имать съ нынѣшняго 201 года и тоя церковь внесть въ приходную книгу" (Патр. Прик. кн. 135, л. 563, кн. 149, л. 388).

Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій отдалъ село Малахово въ приданое дочери своей княжнѣ Маѳѣ Яковл. при выходѣ ея замужъ за князя Михаила Яковлевича Черкаскаго. Въ 1704 г. въ этомъ селѣ было 18 дв. крестьянскихъ; въ 1713 г. оно находилось во владѣніи у князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 45, № дѣла 7).

Въ 1704 г., въ селѣ Малаховѣ церковь св. Димитрія Селунскаго деревянная; при ней были священники: Иванъ Демидовъ 1704 г., Яковъ Алексѣевъ 1709—1726 г., дьячки: Михаилъ Лаврентьевъ 1704—1715 г., Степанъ Яковлевъ 1726 г. (Переписн. кн. 9817, л. 137, кн. 9821, л. 90—91).

60. Ц. Успенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Чижовѣ *).

Успенская церковь построена въ селѣ Чижовѣ деревянная въ первой половинѣ XVII в. при князѣ Петрѣ Ивановичѣ Пронскомъ—владѣльцѣ этого села. Въ 1646 г. „у церкви попа не было" (Переписн. кн. 9809, л. 417).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года: „въ вотчинѣ боярыни вдовы княгини Авдотьи Ивановны Черкаскаго въ селѣ Чижовѣ церковь Успенія Пресв. Богородицы, у церкви во дворѣ попъ Козма съ причетники; а пашни и сѣнныхъ покосовъ къ той церкви не отведено и въ писцовыхъ и въ данныхъ книгахъ той церкви не написано и попа съ причетники въ домѣхъ не изъѣхали, а по осмотру у той церкви въ приходѣ дворъ боярской, да 8 дворовъ задворныхъ людей" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 242 об.).

Въ 1689 г. князь Данила Григорьевичъ Черкаскій, желая построить въ селѣ Чижовѣ, доставшемся ему по наслѣдству отъ отца, вмѣсто ветхой новую церковь во имя Успенія Богородицы, отдаетъ изъ своего имѣнія священнику съ причетниками земли 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ и сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 16, № дѣла 10). 7198 (1690) г. іюля въ 21 день, по указу великихъ государей и по помѣтѣ на выпискѣ Андрея Денисовича Владыкина, а по челобитью стольника князя Да-

*) Нынѣ Чижово, деревня Московскаго уѣзда.

нила Григорьева сына Черкаскаго, велѣно: новопостроенныя церкви Успенія Пресв. Б—цы, которую обѣщался онъ построить въ Московскомъ уѣздѣ, въ Почерневѣ стану, въ вотчинѣ своей, въ селѣ Чижовѣ, на попа съ причетники положить дани, по сказкѣ человѣка его Василья Ефремова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, съ одного вотчинникова, съ 3 дв. крестьянскихъ и 3 дв. бобыльскихъ, да съ церковной земли съ пашни съ 10 четвертей съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 12 алт. 4 ден., заѣзда гривна. И потому окладу тѣ деньги велѣно имать съ 200 года" (Патр. Прик. кн. 142, л. 565).

Въ 1729 г. ветхая деревянная церковь Успенія Богородицы изъ села Чижова была перевезена въ деревню Горенки (Тамъ же кн. 368, л. 65).

Чижово въ 1623 году—деревня, что было изстари сельцо, Московскаго уѣзда, Почернева стана, „вотчина за князь Петромъ княжъ Ивановымъ сыномъ Пронскимъ по памяти изъ Помѣстнаго Приказу 132 (1624) году, что далъ ему тесть его Григорій Колычовъ, а въ деревнѣ дворъ вотчинниковъ" (Писц. кн. 261, л. 222—223). Князь Петръ Пронскій въ деревнѣ Чижовѣ построилъ деревянную церковь Успенія Богородицы и деревня обратилась въ село, въ которомъ находился въ 1646 г. одинъ дворъ вотчинниковъ; къ этому селу принадлежала деревня Горенка (въ другомъ мѣстѣ Горелка) съ 11 дворами крестьянъ (Переписн. кн. 9809, л. 417). По смерти князя Петра Пронскаго имѣніемъ владѣлъ, въ 1652—1658 гг., его сынъ князь Иванъ отъ него поступило село Чижово съ деревнею Горенкою, въ 1659 г., въ приданое дочери его—женѣ Семена Шеина—вдовѣ Авдотьѣ Ивановнѣ, при выходѣ ея замужъ за князя Григорья Сунчелеевича Черкаскаго, а послѣ ихъ владѣлъ ихъ сынъ князь Данила. Въ 1678 г. въ селѣ Чижовѣ былъ дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми и въ деревнѣ Нагоренкахъ (Горенка) 6 дворовъ крестьянскихъ; въ 1704 г. въ томъ же селѣ значатся дворы: вотчинниковъ, скотный и конюшенный, 4 двора кабальныхъ людей и дворы: садовника, поляка и плотника, въ нихъ 24 челов. Послѣ князя Данила Черкаскаго, умер. 1706 г., владѣлъ селомъ князь Петръ Борисовичъ Черкаскій, отъ котораго оно было продано въ 1724 г. князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову, а въ 1747 г. куплено графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ; при этомъ владѣльцѣ село Чижово стало по прежнему деревнею (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 99, № дѣла 13; кн. 16, № дѣла 10; переписн. кн. 9813, л. 514—515 и кн. 9817, л. 773).

61. Ц. Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Благовѣщенскомъ Тарасово тожъ, при деревнѣ Мининской *).

Въ началѣ XVII ст., въ Московскомъ уѣздѣ, въ Рогожскомъ стану находились „въ порожжихъ земляхъ“ пустоши: Тарасова и Мининская, принадлежавшія изстари Степану Сукину и Ѳедору Мячину. Въ 1628 г. эти пустоши были проданы изъ Помѣстнаго Приказа въ вотчину Ѳедору Васильеву сыну Нестерову; онъ поселилъ на пустоши Мининской крестьянъ, которая и обратилась въ деревню, въ ней числилось въ 1646 г. 3 двора задворныхъ людей и 3 дв. крестьянскихъ, а потомъ близъ этой деревни на пустоши Тарасовой поставленъ имъ же, Нестеровымъ, для себя дворъ и здѣсь же построена была деревянная церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы съ придѣлами, отъ чего пустошь и стала называться по церкви селомъ Благовѣщенскимъ, Тарасово тожъ.

По смерти Ѳедора Васильева Нестерова помѣстья его и вотчины достались въ 1654 г. его женѣ вдовѣ Ѳедорѣ съ дѣтьми Алексѣемъ и Иваномъ. Вдова Ѳедора съ прожиточнымъ помѣстьемъ послѣ перваго мужа вышла замужъ за Михаила Григорьева Хитрово, которому въ 1666 году Алексѣй и Иванъ Нестеровы, по полюбовному договору, уступили свою вотчину — село Благовѣщенское съ деревнею Мининскою и за нимъ Хитрово, та вотчина утверждена отказною книгою 1672 г., въ которой между прочимъ говорится: „отказано стольнику Михаилу Григорьеву сыну Хитрово вотчина въ Московскомъ уѣздѣ, въ Рогожскомъ стану, село Благовѣщенское, что была пустошь Тарасова, а въ селѣ церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы, да въ предѣлахъ: Василія Кессарійскаго и Ѳедора Сикіота; а въ церкви образы, и книги, и ризы и всякая церковная утварь вотчинниково; а церковь построена на вотчинниковой землѣ, у церкви попа и дьячка нѣтъ, служатъ наемные; да въ селѣ дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми; да деревня, что была пустошь Мининская, а въ ней 2 двора крестьянскихъ и 4 дв. задворныхъ людей“ (Отказн. кн. 7 № 136, по гор. Москвѣ)

Въ 1678 г. въ селѣ Благовѣщенскомъ, Тарасово тожъ, находился одинъ дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми, а въ деревнѣ Мининской 2 дв. крестьянскихъ съ 6 челов. и 4 дв. задворныхъ съ 17 челов. (Переписн. кн. 9813, л. 495).

---

*) Нынѣ сельцо Благовѣщенье Богородскаго уѣзда.

Послѣ Михаила Григорьевича Хитрово имѣніемъ владѣлъ его сынъ Андрей. Онъ построилъ въ 1697 г. на старомъ церковномъ мѣстѣ новую деревянную церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы при деревнѣ Мининской, которая и значится по документамъ Казеннаго Приказа „селомъ", а въ другомъ мѣстѣ по прежнему деревнею при селѣ Благовѣщенскомъ. О новопостроенной церкви говорится такъ: „7205 (1697) г., мая въ 3 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ Андрея Денисовича Владыкина, велѣно новопостроенныя церкви Благовѣщенія Пресв. Богородицы и великаго чудотворца Николая, которую построилъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ Вохонской десятинѣ, въ Рогожскомъ стану въ деревнѣ Мининской стольникъ Андрей Михайловъ сынъ Хитрово, на попа съ причетники положить дани, противъ его челобитья и сказки, съ дворовъ: съ попова, дьячкова, пономарева, просвирницына, съ одного двора вотчинникова, съ 8 дв. крестьянскихъ среднихъ, да 2 дв. задворныхъ людей и 2 дв. бобыльскихъ, да съ церковныя земли съ пашни съ 10 четвертей, сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 15 алт. 5 ден., заѣзда гривна, и потому окладу данныя деньги велѣно принимать съ нынѣшняго 205 года. И мая въ 3 день съ вышеписанной новопостроенной церкви данныя деньги платилъ стольника Хитрово человѣкъ Гришка Григорьевъ" (Патр. Прик. кн. 153, л. 645 об.).

Въ 1704—1710 гг. Благовѣщенская церковь стояла „пуста безъ пѣнія". Село Благовѣщенское съ деревнею Мининскою принадлежало женѣ Андрея Михайлова Хитрово вдовѣ Степанидѣ; въ селѣ находился въ 1704 г. одинъ дворъ помѣщичій съ дѣловыми людьми, а въ деревнѣ 3 двора крестьянскихъ съ 10 челов. (Переп. кн. 9817, л. 293). Потомъ этимъ имѣніемъ владѣла ихъ дочь Прасковья Андреева Хитрово, вышедшая замужъ въ 1720 г. за Афанасья Яковлева Дохтурова, при которомъ была построена въ селѣ Благовѣщенскомъ новая деревянная церковь. Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа, за 1732 г., значится: „апрѣля 25 числа, запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью маіора Афанасья Яковлева сына Дохтурова, велѣно противъ его челобитья въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ ево, въ Доблинскомъ стану, въ селѣ Благовѣщенскомъ, вмѣсто ветхой деревянной церкви, на томъ же церковномъ мѣстѣ, построить вновь церковь деревянную жъ во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы; пошлинъ 3 алт. 2 деньги, нужнѣйшихъ одна четь взято" (Патр. Прик. кн. 347, л. 14).

Въ 1739 г. въ Канцеляріи Синод. Экономическаго Правленія производилось дѣло о взысканіи съ Афанасья Дохтурова данныхъ и

пошлинъ съ 1719 по 1730 годъ по рублю по 3½ коп. на годъ, всего 14 руб. 49 коп., положенныхъ на Благовѣщенскую церковь, что въ селѣ Мининскомъ. Къ этому дѣлу отъ Дохтурова подано въ Канцелярію Синод. Правленія 11 генваря 1739 г. доношеніе, въ которомъ онъ писалъ: „въ прошломъ 1732 году апрѣля 2 числа, по челобитью его, данъ ему изъ Синодальнаго Казеннаго Приказа указъ, которымъ велѣно ему въ вотчинѣ его, въ селѣ Благовѣщенскомъ, вмѣсто обветшалой церкви во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы, построить вновь; а какъ оная церковь запустѣла о томъ велѣно бывшему въ томъ году старостѣ поповскому Гжельскому попу обыскать, понеже оная церковь обветшала и развалилась и причетники церковные отбыли за пустотою онаго села Благовѣщенскаго за многіе годы до его, Дохтурова, тѣмъ селомъ владѣнія, ибо де то село въ 1716 году оцѣнено и отдано было во владѣніе Василью Андрееву Опухтину, а въ 1720 году было отписано на великаго государя, и въ 1729 году оное село Благовѣщенское справлено за женою его, Дохтурова, Прасковьею Андреевною дочерью Хитрово и дошло до его владѣнія, а церкви уже не было, точію явствовало мѣсто, которое де село онъ, Дохтуровъ, людьми и крестьянами населилъ вновь и по данному указу церковь вновь деревянную со всемъ построилъ, точію не освящена и священникъ не принятъ; а за оную церковь взыскиваютъ съ 1718 года доимочныхъ денегъ по 1732 годъ, какъ о построеніи оной церкви указъ данъ, платить ему не подлежитъ для того, что то село во владѣніи у него не было и просилъ, чтобъ означенной съ 1718 года по 1732 годъ доимки съ него напрасно не взыскивать".

1742 г. октября 21 числа отъ Коллегіи Экономіи указомъ Вохонскому Духовному Правленію предписано: „о показанной Благовѣщенской церкви церковной землѣ изслѣдовать тутошними и окольными людьми въ прошлыхъ 1730 и 1731 гг. тою церковною землею и сѣнными покосами кто владѣлъ и по чьей отдачѣ и изъ каково оброку, или лежала впустѣ, и буде по сыску явится, что имѣлось за кѣмъ во владѣніи и тѣ доимочныя деньги на томъ владѣльцѣ доправя, не взирая ни на какія отговорки, прислать въ Коллегію Экономію".

За владѣніе церковною землею деньги взысканы съ Дохтурова въ 1743 г., такъ какъ земля по показанію окольныхъ людей находилась во владѣніи у его тещи вдовы Степаниды Савельевой Хитрово (Синод. Экономич. Правл. вязка 274, № дѣла 31).

Послѣ Афанасья Дохтурова село Благовѣщенское съ деревнею Минискою перешло къ его сыну Андрею, умерш. въ 1759 г., и за тѣмъ къ женѣ послѣдняго вдовѣ Натальѣ Ивановнѣ, вышедшей по-

томъ замужъ за Лопухина, съ ея дѣтьми отъ перваго брака Иваномъ и Сергѣемъ Андреевыми Дохтуровыми (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 16, № дѣла 7; вязка 32, № дѣла 1).

62. Ц. Троицы Живоначальныя въ селѣ Троицкомъ Резаново тожъ *).

Церковь Св. Троицы построена въ деревнѣ Завражьѣ въ 1695 г. деревянная. Въ книгѣ Каз. Приказа подъ 7204 (1695) г. записано: „сентября въ 12 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевскаго, велѣно новопостроенныя церкви Живоначальныя Троицы, которую построилъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ Шеренскомъ и Отъѣзжемъ стану, въ деревнѣ Завражьѣ Василій Исленьевъ, на попа съ причетники положить дани съ дворовъ: съ попова, дьячкова, пономарева, просвирницына, съ одного вотчинникова, съ 15 крестьянскихъ и съ 6 бобыльскихъ, да по памяти, какова прислана изъ Помѣстнаго Приказа во 199 (1691) году апрѣля въ 3 день, за приписью дьяка Максима Данилова, съ пашни съ 15 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ съ 15 копенъ, по указной статьѣ, 20 алт. 4 ден., заѣзда гривна, и по тому окладу тѣ данныя деньги взять на нынѣшній 204 годъ“ (Патр. Прик. кн. 158, л. 671 об.).

Въ 1704 — 1722 гг. церковь Св. Троицы въ селѣ Троицкомъ Резаново тожъ, деревянная (Переписн. кн. 9817, л. 385).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Казеннаго Приказа за 1713 г. значится: „іюля въ 12 день, запечатанъ указъ о освященіи предѣла, по челобитью Василія Данилова сына Исленьева, велѣно ему въ вотчинѣ ево, въ селѣ Троицкомъ новопостроенной предѣлъ во имя Рождества Пресв. Богородицы освятить большаго Успенскаго Собора протопопу Ѳеодору съ братьею и антиминсъ въ тотъ предѣлъ выдать; за одно полотно деньги взято“ (Патр. Прик. кн. 438, л. 31).

При Троицкой церкви были священники: Глѣбъ Евтифѣевъ 1709 — 1715 г. и Пахомій Ѳедоровъ 1722 г.; дьячекъ Иванъ Даниловъ 1709—1722 г.

Завражье и Резаново, въ 1585 г., значатся „пустошами“ Московскаго уѣзда, Шеренскаго и Отъѣзжаго стана. Въ 1646 г. Резаново — сельцо, на рѣчкѣ Мележѣ, съ деревнею Ескиною принадлежало стольнику Ивану Исленьеву, въ сельцѣ находились дворъ вотчинни-

*) Нынѣ Троицкое (Резанцы), село Богородскаго уѣзда.

ковъ й 6 дв. крестьянскихъ (Писцов. кн. 257, л. 643 — 644; переп. кн. 9809, л. 383 — 384). По смерти Ивана Исленьева сельцо Резаново съ деревнею Ескиною и пустошью Завражье досталось въ 1670 г. его сыну Данилу. Въ 1670 г. въ сельцѣ числилось 3 дв. крестьянскихъ и 3 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 15 челов. Съ 1695 года этимъ имѣніемъ владѣлъ Василій Даниловъ Исленьевъ, при которомъ пустошь Завражье была деревнею и здѣсь построена церковь Св. Троицы, отъ чего деревня и стала называться селомъ по церкви Троицкимъ, Завражье тожъ; потомъ Завражье по прежнему было пустошью, а сельцо Резаново—селомъ Троицкимъ, Резаново тожъ, въ которомъ находились въ 1704 г. дворъ вотчинниковъ и 10 дв. крестьянскихъ. Къ этому селу принадлежали деревня Ескина и деревня, что была пустошь Крюкова. Послѣ Василья Данилова Исленьева селомъ владѣлъ его сынъ Василій, умер. 1 числа декабря 1780 г., а отъ него перешло къ женѣ вдовѣ Марьѣ Владиміровой, по раздѣлу съ ея дѣтьми Михаиломъ и Александромъ Исленьевыми (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 4, № дѣла 9; мол. л. кн. 60, № дѣла 17, Отказн. кн. 9, № 4; перенисн. кн. 9813, л. 422 — 424, кн. 9817, л. 385).

63. Ц. Иліи пророка въ селѣ Ильинскомъ, Мотяково тожъ *).

Ильинская церковь построена въ сельцѣ Мотяковѣ въ 1688 г. деревянная, а освящена въ 1697 году, въ мѣсто уничтоженной церкви Иліи пророка, находившейся близъ этого сельца, на рѣчкѣ Черной, Московскаго уѣзда, въ Обарничѣ стану.

До построенія новой церкви, церковная Ильинская земля, на рѣчкѣ Черной, отдавалась на оброкъ и въ книгахъ Патр. Каз. Приказа оброчныхъ земель за 7146 (1637—1638) г. писалась такъ: „съ церковной земли св. пророка Иліи на Левонтьѣ Травинѣ оброку рубль семь алтынъ“ (Дворц. Прик. кн. 6, л. 106). За послѣдующіе годы сею землею владѣли изъ оброка разныя лица.

Въ 1697 г. земля находилась на оброкѣ у стольника князя Михаила Васильева Кропоткина, ему разрѣшено было построить въ его вотчинѣ, въ сельцѣ Мотяковѣ, вновь церковь во имя св. пророка Иліи и о строеніи оной церкви дана благословенная грамота слѣдующаго содержанія: „Божіею милостію великій господинъ святѣй-

*) Нынѣ Ильинское Мотяково, сельцо Московскаго уѣзда.

шій киръ Іоакимъ Московскій и всеа Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ, въ нынѣшнемъ во 196 году, октября во 11 день, билъ челомъ намъ, святѣйшему патріарху, стольникъ князь Михайло, княжъ Васильевъ сынъ Крапоткинъ, а въ челобитной его написано: въ Московскомъ де уѣздѣ, въ Обарничѣ стану, вотчина у него сельцо Мотяково, а близъ того сельца Мотяково есть церковная старинная Ильинская оброчная земля, на рѣчкѣ Черной, отдается на оброкъ, изъ нашего Казеннаго Приказу; и въ прошломъ де во 195 году билъ челомъ намъ, святѣйшему патріарху, онъ же, князь Михайло Крапоткинъ, чтобъ въ той его вотчинѣ, въ сельцѣ Мотяковѣ, на новомъ мѣстѣ построить вновь церковь во имя св. пророка Иліи, а церковную старинную Ильинскую землю, что на рѣчкѣ Черной, приписать къ той новопостроеиной церкви и тою землею, по описнымъ книгамъ Никифора Рагозина да подъячаго Стефана Никитина, владѣть той новопостроенной церкви попу съ причетники; да онъ же князь Михайло поступается въ сельцѣ Мотяковѣ своей земли въ усадьбѣ подъ кладбище и попу съ причетники подъ дворовую усадьбу земли, противъ иныхъ церквей. И намъ святѣйшему патріарху пожаловати бъ его, велѣть, о строеніи церкви святаго пророка Иліи въ вотчинѣ его, въ сельцѣ Мотяковѣ, дать ему нашу благословенную грамоту. И азъ великій господинъ, святѣйшій киръ Іоакимъ Божіею милостію Московскій и всеа Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ стольника князь Михайла княжъ Васильева сына Крапоткина пожаловалъ, благословилъ, велѣлъ ему на тое церковь лѣсъ готовить и въ томъ лѣсу въ Московскомъ уѣздѣ, въ Обарничѣ стану, въ вотчинѣ его, въ сельцѣ Мотяковѣ построить вновь церковь на угодномъ къ церковному строенію мѣстѣ во имя святаго пророка Иліи, а верхъ на той церкви былъ не шатровой и олтарь велѣть сдѣлать круглой, тройной, а въ церквѣ во олтарной стѣнѣ царскія двери были посреди, а по правую ихъ сторону южныя, а по лѣвую сѣверныя, а подлѣ царскихъ дверей, по правую межь южныхъ въ началѣ поставить образъ Всемилостивѣйшаго Спаса, а подлѣ Спасова образа поставить образъ настоящаго того святаго храма, а по лѣвую сторону царскихъ дверей межъ сѣверныхъ въ началѣ поставить образъ Пресвятыя Богородицы и иные образы по чину; а какъ та церковь построится и ко освященію изготовлена будетъ и о освященіи тоя церкви и о антиминсѣ впредь бить челомъ намъ, святѣйшему патріарху, а о старинной церковной Ильинской землѣ нашъ святѣйшаго патріарха указъ будетъ, какъ та старинная церковная земля со всѣми угодьи, противъ описныхъ книгъ Никифора Рагозина и его князя Михайла Крапоткина челобитья, отмежевана

будетъ. Писана на Москвѣ лѣта 7196, декабря въ 19 день" (Патр. Прик. кн. 125, л. 257; Вотч. Колл., по городу Москвѣ мол. л. кн. 74, № дѣла 9).

По дозорнымъ и мѣрнымъ книгамъ Патр. Казеннаго Приказа 7196 (1688) г.: „церковь св. пророка Иліи построена вновь въ сельцѣ Мотяковѣ, на рѣчкѣ Черной, подъ церковью и олтаремъ земли длиннику 7 сажень, поперечнику полпяты сажени, кладбища во всѣ четыре стороны по 15 сажень, попова двора и огорода длиннику 25 сажень, поперечнику 10 сажень, дьячкова, пономарева и просвирницына двора длиннику по 25 сажень, поперечнику по 5 сажень; старинаго церковнаго Ильинскаго кладбища, что на рѣчкѣ Черной, длиннику 48 сажень, поперечнику 42 сажени, около кладбища церковной земли по смѣтѣ пашни лѣсомъ поросло 12 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, непашеннаго лѣса 2 десятины, всего по мѣрѣ 20 десятинъ, сѣна по рѣчкѣ Черной и около погоста Ильинскаго 10 десятинъ; въ межахъ церковная Ильинская земля съ сельцомъ Мотяковымъ и деревнею Лопаткиною; землею владѣютъ крестьяне деревни Мошковой изъ оброка" (Патр. Прик. кн. 121, л. 1 — 7, кн. 124, л. 1—5).

7204 (1696) года іюня въ 4 день, по указу патріарха, а по челобитью стольника Михаила Ильина сына Чирикова, по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевскаго, велѣно съ церковной Ильинской земли оброчныя доимочныя деньги съ 200 года и на нынѣшній 204 годъ принять, а впредь буде онъ (Чириковъ) ту церковную землю обмежуетъ, противъ дозорныхъ книгъ Никифора Рагозина, по отводу старинныхъ людей, и ту церковную землю приписать къ новопостроенной въ ево селѣ церкви церковникамъ во владѣнье, а буде не обмежуетъ ту землю и еѣ отдавать по прежнему въ оброкъ, кто будетъ челобитчикъ". Въ 7205 (1697) г. по указу патріарха велѣно: церковную Ильинскую землю, на рѣчкѣ Черной, приписать къ новопостроенной церкви въ сельцѣ Мотяковѣ (Патр. Прик. кн. 159, л. 58).

Въ приходной книгѣ Патр. Каз. Приказа „жилыхъ данныхъ церквей" за 7205 (1697) г. написано: „генваря въ 30 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевскаго, велѣно новопостроенную церковь св. пророка Иліи, которую построилъ стольникъ Михаилъ Ильинъ сынъ Чириковъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ Обарничѣ стану, въ вотчинѣ своей, въ сельцѣ Мотяковѣ освятить и тоя церкви на попа съ причетники дани положить, по сказкѣ человѣка ево Юрья Ѳедорова, съ дворовъ съ попова,

дьячкова, пономарева, просвирницына, да съ приходскихъ—одного вотчинника, съ 5 крестьянскихъ среднихъ, да съ пустовой церковной Ильинской земли въ Обарничѣ стану, на рѣчкѣ Черной, что велѣно къ той церкви приписать, по переписнымъ книгамъ Никифора Рагозина, да подьячаго Казеннаго Приказа Степана Никитина 196 (1688) года, съ церковной пашни 18 десятинъ, по 6 денегъ съ десятины, сѣна по рѣчкѣ Черной и около погоста со 100 копенъ, по 2 деньги съ копны, всего дани рубль 25 алтынъ, заѣзда гривна, и тѣ деньги велѣно имать съ нынѣшняго 205 года и та церковная Ильинская земля стольнику Михаилу Ильину Чирикову обмежевать нынѣшнимъ лѣтомъ 7205 года. И тѣ данныя деньги февраля въ 10 день платилъ стольника Чирикова человѣкъ Юрій Ѳедоровъ" (Патр. Прик. кн. 163, л. 674 и кн. 171, л. 645).

При церкви св. пророка Иліи деревянной были священники: Ульянъ Аввакумовъ 1704—1720 г. и Макарій Ларіоновъ 1726 г.

Село Мотяково, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) гг. „деревня Митина, Мешкова, Мотяково тожъ, на рѣчкѣ Черной", Московскаго уѣзда, Обарнича стана „помѣстье князя Никиты Петрова сына Борятинскаго, Бажена Степанова сына и Дмитрія Прокофьева сына Яковлевыхъ, по жалованной грамотѣ 121 (1613) года, что было за Даниломъ и Ѳедоромъ Левонтьевыми"; въ 7154 (1646) году деревнею владѣли дьякъ Осипъ Пустынниковъ и вдова Пелагея Васильева жена Копнина; въ деревнѣ числилось 4 дв. крестьянскихъ съ 11 челов. Подъ 1678 г. значится: „вотчина Ильи Иванова сына Чирикова и князя Михаила Васильева Кропоткина сельцо, что была деревня Мотякова, а въ немъ 2 двора вотчинниковыхъ съ 10 чел. и 3 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ съ 11 челов. По смерти Ильи Чирикова имѣніе досталось его сыну Михаилу, ему же продалъ въ 1698 г. князь Михаилъ Кропоткинъ три жеребья сельца Мотякова. Въ этомъ сельцѣ была построена церковь Иліи пророка, отъ чего Мотяково и стало называться селомъ по церкви Ильинскимъ, въ которомъ находились, въ 1704 г., дворъ вотчинниковъ съ 5 чел. дворовыхъ людей, 4 дв. псарей съ 9 челов. и 5 дв. крестьянскихъ съ 16 челов. (Писцов. кн. 9305, л. 171; Переписн. кн. 9809, л. 540—541; кн. 9813, л. 506 — 507; кн. 9817, л. 236 об.; Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 64, № дѣла 25 и мол. л. кн. 74, № дѣла 9).

64. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Соколовѣ, на рѣчкѣ Пехоркѣ.

Село Соколово, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ, „пустошь, на рѣчкѣ Пехоркѣ", находившаяся Московскаго уѣзда, въ Почерневѣ стану, въ помѣстьи „за Иваномъ Ивановымъ Чемодановымъ и Васильемъ Ивановымъ Стрешневымъ, что было прежъ сего за Михаиломъ Морозовымъ" (Писцов. кн. 9805, л. 127—128).

Подъ 7154 (1646) г. значится: „за бояриномъ Васильемъ Ивановичемъ Стрешневымъ въ вотчинѣ село Соколово, на рѣчкѣ Пехорхѣ, а въ селѣ церковь Николы чудотворца, у церкви во дворѣ попъ Титъ, во дв. дьячекъ Гришка Алексѣевъ, дв. скотный и 2 дв. задворныхъ людей; деревни: Кучина, на рѣчкѣ Пехоркѣ, и Юркина" (Переписн. кн. 9809, л. 418). Послѣ боярина Василья Ив. Стрешнева владѣла вотчиною его жена боярыня вдова Авдотья Андреевна, по смерти которой село Соколово съ деревнями 7177 (1669) г., февраля въ 16 день, по указу великаго государя и по наказной памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Андреяна Яковлева, были описаны подьячимъ Степаномъ Яковлевымъ; а въ описныхъ книгахъ между прочимъ говорится: „село Соколово, а въ селѣ церковь во имя Николы чудотворца, да предѣлъ преподобныхъ отецъ Зосима и Саватія Соловецкихъ чудотворцевъ, другой— св. мученицы Ирины; въ настоящей церкви двери царскія рѣзныя, прописаны золотомъ, да на престолѣ образъ Пречистыя Богородицы Владимірскія писанъ на золотѣ, вѣнецъ и цата серебрены, позолочены, окладъ басемной, да на престолѣ жъ евангеліе, евангелисты мѣдные вызолочены, да крестъ благословящей обложенъ серебромъ золоченымъ, окладъ басмяной, трои сосуды бѣлые оловянные; да въ настоящей же церкви мѣстныхъ образовъ: образъ Спасовъ Нерукотвореннаго, въ кіотѣ, пелена участокъ золотной, писанъ на краскахъ, образъ Николы чудотворца обложенъ серебромъ золоченнымъ, вѣнецъ и цата рѣзные, да прикладныхъ гривенъ двадцать четыре гривны, да на поляхъ писаны образъ Спасовъ, образъ Пречистыя Богородицы, вѣнцы и цата рѣзные вызолочены, два креста серебреныхъ да денегъ восемь копѣекъ серебреныхъ, да у него жъ пелена вышита серебромъ и золотомъ, ликъ Николы чудотворца шитъ по камкѣ червчатой, а поля вышиты по зеленому атласу, образъ Пречистыя Богородицы Умиленіе, образъ Усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи, образъ Іоанна Богослова, образъ Василія Великаго, образъ Знаменія Пречистыя Богородицы, образъ Алексѣя человѣка Божія, всѣ въ кіотахъ, образъ

Московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны да Леонтія Ростовскаго чудотворца, образъ Страшнаго Суда Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, писанъ въ лицахъ, всѣ тѣ образы писаны на золотѣ, образъ Никифора патріарха Цареградскаго да Филиппа митрополита, писанъ на празелени, образъ святаго мученика Георгія на краскахъ; да деисусовъ въ троихъ тяблахъ тридцать восемь образовъ, писаны на золотѣ; да штилистовыхъ образовъ: образъ Спасовъ обложенъ серебромъ золоченымъ, окладъ басмяной, вѣнецъ рѣзной, образъ Преображеніе Господне, поля обложены серебромъ золоченымъ басмяннымъ, два образа Пречистыя Богородицы, да три образа Николы чудотворца обложены серебромъ золоченымъ, оклады басмяные, у одного вѣнецъ рѣзной съ финифтью; образъ Николы жъ чудотворца обложенъ серебромъ золоченнымъ, окладъ басмяной въ кіотѣ, а кіотъ по полямъ обложенъ серебромъ золоченымъ же, образъ Воскресенія Христова, да образъ Никиты Переславскаго чудотворца обложены серебромъ золоченымъ, оклады басмяные; образъ Пречистыя Богородицы Казанскія, вѣнецъ обложенъ серебромъ золоченымъ, окладъ басмяной; образъ Пречистыя Богородицы Казанскія въ кіотѣ, писанъ на краскахъ, кіотъ древяной писаной, притворъ слюдяной; да три образа въ кіотѣ—образъ Спасовъ да Василья Великаго да великія мученицы Ирины писаны на краскахъ, да штилистовыхъ же образовъ необложенныхъ 23 образа, да передъ мѣстными образами подсвѣшниковъ большихъ поставныхъ два восковыхъ, да пять деревянныхъ рѣзныхъ. Да въ предѣлѣ на престолѣ образъ Пречистыя Богородицы Владимірскія писанъ на краскахъ, да на престолѣ евангеліе, евангелисты серебреные позолочены басменые; двери царскія писаны на краскахъ; да мѣстныхъ образовъ: образъ преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ въ кіотѣ, писанъ на золотѣ, образъ Макарія Желтоводскаго чудотворца писанъ на золотѣ, образъ преподобнаго Сергія чудотворца, да благовѣрнаго Димитрія, да преподобнаго Кирила, да Василія Блаженнаго писанъ на краскахъ; да въ деисусѣхъ: въ одномъ тяблѣ одинадцать образовъ да штилистовыхъ два образа Сергіево видѣніе писаны на золотѣ; образъ Пречистыя Богородицы Печерскія писанъ на краскахъ.—Да въ предѣлѣ святыя мученицы Ирины за престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Владимірскія на краскахъ, двери царскія писаны на золотѣ; да мѣстныхъ образовъ: образъ Пречистыя Богородицы въ кіотѣ писанъ на краскахъ; въ той же кіотѣ образъ святыя мученицы Ирины, образъ св. пророка Иліи писаны на золотѣ, образъ Василія Великаго образъ Флора и Лавра писаны на краскахъ, да въ деисусѣхъ одно тябло девять обра-

зовъ писаны на краскахъ да штилистовыхъ восмь образовъ писаны на золотѣ, одинъ на краскѣ; да хоругвь писана по полотну; да священнической одежды (слѣдуетъ описаніе ризъ). Книгъ въ церквѣ: два служебника, псалтирь съ слѣдованіемъ, другая псаломчатая, апостолъ, двѣ треоди, два трефолоя, минея мѣсяшная—мѣсяцъ мартъ, потребникъ, два октоя, минея обчая безъ праздниковъ, всѣ печатные, старыя печати, евангеліе толковое воскресное новыя печати, по обрѣзу золочено, прологъ первыя половины писмяной,—писанъ уставомъ, да книга житіе Николы чудотворца печатная да книга житіе Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ писмяная,—писана уставомъ, два часовника ветхи; да церковной утвари: два кадила мѣдныхъ, укропникъ мѣдный, блюдо да чашка бѣлыя, оловяныя, двѣ чаши водосвященныя мѣдныя, да въ церкви паникадило мѣдное середнее большое, да по сторонъ его два малыхъ, яблока у большаго—стекляное, а у малыхъ—костяныя, точеныя, кисти шелкъ зеленой съ золотомъ; да въ предѣлахъ по поникадилу мѣдныхъ же, яблоко у одного—стекляное, а другое безъ яблока; кисти шелковыя; да въ церквѣ жъ шесть подсвѣшниковъ деревяныхъ точеныхъ, да въ тяблахъ подсвѣшники жъ деревяные точеные—тридцать три подсвѣшника, да у церковныхъ дверей чепь большая, да замокъ нутряной, другой замокъ висячей; да у церкви колокольня рубленая, на ней колоколъ большой, а другой поменьше, да пять колоколъ малыхъ, одинъ малой колоколъ разшибенъ и безъ языка, а что въ которомъ вѣсу,—того не вѣдомо, а церковь и всякое церковное строеніе и колокола строенье вотчинниково. Въ селѣ жъ Соколовѣ дворъ вотчинниковъ, на немъ хоромнаго строенья три горницы, кругомъ двора городьба заборы, да ворота створчатыя, да калитка; да за дворомъ мыльня боярская, а въ ней 4 лавки съ опушками, полъ и полки дощатыя, печь кирпишная; у церкви дворы причетниковъ, строенье вотчинниково; да подъ селомъ на рѣчкѣ Пехоркѣ двѣ мельницы“ (Отказн. кн. 9, № 170 по гор. Москвѣ).

Въ 1678 г. село Соколово съ деревнями Кучино и Леоново принадлежало боярину Родіону Матвѣевичу Стрешневу; въ селѣ находились дворъ вотчинниковъ и дворъ скотный, въ деревнѣ Кучиной—10 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ съ 34 челов. и 3 двора съ 9 челов., вывезенными изъ Литвы (Перец. кн. 9813, л. 510).

Послѣ боярина Родіона Стрешнева имѣніе досталось въ 1687 г. его сыну Ивану, который билъ челомъ въ 1697 г., великому государю въ Помѣстномъ Приказѣ: „вотчина де у него въ Московскомъ уѣздѣ, въ Почерневѣ стану, село Соколово, а въ селѣ церковь Николая чудотворца съ придѣлы, а къ той де церкви, по писцовымъ книгамъ

церковной земли и сѣнныхъ покосовъ не написано, а нынѣ та церковь обетшала и обѣщался онъ построить церковь вновь въ то же во имя, а въ Патріаршѣ Казенномъ Приказѣ о строеніи новой церкви благословенной грамоты не даютъ, что земли церковной не написано; а нынѣ онъ къ той церкви попу съ причетники въ томъ селѣ Соколовѣ, изъ своихъ дачь, поступается земли по пашнѣ 10 четвертей, да сѣна 10 копенъ, и чтобъ указомъ повелѣно было пашню и сѣнные покосы справить къ церкви Николая чудотворца и о томъ въ Патріаршъ Приказъ послать память". Того же года іюня въ 8 день изъ Помѣстнаго Приказа послана въ Патріаршъ Приказъ память о томъ, что пашня съ сѣнными покосами утверждена къ новопостроенной Николаевской церкви (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 62, № дѣла 12).

Въ книгѣ Патр. Приказа подъ 1697 годомъ написано: „августа въ 4 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевскаго, а по челобитью стольника Ивана Родіонова сына Стрешнева, велѣно ему въ Московскомъ уѣздѣ въ Вохонской десятинѣ, въ Почерневѣ стану, въ вотчинѣ ево, въ селѣ Соколовѣ, на старомъ церковномъ кладбищѣ, построить вновь церковь во имя Николая чудотворца, да въ предѣлѣ Зосима и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ, да другой св. великомученицы Ирины деревянныя и о томъ церковномъ строеніи благословенная грамота дана; а тоя церкви на попа съ причетники дани положить, по сказкѣ человѣка ево Леонтія Ярославцова, съ дворовъ съ попова, дьячкова, просвирницына, да съ приходскихъ съ одного двора вотчинникова, съ 12 дв. крестьянскихъ среднихъ да съ церковной земли, по памяти какова вынесена изъ Помѣстнаго Приказа въ нынѣшнемъ въ 205 году, іюня въ 8 день, за приписью дьяка Адріана Рахманова, съ пашни съ 10 чети, съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 16 алт. 4 ден., заѣзда гривна" (Патр. Прик. кн. 163, л. 674 об).

Въ 1704 г. въ селѣ Соколовѣ: дворъ вотчинниковъ съ дворовыми людьми; въ дер. Кучиной 21 дв. крестьянъ. Послѣ Ивана Родіоновича Стрешнева и его жены Натальи Ильичны имѣніемъ владѣли въ 1739 г. ихъ сынъ Николай, по раздѣлу съ родными братьями Василіемъ и Петромъ Ив. Стрешневыми, въ 1745 г.—жена Николая Ивановича Стрешнева вдова Наталья Алексѣевна, урожд. княгиня Шеховская, вышедшая потомъ замужъ за Ѳедора Богдановича Пассекъ, по раздѣлу съ сыномъ ея Иваномъ Николаевымъ Стрешневымъ. Въ 1779 г. село Соколово куплено у князей Шеховскихъ Миною Лазаревымъ сыномъ Лазаревымъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л.

кн. 60, № дѣла 1; кн. 62, № дѣла 12; вязка 18, № дѣла 2; перепис. кн. 9817, л. 771).

Въ приходной книгѣ Синод. Каз. Приказа „о сборѣ съ церквей гривенныхъ денегъ на дачу отправляющимся въ низовый корпусъ и въ протчія новозавоеванные города священно-служителямъ и на подмогу полковымъ попамъ", за 1735 годъ написано: „съ церкви Николая чудотворца съ придѣлы въ селѣ Соколовѣ, въ Почерневѣ стану, на прошлые 732—734 годы на подмогу полковымъ попамъ по 10 копеекъ на годъ, 30 коп.; платилъ деньги Василія Ивановича Стрешнева служитель его Казаковъ" (Патр. Прик. кн. 379, л. 2 об).

При Николаевской церкви были священники: Прокопій Ѳедоровъ 1678 г. и Василій Прокопіевъ 1704—1726 г. и дьячекъ Иванъ Прокопіевъ 1704—1726 г.

65. Ц. Знаменія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Корнѣевѣ.

Знаменская церковь, построенная вновь въ селѣ Корнѣевѣ, въ 1698 году, была деревянная и ко дню освященія новопостроенной церкви „7206 (1698) года іюля въ 21 день, по благословенной грамотѣ выданъ антиминсъ" (Патр. Прик. кн. 138, л. 154). А іюля въ 27 день того же года, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевскаго, а по челобитью стольника Никиты Иванова сына Бутурлина, велѣно новопостроенныя церкви Знаменія Пресв. Богородицы, которую построилъ онъ въ Московскомъ уѣздѣ въ Оборничѣ стану, въ вотчинѣ своей, въ селѣ Корнѣевѣ, а тоя церкви на попа съ причетники дани положить, по сказкѣ человѣка ево Василья Угримова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, просвирницына, съ приходскихъ одного вотчинникова, съ 7 дв. крестьянскихъ среднихъ, съ 3 дв. бобыльскихъ, да съ церковной земли по памяти, какова вынесена изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Петра Вяземскаго, прошлаго 7205 (1697) года, мая 7 числа, пашни съ 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 14 алт. 3 ден., заѣзда гривна и тѣ деньги велѣно имать съ 207 года" (Патр. Прик. кн. 167, л. 655).

При Знаменской церкви были: священникъ Михаилъ Тимофеевъ 1703—1737 г., дьячки: Тимофей Дмитріевъ 1704 г., Владиміръ Ивановъ 1710 г. и Осипъ Михайловъ 1726 г.

Корнѣево въ 1623 г.—деревня на рѣчкѣ Пехоркѣ, Московскаго уѣзда, Оборнича стана, жалованное помѣстье Артемья Васильева Измайлова, „въ 1634 г. принадлежала Василію Васильевичу Бутурлину;

въ деревнѣ числилось въ 1646 г. 5 дв. крестьянскихъ съ 15 челов. По смерти Василья Бутурлина помѣстьемъ владѣлъ его сынъ боярин Иванъ Вас., по раздѣлу съ роднымъ братомъ Борисомъ Бутурлинымъ. Въ 1678 г. Корнѣево—сельцо, въ которомъ находились дворъ помѣщиковъ и 5 дв. крестьянъ съ 28 челов. Въ 1698 г. оно принадлежало стольнику Никитѣ Ивановичу Бутурлину, при этомъ владѣльцѣ въ сельцѣ Корнѣевѣ была построена деревянная церковь, отъ чего сельцо и стало называться по церкви селомъ Знаменскимъ, Корнѣево тожъ. Въ 1704 г., въ этомъ селѣ находились дворъ вотчинниковъ съ 12 челов. дворовыхъ людей и 5 дв. крестьянскихъ съ 21 челов. Послѣ Никиты Ив. Бутурлина имѣніемъ владѣли: въ 1706 г. его родная сестра Анна Ивановна, бывшая за мужемъ за княземъ Петромъ Михайловичемъ Долгоруковымъ; въ 1713 г.—ихъ сынъ князь Владиміръ Долгоруковъ; въ 1731 г.,—жена Матвѣя Головина вдова Анна Ивановна, по купчей отъ князя Долгорукова; въ 1737 г. село это продано княгинѣ Татьянѣ Дмитріевнѣ Шеховской и за ней утверждено того же года отказною книгою, въ которой между прочимъ упоминается: въ селѣ Корнѣевѣ деревянная церковь во имя Знаменія Богородицы (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 74, № дѣла 9.; отказн. кн. 32, № 55; перен. кн. 9809, л. 413; кн. 9813, л. 498; кн. 9817, л. 233 об.).

66. Ц. Преображенія Господня въ селѣ Креневѣ *).

Церковь Преображенія Господня въ селѣ Креневѣ построена въ 7199 (1691) году деревянная. 1703 г. ноября въ день, по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевскаго, велѣно новопостроенныя церкви Преображенія Господня, которую построилъ окольничій Василій Савичъ Нарбековъ въ вотчинѣ своей, въ сельцѣ Креневѣ, на попа съ причетники дани положить, по сказкѣ челобитчика Василія Савича, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, съ вотчинникова, да съ церковныя земли съ пашни 10 чети, сѣна съ 10 копенъ—10 алт. 2 ден., заѣзда гривна, и тѣ деньги имать съ 1703 года, да съ той же церкви данныхъ денегъ на прошлые годы со 199 (1691) года по нынѣшній 1703 годъ, какъ та церковь освящена, всего дани на 13 лѣтъ 5 рублевъ 11 алтынъ". Въ 1739 г.

*) Нынѣ Кренево, село Московскаго уѣзда.

церковной дани съ сей церкви платилось въ годъ 71 коп. (Патр. Прик. кн. 184, л. 182, кн. 187, л. 191, кн. 397, л. 47).

Подъ 1704 г. значится: въ селѣ Креневѣ, Спасское тожъ, церковь деревянная во имя Преображенія Господня; при ней были священники: Степанъ Яковлевъ 1704 г., Захаръ Ивановъ 1709—1715 г., Прокофій Терентьевъ 1726 г., дьячки: Патрикей Тимофеевъ 1704—1709 г., Яковъ Ивановъ 1722—1726 г. (Переписн. кн. 9817, л. 240, кн. 9821, л. 308 и 1 ревизіи 1726 г., л. 33 об.).

Село Кренево въ 1687 г.—сельцо Московскаго уѣзда, Оборнича стана,—вотчина окольничаго Василія Саввича Нарбекова; въ 1705 г. владѣла селомъ его жена вдова Аграфена Павловна и въ 1715—1722 гг.—Степанъ Саввичъ Нарбековъ (Помѣстн. Прик. по гор. Москвѣ столб. 39, № дѣла 19; отказн. кн. 23, № 55 и кн. 1 ревизіи, 1722 г., л. 30).

67. Ц. Іоанна Богослова въ селѣ Богословскомъ Мизинова тожъ, (Глинки, Брюсовѣ), на рѣчкѣ Ворѣ*).

Церковь Іоанна Богослова построена въ сельцѣ Мизиновѣ въ 1710 г. каменная. „1715 года, генваря въ 14 день, по указу великаго государя и по помѣтѣ на челобитной казначея Алексѣя Андреевича Владыкина, а по челобитью дьяка Михаила Григорьева Гуляева, велѣно съ новопостроенной церкви во имя Іоанна Богослова, которую по обѣщанію своему построилъ онъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Богословскомъ, Мизиново тожъ, дани положить на попа съ причетники, по сказкѣ человѣка его, Гуляева, Михаила Васильева, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, да съ приходскихъ съ одного вотчинникова, съ 9 крестьянскихъ, да по памяти изъ Помѣстнаго Приказа 1709 года, августа 17 дня, за приписью дьяка Никифора Румянцова, съ пашни съ 10 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна съ 10 копенъ дани, заѣзда и десятильнича доходу на ту церковь положить, по указной статьѣ, и тѣ данныя деньги велѣно имать съ прошлаго 1712 года, по 38 алт. съ деньгою на годъ. И генваря въ 21 день тѣ деньги на нынѣшній 1715 годъ платилъ тоя церкви попъ“ (Патр. Прик. кн. 229, л. 253). Въ 1739 г. Церковной дани платилось 84½ коп. (Тамъ же кн. 397, л. 48 об.).

При церкви были священники: Гавріилъ Тимофеевъ 1710—1715 г. Василій Алексѣевъ 1720—1722 г. и Матвѣй Ефимовъ 1730—1733 г.;

*) Нынѣ Глинково (Глинки, Брюсово), село Богородскаго уѣзда.

дьячки: Семенъ Ивановъ 1710 г., Дмитрій Гавриловъ 1715 г. и Ѳедоръ Михайловъ 1722 г.

Село Мизиново во 7131 и 7132 (1623—1624 гг.)—„сельцо на рѣчкѣ Ворѣ", Московскаго уѣзда, Кошелева стана,—„помѣстье князя Алексѣя княжъ Михайлова сына Львова, да стольника князя Григорья Васильева сына Тюфякина и стряпчаго Григорья Никитина сына Измайлова; въ сельцѣ 2 двора помѣщиковыхъ, да 2 дв. людскихъ съ дѣловыми людьми, 6 дв. крестьянскихъ и 2 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 6 челов.". (Писцов. кн. 9806, л. 942—944). Потомъ сельцомъ Мизиновымъ владѣли разные помѣщики и вотчинники.

1646 г. въ сельцѣ числилось 21 дворъ крестьянскихъ и 9 дв. бобыльскихъ, людей въ нихъ 56 челов., въ 1704 г.—2 дв. вотчинниковыхъ съ 10 челов. дворовыхъ людей и 15 дв. крестьянскихъ въ нихъ 42 челов. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 16, № дѣла 25 и 36; мол. л. кн. 17, № дѣла 17; Переписк. кн. 9809, л. 373—374; кн. 9813, л. 384, 407—408; кн. 9817, л. 315—317). Въ 1706—1708 годахъ сельцо Мизиново куплено дьякомъ Михаиломъ Григорьевымъ Гуляевымъ, при немъ въ этомъ сельцѣ построена каменная церковь, отъ чего оно и стало называться по церкви село Богословское, Мизиново тожъ. Въ 1733 г. оно продано графу Якову Вилимовичу Брюсъ, а отъ него перешло въ 1737 г. къ его родному племяннику Александру Романовичу Брюсъ. Въ 1791 г. селомъ Глинковымъ съ сельцомъ Мизиновымъ владѣла Екатерина Яковлевна урожд. Брюсъ, бывшая за мужемъ за Мусинымъ-Пушкинымъ. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 48, № дѣла 13, кн. 67 № дѣла 2, мол. л. кн. 7 № дѣла 27; отказн. кн. 31 № 16).

68. Ц. Николая чудотворца, что въ Бирхинскомъ.

Николаевская церковь, изстари существовавшая „на погостѣ въ Бирхинскомъ", Московскаго уѣзда, въ Вохонской десятинѣ, вѣроятно была упразднена въ началѣ XVII ст. Церковная земля, принадлежавшая сей церкви отдавалась на оброкъ. Въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа „пустовыхъ" оброчныхъ земель значится: за 7146 (1638) г. „съ церковной земли Николая чудотворца Бирхинскаго Черноголовскія волости на крестьянинѣ на Ивашкѣ Ишеинѣ оброку 15 алт."; за 7195 (1687) г. „на боринѣ Петрѣ большомъ Аврамовичѣ Лопухинѣ оброку 18 алт. 2 ден.; въ 1714 г. „Московскаго уѣзда села Никольскаго на крестьянинѣ Леонтьѣ Лукьяновѣ оброку 20 алт. И того же 1714 г., мая въ 31 день, по указу великаго государя, а

по челобитью Мѣщанской слободы тяглеца Викулы Мартынова со вкладчики, велѣно имъ на вышеписанной церковной Николаевской землѣ построить вновь церковь Николая чудотворца, а покамѣста та церковь станетъ строиться и съ той земли имать съ него, челобитчика, оброчными деньгами. И іюня въ 1 день, тѣ деньги на нынѣшній годъ взято" (Дворц. Прик. кн. 6, л. 113, к. 148, л. 208—210; и кн. 226).

1715 года, сентября въ 14 день, по указу великаго государя и по помѣтѣ на челобитной казначея іеромонаха Антонія Яковлева, велѣно новопостроенной церкви во имя Николая чудотворца, которую построилъ по обѣщанію своему Мѣщанской слободы тяглецъ Викула Мартыновъ въ Московскомъ уѣздѣ въ Вохонской десятинѣ, на пустовой церковной Николаевской землѣ, что словетъ Бирхинскаго, и тоя церкви на попа съ причетники, по сказкѣ его Викулиной, съ дворовъ дани положить съ попова, съ дьяконова, дьячкова, просвирницына, да по дозорнымъ книгамъ Ивана Соболева 188 (1680) года пашни церковныя съ 14 четвертей, сѣнныхъ покосовъ съ 30 копенъ, по указной статьѣ, дани и заѣзда и десятильнича доходу 31 алт. 4 ден. и тѣ данныя деньги велѣно имать съ нынѣшняго 1715 г. Данныя деньги платилъ сентября 20 дня попъ Ѳедоръ Ивановъ" (Патр. Прик. кн. 229, л. 254 об.).

Въ книгахъ Патр. Приказа за 1716—1739 годы, подъ Вохонскою десятиною, писалось: „церковь Николая чудотворца Бирхинскаго, которая построена на пустовой церковной землѣ, дани 31 алт. 4 деньги" (Патр. Прик. кн. 231, л. 273 и кн. 397, л. 48 об.).

69 Ц. Димитрія Селунскаго на погостѣ Дмитровскомъ въ Доркахъ *).

Церковь св. Димитрія Селунскаго, изстари построенная на погостѣ въ Доркахъ, Московскаго уѣзда, Гвоздинской волости, въ началѣ XVII ст. была упразднена и церковная земля, принадлджавшая сей церкви, отдавалась на оброкъ. По книгамъ Патр. Каз. Приказа оброчныхъ земель за 7146 (1638) г. значится: „съ церковной земли Димитрія Селунскаго, что въ Дорку, Гжельской волости, на Егорьевскомъ попѣ Ѳедорѣ оброку 2 гривны, а отдается та земля на оброкъ съ 7139 (1631) года по книгамъ старосты поповскаго попа Зиновія" (Патр. Прик. кн. 25 и дворц. Прик. кн. 6, л. 104). Въ 7201 (1693)

*) Нынѣ погостъ Дмитровскій въ Доркахъ Бронницкаго уѣзда.

году церковная земля числилась на оброкѣ „Приказа Большія Казны на подьячемъ Ларіонѣ Протасовѣ, оброку 22 алт. 2 ден., а отдана ему та земля во 196 году“ (Патр. Прик. кн. 148).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа за 1703 годъ: „церковная Димитріевская земля на рѣчкѣ Доркѣ, отъ Никитской земли верстахъ въ 10; церковной земли—кладбища и сѣнныхъ покосовъ—отъ проселочной дороги, что ѣздятъ съ дворцовой пустоши Бортниковой, до болота 100 саженъ, подлѣ болота, поворотя налѣво, до рѣчки Дорки 52 сажени, отъ рѣчки Дорки до вышеписанной проселочной дорожки подлѣ лѣса 100 саженъ, а дорожкою опять до кладбища 83 сажени; направѣ земля и лѣсъ дворцовой деревни Плоскониной, а налѣвѣ земля и сѣнные покосы церковные Дмитріевскіе, около церковной земли поросло все большимъ лѣсомъ, а что въ томъ лѣсу есть и самый церковный лѣсъ съ дворцовою деревнею не размежеваны, пашни, кромѣ сѣнныхъ покосовъ, нѣтъ; землею прежде владѣлъ дьякъ Ларіонъ Протасовъ, а въ прошлыхъ годахъ сѣнные покосы косилъ верховой истопникъ Климъ Аникіевъ“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 139, л. 2—3).

Въ 1704 г. церковная Димитріевская земля была на оброкѣ у подьячаго Потѣшнаго двора Варфоломея Митусова, оброку платилось рубль 16 алт. 4 ден. „И въ прошломъ 1703 году ноября въ день, по указу великаго государя, а по челобитью дворцовой Гвоздинской волости, деревни Плоскининой, да деревни Бисеровой крестьянъ Никифора Карпова, Алексѣя Климонтова, Григорья Макѣева, Алексѣя Степанова съ товарищи, велѣно имъ на вышеписанной церковной Димитріевской земли что въ Дорку, построить вновь древянную церковь во имя Димитрія Селунскаго и о построеніи тоя церкви благословенная грамота дана; и тоя церкви на попа съ причетники дани положено, по указной статьѣ, съ дворовъ съ попова, пономарева, просвирницына, да съ приходскихъ вышеписанныхъ деревень съ челобитчиковыхъ съ 20 дворовъ крестьянскихъ, да съ церковной земли, по дозорнымъ книгамъ Ивана Соболева, да подъячаго Якова Тулубьева 188 (1680) года, съ пашни (*было*) чети, да съ сѣнныхъ покосовъ со 100 копенъ рубль 11 алт 3 ден., заѣзда гривна, и тѣ данныя деньги велѣно имать какъ та церковь построена будетъ, или какъ къ той церкви попъ благословленъ будетъ, или какъ будутъ челомъ бить о освященіи церкви. И марта въ 31 день, тѣ деньги на нынѣшній 1704 годъ платилъ тоя церкви попъ Григорій Фроловъ“ (Патр. Прик. кн. 187, л. 191 об.).

Священникъ церкви Димитрія Селунскаго, что на погостѣ въ Доркахъ, съ прихожанами билъ челомъ великому государю въ Казенномъ Приказѣ 2 октября 1704 года: „въ прошломъ, государь, 1703 году, по твоему государеву указу и по благословенной грамотѣ, велѣно построить церковь Божію во имя великомученика Димитрія на старомъ кладбищѣ, въ Московскомъ уѣздѣ, въ дворцовой Гвоздинской волости, и нынѣ та церковь построена и ко освященію готова, великій государь просимъ вашего величества, вели государь о освященіи той церкви преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому дать свою государеву грамоту и антиминсъ и тое церковь освятить села Краснаго церкви Воздвиженія честнаго креста Господня попу Василію Сазонтову".

На прошеніи написано: „выдать антиминсъ и грамота о освященіи церкви" (Патр. Прик. вязка 1704 года, № дѣла 137).

Въ 1739 г. церковной дани платилось рубль 74 коп. (Тамъ же кн. 191, л. 180, кн. 397, л. 48).

При церкви были священники Григорій Флоровъ 1704—1715 г., Козьма Алексѣевъ 1726 г., дьячки: Иванъ Фадѣевъ 1715 г., Василій Ивановъ 1726 г., пономари: Иванъ Тимофеевъ 1715 г. и Егоръ Ивановъ 1726 г.

70. Ц. Всемилостиваго Спаса въ селѣ Обонеговѣ, Дядино тожъ.

Церковь Всемилостиваго Спаса построена въ селѣ Обонеговѣ, Дядино тожъ, въ 1712 году Иваномъ Ивановичемъ Засѣцкимъ, которому было разрѣшено въ 1709 г., по обѣщанію его, строить вновь каменную церковь въ его вотчинѣ и того же года, вслѣдствіе его прошенія, Помѣстнымъ Приказомъ утверждена за причтомъ новопостроенной Спаской церкви изъ его, Засѣцкаго, вотчины земля въ пустоши Останковой, „въ самой близости отъ погоста, гдѣ онъ обѣщался церковь строить, 16 десятинъ, что на рѣчкѣ Малой Сѣверкѣ" (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 9, № дѣла 6).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Казеннаго Приказа за 1712 г. значится: „октября въ день, запечатанъ великаго государя указъ, по челобитью маіора Ивана Иванова сына Засѣцкаго, велѣно въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ его, въ Тухачевской волости, въ селѣ Обонеговѣ, Дядино тожъ, новопостроенную каменную церковь во имя Всемилостиваго Спаса освятить Московскаго Успенскаго собора протопопу Ѳедору и выдать антиминсъ; за одно полотно взято" (Патр. Прик. кн. 438, л. 20).

1713 г. марта 24 числа, „по указу великаго государя и по помѣтѣ на выпискѣ казначея Антонія Яковлева, велѣно съ новопостроенной церкви Всемилостиваго Спаса, которую построилъ, по обѣщанію своему, въ Московскомъ уѣздѣ, маіоръ Иванъ Ивановъ сынъ Засѣцкій въ вотчинѣ своей, въ селѣ Обонеговѣ, а Дядино тожъ, дани положить тоя церкви съ дворовъ съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, съ одного вотчинникова, съ 15 дворовъ крестьянскихъ, да по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Ивана Лосева, къ той церкви во церковныя земли, по ево Ивановой челобитной изъ вотчинной ево земли справлено 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ, итого дани, заѣзда и десятильнича доходу рубль 3 алт. 3 ден., и тѣ данныя деньги велѣно имать съ нынѣшняго 1713 года“ (Патр. Прик. кн. 221, л. 233).

Въ 1722 г. при Спаской церкви были: священникъ Іосифъ Андреевъ, дьячекъ Никита Ивановъ, пономарь Иванъ Осиповъ.

По писцовымъ книгамъ 135 и 136 (1627—1628) гг. Московскаго уѣзда въ Тухачевской волости значится: „за Иваномъ Ждановымъ сыномъ Дядинымъ старая отца ево купленная вотчина деревня Обонегово, а Дядино тожъ, на рѣчкѣ Малой Сѣверкѣ (принадлежавшая къ погосту Бурухину), а въ ней дворъ вотчинниковъ и 6 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ тожъ“, а владѣетъ онъ, Дядинъ, тою вотчиною по жалованной грамотѣ 131 (1623) года“ (Писцов. кн. 9808, л. 110—112). Въ 1646 г. въ этой деревнѣ числилось 5 дворовъ крестьянскихъ, въ нихъ 13 челов. и съ дѣтьми. Въ 1678 г. Обонегово, Дядино тожъ, было сельцомъ, которымъ владѣли дьякъ Ѳедоръ Максимовъ и вдова Марья Ѳедоровская жена Колтовскаго, въ сельцѣ находились: 2 двора вотчинниковыхъ съ 18 челов. дѣловыхъ людей и 5 дв. крестьянъ и бобылей, въ нихъ 13 челов.; а въ 1704 г.—Иванъ Ивановъ Засѣцкій, въ сельцѣ было 11 дворовъ крестьянскихъ и дворъ вотчинниковъ (Переписн. кн. 9809, л. 619, кн. 9811, л. 520—521; кн. 9816, л. 520). Въ 1755 г., село Обонегово, Дядино тожъ, по церкви названное Спасителевымъ принадлежало женѣ князя Никиты Хованскаго Настасьѣ Ивановнѣ урожд. Засѣцкой, а въ 1785 г.—женѣ Ивана Даниловича Арсеньева Марьѣ Матвѣевнѣ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 28, № дѣла 44 и мол. л. кн. 83, № дѣла 1).

71. Ц. Воскресенія Христова въ селѣ Родинкахъ *).

Воскресенская церковь построена въ селѣ Родинкахъ въ 1687—1688 гг. деревянная. „Во 194 (1686) г. августа въ 11 день, била че-

*) Нынѣ село Родинки Московскаго уѣзда.

ломъ великому господину святѣйшему киръ Іоакиму, патріарху Московскому, и всеа Росіи, боярина и оружейничаго Ивана Кирилловича Нарышкина жена его вдова Прасковья Алексѣевна: обѣщалась де она съ матерью своею князь Алексѣевою женою Лыкова со вдовою княгинею Дарьею въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ своей, въ деревнѣ Родинкахъ построить вновь церковь во имя Воскресенія Христова и святѣйшій патріархъ благословилъ бы ее велѣлъ о строеніи той церкви дать ей благословенную грамоту. Да боярыняжъ вдова Прасковья Алексѣевна дала къ той церкви попу съ причетники на прокормленіе въ той же вотчинѣ пашни 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ и о справкѣ той земли къ той церкви изъ Помѣстнаго Приказа вынесена память въ Патр. Каз. Приказъ во 194 году, іюля въ 30 день, за приписью дьяка Автомона Иванова. И потому жъ челобитью патріаршая благословенная грамота о строеніи тоя церкви дана во 195 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. А въ сказкѣ, какову человѣкъ ея подалъ въ Казенный Приказъ, написано: у той новопостроенной церкви въ приходѣ будетъ дворъ поповъ, дв. дьячковъ, дв. просвирницынъ, дв. вотчинниковъ, 12 дв. крестьянскихъ. И по указу патріарха на тоя церковь дани положено, по указной статьѣ, 18 алт., 2 ден. заѣзда гривна. И въ нынѣшнемъ во 196 г. генваря въ 16 день, по помѣтѣ на выпискѣ казначея Андрея Денисовича Владыкина, велѣно тѣ данныя деньги съ нынѣшняго со 196 года принять и записать въ приходъ и впредь имать потому жъ на годъ“ (Патр. Прик. кн. 124, л. 530 и кн. 218, л. 206).

Подъ 1720 г. написано: церковь Воскресенія Христова въ селѣ Родинкахъ построена и освящена во 196 году, по челобитью вдовы боярыни Прасковьи Алексѣевны Нарышкиной, а по справкѣ съ приходною книгою Казеннаго Приказа, прошлаго 1712 года, на тое церковь дани, заѣзда и десятильнича доходу положено, по указной статьѣ, 22 алт. 4 ден. на годъ и тѣ деньги на 1712—1720 годъ плачены сполна, а со 196 по 1712 годъ велѣно данныя деньги взять и написать въ приходъ, всего 16 руб. 10 алт. 4 ден. Платилъ тѣ деньги человѣкъ стольника Ивана Иванова Нарышкина Василій Гумновъ“ (Тамъ же кн. 245, л. 127).

При Воскресенской деревянной церкви были священники: Яковъ Леонтьевъ 1704 г. и Евдокимъ Яковлевъ 1715—1722 г., дьячки: Никита Яковлевъ 1704 г. и Ѳедоръ Афанасьевъ 1722 г. (Переписн. кн. 9817, л. 335 и кн. 9820, л. 182).

Родинки, въ 1646 г.,—„сельцо на рѣчкѣ Чюдницѣ и на рѣчкѣ Купавнѣ, Московскаго уѣзда, Кошелева стана, принадлежало Леонтію

Яковлеву Высоцкому, купленное имъ въ 1635 и 1636 годахъ, въ сельцѣ находились: дворъ вотчинниковъ и одинъ дворъ крестьянскій. Въ 1652 г. Леонтій Высоцкій продалъ свою вотчину боярину Семену Лукьяновичу Стрешневу, по смерти котораго владѣла въ 1667—1673 г. его жена вдова Марья Алексѣевна, а въ 1674 г. перешло къ ея племянницѣ Прасковьѣ Алексѣевнѣ, бывшей замужемъ за Иваномъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ. Въ 1704 г., въ селѣ Родинкахъ состояли: дворъ вотчинниковъ съ 7 челов. и 3 двора крестьянскихъ съ 19 челов. Прасковья Алексѣевна Нарышкина продала село въ 1714 г. Ивану Ивановичу Нарышкину. Въ 1765 г. оно находилось во владѣніи у жены князя Ивана Оболенскаго—Марьи Алексѣевны, бывшей за первымъ мужемъ за Александромъ Ивановичемъ Нарышкинымъ. (Помѣстн. Прик. по гор. Москвѣ столб. 190, № дѣла 8; Вотч. Колл. вязка 10, № дѣла 6; перепис. кн. 9809, л. 376, кн. 9817, л. 335).

72. Ц. Спаса Нерукотвореннаго образа въ селѣ Губинѣ, Гирѣево тожъ *).

Спасская церковь въ селѣ Губинѣ построена въ 1718 году. „Билъ челомъ великому государю“ въ Помѣстномъ Приказѣ, въ 1717 г., князь Иванъ Алексѣевичъ Голицынъ: „вотчина у меня въ Московскомъ уѣздѣ, въ Васильцовѣ стану, сельцо Гирѣево, Губино тожъ, и въ прошломъ 714 году, по благословенію преосвященнаго Стефана, митрополита рязанскаго и муромскаго, а по моему челобитью, велѣно въ сельцѣ Гирѣевѣ построить вновь каменную церковь во имя Нерукотвореннаго Спасова образа, а у тоя церкви попу съ причетники земли и сѣнныхъ покосовъ не справлено и чтобъ указомъ повелѣно было къ той новопостроенной церкви попу съ причетники на прокормленіе земли и сѣнныхъ покосовъ справить, и о томъ послать въ Патріаршъ Приказъ память“. Того же года земля съ сѣнными покосами къ новопостроенной церкви утверждена (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 41, № дѣла 17).

1718 г., іюня 11 „по указу великаго государя, а по челобитью боярина князя Іоанна Алексѣевича Голицына вслѣно: новопостроенной церкви Спаса Нерукотвореннаго образа, которую построилъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ своей, въ сельцѣ Губинѣ, Гирѣево

*) Нынѣ Гирѣево, село Московскаго уѣзда. Церковь приписана къ селу Ивановскому.

тожъ, и тоя церкви на попа съ причетники дани положить, по сказкѣ человѣка его Матвея Бибикова, съ дворовъ: съ попова, дьячкова, просвирницына, да съ приходскихъ—одного вотчинникова, да съ дву дворовъ старостина, да скотникова, да по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Ивана Лосева 1717 года, февраля въ 17 день, съ пашни съ 10 чети, да сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, дани, заѣзда и десятильнича доходу, по указной статьѣ, 24 алт. 4 ден. и тѣ данныя деньги велѣно имать съ нынѣшняго 1718 года. И іюля въ 10 день тѣ деньги платилъ человѣкъ его Макаръ Башировъ" (Патр. Прик. кн. 237, л. 287).

При Спасской церкви были: священникъ Тимофей Аввакумовъ 1718—1726 г., дьяконъ Стахей Трофимовъ 1718—1726 г. и дьячекъ Алексѣй Григорьевъ 1726 г.

Гирѣево, Губино тожъ, въ 1625 году—сельцо, на суходолѣ, Московскаго уѣзда, Васильцова стана,—вотчина боярыни княгини Анны боярина князя Андрея Ивановича Голицына, по государевѣ жалованной грамотѣ 132 (1624) года, что была старинная вотчина боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, а въ сельцѣ дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми" (Писцов. кн. 9806, л. 1059). Въ 1681 г. оно принадлежало князю Алексѣю Андреевичу Голицыну, въ 1704 г.—его дѣтямъ стольникамъ князьямъ Ивану и Ѳедору; въ сельцѣ было 2 двора вотчинниковыхъ и 2 дв. скотныхъ, въ нихъ 15 челов. (Переп. кн. 9817, л. 49 - 50).

73. Ц. Происхожденія честныхъ древъ Креста Господня въ селѣ Горенкахъ *).

Церковь Происхожденія древъ Креста построена въ сельцѣ Горенкахъ въ 1719 г. княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Долгоруковымъ. Іюня въ 27 день, 1718 года, „по указу великаго государя, а по челобитью князя Алексѣя Григорьевича Долгоруково (въ Казенномъ Приказѣ), велѣно новопостроенной церкви Происхоженія честныхъ древъ, которую построилъ онъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ своей, въ сельцѣ Горенкахъ, и тоя церкви на попа съ причетники дани положить, по сказкѣ человѣка ево Андрея Рыжакова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, да съ приходскихъ—съ одного вотчинникова, съ пашни съ 10 чети, сѣна съ 10 копенъ, по

*) Нѣнѣ Горенки, сельцо Московскаго уѣзда.

указной статьѣ, дани, заѣзда и десятильнича доходу 23 алтына, 4 деньги, и тѣ деньги велѣно имать съ нынѣшняго 1718 года. И сентября въ 13 день, тѣ деньги платилъ человѣкъ его Андрей Рыжаковъ" (Патр. Прик. кн. 237, л. 288).

Въ 1725 г. билъ челомъ князь Долгоруковъ въ Вотчинной Коллегіи: „въ прошломъ 1719 году въ подмосковной моей вотчинѣ, въ селѣ Горенкахъ состроена и освящена святая церковь во имя Происхожденія честныхъ древъ, а къ той церкви земли и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, а я по своему желанію въ томъ селѣ Горенкахъ къ той церкви отдаю земли 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ, и чтобъ повелѣно было оную землю и сѣнные покосы къ той церкви справить и отказать и о томъ для вѣдома послать память въ Патріаршъ Приказъ". Въ 1726 г. изъ Вотчинной Коллегіи послано увѣдомленіе въ Казенный Приказъ объ утвержденіи земли къ вышеозначенной церкви (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 42, № дѣла 17).

Въ Синодальномъ Каз. Приказѣ производилось дѣло о построеніи въ селѣ Горенкахъ церкви, перевезенной изъ села Чижова. Дѣло началось по прошенію князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова. Въ своемъ прошеніи, поданномъ въ Казенный Приказъ, августа 13 дня 1729 г., писалъ: имѣю я вотчину въ Московскомъ уѣздѣ село Чижово, въ которомъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы деревянная обетшала и служить не возможно, того ради намѣренъ я по обѣщанію своему перевесть и построить въ подмосковной же своей деревнѣ Горенкахъ, которая разстояніемъ отъ села Чижова въ полуверстѣ, понеже изъ онаго села Чижова люди и крестьяне переведены во оную деревню Горенки, а церковная Чижовская земля имѣется отъ деревни Горенокъ въ самой близости, а именно въ полуверстѣ или меньше и ни чьи постороннія дачи не разошли и той церкви безъ указу въ деревню Горенки перевесть и построить не смѣю и просилъ: дать указъ о строеніи церкви въ деревнѣ Горенкахъ.

Въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ вслѣдствіе сего прошенія на справку выписано: „по окладнымъ книгамъ жилыхъ данныхъ церквей прошлыхъ лѣтъ и сего 729 года въ Вохонской десятинѣ написано: съ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ вотчинѣ стольника князь Данилы Григорьева сына Черкаскаго въ селѣ Чижовѣ дани и заѣзда и дѣсятильнича доходу по 26 алтынъ, казенныхъ пошлинъ по 5 алтынъ по 4 деньги, и того данныхъ и пошлинъ по 31 алтыну по 4 деньги на годъ и тѣхъ денегъ съ 722 и на 729 годъ итого на 8 лѣтъ 7 руб. 20 алтынъ платежа не имѣется.

А въ писцовыхъ книгахъ вышеозначенной церкви не написано, потому что та церковь въ окладъ прибыла и данью обложена въ прошломъ въ 200 году и у той церкви въ окладной того году книгѣ въ описке показано дворъ поповъ, два двора церковныхъ причетниковъ, приходскихъ 1 вотчинниковъ три двора крестьянскихъ, три двора бобыльскихъ, да по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Семена Васильева прошлаго 197 году, церковныя земли пашни 10 четвертей, сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ.

А въ переписныхъ книгахъ 703 года у оной же Успенской церкви написано: попъ Борисъ Савиновъ, приходскихъ 4 двора, а церковныхъ причетниковъ, пашни и сѣнныхъ покосовъ не написано, а онъ де попъ живетъ на ругѣ, а что числомъ руги дается того въ книгахъ не написано.

Да въ той же Вохонской десятинѣ по окладной книгѣ значится: церковь Происхожденія Честныхъ древъ въ вотчинѣ князя Алексѣя Григорьева Долгорукова въ селѣ Горенкахъ, съ нея положено дани и заѣзда и десятильнича доходу по 23 алтына по 4 деньги, казенныхъ пошлинъ по 5 алтынъ по 4 деньги, итого по 29 алтынъ по 2 деньги на годъ и тѣхъ данныхъ и пошлинныхъ денегъ на 1722 и 1729 г. въ платежѣ не имѣется.

А въ переписныхъ 1703 г. книгахъ оной Происхожденской церкви не написано, потому что оная церковь прибыла въ окладъ и данью обложена въ 718 году и у той церкви въ окладной книгѣ того году написано дворъ поповъ, два двора церковныхъ причетниковъ, да приходскихъ одинъ дворъ помѣщиковъ, пашни церковныя 10 четвертей, сѣна 10 копенъ.

По оному дѣлу состоялось опредѣленіе: „1729 года августа въ 28 день по указу Его Импер. Величества и по приказу святѣйшаго правительствующаго Сѵнода дать указъ о строеніи церкви“.

Того же числа изъ Синод. Казеннаго Приказа выданъ указъ кн. Алексѣю Григорьевичу Долгорукову, велѣно ему „ветхую деревянную Успенскую церковь изъ села Чижова перевесть въ деревню Горенки и той церкви ветхія бревна переменя построить новыми и устроить оную церковь на удобномъ къ церковному строенію мѣстѣ и устроя убрать святыми иконами, а ветхія бревна сжечь въ полѣ на чистомъ мѣстѣ и пепелъ всыпать въ рѣчную быстрину, пошлинъ 3 алт. 2 деньги взято“ (Патр. Прик. вяз. 458 № дѣла 1507 и кн. 328, л. 65 и кн. 328, л. 65).

Подъ 1742 г. значится: въ селѣ Горенкахъ церковь Всемилостиваго Спаса каменная со всякою церковною утварью да мѣсто цер-

ковное, у церкви каменный домъ, въ которомъ живетъ священникъ; да въ селѣ два сада, 4 пруда (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 99, № дѣла 13).

По писцовымъ книгамъ Московскаго уѣзда въ Васильцѣ стану, 7131 и 7132 (1623—1624) г. извѣстно, что за Никифоромъ Плещеевыхъ находилось въ помѣстьи пустоши: Перевѣсье, на рѣчкѣ Городенкѣ, Погребище на суходолѣ, Глѣбцово, а Степашково тожъ, и Коробкино на суходолѣ, а въ нихъ пашни паханые добрые земли сто одна четверть, лѣсу пашеннаго 11 десятинъ и непашеннаго 3 десятины. Въ 7148 г. то Никифорово помѣстье дано ему въ вотчину. Послѣ его смерти его жена вдова Мавра отдала эти пустоши, въ 1758 г., дочери своей Марьѣ Никифоровой въ приданое, при выходѣ ея замужъ за касимовскаго царевича Василья Аргасловича, а отъ нихъ перешло въ 1693 г. къ ихъ дочери, бывшей замужемъ за княземъ Юріемъ Яковлевичемъ Хилковымъ. Онъ на пустоши Коробиной поставилъ для себя дворъ, назвавъ пустошь сельцомъ Горенки. Въ 1714 г. князь Хилковъ отдалъ свое имѣніе въ приданое дочери своей княжнѣ Прасковьѣ, при выходѣ ея замужъ за князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова, при которомъ и была построена въ сельцѣ Горенкахъ церковь Всемилостиваго Спаса. Въ 1747 г. село Горенки продано женою князя Юрья Юрьевича Долгорукова Еленою Алексѣевною графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому и за нимъ оно было утверждено отказною книгою 1750 года, въ которой упоминается „въ селѣ Горенкахъ домъ вотчинниковъ, а въ томъ домѣ строеніе палаты каменныя и при домѣ церковь Происхожденіе честныхъ древъ Всемилостиваго Спаса“. Въ 1781 г. селомъ владѣлъ графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій (Вотч. Колл. по. гор. Москвѣ ст. л. кн. 99, № дѣла 13, мол. л. к. 5, № дѣла 19.

74. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Аникинѣ *).

Въ XVI ст., на берегу рѣки Клязьмы, на большой стромынской дорогѣ, отъ Москвы въ 25 верстахъ, въ Кошелевѣ стану Московскаго уѣзда, находилась церковь во имя Димитрія Селунскаго, которая была уничтожена, но когда и по какому случаю—не извѣстно. Церковная земля, принадлежавшая Димитріевской церкви отдавалась на оброкъ и писалась въ приходныхъ оброчныхъ книгахъ Патр. Казен-

*) Нынѣ село Аникино Богородскаго уѣзда.

наго Приказа, за 7146 (1638) годъ, такъ: „съ церковныя земли Дмитрія Селунскаго, въ Кошелевѣ стану, на думномъ дьякѣ на Михаилѣ Даниловѣ, за оброкъ данью 8 алт. 2 ден.“ (Дворц. Прик. кн. 6, л. 102). „Во 179 (1671) году, іюля въ 20 день, по указу великаго государя, сія Дмитровская церковная земля взята его великаго государя къ потѣшному двору къ деревни Соколовой, къ пустоши Вольновой съ церковными землями Воскресенскою, что въ Хвощинскомъ, на рѣкѣ Хупавнѣ, да Георгіевскою что въ Кошелевѣ стану, а оброку платить съ тѣхъ пустошей, по указу великаго государя, погодно“ (Патр. Прик. кн. 55, л. 772).

Въ дозорныхъ книгахъ Каз. Приказа за 7188 (1680) годъ написано: „церковная земля Дмитрія Селунскаго на берегу рѣки Клязьмы, подлѣ большой дороги стромынки, а по досмотру на той церковной землѣ построены два двора на большой дорогѣ стромынки, около кладбища съ четверть версты, стоятъ пусты; сѣнныхъ покосовъ по рѣкѣ Клязьмѣ копенъ со 100 волоковыхъ, пашни лѣсомъ поросло десятинъ съ 6, а оброку съ той земли на думномъ дворянинѣ Васильѣ Яковлевичѣ Дашковѣ 10 алт. на годъ“ (Патр. Прик. кн. дозорн. 141 л. 256—257).

Въ 7189 (1681) году, февраля въ 9 день церковная Дмитріевская земля отдана на оброкъ погоста Покровскаго попу Еремѣю, а оброку на годъ 26 алт. 4 деньги (Патр. Прик. кн. 101, л. 283).

„7195 (1687) года, мая въ 7 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея Андрея Денисьевича Владыкина, велѣно на церковной Дмитровской землѣ Якову Потапову, да подьячему Гавріилу Булгакову пашню и сѣнные покосы и всякія угодья описать и измѣрить въ десятины, а по описнымъ и мѣрнымъ ихъ книгамъ та церковная земля въ Кошелевѣ стану, на берегу рѣки Клязьмы, на той землѣ кладбища вдоль и поперегъ 20 сажень, около кладбища церковной земли пашни паханой 20 десятинъ, лѣсной поросли десятина, сѣнныхъ покосовъ по рѣчкѣ Клязьмѣ 100 копенъ, и та церковная земля, пашня и сѣнные покосы, по отводу Алексѣя Васильева сына Плещеева, да вдовы Татьяны Григорьевской жены, Васильева сына Плещеева съ ея дѣтьми, обмежевана и по межѣ учинены столбы и грани; а смежна та церковная земля съ деревнею Аничковою (въ другомъ мѣстѣ Анисково) и сельцомъ Тимофеевымъ, Калинино тожъ, съ землею Алексѣя и вдовы Татьяны Плещеевыхъ, съ землею Ивана Исленьева, Андрея Павлова Астафьева, окольничаго князя Бориса Васильевича Горчакова и Крутицкаго митрополита. И іюня въ 30 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Анисима

Ѳедорова, а по челобитью Алексѣя Плещеева, да вдовы Татьяны съ дѣтьми Плещеевыхъ, церковная Дмитріевская земля отдана на оброкъ имъ на нынѣшній 195 годъ и впредь до указу, а оброку имъ платить, опричь пошлинъ, по 10 рублевъ на годъ, а пошлинъ по указу, а тѣхъ денегъ платить половину Алексѣю Плещееву, а другую половину—вдовѣ Татьянѣ съ дѣтьми, и тою землею владѣть имъ по поламъ и другъ друга ни въ чемъ не изобижать и въ платежѣ оброчныхъ денегъ и въ очисткѣ земли взять по нихъ поручныя записи. Оброчныя деньги на 195 годъ 10 рублевъ взяты" (Патр. Прик. кн. 120, л. 274, дозорн. кн. 109, л. 1—20).

1719 года, сентября 4, по указу великаго государя и по помѣтѣ на выпискѣ дворецкого Алексѣя Андреевича Владыкина, а по челобитью капитана Ѳедора Алексѣева сына Плещеева, велѣно ему на вышеписанной Дмитріевской церковной землѣ построить вновь церковь во имя Иверскія Пресвятыя Богородицы, да въ предѣлахъ: Алексѣя Митрополита и св. Димитрія Селунскаго и оброчныя деньги велѣно изъ оклада выложить и вмѣсто онаго положить дань и въ приходную книгу жилыхъ церквей внесть. И сентября въ 14 день, въ Казенномъ Приказѣ, велѣно новопостроенной церкви во имя Иверскія Пресв. Богородицы съ придѣлами на попа съ причетники положить дани съ дворовъ: попова, дьячкова, просвирницына да съ приходскихъ—2 дворовъ вотчинниковыхъ, съ 20 дв. крестьянскихъ, да по дозорнымъ книгамъ Якова Потапова 195 года, съ пашни церковной съ 20 десятинъ, да лѣсомъ поросло съ одной десятины, сѣнныхъ покосовъ со 100 копенъ дани, десятильнича доходу и заѣзда, по указной статьѣ, 2 рубли 15 алт. и тѣ деньги велѣно имать съ будущаго 1720 года" (Патр. Прик. кн. 239, л. 289 и кн. 241).

Церковь освящена въ 1722 г. во имя Рождества Пресв. Богородицы. Въ книгахъ же Каз. Приказа за 1720 и 1721 годы писалась: „церковь Иверскія Пресв. Богородицы съ придѣлами Алексѣя Митрополита и Димитрія Селунскаго въ вотчинѣ капитана Ѳедора Плещеева, дани 2 р. 15 алт." Подъ 1722 годомъ отмѣчено: „писать церковь *Рождества Пресв. Богородицы* съ придѣлы тѣхъ храмовъ, съ того числа, какъ о освященіи тоя церкви указъ отпущенъ *въ семь Тимофеевѣ, Калинино тожъ*, въ вотчинѣ Плещеевыхъ.

При церкви были въ 1722 г. священникъ Емельянъ Ивановъ, его дѣти: дьячекъ Григорій и пономарь Иванъ (Патр. Прик. 245, кн. 268, л. 208 и 1 ревизіи, кн. 1722 г, л. 432 об.).

Тимофеево, Калинино тожъ, въ 1623 г.—„пустошь", находившаяся Московскаго уѣзда въ Кошелевѣ стану, „въ помѣстьи за княземъ

Михаиломъ Козловскимъ", а въ 1678 г. значится сельцо Тимофеево Калинино тожъ, на рѣкѣ Клязьмѣ, помѣстье Алексѣя и Григорья Васильевыхъ Плещеевыхъ, въ сельцѣ 2 двора помѣщиковыхъ съ дѣловыми людьми", у нихъ же, Плещеевыхъ находилась во владѣніи деревня Аничкина съ 6 дворами крестьянъ и бобылей, въ нихъ 37 челов. По смерти Алексѣя и Григорья Плещеевыхъ имѣніемъ владѣли 1704 г. ихъ дѣти: Ѳедоръ Алексѣевъ, Алексѣй, Михаилъ, Ѳедоръ и Андрей Григорьевы, въ сельцѣ Тимофеевѣ, Калинино тожъ, состояло 2 двора вотчинниковыхъ съ 13 челов. дворовыхъ людей и въ деревнѣ Аничкиной—14 д. крестьянскихъ съ 60 челов. (Писцов. кн. 9806, л. 962; Переписн. кн. 9813, л. 385—386 и кн. 9817, л. 341—343).

Въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ производилось дѣло о построеніи въ деревнѣ Анискинѣ (sic) новой каменной церкви во имя Рождества Пресв. Богородицы съ придѣлами. Дѣло началось по прошенію полковника Андрея Григорьева Плещеева. Въ своемъ прошеніи, поданномъ въ Казенный Приказъ 1738 года іюля 3 дня, онъ, Плещеевъ, писалъ: Въ Московскомъ уѣздѣ, въ Кошелевѣ стану, на рѣкѣ Клязьмѣ по одну сторону большой стромынской дороги, имѣется церковная Дмитровская земля, которая стоитъ въ нашихъ дачахъ съ братомъ моимъ двоюроднымъ Федоромъ Алексѣевымъ сыномъ Плещеевымъ; и въ прошлыхъ годахъ по обѣщанію мать моя Татьяна Гордѣевна Плещеева била челомъ на оной церковной землѣ построить церковь, токмо то строеніе пресѣкла кончина матери моей, а я имѣлъ отлучку въ службѣ; и въ небытность мою въ прошлыхъ годахъ, по челобитью показаннаго брата моего Федора Алексѣева сына Плещеева, на той церковной землѣ построена церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, которая нынѣ весьма ветха и въ священномъ служеньѣ исправлять въ ней никакъ не возможно, къ тому жъ оная церковь отъ деревень нашихъ Онискина и Тимофѣева, а тоя церкви отъ приходу, стоитъ не въ близости, отъ чего въ той церкви отъ воровскихъ людей напредъ сего бывали кражи и святые образа обирали, да и впредь во оной святой церкви за онымъ дальнымъ отъ деревень нашихъ разстояніемъ и за опасеніемъ воровскихъ людей кражи церковной утвари умножить весьма опасно. А нынѣ я помянутой по обѣщанію своему желаю въ показанной деревнѣ Анискинѣ вмѣсто той обетшалой церкви построить вновь церковь во имя того жъ храма Рождества Пресвятыя Богородицы съ предѣлы Николая чудотворца и Алексѣя Митрополита каменные, ибо и священнослужители той церкви въ той же деревнѣ жительствуютъ; а подъ строеніе той церкви и подъ кладбище земля имѣется церковная и священнослужителемъ въ до-

вольство будетъ прежде имѣющаяся оная синодальная земля, и чтобъ повелѣно было о строеніи показанной церкви и съ предѣлы дать храмозданную грамоту".

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ на справку выписано: „по окладной книгѣ сего 1738 года Московскаго уѣзду Вохонской десятины написано: съ церкви Рождества Пресв. Богородицы, да въ предѣлѣ Алексѣя Митрополита да Дмитрія Селунскаго въ вотчинѣ капитана Федора Плещеева, дани и пошлинъ по 2 руб. по 62 коп. платятся повсегодно безъ доимки. А въ приходной окладной прошлаго 719 года книгѣ написано: 1719 года сентября въ 14 день, по челобитью капитана Федора Плещеева, велѣно новопостроенной церкви въ Московскомъ уѣздѣ въ Вохонской десятинѣ, которая построена на пустовой церковной Дмитровской землѣ, что въ Кошелевѣ стану, на берегу рѣки Клязьмы, Иверскія Пр. Богородицы да предѣла Алексѣя Митрополита, да Дмитрія Селунскаго данныя и протчія положенныя деньги съ дворовъ попова, дьячкова, просвирницына, да съ приходскихъ—трехъ вотчинниковыхъ, съ 20 крестьянскихъ, да по дозорнымъ книгамъ Якова Потапова 195 года пашенной церковной земли съ 20 десятинъ, да лѣсной поросли съ десятины, сѣнныхъ покосовъ съ 100 копенъ, всего по 2 рубли по 76 копѣекъ имать съ того съ 719 году. А въ записной антиминсной книгѣ 722 г. написано: августа 31 дня запечатанъ указъ большаго Успенскаго собора, что въ Москвѣ, протопопу съ братьею о освященіи церкви по челобитью капитана Федора Алексѣева Плещеева, велѣно ему протопопу въ Московскомъ уѣздѣ въ селѣ Калининѣ Тимофѣево тожъ, новопостроенную церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы освятить и антиминсъ въ тоя церковь выдать".

Резолюція преосвященнаго Веніамина епископа коломенскаго и каширскаго: „Дать храмозданную грамоту 1738 году іулія 7 дня. Того же іюля 23 дня выданъ указъ изъ Синодальнаго Казеннаго Приказа о строеніи церкви полковнику Андрею Григорьеву сыну Плещееву, по его прошенію, велѣно: въ Московскомъ уѣздѣ, въ Кошелевѣ стану, на рѣкѣ Клязьмѣ, по одну сторону большой стромынской дороги, на имѣвшейся церковной Дмитровской землѣ построена церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, которая весьма ветха и за ветхостью служить не возможно, построить вновь церковь Рождества Пресв. Богородицы съ придѣлами Николая чудотворца и Алексѣя митрополита въ деревнѣ Анискинѣ, буде спору отъ кого не возымѣется; пошлинъ 30 копѣекъ съ половиною взято" (Патр. Прик. вязка 481, № дѣла 5769 и кн. 413, л. 43.

75. Ц. Зачатія Іоанна Предтечи въ селѣ Георгіевскомъ, Поварово, Федорнево тожъ *).

Церковь Іоанна Предтечи построена въ сельцѣ Поваровѣ, Федурнево тожъ, въ 1708 году деревянная. Въ книгѣ Патр. Каз. Приказа за 1708 годъ говорится: „марта въ 13 день, по указу великаго государя и по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Іосифа Бурцова, велѣно новопостроенныя церкви Іоанна Предтечи, которую построилъ стольникъ князь Иванъ княжъ Ѳедоровъ сынъ Борятинскій въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ своей въ сельцѣ Поваровѣ, Федурнево тожъ, на попа съ причетники дани положить, по сказкѣ человѣка его Потапа Евтюженикова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, да съ приходскихъ съ одного вотчинникова, съ 5 дв. крестьянскихъ среднихъ, да по памяти изъ Помѣстнаго Приказа 1708 года генваря 24 числа, пашни съ 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 12 алт. 5 ден.; данныя деньги велѣно имать съ нынѣшняго 1708 года“ (кн. 204, л. 156 об.).

„1708 года, марта 26, по благословенной грамотѣ, отпущенъ антиминсъ, для освященія церкви во имя Іоанна Предтечи въ Московской уѣздъ, въ село Федурнево“ (Патр. Пр. кн. 138, л. 334).

Церковь Іоанна Предтечи въ приходныхъ книгахъ Каз. Приказа писалась подъ Загородскою десятиною. „Въ 1738 г. декабря 13 дня, по опредѣленію Синод. Каз. Приказа, по силѣ присланнаго изъ святѣйшаго Правит. Синода въ Москвѣ указа, велѣно: съ построенной въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ князя Ивана Ѳедоровича Борятинскаго, въ селѣ Георгіевскомъ, Поварово и Федурнево тожъ, церкви Зачатія Іоанна Предтечи, которой о строеніи въ 1707 году, а освященіи въ 1708 году указы даны и данныя деньги велѣно брать съ 1708 года и внесть въ окладныя книги, и была написана та церковь въ окладную книгу въ Загородской десятинѣ и писано по 1712 годъ, а деньги плачены по 713 годъ, а въ томъ 1712 году въ окладной книгѣ противъ оной церкви на сторонѣ отмѣчено: впредь писать въ Вохонской десятинѣ, по которой отмѣткѣ въ Загородской писаться не стала, а въ Вохонской не написана и въ платежѣ съ того 1713 года не имѣлось,—данныхъ по 78½ коп., пошлинъ по 17 коп. на годъ съ 1718 по предбудущій 1739 годъ взять и впредь брать отъ дому

*) Нынѣ Георгіевское (Федурнево), сельцо Московскаго уѣзда.

показаннаго князя господина Борятинскаго того ради, что въ томъ селѣ церковь сгорѣла, а вновь не строятъ, а попъ бывшій при той церкви опредѣленъ, до строенія той церкви, въ викарные священники въ Москвѣ“ (Патр. Прик. кн. 206, л. 242 кн. 412, л. 319). Съ церкви Іоанна Предтечи данныя деньги, заѣзда и десятильнича доходу съ 1718 по 1738 годъ 15 руб. 70 коп., казенныхъ пошлинъ 3 руб. 40 коп., и того 19 рубл. 10 коп. съ онаго платежа нужнѣйшихъ по копейки съ половиною съ рубля 28½ коп., итого 19 руб. 38½ коп. платилъ 1738 года подполковника князя Александра, да лейбъ гвардіи поручика князя Сергѣя Ивановыхъ дѣтей Борятинскихъ служитель Климъ Дѣевъ (Патр. Прик. кн. 412, л. 320).

По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) гг. Московскаго уѣзда, Почернева стана находилась въ вотчинѣ „за Никифоромъ Михайловымъ сыномъ Грековымъ, по закладной Втораго, да Алексѣя Дорофеевыхъ дѣтей Бохина да сестры ихъ Аксиньи 7117 (1609) года деревня, что б. сельцо Поварово, на рѣчкѣ Черной, а въ ней дворъ вотчинниковъ, да дѣловыхъ людей 4 двора“ (Писцов. кн. 9805, л. 132). По переписнымъ книгамъ 154 (1646) г: „за Ѳедоромъ Алексѣевымъ сыномъ Бохинымъ въ вотчинѣ сельцо Поварово, а въ немъ дворъ вотчинниковъ, деревня Федурнева, а въ ней крестьянъ 4 двора; деревня Маревка, на рѣчкѣ Маревкѣ, а въ ней крестьянъ 2 дв.“ (Перепис. кн. 9809, л. 418). По смерти Ѳедора Бохина этимъ имѣніемъ владѣли его дѣти Сергѣй и Павелъ, отъ которыхъ оно было продано въ 1673 году князю Юрію Никитичу Борятинскому, а отъ него перешло къ его сыну князю Ѳедору, женатому на Аннѣ Даниловнѣ и въ 1704 г. къ его внуку князю Ивану Ѳедоровичу Борятинскому, при которомъ сельцо Поварово имѣло другое названіе „Егорьевское“ по имени владѣльца Георгія (Юрія) Борятинскаго. Въ 1704 г. въ сельцѣ Егорьевскомъ, Поварово тожъ, дворъ вотчинниковъ и дворъ скотный, въ нихъ 17 челов., въ деревняхъ Федурневѣ и Митяевкѣ 30 дворовъ крестьскихъ съ 52 челов. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 16 № дѣла 11; переписн. кн. 9717, л. 777—779). По построеніи въ сельцѣ Егорьевскомъ церкви оно стало называться селомъ Егорьевскимъ, Поварово Федурнево тожъ.

76. Ц. Знаменія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Перовѣ *).

Знаменская церковь построена въ 1705 году каменная въ деревнѣ Тетеревникахъ.

*) Нынѣ село Перово Московскаго уѣзда.

Тетеревники въ XVI ст.—село, въ которомъ была церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Въ началѣ XVII ст. оно разорено и было пустошью. Въ писцовыхъ книгахъ 131 и 132 (1623—1624) гг. ского уѣзда, къ Васильцовѣ стану, написано: „за князьями Ѳеи Иваномъ Борисовыми дѣтьми Татева въ помѣстьи, по госуграмотѣ 130 (1622) году, пустошь, что было село Тетеревники, емъ была церковь во имя Пречистыя Богородицы Успенія, паерковныя середнія земли перелогомъ 5 чети, лѣсомъ поросло въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна межъ поль 12 копенъ, лѣсу наго 3 десятины". Близъ пустоши Тетеревниковъ находилась ъ Перова, Пирогово тожъ, на суходолѣ,—помѣстье князей же ихъ (Писцов. кн. 685 л. 1117). Потомъ этимъ имѣніемъ владѣлъ ъ князь Ѳедоръ Семеновичъ Куракинъ. При немъ пустошь Тевники была деревнею, въ которой числилось въ 1646 г. 4 двора янскихъ и бобыльскихъ съ 6 челов.; отъ князя Куракина дер. вники съ пустошью Перовою перешла во владѣніе боярина князя Алексѣевича Воротынскаго, при немъ Перово въ 1678 г. было мъ, въ которомъ находился дворъ боярскій и 7 семей дворовыхъ съ 15 челов., а въ дер. Тетеревникахъ числилось 3 двора бихъ съ 10 челов. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 23, а 4; Переписн. кн. 9809, л. 398 и кн. 9813, л. 448).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Приказа 7188 (1680) г. значится: асильцовѣ стану церковная Успенская земля, отъ Москвы въ 5 хъ подлѣ большой дороги Носовихи; по осмотру церкви нѣтъ, гѣ кладбища згоны, построены три двора крестьянскихъ, а попые крестьяня оказались боярина князя Алексѣя Андреевича Гоа, поселены—де они на церковной землѣ до мороваго повѣтрія де церковною землею владѣютъ они крестьяня, пашню пашутъ десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, и сѣно косятъ они жъ яня; а та де деревня словетъ Тетеревники. А въ приходныхъ къ жилыхъ церквей и пустовыхъ церковныхъ земель прошлыхъ въ селѣ Тетеревникахъ церкви въ дани и церковной земли на ѣ ни на комъ не написано" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 272). „И во 194 (1686) году, по указу патріарха и по помѣтѣ писцѣ дьяка Перфилія Сѣменникова, съ церковной земли Успенвелѣно оброчныя деньги, по указной статьѣ, спрашивать боярязя Алексѣя Андреевича Голицына на стрянчемъ ево, который лы ходитъ, за прошлые годы со 161 (1653) по 7194 (1686) Во 194 году марта въ 6 день билъ челомъ святѣйшему патріарху нъ князь Алексѣй Андреевичъ Голицынъ, а въ челобитной ево

написано: спрашиваютъ на немъ въ Казенномъ Приказѣ съ церковной земли Успенской на прошлые годы деньги, а тою-де церковною землею онъ не владѣлъ, лежала порожжа; а село де Тетеревники досталось сыну его стольнику князю Петру, послѣ тестя его боярина князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго во 188 году, и святѣйшій патріархъ пожаловалъ бы его не велѣлъ съ той земли за прошлые годы денегъ на немъ спрашивать, а велѣлъ бы съ той земли деньги принять у него со 188 по нынѣшній 194 годъ. И іюля въ 31 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Ивана Никитина, велѣно съ вышеписанной церковной Успенской земли оброчныя деньги, по указной статьѣ, по 13 алтынъ на годъ, со 188 года взять на человѣкѣ князѣ Алексѣѣ Голицынѣ и записать въ приходъ, а прошлыхъ же лѣтъ до 7188 года съ той земли оброчную доимку очистить" (Патр. Прик. кн. 117, л. 271—272).

Въ 7198 (1690) году церковная Успенская земля находилась на оброкѣ у князя Петра Алексѣевича Голицына, которому разрѣшено было построить на той церковной землѣ каменную церковь во имя Знаменія Пресв. Богородицы и дана благословенная грамота и по той грамотѣ та церковь построена ль и освящена ль тото въ Казенномъ Приказѣ было не вѣдомо по 1705 годъ. А по сказкѣ, какова взята у человѣка князя Голицына Михаила Горюшкина, та церковь построена и освящена въ 1705 году. И по помѣтѣ на выпискѣ судіи монаха Іосифа Булгакова 1707 г. велѣно тоя церкви на попа съ причетники дани положить по сказкѣ вышеписаннаго человѣка его, князя Голицына, съ дворовъ: попова, дьячкова, просвирницына, съ приходскихъ—вотчинникова, съ 4 крестьянскихъ, съ церковной земли, по писцовымъ книгамъ, съ 12 чети, сѣнныхъ покосовъ съ 12 копенъ, лѣсу съ 3 десятинъ, по указной статьѣ, 17 алтынъ, 3 деньги, заѣзда гривна, и тѣ данныя деньги велѣно взять съ 1705 года, какъ та церковь освящена. И сентября въ 16 день тѣ деньги на 1705—1707 годъ платилъ человѣкъ его Михаилъ Горюшкинъ, принялъ Алексѣй Титовъ" (Патр. Прик. кн. 200, л. 191).

По книгамъ Каз. Приказа за 1708—1739 гг. церковь Знаменія Пресв. Богородицы писалась „въ селѣ Тетеревникахъ"; а подъ 1745 г. отмѣчено: писать въ селѣ Перовѣ Тетеревники тожъ" (кн. 204, л. 11; кн. 341, л. 70).

Послѣ князя Петра Алексѣевича Голицына и жены его Настасьи Ивановны, урожд. кн. Воротынской, имѣніе досталось ихъ сыну князю Николаю Петр. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 23, № дѣла 4). Въ 1704 г. въ селѣ Перовѣ находились дворы: вотчин-

никовъ, прикащичій, въ нихъ 13 челов. дворовыхъ людей, 4 дв. задворныхъ, 2 дв. вдовьихъ, 2 дв. садовниковыхъ, 4 дв. конюховыхъ, въ нихъ 24 челов.; въ деревнѣ Тетеревникахъ 3 дв. крестьянскихъ съ 26 челов. (Переписн. кн. 9817, л. 45).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа, за 1730 г. значится: „августа 11 числа, запечатанъ указъ о строеніи церкви Большаго Успенскаго собора протопопу Ивану Максимову съ братьею, по челобитью лейбъ-гвардіи преображенскаго полка сержанта князя Николая Петрова сына Голицына, велѣно: въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ ево, въ селѣ Перовѣ Тетеревки тожъ, въ настоящей Знаменской каменной церкви построить для зимняго времени теплый придѣлъ во имя Николая чудотворца, а какъ та предѣльная церковь построена будетъ и тоѣ церковь освятить ему, протопопу, съ братьею, по новоисправному требнику, а антиминсъ въ тою церковь выданъ; пошлинъ 3 алт. 2 ден., нужнѣйшихъ одна четь взято“ (Патр. Прик. кн. 337, л. 37).

Въ 1732 г. князь Ник. Петр. Голицынъ село Перово съ деревнею Тетеревники заложилъ графу Якову Вилимовичу Брюсу, а въ 1735 г. оно перешло къ его племяннику Александру Романовичу Брюсу. Въ 1743 г. по имянному указу это имѣніе было куплено въ казну и въ 1744 г. село Перово съ деревнею было пожаловано графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому (Витч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 92, № дѣла 3; кн. 62, № дѣла 19, и вязка 30, № дѣла 13).

При Знаменской церкви были священники: Георгій Агафоновъ 1705 г., Кузьма Ефимовъ 1710 г., Тихонъ Тихоновъ. опредѣленный въ 1716 г. отъ церкви Воскресенія Христова, что въ Никитскомъ монастырѣ, у святыхъ вратъ, на мѣсто попа Ивана Иванова (Патр. Прик. кн. 220, л. 54), Михаилъ Тихоновъ 1717—1720 г., Иванъ Никитинъ 1735 г. и Алексѣй Яковлевъ 1744 г., дьячки: Тимофей Абакумовъ 1705—1715 г., Михаилъ Яковлевъ 1720 г.; пономари: Алексѣй Яковлевъ 1705 г. и Илья Игнатьевъ 1710—1725 г.

77. Ц. Живоначальныя Троицы при домѣ Салтыкова.

1728 г., по указу его императорскаго величества и по учиненнымъ по духовной Дикастріи въ прошломъ 1726 г., декабря 20 и Синодальнаго Каз. Приказа 1728 г. октября 15, опредѣленіямъ, велѣно противъ челобитья Василья Ѳедорова сына Салтыкова въ Московскомъ уѣздѣ, въ Васильцовскомъ стану, при домѣ его запечатанную церковь во имя Живоначальныя Троицы, которая въ прошломъ 722 году, въ

декабрѣ мѣсяцѣ съ протчими запечана, для объявленнымъ онымъ господиномъ Салтыковымъ прошеніемъ нуждъ распечатать и священнослуженіе въ ней отправлять позволено, понеже въ томъ его господина Салтыкова прошеніи показано: приходскія-де церкви отъ двора его въ дальнемъ разстояніи и за рѣками, а священникомъ не токмо нощнымъ временемъ со всякою нужною потребою ускорить, но и въ день за дальнымъ разстояніемъ приходить въ домъ ево и ему господину Салтыкову и людемъ ево къ тѣмъ приходскимъ церквамъ со страхомъ дальности пути отъ воровскихъ людей приходить же опасно, а въ домѣ-де ево людей со сто, а въ пріѣздъ бываетъ подъ двѣсти и больши, да и того ради тое церковь распечатать, понеже оная построена и освящена до состоянія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества указовъ, которымъ вновь, гдѣ прежде сего не бывало, церковное строеніе строить запрещено; а для священнослуженія во оной церкви требуемаго имъ господиномъ Салтыковымъ попа Никиту на мѣсто тояжъ церкви прежде бывшаго попа Григорія (который по справкѣ значится въ прошломъ 1723 году іюля 12 дня опредѣленъ къ церкви Арх. Гавріила, что на Чистомъ пруду) опредѣлить и для того отправить ему попу Никитѣ перехожую память и оную Троицкую церковь для показаннаго многолюдства учинить приходскую, которую противъ прочихъ церквей данными деньгами обложить, а именно: счисляя изъ оныхъ дворовыхъ людей по 5 душъ въ приходской дворъ и съ того разсчисленія, также и съ объявленной онымъ прошеніемъ денежной и хлѣбной руги, тѣ данныя деньги по указу на 1726, 727 и 728 годы доправить съ попа и съ причетники или съ кого надлежитъ и доправя записать въ приходъ и тое церковь внесть въ окладныя книги, а къ старостѣ поповскому, въ которой десятинѣ та церковь обрѣтается, впредь для платежа данныхъ денегъ послать указъ. И по вышеписаннымъ опредѣленіямъ съ вышеписанной Троицкой церкви по распоряженію данныхъ денегъ положено, а именно: съ дворовъ съ попова 4 ден., съ дьячкова, съ просвирнина по денгѣ, да съ приходскихъ двухъ сотъ человѣкъ по 5 душъ во дворъ, съ 40 дворовъ, по 3 денги съ двора, съ руги съ 20 руб., по 3 денги съ рубля, всякаго хлѣба съ 20 четвертей, по 2 денги съ четверти, итого дани рубль 3 алт. 2 д., заѣзда гривна, десятильнича доходу 10 алт., казенныхъ пошлинъ 5 алт. 4 д., а всего данныхъ и пошлинныхъ рубль 22 алт. 2 д., и по силѣ онымъ опредѣленіямъ для взятья на 1726, 727 и 728 годы положенныхъ данныхъ денегъ послать указъ въ Московскій уѣздъ, въ Вохонскую десятину, къ старостѣ поповскому

Гуслицкой волости къ ильинскому попу Егору. Указъ посланъ мая 20 дня 1728 года (Патр. Прик. прих. кн. 323, л. 155).

Въ окладныхъ книгахъ Синод. Эконом. Прав. за 1740 г. кн. 5, записано: „церковь Живоначальныя Троицы въ Васильцовѣ стану, которая построена при домѣ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и генералъ-губернатора Василія Ѳодоровича Салтыкова, дани рубль 50 коп".

78. Ц. Успенія Пресв. Богородицы съ придѣломъ Іоанна Богослова, на рѣчкѣ Шернѣ *).

Въ XVI ст., Московскаго уѣзда, въ дворцовой Черноголовской волости, находилась церковь Іоанна Богослова, при рѣкахъ Клязьмѣ и Шернѣ, которая была уничтожена въ началѣ XVII ст. Церковная земля, принадлежавшая сей церкви, отдавалась въ оброкъ. По книгамъ Патр. Каз. Приказа оброчныхъ земель за 7146 (1638) годъ: „съ церковной земли Іоанна Богослова, что на рѣкѣ Шарнѣ (въ другомъ мѣстѣ Шернѣ), на патріаршѣ огородникѣ Тимошкѣ Яковлевѣ, оброку 3 р. 16 алт. 4 д." (Дворц. Прик. кн. 6, л. 102). Въ 7182 (1673) году, ноября въ 22 день, по памяти изъ Патріарша разряда, отдана ся церковная Іоанна Богослова земля въ помѣстье патріаршу сыну боярскому Перфилію Гнѣвашову и впредь сей церковной земли въ оброчной книгѣ не писать" (Патр. Прик. кн. 76, л. 380 об.).

Въ Синод. Казенномъ Приказѣ производилось дѣло о построеніи на церковной Іоанна Бословской землѣ вновь деревянной церкви. Въ прошеніи, поданномъ въ Казенный Приказъ 1719 г. въ генварѣ мѣсяцѣ, монахъ Троицы Сергіева монастыря Питиримъ писалъ: „въ Московскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Шернѣ и на Клязьмѣ имѣется церковная земля Іоанна Богослова, на которомъ погостѣ построена издавна часовня, и нынѣ де онъ обѣщается построить вновь церковь во имя Іоанна Богослова древяную, а безъ указу той церкви строить не смѣетъ, а оная де часовня приписана къ пустыни Николаевской Бирхинской, и чтобъ указомъ повелѣно было о строеніи оной церкви дать ему указъ, а какъ та церковь построится и чтобъ тоя церковь освятить и выдать освященный антиминсъ, а у строеніи той церкви быть ему монаху Питириму".

А по справкѣ въ Синод. Каз. Приказѣ, вслѣдствіе сего прошенія, означенной церковной Богословской земли, что на рѣкѣ Шернѣ

*) Нынѣ село Богословское Богородскаго уѣзда.

и на Клязьмѣ, какъ въ писцовыхъ такъ и въ окладныхъ книгахъ по Московскому уѣзду, не имѣется".

По этому прошенію послѣдовала резорюція преосвященнаго Стефана митрополита рязанскаго и муромскаго: „дать указъ противъ челобитья о строеніи и освященіи церкви Божіи и антиминсъ выдать, а у строенія той церкви быть монаху Питириму, токмо съ благословеніемъ Николаевской пустыни строителя Василія".

1729 г., августа 13 числа, въ Синод. Каз. Приказъ входилъ съ прошеніемъ строитель Богословской пустыни іеромонахъ Петръ съ братіею и вкладчиками Ѳедоромъ Антоновымъ и Иваномъ Семеновымъ, въ которомъ писалъ: „Въ Московскомъ уѣздѣ, въ Рогожскомъ стану, межъ рѣкъ Шерны и Клязьмы, имѣется пустыня, въ которой обрѣтается церковь во имя Іоанна Богослова древянная, а тщаніемъ и раченіемъ насъ богомольцовъ, строителя іеромонаха Петра съ братіею и по обѣщанію въ тое пустыню разныхъ чиновъ вкладчиковъ, желаемъ построить церковь соборную каменную во имя Успенія Пресв. Богородицы съ придѣломъ св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова теплымъ, понеже мы имѣемъ безъ теплыя церкви въ службѣ не малую нужду, а безъ указу его императорскаго величества и безъ благословенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода на оное каменное строеніе всякихъ припасовъ готовить и оныхъ церквей строить не смѣемъ, и чтобъ указомъ повелѣно было во оной Богословской пустыни, по обѣщанію нашему, о строеніи оной каменной церкви и съ придѣломъ дать намъ указъ".

Вслѣдствіе этого прошенія, „1729 г. сентября 8 числа, по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода и по помѣтѣ синодальнаго дома казначея іеромонаха Филагрія, велѣно: о строеніи Успенской церкви съ предѣломъ Іоанна Богослова дать указъ". Того же года сентября 9 числа изъ Синод. Каз. Приказа выданъ указъ, „по которому велѣно, ему, строителю Петру съ братіею, церковь и предѣлъ построить, противъ протчихъ святыхъ церквей, безъ всякаго по своему смышленію приложенія или умаленія и, построя, убрать святыми иконами и протчимъ церковнымъ благолѣпіемъ, по подобающему какъ обычаи, а егда оныя церковь и предѣлъ построены и ко освященію со всѣмъ изготовлены будутъ, тогда бить челомъ о освященіи оной церкви съ предѣломъ и о антиминсахъ и кому святить". Подлинный указъ былъ выданъ монаху Богословской пустыни Никифору, вмѣсто котораго, въ полученіи указа росписался служитель вкладчика стольника Василія Петровича Головина Аѳанасій Гавриловъ.

1731 г. октября въ 5 день, онъ же, строитель іеромонахъ Петръ, входилъ въ Синод. Каз. Приказъ съ прошеніемъ, въ которомъ объяснялъ, что придѣлъ Іоанна Богослова каменный съ трапезою, милостію Божіею, построенъ и ко освященію въ готовности и просилъ объ освященіи онаго придѣла выдать ему указъ.

Резолюція: „1731 г. октября въ 14 день, о освященіи церкви и о выдачѣ антиминса дать указъ". Того же года, ноября 22 дня, изъ Синод. Каз. Приказа выданъ указъ Большаго Успенскаго собора протопопу Іоанну Максимову съ братіею велѣно: „вышеозначенный предѣлъ во имя Іоанна Богослова, буде построенъ, освятить на выданномъ изъ синодальнаго дому освященномъ антиминсѣ по новоисправному требнику, какъ о томъ напечатано о положеніи освященнаго антиминса, и для того освященія антиминсъ выдать попу или діакону съ роспис憂".

1735 г. іюля 25 дня, строитель Богословской пустыни іеромонахъ Даніилъ съ братьею въ прошеніи, поданномъ въ Синод. Каз. Приказъ, писалъ: „въ Московскомъ де уѣздѣ въ Вохонской десятинѣ, на рѣкѣ Шернѣ и Клязьмѣ имѣлась церковная земля, старинной погостъ Іоанна Богослова, на которомъ погостѣ была построена издавна часовня, а въ прошломъ 719 г., по указу изъ Духовнаго Приказу, противъ прошенія Троицы Сергіева монастыря монаха Питирима, построена на томъ церковномъ погостѣ вновь церковь во имя Іоанна Богослова, а сего же 1735 году апрѣля 7 числа помѣщика Василія Алексѣева сына Янова служитель Иванъ Алексѣевъ, да прикащикъ Ѳедотъ Анисимовъ на оной ихъ Богословской церковной землѣ, по приказу онаго помѣщика Янова, построили близъ той ихъ пустыни — разстояніемъ саженъ съ 40—двѣ избы и называютъ тое церковную землю своею помѣстною землею, а по какому указу или по крѣпостямъ про то они не извѣстны, и отъ того ихъ насильнаго владѣнія чтобъ имъ неразорится и не помереть гладомъ, и чтобъ повелѣно было оному помѣщику Янову тою ихъ церковною землею насильствомъ своимъ владѣть не велѣть, а построенныя избы снести и владѣть имъ по прежнему и о томъ владѣніи дать имъ указъ".

Вслѣдствіе сего прошенія и опредѣленія Синод. Каз. Приказа 1736 г. іюля 14 дня дана инструкція подканцеляристу Алексѣю Максимову, которому было предписано произвести на мѣстѣ „достовѣрное слѣдствіе духовнаго и мірскаго всякаго чина посторонними и старожилыми людьми о томъ: имѣлась ли напредь сего на той церковной Богословской землѣ часовня и кѣмъ въ которомъ именно году построена, отъ чего и какимъ образомъ или откуда по указу въ разрушеніе

пришла и какія на той землѣ каменья и кладбища и иные приличные признаки, по которымъ признать было можно, что оная земля церковная и съ чьими помѣщиками въ смежности, а коликое число пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ нынѣ во владѣніи за тою Богословскою пустынею находится учинить съ мѣрною описью чертежъ, а у Василья Янова взять съ крѣпостей о владѣніи его землею точныя копіи и учиня то слѣдствіе подать въ Синод. Каз. Приказъ при обычайномъ доношеніи".

Московскаго уѣзда, Вохонской десятины староста поповской дворцовой Куньевской волости церкви Рождества Богородицы попъ Антипъ Григорьевъ, да Черноголовской волости села Ямкина церкви Рожества Христова попъ Никифоръ Никифоровъ, той же волости села Воскресенскаго церкви Покрова Пресв. Богородицы попъ Петръ Филатовъ, села Рогожъ церкви Николая чудотворца попъ Василій Ивановъ, села Рогожъ ямщикъ Борисъ Алимпіевъ сынъ Ананьинъ, вотчины секретаря Романа Иванова Христофорова пороховаго завода крестьянинъ Андрей Тимофеевъ сынъ Возникъ и деревни Буковой крестьянинъ Климъ сынъ Козловъ, при произведенномъ слѣдствіи о завладѣніи помѣщикомъ Яновымъ церковною Богословскою землею, объявили: „издавнихъ де лѣтъ до разоренія литовскаго въ томъ Рогожскомъ стану было церквей: только въ началѣ церковь во имя Воскресенія Христова съ придѣлы Димитрія Селунскаго, да великомученика Георгія, что было село Павлово, нынѣ же именуется Вохна, да другая во имя Іоанна Богослова, что межъ рѣкъ Шерны и Клязьмы, третья во имя Николая чудотворца, что нынѣ Берлюковская пустынь, четвертая Петра и Павла на рѣкахъ на Шаловѣ и Клязьмѣ, на устьяхъ; а послѣ литовскаго разоренія на Богословскомъ кладбищѣ и по нынѣ значится старинной деревянной крестъ ветхъ, а прежъ сего назадъ тому лѣтъ съ 40 на томъ церковномъ Богословскомъ кладбищѣ значилися церковныя древянныя бревна, а въ 700 году на то кладбище пришедъ монахъ зовомой Питиримъ невѣдомо откуда и по какому указу, поселясь самою малою кельею, жилъ лѣтъ съ 9, и въ 710 г. оной монахъ Питиримъ на томъ Богословскомъ кладбищѣ построилъ древяную часовню, а при бытности своей означенной монахъ Питиримъ тою Богословскою землею владѣлъ, а именно: отъ оной Богословской пустыни идучи на западъ по дорошкѣ, что ѣздятъ изъ Куньевской волости въ Черноголовье, поворота направо по той дорошкѣ по болоту, что при пустоши Авдотьиной, направо земля церковная, а налѣво чрезъ дорошку земля Василья Алексѣева сына Янова, или другаго помѣщика—про то они не знаютъ". Въ описи же, составленной подкан-

целяристомъ Алексѣемъ Максимовымъ, при вышепоказанныхъ понятыхъ, значится: „Богословская пустынь, ѣдучи изъ Москвы по владимірской дорогѣ чрезъ село Рогожи и пороховой заводъ, налѣво, въ 57 верстахъ и пріѣхавъ къ той пустыни близъ рѣкъ Шерны и направо отъ той пустыни—Клязьмы и оная пустынь стоитъ на востокъ къ рѣкѣ Шернѣ, а святыя врата на югъ къ рѣкѣ Клязьмѣ, и тѣ врата — по мѣрѣ въ трехъ аршинную сажень—съ лица въ ширину 2 сажени 3 четверти аршина, и отъ тѣхъ святыхъ вратъ на востокъ тынъ, да 3 звѣна забору, мѣрою 8 сажень 3 четверти, подлѣ того забора сѣни да колья на уголъ, мѣрою полпяти сажени, и отъ того угла налѣво той кельи 2 саж. безъ четверти аршина, подлѣ той кельи клѣть въ полтора звѣна, мѣрою 3 сажени 2 аршина, отъ той клѣти пол-осма звѣна забору до кельи мѣрою 18 сажень, подлѣ того забору келья мѣрою 3 сажени, подлѣ той кельи одно звѣно забору мѣрою полторы сажени, подлѣ того забору погребъ, выставленъ за монастырскую стѣну на сажень съ аршиномъ, въ длину 4 сажени съ аршиномъ, подлѣ того погреба 2 звѣна забору мѣрою 5 сажень, подлѣ того забору келья мѣрою 2 саж., подлѣ той кельи 2 звѣна забору мѣрою 4 саж. съ аршиномъ, подлѣ того забору келья съ сѣнми, на углу, мѣрою 5 саж. безъ аршина и отъ того угла налѣво подлѣ тѣхъ сѣней 3 звѣна забору и отъ онаго угла до кельи 7 саж. 2 арш., отъ того забору 3 кельи, промежъ ими двои сѣни мѣрою 13 сажень, подлѣ тѣхъ келей и сѣней 2 звѣна забору мѣрою 6 сажень, подлѣ того забору баня съ передбанникомъ выставлена изъ забору вся, а ходъ въ нее съ монастыря, 4 саж., подлѣ той бани на уголъ 7 звѣнъ забору мѣрою 16 сажень, отъ того угла налѣво 3 звѣна забору мѣрою 7 саж. съ аршиномъ, отъ того забору направо амшеникъ, да подлѣ того амшеника 6 звѣнъ забору до угла мѣрою 15 саж. съ аршиномъ, отъ того угла налѣво пол-десяты звѣна забору мѣрою 17 саж. и отъ вышепоказаннаго амшеника кругъ имѣются сараи, подлѣ сарая ползвѣна забору да тынъ мѣрою 2 саж. съ аршиномъ, подлѣ того тына ворота вьѣзжіе на монастырской дворъ мѣрою одна сажень съ аршиномъ, подлѣ тѣхъ воротъ тынъ, да 3 звѣна сарая мѣрою 6 саж. 2 арш., подлѣ того сарая 9 звѣнъ забору, да подлѣ того забору тынъ къ святымъ воротамъ мѣрою 18 саж. и вшедъ въ тѣ святыя врата направо подлѣ тѣхъ вратъ на востокъ малая келья съ сѣнми, противъ оной кельи колокольня въ длину на востокъ 2 саж. 2 арш., поперегъ 1½ саж., которая прежъ сего была, по вышепоказаннымъ сказкамъ понятыхъ и старожилъ, часовня, промежъ оной кельи и колокольни на правожъ на могилѣ старинная цка, и противъ святыхъ вратъ и колокольни, ме-

жду ими на сѣверъ стоитъ столбъ древянной, на которомъ знать— имѣлся крестъ, и на томъ столбѣ ветхіе поставленные образа и онаго креста перекладные брусви выпали, и отъ святыхъ вратъ до онаго столба мѣрою 12 сажень безъ аршина, а отъ того креста до церкви 5 сажень 2 арш., и противъ того креста и святыхъ вратъ на западъ на могилѣ старинной большой дикой камень, и между тѣмъ крестомъ и церковью на сѣверъ на 2 могилахъ старинныя 2 цки, въ томъ числѣ одна къ церкви, а другая къ кресту. Церковь каменная, настоящая противъ святыхъ вратъ во имя Успенія Пресв. Богородицы, олтарь покрытъ тесомъ, а церковь взведена до вторыхъ оконъ, а сводовъ и кровли не имѣется, мѣрою въ длину 7 сажень безъ полуаршина, въ ширину 4 саж., подлѣ той настоящей церкви трапеза съ придѣломъ по лѣвую сторону каменная жъ во имя Іоанна Богослова, теплая, построена и освящена и покрыта тесомъ, въ которой нынѣ имѣется священнослуженіе, мѣрою въ длину и съ олтаремъ 6 сажень поперегъ 6 саж. $^{3}/_{4}$ аршина, отъ той трапезы и придѣла до гостинныхъ келій 8 саж. 2 арш., тѣхъ гостинныхъ 2 кельи съ сѣнми, подлѣ тѣхъ сѣней сѣни жъ съ чердакомъ, да келья строительская, отъ той строительской кельи 2 кельи, промежъ ими сѣни, отъ тѣхъ келей городьба до воротъ, которые имѣются съ пріѣзжаго двора на монастырь, а отъ тѣхъ воротъ городьба жъ, подлѣ той городьбы 2 житницы, промежъ ими сѣнница, противъ оныхъ житницъ стоитъ матерая береза, мѣрою кругъ ея 2 саж. безъ аршина; подлѣ означенныхъ воротъ, налѣво подлѣ березы, на могилѣ цка, отъ той цки на лѣвожъ, противъ трапезныхъ дверей и паперти подъ большою березою на могилѣ цка, которая видно изогнута отъ той березы, на лѣвожъ лежитъ цка, на которой значится подписка ветха тако: 7067 (1558) г. мѣсяца октября въ 13 день, представися раба Божія Мавра Фролова дочь Злобина. Межъ олтаря и келей, на лѣвой сторонѣ колодезь, на вышепоказанномъ вьѣзжемъ дворѣ, подлѣ житницъ и сарая, которой имѣется у воротъ, направо клеть, отъ тѣхъ воротъ налѣво городьба съ вороты на скотской дворъ, подлѣ той городьбы къ амшенику келья съ сѣнми скотская. А изъ того монастыря изъ святыхъ вратъ вышедъ налѣво до рѣки Шерны и отъ той рѣки Шерны и заводи по поточинѣ съ востока на западъ пошло до озерка и до осиновой рощицы 60 саж., направо земля церковная, а на лѣво сѣнные покосы Рогожской ямской слободы ямщиковъ, и отъ того озерка и рощицы направо до угла монастырскаго на валъ 36 саж. и отъ того монастырскаго угла до другова угла 60 саж., направо означенная пустынь, а налѣво дорога и за дорогою долъ и въ томъ долу озерки и за тѣми озерки

сѣнные покосы ямскіе жъ, и отъ того угла по той же дорогѣ 10 саженъ, направо пашня церковная, а налѣво чрезъ дорогу и озерко до сѣнныхъ покосовъ отхожева лугу Дмитрія Афонасьева сына Кузмина-Короваева 29 саженъ, и по оной же дорогѣ до дуба 30 саж.— направо пашня церковная, а на лѣво отъ того дуба и дороги черезъ ржавецъ прямо до вязу, поперегъ 8 саженъ; а отъ того дуба прямо по дорогѣ жъ до двороваго строенія, которое построено Василья Алексѣева сына Янова крестьянами, 24 саж., направо земля церковная, а налѣво чрезъ дорогу и ржавецъ лугъ показаннаго господина Кузмина-Короваева, и подлѣ той пашенной земли означенной Янова дворъ, на томъ дворѣ 2 избы чрезъ сѣни, на тѣхъ избахъ кровель и сѣней не имѣется, подлѣ тѣхъ избъ направо ворота и подлѣ тѣхъ воротъ одно звѣно забору, мѣрою тѣ вороты и избы съ заборомъ 11 саж., а въ томъ дворѣ жителей ни кого не имѣется, и отъ того двора до монастырскаго овина 3 саж., которой весь до подошвы разломанъ, и отъ того овина по той же дорогѣ прямо до дороги, которая имѣется отъ Стрѣлицкаго броду и озерка въ Черноголовье 182 саж., направо земля церковная, а налѣво къ помянутому озеру лугъ показаннаго господина Кузмина-Короваева, и поворотя направо по оной Черноголовской дорогѣ до болота, которое при пустоши Авдотьиной, 90 саж. и отъ той пустоши Авдотьиной по болоту на востокъ направо до дороги, которою ѣздятъ отъ монастыря въ сельцо Волки, 370 саж. и отъ той дороги потомужъ болоту прямо до заводи рѣки Шерны, противъ островка 80 саж. и поворотя направо на западъ по оной заводи 6 саж. и по той же заводи налѣво до рѣки Шерны и поточину, по которой съ начала пошли мѣрить, 44 саж., а поперегъ оной земли отъ ближняго болота черезъ дорогу до косогору 140 саж. Да по показанію крестьянина деревни Бункова Клима Степанова сына Козлова: съ востоку на западъ отъ монастыря отъ поперечной дороги, что изъ Черноголовья на Стрѣлицкой бродъ, которую пашню росчистилъ и пахалъ деревни Большаго Двора крестьянинъ Трофимъ Волковъ, а именно: отъ той дороги прямо по московской дорогѣ противъ озерка 60 саж., направо земля церковная, а налѣво чрезъ дорогу по подгорью до озерка выпускъ животинной церковной и отъ того озерка прямо по той же дорогѣ до овина, которой прежъ сего былъ поставленъ Яновымъ, 100 саж., направо земля и лѣсъ церковной, а налѣво за поточиною и озеркомъ луга Рогожской слободы ямщиковъ; и отъ того овина по той же дорогѣ рукавомъ до поточины, которая изъ болота впала въ рѣку Клязьму, 97 саж., направо лѣсъ церковной, а налѣво чрезъ дорогу и поточину лугъ ямской, которой имѣется у рѣки Клязьмы, и по той до-

рогѣ отъ потоку обратно до росчистной пашни и отъ дороги по росчисткѣ на востокъ же, налѣво по болоту до ямы, которая значится въ лѣсу, на борку, и въ ней насыпное каменье, 32 саж., подлѣ той ямы двѣ большія сосны сожжены, и отъ той ямы прямо на лѣтній востокъ, чрезъ тотъ борокъ до другой ямы, въ которой имѣются каменье, мѣрою яма отъ ямы 15 саж., а отъ той ямы чрезъ борокъ и по болоту моховому прямо на лѣтній востокъ до дороги, которою ѣздятъ изъ Куньевской волости въ Черноголовье и до пустоши Авдотьиной 96 саж. (Патр. Прик. связка 445, № дѣла 419).

ЦЕРКОВНЫЯ МѢСТА И ЗЕМЛИ.

Воскресенія Христова, на рѣкѣ Хупавнѣ, церковная земля въ началѣ XVII ст. отдавалась въ оброкъ. Въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа оброчныхъ земель въ Вохонской десятинѣ, за 7146 (1638) г. говорится: „съ церковной земли Воскресенія Христова, что въ Вошинскомъ стану, на рѣчкѣ на Хупавнѣ, окольничего князя Григорья Константиновича Волконскаго на крестьянинѣ деревни Манасѣева на Гаврилкѣ Петровѣ оброку 3 руб. 3 алт. 2 ден. Мая въ 14 день, по подписной челобитной, за помѣтою дьяка Афанасья Максимова, та церковная земля на 147 (1638—1639) г. отдана на оброкъ изъ наддачи печатника Ивана Тарасьевича Грамотина крестьянину деревни Кулкова, а новыя ноддачи сверхъ стараго гривна“ (Патр. Прик. кн. 6, л. 103). „Во 172 (1664) г. іюля въ 29 день, по указу великаго государя, взята ся церковная Воскресенская земля его великаго государя къ Потѣшному дворцу съ церковною Дмитріевскою землею Селунскаго да съ Георгіевскою землею, что въ Кошелевѣ стану, а оброкъ велѣно платить погодно“ (Тамъ же, кн. 55, л. 773). „Во 185 (1677) году церковною Воскресенскою землею владѣли изъ оброка крестьяне села Хупавны, а оброку платили 2 р. 24 алт. въ годъ“ (Тамъ же кн. 94, л. 306).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7688 (1680) года написано: „въ Вошинскомъ стану, на рѣчкѣ Хупавнѣ, отъ Москвы въ 25 верстахъ, ѣдучи по володимірской дорогѣ, съ Москвы на лѣвой сторонѣ, отъ той дороги съ версту, церковная Воскресенская земля, а по осмотру около кладбища пашни паханыя чети на 2, сѣнныхъ покосовъ по рѣчкѣ Хупавнѣ копенъ на 40 волоковыхъ и въ оброчныхъ книгахъ нынѣшняго 188 (1680) года написано: съ той церковной земли села Хупавны на крестьянинѣ оброку два рубли 24 алт. и крестьянинъ сказалъ, что та церковная земля нынѣ на оброкѣ Патріарша Казеннаго Приказа за подьячимъ Васильемъ Тимофеевымъ, а не за нимъ крестьяниномъ; а въ спискахъ съ писцовыхъ книгъ той зем-

ли не написано; а въ межахъ та земля съ деревнею Родіоновою, что прежде было за бояриномъ Семеномъ Лукьяновичемъ Стрешневымъ, съ пустошьми Матвея Иванова Голенищева—Слободками, Паниною, Созыкиною и Высоковскою, съ усадьбою Потапа Филимонова Шеншина, пустошью Березиною, съ деревнею Михалевою и съ селомъ Хупавною княгини Настасьи князя Юрьевской жены Пожарскаго" (Патр. Прик. дозорн. кн. 116, л. 1—6; кн. 141, л. 257). Во 195—201 (1687—1693 гг. церковною Воскресенскою землею владѣлъ князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ съ платою оброка по 3 р. 24 алт. въ годъ (Патр. Прик. кн. 148).

Георгія великомученика церковь на рѣчкѣ Мерскѣ, близъ деревни Ваниловы *). По писцовымъ книгамъ 135 и 136 (1627—1628) годовъ въ Коломенскомъ уѣздѣ, Брашевскаго стана: „вотчина Николы чудотворца Угрѣшскаго монастыря, что промѣнили Никольскую вотчину сельцо Микитское съ деревнями Коломенскихъ дворцовыхъ селъ писцы князь Иванъ Тимофеевичъ Оболенской-Долгорукой съ товарищи на Васильевское помѣстье Степанова сына Сабакина село Мининское, что была деревня Минина, пуста, по конецъ поля рѣчка Мерска, а въ немъ церковь Страстотерпца Георгія, пашни церковныя перелогу и лѣсомъ поросло худыя земли 27 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ" (Писцов. кн. 202, л. 552).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года: „въ вотчинѣ Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря отъ деревни Ваниловы съ полверсты, на рѣчкѣ Мерскѣ, ѣдучи отъ Москвы по касимовской дорогѣ въ 60 верстахъ, отъ тоя дороги направо въ трехъ верстахъ церковь Великомученика Георгія древяна стоитъ безъ пѣнія впустѣ, а въ церкви царскія двери и деисусы, да на престолѣ евангеліе печатное, въ десть, евангелисты басемные, серебреные, да на жертвенникѣ сосуды служебные оловянные всѣ въ цѣлости, и крестьяне деревни Ваниловы сказали: построена де та церковь изстари и впустѣ стоитъ издавна, пашни паханыя церковныя земли 4 десятины, сѣнныхъ покосовъ на 100 копенъ волоковыхъ и тою де пашнею и сѣнными покосами владѣютъ они крестьяня изъ найму вотчины Угрѣшскаго монастыря села Конявина у прикащиковъ, а найму даютъ имъ по 4 р. на годъ; а обошла де тое церковную землю съ трехъ сторонъ Угрѣшскаго монастыря земля, съ четвертою сторону рѣчка Мерска. Въ приходныхъ книгахъ жилыхъ данныхъ церквей и пустовыхъ цер-

*) Нынѣ Милинъ (Милино, Ванилово) погостъ при рѣчкѣ Нерской, Бронницкаго уѣзда.

ковныхъ земель прошлыхъ лѣтъ по 7195 (1687) годъ церкви Великомученика Георгія въ дани и церковной земли въ оброкѣ ни на комъ не написано. И во 195 (1687) году іюня въ 6 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея Андрея Денисовича Владыкина, а по челобитью Успенскаго большаго собора ключаря Ивана Григорьева, церкви Великом. Георгія, что на рѣчкѣ Мерскѣ, церковная земля пашня и сѣнные покосы отданы на оброкъ ему, ключарю, на нынѣшній 195 годъ и впредь до указу, а оброку велѣно ему святѣйшаго патріарха въ домовую казну платить по рублю по 4 алт. на годъ и въ платежѣ оброчныхъ денегъ поручная запись по немъ въ Казенномъ Приказѣ взята. И тѣ деньги на 195 годъ взяты". А подъ 7198 (1690) годомъ написано: „сей Георгіевской церковной земли въ оброчныхъ книгахъ не писать и оброчныхъ денегъ на протопопѣ Иванѣ на прошлые 196 и 197 годы имать не велѣно для того, та Георгіевская земля объявилась въ Коломенскомъ уѣздѣ и той землѣ велѣно быть въ епархіи Коломенскаго архіепископа, а взятыя оброчныя деньги и пошлины на 195 годъ протопопу Ивану Григорьеву выдать" (Патр. Прик. кн. 120, л. 273, кн. 133, л. 44 и кн. 134, л. 239).

Георгія Великомученика церковная земля *въ пустоши Георгіевской, Кресты тожъ*, Московскаго уѣзда въ Кошелевѣ стану, на которой изстари существовала церковь св. Великомученика Георгія. Церковная земля отдавалась на оброкъ и писалась въ книгахъ Патр. Прик. съ 7136 (1628) года „на бояринѣ князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ, оброку 15 алтынъ" (Дворц. Прик. кн. 6, л. 103).

„Во 172 (1664) году, по указу великого государя, взята Георгіевская церковная земля его великаго государя къ Потѣшному дворцу деревни Соколовой, да къ пустоши Волыновой, а оброкъ съ оной земли велѣно платить погодно". А въ 7185 (1677) г. эта земля была отдана на оброкъ крестьянину села Хуповны Якушкѣ Юрьеву съ платою оброка по 18 алт. по 4 деньги на годъ (Патр. Прик. кн. 55, л. 773, кн. 94, л. 307).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года: „въ Кошелевѣ стану церковная земля Великомученика Георгія на рѣчкѣ на Хупавнѣ, въ близости отъ Воскресенской земли, а по осмотру около кладбища пашни паханныя худыя земли на одну четь, лежитъ впустѣ, сѣнныхъ покосовъ на рѣчкѣ Хуповнѣ на 20 копенъ волоковыхъ, на оброкѣ нынѣ та земля Патр. Казеннаго Приказа за подьячимъ Васильемъ Тимофеевымъ, и той де земли сѣнныхъ покосовъ стараго владѣнья той Георгіевской пустоши съ одного краю пригородилъ Матвей Голенищевъ себѣ къ полю копенъ на 20 волоковыхъ

же и называетъ де онъ Матвей своимъ покосомъ, а въ писцовыхъ книгахъ той земли не написано"; а по досмотру 193 года: „Георгіевская земля смежна съ деревнею Родіоновою, бывшею прежде за бояриномъ Семеномъ Лукьяновичемъ Стрешневымъ, а по другую сторону съ его Матвея Голенищева пустошами: Слободками, Пановою, Созыкиною и Высоковскою, съ деревнею Михалевою—владѣнія Потапа Филимонова Шеншина и съ селомъ Хупавною—вотчиною княгини Настасьи Юрьевской жены Пожарскаго, отъ Москвы та земля въ 25 верстахъ, ѣдучи съ Москвы большою владимірскою дорогою отъ села Хупавны на правой сторонѣ вверхъ по рѣчкѣ Хупавнѣ, въ 2 верстахъ" (Патр. Прик. дозор. кн. 116, л. 1—6; кн. 141, л. 259).

Въ 1688 г. церковною землею владѣлъ князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ съ платою оброка по рублю по 5 алт. по 2 деньги на годъ (Патр. Прик. кн. 148).

Димитрія Селунскаго мѣсто церковное въ пустоши, что было *село Воскресенское, на рѣчкѣ Шеренкѣ*. По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ Московскаго уѣзда въ Шеренскомъ и Отъѣзжемъ стану: „вотчина великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи пустошь, что было село Воскресенское, на рѣчкѣ Шеренкѣ, а въ немъ церковь во имя Дмитрія Селунскаго стоитъ пуста, пашни паханыя церковныя земли добрыя 2 чети съ осминою, лѣсомъ поросло 15 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣчкѣ по Шеренкѣ 10 копенъ; а межа той вотчинѣ села Воскресенскаго отъ рѣчки Шеренки врагомъ на сосну, а отъ сосны старымъ межникомъ, по правую сторону церковная земля села Воскресенскаго, на ней грань, а подъ нею межевая яма, отъ сосны и отъ ямы тѣмъ же старымъ межникомъ налѣво до болота Троицкой вотчины деревни Ереминой, а подлѣ болота на два окна болотныхъ глухихъ, да къ рѣчкѣ Шеренкѣ, а рѣчкою Шеренкою вверхъ до врага и по сосну; а на межахъ были и отводили Троицы Сергіева монастыря вотчины Стромынскіе крестьяне, да князя Алексѣя Никитича Трубецкаго крестьяне села Бѣседъ" (Писцов. кн. 685, л. 1089).

1710 г., декабря въ 19 день въ Патр. Каз. Приказѣ, вслѣдствіе челобитья подьячаго Сергѣя Кондратьева сына Вяземскаго, велѣно: вышеписанную церковную землю Димитрія Селунскаго за пріискъ отдать ему, Вяземскому, на оброкъ съ предбудущаго 1711 года впредь на 5 лѣтъ, безъ перекупки, а оброку велѣно ему платить по полтинѣ на годъ, да пошлинъ по указу" (Патр. Прик. кн. 211, л. 136).

Никиты Великомученика мѣсто церковное *на погостѣ, на рѣчкѣ Дорнѣ*. По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ,

Московскаго уѣзда, въ дворцовой Гвоздинской волости: „погостъ, а на погостѣ церковь великомуч. Никиты, стоитъ безъ пѣнія, около церкви дворище; а что на томъ погостѣ церковной земли того не написано". По дозорнымъ книгамъ 7188 (1680) года: „церковная земля великомуч. Никиты, на рѣчкѣ Доркѣ, отъ Москвы въ 45 верстахъ, ѣдучи касимовскою дорогою съ Москвы отъ тоѣ дороги на правой сторонѣ верстъ съ 6; а по осмотру на той пустоши пашни полторы десятины, сѣнаго покосу на 100 копенъ волоковыхъ; а владѣетъ тою пустовою землею Гжельскія волости, что на рѣчкѣ Доркѣ Георгіевской попъ Алексѣй Алексѣевъ. И февраля въ 16 день 1703 года билъ челомъ великому государю Московскаго уѣзда дворцоваго села Синькова приселка Петровскаго Николаевскій дьячекъ Василій Ивановъ, чтобы тотъ Никитской погостъ отдать ему на оброкъ, потому что тою землею отъ мороваго повѣтрія за лѣсною порослію никто не владѣетъ. И сентября въ 3 день, по указу великаго государя, а по челобитью дьячка Василія Иванова и по досмотру Патр. Казеннаго Приказа подьячаго. вышеписанная церковная Никитская земля отдана ему, дьячку, на оброкъ, на нынѣшній 1703 годъ и впредь, за пріискъ изъ оброку на 5 лѣтъ, потому что та церковная Никитская земля отъ Дмитріевской земли, что на рѣчкѣ Доркѣ, по сыску и по досмотру явилась особая и въ дальнемъ разстояніи, я не въ одномъ мѣстѣ съ Дмитріевскою землею, и съ той Никитской земли велѣно ему, дьячку Василью, оброку платить въ Патр. Казенный Приказъ по 8 алт. по 2 деньги на годъ, да пошлины по указу и поручная запись по немъ взята" (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 254 и 357; приходн. кн. 185, л. 125).

1706 года, февраля въ 27 день, по указу великаго государя и по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевскаго, а по челобитью попа Іоанна Созонтова, велѣно ему на сей Никитской церковной землѣ вновь построить церковь св. муч. Никиты и благословенная грамота дана" (Патр. Прик. прих. кн. 147). Но была ли построена церковь, изъ документовъ не видно.

Казанскія Пресв. Богородицы церковь деревянная клѣтцки въ 1627 г. находилась Московскаго уѣзда, Островскаго стана, *въ сельцѣ, что была пустошь Микулина* — вотчинѣ за Ѳедоромъ Дементьевымъ сыномъ Порошина, по закладной вдовы Татьяны Кирилловскія жены Горсткина, да сына ея Василья 1621 г., а въ церкви образы и книги и ризы и все церковное строеніе вотчинниково; у церкви во дворѣ попъ Ѳедоръ Ивановъ (Писц. кн. 261, л. 53—54).

Казанская церковь въ окладныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа „жилыхъ данныхъ церквей" не писалась и при досмотрѣ 7188 (1680) г.

„сей церкви и церковной земли не наѣхали, потому что никто не указалъ“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 24).

Парасковеи Пятницы. По писцовымъ книгамъ 1571 года Московскаго уѣзда, въ Вохонской волости значится: „Володимірская вотчина Ондреевича деревня Климова, на рѣчкѣ Вохонкѣ, да тоя жъ деревни на полѣ поставленъ погостъ ново Парасковеи, нарѣченныя Пятницы, церковь древяна клѣтцки, стоитъ безъ пѣнія, да на монастырѣ келья, живетъ въ ней старчикъ, да 2 кельи, да дворъ поповъ пустъ, а строилъ тотъ погостъ деревни Климова крестьянинъ Ивашко Оксеновъ“. Въ 1634 г. Пятницкая церковь также стояла „пуста безъ пѣнія“ (Писцов. кн. 255 и кн. 685, л. 307).

Рождества Пречистыя Богородицы мѣсто церковное. По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ, Московскаго уѣзда въ Тухачевской волости: „вотчина Чудова монастыря *пустошь, что былъ погостъ Пречистенской*, пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло середніе земли 20 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 15 копенъ“ (Писцов. кн. 9808, л. 123—124). По дозорнымъ книгамъ Патр. Приказа 188 (1680) года, дозора князя Ивана Андреевича Шелешпальскаго, „церковной Пречистенской земли перелогомъ и лѣсомъ поросло 20 чети, сѣна на оселкѣ 100 копенъ, пашни нѣтъ—лѣсомъ поросло большимъ, и та земля отдана изъ Казеннаго Приказа на оброкъ Чудова монастыря села Лямцова попу Василью и на ту землю ему попу дана выпись съ писцовыхъ книгъ“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 92—93). 7189 (1681) года въ Патріаршемъ Приказѣ велѣно церковною землею владѣть властямъ Чудова монастыря архимандриту Адріану, да келарю старцу Варлааму Палицыну изъ прежняго оброку, по купчей, какову они положили въ Казенномъ Приказѣ Чудова монастыря отъ архимандрита Левкія 7075 (1567) года, а въ той купчей написано: погостъ, а на погостѣ церковь Рождества Пресв. Богородицы въ Жданскомъ стану; а въ платежѣ оброчныхъ денегъ 23 алт. 2 ден. Чудова монастыря на стряпчемъ взять поручную запись“ (Патр. Прик. кн. 94, л. 308 и кн. 101, л. 285). Въ 1720—1740 гг. платилось оброку 5 р. 40 коп.

Рождества Пресвятыя Богородицы церковь въ 1585 г. Московскаго уѣзда, Вора и Корзенева стана (въ другомъ мѣстѣ Вохонской волости), *„на погостъ на Исаковъ озеръ*, вотчины Троицы Сергіева монастыря, „деревянная клѣтцки вверхъ“; пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло худыя земли 2 четверти въ полѣ, а въ дву потомужъ“, въ 1623 г. „церковь стояла безъ пѣнія; подъ тѣмъ погостомъ озеро

Исаково, а въ озерѣ рыбка мелкая щучка и окуни" (Писцов. кн. 257, л. 655, кн. 337 об.).

Успенія Пресвятыя Богородицы церковное мѣсто *въ деревнѣ Сьяновой, на рѣкѣ Пехрѣ* *). По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ Московскаго уѣзда въ Копотенскомъ стану, „вотчина Николы чудотворца Угрѣшскаго монастыря, за Москвою рѣкою по приправочной книгѣ переписано изъ Пехорскаго, да изъ Жданскаго стану къ Копотенскому стану, село Сьяново - Успенское, на рѣкѣ Пехрѣ, церкви въ немъ нѣтъ отъ Литовскаго пожару, въ селѣ 2 двора бобыльскихъ, пашни паханые середніе земли полчетверика, да перелогу 6 чети безъ получетверика, да лѣсомъ поросло съ церковною 140 чети, обоего 146 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ сѣна по рѣкѣ Пехрѣ 320 копенъ; а церковной земли отдѣльно не написано" (Писцов. кн. 261, л. 35).

Въ 1646 г. Сьяново-деревня съ 5 дв. крестьянъ (Переписн. кн. 9809).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Приказа письма и дозора Ивана Соболева 188 (1680) года: „въ селѣ Сьяновѣ на кладбищѣ церкви и никакого строенія нѣтъ, а церковную пашню пашутъ и сѣно косятъ того села крестьяне на монастырь, а что церковной пашни и сѣна, про то они не вѣдаютъ, церковной земли межъ и граней съ монастырскою землею не учинено. И во 191 (1683) году, іюня въ 12 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяковъ: Дениса Дятловскаго, да Перфилія Сѣменникова, велѣно въ селѣ Сьяновѣ вымѣрить церковныя пашни 15 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 20 копенъ, и на тае землю положить оброкъ, противъ иныхъ пустовыхъ земель, по указной статьѣ; выписка о томъ у Ивашки Неустроева въ очисномъ столпу; а на тое землю оброку положено 14 алт. съ деньгою и тѣ деньги велѣно Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря съ игумена съ братіею взять отъ писцовыхъ книгъ съ 132 (1624) года по нынѣшній 191 (1683) годъ, итого имѣтся на 60 лѣтъ" (Патр. Прик. кн. 107, л. 255 об.).

Въ 1740 г. церковною землею въ селѣ Сьяновѣ владѣли игуменъ съ братіею Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря съ платою оброка 42½ коп. (Патр. Прик. кн. 117, л. 171 и кн. 148).

---

*) Нынѣ Сьяново, дер., Подольскаго уѣзда.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Духовное завѣщаніе Бориса Петровича Шереметева.

Во имя всесотворшаго и всемогущаго въ Троицѣ славимаго Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Понеже всякое время рода человѣческаго по правосудному предѣлу Божію подлежитъ отъ узъ плотскихъ разрѣшитися и смерти долгъ отдать, но сего чая и азъ многогрѣшающій рабъ Господа моего Борисъ и слушая гласа Его во святомъ евангеліи глаголющій: будите готови, и въ опьже часъ не мните Сынъ человѣческій пріидетъ вечеръ или полунощь или утро, да не пріидетъ въ незапу и обрящетъ спящія, того гласа Божія слушая и трепеща, еще же и часто и недугу одержиму бываетъ и день до днѣ тѣломъ изнемогаетъ, и чая на всяко время оного Господемъ глаголеннаго нечаянного часа смертнаго, а по силѣ моей пріуготовлися ко исходу жизни сей временные, пожелалъ сію духовную цѣлымъ своимъ умомъ и памятью написать и извѣстно всякому явити, и видя къ себѣ высокую милость всемилостивѣйшаго моего царя и государя, пріемлю смѣлость и дерзаю милости его величества просить и душу свою грѣшную ко управленію вручаю его царскому величеству, вѣдая его величества великодушіе и милость, которую на себѣ ношу не по заслугамъ моимъ, но по щедротамъ своимъ меня милуетъ и въ такомъ надѣяніи застою что и по смерти моей по моему рабскому прошенію меня не оставитъ, какъ и дѣдъ его царскаго величества блаженной и вѣчнодостойной памяти великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ и отецъ его государевъ блаженной и вѣчнодостойной памяти великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ не погнушалися на прошеніе прадѣда моего Ѳедора Ивановича Шереметева соизволили духовную его собственною своею царскаго величества рукою подписать, а душеприкащикомъ по тому ево завѣщательному письму приказъ исправлять повелѣли, о семъ я вашего царскаго величества всепокор-

нѣйше со слезами прошу о подпискѣ вашего царскаго величества собственною рукою сей моей духовной; а при сей моей духовной свидѣтели: преосвященный Іоасафъ Краковскій митрополитъ Кіевскій, мой отецъ духовный, душеприкащики генералъ и кавалеръ князь Никита Ивановичъ Репнинъ, губернаторъ Кіевскій князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, братъ мой бригадиръ Владиміръ Петровичъ Шереметевъ, полковникъ Петръ Савеловъ.

Погребсти мой грѣшный трупъ, если случюся близъ Кіева, въ Печерскомъ Кіевскомъ Монастырѣ, вкладу дать тысячу червонныхъ, на погребеніе и на выносъ архіерею пятьдесятъ рублевъ, архимандриту печерскому тридцать рублевъ, архимандритомъ же, которые будутъ, по пятнадцати рублевъ человѣку, игуменомъ кіевскимъ, а именно: Михайловскому, Никольскому, Выдубецкому, Кирильскому, Братскому по десяти рублевъ, въ Печерскомъ монастырѣ давать по рукамъ милостыню на погребеніе, на третины, на десятины, на полусорочины, на сорочины священникамъ по двѣ гривны, дьякономъ по пяти алтынъ, простымъ монахомъ по гривнѣ, послушникомъ, которые въ Печерскомъ монастырѣ обрѣтаются, по пяти копѣекъ, игумну троицкому больнишному десять рублевъ, а на больницу давать милостыню также, какъ и въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ. Да вкладу жъ дать: въ Богоявленскій монастырь, что въ Москвѣ у Иконнаго ряду, сто рублевъ, въ Троицкій монастырь чудотворца Сергія сто рублевъ, въ Кирилловъ монастырь сто рублевъ, въ Лукьянову пустыню пятьдесятъ рублевъ, въ Ниловъ монастырь сто рублевъ, Александровы пустыни въ дѣвичъ монастырь сто рублевъ, въ церковь Николая чудотворца, что въ Гнѣздникахъ, пятьдесятъ рублевъ, въ Страстной дѣвичъ монастырь, что за Тверскими вороты, тридцать рублевъ, въ дѣвичьи монастыри Кіевскіе а именно: во Фроловской тридцать рублевъ, въ Ердинской двадцать рублевъ, въ пустыню Николая чудотворца, что на Сѣверкѣ, тридцать рублевъ, въ новосозданной дѣвичъ монастырь Тихвинскіе Богородицы, которой учиненъ въ Украинской моей слободѣ Борисовкѣ, сто рублевъ, и тотъ монастырь содержать во всякомъ довольствіи по мнѣ дѣтямъ моимъ, какъ при мнѣ было, и о семъ содержаніи того монастыря игуменьѣ дать съ сего моего завѣщанія для предку вѣденіе; во всѣ мои вотчины, гдѣ церкви есть, раздать сорокоустіе и крестовымъ обыкновенное, а въ вышеписанныя церкви и монастыри отдавъ вкладъ по сему завѣщанію просить, дабы написано было имя мое въ синодики церковные и творили бъ поминовеніе, а милостыню давать убогимъ по рукамъ по возможности.

Буде же волею Божіею скончаюсь въ чужихъ краяхъ, тогда гдѣ

скончаюся тутъ мое грѣшное тѣло и погребсти, а никуды не возить; отцу духовному, которой прилучитца при смерти моей, тому дать сто червонныхъ или двѣсти рублей денегъ.

Еслижъ по воли Божіей смерть меня постигнетъ въ Москвѣ или въ иномъ которомъ мѣстѣ отъ Кіева въ отдаленіи, то прошу Вашего царскаго величества повелѣть тѣло мое грѣшное отвесть и погребсти въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, или гдѣ воля вашего величества состоитца, толко даяніе въ тотъ Печерской и другіе монастыри послѣ меня исполнить какъ выше сего написано.

Дѣтямъ моимъ, которыя отъ жены моей Анны Петровны обрѣтаются, во благословеніе и въ роздѣлъ моихъ пожитковъ опредѣляю по сему: сыну моему Петру во благословеніе образъ Пресвятыя Б-дцы Тихвинскіе, крестъ золотной, въ немъ часть древа Животворящаго креста Господня, панагія за стекломъ желтымъ съ цѣпочкою серебреною, ключъ золотой, которымъ по взятіи Риги подъ высокодержавную царскаго величества руку и по введеніи въ оную въ 710 году войскъ россійскихъ, которыми я тогда командовалъ, презентовали меня Рижской Магистратъ; да собственное ево серебро и протчее, что ево дарили на родинахъ и на крестинахъ, которымъ ево не лишить и въ жеребій не класть; его же Петра оставляю по себѣ наслѣдникомъ и отдаю ему все недвижимое—вотчины и помѣстье и дворы во всѣхъ провинціяхъ, гдѣ ни обрѣтаются. Другому сыну моему Сергѣю во благословеніе образъ Пресвятыя Б-дцы Сретеніе; образъ Спасителевъ на камнѣ (моленіе въ Вертоградѣ), золотой римской; образъ Спасителевъ Нерукотворенной, печатной, въ кіотѣ серебреномъ, тутъ же во Іисусѣ запечатлѣнна кровь Спасителева, крестъ благословящій съ мощми, съ каменьи и жемчугомъ, емужъ шпага ефесъ золотой съ алмазы, да ключъ золотой, который мнѣ презентовалъ въ Ригѣ отъ Магистрату. Дочери своей Натальѣ благословляю образъ Живоначальныя Троицы въ кіотѣ королковомъ, образъ Пресвятыя Б-дцы въ рамахъ, образъ великомучениковъ Бориса и Глѣба въ окладѣ серебреномъ. Другой дочери жъ своей Вѣрѣ во благословеніе образъ Богоявленія Господня королковое, въ шитыхъ рамахъ; чаша водосвятная съ образомъ серебреная, чеканная; образъ Пресв. Богородицы писанъ на мѣди. И вышеписаннымъ моимъ дѣтямъ всѣ движимыя мои пожитки. И толко ево сына моего Сергѣя не лишить и въ роздѣлъ и въ щетъ съ ними не класть того, что ему собственно пожаловалъ королевское величество полской Августъ, такожъ что свозили ему на рожденіи и крестины, изъ котораго сообщено и сдѣлано, будучи во Гданску и въ Гамбургѣ, серебро и подъ именемъ ево сына моего Сергія подписано; да ему

жъ сыну моему Сергію изъ-подъ приходныхъ денегъ съ вотчины изъ деревень, которыми будетъ по мнѣ владѣть сынъ мой Петръ, яко наслѣдникъ, давать по три тысячи рублевъ на годъ.

Жену свою Анну Петровну благословляю образъ Пресв. Богороеицы, нарицаемые Не рыдай мене Мати, греческаго письма, съ чернью, и вручаю весь свой домъ съ вотчины и помѣстьи и съ пожитками и владѣть ей всѣмъ и дѣтей содержать во страхѣ Божіи и въ наукѣ, а по смерти еѣ жены моей раздѣлить дѣтямъ моимъ, какъ написано въ сей моей духовной, непремѣнно; а что обрѣтаетца у неѣ жены моей собственнаго пожитку еѣ и что она покупала на собственныя свои деньги будучи со мною, и которыя я ей при себѣ давалъ и до того дѣла ни кому нѣтъ.

Умершаго сына моего Михаила Борисовича, а своего внука Алексѣя Михайловича съ сестрами и съ матерью его Алексѣевою, а съ моею невѣсткою Авдотьею Григорьевною, которые были со мною въ одномъ домѣ, я при животѣ своемъ, по согласію, въ особливой домъ отдѣлилъ и изъ движимыхъ и недвижимыхъ моихъ и отца сво Михаила Борисовича пожитковъ учинено и раздѣльными крѣпостми я съ нимъ внукомъ своимъ Алексѣемъ и съ невѣсткою, писанными въ приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ укрѣпились и для того въ сей моей духовной я уже ничего не упоминаю.

Дочь свою вдову Анну Борисовну, которая была за Иваномъ Ѳедоровичемъ Головинымъ, благословляю образъ Успенія Пресв. Богородицы, въ немъ мощи преподобныхъ отцовъ печерскихъ, окладъ серебрепой гладкой золоченъ и на окладѣ репьи серебреные бѣлые, другой образъ св. Троицы окладъ такой же, да цугъ возниковъ вороныхъ съ коретою черною и съ шлеями; дѣтямъ еѣ дочери моей, а моимъ внукамъ, во благословеніе Петру Ивановичу образъ, да лошадь съ уборомъ; Ѳедору Ивановичу образъ и лошадь съ уборомъ; внукѣ моей Марьѣ Ивановпѣ во благословеніе образъ.

Брата Ѳедора Петровича благословляю образомъ и даю лошадь; сыну сво, а моему племяннику, Василью Ѳедоровичу благословляю образъ Спасителевъ римской па сукпѣ, рамы орѣховые, да лошадь моего сѣдла съ уборомъ и съ пистолеты, узда и паперсь и пахви серебреные; женѣ сво Васильевой, моей невѣсткѣ Пелагеѣ Борисовнѣ во благословеніе образъ Пресв. Богородицы Казанскія на холстинѣ, которымъ образомъ въ Новгородкѣ Сѣверскомъ пожаловалъ меня благословилъ царское величество, да денегъ пять сотъ рублевъ.

Брата Василья Петровича благословляю образомъ и даю лошадь.

Брата Владиміра Петровича благословляю образомъ и даю лошадь.

Племянника своего Василья Васильевича благословляю образомъ и даю лошадь.

Племянника своего Алексѣя Петровича благословляю образомъ и даю лошадь.

Племянника своего Ивана Петровича благословляю образомъ и даю лошадь.

Внучатомъ своимъ, а дѣтямъ Ѳедора Владиміровича Шереметевымъ, благославляю по образу.

Теткѣ своей Катеринѣ Семеновнѣ благословляю образъ и даю пару возниковъ.

Людемъ крѣпостнымъ и полоннымъ всѣмъ и крестьянскимъ дѣтямъ, которыя взяты во дворъ, даю волю и по окладомъ ихъ выдать годовое жалованье, хотя и сроковъ не придетъ, а ежели толикого числа денегъ у меня не будетъ обрѣтаться, то занявъ исполнить по сему моему завѣщанію

Я жъ очищая свою душу объявляю въ сей духовной, что есть на мнѣ долгу Его царскаго Величества пять тысячь рублевъ, которые я бралъ въ разныхъ годѣхъ между не получепія Его государева жалованья, а именно: будучи во Псковѣ изъ сбору сѣнныхъ денегъ и давалъ въ нихъ своей руки росписки полковнику Григорью Карташову, дьяку Ивану Алексѣеву, подьячему Якову Полунину и тѣхъ моихъ росписокъ сыскать негдѣ и вѣдать некому, понеже тѣ вышеписанные люди, кому росписки даваны, померли, сверхъ того на мнѣжъ долгу есть Его царскаго Величества еще три тысячи триста пятнадцать рублевъ, которыя я съ 710 году бралъ изъ разныхъ неокладныхъ сборовъ у канцеляристовъ своихъ, какъ они держали расходъ, а именно: у Кузмы Попова, у Патрекея Перфильева, въ которыхъ я имъ, канцеляристомъ, давалъ росписки собственной своей руки, а въ иныхъ указы моею жъ рукою крѣплены, и по тѣмъ своимъ роспискамъ долженъ я и по смерти моей жена моя и наслѣдникъ оставшійся заплатить и росписки изъ канцеляріи вынять или взять отпись съ очисткою, ибо тѣ деньги я бралъ у нихъ канцеляристовъ сверхъ вышеписанныхъ денегъ и росписки имъ давалъ въ другихъ годѣхъ; однако жъ просить милости у Его царскаго Величества за службы мои и что я предъ симъ служилъ безъ жалованья о отпущеніи мнѣ того долгу, а ежели Его царское Величество тѣмъ долгомъ не пожалуетъ, то заплатить женѣ моей и оставшемуся по мнѣ наслѣднику.

Разныхъ чиновъ людемъ я собственно не долженъ и росписокъ не давалъ; а буде кто станетъ на мнѣ свои долги, а росписокъ за подписаніемъ руки моей не объявитъ, то въ томъ никому не вѣрить;

ежели же кто по роспискамъ моимъ руки моей долговъ будетъ требовать и такіе долги должно платить, смотря подписанія руки моей, или какова собственнаго письма моей же руки. Сіе свое завѣщательное письмо подписываю своею рукою въ цѣломъ умѣ и памяти Борисъ Шереметевъ, сего 1718 году, марта въ 28 день.

Лѣта тысяча семь сотъ осьмаго надесять, генваря въ двадцать второй день, генерала маіора Михаила Борисовича Шереметева жена его вдова Авдотья Григорьевна съ сыномъ своимъ Алексѣемъ да съ дочерьми своими дѣвицами съ Марфою, съ Катериною съ Александрою дали мы сіе письмо я вдова Авдотья свекру своему, а мы Алексѣй, Марфа, и Катерина и Александра дѣду своему генералъ фелтмаршалу тайному совѣтнику и военному кавалеру графу Борису Петровичу Шереметеву въ томъ, что по изустному завѣщанію и по отдѣлу ево свекра моего, а нашего дѣда Бориса Петровича, взяли мы у него я, Алексѣй, изъ недвижимаго имѣнія вотчины бабки своей — его дѣда моего Бориса Петровича первой жены — Авдотьи Алексѣевны Чириковыхъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ село Богородское съ деревнями, да въ Тульскомъ уѣздѣ село Бѣликово да село Никольское съ деревнями, въ Чернскомъ уѣздѣ сельцо новопоселенное Меньшое Плавица, въ Нижегородскомъ уѣздѣ село Троицкое, Борисово поле тожъ, въ Костромскомъ уѣздѣ половина села Харитонкова съ деревнями, въ Козельскомъ уѣздѣ село Ровное, да при Сапктъ-Петербургѣ въ Копорскомъ уѣздѣ двѣ мызы Губапскую да Изворскую съ деревнями, которые даны отцу моему Алексѣеву Михаилу Борисовичу; а тѣ вышеписанныя вотчины села и мызы и деревни съ людьми и со крестьяны и со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьи, по дачамъ и по писцовымъ и по переписнымъ старымъ и новымъ книгамъ и по крѣпостямъ, а я вдова Авдотья съ нимъ же сыномъ своимъ Алексѣемъ и съ дочерьми своими взяли у него Бориса Петровича въ награду изъ движимаго ево имѣнія изо всего четвертую часть, что чего надлежало, а которые за мужемъ моимъ, а моимъ Алексѣевымъ отцомъ Михаиломъ Борисовичемъ, были дачи, а именно: въ Рузскомъ и въ Кромскомъ и въ Рыльскомъ и въ Брянскомъ уѣздахъ изъ дикаго поля въ селѣ Алешнѣ, также, которыя изъ тѣхъ вышеписанныхъ вотчинъ бабки моей, а его дѣда моего Бориса Петровича первой жены, Авдотьи Алексѣевны на предь сего вывезены крестьяне въ дачи ево дѣда моего въ вышеписанные уѣзды, и тому быть за нимъ свекромъ моимъ, а за моимъ Алексѣевымъ дѣдомъ Борисомъ Петровичемъ безповоротно; а которые вымѣнные и купленные земли и пустоши по крѣпостямъ ево дѣда моего Бориса Петровича къ вышепомянутымъ моимъ отдѣльнымъ

помѣстьямъ и вотчинамъ прибыли вновь, также вышепомянутые мызы и деревни изъ ево дѣда моего оставшихъ вотчинъ, которые перевезены крестьяне съ жевами и дѣтьми, и тѣмъ землямъ и пустошамъ и крестьянамъ быть потому жъ за мною къ вышеупомянутымъ моимъ вотчинамъ не отъемлемо. А что подъ строеніемъ загороднаго двора и саду дача земли отца моего Алексѣева Михаила Борисовича стольничей окладъ длиннику 44 сажени съ полусаженью, поперечнику 22 сажени съ полусаженью и вмѣсто той земли взялъ я Алексѣй у него дѣда своего подлѣ того жъ двора подъ дворовое свое строеніе загороднаго двора подлѣ Москвы рѣки отъ двора брата ево, а моего дѣда боярина Ѳедора Петровича Шереметева, по берегу внизъ Москвы рѣки поперечнику 30 сажень, а отъ Москвы рѣки къ Дѣвичью монастырю длиннику 50 сажень и впредь мнѣ Авдотьѣ и дѣтямъ моимъ—сыну Алексѣю и дочерямъ моимъ Марфѣ, Екатеринѣ и Александрѣ, кромѣ вышеписаннаго даннаго намъ отъ свекра моего Бориса Петровича, а нашего дѣда, недвижимаго и движимаго имѣнія дѣла нѣтъ и не вступатся и которые изъ тѣхъ отдѣльныхъ вотчинъ селъ и деревень бабки моей Авдотьи Алексѣевны и московскіе дворы на предъ сего ево дѣда моего Бориса Петровича и еѣ бабки моей имѣніемъ кому проданы и до тѣхъ дворовъ и деревень намъ дѣла нѣтъ же, и о томъ мнѣ Авдотьѣ и дѣтемъ моимъ Алексѣю и дочерямъ моимъ и не о чемъ оставшемся на него свекра своего Бориса Петровича и на жену его и на дѣтей великому государю не бить челомъ и не вступатца. Къ сей записи Благовѣщенскаго собору, что у державнѣйшаго государя на сѣняхъ ключарь Іоаннъ Афанасьевъ, вмѣсто дщерей своихъ духовныхъ Евдокіи Григорьевны Шереметевы и дщерей еѣ дѣвицъ Маріы Михайловны, Екатерины Михайловны и Александры Михайловны, по ихъ велѣнью руку приложилъ. Къ сему письму Алексѣй Михайловъ Шереметевъ руку приложилъ. При семъ письмѣ князь Алексѣй княжъ Васильевъ сынъ Долгоруковъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Къ сему письму лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку поручикъ князь Николай княжъ Петровъ сынъ Щербатовъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Порутчикъ морскаго флота Василій Ивановъ сынъ Волынскій свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Генералъ штабъ квартермистръ Петръ Дубасовъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Подполковникъ Тимофей Тимофеевъ сынъ Савеловъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Сдѣлачное письмо писалъ крѣпостныхъ дѣлъ подьячей Андрей Елинъ. 1718 г. февраля въ 6 день отъ письма и записи пошлины 16 алтынъ 4 деньги взято и въ книгу крѣпостныхъ дѣлъ записано.

Ц. Живоначальныя Троицы съ придѣломъ во имя Николая чудотворца въ Берлюковской пустынѣ.

Въ настоящемъ выпускѣ, на стр. 104, подъ № 68, помѣщено описаніе церкви Николая чудотворца, что въ Бирхинскомъ. Теперь мы принуждены снова возвратиться къ нему, въ виду неполноты сообщенныхъ нами въ томъ мѣстѣ свѣдѣній. Дѣло въ томъ, что исторія этой церкви находится въ прямой, неразрывной связи съ исторіей Берлюковской пустыни. Самый погостъ церкви св. Николая чуд. назывался въ началѣ XVII в. „*Берликовскимъ*“ и только позднѣе, уже въ XVIII в., онъ извѣстенъ болѣе надъ именемъ „*Берхинскаго*“. Такъ, въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа пустовыхъ оброчныхъ земель за 1638 г. мы читаемъ: „съ церковной земли Николая чудотворца *Берликовскаго*, Черноголовскія волости, на крестьянинѣ на Ивашкѣ Ишеинѣ оброку 15 алт.“ Но въ такихъ же книгахъ за 1716—1739 г., подъ Вохонскою десятиною писалось уже „церковь Николая чудотворца *Бирхинскаго*“. (См. № 68, стр. 104). Церковь эта, какъ было уже сказано, вѣроятно, была упразднена въ началѣ XVII в., а земля принадлежавшая ей отдавалась въ оброкъ. По дозорной книгѣ 1680 г. объ этой землѣ говорится такъ: „Николая чудотворца церковная земля, Черноголовской волости, въ пустоши, что было сельцо *Берлино*, на рѣчкѣ Ворѣ, отъ Москвы въ 35 верстахъ; около кладбища пашни паханой, худой земли десятины съ 3, лѣсомъ поросло десятины съ 4, сѣна копенъ на 30 воловыхъ, земля на оброкѣ у крестьянъ села Пушкина, оброка 15 алт.; въ спискахъ же съ писцовыхъ книгъ Аѳанасія Отяева и подьячаго Василія Арбенева 7139 и 7141 (1631 и 1633 гг.) значится церковной земли 7 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 30 копенъ“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, лл. 262 и 378).

Въ 1714 г. на этой землѣ тяглецъ мѣщанской слободы Викула Мартыновъ вновь соорудилъ церковь во имя Николая чудотворца, которая вскорѣ послѣ этого начинаетъ именоваться Николаевскою Бирхинскою, или Берлюковскою пустынью. Такъ въ резолюціи преосвященнаго митрополита Стефана 1719 г., по дѣлу о построеніи вновь церкви во имя Іоанна Богослова на мѣстѣ часовни, приписанной „къ пустыни Николаевской Бирхинской“,—сказано: „дать указъ противъ челобитья о строеніи и освященіи церкви Божіи и антиминсъ выдать, а у строенія той церкви быть монаху Питириму, *токмо съ благословеніемъ Николаевской пустыни строителя Василія*“ (см. № 78, стр. 126). Можетъ быть этотъ строитель Василій и былъ тотъ самый Ви-

кула Мартыновъ, который въ 1714 г. соорудилъ церковь во имя Николая чудотворца. Такимъ образомъ, въ 1719 г. церковь Николая чудотворца Бирлюковскаго была уже обителью.

Но что всего болѣе доказываетъ такое происхожденіе Берлюковской пустыни, такъ это описаніе послѣдней, сдѣланное въ 1764 г. по указу и инструкціи Коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ поручикомъ Василіемъ Вакселемъ, подъ руководствомъ строителя пустыни, іеромонаха Анкидина. Описаніе это повторяетъ почти все, что было уже сказано нами о церкви Николая чудотворца въ Бирхинскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно даетъ самыя подробныя и очень любопытныя свѣдѣнія о состояніи Берлюковской пустыни во второй половинѣ XVIII в., и потому мы позволяемъ себѣ привести его почти цѣликомъ.

„Бирлюковская пустынь состоитъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ Кошелевомъ стану, въ Черноголовской волости, на рѣчкѣ Ворѣ, разстояніемъ отъ Москвы въ 35 верстахъ. Когда, при которомъ Государѣ и по какимъ государскимъ грамотамъ и повелѣніямъ, или же по другимъ каковымъ случаемъ оная Николаевская Бирлюковская пустынь построена, о томъ во оной пустыни никакого подлиннаго извѣстія не имѣется, а значится, по данной въ 1759-мъ году изъ бывшей Канцеляріи синодальной экономическаго правленія, при указѣ, съ писцовыхъ книгъ выписи, по челобитью бывшаго той пустыни строителя Геннадія, за неимѣніемъ на ту пустынь какъ грамотъ такъ и крѣпостей, въ которой выписи между протчимъ написано: по справкѣ де въ той Канцеляріи по дозорнымъ 188 году книгамъ всѣмъ пустовымъ церковнымъ землямъ оказалось: въ Черноголовской волости пустошь что въ спискахъ писцовыхъ книгахъ написано было сельцо Берлино, на рѣчкѣ Ворѣ, церковная Николаевская земля и подъ тѣмъ кладбищемъ земли—пашни паханные худые земли десятины съ три да лѣсомъ поросло десятины съ четыре, сѣна копенъ на тритцать волоковыхъ; а въ 1715 году, по окладнымъ книгамъ съ дворовъ попа съ причетниками и съ вышеписанной земли обложено въ бывшей Казенной Приказъ платить дани и протчихъ сборовъ всего по два рубли на годъ съ прочими на ряду жилыми церквами, за которую и понынѣ то число платится въ московскую духовную консисторію. Да въ томъ же указѣ явствуетъ, что оная церковь Николая Чудотворца построена по обѣщанію мѣщанской слободы теглецомъ Викуломъ Мартыновымъ, а въ которомъ году не явствуетъ, ибо и въ данномъ указѣ показано: а на каковой подлинно пустовой землѣ означенная Бирлюковская пустынь построена о томъ, за бывшимъ въ Москвѣ въ прошломъ 737-мъ году мая 29 дня большимъ пожаромъ, въ Канцеляріи синодальной эконо-

мическаго правленія извѣстія не отыскалось. Да у оной пустыни строитель іеромонахъ Анкиндинъ объявилъ, что оная пустынь двоекратно горѣла.

Въ той пустыни соборная церковь каменная одна, а въ ней два престола.

Соборная церковь во имя Пресвятыя Живоначалные Троицы объ одной главѣ.

Въ той же церкви въ трапезѣ предѣлъ во имя святителя Николая чудотворца.

При оной соборной церкви построена съ западной стороны деревянная колокольня на дву столбахъ съ четырмя колоколами, подъ которое и крыльцо въ церковь крыто тесомъ.

Въ той пустыни деревяннаго строенія:

Строительскихъ келей 2.

1 келья и при ней хлѣбна и межъ ими сѣни, мѣрою длины 10, ширины 3 сажени, крыта дранью.

2 съ сѣнми и передъ ней клѣть, мѣрою длины $5^1/_2$, ширины 2 сажени.

Братскихъ келей съ сѣнми 2.

1 длины 4 ширины 2 сажени.

2 длины 4 ширины тожъ 2 сажени.

Сарай сенной длины 5 ширины 3 сажени.

Сарай тележной длины 7 ширины 3 сажени.

Анбаровъ хлѣбныхъ 3, мѣрою длины 7 ширины 2 сажени.

Два погреба съ напогребницею, мѣрою длины 9, ширины 2 сяжени.

Струпъ новой мѣрою 3 сажени, оные крыты дранью.

Огородъ для посаженія всякаго овощу мѣрою длины 19 ширины 18 саженъ.

Въ тойже пустыни у ограды скотной дворъ и въ немъ строенія:

Изба съ сѣнми мѣрою длины 5 ширины 2 сажени.

Сарай лошадиной мѣрою длины 7 ширины 2 сажени, крыты дранью.

Амщеникъ мѣрою длины 1 ширины 1 сажень.

Два клѣва длины 4 ширины 3 сажени.

Сарай длины 5 ширины 2 сажени, крыто дранью.

У оной пустыни ограда бревенчетая въ столбахъ заборомъ забрана съ трехъ сторонъ.

Въ оной оградѣ съ восточной стороны святые ворота деревянные, на нихъ шатеръ съ главою, на главѣ крестъ деревянной.

Въѣзжіе ворота простые.

Подъ всей оной пустыней мѣрою земли длины 49 ширины 29 саженъ.

За оною пустынею разстояніемъ въ 15 саженяхъ имѣется сенной сарай мѣрою длины 5 ширины $1^1/_2$ сажени.

Въ Санкпетербургѣ и въ Москвѣ оной пустыни подворьевъ не имѣется.

При оной пустыни школъ, богадѣленъ, учителей, учениковъ и протчаго ничего не имѣется.

Въ оной пустыни какое прежде древное установленіе бывало, о томъ никакого письменнаго извѣстія не имѣется; объявилъ строитель іеромонахъ Акиндинъ, что и напредь сего бывали настоятели таковыя жъ строители іеромонахи.

А нынѣ на лицо:

Строитель іеромонахъ Акиндинъ, изъ великороссіянъ, настоятельство имѣетъ въ священномъ служеніи, рукодѣлія никакого не знаетъ.

Іеромонахъ Аврамій, изъ великороссіянъ, въ послушаніи находится въ священомъ служеніи, рукодѣлія никакого не знаетъ.

Іеромонахъ Паисій, изъ великороссіянъ, въ послушаніи находится въ священномъ служеніи, рукодѣлья никакого не имѣетъ.

Монахъ Феодосій, изъ великороссіянъ, въ послушаніи находитца въ церковномъ чтеніи, рукодѣлія не имѣетъ. Онымъ жалованья денежнаго и отсыпного хлѣба не производится.

Монахъ Ириней, изъ малороссіянъ, послушаніе имѣнтъ пономарскую, рукодѣлья никакого не имѣетъ.

Бѣлый попъ Петръ Андреевъ послушаніе имеетъ въ священномъ служеніи, рукодѣлія не знаетъ.

Трудниковъ:

Поповъ сынъ Иванъ Васильевъ послушаніе имѣетъ благовесь и звонъ и псалмы читаетъ. Онымъ жалованья денежного и отсыпного хлеба не производится.

Поповъ же сынъ Сергей Михайловъ послушаніе имѣетъ сторожу церковную, оному денежного жалованья и отсыпного хлѣба не производится, а живетъ по своему желанію изъ пищи и одѣжды.

Итого всѣхъ по чинамъ: строитель 1, іеромонаховъ 2, монаховъ 2, бѣлый попъ 1, трудниковъ 2, всего 8 человѣкъ.

Всѣ вышеписанные строитель, іеромонахи и протчіе имѣютъ об-

щую трапезу, на которыхъ исходитъ въ годъ неравно, разного всякого хлѣба однако по примѣру въ годъ, а имянно:

Муки ржаной 25 четв., солоду ржаного 2 четв. крупъ грешневыхъ 5 четв., пшенныхъ 1 четв., гороху 1 четв., конопелю 1 четв., итого 35 четв.; въ томъ числѣ приплодного бываетъ ржи и гречи 12 четвертей, а протчей хлѣбъ отъ доброхотныхъ дателей сбираемъ, бываетъ въ милостыну.

Ко опомужъ питомству съѣсного: рыбы коренной 5 пудъ, снетковъ сухихъ 4 четверика, масла конопляного 5 пудъ, гороху 1 четверикъ, всего цѣною ни двѣнадцать рублевъ.

А болѣе содержатъ себя отъ своихъ трудовъ и подаяніемъ христолюбивыхъ дателей въ милостынею и отъ пренадлежащихъ построенныхъ при болшихъ дорогахъ трехъ часовняхъ, какъ пищею и одѣждою монашескою нужнейшею, также и отъ приращенія малого своего скота масла, молока и отъ огородного овощу и лѣсныхъ плодовъ грибовъ и прочей родности.

При оной пустыни приказныхъ и протчихъ монастырскихъ всякого звания служителѣй и крестьянъ не имѣется.

А имѣется отставной драгунъ Василей Моревъ, ростовскаго драгунскаго полку, присланъ въ 762-мъ году марта 27 дня за старостію дряхлостію и глухотою при указѣ изъ московской духовной консисторіи, отъ роду ему 57 лѣтъ, холостъ, изъ крестьянъ, раненъ, должности при пустыни никакой не исправляетъ, содержаніе, кромѣ указного жалованья не имѣетъ. Оному указного денежного и хлебного жалованья 3 рубли, 66 копеекъ, (хлѣба) 3 четверти, крупъ 1½ четверика.

Да отставной же солдатъ Марка Подоконниковъ, ярославского полку, присланъ въ 764-мъ году генваря 5 дня при указѣ изъ московской духовной консисторіи за старостію и дряхлостію, отъ роду ему 60 лѣтъ, женатъ, изъ крестьянъ, не раненъ, должности при пустыни никакой не исправляетъ, содержаніе, кромѣ указного жалованья, не имѣетъ. Оному укасного денежного и хлѣбного жавованья 3 рубли 66 копеекъ, (хлѣба) 6 четвертей, крупъ 3 четверика.

Ко оной пустыни приписныхъ вотчинъ не имѣется, а имѣется 3 часовни деревянныя, построенныя отъ оной пустыни на болшихъ разныхъ дорогахъ, къ содержанію своему къ поданію милостыни отъ христолюбивыхъ дателей.

1) разстояніемъ отъ оной пустыни состоитъ въ 40, а отъ Москвы въ 5 верстахъ, на болшой троицкой дорогѣ въ дворцовомъ селѣ Алексѣевскомъ, построена въ прошломъ 720-мъ году монахомъ Васильемъ, по указу изъ приказу болшаго дворца и при оной деревян-

ного строенія имеется: изба съ сѣнми мѣрою длины 4 ширины 2 сажени, крыта дранью.

2) разстояніемъ отъ оной пустыни въ 12, а отъ Москвы въ 38 верстахъ, на болшой володимерской дорогѣ въ деревнѣ Шеловѣ; при ней изба съ сѣнми мѣрою длины 3 ширины 1 ½ сажени, крыта дранью.

3) на дорогѣ стромынкѣ въ деревнѣ Мизиновѣ разстояніемъ отъ оной пустыни въ 2, а отъ Москвы въ 40 верстахъ, при той часовнѣ изба мѣрою длины 1 ½ ширины 1 сажень, крыта дранью.

А по какому указу и въ которомъ году построены, о томъ во оной пустыни извѣстія не имѣется. При оныхъ часовняхъ опредѣленныхъ сторожей отъ пустыни не имѣется, а прибываютъ съ перемѣною по своему желанію тѣхъ же селъ и деревень убогіе крестьяня и питаются тоюжъ милостиною.

Да имѣется жъ при оной пустыни старинная Николаевская земля по выписи пахотной худой земли 7 четвертей въ полѣ, а вдву потомужъ, сѣна копенъ на 30 волоковыхъ, лѣсу никакого не имѣется.

И того во оной пустыни съ скотнымъ дворомъ и въ трехъ часовняхъ деревяннаго строенія состоитъ: жилыхъ покоевъ 8, не жилыхъ 15, огородъ 1.

Въ скотномъ дворѣ разного скота: мереновъ ѣзжалыхъ 3, кобылъ молодыхъ 2, и того 5; коровъ 5, подтелковъ 3, овецъ 2 и того 10.

Окладныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ даходовъ оная пустыня никакихъ не имѣетъ, кромѣ мірского подаянія въ милостину и отъ трудовъ, сами работаютъ, повозможности своей, пашутъ и косятъ по малости своей земли, отъ которой годомъ приплодного хлѣба бываетъ ржи и гречи до 12 четвертей, а другихъ яровыхъ никакихъ семянъ, кромѣ вышеозначенной гречи, не сѣется, понеже земля сухая пещана и положеніемъ мѣсто стоитъ на косогорѣ, того ради за худобою не родится, а только имѣютъ отъ чесовеннаго сбору въ годъ денегъ до 15 рублевъ и раченіемъ своимъ ко оной пустыни содержатъ скотъ и имѣютъ отъ скота масло и молоко малое число и отъ огородного овощу, и трудами своими отъ лѣсныхъ плодовъ грибовъ и протчаго, чѣмъ себя въ питомствѣ и содержатъ, какъ и выше показано.

Церковь каменная соборная во имя Живоначальныя Троицы, въ ней иконостасъ весь гладкой вызолоченъ и посеребренъ и мѣстами крашенъ лозорью. Царскія врата съ евангелисты гладкія позолочены, при нихъ южныя и сѣверныя двери написаны лики святыхъ архидіаконовъ Стефана и Лаврентія; прядъ ними лампадка спускная мѣдная на вервицѣ. Паникадило мѣдное на толстой верви. По правую сторону царскихъ врать межъ ихъ образъ Живоначачьныя Троицы, дска

мѣрою два аршина, на нихъ вѣнцы и съ цатами серебреные. Подлѣ южныхъ дверей образъ святаго Николая Чудотворца мѣстной, дска мѣрою два аршина, вѣнецъ съ митрою серебренной позолоченъ, въ митрѣ же камушекъ красной, по сторонамъ два камушка зеленыхъ, риза же поля окладъ медной позолоченъ, на Спасителевомъ и Богородичномъ ликахъ два вѣнчика серебреные вызолочены. По лѣвую сторону царскихъ вратъ образъ Владимерскія Пресвятыя Богородицы вѣнецъ и цата серебреные, дска мѣрою два аршина. Подлѣ сѣверныхъ дверей образъ Захарія и Елисаветы накладной, дска мѣрою два аршина. Предъ тѣми мѣстными образами четыре лампады мѣдныя висящія. Надъ царскими дверми поясъ дванадесятые празники, надъ ними поясъ образъ Спасителя нашего со апостолы. Надъ ними образъ Отечества со пророки, выше жъ Распятіе Господне и при немъ стоящіе Богоматере, Іоанна Богослова. На ономъ иконостасѣ, кромѣ мѣстныхъ двухъ иконъ, все безъ окладу. Два крылоса деревянныя росписаны красками. Надъ правымъ крылосомъ въ сторонѣ образъ Спасителевъ въ полдесята вершка въ кіотѣ ветхой. За крылосомъ херуговь, писаной на белой камкѣ, каймы золотомъ листовымъ позолочены, на ней по сторони Богоявленіе Господне, по другую святителя Николая Чудотворца. За лѣвымъ крылосомъ на стѣнѣ образъ Воскресенія Христова съ протчими святыми, оклады поля серебряные ветхой. У тогожъ крылоса образъ Успенія Пресвятыя Богородицы со апостолы, вѣнцы ризы и поля мѣдныя кованыя полужены; на ней малый крестъ деревянной на маленкой серебреной цѣпочкѣ, а въ немъ мощей двѣ части святыхъ Кіевопечерскихъ Пимина и Силуана, на створахъ лики преподобныхъ печерскихъ же, предъ образомъ медная висящая лампадка. У того жъ крылоса на стѣнѣ святцы бумажныя двѣнадцать мѣсицевъ въ болшомъ кіотѣ. Въ церкви жъ образъ Воскресенія Христова съ двадесятыми праздники, что поставлется на аналои, штилистовой, окладъ серебреной ветхой. Образъ Николая Чудотворца штилистовой вѣнецъ риза и поля окладъ серебреной чеканной вызолоченъ. Надъ западными дверми противъ царскихъ вратъ образъ Николая Чудотворца съ житіемъ его, посреди житія образъ его святителя мѣдной, мѣрою менше четверти.

Въ той же соборной церкви въ олтарѣ святыхъ иконъ: За престоломъ крестъ деревянной болшой ветхой. Запрестольный образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы вѣнецъ и цата мѣдная, дска мѣрою три четверти, на ней по другую сторону образъ на той дскѣ написанъ святителя Николая Чудотворца неокладной. Надъ царскими дверми образъ Спасовъ Нерукотвореннаго образа вѣнецъ и поля мѣдныя. Об-

разъ Пресвятыя Богородицы Іерусалимскія, вѣнецъ серебреной, штилистовой. Образъ же штилистовой написанной Богородичныхъ два лика, на нихъ вѣнчики и поля серебреныя, на оной же дскѣ образъ написанъ Спаса Нерукотвореннаго образа, вѣнчикъ серебреной. Образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія мѣрою въ четверть, вѣнецъ и поля серебреныя. Образъ святителя Николая Чудотворца въ четверть вѣнецъ ризы и поля серебреныя вызолочены. Образъ святаго Іоанна Воина въ шесть вершковъ узкой, на той же дскѣ написанъ ликъ Богоматере, на ней риза серебреная, вѣнецъ и поля серебреныя жъ съ финифтью. Образъ Распятіе Христова и протчихъ святыхъ лики и на поляхъ, окладъ серебреной, штилистовой. Образъ Николая Чудотворца окладъ поля и вѣнецъ серебреныя позолочены, въ кіотѣ ветхой.

Въ олтарѣ на престолѣ антимисъ, на немъ Евангеліе, доски обиты бархатомъ малиновымъ, на срединѣ Спасителя образъ и евангелисты серебреные. На престолѣ крестъ деревянной обложенъ серебромъ, писанія же плоти Христовой, ветхой. Другой крестъ со святыми мощами обложенъ серебромъ и позлащенъ. На престолѣ жъ два ковчега оловянные, въ нихъ же соблюдаются Святые Дары, изъ нихъ одинъ маленкой ветхой. На жертвенникѣ сосуды серебреные, потиръ внутри позлащенъ, дискосъ, звѣзда, лжица внутри позлащенныя жъ, два блютца. Другія сосуды оловянныя ветхіе. Чаша водосвятная не малая полуженая мѣдная. Оловянныхъ два блюда да мѣдное одно вмѣсто укропника, чайникъ одинъ. Ковшиковъ мѣдныхъ два. Кадилъ мѣдныхъ три, къ томъ числѣ ветхое одно. Два сосудца оловянныхъ на благословеніе чина и елеа. На престолѣ одѣжда грезетовая, цвѣту палевова, спреди крестъ болшой гасу серебреного съ городками; на престолѣ жъ покровъ грезетовой алой, по кроямъ обложенъ отласомъ голубымъ, на немъ крестъ тогожъ позументу, кругомъ обведенъ гасомъ узкимъ серебреным. На жертвенникѣ одѣжда каломенковая по бѣлой земли, цвѣтки желтыя и черныя, ветхая.

Книгъ: книга благовѣстникъ толкованіе Ѳеофилакта епископа болгарскаго, въ кожѣ въ доскахъ въ десть. Треодь цвѣтная въ десть въ кожѣ въ доскахъ. Треодь постная ветхая въ кожѣ и въ доскахъ въ десть. Октоиховъ осмигласовъ двѣ книги въ кожи и въ доскахъ въ десть. Двѣнадцать книгъ минеи мѣсячныхъ въ кожи и въ доскахъ въ десть. Двѣ книги минеи общія празнечныя въ кожи и въ доскахъ въ десть. Минея общая святымъ въ кожи и въ доскахъ въ десть. Три псалтири слѣдованныя въ десть ветхи. Минея одна служебная мѣсяца августа въ десть въ кожи и въ доскахъ. Минея служебная трехъ мѣсячная—сентября октября ноября, печати мелкой въ кожи и въ доскахъ

въ десть. Псалтирь крупной печати въ десть. Требникъ болшой въ кожи и въ доскахъ въ десть. Обѣтъ душевный въ переплетѣ въ десть обгорѣлая. Апостолъ переплетенъ вновъ въ кожи и въ доскахъ въ десть. Двѣ книги синадиковъ писанные въ переплетѣ въ десть. Апостолъ мелкой печати въ переплетѣ со апокалипсисомъ въ полдесть. Три книги служебниковъ въ полдесть ветхи, два ермологія въ полдесть ветхи. Книга молебныхъ пѣній на всякую потребу въ полдесть. Четыре пролога тремѣсячные, цѣлый годъ, въ переплетѣ въ десть. Двѣ псалтири слѣдованныхъ въ переплетѣ въ десть. Книга Новый Завѣтъ въ переплетѣ въ десть. Книга служба святителя Николая Чудотворца съ житіемъ въ полдесть. Псалтирь учебная въ четверть ветхая. Два требника въ четверть очень ветхая. Кононникъ въ четверть ветхой. Книга требникъ въ переплетѣ въ полдесть. Четыре тетради печатныя: первая о побѣдѣ на сопостаты подъ полтавою, вторая служба Захаріи и Елисаветы сентября 5 дня, третья ноября 25 и апрѣля 25, четвертая генваря 19 и апрѣля 18 дня въ полдесть. Книга обиходъ нотная въ переплетѣ въ восмуху. Книга писменная розыскъ Димитрія ростовскаго чудотворца. Книга бесѣды на дѣянія апостольская въ десть. Книга маргаритъ печатная въ кожи и въ доскахъ въ десть. Книга пращица печатная въ десть. Книга Іоанна списателя лѣствицы. Книга Ефрема Сирина мелкой печати въ полдесть. Восимъ тетратей о побѣдѣ на сопостатъ въ бумажныхъ доскахъ ветхія самыя. Въ церкви жъ два налоя кожиныхъ, два налоя деревянныхъ поволочены выбойкою пестрою, одинъ налой деревянный же оболоченъ стомедомъ. Два стола деревянныхъ малыя; два подсвѣшника жестяныхъ.

Въ трапезѣ по правую сторону предѣлъ святителя Наколая Чудотворца. Въ предѣлѣ царскія двери рѣзныя лики, богородиченъ и архангела и евангелисты писаны на жести. По правую сторону стоящій образъ Спасителевъ, мѣрою дска въ три аршина безъ окладу. По лѣвую сторону стоящій образъ Пресвятыя Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ, дска мѣрою въ два аршина безъ окладу. Надъ царскими вратами образъ Господа Саваофа писаннъ на жести. Надъ вратамижъ царскими Распятіе Господне рѣзное деревянное позолочено листовымъ золотомъ, вѣнецъ серебреной, предъ нимъ стоящія образы Богоматере и Іоанна Богослова. Тамо стоятъ образы на особливыхъ дскахъ по сторонамъ святыхъ Петра и Павла. На поворотѣ близъ дверей сѣверныхъ образъ Николая Чудотворца стоящій, дска мѣрою въ два аршина безъ окладу, предъ нимъ лампадка висящая мѣдная. Надъ нимъ образъ Николая Чудотворца, дска мѣрою три четверти. У оного олтаря на сѣверныхъ дверехъ написанъ образъ архидіакона Стефана.

Подлѣ ево на стѣнѣ образъ Спасителевъ, мѣрою дска въ два аршина неокладной, предъ нимъ лампадка мѣдная. Образъ святителя Николая Чудотворца, дска мѣрою въ два аршина. Образъ Іоанна Предтечи мѣрою въ два аршина, предъ нимъ лампадка мѣдная. Престолъ малый и жертвенникъ, на немъ одѣжда рудожелтая камчатая, на святомъ антимисѣ Евангеліе, дски покрыты бархатомъ малиновымъ въ срединѣ Спасителевъ образъ и Евангелисты серебреныя. Крестъ поклонной деревянной обложенъ окладомъ мѣднымъ посеребренъ бѣлой. Сверхъ престола пелена рудожелтая камчатая. На жертвенникѣ сосуды оловянные, у царскихъ вратъ завѣса зеленая тафтяная. Въ олтарѣ образъ Пресвятыя Богородицы Карскія штилистовой поля и вѣнецъ окладъ серебреной. Образъ Владимірскія Богородицы въ деревянномъ кіотѣ мѣрою дву четвертей неокладной. Въ трапезѣжъ надъ красными дверми образъ Казанскія Пресвятыя Богородицы, на немъ вѣнецъ мѣдной позлащеной, дска мѣрою въ одинъ аршинъ, въ кіотѣ съ створами, направомъ створѣ Николая Чудотворца, на лѣвомъ створѣ мученицы Параскевы, на нихъ вѣнцы луженые, предъ нимъ лампадка мѣдная. На той же стѣнѣ образъ Плащаницы Господни дска въ полтора аршина. Образъ Владимірскія Богородицы, дска мѣрою въ пять четвертей, окладъ на вѣнцѣ мѣдной полуженъ, предъ тѣмъ образомъ лампадка оловянная. Образъ Отечества мѣрою въ три четверти безъ окладу. Образъ Пресвятыя Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости въ три четверти безъ окладу. (За симъ слѣдуетъ описаніе ризъ и стихарей). При церкви колокольня деревянная на дву столбахъ, на ней колокола небольшія, а вѣсомъ коликое число о томъ подписки на нихъ не имѣется (Архивъ Мин. Юст. по Колл. Экономіи).

АЛФАВИТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ:

1. Указатель лицъ.

Стр.

Авраамій, митрополитъ рязанскій и муромскій..... 46
Адріанъ, архимандритъ Чудова монастыря..... 138
Андреевъ, Образецъ..... 76
Антоній, игуменъ Давыдовой пустыни..... 8, 13, 31
Апраксинъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ.. 67
Арбеневъ, Василій, подьячій..... 22
Арсеньевы: Иванъ Даниловичъ, Марья Матвѣевна..... 108
Арцыбушевъ, Михаилъ, подьячій.. 77
Астафьевъ, Андрей Павловъ..... 115
Басмановъ, Алексѣй..... 31
Бестужевъ-Рюминъ, графъ Алексѣй Петровичъ..... 74
Бормосовъ, Тихонъ, дьякъ..... 86
Борятинскіе, князья: Александръ Ивановъ, Анна Даниловна..... 120
Григорій Петровичъ..... 68
Иванъ Ѳедоровичъ..... 119, 120
Михаилъ Ѳедоровичъ..... 68
Никита Петровичъ..... 96
Семенъ Ѳедоровичъ..... 68, 70
Сергѣй Ивановичъ..... 120
Юрій Никитичъ..... 120
Ѳедоръ Семеновичъ..... 67
Ѳедоръ Юрьевичъ..... 120
Ѳедоръ Ѳедоровичъ..... 68

Стр.

Бохины: Алексѣй и Второй Дорофеевы, Павелъ и Сергѣй Ѳедоровы и Ѳедоръ Алексѣевъ.... 120
Брюсъ: Александръ Романовичъ 104, 123
Екатерина Яковлевна..... 104
Яковъ Велимовичъ..... 104, 123
Бурцовъ, Іосифъ, монахъ казначей патр. казеннаго приказа..... 119
Бутурлины: Анна Ивановна, Борисъ Васильевичъ, Василій Васильевичъ, Иванъ Васильевичъ и Никита Ивановъ стольн. 101, 102
Быкасовъ, Андрей..... 74
Вадковскій, Ѳедоръ Ивановичъ... 81
Варлаамъ, архіеп. тверской и кашинскій..... 20
Василій Ярославичъ, касимовскій царевичъ..... 114
Васильевъ, Семенъ, дьякъ помѣст. приказа..... 84, 113
Векентьевъ, Иванъ дьякъ..... 82
Веніаминъ, епископъ коломенскій и каширскій..... 30
Витовтовы: Евдокимъ и Иванъ... 80
Владыкинъ, Андрей Денис. 85, 87, 115
Волковъ, Алексѣй, дьякъ помѣст. приказа..... 4
Волконскіе, князья: Андрей Михайловъ..... 84, 85

Григорій Константиновичъ.... 133
Иванъ Ѳедоровъ, Михаилъ Андреевичъ 84, 85
Михаилъ Никитичъ 33, 74
Михаилъ Михайловичъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, Николай Андреевичъ, Петръ Михайловичъ..... 85
Воронцова граф. Ирина Ивановна. 60
Воротынскіе, кн. Иванъ Алексѣевичъ, 121
Настасья Ивановна..... 122
Высоцкій, Леонтій Яковлевъ..... 110
Гаврінлъ, архим. Симонова мон... 85
Галасенинъ, Осипъ, патріаршій сынъ боярскій 31
Голенищевъ, Анфиногенъ..... 46
Голицыны, князья: Авдотья Ивановна 54
Алексѣй Андреевичъ..... 111, 121
Алексѣй Борисовичъ..... 3
Алексѣй Васильевичъ..... 54
Андрей Андреевичъ..... 44, 54
Андрей Ивановичъ..... 111
Анна, боярыня..... 111
Анна Ивановна..... 3
Василій Андреевичъ..... 44
Василій Васильевичъ..... 53, 54
Елена Петровна..... 4
Иванъ Алексѣевичъ.. 72, 110, 111
Ирина Васильевна..... 44
Михаилъ Васильевичъ..... 54
Настасья Ивановна..... 122
Настасья Петровна..... 72
Николай Петровичъ..... 122
Петръ Алексѣевичъ..... 122
Петръ Яковлевичъ..... 4
Сергѣй Алексѣевичъ..... 3
Татьяна, жена Василья..... 44
Яковъ Алексѣевичъ..... 4
Ѳедоръ Алексѣевичъ..... 111
Головины: Автамонъ Михайловичъ, Александръ Ивановичъ..... 60
Анна Ивановна..... 102
Гороховъ, Андрей..... 44
Горсткины: Василій..... 137
Прасковья Кипріянова..... 70
Татьяна Кирилловская жена 70, 137
Горчаковъ, князь Борисъ Васильевичъ 115
Грамотинъ, Иванъ Тарасьевичъ.. 133
Грековъ, Никифоръ Михайловъ... 120
Грязевы: Иванъ Кирилловъ, Мина 70
Гуляевъ, Михаилъ Григорьевъ, дьякъ 103
Даниловъ, Максимъ, дьякъ..... 92
Михаилъ, думный дьякъ..... 115
Дашковъ Василій Яковлевичъ думный дворянинъ..... 115
Дворяниновъ, Борисъ..... 76
Дементьевъ, Василій. подьячій... 7
Діонисій, архимандр. Андроньева монастыря..... 78
Долгоруковы, князья: Александра Яковлевна, Александръ Владиміровичъ 63
Алексѣй Григорьевичъ ... 88, 111
Анна Ивановна..... 102
Василій Михайловичъ..... 62
Василій Владиміровичъ..... 63
Владиміръ Михайловичъ..... 62
Владиміръ Петровичъ.. 35, 63, 102
Елена Алексѣевна..... 114
Иванъ Михайловичъ, Михаилъ Юрьевичъ, Петръ Михайловичъ. 62
Прасковья Юрьевна..... 114
Петръ Михайловичъ... 35, 62, 102
Сергѣй Владиміровичъ..... 63
Сергѣй Петровичъ 35
Юрій Алексѣевичъ..... 35, 62
Юрій Владиміровичъ..... 63
Юрій Юрьевичъ..... 114
Дохтуровы: Андрей Афанасьевичъ 91
Афанасій Яковлевичъ..... 90
Иванъ Андреевичъ..... 92
Наталья Ивановна..... 91
Прасковья Андреевна..... 90
Сергѣй Андреевичъ..... 92

Дадинъ, Иванъ Ждановъ..... 108
Ермолаевъ, Левъ, дьякъ..... 58, 59
Жемчужниковъ, Тихонъ..... 80
Засѣцкіе: Иванъ Ивановичъ, Настасья Ивановна..... 107, 108
Земскій, Данила Яковлевъ, купецъ, фабрикантъ..... 43
Зюзинъ, Яковъ..... 46
Ивановъ, Парфеній, дьякъ патр. приказа..... 7
Изнайловы: Артемій Васильевъ.. 101
Григорій Васильевъ..... 86
Григорій Никитичъ..... 104
Настасья Ивановна..... 86
Исленьевы: Александръ Васильевичъ, Василій Васильевичъ ... 93
Василій Даниловичъ 92, 93
Данила Ивановичъ..... 93
Иванъ..... 92, 115
Марья Владиміровна, Михаилъ Васильевичъ..... 93
Іона, игуменъ Колоцкаго мон.... 34
Іосифъ, архіеп. колом. и кашир. 58, 59
Кашинъ, князь Иванъ..... 52
Клешнинъ, Андрей..... 68
Клюевъ, Гаврінлъ Потаповъ, московскій купецъ..... 68
Козловскіе, князья: Афанасій Васильевъ, Василій Андреевъ... 83
Ирина Петровна..... 83
Михаилъ..... 117
Петръ Афанасьевичъ..... 83
Тимофей Афанасьевичъ..... 82, 83
Ѳедоръ Андреевичъ..... 46, 83
Кокоревъ, Василій Борисовъ.... 46
Колтовская, Марья Ѳедоровская жена..... 108
Колычевъ, Григорій..... 88
Коннина, Пелагея Васильева.... 96
Краснова, Матрена Ѳедоровская жена..... 44
Коркодиновы, князья: Алексѣй... 53
Иванъ Михайловичъ..... 36
Кропотинъ, князь Михаилъ Васильевъ 93, 96
Куницынъ, Богданъ..... 46
Куракинъ, князь Ѳедоръ Семеновичъ..... 121
Курбатовъ, Алексѣй Александровичъ..... 18, 19
Кутузовы: Илья Михайловъ, Михаилъ Ивановъ, Тимофей Михайловъ 46
Лазаревъ, Мина Лазарева..... 100
Ласкиревы: Никита Ивановъ, Ѳедоръ 5
Левашевы: Иванъ Васильевичъ, Марья Петровна, Петръ Артемьевичъ, Прасковья Ивановна... 76
Левкій, архимандр. Чудова мон... 138
Леонтьевы: Аврамъ Ивановъ.. 46, 47
Николай Михайловичъ 20
Данила и Ѳедоръ..... 96
Лихачевы: Богданъ Терентьевъ... 71
Прасковья Ѳедоровна..... 72
Ѳедоръ Ѳедоровичъ..... 71
Лобановы-Ростовскіе, князья: Александра Яковлевна..... 63
Иванъ Ивановичъ..... 5, 63
Яковъ Ивановъ..... 5
Ѳетинья Иванова..... 4
Ѳетинья Яковлевна..... 5
Лопухины: Ирина Ѳедоровна 83
Наталья Ивановна..... 91, 92
Петръ Аврамовичъ..... 104
Степанъ Васильевичъ.. 27, 65, 83
Лосевъ, Иванъ, дьякъ помѣстн. приказа..... 111
Львовъ, князь Алексѣй Михайловъ 104
Лыковы, князья: Дарья Алексѣевскаяжена, Прасковья Алексѣевна 109
Макарьевскій, Тихонъ, монахъ казначей патр. приказа..... 92
Максимовъ, Ѳедоръ дьякъ..... 108
Мартыновъ, Викула, тяглецъ мѣщанской слободы..... 105, 147

Мезецкій, князь Михаилъ, писецъ 14
Меншиковъ, князь Александръ Даниловичъ 25, 59, 70, 82
Мещерскіе, князья: Алексѣй Васильевичъ, Василій Ивановичъ, его жена Дарья Андреевна ... 83
Милославскіе: Григорій Яковлевъ, Иванъ Михайловичъ, бояр., Прасковья Яковлевская жена, Ѳедоръ Яковлевичъ..... 70
Яковъ Михайловичъ..... 44
Милюковъ, Егоръ Лукичъ..... 68
Морозовы: Анна Ильинична, Борисъ Ивановичъ, Иванъ Глѣбовичъ 80
Михаилъ 97
Масальская, кн. Александра Васильевна 20
Мусины-Пушкины: Екатерина Яковлевна 104
Иванъ Алексѣевичъ ... 32, 73, 85
Платонъ Ивановичъ..... 33, 74
Мячинъ, Ѳедоръ 89
Наговы: Василій Ивановичъ, Прасковья Алексѣевская жена.... 52
Нарбековы: Аграфена Павловна... 102
Василій Савичъ окольничій, Степанъ Савичъ..... 103
Ѳедоръ Савичъ, Ѳекла Ѳедоровна 75
Нарышкины: Александръ Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ..... 110
Иванъ Кирилловичъ, Прасковья Алексѣевна 109, 110
Нестеровы: Алексѣй и Иванъ Ѳедоровы, Ѳедоръ Васильевъ, Ѳеодора 89
Носовъ, Иванъ 31
Оболенская, княг. Марья Алексѣевна 110
Одоевскіе, князья: Алексѣй Юрьевичъ 18
Анна Михайловна 56
Василій Юрьевичъ, Василій Ѳедоровичъ 18
Марфа Яковлевна..... 56, 87
Михаилъ Юрьевичъ..... 18
Яковъ Ивановичъ..... 86
Яковъ Никитичъ..... 56, 76
Окороковъ, Трофимъ..... 31
Остерманъ: Андрей Ивановичъ баронъ, Иванъ Андреевъ, Ѳедоръ Андреевъ..... 67
Отяевъ, Афанасій, писецъ..... 22
Пассекъ: Наталья Алексѣевна, Ѳедоръ Богдановичъ..... 100
Пафнутій, архимандр. Нижняго Благовѣщенскаго мон..... 7
Плещеевы: Алексѣй Григорьевъ.. 117
Алексѣй Васильевъ..... 115, 117
Андрей Григорьевъ, Григорій Васильевъ..... 117
Марья Никифоровна 114
Михаилъ Григорьевъ 117
Никифоръ, Татьяна Гордѣевна, Григорьевская жена. 114, 115, 117
Ѳедоръ Алексѣевъ..... 116, 117
Ѳедоръ Григорьевъ..... 117
Пожарскіе, князья: Аграфена Ивановна, Аксинья Ивановна, Анна Ивановна..... 42
Дмитрій Михайловичъ.... 41, 135
Дмитрій Петровичъ..... 66
Иванъ Дмитріевичъ, Настасья Юрьевна..... 41, 134, 136
Петръ Дмитріевичъ, Юрій Ивановичъ 41, 42
Полтевы: Василій Ѳедоровъ 65, 66, 67
Яковъ Ѳедоровъ 66, 67
Ѳедоръ Алексѣевичъ.... 7, 65, 66
Ѳекла Панкратьевна..... 67
Порошины: Григорій Дмитріевъ.. 46
Ѳедоръ Дементьевъ..... 70, 137
Прозоровскіе, князья: Иванъ Семеновичъ, Настасья Петровна, Прасковья Ѳедоровна, Петръ Ивановичъ 72

Пронскіе, князья: Авдотья Ивановна, Иванъ Петровичъ..... 88
Петръ Ивановичъ..... 87, 88
Протасовъ, Ларіонъ, подьячій приказа большой казны..... 106
Пустынниковы: Василій..... 52
Дорофей 61
Осипъ, дьякъ..... 96
Разумовскіе: Алексѣй Григорьевичъ 88, 114, 123
Алексѣй Кирилловичъ..... 114
Ратмановъ, Алексѣй Григорьевичъ..... 67, 68
Репнины, князья: Андрей Ивановичъ, Аникита Ивановичъ, Василій Аникитичъ 43
Иванъ Борисовичъ..... 42
Николай Ивановичъ, Петръ Ивановичъ 5
Татьяна Алексѣевна..... 42
Ростовскій, князь Михаилъ..... 44
Румянцовъ-Задунайскій, Петръ Александровичъ, графъ..... 4
Сабуровъ, Андрей, писецъ.... 3, 5
Салтыковъ, Василій Ѳедоровичъ.. 123
Семенчина, Анна Ивановская жена 52
Сійскій, Паисій, старецъ казначей патр. каз. приказа..... 84
Слотинъ, Ларіонъ Антоновъ..... 66
Стахѣевъ, Василій 46
Стефанъ, митропол. рязанскій и муромскій 47
Стрешневы: Авдотья Андреевна.. 97
Авдотья Ивановна..... 54
Василій Ивановичъ 34, 62, 77, 78, 97, 100
Иванъ Николаевичъ 100
Иванъ Родіоновичъ..... 54, 100
Иванъ Ѳедоровъ 52, 54
Марья Алексѣевна..... 100
Наталья Алексѣевна..... 100
Наталья Ивановна,..... 54
Наталья Ильична, Николай Ивановъ, Петръ Ивановичъ..... 100
Родіонъ Матвѣевичъ 99
Семенъ Лукьяновичъ..... 100
Тихонъ Никитичъ..... 73
Ѳедоръ Степановъ..... 52
Стромиловъ, Яковъ..... 44
Сукины: Анна Ивановна, Иванъ Васильевъ, Иванъ Осиповъ, его жена Прасковья..... 3
Степанъ 89
Сѣменниковъ, Перфилій, дьякъ... 81
Тараканов, Савва 44
Татевы, князья: Иванъ Борисовъ, Ѳедоръ Борисовъ..... 121
Телепневы: Василій Даниловъ... 57
Григорій Юрьевъ..... 58
Данила Васильевъ, Ефимъ Григорьевъ, Михаилъ Юрьевъ, Степанъ Васильевъ, Юрій Васильевъ 57
Толстой, Иванъ Петровичъ..... 18
Траханіотовъ, Иванъ..... 5
Трубецкіе, князья: Алексѣй Никитичъ 74, 75, 136
Василій Никитичъ 45
Дмитрій Тимофеевичъ..... 74
Ирина Васильевна..... 44
Иванъ Юрьевичъ, Никита Юрьевичъ 45
Юрій Петровичъ..... 44, 75
Юрій Юрьевичъ..... 45
Туренины, князья: Василій, Иванъ. 61
Тюфякинъ, Григорій Васильевъ.. 104
Унковскіе: Василій Ивановъ, Иванъ Савичъ, Ѳедоръ Ивановъ..... 46
Урусовы, князья: Григорій Алексѣевичъ, Софья Григорьевна, Ѳекла Ѳедоровна..... 75
Усовъ, Тимофей Никитинъ..... 46
Хитрово: Андрей Михайловичъ, его жена Степанида Савельевна. 90, 91
Михаилъ Григорьевъ, его жена Ѳеодора 89

Прасковья Андреевна..... 90
Хилковъ, князь Юрій Яковлевичъ. 114
Хованская, княг. Настасья Ивановна..... 108
Хохловъ, Борисъ..... 68
Чемодановъ, Иванъ Ивановичъ... 97
Черкаскіе, князья: Авдотья Ивановна..... 87
Алексѣй Михайловичъ. 56, 57.77, 87
Григорій Сунчелеевичъ..... 88
Данила Григорьевичъ.... 87, 112
Михаилъ Яковлевичъ.. 56, 77, 87
Марья Яковлевна..... 87
Петръ Борисовичъ..... 88
Чириковы, Илья Ивановъ..... 96
Михаилъ Ильинъ..... 95, 96
Чичерины, Алексѣй Петровичъ, Александра Васильевна, Василій Петровичъ..... 20
Петръ Васильевичъ..... 19, 20
Сергѣй Петровичъ 20
Шеины: Семенъ, его жена Авдотья Ивановна..... 88
Шелешпальской, князь Иванъ Андреевичъ, дозорщикъ..... 138
Шереметевы: Борисъ Петровичъ 36, 140
Василій Петровичъ 36
Владиміръ Петровичъ..... 36
Иванъ Васильевичъ. 35, 56
Иванъ Петровичъ, Петръ Борисовичъ..... 36
Сергѣй Борисовичъ..... 5
Ѳедоръ Ивановичъ. 36, 56, 76, 111
Ѳетинья Яковлевна 5
Шеховскіе, княг. Наталья Алексѣевна..... 100
Татьяна Дмитріевна 102
Шушеринъ, Ѳедоръ дьякъ 57
Щербатовъ, князь Алексѣй Ивановичъ, его жена Софья Григорьевна..... 75
Юматовъ, Игнатій 41
Юрьевъ, Степанъ 74
Яковлевы: Боженъ Степановъ, Дмитрій Прокопьевъ..... 96
Ѳедоровы: Алексѣй Родіоновъ . . 68
Дмитрій, дьякъ 85

Монастыри:

Берлюковская пустынь .. . 128, 147
Богословская пустынь 125
Іоанна Предтечи 31
Колоцкій въ Можайскѣ..... 34
Николо-Угрѣшскій. 1, 73, 139
Ново-Спасскій 53
Покровскій, дѣвичій, что въ Суздалѣ 9
Спасо-Андроньевскій..... .. 5, 77
Троицы-Сергіевскій . 47, 48, 50, 138
Чудовъ 49, 55, 138

2. Указатель географическій.

Агафонова, деревня..... 65
Акатово, сельцо 4
Анискино, село 114
Анцифорова, дер 60
Аристовъ, погостъ..... 8
Архангельскій, пог.. 40
Архангельское, село... . . 35, 61
Березина пустошь..... 134
Березовка, рѣчка. 20
Берликовскій и Бирхинскій пог.. 104
Бесѣды, с..... 74, 136
Бисерово, с.. 5
Бисерово, озеро..... 5
Благовѣщенское, Тарасово тожъ (нынѣ Благовѣщенье сельцо).. 89
Богословское, Мизиново тожъ (Глинково), с.. 103
Богородское Красково, с..... 44

Борискова, пуст.. 13
Борисково, Осѣчкино тожъ, с. .. 82
Борисоглѣбское, озеро.... . 31, 72
Бортникова, пуст. 106
Боршевка (Романь), пог..... 58
Бояршая, дер.. 32
Брошевскій, станъ.. ..... 68, 134
Бывальня, рчк..... 48
Быкова, дер..... 79
Быково, с..... 33
Васильцовъ, ст..... 55
Верея, дер..... 33
Верховицево, слц..... . . 63
Вишняково, с.... 55
Вздерихога, рчк..... 8
Власова, дер..... 33
Воздвиженскій, пог. 21
Волнова, пуст..... 115
Волынова, пуст. 135
Вора, рчк..... 104
Воронцово поле (въ Москвѣ) ... 28
Воскресенская, пуст., что б. село.. .... 75, 136
Воскресенская пуст. ...'.. . . 60
Воскресенское, с. 9
Вошинскій, ст.. 133
Вохна, рчк..... . 50
Выголова, дер 46
Бырка, рчк. 16
Выркинскій, пог..... 16
Высоковская пуст..... 134, 136
Вьюлка, рчк. 46
Вьюновка, рчк..... 45
Гвоздинская, вол..... 58, 60, 105
Гвоздня, пог. (нынѣ Георгіевскій пог. при озерѣ Безъимянномъ). 60
Георгіевская, Кресты тожъ пуст.. 135
Георгіевскій пог..... 27
Георгіевское, Поварово, Федурнево тожъ, с..... 119
Гирѣево, Губино тожъ, с.. 110
Гжелка, рчк... 86
Гжель, с..... . . 28
Гжельская, вол..... . . 27
Глинково (Глинки Брюсово), с... 103
Глушица, озеро.... 31
Глѣбцово, Степашково тожъ, пуст. 114
Гора, пуст..... 31
Горбунова, пуст..... 34
Горенка, дер..... 88
Горенки, с.. 111
Городенка, рчк... 114
Граворноки, дер..... 85
Гребнева, пуст... 73
Григорьевская, пуст... 40
Гуслица, рчк..... 22
Гуслицкая, вол..... 22, 37, 59
Гуслицы, с..... 22
Данилищевъ, пог 15
Дворникова, дер... 81
Демидово, Купавна, с.... 41
Денисовка, пуст.. 9
Дорка, рчк..... .. 27, 40
Дорки, пог..... .. 105, 106
Дроздна, рчк..... . . 18, 48
Дубенка, рчк.. 74
Дятлова, дер..... 53
Еремина, дер..... 136
Ерище, пуст..... 32
Жилино (Жилкино), с.. 54
Жмунка, рчк.... 9
Завражье, дер..... 92
Загарье, пог.... 19
Загарская, вол.... 19
Зазерскій, починокъ.... 31
Замосковное Раменье..... ... 86
Запонорье. с..... 49, 63
Захаровскій, пог.. 81
Зворыкина, дер. 62
Здегошь, озеро 31
Зюзино, с..... 45
Иванисово, с..... 17
Игнатовская, дер. 27
Ильинскій въ Муравьищахъ, пог. 14
Ильинское, с..... 85
Ильинское Мотяково тожъ, с.... 93

Исакова, пуст. 28
Исаково, озеро 138
Каменскій, ст. 6, 45
Карачарово, с. 77
Карпово, Большовское тожъ, с. . 21
Капустина, дер. 61
Клементьева, пуст. 29
Клешова, дер. 32
Климова, дер. 138
Климова, пуст. 34
Клязьма, рк. . . . 11, 47, 114, 129
Кожухова, дер. 3
Козлиха, Леденіха, пожня. . . . 31
Коломецъ, дер. 33
Конищева, Антошева тожъ, пуст. . 32
Кононова, дер. 9
Конявино, с. 134
Копотенскій, ст. 1
Копотня, с. 1
Корнѣево, с. 101
Коробкина, пуст. 114
Косино, с. 57
Костина, Костенова тожъ, пуст . 13
Котельники, с. 79
Кошелевъ, ст. 8, 84, 104, 114
Красково, с. 44
Кренево, с. 102
Крюкова дер. 93
Кудиново, с. 71
Кулкова, дер. 133
Куньевская, вол. 13, 20
Купавна, рчк. 109
Купавно, с. 41
Кусково, с. 35
Кучина, дер. 97
Леонова, дер. 98
Либерицы (Люберцы), с. 69
Лопаткина, дер. 95
Лычевъ, пог. 16
Малахова, пуст. 44
Малахово, с. 86
Малая Сѣверка, рчк. 108
Малышова, дер. 44
Манасѣева, дер. 133
Маревка, дер. 120
Марково, с. 76
Марковская, пуст. 76
Мележа, рчк. 92
Мерзка, рчк. 59, 63, 134
Микитское, слц. 134
Микишинъ, лугъ 18
Микулина, дер. 21
Мининская, дер. 89
Мининское, с. 134
Митина, Мешкова, Мотякова тожъ, дер. 96
Михалева, пуст. 134, 136
Мишинская Черная, пуст. 11
Монашкинъ, лугъ, Славково тожъ. 31
Москва, рк. 31
Мотяково, слц. 93
Мошевъ (Спасъ на Мошевѣ), погостъ 63
Никитскій, пог. 48
Никитскій, на рчк. Доркѣ, пог. . 136
Никитскій въ Лужкахъ, пог. 6
Никитское, с. 50
Николо-Нерскій пог. 68
Никольскій на Брошевкѣ пог. 58
Никольскій на рѣчкѣ Мерзкѣ, пог. 68
Никольскій на иху (въ Куньѣ), пог. 13
Никольскій-Мытищи пог. 5
Никольское, с. 34
Никольское (Полтево), с. 65
Новая, Анкудинова тожъ дер. 72
Новое Рождествено, с. 30
Новинки, дер. 84
Обонегово, Дядино тожъ, с. 107
Оборничъ, ст. 44, 93, 101, 103
Объѣзжая, пуст. 31
Окатьево, с. 4
Околица, рчк. 22
Опарина, пуст. 44
Осиновка рчк. 19
Остапова, Савостьянова тожъ, пуст. 63

Осѣчкина пуст., что б. дер.. .. 82
Павлово, с..... 50
Панина, пуст.. ..... . 134, 136
Перевѣсье, пуст..... 114
Парасковеи Пятницы, пог..... 138
Перемыть, озеро..... 31
Перина, дер..... 7
Перово, с..... 120
Пестрицы, лужа 33
Петровская, дер..... 53
Петряково, селище 18
Пехорка, рчк..... 2, 4, 44, 97, 101
Плосконина, дер... 106
Погребище, пуст.. 114
Покровскій, пог.. 71
Поникратова, дер..... 16
Понура, рчк..... .. 49
Поповка, рчк.'..... 25
Почерневъ, ст.... 3, 45, 52, 61, 88, 98
Пречистенскій, пог. 138
Пятницкій (Десятая Пятница), пог.'..... 20
Пятницкій, пог..... 138
Радокина, пуст.... 34
Раменка, рчк.... 17
Раменская, вол..... 28, 30, 40
Раменье, с..... 72
Резаново, слц. 92
Рогожи (нынѣ гор. Богородскъ), с.... .... 11, 129
Рогожская слобода 11
Рогожскій, ст..... 89
Родинки, с.... 108
Рождественскій въ Улуповѣ, пог. 45
Рудная, дер.. 3
Рудница, рчк..... ... 3
Рудня, пог. 37
Рудня, рчк..... 37
Рунова, пуст.... 73
Рѣткина, дер..... 16
Савино, с..... 52
Савина, дер..... 52
Савкина, Субочева тожъ, дер..... 22
Сафоново, с..... 40
Селинская, вол.. 49
Сельня, вол..... ..... 21, 22
Синьково, с... 31
Слободки, пуст 134, 136
Смолинская, заводь, пуст..... 31
Соболева, дер..... 60
Соболево, слц... 53
Созыкина, пуст..... .. 134, 136
Соколова, дер. 115, 135
Соколово, с. 97
Софронова, Мишокова тожъ, пуст. 16
Старый Рогожскій ямъ.. 11
Строкина, дер..... ..... 6, 7
Стромынская, дорога.. 114
Сушица, рчк..... 21
Сущова, Агафоново тожъ, пуст. . 66
Сущевская, пуст..... . 53
Сьянова, дер.... 139
Тарасова, пуст..... 89
Татарка, рчк.... 66
Темниково, селище..... 18
Тетеревники, дер..... .. 130
Тимонино, с... 84
Тимофеево Калинино тожъ, с ... 115
Троицкій пог.. 18
Троицкое, с..... 2
Троицкое-Кайнарджи, с..... 24
Троицкій въ Раменцѣ (Раменье), с. 72
Троицкое (Ратманово), с.... 67
Троицкое Резаново тожъ (Резанцы), с... 92
Улупова, пуст..... . . 46
Улупово Зюзино, с... 45
Ульянова, пуст.... 16
Уполоза, пог..... 47
Утичье, болото. 9
Федурнево Поварово, тожъ, слц. 119
Фенина, дер. 3
Филатовъ, пог..... 31
Харитова, дер.. 67
Хотѣевичи (Хотѣичи), с.... ... 59

Хрипанова, дер..... 73
Хупавна, рчк..... 133, 135
Хупавно, с..... 133, 135
Чагина дер.. 79
Черленикова Краскова тожъ, дер. 44
Черная, рчк..... . 52, 59, 93, 120
Черноголовская, вол... 9
Черичевъ, пог..... 17
Чижово, с..... 87, 112
Чюдница, рчк..... 109
Шеренка, рчк..... 136
Шеренскій и Отъѣзжій, ст..... 92
Шерна, рчк.. ..... 14, 125
Шероходка, рчк..... 71
Юркина, дер..... .. 97
Якикино, с..... 9
Якикино, озеро..... 9
Ѳедотова, дер..... 68

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вохонская десятина.

		Стран.
Церкви:	Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Благовѣщенскомъ, Тарасово тожъ (Благовѣщенье)	89
„	Благовѣщенія Пресв. Богородицы въ селѣ Хотѣвичахъ	59
„	Богоявленія Господня въ с. Бисеровѣ	5
„	Владимірскія Пресв. Богородицы въ с. Богородскомъ Красковѣ	44
„	Воздвиженія честнаго Креста Господня и св. мученика Никиты на погостѣ Воздвиженскомъ, на рѣчкѣ Сушицѣ	21
„	Воскресенія Христова въ с. Вешняковѣ	55
„	Воскресенія Христова въ с. Павловѣ	50
„	Воскресенія Христова въ с. Родинкахъ	108
„	Всемилостиваго Спаса въ с. Обонеговѣ, Дядино тожъ	107
„	Всемилостиваго Спаса въ с. Окатьевѣ	4
„	Георгія великомуч. на погостѣ при деревнѣ Игнатовской, на рѣчкѣ Доркѣ	27
„	Димитрія Селунскаго на погостѣ Димитровскомъ, въ Доркахъ	105
„	Димитрія Селунскаго въ с. Малаховѣ	86
„	Зачатія Іоанна Предтечи въ с. Георгіевскомъ, Поварово, Федурнево тожъ	119
„	Знаменія Пресв. Богородицы въ с. Карачаровѣ	77
„	Знаменія Пресв. Богородицы въ с. Корнѣевѣ	101
„	Знаменія Пресв. Богородицы въ с. Перовѣ	120
„	Иліи пророка и Николая чудотворца на погостѣ въ Гуслицахъ	22
„	Иліи пророка въ с. Ильинскомъ	85
„	Иліи пророка въ с. Ильинскомъ, Мотяково тожъ	93
„	Иліи пророка на погостѣ Ильинскомъ въ Муровищахъ, у рѣки Шорны	14
„	Іоанна Богослова въ с. Богословскомъ, Мизиново тожъ (Глинки Брюсово)	103
„	Казанскія Пресвятыя Богородицы въ с. Котельникахъ	79
„	Казанскія Пресв. Богородицы въ с. Марковѣ	76
„	Космы и Даміана на погостѣ Гвоздиѣ	60

Церкви: Михаила Архангела въ с. Архангельскомъ 61
„ Михаила Архангела на погостѣ Архангельскомъ, на рѣчкѣ Доркѣ. 40
„ Михаила Архангела на погостѣ Чернѣевѣ, на рѣчкѣ Раменкѣ, при с. Иванисовѣ 17
„ Никиты великомуч. на погостѣ Никитскомъ на рѣчкѣ Дрозднѣ . . . 48
„ Никиты Христова муч. на погостѣ Никитскомъ въ Лужкахъ 6
„ Николая чудотворца въ с. Бесѣдахъ 74
„ Николая чуд., что въ Бирхинскомъ (Берликовскомъ) 104
„ Николая чуд. на погостѣ на Брошевкѣ 58
„ Николая чуд. въ с. Косинѣ 57
„ Николая чуд. въ с. Никольскомъ 34
„ Николая чуд. въ с. Никольскомъ (Полтево) 65
„ Николая чуд. на погостѣ, на рѣчкѣ Мерскѣ (Николо-Нерскій) . . . 68
„ Николая чуд. на погостѣ, что на Мху 13
„ Николая чуд. въ с. Рогожи, на рѣкѣ Клязьмѣ 11
„ Николая чуд. въ с. Соколовѣ, на рѣчкѣ Пехоркѣ 97
„ Николая чуд. въ с. Тимонинѣ 84
„ Парасковеи муч., нарицаемыя Пятницы на погостѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ 20
„ Парасковеи Пятницы на погостѣ Захаровскомъ 81
„ Покрова Пресв. Богородицы въ с. Борисковѣ, Осѣчкино тожъ 82
„ Покрова Пресв. Богородицы въ с. Воскресенскомъ, на рѣчкѣ Жмункѣ 9
„ Покрова Пресв. Богородицы въ с. Запонорьѣ, Власьевское тожъ . . 49
„ Покрова Пресв. Богородицы въ с. Карповѣ, Болашевское тожъ . . . 21
„ Покрова Пресв. Богородицы въ с. Кудиновѣ 71
„ Преображенія Господня въ с. Креневѣ 102
„ Преображенія Господня въ с. Люберицахъ 69
„ Преображенія Господня на погостѣ Мошевѣ, на рѣчкѣ Мерскѣ . . 63
„ Преображенія Господня въ с. Савинѣ 52
„ Происхожденія честныхъ древъ Креста Господня въ с. Горенкахъ. 111
„ Происхожденія Креста Господня въ с. Кусковѣ 35
„ Рождества Іоанна Предтечи съ придѣломъ Николая чуд. въ с. Новомъ Рождественѣ 30
„ Рождества Пресв. Богородицы въ с. Копотнѣ 1
„ Рождества Пресв. Богородицы на погостѣ Лычевѣ, на рѣчкѣ Выркѣ. 16
„ Рождества Пресв. Богородицы на погостѣ, у рѣчки Рудни, въ Раменцѣ (Рудня) 37
„ Рождества Пресв. Богородицы въ с. Онискинѣ 114
„ Рождества Пресв. Богородицы въ с. Улуповѣ, Зюзино тожъ 45
„ Рождества Пресв. Богородицы на погостѣ Уполозы, на р. Клязьмѣ. 47
„ Рождества Христова въ с. Быковѣ 33
„ Рождества Христова и св. Тихона чуд. на погостѣ Даниляшинѣ у озера 15

Церкви: Рождества Христова въ с. Якинѣ 10
„ Спаса Нерукотвореннаго образа въ с. Губинѣ, Гирѣево тожъ..... 110
„ Троицы Живоначальныя съ придѣломъ Николая чуд. въ Берликовской пустыни .....
„ Троицы Живоначальныя въ с. Демидовѣ, Купавна тожъ 41
„ Троицы Живоначальныя въ Раменцѣ, у Борисоглѣбскаго озера... 72
„ Троицы Живоначальныя въ с. Троицкомъ, Резаново тожъ (Резанцы). 92
„ Троицы Живоначальныя въ с. Троицкомъ, на рѣчкѣ Пехоркѣ.... 2
„ Троицы Живоначальныя въ с. Троицкомъ..... ... 67
„ Троицы Живоначальныя въ с. Троицкомъ, у рѣчки Дрозны 18
„ Троицы Живоначальныя при домѣ Салтыкова..... 123
„ Успенія Пресв. Богородицы на погостѣ Аристовѣ 8
„ Успенія Пресв. Богородицы въ с. Гжели..... 28
„ Успенія Пресв. Богородицы въ с. Жилинѣ 54
„ Успенія Пресв. Богородицы на погостѣ въ Загарской волости (Загарье) 19
„ Успенія Пресв. Богородицы съ придѣломъ Іоанна Богослова на рѣчкѣ Шернѣ (Богословское)..... 125
„ Успенія Просв. Богородицы въ с. Чижовѣ..... 87
„ Церковныя мѣста и земли..... 133

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
3	сверху 16	дворовъ	дворъ
17	„ 8	Вогородицы	Богородицы
52	„ 14	въ томъ	въ полѣ,
65	снизу 1	(Полшево)	(Полтево)
85	„ 1	ссрянчаго	стрянчаго
104	„ 6	Бирхинскаго	Берликовскаго
105	сверху 6	л. 113	л. 103
119	„ 2	Федорнево	Федурнево

II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

П. А. Кулишъ.

ОТПАДЕНІЕ МАЛОРОССІИ

ОТЪ

ПОЛЬШИ

(1340—1654).

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Глава XI.

Страхъ соединенія козаковъ съ азіатскими сосѣдями.—Связь между Московскимъ и Польскимъ разореніями.— Главныя дѣйствующія лица въ ускореніи Польской Руины.—Спасительный планъ великаго полководца и гражданина.

У нашихъ днѣпровскихъ козаковъ, по ихъ инстинктамъ, было больше общаго съ Татарами, нежели съ какою-либо частью польско-русскаго населенія Малороссіи.

Мы видѣли, что польскіе короли поступали съ козаками такъ, какъ поступали древніе русскіе князья съ дикими обитателями пустынь, лежавшихъ за рѣкой Росью съ правой стороны Днѣпра и за рѣкой Сулой—съ лѣвой; именно: привлекали ихъ себѣ на службу, какъ и другихъ иноплеменныхъ ордынцевъ.

Страхъ соединенія козаковъ съ азіатцами противъ европейской гражданственности заставилъ польское правительство ухаживать за двумя измѣнниками своими, Евстафіемъ Дашковичемъ и Димитріемъ Вишневецкимъ. Тотъ же страхъ принуждалъ Польшу платить Татарамъ *гарачъ* и вооружать хана противъ низовой вольницы для очистки отъ нея запорожскихъ пустынь.

Съ своей стороны козаки, называя пановъ неблагодарными, старались ладить съ Крымцами, и чуть было не поступили на службу къ хану подъ предводительствомъ Самуила Зборовскаго, назвавшагося ханскимъ *сыномъ*. Раздраженные намѣреніемъ польскорусскихъ властей взять ихъ въ крѣпкія руки, и обманувшись въ разсчетахъ на Татаръ, они пытаются ниспровергнуть пановъ собственными силами, съ помощью накопившагося въ безглавомъ обществѣ разбойнаго элемента. Но, когда домашнія средства оказались недостаточными, козаки служатъ крымскимъ ханамъ въ ихъ борьбѣ съ турецкимъ господствомъ, и по-старому приглашаютъ Крымцевъ для опустошенія панскихъ владѣній. Паны бьютъ козаковъ на урочищѣ Медвѣжьи Лозы и задабриваютъ подарками Татаръ. Козаки снова служатъ хану, подъ предводительствомъ Дорошенка. Снова паны бьютъ ихъ, въ Переяславлѣ, и разлучаютъ съ Крымцами посредствомъ подарковъ. Въ

1637 и 1638 годахъ со стороны козаковъ повторяется та же попытка привлечь Татаръ къ совмѣстному набѣгу на панскія имѣнія, а со стороны пановъ отправляются къ хану возы кожуховъ, жупановъ, сапоговъ и денежной дани.

Тяжелые вздохи, съ которыми козаки слушали на Масляномъ Ставу евангельскія внушенія проповѣдника, присланнаго Петромъ Могилою, не замедлили сдѣлаться у нихъ волчьимъ воемъ и медвѣжьимъ ревомъ, а когда ярость побѣжденныхъ панскимъ оружіемъ стихла, они вернулись къ той мысли, которая поддерживала ихъ бунты со временъ Косинскаго: стали въ десятый разъ искать своего торжества надъ панами въ татарской помощи. Долго выжидали они благопріятныхъ для того обстоятельствъ. Но Польша жила въ согласіи съ Москвою; Конецпольскій отражалъ козацкіе набѣги могущественно, и въ 1644 году поразилъ Крымцевъ подъ Охматовымъ такъ сильно, какъ будто воскресъ памятный имъ панскій козакъ, Стефанъ Хмелецкій.

Наконецъ „перекопскимъ царемъ“ сдѣлался Исламъ-Гирей, проведшій всю молодость въ польскомъ и турецкомъ плѣну. Это былъ дикій фанатикъ магометанства, надменный своимъ родомъ, который, по его взгляду, былъ выше султанскаго. Козаки, вращаясь по своимъ интересамъ въ магометанскомъ сосѣдствѣ, знали его съ той стороны, которая была имъ на-руку, и обратились къ нему съ предложеніемъ своего подданства, лишь бы онъ помогъ имъ одолѣть „Ляховъ“. Но Исламъ-Гирей презиралъ христіянъ вообще, смотрѣлъ на нихъ, какъ на существа низшія, и если входилъ съ ними въ договоры, то лишь для того, чтобъ ихъ обмануть, какъ человѣкъ обманываетъ животныхъ. Предложеніе днѣпровскихъ джауровъ было имъ гордо отвергнуто. Это козаковъ не остановило. Они, съ своей стороны, презирали мусульманъ, и называли ихъ поганцами, невѣрными псами. Они Татаръ и Турокъ ненавидѣли почти столько же, какъ своихъ пановъ; если же, въ послѣдствіи величались дружбой и братствомъ Крымцевъ, то дѣлали это въ опьяненіи торжества надъ панами и на досаду Москалямъ, которые долго взвѣшивали, можно ли принять ихъ „подъ высокую царскую руку“. Отвергнутые въ десятый разъ, козаки терпѣливо ждали времени, когда интересы „невѣрныхъ псовъ“ соединятся съ ихъ благовѣрными интересами для опустошенія „Христіянской Земли“ *),

*) Кобзарскія думы называютъ Христіянскою Землею, иначе Святорусскимъ Берегомъ, безразлично и Востокъ и Юговостокъ польскихъ владѣній, когда говорятъ о возвращеніи плѣнниковъ изъ татарской и турецкой неволи.

Между тѣмъ колонизація малорусскихъ пустынь, по усмиреніи козаковъ и Татаръ, пошла такъ успѣшно, что у Конецпольскаго явилась мысль — вымѣстить Кипчакскую Орду совсѣмъ изъ „Таврики“ и заселить Крымъ христіянами. Эту мысль Конецпольскій давно уже оборачивалъ въ умѣ своемъ и совѣщался о способахъ къ ея осуществленію съ преданными ему людьми. Въ 1645 году изложилъ онъ свой проектъ на бумагѣ, но не рѣшался покамѣсть публиковать, въ виду всеобщаго стремленія землевладѣльцевъ къ мирнымъ занятіямъ, которымъ больше всего мѣшали миновавшіе съ 1638 годомъ козацкіе бунты.

Проектъ Станислава Конецпольскаго замѣчательнѣе всего тѣмъ, что въ немъ польскорусской республикѣ указывалась необходимость искренно-тѣснаго союза съ Московскимъ Царствомъ. Колонизаторъ малорусскихъ пустынь признавалъ въ московскомъ правительствѣ такія способности къ заселенію новоприобрѣтенныхъ земель, что онъ былъ готовъ предоставить въ его распоряженіе Крымъ по изгнаніи изъ него Татаръ. Онъ признавалъ за „Москалями“ также и умѣнье удержать навсегда въ своемъ обладаніи „Таврику“, къ чему, очевидно, считалъ не способными своихъ единоплеменниковъ, Поляковъ. Дѣло это представлялось ему опаснымъ съ одной только стороны, именно съ той, что Москва, занявъ Крымъ, и живя въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ козаками, можетъ, пожалуй, отторгнуть отъ Польши и козаковъ, и „всю Русь“; но всё-таки приходилъ онъ къ заключенію, что для Польши лучше было бы имѣть въ „Таврикѣ“ сосѣдями подозрительныхъ пріятелей, „Москалей“, нежели явныхъ непріятелей „язычниковъ“.

Планъ этотъ, столь же человѣчный, какъ и дальновидный, занималъ знаменитаго охранителя Польши такъ серьезно, что осенью 1645 года послалъ онъ въ Крымъ искуснаго геометра и рисовальщика Себастіана Адерса, родомъ изъ Мазовіи, подъ видомъ купца, для снятія на планъ и изображенія тамошнихъ городовъ и крѣпостей. Но черезъ годъ съ небольшимъ Конецпольскаго не стало, и его внезапная смерть открыла свободный ходъ роковымъ событіямъ, которыя, повидимому, одинъ онъ могъ бы остановить.

Эти событія возымѣли свое начало въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали Московское разореніе. Изъ Московскаго разоренія вытекало разореніе Польское.

Однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ смутъ, послѣдовавшихъ за прекращеніемъ династіи Рюриковичей, явился малолѣтній польскій королевичъ, Владиславъ. Его царствованіе въ Москвѣ про-

вогласилъ величайшій полководецъ своего времени, Станиславъ Жовковскій: значитъ, не было оно мечтой личностей мелкихъ. Все десятилѣтнее царствованіе талантливаго короля Стефана было исполненною кипучей дѣятельности пропагандою подчиненія Москвы Польшѣ и введенія обоихъ государствъ въ широкій планъ христіянской войны съ невѣрными. Эта пропаганда не осталась безъ послѣдствій и по его смерти. Однимъ изъ нихъ было унаслѣдованіе мысли Стефана Владиславомъ. Скучая дома подъ опекой клерикаловъ наставниковъ, живой и мечтательный королевичъ неожиданно увидѣлъ себя самодержцемъ народа, готоваго, повидимому, посвятить себя тому дѣлу, которое тогда и въ героическихъ понятіяхъ рыцарства, и въ набожныхъ внушеніяхъ духовенства было величайшею славою государей и государствъ,— освобожденію христіянскаго свѣта отъ мусульманъ. Король Сигизмундъ, оттѣсняя сына отъ московскаго престола, только усиливалъ въ его воображеніи сіяніе полновластной царственности. Въ то же самое время, въ умѣ отрока напечатлѣвалось и обладаніе шведскою короною, которой домогался по-своему мечтательный отецъ. Походы въ Московію, продолжавшіеся, съ промежутками, отъ 1604 до 1618 года, еще больше развили отроческія и потомъ юношескія грезы Владислава. Не мало способствовало возрастанію истинно польскаго высокомѣрія и его путешествіе по Европѣ, гдѣ всюду принимали его, какъ будущаго носителя трехъ коронъ, польской, шведской, московской и, по духу панегирическаго вѣка, на каждомъ шагу высказывали, что провидятъ въ немъ совершителя подвиговъ могущественной царственности. Наконецъ, его воцареніе въ Польшѣ, привѣтствуемое единодушными восторгами всего народа и блистательная побѣда надъ воеводою Шеинымъ у Смоленска, по его самомнѣнію, какъ будто рукою самой судьбы, вели его къ престоламъ и завоеваніямъ, точно другаго Александра Македонскаго.

Въ виду крестоваго похода на Турокъ и преподаннаго ему отцовскими клерикалами освобожденія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ, король Владиславъ, наперекоръ самому папѣ, сдѣлался сторонникомъ польскихъ протестантовъ и покровителемъ нашихъ противниковъ церковной уніи. Но, готовясь къ своимъ великимъ подвигамъ, онъ, и при жизни отца, и по своемъ вступленіи на престолъ, содѣйствовалъ развитію въ Польшѣ той разрушительной силы, которая, по его смерти, подавила строительную.

Козаки, стучавшіе въ московскія ворота булавой Сагайдачнаго, приводившіе Турокъ въ отчаянье подъ Хотиномъ и на Черномъ морѣ, ратовавшіе за сочиненное ими „ломанье вѣры“ на Трубежѣ и на

Альтѣ, ложившіеся одни на другихъ въ Медвѣжьихъ Лозахъ и подъ Кумейками, истреблявшіе цвѣтъ польскаго рыцарства на Сулѣ и оказавшіеся неодолимыми въ своихъ окопахъ на Старцѣ,—были, можно сказать, его созданіемъ, его тайной отрадою въ борьбѣ съ панскимъ полновластіемъ, его великою надеждою въ будущемъ. Ростъ ихъ увеличивался съ каждой потерей изъ козацкаго дѣла. Они, въ неудачахъ своихъ, проходили курсъ науки крушенія, основанія которой преподалъ имъ обиженный панами шляхтичъ Косинскій, и, падая подъ ударами культурниковъ, подвергались только новому и новому искусу въ своемъ руинномъ ремеслѣ. Козацкая энергія въ подвигахъ опустошенія соотвѣтствовала энергіи старшихъ козацкихъ братій, колонизовавшихъ малорусскія пустыни съ быстротой изумительною. Смерть величайшаго изъ польскорусскихъ колонизаторовъ и могущественнѣйшаго изъ обуздателей козатчины, Станислава Конецпольскаго, обозначила въ судьбахъ Польши поворотъ, послѣ котораго началось торжество разрушительной силы надъ строительною,—началась побѣда номадовъ надъ культурниками...

Но возвратимся нѣсколько назадъ.

1645 и 1646 годы были моментомъ послѣдняго благоденствія, возможнаго для Польши. Европу оглушалъ не прерывавшійся третье десятилѣтіе уже боевой гулъ; Европу потрясали кровавыя войны, а въ Польшѣ царствовала тишина, тѣмъ драгоцѣннѣйшая для шляхты, что кругомъ ревѣла буря,—для шляхты, но не для ея короля. Она его томила. Великіе замыслы Владислава IV ограничивались, понамѣстъ, заключеніемъ славнаго мира съ Москвой, Турціей и Швеціей, а было ему уже 50 лѣтъ отъ роду, и онъ всѣ еще стоялъ при началѣ своего дѣла, такъ точно, какъ и въ легкомысленномъ отрочествѣ. Вотъ что его томило въ побѣдительной Польшѣ среди счастливой тишины!

Владиславъ не принадлежалъ къ тѣмъ сильнымъ характерамъ, которые упорною работою преодолѣваютъ встрѣчаемыя затрудненія и постепенно достигаютъ предположенной цѣли. Не обладаетъ онъ способностью созидать средства для войны и выбирать людей, которые бы умѣли и желали содѣйствовать ему въ великомъ предпріятіи; проживалъ такъ или иначе все, что было у него въ рукахъ, и попадалъ въ зависимость отъ сеймующей шляхты, въ то время, когда надобно было ею повелѣвать; выпрашивалъ у нея денегъ, угождалъ вліятельнымъ сановникамъ, дѣлалъ уступки, и этимъ уничижалъ царственное достоинство свое. Всякій разъ, когда приступалъ онъ къ дѣлу (пишутъ о немъ Поляки), не доставало у него средствъ для

исполненія; то разомъ начиналъ нѣсколько предпріятій, то впадалъ въ унылое бездѣйствіе. И какъ было ему не унывать, когда вся Европа воевала, а онъ, который сознавалъ себя рожденнымъ для блистательныхъ побѣдъ, сидѣлъ сиднемъ на своемъ прославленномъ престолѣ? Любили и хвалили его въ Польшѣ за спокойное царствованіе; называли даже великимъ, но за что? за то, что онъ умѣлъ преодолѣть жажду славы, и побѣдилъ не только Москву, Турцію, Швецію, но — и самого себя. Такимъ образомъ ставили его выше Александра Македонскаго; но это была горькая иронія. Побѣдитель терзался громкою хвалою молча, и готовъ былъ на самые отчаянные планы. Мысль о Турецкой войнѣ сдѣлалась наконецъ его маніею.

Нѣсколько лѣтъ уже, не объявляя сейму, пропускалъ онъ сроки посылки Татарамъ обычныхъ подарковъ, а отъ ихъ мстительныхъ набѣговъ заслонялся бдительнымъ стражемъ границъ, Конецпольскимъ. Когда донскіе козаки, съ помощью днѣпровскихъ выписчиковъ, овладѣли Азовомъ, торжествуя разомъ надъ Портой и надъ Крымцами,— онъ порывался къ нимъ на помощь, соглашалъ къ тому же и московскаго царя. Его уносчивое воображеніе озарилось картиной завоеванной Таврики, картиной заселенія днѣстро-буго-днѣпровскаго Низу, богатства черноморской торговли и обращенія убогихъ неучей козаковъ къ обильной и просвѣщенной мѣщанской жизни въ приморскихъ городахъ. Но расхозяйничавшіеся землевладѣльцы не желали воевовать съ Татарами, опасаясь войны съ Турціей, требовали удовлетворенія Крымцевъ подарками, а Турокъ — надлежащимъ посольствомъ. Въ 1643 году султанъ подтвердилъ миръ съ Польшею, и запретилъ Татарамъ вторгаться въ ея владѣнія. Татары, однакожъ, продолжали вторженія, какъ были наконецъ страшно поражены Конецпольскимъ, съ помощью князя Вишневецкаго, подъ Охматовымъ, въ 1644 году.

Тогда король выступилъ опять съ проектомъ Крымской войны. Время было благопріятное. Въ Крыму происходили замѣшательства. Недовольный ханомъ Мехметъ-Гиреемъ турецкій султанъ, Ибрагимъ, вскорѣ послѣ Охматовскаго пораженія, свергнулъ его съ престола, велѣлъ выпустить изъ заточенія брата его, Исламъ-Гирея, и наименовалъ ханомъ. Въ Ордѣ открылась усобица между сторонниками братьевъ Гиреевъ. Въ это время Турція и Венеція готовились взаимно къ войнѣ, которая обѣщала быть долголѣтнею и для Турціи гибельною, такъ какъ султанъ Ибрагимъ былъ „не въ полномъ умѣ“, а государство его терзали междоусобныя войны. Король возымѣлъ надежду подавить Крымцевъ безпрепятственно со стороны Турціи.

Послѣ побѣды подъ Охматовымъ, созвалъ Владиславъ сенаторскую раду и провелъ въ ней постановленіе, чтобы съ этого времени подарковъ Татарамъ не давать. Постановленіе состоялось въ концѣ февраля 1645 года. Ближайшій сеймъ долженъ былъ подтвердить его, а между тѣмъ король сталъ готовиться къ войнѣ, которая долженствовала возгорѣться одновременно съ Турко-Венеціянскою: велѣлъ строить арсеналы въ Краковѣ, во Львовѣ, въ Варшавѣ, вызывалъ инженеровъ и ремесленниковъ изъ-за границы, запасался военными снарядами. Ханъ Исламъ-Гирей прислалъ пословъ, домогаясь подарковъ. Король задержалъ ихъ до сейма, а на сеймики выслалъ универсалы, предрасполагавшіе шляхту къ подтвержденію постановленія о подаркахъ Татарамъ, состоявшагося въ сенаторской радѣ.

Главнымъ помощникомъ его былъ канцлеръ Оссолинскій. Въ блестящей и злотворной дѣятельности этого сановника исторія видитъ воплощеніе общественныхъ и государственныхъ недуговъ, которыми неисцѣлимо уже разболѣлся тогда разслабленный организмъ Королевской Республики. Я представлю только выразительнѣйшія черты зловѣщей личности.

Родъ Оссолинскихъ принадлежалъ къ древнѣйшимъ, но не можновладнымъ домамъ старой Польши. Отецъ канцлера первый возвысился до сана воеводы, слѣдовательно и сенатора. Онъ отличался такимъ умомъ, гражданскимъ мужествомъ и даромъ слова, что пользовался равнымъ уваженіемъ со стороны противоположныхъ и враждебныхъ между собою партій: явленіе рѣдкое въ жизни политическихъ обществъ. О матери канцлера почтенный біографъ его, докторъ Кубаля, говоритъ, что это была одна изъ тѣхъ великихъ матронъ, которыхъ возвышенная жизнь протекала въ тишинѣ и спокойствіи. Надъ ея гробомъ, по его мнѣнію, можно было бы повторить слова, сказанныя Замойскимъ о ея братѣ, Фирлеѣ: „Собраны сливки съ нашего молока“.

Но на вопросъ апостола: „течетъ ли мутная вода изъ чистаго источника?“ приходится отвѣчать здѣсь утвердительно. Чистѣйшіе источники старопольской жизни были повсемѣстно возмущаемы іезуитами у самаго жерла ихъ. До того умѣли эти ревностные служители папы подлѣлаться подъ самые благородные характеры простосердечныхъ Полонусовъ, что пагубное воспитаніе, даваемое ими панскимъ дѣтямъ, прославлялось, какъ наилучшее. Такъ было и съ домомъ Оссолинскихъ.

Юрій Оссолинскій, будущій канцлеръ, лишился добродѣтельной матери на пятомъ году жизни, а добродѣтельный отецъ, на девятомъ

году, отдалъ его въ іезуитскую гимназію въ Пултускѣ, считавшуюся наилучшею въ Польшѣ. Здѣсь оставался онъ три года, которые совпали съ тѣмъ временемъ, когда польскіе іезуиты, съ королемъ Сигизмундомъ III во главѣ, обработали дѣло перваго Лжедимитрія. Насажденное ими въ польскихъ сердцахъ лукавство приносило уже свои плоды, и заражало атмосферу общественной жизни на широкомъ пространствѣ. Подъ вліяніемъ общаго извращенія чувства правды, честный Полонусъ довѣрчиво погрузилъ сына въ самое жерло религіозной и политической фальши.

Передъ воцареніемъ Сигизмунда Вазы, онъ оказалъ императорскому австрійскому дому памятное для этого дома усердіе, и теперь послалъ сына въ іезуитскую академію въ Грацѣ, состоявшую подъ главнымъ завѣдываніемъ эрцгерцога Фердинанда, будущаго императора, который любилъ и чтилъ орденъ іезуитовъ „какъ мать“, сохранялъ его „какъ зѣницу ока“ и объявлялъ во всеуслышаніе, что „лучше желалъ бы, чтобъ его собственный домъ исчезъ, нежели іезуиты“.

Біографъ Оссолинскаго говоритъ, что „никогда бы въ Польшѣ не могъ усвоить онъ такихъ католическихъ воззрѣній“, какія усвоилъ на всю жизнь въ тѣсномъ общеніи съ семействомъ Фердинанда и съ іезуитами. Четыре года провелъ онъ въ грацкой аптекѣ ядовъ, отравлявшихъ умы и сердца католическаго міра, а эти годы соотвѣтствовали тому крушенію нравственности въ москворусскомъ и польскорусскомъ народѣ, посредствомъ котораго іезуиты едва не погубили Московскаго Царства заодно съ будущимъ его приростомъ, возсоединенною Малороссіею.

По тогдашней общественной оцѣнкѣ, установленной, какъ въ Австріи, такъ и въ Польшѣ, іезуитами, Юрій Оссолинскій получилъ воспитаніе блестящее. По оцѣнкѣ нашего современника, его біографа, монастырь и монаршій дворъ было все, что онъ видѣлъ; людей такихъ, какими они есть, Оссолинскій не зналъ и не понималъ,—можно сказать, что въ теченіе четырехъ лѣтъ не развился онъ вовсе... Въ этомъ-то и состояла суть іезуитскаго воспитанія.

Господствовавшая тогда въ Польшѣ мода велѣла образованному юношѣ, передъ вступленіемъ въ государственную службу, совершить путешествіе по Европѣ. Въ этомъ Полякоруссы опередили Москворуссовъ тремя столѣтіями; но іезуиты обратили преимущество ихъ въ ничто.

Молодой Оссолинскій прежде всего посѣтилъ Голландію, которую такъ великодушно силился вырвать изъ католическихъ рукъ Вильгельмъ Оранскій, и которая ввѣрила ему власть на все время

войны за свободу совѣсти. Прошло уже 24 года послѣ того, какъ вооруженный іезуитами фанатикъ своимъ выстрѣломъ положилъ конецъ человѣколюбивымъ подвигамъ Вильгельма,—и представитель „вольнаго Шляхетскаго Народа", путешествуя по мѣстамъ, которыя Вильгельмъ Оранскій прославилъ въ исторіи борьбы съ деспотизмомъ, не находилъ для себя другаго дѣла, какъ богомольничать въ католическихъ церквахъ. Блѣдный и худой отъ прилежнаго ученія, едва вышедшій изъ отрочества, юноша „былъ похожъ на клерика". Онъ состоялъ уже членомъ церковнаго братства Маріи Панны и такого же братства Св. Духа, а въ Краковѣ вписался у бернардиновъ членомъ братства Св. Михаила. Сохранились его записки, проливающія безотрадный свѣтъ на людей, которые считались лучшими и даже великими въ Польшѣ. Въ нихъ Оссолинскій разсказываетъ о характеристической продѣлкѣ, которую онъ сочинилъ самостоятельно, на шестнадцатомъ году жизни, по случаю болѣзни сопровождавшаго его, въ качествѣ тѣлохранителя, Далмата Посседари. Вотъ его собственныя слова: „Посседари заболѣлъ такъ, что три недѣли, отъ тяжкихъ страданій, находился почти въ безпамятствѣ. Опасаясь, чтобы меня, młodego chłopca, не ограбили, или не умертвили, я выдалъ себя за его слугу, одѣвшись въ лакейское платье и говоря, что это убогій воинъ ѣдетъ изъ Москвы въ Нидерланды на службу, а меня, какъ знающаго нѣмецкій языкъ, уговорилъ въ Силезіи ѣхать съ собою".

Въ Лувенѣ, славившемся своею разновѣрческою академіей, Оссолинскій слушалъ весьма прилежно цѣлый годъ философію, право, исторію, политику, блистательно защитилъ диссертацію „De optimo reipublicae statu", посѣтилъ Фландрію, Англію, оттуда переѣхалъ во Францію, провелъ опять цѣлый годъ въ Парижѣ, усовершенствовался во французскомъ языкѣ, въ математикѣ и въ краснорѣчіи. Кромѣ того бралъ уроки верховой ѣзды, игры на лютнѣ и танцевъ, изучая въ то же время всякія публичныя церемоніи и торжества. Послѣ того отправился на годъ въ Падую, гдѣ учился итальянскому языку, стилистикѣ и декламаціи. Изъ Падуи ѣздилъ въ Римъ, чтобъ изучать церковныя дѣла. Здѣсь онъ погрузился въ омутъ клерикальной казуистики, подъ руководствомъ чествуемаго при папскомъ дворѣ доминиканца, Авраама Взовскаго, славнаго автора *Церковной Лѣтописи*, какъ отецъ вызвалъ его домой по случаю предпринимаемаго королевичемъ Владиславомъ похода въ Московію, на который онъ смотрѣлъ, какъ на дорогой для молодаго человѣка случай проложить себѣ дорогу къ дигнитарствамъ и пожалованіямъ.

Теперь Юрій Оссолинскій не былъ уже похожъ блѣдною худощавостью на клерика. Теперь онъ чаровалъ всѣмъ глаза прекрасною наружностью и тѣмъ, что̀ называлось тогда grandezza,—тѣмъ искусствомъ лицедѣйствовать въ роли публичнаго оратора и общественнаго дѣятеля, которое онъ усвоилъ себѣ въ высокой степени, какъ самое важное достоинство молодаго аристократа. Только смѣхъ былъ на его выразительныхъ устахъ „слишкомъ рѣдкимъ гостемъ“. Но что̀ насъ поражало бы непріятно въ молодомъ человѣкѣ, то еще больше возвышало его во мнѣніи общества польскорусскихъ магнатовъ, болѣе или менѣе одураченныхъ іезуитскимъ взглядомъ на вещи. Во всѣхъ положеніяхъ жизни онъ былъ всё тѣмъ же клерикомъ, являвшимся въ разнообразныхъ роляхъ,—до того, что, когда ему пришлось соперничать за невѣжу съ богатѣйшимъ изъ польскорусскихъ пановъ, княземъ Янушемъ Острожскимъ, и Янушъ внезапно скончался, онъ устраненіе соперника съ его дороги приписывалъ Господу Богу, и „благодарилъ святой маестатъ Божій за его великое провидѣніе (za wielką opatrzność Bożą Jego Świętemu Majestatowi dziękował)“. Это его собственныя слова.

„Во всемъ его повѣствованіи“ „(говоритъ о запискахъ Оссолинскаго его біографъ)“ „видимъ его постоянно въ (ксензовскомъ) ornatѣ, и дурно ли, хорошо ли онъ поступаетъ, всегда у него Господь Богъ на устахъ“.

Перлъ іезуитскаго воспитанія не могъ оставаться въ Польшѣ безъ соотвѣтственной оправы. Въ виду угрозъ Османа II завоевать Польшу по Балтійское море, чтобъ, окруживъ Европу своимъ флотомъ въ соединеніи съ голландскими и нѣмецкими протестантами, начать борьбу съ австрійскимъ домомъ,—надобно было согласить Англію къ противодѣйствію магометанамъ. Органомъ этого соглашенія былъ избранъ блестящій питомецъ іезуитовъ, и, чтобъ его несравненная grandezza дѣлала надлежащее впечатлѣніе, дали ему какимъ-то—выражусь по-польски—pokątnym способомъ громкій титулъ графа Тенчинскаго. Въ своей сіяющей оправѣ, поражающій высокимъ, по мнѣнію современниковъ, просвѣщеніемъ, 26-лѣтній посолъ оправдалъ передъ Іаковомъ I англійскимъ и его парламентомъ составившееся въ Польшѣ мнѣніе о его краснорѣчіи. Какъ отецъ графа Тенчинскаго своимъ честнымъ вмѣшательствомъ примирялъ враждебныя партіи даже во время конференціи, такъ наружность, ораторскія позы и декламація сына его производили на польскихъ верховодовъ такое впечатлѣніе, что когда, въ позднѣйшее время, поднимался онъ съ мѣста въ законодательномъ собраніи, самые сварливые люди умолкали ради одного

удовольствія слушать его. „Онъ царствуетъ словомъ (ille regit dictis)“, говорили о немъ приверженцы. „Обезоруживаетъ умы и сердца (animos et pectora mulcet)“, прибавляли враги его... Такъ было и въ Англіи. При всемъ разномысліи своемъ, и торіи и виги заслушались цицероновской латыни посла красавца. Рѣчь, произнесенную Оссолинскимъ передъ королевскимъ тономъ, восхищенный Іаковъ повелѣлъ напечатать на латинскомъ, англійскомъ, французскомъ, испанскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Такъ и должно было быть. Оссолинскій владѣлъ въ совершенствѣ искусствомъ лести, и постигалъ истинно іезуитски слабыя стороны тѣхъ, къ кому обращалъ свое усладительное и вмѣстѣ грандіозное слово, въ декламаціи же превзошелъ онъ всѣхъ своихъ учителей. Но грустное впечатлѣніе дѣлаетъ нынѣ та часть рѣчи польскаго посла, въ которой онъ изобразилъ, какая предстоитъ опасность всей Европѣ, и наипаче Англіи, въ случаѣ паденія Польши. Эти слова, внушенныя блестящему оратору его національнымъ высокомѣріемъ, выслушивались въ то время, какъ нѣчто разумное, людьми, державшими въ своихъ рукахъ богатства и судьбы вселенной. Такое же впечатлѣніе производитъ и торжественный, пышный, преисполненный почтенія къ Польшѣ пріемъ посла ея съ самаго появленія его на англійской территоріи. То была горькая иронія такъ называемаго рока, возвышающаго и низвергающаго гражданскія общества въ видахъ потребностей человѣчества.

Торжество политическаго витіи польскаго въ Англіи было полное. Но Іаковъ I относительно недалекой уже англійской революціи былъ то, что̀ Сигизмундъ III относительно приближающейся Польской Руины. Будущіе кромвелисты, пуритане, озабочивали его не меньше, какъ и будущіе хмельницты, козаки, тревожили современнаго ему короля польскаго. Посольство Оссолинскаго и его продолжительное пребываніе въ Англіи не имѣли никакихъ результатовъ.

Къ чести польскорусскихъ правительственныхъ людей, сенаторовъ и земскихъ пословъ, созданный іезуитами государственный человѣкъ не имѣлъ большаго между ними хода до конца жизни Сигизмунда Вазы. Изъ панской добычи, которою львы польской олигархіи дѣлились яростно между собою, Оссолинскій добился только трехъ старостъ. Этого было бы достаточно для многихъ другихъ пановъ, но слишкомъ мало для человѣка съ его завоевательными средствами. Только передъ смертью стараго короля благопріятели сдѣлали его надворнымъ подскарбіемъ, что̀, при его выработанной въ іезуитскихъ

школахъ дѣятельности и ловкости, дало ему возможность держать въ рукахъ и Коронный Скарбъ.

Къ чести ума и сердца Владиславова надобно также сказать, что, будучи королевичемъ, Владиславъ держалъ Оссолинскаго въ почтительномъ отдаленіи. Но Оссолинскій, возвышаясь медленно, заставилъ новаго короля, оцѣнить свои способности выше, нежели цѣнило ихъ олигархическое правительство. Въ качествѣ надворнаго подскарбія, то есть министра двора, принималъ онъ важное участіе въ избраніи на престолъ сына почившаго короля, и сдѣлался его ораторомъ, его приватнымъ министромъ. Новый король осыпалъ его вдругъ такими дарами, что одну только пожалованную ему саблю цѣнили въ 10.000 злотыхъ. Но Владиславъ IV сверхъ того подарилъ ему собственный дворецъ въ Варшавѣ, шестерню дорогихъ лошадей, 60.000 наличными деньгами, богатые обои, которыми были украшены хоры краковскаго собора, и бидгоское староство, одно изъ богатѣйшихъ въ Польшѣ. Сколько эта чрезмѣрная щедрость озлила нѣкоторыхъ олигарховъ, столько привлекла она къ восходящему свѣтилу можновладства другихъ, заинтересованныхъ по-своему въ королевскихъ пожалованіяхъ. Результатомъ умноженія благопріятелей новаго вельможи было то, что коронаціонный сеймъ согласился на замѣну его дѣдичныхъ добръ королевскими добрами, называвшимися Смердиною и находившимися въ его „державѣ“. Подобная мѣна всегда составляла выгоду частнаго лица, и была для Оссолинскаго своего рода наградою, которая опять привлекла къ нему многихъ, видѣвшихъ въ этомъ собственный интересъ.

Оссолинскій началъ играть въ одно и то же время двѣ роли, повидимому несовмѣстимыя: католическая партія видѣла въ немъ своего представителя, такъ точно какъ и протестантская, или что въ сущности было одно и то же, разновѣрческая. Питая противоположныя надежды однихъ и другихъ, подвизался онъ для себя лично, вовсе не для короля, и въ то время, когда казалось, что католичество для него всего дороже, или, что для разновѣрцевъ онъ рискуетъ своею репутаціей въ католическомъ свѣтѣ,—на днѣ его души таилась польская privata, поддерживаемая *братишками Іезуса* въ польскихъ можновладникахъ весьма старательно.

Новый глава олигархической республики, король Владиславъ, избралъ политику, противоположную политикѣ миновавшаго царствованія. По его мнѣнію, другъ и наставникъ отца его, императоръ Фердинандъ II, въ своей ревности къ церкви, обнаруживалъ нелюбовь къ своему народу. Владиславъ заявлялъ не только религіозную *терпимость*, но и религіозное *согласіе*. Предполагалось привлечь къ дѣя-

тельному участію въ предпріятіяхъ короля и протестантовъ, и державшихся съ ними за руки православниковъ важными уступками въ ихъ домогательствахъ, только эти уступки надлежало сдѣлать такимъ способомъ, который бы успокоилъ негодованіе католической партіи и самого папы. Въ проведеніи такого неудобопонятнаго для насъ церковно-политическаго проекта Оссолинскій выросъ во всю высоту своего злотворнаго генія, въ которомъ проявился оіезуиченный геній самой Польши.

Желая возвратить своему дому протестантскую Швецію, новый король обѣщалъ не ограничивать свободы польскихъ диссидентовъ никакими мѣрами; а намѣреваясь объявить свои права на московскій престолъ, привлекалъ онъ къ себѣ дизунитовъ. Между тѣмъ первенецъ новой династіи московскихъ государей, пользуясь промежуткомъ безкоролевья въ Польшѣ, вознамѣрился отнять у нея старыя ворота своего царства, Смоленскъ. Польскихъ патріотовъ тревожило опасеніе, какъ бы Москва не привлекла къ себѣ малорусскихъ православниковъ, которыхъ они воображали солидарными въ ихъ національныхъ и общественныхъ интересахъ. Перемиріе со Шведами истекло уже. Въ случаѣ новой войны, боялись, какъ бы Шведы не нашли себѣ доброжелателей въ Королевской Республикѣ. При такихъ обстоятельствахъ, правительственные паны-католики, въ безкоролевное время, были принуждены къ уступкамъ диссидентамъ и совершенно предоставили новому королю успокоеніе „схизматиковъ“, какъ называютъ Поляки православныхъ и нынѣ.

Въ качествѣ воина, король дѣйствовалъ искренно, но совѣтники и руководители его, во главѣ которыхъ стоялъ Оссолинскій, основывались на іезуитскомъ правилѣ, по которому въ присягѣ *слова* и *намѣренія* могутъ быть и не одинаковы, такъ что, кто передъ Богомъ обѣщаетъ исполнить данное слово, но въ то самое время вознамѣрился не исполнить его, того присяга не обязываетъ ни къ чему. Когда Владиславъ произносилъ торжественную присягу—ввести въ самую жизнь то, что обѣщалъ диссидентамъ и православникамъ ревностный католикъ, литовскій канцлеръ, Альбрехтъ Станиславъ Радивилъ, *) присутствуя при этомъ оффиціально, шепнулъ ему на ухо: „Не могите ваша королевская милость имѣть этого въ *намѣреніи*“; на что король

*) Это древнерусское имя писали еще по-русски въ XVI-мъ столѣтіи (авторъ Вормулѣбовской Хроники) и въ XVII-мъ (Кулаковъ, Самовидецъ). Я пишу его по-русски въ XIX-мъ.

отвѣчалъ честно: „Кому присягаю устами, тому присягаю и намѣреніемъ".

Слова Радивила служатъ исторіку ключемъ къ объясненію дальнѣйшихъ дѣйствій католической партіи, представляемой въ своемъ лицѣ Оссолинскимъ.

Зная обнаруженное этими словами правило, папскій нунцій тотчасъ успокоился на счетъ сдѣланныхъ схизматикамъ уступокъ, лишь только ему сказали, что уступки вынуждены временною необходимостью, въ видахъ войны съ Москвою; что король обѣщалъ вести унію инымъ, болѣе прочнымъ способомъ; что отправитъ къ папѣ посольство для объясненія своихъ дѣйствій, и не только обѣщаетъ ему привести на лоно католической церкви польскихъ схизматиковъ, но и Шведовъ, и Москву, противъ которой идетъ воевать, повергнетъ къ ногамъ святаго отца. Собственно королю нужно было не позволеніе, а молчаніе Римской Куріи, потому что католическая партія была довольно сильна для того, чтобы всѣ планы его рушились, еслибы папа объявилъ свое несогласіе на тѣ пункты перемирія съ иновѣрцами, въ которыхъ присягнулъ король.

Существовалъ въ Польшѣ обычай—по восшествіи на престолъ новаго короля, посылать въ Римъ посольство для засвидѣтельствованія Апостольскому престолу государственной подчиненности, которою Поляки гордились, какъ ревностнѣйшіе изъ всѣхъ воителей подъ знаменемъ Св. Креста. Теперь надобно было снарядить посольство, какъ для оправданія сдѣланныхъ иновѣрцамъ уступокъ, такъ и для другихъ, менѣе важныхъ для короля дѣлъ, изъ которыхъ особенное вниманіе русскаго историка обращаетъ на себя ходатайство шляхты передъ святымъ отцомъ о пріостановленіи перехода панскихъ, иначе земскихъ, имуществъ въ руки духовенства.

Уже четыре короля старались пріостановить это зло, угрожавшее Польшѣ, по словамъ самихъ католиковъ польскихъ, обратить ее въ „духовное государство". Въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда III особенно усилился зловѣщій переходъ свѣтскихъ имуществъ къ духовенству; на другихъ же имѣніяхъ отяготѣли такіе долги, что много богатыхъ землевладѣльцевъ было вытѣснено духовными людьми изъ имѣній, а сыновья ихъ „принуждены были жить среди козаковъ". Папскимъ нунціямъ, резидовавшимъ въ Польшѣ, представлялась уже возможность—„въ короткое время обратить въ католичество всю русскую шляхту, а за нею мѣщанъ и мужиковъ, безъ всякихъ увѣщаній, однимъ тѣмъ, чтобы всѣ 23.000 дигнитарствъ и бенефицій, находившихся въ распоряженіи короля, раздавать однимъ только духовнымъ".

Посломъ въ Римъ былъ избранъ человѣкъ, пользовавшійся довѣріемъ не только такихъ пановъ, какіе возвели на митрополію Петра Могилу, но и такихъ, какіе стояли за спиной у литовскаго канцлера, когда онъ шепталъ королю достопамятное слово о *намъреніи*. Самые іезуиты надѣялись, что имъ, какъ ордену полусвѣтскому, Тенчинскій графъ, помимо орденовъ монашескихъ, исходатайствуетъ разрѣшеніе святаго отца на обращеніе шляхетскаго сословія въ безземельниковъ. Но у нихъ, сверхъ того, была еще тяжба съ Краковской Академіей, которую они тѣснили своими школами. Они и здѣсь возлагали надежду на своего питомца, такъ точно какъ надѣялись на него и академики.

Въ качествѣ великаго посла, Оссолинскій воспользовался вывезенными изъ Москвы сокровищами короннаго скарба, для того чтобъ явиться передъ Западною Европой представителемъ „величайшаго изъ монарховъ Сѣвера, короля польскаго, шведскаго и царя московскаго". Наглядным представленіемъ могущества своего монарха и своею собственною пышностью ему надобно было облегчить себѣ достиженіе предположенной цѣли въ томъ городѣ, „гдѣ" (по замѣчанію самихъ Поляковъ) „богатымъ и сильнымъ рѣдко въ чемъ отказывали". Но, такъ какъ богачемъ онъ всё-таки не былъ и „денегъ напрасно тратить не любилъ", то въ приготовленіяхъ къ своему посольству долженъ былъ прибѣгнуть къ соображеніямъ, свойственнымъ его изворотливости.

Прежде всего подобралъ онъ себѣ „дворянъ", отличавшихся мужественною красотой, богатствомъ и образованностью, изъ которыхъ бы каждый представлялъ съ такимъ достоинствомъ особу посла, своего пана, съ какимъ онъ самъ—особу короля, и чтобы, видя ихъ, можно было сдѣлать выгодное заключеніе обо всей шляхтѣ. Зная, съ какимъ великолѣпіемъ появлялись въ Римѣ посольства французскія, постановилъ онъ: „чтобы то, что у нихъ было изъ серебра, у него было изъ чистаго золота,—что у нихъ изъ золота, то у него изъ драгоцѣнныхъ камней,—что у нихъ изъ драгоцѣнныхъ камней, то у него изъ діамантовъ". А для того стоило только взять изъ короннаго скарба на показъ все блестящее да истратить соотвѣтственно незначительную сумму на выставку,—и глаза Римлянъ будутъ ослѣплены. Кортежъ его состоялъ изъ 300 людей, 20 экипажей, 30 верховыхъ лошадей, 10 вьючныхъ верблюдовъ и соотвѣтственнаго количества нагруженныхъ всякимъ добромъ брикъ. Все это было распредѣлено и построено съ такой глубокой обдуманностью, для пораженія Римлянъ изумленіемъ, съ какимъ геніальный вопнъ ведетъ въ огонь свои побѣдоносныя колонны. Въ довершеніе дешеваго эффекта, Оссолинскій везъ

папѣ подлинную грамоту Константина Великаго, которою Константинъ подарилъ церкви городъ Римъ. Грамота эта, по завоеваніи Турками Константинополя, сдѣлалась достояніемъ казны московскихъ царей, а по взятіи Москвы великимъ Русиномъ Жовковскимъ, попала въ польскія руки: „драгоцѣнный подарокъ для папы и славный для Польской націи", какъ пишутъ Поляки.

Въ то самое время, когда Оссолинскій дивилъ представителей католической Европы театральнымъ великолѣпіемъ своей обстановки, получено было въ Римѣ извѣстіе о торжествѣ короля Владислава надъ московскою ратью подъ Смоленскомъ. Это событіе вдохновило польскаго оратора такою громозвучностью, хвалебною для короля и папы, а порицательнаго для Москвы, что святой отецъ тутъ же сказалъ своему камерленго:*) „И Цицеронъ не говорилъ бы лучше".

Слушали латинскую рѣчь Оссолинскаго послы французскій и другихъ католическихъ государствъ. Было что слушать имъ. Представитель могущественнѣйшаго монарха Сѣвера привѣтствовалъ главу западной церкви такими напримѣръ словами:

„Сколько ни есть народовъ, покрывающихъ Сѣверъ Европы на широкомъ пространствѣ отъ Карпатъ до Каспійскаго моря и отъ Ледовитаго океана до моря Чернаго, всѣ они, въ лицѣ моего монарха Владислава, преклоняются нынѣ предъ престоломъ твоимъ, святый отче: ибо всѣ тамошніе народы—или принадлежатъ его маестату по праву наслѣдственному, или же, покоренные оружіемъ, признаютъ его повелителемъ своимъ".

Національное самохвальство польскаго посла находило въ Римѣ полное сочувствіе, когда онъ говорилъ: „Оттоманскій полумѣсяцъ, разрушившій столько городовъ укрѣпленныхъ, перешагнувшій столько непроходимыхъ пропастей и быстрыхъ рѣкъ, истребившій столько христіянскихъ поселеній, останавливаютъ Поляки голою грудью. Что татарская свирѣпость не разлилась по всей Европѣ, этимъ обязана Европа одной Рѣчи Посполитой. Многократно побѣдили мы Москалей, христіанъ только именемъ, самимъ же дѣломъ и обычаемъ горшихъ изъ всѣхъ варваровъ,—побѣдили, и наконецъ прекраснѣйшую часть ихъ областей обратили въ нашу провинцію... Узришь еще, съ помощію Божіей, передъ своею столицей и одичалыхъ скандинавскихъ львовъ, присмирѣвшихъ подъ могучей рукою Владислава; узришь

*) Это званіе носитъ при дворѣ папы кардиналъ, управляющій юстиціей и финансами. Послѣ смерти папы до избранія новаго, камерленго управляетъ папскимъ царствомъ.

передъ собой отступниковъ общаго пастыря, и затворишь ихъ въ овчарнѣ своей", etc. etc.

Чтобы заручиться помощью самовластной олигархіи въ великихъ предпріятіяхъ короля своего, проектировалъ Оссолинскій еще прежде союзъ католическихъ магнатовъ подъ фирмою рыцарскаго братства Безпорочнаго зачатія. Это братство долженствовало состоять изъ 48 членовъ, возвышенныхъ папою въ княжеское достоинство и обязанныхъ повиноваться въ войнѣ съ невѣрными великому магистру, польскому королю. Папа, чрезъ своего нунція, обѣщалъ дать санкцію проекту Оссолинскаго, который, служа мечтательнымъ видамъ Владислава, въ то же самое время представлялъ Римской Куріи новый способъ обладанія Польшею въ лицѣ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ ея олигарховъ. Теперь, восхищенный посломъ и посольствомъ, намѣстникъ Христа утвердилъ Братство Безпорочнаго Зачатія, и далъ Оссолинскому титулъ римскаго князя. Зато жъ и римскій князь увѣрялъ Христова намѣстника, что въ Польшѣ „весь сеймъ, сенатъ и и народъ больше заняты борьбою за религію съ согражданами своими, нежели безопасностью и цѣлостью общаго отечества".

Но тутъ Оссолинскій зашелъ уже слишкомъ далеко въ обольщеніи властителей земли: основавшись на его увѣреніи, папа не поступился ниоднимъ епископствомъ и ниоднимъ храмомъ изъ той добычи, какую получилъ въ польской Руси чрезъ посредство измышленной іезуитами уніи. Наряженная имъ конгрегація изъ 4 кардиналовъ, 4 прелатовъ и 4 ученѣйшихъ теологовъ, послѣ пятинедѣльнаго взвѣшиванья этого вопроса на католическихъ вѣсахъ, не могла найти никакого способа, которымъ бы Апостольская Столица могла принять самомалѣйшее участіе въ возвращеніи схизматикамъ ихъ предковской собственности. Оссолинскій добился того, что папа запретилъ монашескимъ орденамъ въ Польшѣ пріобрѣтать земскія имущества (однакожъ фактически оказалось это невозможнымъ), добился своими истинно іезуитскими уловками, черезъ самихъ же іезуитовъ, и того, что іезуитскія школы, основанныя въ Краковѣ вопреки привилегированной королями Краковской Академіи, были закрыты; но вопросъ уніятскій de jure остался въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ при Сигизмундѣ III.

Такимъ образомъ то, для чего собственно ѣздилъ Оссолинскій въ Римъ, послужило только къ его славѣ среди толпы, стекавшейся со всего свѣта въ столицу католичества, и къ его возвышенію въ глазахъ людей, цѣнящихъ заслуги по титуламъ. Возвращаясь въ отечество черезъ Флоренцію, Венецію и Вѣну, онъ былъ принимаемъ

точно владѣтельный потентатъ, и осыпаемъ безпримѣрными подарками, а Фердинандъ II австрійскій вручилъ ему на прощаньѣ дипломъ, которымъ княжеское титло, присвоенное имѣніямъ Оссолинскаго, сдѣлалось принадлежностью, какъ его особы, такъ и его потомковъ; Фердинандъ наименовалъ его княземъ Римской Имперіи. Латинскимъ языкомъ различіе между двумя титулами выражалось такъ: Princeps Ossolinski, Dux in Ossolin.

Возвратясь въ отечество, Оссолинскій получилъ въ награду обширныя имѣнія въ завоеванной королемъ Сѣверіи, къ которымъ прикупилъ еще Батуринъ съ его окрестностями и Конотопъ. Теперь онъ былъ вполнѣ магнатъ, или то, что Полякоруссы называли *на всю губу панъ.**) Но король былъ имъ недоволенъ; іезуиты обидѣлись; духовные и свѣтскіе можновладники завидовали; шляхта видѣла свои надежды обманутыми, а его титулами была разогорчена.

Всего досаднѣе шляхтѣ было то, что Оссолинскій не привезъ изъ Рима запрещенія *всему* духовенству пріобрѣтать земскія имущества. Уже давно ходили въ Польшѣ тревожные толки, что духовенству принадлежитъ въ Коронѣ больше имѣній, нежели королю и дворянству. Въ недавнее время нѣкоторые монашескіе ордена, путемъ судебныхъ обязательствъ, получили въ Великой Польшѣ по 15, 20 и 30 селъ, а подъ нашимъ Львовомъ католическое поповство и монашество пріобрѣло покупкой столько имѣній, что „еслибы надобно было выбрать подсудка, то пришлось бы выбирать монаха или монахиню“. Лучшіе изъ католиковъ были такого мнѣнія, что „безмѣрное расширеніе церковныхъ имуществъ затрудняетъ согласіе между сословіями свѣтскимъ и духовнымъ, помогаетъ возрастанію ересичества, подкапываетъ рыцарство и грозитъ католической церкви презрѣніемъ, а отечеству руиною... Могутъ наступить такія времена“ (говорили многіе), „когда шляхта не будетъ въ состояніи и даже не захочетъ оборонять духовенство: тогда еретики возьмутъ себѣ все“.

Но, впустивши козла въ огородъ еще тогда, когда невѣжество мѣшало знать его свойства, шляхта не знала теперь, какъ положить предѣлъ его вредоносности. Въ облегченіе „сословія рыцарскаго“, хотѣли стѣснить церковную собственность разными обязательствами. „Рѣчь Посполитая“ (твердили поумнѣвшіе вотще люди) „окружена со всѣхъ сторонъ грозными непріятелями. Нѣтъ у нея другихъ крѣпостей, кромѣ шляхетскихъ пороговъ. Шляхтичъ долженъ приготовлять сыновей

---

*) Взято съ польскаго pan całą gębą (gęba—ротъ).

къ военной службѣ, покупать вооруженіе, держать на готовѣ коня, отбывать военную службу на собственномъ содержаніи, идти на посполистое рушеніе и почти всегда впутываться въ долги, при этомъ оставлять хозяйство, во время похода нести значительныя траты, издерживаться на воспитаніе дѣтей, давать приданое дочерямъ. На его головѣ лежатъ пожертвованія, монашескіе ордена, записи костеламъ, содержаніе каплицъ и гробовищъ, церковные расходы, десятина, литургійная плата (meszne), зерновая десятина (małdraty), выкупъ плѣнниковъ, сеймикованье, трибунальные расходы, военные смотры. Духовные же никакихъ издержекъ не несутъ, и потому обростаютъ перьемъ, скопляютъ деньги и скупаютъ шляхетскія имѣнія. Было бы справедливѣе, чтобъ они отъ своего достатка удѣляли шляхтѣ, а не отъ шляхты пріобрѣтали добра, которыя должны ненарушимо переходить изъ рыцарскихъ рукъ въ рыцарскія, чтобъ и Рѣчь Посполитая, и костелы оставались цѣлыми... Республика—хозяйка у себя: *можетъ* она воспретить ксензамъ и монахамъ пріобрѣтеніе шляхетскихъ имуществъ".

Много было всяческихъ препонаній со стороны противниковъ и защитниковъ духовенства. Защитники успокаивали шляхту закономъ 1607 года, по которому духовнымъ нельзя ни пріобрѣтать свѣтскихъ маетностей, ни держать ихъ за собой пожизненно. Противники отвѣчали,—что „этого закона невозможно привести въ исполненіе по причинѣ могущества духовенства, которое не признаетъ его. Да его легко и обойти, потому что, хотя бы законъ и ангелы писали, а дьяволъ въ немъ лазейку найдетъ. Вотъ папа запретилъ монахамъ пріобрѣтать имущества, а монахи твердятъ, что подъ предлогомъ милостыни (jałmużny) пріобрѣтать дозволено".

Дѣло кончилось тѣмъ, что на сеймѣ 1635 года было запрещено *всему* духовенству пріобрѣтать земскія имущества. Но сеймовыя постановленія часто оставались въ Польшѣ мертвою буквою. Духовные органы Сейма, епископы, отстаивали сильно свое полное обладаніе жалкимъ Шляхетскимъ Народомъ, и только юридически не устояли противъ соединенныхъ усилій шляхты.

Король, будучи въ согласіи съ антиклерикалами, настоялъ и на томъ, чтобы сеймъ, не взирая на папу, подтвердилъ его примиреніе съ малорусскими противниками уніи.

Въ этомъ случаѣ безсиліе общественнаго мнѣнія въ Польшѣ, колеблемаго во всѣ стороны, выразилось тѣмъ, что маршаломъ Посольской Избы выбранъ былъ не кто другой, какъ тотъ же, недавно всѣхъ огорчившій Оссолинскій, и онъ-то, главнымъ образомъ, содѣйствовалъ

сеймовому постановленію относительно юридическаго спасенія шляхты отъ стяжательности духовенства.

Но зато его великолѣпный проектъ о титулахъ, сопровождаемыхъ ношеніемъ орденскаго креста на золотой цѣпи, подложенной лентою,—проектъ, за который ухватился Владиславъ для подкрѣпленія своего ничтожнаго монархизма, сеймующая шляхта отвергла рѣшительно, для сохраненія своего гражданскаго равенства, надобно помнить, только номинальнаго.

Съ тѣмъ же упорствомъ стояло законодательное собраніе и противъ войны, которой жаждалъ король, мечтая возвратить отчину предковъ своихъ, Шведское Королевство, и достояніе козакопанскаго оружія, престолъ нашихъ Рюриковичей, занимаемый уже 23 года Романовыми,—возвратить съ тѣмъ, чтобы соединенныя силы трехъ монархій обратить противъ Турокъ, а въ концѣ концовъ—обезсмертить себя завоеваніемъ Гроба Господня.

Добиваясь высшаго и высшаго положенія въ государствѣ, Оссолинскій поддерживалъ рыцарскую мечтательность короля, и въ то же самое время комбинировалъ всевозможныя событія въ пользу всемірнаго владычества римскаго папы. Въ 1638 году онъ былъ именованъ короннымъ подканцлеромъ, а въ 1645-мъ—короннымъ великимъ канцлеромъ. Восходя со ступени на ступень, онъ, подобно многимъ счастливцамъ того времени, вѣровалъ въ свою звѣзду, ворочалъ всѣмъ законодательнымъ собраніемъ, смотрѣлъ на него сверху внизъ, и дошелъ до того, что произносилъ передъ соединенными Посольскою и Сенаторскою Избами такія слова, которыя, по выраженію его біографа, были „дерзкимъ пренебреженіемъ всего законодательнаго собранія". Но этимъ-то и бралъ онъ у короля, который постоянно боролся за монархическія права свои съ сеймовыми представителями панской республики. Въ 1639 году, изъ-за его открытой наглости противъ маршала Посольской Избы, государственный сеймъ былъ что называется сорванъ. По собственнымъ словамъ Оссолинскаго, онъ „карабкался выше и выше по скаламъ, и преодолѣлъ самую фортуну". Не мудрено, что такой фаталистъ политической интриги былъ вдохновеніемъ рыцаря-короля, и держалъ его до конца подъ своимъ пагубнымъ вліяніемъ.

Едва ли не самымъ лукавымъ, иначе—самымъ глубокимъ, дипломатическимъ замысломъ Оссолинского было созданіе въ Польшѣ малорусскаго патріархата, напрасно приписываемое Владиславу. По пословицѣ ex ungue leonem *), оно похоже больше на изворотливаго

*) По когтямъ узнаютъ льва.

выскочку-магната, нежели на простодушнаго воина-короля. Еслибъ удалось Оссолинскому облечь Петра Могилу патріаршимъ саномъ, то этимъ самымъ была бы расторгнута историческая связь польской Руси съ Востокомъ, слѣдовательно и съ Русью московскою, унія съ западною церковью совершилась бы сама собою, и тогда бы оправдалось таинственное обѣщаніе короля, что онъ устроитъ новую унію, болѣе прочную и могущественную, нежели Брестская, которую нарушилъ онъ ради того же Петра Могилы. Одинъ папа, но не кіевскій митрополитъ, какъ у насъ думаютъ, былъ препятствіемъ къ созданію малорусскаго патріархата, который разлучилъ бы навсегда двѣ русскія народности, и сдѣлалъ бы въ исторіи римской церкви имена Оссолинскаго и Петра Могилы одинаково великими. Для сохраненія церковной традиціи во всей ненарушимости, святой отецъ неумышленно погубилъ Польшу и, на вѣчное горе своихъ поклонниковъ, спасъ отъ исчезновенія въ польскомъ элементѣ Малороссію.

Кстати замѣчу здѣсь, что въ Римѣ вовсе не понимали, какъ стоитъ у насъ уніятское дѣло. Находя немыслимымъ утвердить малорусскій патріархатъ, папа находилъ возможнымъ для Петра Могилы и его пріятеля, Адама Кисѣля, среди тогдашняго смятенія малорусскихъ умовъ, объявить себя католиками. Въ 1643 году онъ звалъ своими письмами того и другаго на лоно римской церкви.

Да, король былъ воинъ, а не политикъ. Вопреки пріемамъ Оссолинскаго, который, съ именемъ Господа Бога на устахъ въ добрыхъ и злыхъ поступкахъ, всегда дѣйствовалъ такъ, что и козы были сыты, и сѣно цѣло, онъ прослылъ въ Римѣ „главнымъ опекуномъ еретиковъ и схизматиковъ“; онъ поссорился изъ-за уніи съ папой Урбаномъ VIII, и вооружилъ его противъ себя такъ, что святый отецъ велѣлъ іезуитамъ сдѣлать королевскаго брата, Яна Казимира, членомъ своего ордена, и собственноручно увѣдомилъ о томъ короля. Владиславъ былъ задѣтъ этимъ за живое, и не могъ удержаться отъ слезъ. Надоѣло ему наконецъ возиться съ церковными дѣлами. Онъ предоставилъ поповское попамъ, и погрузился въ комбинацію борьбы съ мусульманами во славу своего, можно сказать козацкаго, имени.

Съ осени 1644 года на папскомъ престолѣ, вмѣсто Урбана VIII, сидѣлъ Иннокентій X, отличавшійся дружелюбіемъ къ польскому воинственному королю. Подъ его ласковымъ вліяніемъ, у Владислава ожила съ новою силою мысль объ изгнаніи непріятелей Св. Креста изъ Европы. Осуществленіемъ этой мысли король, очевидно, надѣлся дать иной оборотъ церковнымъ дѣламъ въ Польшѣ. Притомъ же онъ имѣлъ въ виду ниспровергнуть имперію Оттомановъ чрезъ посредство

христіянскихъ подданныхъ султана: мечта, сдѣлавшаяся популярною и въ козацкой республикѣ со времени пребыванія въ ней Александра Оттомануса, назвавшаго себя крещенымъ султаничемъ. Поэтому не слѣдовало ему огорчать константинопольскаго патріарха и его Грековъ малорусскимъ патріархатомъ, который нашу церковную іерархію привелъ бы прямой дорогой къ „единости“ съ церковью римскою. Да и папу надобно было по возможности ласкать уваженіемъ церковныхъ традицій, разсчитывая на его денежную помощь...

Григорій XV помогалъ Сигизмунду III деньгами во все время войны съ Османомъ II и платилъ ему 10.000 скуди *) ежемѣсячно до конца жизни, для содержанія военной силы противъ Турокъ, не считая щедраго пожертвованія, сдѣланнаго кардиналомъ Бамберини. Такой же помощи ожидалъ и Владиславъ IV отъ папы Иннокентія X. На письмо свое о пособіи получилъ онъ отвѣтъ благопріятный. Папа обѣщалъ помогать Полякамъ, очевидно, въ видѣ подкупа ихъ относительно уніи, которая была, какъ сознается польская исторіографія,— „зѣницей ока католической церкви“. Посылая въ Польшу нунція Торреса, архіепископа адріанопольскаго in partibus infidelium, то-есть титулярнаго или будущаго, папа велѣлъ ему дѣйствовать по предмету соединенія церквей тайно даже отъ короля и примаса **), открываясь во всемъ только тремъ лицамъ, Оссолинскому, Селявѣ и Терлецкому, которые должны были наставлять его, какъ поступать съ примасомъ, чтобъ онъ помогъ у короля и стоялъ за Брестскую унію на сеймѣ.

Этотъ наказъ обнаруживаетъ самъ по себѣ, какого двуличнаго человѣка сдѣлалъ своимъ наперсникомъ Владиславъ IV въ особѣ канцлера, и чего надобно было ждать отъ королевскаго любимца въ рѣшительные моменты внутренней и внѣшней политики.

Оссолинскій придумалъ способъ для открытія военныхъ дѣйствій противъ Турціи безъ согласія польской палаты депутатовъ, называвшейся Посольскою Избою и польской палаты перовъ, называвшейся Избою Сенаторскою. Король былъ отъ него въ восхищеніи. По плану канцлера, извѣстное уже намъ постановленіе сената объ отказѣ Татарамъ въ подаркахъ должно было оставаться во всей силѣ до полнаго собранія на сеймѣ обѣихъ законодательныхъ палатъ. Раздосадованные отказомъ Татары не замедлятъ вторгнуться въ польскія границы. Тогда король воспользуется предоставленнымъ ему правомъ

*) Итальянская монета scudo цѣнилась въ 5 франковъ 35 сантимовъ.

**) Вспомнимъ, что и въ Наливайково время примасъ чуждался церковной уніи. (См. выше стр. 108 перваго тома).

„отвращать отъ государства опасность собственными средствами", изъ оборонной войны перейдетъ въ наступательную и займетъ Крымъ. Турки станутъ оборонять свою Татарію. Папамъ, домогавшимся отъ короля мира, по-неволѣ придется поддержать честь польскаго оружія и вторженіемъ въ Турцію предупредить повтореніе Хотинской войны. Обѣщанныя папою деньги, вмѣстѣ съ его вліяніемъ на католическую партію, устроятъ остальное. Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, планъ Оссолинскаго.

Шляхта, въ своемъ вѣчномъ разладѣ съ *панами*, желала Турецкой войны, подобно ея родственникамъ, козакамъ, которые постоянно расходились въ своихъ интересахъ съ богатою и мирною частью населенія Рѣчи Посполитой. Оссолинскій умѣлъ и дома не хуже, какъ за-границей, направлять умы къ предположенной цѣли; но его задушевная цѣль всегда и для всѣхъ оставалась тайною. Въ качествѣ великаго, то-есть короннаго, канцлера, онъ, въ сеймовой пропозиціи 1645 года, высказался такъ:

„Въ обезпеченіе украинныхъ земель мы основывались на платежѣ Татарамъ подарковъ, которые они попросту зовутъ гарачемъ. Этотъ всюду ославленный стыдъ нашего народа сносили мы еще, пока наша дань утоляла въ Ордѣ жажду грабежа и плѣненія въ Польшѣ. Теперь же, когда весь Крымъ едва не обратился въ разбойничій вертепъ тѣхъ, которые увозятъ наши подарки, король предполагаетъ вамъ на размышленіе: хотите ли оставаться въ такомъ посрамленіи, платя за собственныя утраты, или же, уповая на милость Божію, на дознанное счастье и доблесть нашего монарха, на пламенную готовность вождей служить отечеству и на мужество войска, желаете поступить, какъ велятъ намъ — неизвращенная слава нашихъ народовъ, безопасность нашихъ братій, достоинство шляхетской крови и, наконецъ, свобода столькихъ душъ, кровью Спасителя нашего искупленныхъ, прикованная къ языческимъ галерамъ на гибель христіанства. Не хочетъ его милость король отдавать на страшномъ Божіемъ судѣ отчетъ въ такомъ множествѣ своихъ подданныхъ, отуреченныхъ, Божіе имя ругающихъ; не желаетъ онъ также кровавыхъ слезъ, взывающихъ къ Богу о мщеніи и прошибающихъ небеса. Готовъ онъ ввѣренныхъ ему людей заслонить отъ ихъ несчастья собственною грудью и тамъ искать свободы, откуда приходитъ неволя".

Польско-русскіе магнаты, при всей своей гордости, можно сказать царственной, издавна привыкли продавать королямъ свои услуги за дигнитарства и пожалованія. Владиславъ задобрилъ представителя когда-то православныхъ Острожскихъ, Доминика, князя на Острогѣ

Заславскаго, литовскаго подканцлера Льва Сопігу, Юрія Скумина Тишковича, Іеремію князя Вишневецкаго, Януша Радивила, а въ томъ числѣ и фактора продажи, Юрія Оссолинскаго, раздачею—кому воеводства, кому гетманства, кому города, кому богатаго староства. Прочіе „дуки“ польской олигархіи должны были ждать и дослуживаться такой же раздачи. Но кромѣ дигнитарствъ и королевщинъ, у Владислава въ рукахъ были еще римскіе скуди, которые было предположено дѣлить между пособниками Турецкой войны. Побѣдитель московской рати покупалъ у пановъ, подъ видомъ помощи, косвенное позволеніе выступить на новое поприще военной славы, и фактическіе государи Польши обѣщали явиться къ титулярному королю своему съ контингентами, какъ союзники. Когда Татары будутъ отражены и прогнаны, въ чемъ, послѣ Охматовскаго пораженія, не сомнѣвался никто, побѣдители „на ихъ шеяхъ“ въѣдутъ въ Крымъ; но то будетъ уже не войско Рѣчи Посполитой, а *хоругви польскихъ пановъ:* различіе, съ польской точки зрѣнія, существенное. Всѣмъ будетъ казаться, что воюетъ не король, не Королевская Республика, а Заславскій, Радивилъ, Вишневецкій и другіе по собственной волѣ (na swoja rękę), безъ вѣдома и дозволенія короля въ отмщеніе за татарскій побѣгъ на *ихъ владѣнія*. Этимъ де способомъ крымскіе ханы не разъ высылали въ Польшу своихъ мурзъ; не одинъ разъ и Порта, повелѣвъ хану вторгнуться въ Украину, оправдывалась потомъ, что случилось это безъ ея вѣдома. А чтобы Турки не помогли Татарамъ, козаки, съ позволенія короннаго гетмана, пойдутъ на Черное море и не допустятъ галеръ турецкихъ въ Крымъ.

Въ ожиданіи папскаго отвѣта касательно 500.000 скуди ежегодно на два года, король поставилъ отдать Москвѣ городъ Трубчевскъ и звать ее къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Татаръ, а изъ Турціи прійдетъ къ нему извѣстіе, лишь только загорится война съ Венеціей.

Ведя свои дѣла по обдуманному такимъ образомъ плану, король могъ обойтись безъ постановленія сейма. Довольно было для него—согласія обоихъ канцлеровъ, короннаго великаго гетмана да нѣсколькихъ первенствующихъ пановъ.

Весною 1645 года ожидаемая Турко-Венеціянская война вспыхнула, и въ концѣ апрѣля турецкій флотъ въ 348 кораблей везъ уже сильное войско, сухопутное и морское, для завоеванія острова Крита, считавшагося оборонными воротами Венеціи.

Съ другой стороны ханъ Исламъ-Гирей, не получивъ гарача и свѣдавъ объ универсалахъ, которыми король побуждалъ свою Республику къ войнѣ съ Татарами, просили у турецкаго султана такъ-назы-

ваемаго *эмира*, то-есть дозволенія вторгнуться въ Польшу со всѣми крымскими, ногайскими и буджацкими ордами.

Султанъ подозрѣвалъ волошскаго господаря въ невѣрности, боялся, чтобъ король не поддержалъ его и не соединился съ Москвою противъ Татаръ, какъ объ этомъ носился уже слухъ въ Турціи. Въ іюлѣ прислалъ онъ хану просимый эмиръ.

Король спокойно вызывалъ татарскій набѣгъ, такъ какъ недавно получилъ извѣстіе, что новый ханъ не совладаетъ съ собственными подданными. Трудно было предвидѣть, что султанскій узникъ, освобожденный по прихоти полупомѣшаннаго деспота, разыграетъ вмѣстѣ съ завзятымъ козакомъ столь важную роль въ пользу московской царственности, какую готовился разыграть интриганъ канцлеръ съ послушнымъ ему королемъ въ пользу всемирнаго владычества римскаго папы. Но Исламъ-Гирей былъ не таковъ, какимъ воображали его въ Польшѣ.

Оріенталистъ Гаммеръ-Пургшталь разсказываетъ, что, привезенный изъ заточенія на островѣ Родосѣ въ Стамбулъ, не зналъ онъ, что его ждетъ, и былъ принятъ грознымъ въ своемъ полуизступленіи султаномъ надъ купальней (въ іюнѣ 1644). „Смотри, Исламъ“, (сказалъ полураздѣтый Ибрагимъ) „я сдѣлалъ тебя ханомъ. Отнынѣ будь другомъ друзей моихъ и врагомъ враговъ моихъ. Кромѣ моего слова, не слушай никакого другаго. Сколько тебѣ лѣтъ“?—„Сорокъ“ (отвѣчалъ новонареченный ханъ). Но хотя только-что началъ я садиться насѣдло, надѣюсь править моимъ боевымъ конемъ хорошо на службѣ падишаха“. Тутъ на него накинули соболью шубу, опоясали дорогой саблею, и царственный Гирей, гордый внушеніемъ султана, обратился къ великому визирю съ такими словами: „Такъ какъ вы сдѣлали меня ханомъ, то надѣюсь, что будете поступать по моимъ просьбамъ и не станете давать мнѣ наказовъ, обращаться съ невѣрными. Между мной и ими сабля“.—„Да правитъ Аллахъ тобою! мы не будемъ въ это вмѣшиваться“, отвѣчалъ визирь.

Прибывши въ Крымъ, Исламъ-Гирей обезглавилъ своихъ враговъ, отправилъ въ Польшу пословъ за гарачемъ, а часть мятежной Орды послалъ въ Московію, подъ предводительствомъ своихъ приверженцевъ. Въ числѣ ихъ находился и Полякъ Свидерскій, котораго Татары звали Сяусъ. Но спокойствія въ Крыму новый ханъ возстановить не могъ. Сторонники бывшаго хана ушли на Буджаки, и ждали возвращенія своихъ изъ похода, чтобы низвергнуть Исламъ-Гирея. Видя грозящую опасность, испросилъ онъ у султана эмиръ, по которому всѣ орды должны были идти подъ его бунчукомъ въ Польшу.

Извѣстіе объ этомъ могло прійти въ Варшаву не раньше половины іюля 1645 года. Орда обыкновенно набѣгала въ началѣ января, если не по первой травѣ: оставалось полгода на приготовленія къ отпору.

Король тотчасъ послалъ повелѣніе строить чайки, чтобы весною 1646 года, въ отмщеніе за „неожиданный“ набѣгъ Татаръ, онѣ могли появиться на морѣ; коронному великому гетману велѣлъ (въ августѣ) написать къ визирю, что если Татары осмѣлятся вторгнуться въ Польшу, то онъ покроетъ Черное море козацкими чайками; воеводѣ Мстиславскому приказалъ отдать немедленно Трубчевскъ царю, а послу своему въ Москвѣ велѣлъ предложить ему союзъ для соединенія вооруженныхъ силъ обѣихъ державъ противъ Татаръ.

Недавно наслѣдовавшій своему отцу молодой царь, Алексѣй Михайловичъ, назначилъ въ Варшаву великихъ пословъ съ наказомъ трактовать съ королемъ о войнѣ съ Татарами.

Одновременно съ вѣстью о близкомъ вторженіи Орды прибылъ въ Польшу венеціянскій посолъ Джіованни Тьеполо съ просьбой о помощи Венеціи. Именно просилъ онъ, чтобы король, для разъединенія турецкихъ силъ, повелѣлъ козакамъ идти на море и выжечь на побережьяхъ заготовленный лѣсъ и галеры, которыя строили изъ него Турки.

Владиславъ зналъ этого венеціянца, какъ пріятнаго человѣка, еще во время своего путешествія по Европѣ. Потомъ Тьеполо пріѣзжалъ въ Польшу посломъ и ознакомился съ этимъ государствомъ. Джіованни Тьеполо былъ представитель одной изъ древнихъ и знатнѣйшихъ венеціанскихъ фамилій: предокъ его былъ дожемъ; а знатность рода Поляки цѣнили выше всего.

Владиславъ слушалъ посла весьма благосклонно; обѣщалъ употребить всю свою власть и „повагу“ для того, чтобы какъ можно скорѣе угодить Венеціи; сожалѣлъ, что наступающая зима не позволитъ козакамъ идти на море, и при этомъ сказалъ, что долженъ еще посовѣтоваться съ коронным гетманомъ и съ канцлеромъ.

Оссолинскій также выразилъ свое усердіе: секретно увѣдомилъ посла, что король готовитъ войну противъ Татаръ; что можетъ предпринять ее, не созывая сейма; что послалъ къ папѣ съ просьбой о денежной помощи, и теперь ожидаетъ нетерпѣливо прибытія нунція; наконецъ спросилъ дружески: не можетъ ли и Венеція въ предстоящей войнѣ помочь какою-нибудь суммою? Татарская война (говорилъ онъ) принесла бы ей не малыя выгоды. Но Тьеполо отвѣчалъ, что не

имѣетъ отъ своего правительства порученія трактовать объ этомъ предметѣ.

Между тѣмъ султанъ Ибрагимъ, испуганный письмомъ Конецпольскаго, послалъ (въ концѣ сентября) къ хану гонца съ повелѣніемъ не вторгаться въ Польшу. Вмѣсто того, позволялъ ему воевать Московское Царство.

Папа денегъ не прислалъ, потому что не имѣлъ, а тутъ пришли вѣсти о претерпѣнныхъ Венеціанцами пораженіяхъ и неожиданныхъ турецкихъ побѣдахъ. Венеціанская крѣпость Канея была взята, а съ нею и весь островъ Кандія, древній Критъ, передовой редутъ Венеціи со стороны Турокъ, очутился у нихъ въ рукахъ. Опасность грозила всей Италіи.

Это подало канцлеру мысль, чтобы 500,000 скуди, которыхъ король просилъ у папы, заплатили итальянскіе князья вмѣстѣ съ папою, въ видѣ благодарности за помощь Италіи въ ея опасномъ положеніи. И потому, когда нунцій и Тьеполо просили его о немедленной отправкѣ козаковъ на море, Оссолинскій объявилъ, что король, глядя на дѣло Венеціи, какъ на свое собственное, предполагаетъ подать ей болѣе дѣйствительную помощь, нежели козацкій морской походъ, и открыть имъ замыселъ Владислава воевать съ Турціей. Но, такъ какъ наступательной войны король, безъ согласія сейма, предпринять не можетъ, то будетъ вести войну оборонительную, подъ предлогомъ освобожденія государства отъ татарскихъ набѣговъ, изъ чего, очевидно, возникнетъ война наступательная: ибо Турки, будучи вынуждены помогать Ордѣ, тѣмъ самымъ заставятъ Поляковъ дать имъ отпоръ на Черномъ морѣ. Этакъ незамѣтно начнется открытая война, не подвергая короля со стороны сейма упрекамъ въ нарушеніи мира и ломаньѣ присяги. Но на войну съ Ордой и на вооруженіе многочисленнаго войска козацкаго королю нужны деньги, а потому желаетъ онъ, чтобы папа, Венеція и князья итальянскіе въ теченіе двухъ лѣтъ заплатили милліонъ скуди, „съ тѣмъ чтобы подѣлить эти деньги между можновладниками“. Рѣчь свою канцлеръ завершилъ просьбою обдумать королевское предложеніе и представить его своимъ дворамъ, такъ чтобъ это дѣло получило твердое рѣшеніе и конецъ. Съ своей стороны король написалъ въ Венецію и еще однажды къ папѣ.

Тьеполо увѣдомилъ венеціянскій сенатъ о планѣ канцлера, но, должно быть, не очень поддерживалъ его, такъ какъ объявилъ немедленно, что война съ Татарами не подлежитъ рѣшенію Венеціи.

Между тѣмъ пришли въ Варшаву несомнѣнныя извѣстія,—что оба господаря, волошскій (молдавскій) и мультянскій (валахскій) по-

становили воспользоваться Турецко-Венеціянскою войною для того чтобы свергнуть съ себя мусульманское иго; что они послали съ этою цѣлью къ королю пословъ; что Греки, Болгары и другіе завоеванные Турками народы замышляютъ возстать, и, наконецъ, что московскій царь отправляетъ посольство въ Польшу для заключенія союза противъ Татаръ.

Эти извѣстія подвинули Владислава на дальнѣйшій шагъ. Въ началѣ октября, черезъ нѣсколько дней послѣ послѣдняго совѣщанія, увѣдомилъ Оссолинскій венеціянскаго посла и папскаго нунція,—что султанъ запретилъ хану вторгаться въ Польшу, и потому предлогъ къ войнѣ съ Ордой отмѣняется, но что на то мѣсто вскорѣ прибудетъ отъ московскаго царя посолъ, уполномоченный заключить съ Польшею союзъ и предложить ей великую вооруженную силу; что Волохи и Мультяны постановили свергнуть турецкое иго, и что, при такихъ обстоятельствахъ, появленіе короля на границахъ Турціи вызвало бы въ ней великое смятеніе, которое было бы сигналомъ широкой войны съ Портою, лишь бы Венеція безъ отлагательства дала потребныя на то средства... „Тогда мы“ (говорилъ канцлеръ) „оставимъ царское войско съ горстью нашихъ противъ Татаръ, а сами съ союзниками приблизимся къ Дунаю, а въ то же время пихнемъ толпы козаковъ къ Царьграду“.

Эти слова воспламенили Венеціанца. Тотчасъ пишетъ онъ къ своему сенату, чтобы безотлагательно рѣшались дѣйствовать въ интересѣ столь великой важности; самъ же, не теряя времени, на собственный рискъ, договаривается съ Оссолинскимъ, и предлагаетъ отъ имени Венеціи ежегодно по 500.000 талеровъ на два года. Польша и по истеченіи двухъ лѣтъ будетъ нуждаться въ помощи; поэтому желалъ Оссолинскій знать: можетъ ли дожеская республика заключить съ королевской республикой наступательно-оборонительный союзъ? что же касается похода на Черное море, совѣтовалъ послу, чтобы постарался снабдить короннаго гетмана деньгами для поощренія козаковъ.

Это были предварительные переговоры, въ которыхъ король не желалъ принимать участіе, дабы не открывать своихъ мыслей и не связывать себя какимъ-либо обѣщаніемъ до полученія отвѣта изъ Венеціи. Нѣсколько разъ повторялъ онъ венеціанскому послу, что было бы очень хорошо, когда бы королевская власть въ Польшѣ соотвѣтствовала его добрымъ желаніямъ; что все зависитъ отъ рѣшенія Рима, Венеціи и князей итальянскихъ; что не имѣетъ права объявить наступательную войну, и что указанный предлогъ войны съ Татарами

былъ единственнымъ способомъ открыть ее; козацкій же походъ откладываетъ онъ до совѣщаній съ коронным гетманомъ.

Все вниманіе короля, повидимому, было сосредоточено на Москвѣ. Свѣдавъ, что ханъ получилъ дозволеніе вторгнуться въ ея предѣлы, немедленно увѣдомилъ онъ о томъ царя, а брацлавскій каштелянъ-Стемпковскій, королевскій посолъ при царѣ, заключилъ съ нимъ оборонительный союзъ, которымъ король обязался, по первому извѣстію отъ московскихъ воеводъ о вторженіи Татаръ, выслать войска свои на помощь Москвѣ, что для нея было бы важной услугою въ тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Исламъ-Гирей, успокоивъ мятежи въ Крыму, отправилъ въ декабрѣ 1645 года въ Московію 30.000 отборной Орды, подъ предводительствомъ брата своего, Нурадинъ-султана (втораго соправителя), „чтобъ онъ поздравилъ новаго царя“. Нурадинъ побилъ, какъ было слышно, московскихъ воеводъ въ Рыльскомъ уѣздѣ, разбилъ царскую рать и три недѣли опустошалъ пограничныя области между Путивлемъ, Рыльскомъ и Курскомъ, гоня безчисленное множество скота передъ своими чамбулами. Коронный полевой гетманъ, Николай Потоцкій, по повелѣнію короля, выступилъ съ 15.000 войска въ помощь Москвѣ: но, по причинѣ страшныхъ морозовъ, польское войско съ трудомъ добралось до рѣки Мерла; оттуда не могло двинуться дальше и съ большими потерями въ людяхъ и лошадяхъ вернулось печально домой. Такъ нишутъ Поляки. Но страшные морозы не помѣшали Нурадинъ-султану сдѣлать удачный набѣгъ и прійти въ Крымъ съ ясыромъ и скотомъ. Онъ отправилъ къ царю гонца (говорили въ Польшѣ) съ требованіемъ десятилѣтней дани; въ противномъ случаѣ грозилъ, давъ отдохнуть конямъ, черезъ 40 дней вновь опустошать Московское Царство.

Когда полевой гетманъ вступилъ на помощь Москвѣ, великій гетманъ прибылъ въ Варшаву. Онъ былъ уже старикъ, но разсудилъ за благо жениться вторично, и ѣхалъ для того въ имѣніе Опалинскаго, Рытвяны. Однакожъ, постоянно думая о войнѣ съ Татарами и завоеваніи Крыма, хотѣлъ утвердить короля въ его предпріятіи, представить свой проектъ и защищать его лично, такъ чтобъ этотъ проектъ былъ регуляторомъ переговоровъ съ московскими послами, которыхъ вскорѣ ожидали. Кромѣ того, везъ онъ королю важныя извѣстія, которыя могли дать замысламъ его другое направленіе.

О проектѣ Конецпольскаго было говорено у меня поверхностно. Здѣсь представлю его въ полномъ видѣ, какъ документъ великой важности въ оцѣнкѣ польско-московской взаимности.

Коронный великій гетманъ, въ присутствіи нѣсколькихъ дружественныхъ сенаторовъ, прочелъ королю и канцлеру свой „Dyskurs объ уничтоженіи Крымскихъ Татаръ и о союзѣ съ Москвою", состоявшій въ слѣдующемъ:

„Относительно вооруженнаго союза съ Москвою противъ Татаръ, кто не видитъ, какъ этотъ союзъ нуженъ ей и пріятенъ, особенно теперь, когда Орда уничтожила *почти половину царства?* (Это было написано по-польски и для Поляковъ, которыхъ надобно было предрасположить въ пользу проекта) Счастливыя бы настали времена, когда бы Таврику заселили христіяне, прогнавъ язычниковъ, что совершенно нетрудно.

„Давно я оборачивалъ въ своей головѣ это дѣло: но, глядя на его легкость, тотчасъ вижу и трудность, зная, какъ мы привыкли относиться къ общественному благу. Намъ жаль и этого малаго гарнизона въ Украинѣ, а, пожалуй, и на Кодакѣ: еще больше было бы жаль того, чѣмъ бы надобно было удержать Крымъ.

„Поэтому было бы лучше предоставить Таврику Москвѣ, получивъ отъ нея за то помощь и вознагражденіе изъ сосѣднихъ областей. Москва съумѣла бы навѣрное заселить и держать ее, основавъ, по своему обычаю, колоніи. Тогда вернулся бы къ нимъ Азовъ, а турецкія войска не могли бы къ нимъ ходить сухимъ путемъ, а хоть бы моремъ и пришли, то Москали, снабдивъ гарнизономъ четыре порта, были бы безопасны, чего не было бы съ нами, потому что, еслибы *мы* взяли и держали Крымъ, тогда бы война велась не въ Крыму, а въ Польшѣ.

„Но когда примемъ въ соображеніе врожденную зависть Москвы къ нашему народу и дознанную скользкость ея вѣрности, то это дѣло представляется весьма опаснымъ (res periculi plena). Ибо, заселивъ это мѣсто, Москва привлекла бы къ себѣ все хрестіянство, прилежащее къ Эвксинскому Понту и Азовскому морю; потянула бы она и Татарскія Орды, которыя бы отдѣлились уже отъ Турокъ, и могла бы ими быть намъ тяжелою. А что еще больше, живя въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ козаками, кто знаетъ, не оторвала ли бы ихъ отъ насъ и вѣрою, и надеждой добычи (spe praedae), а потомъ — и всей Руси.

„Думая потомъ нѣсколько лѣтъ, какимъ бы способомъ обезопасить себя съ этой страны, напалъ было я въ мысляхъ на одинъ способъ: женить королевича (Яна) Казимира въ Москвѣ, подъ условіемъ, чтобъ ему Москва отдала, въ видѣ приданаго (ratione dotis), нѣкоторыя сосѣднія съ той страной области, дала бы помощь для завое-

ванія Таврики, и до тѣхъ поръ ее держала, пока бы онъ тамъ не утвердился (pókiby sobie nie ugruntował sedem), въ чемъ приняла бы участіе и наша Рѣчь Посполитая. Часто бесѣдовалъ я объ этомъ съ моими пріятелями, не желая о томъ заводить рѣчь выше, такъ какъ у насъ все считается невозможнымъ. Теперь же, когда королевичъ (Янъ Казиміръ) принялъ другое положеніе *), а королевичъ Карлъ **) вѣрно бы на такой бракъ не согласился, особенно тамъ, гдѣ такъ трактуютъ жениховъ, другихъ же особъ не представляется,—едва ли не лучше (satius) было бы имѣть въ Крыму подозрительнаго пріятеля Москаля, нежели явнаго непріятеля язычника.

„Ибо, что̀ касается усиленія Москвы новозавоевательными народами, то и нынѣ эти народы находятся во власти язычниковъ, и однакожъ Господь Богъ Рѣчь Посполитую держитъ, а сильнѣйшіе должны быть (въ союзѣ) съ сильнѣйшими (fortiores cum fortioribus). Москва же волей и неволей расширяется, и ихъ непремѣнно бы за собой потянула. Къ тому же, будучи съ нами въ союзѣ, имѣя также что̀ дѣлать и съ Турками, которые бы такую *яктуру* не оставили безъ вниманія, уповаю, пребывала бы въ пріязни съ нами, которые бы ей въ томъ помогли.

„Намъ же легче было бы имѣть дѣло съ Турками: потому что, когда бы Татары были отъ нихъ отдѣлены, тогда бы, безъ всякаго затрудненія, сдѣлали мы своею границей Дунай, шагнули бы и дальше. Къ этому же есть у насъ способы. За Крымъ вознаградили бы насъ Волошская и Мультянская земли, а то, пожалуй, и Седмиградская, провинціи столь же богатыя, которыя бы могли сами собою вести войну съ Турками, въ слѣдствіе чего отечество наше было бы и безопасно извнѣ отъ непріятеля, и свободно внутри (in visceribus) отъ контрибуцій и отъ своихъ войскъ (подразумѣвается, столь же вредоносныхъ, какъ и непріятельскія).

„Всё-таки надобно бы осторожно предлагать это Москалямъ. Они по природѣ горделивы (pyszni), упорны и въ каждый предметъ привыкли вникать основательно (w każdej rzeczy zwykli się zasadzać). Поэтому было бы невыгодно предоставлять имъ въ обладаніе Крымъ тотчасъ съ начала, а надобно только требовать отъ нихъ помощи. Потомъ, когда бъ они держались (въ Крыму) крѣпко, уступить имъ (Крымъ) такимъ способомъ, чтобъ они дали Рѣчи Посполитой за по-

*) Т. е поступилъ въ орденъ іезуитовъ.

**) Другой братъ Владислава, Карлъ Фердинандъ.

мощь какую-либо сильную область, чтобы обязались спасать (ratować) насъ отъ Турокъ, всякій разъ когда въ томъ будетъ надобность, и договоръ съ нами сохраняли ненарушимо. Я не теряю надежды, что когда бъ это дѣло повели искусно и достойнымъ образомъ (decenter), то они, въ нынѣшней *кручинѣ* своей, глядя на свои обширныя области, дымящіяся послѣ пожаровъ, и на плѣненіе такого множества душъ христіянскихъ, ухватились бы за случай къ отмщенію".

Такова была мысль, которою Конецпольскій, можно сказать, завершилъ свою достопамятную дѣятельность. „Dyskurs" его можно назвать духовнымъ завѣщаніемъ глубокомысленнаго и честнаго гражданина, оставляющаго свое отечество въ рукахъ людей легкомысленныхъ и любящихъ только себя. Какъ бы предчувствуя, что̀ послѣ него будетъ коронный поистинѣ „великій гетманъ", какъ и его предшественникъ, увѣрялъ въ счастливомъ окончаніи задуманнаго имъ дѣла подъ условіемъ, что къ войнѣ съ Татарами приступятъ не такъ, какъ ухитрился оіезуиченный канцлеръ съ подчинившимся ему королемъ, а „искусно, законно, соотвѣтственнымъ способомъ и порядкомъ", то есть съ вѣдома, согласія и одобренія Королевской Республики.

Вслѣдъ за этими словами, обезпечивающими будущность Польши, изъ его устъ излилась похожая на грозящія письмена Валтасарова пира вѣсть,—что козаки, „раздосадованные невозможностью ходить на Черное море, откуда они бывало привозятъ много добычи, и убѣдясь въ своемъ безсиліи восторжествовать надъ панами", стали недавно трактовать съ Татарами, обѣщая поддаться хану, лишь бы онъ искренно помогалъ имъ воевать „Ляховъ". Имя Богдана Хмельницкаго, какъ творца новаго бунта, долго не было еще произнесено. Это показываетъ, что онъ воспользовался многолѣтнею работой другихъ и могучимъ теченіемъ событій.

Глава XII.

Два различные плана войны съ Турціей.—Смерть великаго воина и патріота.—Секретныя сношенія короля съ козаками.—Лады у Москвы съ Польшею.—Мечты короля о завоеваніяхъ.—Сношенія съ иностранными дворами по предположенной войнѣ.—Вооруженія короля.—Оппозиція сторонниковъ мира.

Реляція Конецпольскаго о козакахъ не испугала короля; напротивъ, она послужила ему новымъ доказательствомъ необходимости Турецкой войны. Добиваясь поприща для великой славы, Владиславъ созвалъ сенаторскую раду. Нунцій и венеціянскій посолъ объявили на ней свою готовность доставить часть суммы, потребной для козацкаго похода на море. Конецпольскій не одобрялъ трактатовъ съ Венеціей, Римомъ, итальянскими князьями, а чтобы воевать одновременно и съ Турками, и съ Татарами при такихъ субсидіяхъ, какихъ желалъ канцлеръ, объ этомъ не хотѣлъ и слышать.

Онъ совѣтовалъ отмѣнить условія, предложенныя Оссолинскимъ, и настаивалъ, чтобы заинтересованные князья доставили съ разу милліонъ скуди, а кромѣ того платили по 500,000 скуди ежегодно въ теченіе трехъ лѣтъ, такъ какъ оттоманская сила вся обратится на Польшу. Только на такихъ условіяхъ соглашался Конецпольскій держать совѣтъ о войнѣ съ Турціей. Относительно же козацкаго похода отвѣчалъ венеціянскому послу, что сжечь 200 турецкихъ кораблей въ самихъ верфяхъ значило бы покушаться на дѣло трудное и чрезвычайно опасное. Но противъ козацкаго похода не возражалъ, и кончилъ свою рѣчь тѣмъ, что король и канцлеръ дадутъ ему окончательный отвѣтъ сообразно теченію дѣлъ. Съ этимъ онъ и уѣхалъ изъ Варшавы къ своей невѣстѣ, паннѣ Опалинской, съ которой обвѣнчался въ январѣ 1646 года.

Теперь король настойчивѣе прежняго сталъ торопить богиню случайностей, которой одной поклонялся. Теперь онъ согласился на козацкій походъ, о которомъ Тьеполо просилъ его до сихъ поръ безуспѣшно. Въ началѣ января состоялся договоръ, по которому, съ открытіемъ весны, козаки должны были выдти въ море на 40 чай-

кахъ. Тьеполо обязался уплатить имъ 20,000 талеровъ тотчасъ, а остальные 40,000 въ теченіе двухъ лѣтъ, ежегодно по 20,000. Король обѣщалъ привести въ движеніе всѣ пружины, чтобъ уничтожить лѣсъ, галеры и даже верфи въ Стамбулѣ.

Не зналъ Владиславъ IV во что̀ играетъ. Опредѣленнаго плана дѣйствій у него не было. Во всемъ онъ полагался на фортуну, которая вскружила ему голову еще въ дѣтствѣ. Канцлеръ надувалъ его парусъ то съ одной, то съ другой стороны, но думалъ всего больше о томъ, чтобы, въ случаѣ крушенія, обезопасить лично себя. Различіе между его внушеніями и совѣтами Конецпольскаго состояло въ томъ, что онъ разсчитывалъ на итальянскій союзъ и на придунайскихъ князьковъ; а коронный гетманъ желалъ опираться на собственныя силы и соединиться съ Москалями. Коронный гетманъ совѣтовалъ завоевать сперва Крымъ и подѣлиться имъ съ сѣверными сосѣдями, какъ будто зналъ, что безъ этого Крымъ сдѣлается жерломъ пожаровъ и руины для страны, которую предки его, Конецпольскіе, начали колонизовать съ XIV столѣтія. Не прочь былъ онъ служить королю и въ войнѣ Турецкой; но происходившіе до тѣхъ поръ переговоры по этому предмету не удовлетворяли его.

Онъ былъ противъ какого бы то ни было оборонительно-наступательнаго союза; не довѣрялъ Итальянцамъ; боялся, чтобы, при обстоятельствахъ, для нихъ благопріятныхъ, не помирились они съ Турками и не оставили Королевской Республики безъ помощи. По его мнѣнію, дѣйствительнымъ обезпеченіемъ польскаго рыцарства отъ купеческаго вѣроломства была бы только уплата впередъ милліона дукатовъ и по полумилліону въ теченіе трехъ лѣтъ.

Но самымъ выразительнымъ различіемъ между планами короннаго гетмана и короннаго канцлера было то, что гетманъ предлагалъ войну законную, предпринятую съ согласія Рѣчи Посполитой, а канцлеръ не обращалъ вниманія на средства, лишь бы достигнуть цѣли. Оссолинскій зналъ, что на войну съ Турками Рѣчь Посполитая не согласится ни въ какомъ случаѣ, а на войну съ Татарами согласилась бы безъ затрудненія.

Это различіе во взглядахъ сдѣлалось причиной непріязни между канцлеромъ и гетманомъ, выразившейся въ колкомъ письмѣ Оссолинскаго Конецпольскому.

1645 годъ еще не вполнѣ благопріятствовалъ замысламъ короля; зато въ первые мѣсяцы 1646-го приходили одна за другою вѣсти, побуждавшія его къ окончательной рѣшимости.

По утратѣ Канеи, Венеція показала столько энергіи, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, къ удивленію всего свѣта, выставила для борьбы съ Турціей 53 галеры, 6 галіотовъ для бомбъ, 40 большихъ вооруженныхъ кораблей, 4 бандера и значительное число мелкихъ судовъ. Венеціянская синьорія постановила—не дать турецкому флоту вернуться для обезпеченія своего завоеванія въ Кандіи, гдѣ турецкій гарнизонъ въ Канеѣ начиналъ уже бороться съ недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ.

Тьеполо получилъ благопріятный отвѣтъ на предложеніе короля. Синьорія назначила для Польши 600,000 талеровъ на два года, по 300,000 ежегодно, вмѣсто ежегодныхъ 500,000, которыхъ домогался король отъ папы и князей итальянскихъ. Но Тьеполо, на собственную отвѣтственность, уменьшилъ эту сумму, и сказалъ королю, будто сенатъ назначилъ только 400,000 скуди, по 200,000 ежегодно, послѣ чего прекратитъ платежъ, и синьорія будетъ свободна отъ всякихъ обязательствъ.

Король согласился въ принципѣ и на эти условія, въ надеждѣ, что недостающую сумму пополнитъ папа съ итальянскими князьями, въ виду страшныхъ приготовленій Турокъ на сушѣ и на морѣ.

Съ дѣлами внѣшней политики тѣсно вязались у Владислава домашнія дѣла, которыхъ печальная сторона для насъ виднѣе, чѣмъ для современниковъ.

Французскіе придворные дипломаты, въ соединеніи съ польскими хотѣли сперва женить его на французской принцессѣ Маріи Людвикѣ Гонзага, княжнѣ мантуанской, превознося до небесъ ея небывалую красоту и преувеличивая до милліоновъ ея довольно скромные доходы. Но вліятельный при французскомъ дворѣ капуцинъ, Валеріанъ Магни, при дѣятельномъ участіи Оссолинскаго, повернулъ дѣломъ такъ, что Владиславъ избралъ въ подруги жизни Цецилію Ренату, дочь Фердинанда II австрійскаго. Отъ этого брака родился у него сынъ, которому, какъ думалъ отецъ, было предназначено воспользоваться новыми завоеваніями Полякоруссовъ. Не долго жила на свѣтѣ королева, и едва разнеслась вѣсть о ея смерти, какъ передъ царственнымъ вдовцомъ явились агенты европейскихъ дворовъ съ портретами принцессъ, предлагая на выборъ любую. Король по политическимъ соображеніямъ, предпочелъ всѣмъ ту самую Марію Людвику Гонзага, отъ которой отвлекли его усердные совѣтники. Важную роль въ этихъ соображеніяхъ играло то обстоятельство, что княжна мантуанская производила свой родъ отъ Палеологовъ, и что астрологи, по сочетанію планетъ, предсказывали ей престолъ Восточной Имперіи.

Тотъ же самый Оссолинскій, который въ 1637 году женилъ его на Цециліи Ренатѣ, называя себя „простою глиною, изъ которой король могъ лѣпить что-угодно“,—въ 1646-мъ помогъ сдѣлаться польскою королевой Маріи Людвикѣ, все-таки прославляемой красавицею. Незадолго передъ ея прибытіемъ въ Польшу, до короля дошелъ слухъ о ея тайномъ романѣ, въ которомъ она компрометировала себя открывшеюся случайно перепискою. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ ея 34 годами и увядшей красотою, такъ поразило Владислава, что онъ не могъ скрыть своего отвращенія и въ торжественной встрѣчѣ нареченной королевы польской. Однакожъ заставилъ себя доиграть роль осчастливленнаго паладина, и мужественно выслушалъ рѣчь своего Мефистофеля-канцлера, который привѣтствовалъ королеву, какъ цвѣтущую лилію Франціи, чудесно пересаженную Владиславомъ въ свой вертоградъ среди морозной зимы; какъ вѣнецъ, украшающій собранные имъ отовсюду лавры; какъ залогъ возвращенія могущества Палеологовъ; какъ сочетаніе боговъ, оправдывающее сочетаніе планетъ; какъ надежду рожденія новыхъ побѣдителей отъ побѣдительницы защитника всего христіанства.

Въ мартѣ прибыли въ Варшаву послы волошскіе и мультянскіе, подъ тѣмъ предлогомъ, что поздравляютъ короля со вторымъ бракомъ, но въ сущности для того, чтобы трактовать о Турецкой войнѣ. Вслѣдъ за ними прибыло наконецъ и посольство московское, для договора о войнѣ съ Татарами.

Свадебныя празднества заставили отложить на нѣкоторое время всѣ политическія дѣла. Варшава закружилась въ танцахъ. Женидьба единственнаго сына Оссолинскаго совпала съ пиршествами королевскими, и увеличила національную манію гостепріимства, въ которомъ Поляки не дали превзойти себя ниодному народу. Но когда опьянѣли до забвенія всего на свѣтѣ дѣйствующія лица приближающейся трагедіи,—ихъ отрезвила неожиданная вѣсть о смерти великаго воина и патріота. Станиславъ Конецпольскій скончался, едва переживъ свой медовый мѣсяцъ.

Безпощадная въ своей ироніи судьба Польши соединяла не разъ великое со смѣшнымъ нераздѣльно: новый Александръ Македонскій, счастливый супругъ прелестной, какъ цвѣтущая лилія, принцессы, не вставалъ съ брачнаго ложа отъ подагры, и плакалъ о смерти своего Гефестіона въ подушкахъ.

Плакало въ Польшѣ о смерти Конецпольскаго многое множество людей и получше короля Владислава. Въ наше время, когда панегирики стоявшимъ на политическихъ высотахъ людямъ вышли совсѣмъ

изъ моды, и когда Поляки нерѣдко изрекаютъ суровый приговоръ надъ знаменитыми своими предками, польская исторіографія слѣдующими словами характеризуетъ почившаго на вѣки строителя Королевской Республики:

„Это былъ великій гражданинъ, счастливый воитель и знаменитый хозяинъ. Щедрый отъ благоразумія, благотворительный отъ состраданія, полный огня и таланта, дѣятельный, мужественный и слову своему вѣрный, въ сохраненіи тайны точный, въ дружбѣ непогрѣшительный. Гнушался онъ лестью, уважалъ отечественные законы и обычаи, а своимъ доблестямъ придавалъ еще больше блеска великою ученостью и остроуміемъ“ *).

Общественное мнѣніе о немъ выразилось въ глубокой горести множества людей, которые въ смерти его, даже въ составѣ его имени *Конецъ-Польскій* суевѣрно видѣли конецъ Польши **). Но изъ всѣхъ предвѣщателей страшныхъ бѣдствій, которыя чуяло собирательное сердце націи по заходѣ свѣтила польской чести и доблести, никто не предсказалъ грядущаго такъ вѣрно, какъ волошскій господарь, будущій сватъ и жертва кроваваго Хмельницкаго.

„Я считаю смерть его за величайшую для христіанства утрату“ (сказалъ онъ) „и могу только оплакивать его со всѣмъ моимъ народомъ. Вы, Поляки, еще не знаете, что вы утратили, но не пройдетъ двухъ, а наидальше трехъ лѣтъ, когда не только вы, но и все христіанство будетъ горевать о потерѣ столь великаго сенатора и полководца“.

Король вѣровалъ, что одинъ Конецпольскій могъ отвлечь козаковъ отъ ихъ руинныхъ подвиговъ и направить эту дикую силу къ государственной пользѣ. Лишь только миновалъ въ немъ первый припадокъ горя о потерѣ друга, котораго только теперь оцѣнилъ онъ по достоинству, и военачальника, котораго замѣнить кѣмъ-либо было немыслимо,—онъ отправилъ гонца къ Днѣпру, разузнать, что дѣлаютъ козаки. Тьеполо писалъ въ Венецію, что Владиславъ „оставался между страхомъ и надеждою, что теперь будетъ, и признался ему, что боится (козацкаго) бунта, который все уничтожитъ“.

Королевскимъ гонцомъ былъ Іеронимъ Радзѣевскій, въ послѣдствіи польскій эмигрантъ и предатель, разсказывавшій въ Парижѣ о своей поѣздкѣ въ Украину Французу Линажу, автору извѣстныхъ за-

*) Слова Д-ра Кубани.

**) Имя Koniecpolski, раздѣленное пополамъ, буквально значитъ по-русски *Конецъ Польши.*

писокъ о бунтѣ Хмельницкаго. Это былъ homo novus между польскою знатью, какъ и Оссолинскій; но разницу между ними составляло то, что источникъ, изъ котораго вытекла его пройдошеская душа, былъ мутенъ. Главными заслугами, поднявшими его отца изъ средней шляхты на степень воеводы и сенатора, были подвиги старопольскаго гостепріимства. Въ его имѣніи Радзѣевичахъ, въ семи миляхъ отъ столицы, стояла знаменитая корчма на 200 лошадей, съ дворовыми строеніями на 1000 гостей, съ десяткомъ или болѣе пушекъ, сопровождавшихъ своимъ громомъ панскіе виваты, съ неисчерпаемымъ винным погребомъ и съ отличною кухнею. Тамъ сановитый панъ Радзѣевскій предлагалъ усладительный отдыхъ заграничнымъ и земскимъ посламъ, равно какъ и членамъ Сенаторской Избы. Тамъ Сигизмундъ III и Владиславъ IV гостили по нѣсколько дней съ ряду. Не было во всей Польшѣ такихъ веселыхъ, обильныхъ и свободныхъ пировъ, какъ въ Радзѣевичахъ, и вотъ почему сынъ достойнаго родителя, Іеронимъ, сдѣлался любимцемъ короля Владислава. Впрочемъ онъ получилъ изысканное воспитаніе, владѣлъ нѣсколькими иностранными языками, говорилъ смѣло и плавно, зналъ то, что называли тогда исторіей, зналъ польскіе законы, вѣрнѣе сказать—казуистику, и при этомъ—теорію военнаго искусства. Но всего глубже изучилъ онъ при дворѣ важную въ панской жизни науку интриги, и въ 1645 году былъ избранъ маршалкомъ Посольской Избы, то-есть умѣлъ показать себя достойнѣйшимъ представителемъ палаты депутатовъ. Въ этомъ званіи выступалъ онъ противъ королевскаго правительства; но самъ король руководился такими сбивчивыми правилами въ выборѣ людей, что отправилъ его въ Украину по секретному дѣлу величайшей важности.

Іеронимъ Радзѣевскій уѣхалъ изъ Варшавы подъ предлогомъ осмотра имѣній жены своей. Оставшись молодымъ вдовцомъ послѣ перваго, весьма выгоднаго брака, съумѣлъ онъ жениться на княжнѣ Евфросиніи Вишневецкой и, что еще замѣчательнѣе, отбить ее у пана Денгофа, съ которымъ она была обручена. Ея-то *ergo* поѣхалъ онъ осматривать въ Украинѣ.

Былъ у него тамъ старый знакомый, войсковой асаулъ, Иванъ Барабашъ, сынъ Димитрія, гетманившаго козаками въ 1617 году. Этому Барабашу отдалъ онъ „королевскіе листы“, въ которыхъ король увѣрялъ, что козакамъ будутъ возвращены ихъ „прежнія права“. Барабашъ увѣдомилъ о томъ дружественныхъ козаковъ, и въ томъ числѣ кума своего, Богдана Хмельницкаго, войсковаго писаря, пользовавшагося большою популярностью въ козацкой средѣ. Четверо вой-

сковыхъ старшинъ отправились немедленно въ Варшаву, именно: Иванъ Барабашъ, Илья или Ильяшъ, извѣстный между козаками подъ именемъ Вірмена (Армянина), а между панами—подъ именемъ Вадовскаго*), Нестеренко и Богданъ Хмѣль, котораго паны, для польскаго благозвучія, именовали Хмельницкимъ. Радзѣевскій рекомендовалъ Хмельницкаго особенному вниманію короля, какъ бы оправдывая древнюю пословицу: „подобный подобному нравится".

Съ этими представителями Запорожскаго войска Владиславъ совѣщался ночью, въ присутствіи только семи лицъ, которыхъ козаки, въ своихъ показаніяхъ, называли сенаторами, принимая за польскаго сенатора и самого Тьеполо. Онъ повелѣлъ козакамъ быть готовыми къ сухопутному и къ морскому походу, но противъ какого непріятеля, не обозначилъ. Козаки предлагали ему къ услугамъ 50.000 войска, „а повелитъ король" (говорили они), „то, по его мановенію, станетъ насъ и 100.000". За это король обѣщалъ имъ вернуть „старыя привилегіи", увеличить число реестровиковъ до 20.000 и не дозволять польскимъ хоругвямъ „лежать на лѣжахъ" дальше Бѣлой Церкви.

Говорили въ Польшѣ послѣ катастрофы, что король, давая козакамъ обѣщанія, утаилъ это отъ своего канцлера, а Радзѣевскій (по словамъ Линажа) разсказываетъ въ Парижѣ, что роковую тайну знали только четыре сенатора. (Это напоминаетъ намъ Стефана Баторія, довѣрившаго свой замыселъ о Турецкой войнѣ только четыремъ панамъ). Какъ бы то ни было, но совѣщанія польскаго короля съ козаками представляютъ видъ заговора противъ республиканскаго государства. Въ позднѣйшей обвинительной запискѣ, извѣстной подъ заглавіемъ: „Польза Канцлерскихъ Совѣтовъ (Compendium Rad Kanclerza)", этотъ заговоръ взваливали на Оссолинскаго; писали даже, будто козакамъ тогда шепнули, чтобъ они свергнули свое иго (excutiant jugum). Но мудрый послѣдователь апостоловъ Лойолы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ чувствовалась личная отвѣтственность, не оставлялъ явныхъ слѣдовъ своей прикосновенности къ дѣлу. Онъ могъ и руководить заговоромъ, и въ то же время держаться въ сторонѣ отъ заговорщиковъ. Сигизмундъ III и его совѣтники, іезуиты, поступали не въ одномъ случаѣ по правилу; въ случаѣ успѣха своевольниковъ, воспользоваться успѣхомъ; въ случаѣ неуспѣха, являться передъ свѣтомъ съ омовенными руками. Этому правилу въ настоящемъ случаѣ могъ слѣдовать и Оссолинскій.

---

*) Шляхетская фамилія Вадовскихъ существуетъ въ Варшавѣ и нынѣ.

Одновременно съ таинственнымъ пребываніемъ Хмельницкаго въ Варшавѣ велись переговоры и съ послами того государства, которое, по праву возмездія за свое разореніе, воспользовалось результатами готовящейся въ Польшѣ усобицы. Московскихъ пословъ было четверо, и во главѣ ихъ стоялъ царскій дядя, бояринъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ. Онъ отличался прекрасною наружностью и такими же „обычаями". Литовскій канцлеръ говоритъ въ своемъ дневникѣ, что „не видалъ еще у Москалей большаго раціоналиста и политика". Посольство это пріѣхало для подтвержденія Поляновскаго договора съ молодымъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и, какъ доносилъ королю Стемпковскій изъ Москвы, имѣло наказъ трактовать секретно о союзѣ противъ Татаръ.

Московскіе сановники не захотѣли принять участіе въ свадебныхъ пиршествахъ, чтобы не сидѣть на послѣднихъ мѣстахъ въ ущербъ чести своего государя, поэтому заболѣли всѣ четверо, и явились только на аудіенцію 24 (14) мая.

Король назначилъ пять сенаторовъ, подъ управленіемъ обоихъ канцлеровъ, для rozgoworu съ ними. Но представители Москвы не упоминали о союзѣ и не домогались аудіенціи секретной, очевидно выжидая почина отъ сенаторовъ, или отъ короля.

Не дождавшись этого отъ польскихъ дипломатовъ, Стрѣшневъ заговорилъ о необходимости согласія между христіянскими государями, и объявилъ царскую волю заключить съ королемъ договоръ противъ Татаръ, которые набѣгаютъ ежегодно на оба сосѣднія государства и тысячами уводятъ христіянъ въ неволю. Рѣчь свою закончилъ онъ такими словами:

„Вѣдомо учинилось нашему великому государю, что турецкій султанъ, Ибрагимъ, побѣжденъ отъ Венетовъ, и что турецкія войска обсадили критскую Канею, а теперь осада ихъ погибаетъ отъ голода: затѣмъ что султанъ помочи послать не можетъ. Тотъ же султанъ, желая построить сто новыхъ галеръ, не имѣетъ способныхъ людей, и для того послалъ къ крымскому хану, чтобы шелъ тотчасъ на Московское Царство да на Польское королевство и набралъ бы невольниковъ на новыя галеры. И теперь самое время, чтобъ оба великіе государи соединились для обороны вѣры. Нашъ государь крѣпко мыслитъ о томъ, чтобы соединиться съ вашимъ государемъ. Послалъ онъ войско для обороны своихъ украинъ, подъ начальствомъ бояръ, князя Никиты Ивановича Одоевскаго да Василія Петровича Шереметева. Если Татары пойдутъ на королевскую украину, то великій нашъ государь желаетъ помогать королю своимъ войскомъ соединенно

съ войсками королевскими. И вамъ бы, радные паны, надлежало мыслить о томъ, и короля вашего приводить къ тому, чтобъ онъ, для избавленья Христіянства въ это столь удобное время, благоволилъ отворить Днѣпръ и повелѣлъ днѣпровскимъ козакамъ съ донскими козаками воевать Крымцевъ, а гетману своему повелѣлъ бы, чтобъ онъ стоялъ на Украйнѣ въ готовности и съ царскими воеводами ссылался бы, какъ обоюдно становиться противъ Татаръ и въ какихъ мѣстахъ соединяться".

Сенаторы отвѣчали: „Мы отъ всей души тому рады, и молимъ Бога, чтобы благословилъ десницы обоихъ монарховъ, поднятыя надъ головами язычниковъ".

Когда, послѣ засѣданія, доложили королю, онъ обрадовался чрезвычайно. Но созванный на другой день совѣтъ министровъ постановилъ, вывѣдать сперва у пословъ, имѣютъ ли они полномочіе трактовать объ этомъ предметѣ.

Послы объявили, что имъ данъ только словесный наказъ. Тогда коронный канцлеръ сказалъ имъ,—что сенаторская рада откладываетъ это дѣло до посольства, которое король и Рѣчь Посполитая отправятъ въ Москву.

Послы поникли головами и, вернувшись въ свое жилище, тотчасъ послали къ царю гонца.

Московскій царь желалъ того самаго, что и польскій король: желалъ воспользоваться Венеціанскою войной и завоевать Крымъ. Когда Стрѣшневъ ѣхалъ въ Польшу, война съ Татарами была въ Москвѣ дѣломъ рѣшеннымъ. Князь Семенъ Михайловичъ Пожарскій получилъ приказаніе созвать въ Астрахани, въ видѣ охотниковъ, ногайскихъ мурзъ да Черкесовъ и привести ихъ на Донъ. Воеводѣ Кондыреву было наказано собрать въ Воронежѣ 3.000 царской рати изъ украинныхъ городовъ, соединиться съ Пожарскимъ и двинуться къ Азову, въ помощь донцамъ, которые между тѣмъ должны были начать съ Татарами войну. Въ арріергардѣ стояло 80.000 войска подъ начальствомъ Одоевскаго и Шереметева.

Стрѣшневъ держалъ все это въ секретѣ. Онъ желалъ, чтобы король позволилъ запорожскимъ козакамъ соединиться съ донцами и вторгнуться въ Крымъ, какъ это не разъ уже они дѣлали, а когда бъ Орда вторгнулась въ Московское Царство, въ такомъ случаѣ оба союзныя государства должны были помогать другъ другу, какъ въ прошломъ году. Еслибъ его желаніе исполнилось, то царь воспользовался бы козацкой помощью и, въ случаѣ надобности, обороною со стороны польскаго войска, а Москва не была бы ни къ чему обязана, такъ

какъ было извѣстно, что Менгли-Гирей замышляетъ идти не на Польшу, а на Московское Царство. Данный ему отвѣтъ разрушалъ его планъ и грозилъ царю опасностью.

Не теряя времени, Стрѣшневъ началъ секретно трактовать съ королемъ, высказалъ царскія предположенія и объявилъ, что царь, „довѣряя королю, какъ брату, желаетъ, чтобы союзною христіанскою рукой общій непріятель былъ обузданъ и уничтоженъ“.

Готовность Москвы ускорила окончательную рѣшимость короля. Настало наконецъ время ударить соединенными польскомосковскими силами на Татаръ, о чемъ такъ страстно мечталъ, чего такъ энергически добивался еще Стефанъ Баторій. Но главный совѣтникъ и дѣятель Татарской войны уже не существовалъ. Король постановилъ предоставить войну съ Татарами Москвѣ, самъ же онъ, имѣя свободныя руки, ударитъ на Турцію.

Послѣ совѣщанія съ панами, Стрѣшневу данъ такой отвѣтъ:

„Король повелѣлъ коронному полевому гетману сноситься съ царскими воеводами по предмету отраженія татарскаго набѣга, какъ и въ прошломъ году гетманъ былъ готовъ прійти въ помощь царскимъ войскамъ, только морозы помѣшали. Король желаетъ, чтобы въ настоящемъ году войска обоихъ монарховъ стояли на готовѣ для обороны обоихъ государствъ отъ набѣга, дальнѣйшее же, большее дѣло хотѣлъ бы отложить на будущее время, такъ какъ запорожскіе козаки не могутъ скоро выйдти на море: ибо всѣ ихъ челны сожжены, а новыхъ нынѣ дѣлать нельзя. Король думаетъ, что Татаръ наилучше воевать тогда, когда султанъ разошлетъ Орду на свою службу. Дозволить козакамъ воевать Крымъ совмѣстно съ донцами король не можетъ: ибо между Польшей и Турціей вѣчный миръ“.

Къ такому отвѣту привели сенаторовъ отчасти извѣстія изъ Крыма и пріѣздъ татарскаго посла, который привезъ королю „все направленное къ миру“. Дѣло въ томъ, что ханъ поссорился съ султаномъ, и можно было надѣяться, что не вторгнется въ Польшу, хотя бы король и нарушилъ миръ съ Турціей. Этимъ способомъ еще по крайней мѣрѣ на одинъ годъ освобождалась Польша отъ набѣга Татаръ, которые сами искали мира и должны были отражать Москву. Въ наихудшемъ случаѣ, то есть, когда бы ханъ, во время войны съ Турціей, вторгнулся въ Польшу, король обезпечилъ себѣ московскую помощь.

Такъ стояли въ Польшѣ вещи по отношенію къ тому государству, которому вскорѣ сами Поляки, споткнувшись на Баторіевскомъ вопросѣ о всемірномъ господствѣ папы подъ эгидою польскаго рыцарства, дали

возможность возвратить съ лихвою потери, понесенныя въ отрицаніи такого господства. Мечтательный король и мечтательный по своему канцлеръ были только стимулами многовѣковой борьбы между великими силами—католичествомъ и православіемъ.

Со времени таинственныхъ переговоровъ съ козаками, Владиславъ не переставалъ обдумывать планъ Турецкой войны, которая долженствовала кончиться изгнаніемъ Турокъ изъ Европы, возсозданіе Восточной Имперіи и, безъ сомнѣнія, введеніемъ обѣихъ нашихъ Россій въ систему единой вселенской церкви.

Происшествія, случившіяся въ послѣдніе мѣсяцы, благопріятствовали его замысламъ. Все вокругъ него устраивалось такъ, чтобы вовлечь Польшу въ эту войну. Вооруженія Венеціи, предлагаемыя ему субсидіи, посольство московское, обоихъ придунайскихъ княжествъ и татарское, все побуждало его къ дѣйствію. Турція была развлечена внутренними волненіями: ей угрожала междоусобная война. Въ азіятскихъ и европейскихъ провинціяхъ готовились возстанія, которыя Венеціанцы поджигали. Можно было надѣяться, что, съ приближеніемъ польскаго войска, всѣ турецкіе христіяне встанутъ и увеличатъ силы короля въ десять разъ. Владиславъ надѣялся также, что папа, императоръ, князья итальянскіе и нѣмецкіе, Франція, Испанія, даже Швеція—поддержатъ его предпріятіе. Онъ хотѣлъ склонить къ войнѣ съ султаномъ Персію и Морокко, разсчитывалъ и на Москву, что она, завоевавши Крымъ, дастъ ему помощь. Словомъ, замышлялъ привести въ движеніе весь міръ и, во главѣ Христіанства, уничтожить могущество магометанъ, а потомъ дѣла пойдутъ сами собою къ устройству всемірной имперіи съ такой основою, которой бы позавидовалъ и самъ Александръ Великій, съ основой всеобъемлющаго и всепросвѣщающаго католичества.

Воображеніе короля-мечтателя, работая день и ночь надъ одной мыслью, питалось постоянно новыми впечатлѣніями. Онъ былъ суевѣренъ; онъ думалъ, что его будущность предопредѣлена въ ходѣ небесныхъ свѣтилъ, и вѣрилъ предсказаніямъ астрологовъ. Онъ и свою жалкую женидьбу считалъ счастливымъ предзнаменованіемъ, такъ какъ Марія Гонзага была послѣдняя наслѣдница Палеологовъ, и льстецы, еще до замужества, предсказывали ей греческую корону. „Въ ея происхожденіи“ (говоритъ ея брачный контрактъ) „видѣли соединенными имя, надежду и святость Восточной Имперіи“. Каждый день приносилъ Владиславу какое-нибудь счастливое извѣстіе; все, какъ бы какимъ чудомъ, какъ бы чародѣйскою силою приведенное въ движеніе, соединялось для осуществленія плановъ его.

Окружавшіе короля ласкатели поддерживали его рыцарскія фантазіи. Кромѣ Оссолинскаго, то были большею частью иностранцы, люди характера отважнаго, какъ разъ подъ стать козакопольскому характеру Владислава.

Впереди всѣхъ стояли два брата Магни, родомъ Миланцы, которыхъ отецъ заслужилъ у императора помѣстья въ Чехіи. Извѣстный уже намъ капуцинъ, Валеріанъ Магни, молчаливый, видомъ смиренный старикъ, былъ теологъ, астрологъ и философъ, прославившійся множествомъ сусвѣрныхъ сочиненій, изданныхъ въ Вѣнѣ, Антверпенѣ, Болоніи, Краковѣ и Варшавѣ. Подъ монашеской рясой скрывалъ онъ такое же честолюбіе, какимъ пылалъ титулярный польскій король среди фактическихъ королей польскихъ. Онъ мѣтилъ попасть въ римскіе папы на землѣ и въ прославленные Божіи святые на небѣ. Его-то внушеніямъ Владиславъ былъ обязанъ мыслью о крестовомъ походѣ еще въ званіи королевича. Глубокою вѣрою въ свои католическія утопіи, поражающею ученостью, проницательнымъ умомъ и суровою монашескою жизнью Валеріанъ Магни внушалъ всѣмъ, кто съ нимъ сближался, увѣренность въ его будущности, но больше всѣхъ своему брату, графу Магни. Тотъ желалъ быть королемъ, и надѣялся взойти на какой-нибудь престолъ, когда старшій братъ возсядетъ на Святомъ Сѣдалищѣ въ Римѣ, а Владиславъ—на тронѣ Палеологовъ въ Константинополѣ. Графъ Магни появился въ Польшѣ еще въ 1637 году, въ качествѣ агента своего брата, капуцина, по сватовству короля за Цецилію Ренату, и съ того времени пользовался чрезвычайною благосклонностью Владислава за свою говорливость обо всѣхъ европейскихъ дворахъ, которыхъ тайны были ему извѣстны въ подробностяхъ, а въ особенности за свою преданность идеѣ абсолютнаго монархизма и критику республиканскихъ учрежденій.

Послѣ этихъ двухъ ближайшихъ къ королю иностранцевъ, пользовался его благосклонностью Фантони Итальянецъ, простонароднаго происхожденія, поэтъ и музыкантъ. Видя, что въ Польшѣ пренебрегаютъ простолюдинами, не взирая на ихъ таланты,—онъ сдѣлался ксензомъ каноникомъ и королевскимъ секретаремъ. За это Поляки ненавидѣли его столько же, какъ графа Магни за порицаніе республиканскихъ обычаевъ. Но король ввѣрялъ перу Итальянца то, чего не смѣлъ ввѣрить ни одному Поляку,—и тѣ изъ кичливыхъ Полонусовъ, которые подъ безмолвіемъ секретаря видѣли вліятельнаго совѣтника, осыпали его подарками.

Далѣе слѣдовалъ Джіованни Баптиста Тьеполо. Этотъ Венеціянецъ былъ приставомъ у Владислава, когда онъ, въ званіи польскаго

королевича, гостилъ въ Республикѣ Святаго Марка. Владиславъ полюбилъ его и приглашалъ въ Польшу; но Тьеполо обѣщалъ явиться къ нему не прежде, какъ онъ будетъ королемъ,—и въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ къ Владиславу IV въ Гродно. Онъ былъ принятъ какъ нельзя ласковѣе, и съ того времени Венеціянцы стали видѣть въ немъ „пріятеля польскаго короля". Такъ онъ попалъ въ посланники, когда синьорія обратилась ко всѣмъ дворамъ съ просьбами о помощи. Этотъ въ сущности такой же пустой малый, какъ и всѣ приближенные къ особѣ короля иностранцы, не сдѣлалъ въ Польшѣ ничего путнаго ни для Владислава, ни для своего отечества. Играя роль глубокаго политика, онъ вѣровалъ въ счастливую звѣзду польскаго короля, и былъ готовъ рисковать своимъ имуществомъ для войны съ Турками. Предокъ его, Джакоббо Тьеполь, былъ первымъ венеціянскимъ княземъ въ Кандіи (1212) и привелъ Венецію къ обладанію этимъ островомъ, гдѣ домъ нобилей Тьеполо владѣлъ значительными имѣніями. Естественно, что король, въ своей страсти къ войнѣ, подчинялся странности, съ которою венеціянскій посолъ проповѣдывалъ козакопольскій походъ на Черное море.

Но на первомъ мѣстѣ въ числѣ тѣхъ, которые совѣтовали королю воевать съ Турціей, стоялъ талантливый пройдоха, Оссолинскій. Правда, планъ его состоялъ только въ томъ, чтобы принять подъ королевское верховенство господарей, очистить отъ Татаръ Буджаки, занять турецкія крѣпостцы надъ Чернымъ моремъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ, поселить по нижнему Днѣпру и черноморскому берегу козаковъ. Правда и то, что для выполненія этого плана не надобно было вербовать большаго войска и собирать громадныхъ суммъ, такъ какъ нигдѣ въ этихъ мѣстахъ не было турецкихъ гарнизоновъ, которые султанъ постягивалъ для войны съ Венеціей. Достаточно было вооруженныхъ силъ двухъ господарей, обыкновеннаго квартянаго войска, козаковъ и венеціянскихъ субсидій, раздѣленныхъ между можновладниками. Въ случаѣ же, когда бы Турки, по истеченіи двухлѣтняго договора съ Венеціей, захотѣли возвратить утраченныя провинціи,—господари и козаки могли бы сами себя оборонять, безо всякихъ издержекъ со стороны Рѣчи Посполитой. Но, хотя канцлеръ и не переходилъ, въ своемъ планѣ, черезъ Дунай, тѣмъ не менѣе планъ этотъ былъ первымъ шагомъ Польши въ Турецкой войнѣ, вторженіемъ въ предѣлы Турціи, и потому король слѣдовалъ довѣрчиво совѣтамъ своего канцлера. Съ своей стороны Оссолинскій не видѣлъ законной или казуистической неоходимости отступать отъ своихъ предначертаній изъ-за того, что король замышляетъ идти дальше. Занять приду-

найскія княжества было не трудно, а дальнѣйшій походъ зависѣлъ отъ столькихъ обстоятельствъ и требовалъ такихъ приготовленій, что на него можно было смотрѣть, какъ на созданіе фантазіи, которое исчезнетъ само собою, лишь только столкнется съ дѣйствительностью и съ оппозиціей всего Шляхетскаго Народа; изолировать же явно короля съ его великолѣпными планами значило бы—отказаться отъ опоры своего могущества не только въ Польшѣ, но и за-границею. А въ тотъ вѣкъ, когда Валленштейнъ читалъ въ созвѣздіяхъ свою великолѣпную будущность, чего не могъ вообразить о себѣ польскій выскочка, которому казалось, что онъ побѣждалъ и самую фортуну? И король и королевская республика—по всему видно—были только орудіями и, если понадобится, жертвами его махинацій, такъ точно, какъ и въ глазахъ его создателей—іезуитовъ.

Канцлеръ стоялъ тогда въ зенитѣ своего значенія и вліянія. Великія и малыя земли искали его благосклонности. Дворы его палатъ, его передніе и залы были переполнены шляхтою. Когда онъ шествовалъ въ королевскій замокъ, или возвращался отъ короля, ему сопутствовала цѣлая группа сенаторовъ. Родные канцлера, пріятели, слуги—все сіяло лучами монаршаго благоволенія.

И не былъ антуражъ Оссолинскаго мелкимъ ласкательствомъ людей, добившихся кой-какъ „сенаторской лавицы“. Вся Польша, претворенная іезуитами во что-то совсѣмъ непохожее на грубую, но честную и благородно гордую Сарматію временъ доіезуитскихъ, видѣла въ коронномъ канцлерѣ то, что, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ, желали бы Поляки видѣть въ своихъ сыновьяхъ и внукахъ. Когда великій канцлеръ выдавалъ дочь свою, Терезу, за Сигизмунда Денгофа, сокальскаго старосту, сѣрадзскаго воеводича и племянника по сестрѣ коронному великому гетману Конецпольскому (а было это въ февралѣ 1645 года),—во второй день свадебныхъ церемоній panna młoda получила 70 дорогихъ подарковъ изъ разныхъ сторонъ Польши; въ третій день опять поднесли ей 80 подарковъ, въ числѣ которыхъ были приношенія отъ седмиградскаго князя, Ракочія, отъ князя курляндскаго и почти отъ всѣхъ польскихъ городовъ; а подарки въ тотъ вѣкъ считались не посулами, предосудительными для честнаго дома: они были выраженіемъ вниманія и почитанія; они у знатныхъ и богатыхъ людей составляли предметъ особеннаго честолюбія. Въ этомъ смыслѣ сосчитано, что молодая пани Денгофъ получила свадебныхъ подарковъ на 150.000 злотыхъ.

Король отличалъ канцлера отъ всѣхъ своихъ подданныхъ, и дѣлалъ ему почести, подобающія принцамъ крови; а самый гордый,

знатный и вліятельный изъ можновладниковъ, глава католической партіи въ Польшѣ, князь Альбрехтъ Радивилъ, передавая невѣсту изъ родительскихъ рукъ въ руки жениха, счелъ достойнымъ своего сана и характера превозносить заслуги Оссолинскаго. Послѣ краткаго изложенія исторіи дома его, повѣствовалъ онъ широковѣщательно о жизни и дѣлахъ самого канцлера: какъ Оссолинскій съ юныхъ лѣтъ, подобно пчелкѣ, бралъ и усматривалъ то, что было услугою королямъ, опорою отечеству и утѣшеніемъ собственному дому; какъ онъ, будучи посломъ и маршаломъ Посольской Избы, улаживалъ величайшія затрудненія; какъ счастливо выполнилъ посольство въ Англію; какъ своимъ краснорѣчіемъ и пышностью возвѣщалъ въ Римѣ славу и величіе своего короля; какъ убѣдилъ Апостольскую Столицу къ соизволенію по предметамъ величайшей для Рѣчи Посполитой важности; какъ въ Регенсбургѣ содѣйствовалъ элекціи императора Фердинанда III, и устроилъ бракосочетаніе императорской дочери съ королемъ; какъ строилъ замки, костелы, семинаріи; какъ изъ чужихъ краевъ привлекалъ въ Польшу монаховъ небывалыхъ дотолѣ въ ней орденовъ; современныя же заслуги коронаго канцлера, его труды и попеченія литовскій канцлеръ оставилъ „похваламъ вѣковъ грядущихъ“.

И такъ вотъ они, тѣ люди, которые устраняли всякое зазрѣніе совѣсти и всѣ сомнѣнія короля, которые утверждали его въ опасномъ замыслѣ и окружили туманомъ общихъ въ Польшѣ понятій о долгѣ и честности, сквозь который онъ смотрѣлъ на свѣтъ. Капуцинъ Валеріанъ и графъ Магни, каноникъ Фантони, венеціянскій посолъ Тьеполо и коронный канцлеръ Оссолинскій замѣняли для него людей дальновидныхъ, одаренныхъ умомъ и сердцемъ Конецпольскаго. Владиславу казалось, что всѣ того жаждутъ, чего жаждетъ онъ. Король только съ тѣми проводилъ пріятно время, съ кѣмъ говорилъ свободно о своихъ планахъ, и потому сдѣлался для прочихъ недоступнымъ. „Только эти люди имѣютъ свободный доступъ къ королю“ (писалъ современникъ). „Королевскіе слуги сторожатъ каждую дверь; не отойдутъ и не поднимутъ портьеры ни для кого, пока имъ кто-нибудь изъ этихъ великихъ не прикажетъ“.

При такихъ-то обстоятельствахъ образовался широкій планъ Владислава IV, и такъ сросся съ его душою, что никакія затрудненія, никакія препятствія не могли потомъ прогнать его изъ королевской головы. Владиславъ стоялъ на своемъ до самой смерти, не взирая на то, что всѣ отъ него отшатнулись.

Въ апрѣлѣ 1646 года, пока еще московскіе послы не выѣхали изъ Варшавы, Турецкая война была у него дѣломъ рѣшеннымъ, какъ

у московскаго царя—Татарская. Въ этомъ мѣсяцѣ были кончены его договоры съ Москвою, съ козаками, съ послами господарей и съ Венеціянскою Республикой.

Тьеполо увѣдомилъ свою синьорію, что волошскій господарь пойдетъ къ Дунаю съ 30.000 войска, которое будетъ служить авангардомъ королевской арміи. То же самое сдѣластъ мультянскій господарь съ 20.000 войска. Къ нему де посланъ литовскій полевой гетманъ, князь Янушъ Радивилъ, для попужденія къ скорѣйшему выполненію заключеннаго съ королемъ договора. Князя седмиградскаго увѣдомилъ король чрезъ нарочнаго гонца о своемъ предпріятіи. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль вознамѣрился онъ собрать болѣе 20.000 козацкой милиціи, кромѣ 6.000 регулярнаго войска, обыкновенной своей гвардіи. Далѣе писалъ Тьеполо, что король повелѣлъ полевому гетману, чтобы, въ соединеніи съ московскими полководцами, готовился вызвать войну съ Татарами, а когда въ іюнѣ и въ іюлѣ будетъ отворенъ Днѣпръ, козаки выйдутъ па море; наконецъ, что онъ призвалъ къ себѣ нунція и отдалъ ему собственноручное письмо къ папѣ, въ которомъ просилъ о скорой, столь необходимой помощи.

Тьеполо, какъ сказано выше, уменьшилъ сумму 600.000 талеровъ, которые Венеція ассигновала для Польши, и предложилъ королю отъ синьоріи только 400.000. По смерти Конецпольскаго, „для воспламененія и пробужденія ума короля“, прибавилъ еще 100.000, говоря, что дѣластъ это сверхъ даннаго ему наказа. Въ счетъ своей прибавки, онъ тотчасъ отсчиталъ 20.000.

Въ то же время Владиславъ далъ аудіенцію двумъ греческимъ монахамъ. Они уже четыре мѣсяца ждали ея съ письмами отъ восточныхъ архіереевъ, которые молили короля о помощи польскимъ войскамъ, клятвенно увѣряя, что оно будетъ сильно поддержано ими и всею Греціею.

На бѣду Польши, тутъ же вынырнулъ изъ забвенія извѣстный уже намъ Александръ Оттомапусъ, иначе султанъ Ахія, если не кто-нибудь другой подъ его именемъ. Теперь это новорожденное чадо самозванщины, выработанной папскими приверженцами на бѣду Россіи, назвали султапомъ Захіею Оттоманно, иначе Александромъ графомъ Монтенегри. Въ концѣ прошлаго года, слѣдовательно черезъ десять лѣтъ послѣ напрасныхъ подступовъ къ царскому правительству, проявился онъ во Львовѣ и обратился къ королю съ увѣреніями, подобными тѣмъ, которыя Москва извѣла уже къ ихъ истинному значенію. Владиславъ не сомнѣвался, какъ и его любимцы козаки въ 1625 году, что па Турокъ встанутъ всѣ Греки и турецкіе Славяне.

Венеціянская Республика предполагала выслать войска въ Фріули и Далмацію, и поддержать возстаніе въ Босніи, которое дѣйствительно вспыхнуло въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Къ Стемпковскому, своему послу въ Москвѣ, король послалъ наказъ, чтобъ, узнавъ хорошо намѣреніе царя, составилъ прелиминарные пункты наступательно-оборонительнаго союза.

Владиславъ постановилъ — увеличить силы свои въ первомъ году войны до 50.000, именно до 20.000 козацкой милиціи и 30.000 регулярнаго войска различныхъ вооруженій, которое повелѣлъ вербовать и въ Польшѣ и въ Германіи. Нѣмецкою конницею долженъ былъ предводить генералъ-лейтенантъ, графъ Баудисенъ, пѣхотою — генералъ-маіоръ фонъ Видель, артиллеріей — Криштофъ Аргишевскій.

Кромѣ того король разсчитывалъ на помощь польскихъ пановъ и надѣялся, что, въ случаѣ надобности, они предоставятъ въ его распоряженіе свои надворныя хоругви, состоявшія почти изъ одной конницы.

По ревнивому исчисленію Шляхетскаго Народа, боявшагося воинскихъ подвиговъ своего короля, Владиславъ надѣялся, въ случаѣ, когда бы султанъ перенесъ войну въ Польшу, противопоставить ему 100.000 козацкой пѣхоты сверхъ 6.000 реестровиковъ, 52.000 панской конницы, 30.000 регулярнаго войска и 50.000 войска господарскаго всего до 250.000, къ которымъ, по окончаніи Крымской войны, должно было присоединиться 100.000 московской рати.

Войну было предположено начать безотлагательно. Въ концѣ іюля Владиславъ намѣревался выступить во Львовъ, 4 августа — соединиться съ полевымъ гетманомъ и двинуться къ Подольскому Каменцу. Оттуда гетманъ долженъ былъ, съ частью войска и съ панскими ополченіями, идти къ Днѣпру и тамъ, въ соединеніи съ московской ратью, стоять противъ Татаръ; король же, съ сорока слишкомъ тысячами, предположилъ направиться между Днѣпромъ, Бугомъ и Днѣстромъ на Очаковъ, Бѣлгородъ и другіе ближайшіе приморскіе города, выбить изъ Буджаковъ Татаръ и овладѣть турецкими крѣпостями. А чтобы Турки не препятствовали съ сухаго пути, волошскій и мультянскій господари обѣщали оборонять переходы черезъ Дунай, лишь бы только имъ было послано въ помощь сколько-нибудь польскаго войска.

Таковъ былъ планъ кампаніи 1646 года, фантастическій на взглядъ пановъ домосѣдовъ и хозяйственной шляхты, по сравнительно съ ничтожными ополченіями будущей безгосударной Польши — грандіозный. Оставалось только найти предлогъ къ нарушенію мира съ Турціей и сочинить законное въ глазахъ Рѣчи Посполитой основаніе

для веденія войны; ибо королевская присяга не дозволяла Владиславу, безъ соизволенія сейма, ни собирать войско, ни заключать союзы, ни вести наступательную войну.

Оссолинскій изыскалъ на то способы. Военныя дѣйствія короля должны быть обращены противъ Татаръ, но противъ Татаръ Буджацкихъ.

Турецкое названіе *Буджакъ* по-русски значитъ *кутъ*. Буджаки, или куты, обнимали край между Чернымъ моремъ, Днѣстромъ и Дунаемъ, съ городами: Бендеры (Тегинь), Измаилъ, Акерманъ (Бѣлгородъ), Килія и Рени. Тамъ, въ XVI столѣтіи, поселились Ногайцы, крымскіе бунтовщики, подобные утікачамъ на Запорожьѣ, и распространили свои кочевья за Днѣстръ. Жили они, какъ и наши запорожскіе козаки, почти исключительно добычею, а добычнымъ поприщемъ служили имъ Подолія, Украина и Волынь.

Первымъ и главнымъ условіемъ мира, заключеннаго между Рѣчью Посполитою и Турціей въ 1634 году, было: „чтобы Татары были выселены изъ Буджаковъ и кочевья ихъ сожжены". Это была conditio sine qua non со стороны Польши. Но Турція не выполнила своего обязательства. Хотя король безпрестанно настаивалъ на разсѣяніи этой орды, она, какъ бы на зло ему, дозволяла усиливаться Буджацкимъ Татарамъ, такъ что число ихъ въ 1645 году возросло до 20.000 наѣздниковъ. Это были Татары самые воинственные, самые дикіе, наилучше вооруженные и наибольше чуждые промысламъ мирнымъ. Если на Крымъ смотрѣть, какъ на Украину Турціи, то они для крымскаго хана были то, что для колонизаторовъ польской Украины были запорожцы, а для турецкаго султана—то, чѣмъ запорожцевъ желалъ и, при другихъ условіяхъ, могъ бы сдѣлать польскій король.

Цѣлыя области между Буджаками и Малороссіей были заняты кочевьями сбродныхъ Татаръ. Въ широкихъ промежуткахъ между ихъ кочевьями, миляхъ на десяти и больше, не было никому возможности ни поселиться, ни проѣхать безопасно за ихъ разбоями и хищничествомъ. Враги крымскаго хана и слуги турецкаго султана, буджацкіе наѣздники безпрестанно вторгались въ польскіе предѣлы, не входя глубже шести или семи миль, и, послѣ нѣсколькихъ дней грабежа, возвращались обремененные добычей. Турція, повидимому, смотрѣла съ удовольствіемъ на то, что южныя окраины Польши вѣчно терпѣли безпокойства и утраты, вѣчно находились въ оборонительномъ положеніи.

И вотъ эти-то Татары долженствовали сдѣлаться главнымъ поводомъ къ нарушенію мира. Въ случаѣ упрековъ со стороны сеймо-

выхъ представителей Рѣчи Посполитой, король могъ заслониться постановленіемъ, обязывавшимъ его „отвращать опасности, грозящія государству, каковы суть набѣги Татаръ“. На этомъ основаніи могъ онъ, подъ видомъ войны оборонительной, начать войну наступательную. Очистивъ Буджаки и стоя съ войскомъ надъ Дунаемъ, далъ бы онъ сигналъ общаго возстанія христіанъ Турціи, а принимая господарей подъ свое покровительство, на что имѣлъ всяческое право, этимъ самымъ началъ бы войну съ Турціей. Волей и неволей должна была бы тогда Рѣчь Посполитая помогать ему, еслибы не хотѣла ждать страшнаго возмездія.

Начертавъ мысленно планъ великой войны въ строжайшей тайнѣ, такъ что и ближайшіе ко двору сановники не догадывались, въ чемъ дѣло, король повелѣлъ призвать въ Варшаву нужныхъ ремесленниковъ, инженеровъ и вербовщиковъ, а самъ, позабавившись якобы беззаботно въ замкѣ комедіей, отплылъ по Вислѣ вмѣстѣ съ королевой на охоту въ Стембовъ. Но тамъ, подъ вліяніемъ венеціянскаго посла, измѣнилъ планъ дѣйствія и рѣшился выступить съ своимъ замысломъ открыто. Вернувшись въ маѣ съ охоты, Владиславъ объявилъ публично Турецкую войну, и съ лихорадочной поспѣшностью началъ приготовленія, точно какъ будто совершившимся фактомъ, энергіей своихъ движеній и молвой о приготовленіяхъ хотѣлъ увлечь за собой республиканское государство и подавить въ немъ оппозицію.

Это былъ такой взрывъ долго сдерживаемой страсти къ славѣ и величію, несчастнѣйшей изъ польскихъ страстей, что послѣдовательно идущій къ своей цѣли канцлеръ долженъ былъ ужаснуться орудія собственной мечты своей.

Варшава вдругъ начала наполняться войскомъ. Предводитель королевскихъ трабантовъ, Янъ Денгофъ, получивъ повелѣніе вербовать гвардію, устроилъ въ самой Варшавѣ контору вербовки. Капитаны Плайтеръ и Корфъ, произведенные теперь въ подполковники, вербовали шляхту въ Мазовецкомъ воеводствѣ. Коронная хоругвь была отдана Антонію Пацу, съ повелѣніемъ набрать нѣсколько полковъ конницы. Отовсюду звали на войну. Арсеналъ наполнялся рабочими, замокъ—новобранцами.

Королевскій дворецъ въ Уяздовѣ стоялъ какъ бы посреди лагеря, окруженный палатками, возами, торговками и шумно толкающимися жолнерами. Осѣдланные кони, поминутно выбѣгающіе вѣстовые, наплывъ разнообразно вооруженныхъ офицеровъ, муштрующіеся на площади отряды пѣхоты, звяканье оружія и толпящіеся караулы,—все это характеризовало главную квартиру полководца, а не резиденцію короля

Самъ Владиславъ, помолодѣвшій, возбужденно дѣятельный, назначалъ полковниковъ и капитановъ, отправлялъ вербовщиковъ за-границу, пѣхоту вербовалъ лично, приказывалъ объѣзжать лошадей, ревизовалъ ежедневно арсеналъ. При немъ изготовлено 36 пушекъ, огромный запасъ пороху, ядеръ, бомбъ и гранатъ: все это 18 (8) мая должно было идти во Львовъ.

Съ началомъ августа кампанія должна была открыться. Въ Яссахъ была назначена главная квартира короля. Тамъ господари должны были собирать съѣстные припасы, фуражъ и матеріалы для постройки мостовъ.

Всѣ приготовленія дѣлалъ король открыто, передъ глазами всего свѣта. На поверхностный взглядъ, ему оставалось только выступить въ поле. Но это были дѣйствія или человѣка сумасшедшаго, или же короля, задумавшаго рѣшительнымъ движеніемъ спасти государство свое отъ олигарховъ, рискуя семейными жертвами и личными опасностями.

Возможности такого замысла не допускали фактическіе короли Польши, которымъ и во снѣ не снилось, что даже козакъ скоро будетъ нагибать ихъ подъ свою дикую волю. Оссолинскій испугался отвѣтственности передъ соправителями своими за поддержку титулярнаго короля. Взвѣшивая двѣ соперничающія силы, канцлеръ зналъ, что король неспособенъ восторжествовать надъ оппозиціей и увлечетъ его своимъ паденіемъ, если онъ останется явно на сторонѣ государя, возмутившагося противъ подданныхъ. „Если же провидѣнію святаго маестата Божія“ (могъ думать на своемъ языкѣ Оссолинскій) „будетъ угодно возстановить такъ внезапно Восточную Имперію, какъ внезапно устраненъ имъ съ моего жизненнаго пути непреодолимый соперникъ, Янушъ Острожскій, то новый императоръ безъ такого канцлера не обойдется, и, при его слабомъ характерѣ, не трудно будетъ мнѣ стать одесную всемирнаго властителя“.

Оссолинскій рѣшился дѣйствовать патріотически. Когда Владиславъ просилъ его приложить канцлерскую печать къ такъ называемымъ *приповѣдным листамъ*, которыми ротмистры уполномочивались вербовать въ Польшѣ и за-границею войско, канцлеръ отказалъ королю въ просьбѣ. Того мало: онъ сдѣлался противникомъ войны, которую двѣ недѣли назадъ, вмѣстѣ съ королемъ, обдумывалъ.

Отказъ въ печати со стороны канцлера былъ дѣломъ законодательной предусмотрительности Шляхетскаго Народа, вѣчно боявшагося самовластія не только въ государѣ своемъ, но и въ его сановникахъ. Канцлеръ обыкновенно присягалъ не печатать приповѣдныхъ

листовъ противъ общественнаго права, дабы король не могъ собрать войско безъ позволенія своей республики.

Но противникомъ Турецкой войны Оссолинскій сдѣлался изъ опасенія междоусобія, которое могло бы вспыхнуть въ Польшѣ ради подавленія королевскаго самовластія. Въ то же самое время Турція могла бъ обратить всѣ силы на Польшу, помирившись съ Венеціей. Въ этомъ Оссолинскій, какъ человѣкъ государственный, былъ тоже правъ. И турецкое могущество, и венеціянское торгашество понималъ онъ вѣрнѣе своего короля. Турція въ самомъ дѣлѣ, видя, что ей грозитъ война съ сѣвера, готова была заключить миръ съ Венеціей; а синьорія, какъ видно, на то и разсчитывала: ибо, въ то самое время, когда Тьеполо такъ ревностно хлопоталъ въ Варшавѣ о Турецкой войнѣ, она въ Стамбулѣ, при посредствѣ французскаго посла, старалась о мирѣ. Синьорія рѣшилась купить миръ съ Турками громадными суммами, и продолжала войну такъ, „какъ будто не хотѣла раздражить султана“. Ей было нужно, чтобы Владиславъ IV выступилъ открыто съ Турецкой войною, чтобъ онъ обнаружилъ свои замыслы, и чтобы Турція узнала, что дѣлается въ Варшавѣ. Самъ Тьеполо служилъ сей безсознательнымъ орудіемъ для ослѣпленія размечтавшагося воителя: онъ обѣщалъ королю три милліона скуди субсидіи, въ въ случаѣ когда бы Турція перенесла войну въ Польшу, но, по своимъ инструкціямъ, не подавалъ никакой надежды, чтобы Венеція захотѣла заключить оборонительно-наступательный договоръ съ Польшей и обязалась не заключать съ Турціей мира безъ согласія короля; а король до того увлекся погонею за славой, что принималъ, зажмуря глаза, всѣ условія синьоріи, не обязывая Венеціи ни къ чему съ ея стороны.

Къ этимъ двумъ извинительнымъ причинамъ отступничества канцлера присоединился еще и недостатокъ денегъ, необходимыхъ для веденія войны, которая требовала издержекъ громадныхъ. Здѣсь неспособность короля къ великимъ предпріятіямъ выказалась поразительно. Онъ твердилъ, что у него довольно средствъ, и уже въ первые дни приготовленій долженъ былъ занять у своей нелюбимой королевы 80.000 злотыхъ, которые раздалъ полковникамъ и капитанамъ. Это само по себѣ гнусно, но въ героѣ Христіанства еще гнуснѣе данное Маріи Гонзага обѣщаніе, что за этотъ заемъ онъ будетъ раздавать всѣ должности не иначе, какъ черезъ ея руки. Суммы, которыя обѣщалъ Тьеполо отъ папы и отъ князя тосканскаго, оказались весьма сомнительными. 250.000 талеровъ, которые венеціянскій посолъ занялъ подъ собственное обязательство по 7% у королевы, не были достаточны для войны, которую король постановилъ вести приватно, безъ

помощи Рѣчи Посполитой. На одинъ работы въ арсеналѣ шло у него ежедневно по 1.000 дукатовъ, а какъ приготовленія были разсчитаны на три мѣсяца, то одинъ арсеналъ требовалъ 180.000 талеровъ. Желая навербовать 30.000 войска, надобно было по крайней мѣрѣ „дать на руку“ простымъ жолнерамъ столько, что это составляло до милліона флориновъ, не считая покупки лошадей, мундировъ, возовъ и платы офицерамъ. Сколько же надобно было припасти денегъ, чтобы выступить въ поле?

Неудивительно, что Оссолинскій, видя, какъ отступилъ король отъ первоначальнаго плана войны, или вѣрнѣе сказать—отъ ея таинственности, неудивительно, что онъ подчинился общему негодованію, и не только сдѣлался противникомъ короля, вылѣпившаго себѣ магната изъ „простой глины“, но увлекъ за собой и всю свою партію. Поляки полагаютъ, что Оссолинскій, обязанный, яко канцлеръ и сенаторъ, предостерегать Рѣчь Посполитую отъ угрожающей ей опасности, увѣдомилъ и нѣкоторыхъ сенаторовъ о королевскихъ замыслахъ. Во всякомъ случаѣ король, какъ личность, былъ почтеннѣе своего канцлера. Онъ входилъ въ положеніе Оссолинскаго, и въ послѣдствіи жаловался передъ венеціянскимъ посломъ такъ: „Измѣнилъ мнѣ канцлеръ, какъ Іуда Христу, не изъ злости и ненависти“. Два польскіе ротмистра, вербовавшіе жолнеровъ отъ имени короля, бросились къ Оссолинскому съ обнаженными саблями, называя его врагомъ отечества, за что были наказаны инфаміей. Но король, по невозможности замѣнить канцлера другимъ совѣтникомъ, или же по недостатку твердости характера, продолжалъ довѣрять ему, какъ и Радзѣёвскому.

Получивъ отказъ отъ канцлера коронаго, Владиславъ надѣялся, что не откажетъ ему въ печати по крайней мѣрѣ канцлеръ литовскій Но Альбрехтъ Радивилъ, пріѣхавши въ Варшаву, писалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

„12 мая прибылъ я въ Уяздовъ, и слышу изо всѣхъ устъ о войнѣ. Удивляюсь, разспрашиваю, доискиваюсь причины. Я думалъ, что Шведы ударили на насъ, какъ прибылъ ко мнѣ коронный канцлеръ отъ короля съ увѣдомленіемъ, что, вмѣсто зайца, поймали на охотѣ войну... Я спросилъ: напечатаны ли уже листы для ротмистровъ?—Еще нѣтъ.—Тогда я сказалъ, что скорѣе позволю отрубить себѣ руку, нежели приложу къ нимъ литовскую печать. Коронный канцлеръ былъ того же мнѣнія“.

Король почувствовалъ необходимость сдѣлать первый легальный шагъ для того, чтобы втянуть Рѣчь Посполитую въ пойманную на охотѣ войну. Сеймовое постановленіе 1613 года гласило,—что въ

случаѣ какой-нибудь внезапной опасности, король обязанъ предупреждать ее „по докладу раднымъ панамъ, какихъ скорѣе можетъ увидѣть“. Владиславъ призвалъ въ Варшаву самыхъ приверженныхъ къ нему членовъ Сенаторской Избы, чтобъ убѣдить ихъ въ грозящей Польшѣ опасности и склонить къ войнѣ. Постановленіе пановъ рады узаконило бы его поступки и—что всего важнѣе—подскарбій, то-есть государственный казначей, могъ бы тогда выдать ему сумму, которую Рѣчь Посполитая собирала уже четыре года на случай войны съ Турціей.

Оба канцлера опасались этой сенаторской рады, и потому условились видѣться наканунѣ въ саду монаховъ реформатовъ для совѣщанія.

„Я совѣтовалъ“ (пишетъ литовскій канцлеръ), „чтобы рады не было, по той причинѣ, что постановленія секретныхъ сенаторскихъ радъ всегда зависѣли отъ рѣшенія короля. Завтрашняя рада не сопротивлялась бы его мнѣнію, и мы должны были бы взять его вины на себя, а пока оправдались бы на сеймѣ, общая ненависть задушила бы насъ. Вотъ почему совѣтовалъ я отложить раду до коронаціи королевы, чтобы дать обществу время ознакомиться съ этимъ дѣломъ“.

Такъ и было поступлено. Оссолинскій убѣдилъ короля, точно учитель школьника, отложить безотлагательное въ его революціонныхъ интересахъ дѣло, и такъ какъ оба канцлера не согласились печатать приповѣдныхъ листовъ, то король велѣлъ печатать ихъ комнатною (pokojową) печатью. О комнатной печати въ сеймовыхъ постановленіяхъ вовсе не упоминалось, и каждому гражданину представлялся полный произволъ „респектовать“ эту печать, или нѣтъ.

Когда происходила въ Варшавѣ такая путаница королевскаго и панскаго двоевластія, пришло оффиціальное извѣстіе о событіи, которое говорило ясно, что и на русской почвѣ Польша стоитъ неурадицей: козаки вышли на Черное море. Это извѣстіе произвело въ средѣ можновладниковъ чрезвычайное волненіе, точно какъ будто съ ихъ стороны было сдѣлано все, что могъ бы сдѣлать, въ качествѣ панскаго диктатора, Конецпольскій для предотвращенія подобныхъ событій.

Одновременно съ одной революціонной новостью поразила пановъ и другая: къ Люблину двинулось 40 пушекъ, а передъ арсеналомъ стояло уже 20 новыхъ, готовыхъ для похода. Венеціянскій посолъ, получивъ часть занятыхъ у королевы денегъ, дѣлилъ ихъ между офицерами, давая себѣ такой видъ, какъ будто *онъ* управлялъ войною. Тьеполо обращался съ рѣчью къ жолнерамъ, обѣщалъ награды,

надзиралъ въ арсеналѣ за работами, объявлялъ даже, что король выступитъ въ походъ.

Въ то же самое время заграничныя газеты говорили о королевскихъ планахъ, неизвѣстныхъ правителямъ Польши, о договорахъ съ иностранными державами, игнорировавшихъ права Рѣчи Посполитой.

Все это возбуждало въ сенаторахъ негодованіе; а тутъ еще было получено извѣстіе о приближеніи турецкаго посла. Надобно было дѣйствовать.

Въ нѣсколько дней всѣ можновладники пришли въ движеніе и соединились противъ короля. Революція королевская вызвала въ Польшѣ революцію шляхетскую. Быстро вскипѣла оппозиція, и уже литовскія „сословія“ требовали отъ короля созванія сейма, въ противномъ случаѣ, грозили прибыть въ Варшаву и держать рады, хотя бы и въ его присутствіи. Сенаторы, резиденты и прибывшіе по ихъ зову члены Сенаторской Избы, истощивъ напрасно просьбы и убѣжденія, стали обходиться съ королемъ дерзко даже въ гостяхъ у Оссолинскаго. За обѣдомъ коронный подканцлеръ, Андрей Лещинскій, указывая пальцемъ на пословъ французскаго и венеціянскаго, спросилъ вслухъ: „Что это за послы? по какому праву сидятъ они за королевскимъ столомъ? Королевская свадьба кончилась: зачѣмъ они остаются у насъ“?

Этой наглости даже и Владиславъ IV не вынесъ: онъ уѣхалъ поспѣшно съ королевой и со своей свитой. Гости Оссолинскаго остались въ великомъ волненіи. Сенаторы принялись разбирать поступки короля: упрекали, что онъ руководился совѣтами своихъ иностранцевъ, которые разносили по всему свѣту секреты Рѣчи Посполитой; что сдѣлался орудіемъ чужой политики въ рукахъ венеціянскаго посла; что своимъ образомъ дѣйствій хочетъ вызвать междоусобіе; указывали на его болѣзнь и на лѣта, на ссору съ сосѣдними государствами по поводу вооруженій, и всѣ приходили къ тому заключенію, чтобъ не позволить ему вербовать войско и не поддерживать войны, которую задумалъ онъ противозаконно, вопреки присягѣ и безъ вниманія къ возможнымъ послѣдствіямъ.

Канцлеръ говорилъ сдержанно, не хотѣлъ выступить противъ короля открыто, и представлялъ, что Рѣчь Посполитая имѣла бы достаточно поводовъ къ нарушенію мира съ Турціей. Этимъ онъ утвердилъ многихъ во мнѣніи, что и самъ былъ участникомъ замысловъ короля.

Паны группировались вокругъ литовскаго канцлера, который дѣлалъ королю самыя непріятныя представленія въ самыхъ почтительныхъ словахъ, и Оссолинскій уступилъ наконецъ просьбамъ своего

панегириста, чтобы къ его напраснымъ убѣжденіямъ присоединилъ и свои. Король оставался при своей рѣшимости, однакожъ задержалъ въ Варшавѣ пушки, приготовленныя къ отправкѣ.

Владиславъ сдѣлался раздражителенъ, чего съ нимъ до тѣхъ поръ не бывало. На непрошенный совѣтъ Якова Собіскаго, относительно Турецкой войны онъ отвѣчалъ съ такимъ язвительнымъ презрѣніемъ, что гордый магнатъ „впалъ въ меланхолію, заболѣлъ и вскорѣ умеръ".

Къ увеличенію досады, терзавшей короля, со всѣхъ сторонъ посыпались къ нему письма отъ бискуповъ и свѣтскихъ сенаторовъ. Особенно горько ему было письмо князя Іереміи Вишневецкаго, товарища Конецпольскаго въ Охматовской побѣдѣ и самаго воинственнаго изъ магнатовъ, который, будучи въ это время опекуномъ малолѣтняго наслѣдника Ѳомы Замойскаго, располагалъ значительною силою. Этотъ объявилъ королю безъ обиняковъ, что Турецкой войны предпринимать безъ вѣдома Рѣчи Посполитой не слѣдуетъ.

Но громче всѣхъ былъ голосъ краковскаго воеводы, Станислава Любомирскаго, считавшагося „великимъ и первенствующимъ въ государствѣ мужемъ". Онъ обратился къ королю съ письмомъ по просьбѣ малопольскихъ сенаторовъ, и его письмо разошлось во многочисленныхъ копіяхъ и въ Польшѣ, и за-границей. Любомирскій говорилъ, что король нарушилъ права и вольности шляхетскія, ломаетъ свою присягу, совѣты иностранцевъ предпочитаетъ отечественнымъ, искреннимъ, опытнымъ, и поступаетъ такъ, какъ будто Поляки утратили свою вѣрность, или не понимали подобныхъ предпріятій и не имѣли сердца для смѣлаго дѣла. Онъ просилъ не таить отъ Поляковъ войны, въ которой дѣло идетъ объ ихъ собственной шкурѣ, и заключилъ свое длинное посланіе надеждою, что настанетъ время, когда король уразумѣетъ разницу между тѣми, которые хотятъ ему только полюбиться, и между вѣрными, преданными своими подданными.

Письмо краковскаго воеводы было сигналомъ ко всеобщему ропоту. Короля называли „творцомъ вредоносныхъ смутъ", дразнили подметными письмами, похожими на пасквили, грозили, что сеймъ разгонитъ навербованныхъ жолнеровъ и привлечетъ вербовщиковъ къ отвѣтственности.

Король нашелся вынужденнымъ вернуться къ первоначальному плану, къ походу на Буджаки, тѣмъ болѣе, что въ это время папа и князья итальянскіе обнадеживали его своею помощью. Владиславъ началъ объявлять публично, что никогда не имѣлъ намѣренія начинать войну съ Турками; что всѣ его приготовленія были направлены къ

войнѣ противъ Татаръ; что никакихъ договоровъ противъ Турокъ не заключалъ, и вообще ничего безъ согласія Рѣчи Посполитой предпринимать не замышлялъ, такъ какъ все зависитъ отъ сенаторской рады, которая вскорѣ должна состояться.

Этимъ способомъ успокоилъ онъ бурю, которая собралась надъ его головою. Правда, сенаторы не вѣрили, что никогда онъ о войнѣ съ Турками не думалъ, но были убѣждены, что король уступилъ ихъ просьбамъ и желаетъ идти путемъ законнымъ.

По пословицѣ: „каковъ приходъ, таковъ и попъ", польскіе можновладники до тѣхъ поръ вертѣли своими королями, вымаливая и вынуждая уступку за уступкою, пока наконецъ, въ лицѣ Владислава IV, увидѣли лукаваго дѣльца по предмету царственности, вмѣсто государя,—увидѣли не вершителя общественныхъ дѣлъ, а школьника, котораго отъ времени до времени надобно стращать. Не имѣя сами гражданскаго самоотверженія, требовали его отъ короля; присягая сами словомъ и противнымъ слову намѣреніемъ воображали, что избирательный король будетъ вѣренъ своей присягѣ. Рано или поздно должны были они проиграть въ эгоистическую игру государство и раскаяться въ своемъ іезуитствѣ.

Поступки Владислава, повидимому, подтверждали то, что онъ говорилъ... 29 (19) мая онъ рѣшительно разорвалъ договоръ съ Венеціей, и объявилъ пораженному изумленіемъ послу ея, что при такихъ обстоятельствахъ, какъ безденежье папы и князей итальянскихъ, войны для обороны Италіи вести не думаетъ; велѣлъ ему вернуть данное королевѣ обязательство и принялъ заемъ на себя. Согласно просьбѣ Великополянъ повелѣлъ изготовить и подписалъ универсалы подъ коронною печатью о прекращеніи вербовокъ и распущеніи навербованнаго войска. Запасы пороху, ядеръ, пушки и всю аммуницію приказалъ спрятать, лошадей и возовую прислугу отослалъ, въ Стамбулъ обѣщалъ послать гонца для успокоенія султана, а самъ предался праздности и забавамъ, точно какъ будто голова его не была ничѣмъ озабочена.

И однакожъ, въ то самое время, когда отпирался отъ всякой мысли о Турецкой войнѣ, писалъ онъ къ папѣ, къ итальянскимъ князьямъ и въ Венецію, обезпечивая себя дальнѣйшею помощью. Графа Магни послалъ, въ половинѣ іюня, къ нѣмецкимъ князьямъ, приглашая ихъ къ войнѣ съ Турціей, а побѣдоноснаго шведскаго полководца, Торстенсона, просилъ уступить ему свое войско. Князь Янушъ Радивилъ выѣхалъ въ началѣ іюня изъ Варшавы съ инструкціями къ волошскому господарю. Универсалы о распущеніи новобранцевъ ле-

жали нераспечатанные. Вмѣсто нихъ, новонабранныя дружины получили знамена съ надписью: „Во славу Креста (Pro gloria Crucis)".

Военныя приготовленія не прекращались, только дѣлались подъ предлогомъ войны съ Татарами. Въ арсеналѣ работы шли день и ночь. На эти работы король ежедневно тратилъ по 1.000 дукатовъ. Изъ королевской канцеляріи было послано приказаніе къ прусскимъ оберратамъ, чтобы содѣйствовали вербовкѣ пяти компаній драгунъ по 200 всадниковъ, подъ начальствомъ Крейца и Фабіана фонъ Кенигсекъ. Можновладники получили воззваніе о доставкѣ для королевской службы соотвѣтственнаго числа жолнеровъ. Приповѣдные листы выдавались подъ комнатною печатью.

Варшава наполнилась офицерами различныхъ вооруженій и ранговъ. Король ограничивался только сообществомъ военныхъ людей: съ ними проводилъ время, охотился, пилъ, веселился, и такъ какъ обладалъ рѣдкою способностью привлекать къ себѣ и убѣждать людей, то въ короткое время такую возбудилъ къ себѣ преданность, что всѣ были готовы лѣзть въ огонь по его мановенію. Чтобы привлечь къ себѣ военные таланты, наименовалъ Николая Потоцкаго краковскимъ каштеляномъ и короннымъ гетманомъ. Потоцкій былъ противникомъ Турецкой войны, но Татаръ воевать былъ готовъ, и обѣщалъ выполнять королевскія повелѣнія.

Имѣя вождя и войско на своей сторонѣ, король надѣялся, что въ августѣ можно будетъ начать военныя дѣйствія и, подъ видомъ войны съ Татарами, втянуть Рѣчь Посполитую въ войну съ Турціей.

Подъ конецъ іюня разослалъ онъ письма ко всѣмъ сенаторамъ съ приглашеніемъ въ Краковъ на коронацію королевы и на совѣтъ. Въ письмахъ жаловался на распущенныя вѣсти, якобы онъ, безъ вѣдома сейма, предпринималъ войну съ Турціей, просилъ этимъ вѣстямъ не вѣрить и успокоить шляхту, такъ какъ онъ готовитъ войну противъ Татаръ, на которыхъ московскій царь уже наступилъ, пока султанъ, занятый войною, не можетъ ихъ оборонять.

„.... Предоставляемъ это разсудку вашей преданности, uprzejmosci waszej" (писалъ онъ къ популярному краковскому воеводѣ, Любомирскому), „столь достойное и съ дѣломъ короля согласное намѣреніе заслуживаетъ ли такого превратнаго истолкованія, для того, чтобы встревожить довѣріе преданныхъ намъ подданныхъ, которое мы столькими благодѣяніями такъ утвердили въ ихъ сердцахъ, что не опасаемся, чтобы его поколебали порывистыя разсужденія и представленія нашего намѣренія. Требуемъ, однакожъ, отъ вашего усердія, дабы, по вашей сенаторской обязанности, вы содѣйствовали прене-

бреженію этими неосновательными слухами и довѣрчивому мнѣнію о нашей опекѣ гражданскихъ правъ и вольностей. Впрочемъ близокъ уже наступающій сеймъ, который, если, по совѣту пановъ сенаторовъ, не ускоритъ, то на время, опредѣленное закономъ, созвать не замедлимъ, и тогда объ этомъ предметѣ откровенно побесѣдуемъ съ вашею преданностію...".

Этимъ способомъ король, въ теченіе одного мѣсяца, такъ обработалъ общественное мнѣніе, что въ Варшавѣ никто не подозрѣвалъ упорства, съ которымъ онъ держался своего замысла. Нашлись даже такіе, которые готовы были присягать, что король о Турецкой войнѣ никогда и не думалъ. Но въ провинціи не удалось ему такъ легко отвратить подозрѣніе: ибо вербунки, происходившія тамъ у всѣхъ передъ глазами, и новые приповѣдные листы подъ комнатною печатью,—опровергали увѣренія, что король оставилъ мысль о Турецкой войнѣ. Не хотѣли вѣрить, чтобы противъ Татаръ надобно было вербовать вооруженную тяжело пѣхоту. Война съ Татарами также не была очень популярна. Появились многочисленныя сатиры, летучія сочиненія и колкія шутки противъ короля и его гетмана. Распускали слухъ, что Москалей Татары разбили на голову.

Зато приверженцы двора разглашали, будто коронный гетманъ прислалъ извѣстіе о завоеваніи Венеціянцами Дарданеллъ, а для возбужденія религіозной ревности католиковъ было распущено въ то-же время пророчество о погибели Турокъ въ 1646 году, вмѣстѣ съ поддѣльнымъ письмомъ султана Ибрагима къ королю. Султанъ грозилъ, что возьметъ Краковъ, ксензовъ и ихъ распятаго Бога безъ милосердія потопчетъ, вѣру искоренитъ, монаховъ будетъ разрывать лошадьми. „Пускай де на меня досадуетъ Богъ твой: имѣя за собой Магомета, я совершу все"...

Уклоненія отъ долга, чести и національнаго достоинства со стороны короля, котораго панское общество выработало по образу своему и по подобію, для русскаго читателя могутъ казаться посторонними предмету книги. Но я напомню ему, что въ отпаденіи Малороссіи отъ Польши совершилось отпаденіе верхнихъ слоевъ народа отъ самой Малороссіи, вмѣстѣ съ тою землей, которую наши отступники предали ipso facto въ обладаніе иновѣрцевъ и иноплеменниковъ. Клерикалы обдѣлали свое дѣло въ пользу польщизны давнымъ давно. Мы забываемъ уже, какъ звали тѣхъ, которые были представителями странной метаморфозы, и пишемъ въ русской исторіи имена Радзивиловъ, Сопѣгъ и пр. и пр. въ ополяченной формѣ. Но, повѣствуя о черторыѣ польской жизни со словъ самихъ Поляковъ, и часто подлинными сло-

вами Поляковъ, не должны забывать, что въ этомъ черторыѣ кружились, тонули и утонули наконецъ, можетъ быть, лучшіе изъ нашихъ малорусскихъ людей вмѣстѣ съ худшими, и что поэтому на исторію польской неурядицы, почти во всѣхъ случаяхъ, можно смотрѣть какъ на горестныя воспоминанія о нашихъ собственныхъ предкахъ.

Оссолинскій—съ того времени какъ склонилъ короля отказаться отъ войны съ Турціей, повернулъ его къ первоначальному плану похода и уничтожилъ преобладающее вліяніе венеціянскаго посла,—сдѣлался вновь горячимъ приверженцемъ королевскихъ замысловъ, и сталъ во главѣ дѣйствія. Онъ умѣлъ изгладить въ умахъ мысль о заговорѣ съ королемъ противъ шляхетскихъ вольностей, и разгласилъ по всей Польшѣ, будто бы король отказался отъ войны съ Турціей по его убѣжденію. Великопольскіе сенаторы благодарили его за королевское письмо, „въ которомъ де насъ его королевская милость увѣряетъ, что ничего такого не замышлялъ, что̀ причинило бы ущербъ нашимъ правамъ, и такъ какъ ваша милость былъ и есть причиною того, за это вашей милости много благодарны“.

Перемѣна въ образѣ дѣйствій Оссолинскаго очевидна. Черезъ девять дней по разрывѣ съ Венеціей, канцлеръ явился у венеціянскаго посла и, между прочимъ, сказалъ ему, что „можно бы и не оставлять начатаго дѣла, еслибъ только король былъ увѣренъ, что не будетъ оставленъ“, а черезъ нѣсколько недѣль увѣдомилъ Тьеполо, что сенаторская рада соберется въ Краковѣ и что король нуждается въ помощи.

Король дѣйствительно нуждался въ помощи, то-есть въ деньгахъ, такъ какъ послѣ краковской рады намѣревался двинуться во Львовъ и начать кампанію.

27 (17) іюня выѣхалъ онъ изъ Варшавы въ Краковъ, и въ день его выѣзда выступило ко Львову 3.000 пѣхоты. Повелѣніе вывозить остальныя пушки было пріостановлено, дабы не возбудить подозрѣнія.

Въ Ченстоховѣ король снялъ съ себя саблю, положилъ на алтарь Богоматери и велѣлъ освятить хоругвь новосформированныхъ гусаръ. Въ этомъ актѣ Поляки видятъ его возвращеніе къ мысли объ учрежденіи ордена и рыцарства Безпорочнаго Зачатія: тѣмъ и другимъ онъ могъ надѣяться привлечь охотниковъ къ войнѣ съ невѣрными.

17 (7) іюля послѣ коронаціи королевы, въ Краковѣ состоялось первое засѣданіе сенаторской рады. Король представилъ ей то самое, что̀ повторялъ уже цѣлый мѣсяцъ: увѣрялъ, что никогда ничего противнаго праву дѣлать не намѣревался; что о войнѣ съ Турками не думалъ; что желалъ только предупреждать ордынскіе набѣги, но и

войны съ Татарами не имѣлъ намѣренія начинать безъ дозволенія Рѣчи Посполитой, чему де доказательствомъ служитъ созванная рада; приготовленія же и договоры съ христіянскими державами дѣлалъ въ надеждѣ, что Рѣчь Посполитая, несомнѣнно, согласится на эту войну. Потомъ представилъ сенаторамъ причины, которыя склонили его мысли къ Татарской войнѣ. Эти причины были: готовность Москвы воевать заодно съ Польшей и ослабленіе Турціи, которымъ надлежитъ воспользоваться. Но совсѣмъ умолчалъ о козацкомъ союзѣ съ Татарами, изъ опасенія, чтобъ этотъ секретъ не сдѣлался предметомъ толковъ. Наконецъ, просилъ присутствующихъ, чтобы не только сами согласились на Турецкую войну, да и Рѣчь Посполитую искренно къ тому приводили.

Сенаторовъ было въ радѣ 19; предводительствовали ими 5 бискуповъ. Всѣ они знали уже о задуманномъ открытіи кампаніи, усиливались отвлечь короля отъ войны и склоняли къ созванію чрезвычайнаго сейма; наконецъ объявили, что безъ третьяго, то есть „рыцарскаго сословія, второе сословіе, (состоявшее изъ сенаторовъ) и первое (представляемое особою короля) не имѣютъ права рѣшать вопросъ о предполагаемой королемъ войнѣ.

Такую же декларацію получилъ король письменно и отъ сенаторовъ отсутствующихъ. Такъ называемый *греміальный* (задушевный) *листъ* великопольскихъ сенаторовъ и шляхты, адресованный къ королю и коронному канцлеру, признавалъ, какъ отеческую попечительность монарха, такъ и пользу войны съ Ордою; „но поелику“ (писали Великополяне) „рѣчь идетъ здѣсь о войнѣ наступательной, которой безъ согласія всѣхъ трехъ сословій начать нельзя“, то они просили Владислава—свои королевскія предначертанія приспособить къ общественному праву и пріостановиться съ военными дѣйствіями, доколѣ сеймъ не согласится на Татарскую войну, которая де можетъ навлечь на государство войну Турецкую: ибо и турецкій „императоръ“ долженъ за своихъ подданныхъ, и король не на Татаръ, а на Турокъ готовится.

Краковская рада продолжалась три дня. Оссолинскій поддерживалъ мнѣнія сенаторовъ, какъ объявилъ объ этомъ самъ въ отвѣтѣ Великополянамъ. Согласились наконецъ въ томъ, что король созоветъ 23 (13) октября сеймъ и увѣдомитъ всѣ державы, съ которыми началъ договоры, чтобы прислали на сеймъ пословъ съ опредѣленнымъ и твердымъ объявленіемъ, чего Рѣчь Посполитая можетъ отъ нихъ надѣяться въ случаѣ войны. Наконецъ, сенаторы признали войну съ Татарами необходимою, обѣщали склонять къ ней шляхту, просили

только „униженно", чтобы король не выѣзжалъ во Львовъ и не возбуждалъ этимъ Турокъ, а лучше употребилъ то время на поправленіе своего здоровья. Король отвѣчалъ, что долженъ посовѣтоваться съ короннымъ гетманомъ, а когда ему совѣтовали лучше вызвать къ себѣ гетмана, или черезъ вѣрнаго человѣка объявить ему свою волю, онъ оставилъ этотъ совѣтъ безъ отвѣта и удалился.

Пытались еще однажды, вечеромъ, сдѣлать ему представленіе объ этомъ дѣлѣ, но король, произнося нѣсколько непонятныхъ словъ, велѣлъ прислугѣ нести себя въ спальню, откуда тайкомъ уѣхалъ въ Неполомицы на охоту.

Гнѣвъ бискуповъ-сенаторовъ обратился на венеціянскаго посла. Едва король уѣхалъ, ему велѣли, въ два часа ночи, выѣхать за 4 мили отъ городскаго округа. Тьеполо поѣхалъ жаловаться къ королю, и засталъ у него графа Магни, который вернулся изъ своего посольства съ донесеніемъ, что, какъ нѣмецкіе князья, такъ и Торстенсонъ отказали въ своей помощи.

„Мы сдѣлали все" (сказалъ король венеціянскому послу), „что были въ силахъ. Всѣ князья отказали намъ въ помощи; весь народъ намъ воспротивился; мы подвергли опасности наше королевское достоинство... Но не сожалѣемъ о томъ; попрежнему стоимъ на своемъ предпріятіи, и когда бъ имѣли достаточно помощи, могли бы теперь дѣйствовать еще успѣшнѣе".

Къ этому прибавилъ онъ, что выѣзжаетъ во Львовъ; что значительныя силы стоятъ уже на границѣ; но если рѣшительный отвѣтъ итальянскихъ князей придетъ поздно, тогда—все кончено.

Графъ Магни получилъ тотчасъ повелѣніе ѣхать въ Италію. Король отправилъ гонцовъ къ московскому царю и въ Персію, а самъ выѣхалъ во Львовъ, повелѣвъ остальныя пушки везти за собою.

Поѣздка во Львовъ открыла глаза всѣмъ, кто до сихъ поръ вѣрилъ королю, что онъ съ Турціей воевать не думаетъ. Вспомнили, что еще въ маѣ говорили въ Варшавѣ публично; что военныя приготовленія окончатся въ іюлѣ; что тогда же король выѣдетъ во Львовъ; что въ первыхъ числахъ августа выступитъ въ поле... Поэтому выѣздъ его во Львовъ считали началомъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи.

5 августа прибылъ король въ городъ нашего Льва Даниловича. Его сопровождала королева, вмѣстѣ съ нунціемъ, французскимъ посломъ, Оссолинскимъ и нѣсколькими надежными пріятелями. Едва пріѣхалъ онъ въ столицу Червонной Руси, какъ его засыпали письмами можновладниковъ. Шляхта слѣдила за своимъ королемъ, какъ за

опаснымъ врагомъ. Знали, кто входилъ въ архіепископскія палаты, гдѣ онъ остановился, кто выходилъ. Знали, у кого король былъ и съ кѣмъ говорилъ. Ловили на лету слова его дворянъ. Но не было возможности проникнуть въ окружавшую его тайну.

Король сдѣлалъ смотръ войску. Но видя, что вербовка шла вяло, по недостатку денегъ, что шляхта сторонится отъ военной службы, а можновладники проникнуты духомъ оппозиціи, рѣшился, вмѣсто дальнѣйшаго пути къ Подольскому Каменцу, вернуться въ Варшаву. Съ этимъ намѣреніемъ созвалъ онъ, подъ величайшимъ секретомъ, военный совѣтъ, и повелѣлъ гетману Потоцкому, ставши съ обозомъ подъ Каменцемъ, ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Въ то же время козаки вышли вновь на Черное море, а король отправилъ изо Львова къ султану письмо, обвинявшее Турцію въ нарушеніи мира, такъ какъ Буджацкіе Татары не переселены въ Крымъ. Это письмо было вызовомъ на войну. Король, очевидно, надѣялся, что Порта потребуетъ объясненій и пойдетъ на уступки, или же станетъ грозить войною. Въ случаѣ благопріятнаго отвѣта со стороны венеціянской синьоріи и князей итальянскихъ, какъ опасенія, такъ и угрозы Порты могли только помочь королю на сеймѣ для начатія войны. Но еслибы Венеція отвѣтила отрицательно, тогда вооруженія короля и уступки, ожидаемыя отъ Порты, принесли бы по крайней мѣрѣ ту пользу Польшѣ, что Буджацкіе Татары были бы переселены въ Крымъ. Во всякомъ случаѣ, можно было бы, на основаніи этого письма, начать переговоры и доказать Портѣ ясно, что вооруженія короля были направлены не противъ нея, а противъ Буджацкихъ Татаръ.

Между тѣмъ гетманъ Потоцкій, вмѣсто того, чтобы повиноваться королевскимъ повелѣніямъ, донесъ обо всемъ сенаторамъ, а они совѣтовали ему, съ предостереженіями и внушеніями, чтобы медлительностію уклонялся отъ исполненія королевскихъ распоряженій. Согласно съ панскими внушеніями, Потоцкій изыскивалъ различныя препятствія къ немедленному перенесенію лагеря подъ Каменецъ, пока король, не догадываясь о его махинаціи, вернулся наконецъ въ Варшаву ни съ чѣмъ.

„Былъ я у короля“ (писалъ въ Венецію Тьеполо), „лишь только онъ вернулся изо Львова, и нашелъ его непоколебимымъ въ своихъ предначертаніяхъ. Король говорилъ мнѣ, что его пребываніе во Львовѣ встревожитъ Порту; что баша силистрійскій прислалъ во Львовъ соглядатая съ увѣреніемъ, будто Буджацкіе Татары получили строгое повелѣніе не появляться въ Польшѣ, а быть въ готовности противъ Москвы. Сказалъ мнѣ также, что нетерпѣливо ждетъ возвращенія

графа Магни и сейма, и что получилъ вѣрное извѣстіе о козакахъ: они ободрены удачею въ морскомъ походѣ и двинулись дальше".

Поѣздка во Львовъ и смотръ войска дали шляхтѣ новый поводъ къ нареканіямъ. Даже придворные говорили о королѣ дурно, называли его нарушителемъ вольностей, угнетателемъ народа. Не только словомъ, но и письменно подрывали они славу его и подстрекали общество къ бунту.

Двусмысленное въ глазахъ двухъ государственныхъ сословій поведеніе Оссолинскаго и его секретныя совѣщанія съ королемъ во Львовѣ возбудили противъ него не меньшія подозрѣнія и досаду, какъ и противъ короля,—тѣмъ болѣе, что въ этомъ городѣ, по его всемогущему вліянію, рѣшенъ былъ важный для магнатскихъ партій вопросъ о томъ: кому, послѣ возвышенія Николая Потоцкаго до „великой булавы", король ввѣритъ „булаву малую", то есть полевое гетманство. Наибольшее право на этотъ высокій постъ, по военнымъ заслугамъ, имѣлъ сподвижникъ Николая Потоцкаго въ послѣднемъ, опасномъ для пановъ усмиреніи козацкаго бунта, Станиславъ Потоцкій, воевода подольскій. За нимъ слѣдовалъ не менѣе извѣстный воинскими подвигами воевода русскій, князь Іеремія Вишневецкій. Наконецъ, по обычной въ Рѣчи Посполитой наслѣдственности дигнитарствъ, слѣдовало бы малую булаву предоставить сыну великаго Конецпольскаго, Александру, коронному хорунжему. На ходатайство Оссолинскаго въ пользу свекра его любимой дочери, Урсулы, черниговскаго воеводы, Мартина Калиновскаго, перевѣсило все, чѣмъ эти три кандидата возвышались во мнѣніи Шляхетскаго Народа.

По горестной для Польши случайности, новый коронный полевой гетманъ былъ внукъ того Калиновскаго, который „переломалъ ребра отцу Северина Наливайко и котораго Наливайко называлъ, въ письмѣ къ королю, счастливымъ, что не захватилъ его дома, когда налетѣлъ на его мѣстечко Гусятинъ съ венгерскихъ горъ, сжегъ замокъ и разорилъ мѣстечко. Теперь потомство самовластнаго магната глухимъ еще покамѣстъ гуломъ новаго козацкаго бунта вызывалось на боевой судъ, по-козацки на судъ Божій, съ наслѣдниками и учениками дикаго Царя Наливая.

Но Божій судъ совершался уже надъ всѣми олигархами польско-русской республики за ихъ презрѣнія,—совершался въ томъ смыслѣ, какой выраженъ въ русской и польской пословицѣ: „кого Богъ захочетъ покарать, у того отнимаетъ разумъ". Не предвидя, въ гордости многовѣковыхъ успѣховъ, какое униженіе готовится имъ въ наслѣдственныхъ приватахъ ихъ, они устами многочисленныхъ своихъ прія-

такъ и тѣ, на которыхъ оскорбленная гордость великаго пана готова была превратить Сенаторскую Избу въ дикую сцену кулачнаго права. Но чтобы видѣть полный разцвѣтъ всего химерическаго въ Королевской Республикѣ наканунѣ того *потопа*, которымъ угрожалъ ему выдѣлившійся изъ шляхты разбойный элементъ, надобно было присутствовать на двухъ сеймахъ, которые непосредственно предшествовали паденію самоувѣренной силы, измѣрявшей славолюбивыми взорами громадное пространство между Ледовитымъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ, между Атлантикою и моремъ Каспійскимъ.

Я посвящу цѣлую главу пересказу того, что на этихъ двухъ сеймахъ видѣли глаза и слышалъ слухъ нашихъ малорусскихъ предковъ, кто бы они ни были,—пересказу со словъ самихъ Поляковъ. Съ какими бы чувствами и мнѣніями ни описывали они свое прошедшее, ихъ вѣрныя фактамъ описанія раждаютъ въ русскомъ сердцѣ другія чувства, въ русскомъ умѣ—другія мнѣнія.

Каждому сейму въ Польшѣ предшествовали повѣтовые сеймики, посредствомъ которыхъ высказывались общественныя желанія, и каждый сеймикъ отправлялъ на центральный сеймъ своего представителя, подъ названіемъ земскаго посла. По теоріи польскаго самоуправленія,—теоріи, надобно сказать, прекрасной,—земскимъ посломъ могъ быть не только крупный, но и мелкій землевладѣлецъ-шляхтичъ, преобладающій умомъ и нравственными достоинствами надъ прочими „братьями шляхтою“; но на практикѣ выборъ падалъ всегда на богатаго и сильнаго всяческими связями. Такимъ образомъ прославляемое *демократическое* правленіе шляхты въ сущности было *аристократическимъ*.

На провинціальныхъ сеймикахъ 1646 года всѣ высказались противъ короля. Шляхта южныхъ воеводствъ опасалась, чтобы король Турецкою войною не обратилъ ея подданныхъ въ козаки и не разстроилъ этимъ ея хозяйства. Литовскіе паны боялись вторженія Шведовъ, которымъ казалось, что Владиславъ собирается воевать за свое право на шведскую корону. Но и война Турецкая могла дать случай Шведамъ продолжать военныя дѣйствія, пріостановленныя Густавомъ Адольфомъ. Всего же больше были вооружены противъ короля Великополяне. Свѣженавербованные иностранцы причиняли имъ великое разореніе. Мѣстные старожилы знали на опытѣ неистовства польскаго жолнера, но такой разпуздапности, какую представляла военщина, навербованная за-границей, никто изъ нихъ не запомнилъ.

Такъ оно и должно было быть. Тридцатилѣтняя война довела истощенныя государства Западной Европы до необходимости положить конецъ убійствамъ, совершившимся ради однихъ, или другихъ

притязаній. Война, извѣстная подъ именемъ Тридцатилѣтней, была, собственно говоря, продолженіемъ той войны, которая началась возстаніемъ Нидерландовъ противъ испанскаго владычества. Съ промежутками трактатовъ, контрибуцій, набора новыхъ войскъ и отдыха старыхъ, военный разбой, освященный воззваніями за вѣру, честь и свободу, тянулся не тридцать, а восемьдесять лѣтъ. Искусство нападать и обороняться, при пособіи возродившихся точныхъ наукъ, достигло высокой степени въ этотъ горестный періодъ жизни западныхъ народовъ, и породило массу спеціалистовъ человѣкоубійства, отъ которыхъ безоружные классы страдали, точно въ баснѣ глиняные горшки отъ мѣдныхъ, плывущихъ съ ними по одной и той же рѣкѣ. Когда наслѣдники и питомцы восьмидесятилѣтнихъ неистовствъ пришли къ Великополянамъ на указанные имъ сборные пункты, ихъ жестокое прикосновеніе было почувствовано всѣми до такой степени, что по всей Польшѣ раздался громкій вопль, и успокоенная въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ Королевская Республика узнала съ ужасомъ, что ей предстоитъ новая всегда опасная война съ Турціей.

По оффиціальному заявленію мѣстнаго воеводы, въ Великой Польшѣ было полно обидъ и плача убогихъ людей. „Ихъ слезы“ (писалъ онъ) „иностранцы жолнеры отсылаютъ къ небесамъ, насмѣхаясь надъ вольностью и правами гражданъ и грозя публично, что хлоповъ обратятъ въ шляхту, а шляхту — въ хлоповъ“. Но протесты, угрозы и жалобы шляхты не помогали. Польскія высшія вѣдомства привыкли къ подобнымъ представленіямъ. Въ Королевской Республикѣ, за отсутствіемъ исполнительной власти, ея мѣсто занимало самоуправство. Еще въ 1590 году коронный полевой гетманъ писалъ къ великому, что его жолнеры будутъ тяжелы мѣстнымъ жителямъ. „Но я“ (говорилъ онъ) „отъ вашей милости научился быть *контемптором*ъ подобныхъ вещей. Надобно угождать совѣсти дѣлать, что̀ разумъ и нужда Рѣчи Посполитой указываютъ. Пускай горланитъ что̀ кто хочетъ: большій и справедливѣйшій былъ бы крикъ, когда бы насъ упредилъ непріятель“. Если такъ думали Станиславъ Жовковскій и Янъ Замойскій, тѣмъ естественнѣе было такъ думать Владиславу IV и Юрію Оссолинскому. Они молчали на получаемыя донесенія, и, въ надеждѣ предотвратить гораздо большее зло, продолжали готовиться къ войнѣ.

Прусскія сословія протестовали не меньше великопольскихъ и передъ канцлеромъ, и передъ королевскими полковниками; но все было напрасно. Только провинціальные сеймики были отголоскомъ такихъ протестовъ. Подобно наступающей со всѣхъ сторонъ грозѣ, ихъ вѣчевыя взыванія готовы были разразиться громомъ на центральномъ,

столичномъ сеймѣ. Всюду носился слухъ, что король намѣренъ отнять у шляхты свободу и ввести наслѣдственный монархизмъ. Одни вопіяли, что, вербуя безъ согласія сейма войско, онъ этимъ самимъ уже вводитъ самодержавіе въ Польшѣ; другіе твердили, что договоръ съ Венецій и война съ Татарами были только предлогомъ къ этому. „Король не надѣется долго жить и, не видя обезпеченія семилѣтнему королевичу, со стороны сейма, прибѣгаетъ къ насильству въ его пользу“, говорили нѣкоторые; а одинъ изъ шведскихъ сановниковъ высказалъ публично, что король посылалъ за помощью къ Торстенсону, съ цѣлью ввести въ Польшѣ неограниченное правленіе; что уже Густавъ Адольфъ обѣщалъ ему свою помощь въ этомъ дѣлѣ за отреченіе отъ правъ на шведскую корону, и что король теперь снова искалъ помощи у Швеціи, а Швеція обѣщала ее. Всего больше было между шляхтой такихъ, которые проповѣдывали, что чѣмъ бы Турецкая война ни кончилась, она грозитъ Полякамъ утратою свободы. „Если одолѣетъ короля Турція“ (говорили они), „Рѣчь Посполитую ожидаетъ рабство; если Турокъ побѣетъ король, шляхту ожидастъ рабство; если война не разрѣшится ничѣмъ, тогда нашъ край сдѣлается добычею жолнеровъ“.

Подобные толки заняли всѣхъ до такой степени, что ни о чемъ не желали трактовать на центральномъ сеймѣ, какъ о распущеніи иностраннаго и королевской гвардіи, которая выросла уже до 5.000. Всѣ сеймиковыя инструкціи вмѣняли въ обязанность земскимъ посламъ: не соглашаться на Турецкую войну, открыть ея двигателей, домогаться распущенія вербовокъ, отправить посла въ Турцію для подтвержденія мира, заплатить Татарамъ недоплаченный гарачъ, называемый подарками. А чтобы король какою-нибудь хитростью не обманулъ двухъ сословій, былъ принятъ предложенный краковскимъ воеводою сигналъ: *противорѣчіе всему*! Если же король не согласится съ желаніемъ Шляхетскаго Народа, шляхта постановила: сѣсть на коней и разогнать вербунки.

Королю было извѣстно постановленіе каждаго сеймика: онъ зналъ, что сеймики грозили отказать ему въ повиновеніи; что сенаторы вписывали свои постановленія въ гродскія книги; зналъ, какіе выбраны послы и какія даны имъ инструкціи. Но при всемъ томъ не только не оставилъ своихъ замысловъ, а еще больше, нежели когда-либо, жаждалъ войны. „Такой жаръ пыластъ въ сердцѣ короля“ (писалъ современникъ), „что надобно опасаться, какъ бы онъ не сгорѣлъ“.

Послѣ краковской рады Владиславъ разослалъ ко всѣмъ христіянскимъ королямъ и князьямъ, даже къ ихъ старшимъ полководцамъ, приглашенія къ участію въ войнѣ противъ язычниковъ, а 3 октября

отправилъ посла въ Персію. Послалъ и въ Парижъ посла, дабы увѣрить Швецію въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ и просить у Франціи помощи.

Со всѣхъ сторонъ получались благопріятныя извѣстія. Венеція, не дождавшись Польско-Турецкой войны для заключенія съ Турціей мира, начала воевать съ нею серьозно. Изъ Москвы увѣдомляли короля о начавшейся войнѣ съ Татарами. Султанъ повелѣлъ башамъ помогать хану. Персы облегли Вавилонъ. Въ Палестинѣ и въ другихъ турецкихъ провинціяхъ вспыхнули бунты. Князь Янушъ Радивилъ вернулся изъ Яссъ и Мункача и привезъ увѣдомленіе, что Ракочій обязался не пускать Турокъ черезъ венгерскія границы въ Польшу, а оба господаря обѣщали поставить по 25.000 войска, дать значительныя субсидіи и прислать пословъ на сеймъ.

Король былъ въ наилучшемъ расположеніи духа. Онъ отправилъ во Львовъ другія 24 пушки, 4 большія мортиры и 25 бочекъ амуниціи съ повелѣніемъ коронному гетману—двинуться въ Волощину съ 22.000 войска. Владиславъ надѣялся, что если приближающійся сеймъ не одобритъ войны съ Татарами, то по крайней мѣрѣ опредѣлитъ налоги и прибавку войска на оборону Рѣчи Посполитой; а этого было довольно, чтобъ изъ войны оборонительной втянуть шляхту въ войну наступательную.

При такихъ обстоятельствахъ, среди общей тревоги по всему государству, начался въ Варшавѣ, 25 (15) октября, достопамятный сеймъ 1646 года.

Маршаломъ Посольской Избы былъ избранъ Николай Станкевичъ, писарь жмудскій, сдѣлавшійся на этомъ сеймѣ лицомъ историческимъ. Шляхта, представляемая земскими послами, распорядилась на сей разъ, чтобы такъ называемая презентація состоялась не въ Сенаторской, а въ Посольской Избѣ. И вотъ внесли кресла для сенаторовъ. При королѣ всегда находилось человѣка три-четыре сенаторовъ-резидентовъ, радныхъ пановъ, а всѣхъ сановниковъ, засѣдавшихъ въ сенаторскихъ креслахъ, было 140. Изъ этого числа, для спасенія отечества отъ угрожавшаго ему лишенія гражданской свободы, прибыло на сеймъ, чреватый событіями величайшей важности, только семь. Боясь огорчить—или короля, или шляхту, отцы отечества выжидали вѣчеваго результата дома. Земскіе послы, сидя кругомъ Избы на скамьяхъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, встрѣтили входящихъ сенаторовъ громкимъ смѣхомъ.

Въ половинѣ перваго часа вошелъ королевскій канцлеръ, а за нимъ—король. По выраженію польскаго историка, они вошли, какъ двое обвиняемыхъ. Привѣтствовали ихъ молчаніемъ.

Маршалъ Посольской Избы обратился къ королю съ пожеланіемъ добраго здоровья, и выразилъ надежду, что онъ здоровыми своими совѣтами благоволитъ утѣшить Рѣчь Посполитую, которую изображали собою земскіе послы.

Ему отвѣчалъ коронный подканцлеръ, бискупъ Андрей Лещинскій, но съ такими намеками на короля, что скорѣе казался главой оппозиціи, нежели министромъ короля и Рѣчи Посполитой.

Послѣ его язвительной рѣчи маршалъ Посольской Избы читалъ имена земскихъ пословъ, которые одинъ за другимъ приближались для цѣлованія королевской руки. Въ числѣ ихъ оказалось много враговъ его польскаго величества: они цѣловали королевскую руку на воздухѣ. Этимъ актомъ публичнаго уваженія монаршаго достоинства кончилась презентація.

На другой день, въ первомъ засѣданіи сейма, надобно было ждать бури. Но коронный канцлеръ Оссолинскій, стоя по обычаю на первой ступени трона, произнесъ „королевскую пропозицію“ съ такимъ благодушіемъ, какъ будто его только и занимали ложные слухи на счетъ короля, которые онъ тутъ же уничижалъ своимъ плѣнительнымъ для Поляковъ словомъ. У соотечественниковъ Оссолинскаго эта пропозиція считается самою знаменитою изъ его рѣчей, сказанныхъ имъ по-польски. Пасторій переложилъ ее на латинскій языкъ и помѣстилъ въ свой Historiae Polonae plenioris partes duae, на вѣчную, какъ онъ писалъ, память потомству. Коронный канцлеръ такъ ублажилъ представителей Шляхетскаго Народа восхваленіемъ созданной имъ Рѣчи Посполитой, что одинъ изъ самыхъ завзятыхъ земскихъ пословъ назвалъ его слово „благотворнымъ елеемъ“, а подъ конецъ пропозиціи представилъ въ такомъ ласкательномъ видѣ просьбы короля о многочисленныхъ нуждахъ, какъ его собственныхъ, такъ и всего королевскаго дома, что слушателямъ показалось неправдоподобнымъ, чтобы король, находясь въ такой зависимости отъ Рѣчи Посполитой, могъ питать замыслы, противные желаніямъ ея. Сохраненная на вѣчную память потомству рѣчь много способствовала тому, что сеймъ, настроенный весьма враждебно, прошелъ гораздо тише, нежели можно было надѣяться.

Для русскаго читателя интересно пышное начало ея, точно медомъ помазавшее по сердцу польскую шляхту, отъ природы довѣрчивую и добродушную.

„Населили доблестные Поляки въ открытыхъ поляхъ свободное королевство, окруженное только стѣною любви и единодушнаго между сословіями довѣрія. Поставили среди него сторожевую башню коро-

левскаго маестата, дабы съ ея высоты во время слышать предостереженія единаго повелителя, усматривающаго отдаленнѣйшія бури. Возлѣ башни отъ имени Сената воздвигли курію (то есть Посольскую Избу), дабы, вмѣстѣ съ верховными предостереженіями, во всѣ стороны растекался зрѣлый и непорывистый совѣтъ о потребностяхъ Рѣчи Посполитой. На себя же, неразлучные съ боевымъ оружіемъ, взяли функцію добровольной, ревностной обороны общественной безопасности.

„Такъ установленная стояла и, дастъ Богъ, будетъ стоять непоколебимо цѣлость, слава и краса нашего милаго отечества, усиленнаго братскимъ присоединеніемъ къ нашимъ предкамъ великихъ народовъ, возвеличеннаго безстрашными подвигами королей, повелителей нашихъ, особенно же расширеннаго въ своихъ границахъ отважными дѣлами его королевской милости, нашего всемилостивѣйшаго государя.

„И однакожъ“ (продолжалъ исполненный гражданскаго самоотверженія канцлеръ) „безчестная жадность приватныхъ выгодъ силится при всякомъ удобномъ случаѣ порицать и путать столь хорошо обдуманную форму правленія. Въ стачкѣ съ самомнѣніемъ, она всего неистовѣе штурмуетъ это главное передовое укрѣпленіе взаимнаго довѣрія, дабы, открывъ непріятелю и его хитростямъ общественное благо, тѣмъ легче обезпечить свою ненасытную *привату*. Вотъ откуда происходитъ уклончивость отъ должнаго довѣрія къ предостереженіямъ бдительнаго и благодѣтельнаго государя и въ высшей степени легкомысленное увѣреніе, что ни откуда не грозитъ намъ никакая опасность; вотъ откуда превратное истолкованіе горячей его заботливости; вотъ откуда пренебреженіе къ братской радѣ сената, а что горше всего— потрясеніе цѣлаго состава Рѣчи Посполитой“, и т. д. и т. д.

Исчисливъ подвиги короля и жертвы, принесенныя подданнымъ для освобожденія отечества, коронный канцлеръ, въ числѣ такихъ жертвъ, упомянулъ и „усмиреніе козаковъ безцѣнною кровью рыцарства“, а потомъ перешелъ къ татарскимъ опустошеніямъ края, которыя де сопровождаются наполненіемъ Крыма и Буджаковъ христіанскими плѣнниками. „И до того уже дошла“ (говорилъ онъ) „языческая самоувѣренность, что и подъ самый бокъ его королевской милости, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, посолъ татарскій привелъ въ тяжкихъ оковахъ польскаго шляхтича, пана Замойскаго, заполоненнаго въ Сѣверіи, и тутъ же устроилъ позорный базаръ для торга свободною шляхетскою кровью, къ несмываемому стыду нашихъ народовъ и къ неутѣшной горести его королевской милости и всего двора, бывшаго тому свидѣтелемъ“.

Но напрасно сторожевая башня, олицетворяемая славнымъ ораторомъ въ особѣ короля, давала сигналы объ угрожающей польскимъ гражданамъ опасности. Краснорѣчивую пропозицію принялись обсуждать сенаторы, встрѣченные на презентаціи громкимъ смѣхомъ со стороны земскихъ пословъ. Первый изъ нихъ, архіепископъ гнѣзненскій, Матвѣй Лубенскій, будучи старъ, говорилъ такимъ тихимъ голосомъ, что видно было только, какъ шевелились его губы, но и ближайшіе къ нему послы „не могли сказать, произносилъ ли онъ хоть что-нибудь". Вслѣдъ за нимъ бискупъ хелмскій, Станиславъ Петроконскій, говорилъ „сухо и холодно", наступательной войны не совѣтовалъ, но и подарковъ Татарамъ не одобрялъ. Далѣе воевода равскій, Андрей Грудзинскій, не соглашался на войну, и подъ конецъ наговорилъ такого, „что никто его и самъ себя онъ не понималъ". Каштеляна сѣрадскаго, Предислава Быковскаго, „никто не слушалъ и не слышалъ". Каштелянъ данцигскій, Станиславъ Кобѣржицкій, въ „прекрасно рѣчи", хвалилъ королевскія предначертанія, но настоящей войны съ Татарами не одобрялъ, боясь Турціи; совѣтовалъ, однакожъ, быть наготовѣ и не желалъ распускать вербовокъ, а только полковниковъ поставить польскихъ. Каштелянъ бжезинскій, Хабрицкій, войны не одобрялъ. Каштелянъ перемышльскій, Тарло, „совѣтовалъ быть черепахою, сидѣть тихо и головы не выставлять". Еще два каштеляна сопротивлялись войнѣ. Жарче и смѣлѣе всѣхъ говорилъ подканцлеръ, бискупъ хелминскій, Андрей Лещинскій. Онъ угодилъ шляхтѣ дерзостями противъ короля, но совѣтовалъ не посылать въ Турцію посла, а лучше думать объ оборонѣ. Вообще всѣ сенаторы соглашались въ томъ, что Рѣчь Посполитая должна быть готова къ войнѣ, но каждый изъ нихъ „боялся королевской немилости", и не высказался вполнѣ.

Голосованье двѣнадцати сенаторовъ тянулось четыре дня. Оссолинскій былъ раздраженъ нѣкоторыми рѣчами, какъ публичными, такъ и домашними, которыя тогда произносились въ провинціальныхъ кругахъ, гдѣ его называли открыто сочинителемъ королевскихъ замысловъ. Въ заключительной канцлерской рѣчи, онъ излилъ свою досаду на короннаго подканцлера, Лещинскаго.

„И у меня" (говорилъ онъ) „скорѣе не хватитъ жизни, нежели свободы слова. Но пользоваться свободой мысли въ царствованіе благодѣтельнаго монарха, любящаго права, вольности и счастье подданныхъ,—въ этомъ еще мало славы, заслуги никакой... Надобно только благодарить Бога, что въ нашъ вѣкъ мы наслаждаемся такимъ счастьемъ, истекающимъ отъ благотворнаго царствованія его королевской милости... Я подаю мой голосъ только въ пользу сохраненія

неразрывной связи королевскаго маестата съ общественнымъ благомъ. Тотъ былъ бы общій измѣнникъ, кто бы смѣлъ маестатъ монарха разлучать со свободой народа тайнымъ поджигательствомъ, или публичною декламаціей"...

Такое вступленіе слушали „съ великимъ смущеніемъ". Глаза всѣхъ обратились на подканцлера, котораго Оссолинскій назвалъ измѣнникомъ и декламаторомъ. Лещинскій „сидѣлъ блѣдный, какъ стѣна". Но краснорѣчію Оссолинскаго не доставало той побѣдительной силы, которая заключается въ чистотѣ побужденій и возвышенности духа. Не одинъ изъ его слушателей вспоминалъ о другомъ „великомъ", какъ называли Оссолинскаго, государственномъ мужѣ,— недавно утраченномъ Станиславѣ Конецпольскомъ, который „скорѣе дѣлалъ, чѣмъ высказывался", и котораго каждое слово, произносимое съ природнымъ заиканіемъ, растекалось по всей Польшѣ. Коронный канцлеръ, желая польстить примасу, Лубенскому, неожиданно кончилъ свою рѣчь ссылкою на его мнѣніе, „котораго никто не слышалъ". Тогда „поднялся шумъ, шепотъ, смѣхъ. Послы не обращали вниманія на остальную часть рѣчи, и вынесли убѣжденіе, что канцлеръ не хотѣлъ высказать собственнаго мнѣнія относительно распущенія войска, ссылаясь въ дѣлѣ военномъ на отзывъ архіепископа".

Со стороны короля дѣлались всяческія заискиванья у третьяго сословія въ пользу Турецкой войны. Недавно были имъ получены отъ гетмана Потоцкаго желанныя извѣстія о грозномъ для Поляковъ движеніи Турокъ. Король надѣялся, что подъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій, послы озаботятся безопасностью государства, утвердятъ и войско, и налоги, вслѣдствіе чего ненадобно будетъ ни распускать вербунокъ, ни платить имъ: ибо въ такомъ случаѣ Рѣчь Посполитая приняла бы ихъ на собственный счетъ и вернула бы ему издержки.

Первая рѣчь Оссолинскаго при открытіи сейма ублажила земскихъ пословъ, успокоила опасенія, придала надежды сторонникамъ двора. Да и между послами было много приверженцевъ Турецкой войны. Таковы были: Янушъ Радивилъ, Александръ Конецпольскій, Іеронимъ Радзѣёвскій. Прочіе бѣлорусскіе, червонорусскіе и украинскіе можновладники, засѣдавшіе въ Посольской Избѣ, при всемъ своемъ возбужденіи къ оппозиціи, готовы были стать на сторонѣ короля, еслибы представители третьяго сословія зашли слишкомъ далеко. По признанію Поляковъ, „многихъ можно было, какъ это дѣлалось обыкновенно, угомонить просьбами, убѣжденіями, подкупомъ и обѣщаніями, а въ наихудшемъ случаѣ—создать сильную факцію и парализовать дѣятельность Посольской Избы". Таланты Оссолинскаго и его

канцлерское достоинство могли сдѣлать много и даже все, когда бъ онъ былъ искренно преданъ королю и его грандіозной политикѣ. Но для этого недоставало одного, — чтобы король, вылѣпивъ себѣ канцлера изъ простой глины, вдохнулъ въ него самоотверженную душу. Такой души природа не дала ему самому. При всей готовности своей служить Христіянству и при всемъ своемъ геройствѣ, онъ былъ своего рода эгоистъ и своего рода трусъ. Усвоенная имъ съ дѣтства лживость, свойственная ему по его природѣ оплошность, недостатокъ опредѣленнаго начертаннаго плана дѣйствія, внезапныя затѣи по вдохновенію минуты и школьническія увертки передъ судьями гражданскаго долга,— все это ослабило достоинство его царственности, раздражало дерзость оппонентовъ и придавало имъ небывалыя силы.

31 (21) октября, по выслушаніи сенаторскихъ заявленій, земскіе послы вернулись въ свою Избу, недовольные тѣмъ, что Сенатъ стращаетъ ихъ татарскимъ и турецкимъ набѣгомъ, совѣтуетъ готовить войско и требуетъ отъ нихъ налоговъ. Они не вѣрили, чтобы Турція думала о войнѣ съ Рѣчью Посполитою, гремѣли противъ королевскихъ замысловъ, противъ совѣтниковъ войны, а когда одинъ посолъ изъ Сендомирскаго воеводства, разсыпаясь въ похвалахъ канцлеру, подалъ голосъ въ пользу вооруженія,—это возбудило такое негодованіе, что нѣсколько человѣкъ ухватилось за сабли. Въ первомъ же засѣданіи Посольской Избы, состоялось постановленіе: отправить къ королю посольство съ объявленіемъ, что послы не приступятъ ни къ чему, пока противозаконно навербованное войско не будетъ распущено.

Король отговоривался нездоровьемъ, и едва 5 ноября принялъ земскихъ пословъ, да и то въ постели. Онъ отвѣчалъ имъ чрезъ посредство Оссолинскаго, между прочимъ, что распущенное войско не преминетъ грабить и угнетать ихъ согражданъ. Если земскіе послы и сенаторы не заботятся объ оборонѣ Рѣчи Посполитой и рѣшатъ, что набранное войско не нужно, король готовъ распустить его, лишь бы Рѣчь Посполитая указала способъ распущенія.

Изба послала вновь къ королю посольство, съ требованіемъ, чтобъ онъ выдалъ главнаго совѣтника Турецкой войны и разослалъ универсалы на распущеніе жолнеровъ. Рѣчь Посполитая не нуждается де въ нихъ, такъ какъ, въ случаѣ надобности, собственною грудью готова отражать непріятеля.

Король опять откладывалъ со дня на-день аудіенцію, сказываясь больнымъ, и только 10 ноября принялъ маршала Посольской Избы Яна Николая Станкевича. Отвѣчалъ ему Оссолинскій, совѣтуя вновь, отъ имени короля, чтобы Посольская Изба, относительно распущенія

войска, держала раду съ Избой Сенаторской, такъ какъ дѣло здѣсь идетъ о королевскомъ достоинствѣ и безопасности отечества.

Коронные послы соглашались на эту пропозицію, но литовскіе за рѣшеніемъ другаго, важнаго собственно для нихъ вопроса, протянули, дѣло до 15 ноября.

Въ этотъ незабвенный для польскихъ либераловъ день выступили на сцену дѣйствія познанскіе послы, именно Болеславъ Лещинскій, Лукашъ Оржельскій, Леонъ Шлихтингъ и Андрей Твардовскій, съ инструкціями отъ своего сеймика, и потребовали „братской бесѣды съ сенаторами въ отсутствіи короля".

Предложенная ими братская бесѣда, называвшаяся collegium vel colloquium, это былъ древній парламентскій обычай, къ которому прибѣгали только тогда, когда поведеніе Короля, или Сената возбуждало опасенія. Въ такомъ случаѣ два государственныя сословія, въ лицѣ своихъ представителей, соединялись въ одно тѣло, въ отсутствіи короля совершенно независимое, и совѣщались объ устраненіи зла. Диктатура братской бесѣды надъ верховною властью предпринималась въ моменты важные, когда всѣ легальные способы оказывались недѣйствительными.

Оссолинскій, какъ мы видѣли, предлагалъ уже посламъ совмѣстную съ сенаторами раду и надѣялся отъ нея великой пользы; но эта бесѣда была нѣчто совсѣмъ иное. „Если бы совмѣстная рада происходила въ присутствіи короля, то сенаторы могли бы отвергнуть постановленіе Посольской Избы относительно распущенія войска; въ отсутствіи же короля они этого сдѣлать не смѣли".

Посольская Изба одобрила пропозицію познанскихъ пословъ и постановила: отправить въ третій разъ посольство къ королю съ требованіемъ, чтобъ онъ разослалъ универсалы на распущеніе жолнеровъ; чтобы выдалъ сочинителя Турецкой войны, и согласился на братскую бесѣду въ своемъ отсутствіи.

Это было постановленіе опасное для короля, для сенаторовъ и министровъ. Нельзя было на него согласиться, но страшно было и отказать въ согласіи, именно потому, что, послѣ каждаго отказа, требованія Посольской Избы росли, опасность увеличивалась. Варшава кипѣла нетерпѣливостью вооруженной шляхты, которая наполняла столицу и была готова, съ оружіемъ въ рукахъ, поддержать постановленіе земскихъ пословъ.

Король рѣшился обѣщаніями успокоить оппонентовъ. Когда 16 ноября герой безплодной и злотворной революціи, Станкевичъ, потребовалъ аудіенціи, ему отвѣчали, что король самъ пошлетъ къ третьему

сословію посольство. Дѣйствительно въ Посольскую Избу прибыли: познанскій и жмудскій бискупъ, Андрей Шолдрскій, брестскій, мстиславскій и померанскій воеводы, сѣрадскій и данцигскій каштеляны. Бискупъ Шолдрскій, обнаживъ покорно голову, объявилъ земскимъ посламъ, что не кто иной, какъ самъ король, безъ всякаго внушенія, изъ побужденій важныхъ и изъ любви къ отечеству, вербовалъ войско, и что готовъ распустить вербунокъ добровольно, лишь только его намѣренія представляются противными праву, если Посольская Изба, съ своей стороны, изыщетъ способъ для обороны государства, возвратитъ королю издержки, а королеву, которая растратила свои скарбы, снабдитъ приличнымъ содержаніемъ.

Въ отвѣтъ на это посольство, третье сословіе потребовало, чтобы тотчасъ были изготовлены универсалы, и чтобы копіи были ему прочитаны. Король, желая угодить земскимъ посламъ, немедленно прислалъ проектъ универсаловъ; но его нашли слишкомъ мягкимъ, и потребовали болѣе строгаго, съ прибавкой инфаміи на непослушныхъ и писемъ къ гетманамъ и старостамъ, повелѣвающихъ карать преступныхъ иностранцевъ. Король велѣлъ изготовить новый проектъ универсаловъ, съ объявленіемъ, что жолнеровъ, которые не подчинятся коммиссарамъ и разойтись не захотятъ, повелѣваетъ считать *гласстрою* (сволочью), лишенною покровительства законовъ. Эти универсалы обѣщалъ онъ разослать немедленно.

Неожиданная уступчивость короля показалась подозрительною. Увѣряли, что король, нѣсколько дней назадъ, разослалъ полковникамъ приказъ, чтобы на универсалы, еслибы къ нимъ пришли, не обращали вниманія. Твердили, что король выдаетъ новые патенты; что въ Польшу съѣзжаются иностранцы-полковники и ждутъ указанія, гдѣ имъ представиться. Нѣкоторые изъ земскихъ пословъ предсказывали, что король въ случаѣ крайности, причислитъ упраздненныя хоругви къ своей гвардіи, количество которой не опредѣлено закономъ. Другіе были готовы присягать, что король играетъ комедію, и ни универсаловъ, ни коммиссаровъ къ войску не пошлетъ.

Чтобъ успокоить шляхту, король нѣсколько разъ призывалъ сенаторовъ къ себѣ, и увѣрялъ ихъ дружески, что сдѣлаетъ все, чего государство отъ него домогается.

Между тѣмъ ноября 27 пришло въ Посольскую Избу извѣстіе, что распущеніе войска секретно пріостановлено. Въ страшномъ волненіи умовъ, начались объ этомъ совѣщанія, и когда одинъ изъ пословъ намекнулъ слегка, что все сдѣланное до сихъ поръ ни къ чему не приведетъ, Посольская Изба вдругъ постановила нѣсколько

пунктовъ, и съ этимъ постановленіемъ двинулась „наверхъ“ въ Сенатъ, гдѣ король отправлялъ правосудіе.

Станкевичъ представилъ Владиславу слѣдующія требованія: чтобы дѣйствіе универсаловъ о распущеніи жолнеровъ наступило немедленно; чтобы король назначилъ коммиссаровъ для распущенія войска; чтобы козаковъ пріудержалъ, дабы они не давали повода къ войнѣ съ Турціей; чтобы гвардію уменьшилъ, новыхъ патентовъ на вербунки не выдавалъ, и согласился на братскую бесѣду съ Сенатомъ въ своемъ отсутствіи, съ цѣлью выговора сенаторамъ за недосмотръ и невниманіе.

На это требованіе Оссолинскій вовсе неожиданно отвѣчалъ коротко, жестко и неучтиво (niedyskretnie), не пригласивъ даже, какъ велѣлъ обычай, сенаторовъ къ аудіенціи; что универсалы посланы; что гвардіи будетъ король держать столько, сколько ему понадобится; относительно козаковъ снесется съ гетманомъ; новыхъ патентовъ не выдастъ, а на бесѣду не согласенъ.

Дѣло въ томъ, что король всё еще полагается на свое личное вліяніе, поддерживаемое раздачею дигнитарствъ, надѣялся склонить на свою сторону пановъ, располагавшихъ значительными боевыми средствами, и, съ помощью сторонниковъ войны, подавить партію мира. Но въ Шляхетскомъ Народѣ распространились уже опасенія на счетъ его автократическихъ замысловъ. Боялись не однихъ военныхъ тягостей, неразлучныхъ съ войной утратъ и бѣдствій, боялись, и самого торжества надъ непріятелемъ.

„Теперь мы свободны въ нашемъ отечествѣ“ (разсуждали республиканцы); „теперь мы знаемъ принадлежащія намъ права и имѣемъ всѣ средства ихъ отстаивать. Но предположимъ, что король, съ помощью чужеземцевъ, завоюетъ себѣ Константинополь. Чья это будетъ собственность? самого ли короля и его союзниковъ, или же Рѣчи Посполитой? Если это будетъ королевская собственность, будемъ ли мы довольны тѣмъ, что нашъ король усилится? А еслибы король подѣлился добычею съ народомъ, то какая была бы разница между Поляками и народами присоединенными къ Польшѣ? Новые подданные, привычные къ рабству, повиновались бы королю во всемъ, а намъ достался бы жребій тѣхъ Македонянъ, которые, бывши свободными, пошли за Александромъ Македонскимъ на войну, и вернулись бы рабами, еслибъ Александръ не умеръ“.

Въ то время побѣдителямъ на Солоницѣ, въ Медвѣжьихъ Лозахъ, подъ Переяславомъ, Кумейками, на Сулѣ и на Старцѣ—не могло прійти въ голову, что своимъ терроромъ надъ благодушнымъ

хоть и безпутнымъ, королемъ они напоминали ему тѣ счастливые моменты жизни, когда козаки, въ широковладычной Московіи, бросались передъ его глазами въ быстрыя рѣки, обращали въ забаву страшные морозы, играли смертью и жизнью безразлично, и своимъ боевымъ энтузіазмомъ увлекали въ опасныя сраженія рыцарскую шляхту. Польское самомнѣніе, польская кичливость не давали сеймующимъ Станкевичамъ приписать побѣды подъ Москвой и подъ Смоленскомъ тѣмъ „хлопамъ козакамъ", которые, по признанію одного изъ участниковъ голодной Хотинской войны, помогли шляхтѣ отразить Ксеркса Османа, и сдѣлались „розовымъ вѣнкомъ" на ея головѣ. Но король Владиславъ былъ выше шляхетской надменности. Лѣнивая, мечтательная и безпорядочная жизнь, часто весьма скудная, ставила иногда его самого въ положеніе бездомовнаго козака. Любилъ онъ бивуакъ, охоту, отсутствіе царственной обстановки, и часто проводилъ запросто время въ мужицкой хатѣ съ простолюдинами гораздо веселѣе, чѣмъ у себя во дворцѣ съ магнатами. Въ его глазахъ, какъ и въ глазахъ Станислава Конецпольскаго, козаки были такіе же рыцари, какъ и паны, съ важнымъ преимуществомъ беззавѣтной преданности, которой отсутствіе сеймовые паны давали ему теперь такъ горько чувствовать; и если онъ мечталъ о возстановленіи Восточной Имперіи, то 100.000 „козаковъ-сѣромахъ" въ его надеждахъ играли весьма важную роль,— быть можетъ, гораздо важнѣйшую, нежели всѣ „королята" съ ихъ многочисленными хоругвями. Самое имя *хлопы*, даваемое козакамъ въ смыслѣ юридическомъ, никло въ умѣ короля, отъ котораго зависѣло снять баницію и инфамію съ преступной шляхты, ворочавшей козацкими дѣлами, и наградить помѣстьями тѣхъ, которыхъ нужда и безпомощность прогоняли изъ общества *кармазинной* шляхты въ *сѣрыя* козацкія купы. Не принимали Станкевичи въ разсчетъ „дикой милиціи днѣпровской" и на сердцѣ своего короля, поражаемомъ безпощадно, какъ наковальня, патріотически выковывали близкую къ нимъ уже Хмельнитчину...

Получивъ неожиданно гордый и полный рѣшимости отвѣтъ, земскіе послы вернулись въ свою революціонную Избу смущенными. Брацлавскій подсудокъ Николай Косаковскій затормозилъ законность дальнѣйшихъ совѣщаній своимъ veto (nie pozwalam), посредствомъ котораго каждый земскій посолъ дѣлался могущественнымъ народнымъ трибуномъ. Въ устахъ Косаковскаго veto состояло въ заявленіи, что не приступитъ ни къ чему, доколѣ войско не будетъ распущено. Краковскій подсудокъ Хршопстовскій и Малоруссъ Обуховичъ предложили братнюю бесѣду хоть бы и въ присутствіи короля. Они со-

вѣтовали идти къ королю еще однажды и, въ случаѣ отказа въ бесѣдѣ, оставить сеймъ. Краковскій стольникъ, Корыцинскій, предложилъ послать къ примасу, чтобы назначилъ бесѣду съ Сенатомъ. Нѣкоторые совѣтовали отправить бесѣду въ жилищѣ самого примаса. Понентовскій пошелъ дальше всѣхъ: онъ выступилъ съ постановленіемъ *о неоказаніи повиновенія* (de non praestanda obedientia). По его мнѣнію, надобно было взять съ собой избирательныя условія (pacta conventa) и, ставши передъ примасомъ, призвать его въ свидѣтели нарушенія королемъ правъ и пактовъ, а потомъ—отказать клятвопреступнику въ повиновеніи. Большинство пословъ рукоплескали его словамъ. Обороняли короля Шумскій, Яблоновскій, Остророгъ (имена почтенныя въ польской анархіи, которая вызвала торжество руинниковъ надъ строителями). Къ нимъ присоединилось много и другихъ земскихъ пословъ, совѣтуя просить еще разъ о бесѣдѣ, тѣмъ больше, что приближался уже конецъ сейма. Не согласились на это земскіе послы. „Не просить больше! переговорить съ примасомъ“! горланилъ Шлихтингъ. Корнцинскій сравнивалъ Владислава съ Ксерксомъ. Понентовскій кричалъ, потрясая надъ головой рукою: „Кто отвергаетъ лекарства, тотъ готовитъ гибель (qui negat remedia, procurat interitum)“... Вообще, не было ниодного посла, который бы не сказалъ какого-нибудь сарказма противъ короля, а всѣ королевскіе замыслы толковали самымъ злобнымъ образомъ. Проклинали не только сенаторовъ и министровъ, секретарей, резидентовъ королевскихъ, князей итальянскихъ, но „и самого папу“; а одинъ староста грозилъ публично, что убьетъ графа Магни, хоть за это положитъ головою. Бѣшенство душило разъяренныхъ. Отворяли двери, разбивали окна для воздуха; терзали заподозрѣнныхъ; грозили разсѣкать противниковъ... Маршалъ отложилъ засѣданіе до утра.

А въ это самое время Хмельницкій, не зная, что̀ дѣлается съ королемъ, открылъ реестръ для 20.000 козаковъ, за которыми стояло еще 80.000 готовыхъ на все доброе и на все злое для Польши, смотря по тому, кто будетъ ими гетманить: самъ ли король Владиславъ, или наслѣдникъ Царя Наливая.

Вечеромъ того же зловѣщаго 15 ноября шляхта совѣщалась объ отказѣ въ повиновеніи. Послы грозили, что, если король не распуститъ войска, они не разъѣдутся до тѣхъ поръ, пока ихъ собратія и избиратели не прибудутъ въ столицу съ оружіемъ въ рукахъ, чтобъ изгнать изъ государства непрошенныхъ гостей. Королю грозилъ шляхетскій *рóкошъ*.

„Если домашняя война не вспыхнула, и потомъ не раздвоилъ насъ на нашу гибель какой-нибудь посредникъ“ (писалъ Обуховъ), „то за это мы должны хвалить милосердіе Божіе“.

„Чтобы въ короткихъ словахъ“ (писалъ прусскій резидентъ) „представить образъ того, что здѣсь дѣлается, довольно сказать, что ни 1618 годъ въ Чехіи, ни начало англійскаго парламента не посѣяли столько вражды, какъ нынѣ посѣяно здѣсь. Обѣ стороны были готовы броситься въ драку, когдабъ у одной были деньги, а у другой голова“.

„Все въ великомъ лабиринтѣ“ (писалъ Тьеполо), „изъ котораго, безъ домашней войны, а можетъ быть—и потери свободы, не выйдутъ. Король, невыразимо смущенный, не знаетъ, что дѣлать“.

Кареты сенаторовъ летали изъ Уяздова въ замокъ и обратно. Одни молили короля уступить, другіе королеву—подѣйствовать на мужа, что она и дѣлала. Были и такіе, что совѣтовали королю лучше разорвать сеймъ, но сохранить королевское достоинство. Король такъ и сдѣлалъ бы, но боялся за будущность сына... Въ любви къ идеѣ государства и въ готовности жертвовать ради этой идеи всѣмъ польскому Владиславу было такъ далеко до нашего Петра, „какъ до небесной звѣзды“.

Онъ созвалъ сенаторскую раду и, получивъ почти отъ всѣхъ удостовѣреніе, что „Рѣчь Посполитая сама должна почувствовать долгъ свой относительно общей обороны и безопасности своей“, рѣшилъ „отдаться въ руки шляхты“.

Когда, на другой день, собрались послы въ своей Избѣ, и одни побуждали собраніе идти къ примасу, а другіе—вмѣстѣ съ сенаторами къ королю, выступилъ Подкоморій Великаго княжества Литовскаго, Пацъ, любимецъ короля, и сообщилъ посламъ его рѣшеніе, подъ видомъ увѣренія, что его королевская милость теперь дастъ болѣе благосклонный отвѣтъ. Законодательное собраніе шляхты, въ лицѣ своихъ революціонныхъ вождей, отправилось въ „послѣдній разъ“ просить у короля – отреченія отъ верховной власти.

Маршалъ Посольской Избы, знаменитый Станкевичъ, произнесъ къ нему рѣчь, въ которой прежде всего настаивалъ на томъ, чтобы жолнеры были „дѣйствительно распущены“. Потомъ говорилъ объ универсалахъ, которыми король повелѣвалъ содержать его гвардію въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ; о козакахъ, которымъ онъ дозволилъ идти на море; о братской бесѣдѣ съ Сенатомъ въ отсутствіи короля; объ уменьшеніи гвардіи и прекращеніи вооруженій.

Король, какъ бы въ вознагражденіе за прежнюю ошибку свою, что, безъ соглашенія съ папами рады, далъ такой жесткій отвѣтъ,

пустилъ представленіе Посольской Избы на голосованіе сенаторовъ, послѣ чего, устами канцлера, произнесъ требуемое отреченіе въ слѣдующихъ словахъ, записанныхъ Альбрехтомъ Радивиломъ:

„Украсилъ Богъ дивными тріумфами правленіе его королевской милости, сегодня же возложилъ на главу его новый вѣнецъ, когда онъ, послѣ столькихъ побѣдъ, побѣдилъ самого себя и отдалъ во власть и въ руки своимъ подданнымъ. Однакоже не безъ горести принимаетъ король эти слова маршала, чтобы жолнеры *дѣйствительно* были распущены: ибо не разъ показалъ свою дѣйствительность, когда подвергалъ свою голову и грудь столь великой опасности. Что же касается жолнеровъ, онъ повелѣлъ ихъ распустить, отправилъ листы къ гетманамъ и старостамъ, отправилъ еще и коммиссаровъ. Универсалы Великому Княжеству Литовскому онъ отрицаетъ: онъ писалъ только частнымъ образомъ къ литовскому подскарбію, чтобы не отказывали по экономіямъ въ прокормленіи королевской гвардіи, которая прибыла уже къ королю. Что до козаковъ, то это правда, что они готовили чайки съ вѣдома Сената: ибо въ пактахъ съ султаномъ написано, чтобъ онъ не держался за руки съ Буджацкими Татарами, а какъ онъ это нарушилъ, то представлялось необходимымъ постращать его козаками. Теперь, удовлетворяя вашимъ желаніямъ, король пошлетъ къ гетману листы, чтобы козаки оставили эти чайки и вели себя спокойно, не давая повода къ нарушенію мира. О бесѣдѣ съ Сенатомъ король повелѣлъ сказать, что въ какой формѣ нашелъ онъ Рѣчь Посполитую, въ такой желаетъ сохранить ее и оставить потомкамъ. Если въ этой бесѣдѣ будутъ совѣщаться о дѣлахъ королевскихъ, какъ тому существуютъ примѣры, то король согласится на то охотно. Наконецъ гвардіи держитъ король больше ради достоинства и величія королевства. Если обезпечатъ общественную безопасность, король готовъ отъ него отказаться“.

Такова была сцена зловѣщей разлуки государя съ его верховною властью. Оссолинскій, желая усладить ее своимъ „новымъ вѣнцомъ“, еще увеличилъ ея горечь. Зато послы вернулись домой въ восторгѣ отъ своего подвига. Теперь многіе изъ нихъ объявляли публично, что не видятъ уже надобности въ братской бесѣдѣ. Но предводители оппозиціи хорошо знали, что только посредствомъ бесѣды достигнутъ полной законности и непреложности своего постановленія, для чего было необходимо согласіе всѣхъ трехъ сословій, то есть короля, Сенаторской Избы и Избы Посольской. Казуистъ канцлеръ, говоря отъ имени короля, ограничилъ эту бесѣду совѣщаніемъ о предметахъ, касающихся исключительно его особы, а не общественныхъ дѣлъ.

Посольская Изба не могла отступать отъ состоявшагося своего постановленія, хотя бы дѣло шло только о выполненіи формальности. На основаніи такого уваженія къ народному праву, начали толковать о недостаткѣ послѣдовательности короля, и достигли наконецъ того, что король, умиротворяя Шляхетскій Народъ свой, велѣлъ увѣдомить Станкевича частнымъ образомъ, точно товарища товарищъ, что соглашается на братнюю бесѣду въ своемъ отсутствіи безо всякаго ограниченія. Это былъ карточный король, котораго побивалъ даже и такой тузъ, какъ Станкевичъ.

Славное colloquium состоялось 1 декабря 1646 года, въ присутствіи министровъ и сенаторовъ, которыхъ подъѣхало въ Варшаву столько, что набралось теперь 36, и которыхъ имена лучшіе люди того злополучнаго времени записали, какъ бы для „вѣчной памяти“ о томъ, что дома выжидало конца бури всё-таки больше сотни представителей втораго сословія. Здѣсь-то наконецъ правительствующая шляхта связала своего короля по рукамъ и по ногамъ такъ, что онъ очутился „во власти и въ рукахъ подданныхъ“. Фактъ совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ въ отсутствіи короля считали новою добычей, которой обогатилась пресловутая свобода Шляхетскаго Народа. Въ ближайшемъ засѣданіи Посольской Избы главнымъ вопросомъ дня было *исполненіе* братской бесѣды, то есть представленіе королю пунктовъ, принятыхъ въ ней Сенатомъ. Всѣ поняли необходимость этого акта, приняли его единогласно, поспѣшно изложили постановленные пункты, и велѣли увѣдомить Сенатъ и короля, что вся Посольская Изба тотчасъ прибудетъ „наверхъ“. Всѣ сознавали, что побѣда зависитъ отъ поспѣшности. Оба королевскіе маршала, великій коронный и литовскій, находили невозможнымъ ввести въ Сенатъ земскихъ пословъ, говоря, что король теперь занимается дѣломъ великой важности.

„Нѣтъ важнѣйшаго дѣла, какъ дѣло всей Рѣчи Посполитой“! закричали земскіе послы, и тотчасъ двинулись шумно (trzaskiem) наверхъ.

Станкевичъ побѣдоносно подалъ пункты братней бесѣды примасу. Сенаторы встали съ креселъ, и примасъ, исчисливъ требованія Посольской Избы, просилъ короля отъ имени Сената—удовлетворить законнымъ желаніямъ „Народа“.

Вслѣдъ за нимъ обратился къ Владиславу „свободнымъ голосомъ (głosem wolnym)“ брестокуявскій воевода, Щавинскій. Стоя у своего сенаторскаго кресла, онъ говорилъ, что свѣтскіе сенаторы не должны всего бремени своей службы взваливать на духовныхъ, а всѣ вмѣстѣ склонять короля къ устраненію причинъ зла. Восхваливъ потомъ

общими мѣстами отеческую попечительность польскаго государя, онъ перешелъ къ слѣдующимъ внушеніямъ: „До сихъ поръ мы и по церквамъ, и по частнымъ домамъ не иной слышали голосъ, какъ только такой: „„Вивать, король Владиславъ““! Но теперь наша радость измѣнилась въ печаль и въ огорченіе по причинѣ бѣдствія убогихъ, воздыханія злополучныхъ. Теперь только и слышимъ, что жалобы, проклятія и вздохи убогихъ людей. Первая тому причина—рада иностранцевъ, которыхъ полонъ дворъ. Они даютъ вашей королевской милости дурные совѣты, лишь бы только жить чужимъ добромъ. Невозможное дѣло, чтобы они любили наше отечество, не имѣя съ нимъ ничего общаго. Это вы можете видѣть изъ того, что мы скорѣе получаемъ извѣстія о томъ, что̀ дѣлается у васъ, изъ Гамбурга, Любека, или Данцига, нежели изъ Варшавы. Вѣрьте, государь, что они причина всего зла, такъ какъ подъ видомъ услугъ вашей королевской милости, ищутъ своихъ приватныхъ интересовъ. Обращаю мое слово къ венеціянскому послу. Исполнивъ свое посольство, живетъ онъ здѣсь такъ долго для того, чтобы сдѣлаться началомъ всего зла, своими стараніями всю тягость войны съ венеціянскихъ плечъ взвалить на наши. Слѣдовало бы напомнить ему сентенцію венеціянскаго сенатора, который, въ отвѣтъ Чехамъ на ихъ призывъ къ союзу противъ императора, сказалъ: „„Не хотимъ зажигать своего дома, чтобы дымомъ нашимъ устрашить императора““. Поэтому покорнѣйше просимъ вашу королевскую милость отдалить отъ себя иностранцевъ, такъ какъ ихъ совѣты производятъ у насъ великое замѣшательство. Умоляемъ также распустить иностранное войско, введенное во внутренности отечества въ противность правамъ и пактамъ. Оно такъ намъ надоѣло, что словомъ невозможно выразить. Угнетенія, претерпѣваемыя отъ этихъ жолнеровъ, превосходятъ шведскія и мансфельдовскія жестокости: ибо рана отъ руки друга болитъ сильнѣе. Рука вашей королевской милости, предназначенная для защиты отечества, такъ тяжко на насъ падаетъ! Причиняетъ намъ боль и злословіе жолнеровъ, которые смѣютъ хвалиться публично, что насъ усмирятъ, и дивною алхиміей обѣщаютъ превратить хлопа въ шляхтича, а шляхтича—въ хлопа“.

Послѣднія слова дерзостнаго олигарха были вѣщими. Скоро настало время такого превращенія; но дивными алхимиками явились не иноземные жолнеры, а русскіе попы да монахи вмѣстѣ съ запорожскими крамольниками, питомцами цѣлаго ряда самозванцинъ,—вмѣстѣ съ банитами да инфамисами, руководившими козацкою вольницей со временъ Самуила Зборовскаго.

Коронный канцлеръ, именемъ короля, отвѣчалъ всѣмъ „кротко“ что онъ тѣмъ больше склоняется къ желанію Рѣчи Посполитой, чѣмъ тѣснѣйшее видитъ согласіе всѣхъ сословій въ пунктахъ ихъ просьбъ, и, перечисливши всѣ пункты, заключилъ желаніемъ короля, чтобъ они были довольны декларацією, и приступили къ дальнѣйшимъ постановленіямъ, причемъ предостерегалъ, чтобы не слишкомъ полагались на спокойствіе Рѣчи Посполитой, ничѣмъ не обезпеченное.

Заручившись теперь согласіемъ и Сената, и Короля, третьему сословію оставалось только обезпечить оборонительное постановленіе (warowną kostytucyę), дабы въ будущемъ не случилось чего-либо подобнаго. Король этому не сопротивлялся, и тѣмъ самымъ изъявилъ согласіе на изложеніе такого постановленія. Цѣлыхъ два дня трудилась Посольская Изба, эта спасительная *курія* Оссолинскаго, надъ сочиненіемъ акта, по словамъ самихъ Поляковъ, нашихъ современниковъ, „уничтожающаго славу, достоинство и власть короля“,—наканунѣ событій, въ которыхъ только государь, облеченный всѣми принадлежностями верховенства, могъ бы спасти шляхту отъ погибельной несостоятельности присвоеннаго ею правленія.

Актъ былъ прочитанъ 6 декабря, въ заключеніе достославнаго, по мнѣнію шляхты, сейма и занялъ почетное мѣсто въ польскомъ сводѣ законовъ (Volumina Legum). Этимъ оборонительнымъ на будущее время постановленіемъ, отъ имени связаннаго по рукамъ и по ногамъ короля, повелѣвалось: навербованное войско распустить не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли послѣ настоящаго сейма; а которые изъ навербованныхъ людей не разойдутся, противъ тѣхъ вооружатся коронные гетманы, старосты и городскія власти, какъ противъ своевольныхъ, не ожидая королевскихъ универсаловъ. Кто изъ польскихъ гражданъ принадлежитъ къ навербованному войску, тѣмъ король за непослушаніе грозилъ карой инфаміи и конфискаціи имущества. Онъ обѣщалъ за себя и за потомковъ своихъ никогда впредь подобныхъ вербунковъ не дѣлать, приповѣдныхъ листовъ подъ комнатной печатью не выдавать, никакихъ войнъ безъ вѣдома и совѣта Рѣчи Посполитой не предпринимать, и никакихъ договоровъ съ сосѣдними державами не заключать, а заключенныхъ не нарушать; а кто бы осмѣлился по такимъ приповѣднымъ листамъ дѣлать вербунки, того имущество король будетъ раздавать кадуковымъ (выморочнымъ) правомъ. Обѣщалъ также иностранцевъ при себѣ не держать, и къ совѣтамъ ихъ не обращаться, гвардію же ограничить шестью стами человѣкъ изъ гражданъ Рѣчи Посполитой.

Король выслушалъ актъ своего уничиженія съ веселымъ видомъ и подтвердилъ безъ колебанія, прося только увеличить гвардію до 1.200 человѣкъ, что тотчасъ и сдѣлано.

Этой сговорчивостью онъ такъ задобрилъ шляхту, что она назначила королевѣ 250.000 французскихъ ливровъ ежегоднаго дохода.

Всякій общественный и государственный переворотъ имѣетъ свое оправданіе въ нравственныхъ успѣхахъ и въ благосостояніи гражданъ. Созданный задолго до христіянской эры, во времена быстраго развитія Грековъ, идеалъ республиканскаго правленія занимаетъ, яко идеалъ, высокое мѣсто въ исторіи культуры; но приближаются къ нему народы не своевольствомъ и дерзостью, а благородствомъ общественныхъ понятій о долгѣ и чести, съ которыми граждане совершенствуютъ всякую форму правленія, и безъ которыхъ самая либеральная форма дѣлается лишь видоизмѣненіемъ гражданскаго рабства. Со стороны шляхты было бы и разумно и доблестно взять въ свои руки государственное управленіе во всѣхъ его частяхъ, когда бы шляхта стояла на высотѣ гражданственнаго развитія, когда бы она была способна защищать отечество отъ всяческихъ враговъ единствомъ убѣжденій своихъ въ томъ, что надобно дѣлать, и господствомъ лучшихъ людей надъ худшими. Но польско-русская шляхта была только самомнительна, и относительно государственности вовсе не отличалась той способностью, которую Конецпольскій признавалъ въ презираемыхъ ею Москаляхъ, привыкшихъ, по его словамъ, „въ каждый предметъ вникать основательно“. Это доказала она слишкомъ скоро, когда ни высокая образованность нѣсколькихъ изъ ея представителей, ни воинскіе таланты другихъ, ни громадныя богатства третьихъ, ни великія жертвы остальныхъ—не могли остановить наплыва двухъ разноплеменныхъ ордъ, соединенныхъ только жадностью къ добычѣ.

Даже и теперь, въ сладостномъ упоеніи революціоннымъ успѣхомъ, котораго никто не предначертывалъ и не ожидалъ, многіе либералы были недовольны своимъ завоеваніемъ и не знали, что съ нимъ дѣлать. Одни роптали, что опрометчиво ослабили власть и достоинство короля; другіе находили оборонительное постановленіе мѣрою безсильною; наконецъ, были и такіе, что не довѣряли королю даже въ его уничиженіи. Всосавши съ матернимъ молокомъ совмѣстимость обѣщанія и клятвы съ противнымъ намѣреніемъ, шляхта ждала отъ короля новаго посягательства на ея свободу. „Никто не можетъ понять“ (писалъ въ это время прусскій резидентъ), „какія намѣренія у короля, который собралъ столько войска, предпринялъ такое дѣло, увѣдомилъ о немъ всѣхъ государей, и теперь вдругъ выпустилъ вой-

ско изъ рукъ. Это возбуждаетъ подозрѣніе во всѣхъ сословіяхъ. Не довѣряютъ королю, готовятся воевать навербованныхъ жолнеровъ, и назначили новый сеймъ черезъ четыре мѣсяца".

Въ самомъ дѣлѣ, было постановлено созвать новый сеймъ на 2 мая 1647 года, собственно для того, чтобы всякую мысль о войнѣ и всевозможныя недоразумѣнія устранить. Опозоренный, но тѣмъ не менѣе упрямый въ своихъ замыслахъ, король, съ своей стороны, надѣялся, что въ маѣ будущаго года ему удастся склонить Рѣчь Посполитую исполнять его предначертанія, и потому далъ свое согласіе на созваніе новаго сейма.

Но едва земскіе послы успѣли разгласить въ провинціи о своемъ республиканскомъ торжествѣ, какъ онъ, 10 декабря, объявилъ, что не увольнитъ ниодного жолнера. Онъ представлялъ сенаторамъ резидентамъ грозную опасность со стороны Турціи; и въ самомъ дѣлѣ Порта думала тогда о примиреніи съ Венеціей и о войнѣ съ Польшей.

Король сдѣлался крайне раздражительнымъ. Сенаторы боялись говорить съ нимъ оффиціально, и не знали, что дѣлать. Наконецъ прибѣгнули къ хитрости: королю была подана просьба объ увольненіи отъ полковниковъ гвардіи, Денгофа; Осинскаго, Лессгевана. Король сдѣлался прямымъ казуистомъ: началъ ссылаться на законоположенія, по смыслу которыхъ (говорилъ онъ) сеймовое постановленіе относится къ будущимъ вербовкамъ, но не къ настоящимъ. Тогда нѣсколько духовныхъ сенаторовъ погрозило ему закономъ de non praestanda obedientia, и онъ обѣщалъ оставить на службѣ только 1.200 человѣкъ. Однакожъ, далъ полковникамъ гвардіи приказъ—для вида, распустить немного войска, но лучшихъ жолнеровъ оставить. 13 декабря онъ снова перемѣнилъ свое рѣшеніе: оставилъ гвардію въ полномъ составѣ и выслалъ ее въ Прусы, чтобы спрятать отъ сенаторовъ, а войска, подъ предлогомъ опасности со стороны Турціи, велѣлъ не распускать. Потомъ разослалъ по полкамъ нарочитыхъ посланцовъ для возвращенія универсаловъ разосланныхъ Оссолинскимъ, а 14 декабря началъ снова вербовать жолнеровъ. Изъ Силезіи нѣсколькими дорогами вступили въ Польшу навербованныя прежде хоругви, грабя и насильствуя по пути, къ неописанному негодованію шляхты, которая, при этомъ извѣстіи, начала съѣзжаться для принятія своихъ мѣръ.

Шляхетскій народъ чуялъ давно уже, что стоитъ на вулканѣ; наконецъ додумался, гдѣ находится кратеръ вулкана, и сталъ опасаться своего короля всего больше со стороны украинскихъ бунтовъ. Еще во время сейма король повелѣлъ запорожскимъ козакамъ соединиться съ донцами и грабить морскія побережья, а къ султану отправилъ

тогда же посла, въ надеждѣ, что онъ вернется съ угрозами. Жолнеры между тѣмъ бушевали. Шляхта начала сильно вооружаться противъ буяновъ. Все говорило о враждѣ двухъ партій, изъ которыхъ одну поддержатъ козаки. Но готовую начаться въ Польшѣ усобицу остановили сами жолнеры. Видя грозу со стороны шляхты, они „поблагодарили за службу", и во многихъ мѣстахъ, не дождавшись даже уплаты заслуженнаго жолду, разошлись. Только тогда король, съ крайней досадой, постановилъ распустить войско.

Но тѣмъ не менѣе мечталъ онъ о Турецкой войнѣ, надѣясь на иностранную помощь со стороны Швеціи и Франціи. Опять начались у него сношенія по этому предмету съ папой и съ итальянскими князьями.

Между тѣмъ Россія, разсчитывая на обѣщанную королемъ помощь, начала воевать съ Татарами и задѣла Турцію. Царь просилъ у него помощи. Но король не могъ ни послать ему войска, ни одновременно съ нимъ начать войну; не могъ даже отправить къ нему посла для заключенія договора. Бездѣйственно долженъ былъ онъ ждать сейма, въ страшной тревогѣ, какъ бы не потерять этого драгоцѣннаго случая для соединенія польскихъ силъ съ московскими, какъ бы союзники Польши, Москали, не обратились въ непріятелей.

Съ этой стороны бѣда грозила Полякамъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ со стороны Дикихъ Полей. Будучи покамѣстъ не въ силахъ мѣриться съ Польшею боевыми людьми, Москва превосходила ее государственнымъ строеніемъ. У республиканца Поляка все валилось изъ рукъ, и даже военныя средства его были опаснѣе для него самого, нежели для сосѣдей. Монархистъ Москаль держалъ добытое потомъ и кровью крѣпко, не такъ какъ его сосѣдъ, легко ему доставшуюся Малороссію. Для насъ, потомковъ тогдашнихъ русскихъ дѣятелей въ Польшѣ, очевидно, чѣмъ были способны Москали воспреобладать надъ хозяевами южнорусской земли, Поляками. Современники не видѣли того ни съ польской, ни съ московской стороны. Москва не управилась еще съ остатками покоренной ею Кипчакской Орды, Крымцами, которые подъ управленіемъ Исламъ-Гирея, сдѣлались похожи на своихъ предковъ, батыевцевъ. Но изъ посольства „раціоналиста и политика" Стрѣшнева мы видимъ, что завоеваніе Крыма было у нея на очереди. Смерть Конецпольскаго и бунтъ Хмельницкаго съ его руинными послѣдствіями отодвинули это важное дѣло больше, чѣмъ на столѣтіе. Русская жизнь давно уже заявила потребность подавленія ордынцевъ, но ее постоянно эксплоатировали и тормазили для своей иноземной политики Ляхи. Питомцы и пособники Ляховъ, днѣпров-

скіе козаки, сдѣлались новымъ тормазомъ русскаго торжества надъ ордынщиной.

Въ прошломъ году, какъ мы уже знаемъ, донцы и подвластные Москвѣ Татары готовились какъ бы своевольно, безъ вѣдома царя, начать войну съ Татарами. Татары, узнавъ объ ихъ замыслѣ, предупредили ихъ вторженіемъ въ московскіе предѣлы, но были отражены. Осмѣленные этимъ донцы облегли Азовъ со стороны моря, въ то время когда Кондратовъ и князь Черкасскій заперли Азовъ со стороны суши съ черкесскими, калмыцкими и астраханскими Татарами. Но тутъ явился на выручку Азова крымскій ханъ и оттѣснилъ осаждавшихъ. Ханъ доносилъ султану, что донцы готовятъ 150 новыхъ чаекъ, съ цѣлью воевать Крымъ, и просилъ о позволеніи вторгнуться въ Московское Царство. Ханскіе послы прибыли въ Стамбулъ, когда Турки одержали побѣду надъ Венеціянцами. Въ ноябрѣ Турки взяли крѣпость Ретимо, и султанъ, закончивъ кампанію текущаго года этой побѣдою, могъ располагать свободно своими силами. Поэтому великій визирь, какъ было слышно въ Польшѣ, посадилъ московскаго посла въ тюрьму, и послалъ хану повелѣніе вторгнуться въ Московское Царство. Исламъ-Гирей бросился на добычу и, какъ разсказывали за московскимъ рубежемъ, увелъ въ Крымъ 40.000 ясыра. Въ возмездіе за это, царь повелѣлъ донцамъ идти на Черное море грабить турецкіе города, а самъ, собравъ 100.000 войска, намѣревался воевать Крымъ и просилъ у короля Владислава помощи.

Можно вообразить, съ какою горечью принялъ эту просьбу Владиславъ. Ему были готовы повиноваться одни козаки, какъ бы предчувствуя, что покарaютъ за него сборище пановъ своекорыстниковъ и, въ концѣ концовъ, нагнутъ ихъ гордыя выи подъ Москаля еще ниже, нежели Посольская Изба нагнула подъ свою волю королевскую власть.

Все теперь зависѣло въ Польшѣ отъ одобренія сейма, который долженъ былъ собраться въ маѣ 1647 года. Король ждалъ его съ терпѣніемъ, воображая, что достаточно раздражилъ мусульманъ, и что два враждебныя ему сословія поневолѣ должны будутъ выполнять его планы. Но и въ этомъ ошибся.

Въ Стамбулѣ хорошо знали, что дѣлалось въ Варшавѣ. У Порты были въ Польшѣ шпіоны между купцами Армянами. Она получала точныя вѣсти изъ Крыма и Буджаковъ, изъ Мультанъ и Волощины отъ пограничныхъ воеводъ-башей своихъ, а еще больше отъ европейскихъ резидентовъ при султанѣ, которые считали своею обязанностью увѣдомлять его визиря о взаимныхъ отношеніяхъ христіян-

скихъ дворовъ. На сей разъ Венеція доставила Портѣ наилучшія извѣстія о королевскихъ намѣреніяхъ. Она была болѣе вреднымъ другомъ для Польши, нежели врагомъ для Турціи. Съ самаго начала Порта знала, что задумалъ Владиславъ, и бракъ его съ Маріей Гонзага подтвердилъ ея опасенія.

Поляки, по проторенной ими дорогѣ самозванщины, еще въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія заявили мысль о покушеніи на оттоманское владычество посредствомъ самозваннаго турецкаго царевича, крещеннаго тайно въ христіянскую вѣру. Москва, съ достоинствомъ державы степенной, безъ шуму столкнула претендента съ его ходуль, устроенныхъ шляхтой да козаками, очевидно, подъ руководствомъ все той же таинственной интриги, которая создала и ея Лжедимитрія. Но въ 30-хъ годахъ появился передъ Оттоманами призракъ Палеологовъ изъ Франціи. Князь Нервесъ, отецъ Маріи Гонзага, вмѣстѣ съ княземъ тосканскимъ (который поощрялъ и чествуемаго козаками „Турецкаго Царя Ахію“) стали готовить возстаніе Грековъ и другихъ подвластныхъ Турціи христіянскихъ народовъ. Англія, Испанія и Франція обѣщали имъ свою помощь. Хотя замыслы князя Нервеса, наслѣдника Палеологовъ, оказались такою жъ несостоятельною затѣей, какъ и претензіи Александра Оттомануса, но имя его постоянно пугало Турокъ, бывшихъ свидѣтелями потрясенія Московскаго Царства польскими героями самозванщины. Бракъ польскаго короля съ наслѣдницей претендента, котораго права католическая Европа лукаво признавала серьезными, былъ для турецкихъ правителей событіемъ тревожнымъ. Владиславъ слылъ счастливымъ полководцемъ и казался издали грознымъ.

Были извѣстны Портѣ, хотя бы только изъ газетъ, и сношенія короля съ Москвою, Персіею, Венеціей, Римомъ, Тосканой и другими державами. Она подозрѣвала обоихъ господарей въ невѣрности и боялась волненія христіянскихъ народовъ, ненавидѣвшихъ турецкое подданство. Если взять во вниманіе, какъ легко было заохотить къ войнѣ Персовъ и всѣ христіянскія національности въ Азіи и въ Африкѣ къ возстанію, то легко понять опасенія Порты, чтобы, въ случаѣ войны съ Польшею, не загорѣлся у нея пожаръ, котораго не могли погасить ея силы. И однакожъ, въ виду столь грозной опасности, не могла Порта рѣшиться на заключеніе мира съ Венеціей.

Еще въ 1619 году писалъ испанскій посолъ, что Турки видятъ въ Венеціи единственное препятствіе своимъ стремленіямъ къ господству на моряхъ, и лишь только раздѣлаются съ Персіей, немедленно станутъ воевать за Кандію. Обладаніе этимъ богатымъ островомъ, по

его взгляду, обезпечитъ Портѣ Архипелагъ и отворитъ дорогу въ Средиземное море; поэтому и Венеціянамъ (писалъ онъ) не остается ничего инаго, какъ покупать временный миръ дорогою цѣною; но лишь только явится визирь неподкупный, ничто ихъ не избавитъ отъ войны.

Вотъ почему Турки, начавши воевать съ Венеціей, не хотѣли кончить войны безъ пріобрѣтенія Кандіи. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, былъ моментъ, когда Порта колебалась въ выборѣ непріятеля между Польшей и Венеціей,—именно въ 1646 году, когда король объявилъ въ Варшавѣ Турецкую войну, и особенно, когда выѣхалъ во Львовъ, чтобы начать военныя дѣйствія, и послалъ оттуда ультиматумъ, требующій переселенія Буджацкихъ Татаръ въ Крымъ. Султанъ повелѣлъ было стянуть часть войска къ Силистріи, другую послалъ на Буджаки, а съ третьей готовился двинуться самъ визирь. Все это дѣлалось подъ покровомъ увѣреній въ мирѣ; но король узналъ изъ вѣрнаго источника, уже послѣ сейма, что великій визирь убѣждалъ султана къ примиренію съ Венеціей и совѣтовалъ перенести войну въ Польшу. Такъ близко было осуществленіе надежды короля втянуть Рѣчь Посполитую въ Турецкую войну; такъ возможно было соединеніе Россіи съ Польшей безъ козацкой руины!

Не получая никакого отвѣта на свой ультиматумъ, король велѣлъ наконецъ Оссолинскому послать гонца въ Стамбулъ, чтобъ освѣдомиться о положеніи сейма до начала майскаго сейма.

Оссолинскій послалъ къ визирю письма отъ себя и отъ гетмана Потоцкаго. Канцлеръ вступался за волошскаго государя Лупула; гетманъ же обвинялъ хана, что набѣгаетъ на Москву, и требовалъ переселенія Буджацкихъ Татаръ въ Крымъ.

Король ожидалъ и желалъ суроваго отвѣта,—пожалуй, даже заключенія гонца въ тюрьму. Но визирь обошелся съ нимъ ласково и представилъ его султану. Ему дозволили повторить жалобу на хана и дали такой отвѣтъ, какимъ польскіе короли не разъ отдѣлывались отъ Турокъ, когда тѣ настаивали на уничтоженіи козаковъ, именно,—что „падишаху нѣтъ никакого дѣла до этихъ людей“, чего никогда прежде отъ нихъ не слыхали, и тутъ же былъ отправленъ съ письмомъ къ королю султанскій чаушъ, Согаимъ-баша.

Прибытіе чауша, о которомъ увѣдомляли съ каждаго ночлега, ожидалось въ Варшавѣ со страхомъ и надеждою. Шляхта боялась объявленія войны; король надѣялся, что ему развяжутъ наконецъ руки и позволятъ козаковать, въ роли новаго Ахіи Оттомануса.

Султанскій чаушъ прибылъ въ концѣ января 1647 года, и немедленно получилъ аудіенцію. Церемоніалъ его пріема замѣчателенъ

въ томъ отношеніи, что Стамбулъ чествовалъ еще Варшаву, какъ соперницу своего могущества. Съ высоты утвержденнаго всячески въ политическомъ мірѣ мнѣнія о Рѣчи Посполитой Польской правителямъ ея было суждено спуститься, точно съ ломкихъ подмостокъ, на самую низкую ступень, на ступень господъ, подчиняющихся требованію рабовъ.

Чаушъ Согаимъ-баша выѣхалъ изъ отведенной ему квартиры верхомъ, въ сопровожденіи 20 конныхъ королевскихъ дворянъ. Ему предшествовалъ слуга, неся султанскую грамоту въ мѣшкѣ изъ золотой парчи, на подушкѣ, вышитой жемчугомъ. Надворный маршалъ, Казановскій, ввелъ его къ королю, окруженному радою сенаторовъ. Чаушъ приблизился къ трону медленно и съ важной осанкою; вдругъ онъ остановился шагахъ въ десяти и потомъ быстро подошедъ къ ступенямъ трона, упалъ на колѣни, поцѣловалъ королевскую руку и край плаща у короля, ударилъ челомъ, потомъ вернулся на то мѣсто, гдѣ было пріостановился, взялъ отъ своего слуги подушку съ грамотой, подошелъ къ Оссолинскому и, когда канцлеръ принялъ грамоту, чаушъ быстро вернулся на прежнее мѣсто, и оттуда произнесъ рѣчь, которую толмачъ повторялъ попольски.

Султанская грамота была дружелюбная, и сверхъ титуловъ, заключалась только въ слѣдующихъ словахъ, разбавленныхъ повтореніями:

„Въ пактахъ между нами написано, чтобы ты удерживалъ отъ набѣговъ разбойниковъ и воровъ, называемыхъ козаками донскими и запорожскими, а я татарскаго хана и буджацкія орды буду крѣпко держать. Но ты другой годъ уже не отдаешь хану дани, да еще и пословъ его задерживаешь; а я повелѣлъ хану ни подъ какимъ видомъ не нарушать нашего мира, лишь бы ты, помня достоинство святаго примиренія, отдавалъ ему обычную дань и держалъ козаковъ, дабы они не осмѣливались выходить Днѣпромъ на Дунай подъ названіемъ донцовъ“.

Эта миролюбивая грамота раздражила короля до такой степени, что онъ, какъ доносилъ въ Венецію посолъ, „имѣлъ на особу чауша извѣстные виды“. Однакожъ, Владиславъ отправилъ Согаимъ-башу спокойно, съ письмомъ къ султану слѣдующаго содержанія:

„Не понялъ ты моего письма, отправленнаго въ августѣ прошлаго года. Я требовалъ, чтобы ты, согласно пактамъ, прогналъ Татаръ изъ Буджаковъ и переселилъ въ Крымъ. Теперь, видя изъ твоего письма, что ты этихъ Татаръ хочешь обуздать, вновь требую, чтобы переселилъ ихъ въ Крымъ, и тогда зацвѣтетъ между нами миръ.

Отдать подарки хану соглашусь охотно, но подъ условіемъ, что Татары перестанутъ наѣзднчать, плѣнниковъ возвратятъ, изъ Буджаковъ прогнаны будутъ, и когда ихъ позовутъ на военную службу, обязательства свои будутъ выполнять вѣрно. Но поелику сіе дѣло откладывается до слѣдующаго сейма, то ожидаю твоего посла съ отвѣтомъ на нынѣшнее письмо".

Вслѣдъ за чаушемъ прибыло въ Варшаву отъ хана пять посланцовъ, которые объявляли по дорогѣ миръ, и опровергали королевскія извѣстія о враждебномъ настроеніи мусульманъ. У каждаго изъ нихъ было особое письмо, обѣщающее ничѣмъ не нарушать мира и вмѣстѣ просящее подарковъ. Король былъ взбѣшенъ миролюбіемъ азіятцевъ, велѣлъ ихъ остановить и помѣстить въ пяти миляхъ отъ столицы.

Но вѣсть о томъ и другомъ посольствѣ разнеслась по Польшѣ, и вдругъ всѣ страхи, которыми король побуждалъ Шляхетскій Народъ къ Турецкой войнѣ, изчезли. Отъ нихъ осталось только подозрѣніе, что не султанъ короля, а король султана вызываетъ на войну.

Съ своей стороны, король, видя, что не удалось ему закрыть свои замыслы мнимою Татарскою войною, рѣшился вторично сбросить маску и выступить съ Турецкою войной открыто. Онъ просилъ папу выслать въ Польшу breve, вызывающее шляхту на войну съ Турціей, а самъ старался, черезъ холмскаго бискупа, Станислава Петроконскаго, склонить къ этой войнѣ прочихъ бискуповъ. Это ему не удалось. Бискупъ куявскій, Гнѣвошъ, выступилъ съ полной твердостью противъ короля, а прочіе сенаторы, сознавая себя, въ виду султанскаго и ханскаго посольства, освобожденными отъ обѣщанія, даннаго королю на прошломъ сеймѣ, распространили по государству вѣсть о его новыхъ военныхъ замыслахъ.

Владиславъ былъ принужденъ опровергнуть эту вѣсть, имѣя въ виду приближающіеся сеймики, но не умѣлъ скрыть своего неудовольствія: разослалъ къ остальнымъ сенаторамъ собственноручныя письма, въ которыхъ жаловался на амбицію многихъ изъ нихъ и недовѣріе къ нему, говорилъ, что постановленіе прошлаго сейма ослабило королевское достоинство и просилъ — или перемѣнить его, или уничтожить, съ вознагражденіемъ его за причиненный ему вредъ.

Онъ сдѣлалъ еще худшее: вслѣдъ за этими письмами, королевская канцелярія, а потомъ и Оссолинскій, разослали инструкціи на сеймики и *делибераторіи* къ сенаторамъ, переполненныя жалобами на оппонентовъ.

„Въ прошломъ году" (сказано было, между прочимъ, въ инструкціяхъ) „было предпринято королемъ дѣло, которое обезпечило бы все-

му христіянству и Рѣчи Посполитой миръ и безопасность... Но святые помыслы, вмѣсто благодарности, были осмѣяны злостью ядовитыхъ языковъ, которая дерзнула броситься на репутацію и достоинство самого маестата королевскаго, представляя, будто бы его предпріятія насиловали свободу и безопасность подданныхъ, и т. д. Король, однакожъ, изъ-за злости нѣсколькихъ языковъ не утратилъ любви къ подданнымъ, и теперь представляетъ имъ опасность Рѣчи Посполитой по причинѣ ненадежной вѣрности язычниковъ и т. д. и т. д. Для предотвращенія этой опасности, хотя бы король могъ предложить дѣйствительныя средства, давши всей Европѣ доказательства своего мужества, счастья и воинской опытности, но желая показать, что свои совѣты думаетъ согласовать съ намѣреніями сословій, требуетъ отъ сеймиковъ, чтобы поручили посламъ своимъ совѣщаться о дѣйствительныхъ средствахъ и опредѣлить оныя".

Делибераторіи также выступали жестоко противъ оппонентовъ. Король упрекалъ ихъ въ исканіи популярности наступленіемъ на его репутацію, и утверждалъ, будто бы потому распустилъ войско, что Рѣчь Посполитая, по увѣренію сенаторовъ, сама почувствовала обязанность позаботиться объ общей оборонѣ и безопасности государства.

По повелѣнію короля, и коронный гетманъ разослалъ письма на всѣ сеймики о враждебномъ намѣреніи Турціи, внушая земскимъ посламъ, чтобъ они, имѣя передъ глазами грозящія отечеству опасности, не полагались на слабыя силы квартянаго войска и готовили такую оборону, которая была бы достаточна для сохраненія безопасности Рѣчи Посполитой и отраженія непріятелей.

Все было не впопадъ. И духовные, и свѣтскіе можновладники, обиженные королевскою инструкціей, которая представляла ихъ злоязычными клеветниками, писали на сеймики, якобы король оскорбляетъ весь Шляхетскій Народъ. Въ это же время кто-то распубликовалъ поддѣльную грамоту султана, объявляющую королю войну. Шляхта твердила, что это сдѣлалъ самъ король, и хоть обманщикъ былъ открытъ и наказанъ, но королевская репутація пострадала тѣмъ не менѣе.

Трехнедѣльный сеймъ 1647 года начался при самыхъ неблагопріятныхъ для короля обстоятельствахъ. Между сеймовыми панами было рѣшено—всячески устранять мысль о войнѣ, а чтобы занять умы—покончить съ тѣми религіозными вопросами, надъ которыми такъ долго трудился король. Диссиденты и дизуниты постановили добиться собственными силами равноправія, котораго король, очевидно, не могъ уже имъ доставить, а католики грозили лишить и протестан-

товъ, и православниковъ всякихъ вольностей, соединяя религіозные интересы тѣхъ и другихъ съ замыслами короля противъ Швеціи и Турціи.

Были и другія причины необычайной религіозной ревности со стороны католической партіи. Она боялась, чтобы Польша не обратилась въ духовное государство, и вооружила уже пятаго короля противъ обогащенія пастырей на счетъ пасомыхъ. Лелѣя въ душѣ житейскую мысль о самозащитѣ отъ господствующей въ Польшѣ церкви, паны, забитые съ дѣтства духовными наставниками своими, не могли придумать инаго средства къ освобожденію земскихъ имуществъ отъ набожнаго расхищенія, какъ угодить папѣ подавленіемъ его отступниковъ и схизматиковъ у себя дома, въ свободной, теперь, можно сказать, уже и безкоролевной республикѣ.

Въ первые дни сейма нунцій роздалъ всѣмъ бискупамъ письма, которыми папа, по просьбѣ короля, возбуждалъ Поляковъ къ войнѣ съ Турціей, обѣщая съ своей стороны всякую помощь. Король отвѣчалъ папѣ на это breve 4 мая, что готовъ двинуться на освобожденіе Гроба Господня, если ему помогутъ другіе государи, и объявилъ при открытіи сейма, крестовый походъ устами придворнаго Петра Пустынника, ксендза Выджги. Королевскій проповѣдникъ съ великимъ жаромъ гремѣлъ противъ тѣхъ, которые осмѣлятся сопротивляться христолюбивымъ предначертаніямъ великаго воителя. Но и папа, и его варшавскій апостолъ только повредили королю. Какъ бискупы, такъ и вся шляхта вознамѣрились явить главѣ вселенской церкви тѣмъ еще большее рвеніе сеймовымъ угнетеніемъ домашнихъ его противниковъ. Можетъ быть, святый отецъ, не имѣя денегъ для Турецкой войны, на то и разсчитывалъ, чтобы, вмѣсто невѣрной затраты круглыхъ суммъ скуди, увеличить, безъ всякаго риска, свои доходы въ разновѣрномъ покамѣстъ польскомъ стадѣ своемъ. А Поляки, съ своей стороны, угождая намѣстнику Христа дешевою ревностью къ его владычеству, старались освободить земскія имущества отъ чужеядныхъ порожденій римской ехидны.

На новомъ сеймѣ Оссолинскій явился министромъ холоднымъ и нелицепріятнымъ. Повторивши въ королевской пропозиціи инструкціи на сеймики, выразилъ онъ желаніе, чтобы, вмѣстѣ съ весеннимъ пробужденіемъ природы, пробудилось довѣріе между трономъ и народомъ; увѣдомилъ, что на сеймъ прибудетъ коронный гетманъ Потоцкій и поставитъ сословія въ извѣстность объ опасностяхъ со стороны язычниковъ; объявилъ волю короля, чтобы Рѣчь Посполитая свергнула съ себя постыдный татарскій гарачъ, въ виду того, что московскій царь

такъ горячо и безпрестанно домогается союза; а такъ какъ посолъ за болѣзнію ещё не уѣхалъ въ Москву, то спрашивалъ, какую декларацію долженъ дать король царю, и какъ поступить, когда посолъ возвратится изъ Москвы.

Въ этой же пропозиціи, наряду съ необходимостью починить и снабдить обороною пограничные замки Каменецъ, Кольмакъ, Владиславъ, указана была необходимость ограничить закономъ излишество въ драгоцѣнныхъ одеждахъ, всюду вошедшее въ обычай,—точно какъ бы самъ канцлеръ сознавалъ, что Поляки не способны оборонять грудью того, чѣмъ они дорожили.

На пункты пропозиціи, среди напряженнаго вниманія обѣихъ законодательныхъ Избъ, говорилъ извѣстный уже намъ Гнѣвошъ, куявскій бискупъ. Громозвучный и ровный голосъ его досягалъ до самыхъ дальнихъ галлерей Сенаторской Избы, гдѣ королева, окруженная дворомъ, сидѣла въ сообществѣ венеціанскаго посла. Ораторъ, по разсказу польскаго историка, вырасталъ гигантомъ съ каждымъ отдѣломъ рѣчи своей; глаза его свѣтились огнемъ зловѣщимъ; лицо выражало маестатъ Рѣчи Посполитой, а говорилъ онъ съ такимъ сознаніемъ своего превосходства, какъ будто всѣ замыслы и все поведеніе короля считалъ фантазіями безпокойнаго и высокомѣрнаго недоросля, котораго надобно было проучить. Подобно тому, какъ король, въ инструкціяхъ на сеймики исчислялъ свои благодѣянія, оказанныя Рѣчи Посполитой, громовержецъ бискупъ началъ свою рѣчь исчисленіемъ всѣхъ благодѣяній, оказанныхъ королю Рѣчью Посполитою. „Воспитаніе, снабженіе средствами, единогласное избраніе на престолъ, уплата долговъ, обезпеченіе всего семейства, безпрестанные налоги, любовь и довѣріе, оказываемые королю во все время его царствованія: вотъ наши доказательства (гремѣлъ сеймовой витія), что въ Польшѣ нѣтъ у короля ни злоязычныхъ, ни злонамѣренныхъ людей, и было бы лучше, если бы королевская канцелярія назвала тѣхъ, на кого она мѣтила. Такихъ людей нѣтъ въ Польскомъ народѣ. Ихъ надобно искать между иностранцами, которыми полонъ дворъ и которые королевское сердце отравляютъ злобою противъ народа. Поэтому покорнѣйше прошу его королевскую милость отослать отъ себя графа Магни, ксендза капуцина, Фантони и Бильбони, какъ людей, вредныхъ для Рѣчи Посполитой. Надобно также, чтобы канцелярія отправляла скоро иностранныхъ пословъ, которые у насъ обратились въ постоянныхъ резидентовъ, выдаютъ секреты Рѣчи Посполитой, и дошли наконецъ до такого любопытства, что на этой самой галлереѣ, въ Сенаторской Избѣ, подслушиваютъ наши совѣщанія. Хотѣлъ бы я спросить венеці-

анскаго посла, позволила ли бы мнѣ Венеціанская Республика такъ подслушивать свои рады"...

Когда Гнѣвошъ говорилъ это, обращаясь къ галлереѣ, королева спросила великаго конюшаго Платемберга, о чемъ ораторъ такъ разглагольствуетъ. Узнавъ, что бискупъ требуетъ отсылки всѣхъ иностранцевъ, она воскликнула: „О, какое порабощеніе (O che servitu)"! и удалилась со всѣмъ дворомъ.

Гнѣвошъ говорилъ далѣе: горевалъ о несбывшейся надеждѣ государства, что король оставитъ военныя затѣи; критиковалъ инструкціи и пропозиціи канцлера; выражалъ недовѣріе къ опасеніямъ со стороны Турціи. „Не могу согласиться на наступательную войну" (гудѣлъ онъ, точно церковный колоколъ): „ибо вижу, что нашихъ силъ ни въ какомъ случаѣ недостаточно, и потому совѣтую отправить посла къ Портѣ, склонить шляхту, въ случаѣ надобности, къ посполитому рушенію, козакамъ строго запретить морскіе походы и постановить двухнедѣльный сеймъ единственно на случай опасности со стороны Турціи. А чтобы Турція обратила въ провинцію Мультаны и Волощину, это напрасныя опасенія. Султанъ этихъ земель ни Татарами не населитъ, ни башамъ не отдастъ: ибо земли эти снабжаютъ съѣстными припасами его кухню, визирямъ приносятъ великіе доходы, и за такимъ распоряженіемъ тотчасъ бы въ Седмиградіи вспыхнулъ бунтъ, а волошскіе и мультанскіе мужики разбѣжались бы въ Венгрію и въ Польшу".

Долго въ такомъ смыслѣ ратовалъ противъ короля бискупъ. Король слушалъ его наморщивъ лобъ, наконецъ всталъ и вышелъ изъ законодательной толпы, а по окончаніи засѣданія выразилъ всему сенату свое безсильное неудовольствіе.

Это происходило 4 мая. На другой день, въ числѣ многихъ другихъ пановъ, прибыли въ Варшаву два магната, соперничавшіе на сеймовомъ судѣ за Хороль и Гадячъ въ нашей Малороссіи. Для обычныхъ въ Польшѣ доводовъ своего права, обратившихся въ поговорку *желѣзные доводы* (żelazne racye), они привели съ собой 5.000 такъ называемой ассистенціи. Одинъ изъ нихъ, князь Іеремія Вишневецкій, заявилъ, что на прошломъ сеймѣ кто-то, въ его отсутствіе, „сдѣлавшись ревизоромъ имѣній, лежащихъ на татарскомъ пограничьѣ", жаловался передъ королемъ, якобы онъ (Вишневецкій) грозилъ ему (самозванному ревизору) кіями. „Еслибъ я думалъ объ этомъ" (сказалъ представитель общественной свободы среди Шляхетскаго народа), „то навѣрное онъ бы почувствовалъ это на своей спинѣ". Таково было

предувѣдомленіе полновластнаго магната о томъ, какъ независимые отъ короля паны должны рѣшить его тяжбу.

Между тѣмъ дѣло Турецкой войны совсѣмъ упало, а вмѣсто него католическая партія подняла два вопроса и, поставивъ ихъ выше прочихъ государственныхъ интересовъ, заняла ими всѣхъ сеймующихъ пановъ. Наканунѣ паденіе Рѣчи Посполитой (она пала въ Хмельнитчину), оправдались ласкательныя слова Оссолинскаго къ папѣ, что Поляки больше заняты религіозною борьбою съ согражданами, нежели безопасностію и цѣлостію отечества.

Первый вопросъ касался аріянина Шлихтинга. Его обвинили въ изданіи богохульныхъ книгъ, отрицающихъ божественность Христа, и 11 мая, за таковое возмущеніе противъ Божескаго и королевскаго маестата, онъ былъ заочно приговоренъ къ инфаміи и конфискаціи имущества. Изданныя имъ книги сожжены чрезъ палача; всѣ аріанскія сочиненія воспрещены, новыхъ не дозволено печатать, подъ смертною казнью, и аріянскія школы уничтожены. При семъ Оссолинскій выразилъ удивленіе, какъ эта новая секта, будучи пришельцемъ и гостемъ въ Польшѣ, усиливается притѣснить старинную въ ней хозяйку—вѣру католическую!

Второй вопросъ касался полеваго гетмана литовскаго, Януша Радивила, потомка двухъ Радивиловъ, на которыхъ опирались даже и такіе православники, какъ Іовъ Борецкій. Виленскій бискупъ обвинялъ этого кальвиниста въ низверженіи придорожныхъ крестовъ, поставленныхъ мѣщанами въ его имѣніи. Дѣло это поглотило двѣ недѣли сеймоваго времени, „среди страшнаго крику однихъ, которые были воспламенены религіозною ревностью, другихъ, которые, подъ этимъ предлогомъ, хлопотали о своихъ привилегіяхъ, и третьихъ, которые желали показать свой умъ въ орацiяхъ“ (пишетъ современный намъ Полякъ-историкъ). Замѣчательнѣе всѣхъ показались тѣ орацiи, въ которыхъ, съ одной стороны, взвѣшивалась оскорбленная „честь Бога“, а съ другой—„великое имя“ обвиняемаго. Когда одинъ ораторъ заявилъ, что здѣсь надобно стоять больше за „кривду Божію“, нежели за „посполитое право“, ошмянскій подстаростій, „одноглазый еретикъ“ (какъ назвалъ его въ дневникѣ литовскій канцлеръ) замѣтилъ, что непристойно сравнивать Божіе право съ человѣческимъ. На это коронный подчашій, ученый Остророгъ, тотчасъ отвѣтилъ ему, что рѣчь идетъ не о сравненіи, часто „одноглазомъ и хромомъ“, и этотъ „жартъ“ записалъ въ своемъ дневникѣ литовскій канцлеръ, обыкновенно чуждый того, что назвалъ бы онъ празднословіемъ.

Оставалась уже только недѣля для сеймованья. Тогда Посольская Изба назначила однихъ депутатовъ для коммиссіи Шведской, другихъ—для коммиссіи Московской по предмету союза противъ Татаръ, и наконецъ—озаботилась уплатою установленному войску, въ числѣ которыхъ и реестровые козаки уже пять лѣтъ не получали жолду. Дальнѣйшимъ совѣщаніямъ помѣшала жалоба пословъ Мазовецкаго воеводства на воеводу поморскаго, Денгофа, и каштеляна хелминскаго, Горайскаго, совершавшихъ лютеранское богослуженіе въ Варшавѣ во время сейма, на который должна была призываться благодать исключительно бога католическаго. Мазуры выступили съ такимъ „бѣшенствомъ", что хотѣли отказать въ повиновеніи познанскому бискупу за то, что, какъ онъ, такъ и другіе ксендзы и даже іезуиты не достаточно ревностно обороняли вѣру. Превзошедшіе самихъ учителей ученики ссылались на декретъ мазовецкихъ князей 1525 года, воспрещающій, подъ смертною казнью, произносить какія-либо проповѣди, кромѣ католическихъ, и повторяли премудрое мнѣніе ломжинскаго старосты,—что людскія кривды Богъ предоставилъ своему суду, но свои собственныя поручилъ намъ. Изъ-за придорожныхъ крестовъ (которые, какъ видимъ, не напрасно ставилъ въ Малороссіи Петръ Могила) едва не былъ сорванъ чрезвычайный сеймъ; наконецъ это важное дѣло удалось отложить до слѣдующаго сейма (а слѣдующій сеймъ 1648 года собрался уже по паденіи *свободной* Польши). Достойны замѣчанія слова заблудовскаго плебана, по свидѣтельству литовскаго канцлера, успокоившія земскихъ пословъ: „Князь Радивилъ—мой благодѣтель, и часто приглашаетъ меня къ своему столу".

Если засѣданія королевскихъ законодателей поставить рядомъ съ государственными думами царскихъ бояръ и дьяковъ, то можетъ показаться, что здѣсь умствовали дѣти, а тамъ—зрѣлые мужи. И дѣйствительно, католичество, котораго самымъ выразительнымъ проявленіемъ были іезуиты, направляло все нравственное вліяніе своей церкви на то, чтобы держать и общество, и государство въ дѣтской отъ себя зависимости; а Поляки превзошли всѣ народы въ дѣтской покорности папѣ, и на ней основывали славу свою.

При концѣ сейма, когда и такой вопросъ, какъ запоздалая уплата жолду жолнерамъ и козакамъ, оставался еще нерѣшеннымъ, теченіе совѣщаній прервало прибытіе двухъ коронныхъ гетмановъ: „ибо многіе послы выѣхали имъ навстрѣчу", говоритъ очевидецъ. Это напоминаетъ русскому читателю 1589 годъ, когда татарскій набѣгъ увелъ въ неволю множество панскихъ женъ и дѣтей, а сеймующіе паны прекратили спѣшныя дѣла, и цѣлый день глазѣли на великолѣпный

въѣздъ князя Василія, который прибылъ на сеймъ ради фамильныхъ интересовъ своихъ и привелъ такое войско съ богатымъ обозомъ и артиллеріей, котораго было бы достаточно для устрашенія Татаръ, набѣжавшихъ почти безоружно.

Наконецъ сеймовое время совсѣмъ истекло среди волненій и ссоръ изъ-за Божьихъ кривдъ. Посольская Изба не утвердила еще ни одного постановленія, не взирая на просьбы литовскихъ пановъ и канцлеровъ, отъ которыхъ земскіе послы отдѣлывались восклицаніями и непристойными выраженіями, забывая даже о присутствіи короля. По просьбѣ сенаторовъ, согласились наконецъ на продленіе сейма до 27 мая. Обѣ законодательныя палаты соединились немедленно, и сами „дивились, что сеймъ начинается въ тотъ день, въ который слѣдовало бы ему кончиться". Но и тутъ былъ поднятъ злополучный вопросъ о господствѣ католиковъ надъ прочими религіянтами.

Евангелики выступили противъ него сильнѣе, нежели когда-либо, жалуясь, что всѣ исповѣданія вѣры, кромѣ католическаго, только *терпятся* въ Польшѣ: ибо, по мнѣнію католиковъ, велюнскій декретъ противъ иновѣрцевъ можетъ быть осуществленъ во всякое время. Протестанты представляли несправедливости и притѣсненія со стороны католической партіи, а королю припоминали права, конфедераціи и его присягу. Съ своей стороны бискупы вооружались противъ диссидентовъ, представляя несправедливости и притѣсненія, терпимыя католиками. Оссолинскій былъ умѣреннѣе всѣхъ и говорилъ противъ католиковъ за безчинства, которыя они себѣ позволяли, но и онъ не признавалъ за иновѣрцами, кромѣ спокойствія и безопасности, сохраняемыхъ терпимостью, никакихъ правъ, не только равенства. „Въ государственныхъ дѣлахъ" (говорилъ онъ) „вы равны съ католиками на основаніи конфедераціи, и не имѣете причины жаловаться, ибо занимаете высшія должности наравнѣ съ католиками, но занимаете лишь потому, что вы шляхта, а не потому, что вы разновѣрцы. Ради вашей религіи никто не сталъ бы входить съ вами въ конфедерацію". Наконецъ король объявилъ, что желаетъ оставить Рѣчь Посполитую въ томъ же положеніи, въ какомъ ее нашелъ, и не видитъ надобности въ новыхъ постановленіяхъ.

На другой день выступили съ своими претензіями наши православники, какъ арріергардъ протестантовъ, которыхъ авангардомъ были аріане. Здѣсь важную роль играли освободившіяся вакансіи. Въ самомъ началѣ 1647 года умеръ кіевскій митрополитъ и печерскій архимандритъ, Петръ Могила. Король, по желанію участвовавшихъ въ сеймованьѣ пановъ православниковъ, въ концѣ сейма, отдалъ кіевскую

митрополію Сильвестру Косову, иначе Косу, воспитаннику Петра Могилы, а печерскую архимандрію, Іосифу Тризнѣ, происходившему изъ знатной бѣлорусской фамиліи и состоявшему въ родствѣ съ Сопігами. Такъ какъ право „подаванія" этихъ „духовныхъ хлѣбовъ" (Jus patronatus) принадлежало королю, и панамъ не за что было съ этой стороны спорить на сеймѣ, то православниковъ нашихъ успокоили обѣщаніемъ — права греческой религіи безотлагательно привести въ исполненіе согласно пунктамъ, изложеннымъ на избирательномъ сеймѣ, и съ этою цѣлью назначили тотчасъ изъ сейма коммиссаровъ.

Здѣсь я припомню моему читателю, что литовскій канцлеръ Левъ Сопіга, предшественникъ Альбрехта Радивила, еще до витебской трагедіи, пугалъ уніятскаго фанатика, Іосафата Кунцевича, петиціею, „поданною королю отъ всего Запорожскаго Войска", говоря, что „козаки ждутъ въ Кіевѣ рѣшенія назначенной по сему предмету коммиссіи". Но козаки оставили безъ вниманія витебскую трагедію, не смотря на то, что изъ-подъ бунчука Сагайдачнаго перешли подъ бунчукъ Жмайла. Мало того: спустя два года, не могли они въ Медвѣжьихъ Лозахъ, сказать военносудной коммиссіи и ея президенту, Конецпольскому, ничего о своемъ вмѣшательствѣ, при Сагайдачномъ, въ дѣла церковной іерархіи, кромѣ того, что объ этомъ „духовные старшіе имѣли переговоры съ коронными властями". Въ „Пактахъ съ Козаками" послѣ осады ихъ въ Переяславѣ Конецпольскій упрекалъ ихъ зловредною выдумкой о ломаньѣ греческой вѣры, „которой никто не ломалъ", но козаки не отвѣтили ему ни слова на этотъ упрекъ. Въ петиціи, которою запасся, ѣдучи на избирательный сеймъ, Петръ Могила, козаки снова фигурируютъ подъ покровомъ панской политики. Ихъ даже научили просить объ участіи въ избраніи короля и о томъ, чтобы „греческая религія была успокоена, и чтобы ее не безпокоили уніяты". Но отвѣтъ имъ отложенъ до другаго времени, а между тѣмъ протестанты, „подъ видомъ" православниковъ, или, какъ называли ихъ католики, схизматиковъ, представили на сеймѣ свои еретическія требованія и грозили, въ случаѣ отказа, противодѣйствовать предстоящему избранію. Протестанты домогались, чтобы русская митрополія была отдана православникамъ и подчинялась константинопольскому патріарху; чтобы владыки, архимандриты и другіе члены іерархіи были его ставленниками; чтобы уніяты, оставивъ свои мѣста, отдали православнымъ семинаріи, типографіи и иныя мѣста. *) etc. etc.

---

*) Не любя *братствъ*, могилинская фракція назвала ихъ здѣсь иными мѣстами.

Это даетъ намъ понять, почему на послѣднемъ передъ Польскимъ Разореніемъ сеймѣ 1647 года постарались разъединить православниковъ съ ихъ покровителями, или—другими словами—отдѣлить отъ протестантовъ ихъ арріергардъ. Что̀ касается козацкихъ пословъ на избирательномъ сеймѣ, то, по словамъ литовскаго канцлера, князя Радивила, имъ сдѣлали строгій выговоръ за дерзостную просьбу объ участіи въ избраніи короля, и Сенатъ сурово наказалъ имъ, чтобъ они не смѣли больше говорить о томъ.

По воцареніи Петра Могилы на митрополіи, козаки сдѣлались не нужными арріергарду протестантскаго движенія противъ католиковъ. Интересовались греческою вѣрою такіе люди, какъ Адамъ Кисѣль и Лаврентій Древинскій, въ качествѣ представителей оппозиціи католикамъ; но козаки, въ лицѣ своего героя, Сулимы, чествовали папу въ самомъ Римѣ, не чуждались даже перехода въ католичество, а ихъ свирѣпые бунты противъ пановъ 1637 и 1638 годовъ не представляютъ намъ никакого съ ихъ стороны упоминанія о томъ, чтобы права греческой религіи, взятыя Владиславомъ на свою отвѣтственность, были введены въ самую жизнь. Теперь на сеймѣ, непосредственно предшествовавшемъ козакотатарскому нашествію, о козакахъ, какъ православникахъ, не было и помину. Образцомъ возстанія за вѣру творцу этого нашествія могла служить одна Переяславщина, иначе Тарасовщина.

Сеймовые паны, „дивясь“, что убили все время сеймованья своего въ религіозныхъ треволненіяхъ, начали читать свои постановленія „въ неслыханномъ замѣшательствѣ“. Такъ какъ Посольская Изба не утвердила до сихъ поръ ниодного закона, то теперь „все разомъ, совмѣстно съ Сенатомъ, формулировали, писали, разсматривали и рѣшали“... При этомъ разныя факціи и даже единичные послы подавали свои проекты постановленій маршалу для чтенія, вмѣстѣ съ заявленіемъ, что, въ случаѣ непрочтенія, сеймъ будетъ сорванъ, а ихъ единомышленники вторили угрозѣ неистовыми криками. Было такимъ образомъ прочитано и принято 134 пункта, и большая часть безъ всякой обдуманности, посреди восклицаній, воззваній и протестовъ.

Шляхетскій народъ, въ послѣдній моментъ своей политической цѣлости, показалъ вполнѣ свою государственную и общественную несостоятельность. Благо личной свободы, драгоцѣннѣйшее изъ благъ жизни, путемъ самоуправства, превратилось у него въ такое зло, которое могла устранить одна диктатура. Первымъ на нее претендентомъ явился король Владиславъ IV, но, по его неспособности, завладѣла диктатурою шляхта. Присвоивъ себѣ верховенство, она явилась

Трагикомическое явленіе представляла величавая Польша, порываясь, наканунѣ своего паденія, къ обладанію имперіей Палеологовъ. Признаки Польскаго Разоренія, далеко превзошедшаго Московское, намѣтились тогда уже выразительно. Обыкновенно думаютъ, что если-бы кто-нибудь изъ полновластныхъ пановъ догадался убить „страшнаго человѣка", Хмельницкаго, передовые въ Европѣ борцы за подавленіе свободной совѣсти и процвѣтаніе свободы личной, Поляки, благоденствовали бы въ своей республикѣ донынѣ. Но между козаками, кромѣ Хмельницкаго, были Цари Наливаи, были дивные воины Сагайдачные, были непостижимые въ воинскомъ искусствѣ Гуни. Русскіе таланты, не имѣя простора въ іезуитскомъ государствѣ для его строенія, должны были проявить себя въ дѣятельности разрушительной.... Да и кромѣ козацкихъ буйтуровъ, Польша была полна буйтуровъ панскихъ, все-таки нашихъ Русичей, втянутыхъ такъ или иначе въ составъ этого „духовнаго", ксендзовскаго государства. Гиганты сильной воли и боевой энергіи, они проявляли свое бурное величіе въ борьбѣ съ разрушительнымъ разливомъ русскотатарскаго козачества; но сами были готовы разрушить Польшу изъ-за той дикой свободы, которую Поляки считали верхомъ человѣческаго благополучія, и которую они внѣдрили съ одной стороны въ жолнерахъ, съ другой—въ козакахъ.

Это могъ видѣть каждый, у кого были бы глаза, и на послѣднемъ, едва не разстроившемся сеймѣ. По разсказу покойнаго Шайнохи, самаго талантливаго изъ польскихъ историковъ, одно событіе кончившееся на этомъ сеймѣ благополучно,—подобно пролетѣвшей таинственно бурѣ, бросило на польскую будущность такой же кровавый свѣтъ, какъ и глухо ревущая покамѣстъ въ отдаленіи буря козацкая, дававшая о себѣ знать переговорами орды днѣпровской съ ордою крымскою. Въ сравненіи съ этимъ зловѣщимъ эпизодомъ, всѣ перипетіи двухъ послѣднихъ сеймовъ теряютъ свою антигосударственную выразительность, и я перескажу его со словъ Шайнохи, давая, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, предпочтеніе органу тѣхъ, которые заинтересованы въ характеристикѣ событія ближе насъ, Русичей.

Былъ у короля Владислава IV извѣстный любимецъ, Казановскій, связанный съ нимъ тѣсною дружбою съ самаго ранняго возраста. Когда еще при Сигизмундѣ III, была завоевана московская Сѣверія, королевичъ Владиславъ выпросилъ у отца для Казановскаго обширныя добра, называвшіяся Ромномъ. Лѣтъ пятнадцать пользовался Казановскій спокойно королевскимъ пожалованіемъ; но въ эти годы возмужалъ князь Іеремія Вишневецкій, и предъявилъ старинное право свое на Ромненскія добра, опиравшееся на такія данныя, что на нихъ во время

оно не обратили никакого вниманія. Вишневецкій былъ уже славнымъ воиномъ. Въ битвахъ съ козаками на Сулѣ и Старцѣ въ 1638 году онъ былъ правой рукою Николая Потоцкаго, а въ пораженіи Татаръ подъ Охматовымъ помогъ Станиславу Конецпольскому настолько, насколько Сагайдачный Ходковичу—подъ Москвою. Слава означала въ Шляхетскомъ народѣ силу, и славный воинъ повелѣлъ своимъ слугамъ занять Роменъ. Способъ, къ какому прибѣгнулъ князь Вишневецкій для овладѣнія королевскимъ пожалованіемъ, могъ выработаться только въ Польшѣ, которой паны унаслѣдовали кулачное право нашихъ удѣльныхъ князей.

Въ одинъ прекрасный мѣсяцъ (разсказываетъ Шайноха), лѣтомъ 1644 года, къ „губернатору“ роменскихъ добръ явился, въ видѣ гостя, пріятель, принадлежавшій къ партіи Вишневецкаго. Панъ губернаторъ угощалъ его ужиномъ, къ которому, по счастливой случайности, подоспѣлъ другой, третій, четвертый гость, все старые знакомые губернатора. Но когда встали изъ-за стола, гости просятъ пана губернатора *остаться ночевать у нихъ*, и въ то же самое время столовую наполнили княжескіе жолнеры. Многочисленной дружинѣ непрошенныхъ гостей мудрено было дать отпоръ, и губернаторъ считалъ себя еще счастливымъ, что и импровизированные обладатели замка выпустили его за ворота живымъ и здоровымъ. Ему былъ данъ торжественный наказъ—объявить своему пану, что князь Іеремія Вишневецкій занялъ Роменъ по праву наслѣдства.

Весь королевскій дворъ пришелъ въ волненіе отъ самоуправства пограничнаго магната. Вся Польша наполнилась разсказами о сеймовыхъ замѣшательствахъ по поводу вражды королевскаго любимца съ великимъ воиномъ. Съ 1644 года не переставала эта вражда занимать законодательную власть и обнаруживать ничтожество власти исполнительной. Вишневецкій былъ объявленъ банитомъ, но, какъ ни въ чемъ не бывало, появлялся въ Варшавѣ и даже въ королевскомъ дворцѣ. Король только тѣмъ и могъ явить свое неудовольствіе, что не захотѣлъ съ нимъ видѣться. Дѣло въ томъ, что если одна половина Польши стояла за королевское пожалованіе, то другая рукоплескала презрѣнію воинственнаго магната къ власти закона. Это засвидѣтельствовали провинціяльные сеймики, заговорившіе въ пользу Вишневецкаго, лишь только разослалъ онъ по всему государству письма. Наконецъ король, съ большимъ трудомъ, примирилъ враговъ, присудивъ Роменъ Вишневецкому, съ тѣмъ чтобы онъ уплатилъ Казановскому 100.000 злотыхъ. Это было сдѣлано въ силу рѣшенія луцкаго сеймика, который далъ строгій наказъ посламъ своимъ, „чтобы лучше рвался сеймъ,

нежели чтобы Вишневецкаго удалили какимъ-либо декретомъ отъ владѣнія роменскими добрами, отнятыми у Казановскаго".

„По тогдашнему воззрѣнію на вещи" (говоритъ Шайноха) „такая мировая сдѣлка была самымъ постыднымъ заключеніемъ процесса: ибо въ подобныхъ случаяхъ магнаты ратовали не столько за самыя добра, сколько за то, чтобъ устоять на своемъ. Затѣявъ разъ что́ бы то ни было, надобно было упорствовать до конца, не обращая вниманія на всяческія оттуда опасности для себя *и хоть бы даже для государства...* Казановскій за мировую съ Вишневецкимъ взялъ деньги, а такой торгъ за претензію, за punkt honoru, подорвалъ его панскую репутацію у шляхты. Самъ король, послѣ ихъ мировой, перешелъ на сторону Вишневецкаго, какъ это извѣстно изъ дневника литовскаго канцлера. „„Взявши 100.000 злотыхъ" (пишетъ канцлеръ) „Казановскій подвергся презрѣнію короля и другихъ... Умѣетъ Вишневецкій побѣждать и враговъ отечества, и своихъ собственныхъ"".

„Однакожъ (замѣчаетъ краснорѣчивый историкъ) отъ такихъ домашнихъ побѣдъ дрожали стѣны дома", и о такомъ дрожаніи непрочно построеннаго государства разсказываетъ еще болѣе многозначительный примѣръ магнатскаго гайдамачества со стороны того же Вишневецкаго.

Черезъ годъ по захватѣ Ромна у Казановскаго, захватилъ князь Вишневецкій у своего швагера, короннаго хорунжаго Александра Конецпольскаго, добра гадяческія. Панъ хорунжій позвалъ пана воеводу на сеймовой судъ 1646 года; но Вишневецкій уклонился отъ суда подъ предлогомъ болѣзни. Въ 1647 году коронный хорунжій готовъ былъ сорвать сеймъ, если князь не присягнетъ, что дѣйствительно въ прошломъ году былъ боленъ; а читатель помнитъ, что оба магната прибыли судиться съ желѣзными доказательствами. Литовскій канцлеръ выразился объ этомъ лаконически, какъ о дѣлѣ, не поражавшемъ тогдашняго Поляка: „5 мая прибыли въ Варшаву воевода русскій и коронный хорунжій, которыхъ ассистенція заключала въ себѣ 5.000, ради непріязни ихъ между собою".

Присягнуть по требованію швагера для магната, не знавшаго никакого принужденія, было такимъ униженіемъ, что послѣ того оставалось только убить соперника среди Сенаторской Избы, на что Вишневецкій и рѣшился.

„Узнавъ объ этомъ требованіи" (записалъ въ своемъ дневникѣ дворянинъ Вишневецкаго, Машкевичъ, и польскій историкъ не нашелъ въ его показаніи ничего невѣроятнаго), „князь всячески старался уклониться отъ присяги (xiąże zabiegał różno, żeby nie przysięgał), одна-

кожъ, по причинѣ упорства пана хорунжаго, не могъ склонить его къ этому. Но сохрани Господи Боже! была бы бездна зла изъ-за этой присяги. Ибо съ вечера, передъ судомъ, князь Вишневецкій, собравши всѣхъ слугъ, которыхъ было съ нимъ до 4.000, собравши всѣхъ, кромѣ пѣхоты да мелкаго народа, сказалъ всѣмъ рѣчь и просилъ, чтобы всѣ стояли за него и смотрѣли на его починъ, а потомъ кончили, что онъ начнетъ. Ибо объявилъ то, что, если присягну, то, вставши, тотчасъ ударю саблею хорунжаго и буду сѣчь всѣхъ, кто бы за него стоялъ, *хотя бъ и самого короля*, а вы всѣ до единаго, дворные слуги и молодежь, протѣснитесь въ Сенаторскую Избу и меня поддержите. И было бы все это, еслибы присягнулъ. Но самъ король Владиславъ IV съ панами сенаторами постарались, чтобы хорунжій не настаивалъ на присягѣ".

„Яко актъ доброй воли" (замѣчаетъ Шайноха), „эта уступка не вредила въ общественномъ мнѣніи Конецпольскому".

Литовскій канцлеръ, въ своемъ дневникѣ доканчиваетъ характеристику обоихъ соперниковъ. Русскій воевода овладѣлъ Гадячемъ за то, что коронный хорунжій присвоилъ себѣ Хороль, который прежде принадлежалъ къ добрамъ князя Вишневецкаго, но сеймовымъ декретомъ обращенъ въ королевщину. Не смотря на готовность Вишневецкаго къ неслыханному покушенію, въ возможности котораго никто не сомнѣвался, король настолько цѣнилъ и боялся бывшаго банита, что назначилъ во дворцѣ домашнія засѣданія сенаторовъ, расположенныхъ къ одному и другому сопернику. Послѣ многократныхъ сходокъ, насилу согласили ихъ къ тому, чтобы князь отдалъ гадяческія добра хорунжему, а хорунжій уплатилъ князю за хорольскія добра 100.000 злотыхъ. „О примиреніи ихъ" (пишетъ литовскій канцлеръ) „долго мы хлопотали и насилу обоихъ уговорили поблагодарить короля за интерпозицію своего достоинства. Итакъ, взаимно обнявшись, не знаю, искренно ли, разстались они: ибо хорунжій сказалъ мнѣ: „Что пользы въ этомъ мирѣ, который скоро *запылаетъ еще большею враждою?* И потомъ, не побесѣдовавъ, оба выѣхали изъ Варшавы".

Оставалось уже только двѣнадцать мѣсяцевъ до кроваваго мая 1648 года, въ которомъ враждующіе паны должны были мириться для того, чтобъ отстаивать свою колонизацію противъ собственныхъ подданныхъ.

Глава XIV.

Пророчество о гибели Польши отъ уніи.—Вопросъ церковный и вопросъ козацкій.—Вершитель козацкихъ бунтовъ.—Свиданіе короля-демагога съ козакомъ-демагогомъ.—Надежда на возстаніе Болгаріи.—Козако-татарскій союзъ противъ Рѣчи Посполитой.—Козацкія досады на украинскую шляхту.—Пограничныя сношенія Польши съ Москвою.—Панское войско идетъ противъ козацкаго.

Оба заговорщика противъ „свободнаго королевства, населеннаго доблестными Поляками въ открытыхъ поляхъ и окруженнаго только стѣною любви и единодушнаго между сословіями довѣрія"; оба казуиста, пользовавшіеся для своихъ личныхъ цѣлей неурядицей олигархической республики и ея неспособностью къ государственности; оба великіе мужа, которые могли бы спасти свою польскую отчизну, даже и наканунѣ уготованной ею себѣ гибели, еслибъ не были эгоистами и трусами,—рѣшились отнынѣ дѣйствовать подъ покровомъ глубокой тайны, и потому осталось весьма мало письменныхъ слѣдовъ отъ ихъ послѣдней игры въ политику.

Покровъ глубокой тайны лежалъ и на козацкихъ дѣлахъ того времени. Въ качествѣ преданныхъ королю подданныхъ, козаки сдѣлались наконецъ главнымъ орудіемъ для принужденія Королевской Республики къ Турецкой войнѣ. Какъ много значили они теперь у короля, видно изъ одного того, что для сношеній съ ними послалъ онъ такого человѣка, котораго никто не могъ бы замѣтить ни въ Лондонѣ, ни въ Римѣ, ни въ Венеціи и Вѣнѣ.

Но съ козаками, кромѣ военнаго ремесла ихъ, соединялся у Поляковъ погибельный для олигархіи церковный вопросъ. Возникъ этотъ вопросъ, какъ надобно думать, въ умахъ московскихъ собирателей Русской Земли, и обнаружился въ Кіевѣ внезапнымъ возстановленіемъ православной митрополіи чрезъ посредство Сагайдачнаго. Теперь онъ опирался уже не на такихъ людей, какими были творцы „Совѣтованія о Благочестіи", а на такихъ, какимъ явился Петръ Могила съ его

питомцами и креатурами; только Малороссія наша не была успокоена съ религіозной стороны митрополитомъ, созданнымъ родственниками магнатами. Монашескіе вопли о „наступленіи Ляховъ на христіянскую вѣру“ подхватывали зложелатели „пановъ Ляховъ“, запорожскіе крамольники, питомцы цѣлаго ряда козако-панскихъ усобицъ, и, вмѣстѣ съ бѣгавшими къ нимъ банитами да инфамисами, усердно ширили эти вопли въ козацкихъ кошахъ, куда не имѣли ходу ни попы, ни чернецы. Огласивъ Малороссію при „яровитомъ католикѣ“, монашескія жалобы не переставали раздаваться и при томъ королѣ, котораго латинскіе клерикалы заподазривали въ покровительствѣ всѣмъ ересямъ.

Одинъ изъ „юродивыхъ ради Христа“ игуменовъ, Аѳанасій Филипо́вичъ, видѣлъ погибель Польши не въ „козацкихъ войнахъ“, которыя онъ, подобно многимъ такимъ, какъ онъ, энтузіастамъ, приписывалъ введенію уніи, а въ самой уніи, потворствуемой, по его словамъ, даже православною іерархіею. Строгій аскетъ, безсребряникъ и вѣчный богомолецъ, Филипо́вичъ вообразилъ себя пророкомъ, посланнымъ отъ Бога предостеречь короля Владислава отъ страшной участи, которая должна постигнуть народъ его. Не допускаемый къ королю не только свѣтскими панами, но и собственными духовными „старшими“, Филипо́вичъ зашилъ свое пророчество въ зеленый атласъ и бросилъ Владиславу въ карету. Дерзновеніе свое оправдывалъ онъ словами, которыя даютъ намъ понять, что въ православномъ духовенствѣ произошло, при Петрѣ Могилѣ, такое же дѣленіе, какое при князѣ Василіи постигло православниковъ пановъ, то есть, что духовные верховники носили на себѣ уже только образъ древняго русскаго благочестія, духа же его отверглись.

„Нѣкоторые“ (писалъ Филипо́вичъ) „обращаются ко мнѣ, убогому человѣку, такъ: Почему ваши владыки и старшіе отцы не домогаются того, чего требуешь *одинъ ты*, ничтожный?... Такъ, правда! Но не моя вина, что меня всемогущій Богъ назначилъ и послалъ къ вашей королевской милости съ объявленіемъ святой воли Его, подобно тому, какъ убогій человѣкъ Наѳанъ былъ посланъ къ царю Давиду“, и т. д.

Это было еще въ 1645 году. Юродиваго игумена, за его безумное, какъ тогда казалось, предсказаніе, держали по нѣскольку недѣль въ тюрьмѣ. Но онъ вырывался изъ-подъ надзора тюремщиковъ, бѣгалъ (по собственному разсказу) выпачкавшись въ грязной лужѣ нагой, въ одномъ клобукѣ и монашескомъ парамантѣ, по Варшавѣ и кричалъ: „Горе проклятымъ и невѣрнымъ (Vae maledictis et infidelibus)“! По королевскому распоряженію, Филипо́вича отправили въ Кіевъ къ

Петру Могилѣ, а Могила помѣстилъ его въ отдаленномъ отъ Украины Берестовскомъ монастырѣ, то есть возвратилъ въ ту самую Литовскую Брестъ, откуда и распространилось волненіе между православнымъ духовенствомъ посредствомъ „синодовъ“ и объявленія церковной уніи *).

Напрасны были всѣ старанія правительства успокоить эти волненія: причины ихъ таились въ „дѣлахъ давно минувшихъ дней“. Ни потачки архіереямъ, посвященнымъ іерусалимскимъ патріархомъ въ виду ставленниковъ римскаго папы, ни признаніе ихъ законности въ лицѣ Петра Могилы, ничто не перемѣнило вкоренившагося въ народной массѣ убѣжденія, что паны о томъ только и думаютъ, какъ бы „*христіянскую* вѣру перемѣнить на *римскую*“. Правительство, озабоченное денежными затрудненіями своими и борьбою шляхетскихъ партій, не удостоивало даже прислушиваться къ толкамъ русскаго простонародія, руководимаго своимъ убогимъ и озлобленнымъ духовенствомъ; а между тѣмъ эти толки смѣшивались въ темныхъ умахъ съ козацкими вымыслами о поголовномъ истребленіи коронным войскомъ такихъ мѣстечекъ, какъ Лысянка, объ избіеніи панами жолнерами встрѣчавшейся на походѣ Руси единственно за то, что она *Русь*, о предположеніи вырѣзать все православное населеніе Украины вплоть до московскаго рубежа и тому подобныхъ ужасахъ. Двѣ пропаганды, исходя изъ разныхъ источниковъ и побужденій, приводили украинскую городскую и сельскую чернь къ ненависти и, можно сказать, освящали въ ея сердцѣ ненависть къ тѣмъ, кого называла она *Ляхами*, въ отличіе отъ тѣхъ, кого разумѣла она подъ именемъ *Русь*. Недоставало только случая къ широкому бунту. Этотъ случай готовилъ король съ премудрымъ своимъ канцлеромъ.

Неожиданно скончался митрополитъ, съ помощью котораго Владиславъ надѣялся оторвать схизматиковъ отъ константинопольскаго патріарха, дабы потомъ привести ихъ къ такой уніи, которая была бы прочнѣе устроенной Сигизмундомъ въ Брестѣ. Ревностные католики не любили Петра Могилы. Имъ не было дѣла до его важнаго, въ историческомъ смыслѣ, для *насъ*, какъ и въ князѣ Острожскомъ, единенія съ римскою церковью путемъ науки, общежитія, родства и національности. Еще больше не любили Петра Могилы уніяты, у которыхъ отнялъ онъ вдругъ столько хлѣбовъ духовныхъ. Но съ Замой-

*) Въ Московской Патріаршей библіотекѣ хранятся записки Филиповича, ожидающія изданія.

скими, Потоцкими, протестантами Радивилами и окатоличившимися Вишневецкими онъ былъ связанъ родствомъ и наслѣдственною *зажилостью*. Это и было причиною, что никто, а всего меньше самъ онъ, не безпокоилъ сеймовъ напоминаніемъ о козакахъ, изъ которыхъ Кисели да Древинскіе, заодно съ протестантами, дѣлали „опекуновъ греческой Церкви" въ Малороссіи, стращая своихъ религіозныхъ противниковъ изчужа, какъ стращалъ и Сопіга Кунцевича. Смерть законнаго, хоть и „схизматическаго", кіевскаго митрополита заставила короля, въ началѣ 1647 года, съ согласія нунція, назначить съѣздъ въ Вильнѣ, съ цѣлью компромисса между „схизматиками" и уніятами.

Малорусскій панъ Іоакимъ Ерличъ, владѣлецъ лежащаго не вдалекѣ отъ Кіева мѣстечка Ходоркова *), былъ одинъ изъ тѣхъ представителей православнаго движенія, которые, съ благими намѣреніями, содѣйствовали, какъ и Петръ Могила, ополяченію Малороссіи. Ерличъ участвовалъ въ сеймованьѣ 1647 года, и ему надворный маршалъ, Казановскій, подарилъ копію состоявшагося въ Вильнѣ компромисса. Въ своихъ воспоминаніяхъ, писанныхъ попольски, подъ названіемъ Latopisiec, онъ говоритъ слѣдующее:

„Средство для общаго умиротворенія, предложенное съѣздомъ въ Вильнѣ, состояло въ томъ, чтобы никто изъ Руси греческаго обряда не произносилъ символа вѣры съ прибавкою *и отъ сына* исходящаго Духа Святаго; чтобы никто изъ Руси не порицалъ и не упрекалъ латинниковъ ересью за прибавку *и отъ Сына*; чтобы каждый греческаго исповѣданія Русинъ говорилъ, что Святый Духъ есть Духъ Отца и исходитъ черезъ Сына, и никто изъ латинниковъ не упрекалъ бы его за то въ ереси; чтобы всѣ въ Руси греческаго исповѣданія вѣровали въ третье мѣсто, въ которомъ души задерживаются для покаянія, или для разрѣшенія, и нуждаются въ молитвахъ вѣрныхъ, но никто не долженъ вѣровать, что въ томъ третьемъ мѣстѣ есть огонь, а можетъ разумѣть огонь не огнемъ. Вся Русь греческаго обряда, находящіеся въ подданствѣ у короля, должны быть подъ властію патріарха константинопольскаго, но съ условіемъ,—что патріархъ будетъ вѣровать, какъ написано выше; что патріархъ будетъ вѣрнымъ, то есть христіяниномъ; что будетъ посвященъ по правиламъ и будетъ избранъ одинъ; что послѣ своего посвященія пошлетъ къ польскому королю, къ митрополиту и епископамъ русскимъ, и объявитъ, что такъ

*) Въ наше время это мѣстечко принадлежало Константину Свидзинскому, которому исторіографія обязана, между прочимъ, и сохраненіемъ лѣтописи Ерлича, требующей болѣе полнаго и точнаго изданія.

вѣруетъ, какъ написано выше. Тогда только вся Русь греческаго обряда будетъ ему послушна, а всѣ другіе пункты вѣры, церемоніи, обряды, согласно обычаю восточной церкви, должны сохранить непарушимо, безъ всякихъ новыхъ выдумокъ".

Каждому изъ насъ, православныхъ, ясно, что этотъ компромиссъ былъ тѣмъ же отлученіемъ паствы отъ константинопольскаго патріарха, которое хотѣли сдѣлать посредствомъ патріархата малорусскаго. Теперь король намѣревался, все съ той же цѣлью, испросить у константинопольскаго патріарха согласіе на учрежденіе въ Польшѣ экзархата для Русиновъ. Всегда злотворное для Польши внушеніе папскаго нунція, или папскихъ духовъ тьмы—іезуитовъ, обнаружилось при этомъ въ намѣреніи избрать экзарха схизматикамъ вмѣстѣ съ унитами, или же, чтобы его назначалъ самъ король, а *сакру* долженъ былъ онъ получать явно—или отъ мѣстнаго клира, или (какъ этого желали уніяты) отъ константинопольскаго патріарха, а потомъ „другую сакру, преподанную папою, отъ короля, хотя бъ и тайно, ради спокойствія совѣсти".

Эти пункты были предложены на сеймѣ русской шляхтѣ (о мнимыхъ опекунахъ греческой церкви въ Малороссіи никто не думалъ, не думалъ даже и король, нуждавшійся въ козакахъ) и выбранному его *электу*, Сильвестру Косову, котораго король, въ концѣ сейма, наименовалъ кіевскимъ митрополитомъ. На томъ же сеймѣ состоялось постановленіе, въ которомъ король обѣщалъ дизунитамъ привести въ исполненіе всѣ права греческой религіи, и съ этой цѣлью назначилъ изъ сейма коммиссію, которая должна была притязанія схизматиковъ разсмотрѣть на мѣстѣ.

И вотъ коронный канцлеръ выѣхалъ въ Украину, чтобы склонить на мѣстѣ малорусскую шляхту греческой вѣры къ принятію виленскихъ пунктовъ, чтобъ облегчить и проложить дорогу коммиссіи, выбранной сеймомъ, съ цѣлью введенія въ жизнь признанныхъ за дизунитами правъ, и, наконецъ, чтобъ изслѣдовать на мѣстѣ несправедливости, какія они терпѣли.

Королевскій дворянинъ Освѣцимъ, великій поклонникъ Оссолинскаго, вспоминаетъ объ этой миссіи канцлера такъ:

„Въ августѣ 1647 года коронный канцлеръ выѣхалъ изъ Варшавы въ задуманную давно дорогу на Заднѣпріе, въ Батурипъ, Конотопъ и другія находящіяся тамъ свои маетности, которыя онъ держалъ леннымъ правомъ. Тайная же цѣль этой поѣздки была вотъ какая. Такъ какъ королю его милости не удалось въ прежніе годы присоединить къ своей церкви всѣхъ еретиковъ, то онъ возжелалъ

присоединить обратно къ римской церкви греческую вѣру, которую такъ давно схизма отъ нея оторвала, съ намѣреніемъ при этомъ случаѣ вмѣстѣ присоединить дизунитовъ къ уніи и прервать оную козацкую лигу съ Татарами. Когда у него въ переговорахъ съ нѣкоторыми панами русскихъ краевъ и даже съ митрополитомъ кіевскимъ явилась великая и вѣроятная надежда, упомянутый канцлеръ, желая привести это какъ можно скорѣе въ исполненіе, изобрѣлъ себѣ предлогъ осмотрѣть заднѣпровскія свои маетности, дабы, подъ этимъ предлогомъ, тѣмъ скорѣе съ ними переговорить и предложить способы (media) для удовлетворенія обѣихъ сторонъ, сносясь съ кіевскимъ митрополитомъ, съ Адамомъ Киселемъ и Максимиліаномъ Бжозовскимъ,—которому обѣщалъ кіевскую каштелянію, *) дабы его тѣмъ болѣе заохотить и на свою сторону привлечь,—яко съ старшими главами греческой религіи. Въ чемъ они не только великую—дай Богъ согласіе—надежду, но назначили и время для публичнаго трактата на день 16 (6) іюля будущаго (1648) года. И хотя это держали въ великомъ секретѣ, но, такъ какъ всѣ дѣла пана канцлера—хотя-бы были и самыя святыя—возбуждаютъ къ нему немалую зависть, то и эта заднѣпровская поѣздка возбудила между шляхтою разныя противъ него подозрѣнія".

„Великій секретъ" не позволилъ Оссолинскому быть лично въ Кіевѣ и другихъ близкихъ къ нему мѣстахъ. Операціоннымъ базисомъ тайныхъ сношеній служилъ канцлеру Батуринъ, въ которомъ памятникомъ его пребыванія осталась данная имъ Крупецкому монастырю грамота. Черезъ полстолѣтія съ небольшимъ, отсюда велъ такія же покрытыя глубокою тайною сношенія Мазепа. Пріѣзжавшіе къ нему іезуиты останавливались въ 30 верстахъ отъ Батурина, въ селѣ Оленовкѣ. Можетъ быть, такъ поступали и агенты преемника Могилы, продавая нашу отеческую церковь папистамъ.

Католическія же подозрѣнія, о которыхъ говоритъ Освѣцимъ касались другаго дѣла, которое обработалъ Оссолинскій, прикрываясь дѣлами экономическими, а, можетъ быть, и церковными. Его въ послѣдствіи обвиняли, что *главною* цѣлью поѣздки его въ Украину были договоры съ козаками. Враги упрекали его за это въ измѣнѣ государству, дѣлали его отвѣтственнымъ за бунты, поднятые Хмельницкимъ, и за всѣ несчастія, постигшія Рѣчь Посполитую въ послѣдніе

*) А Киселя той же дорогой прочили изъ кіевской каштелянии на брацлавское воеводство.

годы. Пріятели не были въ состояніи оборонять его и освободить отъ упрековъ и подозрѣній, которые, въ страшномъ раздраженіи общества, разрослись до того, что ихъ повторяли наконецъ и люди безпристрастные. Даже украинскіе землевладѣльцы, которымъ легче было *пронюхать*, что дѣлалъ въ Украинѣ королевскій наперсникъ, считали его виновникомъ Польской Руины. Спасаясь въ Печерскомъ монастырѣ отъ разлива Хмельнитчины, прибѣжавшій туда изъ Ходоркова пѣшкомъ Ерличъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Что сдѣлалось въ Польской Коронѣ отъ хлопства, то все черезъ короля и гнуснаго измѣною канцлера, человѣка безбожнаго,—эта распря и гибель Польской Короны и столь великое кровопролитіе, поруганіе и посмѣяніе отъ иноземныхъ сосѣдей, что собственные хлопы и подданные завоевали насъ и обратили въ ничто".

Про канцлера говорили публично, что по его внушеніямъ король, съ помощью козаковъ, хотѣлъ отнять у шляхты свободу и ввести монархизмъ наслѣдственный. Между обвинителями короля и его совѣтника были и такіе, которые утверждали, что король дозволилъ козакамъ увеличить число ихъ войска для того, чтобы, въ случаѣ несогласія сейма на Турецкую войну, козаки не послушались королевскаго повелѣнія прекратить набѣги на Турокъ и Татаръ. Король выступилъ бы въ походъ подъ предлогомъ ихъ усмиренія, вошелъ бы съ ними въ переговоры и склонилъ бы ихъ къ повиновенію позволеніемъ воевать съ мусульманами. Козаки сдѣлались бы тогда авангардомъ королевскаго войска, которое Владиславъ повелъ бы въ Турцію съ преданными ему панами, не заботясь о меньшинствѣ противниковъ Турецкой войны. А современный французскій посолъ разсказывалъ своему соотечественнику, Петру Шевалье, въ Варшавѣ слѣдующее:

„Ходили слухи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, весьма правдоподобные, что король, желая еще однажды поднять давнишній замыселъ похода на Татаръ, вошелъ въ соглашеніе съ Хмельницкимъ, и что Хмельницкій дѣйствовалъ по его волѣ и повелѣнію, начиная бунтъ съ тою цѣлью, чтобы доставить королю поводъ къ набору войска противъ козаковъ. Войдя въ Украину, намѣревался онъ присоединить козаковъ къ своему войску, которое, будучи предводимо иностранцами, или приверженцами короля, не заботилось бы о волѣ и повелѣніи Рѣчи Посполитой, а пошло бы съ королемъ въ Крымъ и потомъ противъ Турокъ, что неизбѣжно привело бы къ наступательной войнѣ. Между тѣмъ Хмельницкій, видя, что письма, которыя послалъ онъ съ жалобой о козацкихъ и своихъ собственныхъ обидахъ, при всей покорности, съ которой были писаны, не имѣли никакого послѣдствія, напро-

тивъ, коронный гетманъ готовился противъ него,—пересталъ довѣрять собственнымъ силамъ, и призвалъ на помощь Татаръ, которые зимовали въ Дикихъ Поляхъ и ждали удобнаго случая, чтобы распустить по Украинѣ загоны".

Сколько правды, преувеличеній и прибавокъ во всѣхъ этихъ толкахъ, мудрено сказать, не имѣя письменныхъ свидѣтельствъ о дѣятельности Оссолинскаго въ Украинѣ и зная, какъ онъ умѣлъ себя маскировать еще въ положеніи путешествующаго школьника. Несомнѣнно одно—что Оссолинскій договаривался съ козаками. Въ этомъ убѣждаютъ историка не только достовѣрныя свидѣтельства, но и самая необходимость договора, указанная обстоятельствами.

Десять лѣтъ уже, такъ называемая, козацкая Украина была въ глухомъ, но постоянномъ бунтѣ. Хотя такіе люди, какъ Димитрій Гуня, отчаялись въ возможности соединить еще однажды разсѣянную козацкую орду и призвать къ ней на помощь орду татарскую, но наслѣдственная привычка многихъ десятковъ тысячъ людей питаться „козацкимъ хлѣбомъ" могла быть подавлена—и то нескоро—привычкою къ трудовому хлѣбу только подъ рукой такихъ великихъ хозяевъ, какими были московскіе собиратели Русской Земли. Кромѣ того, въ Королевской Республикѣ доступъ къ дигнитарствамъ, соединеннымъ всегда съ обильнымъ кормленіемъ, имѣлитолько шляхтичи-землевладѣльцы; люди же, тѣснимые можновладниками и заѣдателями шляхетскаго имущества—ксендзами да католическими монахами,—по утратѣ земельной собственности, обращались къ исканію хлѣба козацкаго. У насъ въ Россіи не только высшая и низшая старшина козацкая вошла въ составъ привилегированнаго сословія, но даже два сына козелецкой козачки Розумихи, очутясь, царскою волею, на высшихъ мѣстахъ, какъ и нѣкоторые простолюдины великорусскіе, были приняты древними сановитыми барами въ родство и дружбу. Въ Польшѣ, какъ мы видѣли, знатная шляхта не хотѣла забыть, что музыкантъ и поэтъ Фантони—итальянскій мужичокъ, не смотря на то, что король сдѣлалъ его своимъ секретаремъ, а церковь католическая возвела въ каноники. Тамъ даже такихъ дѣятелей, какъ Жовковскій и Конецпольскій, паны, наслѣдовавшіе „великія имена", называли людьми мелкими. Слѣдствіемъ „столь хорошо обдуманнаго государства" было то, что 40.000 козаковъ Сагайдачнаго, этотъ „розовый вѣнокъ" на головахъ побѣдителей турецкаго Ксеркса, были заперты въ тѣсномъ пространствѣ чигиринскаго, корсунскаго и черкасскаго старостъ, и не только не входили въ составъ государственныхъ сословій, какъ и торговые классы, но, за исключеніемъ 6.000 реестровиковъ, считались пан-

скими, или, что́ все равно, старостинскими подданными. Каковы бы ни были козаки по своему разбойно-воровскому быту, но государство, обязанное имъ столько времени славою побѣдъ и завоеваній, должно́ было бы позаботиться о нихъ по крайней мѣрѣ настолько, чтобъ они, въ дикомъ отчужденіи своемъ, не терзали, какъ выражались паны, „внутренностей“ этого государства. Вмѣсто того, имъ вѣчно не доплачивали скуднаго жолду; вмѣсто того, Польша обрекала на тѣсноту и убожество, даже тѣхъ реестровиковъ, воспитанныхъ въ школѣ Конашевича, Сагайдачнаго, которые были способны орудовать цѣлыми арміями и, какъ Дмитрій Гуня, совершали почти невѣроятные подвиги военнаго искусства. Въ наше время говорятъ это сами Поляки: намъ остается только повторять ихъ признанія.

Низойдя, волею законодательной шляхты, до уровня пренебрегаемыхъ украинскими *лыцарями* „хлѣборобовъ“ и „гречкосѣевъ“, *козаки Сагайдачнаго* (такъ величали ихъ и по смерти великаго наѣзника) вліяли на своихъ товарищей по убогому ничтожеству столь же вредоносно для „доблестныхъ Поляковъ“ Оссолинскаго, какъ и наши голодные попы да монахи, въ виду пожирателей русскихъ духовныхъ хлѣбовъ. Это было тѣмъ опаснѣе для Королевской Республики, что и между панскими мужиками было множество воиновъ, которыхъ руками паны „граничились“ между собою, оборонялись отъ Крымскихъ и Буджацкихъ Татаръ и, сверхъ того, хаживали съ ними помогать Баторію, Сигизмунду и Владиславу въ ихъ прославленныхъ походахъ. Этимъ способомъ интересы козатчины мало-по-малу сдѣлались интересами громадной массы украинскаго населенія, и въ виду такъ называемаго народа Шляхетскаго явился даже въ лѣтописяхъ и документахъ столь же несообразно называемый народъ Козацкій.

Очевидно, что Украина, при такомъ положеніи общественныхъ дѣлъ, находилась въ постоянномъ, нѣмомъ покамѣстъ, заговорѣ противъ государства, которому принадлежала, и которому была обязана цвѣтущею колонизаціей своихъ пустынь; а такъ какъ Рѣчь Посполитая успокоить козаковъ не хотѣла и, по своей тройственности, не могла, то взрывъ повсемѣстнаго бунта былъ только дѣломъ времени.

Гетманъ Конецпольскій держалъ козачество въ желѣзныхъ, но, по отношенію къ реестровикамъ, справедливыхъ рукахъ, и заставлялъ его быть послушнымъ. Будучи доблестнымъ воиномъ, онъ умѣлъ цѣнить, какъ мы видѣли, воинственныя доблести козаковъ даже и въ то время, когда усмирялъ ихъ бунты. Онъ ихъ оборонялъ и отъ ихъ собственныхъ демагоговъ, по нынѣшнему кулаковъ, и отъ наглыхъ въ

пользованіи своими правами шляхтичей. *) Онъ ихъ награждалъ и землею и другими „подарками на саблю“... „Но, зная ненадежную вѣрность ихъ“ (привожу слова Освѣцима, служившаго въ званіи маршалка гетманскаго двора), „зная ихъ завзятую злость и обычную готовность къ бунту, старательно наблюдалъ за ихъ дѣлами и приватными поступками, дабы заблаговременно предупреждать возможность событія. И, хотя они, чуя надъ собою бдительную стражу, поступали весьма осторожно въ своихъ замыслахъ, однакожъ не могли уберечься, чтобъ ему не были извѣстны сокровеннѣйшія дѣла ихъ чрезъ посредство шпіоновъ, размѣщенныхъ въ самой средѣ ихъ. Этимъ способомъ узналъ гетманъ, что козаки, желая вырваться изъ-подъ своего ярма, и не смѣя рвануться собственными силами, наученные давнишними пораженіями, начали трактовать съ Татарами о союзѣ, обѣщая поддаться имъ, лишь бы Татары искренно имъ помогали воевать Ляховъ“.

Съ цѣлью разорвать этотъ союзъ, коронный гетманъ находилъ возможнымъ дозволить козакамъ идти на море, совѣтовалъ королю войну съ Татарами и завоеваніе Крыма.

Король сохранилъ въ тайнѣ извѣстіе Конецпольскаго о козацкомъ замыслѣ, сознавая себя, въ свою очередь, вольнымъ козакомъ, которому, за всѣ боевыя заслуги, законодательная шляхта связала руки. На козацкую завзятость разсчитывалъ онъ всего больше въ Турецкой войнѣ. Мы уже знаемъ, что, по смерти Конецпольскаго, онъ вызвалъ въ Варшаву Барабаша, Вірмена, Нестеренка и—какъ его называли въ народѣ—Хмеля; что они обѣщали королю 100.000 войска, и что король далъ имъ за это весьма важныя обѣщанія, подкрѣпленныя венеціянскими талерами. Была ли въ ночныхъ переговорахъ рѣчь о козакотатарскомъ союзѣ, и какъ стоялъ Хмель съ тремя своими товарищами относительно этого темнаго вопроса, мы ничего не знаемъ. Но королевскія обѣщанія и походъ на Черное море, устроенный на полученныя въ Варшавѣ деньги, произвели въ козацкой средѣ великое движеніе, и такъ какъ не было уже на свѣтѣ великаго гетмана, который даже на козацкій заговоръ съ Татарами смотрѣлъ съ увѣренностью въ могуществѣ своего режима, то движеніе между козаками перешло въ бурныя волненія , грозившія бунтомъ.

Этотъ моментъ Николай Потоцкій изобразилъ, въ письмѣ къ подканцлеру Лещинскому, такими словами:

---

*) Самъ Хмельницкій упомянулъ объ этомъ въ своемъ „Реестрѣ козацкихъ Кривдъ“, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

„Надобно было мнѣ удержать Запорожское Войско въ повиновеніи... такъ какъ, по смерти святой памяти короннаго гетмана, распространился слухъ, что всѣ войсковыя должности будутъ отмѣнены; однако, эту искру тотчасъ потушилъ".

Искра бунта была потушена, очевидно, не чѣмъ инымъ, какъ допущеніемъ тайной вербовки въ козаки со стороны Потоцкаго, задобреннаго въ пользу королевскихъ замысловъ, по которымъ козацкое войско въ первый же годъ войны предполагалось увеличить до 20.000.

Вербовкой, поукраински *затягованьемъ* въ козаки, долженъ былъ заниматься не кто другой, какъ писарь Запорожскаго Войска, который вписывалъ годныхъ людей въ войсковой реестръ. Онъ могъ принять и вписать столько, сколько ему было угодно, если только въ его реестровку не вникалъ королевскій по козацкимъ дѣламъ коммиссаръ, и это было тѣмъ легче, что новонабранныхъ *затяжцевъ* не нужно было сзывать въ полки: они ждали „покилка" по своимъ жилищамъ.

Зная московское (1618), хотинское (1621) и смоленское (1633) сверхштатное затягиванье въ козаки, надобно думать, что, по королевской регуляціи 1647 года, 6.000 реестровиковъ должны были оставаться подъ властью королевскаго коммиссара и польскихъ полковниковъ, согласно ординаціи, а 12 и до 14 тысячъ новыхъ затяжцевъ, называясь также Запорожскимъ Войскомъ, состояло бы подъ начальствомъ козацкаго гетмана и козацкихъ полковниковъ. Этимъ способомъ король не нарушалъ постановленія Рѣчи Посполитой, столь важнаго и столь чувствительнаго для шляхты (Оссолинскій, въ знаменитой своей пропозиціи, причислилъ это постановленіе, какъ результатъ усмиренія козаковъ, къ королевскимъ благодѣяніямъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворялъ козаковъ, не думая, какъ не думали и во времена оны, о послѣдствіяхъ сверхштатной вербовки. Она, въ глазахъ псевдоправительства польскаго, была то же самое, что и вербовка, подъ нужду, жолнеровъ посредствомъ приповѣдныхъ листовъ, а между тѣмъ домогательства козаковъ объ увеличеніи реестра и назначеніи избирательныхъ предводителей—совпадало съ интересами короля, такъ какъ было извѣстно, что, стоило только дозволить козакамъ избрать гетмана и собственныхъ полковниковъ, число ихъ тотчасъ выростало втрое и вчетверо. Подъ разными видами, подъ видомъ родичей, козацкихъ чуръ, пастуховъ, погонцевъ и т. п., они принимали къ себѣ тысячи и тысячи людей, которыхъ исчислить и выискать не было возможности. Гетманомъ новыхъ козаковъ, вѣроятно, подъ скромнымъ именемъ „козацкаго старшаго", былъ тогда назначенъ войсковой асаулъ

Иванъ Барабашъ, а писаремъ остался Богданъ Хмѣль, для польскаго благозвучія зовомый Хмельницкимъ.

Столько, не больше, опредѣленности допускаетъ изученіе неопредѣленной сумятицы, въ которой зародилась истребительная во всѣхъ отношеніяхъ наша Хмельнитчина.

Польская исторіографія называетъ Хмельницкаго, по его дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, превосходнымъ вождемъ, несравненнымъ организаторомъ и политикомъ, мастеромъ изобрѣтательности и предательства. Мы, питомцы гражданственности москворусской, сторонясь и отъ панской, и отъ козацкой славы одинаково, принимаемъ это мнѣніе безъ поправокъ. Кому, какъ не Полякамъ, знать, что такое былъ Хмельницкій? Родной нашъ Хмѣль, выросши на воздѣланной іезуитами почвѣ подъ именемъ Хмельницкаго, былъ продуктомъ культуры польской, продуктомъ того политическаго разврата, который рѣзко бросается члену нынѣшняго велико-и малорусскаго общества въ глаза и подъ королевской мантіей, и подъ козацкимъ кобенякомъ. Поляки, прежде нашихъ разъединенныхъ и перепорченныхъ ими предковъ, отличили Хмельницкаго въ толпѣ ему подобныхъ козаковъ. Они возвели его на самое высокое мѣсто, какое только могъ занимать козакъ въ Запорожскомъ Войскѣ, обезгетманенномъ и разжалованномъ, по сеймовому постановленію, въ хлопы. Они, устами блестяще образованнаго Радзѣёвскаго, рекомендовали его особенному вниманію своего короля. На нашу долю, въ оцѣнкѣ опьянившаго козацкую орду Хмеля, остается только кровь, пролитая лучшими изъ нашихъ малорусскихъ и великорусскихъ предковъ по милости его предательской политики, да къ тому еще превращеніе цвѣтущихъ областей въ безлюдную и голодную пустыню, да несмѣтный ясыръ, которымъ онъ оплачивалъ татарскую помощь, да крайняя деморализація не только нашихъ мірянъ, но и самого духовенства малорусскаго... Если сердце Поляка сжимается при мысли объ этой демонической личности, то пускай оно утѣшится хоть малорусскимъ признаніемъ національнаго позора въ той славѣ, которою козакующая пресса покрыла Исламъ-Гиреева сподвижника; пускай утѣшится хоть вѣчнымъ нашимъ сожалѣніемъ о рѣкахъ неповинно пролитой и погубленной ясыромъ нашей крови, ничѣмъ невознагражденной и никѣмъ неотомщенной.

Что́ касается воинской и политической характеристики нашего Хмеля, то онъ сдѣлался вершителемъ попытокъ предшествовавшихъ ему бунтовщиковъ, очевидно, безъ опредѣленнаго плана дѣйствій, въ силу теченія жизни, которая слишкомъ долго подчинялась панской неурядицѣ, считавшейся нормальною. Онъ первую свою молодость про-

велъ въ школѣ у ярославогалицкихъ іезуитовъ, но не порхнулъ изъ ихъ рукъ такимъ наметаннымъ соколомъ своекорыстія, какъ Оссолинскій съ австроіезуитской насѣсти; напротивъ, мирился съ низменнымъ положеніемъ панскаго слуги-козака и мелкопомѣстнаго хозяина до такихъ лѣтъ, въ которыя порывъ къ широкой дѣятельности сохраняется у немногихъ. Увильнувъ отъ бѣды, постигшей подобныхъ ему шляхтичей подъ Кумейками, онъ служилъ вѣрно интересамъ Конецпольскаго,—такъ вѣрно, что никакіе шпіоны не заронили въ верховномъ вождѣ козачества ни малѣйшаго подозрѣнія, до его послѣдняго свиданія съ королемъ. Но, сознавая въ себѣ способности къ чему-то большему, не могъ нашъ Хмѣль выносить спокойно высокомѣрія магнатскихъ креатуръ, въ родѣ Самуила Лаща, съ одной стороны, и подвергаться мстительности новыхъ бунтовщиковъ козацкихъ—съ другой. Человѣку съ его грамотностью, природными способностями, подавленной энергіей и мятежной опытностью, не трудно было стать во главѣ козакотатарскаго заговора, хотя паны приписывали потомъ непостижимымъ чарамъ свой недосмотръ относительно „давнишнихъ его стачекъ съ перекопскимъ беемъ“. Если же козаки скрывали и отъ него самого, какъ отъ наслѣдственнаго панскаго слуги, новое обращеніе козаковъ къ татарской помощи, то оно могло передъ нимъ обнаружиться во время волненій, послѣдовавшихъ за смертью Конецпольскаго; а, пожалуй, и самъ онъ былъ въ числѣ тѣхъ, посредствомъ которыхъ Конецпольскій, съ величавымъ спокойствіемъ сильнаго, свѣдалъ о начинающейся козакотатарской „лигѣ“. Тогда ему представлялось два пути къ торжеству надъ своими обидчиками: или идти по теченію козацкихъ бунтовъ, все болѣе и болѣе широкому, или же стать противъ шляхетскаго самовластія на сторонѣ любимаго козаками короля.

Хмельницкому была хорошо извѣстна слабость королевской власти. Онъ зналъ, что шляхетскій деспотизмъ никогда не подѣлится своими захватами добровольно ни съ королемъ, ни съ козаками; зналъ, что полноправная панская республика безъ борьбы не перемѣнитъ ординаціи безправной республики козацкой,—той ординаціи, которую съ такимъ трудомъ завоевали панамъ Конецпольскій и Потоцкій. Король между тѣмъ былъ непомѣрно щедръ на обѣщанія. Это знало множество людей въ Польшѣ и повыше и пониже нашего Хмеля. Да и по народной философіи Малорусса вѣрить обѣщаніямъ вообще считается глупостью: „обіцянка—цяцянка, а дурневі радощі“. Какъ Хмельницкій, такъ и другіе умудренные прежними бунтами козаки могли скорѣе надѣяться, что Турецкая война, къ которой они порывались

и для Ахіи Оттомануса, представитъ королю возможность измѣнить Польщу въ абсолютную монархію, которая обезпечитъ имъ права равенства на судѣ и въ землевладѣніи вѣрнѣе всякихъ обѣщаній. Среди козаковъ было много шляхтичей банитовъ, много шляхтичей, обѣднѣвшихъ подъ давленіемъ можновладниковъ и чужеяднаго католическаго духовенства. Въ Запорожскомъ Войскѣ было много вихреватыхъ головъ, подобныхъ Зборовскому. Сидя по пятнадцати и больше лѣтъ за Порогами, въ отчужденіи отъ правоправящаго сословія, какъ преемникъ Наливайка, Кремпскій, какъ товарищъ Лободы, Подвысоцкій, всѣ такіе люди, конечно, желали, чтобы король властвовалъ безъ „королятъ", противъ которыхъ въ послѣдствіи гремѣлъ Хмельницкій, а козаки, подъ его верховенствомъ, были бы такою же самоуправною республикой, какъ и шляхта. Вотъ въ какихъ интересахъ и стремленіяхъ позволительно историку искать источника тѣхъ слуховъ о заговорѣ короля съ козаками, которые ходили и до, и послѣ Хмельнитчины по всей Польшѣ. На этой-то связи королевскихъ интересовъ съ козацкими могло основываться и мнѣніе козаковъ, высказавшееся еще въ Павлюковщину, что король не будетъ гнѣваться за ихъ бунтъ.

Въ 1646 году затягиванье затяжцевъ козаковъ шло быстро. Весело и бурно оглашалась Козацкая Украина пѣснями, которыхъ дошедшіе до насъ отголоски поражаютъ знатока дикою поэтичностью народа, забытаго тогдашнею Россіею, пренебрегаемаго Польшею и назвавшаго себя, какъ бы въ укоръ имъ обѣимъ, народомъ козацкимъ, что собственно значитъ разбойноворовскимъ. Въ его пылкомъ, все преувеличивающемъ воображеніи даже Ахія былъ благочестивымъ „Турецкимъ Царемъ". Теперь король представлялся ему Царемъ Восточнымъ: титулъ, который козаки, уважавшіе силу больше всего на свѣтѣ, перенесли потомъ на московскаго самодержца, согнувшаго ихъ въ бараній рогъ. Довѣріе къ Владиславу, носившему такое любезное козацкому сердцу имя силы и власти, съ каждымъ днемъ возрастало.

Сельская шляхта и замковые урядники, слывшіе у Козацкаго народа Ляхами, хотя бы по языку и обычаю были разрусскими, а по родству и вѣрѣ разблагочестивыми,—слышали кругомъ косвенныя и прямыя угрозы, подобныя тѣмъ, какія въ Великой Польшѣ дѣлали навербованные за-границей жолнеры. Въ „доматорахъ гречкосѣяхъ и хлѣборобахъ" проявлялась дерзость, которою еще за полвѣка до Хмельнитчины гуманный кіевскій бискупъ, Верещинскій, характеризовалъ малорусскаго хлопа, „гордящагося украинскою свободою своею". Вообще въ простонародьѣ обнаруживались чувства, внушенныя ему съ того поколѣнія, которое назвало пановъ неблагодарными, и распро-

страненныя въ темной массѣ козаками съ одной стороны, а мужиковатымъ, отверженнымъ новыми „старшими“ духовенствомъ—съ другой.

Шляхта смотрѣла съ ужасомъ на глухое волненіе окружавшаго ее народа, и ждала сейма, безъ котораго никто не могъ ничего предпринять; а король послалъ для Запорожскаго Войска красныя китайчатыя знамена, съ изображеніемъ на нихъ креста и своего имени, гласящаго о славѣ, слѣдовательно и о добычѣ,—знамена, родственныя той хоругви новосформированныхъ гусаръ, которая была освящена имъ въ Ченстоховѣ. На Днѣпрѣ и въ Данцигѣ строились чайки и другія суда для морскаго похода. Изъ Варшавы ожидались изготовленные королемъ корабельные реквизиты. Всѣ козаковатые люди обзавелись оружіемъ, въ ожиданіи стотысячнаго „затяганья на войну“. И старымъ, и новымъ затяжцамъ, и безчисленному множеству затяжцевъ будущихъ—грезилось, что зависимое положеніе козаковавшихъ такъ или иначе людей никогда уже не возвратится, какъ изъ Варшавы пришло извѣстіе, что сеймъ не согласился на войну, повелѣлъ распустить, подъ страшными угрозами, всѣхъ вообще затяжцевъ, какъ бы они ни назывались, и строжайше воспретилъ козакамъ идти на море.

Невозможно изобразить, какое впечатлѣніе сдѣлало это извѣстіе на окозаченную чернь, и на тѣхъ, кого она звала заурядъ Ляхами. Но легко представить, съ какою злостью принялось повелѣвающее сословіе за разсчеты съ подчиненными ему людьми, въ томъ числѣ и съ прямыми козаками, о которыхъ въ послѣдствіи не напрасно Хмельницкій писалъ, въ исчисленіи козацкихъ обидъ, что имъ вырывали бороды.

Постановленіе 1646 года было первымъ сигналомъ къ бунту, славу котораго приписываютъ нашему Хмелю. Зная всѣ обстоятельства, при которыхъ и въ силу которыхъ онъ совершился, Хмѣль долженъ былъ выбрать одинъ изъ двухъ жребіевъ: или сдѣлаться жертвой козацкой ярости, какъ Грицько Чорный и Сава Кононовичъ, или прославиться, какъ тѣ, которыхъ имена гремѣли въ подмывающихъ на разбой и руину кобзарскихъ пѣсняхъ. Выборомъ его властительно управляли событія, которыхъ слѣдствія онъ могъ предвидѣть лучше торжествующей шляхты. И въ Павлюково время носился уже слухъ,—что король самъ воюетъ со шляхтою; что паны держатъ его въ осадѣ; что король зоветъ козаковъ на выручку. Теперь Владиславъ дѣйствительно боролся съ „доблестными Поляками“ Оссолинскаго на жизнь и на смерть; дѣйствительно, паны облегли его тѣсно и въ Посольской Избѣ, и въ Сенаторской; дѣйствительно, звалъ онъ козаковъ на помощь, подъ ночнымъ покровомъ, въ качествѣ заговорщика. Какъ пер-

вый кличъ Косинскаго къ *Татарамъ* получилъ наконецъ свою фатальную реальность; какъ первое воззваніе Тараса Ѳедоровича *за вѣру* сдѣлалось въ послѣдствіи кровавымъ девизомъ Хмельницкаго; такъ и призывъ къ *свободѣ* со стороны государя, обращенный къ единственнымъ подданнымъ, готовымъ за него идти въ огонь и въ воду, сдѣлался теперь всепобѣждающимъ двигателемъ бунта. „Скованныхъ рабовъ можно утѣшать безопасно“ (говоритъ объ этомъ моментѣ съ образцовымъ для насъ безпристрастіемъ современный намъ польскій историкъ), „можно увеличивать постепенно угнетеніе до послѣдняго обезсиленія, но снять оковы и желать наложить ихъ сызнова, этого безъ кровопролитія сдѣлать невозможно“.

Сообразивъ такую невозможность, Хмельницкій началъ дѣйствовать въ пользу бунта; но какъ, съ чего и когда именно началъ, никакія точныя свидѣтельства намъ этого не открыли.

Лично ли ему принадлежалъ починъ договора съ Татарами, или онъ воспользовался работой другихъ, за которою слѣдилъ, можетъ быть, въ качествѣ шпіона покойнаго своего пана, точныхъ извѣстій объ этомъ также не сохранилось. Но если законодательная шляхта давала ему чувствовать свое кулачное право когда-либо, такъ это было теперь. Среди приближенныхъ къ коронному гетману войсковой писарь значилъ много и зналъ, изъ-за чего ему служитъ; но у гетманскаго наслѣдника, оффиціально чуждаго Запорожскому Войску, онъ былъ, естественно, человѣкъ лишній; а то, что пріобрѣлъ по благосклонности къ нему великаго колонизатора малорусскихъ пустынь, теперь возбуждало зависть у старостинскихъ намѣстниковъ, такъ называемыхъ подстаростіевъ короннаго хорунжаго, Александра Конецпольскаго, и вообще дворянъ молодаго магната.

Хуторъ Суботовъ, съ его слободами, населенными смѣло надъ рѣкой Тясминомъ, въ одной милѣ отъ Чигирина, въ виду татарскихъ кочевьевъ, показался чигиринскому подстаростію, Данилу Чаплинскому, имѣніемъ завиднымъ по его пасѣкамъ, пастбищамъ, рыбнымъ входамъ, составлявшимъ главныя статьи полуномаднаго козацкаго хозяйства, и даже по земледѣлію, которое процвѣтало тогда въ Козацкой Украинѣ только „подъ защитою воткнутой на межѣ сабли“, подъ защитой не только отъ Татаръ, но и отъ соперниковъ-осадчихъ.

Съ другой стороны, надобно помнить, что подстаростіемъ чигиринскимъ былъ, въ свое время, отецъ Богдана Хмельницкаго, Михайло, и что сыну тяжело было видѣть насиженное отцомъ теплое мѣсто во власти какого-то *заволоки* Ляха. Но, при другихъ обстоятельствахъ, Богданъ Хмельницкій могъ бы провести вѣкъ свой мирно, го-

ныя на украинскія и заграничныя ярмарки рогатый скотъ и лошадей, кочуя въ пасѣкахъ, попивая съ пріятелями въ свободное отъ сторожевой службы время и ходя въ погоню за Татарами на своемъ любимомъ сѣромъ конѣ, какъ проводили свой вѣкъ многіе хозяйливые и козакующіе шляхтичи. Этому помѣшало торжество законодательной шляхты надъ королемъ отразившееся яростно и на орудіи королевской власти, на козакахъ, во главѣ которыхъ стоялъ нашъ Хмѣль.

По смерти короннаго великаго гетмана, сынъ его, коронный хорунжій, будучи озабоченъ содержаніемъ въ порядкѣ громаднаго наслѣдства послѣ знаменитаго малорусскаго и червонорусскаго хозяина, долженъ былъ свои старостинскія права передавать подстаростіямъ, то есть управителямъ королевщинъ, а тѣ не находили ничего выгоднѣе и покойнѣе, какъ отдавать свою „державу“ въ аренду жидамъ. Уже и самъ по себѣ жидъ, хлопотливый и безпощадный экономистъ, въ роли арендатора, былъ ненавистенъ козаку, какъ онъ бывалъ ненавистенъ и заслуженному жолнеру. Но жиды, на свою бѣду, всегда были готовы къ услугамъ сильнаго, тамъ, гдѣ онъ притѣснялъ слабаго. Такъ случилось и въ Чигиринѣ.

По разсказу современнаго Хмельнитчинѣ жида, Натана Ганновера, въ этомъ старостинскомъ городѣ держалъ аренду жидъ Захарія Сабиленскій, который, такъ же, какъ и другіе заинтересованные въ прижимкѣ козаковъ, вооружалъ хорунжаго Конецпольскаго противъ Хмельницкаго,—хотя здѣсь тотчасъ надобно замѣтить, что арендатору подстаростія не приходилось имѣть подобныхъ сообщеній съ широковладѣтельнымъ магнатомъ, и что скорѣе могъ выслушивать его извѣты развѣ подстаростій. Какъ бы оно ни было, только Ганноверъ повѣствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ *) такъ:

Однажды хорунжій спросилъ жида Захарія наивнымъ тономъ: „Вѣдь ты владѣлецъ города: скажи-ка мнѣ, кто именно богачи въ немъ?“ Намѣреніе же его было навести на нихъ напраслину, дабы такимъ образомъ вымогать у нихъ побольше денегъ. Захарія назвалъ ему богачей, упомянувъ, между прочимъ, и о чрезвычайномъ богатствѣ Хмеля. Услышавъ о немъ, хорунжій сказалъ: „Вѣдь отецъ мой завѣщалъ мнѣ объ этомъ зловредномъ человѣкѣ (слухъ позднѣйшій),.. да и въ самомъ дѣлѣ откуда у него взялось такое чрезмѣрное богат-

*) Они напечатаны порусски вторымъ изданіемъ въ Лейпцигѣ, въ 1883 году, докторомъ Манделькерномъ, подъ заглавіемъ: „Богданъ Хмельницкій, Разсказъ Еврея современника, Очевидца событій въ Малороссіи за 1648—1653 годы“.

ство? Безъ сомнѣнія, онъ ограбилъ моихъ же подданныхъ, живущихъ въ моихъ же помѣстьяхъ, слѣдовательно все принадлежитъ мнѣ".

Конецпольскій (продолжаетъ свою полусказку Ганноверъ) насильно отнялъ у Хмеля одинъ хуторъ со всѣмъ скотомъ, до нѣсколькихъ сотъ штукъ, что̀ составляло около половины его имущества.

Далѣе Ганноверъ разсказываетъ, выдавая все слышанное имъ за несомнѣнное,—что Хмельницкій, въ отместку Конецпольскому, подговорилъ Татаръ вторгнуться въ его добра, а потомъ проговорился объ этомъ на попойкѣ съ козаками, и что за это, по доносу жида арендатора, панъ хорунжій бросилъ Хмеля скованнаго въ тюрьму, намѣреваясь казнить его смертью, однакожъ освободилъ его, по увѣренію друзей узника въ его невинности.

Для исторіи Хмельнитчины, свирѣпствовавшей, между прочимъ, и надъ жидами, во всемъ этомъ важна только характеристика жидо-арендаторской дѣятельности въ Малороссіи, представленная жидомъ-мемуаристомъ.

Зависть къ чужому куску хлѣба, свойственная самимъ козакамъ не меньше шляхты, сдѣлалась, въ этой громадной катастрофѣ, причиною гибели какъ взаимныхъ завистниковъ, такъ и жидовъ, которые сообщали широкое движеніе сельскохозяйственной промышленности, не разбирая средствъ къ наживѣ, и какъ это было въ Чигиринѣ, помогали шляхтѣ притѣснять козаковъ. Но къ зависти, обычной спутницѣ и козацкаго, и шляхетскаго хозяйства, присоединился еще и другой предметъ жаднаго соисканія въ малолюдномъ и опасномъ краѣ—женщина.

Хмельницкій былъ вдовецъ и имѣлъ уже взрослыхъ дѣтей; но попавшая какими-то судьбами въ козацкую Украину очаровательница степныхъ сердецъ, Полька, предпочла его своему коханку, пану подстаростію, Чаплинскому. Поднявъ обычную въ самоуправной странѣ войну за свою Елену, шляхетскій Менелай вторгнулся въ козацкую Трою, Суботовъ, и вмѣстѣ съ похищеніемъ измѣнницы, похитилъ всю хозяйственную движимость Хмельницкаго. Жаловаться на подстаростія войсковой писарь могъ только пану старостѣ да верховнику козачества, коронному великому гетману. Суды градскій, земскій и трибуналъ существовали исключительно для шляхты. Но панъ староста былъ потаковникъ своего намѣстника, а намѣстникъ его разставилъ по дорогѣ къ резиденціи короннаго гетмана засады на Хмельницкаго, если тому правда, что̀ потомъ писалъ Хмельницкій въ „Реестрѣ козацкихъ Кривдъ". Оставалось искать управы только у короля, и Хмельницкій, въ сопровожденіи десятка козаковъ, отправился въ Варшаву. Это могло

случиться не раньше конца ноября 1647 года, потому что Хмельницкій участвовалъ въ ноябрьскомъ походѣ на Татаръ, о чемъ упоминаетъ онъ въ томъ же „Реестрѣ“, а въ декабрѣ онъ былъ уже за Порогами. Какъ ни сильно терзала козака досада за наѣздъ на хуторъ и за похищеніе любовницы, но для Хмельницкаго всего важнѣе было новое свиданіе съ королемъ. Ссора съ Чаплинскимъ, очевидно, послужила ему только предлогомъ для поѣздки въ Варшаву.

Онъ появился передъ королемъ въ то время, когда король, основываясь на сеймовомъ постановленіи объ удержаніи на службѣ квартянаго войска, готовился къ новому способу войны съ Турціей. Парижскій разсказъ Линажа со словъ Радзѣёвскаго о томъ, что Владиславъ утаилъ отъ Оссолинскаго сдѣланныя козакамъ обѣщанія, и что эту тайну Оссолинскій узналъ только теперь отъ Хмельницкаго, ничѣмъ не подтверждается. Оссолинскому надобно было играть роль незнающаго королевскихъ обѣщаній. Владиславъ принималъ нашего Хмеля секретно у себя въ комнатѣ, и никто не зналъ, о чемъ они бесѣдовали, но послѣ секретной бесѣды, король велѣлъ написать Александру Конецпольскому увѣщаніе, по всей вѣроятности, только для прикрытія болѣе важнаго дѣла. Въ этомъ увѣщаніи нѣтъ рѣчи ни о Чаплинскомъ, ни о возвращеніи Хмельницкому хутора, (Владиславъ долженъ былъ обойтись кротко съ украинскимъ магнатомъ), а говорится вообще о притѣсненіи козаковъ старостинскими намѣстниками. Разсказъ о драматической жалобѣ королю на Чаплинскаго, очевидно, былъ распространенъ вездѣ сперва самимъ Хмельницкимъ, а потомъ сдѣлался достояніемъ стоустой молвы да тѣхъ историковъ, которыхъ можно назвать „убогими собирателями чужихъ сужденій и вѣстей“. Слушая мистификацію самого Хмеля и тѣхъ, кому онъ замыливалъ глаза, современники вѣрили, что король произнесъ приводимыя Гроцкимъ слова: „Ты воинъ, и если у Чаплинскаго есть пріятели, то можешь и ты ихъ имѣть“, или, какъ пересочинили эти слова наши историки: „Пора бы, кажется, всѣмъ вамъ вспомнить, что вы воины: у васъ есть сабли: кто вамъ запрещаетъ постоять за себя“? *) Но странно предполагать, чтобы заговорщикъ-король впутывалъ заговорщика-козака въ хуторскую драку, имѣя въ виду господство надъ Востокомъ. Еслибы Владиславъ и былъ такъ простъ, какъ историки Хмельнитчины, то войсковой писарь надоумилъ бы его не хуже канцлера.

Убогіе собиратели чужихъ сужденій и вѣстей, повторяя болтуна

*) Костомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, т. I, стр. 242.

Гродскаго и нашихъ сплетниковъ-лѣтописцевъ, сочинили цѣлую повѣсть о романѣ Хмельницкаго, о его тяжбѣ съ Чаплинскимъ въ мѣстныхъ судахъ, о его пребываніи въ Варшавѣ *во время майскаго сейма*, о возвратномъ путешествіи новаго Вильгельма Теля и соглашеніи въ возстанію представителей русскаго элемента въ Польскомъ государствѣ. *) Всѣ эти извѣстія, выдуманныя пріятелями и врагами его a posteriori, не соотвѣтствуютъ ни времени, ни положенію дѣлъ въ Рѣчи Посполитой, ни положенію самого Хмельницкаго. Смѣшно воображать, чтобъ у будущаго Герострата панской республики было тогда на умѣ козакотатарское безпрепятственное шествіе съ мечемъ, пожогомъ и плѣненіемъ отъ Корсуня до Львова и Замостья. Даже геніальныхъ бунтовщиковъ, каковъ былъ, напримѣръ, современникъ Хмельницкаго, Кромвель, только непредвидимыя случайности приводили къ ихъ широкимъ планамъ. А Хмельницкій самъ говорилъ посламъ Яна Казимира, что, будучи человѣкомъ ничтожнымъ (lichym), сдѣлалъ то, о чемъ и не думалъ. Съ чѣмъ отпустилъ его Владиславъ, не извѣстно, какъ и все, что́ дѣлали тайкомъ заговорщики противъ панской республики, послѣ майскаго сейма. Но, такъ какъ и самъ Хмельницкій, во время своего успѣха, ничего не высказывалъ о послѣднихъ своихъ сдѣлкахъ съ королемъ и канцлеромъ, кромѣ выдумки, что король „велѣлъ козакамъ добывать свободы саблею“, то видно, что его третировали не иначе, какъ слѣпое орудіе тайнаго замысла, какъ палку въ рукѣ человѣка, по іезуитскому правилу. Отъ этого предположенія легче перейти логически къ бѣгству Хмельницкаго за Пороги и дѣятельному соглашенію съ Татарами, чѣмъ отъ королевской интимности съ козакомъ. Хмельницкій, очевидно, сондировалъ почву, на которой поставили его прежде, и, видя, что она колеблется, рѣшилъ выборъ между королемъ и ханомъ, чисто покозацки.

Во время таинственнаго пребыванія Оссолинскаго въ Украинѣ, король дѣлалъ военныя приготовленія, но, умудренный опытомъ, покрывалъ ихъ большею, чѣмъ прежде, тайною. Въ это время умеръ единственный сынъ его, ради котораго не смѣлъ онъ сдѣлаться героемъ и преобразователемъ Польши. Смерть малолѣтняго королевича Карла освободила его отъ малодушнаго взвѣшиванья великихъ дѣлъ pro и contra на вѣсахъ домашней *привaты*, общей всѣмъ его приверженцамъ и противникамъ въ Польшѣ. Онъ горько сожалѣлъ теперь, что распустилъ войско, и выразилъ свое сожалѣніе, какъ говорятъ, такими сло-

*) Костомаровъ, тамъ же, стр. 238—251.

вами: „Такъ какъ Богу было угодно взять моего сына къ себѣ, то я желалъ бы, чтобъ Онъ взялъ его передъ сеймомъ: не перемѣнилъ бы я никогда моего намѣренія“.

Владиславъ не могъ уже дѣлать новыхъ вербовокъ, и потому старался обезпечить себѣ, на случай войны, помощью Франціи и Швеціи, отказываясь за это отъ всякаго участія въ готовившемся тогда Вестфальскомъ мирѣ. Въ это время Венеція начала сухопутную войну въ Далмаціи, разсчитывая на возстаніе въ Босніи. Въ Польшу прибылъ посолъ отъ императора марокскаго и, какъ гласила молва, посланецъ константинопольскаго патріарха, заохочивая къ Турецкой войнѣ.

Въ ноябрѣ 1647 года явился къ королю, подъ великимъ секретомъ, посолъ, облеченный полномочіемъ большей части Греціи, съ предложеніемъ ему болгарской короны и съ ручательствомъ, что вся Болгарія взбунтуется и выставитъ 40.000 вооруженнаго народа, лишь бы только король принялъ Болгаръ въ подданство и выслалъ своего намѣстника, въ качествѣ предводителя возстанія. Этотъ посолъ, старикъ съ большою бородою, посѣщалъ короля тайно, подъ видомъ черновнижника, съ которымъ будто бы король совѣтовался. Только королева и „два польскіе канцлера“ были допущены къ этой тайнѣ.

Имя посла было Петръ Парцевичъ. Въ венеціянскомъ архивѣ хранится интересная реляція посольства Парцевича.

„Еще въ 1630 году“ (пишетъ онъ) „послали было Болгары, по соглашенію съ другими порабощенными турецкими народами, своихъ посланниковъ къ польскому королю Сигизмунду III и къ императору Фердинанду II. Оба монарха приняли пословъ благосклонно и обѣщали свою помощь. Дальнѣйшіе договоры прервало наступленіе Густава Адольфа на Германію. Когда началъ султанъ войну съ Венеціей, между Болгарами возобновилось движеніе. Начальники этого народа, какъ греческаго, такъ и *латинскаго* обряда, видя слабость Турціи, вошли въ клятвенные договоры и предложили предводительство мультянскому воеводѣ, Матвѣю Бассарабѣ, обѣщая ему восточную корону. Господарь призналъ нужнымъ отнестись объ этомъ къ королю Владиславу, котораго геройскія предначертанія зналъ, и котораго военное счастье наполняло Турокъ страхомъ. Созвавъ потомъ начальниковъ договора, и между ними Петра Деодата, архіепископа Сардики (Св. Софіи), Франциска Марканича, губернатора Болгаріи, и другихъ, совѣтовалъ отправить посольство къ польскому королю. Выборъ палъ на Петра Парцевича, миссіонера (латинскаго), который, въ сопутствіи нѣкоего францисканца, выѣхалъ, въ началѣ 1647 года, въ Польшу.

Прибывъ, по долгомъ и утомительномъ путешествіи, въ Варшаву, въ турецкой одеждѣ и подъ перемѣняемыми названіями, представили они королю просьбы Болгаръ, объявили свои инструкціи, планы и списокъ союзниковъ. Король тотчасъ написалъ къ гетману, чтобы держалъ войско въ готовности, и къ господарю Матвѣю, именуя его главнокомандующимъ восточной арміи (generalissimo di tutto l'Oriento), и удостовѣряя, что въ скоромъ времени поспѣшитъ на помощь съ другимъ войскомъ. Посланникамъ наказалъ онъ, чтобъ, оставивъ поѣздку въ Венецію, возвращались въ Болгарію и успокоили народъ. Подарилъ имъ свой портретъ, говоря: „„Я у васъ кажущійся и малеванный, пока приду живой и дѣйствительный (Habeatis me fictum et pictum, quodusque venero vivus et verus)““, и далъ имъ красное знамя, съ крестомъ на одной сторонѣ и съ надписью: „Яви славу твою (Vindica gloriam tuam)“ на другой. Вручилъ имъ и перстень, въ знакъ обрученія своего съ Востокомъ, и священническую ризу, яко знакъ христіянской свободы. Королева присутствовала при прощальной аудіенціи и говорила королю такъ: „„Государь, доверши отважно начатое дѣло, а если у тебя не хватитъ денегъ, я сниму мои серьги, отдамъ мои браслеты, лишь бы дѣло не остановилось““. Когда послы возвратились съ отвѣтомъ и королевскимъ подаркомъ, старый господарь помолодѣлъ отъ радости, увидѣвъ представителей союза, а они съ восторгомъ показывали ему, какъ легко можно завоевать Востокъ и съ какой стороны можно имѣть наибольшую помощь. Съ того времени *католики* и православные жили въ наилучшемъ согласіи, исполненные надеждъ, а Турки присмирѣли и говорили громко, что, когда придутъ Поляки, то они вернутся къ вѣрѣ своихъ предковъ и сдѣлаются *католиками*, такъ какъ царство Магометово уже кончилось“.

Когда все это дѣлалось въ Варшавѣ, на Украинѣ произошло событіе, которое такъ соотвѣтствовало королевскимъ планамъ, какъ будто Оссолинскій имѣлъ тамъ дѣло не съ одними православниками да козаками, а подготовилъ къ содѣйствію королю и главныхъ представителей малорусской колонизаціи. Коронный хорунжій, Александръ Конецпольскій, и воевода русскій, князь Іеремія Вишневецкій, двинулись одновременно, въ ноябрѣ, на Татаръ. Конецпольскій съ 4.000 войска, въ составѣ котораго былъ и Богданъ Хмельницкій *), достигъ Очакова и, въ отместку Татарамъ за набѣгъ на чигиринское старостство, захватилъ 3.000 лошадей, 1.500 воловъ, 2.000 коровъ, 2.000

*) Объ этомъ упоминается въ запискѣ Хмельницкаго, извѣстной подъ названіемъ Реестра козацкихъ Кривдъ.

овецъ и 50 плѣнниковъ, а Вишневецкій, съ 26.000 своихъ ополченцевъ, двинулся къ Запорожью, а оттуда часть своего войска посылалъ къ Перекопу.

Это были обыкновенные походы пограничныхъ магнатовъ, для обузданія татарскихъ козаковъ, которые своевольно, какъ и наши козаки, разбойничали и воровали въ сосѣднемъ краѣ. Но Варшава боялась возмездія со стороны Татаръ, и успокоилась только извѣстіемъ, что въ Крыму вспыхнулъ бунтъ. Ширинскіе мурзы, соединенные съ Ногайцами и съ сыновьями Салмаса-мурзы, давнишняго ханскаго мятежника, вторгнулись въ Крымъ, вырѣзали 700 мурзъ, осадили хана, принудили къ уступкамъ и къ принятію визиремъ Сеферъ-Казы-аги, который возбудилъ этотъ бунтъ, а теперь сдѣлался всемогущимъ министромъ хана.

Застигнутый бунтомъ Исламъ-Гирей написалъ сперва жалобу къ королю, и просилъ гетмана Потоцкаго, чтобы не допускалъ своевольныхъ походовъ со стороны пановъ; но потомъ созвалъ мурзъ на тайную раду. Рада постановила—вторгнуться весною въ Польшу. Отправили къ султану просьбу о дозволеніи и тотчасъ начали чрезвычайныя приготовленія къ набѣгу.

До сихъ поръ Исламъ-Гирей держалъ себя съ нашими козаками гордо. Они заискивали его помощи окольными путями, чрезъ пограничныхъ беевъ. Презираемые, какъ низшія твари, невѣрные наѣздники пригодились теперь ему, какъ орудія мести надъ панами.

Между тѣмъ по Украинѣ начали носиться слухи, что Хмельницкій бунтуетъ исподтишка козаковъ противъ короннаго гетмана и украинской шляхты. Слухи эти доходили и до Потоцкаго. Всего больше надобно ихъ приписывать подстаростію Чаплинскому и его пріятелямъ. Въ интересѣ каждаго изъ нихъ было—погубить человѣка, ими обиженнаго, извѣстнаго королю и опаснаго своимъ значеніемъ въ Запорожскомъ Войскѣ. Весьма быть можетъ, что его обвиняли и въ призывѣ Татаръ на старостве Конецпольскаго. Могли даже войти и въ соглашеніе съ жидомъ-арендаторомъ, показавшимъ, что Хмель, на підпйтку, проболтался козакамъ въ отмщеніи пану старостѣ за хуторъ посредствомъ татарскаго набѣга. Какъ бы то ни было, только дошло до того, что его схватили и едва не обезглавили. Тогда Хмельницкій рѣшился бѣжать въ пристанище обѣднѣвшихъ, промотавшихся, угрожаемыхъ преслѣдованіемъ закона и беззаконія, —за Пороги.

Разсказы о приключеніяхъ Богдана Хмельницкаго до бѣгства его за Пороги, равно какъ и кобзарскія думы о кумѣ Хмельницкаго, Барабашѣ, прятавшемъ королевскіе листы „въ глухомъ концѣ подъ во-

ротами", интересны только, какъ характеристика козацкой и шляхетской публики временъ Хмельнитчины. Ограничимся фактомъ его бѣгства, въ сопровожденіи двухъ сыновей и нѣсколькихъ пріятелей.

Изъ Запорожья началъ Хмельницкій вести переговоры съ Татарами. Но въ это время загорѣлась въ Крыму новая усобица, а султанъ между тѣмъ прислалъ хану запрещеніе вторгаться въ Польшу, и потому товарищи Хмельницкаго вернулись въ Украину, чтобы завлечь въ нему большее число козаковъ. Хмельницкій же, скрываясь на островѣ Буцкомъ, правильнѣе Бутскомъ, или Бутовскомъ, иначе Товмаковскомъ *), управлялъ всѣмъ движеніемъ, которое прикрывалъ покорными жалобами своими королю, коронным гетманамъ и королевскому по козацкимъ дѣламъ комиссару.

Происходившія въ это время въ Запорожскомъ Войскѣ волненія напоминали начало Павлюковщины. Поводъ или предлогъ къ нимъ былъ тотъ же самый. „Скарбовые люди" опять не заплатили за цѣлыя пять лѣтъ козацкаго жолду, и козаки подозрѣвали въ утайкѣ денегъ пановъ полковниковъ. Недовѣрчивая всегда къ своей старшинѣ козацкая „чернь" сдѣлалась теперь недовѣрчивѣе, чѣмъ когда-либо. Теперь въ Запорожскомъ Войскѣ старшиновали не избранники боеваго народа, а панскія креатуры, охранители землевладѣльческихъ интересовъ противъ козацкихъ. Еще до побѣга Хмельницкаго козаки, въ задорныхъ случаяхъ, поговаривали о повтореніи надъ ними того суда, какимъ павлюковцы покарали „войсковыхъ измѣнниковъ". Самого комиссара по козацкимъ дѣламъ, Шемберка, обвиняли они въ стачкѣ съ полковниками и въ утайкѣ жолду.

Но всего больше возмущала козаковъ регуляція пропинаціонныхъ доходовъ, пошлинъ и чиншей въ тѣхъ королевскихъ имѣніяхъ, гдѣ имъ было дозволено имѣть свою осѣдлость (обійстье), или гдѣ они занимались чумачествомъ и шинкарствомъ. Эти доходы были главными хозяйственными статьями въ украинныхъ экономіяхъ, но они требовали постояннаго надзора, правильнаго учета, неутомимой хлопотливости. Ни къ чему этому пограничная шляхта не была способна. Она свои винокурни (вінниці), пивоварни (бровары), „кабаки", шинки, корчмы, мыта, прòмыта и чинши „пускала въ аренду", а на свой пай оставляла хозяйство, болѣе приличное сословію господствующему: земледѣліе, скотоводство, пасѣки, бобровые „гоны", рыбные „входы",

*) Бутомъ называли козаки толмача, по-малорусски *товмача*. Отсюда и островъ Товмаковскій, иначе Товмаковка.

селитряныя „бурты“ и поташныя „буды“. Арендаторами были почти вездѣ Жиды, если не Армяне, которыхъ промышленная дѣятельность, не чуждая подкупа сильныхъ и прижимки слабыхъ, мѣстному простонародью, „гордившемуся украинскою вольностью своею“, казалась порабощеніемъ. А когда „жидъ-рандаръ“ запрещалъ козаку выкурить горілки, или сварить меду и пива къ свадьбѣ, крестинамъ или храмовому празднику, козакъ называлъ это „зневагою“ христіянской вѣры, „паругою“ надъ христіянскою вѣрою. Все вмѣстѣ возмущало козацкую чернь, тѣсно соединенную съ людьми посполитыми и, подъ вліяніемъ вѣчно крамольничавшихъ низовцевъ, приготовляло умы гулящаго и убогаго народа (классъ многочисленный и въ нынѣшней Малороссіи) къ новому покушенію противъ господства такъ называемыхъ „пановъ Ляховъ“.

Король былъ сильно встревоженъ бѣгствомъ Хмельницкаго, у котораго, какъ у войсковаго писаря, хранились такъ называемые въ кобзарскихъ думахъ королевскіе листы. Онъ тотчасъ поручилъ канцлеру выслать коммиссію для изслѣдованія терпимыхъ козаками притѣсненій, и велѣлъ выплатить козакамъ за пять лѣтъ жолдъ. Получивъ же извѣстіе, что ханъ готовится къ войнѣ и послалъ къ султану за эмиромъ, велѣлъ, какъ уже сказано, коронному гетману быть наготовѣ. Къ сенаторамъ и панамъ написалъ онъ, чтобы всѣ вышли съ дошнимъ войскомъ своимъ въ поле и расположились на Черномъ Шляху между Бѣлою Церковью и Винницею, а московскихъ воеводъ велѣлъ просить, чтобы спѣшили съ помощью согласно договору. Этимъ способомъ долженствовалъ начаться первый актъ Турецкой войны.

Въ самомъ дѣлѣ, отряды Орды Ногайской, Очаковской и Крымской приближались къ польскимъ границамъ. Но, слыша о великомъ войскѣ, стоящемъ между Брацлавомъ и Винницею, немедленно вернулись въ свои юрты; а гетманъ и сенаторы, узнавъ отъ волошскаго господаря, что султанъ отказалъ хану въ эмирахъ, и что Татары ни въ какомъ случаѣ не двинутся изъ Крыма, пока не наростетъ трава, распустили 30.000 войска, и этимъ способомъ опять отсрочили королевскіе замыслы до весны. Дѣятелями этой отсрочки, оказавшейся гибельною, по исчисленію Адама Киселя къ путивльскому воеводѣ, кромѣ Николая Потоцкаго, были: краковскій воевода Любомирскій, сендомирскій воевода, князь на Острогѣ Заславскій, кіевскій воевода Тишковичъ, русскій,—Вишневецкій, черниговскій—Калиновскій, староста калучскій Замойскій, староста львовскій Сѣнявскій, князь Корецкій, паны Немиричи и другіе украинскіе землевладѣльцы. Перечисливъ, сколько кто изъ нихъ привелъ войска, коммиссаръ пограничныхъ съ

Москвою дѣлъ, Адамъ Свѣнтольдовичъ Кисѣль, писалъ съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ: „Яко изчезаетъ дымъ, тако, Божою милостью, изчезли врази наши: съ полей Чернаго Шляху въ Крымъ повратили". Онъ увѣдомлялъ путивльскаго воеводу, князя Юрія Долгорукаго, что „Венеты и Малтяне" побѣдили многолюдное турецкое войско, и потому отъ султана пришли къ хану „немѣры жестокіе, сирѣчь заказы", чтобъ онъ не вторгался ни въ Польшу, ни въ Московское Царство. Это было писано въ февралѣ 1648 года. Имя Хмельницкаго еще не произносилось, но Кисѣль увѣдомлялъ пограничнаго воеводу, что „войско квартянное здѣ въ Украину притягнуло и положенное есть въ черкаскихъ козацкихъ мѣстахъ (городахъ), потому что козаки черкасци одного пулковника своего чигиринскаго здрадили".

Лѣтомъ 1647 года Адамъ Кисѣль ѣздилъ въ Москву въ качествѣ королевскаго посла для заключенія съ царемъ договора противъ Татаръ, но, заставъ царскихъ сановниковъ уже въ мирныхъ переговорахъ съ Ордою, могъ постановить съ ними только такія условія: 1) Оба монарха не будутъ задѣвать Татаръ, и будутъ поступать съ ними постарому. 2) Еслибы Татары вторгнулись въ Польшу, или въ Московское Царство, тогда оба монарха будутъ заодно, то-есть будутъ помогать одинъ другому, и увѣдомятъ объ этомъ договорѣ хана. 3) Но еслибы ханъ объявилъ Польшѣ, или Москвѣ, войну, въ такомъ случаѣ монархи обдумаютъ, что̀ будетъ наилучшимъ, и король созоветъ сеймъ.

Съ этого времени начались у Киселя пріятельскія съ царскими людьми отношенія, которыми онъ пользовался и въ качествѣ коммиссара пограничныхъ съ Москвою дѣлъ. Когда на Польшу поднималась изъ Запорожья непредвидимо грозная буря, у Киселя шла съ царскими боярами дѣятельная переписка самаго мирнаго свойства. Польша мостилась хозяйничать на русской землѣ, отторгнутой у царя въ 1633—1634 году, съ помощью козаковъ. Кисѣль, не довольствуясь королевскими пожалованіями въ Черниговщинѣ, выпросилъ у царя позволеніе—въ трехъ мѣстахъ Трубчевскаго уѣзда и въ двухъ Недригайловскаго жечь золу для выдѣлки поташа, или, какъ онъ писалъ, *тимальцуги*, „и на это дѣло рубить лѣсъ въ черныхъ дикихъ мѣстахъ опричъ бортнаго дерева", въ теченіе пяти лѣтъ. Съ обѣихъ сторонъ старались опредѣлить спорныя земли по границѣ между двухъ государствъ и разобрать „обидныя дѣла" на польскую и на московскую сторону".

Московскія власти при этомъ „всѣхъ, до ково што по сыску и по уликамъ воровство дойдетъ, велѣли пытать по томужъ, что съ обѣ стороны людемъ, хто въ каковѣ дѣлѣ отъ ково изобиженъ, управа въ правду учинить, а воромъ, смотря по винамъ, наказанье бесъ пона-

ровки дать, чтобъ, на то смотря, инымъ не повадно было воровать". Напротивъ, судьи „съ литовской стороны", по именамъ: Райскій, Конопляный, Бѣлка, Бурый, люди русскіе, сперва отказывали въ судѣ своихъ преступниковъ, говоря, что „шляхта ихъ сама своихъ крестьянъ судитъ"; потомъ требовали, чтобы крестьянина, обвиненнаго въ убійствѣ „за литовскимъ рубежемъ", „казнить смертною казнью безъ сыску"; а когда имъ было доказано, по свидѣтельству духовника умершаго литовца, что обвиняемый крестьянинъ за литовскимъ рубежемъ покойнаго „не убивывалъ", то панъ судья Райскій съ товарищи „и съ суда усердясь пошли", объявивъ, что „впередъ на рубежъ для росправы никакихъ дѣлъ не будутъ".

Польскіе Русичи, намѣченные уже силою жизни къ возсоединенію съ Русичами московскими, въ порубежныхъ сдѣлкахъ сосѣднихъ государствъ, при одной и той же вѣрѣ, смотрѣли чужеземцами. (Въ этомъ—начало будущихъ смутъ по присоединеніи Малороссіи).

Московскіе пограничные воеводы усердно досматривали, чтобы королевскіе люди, ни въ какомъ дѣлѣ, къ воеводамъ и ни къ кому иному не дерзали писать „непристойно", и чтобы въ титулахъ обоихъ сосѣднихъ государей не было „ни прибавки, ни умаленья"... „а есть ли хто въ прописке тителъ объявится", то чтобы „всякъ таковъ" былъ судимъ „и казненъ по винѣ своей, яко явный нарушитель миру". Ревностнымъ защитникамъ правъ своего царя, отвоеванныхъ у Сигизмунда и Владислава съ такими утратами и жертвами, было „въ великое подивленье, какими обычаи князь Еремѣй Вишневетцкой, воевода русской, и канцлеръ корунный, Юрьи Осолинской, и хоружей корунный, и иные старосты и державцы въ листѣхъ своихъ писали, мимо вѣчнаго докончанья, неостерегательно, а по вѣчному докончанью королевскому величеству царемъ и великимъ княземъ и многихъ государствъ государемъ и обладателемъ не отписыватися и не именоватися"... „А люди они" (внушали царскіе бояре, какъ недорослямъ), „князь Еремѣй и канцлеръ, думные и сенаторы большіе, и имъ бы обоихъ великихъ государей честь пригоже оберегать, больши иныхъ простыхъ людей; а на канцлера то дѣло наипаче и иныхъ людей надлежитъ, что государская честь остерегать".

Точно какъ будто знали царскіе люди про отзывъ Осолинскаго передъ папой о Москаляхъ, которые де однимъ именемъ христіане, а дѣломъ хуже послѣднихъ варваровъ. Теперь, наканунѣ крушенія польской силы и славы, московскій бояринъ Алексѣй Трубецкой въ простосердечной преданности интересамъ отечества, требовалъ, „чтобы королевское величество, по вѣчному докончанью, велѣлъ нарушителей

докончанья казнити... чтобъ отъ того межъ обоими великими государи нашими нелюбья и ссоры не было".

Это достопамятное по своимъ повтореніямъ внушеніе было писано 15 марта, а черезъ два дня Адамъ Кисѣль сообщилъ московскимъ пограничнымъ воеводамъ первую вѣсть о человѣкѣ, изъ котораго польскорусская жизнь создала карателя шляхты за ея многовѣковыя злоупотребленія личною свободой. Въ качествѣ руководителя пограничныхъ разбирательствъ съ польской стороны, писалъ онъ къ путивльскому воеводѣ, который жаловался, что „буды отмежованное не уступаютъ, пасѣкъ пщельныхъ польскіе чиновники не зносятъ" съ царской земли, „и поселили хаты за рубежемъ", а тѣ съ своей стороны жаловались, „будто его царского величества воеводы съ Ахтыра, Олжанаго и Бобрика у хрестянъ Гадяцкое волости вземше поклоны одъ пасѣкъ, ихъ потомъ пасѣки многіе насильствомъ забрали и колко тысечій пщелы побили, и самихъ хрестянъ многихъ порѣзали и порубили". Кисѣль не вѣрилъ такимъ „зачепкамъ" въ противность „вѣчному докончанью", говорилъ о братской любви обоихъ пресвѣтлыхъ государей и о дружелюбномъ соединеніи обоихъ великихъ государствъ, и только въ концѣ письма упомянулъ о событіи, которое занимало его больше всѣхъ пограничныхъ ссоръ и дракъ:

„Еще же о томъ тебѣ вѣсть даю, и ты къ его царскому величеству писать будешь, что никая часть, тысеча, или мало того болшъ своеволниковъ козаковъ черкасцовъ избѣгли на Запорожье; а старшимъ у нихъ простый холопъ, нарицаеться Хмельницкій; и думаютъ донскихъ козаковъ подбити на море... аще ли же збѣжитъ (Хмельницкій) зъ Запорожа на Донъ, и тамъ бы его не пріймати, не щадити, ни на море пустити".

Дѣятельный охранитель Рѣчи Посполитой Польской на другой день писалъ къ воеводѣ сѣвскому, Замятнѣ Леонтьеву, благодарилъ за увѣдомленіе о Калмыцкой Ордѣ и прибавилъ: „Толко того не разумѣю, што тая Орда въ Крыму дѣлами маетъ: чи сами зъ собою междуусобную брань учнутъ, или обоимъ великимъ господарствомъ пресвѣтлыхъ господарей нашихъ, совокупившися, вражду думаютъ.—На сей сторонѣ Днѣпра одъ Очакова" (увѣдомлялъ онъ, въ свою очередь) „Орды нѣтъ, толко двѣ албо три тысечи: вся на Крымской сторонѣ", и опять занялся пасѣками да будами, не предвидя, что скоро все польское хозяйство на русской почвѣ пойдетъ прахомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Кисѣль увѣдомилъ путивльскаго воеводу, Никифора Плещеева, что ханъ ласкается, черезъ своего посла, къ гетману Потоцкому, къ князю Вишневецкому, что тотъ посолъ теперь въ

Прилукѣ, „и до многихъ изъ насъ (ласкается), со всѣми нами братаючися и дружество хотя имѣти“; но твердилъ Москалю поучительно, что татарское дружество съ однимъ государствомъ есть вражда противъ другаго. Прошли уже (писалъ онъ) времена татарскихъ опустошеній то того, то другаго изъ нихъ. Теперь, если Татары хотятъ быть съ нами въ дружбѣ, пускай будутъ въ дружбѣ и съ Московскимъ Государствомъ. Заключилъ же свое посланіе словами: „Уже бо ихъ приближается кончина, родовъ же христіянскихъ Божію милостію вознесеніе: Венетовъ и Малтанъ вознеслъ Господь“.

Черезъ три дня „каштелянъ енералъ кіевскій, житомирскій, овручскій, староста носовскій“, какъ величали Киселя царскіе сановники, торопилъ бояръ князя Алексѣя Трубецкого, Григорія Пушкина и думнаго дьяка Григорія Чистого къ скорымъ отвѣтамъ на его письма восклицая: „Толикое время само вопіетъ, какое бысть умедленіе! Впредь же сице да не будетъ между нами: дружбѣ убо и любвѣ пріятельской есть противно“. По словамъ Киселя, ему, теперь уже брацлавскому воеводѣ, вмѣстѣ съ ясновельможнымъ паномъ Краковскимъ (Николаемъ Потоцкимъ), было поручено разузнать, по какой причинѣ нѣкоторые козаки ушли на Запорожье, и „какъ будутъ Крымцы думати, промышляти обо всемъ“.

Тутъ же кстати („еда къ тому пришло“) увѣрялъ Кисѣль царскихъ сановниковъ, что онъ жадничаетъ не будъ, а славы московскаго царя: „Мнѣ не будъ жадно, но добродѣтели его царскаго величества: слава убо есть и будетъ въ томъ его пресвѣтлого величества, что надарилъ меня, его королевского величества великого посла; честь же моя, нто на мнѣ просіяетъ, величества есть добродѣтель“.

Неизвѣстно, что̀ думали себѣ въ бороду царскіе сановники объ умѣньѣ Адама Свѣнтольдича льстить и выпрашивать, которое въ Польшѣ преподавалось, какъ наука жизни.

Буря между тѣмъ незримо приближалась. Лобызаясь письменно съ московскими пріятелями своими по случаю „всеславнаго воскресенія Господа нашего, Іисуса Христа“, Кисѣль былъ преисполненъ радостныхъ упованій, и изъ „своего города Кобызчи“, близкаго къ Кіеву, отъѣхалъ въ „дальній свой городъ Гощу, за Кіевъ миль тридцать“; если же „Орда что̀ задумаетъ“, намѣревался снова прибыть въ Украину, и беззаботно писалъ о Хмельницкомъ, не предчувствуя, что онъ превратитъ въ прахъ и пепелъ близкіе и дальніе панскіе города вмѣстѣ съ королевскими.

„Своевольного черкасца Войско Запорожское само поднялося на Запорожу поймать, и крестъ на томъ цѣловали. Войско же наше ко-

рояное, скоро трава начнется, на Шляху Черномъ-лѣсу положенно будетъ, и самъ ясневельможный панъ Краковскій и съ нимъ панъ воевода черниговскій, польный гетманъ, будетъ, дондеже объявится, што Орда думаетъ: аще убо и братается ганъ, посылаючи къ намъ вѣры не даемъ. Аще бы зъ Запорожа збѣжалъ Хмельницкій, козакъ своеволный, на Донъ и хотѣлъ подвизати донцовъ на море,—по соузѣ обоихъ великихъ господарей нашихъ, надобно зимать его какъ здрайцовъ обоихъ великихъ господарствъ".

Въ заключеніе, Кисѣль просилъ пріятелей своихъ передать латинскую грамотку царскому доктору, который обѣщалъ сдѣлать ему водку противъ его „скорби и болѣзни, подагры".

Эта болѣзнь была весьма распространена между польскими панами, и потому имѣетъ значеніе историческое. Привычка къ пьяной жизни развилась у нихъ въ ужасающей степени еще въ царствованіе Сигизмунда III. Владиславъ IV, какъ мы видѣли, страдалъ подагрой даже во время вторичнаго брака. Новый фельдмаршалъ его, Николай Потоцкій, былъ также подагрикъ. На подагру жаловался въ своемъ безцѣнномъ дневникѣ и литовскій канцлеръ, Альбрехтъ Радивилъ. Если бы шаловливая богиня Венера бросила яблоко въ собраніе Избы Земской, или Сенаторской, нецремѣнно попала бы въ подагрика. „Старое венгерское" составляло въ Польшѣ столь важный предметъ государственныхъ попеченій, что на послѣднемъ свободномъ сеймѣ, лишь только панскій ареопагъ проглотилъ безъ зазрѣнія совѣсти вопросъ о полутора милліонахъ, которые Рѣчь Посполитая „задолжала жолнеру", тотчасъ его занялъ жизненный польскій вопросъ „o składzie wina węgierskiego". Венгерское вино было, можно сказать, національною честью и славою истинно-панскаго дома. По извѣстной пословицѣ, оно въ Венгріи только раждалось, а воспитывалось и старилось въ Польшѣ (Hungariae natum, Poloniae educatum). Здѣсь его склады дѣлались ежегодно, съ разсчетомъ пировать, пока Польша будетъ стоять на своемъ вѣчномъ основаніи, на милой шляхетскому сердцу и уму неурядицѣ. Въ самомъ дѣлѣ, даже во времена послѣдняго окончательнаго паденія панской республики, поэтъ Мальчевскій написалъ о Полякахъ прекрасными стихами то, что они дѣлали наканунѣ Хмельнитчины:

Tloch pański jak serce zdawał się otwarty,
A stary węgrzyn płodził nie bez duszy żarty *).

*) И панскій погребъ, какъ сердце, казался открытымъ, а старое венгерское раждало не безъ души шутки.

Царскіе вѣстовщики были пронырливѣе панскихъ. Въ Бакчисараѣ вывѣдали они отъ „полонянина“ о козацкой стачкѣ съ Татарами и донесли своему государю, а изъ Москвы бояре Трубецкой, Пушкинъ и думный дьякъ Чистаго, отъ 10 апрѣля, сообщили Адаму Киселю слѣдующее:

„Марта де въ 5 день пріѣхали въ Крымъ къ царю зъ Днѣпра запорожскихъ Черкасъ четыре человѣка, а прислали де ихъ Черкасы крымскому царю бить челомъ, чтобъ онъ, крымской царь, принялъ ихъ въ холопство; а они де стоятъ на Днѣпрѣ, а въ зборѣ ихъ пять тысячъ; и просили у крымскаго царя людей, чтобъ имъ итти на королевского величества Полскую Землю войною за свою черкаскую обиду; и какъ де они королевскаго величества съ людьми управятца, и они де крымскому царю учнутъ служить вѣчнымъ холопствомъ, и всегда съ нимъ на войну будутъ готовы. И крымской де царь тѣхъ Черкасъ, четырехъ человѣкъ, дарилъ кафтанами и держалъ у себя въ Бакчисараехъ недѣлю, и, давъ имъ по лошади, отпустилъ ихъ назадъ; а крымскимъ людемъ и черномъ Татаромъ приказалъ кормить лошеди и готовитьца на королевского величества землю; а въ Перекопъ къ Тогаю, князю Ширинскому, писалъ, чтобъ Нагайскіе люди на королевского величества землю въ войну готовилися жъ. Да и Татарова де и Русскіе полоняники говорятъ не втай, что царь приказалъ Крымскимъ и Нагайскимъ людемъ войною на королевского величества землю готовитьца. А въ Крымѣ де голодъ болшой, и прошлого году хлѣбъ не родился, а нынѣ скотъ, овцы и коровы вымерли, и черные Татарова войнѣ ради, и безъ войны де нынѣшняго лѣта никакимъ обычаемъ пробыть имъ не умѣть“.

Въ заключеніе важнаго извѣстія, оказавшагося вполнѣ справедливымъ, царскіе сановники совѣтовали и принять мѣры къ тому, чтобы не „допустить тѣхъ Черкасъ подъ владѣнье крымского царя“. Въ этомъ совѣтѣ заключалась не только христіянская, но и русская мысль, хотя Москали смотрѣли, въ этомъ случаѣ, на самихъ Черкасъ изчужа, точно Малоруссы временъ Ярославовскихъ—на Торковъ и Берендеевъ.

Недѣли двѣ корреспонденты двухъ сосѣднихъ державъ молчали, словно чуяли съ обѣихъ сторонъ что-то грозное. Наконецъ, отъ 4 мая „рымскимъ числомъ“ польскорусскій сановникъ увѣдомилъ сановниковъ москворусскихъ (изъ своего города *Новосюлки*, здѣ за Кіевомъ миль пять) о начавшейся Хмельнитчинѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Никогда холопская рука, найпаче же змѣнниковъ, невозможна есть подвизатися противо своимъ господиномъ; и тотъ холопъ нашъ, змѣнникъ черкаскій, зъ дружиною своею, въ сихъ днехъ аще не из-

бѣжитъ въ Крымъ, измѣнною головою своею запечатуетъ: полемъ убо и Днѣпромъ на него пошло войско наше... Все Войско Черкаское Запорожское есть вѣрно, точію еденъ змѣнникъ Хмельницкій, простыхъ холоповъ прибравши къ себѣ, на Запороже збѣжалъ; и всѣ козаки черкаскіе вѣрные, крестъ цѣловавши, пошли Днѣпромъ доставати змѣнника того".

Отъ 10 римскаго мая князь Іеремія Вишневецкій увѣдомилъ путивльскаго воеводу, Плещеева, изъ Прилуки о слухахъ, которые приходятъ, безпрестанно повторяясь, что „непріятелѣ Креста Христова наготовѣ собранныхъ ордъ на урочищѣ стоятъ у Княжихъ Байраковъ 40.000 подлинно ихъ сказываютъ, а того еще не вѣдомо, въ которые стороны; чего имъ, Боже, не помоги. Естли въ панство его королевскіе милости Коруны Полскіе, албо въ землю его царского величества Московскую мысль имъ есть итти, всѣ наготовѣ и за таковыми вѣстями по обѣ стороны Днѣпра съ войски корунными стоять, а я при здѣшнихъ маетностяхъ моихъ съ людьми моими готовъ есмъ, ожидаю скорые вѣсти, и повѣсти, куды мнѣ лучитца итти. И для того сею грамотою моею его царского величества и тебѣ знати даю, чтобъ вы были наготовѣ на большое остереганья отъ стороны непріятеля Креста Святаго".

Такъ плохо порусски писалъ Русинъ, передѣланный львовскими іезуитами въ Поляка. Про козаковъ до него не дошелъ еще слухъ. Но въ то же время княжескій староста *) Малюшицкій, по письму Малоруссъ, сообщилъ изъ Краснаго тому же Плещееву слѣдующее:

„Пишеть его милость панъ гетманъ коронній сторони людей Крымскихъ, съ которими сполившися Хмельницкій своевольній въ тисячахъ козаковъ чотирохъ зъ Ордою, и пана комисара осадили на вершинахъ Саксагану въ четверъ, прошлій, и Войско Запорозкое тамъ посилкуетъ противко Татаровъ; але предся (однакожъ) гору береть Орда и подъ Чегиринъ обѣщается подходить рихло (вскорѣ); и панъ полковникъ переяславскій видѣлъ въ Кучкасехъ по сей сторонѣ, въ полѣхъ, вширъ и долго большой милѣ, Орда стоитъ и еще прибываетъ. И по напису сеей грамоти прибѣгли зъ листами отъ гетмана коронного, же (что) Орда скупилася съ Хмельницкимъ, гдѣ всѣ войска обернулися противко ихъ людей".

Наконецъ Адамъ Кисѣль, отъ 11 мая римскимъ числомъ, увѣдо-

*) Паны имѣли, какъ и король, старостъ, которые, по отношенію къ этимъ королятамъ, были тѣ же brachia regalia.

милъ Плещеева изъ Гощи о роковомъ событіи на Желтыхъ Водахъ, на вершинахъ Саксагана,—о первомъ пораженіи панскаго войска козаками:

„Нынѣча же достиже мя вѣсть о прелести поганской татарской, што они, егда ясневельможный каштелянъ краковскій, гетманъ великій коронный, послалъ полкъ оденъ войска короннаго на змѣнниковъ черкаскихъ, они, собакове Татары, Крымци и Нагайци, тотъ полкъ на поляхъ, на урочищу Желтые Воды, осадили; тридцать тысечи Орды на тотъ полкъ пришло, рымскимъ числомъ 2 мая. Они же, въ Христа Господа вѣруючи, храбро и бодро ополчившися, бранятся; но по нынѣшнее время што се здѣяло, Богъ вѣсть".

Кисѣль, конечно, зналъ, что козаки соединились уже всѣ и, вмѣстѣ съ Татарами, били пановъ; но не хотѣлъ сказать объ этомъ Плещееву. Онъ вопіялъ о скорой помощи къ воеводамъ путивльскому, хотмыжскому и къ воеводамъ сѣвскимъ, ссылаясь на договоръ короля съ царемъ. Польская Русь, утратившая уже чистоту своего древняго языка и подражавшая рѣчи московской, съ примѣсью полонизмовъ, умоляла спасать ее отъ Крымцевъ, а въ сущности—отъ польской неурядицы, породившей руинную козатчину.

Какъ велика была эта неурядица, мы увидимъ, перенесясь на правую сторону Днѣпра, въ лагерь коронныхъ гетмановъ.

Когда Кисѣль писалъ къ путивльскому воеводѣ, что „козаки черкасци одного пулковника своего, чигиринского, здрадили", это значило, что Хмельницкій, еще въ февралѣ, прогналъ изъ Запорожья стоявшій тамъ, въ видѣ гарнизона, чигиринскій полкъ. Извѣстіе объ этомъ потрясло всю Украину, точно какъ будто Павлюкъ еще однажды сошелъ съ эшафота. Страхъ обнялъ шляхту. Одни бѣжали въ лагерь Потоцкаго, другіе бросились къ обоимъ коронным гетманамъ съ мольбой о снабженіи Украины гарнизонами. Потоцкій двинулся съ квартянымъ войскомъ въ глубину Козацкой Украины, обезпечилъ гарнизонами замки и города, велѣлъ свозить пушки съ безоборонныхъ мѣстъ, убѣждалъ „гродскими универсалами" мѣстныхъ помѣщиковъ—не оставаться въ ихъ домахъ, а присоединяться съ надворными дружинами къ коронному войску, разослалъ воззванія къ магнатамъ, чтобы спѣшили къ нему на помощь, уговорилъ всѣхъ землевладѣльцевъ обезоружить мужиковъ, и наконецъ—опубликовалъ грозный универсалъ, воспрещавшій всякое сообщеніе съ Хмельницкимъ, бѣжавшимъ же къ нему для своевольства угрожалъ смертью оставленныхъ ими семействъ и уничтоженіемъ собственности. Словомъ, въ запылавшую козацкимъ бунтомъ Украину подложилъ горючаго матеріяла.

Нельзя сказать, чтобъ онъ дѣлалъ „много шуму изъ ничего“. Онъ, провозившійся съ козацкими бунтами столько времени, еще въ декабрѣ 1647 года заявилъ, что не можетъ быть въ отечествѣ опасности, болѣе чреватой бѣдствіями (więcej pregnans periculum). Онъ понималъ положеніе страны и выражалъ, можно сказать геройски, недоумѣніе, какъ „съ такою малою горстью квартянаго войска“ отражать Татаръ, которые и безъ козаковъ были весьма опасны; но тѣмъ не менѣе шелъ на борьбу съ ними.

Король, однакожъ, былъ крайне недоволенъ мѣрами своего фельдмаршала. Король повелѣлъ Потоцкому немедленно пустить козаковъ на Черное море, и не подвигаться съ войскомъ въ глубину Украины.

Коронный гетманъ оправдывалъ свои дѣйствія тѣмъ, что двинулся спасать Украину по общей просьбѣ и по всестороннемъ обсужденіи дѣла; что не было такого села, такого города, гдѣ бы не призывали къ своевольству и не умышляли на жизнь и имущество пановъ и державцевъ, гдѣ бы не домогались вознагражденія своихъ заслугъ и не подавали безпрестанно жалобъ на несправедливости и притѣсненія. О вѣрѣ, которую наши лѣтописцы и историки дѣлаютъ первою и главною причиною бунта, предводитель его усмирителей не упомянулъ въ своемъ оправданіи передъ королемъ ни единымъ словомъ. Зачинщиковъ бунта онъ видѣлъ только въ недовольныхъ экономическими порядками да матеріяльными потерями.

„Повидимому, не велика бѣда 500 взбунтовавшихся козаковъ“ (писалъ онъ); „но кто вникнетъ, съ какими упованіями и надеждами поднятъ бунтъ, каждый долженъ признать, что было изъ-за чего мнѣ двинуться въ Украину: ибо эти 500 человѣкъ подняли бунтъ въ заговорѣ со всѣми козацкими полками и со всей (мужицкой) Украиной. Когдабъ я не поспѣшилъ, запылалъ бы въ Украинѣ такой огонь, который не скоро былъ бы, или же великими силами, погашенъ... Одинъ князь воевода русскій (Вишневецкій) отобралъ у своихъ подданныхъ нѣсколько тысячъ самопаловъ, а сколько же другіе! Все это огнестрѣльное оружіе, вмѣстѣ съ людьми, принадлежало бы бунту Хмельницкаго. Еслибы не были предупреждены приготовленія къ бунту, еслибы не были забраны пушки въ разныхъ мѣстахъ, которыми своевольные люди (swawola) намѣревались овладѣть, то какова была бы сила ихъ, и что дѣлали бы они во владѣніи вашей королевской милости, можете представить. Впрочемъ я вовсе не съ тѣмъ двинулся въ Украину, чтобы пролить христіянскую кровь, которая въ свое время будетъ необходима для Рѣчи Посполитой, но съ тѣмъ, чтобы, не обнажая сабли, однимъ только страхомъ кончить войну. До сихъ поръ

козаки не потеряли ниодной капли крови и не потеряютъ, если успокоятся. Но вижу, что этотъ безразсудный человѣкъ, Хмельницкій, не преклонится передъ милостью. Не разъ уже я посылалъ къ нему, чтобъ онъ оставилъ Запорожье, обѣщая ему помилованіе, отпущеніе преступленій. Ничто на него не дѣйствуетъ. Пословъ моихъ задержалъ. Наконецъ послалъ я и пана Хмельницкаго, ротмистра вашей королевской милости, человѣка расторопнаго и хорошо знающаго козацкіе *юморы*, съ увѣщаніемъ, ручаясь моимъ словомъ, что волосъ не упадетъ съ его головы. Но не тронутый и этой благосклонностью, отправилъ ко мнѣ моихъ пословъ съ требованіемъ, чтобы коронное войско вышло изъ Украины; чтобы паны полковники, со всею ихъ ассистенціей, были изъ полковъ удалены; чтобы правительственная ординація относительно козаковъ была уничтожена".

Далѣе Потоцкій доносилъ королю, что Хмельницкій зоветъ къ себѣ на помощь Татаръ, которые хоть и вернулись главною массою въ свои кочевья, но все еще чего-то ждутъ у Днѣпра. Нѣсколько сотъ Крымцевъ переправилъ онъ даже на сю сторону, съ тѣмъ чтобъ они сгоняли польскія сторожи, поставленныя на разныхъ пунктахъ для удержанія своевольныхъ людей отъ побѣговъ на Запорожье. Слышно было, что у Хмельницкаго уже 3.000 козаковъ. Въ этомъ Потоцкій видѣлъ доказательство, что онъ давно уже думалъ о томъ, какъ начать свой бунтъ.

„Сохрани Богъ" (продолжалъ коронный гетманъ), „еслибъ онъ съ этимъ войскомъ вступилъ въ Украину! тысячи обратились бы вдругъ во сто тысячъ, и было бы намъ, что̀ дѣлать съ этими своевольниками. Теперь онъ готовитъ и укрѣпляетъ себѣ на Буцкѣ городъ (horod), и рѣшился сильно въ немъ обороняться. Высоки доводы вашей королевской милости, которые благоволите высказывать по предмету отвращенія этого несчастья: чтобы дозволить своевольникамъ идти на море, еслибъ того пожелали. Не того ему хочется, чтобъ идти на море, а того, чтобы жить въ стародавнемъ своевольствѣ и чтобы ниспровергнуть священныя постановленія Рѣчи Посполитой, стоившія столькихъ трудовъ и шляхетской крови. Согласенъ я, что для общественнаго блага слѣдовало бы пустить козаковъ на море, именно въ интересахъ самой Рѣчи Посполитой, чтобъ эта милиція не залегала поля и не забывала давнишняго способа войны, который можетъ въ послѣдствіи понадобиться. Но въ такое скользкое время нельзя этого сдѣлать потому, что одни челны еще не готовы, а другіе хоть и готовы, но не такъ снаряжены, чтобы годились для морской битвы. Поэтому неготовые приказалъ я кончить при себѣ, а на мѣсто сдѣлан-

ныхъ кой-какъ будутъ присланы другіе. Но хоть и будутъ изготовлены, для этого необходимо, чтобы козаки были успокоены и въ надлежащемъ порядкѣ отправлены, если то укажетъ надобность Рѣчи Посполитой и воля вашей королевской милости. Ибо, сохрани Боже, чтобы неуспокоенные вышли они на море и, вернувшись, подняли неугашенный бунтъ: тогда удержать ихъ въ указанной ординаціи Рѣчи Посполитой значило бы воевать и съ козаками, и съ Турками, и съ Татарами. Вотъ почему надобно, по моему мнѣнію, постараться, какъ я и стараюсь, угасить сперва нынѣшніе бунты. Но во всемъ этомъ я желаю повиноваться волѣ и повелѣніямъ вашей королевской милости".

Было это писано, вѣроятно, въ то время, когда султанъ запретилъ Татарамъ вторгаться въ Польшу. Паны были этимъ обрадованы, и фельдмаршалъ окончилъ свое покорно-оппозиціонное оправданіе горькою для короля лестью:

„Радъ бы я былъ видѣть въ эту зиму побѣды вашей королевской милости надъ непріятелемъ Св. Креста и новые лавры, украшающіе ваше славное имя; но такъ какъ задуманныя предначертанія (вражескія) отмѣнены, что̀ видно изъ прилагаемыхъ при семъ писемъ господаря, то униженно прошу принять отъ меня вѣнецъ служенія отечеству".

Таково было положеніе измечтанной королемъ Турецкой войны и дѣйствительнаго бунта Хмельницкаго въ концѣ марта 1648 года, когда Потоцкій, обезпеченный дружественнымъ письмомъ Исламъ-Гирея, рѣшился послать противъ Хмельницкаго войско и подавить бунтовщиковъ, пока они не усилились приливомъ своевольныхъ людей изъ Украины. Между тѣмъ Хмельницкій, въ началѣ марта, заключилъ договоръ съ Татарами, отдалъ хану въ залогъ сына своего, Тимоѳея, а самъ вернулся на Запорожье сзывать къ себѣ козаковъ.

Войско, находившееся въ распоряженіи Николая Потоцкаго и его товарища по гетманству, Мартина Калиновскаго, долго стояло въ бездѣйствіи между Брацлавомъ, Винницею и Бѣлою Церковью, въ предупрежденіе татарскаго набѣга. Отъ Бѣлой Церкви до Канева оборонять Поросье должны были польскіе Торки и Берендеи, козаки, а за Днѣпромъ Посуліе защищали многолюдныя дружины удѣльнаго, можно сказать, князя Рѣчи Посполитой, Іереміи Вишневецкаго. Въ виду быстро закипающаго бунта, Потоцкій не дождался королевскаго универсала для наступленія на козаковъ, какъ бывало до сихъ поръ, и поспѣшилъ на театръ своихъ подвиговъ 1637 и 1638 годовъ.

Теперь ужъ Николай Потоцкій былъ не тотъ, что въ оные прославленные имъ годы, когда Шляхетскій Народъ восторжествовалъ надъ Народомъ Козацкимъ и, какъ панамъ казалось, навѣки подчинилъ его

своей законодательной власти. Болѣлъ Потоцкій панскою болѣзнью, подагрою, и въ Агамемноновскомъ своемъ походѣ на Сулу. Десятилѣтіе, проведенное среди „хлѣбоядцевъ“ и винопійцевъ гостепріимнаго дома Потоцкихъ, сдѣлало польскаго защитника Поросья и Посулія неспособнымъ сѣсть на коня. Онъ ѣздилъ по полкамъ въ каретѣ и во время битвы. Но въ отяжелѣвшемъ тѣлѣ носилъ Потоцкій энергическій духъ своихъ предковъ, Русичей: ибо не напрасно волочилась Польша за нашими буйтурами, вовлекая ихъ въ свою національность: она ловила въ Малороссіи таланты, которыми была скудна, и этими талантами прославилась въ католическомъ свѣтѣ. Потоцкій вѣровалъ, подобно православному Ляху Киселю, что „никогда хлопская рука не возможна есть подвизатися противо своимъ господиномъ“.

Еслибы сенаторы и вельможные паны, исчисленные въ реторическомъ письмѣ Киселя къ путивльскому воеводѣ, предвидѣли, что новый козацкій царь Наливай всего больше разсчитываетъ на соединеніе козаковъ съ ордынцами,—не повернули бъ они своихъ ополченій во-свояси до тѣхъ поръ, пока не сдѣлали бы невозможнымъ столь давно намѣченное сліяніе польскорусской орды съ татарскою. Но гордые побѣдами своего Потоцкаго надъ козаками и своего Конецпольскаго надъ Татарами, они смотрѣли спокойно на то, что одна орда раздражена неуплатою жолду, а другая—отказомъ въ гарачѣ: они забыли, что оба скопища хищниковъ задѣты за живое и съ другихъ сторонъ. Побѣдители Косинскаго и всѣхъ козацкихъ бунтовщиковъ упустили изъ виду, что Конецпольскій преслѣдовалъ Жмайла въ непроходимыя трущобы Медвѣжьихъ Лозъ единственно изъ-за его попытки вызвать Крымцевъ на опустошеніе колонизуемой имъ Украины,—попытки, повторяемой упорно козаками въ каждомъ бунтѣ своемъ и, что Потоцкій совладалъ съ христіянскими ординцами подъ Кумейками и на Старцѣ только благодаря ихъ тогдашней враждѣ съ мусульманскими.

Владиславъ IV былъ одаренъ умомъ вовсе не строительнымъ; но паны, вырвавшіе у него изъ рукъ всю власть, оказались теперь несостоятельнѣе своего развѣнчаннаго монарха въ государственномъ строительствѣ и въ сохраненіи за собой края, безъ котораго Польша, по выраженію одного простолюдина, была все равно, что рукавъ безъ жупана. Сравнительно съ этими пигмеями царственности, онъ былъ великъ уже тѣмъ, что могъ бы, такъ, или иначе, двинуть въ походъ громадныя войска и въ томъ числѣ 30.000 ихъ собственнаго контингента. Но, низложивъ титулярнаго короля своего, фактическіе короли польскіе, легкомысленно играли съ огнемъ, о которомъ еще отцы и дѣды ихъ говорили, что его надобно гасить въ искрахъ. Благоразум-

но, или нѣтъ воспротивились они войнѣ своего избранника съ непріятелями Св. Креста,—это могло бы оказаться только въ непредвидимой комбинаціи разнообразныхъ человѣческихъ интересовъ; но совершившіеся факты говорятъ намъ, что паны не понимали значенія царственности, и либеральною борьбой съ Владиславомъ сдѣлали то, что теперь Св. Крестъ несли противъ нихъ самихъ Татары руками Хмельницкаго, съ тѣмъ, чтобы подъ этимъ знаменемъ „землю, текущую молокомъ и медомъ", превратить въ безлюдную пустыню.

Что касается Потоцкаго, то, не поддержанный умомъ и предусмотрительностью сенаторовъ, которые самоувѣренно вернулись домой съ парада на Черномъ Шляху, онъ взялъ подавленіе украинскаго бунта на свою нравственную отвѣтственность, и долженъ былъ еще оправдывать свое геройское предпріятіе передъ уничиженнымъ королемъ, приправляя правду ложью.

Положеніе талантливаго полководца было рискованнымъ и десять лѣтъ назадъ, по милости правительственной неурядицы. Въ роковомъ 1648 году оно сдѣлалось крайне затруднительнымъ, и потомъ—такимъ отчаяннымъ, какъ послѣдній походъ незабвеннаго Русина-католика, Жовковскаго. Недавно видѣлъ онъ передъ собой въ движеніи всю сосѣдню-азіятчину, командуя шеститысячнымъ квартяннымъ войскомъ, которому авангардомъ служили еще непошатнувшіяся шесть тысячъ реестровиковъ, а въ арріергардѣ стояло 30.000 панскихъ дружинъ. По словамъ Киселя, враги христіянства и цивилизаціи исчезли предъ лицомъ этой грозной силы, *яко изчезаетъ дымъ*. Теперь главнокомандующій оною грозною силою очутился противъ той же азіятчины въ виду всего анти-шляхетнаго населенія Украины, взбунтованнаго козаками,— очутился съ такими силами, которыхъ едва было достаточно для однѣхъ рекогносцировокъ.

Но Потоцкому долго не вѣрилось, чтобы ханъ Исламъ-Гирей, считавшій свой родъ старше султанскаго, низошелъ съ высоты своей кипчакской царственности до панибратства съ бродягами, которыхъ предшественники его отвергли, какъ „безголовое тѣло". Онъ лично зналъ Исламъ-Гирея во время его пребыванія у отца нынѣшняго его сподвижника, Сѣнявскаго, и, можетъ быть, заодно съ королемъ, расположилъ пріятеля къ тому великодушію, съ которымъ онъ возвратилъ своему плѣннику свободу. Потоцкій до сихъ поръ не могъ подозрѣвать, что дружескія письма хана были только усыпительнымъ для пановъ напиткомъ лести... Но его успокоивало своевременное занятіе главныхъ сѣдалищъ украинской козатчины. Самъ Потоцкій расположился въ Черкасахъ; полевой гетманъ, Калиновскій, въ Корсуни;

прочіе полки стояли тамъ же, по рѣкѣ Роси. Утвердясь на стратегическихъ точкахъ опоры противъ степнаго варварства, защитникъ польской цивилизаціи ждалъ наступленія мятежниковъ, которые, по его мнѣнію, могли бы увеличить свое число только тогда, когда бы появились невозбранно среди Козацкой Украины.

Между тѣмъ побѣги на Запорожье продолжались. По Украинѣ шлялись изъ села въ село хмельничане, переодѣтые—то нищими, то богомольцами, и подготовляли убогую чернь къ нападенію на людей шляхетныхъ и зажиточныхъ, которыхъ вообще называли они *Ляхами*, а если не Ляхами, то *Недоляшками*, то-есть не достигшими еще полнаго ляшества, по-козацки *лядства*, но у которыхъ съ Ляхами „одинъ духъ“. Въ теченіе полустолѣтней оппозиціи всякому *прѝсуду* (юрисдикціи) и всякой власти въ Украинѣ, козаки выработали о себѣ въ гулящемъ простонародьѣ такое мнѣніе, что только въ козацкихъ сердцахъ осталась на свѣтѣ правда, которой нѣтъ уже ни у пановъ, ни у какихъ-либо властителей. И въ наше время, упорядочненное и счастливое несравненно больше того бѣдственнаго вѣка, кобзари твердятъ въ своихъ пѣсняхъ категорически:

Ужѐ тепѐръ прàвда стоѝть у порòга,
А тàя непрàвда—въ панівъ кінѐць стòла.
Ужѐ тепѐръ прàвда сидѝть у темнѝці,
А тàя непрàвда—съ панàми въ свѝтлиці...

Вообразимъ тогдашнихъ кобзарей, что *они* пѣли, и съ какими чувствами *ихъ* слушали!

Для низшихъ классовъ украинскаго населенія, образовавшихся путемъ постояннаго перекочевыванья съ мѣста на мѣсто, козакъ, по простонародной пѣснѣ *душà правдѝвая* въ своемъ убожествѣ, сдѣлался идеаломъ удальства, счастья и вольной воли, до того, что украинскіе дѣвическіе баллады и романсы называютъ своихъ героевъ *козданьками* вмѣсто другихъ ласкательныхъ именъ, а женскіе и материнскіе украинскіе пѣсни-плачи переполнены выраженіями тоски о козацкихъ *пригòдахъ*, то-есть бѣдственныхъ случайностяхъ, не говоря уже о тѣхъ пѣсняхъ мужскихъ, которыя, по своему содержанію, не отличаются отъ великорусскихъ пѣсенъ, именуемыхъ разбойничьими, и предаютъ проклятію самихъ мастеровъ, строившихъ темницы даже для такихъ преступниковъ, какъ губители дѣвицъ, вдовъ и мужнихъ женъ. Тогдашняя запорожская пропаганда оправдывала всѣ преступленія и обвиняла всѣхъ представителей общественной юрисдикціи. Она сулила черни золотой вѣкъ безнаказанности, всяческой свободы

и незаслуженнаго трудомъ богатства. Это была пропаганда крайне опасная и для правительства, и для той массы, которую поднимала противъ правительственныхъ органовъ порядка.

Украина, занятая теперь коронным войскомъ, еще недавно состояла изъ однихъ козацкихъ кочевьевъ. Шляхетская хозяйственность пришла сюда съ обычаями, выработанными обществомъ, сравнительно культурнымъ, и градація этой хозяйственности начиналась тогда съ промысла первобытнаго—съ выжиганія лѣсовъ для поташной золы, которую Нѣмцы-выходцы научили насъ называть шмальцугою. Къ этому варварскому промыслу всего больше былъ склоненъ мѣстный мужикъ, глядѣвшій вообще волкомъ на земледѣльца-ратая и на его служебниковъ. Заложивши въ лѣсу *буду*, то-есть поташной костеръ, онъ оставался свободенъ и празденъ въ своей трущобѣ во всю охоту дикаря къ спанью и звѣроловству. Къ работникамъ этого рода, называвшимся *будниками*, ближе всего стояли пасѣчники, посѣкавшіе лѣса, старожившіе „бортные ухожаи“ въ нихъ и сидѣвшіе пасѣками въ такихъ „нѣтрахъ“ (неторенныхъ мѣстахъ), въ которые хищниковъ ордынцевъ не вели широкіе Татарскіе Шляхи. За пасѣчниками слѣдовали *чабаны*, кочевавшіе въ „катрягахъ“ при стадѣ овецъ, рогатаго скота или лошадей, люди, также свободные етъ надзора въ своихъ занятіяхъ и досужіе во времени. За ними рабочую силу хозяйственной жизни составляли *могильники*, насыпавшіе сторожевые могилы и земляные подъ именемъ „могилъ“ памятники, селитряные бурты, а въ городахъ и селахъ валы, безъ которыхъ не уцѣлѣлъ бы тогда пограничный поселокъ и одного года. Далѣе шли уже чернорабочіе, болѣе или менѣе стѣсненные въ своихъ занятіяхъ присутствіемъ людей культурныхъ, но зато разгульные въ своихъ привычкахъ,— люди, которыхъ называли „роскішными“. Это были *винники*, *броварники*, *лазники*, отбывавшіе условленную между *осадчимъ* (колонизаторомъ) и *осадникомъ* (колонистомъ) панщину, или служившіе по винокурнямъ, пивоварнямъ и лазнямъ, то-есть банямъ, въ селахъ и городахъ.

Всего труднѣе было пріучить и пріохотить украинскаго мужика къ земледѣлію, которое особенно не нравилось попробовавшимъ козатчины, какъ занятіе, требовавшее сидѣнья на одномъ мѣстѣ. Ратаи, или пахари пользовались особенными преимуществами передъ панскими подданными, и составляли какъ бы средній классъ между землевладѣльцами и тою смѣшанною массою, которая селилась и кочевала въ ихъ имѣніяхъ. Эта хаотическая масса сидѣла по своимъ мѣстамъ только тогда, когда голодъ и холодъ смирялъ ее до готов-

ности трудиться изо дня въ день. И ремесленники, и хлѣборобы заимствовали изъ нея рабочія руки для своего производства. Но лишь только наступала весна, каждый *нетяга* наровилъ уйти въ безлюдную глушь на независимый промыселъ, хотя бы для этого пришлось ему „забирать въ торбу дѣтей".

Изъ такихъ-то нетягъ, работающихъ за кусокъ хлѣба мѣщанамъ, ратаямъ и землевладѣльцамъ, низовые козаки составляли свои ополченія, тогда какъ люди осѣдлые старалисъ удержать ихъ дома секвестромъ ихъ движимости, нажитой, по условію съ хозяиномъ, на его землѣ и въ его заведеніяхъ.—Удачный морской набѣгъ, удачный грабежъ татарскаго, волошскаго купеческаго или панскаго добра—давали новымъ гайдамакамъ средства для вербовки украинской голоты, которая обыкновенно собиралась въ козацкія купы съ дрекольемъ, а „полатавши свой злыдні", вооружалась списами (рогатинами), саблями и пищалями. Кобзыри писали съ натуры, изображая Хмельнитчину такими, напримѣръ, словами:

Котрый козакъ шабли булатної,
Пищалі семипядно:
Не має,
Той кия на плечі забірає,
У військо до Хмельницького поспішає.

Наслушался Потоцкій разсказовъ объ этомъ еще въ Павлюковщину. Теперь онъ видѣлъ собственными глазами, какъ украинская голота перебѣгаетъ изъ становища хозяйственности въ становище добычнаго промысла. Вотще звалъ онъ къ себѣ на помощь вернувшихся во-свояси вельможныхъ землевладѣльцевъ: они величаво почивали на лаврахъ своего степнаго парада. Напрасно представлялъ королю, что козатчина должна быть подавлена окончательно, какихъ бы жертвъ это ни стоило Польшѣ, если Польша хочетъ владѣть своими займищами: король былъ глухъ къ его представленіямъ.

Король видалъ козаковъ только въ своихъ походахъ. Онъ цѣнилъ опустошительные подвиги варваровъ, помогшихъ ему восторжествовать надъ Москвою Онъ былъ готовъ жертвовать разореніемъ украинскихъ королевщинъ въ виду возможнаго завоеванія Турціи, которое неотступно занимало его мысли, и потому продолжалъ высказывать убѣжденіе, что дружелюбнымъ обращеніемъ съ казаками всего лучше укротить завзятыхъ; что дозволеніемъ ходить на море козаки были бы совершенно примирены съ начальствомъ; а если есть въ Украинѣ какія-нибудь вспышки, то сеймовой коммиссіи надобно на-

рядить строгое слѣдствіе и предать суду тѣхъ, которые своими несправедливостями подали къ нимъ поводъ. Члены этой комиссіи, какъ люди, непричастные интересамъ обидчиковъ и обиженныхъ,—по мнѣнію короля, всего больше могли содѣйствовать Потоцкому въ умиротвореніи пограничнаго края.

Еслибы (замѣчу кстати) была хотя тѣнь догадки у короля, что на козаковъ досадуютъ патоляки и уніяты,—это высказалось бы теперь въ его наказахъ. Еслибы Хмельницкій жаловался ему на Чаплинскаго,—это имя хоть мелькнуло бы въ его сношеніяхъ съ главнокомандующимъ. Факты за фактами сыплются обильно зернами исторической правды въ современной перепискѣ, которой передъ нами горы, а все вымышленное отсутствуетъ въ ней, на горе сочинителямъ дѣтскихъ сказокъ о козакахъ.

Оставалась одна надежда на сенаторовъ и вельможныхъ пановъ, которые такъ поспѣшно увели свои дружины. Но паны всегда собирались въ походъ медленно; а теперь ихъ тормазила королевская партія, настроенная миролюбиво на счетъ козаковъ и воинственно на счетъ Турокъ.

Между тѣмъ, въ началѣ апрѣля, Днѣпръ выступилъ изъ береговъ; воду въ рѣкахъ и рѣчкахъ, какъ говорится, *пустило*. Козаковатаго украинца весенняя вода располагала къ бродячей жизни. Дѣвчата пѣли сибимъ возлюбленнымъ:

Ой весна красна, ой весна красна,
Та й изъ стріхъ вода капле:
Ой уже жъ тобі, мій козаченьку,
Та й мандрівочка пахне.

А влюбленные молодцы обѣщали своимъ „кралямъ“ серебро-золото безъ счету, дорогія ткани безъ мѣры. Густыя купы голоты, тянувшіяся въ страну мечтаній о китайчатыхъ онучахъ, за Пороги, оправдывали слова кобзарской думы:

А якъ прійде весна красна;
Буде вся наша голота рясна.

Подобно весенней водѣ въ Днѣпрѣ, ежедневно и ежечасно прибывали на Низу козаки. Напротивъ силы Потоцкаго увеличивались панскими контингентами мало. Паны, не получая крупныхъ извѣстій объ украинскихъ бунтахъ, считали дѣло не стоющимъ особенныхъ заботъ. Одна молодежь панская, желая составить себѣ рыцарскую репутацію, выѣзжала въ Украину на челѣ своихъ блестящихъ почтовъ.

О Хмельницкомъ ничего вѣрнаго не знали, а вѣсти, приходившія съ низовьевъ Днѣпра, считали обыкновенными въ тревожныхъ случаяхъ росказнями. Не открывая въ Украинѣ новыхъ признаковъ готовящагося бунта, коронные гетманы оставались попрежнему въ положеніи выжидательномъ.

Въ это время кто-то изъ приближенныхъ къ Потоцкому писалъ къ кому-то, 2 римскаго апрѣля, изъ Черкасъ о томъ, какъ ему представлялось дѣло.

„Трудна эта несчастная козацкая война. Хмельницкій *лежитъ* на днѣпровскомъ островѣ, называющемся Буцкимъ, отъ нашего берега въ двухъ миляхъ, а отъ крымскаго на выстрѣлъ изъ доброй пушки. Но пушекъ тамъ у насъ нѣтъ. Посылалъ туда панъ Краковскій пана Хмелецкаго, да Хмельницкій на то не смотритъ. Онъ отдѣлывается только готовностью къ услугамъ и бьетъ челомъ, говоря: что выйдетъ на власть, *) пускай только его милость панъ Краковскій удалится съ войскомъ и отзоветъ пановъ полковниковъ; одинъ комиссаръ пускай останется: онъ значитъ у нихъ много.

„Прибыла отъ его милости короля коммиссія“ (продолжаетъ неизвѣстный); „но не знаю, что сдѣлаютъ они безъ денегъ, а козакамъ надобно дать 300.000 (trzy kroć sto tysięcy), да отдать подъ судъ полковниковъ и самого коммиссара. Этого пива наварили *они*. Не мало обвиняютъ и пана короннаго хорунжаго (Конецпольскаго). Не такъ-то легко успокоить то, что предстоитъ.

„*Лежимъ* покамѣстъ по Заднѣпрію. Полкъ его милости пана Краковскаго въ Черкасахъ; пана полеваго гетмана въ Корсуни и въ Миргородчинѣ, по всѣмъ наслѣдственнымъ имѣніямъ пана коронnаго Хорунжаго; полкъ пана Чернѣховскаго (каштеляна черниговскаго Яна Одривольскаго), въ Каневѣ, въ Богуславѣ. Послѣ святокъ тотчасъ идетъ на Запорожье сухимъ путемъ, а козацкое войско—Днѣпромъ на челнахъ. Гультаевъ же на этомъ островѣ не меньше 1.500: ибо у нихъ всюду отнимали пашу, чтобъ не собирались въ одну кучу“.

Кто бы ни былъ писавшій это, но его мнѣніе было выраженіемъ общаго суда усмирителей козацкаго бунта. Дѣло началось всѣтаки съ недоплаты жолду, какъ и первые козацкіе бунты. Пріучивъ козаковъ къ своеволію, которое прощали шляхтѣ, паны котѣли обуздать ихъ Поляками-полковниками. Это для козаковъ было и въ нравственномъ и экономическомъ отношеніи бременемъ тяжелымъ; пото-

*) Въ населенную Украину.

му-то Хмельницкій и настаивалъ на отозваніи полковниковъ со всею ихъ ассистенціею. Козаки павлюковцы, какъ мы помнимъ, и собственныхъ избранниковъ обвиняли въ заѣданіи жолду: тѣмъ болѣе козаки хмельничане должны были подозрѣвать въ этомъ навязанныхъ имъ полковниковъ-Ляховъ и коммиссара-Нѣмца; а жолдовой недоимки накопилось такъ много, что сеймовые паны проходили ее молчаніемъ и помнили только о полумилліонѣ жолнерской. Не меньше полковниковъ и „скарбовыхъ людей“ виновнымъ въ бунтѣ оказывался и Александръ Конецпольскій, позволявшій себѣ поступать съ Хмельницкимъ такъ въ XVII столѣтіи, какъ предокъ Мартина Калиновскаго поступилъ съ отцомъ Наливайка въ XVI.

При этомъ замѣчательно, что полевой гетманъ прикрылъ собственнымъ полкомъ всѣ вотчинныя имѣнія Конецпольскаго. Это показываетъ, что на нихъ были намѣрены наступить козаки Хмельницкаго, какъ на Острожчину наступили козаки Косинскаго. Хмельнитчина, какъ видимъ, имѣла въ началѣ характеръ частной ссоры, какою была Косинщина, и король, безъ сомнѣнія, смотрѣлъ на нее не иначе, какъ на ссоры своихъ королятъ за взаимный захватъ имѣній.

Одновременно съ приведенной выше реляціей младшій Чернецкій привезъ въ Баръ извѣстіе,—что у Хмельницкаго людей набралось уже 2.500, въ томъ числѣ 500 Татаръ, и что Хмельницкій заявилъ требованіе—чтобы ни одинъ Ляхъ не былъ старшимъ надъ Запорожскимъ войскомъ: „Вотъ чего надѣлала жадность полковниковъ и тиранское обращеніе съ козаками“! писалъ объ этомъ подольскій судья Мясковскій, и повторялъ предсказаніе Чарнецкаго, что съ козаками будетъ долгая и трудная „голландская война“. Но о вѣрѣ, коньекъ нашихъ историковъ, никто ни слова!

Что касается Татаръ, то козаки, не смотря на соглашенія съ ними со временъ Косинскаго, не всѣ одобряли договоръ съ ханомъ, какъ это было и въ то время, когда Самуилъ Зборовскій принялъ названіе ханскаго сына. Сохранилась рѣчь одного козака, записанная кѣмъ-то изъ Поляковъ помалорусски раньше прибытія татарской помощи:

„Пане отамане и панове молодці!“ (говорилъ козацкій ораторъ), „вільно вамъ волю гетьманську и свою чинити, та не знаю, чи буде вонъ гаразд, щобъ намъ поганцівъ за опекунівъ собі брати. Дасть Богъ, наше військо може й само те справити, що мы хочемо черезъ тихъ поганцівъ одъ Ляхівъ оборонитись и въ короля, пана нашего, кривды нашої доходити“.

Слушатели закричали на это: „Гаразд! Богъ ме *), гаразд"! Но вмѣстѣ съ татарскою помощію пришелъ къ Хмельницкому и терроръ, а терроромъ уже и Царь Наливай завѣщалъ ему подавлять козацкое разномысліе.

Долго скрывалъ Хмельницкій свои силы и свои намѣренія (въ этомъ онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ). Наконецъ какой-то козакъ-чатовникъ принесъ панамъ извѣстіе, что бунтовщикъ вышелъ изъ урочища Микитинъ Рогъ (въ которомъ стоялъ кошемъ и Павлюкъ), и идетъ берегомъ Днѣпра, чтобы стать въ кутѣ, образуемомъ Двѣпромъ и рѣкой Тясминомъ (подобіе тѣхъ вилъ на Сумѣ, въ которыхъ съ такимъ успѣхомъ оборонялся Гуна). Такъ какъ вѣрный козакъ не могъ добыть болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, то было рѣшено послать въ Дикія Поля сильный отрядъ, который бы отыскалъ непріятеля и привезъ отъ него къ гетманамъ плѣнниковъ. Только отъ нихъ можно было вывѣдать, сколько у Хмельницкаго войска и каковы его намѣренія.

Отрядъ былъ снаряженъ въ такомъ составѣ, чтобъ онъ могъ не только открыть, но въ случаѣ удачи, даже истребить непріятеля. Онъ заключалъ въ себѣ 1.200 отборныхъ воиновъ съ 12 пушками и множествомъ походныхъ возовъ, которые, вмѣстѣ съ артиллеріей, представляли подвижной замокъ, способный выдержать атаку многочисленной толпы азіятцевъ, какъ этому былъ не одинъ примѣръ со временъ славнаго и набожнаго предводителя подольской шляхты, Мелецкаго. Еслибъ этому отряду не удалось разогнать христіано-магометанской орды, то, отступая въ порядкѣ и раздражая степныхъ наѣздниковъ рыцарскими горцами, онъ долженъ былъ привести непріятеля въ такое мѣсто, гдѣ главное войско воспользуется своимъ превосходствомъ въ стратегіи и тактикѣ. Такъ было поступлено съ павлюковцами подъ Кутейками. Такъ, очевидно, вознамѣрился Потоцкій поступить и съ хмельничанами.

Предводителемъ посылаемаго въ поченѣжскую степь отряда былъ назначенъ сынъ коронаго великаго гетмана, Степанъ Потоцкій, подъ руководствомъ опытнаго и ученаго ротмистра Шемберка, состоявшаго въ должности козацкаго коммиссара. Множество знатныхъ „панятъ" вызвалось раздѣлить съ молодымъ Потоцкимъ опасности, труды и лавры степнаго похода. Подъ знаменемъ дома Потоцкихъ собрался цвѣтъ польскорусскаго рыцарства. Лучшіе кони, лучшіе снаряды, луч-

*) *Богъ ме*—сокращеніе словъ: „Богъ менѣ вбий."

шіе польскіе и русскіе боевые люди ручались главнокомандующему за успѣхъ предпріятія.

Но предпріятіе было всё-таки рискованное. Силы завзятаго бунтовщика были невѣдомы, а между тѣмъ изъ-за Днѣпра пришло извѣстіе, что десятки тысячъ голодныхъ Крымцевъ „висятъ“ надъ Ворсклomъ и у Кременчуга. Страшно было старому гетману отпускать сына въ таинственную степь, съ которою козакъ и его конь, по выраженію молодаго, слишкомъ рано угасшаго польскаго поэта, составляли одну дикую душу:

I przez puste bezdroża król pustyni rusza;
A step, koń, kozak, ciemność—jedna dzika dusza. *)

Призвалъ онъ къ себѣ лучшихъ представителей реестроваго козачества и, забывая, что Хмельницкій еще недавно былъ такимъ же, какъ они, орудіемъ законной власти, забывая даже собственное увѣреніе, что бунтовщикъ дѣйствуетъ въ заговорѣ со всѣми полками,—просилъ ихъ поддержать достойнымъ образомъ сухопутное войско, спускаясь въ постоянномъ сообщеніи съ нимъ до Днѣпру. При этомъ Потоцкій старался внушить реестровикамъ отвращеніе къ татарскому быту запорожскихъ гультаевъ, невѣрному въ матеріяльномъ отношеніи и позорному въ нравственномъ.

Основою внушенія служила ему мысль,—что козаки живутъ въ Украинѣ такъ же привольно, какъ и шляхта; что роптать на свое положеніе могутъ одни выписчики, эти баниты и инфамисы козачества; что паны, какъ землевладѣльцы и высокіе сановники, не только не тѣснили козаковъ, напротивъ нуждались въ добромъ съ ними согласіи для защиты отъ Татаръ и домашнихъ разбойниковъ; что и хлѣборобы украинскіе жили, „во всемъ изобильно, въ лѣбахъ, въ стадахъ въ насѣкахъ“, и что одни крамольники вооружали худшихъ изъ нихъ—то противъ панскихъ урядниковъ, то противъ Жидовъ-арендаторовъ.

Не сомнѣвался Потоцкій, что люди осѣдлые и домовитые подорожатъ своими достатками, своимъ почетнымъ положеніемъ, и не станутъ якшаться съ одичалыми лугарями, которые ведутъ въ Украину враговъ Св. Креста. Что же касается запорожской мстительности, которою мятежники обыкновенно стращали людей неподатливыхъ, то отъ нея, по его убѣжденію, реестровики были достаточны охранены присутствіемъ въ Украинѣ коронnаго войска.

---

*) И летитъ пустынными бездорожьями царь пустыни, а степь, конь, козакъ, темнота, эта—одна дикая душа.

Въ отвѣтъ на рѣчь пана Краковскаго реестровики увѣрили его въ неизмѣнной преданности своей, поклялись изловить Хмельницкаго, какъ нѣкогда Сулиму, и онъ отправилъ ихъ на челнахъ внизъ по Днѣпру, въ тѣхъ видахъ, что сынъ его будетъ имѣть въ нихъ, на всякій случай, готовую поддержку.

Походъ молодаго Потоцкаго былъ обезпеченъ... Не даромъ козаки потомъ, въ своихъ революціонныхъ рапсодіяхъ, приписывали старому гетману женскій разумъ (розумъ жіночький): онъ въ самомъ дѣлѣ показалъ легковѣріе женское, для котораго, въ извѣстныхъ случаяхъ, не существуютъ и тысячелѣтія примѣровъ.

Искусному усмирителю козацкихъ бунтовъ оставалось, повидимому, только выбрать мѣсто, подобное Кумейкамъ, на которое бы, въ случаѣ невозможности поразить новаго Павлюка въ Дикихъ Поляхъ, Стефанъ Потоцкій навелъ его фальшивымъ бѣгствомъ. Такое мѣсто, по предварительнымъ развѣдкамъ, находилось въ глубинѣ приднѣпровскихъ пустынь, за Чигириномъ. Туда онъ и двинулся по слѣдамъ сына. Все было принято имъ въ соображеніе, кромѣ одного—„что step koń, kozak, ciemność—jedna dzika dusza.“

Глава XV.

Битва на Желтыхъ Водахъ.—Битва подъ Корсунемъ.—Строительныя дѣйствія Москвы въ виду Польскаго разоренія.—Козаки между Польшей и Москвой.—Гибель польскихъ трудовъ на русской почвѣ.—Пощада непокорныхъ враговъ со стороны московскаго царя.—Бунтъ въ Вишневетчинѣ.

Хмельницкій принималъ всѣ мѣры для того, чтобы степь оставалась для пановъ нѣмою. Онъ зналъ, что противъ него идетъ сильный отрядъ; зналъ и о томъ, что по Днѣпру спускаются реестровики. Онъ вышелъ въ Дикія Поля изъ-за Пороговъ съ восемью тысячами сбродной козатчины, и всю надежду возлагалъ на татарскую помощь. Направляясь къ устью Тясмила и къ Цыбульнику, памятному по войнѣ 1625 года, послѣдователи Жмайла и Павлюка остановились при потокѣ Желтыя Воды, на вершинахъ степной рѣчки Саксагана, по-козацки—„на Саксані“. *) За Хмельницкимъ издали слѣдовалъ ширинскій князь Тогай, иначе Тогай-бей.

Этотъ знаменитый у Татаръ полководецъ, тому назадъ четыре года, былъ на Желтыхъ Водахъ съ 20.000 отборнаго войска, которое вскорѣ Конецпольскій, вмѣстѣ съ Вишневецкимъ, разбилъ на голову подъ Охматовымъ. Теперь онъ жаждалъ битвы съ панами, и ждалъ ихъ приближенія нетерпѣливо.

Скоро появился отрядъ Стефана Потоцкаго. Солнце склонялось къ западу. Никто не рѣшался начать битву. Молодой Потоцкій поджидалъ козацкой флотиліи.

---

*) Когда козацкіе кобзари возбуждали къ бунту городскую и сельскую чернь, они пѣли, будто бы жиды заарендовали *всі козацькі рѣки*. Эти заарендованныя рѣки поимѣщали кобзари не въ Дикихъ Поляхъ, а *на сучасній Українѣ*. Первая изъ невозможныхъ для жидовъ рыболовныхъ арендъ находилась, по кобзарской думѣ, на Самарі, вторая—*на Саксані*, третья—на Гнилій, четвертая—на Пропойной, иначе на Пробойной (по Напрецкому, существовалъ Пробойный Шляхъ), пятая—на рѣцѣ Кудесці.

Но чаты, или разъѣзды, Хмельницкаго вошли уже въ сношенія съ реестровиками. Узнавъ, что Хмельницкій ведетъ за собой 40.000 Татаръ, реестровые козаки не устояли противъ страха запорожской мести надъ ихъ семьями, надъ ихъ имуществомъ и противъ соблазна быстраго обогащенія на счетъ пановъ. Вѣрные правительству полковники были перебиты, и Хмельницкій привезъ къ себѣ днѣпровскихъ аргонавтовъ на татарскихъ лошадяхъ.

Вѣсть объ этомъ изъ невѣдомыхъ намъ Дикихъ Полей долетѣла къ литовскому канцлеру Радивилу въ такомъ видѣ:

„Гетманы отправили противъ Хмельницкаго 4.000 козаковъ съ ихъ полковниками (Ильяшемъ) Вадовскимъ, Гурскимъ и Кричевскимъ. Они напали на построенную Хмельницкимъ небольшую крѣпость, и прогнали оттуда козаковъ, которыхъ было 50. Между тѣмъ козаки (на Днѣпрѣ), сдѣлавши заговоръ съ Хмельницкимъ, произвели между собою бунтъ, схватили королевскія хоругви и буздыганы, *) перерѣзали всѣхъ вѣрныхъ королю козаковъ, и послали нѣсколько хоругвей за Кричевскимъ и Барабашемъ. Когда они были приведены, ихъ обезглавили мечемъ, равно какъ и Гурскаго, Вадовскаго Ильяша, котораго я лично зналъ, Коліняку (Kolenąkę), Олексу, Гайдученка, Нестеренка и другихъ знатныхъ козаковъ; потомъ избрали вождемъ Джеджалу (Działatycza) и соединились съ Татарами".

Извѣстіе объ измѣнѣ реестровиковъ смутило коронное войско, окруженное многочисленнымъ непріятелемъ. Но въ отрядѣ молодаго Потоцкаго находился знаменитый въ послѣдствіи воинъ,—Чарнецкій,—очевидно, потомокъ Русина *Чернецкаго*. Онъ ободрилъ другихъ вождей. Послали вѣстника къ короннымъ гетманамъ; рѣшились противопоставить военное искусство европейское азіятской тактикѣ, и, зная, что у Хмельницкаго всего пять пушекъ, да и то плохихъ, надѣялись отсидѣться до прихода выручки.

Эту надежду разрушила новая измѣна. Въ отрядѣ Стефана Потоцкаго было всего 300 шляхтичей. Остальное войско состояло изъ драгунъ пана Сѣнявскаго (опять имя русское), навербованныхъ въ малорусскихъ провинціяхъ, да изъ надворныхъ панскихъ козаковъ, въ которые поступали большею частью козацкіе виписчики. Драгуны сомнѣвались въ возможности отсидѣться въ степи, имѣя 50 человѣкъ противъ одного, и послѣдовали примѣру реестровиковъ, а надворные

*) Буздыганъ — знакъ власти: булава, перначъ и просто чеканъ, по-козацки келепъ.

козаки, въ свою очередь, доказали, что не у одного старика Потоцкаго былъ довѣрчивый „розумъ жіноцький", не соображавшій того, что простонародная Русь не была еще полонизована подобно Потоцкимъ, Чернецкимъ, Сопігамъ (по-польски Sapieha) и другимъ потомкамъ тѣхъ, которые, во времена оны, бились недалеко отъ Желтыхъ Водъ на рѣкѣ Калкѣ.

Но умъ умомъ, а боевое мужество мужествомъ. Триста шляхтичей были тоже почти исключительно Русичи, только по вѣрѣ, по языку и обычаю назывались, какъ и сыновья князя Василія, Поляками. Въ настоящемъ случаѣ три сотни польскорусскихъ, или русскопольскихъ, шляхетныхъ витязей не уступали въ стойкости и рѣшимости Ѳермопильскимъ Грекамъ. Они замкнулись въ четвероугольникѣ, построенномъ изъ походныхъ возовъ и. отступая въ видѣ подвижнаго замка, два дня отпугивали козакотатарскія полчища. Но хлынулъ дождь, быть можетъ, вызванный изъ сотрясеннаго воздуха ихъ же пальбою; отсырѣлъ порохъ; измученные чрезвычайными усиліями воины едва двигались.

Между тѣмъ козаки отняли у нихъ воду, и Хмельницкій прислалъ къ Стефану Потоцкому его письмо къ отцу, перехваченное козацкими чатовниками. Бунтовщикъ предложилъ героямъ панской республики условія капитуляціи. „Мы не можемъ трактовать съ вами о нашихъ дѣлахъ" (говорилъ онъ), „потому что между вами нѣтъ ни сенатора, ни уполномоченнаго, которому бы мы могли объяснить, что́ заставило насъ взяться за оружіе. Отдайте намъ ваши пушки, и ступайте себѣ съ миромъ домой".

Потоцкій потребовалъ отъ козаковъ присяги, точно какъ будто присяга была дѣломъ надежнымъ не только въ Козацкомъ народѣ, но и въ Шляхетскомъ. Козаки присягнули по-іезуитски, тая въ сердцѣ иное *намѣреніе*. Пушки были отвезены въ таборъ Хмельницкаго.

„Это кстати козакамъ"! восклицаетъ козацкій историкъ сочувственно, разсказывая, какъ Хмельницкій обратилъ полученныя вѣроломствомъ пушки противъ трехсотъ воиновъ, и забывая, что козаки, черезъ десятокъ лѣтъ, поступали еще вѣроломнѣе съ московскими ратями.

Но и подъ выстрѣлами собственной артиллеріи шляхетные рыцари продолжали еще бороться съ козако-татарскою ордою. Они шли въ сомкнутомъ четвероугольникѣ до тѣхъ поръ, пока козаки, заскакавши впередъ, не завалили имъ дорогу срубленными деревьями на днѣ степной западины, носившей имя Княжихъ Байра́ковъ, можетъ быть, еще со временъ Варягорусскихъ князей. Тогда Хмельницкій раз-

билъ пушками подвижную крѣпость въ щепья, и бросился съ Татарами на недобитковъ. Стефанъ Потоцкій, весь покрытый ранами, былъ взятъ почти мертвый въ плѣнъ. За нимъ и остальные положили оружіе. Голову коммиссара Шемберка Хмельницкій приказалъ носить на жерди передъ своимъ побѣдоноснымъ воинствомъ. Чернецкаго и Сопігу оставилъ у себя въ плѣну; остальныхъ увели въ неволю Татары.

Въ какомъ бы отношеніи ни была замѣчательна Желтоводская битва, для насъ, Малоруссовъ, она незабвенна тѣмъ, что, въ числѣ плѣнниковъ, достался здѣсь Хмельницкому шляхтичъ православнаго исповѣданія, Иванъ Выговскій, извѣстный въ исторіи, какъ его ближайшій другъ, его alter ego, его преемникъ въ коварствѣ и предательствѣ. *)

Итакъ новый козацкій противъ польскорусскихъ пановъ бунтъ заявилъ о себѣ кровопролитіемъ. Изъ-за чего же взбунтовались козаки?

Украинскіе кобзари пѣвали намъ, будто они встали за „христіянскую вѣру“; малорусскіе лѣтописцы, устами даже лучшаго изъ нихъ, твердили намъ, будто бы „початокъ и причина войны Хмельницкого есть едино отъ Ляховъ на православіе гоненіе и козакомъ отягощенія“; козацкіе историки, вмѣстѣ съ почтенными археографами, увѣряли насъ, будто бы козаки „возстали за жестокія утѣсненія жителей Малоросійской Украины, претерпѣнныя ими отъ Поляковъ въ вѣрѣ, чести, имуществѣ и самой жизни“; наконецъ, сами козаки представляли себя московскому царю „помирающими за старожитную греческую вѣру и за свои вольности, заслуженныя кровью“.

Но въ первой манифестаціи желтоводскихъ героевъ чести и вѣры нѣтъ и помину о вѣрѣ, хотя свою рыцарскую честь обнаружили они весьма выразительно. Эта манифестація, извѣстная подъ именемъ „Реестра козацкихъ Кривдъ“, писана самимъ Хмельницкимъ, и заключаетъ въ себѣ почти исключительно его личныя обиды. Такъ какъ очевидно, что передъ королемъ Владиславомъ и его правительствомъ нельзя было говорить небывальщину, которою въ послѣдствіи козаки

*) Выговскаго называютъ волынскимъ шляхтичемъ, тогда какъ слава рожденія столь знаменитой личности принадлежитъ Землѣ Кіевской. Еще въ царствованіе Сигизмунда I, предки Ивана Выговскаго, овручскіе бояре Лучичи, купили у королевы Боны, торговавшей, какъ извѣстно, подъ рукой у короля, должностями и пожалованіями, „пустовскую землю въ Кіевскомъ повѣтѣ, называемую Скочковскою, въ Выговѣ, съ обязательствомъ служить съ этой земли земскую службу. Выданную имъ жалованную грамоту Сигизмундъ I, въ 1541 году, подтвердилъ по ходатайству Боны, а въ 1611 и въ 1632 подтвердилъ ее Сигизмундъ III.

прожужжали уши царю Алексѣю Михайловичу, то этотъ документъ слѣдуетъ имѣть постоянно въ виду при дальнѣйшемъ повѣствованіи, затрудненномъ сказками историковъ, „для истины тупыхъ и равнодушныхъ". Онъ гласитъ слѣдующее:

„1. Его милость панъ Чаплинскій, урядникъ чигиринскій, выпросилъ у покойнаго пана Краковскаго себѣ хуторъ, собственный наслѣдственный Хмельницкаго, королевское пожалованіе, утвержденное нынѣшнимъ его милостію королемъ; куда наѣхавши панъ Чаплинскій на заселенныя слободы съ голоднымъ народомъ, захватилъ все гумно, то есть 400 копъ хлѣба, и ограбилъ хозяйство.

„2. Тотъ же панъ Чаплинскій, злобствуя на Хмельницкаго за преслѣдованіе его судомъ за его насилія, сына Хмельницкаго, десятилѣтняго мальчика, велѣлъ такъ избить канчуками среди рынка, что его принесли еле жива, и онъ вскорѣ умеръ.

„3. Панъ Коморовскій, зять этого Чаплинскаго, клялся нѣсколько разъ передъ козаками, что если не совладаютъ съ Хмельницкимъ, то непремѣнно велятъ его убить.

„4. Его милость панъ хорунжій коронный, идучи теперь, послѣ пораженія Татаръ, изъ Запорожья, велѣлъ взять Хмельницкаго подъ стражу и снять ему голову. Когда Хмельницкій хотѣлъ жаловаться на это пану Краковскому, то по дорогамъ были засады.

„5. Въ 1646 году, когда Хмельницкій, добывъ двухъ Татаръ, представилъ ихъ пану Краковскому,—въ его отсутствіе, взяли у него поволовщину и въ конюшнѣ сѣраго коня, на которомъ онъ хаживалъ въ Дикія Поля.

„6. Что́ понравится панамъ урядникамъ украинскимъ въ козацкомъ домѣ, берутъ насильно. Козацкая жена, козацкая дочка должны тогда плясать, когда имъ заиграютъ.

„7. О таковыхъ обидахъ его милость панъ Краковскій писалъ нѣсколько разъ къ урядникамъ и державцамъ съ выговоромъ; но это не помогло нимало.

„Теперь Хмельницкій, когда ѣхалъ со своимъ полковникомъ, въ прошломъ году, противъ Татаръ, которые набѣжали было на Чигиринъ,—нѣкто панъ Дашевскій, какъ его называютъ, Ляхъ, подученный кѣмъ-то изъ старшины, заѣхавъ сзади, ударилъ его по головѣ такъ, что спасла его только мискорка, а то бы разсѣкъ голову. Когда Хмельницкій спросилъ его: чтобъ это значило? онъ отвѣчалъ: „„Я думавъ, братіку, що ты Татаринъ"".

„Эту обиду Хмельницкій считаетъ наибольшею, тѣмъ болѣе, что

его нѣкто Пешта, хамъ, козакъ, оболгалъ (sinistre tradukował) передъ его милостью паномъ хорунжимъ, якобы онъ думалъ выпроводить армату на море. За это его милость панъ хорунжій, при другихъ относительно Чаплинскаго претензіяхъ, прогнѣвался и велѣлъ наступить на жизнь Хмельницкаго, и тогда Хмельницкій, не зная уже, къ кому обратиться, отправился на Низъ къ другимъ подобно ему обиженнымъ, которыхъ немало живетъ по тамошнимъ низовымъ краямъ и по морскимъ островамъ, и они избрали Хмельницкаго своимъ вождемъ (ducem sobie obrali)".

Кого обиженные низовцы избрали своимъ вождемъ, тому надобно было хвататься за все, чѣмъ интересовались безпокойные люди всякаго званія и состоянія. Для украинскаго населенія, для малорусскихъ городовъ и даже для нашихъ пановъ, которые говорили уже, писали и думали по-польски, вѣра была важнѣе *козацкихъ* обидъ, которыми войсковой писарь возбудилъ мятежный запорожскій духъ,—и однакожъ онъ умолчалъ о вѣрѣ. Она, какъ ему самому, такъ и всѣмъ участникамъ его бунта пришла въ голову только тогда, когда бунтъ вовсе неожиданно перешелъ за предѣлы интересовъ козацкихъ.

Послѣ своей побѣды на Желтыхъ Водахъ, двинулись козаки изъ Дикихъ Полей къ такъ называемымъ Городамъ, иначе къ Городовой Украинѣ, и расположились у самаго крайняго города, Крылова, надъ рѣчкою Цыбульникомъ. Многіе изъ нихъ помнили 1625 годъ; многіе стояли здѣсь подъ пушками Станислава Конецпольскаго. Весьма быть можетъ, что тѣ самыя пушки везли они теперь противъ его наслѣдника, котораго добра прикрывалъ жолнерами полевой гетманъ Калиновскій, зная, на кого изъ магнатовъ злится Хмельницкій, какъ злился въ свое время Косинскій на князя Острожскаго: ибо въ такомъ видѣ представлялся тогда бунтъ войсковаго писаря. Самъ Александръ Конецпольскій находился въ это время въ своихъ червонорусскихъ Подгорцахъ. Тамъ онъ получилъ изъ Украины извѣстіе, что и князь Вишневецкій „отъ своей Руси въ великомъ страхѣ и опасности". Коронный хорунжій спѣшилъ въ новыя осады, и взялъ сюда съ собой изъ старыхъ 10 пушекъ.

Въ Подгорцахъ о движеніи козаковъ знали уже 21 (11) мая, но ничего не вѣдали въ лагерѣ гетмана Потоцкаго: такъ искусно былъ онъ окруженъ козаками и татарскими чатами. Хмельницкій пресѣкъ всякое сообщеніе между атакованнымъ отрядомъ и главнымъ войскомъ. Сколько ни посылалъ Николай Потоцкій такъ называемыхъ подъѣздовъ для добыванія вѣстей,—его жолнеры, даже изъ Татаръ и Волоховъ, попадали въ руки хмельничанамъ, или же привозили извѣ-

стія неопредѣленныя. О положеніи передоваго полка онъ только и узналъ, что „слышна издали сильная пальба въ Княжихъ Байракахъ".

Между тѣмъ отъ короля было получено новое внушеніе. Король писалъ, черезъ короннаго канцлера, что намѣренъ самъ ѣхать въ Украину и своимъ присутствіемъ привести Хмельницкаго къ покорности, а потому повелѣвалъ коронным гетманамъ выйти изъ Украины: ибо „они рискуютъ войскомъ въ странѣ, которая извѣстна имъ очень мало, а козакамъ—очень хорошо".

Справедливость этихъ словъ была поразительна. Потоцкій видѣлъ, что, добиваясь напрасно вѣстей о Хмельницкомъ, онъ только открываетъ ему свое положеніе. Незримые для жолнеровъ среди своихъ пустынь, козаки сторожили всѣ ихъ движенія, и ловили „языковъ" для своего гетмана. Но Николай Потоцкій былъ золъ на Хмельницкаго за покушеніе сорвать съ него лавры, а этими лаврами онъ, по словамъ великаго Конецпольскаго, проложилъ себѣ дорогу къ безсмертной славѣ, которая (писалъ Конецпольскій къ Владиславу IV), не умолкнетъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Рѣчь Посполитая. Кумейскій побѣдитель загнался въ Дикія Поля для того, чтобъ уничтожить въ самомъ началѣ дерзостное покушеніе.

Теперь, боясь быть отрѣзаннымъ отъ Городовой Украины въ странѣ Печенѣговъ и Торковъ, коронный великій гетманъ двинулся обратно въ страну Варягоруссовъ, какъ это дѣлали бывало его русскіе предки, чтобы поставить себя подъ защиту „крѣпленныхъ городовъ".

Когда предводимое имъ войско достигло древнерусскаго Поросія и миновало Ярославовскій Корсунь, возстановленный Баторіемъ, Хмельницкій, въ сопровожденіи Татаръ, настигъ его, окружилъ со всѣхъ сторонъ и принудилъ къ битвѣ, которая повернула круто судьбу Королевской Республики. Поворотное событіе произошло 26 (16) мая, между Корсунемъ и Стебловымъ, на лѣвомъ берегу Роси.

По донесенію участника битвы, шляхтича-слуги, Криштофа Любомирскаго, Раецкаго, писавшаго отъ 28 (18) мая изъ Полоннаго, дѣло происходило такимъ образомъ:

Хмельницкій съ 40.000 Татаръ подошелъ къ панскому войску 25 (15) мая. Козаки захватили лагерь Потоцкаго въ весьма неудобномъ мѣстѣ, такъ что надобно было окружить его шанцами. Сдѣлавъ это, паны вышли въ поле, и провели остатокъ дня въ гарцахъ. Когда войско сошло съ поля, Потоцкій велѣлъ готовиться на утро къ походу *табором*. Внутри помѣстилъ онъ лошадей, а все войско, окруживъ таборъ, шло пѣшкомъ въ боевомъ порядкѣ. Въ передней части табора находился коронный великій гетманъ, а въ задней—полевой.

О распоряженіи Потоцкаго Татары и козаки знали уже ночью, не смотря на то, что приказъ былъ протрубленъ тихо „ckozь мундштукъ“. Они отправили всю свою пѣхоту впередъ, съ пушками. Лишь только панскій таборъ двинулся, орда наступила на него сильно со всѣхъ сторонъ. Но отъ пушечной и ружейной пальбы густо падалъ татарскій и козацкій трупъ. Татары отступили, и вмѣстѣ съ козаками провожали таборъ издали, пока не навели его на лѣсную засѣку. Здѣсь густая перестрѣлка шла съ утра до полуночи. Пользуясь густотой заросли и съузившеюся дорогой, орда снова начала напирать сильно со всѣхъ сторонъ. Въ обозѣ падало много лошадей. Непріятель оторвалъ едва не третью часть панскаго табора, но артиллерія была еще цѣла.

Такъ панское войско (по разсказу Раецкаго) прошло около мили въ сильной перестрѣлкѣ, наконецъ и въ рукопашномъ бою. На самомъ выходѣ изъ лѣса находились два глубокіе оврага (wertehy), одинъ противъ другаго, а за ними—пасѣка, поросшая высокими деревьями. Въ этомъ мѣстѣ были поставлены въ непримѣтной засадѣ, на дорогѣ, пушки и съ боковъ и впереди. Когда панское войско вступило съ таборомъ въ эту западню, грянула густая пальба. Правое крыло очутилось передъ непріятелемъ. Впереди у него былъ вырытый козаками ровъ, съ одной стороны—таборъ, а съ другой—засѣка и такой же ровъ. Между тѣмъ какъ жолнеры были заняты боемъ, впереди табора Татары и козаки овладѣли артиллеріей. То же самое произошло и сзади табора. Тогда Татары пошли на проломъ черезъ таборъ, взяли въ плѣнъ обоихъ коронныхъ гетмановъ, черниговскаго каштеляна, Яна Одривольскаго, и богатаго магната, львовскаго старосту Сѣнявскаго.

Не знали еще этого серединныя хоругви, боровшіяся на крыльяхъ. Пользуясь зарослями, эти хоругви обстрѣливали таборъ, который началъ уже опрокидываться въ яры. Между тѣмъ челядь, сидѣвшая на господскихъ лошадяхъ, слыша, что гетманы въ плѣну, бросилась вонъ изъ табора. Часть орды пустилась въ догонку, другая часть, вмѣстѣ съ пѣшими козаками, наступила на защитниковъ табора. Панское войско было разорвано на части. Одни легли трупомъ; другихъ перехватали живьемъ. Ушли только тѣ, которые оборонною рукой добрались до лошадей. Въ бѣгствѣ спасло ихъ только то, что орда сперва гналась за бѣглецами, а потомъ въ туманѣ не распознавала и собственныхъ ѣздоковъ. Кромѣ того, множество Татаръ и козаковъ увлеклось грабежемъ панскаго обоза. За бѣгущими гнались по двѣ, по три, по четыре мили и многихъ настигли.

Самъ Раецкій, первый историкъ достопамятной битвы, спасся, по его словамъ, чудомъ Божіимъ. Онъ былъ раненъ козацкой пулей выше глаза и татарской стрѣлою въ ногу. Въ это время Татаринъ оглушилъ его, ударивъ кистенемъ (kiścieniem) по шишаку. Когда онъ очнулся въ кустѣ и ждалъ уже смерти, подоспѣлъ къ нему товарищъ и, обстрѣливая, далъ ему коня-подъѣздка, который и вынесъ его изъ побоища.

Конные бѣглецы обгоняли множество пѣшихъ, но пѣшихъ (разсказывалъ Раецкій) мужики избивали по дорогамъ.

Разспрошенный вслѣдъ затѣмъ кѣмъ-то бѣглый мушкатеръ дополнилъ, сколько позволяла ему тревога, сказаніе панскаго слуги слѣдующими подробностями:

На помощь тому табору, который былъ у Желтыхъ Водъ, паны гетманы шли, не имѣя больше пяти тысячъ войска. Квартяныхъ было 3.000, волонтеровъ 2.000. Полковниковъ было два: черниговскій каштелянъ, Одривольскій, и „оберстеръ“ Денгофъ; ротмистровъ квартяныхъ гусарскихъ только два: Сѣнявскій и Болóбанъ (по-польски Bałaban), а козацкихъ (легко вооруженныхъ) три: Коморовскій, Гдешинскій, Олдаховскій; капитановъ четыре: Бѣгановскій, Гордонъ, Лакестуди, Фликъ; волонтеровъ-полковниковъ три: одинъ — Сѣнявскаго, другой — князя Вишневецкаго, третій—Замойскаго.

Было это войско уже за Чигириномъ, только въ 16 миляхъ отъ Желтыхъ Водъ. Уже были готовы и хорошіе шанцы, а когда пришло извѣстіе о великой силѣ непріятеля, хотѣли окопать и таборъ. Потомъ, неизвѣстно почему, 13 (3) мая, перенесъ панъ Крако́вскій обозъ на полмили по сю сторону Чигирина. Единственное извѣстіе объ уничтоженіи желтоводскаго войска, какое можно было добыть во все время похода, состояло въ томъ, что панскіе развѣдчики слышали издали пальбу въ Княжихъ Байракахъ.

Отступая, панское войско стояло два дня надъ Днѣпромъ подъ Боровицею, памятною Потоцкому по выдачѣ Павлюка съ товарищами. Теперь, можетъ быть, онъ и пожалѣлъ, зачѣмъ было раздражать козаковъ нарушеніемъ данной имъ Адамомъ Киселемъ присяги, что жизнь ихъ будетъ пощажена!

Непріятель взялъ такія мѣры относительно развѣдчиковъ, что изъ четверыхъ ѣздоковъ, осмѣлившихся чатовать за большую плату „для языка“, двое попали сами въ языки козакамъ, а изъ двоихъ, спасшихся бѣгствомъ, продавшійся панамъ Татаринъ (Tatarzyn Przedajczyk) прискакалъ лежа у коня на крестцѣ, тяжело раненный саблею въ зашей.

Хмельницкій достигалъ своей цѣли: въ неизвѣстности о судьбѣ сына, Потоцкій простоялъ еще и подъ Черкасами два дня, тогда какъ ему, съ 5.000 воиновъ, надобно было убираться за добра ума въ Городовую Украину, за Рось. Только 19 (9) мая узналъ онъ о пораженіи своего драгоцѣннаго во всѣхъ отношеніяхъ отряда, но подробно ли узналъ, неизвѣстно. Наконецъ, миновавъ уже Корсунь, знали паны, что Татары переправляются черезъ Тясминъ, у мѣстечка Тясмина. *) Потоцкій сталъ окапываться, а Корсунь отдалъ жолнерамъ на разграбленіе, чтобъ не достался непріятелю.

Рано утромъ 25 (15) мая видать было въ зрительную трубу непріятельское войско въ бѣлыхъ сермягахъ. Догадались, что это козаки (*козаки-бѣляки*, какъ называетъ ихъ кобзарская дума, въ отличіе отъ старшины). Но едва солнце начало всходить, какъ появился татарскій полкъ на другомъ берегу Роси, съ противоположной стороны Корсуня, потомъ и другой, и третій. Одни переправлялись ниже Корсуня, другіе—черезъ Корсунь (придерживаюсь точныхъ словъ реляціи). Потоцкій велѣлъ зажечь городъ. Все сгорѣло, кромѣ замочка и церкви въ сторонѣ.

Въ виду непріятеля панское войско стояло цѣлый день въ полѣ, занимаясь герцами. Въ прощальной стычкѣ на ночь захватили паны девятерыхъ Татаръ и козацкаго бута, то есть переводчика. На пыткахъ они показали, что Татаръ 47.000, что въ тотъ же день къ Хмельницкому пришло болѣе 15.000 козаковъ, и что у хана еще больше силы въ Дикихъ Поляхъ. „Послѣ этой исповѣди“ (говоритъ мушкатеръ) „имъ отсѣкли головы“.

Калиновскій (продолжаетъ реляція) весь этотъ день настаивалъ на томъ, чтобы дать битву; но Потоцкій боялся подвергать опасности Посполитую Рѣчь, и говорилъ, что понедѣльникъ всегда былъ для него въ бою днемъ несчастнымъ. Наконецъ рѣшился отступать.

Отданъ былъ приказъ готовиться въ походъ, оставить всѣ тяжелые возы, взять одни легкіе, для таборованья. Двинулись по корсунской дорогѣ къ Богуславу.

Когда дошли до „несчастной дубровки подъ Гороховымъ“ (разсказывалъ мушкатеръ), начался непріятельскій натискъ; возы опрокидывались; таборъ наткнулся на поперечные рвы, которыми козаки перекопали дорогу...

---

*) Можетъ быть, это было древнее „селище, Родивонова на Тясмени и съ пасѣками“, которое князь Ѳедоръ Глинскій „выслужилъ на князи Александрѣ (литовскомъ) и на князь Семенѣ (кіевскомъ)“ „Акты Западной Россіи“, I, № 158.

Это было то пагубное дѣло Хмельницкаго и тотъ важный недосмотръ пановъ полководцевъ, о которомъ кобзарскія думы сохранили память въ слѣдующемъ обращеніи козацкаго гетмана къ своимъ затяжцамъ:

Гей, дрýзі молóдці,
Брáтте козакí запорóзці!
Дóбре дбáйте, бáрзо гадáйте,
Відъ селá Ситникíвъ до гóрода Кóрсуня
Шляхъ канáвою перекопáйте,
Потóцького піймáйте,
Менí въ рýки подáйте.

Гибельная мѣстность, по лѣтописному извѣстію, называлась Крутóю Бáлкою. Паны (разсказывалъ мушкатеръ) оборонялись въ ней четыре часа. Былъ слухъ, что легло у нихъ на мѣстѣ 500 бойцовъ; остальные, кромѣ разбѣжавшихся, взяты въ плѣнъ.

„Страшное превращеніе наступило въ нашемъ отечествѣ!“ (писалъ къ примасу Адамъ Кисѣль отъ 31 (21) мая). „Непобѣдимое для турецкаго императора и столькихъ монарховъ, оно побѣждено однимъ измѣнникомъ козакомъ... Теперь уже рабы господствуютъ надъ нами... Откуда мы черпали всяческую силу отечества, всѣ украинныя провинціи взяли они у насъ, какъ свои, саблею... Кіевское, Врацлавское, Черниговское воеводства называютъ они своими; грозятъ Волыни, Подоліи (червоно)русскимъ землямъ. Такъ внезапно, такъ тяжко этотъ непріятель растопталъ польскую славу и драгоцѣнное отечество наше“!

Оплакавъ такимъ образомъ то, что̀ было неизбѣжно въ силу передѣлки шляхетной Руси въ *Ляхву* и въ силу польской неурядицы,—то, чѣмъ судьба грозила Польшѣ издавна,—Кисѣль обращается къ причинамъ гибельнаго бунта. „Я видѣлъ“ (пишетъ онъ), „что козаковъ угнетали и безпощадно убивали больше, нежели простыхъ хлоповъ (Widziałem kozaków plus, quam prostych chłopów oppressos i pessime trucidatos).“ Но замѣчательно, что, будучи присяжнымъ православникомъ, не упоминаетъ онъ здѣсь вовсе о церкви и вѣрѣ; а къ кому бы, если не къ примасу, да еще къ такому, который чуждался уніи, могъ онъ обратиться теперь съ православными сѣтованіями на религіозную нетерпимость католиковъ, когда бы *она* вооружила козаковъ и сдѣлалась причиною общаго несчастія Полякоруссовъ!

Черезъ четыре дня послѣ Киселя писалъ львовскій синдикъ одному изъ придворныхъ: „Кончено съ нами, мы погибли! (actum est de nobis, perimus!)“—и это было чувство вѣрное... Корсунскіе недобитки разсказывали во Львовѣ, что Николай Потоцкій, въ теченіе 20

дней, не могъ добыть никакой вѣсти о судьбѣ сына, несмотря на великія награды развѣдчикамъ своимъ, что Шемберку сперва отсѣкли руки (его подозрѣвали въ утайкѣ козацкаго жолда), а потомъ будто бы Хмельницкій собственноручно снялъ ему голову; *) что Татарская орда представляла уже не разсыпчатую толпу, какъ прежде, а стройную милицію; что непріятель наступалъ на панское войско свирѣпо и съ увѣренностью въ успѣхѣ, а паны предавались паникѣ и предчувствовали пораженіе; что украинская чернь предана Хмельницкому и называетъ его своимъ освободителемъ, а самъ онъ титулуетъ себя русскимъ княземъ. По словамъ синдика, во Львовѣ былъ сильный всполохъ, точно какъ бы козаки могли появиться въ городѣ ежедневно и еженочно. Были отворены одни только ворота, загроможденныя стеченіемъ народа съ его пожитками. „Воины среди рынка, воины въ ратушѣ, воины на стѣнахъ“, писалъ синдикъ. Боялись тайныхъ козней со стороны греческой вѣры. Каждаго пугалъ слухъ, что Хмельницкій разослалъ 70 козаковъ по всей Польшѣ для поджога городовъ...

Еще большій всполохъ произошелъ въ Варшавѣ. Литовскій канцлеръ записалъ въ своемъ дневникѣ о козакахъ, что, „когда бы ихъ не пріудержала Божія сила, то навѣрное могли бы они пройти до самаго Кракова и Варшавы безъ всякаго отпора. Ибо такой страхъ овладѣлъ всѣми, что больше думали о бѣгствѣ, нежели о защитѣ, и хотя подобное бѣдствіе постигло Королевство въ 1620 году, когда гетманы были разбиты, одинъ убитъ, а другой взятъ въ плѣнъ, однакожъ это произошло не въ Королевствѣ и не безъ короля, предъ наступленіемъ зимы и во время внутренняго спокойствія, а теперь—въ самихъ внутренностяхъ Королевства, въ самую весну, отъ вѣроломныхъ подданныхъ: ибо не только козаки подняли бунтъ, но и всѣ подданные наши на Руси пристали къ нимъ, „и увеличили козакамъ войско до 70.000, да и больше еще прибывало къ нимъ русскихъ хлоповъ, только Хмельницкій отсылалъ ихъ къ покинутому плугу“.

Когда литовскій канцлеръ записывалъ такіе страхи въ своемъ дневникѣ, канцлеръ коронный получилъ отъ Жовковскаго-Глуха изо Львова слѣдующее донесеніе:

„Только что прибѣжалъ изъ подъѣзда, ходившаго къ Дубну. Пишу, что видѣлъ. Его милость панъ Сѣнявскій прибылъ передъ тѣмъ въ Межибожъ въ сермягѣ и длинной сорочкѣ. (Только въ мужичьей

*) Шемберкъ былъ житель города Львова, какъ и комендантъ Кодацкой крѣпости, которому козаки также отсѣкли руки.

одеждѣ могъ онъ добраться до своихъ имѣній). Панъ Яскульскій (слуга Николая Потоцкаго) съ нимъ. Долженъ (Сѣнявскій) заплатить за себя 20.000 червонныхъ злотыхъ Тогай-бею... Двоихъ (плѣнныхъ) Татаръ отдали пану краковскому воеводѣ (Любомирскому), третій въ Острополѣ. Этотъ былъ въ радѣ, когда козаки прощались съ Татарами и обѣщали платить имъ ежегодно дань, а Татары должны приходить по увѣдомленію со всею ордою. Поэтому не пойдутъ въ Крымъ, а тутъ отдыхаютъ въ Поляхъ съ этой стороны Днѣпра въ кутахъ (na budziakach). Другое условіе: чтобы не брали (въ ясыръ) людей греческой религіи, а только Ляховъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоя подъ Бердичевомъ, не взяли ничего у пана кіевскаго воеводы (Тишковича), который находится въ Заславѣ, гдѣ собирается наше войско, только всюду пьянствовали Татары позорно. Если кого изъ нихъ взяли (въ плѣнъ), то очень пьянаго: ибо у одного пана кіевскаго воеводы (въ имѣніяхъ) выпили 20 бочекъ вина. Въ Быстрикѣ не взяли ни малѣйшей вещи; иногда тайно держали Русина...Но когда Татары, отдохнувъ, возвратятся, то будутъ брать (ясыръ) и бить (негодныхъ для ясыра)... Ихъ 120.000. Козаковъ стоитъ подъ Бѣлой Церковью 30.000, и Хмельницкій велѣлъ всей Украинѣ быть наготовѣ. Каждый хлопъ или убилъ своего пана, или выгналъ въ одной одеждѣ съ душою и дѣтьми. Города переполнены ксендзами, шляхтою. Хмельницкій разослалъ шпіоновъ, чтобы доносили ему о нашихъ приготовленіяхъ, о числѣ нашего войска въ полѣ, и гдѣ будутъ его стягивать. Панъ Радецкій схватилъ одного подъ Дубномъ, а другаго подъ Константиновымъ. Все сказали тотчасъ, согласно съ Татарами. Въ пятницу одного посадили на колъ въ Константиновѣ, а другой еще живъ".

Сводя въ одно всѣ высказавшіяся въ панскомъ обществѣ мнѣнія о Корсунской катастрофѣ, историкъ останавливается на томъ, что̀ высказалъ прибѣжавшій домой въ сермягѣ и мужицкой сорочкѣ потомокъ знаменитаго изслѣдователя Татарскихъ Шляховъ. У его отца находился въ плѣну Тогай-бей, и панъ Сѣнявскій не только возвратилъ ему свободу, но еще далъ въ провожатые 60 всадниковъ. Помня благодѣянія, Татаринъ показалъ, что и онъ не хуже козаковъ—пиратовъ, которые по разсказу кіевскаго Русича, Песочинскаго, являя купцамъ Грекамъ opus misericordiae, захватывали у нихъ деньги да товары. Тогай-беево opus misericordiae состояло въ томъ, что онъ за свободу молодаго Сѣнявскаго назначилъ 20.000 червонцевъ и отпустилъ его на честное слово. Но плѣнный коронный великій гетманъ поручился за него. И однакожъ, Сѣнявскій положительно высказывался, что Потоцкій подъ Корсунемъ потерялъ бодрость духа. По

словамъ Сѣнявскаго, онъ окопался было на удобной позиціи, имѣлъ въ обозѣ аммуниціи и съѣстныхъ припасовъ на два или на три мѣсяца, и могъ бы дать отпоръ непріятелю; но не послушался совѣта опытныхъ воиновъ, и согласился съ мнѣніемъ людей неизвѣстныхъ. Робость его сообщилась и другимъ, несмотря на мужество и опытность. Такъ разсказывалъ львовскій староста Сѣнявскій, и весьма правдоподобно. Потеря сына и самая неизвѣстность о его судьбѣ и судьбѣ отряда, составлявшаго цвѣтъ панскаго войска (flos militiae nostrae), должны были истомить душу панскаго фельдмаршала, а старость и болѣзненность довершили нравственное изнеможеніе. Ревнитель благочестія, Ерличъ, не пощадившій въ своихъ запискахъ и Петра Могилы, полонизованнаго одинаково съ нимъ борца за вѣру, изобразилъ престарѣлаго борца за дорогую и ему самому Шляхетчину въ отвратительномъ видѣ *). Не такимъ воителямъ слѣдовало ввѣрять судьбу отечества, да видно такова была Польша на растлѣнныхъ высотахъ своихъ.

Кто знаетъ, какія мысли и чувства томили разслабленнаго духомъ и тѣломъ фельдмаршала подъ Корсунемъ? Можетъ быть, онъ вспоминалъ не одну Боровицу, гдѣ онъ коварно, іезуитски коварно подставилъ козакамъ единовѣрца Киселя. Можетъ быть, памятны были ему и „десять сотенъ“ искорчившихся на кольяхъ мертвецовъ на Задиѣпріи, которые долженствовали обезпечить за его домомъ славу спасенія отечества, „доколѣ будетъ существовать Польша“. Онъ зналъ по опыту, что козаки, уступая панамъ въ военномъ искусствѣ, не уступали имъ нисколько въ наслѣдованной отъ Варягоруссовъ талантливости. Глядя на обступившихъ его хмельничанъ, онъ, безъ сомнѣнія, вспоминалъ изумительнаго воина, Дмитрія Гуню, достойнаго гомеровскихъ пѣснословій,—и старое сердце его упало...

Изъ своего сидѣнья въ неволѣ Потоцкій прислалъ двоихъ слугъ-шляхтичей, изъ которыхъ одинъ, Яскульскій, войсковой стражникъ, долженъ былъ представить королю реляцію о погромѣ войска. Не найдя короля въ живыхъ, слуги Потоцкаго представили реляцію (отъ 9 іюня, 30 мая) подканцлеру Лещинскому. Прежде всего они въ ней

*) Онъ пишетъ о Николаѣ Потоцкомъ такъ: „...więcéj radził o kieliszkach i szklannicach, niżeli o dobru Rzeczpolitéj i całości onéj; jakoż u nocy radził o pannach albo dziewkach młodych i nadobnych żonkach, będąc sam w starości lat podeszłych, nie znosząc sie ani radząc kolegi swego Marcina Kalinowskiego Hetmana Polnego, ani innych pułkowników i rotmistrzów, tak téż towarzystwa. Z powadu pijaństwa ustawicznego i wielkiego wszete czeństwa zatracił wojsko...“

объяснили, что̀ заставило короннаго гетмана отступить отъ Корсуня, гдѣ онъ хотѣлъ было сидѣть въ осадѣ. По ихъ словамъ, козаки, въ одной милѣ отъ Корсуня, у Стеблева, стали отводить воду, такъ что рѣка Рось вдругъ начала мелѣть. Объ этомъ записалъ въ дневникѣ своемъ и литовскій канцлеръ. „Козаки и Татары“ (говоритъ онъ), „облегши наше войско и воду куда-то спустивши, привели нашихъ къ рѣшимости отступать“. Но козаки не облегли еще пановъ, и панамъ рано было приступать къ такимъ чрезвычайнымъ дѣйствіямъ. Козаки могли пустить между Ляховъ только молву о своей гидравликѣ, чтобы маскировать свое піонерство въ Крутой Балкѣ.

По разсказу войсковаго стражника, у Хмельницкаго было 12.000 козаковъ, у Тогай-бея 40.000 Татаръ; въ томъ числѣ Астраханскихъ, никогда не бывавшихъ въ Польшѣ, 4.000, Ногайцевъ 12.000, Бѣлогородскихъ и Буджацкихъ 20.000. Непріятелю достались и тѣ деньги, которыя привезъ Потоцкому Будзынскій для уплаты Запорожскому Войску,—болѣе 70.000. Недоставало все-таки 230.000.

Орда (писали слуги Потоцкаго) расположилась у Бѣлой Церкви. Съ одной стороны Татары, съ другой—козаки. У Татаръ набралось уже болѣе 200.000 ясыру, но они продолжаютъ еще брать. Тогай-бей хвалился передъ своимъ знаменитымъ плѣнникомъ, что теперь они заключили съ козаками договоръ на сто лѣтъ; что теперь имъ не страшно воевать не только съ польскимъ королемъ, но и съ турецкимъ султаномъ, и что не выйдутъ изъ предѣловъ Польши до тѣхъ поръ, пока имъ не доплатятъ гарачъ, а козакамъ—жолдъ, итого 800.000 злотыхъ.

Интереснѣе всего разсказъ шляхтича Собѣскаго, котораго козаки схватили на пути изъ Кодака и привели къ Хмельницкому. Не зналъ еще тогда Хмель о смерти короля, и отпустилъ Собѣскаго подъ условіемъ, чтобъ онъ объявилъ панамъ „нѣкоторыя puncta“. Собѣскій разсказывалъ на конвокаціонномъ сеймѣ оффиціально, что Хмельницкій желаетъ мира и проситъ помилованія, съ тѣмъ чтобъ его оставили при его правахъ. Онъ говорилъ Собѣскому, что на челны далъ ему деньги король, а на вопросъ: зачѣмъ вы (козаки) такъ поступили съ Рѣчью Посполитою? отвѣчалъ: „Я, съ моимъ товариществомъ, былъ очень огорченъ, притѣсненъ и обиженъ (utrapiony, uciśniony i ukrzywdzony), а правосудія найти не могъ. Набрался бъ (у насъ) прошеній къ его королевской милости огромный коробъ, да король его милость хоть бы и хотѣлъ явить правосудіе, никто его у васъ не слушаетъ (nikt go u was nie słucha): поэтому онъ велѣлъ намъ добывать свободы саблею“.

Собѣскій находился въ плѣну у Хмельницкаго пять дней и слышалъ между козаками, что онъ сперва держалъ съ асаулами своими тайную раду, а потомъ объявилъ плѣнникамъ, что „вы, бѣдняки, называющіеся теперь шляхтою (wy, chudzi pacholcy, co się teraz ślachtą chrzcicie), будете боярами, а только паны ваши будутъ шляхтою, а король единою главою, котораго одного будемъ слушать и вы и всѣ мы".

Но Собѣскій не все еще высказалъ: остальное сохранилъ для болѣе секретнаго засѣданія (ad secretiorem sessionem), и до насъ не дошла его тайна.

Такъ отразилось въ центрѣ Королевской Республики событіе, повернувшее круто судьбою Польши. Герой этого событія, Хмельницкій, долго не двигался отъ Бѣлой Церкви. Неизвѣстно, съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ онъ на беззащитную родину, кругомъ пылавшую пожарами, кругомъ представлявшую сцены плѣненія, насилія, убійства. Но она была беззащитна до такой степени, что Татары открыли въ ней повсемѣстно базары, на которыхъ смѣлые купцы, и въ особенности налетѣвшіе изъ Московскаго Царства, вели съ ними и съ ихъ друзьями, козаками, обширную и разнообразную торговлю. Добытыя безъ труда издѣлія фабрикъ, ремеслъ и продукты сельскаго хозяйства продавались добычниками за безцѣнокъ; а забираемые въ ясыръ люди вздешевѣли до такой степени, что за одного коня Татаринъ давалъ шляхтича, или нѣсколько мужиковъ. Окрестности Махновки, Бердичева, Бѣлополья, Глинска и Прилуки надъ Собомъ первые испытали разницу между панскимъ и козацкимъ присудомъ.

Зато другая половина Русскаго Свѣта, во главѣ которой стояла Москва, начинала уже возмѣщать грабежи, сдѣланные въ ней, со временъ оныхъ, шляхетною и козацкою Русью, натравляемою Поляками,—возмѣщать, покамѣстъ, руками только своихъ торговыхъ людей,—такъ что и сокровища царской казны, и раки московскихъ чудотворцевъ обѣщали вернуться, если не въ прежнемъ, то въ превращенномъ видѣ на Сѣверъ, гдѣ столько времени хозяйничала козако-шляхетская орда, устремляемая къ сердцу нашего расторгнутаго отечества римскою политикою Польши. Сама судьба, повидимому, благопріятствовала восполненію ущерба, причиненнаго Полякоруссами Москворуссамъ. Въ Козацкой Украинѣ, какъ и въ Крыму, былъ тогда голодъ, и царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ вывозить въ единовѣрную страну хлѣбъ, соль и всякіе товары. Такимъ образомъ москворусскія драгоцѣнности возвращались теперь домой за москворусскіе продукты первой необходимости.

Когда скончался потаковникъ безпощадной Самозванщины, Сигизмундъ III, Поляки нарядили его въ „привезенную изъ Москвы тяжеловѣсную корону", слишкомъ тяжеловѣсную, по слову поэта, даже и для такой головы, которая основала было въ Москвѣ новую династію; а кто можетъ сказать, изъ чего дѣлались драгоцѣнные панскіе *ржонды* *), которыми щеголяли ренегаты русскаго элемента Потоцкіе, Сѣнявскіе, Собѣскіе? Теперь добыча кроваваго меча и жадныхъ рукъ начала возвращаться вспять, между тѣмъ какъ Татарокозакъ „такъ внезапно, такъ тяжко растопталъ польскую славу и польское отечество". Два народа, простиравшіе виды на господство между морей и океановъ, вступили въ новый періодъ соперничества.

Въ то время, когда на татарскихъ пограничьяхъ *польскорусскаго* государства происходили дѣйствія разрушительныя, общественный организмъ государства *москворусскаго* устремлялъ все еще свѣжія силы свои къ цѣлямъ строительнымъ.

Въ Польшѣ, какъ мы знаемъ, проповѣдывалось такъ называемыми даже и въ наше время *народными пророками*,—что „это дикіе звѣри, которые живутъ только ночью" **), и такое опредѣленіе относилось не столько къ Москалямъ чернорабочимъ, торгующимъ, воинствующимъ, сколько къ правоправящимъ. Они со своимъ царемъ во главѣ, со своими архіереями, боярами, думными дьяками и всею низходящею свѣтскою и духовною іерархіею, по словамъ польскихъ просвѣтителей, представляли „фурію, вѣчно стремящуюся въ Польшу". ***) Съ своей стороны и тѣ, которые формировали мнѣнія общества московскаго, не щадили мрачныхъ красокъ для изображенія Польши, съ ея панами, съ ея свѣтскими и духовными властями въ самомъ ужасномъ видѣ, какъ это дѣлаетъ и современная намъ велико-и малорусская беллетристика.

Но изъ областей, доставшихся Владиславу IV по Поляновскому миру, безпрестанно бѣгали въ звѣрскую Московію не только хлопы, но и шляхтичи, а изъ-за новаго московскаго рубежа уходило подъ власть „безчеловѣчныхъ пановъ" такое множество крестьянъ, что царское правительство нашлось вынужденнымъ объявлять въ пограничныхъ торговыхъ мѣстахъ, что тѣмъ боярскимъ людямъ, которые вернутся на „старыя печища", дана будетъ „воля", то есть они, съ по-

*) Сѣдла, узды и проч.

**) Слова знаменитаго проповѣдника, Фабіана Бирковскаго.

***) Слова того же *народнаго пророка*.

томствомъ ихъ, будутъ жить не за боярами, а за государемъ. Существуетъ въ архивахъ обширная переписка, относящаяся къ удерживанью барскихъ мужиковъ отъ переселенія въ панскія имѣнья и вызова ихъ обратно изъ польской Руси въ московскую.

Выходитъ, что не таковы были московскіе порядки, какими ихъ описывали польскіе „народные пророки“ да наши козаки, и не таковы были паны Ляхи и Полякоруссы, какими ихъ изображаютъ у насъ историки да беллетристы.

Сами по себѣ это предметы мелкіе, не удостоиваемые названія явленій историческихъ. Но побѣги крестьянъ съ обѣихъ сторонъ и сношенія по поводу этихъ побѣговъ между королевскими, крайне распущенными, и царскими, крайне исполнительными властями, привели два сосѣднія общества къ мысли, которая осуществилась путемъ войны, но могла бы осуществиться и безъ человѣко-истребленія, путемъ необходимости. Королевскіе шляхтичи, въ борьбѣ съ можновладствомъ и продуктомъ его—разбойнымъ элементомъ, развившимся во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ, завидовали обитателямъ Царства Московскаго, которое наши монахи называли *страною тихою*, и въ особенности стали завидовать въ то время, когда на престолѣ, поколебленномъ Иваномъ Грознымъ, Борисомъ Годуновымъ и Василіемъ Шуйскимъ, возсѣлъ Алексѣй Михайловичъ Романовъ, получившій отъ своихъ подданныхъ прекрасное названіе *Тишайшаго Государя*.

Хотя Владиславъ IV былъ оченъ популяренъ и не пренебрегалъ, во время вѣчной охоты своей, гостить даже въ хлопскихъ избахъ; но польскіе „королята“ (królewięta), со всѣми партіями и безпрестанными ссорами, не давали покоя мелкимъ землевладѣльцамъ, а шляхетные слуги ихъ, ихъ жолнеры козаки,—были, можно сказать, ордою, постоянно буйствовавшею, какъ выражались они, въ нѣдрахъ государства (in viscerib·s regni). Обижало мелкопомѣстную шляхту и то, что магнаты, при извѣстной сноровкѣ, отхватывали на свой пай громадныя вотчины и королевщины (królewszczyzny), которыя должны были быть общимъ достояніемъ заслуженнаго шляхетства. Обижало и то, что *великіе паны*, получивъ за свои заслуги и безъ всякихъ заслугъ, по десяти и болѣе старостъ, пускали въ аренду Жидамъ не только села, но и пограничные замки, которые, въ жидовскихъ рукахъ, обращались въ развалины, тогда какъ „рыцарская шляхта“ могла бы здѣсь быть на своемъ мѣстѣ и, зарабатывая кусокъ хлѣба, охранять край отъ набѣговъ и разбоевъ. Но всего больше жаловались мелкопомѣстники въ Королевской Землѣ—на ея безсудность.

Въ отвѣтъ на эти сѣтованія и жалобы царскія, должностные люди говорили имъ: „Нашъ великій государь достоинъ содержати (кромѣ Московскаго) и множайшія царства и власти. Нашъ государь его царьское величество зѣло къ ратнымъ людямъ милостивъ. Даролюбивый у насъ государь: жалуетъ онъ имѣнія и власти по достоинству. Судъ у него правъ и непоколебимъ. Нашъ великій государь, царь и многихъ земель обладатель, имѣетъ мѣрило праведное, и многихъ скиптродержавныхъ властодержателей (они были начитаны въ церковной письменности, и выражались въ подобныхъ случаяхъ витіевато) его царьское величество премудростью и храбростью превосходитъ".

„Вотъ еслибы *насъ* привелъ Господь подъ царскую высокую руку!" (говорили царскимъ людямъ люди королевскіе по смерти Владислава IV). „Слышно у насъ, что многіе хотятъ на польскій престолъ звать вашего царя, какъ въ старину призывали великаго князя литовскаго".

„Что же?" (отвѣчали царскіе люди). „По Божію дарованію, государю нашему вольно и на васъ милостивыя свои щедроты изліяти, яко же и на прочихъ отъ Бога данныхъ ему людей подъ его царскую высокую руку".

Въ самомъ дѣлѣ вся шляхта и мѣщане въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ и въ Новгородскомъ повѣтѣ, а равно такъ называемые Бѣлорусцы, иначе Литовскіе люди, въ Кіевѣ, Черниговѣ и другихъ малорусскихъ городахъ—о томъ только и говорили, „чтобы Господь Богъ по ихъ желанію исполнилъ и учинилъ великаго государя царемъ надъ обоими государствы, на Московскомъ и на Польскомъ, и чтобы великое государство Московское и Польское были заодно".

Донося объ этомъ царю съ привычною точностью, безъ какихъ-либо сужденій, пограничные воеводы передавали ходячій слухъ, будто бы даже „коснѣръ (канцлеръ) корунный, Юрьи Осолинской, въ листахъ своихъ писалъ изъ Польши къ новгородскому полковнику, Понентовскому: Посполитая де Рѣчь, государь, хотятъ быти подъ твоею царьского величества высокою рукою и тебя, великаго государя, царемъ имѣть, и Московскому Государству съ Польскимъ Государствомъ заодно быть".

Какъ бы ни думали въ Москвѣ о письменныхъ сношеніяхъ „коруннаго коснѣра" съ пограничнымъ офицеромъ по такому важному предмету, но донесеніе царскихъ людей было принято, какъ дѣло серьезное. На оборотѣ подлинника читаемъ помѣту: „156 (1648) года іюня въ 13-й день. Государь слушалъ и бояре. Указалъ государь послать свою государеву грамоту въ Сѣвскъ къ воеводамъ: велѣть за

рубежъ послати нарочно, кого пригожь, и велѣть провѣдать подлинно о всякихъ вѣстяхъ противъ сеѣ отписки; а провѣдывать велѣть тайнымъ обычаемъ".

Трудно вообразить контрастъ больше того, какой представляли два соперничавшія государства. Одно стояло на поблажливости и снисходительности къ преступленіямъ; другое—на строгости и грозѣ. Однакожъ, въ поблажливомъ государствѣ люди томились безсудьемъ, и сама шляхта, органъ законодательной власти, мечтала издавна о переходѣ подъ строгое и грозное правленіе. Теперь, когда ея желанія, невѣдомо для нея, приближались къ исполненію, духъ польской государственности высказывался, подъ перомъ Адама Киселя, въ такой формѣ:

„Въ нашемъ вольномъ народѣ" (писалъ онъ къ царскимъ боярамъ въ апрѣлѣ 1648 года) „ни приказомъ, ни суровствомъ, ни наказаніемъ, ни смертію, точію разумомъ, вся лучшее промышляюще во всемъ чинѣ поставляются и утверждаются".

Но прославляемая Поляками національная и общественная *людкость* (слово прекрасное) до того подрывала основы государственности, что Москаль, якобы порабощенный царскимъ деспотизмомъ, съ высоты своего превосходства читалъ слѣдующее наставленіе „вольному народу", въ лицѣ его пограничнаго представителя, смоленскаго подвоеводія, который остановилъ было его въ посольствѣ изъ-за домогательства взятки отъ ѣхавшаго съ нимъ купца.

„Если бы мнѣ купецъ и братъ родной былъ, и я бы великаго государя нашего дѣлъ и на кровнаго своего, да и всего свѣта на богатство не промѣнялъ. То всѣхъ насъ царскаго величества подданныхъ повинность, что дѣлъ его царскихъ остерегать паче головъ своихъ, а не токмо что для своей корысти и пожитку государственнымъ дѣламъ помѣшку дѣлать, какъ нынѣ подвоеводье дѣлаетъ для своей корысти и пожитку съ такимъ великимъ государственнымъ дѣломъ".

И дѣйствительно, царское посольство, пріостановленное смоленскимъ подвоеводіемъ, долженствовало разрѣшить въ Москвѣ вопросъ: спасать ли Польшу на краю гибели, или же оставить ее падать въ такую яму, какую она рыла нѣкогда подъ ногами Москвы?

Между тѣмъ по путивльскимъ, чугуевскимъ и бѣлгородскимъ „сакмамъ", или сторожевымъ пунктамъ, гдѣ стояли стрѣльцы и заставные головы, мѣняясь одни съ другими „доѣзжими памятями",—съ самаго начала буита Хмельницкаго, козацкіе забронники, или, какъ ихъ называли царскіе люди, *воры Черкасы*, производили грабежи и разбои,

подкрадывались по-татарски къ московскимъ сторóжамъ и къ пограничнымъ селамъ, въ числѣ пяти, двадцати и до двухъ сотъ человѣкъ, „нарядным дѣломъ“, то есть въ полномъ вооруженіи; побивали сторожевыхъ стрѣльцовъ, отнимали станичныхъ лошадей, ружья и всякую рухлядь. Иногда воры Черкасы появлялись одни, иногда—вмѣстѣ съ Татарами, и это повторялось такъ часто, что по рѣкѣ Сѣверному Донцу и по сосѣдней степи не было за ними проѣзда. Даже тѣ козаки, которые сидѣли пасѣками съ польской стороны по рѣчкамъ Мжѣ, Удамъ, Комольшѣ, стали разбойничать на Донцѣ и подъ Чугуевымъ. Воры Черкасы, по зову Хмельницкаго, вооружались на счетъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ пограничниковъ за вѣру, честь и прочая, какъ проповѣдуетъ малорусская исторіографія *).

Все своевольное и безпутное почуяло, что съ Низу Днѣпра вѣетъ вѣтеръ, благопріятный для дикихъ инстинктовъ и привычекъ. Во всѣхъ „корчмахъ-княгиняхъ“, во всѣхъ разгульныхъ „кабакахъ“ и „шинкахъ“, гдѣ отъ козацкаго хмѣлю валились печи и „за сажей не видать было Божія свѣту“, какъ это воспѣвается въ кобзарской думѣ, у всѣхъ „степныхъ шинкарокъ“, этихъ „Настей кабашныхъ“, гдѣ козакъ за свои „воровскія“ деньги живился грубыми наслажденіями жизни, на всѣхъ базарахъ и ярмаркахъ—распѣвали тогда пѣсни, которыхъ полузаглушенные временемъ звуки донеслись и до насъ:

Ой изъ Нѝзу Дніпрà тѝхий вітеръ вíе-повівáе,
Вíйсько козàцьке запорóзьке у похóдъ выступàе.
Тíлько Богъ святы́й знàе,
Що Хмельнѝцький дýмае-гадàе..

Въ самомъ дѣлѣ, мудрено было угадать мысли человѣка, который, по словамъ крымскихъ „полоняниковъ“, обѣщалъ „служить хану вѣчнымъ холопствомъ“, не предвидя, что у него будетъ въ рукахъ не хуторъ съ тясминскими слободами да пасѣками, а цѣлое государство. Испугался ли онъ своего успѣха, боялся ли врѣзаться глубже въ Королевскую Землю, чтобъ Орда въ самомъ дѣлѣ не взяла козачество

*) Еще и въ апрѣлѣ 1649 года царскій дворянинъ Унковскій упрекалъ Хмельницкаго, въ Чигиринѣ,—что „Черкасы нападаютъ на порубежныхъ людей, чинятъ имъ великія обиды, грабятъ и убиваютъ, въ угодья въѣзжаютъ, пчелъ выдираютъ, рыбу ловятъ, хлѣбъ и сѣно увозятъ насильно, и ваши порубежные начальники“ (говорилъ Унковскій) „такихъ воровъ не наказываютъ и не сыскиваютъ“.

въ свое вѣчное холопство вмѣстѣ съ опустошенною Украиною, или же ему страшно было поднять на себя шляхту, сгущенную бѣгствомъ во внутреннихъ областяхъ?... Неизвѣстно, почему онъ остановился у самаго входа въ область городскихъ и сельскихъ промысловъ, на Ярославской колонизаціонной границѣ, на „Ръси". Этотъ его поступокъ до того былъ загадоченъ, что литовскій канцлеръ приписывалъ его Божеской силѣ.

Хмельницкій, вѣроятно, и самъ не зналъ, что́ ему дѣлать,—ему, который хотѣлъ помститься надъ можновладникомъ Конецпольскимъ за обычныя въ Украинѣ обиды, и, точно во снѣ, увидѣлъ себя побѣдителемъ коронныхъ гетмановъ. Новость и опасность его положенія между Татаръ и Руси, между бродягъ и землевладѣльцевъ, между безхатниковъ козаковъ и обладателей вооруженныхъ замковъ, между православныхъ и папистовъ, наконецъ между Крыма, Москвы и Польши, озадачивала его, надобно думать, такъ сильно, что онъ больше прежняго началъ поддаваться козацкой привычкѣ къ безпробудному пьянству, которое привело его къ смерти задолго до періода старческой немочи.

Онъ окружалъ себя—то странствующими монахами, то колдуньями и ворожеями. Лишь только занялъ онъ Бѣлую Церковь, къ нему хлынули чернецы и черницы за милостынею, теперь, очевидно, не такою скудною, какую получалъ отъ жмайловцевъ и тарасовцевъ голодный кіевскій митрополитъ. Но это была монастырская чернь, имѣвшая теперь такъ мало общаго съ „духовными старшими", какъ мужики съ панами. Напротивъ то духовенство, которое скиталецъ Филипо́вичъ называлъ *Могилянами*, бѣжало изъ Кіева вмѣстѣ съ латинскими ксендзами, уніятами, шляхтою, Жидами, Армянами и всѣмъ зажиточнымъ народомъ. Адамъ Кисѣль увѣдомлялъ объ этомъ примаса изъ своей Гощи, отъ 31 (21) мая, среди важныхъ сообщеній и политическихъ соображеній, въ такихъ словахъ: „Хмельницкій объявилъ Кіевъ своею столицей, и хотя всѣ первенствующіе люди, какъ духовные, такъ и свѣтскіе всѣхъ религій (unicujusque religionis) бѣжали, онъ приказалъ оставшейся черни готовиться къ его пріѣзду".

Наши историки, не стѣсняясь характеромъ тогдашней церковной іерархіи, пишутъ, будто бы замыселъ Хмельницкаго благословляли даже такіе люди, какъ Петръ Могила. Но Хмельницкому стоило немалаго труда остановить бѣгство духовныхъ старшихъ насильствомъ и обѣщаніями. Это бѣгство грозило уничтожить пущенную въ народъ молву, что козаки поднялись на Ляховъ за вѣру. Хмельницкій былъ на столько смѣтливъ, чтобы сохранить кажущееся согласіе между цер-

ковью и козатчиной. Онъ озаботился устроить при митрополитѣ стражу, которая бы охраняла его спокойствіе среди революціоннаго движенія, но которая въ сущности держала его подъ надзоромъ козацкой полиціи.

Обезпечивъ себя съ этой стороны, побѣдитель коронаго и панскаго войска послалъ въ Варшаву четверыхъ старшинъ съ оправдательнымъ письмомъ къ королю, какъ бы не зная еще о его смерти.

Онъ жаловался на украинскихъ старостъ и землевладѣльцевъ, которые де вотъ уже столько лѣтъ отнимаютъ у козаковъ хутора, луга, сѣнокосы, ставы, млины, взимаютъ десятину съ козацкихъ пчелъ, хоть бы и въ королевскихъ имѣніяхъ; кому что́ у козаковъ понравится, тотчасъ берутъ силою, а самихъ обдираютъ, бьютъ, тиранятъ, сажаютъ въ тюрьмы, и надѣлали много раненыхъ и окалѣченныхъ въ нашемъ товариществѣ; а козацкіе полковники, будучи ихъ рукодайными слугами, не только не обороняютъ насъ отъ такихъ угнетеній, но еще помогаютъ имъ въ этомъ, и даже Жиды, надѣясь на старостъ, чинятъ надъ козаками великое самоуправство (wielkie zbytki), „такъ что и въ турецкой неволѣ“ (писалъ Хмельницкій) „невѣроятно, чтобы христіянство переносило такія бѣды, какія причиняются намъ, подножкамъ вашей королевской милости“.

Но въ чемъ состояло самоуправство, отъ котораго страдало христіянство въ Украинѣ, Хмельницкій промолчалъ, и обратился снова къ обидамъ, не касающимся религіи.

„Мы знаемъ“ (продолжалъ онъ), „что это самоуправство чинили они надъ нами въ противность вашей королевской милости. Всѣ бывало приговариваютъ: „„Вотъ вамъ король! Ну, что? поможетъ вамъ король, такіе-такіе сыны““? Поэтому, будучи не въ силахъ больше терпѣть такія притѣсненія и безвинное мученіе, не могли мы уже отъ своихъ великихъ бѣдъ усидѣть и въ домахъ своихъ, а, покинувши женъ, дѣтокъ и всю убогую худо́бу свою, были принуждены мы, часть нашего войска, уносить изъ великой неволи куда можно головы свои только съ душами, и некуда больше, какъ на обычныя мѣста наши, на Запорожье, откуда предки наши съ давнихъ вѣковъ привыкли Польской Коронѣ и вашей королевской милости, нашему милостивому пану, отдавать вѣрное подданство свое и услуги“.

Это письмо напоминаетъ воззваніе Павлюка къ реестровымъ козакамъ самимъ тономъ и складомъ своимъ. Хмельницкій пѣлъ павлюковскую пѣсню, которую, по всей вѣроятности, онъ же, въ званіи войсковаго писаря, сочинялъ и для предыдущаго бунта.

„Но и *тутъ на Запорожьи*“ (продолжалъ онъ, очевидно, списывая написанное за Порогами) „не давая намъ покоя, и не обращая

вниманія ни на какія привилегіи, которыя мы имѣемъ отъ вашей королевской милости, нашего милостиваго пана, наши войсковыя вольности и самихъ насъ обратили въ ничто. Въ томъ самъ Господь Богъ намъ свидѣтель, что мы, будучи въ вѣрномъ послушаніи вашей королевской милости, не учинили никакого своевольства и не заслужили никакой кары (ani na nic złego nie zarobili). Но его милость, панъ Краковскій, о которомъ не думаю, чтобъ онъ былъ добрымъ пріятелемъ вашей королевской милости, нашего милостиваго пана и, вѣроятно, съ его позволенія дѣлались надъ нами такія тиранства,—наступилъ и туда на насъ на Запорожье съ войскомъ своимъ, а Украину опустошилъ, съ намѣреніемъ, какъ видно, искоренить и наше козацкое имя, или прогнать и съ земли. Но мы не желаемъ, пока живы, отрѣшиться отъ благоволенія вашей королевской милости. Мы по неволѣ, видя, что, противъ воли и повелѣнія вашей королевской милости, нашего милостиваго пана, наступили на нашу жизнь съ великими войсками, должны были воспользоваться помощью крымскаго хана, который помогъ намъ въ этомъ случаѣ, помня, что мы имъ также нѣсколько разъ помогали въ такихъ несчастіяхъ и спасали отъ непріятелей. Такъ должно было случиться по Божію Провидѣнію, что при сухихъ дровахъ и сырымъ досталось. Кто тому причиною, пускай самъ Господь Богъ судитъ. А мы, какъ до сихъ поръ были вѣрными подданными вашей королевской милости, такъ и теперь не преминемъ и готовы на всякой службѣ Рѣчи Посполитой противъ каждаго непріятеля жертвовать жизнію своею за достоинство вашей королевской милости, нашего милостиваго пана. И Крымская Орда до сихъ поръ, заключивъ съ нами договоръ, ни подъ какимъ видомъ не вторгается въ государство вашей королевской милости. Посему униженно просимъ вашу королевскую милость, нашего милостиваго пана, чтобы, явивъ надъ нами, нижайшими подножками своими, отеческое милосердіе и невольный сей грѣхъ намъ отпустивъ, благоволили повелѣть—оставить насъ при давнишнихъ нашихъ правахъ и вольностяхъ, якобы сами священною особою своею, и мы бы, нижайшіе слуги вашей королевской милости, не терпѣли больше этой неволи. Мы же снова при вѣрномъ подданствѣ нашемъ, съ униженными служебниками, подъ ноги маестата вашей королевской милости, нашего милостиваго пана, нижайше и покорнѣйше отдаемся". *)

*) Эта косвенная прокламація, подобная павлюковской, такъ точно уничтожаетъ апокрифическій универсалъ Хмельницкаго изъ-подъ Бѣлой Церкви, какъ павлюковская—фальшивый универсалъ Остряницы, включенный въ Лѣтопись Ве-

Въ виду того, что̀ предшествовало этой манифестаціи и что̀ за нею послѣдовало, сто́итъ вникнуть въ смиренное и покорное оправданіе козака, наступившаго панамъ на горло. Она была подписана такъ:

„Вашей королевской милости, нашего милостиваго пана, нижайшіе подножки и вѣрные подданные. Богданъ Хмельницкій на это время старшій Запорожскаго Войска вашей королевской милости".

Вмѣстѣ съ оправдательнымъ письмомъ послы Хмельницкаго представили панамъ и свою инструкцію. Она сохранилась и въ краткомъ, и въ болѣе пространномъ изложеніи. Въ ней частію повторяется сказанное въ самомъ письмѣ. Но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что оправдательное письмо было писано 12 (2) іюня и подано примасу, какъ видно изъ помѣты, die 7 Julii, тогда какъ „Пункты Инструкціи", въ краткомъ изложеніи, помѣчены 9-мъ іюля, а въ болѣе пространномъ не помѣчены вовсе. Дѣло въ томъ, что важнѣйшій и самый тяжкій для пановъ пунктъ о религіи помѣщенъ въ самомъ концѣ инструкціи, тогда какъ объ этомъ важномъ предметѣ вовсе не упомянуто въ петиціи къ королю. Читателя, наслушавшагося отъ историковъ сказокъ о козацкой борьбѣ за церковь и вѣру, поражаетъ въ этомъ пунктѣ посольской инструкціи то, что козаки умалчиваютъ о „Козацкой Украинѣ", и хлопочутъ о тѣхъ провинціяхъ, гдѣ козачество вовсе не существовало. Вотъ этотъ пунктъ:

„Касательно же нашего духовенства стародавней греческой религіи усердно просимъ, чтобы она была ненарушима, и тѣ святыя церкви, которыя насильственно взяты подъ унію, какъ въ Люблинѣ, въ Красномъ Ставѣ, въ Санокѣ и въ другихъ мѣстахъ приневолены, чтобы оставались при давнишнихъ вольностяхъ".

Посольствомъ къ несуществующему королю Хмельницкій давалъ панамъ понять, что нѣтъ имъ надобности принимать мѣры обороны отъ козаковъ, и что козаки удовлетворятся только возвращеніемъ къ тому положенію, въ какомъ находились до сеймоваго постановленія о

личка. При отсутствіи у насъ исторической критики, Археографическая коммиссія напечатала бѣлоцерковскій универсалъ въ своихъ актахъ и еще не такъ давно публиковала его для Европы, съ переводомъ на французскій языкъ. Я указалъ на это въ „Матеріялахъ для Исторіи Возсоединенія Руси", но Костомаровъ, въ 4-мъ изданіи „Богдана Хмельницкаго", пишетъ, что Хмельницкій, „съ шестидесятью козаками, разослалъ изъ-подъ Бѣлой Церкви списки зазывнаго универсала ко всѣмъ южноруссамъ, обитающимъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра", и прочая.

нихъ 1638 года. Раздѣльность панскихъ интересовъ подавала Хмельницкому надежду, что тѣ изъ магнатовъ, которые владѣютъ въ Малороссіи вотчинными и ранговыми имѣніями, перессорятся съ тѣми, которые не участвовали въ колонизаціи малорусскихъ пустынь, но завидовали колонизаторамъ и сваливали вину козацкаго бунта на ихъ жадность къ обогащенію. Въ то же самое время всѣвалъ онъ розпь между католиковъ и православныхъ, между католиковъ и уніятовъ (вспомнимъ, какъ Левъ Сопіга обвинялъ ревнителей уніи), а протестантамъ намекалъ, что, съ помощью козацкаго войска, они могутъ поставить свою церковь наравнѣ съ католическою, какъ пытались это сдѣлать въ 1632 году. Дѣля такимъ образомъ панское общество на части, Хмельницкій надѣялся, что не вся Рѣчь Посполитая встанетъ противъ него и, въ своей раздѣльности, дастъ козакамъ возможность овладѣть Украиной.

Можетъ быть, на эту мысль навели его письма, найденныя въ бумагахъ Потоцкаго. Къ числу магнатовъ, отстаивавшихъ козаковъ противъ Потоцкаго, принадлежалъ и краковскій воевода, Станиславъ Любомирскій, человѣкъ весьма вліятельный между панами. Дней черезъ пять послѣ Корсунскаго погрома, Хмельницкій выразилъ свою благодарность за его покровительство въ письмѣ къ его бѣлоцерковскому подстаростію, Черному, предостерегая подстаростія, что „во множествѣ войска есть и злые люди“, такъ чтобы онъ стягивалъ подданныхъ пана своего изъ селъ, ближайшихъ къ городу, а въ болѣе далекихъ, чтобы народъ соединялся въ большія купы съ своею худобою. „Мы бы съ радостію вернулись отсюда“ (писалъ онъ, вполнѣ увѣренный, что письмо полетитъ къ пану воеводѣ), „но узнали, что еще множество такихъ непріятелей идетъ противъ насъ, каковъ былъ его милость, панъ Краковскій: по-неволѣ должны мы къ нимъ спѣшить. Да будетъ воля Божія“!

Спустя дней десять, написалъ Хмельницкій такое же тормазящее письмо и къ князю Доминику Заславскому, богатѣйшему изъ польскорусскихъ пановъ, о притѣсненіяхъ и тиранствахъ, претерпѣваемыхъ козаками въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ о Потоцкомъ такъ: „Его милость панъ Краковскій, наступивши съ великими войсками на наши дома, опустошивъ почти весь край нашъ и обративши въ ничто имущества наши, погнался было за душами нашими и на Запорожье“.

Въ письмахъ къ панамъ онъ смиренно называетъ себя *старшимъ* Запорожскаго Войска, не давая себѣ права титуловаться гетманомъ, подобно Косинскому и Наливайку, которые, въ виду постав-

ленныхъ правительствомъ *старшихъ*, подписывались гетманами въ письмахъ къ королю и коронному канцлеру. Что́ касается инструкціи козацкихъ пословъ, то она говорила о такихъ предметахъ, которые могли возбуждать въ панахъ только національно-польскую людскость и тѣмъ самымъ дѣлить ихъ на умѣренныхъ и жадныхъ, на добрыхъ и злыхъ. Она интересна для насъ въ томъ отношеніи, что характеризуетъ бытъ козака и его соціальное значеніе. Прочтемъ ее въ болѣе полномъ видѣ:

„1. Жалуются (козаки) на ихъ милостей пановъ державцевъ и урядниковъ украинныхъ, что, имѣя насъ уже въ своей волѣ, поступаютъ съ нами не такъ, какъ слѣдовало бы съ рыцарскими людьми и слугами его королевской милости, но еще хуже, нежели съ невольниками своими: такія чинятъ самоуправства и нестерпимыя обиды, что мы не свободны не только въ нашихъ имуществахъ, но и въ самихъ себѣ.

„2. Хутора, сѣнокосы, луги, нивы, пахать, ставы, млины, что́ бы только которому пану ни понравилось, отнимаютъ у козаковъ силою; сажаютъ въ тюрьмы, убиваютъ насъ до смерти за наши добра, и надѣлали раненныхъ, искалѣченныхъ въ нашемъ товариществѣ множество.

„3. Десятинные, пчельное и поголовщину, хотя живутъ (козаки) и въ добрахъ его королевской милости, берутъ у нѣкоторыхъ, наравнѣ съ мѣщанами, что́ есть лучшаго.

„4. Козацкимъ сыновьямъ не дозволено держать при себѣ ихъ старыхъ матерей и родныхъ отцовъ. Прогонять же старыхъ родителей не слѣдуетъ. Козакъ долженъ и передъ паномъ за нихъ отвѣчать (i grzech musi za nich Panu kozak czynić), и всякую войсковую повинность отбывать.

„5. Женамъ козацкимъ, не то чтобы до трехъ лѣтъ, но и одного года, какъ бы стара ни была, не дозволяется посидѣть (на грунтѣ) безъ мужа, хотя бы у нихъ были и сыновья на службѣ. Тотчасъ поворачиваютъ ихъ, наравнѣ съ мѣщанами, въ панскіе налоги.

„6. Полковники наши обходятся съ нами не по своему обѣщанію и присягѣ. Не только не оборонаютъ насъ въ какихъ-либо обидахъ отъ нихъ милостей пановъ урядовъ, но, еще помогая имъ обижать насъ, что́ бы которому у насъ ни понравилось, добрый ли конь, или оружіе, или другое что́,—надѣлй ему подъ видомъ покупки, а не надѣлилъ, размышляй тогда о себѣ, бѣднята козакъ!

„7. Вола или яловицу не запирай въ особомъ мѣстѣ. Сѣно въ стогахъ, хлѣбъ въ скирдахъ и на нивахъ жатый жолнерская челядь беретъ силою.

„8. Когда зайдемъ на Запорожье не установленною стражею (nie zwyczajną załogą), и тамъ на Днѣпрѣ паны полковники въ свободномъ пользованіи нашемъ дѣлаютъ намъ великую неволю. Какъ же теперь, не имѣя возможности бывать въ морскихъ добычахъ, можетъ вызволиться козакъ своимъ трудомъ? Кто промышляетъ звѣремъ, кто рыбою, считайся и съ этимъ. Кто ловитъ лисицъ, у тѣхъ берутъ по лисицѣ отъ головы каждаго козака, хоть бы было и 500; а не поймаетъ лисицы, то отбираютъ самопалы отъ козаковъ. Кто бы ловилъ рыбу, давай подводу и на пана полковника. Если нѣтъ коня для доставки, доставляй по водѣ своими плечами, или плати.

„9. Въ полевой же добычѣ, когда самъ Господь Богъ пошлетъ счастье, что возьмешь въ ясыръ не то старыхъ Татаръ, но и малыхъ Татарятъ, которые принадлежали намъ Войску, чѣмъ бы убогій козакъ пріодѣлся,—и то все поотнимали у насъ, такъ что не для чего и трудиться. Иногда также случится заяцъ, стадо, кони, овцы, скотъ, —со всего этого паны полковники вмѣстѣ съ панами жолнерами наберутъ себѣ что̀ будетъ лучшаго, сколько имъ надобно, а намъ, бѣднымъ козакамъ, и по одному не достанется, и то—что̀ есть горшаго изъ браку. Рискуетъ (козакъ) жизнью ни за что̀.

„10. Найдя какую-нибудь прицѣпку къ козаку, чтобъ содрать съ него, что увидятъ, тотчасъ его въ тюрьму. Искупай же, бѣдняга козакъ, свою душу! Ко всему этому, трудно даже исчислить всѣ другія нестерпимыя обиды, какъ насъ гонятъ на работы и въ подводы.

„11. А что была воля его королевской милости, нашего милостиваго пана, когда повелѣлъ было намъ всемилостивѣйше, чтобы мы шли на море,—для чего мы получили на челны деньги, и назначено было приписать къ нашему Запорожскому Войску еще 6.000, то мы, имѣя нашихъ старшихъ изсреды себя, обѣщаемъ и клянемся совѣстью своею, что не будемъ принимать сверхъ того ниодного, такъ какъ не въ 6.000 войска привыкли мы служить столь великія службы его королевской милости и всей Рѣчи Посполитой, а развѣ большею купою.

„12. Просимъ также униженно, чтобы заслуженный жолдъ, котораго не видимъ уже пять лѣтъ, дошелъ до насъ вполнѣ, при комиссіи“.

Послѣ того слѣдуетъ приведенная выше просьба о вѣрѣ, написанная безъ той реальности, съ какой хоть и не совсѣмъ складно, изложены 12 пунктовъ.

„Обо всемъ этомъ“ (заключаютъ свою посольскую инструкцію козаки) „послы наши, упавши къ милостивымъ ногамъ его королевской

милости, нашего милостиваго пана, будутъ просить отъ насъ какъ нельзя прилежнѣе и покорнѣе, чтобы мы вполнѣ и ненарушимо могли оставаться при всяческихъ нашихъ войсковыхъ вольностяхъ, какъ отъ бывшихъ святой памяти польскихъ королей дарованныхъ и привилегіями утвержденныхъ, такъ и отъ его королевской милости, щастливо надъ нами царствующаго короля".

Отвлекая такимъ образомъ вниманіе „королятъ" отъ военныхъ приготовленій, Хмельницкій зорко слѣдилъ за сношеніями Польши съ Москвою, которая, по мирному договору, заключенному съ нею стараніями Адама Киселя, была обязана помогать Полякамъ противъ Татаръ, какъ и Польша—Москвѣ. Одно изъ писемъ Адама Киселя, относящихся къ этому предмету, попало въ руки Хмельницкаго. Зная сношенія царя со Шведами о томъ, какъ „поотомстить Полякамъ за тотъ вредъ, который они причинили землѣ его и народу"; зная, что и въ предыдущіе бунты побитые за Росью и надъ Сулою козаки были приняты царемъ на московскую почву; зная, сверхъ того, что вся Сѣверщина, Кіевская Земля и Бѣлоруссія проникнуты мыслью о соединеніи Польши съ Москвой подъ одной короною,—Хмельницкій написалъ къ царю письмо, въ которомъ относительно соединенія государствъ повторялъ то, о чемъ доносили въ Москву пограничане воеводы, представилъ козаковъ „помирающими за старожитную греческую вѣру отъ безбожныхъ аріянъ", извѣщалъ царя о своихъ побѣдахъ и предлагалъ ему свои услуги въ войнѣ противъ Ляховъ.

Когда на это письмо отвѣта не послѣдовало, а перехваченныя козаками письма царскихъ людей къ панамъ дали понять козацкому бунтовщику, что царь остается вѣренъ оборонительному договору съ Польшею,—онъ дерзко высказалъ свою досаду путивльскому воеводѣ: „Дай же, Боже, чтобъ и всякій непріятель нашего Войска Запорожскаго такъ же шеи уламалъ и потѣхи не относилъ, какъ нынѣ Ляховъ Богъ помоглъ намъ надсломити"!

Всѣ пограничные воеводы получили изъ Москвы наказъ посылать за рубежъ расторопныхъ людей для провѣдыванья, что дѣлается въ Польшѣ, и за что у Черкасъ учинилась война съ Ляхами. Сохранилось множество донесеній, основанныхъ на словахъ развѣдчиковъ, которыми были обыкновенно люди торговые, какъ наиболѣе заинтересованные въ такой миссіи, наиболѣе бывалые, а главное—наименѣе въ глазахъ пановъ и козаковъ подозрительные. Они приносили къ пограничнымъ воеводамъ, вмѣстѣ съ точными вѣстями, много невѣрныхъ слуховъ, какими пробавлялись тогдашніе рынки, постоялые дворы, священническіе дома и монастыри.

Нѣсколько разъ было, напримѣръ, донесено въ Москву, что король Владиславъ умеръ въ мартѣ, а не въ маѣ. Доносили также, будто бы короля убилъ князь Вишневецкій; будто бы сына Потоцкаго козаки разстрѣляли; будто бы его посадили на колъ подъ Кіевомъ, и тому подобныя небылицы. Получались въ Москвѣ извѣстія и такого рода:

„Сынъ Николая Потоцкаго учился въ одной школѣ съ сыномъ Богдана Хмельницкаго, и побранясь де Богдановъ сынъ Хмельницкаго съ Николаемъ сыномъ Потоцкаго, погрозилъ ему, что за насильство Потоцкаго надъ его сыномъ онъ, сынъ Хмельницкаго, только де дастъ Богъ взмужаетъ, и онъ ему, Потоцкаго сыну, то отомститъ. И Потоцкаго де сынъ то сказалъ отцу своему, и Николай де Потоцкой велѣлъ Богданова сына Хмельницково, какъ онъ ѣхалъ изъ Кіева къ отцу своему, на дорогѣ изымать и его у себя во дворѣ убить, обсѣкши руки и ноги, веснѣ 156 (1648) году, а жену Богдана Хмельницково съ дочерью взялъ Потоцкой къ себѣ. И за то де Богданъ Хмельницкой собралъ войско черкаское и призвалъ къ себѣ Крымскихъ Татаръ, и все войско королевское Черкасы побили, и гетмана Николая Потоцкого и польного, и Николаева сына Потоцкого, Петра, и многихъ знатныхъ людей поимали; и Петра Николаева сына Потоцкого Хмельницкой казнилъ на полѣ передъ отцомъ ево за своего сына".

Подобныя вѣсти варіировались безконечно, давая матеріалъ современнымъ лѣтописцамъ и кобзарямъ для изображенія того, чего даже не могло и быть. Но вмѣстѣ съ ними отовсюду, начиная съ Бѣлой Церкви и оканчивая Смоленскомъ и Дорогобужемъ, приходилъ столь же нелѣпый слухъ, что козаки бьются съ Ляхами за вѣру. Даже такіе люди, какъ дорогобужскій мытникъ, Жидъ Давидъ, даже заѣзжіе нѣмецкіе прикащики, наконецъ, и сами „Ляхи" въ Бѣлоруссіи— твердили въ одинъ голосъ: что „война съ козаками учинилась за вѣру"; что „козаки съ Ляхами завоевались за вѣру"; что „бьются козаки съ Ляхами за вѣру".

Бѣгство монаховъ за московскій рубежъ продолжалось. Мѣстныя власти, отъ имени оставшихся игуменовъ, просили пограничныхъ воеводъ вернуть ихъ, какъ воровъ, похитившихъ церковное серебро, книги и даже одежду братій своихъ. Но бѣглецовъ препровождали въ Москву и царская дума выслушивала отъ нихъ (не выражая ни въ какихъ наказахъ собственнаго воззрѣнія на козацкій бунтъ): что „Поляки на нихъ похваляются: какъ де они съ козаками запорожскими управятся и они де христіянскую вѣру греческаго закона искоренятъ,

и церкви христіанскія разорятъ, а ихъ, черницовъ, побьютъ всѣхъ, *чтобъ отъ нихъ, черницовъ, впредь бунтовъ не было*".

Эти послѣднія слова вовсе не выражаютъ, чтобы малорусскіе монахи принимали непосредственное участіе въ козацкихъ мятежахъ, хотя козацкіе историки разсказываютъ, на основаніи современныхъ выдумокъ, будто бы львовскій владыка посылалъ порохъ и свинецъ козакамъ Хмельницкаго, а луцкій—даже пушки, называвшіяся гаковницами. (Объ этомъ будетъ у меня рѣчь въ своемъ мѣстѣ). Но вопли поповъ и монаховъ, изгоняемыхъ изъ церковныхъ имуществъ для водворенія въ нихъ тѣхъ, которые отвергли „схизму" во имя сліянія церквей, или тѣхъ, которыхъ смѣстили, по Филипо́вичу, *могиляне*,— эти вопли и жалобы, плачъ и озлобленныя рѣчи противъ Ляховъ, подъ которыми разумѣлись вообще паны, и способные, и не способные защищать вѣру предковъ своихъ,—сдѣлали глубокое впечатлѣніе на ту массу, для которой ни государственное, ни общественное право не существовало; а къ этой-то массѣ и обратились козаки. *За вѣру! за вѣру!* раздавался всюду кличъ, гдѣ изъ панскихъ жилищъ голодная сволочь таскала хлѣбъ, гдѣ пылали панскіе дома вмѣстѣ съ экономическими заведеніями, а панское добро дѣлалось достояніемъ поджигателей.

Но это былъ кличъ героевъ самозванщины, героевъ Московскаго Разоренія, изобрѣвшихъ только новый девизъ для своего истребительнаго промысла. Ниодинъ епископъ, ни игуменъ, ни даже протопопъ, къ чести полуразрушенной малорусской церкви, не выступилъ вмѣстѣ съ запорожцами Хмельницкаго въ роли возмутителя украинскаго простонародья. Даже нерадивые, подобные Филипо́вичу, даже и они притаились въ своихъ скитахъ и монастыряхъ.

Въ ужасное лихолѣтье Хмельнитчины, заставившее насъ припомнить позабытую Батыевщину, игуменствовалъ въ Почаевскомъ монастырѣ почти столѣтній уже старецъ, преподобный Іовъ Желѣзо. Родившись въ 1551 году, онъ прожилъ въ иноческихъ подвигахъ и времена протестантскаго легкомыслія малорусскихъ пановъ, и времена продажнаго отступничества малорусскихъ архіереевъ. Его чествовалъ Князь Василій, обратясь отъ уніятскихъ мечтаній къ православницкой борьбѣ съ папистами. Съ нимъ Іовъ Борецкій, въ „великой" печерской церкви предавалъ проклятію апологію Смотрицкаго. Его репутація, какъ мужа святаго, была такова, что одному появленію его внѣ монастырскихъ стѣнъ приписывали испугъ и бѣгство Татаръ, набѣжавшихъ „великою Ордою". Если кто-либо, такъ именно этотъ самоотверженный аскетъ могъ бы теперь играть роль Петра Пустынника проповѣ-

даніемъ войны за древнее русское благочестіе, за поруганное панами отступниками православіе. Но, состоя въ постоянномъ общеніи съ печерскими застолпниками и съ аѳонскими „преподобными мужами Россами, житіемъ и богословіемъ цвѣтущими", Іовъ Желѣзо не имѣлъ ничего общаго съ наливайковцами, жмайловцами, тарасовцами, павлюковцами и, наконецъ, хмельничанами.

Козацкіе историки, ловя современные слухи съ легковѣріемъ пограничныхъ московскихъ развѣдчиковъ, заставляютъ какихъ-то безыменныхъ представителей нашего духовенства взывать къ народу во время Хмельнитчины: „Приспѣлъ часъ, желанный часъ! Время возвратить свободу и честь нашей вѣры", и т. д. *) Между тѣмъ преподобный Іовъ Почаевскій, сидя въ своей подземной кельѣ, изъ которой братіи святаго человѣка видѣлся исходящій сверхъестественный свѣтъ, произносилъ скорбнымъ голосомъ одни только слова: „Господи, помилуй! Господи, помилуй!" и эти слова, въ своемъ согласіи съ апостольскою программою „Совѣтованія о Благочестіи", были соотвѣтственнѣе духу православной церкви, нежели все, что прославители козатчины могли узнать о нашемъ духовенствѣ отъ католиковъ и протестантовъ.

Видя въ козацкихъ похожденіяхъ нѣчто достойное сочувствія и уваженія, козакоманы посвящаютъ цѣлые томы на повтореніе всяческихъ сказаній о томъ, какъ раьлились по аренѣ древне-русской культуры козаки въ сопровожденіи своихъ единомышленниковъ Татаръ; какъ они вызывали на свой кровавый пиръ безумныхъ, безстыдныхъ и жестокосердыхъ людей всѣхъ племенъ, всѣхъ нарѣчій и состояній; какъ дикія полчища ихъ прошли вдоль и поперекъ всю Кіевщину, Черниговщину, Подолію, Волынь, Червоную и Бѣлую Русь, точно сплошной пожаръ, гонимый дующимъ изъ Запорожья вѣтромъ; какъ не давали козаки пощады ни старцамъ, ни женщинамъ, ни грднымъ младенцамъ, не отличали благочестивыхъ отъ злочестивыхъ, православныхъ отъ кривовѣрныхъ, ругались всячески надъ женской чистотою, находили симпатичную для звѣрской толпы забаву въ томъ, чтобъ, изнасиловавъ дѣвицу шляхетскаго званія, наградить ее красною лентою изъ кожи, содранной съ ея же шеи и бюста, разоряли церковныя усыпальницы, выбрасывали тѣла покойниковъ на улицу, одѣвались въ ихъ одежду безъ отвращенія, безъ ужаса, безъ угрызенія совѣсти и пр. и пр. и пр.

---

*) Костомаровъ, „Богданъ Хмельницкій", изд. 4, т. I, стр. 317.

Возведя козацкіе разбои въ идею народной самозащиты, въ сознаніе своихъ исконныхъ правъ и національности, въ чувство русской чести и вѣры, они находятъ интересъ углубляться во всѣ подробности убійствъ и мучительствъ, вдохновляются новымъ и новымъ краснорѣчіемъ по мѣрѣ того, какъ разливаемыя козаками рѣки крови дѣлаются шире и этому позору имени русскаго, этому поруганію историческаго характера православной вѣры придаютъ санкцію со стороны ея верховниковъ. Если-бы верховники нашей малорусской церкви въ эпоху Хмельницкаго и были способны, по своей природѣ, къ тому, что̀ имъ приписываютъ, то не въ козацкую сторону глядѣли они по своему образованію, по своимъ общественнымъ связямъ, по своимъ нравственнымъ интересамъ.

Сами же козацкіе панегиристы перомъ своего вожака, Костомарова, пишутъ, что преемникъ Петра Могилы по митрополіи, Сильвестръ Косовъ, „совсѣмъ не раздѣлялъ православнорусскихъ идей независимости, которыя (будто-бы) одушевляли его предшественника“. Но, нетопырствуя въ потемкахъ баснословія, не обращаютъ вниманія на поразительное обстоятельство, что, отъ начала и до конца козацкихъ бунтовъ противъ пановъ, правительство Рѣчи Посполитой не подвергло суду и слѣдствію ниодного попа и монаха за участіе въ этихъ бунтахъ, а исполнительная власть этого правительства, въ лицѣ племянника и намѣстника Николая Потоцкаго, въ 1638 году освободила отъ ареста нѣжинскаго приходскаго дьячка на основаніи собственной его присяги въ непричастности къ бунту. Хмельницкій, пожалуй, писалъ къ московскимъ воеводамъ, что Ляхи, умоляя его о мирѣ, сажаютъ на колъ православныхъ священниковъ; но его слова заслуживаютъ еще меньше вѣры, нежели сказанія малорусскихъ лѣтописцевъ о мѣдныхъ волахъ, мурованныхъ столбахъ, поголовномъ избіеніи Руси за то, что она Русь, и ляшескомъ свирѣпствѣ надъ козаками, надъ ихъ женами и дѣтьми среди Варшавы, въ присутствіи сенаторовъ и земскихъ пословъ. Помраченный своими страстями и злодѣйствами бунтовщикъ долженъ былъ прибѣгать ко всѣмъ ухищреніямъ самозванщины, чтобы съ высоты воителя за вѣру, не спуститься до того уровня, на которомъ стояли Татары, призванные имъ на добычный промыселъ.

Что̀ касается Москвы, то она, глядя издали на пожаръ, уничтожавшій польскіе труды на русской почвѣ, держала себя выжидательно. Ни кіевскій митрополитъ, воспитанникъ Петра Могилы, ни кто-либо изъ тѣхъ владыкъ, которые, по словамъ легковѣрныхъ историковъ, снабжали козаковъ порохомъ и гаковницами, ни даже такой энтузі-

астъ, какъ извѣстный на Москвѣ Аѳанасій Филипо́вичъ, не присылали къ царю пословъ и не являлись, подобно Исаію Борѝсковичу, съ просьбами принять козаковъ подъ свою высокую руку, какъ это бывало въ тѣ времена, когда козаки не вводили еще Татаръ въ Христіанскую Землю. О Хмельницкомъ ходили не межъ одними польско-русскими панами слухи, что онъ, бывши долго послѣ Цецорскаго пораженія въ плѣну, отуречился, что отсюда завязалась у него дружба съ мусульманами и что онъ, въ случаѣ неудачи въ войнѣ съ панами, отдастъ Украину турецкому султану. Да и самъ Хмельницкій много разъ хвастался, что отдастъ султану всю Польшу. Ходатайствовать передъ московскимъ царемъ въ пользу такого патріота, стремившагося къ Великой Руси „всѣми силами души“, не могли ни тѣ, которые, по почину Петра Могилы, вели малорусское общество къ соединенію церквей путемъ школьной науки и польской общественности, ни даже тѣ, которые, устами Филипо́вича, вопіяли: „Vae maledictis et infidelibus!“

Москву, надобно думать, смущало отчужденіе отъ нея малорусской церкви въ такой критическій моментъ, когда силы ея исконнаго супостата были поколеблены и когда русская почва тряслась подъ его ногами, дымилась какъ волканъ, извергала пламя вмѣстѣ съ потоками крови. Теперь бы, именно теперь, слѣдовало козакамъ соединиться съ церковными властями и обратиться къ царю съ общею просьбою о покровительствѣ, какъ это было сдѣлано 23 года тому назадъ. Но Малорусскій народъ, въ лицѣ своего духовенства, дворянства, купечества и мѣщанства, держался въ сторонѣ отъ козаковъ.

Между тѣмъ бунтъ Хмельницкаго сдѣлалъ громадные успѣхи. Огни, истреблявшіе панскіе хозяйства и дома́, пылали уже на Волыни. Счастливый въ возбужденіи низкихъ инстинктовъ разбойникъ мечталъ о завоеваніи себѣ удѣльнаго княжества. Выжидательное положеніе Москвы раздражало его и онъ посылалъ къ пограничнымъ царскимъ воеводамъ сердитыя письма.

Правительство Тишайшаго Государя знало, что между козаками Хмельницкаго находится множество донцовъ. Знало оно, что къ запорожскимъ Черкасамъ примкнули не одни Татары, но и Калмыки. Козацкая ватага, мечтавшая еще въ XVI вѣкѣ о разрушеніи Кракова, могла, въ случаѣ чего, покуситься, подобно косолаповцамъ, на Москву, которая, по пословицѣ антигосударниковъ, „стояла на крови“, то есть подавила удѣльныхъ князей, какимъ задумалъ сдѣлаться нашъ Хмѣль и уничтожила драчливыя вѣча, воскресавшія въ козатчинѣ. Нельзя было оставлять польскаго Косолапа безъ вниманія, съ его гро-

мадными полчищами и съ его рѣшимостью дѣйствовать по козацкой пословицѣ: „абò панъ, абò пропàвъ“!

Хотмыжскій воевода, князь Болговской, на вопросъ: какъ отвѣчать Хмельницкому противъ его грозящаго письма? получилъ изъ Москвы проектъ отвѣта. Онъ отписалъ къ запорожскому гетману,—что царскіе ратные люди стоятъ съ нимъ (княземъ Болговскимъ) „на Украйнѣ и въ другихъ украинныхъ городѣхъ и у крѣпостей воеводы и многіе ратные люди есть, какъ и прежде сего бывали. А стоимъ де съ тѣми ратными людьми для обереганья его царскаго величества украинныхъ городовъ и мѣстъ отъ приходу Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ. А что будто на васъ хотятъ стоять, и то нѣхто вмѣстилъ вамъ непріятель христіянскіе вѣры, хотя тѣмъ въ православной христіянской вѣрѣ ссору учинить. И вы бы и впередъ отъ насъ того не мыслили и опасенья никакова не имѣли. И отъ васъ никакова дурна не чаемъ и опасенья не имѣемъ, потому что вы съ нами одное православные христіянскіе вѣры“.

Это было писано въ іюлѣ 1648 года. Въ концѣ русскаго іюля Хмельницкій благодарилъ князя Болговскаго за его дружескій отвѣтъ, и приглашалъ Москву нападать на Польшу. Но передъ тѣмъ онъ писалъ къ путивльскому воеводѣ, Никифору Плещееву: „Ужъ то третьего посла вашего имаемъ, что вы, утаясь насъ, ссылаетесь съ Ляхами насъ воевать... Естли себѣ того будете желати, чтобы есте на насъ, на свою вѣру православную христіянскую, имѣли мечь поднять, а мы будемъ Богу молитися, что также потѣхи не отнесете, какъ и хто иной. Легче намъ, колько бившися межъ собою, помиритися, а помирився, на васъ поворотиться, что за измѣну вашу Богъ васъ погубитъ“.

Въ своихъ письмахъ къ царскимъ людямъ счастливый разбойникъ титуловалъ себя „*Божіею милостію* гетманъ“, чего, конечно, не оставила Москва безъ вниманія,—хоть однажды онъ, съ пьяна, заключилъ свое письмо къ Путивльскому воеводѣ (отъ 11 русскаго іюля) словами: „*Вашему величеству* всего добра желаю пріятно“, а подписался безъ *Божіей милости*.

Москва была поставлена въ положеніе затруднительное, опасное и вмѣстѣ съ тѣмъ неловкое. Въ августѣ путивльскій воевода получилъ указъ о томъ, какъ написать отвѣтное письмо къ Богдану Хмельницкому, и при указѣ—образецъ самаго письма, по поводу задержанія Хмельницкимъ московскаго посланца къ Іереміи Вишневецкому. Плещееву было наказано: „къ Вишневецкому и къ Адаму Киселю, и къ инымъ ни къ кому, безъ царскаго указу, ни о какихъ дѣлахъ листовъ отъ себя не писать и съ ними не ссылаться“.

Въ „образцовомъ письмѣ“, которое Плещеевъ долженъ былъ „написать на листѣ слово въ слово“, всего замѣчательнѣе то, что въ титулѣ: „Богдану Хмельницкому, гетману Войска его королевской милости Запорожскаго“, слова: *его королевской милости*, написанныя въ черновомъ отпускѣ, были (безъ сомнѣнія, думной редакціей) зачеркнуты. Можетъ быть, здѣсь имѣлось въ виду безкоролевье, а, можетъ быть, и что̀ иное. Въ образцовомъ письмѣ, посланномъ бѣлгородскому воеводѣ, князю Пронскому, отъ 27 февраля 1649 года, по избраніи на королевство Яна Казимира, означенныя слова не были возстановлены, какъ и никогда послѣ.

Сочиненное въ Москвѣ письмо Плещеева къ Хмельницкому было буквальнымъ повтореніемъ увѣреній, сочиненныхъ для князя Болговскаго; прибавлены только слова: „Писалъ ко мнѣ князь Еремей Вишневетцкой, воевода руской, что Крымскіе Татаровя въ собраньѣ на урочищѣ у Княжихъ Буераковъ 40.000 стоятъ наготовѣ, а хотятъ идти царскаго величества на украины войною. И противъ того ево письма язъ, царскаго величества путивльской воевода, къ нему ко Князю Еремѣю Вишневетцкому писалъ, хотя отъ него прямые вѣсти вѣдать, куды тѣхъ Крымскихъ Татаръ впрямѣ походу чаять, для опасенья царскаго величества украинныхъ городовъ. А то дѣло не новое, что о Татарѣхъ на обѣ стороны вѣдомо чинить и отъ ихъ безвѣстного воинскаго приходу береженье держать“.

Наконецъ, въ началѣ 1649 года получено въ Москвѣ изъ Смоленска тарабарское письмо отъ царскаго гонца, думнаго дьяка Григорія Кунакова. Это былъ человѣкъ въ посольскихъ дѣлахъ опытный и вообще смѣтливый. Ему было поручено „довѣдаться подлинно, за что̀ учинилась у пановъ (не сказано у *Поляковъ*) ссора съ Черкасами“, и онъ, донося обо всемъ, что̀ ему разсказывали русскіе зарубежники, написалъ слѣдующее:

„Богданъ Хмѣльницкій хотѣлъ отомстить Потоцкому за свои обиды домашнія, и собралъ черкаское войско, даючи причину, будто для того, что межъ королевствъ устоять о вѣрѣ, чтобъ имъ подъ унѣ его не быть“.

Эти слова согласовались съ извѣстной уже намъ отпиской путивльскаго воеводы 1638 года, въ которой онъ, со словъ строителя Густынскаго монастыря съ братіею, доносилъ, что Поляки побиваютъ Черкасъ за самовольство, за избіеніе по городамъ урядниковъ, за грабежи надъ Жидами и Ляхами, за поджиганье костеловъ и святотатство, *а не за вѣру*. И видно было для чего писать „вѣсти въ Смоленску довѣданы есь“ тарабарскимъ письмомъ, иначе *письмомъ по ли-*

торгъ, котораго ни Кунаковъ, ни другіе вѣстовщики въ послѣдствіи не употребляли. Это былъ великій государственный секретъ: Москва наконецъ знала, въ чемъ дѣло и какъ ей быть.

Всё, однакоже, польскіе труды на русской почвѣ уничтожались, какъ бы неисповѣдимымъ судомъ Божіимъ, чрезъ посредство козацкихъ и всяческихъ разбойныхъ рукъ. Новая орда грозила вырости на древнемъ пепелищѣ Варягоруссовъ, засыпанномъ костьми тѣхъ Русичей, которые забыли, что „ихъ предки вѣры отъ папы не принимали". Эта орда (такъ должна была размышлять Москва) будетъ необходимо подначальна Крымской Ордѣ, а Крымская Орда пошла отъ той, которая испепелила первопрестольную столицу Руси, и такимъ образомъ снова готова встать уничтоженное Москвой и Литвой владычество Чингисхановичей надъ широкимъ займищемъ Рюриковичей. Что станется тогда съ Великой Русью? Ее совсѣмъ отрѣжутъ отъ христіянскихъ народовъ, и, можетъ быть, на мѣстахъ древнихъ кіевскихъ святынь, Ярославовской Софіи, Золотоверхаго Михаила, Царствующей Печерской Лавры, появятся магометанскія мечети. Если же такъ не станется; если козаки будутъ „сильны Татарамъ" и удержатъ подъ своей властью священныя и славныя высоты кіевскія, тогда донцы соединятся съ запорожцами, тогда и вся козатчина царскихъ украинъ примкнетъ къ днѣпровскимъ наѣзднікамъ,—и настанетъ новое царство, хуже Литовскаго, царство козацкое, воровское. Уже и то было слыхать, что Хмельницкій, „гетманъ Божіею милостію", объявилъ своей столицей Кіевъ, а въ Смоленскѣ Кунаковъ довѣдался, что козаки не пустили кіевскаго митрополита на сеймъ и „приставили къ нему варту по сту человѣкъ: знай де свою келью и въ такія дѣла не вступайся".

Правда, Кунаковъ доносилъ, что Хмельницкій домогается отъ новаго короля, чтобы онъ „церкви благочестивые христіянскіе вѣры въ Кіевѣ и во всей Бѣлой Руси всѣ отъ унѣи учинилъ свободны, и костеловъ бы и унѣи въ Кіевѣ и во всей Бѣлой Руси отнюдь не было"; но тутъ же писалъ своею государственной тарабарщиной, что козаки требуютъ отъ короля—отдать „кіевское и всей Бѣлой Руси правленье на ихъ гетманскую волю, а самъ бы король въ Кіевъ и во всѣ бѣлорусскіе города, ни въ росправу. ни въ што не вступался, и на томъ бы де король и паны рады присягли и записьми укрѣпились".

Это было бы не больше и не меньше, какъ воскресеніе великаго князя литовскаго Гедимина въ особѣ козацкаго гетмана Богдана. Случись это на самомъ дѣлѣ,—и Москва была бы стѣснена козацкой кольницей гораздо больше, чѣмъ во времена оны новгородскимъ и

псковскимъ вѣчами. Москвѣ тогда угрожалъ бы переворотъ еще болѣе тяжкій, чѣмъ подъ владычествомъ навязаннаго ей въ Смутное Время Владислава Жигимонтовича. Устроенное въ ней вѣками должно было разстроиться, и утвержденное великими заботами да крѣпкими думами царскихъ сановниковъ было бы поколеблено. Москва не могла допустить у себя подъ бокомъ, на древнерусской почвѣ, безбоярщины и безгосударщины. Какъ ни противна ей была вольница шляхетская, но вольница козацкая противорѣчила всѣмъ ея симпатіямъ и государственнымъ преданіямъ. Притомъ же, что бы тамъ ни дѣлали латинцы Римляне изъ-подъ руки у короля во вредъ малорусско-бѣлорусскому православію, но ей, какъ державѣ самоуважающей, не подобало насѣдать на сосѣднюю, тоже почтенную державу въ ея несчастныхъ обстоятельствахъ. Ужъ если судомъ Божіимъ пришло такое время, что Польша должна поплатиться за всѣ свои грѣхи, содѣянные въ угожденье беззаконному Риму, такъ надобно выждать, чтобы фіалъ гнѣва Господня излился на нее самъ собой до конца:

Такъ должна была разсуждать и такъ дѣйствительно *поступала* Москва, эта фурія польскихъ „народныхъ пророковъ“, постоянно стремившаяся въ Польшу для ея разрушенія,—эта робѣющая передъ „сильнымъ могуществомъ Польскаго государства“ держава нашихъ козакомановъ, игравшая роль друга и Поляковъ и козаковъ. Въ предыдущемъ, не-тарабарскомъ письмѣ своемъ Кунаковъ доносилъ царю:

„Въ Дорогобужѣ, государь, говорилъ со мною, холопомъ твоимъ, въ розговорахъ бурмистръ Хриштофъ Красовскій, удивляяся и похваляя твою государскую милость, что ты, великій государь, въ такое ихъ безглавное время и въ великомъ упадку и въ разореньѣ, въ которое они время ни откуды посилку себѣ не чаяли, показалъ надъ ними свою государскую милость, въ вѣчные роды удивленью и хвалѣ достойную: не изволилъ на нихъ послати своей государевой рати; а мочно де, государь, было тебѣ, государю, все свое изволенье учинить и городы отыскать и небольшимъ собраньемъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, Тишайшій Государь былъ расположенъ благоволить евангельски даже исконнымъ врагамъ своего царства, Полякамъ и ихъ побратимамъ, Литворуссамъ. Но его думные бояре и дьяки должны были оглядываться на польскую воинственность, усиленную съ одной стороны богатырями Русичами, а съ другой—„хороброю Литвою“. Полько-Литво-Руссы—надобно было признаться—съ малыми боевыми силами торжествовали надъ многолюдными московскими ратями. Правда, теперь лучшіе польскорусскіе ротмистры были побиты; весь походный нарядъ пропалъ, и даже арсеналъ Рѣчи Посполи-

той, Барь, не сегодня, такъ завтра, могъ очутиться въ рукахъ у козаковъ. Притомъ же, въ польскихъ войнахъ съ Москвою, козаки были бурнымъ вѣтромъ, предшествовавшимъ грозѣ; они были крыльями громоносныхъ орловъ; они были пламенемъ, превращавшимъ заселенныя области въ нѣмыя пепелища. Теперь этотъ „духъ буренъ“, этотъ „поядающій огнь“ обращенъ волей Всевышняго на царскихъ супостатовъ и, судя по началу Хмельнитчины, не устоитъ противъ нея ни Кремовъ, ни Варшава. Но Москва знала по себѣ, какъ можетъ быть сильна земля противъ опустошителей. Запасы боевой силы въ странѣ Мечиславовъ, Болеславовъ, Казимировъ, Сигизмундовъ и Владиславовъ не исчерпывались ни выбывшими изъ польскихъ ополченій козаками, ни погибшими воронными и панскими жолнерами. Польскорусскій и литворусскій шляхтичъ оказывался весьма часто на войнѣ трусомъ, а въ мирное время разорителемъ безащитной братіи своей, но въ случаѣ крайности онъ являлся героемъ. Онъ велъ свое происхожденіе, если не отъ тѣхъ, которые повыщербили свои мечи на Золотыхъ Воротахъ въ Кіевѣ, то отъ тѣхъ, которые приковали свои щиты къ воротамъ цареградскимъ, да отъ тѣхъ, которые съ своими Гедиминами и Ольгердами прогнали Кипчакскую Орду отъ днѣстра-днѣпровскаго Черноморья. Надобно было, кромѣ того, помнить еще, что сзади Польши стоялъ Римъ съ послушными ему государствами. Дорожа своимъ передовымъ редутомъ, римскій папа, чего добраго, подниметъ на его защиту все Католичество, которое цѣлыя тридцать лѣтъ билось, въ угоду Вѣчному Городу, съ нѣмецкими да свейскими литорами, и которое какъ разъ теперь, послѣ Вестфальскаго мира, удесужилось. Напослѣдокъ, въ Польшѣ, какова она ни есть сама по себѣ, могутъ найтись свои Ляпуновы, свои Скопины Шуйскіе, Мнишки, Пожарскіе, которые остановятъ козацкое всегубительство, какъ было остановлено Московское Разореніе подвигами героевъ Смутнаго Времени, и Польша, помышляющая теперь объ отступленіи за Вислу, двинется ярости на Днѣпру, а потомъ и къ Москвѣ-рѣкѣ.

Такія соображенія, естественно, могли занимать совѣтниковъ Тишайшаго Государя, и политика ихъ не была ни ошибочна, ни черезъ чуръ осторожна.

Среди всеобщаго страха и уныніи польско-русскихъ пановъ, геройскій духъ шляхетскаго народа проявился въ боевыхъ подвигахъ князя Іереміи Корибута Вишневецкаго.

Князь Іеремія объявилъ себя католикомъ незадолго до того времени, когда двоюродный братъ его матери, Петръ Могила, сдѣлался кіевскимъ митрополитомъ. Извѣстно трогательное заклинаніе гонима-

го Могилою Копинскаго, обращенное къ отступнику. Ничего подобнаго, да и вовсе таки ничего, не предпринялъ дядя малорусскаго магната, чтобъ удержать его въ православіи; а кому, казалось бы, спасать молодаго человѣка отъ католичества и ополяченія, какъ не тому, о православно-русскихъ дѣяніяхъ котораго печатаютъ нынѣ грузные томы въ тысячу страницъ?

Домъ Вишневецкихъ, какъ домъ князей Острожскихъ и самихъ Могилъ, представлялъ одинъ изъ тѣхъ подмытыхъ римскимъ прибоемъ устоевъ православія, которые панисты уничтожали послѣдовательно, начавши съ древнихъ домовъ Радивиловъ, Сопѣгъ, Замойскихъ, Потоцкихъ, Збаражскихъ, Чорторыйскихъ (по польски Czartoryzkich), Сангушекъ, Ходковичей, Пузинъ, Тишковичей. Но, принявъ господствовавшее въ Польшѣ вѣроисповѣданіе, князь Іеремія не трогалъ монастырей, основанныхъ подъ патронатомъ его матери. Подобно всѣмъ аристократамъ, воспитаннымъ латинскою наукою, онъ презиралъ малорусскихъ мужиковъ, какъ жалкихъ сектантовъ. Онъ былъ увѣренъ, что, съ распространеніемъ тѣхъ знаній, которыми снабжали наше малорусское общество наставники могилянскихъ школъ, монастыри Исаія Копинскаго сами собою оцѣнятъ и примутъ благодѣянія царствующаго единства, съ которымъ, въ умѣ римскихъ политиковъ, была тѣсно связана мысль о единствѣ общественномъ и національномъ. Онъ ограничивался только тѣмъ, что, въ виду обскурантовъ и пьяницъ, наполнявшихъ наши монастыри, водворялъ въ своихъ имѣніяхъ представителей священства и монашества католическаго, отличавшихся бытомъ просвѣщеннымъ и трезвымъ. Съ цѣлью уничтожить полузычествія молельни, какими ему, воспитаннику львовскихъ іезуитовъ, представлялись наши храмы, и привлечь симпатіи лучшихъ людей къ религіи облагороженной, Князь Іеремія, построилъ доминиканскій, а это значитъ — проповѣдническій, монастырь въ Прилукѣ, въ нашей полтавской Прилукѣ, и костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ. Этими сооруженіями, какъ явствуетъ нынѣ, воспитатели Байдича мѣтили въ самый центръ малорусской народности. Какъ тьма исчезаетъ отъ свѣта, такъ, по ихъ воззрѣнію, должны были исчезнуть малорусскіе попы и монахи отъ вліянія образованнаго по европейски духовенства на общество. (Мужики въ расчетъ не принимались).

Самъ Вишневецкій отличался среди пановъ трезвою и порядочною жизнью, необыкновенною дѣятельностью по всѣмъ частямъ коло-

инвеціоннаго хозяйства и тѣмъ удѣльно-княжескимъ или можновладскимъ патріотизмомъ, который былъ основанъ на возвышеніи собственнаго дома. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на самодержавнаго монарха. Въ немъ ожилъ литворусскій духъ предка его, Корыбута-Дмитрія Ольгердовича, подъ внѣшнимъ видомъ польскаго магната. На всѣ стороны расширилъ онъ свои владѣнія съ помощью мелкой, такъ называемой *низшей* шляхты, этихъ дружинниковъ можновладства, отдававшихся подъ панскій щитъ съ беззавѣтною преданностію, этихъ протопластовъ коазтчины, послужившихъ ей такъ или иначе кадрами. Онъ, какъ мы видѣли, былъ „силенъ“ каждому сосѣднему магнату и страшалъ необузданностью духа самого короля Владислава. Не только у людей злыхъ и бездѣйственныхъ, но и у такихъ, какъ Станиславъ Конецпольскій, краса польскаго племени, слава древнихъ Сарматовъ, оспаривалъ онъ поприще колонизаціи малорусскихъ пустынь, на которомъ не имѣлъ и не терпѣлъ соперниковъ. Къ этимъ жестокимъ и, пожалуй, отталкивающимъ чертамъ характера Князя Іереміи необходимо прибавить такія, которыя дѣлаютъ изъ него симпатичнаго рыцаря. Не взирая на то, что великій Конецпольскій тягался съ нимъ до самой смерти за сорокъ спорныхъ осадъ въ Украинѣ, Вишневецкій всегда былъ готовъ помогать ему, какъ и всякому другому пану, въ борьбѣ съ врагами колонизаторскихъ трудовъ и помогъ Конецпольскому одержать славную побѣду надъ Татарами подъ Охматовымъ. Подругу своей кипучей и воинственной жизни нашелъ онъ себѣ въ домѣ гуманнаго, разносторонне просвѣщеннаго Ѳомы Замойскаго, извѣстную своею красотою Гризельду, въ которую былъ влюбленъ до конца недолгаго своего вѣка, какъ подобаетъ истинному нагадному безъ страха и упрека.

Основавъ съ 1634 года свою резиденцію въ Лубнахъ, Вишневецкій отнюдь не дозволялъ московскимъ пограничникамъ переходить за черту его владѣній у Недригайлова, подъ Путивлемъ, а Крымская Орда, вторгавшаяся безпрестанно въ Западную Украину, черезъ древнее Поросіе, въ имѣнія такихъ козаковатыхъ помѣщиковъ, каковы были князья Корецкіе и Рожинскіе,—не смѣла съ востока перейти Ворсклу и Пселъ, чтобы ясырничать на Посуліи. Корибутъ Вишневецкій служилъ шляхетскому народу щитомъ на весьма важной линіи отъ своихъ мѣстечекъ Баровицы и Мошенъ на правой сторонѣ Днѣпра до московской, такъ называемой *польской* (полевой, степной) украйны—на лѣвой, колонизуя здѣсь новую Вишневетчину въ подспорье къ старой, которой центральнымъ пунктомъ былъ Вишневецъ на Горыни,—и это важное обстоятельство придавало Князю Іереміи характеръ

удѣльнаго князя больше, нежели кому-либо изъ польскорусскихъ магнатовъ, такъ что и самъ Хмельницкій, въ письмахъ къ нему, называлъ его заднѣпровскія владѣнія государствомъ (państwo). Чѣмъ былъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, на тогдашнемъ пограничьѣ, Рѣчи Посполитой домъ князей Острожскихъ, тѣмъ въ XVII-мъ, на пограничьѣ новомъ, сдѣлался домъ Корибутовъ Вишневецкихъ. И какъ домъ Острожскихъ оборонялъ свои владѣнія преемниками Торговъ и Берендеевъ козаками, такъ точно поступалъ, въ магнатской самозащитѣ отъ Татаръ да сосѣдей-пановъ, и домъ князей Вишневецкихъ. Козаки были искони то друзьями и хлѣбосѣдцами, то врагами и опустошителями этихъ маркграфовъ Рѣчи Посполитой. Одинъ изъ предковъ Іеремія Вишневецкаго, князь Димитрій, по прозвищу Байда, водилъ ихъ за собой даже на службу къ Сулейману Великолѣпному, потомъ къ Ивану Грозному, далѣе осаждалъ низовыхъ козаковъ, со своими козаками-городовиками, у Днѣпра, въ устьѣ Сулы (сколько это извѣстно по воспоминанію старожиловъ Павлюковщины), и наконецъ попалъ, съ козацкою дружиною своею, въ ловушку, устроенную для него въ Волощинѣ политикою Сулеймана. Козаки воспѣли его, подъ именемъ Байды, какъ борца за христіянскую вѣру, погибшаго отъ магометанъ мучительною смертью на желѣзныхъ крючьяхъ.

Соединяя съ развитіемъ козатчины идею вѣры и путаясь въ ней, какъ мухи въ паутинѣ, наши историки дѣлаютъ изъ казни, постигшей „козака Байду“ за измѣну султану, то же самое *не любо не слушай*, которое они проводятъ въ своихъ писаніяхъ отъ Косинскаго до Хмельницкаго. *) Но вѣра и для самого Іеремія Вишневецкаго не была главной заботой жизни. Подобно своимъ предкамъ и подобно множеству разновѣрныхъ магнатовъ своего времени, онъ, какъ, говорится поукраинскіи, *кохався у козаках*, и его наслѣдственная страсть къ полудикимъ наѣздникамъ соприкасалась такъ же мало съ его религіозными воззрѣніями, какъ и страсть къ степнымъ вречетамъ-разрогамъ, которыхъ для него искали даже за московскимъ рубежемъ. Козаки были ему нужны, какъ хищныя птицы, натравливаемыя, то его слугами-шляхтичами, то имъ самимъ, на такихъ же хищниковъ. И какъ Острожскому не снилось даже во снѣ защищать православіе съ помощью Наливайка, такъ Вишневецкій не могъ вообразить, чтобы между нимъ и такимъ бунтовщикомъ, какъ Хмельницкій, стояла религія.

*) Если Байда *былъ* религіозенъ, то по духу его времени и по его связямъ съ такими людьми, какъ владѣлецъ Хотина, Ласкій, онъ былъ *аріанисто*.

Во времена князя Василія лугари, кочевавшіе въ виду Татаръ, селились, подъ его прикрытіемъ отъ закона, въ переяславской пустынѣ. Во время князя Яремы (какъ называли его, сперва любя, а потомъ ненавидя, козаки) отатарившіеся вновь бѣглецы культурнаго общества ютились подъ его широкою полой въ такихъ мѣстахъ, которыхъ до него никто не имѣлъ права, силы и смѣлости обратить въ населенныя. Нарушители закона и отверженцы прочно осѣдлыхъ корпорацій, защищенные отъ всякаго преслѣдованія однимъ именемъ Корибута Вишневецкаго, новаго козака Байды, были его *подданными* больше въ смыслѣ военномъ, чѣмъ экономическомъ. Они были его вассалы, его дружинники, и подъ его знаменемъ собиралось ихъ, въ видѣ охочихъ козаковъ, тысячъ по двадцати. Но своенравное, хищное, разбойное Запорожье мало-по-малу возымѣло на нихъ приманками и угрозами то самое вліяніе, какому подчинились козаки, такъ или иначе зависѣвшіе отъ Острожскаго. Добычники по ремеслу и образу жизни, принятые новымъ Байдою подъ его широкій щитъ, въ видахъ охраненія занимаемой ими земли отъ степной кочующей и осѣдлой граничащейся дичи, захотѣли жить на счетъ панскаго хозяйства, и стали смотрѣть на *своего князя*, какъ вольные „служебники“, а не какъ „подданные сутужники“,—стали такъ смотрѣть, какъ въ свое время архикозакъ Байда смотрѣлъ на Сулеймана Великолѣпнаго и на Ивана Грознаго. Негодуя на его экономическіе порядки, они, со времени Павлюковщины, стали оборачивать свои пищали, какъ противъ него самого, яко пана и „душмана“, такъ и противъ тѣхъ своихъ товарищей, которые больше вѣровали въ добычу плуга и мирнаго труда, нежели въ добычу меча и хищенія.

Князь Вишневецкій каралъ коронныхъ и своихъ собственныхъ бунтовщиковъ заодно съ Потоцкимъ, которому, какъ и Конецпольскому, служилъ правой рукой. Онъ думалъ властвовать надъ воинственными номадами по примѣру предковъ своихъ, которые, мѣняя въ отношеніи къ нимъ гнѣвъ на милость и милость на гнѣвъ, умѣли дѣлать ихъ ручными, какъ дикихъ степныхъ лошадей. Но взаимная вражда козаковъ и пановъ росла въ силу внутреннихъ недуговъ Рѣчи Посполитой, которые, по замѣчанію краковскаго воеводы, Любомирскаго, „чѣмъ вреднѣе, тѣмъ болѣе скрыты“, *) а презираемые Вишневецкимъ иноки,

*) Этотъ мудрый сенаторъ писалъ къ сеймующей шляхтѣ въ іюлѣ 1648 года: Трудно возстановить спокойствіе, „póki niezagoją się nie tylko powierzchowne, ale i wewnętrzne rany, które, im szkodliwsze, tém skrytsze“.

съ умысломъ и безъ умысла, давали козацкой ненависти къ окатоличенному потомку знаменитаго Байды санкцію вѣры. Указывая на отступничество князя Вишневецкаго и распространяя тревожные слухи даже насчетъ его дяди, кіевскаго митрополита, они, безъ всякихъ политическихъ замысловъ, дѣлили рѣзче и рѣзче украинское населеніе на пановъ и людей посполитыхъ, на злочестивую Ляхву и благочестивую Русь. Къ *панамъ* причисляли они, въ понятіи черни, всѣхъ жолнеровъ, состоявшихъ большею частью изъ православнаго простонародья, а къ *Ляхамъ*—всѣхъ землевладѣльцевъ и ихъ шляхетныхъ слугъ, не взирая на то, что многіе изъ великихъ домовъ сохраняли еще вѣру русскихъ предковъ своихъ, а служилая шляхта, подобно самому Хмельницкому и его отцу, не находила никакой выгоды въ томъ, чтобы мѣнять православнаго попа на католическаго ксендза, или на уніята.

Общая нужда въ защитѣ имуществъ и семействъ подавляла тогда въ Малороссіи всѣ прочіе житейскіе интересы. Не только козаки забывали свои досады на пановъ и на ихъ служилую шляхту, но даже такіе люди, которые, повидимому, не нуждались въ помощи магнатовъ-сосѣдей, такіе, которые граничились между собой изъ года въ годъ и тягались въ трибуналахъ за взаимные захваты,—прекращали старые счеты и вооружались вмѣстѣ противъ постояннаго врага колонизаціи—Татарина. Такъ въ 1643 году козацкій коммиссаръ, Николай Зацвилиховскій, подначальный Станиславу Конецпольскому, яко великому коронному гетману, водилъ козаковъ на помощь князю Іереміи Вишневецкому противъ 4.000-й Орды слѣпаго Умерли-аги и отбилъ у нея надъ Сулою, между Ревцемъ и Псломъ, ясыръ съ добычею, а въ 1644-мъ, Князь Іеремія съ 3.000 своего войска ходилъ на помощь Станиславу Конецпольскому противъ Тогай-бея и дѣйствовалъ такъ энергически, какъ и съ Потоцкимъ противъ козаковъ Остряницы и Гуни. То же самое вспомнимъ здѣсь и о другомъ поземельномъ сосѣдѣ Князя Іереміи, Адамѣ Киселѣ, интриговавшемъ въ послѣдствіи между правительственною шляхтою противъ его геройскихъ предпріятій. По фамильнымъ бумагамъ Ростишевскихъ, владѣльцевъ Липоваго въ Кіевщинѣ, эти два одинаково дѣятельные сосѣда граничились покозацки за свои осады и слободы, но противъ козаковъ дѣйствовали, кто во что́ былъ гораздъ, какъ противъ общихъ непріятелей.

Такъ дѣло шло у малорусскихъ колонизаторовъ до 1648 года. При первыхъ признакахъ новаго бунта Корибутъ Вишневецкій понялъ опасность своего колонизаторскаго поста на окраинѣ государства, въ странѣ дикой, и принялъ рѣшительныя мѣры для предупрежденія ка-

тастрофы. Нѣсколько десятковъ тысячъ самопаловъ, оборонявшихъ его колоніи отъ хищниковъ и пановъ сосѣдей, было отобрано имъ у своенравныхъ подданныхъ и сложено въ лубенскомъ арсеналѣ до поры до времени. Но не предвидѣлъ онъ, что Татары будутъ призваны казаками въ товарищи добычнаго промысла и впущены въ Городовую Украину именно тѣми, которые не менѣе землевладѣльческой шляхты были заинтересованы въ ея оборонѣ. Не могло прійти никому въ голову, чтобы перекопскій царь, два поколѣнія тому назадъ сгонявшій казаковъ съ Днѣпра по договору съ княземъ Острожскимъ для обоюднаго спокойствія мусульманъ и христіанъ, чтобы потомокъ Чингисъ-хана, гордившійся старшинствомъ рода своего передъ цареградскимъ повелителемъ правовѣрныхъ, чтобы тотъ, кто еще такъ недавно являлъ себя царемъ въ своихъ обычаяхъ,—унизился до панибратства съ бунтовщикомъ, кроющимся среди воровъ и горькихъ пьяницъ въ днѣпровскихъ камышахъ и плавняхъ. Самъ же онъ, этотъ Исламъ-Гирей, писалъ къ нему, князю Вишневецкому, недавно, увѣряя его въ своей дружбѣ и поступая царски относительно царственныхъ сосѣдей. Вдругъ все перевернулось къ верху дномъ. Запруда, сдерживавшая напоръ азіятской дичи на Христіанскую Землю, уничтожена вѣроломнымъ слугой знаменитѣйшихъ панскихъ домовъ, Жовковскихъ, Даниловичей, Конецпольскихъ. Цвѣтущая сельскимъ хозяйствомъ и промыслами половина королевства предана разбойникамъ. Завоеванія шляхетскаго меча и плуга достались безсмысленнымъ и безпощаднымъ руинникамъ.

Но Вишневецкій держался крѣпко на своемъ пограничномъ посту, и въ глубинѣ Рѣчи Посполитой на него смотрѣли какъ на спасительный устой отечества. Можетъ быть, онъ удержался бы на своемъ важномъ стратегическомъ пунктѣ и до конца. Онъ требовалъ подкрѣпленія во́-время. Но во́-время шляхетская республика не дѣлала ничего. По замѣчанію Адама Киселя, ея медлительность въ подобныхъ случаяхъ съ каждымъ годомъ увеличивалась. Считая этотъ порокъ своей правительственной братіи неисправимымъ, Адамъ Кисѣль, уже десять лѣтъ тому назадъ, предлагалъ свой проектъ правительственныхъ мѣропріятій, которыми была бы предотвращена и самая возможность повторенія Павлюковщины. Напрасная предусмотрительность! Быстрый разливъ козако-татарскаго нашествія по Кіевщинѣ, Подоліи и Волыни, отрѣзалъ Вишневецкаго отъ тѣхъ панскихъ владѣній, въ которыхъ все стояло еще на своихъ мѣстахъ.

Хмельницкій между тѣмъ доказывалъ справедливость распространившагося уже въ Польшѣ мнѣнія о талантливости коварнаго козака,

которою паны могли бы, да не умѣли воспользоваться. Коронный подчашій Остророгъ писалъ къ Оссолинскому о нашемъ Хмелѣ: „Великихъ способностей человѣкъ и воинъ по самой природѣ (dowcipu wielki ego i z natury żołnierz)". Читая такое донесеніе одного изъ ученѣйшихъ полководцевъ своихъ, Поляки должны были съ горечью вспоминать слова геральдика Папроцкаго, которыми онъ такъ разогорчилъ ихъ отцовъ и дѣдовъ: *) „Кто въ наше время въ чемъ бы то ни было превзошелъ Русака? Пошлете вы его въ посольство,—онъ исполнитъ посольство лучше, нежели *вы* ему прикажете. Между Русаками ищите полководца и добраго воина. Съ досадой слышитъ онъ совѣщанія о мирѣ". **)

Козацкій гетманъ отправилъ на *Татарскую* сторону Днѣпра (по милости Вишневецкаго, сдѣлавшуюся, какъ и правая сторона, *Русскою*) одного изъ своихъ полковниковъ, Кривоноса, по пѣснямъ-Перебійноса, бунтовать Вишневетчину и въ выборѣ своемъ показалъ тотъ же dowcip, который восхвалялъ Остророгъ. Эта была одна изъ тѣхъ личностей, симпатичныхъ для пьяной и свирѣпой толпы, которымъ украинскія разбойничьи пѣсни принесли полную дань своихъ дикихъ восторговъ.

Вишневетчина была готова къ бунту со временъ Павлюка. Но хозяйственность Князя Яремы сдерживала звѣрскіе инстинкты тѣхъ забродниковъ, которые, воруя, грабя, убивая, скитались въ видѣ гонимыхъ всюду волковъ, прошли широкое поприще панской колонизаціи изъ конца въ конецъ, и не бѣжали далѣе отъ новыхъ обязательствъ и новыхъ преступленій только потому, что далѣе бѣжать было некуда. За Ворсклом и Псломъ голоднаго скитальца подстерегалъ съ арканомъ и лыками Татаринъ, а Запорожье прогоняло забродниковъ въ Городовую Украину тѣмъ же самымъ голодомъ, который заставлялъ ихъ дѣлаться винниками, броварниками, будниками, могильниками, фигурирующими въ Иліадѣ козацкихъ разбоевъ. Среди народа работящаго и въ городахъ и въ селахъ, такъ называемые *гультаи, гайдары, нетяги* чувствовали себя въ самомъ непріятномъ положеніи: они были способны только *пліндрувати, руйнувати, въ пень рубати.*

Теперь пришелъ чередъ силѣ опустошающей выступить противъ силы производящей, во всеоружіи того безпутства, котораго начала

*) Книга Папроцкаго: „Panosza, to iest Wysławienie Panow Ruskich y Podolskich", была въ Польшѣ преслѣдуема, какъ и его гербовникъ.

**) Poślecie go w poselstwie, dobrze je odprawi,
Ledwie mu tak roskażą, jak on lepiey sprawi.
Tam pytay o Hetmanie, o dobrym Rycerzu,
Nie rad kiedy wotuią w Radzie o przymierzu.

кроются въ безпутствѣ шляхетскаго народа, бредившаго вольностью въ своей зависимости отъ каждаго сильнаго и дерзостнаго. Винники, броварники, лазники, будники, могильники, чабаны, пасѣчники и тѣ, которыхъ королевскія коммиссіи, съ 1617 года, требовали исключить изъ козачества подъ непонятными уже для насъ названіями *канкаюковъ, былачеевъ, балакезевъ, кафанниковъ*, вмѣстѣ съ ремесленною своевольною молодежью и промотавшеюся или обобранною своими ксендзами да монахами шляхтою,—отдѣлились отъ общества людей порядочныхъ, или, какъ говорилось тогда, *статѣчныхъ*. Внимая дерзкому призыву Кривоноса къ истребленію всѣхъ Ляховъ и Жидовъ, причемъ имѣлась въ виду не вѣра и національность, а зажиточность, гультаи принялись кривоносничать всюду, гдѣ пахло поживою, горілкою, безнаказанностью, и наводили ужасъ на тѣхъ, чьи выгоды были въ какомъ-либо отношеніи общими съ панскими.

Не довѣряя обезоруженнымъ подданнымъ, которыхъ недавно еще собиралось вокругъ него до 26.000 для демонстраціи передъ Крымомъ, Вишневецкій окружилъ себя только служилою шляхтою и разгонялъ гайдамацкіе загоны Перебійноса на пространствѣ отъ Ворскла до Трубежа, а пойманныхъ на *горячемъ учинкѣ* перебійносцевъ казнилъ тутъ же, какъ дѣлалъ Николай Потоцкій въ 1638 году. Но онъ, въ свою очередь, не принялъ во вниманіе важнаго обстоятельства, что въ рукахъ у него былъ мечъ католическій, и что самое безупречное право суда съ его стороны, какъ охранителя чести, собственности и личной безопасности гражданъ, было только новымъ ударомъ „Ляха“ по малорусскому сердцу. Церковная реторта таинственно, точно въ кельѣ алхимика, передѣлывала польскія добродѣтели въ пороки, а малорусскіе пороки—въ добродѣтели. Страхъ казни за бунтъ, за грабежи, насилія, разбой—уничтожался дикимъ крикомъ *за вѣру!* слышнымъ отъ Чигирина и Корсуня до Путивля и Сѣвска, отъ Путивля и Сѣвска до Смоленска и Дорогобужа, отъ Смоленска и Дорогобужа до самой Москвы. По малорусской пословицѣ: „у свіой хàті й куткѝ помагàють“, пренебреженному панами православію помогали,на его родной почвѣ, даже тѣ люди, которые не знали, въ чемъ состоитъ оно,—тѣ, которые были гораздо ближе къ исламу, нежели къ евангелію,—тѣ, которые изъ моралиста-протестанта дѣлали „Святаго Рея“, *) – тѣ, которыхъ,

*) По разсказу Кассіана Саковича, одинъ благочестивый попъ, развернувъ протестантское сочиненіе польскаго поэта Рея, обратился къ прихожанамъ со словами: „Панòве миряне, православні християне, послухайте лишъ казàния Святòго Рèя“, и по доносу католика, былъ привлеченъ за это къ суду.

по словамъ самихъ защитниковъ православія, чаще видали въ кабакѣ, нежели въ церкви. *) Чѣмъ энергичнѣе дѣйствовалъ Вишневецкій, чѣмъ усерднѣе подвигался онъ по камертону польскаго центра Варшавы, тѣмъ больше вѣсы таинственной судьбы склонялись въ сторону центра русскаго—Москвы. Безстрашный охранитель польской границы, врѣзавшейся въ московскую землю, онъ собственнымъ мечемъ указывалъ нашему народу дорогу въ Москву. Вишневецкій былъ похожъ на великана, пытающагося погасить вспыхнувшій пожаръ бурнымъ дуновеніемъ; но пожаръ, не „погашенный въ искрахъ", превзошелъ наконецъ великанскую силу: бурный духъ восточнаго маркграфа польскаго раздувалъ пламень международной вражды до бѣшенства. Такою представляется историку дѣятельность полонизованнаго Байдича въ конечномъ результатѣ своемъ. Каждый ударъ его геройской руки и все блестящее поприще воинской славы его въ эту гибельную для Польши усобицу—были не что̀ иное по своимъ послѣдствіямъ, какъ мимовольная служба русскому элементу, пренебреженному имъ ради польскаго.

Положеніе князя Вишневецкаго было еще трагичнѣе, чѣмъ оныхъ героевъ отпора антикультурной Татарщинѣ, о которыхъ знаменитый геральдикъ XVI вѣка писалъ, что они стояли на границѣ христіанскаго міра, какъ мужественные львы, и жаждали одной кровавой бесѣды съ невѣрными. Тѣ пролагали колонизаторамъ-панамъ дорогу въ обѣтованную землю, которой сами не увидѣли; а онъ создалъ цѣлое царство, текущее молокомъ и медомъ въ виду голодной Скиѳіи, — и люди, призванные имъ къ участію въ благахъ привольной жизни предпочли превратить его богатое хозяйствомъ княжество въ такую же голую и голодную Скиѳію, какъ та, которая лежала за Ворсклом съ одной стороны и за Тясминомъ—съ другой.

Окозаченные Хмельницкими да Перебійносами поселяне дѣйствовали на его колонизаціонную ассоціацію сильно прельщеніемъ, но еще сильнѣе—терроромъ. Попасть въ число ихъ жертвъ было страшно и безстрашному. Недаромъ ходили всюду разсказы о томъ, какъ сулиминцы казнили коменданта кодацкой крѣпости, а хмельничане—козацкаго коммиссара, Шемберка. Недаромъ и о самомъ Хмельницкомъ шла молва, что онъ собственноручно снялъ голову съ этого „нашійника". Не было той жестокости, которою бы не насладилось тогда безпощадное козацкое сердце. Если старожилъ нашего времени изоб-

*) Печерскій архимандритъ Захарія Копыстенскій сѣтуетъ въ своей „Палинодіи", что нашего попа чаще видали въ кабакѣ, нежели въ церкви (Автографъ Палинодіи хранится въ Варшавской библіотекѣ графовъ Красинскихъ).

разилъ намъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, гайдамаку Желѣзняка и Гонты, подавшаго крестьянской благотворительницѣ дитя ея на своемъ козацкомъ спи́сѣ (копьѣ) *), что́ дѣлали въ XVII столѣтіи хмельничане? и чего долженъ былъ ждать отъ кривоносовцевъ приверженецъ Князя Яремы? Имущество вѣрнаго Байдичу человѣка обрекалось расхищенію и пожару, его семья—позору и всевозможной тиранніи, а его жизнь, яко, „пáнського підлúзы“ и „Недоляшка“, могла быть обезпечена—или отчаянною защитою въ малочисленномъ ополченіи шляхтичей, или, гораздо вѣрнѣе, участіемъ въ кровавой оргіи козатчины. Попавъ между двухъ лагерей и слыша о баснословныхъ успѣхахъ бунта Хмельницкаго, не то́лько простолюдины, но и шляхтичи, преданные дотолѣ Вишневецкому, оставляли „своего князя“, и если не переходили подъ бунчукъ Перебійноса, то прятались въ сѣверскихъ трущобахъ до рѣшенія страшилищнаго спора между козаками и панами.

Разгоняя гайдамацкія шайки и карая своихъ измѣнниковъ съ той же завзятостью, которой отличались козаки, Вишневецкій дошелъ до Переяслава. Но усмиренный Конецпольскимъ, а черезъ семь лѣтъ Потоцкимъ, Переяславъ кипѣлъ уже бунтомъ. Въ немъ сидѣлъ достойный преемникъ изолганнаго полудикою малорусскою письменностью Тараса Трясила **), Перебійносъ, и готовился выйти навстрѣчу Князю Яремѣ, котораго шляхетное ополченіе таяло по мѣрѣ приближенія къ старому гнѣзду козатчины.

Вишневецкій очутился въ положеніи крайне опасномъ. Отрѣзанный отъ Кіевщины и Волыни, онъ смотрѣлъ подозрительно на своихъ пограничныхъ вассаловъ, на своихъ испытанныхъ дружинниковъ, и долженъ былъ опасаться всего худшаго. Не желая пасть въ безславномъ бою, или сдѣлаться жертвою козацкой тиранніи, все еще страшный для Перебійноса Князь Ярема отступилъ къ своимъ Лубнамъ и сталъ готовиться къ бѣгству въ другую Вишневетчину, колонизованную предками его,—на Горынь. Надобно было сперва обезпечить отъ козацкой свирѣпости обожаемую любовницу-жену, красавицу Гризельду, и тогда уже ринуться на бой съ чудовищемъ неслыханнаго бунта, очертя голову.

---

*) См. Кіевскую Старину 1887 года, январь, стр. 51.

**) Прозвище *Трясúло* дали Тарасу Ѳедорóвичу (по фамиліи шляхтичу) козаки, распускавшіе слухъ о своемъ торжествѣ надъ Конецпольскимъ. Ложное преданіе о *Тарáсовой Нóчи*, въ которую будто-бы Тарасъ Ляховъ *за чýба потрясъ*, дожило до нашего времени, и пущенъ въ ходъ новыми лѣтописцами да кобзарями.

Въ Лубнахъ принесли ему письмо Хмельницкаго. Истребитель панскаго войска принялъ за правило, подобно коварному Исламъ-Гирею, разсылать во всѣ стороны миролюбивыя письма, въ которыхъ не писался *милостію Божіею*, какъ въ сношеніяхъ съ московскими воеводами: раболѣпствуя передъ магнатами, смиренно называлъ онъ себя *старшимъ* Запорожскаго Войска и хлопоталъ о помилованіи, а между тѣмъ занималъ подъ козацкій присудъ города, разорялъ панскія имѣнія, вооружалъ новыя десятки тысячъ черни и велъ войну такими варварскими средствами, что его называли Тамерланомъ.

Многіе изъ магнатовъ поддались его хитрости, надѣялись войти съ униженнымъ ласкателемъ своимъ въ компромиссъ, не принимали крайнихъ мѣръ къ защитѣ имѣній, и этимъ убѣждали чернь въ своемъ безсиліи: того и желалъ Хмельницкій, на то и разсчитывалъ. Онъ хотѣлъ убаюкать и Вишневецкаго; но тотъ, не показывая вида, что потерялъ надежду устоять противъ Перебійноса, маскировалъ свое бѣгство военными приготовленіями и, взявши съ собой лишь нѣсколько походныхъ возовъ да 15 рукодайныхъ слугъ, оставилъ свое заднѣпровское княжество, въ которое не суждено уже было вернуться ни ему самому, ни его потомкамъ. Онъ объѣхалъ обнятое бунтомъ Заднѣпріе московскими сакмами, переправился на правый берегъ Днѣпра въ Любечѣ и отправилъ свою Гризельду съ сыномъ Михаиломъ, будущимъ польскимъ королемъ, черезъ Полѣсье, въ Вишивецъ. Въ Любарѣ присоединилась къ нему украинская шляхта, бѣжавшая изъ своихъ имѣній.

Описывая бѣгство Вишневецкаго, извѣстный уже намъ Натанъ Ганноверъ даетъ понять, почему Хмѣль и вообще козаки больше всего злились на короннаго хорунжаго, Александра Конецпольскаго, и на русскаго воеводу, Іеремію Вишневецкаго: тотъ и другой вели сельско-хозяйственные промыслы съ участіемъ Жидовъ. Не принимали козаки во вниманіе, что неспособность туземцевъ къ торговлѣ и промышленности искони была причиною привлеченія въ нашу Русь иноземныхъ выходцевъ, среди которыхъ Жиды и Армяне оставляли позади себя даже Нѣмцевъ. Эти двѣ народности внушали козакамъ особенную къ себѣ злобу, такъ что въ изображеніяхъ Страшнаго Суда козацкіе маляры на свиткѣ, исходящемъ изъ устъ Судіи судей, писали слова: „Жиды и Вірме́не! идіте въ му́ку вічну відъ мѐне“. Напротивъ хозяйственное жидолюбіе Вишневецкаго Натанъ Ганноверъ изображаетъ слѣдующими словами:

„Въ это смутное время находился князь Вишневецкій,—да будетъ память о немъ благословенна! — со своимъ войскомъ тамъ за

Днѣпромъ. Онъ чрезвычайно любилъ Жидовъ, отличался безподобными военными доблестями, но и онъ убѣжалъ со своимъ ополченіемъ, по направленію къ Литвѣ. Съ нимъ же убѣжало около пяти тысячъ домовладѣльцевъ Жидовъ съ своими семействами. Вишневецкій оказывалъ имъ бдительную охрану, пока не привелъ ихъ къ желанному мѣсту, напримѣръ: когда бѣжавшимъ угрожала опасность сзади, онъ приказывалъ Жидамъ идти впереди всѣхъ; если же чуяли опасность впереди, то Жидамъ велѣлъ идти за войскомъ, дабы оно служило имъ защитою".

Глава XVI.

Геройскій духъ Шляхетскаго Народа въ лицѣ ополченнаго Русича.—Безсознательная работа отступниковъ русскаго элемента въ пользу Россіи.—Православный миротворецъ между панами сенаторами.—Отсутствіе патріотизма.—Безнравственный контингентъ козатчины.—Соперничество магнатовъ-доматоровъ съ колонизаторами.—Каптуровый сеймъ.—Тріумвиратъ.—Вопросъ о вѣрѣ.—Шляхетская Украина.—Обманувшіеся въ своихъ надеждахъ миротворцы.

Не прошло тогда еще и мѣсяца послѣ погрома панскаго войска, а козакотатарскіе загоны достигали уже Горынь и Случи. „Знай, Лѣше, по Случъ нàше"! кричали козаки, забывая, что *наше* значило *козакотатарское*. Но Житомиръ, опора кіевскаго Полѣсья, еще держался. Онъ былъ переполненъ сбѣжавшеюся отовсюду шляхтою, оплакивавшею свои великія утраты. Вишневецкій появился въ ея средѣ, какъ ангелъ отмщенія за козацкія злодѣйства. Въ упадшемъ духѣ мѣстнаго общества произошла реакція. Нашлись и деньги для сбора войска, явились и предпріимчивые люди. Покамѣстъ, и самъ князь далъ заимообразно нѣсколько тысячъ злотыхъ на ополченіе. Въ качествѣ русскаго воеводы, Вишневецкій послалъ призывные универсалы во Львовъ, извѣщая, что Татары скоро придутъ въ Польшу великою ордою, подъ предводительствомъ самого хана. Онъ требовалъ отъ соотечественниковъ усилій чрезвычайныхъ. Онъ умолялъ понять великость угрожающей опасности.

Но это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Правители шляхетскаго народа находились въ нравственномъ оцѣпенѣніи. По словамъ знаменитаго краковскаго воеводы, который пѣлъ уже свою лебединую пѣсню, шляхтѣ казалось, что цѣлость отечества зависитъ отъ усмотрѣнія непріятеля (na szczèrèj dyskrecyèj nieprzyiacielskièj zda się zostawać incolumitas patriae). Вмѣсто того, чтобы приготовленіями къ войнѣ достигнуть мира, шляхта искала его въ миролюбивыхъ сношеніяхъ, со стороны Хмельницкаго коварныхъ.

Главнымъ представителемъ партіи миротворцевъ явился брацлавскій воевода Адамъ Кисѣль. Письмомъ отъ 12 (2) іюня онъ обратился къ страшному бунтовщику отъ имени общаго отечества, которому, де въ вольностяхъ и свободахъ нѣтъ равнаго въ свѣтѣ. „Въ нашемъ свободномъ государствѣ“ (писалъ онъ) „легче домогаться того, что у кого болитъ, а потерявъ его, не найти уже другаго такого ни въ Христіанствѣ, ни въ Поганствѣ. Всюду неволя; одна только Корона Польская славится вольностями.

И тутъ же этотъ жалкій объѣдокъ іезуитства говоритъ, что изъ всего польскорусскаго народа онъ *одинъ* сенаторствуетъ въ Польской Коронѣ, „держа на своихъ плечахъ наши древности святой церкви“. Столь же некстати вспомянулъ онъ при этомъ и о кровопролитныхъ Кумейкахъ, гдѣ онъ „не обагрилъ де никогда рукъ своихъ христіанскою кровью козацкою“. То и другое, по его мнѣнію, должно было внушить Запорожскому Войску полное къ нему довѣріе. Онъ дружески совѣтовалъ Хмельницкому отправить Татаръ, а это значило—обезоружить себя въ виду раздраженныхъ землевладѣльцевъ, и брался примирить его съ предержащею властью, какъ сановникъ, безъ котораго де „не можетъ быть постановлено ни войны, ни мира“.

Хмельницкій отписалъ ему на другой же день изъ Бѣлой Церкви, будто бы велѣлъ Ордѣ вернуться (куда, не сказано), „униженно“ просилъ предстательствовать о возвращеніи козакамъ старыхъ войсковыхъ вольностей, и, „если мы *въ самомъ дѣлѣ*“ (писалъ онъ) „осиротѣли всѣ по смерти его королевской милости, нашего милостиваго пана“, удостоить его (Хмельницкаго) своимъ посѣщеніемъ, чтобы онъ могъ переговорить съ паномъ воеводой обо всемъ устно, воспользоваться его мудрымъ совѣтомъ и узнать, кого Рѣчь Посполитая желаетъ имѣть своимъ королемъ.

Это значило, что козаку хотѣлось только допросить велерѣчиваго сенатора обо всемъ ему нужномъ, а, пожалуй, задержать у себя человѣка, доставлявшаго панамъ свѣдѣнія о козацкихъ дѣлахъ. Но Киселю, по пословицѣ, „показались и козы въ золотѣ“. Онъ хвалился примасу, что Pan Bòg черезъ него, нижайшаго изъ сыновъ отечества, устранилъ кровавую радугу и остановилъ междоусобную брань (internum bellum), а въ заключеніе краснорѣчиваго письма просилъ его отеческой и всѣхъ пановъ братій милости, чтобы никто „не отнималъ у него этой вѣрной службы“, и чтобъ она не осталась „безъ памятника любви къ отечеству (absque monumento pietatis ku ojczyznie)“.

Когда князь Вишневецкій появился на правой сторонѣ Днѣпра, православный патріотъ Польши хвалился и ему, что убѣдилъ Хмель-

ницкаго къ примиренію, причемъ послалъ ему копію своей переписки съ примасомъ и короннымъ канцлеромъ о томъ, какъ бы что называется по малорусски *уждьжать* бунтовщика.

Но патріотизмъ окатоличеннаго Русина былъ совсѣмъ инаго рода. Вишневецкій отвѣчалъ Киселю такъ:

„Я, напротивъ, долженъ плакать (ingemiscere) о томъ, что не могъ раньше ополчиться съ квартянымъ войскомъ на истребленіе этихъ ядовитыхъ чудовищъ, которыхъ измѣнники и бунтовщики извергли теперь на Рѣчь Посполитую. Глядя на горестное положеніе республики, въ которой господствуютъ рабы, и невольники плебеевъ (servi et mancipia plebejorum), съ изумленіемъ болѣю сердцемъ и о томъ, что, обогатясь на счетъ братій нашихъ и причинивъ ей такое поруганіе, эти чудовища, за то, что растерзали утробу государства, еще мечтаютъ о наградѣ и удовлетвореніи. О, лучше было бы умирать, нежели дожить до такого времени, когда слава нашихъ великихъ народовъ такъ страшно искажена,—дожить до такой невозвратимой утраты въ нашей Коронѣ! Не могу хвалить принимаемыхъ по этому предмету мѣръ: могу вѣрно судить лишь о томъ, какъ наилучше воспользоваться временемъ. Но чтобы вести съ ними переговоры о примиреніи, не вижу никакого основанія,—развѣ хотите, чтобы вкоренившаяся въ этихъ рабскихъ сердцахъ отвага не покинула ихъ до новаго бунта, и чтобы ихъ притязанія возрастали съ каждымъ разомъ больше и больше. Если Рѣчь Посполитая покроетъ вѣчнымъ забвеніемъ громадныя, безпримѣрныя въ прошедшемъ раны, нанесенныя этими измѣнниками, то ничего не можетъ ожидать въ будущемъ, какъ только крайнихъ несчастій и гибели. Кто бы могъ поступить болѣе враждебно съ отечествомъ, какъ поступили тѣ, которые продаютъ его язычникамъ, которые шляхетскую кровь разливаютъ, какъ воду, и уничтожаютъ стражей коронныхъ границъ? Вы хлопочете съ такимъ жаромъ о томъ, чтобы вознаградить насъ за пролитую кровь нашихъ братій и возстановить честь отечества: въ этомъ я увѣренъ. Но достойны ли такіе люди пользоваться его благодѣяніями? Если послѣ истребленія коронаго войска и плѣненья его гетмановъ Хмельницкій будетъ вознагражденъ и останется съ этимъ гультайствомъ при старыхъ вольностяхъ, я не хочу жить въ этомъ отечествѣ, и лучше намъ умереть, нежели допустить, чтобы язычники и гультаи господствовали надъ нами“.

Прошло недѣли двѣ. Хмельницкій, отписавъ немедленно Киселю, задержалъ у себя его посланца, а посланцемъ Киселя былъ старецъ состоящаго подъ его патронатомъ монастыря въ Гощѣ, отецъ Патро-

ній Ляпко, котораго онъ, въ письмѣ къ примасу, называлъ своимъ конфидентомъ и шляхтичемъ добрымъ.

Добрымъ шляхтичемъ, какъ это мы помнимъ, называли паны и того монаха, который, въ Павлюковщину, сослужилъ имъ службу соглядатая. Человѣка, прикосновеннаго такъ или иначе къ панскимъ интересамъ, козакамъ слѣдовало задержать.

Двѣ недѣли загадочнаго отсутствія конфидента охладили киселевскую любовь къ отечеству и мечты о памятникѣ панскому *пietизму*. Въ письмѣ къ примасу отъ 30 (20) іюня Кисѣль является передъ нами печальнымъ историкомъ кроваваго момента.

Изъ этого письма мы узнаёмъ, что паны, такъ сильно повліявшіе на поступки короннаго гетмана въ противность повелѣніямъ короля, до тѣхъ поръ совѣщались между собой о контингентахъ, пока 60.000, или даже болѣе, непріятельскаго войска не захватили его съ малочисленной арміей. Потомъ узнаёмъ, что въ день Корсунскаго погрома подошли къ Потоцкому люди князя Любомирскаго да самого Киселя. „Орда ѣхала на нихъ до самой Бѣлой Церкви", пишетъ онъ. Такимъ образомъ паны происхожденія русскаго, Вишневецкій, Любомирскій, Кисѣль, оказались единственными слугами польскаго отечества въ его крайности.

Далѣе Кисѣль нашъ повѣствуетъ о видѣнномъ и слышанномъ такъ:

„Лишь только разнесся слухъ, что войска и гетмановъ уже нѣтъ, а Орды идетъ при козацкомъ таборѣ 60.000, тотчасъ вся Украина, Кіевское и Брацлавское воеводства, бѣжали передъ такимъ гвалтомъ и силою непріятельскою, бросая дома свои и дорогіе залоги любви (cara pignora); а непріятель, войдя въ нѣдра (in viscera) государства, распустилъ всѣ свои загоны. Города опустѣли. Полонное, Заславъ, Корецъ, Гоща сдѣлались Украиною (Ukrainą zostały); а нѣкоторые помѣщики, не опершись и здѣсь, разбѣжались въ Олыку, Дубно, Замостье. Ни одинъ шляхтичъ не остался. Осталась только чернь. Одна часть ея пошла къ этому Хмельницкому, и нѣсколько тысячъ войска его обратила въ нѣсколько десятковъ тысячъ, а другая часть, будучи увѣрена (freta), что съ нею ничего не случится, осталась беззаботно по домамъ. Но и этимъ Орда, когда они выходили изъ мѣстечекъ привѣтствовать ее, сдѣлала такой привѣтъ, что во многихъ мѣстахъ высѣкла въ пень. Только тогда начали бѣжать ото всего добра и хлопы. Такимъ образомъ Татары возвращались къ своему кошу и къ табору Хмельницкаго подъ Бѣлую Церковь, обремененные добычею. А что дальше будетъ, слушаемъ только да выглядываемъ. Различныхъ до-

бываемъ языковъ: одни пойманные изъ тѣхъ загоновъ Татары говорятъ, что присягли другъ другу оставаться до зимы; а другіе, что, кончивъ это посѣщеніе (odprawiwszy gościnę), Татары хотятъ идти въ Волощину, а козаки—къ Днѣпру. Теперь уже не можемъ имѣть никакой помощи изъ Кіевщины, Подоліи, Брацлавщины; только изъ Волыни взываемъ къ остающейся въ тылу братіи. Но и тѣхъ трибуналъ задержалъ до сихъ поръ несчастными судами, не обращая вниманія на огонь, который охватилъ уже большую часть Республики (magnam Reipublicae partem). Такимъ образомъ не остается никакой надежды устоять противъ непріятеля, находящагося въ (ея) нѣдрахъ (in visceribus): сила его возросла до 200.000 Орды и козаковъ".

Сидя на чеку въ своей Гощѣ, вспоминалъ Кисѣль и о Кумейкахъ, которыми съ притворною наивностью закрывался отъ козацкой мести. Теперь писалъ онъ къ временному главѣ государства—примасу:

„Что сдѣлаетъ мое увѣщаніе, и какъ обойдутся съ моимъ конфидентомъ, жду между надеждой и страхомъ. Хоть я всегда старался снискать у козаковъ довѣріе на случай бѣды, но боюсь, чтобъ они не припомнили мнѣ кумейскаго предпріятія; они тамъ поддались по моей присягѣ, которою увѣрилъ я ихъ, что жизнь ихъ вождей будетъ пощажена, но этого (въ Варшавѣ) не исполнили".

И всё-таки вѣровалъ онъ въ силу своего хитроумія; всё еще надѣялся, что укоськалъ своимъ посольствомъ бунтовщика и размягчилъ его, какъ воскъ (albo uczyni reflexyą ten rebellis tą moją legacyą liquefactus i uglaskany, albo, strzeż Boże procedet ultra):

Въ томъ же письмѣ къ примасу сенаторъ, безъ котораго „не могло быть постановлено ни войны, ни мира", ознаменовалъ себя мудрымъ совѣтомъ—избрать главнокомандующимъ будущаго панскаго войска богатѣйшаго, неспособнѣйшаго и трусливѣйшаго изъ польскорусскихъ пановъ, сендомирскаго воеводу, князя Доминика Заславскаго, наслѣдника богатствъ и нравственной несостоятельности нашего „святопамятнаго" князя Константина-Василія Острожскаго.

Сеймики въ покинутыхъ воеводствахъ находилъ онъ невозможными, потому (писалъ онъ), что „воевода кіевскій (Тишковичъ) находится въ Дубнѣ; я въ Винницу не могу ѣхать (въ такое время), когда помѣщики разбѣжались и непріятель преградилъ путь. Самъ князь Вишневецкій отступилъ къ Драгину. Одни хлопы сеймикуютъ, или лучше—бунтуютъ въ покинутыхъ провинціяхъ".

Въ заключеніе письма, Кисѣль называлъ себя нищимъ и сѣтовалъ, что „теперь мало кто думаетъ объ отечествѣ".

Это было писано 30 (20) іюня. Черезъ 17 дней литовскій канцлеръ писалъ въ своемъ дневникѣ о грозномъ положеніи дѣлъ въ отечествѣ, о которомъ *теперь* мало кто думаетъ,—о томъ, что и въ Литвѣ собралось уже 12.000 хлоповъ, которые сожгли, разграбили, вырѣзали нѣсколько селъ, мѣстечекъ, городовъ, потомъ—о свирѣпыхъ подвигахъ Перебійноса въ Винницѣ, о приближеніи козацкой орды къ Волыни, и наконецъ замѣтилъ, какъ и Кисѣль: „однакожъ все это не произвело у насъ движенія: всѣ дѣла шли медленно".

Не мудрено было Хмельницкому прослыть человѣкомъ wielkiego dowcipu и военнымъ геніемъ въ такомъ государствѣ, гдѣ каждый думалъ только о себѣ и въ годину страшной опасности хлопоталъ, чтобы его любовь къ отечеству „не осталась безъ памятника".

Пока паны сносились между собой да готовились вяло къ отраженію татаро-козаковъ, князь Вишневецкій соединилъ вокругъ себя раздраженную козацкими злодѣйствами шляхту, вооружилъ наскоро преданныхъ ему подданныхъ, — тѣхъ подданныхъ, которыхъ отцы и дѣды ходили съ Байдою въ Туретчину, Московщину, въ Волощину,— и ринулся на козацкіе загоны, свирѣпствовавшіе въ шляхетскихъ добрахъ. Ожесточеніе шляхты взяло тогда самый дикій аккордъ съ козацкимъ „звѣрствомъ",—и вышелъ адскій концертъ взаимныхъ убійствъ и терзаній.

Малорусскіе историки въ особенности налегаютъ на жестокосердіе князя Вишневецкаго въ этомъ случаѣ. Но то, что дѣлали козаки съ панами, ксендзами, Жидами, съ женщинами и дѣтьми, было чудовищно до невѣроятности. Напримѣръ, Ганноверъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ вотъ какіе ужасы:

„Жители множества жидовскихъ городовъ за Днѣпромъ, Переяслава, Борисовки, Пырятина, Борисполя, Лубенъ, Лохвицы, не имѣвшіе возможности бѣжать, были умерщвлены за вѣру разными жестокими видами смерти. Съ нѣкоторыхъ содрали кожу заживо, а тѣло бросили собакамъ; нѣкоторымъ отрубили руки и ноги, и бросили на дорогѣ, потомъ ѣхали по нимъ возами; нѣкоторымъ нанесли множество несмертельныхъ ранъ и бросили на площади, дабы они мучились въ предсмертной агоніи, пока не испустятъ духъ; многихъ закопали живыми въ землю; рѣзали дѣтей на лонѣ матерей; множество дѣтей разорвали въ куски; беременнымъ женщинамъ распарывали животъ, вынимали недоношенный плодъ и бросали имъ же въ лицо, а нѣкоторымъ, распоровши животъ, впускали туда живую кошку, и животъ зашивали; а имъ рубили пальцы, дабы не могли вынуть кошку; нѣкоторыхъ дѣтей привязывали къ сосцамъ матерей; нѣкоторыхъ наса-

живали на вертелъ, жарили на огнѣ, а потомъ заставляли матерей ѣсть ихъ. Иногда брали жидовскихъ дѣтей, мостили ими улицы и ѣздили по нимъ... На подобіе сказаннаго они дѣлали вездѣ, куда только достигали, и даже съ Поляками, а преимущественно съ ксендзами", и пр. и пр.

Другой современный Жидъ-мемуаристъ, Егоша, сынъ львовскаго раввина, въ книгѣ своей „Бѣдствія Временъ" *), описалъ тираннію, претерпѣнную Жидами отъ козаковъ въ 1648 и 1649 годахъ, еще въ болѣе, если возможно, ужасномъ видѣ. По его разсказу, козаки, допытываясь у Жидовъ, гдѣ они спрятали клады, сдирали съ живыхъ кожу; бросали Жиденятъ въ ямы, откуда нѣсколько дней были слышны ихъ крики и стоны. Въ Барѣ кололи младенцевъ, варили, жарили и съѣдали ихъ въ присутствіи матерей. Въ Полонномъ избили столько Жидовъ, что кровь лилась черезъ окна. Убивая при этомъ Жиденятъ, козаки предварительно ощупывали ихъ, жирны ли они, а потомъ насмѣшливо осматривали ихъ внутренности (какъ дѣлаютъ раввины при убіеніи животныхъ), разрѣзывали найденнаго *кошернымъ* Жиденка на куски, продавали, какъ говядину, и пр. и пр. и пр.

Извѣстный въ кобзарской Иліадѣ подъ именемъ Перебійноса гайдамака Кривоносъ, выпустивъ Князя Ярему изъ заднѣпровскихъ колоній, взялъ на себя задачу—доѣхать его въ старыхъ панскихъ осадахъ. Но здѣсь народъ былъ устойчивѣе. Не всѣ здѣсь бросились на кровавый пиръ. Козацкій терроръ дѣйствовалъ на мужиковъ и на мѣщанъ почти такъ же слабо, какъ и въ Наливайщину. Притомъ же столпившаяся вокругъ Вишневецкаго шляхта потеряла характеръ помѣщиковъ-бѣглецовъ. Она напоминала тѣхъ жолнеровъ, которые вмѣстѣ съ нимъ ломились въ таборъ Гуни на Сунѣ и стояли въ ночной битвѣ противъ Филоненка на Старцѣ Днѣпрѣ. Козакъ Аяксъ не смѣлъ напасть на магната Гектора въ открытомъ полѣ. Онъ елѣдилъ за движеніями яростной шляхты изъ лѣсныхъ да болотныхъ зарослей и „залегалъ" на нее въ мѣстахъ, подобныхъ Княжимъ Байракамъ да Крутой Балкѣ.. Но всѣ его козацкія залеганья и полученные отъ Хмеля уроки были напрасны. Вишневецкій стряхивалъ съ себя рои насѣдавшихъ на него гайдамакъ и, гоня передъ собой дикія ватаги, прошелъ невредимо до Немирова.

Это былъ родовой городъ Вишневецкихъ, основанный еще въ тѣ

---

*) Переводъ съ еврейскаго напечатанъ въ „Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ," 1859 года, кн. I.

времена, когда колонизаторы малорусскихъ пустынь смотрѣли на *миръ* съ невѣрными гордо и жаждали только „кровавой съ ними бесѣды". Теперь онъ былъ во власти хмельничанъ, какъ Пиковъ да Брацлавъ у наливайцевъ, и не впустилъ своего князя въ укрѣпленія, которыми прикрыли его отъ Орды предки Байдича. Вишневецкій взялъ непокорный городъ приступомъ, разсѣялъ козаковъ, безпощадно казнилъ многихъ мѣщанъ своихъ, обезпечилъ, какъ ему казалось, ихъ покорность и, оставивъ среди нихъ, шляхетскій гарнизонъ, двинулся далѣе. Но едва немировцы оплакали своихъ мертвыхъ, какъ снова къ нимъ нахлынули козаки, и снова подданные Вишневецкаго сдѣлались хмельничанами.

Узнавъ объ этомъ, Князь Ярема вернулся на свои слѣды, чтобы показать примѣръ казни необыкновенной. Но угрожаемые козаками его союзники просили его спасать Махновку. Едва онъ выбилъ козацкую орду изъ Махновки, какъ напалъ на него съ тылу Кривоносъ. Не успѣлъ онъ отразить Кривоноса, какъ прибѣжала къ нему толпа волынской шляхты съ мольбой о защитѣ Полоннаго. На этотъ новый подвигъ не хватило силъ у Вишневецкаго. Пока онъ занимался новой вербовкою, Кривоносъ вломился въ Полонное и произвелъ страшную бойню надъ укрывшимися тамъ шляхетскими и жидовскими семьями. Князь Ярема спѣшилъ уже съ обновленными силами на защиту Полоннаго и, можетъ быть, уменьшилъ бы громкую донынѣ въ слѣпой Украинѣ славу Перебійноса; но подъ Старымъ Константиновымъ загородилъ ему дорогу Остапъ Половьянъ, присланный въ помощь Перебійносу отъ Хмельницкаго. Битва была упорная. Половьянъ стоялъ крѣпко, но наконецъ былъ сломленъ и взятъ въ плѣнъ. Поздно было тогда спасать женщинъ и дѣтей въ Полонномъ. Въ виду побѣдителей Половьяна появился завоеватель Полоннаго, Кривоносъ. Вишневецкій сдѣлалъ искусное движеніе къ Случи и на переправѣ черезъ Случи разбилъ Кривоноса на голову.

Но успѣхи не радовали его. На пыткѣ Половьянъ показалъ,—что Хмельницкій наступаетъ, слѣдомъ за своими предтечами, съ громаднымъ войскомъ; что онъ ведетъ за собой стотысячную Орду; что козаки хотятъ идти съ Татарами за Бѣлую Рѣку, то есть за Вислу. Не рѣшился Вишневецкій ждать Хмельницкаго надъ Случью съ отважнымъ, но малочисленнымъ ополченіемъ своимъ. Онъ удалился въ крѣпкій и надежный городъ Збаражъ. Оставленныя на свободѣ, передовыя полчища Хмельницкаго опустошили Корецъ и Межиричъ. Мѣстечко Межибожье, принадлежавшее Сѣнявскому, сопротивлялось козакамъ упорно, но наконецъ сдалось и, къ удивленію шляхты, было поща-

жено: сдѣлка Тогай-бея съ Сѣнявскимъ спасла его мѣстечко отъ разоренія.

Покрывъ себя незабвенною славою кровопролитія въ Полонномъ, Кривоносъ двинулся къ Подольскому Каменцу. Но тамъ ему не посчастливилось. Онъ ограничился опустошеніемъ окрестностей, густо заселенныхъ мелкопомѣстною шляхтою. Подольскіе землевладѣльцы, привычные къ отраженію Татаръ собственными средствами, оборонялись мужественно и въ одной схваткѣ взяли въ плѣнъ нѣсколько козаковъ. Оказалось, что это были не козаки, а карпатскіе *опришки*, или разбойники. Слухъ объ удачномъ бунтѣ Хмельницкаго привлекалъ отовсюду въ козацкія купы людей одного и того же сорта.

Прочимъ руинникамъ, подобнымъ Кривоносу, на сей разъ посчастливилось больше. Они овладѣли городами Луцкомъ, Кременцемъ, Клеванью, Тайкурами, Владиміромъ, Кобриномъ, Заславлемъ, повторяя всюду кровавыя и гнусныя сцены своего господства. Разорили козаки и мѣстечко сенатора православника, Гощу, наравнѣ съ мѣстечками и городами другихъ православныхъ пановъ. Не пощадили они и знаменитаго города Острога, на который столько лѣтъ были обращены взоры тѣснимаго папистами малорусскаго духовенства съ отрадными упованіями; не пощадили и Литовскаго Бреста, иначе Береста, котораго мѣщане и попы стали въ упоръ церковной уніи и сдѣлались первыми жертвами правосудія восторжествовавшихъ папистовъ.

Далѣе Береста разбой козацкій не проникнулъ въ Бѣлоруссію. Тамъ было мало людей кочевыхъ, бродячихъ, безсемейныхъ, а потому было мало и пособниковъ козацкой пропаганды. Возмущеніе черни дѣйствовало тамъ слабо; самозащита шляхты проявлялась энергично. Ибо общую черту успѣховъ Хмельнитчины составляло то обстоятельство, что города и села предавали козакамъ ихъ соумышленники. Не войты, не бурмистры, не райцы и лавники, не церковные и цеховые братчики, не осѣдлые и *статѣчные* люди какого-либо сословія, званія и вѣроисповѣданія являлись козацкими соумышленниками до Хмельницкаго и при Хмельницкомъ, а тѣ, которыхъ современныя письмена просто-на-просто называютъ пьяницами, повѣсами и негодяями. Этотъ многочисленный классъ польскорусскаго населенія Малороссіи, извѣстный подъ именемъ гультаевъ, вырабатывался изъ простолюдиновъ и шляхтичей, которыхъ отъ сельскихъ общинъ и сельскихъ хозяевъ увлекали къ себѣ городскія забавы и буйства. Спившіеся съ круга, запутанные въ долги, въ тяжбы, въ уголовныя дѣла, разоривъ свои семьи и сдѣлавшись врагами тѣхъ, кого жизнь и природа давали имъ въ друзья, въ помощники, въ руководители, они сперва дѣлались агента-

ми запорожскихъ соблазновъ среди своего общества и его молодежи, а потомъ — предателями своихъ согражданъ. И вотъ какимъ путемъ наши мѣщане входили въ широко-разлившійся потокъ разбоя и разврата, извѣстный намъ отъ нашихъ историковъ подъ именемъ борьбы козаковъ за православную вѣру и русскую народность!

Но это горестное явленіе вытекало не изъ общественнаго безпутства русскихъ людей, оставленныхъ историческими причинами за предѣлами гражданственнаго вліянія Москвы. Конечно, въ немъ отразилась наслѣдственная дикость разореннаго и порабощеннаго Батыемъ края, въ которой Малоруссы были способны воспринять и отъ кочевыхъ, и отъ гражданственныхъ сосѣдей своихъ одно худшее; но, еще очевиднѣе, оно было продуктомъ общихъ грѣховъ Шляхетскаго Народа, который выработалъ безпутное и безпощадное *козачество* въ привилегированной средѣ своей еще въ тѣ времена, когда это слово не получило національно-русскаго значенія.

Въ эпоху Хмельницкаго дѣленіе всего населенія малорусскихъ (а это значитъ вообще русскихъ) провинцій Польши на козаковъ и не-козаковъ принимало всё болѣе и болѣе грозные размѣры, какъ отъ малодушной уступчивости однихъ землевладѣльцевъ, во главѣ которыхъ, въ качествѣ примирителя, стоялъ православный Русинъ, Адамъ Кисѣль, такъ и отъ великодушной рѣшимости другихъ, вождемъ которыхъ сдѣлался католикъ Русинъ, Іеремія Вишневецкій. Успокоивая людей добрыхъ, поблажливыхъ, вялыхъ и боязливыхъ своими миролюбивыми, жалобными и льстивыми письмами, Хмельницкій козацкіе разбои и необходимость быть въ союзѣ съ Татарами оправдывалъ свирѣпыми, какъ онъ представлялъ, дѣйствіями князя Вишневецкаго, а между тѣмъ собралъ, какъ было слышно, до 200.000 войска, готоваго стереть съ лица земли и самый слѣдъ колонизаціонныхъ панскихъ трудовъ, причемъ волей и неволей позволилъ Татарамъ увести въ Крымъ столько же, если не больше, рабочаго народа, не принимавшаго участія въ козакотатарскихъ набѣгахъ.

Князь Іеремія понималъ истребительную политику Хмельницкаго яснѣе, нежели кто-либо изъ его правительственныхъ товарищей, и ломалъ руки, глядя на крушеніе государства, составлявшаго оплотъ Западной Европы отъ азіятскаго нашествія. Напрасно слалъ онъ гонцовъ за гонцами къ панамъ, которые могли бы еще остановить разливъ кочевниковъ, когда бы выдвинули противъ нихъ рессурсы гражданственности. Его сенаторская и воинская репутація стояла высоко у однихъ; но зато другіе въ тайнѣ радовались подрыву его могущества въ Рѣчи Посполитой и напирали на уступчивость въ борьбѣ съ козаками

только для того, чтобъ козаки поуменьшили прыть и ему, и другимъ колонизаторамъ юго-восточныхъ пустынь. Старое соперничество привислянскихъ доматоровъ съ воинственными и предпріимчивыми маркграфами продолжало развиваться на гибель Польши, не подчинявшейся никакому положительному правительству даже и въ виду общаго врага всѣхъ партій.

Такъ было и у насъ во времена нашествія Батыева. Мы получили тогда хорошій урокъ для строенія той государственности, которою теперь гордимся въ своемъ возсоединеніи съ Великоруссами. Но къ Польшѣ, вмѣстѣ съ нашей землей, перешелъ и тотъ своенравный, разъединительный духъ нашихъ малорусскихъ предковъ, который сдѣлался причиною постигшаго ихъ Татарскаго Лихолѣтья. Еще задолго до повторенія Наливайщины, въ видѣ Жмайловщины, правительство Сигизмунда III называло козацкое своевольство, подъ именемъ swawoli Ukrainnèj, страшнымъ пожаромъ и убѣждало пановъ гасить этотъ пожаръ совокупными средствами. Теперь онъ былъ въ полномъ разгарѣ, и паны раздували его въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ.

Интересенъ за это время, какъ и всегда, дневникъ литовскаго канцлера. Почтенный предводитель католической партіи, потомокъ православныхъ князей Радивиловъ, сознается, что въ іюнѣ 1648 года Польша „едва дышала отъ боязни“. Самъ онъ искалъ спасенія отъ наступавшей грозы у чудотворнаго образа Przenajświętszéj Matki, который славился чудесами въ его селѣ Песочнѣ, окрещенномъ въ Пясечню. Цѣлый мѣсяцъ іюнь, послѣдовавшій за Корсунской катастрофою, пройденъ у него молчаніемъ о томъ, что дѣлалось въ землѣ, текущей молокомъ и медомъ. Онъ былъ—точно ребенокъ, зажмурившій глаза у груди матери, или, пожалуй, страусъ, воткнувшій голову въ песокъ. Іюля 1 Альбрехту Станиславу Радивилу исполнилось 55 лѣтъ. Онъ усердно молился о своихъ грѣхахъ въ костелѣ „своей благодѣтельницы“, всё той же чудотворной иконы, а потомъ съѣздилъ въ Пеплинъ, въ монастырь Св. Бернарда, „особеннаго любимца Пресвятой Дѣвы (osobliwego kochanka Najświętszéj Panny), поручая его предстательству несчастное королевство“.

Вотъ она, та безпомощность въ трудныхъ обстоятельствахъ, тотъ недостатокъ самодѣятельности, которые были въ польскихъ панахъ, говоря о нихъ вообще, результатомъ клерикальнаго и іезуитскаго воспитанія! Магнатъ Радивилъ умѣлъ заставить короля Владислава нарушать монаршее обѣщаніе, умѣлъ отказывать ему въ приложеніи канцлерской печати, смѣлъ наставлять его, чтобъ онъ, присягая словомъ, не присягалъ намѣреніемъ,—и теперь, когда надобно было дѣйство-

вать, уподоблялся грудному ребенку, или глупому страусу! Что же сказать о другихъ, не столь ученыхъ, не столь способныхъ и могущественныхъ польскорусскихъ панахъ?

Въ іюлѣ 1648 года созвали они такъ называемый каптуровый сеймъ, то есть такое національное собраніе, въ которомъ, при несуществованіи короля, всѣ головы были покрыты шапками, по старинному *каптурами*. До избранія новаго короля королей шляхетской республики, мѣсто его занималъ гнѣзненскій архіепископъ, въ качествѣ примаса.

На каптуровомъ, иначе конвокаціонномъ, сеймѣ прежде всего было рѣшено – выставить противъ козаковъ 36.000 войска: сила ничтожная по численности полчищъ Хмельницкаго; но въ рукахъ такого вождя, какъ Вишневецкій, она сдѣлала бы съ Хмельницкимъ то, что сдѣлала, вдохновляемая нашимъ Байдичемъ, горсть волонтеровъ съ Половьяномъ у Стараго Константинова и съ Перебійносомъ на Случи. Только ему не ввѣрили диктатуры. Паны боялись всякаго сильнаго характера, всякаго широкаго въ политикѣ ума. Любовь къ личной свободѣ ослѣпляла ихъ до того, что имъ казалось опаснымъ соединить подъ властью одного лица эти 36.000, которыя они великодушно постановили набрать, но которыхъ не позаботились хорошо вооружить и вывести на сцену дѣйствія въ полномъ составѣ. Даже теперь, когда сосредоточенная въ сильныхъ рукахъ власть могла бы спасти шляхетскую республику, на сеймикахъ, предшествовавшихъ каптуровому сейму, налегали на то, „чтобы постоянная диктатура гетманская (perpetua dictatura hetmańska), которая появилась въ Польшѣ недавно, (какъ проповѣдывали ораторы), была уничтожена; такъ какъ это не только неудобно для Республики (Reipublicae incommodum); но и опасно (ale i periculosum)“. Поэтому каптуровый сеймъ, вмѣсто одного главнокомандующаго, назначилъ троихъ „гетмановъ“, подъ именемъ *регимментарей*.

Первымъ изъ нихъ былъ указанный примасу нашимъ Адамомъ Свѣнтольдичемъ неспособный къ военному дѣлу сендомирскій воевода, князь Доминикъ Заславскій; вторымъ—коронный хорунжій, Александръ Конецпольскій, отличавшійся воинственнымъ духомъ своего отца, но не его талантами; а третій—коронный подчашій Николай Остророгъ, славный классическою ученостью и дипломатическимъ искусствомъ, но не рожденный быть полководцемъ. Басенные щука, лебедь и ракъ не могли бы дѣйствовать менѣе согласно въ общемъ дѣлѣ, какъ эти три героя въ трудной козакотатарской войнѣ; а явное отверженіе того, кто одинъ заграждалъ бунтовщикамъ путь, когда всѣ помышляли толь-

ко о бѣгствѣ, оскорбило партію почитателей его и внесло рознь между самыхъ вліятельныхъ членовъ республики.

Одинъ изъ люблинскихъ пановъ, въ письмѣ къ пріятелю, такъ отзывался въ это время о правителяхъ шляхетскаго государства: „Изъ Варшавы не пишутъ ничего добраго: все только kawy dla zabawy. Даже литовскихъ пановъ не позаботились призвать для отвращенія опасности *). Неизвѣстно, по чьему совѣту назначили этихъ тріумвировъ, чего и сами начинаютъ уже стыдиться **). Печатари (канцлеры), въ своемъ разъединеніи, должно быть, прочатъ царствованіе не кому-либо изъ королевской крови, а себѣ самимъ (sibi regnum sperant), чтобы каждому властвовать надъ покорными подданными (панами). Боже! смѣшай ихъ совѣты, открой фальшь и измѣны (Boże, zamieszaj ich rady, odkryj fałsz i zrady)! Но все это перемѣнится, когда братья (шляхта) снесутся съ тѣми панами, которые держатъ въ рукахъ сабли, а не молитвенники, да перья“.

При такомъ помраченіи общественнаго смысла, вопросъ о томъ, что́ вызвало новый козацкій бунтъ и чѣмъ возможно подавить или успокоить мятежниковъ, сталъ обсуждаться въ пустой слѣдъ послѣ того, какъ противъ нихъ были приняты нелѣпыя мѣры. Теряясь въ догадкахъ и не зная на чемъ остановиться, вожди Шляхетскаго Народа обратились къ посламъ Народа Козацкаго, присланнымъ подъ видомъ испрошенія помилованія Хмельницкому, а въ сущности для того, чтобы вывѣдать настроеніе панскихъ мыслей и узнать о положеніи государственныхъ дѣлъ.

Одинъ изъ членовъ палаты депутатовъ совѣтовалъ не тратить времени попусту. „Мы хочемъ знать причину пожара, не погасивъ его“ (говорилъ онъ). „Это все равно, какъ если-бы кто упалъ въ колодецъ и кричалъ о спасеніи, а его бы сперва спрашивали, какъ онъ туда попалъ“. Но сеймовые паны всё-таки допросили козаковъ о причинахъ ихъ бунта.

Отвѣты козацкихъ пословъ заключались въ извѣстной уже намъ инструкціи.

Не было лучшаго времени и мѣста для ревнителей малорусской

---

*) Литовскіе паны домогались уравненія правъ своихъ гетмановъ съ коронными, если бы кто изъ нихъ пришелъ съ войскомъ въ лагерь. На это коронные паны не согласились.

**) Въ Дневникѣ Конвокаціи Варшавской читаемъ: „Z strony Uniwersału, w którym są trzej Hetmani naznaczeni, aby takowe in posterum nie wychodzili, praecustoditum“.

народной вѣры и чести, чтобы не только выразить накипѣвшія у нихъ на сердцѣ оскорбленія религіозной совѣсти и національнаго достоинства, но и оправдать ужасы бунта. Здѣсь присутствовали князья Четвертинскіе, изъ которыхъ одинъ въ послѣдствіи облекся въ санъ кіевскаго митрополита. Здѣсь засѣдали Кисели и Древинскіе, ораторствовавшіе на сеймахъ въ пользу древней греческой вѣры. Здѣсь много было земскихъ пословъ православнаго исповѣданія, непричастныхъ не только римской политикѣ, но и передачѣ интересовъ православія въ руки могилинской, полупольской іерархіи. Если-бы козакамъ были нужны посредники католико-православнаго спора, поднявшагося съ обнародованія церковной уніи, то вмѣстѣ съ панами католиками и панами православными засѣдали здѣсь и вожди польскорусскихъ протестантовъ, съ которыми наши православники были тѣсно соединены со временъ Князя Василія. Только кіевскаго митрополита не было: его козаки не пустили на сеймъ, тогда какъ борцамъ православія слѣдовало бы всячески побудить малорусскаго первосвященника къ поѣздкѣ въ Варшаву для свидѣтельствованія о той вѣрѣ, за которую они „помирали“, какъ увѣрялъ Хмельницкій царя Алексѣя Михайловича. Но то, что́ было приписано въ концѣ инструкціи козацкимъ посламъ, оставалось только на бумагѣ. Послы,— или не хотѣли, или даже не умѣли заговорить о дѣлахъ церкви и вѣры, какъ это случилось и въ Медвѣжьихъ Лозахъ съ козацкими уполномоченными.

Литовскій канцлеръ, въ числѣ прочихъ первенствующихъ пановъ, получилъ отъ козаковъ, чрезъ ихъ посольство, просительное, alias туманящее, письмо. Онъ присутствовалъ при многократныхъ аудіенціяхъ, данныхъ на сеймѣ козацкимъ посламъ. Пословъ допрашивали о королевскихъ листахъ, о поощреніи Запорожскаго Войска къ задиранью Турціи. Дневникъ Радивила слѣдилъ за козацкимъ вопросомъ обстоятельно. Радивилъ отмѣтилъ даже, какъ послы блѣднѣли и дрожали (разумѣется, при мысли о козацкомъ террорѣ, въ случаѣ несоотвѣтственныхъ показаній). Но ни слова не записалъ онъ о томъ, чтобы козаки стояли за свою стародавнюю греческую религію, тогда какъ тутъ же писалъ о протестантахъ, что они домогались уступокъ въ пользу своей новой вѣры, и что коронный канцлеръ сказалъ имъ: „Хоть бы не только Хмельницкій, но и весь адъ возсталъ противъ нашего отечества, не дозволимъ вамъ больше того, чѣмъ вы пользовались“. *)

*) Въ Дневникѣ Варшавской Конвокаціи слова Оссолинскаго записаны такъ: „Jeżeli na nas chcecie wyiargować co uprzem swoim, iż to czas urget maxime.“

Интересно сравнить эту часть Радивилова дневника съ тою, гдѣ онъ описываетъ домогательства протестантскихъ вождей въ 1632 году.

Въ то время протестанты (пишетъ Радивилъ), „подъ видомъ этихъ схизматиковъ, заявили всѣ свои требованія, угрожая помѣшать избранію короля, въ случаѣ неисполненія ихъ“.

4-й пунктъ требованій гласитъ: „Кто бы учинилъ какое-либо насиліе русскимъ церквамъ или зборамъ диссидентовъ, публичнымъ актамъ, богослуженію, того чтобы карали въ трибуналѣ, яко нарушителя общественнаго спокойствія“, и пр.

5-й пунктъ: „Чтобы русская митрополія подчинялась константинопольскому патріарху; чтобы владыки, архимандриты и другіе получали посвященіе отъ того же патріарха; чтобы уніяты, отказавшись отъ этихъ достоинствъ, отдали семинаріи, типографіи и другія мѣста дизунитамъ“, и пр.

6-й пунктъ: „Гдѣ бы нынѣ ни были монастыри, церкви, семинаріи, основанные издавна, а равно синагоги и зборы диссидентовъ, по какому бы то ни было праву существующіе, чтобы потомъ были сохраняемы со всѣми принадлежащими къ нимъ имуществами“, и пр.

8-й пунктъ: „Чтобы дизуниты и диссиденты какого бы то ни было состоянія и достоинства имѣли право чинить записи, завѣщанія и фундаціи, актиковать ихъ въ гродахъ и извлекать изъ нихъ публичные акты, привилегіи и декреты“.

9-й пунктъ: „Чтобы дѣла дизунитовъ и диссидентовъ съ духовными, со студентами, были разбираемы въ Коронѣ смѣшаннымъ судомъ, а въ Литвѣ—въ судѣ свѣтскомъ трибунальскомъ“, и пр.

10-й пунктъ: „Чтобы въ коронныхъ и литовскихъ городахъ дизуниты и диссиденты имѣли право занимать городскія должности въ магистрата, а кто изъ нихъ былъ изъ магистрата исключенъ, тѣ чтобы возвратились“.

11-й пунктъ: „Чтобы дизунитская шляхта, по своимъ заслугамъ, пользовалась правомъ на всѣ дигнитарства и уряды, прерогативы и доходы съ имѣній Рѣчи Посполитой, и чтобы въ королевскую присягу были включены слова: *безъ различія религій*“, и пр.

Это извлеченіе изъ дневника литворусскаго канцлера представлено мною въ сокращеніи. Не преминулъ бы онъ и теперь внести въ

---

dla niebespieczeństw, to powiem: choćby nie tylko Chmielnicki, ale wszystek ten świat, a nawet pekło wszystko na mnie się obaliło, vetante conscientia mea, nad to, co macie w przeszłéj konwokacyéj, ne unum quidam jota przystąpie“.

дневникъ такой важный фактъ, какъ домогательство о церкви и вѣрѣ со стороны козаковъ, стоящихъ во всеоружіи грознаго бунта. Но послы Хмельницкаго не сказали о религіи ниодного слова.

Съ другой стороны, протестанты поднимали теперь вопросъ о своей новой вѣрѣ въ отдѣльности отъ вѣры старогреческой, титулуемой древнимъ русскимъ благочестіемъ. Это доказываетъ, что православники, вписывавшіе въ козацкія петиціи жалобы свои, только и держались протестантами, и что не *козаки* интересовались вѣрою даже въ лицѣ такихъ людей, какъ Сагайдачный, а козакующая *шляхта*, за которую хватались и не принадлежавшіе къ козачеству православники. Теперь наша малорусская шляхта ни изъ Украины и Волыни, ни изъ Червоной и Бѣлой Руси не смѣла домогаться попрежнему того, что позволяли себѣ, для политической демонстраціи, вписывать въ посольскую инструкцію козаки. Раза два поднимала она, въ своей отдѣльности отъ козаковъ, вопросъ о разсмотрѣніи терпимыхъ ею экзорбитанцій въ дѣлѣ вѣры; но ей отвѣчали, что не за что покровительствовать религіи, которая всегда была крайне враждебна римской (inimicissima Romanae), а нынѣ являетъ ужасное свирѣпство, подобное татарскому (saevissima, eaque tartarica prosequitur rabie). Ни Адамъ Кисѣль со стороны православниковъ, ни сынъ Перуна, Радивилъ, со стороны протестантовъ не ораторствовали больше въ пользу вѣроисповѣданія, столь вредоноснаго, и не соединяли въ одну фалангу, какъ прежде, своихъ разновѣрныхъ борцовъ.

Хмельницкій, освобождая изъ плѣна нѣкоторыхъ пановъ, членовъ нынѣшняго каптуроваго сейма, твердилъ имъ, что будто бы самъ король велѣлъ козакамъ добывать себѣ свободу саблею; но и онъ не находилъ возможнымъ говорить имъ о войнѣ за оскорбленіе религіознаго чувства, которой вѣрили только въ Москвѣ, и то не всѣ, какъ это мы видѣли по донесеніямъ Плещеева и Кунакова. Козацкій гетманъ домогался права неподсудности и произвола, принадлежавшихъ de facto каждому магнату, начиная съ Вишневецкаго, хотя de jure каждый изъ магнатовъ находился въ зависимости отъ своей шляхетской братіи. Это право, право открытой силы, господствовавшее въ Рѣчи Посполитой подъ видомъ конституціи, одни изъ членовъ національнаго собранія признавали за козаками молча, но другіе позволяли себѣ высказываться рѣшительно въ пользу бунтовщиковъ, и, подъ вліяніемъ стараго соперничества съ маркграфами панами, „преувеличивали“ притѣсненія, которыя козаки терпѣли отъ украинскихъ землевладѣльцевъ, урядниковъ и жолнеровъ.

Въ средѣ сеймующихъ пановъ даже духовные сенаторы требо-

вали, во-первыхъ, амнистіи козакамъ, во-вторыхъ, возстановленія козацкихъ вольностей и, втретьихъ, устраненія ненавистнаго козакамъ князя Вишневецкаго отъ предводительства коронным войскомъ. Правда, нѣкоторые изъ этихъ сенаторовъ настаивали на строгой карѣ козаковъ за поруганіе католическихъ святилищъ; зато другіе соглашались съ надворнымъ коронным маршаломъ, извѣстнымъ любимцемъ покойнаго короля, Казановскимъ, который оправдывалъ козаковъ даже въ томъ, что они заключили договоръ съ Татарами. „Они были готовы обратиться къ самому аду“ (говорилъ Казановскій), „лишь бы освободиться отъ такого рабства и притѣсненія, которыя бѣдняги, какъ видимъ, терпѣли. Хороша была, нечего сказать, ординація Рѣчи Посполитой для обузданія будущаго ихъ своевольства!“ (продолжалъ онъ). „Козацкій комиссаръ былъ Полякъ, полковники—Поляки, гарнизоны на Запорожьѣ состояли постоянно изъ Поляковъ. Можно бы и ординацію сдѣлать, и судъ установить на тѣхъ, которые хотѣли бы обижать и притѣснять козаковъ. Чего тогда не сдѣлали, я, по званію моему, совѣтую, чтобы козаки были во всемъ удовлетворены. Пускай козакамъ, живущимъ подъ шляхетской юрисдикціей, дано будетъ право жаловаться на обидчика шляхтича въ гродскомъ судѣ, въ земскомъ судѣ, въ трибуналѣ. Это-то и заставитъ ихъ сдѣлать между собой нереборъ, такъ что только старинныхъ будутъ они принимать въ свои вольности“.

Рѣчь Казановскаго, безъ сомнѣнія, была направлена противъ князя Вишневецкаго, который, въ борьбѣ съ нимъ за Роменъ, унизилъ его даже во мнѣніи короля. Но члены каптуроваго сейма вообще относились къ вопросу о козацкомъ бунтѣ безъ той злости и фанатизма, на которой выѣзжаетъ малорусская исторіографія. „Общимъ соборомъ“ (пишетъ литовскій канцлеръ) „просили брацлавскаго воеводу (Киселя) дать ясное понятіе объ этой войнѣ“.

И по отношенію къ могущественнымъ панамъ протестантамъ и по отношенію къ могущественнымъ теперь болѣе прежняго козакамъ, Кисѣль могъ бы и долженъ былъ бы засвидѣтельствовать, что причиною страшной войны—притѣсненіе вѣры въ Козацкой Украинѣ. Радивилъ говоритъ, что онъ „широко изложилъ информаціи войны“, но что „сумма информаціи была такая: Хмельницкій часто упрашивалъ Потоцкаго не преслѣдовать его, но тотъ не унимался и хотѣлъ уничтожить его въ самыхъ начаткахъ (бунта). Поэтому Хмельницкій обратился къ Татарамъ, и хотя брацлавскій воевода убѣждалъ Потоцкаго не дѣлать этого, и послалъ письмо къ королю, чтобъ отвлекъ

его отъ этого предпріятія, но пока письмо пришло, наше войско было уже разбито, гетманы взяты въ плѣнъ", и т. д.

Общею чертою панскихъ совѣщаній о томъ, какъ поступить съ бунтовщиками, было непониманіе всей грозы бунта. Раздробленное на множество панскихъ царствъ и мѣщанскихъ республикъ Польское Королевство оказывалось мелочнымъ въ своихъ мѣропріятіяхъ. Намъ, и самымъ мелкимъ, и самымъ крупнымъ органамъ консолидированныхъ народныхъ русскихъ силъ, почти невѣроятно то, что̀ разсказываетъ литовскій канцлеръ о совѣтахъ Оссолинскаго и другихъ высшихъ сановниковъ. Совѣтовали, напримѣръ, послать къ Хмельницкому полученное отъ хана письмо, въ которомъ ханъ говорилъ, что козаки хотѣли идти къ самой резиденціи короля, но ханъ не согласился на это ради пактовъ Польши съ турецкимъ султаномъ; а такъ какъ въ томъ же письмѣ ханъ прибавлялъ, что вторженіе свое сдѣлалъ по турецкому велѣнію, то послать письмо и къ визирю. Самъ Радивилъ совѣтовалъ поскорѣе отправить козацкихъ пословъ, чтобы ихъ задержкою не раздражить еще больше козатчину, „а причиною бури" (пишетъ онъ) „представилъ я наши грѣхи да угнетеніе убогихъ",—и только!

Вслѣдъ за этимъ глубокомысленнымъ и патріотическимъ представленіемъ прочитано было государственному собранію письмо достойнѣйшаго, по мнѣнію Киселя, изъ прозелитовъ польщизны, князя Доминика Заславскаго, „который" (пишетъ Радивилъ) „не совѣтовалъ давать амнистію козакамъ: ибо это", говорилъ онъ, „не представляетъ намъ ни пользы, ни чести, а лучше все нести съ отвагою".

Въ письмѣ своемъ Заславскій разсказывалъ, между прочимъ, что козаки въ іезуитскомъ костелѣ, въ Винницѣ, пили священными чашами горілку, нарядившись въ ксендзовскіе орнаты; капланов жестоко сердно замучили, выбрасывали трупы изъ гробовъ и, разсѣкши на куски, бросали собакамъ, а плѣнныхъ шляхтичей, для большаго поруганія, продавали Татарамъ по нѣскольку грошей.

Далѣе Кисѣль представилъ сочиненный имъ универсалъ отъ сената къ козакамъ. Только-что хотѣли было послать этотъ универсалъ въ Посольскую Избу, какъ она прислала собственный, въ которомъ исчислила всѣ козацкія злодѣйства: какъ соединились козаки съ погаными Татарами, какъ разбойничали и опустошили столько провинцій, какъ уведено было въ татарскую неволю множество христіанъ, какъ вырѣзано нѣсколько воеводствъ, какъ попирали козаки ногами священную евхаристію, какъ святыми чашами пили горілку. „Однакожъ" (сказано было въ универсалѣ), „если искренно раскаются, если удовлетворятъ Рѣчь Посполитую, поелику покорно просятъ о поми-

лованіи, то можно все имъ простить, только чтобы спокойно ждали коммиссаровъ, бунты усмирили, зачинщиковъ на руки коммиссарамъ выдали, плѣнниковъ отпустили, въ прочихъ же пунктахъ ждали повелѣній Рѣчи Посполитой чрезъ коммиссаровъ". Крыловская басня „Котъ и Поваръ" представлена была здѣсь въ лицахъ.

„Понравился этотъ проектъ (podobał się ten koncept)", пишетъ наивно литовскій канцлеръ, и разсказываетъ, какъ назначили 18 особъ изъ представителей всѣхъ вѣроисповѣданій въ коммиссію съ козаками, а козацкіе послы были отпущены съ однимъ универсаломъ отъ Сенаторской Избы и отъ Посольской за подписью примаса и посольскаго маршала".

Никто не смѣялся при этомъ; но громко смѣялись, когда Адамъ Кисѣль и писарь Великаго Княжества Литовскаго, Пацъ, излагали подробно, какъ они были въ посольствѣ „у Москаля". Съ антиславянской точки зрѣнія, усвоенной даже и православными панами Ляхами, московскіе порядки казались имъ нелѣпыми. Еслибы такіе представители русскаго элемента въ Польшѣ, какими являлись Кисели да Древинскіе, не были тѣми же Поляками, не потѣшали бы они польскихъ законодателей карикатурою московской дипломатіи, и остановили бы столь несвоевременный смѣхъ малорусскимъ замѣчаніемъ: „Коли бъ вамъ, паны Ляхи, та не сміятись на кутні"! Впрочемъ, въ концѣ одного засѣданія, маршалъ Посольской Избы напрямикъ сказалъ своимъ избирателямъ, что кого хочетъ Богъ наказать, у того отнимаетъ разумъ, и попрекнулъ ихъ королемъ Владиславомъ, назвавъ его головою, „отъ которой зависѣло существованіе шляхетскаго сословія".

Для полной характеристики каптуроваго или конвокаціоннаго сейма слѣдуетъ упомянуть о зловѣщей сцѣнѣ въ церковно-религіозномъ духѣ. Въ число депутатовъ транзакціи съ козаками надѣялся попасть и кіевскій подкоморій, аріянинъ Немиричъ; но маршалъ Посольской Избы исключилъ аріянина изъ списка, а прочіе ревнители католичества высказали ему,—что люди, не признающіе Св. Троицы, не пользуются общественнымъ правомъ, и что сеймовые паны должны остерегаться такихъ людей, какъ мороваго повѣтрія. При этомъ освѣцимскій (т. е. освѣтимскій) староста, Адамъ Корыцинскій (т. е. Корытинскій) объявилъ, что лучше ему разлить свою кровь и лишиться жизни, нежели единиться съ подобными еретиками; а Мазовецкое воеводство не дозволяло, по своимъ правамъ (juxta jura sua), ни подъ какимъ видомъ терпѣть никакого диссидента. У нихъ де и Жидамъ ихъ древніе законы не дозволяютъ нигдѣ жить подъ смертною казнью

(sub poena colli). Вслѣдъ за Мазурами и представители Кіевскаго воеводства, земляки Немирича, заявили, что желаютъ сохранить ненарушимымъ право, по которому допускаются у нихъ только двѣ религіи, римская и греческая.

Избранники панскаго большинства, Заславскій, Конецпольскій и Остророгъ, изъявили согласіе на то, чтобы во главѣ коммиссаровъ стоялъ миротворецъ Адамъ Свѣнтольдичъ Кисѣль. Представитель панскаго меньшинства, князь Вишневецкій, устранился съ негодованіемъ отъ совѣщаній польскихъ царей и, подобно гнѣвному сыну Пелея, обращалъ въ умѣ своемъ грозныя мысли, проникнутыя глубокою скорбью. То онъ готовился (по дошедшему до Кунакова характеризующему Рѣчь Посполитую слуху) „наварить Полякамъ пива горше Хмельницкаго", то рѣшался предоставить ихъ погибельной ихъ участи, то намѣревался совсѣмъ уѣхать изъ безалабернаго и неблагодарнаго отечества.

Правоправящая панская республика, въ борьбѣ съ революціонной республикой козацкой, все еще мѣрила взаимныя свои отношенія мѣриломъ прошлыхъ своихъ успѣховъ и своего торжества надъ нею. Депутованные на козацкую коммиссію предполагали, что, для транзакціи съ козаками, всего лучше было бы избрать мѣсто, недалекое отъ Кіева, гдѣ бы можно было покупать съѣстные припасы для своей ассистенціи, а коронное войско, чтобы стягивалось между тѣмъ къ Константинову. Ассистенція же коммиссаровъ (совѣщались паны) не должна быть ни слишкомъ многочисленна, чтобы не испугала козаковъ, ни слишкомъ мала, чтобы козаки не пренебрегали ея. Козаки хотятъ 12.000-наго реестра (размышляли депутованные). Пожалуй, можно согласиться на одну-другую тысячу. Козаки просятъ объ уплатѣ жолду. Но вѣдь приготовленныя для нихъ деньги (съ дефицитомъ въ 230.000) взяты вмѣстѣ съ обозомъ, да притомъ же изъ-за этого жолду надѣлано столько шкодъ и Татарами, и самими козаками... Но всего забавнѣе въ совѣщаніяхъ представителей Польскаго государства, что они придумывали мѣры къ тому, какъ бы козаки не показались передъ Шляхетскимъ Народомъ предписывающими ему условія.

Это происходило 24 (14) іюля,—и тутъ же Варшава получала извѣстія о хлопскихъ разбояхъ въ „Литвѣ и въ Руси", о безпощадныхъ нападеніяхъ Перебійноса на шляхетскія жилища.

На другой день депутованные засѣдали у примаса. Тотъ спрашивалъ, какъ о предметахъ равнозначащихъ: что̀ дѣлать съ диссидентами, которые хотятъ отмѣнить сеймовой декретъ объ уничтоженіи въ Вильнѣ протестантскаго збора, и что́ дѣлать съ новонавербованными жолнерами, угнетающими духовныя добра своими стаціями?... Депуто-

ванные важно рѣшили: сопротивляться диссидентамъ, а жолнерскія угнетенія переносить въ это плачевное время терпѣливо.

Съ той же важностью постановили, 26 (16) іюля,—чтобы комиссія началась 23 римскаго августа въ Кіевѣ, а кончилась 6 сентября, чтобъ отъ козаковъ потребовать освобожденія плѣнниковъ и выдачи пушекъ. Пускай де козаки разорвутъ лигу съ Татарами, безпокойныхъ людей выдадутъ, вѣрность Республикѣ возобновятъ; уплаты жолда пускай не надѣются по причинѣ надѣланныхъ ими шкодъ; королевскіе листы возвратятъ; вольностью довольствуются такою, какая дарована имъ коммиссіею Кумейскою, а maximum—Куруковскою, и т. п.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти несообразности Варшава получила вѣсти, что Кривоносъ овладѣлъ Полоннымъ, мѣстечкомъ краковскаго воеводы Любомирскаго (къ которому такъ ластился Хмельницкій послѣ Корсунскаго погрома) и произвелъ въ немъ неслыханныя убійства надъ беззащитными людьми, какъ объ этомъ было говорено уже выше. Зато сторонники князя Вишневецкаго увѣдомляли раздраженныхъ варшавянъ, что онъ, командуя только 6-ю тысячами жолнеровъ, три раза бился съ 60-ю тысячами козаковъ и положилъ ихъ 10.000 трупомъ.

Непосредственно за этими вѣстями въ дневникѣ Радивила записано, безъ всякой ироніи, слѣдующее: „Мы, депутованные, цѣлый день провели въ спорѣ съ диссидентами“, а въ Дневникѣ Варшавской Конвокаціи читаемъ,—что едва не всѣ воеводства объявили свою рѣшимость—отдѣлиться отъ дисидентовъ съ протестаціею противъ нихъ (cum protestatione contra dissidentes).

Всё-таки кровопролитіе, произведенное Перебійносомъ въ Полонномъ, заставило пановъ немедленно отправить полномочную коммиссію къ козакамъ подъ начальствомъ брацлавскаго воеводы, и казалось имъ, что они сдѣлали весьма важное дѣло.

Между тѣмъ изъ разныхъ мѣстъ получались донесенія о признаніяхъ, вымученныхъ пытками у плѣнныхъ козаковъ и козацкихъ шпіоновъ, бродившихъ подъ видомъ попрошаекъ. Одни изъ нихъ разсказывали, будто бы московскіе послы были у Хмельницкаго (шляхта всего больше боялась его сношеній съ Москвою) и объявили ему, что царь проситъ козаковъ уступить ему землю по Днѣпръ, а онъ зато поможетъ козакамъ прогнать Поляковъ за Вислу и сядетъ на Польскомъ королевствѣ. Другіе показывали, будто бы малорусскіе владыки снабжали козаковъ порохомъ, пулями и гаковницами. Отъ третьихъ судебная инквизиція узнавала такія важныя вещи,—что какой-то чернецъ говорилъ: „Кто лучшій, тому, Господи, помоги“, или такія,—что въ Новомъ Константиновѣ есть мѣщанинъ Харко, который сносится съ

козаками, и еще: что въ такомъ-то мѣстечкѣ есть у козаковъ пріятели—Харко, Иванъ, Мартинъ, Иванко, Лесь, Павлюкъ: или, наконецъ,—что въ Володаркѣ есть трое такихъ, у которыхъ не допытаются ничего и десять катовъ: такое де знаютъ зелье. Эта исповѣдь, раздражавшая попусту чернь противъ „пановъ Ляховъ", стоила споровъ съ диссидентами. Умы, какъ видимъ, были въ туманѣ.

Съ своей стороны продолжалъ туманить правителей безгосударнаго государства Хмельницкій своими письмами, и распускалъ о нашемъ духовенствѣ и его паствѣ разные слухи соотвѣтственно своимъ цѣлямъ.

Несовѣтовавшій прощать козаковъ наслѣдникъ Острожскаго вопіялъ теперь, въ письмѣ къ примасу, что дѣла находятся въ отчаянномъ положеніи, и боялся уже, чтобъ „не упала высокая Троя (i boję się, żeby nie upadła alto a culmine Troja)". Онъ отправилъ одного изъ своихъ приближенныхъ, какого-то Колонтая, посломъ къ Хмельницкому,—къ „предателю Хмелю", какъ называлъ его передъ панами.

По этому случаю почтилъ его своимъ письмомъ предтеча предателя Хмеля, Кривоносъ. Знаменитый истребитель Жидовъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей увѣрялъ князя Заславскаго, что козаки не хотѣли опустошать Польской Земли, но заѣлся де съ ними князь Ярема, тиранилъ, посѣкалъ, сажалъ на колъ невинныхъ людей, въ каждомъ городѣ становилъ среди рынка висѣлицу, а потомъ буравилъ глаза. „Мы тоже" (писалъ человѣколюбивый разбойникъ), „обороняя свою вѣру и жизнь, были принуждены стоять за свою обиду. Вотъ и о нашихъ послахъ не имѣемъ никакой вѣсти. Видно, уже спятъ, что не проснулись до сихъ поръ. А Жидовъ" (закончилъ письмо кровавый *рыцарь*) „направляйте къ самой Вислѣ. Вся бѣда началась отъ Жидовъ: ибо они свели съ ума и васъ".

Это было написано передъ рѣзнею въ Полонномъ, которая (говоритъ Радивилъ) произошла отъ того, что козаки повѣрили распущеннымъ хлопами слухамъ, будто ихъ пословъ посадили въ Варшавѣ на колье: легковѣріе, достойное козацкихъ потомковъ, малорусскихъ историковъ и беллетристовъ.

Чѣмъ ничтожнѣе былъ, по своей природѣ, князь Доминикъ, тѣмъ больше дорожилъ его вліяніемъ на миротворцевъ Киселей козацкій Батько, Хмѣль. Отпуская Колонтая изъ Паволочи, онъ вручилъ ему универсалъ къ нѣсколькимъ городамъ, чтобъ его не задерживали ни хмельничане, ни Татары, то-есть, чтобъ успокоительный отвѣтъ на посольство дошелъ по адресу.

Хмельницкій свидѣтельствовался Богомъ передъ „ясноосвѣщен-

нымъ" княземъ Заславскимъ, что, будучи неизмѣнными слугами Рѣчи Посполитой, козаки желали мира отъ всего сердца; но наступилъ де на нихъ князь Вишневецкій, котораго они отпустили изъ-за Днѣпра, хотя держали, можно сказать, уже въ рукахъ, и поэтому козаки должны были двинуться войскомъ. Въ удостовѣреніе своихъ словъ, посылалъ ясноосвѣщенному князю для прочтенія универсалы его милости князя Вишневецкаго и письма изъ Москвы. Хмельницкій ждалъ только своихъ пословъ изъ Варшавы, чтобы вернуться со всѣмъ войскомъ и съ Ордою въ Украину: „пускай де не бродятъ больше въ христіянской крови"... „Да и то" (продолжалъ онъ) „я постоянно удерживаю своихъ отъ чатъ и грабежа не чѣмъ инымъ, какъ только мечемъ, и именно потому, что ваша княжеская милость благоволите являть столь великую милость къ намъ, нижайшимъ слугамъ своимъ, еще съ предковъ своихъ. Будучи этимъ чрезвычайно обрадованы" (лебезила далѣе старая лисица передъ старой вороной) „и возблагодаривъ за это сперва Господа Бога, мы готовы исполнить всякое повелѣніе вашей княжеской милости, въ такомъ упадкѣ Польской Короны. Только сердечно и униженно просимъ, благоволите сноситься съ нами, своими нижайшими слугами, обо всемъ. По желанію его милости пана Колонтая, велѣлъ я выдать строгій универсалъ къ нѣсколькимъ городамъ, чтобъ имѣнія вашей княжеской милости для войска нашего были неприкосновенными и мы прилагаемъ всяческое попеченіе, чтобы никто не дѣлалъ ни малѣйшей кривды ни вотчинамъ вашей княжеской милости, ни вашей княжеской милости слугамъ".

Въ заключеніе раболѣпнаго письма своего, Хмельницкій, не безъ тайной иронiи, выразилъ желаніе отдать первенствующему магнату поклонъ лично со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ. Мы увидимъ, какъ обрадовался католическій потомокъ нашего Изяслава возможности такого поклона подъ Пилявцами. Онъ и теперь умолялъ уже примаса не полагаться на повѣтовыя ополченія (praesidia) и обратиться къ посполитому рушенію да къ панскимъ собственнымъ силамъ. Въ то же самое время послалъ онъ свою пѣхоту, въ числѣ 2.500 человѣкъ, для обороны своихъ имѣній, подъ начальствомъ Осинскаго, носившаго званіе обознаго Великаго Княжества Литовскаго, а самъ занялся тѣмъ, чтобы своими перемѣнчивыми приказами сводить его съ ума. Опытный въ военномъ дѣлѣ Осинскій могъ бы погибнуть ни за что, но его спасъ Вишневецкій, подоспѣвъ къ нему для совмѣстныхъ подвиговъ. Съ горстью мужественныхъ людей, они успѣшно воевали противъ Кривоноса и отбили у него знамена корсунскихъ квартянныхъ, фамильное знамя Калиновскихъ, четыре пушки и какія-то *органки*.

Козацкія ревучія гарматы дѣйствовали противъ пановъ такъ плохо, что не причиняли имъ никакого вреда, а отъ ихъ мелкой стрѣльбы поле покрывалось козацкими свитками, „точно бѣлымъ сукномъ". По реляціи Осинскаго, Кривоносъ бѣжалъ отъ Случи „безстыдно".

Но у смѣлыхъ бойцовъ за боязливую братію было мало хлѣба и фуража, а боевыя силы ихъ убывали съ каждымъ боемъ. Князь Вишневецкій послалъ въ сенатъ, отъ 30 (20) іюля, коллективное письмо, подписанное главными его соратниками. То были: кіевскій воевода Янушъ Тишковичъ, коронный стражникъ Самуилъ Лащъ, обозный Великаго Княжества Литовскаго Самуилъ Осинскій и брацлавскій подсудокъ Криштофъ Тишковичъ.

Читателя поразитъ странное обстоятельство, что знаменитый банитъ Лащъ Тучапскій попалъ въ число представителей польскаго патріотизма... „Такъ наша пічъ печѐ", могли бы сказать малорусскою пословицей Поляки. По смерти Станислава Конецпольскаго, панъ Лащъ, правая рука его въ борьбѣ съ сосѣдями, безъ которой не обходилась панская колонизація, а также—въ отраженіи Татаръ и въ обузданіи козаковъ, долженъ былъ бѣжать отъ кіевской шляхты, окружившей его домъ съ приговорами трибунала въ рукахъ, и скрывался въ магнатскихъ домахъ отъ преслѣдованія закона, то есть отъ своихъ враговъ. На сеймѣ 1646 года о Лащѣ ходатайствовали въ Посольской Избѣ, по обычной снисходительности пановъ къ подобнымъ преступникамъ. Бунтъ Хмельницкаго вызвалъ его на боевую арену, подъ защитой военнаго *жземпта*, и тотъ же Янушъ Тишковичъ, который, въ качествѣ кіевскаго воеводы, послалъ на него мѣстную шляхту, подвизался на ряду съ нимъ въ борьбѣ съ козаками. Между колонизаторами Малороссіи случалось много разъ, что недавніе враги сражались плечо съ плечемъ противъ азіятской дичи и родственной съ нею дичи козацкой. Самъ Вишневецкій ненавидѣлъ разбойника Лаща за многое, но въ борьбѣ съ козаками и козацкими побратимами, онъ, подобно Тишковичу, не дѣлалъ различія между Осинскимъ и Лащемъ Тучапскимъ. Такимъ образомъ подпись Лаща красовалась рядомъ съ подписью нашего Байдича.

Это было уже второе представленіе польскихъ воителей польскимъ доматорамъ, членамъ каптуроваго сейма и конвокаціи. Они доносили о несчастнѣйшемъ положеніи Республики (statum Reipublicae afflictissimum). Они видѣли всё большую и большую руину (ruinam) всего отечества. Они недоумѣвали, почему къ нимъ, въ ихъ отважныхъ бояхъ съ многочисленнымъ непріятелемъ, не приходятъ ни откуда вспоможенія: потому ли, что паны братья сами по себѣ беззаботны,

или же потому, что они отуманены напрасною надеждою на миръ (spe traktatów ubespeczeni et vana nube armisticii obumbrati). „Предостерегаемъ васъ опять“ (писали воители), „что непріятель, подъ покровомъ обѣщаннаго мира, всё болѣе и болѣе увеличиваетъ свои жестокости, всё шире и шире растекается и усиливается, такъ что въ каждомъ хлопѣ надобно видѣть врага, въ каждомъ городѣ и селѣ—толпу непріятелей (catervas hostium). И неудивительно: изъ нашей безпечности чернь заключаетъ, что все ей позволительно (omnia sibi licet in omnes). Отсюда происходитъ, что никто не сопротивляется, всѣ разбѣжались, всѣ подавлены страхомъ (wszyscy terrore pressi zostają)“.

Послѣ такого увѣщанія, изолированные защитники польской чести и славы умоляли сенатъ не вести переговоровъ безъ Марса, чтобы не подпасть подъ власть непріятеля. Напрасныя мольбы! Конвокаціонисты были только поражены (perculsi) новыми извѣстіями,—больше ничего. Съ ужасомъ узнавали они, что силы Вишневецкаго истощились потерями въ битвахъ; что долѣе не можетъ онъ сдерживать „импета“ непріятеля; что отступаетъ съ обозомъ подъ Константиновъ; что Полонное осаждено (писавшіе не знали еще, что Кривоносъ въ него вломился); что Чорторыя и Черкинъ вырѣзаны... Но, вмѣсто того чтобы послать своему защитнику помощь, они держали въ Сенаторской Избѣ тайную раду, изъ которой велѣли выйти даже королевскимъ секретарямъ, и цѣлый день совѣщались—не о томъ, какъ отразить непріятеля, а о томъ, какъ поступить съ самоотверженнымъ героемъ. Надежды на миръ до того сбивали ихъ съ толку, что Вишневецкій казался имъ опаснымъ революціонеромъ, въ родѣ самого Хмельницкаго.

Письма Козацкаго Батька къ вельможнымъ панамъ и распускаемыя имъ, по старинному обычаю, выдумки, подѣйствовали на панское общество такъ, какъ это было ему нужно. Отособивъ талантливаго полководца и отъ лучшихъ, и отъ худшихъ сограждан его, хитрый козакъ маскировалъ свои приготовленія къ борьбѣ съ панами кривоносовскими набѣгами, которые разгоняли мѣстную шляхту, обезоруживали панскіе замки и открывали ему свободный путь въ глубину давнишней Украины—Волыни, Украины не козацкой, а шляхетской. Но путь къ нему самому, въ его украинскія трущобы, оказался непроходимымъ для правительственныхъ коммиссаровъ.

Краснорѣчивый и глубокомысленный Адамъ Кисѣль былъ одураченъ имъ больше всѣхъ тѣхъ, которые въ національномъ собраніи внимали ему, какъ оракулу. Предпринятая Киселемъ экспедиція превышала его вещественныя и нравственныя средства. Онъ и его

трое товарищей, Сельскій, Дубравскій и Обуховичъ (все наши соплеменники, избранные изъ среды депутованныхъ, отправились подъ прикрытіемъ полка въ 2.000 человѣкъ, то есть такой ассистенціи, „чтобы не испугать козаковъ", какъ совѣщались государственные люди; но эта ассистенція оказывалась ничтожною силою среди бушевавшей на Волыни козатчины. Загоны свирѣпаго Перебійноса не хотѣли знать никакихъ мирныхъ переговоровъ, и безпрестанно покушались побить коммиссаровъ съ ихъ жолнерами; а Хмельницкій, „удерживавшій своихъ отъ чашъ и грабежа ни чѣмъ инымъ, какъ только мечемъ", не отвѣчалъ на пріятельскія письма Киселя, умолявшаго его о защитѣ отъ гайдамаковъ. Хмельницкій дѣлалъ видъ, будто ничего не знаетъ о панскомъ посольствѣ. Козаки взяли и опустошили Полонное, Корецъ, мѣстечко самого Киселя, Гощу, ограбили Гебліевъ, Тучинъ и всѣ панскія имѣнія по Горыни. Не рѣшаясь „идти въ глаза" бушующимъ гультаямъ, Кисѣль остановился въ безопасномъ еще отъ нихъ Луцкѣ и послалъ къ Хмельницкому посланцовъ, жалуясь на прерванное такимъ ужаснымъ способомъ перемиріе, и прося обезопасить ему дорогу въ Украину. Но, прождавъ напрасно двѣ недѣли возвращенія посланцовъ, пустился на Горынь въ свои „пустки", и по дорогѣ посылалъ въ разныя стороны подъѣзды, разгоняя разбойничьи купы. Побѣда надъ ними обходилась ему не дешево: онъ терялъ лучшихъ людей своихъ и въ концѣ концовъ не зналъ, какъ выпутаться изъ миротворной миссіи.

Шляхетская Украина, Волынь, успокоившаяся отъ домашнихъ разбоевъ со временъ Косинскаго и Наливайка, не только была заражена козатчиною, но отрыгала и старую жвачку разбойной шляхетчины, такъ какъ эта нѣкогда украинная область, со временъ незапамятныхъ, была тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась теперь собственно такъ называемая Козацкая Украина. Самое имя ея своимъ грамматическимъ складомъ показываетъ, что здѣсь *волынь* была такимъ же обычнымъ явленіемъ, какъ въ хорошей избѣ — *теплынь*. Во времена варяжскія въ ея лѣсистыхъ и болотистыхъ пустыняхъ наѣздничала и гнѣздилась вольная *воля*, самоправная удаль. Въ литвопольскомъ періодѣ нашей исторіи Волынь оставалась вѣрною своему варягорусскому прозвищу. Право открытой силы преобладало здѣсь надъ закономъ и обычаемъ больше, нежели, напримѣръ, въ Холмской Землѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ изъ автобіографіи Іосифа Верещинскаго, шляхтичъ, не помѣченный рубцами въ имущественныхъ столкновеніяхъ съ „панами братьями", былъ замѣчательнымъ исключеніемъ.

Въ Землѣ Волынской власть и богатство представляли почти такую же грубую ассоціацію съ рабочей силою, какъ и въ собственно такъ называемой Украинѣ, отодвигавшейся все далѣе и далѣе къ востоку. Эта первобытная, чуждая строгой регламентаціи союзность повелительности съ подчиненностью, работала здѣсь по закону тяжкой необходимости, и выработала общество, отличавшееся отъ варягорусской толкотни только примѣсью польскаго языка и обычая къ элементу русскому.

Ни въ одной изъ литворусскихъ и польскорусскихъ областей не было столько богатыхъ и убогихъ шляхтичей, титуловавшихся *князьями*, и нигдѣ между служилыми и чернорабочими людьми не встрѣчалось такое множество *бояръ*. Сокрушенная Батыемъ варягорусская система засыпала своими осколками Волынь густо. Когда Кіевская Земля опустѣла и Литва да Ляхва захватили въ свои руки остатки недобитой Монголами Руси, — между Припетью и Днѣстромъ засѣли представители древняго русскаго самоправства, не хотѣвшіе подчиниться новымъ порядкамъ.

Въ эпоху Наливайка были уже забыты кровавыя смуты, которыя пришлось пережить кореннымъ Литвинамъ и Полякамъ для водворенія на Волыни этого шаткаго государственнаго права, которое дѣлало польскорусское общество сборищемъ недоступныхъ для закона преступниковъ. Памятны были правительству только услуги князей Острожскихъ, Заславскихъ, Четвертинскихъ, Сангушковъ, Чарторыйскихъ, Корецкихъ, Збаражскихъ, Вишневецкихъ, чуждавшихся уже верховодства въ политическихъ усобицахъ и помышлявшихъ всего больше объ интересахъ экономическихъ. Эти потомки древней княжеско-боярской вольницы сдѣлались тузами среди прочихъ *князей* и спустившихся до служилаго званія *бояръ*, благодаря силѣ, отвагѣ и искусству властвовать: качества, бывшія въ оно время естественною замѣною нынѣшняго общественнаго права. По невозможности подавить своевольство этихъ можновладныхъ дукъ, правительство старалось ихъ задобрить пожалованіями и привилегіями, предоставляя имъ ту власть надъ городами и тянувшими къ городамъ землями, которой не могло удержать за собою. Купленные великими уступками со стороны польской верховной власти, наши русскіе дуки, изъ неугомонныхъ бунтовщиковъ, сдѣлались орудіями правительства для усмиренія другихъ демагоговъ. Такъ, по наказу Баторія, князь Василій, съ помощью крымскаго хана, усмирялъ низовцевъ, какъ объ этомъ была у меня рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Но когда король пытался урегулировать свои доходы съ волынскихъ городовъ и замковъ, эти гордые покорники верховной вла-

сти давали королю чувствовать свое революціонное происхожденіе, и не удостоивали сановитыхъ ревизоровъ даже такого вниманія, чтобы предъявить документы на свое полноправство. Въ теченіе многихъ лѣтъ на владѣніяхъ князя Василія накопилась весьма значительная сумма недоимки подымнаго налога. Озлясь на него за противодѣйствія церковной уніи, Сигизмундъ III потребовалъ отъ него недоимки весьма строго; но строгое требованіе осталось мертвою буквою.

Повелѣвая Волынью на бумагѣ, короли на дѣлѣ должны были терпѣть удѣльную независимость волынскихъ князей, окруженныхъ служилыми, князьями, панами, боярами, *вольными людьми*, и грозившихъ удесятерить свою гвардію. Въ лицѣ своихъ магнатовъ, Волынь долго противилась окончательному соединенію Великаго Княжества Литовскаго съ Польской Короною, но и послѣ Люблинской политической уніи тамошніе князья фактически оставались независимыми владыками своего края, то-есть владѣли имъ не по *польскому праву*, а по старорусскому обычаю. Правда, воинственность потомства Олеговъ, Святославовъ, Изяславовъ уступила мѣсто заботамъ имущественнымъ, но она сохранилась въ той шляхто-боярской и бояро-мѣщанской массѣ, которая служила прежде панамъ-дукамъ въ ихъ борьбѣ съ ополченіями королевскими, а потомъ нападала на нихъ самихъ подъ бунчуками Косинскаго и Наливайка. По старой памяти, имена крупныхъ волынскихъ князей всѣ еще могли сдѣлаться кличемъ для вооруженной оппозиціи правительству, и правительство боялось ихъ попрежнему.

Скрѣпляя связь между разноплеменными частями Польши, короли „попускали попускъ“ вельможнымъ дукамъ до такой степени, что ихъ владѣнія увеличивались во много кратъ на счетъ государственныхъ, церковныхъ, шляхетскихъ и мѣщанскихъ имуществъ различными путями, а мѣстная власть ихъ надъ волынянами получала характеръ власти монархической.

Но эти буйтуры Королевской Земли были обязаны своимъ богатствомъ и значеніемъ не столько знатности своего рода, не столько своему вліянію на короля и потачкамъ верховной власти со стороны нанскихъ *экзорбитацій*, сколько умѣнью править разбойнымъ элементомъ, образовавшимся на Волыни издревле въ средѣ *низшей* шляхты, бояръ, мѣщанъ и такъ называемыхъ оффиціально и въ силу привычки *вольныхъ людей*, начинавшихъ уже принимать повсюду имя козаковъ, по самому промыслу своему *вольныхъ*.

Подъ покровительствомъ можновладниковъ, на Волыни совершались всевозможныя насилія пановъ надъ панами, мѣщанъ надъ мѣ-

щанами, поповъ надъ попами, монаховъ надъ монахами, при помощи готоваго во всякимъ услугамъ козачества, и происходившая отсюда неурядица не только не вредила ихъ экономическимъ интересамъ, напротивъ, увеличивала богатства ихъ съ быстротой прогрессивною.

Грубость вѣка и неопредѣленность понятій о правѣ сильнаго надъ слабымъ давали волынскимъ князьямъ и великимъ панамъ возможность уклоняться отъ нравственной и юридической отвѣтственности за творимыя вокругъ нихъ беззаконія. Короли относились къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ особеннымъ уваженіемъ, если не страхомъ, такъ что они оставались не только безъ суда, но даже и безъ упрека, въ такихъ случаяхъ, когда другіе были лишаемы чести и покровительства законовъ. Наши волынскіе демагоги-князья были подсудны королямъ юридически, но фактически не были.

Что́ касается самого общества, то волынскіе дуки, не смотря на всѣ свои магнатскія экзорбитанціи, вовсе не представлялись ему притѣснителями. Они часто слыли даже благотворительными вельможами, покровителями науки и древней русской вѣры. Обиженные вопіяли громко противъ своихъ тирановъ и грабителей, изъ которыхъ многіе были приближенными лицами этихъ бароновъ. Но голоса, обвинявшіе на Волыни сильныхъ земли, заглушались хоромъ безчисленныхъ сообщниковъ ихъ въ пользованіи „нетруженнымъ хлѣбомъ“. Да и не было въ тѣ времена пановъ, которые могли бы служить первенствующимъ волынскимъ магнатамъ живымъ укоромъ въ ихъ самоправствѣ. Отъ своихъ собратій отличались они только загребистою лапой въ дѣлежѣ общей панской добычи. Всѣ другіе паны дѣйствовали въ томъ же духѣ, каждый по мѣрѣ своего гражданскаго безсовѣстія, по мѣрѣ своей магнатской безнаказанности, хитрости, корыстолюбія. И этимъто способомъ поддерживалась на Волыни та вольная воля, отъ которой Волынская Земля получила свое названіе. Богатство и убожество, свобода и порабощеніе, веселое буйство и мрачное уныніе были здѣсь перемѣшаны рѣзко, точно въ турецкой азіятчинѣ.

Это была зловѣщая помѣсь: отъ нея произошли тѣ смуты, которыя начались на Волыни при безсовѣстнѣйшемъ изъ Острожскихъ, прозванномъ у сплетниковъ было *святопамятнымъ*, и черезъ полстолѣтія покрыли большую часть польскорусской территоріи кровавыми развалинами. Но, съ притупленіемъ чувства справедливости у высшаго и у низшихъ сословій, вѣрнѣе сказать—состояній, притуплялось въ Королевской Землѣ и чувство опасности отъ повсемѣстной *порчи нравовъ*. Между тѣмъ она-то, а не *Кресы*, какъ думаетъ польская исторіографія, была „Ахиллесовой пятою“ въ составѣ Рѣчи Посполитой.

Даже такіе православники, какъ Адамъ Кисѣль при всей своей заботливости о судьбѣ Польши смотрѣли на князя Василія и подобныхъ ему обладателей Шляхетской Украины Волыни, прежде всего, какъ на защитниковъ Христіанской Земли отъ разлива мусульманщины. Въ виду большихъ расходовъ на постоянную борьбу съ Татарами и великихъ опасностей украиннаго быта, имъ казались извинительными панскія экзорбитанціи; а во что́ были способны превратиться орудія панскихъ экзорбитанцій, низшая шляхта, бояре, мѣщане и козаки вмѣстѣ съ попами, не уступавшими въ грубомъ эгоизмѣ ниодному сословію, и полудикими, готовыми на все пагубное мужиками,—предвидѣть это было тогда рано. Это увидѣли только въ то время, когда пособить бѣдѣ было уже невозможно.

Магнатскіе завистники и недоброжелатели, мелкопомѣстные и безземельные шляхтичи, не только не хотѣли помогать своимъ патронамъ въ отраженіи козацкихъ набѣговъ, но еще и сами нападали по-козацки на панскіе отряды, занятые партизанскою войною съ кривоносовцами. Кисѣль собственными глазами видѣлъ толпы волынскихъ шляхтичей, и притомъ „służatych“, которые ходили заодно съ козаками на разбойный промыселъ, подъ предводительствомъ своего же брата, шляхтича, и отъ которыхъ ему приходилось оборонять свои возы. „Они даже бились не такъ, какъ бьются козаки“ (писалъ онъ къ Оссолинскому). „Тѣ обыкновенно стрѣляютъ изъ самопаловъ, а эти нападали на наши отряды въ полѣ рукопашнымъ боемъ“. Для несчастнаго панскаго общества вернулись времена Косинскаго и Наливайка. Вернулись для него и тѣ Баторіевскія времена, когда не только украинская шляхта, но и паны старосты дѣлали козакамъ „разныя adminicula“. Оно видѣло въ страшномъ развитіи зло, порожденное собственнымъ безправіемъ, и не знало, чѣмъ и какъ помочь себѣ.

Вотъ въ какомъ водоворотѣ, или черторыѣ очутился Кисѣль съ отважнымъ, но сравнительно ничтожнымъ полкомъ своимъ. Добравшись кой-какъ до своей Гощи, нашелъ онъ въ гощинскихъ „пусткахъ“ нѣсколько сотъ бражничавшихъ опустошителей. Гультаи привѣтствовали хозяина стрѣльбой изъ самопаловъ, и не обратили никакого вниманія на объявленіе, что это пришли коммиссары съ мирными предложеніями. Напротивъ, напали на Киселевыхъ жолнеровъ съ такой завзятостью, что пришлось положить почти всѣхъ пьяницъ трупомъ, при чемъ съ панской стороны убитъ храбрый воинъ, шляхтичъ Люля изъ-подъ хоругви Александра Конецпольскаго, еще одинъ шляхтичъ Березинскій (оба Малорусса) и нѣсколько человѣкъ челяди.

Въ Гощу пришли къ Киселю измышленныя вѣсти, что когда Кривоносъ, онъ же и Перебійносъ, вернулся въ Украину, Хмельницкій приковалъ его цѣпью за шею къ пушкѣ, заполоненную Кривоносомъ шляхту выпустилъ на волю, и болѣе сотни его „разбойниковъ“ приказалъ своимъ Татарамъ обезглавить. Кисѣль всему этому вѣрилъ, и хвалился коронному канцлеру, очевидно, понимавшему козаковъ не лучше его самого. Онъ вѣрилъ и тому, что ханъ остановилъ свои полки и дожидается его прибытія. Хвалясь всѣмъ этимъ Оссолинскому, онъ усердно просилъ пановъ удерживать свои войска отъ всякихъ по́дъѣздовъ, чтобъ они не раздражали Хмельницкаго.

Миролюбивымъ панамъ, послѣ этого, только и оставалось, что держать тайныя рады противъ полководца, который одинъ былъ способенъ отстоять ихъ панованье.

Въ позднѣйшемъ письмѣ къ Оссолинскому Кисѣль опять просилъ „не портить его переговоровъ такими по́дъѣздами“, и окончилъ письмо увѣреніемъ, что Кривоносъ *былъ* прикованъ къ пушкѣ, но потомъ де, при Отцѣ Ляшкѣ, *) его отпустили за порукою. Но Хмельницкій не могъ, хоть и хотѣлъ бы, приковать къ пушкѣ полковника, создавшаго 60-тысячный корпусъ головорѣзовъ, а комедіи, въ родѣ подставныхъ лицъ, онъ строилъ и не передъ такими людьми, какъ монашествующій конфитентъ великаго дипломата. Ему было нужно, чтобы паны, по просьбѣ Киселя, „не портили переговоровъ никакими по́дъѣздами“.

Не дождавшись въ Гощѣ отвѣта на свою просьбу, Кисѣль опять началъ прокладывать себѣ дорогу къ Тамерлану, какъ называлъ онъ Хмельницкаго. Когда, въ своемъ фантастическомъ походѣ, приблизился онъ къ знаменитому городу Острогу, резиденція „начальника православія“, этого „столба и утвержденія вѣры“, была уже занята козаками, которые „день и ночь пили винo и мальвазію“. Пьяницы выбѣжали за ворота и хотѣли здороваться съ нимъ тѣмъ же способомъ, какъ и Гощинскіе незванные гости. Но Кисель построилъ свое войско въ боевой порядокъ и отправилъ къ нимъ посла. Насилу взяли они въ толкъ, что это миротворный, а не наступательный походъ. Кисѣль показалъ полученное въ дорогѣ письмо отъ Хмельницкаго и

*) Дворянская фамилія *Ляшка* до сихъ поръ существуетъ въ Борзнѣ. Кисѣль, вѣроятно, во избѣжаніе непріятнаго для козаковъ имени, называлъ своего конфидента Lasko, словомъ, не значащимъ ничего. Тогдашніе *недоляшки*, подобные Киселю, попали въ такое положеніе между двухъ народностей, что не знали, какъ имъ быть.

отдавался со всѣмъ полкомъ, чтобъ они вели его къ своему гетману. Козаки видѣли, что это немаловажный призъ, и были готовы конвоировать пановъ, но потребовали отъ нихъ восемь заложниковъ. Кисѣль на это согласился, если козаки дадутъ столько же своихъ.

Но едва обмѣнялись они заложниками, къ Острогу приблизился отправленный Осинскимъ, соратникомъ Вишневецкаго, подъѣздъ, подъ начальствомъ отважнаго партизана, пана Сокола, съ тѣмъ, чтобы выбить козаковъ изъ города, принадлежащаго князю Доминику, достойному наслѣднику князя Василія. Козаки завели съ непріятелемъ гарцы, а въ городѣ между тѣмъ поднялся крикъ, что Кисѣль разомъ „и трактуетъ и штурмуетъ". Пятеро изъ пановъ заложниковъ очутились безъ головъ; троихъ спрятала отъ пьяной черни старшина. Во время гарцевъ, козаки добыли у пана Сокола языка и узнали, что Кисѣль былъ тутъ ни при чемъ; но не захотѣли уже его конвоировать и не дозволили ему даже провести свой полкъ черезъ городъ. Коммиссары, удержавъ у себя козацкихъ заложниковъ, повернули къ Ляховцамъ.

Тѣмъ и кончилось премудрое путешествіе панскаго миротворца къ Тамерлану-козаку. Изъ Ляховцевъ Кисѣль отправилъ одно письмо къ Хмельницкому, жалуясь въ немъ, между прочимъ, на профанацію со стороны козаковъ не только польскихъ, но и русскихъ алтарей „Божіихъ", а другое—къ своему давнишнему пріятелю, кіевскому митрополиту, котораго просилъ ѣхать къ Хмельницкому съ просьбой о пропускѣ къ нему панскаго посольства. Вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ онъ правительствующихъ пановъ, что теперь, увы! „ближе къ войнѣ, нежели къ миру". Все-таки польскій патріотъ Русинъ приписывалъ себѣ важную услугу отечеству тѣмъ, что своимъ путешествіемъ и своими посланіями пріостановилъ настолько времени непріятельское нашествіе, намекая весьма ясно, что не желаетъ видѣть своей pietatis ku ojczyznie безъ памятника.

Недавно миновало 16 (6) іюля, условленное время трактата Сильвестромъ Косомъ и Адамомъ Киселемъ о соединеніи церквей. „Не то было бы въ Украинѣ, когда бы слушались его (Киселя) съ самаго начала"! Такъ, безъ сомнѣнія, думалъ онъ, отправляя письмо къ питомцу Петра Могилы.—„Не то было бы со мною, когда бы намъ удалось осуществить планъ, покрытый *великою тайною*"! Такъ, безъ сомнѣнія, помышлялъ наперсникъ Адама Свѣнтольдича, читая письмо его, которое, видно, сжегъ, потому что оно до насъ не дошло. Можно себѣ представить воздыханія стрегомаго козаками архипастыря, когда онъ ѣхалъ къ свирѣпому гетману, сокрушителю драгоцѣннѣйшихъ его

надеждъ и той славы въ польскомъ потомствѣ, которой не удалось и его воспитателю стяжать себѣ на кіевской митрополіи.

Но Хмельницкій не далъ ему ничего сдѣлать и для досточтимаго имъ Свѣнтольдича, котораго память ублажаютъ и въ наше время тупые сплетники былаго *). Хмель задержалъ у себя Коса на нѣсколько дней подъ тѣмъ же почетнымъ карауломъ, который не дозволялъ ему сноситься съ Ляхами да съ Недоляшками, проводилъ время въ какихъ-то „бесѣдахъ“ съ нимъ и въ какихъ то „спорахъ“, увѣрялъ, что готовъ помириться съ панами, но что ему не позволяетъ козацкая рада.

А Свѣнтольдичъ узналъ между тѣмъ окольными путями, что на пановъ идетъ вся козацкая сила, и поспѣшилъ обратно въ свою Гощу. „Все-таки я сдѣлалъ много и послѣ перваго соглашенія съ Хмельницкимъ и нынѣшнимъ посольствомъ своимъ“! Такъ думалось ему, суди по его дальнѣйшимъ письмамъ.

Киселя, въ самомъ дѣлѣ, превозносили паны за то, что онъ своими мирными, „весьма искусными“, переговорами удержалъ козака Тамерлана отъ наступленія на беззащитное государство послѣ гибели короннаго и панскаго войска на Желтыхъ Водахъ и въ Крутой Балкѣ подъ Корсунемъ. Примасъ, въ пропозиціи своей на конвокаціонномъ сеймѣ, объявилъ, что онъ за это достоинъ вѣчной памяти и благодарности въ потомствѣ, а законодательное собраніе выразило ему свою признательность публичною рѣчью.

Естественно, что Кисѣль полюбилъ роль миротворца; а панамъ доматорамъ было пріятно исполнять его просьбы, чтобы воинственные люди никакими по́дъѣздами не раздражали Хмельницкаго и не портили мирныхъ переговоровъ. Подвиги Вишневецкаго были досаднымъ перекоромъ ихъ чувствамъ, ихъ надеждамъ, и самъ Кисѣль, въ одномъ изъ писемъ къ Оссолинскому, давалъ понять, *кто* былъ причиною нарушеннаго козаками перемирія, слѣдовательно—и всѣхъ несчастій миролюбивой шляхты. Два противоположныя настроенія общества колебали пановъ и въ ту, и въ другую сторону, ослабляя нравственную и физическую энергію Шляхетскаго Народа. Наконецъ, громадные размѣры козацкаго разбоя, гибель городовъ, истребленіе людей, повсемѣстное опустошеніе края, болѣе обширнаго и богатаго всѣми дарами природы, чѣмъ Великая и Малая Польша вмѣстѣ, заста-

*) См. въ „Кіевской Старинѣ“ 1885 года, августъ, стр. 745 — 750, а въ сентябрьской—декабрьской кн. біографію Адама Киселя.

вили нѣкоторыхъ подозрѣвать стачку самого Киселя, яко Русина, съ Хмельницкимъ *). Даже товарищи коммиссары возмущались его увѣренностію въ мирномъ настроеніи козацкаго гетмана, указывали своему презусу на потерю городовъ и крѣпостей, писали къ нему, что ихъ вѣрность заподозрѣна у Рѣчи Посполитой (fides nasza u Rpliéj suspecta). Только тогда встревожился миротворецъ вѣстями о вооруженіи Хмельницкаго и его движеніи противъ пановъ.

---

*) Напримѣръ львовскій арцыбискупъ писалъ, отъ 1-го римскаго сентября, къ своему пріятелю: „Pan Kisiel w traktatach excuzuje złości Kozackie, i tém traktaty stanowi; et hostes excusat, jako Rusin".

Глава XVII.

Разстройство финансовъ.—Козаки морочатъ пановъ надеждой на миръ. — Пышность панскаго лагеря подъ Пилявцами.—Борьба между собой трехъ Русичей на гибель Польши. – Два тріумвирата.—Удачная проба панскаго оружія подъ Пилявцами и перевѣсъ паники.—Бѣгство пановъ изъ-подъ Пилявцевъ.—Козаки осаждаютъ Львовъ, потомъ Замостье, и принуждаютъ пановъ къ избранію указаннаго имъ короля.

Было чего тревожиться панамъ и дома. По докладу ихъ министра финансовъ на конвокаціи, въ коронномъ скарбѣ было у нихъ всего на-всего 76.000 злотыхъ. По всей Руси (доносилъ онъ), „главной“ (относительно доходовъ) странѣ, таможни и мытницы (cła i komory) были уничтожены; торговля пріостановилась, даже ярмарокъ не было; а въ самой Коронѣ, во время междуцарствія, доходы очень уменьшились. Къ явной досадѣ заинтересованныхъ пановъ, коронный подскарбій объявилъ, что *администрація* въ государственныхъ имуществахъ весьма убыточна для Рѣчи Посполитой, и что *аренды* несравненно выгоднѣе.

Этотъ докладъ панскаго министра финансовъ, коронаго подскарбія, служитъ отвѣтомъ на вопросъ, естественно представляющійся русскому читателю: почему бы не задобрить хищныхъ Татаръ и не менѣе хищныхъ козаковъ своевременною уплатой однимъ за четыре года гарача, а другимъ за пять лѣтъ жолда, не дожидаясь, пока они примутся вознаграждать сами себя разбоемъ, какъ это дѣлала много разъ и служилая шляхта, составлявшая кадры жолнеровъ, какъ и самихъ козаковъ. Нѣмецъ вѣрнѣе всѣхъ обозначилъ причину паденія Польши своею поговоркою: polnische Wirthschaft *). Въ этомъ смыслѣ историку приходитъ на память упрекъ одного сеймоваго брошюриста, сдѣланный правительственнымъ панамъ лѣтъ за десять до

*) Польское хозяйство.

Косинщины. Онъ говоритъ, что паны держали козаковъ на Татаръ, какъ собакъ на волковъ, но, побивши Орду, не платили имъ жолду, и тѣмъ приводили къ новымъ бунтамъ *). То же самое можно сказать и о вознагражденіи жолнеровъ за службу, вѣчно несвоевременномъ.

Едва кончилась въ Варшавѣ конвокація, какъ получено было извѣстіе, что козаки взяли приступомъ опору панской колонизаціи, ранговый городъ коронныхъ гетмановъ, „арсеналъ Рѣчи Посполитой", Баръ, по древнерусскому названію своему—Ровъ. Послѣ отчаянной и безуспѣшной защиты города и замка, воинственная подольская шляхта вопіяла къ варшавянамъ своимъ окатоличеннымъ голосомъ: „Спасайте же хоть муры и костелы, если ужъ не насъ, братьевъ"! Но варшавяне умѣли только полячить русскихъ людей на ихъ пагубу, а спасать и самихъ себя не умѣли.

Одновременно съ жаждавшими войны Подолянами и миротворецъ Кисѣль жаловался Оссолинскому, что козаки опустошили больше прежняго его Гощу, а Перебійносъ (не смотря на сказочный приковъ къ пушкѣ) вырѣзалъ по своему обычаю Межибожъ.

Во время новаго грабежа гостепріимной Гощи (повѣствовалъ горестно Свѣнтольдичъ) козаки схватили юркаго монаха, Отца Ляшка, и, не взирая на его православіе, положили среди улицы, и до такой степени избили кіями, что его благочестивый патронъ сомнѣвался, будетъ ли онъ живъ. Козаки (продолжалъ Кисѣль) взяли у него всѣ письма и какой-то „патентъ отъ примаса". (Видно, и Ляшко принадлежалъ къ такимъ православникамъ, какъ самъ Кисѣль и его пріятель, митрополитъ). Три дня гостили хмельничане въ Гощѣ, какъ во время оно Наливайцы въ Яссахъ, распуская кругомъ загоны по имѣніямъ горынскихъ помѣщиковъ Сопігъ, Нарушевичей, Хребтовичей и многихъ другихъ, носившихъ малорусскія имена **). „Десятка полтора бо-

*) Печатныя брошюры, распространяемыя между сеймующими панами, заслуживаютъ прилежнаго изученія. Biblioteka Polska г. Туровскаго напечатала ихъ нѣсколько, но въ нее не вошла весьма рѣдкая брошюра: O nowych Osadach: Słobodach ukraińnych Zdanie i Rozsądek, напечатанная безъ означенія года и имени автора, но по шрифту и правописанію относящаяся къ XVI столѣтію. Не думаемъ, чтобы заслуженный передъ наукою издатель отвергъ ее потому, что въ ней высказано много непріятной для Поляковъ правды.

**) Одинъ весьма талантливый польскій писатель, видя въ моей „Исторіи Возсоединенія Руси" возстановленныя по малорусскому произношенію имена нашихъ полонизованныхъ Русичей, знаменитыхъ въ исторіи Польши, спрашиваетъ печатно въ недоумѣніи, для чего я это дѣлаю. Отвѣчаю ему: *для науки*, для

чекъ вина" (писалъ Кисѣль, забывая, въ своемъ новомъ горѣ, о томъ, что козаки, по его прежнему донесенію, *допивали остатки медовъ*) „и нѣсколько десятковъ бочекъ *меду* пили (у меня) день и ночь, потчивая моихъ же хлопцевъ, равно какъ и сосѣднихъ, а что осталось, пороздавали мужикамъ".

Увѣдомивъ объ окончаніи этой, какъ назвалъ онъ, *трагедіи*, Кисѣль доносилъ, что, по словамъ посланныхъ языковъ, Хмельницкій собралъ уже 120.000 войска, сверхъ Кривоносова корпуса, и стоитъ подъ Янушполемъ, невдалекѣ отъ Любартова. „Видя" (писалъ разочарованный миротворецъ), „что мы не спѣшимъ собирать войско, что главные наши дѣятели" (слѣдовательно Заславскій, Конецпольскій и Остророгъ) „безсильны, что всѣ, въ страхѣ, показываютъ непріятелю спину (terga dederunt omnes), „и никто не хочетъ заглянуть ему въ глаза,— мужики дѣлаются смѣлыми, и всѣ пристаютъ къ этимъ войскамъ, или козацкимъ, или мужицкимъ, или разбойничьимъ".

Такъ нашъ Адамъ Свѣнтольдовичъ, самъ того не замѣчая, повторялъ то, что́ давно проповѣдывалъ гласъ вопіявшаго въ панской пустынѣ Вишневецкаго. Но ему было тяжело разстаться съ великою своей надеждою на памятникъ любви къ отчизнѣ, и потому Хмельницкій представлялся ему (если не онъ представлялъ Хмельницкаго) дѣйствующимъ вопреки собственной волѣ. Толпа черни (multitudo plebis), по его словамъ, не допускала козацкаго гетмана до примиренія съ панами. Кисѣль даже предполагалъ, что эта multitudo plebis перебила пословъ Хмельницкаго на обратномъ пути изъ Варшавы, поэтому де и его (Киселевы) письма не доходили до Хмельницкаго (а о приковѣ Кривоноса къ пушкѣ передъ глазами Ляшка молчалъ). Такъ умѣлъ козакъ морочить панскую голову Свѣнтольдича.

Въ надеждѣ на мировую, панскія ополченія собирались вяло. Хмельницкій, въ письмахъ своихъ къ предводителямъ коронныхъ силъ,

---

науки *самопознанія*. Въ нашемъ „домашнемъ старомъ спорѣ, уже взвѣшенномъ судьбою", интересно видѣть, насколько польскій элементъ былъ увлекателенъ для русскаго, и какъ потомъ русскій элементъ восторжествовалъ надъ всѣми польскими приманками (о принужденіяхъ молчу). Что Поляки умѣли торжествовать надъ Русью посредствомъ Руси, это составляетъ гордость польскаго имени. Почему же намъ не гордиться сознаніемъ, что безъ насъ, русскихъ людей, сами по себѣ Поляки были бы еще больше несостоятельны въ войнѣ и политикѣ, чѣмъ они есть нынѣ, когда, въ лицѣ полонизованныхъ Русичей, владѣютъ значительною частью древней русской почвы и пользуются присвоенною Польшѣ славою множества русскихъ именъ?

только и говорилъ, что о помилованіи, о своихъ усиліяхъ пріостановить пролитіе христіанской крови да о страшномъ свирѣпствѣ князя Вишневецкаго, который будто бы одинъ и мѣшалъ ему привести козаковъ къ миру съ панами. Кромѣ панскихъ ополченій, войско состояло изъ *охочей* шляхты. Шляхта извѣстнаго повѣта записывалась въ одну названную по имени повѣта хоругвь; изъ нѣсколькихъ хоругвей составлялся полкъ, называвшійся по соотвѣтственному воеводству. Этакъ вся Польша имѣла въ войскѣ представителей своего Шляхетскаго Народа. По рѣшенію конвокаціоннаго сейма, входившіе въ составъ ополчившейся шляхты паны, въ числѣ 24, составляли родъ совѣта, которому дано было право принимать участіе въ походныхъ распоряженіяхъ.

Сборнымъ пунктомъ ополченій, вооруженныхъ для защиты отечества, было назначено мѣстечко Глиняны, верстахъ въ 30 къ востоку отъ Львова. Вишневецкій колебался между негодованіемъ на своихъ собратій и злобою къ опустошителямъ края. Онъ выдвинулся съ преданными ему людьми въ Константинову. Лично на Доминика Заславскаго и его товарищей тріумвировъ не за что было ему гнѣваться. Князь Доминикъ не искалъ первенства: оно принадлежало ему въ Рѣчи Посполитой по обширности его владѣній, какъ императору между королями. Система обороны Польши была построена на томъ, чтобы великіе паны, расходуя деньги и боевыя средства на защиту края, одушевлялись мыслью о защитѣ своихъ имѣній, и паны избрали Заславскаго первенствующимъ военачальникомъ именно потому, что „большая половина козаковъ Хмельницкаго состояла изъ его подданныхъ“. Что касается товарищей князя Доминика, то они были приданы къ нему—одинъ въ видѣ дополненія скудныхъ его познаній, а другой—для поддержки его трусливаго духа. Вишневецкій это зналъ, и былъ доволенъ публичнымъ уничиженіемъ диктатора.

Еще больше былъ онъ доволенъ, когда богатѣйшій землевладѣлецъ, сознавая свое ничтожество, сталъ искать союза съ нимъ, отверженцемъ польскихъ законодателей. Эти два представителя широкаго можновладства были соперники въ любви. Оба они искали руки прекрасной Гризельды, и Гризельда предпочла самаго воинственнаго пана самому богатому, несмотря на то, что, по понятіямъ общества, онъ былъ завиднымъ по преимуществу женихомъ. Забывая оскорбленіе панской гордости въ виду опасности для своего государства въ государствѣ, князь Доминикъ смирялся передъ обѣднѣлымъ и уничиженнымъ княземъ Іереміей.

Вишневецкій былъ богатъ преданностью лучшихъ воиновъ польскихъ и благороднѣйшихъ польскихъ умовъ. На поруганіе сеймоваго большинства, знаменитое нравственными преимуществами меньшинство возвышало Вишневецкаго публичными демонстраціями. Многіе, прибывъ подъ Глиняны, не хотѣли повиноваться князю Доминику, и перешли подъ знамя князя Іереміи. Вообще люди независимаго характера и положенія поступали здѣсь относительно Вишневецкаго и Заславскаго по малорусской пословицѣ: „лу́чче зъ розу́мнымъ згуби́ти, ніжъ изъ дурны́мъ знайти́“. Даже младшій изъ тріумвировъ, Александръ Конецпольскій, присоединился, съ ополченцами своими къ тому, котораго доматоры провозглашали едва не вторымъ Хмельницкимъ.

Такъ, изъ наслѣдственнаго опасенія пановъ, чтобы въ Шляхетскомъ Народѣ не явилась диктатура, образовалось два лагеря, изъ которыхъ въ одномъ недоставало предводителя, а въ другомъ—предводимыхъ. Въ Гомеровской Греціи, въ нашей федеративной Руси и въ поглотившей было насъ, Малоруссовъ, феодальной Польшѣ повторялись одни и тѣ же явленія антиобщественности, антигражданственности, антигосударственности. Желать гибели сподвижникамъ изъ-за оскорбленнаго самолюбія—не считалось дѣломъ безчестнымъ. Не могъ князь Вишневецкій не предвидѣть гибели войска, ввѣреннаго полководцу, котораго онъ отказался бы взять къ себѣ въ ротмистры, и, въ мрачномъ настроеніи духа, безъ сомнѣнія, услаждалъ себя мыслью о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя должны были постигнуть презираемую имъ панскую толпу. Но въ лучшія свои минуты былъ готовъ забывать личныя обиды. Такъ, стоя гордо на передовомъ своемъ посту, написалъ онъ дружески къ Осторогу, что, оставаясь подъ Глинянами, гетманы предоставляютъ въ добычу непріятелямъ Волынь, Подолію и почти всю Червонную Русь. „Оттого упали“ (писалъ онъ) „воеводства Брацлавское, Кіевское, Черниговское, Волынское, Подольское, что хлопство, видя, что не въ глаза имъ, а въ глазъ идутъ наши войска, встало отовсюду и, не имѣя никакого отпора, или по крайней мѣрѣ острастки, дѣлаетъ столь великія злодѣйства. Чего не удалось бы самому могущественному иноземному непріятелю, то нынѣ свободно совершаетъ плебейскій осадокъ (flex plebejorum perägit libere). Такъ сдѣлали козаки и теперь, когда взяли Баръ и его замокъ, истребили гарнизонъ и овладѣли военными припасами, вмѣстѣ съ другой добычей. То же самое угрожаетъ и Каменцу, когда не бросимся ему на помощь, когда по крайней мѣрѣ не покажемъ оружія и какой-нибудь нашей готовности... Но гдѣ бы вы ни рѣшили дѣйствовать противъ непріятеля“ (заключаетъ Вишневецкій свое письмо), „я не замедлю прибыть къ

вамъ вмѣстѣ съ тѣми, которые готовы, какъ и я, жертвовать жизнью для отечества. Въ это тяжелое время каждый изъ насъ общее долженъ предпочитать своему частному (publica privatis anteponere powinien)".

Хмельницкій—было слышно—двинулся уже съ бѣлоцерковскаго своего кочевья и, пославъ старшаго сына, Тимоша, въ Крымъ звать Орду, приближался къ Константинову. Съ нимъ были: Кривоносъ, иначе Перебійносъ, Колодка, знаменитый, какъ и Наливайко, взятіемъ въ Бѣлоруссіи Слуцка, Лисенко, Гайчура, Нечай, Морозенко, Тима, Носачъ, Ганджа, Джедналъ, герои, прославленные въ свое время козацкими кобзарями и прославляемые въ наше время козацкими историками. Къ навербованнымъ такъ или иначе малорусскимъ простолюдинамъ, „борцамъ за вѣру", примѣшались у него Молдоване, Волохи, Сербы, Донскіе козаки. Но цвѣтъ этого христолюбиваго воинства, розовый вѣнокъ на головахъ „преславнаго Запорожскаго Войска", находился еще въ Крыму.

Въ виду страшнаго непріятеля, Заславскій послушался наконецъ совѣта Вишневецкаго: въ половинѣ римскаго сентября перенесъ онъ свой лагерь и расположилъ его вблизи лагеря князя Іеремія близъ Константинова. Въ этомъ городѣ, составлявшемъ наслѣдованную послѣ Острожскихъ собственность Заславскаго, побывали уже козаки, и, въ качествѣ защитниковъ православія, оставили слѣды свои на опустошенныхъ и поруганныхъ костелахъ. Мѣщане, какъ всегда, волей и неволей козаковали или дѣлали для козаковъ то, что называлось administicula. Послѣ того что, благодаря іезуитамъ, произошло въ Польшѣ между тѣми, которыхъ наши называли благочестивыми, и тѣми, которые считались у нихъ злочестивыми, мѣщанамъ было пріятно, какъ и козакамъ, глумиться надъ католическою святынею. Но Заславскій объявилъ своимъ константиновцамъ общее прощеніе, чтобы заохотить прочихъ козацкихъ сообщниковъ къ повиновенію. Его примѣру послѣдовали и другіе паны. Въ это время панамъ столько было надѣлано мужиками огорченій, что каждый дышалъ отмщеніемъ. „Но кто же будетъ отбывать повинности"? говорили вздыхая землевладѣльцы, и всячески старались умиротворить вооруженную противъ нихъ массу, о чемъ надобно было позаботиться цѣлымъ столѣтіемъ раньше.

Настроеніе Шляхетскаго Народа, собравшагося со всей Польши въ этотъ походъ, было „какое-то торжественное". Понеся столь внезапно тяжкія утраты въ Дикихъ Поляхъ и подъ Корсунемъ, потерявъ такъ много въ городахъ и селахъ отъ козако-татарскаго нашествія, паны точно сговорились показать Козацкому Народу, будто бы онъ

отнялъ у нихъ сравнительно бездѣлицу: чувство истинно польское, то самое чувство, которое, при другихъ обстоятельствахъ, было обнаружено хвастовствомъ Оссолинскаго въ Римѣ.

Въ послѣднія два царствованія, паны такъ много поработали мечемъ внутри и внѣ государства, такъ много уложили въ сырую землю дорогихъ сердцу составной націи представителей ея силы, ея чести, ея воинскихъ и гражданскихъ доблестей, что и самымъ воинственнымъ изъ нихъ захотѣлось почить отъ блестящихъ и представляемыхъ блестящими дѣлъ своихъ,—хотѣлось имъ, наслаждясь добычей польскаго меча, насладиться и добычей польскаго плуга. Въ истекшее десятилѣтіе внутренняго и внѣшняго спокойствія, польскорусская колонизація сдѣлала успѣхи громадные. Она такъ подняла и обезпечила сельское хозяйство, что даже на самихъ окраинахъ, по сосѣдству съ татарскими кочевьями, панскіе подданные „жили во всемъ изобильно, въ хлѣбахъ, стадахъ, пасѣкахъ". Тѣмъ изобильнѣе во всѣхъ прихотяхъ успокоеннаго отъ козаковъ и Татаръ сельскаго быта жила служилая и господствующая, низшая и высшая шляхта. Уже и въ царствованіе Сигизмунда III, Янъ Замойскій въ законодательномъ собраніи, Петръ Скарга въ церкви, а Симонъ Старовольскій въ литературѣ—проповѣдывали объ уменьшеніи излишествъ въ пищѣ, напиткахъ, одеждѣ, выѣздахъ, указывая на желаніе каждаго пана выдвинуться впередъ *выставностью*, при невозможности нарушить сословное равенство титулами.

Блестящее побѣдами и превозносимое выше всякой мѣры царствованіе Владислава IV надѣлало въ Шляхетскомъ Народѣ тысячи королей по тщеславной пышности, а благословенія десятилѣтняго спокойствія вселили въ немъ убѣжденіе въ его непобѣдимости и въ неистощимости средствъ къ роскошному существованію. Выставность, роскошь, соединеніе множества кліентовъ и всевозможныхъ слугъ вокругъ щедрыхъ и гостепріимныхъ изъ разсчета и тщеславія патроновъ—казались панамъ силою и въ походѣ, какъ они были силою на сеймикахъ и сеймахъ. Въ этомъ-то трагикомическомъ смыслѣ представительница всѣхъ воеводствъ, крупная и мелкая шляхта, была построена въ своемъ походѣ, по словамъ самихъ Поляковъ, торжественно.

Совѣстно смѣяться надъ несчастными; но Поляки и—что еще досаднѣе—ополяченные Малороссы такъ нагло и такъ долго смѣялись надъ всѣмъ русскимъ и даже надъ спасительною для насъ русскою царственностью, что нельзя, безъ нѣкотораго самоуслажденія, изображать ихъ общее безпутство. Впрочемъ, и новѣйшая литература польская представляетъ намъ описаніе тогдашняго безголовья Шляхетскаго

Народа въ томъ смыслѣ, какой заключается въ словахъ пророка, оплакивавшаго паденіе Израиля: „Горькимъ моимъ смѣхомъ посмѣюся".

„Шляхта" (разсказываетъ Полякъ) „вступила въ походъ съ такою пышностью, на какую только могла собираться послѣ многолѣтняго мира. Добыли паны изъ скарбовень богатѣйшее оружіе (а мы знаемъ, что у нихъ бывали сабли цѣною въ 10.000 злотыхъ), одѣлись въ рыси и соболи, забрали пурпурные, разволоченные рыдваны и полные дорогихъ одеждъ, серебра, золота, драгоцѣнностей, обоевъ скарбовые возы, а было много такихъ товарищей (рядовыхъ шляхтичей), которые, для того, чтобы сравняться съ другими, продали послѣднее имущество. Такъ явилось подъ стѣнами Львова (на переходѣ изъ Глинянъ подъ Пилявцы) 40.000 шляхты, снарядившейся какъ бы на свадебное пиршество. Мигали въ толпѣ протканные серебромъ шелки, бархаты, золотые пояса, серебряные панцыри и шлемы; шумѣли на всадникахъ сокольи крылья, колыхались брильянтовыя кисти, а пышные кони, въ позолоченной упряжи, въ шелковыхъ сѣткахъ, выступали на серебряныхъ подковахъ.

„Войско шло" (продолжаетъ онъ) „въ Украину, какъ бы на коронацію. Двѣсти тысячъ слугъ, въ легкомъ вооруженіи, сопровождало безчисленные панскіе возы и кареты. Хотѣли показать взбунтованнымъ хлопамъ, что это идутъ паны; а шляхта говорила громко, что будетъ воевать съ хлопами не саблей, а нагайками".

Но чтобы панское безпутство явилось во всемъ ужасѣ будущности, къ которой оно неизбѣжно вело Польшу, надобно прибавить, что вся эта кампанія была непрерывнымъ пиршествомъ, на которомъ сквозь панскія горла пропущены громадныя суммы, а между тѣмъ панское войско, промотавъ полученное впередъ жалованье, добывало себѣ продовольствіе по селамъ, сопровождая грабежъ обычными жолнерскими безчинствами.

Такъ было подъ Глинянами. Теперь настала очередь страдать отъ защитниковъ Польши волынцамъ, и они вопіяли, что шляхетскія ополченія разоряютъ ихъ еще больше, чѣмъ козаки. Естественно, что Вишневецкому, строгому воину и хорошему хозяину, было противно и мучительно смѣшать свои воздержныя дружины съ объѣдалами, пьяницами и мародерами. Онъ больше всѣхъ понималъ опасность грозы, наступающей на нановъ со стороны Дикихъ Полей, и готовился встрѣтить ее такъ, чтобы не посрамить земли, которую называлъ, по старой памяти, Русскою.

Но правительственные паны успокоили себя высылкою въ поле роскошнаго парада, и не обратили вниманія на полученное сеймомъ

предложеніе хана, который соглашался порвать лигу съ козаками, если ему заплатятъ 700.000 злотыхъ недоимочнаго гарача. Мы знаемъ, что князь Василій оставилъ послѣ себя 20 милліоновъ своему Янушу. При такихъ запасахъ въ скарбо́вняхъ частныхъ лицъ, можно бы, кажется, было спасти общее отечество, разъединивъ Татаръ съ козаками. Но паны были неспособны къ пожертвованіямъ, а государство свое такъ эксплоатировали ловкой *администраціей*, вымогательствами и простой кражею денегъ, что, хотя многіе изъ нихъ располагали милліонами, а въ коронномъ скарбѣ оставалось у нихъ въ десять разъ меньше той суммы, какою могли бы они разлучить орду татарскую съ ордой козацкою.

Ждали Хмельницкаго. Было получено извѣстіе, что онъ ведетъ не меньше ста тысячъ козаковъ. Татаръ на этотъ разъ было у него мало. Но къ нему должна была подойти многочисленная Орда изъ Крыма. Такъ доносили панамъ, и въ то же время ходили между ними успокоительные слухи, что Татары недовольны козаками. Татары де ропщутъ на козаковъ, что сами они захватили лучшую добычу, а имъ отдали плѣнниковъ, которые у нихъ перемерли. Остальныхъ они должны были продавать дешево. Угнанныя въ Крымъ стада тоже пропали отъ безкормицы. По словамъ Яскульскаго, слуги плѣннаго Потоцкаго, множество лошадей у Татаръ и ихъ самихъ не мало „передохло“. Но козаки (разсказывалъ Яскульскій) склонили Орду къ новому походу безпрестанными посольствами и обѣщаніемъ „побусурманиться“.

Гораздо больше успокаивало доматоровъ полученное въ это время Киселемъ отъ Хмельницкаго письмо. Оба корреспондента были вѣрны—одинъ своей глупости, не дававшей ему понять, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, а другой—своему злобному уму, преслѣдовавшему рунную цѣль съ настойчивостью Сатаны.

Кисѣль писалъ къ нему: „Неужели нѣтъ у тебя Бога на небѣ, который видитъ все? Чѣмъ же виновата передъ тобой наша отчизна, воспитавшая тебя? Чѣмъ виноваты домы и алтари того Бога, который далъ тебѣ жить на свѣтѣ? Чѣмъ виновны мы,—одни, которые объявляли наши желанія Запорожскому Войску, а другіе, которые вовсе ничѣмъ невиновны? Нѣтъ на свѣтѣ человѣка безъ совѣсти и безъ воздыханія къ небу. Турки, и тѣ имѣютъ своего Бога; а вашей милости, который родился христіаниномъ, должно́ пронзить сердце и душу то, что́ сталось и что́ дѣлается, и какой будетъ конецъ соединенія такого множества черни на людскую кровь“, и т. д.

Хмельницкій отвѣчалъ на это,—что нѣсколько хоругвей войска князя Вишневецкаго напали на нѣсколько сотъ козаковъ, которые де

шли мимоходомъ въ Острогъ, безъ его (Хмельницкаго) вѣдома, ради прокормленія; а въ городѣ Межиричѣ невинныхъ христіанъ вырубили въ пень. „Развѣ это по христіански?“ (провѣдывалъ Хмель въ свою очередь). „Велите тѣхъ своевольныхъ изъ обоза князя его милости Вишневецкаго поунять“, и т. д. Наконецъ, сдѣлалъ комиссаріамъ такое предложеніе: „Благоволите, ваши милости, ѣхать прямо подъ Константиновъ; а мы пришлемъ туда разсудительныхъ людей, и обо всемъ, какъ бы могло быть наилучше, будемъ условливаться“.

Это письмо, превращая подвиги Вишневецкаго въ государственныя преступленія, показывало въ Хмельницкомъ панаѣ человѣка сговорчиваго, и разъединяло ихъ нравственныя и вещественныя средства гибельно. Общественное мнѣніе между двухъ представителей жадно проглоченной Польшею, но плохо переваренной, Руси колебалось то въ одну, то въ другую сторону. Православникъ Русинъ, Кисѣль, обвинялъ католика Русина, Вишневецкаго, въ томъ, что усмиренный бунтъ возобновился (uśmierzona recruduit hostilitas), и что рецидива больше надѣлала бѣды, нежели первый, хоть и ужасный, пароксизмъ (recydywą swoją więcej złego przyniosła, niżeli pierwszym lubo ciężkim paroxyzmem); а Русинъ католикъ приписывалъ православному соплеменнику своему и его примирительной утопіи паденіе городовъ, крѣпостей, замковъ, истребленіе беззащитнаго населенія, и предсказывалъ новые ужасы войны, если изъ-за надежды на невозможное примиреніе паны будутъ ждать соединенія чужихъ язычниковъ съ язычниками домашними (jeżeli będziem czekać ligi pogańskiéj swojemi domowemi pogany).

Если бы взглянуть на Польское государство à vol d'oiseau, то его гибельное междоусобіе представилось бы борьбою трехъ Русиновъ, изъ которыхъ одинъ ополячился, другой окатоличился, а третій отатарился. Каждый изъ нихъ желалъ добра своимъ единомышленникамъ, по желанію каждаго, по древней пословицѣ, боги исполнили бы во днѣ своемъ. Такъ, или иначе, только проглоченная Польшею жадно, но переваренная плохо, Русь должна была разрушить польскій государственный организмъ. Три Русина, точно три злые духа, представители общественныхъ беззаконій, боролись на погибель Польши.

Во время письменныхъ перемолвокъ Хмеля съ Киселемъ о мирѣ, козаки овладѣли Луцкомъ, Клеванью и Олыкою, той Олыкою литовскаго канцлера, которую, по его мнѣнію, спасали отъ нихъ чудотворная икона въ Пясечной да предстательство Св. Бернарда, osobliwszego kochanka Najświętszéj Panny. Это извѣстіе потрясло пановъ не меньше, какъ и рѣзня въ Полонномъ, хотя подробности новыхъ

козацкихъ завоеваній намъ неизвѣстны; а о рѣзнѣ въ Полонномъ сохранилось нѣсколько представленныхъ сенаторскому засѣданію строкъ, которыя врѣзываются въ сердце, какъ ножъ. „Тамъ“ (доносили сеймующимъ панамъ оффиціально) „козаки взяли добычи на четыре милліона, и вырѣзали до 400 дѣвицъ-шляхтяновъ и маленькихъ дѣтей въ замкѣ. Кровь запеклась въ полъ-колѣна“. Это была такая страшная бойня, что козацкая Иліада приписала ее самому Хмельницкому. Козацкій Батько (пѣли кобзари) сдѣлалъ такое воззваніе къ осажденнымъ:

Есть у мене одна пушка Сирота,—
Одчиняйця ваші залізні широкі ворота.

и продолжали набожнымъ тономъ:

Тогді як то, як у святый день божествѣнный четвертокъ
Хмельницький до сходу сонця устававъ,
Підъ городъ Полонное ближей прибувавъ,
Пушку Сироту у переду постановлявъ,
У городъ Полонного гостинця подававъ, и т. д.

Вмѣсто переписки съ кровожаднымъ Хмелемъ, Вишневецкій дѣлалъ подъѣзды да разсылалъ всюду развѣдчиковъ, наконецъ увѣдомилъ примаса, отъ (30) 20 августа, что Татары переправляются уже черезъ Днѣпръ. „Вотъ онъ, плодъ перемирія, fructus armistitii!“ (восклицалъ онъ). „Козаки берутъ у насъ города, а здѣсь намъ велятъ молчать и вяжутъ Республикѣ руки“.

Раздраженіе противъ Киселя раздѣляло съ Вишневецкимъ едва ли не столько же польскорусскихъ сердецъ, сколько съ Киселемъ—злобу сторонниковъ примиренія противъ самого Вишневецкаго. Но ни тѣ, ни другіе не смѣли высказаться открыто. Однакожъ, когда Кисѣль вернулся съ полкомъ своимъ къ ополченію своихъ противниковъ и поклонниковъ, никто не вышелъ и не послалъ привѣтствовать его, а одинъ изъ пановъ, Вольскій Ржемикъ, увидѣвши въ его обозѣ козаковъ-заложниковъ, схватилъ ихъ, какъ шпіоновъ, передъ собственной его палаткою и велѣлъ челядя обезглавить.

Хмельницкій, вмѣсто того, чтобы послать подъ Константиновъ „разсудительныхъ людей“, двинулся къ этому городу со всѣми своими силами. Густая туча бунтовщиковъ надвигалась медленно, предшествуемая молніями пожаровъ, которыми они истребляли панскія гумна и мельницы, чтобъ отнять у непріятеля средства продовольствія.

Въ войскѣ Заславскаго было тысячъ тридцать съ небольшимъ хорошо вооруженнаго народа, но видавшаго бои мало. Остальную массу составляли толпы кой-какъ вооруженной челяди, которая, подъ нужду, помогала въ битвѣ панамъ, но больше смотрѣла за лошадьми, возами, кухнею, и занималась опустошительною фуражировкой.

Въ старину, когда подольскіе и подгорскіе паны хаживали за Днѣстръ для борьбы съ Турками, всѣхъ плохихъ воиновъ и лишнихъ людей отсылали бывало домой, находя ихъ помощь вредною. Съ развитіемъ богатства края, развились и прихоти походовъ, и десятилѣтіе благоденствія панскаго усыпило въ Шляхетскомъ Народѣ воинственность, и замѣнило ее роскошной обстановкой. Въ этомъ упрекалъ шляхту еще Старовольскій, говоря: „Наши отцы называли себя сѣрою шляхтою (что соотвѣтствовало козацкой *сьромъ*), потому что не носили блестящихъ блаватовъ и пурпуръ. Довольствовались они суконъ, выдѣланнымъ дома, или въ сосѣднихъ мѣстечкахъ, а доблестью да искренностью сіяли больше, нежели теперь златоглавыми да дорогими клейнодами. Не ѣдали съ кореньями, не знали вина, которое зарождаетъ въ насъ подагры да скорбуты, не возили въ лагерь серебра, ни золота: довольно было мѣднаго котелка да желѣзнаго рожна. Не издерживались на рысьи да собольи воротники, или на сбрую, украшенную драгоцѣнными каменьями. У нихъ были въ цѣнѣ ремень да желѣзо. Не знали ни тигровыхъ, ни леопардовыхъ шкуръ, а только кирасы да панцыри. Теперь серебряные сервизы, теперь собольи киреи, подшитые золотыми табинами; теперь вышитые чапраки, кисти съ запонами, а сердце заячье, глаза хорьковые, ноги оленьи. Погибла смѣлость, погибло мужество, а излишество наслажденій, къ которымъ привыкли мы дома, подѣлало насъ бабеями.

Но чѣмъ больше теряла шляхта смѣлость и мужество, тѣмъ больше привыкла она къ излишествамъ наслажденій, тѣмъ больше развивалась въ ней безпощадность къ беззащитнымъ и убогимъ людямъ во время ея походовъ. Вотъ и теперь львовскій архіепископъ жаловался пріятелю: „Хоругви идутъ безпрестанно изъ Перемышльскаго и Сендомирскаго повѣтовъ. Волонтеровъ также много. Уже шляхетскія и королевскія села обращаются въ ничто; изъ моихъ мужики бѣгутъ, бросая дома. Господь Богъ знаетъ, что съ нами будетъ".

Все это было хорошо извѣстно Хмельницкому. Зналъ онъ и тріумвировъ панскихъ, изъ которыхъ Заславскаго прозвалъ, въ своемъ козацкомъ обществѣ, пуховикомъ, по малорусски *перѣною*, Конецпольскаго—ребенкомъ, или *дитѣною*, а Остророга схоластикомъ, или *латѣною*. Ему былъ страшенъ одинъ Вишневецкій, этотъ пото-

мокъ буйтура Байды, сохранившій всѣ крупныя черты знаменитаго предка. Но въ панскихъ радахъ господствовала унаслѣдованная Сарматами отъ Варягоруссовъ рознь, и на нее разсчитывалъ Хмельницкій больше, нежели на свои добытыя у пановъ гарматы и гаковницы, на свои громадныя пушки Сироты, на свои *новопные и босые* возы и на поднимаемыхъ передъ битвой козаковъ. Разсчитывалъ онъ на эту рознь больше, нежели даже на татарскую помощь.

Выиграть время и перессорить пановъ, эти двѣ задачи выполнялъ онъ съ такимъ стараніемъ, съ какимъ Кисѣль хлопоталъ объ умиротвореніи козаковъ. „Ни сынъ въ дѣлѣ отцовскомъ“ (писалъ Кисѣль къ Хмельницкому), „ни слуга—въ панскомъ не могъ принимать столь горячаго участія, какое принималъ я въ этой несчастной кровавой усобицѣ Запорожскаго Войска съ Рѣчью Посполитою. И сколько за это вытерпѣлъ колкостей и презрительныхъ толковъ, это знаютъ не только въ Польшѣ, но и въ чужихъ краяхъ“.

Дѣйствительно объ его разномысліи съ княземъ Вишневецкимъ выросъ уже такой чудовищный слухъ: будто бы Вишневецкій требовалъ отъ него объясненія въ трехъ пунктахъ, именно: 1) Кисѣль де публично объявилъ, что козаки обѣщали отдать въ его распоряженіе 15 000 своего комонника; 2) каждый козакъ обязался уплатить ему по талеру; 3) козаки наняли 8.000 Татаръ, которые помогутъ ему овладѣть польскимъ престоломъ.

Это писалъ (вѣроятно, къ „шведскому королю“ Яну Казиміру) будущій проповѣдникъ его, доминиканецъ Цѣклинскій. Умиротвореніе разновѣрцевъ дошло до того, что разсказывали, будто самъ Хмельницкій желалъ примиренія, но Кисѣль умышленными проволочками довелъ до войны.

Ученѣйшій, хотя вовсе не мужественнѣйшій, изъ пановъ, коронный подчашій, а нынѣ и регименторь, Николай Остророгъ, выразилъ свое разномысліе съ партіей миротворцевъ, и поддержалъ самаго воинственнаго можновладника, князя Вишневецкаго. Онъ писалъ къ подканцлеру Лещинскому отъ 3 римскаго сентября: „Что касается переговоровъ Хмельницкаго, то въ нихъ тайну составляетъ то, о чемъ Кисѣль говоритъ вслухъ, что даже на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ (etiam iniquissimis conditionibus) надобно помириться: въ противномъ случаѣ Рѣчь Посполитая погибнетъ. Я же думаю такъ, что миръ здѣсь невозможенъ, не только честный, но и безчестный. Никогда это хлопство не держало даннаго слова (fidem datam), а теперь, надменные побѣдою, тѣмъ меньше будутъ его держать. Лишь только изчезнетъ

эта общая готовность къ войнѣ, они опять взбунтуются, и тогда послѣдняя будутъ горша первыхъ (będą posteriora pejora prioribus)".

Но чѣмъ рѣшительнѣе поддерживали паны Русина-католика, видѣвшаго спасеніе Польши въ ожесточенной войнѣ, тѣмъ упорнѣе стояли другіе за Русина-православника, готоваго на самый постыдный миръ, лишь бы сохранить ея цѣлость. Панское царство раздѣлилось на ся, и, по евангельскому суду, должно было погибнуть.

Приближаясь къ разъединенному панскому становищу, лицемѣръ козакъ продолжалъ пѣть все ту же пѣсню, которою выманилъ уже время у премудраго Киселя и у почитателей его краснорѣчія, его политическаго глубокомыслія. Ненавистнаго козакамъ князя Ярему не могъ онъ ни обмануть, ни убаюкать. Онъ подрывалъ только его совѣты, уничижалъ его высокія доблести. Онъ манилъ пановъ готовностью къ примиренію, и вооружалъ противъ энергическаго полководца польскихъ гуманистовъ, какъ противъ единственной причины остервененія козаковъ. Отъ 29 августа писалъ онъ къ Адаму Киселю и его товарищамъ:

„...Помня о своей христіянской крови, чтобы не лилась уже больше, и чтобы непріятель не радовался со стороны" (намекъ на Москву), „мы и сами возвратились было вспять, какъ и Татары. Но князь его милость Вишневецкій неразсудительно порывался на пасъ, и не только производилъ надъ нашимъ христіянскимъ народомъ, надъ невинными душами тиранство и жестокости не похристіянски и не порыцарски, но и духовныхъ нашихъ велѣлъ посажать на колья. Не дивно намъ, когда бъ это дѣлалъ какой-нибудь простакъ, въ родѣ Кривоноса, съ нашей стороны, которому мы не позволяли никакого грабежа и не давали позволенія на разрушеніе городовъ и поджоги,— пускай бы онъ не умѣлъ съ этимъ совладать; но мы видимъ передъ собой въ нихъ обоихъ не одинаковыхъ людей".

Далѣе Хмельницкій хвалился милосердіемъ къ плѣнникамъ и предлагалъ открыть мирные переговоры для Божіей хвалы немедленно, такъ чтобы войска стояли въ это время вдалекѣ одно отъ другаго, подобно тому, какъ и въ прежнія времена отправлялась коммиссія, сопровождаемая великими почтами.

Противъ этого возставали тѣ, которые полагали, что „при обнаженной саблѣ быстрѣе идутъ переговоры", присовокупляя тутъ же, что *Кисель* былъ *такою же Божіей карой* для Шляхетскаго Народа, *какъ и самъ Хмельницкій*. „Кто знаетъ" (раздавались голоса), „не изрекаетъ ли онъ уже нашей отчизнѣ неминуемую погибель (certum periodum)"?

Между тѣмъ „człowiek wielkiego dowcipu“ расположилъ свой таборъ у мѣстечка Пилявцы, занялъ пилявецкій замочекъ, который шляхта называла куратникомъ, и первымъ его дѣломъ было — обратиться съ глубоко почтительнымъ письмомъ къ Заславскому, яко къ единственному вельможѣ, отъ богатства, могущества и разума котораго зависѣло умиротвореніе козаковъ. Старая лисица доносила старой воронѣ смиренно, что козаки совсѣмъ не желаютъ вести междоусобную войну, что они готовы повиноваться и просятъ ясно освѣщеннаго князя разсудить ихъ, уладить возникшее между Запорожскимъ Войскомъ и Рѣчью Посполитою несогласіе, и что̀ онъ постановитъ, они обѣщаютъ исполнить его рѣшеніе всепокорнѣйше.

Князь Доминикъ представлялъ вѣрный снимокъ безхарактернаго своего дядюшки, князя Василія. Въ своей декларації на каптуровый сеймъ, какъ мы помнимъ, совѣтовалъ онъ не давать амнистіи козакамъ, такъ какъ это, по его словамъ, не представляло панамъ ни пользы, ни чести; а теперь, когда Хмельницкій пришелъ „отдать ему поклонъ лично со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ“, онъ былъ миролюбивѣе самого Киселя. Такъ и „святопамятный“ нашихъ историковъ сперва грозилъ собрать пятнадцать, даже двадцать тысячъ войска на защиту православія, а потомъ отдалъ „яровитому католику“ въ жертву грека Никифора, помирился съ поборниками уніи и совѣтовалъ православникамъ „терпѣть, терпѣть и терпѣть“. Князь Доминикъ увлекся ролью примирителя двухъ противоположныхъ стремленій, всё равно какъ тотъ мечталъ о соединеніи двухъ несоединимыхъ церквей. Воображая, что дѣлаетъ великое дѣло, князь Доминикъ далъ въ обманъ питомцу ярославскихъ іезуитовъ, котораго игра житейскихъ столкновеній перевела изъ панскаго лагеря въ лагерь панскихъ завистниковъ. Католическому представителю знаменитаго дома князей Острожскихъ всего интереснѣе было — посредствомъ пощады молящихъ о помилованіи козаковъ, сохранить за католиками обширныя владѣнія свои, которыхъ не умѣлъ сохранить за православными превозносимый нашими разумниками до небесъ „начальникъ православія“.

Въ этомъ особенно поддерживалъ его Кисѣль, присоединившійся къ его войску послѣ неудачныхъ попытокъ повидаться съ Хмельницкимъ. Кисѣль потерялъ 100.000 злотыхъ годоваго дохода и остался при 400.000 долга, которымъ онъ обременилъ себя, проталкиваясь между полумагнатовъ на правительственныя высоты. Славный ораторскимъ искусствомъ, онъ въ кругу царей можновладниковъ занималъ мѣсто Гомерова Нестора, или, вѣрнѣе, Улисса. Для слуха пановъ-доматоровъ —

Рѣчи сладчайшія меда изъ устъ его вѣщихъ лилися,

и всегда онъ предлагалъ свои услуги тамъ, гдѣ надобно было дѣйствовать не столько силою, сколько хитростью, по собственнымъ словамъ его, non vi, sed consilio. Теперь совѣтовалъ панамъ *воевать, но не сражаться* съ козаками. По его мнѣнію, медлительною проволочкой времени можно было достигнуть вѣрнѣйшей побѣды и прочнѣйшаго мира

„Къ чему отваживаться на опасности“ (говорилъ онъ), „когда можно побѣдить безъ кровопролитія? Только безумный запираетъ быстрый источникъ, когда бѣгъ его можно отвести другимъ образомъ. Послѣдуемъ лучше разсудку, нежели страсти. Воспоминанія о Желтоводскомъ и Корсунскомъ пораженіяхъ, мнѣ кажется, должны удерживать насъ отъ стремленія къ новой бѣдѣ, когда можно побѣдить средствами мирными. Довольно будетъ показывать *готовность* къ войнѣ. Этимъ однимъ можно укротить волненіе. Явимъ бунтовщикамъ милость, дадимъ имъ опомниться, — и они пожелаютъ вернуться къ прежнему долгу повиновенія, такъ какъ будто содѣянныя ими преступленія произошли противъ ихъ воли. А если дерзость ихъ будетъ такъ упорна, что они пренебрегутъ мирными нашими предложеніями, то любовь къ роднымъ и врожденная человѣку необходимость домашней жизни всё-таки заставятъ ихъ войти въ прежнее спокойное состояніе“.

Такъ проповѣдывалъ панскій ораторъ, соединявшій краснорѣчіе Нестора съ хитроуміемъ Улисса. Къ сожалѣнію, рѣчь его дошла до насъ по книжному пересказу современниковъ. Но всё-таки въ ней виденъ Кисѣль съ его риторическимъ остроуміемъ и тупымъ взглядомъ на дѣло. Отвѣтъ на нее Вишневецкаго, присутствовавшаго на военномъ совѣтѣ, также пересказанъ по-книжному, но въ немъ сохранились черты ума и героизма Байдича. Онъ возразилъ обольстителю доматорскаго слуха такъ:

„Я согласился бы съ вами, господа, когда бы у козацкой сволочи было столько совѣсти, сколько дара краснорѣчія у тѣхъ, которые только что передо мною говорили. Неужели бунтовщики удовлетворятся нашими несчастіями и нашею кровью? Это просто мечта, а не разсужденіе. Начатое дѣло можетъ кончиться только гибелью одного изъ противниковъ. Намъ совѣтуютъ вести войну безъ битвы. А если непріятель самъ нападетъ на насъ? Уклониться, говорятъ намъ. Это значитъ: мужики будутъ тѣснить наше войско, преграждать намъ путь, не пускать нашихъ лошадей на пастбища, отнимать запасы, устрои-

вать засады, а мы будемъ терпѣть, сложа руки, и марать бумагу въ мирныхъ переговорахъ, а на Русской Землѣ будетъ литься шляхетская кровь. Душа возмущается отъ безчестной мысли: изъ-за украинскихъ бездѣлокъ согласны отдать на разореніе средину королевства. Если хотите побѣдить, то побѣждайте смѣлостью. Надобно теперь ударить на козаковъ, пока Орда еще только переправляется черезъ Днѣпръ. Отъ одной быстроты зависитъ спокойствіе Рѣчи Посполитой. Не давши битвы, и не думайте о мирѣ. Вспомните Переяславъ, Кумейки, Старецъ. Тамъ вы побѣждали враговъ смѣлостью и мужествомъ"... *)

Панское общество было не въ силахъ соединиться ни въ томъ, ни въ другомъ возрѣніи. Два Русина тянули созданное Поляками и псевдогосударство одинъ за лѣвую, а другой за правую руку, въ то самое время, когда третій Русинъ мѣтилъ ему въ сердце: тріумвиратъ, и импровизированный судьбою, въ виду тріумвирата, придуманнаго сеймомъ. Но представители Шляхетскаго Народа чуяли опасность раздѣльности своей въ виду непріятеля, и старались по крайней мѣрѣ соединить боевыя силы свои въ одномъ пунктѣ. Кіевскій воевода Тишковичъ сдѣлался посредникомъ между двумя князьями. Вишневецкому не нравилась та роль, которую Заславскій позволялъ играть въ своемъ войскѣ Самуилу Лащу. Онъ требовалъ, чтобы Заславскій удалилъ отъ себя Лаща. Заславскій выказалъ въ этомъ случаѣ строптивость, нападавшую иногда некстати и на его православнаго дядюшку. Вишневецкій отплатилъ ему тѣмъ же, когда къ нему явилась депутація изъ гетманскаго лагеря. Наконецъ соединенныя старанія Тишковича, Остророга и Александра Конецпольскаго привели двухъ полякующихъ князей Русичей къ тому, что они расположили свои лагери одинъ вблизи другаго, надъ озеромъ Човганскимъ Камнемъ.

Здѣсь было получено извѣстіе, что непріятель овладѣлъ Константиновымъ. Оно заставило Вишневецкаго прекратить всѣ споры **) съ панскимъ фельдмаршаломъ. Пригодился теперь и вихреватый Лащъ: его послали въ первомъ подъѣздѣ противъ козаковъ съ 1.500 человѣкъ.

Сентября 13 (3) панскій лагерь двинулся на Корчовскія Поля

---

*) Эту рѣчь вкладывалъ въ уста Вишневецкому и Костомаровъ. Но у него не спросила критика: какъ могъ Вишневецкій, въ такой важный для него моментъ, называть *пораженіе* Конецпольскаго подъ Переяславомъ *побѣдою*? (См. т. I моей книги, стр. 165, примѣч.). Впрочемъ, она ни о чемъ подобномъ у него не спрашивала, довольная тенденціею сказокъ его.

**) „Umorzono wszystkie kondycye", сказали въ обозномъ дневникѣ.

и расположился въ полумилѣ отъ коммиссарскаго становища Киселя. Не довѣряя „Русину“ и его „схизматикамъ“, старались подставлять его подъ козацкую силу отдѣльно,—тѣмъ больше что онъ хвалился своимъ ученичествомъ въ походахъ великаго Жолковскаго и, проповѣдуя миръ, выставлялъ себя воиномъ неустрашимымъ.

Съѣстныхъ припасовъ было у пановъ много *). Наилучшій волъ стоилъ 4 злотыхъ, яловица—2, баранъ—16 грошей, вепрь—12, гарнецъ пива—6, меду—16, кварта водки—20. Много было въ распоряженіи пановъ овса и стоячаго и скошеннаго, и въ конахъ, а въ скирдахъ былъ большой запасъ даже трехлѣтняго хлѣба. Но печеный хлѣбъ составлялъ самый дорогой продуктъ, потому что желѣзо было повынуто изъ мельницъ, да и то привозили издалека „базарники“.

Начало Пилявецкой войны (если можно ее назвать войною) не было ни пугающимъ по обстоятельствамъ, ни трусливымъ по расположенію духа въ панскомъ войскѣ. Оно могло бы пугать развѣ тѣхъ, которые собрали бы воедино a priori всѣ элементы готовившейся паники, какъ это можно сдѣлать намъ a posteriori. Злая судьба даже польстила панамъ, и завлекла впередъ успѣхами, если въ этомъ не было военной хитрости со стороны козацкаго гетмана.

Въ Константиновѣ засѣло тысячъ пять козаковъ. Къ городу было возможно приступить съ одной только стороны. Панскій отрядъ, человѣкъ до 5.000, съ 6-ю пушками, думалъ, что козаки будутъ оборонять переправу черезъ рѣчку Пилявку въ Россоловцахъ, въ 2-хъ миляхъ отъ Константинова. Но переправа оставалась незанятою. Предводителемъ отряда былъ Остророгъ, постоянный начальникъ авангарда: его-то, яко *Латину*, и хотѣлъ, какъ видно, провести первымъ успѣхомъ Хмельницкій. Занявъ переправу въ Россоловцахъ, Остророгъ сбилъ козаковъ съ другихъ переправъ, въ Гирявкѣ и Кузьминѣ, а потомъ пошелъ подъ Константиновъ, гдѣ уже начали бой съ козаками отряды Конецпольскаго и Ланца. Къ нему присоединился и князь Вишневецкій. Охотниковъ пановъ прибывало все больше и больше. Козаки дрались мужественно и, повидимому, рѣшились отстоять городъ. Но наступившая ночь прекратила „пробу“ панскаго оружія.

Заинтересованный успѣхами своего авангарда, Заславскій двинулся всѣмъ лагеремъ на сю сторону рѣчки Пилявки. Огромность его

*) Въ отвѣтѣ на рѣчь Киселя заставили Вишневецкаго говорить о недостаткѣ запасовъ и т. п., тогда какъ обозный дневникъ (неизвѣстный современнымъ историкамъ) показываетъ противное. На этомъ основаніи я исключилъ изъ рѣчи Вишневецкаго, очевидно постороннюю, вставку.

табора и масса сопровождавшей пановъ челяди не дали ему перейти за Россоловскую переправу. Онъ провелъ ночь у Россоловцевъ. Но заязтые защитники Константинова, очевидно, маня пановъ на невыгодныя для нихъ становища, не дождались приступа, и 16 (6) сентября бѣжали изъ города. Кто не успѣлъ бѣжать, всѣхъ тѣхъ жолнеры вырубили до ноги, но много ли погибло козаковъ, неизвѣстно. „Страшное опустошеніе города и языческая профанація костеловъ“ (пишетъ участникъ избіенія отсталыхъ) „не позволили никому щадить ихъ. Не нашли мы ниодного цѣлаго распятія Christi Domini: всѣ были исколоты, изрублены, прострѣлены. А люди, какъ будто съ того свѣта, полуживые, измученные тиранскими руками и голодомъ, встрѣчали насъ плачемъ, опираясь о стѣны. Это такъ раздражило войско, что оно было готово броситься въ одинъ часъ на этихъ язычниковъ“.

Въ такомъ раздраженіи, подъѣздъ Конецпольскаго наскочилъ на 2.000 козацкаго подъѣзда и ударилъ на него такъ стремительно, что только остатокъ спасся въ зарослякъ, насколько вообще слѣдуетъ полагаться на реляціи людей, заинтересованныхъ въ дѣлѣ боя. Жолнеры взяли въ плѣнъ козацкаго писаря-шляхтича и человѣкъ 15 козаковъ. Отъ нихъ паны узнали, что Хмельницкій презираетъ (contemnit) панское войско, воображая, что оно состоитъ изъ 7.000 шляхты, остальные же люди въ немъ—Жиды (то-есть трусы). Такъ и долженъ былъ представлять Козацкій Батько своимъ дѣтямъ панское ополченіе. „Это козацкое гультайство“ (писалъ панъ пану изъ-подъ Константинова отъ 18 (8) сентября) „лежитъ всего въ полуторѣ миляхъ отъ насъ на Пилявецкихъ Поляхъ, и *надѣется на Орду*; но мы, дастъ Богъ, предупредимъ ее *завтра*“.

Отъ 19 сентября писалъ кто-то изъ обоза за Константиновымъ: „Теперь только начнется у насъ война. *Завтра* наступимъ на непріятеля, который приготовился принять насъ подъ Пилявцами. Всюду у него лѣса, фортели (естественная защита) и тяжелыя для насъ переправы. Хотятъ (полководцы) всюду нами (конницею) затыкать дырья. Правда, конный народъ у насъ добрый, но пѣхоты мало, и навели всякаго сброду: обманули (вербовщики) Рѣчь Посполитую. Коммиссаровъ у насъ множество, рады мало; соперничество и приваты большія. Непріятель собираетъ у фортелей безчисленное множество хлопства и *ежечасно ждетъ великой Орды*. Войны не намѣренъ оканчивать, а протянуть надолго: такія и диспозиціи дѣлаетъ. Наше довольно порядочное войско презираетъ, несмотря на его многочисленность. Въ поле выйти не хочетъ; *мы* должны на него наступать. Кисѣль насъ обманулъ. Прежде мы не догадались, и время ухо-

дило. Хотѣлъ уйти отъ насъ на Волынь съ своимъ полкомъ, но его задержали... Никто у насъ не смотритъ на вождей; каждый поступаетъ по своему. Нѣкоторыя хоругви только что пришли, а уже отказываются служить: спѣшатъ назадъ домой. Четверть истекла въ переходѣ. Мы же, хоть и давно уже въ обозѣ, и не всѣ деньги получили, но хотимъ служить".

Подъ Константиновымъ продовольствіе было уже не то, что у Човганскаго Камня. Отсюда писали въ Варшаву, что хлѣбъ и напитки достаютъ жолнеры съ трудомъ. Боченокъ пива стоитъ 20 злотыхъ, но яловица—1 или 2 злотыхъ, а конь 3 злотыхъ, потому что нечѣмъ кормить: „сѣна, овса parum". Хмельницкій, какъ видимъ, перенялъ „ясно освѣщеннаго князя" съ его нелѣпымъ многолюдствомъ въ страну опустошенную, а *фортели*, которыми козаки всегда умѣли пользоваться, дѣлали нападеніе на него опаснымъ; ожидаемый же имъ „ежечасно" приходъ Орды не давалъ панскому фельдмаршалу времени осмотрѣться и расположиться.

Между тѣмъ блаженному миротворцу, Киселю, чудилось, что только чернь удерживаетъ Хмельницкаго отъ мировой съ панами, и онъ писалъ къ познанскому бискупу, Андрею Шолдрскому, что въ козацкомъ таборѣ доходило до кровопролитія. Между панами ходилъ даже такой слухъ, что Хмельницкій убитъ въ таборномъ замѣшательствѣ, а нѣкоторые утверждали, что онъ бѣжалъ съ 12.000 комонника.

Что въ козацкомъ таборѣ, при отсутствіи Орды, могли возникнуть смуты въ виду неожиданно громадной панской арміи, это весьма вѣроятно; но до бѣгства Хмельницкаго было еще далеко. Между тѣмъ у Киселя былъ на умѣ Остряница, покинувшій козацкій таборъ на Сулѣ, и самъ Хмельницкій, бѣжавшій передъ его глазами, въ составѣ комонника, изъ-подъ Кумеекъ.

Охотно вѣрилъ Киселю почтенный бискупъ. Еще охотнѣе вѣрили въ Замостьѣ прилетѣвшей туда вѣсти, будто бы przed Swiętym Mateuszem (слѣдовательно 21 (11) сентября) въ битвѣ съ козаками паны положили ихъ 20.000 на мѣстѣ, а остатокъ преслѣдуетъ князь Вишневецкій комонникомъ. Злая судьба Польши подсовывала ей радостныя вѣсти какъ разъ наканунѣ катастрофы, которая не имѣетъ подобной въ исторіи паники.

Дѣло въ томъ, что, пытаясь выманить Хмельницкаго на бой изъ фортелей, которыми онъ былъ окруженъ надежнѣе всякихъ редутовъ, злосчастные тріумвиры расположили свое войско такъ неудобно, какъ только онъ одинъ могъ бы имъ посовѣтовать,—in loco quodam nostris iniquissimo (писалъ знатокъ дѣла). Панскій *обозъ*, то-есть лагерь,

занималъ пространство въ польскую милю въ окружности, а пѣхоты хватало въ немъ едва на половину окружности. На этомъ протяженіи были долины, озера и т. п., которыхъ окопать не было возможности никоимъ образомъ, а непріятелю, при его природной способности (pro calliditate ejus naturae), представляли они много мѣстъ для вторженія. Повелѣвали въ панскомъ войскѣ три полководца, и каждый—по собственному усмотрѣнію, а что хуже всего—каждымъ руководило или соперничество, или самомнѣніе, какъ это естественно должно было быть при такой сложной власти, „а особливо“ (замѣчаетъ откровенно писавшій) „въ нашихъ польскихъ душахъ (a zwłaszcza i naszych polskich animuszach).... Не видѣли этого наши правоправящіе, Ordines Regni,“ (продолжаетъ онъ), „когда назначали этотъ фатальный тріумвиратъ.... Въ мирное время мы говорили бы и писали *ихъ милости*, но въ общей бѣдѣ каждому позволительно и чувствовать, что хочетъ, и говорить, что чувствуетъ.... Повѣтовыя хоругви не хотѣли подчиняться власти региментарей; каждый полкъ обращался къ своему полковнику, и потому въ обозѣ не было ни правильной стражи, ни упорядочныхъ подъѣздовъ“.

По письму Осторога къ Лещинскому отъ 18 (8) сентября, региментарей сильно безпокоило загадочное обстоятельство, что хотя непріятель „чуялъ надъ собой войско“, однакожъ въ тылу у нихъ появлялось много бунтовщиковъ“... „Поэтому“ (писалъ онъ) „пришлось намъ десятка полтора сотенъ людей послать на Волынь и столько же назадъ къ Трембовли, чтобы погромить эти купы и обезопасить Львовъ“.

Двумя недѣлями раньше онъ же писалъ къ Лещинскому, что у Хмельницкаго, по слухамъ, 180.000 войска, въ томъ числѣ 20.000 пѣхоты. „Это еще бы ничего“ (замѣтилъ онъ); „лишь бы у насъ немного прибавилось войска, а только (одно для насъ важно): *чтобы къ нимъ не приходили Татары*.

Все это элементы готовившейся паники, и то еще не всѣ.

Мы видѣли, какъ сильно напиралъ Вишневецкій, чтобъ ударить на Хмельницкаго *до его соединенія съ Татарами*; а писавшіе изъ лагеря къ своимъ пріятелямъ вояки только о томъ и молили Бога, чтобы дружнымъ наступленіемъ *утредить Орду*. Изъ того, что Хмельницкій забрался въ такіе фортели, видно, какъ онъ это предусматривалъ.

Первая проба счастья подъ Пилявцами открыла знатокамъ военнаго дѣла и то, что позиція Хмеля неприступная, и то, что онъ хочетъ затянуть войну надолго, а что̀ всего важнѣе—они видѣли опасности собственной позиціи, соединенныя съ лагерной неурядицей.

Всѣмъ и каждому въ панскомъ обозѣ было извѣстно, что козаки ждутъ къ себѣ Татаръ ежеминутно. Видя непреодолимые фортели непріятеля и „боясь прихода Орды", нѣкоторые изъ членовъ военной рады (а ихъ оффиціально было 24) совѣтовали Заславскому остаться за рѣчкою Пилявкою, и лучше „наводить непріятеля на *свои*, нежели нападать на *его* фортели". Но большинство рѣшило двинуться впередъ. Здѣсь тотчасъ началась борьба съ козаками за воду Одну греблю на Пилявкѣ паны три раза брали приступомъ и теряли, пока наконецъ очистили берега конницей, переправя ее подъ непріятельскимъ огнемъ. Это было во вторникъ 22 (12) сентября. Отступленіе козаковъ къ табору подняло духъ въ панскомъ войскѣ. Но неудобная мѣстность смущала знатоковъ дѣла, чего они, конечно, не скрывали отъ профановъ. Каждый полковникъ становился, гдѣ хотѣлъ. Шанцы, стражи, пушки, походные возы тѣснили войско, не представляя обороны. Въ смутномъ предвидѣніи бѣды, регименгари стали совѣтоваться въ военной радѣ, куда бы перенести лагерь. Въ совѣщаніяхъ и нерѣшимости застало панское воинство вечеръ... Передъ закатомъ солнца пришли къ Хмельницкому Татары. То, чего „боялись" и что надѣялись „упредить", совершилось, по милости мѣшкотнаго *завтра*.

Козаки привѣтствовали своихъ побратимовъ пушечной пальбою,— и настроеніе духа въ панскомъ войскѣ перемѣнилось. Представители Польши, собравшіеся подъ Пилявцами, подготовили себя къ паникѣ.

Въ среду 23 (13) сентября начались опять гарцы и стычки; но если до сихъ поръ Заславскій не рѣшался — да и не сумѣлъ бы— наступить на Хмельницкаго всѣми своими силами, то теперь и того меньше. Паны, какъ и прежде, ограничивались только тѣмъ, что (какъ писалъ одинъ изъ нихъ же) „показывали непріятелю свое блестящее войско, построенное въ боевой порядокъ, съ намѣреніемъ привести его страхомъ къ покорности". По разсказу того же участника Пилявецкой кампаніи, въ панскомъ лагерѣ еще въ воскресенье былъ слухъ (которому вѣрили и послѣ бѣгства), будто бы козацкая чернь хотѣла уже выдавать старшину съ мольбой о помилованіи. Отъ этого слуха паны расхрабрились до такой степени, что въ понедѣльникъ намѣревались дать залпъ изъ „сотни пушекъ" (столько у нихъ и не было) и штурмовать козацкій таборъ вмѣстѣ съ его „курятникомъ". Но не Заславскому съ его регуляторами было вдохновить войско, какъ одну душу, рѣшительнымъ движеніемъ. Ни дикая отвага такихъ людей, какъ Лащъ, ни воинственный энтузіазмъ такихъ, какъ Вишневецкій, не могли этого сдѣлать подъ предводительствомъ нравственно убогаго и своекорыстнаго двойника князя Василія. Бой тянулся вяло, безтолково и

привелъ войско къ тому, что оно, еще до прихода Орды, почуяло неопредѣленную робость, а теперь, когда вмѣстѣ съ козаками гарцовали Татары, панская робость получила свою опредѣленность.

Пришли Татары! эти слова, передаваемыя изъ устъ въ уста, значили: пришли истребители короннаго войска въ Дикихъ Поляхъ и надъ рѣкой Росью,—пришли тѣ, которые повели въ неволю побѣдителя козаковъ подъ Кумейками и на Старцѣ.

Но Орда пришла въ незначительномъ числѣ. Къ Хмельницкому вернулся сынъ Тимошъ, и привелъ 4000 Татаръ, подъ начальствомъ Карачъ-бея. Тѣмъ не менѣе панское войско „упало духомъ (straciło serce)". По разсказу Адама Киселя, который, надобно помнить, былъ не точенъ въ реляціи о своемъ гощинскомъ погребѣ, регименгари и полковники стали совѣтоваться въ полѣ на коняхъ, „что̀ дѣлать далѣе". Когда дошла очередь до него, онъ, велерѣчивый и велемудрый всегда, предложилъ три совѣта: или „удариться всѣми силами о непріятеля", но это, по его мнѣнію, была опасная крайность; или стоять всю ночь въ боевомъ порядкѣ, а лагерь перенести подъ Константиновъ и, тамъ окопавшись, бороться съ непріятелемъ выносчивостью (pójść na wytrwałą z nieprzyjacielem); или же, „взявшись за руки", отступать табором̀ъ, а не то (это Кисѣль спряталъ въ самомъ концѣ своей рѣчи), *бросивши возы* (wozy porzuciwszy), брать что̀ познач̀ительнѣе на лошадей да (взять лучшее) изъ пѣхоты, и, такъ построившись въ порядкѣ, ударить на одну Орду, отдѣлить ее отъ козаковъ и... здѣсь уклонился онъ отъ слова *бѣжать*, и замѣнилъ его хитроумно словами *собраться съ силами* (resumere vires).

Такъ писалъ Кисѣль оффиціально. По буквальному смыслу его словъ, онъ бѣжать не совѣтовалъ: онъ совѣтовалъ только resumere vires, а „для красоты слога" прибавилъ *ударить на Орду*..... Но въ словахъ *бросивши возы* сказано было все... *) „Послѣдній совѣтъ (продолжалъ свою реляцію ученикъ великаго Жовковскаго) понравился всѣмъ (miał applausum od wszystkich), и все должно̀ было такимъ образомъ двинуться (а пѣхота-то?) до наступленія дня. Но, когда наступила ночь, не вѣдаю, какой послѣдовалъ совѣтъ, что ихъ милости тотчасъ пустились комонникомъ, бросивши всѣхъ и таборъ. Мнѣ дали знать объ этомъ только на разсвѣтѣ. Тогда, не нѣжа моей по-

*) Въ подлинникѣ это важное обстоятельство изложено темновато, а именно: „Iubo wozy porzuciwszy, co znaczniejszego brać na koni i piechoty, i tak porządnie ustanowiwszy ze wszystkiém przeciwko Ordzie samej, odwaliwszy ją od ozaków, resumere vires".

дагры, бросился я на коня и пустился съ моимъ полкомъ той же дорогою... Вотъ какъ совершилась эта несчастная трагедія! Войско бѣжало въ разсыпную днемъ и ночью. До сихъ поръ нѣкоторые очутились надъ Вислою. Въ бою не погибло больше трехсотъ человѣкъ".

Николай Остророгъ весьма умно разсказывалъ, въ письмѣ къ подканцлеру Лащинскому, что онъ совѣтовалъ отступить табором на основаніи Цецорской традиціи, переданной ему покойнымъ короннымъ гетманомъ. Но дѣло въ томъ, что тріумвиры поддались паникѣ первые и побѣжали изъ лагеря опрометью, а вслѣдъ за главными предводителями побѣжали воеводы, каштеляны, коммиссары, полковники, „побѣжало все" (писалъ Остророгъ) „побросавъ знамена, артиллерію, таборъ и возы".

Уносимые безуміемъ паники, жолнеры бросали о земь сабли, ружья, панцыри. Нечего было дѣлать и самымъ воинственнымъ людямъ. Князь Вишневецкій, генералъ артиллеріи Артишевскій, предводитель королевской гвардіи Осинскій—должны были бѣжать за другими.

Такова панская реляція Пилявецкаго бѣгства. Козацкой реляціи вѣрить не слѣдуетъ. Козаки не знали, какъ искренно признавались въ своей трусости паны, и сочинили имъ трусость менѣе постыдную. Всего характеристичнѣе писалъ одинъ изъ пановъ-бѣглецовъ, львовскій подкоморій Войцѣхъ Мясковскій: онъ увѣрялъ бензскаго воеводу. Криштофа Конецпольскаго, что непріятелю въ этомъ случаѣ послужили не столько грѣхи и несчастная фортуна пановъ, сколько не слыханныя чары, которыхъ очевидность доказываютъ вѣрные знаки (czary niesłychane z wielkiéj konjektury z widomych znaków posłużyły). „Ибо такой страхъ, такая консернація обняла нашихъ" (объясняетъ почтенный воинъ), „что они летѣли во всю прыть, сколько хватило у лошадей силы, твердя, что за ними гонятся уже Татары, отъ которыхъ, по милости Божіей, ничего внезапнаго не произошло".

Какъ именно началось незабвенное бѣгство, съ кого именно началось оно, допрашивать никто не могъ, и никому не было охоты признаваться. Довольно съ насъ того, что, по словамъ самихъ пановъ-бѣглецовъ, въ стычкахъ подъ Пилявцами пало не больше трехсотъ человѣкъ, и что Пилявецкая побѣда досталась козакамъ *безъ боя*. Это подтверждаетъ и новѣйшая польская исторіографія, тогда какъ нашей малорусской понадобилось дать козакамъ-героямъ кровопролитную работу подъ Пилявцами и въ два предшествовавшіе дни, и въ день великаго бѣгства *).

*) См. описаніе пилявецкаго дѣла у Костомарова, въ 4-мъ изд. „Богдана Хмельницкаго".

Козацкіе бобзари поступили еще лучше козацкихъ историковъ: осеннее событіе отнесли они къ весеннему празднику Преполовенія, называемому *Правою Середою* (29 апрѣля), и воспѣли: что будто бы

..... на Праву Сѐреду
Гнàли козакѝ Ляхівъ такъ, якъ бы чѐреду.

Не въ козацкомъ обычаѣ было гнать бѣгущаго непріятеля, оставивъ перасхватанною добычу. Въ противность пословицѣ, совѣтующей стлать ему золотой мостъ, онъ самъ постлалъ золотой мостъ козакамъ въ видѣ покинутаго лагеря. На этомъ мосту козаки, яко воины-дикари, позабыли, что Польша теперь стоитъ передъ ними, какъ говорили сами Ляхи, настежь (otworem), и пьянствовали такъ мертвецки нѣсколько дней, что еслибъ у бѣглецовъ хватило духу на нихъ наступить, они были бы истреблены до ноги *). Вина было выпито ими въ четыре дня и четыре ночи столько, что, по словамъ современника, его хватило было мѣсяцъ при обыкновенномъ употребленіи.

По современнымъ извѣстіямъ паны покинули въ добычу козакамъ до ста двадцати тысячъ возовъ съ лошадьми, 80 пушекъ и на 10 милліоновъ примѣрно разныхъ драгоцѣнностей.

Уничтоженная паникою панская армія большею частью направлялась во Львовъ. Князь Доминикъ Заславскій, гонимый общимъ раздраженіемъ противъ него всѣхъ и каждаго, проѣхалъ черезъ городъ въ закрытой каретѣ, и поспѣшилъ спрятаться въ своемъ замкѣ Ржешовѣ, польскомъ замкѣ даже по имени. Въ его лицѣ, фамилія Острожскихъ за совращеніе въ католичество отплатила католикамъ вѣчнымъ позоромъ и невознаградимымъ Польскимъ Разореніемъ, превзошедшимъ Разореніе Московское.

Вся Польша возопила противъ пилявецкихъ бѣглецовъ Шляхетскій народъ требовалъ казни виновникамъ не слыханной въ народахъ измѣны долгу воина и гражданина. Но для казни столькихъ предателей отечества не хватало у нея палачей. Преступленіе осталось безнаказаннымъ по своей громадности.

Попировавъ скотски въ покинутомъ панами лагерѣ, козаки двинулись къ Збаражу, хорошо укрѣпленному городу и, не найдя въ немъ ниодной живой души, вспомнили, какъ іезуиты, руками прозелита Кунцевича, выбрасывали изъ могилъ тѣла, похороненныя не-уніятскимъ

*) Такъ погибла въ послѣдствіи одна козацкая армія, вся поголовно пьяная.

священникомъ. Одинъ или два случая безумнаго фанатизма, оскорбивъ чувство человѣчности, свойственное и людямъ просвѣщеннымъ, и самымъ темнымъ дикарямъ, произвели широкую молву, которая проникла даже въ землянки степняковъ, не видавшихъ отъ роду церкви, и вызвала изъ этихъ земляноkъ чудовищныхъ отмстителей за чудовищное злоупотребленіе церковнаго права. Козаки Хмельницкаго, осквернивъ и разоривъ збаражскіе костелы, повыбросили изъ усыпальницъ останки католическихъ пановъ и ксендзовъ, причемъ досталось и трупамъ православниковъ, похороненнымъ по-пански.

Въ числѣ поруганныхъ ими усопшихъ былъ и знаменитый примиритель Польши съ Турціей, князь Криштофъ Збаражскій. По сказанію збаражскаго стихотворца, бѣжавшаго изъ объятаго ужасомъ города, самъ Хмельницкій ругался надъ прахомъ князя Криштофа и его княгини, говоря, что и мертвому льву надобно вырвать бороду. Не предчувствовалъ онъ, что разогнанная имъ отъ плуговъ и токовъ шляхта хлынетъ опять на мѣста своей колонизаціи, и что надъ нимъ самимъ, въ его Суботовѣ, повторится дикая расправа съ мертвымъ львомъ.

Стоя въ Збаражѣ, Хмельницкій объявилъ своей козацкой радѣ, что намѣренъ вернуться въ Украину, послать на сеймъ уполномоченныхъ отъ Запорожскаго Войска и дожидаться избранія короля. Къ этой рѣшимости привело его извѣстіе, полученное изъ Москвы. Москва вовсе не была намѣрена содѣйствовать опустошительному вторженію днѣпровской и крымской дичи въ сосѣднее государство, хотя и на варшавской конвокаціи первымъ словомъ открывшаго ее оратора было *московское коварство* (Moskiewska perfidia). Напротивъ, Запорожское Войско получило отъ молодаго царя внушеніе—пріостановить разливъ христіянской крови и примириться съ панами. Тишайшій государь услаждалъ свои царственныя заботы мыслью, что у него нѣтъ недруга во всемъ христіянскомъ свѣтѣ, и не хотѣлъ сдѣлать Полякамъ „никакой неправды въ ихъ упадкѣ и въ безглавное тогдашнее время“.

Мысли Хмельницкаго обратились къ польскому королю, котораго избраніе зависѣло теперь отъ него. Новый, обязанный ему престоломъ, король могъ упрочить за нимъ его положеніе вѣрнѣе, чѣмъ козакотатарская орда, которой перемѣнчивость относительно его особы, драгоцѣннѣйшей для него всего на свѣтѣ, свидѣтельствовалъ онъ своею пятитысячною гвардіею. Но разлакомившіеся козацкимъ счастьемъ сподвижники Хмеля, не хотѣла знать ничего, кромѣ войны. Козацкая орда требовала, чтобъ онъ шелъ *кончáти Ляхóвъ* по идеѣ предшественниковъ его. Краковъ и Варшава должны быть разрушены! Все

ваннымъ на тѣхъ зыбкихъ правилахъ долга и чести, которыя характеризовали всѣхъ просвѣщенныхъ іезуитами шляхтичей. Онъ-то, этотъ Выговскій, доигралъ относительно Тишайшаго Государя ту роль, которую самому Хмельницкому не дала доиграть одна привычка къ неумѣренному пьянству. Безъ совѣта Выговскаго не дѣлалъ Хмельницкій ниодного шага. Все, что у Хмеля было двумысленнаго въ сношеніяхъ съ Поляками, Москвой, Татарами, Турками, Волохами, Венграми, Нѣмцами, принадлежало на добрую долю Выговскому. Отъ него, безъ сомнѣнія, научился Хмельницкій туманить и самихъ козаковъ, которые воображали, что правятъ своимъ гетманомъ, какъ шляхта правила королемъ, а между тѣмъ исполняли то, что было нужно ему.

Ниодной крѣпости и города не занялъ Хмельницкій по выходѣ изъ Пилявецкаго „курятника“. Города козакамъ, какъ и Татарамъ, были не нужны. Черезъ знаменитый будущею осадою Зборажъ и черезъ Старый Константиновъ прошелъ онъ, забавляясь вырываньемъ бороды мертвымъ львамъ: эти города совсѣмъ опустѣли. Въ Бродахъ оставилъ онъ такую часть войска, которая была способна только опустошать окрестности, и лишь для виду наказалъ этому отряду овладѣть замкомъ, а съ городомъ древняго русскаго князя Льва, какъ увидимъ, игрался, точно съ мышью котъ, пресыщенный уже ловитвою.

Тамъ давно началась тревога. Ополяченный съ XIV столѣтія Львовъ, эту столицу Руси и редутъ отъ внѣшняго непріятеля (Metropolim Russiae et propugnaculum ab internis hostibus), какъ величали его Поляки, считали они гнѣздомъ тайныхъ заговорщиковъ противъ польскаго отечества, и самый бунтъ Хмельницкаго былъ у нихъ „бунтъ Русскій (rebellia Ruska)“.

За недѣлю до Пилявецкаго бѣгства, львовяне вопіяли къ королевичу Каролю о защитѣ ихъ отъ непріятеля. „Уже цѣлыхъ три мѣсяца безъ остановки льется кровь днемъ и ночью“ (писали они). „Русскій бунтъ и соединившаяся съ язычниками хлопская сволочь отправляютъ въ Запорожье страшныя массы награбленнаго добра, армату, пушки, порохъ, и священное, и мірское, отдаютъ въ языческую неволю столь многія тысячи людей. Ежедневно, ежечасно это безчестное предательство подползаетъ къ нашей крови, идетъ сюда пожаромъ уже подъ самыя львовскія стѣны. Ничего неприкосновеннаго, ничего безопаснаго, ничего обезпеченнаго! Уже и въ самомъ городѣ открываются явныя измѣны и ежедневно—ночные заговоры. Глядя на это и видя дальнѣйшую опасность, здѣшніе граждане и братья наши, бѣжавшіе сюда изъ другихъ воеводствъ, думаютъ уходить отсюда,

спасая жизнь, такъ какъ Рѣчь Посполитая не озаботилась никакимъ спасеніемъ и оборонои этого города, и у ихъ милостей пановъ региментарей, прося покорнѣйше, не вымолила и одного десятка гарнизона".

Они умоляли королевича, чтобъ онъ оставилъ у нихъ для защиты свой полкъ, такъ какъ этотъ полкъ „или не пройдетъ къ войску сквозь Татаръ и своевольныя купы, или придетъ послѣ битвы, дай Боже счастливой".

Извѣстіе объ этой ожидаемой съ такимъ страхомъ битвѣ вырвало у нихъ изъ груди крикъ отчаянья: „Теперь мы совсѣмъ погибли (Zginęliśmy już totaliter!)"... „Нѣтъ никакой надежды на правителей государства, nadziej żadnéj in Principibus Regni nie mamy" (весьма вѣрно писали они своимъ друзьямъ). „Развѣ особенный промыселъ Божій будетъ спасать насъ чудеснымъ способомъ".

„Еще 24 іюня" (говоритъ авторъ письма) „предсказывалъ я, что будетъ изъ тріумвирата коронныхъ региментарей: теперь предсказаніе мое исполнилось"...

Во Львовѣ до того были напуганы „Русскою ребелліей" и тѣми татарокозацкими купами, которые могли не допустить королевичева полка въ дѣйствующую армію, что изъ Торговой Горки одинъ шляхтичъ писалъ къ другому отъ 18 (8) августа, опереживая событія, будто мѣщане сами сожгли Краковское предмѣстье, а также монастырь и костелъ босыхъ кармелитовъ для безопаснѣйшей обороны.

Еще недавно жители Львова видѣли дивное по своей нарядности войско на пути его къ Пилявцамъ. Теперь гетманы этого войска ушли ночью изъ своего лагеря, точно воры, застигнутые хозяиномъ. По ихъ слѣдамъ пришли къ столицѣ древнерусской *Владимиріи*, перековерканной въ *Лодомерію*, опустошители края, возстановленнаго послѣ Татарскаго Лихолѣтья безпримѣрными трудами и подвигами польскорусскихъ колонизаторовъ. Многочисленныя сермяжныя и кожушныя полчища ихъ, въ сопровожденіи потомковъ Батыевой Орды, появились подъ стѣнами Львова на смѣну блестящихъ культурниковъ. Теперь имъ не было преграды въ стремленіи за Бѣлую Рѣку. Теперь нашему Хмелю оставалось только возвеселить завзятыя души Криштофа Косинскаго и Царя Наливая разрушеніемъ Кракова, который пощадилъ какъ-то и Батый, гостя въ немъ, какъ Болеславъ Храбрый въ Кіевѣ. Но Хмельницкій не смѣлъ сдѣлать того, на что дерзали оба начинателя козацкихъ бунтовъ. Если онъ и не былъ умнѣе этихъ безсмысленныхъ руинниковъ, то его время поумнѣло. Не Львовъ остановилъ его, какъ это пріятно думать польскимъ патріотамъ города,

въ которомъ испарился патріотизмъ русскій и, какъ болячка, притался патріотизмъ козацкій. Городъ нашего славнаго князя Льва не былъ приготовленъ къ оборонѣ иноземнымъ правительствомъ, обманувшимъ его падежды на „благоденственное и мирное житіе“; а муниципальная республика львовская не имѣла ни денегъ, ни оружія, ни съѣстныхъ припасовъ. Остановила козака Тамерлана политическая комбинація, передъ которой „страшѣнна козацька сила“ оказывалась весьма слабою.

Первые пилявецкіе бѣглецы, прискакавшіе къ Полякамъ, Армянамъ и Жидамъ, подавившимъ во Львовѣ русскихъ аборигеновъ, трагически терзали на себѣ въ слезахъ одежу. Они плакали о гибели отечества, которое для огромнаго большинства ихъ заключалось въ скарбовыхъ возахъ да въ раззолоченныхъ каретахъ, да въ утраченныхъ маіонткахъ. Они громко проклинали своихъ региментарей и кричали, что непріятель идетъ за ними „въ копыто“. Отсталые въ бѣгствѣ подтверждали слова самыхъ быстрыхъ, и спѣшили, подобно Князю Доминику, убраться подальше изъ опаснаго города. Въ домахъ и улицахъ поднялась неизобразимая суматоха. Хотѣли затворить ворота, чтобы не вторгнулся въ нихъ непріятель, — невозможно было этого сдѣлать: такъ густо одни тѣснились въ городъ, а другіе рвались изъ города, ища безопасности каждый по-своему.

Отъ Пилявцевъ до Львова считалось 40 миль. Это пространство пролетали паны-бѣглецы въ 36 часовъ, тогда какъ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ (говорили насмѣшники) иной вельможный панъ ѣхалъ бы сюда цѣлые полгода. Изнуренные, голодные, не знавшіе доселѣ никакой бѣды „панята“ лишались голоса.

Одни изъ бѣглыхъ пановъ приводили горожанъ въ ярость; другіе внушали участіе. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и князь Вишневецкій, который (говорили въ толпѣ) „потерялъ все, что имѣлъ“, и которому одинъ Армянинъ далъ обѣдъ и постель.

Замѣчательно, что Поляки не исключаютъ ни князя Вишневецкаго, ни Осинскаго изъ поддавшихся общей паникѣ, и героя того времени изображаютъ прискакавшимъ съ Пилявецкихъ Полей въ одиночку. По ихъ описанію всѣ представители Польши единодушно струсили. Никто изъ тѣхъ, которые носили такія громкія имена, какъ Замойскій, Жовковскій, Конецпольскій, не сказалъ, подобно нашимъ древнимъ Русичамъ: „Мертвымъ не стыдно: лучше быть побитыми, нежели полоненными“. Никто не рѣшился лечь подъ Пилявцами костьми, чтобы не видѣть срама польскому отечеству. На мольбы мѣщанъ, чтобы не оставляли города, его жителей и святынь безъ обороны, ученый Остророгъ, чтившій традиціи великаго Конецпольскаго, отвѣ-

чалъ, что все потеряно, и что лучше отдаться на волю непріятеля, нежели отваживаться на невозможный отпоръ. Таково было могущество Хмельницкаго. Поляки думали, что ему помогали „неслыханныя чары"; но въ Москвѣ, какъ увидимъ далѣе, измѣряли это могущество нравственнымъ безсиліемъ Поляковъ.

Львовскіе торгаши оказались болѣе мужественными, чѣмъ избранники Шляхетскаго Народа, тріумвиры. Составивъ собственный военный совѣтъ, они послали къ Остророгу другую депутацію съ объявленіемъ, что постановили спасать себя и спотыкнувшуюся (szwankującą) Рѣчь Посполитую кровью и имуществомъ своимъ; что сдѣлаютъ государству заемъ, дадутъ оружіе и все, что будетъ нужно для обороны. Такъ пристыдили они шляхту и пановъ, которые исключили мѣщанство изъ государственныхъ сословій своихъ. Такъ показали они, что сила общества заключается не въ привилегіяхъ, а въ разумной хозяйственности.

Скитавшіеся по львовскимъ предмѣстьямъ жолнеры соглашались продолжать службу, но не хотѣли знать региментарей, которые уходятъ изъ войска, и требовали, чтобы главнымъ вождемъ былъ назначенъ князь Вишневецкій. Этимъ они засвидѣтельствовали, что его никто не заподозрилъ въ малодушномъ бѣгствѣ, и спасли его военную репутацію отъ пятна общей трусости.

Собралась въ костелѣ Бернардиновъ генеральная рада. Въ составъ этой рады вошли—и королевскій агентъ по козацкимъ дѣламъ, Радзѣёвскій, и вѣчный банитъ-инфамисъ, Лащъ (о Конецпольскомъ не было слышно). Кто и въ какой степени былъ теперь инфамисъ, львовскому купечеству и мѣстному шляхетству было не до того. Небывалая и неслыханная трусость представителей Польши понизила и въ самой шляхтѣ гордое сознаніе своего достоинства. Между тѣмъ непріятель всего зажиточнаго и осѣдлаго могъ, какъ думали, нагрянуть ежеминутно. Вмѣстѣ съ ротмистрами, ихъ поручниками, то-есть намѣстниками, и войсковыми товарищами, набралось всего въ генеральной радѣ 3.000 голосовъ.

Остророгъ сидѣлъ среди собранія, какъ осужденный на смерть. Онъ и писалъ о себѣ, что самая реляція о Пилявецкомъ бѣгствѣ равняется для него смертной казни. Между членами импровизированной рады были такіе, которые дѣлали ему въ глаза жестокіе упреки. Но какъ ни волновалась панская рада въ своемъ раздраженіи, она все-таки была человѣчнѣе козацкой рады, которая на Старцѣ подвергла дикому своему суду полковника Филоненка.

Главнокомандующимъ избрали единодушно Вишневецкаго. Долго не соглашался на трудную и безнадежную въ настоящемъ случаѣ должность нашъ Байдичъ, наконецъ уступилъ критическому времени и страстнымъ просьбамъ собранія, но гетманскую булаву принялъ онъ только подъ условіемъ, чтобы товарищемъ его остался Осторогъ,— и собраніе тотчасъ же приступило съ просьбами къ человѣку, котораго недавно готово было растерзать. Осторогъ не хотѣлъ пользоваться великодушіемъ князя, но его упросили остаться въ своемъ званіи, для сохраненія достоинства Рѣчи Посполитой, которая сдѣлала его регименторемъ.

Честь владычествующаго совсѣмъ не честно пола велитъ упомянуть, что починъ прекраснаго общественнаго дѣла принадлежалъ въ этомъ случаѣ женщинѣ. Когда собралась рада, и ея первенствующіе члены затруднялись, въ присутствіи поруганнаго нѣкоторыми Осторога, заговорить о перемѣнѣ полководца,—въ костелъ вошла смѣлая шляхтянка, Катерина Слонёвская. Она повергла къ ногамъ Вишневецкаго свое имущество и серебро отъ монахинь кармелитокъ, заклиная князя именемъ Бога, святыхъ патроновъ края и всѣмъ, что есть драгоцѣннѣйшаго въ свѣтѣ, стать во главѣ народнаго ополченія и спасать отечество. Энтузіазмъ ея овладѣлъ всѣмъ собраніемъ, и посрамленная бѣгствомъ панская честь была возстановлена какъ выборомъ достойнѣйшаго полководца, такъ и его благороднымъ обращеніемъ къ несчастному сподвижнику.

Немедленно были разосланы универсалы, созывающіе разсѣянныя войска подъ Львовъ. Въ виду козакотатарскаго нашествія, жители не боялись давать подъ простыя расписки значительныя суммы (напримѣръ, какой-то Бруховецкій далъ 14.000, а Грабянка 80.000 злотыхъ *). Костелы жертвовали своими украшеніями, женщины—драгоцѣнностями. Въ нѣсколько дней было собрано милліонъ злотыхъ наличными деньгами и 300.000 дорогими вещами, то-есть въ 17 разъ больше той суммы, какая оказалась въ Коронномъ Скарбѣ во время конвокаціи. Снарядили 4.360 жолнеровъ, за невозможностью созвать больше. Остальныя деньги роздали ротмистрамъ для вербовки.

Но въ этотъ грозный моментъ Вишневецкій поступилъ такъ, какъ поступали древніе московскіе государи въ тяжкія времена нашествія Татаръ на самую столицу ихъ. Оставаться съ небольшимъ гарнизономъ во Львовѣ значило бы только—пасть подъ его развали-

*) Одно имя знакомо намъ по извѣстному козаку-предателю, другое—по фальшивому лѣтописцу малорусскому.

нами съ оружіемъ въ рукахъ. Съ него было мало такого подвига. Воспользовавшись непонятною тогда ни для кого медлительностью нашего Тамерлана, Вишневецкій занялъ сильную крѣпость Замостье, достойный Яна Замойскаго памятникъ, съ цѣлью преградить непріятелю путь къ столицѣ и создать новую армію. Во Львовъ прислалъ онъ своего ротмистра Цихоцкаго съ 50-ю драгунами, и Цихоцкій не уклонился отъ опаснаго поста. На Вишневецкаго роптали во Львовѣ; но для насъ понятно, что онъ, принявъ булаву отъ представителей „споткнувшагося" государства, долженъ былъ служить не одному только городу Львову.

Львовская мѣщанская республика не потерялась, однакожъ, отъ этой неожиданности, какъ ни сильно возмутила она съ начала гражанъ, люди торговые вооружились лично и увеличили оставленный имъ ничтожный гарнизонъ, а во главѣ своего ополченія поставили ратмана Грозвайера. Вишневецкій поручилъ оборону Львова генералу артиллеріи, Кристофу Артишевскому, ветерану голландской службы въ Америкѣ, завоевавшему Ріо-Жанейро. Это былъ родственникъ старыхъ колонизаторовъ кіевскаго пограничья, владѣльцевъ мѣстечка Липоваго, оставившій родину изъ религіозныхъ несогласій. Но Артишевскій не принялъ званія коменданта, видя недостатокъ въ артиллеристахъ и съѣстныхъ припасахъ. Онъ согласился только служить опытными своими совѣтами воинственному городскому ратману, до прибытія ожидаемой помощи изъ Пруссіи.

Тогдашній Львовъ заключалъ въ себѣ всего 400 домовъ, и былъ окруженъ стѣною, въ видѣ четвероугольника, потомъ—рвомъ, далѣе—валомъ и наконецъ — другой стѣною, укрѣпленною 17-ю башнями. Надъ городомъ возвышался древній, такъ называемый Верхній Замокъ, построенный изъ тесаннаго камня и кирпича въ незапамятныя времена, на высокой среди плоской мѣстности горѣ. Кромѣ того, съ юга городъ обороняли укрѣпленный монастырь, называвшійся Бернардины, съ запада топкія болота, а съ сѣвера Нижній Замокъ, укрѣпленный сильнѣе прочихъ оборонныхъ пунктовъ.

Но въ военное время составляли важное неудобство два предмѣстья, заключавшія въ себѣ 1.500 домовъ и домиковъ. Между предмѣстьевъ, на западной и восточной сторонахъ, были разбросаны сады, лѣтнія купеческія жилища, пасѣки, виноградники и множество красивыхъ домовъ, костеловъ, монастырей. Здѣсь красовалась на холмѣ и знаменитая русинская церковь, „Святый Юръ". Все это пространство было обведено, въ приступныхъ мѣстахъ, валомъ, въ предѣлахъ котораго, вмѣстѣ съ городомъ, считалось 30.000 жителей.

Было очевидно, что оба предмѣстья скоро перейдутъ въ непріятельскія руки, и предмѣщане должны будутъ уходить въ городъ. Кромѣ голода, который, въ такомъ случаѣ, грозилъ уже издали городу, не меньшая опасность угрожала ему и со стороны Верхняго Зàмка, который находился въ такомъ же запущенномъ состояніи, въ какомъ были укрѣпленія кіевскія, находились подъ воеводствомъ богатѣйшаго изъ малорусскихъ пановъ, игравшаго притомъ роль охранителя православныхъ святынь. Въ немъ помѣстили покамѣстъ только 50 присланныхъ Вишневецкимъ драгунъ, которые могли дать непріятелю только слабый отпоръ. Занявъ столь важный пунктъ, непріятель могъ обстрѣливать городъ своими полевыми пушками и принудить къ сдачѣ. Это видѣли мѣщане хорошо, и однакожъ рѣшились обороняться.

Скоро появились козаки, въ сопровожденіи Татаръ, къ которымъ подошелъ и знаменитый Тогай-бей съ своей Ордою. Они прорвались въ предмѣстья, сломивъ мѣщанъ, оборонявшихъ валъ и частоколы. Козакамъ помогали мужики, увеличивавшіе массу панскихъ враговъ по мѣрѣ ея движенія впередъ. Предмѣщане съ дѣтьми и пожитками крылись въ костелахъ, ютились у Кармелитовъ, Бернардиновъ, Доминиканъ, у Святаго Юра, бѣжали въ Верхній Зàмокъ и въ городъ. У городскихъ воротъ столпились тысячи возовъ и народу, подъ защитой пушекъ, отпугивавшихъ непріятеля.

Разъяренные сопротивленіемъ и жадные добычи хмельничане бросились было уже на валы самого города, и ничто бы не остановило ихъ подавляющей массы. Но Хмельницкому было не до занятія и даже не до разоренія городовъ. Къ изумленію своихъ и чужихъ людей, онъ прекратилъ битву въ рѣшительный моментъ.

Непонятныя никому дѣйствія опустошителя Польши и вмѣстѣ съ нею Руси внушали козацкимъ кобзарямъ набожные стихи:

Тілько Богъ святый знàе,
Щò Хмелни̂цький дỳмае-гадàе...
Про те не знàли нì джỳры козàцькі,
Нì мỳші громàдзькі:
Тілько Богъ святый знàе,
Щò Хмелни̂цький дỳмае-гадàе...

Набожные не меньше кобзарей ксендзы изъ прекращенія битвы въ самую опасную минуту сдѣлали чудо. Передъ козакомъ Тамерланомъ явился въ облакахъ молящійся на колѣняхъ бернардинъ, въ которомъ они безъ труда узнали Swiętego Jana z Dukli. Этому Св. Яну

изъ Дукли, по удаленіи козаковъ и Татаръ, воздвигли они колѣнопреклоненную статую, существующую и нынѣ.

Не столь были счастливы львовскіе схизматики, спрятавшіеся у Святаго Юра своего, воображая, что козаки пощадятъ ихъ не только внутри православнаго храма, но и въ самой оградѣ его. Хмельницкій извинялъ „простака“ Кривоноса, который не умѣлъ совладать съ домашними Татарами своими, но теперь самъ оказался такимъ же простакомъ. Козацкая орда сперва перебила или продала ордѣ татарской тѣхъ несчастныхъ, которые столпились вокругъ Святоюрской церкви на цвинтарѣ *). Спрятавшіеся въ самой церкви заперли двери надежными засовами. Но „борцы за православную вѣру и русскую народность“, по Костомарову *единственные* борцы, продолбили въ стѣнахъ отверстія и стрѣляли внутрь церкви, нужды нѣтъ, что, по ихъ же кобзарскимъ думамъ, считалось великимъ грѣхомъ—не снять шапки передъ церковью, „домомъ Божіимъ“ и не „положить на себя креста“. Наконецъ запертыя двери уступили козацкимъ колепамъ **).

Тогдашній львовскій поетъ, Армянинъ Зиморовичъ, пѣвецъ полей и мирной сельской жизни, слѣдовательно другъ мѣстной Руси, освѣтилъ передъ нами въ Святомъ Юрѣ картину, напоминающую подвиги Гренковича въ „Межигорскомъ Спасѣ“.

Козаки выволакивали побитыхъ людей на паперть съ крикомъ: *Галдй! Галдй! бре, гауре!* (прикидывались Татарами передъ небеснымъ патрономъ родной нашей Владимеріи). Когда въ алтарѣ „старый игуменъ“ увѣщевалъ ихъ прекратить разбой, эти ревнители древняго русскаго благочестія, эти единственные борцы за православную вѣру, допытывались у него, гдѣ спрятаны деньги, а для большаго убѣжденія облили ему голову горілкою и подожгли свѣчками. „Гей, пробі, ***) христіане! віра! віра!“ кричалъ бѣднягa; но козаки отвѣчали съ малорусскимъ юморомъ своимъ, съ тѣмъ самымъ юморомъ, съ какимъ дарили изпасилованныхъ шляхтянкамъ алыя ленты, *чередні стрічки*: „Батеньку, не трѣба намъ тебеі віры, лишѣ дідчихъ грошей“. ****)

Такъ поступали освободители Русской Земли и съ другими единовѣрцами своими. Они считали милостью уже и то, что вывора-чи-

*) Малороссы донынѣ кладбище (обыкновенно устраиваемое прежде вокругъ церкви) называютъ по-польски цвинтаремъ (cmętarz).

**) Чеканамъ, которые назывались и *обухами*.

***) Малорусское восклицаніе *пробі!* или *пробу!* заимствовано изъ польскаго prze Bòg! (ради Бога).

****) Дьявольскихъ денегъ. (*Дідько*—дьяволъ).

вали только карманы святоюрцамъ. На вопли о единовѣріи они отвѣчали игриво: „Такъ, такъ, да въ тѐбе ля̀цькі гро́ші; но̀сишъ при собі̀ найбі̀льшихъ на̀шихъ ворогі̀въ: до му̀симо тебѐ скара̀ти“.

Перебивши и обобравши въ святоюрскихъ стѣнахъ живыхъ людей, принялись козаки и за мертвыхъ: вскрывали и разбивали гробы львовскихъ борцовъ за православіе, борцовъ дѣйствительныхъ, не такихъ, какими, на посрамленіе національнаго достоинства нашего, дѣлаютъ у насъ хмельничанъ; выбрасывали полуистлѣвшіе трупы; долбили стѣны, всюду искали спрятанныхъ скарбовъ. Наконецъ добрались и до образа Св. Георгія. На немъ была серебряная шата. Козаки сорвали ее, приговаривая съ обычными своими *жа̀ртами*: „Не здиву̀й намъ, Святы̀й Юру! проща̀й намъ за се“, и т. п. *)

Между тѣмъ другіе молодцы, оставшись безъ работы по непонятному повелѣнію гетмана, заняли Шемберкову (нынѣ Вронёвскаго) гору, взобрались на кровли опустѣлыхъ костеловъ и домовъ по близу городскаго вала, стрѣляли изъ оконъ, изъ-за угловъ, съ кровель и домовыхъ трубъ въ городъ. Жители рѣшились на отчаянную, хотя давно предвидѣнную, мѣру—сжечь предмѣстья. Ночью былъ подложенъ огонь въ ближайшихъ строеніяхъ, и Львовъ запылалъ вокругъ своего тѣснаго четвероугольника. Непріятель оставилъ предмѣстья, но зато дымъ душилъ осажденныхъ, а раздуваемое вѣтромъ пламя угрожало пожаромъ и самому городу. Истребленіе Львова посредствомъ огня не входило въ соображеніе новаго Батыя, такъ точно какъ и взятіе приступомъ. Татары пришли къ нему великой Ордою, и ему теперь надобно было отпустить ихъ. Пилявское бѣгство перемѣнило военный планъ его. Онъ привелъ сюда козацкихъ соратниковъ только для того, чтобы заплатить имъ польскими, жидовскими и русинскими деньгами, выжатыми изъ города, который широко слылъ богатымъ.

На другой же день по сожженіи предмѣстій прискакалъ отъ него подъ городскія укрѣпленія гонецъ, держа высоко надъ головой шапку, чтобы по немъ не стрѣляли, и оставилъ воткнутый въ землю шестъ съ письмомъ написаннымъ по-русски. Хмельницкій требовалъ выдачи князя Вишневецкаго, Конецпольскаго и всей бѣглой шляхты; въ противномъ случаѣ грозилъ приступомъ, а Русиновъ увѣщевалъ, чтобъ

---

*) Почитаніе и вмѣстѣ поруганіе иконъ можно встрѣтить еще и теперь въ Козацкомъ Народѣ (независимо отъ штунды). Считаютъ, напримѣръ, грѣхомъ ветхій образъ сжечь. Его пускаютъ на воду. Но иногда ставятъ въ *комо̀рѣ*, приговаривая: „Неха̀й мы̀ші ло̀вить“.

они въ то время, когда городъ начнутъ грабить, заперлись въ церквахъ.

Требованіе свое подкрѣпилъ онъ движеніемъ на приступъ подъ предводительствомъ знаменитаго Перебійноса. Но приступъ, очевидно, былъ фальшивый, и кончился тѣмъ, что козаки перерубили водопроводныя трубы. Это Хмельницкому было нужнѣе истребленія города. Мѣщане написали къ нему, что ни требуемыхъ пановъ, ни шляхты во Львовѣ нѣтъ, и просили его не жаждать пролитія христіянской крови.

Вмѣсто отвѣта на просьбу, Хмельницкій, на другой день, велѣлъ штурмовать Верхній Зàмокъ, теперь уже защищаемый нѣсколькими тысячами львовянъ, подъ предводительствомъ бургграфа Братковскаго. Бились они съ козаками мужественно, и цѣлый день отражали приступъ. Зато козаки взяли монастырь Кармелитовъ, и вырѣзали въ немъ все живое, по козацкому выраженію, до ноги.

Во время штурма было получено въ городѣ и другое письмо отъ Хмельницкаго, на польскомъ уже языкѣ, съ требованіемъ выдачи Жидовъ, которые де были причиной этой войны: ибо давали деньги на вербовку жолнеровъ противъ козаковъ.

Наши историки сперва повторяли вымыслы кобзарей о жидовскомъ глумленіи надъ церквами и вѣрою, а потомъ вооружались на нихъ за аренды и откупы, которые кобзарскія думы переносили даже на Самару и Саксаганъ. Но Хмельницкій своимъ письмомъ опровергъ козацкихъ панегиристовъ, указавъ совсѣмъ на иную причину жидоистребленія. И попамъ, и ксендзамъ, и панамъ, и Жидамъ козаки могли повторять искренно слова святоюрскихъ героевъ своихъ: „Бàтеньку, не трѐба намъ твоѐі віры, лишѐ дідчихъ грошей“.

Мѣщане отвѣчали Хмельницкому, что Жиды—тѣ же подданные короля и Рѣчи Посполитой, несущіе всѣ издержки и подвергающіеся всѣмъ опасностямъ вмѣстѣ съ городомъ.

На третій день Хмельницкій прислалъ грозное требованіе, чтобы городъ приготовилъ для Татаръ 200.000 дукатовъ. Все, чтó до сихъ поръ дѣлалъ онъ съ городомъ, и имѣло только эту цѣль, и татарскій побратимъ не ошибся въ своемъ разсчетѣ: сенатъ городской республики называлъ полученную имъ новость *счастливою* послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ осажденными бѣдствій. Онъ просилъ у Хмельницкаго *глейта*, или безопаснаго пропуска для своихъ пословъ. Съ этой просьбой отправился въ козацкій таборъ ксендзъ Андрей Гункль Мокрскій, регулярный каноникъ и эксъ-іезуитъ, бывшій наставникъ Хмельницкаго въ ярославскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ *).

*) Шляхетская фамилія Мокрскаго существуетъ и нынѣ во Львовѣ.

Не напрасно іезуиты воспитывали юношество въ явныхъ добродѣтеляхъ и въ тайныхъ порокахъ: такое воспитаніе приносило имъ въ житейскихъ дѣлахъ безцѣнную пользу, какъ это было и въ настоящемъ случаѣ. Мокрскій принесъ отъ Хмельницкаго самый благопріятный отвѣтъ. Тогда немедленно были отправлены къ нему городскіе уполномоченные, въ числѣ которыхъ представителемъ Русской улицы, единственно принадлежавшей Руси во Львовѣ, явился Павелъ Лаврисевичъ *).

Глейтъ изображали собою два гетманскіе эсаула. Они провели уполномоченныхъ пословъ къ малому костелу Св. Петра. Влѣво отъ него стояла Орда, а вправо занималъ войсковую квартиру Хмельницкій вмѣстѣ съ Тогай-беемъ, котораго называлъ онъ передъ королевскими послами, братомъ своимъ, душою своею, единымъ соколомъ на свѣтѣ. Оттуда велѣли имъ ѣхать въ Лисеницы, за милю отъ Львова, гдѣ жилъ панъ гетманъ.

Хмельницкій принялъ ихъ ласково и потчивалъ горілкою. Послы плакали, представляя побѣдителю бѣдствія, постигшія городъ ихъ, и молили его уменьшить окупъ. Видя ихъ слезы, воспитанникъ лицемѣровъ по профессіи заплакалъ вмѣстѣ съ ними, но не уступилъ ни одного дуката. Онъ произносилъ привычные случаю монологи, обвиняя въ общихъ несчастіяхъ Вишневецкаго и Конецпольскаго. „Вы требуете отъ меня милосердія“ (сказалъ онъ между прочимъ). „Я самъ не испытывалъ его. Довольно вамъ съ меня того, что я оставляю васъ живыми. Это великое милосердіе, и за него вы мнѣ посвѣтите съ двумя стами тысячъ червоныхъ злотыхъ. Вотъ вамъ оставляю еще Жидовъ, этихъ запачканныхъ плюгавцевъ, и не домогаюсь ихъ, лишь бы только вложили они довольно въ эту сумму, накопивши столько скарбовъ изъ козачества на Украинѣ“.

Наконецъ, переговоривъ съ Тогай-беемъ въ открытомъ полѣ, созвалъ онъ въ свѣтлицѣ у предводителя козацкаго загона, полковника Остапа Павлюка, татаро-козацкую раду. Первыя мѣста заняли Татары: Тогай-бей съ Султанъ-калгою (первымъ изъ двухъ соправителей хана) и Пири-агою; послѣ нихъ сѣлъ Хмельницкій съ полковниками. Козаки держали въ рукахъ по золотой булавѣ, украшенной драгоцѣнными каменьями. Одна изъ нихъ еще недавно принадлежала „ясноосвѣщенному князю“, не дождавшемуся личнаго поклона отъ

*) Лаврисевичи также существуютъ во Львовѣ, но не знаю, ополячились ли они, или только не доляшествуютъ въ уніи, которую наши тамошніе соплеменники приняли въ 1720 году.

Хмельницкаго и всего Запорожскаго Войска подъ Пилявцами. Но рада была прервана извѣстіемъ, что верхній замокъ взялъ наконецъ Кривоносъ, онъ же и Перебійносъ. Дѣйствительно, бургграфъ Братковскій, истощивъ запасъ пороха и пуль, отступилъ еще ночью въ городъ, и козаки, вломившись въ это пристанище смѣшаннаго народа, рубили съ плеча, сколько было имъ любо *), а остальныхъ, обобравъ до-нага, гнали келепами на продажу Татарамъ. Кровь изъ Верхняго Замка лилась ручьями въ самый городъ, а замковый дворъ нашли потомъ заваленнымъ тѣлами побитыхъ.

Эта вѣсть напомнила львовскимъ уполномоченнымъ о Полонномъ и ускорила рѣшеніе вопроса между лицедѣемъ страшной сцены и его ужасавшимися зрителями. Уполномоченные обѣщали выплатить окупъ немедленно. Хмельницкій послалъ за полученіемъ денегъ полковника Головацкаго, окозачившагося шляхтича, извѣстнаго своею жадностью къ добычѣ и развратною жизнью, а Тогай-бей, съ своей стороны, послалъ Пири-агу, татарскаго обознаго. Этихъ коммисаровъ сопровождалъ отрядъ мурзъ, есауловъ, козацкихъ и татарскихъ писарей; и только тогда прекратились непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ.

Мѣщане прежде всего задобрили обоихъ коммиссаровъ, давши Головацкому 100 талеровъ, да оружіе въ дорогой оправѣ, всего на 1.500 злотыхъ. Пири-ага получилъ всего на 990, его мурзамъ дали 2.100, козацкимъ есауламъ и писарямъ 1.000 злотыхъ. Вся эта хищная ватага согласилась тогда на униженную просьбу мѣщанъ (укрывавшихъ цѣнную собственность заблаговременно) засвидѣтельствовать передъ вождями, что у нихъ остались только расписки Вишневецкаго въ полученіи денегъ, что они наличной суммы не имѣютъ, а предлагаютъ окупъ товарами и всѣмъ, что ни окажется въ городѣ. Сдѣлана была ревизія костеловъ, церквей, монастырей и городскихъ домовъ. Татаро-козацкая коммиссія всюду брала наличность и всѣ товары съ драгоцѣнностями по нарицательной цѣнѣ, полотно, одежду, шапки, сапоги, давая ручательство собственникамъ, что все это уплатитъ Рѣчь Посполитая. Собранное такимъ образомъ добро препровождалось возами въ таборъ побѣдителей. Тогай-бей далеко превосходилъ въ этомъ случаѣ козаковъ точностью оцѣнки и домога-

*) Въ пѣснѣ о Перебійносѣ, записанной мною самимъ, поется:

Рубáе мечéмъ гóловы съ плечéй,
А рéшту тóпить водóю.

тельствомъ. Городъ былъ вынужденъ подарить и самому Хмельницкому богатыхъ одеждъ и сбруй на 20.000 злотыхъ. Ни одинъ козацкій старшина не остался безъ соотвѣтственнаго приношенія, а Кривоносъ, воображая себя не менѣе великимъ разбойникомъ, какъ и Хмельницкій, выжалъ изъ мѣщанъ подарковъ тысячъ на пять злотыхъ.

Безчестный во всѣхъ отношеніяхъ торгъ продолжался двѣ недѣли. Между тѣмъ Орда распустила свои загоны во всѣ стороны,—за Ярославль, Перемышль и далѣе по тому Татарскому Шляху, который Кантемиръ-мурза прозвалъ Золотымъ; а Хмельницкій волей и неволей долженъ былъ оставаться подъ Львовомъ, какъ бы на привязи у своего „брата“, не смѣя оставить его здѣсь, точно въ огородѣ козла.

23 (13) октября Тогай-бей съ Султанъ-калгой отступилъ къ Каменцу. На другой день отступилъ къ Замостью Хмельницкій, оставивъ на нѣсколько дней во Львовѣ своего двоюроднаго брата, Захарія Хмельницкаго, съ нѣсколькими есаулами и атаманами, какъ ручательство въ безопасности города со стороны переходящихъ козацкихъ купъ, которыя сновали въ окрестностяхъ и все еще держали жителей какъ бы въ блокадѣ.

Внутри города между тѣмъ чувствовался мучительный голодъ. Трудно было добыть хлѣба, такъ какъ всѣ гумна, до самаго Люблина, были сожжены. Многіе, обѣднѣвъ и тѣснясь въ нездоровыхъ жилищахъ, умирали. Множество валяющихся въ разныхъ мѣстахъ труповъ и падали заражало воздухъ. Настала сильная смертность, такъ что въ три слѣдующіе мѣсяца было похоронено во Львовѣ 7.000 душъ.

Выворотивъ старательно польскіе, армянскіе, жидовскіе и русинскіе карманы во Львовѣ, побѣдоносные козаки шли къ Замостью, воображая, что въ самомъ дѣлѣ прогонятъ Ляховъ за Вислу такъ далеко, что не возвратятся и черезъ три года. Они пѣли приплясывая:

Нуте, козаки, у скоки!
Поберімося у боки:
Позаганяймо Ляхівъ за Вислу,
Щобъ не вернулись и въ три роки!

Но Хмельницкій думалъ свою думу. Съ большими ли потерями, или съ малыми, досталась бы ему знаменитая крѣпость Замойскаго, она завоевателю козаку была не нужна. Хмельницкій обманывалъ и ея гарнизонъ, и своихъ сподвижниковъ маневрами приступовъ, лишь бы сорвать взятку съ пановъ, какъ сорвалъ ее съ мѣщанъ, и угомонить своихъ Перебійносовъ, которые мечтали о разбойномъ равенствѣ

съ нимъ самимъ. Мысли его летали изъ Москвы на варшавскій избирательный сеймъ и обратно. Онъ сознавалъ, что стоитъ между двухъ великихъ силъ, изъ которыхъ каждая можетъ подавить его при извѣстной политической комбинаціи. Онъ боялся своего положенія уже и въ Черкасахъ, откуда льстиво писалъ къ московскому царю отъ 8 іюня: „По смерти короля Владислава многіе сдѣлались королями въ нашей землѣ, и мы желали бы себѣ самодержца государя такого въ своей землѣ, какъ ваша царская велеможность, православный христіанскій царь, чтобы предвѣчное пророчество Христа Бога нашего исполнилося, что всѣ въ рукахъ его святые милости"... Онъ, какъ бы извинялся передъ царемъ, что „посередь дороги Запорожской" побилъ сына Потоцкаго, и что потомъ коронные гетманы „подъ Корсунемъ городомъ попали оба въ неволю"... „Мы ихъ не имали" (писалъ онъ), „но тѣ люди имали ихъ, которые вамъ служили въ той мѣрѣ отъ царя Крымского". Слова *Татары* онъ избѣгалъ передъ „православнымъ христіанскимъ царемъ": это было несовмѣстимо съ его увѣреніемъ, что козаки „помираютъ за старожитную греческую вѣру". Онъ думалъ, какъ думали Поляки, что царь такъ и ухватится за его совѣтъ — поспѣшитъ наступленіемъ „на то государство, а мы де со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ услужить вашей царской велеможности готовы есмя".

Величавое молчаніе Алексѣя Михайловича, надобно думать, сдѣлало на держаго Хмеля такое впечатлѣніе, какъ молчаніе Сигизмунда III на Сѣверину Наливая. Мысль о письмѣ къ московскому самодержцу, очевидно, пришла ему въ голову только тогда, когда онъ очутился на загадочномъ распутьи, точно сказочный удалецъ. Съ кіевскими подвижниками, намѣтившими возсоединеніе Руси четверть столѣтія назадъ, не имѣлъ онъ ничего общаго: иначе — онъ бы отъ нихъ узналъ, какъ слѣдуетъ величать московскаго самодержца, для котораго титулъ имѣлъ значеніе историческое и политическое: не обратился бы къ нему Хмѣль, точно къ татарскому хану: „Наяснѣйшій, вельможный и преславный царь Московской, а намъ многомилостивый государь и добродѣй". Молчаніе царя раздражало его до такой степени, что, перехватывая письма къ пограничнымъ воеводамъ царскимъ изъ Украины, онъ перешелъ къ Наливаевской крайности: отъ 29 іюля написалъ къ нимъ: „за вашу *измѣну* Богъ васъ погубитъ", и подписался, по адресу православнаго царя, *Божіею милостію*.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, не могли смотрѣть на козаковъ-днѣпровцевъ иначе, какъ смотрѣли на нихъ пограничные воеводы, изъ которыхъ одинъ доносилъ о нихъ царю, отъ 7 іюня, какъ о „новыхъ

безбожникахъ, которые на кровь христіанскую саблю татарскую спровадили". Что̀ касается признанія царя на польскій престолъ, то эта мысль, какъ мы видѣли, давно существовала въ шляхетскихъ умахъ, и занимала ихъ теперь весьма серьезно. Не всѣ въ Рѣчи Посполитой вооружались противъ Оссолинскаго за его стремленіе превратить Польшу въ абсолютную монархію: преступный, по мнѣнію однихъ, замыселъ былъ, по мнѣнію другихъ, намѣреніемъ благимъ. Это показывали самые толки о немъ новгородсѣверскихъ урядниковъ, Понентовскаго и Красовскаго, о которыхъ была рѣчь выше. Надобно думать, что польскіе баниты-инфамисты, составлявшіе издавна кадры запорожской вольницы, жаждали перемѣны правленія, которая бы вернула имъ почетное положеніе и освободила отъ козацкой гегемоніи. Хмельницкій чуялъ, къ чему клонятся событія, и по-неволѣ долженъ былъ идти за ихъ теченіемъ. Оно привело его и подъ Замостье.

Теперь сила его надъ панами возросла до ужасающей степени, и еслибы то, что̀ писалъ онъ къ „наяснѣйшему, вельможному и преславному царю московскому" выражало его искреннее желаніе, то никогда не было болѣе удобнаго момента для осуществленія этого желанія. Еще недавно, именно отъ 29 русскаго іюля писалъ онъ къ хотмыжскому воеводѣ, Семену Болховскому, благодарственное письмо, за то, что Москва помогать Ляхамъ не хочетъ, подзадоривалъ православныхъ москвичей извѣстіемъ, будто бы Ляхи „поповъ и духовныхъ нашихъ на колье сажаютъ", и выражалъ желаніе, „чтобы въ такомъ времени православный царь о томъ панствѣ (т. е. государствѣ) Польскомъ могъ постаратися"... „Великій русскій патріотъ" кіевскихъ мечтателей могъ бы теперь заставить пановъ предложить польскую корону Алексѣю Михайловичу, какъ ополяченные Жовковскіе заставили бояръ предложить Мономахову внуку Владиславу Жигимонтовичу,— и русское воссоединеніе совершилось бы безъ кровопролитнаго одолѣнія противниковъ его, Выговскихъ, Юріевъ Хмельницкихъ, Брюховецкихъ, Дорошенковъ, Мазепъ... Но кровавый идолъ козакованъ до конца не зналъ, что̀ дѣлать и что̀ ему надобно дѣлать, чтобы выбраться изъ омута вѣроломства, торжественныхъ присягъ и всяческихъ предательствъ. Его несла кипучая волна событій, и онъ вѣчно боялся, какъ бы она его не захлеснула. Доказательствомъ служитъ, между прочимъ, и его пристрастіе къ ворожбамъ и ворожеямъ, которое управляло имъ во время осады Львова и во время стоянья подъ Замостьемъ.

Хмельницкій принадлежалъ къ людямъ интеллигентнымъ; но іезуитское воспитаніе на томъ и стояло, чтобы взнуздывать самые бойкіе

умы и сохранять надъ ними такъ или иначе власть. Въ случайной встрѣчѣ козацкаго бунтовщика съ ксендзомъ Мокрскимъ, по всей вѣроятности, скрывалась разгадка вопроса: что подавило и затмило умъ его насчетъ царя, къ которому могущественныя событія привели тани его наконецъ, черезъ шесть лѣтъ рѣзни, пожоговъ и всевозможныхъ злодѣйствъ. Много ли, или мало было у него такихъ знакомыхъ, какъ Мокрскій, только онъ возжелалъ теперь содѣйствовать избранію на польскій престолъ экс-іезуита и экс-кардинала, королевича Яна Казимира, котораго, по развѣдкамъ царскихъ людей, въ началѣ козацкой войны желала выбрать одна Корона, а Литва и козаки не желали. Именно трубчевскій воевода, Нащокинъ, доносилъ царю, отъ 8 іюня, о словахъ почепскаго шляхтича, пана Яна Станкевича: „потому де у насъ, Леховъ съ Черкасы война, что де Коруна Полская хочатъ на королевства королевича Казимѣра, а новѣтъ де Литовской съ Черкасы—на королевства королевича Казимера не хотятъ".

Для предварительныхъ переговоровъ съ будущимъ королемъ, Хмельницкій послалъ въ Варшаву того же Мокрскаго. Ему вручилъ онъ и примирительное посланіе къ сеймовымъ панамъ. Въ этомъ посланіи онъ увѣрялъ пановъ, что всему злу виною Александръ Конецпольскій да князь Вишневецкій. Одинъ де былъ виновенъ тѣмъ, что всячески тиранилъ козаковъ и едва не запрягалъ въ ярмо (о чемъ, однакожъ, не было сказано ни въ краткомъ, ни въ пространномъ реестрѣ козацкихъ обидъ), а другой тѣмъ, что нападалъ на нихъ съ войскомъ своимъ, когда они, по разгромѣ коронныхъ гетмановъ, хотѣли вернуться на обычное мѣсто свое, на Запорожье, и позволялъ себѣ мучить попадавшихъ въ его руки козаковъ и духовныхъ людей самыми страшными муками. Хмельницкій плакался на свирѣпаго князя, точно какъ будто козаки вели войну съ одними жолнерами, таборъ противъ табора, какъ будто они не вторгались въ дома мирныхъ помѣщиковъ, не избивали однимъ и тѣмъ же махомъ прадѣдовъ и правнуковъ, не наполняли замковъ побитыми женщинами да дѣтьми, не насиловали женъ и дочерей въ виду мужей и отцовъ, не дарили *амыхъ лентъ* обезчещеннымъ дѣвицамъ и не совершали надъ храмами и ихъ усыпальницами всяческаго поруганія, какое только могли придумать ихъ сатанинскіе умы. Козакъ Тамерланъ, издѣваясь надъ бѣдствіями Шляхетскаго Народа, придавалъ его защитникамъ звѣрскія черты Народа Козацкаго.

Онъ по-прежнему свидѣтельствовался всемогущимъ Богомъ, что только крайняя бѣда и порабощеніе заставили козаковъ такъ оскорбить *маестатъ Божій и ихъ милостей вельможныхъ пановъ*; по-прежъ-

всему жаловался на грабительство Конецпольскаго и на наступленіе Вишневецкаго. Козаки де уже было и вернулись на Запорожье, но князь Вишневецкій, по совѣту ли нѣкоторыхъ пановъ (стоявшихъ за Вишневецкаго на сеймѣ), или собственнымъ упорствомъ, наступилъ на нихъ съ войсками своими; козаковъ и духовныхъ они грабили, мучили, сажали на колъ, буравомъ глаза пробуравливали (этого въ обширной панской перепискѣ, весьма прямодушной и даже враждебной Вишневецкому, нѣтъ) и иныя неслыханныя мученія дѣлали. „Видя, что уже и за душами нашими гонятся“ (писалъ Хмельницкій), „мы были принуждены двинуться (опять) и дать отпоръ нашимъ наступателямъ, и это потому, что тутъ насъ успокаиваютъ ласковыми письмами отъ ихъ милостей пановъ коммиссаровъ, посланныхъ Рѣчью Посполитою, а тутъ, сговорясь между собой, съ войсками на насъ наступаютъ. Поэтому шли мы по слѣдамъ князя Вишневецкаго подъ Замостье, имѣя вѣрныя извѣстія, что князь его милость Вишневецкій опять собираетъ войска, чтобы съ нами воевать. Эти два пана были всему злу причиною. Они своею жадностью и завзятостью едва не въ ничто обратили землю. Вѣдь и князь Вишневецкій за Днѣпромъ былъ точно какъ за пазухой у насъ, а мы его выпустили живымъ, помня о давнишней пріязни... Просимъ отпустить намъ *невольный* грѣхъ“ (напѣвалъ Хмельницкій съ голоса Адама Киселя), „а этихъ пановъ, которые тому причиною, покрыть хулою (aby tym Panom... zganiono było). Если же не будетъ намъ помилованія, и вы начнете противъ насъ воевать, то мы это поймемъ такъ, что вы насъ не желаете имѣть своими слугами, и это было бы намъ весьма горестно“.

Хмельницкій, очевидно, домогался опалы Вишневецкому: только подъ этимъ условіемъ готовъ былъ онъ пощадить пановъ, и въ то же время грозилъ московскимъ подданствомъ.

Сынъ князя Вишневецкаго, Михаилъ, царствовалъ въ Польшѣ послѣ Яна Казимира. Вмѣсто Яна Казимира, паны могли бы сдѣлать королемъ Князя Іеремію, и тогда Хмельницкій достигъ бы только того, чего достигли Наливайко, Сулима и Павлюкъ. Никто не зналъ этого лучше его самого, и потому-то онъ заставлялъ безголовыхъ пановъ приписывать ихъ несчастья человѣку, который одинъ былъ способенъ взять ихъ въ крѣпкія руки и спасти политическую свободу Шляхетскаго Народа наперекоръ свободѣ личной, которою такъ несвоевременно величались паны.

Козацкій идеалъ общественности не возвышался надъ сочиненною нашими предками-варварами пословицей: „колибъ хлібъ та одежа, то ізъ бы козакъ лежа“; и Хмельницкій зналъ, что размноженіе ко

зачества, праздно живущаго продуктами чужаго труда, вызоветъ новую войну съ панами. Ему было необходимо, съ одной стороны, обезпечить себѣ уступчивость короля, а съ другой—разлучить его съ тѣми людьми, которые были способны одушевить шляхетское общество боевымъ энтузіазмомъ. Во всякомъ случаѣ, Польша была сподручнѣе Москвы для козацкихъ *кдверзъ*,—и онъ предпочелъ ослабленіе Польши бунтами усиленію Москвы вѣрноподданствомъ. Самъ ли онъ сочинилъ такой планъ дѣйствій, или же былъ имъ обязанъ интригану Выговскому, только въ этомъ планѣ была начертана погибель Рѣчи Посполитой—и какъ независимаго государства, и какъ хозяйственнаго общества. Голодный и безпощадный геній Дикихъ Полей, вдохновенный поэзіей Кипчакской орды, воплотился въ орду Козацкую, чтобы пустынное Посулье и Поросье, вмѣстѣ съ Запорожскою Тмутороканью, распространить до самой Вислы. Вся великая работа колонизаціи Батыевскихъ кочевьевъ, запечатанная кровавыми жертвами и геройскими подвигами, вся многолѣтняя заслуга передъ человѣчествомъ польскорусскихъ рыцарей и вмѣстѣ хозяевъ—долженствовали изчезнуть отъ „козацкаго духа", опустошительнаго, какъ смертоносный самумъ-гарруръ.

По общему мнѣнію правительствующихъ пановъ, только новый король былъ способенъ отвести грозу козацкаго бунта. Кисѣль внушалъ имъ, что козаки маестатъ Рѣчи Посполитой ставятъ ни во что, и признаютъ одну власть—королевскую. „Поэтому-то" (говорилъ доминиканскій оракулъ) „Хмельницкій не пишется иначе, какъ гетманомъ Войска *его королевской милости* Запорожскаго, нужды нѣтъ, что Рѣчь Посполитая титуловала его просто гетманомъ Войска Запорожскаго. Король у козаковъ есть нѣчто божественное. Именемъ короля начался козацкій бунтъ, именемъ короля онъ и утихнетъ".

Слова Киселя были водою, падавшею на колеса Хмельницкаго. Паны приступили немедленно къ избранію и избрали не московскаго царя, который сохранилъ бы отъ гибели милліоны человѣческихъ жизней,—избрали не отца будущаго короля, который спасъ бы имъ милліарды червонцевъ, заслуженные предками,—нѣтъ, они, вмѣсто защитниковъ ихъ жизни, ихъ имущества и чести, избрали такого государя, какой былъ нуженъ козаку Тамерлану.

Глава XVIII.

Воспитаніе и характеръ короля, избраннаго по указанію козацкаго гетмана.—Монахъ-разстрига на польскомъ престолѣ.—Избирательный сеймъ.

Янъ Казимиръ родился въ 1609 году. Въ это время всѣ добра князей Острожскихъ перешли уже въ католическія руки. Младшій сынъ Князя Василія, Константинъ, умеръ, въ католическомъ самомстязаніи послѣ распутной жизни, въ 1600 году; средній, Александръ, носившій только для виду „образъ русскаго благочестія“,—въ 1603 году; а самъ Князь Василій—въ 1608-мъ. Наслѣдникамъ „Острожчины“, составлявшей, можно сказать, государство въ государствѣ пановъ сравнительно съ Острожскими мелкономѣстныхъ, сдѣлался князь Янушъ Острожскій, первородный сынъ Князя Василія, „католикъ съ колыбели“, крещенный и воспитанный знаменитымъ іезуитомъ, Петромъ Скаргою.

Это было важнымъ для Римской Куріи завоеваніемъ. Но она имѣла тогда въ виду несравненно больше: была надежда присоединить къ Польшѣ Московское Царство, какъ нѣкогда было присоединено Великое Княжество Литовское. Сигизмундъ, по выраженію малорусской лѣтописи, „яровитый католикъ, который бы не понозорился привести подъ папу цѣлый свѣтъ“, повелъ въ московскіе предѣлы 29.000 войска, чтобы возсѣсть на престолѣ великихъ собирателей Русской Земли, и это дѣло казалось Полякамъ возможнымъ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ родился будущій король, которому было суждено, получивъ корону изъ кровавыхъ рукъ атамана запорожской вольницы, бороться во главѣ Шляхетскаго Народа съ тѣми классами населенія Польши, которые не принадлежали къ государственнымъ сословіямъ!

Іезуиты занялись воспитаніемъ Яна Казимира, на всякій случай, весьма старательно. Слабое здоровье королевича не позволяло имъ вооружать его умъ научными знаніями. Они работали почти исключи-

тельно надъ религіозностью бѣднаго мальчика, такъ что въ юномъ возрастѣ онъ уже обнаруживалъ „искусство въ богословскихъ тонкостяхъ“. О Сигизмундѣ III говорили, что онъ былъ іезуитскимъ *терціаломъ*, то есть принадлежалъ къ ордену, котораго цѣлью было истребленіе еретиковъ. Дѣйствительно, въ его царствованіе іезуиты были въ Польшѣ силою, овладѣвшею не только должностями, но и всѣми общественными дѣлами, а королевскіе проповѣдники и духовники часто давали направленіе важнѣйшимъ государственнымъ интересамъ. Видя всеобщее къ нимъ почтеніе, малолѣтній королевичъ смотрѣлъ на нихъ съ богомольнымъ благоговѣніемъ, какъ на пророковъ.

Янъ Казиміръ до такой степени былъ подавленъ господствовавшею при королевскомъ дворѣ святостью, что, будучи 23-лѣтнимъ юношею, не имѣлъ права бесѣдовать съ кѣмъ бы то ни было безъ свидѣтелей, а людей сторонніхъ не допускали къ нему вовсе,—и, однакожъ, въ наукѣ пользованья запретнымъ плодомъ отнюдь не остался профаномъ. Сдѣлавшись наконецъ господиномъ своей воли, по смерти родителей, продолжалъ онъ вести праздную жизнь, на которую была осуждена юность его. Природа, наслѣдованная имъ отъ безпокойныхъ Норманновъ Вазъ, находила удовлетвореніе только въ томъ, что̀ ее возбуждало. Притворная и мертвенная святость осталась ни при чемъ: она у Яна Казиміра сдѣлалась только ширмами для всего скандальнаго, какъ это водилось въ іезуитской Польшѣ сплошь да рядомъ.

Поляки, выплясывая подъ іезуитскую дудку передъ Европой пляску политическаго величія и религіознаго героизма, дѣлали изъ Яна Казиміра воина и патріота; но теперь, изучивъ закулисную сторону былаго, выработали такое мнѣніе о своемъ королѣ, возведенномъ на престолъ коварнымъ козакомъ:

„Слабый умомъ и лѣнивый отъ природы, онъ, послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ бездѣйствія и удаленія отъ людей, посвящалъ недѣли на религіозныя упражненія (ćwiczenia religijne) въ видѣ дѣятельности, и становился ко всему равнодушенъ, что̀ занимало его въ праздности, а потомъ дѣлалъ такой шагъ, котораго никто бы отъ него не ожидалъ. Онъ былъ способенъ рисковать жизнью, короною, родомъ своимъ и даже вѣрою, когда они ему надоѣдали“.

Маленькаго роста, тщедушный и хилый, лицомъ Янъ Казиміръ былъ безобразенъ. Нижняя челюсть выдавалась у него грубо впередъ; губы непріятно были вздуты, цвѣтъ лица — смуглый, а слѣды оспы еще больше дѣлали его безобразнымъ. Но іезуиты научили своего питомца тому, что̀, подъ испанскимъ названіемъ grandezza, считалось важнѣе всего важнаго въ человѣкѣ сановитомъ. Онъ строилъ цар-

ственную мину и, если хотѣлъ, то держалъ себя съ театральнымъ достоинствомъ.

Поляковъ ненавидѣлъ Янъ Казиміръ открыто, и этимъ—замѣчу мимоходомъ—свидѣтельствовалъ, что въ ихъ природѣ было много хорошаго; велъ себя надменно, точно какой-нибудь Вильгельмъ Завоеватель, проводилъ время съ иностранцами и, по одеждѣ, самъ казался иностранцемъ.

Для того, чтобы Поляки, не извращенные до конца іезуитствомъ, отвѣчали своему королевичу ненавистью и презрѣніемъ, было достаточно одного: Янъ Казиміръ по цѣлымъ днямъ забавлялся карликами, собаками, обезьянами и птицами, а потомъ предавался грубому разврату, но при этомъ всегда возилъ съ собой пять-шесть іезуитовъ, а въ передней у него ежедневно служили мессу, который самъ онъ никогда не слушалъ.

Все это разсказываетъ объ избранникѣ нашего Хмеля современная намъ польская исторіографія.

Еще больше долженъ былъ внушить презрѣнія людямъ достойнымъ королевичъ, когда, арестованный во Франціи, какъ испанскій шпіонъ, выдалъ правительству особу, которая пыталась освободить его изъ заключенія, и написалъ къ мѣстному губернатору, что, въ награду за это, ожидаетъ смягченія тюремныхъ строгостей, а потомъ, будучи на свободѣ, дозволилъ выпустить въ свѣтъ книгу о своемъ арестѣ и тюремной жизни съ пропечатаніемъ въ ней позорнаго письма къ губернатору *).

Почти двухлѣтнее пребываніе въ заточеніи и разстроенные финансы привели Яна Казиміра къ мысли о вступленіи въ орденъ іезуитовъ. Возненавидѣвъ Поляковъ еще больше за ихъ ненависть и скупость къ нему, отправился онъ въ Римъ и сдѣлался іезуитскимъ послушникомъ, отвергая всѣ почести, съ которыми принимали его въ монастырь, валяясь въ ногахъ у настоятеля и дѣлая изъ себя въ Римѣ всевозможныя выставки религіознаго уничиженія.

Іезуиты торжествовали, что „принцъ, насчитывавшій въ своемъ роду болѣе 50 королей, родственникъ первенствующихъ въ христіанствѣ монарховъ, родной братъ могущественнаго польскаго короля, предполагаемый наслѣдникъ двухъ коронъ, — что такой принцъ, во цвѣтѣ лѣтъ, оставляетъ смѣло всѣ радости и великости земныя, что-

*) Книга эта появилась черезъ три года по возвращеніи Яна Казиміра въ Польшу, подъ заглавіемъ: Serenissimi Johannis Casimiri P. S. Principis Carcer Gallicus. Gedani, 1644.

бы обезпечить за собой царство небесное"; а смиренный послушникъ писалъ въ Польшу, что „избранную имъ жизнь можно сравнить только съ райскою, и ничто въ свѣтѣ, никакія багряницы и короны не въ силахъ отвлечь его отъ этого предпріятія".

Владиславъ IV принималъ всевозможныя мѣры, чтобы возвратить брата въ міръ. Іезуитскій послушникъ отвѣчалъ ему, что „еслибы онъ сдѣлалъ такой недостойный шагъ", то на всемъ ихъ роду „тяготѣло бы позорное пятно", и по всему свѣту говорили бы, что „нашелся въ ихъ королевскомъ родствѣ такой, на котораго можно указывать пальцемъ и насмѣхаться итальянскою поговоркою *бѣлый монахъ, разстрига* (fratre frattato)",

Но монастырская комедія кончилась освобожденіемъ Яна Казимира изъ монастыря посредствомъ выпрошенной имъ у папы кардинальской шляпы, а званіе кардинала сложилъ онъ съ себя для тайнаго исканія себѣ невѣсты у тѣхъ дворовъ, которые давали больше приданаго.

Несмотря на то, что, по польскому обычаю, его считали первымъ кандидатомъ на престолъ бездѣтнаго брата, съ нимъ обходились въ Польшѣ крайне презрительно, какъ за то, что я представилъ здѣсь со словъ самихъ Поляковъ, для освѣщенія лицъ и событій истиннымъ свѣтомъ, такъ и за многое другое, о чемъ нѣтъ надобности распространяться. Но примирило съ нимъ пановъ такое обстоятельство, которое не дѣлаетъ чести ни имъ самимъ, ни ихъ избраннику.

Еще во время сидѣнья Яна Казимира во французской тюрьмѣ, придворные Людовика XIII навязывали ему въ невѣсты принцессу Марію Гонзага. Неизвѣстно, что въ будущей супругѣ Владислава IV оттолкнуло королевича до такой степени, что онъ предпочелъ остаться узникомъ въ дымной и холодной камерѣ, подъ грубымъ присмотромъ тюремщиковъ. Теперь правители Польши сообразили, что содержать разомъ двухъ королевъ было бы для нихъ накладно, а Янъ Казимиръ увидѣлъ, что дорога къ престолу лежитъ ему только черезъ спальню вдовы брата,—и постыдная для обѣихъ сторонъ сдѣлка состоялась.

Но несравненно большій стыдъ и срамъ покрылъ олигархическую республику въ томъ отношеніи, что на ея вѣсы, при взвѣшиваніи, быть или не быть іезуиту - разстригѣ королемъ, бросилъ свой мечъ, вѣрнѣе сказать—свой разбойничій ножъ, предводитель козакотатарской орды, и перевѣсилъ всѣ мнѣнія до такой степени въ пользу разстриги, что литовскій канцлеръ записалъ въ своемъ дневникѣ: „По всеобщемъ одобреніи, было принято избраніе, и мы единымъ го-

лосомъ и единымъ сердцемъ колѣнопреклоненно воспѣли Te Deum"; а сеймовой дневникъ, на память потомству, изобразилъ такое зрѣлище: „...Его милость ксендзъ примасъ, обнаживъ голову (detecto capite), что́ и всѣ сдѣлали, произнесъ: Согласно свободнымъ голосамъ (liberis suffragiis) вашихъ милостей, я именую избраннаго короля Яна Казимира, да царствуетъ многолѣтнѣйше и счастливѣйше (ut diutissime et felicissime vivat). Послѣ слова vivat всѣ съ невыразимою радостью кричали съ полчаса или болѣе vivat! vivat! vivat! Въ отвѣтъ на это грянули пушки, грянула армата выстроенныхъ въ полѣ войскъ. Радостныя восклицанія прошибали небо. Между тѣмъ, по старинному обычаю, преклонивъ колѣни на снѣгу, съ открытыми головами, пѣли: Тебе Бога хвалимъ. (Interim more antiquo uklęknąwszy na śniegu, detectis capitibus Te Deum laudamus śpewali)".

Эта было возмездіе русскихъ судебъ за того бродягу, называемаго въ свое время бѣглымъ разстригою монахомъ, котораго польскіе паны признали истиннымъ царевичемъ и довели Москву до постыднаго хваленія за него Бога „колѣнопреклоненно единымъ голосомъ и единымъ сердцемъ". Въ настоящемъ положеніи дѣлъ, фактъ избранія королемъ человѣка, въ сравненіи съ которымъ даже московскій Лжедимитрій былъ не совсѣмъ негодяемъ, — этотъ поразительный фактъ, подобно поднятому надъ Польшей факелу, вдругъ освѣтилъ множество подлыхъ лицъ, которыя, въ полумракѣ исторіи, казались лицами честныхъ людей.

Хмельницкій хвалился, что, еслибы паны выбрали другаго короля, тогда бы онъ пошелъ на Краковъ и далъ бы корону тому, кому захотѣлъ. Первымъ его привѣтствіемъ новоизбранному государю было адресованное еще къ „шведскому королю" (какъ титуловали Яна Казимира) письмо, въ которомъ онъ предлагалъ себя ему къ услугамъ, еслибы какой сторонній королекъ вздумалъ „спихнуть его съ престола", а къ письму была приложена просьба къ сенаторамъ о помилованіи и примиреніи; еслибы же паны не пожелали мира, то Хмѣль объявлялъ, что будетъ искать его въ Варшавѣ, въ Краковѣ, въ Познани, а, пожалуй, и въ Данцигѣ: просьба, напоминающая легендарнаго гайдамаку, который убивалъ одного попа послѣ другаго, за то что они не находили *покуты* на его страшные грѣхи.

Новый король прежде всего послалъ Хмельницкому такъ называемое повелѣніе, а въ сущности молящую просьбу — возвратиться въ Украину.

Хмельницкій повиновался королевскому повелѣнію безотлагательно. Не противъ короля, а посредствомъ короля, желалъ онъ воевать,

зная, что чѣмъ больше козаки станутъ поддерживать королевскую власть, тѣмъ невозвратнѣе раздѣлится на ся панское государство, сложившееся въ силу борьбы олигархическаго многоначалія — съ одной стороны—съ монархическимъ единоначаліемъ, а съ другой—съ охлократическимъ безначаліемъ.

Козацкіе вожаки шляхтичи—и всѣхъ больше Хмельницкій — не безъ пользы для себя провели время въ іезуитскихъ школахъ и въ томъ обществѣ, которое предоставило іезуитамъ заботу о народномъ просвѣщеніи. Іезуиты заставляли русскихъ людей изъ развалинъ православной Руси созидать могущества католической Польши. Окозачившіеся питомцы іезуитовъ заставляли природныхъ и дѣланныхъ Поляковъ разрушать католическую Польшу, какъ бы въ отместку за ея подкопы подъ православную Русь. Видя, что паны какъ нельзя больше способствуютъ ихъ замыслу, козаки въ дѣлѣ крушенія, составлявшемъ ихъ спеціальность, взяли на себя только самую дешевую роль, которую кобзари ихъ выразили въ слѣдующихъ словахъ:

Гей, дрỳзі молòдці,
Брàтья козакѝ запорòзці!
Добре дбàйте, бàрзо гадàйте,
Изъ Лѝхами пѝво вàрѝти зачинàйте:
Лѝцькій солодъ, козàцька водà,
Лѝцькі дрова, козàцькі трудà.

На королевское повелѣніе Хмельницкій отвѣчалъ заискивающимъ и ласкательнымъ письмомъ,—стлалъ мягко, чтобы панамъ было спать жестко. Въ отвѣтъ на это письмо, немедленно былъ отправленъ по слѣдамъ удаляющагося Тамерлана любезный ему ксендзъ Мокрскій съ благодарственнымъ письмомъ, въ которомъ царственность новаго короля играла такую же несоотвѣтственную роль, какъ въ письмѣ удаляющагося Тамерлана — вѣрноподданство. Янъ Казимиръ обѣщалъ insignia, слѣдующія Запорожскому Войску, то есть булаву и знамя, на подтвержденіе старшинства, прислать вскорѣ, по примѣру своихъ предшественниковъ, не кому иному, а ему (Хмельницкому), точно какъ будто могъ и смѣлъ именовать козацкимъ гетманомъ кого-нибудь другаго. Все кровавое и ужасное въ поступкахъ Запорожскаго Войска король обѣщалъ прикрыть милосердіемъ своего маестата и принять Запорожское Войско подъ непосредственную свою и Рѣчи Посполитой власть, чтобъ оно не имѣло надъ собой много пановъ. Относительно просьбы Хмельницкаго объ уніи король давалъ обѣщаніе удовлетворить козаковъ надлежащими средствами (słusznemi środ-

kami), для чего въ свое время пришлетъ коммиссаровъ на извѣстное мѣсто. Отъ Хмельницкаго требовалъ онъ, точно отъ кого путнаго, чтобъ онъ отпустилъ Татаръ, усмирилъ чернь и ожидалъ въ Украинѣ королевскихъ коммиссаровъ.

Эта транзакція побѣжденныхъ съ побѣдителемъ дошла до царскаго гонца, Кунакова, въ такомъ видѣ, что король послалъ Хмельницкому булаву и знамя безъ вѣдома Рѣчи Посполитой, „и за то де паны рада и вся Рѣчь Посполитая на короля приходили (съ) шумомъ и говорили королю: имъ де отъ Богдана Хмельницкаго и отъ Кривоноса и отъ Черкасъ разоренье и шкоды и крови розлитье многое, чего не бывало, какъ и Польское королевство почалось быть, а король де ихъ (Черкасъ) шануетъ, что пріятелей своихъ, такихъ леберизантовъ".

Долетая, въ свою очередь, до Хмельницкаго, такая молва ласкала его ухо пріятно. Въ ложномъ слухѣ, волновавшемъ Шляхетчину, высказывалась рознь, всѣянная козацкими каверзами между тѣхъ, которые воспѣли Te Deum единымъ голосомъ и единымъ сердцемъ, подъ давленіемъ побѣдителей.

Въ качествѣ королевскаго слуги и единомышленника, Хмельницкій издалъ универсалъ къ волынскимъ дворянамъ, въ которомъ увѣщевалъ ихъ не замышлять ничего противъ греческой вѣры и противъ своихъ подданныхъ, пропагандируя такимъ образомъ слухъ, что козаки воюютъ за угнетеніе православныхъ, а жить съ ними въ согласіи и содержать ихъ въ своей милости. Въ переводѣ на языкъ дѣйствительности, это значило, чтобы пастухи ладили съ волками, чтобы собственники были благосклонны къ хищникамъ. Могъ ли козакующій мужикъ мирно работать въ пользу землевладѣльца и довольствоваться установленною долею своего производства послѣ того, когда все панское добро принадлежало ему отъ Цыбульника и Тясмина до Вислы и Западнаго Буга? Могъ ли землевладѣлецъ содержать въ милости мужиковъ, которые, по донесенію Кунакова, „у панскихъ жонъ у беременныхъ брюха распарывали и многое ругательство дѣлали"? Между тѣмъ не только кровавое мщеніе, но даже взысканіе за новыя злодѣйства и неистовства, по затвержденной формулѣ козацкаго бунта, неизбѣжно долженствовало явиться, въ устахъ городской и сельской голоты, ляшскимъ наступленіемъ на христіанскую вѣру и панскимъ свирѣпствомъ надъ подданными. Хмельницкій зналъ, что съ обѣихъ сторонъ поднимутся новые вопли, и заблаговременно объявлялъ себя сторонникомъ голоты. „А если, сохрани, Боже", (писалъ онъ) „кто-нибудь упрямый и злой задумаетъ проливать христіанскую кровь и

мучить убогихъ людей, то, какъ скоро вѣсть объ этомъ дойдетъ до насъ,—виновный нарушитель мира и спокойствія, возстановленнаго его королевскою милостью, *доведетъ Рѣчь Посполитую до погибели*".

Увѣщательнымъ универсаломъ къ землевладѣльцамъ Хмельницкій давалъ оказаченной черни программу дальнѣйшихъ дѣйствій. Она была изображена въ этомъ универсалѣ безвинно страдающею, а шляхта—фанатически свирѣпствующею. Война, въ видѣ разбоя, прекратилась только тамъ, гдѣ пановалъ одинъ мужикъ среди нѣмыхъ остатковъ панскихъ домовъ и хозяйственныхъ построекъ. Гонимый низовымъ вѣтромъ, пожаръ дымился только тамъ, гдѣ уже нечему было горѣть. Но край, не претерпѣвшій еще полной руины, продолжалъ пылать пламенемъ и обливаться кровью. Подобному тому какъ, во время бѣдственнаго шествія Адама Киселя, съ оливковой вѣтвію мира къ Хмельницкому, свирѣпый хитрецъ дѣлалъ видъ, будто-бы даже не знаетъ о готовности безгосударнаго королевства къ миру,—теперь онъ сочинилъ новый актъ бѣсовской комедіи передъ новопоставленнымъ имъ же самимъ королемъ, его безсмысленнымъ оправдателемъ. Повторивъ надъ Бѣлоруссіей Наливайщину, Хмельницкій жаловался на бѣлорусскихъ пановъ, что они своими жестокостями не даютъ ему успокоить православный народъ, унять кровопролитіе, примирить обоюдную вражду, и грозилъ Рѣчи Посполитой „погибелью". Послѣ Пинска, Кобрина, Бреста, Быховъ, Попова Гора, Мозыръ, Стародубъ, Мглинъ пылали одинъ за другимъ подъ дыханіемъ низоваго днѣпровскаго вѣтра, который запорожцы, играя съ человѣческимъ сердцемъ звѣрски, называли *тихимъ*:

Ой изъ низу Дніпра̀ ти̇хий ві̇теръ віе-повіва̀е,
Ві̇йсько коза̀цьке запоро̀зьке въ похо̀дъ выступа̀е.
Тілько Богъ святы̇й зна̀е,
Що Хмелни̇цькій ду̇мае-гада̀е.

Тихій вѣтеръ въ дикой поэзіи кобзарей былъ эмблемою подкрадыванья волка къ его добычѣ, или поджигателя къ панскому добру. Не прекращающіеся пожары были вѣстниками новыхъ пожаровъ, новаго человѣкоистребленія. Въ виду козацкаго вѣрноподданства, король не зналъ, на которую ногу ступить; но на которую бы ни ступилъ онъ, только *погибель Рѣчи Посполитой*, заповѣданная козацкимъ гетманомъ, могла кончить козацкіе счеты съ панами.

Тѣмъ не менѣе Янъ Казимиръ долженъ былъ дѣлать, что̀ называется bonne mine въ игрѣ, для которой годился менѣе каждаго изъ

своихъ руководителей,—и въ инструкціи на сеймики передъ коронаціоннымъ сеймомъ разнеслись по государству звонкія слова сочинителя инструкціи, Оссолинскаго,—что всемогущій Богъ дѣлаетъ королей намѣстниками своей власти; что новонабранный король приписываетъ свое возвышеніе, во первыхъ, десницѣ Najwyższego Pana, а потомъ—свободнымъ и единодушнымъ голосамъ избирателей, которые де оцѣнили, какъ благодѣянія и заслуги его королевскаго дома, такъ и собственные его любовь отечеству, труды и отважные подвиги.

Подъ отважными подвигами разумѣлось участіе въ походѣ подъ Смоленскъ. Король Владиславъ сдѣлалъ тогда вѣчно праздная брата командиромъ пѣхотнаго полка, навербованнаго за деньги Рѣчи Посполитой. Этотъ полкъ ограбилъ по пути пинское староство князя Альбрехта Радивила, литовскаго канцлера. Радивилъ жаловался королю. Король выразилъ сочувствіе горю могущественнаго магната; но королевичъ обнаружилъ такую отвагу, что на жалобу Радивила отвѣчалъ сурово: „Это сдѣлано по моему приказанію". — „Итакъ мы, взаимно раздраженные, разстались", записалъ въ своемъ дневникѣ Радивилъ.

Больше никакихъ отважныхъ подвиговъ не совершилъ Янъ Казимиръ во внѣшнихъ и внутреннихъ войнахъ Рѣчи Посполитой. Но такова была безпомощность Шляхетскаго Народа въ борьбѣ съ Народомъ Козацкимъ, что теперь литовскій канцлеръ, тотъ же самый князь Альбрехтъ Станиславъ Радивилъ, писалъ въ своемъ дневникѣ: „Явное дѣло, что Божественное Провидѣніе, по своему милосердію, дало намъ этого короля". И потомъ далѣе: „Янъ Казимиръ искренно признался мнѣ, что всю свою надежду (относительно престола) полагалъ въ Богѣ и въ предстательствѣ Matki Przenajświętszéj, которой чудотворный образъ въ Червенскѣ часто навѣщалъ онъ, отдавая подъ ея опеку судьбы своего избранія и своей жизни".

Наставникъ покойнаго короля въ присягѣ словомъ, но не намѣреніемъ, понималъ Божіе милосердіе вовсе не такъ, какъ понимаетъ его Малоруссъ: „робй, небóже, до й Богъ помóже",—понималъ безъ всякой связи помощи Божіей съ заслугою, или съ покаяніемъ, сопровожденнымъ „плодомъ, достойнымъ покаянія": религіозность пагубная!... Потомокъ литворусскихъ князей и предводитель католической партіи въ Польшѣ, Радивилъ отличался состраданіемъ къ людямъ бѣдствующимъ. Въ драгоцѣнномъ для историка дневникѣ своемъ онъ много разъ высказался въ пользу чернорабочаго и вообще убогаго класса, терпѣвшаго отъ панскихъ жолнеровъ и отъ самихъ пановъ. Никто не отнесся къ Пилявецкому бѣгству съ бóльшимъ прямодушіемъ, какъ онъ. По его словамъ, стоявшее подъ Пилявцами войско могло бы взять

самый Константинополь; а къ полководцамъ этого войска онъ примѣнялъ пословицу: „войско оленей подъ начальствомъ льва лучше войска львовъ подъ начальствомъ оленя“,—„Надъ ними“ (говоритъ онъ) „исполнилось слово, что одинъ гналъ тысячу, а два—десятокъ тысячъ. Но здѣсь бѣжали *ни отъ кого*: ибо гордость, распутство, угнетеніе и мученіе убогихъ людей, вотъ тѣ, которые нападали на нихъ! По его мнѣнію, только милость Божія сохранила Шляхетскій Народъ отъ гибели, пріудержавъ непріятеля. Онъ обвинялъ пилявецкихъ бѣглецовъ не только въ безсмысленной роскоши, но и въ томъ, что они предавались всякаго рода разврату, служа Венерѣ и Вахусу, — обвинялъ не только въ крайней беззаботности относительно добыванія вѣстей, но и въ томъ, что, замышляя бѣгство, таились передъ войскомъ со своими сборами. Наконецъ, въ полномъ собраніи сейма онъ объявилъ, что оставленные панами въ козацкихъ рукахъ возы „были нагружены имуществомъ хлопскимъ, а потому хлопамъ и достали“. Тѣмъ не менѣе соглашался онъ съ войсковыми послами, что и громадныя войска, за свои грѣхи, подвергаются разсѣянію: ибо Господь мѣшаетъ совѣты ихъ; но что не надобно терять надежды: покаравъ одинъ разъ (за грѣхи), въ другой разъ онъ подастъ милосердую руку помощи (за что,—не сказано).

Въ этой клерикальной доктринѣ, діаметрально противоположной русскому „на Бога надѣйся, а самъ не плошай“, таится неотвратимая причина паденія польскаго общества, а съ нимъ—и государства. „Убогіе люди“ могли плакать себѣ и „прошибать воплями небо“ по-старому; по-старому паневіе жолнеры, съ разрѣшенія такихъ вождей, какимъ былъ Янъ Казиміръ, могли опустошать родной край непріятельски; по-старому поклонникъ богатства и наслѣдственной знатности, въ родѣ Киселя, могли избирать оленей въ предводители львамъ, а эти львы—предаваться, въ виду непріятеля, Венерѣ да Вахусу вмѣсто служенія Марсу... Въ такомъ положеніи дѣлъ пускай только „Іезусовы брацишки“ да „особенные кохачки Найсвѣтшей Панны“ непрестаннымъ взываніемъ Бога во Святой Троицѣ призовутъ на грѣшниковъ Его милосердіе, и всеблагій Господь, покаравъ грѣшниковъ одинъ разъ, въ другой разъ тѣмъ же неисправимымъ грѣшникамъ подастъ милосердно руку помощи.

Проникнутый насквозь такою доктриною, потомокъ литворусскихъ православныхъ князей видѣлъ причину общихъ бѣдствій не въ чемъ иномъ, какъ въ разновѣріи края, подобно многимъ такимъ же набожнымъ, такимъ же добрымъ и сострадательнымъ людямъ. Онъ забывалъ, что край русскихъ предковъ его былъ когда-то единовѣрный и едино-

племенний, не въ него обманомъ и насиліемъ вошла чужая вѣра съ чужой національностью и назвала вѣру аборигеновъ схизмою, а политическую національность — хлопствомъ Онъ забывалъ и не хотѣлъ знать, что, возставая противъ религіозныхъ воззрѣній пришельцевъ, многое множество передовыхъ русскихъ людей искали свѣта истины въ нѣмецкомъ вѣроученіи и пали съ его мнимыхъ высотъ въ омутъ католичества, увеличивая собою массу прямыхъ отступниковъ древняго русскаго благочестія. Онъ смотрѣлъ клерикально на то, что и для поколебленныхъ, но остававшихся еще при своей предковской вѣрѣ, была изобрѣтена ловушка въ видѣ якобы спасительной уніи. Игнорируя въ умѣ своемъ и въ совѣсти причины разновѣрія, государственний человѣкъ и своего рода мудрецъ горевалъ всей душой о его послѣдствіяхъ. Въ качествѣ ренегата предковщины своей, онъ смотрѣлъ на тѣхъ, которые оставались единовѣрцами предковъ своихъ, какъ на какихъ-то пришельцевъ, смѣшивалъ ихъ интересы съ кровавыми интересами людей, совершавшихъ свои злодѣйства подъ знаменемъ вѣры, и терялъ голову отъ того, что въ собственномъ роду его, въ роду князей Радивиловъ, являлись такіе же враги пановъ-католиковъ подъ знаменемъ протестантовъ, какими были козаки подъ знаменемъ православниковъ. На одномъ и томъ же листкѣ дневника своего онъ описываетъ непріятельскія дѣйствія иновѣрныхъ земляковъ своихъ, бѣлорусскихъ протестантовъ, и тутъ же изображаетъ другихъ земляковъ-иновѣрцевъ, украинскихъ православниковъ. Этотъ листокъ его дневника краткимъ своимъ разсказомъ проливаетъ свѣтъ на всю исторію римской политики, воспринятой Польшею.

„25 (15) ноября“ (пишетъ Радивилъ) „выѣхалъ я изъ Варшавы въ мое Гнѣвское староство. Наше литовское войско отвоевало у козаковъ, послѣ 14-дневной борьбы, Пинскъ. Оно надѣлало много вреда и опустошенія въ староствѣ, подъ начальствомъ своего почаповника-еретика, ретиментаря Мирскаго. Сожжены тамъ іезуитскій костелъ съ коллегіумомъ и костелъ Св. Франциска; перебито 14.000 молодыхъ и старыхъ людей, луны взяты великіе. Но жолнерская вольница не удовлетворилась и этимъ: она стояла 10 недѣль въ пинскомъ мѣстечкѣ Мотолѣ и угнетала подданныхъ по-непріятельски, не щадя ни людей, ни имущества; даже забирала женщинъ въ неволю. Нельзя выразить, какъ обогатился жолнеръ, ограбивъ городъ и повѣтъ. А между тѣмъ (литовскій) гетманъ лежалъ въ Брестѣ, неизвѣстно чѣмъ хворая, и хоть я просилъ вывести оттуда войско, но ничего не выпросилъ; напротивъ, онъ расквартировалъ его и держалъ двѣ недѣли въ другомъ мѣстечкѣ, называющемся Нобель. Тамъ бѣдные подданные

страшно угнетены, а мой внукъ (литовскій гетманъ) отписалъ мнѣ, подшучивая надо мною, что жолнеру надобно зимой потрѣть руки, а на другое мое письмо не отвѣчалъ вовсе. Итакъ я, за мои грѣхи, и отъ козаковъ и отъ моего роднаго потерпѣлъ великую шкоду".

Вслѣдъ за тѣмъ добродѣтельный питомецъ іезуитовъ разсказываетъ какъ нельзя серьезнѣе, что, тому назадъ нѣсколько лѣтъ, въ Галицкомъ Ярославлѣ десятилѣтній ребенокъ необычайной набожности, умирая послѣ причастія, произнесъ вдохновенный ему свыше латинскій стихъ:

Quadragesimus octavus mirabilis annus *),

которымъ де предсказалъ неслыханное опустошеніе русскопольскихъ провинцій, причемъ (пишетъ Радивилъ) изъ Бреста литовскаго одному доминиканцу козаки вытянули языкъ сквозь затылокъ. „Словомъ" (продолжаетъ онъ), „они были такъ жестокосерды, что попадавшіе въ ихъ руки предпочитали быть отданными Татарамъ, которые угнали въ неволю множество народа. У одного меня взято 1.200 душъ, а по другимъ мѣстамъ погибло или уведено въ рабство съ милліонъ и больше людей".

Несовмѣстимость противоположныхъ вѣръ подъ неуклоннымъ римскимъ режимомъ породила въ томъ же русскомъ обществѣ и забитыхъ съ младенчества католиковъ, и разнузданныхъ до отрицанія всѣхъ догматовъ христіанства протестантовъ. Подобно тому, какъ въ Бѣлоруссіи сѣтовалъ на земляковъ протестантовъ окатоличенный Радивилъ, въ Землѣ Кіевской покрывалъ хулою земляковъ-аріянъ окатоличенный Тишковичъ, мужественный и добродѣтельный по-своему кіевскій воевода. Этотъ, какъ и литовскій канцлеръ, игнорировалъ гибельныя послѣдствія римскаго апостольства на Руси, и среди сеймоваго собранія вычитывалъ кіевскому подкоморію Немиричу, что Господь караетъ панскую республику за аріянство, „осквернившее нашу землю до крайности".

Такъ вообще были несостоятельны въ своихъ сужденіяхъ о томъ, что было, что есть и что неминуемо должно послѣдовать, представители государства, которому козаки, въ своихъ татарскихъ инстинктахъ, завзялись причинить такое разореніе, какое шляхта, съ ихъ участіемъ, причинила Государству Московскому. Чтобы русскій читатель приглядѣлся къ нимъ поближе и понялъ яснѣе, съ кѣмъ запорожскіе буй-

*) Сорокъ осьмой удивительный годъ.

туры имѣли дѣло, я возвращусь на избирательный сеймъ и представлю характеристическія черты его по польскимъ документамъ.

Когда любезный и вмѣстѣ отвратительный для насъ, честный по природѣ и подлый по воспитанію литовскій канцлеръ ѣхалъ въ Варшаву на избирательный сеймъ, его „проняло ужасомъ", какъ и всѣхъ варшавянъ; вѣсть о Пилявецкомъ бѣгствѣ. Ужасъ этотъ былъ тѣмъ сильнѣе, что онъ, какъ и вся свободолюбивая шляхетская братія, совершивъ надъ Владиславомъ IV въ извѣстномъ смыслѣ цареубійство, вовсе не сознавали, что они сдѣлали, и не были приготовлены къ послѣдовавшимъ отъ того Желтоводской, Корсунской и Пилявецкой катастрофамъ.

Маршаломъ Посольской Избы избранъ былъ теперь землякъ нашъ Обуховичъ, мозырскій войскій, о которомъ князь Радивилъ пишетъ, что это былъ мужъ великаго ума и дивнаго дара слова, чего не написалъ онъ въ своемъ дневникѣ про демагога Станкевича. Еслибъ Обуховичъ руководилъ земскими послами въ роковые для Польши сеймы 1646 и 1647 годовъ, онъ могъ бы сохранить за Владиславомъ королевское достоинство, и спасти панскую республику отъ политическаго разложенія. Тогда бы ни иновѣрцы протестанты, ни иновѣрцы православные не губили народонаселенія Польши десятками и сотнями тысячъ, а имя Ляховъ и Поляковъ, которое наши предки усвоили себѣ въ лицѣ пановъ и шляхты, не сдѣлалось бы кличемъ ко всевозможному безчеловѣчію. Плохой король отстранилъ бы козако-татарское нашествіе лучше всѣхъ земскихъ пословъ и сенаторовъ.

Избирательный сеймъ, знаменитый не меньше цареубійственнаго, открылся 6 октября (27 сентября) 1648 года, въ то время, когда Хмельницкій жарилъ въ огнѣ, душилъ въ дыму и топилъ въ крови уцѣлѣвшій отъ Батыевскаго Лихолѣтья городъ нашего князя Льва.

Болеславъ Лещинскій, носившій титулъ великопольскаго генерала *), въ пышной рѣчи припомнилъ цвѣтущія времена древняго Рима, и призналъ превосходство надъ нимъ государства Польскаго. По особенной милости Божіей (говорилъ ораторъ избраннаго народа) „Польшѣ преимущественно передъ всѣми народами дана та привилегія, что цари царствуютъ здѣсь по нашей волѣ (per nos reges regnant)... Польша избираетъ себѣ государя безпримѣрно: въ ней столько изби-

*) Генераломъ назывался старшій возный (woźny jenerał). Назывались генералами и нѣкоторые старосты съ особеннымъ правомъ по присвоеннымъ ихъ старостваамъ.

рателей, сколько шляхты, столько *суффрагій*, сколько свободныхъ голосовъ", и т. д.

Первымъ заявленіемъ сеймиковъ было, чтобы военные люди, состоящіе на службѣ Рѣчи Посполитой, не участвовали въ избраніи; вторымъ—чтобы казнить смертью полководцевъ, еслибы оказалось, что они были причиною Пилявецкаго бѣгства. Это послѣднее заявленіе, повторенное въ 4-мъ засѣданіи, сопровождалось крикомъ владычествующаго народа (e dominantibus populus): „Не станемъ ихъ выслушивать! Надобно было не уходить! Не слушать ихъ, а судить, какъ дезертировъ (jako desertores castrorum)"!

Коронный референдарій требовалъ, чтобы „панскіе полки" не стояли близъ „конгресса", въ избѣжаніе замѣшательствъ, и чтобы сеймовые паны въ составѣ своей пѣхоты и конницы не держали „Русаковъ-вѣроломцевъ". Одинъ изъ земскихъ пословъ совѣтовалъ, чтобы подскарбіи тотчасъ отобрали у иностранцевъ и не шляхтичей, какъ духовныя, такъ свѣтскія добра, и чтобы тотчасъ карали тѣхъ, которые были причиною козацкой войны. Литовскій канцлеръ отвѣчалъ, что духовныхъ имуществъ нельзя отбирать, не подвергаясь *екскомуникаціи*, а надлежало бы искать судомъ; о движителяхъ же козацкой войны надобно было бы сдѣлать *инквизицію*, а потомъ *экзекуцію*.

Въ 4-мъ засѣданіи (9 октября), одинъ изъ сенаторовъ, участвовавшихъ въ Пилявецкомъ походѣ, предложилъ „какъ средство къ спасенію отечества", утвердить князя Вишневецкаго въ званіи гетмана, потому что его любятъ жолнеры (do którego żołnierz ma wielkie serce). Но владычествующему народу „не нравилось, что жолнеры избрали себѣ вождя": онъ боялся диктатуры до такой степени, что даже на одну рѣчь Киселя смотрѣлъ, какъ на голосъ повелительный и диктаторскій (vocem imperiosam et dictatoriam). Тѣмъ не менѣе подканцлеръ Лещинскій, въ 5 засѣданіи (10 октября) предложилъ избрать главнокомандующимъ князя Вишневецкаго, но не въ видѣ утвержденія (non per approbationem), а въ видѣ просьбы къ нему, и къ этому прибавилъ, что, такъ какъ онъ утратилъ почти все, то надобно ему помочь (ratować go potrzeba). Въ томъ же засѣданіи и каневецкій воевода, Станиславъ Варшицкій, совѣтовалъ вѣрить войско тѣмъ, которые счастливо служили доселѣ, именно воеводѣ русскому, князю Вишневецкому, и воеводѣ кіевскому, Тишковичу. Но правительствующая шляхта—выражусь по-малорусски—ямбсь не дочувала.

Къ чести сеймовыхъ пановъ надо сказать, что между ними было много такихъ, которые цѣнили таланты князя Вишневецкаго и требовали, чтобы хоругви коронаго ополченія стягивались къ нему.

Кіевскій епископъ, громкоголосный Гизель, сдѣлался теперь почитателемъ покойнаго короля: на томъ основаніи, что Владиславъ съ боязливыми похвалами о воинскихъ достоинствахъ белзскаго каштеляна, Андрея Фирлея, онъ совѣтовалъ сдѣлать его товарищемъ Вишневецкаго по гетманству.

Но тутъ выступилъ на сцену единовѣрецъ нашъ, Адамъ Кисѣль, и запѣлъ усыпительную пѣсню свою, какъ будто для того, чтобы Хмельницкій подкрался къ безголовымъ нашимъ подъ самый бокъ съ ножемъ, а Вишневецкій, вмѣсто рѣшительной побѣды надъ разбойникомъ, только дразнилъ его до бѣшенства. Не смутясь колкостями, которыми встрѣтили его на сеймѣ за бѣгство изъ-подъ Пилявцевъ, Кисѣль сдѣлалъ себя почти героемъ дня своими увѣреніями, что бѣжалъ съ полкомъ своимъ послѣдній. Тутъ началъ онъ пугать пановъ страшною силою Хмельницкаго, въ его соединеніи съ Татарами. „Ни одинъ монархъ на свѣтѣ не можетъ устоять противъ него“ (говорилъ Свѣнтольдичъ). „Мы потеряли все, онъ пріобрѣлъ все (Myśmy odpadli od wszystkiego, on przyszedł do wszystkiego). Когда выстрѣлятъ сотня нашихъ Нѣмцевъ, они убьютъ одного. Когда выстрѣлятъ сотни козаковъ, они навѣрное попадутъ въ 50 человѣкъ. Огнистый народъ! Численность его велика: намъ съ нимъ не совладать. Легче было совладать, пока не повторилась побѣда. Теперь на наши силы нѣтъ больше надежды. Это такой тиранъ, котораго надобно или терпѣть, или прогнать, или умолить“ (три тезиса, напоминающіе гибельный совѣтъ паннскаго Нестора и Улисса подъ Пилявцами). Приправляя польскую рѣчь макаронизмами, которые ввели въ моду среди Поляковъ іезуиты, Кисѣль формулировалъ свои новые тезисы такъ: „Każdy prawie tyran aut est implicite tollendus aut tolerandus; aut expugnandus, aut placandus“. „Терпѣть“ (продолжалъ онъ), „это дѣло невыносимое и для Рѣчи Посполитой постыдное. Чтобы прогнать непріятеля, на это нѣтъ силъ у насъ. А умилостивить его можно вотъ какимъ образомъ. Надобно какъ можно поскорѣе выбрать такого человѣка, который бы развѣдалъ: почему первая коммиссія была недѣйствительна? а тутъ козаки познаютъ короля, котораго всё-же боятся они, тогда какъ Рѣчь Посполитую презираютъ и ставятъ ни во что. Благоволите, господа, вѣдать, что для этихъ мужиковъ маестатъ Республики (majestat Reipublicae) не существуетъ. А що воно Річъ Посполи́та? говорятъ они. Мы й самі Річъ Посполи́та, але́ король, отò въ насъ панъ“!

Варшавскій каштелянъ, человѣкъ, очевидно, умный, но по имени намъ неизвѣстный, внушалъ несчастнымъ сейміникамъ, что Ки-

селя скорѣе можно назвать шпіономъ Хмельницкаго, нежели защитникомъ отечества. И въ самомъ дѣлѣ, безъ этого Русина, котораго справедливо считали орудіемъ кары Господней, какъ и самого Хмельницкаго, у Поляковъ оказалось еще столько здраваго смысла, чтобы въ инструкціи передъ коронаціоннымъ сеймомъ поставить себѣ три спасительные пункта: 1) уплатить жолнеру заслуженный жолдъ; 2) разлучить язычниковъ съ бунтовщиками; 3) заключить съ Москвой оборонительный союзъ.

Но „человѣкъ, посредствомъ котораго покаралъ ихъ Pan Bòg", сдѣлалъ эти мѣры не дѣйствительными заблаговременно. Литовскій канцлеръ говоритъ, что Кисель ненавидѣлъ князя Вишневецкаго. Онъ и долженъ былъ ненавидѣть воина и патріота, въ глазахъ котораго его таланты были глупостью, его миротворные подвиги—трусливостью; а ненавидя, онъ всячески противодѣйствовалъ фельдмаршальству того, кто его любовь къ отечеству лишилъ бы вожделѣннаго памятника. Гетманская булава очутилась на время въ рукахъ, ея достойныхъ, только тогда, когда Кисель, въ своемъ, какъ онъ жаловался, „калѣчествѣ" (то есть подагрѣ) бѣжалъ (по его словамъ), не зная куда, потерявши всѣ свои худóбы (владѣнія) и не имѣя нигдѣ угла, а въ обозѣ лишась и послѣдняго имущества. Теперь ему надобно было такъ или иначе „вырвать у Геркулеса палицу", — и Кисѣль, вопреки античной пословицѣ, совершилъ этотъ подвигъ, приспѣшивъ избраніе короля и затормазивъ избраніе гетмана. Неспособный же къ своему дѣлу король помогъ безсмысленному миротворцу, и доказалъ, какъ демонски уменъ былъ губитель Шляхетскаго Народа, бросая на сеймовые вѣсы свой мечъ въ пользу его избранія.

Въ 6 засѣданіи (12 октября) опять былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ собрать разсѣянное войско, какъ создать артиллерію. По мнѣнію нѣкоторыхъ, всего лучше было бы ввѣрить это дѣло князю Вишневецкому, „чтобъ орудовала всѣмъ одна голова". Но другіе заняли вниманіе законодателей болѣе важнымъ для нихъ предметомъ, чтобы не осуждали князя Заславскаго, не выслушавъ дѣла (żeby go nie kondemnowano inaudita causa).

Для спасенія отечества, сеймующіе паны дѣлали разныя пожертвованія, кто деньгами, кто вооруженными людьми. Канцлеръ Оссолинскій проповѣдывалъ весьма разумно, что кто желаетъ подавать полезные совѣты въ Республикѣ (kto chce salubre dać consilia in Republica), тому необходимо знать настоящее положеніе Республики и положеніе непріятеля. Послѣ того исчислилъ онъ опаснѣйшіе случаи въ прошедшемъ и указалъ на 1621 годъ, когда, послѣ Цецорской катастрофы,

краковскій воевода, Янъ Тенчинскій, пособилъ общей бѣдѣ. Такъ и теперь совѣтовалъ Оссолинскій послать кого-нибудь изъ боевой шляхты съ какимъ-нибудь полкомъ для развѣдокъ о положеніи непріятеля. Въ составъ полка предлагалъ онъ собственную ассистенцію въ числѣ 600 жолнеровъ. „Но это были только слова“ (замѣтилъ грустно въ своемъ дневникѣ князь Радзивилъ): „ничто не было приведено въ исполненіе“.

Всѣ надежды лучшихъ людей (которыхъ печальный удѣлъ составляетъ ихъ всегдашнее меньшинство), людей, возбуждавшихъ самодѣятельность въ обществѣ, на мѣсто малодушныхъ упованій да ожиданій,— всѣ ихъ надежды рушились избраніемъ такого короля, какой былъ нуженъ Хмельницкому.

Въ томъ же засѣданіи одинъ изъ земскихъ пословъ жаловался на Киселя, что на конвокаціи онъ обѣщалъ — или умиротворить непріятеля, или положить свою душу. „Ничего этого не видимъ“ (говорилъ представитель здраваго смысла общественнаго): „напротивъ, изъ совѣта умолять Хмельницкаго мы видимъ, что онъ держитъ его сторону. Никогда мы этого не сдѣлаемъ: только Бога мы должны молить о грѣхахъ нашихъ“.

Но Кисель опирался на мнѣнія тѣхъ, которые подразумѣвались въ рѣчи одного изъ сеймовиковъ подъ словами: „всѣ мы находимся въ летаргическомъ снѣ“, — на тѣхъ, кого разумѣлъ князь Радзивилъ, когда писалъ въ своемъ дневникѣ: „почти всѣ намѣревались бѣжать изъ Варшавы“, да на тѣхъ, о которыхъ написалъ онъ по окончаніи сейма: „Такая была консернація въ Варшавѣ, что когда бы появился хоть одинъ козацкій полкъ, то навѣрное всѣ бы мы разсѣялись“. Кисель говорилъ такъ убѣдительно для *своихъ* слушателей, что въ сеймовомъ дневникѣ записано: „Панъ воевода брацлавскій оправдалъ себя (dał o sobie justifikacyą)“.

Въ 7 засѣданіи (13 октября) „великопольскій генералъ“ объявилъ, что, судя по реляціи коммиссаровъ, онъ пришелъ къ заключенію (te biore z niej quintam essentiam), что Господь Богъ не далъ военачальникамъ ни ума, ни мужества (Pan Bóg rady nie dał i serca). Теперь приводило его въ отчаяніе то обстоятельство, что въ Варшавѣ не знали о непріятелѣ ничего вѣрнаго. А это значило (замѣчу отъ себя), что козаки превосходили шляхту и умѣньемъ выѣдывать ея тайны, и способностью скрывать свои собственныя; что козацкія чаты были несравненно смѣлѣе и искуснѣе панскихъ; что онѣ театръ свой разбойно-военныхъ дѣйствій окружали непроходимою для панскихъ подъѣз-

довъ цѣпью, какъ это было и на Желтыхъ Водахъ, и послѣ Желтоводскаго боя.

„Вы согласились вчера“ (говорилъ панамъ Богуславъ Лещинскій, раскрывая передъ нами всю несостоятельность панскаго правительства), — „вы согласились послать подъѣздъ подъ непріятеля, да бѣда въ томъ, что денегъ нѣтъ. Панъ подскарбій уѣхалъ, не оставивъ никого въ Скарбѣ, а на общественный кредитъ (ad fidem publicam) никто не даетъ. Ужъ не сложиться ли намъ хоть по сотнѣ злотыхъ“?..

Это было знаменитое засѣданіе въ томъ отношеніи, что, не имѣя ни денегъ, ни кредита, сеймовые паны пришли къ единодушному рѣшенію: „отдать булаву надъ войскомъ князю Вишневецкому“. Такъ записалъ въ своемъ дневникѣ литовскій канцлеръ; и въ сеймовомъ дневникѣ читаемъ: „Его милость ксендзъ примасъ опубликовалъ Князя Іеремію гетманомъ“.

То былъ великій моментъ въ жизни Шляхетскаго Народа. Князь Вишневецкій, рожденный для диктатуры или для самодержавной власти, создалъ бы этому несчастному народу и кредитъ, и войско. Судьба Народа Козацкаго была бы тогда другая, а съ нею и судьба европейскаго Сѣвера, — другая въ лучшемъ, или въ худшемъ смыслѣ, но только не было бы такого человѣкоистребленія и такого звѣрства, съ какимъ оно совершалось этими двумя оригинальными республиками въ теченіе 120 послѣдующихъ лѣтъ.

Спасеніе польскорусскихъ культурниковъ, какови бъ они ни были, представлялось возможнымъ, и многія благородныя сердца трепетали радостными надеждами. Но Кисель (пишетъ литовскій канцлеръ) ненавидѣлъ князя Вишневецкаго, и хотѣлъ разрушить общее согласіе, говоря: „Я, яко сенаторъ, по долгу моей присяги, обязанъ предостеречь Рѣчь Посполитую, что его избрала гетманомъ только одна тысяча жолнеровъ. Если это избраніе будетъ утверждено, то всѣ будутъ очень обижены (wielkie wszystkim stanie się praejudicium). Притомъ же намъ гораздо нужнѣе избрать короля, нежели гетмана, такъ какъ, при недостаткѣ войска“... Но тутъ поднялся крикъ и заглушилъ его рѣчь. Киселя забросали сарказмами (haniebnie szczyrząc wojewodę bracławskiego), и тѣмъ засѣданіе кончилось.

На другой день, въ засѣданіи 8 (14 октября), было получено письмо князя Вишневецкаго о томъ, что, не желая быть затѣнутымъ во Львовѣ, онъ отступилъ съ горстью своего войска къ Замостью, и намѣренъ тамъ собирать войско. Это произвело нѣкоторое движеніе въ средѣ польскихъ законодателей; но, по словамъ сеймоваго дневника, время проходило въ безполезныхъ толкахъ, „матерію клали на

матерію", и не приходили ни къ какому концу. (Въ Варшавѣ не было другой Катерины Слонёвской, а она прославила бы свой полъ несравненно больше первой). Наконецъ остановились на вопросѣ: которыя хоругви преступнѣе: тѣ ли, которыя бѣжали съ поля битвы, или тѣ, которыя до сихъ поръ не двигались изъ своихъ *лежъ* и угнетаютъ мѣстныхъ жителей? Но отъ этого предмета отвлекъ ихъ крикъ, что паны грузятъ уже возы да шкуны, съ тѣмъ чтобъ уходить изъ Варшавы, предавши прочихъ на мясныя лавки (na mięsne jatki wydawszy). „Клянусь Богомъ" (кричалъ одинъ изъ земскихъ пословъ), „мы съ братьей перебьемъ ихъ за это"! Со стороны другихъ пословъ раздались крики противъ ротмистровъ, которые, получивъ отъ Рѣчи Посполитой деньги, не идутъ въ войско, а люди ихъ тутъ же, подъ Варшавой, грабятъ, дерутъ, разбойничаютъ. „Не для того ли они стоятъ здѣсь" (говорили послы), „чтобы свободную шляхту лишить свободныхъ голосовъ при избраніи короля? Но сперва мы положимъ кого-нибудь трупомъ, или ляжемъ сами, нежели позволимъ отнять у себя драгоцѣнное право".

Крикъ этотъ былъ прерванъ извѣстіемъ, что Хмельницкій прислалъ подъ Люблинъ Татаръ, чтобъ они, выжегши окрестности, держали городъ въ блокадѣ, пока самъ онъ придетъ съ войскомъ.

Заговорили о посполитомъ рушеніи. Нѣкоторые исключали изъ него свои провинціи, яко подверженныя великой опасности. Это заставило пановъ корить своихъ собратій стариною. „Тогда де было не такъ: тогда польскій шляхтичъ одной рукой держался за плугъ, а другой за саблю. Теперь шляхетское сословіе занимается больше браками, нежели походами". Одни настаивали на посполитомъ рушеніи; другіе предлагали уплатить соотвѣтственный налогъ. Мазуры требовали, чтобы всѣ шли въ походъ одновременно: „ато вы сперва выгубите насъ, людей убогихъ, да и заслонитесь нами (выставляя насъ впередъ) отъ непріятеля. Не позволимъ! не бывать этому"!

Въ 9 засѣданіи (15 октября) читали универсалъ, повелѣвающій, чтобъ и разбѣжавшіеся и не дошедшіе еще до лагеря собрались къ Вишневецкому въ теченіе 14 дней, подъ смертною казнью (sub poena perduellionis et colli). Одинъ изъ земскихъ пословъ предложилъ написать универсалъ къ мужикамъ, обѣщающій имъ безопасность, только бы они не приставали къ козакамъ: ибо нѣкоторые (говорилъ онъ) пошли въ козаки изъ-за того, что жолнеры не только грабили ихъ, но и стращали вырубить всѣхъ въ пень, идучи назадъ.

Это напоминаетъ намъ давнишнія стращанья малорусской черни съ одной стороны отъ козаковъ, съ другой—отъ жолнеровъ. Польская

неурядица сама собой вела посполитый народъ къ козатчинѣ. Населеніе государства, стоявшаго, по польской пословицѣ, bezrządem *), само собою раскалывалось на козаковъ и не-козаковъ. Со временъ великаго и несчастнаго въ своей великости Жолкевскаго, не только мужики, угнетаемые жолнерами да козаками, умножали собой козатчину, но и жолнеры, не получивъ заслуженнаго жолду, „приставали въ козаки". Теперь готовился новый контингентъ козатчины: тысячъ двадцать малорусской шляхты, оставшись безземельниками и не находя въ польско литовскомъ обществѣ никакого вспоможенія, угрожали присоединиться къ козакамъ, какъ это дѣлали давно уже земледѣльцы всѣхъ вѣроисповѣданій, вытѣсняемые изъ имѣній своихъ богатѣющими ксендзами, да мнихами. Объ этомъ, какъ увидимъ ниже, подумывалъ вслухъ на сеймѣ и самъ Кисель, а маршалъ Посольской Избы, Обуховичъ, высказалъ его мысль (въ засѣданіи 21 октября), не обинуясь.

Разореніе и распаденіе Польши объясняютъ у насъ геройскимъ стояньемъ полутатаръ и полуполяковъ за православную вѣру и русскую народность, а Польша разорялась и распадалась уже давно сама собою. Доказательствомъ тому служитъ, между прочимъ, ея постоянная боязнь передъ собственными защитниками своими. Она боялась переходовъ своего *платнаго*, иначе *грошеваго* (служившаго за жолдъ) жолнера; еще больше боялась ciągnienia **) своихъ посполитаковъ, а еще больше—столкновенья жолдовыхъ воиновъ съ посполитаками. Такъ и настоящій сеймъ не рѣшался объявить посполитое рушеніе на козаковъ изъ опасенія, чтобъ окружающіе сеймующую Варшаву панскіе гвардейцы, иначе *ассистенты*, называвшіеся вообще панскими полками, на возвратномъ пути не сталкивались съ отрядами посполитаковъ и не нападали на нихъ по поводу фуражировки, да обычныхъ польскимъ воинамъ грабежей, или же — не подвергались нападеніямъ съ ихъ стороны.

Эта боязнь парализовала оборонительную самодѣятельность Шляхетскаго Народа въ то время, когда Народъ Козацкій угрожалъ ему показать свою близость пожарными дымами да заревами. Смѣясь „горькимъ смѣхомъ" надъ своей братьей, медлящей въ мѣропріятіяхъ, одинъ изъ членовъ законодательнаго собранія говорилъ такъ:

„Не знаю, господа, кто бѣжалъ: *наши*, или козаки? Мнѣ кажет-

*) Неурядицею.

**) Похода.

ся, что козаки, потому что мы ихъ не боимся. Это видно изъ того, что мы не думаемъ объ ихъ близости. Еслибъ мы ихъ боялись, то поставили бы — или посполитое рушеніе, или вербовку жолнера для обороны. Мы хотимъ одного, а вы, господа, другаго: значитъ опасности нѣтъ".

Подъ шумъ безплодныхъ споровъ и пререканій, нашъ Адамъ Свѣнтольдичъ хлопоталъ всего больше о томъ, какъ бы его любовь къ отчизнѣ не оставалась безъ памятника, или, какъ онъ выражался въ письмѣ къ примасу (стоитъ повторить слова великаго гражданина): „Te moję wierną przysługę aby ini nikt nie wydzierał, i żeby absque monimento pietatis ku ojczyznie nie zostawała". Допустить, чтобы князь Іеремія спасъ отечество — для него значило: остаться безъ награды за любовь къ отечеству. Надобно было ссадить его съ гетманства. Такъ нашъ, по словамъ князя Радзивила, за всякое посягательство на булаву Вишневецкаго шляхта всячески позорила Киселя, то онъ молчалъ о ней и, вмѣсто того, настаивалъ на скорѣйшемъ избраніи короля, который могъ отдать ее кому угодно.

Подобныхъ Киселю патріотовъ развелось въ свободномъ Шляхетскомъ Народѣ безъ числа. Въ 10 засѣданіи сейма (16 октября) нѣкоторые изъ его членовъ обвиняли другихъ въ утайкѣ денегъ, полученныхъ на войско. Одинъ изъ обвиняемыхъ сенаторовъ, за неимѣніемъ другихъ доказательствъ панской честности, прибѣгнулъ къ доказательствамъ желѣзнымъ (żelazne gasuę): „Никто цнотливый *) не скажетъ мнѣ такъ. У меня при боку шпага острая: я вспомню объ этомъ въ свое время". Но угроза храбраго сенатора была сдѣлана не менѣе храброму подсудку, и онъ отвѣчалъ: „У меня тоже острая сабля: дастъ она себя знать сенаторской плетви (która się ujmie senatorskiéj gęby). На это нашъ сенаторъ призналъ благоразумнымъ замолчать.

Вѣсти о козакахъ, прилетѣвшія изъ Люблина, заставили даже миролюбиваго Киселя подумать о войнѣ. Онъ увѣрялъ, что непріятель стоитъ на мѣстѣ таборомъ, а вокругъ пановъ гультайство, распущенное загонами, и потому слѣдовало бы послать противъ этихъ загоновъ „летучіе отряды, squadrone volante, какъ говорятъ Итальянцы". Но это было pium desiderium. Шляхта продолжала ссориться даже и тогда, когда получила извѣстіе объ опасности, угрожавшей Сокальскому монастырю-замку, въ которомъ окрестные паны сложили свою

*) Слово непереводимое: оно значитъ и *добродѣтельный*, и *честный*, и *сознающій свое достоинство*.

благодѣянную довѣренность. Въ сеймовомъ дневникѣ записано, что въ теченіе цѣлаго дня не было рѣшено ничего, и что засѣданіе распущено въ безпорядкѣ и криках (w nierządzie, hałasie soluta est sessio).

Въ 11 засѣданіи (17 октября) читали два новые универсала: одинъ—къ разсѣяннымъ жолнерамъ (do żołnierów rozprószonych), а другой—къ тѣмъ, которые еще не были въ лагерѣ, чтобы первые собрались къ Вишневецкому въ теченіе 4 недѣль, а другіе—въ теченіе двухъ, подъ смертною казнью. При этомъ литовскій подканцлеръ, нашъ единовѣрецъ Гедеонъ Михаилъ Тризна, „никоимъ образомъ не согласился титуловать Вишневецкаго и его товарища Фирлея *гетманами*, а только *регементарями*, для того, что, когда литовскій гетманъ придетъ къ нимъ на помощь, то чтобы старшинство оставалось за нимъ: еще одинъ предметъ раздора!

Нѣкто Мировскій объявилъ государственнымъ людямъ, съ подобающею земскому послу важностью, что совѣты ихъ затрудняютъ *русскія чары*, не давая прійти ни къ какому рѣшенію, и что лучшее средство противъ такихъ чаръ—братская искренняя любовь, безъ которой де паны, въ дерзкомъ своевольствѣ своемъ, должны погибнуть (bez tej łowiem nam per temerariam licentiam licet perire fato nostro).

Земляки наши, паны Огинскіе, приняли эти слова за камень, брошенный въ ихъ огородъ, и подняли было крикъ, а тотъ началъ кричать противъ нихъ и вдвое. Но одинъ изъ ветерановъ московскихъ походовъ угомонилъ національный антагонизмъ, разсказавши, что когда онъ былъ въ осадномъ сидѣньѣ въ московской столицѣ, то Москали хотѣли было посредствомъ чаръ впускать своихъ въ городъ небольшими партіями. „Замѣтивъ это“ (говорилъ ветеранъ), „мы отправили противъ чаръ всенздза съ кропиломъ, а сами выносили Москалей саблями“.

Эту серьезную бесѣду прервалъ коронный канцлеръ Осолинскій. „Прекрасно вы сдѣлали, господа“ (сказалъ онъ), „что выбрали гетмановъ; но гетманы безъ войска ничего не значатъ, а войско у насъ только на бумагѣ, на дѣлѣ же у насъ больше желанія, нежели надежды (magis optandum, quam sperandum). Всякому понятно, что и эти бѣглецы (fugitivi) потеряли все: какъ могутъ они быть обязаны къ невозможному? Невозможно имъ служить за этотъ жолдъ, потому что за него нельзя снарядиться къ походу какъ слѣдуетъ, а мы оттолкнемъ (odstraszymy) отъ себя этимъ случаемъ всѣхъ иностранцевъ, если будемъ ихъ принуждать къ такой панщинѣ (gdy ich tak będziemy angarejować). Надобно разослать намъ по воеводствамъ депута-

товъ, чтобъ узнали, сколько въ какомъ воеводствѣ денегъ, и тогда назначили жолнерамъ жолдъ вѣрный и соотвѣтственный".

При этомъ „великопольскій генералъ" замѣтилъ панамъ, что они избрали гетмановъ безъ войска, а войско хотятъ набрать безъ денегъ, и умолилъ, чтобы депутаты были назначены по всѣмъ предметамъ и прежде всего добыли денегъ.

Когда сеймовики углубились въ мудреный вопросъ, какъ выйти изъ безденежья, нѣкто Бжозовскій (очевидно, Березовскій) прискакалъ верхомъ и предсталъ предъ нихъ въ бандолетовой перевязи и въ ладункѣ, съ реляціей о пораженіи литовскаго войска и паденіи Бреста и Кобрина. Онъ донесъ, что панъ Кіевскій (то-есть кіевскій кантелянъ) отдалъ свои вещи на спрятъ монахамъ, и что поэтому козаки вырѣзали два города, а теперь идутъ къ Бѣльску, и всѣ мужики съ ними. Брестскіе хлобы (говорилъ Бжозовскій) также понасаживали себѣ косы.

„Это вызвало свистъ и смѣхъ" (сказано въ сеймовомъ дневникѣ), „и никто не далъ тому вѣры, хотя все была правда".

Среди помѣшанныхъ на своей силѣ и власти сеймовиковъ, даже нашъ Адамъ Свѣнтольдичъ явился мудрецомъ. Онъ произнесъ такую рѣчь:

„Господа, вы повелѣваете собраться войску въ 14 дней; но и это долгій срокъ: ибо войны зависятъ отъ момента (bella momentis constant). Другимъ вы назначаете 4 недѣльный срокъ; но они не придутъ и въ 10 недѣль. По воеводствамъ деньги невѣрны. О посполитомъ рушеніи ничего не рѣшено, а оно-то и могло бы спасти насъ. Поэтому, если Pan Bóg не остановитъ непріятеля, то мы неизбѣжно погибнемъ (actum est, periimus)! А между тѣмъ гдѣ прикажете намъ, убогимъ, приклонить голову? Невозможное дѣло, чтобы вы могли выкурить такъ скоро непріятеля изъ тамошнихъ нашихъ краевъ. Поэтому—или насъ обезпечьте и дайте намъ содержаніе, или велите намъ промышлять о себѣ иначе (radzić o sobie). Помочь намъ въ нуждѣ вы—или не хотите, или не можете. Если не хотите потому, что не заслуживаемъ того за нашу доблесть (non meruimus pro virtute nostra) у вашихъ милостей,—потому что соблюли вѣрность, то чего же намъ наконецъ надѣяться? (quid tandem sperandum nobis)? Если не можете, то — мы погибнемъ. Сдѣлайте же еще попытку: пошлите къ Хмельницкому отъ имени королевичей: ибо, какъ нужда ломаетъ законъ и достоинство Республики, такъ и случай творятъ законы (jako necessitas frangit legem et dignitatem Reipublicae, tak casus faciem leges): иначе—и самую элекцію, эту зѣницу свободы (hanc pupillam

libertatis), основаніе и фундаментъ нашей вольности (basim et fundamentum swobody naszej), погубите вы вмѣстѣ съ собою. Боюсь, чтобы тѣ, которыхъ силу подавляетъ убожество (których moc premitur egestate), не вздумали, въ своей бѣдѣ, покуситься на что-нибудь горшее, чѣмъ Хмельницкій (czego gorszego nie chcieli, niż Chmielnicki). А потому—или сокращайте элекцію, чтобы вмѣстѣ съ королемъ явились и всякіе способы и легче все пошло, или ужъ, опустивши руки, будемъ ожидать милосердія Божія, или же, наконецъ, побросавъ сады да фонтаны и взявшись за руки, давайте погибнемъ всѣ разомъ! Это лучше, нежели бѣжать въ Данцигъ. Скажу вамъ откровенно, господа, что если вы хотите оставить себѣ только Привисляпщину (Powiśle) и нашею гибелью купить себѣ миръ, то намъ лучше убить себя съ вами (tedy się wolimy zabijać z w Mciami). И такъ—или выбирайте короля, или хлопочите о мирѣ.

Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвела эта лукаво прямодушная рѣчь; но въ сеймовомъ дневникѣ записано слѣдующее:

„Луцкій бискупъ (Андрей Гембицкій), не желая дать 10.000 червоныхъ злотыхъ, плакалъ, и панъ маршалъ, изъ сожалѣнія къ нему (żałując biskupa straty swego), записалъ въ реестрѣ эти деньги полученными. Панъ Фредро (львовскій каштеляпъ, писатель-философъ) корилъ пановъ, что въ прежнія вербовки, которыя дѣлались на притѣсненіе нашихъ вольностей, бросали золотую посуду на деньги, а теперь ваши милости, паны сенаторы, даете такія малыя вспоможенія погибающему отечеству, что весь Сенатъ едва сложился на 1.000 человѣкъ. Клянусь Богомъ, я продаю послѣднее имущество; пускай только мнѣ за него заплатятъ, не прикоснусь къ деньгамъ, лишь бы спасти отечество. Вы, господа сенаторы, дадите строгій отчетъ Богу за то, что не спасаете отчизны. Вчера я предлагалъ набрать пѣхоту въ городахъ,—никто не слушалъ меня. Просилъ ихъ милостей пановъ печатарей, чтобы приватно, собственнымъ авторитетомъ, убѣждали королевичей мириться въ соисканіи престола (aby się godzili o państwo),—и на это отвѣчали молчаніемъ“... Коронный канцлеръ говорилъ, что когда до насъ доходятъ печальныя вѣсти, это насъ такъ поражаетъ, что мы тотчасъ все даемъ и все бьемъ; а когда выйдемъ изъ-подъ сеймоваго навѣса (z szopy), тотчасъ позабываемъ обо всемъ и думаемъ только о добромъ здоровьѣ *вашмости*. Первый разгромъ обоза такъ насъ потрясъ и воодушевилъ, что только и кричали, что *бей его! рази его!* Я думалъ, что ужъ и Крымъ, и Константинополь возьмемъ чатою. Прошло нѣсколько дней,—и наше одушевленіе исчезло безъ слѣда (aż owa ochota zgasła w nas, ani jéj słychać, cis-

nąć w nas było). Теперь опять новая тревога разбудила въ насъ любовь къ Рѣчи Посполитой, а тамъ за бокалами смотри—опять забудемъ все. Что же насъ испортило? Миръ, продолжительный миръ, въ которомъ научились мы, какъ сказалъ кто-то, по-нѣмецки хозяйничать, по-итальянски фонтанничать, по-французски модничать и ароматничать. А насъ и предковъ нашихъ Господь Богъ поставилъ, какъ редутъ и предостѣніе всего Христіянства (jako propugnaculum totius Christianitatis, jako antemurale wszystkiego Chrześciaństwa)".

Въ 12 засѣданіи (19 октября) гродзкій писарь внесъ законопроектъ, чтобы никому изъ отцовъ отечества не дозволялось ни самому спускаться внизъ по Вислѣ въ Данцигъ, ни скарбовъ и вещей не возить.

Кисѣль жаловался передъ сеймомъ на крайнее убожество малорусскихъ землевладѣльцевъ, разоренныхъ козаками. „Здѣсь насъ такихъ" (говорилъ онъ) „plus minus 20.000. Жить намъ нечѣмъ, просить милостыни не у кого. Когда наши братья такъ туги на ухо (obdurate aures braterskie), то единственное средство—сохранить срокъ *элекціи* да выбрать поскорѣе короля: тогда и отечество спасемъ, и положеніе шляхты возстановимъ. Если же ваши милости останетесь и впредь жестокосердыми къ намъ, то придется намъ промышлять о самихъ себѣ"...

Но тутъ собраніе вспомнило вчерашнія слова оратора: „Боюсь, чтобы тѣ, которые слабосильны только потому, что убоги, не покусились на что-нибудь горшее, чѣмъ Хмельницкій",—и закричали: „Это imperiosa vox et dictatoria"!

„Нѣтъ, господа!" (отвѣчалъ Кисѣль): „это не vox imperiosa, а vox lacrymosa *). У насъ ничего не осталось, кромѣ имени да голоса титула. Если нельзя ничѣмъ помочь намъ, то, спасаясь отъ гибели, мы будемъ принуждены какимъ бы то ни было способомъ возвратить себѣ древнюю свободу и прежніе достатки (quibuscunque mediis antiquam libertatem i pierwsze dostatki nasze vindicare)".

Видя, что никто ничего не дѣлаетъ и всѣ только безконечно говорятъ, спорятъ, взаимно грозятъ, „великопольскій генералъ" выразилъ опасеніе, чтобы сеймующіе паны не разсѣялись, подобно пилявецкому войску, при появленіи непріятельской чаты. Предупредить подобную катастрофу находилъ онъ возможнымъ только соединеніемъ сенаторскихъ почтовъ подъ начальствомъ „великихъ кавалеровъ", витеб-

*) Не повелительный голосъ, а плачевный.

скаго воеводы, Павла Сопіги, и литовскаго обознаго, Осинскаго. Безъ нашихъ Русичей, крещенныхъ или еще некрещенныхъ въ римское католичество и въ протестующую противъ него нѣмецкую вѣру, Польша не видѣла себѣ спасенія. Наши Русичи, Острожскіе, Радивилы, Сопіги, Вишневецкіе, Сангушки, Черторыйскіе и пр. и пр., обогатили ее своей обширной плодоносной землей. Наши Русичи, Замойскіе, Жовковскіе, Сѣнявскіе, Мелецкіе, Струси, Лжикоронскіе, Збаражскіе, Зборовскіе и пр. и пр. и пр. обороняли и прославляли ее. Наши Русичи Бѣльскіе, Кохановскіе, Реи создали польскую литературу. Наши же Русичи, поссорясь одни съ другими удѣльно-вѣчевымъ обычаемъ, втоптали въ грязь, облили кровью, растерзали въ клочки соединительное польское знамя, и погубили Польшу, какъ неспособную къ самобытности политическую систему... Дошло до того, что когда одинъ изъ земскихъ пословъ предложилъ—или заключить съ козаками какой бы то ни было миръ, пока паны соберутся съ силами, или идти противъ нихъ табором,—слушатели разсмѣялись и засвистѣли. Но ораторъ объявилъ смѣющимся свистунамъ, что мѣстные гультаи собрались было уже поджечь Варшаву съ крикомъ *Гала! Гала!* какъ дѣлали козаки представляя изъ себя Татаръ. Свистуны ужаснулись.

Тогда другой ораторъ сказалъ: „Господа! это насъ докончитъ, если насъ будетъ пугать всякая вѣсть. А коронный референдарій къ вѣсти о единовѣрныхъ и единоплеменныхъ поджигателяхъ прибавилъ, что въ субботу (17 октября) видѣлъ уже корнеты и зажженные фитили.

Чтобы не распространилась въ обществѣ паника, подсказывавшая панскимъ гультаямъ козацкія злодѣйства, гродскій писарь предложилъ законопроектъ,—чтобы паны не посылали хлѣба въ Данцигъ, такъ какъ, подъ видомъ отправки хлѣба, они вывозили свое имущество.

Не менѣе характеристиченъ и законопроектъ, предложенный тутъ же однимъ изъ земскихъ пословъ: волонтеры должны быть извѣстны гетману: „иначе де наши будутъ грабить больше, нежели непріятель“.

Отъ избранія короля классически воспитанные паны ждали такихъ результатовъ, какіе послѣдовали въ древнемъ Римѣ за воцареніемъ Августа, который де Квиритовъ усмирилъ одною своею славою (Quirites ipsa fama sedavit).

Тутъ нѣкто панъ Обрынскій вспомнилъ о Павлюкѣ, который де самозванно коронованный головой (ipso coronato capiti) грозилъ королю Владиславу опасностью, и чѣмъ же кончилъ? Сѣлъ на колъ.

То же было бы теперь и Хмельницкому, когда бы мы поспѣшили избрать короля.

Паны извращали даже недавнопрошедшее, такъ же какъ и порожденные панской неурядицей козаки. Павлюкъ былъ обезглавленъ и потомъ четвертованъ, а корону ему навязала стоустая молва, затмившая и жизнь Хмельницкаго, которую надобно изучать исторически въ дѣяніяхъ козатчины, а не біографически въ пересказахъ современниковъ о его словахъ и поступкахъ.

Въ 13 засѣданіи (20 октября) войсковые послы выразили свое неудовольствіе на то, что въ сеймовыхъ универсалахъ князь Вишневецкій не названъ absolute гетманомъ, а только регментаремъ. Сеймовики „извинялись“ передъ ними тѣмъ, что и прочихъ полководцевъ именовали только регментарями, а не гетманами. „Дѣло ясное“ (говорили они), „что мы не можемъ этого права вырвать изъ рукъ у будущаго короля: ибо наименованіе *гетмана* Рѣчь Посполитая отдала ему въ руки вмѣстѣ съ раздачею дигнитарствъ (cum justitia distributiva). Войсковые послы возразили на это, что заслуги князя Вишневецкаго и его геройскія доблести (heroicae virtutes) не допускаютъ никакихъ сравненій. Но разъ универсалы были разосланы, паны оправдывали себя невозможностью исправить ошибку, такъ какъ легче порицать ошибки, нежели исправить ихъ (errores magis reprehendi, quam corrigi possunt), хотя въ этомъ казусѣ видать было Киселя, какъ по хвосту видна лисица. Недавно еще онъ проповѣдывалъ, что necessitas frangit legem; теперь, когда другіе говорили съ его голоса, онъ молчалъ.

Были еще и другіе поводы къ раздорамъ. Паны подозрѣвали одинъ другаго въ подкупности. По поводу взаимныхъ упрековъ, засѣданіе было распущено.

Въ 14 засѣданіи (21 октября) трактовали о томъ, чтобы города поставляли въ войско пѣхоту, о чемъ давно хлопоталъ моралистъ Фредро. Депутаты поклялись совѣстью (sub conscientia) не давать потачки городамъ, что говоритъ само за себя. Мѣщане подляскихъ городовъ должны были поставлять въ пѣхоту „Ляховъ“ или иностранцевъ, а не „Русь“, что также говоритъ само за себя.

Маршалъ Посольской Избы возлагалъ всю надежду на избраніе короля. „Можетъ быть, нашъ король“ (говорилъ онъ) „такъ будетъ счастливъ, какъ Помпей, который только ударилъ въ землю, тотчасъ вышло изъ земли войско. Въ противномъ случаѣ, помните, господа, до чего могутъ быть доведены наши братья: утративши все и не найдя въ насъ любви къ себѣ, они *навѣрное перейдутъ къ непріятелю*“.

Теперь только дошла до варшавянъ вѣсть, что Хмельницкій „взялъ“ львовское предмѣстье и распустилъ загоны подъ Сендомиръ. Земскій посолъ, Ляховскій, жаловался, что подъ Сендомиромъ пропало у него имущества на 500.000 злотыхъ.

15 засѣданіе (22 октября) описано въ сеймовомъ дневникѣ такъ: „Цѣлый Божій день провели въ толкахъ о сокращеніи элекціи; наконецъ сократили ее до 4 ноября, а она должна была кончиться ноября 6. Потомъ говорили объ обезпеченіи города. Посылали къ панамъ сенаторамъ просить объ обѣщанномъ гарнизонѣ, но ничего не получили, кромѣ отсрочки да невѣрныхъ обѣщаній, въ родѣ грушъ на вербѣ. Набранившись досыта и ничего не сдѣлавши, удовлетворились мы сокращеніемъ элекціи, и панъ маршалъ распустилъ насъ рано“.

О 16 засѣданіи (октября 23) сеймовой дневникъ говоритъ, что, до чего ни касались, всюду было несогласіе, вѣчные споры о пустякахъ (de lana caprina). „Такъ совѣщаются“ (говоритъ дневникъ), „какъ будто въ самое мирное время (in pacatissimo Reipublicae tempore), — совѣщаются для забавы (per passar il tempo). А непріятель находится сегодня уже только въ 14 миляхъ отъ Варшавы, со стороны Литовскаго Бреста, а со стороны Люблина—въ 20 миляхъ. Одни совѣтовались, какъ бы идти навстрѣчу непріятелю, другіе—какъ бы оборонить переправу на Вислѣ, третьи—какъ бы защищаться въ Варшавѣ. Таковы были разсужденія, а самое дѣло стояло такъ, что все живое укладывало свои *робы* въ сундуки; шнуровали тюки; отправляли готовые возы; снастили шкуны и ялики. По улицамъ ни о чемъ больше нѣтъ рѣчи, какъ о томъ, что паны собираются въ путь. Мы только смотримъ, что далѣе будетъ. Въ сеймовомъ кругѣ (w kole) раздаются клятвы, что будутъ сопротивляться до убоя (до gardł), а въ дѣйствительности ни малѣйше не было на то похоже. Неужели же мы подѣлались Жидами? или ужъ отъ насъ и самъ Господь Богъ отступился, и намъ осталось только бѣжать, куда глядятъ глаза? *) Въ такомъ несчастномъ положеніи, не имѣемъ о непріятелѣ никакой вѣсти, даже о Львовѣ не знаемъ ничего (а писано это было въ тотъ день, когда Тогай-бей отступилъ уже отъ Львова съ окупомъ и многими тысячами ясыра). Знаемъ только, что въ немъ гарнизона 200 пѣхотинцевъ да мѣщанъ при Армишевскомъ человѣкъ 15. Въ Замостьѣ панъ воевода русскій велѣлъ разобрать русское предмѣстье и расположился тамъ лагеремъ подъ самыми стѣнами, запасаясь прові-

*) Въ этомъ смыслѣ и Хмельницкій называлъ панское ополченіе Жидами.

янтомъ изъ окрестныхъ мѣстъ и не щадя ни чьихъ гуменъ. Своевольныя купы бродятъ по разнымъ мѣстамъ. Нынѣшнее засѣданіе потрачено все на невѣрныя новости и различныя вѣсти, о чемъ срамъ и писать (o czém sromota i pisać)".

Въ 17 засѣданіи (24 октября) „великопольскій генералъ" заявилъ, что и та горсть войска, которая находится подъ командой князя Вишневецкаго, намѣрена разойтись, если жолнерамъ тотчасъ не уплатятъ жолду. Онъ совѣтовалъ поступить и съ Варшавой такъ, какъ поступлено со Львовомъ, гдѣ депутаты брали на кредитъ Рѣчи Посполитой все, что находили въ лавкахъ и костелахъ. Это засѣданіе было распущено потому, что одинъ изъ молодыхъ членовъ былъ пьянъ и не далъ постановить никакого рѣшенія. Авторъ дневника изобразилъ возмутительное для насъ сеймовое безобразіе слѣдующими словами: „Tandem ktoś młody zagrzawszy głowy, którego znać foecundi calices fecere disertum, in murmure powstał, że compellare licet minis, niż rationibus. Pan referendarz koronny: „„troszeczkę śmiele"": zkąd jedni w śmiech, a drudzy się turbowali"..

Въ 18 засѣданіи (26 октября) земскіе послы роптали на то, что универсалъ къ бѣглецамъ (do rosprószeńców) лежитъ неразосланный. Въ этомъ обвиняли сенаторовъ, которые де не желали, чтобъ ихъ дяденьки, племяннички и т. д. нюхали опять порохъ, отъ котораго ушли.

„Этого только и недоставало къ нашимъ бѣдствіямъ" (сказалъ Фредро). „Что сегодня постановляемъ, то завтра отмѣняемъ. Не знаю, что причиною задержки универсаловъ: injuria, или industria ихъ милостей пановъ сенаторовъ. Но вижу, что мы дѣйствуемъ такъ, какъ повѣетъ вѣтеръ (że tylko vento ferimur). Когда насъ что-нибудь пострашаетъ, мы желаемъ приспѣшить наши рады (videmur accelerare consilia nostra), а если вѣсть убавитъ немного страху, мы ничего не говоримъ и не дѣлаемъ. Ухватились было мы за пѣхоту съ городовъ; теперь ужъ о ней и позабыли".

Отсюда произошли пререканія между свѣтскими панами и духовными, которые де не хотятъ отягчать (onerare) своихъ городовъ пѣхотою, и медлятъ съ разсылкой универсаловъ для того, чтобы, получивъ деньги, послать, въ зачетъ этихъ денегъ, свою ассистенцію.

19 засѣданіе (октября 27) было ознаменовано прибытіемъ искательнаго посла отъ такъ называемаго шведскаго короля, Яна Казимира. Просьба посла о назначеніи ему аудіенціи была приправлена такимъ панегирикомъ владычествующей шляхтѣ: „Не только всему свѣту, но и самому небу объявляете вы свободу, избирая свободными голосами великихъ монарховъ". Все прочее въ немъ было еще нелѣпѣе.

Въ 20 засѣданіи (29 октября) достойна замѣчанія отмѣтка дневника: „О Хмельницкомъ, о Львовѣ—ничего вѣрнаго, какъ и о Татарахъ".

Въ засѣданіи 21 (октября 30) маршалъ Посольской Избы жаловался на медлительное рѣшеніе самонужнѣйшихъ дѣлъ. „О нашей оборонѣ, о деньгахъ и людяхъ" (сказалъ онъ) „мы говоримъ такъ, какъ будто непріятель находится отъ насъ въ 200 миляхъ. Не только не знаемъ, что́ постановили сенаторы о депутатахъ въ теченіе недѣлъ двухъ, но не знаемъ даже, засѣдали ли они".

Отвѣтомъ на эту жалобу было донесеніе одного изъ депутатовъ, что сенаторы засѣдали только два раза, потому что не съѣхались. „Но и насъ не за что́ хвалить" (прибавилъ онъ): „хотя насъ депутовало двѣнадцать, но на этихъ засѣданіяхъ не было больше двухъ или трехъ".

Когда земскіе послы расходились изъ засѣданія, пришло извѣстіе, что Хмельницкій съ 40 тысячами войска идетъ комонникомъ (то есть безъ табора) прямо къ Варшавѣ, и будетъ подъ Варшавой въ среду или въ четвергъ, то-есть черезъ пять-шесть дней. „Вотъ такъ новинка на сонъ грядущимъ"! трагически восклицаетъ авторъ дневника.

Вмѣстѣ съ тѣмъ земскіе послы узнали, что князь Вишневецкій ѣдетъ въ Варшаву. Его пріѣздъ пророчилъ панамъ двѣ крайности: или что-то злое, или доброе. Вспомнилось имъ то время, когда превосходившій всѣхъ Поляковъ своевольствомъ и завзятостью правнукъ полумиѳическаго Байды готовъ былъ показать надъ своимъ соперникомъ по суду, что государство, религія, общественность, нравственность, сеймовое законодательство и самая царственность, ему подчиненная, безсильны для обузданія той личной свободы, которою Польша гордилась передъ всѣмъ свѣтомъ и передъ самимъ небомъ. Въ этомъ отступникѣ древняго русскаго благочестія, усыновленномъ Польшѣ іезуитскою школою, воскресло подъ иноземнымъ знаменемъ все буйство нашихъ буйтуровъ Всеволодовъ и все удальство Мстиславовъ Удалыхъ. Онъ былъ одинаково способенъ и спасти Польшу въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, и погубить ее въ другихъ. Вотъ почему его любило до самозабвенія героическое меньшинство и ненавидѣло до безумія противоположное большинство. Вотъ почему и сеймовой дневникъ писалъ о немъ, что его пріѣздъ пророчилъ что-то крайнее (mysiałby być per extrema).

22 засѣданіе (2 ноября) было занято рѣшеніемъ вопроса: которому изъ двухъ братьевъ, польскихъ королевичей, отдать корону. Въ старшемъ цѣнили то, что именемъ своимъ напоминалъ онъ Казимировскія времена польской славы (обыкновенно преувеличиваемой до

нельзя). Въ младшемъ свободолюбивому Шляхетскому Народу нравились его обѣщанія увеличить еще выторгованныя имъ и вынужденныя у королей вольности. Нашлись вліятельные для панской толпы люди, которые въ Янѣ Казимирѣ видѣли не только умъ, не склонный ни къ какимъ порокамъ (umysł do żadnych występków nieskłonny), твердый разсудокъ (rozsądek utwierdzony) и талантъ полководца (ad militaria sposobność kawalerska), но и величественную наружность... Несмотря на то, что „внѣшность его, то-есть красота (externa, to jest uroda)," какъ выражались панегиристы, была у всѣхъ передъ глазами, о ней распространялись такъ: „Хотя это и второстепенное отличіе, но когда его нѣтъ, маестатъ много отъ этого теряетъ, и часто это дѣлаетъ вѣнценосца презрѣннымъ (principem contemptibilem reddit), а презираемый властитель не есть властитель, и власть безъ достоинства существовать не можетъ".

Въ засѣданіи 23 (ноября 3) Посольская Изба оставалась въ совершенной неизвѣстности относительно таинственнаго и въ своихъ замыслахъ непроницаемаго непріятеля. Она узнала только, что князь Вишневецкій на своемъ мѣстѣ оставилъ подъ Замостьемъ маркграфа Мышковскаго. Наконецъ увидѣли сеймовики того, который, по милости Кисселя и многочисленной толпы аристократической черни, подчинявшейся его внушеніямъ, сдѣлался своего рода камнемъ, его же небрегоша зиждущіе.

На сей разъ князь Іеремія не представилъ ничего крайняго. Пренебрегая достоинствомъ, которымъ не хотѣли отличить его люди недостойные, онъ скромно заявилъ сейму, что прибылъ не для безпокойства Рѣчи Посполитой, а по праву свободныхъ выборовъ; поблагодарилъ за предоставленную ему власть надъ войскомъ и высказалъ, что войска надобно набрать не менѣе 60.000. Вишневецкій зналъ, какая борьба идетъ между тѣми, которые настаивали на спасеніи Польскаго государства посредствомъ смѣлой войны, и тѣми, которые вели его къ погибели путемъ выпрашиванья у непріятеля позорнаго мира. Онъ могъ бы доложить правительствующему сейму, какъ сами козаки смѣялись надъ этой мѣрой, говоря, что Господь Богъ совсѣмъ оставилъ Ляховъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ иной надежды на свою оборону, кромѣ просьбы. Но это записалъ въ своемъ дневникѣ князь Радивилъ; онъ же, который могъ бы сдѣлать изъ польскаго своего отечества государство героевъ, смотрѣлъ на него молча, какъ на государство трусовъ, управляемыхъ глупцами.

Его презрѣнія не уменьшила сцена, происшедшая на другой день въ собраніи сенаторовъ и земскихъ пословъ. Среди собранія появился

сендомирскій воевода, князь Доминикъ Заславскій. У наслѣдника нашего „святопамятнаго“ не хватило духу показаться во Львовѣ, зато хватило безстыдства оправдывать свое бѣгство изъ такого войска, „которое могло бы завоевать самый Константинополь“. Оно, это безстыдство, было его родовымъ достояніемъ, и проявилось въ его дядюшкѣ, когда онъ, ради округленія своихъ владѣній, сдѣлалъ изъ наслѣдницы старшаго брата сумасшедшую страдалицу; когда, храня въ подземельѣ милліоны, выпрашивалъ у сеймоваго правительства пособіе для починки укрѣпленій своего воеводскаго города; когда допустилъ уморить своего гостя въ маріенбургской тюрьмѣ, а возлагавшимъ свои надежды на 15 и 20 тысячъ готоваго у него ополченія проповѣдывалъ терпѣнье, терпѣнье и терпѣнье... Въ краткихъ, но ясныхъ словахъ изобразилъ литовскій канцлеръ сцену общественной безнравственности, которая совершилась при появленіи на сеймѣ двойника князя Василія, а именно вотъ въ какихъ:

„Маршалъ Посольской Избы спросилъ: угодно ли собранію выслушать отъ сендомирскаго воеводы, по какимъ причинамъ войско такъ постыдно бѣжало? Въ это время произошла суматоха*), сенаторы начали одинъ за другимъ изчезать, и маршалъ отложилъ этотъ предметъ до другаго дня“ (который никогда не наступилъ).

Почему не наступилъ онъ никогда, это лучше всего могъ объяснить нашъ Адамъ Свѣнтольдичъ. Еще въ 5 засѣданіи онъ, по малорусской пословицѣ: „поможи, Боже, и нашимъ, и вашимъ“, оправдывалъ присовѣтованнаго панамъ фельдмаршала, а вмѣстѣ съ нимъ и весь тріумвиратъ, въ такихъ выраженіяхъ:

„.... Каждый пойдетъ съ королемъ охотнѣе, хоть бы и я самъ, потому что король будетъ свидѣтелемъ и награждателемъ подвиговъ нашихъ (bo będzie oculatus abo spectator et renumerator laborum). Да что? я выскажу вамъ свои чувства, какъ членъ свободной Республики: какое мы теперь получили *вознагражденіе за наши потери?* Всѣ вы, господа, насъ бранite, и еще слава Богу, что не бьете. Вотъ и бѣдняжки гетманы,—что имъ было дѣлать? Болѣе сотни нашихъ хоругвей ударили мужественно; потеря въ нихъ оказалась великою. Битва, господа, была настоящая: трупъ съ обѣихъ сторонъ падалъ густо“ (здѣсь Кисѣль забылъ о собственной реляціи, какъ и

*) Изъ сеймоваго дневника видно, что суматоха произошла по случаю внесенія сенаторскихъ креселъ въ Посольскую Избу. О бѣгствѣ сенаторовъ изъ засѣданія дневникъ выразился осторожно: „Chcieli Panowie Senatorowie iść za krzesłam swemi w pośrodek Koła naszego, ale się zaś z jakiéjsi przyczyny rozmyślili“.

во второмъ донесеніи о своихъ медахъ). „Мы тогда, видя, что силы наши *никоимъ образомъ не могли устоять* противъ непріятеля, рѣшили отступить (concluseramus retyrować się) къ Константинову, а несчастная судьба Республики сдѣлала то, что наше постановленіе повело къ бѣгству (quod tandem Infelici fato Reipubticae accidit, że to nasze postanowienie w rozsypkę poszło)".

Умѣлъ Адамъ Свѣнтольдичъ выпрашивать поташныя буды у московскаго царя не для своей корысти, а единственно для его славы; умѣлъ заискивать милости и у польскихъ королятъ; но всего больше умѣлъ онъ выражаться такъ, что само постановленіе панское бѣжало (poszło w rozsypkę), а не паны. Онъ заставилъ наконецъ общественное мнѣніе въ пилявецкихъ региментаряхъ видѣть спасителей польской будущности, потому что, благодаря ихъ бѣгству, уцѣлѣлъ цвѣтъ національной знати (flos nobilitatis). Въ настоящемъ случаѣ оправданіе тѣхъ, которыхъ люди неразсудительные готовы были казнить за ихъ „экзорбитанціи", завершилъ онъ, какъ бы выразился Полякъ, rubasznie, по-козацки: „Если будете заниматься экзорбитанціями" (вмѣсто избранія короля), „то и права наши будутъ у чорта въ зубахъ, и вольности у двухъ чертей, а наши затылки очутятся подъ острой саблей пана Богдана". Это была рѣчь подобнаго къ подобнымъ.

Въ 25 засѣданіи (5 ноября) земскіе послы потребовали отъ сенаторовъ, чтобъ они продолжали свои совѣщанія о депутаціи, или чтобъ ужъ совсѣмъ ее бросили, такъ какъ и самое время исключаетъ ее (już czas jéj sam excluditur).

По войсковымъ спискамъ, разбѣжавшагося войска оказывалось на-лицо 9.000. Прочіе притаились въ средѣ доматоровъ, не имѣя охоты нюхать козацкаго пороху. Они шли не на войну подъ начальствомъ Князя Доминика, а на выставку. Они хотѣли воевать съ хлопами нагайками своей 200.000-ой челяди, а не своими драгоцѣнными саблями. Естественно, что для такихъ кудреглавыхъ Данаевъ Кисѣль былъ самымъ подходящимъ Несторомъ.

Въ 26 засѣданіи (6 ноября) сеймующихъ пановъ заняла, какъ дѣтей, исповѣдь (confessata) плѣнныхъ козаковъ, представленная капторовымъ судьею, присутствовавшимъ при ихъ пыткѣ. Вымученныя у нихъ признанія заключались въ 8 пунктахъ, а именно:

1. Михайло Дружченко, изъ Бѣлой Церкви, показалъ, что былъ подъ Кумейками въ составѣ реестровыхъ козаковъ (которые, подобно пилявецкимъ рыцарямъ, бѣжали безъ боя); что Барабашенко, Иляшенко и Хмѣль были у короля въ ночной радѣ, въ присутствіи семи сенаторовъ; что король далъ имъ привилегіи на увеличеніе войска и на

морской походъ; что Хмѣль, напоивши Барабашенка, послалъ его поясъ къ его женѣ; что она, по этому знаку, выдала ему королевскіе листы, и что этими листами онъ взбунтовалъ чернь.

2. Надоѣло уже и самой черни воевать. Козаки кричатъ на Хмеля; но онъ, не довѣряя имъ, держитъ при себѣ 6.000 жолдовыхъ Татаръ, которые отправляютъ и стражу, и спятъ у его палатки.

3. Приковалъ было Хмельницкій Кривоноса, но онъ окупился великими деньгами.

4. Кіевскій архимандритъ (это значитъ митрополитъ), бывши у Хмеля, имѣлъ съ нимъ тайныя рады, и Хмельницкій отослалъ его съ почетомъ, подъ охраною нѣсколькихъ сотенъ коней.

5. Причиною бунта были притѣсненія козаковъ со стороны комиссаровъ, которые вымогали еженедѣльно у козаковъ—то лисицу, то по 3 злотыхъ деньгами. Какую бы большую рыбу ни поймалъ козакъ, плотву отдавали ему, а главную—пану *).

6. Другой козакъ говорилъ на пыткѣ согласно съ первымъ, только прибавилъ, что Хмельницкій послалъ войско подъ Замостье, и что, какъ только будетъ король, то и война и эти бунты тотчасъ прекратятся.

7. Третій показалъ, что подъ Пилявцами на другой день козаки хотѣли было уже бѣжать. Множество молодцовъ начало было уже расходиться; но Хмѣль разставилъ по дорогамъ сторожу, которая частью убивала бѣглецовъ, а частью приводила къ Хмельницкому, и Хмѣль велитъ „завдавать“ имъ разныя муки: вѣшать, четвертовать etc., за то, что бѣгали.

8. Въ конфессатахъ изъ-подъ Львова говорилось, что Львовъ окупился. Мурза, находившійся съ Татарами при Хмельницкомъ, убѣждалъ его не гнаться за Ляхами. Какъ де ихъ догнать, когда они бѣгутъ со страху? (bo któż się za niemi nagoni od strachu)? Притомъ же Татарамъ тяжело будетъ въ такую колоть возвращаться съ полономъ: попортятъ своихъ бахматовъ. А когда де на тебя будутъ наступать съ войскомъ, тогда придетъ съ Ордою Тогай-бей, и будетъ воевать съ тобою Ляховъ. Еще сказалъ, что Хмельницкій злится на князя Вишневецкаго, и когда бъ его добылъ, то все польское войско счи-

*) Эта причина козацкихъ бунтовъ существовала съ первыхъ извѣстныхъ намъ документально временъ козачества. Козаки бунтовали на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, что и теперь, съ начала XVI вѣка противъ мѣстныхъ королевскихъ старостъ, завѣдовавшихъ первобытнымъ козачествомъ, какъ объ этомъ документально у меня въ I т. „Ист. Возсоед. Руси“, стр. 48—51.

талъ бы ни за что (za cyfrę nie ważył), тогда бы первое чело имѣло Запорожское войско (ale pierwsze czoło miało by Wojsko Zaporozkie), а Ляхи обратились бы въ Жидовъ.

Темное дѣло возведенія на престолъ Яна Казимира и низведенія съ военнаго верховенства Іереміи Вишневецкаго совершалось неуклонно, въ силу „приваты", связанной съ тѣмъ и другимъ актомъ. Ноября 7, въ 27 засѣданіи, Кисѣль краснорѣчивой орацією своею (disertissima oratione) вынулъ зерно изъ скорлупы передъ панами (enucleował praesentem statum electionis) ко всеобщему удовольствію (z ukontentowaniem wszystkich). Онъ совѣтовалъ развязать поскорѣе Гордіевъ узелъ избранія. Находившіеся, очевидно, подъ его вліяніемъ другіе сеймовые ораторы говорили объ опасности, угрожающей шляхетской свободѣ со стороны военачальника, именованнаго самимъ войскомъ. „Еслибъ эта номинація состоялась не послѣ пораженія, а послѣ побѣды" (разсуждали республиканцы), „то на что́ не дерзнули бы они (quae non ausi fuissent)"?—„Примѣръ неслыханный! (inauditum exemplum)"! восклицали другіе и, побуждаемые близостью непріятеля, торопили избраніе намѣченнаго уже короля.

Въ 28 засѣданіи (9 ноября) Кисѣль произнесъ рѣчь въ томъ же духѣ. Въ 29-мъ (10 ноября) страхи по причинѣ близости Татаръ отъ Сендомира, неизвѣстно отъ чего „утихли"; но о Хмельницкомъ, какъ и прежде, не было слышно ничего вѣрнаго. Въ 30 засѣданіи князь Вишневецкій доложилъ господствующему народу, что жолнеры, обложенные въ Замостьѣ, просятъ подкрѣпленія во имя любви къ отечеству (per amorem patriae), и вручилъ великому секретарю письмо полученное имъ отъ своего намѣстника, маркграфа Мышковскаго, отъ 6 ноября. Маркграфъ увѣдомлялъ, что изъ полка эльблонскаго каштеляна, Вейгера, посланнаго къ Любачову для фуражировки, козаки нѣсколько человѣкъ убили, многихъ переранили, а нѣсколькихъ взяли въ плѣнъ. Черезъ одного изъ плѣнниковъ Хмельницкій сдѣлалъ Вейгеру, котораго воображалъ иностранцемъ, предложеніе измѣнить Ляхамъ (inwitując go in societatem belli), и въ письмѣ къ нему обращался къ стоявшему подъ Замостьемъ войску и къ замостьянамъ съ такими словами:

„Свидѣтельствуюсь Богомъ, что мы не желали проливать христіянскую кровь. Мы послали пословъ своихъ, умоляя о мирѣ и пощадѣ (żebrząc o pokój i miłosierdzie); но князь Вишневецкій началъ поступать съ нами предательски, и потому бросились мы за нимъ, чтобъ не сдѣлалъ какого-нибудь предательства; но онъ ушелъ отъ насъ (въ Варшаву). Тѣмъ не менѣе, какъ съ нами помирились львовяне, такъ

мы готовы помириться й съ вами. Не отступимъ отъ Замостья, пока не совершится Божія воля. Мы ищемъ мира, и для того посылаемъ нарочно этихъ нѣсколькихъ человѣкъ своихъ и Татаръ, чтобъ вы послали къ своимъ старшимъ какъ можно скорѣе и получили отъ нихъ наставленіе, что̀ вамъ дѣлать. Изъ-за двоихъ ничтожныхъ молодыхъ людей, князя Вишневецкаго и короннаго хорунжаго (Александра Конецпольскаго) такое замѣшательство! Ждемъ здѣсь избранія короля. Желаемъ, чтобъ (королемъ) былъ королевичъ Казимиръ".

Это значило—разсѣчь мечемъ Гордіевъ узелъ, который слушатели краснорѣчиваго Киселя такъ долго развязывали. Возвеселился мудрыхъ Адамъ Свѣнтольдичъ, найдя единомышленника въ такомъ доброжелателѣ Шляхетскаго Народа. Życzymy, żeby był Krolewicz Kazimierz: этому велѣнію не смѣли не сопротивляться люди, готовые бѣжать въ Данцигъ, по примѣру цвѣта польской знати, бѣжавшаго изъ-подъ Пилявцевъ.

Прошло еще нѣсколько засѣданій въ рѣшеніи прелиминарныхъ пунктовъ элекціи. Наконецъ, въ 37 засѣданіи (20 ноября) Янъ Казиміръ возсѣлъ на престолѣ Казимира Великаго.

По свидѣтельству Радивилова дневника, его хотѣли произвести въ короли еще 5 ноября; „но произошло большое несогласіе" (пишетъ литовскій канцлеръ), „потому что избирателей облилъ извнутри Бакусъ, а снаружи—дождь"... Если бы тогда Поляки избрали этого „неспособнаго ни къ какимъ порокамъ, твердаго умомъ и величественнаго наружностью" короля, то могли бы оправдываться хоть тѣмъ, что сдѣлали это съпьяна. Но судьба дала панамъ двѣ недѣли на отрезвленіе, и они все-таки не могли сдѣлать лучшаго выбора.

Причину такого единомыслія (кромѣ письма Хмельницкаго къ замостьянамъ) объяснило всѣмъ и каждому появленіе въ Варшавѣ спеціальнаго посла его, бывшаго іезуита, а потомъ—„надѣвшаго рясу регулярныхъ канониковъ Св. Августина". Ярославскій наставникъ Хмельницкаго, ксендзъ Мокрскій, объявилъ во всеуслышаніе, что сидѣлъ подъ Варшавой (имѣя, конечно, тайныя съ нею сношенія) для того, *чтобы не избрали другаго короля.*

Къ этому жалкому финалу національныхъ совѣщаній князь Радивилъ придалъ еще болѣе жалостную ноту. „Хмельницкій со своей „*нагальей*" (пишетъ онъ) „отъѣхалъ тогда къ Бѣлой Церкви; а наши жолнеры, которые могли бы дать ему отпоръ" (подразумѣвается, еслибы гетманилъ князь Вишневецкій) „остались въ Малой Польшѣ, въ Мазовіи, въ Сѣрадзкомъ и Лэичицкомъ воеводствахъ, для угнетенія бѣдныхъ подданныхъ до самого коронаціоннаго сейма".

Глава XIX.

Возвращеніе панскихъ побѣдителей въ Украину.—Привѣтствовавшіе коронаго гетмана привѣтствуютъ гетмана козацкаго.—„Что̀ нужно Московскому Государству".—Царское посольство въ Чигиринѣ.—Королевское посольство въ Переяславѣ 1649 года.

Весело возвращались козаки въ Украину, предводимые Козацкимъ Батькомъ, какъ справедливо стали называть Хмельницкаго; но не весело было на душѣ у Козацкаго Батька. Тайный голосъ говорилъ ему, что не разбоемъ обезпечивается будущность даже и такого общества, къ какому принадлежалъ онъ; что не кровавыми замыслами успокоивается размученное обидою сердце.

Не разогнала мрачныхъ мыслей счастливаго добычника и та встрѣча, которую приготовили ему въ Кіевѣ. Городъ, изъ котораго, тому назадъ полгода, побѣжали всѣ духовныя власти безъ различія исповѣданій, теперь привѣтствовалъ козацкаго гетмана, какъ одиннадцать лѣтъ назадъ—гетмана коронаго, панскаго. Въ Кіевѣ гостилъ іерусалимскій патріархъ, Паисій, какъ двадцать восемь лѣтъ назадъ—незабвенный въ исторіи русской церкви Θеофанъ. Но разница между ними была такъ вещественна, какъ между Хмельницкимъ и Сагайдачнымъ, какъ между Сильвестромъ Косовымъ и Іовомъ Борецкимъ. Подкупаемые претендентами на патріаршество Турки прижали Паисія по своему обыкновенію, и онъ бросился собирать милостыню въ вертепѣ разбойниковъ, которымъ, какъ они сами говорили, жартуя со своими жертвами, не нужна была вѣра, а были нужны только „дідчі грòші". Неслыханное торжество козаковъ надъ панами сулило Паисію золотыя горы. Онъ окружилъ себя въ Кіевѣ сторонниками козацкаго бунта, которыхъ теперь между „духовными старшими" оказалось волей и неволей множество, и митрополиту Косову, каковы бы ни были его религіозныя и политическія воззрѣнія, пришлось вести себя по пословицѣ: „съ волками жить—по-волчьи выть".

Ученикъ и преемникъ Петра Могилы встрѣтилъ побѣдителя Потоцкаго и Заславскаго у стѣнъ Св. Софіи, въ сопровожденіи своего „святѣйшаго“ гостя и всего своего клира, при звонѣ колоколовъ, при громѣ пушекъ, при восклицаніяхъ окозаченнаго народа. Бурсаки Могилевской Коллегіи пѣли Хмельницкому латинскіе и малорусскіе стихи, сочиненные, можетъ быть, тѣми самыми піитами, которые превозносили до небесъ усмиреніе предшественника его, Павлюка. Готовая къ противоположнымъ панегирикамъ семинарская муза сравнивала нашего Хмеля съ Моиссемъ, называла спасителемъ, охранителемъ, освободителемъ своего народа, и въ самомъ имени его *Богданъ* видѣла Божіе даяніе; а патріархъ Паисій, въ привѣтственной латинской рѣчи, назвалъ его *знаменитѣйшимъ княземъ*. Энтузіазмъ черни, обогащенной грабежемъ и разбоемъ, былъ таковъ, что когда гетманъ появлялся въ церкви, на него глядѣли, какъ на божество, и даже цѣловали у него ноги.

Но Хмельницкому было не по себѣ. То онъ постился, подобно Лащу Тучапскому, то молился въ древнихъ, созданныхъ и облагодѣтельствованныхъ панскимъ сословіемъ храмахъ, и лежалъ по цѣлому часу ницъ передъ образами, то, на мѣсто избраннаго въ средѣ избранныхъ духовнаго отца, призывалъ къ себѣ трехъ вѣдьмъ, которыя постоянно находились при его особѣ даже и въ походѣ; то пьяный компоновалъ козацкія думы, импровизируя въ нихъ, безъ сомнѣнія, такія событія и обстоятельства, которыя долженствовали оправдывать его кровавое дѣло. Иногда былъ онъ чрезмѣрно доступенъ и ласковъ съ козаками, иногда былъ суровъ, какъ Гирей Чингисхановичъ посреди мурзъ, и гордъ, какъ польскій панъ въ виду окозаченной черни. Шеститысячная татарская гвардія и нагроможденные въ Переяславлѣ, Чигиринѣ, Суботовѣ богатства позволяли ему предаваться порывамъ раздраженнаго сердца, затѣямъ пьянаго мозга и стремленіямъ дикихъ инстинктовъ. Но его, какъ видно, томили противорѣчія великости и ничтожества его подвиговъ, высоты и низости его положенія, мыслей о безсмертной славѣ и сознаніе несовмѣстимой съ нею подлости.

Въ числѣ противорѣчій, въ которыхъ очутился Хмельницкій среди православнаго русскаго міра, немалую роль играла и его семейная жизнь, затемненная для насъ темнымъ вѣкомъ и козацкимъ всесожигательствомъ, козацкою лживостью, отсутствіемъ въ козацкой средѣ чувства, какъ собственнаго, такъ и чужаго достоинства. Въ глазахъ людей, передъ которыми Хмельницкій, каковъ бы ни былъ онъ, желалъ казаться, если не быть, личностью почтенною,—напримѣръ, хоть бы въ глазахъ собственныхъ взрослыхъ дѣтей,—эта жизнь

была запятнана сперва тѣмъ, что, по смерти православной жены своей, онъ связался съ *католичкой* (слово традиціонально-бранное донынѣ въ простонародьѣ), а потомъ—тѣмъ, что эту женщину (каковы бы ни были ея достоинства), обвѣнчанную съ ненавистнымъ ему человѣкомъ, онъ взялъ къ себѣ вмѣсто жены, и теперь, почивъ отъ кровавыхъ дѣлъ своихъ, обвѣнчался съ нею по обряду православному, тогда какъ мужъ этой Чигиринской Вирсавіи обрѣтался еще въ живыхъ. Если предположить, что при такой несовмѣстимости личнаго достоинства своего, какъ отца семейства и „знаменитѣйшаго князя", съ общественнымъ воззрѣніемъ, хотя бы и козацкимъ, новый Моисей былъ ревнивъ хоть въ такомъ смыслѣ, какъ это свойственно животнымъ; то душа его, терзаемая, очевидно, и многимъ другимъ, не находила дома того, что составляетъ наибольшую отраду человѣческой жизни: она была растерзана неисцѣлимо, а рѣки крови и слезъ людскихъ, діавольское запугиванье со стороны вѣдьмъ, безъ котораго не могли онѣ удерживать за собой мѣсто свое, и, какъ слѣдствіе всего этого, безмѣрное пьянство, дѣлали Хмельницкаго лютымъ звѣремъ и самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

Не будемъ терять изъ виду, что подъ всѣми передрягами Польскорусской Республики, выразившимися въ бунтахъ самого Хмельницкаго и его предшественниковъ, незримо для исторіи совершалась многовѣковая, ежедневная и ежечасная работа двухъ церквей надъ умомъ и совѣстью націй, соединенныхъ въ одномъ государствѣ. Въ борьбѣ съ греческой церковью римская церковь представила себя въ этомъ государствѣ сравнительно лучшими людьми. Какова ни есть она сама по себѣ, но въ нашемъ литворусскомъ обществѣ со временъ Ягайловскихъ, равно какъ и въ червонорусскомъ—со временъ Казимировскихъ, исчерпала она всѣхъ, кто между нами былъ познатнѣе, побогаче и поталантливѣе, на служеніе своимъ интересамъ, подъ видомъ общечеловѣческаго блага. Для поддержанія интересовъ церкви греческой остались только тѣ, которые были пренебрежены или упущены изъ виду, многоучеными и многоопытными агентами Рима. Это были, можно сказать, неотесанные камни, забракованные зодчими при возведеніи политикорелигіознаго зданія. И въ самомъ дѣлѣ, между отверженцами римскихъ зиждителей мало было такихъ, которые были способны поддерживать интересы своей національной церкви, роняя достоинство самой религіи. Но, къ удивленію историка, надъ православнымъ обществомъ въ Малороссіи исполнились евангельскія слова: „когда вы умолкнете, камни возопіютъ"... Послѣ того какъ умолкли для насъ, одинъ за другимъ, голоса Радзивиловъ, Сонігъ и многаго

множества князей и пановъ, представителей русскаго элемента въ Польскомъ государствѣ, по своему времени высоко образованныхъ и въ своей политически развращенной средѣ сравнительно нравственныхъ,—никто не былъ столь разительнымъ олицетвореніемъ вопіющихъ камней, какъ этотъ жестокосердый Хмѣль съ безсмысленными и безпощадными орудіями его мстительности—козаками. Его лукавое воззваніе *за вѣру!* было не что иное, какъ громогласная проповѣдь того, что наши темные иноки едва смѣли проповѣдывать шепотомъ, а громадныя преступленія соблазненной и запуганной имъ черни явились возмездіемъ за то ехидство, съ которымъ іезуиты, скрываясь подъ полой Сигизмунда III, разоряли русскую церковь руками русскихъ людей. Творецъ нашихъ Терлецкихъ, Потѣевъ, Рутскихъ, Кунцевичей и такихъ ренегатовъ, какъ Замойскіе, Потоцкіе, Жовковскіе, Острожскіе, Вишневецкіе, основатели римскихъ коллегіумовъ, монастырей и костеловъ на счетъ продуктовъ Русской Земли и русской рабочей силы,—получили полную мѣру за мѣру въ ехидствѣ нашихъ бунтовщиковъ, завершившихъ свои подвиги ехиднѣйшимъ изъ всѣхъ бунтовъ, а наглое ругательство іезуитовъ надъ кроткимъ и чуждымъ какой-либо махинаціи ученіемъ Христа отозвалось козацкими ругательствами надо всѣмъ, что было для ихъ питомцевъ святаго, и нашло достойный себя отголосокъ въ наглой программѣ свирѣпаго разбойника Хмеля: „Я сдѣлалъ то, о чемъ и не думалъ; теперь сдѣлаю то, что мною задумано. Сперва я воевалъ за свою шкоду и кривду, теперь буду воевать за нашу православную вѣру“.

Громкія манифестаціи поборниковъ папства во имя государственности и тихія нашептыванья загнаннаго духовенства во имя оскорбленной свободы совѣсти боролись между собой со временъ Ягайла, и въ результатѣ борьбы явилось опустошеніе края, который уже и кіевскій митрополитъ помогалъ папистамъ осѣнять по всѣмъ распутіямъ католическими „фигурами“. Послѣ низверженія Копинскаго съ митрополичьяго престола и возведенія на fastigium православія іезуитскихъ питомцевъ, окончательное завоеваніе Малороссіи на служеніе Риму было уже только дѣломъ времени. Но политика іезуитовъ оказалась несостоятельною, и несостоятельность этой политики обнаружена всего больше тѣмъ фактомъ, что козакъ, побывавшій въ школѣ у іезуитовъ, заставилъ образованнаго ими митрополита славословить губителя и католическаго искони общества, и того, которое отверглось православной Руси недавно. Богданъ Хмельницкій, своею рѣшимостью воевать за православную вѣру, наругался жестоко надъ іезуитскимъ правиломъ: „цѣль освящаетъ средства“; а Сильвестръ Косовъ,

обративъ на злѣйшаго врага Польши то славословіе, которымъ его предшественникъ чествовалъ знаменитаго ея защитника, попралъ ногами все святое и высокое, что̀ подъ этимъ названіемъ привнесено агентами Рима въ національную политику Рѣчи Посполитой Польской.

Но Хмельницкій и Косовъ, сами по себѣ, не были еще такъ досадны для завоевательной гордости папы. Обиднѣе всего для Христова Намѣстника было то, что, въ моментъ величайшаго уничиженія Польши, его соперникъ, восточный патріархъ, явился въ Кіевѣ для того, чтобы привѣтствовать ея уничижителя самыми громкими и почетными титлами. Онъ-то, надобно предполагать, и былъ причиной этого перехода Хмельницкаго отъ обычныхъ шляхетскихъ чувствъ и помышленій относительно церковно-православной политики къ рѣшимости воевать за православную вѣру. Его-то внушеніямъ и слѣдуетъ приписать программу насытившагося разбойной славой козака—вмѣсто одной мести за свои личныя потери и обиды, воевать отнынѣ за православіе.

Сравнительно съ римскимъ папой и даже съ папскими легатами, патріархъ Паисій былъ жалкій попрошайка, рабъ турецкаго султана, церковный откупщикъ. Но, въ силу историческихъ заслугъ православія передъ чистою совѣстью человѣчества, даже ничтожные по умственному развитію, даже низменные по нравственному уровню представители Восточной Церкви, появляясь изрѣдка въ Кіевѣ и въ Москвѣ, дѣйствовали на ходъ событій могущественнѣе папскихъ нунціевъ, которые одни изъ всѣхъ иностранныхъ пословъ постоянно резидовали при дворѣ польскихъ королей. Патріархъ Ѳеофанъ, восхваленный въ Кормчей Книгѣ до зѣла, своею проповѣдью въ обществѣ Сагайдачнаго, о „христіянскомъ родѣ“ Русскомъ, далъ новое бытіе уничтоженной папою кіевской митрополіи; патріархъ Паисій, не восхваленный въ Кормчей Книгѣ вовсе, появился въ обществѣ Хмельницкаго какъ бы для того, чтобъ эту повернутую къ папству митрополію повернуть обратно на путь православный. Ѳеофанъ обратилъ къ покаянію разорителей православнаго царства; Паисій разорителямъ царства католическаго внушилъ возсоединительную въ своемъ результатѣ мысль—объявить себя защитниками православной вѣры.

Всѣ наблюдавшіе Хмельницкаго по его возвращеніи въ Украину находили поступки его загадочными и странными, видѣли въ немъ что-то похожее на умоизступленіе. Инымъ человѣкомъ сдѣлался и Сагайдачный послѣ пребыванія въ Кіевѣ іерусалимскаго патріарха. Что̀ говорилъ и дѣлалъ Паисій среди козаковъ, это осталось такъ точно неизвѣстнымъ, какъ и пребываніе Ѳеофана въ „обоихъ русскихъ пре-

дѣлахъ", въ обѣихъ нашихъ Россіяхъ. Но изъ дѣлъ Сибирскаго Приказа въ московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи мы знаемъ, что онъ, какъ и Ѳеофанъ, проповѣдывалъ православное единомысліе. Знаемъ также, что еще до пилявецкой таборщины Хмельницкій послалъ навстрѣчу Паисію къ волошской границѣ полковника Мужиловскаго съ отрядомъ козаковъ, которые и препроводили его въ Кіевъ. Встрѣча, сдѣланная Хмельницкому въ Кіевѣ, была слѣдствіемъ этого распоряженія, а послѣ того Хмельницкій отправилъ іерусалимскаго патріарха въ Москву для вовлеченія царя въ козацкую войну. Сопровождалъ его тотъ же Мужиловскій. По устному наказу Хмельницкаго, Мужиловскій добился позволенія видѣть „свѣтлыя государевы очи" въ присутствіи патріарха Паисія и „положить подъ ноги царскаго величества" написанный на бумагѣ словесный гетманскій наказъ, котораго не согласился онъ открыть царскимъ сановникамъ.

Въ этомъ наказѣ интереснѣе всего начальныя слова: „Война тая, которая вчалася между козаками Войска Запорожскаго и Ляхами, *не откуда инуды, одно*: не могучи козаки Войска Запорожскаго бѣдъ, утрапеня и утисковъ отъ Ляховъ козакомъ выраженныхъ терпѣти", и т. д. Что касается гоненія вѣры, то, по письму Мужиловскаго, вотъ въ чемъ оно состояло: „Когда Хмельницкій ушелъ съ товариществомъ своимъ на Запорожье, „тамъ Ляхи, чинячи на здоровье Богдана Хмельницкаго разныя ему пакости, и товариществу его выражали — въ домахъ ихъ маетность всю побрати, женъ и дѣтей мучити, а на остатокъ вѣру православную христіанскую мечемъ выкоренять—ту себѣ предъ ся взяли мысль", вотъ и все.

Татары (сказано въ устномъ наказѣ Мужиловскому) „услышавъ о той войнѣ, съ стороны смотрѣли: больная нога послизняется... и яко воинъ воинови помогъ, сына Потоцкаго раненаго поймали... а сами съ ордою снявшися, всякій по себѣ своимъ конемъ до табора Николая Потоцкаго тягнули".

Потоцкій и его соратники, въ этомъ рукописаніи козацкомъ, представлены сожигателями корсунскихъ церквей (а мы знаемъ, что замочекъ съ церковью остался цѣлъ, церкви же въ тѣ времена и въ такихъ опасныхъ мѣстностяхъ нигдѣ не строились, какъ только въ „замкахъ)",—изображены грабителями церковныхъ аппаратовъ и сосудовъ, попирателями агнцевъ Божіихъ, тѣла Христова, посѣкателями священниковъ, за что де Богъ и покаралъ Потоцкаго съ его товарищами-панами татарскою неволею и мечемъ Хмельницкаго.

Далѣе говорится, что о смерти короля Владислава Хмельницкій узналъ только подъ Паволочью, а „поспольство, довѣдався, что коро-

ля въ землѣ нѣтъ, въ козачество все поворотилось", избивая на обѣихъ сторонахъ Днѣпра пановъ своихъ, Ляховъ, Жидовъ, всендзовъ и опустошая костелы вмѣстѣ съ городами. Подъ Глинянами (писалъ Мужиловскій) собралось польскаго войска 120.000, и пришло оно подъ Пилявцы, имѣя 100 пушекъ. Туда явилась „нечаемая бѣлогородская Орда", и козаки однихъ Ляховъ „подъ Пилявцами въ рѣкѣ потопили, а иныхъ въ Константиновѣ побили и потопили, а за иными гнались", и т. д. „Ляхи сгодне или несгодне обрали себѣ короля Казимира", который де обѣщалъ Хмельницкому „быть русскимъ королемъ, и что саблею взяли, и то бы себѣ держали, крѣпко обѣщаясь, что одноконечно хотятъ подтвердить. И такъ де масляного заговейна помирились, а по масляномъ заговейнѣ снова восвать, если не будетъ Казимиръ королемъ русскимъ, хочетъ Войско Запорожское". Татаръ де оно имѣетъ на помощь себѣ сколько нужно, а самихъ козаковъ— тысячъ триста. Остается де только московскому царю помочь козакамъ, и тогда не только еретики и непріятели православной вѣры будутъ покорены подъ ноги царскаго величества, но „и гробъ Божій изъ руки турецкой съ патріархами" будетъ освобожденъ.

Съ своей стороны патріархъ Паисій увѣрялъ царя, что Хмельницкій желаетъ поступить подъ высокую руку великаго государства; но Мужиловскій объ этомъ въ своемъ письмѣ почему-то умалчиваетъ.

Глядя по-своему на подвиги Хмельницкаго, царь отправилъ къ нему въ таборъ гонца Василія Михайлова съ письмомъ, внушительно совѣтующимъ прекратить войну. Хмельницкій отвѣчалъ, что не вѣритъ миролюбію Ляховъ, и просилъ царя, чтобъ онъ, принявъ козаковъ подъ свое самодержавіе, велѣлъ своимъ людямъ наступить на Ляховъ. Въ противномъ де случаѣ мы *свидѣтельствуемся Богомъ* и всѣми святыми, что „потуду станемъ съ Ляхами биться, покуду насъ православныхъ (и, разумѣется, Татаръ) станетъ".

Смекая, что̀ все это значитъ, царь, черезъ боярина, Григорія Гавриловича Пушкина, объявилъ Мужиловскому,—что у него заключенъ вѣчный миръ съ Польшей, который нарушить непозволительно, потому что это будетъ грѣхъ передъ Богомъ и позоръ передъ всѣми христіанскими государями. Козацкій посолъ предложилъ царскому боярину такую увертку, чтобы государь позволилъ только „вольнымъ людямъ донскимъ козакамъ" придти на помощь къ Хмельницкому, и сулилъ царю нѣсколько городовъ, которые де сдѣлались козацкою собственностью, и если государь приметъ „Запорожское Войско" въ подданство, то они (козаки) пойдутъ отбивать у Поляковъ и другіе города, въ которыхъ бы жили одни православные христіане.

Этотъ совѣтъ козакоманы называютъ *практическимъ*; но Пушкинъ отвѣчалъ козацкому практику честно, что это дѣло, скрытое отъ людей, не скростся отъ очесъ всевышняго Бога, предъ которымъ такой поступокъ будетъ такъ же грѣшенъ, какъ и явное нарушеніе мира. А пусть лучше козаки пошлютъ своихъ пословъ въ Польшу и Литву къ панамъ-радѣ уговорить ихъ, чтобъ они, вмѣстѣ съ козаками, избрали своимъ королемъ русскаго государя, и послали бы о томъ къ великому государю своихъ великихъ пословъ, а если у нихъ король уже избранъ, то они помирились бы съ козаками на томъ, чтобы Запорожскому Войску быть въ подданствѣ великаго государя безъ нарушенія вѣчнаго мира между Польшей и Россіей; и если они на это согласятся, тогда государь приметъ козаковъ подъ свою высокую руку.

Такимъ отвѣтомъ бояринъ Пушкинъ обезоружилъ полковника Мужиловскаго и разрушилъ дерзкіе разсчеты Хмельницкаго на московскаго самодержца. Козацкому послу надобно было ретироваться изъ Москвы ни съ чѣмъ,—тѣмъ больше, что его посольская свита заявила Москвѣ, какихъ прекрасныхъ людей предлагалъ ей въ сообщники *практическихъ* дѣйствій свидѣтельствующійся Богомъ разбойникъ. Ночью 24 февраля эта свита взбунтовалась, и хотѣла избить представителя Козацкаго Народа; но онъ бѣжалъ къ стоявшимъ на одномъ съ ними подворьѣ Грекамъ. Въ своей челобитной царю Мужиловскій писалъ, что хотя ему и предоставлено по козацкимъ нравамъ наказывать „подданныхъ своихъ“ чѣмъ угодно, однакожъ не хочетъ онъ ихъ наказывать, потому что они буянили отъ пьянства, и просилъ уменьшить имъ отпускъ напитковъ на половину, что и было исполнено.

16 марта Мужиловскаго отпустили обратно въ Малороссію, давъ ему небольшое государево жалованье*), и вмѣстѣ съ нимъ отправили дворянина Григорія Унковскаго да подъячаго Семена Домашнева для переговоровъ съ Хмельницкимъ о государевыхъ дѣлахъ.

Не такой награды ждалъ Мужиловскій. На выѣздѣ изъ Москвы онъ, съ досады, „говорилъ про Московское Государство непригожія слова: что въ Московскомъ Государствѣ правды ни въ чемъ нѣтъ“. Царь послалъ ему въ догонку выговоръ, который долженъ былъ учинить Унковскій. Послы ѣхали такъ быстро, что гонецъ съ выгово-

*) Атласъ гладкій, сукно багрецъ, сорокъ соболей въ 50 р. и денегъ 30 р. Козанамъ, бывшимъ съ нимъ: 5 человѣкамъ по сукну доброму и по 10 р., денегъ людямъ его пяти же человѣкамъ по 5 р. человѣку. Изъ нихъ оказались одинъ пасынокъ Мужиловскаго, а другой племянникъ, и имъ было дано по 10 р., по сукну доброму да по парѣ соболей, въ 3 р. пара.

ромъ настигъ ихъ только въ Переяславлѣ. Мужиловскій оправдывался такъ: „Государеву милость къ себѣ и жалованье я помню; гетману и полковникамъ и всему Войску Запорожскому хвалить буду; а про Московское Государство ни съ кѣмъ никакихъ непригожихъ словъ не говорилъ, развѣ въ пьянствѣ что молвилъ, и то не хитростью, по иноземному обычаю, (а потому) что государевою милостью и жалованьемъ поѣхалъ съ Москвы пьянъ".

Патріархъ Паисій остался въ Москвѣ. Но его проектъ завоеванія Гроба Господня нимало не заохотилъ Тишайшаго изъ Государей къ недостойной сдѣлкѣ съ губительнѣйшимъ изъ разбойниковъ. Тѣмъ не менѣе дѣло, начатое патріархомъ Ѳеофаномъ и поколебленное митрополитомъ Могилою, было имъ возобновлено настолько, насколько допускалъ это характеръ козацкой войны. Что вопросъ о древнемъ русскомъ благочестіи стоялъ теперь на прежнемъ, до-могилинскомъ, пути своемъ, видно и изъ отзыва Мужиловскаго въ Москвѣ о пріятелѣ и должникѣ Петра Могилы, Адамѣ Киселѣ,—отзыва, напоминающаго показаніе литовскаго канцлера объ уніятствѣ Киселя. Конфидентъ Хмельницкаго, прежде всего, сообщилъ думнымъ дьякамъ Волошенинову да Алмазу Иванову,—что Кисѣль—уніятъ, а не истинный христіянинъ; что онъ пытался устроить въ Кіевѣ такое патріаршество, какое существуетъ въ Москвѣ, но не рѣшился на это, опасаясь, что вселенскіе патріархи и всѣ православные христіяне не позволятъ ему сдѣлать этого, тѣмъ болѣе что патріарха онъ хотѣлъ получить изъ рукъ папы.

До пріѣзда Паисія въ Москву, царь Алексѣй Михайловичъ посылалъ къ панамъ, изображавшимъ собою Польское государство, думнаго дьяка Кунакова „навѣстить ихъ" и объявить, что „царь явился къ Рѣчи Посполитой милостію своею: писалъ къ атаману козацкому къ Богдану Хмельницкому и ко всему Войску Запорожскому о добромъ и великомъ дѣлѣ, о успокоеньѣ нынѣшнія войны, чтобъ кровь христіянская унялась". Когда же новый король, Янъ Казиміръ, увѣдомилъ царя о своемъ восшествіи на престолъ,—въ отвѣтной царской грамотѣ послышалась нота суровая. Грамота заканчивалась такими словами:

„А что къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, вы, братъ нашъ, ваше королевское величество, въ той же грамотѣ писали: брата своего высокославные памяти, наяснѣйшаго и великаго князя литовскаго, его королевское величество, великимъ свѣтиломъ христіянства, (что онъ) просвѣтивши весь свѣтъ, преселился до вѣку святыхъ небесныхъ обителей, въ вѣчную хвалу,—и

такъ было писать непристойно, потому что въ той грамотѣ написано превыше человѣка. Одно свѣтило всему — праведное солнце Христосъ, Богъ нашъ, творецъ свѣту, небу и земли: той просвѣщаетъ вся человѣки".

Но перемѣна въ благоволеніи царя Алексѣя Михайловича къ Польшѣ произошла не отъ одной безтактной и хвастливой грамоты Яна Казимира. Царскій „гонецъ" Кунаковъ, по возвращеніи въ Москву, представилъ своему государю обширную записку о „Черкаской войнѣ". Черкасская война интересовала православную Москву крѣпко. Кунакову было поручено развѣдать о ней и въ дорогѣ, и въ обѣихъ польскихъ столицахъ, вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, „что̀ нужно Московскому Государству". Въ началѣ своего посольства, Кунаковъ „вѣстовымъ письмомъ по литорѣ" донесъ царю, какъ мы уже знаемъ, что Богданъ Хмельницкій, подъ видомъ войны изъ-за уніи, мстилъ панамъ за свои личныя обиды; но черезъ два мѣсяца старательныхъ развѣдокъ представилъ дѣло совсѣмъ въ другомъ видѣ, — представилъ то, „что̀ нужно Московскому Государству".

„Запорожскимъ де Черкасомъ" (писалъ онъ) „напередъ того за многіе лѣта отъ Ляховъ *) и отъ унеятъ (было) утѣсненье большое вѣру благочестивую христіянскую у нихъ ломали, и церкви Божьи печатали, и многія благочестивыя церкви привернули въ унѣю, и самихъ Черкасъ побивали, и жонъ и дѣтей и животы у нихъ отымали, и всякое насильство и розоренье имъ чинили. Да Черкасомъ же де, сверхъ того, было розоренье отъ Жидовъ, которые держали въ ихъ мѣстехъ отъ пановъ аренды. И тѣ де Жиды ихъ, Черкасъ грабили и наругались надъ ними всячески. Только который Черкашенинъ укуритъ вина, или сваритъ пиво или медъ, не явясь Жидомъ, или противъ Жида учнетъ говорить не снявъ шапки, и Жиды де за то, сприметываяся съ ними за пòсмѣхъ, ихъ грабили и разоряли, животы ихъ отымали, и женъ и дѣтей въ работу имали насильствомъ. Да и сами де паны у Черкасъ у многихъ поимали жены и дѣти, и животы, и многое имъ наруганье и разоренье учинили".

За такія кривды (пересказывалъ слышанное въ православномъ народѣ Кунаковъ) козаки жаловались королю Владиславу. „И призвавъ

*) Подъ словомъ *Ляхи* разумѣли Русскіе люди пановъ, совратившихся въ католичество, протестанство и въ уніятскій папизмъ, (такъ называемую *римскую* вѣру). Коренныхъ Полонусовъ называли въ Москвѣ Поляками. Отъ этого, въ тогдашнихъ письменахъ встрѣчаются такія выраженія: „пришли Ляхи и Поляки".

де Владиславъ король Богдана Хмѣльницкого *) и Черкасъ челобитчиковъ въ покоевые хоромы, и говорилъ имъ, что санатари его вдались въ свою волю, панство его пустошатъ, а его мало слушаютъ. И отпасавъ де Владиславъ король саблю, далъ Богдану Хмельницкому и сказалъ: то де ему королевской знакъ: имѣютъ они при бокахъ своихъ сабли, и они бъ тѣмъ своимъ обидникомъ не поддавались, и кривды ихъ мстили имъ саблями; и какъ время дойдетъ, и они бъ на поганцовъ и на его королевскихъ непослушниковъ были во всей его королевской волѣ".

Въ такомъ духѣ была составлена вся записка. Хотя въ ней не было ни инквизиціонныхъ сценъ, какими приправляютъ свои повѣствованія малорусскіе лѣтописцы, ни жидовскихъ ругательствъ надъ религіозными обрядами, изобрѣтенныхъ козацкими кобзарями, но и того было довольно, что козаки воевали за православную вѣру и были призваны королемъ къ усмиренію непослушниковъ его. Не король, стало быть, посылалъ войско на Хмельницкаго за рѣку Рось да за рѣчку Тясминъ: это дѣлали „санатари", что вдались въ свою волю, что пустошили государство и мало слушали короля. Хмельницкій былъ не бунтовщикъ, а пособникъ своего государя въ защитѣ притѣсняемой папистами вѣры, въ защитѣ его царственности. Кунаковъ пересказывалъ похожденія Хмельницкаго въ томъ видѣ, въ какомъ они вошли въ лѣтописи и въ монографіи, отъ неизвѣстнаго сочинителя мурованнаго столба и мѣднаго быка до всѣмъ извѣстнаго Костомарова включительно.

„Когда Ляхи и погонщики" (посланные въ погоню) „съѣхали въ полѣ Богдана Хмельницкаго, и Богданъ де послалъ къ нимъ отъ себя Черкасъ двухъ человѣкъ, и велѣлъ имъ говорить: для чего они на нихъ, товарышей и на единокровныхъ, паче жъ на единовѣрныхъ, вооружились? а у нихъ де идетъ не о себѣ, а о благочестивой христіянской вѣрѣ, и они де погонщики есть ли на благочестивую христіянскую вѣру возстали сопча, и они Богу отвѣтъ дадутъ, а Богъ де и товарыщи ихъ противъ ихъ и единокровныхъ и единовѣрныхъ своихъ товарыщей сабель не подымаютъ. И Черкасы де погонщики Ляховъ переймали, а которые противились, и тѣхъ побили. И Богданъ де принялъ ихъ къ себѣ, и многія у нихъ рѣчи были со слезами о вѣрѣ христіянской".

---

*) Кунаковъ имя Хмельницкаго писалъ сперва чрезъ *ѣ*, а потомъ сталъ писать чрезъ *е*, по малороссіи.

Если Хмельницкій заставилъ большинство польскорусскихъ пановъ приписывать козацкій бунтъ украинскимъ землевладѣльцамъ, то его краковскіе и варшавскіе пособники безъ труда могли увѣрить царскаго гонца, что козакамъ „идетъ не о себѣ, а о благочестивой христіянской вѣрѣ", о которой „многія у нихъ рѣчи были со слезами". А что Кунаковъ находился подъ вліяніемъ тайныхъ и явныхъ хмельничанъ, это всего яснѣе видно изъ его пересказа о призывѣ Татаръ.

„И Богданъ Хмѣльницкій съ татарскими мурзы договорились и укрѣпились на томъ, что ясыръ" (подъ которымъ, очевидно, разумѣются здѣсь только военноплѣнные) „имать Татарамъ, а лошади и животину дуванить пополамъ, а скарбъ и животы — Черкасомъ. И тѣмъ Богданъ Хмельницкій обоихъ людей отъ ссоры уберегъ".

О взаимныхъ отношеніяхъ сословій и властей Кунаковъ докладывалъ царю такъ, какъ доложилъ бы ему самъ Хмельницкій:

„И паны-рады совѣтуютъ, межъ себя роздѣлясь, и нелюбовь межъ пановъ-радъ большая. А шляхта и многіе мѣщане говорятъ сѣтуя, что паны-рада, въ своемъ нелюбьѣ, Рѣчь Посполитую губятъ и такую великую Черкаскую и Татарскую войну ставятъ ни во што; видя непріятельскую саблю на головахъ своихъ, о оборонѣ панства не промышляютъ, отъ гордости и въ нелюбьѣ своемъ не образумятца. А та де бѣда и злое разоренье учинилось отъ ихъ же панской гордости и отъ налогъ, и пришла де на ихъ Божья месть, и святое евангельское слово исполняетца: которою чашею они, пышные паны съ Жидами, поили бѣдныхъ Черкасъ, и нынѣ де тую чашу сами многіе пьютъ и впередъ будутъ пить, а подлѣ ихъ и невинные убогіе люди погибаютъ. Да гонцу жъ (то есть ему, Кунакову) сказывали въ розговорѣхъ многіе люди, что Казимера де короля хотѣнье есть и того желаетъ, чтобъ Богданъ Хмѣльницкій пановъ-радъ сломилъ и ему послушныхъ учинилъ, и чтобъ паны-рада и шляхетство были во всей его королевской волѣ".

Наконецъ, Кунаковъ пересказывалъ распускаемый козаками слухъ, что „всѣ паны-рада говорили и на мѣрѣ немного того не поставили, чтобъ во всей королевской державѣ благочестивую христіанскую вѣру искоренить въ конецъ, и была бъ во всей королевской державѣ одна вѣра, какъ и въ Московскомъ Государствѣ, чтобъ въ королевской области за вѣру межъ панства и простыхъ народовъ розни и несогласья не было".

Такъ іезуитски подкапывались козаки, въ нѣмомъ согласіи съ обнищавшимъ духовенствомъ, подъ фундаментъ, на которомъ іезуиты думали утвердить нерушимую цѣлость Рѣчи Посполитой. Заинтересо-

ванный со стороны монархизма, борющагося съ панами-республиканцами, московскій царь тѣмъ еще болѣе безпокоился о судьбѣ малорусскаго православія, что древнему русскому благочестію предстояло паденіе на кіевской почвѣ въ случаѣ торжества панскаго оружія надъ козацкимъ. Было достаточно и однихъ этихъ побужденій для того, чтобы склонить мысли самодержавнаго монарха въ пользу панскихъ противниковъ. Но представители польской національности, не сознавая, какъ для нихъ опасно столкновеніе съ національностью русскою вообще, возбудили противъ себя Русь и по отношенію къ достоинству московскаго царя.

Кунаковъ прибылъ въ Краковъ въ началѣ февраля 1649 года; но царская грамота, которую онъ привезъ, была писана еще до полученія въ Москвѣ вѣсти объ избраніи Яна Казимира; поэтому онъ могъ имѣть дѣло только съ примасомъ и съ панами рады.

Когда царскому гонцу было вручено расписаніе предстоявшей ему аудіенціи у примаса и пановъ рады, Кунаковъ сдѣлалъ имъ, чрезъ посредство ихъ докладчика, такое внушеніе:

„То мнѣ въ великое подивленье, что паны-рада великому государю нашему, его царскому величеству, достойныя чести воздать не умѣютъ. Для чего въ томъ письмѣ не написано, что панамъ-радѣ про здоровье его, государя нашего, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Русіи самодержца, спросити вставъ? И государь вашъ Владиславъ король про его государское здоровье спрашивалъ его царскаго величества пословъ и посланниковъ и гонцовъ всегды вставая и шляпу снимая; а имъ, панамъ-радѣ, его королевскаго величества подданнымъ, пригоже наипаче того великому государю нашему, его царскому величеству, достойную честь воздавать".

Въ самомъ дѣлѣ, было верхомъ безразсудства выказывать относительно московскаго царя высокомѣріе теперь, когда судьба Польши зависѣла отъ его благосклонности. Но римскіе просвѣтители правительствующихъ сословій польскихъ давно уже похитили у нихъ ключъ политическаго разумѣнія. Вмѣсто цѣлости отечества, паны, съ королемъ во главѣ, заботились о достоинствѣ католическаго прелата.

Жалкіе правители обуреваемаго государства держали совѣтъ по возбужденному думнымъ дьякомъ вопросу, и приговорили, чтобы примасъ освѣдомился о царскомъ здоровьѣ *сидя*. Узнавъ объ этомъ, царскій гонецъ сдѣлалъ имъ выговоръ, сознавая, безъ сомнѣнія, какую силу задѣваютъ *безмозглые* (такой эпитетъ прилагали Москали Полякамъ), и какое можетъ послѣдовать за то возмездіе:

„Или у васъ арцыбискупъ найвышши королевскаго величества, что королевское величество про здоровье великаго государя нашего спрашивалъ всегда стоя, а арцыбискупу спрашивать сидя? Слушное ль то дѣло? И помыслить про то страшно. А великій государь нашъ, его царское величество, жалѣя объ васъ, что вы остались безгосударны, прислалъ меня къ вамъ съ своего царскаго величества грамотою въ вашихъ незгодахъ навѣстить, и писалъ въ своей государевой грамотѣ о великихъ государственныхъ дѣлехъ, которые настоятъ обоимъ великимъ государствамъ къ покою и къ тишинѣ и ко всякому добру, и панамъ-радѣ ту царскаго величества милость надобно было знать".

Для представителей римскаго просвѣщенія тѣмъ зазорнѣе было выслушать отъ Москаля подобную нотацію, что, повертѣвшись нѣсколько дней, они *были* заставлены, во все время какъ онъ читалъ „царское именованье и государскіе титулы", стоять со своимъ арцыбискупомъ безъ шапокъ, а „также и про царское здоровье спроситъ съ полнымъ государскимъ именованьемъ и государеву грамоту принять — по тому жъ, стоя безъ шапокъ".

Въ пику римскому папѣ, Кунаковъ потребовалъ, чтобы при ауді-енціи папскій легатъ не присутствовалъ. „Легату римскому" (объявилъ онъ) „и въ полатѣ той у пановъ-радъ быть при немъ непригоже, а не токмо что ему въ то время съ паны-рады сидѣть, потому: присланъ я отъ великаго государя, отъ его царскаго величества, къ панамъ-радѣ Коруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго, а легату до того какое дѣло? И только въ то время легатъ хотя и въ полатѣ у пановъ-радъ будетъ, а не токмо что съ паны-рады учнетъ сидѣть, и мнѣ къ панамъ-радѣ идти не мочно".

Уничиженные въ лицѣ своего гостя и политическаго наставника паны-рады, узнавъ содержаніе грамоты, благодарили царя (какъ писалъ Кунаковъ) за то, что онъ не воспользовался ихъ великимъ упадкомъ, не наступилъ на ихъ украины и не сдѣлалъ имъ никакой неправды въ ихъ вдовье время; но въ благодарственной грамотѣ хотѣли написать сперва имя своего новоизбраннаго короля, потомъ имя арцыбискупа гнѣзненскаго и всѣхъ пановъ-рады, а потомъ уже имя московскаго царя съ его полными титлами. Кунаковъ снова замѣтилъ строго, что „новыхъ непристойныхъ къ государской чести образцовъ вчинать имъ непригоже, — что объ этомъ даже и помыслить непристойно и страшно". Паны были принуждены написать свою благодарность по указанію московскаго дьяка.

Въ Москвѣ не забыли тяжкихъ обидъ и оскорбленій, нанесенныхъ русской національности латинизованными панами въ Смутное Время.

Но не единымъ словомъ не помянулъ стараго Кунакова теперь, когда бывшіе владыки Москвы очутились подъ ногами „растоптавшаго польскую славу“ козака. Онъ дѣйствовалъ съ благороднымъ тактомъ и съ истиннымъ достоинствомъ по вопросу о присоединеніи Русской Земли къ *Русіи*, вопросу, очевидно, уже предрѣшенному, и въ бесѣдѣ съ представителями Польши твердилъ одно:

„Нашему великому государю, его царскому величеству, недруга ни съ которые стороны отъ иноземныхъ государей нѣтъ. Нашъ великій государь, его царское величество, жалѣя о васъ, что вы остались безгосударны, велѣлъ мнѣ васъ навѣстить, и писалъ въ своей царскаго величества грамотѣ о покоѣ христіанскомъ; также и къ гетману къ Богдану Хмельницкому отъ великаго государя нашего, отъ его царскаго величества, писано, чтобъ онъ, сослався съ паны-рады, нынѣшнюю междоусобную войну и многое кровопролитіе умирилъ; и та его царская милость къ вамъ и ко всей Рѣчи Посполитой нынѣ и самимъ вамъ явна. А войска у великаго государя нашего, у его царскаго величества, всегды наготовѣ многая рать, и царскаго величества у бояръ и воеводъ по полкамъ росписаны, по тридцати и по сороку тысячъ въ полку и больши; такъ же и гусары, и райтары, и драгуны, и салдаты въ строеньѣ у полковниковъ и у всякихъ начальныхъ людей многіе полки; и всѣ царскаго величества войска воинскому ратному рыцерскому строю навычны. Хотя ему, великому государю нашему, и недруга никого нѣтъ, только его государскимъ разсмотрѣньемъ во всѣхъ его государствахъ и по украинамъ войска многіе полки всегды наготовѣ. И ко всѣмъ людемъ, къ подданнымъ своимъ и къ иноземцовъ, государь нашъ, его царское величество, милостивъ и щедръ, и наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ, и храброму ученью навыченъ, и къ воинскому ратному рыцерскому строю хотѣнье держитъ большое по-своему чину и достоянью“.

Поѣздка Кунакова въ Краковъ и Варшаву была своего рода политическая пропаганда, основанная на заявленіяхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ жителей о желаніи присоединиться къ Россіи. Но, не ограничиваясь этой пропагандою, Москва, какъ мы видѣли, послала и въ Козацкую Украину такого же гонца, дворянина Унковскаго. Унковскій долженъ былъ вывѣдывать всѣ тѣ данныя, на которыхъ предстояло строить политическое единство Русской Земли.

Дѣла Сибирскаго Приказа въ московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи сохранили слѣдующія подробности этого посольства.

Въ сопровожденіи полковника Мужиловскаго, Унковскій ѣхалъ изъ Путивля на Конотопъ, Красный, Прилуки, Басань, Переяславъ,

Глемязовъ, и 10 верстъ плылъ внизъ по Днѣпру, переправляясь въ Домонтовѣ. 15 апрѣля прибылъ онъ въ Черкасы (которые въ статейномъ спискѣ своемъ называетъ Черкаскомъ), направляясь въ Чигиринъ.

Не доѣзжая 10 верстъ до Чигирина, Мужиловскій поскакалъ впередъ, и встрѣтилъ царскаго посланника, въ сопровожденіи гетманскаго хорунжаго, съ привѣтствіемъ отъ гетмана. Въ полуверстѣ отъ Чигирина встрѣтили царскихъ людей сынъ Хмельницкаго Тимоѳей, два писаря, Кричевскій и Выговскій, войсковой есаулъ, паволочскій войтъ, да еще сотникъ и атаманы, человѣкъ 20, всѣ пѣшкомъ. Унковскій также сошелъ съ лошади. Молодой Хмельницкій извинялся, что встрѣтилъ его не раньше и притомъ пѣшкомъ. „Подъ городомъ великая вода. Снесла она мосты и плотины, а судовъ такихъ не изготовлено; лошадей перевозить не на чемъ". Унковскій пригласилъ Тимоѳея сѣсть на лошадь Мужиловскаго, а всѣ остальные пошли пѣшкомъ. Черезъ Тясминъ переправились на лодкахъ. На берегу ждали лошади.

Царскому посланнику отвели квартиру въ домѣ городничаго, *Яна*. Гетманъ прислалъ Унковскому съѣстные припасы *) съ извиненіемъ, что, по болѣзни, не могъ его встрѣтить. Благодаря за кормъ Унковскій просилъ, чтобы гетманъ принялъ его какъ можно скорѣе и чтобъ на его пріемѣ не было пословъ и посланниковъ другихъ государствъ.

На другой день, 17 апрѣля, къ Унковскому пришли два писаря, войсковой есаулъ, паволочскій войтъ и чигиринскій атаманъ съ приглашеніемъ на свиданіе съ гетманомъ. Унковскій поѣхалъ на присланномъ отъ гетмана конѣ. Впереди подъячій везъ государеву грамоту, а по сторонамъ шли писаря, есаулъ, войтъ и атаманъ. На гетманскомъ дворѣ, у крыльца, встрѣтили его близкіе гетманскіе люди, а въ свѣтлицѣ, у самой двери, самъ гетманъ.

Принявъ отъ Унковскаго грамоту, Хмельницкій поцѣловалъ печать. То же, по его приказанію, сдѣлалъ обозный Чорнота. Унковскій спросилъ, отъ имени государя, о здоровьѣ гетмана и все войско. Въ

*) Въ статейномъ спискѣ эти припасы исчислены такъ: „10 хлѣбцовъ пшеничныхъ малыхъ; 10 хлѣбцовъ ржаныхъ людскихъ, гуся, утю, двухъ поросятъ, четырехъ куръ, 50 яицъ, 2 сыра, баранъ, ногу говядины, 50 черенковъ соли; питья: стклянницу вина двойнаго, стклянницу вина венгерскаго, стклянницу мальвазеи, ведро вина простаго, ведро меду, 5 ведеръ пива, 10 свѣчъ сальныхъ, четь овса и остралюкъ сѣна". Если еще понадобится кормъ, просили обращаться на гетманскій дворъ.

отвѣтъ на это всѣ низко поклонились. Гетманъ также спросилъ о здоровьѣ государя и царевича Димитрія Алексѣевича. Тогда посланникъ объявилъ государево жалованье: гетману три сорока соболей, сыновьямъ его, Тимоѳею и Юрію, обозному Ивану Чорнотѣ, писарямъ Ивану Кричевскому да Ивану Выговскому, войсковому эсаулу Михайлу Гетману, Костырскому *Яну*, полковникамъ: черниговскому Ѳедору Вешняку, корсунскому Морозенку, нѣжинскому Шумейку, миргородскому Матвѣю Гладкому—по парѣ соболей *). Хмельницкій прочелъ царскую грамоту про себя и, снова поцѣловавъ печать, отдалъ Выговскому, благодарилъ за милостивое слово, посадилъ Унковскаго возлѣ себя и, когда полковники усѣлись по скамьямъ, пригласилъ его къ обѣду. За обѣдомъ о предметѣ посольства не говорили.

Черезъ день Унковскій снова пріѣхалъ къ гетману съ прежней церемоніей и нашелъ у него всю старшину, какая на то время оказалась въ Чигиринѣ. Поздоровавшись, гетманъ удалился съ нимъ, съ его подъячимъ и съ Выговскимъ въ отдѣльную комнату. Прочіе были собраны въ домѣ Хмельницкаго лишь для того, чтобы служить органомъ толковъ о царскомъ посольствѣ и пускать въ ходъ о немъ вѣсти, какія были нужны козацкимъ политикамъ.

Запершись вчетверомъ отъ своего національнаго собранія, Хмельницкій объявилъ, что не можетъ, какъ написано въ грамотѣ, послать къ панамъ-радѣ съ ходатайствомъ объ избраніи царя на польскій престолъ. „То дѣло миновалось: въ Польшѣ король выбранъ. Пускай теперь государь самъ наступитъ на Литву, и она навѣрное предложитъ ему свою корону; а на Польшу я и Войско Запорожское помоги не проситъ. Польшѣ противъ насъ и крымскаго царя не устоять, и великій государь станетъ государемъ Литвѣ и Польши. Да писалъ я, чтобы великій государь принялъ меня съ войскомъ подъ свою высокую руку; но въ царской грамотѣ отвѣта на это нѣтъ. Не наказано ли тебѣ что-нибудь объ этомъ?

Унковскій отвѣчалъ: „Если дастъ Богъ, вы освободитесь отъ Польши и Литвы *безъ нарушенія мира*, тогда великій государь васъ пожалуетъ, велитъ вамъ быть подъ его высокою рукою“.

„Да мы и теперь свободны“ (сказалъ Хмельницкій). „Цѣловали мы крестъ служить вѣрой и правдой королю Владиславу, а теперь въ Польшѣ и Литвѣ выбранъ королемъ Янъ Казимиръ и коронованъ; однако, насъ Господь отъ нихъ избавилъ. Короля мы не выбирали и креста ему не цѣловали, а они къ намъ о томъ не писали и не

*) Достойно замѣчанія, что Унковскій обошелъ подаркомъ паволочскаго войска, не смотря на его видную роль въ церемоніалѣ Хмельницкаго.

присылали, а потому мы свободны. Почему же теперь государю не помочь намъ? Если онъ опасается Польши и Литвы, что въ прошлые годы причинили Московскому Государству многія бѣды и разореніе, то теперь этого опасаться нечего: безъ нашего Запорожскаго Войска вездѣ они будутъ худы, а и въ тѣхъ-то войнахъ были сильны лишь нашимъ войскомъ. Теперь счастье само дается въ руки государю: безъ всякаго ущерба, онъ можетъ получить большое государство и множество ратныхъ людей. А мы желаемъ поступить подъ государеву руку, потому что наша благочестивая вѣра явилась отъ общаго корня, отъ Св. Владиміра, только Ляхи своими неправдами отлучили насъ отъ Московскаго Государства. А я такъ думаю: на чьей сторонѣ Войско Запорожское и вся Бѣлая Русь будетъ, та сторона будетъ страшна всѣмъ непріятелямъ, потому что Войско Запорожское имѣетъ огромныя силы, что̀ извѣстно и государю, и если насъ великій государь не принимаетъ и отъ своей милости отгоняетъ, то намъ кажется, что мы, православные христіане, ему негодны, и милостивымъ къ намъ быть не хочетъ".

Здѣсь надобно упомянуть, что въ Черкасахъ Уніовскій видѣлся (конечно, не случайно) съ сотникомъ *Яномъ* Кравченкомъ, который только что вернулся изъ Крыма и сообщилъ ему, что крымскій ханъ со всей Ордой идетъ къ Хмельницкому, и будетъ къ Троицыну дню, и говорилъ ему: „Какъ намъ Богъ поможетъ повоевать Ляховъ, тогда вы, козаки, идите съ нами воевать Москалей за ихъ неправды,—что они нынѣ во всемъ передъ прежними крымскими царями чинятъ намъ великія кривды, казну даютъ не сполна и пословъ нашихъ безчестятъ и по городамъ разсылаютъ, и голодомъ морятъ".

Не смотря на клятвенное увѣреніе сотника Яна, что ханъ дѣлалъ такія угрозы, представитель крѣпкодумной Москвы отвѣчалъ на разбойное домогательство представителя днѣпровской вольницы спокойно:

„Такія рѣчи говоришь ты, гетманъ, не помня къ себѣ царской милости. Отъ вѣка прежніе гетманы и Войско Запорожское не видали такихъ милостей, какъ милость къ тебѣ. Въ прошломъ 156 (1648) году присылали къ государю извѣстіе паны-рада польскіе и литовскіе, что Войско Запорожское отъ нихъ отложилось и войну противъ нихъ начало, а потому просили на васъ помочи ратными людьми, согласно договору; но великій государь и не подумалъ посылать на васъ войско, а напротивъ, отвѣчалъ, чтобъ они войны и кровопролитіе прекратили. Затѣмъ, когда государь узналъ, что у васъ хлѣбъ не родился, саранча поѣла, а соли по причинѣ войны добыть негдѣ, то позволилъ

вамъ покупать хлѣбъ, соль и всякіе товары въ своихъ городахъ и пріѣзжать для покупки торговымъ людямъ. Что, еслибы великій государь запретилъ вамъ вывозить изъ своего государства хлѣбъ, соль и всякіе товары? Вѣдь вы тогда всѣ умерли бы съ голода. Когда я ѣхалъ сюда черкасскими городами, то народъ говорилъ мнѣ, что они всѣ молятъ Бога за эту милость государеву. Да вотъ и сейчасъ государь жалуетъ васъ новою милостью: дозволяетъ вашимъ людямъ вывозить всякіе товары въ свои порубежные города безпошлинно".

Гетманъ съ благодарностью объявилъ, что онъ также прикажетъ пропускать изъ Московскаго Государства торговыхъ людей со всякими товарами безпошлинно же.

„А долго ли быть у васъ войнѣ съ Поляками" (спросилъ Унковскій), „и на чемъ вы хотите порѣшить?"

„Ну, нашей войнѣ съ Ляхами и Литвою конецъ одинъ Богъ вѣдаетъ" (отвѣчалъ Хмельницкій). „Много они намъ бѣдъ и разореній причинили: святыя Божіи церкви осквернили, насъ *хотѣли* неволить въ свою проклятую вѣру; но милосердный Богъ призрѣлъ на наши слезы и терпѣніе, не допустилъ ихъ въ конецъ насъ разорить, подавши намъ побѣду на нихъ за ихъ злодѣйство, а мнѣ, послѣднему въ человѣцѣхъ, повелѣлъ надъ Войскомъ Запорожскимъ въ войнѣ сей начальникомъ быть и надъ Ляхами побѣды имѣть. Послѣ этихъ побѣдъ Ляхи и Литва присылали къ намъ пословъ и много разъ писали, чтобъ намъ по-прежнему быть подъ ихъ властью на томъ условіи, что они будутъ почитать святыя Божіи церкви и православную христіянскую вѣру, не будутъ держать ляцкихъ духовныхъ и дадутъ намъ во всемъ повольность, а мнѣ, гетману, даютъ городъ Чигиринъ да еще четыре города, гдѣ я хочу, и кромѣ того кіевское воеводство: въ этомъ они готовы присягнуть. Однако, мы знаемъ, какова ихъ присяга. И прежде они не разъ присягали, да присяга не удерживала ихъ отъ притѣсненій и кровопролитья. А теперь, какъ слышно, за нынѣшнюю войну грозятъ не оставить въ живыхъ ниодного козацкаго младенца. Я съ своей стороны предлагалъ имъ помириться на томъ, чтобы имъ, Ляхамъ и Литвѣ, до насъ, Войска Запорожскаго, и до Бѣлой Руси дѣла не было, а границы наши и Бѣлой Руси были бы тѣ же, какъ владѣли благочестивые великіе князья. Если они не пойдутъ на предложенныя мною условія, то война затянется Богъ знаетъ до конхъ поръ; а если согласятся помириться, то послѣ мира къ кому намъ обратиться, какъ не къ великому московскому государю? Не турскаго царя и не нѣмецкихъ королей призывать".

. . . . . .

Какъ ни бравурствовалъ, какъ ни лгалъ татарскій побратимъ передъ царскимъ посланникомъ, тотъ молча смекалъ, что у него на умѣ, и не пошелъ дальше увѣреній, выслушанныхъ Мужиловскимъ въ Москвѣ, что великій государь, его царское величество, гетмана и все Запорожское Войско *жалуетъ* и *милостиво похваляетъ*.

Не зная, чѣмъ импонировать видавшему виды Москалю, Хмельницкій принялся снова хвастать и лгать: „Если, Богъ дастъ, эту войну кончимъ благополучно, тогда и *царь* (то-есть ханъ) со всѣмъ Крымомъ хочетъ освобождаться изъ неволи отъ турскаго султана, и меня съ Войскомъ Запорожскимъ позоветъ на помощь, а за помощь уступаетъ намъ весь турецкій полонъ и животы, какъ мы поступились ему польскимъ полономъ и животами... (въ обоихъ полонахъ православные составляли огромное большинство). Да ханъ же говорилъ мнѣ, что у нихъ мудрые люди въ книгахъ своихъ нашли, что пришло время православнымъ христіянамъ освободиться отъ всѣхъ вѣръ. Въ то время, какъ наши послы были у хана, пришли къ нему послы и отъ польскаго короля и пановъ рады, и предлагали ему получить большую казну, съ условіемъ отступиться отъ Войска Запорожскаго. Ханъ прислалъ королевскій листъ ко мнѣ и спрашивалъ, какъ ему поступить. Я посовѣтовалъ ему взять ту казну, которую ему даютъ, и потомъ идти съ нами воевать. Онъ такъ и сдѣлалъ. Да въ прошломъ году, послѣ польской войны, ханъ предложилъ мнѣ идти съ нимъ воевать Московское Государство, но я его унялъ, пригрозивши тѣмъ, что если онъ пошлетъ свое войско подъ государевы украинные города, то мы, Войско Запорожское, отступимся отъ него и пойдемъ воевать Крымъ, потому что у насъ съ Московскимъ Государствомъ единственно православная христіянская вѣра“...

Такъ ораторствовалъ Хмельницкій передъ царскимъ дворяниномъ. Но тотъ былъ себѣ на умѣ, и не пошелъ дальше милостивой похвалы Запорожскому Войску.

Слухи о сношеніяхъ Козацкаго Народа съ московскимъ царемъ давно уже тревожили правителей Народа Шляхтскаго. Еще въ „Дискурсѣ“ Конецпольскаго было высказано опасеніе, что Москали, владѣя Крымомъ, оторвутъ козаковъ отъ Польши и вѣрою, и надеждою добычи, а потомъ оторвутъ и всю Русь. Опасная межень въ составѣ Польскаго государства постоянно давала себя чувствовать его составителямъ. Не постигая духа великой націи, воспитанной православіемъ, католики вѣрили *коварнымъ* стачкамъ русскихъ государственниковъ съ русскими антигосударственниками, и не находили ничего противоестественнаго въ томъ, что козаки поступились Москалямъ Украиной

по Днѣпръ, а тѣ тайкомъ обязались помогать козакамъ разорять Польшу. Имъ грезились царскія посольства въ Украину, предательскіе договоры атамана разбойниковъ съ преемникомъ Іоанновъ; а Хмельницкій, пользуясь этимъ, пускалъ въ ходъ выдумки, по давнишнему козацкому обычаю. Вѣрили *тайнымъ* договорамъ его съ царемъ и козаки, такъ какъ, не смотря на всѣ ихъ злодѣйства въ Московщинѣ, послѣднимъ убѣжищемъ представлялась имъ всё-таки Царская Земля. Поэтому-то полученная отъ царя грамота, дважды поцѣлованная публично гетманомъ, была сообщена одному Выговскому, и переговоры съ Унковскимъ велись таинственно, только въ присутствіи гетманскаго канцлера.

Правда факта проникала и въ панскія головы; но головъ, способныхъ отличать истину отъ вымысла, въ оіезуиченномъ обществѣ было немного. Такъ, по современнымъ польскимъ письменамъ, царь, осаждаемый просьбами днѣпровскихъ козаковъ о наступленіи на его супостатовъ, уклонялся отъ разрыва съ Польшею, и желалъ успѣха козакамъ лишь въ такомъ случаѣ, *если причиною ихъ бунта одна только вѣра.* Но большинство пановъ, съ іезуитской факціей и королемъ во главѣ, относилось къ царской и къ гетманской политикѣ безразлично.

Королевскіе сановники знали, что Хмѣль вошелъ въ сношенія и съ другими сосѣдями. Относительно политическихъ развѣдокъ они были дѣятельнѣе, чѣмъ въ добываніи вѣстей о непріятелѣ посредствомъ боевыхъ подъѣздовъ. Они знали, что трансильванскій князь Ракочій заискиваетъ расположенности козаковъ въ виду своей борьбы съ Габсбургскимъ домомъ, и что онъ питаетъ надежду, съ помощью Хмельницкаго, овладѣть польскимъ престоломъ, на который мѣтилъ его отецъ, и который, по смерти отца, нѣкоторые паны во время элекціоннаго сейма, были готовы предоставить сыну. Знали королевскіе люди и то, что оба придунайскіе князьки опасались, какъ бы Хмельницкій, за татарскую помощь, не отдалъ Волоховъ и Мултанъ Туркамъ въ полное подданство У нихъ носился слухъ, что, еще до похода на Волынь, козацкое посольство было въ Константинополѣ и обѣщало султану всю Русскую Землю отъ Днѣстра до Люблина, съ тѣмъ чтобы козаки находились подъ покровительствомъ Турціи, какъ данники. Наконецъ, они узнали, что турецкій посланникъ отправленъ къ Хмельницкому для заключенія торговаго и оборонительнаго договора. Венеціянская война склонялась въ пользу Турокъ. Республика Св. Марка предлагала уже султану денежную сдѣлку. Еслибы Турція удосужилась на морѣ, тогда силы ея должны были

обратиться къ войнѣ сухопутной, и всего скорѣе—къ войнѣ съ Лехистаномъ, который пугалъ Турокъ перемиріемъ съ козаками, готовыми сражаться изъ-за добычи подъ какимъ угодно знаменемъ.

Все это заставляло правительствующихъ пановъ торопиться съ отправкою къ Хмельницкому обѣщанныхъ королемъ коммиссаровъ. Но произошла остановка за деньгами. Поляки, предлагавшіе хану, по увѣренію Хмельницкаго, „большую казну", которую будто бы ханъ и получилъ отъ нихъ, не имѣли въ Коронномъ Скарбѣ и такой казны, чтобы дать на дорогу коммиссарамъ!... На эту ногу вѣчно хромала олигархическая республика, дававшая частнымъ лицамъ скоплять въ своихъ *скарбовняхъ* милліоны, и не умѣвшая пополнять недочеты государственнаго казначейства.

Королевскіе коммиссары были набраны изъ остатковъ старорусской знати, растворившейся уже въ польщизнѣ, хотя нѣкоторые почему-то, или для чего-то, сохраняли еще на себѣ образъ древняго русскаго благочестія, отвергшись его духа, духа національности. Первымъ и главнымъ членомъ новой коммиссіи былъ назначенъ необходимый до конца панскому большинству Адамъ Свѣнтольдичъ Кисѣль; вторымъ—его племянникъ; третьимъ—князь Четвертинскій; четвертымъ—Березовскій; пятымъ—Зеленскій. Шестаго, Войцѣха Мясковскаго, по крестному имени католика, слѣдовательно полнаго Ляха, и только по фальшивому—Русина-Недоляшка *), придали къ нимъ въ видѣ надзирателя, яко папскаго прозелита. Вмѣстѣ съ коммиссарами отправилось въ Козацкую Украину болѣе двадцати человѣкъ пріоровъ, гвардіановъ и другихъ ксендзовъ, какъ бы для того, чтобы представители римской проповѣди въ польскорусскихъ областяхъ видѣли собственными глазами результаты стараній братіи своей разрушить въ Малороссіи греческую церковь руками ея недавнихъ отступниковъ, и навязать римскую вѣру потомкамъ ея исконныхъ отрицателей.

Отступникъ русской вѣры и національности, Войцѣхъ Мясковскій, какъ и всѣ полонизованные Русичи, былъ чуждъ историческаго разумѣнія, того, что сдѣлала изъ богатаго и спокойнаго края римская проповѣдь вмѣстѣ съ нѣмецкимъ вѣроученіемъ, отрицательно его же порожденнымъ, да съ польскою неурядицей. Такое разумѣніе доступ-

---

*) Предокъ его былъ какой-нибудь *Мяско*. Нѣкоторые пишутъ Мясковскаго *Мястковскимъ*, но отъ польскаго *miasto* такъ точно нельзя произвести *Miastkowski*, какъ отъ русскаго *Быль* польскаго имени *Bielski* (а Поляки желаютъ, чтобы первый, писавшій исторію ихъ по-польски (а не по-латыни), не былъ нашъ Русинъ.

но только людямъ нашего времени, если они не фанатики ляхоманы и не архифанатики козакоманы. На руину чужой культуры въ родномъ краѣ Мясковскій взиралъ глазами сопутствовавшихъ ему пріоровъ да гвардіановъ,—взиралъ глазами ихъ питомицы, олигархически господствующей, шляхты. Онъ велъ дневникъ новой коммиссіи изо дня въ день, и въ своемъ воззрѣніи вдавался въ такія же крайности, какія, въ противоположномъ смыслѣ, были свойственны воззрѣніямъ республиканцевъ-охлократовъ; но тѣмъ не менѣе сохранилъ для насъ многія черты обѣихъ борющихся республикъ. Я представлю эти черты, по возможности, его собственными словами. Пускай каждый свяжетъ ихъ въ умѣ своемъ съ общимъ выраженіемъ польскорусской жизни, стремившейся къ неразлучному слиянію въ „русскомъ морѣ“ наперекоръ всякимъ предусмотрѣніямъ и предотвращеніямъ римско-польскихъ политиковъ, — наперекоръ всѣмъ досадамъ и антипатіямъ, порожденнымъ противоположностью церковной проповѣди, и даже— различіемъ исторической жизни со временъ отдаленныхъ.

Мясковскій могъ выѣхать изъ Варшавы едва черезъ шесть недѣль послѣ элекціи, тогда какъ у другаго правительства и шестидневная отсрочка была бы въ этомъ случаѣ медленностью непростительною. Его задержали „скарбовые люди“ выдачею денегъ на издержки коммиссіи. Тѣмъ и начинаетъ онъ дневникъ свой: „dla nierychłej odprawy Skarbu“, давая этимъ знать, что повредило второй Киселевской коммиссіи со сторонъ правительствующихъ пановъ.

„Земскій маестатъ (ziemska majestas)“, по волѣ котораго „цари царствуютъ (reges regnant)“, и который „предъ лицомъ Неба творитъ великихъ монарховъ (teste coelo wielkich monarchiw kreujo)“, какъ выражались ораторы на избирательномъ сеймѣ,—этотъ шляхетскій маестатъ сотворилъ великаго монарха изъ маленькаго Яна Казимира, но не могъ снабдить его средствами даже для коммиссарскаго конвоя. Великій монархъ повелѣлъ одному изъ своихъ вѣрноподданныхъ, литовскому гетману князю Радивилу, дать въ провожатые Киселю съ товарищи „200 коней“, но вѣрноподданный Литвороссъ-кальвинистъ далъ только десятка полтора конныхъ Татаръ (kilkanaście tylko koni Tatarów), найдя какую-то отговарку (wymówił się z tej uczynności), въ родѣ той, какою онъ оправдалъ жолнерское козакованье передъ своимъ саповитымъ дѣдушкой.

Неутомимый въ миротворной дѣятельности своей Кисѣль пустился въ путь, не дождавшись денегъ. Мясковскій, выѣхавъ наконецъ съ деньгами 1 января 1649 года, догналъ его 7-го въ Кобринѣ, и вручилъ ему 10.000 злотыхъ на эту дорогу.

Коммисары, съ ассистенціей своей, двинулись далѣе, подъ прикрытіемъ только сотни драгунъ, навербованныхъ коштомъ познанскаго бискупа, Андрея Шолдрскаго. Конечно, бискупа интересовала поѣздка ксендзовской миссіи больше, чѣмъ кальвиниста, къ которому вовсе некстати обратился съ повелѣніемъ великій монархъ.

10 января присоединился къ нимъ кіевскій каштелянъ Бржозовскій, то-есть Березовскій (которому Оссолинскій исходотайствовалъ обѣщанную каштелянію, въ полной увѣренности, что онъ, вмѣстѣ съ Косомъ и Киселемъ, поможетъ ему устроить унію потверже Брестской).

14 января съѣхался съ ними племянникъ Киселя, новгородсѣверскій хорунжій.

16 января прибыли коммиссары въ имѣніе Киселя Гощу, которую называлъ онъ *Гущею* въ польской перепискѣ своей. Козатчина отхлынула за Случь, оставивъ по себѣ не изгладившіеся донынѣ слѣды пожаровъ и всяческаго разоренія. Несмотря на перемиріе, край все еще волновался, какъ море послѣ бури. Но уцѣлѣвшимъ остаткамъ хозяйственной культуры бродили купы козацкихъ подражателей, называемыхъ вообще гультаями. Народъ мѣстами поразительно разбогатѣлъ грабежемъ панскихъ имѣній, мѣстами терпѣлъ крайнюю бѣдность. Но каждый вдохновлялся живущею доселѣ пословицей: „Богъ не безъ милости, а козакъ не безъ щастя“. Неизвѣстно, какъ обстояло хозяйство въ Гощѣ, но жена Киселя сопровождала его вмѣстѣ съ женами нѣкоторыхъ изъ его спутниковъ, все еще не понимая, что такое собственно есть разнузданный козакъ, и надѣясь присутствіемъ своимъ смягчить полудикихъ бунтовщиковъ.

Черезъ четыре дня коммисары гостили у князя Корецкаго въ Корцѣ, гдѣ доселѣ видны остатки его замка. Корецъ стоитъ надъ рѣкой Случью. Это былъ крайній пунктъ, до котораго смѣли возвращаться на свои пепелища отважнѣйшіе колонизаторы нашихъ пустынь по слѣдамъ отлива руинной козатчины. Князь Корецкій, православный еще Малоруссъ, съ колонизаціонною дѣятельностью соединялъ *охочекомонное* козаченье, необходимое для отраженія ордынскихъ и домашнихъ набѣговъ. Полувѣря и полунедовѣряя прежнимъ своимъ подданнымъ, онъ собралъ вокругъ себя болѣе 4.000 вооруженныхъ осадниковъ, изъ которыхъ одни боялись другихъ, и потому повиновались князю осадчему. Дѣло въ томъ, что князь Корецкій держалъ поближе къ себѣ нѣсколько сотъ надежныхъ рубакъ, стрѣлковъ, копейниковъ, и съ ихъ помощью обуздывалъ такую же сбродную дружину людей ненадежныхъ, что дѣлалъ, въ большихъ размѣрахъ, и самъ Хмельницкій, ввѣрявшій свою палатку и свой сонъ жолдовымъ Татарамъ.

Цѣлый день провели коммиссары въ Корцѣ, и 21 января, переправясь въ Звяглѣ черезъ Случъ, вступили на территорію „удѣльнаго княжества козацкаго", на границу Кіевскаго воеводства, существовавшаго фактически еще весною прошлаго 1648 года.

Князь Четвертинскій ѣздилъ къ Хмельницкому въ Чигиринъ съ увѣдомленіемъ о приближеніи королевскихъ коммиссаровъ и съ приглашеніемъ въ Кіевъ на коммиссію. По распоряженію гетмана, на границѣ его татаро-козацкаго кочевья встрѣтили коммиссаровъ полковникъ Донецъ и сотникъ Тиша, съ конвоемъ въ 400 человѣкъ.

„Въ Бышовѣ" (пишетъ Мясковскій) „догналъ насъ брацлавскій подчашій Зеленскій, которому я отдалъ на эту дорогу изъ Скарба 3.000 злотыхъ".

Къ ночи того же дня прибыла коммиссія въ имѣніе Киселя, Новоселки, въ 15 миляхъ отъ Кіева. Отсюда Кисѣль вновь послалъ князя Четвертинскаго къ Хмельницкому съ просьбою выѣхать въ Кіевъ на коммиссію, и цѣлую недѣлю ждалъ его отвѣта. Въ это время, по словамъ Мясковскаго, панъ воевода и его пани претерпѣли „разные контемпты отъ хлопства", то есть отъ своихъ подданныхъ. „Живность" (пишетъ онъ) „затруднительна и дорога: не только зерна, но и соломы для лошадей не было. Бунты подданныхъ противъ самого пана и дѣдичной пани".

Такъ привѣтствовала миротворца онозаченная родина, куда надежда угомонить Хмеля влекла его какъ будто для того, чтобъ онъ уразумѣлъ наконецъ смѣшную и печальную роль свою.

Февраля 2, въ Бѣлогородкѣ, въ трехъ миляхъ отъ Кіева, коммиссары испытали такое же безпокойство и недостатокъ (niewczas i niedostatek). Но Кисѣль и Березовскій отвели душу въ бесѣдѣ съ православными единомышленниками своими: митрополитъ (Косовъ) и архимандритъ (печерскій Тризна) выѣхали сюда для секретнаго совѣщанія (ad secretum colloquium)".

Въ Кіевъ козаки не впустили королевскихъ коммиссаровъ, а посланцовъ Киселевыхъ, шляхтичей Гнѣздовскаго и Брышовскаго, приняли тамъ съ презрѣніемъ (znieważono), Кисѣль одинъ ѣздилъ подъ Кіевъ для бесѣды съ митрополитомъ.

Изъ Гвоздова 12 (2) февраля отправилъ онъ племянника своего и „бывшаго королевскаго посла, Смяровскаго", секретаря коммиссіи, къ Хмельницкому съ убѣжденіемъ ѣхать въ Кіевъ на коммиссію. Хмельницкій мѣстомъ съѣзда назначилъ Переяславъ.

„Въ сыропустную недѣлю" (пишетъ Мясковскій) „пустились мы къ лѣсникамъ на Кіевъ черезъ Хотовку, мѣстечко князя Корецкаго. За-

ступили дорогу пану воеводѣ, съ которымъ сидѣли мы въ однихъ саняхъ, тамошніе козаки съ хлопствомъ, и не пустили далѣе, держа подъ уздцы коня подъ козакомъ, который несъ за паномъ воеводою знакъ. Мы были принуждены и того козака, и самихъ себя окупить талерами, будучи въ небольшой купѣ, безъ козацкихъ и драгунскихъ хоругвей".

Еще изъ Новоселокъ послалъ Мясковскій такую реляцію въ Варшаву, которая уничтожала всякую надежду и всѣ мирныя ожиданія, возбужденныя Хмельницкимъ. Хмельницкому было нужно пріостановить панскія вооруженія и панскія военныя распоряженія для того, чтобы довѣрчивые Ляхи дали ему время разобраться въ своихъ разнообразныхъ *лупахъ*. Это видно изъ его письма къ султанъ-галгѣ, о которомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

„Пришли мы сюда подъ Кіевъ" (писалъ въ Варшаву Мясковскій), „какъ въ пустопорожнюю непріятельскую область (jako in hosticum solum). Всѣ города и села полны козаковъ. Отряды ихъ ведутъ и сторожатъ насъ. Повсемѣстно враждебность (undique hostilitas). Съѣстные припасы добываемъ съ трудомъ и платимъ дорого. Кругомъ саранча—козаки и Татары. На зиму ничего не сѣяли. Въ города не пускаютъ. Кто отстанетъ или возьметъ въ сторону, тотчасъ погибнетъ, какъ это недавно случилось въ Черняховѣ, гдѣ панъ Можайскій и панъ Лютомирскій, добрый и нужный слуга, убиты съ нѣсколькими другими, а Радивиловы Татары-козаки едва ушли, раненные и ободранные. Хмельницкій возвысясь побѣдою (elātus victoria), не согласенъ на конгрессъ (congressum nie pozwala); не дастъ отвѣта; посланцовъ задерживаетъ подъ стражею... Причиною тому іерусалимскій патріархъ, который далъ ему титулъ русскаго князя (titulum ducis Russiae) и сравнялъ его съ Константиномъ Великимъ. Причиной тому и послы отъ Ракочія. Того и другаго надобно было упредить; но несчастная отпраза (съ деньгами), медленная скарбовая экспедиція, какъ бы завидуя успокоенію отчизны, повергла се въ отчаяніе (zajrzała ojczyznie pokoju desperacyej)... Отъ кіевскихъ чернцовъ, посредниковъ его съ Лупуломъ, узнали мы, что Хмѣль хотѣлъ идти на Волоховъ, но Лупулъ прислалъ ему подарки и натравливаетъ его на насъ. И патріархъ побѣжалъ въ Москву, чтобы царя соединить съ Лупуломъ противъ насъ. Тогай-бей господствуетъ и на Саврани, и на Чечельникѣ. Живность ему доставляетъ Умань, и у него уже тысячъ 70. Со всѣхъ сторонъ принимаетъ къ себѣ и вѣрующихъ, и невѣрующихъ въ Бога, всѣхъ націй и религій; тотчасъ и жолдъ, и вооруженіе. Хмѣль отдалъ ему Баръ и Цацарулки, весь трактъ за Днѣпромъ, и по сію

сторону на 20 миль земли. Закаливайте колья да сабли. Готовьтесь, сколько васъ ни есть, конные и пѣшіе (quotquot estis, equites et pedites). Не жалѣйте скарбовъ и не щадите, или же—нагните шеи подъ ярмо гадкимъ хлопамъ (albo szyje brzydkiemu chłopstwu sub jugum podajcie). Намъ уже Турки" (т.-е. невѣрные козаки) „и Кодакомъ грозятъ" (т.-е. что Хмѣль коммиссаровъ отправитъ въ Кодакъ) „и живности не хотятъ продать. Правда, у нихъ немалый голодъ. Пропадутъ и наши кони (i my odpadniemy od koni), если пробудемъ здѣсь дольше... Противъ договора" (съ осажденными въ Кодакѣ), „Хмѣль перевезъ тамошнюю артиллерію въ Чигиринъ... Козаки готовы съ Татарами. Сухари берутъ на коней. Недѣли въ двѣ будутъ въ Краковѣ.— Душно намъ безъ сѣна, овса, ячменя и соломы. Козаки сами гонятъ лошадей въ поле, въ снѣга, (иной) коней по пятнадцати турецкихъ. А въ Кіевѣ нарядовъ и другой одежды видимо-невидимо (bez liczby) *.— Вмѣстѣ съ нами пустилось было много кіевской шляхты; но хлопы ниодного не приняли въ ихъ собственные дома, или лучше—на пепелища. Самому пану воеводѣ не дали ни хлѣба, ни соломы.—Начиная отъ Кобрина, костелы такъ разорены, что и въ Новоселкахъ не видали мы ниодного ксендза (а было, видно, ихъ довольно у православника Киселя). Шляхетскіе дворы всѣ обращены въ пепелъ.

Нельзя было коммиссарамъ проѣхать въ Переяславъ па Кіевъ: они поѣхали на Хвастовъ... Хвастовъ! какія съ этимъ именемъ были соединены у нихъ воспоминанія о добродѣтельномъ бискупѣ (а все таки *бискупѣ*) кіевскомъ, Юзефѣ Верещинскомъ, основателѣ первой въ Украинѣ типографіи, авторѣ гуманно-политическихъ брошюръ, наивныхъ до поэтичности, другѣ и защитникѣ вѣрныхъ еще королю и Республикѣ козаковъ! Бискупъ Верещинскій, окатоличенный съ колыбели Русинъ, наименовалъ было уже колонизованный имъ Хвастовъ Новымъ Верещипомъ, въ память о родномъ Верещинѣ въ Холмской Землѣ. Онъ, вмѣстѣ съ другими энтузіастами патріотами, ревностно созидалъ „Новую Польшу", иначе „Нижнюю Польшу", въ Малороссіи, и не сомнѣвался въ успѣхѣ благаго по его воззрѣнію дѣла... Теперь, по словамъ дневника, козаки съ мужиками (cum plebe) насѣкли и натопили въ этомъ Хвастовѣ не мало шляхты обоего пола (utriusque

*) Одною изъ причинъ, почему коммиссаровъ не пустили въ Кіевъ, надобно полагать нежеланіе покупать за небольшія деньги то, что было награблено у пановъ, и при этомъ разузнавать кой-что отъ московскихъ торговыхъ людей.

sexus); а нѣкоторые изъ престарѣлыхъ утопленниковъ могли еще помнить доналивайское время и знать въ лицо добродѣтельнаго колонизатора *Хвастовской пустыни!*

Черезъ Днѣпръ переправились коммиссары въ Трипольѣ; оттуда ѣхали на Воронковъ; отъ Воронкова сдѣлали еще 6 миль, и достигли Переяслава 19 (9) февраля (слѣдовательно, мѣсяца за полтора до выѣзда Унковскаго изъ Малороссіи.

Стоялъ сильный морозъ. Гетманъ Хмельницкій выѣхалъ навстрѣчу королевскимъ коммиссарамъ за версту въ поле, въ нѣсколько десятковъ лошадей, съ полковниками, асаулами и сотниками, съ военною музыкою, подъ бунчукомъ и краснымъ знаменемъ. Послѣ привѣтствія и „козацкой рѣчи", сѣлъ онъ въ сани съ лѣвой стороны Киселя. Когда въѣзжали въ городъ, велѣлъ ударить изъ 20 пушекъ, можетъ быть, взятыхъ подъ Корсуномъ или подъ Пилявцами, и пригласилъ пословъ къ себѣ (do swego dworu) на обѣдъ.

Въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ панской республики, на долю королевскихъ коммиссаровъ выпала самая горестная роль—являть спокойный и величавый видъ, когда въ сердцѣ у нихъ скребли мыши. Пріамово посѣщеніе Ахилловой ставки не было столь мучительнымъ. Пріамъ цѣловалъ руки убійцы своего сына, но этотъ убійца былъ ему равенъ, и совершилъ свое кровавое дѣло геройски. Здѣсь пришлось выпрашивать милости у собственныхъ слугъ и рабовъ, которые восторжествовали надъ исконными панами своими предательствомъ христіянъ въ руки непріятелей Св. Креста. Разоренные козако-татарскимъ нашествіемъ паны тянулись изъ послѣднихъ средствъ, чтобъ одѣть свою ассистенцію и свой шляхетскій конвой сообразно достоинству Рѣчи Посполитой, для внушенія Козацкому Народу грозной по ихъ мнѣнію мысли, что прогнанные изъ Украины землевладѣльцы имѣютъ еще довольно средствъ для поддержанія владычныхъ правъ своихъ. Съ великимъ опасніемъ за себя самихъ и за своихъ женщинъ-героинь, добрались они до кратера, всё еще колебавшаго страну бунтомъ, всё еще озарявшаго ее пожарами и заливавшаго кровью. Но то, что они видѣли и претерпѣли въ дорогѣ, оказалось менѣе страшнымъ по сравненію съ тѣмъ, что предстояло имъ видѣть и испытать въ самомъ вертепѣ козацкаго Плутона. Дѣйствительность превзошла самое дикое, что ни закрадывалось въ ихъ воображеніе.

Хмельницкій былъ теперь уже не тотъ, какимъ Кисѣль зналъ его въ то время, когда, вмѣстѣ съ Петромъ Могилою, морочилъ козаковъ поддѣльнымъ королевскимъ письмомъ да укрощалъ евангельскими изреченіями. Ничего шляхетскаго не оставилъ въ своихъ пріе-

махъ и обстановкѣ козацкій Батько. До послѣдняго слова и движенія, превратился онъ въ запорожца, ненавистника всего панскаго и ляцкаго. Къ такому превращенію побудила его не одна мстительная политика, но и горькая необходимость.

Еще въ своемъ „вѣстовомъ письмѣ по литорѣ“ Кунаковъ доносилъ царю, что Татары, послѣ Корсунскаго погрома Ляховъ, остались у Хмельницкаго и „межъ себя укрѣпились, гетманъ—присягою, а Татаровья—шертью, что имъ другъ отъ друга не отступиться, и нынѣ де вся надежда у Богдана Хмельницкаго на тѣхъ Татаръ, которые остались у него, а *Черкасомъ не довѣриваетъ*“.

Въ настоящее время Козацкій Батько опасался козацкой „зрадливости“ больше, нежели когда-либо, потому что „фортуна“ послужила ему слишкомъ усердно. Только прикидываясь простакомъ и крайнимъ ненавистникомъ Ляховъ, только показывая видъ, что у него съ козаками „ду̀ма и во́ля едина“, удерживалъ онъ ихъ въ повиновеніи, да и то съ помощью жолдовыхъ Татаръ. Вспомнимъ показанія плѣнныхъ козаковъ о замѣшательствѣ въ козацкомъ таборѣ подъ Пилявцами. Хотя въ инквизиціонныхъ конфессатахъ надобно видѣть всего больше то, что́ желали вымучить инквизиторы, но вѣсть о козацкомъ замѣшательствѣ все-таки имѣла свое основаніе. Приходъ орды, по словамъ Мужиловскаго, „нечаемый“, сдѣлалъ тогда Хмельницкаго, какъ и въ Дикомъ Полѣ, изъ малаго человѣка великимъ, изъ „послѣдняго въ человѣцѣхъ“, какъ онъ выражался о себѣ, первымъ, и съ него все пошло у козаковъ на стать. Поэтому онъ и теперь, окруженный козакотатарской ордою, велъ себя, какъ ордынецъ, или кочевой запорожецъ, такъ что, по замѣчанію одного изъ коммиссаровъ, московскій посолъ, человѣкъ почтенный и обходительный, часто бывалъ принужденъ опускать въ землю глаза во время бесѣды гетмана съ полковниками, а посолъ Ракочія, уѣзжая изъ Переяслава, не могъ удержаться, чтобъ не сказать полатыни: „Каюсь, что прибылъ къ этимъ свирѣпымъ и безумнымъ звѣрямъ (Poenitet me ad istas bestias crudeles et irrationabiles venisse)“.

За обѣдомъ у гетмана шла такая грубая попойка, что могла напомнить знатоку козатчины извѣстные запорожскіе стихи:

Въ насъ у Сі̀чі то и но̀ровъ, хто *Очина̀шъ* зна̀е:
Якъ умы̀всь, уста̀вши въ ра̀нці, дакъ ча̀рки шука̀е.
Чи ча̀рка то, чи ківшъ бу̀де, не гледя̀ть перели̇ны:
Гла̀дко пъють, якъ зъ лу̀ка бъють, до почно̀і тіни.

Разгорячённые горілкою, гетманъ и полковники не могли воздержаться отъ сарказмовъ на счетъ князя Вишневецкаго, Александра Конецпольскаго, Чаплинскаго и всѣхъ Ляховъ. Но это было только предувѣдомленіемъ къ будущимъ бесѣдамъ съ ненавистными гостями.

На другой день, 20 (10) февраля, коммиссары совѣщались о томъ, когда вручить гетману булаву и знамя. Въ совѣщаніи участвовали, какъ неизбѣжное, хоть и не сознаваемое папами, зло, ихъ руководители, ксендзы. Совсѣмъ не слѣдовало бы имъ брать съ собой ксендзовъ сюда, въ ту среду, которая опустошила всѣ костелы, отъ Кобрина до Переяслава. Эти представители католической польщизны напоминали козакамъ (а въ козакахъ были и попы *) творца Брестской уніи, Скаргу, и отступниковъ народной церкви Терлецкаго, Потѣя, Рогозу, Рутскаго, Кунцевича.

Члены коммиссарской рады разсуждали о Хмельницкомъ, какъ дѣти, или, что́ все равно, іезуитскіе питомцы, остающіеся до конца въ дѣтскомъ возрастѣ, и рѣшили: отдать ему знаки гетманскаго достоинства прежде всего (ante omnia), „чтобы смягчить его людскостью и королевскою милостью“.

Этотъ многозначительный актъ Хмельницкій указалъ совершить на майданѣ передъ своимъ дворомъ, вблизи котораго квартировали (какъ написано въ дневникѣ Мясковскаго) послы московскій и венгерскій. Несли передъ коммиссарами булаву кіевскій ловчій панъ Кршстовскій (это значитъ Русинъ Кротовскій, происходившій отъ Крота), а знамя—кіевскій скарбникъ панъ Кульчинскій (опять какое-нибудь полонизованное имя). Ихъ торжественное шествіе возвѣщали гетманскіе трубы и бубны.

Хмельницкій ждалъ королевскихъ коммиссаровъ, стоя въ кругу своихъ полковниковъ и другой старшины, въ альтембасовомъ (золотопарчевомъ) красномъ собольемъ кобенякѣ, подъ бунчукомъ.

Кисѣль хотѣлъ произнести рѣчь, которую сеймовые папы, безъ сомнѣнія, назвали бы oratio disertissima; но едва началъ восхвалять короля, великаго монарха, какъ стоявшій возлѣ гетмана Джеджелій, или Джеджала, закричалъ: „Коро́ль — я̀ко коро́ль, алѐ вы, королята, князі, броите много, и набро́нили. И ты, Кисѐлю, кість одъ костѣй на̀шихъ, одщепи́вся есѝ и накладаешъ съ Ляха̀ми“...

---

*) Напримѣръ, въ статейномъ спискѣ Унковскаго говорится: „А Запорожское Войско стоитъ подъ Баромъ, въ Константиновѣ и въ Гощѣ, подъ начальствомъ Нечая, полковника брацлавскаго, *Штепы жона* да винницкаго Гавтеренка“.

Свое малорусское происхожденіе Мясковскій засвидѣтельствовалъ тѣмъ, что въ дневникѣ коммиссіи писалъ козацкія рѣчи по-малорусски не какъ инoплеменникъ.

Гетманъ (продолжаетъ онъ) сталъ говорить Джеджалѣ: „Угамуйсь, не роби колоту“ или что-нибудь въ этомъ родѣ (wziął go hamować hetman); но онъ, пьяный уже, хотя было еще рано (pijany gorzałka, choć rano było) хотѣлъ еще ораторствовать, потрясая булавою; однакожъ, видя, что никто его не поддерживаетъ, удалился изъ круга. Вѣроятно, нашлись у гетмана такіе, которые увели его домой, уговаривая, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ: „Коли двое кажуть пъяный, дакъ лягай спати“.

Послѣ такой интермедіи, глава королевской коммиссіи, съ надлежащей торжественностью, отдалъ Хмельницкому „королевскіе листы“ и „коммиссарскій кредесъ (вѣрящую грамоту), которые были тотчасъ прочтены, потомъ отдалъ украшенную бирюзой булаву (buławę turkusową), а племянникъ его — красное знамя съ бѣлымъ орломъ и съ надписью Iohanes Casimirus Rex Poloniae.

То и другое принялъ Хмельницкій безъ особеннаго удовольствія (z jaką taką chęcią). Намъ вспоминаются при этомъ слова самовидца въ подобномъ случаѣ: „подарокъ опого въ смѣхъ принялъ, яко тотъ человѣкъ, который и своего много имѣетъ“. Булава Николя Потоцкаго и булава Доминика Заславскаго затмевали въ глазахъ Козацкаго Батька туркусовую булаву нищаго короля и цѣнностью, и значеніемъ своимъ. Онъ поблагодарилъ „козацки“, какъ выразился дневникъ Масковскаго, и пригласилъ коммиссаровъ къ себѣ (do swojéj gospody).

Передъ обѣдомъ Кисѣль произнесъ къ нему рѣчь въ изысканныхъ выраженіяхъ (gładkiemi i wybornemi słowy): говорилъ о великихъ сегодняшнихъ подаркахъ, указалъ ему на амнистію прошлыхъ дѣлъ и преступленій его, потомъ на свободу стародавней греческой религіи, на увеличеніе реестроваго войска, на возстановленіе старинныхъ правъ и свободъ запорожскихъ, и наконецъ — что казалось ему всего важнѣе—что региментъ ввѣренъ ему, а не кому-либо другому.

Въ *иномъ* положеніи дѣлъ все это было бы и величаво, и внушительно. Но Кисѣль изображалъ въ своемъ лицѣ побѣжденнаго короля съ его Шляхетскимъ Народомъ, готовымъ, по мнѣнію побѣдителя, превратиться въ Жидовъ. Поэтому Козацкому Батьку должно было показаться и смѣшнымъ, и обиднымъ заключеніе краснорѣчивой ораціи, именно слѣдующее: подобаетъ и ему, Хмельницкому, явить себя благодарнымъ за столь великую королевскую милость; онъ долженъ, какъ вѣрный подданный и слуга его королевской милости, положить

конецъ этому замѣшательству и кровопролитію, предотвратить разливъ крови, не принимать подъ протекцію простаго хлопства, велѣть, чтобъ оно повиновалось панамъ своимъ, и приступить къ трактатамъ съ господами коммиссарами.

„За такую великую милость“ (говорилъ Хмельницкій, иронизируя Киселя), „которую явилъ мнѣ король его милость черезъ вашу милость, что и *власть надъ войскомъ прислалъ* (władzę nad wojskiem przysłał), и прошлыя мои преступленія *прощаетъ*, униженно благодарю. Что же касается коммиссіи, то ее трудно теперь отправить. Войска нѣтъ вмѣстѣ, полковники и старшина далеко; безъ нихъ не могу и не смѣю ничего дѣлать: это подвергло бы мою жизнь опасности (idzie o zdrowie moje). Притомъ же я не вижу правосудія надъ Чаплинскимъ и Вишневецкимъ. Необходимо нужно, чтобы мнѣ одного выдали, а другаго покарали: ибо *они* причиною кровопролитія и всего замѣшательства. Виноватъ, пожалуй, и панъ Краковскій, что наступалъ на меня, что преслѣдовалъ меня, когда я, спасая жизнь мою, бѣжалъ въ днѣпровскіе вертепы (kiedym w lochy Dnieprowe zdrowie uniosił); но этотъ получилъ уже свою мзду, нашелъ то, чего искалъ. Виноватъ и панъ Хорунжій: отнялъ у меня батьковщину, Украину роздалъ *ляховчикамъ*, а тѣ молодцовъ, заслуженныхъ въ Республикѣ, обращали въ мужиковъ и грабили, вырывали бороды, запрягали въ плуги. Но этотъ не столько виноватъ, какъ тѣ два другіе: Не будетъ ничего изо всего, если одного изъ нихъ не покарають, а другаго не пришлютъ мнѣ. Иначе—или мнѣ съ Запорожскимъ Войскомъ пропасть, или погибнуть Ляцкой Землѣ, всѣмъ сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхтѣ. Развѣ мало Ляхи тому причиною, что кровь христіанская льется? Литовскія войска высѣкли Мозыръ и Туровъ. Япушъ Радивилъ одного молодца посадилъ на колъ. Я послалъ туда нѣсколько полковъ, а къ Радивилу написалъ, что если онъ это сдѣлалъ одному христіанину, то я зато сдѣлаю то же самое четыремъ стамъ (подразумѣвается *нехристямъ*) Ляхамъ, которыхъ имѣю, и воздамъ за свое“.

„Вотъ какой антипастъ *) далъ намъ онъ передъ скернымъ своимъ обѣдомъ, ударивши насъ въ сердца наши жестокимъ ядомъ и бѣшенствомъ“! (пишетъ Мясковскій). Отзывались и другіе, точно какіе гады изъ болота, а старый черкасскій полковникъ, Ѳедоръ Вешнякъ, схватилъ булаву на ксендза Лентовскаго, кармелита, который пріѣхалъ

*) Иначе przystaczek-возбудительная закуска.

къ нимъ вмѣсто покойнаго ксендза Мокрскаго съ королевскимъ листомъ,—за то, что сказалъ только: „„Вѣсти изъ Литвы о Мозырѣ и Туровѣ могутъ еще перемѣниться““. А онъ за булаву: „„Мовчи́, попе! не твое дiло брехню̀ менi задавàти““! И непремѣнно ударилъ бы его, когда бы сидѣлъ ближе. Но, какъ этого нельзя было сдѣлать, то сказалъ: „„И ва̀ши ксёндзы, и на̀ши попы́—усi“ (тутъ онъ ввернулъ крѣпкое словцо) „сякіе-такіе сыны. Ходи́ лишѐнь, по́пе, на двiръ: навчу я тебѐ полковникiвъ шанува̀ти““. И съ этимъ ядомъ вышелъ изъ свѣтлицы“.

„Что́ у трезваго на умѣ, то́ у пьянаго на языкѣ,“ говоритъ пословица. Но Кисѣль, въ трезвомъ видѣ, писалъ однажды Радзѣёвскому то же самое: „Скажемъ другъ другу правду: духовные ссорятъ насъ съ обѣихъ сторонъ“. Этими словами онъ высказалъ то, что́ старались и стараются съ обѣихъ сторонъ игнорировать, въ ущербъ разумѣнію блага.

Коммиссары провели у Хмельницкаго нѣсколько часовъ, всячески стараясь его смягчить хорошими словами. Но ихъ краснорѣчіе ни мало не подѣйствовало. „Съ сердечнымъ жалемъ и слезами“ (пишетъ Мясковскій) „разъѣхались мы по квартирамъ, которые были умышленно разбросаны по городу такъ, чтобы мы затруднялись въ своихъ сношеніяхъ“.

На другой день, въ воскресенье, ходилъ Мясковскій съ Зеленскимъ въ соборную церковь, и тамъ обмѣнялся учтивостями съ московскимъ посломъ, котораго въ своемъ дневникѣ называетъ „особою людскою и обычайною“. Вступить съ нимъ въ какую-либо бесѣду не было возможности, а Хмельницкій отнялъ у нихъ эту возможность и въ другихъ случаяхъ. Но что это былъ за *московскій посолъ*, ни откуда не извѣстно. Въ февралѣ посолъ самого Хмельницкаго, Мужиловскій, находился еще въ Москвѣ, а царскій дворянинъ Унковскій прибылъ съ нимъ въ Чигиринъ только въ апрѣлѣ. Хмельницкій приковалъ къ пушкѣ подставнаго Кривоноса и его показали конфиденту Киселя. Весьма возможно, что онъ сочинилъ и московскаго посла для королевскихъ коммиссаровъ.

Церковь была полна разодѣтаго въ панское добро народа. Разительную съ нею противоположность представляли нѣмые памятники господства здѣсь иныхъ властей, иныхъ щеголей и щеголихъ. Замокъ, сдерживавшій жмайловцевъ, тарасовцевъ, сулиминцевъ и павлюковцевъ, теперь „былъ разоренъ и пустъ“. Козацкій Народъ строилъ только подвижные замки изъ *кованныхъ* и *босыхъ* возовъ. Мѣсто валовъ, дубовыхъ тыновъ и мурованныхъ стѣнъ заступали у него фортели, въ родѣ затоновъ и зарослей Медвѣжьихъ Лозъ. Панская фортификація

была не пригодна ни на что республикѣ номадовъ. Даже старшій братъ козака, Татаринъ, предоставлялъ цивилизованному Арабами Турку держать Крымъ и Буджаки подъ господствомъ крѣпостей, ограничивъ свое владычество конемъ и мечемъ. Такъ не дорослъ и козакъ до сохраненія въ цѣлости того, что создала въ Украинѣ европейская цивилизація, а надъ иновѣрными храмами ругался онъ еще больше изъ ненависти ко всему культурному, нежели въ отместку за ругательства надъ православными церквами и кладбищами со стороны фанатиковъ панскаго владычества, Кунцевичей. „Были мы въ коллегіумѣ и въ костелѣ іезуитскомъ“ (пишетъ Мясковскій). „Онъ такъ разоренъ, что не осталось ни одного алтаря и образа. Даже гробницы были открыты, и три шляхетскіе гроба опрокинуты. Гробъ покойнаго Лукаша Жовковскаго, брацлавскаго воеводы и переяславскаго старосты, достойнаго вѣчной памяти кавалера, разбитъ, военные трофеи (insignia) взяты, снятъ и брильянтовый перстень съ пальца“.

Это былъ родной братъ великаго Жовковскаго. Онъ жилъ съ козаками въ добромъ согласіи, постоянно давалъ имъ банкеты, мирилъ ихъ съ королевскимъ правительствомъ. По его внушенію, реестровики овладѣли конемъ разорителя Кодацкой крѣпости, Сулимы, а самого Сулиму, съ соучастниками бунта, предали въ руки правосудія. У козаковъ и поповъ слылъ онъ *панамъ добрымъ*. Но и добрые, и злые представители римской проповѣди и римской политики должны были исчезнуть съ лица нашей родной земли передъ могучимъ дыханіемъ русскаго духа, который одинаково былъ непреодолимъ для иноземщины и въ христіанскомъ самопожертвованіи Совѣтователей о Благочестіи, и въ истребительныхъ подвигахъ козаковъ руинниковъ. Тѣмъ больше сдѣлался онъ сокрушителемъ для западныхъ посягателей на русскую самодѣятельность въ государственномъ строительствѣ нашихъ Москворусовъ.

Хмельницкій былъ приглашенъ Киселемъ на воскресный обѣдъ, но пріѣхалъ только вечеромъ, пьяный, съ нѣсколькими полковниками. Расточаемыя страшному гостю любезности, съ устраненіемъ всякихъ непріятныхъ ему напоминаній, были напрасны. Хмельницкому хотѣлось быть ни въ чемъ невиноватымъ, какъ это свойственно всѣмъ злодѣямъ: онъ только и говорилъ, что о сдѣланной ему Ляхами кривдѣ. За это онъ отнималъ у нихъ не только Украину, но и всю польско-литовскую Русь. Наконецъ пьяный проповѣдникъ справедливости ввалился въ особую комнату пани Киселевой и сталъ ее увѣщевать, ее и всѣхъ пановъ единовѣрцевъ, чтобъ они отреклись отъ Ляховъ и остались въ Украинѣ съ козаками, какъ сдѣлалъ Выговскій. Безъ вся-

каго сомнѣнія, присутствіе ксендзовъ среди разобщенныхъ и поссоренныхъ ими русскихъ людей раздражало не одного стараго Вешняка, но и самого Хмельницкаго, насколько онъ дышалъ однимъ духомъ съ козаками. „Ляцкая Земля“ (проповѣдывалъ онъ) „погибнетъ, а Русь будетъ пановать въ этомъ году, весьма скоро“... Тутъ онъ замѣтилъ въ обществѣ пани Киселевой одного изъ своихъ плѣнниковъ, пана Позовскаго (конечно, Пузовскаго), и погрозилъ ему висѣлицей. Хмѣль едва не повѣсилъ потомка малорусскаго Пуза *) передъ прибытіемъ коммиссаровъ, и теперь закричалъ: какъ онъ смѣлъ показаться ему на глаза!

Не находя больше о чемъ говорить съ дамами, любезный по-козацки гость вернулся къ трепетавшимъ отъ его рычанья мужчинамъ, заливалъ виномъ пылавшій въ немъ огонь злости, и только въ три часа уѣхалъ, пьяный.

„Долго спалъ онъ“ (продолжаетъ свой горестный разсказъ Мясковскій): „ибо допивалъ съ чаровницами, которыя часто занимаютъ его досуги (często go bawią) и обѣщаютъ ему счастье на войнѣ еще и въ этомъ году“.

Таковы были слухи, доходившіе разными путями до коммиссаровъ. Ихъ тревожило и безотрадное положеніе Республики, и собственное положеніе въ берлогѣ разъяреннаго звѣря. Когда послали на другой день къ нему человѣка, наименѣе непріятнаго ему, Киселева племянника, съ просьбой назначить часъ и мѣсто для бесѣды и трактатовъ, молодой Кисѣль засталъ Козацкаго Батька уже за горілкою съ товариществомъ (już go przy gorzałce zastali z towarzystwem). По словамъ дневника, отвѣтъ его былъ скоръ и ядовитъ. Онъ отправлялъ венгерскаго посла, и сказалъ при немъ слѣдующую орацію, которую дневникъ сохранилъ въ малорусской версіи:

„За̀втра бу̀де спра̀ва и роспра̀ва: бо тепѐръ я пъяны̀й. Съ тиѐі коми̇сіи нічо̀го не бу̀де. Тепѐръ война, война̀ му̀сить бу̀ти въ тихъ трёхъ або̀ чотырёхъ педі̀ляхъ. Навчу́ всіхъ васъ, Ляхі̀въ: переверну̀ догоры́ нога̀ми и потончу̀ підъ но̀ги, а на оста̀нокъ одда̀мъ васъ турѐцькому царѐві въ нево̀лю. Коро̀ль королѐмъ бу̀де, абы̀ кара̀въ шля̀хту и стина̀въ ду́ки та князі̀. Неха̀й во̀льный бу̀де собі̀. Згріши̇ть князь—урі̀жъ ёму́ ши̇ю; згріши̇ть козакъ—те жъ и ёму̀ вчини́. Се пра̀вда, що я малы̀й, мизѐрный чолові̀къ, та мені̀ се Богъ давъ, що я единовла̀дець и самодѐржець ру̀ський. Неха̀й бу̀де коро̀ль королѐмъ, якъ воно̀

*) Попольски было бы Brzuch.

ёму́ здаѐцця. Скажи̇ се па̀ну воево̀ді и комиса̀рамъ. Ляка̀сте менѐ Швѐдами,—и ті мои̇ будуть. Хочъ бы ихъ було̀ пять сотъ и шість сотъ ты̀сячъ, не перемо̀жуть ру̀ськои, запоро́зькои и тата̀рськои си̇лы. Иди̇ жъ съ тимъ, що за̀втра бу́де спра̀ва и роспра̀ва".

23 (13) февраля поѣхали коммиссары къ Хмелю на третье засѣданіе. Кисѣль даже плакалъ передъ нимъ, представляя, что онъ не только Ляцкую и Литовскую, но и Русскую Землю, и вѣру, и святыя церкви хочетъ отдать язычникамъ. Хмельницкій, выслушавъ его до конца, отвѣчалъ то же, что́ вчера, съ такою прибавкой:

„Шкода̀ говори̇ти мно̀го. Якъ шука̀ли менѐ Пото̀цькі за Дніпро́мъ, тогді бувъ часъ трактува̀ти зо мно̀ю. По жовтово̀дзькій и Корсунській и̇грасці—бувъ часъ. Пі̀дъ Пиля̀вцями и Костянти̇новымъ—бувъ. На останокъ, пі̀дъ Замо̀стімъ и якъ ийшо̀въ я ві̀дъ Замостя шість ти̇жнівъ—бувъ. Тепѐръ ужѐ часу̀ нема̀. Доказа̀въ я, чого̀ й не ду̀мавъ зъ ра̀зу; докажу̀ й да̀лій, що́ заду̀мавъ: вы̀бъю изъ ля̀цькои нево̀лі ввесь Ру̀ський наро̀дъ; а що пѐрше воюва̀въ за мою̀ шко̀ду й кри̇вду, до тепѐръ воюва̀ти му за на̀шу правосла̀вну ві̀ру. Помо̀же мені въ тому̀ вся ру̀ська чернь по Люблѝнъ и Кра̀ківъ. Не відступлю̀ іі: бо то на̀ша рука̀ прави̇ця. Ащобъ вы не знесли̇ іі та не вда̀рили на козаківъ, бу̀де въ мѐне двісті, три̇ста ты̀сячъ свои̇хъ, та й уся̀ Орда при тому̀. Тока̀й-бей поблизу̀ мѐне, на Савра̀ні, мій братъ, моя̀ душа̀, еди̇ный со̀кілъ на світі. Гото̀въ учини̇ти за̀разъ що̀ схо̀чу. Ві̀чна зъ нимъ на̀ша коза̀цька при̇язнь; увѐсь світъ іі не розірвѐ. За гряни̇цю не пійду̀, ша̀блі на Турки й Тата̀ры не підійму̀. Дово̀лі ма̀ю на Вкраі̀ні й Подо̀лі, а тепѐръ и на Волы̀ні. До̀сыть выго̀ды, до̀сыть доста̀тку и пожи̇тку въ земли̇ и князтві моі̀мъ по Львівъ, Холмъ и Га̀личъ. А ста̀вши надъ Ви̇слою, скажу̀ да̀льшимъ Ляха̀мъ: „„Седі̀те й мовчі̀те, Ляхи̇""! И ду̀ківъ и князі̀въ туды̀ зажену̀. А коли̇ бу̀дуть и за Ви̇слою брыка̀ти, знайду̀ ихъ тамъ пѐвно. Не всто̀ить у мѐне нога̀ ні одного̀ кня̀зя и шляхѐтки въ Украи̇ні. А коли захо̀че хлі̀ба кото̀рый зъ наймѐншихъ, неха̀й бу̀де послу̀шный Запоро̀зькому Ві̀йську, а на короля̀ не брыка̀е".

Полковники вторили завзя̀той импровизаціи своего гетмана. Одинъ изъ нихъ, Яшевскій, сказалъ выразительно:

„Мину̀ли вже ті ча̀сы, що насъ Ляхи̇ сідла̀ли. Надъ на̀шими людьми̇, христия̀нами, бра̀ли вони̇ го̀ру драгу̀нами. Теперъ не бокмо̀сь ихъ. Дозна̀лись мы пі̀дъ Пиля̀вцями: не оны̀и се Ляхо̀ве, що передъ тымъ бува̀ли, Ту̀рки, Москву̀, Тата̀ры й Німці бива̀ли: не Замо́йські, Жовко̀вські, Ходко̀вичи, Хмелѐцькі, Конецьпо̀льскі, и Тхоржѐвські, Заіончко̀вські,—дітво̀ра въ залі̀зо повбі̀рана. Помѐрли ві̀дъ

страху, скоро насъ побачили, та й повтекали, хочъ Татаръ не було зъ разу въ середу більшъ 3.000. Колибъ ихъ підождали до пятниці, до бъ ні единый Ляхъ живцемъ не втікъ до Львова".

„На сю войну" (продолжалъ Хмельницкій) „благословивъ менѣ патріарха въ Кіевѣ; давъ менѣ зъ моею жінкою шлюбъ, съ переступивъ моихъ менѣ розгрішивъ и причастивъ, хочъ я й не сповідався, и звенівъ менѣ кончати Ляхівъ. Якъ же менѣ его не слухати, такого великого старшого, головы нашої и гостя любого? Оцѣ же я вже обославъ полки, щобъ кормили коні и були готові въ дорогу безъ возівъ, безъ арматы. Знайду я те все въ Ляхівъ. А который бы козакъ узявъ на войну воза, велю ёму шию врізати. Не візьму й самъ ні одного съ собою, хиба юки та саквы".

„Долго объ этомъ говорило" (пишетъ Мясковскій) „бѣшеное чудовище со всею фуріей,—до того, что вскакивалъ съ лавы, рвалъ на себѣ чуприну, билъ ногами въ землю. Мы, слушая, оцѣпенѣли. Наши раціи и персвазіи, чтобъ онъ вспомнилъ о Богѣ, о королѣ и, наконецъ, о томъ, какой будетъ конецъ такихъ дѣлъ и поступковъ, чтобы далъ мѣсто разуму, умѣрилъ свою завзятость,—ничто не помогло".

На пунктъ о числѣ реестровыхъ козаковъ, чтобъ ихъ было 12, а то и 15 тысячъ, Хмельницкій отвѣчалъ: „На що писати стілько й стілько? Не стане силы, буде й 100 тысячъ, буде стілько, скілько я схочу".

Послѣ такихъ пріятельскихъ бесѣдъ, такой вкусной сессіи и скернаго обѣда (пишетъ Мясковскій), разошлись мы по квартирамъ, отчаявшись въ трактатахъ, въ примиреніи, въ своей безопасности и въ выдачѣ плѣнныхъ. Стали мы стараться, какъ бы вывезти несчастныхъ и выбраться самимъ. По ночамъ собирались мы на свѣтъ и разсуждали, отпуститъ ли насъ Хмельницкій, или же отошлетъ на Кодакъ, ограбивши (spoliatos)".

Въ тотъ же день отправилъ Хмельницкій, передъ глазами комиссаровъ, венгерскаго посла, наградивъ его и пословъ Ракочію трои нарядныхъ коней и нѣсколько паръ самопаловъ. Но посолъ, по словамъ Мясковскаго, уѣхалъ недовольный, и высказалъ полатыни приведенное выше мнѣніе свое о козакахъ.

На другой день, 24 (14) февраля, комиссары просили Хмельницкаго объ „отправѣ" и о плѣнникахъ. Одни изъ этихъ плѣнниковъ были взяты на Кодакѣ, при осадѣ крѣпости Конецпольскаго, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ (какое далъ въ Боровицѣ и Кисѣль) возвратить имъ свободу, другіе въ Барѣ, на такихъ же условіяхъ капитуляціи. Въ числѣ послѣднихъ былъ сынъ коронаго гетмана, Андрей. Сперва

Хмельницкій обѣщалъ освободить ихъ, но потомъ перемѣнилъ рѣшеніе, и когда коммиссары говорили ему, что это королевскіе слуги, рукодайные дворяне короля, онъ отвѣчалъ: „Се річъ завоёвана: нехàй корòль не здивýе". Кисѣль представлялъ ему долгъ королевскаго подданнаго и слуги, долгъ воина, получившаго отъ своего государя булаву и знамя, представлялъ забывая Боровицу, что эти плѣнники взяты не саблею, не на боевомъ полѣ, а условіями и трактатами. „Шкодà про те говорѝти" (отвѣчалъ Хмельницкій). „Се менì Богъ давъ. Пущý тогдì, якъ не бýде нія̀кои зàчепки на войнý зъ Литвы̀ и вìдъ Ляхìвъ. Нехàй пìдождè тутъ Потòцький брàта свогò, каменèцького стàросту, що менì Баръ, моè влàсне мìсто, заìхавъ, а въ моìмъ Подóлю кровъ христия̀нська ллèцце. Звенìвъ я полкѝ тудьì рýшити и живòго менì привезтѝ".

Въ отвѣтъ на это, коммиссары припомнили Хмельницкому, что въ Кіевѣ теперь христіянская кровь безъ вины льется ручьями и течетъ въ Днѣпръ. Однихъ Ляховъ топятъ, другихъ тирански рубятъ; избиваютъ шляхту обоихъ половъ, дѣтей, духовныхъ, ограбивъ и опустошивъ послѣдніе костелы. „Ищутъ Ляховъ подъ землею" (говорилъ Кисѣль), „и все это—за прѝводомъ брацлавскаго полковника Нечая, который говоритъ, что ему данъ такой наказъ отъ вашей милости".

„Не велìвъ я невѝнныха людèй побивати" (оправдывался Хмельницкій) „тìлько тихъ, що не хòче до насъ пристàти, абò на нàшу вìру христѝтись. Моя вòля тамъ порядкувàти: я воівòда киевський. Се давъ менì Богъ черезъ мою шàблю, а пройншетакè шкодà говорѝти".

Кто бы ни былъ такъ-называемый въ Переяславлѣ московскій посолъ, только всѣ эти сцены происходили, можно сказать, передъ его глазами. Уничиживъ передъ этимъ таинственнымъ лицомъ и короля и коммиссаровъ, Хмельницкій отпустилъ его изъ Переяслава такъ, что паны не видѣли его „отправы" и не могли сказать о ней въ оффиціальномъ дневникѣ посольства ничего кромѣ четырехъ словъ: „отправлялъ безъ насъ московскаго посла (odprawował bez nas Posła Moskiewskiego), прибавивъ къ этому, что онъ „уѣхалъ передъ самымъ вечеромъ (odjechał przed samym wieczorem)". Панамъ не удалось никоимъ образомъ развѣдать ни объ имени посла, ни о его бесѣдахъ съ гетманомъ, хотя и писали они въ оффиціальномъ дневникѣ своемъ, что онъ просилъ „чрезъ пословъ" о свиданіи съ Киселемъ (lubo i Poseł życzył sobie tego i prosił do przez Posły). *) Но у козаковъ

*) Этими *послами*, т.-е. посланцами, могли быть козаки, удившіе въ панскихъ карманахъ талеры.

застали они, по своемъ пріѣздѣ, такую молву,—что московскій царь спрашивалъ у Хмельницкаго: дѣйствительно ли онъ поднялъ войну изъ-за одной вѣры? Конфиденты Хмельницкаго не чуждались подарковъ, какъ и панскіе: „Любятъ голубчики взять (lubią niebożęta wziąść)“ писалъ Кисѣль о козакахъ, подкупая ихъ еще въ Павлюковщину. Отъ нихъ коммиссары слышали да заключали изъ словъ и самого Хмельницкаго (z howory jego i konfidentów jego słyszeliśmy), что московскій царь сожалѣлъ о междоусобной брани въ Рѣчи Посполитой, и увѣщевалъ Хмельницкаго остановиться въ своемъ задорѣ, не проливать больше христіянской крови, не истреблять подданныхъ своего государя, причемъ давалъ ему понять, что желаетъ остаться „любовнымъ“ братомъ короля, брата своего, и станетъ на болѣе справедливой сторонѣ со всею своею силой.

Сообщая такія успокоительныя вѣсти, дѣйствительные или мнимые *конфиденты* Хмельницкаго могли повторять содержаніе миротворнаго письма, посланнаго царемъ въ таборъ Хмельницкаго чрезъ Василія Михайлова. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ то обстоятельство, что Хмельницкій весьма выразительно хвалился вѣчною козацкою дружбой съ Татарами, которой не разорветъ *и весь свѣтъ*; что онъ ревѣлъ о своемъ *княжествѣ* по Львовъ, Холмъ и Галичъ; что величалъ себя *единовладникомъ и самодержцемъ* русскимъ, а Токай-бея называлъ *братомъ* своимъ, точно въ отвѣтъ на заявленіе царя о любовномъ братствѣ съ королемъ. Многозначительно для насъ и то обстоятельство, что въ завзятыхъ орацiяхъ Козацкаго Батька имя Москвы и Московскаго царя не было произнесено ни разу, тогда какъ изъ отправы венгерскаго посла сдѣлалъ онъ такую бурную манифестацію.

Поддѣланное Хмельницкимъ, какъ это очевидно, царское посольство въ Переяславѣ украинскіе патріоты представляютъ поклоненіемъ славѣ Хмельницкаго. Но и Михайловъ съ миротворнымъ письмомъ своимъ въ козацкомъ таборѣ, и Унковскій съ милостивой грамотой въ Чигиринѣ—являются передъ нами людьми, накидывающими на дикаго степнаго коня узду; а бѣшенство Хмельницкаго говоритъ намъ, какъ этотъ конь чуялъ, что отъ опытной и сильной въ обуздываньѣ руки уйти ему трудно.

Можетъ быть, внушенія такихъ людей, какъ Михайловъ и Унковскій,—а такіе люди могли бесѣдовать съ Хмельницкимъ и безъ посольства,—можетъ быть, ихъ бесѣды, проникнутыя чувствомъ политической степенности, и были причиною бѣшенства Хмельницкаго. Не того домогался онъ отъ Восточнаго Царя. Ляхъ по воспитанію,

Татаринъ по козацкому быту, онъ разумѣлъ московскаго самодержца чѣмъ-то въ родѣ царя перекопскаго. Въ первомъ письмѣ своемъ счастливый бунтовщикъ и титуловалъ его, какъ бы какого хана. Видя теперь, что московское христіянство представляетъ не то, чѣмъ оно было у козаковъ, Хмельницкій и боялся своихъ единовѣрцевъ, и злился на нихъ, а бѣдные Ляхи отвѣчали передъ нимъ за все.

25 (15) февраля, на просьбу коммиссаровъ объ отправѣ, онъ отвѣчалъ, что другой отправы не будетъ, кромѣ отвѣтнаго письма. Не хотѣлъ дать ни другаго „скрипта", ни продлить перемирія. Наконецъ, по усиленнымъ просьбамъ Киселя, велѣлъ составить перемирныя статьи и, вѣроятно, во вниманіе къ московскому царю, выдвинулъ въ этихъ статьяхъ на первый планъ интересы церковные. Онъ соглашался пріостановить войну на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Уніи въ Кіевскомъ воеводствѣ не быть нигдѣ, ниже имени ея (nec nomen ipsius).

2. Кіевскому митрополиту дать мѣсто въ сенатѣ.

3. Кіевскій воевода и кіевскій каштелянъ должны быть религіи греческой.

4. Римскіе костелы, которые обращены въ ничто и трупы изъ гробовъ повыброшены, ксендзы побиты, потоплены, должны оставаться такъ, какъ они есть теперь.

5. Исключаются іезуиты, которые причиною всего замѣшательства.

6. Князь Вишневецкій, яко authоr второй войны, никоимъ способомъ не будетъ коронным гетманомъ; иначе—я жить съ нимъ и пустить въ Украину не хочу.

7. Окончаніе коммиссіи на составленіе реестровъ отложить до весны, до Зеленыхъ Святъ русскихъ, до первой травы, надъ рѣкой Русавою, чего теперь не могло быть по отдаленности полковъ и по причинѣ голода.

8. Коммиссаровъ только два.

9. До тѣхъ поръ коронныя и литовскія войска не будутъ входить въ Кіевское воеводство по рѣки Горынь и Припеть, а отъ Подольскаго и Брацлавскаго—по Каменецъ.

10. Такъ же и войска запорожскія за эти рѣки переходить не будутъ.

11. Всѣхъ плѣнниковъ обѣщаю на той коммиссіи выдать, только чтобы такъ же былъ выданъ тогда Чаплинскій.

Королевскіе коммиссары не приняли было этихъ условій. Они подали Хмельницкому свой проектъ перемирія, въ которомъ домогались, чтобы коронныя войска могли ходить по рѣки Случъ, по Баръ,

Винницу, Заславъ. Но Хмельницкій перечеркнулъ ихъ пункты и велѣлъ имъ готовиться въ дорогу съ однимъ отвѣтнымъ письмомъ его и съ вызовомъ на войну.

„Согласились мы и на такое перемиріе“ (писалъ Мясковскій), „лишь бы вырваться изъ тиранскихъ рукъ и предостеречь короля и Рѣчь Посполитую, да чтобы этимъ непадежнымъ перемиріемъ задержать Хмельницкаго у Днѣпра и вырвать у него плѣнниковъ“. Даже и для того, чтобы задержать Хмельницкаго у Днѣпра, не предлагали и не могли предлагать ему королевскіе послы ни Чигирина съ четырьмя другими городами, ни кіевскаго воеводства; не было рѣчи и о границахъ Бѣлой Руси, „какъ владѣли благочестивые великіе князья“, чѣмъ хвалился онъ черезъ мѣсяцъ въ Чигиринѣ царскому дворянину Унковскому *).

Коммиссары посулили по 100 червонцевъ главнымъ полковникамъ за содѣйствіе въ освобожденіи плѣнниковъ. Они были тайкомъ у войсковаго обознаго, Чорноты, пробуя подкупить „жестокаго тирана“, какъ названъ Чорнота въ дневникѣ, и достойно замѣчанія, что даже въ этомъ щекотливомъ и опасномъ случаѣ не могли обойтись безъ своихъ гувернеровъ: они взяли съ собой ксендза Лентовскаго,— того самого, котораго Вешпякъ едва не ударилъ булавой за весьма осторожное замѣчаніе. Козаки даже православныхъ поповъ не допускали въ свои коши и рады: тѣмъ болѣе было противно имъ совѣщаніе съ попами католическими. Не понимали этого паны, проведя столько вѣковъ на попеченіи римскаго духовенства, и потому крайне дивились отвѣту „жестокаго тирана“. Кисѣль отдавалъ ему даже свое

*) Основываясь на этой лжи, *историческій* журналъ „Кіевская Старина“ (1887 г., августъ, стр. 735) проповѣдуетъ: „Рѣчь, достойная великаго патріота, какимъ былъ Хмельницкій! Онъ какъ будто вовсе забылъ о причинахъ, побудившихъ его поднять козацкое возстаніе; онъ вовсе не думаетъ о своихъ личныхъ интересахъ, даже благополучіе всего войска запорожскаго не составляетъ цѣли его дѣйствій.—Цѣль эта выше, шире! Онъ мечтаетъ возстановленія (sic) Руси въ тѣхъ границахъ, какъ она была *при великихъ князьяхъ*“ (курсивъ журнала), „онъ смотритъ на войско запорожское, какъ на неразрывную часть цѣлаго—Великой Руси, къ которой онъ поэтому всѣми силами души стремится. Велика козацкая душа! Страннымъ даже представляется, что у простаго козака могла явиться такая идея,—идея, о которой Москва, преслѣдуя свои узкіе интересы, не имѣла никакого представленія. Не могло не казаться обиднымъ Хмельницкому, что Москва не хочетъ понять его великой идеи, не имѣетъ мужества рискнуть поборотьсяся за свои старинныя земли, тогда какъ онъ, отказываясь отъ лично выгодныхъ условій мира, стремится осуществить эту идею“.

столовое серебро, которое цѣнилъ въ 24.000 злотыхъ. Другіе коммиссары также не жалѣли „своихъ мѣшковъ". Но козакъ отвергнулъ (sprevit) все это, и отвѣчалъ: „Не пійду до гетьмана: бо не здужаю: пили всю нічъ изъ гетьманомъ. Вінъ буде въ мене тута. Але жъ не радивъ я ёму и не раджу пускати пташокъ изъ клітки. Та й вы самі, колі бъ я не нездужавъ, не знаю, якъ бы вливнули".

Тогда коммиссары отправились къ Хмельницкому „трактовать окончательно (ultimarie), просить со слезами (cum lacrymis)". Кисѣль, воображая, что знаетъ чувствительныя струны козацкаго сердца, заперся съ гетманомъ и провелъ часа полтора въ убѣжденіяхъ. „Ничто не помогало (nihil profuit)".

Къ ужасу коммиссаровъ ночью съ 25 на 26 февраля весь городъ былъ оцѣпленъ стражею: козаки боялись, чтобъ коммиссары не ушли и не увезли плѣнниковъ. Пойманныхъ на улицѣ топили. Топили особенно кодацкихъ драгунъ, прикованныхъ къ пушкамъ: ихъ подозрѣвали въ заговорѣ. Одинъ шляхтичъ, Шимкевичъ, усердствовавшій Киселю, погибъ за то, что спросилъ о „поташѣ Пана Хорунжаго", своего господина. Коммиссары и ихъ челядь провели ночь безъ сна. Коммиссарскимъ конвойнымъ не дозволялось и взглянуть на козацкую армату, а кто къ ней приближался, тѣхъ жестоко били.

На разсвѣтѣ коммиссары начали сбираться въ дорогу, и лишь только насталъ день, послали къ Хмельницкому сказать, что желаютъ откланяться. Онъ обѣщалъ самъ быть къ нимъ, а потомъ перемѣнилъ свое слово для сохраненія достоинства (z powagi). Коммиссары пошли къ Хмельницкому; но Кисѣль такъ заболѣлъ хирагрой и подагрой, что его везли въ саняхъ и не поднимали въ свѣтлицу. Сѣли они съ Хмельницкимъ на подворьѣ, которое было заперто отъ натиска шумѣвшаго поспольства. Передъ ними стояли полуживые плѣнники. Паны, перепробовавъ напрасно всѣ средства къ ихъ освобожденію, просили теперь отослать несчастныхъ къ Татарамъ.

Хмельницкій отдалъ Киселю подписанные имъ пункты, два письма, одно къ королю, другое къ канцлеру, и подарилъ ему сѣраго мерина да мѣшокъ съ 500 или 600 червоныхъ злотыхъ, которые Кисѣль отдалъ тутъ же плѣнникамъ, въ видѣ „отъѣзднаго". Еще однажды коммиссары просили Хмельницкаго освободить ихъ, а плѣнники пали ему въ ноги съ горькими слезами (sami niebożęta pokornie do nóg upadli i krwawe niemal łzy toczyli). Но просьбы и слезы приводили Хмельницкаго только въ ярость. Онъ обратился къ Андрею Потоцкому и сказалъ:

„Для тòго ще подèржу тебè, що, коли твій братъ заіхавъ мій гòродъ Баръ, дакъ посаджý ёгó на тыку передъ містомъ, а тебè тутъ же въ місті, та й дивітесь одинъ на 'днóго“.

„Хорошо его утѣшилъ жестокій тиранъ!“ (пишетъ Мясковскій). „Задрожали шкуры на панахъ Конецпольскомъ, Гродзицкомъ, Гарнецкомъ, Лачинскомъ и другихъ, даже на самихъ насъ. Уже двѣ ночи летали голоса черни по городу: „„Повбивàти сихъ коммиссàрівъ, абó облупити та й одіслàти на Кодàкъ““! Весь городъ и козаки были подъ оружіемъ (in armis), а панъ гетманъ—никогда въ трезвомъ видѣ (nigdy dobrze trzeźwy)“.

Когда Кисѣль напомнилъ Хмельницкому о перемиріи до святокъ, объ успокоеніи Волыни и Подоліи, онъ сказалъ: „Не знàю, якъ вонó буде, коли не вдовольняцця дваццятьмà абó триццятьмà тысячами лейстрóвого війська та удільнымъ, одрізнымъ своимъ князтвомъ. Побàчимо. А зъ тимъ бувàйте здорóві“!

Полковники проводили коммиссаровъ зà городъ: иначе — ихъ бы не выпустили безъ грабежа, а, можетъ быть, и безъ побоевъ.

Глава XX.

Возвращеніе панскихъ миротворцевъ изъ Переяслава.—Встрѣча Русичей гражданственныхъ съ Русичами одичалыми.—Перевѣсъ чувства народной мести надъ правдою фактовъ.—Два противоположные способа государственнаго самосохраненія.—Борьба государственнаго права съ козацкой вольницей.—Козацкій походъ на пановъ 1649 года.

О положеніи панскаго общества въ это бѣдственное время можно судить по тому обстоятельству, что изсреди самихъ посѣтителей Переяслава нѣсколько человѣкъ перебѣжало къ козакамъ. Даже нѣкоторыя шляхтянки и служебныя панны изъ штата супруги Киселя предпочли остаться въ козацкомъ царствѣ. Въ числѣ перебѣжчиковъ, были подкуплены Хмельницкимъ или переманены обѣщаніями—пожилой шляхтичъ, слуга самого Киселя, какой-то Соболь, хорошо знавшій положеніе панской республики, и Литвинъ панъ Ермоловичъ, передъ которымъ папы не скрывались въ своихъ совѣщаніяхъ. Хмельницкаго окружали и такіе перебѣжчики, какъ паволочскій войтъ, предавшій козакамъ своего державца. Мы видѣли, какую важную роль игралъ онъ въ церемоніалѣ пріема царскаго посланника Унковскаго. Эти люди сильно вредили теперь бывшимъ господамъ своимъ, становясь, если не юридически, то фактически на ихъ мѣста въ обладаніи краемъ.

Но и сами козаки были прошпигованы предательствомъ, такъ что не знали, на кого изъ своихъ сообщниковъ можно полагаться въ словѣ и въ дѣлѣ. Этимъ объясняется, почему вся козацкая столица была въ тревогѣ по случаю выѣзда коммиссаровъ съ ихъ малочисленнымъ почтомъ. Около сотни плѣнниковъ, содержавшихся въ Переяславѣ, получили возможность переодѣться въ панскую ливрею и выбраться благополучно, въ толпѣ челяди, изъ логова Козацкаго Батька, въ томъ числѣ даже нѣсколько офицеровъ князя Вишневецкаго и нѣсколько десятковъ козацкихъ драгунъ. Несмотря на приковъ къ пушкамъ и на побои за приближеніе къ арматѣ, козацкіе стражи, какъ видимъ, входили въ сдѣлку со стрегомыми, и достойныя дѣтушки обманывали достойнаго батюшку исправно.

Во все пребываніе въ гостяхъ у Хмельницкаго, королевскіе коммиссары не видали его трезвымъ. Окружавшій гетмана штатъ былъ также собраніемъ грубыхъ пьяницъ не лучше и не хуже тѣхъ, которыхъ русскіе люди видали въ послѣдствіи вокругъ Стеньки Разина и Емельки Пугачова. Древній нашъ Переяславъ, сдѣлавшійся козацкою столицею, являлъ подобіе разбойницкаго притона. Среди обилія дорогихъ одеждъ, вещей, напитковъ, лошадей и всего того, что̀ пришло сюда путемъ набѣга на культурниковъ, мѣстные продукты были такъ дороги, что коммиссары за мѣрку овса платили 16 злотыхъ, а за вязанку сѣна по 2 талера. Шестьсотъ собственныхъ лошадей Хмельницкаго бродило за городомъ, добывая себѣ траву изъ-подъ снѣга, и множество козацкихъ клячъ падало отъ голода по улицамъ. Замокъ, бывшій до бунта мѣстомъ городскаго и земскаго суда для всей Переяславщины, стоялъ въ безобразныхъ развалинахъ, такъ точно, какъ и школа высшихъ наукъ, іезуитскій коллегіумъ съ его костеломъ. Разбитые гроба и поруганные остатки заслуженныхъ въ государствѣ людей, валяясь кругомъ, представляли еще болѣе дикое зрѣлище. Такая обстановка соотвѣтствовала ночнымъ попойкамъ украинскаго Макбета съ его вѣщуньями-вѣдьмами. Она бросала мрачную тѣнь на судьбу землевладѣльцевъ, очутившихся чужими среди народа, который они созвали на *воли* да на *слободы*, который они устроили хозяйственно и защитили отъ мусульманскаго плѣненія, котораго родную землю они сдѣлали „Землею Христіянскою“ не только по знаменію креста, но и по праву меча. И папскій Римъ, раздѣлившій нашихъ Русичей на ся ради своего господства, не давалъ теперь панамъ нити для выхода изъ этой гибельной борьбы съ козаками, изъ этого лабиринта взаимныхъ кривдъ и незабываемыхъ ругательствъ.

Путь королевскихъ коммиссаровъ отъ границы удѣльнаго козацкаго княжества до его правоправящаго центра былъ преисполненъ такихъ лишеній, что часто нельзя было достать не только зерна для лошадей, но даже и соломы. Голодные среди плодородной земли мужики дополняли горечь хозяйливыхъ путниковъ своими грубыми выходками. Миролюбивый Кисѣль, при всемъ своемъ православничествѣ, представлялся даже собственнымъ подданнымъ *панемъ Ляхомъ*, а это значило такимъ вредоноснымъ звѣремъ, что они тотчасъ бы его убили, когда бы не конвой. Ревнивая пропаганда противъ Ляховъ, гонителей „христіянской вѣры“, распространяемая невѣжественными въ своей нищетѣ попами да монахами среди невѣжественной черни, слилась въ темныхъ умахъ съ понятіемъ о притѣснителяхъ вообще,— и „благочестивые“ паны были у нихъ одно и то же съ панами злочести-

ными. Опустошители панскихъ имѣній, козаки вопіяли, что „паны пустошатъ Украину“, и люди, доведенные руинниками до голода, вѣрили, что голодъ сталъ не отъ кого другаго, какъ отъ тѣхъ же пановъ, которымъ теперь оставалось только идти по міру. Украина, покинутая бѣгущими помѣщиками въ видѣ полной чаши, привлекавшая сотни тысячъ выходцевъ изъ осадъ старинныхъ баснословною роскошью крестьянскаго быта, представляла бѣдствующимъ коммиссарамъ повтореніе Батыева нашествія. Объ изчезнувшихъ панскихъ хозяйствахъ говорили въ ней только виднѣющіяся на „кучугурахъ“ печища да обгорѣлыя деревья, а мужицкому хозяйству не давали процвѣтать истребители панскаго—козаки и Татары. Зато про „козацкую славу“ гремѣли въ каждомъ кабакѣ пѣсни, уподоблявшія панскую колонизацію древнихъ пустынь египетской работѣ.

Каково было на душѣ у православной іерархіи подъ протекціей и карауломъ новаго Моисея, видно изъ того, что кіевскій митрополитъ и архимандритъ Кіевопечерской Лавры выѣхали за 20 верстъ отъ Кіева „для секретной бесѣды“ съ Адамомъ Киселемъ. Не взирая на мирный характеръ коммиссарскаго похода, козаки не только не позволили королевскимъ сановникамъ проѣхать черезъ Кіевъ, но взяли съ нихъ и на окольной дорогѣ окупъ. Въ Хвастовѣ коммиссары ѣхали мимо валявшихся шляхетскихъ труповъ обоего пола. Въ Кіевѣ, какъ объяснилъ самъ Хмельницкій, избивали безоружныхъ людей за то, что не хотѣли участвовать въ козатчинѣ, или же за то, что отказывались „креститься на нашу вѣру“. Голодъ, грабежъ, разбой и инквизиція: вотъ что́ представила далекимъ путникамъ съ ихъ пріорами да гвардіанами страна, прослывшая благословеннымъ краемъ въ государствѣ!

Обратный походъ искателей мира былъ еще печальнѣе. Они должны были по-старому миновать Кіевъ, но для какихъ-то сношеній съ митрополитомъ отрядили небольшую партію, которая, не въѣзжая въ жилой городъ Подолъ, отдала поклонъ митрополиту въ Старомъ Кіевѣ, у Св. Софіи, окруженной древними развалинами. „Свѣдавъ о насъ“ (говоритъ коммиссарскій дневникъ), „шляхтянки и убогая католическая чернь (misera plebs catholica) рвались къ намъ и догоняли насъ на дорогѣ, кто какъ могъ. Нѣкоторые бѣжали и пѣшкомъ по глубокому снѣгу, зарослями и байраками, въ Бѣлогородку. За ними гнались козаки и многихъ настигали. Возвращая этихъ несчастныхъ вспять, ободрали до нага, били и тутъ же топили, такъ что и мы были не безопасны, изъ-за нашихъ католиковъ“.

Подвигаясь далѣе обратнымъ путемъ, королевскіе коммиссэри наткнулись на новую бѣду. Козаки и Татары заходили, на перерѣзъ дороги, къ Звяглю, чтобъ ихъ ограбить. Пришлось дѣлать большія упряжки, бросая на дорогѣ изнемогшихъ лошадей. Наконецъ явилась къ нимъ выручка. Не доѣзжая до Корца, были они встрѣчены князем Корецкимъ, который выѣхалъ къ нимъ въ поле въ нѣсколько сотъ коней, оставивши въ городѣ до четырехъ тысячъ ненадежныхъ подданныхъ.

Здѣсь опять вспомнимъ, для характеристики времени и страны, что изо всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ одинъ Корецкій имѣлъ столько духа и сноровки, чтобы вернуться на свое руйновище и жить въ опустошенномъ замкѣ своемъ. Онъ сдѣлалъ первую изъ многократныхъ попытокъ—возобновить былой компромиссъ, въ которомъ, по переходѣ нашемъ изъ-подъ Кипчакской Орды подъ орду литовскую, а потомъ подъ панованье польское,—состояли здѣсь крупные и мелкіе землевладѣльцы съ рукодайными своими слугами, съ мѣщанами, козаками, всѣми вообще „служебниками“ и сельскою чернью. Но всякій компромиссъ былъ безполезенъ тамъ, гдѣ одни не признавали фактически надъ собой закона, а другіе не хотѣли знать ничего, кромѣ жизни на чужой счетъ, безъ всякаго возмездія собственниковъ и безъ всякой заботливости о трудящихся. Строго судили козаки пановъ за ихъ дѣйствительныя и мнимыя кривды, но, принявшись за панское дѣло сами, „напроказили вдвое хуже“, и кончили свое панованье тѣмъ, что сдали край потомкамъ истребленной ими шляхты въ видѣ голодной пустыни, которую собственные ихъ потомки опять были принуждены обрабатывать панскимъ плугомъ. Но это произошло черезъ 120 лѣтъ взаимной рѣзни и всевозможныхъ преступленій съ обѣихъ сторонъ. Возвратимся въ XVII вѣкъ.

Какъ ни безпомощна была панская республика въ виду республики козацкой, но паны, по наслѣдственной дрессировкѣ своей у іезуитовъ, продолжали ихъ темное и губительное дѣло, воображая свои уловки спасительными. Это видно изъ ихъ тайныхъ бесѣдъ съ питомцемъ созданнаго польщизною митрополита-магната. Безполезны были для нихъ уроки, полученные ими въ зрѣлищѣ повсемѣстнаго разоренія костеловъ и іезуитскихъ школъ заодно съ панскими замками, и крайне вредоносно было вмѣшательство римскаго духовенства между борющихся шляхтичей плуга, землевладѣльцевъ, и шляхтичей меча, козаковъ. Не видя проку въ руководительствѣ своихъ наставниковъ ни среди боевыхъ обозовъ, ни въ мирныхъ посольствахъ и переговорахъ, они тѣмъ не менѣе остались при своихъ римскихъ воззрѣніяхъ

до конца и по конецъ политическаго существованія Польши, какъ добыча ксендзовъ, завоеванная многовѣковыми подвигами *ксендзовства* и всего, что соединено съ этимъ словомъ. Поэтому исторія смутнаго времени, порожденнаго въ Рѣчи Посполитой Польской прежде всего и больше всего римскою политикой, — для насъ, пострадавшихъ отъ этой политики много, должна быть столь же интересна, какъ и все то, что мы видимъ теперь въ остаткахъ польской политической системы.

Когда королевскіе коммиссары достигли обильной нѣкогда напитками и всякимъ угощеніемъ Гощи, панская болѣзнь Адама Киселя усилилась до такой степени, что его „вносили въ пекарню и выносили на санахъ". Въ Гощѣ было тревожно, какъ и всюду отъ Случи до Горыни. За два дня передъ пріѣздомъ Киселя (3 марта), 5.000 гультаевъ-хмельничанъ вторгнулись передъ разсвѣтомъ въ городъ Острогъ и „насѣкли до 400 мѣщанъ (даже Руси) и Жидовъ, а городъ ограбили. Изъ шляхты погибло только двое. Приспѣшая изъ Межирича надворная хоругвь князя Заславскаго вытѣснила гайдамакъ изъ города и положила на мѣстѣ до 150 человѣкъ. Этотъ набѣгъ сдѣлалъ по собственной волѣ Звягельскій полковникъ, *кушнырь* *) Тиша, ища въ Острогѣ пана Вонсовскаго, бывшаго Звягельскаго старосты, подобно тому, какъ нѣкогда Гренковичъ искалъ своего врага въ Межигорьѣ.

Положеніе миротворцевъ сдѣлалось отчаяннымъ. Несмотря на то, что конвойнымъ жолнерамъ не вышелъ еще срокъ наемной службы, они не хотѣли остаться при панѣ воеводѣ въ Гощѣ, для защиты его убѣжища отъ гайдамацкихъ набѣговъ. Очевидно, что дѣло козацкое находили они болѣе вѣрнымъ, чѣмъ панское. Неизвѣстно, какъ уладили свою оборону коммиссары, но оставленное ими позади себя зрѣлище козако-гайдаматчины ужасало ихъ.

„Вся чернь" (писалъ Мясковскій) „вооружается, полюбивъ свободу отъ работъ и податковъ и не желая на вѣки имѣть пановъ. Хмельницкій велѣлъ вербовать козаковъ по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ, кормить лошадей, и зазванные такимъ образомъ въ козаки берутъ, бьютъ, грабятъ. Но далеко большая часть простонародья молитъ Бога о мирѣ и мести надъ Хмельницкимъ и своевольниками. (Носится слухъ, что) Хмельницкій чуетъ близкую смерть (niedługo sobie żyć wróży). Зарылъ въ Чигиринѣ бочекъ 15 серебра. Тамъ же у него 130 турецкихъ коней и 24 скрини дорогой одежды.

*) Kürschner, скорнякъ.

Пилявецкой добычи полна Украина. Больше всего покупаетъ ее Москва въ Кіевѣ и по ярмаркамъ въ другихъ городахъ. Серебряныя тарелки продавались по талеру и дешевле. Одинъ кіевскій мѣщанинъ купилъ за 100 талеровъ такой мѣшокъ серебра, что мужикъ едва могъ нести. Жена полковника Тиши, кушнѣрка, угощала въ Звягѣ посланцовъ пана воеводы на серебрѣ, за богато накрытымъ столомъ, и бранила Хмельницкаго (łają Chmielnickiemu), что не такъ великолѣпно (splendide) живетъ, „коли Богъ далъ усего́ мно́го"". Нашимъ продавать серебра козаки не хотѣли. Даже лошадей запретилъ гетманъ продавать намъ".

Въ силу перемѣщенія богатства и всякихъ вольностей изъ панской республики въ козацкую, сотниками гультаевъ и гайдамаковъ дѣлались весьма часто шляхтичи, даже съ такими фамиліями, какъ процвѣтающіе въ Кіевскомъ Полѣсьѣ донынѣ Горностаи. О Хмельницкомъ ходили такіе слухи, что хоть бы и хотѣлъ онъ мириться съ панами, то не можетъ: чернь остервенилась до того, что рѣшилась истребить шляхту, или же сама погибнуть. Татары готовились къ новому нашествію, въ помощь козакамъ. Къ Хмельницкому являлись они даже нѣшкомъ изъ Крыма и Буджаковъ, и Хмельницкій снабжалъ ихъ тотчасъ лошадьми и оружіемъ. Не только ежемѣсячно, но и еженедѣльно (говорила молва) посылаетъ онъ пословъ къ хану съ зазывомъ на войну и проситъ его не давать свободы ниодному плѣнику. „Ты-молъ хочешь ихъ выпустить, а я хочу ихъ выгубить, чтобъ ниодного Ляха не было на свѣтѣ". Даже днѣстровскіе *побережники*, славные въ шляхетскихъ походахъ противъ Буджацкихъ Татаръ, теперь дѣлались „разбойниками", какъ увѣдомляли одинъ другаго паны.

Каковы были отношенія Хмельницкаго съ Татарами, и что́ заставило его пріостановиться съ „кончаніемъ Ляховъ", открываетъ намъ слѣдующее письмо его къ первому соправителю хана—султанъ-галгѣ:

„Ясновельможный, милостивый панъ султанъ-галга крымскій, нашъ милостивый панъ и добродѣй!

„Добраго здоровья и всякихъ счастливыхъ помысловъ со всѣмъ предостойнымъ рыцарствомъ вашей царской милости, низкій поклонъ отдавая, желаемъ пользоваться имъ на многія лѣта.

„За трудъ, который ваша царская милость благоволили подъять для насъ, нижайшихъ своихъ слугъ, много и униженно благодаримъ, и, пока живы, мы и дѣти наши, за столь милостиво оказанное намъ благоволеніе готовы отслуживать. Однакожъ, во время бытности вашей царской милости, былъ бы я радъ, когда бы мы этого непріятеля нашего, побѣдивъ, уничтожили до остатка; только ваша царская

милость сами видѣли, что войско было крайне отягчено (добычею), и я уже тѣмъ удовольствовался. Но, какъ они издавна привыкли жить неправдою, такъ и теперь на насъ наступаютъ своею силою, вознамѣрившись уничтожить насъ, въ чемъ имъ, Господи Боже, не помоги, и на Крымъ хотятъ идти. Мы имѣемъ вѣрную о томъ вѣсть отъ его милости венгерскаго короля, который предостерегаетъ насъ и вашихъ милостей, нашихъ милостивыхъ пановъ, что и Шведовъ на насъ и на весь Крымъ вербуютъ... Умилосердись, умилосердись, милостивый панъ, чтобы мы не дали этимъ нашимъ непріятелямъ распространиться. И вторично, и третично просимъ: ибо множество Христіянства нашего, душъ невинныхъ, вырѣзали бы. Умилосердись ваша царская милость: какъ началъ съ начала, такъ и до конца благоволи насъ оборонять"...

Татарское милосердіе къ безпощаднымъ рунникамъ грозило Шляхетскому Народу тѣмъ большими несчастіями, что у него былъ теперь такой король, который помогъ Хмельницкому отстранить отъ гетманства единственно страшнаго для него человѣка. Если у Киселя было хоть немного прямой любви къ отечеству, то онъ, хворая въ Гощѣ надъ Горынью, долженъ былъ бы на досугѣ понять, какую нелѣпую и злотворную игралъ онъ роль въ качествѣ миротворца. Товарищъ его по коммиссіи, Мясковскій, изъ Млыновцевъ подъ Русскимъ Зборовомъ, отъ 28 (18) апрѣля, увѣдомлялъ краковскаго бискупа, Гембицкаго, что хапъ далъ упросить себя Хмельницкому (dał się Chmielnickiemu uprosić); что посылаетъ впереди себя крымскихъ собакъ (ogarów krymskich) и самъ садится на коня. „Никогда не были мы ближе къ послѣдней гибели" (писалъ онъ), „какъ нынѣ, въ несчастномъ будущемъ маѣ. Это будетъ октава и года и мѣсяца, еще горшая прошлогодней, Желтоводскаго и Корсунскаго погрома. Никакой спасительной надежды нѣтъ; изъ Варшавы ничего утѣшительнаго..... Уже изъ Каменца бѣжитъ все живое; кто уходитъ въ Венгрію, кто— куда можетъ".

Теперь Кисѣль зналъ, что такое Хмельницкій. Оправясь въ Гощѣ отъ своей хирагры, подъ гулъ наступающей грозы онъ увѣдомилъ Козацкаго Батька пріятельски о своемъ разстроенномъ здоровьѣ и, вмѣстѣ съ другими коммиссарами, просилъ объ окончаніи коммиссіи, но сдѣлалъ это для того, чтобы маскировать панскія приготовленія къ войнѣ. Хмельницкій видѣлъ пана воеводу насквозь, и писалъ къ нему изъ Чигирина, отъ 13 (23) мая такъ нѣжно, какъ писалъ бы мурлыкакотъ къ неосторожной мыши, желая удержать ее по сю сторону подполья:

„За письменное навѣщеніе благодарю вашихъ милостей пановъ и приверженнымъ сердцемъ желаю радоваться, видя вашмость-пана въ добромъ здоровьѣ. Что же касается окончанія коммиссіи, то всѣми силами (totius viribus) стараюсь, чтобы она, согласно нашему условію, получила конецъ. Одно только всѣхъ насъ очень удивляетъ, что въ Коронѣ и въ Литвѣ собраны весьма великія войска. Это тревожитъ все наше Запорожское Войско Оно опасается, чтобы—отъ чего сохрани Господи Боже—не такъ желали кончить коммиссію, какъ въ прошломъ году: тутъ про миръ, а тутъ совсѣмъ про другое думали. Однакожъ, я, будучи другаго мнѣнія, обослалъ всѣхъ полковниковъ, чтобы посовѣтоваться, гдѣ бы всего безопаснѣе можно было отправить коммиссію. Когда между собой постановимъ, я не замедлю дать знать вашимъ милостямъ какъ можно скорѣе днемъ и ночью. А вашмость-панъ и ихъ милости паны, съ своей стороны благоволите задержать жолнеровъ, чтобъ не давали повода къ разорванію этой коммиссіи, которая будетъ, дастъ Господь Богъ, отправляться".

Но 22 (12) мая мозырскій подкоморій, Ѳедоръ Михаилъ Обуховичъ, писалъ литовскому подканцлеру, Льву Сопігѣ, что Кисѣль ретировался уже изъ Гощи за Горынь, имѣя явныя доказательства враждебности Хмельницкаго (operta hostilitatis argumenta), такъ какъ онъ ни королевскаго посла Смяровскаго не хочетъ оттуда выпустить, ни на письма о коммиссіи не отвѣчаетъ. „Отовсюду также" (писалъ Обуховичъ) „сыплются толпы взбунтованнаго поспольства и наполняютъ весь трактъ между Горынью и Случью, а самъ author et dux этого подвига наступаетъ главною купою, окруженный огромными ордами".

Черезъ три дня самъ Адамъ Кисѣль увѣдомлялъ коронаго канцлера,—что видѣлъ непріятеля собственными глазами; что Хмельницкій былъ бы радъ поймать его въ свои руки; что потому пишетъ къ нему (Киселю) *штучно*, и что теперь уже нѣтъ надежды на трактаты (już nulla spes traktatów). Такъ поумнѣлъ нашъ Свѣнтольдичъ, умудренный позднимъ опытомъ.

Онъ отписалъ Хмельницкому дружески (bona verba), какъ будто ничего не подозрѣваетъ, и едва двинулся изъ-подъ Гощи, въ ту же минуту 600 хмельничанъ вступило въ мѣстечко, а ночевало въ немъ 1.500. Прискакавшій отъ Смяровскаго въ Тайкуры козакъ перебѣжчикъ (transfūga), по фамиліи шляхтичъ, объявилъ, что „запорожскій Макіавелли" отобралъ у королевскаго посла и его челяди лошадей и держитъ всѣхъ ихъ подъ стражею до пріѣзда коммиссаровъ: тогда ихъ выпуститъ, а коммиссаровъ задержитъ. Онъ же увѣдомлялъ, что

юрій монахъ, Отецъ Ляшко, конфидентъ Киселя, очутился въ татарской неволѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было донесено, что Хмельницкій заключилъ съ Москвою тайный договоръ. Основаніемъ этому слуху послужила, безъ сомнѣнія, *милостивая* грамота царская, изъ которой Хмельницкій сдѣлалъ умышленно тайну. Говорили также, будто бы письмо Киселя въ Москву было прислано къ Хмельницкому изъ Москвы. Но гораздо правдоподобнѣе, что онъ, перехвативъ письмо, дѣлалъ изъ московскаго царя своего сотоварища. Ему было нужно, чтобы московскій царь, во мнѣніи пановъ, былъ то же самое, что и крымскій ханъ. О Киселѣ же наперсники Хмельницкаго говорили Упковскому, — что онъ отпущенъ изъ Переяслава съ тѣмъ, что гетманъ и все Войско Запорожское и вся Кіевская Русь подъ властью польскаго короля и пановъ-рады быть не хотятъ, и паны бы рады на Войско Запорожское и всю Русь не наступали и крови не проливали; но Адамъ Кисѣль съ такимъ условіемъ въ Польшу идти не рѣшился, потому что, отправляясь посломъ, хвалился Войско Запорожское на миръ привести по-прежнему, и теперь живетъ въ своей маетности, въ городѣ Гощѣ, а городъ этотъ принадлежитъ Войску Запорожскому.

Каковы бы ни были виды московской политики на Русскую Землю, которая ломалась въ рукахъ у Польши, но правительство московскаго царя должно было смотрѣть на козаковъ не иначе, какъ и правительство короля польскаго; а Кунаковъ представилъ своему государю польскій взглядъ на козатчину въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Великому государю, его царскому величеству, своихъ (московскихъ) украинъ годитца отъ такова гультяйства оберечь, чтобъ не вомбнулись и шкоды какіе не учинили. А у Богдана Хмѣльницкаго многіе своевольные люди козаки, и гультаи, и Татаровя; и только имъ въ королевскомъ панствѣ не удасца, и имъ де безъ хлѣба не пробыть, и чаять ихъ промыслу и инуды".

Такъ говорили правительствующіе паны царскому гонцу. Но, въ виду того, что они держали себя такъ гордо передъ царскимъ гонцомъ, Алексѣй Михайловичъ долго не отвѣчалъ на привезенное ими 30 марта 1649 года благодарственное письмо Яна Казимира. Зная всѣ обстоятельства польской неурядицы и видя, какой „пожаръ" пылаетъ внутри польскорусскихъ областей, Москва выжидала событій во всеоружіи своихъ ратей, обступившихъ польскія границы.

Въ концѣ апрѣля появился въ царевой столицѣ посолъ Хмельницкаго, полковникъ Ѳедоръ Вешнякъ, тотъ самый, который такъ рыцарски велъ себя за столомъ у гетмана. Несмотря на названіе,

данное имъ заодно и ксендзамъ и попамъ, его сопровождали—игуменъ могилевскаго Глядовскаго монастыря да „черный попъ“ (т. е. іеромонахъ) Никифоръ. Этимъ лицамъ было поручено ходатайствовать у царя, чрезъ посредство іерусалимскаго патріарха, Паисія, о принятіи Хмельницкаго и его козаковъ подъ высокую царскую руку и о „пособіи“ въ войнѣ съ Поляками. „А роздѣлавшись де съ Поляками“ (докладывалъ Посольскій Приказъ), „козаки обѣщали, для царскаго счастья, идти съ Крымскими людьми на турского салтана. А войска де черкаского съ 40.000 человѣкъ да Татаръ съ 400.000“.

Но для царя не было тайною, что Хмельницкій отмѣрилъ уже Туркамъ Червенскіе Города равноапостольнаго Владиміра по самый Люблинъ. Съ этимъ опаснымъ интриганомъ надобно было вести себя крайне осторожно, не такъ, какъ этого желали бы наши кіевскіе ретрограды. Изъ его невѣрнаго положенія вытекала для царскаго правительства двойная забота: во-первыхъ, чтобы, воюя Поляковъ съ побратимами Татарами (которыхъ самъ онъ показывалъ 400.000), не очутился онъ въ рукахъ у мусульманъ со всѣмъ своимъ кочевьемъ; а во-вторыхъ, чтобъ, отвергнутый царемъ, не обратилъ онъ, по старой козацкой памяти, на Москву опустошителей своего роднаго края.

Не получивъ никакого отвѣта чрезъ глядовскаго игумена, Хмельницкій написалъ, отъ 3 мая, новое письмо къ царю Алексѣю Михайловичу. Онъ просилъ принять Запорожское Войско „въ свою милость и благословить своей рати на ихъ (козацкихъ) наступцовъ и за вѣру православную наступати“. При этомъ выражалъ желаніе, чтобы московскій государь былъ надъ козаками царемъ и самодержцемъ, принявъ ихъ со всею Русью подъ свою милость и оборону.

Письмо было представлено царю полковникомъ Вешнякомъ, который не упомянутъ въ прежнемъ докладѣ Посольскаго Приказа, и теперь изъ поповскаго провожатаго сдѣлался самостоятельнымъ посломъ: уловка, продѣланная и Мужиловскимъ. Этотъ грубый пьяница получилъ отъ своего достойнаго гетмана наказъ: „чтобъ онъ съ его царскимъ величествомъ“ (точно Янъ Коровченко съ крымскимъ ханомъ) „изустно розговорилъ и всю истину исповѣлъ“.

Бывши въ Переяславѣ, паны подхватили слухъ, что тонкая Москва (subtelna Moskwa) приняла не совсѣмъ радушно и патріарха Паисія (male exceptus et habitus) за его индульгенціи въ Украинѣ. Тѣмъ несимпатичнѣе отнеслась она къ анти-*обычайному* Вешняку.

Тяжела была въ козацкомъ вопросѣ роль царя Алексѣя Михайловича, столь величаваго въ своихъ пріемахъ, столь высоко цѣнившаго достойную обстановку царственности. Верхъ русскаго общежитія,

олицетворяемый москвичами, и самая низкая ступень его, изображаемая запорожцами, сошлись волею историческихъ судебъ, въ общей работѣ русскаго возсоединенія, которую Москва производила сознательно еще въ эпоху Великаго Собирателя Русской Земли, а козачество совершало безсознательно и подъ бунчукомъ того, кто объявилъ себя русскимъ единовладникомъ и самодержцемъ. Изъ этой встрѣчи Русичей, просвѣщенныхъ новою гражданственностью въ удаленіи своемъ на Клязьму и Москву, съ другими Русичами, одичалыми въ пустыняхъ Калки и Днѣпра, надобно было царскому правительству выйти съ достоинствомъ. Такіе вѣдомые намъ представители Москвы, какъ Унковскій и Кунаковъ, не могли смотрѣть на козатчину иначе, какъ съ отвращеніемъ. Но, съ другой стороны, воспитанные внѣ западнаго вліянія, они чуяли въ грубіянахъ козакахъ древнее русское родство больше, нежели въ малорусской шляхтѣ,—больше, чѣмъ даже въ нашемъ начальствующемъ духовенствѣ, пропитанномъ такъ или иначе антирусскою латинщиной.

Въ теченіе трехъ вѣковъ политическаго разобщенія Руси, населеніе литворусской части ея не переставало дѣлиться на приверженцевъ забвенной русской старины и на приверженцевъ прославляемаго латинства, или же—протестантства. Съ каждымъ поколѣніемъ оставалось у насъ меньше и меньше старовѣровъ, напоминавшихъ собою древнее наше единство съ тѣмъ Русскимъ Народомъ, который собрался въ одно сильное тѣло подъ спасительнымъ единовластіемъ Москвы. Съ каждымъ поколѣніемъ, малорусское наше старовѣрство осѣдало изъ высшихъ, богатыхъ и порядочныхъ слоевъ общества въ низшіе, убогіе, по своему быту, ордынскіе. Это было осѣданіе русской народности и обычайности, русскихъ сочувствій, русскихъ отвращеній.

Передъ началомъ Хмельнитчины иноплеменникъ нашъ, Петръ Могила, сроднилъ идеалы нашей духовной аристократіи съ идеалами латинскими, и тѣмъ осадилъ у насъ русскій элементъ ниже прежняго. Представителями этого элемента въ нашей интеллигенціи, таившейся въ монастыряхъ, сдѣлались подобныя Филипо́вичу личности, остатки подавленной *могилянами* партіи Копинскаго, которые и по своему убожеству, и по своему ничтожному положенію въ панскомъ обществѣ, слѣдили только издали, сквозь туманъ своихъ предубѣжденій, за совершающимися въ Малороссіи событіями, пробавлялись въ политическихъ дѣлахъ только молвою прихожихъ богомольцевъ и, не видя себѣ ни отвуда поддержки, взирали на козаковъ, какъ на борцовъ за вѣру, а на московскаго царя—какъ на послѣднее убѣжище въ безотрадной будущности.

Здѣсь церковь, раздѣленная съ козачествомъ діаметрально противоположными стремленіями, очутилась въ такомъ точно опасномъ положеніи за свою вѣрность древнимъ преданіямъ, въ какое козаки были приведены своими посягательствами на права и имущество производительныхъ классовъ малорусскаго населенія. Церковь, воздвигнутая изъ своего упадка творцами знаменитаго Совѣтованія о Благочестіи, проповѣдывала святое мученичество, родственное съ мученичествомъ Гермогена и Филарета московскихъ, какъ единственный способъ одолѣть своихъ отступниковъ, и въ то же время, подвергшись новому упадку въ лицѣ своихъ верховниковъ, могилянъ, чаяла какого-то спасенія отъ людей, проливавшихъ кровь, какъ воду; а общество убійцъ и грабителей, верставшихъ поповъ и ксендзовъ подъ одну стать, хваталось кровавыми руками за ея чистое знамя, лишь бы выбраться изъ той бѣды, которая грозила ему за его неслыханныя злодѣйства даже и въ моментъ его торжества надъ панами.

Вслѣдъ за посольствомъ Хмельницкаго пришло къ царю и къ московскому патріарху отъ игумена Мгарскаго монастыря, Калистрата, съ братіею письмо, умоляющее царя „принять его подъ крыла царства своего со всѣми старцы и со всѣми статки монастырскими и церковными". Въ письмѣ къ царю Калистратъ изображалъ положеніе дѣлъ въ Малороссіи такими словами:

„Нынѣшняго времени въ Землѣ Лятцкой веліе есть смятеніе и междоусобная рать зѣльная, какова не была отдавна, и нынѣ всѣ въ отчаяніи есмы и въ страсѣ великомъ отъ Ляховъ, и еще преодолѣваютъ нашихъ козаковъ, ктому не мощно намъ быти живымъ. И въ нынѣшній часъ перевозятся на сю сторону Днѣпра, Ляхи, Литва съ Радивиломъ, шездесятъ тысячей сказываютъ ихъ быти".

Въ посланіи къ московскому патріарху судьба малорусскаго православія представлена еще въ болѣе мрачномъ видѣ:

„Нынѣ пріиде время, еже бѣжати намъ отъ лица луку сильныхъ, глаголю же враговъ сущихъ нашея православныя и благочестивыя, съ солнцемъ восходящія вѣры и церкви нашея восточныя апостольскія ненавистниковъ, хулниковъ, гонителей, Ляховъ, кои отдавна изостриша языкъ свой, яко мечъ остръ, дыщуще на ны огнемъ ярости злопамятства, кои пообладаша бѣша всѣ благочестивые церкви россійскіе и монастыри, всѣхъ насъ, яко заплѣненныхъ, подъ ся покориша. И се нынѣ, Божіимъ маніемъ и попущеніемъ, оружіе пріимше, пособіемъ Божіимъ, войско наше православное козацкое Запорожское, не терпяще преизлишнихъ бѣдъ отъ Ляховъ поносити, ополчившееся противу имъ сташа, еже есть слышано, яко мимошедшаго лѣта втори-

цею и третицею неизбѣжные Ляхи отъ нашихъ побѣждени быша; и се нынѣ сильнѣе перваго на нашихъ вооружишась, и онѣхъ убо множество, нассвихъ же въ маломъ числѣ сочести. И сего ради боимся и зѣло ужасаемся, да не како безбожные Ляхи преодолѣваютъ козаковъ нашихъ и месть сотворятъ злую надъ нами, безо всякаго пощадѣнія и милосердія".

Посланцовъ Калистрата путивльскіе воеводы не пустили къ царю. Но тѣмъ не менѣе монашескіе вопли должны были волновать въ Москвѣ общественное мнѣніе, находившееся подъ вліяніемъ духовенства. Между тѣмъ, изъ разспросовъ, сдѣланныхъ по заведенному порядку воеводами у этихъ посланцовъ, видно, что монахи писали въ Москву то, что было нужно козакамъ, все равно какъ въ прежнія времена козаки въ свои петиціи на сеймъ включали то, что было нужно духовенству. Полковники Хмельницкаго разсылали по монастырямъ реляціи о своихъ побѣдахъ, а вернувшись изъ похода, являлись къ монахамъ съ приношеніями, которыя заставляли честныхъ отцовъ забывать увѣреніе Киселя и другихъ православныхъ пановъ, все еще продолжавшихъ созидать и благодѣтельствовать наши храмы, что война съ козаками идетъ вовсе не за вѣру, а за опустошеніе края, за предательство его Татарамъ, за нарушеніе государственнаго права и оскорбленіе королевскаго величества. Такимъ образомъ козацкая и поповская мстительность торжествовала надъ правдою фактовъ, и православные люди отъ береговъ Тясмина до рѣки Москвы твердили хоромъ, что въ Малороссіи идетъ война за вѣру. Великоруссы разувѣрились въ этомъ только тогда, когда Выговскій и другіе предатели, питомцы Хмельнитчины, стали поступать съ ними такъ, какъ до сихъ поръ поступали съ безбожными и злочестивыми Ляхами, а Малоруссы не стыдятся и послѣ Мазепы проповѣдывать, что „козаки были единственными борцами за православную вѣру и русскую народность".

Оставаясь непроницаемою въ своихъ намѣреніяхъ, набожная, чинная, величавая и вмѣстѣ съ тѣмъ, по замѣчанію Поляковъ, тонкая (subtelna), Москва угощала чигиринскаго увальня, Вешняка, съ обычнымъ своимъ хлѣбосольствомъ. По царскому указу, велѣно было дать ему „государево жалованье въ стола мѣсто: колачъ смѣсной въ полторы лопатки, блюдо икры чорные, лещь или стерлядь паровые, звено бѣлые рыбицы, блюдо вухи рыбы свѣжіе, звѣно бѣлужины, щуку колодку; питья: двѣ кружки вина двойнаго, двѣ кружки романѣи, двѣ кружки ренскаго, двѣ кружки меду вишневаго, или малиноваго, полведра меду паточнаго, ведро меду цѣженаго, два ведра пива добраго".

Царь Алексѣй Михайловичъ милостиво принялъ присланные козацкимъ верховодомъ лошадь (оцѣненную потомъ въ 45 рублей) да лукъ турской, и спросилъ черезъ думнаго дьяка о здоровьѣ гетмана Богдана Хмельницкаго: Вешняка и четверыхъ его спутниковъ „пожаловалъ къ рукѣ; но выслушать гетманской листъ и на тотъ листъ и на рѣчи Вешняка обѣщалъ, черезъ того же думнаго дьяка, учинить указъ приказными людьми инымъ временемъ".

Козацкому посольству было придано значеніе обыкновеннаго „пріѣзда козаковъ къ Москвѣ для испрошенія государева жалованья".— „Въ докладъ" было написано Посольскимъ Приказомъ, что „1646 году гетманъ Запорожскаго Войска, Миколай Зацвилиховскій, присылалъ къ царю листъ да двухъ человѣкъ языковъ татарскихъ". Сообразно съ отпущеннымъ его гонцамъ жалованьемъ, было дано жалованье полковнику (Мужиловскому) и десяти человѣкамъ козаковъ, которые привезли въ Москву іерусалимскаго патріарха Паисія, а сообразно съ этимъ жалованьемъ былъ награжденъ и Вешнякъ съ товарищи. Они получили: „отласъ гладкой, сукно лундышъ *) самый доброй, камка добрые, два сорока соболей по 50 рублевъ сорокъ, денегъ 30 рублевъ; козакамъ тремъ человѣкомъ по сукну по англинскому по доброму, по двѣ пары соболей по 5 рублевъ пара; денегъ по 10 рублевъ; людемъ ихъ и полковникову конюху всего 6 человѣкомъ, по сукну по доброму, по парѣ соболей, по 2 рубли пара, денегъ по 10 рублевъ человѣку".

Іюня 12, черезъ 8 дней по прибытіи Вешняка въ Москву, онъ былъ отпущенъ царемъ, у котораго поцѣловалъ руку, но съ которымъ „розговорить устно", какъ это писалъ Хмельницкій, было бы слишкомъ высокою для него почестью. На отпускѣ думный дьякъ сказалъ ему въ присутствіи царя:

„Ѳедоръ! великій государь-царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, велѣлъ къ тебѣ сказати: Пріѣзжалъ еси къ нашему царскому величеству по присылкѣ запорожскаго гетмана, Богдана Хмельницкаго, съ листомъ. И мы, великій государь, тотъ гетмановъ листъ выслушали, и гетмана и все Войско Запорожское за ихъ службу, что нашіе царского величества милости ищутъ, жалуемъ — милостиво похваляемъ. И противъ того гетманова листа посылаемъ съ тобою къ

*) Fein holländisch, по-польски falendysz. Изъ этого сукна козаки носили такъ-называемые жупаны-*лудàны*.

нему, гетману, къ Богдану Хмельницкому, нашу царского величества грамоту да нашего государева жалованья три сорока соболей".

„А послѣ того" (записано въ столбцахъ) „думной дьякъ Михайло Волошениковъ, объявилъ имъ государево жалованье при государѣ, а молылъ: Полковникъ Ѳедоръ! великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всса Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ тебя своимъ царскимъ жалованьемъ: отласъ, камка, сукно багрецъ, два сорока соболей, денегъ 30 рублевъ".

Такъ патріархально и вмѣстѣ такъ отчетливо велось государево хозяйство московское, вовсе непохоже на польское, въ которомъ иной разъ было разливное море для всѣхъ *выдмикуфлей*, а иной—на королевской кухнѣ недоставало дровъ и говядины, а сенаторы-резиденты голодали вмѣстѣ съ своимъ „великимъ монархомъ", отъ иностранныхъ же пословъ, случалось, великій монархъ бѣгалъ изъ Варшавы на охоту, чтобы въ нимвродовской жизни скрыть свое постыдное убожество.

Изъ пріема Вешняка явствуетъ само собой, что тайный договоръ съ козаками и пересылка сенаторскихъ писемъ къ козацкому гетману могли явиться только въ шляхетскихъ умахъ, которые по-казацки мутилъ взбунтовавшійся шляхтичъ.

Въ отвѣтной своей грамотѣ, врученной Вешняку, царь писалъ, что желаніе Хмельницкаго и обѣщаніе служить ему, великому государю, со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ—*милостиво пожаловать*, но что наступить царскимъ ратямъ на козацкихъ непріятелей нельзя, потому что отцомъ его, царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, заключено съ покойнымъ королемъ Владиславомъ и съ его наслѣдниками „вѣчное докончанье", утвержденное на обѣ стороны ихъ государскими душами, крестнымъ цѣлованьемъ и грамотами и печатьми".—„А будетъ королевское величество" (сказано въ заключеніе) „тебя, гетмана, и все Войско Запорожское учинитъ свободныхъ *), безъ нарушенья вѣчнаго докончанья, и мы, великій государь, наше царское величество, тебя, гетмана, и все Войско Запорожское пожалуемъ—подъ нашу царского величества высокую руку приняти велимъ" **).

---

*) Вчернѣ было подписано сперва: „А будешъ ты, гетманъ и все Войско Запорожское, у короля и у пановъ-радъ *учинится* свободны".

**) Это мѣсто также вчернѣ было написано иначе; а именно: „А будетъ, вамъ въ чемъ учинитца тѣснота и гоненье, и которые на нашу царского величества сторону переходить учнутъ, и мы, великій государь, для православные христіянскіе вѣры, по тому жъ тѣхъ принять велимъ, что послѣ вѣчного докончанья съ обѣ стороны переходятъ повольно".

Но польскому королю и его панамъ-рады, рабамъ римскаго папы, уже была дана строгая нота. Получивъ извѣстительное письмо о воцареніи Яна Казимира въ концѣ марта, Алексѣй Михайловичъ промолчалъ весь апрѣль, и только 8 мая написалъ внушеніе, что возводить человѣка въ достоинство свѣтила всего христіянства (какъ дѣлаютъ-молъ паписты) *непристойно*. Подъ этимъ внушеніемъ могло скрываться и другое,— что славословить безъ всякой мѣры короля, оторвавшаго у Москвы Сѣверщину къ Польшѣ, болѣе чѣмъ неблагоразумно въ такой моментъ, когда завоеватели Сѣверщины завоевали Польшу, и готовы повергнуть ее къ погамъ преемника Собирателей Русской Земли.

Привыкнувъ мыслить по римской логикѣ, польскіе паны взирали на Москву съ такимъ пренебреженіемъ, что даже лучшій изъ ихъ канцлеровъ, Янъ Замойскій, среди національнаго собранія своего называлъ московскаго царя Бориса *хлопомъ*. Между тѣмъ цари-хлопы, съ окружавшими ихъ просторѣковатыми боярами, хорошо знали путь политической жизни, шли по этому пути при свѣтѣ собственнаго, русскаго ума, и, въ свою очередь, присвоивали себѣ право называть пановъ *безмозглыми Ляхами*. Теперь именно насталъ такой моментъ, когда двѣ системы политической жизни, два противоположные способа государственнаго самосохраненія—должны были доказать практически свою состоятельность. Поляки гордились *вольностью* своею, а Москали—своею *неволею*. Называя себя холопьями царя своего, бояре московскіе такимъ самоуничиженіемъ высказывали только національное уваженіе къ знамени, подъ которымъ *Русскій* Народъ (не Шляхетскій и не Козацкій) изъ падшаго сдѣлался возставшимъ, изъ раздробленнаго—единымъ, изъ малаго—великимъ. Поэтому всякое прямое или косвенное оскорбленіе имени и достоинства царскаго принимали они за оскорбленіе всего народа, надъ чѣмъ „безмозглые“ смѣялись и послѣ Хмельнитчины, въ знаменитыхъ Pamiętnikach Paska *).

*) Był tedy między ochotnikami chłopiec, który umiał z Moskalami swarzyć się i drażnić ich; jak oni wołali: „czaru, czaru“! to chłopiec przypadłszy blisko nich, zawołał głosem: „wasz czar taki a taki“! to Moskali za nim kilkunastu albo kilkudziesiąt wysworowało się; chłopiec zaś, na rącymbach macie siedząc, dobrze uciekał, a wyprowadziwszy ich za sobą daleko od kupy, to my, skoczywszy z boków, przerznieliśmy ich, siekąc i zabierając. Dość na tém, żaśmy posłali wojewodzie ze trzydziestu języków z harcówki za powodem owego chłopca. To znowu chłopiec do nich poruszał i powiedział im co innego o carze, a Moskale jakoby wsciekli, (bo oni bardziéj się urażają o krzywdę imienia carskiego, niżeli

Случай выместить на Ляхахъ всю ихъ кичливость самъ по себѣ былъ искусителенъ. Хмельницкій „растопталъ“ ихъ боевыя силы, растопталъ, по выраженію Киселя, ихъ славу, и грозилъ перевернуть польское панство кверху ногами, — грозилъ въ глаза великимъ и полномочнымъ посламъ Рѣчи Посполитой, которыхъ третировалъ en canaille. Москали знали цѣну козакамъ еще до своего Разоренія: это у нихъ былъ народъ дикій, безбожный, предательскій. Съ козаками они держали себя осторожно, какъ съ огнемъ. Но почему же имъ было не взять у Ляховъ свое, когда Ляхи станутъ кверху ногами? Связывало ихъ вѣчное докончаніе, утвержденное крестнымъ цѣлованьемъ. То не была преподанная Ляхамъ присяга *словомъ*, а не *шатъреніемъ*. Но это вѣчное докончанье, при всей святости своей для воспитаннаго православіемъ сердца, не обязывало его терпѣть новыя оскорбленія, — и отъ кого же? отъ пановъ, попранныхъ ногами собственныхъ рабовъ, какъ они сами сознавались. Въ сердцахъ думныхъ царскихъ людей не зажили еще раны, нанесенныя тѣмъ самымъ Владиславомъ Жигимонтовичемъ, котораго просвѣщеніе Ляхи такъ не ко времени противопоставили московскому невѣжеству, разумѣя подъ этимъ сіяніе польскаго католичества и темноту русской схизмы. Всякое прикосновеніе къ этимъ ранамъ отзывалось въ Москвѣ болѣзненно, а между тѣмъ со стороны Ляховъ это была не единственная зацѣпка.

Съ возобновленіемъ козацкихъ бунтовъ и сношеній нашего духовенства съ Москвою, польскіе политики стали бояться русскаго воссоединенія больше прежняго, и, чтобы проявлявшіяся въ низшей шляхтѣ симпатіи къ московской тишинѣ, къ московской безопасности, къ московскому суду и расправѣ—не возымѣли своего дѣйствія, пустили въ ходъ самое жалкое средство. При всякомъ удобномъ случаѣ, на сеймикахъ и сеймахъ, въ церковныхъ проповѣдяхъ и въ печатныхъ сочиненіяхъ, они старались бросить на Московское Царство тѣнь, какъ на страну звѣрскую, коварную, и самого царя московскаго изображали – или тираномъ, или посмѣшищемъ. Такъ продолжалось дѣло до послѣдняго бунта. Хмельницкій, изыскивая средства задобрить московское правительство и вооружить Москву противъ Польши, напалъ на этотъ родникъ международной ссоры. Въ качествѣ польскаго

---

imienia boskiego), suną się za nim zapamiętale. Tak było tego wiele razy na swego chłopca. I tak tedy zagnali się za owym chłopcem aż w las, chcąc go koniecznie dostać, boby go pewno ze skóry odarli za takie niecnoty, które im wyrządzał. My zaś zawsze po nich...

шляхтича и козака, онъ питалъ къ царскому правительству меньше пріязни, нежели къ султанскому, и въ особенности—за его неуклонную строительность. Разозлясь на царя за его равнодушіе къ козацкимъ предложеніямъ, не разъ отпускалъ онъ передъ московскими людьми такія угровы, что вотъ-молъ пойду изломаю вашу Москву и все Московское Царство, да и тотъ, что у васъ на Москвѣ сидитъ, отъ меня не отсидится. Но это дѣлалъ онъ съпьяна. Проспавшись и опомнясь, посылалъ онъ къ царю всѣ книги, въ которыхъ Ляхи дѣлали изъ него карикатуру, а московскій народъ низводили на ступень дикихъ животныхъ. Этимъ удачнымъ въ демоническомъ смыслѣ маневромъ Хмельницкій еще больше сгустилъ густую тучу на сѣверовостокѣ польскаго горизонта.

Но Поляки, къ пагубѣ своей, не замѣчали грозы. Они думали, что имъ предстоятъ счеты съ одними козаками; обо всемъ же, что̀ взяли у Москвы съ возведенія бродяги на престолъ Собирателей Русской Земли, паны думали, какъ наши мужики: „що̀ зъ во́за впа́ло, те пропа́ло“.

На послѣднемъ сеймѣ было у нихъ постановлено: собрать вновь 30.000 регулярнаго войска и дать королю право на посполитое рушеніе. Дѣленіе пановъ на коренныхъ землевладѣльцевъ и на колонизаторовъ малорусскихъ пустынь проявилось опять зловѣщимъ образомъ. Польша съумѣла примкнуть къ себѣ Русскую Землю, или, какъ ее называли еще до церковной уніи, Малую Россію, но не умѣла соединить ее съ собою неразрывно. Хотя такіе люди, какъ Янъ Замойскій, читали русскія лѣтописи, но они не понимали, какъ много значили для этой Малой Россіи общія съ Великою Россіей преданія. Своими *уніями* они произвели только *дизунію*, и все, чѣмъ ихъ политика мечтала соединить на вѣки съ Польшею Русь,—а всего больше латинопольскія школы,—обратилось въ причину ихъ вѣчной несоединимости. Не помогла Полякамъ на чужой почвѣ и колонизація пустынь, которой начало положили ихъ кровные Конецпольскіе да Гаштольды.

Стародержавные паны не хотѣли теперь дать предводительства надъ войскомъ представителю пановъ новодержавныхъ, Вишневецкому, а король былъ у нихъ въ рукахъ. Да онъ и самъ не любилъ Князя Іеремін, точно провидѣлъ, что его сынъ смѣнитъ шведскихъ Вазъ на Польскомъ престолѣ. Но на пановъ рады сильно вліяло въ этомъ случаѣ и требованіе Хмельницкаго, примиреніе съ которымъ эти малодушные политики считали возможнымъ до конца. Притомъ же, по ихъ традиціонному мнѣнію, было бы несправедливо отдать великую

или малую *гетманскую* булаву кому-либо при жизни находившихся въ татарскомъ плѣну гетмановъ, Потоцкаго и Калиновскаго, о выкупѣ которыхъ они хлопотали настойчиво. Въ ожиданіи свободы вождей, погубившихъ уже одну армію, впустившихъ козако-татарскую орду in viscera Reipublicae, и способныхъ только къ новымъ и новымъ промахамъ въ пользу руинниковъ, король, съ одобренія пановъ рады, сдѣлалъ то, что было всего хуже и что могъ бы присовѣтовать ему только губитель Польши: онъ оставилъ гетманскія права за собою, онъ, который не съумѣлъ гетманить и однимъ полкомъ пѣхоты. Янъ Казиміръ вознамѣрился предводительствовать поспольтымъ рушеніемъ непосредственно, а регулярное войско ввѣрить новому тріумвирату, который состоялъ изъ белзскаго каштеляна, Фирлея, каменецкаго каштеляна, Лянцкоронскаго, и извѣстнаго уже намъ короннаго подчашаго, Остророга. Эта послѣдняя мѣра опровергаетъ извѣстную пословицу: „po szkodzie Lach mądry“ *). Она показываетъ, что Лехъ оставался всегда однимъ и тѣмъ же Ляхомъ, и что Хмельницкій не напрасно считалъ все польское войско за ничто безъ Вишневецкаго.

Притязанія Козацкаго Батька на независимое владѣніе въ русскихъ провинціяхъ королевства побуждали панское правительство вооружаться на борьбу съ нимъ всѣми своими силами. Вишневецкій совѣтовалъ это панамъ въ самомъ началѣ бунта: онъ совѣтовалъ гасить пожаръ на маломъ пространствѣ; но поклонники киселевскаго хитроумія дали пожару охватить большую часть государства, да и тутъ еще устранили единственно способнаго гасителя, по волѣ поджигателя.

Дилемма короля съ его тріумвиратомъ и съ его панами-рады состояла въ томъ: государству ли торжествовать надъ козацкой вольницей, или козацкой вольницѣ ругаться безнаказанно надъ государственнымъ правомъ? Появясь во главѣ бунтующихъ козаковъ, іерусалимскій патріархъ придалъ ксендзовской побранкѣ *Наливайкова секта* значеніе дѣйствительности, и тѣмъ усилилъ вліяніе ксендзовъ на ихъ паству, у которой еще такъ недавно были они дискредитованы своею жадностью къ овладѣнію шляхетскими имуществами. Вопросъ вѣры и церкви пересталъ теперь быть въ Польшѣ *римскимъ* вопросомъ: онъ сдѣлался *польскимъ*, и вѣрнѣе—римско-польскимъ навсегда, такъ что, чѣмъ больше теряла Польша подданныхъ, тѣмъ больше пріобрѣтала Римская Курія исключимыхъ рабовъ среди Шляхетскаго Народа. Отъ этого пропасть, раздѣлявшая двѣ національности Сѣверной Славянщины, разверзалась все шире и шире. Козацкое дѣло, проти-

*) Умѣлъ Лехъ послѣ шкоды (т.-е. потери).

воположное дѣлу православія, стало принимать значеніе дѣла церковнаго не только въ глазахъ Польши, но и въ глазахъ Москвы. Гибель панской республики сдѣлалась неизбѣжною.

Двинулись предводители квартяаго войска на Волынь и расположились главнымъ станомъ подъ Старымъ Константиновымъ, гдѣ бурная волна козатчины смыла уже однажды плотину или молъ панской хозяйственности. Войско было далеко не все въ сборѣ. Финансовыя затрудненія и теперь, какъ всегда, составляли камень преткновенія въ панскихъ военныхъ дѣйствіяхъ. А между тѣмъ хлопская война кипѣла въ разныхъ мѣстахъ на Волыни и въ Бѣлоруссіи съ ранней весны. Собственно говоря она не прекращалась ни послѣ того, какъ Хмельницкій двинулся изъ-подъ Замостья, якобы послушный королевскому повелѣнію, ни послѣ того, какъ онъ заключилъ перемиріе въ Переяславѣ. Взволнованная козацкимъ походомъ и голодная въ слѣдствіе опустошительнаго бунта масса простонародья не хотѣла знать никакихъ договоровъ. Несчастная шляхта дѣлала, что могла, отстаивая свои имущества, свои семейства, свои гражданственныя учрежденія; но чѣмъ успѣшнѣе отражала разбой, тѣмъ больше узаконивала въ понятіяхъ бунтовщиковъ убійства, грабежи и насилія, совершаемыя надъ противниками козачества, тѣмъ шире разносилась молва о борьбѣ за *христіянскую* вѣру, тѣмъ свирѣпѣе ревѣлъ и билъ въ землю погами Козацкій Батько, заставляя дрожать шкуру на плѣнникахъ и королевскихъ послахъ.

Въ началѣ марта, за два дня до возвращенія королевскихъ коммиссаровъ изъ Переяслава, какъ уже сказано выше, гайдамацкій полковникъ Тиша, по-козацки Гарàсько, овладѣлъ городомъ Острогомъ, побывавшимъ уже въ рукахъ героевъ разрушенія; но законные владѣльцы знаменитаго города снова отстояли его у противозаконныхъ. Увы! эти владѣльцы были окатоличенные потомки Князя Василія, на котораго внукахъ и правнукахъ тяготѣли вѣщія слова Іоанна Вишенскаго, объяснявшаго цѣлость панскихъ домовъ на Руси только существованіемъ среди пановъ монашествующихъ каптуроносцевъ. Теперь во мнѣніи взбунтованной козаками черни изчезло и послѣднее различіе между панами отступившими отъ предковской церкви, и панами, сохранившими вѣру отцовъ своихъ. Князь Корецкій, котораго родители были еще православными, и который держался ихъ памятью такъ, что даже конфиденты Хмельницкаго хвалились Уяковскому его готовностью помогать имъ, подвергся участи, одинаковой съ окатоличенными давно уже наслѣдниками князя Острожскаго. Ватага мужиковъ, запорожествуя по козацкому почину, взбунтовала мѣстныхъ

гультаевъ противъ людей хозяйственныхъ, которые поладили съ вернувшимся на родное пепелище княземъ. Замокъ въ городѣ Корцѣ былъ разоренъ; шляхта и Жиды истреблены; самъ князь едва избѣгнулъ гибели отъ рукъ народа, который своимъ возвращеніемъ въ этихъ мѣстахъ и своею цѣлостью былъ обязанъ его воинственнымъ предкамъ и ему самому. Сынъ знаменитаго Кривоноса поднялъ на пановъ Полѣсье. Загонъ Донца, конвоировавшаго, вмѣстѣ съ Тишею, королевскихъ комиссаровъ отъ Звягля до Переяслава, задумалъ было, вмѣстѣ съ загономъ полковника Татаринца, овладѣть Заславомъ; но стоявшіе на Волыни жолнеры отбили у нихъ двѣ пушки, 20 значковъ, и самихъ обратили въ бѣгство. Козаки были выбиты изъ Звягля, и, вѣроятно, великолѣпная кушнѣрка перестала тогда „лаять“ Хмельницкаго за его простую обстановку, „когда Богъ далъ всего много“. Еще прежде были они выбиты изъ Бара, который Хмельницкій называлъ своимъ городомъ, едва отстояли Шаргородъ и потеряли Гусятинъ. Наконецъ, были разбиты и подъ Межибожемъ. Повсемѣстный голодъ, послѣдовавшій за козако-татарскимъ нашествіемъ прошлаго года, давалъ жителямъ Волыни надежду, что Хмельницкій теперь не соберетъ великой силы для похода на пановъ, а съ малою противъ нихъ не устоитъ. Такъ думалъ и королевскій тріумвиратъ. Но война кипѣла сама собой, безъ видимой причины и безъ всякаго разумнаго расчета.

Православный Адамъ Кисѣль съ православными и католическими своими спутниками подобно жившему въ 4 миляхъ отъ него князю Корецкому, напрасно старался утвердиться въ своемъ волынскомъ имѣніи, Гощѣ, хотя держался въ немъ до конца мая, приводя экономическія дѣла свои въ возможный при тогдашнихъ обстоятельствахъ порядокъ, другими словами—связывая выгоды подданныхъ съ выгодами панскими для противодѣйствія опустошительной Хмельнитчинѣ. Въ то же время онъ посылалъ письмо за письмомъ въ Москву, выставляя Хмельницкаго врагомъ не одной Рѣчи Посполитой, но и всякаго гражданственнаго общества. Хмельницкій, какъ мы знаемъ, дружески съ нимъ переписывался о способахъ успокоенія междоусобной войны, а между тѣмъ ловилъ его посланцовъ и подкрадывался къ нему самому. Находившіеся съ Киселемъ комиссары изображали собою довольно комически миръ среди неудержимой никакою властью войны. Повидимому, Хмѣль считалъ особы этихъ представителей короля и Рѣчи Посполитой неприкосновенными. Вдругъ сильный козацкій отрядъ нагрянулъ въ Гощу. Но Кисѣль имѣлъ конфиденціи среди козаковъ еще со временъ Павлюка, и костистая лапа хитраго кота сдѣлала промахъ: мышь ускользнула съ мышатами. Послѣ такой

развязки коммиссарской трагикомедіи, панскія сдѣлки съ хозяйливыми подданными стали уступать мѣсто козацкимъ сдѣлкамъ съ гультаями и гайдарами.

Подобно своимъ предшественникамъ, Хмельницкій бралъ не однимъ подъучиваньемъ панскихъ подданныхъ и служебниковъ на предательство, но и терроромъ надъ людьми, мирившимися съ существующимъ порядкомъ вещей. Уже вскорѣ послѣ перваго разлива козацкой славы подъ бунчуками желтоводскихъ и корсунскихъ героевъ, слышенъ были ропотъ на Хмеля въ земледѣльческомъ и ремесленномъ классахъ. Самое стоянье подъ Пилявцами сопровождалось такой шаткостью въ украино-запорожскомъ войскѣ, что Хмельницкій разослалъ по всѣмъ дорогамъ команды сѣчевиковъ для истребленія новобранцевъ, расходившихся изъ табора; а захваченные въ послѣдствіи жолнерами по одиночкѣ пилявецкіе побѣдители показывали на пыткѣ, что общее бѣгство козаковъ было предупреждено только бѣгствомъ самой шляхты.

Панскимъ попыткамъ удержать разливъ антихозяйственной козачины экономическою дѣятельностью вредили всего больше землевладѣльцы, которые, отчаявшись въ спасеніи своихъ имѣній, дѣлали на нихъ наѣзды съ помощью квартяныхъ жолнеровъ, и захваченное у крестьянъ добро отправляли въ глубину края. Добро это было пріобрѣтено крестьянами посредствомъ грабежа панскаго хозяйства, но тѣмъ не менѣе возбуждало громкіе вопли противъ „проклятыхъ Ляховъ“. Еще больше помогали Хмельницкому въ привлеченіи черни на сторону разбоя храбрые, хищные и распутные жолнеры, которые, идучи противъ русскихъ злодѣевъ, всячески обижали мирныхъ жителей и грозили вырѣзать до ноги русское племя, разогнавши козацкія купы,— грозили не оставить живыми и младенцевъ, какъ жаловался Уніовскому самъ творецъ свирѣпой съ обѣихъ сторонъ трагедіи. Молва подхватывала нелѣпыя угрозы въ кабакахъ и на жолнерскихъ вакханаліяхъ, превращала ихъ въ совершившіеся факты, какъ это было въ Тарасовщину, и гибельно для панскаго дѣла весь украинскій, волынскій, червонорусскій, бѣлорусскій народъ дѣлила на *козаковъ*, воюющихъ за православную Русь, и на *Ляховъ*, готовыхъ истребить ее поголовно, вплоть до московской границы, не щадя и „немовлятокъ“.

Въ силу козацкаго террора, подавлявшаго не только работящихъ мужиковъ и мѣщанъ, но и мелкую шляхту, въ составѣ такъ-называемаго Запорожскаго Войска находились люди, гнушавшіеся козацкимъ промысломъ и ждавшіе только рѣшенія спорнаго вопроса: которому изъ двухъ славянскихъ государствъ владѣть Малороссіей, чтобы изъ-

подъ козацкаго самоуправства перейти подъ власть правительства монархическаго. Къ такимъ людямъ принадлежалъ неизвѣстный авторъ современныхъ записокъ, которымъ я далъ названіе „Лѣтописи Самовидца". Онъ раздѣлялъ со множествомъ порядочныхъ людей то мнѣніе, что война на Хмельницкаго возымѣла свое начало отъ гоненія Ляховъ на православіе и отягощенія козаковъ; но ляшеское *гоненіе* изобразилъ только словами: „не тилко унѣя у Литвѣ, на Волынѣ, але и на Украинѣ почала гору брати"; а это значило, что желавшіе единенія съ людьми господствующаго вѣроисповѣданія, какъ напримѣръ Кисѣль, Березовскій, Косовъ и всѣ „могиляне", стали превозмогать старовѣровъ, которые понизились въ достаткахъ, въ общественномъ значеніи, и со стороны которыхъ схиталецъ Филиповичъ былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Напротивъ, „отягощеніе козаковъ" изобразила „Лѣтопись Самовидца" весьма подробно и обстоятельно. По ея разсказу, Хмельницкій прежде всего *„наступилъ* Ордою на Запорожье" и заставилъ стоявшее на Запорожьѣ войско пристать къ нему. Вызванное въ Украину бунтомъ Хмельницкаго коронное войско, по извѣстію Самовидца, распространило въ народѣ не новый уже слухъ, поддержанный, разумѣется, хмельничанами, что, по уничтоженіи бунтовщиковъ, паны опустошатъ Украину, и большую часть ея населятъ людьми нѣмецкими да польскими. Но случилось наоборотъ: коронное войско было уничтожено бунтовщиками. Услыхавъ объ этомъ (разсказываетъ Самовидецъ), начали собираться въ полки не только тѣ, которые бывали козаками, но и тѣ, кто никогда не зналъ козачества. Державцы спасались изъ охваченнаго бунтомъ края бѣгствомъ, а корсунскіе побѣдители, вмѣстѣ съ новобранцами, принялись истреблять шляхту, Жидовъ и городскихъ урядниковъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. „Маетности" (пишу его языкомъ) „рабовали, костелы палили, обваліовали, ксіонзовъ забіяли, дворѣ зась (же) и замки шляхетскіе и двори жидовскіе пустошили, не заставляючи жодного (ниодного) цѣлого. Рѣдкій въ той крвѣ на тотъ часъ рукъ своихъ не умочилъ и того грабленія тихъ добръ не чинилъ. И на тотъ часъ туга великая людемъ всякого стану значнымъ была и наруганія отъ посполитыхъ людей, а найболше отъ гультяйства, то-есть отъ броварниковъ, винниковъ, могильниковъ, будниковъ, наймитовъ, пастуховъ, же любо бы (что хотя бы) якій человѣкъ значный и не хотѣлъ привязоватися до того козацкого войска" (какъ, вѣроятно, и самъ лѣтописецъ), „тылко мусѣлъ задля позбытя того насмѣвиска и нестерпимыхъ бѣдъ въ побояхъ, напояхъ и кормахъ незвычайныхъ, и тыі мусѣли у войско приставати до того козацтва".

Однакожъ, положеніе бунтовщиковъ было крайне рискованное. По сказанію Самовидца, войско Хмельницкаго подъ Пилявцами было едва не въ осадѣ отъ короннаго войска; но пришла Орда „великою силою“ и испугала пановъ, не видавшихъ еще татарскихъ полчищъ. Гоня передъ собой разбѣжавшееся войско (что не совсѣмъ вѣрно), Татары не брали полона, имѣя въ виду будущій ясыръ и не желая себя обременять, а всѣхъ обезглавливали. Но, расположась подъ Замостьемъ, козаки и Татары распустили загоны по самую Вислу. „И хто“ (восклицаетъ Самовидецъ) „можетъ зраховати (исчислить) такъ неоцацованную (неоцѣнимую) шкоду въ людехъ, изо орды позабирали, а маетности (изо) козаки побрали! Бо въ тотъ часъ не було милосердія межи народомъ людскимъ. Не тилъ (только) Жидовъ губили и шляхту, але и посполитымъ людемъ, въ тихъ краяхъ живучимъ, тая же бѣда была. Многіе въ неволю татарскую пойшли, а най барзѣй ремесники молодые, которые собѣ головы голили понольску, чуприну пускаючи на верхъ головы. Але предся (но однакожъ) Русь-христіяне въ тихъ повѣтахъ, въ городахъ, позоставали, и ежели якого Полика межи собою закрыли, то тотъ (остался) живъ. Костелы зась (же) римскіе пустошили, склепы (подвалы) съ трупами (гробами)“ откоповали, мертвыхъ тѣла зъ гробовъ (гробницъ) „выкидали и обдирали и въ томъ одѣлю (одѣяніи) ходили“.

Осада Львова показала намъ, какъ щадили козаки галицкую „Русь-христіянъ“. Самовидецъ поправляетъ самъ себя, описывая то, что дѣлалось у него передъ глазами. Нѣжинцы, посланные взять Кодакъ, по его разсказу, дѣлали людямъ во время похода „великія кривды“, такъ что поднѣпряне приняли ихъ за Литву, идущую оборонять эту крѣпость, напали на нихъ между Рашевкою и Комышнымъ, и перебили нѣсколько сотенъ.

Новую войну Хмельницкаго, въ 1649 году, характеризуетъ Самовидецъ слѣдующими словами, показывающими, какъ и предыдущая книпска, что тогдашняя письменная рѣчь малорусская на половину сдѣлалась уже рѣчью польскою:

„. .усе що живо поднялося въ козацтво, же заледво (что едва) знайшолъ бы въ якомъ селѣ такого человѣка, жебы (чтобы) не (и) мѣлъ альбо (или) самъ, альбо сынъ до войска ити; а ежели самъ не здужалъ, то слугу паробка посылалъ. А иные, килько ихъ было, всѣ пили зъ двора, только одного зоставляли, же (такъ что) трудно было о наймита (найти наймита). *А то усе дѣялося задля того*, же (что) прошлого року (года) збогатилися шарпаниною (грабежемъ) шляхетскихъ и жидовскихъ и иныхъ людей, бывающихъ на преложенствѣ

(старшинствѣ), же наветъ (что даже) где въ городахъ были и права майдебурскіе,—и присяглые бурмистрове, и райцы свои уряды (должности) покидали и *бороды голили*, до того войска ишли: бо тые себѣ зневагу держали (презрѣніе терпѣли), который бы зъ бородою неголеною у войску былъ *). Такъ дияволъ учинилъ себѣ смѣхъ зъ людей статечныхъ"!

Вотъ побужденія, управлявшія пособниками Хмельницкаго въ Украинѣ! Немудрено, что составившееся такимъ образомъ войско норовило разойтись изъ табора еще до начала боя, и геройствовало только среди беззащитныхъ. Понятно также, почему, не имѣя у себя сзади Татаръ, оно было слабосильною и малодушною массою. Хмельницкій зналъ свой народъ, эту дружину хищныхъ новобранцевъ, находившуюся подъ терроромъ „старинныхъ козаковъ", и потому прежде всего заручился дружбою Крымцевъ, во что́ бы ни обошлась эта дружба родному краю. Новобранцы стояли у него между молотомъ и наковальней: имъ не оставалось инаго выбора, какъ „пановáти", по-татарски, вмѣсто разогнанной шляхты, или же идти въ татарскую неволю. По свидѣтельству королевскихъ комиссаровъ, окозаченные мужики въ прошлую осень ничего не сѣяли. Отъ этого-то жилища ихъ были окружены роющимися въ снѣгу лошадьми, отъ этого улицы столицы козацкой были обезображены падалью, а вязанка сѣна продавалась по 2 талера. Козацкій Батько посылалъ въ Украину цѣлые обозы, нагруженные панскимъ добромъ, но былъ принужденъ выгнать 600 собственныхъ лошадей въ снѣга за центральный городъ козатчины. Многіе козаки вернулись домой также богачами. На кіевскихъ рынкахъ продавалось безчисленное множество панской одежды, цѣнныхъ принадлежностей культурнаго быта, дорогаго оружія, конской сбруи, ломаннаго и неломаннаго серебра. Но притокъ добычи не внесъ въ Украину того, что составляетъ прямое богатство страны. Посреди роскошныхъ вещей нищета высовывала обнаженные члены свои, а голодъ угрожалъ даже тѣмъ, кто владѣлъ блестящими побрякушками. Это были самые сильные союзники Хмельницкаго въ новомъ его походѣ противъ „проклятыхъ Ляховъ", хотя они же явились въ послѣдствіи самыми грозными врагами его. Хмельнитчина и началась подъ сильнымъ

*) Хмельницкій, какъ мы видѣли, жаловался въ Переяславѣ, что паны вырывали козакамъ бороды. Борода была принадлежностью почетныхъ людей. Но въ Польшѣ распространилась уже шляхетская мода брить бороды, и козатчина, подчиняясь вожакамъ своимъ, недовольнымъ шляхтичамъ, усвоила себѣ ихъ моду.

давленіемъ голода, поразившаго разомъ и козацкую Украину, и татарскій Крымъ. Зима 1647—1648 года была безснѣжная, теплая, гнилая. Наступило неурожайное лѣто, и Уневскій говорилъ правду Хмельницкому, что когда бы не подвозъ хлѣба изъ пограничныхъ московскихъ рынковъ, то козаки перемерли бы съ голоду; а новый голодъ, причиненный великимъ бунтомъ черни, былъ предвѣстникомъ тѣхъ голодовъ, которые погнали наконецъ козаковъ, точно стада, въ запасливыя царскія Украины.

Одичалая въ нашей украинщинѣ Кліо изображаетъ вторичное вторженіе Козацкаго Батька въ область хозяйственной культуры съ восторгомъ: „Поселянинъ не разсчитывалъ дорогаго времени; заброшенъ лежалъ плугъ его; орала и серпы перекованы были на оружіе... не заботился онъ, что̀ ему ѣсть и пить, надѣясь жить на счетъ Польши“ и т. д. *). По этому дикому восторгу, встрѣченному похвалами дикой критики, можно судить, какова была дикость козако-татарскаго нашествія, совершившагося болѣе, чѣмъ за два столѣтія до нашего времени.

---

*) Костомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, стр. 91

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Глава XI. Страхъ соединенія козаковъ съ азіатскими сосѣдями.—Связь между Московскимъ и Польскимъ разореніями.—Главныя дѣйствующія лица въ ускореніи Польской Руины.—Спасительный планъ великаго полководца и гражданина..... 3

Глава XII. Два различные плана войны съ Турціей.—Смерть великаго воина и патріота.—Секретныя сношенія короля съ козаками.—Лады у Москвы съ Польшею.—Мечты короля о завоеваніяхъ.—Сношенія съ иностранными дворами по предположенной войнѣ.—Вооруженія короля.—Оппозиція сторонниковъ мира..... 35

Глава XIII. Польскіе сеймики и сеймы.—Возмущеніе втораго и третьяго государственныхъ сословій противъ перваго.—Король отдается въ руки своихъ подданныхъ.—Недовѣрчивость Шляхетскаго Народа къ королю.—Новый сеймъ.—Религіозныя дѣла вмѣсто политическихъ.—Сеймовая неурядица развязываетъ королю руки..... 69

Глава XIV. Пророчество о гибели Польши отъ уніи.—Вопросъ церковный и вопросъ козацкій.—Вершитель козацкихъ бунтовъ.—Свиданіе короля-демагога съ козакомъ-демагогомъ.—Надежда на возстаніе Болгаріи.—Козако-татарскій союзъ противъ Рѣчи Посполитой.—Козацкія досады на украинскую шляхту.—Пограничныя сношенія Польши съ Москвою.—Панское войско идетъ противъ козацкаго.. 112

Глава XV. Битва на Желтыхъ Водахъ.—Битва подъ Корсунемъ.—Строительныя дѣйствія Москвы въ виду Польскаго разоренія.—Козаки между Польшей и Москвой.—Гибель польскихъ трудовъ на русской почвѣ.—Пощада исконныхъ враговъ со стороны московскаго царя.—Бунтъ въ Вишневетчинѣ..... 159

Глава XVI. Геройскій духъ Шляхетскаго Народа въ лицѣ ополяченнаго Русича.—Безсознательная работа отступниковъ русскаго элемента въ пользу Россіи.—Православный миротворецъ между панами сенаторами.—Отсутствіе патріотизма.—Безнравственный контингентъ козатчины.—Соперничество магнатовъ-доматоровъ съ колонизаторами.—Каптуровый сеймъ.—Тріумвиратъ.—Вопросъ о вѣрѣ.—Шляхетская Украина.—Обманувшіеся въ своихъ надеждахъ миротворцы 210

Глава XVII. Разстройство финансовъ.—Козаки морочатъ пановъ надеждой на миръ.—Пышность панскаго лагеря подъ Пилявцами.—Борьба между собой трехъ Русичей на гибель Польши.— Два тріумвирата.— Удачная проба панскаго оружія подъ Пилявцами и перевѣсъ паники.—Бѣгство пановъ изъ-подъ Пилявцевъ.—Козаки осаждаютъ Львовъ, потомъ Замостье, и принуждаютъ пановъ къ избранію указаннаго имъ короля..... 244

Глава XVIII. Воспитаніе и характеръ короля, избраннаго по указанію козацкаго гетмана.—Монахъ-разстрига на польскомъ престолѣ.— Избирательный сеймъ..... 290

Глава XIX. Возвращеніе панскихъ побѣдителей въ Украину.—„Что нужно Московскому Государству".—Царское посольство въ Чигиринѣ.— Королевское посольство въ Переяславѣ, въ 1649 году..... 326

Глава XX. Возвращеніе панскихъ миротворцевъ изъ Переяслава.—Встрѣча Русичей гражданственныхъ съ Русичами одичалыми.—Перевѣсъ чувства народной мести надъ правдою фактовъ.—Два противоположные способа государственнаго самосохраненія.—Борьба государственнаго права съ козацкой вольницей.—Козацкій походъ на пановъ 1649 года..... 369

ОПЕЧАТКИ.

Авторъ проситъ—въ I-мъ томѣ, на стр. 10, вмѣсто XI читать XII, на стр. 110—вмѣсто XI и XII читать XII и XIII, а на стр. 183 вмѣсто патентами читать потентатами.

Стр.	Строка.	*Напечатано:*	*Читай:*
3	11	себѣ	къ себѣ
5	3	вымѣстить	вытѣснить
14	37	Кулаковъ	Кунаковъ
27	29	наказовъ	наказовъ, какъ
39	37	Кубани	Кубали
47	17	странности	страстности
50	35	десять	двадцать
62	4	ускорить	ускоримъ
64	30	долженъ	долженъ вступиться
67	37	презрѣнія	прегрѣшенія
69	19	подъ	надъ
—	29	народно	парадно
70	40	совершившимся	совершавшимся
71	14	жестокое	жесткое
72	21	иностраннаго	иностраннаго войска
74	12	уваженія	униженія
76	9	Петроконскій	Петроконсній
81	17	полагается	полагался
117	14	не только	не только имѣли
127	7	утѣшать	угнетать
136	22	домнимъ	домашнимъ
—	34	Киселя	Киселя, въ письмѣ
141	36	Tloch	I loch
142	28	и принять	принять
146	6	Хмельницкаго	Хмелецкаго
156	26	горцами	гарцами
161	30	Это	Это было
176	25	со всѣми	со своими

177	14	призывали	призвали
178	39	забронники	забродники
189	26	нерадивые	юродивые
194	32	унѣ его	унѣю
204	20	инстинкты тѣхъ	инстинкты
207	3	что	то что
238	34	было	былаго
240	35	Ляшка	Ляшко
241	30	трактата	трактата между
250	32	построена	настроена
251	3	вступила	выступила
255	9	и десятилѣтіе	а десятилѣтіе
—	29	привыкла	привыкала
259	3	совѣтовалъ	совѣтовалъ онъ
260	4	согласны	мы согласны
—	12	и псевдогосударство	псевдогосударство
—	14	и импровизированный	импровизированный
—	39	сказали	сказано
264	18	упорядочнымъ	упорядоченнымъ
—	31	чтобъ	на то, чтобъ
267	6	Лащинскому	Лещинскому
—	21	бензскаго	белзскаго
268	15	мѣсяцъ	на мѣсяцъ
271	4	но все	но вовсе
—	—	не спѣшило	не спѣшилъ
—	18	привлекали	привлекли
278	6	были укрѣпленія	укрѣпленія
—	28	внушали	внушили
281	31	и имѣло	имѣло
289	15	запечатанная	запечатлѣнная
290	16	больше	большее
292	31	уничиженія	самоуничиженія
297	5	Она	Чернь
299	19	подаетъ	подастъ
302	40	съ особеннымъ правамъ по	по особеннымъ правамъ
304	2	Владиславъ	Владиславъ отзывался
307	36	затянутымъ	замкнутымъ
312	11	Кобринта	Кобрина
—	14	хлобы	хлопы
315	6	плодоносной	и плодоносной
—	7	Ляикоронскій	Лянцкоронскій
—	39	коронованный	коронованною
323	39	у меня	говорятся у меня

325	19	вещественна	существенна
328	36	роня	не роняя
—	37	достоинство	достоинства
329	12	Творецъ	Творцы
332	11	такъ де	такъ до
—	20	государства	государя
340	1	не единымъ	ни единымъ
342	26	просить	просимъ
347	22	фальшивому	фамильному
352	36	пролагать	полагать
—	37	покупать	чтобъ они покупали
—	38	разузнавать	разузнавали
354	23	съ него	съ нею
—	37	перелины	перемѣны
361	13	Замостімъ	Замостьемъ
362	7	звенівъ	звелівъ
—	27	свѣтъ	совѣтъ
—	31	пословъ	послалъ
367	4	всю пічъ	всю нічъ
374	7	łają	łając
380	1	неизбѣжные	незбожные
387	34	и вѣрнѣе	или вѣрнѣе
—	37	исключимыхъ	неисключимыхъ
389	38	конфиденцію	конфидентовъ
392	19	изо орды	що орды
—	11	изо козаки	що козаки.

ОБЪЯСНЕНІЕ

къ сочиненію П. А. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши".

I.

Въ 1 № газеты „Правда" за нынѣшній годъ извѣстный ученый М. О. Кояловичъ въ своихъ „Новогоднихъ замѣткахъ" о разныхъ предметахъ, относящихся до Западной Россіи, нашелъ возможнымъ написать, между прочимъ, и слѣдующее: „Краковъ и Москва протягиваютъ другъ другу руки для скрѣпленія новаго союза, отъ котораго можетъ затрещать по всѣмъ направленіямъ Русское строеніе въ Западной Россіи. Краковскіе ученые начинаютъ славить сильную власть Москвы, стараются... и Западную Россію приманить къ себѣ усиленнымъ всѣми выдумками блескомъ своей исторической цивилизаціи. Къ удивленію, и изъ Москвы направляется къ этому самому блеску польской цивилизаціи славить ее и срамить все Русское въ Западной Россіи старый малорусскій грѣховодникъ Кулишъ, печатающій въ Москвѣ (т.-е. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Россійскихъ) новый свой трудъ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши". Послѣ выдачи такого аттестата „Чтеніямъ" г. Кояловичъ въ примѣчаніи къ своей статьѣ еще прибавляетъ: „мы еще будемъ говорить объ этомъ новомъ проявленіи неудержимой страсти г. Кулиша мѣнять научныя и общественныя позиціи". Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ вразумленія, а теперь позволяемъ себѣ сказать только: Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, состоящее при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, есть ученое Общество и только ученое Общество. Редакція „Чтеній" нашла возможнымъ напечатать настоящій трудъ г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши" на томъ основаніи, что оно, какъ изслѣдованіе, въ предѣлахъ находившихся у автора подъ руками источниковъ и пособій, составлено по его убѣжденію добросовѣстно; за выводы же изъ этихъ изслѣдованій, изъ уваженія къ свободѣ науки, отвѣчаетъ авторъ и редакція съ его историко-политическими взглядами себя не объединятъ; къ тому же—и

ереси подобаетъ вѣдать. Наконецъ, прибавимъ еще отъ себя: въ засѣданіи Общества Ист. и Др. Россійскихъ, бывшемъ 12 мая 1887 г., на которомъ я по совершенно случайнымъ причинамъ не присутствовалъ, между прочимъ было постановлено: „просить Г. Ѳ. Карпова разсмотрѣть сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши", представленное въ Общество для напечатанія въ Чтеніяхъ, и дать мнѣніе объ его научной цѣнности". По прочтеніи въ рукописи перваго тома этого сочиненія я высказался за его печатаніе въ „Чтеніяхъ"; къ тому же отказъ, въ настоящее время, напечатать талантливое сочиненіе г. Кулиша былъ бы выставленъ местію, гоненіемъ, а авторъ—мученикомъ идеи.

Что касается источниковъ и пособій, на основаніи которыхъ составилъ свое сочиненіе г. Кулишъ, то я нахожу нужнымъ высказать здѣсь слѣдующія отъ себя замѣчанія. Въ русской исторической литературѣ за послѣднія тридцать лѣтъ встрѣчалось часто такое злоупотребленіе: авторъ наполнитъ свое сочиненіе безчисленными ссылками или предпошлетъ въ предисловіи безконечный реестръ источниковъ и пособій, по которымъ будто бы составлено его сочиненіе; на самомъ же дѣлѣ оказывается, что авторъ многихъ изъ нихъ не только не читалъ, но и не могъ читать; при этомъ часто случалось, что въ этотъ реестръ источниковъ и пособій были занесены такія, которымъ тамъ и не слѣдуетъ быть. Подобный пріемъ вѣроятно имѣетъ цѣлію поразить ученостію людей несвѣдущихъ: кто-молъ попробуетъ провѣрить? Сочиненіе г. Кулиша въ этомъ отношеніи является противоположною крайностію: въ немъ почти не встрѣчается ссылокъ. Кромѣ того, при чтеніи втораго тома этого сочиненія, лица знакомыя съ источниками и литературою предмета, встрѣтили еще такую странность: нѣкоторые выводы, которые г. Кулишъ выдаетъ за свои, какъ ученую новость, давно уже извѣстны. Поэтому редакція „Чтеній" обратилась къ П. А. Кулишу за разъясненіемъ и препроводила къ нему одно изъ моихъ сочиненій „Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго", прося сообщить, извѣстно ли ему это сочиненіе. Въ отвѣтъ на это г. Кулишъ изъ деревни, изъ Черниговской губерніи, гдѣ онъ теперь почти безъисходно жительствуетъ, прислалъ въ редакцію „Примѣчаніе", прося, во избѣжаніе недоразумѣній, напечатать его при второмъ томѣ своего сочиненія. Вотъ это примѣчаніе:

„Въ 1873 году вышло въ Москвѣ историко-критическое изслѣдованіе г. Геннадія Карпова подъ заглавіемъ „Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго". Какъ я разминулся съ этой книгой, это я могъ бы объяснить только біографически. Получивъ

теперь ее отъ редакціи „Чтеній“, я увидѣлъ, что мы, не будучи знакомы съ почтеннымъ ея авторомъ, пришли во многомъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ. Историко-критическое изслѣдованіе Г. Ѳ. Карпова представляетъ важный для чести русской исторіографіи шагъ къ освобожденію отъ сказочности, которою преисполнены Костомаровскія изображенія Хмельнитчины. Особеннаго вниманія и благодарности историка заслуживаетъ его весьма прилежное и проницательное разсмотрѣніе малороссійскихъ лѣтописцевъ“.

Изъ дальнѣйшей переписки съ г. Кулишомъ выяснилось, что онъ въ деревенскомъ уединеніи работаетъ при помощи только давнишнихъ своихъ архивныхъ выписокъ и своей библіотеки, большая часть которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ погибла въ пожарѣ; вотъ, кажется, отчасти извинительная причина отсутствія въ его сочиненіи необходимыхъ ссылокъ на источники и пособія. Что касается того, на сколько г. Кулишъ вообще „въ курсѣ дѣла“ къ изданнымъ русскимъ источникамъ, относящимся къ исторіи Малороссіи, то оказывается, что, напримѣръ, у него имѣется только III-й томъ актовъ Южной и Западной Россіи, изданный подъ его и г. Костомарова редакціей въ 1862 г. Этотъ томъ по содержанію относится ко времени Богдана Хмельницкаго, но въ немъ пропущены редакторами полностію акты, относящіеся къ 1654—55 годамъ; въ настоящее же время актовъ Южной и Западной Россіи издано уже четырнадцать томовъ и въ томъ числѣ нѣкоторые изъ нихъ относятся непосредственно ко времени Богдана Хмельницкаго какъ до 1653 года, такъ и къ послѣдующимъ годамъ. Этимъ-то почти полнымъ незнакомствомъ или невозможностію познакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано въ послѣднее время въ Россіи (въ Петербургѣ и Москвѣ) для исторіи Малороссіи, также объясняются многіе научные недостатки сочиненія г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“.

По отношенію къ польскимъ источникамъ, касающихся эпохи Богдана Хмельницкаго, г. Кулишъ находится, кажется, „въ курсѣ дѣла“; во всякомъ случаѣ въ русской литературѣ такія талантливыя описанія аристократической жизни польскаго общества конца XVI и первой половины XVII вѣка рѣдко встрѣчаются: идеалы этого общества, его ничтожество, пошлость и т. п. изображены г. Кулишомъ превосходно. Интеллигентный малороссъ всегда ближе къ польскому шляхетскому обществу, чѣмъ къ московскому-великороссійскому; его даже можно считать членомъ перваго. Никто лучше не зналъ польскаго аристократическаго общества (ужь очень тамъ хорошо живется), какъ страшный губитель шляхты—Богданъ Хмельницкій. Дѣло въ

томъ, что онъ до старости всѣми помыслами души стремился сдѣлаться членомъ этого общества, но былъ отвергнутъ съ презрѣніемъ; въ этомъ отношеніи польская аристократія купила себѣ горе да на свои гроши. Г. Кулишъ знаетъ польское аристократическое общество пожалуй не хуже Богдана Хмельницкаго.

Наконецъ, слѣдовало бы сказать объ отношеніи г. Кулиша къ малороссійскимъ источникамъ для исторіи Богдана Хмельницкаго, напримѣръ, къ малороссійскимъ архивамъ (ну хоть къ архиву гетмановъ, о которомъ во время оно толковали); но такихъ архивовъ, къ сожалѣнію, нѣтъ, да пожалуй и не было. Есть однако малороссійскіе источники для исторіи Богдана Хмельницкаго—во-первыхъ, народныя пѣсни; но къ нимъ слѣдуетъ относиться, и по сознанію самого г. Кулиша, съ особенною осторожностію, потому что большинство изъ нихъ сочинено въ позднѣйшее и даже въ наше время. За симъ, во-вторыхъ, рядъ малороссійскихъ историческихъ повѣствованій, которыя прежде называли даже лѣтописями; но это все такія повѣствованія, которыя, какъ источники исторіи, положительно не заслуживаютъ никакого вниманія историка, за исключеніемъ одного повѣствованія—это, такъ называемая, Лѣтопись Самовидца. Открытіе и изданіе Лѣтописи Самовидца (издана въ первый разъ въ Чтеніяхъ нашего Общества въ 1846 году) принадлежитъ г. Кулишу и составляетъ его дѣйствительную ученую славу.

Въ одномъ изъ писемъ къ намъ г. Кулишъ говоритъ, что его взглядъ на личность и дѣятельность Богдана Хмельницкаго „радикально противоположенъ принятому прежде воззрѣнію". Совершенно справедливо; но въ послѣднія тридцать лѣтъ высказана такая масса радикально противоположнаго прежде принятымъ мнѣніямъ, что насъ теперь положительно ничѣмъ не удивишь. Въ виду талантливаго изложенія этихъ будто бы новыхъ мнѣній г. Кулиша при слѣдующемъ третьемъ томѣ его сочиненія будетъ напечатано еще и второе наше объясненіе „Въ защиту Богдана Хмельницкаго".

Геннадій Карповъ.

Книга Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михайла Ѳеодоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г. ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г., томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я, или часть 4-я М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна екзарха Болгарскаго. М. 1878 г. ц. 3 р.

Шестодневъ составленный Іоанномъ екзархомъ Болгарскимъ М. 1879. ц. 3 р.

Посланіе многословное, сочин. инока Зиновія, по рукописи XVI в. Трудъ Андрея Попова. М. 1880. ц. 2. р.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Годъ 2, 3 и 4 (1846—1849) по 2 руб. каждая книга. **Годы** 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 рублей. Отдѣльно книги этихъ годовъ не продаются. За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію.

Съ 1887 г. каждая книга «Чтеній» продается отдѣльно по слѣд. цѣнѣ: за 1887 г. кн. 1, 2, 3 и 4 по 3 рубля за книгу. Остальныя книги по 2 рубля за книгу.

ВРЕМЕННИКЪ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ,

25 книгъ, каждая по два рубля, а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 к., съ пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги «Временника» за 4 фунта.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

при Московскомъ Университетѣ,

выходятъ въ неопредѣленные сроки, не менѣе *четырехъ* книгъ въ годъ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ. Книги продаются безъ подписки, каждая отдѣльно, по назначенной цѣнѣ.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩІЙ

Георгій Дмитріевичъ **Филимоновъ**,

въ Кремлѣ, у Спасскихъ воротъ, въ дворцовомъ домѣ.

СЕКРЕТАРЬ

Елпидифоръ Васильевичъ **Барсовъ**,

Малая Бронная, д. Ермолаева, кв. № 4.

БИБЛІОТЕКАРЬ

Георгій Дмитріевичъ **Филимоновъ**,

въ Кремлѣ, у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ

Геннадій Ѳедоровичъ **Карповъ**,

на Большой Ордынкѣ, въ собственномъ домѣ.

АРХИВАРІУСЪ

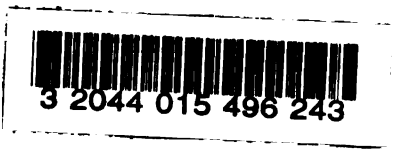
Александръ Николаевичъ **Зерцаловъ**,

на Поварской, въ Борисо-Глѣбскомъ пер., въ д. Зиновьевой.

КОМИССІОНЕРЪ ОБЩЕСТВА

Николай Ивановичъ **Мамонтовъ**.

Книжный магазинъ: *въ Москвѣ*, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.



This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

CANCELLED

STALL-STUDY

CHARGE

MAY 21

STALL-STUDY

CHARGE

NOV 5 1992